

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ ХСѢІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХСѢІ

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1904

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

АПРѢЛЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). VIII—X. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5
II. Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). X—XIV (Окончаніе). Графини Л. А. Ростопчиной	47
III. Подъ грозой. Повѣсть. (Посвящается С. Н. Шубинскому). I—VII. В. М. Грибовскаго	69
IV. Къ характеристикѣ императора Александра II. (Изъ воспоминаній моей матери). В. Исккуль (Соковниной)	104
V. Изъ записокъ декабриста Н. А. Бестужева	118
VI. Три бѣды сряду. Г. Ольшанскаго	136
VII. Штурмъ Карса въ 1877 году. (Изъ записокъ участника). А. Аноева	148
VIII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. VI. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	173
IX. На могилѣ Ноя. (Изъ путевого альбома). Н. К. Никифорова	200
X. А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году. П. Е. Щеголева	207
Иллюстраціи: 1) Редакція Момуса (2-го января 1831 года).—2) Вальный вечеръ (5-го февраля 1831 года). — 3) Тверской бульваръ въ Москвѣ въ 1826 году.	
XI. Очеркъ быта и нравовъ въ сѣверной Маньчжуріи. Ф. П. Ястремскаго	223
XII. Въ Маньчжуріи. (Окончаніе). Сергѣя Рунича. III.	235
Иллюстраціи: 1) Китайскія войска.—2) Ворота у императорскихъ могилъ въ Мукденѣ.—3) Китайскій извозчикъ.—4) Китайскій паланкинъ.—5) Китайскіе боги.—6) Китайскіе актеры.—7) Куреніе опиума.	
XIII. Американскія трущобы. (Соціологическо-описательный очеркъ). V—IX. (Окончаніе). Е. Н. Матросова	272
XIV. Иностранцы о Россіи. В. III.	289
XV. Критика и библиографія	319
1) Слово о полку Игоревѣ. Фотогипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. А. И. Яцмирскаго. — 2) В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библиографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I. XVIII вѣкъ. Спб. 1903. А. Е.—3) Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей I. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминки. Томъ I. К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903. А. Я.—4) Э. Н. Берендсъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго. Томъ I. Спб. 1903. В. Грибовскаго.—5) Н. Божеяновъ и В. Никольскій. Петербургская старина. Очерки и рассказы. Спб. 1903. м—ва.—6) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.г.). Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1903. в. ф—на.—7) Клевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой академіи за указанное время. Д. Вишневскаго. Кіевъ. 1903. А. Я.—8) Е. Харламповичъ. Матеріалы для исторіи Казанской духовной семинаріи въ XVIII вѣкѣ. Казань. 1903. А. Я.—9) Е. Н. Шрейтерфельдтъ. Арестантская честь. Спб. 1903. А. Б. в.—10) Прошлое го-	

рода Пскова въ его историческихъ памятникахъ. Составилъ В. Гединъ. Псковъ. 1903. Ф. л.—ва.—11) Яна Амоса Коменскаго «Лабиринтъ свѣта и рай сердца». Переводъ съ чешскаго Н. П. Степанова. Спб. 1904. А. И. Яцимирскаго.—12) Н. Н. Дебольскій. Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Спб. 1903. В. Г.—13) Отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. князя Александра Невскаго за 1901—1902 г. Вязники. 1903. М.—14) А. А. Шахматовъ. Исслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка. Части I и II. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—15) В. Герье. Идея народовластія и французская революція 1789 г. Москва. 1904. п. н.—16) Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Изданіе С.-Петербургскаго археологическаго института, подъ редакцію А. И. Соболевскаго и С. Л. Птапичаго. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—17) Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Миди. З. А. Рагозиной. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. п. н.—18) К. Пельтанъ. Исторія Франціи отъ 1815 г. до нашихъ дней. Изданіе книгоиздательства Пирожкова. Спб. 1903. п. н.—19) Проф. А. И. Загоровскій. О избранныхъ дѣяхъ по новому закону (3-го іюня 1902 г.) въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. Одесса. 1903. В. Г.

- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 349
- 1) Труды англійскаго историка на своемъ и испанскомъ языкахъ.—2) Королева слезъ.—3) Первоначальная судьба подводныхъ лодокъ.—4) Воспоминанія актрисы Жюльетъ.—5) Столѣтіе смерти Байта.—6) Современное вліяніе Гете и Шиллера.—7) Морлей, какъ образцовый биографъ Гладстона.—8) Воспоминанія о Бисмаркѣ и его нѣмецкихъ современникахъ.—9) Англичане въ Тибетѣ.—10) Смерть сэра Лесли Стивена, фельдмаршала Вальдерзее и герцога Кэمبرиджъ.—11) Новыя польскія изданія по славянской этнографіи.
- XVII. Смѣсь 380
- 1) Высочайшій приемъ представителей ежедневной печати.—2) Разрядъ изящной словесности.—3) Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Географическое общество.
- XVIII. Некрологи 388
- 1) Ванновскій, П. С.—2) Васильевъ, П. С.—3) Воскресенскій, Н. В.—4) Головинъ, Х. С.—5) Дмитриевъ, В. Н.—6) Зарубинъ, И. Е.—7) Латкинъ, Н. В.—8) Макъ-Гаханъ, В. Н.—9) Маликовъ, А. Е.—10) Митчевичъ, Ѳ. И.—11) Петрушевскій, Ѳ. Ѳ.—12) Ратиновъ, В. А.
- XIX. Замѣтки и поправки 399
- 1) Письмо въ редакцію. Графини Л. Ростопчиной.—2) Къ дуэли Кушелева съ Вахметевымъ. И. Фальева.
- XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графини Евдокии Петровны Ростопчиной.—2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. (Продолженіе). V—X.

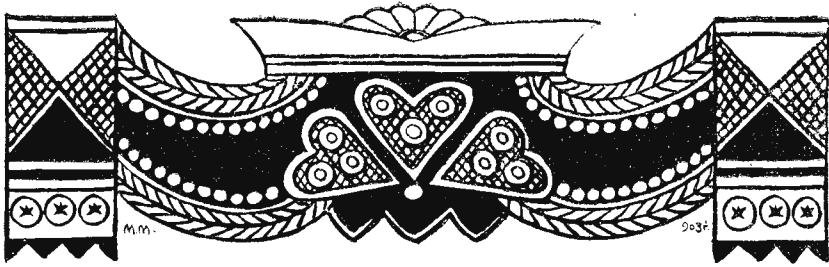
При этой книгѣ разсылается городскимъ подписчикамъ циркуляръ товарищества кяхтинскихъ чаесторговцевъ подъ фирмою «Цзинь-Лунь».

ГРАФИНЯ ЕВДОКІЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА.

Оъ миниатюры 1883 года.

ДОВЗ. ЦЕНЗ. 22 МАРТА 1904 Г. СПБ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

VIII.

ТѢМЪ временемъ вотъ что происходило въ Малавинѣ.

Серафима Даниловна узнала объ исчезновеніи жены своего правнука рано утромъ, когда ея старая наперсница вошла на ея звонокъ въ ея спальню.

— У насъ, сударыня, бѣда случилась, — объявила она, въ волненіи своемъ забывъ пожелать

барынѣ добраго утра и спросить, какъ она провела ночь.

— Какая бѣда?

— Да ужъ не знаю, сударыня, какъ вамъ и доложить...

— Такъ и доложи, какъ докладываютъ, языкомъ.

— У насъ молодая барыня пропала.

— Какъ это пропала? Съ коиъ поръ?

— Съ ранняго утра. Настя имъ принесла, какъ всегда, ключевой воды умываться, а ихъ въ спальнѣ нѣтъ. Побѣжала искать въ садъ, всѣ мѣста тамъ обѣгала...

— У дѣтей, вѣрно. Узнала, что муженекъ уѣхалъ, и побѣжала къ нимъ.

— Тамъ ихъ нѣтъ-съ. И никто ихъ не видѣлъ. Искали и въ паркѣ и на кладбищѣ, нигдѣ нѣтъ. Въ прудѣ да въ рѣкѣ, безъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 833.

вашего позволенія, искать не осмѣлились, чтобъ по деревнѣ огласка не пошла.

— И хорошо сдѣлали. Если сдуру въ воду бросилась, да камень себѣ на шею навязала, не скоро всплыветъ, — замѣтила своимъ безстрастнымъ и слегка насмѣшливымъ тономъ старуха. — На чердакахъ смотрѣли?

— Въ домѣ вездѣ смотрѣли, да и въ саду-то на всѣхъ деревьяхъ, нигдѣ не видать.

— А въ горницахъ у нея все цѣло?

— Цѣло. Настя все перебрала. Какъ будто двухъ сорочекъ не хватаетъ, но, можетъ, въ грязномъ бѣльѣ найдутся. Ждали вашего пробужденія, чтобы спросить, не прикажете ли верхового къ барину послать? Не разгнѣвался бы, что тотчасъ не увѣдомили.

— А вы развѣ знаете, куда онъ поскакалъ?

Дарья въ смущеніи потупилась.

— Здѣсь двое знаютъ-съ, — отвѣчала она, понижая голосъ.

— Что жъ они знаютъ?

— Третьяго дня, вечеромъ, какъ баринъ съ французомъ да съ Воробьевскимъ молодымъ бариномъ сидѣли за ужиномъ, прискакалъ посланецъ съ письмомъ...

— Знаю я это и у тебя же спрашивала, отъ кого посланецъ, и ты незнаемъ отговорилась, а теперь знаешь? Это вы что же обманывать меня вздумали? Я вамъ за это задамъ баню! Думаете, что я стара, такъ меня ужъ за мертвую можно считать? Я вамъ покажу, какая я мертвая! Что вы знаете? Говори сейчасъ безъ утайки!

— Посланецъ тотъ шепнулъ Езебушу, что онъ привезъ нашему барину письмо отъ пана Мальчевскаго изъ Польши, — просить помощи дѣвицу у сосѣда съ мызы выкрасть.

— Наѣздъ, значитъ, собираются учинить?

— Точно такъ-съ. Десять человекъ изъ охотниковъ баринъ съ собою прихватилъ. Не хотѣли мы безпокоить вашу милость, да и отъ барина строгій былъ наказъ не докладывать, куда и зачѣмъ уѣхали.

— Пошли Ипатыча.

Ипатычъ ждалъ зова и тотчасъ явился.

— Что у васъ тутъ за новая пакость учинилась? Елена Алексѣевна, говорятъ, пропала? Какъ же это вы, ослы этакіе, ея не устерегли? Аль вамъ своей головы не жаль? Вѣдь Дмитрій Степанычъ шутить не любитъ, вы знаете! Всѣхъ васъ въ тюрьмахъ сгноить изъ-за супруги, и тебя, старикъ, перваго! Кому поручено за людшкками присматривать? Кто за Настьку, какъ за родную дочь, ручался? Кто меня завѣрялъ, что она спитъ передъ дверью въ барынину спальню, и что никому оттуда не выйти иначе, какъ черезъ все переступивъ? Какъ же она не слышала, когда барыня

выходила изъ покоя? Къ любовнику, вѣрно, негодница, бѣгала? Ты мнѣ, старикъ, за все отвѣтишь!

— Знаю, сударыня, но такой грѣхъ случился, что если бы и не Настька, а самъ я спалъ у двери барыниной спальни, все единственно бѣды бы не отвратить. Молодая барыня не иначе, какъ изъ окна въ палисадникъ выпрыгнула, а въ дверь имъ невозможно было выйтить, не разбудивши Настю. Дѣвка честная и съ разумомъ, нешто смѣла бы завести любовника на службѣ у молодой барыни.

— Изъ чего же ты выводидь, что барыня въ окно вылѣзла? Трава, что ли, подъ окномъ помята?

— Точно такъ-съ, — нерѣшительно и опуская глаза, отвѣчалъ старикъ.

— Виляешь!—грозно возвысила голосъ барыня.—Забьшь, вѣрно, что лгать мнѣ нельзя! Такой человекъ еще на свѣтъ не родился, который бы меня провелъ. Всѣ ваши шапки я знаю, даромъ что молчу, извѣстно мнѣ и про твои продѣлки, какъ ты изъ сундука въ кладовой бѣличьихъ шкурокъ себѣ на зимній камзолъ ната-скалъ... Думаешь, вѣрно, спать, когда меня въ склепъ отнесутъ?—продолжала она, точно забавляясь испугомъ старика, который, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, упалъ на колѣни съ поникшей головой.—Ладно, встань и говори все, что знаешь,—прибавила она, довольная дѣйствіемъ своихъ словъ.—Всѣ вы, собачки, одну сметанку лижете, всѣ на барское добро заритесь. Только мною все и держится, закрою глаза, все растащите, какъ у Грабинина. Ну, выкладывай, что у тебя на умѣ насчетъ нашей бѣглянки? Увидимъ потомъ, казнить тебя или миловать.

— Всѣ такъ думаютъ, что молодая барыня, испугавшись угрозъ супруга сумасшедшей ее сдѣлать и съ докторомъ въ чужіе края отправить, задумала бѣжать и гдѣ нибудь по сосѣдству скрывается. Къ ней тутъ монашка изъ Почаева приходила...

— Знаю я про ту монашку. Это еще прошлою осенью было. Развѣ ее здѣсь опять видѣли? Почему мнѣ не доложили? Я запретила къ молодой барынѣ ее пускать.

— Никто ея здѣсь не видѣлъ, но она могла зараньше съ молодой барыней сговориться и, можетъ, въ лѣсу ее поджидала или въ оврагѣ...

— Все-то ты, старикъ, колишь да путаешь!—съ злой усмѣшкой прервала его барыня.—Все-то ты чужія слова повторяешь, а мнѣ надо знать, что у тебя у самого на умѣ.

Ипатычъ поднялъ голову и съ отчаянною рѣшимостью вымолвилъ:

— А если хочешь знать, сударыня, такъ я тебѣ вотъ что скажу: тутъ безъ кавалера дѣло не обошлось, вотъ что.

И, внезапно превратившись изъ робкаго старика въ убѣжденнаго доносчика, онъ продолжалъ, устремивъ на свою госпожу загорѣвшійся молодымъ блескомъ взглядъ:

— Это все молодого Воробьевскаго барина штуки.

Серафима Даниловна ничего не возражала. На ея пергаментномъ лицѣ не выразилось ни изумленія, ни испуга, ни негодованія, она только сосредоточенно сдвинула брови, какъ бы для того, чтобы лучше сообразить положеніе, и, помолчавъ немного, спросила: посылалъ ли онъ въ Воробьевку узнать, что тамъ дѣлается?

— Посылалъ-съ расторопнаго парня, Агашкина внука. Изъ Воробьевки мужикъ на нашу мельницу за мукой пріѣхалъ, нашъ Ефимка и вызвался съ нимъ доѣхать, чтобы пустые мѣшки назадъ привезти.

— И что же, извѣстно тамъ про то, что у насъ случилось?

— Тогда ничего еще не знали. Баринъ ихній еще почивалъ, а управитель ужъ давно поднялся и съ женой горячій сбитень пилъ. При Ефимкѣ въ поле ушелъ. Нашъ паренъ его потомъ на пашнѣ видѣлъ.

— И ночь дома провель?

— Дома-съ. Всѣ его видѣли, и вчера вечеромъ, и сегодня утромъ. Ночь спалъ съ женой въ старой банѣ. Они, какъ баринъ пріѣхалъ, туда перебрались. И самъ баринъ никуда не отлучался.

— Изъ чего же ты выводилъ, что Воробьевскій баринъ нашу Елену Алексѣевну выкралъ? Совсѣмъ на то не похоже. Онъ ея не видѣлъ и не говорилъ съ нею, съ какой стати пустится онъ на такую опасную проказу—чужую жену похищать? Да еще у такого мужа, какъ нашъ Дмитрій Степанычъ?

На это Потапычъ ничего не возражалъ, но по его стиснутымъ губамъ да по глубокой морщинѣ, выдавившейся между его сѣдыми бровями, не трудно было понять, что онъ не отказывается отъ своего убѣжденія, и что у него есть на то причины, которыя не легко будетъ заставить его высказать.

Впрочемъ, Серафима Даниловна и не пыталась узнавать эти причины. Она настолько знала своего стараго слугу, чтобы понимать, что если онъ молчитъ, то это еще не значитъ, что онъ не будетъ дѣйствовать, и, переждавъ немного, она спросила: не послать ли увѣдомить Дмитрія Степаныча о случившемся?

— Ужъ послано-съ.

— Куда же именно?

— На мызу Розальской. Тамъ они теперь должны быть.

— Затѣялъ, говорятъ, съ какимъ-то головорѣзомъ наѣздъ, чью-то дѣвку выкрадывать?

— Это у нихъ на воскресенье намѣчено, а передъ тѣмъ къ Розальской хотѣли заѣхать. Я туда внука послалъ. Приказалъ торопиться, на перемѣнной лошади скакать. Если у Розальской не застанетъ, въ Тульчинъ поѣдетъ, къ воеводѣ.

— Настю допрашивалъ?

— Безъ ума отъ страха дѣвка. Реветь, головой о стѣну бьется. Приказалъ ее стеречь, чтобы рукъ на себя не наложила.

— Ну, ступай себѣ. Будетъ что новенькое, приди доложить. Да мальчишку на вышку поставь, чтобы прибѣжалъ сказать, если кого издали увидитъ.

Но ничего такого ни въ тотъ день, ни въ послѣдующіе не произошло, о чемъ стоило бы старой барынѣ докладывать. Безпрестанно посылала она то за Ипатычемъ, то за Дарьей, чтобы узнать про Настю: не надумала ли что нибудь открыть, но ей каждый разъ отвѣчали, что Наська продолжаетъ упорно повторять, что ничего не знаетъ и не можетъ понять, какимъ образомъ могла Елена Алексѣевна совершить свой побѣгъ.

— Дай срокъ, пріѣдетъ баринъ, онъ ей языкъ-то развяжетъ,— ворчала старуха, проявляя со дня на день все большее раздраженіе.

Изъ Воробьевки доходили прежнія вѣсти: баринъ съ управителемъ имѣніе объѣзжаютъ, толкуютъ съ мужиками о ихъ нуждишкахъ, купцовъ поджидаютъ изъ Кіева, чтобъ съ ними о продажѣ лѣсного участка перетолковать.

— И не слышать, чтобъ Владимиръ Михайловичъ на мерзавца Андрюшку гнѣвался? Не ругалъ его? Не слышно тамъ ни крику, ни бабьяго реву?

— Ничего такого не слышно.

— Ну, ступай. Да не забудь сказать мальчишкѣ, что у тебя на вышкѣ, чтобъ не дремалъ и глядѣлъ въ оба. Какъ увидитъ издали барина, пусть бѣжитъ доложить. Миѣ надо Дмитрія Степаныча раньше всѣхъ повидать. Слышишь?

— Слушаю-съ,— неизмѣнно отвѣчалъ Ипатычъ и уходилъ, притворивъ за собою дверь.

Какъ и барыня его, становился онъ со дня на день все мрачнѣе и молчаливѣе, а, глядя на него, и весь домъ замиралъ въ трепетномъ ожиданіи страшной грозы.

IX.

Въ Тульчинѣ, имѣніи кіевскаго воеводы Салезія Потоцкаго, третій день шель пиръ горой по случаю съѣзда дворянъ съ супругами, чадами и домочадцами, въ виду готовящагося сеймика для выбора пословъ на великій сеймъ въ Варшаву, долженствовавшій, по всеобщему мнѣнію (въ виду многихъ обстоятельствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ), имѣть важныя послѣдствія для Рѣчи Посполитой.

Дамы и дѣвицы помоложе пріѣхали повеселиться, потанцовать подъ звуки прекраснаго оркестра, похвастаться нарядами, приве-

зенными изъ Варшавы и изъ Парижа, встрѣтиться съ воздыхателями и погулять съ ними по аллеямъ стараго парка, гдѣ было множество укромныхъ уголковъ, располагающихъ къ любовнымъ признаніямъ. Болѣе солидныя пани спѣшили, сюда чтобъ подѣлиться интересными новостями и мѣстными слетнями, которыми кишѣла окружающая среда мелкой шляхты, враждавшаяся вокругъ магнатовъ, какъ планеты вокругъ своихъ солнць, извлекая изъ нихъ и свѣтъ и теплоту.

И всюду, какъ среди пышныхъ дамскихъ робъ всевозможныхъ цвѣтовъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями, открытыхъ соблазнительно плечъ и рукъ, напудренныхъ душистыхъ локоновъ, перевитыхъ жемчугами и брильянтами или украшенныхъ живыми цвѣтами, такъ и между парижскими кафтанами и національными кунтушами изъ бархата и парчи, всюду выступали черными пятнами сутаны представителей всемогущаго духовенства, которое принимало дѣятельнѣйшее участіе, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни страны и никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не покидало свою паству, зорко наблюдая за нею, чтобъ направлять ея мысли и дѣйствія къ извѣстной цѣли.

Между молодежью вертѣлись любезные, остроумные и скромные аббаты, гладко выбритые и востроглазые, искусные во всѣ игры, начиная отъ музыкальныхъ инструментовъ и кончая картами и бильярдомъ. Утонченною вѣжливостью, находчивостью и сдержанностью они представляли контрастъ съ помѣщичьими сынками, казавшимися передъ ними грубѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ въ кругу себѣ подобныхъ. Важно расхаживали, никого не стѣсняя, величественные прелаты съ умными пріятными лицами, снисходительными улыбками и ласковой рѣчью, образованные, начитанные, проникательные, полные таинственныхъ чувствъ и мыслей для толпы недоступныхъ, съ золотымъ распятіемъ, эмблемой любви и смиренія, на груди и съ драгоценнымъ перстнемъ, освященнымъ представителемъ Христа на землѣ, на пальцѣ.

Въ этотъ день въ числѣ гостей воеводы можно было встрѣтить и двухъ епископовъ, покинувшихъ свои комфортабельные дворцы, чтобъ попировать у ясновельможнаго пана Салазія. Вотъ какъ всѣхъ интересовали приготовленія къ сеймику.

Епископы, разумѣется, всюду занимали подобающія ихъ высокому сану почетнѣйшія мѣста: за столомъ по обѣимъ сторонамъ хозяйки, ясновельможной пани Анны, а въ гостиной на диванѣ. Помѣщеніе имъ и ихъ свитѣ было отведено въ парадныхъ покояхъ замка, въ такъ называемыхъ королевскихъ апартаментахъ, гдѣ проживали, въ бытность свою въ Тульчинѣ, коронованныя особы, удостоивавшія магнатовъ Щенскихъ-Потоцкихъ своимъ посѣщеніемъ не одинъ разъ.

Общество, собравшееся у воеводы, отличалось большимъ разнообразіемъ и пестротою, какъ по общественному своему положенію и состоянію, такъ и по политическимъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ.

Въ то время всѣ въ Польшѣ занимались политикой. Ничтожнѣйшій полуграмотный шляхтичъ, не умѣвшій подписать своего имени, обладатель одной какой нибудь крестьянской семьи, являвшійся въ посольскую избу въ извѣденномъ моллю прадѣдовскомъ кунтушѣ, могъ сорвать сеймъ, то-есть сдѣлать его рѣшенія недѣйствительными, однимъ словомъ, часто пьянымъ и почти всегда подкупленнымъ голосомъ. Понятно послѣ этого, что магнатамъ, вершавшимъ судьбы отечества, необходимо было задабривать въ свою пользу клиентовъ передъ сеймомъ, а отобѣдать или отужинать за однимъ столомъ, хотя бы въ самомъ его концѣ, съ ясновельможнымъ паномъ воеводой, считалось за большую честь.

Но такъ какъ тутъ собрались представители партій, готовые живьемъ пожрать другъ друга, то можно себѣ представить, какъ быстро вспыхивали въ ссоры самымъ мирнымъ образомъ начатыя разговоры, и какъ зорко надо было слѣдить за тѣмъ, чтобъ диспуты не перешли въ драку, особенно послѣ сытнаго обѣда, съ многочисленными тостами и щедрыми изліяніями старой вудки, венгерскаго, шампанскаго и тому подобныхъ возбуждающихъ страсти навитковъ.

Для этого у хозяина были дѣятельные помощники въ лицѣ молодыхъ дворскихъ резидентовъ, проживавшихъ здѣсь, не на респектѣ, какъ болѣе почтенныя личности изъ «загоновой» шляхты; они считали за счастье изъ-за вкуснаго стола и болѣе или менѣе приличнаго помѣщенія забавлять магната разговорами, составлять его партію въ карты или на бильярдѣ, терпѣливо выслушивать его разсужденія о политикѣ и о грядущихъ судьбахъ отечества, которое, въ чаяніи грядущихъ благъ, каждый изъ нихъ не стѣснялся оципывать и продавать врагамъ, насколько хватало ловкости и умѣнья. Юнцы на дворской службѣ у магнатовъ, невзирая на вѣншній блескъ и кажущуюся независимость, несли весьма трудную, а подчасъ и непріятную службу, если взять въ соображеніе необходимость поддѣлываться ко вкусамъ и капризамъ безчисленнаго ихъ начальства: дворскихъ маршаловъ, посессоровъ, диспозиторовъ, кастелляновъ, гувернеровъ, постоянно гостившихъ въ замкѣ монаховъ изъ сосѣднихъ монастырей и тому подобнаго люда, не говоря ужъ о членахъ семьи магната, его дѣтяхъ, родственникахъ и супругѣ со многочисленнымъ штатомъ кастеляншъ, комнатныхъ резидентокъ «на респектѣ», воспитанницъ, экономокъ, старшихъ горничныхъ, гувернантокъ, знатныхъ иностранокъ и проч. и проч. Всѣмъ надо было угодить, ко всѣмъ ловко и почтительно поддѣлаться, всякому и всякой сдѣлаться нужнымъ

и пріятнымъ, не поступаясь при этомъ ни на секунду собственнымъ гоноромъ и соблюдая строжайшій этикетъ въ отношеніяхъ, не только съ высшими по рожденію и рангу, но и съ равными и съ низшими, съ товарищами по службѣ, сообразно общественнаго положенія каждаго изъ нихъ, состоянія ихъ родителей и степени расположенія и довѣрія къ нимъ патрона.

Чтобъ успѣшно подвизаться на службѣ въ качествѣ комнатныхъ дворскихъ юношей, нельзя было быть ни дуракомъ, ни зѣвакой, ни уродомъ, ни увальнемъ. Да и съ умомъ и красотой, безъ гибкости характера и безъ смекалки, дворскому юношѣ трудно было сдѣлать карьеру, для этого надо было обладать острою соображенія, искусствомъ скрывать свои мысли и чувства, умѣніемъ все сказать и сдѣлать кстати, во время и съ тактомъ.

На комнатныхъ дворянахъ лежала, между прочимъ, обязанность заботиться о томъ, чтобъ пріѣзжавшіе въ замокъ гости пріятно проводили время и угощались на славу, чтобъ стаканы передъ ними не стояли порожними, чтобъ трубки ихъ были всегда набиты, а мысли направлены на пріятное и веселое.

Дворскіе юноши происходили изъ дворянскихъ семействъ такъ называемой шляхты, первоначальное воспитаніе получали подъ розгами отцовъ іезуитовъ, бенедиктинцевъ, доминиканцевъ, пріаровъ и прочихъ монашескихъ орденовъ, монастырями которыхъ была еще усѣяна Польша XVIII вѣка. Отъ патеровъ ихъ помѣщали для «полуры» къ магнатамъ, гдѣ они выучивались всему, что считалось въ то время необходимымъ для свѣтскаго человѣка, а именно: танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ, искусству играть во всѣ игры, нравиться женщинамъ, какъ старымъ, такъ и молодымъ, одѣваться со вкусомъ и держать себя съ гоноромъ. При такихъ талантахъ да съ покровительствомъ магната можно было безъ гроша до всего достигнуть, и понятно, что всѣ на перебой стремились пріобрѣсти эти таланты.

На большихъ пиршествахъ, какъ въ описываемый нами день у кіевскаго воеводы, когда послѣ обѣда гости, съ отуманенными головами и заплетающимися языками, разсаживались на террасахъ, окружающихъ замокъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, продолжая начатые за столомъ разговоры, дворскіе юноши, красивые, ловкіе, ласковые и любезные, въ живописныхъ средневѣковыхъ костюмахъ, незамѣтно шныряли между группами, зорко прислаиваясь, не нужно ли чего кому, и прислушиваясь къ разговорамъ, а когда бесѣды начинали переходить въ ссоры, грозившія кончиться потасовкой, они производили диверсію любезнымъ предложеніемъ прохладиться стаканомъ венгерскаго или шампанскаго, которое тутъ же кстати и появлялось на подносѣ, уставленномъ бутылками и кубками, въ рукахъ дюжаго, усатаго паука.

Но иногда это не помогало; налитые кровью глаза спорящихъ не хотѣли обращаться къ бутылкамъ, дрожація отъ волненія руки

хватались за карабели, и съ языка срывались неудобозабываемыя слова... Тогда дворскій юноша подмигивалъ товарищу или самъ бѣжалъ за дворскимъ маршаломъ, и этотъ всегда важный панъ изъ родовитыхъ дворянъ, немедленно являлся на зовъ и, принимая на себя роль миротворца, либо обращалъ въ шутку предметъ спора, либо, предварительно напомнивъ деликатно о неприличіи предаваться шумнымъ изліяніямъ во дворцѣ такого магната, какъ ясновельможный Салезій Потоцкій, ловкою лестью направлялъ умы на болѣе мирное теченіе мыслей.

А дворскій юноша, довольный благополучной развязкой неприятнаго конфликта, легкой, граціозной походкой летѣлъ дальше, къ дамамъ, оживленно бесѣдовавшимъ между собою и жеманно опаживавшимъ набѣленные и нарумяненные лица вѣрами, которыми онѣ владѣли не хуже природныхъ парижанокъ; выбравъ удобную минуту, всегда кстати, дворскій юноша одной красавицѣ шепнетъ витіеватый комплиментъ, за который получитъ въ награду улыбку подкрашенныхъ французской помадой губъ, другой поднесетъ тутъ же сорванный цвѣтокъ, третьей напомнитъ общанную на вечеръ мазурку и, наконецъ, четвертой, ловко вложить въ небрежно откинутую ручку крошечную надушенную записку съ мадригаломъ, которую плутовка, поправляя на груди розу, какъ бы нечаянно уронитъ въ отверстіе корсажа, между лентами и кружевами, трепещущими на бѣлой груди.

Хорошо были выдрессированы комнатные дворяне на службѣ кіевскаго воеводы, и сердце его радовалось, когда, проходя по заламъ, наполненнымъ гостями, онъ видѣлъ, какъ ловко дѣйствовали его воспитанники.

Какіе со временемъ должны были изъ нихъ выйти отличные слуги отечества, въ званіи судей, адвокатовъ, меценатовъ при палестрѣ, и какъ шумно будутъ отстаивать мнѣнія своего патрона въ посольской избѣ тѣ изъ нихъ, которымъ удастся хорошо пристроиться къ землѣ, либо плѣнивъ какую нибудь перезрѣлую дѣву съ богатымъ приданымъ, либо легкомысленную дѣвушку съ солиднымъ состояніемъ, благодаря чему счастливицъ весь свой вѣкъ проживетъ пригѣваючи въ деревнѣ, забавляясь псовой охотою, разѣздами по сосѣдямъ и, время отъ времени, шумными демонстраціями на сеймикахъ и на сеймахъ въ качествѣ вліятельнаго избирателя или посла.

Въ искусствѣ занимать гостей, развлекать ясновельможную пани и на всѣхъ производить пріятное впечатлѣніе, въ виду хорошей партіи и вообще выгоднаго устройства, комнатныя резидентки не уступали резидентамъ.

Хорошенькія, нарядныя и граціозныя, порхали онѣ между гостями, вызывая улыбку удовольствія на самыхъ угрюмыхъ лицахъ. Всѣ онѣ были прекрасно воспитаны гувернантками и учи-

телями, которыхъ у иныхъ магнатовъ выписывали изъ Варшавы и изъ Парижа, чтобъ обучать резидентокъ танцамъ, иностраннымъ языкамъ, музыкѣ и свѣтскому обращенію. Пѣніе, игра на арфѣ и на клавесинѣ ни на минуту не смолкали въ высокихъ покояхъ замка.

А какъ искусно умѣли эти феи занимать гостей! Когда которая нибудь изъ нихъ подносила закорузлому усатому помѣщику (по цѣлымъ мѣсяцамъ не покидавшему своего фольварка, гдѣ зимой онъ не снималъ съ себя овчиннаго жупана, а лѣтомъ въ нанковой курткѣ весь день проводилъ съ хлопамъ въ полѣ) хрустальную вазу съ фруктами, и съ низкимъ реверансомъ, лукаво прищуривая томные глазки подъ насурмленными бровями, она произносила нѣжнымъ голосомъ: «Проше пане!» самое жестокое сердце смягчалось, и невольная улыбка выдавливалась подъ щетинистыми усами.

Часто кончалось тѣмъ, что, разговорившись съ очаровательницей, онъ бросалъ пьяную компанію, толкующую о возрожденіи родины, чтобъ со смущенной улыбкой слѣдовать за маленькой волшебницей въ садъ, въ оранжерею или въ огородъ, полюбоваться какимъ нибудь рѣдкимъ растеніемъ. Но цвѣты, фрукты и овощи служили увальню только предлогомъ подольше наслаждаться близостью прелестнаго существа, улыбавагося ему такъ ласково, точно и въ самомъ дѣлѣ оно находитъ величайшее удовольствие въ его обществѣ.

И вотъ, уязвленный въ сердце звѣрь, по возвращеніи въ свою берлогу, находилъ свою обычную обстановку неудобной и безобразной, крѣпостныхъ своихъ Гапокъ, Францишекъ и Стасекъ грубыми и неаппетитными, обѣдъ невкуснымъ, кофе скверно свареннымъ, начиналъ мечтать о женитьбѣ, и будущая жена являлась въ его воображеніи въ видѣ прелестной комнатной резидентки, смутившей его покой веселымъ щебетаніемъ, наивнымъ кокетничаніемъ и вниманіемъ, съ которымъ она выслушивала его рассказы о выкормкѣ свиней и телятъ и тому подобныхъ предметахъ, которые обыкновенно принято считать неинтересными для молоденькихъ дѣвушекъ.

Кто знаетъ, изъ этой куколки, можетъ быть, выйдетъ толковая хозяйка и заботливая жена?... Не жениться ли, пока время не ушло?

Въ первую минуту мысль эта его пугала, и онъ усиленно гналъ ее отъ себя прочь, но она возвращалась и до тѣхъ поръ раздражала его, пока онъ не поддавался искушенію и, принарядившись въ лучшій кунтушъ, приказывалъ закладывать самыхъ рѣзвыхъ изъ своихъ коней въ самую новую бричку съ праздничной сбруей и отпраивлялся просить у ясновельможной пани руку ея воспитанницы.

Дѣло кончалось веселой свадьбой, и, такимъ образомъ, цѣль воспитанія блестящимъ образомъ достигалась.

Не всѣмъ, разумѣется, выпадала такая удача, но въ тотъ день у кievскаго воеводы было такъ весело и оживленно, что, казалось, о неудачахъ никто здѣсь и не думалъ. Веселый смѣхъ и любовное воркованье раздавались во всѣхъ аллеяхъ парка, на берегахъ проточнаго пруда, по которому такъ весело было кататься въ красивыхъ лодочкахъ, управляемыхъ ловкими дворскими юношами, на зеленыхъ лужайкахъ, манящихъ къ отдыху и къ любовнымъ признаніямъ, въ оранжереяхъ съ лимонными и апельсинными деревьями, вѣчно покрытыми цвѣтами и плодами, всюду можно было встрѣтить счастливыя, оживленныя парочки, всласть наслаждавшіяся жизнью.

Тульчинскія оранжереи славились по всей окрестности; изъ нихъ всегда можно было достать цвѣтовъ на подвѣнечный нарядъ невѣстѣ, хозяйева не отказывали въ этомъ даже незнакомымъ людямъ.

Впрочемъ, у кievскаго воеводы не было незнакомыхъ людей не только въ воеводствѣ, но и во всей Рѣчи Посполитой: всюду былъ онъ извѣстенъ, какъ любезнѣйшій и добродушнѣйшій изъ польскихъ магнатовъ.

Супруга его, пани Анна, слыла надменной, строгой и даже жестокой, но такъ какъ надменность свою она проявляла только передъ равными себѣ (выше себя она никого не признавала на родинѣ, а въ чужихъ краяхъ развѣ только коронованныхъ особъ, да и то не всѣхъ), то этимъ свойствомъ многочисленныя ея клиентки скорѣе гордились, чѣмъ оскорблялись, находя его вполне законнымъ и справедливымъ. Развѣ фамилія Потоцкихъ не принадлежитъ къ древнѣйшимъ, богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ въ Рѣчи Посполитой? Она была много древнѣе и знатнѣе какихъ нибудь Понятовскихъ, игравшихъ роль, благодаря интригамъ и чужеземному вліянію.

Что же касается до ея строгости къ дворской молодежи обоюго пола (по свидѣтельству какъ очевидцевъ, такъ и самихъ пострадавшихъ, въ замкѣ за малѣйшую провинность сѣкли на коврѣ не только комнатныхъ дворянъ, но и дворянокъ), то осуждать за это пани Анну могли только вѣтрогоны, нахватавшіеся вольнодумства у французовъ, а отнюдь не здравомыслящіе люди, понимающіе, какъ нельзя лучше, что, если молодежь не держать въ строгости, изъ нея ничего путнаго не выйдетъ. Зато ясновельможная зоботилась о судьбѣ тѣхъ изъ довѣренныхъ ей юношей и юницъ, которымъ удалось благополучно окончить воспитаніе подъ ея попеченіемъ, не щадя на это ни денегъ, ни хлопотъ и не лишая даже и дѣтей ихъ своего могущественнаго покровительства.

Осуждали ее также за суровое, будто бы, обращеніе съ родными дѣтьми; единственнаго своего сына и наслѣдника огромнаго

состоянія Щенсныхъ-Потоцкихъ, Станислава, она продолжала держать, какъ ребенка, невзирая на то, что ему уже минуло пятнадцать лѣтъ, и что сверстники его уже кутили и ухаживали за женщинами. Разсказывали, что какъ онъ, такъ и сестры его боятся матери, какъ огня, блѣднѣютъ, предчувствуя бѣду, когда она присылала за ними, но мало ли что говорятъ про такихъ личностей, какъ пани Анна, которая по своему положенію у всѣхъ на виду и возбуждаютъ всеобщую зависть! Розказни эти никому не мѣшали съ нетерпѣніемъ ждать приглашенія въ замокъ воеводы и проводить въ немъ время наипріятнѣйшимъ образомъ.

Здѣсь еще потому было пріятно, что хозяйева никого не стѣсняли. Предоставивъ дворской молодежи занимать гостей, самъ воевода, приземистый средняго роста человекъ, съ добрыми темными глазами и пріятной улыбкой, сидѣлъ со своими близкими пріятелями на своей половинѣ, а супруга его со своими пріятельницами, въ противоположномъ концѣ замка, рядомъ съ зимнимъ садомъ особенно красивымъ вечеромъ, когда онъ освѣщался разноцвѣтными фонариками, сверкавшими, какъ драгоценные камни, промежъ изумрудной зелени тропическихъ растений. Здѣсь, въ полукругломъ будуарѣ, обитомъ французскимъ голубымъ штофомъ, расположились на мягкихъ софа и кушеткахъ, въ элегантныхъ дезабиле, тѣ дамы, которыхъ ясновельможная хозяйка замка удостоивала своей дружбою.

Такихъ было немного. Кромѣ громкаго имени и крупнаго состоянія (еще не разореннаго поѣздками за границу, кутежами мужа и широкою жизнью въ Варшавѣ), чтобъ удостоиться этой чести, надо было состоять при какомъ нибудь дворѣ и числиться кавалерственной дамой царствующей императрицы или, по крайней мѣрѣ, королевы.

Тѣ три дамы, что полулежали въ глубинѣ будуара, лакомясь фруктами и вдыхая въ себя нѣжный аромат срѣзанныхъ цвѣтовъ въ хрустальныхъ и фарфоровыхъ вазахъ, украшавшихъ во множествѣ комнату, вполне отвѣчали этимъ условіямъ: одна была женой графа Поцея, вліятельнаго вождя оппозиціонной королю партіи, другая — супруга стражника Оссолинскаго, близкая родственница знаменитаго Карла Радзивилла, въ то время проживавшаго, какъ бы въ ссылкѣ, въ Дрезденѣ, и наконецъ пани Мишекъ, какъ и обѣ первыя, стариннаго рода, игравшая дѣятельную роль въ интригахъ, раздиравшихъ ея отечество, и съ ранней молодости близкая пріятельница пани Анны.

Вертѣлся также здѣсь одинъ изъ черныхъ людей, безъ которыхъ ни одинъ польскій домъ не могъ обойтись, но этотъ былъ такой миньятюрный, хорошенькій и забавный, что относиться серьезно къ его духовному сану было очень трудно, а стѣсняться его присутствіемъ никому и въ голову не приходило.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ его привезли сюда изъ Италіи, къ дядѣ его, тульчинскому капеллану, въ черненкой поношенной семинарской сутаи, кто-то въ шутку прозвалъ его аббатикомъ, и кличка эта за нимъ осталась. Его помѣстили къ отцамъ іезуитамъ, гдѣ онъ блестяще окончилъ курсъ наукъ и удостоился тонзуры, которую въ видѣ бѣленькаго круглаго пятнышка можно было съ трудомъ усмотрѣть на маковкѣ промежъ его густыхъ кудрей; онъ носилъ теперь прекрасно спитыя и ловко охватывавшія станъ сутаны, изъ тончайшаго чернаго атласистаго сукна. бѣлоснѣжные gabat и широкіе шелковые пояса, но его продолжали называть аббатикомъ, такъ мало измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ ему была дана эта кличка. Немножко только подросъ, но лицо его оставалось такимъ же дѣтскимъ, розовымъ и нѣжнымъ, какъ и раньше, также прижимался онъ ласковымъ котенкомъ къ женскимъ юбкамъ, также умильно всѣмъ смотрѣлъ въ глаза, въ ожиданіи ласки нѣжныхъ, надушенныхъ ручекъ, отъ прикосновенія которыхъ онъ блаженно щурился, какъ котъ на солнцѣ.

Всѣ въ замкѣ его любили, и молодые и старыя, всѣмъ онъ былъ нуженъ, и всѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, баловали его и заботились о его благополучіи, начиная отъ пани кастелянши, не забывавшей припрятать ему лакомый кусочекъ, и кончая вліятельными пріятельницами пани Анны, дѣятельно хлопотавшими о доставленіи ему хорошаго мѣста при какой нибудь частной капеллѣ, съ котораго ему легко было бы подняться по іерархическимъ ступенямъ до епископства и, кто знаетъ, можетъ быть, и выше.

А пока имъ забавлялись, какъ интересной игрушкой, не подозревая въ немъ ни лукавства, ни хитрости, а еще менѣе критическихъ способностей и проницательности. Ясновельможныя его покровительницы раскохотались бы, если бы имъ сказали, что аббатикъ себѣ на умѣ, знаетъ жизнь не хуже ихъ, если не лучше, всѣхъ ихъ презираетъ, втихомолку подсмѣивается надъ ихъ слабостями и вполнѣ сочувствуетъ своему соотечественнику, папскому нунцію, который въ докладѣ своемъ его святѣйшеству называлъ польскую націю «la traviata ed imbecile nazione».

Аббатикъ никого не любилъ и не уважалъ; въ пріютившей его и облагодѣтельствовавшей семьѣ чувствовалъ себя здѣсь чужимъ, какъ и въ первый день своего пріѣзда, не могъ простить родителямъ, что они прислали его учиться сюда, а не въ Болонью или въ Ліонъ и объ одномъ только мечталъ: пристроиться куда нибудь подальше отъ клонившейся къ упадку страны, съ разлагающимся обществомъ, для котораго возрожденіе невозможно.

Ну, а пока, почему не пользоваться тѣмъ пріятнымъ, что и здѣсь есть? ласками женщинъ, между которыми были и молодыя и красивыя, деликатнымъ изысканнымъ столомъ и тому подобными утѣхами, которыми во всякомъ случаѣ пренебрегать не слѣдуетъ.

Для этого надо было только какъ можно дольше притворяться невиннымъ и наивнымъ ребенкомъ, безъ ума влюбленнымъ въ каждую изъ богатыхъ знатныхъ пани, помѣшанныхъ на танцахъ, на нарядахъ, на любовныхъ и политическихъ интригахъ, а въ этомъ аббатъ Джорджіо, по прозванію аббатикъ, не находилъ ничего ни мудренаго, ни непріятнаго.

Пріятельницы пани Анны находились слѣдовательно въ своемъ обществѣ и безъ стѣсненія резговаривали между собою о придворныхъ интригахъ, о новой любовницѣ короля, о шансахъ того или другого претендента на престолъ, при дѣятельно готовящейся конфедерации и государственномъ переворотѣ, при содѣйствіи важнѣйшихъ фамилій Рѣчи Посполитой: Чарторижскихъ, Ржевусскихъ, Браницкихъ, и всеобщаго любимца націи Карла Радзивилла, а также, разумѣется, и духовенства, въ лицѣ референдаріевъ, епископовъ и всей черной арміи орденовъ, дѣйствующей по указаніямъ, получаемымъ непосредственно изъ Рима.

Сама пани Анна, всегда сдержанная, въ тотъ день была молчаливѣе обыкновеннаго и не принимала участія въ разговорѣ своихъ пріятельницъ.

Она сидѣла отъ нихъ поодаль, у двери, растворенной на балконъ, и разматывала со своей любимицей, Юльяннѣй Розальской, мотокъ краснаго шелка, для пелены, которую она вышивала въ свою каллицу, по временамъ загадочно улыбаясь розказнямъ своихъ гостей.

Что же касается до Розальской, стоило только на нее взглянуть, чтобъ догадаться, какъ далеко витаютъ мысли ея отъ того мѣста, гдѣ находилось ея тѣло. Миловидное личико съ большими голубыми глазами, казавшимися темнѣе отъ черныхъ густыхъ рѣсницъ, поблѣднѣло отъ душевнаго волненія и отъ напряженнаго усилія скрыть душевную муку подъ наружнымъ спокойствіемъ, и только изрѣдка легкое дрожаніе въ рукахъ, съ натянутымъ на нихъ моткомъ, выдавало ея внутреннее смятеніе.

— Хотягь соединить въ одну всѣ конфедерации Рѣчи Посполитой и Литвы,—объявила графиня Поцей, взявъ изъ близъ стоявшей вазы апельсинъ и подавая его аббатикѣ, поспѣшившему оставить альбомъ, который онъ разсматривалъ у столика, украшеннаго инкрустациями изъ перламутра, чтобъ взять фруктъ и приняться деликатно снимать съ него золотистую оболочку, съ помощью серебрянаго ножичка, лежавшаго близъ вазы.

— Никогда на это епископы не согласятся!—вскричала Мнишекъ.

— Да они уже на это соглашаются, ждуть только инструкцій изъ Рима. Епископъ Солтыкъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Репнинымъ,—замѣтила графиня Поцей.

— Не можетъ быть!—вскричали ея пріятельницы.—Чтобъ Солтыкъ сошелся съ Репнинымъ, злѣйшимъ врагомъ нашей церкви...

— Епископъ Солтыкъ два раза былъ у русскаго посла,—позволил себѣ вмѣшаться въ споръ ясновельможныхъ аббатицъ, не поднимая глазъ съ апельсина, съ котораго онъ ловко и осторожно снималъ нижній бѣлый слой кожицы.

— Откуда у тебя такія вѣсти, аббатицъ?—съ ласковой усмѣшкой спросила Мнишекъ.

— Я видѣлъ письмо его святѣйшества епископа Солтыка, который извѣщалъ нашего референдарія о своемъ примиреніи съ посломъ русской императрицы,—все также скромно отвѣтилъ аббатицъ, поднося на золоченомъ блюдцѣ апельсинъ пани Оссолинской и опускаясь на скамеечку у ея ногъ.

— Онъ, можетъ быть, также пишетъ и о томъ, кѣмъ рассчитываютъ замѣнить Понятовскаго?—съ ироническою усмѣшкою спросила Мнишекъ.

— Нѣтъ, про это нѣтъ ни слова въ письмѣ его святѣйшества,—съ наивнымъ простодушіемъ отвѣчалъ черный человекъ.—А про то, что маршаломъ хорошо было бы выбрать пана коханьку, объ этомъ упоминается.

Бесѣдующія не безъ удивленія переглянулись, а затѣмъ всѣ три, точно сговорившись, взглянули на пани Анну. Но она все также безучастно относилась къ ихъ болтовнѣ и продолжала, озаченно сдвинувъ брови, разматывать свой шелкъ.

— Радзивиλλу пріѣхать на родину въ настоящее время не мыслимо, но, если бы онъ даже и пріѣхалъ, «фамилія» не допуститъ его избранія въ маршалы, у нея свои планы,—объявила Мнишекъ.

— О, кто же не знаетъ, что Изабеллѣ хотѣлось бы сдѣлаться королевой!—вскричала Оссолинская.

— Послѣ того, какъ она была близка къ Понятовскому и теперь амурится съ русскимъ посломъ? Никогда мы этого не допустимъ!—подхватила съ раздувавшимися отъ гнѣва ноздрями Мнишекъ.—Никогда! Какая нибудь Флемингъ!—прибавила она презрительно.

— Тогда ужъ лучше предложить корону саксонцу, онъ, по крайней мѣрѣ, все-таки, хоть по отцу, королевской крови...

— И у него въ родствѣ нѣтъ жидовствующихъ, какъ у пана Мартина Любомирскаго,—вполголоса подсказалъ аббатицъ, который, взявъ вѣеръ пани Оссолинской, внимательно его разсматривалъ, любуясь рисункомъ знаменитаго французскаго художника Ватто.

— Большинство стоитъ за избраніе короля изъ нашихъ. Всѣхъ ближе къ престолу вашъ дядя,—обратилась Мнишекъ къ Оссолинской,—но противъ него будетъ русская императрица...

— Зато его поддержать Австрія и Пруссія...

— Я слышалъ отъ епископа, что Рѣчи Посполитой въ настоящее время опасно раздражать Россію,—опять позволилъ себѣ вмѣ-

паться въ разговоръ аббатикъ.— Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и ошибается,—поспѣшилъ онъ прибавить.

И, взглянувъ на пани Анну, невозмутимо продолжавшую свое занятіе, онъ смолкъ и углубился въ разсматриваніе вѣера, которымъ началъ любоваться съ другой стороны.

— Разумѣется, епископъ ошибается,—подхватила, между тѣмъ, его замѣчаніе Мнишекъ.—Какое намъ дѣло до иностранныхъ державъ? Будетъ съ насъ этой опеки, надо сдѣлать Польшу самостоятельной и настолько сильной, чтобъ она ни въ комъ не нуждалась. И мы этого достигнемъ!

— Но, разумѣется, не съ такимъ королемъ, какъ Понятовскій...

— Понятно!

— Для того и конфедерацію собираютъ, чтобъ его выгнать.

— И вотъ почему желательно было бы имѣть маршаломъ Радзивилла.

— А кого же желали бы вы имѣть королемъ, мон пани?—скромно освѣдомился аббатикъ.

— Только не Чарторижскаго!—вскричала Поцей.

— И не Радзивилла!—подхватила Мнишекъ.

— «Фамилія» не допуститъ ни Ржевусскаго, ни Браницкаго, ни Малаховскаго. Кого же выбрать?—спросила Оссолинская.

— Ржевусскій говорилъ моему мужу, что онъ предложитъ уничтоженіе *liberum veto*,—объявила Мнишекъ, не отвѣчая на вопросъ Оссолинской.

— Незвирая на одобреніе Жанъ-Жака Руссо и Вольтера? Быть этого не можетъ!—вскричалъ съ такимъ наивнымъ изумленіемъ аббатикъ, что всѣ засмѣялись. Улыбнулась и пани Анна, а пани Оссолинская протянула свою выхоленную бѣленькую ручку, чтобъ подрать за вихоръ дерзкаго юношу, примостившагося у ея ногъ, да такъ и забыла ее въ его мягкихъ кудряхъ, продолжая разговоръ о претендентахъ на престолъ.

— Однако, и король вѣрно не дремлетъ, пока мы тутъ собираемся его изгнать,—замѣтила Мнишекъ, взглядывая на жену воеводы,—и есть люди, которымъ планы его извѣстны, но, къ сожалѣнію, люди эти мнятъ себя настолько выше другихъ, что не считаютъ нужнымъ облегчить имъ ихъ задачу — способствовать возрожденію отчизны...

— Это вы на нашъ счетъ?—спокойно отвѣчала пани Анна на брошенный ей вызовъ.

— А хотя бы и такъ? Какъ добрая полька, вы должны были бы примкнуть къ нашей партіи, мы желаемъ нашей родинѣ величія и счастья...

— А кто вамъ сказалъ, что мы не желаемъ ей того же?

— Съ помощью Россіи?—иронически подхватила Мнишекъ.

— Съ помощью тѣхъ, кто дѣйствительно намъ можетъ быть полезенъ. Я вамъ дивлюсь, мой пани, вы требуете отъ насъ сочувствія, а сами не можете сказать, кому и чему мы должны сочувствовать? Сойдитесь сначала на чемъ нибудь, а ужъ потомъ ищите себѣ союзниковъ.

— А вы ужъ, вѣрно, на чемъ нибудь сошлись съ княземъ Репнинымъ?

— Князь Репнинъ очень уменъ и неуклонно исполняетъ волю своей императрицы, а она знаетъ, чего хочетъ, и бороться противъ нея трудно.

И помолчавъ она прибавила:

— Салезій очень уважаетъ князя.

— А также его святѣйшество епископъ Солтыкъ, — вставилъ аббатику, сладко нѣжась подъ щекотавшими его розовыми пальчиками.

— И епископъ Солтыкъ умный человекъ, — согласилась пани Анна. — Онъ прекрасно сдѣлалъ, что помирился съ посломъ Россіи въ такую минуту, когда намъ нужно содѣйствіе императрицы Екатерины.

— Ту же пѣсню поетъ и Изабелла, чтобъ оправдать свою связь съ Репнинымъ. Я это слышала отъ самой мадамъ де Кракови, — замѣтила Мнишекъ.

— Говорятъ, что вліяніе ея на князя начинаетъ ослабѣвать, — сказала Поцей.

— Не вѣрьте, она крѣпче, чѣмъ когда либо, держитъ русскаго медвѣдя въ рукахъ.

— И охота ей пачкать свои хорошенькія ручки о гадкую шерсть русскаго медвѣдя! — вскричала со смѣхомъ Оссолинская.

— Русскіе медвѣди начинаютъ входить въ моду. На прошлой недѣлѣ у Браницкихъ имѣлъ большой успѣхъ тоже русскій звѣрь, здѣшній помѣщикъ Аратовъ...

— Этого можно было бы скорѣе назвать лисицей! — вскричала Поцей. И хотѣла еще что-то такое прибавить, но легкій ударъ вѣромъ по рукѣ и краснорѣчивый взглядъ, которымъ ей указывали на группу у окна, заставили ее остановиться на полусловѣ.

— А развѣ это все еще продолжается? — спросила шопотомъ Мнишекъ, пригнувшись къ аббатикѣ и кивая на Розальскую, которая вспыхнула до ушей при имени Аратова.

Аббатику утвердительно кивнулъ въ то время, какъ пани Анна, поднявъ глаза на свою ассистентку, укоризненно покачала головой.

Отъ этого нѣмого упрека Розальская покраснѣла еще больше, и на глазахъ ея навернулись слезы.

Изъ всѣхъ обитательницъ замка одна только Юльня Розальская допуссалась въ интимное общество супруги воеводы. Пани

Анна призывала на свою половину резидентокъ замка тогда только, когда она была одна, что случалось очень рѣдко. Вообще она держалась на почтительной дистанціи даже и отъ тѣхъ, которыя были знатнаго происхожденія и отданы въ замокъ воеводы объѣдѣнными родителями исключительно для полуры. Но Розальская всегда была ея любимицей, и никогда не стѣснялась она отличать ее отъ другихъ. Родныя ея дочери и сынъ жили въ отдѣльномъ флигелѣ, съ иностранными гувернантками и гувернерами, подъ наблюденіемъ довѣреннаго аббата и видѣлись съ матерью тогда только, когда она за ними посылала, Юльянію же она помѣстила въ комнату рядомъ со своею спальнею и не разставалась съ нею даже и тогда, когда ѣздила въ Варшаву или за границу. Довѣріе ея къ Юльяніи было такъ велико, что она позволяла ей играть съ наслѣдникомъ Потоцкихъ, Станиславомъ, воспитаніемъ котораго она занималась такъ ревниво, что даже родному отцу не позволяла въ него вмѣшиваться. За всѣмъ, что касалось мальчика, а также и сестеръ его, привезенный ею изъ Рима аббатъ долженъ былъ обращаться къ самой ясновельможной или къ Юльяніи, которая, такимъ образомъ, служила посредницей между госпожей и всѣмъ ея многочисленнымъ штатомъ.

Юльянія была круглая сирота, и говорили, что мать ея оказала какую-то важную услугу пани Аннѣ, когда эта послѣдняя была еще въ дѣвицахъ. Этому обстоятельству приписывали участіе, принимаемое ясновельможной въ судьбѣ взятой на воспитаніе почти съ колыбели дѣвушки. Когда ей минуло семнадцать лѣтъ, ее отдали замужъ за Розальскаго, зажиточнаго помѣщика, обладателя прекрасной мызы близъ Тульчина и одного изъ усерднѣйшихъ кліентовъ воеводы. Щенные-Потоцкіе могли вполне на него полагаться, онъ много разъ доказалъ имъ на дѣлѣ свою преданность.

Но Юльянія не долго прожила съ мужемъ, не прошло и года послѣ свадьбы, какъ въ одну темную осеннюю ночь его принесли домой съ прострѣленною грудью.

Онъ былъ очень слабъ и очень страдалъ, но это не помѣшало ему послать въ замокъ за аббатомъ и составить съ его помощью духовное завѣщаніе въ пользу жены. И едва успѣлъ онъ подписать холодящей рукой бумагу, какъ скончался.

Юльянія очутилась вдовою и очень богатой, много богаче, чѣмъ и сама она, и всѣ знавшіе ея мужа ожидали. У него оказался крупный капиталъ въ одномъ изъ варшавскихъ банковъ, боченокъ червонцевъ въ тайникѣ подъ домомъ и документы на большое имѣніе въ одной изъ русскихъ областей на югѣ.

Почему покойный скрылъ ото всѣхъ и даже отъ жены существованіе этихъ капиталовъ и документовъ?—на вопросъ этотъ никто бы не могъ отвѣтить, кромѣ развѣ воеводы. Но спрашивать его про это, разумѣется, никто не рѣшался, тѣмъ болѣе, что даже

самые разговоры про неожиданную находку такъ раздражали пани Анну, что она запретила про это говорить въ замкѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но Юльняія была теперь богата, могла жить вполне самостоятельно въ собственномъ домѣ, либо въ Варшавѣ близъ дворца Потоцкихъ, либо на мызѣ по сосѣдству съ замкомъ воеводы и такимъ образомъ не разставаться со своею благодѣтельницацею.

Положеніе ея послѣ смерти мужа во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось къ лучшему. Горевать о немъ она не могла: вышла она за него по приказанію пани Анны, которая даже и не спросила у нея, нравится ли ей женихъ. Онъ былъ лѣтъ на тридцать старше ея и не обладалъ качествами, способными плѣнить дѣвушку семнадцати лѣтъ; сношенія ея съ замкомъ послѣ смерти мужа не только не порвались, но сдѣлались еще тѣснѣе, и всѣ относились теперь къ ней съ подобострастнымъ уваженіемъ, какъ къ личности, вполне независимой и съ могущественными связями. Какъ всегда падкая на экзажерацию толпа, когда дѣло касается неожиданно разбогатѣвшихъ людей, преувеличивала состояніе ея въ стократъ, и она слыла выгодной партіей не только для зажиточнаго и занимающаго вліятельное положеніе шляхтича, но и для настоящаго магната. Вотъ почему вниманіе, оказываемое ею Аратову, возбуждало такъ много разнорѣчивыхъ толковъ и казалось тѣмъ болѣе непонятнымъ, что, будучи женатъ, москаль этотъ не могъ даже претендовать на ея руку.

— Почему графиня думаетъ, что про Аратова при насъ съ Юльняіей нельзя говорить?—спросила пани Анна, внезапно прерывая тишину, воцарившуюся въ комнатѣ послѣ замѣчанія о сходствѣ Аратова съ лисицей.

— Потому что пристрастіе Щенсныхъ-Потоцкихъ къ москалямъ всѣмъ хорошо извѣстно,—вызывающимъ тономъ возразила Мнишекъ.

— Не пристрастіе, а справедливость, моя пани,—строго поправила ее Потоцкая, съ нервною поспѣшностью торопясь домотать шелкъ, отъ котораго на рукахъ Юльняіи оставалась тоненькая пасма.—А тебѣ бы, графиня, менѣе другихъ пристало нападать на русскихъ, а въ особенности на князя Репнина. Если твой дядя узнаетъ про это, онъ тебя не поблагодаритъ,—продолжала пани Анна, не поднимая глазъ съ работы. Шелкъ запутывался, и она старалась осторожно его распутать, не порывая нитки.

— Не знаю, почему дядѣ на меня за это гнѣваться. Кромѣ зла, русскій посолъ ничего ему не сдѣлалъ.

— А давно у тебя отъ него извѣстія?—все тѣмъ же сдержаннымъ тономъ продолжала свой допросъ пани Анна.

— Онъ двѣ недѣли тому назадъ поздравлялъ мою Касю со днемъ рожденія и прислалъ ей подарокъ...

— Двѣ недѣли много времени, моя дорогая...

— Вы узнали что нибудь новое?—съ живостью спросила Мнишекъ.

— Я знаю, что если пане коханьку писалъ своимъ роднымъ двѣ недѣли тому назадъ, что отъ князя Репнина ему ничего нельзя ждать хорошаго, то теперь онъ ничего подобнаго не напишетъ.

Клубокъ былъ домотанъ. Она бросила его въ корзину съ шелками на столнкѣ рядомъ съ пяльцами и поднялась съ мѣста.

— Пора одѣваться къ обѣду, мои пани. Темнѣетъ, и залы начинаютъ освѣщать. Сейчасъ музыканты соберутся,—объявила она, указывая на окна выступавшаго полукружіемъ крыла замка, въ которыхъ загорались огни.—Посмотри, моя Юльняія, все ли готово въ уборной гостей, и ждутъ ли ихъ горничныя и волосочесы.

Розальская вышла исполнить порученіе и увидала въ концѣ длиннаго свѣтлаго коридора аббатика, оживленно бесѣдовавшаго съ какимъ-то прелатомъ по-итальянски. Не будь Юльняія такъ озабочена собственными мыслями, она узнала бы, что аббатикъ передаетъ своему слушателю подробности только-что слышаннаго въ будуарѣ ясновельможной. Итальянскій языкъ она знала такъ же хорошо, какъ и французскій, но ей было не до чужихъ тайнъ, у нея была своя, которая въ этотъ день мучила ее нестерпимѣе, чѣмъ когда либо.

Когда дверь за Розальской затворилась, пани Анна вернулась къ прерванному разговору.

— Мы съ Салезіемъ думаемъ, что у насъ достаточно много враговъ въ Европѣ, чтобы враждовать съ тѣми, которые менѣе другихъ желаютъ намъ зла, и я опять повторяю, что князю Радзивиллу будетъ неприятно узнать, что его близкіе родственники нападаютъ на москалей именно въ такое время, когда онъ ведетъ переговоры съ русскимъ посломъ о своемъ возвращеніи на родину... Ну, что, моя дорогая, все ли готово для нашихъ гостей?—прервала она свою рѣчь, чтобъ обратиться къ вернувшейся Юльняіи.

Это значило, что ничего больше отъ нея не узнать, и какъ ни интересно было бы ея слушательницамъ узнать подробности сообщенной имъ новости, ни одной изъ нихъ и въ голову не пришло предлагать вопросы, рвущіеся у нихъ съ языка. Онѣ вышли изъ будуара, не узнавъ, откуда у нея такія интересныя вѣсти, и скоро ли можно ждать ихъ осуществленія.

Розальская намѣревалась вмѣстѣ съ ними покинуть будуаръ, но не успѣла она дойти до середины коридора, уже освѣщеннаго лампами, и гдѣ уже ни аббатика, ни прелата не было, какъ громкое: «Юльняія!» раздавшееся изъ будуара, заставило ее поспѣшно вернуться.

— Пойдемъ въ уборную, ты мнѣ поможешь переодѣться, а тѣмъ временемъ мы кое о чемъ съ тобою переговоримъ,—отрывисто

сказала пани Анна, направляясь къ маленькой зеркальной двери въ просторную комнату, гдѣ у туалета съ зажженными свѣчами дожидались камеристки.

Къ одѣванію ясновельможной все уже было готово: пышное атласное палевое платье, украшенное дорогими кружевами, красивый тюрбанъ изъ блондъ съ бѣлыми перьями, бальная обувь, длинныя бѣлыя перчатки и всѣ прочія принадлежности были въ должномъ порядкѣ разложены на столахъ. Отъ воды въ хрустальномъ умывальникѣ на мраморномъ столѣ, въ глубинѣ комнаты, разливался по всему обширному покою запахъ свѣжихъ розъ, а туалетный столъ посреди комнаты, съ большимъ зеркаломъ въ серебряной оправѣ, былъ уставленъ всѣмъ необходимымъ для интимнаго туалета знатной дамы среднихъ лѣтъ, желающей казаться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять моложе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

— Ступайте, когда надо будетъ, я васъ позову,—обратилась она къ камеристкамъ. — А ты, Юльня, вспомни старину, когда ты меня причесывала въ Варсали на маленькіе вечера королевы,—сказала она Розальской, опускаясь на стулъ передъ туалетомъ.

Юльня накинула ей на плечи пудермантль и принялась расчесывать ея волосы.

— Почему явилась ты сегодня такъ поздно? Я жду тебя съ утра, а ты изволила пріѣхать, когда у меня уже вся гостиная была полна народомъ,—продолжала пани Анна совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ тогда, когда она говорила съ нею при свидѣтеляхъ, не съ ласковою нѣжностью, а раздражительно и сурово. И лицо у нея сдѣлалось сердитое, однимъ словомъ все предвѣщало бурю.

— Я не могла раньше пріѣхать, моя пани,—начала было оправдываться молодая женщина, ловко подхватывая тяжелыя волны чуть чуть сдѣющихся волосъ и расчесывая ихъ черепаховымъ гребнемъ, прежде чѣмъ осыпать пудрой.

— Не могла оправиться отъ вчерашняго посѣщенія?—прервала ее ясновельможная съ злой усмѣшкой, слѣдя въ зеркалѣ за смущеніемъ своей импровизированной горничной.—Никогда не думала я, чтобъ ты была такъ глупа!.. Дай мнѣ румяна... У тебя москаль провелъ вчера весь вечеръ... А развѣ я не запретила тебѣ принимать его?—съ возрастающимъ гнѣвомъ продолжала она, взявъ изъ дрожащихъ рукъ Юльни фарфоровую баночку съ румянами и осторожно, кончикомъ пальца, обмокнутаго въ душистую розовую массу, втирая ее въ кожу лица: на щекахъ гуще, чуть-чуть на подбородкѣ и крошечку на кончикахъ ушей, замѣчательно маленькихъ, въ то время какъ Розальская мастерила на ея головѣ высокую прическу съ пышно взбитыми локонами. — Москаль просидѣлъ у тебя до полуночи...

— Только до десяти часовъ,—робко пролепетала смущенная Юльня.

— До полуночи!—отрывисто и грозно возвышая голосъ, повторила благодѣтельница. — А сегодня весь замокъ про это знаетъ. Отъ прислуги и до господъ дошло. Приятно мнѣ было слышать намеки Поцей, когда она подмигнула на тебя Мнишекъ при имени Аратова? Ты покраснѣла, какъ воровка, пойманная съ рукой въ чужомъ карманѣ... противно было на тебя смотрѣть, хуже всякой дѣвчонки! Стыдно, стыдно, пани Розальская, стыдно не умѣть скрывать своихъ чувствъ и выставлять ихъ на посмѣшище всего свѣта! Можно подумать, что я не заботилась о вашемъ воспитаніи, что вы выросли, какъ дикая трава въ полѣ, безъ полуры, безъ хорошихъ примѣровъ, не въ замкѣ графини Потоцкой, а на какойнибудь мызѣ. И чѣмъ же думаешь ты все это кончить? А? Москаль! Женатый! Двое дѣтей! Бабка, столѣтняя вѣдьма, еще жива и можетъ прожить долго, состояніе почти все ея! Ты глупа, дочь моя, вотъ что я тебѣ скажу,—прибавила она смягчаясь.

— Онъ разведется съ женой...

— Какимъ это образомъ? У москалей не даютъ развода.

— Я надѣюсь на него повліять, онъ приметъ нашу вѣру...

Пани, Анна пожала плечами.

— Если останется живъ,—глотаю слезы, прибавила Юльня.

— Почему ему не быть живымъ? Драться, что ли, съ кѣмънибудь намѣренъ изъ-за пани Розальской? Этого еще недоставало! Съ кѣмъ? Какіе у тебя еще обожатели завелись?—закидывала ее вопросами ясновельможная, не дожидаясь отвѣтовъ.

— Пани меня обижаетъ, никакихъ обожателей у меня нѣтъ... Аратовъ меня любитъ... онъ на мнѣ женится, когда будетъ свободенъ... жена его сумасшедшая и припадочная... докторъ обѣщаль дать свидѣтельство, и онъ будетъ свободенъ... Онъ приметъ нашу вѣру и польское подданство... король обѣщаль ему свое покровительство, обѣщаль ходатайствовать за него передъ русской императрицей... Онъ купитъ имѣніе подъ Варшавой, чтобъ участвовать въ сеймахъ и поддерживать короля и ясновельможнаго моего благодѣтеля, кіевского воеводу... Умоляю мою дорогую пани, мою покровительницу... мою вторую мать, благословить меня на этотъ бракъ...

Прическа ясновельможной была окончена, оставалось только надѣть тюрбанъ, и Юльня, опустившись на колѣни, обливала руки ея слезами.

— Встань! Перестань дурить! Рано просить благословенія, когда развода еще нѣтъ, и онъ не католикъ и не польскій подданный. Много наболтала и ни слова путнаго не сказала. Вижу только, что у васъ зашло дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и что ты всѣми моими совѣтами и запрещеніями пренебрегла. Но объ этомъ послѣ, сегодня мнѣ не до тебя, скажи мнѣ только, что онъ затѣяль, чтобъ за драгоцѣнную жизнь его опасаться? Выдумка вѣрно, чтобъ тебя, дуру, напугать? Видитъ, что кобета съ ума по немъ сходитъ, и смѣется надъ тобой!

— Онъ обѣщаль пану Мальчевскому помочь ему выкрасть невѣсту...

— Эльжунку Сокальскую? Ну, развѣ я не была права, утверждая, что этотъ бѣсъ Аратовъ такой же сумасбродъ, какъ и всѣ русскіе! Какая ему надобность вмѣшиваться въ эту глупую исторію? Да еще передъ сеймомъ, когда такіе люди, какъ Сокальскій, намъ нужны? Онъ одинъ изъ надежнѣйшихъ кліентовъ Салезія, человѣкъ почтенный, богатый и съ вѣсомъ. Онъ намъ обѣщаль голосовъ тридцать, по крайней мѣрѣ, и теперь, разумѣется, ему будетъ не до сейма, когда у него дочь увезутъ... Хорошо еще, если въ свалкѣ его самого не зарѣжутъ! Зачѣмъ ты мнѣ этого раньше не сказала? Салезій принялъ бы мѣры... Мальчевскаго съ друзьями можно было бы заарестовать, а Сокальскаго предупредить о томъ, что противъ него головорѣзы умышляютъ...

— Я ничего не знала, онъ только вчера передъ отъѣздомъ мнѣ сказалъ... было слишкомъ поздно, чтобъ ѣхать въ замокъ...

— А раньше о чемъ у васъ была рѣчь? Цѣловались вѣрно? Ахъ, ты, безпутная! Глухая!—повторяла ясновельможная съ досадой.

— Онъ отсюда прямо сюда пріѣдетъ...

— Это съ наѣзда-то? Къ воеводѣ? Да онъ съ ума сошелъ!

— Его самъ панъ Салезій пригласилъ...

Она могла бы къ этому прибавить, что воеводѣ извѣстны всѣ подробности затѣяннаго наѣзда, но ей слишкомъ хорошо была извѣстна интимная жизнь своихъ патроновъ, и она слишкомъ любила воеводу, который всегда былъ къ ней милостивъ, чтобъ подводить его подъ головомойку. А головомойки, и пружестокости, ему бы не избѣгнуть, если бы супруга его узнала, что онъ поощряетъ такіе мальчишескія выходки, какъ та, что затѣялъ проказникъ Мальчевскій.

— Но вѣдь Салезій ничего не знаетъ, иначе онъ давно прекратилъ бы эту опасную затѣю!—вскричала пани Анна.—Сокальскій не трусь, онъ умѣетъ драться и на сабляхъ и на пистолетахъ. Онъ безъ боя не сдастся и будетъ защищать дочь до послѣдняго издыханія. У него большая дворня, и вся деревня ему предана, хлопы его любятъ... Ну, перестань ревѣть! Это еще что за новости?—строго возвысила она голосъ на свою слушательницу, которая пришла въ такое отчаянье отъ ея словъ, что не въ силахъ была сдерживать рыданія.—Какое имѣешь ты право такъ беспокоиться объ этомъ москалѣ? Онъ тебѣ не мужъ и даже не женихъ! Сейчасъ утри слезы, умойся холодной водой, нарумянься, и чтобъ слѣдовъ глупой печали на лицѣ твоемъ не оставалось. Будь весела, любезна, чтобъ никто не догадался о вздорѣ, который у тебя на умѣ! Живо! Чтобъ черезъ десять минутъ я тебя видѣла въ приличномъ видѣ...

Она прервала свою рѣчь, чтобъ прислушаться къ легкому стуку, раздававшемуся у двери.

— Кто это? Посмотри!

Это былъ аббатикъ.

— Пусть войдетъ,—отвѣчала на докладъ Юльяніи ясновельможная.

— Важныя новости, моя пани!—стремительно объявилъ аббатикъ, проникая въ комнату, не забывая притворить за собою дверь.—Пане коханьку прощенъ и возвращается на родину!

— Откуда эти вѣсти? Написалъ ктонибудь?—не безъ волненія спросила ясновельможная.

— Князь Радзивиллъ самъ прислалъ къ пану воеводѣ съ доброю вѣстью любимаго своего резидента, паца Длусскаго.

— Длусскаго? Онъ здѣсь?—съ живостью освѣдомилась пані Анна, съ усмѣшкой взглядывая на Розальскую, которая стояла потупившись.

— Здѣсь. Въ кабинетѣ у пана воеводы, а я поспѣшилъ къ ясновельможной...

— Съ большой свитой пріѣхалъ Длусскій?

— Съ нимъ человекъ пять дворскихъ, два паюка, камердинеръ, шесть верховыхъ гайдуковъ... да люди при экипажѣ.

— Помѣститъ пана Длусскаго въ западной башнѣ! И чтобъ все было въ наилучшемъ порядкѣ, — обратилась она къ Розальской.— Займись этимъ, Юльянія, ты знаешь, какъ мы чествуемъ почетныхъ гостей. Панъ Длусскій къ намъ явился представителемъ своего господина, ясновельможнаго князя Радзивилла: мы докажемъ ему, что цѣнимъ вниманіе его благодѣтеля. Когда я гостила у князя десять лѣтъ тому назадъ, мнѣ отвели апартаменты короля. Позаботься, чтобъ нашему гостю было удобно въ покояхъ, въ которыхъ и у Потоцкихъ гостили не разъ коронованныя особы, — прибавила она, съ важностью выпрямляясь.

Юльянія, не поднимая глазъ, вышла, а ясновельможная, продолжая разговаривать съ аббатикомъ, захлопала въ ладоши и велѣла явившимся на зовъ камеристкамъ надѣть на нее тюрбанъ. Когда это трудное дѣло было сдѣлано, она вынула двѣ булавки, осыпанныя брилліантами, изъ ящичка съ драгоценностями и приказала аббатикѣ приколоть ихъ къ убору.

И онъ справился съ этимъ довольно мудреннымъ дѣломъ такъ искусно, что ясновельможная улыбнулась.

— Ты бы, Джорджіо, отлично могъ мнѣ замѣнить Юльянію,— замѣтила она по-итальянски.

Онъ поспѣшилъ поцѣловать ея руку.— О моя пани, никогда пани Розальская не уступитъ мнѣ счастья служить ясновельможной!

— Ты думаешь? Но я въ этомъ далеко не увѣрена,—возразила она и прибавила съ легкимъ вздохомъ:—такую красавицу долго

у насъ не оставятъ. Вотъ и этотъ Длусскій тоже въ нее влюбленъ.

— О, если бы только Длусскій могъ понравиться пани Розальской!—вырвалось у аббата точно помимо воли.

— Разумѣется, лучшей партіи ей и желать нельзя: знатенъ, богатъ...

— Полякъ и католикъ,—докончилъ ее мысль собесѣдникъ.

Она поняла намекъ и нахмурилась. Очень можетъ быть, что въ другое время аббату Джорджіо досталось бы за неумѣстную догадливость, но на его счастье супругъ воеводы надо было торопиться въ бальную залу, и она, только слегка погрозивъ ему пальцемъ, вышла изъ своихъ апартаментовъ черезъ зимній садъ въ парадные, ярко освѣщенные покои, гдѣ въ ожиданіи ея появленія расхаживали гости. Отвѣчая величественными кивками на низкіе реверансы и почтительные поклоны, она направилась въ сопровожденіи все увеличивающейся свиты къ большой гостиной, обитой желтымъ штофомъ, гдѣ ее уже ждали ея пріятельницы и нѣсколько другихъ дамъ и дѣвицъ со своими воздыхателями.

Была тутъ и Розальская. Живая и свѣженькая, какъ розы, приколотыя къ ея волосамъ, она разговаривала съ высокимъ, худощавымъ молодымъ человѣкомъ въ старинномъ литовскомъ костюмѣ, съ подбритымъ лбомъ, бесконечно длинными усами на мужественномъ лицѣ, въ кунтушѣ, съ саблей и лосинными перчатками за поясомъ изъ литого золота, усыпаннаго драгоцѣнными камнями, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, съ серебряными шпорами.

Личность эта, повидимому, всѣхъ интересовала. Пани и панны забывали отвѣчать на комплименты увивающихся вокругъ нихъ кавалеровъ, чтобъ съ любопытствомъ на него взглядывать, и по тому, какъ онѣ осторожно понижали голосъ, разговаривая между собою, можно было догадаться, что рѣчь идетъ о немъ.

— Давно ли въ нашихъ краяхъ, пане?—любезно спросила хозяйка, протягивая руку, которую онъ поспѣшилъ поднести къ губамъ, съ низкимъ поклономъ.—И откуда занесъ васъ къ намъ добрый вѣтеръ?

— Вѣтеръ, который меня занесъ сюда, дѣйствительно добрый, и прямо изъ Дрездена, моя пани. Скакалъ день и ночь, чтобъ привезти хорошую вѣсть.

Присутствующіе насторожились, и воцарилась такая тишина, что изъ танцевальной залы явственно долетали звуки оркестра. Танцевать еще не начинали, балъ должна была открыть хозяйка, но торжественные аккорды интродукціи къ полонезу уже пригласили танцоровъ и танцорокъ занимать мѣста.

— Очень любезно съ вашей стороны, пане. Салезія видѣли?

— Счелъ своимъ долгомъ прямо изъ дорожнаго экипажа явиться къ пану воеводѣ, чтобъ передать ему письмо нашего князя. Графъ,

ознакомившись съ довѣреннымъ мнѣ посланіемъ, послалъ меня къ Ясновельможной сообщить новость, которую я имѣлъ счастье ему доложить. Ясновельможный князь Карлъ Радзивиллъ, по любезному предложенію всероссійской императрицы, возвращается на родину и вскорѣ будетъ имѣть удовольствіе лично засвидѣтельствовать свое почтеніе пану воеводѣ и его супругѣ, — произнесъ онъ съ торжественностью, величаво выпрямляя свою и безъ того чрепчуръ длинную фигуру. — По порученію моего князя, я проѣду отсюда прямо въ Вильну, чтобъ заняться приготовленіями къ его пріѣзду, — прибавилъ онъ.

— Передайте вашему князю, пане, что мы отъ всего сердца его поздравляемъ и желаемъ ему во всемъ успѣха. Дайте мнѣ вашу руку, я съ вами открою балъ, который долженъ служить предзнаменованіемъ успѣха всѣхъ нашихъ предпріятій. Прѣшу, мои пани, — обратилась она къ окружающимъ, съ подобострастнымъ вниманіемъ внемлющимъ ея словамъ, — слѣдовать за нами. Кавалеры давно ждуть и теряютъ терпѣніе.

Съ этими словами она положила свою красивую, обтянутую длиною лайковою перчаткою, руку на ладонь, которую поспѣшилъ ей подставить посланецъ князя Радзивилла, и медленно, величавою поступью направилась черезъ длинную анфиладу покоевъ, освѣщенныхъ а джорно тысячами свѣчъ въ люстрахъ и канделябрахъ. За нею послѣдовало остальное общество.

При появленіи блестящаго шествія публика, наполнявшая прочіе покои, присоединялась къ нему и шла дальше, перекидываясь оживленными замѣчаніями насчетъ услышанной новости, и вскорѣ весь замокъ узналъ, что пане коханьку помпирлся съ русскою императрицею и возвращается на родину.

Извѣстіе это всѣхъ радовало и располагало къ веселію. Даже старики повылѣзли изъ-за карточныхъ столовъ и пустились въ плясъ.

X.

Однако, полюбовавшись нѣкоторое время молодежью, отличавшеюся въ французскихъ и національныхъ танцахъ, воевода съ друзьями вернулись въ кабинетъ, чтобъ снова начать толковать о предстоящемъ сеймѣ, обѣщавшемъ быть еще интереснѣе, въ виду неожиданнаго возвращенія изъ ссылки знаменитаго вождя противной Россіи партіи, князя Карла Радзивилла.

Правда, что возвращеніе это было обставлено весьма стѣснительными условіями. Отъ него требовали полного подчиненія требованіямъ русскаго посла, и чтобъ въ званіи маршала общей конфедерации князь Радзивиллъ не только защищалъ свободу совѣсти всѣхъ поданныхъ короля, но и сократилъ бы буйность своего собственнаго нрава и не позволялъ бы себѣ взбалмошныхъ

выходокъ, которыми онъ прославилъ себя по всей странѣ, къ ужасу и отчаянью замученныхъ имъ жертвъ, часто на смерть, какъ, на примѣръ, несчастный Пацъ, умершій вслѣдствіе его злой шутки.

Графъ Пацъ, стариннаго знатнаго рода магнатъ, будучи въ гостяхъ у князя Карла Радзивилла, по прованію пане Коханько, т.-е. «любимчикъ», отказался пить черезъ мѣру за обѣдомъ. За это хозяинъ приказалъ его заковать въ цѣпи и запереть въ подвалъ, служившій тюрьмой въ замкѣ. Ночью явились къ нему люди съ капелланомъ и прочитали ему смертный приговоръ, а утромъ его вывели на парадный дворъ, посреди котораго была воздвигнута висѣлица. Несчастнаго возвели на эшафотъ и накинули ему петлю на шею. Онъ попросилъ позволенія сказать еще нѣсколько словъ ксендзу, присутствовавшему при этой церемоніи, и тогда ясновельможный хозяинъ, громко расхохотавшись, объявилъ, что все это была только шутка съ его стороны. Приговореннаго къ смерти свели съ возвышенія, повели въ замокъ и начали угощать. Но Пацъ не вынесъ душевнаго потрясенія, и черезъ нѣсколько часовъ скончался отъ жестокой шутки пріятеля. Если польскіе магнаты позволяли себѣ такія выходки съ равными себѣ, можно себѣ представить, какъ поступали они съ низшими по состоянію и общественному положенію, не говоря уже о хлопахъ, которыхъ иначе, какъ «быдло», не называли и съ которыми поступали, какъ со скотами.

За обузданіе нрава, равно какъ и за обѣщаніе поддерживать всѣ требованія Россіи на сеймѣ, пану Коханьку обѣцано было возвращеніе конфискованныхъ имѣній и даже забвеніе такихъ зловредныхъ проказъ, какъ замыселъ свергнуть съ престола русскую императрицу, чтобъ замѣнить ее темной авантюристкой, выдававшей себя за дочь покойной государыни Елизаветы Петровны.

Карлъ Радзивиллъ помогалъ извѣстной княжнѣ Таракановой въ затѣянной ею интригѣ противъ царствующей императрицы.

Никто не зналъ всѣхъ этихъ подробностей лучше кіевскаго воеводы, пріятеля русскаго посла, орудовавшаго всѣмъ этимъ дѣломъ. Знали объ этомъ и друзья его, тѣмъ не менѣе помилованіе Радзивилла всѣмъ вскружило голову, и всѣмъ стало казаться, что теперь можно подвинуть Россію и на другія еще болѣе существенныя уступки.

Заговорили сначала довольно робко, а затѣмъ, постепенно одушевляясь, все рѣшительнѣе и смѣлѣе, о необходимости изгнать всѣмъ ненавистнаго короля, не сумѣвшаго угодить ни одной партіи и возстановившаго противъ себя, какъ приверженцевъ старины, такъ и новизны. Загалдѣли о престолонаслѣдіи, о претедентахъ болѣе достойныхъ, чѣмъ Понятовскій, но когда стали называть имена, гвалтъ усилился, и всякому, кто позволялъ себѣ упомянуть

про сына покойнаго короля или про Карла Радзивилла, Браницкаго, Ржевусскаго, Чарторижскаго, противная партія немедленно заставляла смолкнуть, обсыпая градомъ ругательствъ и насмѣшекъ названнаго кандидата. Презрительные эпитеты сливались съ восклицаніями негодованія. Шумъ съ каждой минутой усиливался, и хозяинъ, отчаиваясь водворить миръ путемъ благоразумныхъ увѣщаній, начиналъ тоскливо посматривать на дверь, спрашивая себя: не вызвать ли изъ танцевальной залы Длусскаго, чтобъ разсказами о заграничныхъ новостяхъ успокоить распалывшіеся умы? Но средство это представляло и немалую опасность. Панъ Залѣсскій уже два раза обозвалъ ясновельможнаго князя Радзивилла шутомъ, а панъ Старчевскій считалъ этого популярнѣйшаго изъ магнатовъ Рѣчи Посполитой не надеждой страны, долженствовавшимъ, по мнѣнію большинства, водворить золотой вѣкъ на родинѣ, а круглымъ дуракомъ и сумасбродомъ, и позволялъ себѣ сравнивать его съ чучеломъ, чтó ставятъ на огородахъ воробьевъ пугать. Панъ Ледоховскій былъ тоже не высокаго мнѣнія о ясновельможномъ патронѣ Длусскаго, и всѣмъ этимъ господамъ ничего не стоить при этомъ послѣднемъ непочтительно выразиться о высокой личности будущаго маршала конфедерации и повторить оскорбительные эпитеты, которыми они, при всякомъ удобномъ случаѣ, его награждали. Что же тогда останется сдѣлать Длусскому, какъ не заступиться за честь своего благодѣтеля, а хозяину дома поддержать его претензію? И поднимется такой кавардакъ, что все полетитъ къ чорту, и сеймикъ, и сеймъ, и всѣ благія упованія на поддержку избранныхъ пословъ. Ужъ и теперь всѣ такъ взтерепенились другъ на друга, что нельзя надѣяться привести ихъ въ скорости къ какому нибудь соглашенію...

Кіевскій воевода приходилъ въ отчаянье, когда вдругъ его неприятное раздумье прервалось появленіемъ покоевца съ докладомъ о пріѣздѣ господина Аратова.

Извѣстіе это произвело желаемую диверсію. Оказалось, что не одному воеводѣ, а почти всѣмъ его гостямъ было извѣстно о затѣянномъ на эту ночь наѣздѣ на мызу Сокальскаго, и со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы:

- Аратовъ пріѣхалъ? Не можетъ быть!
- Одинъ? Ужъ не съ Мальчевскимъ ли?
- Что это значитъ? Откуда онъ явился?
- Неужели успѣли ужъ сдѣлать наѣздъ?
- Но когда же? Нѣтъ еще и полночи. Отложили вѣрно до бо-
лѣе удобнаго времени...

— Или совсѣмъ раздумали, одумались.

— А вотъ мы это сейчасъ узнаемъ,—весело потирая руки, объявилъ хозяинъ и приказалъ просить господина Аратова.

Когда Дмитрій Степановичъ вошелъ, всеобщее изумленіе усилилось. Въмѣсто запыленнаго и взволнованнаго кровавою стычкою

драчуна, со слѣдами борьбы на лицѣ и платьѣ, явился нарядный франтъ, со спокойно улыбающимся лицомъ, въ свѣтло зеленомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, въ атласномъ бѣломъ камзолѣ, расшитомъ золотомъ, пышномъ кружевномъ жабо и въ бальныхъ башмакахъ на шелковыхъ чулкахъ, при легкой шпагѣ съ рукояткой тонкой филиграновой работы. Не забыты были и часы съ цѣпочкой и брелоками, и лорнетка. Изъ бокового кармана выглядывалъ батистовый платокъ ослѣпительной свѣжести, и отъ всей его фигуры, изящной и выхоленной, вѣяло такимъ ароматомъ, что запахъ розъ затмилъ вонь вина и табаку, которою былъ пресыщенъ воздухъ въ кабинетѣ воеводы.

Остановившись въ дверяхъ, онъ съ усмѣшкой обвелъ глазами общество и, весело вскричавъ:— вотъ и я!— сталъ пожимать протянутыя ему со всѣхъ сторонъ руки, начиная съ хозяина, который, не удовольствовавшись этимъ привѣтствіемъ, обнялъ его и расцѣловалъ въ обѣ щеки. Полѣзли цѣловаться и другіе, такъ что только минутъ черезъ пять Аратову можно было усѣсться въ кресло, на которое воевода любезно ему указалъ.

— Ну, рассказывайте,— сказалъ панъ Салезій, придвигая ему столикъ съ бутылками и кубками.— Но прежде выпьемъ за ваше благополучное возвращеніе,— прибавилъ онъ, наливая ему вина.— Прѣше, панове,— обратился онъ къ остальнымъ гостямъ, которые поспѣшили наполнить свои кубки и присоединиться къ тосту хозяина.— Поздравляемъ съ побѣдой, на васъ стоитъ только взглянуть, чтобъ убѣдиться, что вы довольны результатомъ вашей экспедиціи, видъ у васъ сіяющій!

— Я спѣшилъ на балъ, графъ.

— Но когда же успѣли вы оправиться отъ вашихъ боевыхъ подвиговъ? Смытъ слѣды пота и крови?

— Увы! насъ можно поздравить съ успѣхомъ, но не съ боевыми подвигами! Все обошлось безъ огня, крови и меча, — отвѣчалъ Аратовъ, осушивъ кубокъ и ставя его на столъ.

— Но какъ же? Неужели Сокальскій сдѣлся безъ боя? Не можетъ быть!

— Я этого не говорю.

— Такъ, значитъ, Мальчевскій отказался отъ своей затѣи?— спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— И хорошо сдѣлалъ,— подхватилъ другой.

— Ничего лучшаго не могъ придумать, затѣя была преглупая, особенно передъ сеймомъ, когда намъ нужны всѣ голоса благонамѣренныхъ людей,— замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, Сокальскій за Радзивилла голоса не подастъ, у него много причинъ его ненавидѣть...

— А Чарторижскихъ еще больше...

— Не Салѣгу же выбирать маршаломъ!

— Кто говорить про Сапѣгу, есть и другіе...

— Огинскаго тоже не надо...

— А того, кто заикнется про Браницкаго, мы рѣшили зарубить...

Глаза загорались, и голоса звучали все громче и злѣе. Нѣкоторые изъ спорящихъ сорвались съ мѣста, чтобъ развязнѣе размахивать руками и хвататься за сабли. Бѣдный воевода растерянно обернулся къ Аратову, который съ усмѣшкой слѣдилъ за разгоравшимся споромъ, умоляя его взглядомъ помочь ему успокоить гостей.

— За Сокальскаго я не отвѣчаю, что же касается до Мальчевскаго, этотъ за самого Вельзевула съ восторгомъ подастъ голосъ, чтобъ только сдѣлать пріятное своимъ согражданамъ, — сказалъ Аратовъ, обращаясь къ хозяину и при этомъ такъ возвышая голосъ, что спорящіе не могли его не слышать. — А за нимъ многіе пойдутъ. Поляки любятъ такихъ молодцовъ, которые ни передъ чѣмъ не останавливаются, чтобъ на своемъ поставить.

— Да, да, мы это любимъ! — послѣшили съ нимъ согласиться.

— А какъ же онъ такъ легко отказался отъ любимой дѣвушки?

— Онъ и не думалъ отъ нея отказываться. За кого вы его принимаете? Я, панове, никому не позволю оскорблять моего пріятеля, — задорно возразилъ Аратовъ, поднимаясь съ мѣста и принимая вызывающую позу. — Мальчевскій слишкомъ влюбленъ въ свою невѣсту, чтобъ отказаться отъ счастья ею обладать; онъ такой же полякъ, какъ и всѣ вы, панове, настоящій рыцарь, никого на свѣтѣ не боится, и самъ дьяволъ не заставитъ его отступить! — продолжалъ онъ, съ возрастающимъ азартомъ возвышая голосъ. — Его могутъ лишить жизни, но гонора — никогда!

Рѣчь эта, произнесенная съ пафосомъ, всѣмъ пришлась по вкусу.

— Вы назвали дочь Сокальскаго невѣстою Мальчевскаго, не рано ли? — съ улыбкой спросилъ воевода, ласково взявъ Аратова за руки и усаживая его на прежнее мѣсто.

— Теперь, пожалуй, что это ужъ и поздно, потому что она, безъ сомнѣнія, превратилась *de facto* въ его супругу. Я обвѣнчалъ ихъ ровно въ десять часовъ, а у васъ часы показываютъ одиннадцать, — указалъ онъ на массивные бронзовые часы, украшавшіе каминъ.

— Обвѣнчались? Но въ такомъ случаѣ вамъ, значить, удалось ее похитить?

— Опять таки позволю себѣ замѣтить графу, что вы не такъ выражаетесь: мы ее взяли, но не похитили, — возразилъ Аратовъ, видимо забавляясь недоумѣніемъ и любопытствомъ, возбуждаемыми его недомолвками.

— Перестаньте говорить загадками, милѣйшій, расскажите, какъ было дѣло, видите, что мы всѣ стораемъ отъ любопытства.

— Извольте. Начну сначала. Ровно въ девять часовъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы приказали нашимъ людямъ садиться на коней и не торопясь ѣхать на хуторъ Баранской, гдѣ имъ было приготовлено вѣрное убѣжище до роковой минуты, когда намъ надо было съ гикомъ, свистомъ, съ поднятыми саблями и заряженными пистолетами ринуться въ бой...

— Со спящими?—спросилъ Залѣскій, маленькій ехидный старикашка, съ пожелтѣвшимъ отъ жолчи лицомъ, съ которымъ никогда никто еще не могъ сговориться, и который часто затѣивалъ споры, съ единственной цѣлью наговорить неприятностей своему оппоненту.

— У васъ, кажется, пане, наѣзды днемъ не дѣлаются, и вамъ это лучше, чѣмъ кому либо извѣстно, такъ какъ вы не ждали солнечнаго восхода, чтобъ зарубить саблями пана Моржевскаго,— съ живостью отпарировалъ обидную насмѣшку Аратовъ.

— Не отвлекайтесь отъ разказа! Прошу, панове, не прерывать!—поспѣшилъ вмѣшаться въ вспыхнувшее недоразумѣніе воевода, возвышая голосъ, чтобъ заглушить сердитое ворчаніе Залѣскаго.

— Отправивъ людей, мы съ Мальчевскимъ сѣли за столъ подкрѣпиться передъ походомъ,— продолжалъ свое повѣствованіе Дмитрій Степановичъ.— И не успѣли мы раскупорить вторую бутылку, какъ вбѣжалъ дворскій съ докладомъ о пріѣздѣ какихъ-то людей, желающихъ видѣть пана по важному дѣлу.

— Что за люди? Откуда? Гони ихъ вонъ! Не до нихъ!—вскричалъ Мальчевскій, которому, вы сами понимаете, панове, въ эту минуту было не до постороннихъ людей. А такъ какъ и я ему въ этомъ вполне сочувствовалъ, то тоже закричалъ: гони ихъ вонъ! вонъ! вонъ! Но тутъ въ столовую вбѣжалъ крестьянскій хлопчикъ, въ мохнатой мѣховой шапкѣ и въ сапогахъ выше колѣнъ, его ужъ выгнать было невозможно...

— Почему же?—полюбопытствовалъ одинъ изъ слушателей.

— Потому, пане, что при ближайшемъ осмотрѣ хлопчикъ этотъ оказался Ельжуней Сокальской.

Заявленіе это было такъ неожиданно, что присутствующіе нѣсколько мгновеній пребывали въ недоумѣніи, а затѣмъ, понявъ, въ чемъ дѣло, разразились такимъ громкимъ смѣхомъ, что подслушавшая у дверей челядь въ испугѣ отпрянула въ коридоръ.

— Такъ она сама къ нему прибѣжала, не дожидаясь похищенія?—вскричалъ воевода.—Отлично!

— Не прибѣжала, а очень важно пріѣхала въ жидовской фурѣ на волахъ.

— Ай, да, дѣвка!

— Умна, должно быть. Отъ большихъ неприятностей спасла родителя и жениха съ приятелями. Мальчевскаго можно поздравить

съ такой супругой. Вы говорите, что они уже обвиняны? Но какъ успѣли вы это такъ скоро устроить?

— О! я имъ долго раздумывать не далъ, приказалъ заложить карету и повезъ ихъ въ Ябковское, къ ксендзу.

— Такъ, въ хлопскомъ платьѣ и повѣнчали ее?

Аратовъ улыбнулся.

— За кого вы насъ принимаете, пане? Чтобъ мы такъ нескладно поступили съ дѣвицей, довѣрившейся нашей чести! Нѣтъ, нѣтъ, мы тотчасъ занялись ея туалетомъ и нарядили ее...

— Во что же? Мальчевскій живетъ одинъ, при немъ нѣтъ ни матери, ни сестеръ, откуда же взялись у него женскіе наряды?— спросилъ панъ Старчевскій.

— Какой вы недогадливый, пане! Вотъ и ваша милость, да и панъ Глинскій, и панъ Сементковскій, насколько мнѣ извѣстно, семьей еще не обзавелись, а неужтожъ у васъ въ домѣ, если хорошенько поискать, не найдется приличнаго дамскаго наряда въ случаѣ такой крайности, какъ та, что намъ сегодня представилась? Прекрасныя пани и къ вамъ пріѣзжаютъ въ гости и навѣрное остаются ночевать, когда найдетъ гроза, напримѣръ, или раньше времени наступитъ темнота и опасно пускаться въ путь до утра. Есть между ними легкомысленныя и забывчивыя, особенно когда хозяинъ любезенъ и красивъ...

— Понимаемъ, понимаемъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Политика была забыта, и когда воевода предложилъ Аратову отвести его въ танцевальную залу, разговоръ въ кабинетѣ продолжался на тему любовныхъ походовъ, припоминать которыя пріятно тѣмъ, кому ничего больше не остается, какъ жить воспоминаніями о безвозвратно прошедшемъ.

— Балъ у насъ въ полномъ разгарѣ, и до ужина остается еще часа два, но я боюсь, что вамъ уже не достать дамы на мазурку, — сказалъ панъ Салезій, проходя съ Аратовымъ по портретной галлерей, куда звуки оркестра доносились много громче, чѣмъ въ кабинетъ.

— Надѣюсь, что меня не постигнетъ такое несчастье, — возразилъ съ самодовольною улыбкою Дмитрій Степановичъ, поправляя кружева своего жабо.

— Запаслись заранѣе дамой? Однако, это съ ея стороны большая любезность и довольно рискованная, она могла остаться совсѣмъ безъ кавалера, если бъ вашъ походъ такъ счастливо не окончился. Мы, признаться, немножко за васъ побаивались и порядкомъ таки бранили Мальчевскаго за такую... какъ бы это выразиться? по-нашему—тенжизнь.

— А по-нашему—просто шалость.

Послѣднія слова оба вставили одинъ по-польски, другой по-русски въ рѣчь, которую, оставшись вдвоемъ, повели по-французски.

— Хорошо, что все окончилось благополучно, благодаря находчивости маленькой безстрашной Ельжуни. Непременно пошлю ей свадебный подарокъ за то, что она намъ сохранила два голоса на сеймъ... Кстати, вы еще не знаете новость? Радзивиллъ возвращается на родину. Все ему прощено, имѣнія возвращены... Сейчасъ прѣхалъ сюда любимый его дворскій съ письмомъ отъ него и сообщилъ намъ на словахъ много интересныхъ подробностей про это пріятное событіе.

— Князь Репнинъ мнѣ говорилъ, что онъ не сомнѣвается въ помилованіи князя Радзивилла, если только онъ согласится исполнить требованія императрицы, а требованія эти не легкія,—небрежно замѣтилъ Аратовъ.

— Ну, вѣдь и король нашъ далъ такое же обѣщаніе...

— И плохо ему будетъ, если онъ его не исполнитъ, вотъ увидите.

Они дошли до дверей танцевальной залы, гдѣ воевода остановился, чтобъ подѣлиться со своимъ спутникомъ новостью, а, можетъ быть, чтобъ узнать его мнѣніе объ ея послѣдствіяхъ, но его слушали разсѣянно и съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ; Аратову было не до Радзивилла и не до его противниковъ и друзей; онъ внимательно вглядывался въ пары, мчавшіяся мимо него въ бѣшеной мазуркѣ, отыскивая между ними ту, для которой онъ तो-ропился прѣхать сюда до конца бала.

Но между танцующими ея не было, и, убѣдившись въ этомъ, онъ улыбнулся. Развѣ она могла предаваться веселью, зная, что онъ подвергается опасности лишиться жизни подъ вражескими ударами, и воображая его себѣ истекающимъ кровью? Какъ онъ ее вчера напугалъ разсказами о предполагаемомъ наѣздѣ! Какъ она его умоляла ее пожалѣть, отказаться отъ безумной затѣи, и какъ она была прелестна въ слезахъ и въ отчаяніи! Ни за что не обнимала бы она его такъ крѣпко и не цѣловала бы такъ страстно, если бы не страхъ его потерять.

Она, безъ сомнѣнія, ничего еще не знаетъ о благополучномъ окончаніи затѣяннаго дѣла...

Она ничего не знала и такъ обрадовалась, увидавъ его передъ собою здоровымъ, веселымъ и, какъ всегда, красивымъ и элегантнымъ, что отъ счастья чуть не лишилась чувствъ.

— Осторожнѣе, сердце мое, мы не одни,—чуть слышно, почти что одними губами, проговорилъ онъ, низко передъ нею раскланиваясь, и прибавилъ вслухъ:—пани не забыла обѣщанную мнѣ мазурку?

До утра пировали гости у воеводы. Послѣ ужина опять танцевали, невзирая на восходящее солнце, заставлявшее блѣднѣть огни люстръ и канделябръ.

Аратовъ такъ усердно ухаживалъ за красавицами, такъ охотно вертѣлъ и осыпалъ комплиментами каждую изъ нихъ, что если бы

даже про его отношенія къ Розальской всѣмъ было извѣстно, то про это давно бы забыли, такъ искусно прикидывался онъ влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ въ ту ночь въ замкѣ кievскаго воеводы было особенно много.

Протанцовавъ съ Юльяніей обѣщанную мазурку, онъ, повидимому, совершенно спокойно уступилъ ее пану Длусскому, который не отходилъ отъ нея; за ужиномъ сѣлъ съ нею рядомъ, чтобъ ей прислуживать и пожирать ее глазами, нашептывая ей нѣжности, на которыя она отвѣчала одобрительными взглядами и улыбками.

Она была такъ счастлива, что всѣмъ готова была улыбаться. По временамъ глаза ея встрѣчались съ глазами Аратова, сидѣвшаго отъ нея наискосокъ между двумя нарядными женщинами, которымъ онъ расточалъ настолько щедро свое вниманіе, насколько это было возможно въ промежуткахъ между ѣдой и питьемъ, и тогда тонкій наблюдатель замѣтилъ бы, можетъ быть, какую глубокою страстью загорались глаза очаровательной вдовушки, но на ея счастье такихъ наблюдателей тутъ не было: всѣ были въ опьяненіи отъ танцевъ, любви, вина и честолюбивыхъ замысловъ.

Улучивъ благоприятную минуту послѣ ужина, Юльянія подошла къ пани Аннѣ, удалившейся въ растворенную въ садъ дверь балкона, съ посланцемъ князя Радзивилла, и попросила у нея позволенія уѣхать домой.

— Развѣ ты не переночуешь въ замкѣ? — спросила ясновельможная, устремляя на свою любимицу пытливый взглядъ. — Мѣсто твое рядомъ съ моей спальней, никѣмъ не занято, — прибавила она, ласково оправляя золотистыя пряди развившихся волосъ, спавшихъ на лобъ молодой женщины.

Юльянія, цѣлуя ея руки, стала жаловаться на усталость и на хозяйственныя распоряженія, требующія ея присутствія дома утромъ рано. Съ хуторовъ должны были пріѣхать дозорцы за распоряженіями, задерживать ихъ нельзя, пани знаетъ, какое теперь горячее время для полевыхъ работъ, безъ нея эконома не будетъ знать, что дѣлать...

— Вотъ она у меня какая хозяйка, пане, — обратилась жена воеводы къ Длусскому. — Поѣзжай, если ужъ такъ нужно, но завтра прошу непременно явиться къ концерту, — прибавила она, ласково дотрогиваясь пушкомъ своего вѣера до раскраснѣвшей щеки вдовушки. И, снова повертываясь къ Длусскому, который не въ силахъ былъ оторвать очарованныхъ глазъ отъ красотки, она объявила, что пани Розальская сдѣлала большіе успѣхи въ пѣніи съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее слышалъ въ Варшавѣ, на музыкальномъ вечерѣ у Чарторижскихъ.

— А далеко живетъ пани? — спросилъ Длусскій, у котораго при одной мысли разстаться съ предметомъ своей страсти, больно защемило сердце.

— Очень близко. До ея мызы всего только полчаса ходьбы черезъ паркъ, и это—одна изъ нашихъ любимѣйшихъ прогулокъ, но въ балномъ нарядѣ такая экскурсія неудобна, приходится ѣхать въ объѣздъ, и раньше, какъ черезъ часть, не доѣдешь до ея домз,—отвѣчала пани Анна.

Пробыть съ нею наединѣ цѣлый часъ въ каретѣ! Да это—такое счастье, за которое и полъ-жизни не жаль отдать!

— Если бъ пани дозволила мнѣ ее проводить?—робко произнесъ онъ, бросая умоляющій взглядъ на хозяйку, которая съ улыбкой обратилась къ Юльяни.

— Что ты на это скажешь, моя дорогая? Мнѣ кажется, что съ такимъ кавалеромъ безопаснѣе ѣхать, чѣмъ одной, да и веселѣе?

— Очень буду благодарна пану за любезность,—не задумываясь отвѣчала вдовушка.

— Въ такомъ случаѣ я распоряжусь, чтобъ подавали вашъ экипажъ.

И внѣ себя отъ радости посланецъ князя Радзивилла выбѣжалъ изъ комнаты, а пани Анна, пригнувшись къ Юльяни, сказала ей вполголоса:

— Вотъ съ этой побѣдой я тебя поздравляю, дочь моя. Это—не чета москалю, онъ свободенъ, и состояніе его всѣмъ извѣстно. Веди дѣло умненько, и ты сдѣлаешься знатной пани, съ блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Князь Радзивиллъ умѣетъ выводить въ люди своихъ любимцевъ, а Длусскій къ тому же и сродни ему приходится, съ лѣвой стороны, правда, но для человѣка, который умѣетъ пользоваться положеніемъ, это имѣетъ свои выгоды. То, что онъ ему оставить, не будетъ подлежать секвестру за долги послѣ смерти князя, ужъ и это огромный авантажъ, котораго будутъ лишены законные наслѣдники Карла Радзивилла.

Раскраснѣвшись отъ волненія, съ высоко поднимавшейся грудью и со слезами на глазахъ, прильнула Юльяни къ плечу своей благодѣтельница.

— Да, моя Юльяни, никогда не слѣдуетъ слушать голосъ сердца, а всегда руководствоваться разсудкомъ, это вѣрнѣе,—продолжала растроганная пани Анна, понимая волненіе своей воспитанницы по-своему и приписывая его рѣшимости внять ея совѣтамъ и заглушить некстати зародившееся чувство къ москалю.—Не можетъ полька быть счастлива съ москалемъ, съ притѣснителемъ ея отчизны! Моя Юльяни слишкомъ хорошая патріотка, чтобъ этого не понимать. Пусть наши мужчины идутъ на компромиссы, но мы, женщины, останемся непоколебимы въ нашей ненависти къ врагамъ нашей вѣры, нашей независимости и будемъ воспитывать дѣтей нашихъ истыми поляками. Это—нашъ долгъ, предписанный намъ самою главою нашей церкви, намѣстникомъ Христа на землѣ, представителемъ нашего Бога!—произнесла она съ жаромъ, под-

нимая глаза къ потолку, точно призывая въ свидѣтели своего заявленія всѣ небесныя силы. А затѣмъ она продолжала уже своимъ обычнымъ, высокомернымъ тономъ: — Салезій заласкиваетъ этого Аратова, потому что считаетъ его ловкимъ и полезнымъ по его связямъ съ русскимъ посломъ. Аратовъ сумѣлъ угодить и королю... но развѣ трудно поддѣлаться къ такому дураку, какъ Понятовскій? А я всегда скажу, что этотъ москаль очень хитеръ и одному только себѣ будетъ полезенъ, никому больше. И надо всѣми нами онъ смѣется, а надъ тобою первой, моя бѣдняжка! Ну, да мы ему долго смѣяться не дадимъ, не правда ли, дочь моя?

Въ то время какъ разговоръ этотъ происходилъ въ дверяхъ балкона, выходившаго въ садъ, уже пробуждавшійся отъ ночной нѣги въ розовомъ блескѣ занимавшейся зари, Аратовъ рассказывалъ тѣмъ, кто еще не слышалъ этого повѣствованія, о пикантныхъ подробностяхъ вѣнчанія Мальчевскаго съ Ельжуней Сокальской, и, слушая его, молодежь такъ хохотала, что забывала о дамахъ, приглашенныхъ на веселый танецъ, которымъ долженъ былъ завершиться балъ.

Но праздникъ въ замкѣ воеводы этимъ не кончался; на слѣдующій день предполагалась экскурсія въ его другое имѣнiе на рыбную ловлю, а на слѣдующій затѣмъ день—охота въ лѣсную пустошь, большимъ обществомъ, съ дамами. Приглашенный на всѣ эти увеселенія, Аратовъ одинъ изъ послѣднихъ покинулъ столовую и прослѣдовалъ за покоевцемъ въ приготовленную для него комнату.

Но когда на слѣдующій день гости собрались къ позднему завтраку передъ отъѣздомъ на рыбную ловлю, москаля между ними не оказалось, и хозяинъ объявилъ, что они будутъ лишены общества г. Аратова: за нимъ чуть свѣтъ прискакалъ посланецъ изъ его имѣнiя съ какими-то, должно быть, очень важными и неприятными извѣстiями, потому что господинъ его немедленно приказалъ своимъ людямъ готовиться въ путь и, ни съ кѣмъ не простившись, кромѣ хозяина, уѣхалъ домой.

— У него былъ очень разстроенный видъ, и онъ просилъ передать всей компаніи его сожалѣнiе, что онъ лишенъ удовольствiя принимать участіе въ нашихъ забавахъ. Супруга его—особа болѣзненная и подвержена какимъ-то припадкамъ, можетъ быть, съ нею случилось что нибудь худое,—прибавилъ воевода, объявляя своимъ гостямъ о внезапномъ отъѣздѣ Аратова.

Невзирая на усталость послѣ цѣлой ночи, проведенной въ танцахъ, Юльянiя была такъ возбуждена, что не могла не только спать, но и лежать на кровати въ красномъ, розовомъ гнѣздышкѣ, служившемъ ей спальней.

Распростившись со своимъ провожатымъ на крыльцѣ своего дома, гдѣ встрѣтила ее дворская челядь, со старшей камерюнгферой Цециліей во главѣ, пани Розальская прошла въ свою уборную и поспѣшно раздѣлась, чтобъ лечь въ постель, остаться одной и успокоиться сномъ.

Но думы отъ нея не отходили, какъ ни старалась она ихъ отъ себя гнать, и вызывали въ ея воображеніи образы и представленія, отъ которыхъ кровь прилиwała то къ головѣ, то къ сердцу, невыносимо ее волнуя. То казалось ей, что она мчится по скользкому паркету съ любимымъ человѣкомъ въ мазуркѣ, что онъ, охвативъ ея талью, такъ крѣпко и такъ близко ее прижимаетъ къ себѣ, что она чувствуетъ его дыханіе на своемъ лицѣ; страстный его шопотъ пламенною струею пронизываетъ все ея существо, а сердце бьется, точно выскочить хочетъ изъ груди, и млѣетъ она подъ его жгучимъ взглядомъ въ любовномъ упоеніи... И вдругъ картина мѣнялась: она—въ каретѣ съ противнымъ Длусскимъ. Чтобъ не встрѣчаться съ его влюбленными глазами, она сидитъ, низко опустивъ голову, но куда дѣться отъ его голоса, отъ ощущенія его близости? Какъ ни старалась она отъ него отдалиться, прижимаясь къ углу кареты, каждый толчокъ ихъ сближалъ, и, о ужасъ и омерзѣніе! раза два его длинные торчащія усы зацекотали ея шею! И при этомъ онъ, не смолкая, говорилъ ей о любви. Не прямо, конечно, а обиняками, но такими прозрачными, что очень было трудно притворяться ничего не понимающей и держать его на почтительной отъ себя дистанціи, ловко маневрируя между холоднымъ равнодушіемъ и вѣжливимъ вниманіемъ. Когда заходило слишкомъ далеко, и признаніе, требующее категорическаго отвѣта, готово было сорваться съ его губъ, она смѣялась, обращая его слова въ шутку. Но какъ фальшиво звучалъ этотъ смѣхъ! Надо было быть такимъ недогадливымъ, какъ онъ, чтобъ не понять, сколько въ немъ досады и отвращенія! Чего ей стоило такъ долго играть комедію! Сколько разъ слезы отъ раздраженія подступали ей къ горлу! Сколько разъ хотѣлось ей вскрикнуть: «Отстаньте, я люблю другого, и вы мнѣ противны!» Но она сдерживала этотъ крикъ и только тихо отстраняла дерзкую руку, осмѣливавшуюся, по временамъ, пробираться къ ея тальѣ, когда, поощренному ея молчаніемъ, ему начинало казаться, что слова его возбуждаютъ въ ней сочувствіе.

Но, славу Богу, искусъ миновалъ благополучно, и если она вышла изъ кареты блѣдная и измученная нравственной пыткой, зато цѣль была достигнута: Длусскій съ ней разстался, почти увѣренный въ успѣхъ.

Ей только этого и надо было. Не одна пани Анна относилась враждебно къ ея увлеченію москалемъ, и самъ москаль не переставалъ ее предупреждать, чтобъ до поры до времени никто не подозрѣвалъ о томъ, что они только другъ для друга и существуютъ на свѣтѣ. Надо, значитъ, ждать и вооружиться терпѣніемъ.

Время шло, на часахъ пробило пять, а желанный сонъ не смыкалъ глазъ. Напротивъ, съ каждой минутой волненіе ея усиливалось, и лежать дольше въ постели стало нестерпимо, какъ нестерпимо бываетъ, терзаясь зубною болью, не кричать, не кидаться изъ угла въ уголъ.

При свѣтѣ пробивающихся сквозь розовыя занавѣси солнечныхъ лучей она поднялась съ постели, накинула на себя батиновый пенуаръ, всунула босыя ножки въ атласныя туфельки и осторожно, чтобъ не разбудить камеристку, спавшую въ сосѣдней комнатѣ, растворила дверь на террасу и вышла въ наполненный душистыми цвѣтами палисадникъ, разбитый подъ окнами ея спальни.

Какъ тутъ было свѣтло, весело и оживленно! Какая всюду кипѣла дѣятельность! Право же, не менѣе весело и оживленно, чѣмъ вчера въ замкѣ! Какое множество красивыхъ бабочекъ увивалось вокругъ пышно распустившихся махровыхъ розъ, бѣлыхъ лилій и левкоевъ! Какъ хлопотливо жужжали золотыя пчелки, и стрекотали въ изумрудной зелени деревьевъ звонкоголосыя пташки вокругъ своихъ гнѣздъ! Все радовалось и наслаждалось жизнью, безъ примѣси злобы, зависти и досады, подъ теплыми лучами яркаго весенняго солнца, подъ свѣжимъ вѣтеркомъ, колыхавшимъ верхушками деревьевъ. А какой чудный живительный воздухъ!

Юльняія опустила на ступеньки и, устремивъ взглядъ въ зеленую даль, думала о немъ.

Какъ онъ ее любить! Какимъ восторгомъ загорѣлись его глаза, когда онъ къ ней вчера подошелъ! Неужели это было только вчера? Сколько важнаго совершилось! Ей казалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ. Любовь ея къ нему вдругъ какъ-то расплылась во что-то могучее и огромное, охватившее все ея существо. Прежде были еще уголки въ ея душѣ, ей принадлежавшіе, гдѣ она была хозяйкой, но теперь у нея въ сердцѣ уже ничего своего не осталось, она вся его, и онъ въ любую минуту можетъ ее взять. Ни силъ, ни желанія себя отстаивать у нея больше нѣтъ. Все, чѣмъ она прежде жила и дорожила, отошло такъ далеко, что кажется чужимъ, непонятнымъ, ненужнымъ... Она лишится расположенія и покровительства пани Анны, ея, можетъ быть, никогда больше не пустятъ въ замокъ, гдѣ она выросла и гдѣ до сихъ поръ воображала себя счастливой, у нея не будетъ родины, она свершитъ незамолимый грѣхъ, за который ей и въ будущей жизни не будетъ прощенія, ну, и пусть! Только бы онъ былъ съ нею...

Всѣ чувства, въ которыхъ она родилась и выросла, такъ въ ней притупились, что ничто ея не пугало, не казалось ей чудовищнымъ кощунствомъ. Ни передъ чѣмъ не оставаивалась она, даже передъ ложью, чтобъ отстоять любимаго, хотя бы на время, на минуту... Какъ могла она сказать ясновельможной своей благо-

дѣлительницѣ, что онъ переимѣнитъ для нея, Юльяннн, свою вѣру и откажется отъ своего отечества? Ничѣмъ не поступится онъ для женщины, какъ бы страстно онъ ея ни любилъ... Развѣ онъ не знаетъ, что та, которую онъ удостоитъ своимъ вниманіемъ, всюду за нимъ пойдетъ, куда бы ему ни вздумалось ее увезти? Про разводъ съ женой онъ одинъ только разъ ей намекнулъ, какъ про дѣло, требующее большихъ хлопотъ и издержекъ, и скорѣе какъ бы для того, чтобъ она на это не рассчитывала, чѣмъ въ видѣ обѣщанія. Про его жену она знала только то, что всѣ про нее знали, а именно, что она душевно больная и припадочная. Никакихъ вопросовъ на ея счетъ Юльяннн не осмѣливалась ему предлагать, и вообще онъ только позволялъ ей себя любить и безпрекословно ему повиноваться, никакихъ другихъ правъ онъ за нею не признавалъ, съ тѣхъ поръ, какъ овладѣлъ ея душой.

Но никогда не сознавала она такъ ясно, что больше себя не принадлежитъ, какъ съ той минуты, когда онъ подошелъ къ ней вчера на балѣ и приказалъ ей быть осторожнѣе, потому что на нихъ смотреть. Покорилась она его желанію, не только внезапно душой и тѣломъ, но и бессознательно; сама не зная, какъ это случилось, но сердце ея окаменѣло для всего, чѣмъ оно еще за минуту передъ тѣмъ радовалось и печалилось; кромѣ заботы представляться не тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, въ каждомъ движеніи, словѣ и взглядѣ, у нея ничего не осталось ни въ умѣ, ни въ сердцѣ. Такъ продолжалось всю ночь. Каждый разъ, когда собственная воля начинала въ ней пробуждаться, онъ это угадывалъ и однимъ взглядомъ убивалъ въ ней всякую попытку овладѣть собой.

Уѣхала она изъ замка раньше всѣхъ по его желанію: безъ словъ, одними глазами, проходя мимо нея съ другой женщиной, начерталъ онъ ей планъ дѣйствій, которому она и подчинилась.

Воспоминаніе о немъ остановило и порывъ откровенности, побуждавшій ея во всемъ сознаться своей благодѣлительницѣ, когда пани Анна стала выставлять ей выгоды брака съ Длусскимъ; она оставила ее въ заблужденіи насчетъ ея чувствъ и намѣреній. Ни за что не способна была бы она на такое коварство даже нѣсколько дней тому назадъ, но теперь она себя больше не принадлежала и пойдетъ на всякое преступленіе по его желанію.

Все, что онъ ей говорилъ съ тѣхъ поръ, какъ они познакомились на блестящемъ праздникѣ въ Лазенкахъ, гдѣ онъ въ первый разъ обратилъ на нее вниманіе (потому, безъ сомнѣнія, что ее окружала блестящая толпа поклонниковъ, и самъ король остановился передъ нею, чтобъ сказать ей нѣсколько любезныхъ словъ), она помнила наизусть и въ любую минуту могла бы повторить. Его голосъ, выраженіе лица, улыбки и ласки, на которыя онъ былъ такъ скупъ, все это ни на мгновеніе не переставало жить въ ея сердцѣ, воскресая по временамъ въ ея воображеніи такъ живо, что

становилось страшно. Невольно припоминались рассказы о дьявольскихъ навожденіяхъ, о роковомъ вліяніи сатаны на предавшіеся ему души...

Ее охватывалъ ужасъ при этой мысли, она сознавала себя, какъ бы на краю мрачной пропасти, въ которую ее втягивала таинственная сила, но отшатнуться назадъ и вернуться къ прежней жизни, безъ него, она уже не могла.

Какъ птичка съ взъерошенными отъ страха перьями, трепещущая подъ неумолимымъ взглядомъ кошки, дрожала она всѣмъ тѣломъ передъ неминуемою гибелью, предотвратить которую была не въ силахъ.

Иногда, въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, припоминая его слова, она спрашивала себя: что въ нихъ особеннаго? Множество мужчинъ говорили ей то же самое и въ несравненно болѣе лестныхъ и страстныхъ выраженіяхъ; многихъ видѣла она внѣ себя отъ любви къ ней, блѣдныхъ отъ страсти, готовыхъ на все, даже на смерть, чтобъ обладать ею... Сегодня Длусскій... Отъ нея зависѣло, чтобы онъ, какъ влюбленный мальчишка, не дожидаясь благословенія родителей и согласія своего могущественнаго покровителя, связался съ нею на всю жизнь неразрывными узами... И такихъ было много съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла. Отъ Аратова же ни разу не слышала она даже признанія въ любви. Являлся онъ къ ней всегда внезапно и покидалъ ее, когда она всего менѣе этого ожидала, никогда не говоря ей, ни куда онъ ѣдетъ, ни откуда пріѣхалъ, ни когда къ ней вернется. При каждомъ разставаніи казалось ей, что они никогда больше не увидятся. Однажды, послѣ довольно продолжительной разлуки, онъ засталъ ее въ слезахъ и въ тоскѣ по немъ и сказалъ ей съ усмѣшкой: «Не отчаивайся, мало ли что можетъ случиться!» Этого было довольно, чтобъ заронить искру надежды въ ея сердце, и искра эта мало-по-малу разгорѣлась въ убѣжденіе, что онъ разрушитъ всѣ преграды между ними и женится на ней. Каждое его слово было для нея полно огромнаго значенія.

Съ какихъ поръ началъ онъ ей говорить «ты»? Праздный вопросъ! Развѣ она знаетъ, что у него на умѣ? И развѣ онъ когданибудь дастъ себѣ трудъ ей объяснить свои намѣренія и планы? Онъ взялъ ея душу и дѣлаетъ изъ нея все, что хочетъ.

Почему не беретъ онъ ее всю? Развѣ онъ не знаетъ, что сопротивляясь ему она не станетъ, а между тѣмъ онъ даже рѣдко ее цѣлуетъ. «Берегу тебя для будущаго»,—сказалъ онъ ей, отвѣчая на упрекъ, выразившійся въ ея глазахъ, когда, прильнувъ губами къ ея губамъ, онъ тотчасъ же, какъ ужаленный, оторвался отъ нихъ.

Что хотѣлъ онъ этимъ сказать? Какіе у него на нее виды? И скоро ли приведетъ онъ ихъ въ исполненіе? Не смѣла она у него этого спросить, хотя и сгорала отъ желанія это узнать.

«Осторожнѣе, сердце мое, мы не одни», повторяла она съ наслажденіемъ слова, не перестававшія звучать въ ея ушахъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ произнесъ, обдавая ее страстнымъ взглядомъ.

«Если бы онъ былъ теперь здѣсь, мы были бы одни, и никто бы насъ не видѣлъ! Цецилія мнѣ предана, какъ собака, и скорѣе дастъ себя растерзать на части, чѣмъ меня выдать. Никого бы она сюда не пустила», думала она со вздохомъ.

Какъ много ей надо было ему передать! Во-первыхъ, она сегодня любить его еще больше, чѣмъ вчера... Каждый день все больше и больше... Во-вторыхъ, ей очень важно, чтобъ онъ зналъ, какъ ей противенъ Длусскій, и что она скорѣе поступитъ въ монастырь, чѣмъ сдѣлается его женой. Въ-третьихъ, выслушивая нѣжности, расточаемыя ей посланцемъ князя Радзивилла, она все время думала про москаля и представляла себѣ, какое это было бы счастье, если бы вмѣсто Длусскаго сидѣлъ въ каретѣ онъ, ея единственно любимый, и увозилъ бы ее на край свѣта...

Въ спальнѣ, передъ растворенною дверью которой она сидѣла, раздались шаги, и она обернулась. Шаги приблизились, и вошелъ Аратовъ.

Онъ былъ въ темномъ дорожномъ плащѣ, въ шляпѣ съ перомъ и въ высокихъ сапогахъ. Торопливо подошелъ онъ къ алькову и отдернулъ драпировку: открылась перемятая постель и подушки, утопавшія въ бѣломъ батистѣ и въ кружевахъ.

Какъ очарованная, смотрѣла на него Юльянія, не смѣя ни двинуться, ни вскрикнуть, въ страхѣ, чтобъ видѣніе не исчезло, мысленно творя молитву и спрашивая себя, во снѣ или наяву она это видитъ.

Не успѣла она рѣшить этого вопроса, какъ онъ обернулся, увидалъ ее и, схвативъ на руки, понесъ въ спальню...

Когда Юльянія очнулась настолько, чтобъ мыслить и говорить, онъ накидывалъ на себя плащъ и бралъ шляпу.

— Останься... хоть минуту! — чуть слышно проговорила она, умоляюще протягивая къ нему руки.

— Нельзя, меня вызвали домой по очень важному дѣлу, случилась катастрофа... Мы скоро увидимся, — отрывисто отвѣчалъ онъ, нахлобучивая шляпу на лобъ и поспѣшно направляясь къ двери.

— Какая катастрофа? Кто нибудь умеръ? — спросила она.

Вопросъ этотъ заставилъ его остановиться, обернуться къ ней и устаться на нее пристальнымъ взглядомъ.

Но глаза его были точно стеклянные отъ внезапной мысли, сверкнувшей въ его умѣ. Буря, поднявшаяся въ его душѣ, отра-

зилась въ стиснутыхъ челюстяхъ, и онъ сдѣлался неузнаваемъ. Точно невидимый звѣрь въ немъ проснулся и выглянулъ изъ глубины его души. И звѣрь этотъ былъ ужасенъ. Къ счастью, онъ тотчасъ же скрылся.

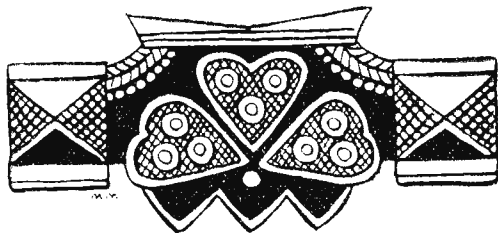
— Можетъ быть, ктонибудь и умретъ, — произнесъ онъ раздумчиво. — Во всякомъ случаѣ безъ крови не обойдется... Помнишь, я какъ-то сказалъ тебѣ: мало ли что можетъ случиться! Ну; кажется, мое предчувствіе начинаетъ сбываться. Потерпи еще немножко, ждать ужъ не долго, развязка близка.

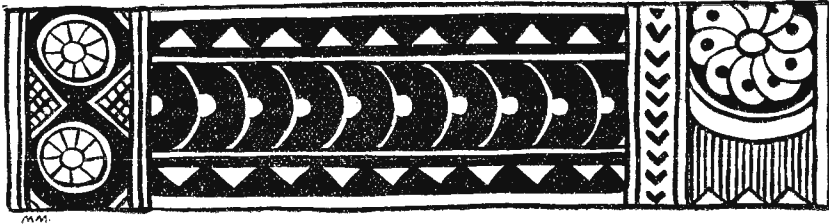
Съ этими словами онъ вышелъ, затворивъ за собою дверь.

Она хотѣла за нимъ бѣжать, умолять его вернуться, но, увидавъ себя въ зеркалѣ, стоявшемъ въ ногахъ кровати, застыдилась: пенюаръ на ней былъ весь въ клочьяхъ, и только распустившіеся волосы прикрывали наготу ея тѣла. Трепещущей рукой задержала она пологъ и спрятала пылающее лицо въ подушки.

Н. И. Мердерь.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Х.

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, какъ воспитательница.

В 1844 ГОДУ мы уѣхали за границу, гдѣ провели три года. Путешествовали мы съ многочисленной свитой; родители наши въ дормезѣ, съ курьеромъ на козлахъ, позади въ кибиточкѣ, придѣланной къ запяткамъ, горничная, а мы, дѣти, въ огромной каретѣ съ Луизочкой и Mainté, съ камердинеромъ на козлахъ и другой горничной сзади. Такимъ образомъ объѣздили мы всю Италію, часть Швейцаріи и Францію, провели одну зиму въ Римѣ, двѣ въ Парижѣ и вернулись въ Россію осенью 1847 года. Путешествіе это стоило нашему отцу два милліона рублей, но зато мы выучились бойко говорить по-французски и по-итальянски, и совсѣмъ забыли русскій языкъ. Это прискорбное обстоятельство очень обрадовало бабушку: судьба привела насъ именно въ такое положеніе, въ которомъ она и сама находилась, переходя въ католичество; при незнаніи русскаго и славянскаго языковъ ходить въ церковь не было цѣли. Какая благодарная почва для насажденія католичества! Яростно принялась бабушка за этотъ священный трудъ. Я сказала выше, что мы по-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 864.

селились у нея въ домѣ. Начала она съ того, что отстранила нашу мать отъ нашего воспитанія. Покорный сынъ, вѣчно преклонявшійся передъ ея волей и одной только ея и боявшійся на свѣтѣ, склонился передъ ея желѣзной волей. Должна была покориться и мать наша. Къ намъ стали ходить аббаты, но послѣ первыхъ уроковъ мама приглашала ихъ къ себѣ и вѣжливо предупреждала, что при первой ихъ попыткѣ склонять насъ къ перемѣнѣ вѣры она пожалуется генераль-губернатору, который немедленно вышлетъ ихъ за границу въ сопровожденіи жандарма. Оскорбленные аббаты отретировались. Ихъ замѣнили свѣтскими личностями: этимъ мать наша грозила Сибирью; сбѣжали отъ насъ и они. Пришлось обратиться къ женскому полу. Нахлынули фрунцуженки. Чѣмъ удалось нашей матери напугать разныхъ Бобелинъ, съ перваго же урока принимавшихся за пропаганду, не знаю, но и онѣ перешли Березину. Я помню, какъ послѣдняя изъ нихъ, настоящій гренадеръ, вбѣжала къ бабушкѣ, вся раскраснѣвшись отъ злости, и закричала: «Ваша невѣстка—извергъ!» Бабушка увлекла ее съ собою въ молельню, гдѣ онѣ, вѣроятно, помолились за спасеніе нашихъ грѣшныхъ душъ, спасти которыя земными средствами оказалось невозможнымъ. Мать наша неоднократно заставляла насъ клясться, что мы ни за что не измѣнимъ православной вѣрѣ. Да будетъ она благословенна за это!

Понятно, какою глубокою ненавистью возненавидѣла ярая фанатичка женщину, хотя и покорную и почтительную къ ней, но которая неуклонно исполняла свой материнскій долгъ! Чтобы забыть, мать наша начала часто выѣзжать въ свѣтъ. Однажды, во время одной изъ нерѣдко раздражавшихся у насъ въ домѣ грозъ, она сказала *Main-té*: «Меня упрекаютъ за любовь къ выѣздамъ! Посмотрѣли бы на нашу домашнюю жизнь!» Она знала, что по приказанію бабушки за нею шпионили, что челядь подслушиваетъ у всѣхъ дверей, что стерли краску отъ витража, заслонявшаго балконъ и галерею для музыкантовъ въ огромной залѣ, служившей молодой графинѣ приемной, чтобы слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и доносить бабушкѣ каждое ея слово. Все, что дѣлала молодая графиня, докладывалось старой: кого она принимала, до котораго часу у нея сидѣли. Сама же благочестивая старица ложилась въ девять часовъ вечера. И доносить было что: мать наша, умная и разговорчивая, нерѣдко засиживалась съ гостями поздно, и въ этомъ препятствовать ей не могли, но зато, зная, чѣмъ можно ее больно уязвить, не щадили насъ.

Не считаю нужнымъ много распространяться о нашей дѣтской жизни, скажу только, что до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить это время. Бабушка не только насъ не любила, она насъ ненавидѣла. Никогда не называла она насъ по имени: мы съ сестрой были для нея «мамзели», а братъ нашъ «мсье». И надо

было слышать, съ какимъ презрѣніемъ произносила она эти клички! Никогда не ласкала она насъ. Когда мы почтительно прикладываемъ къ ея рукѣ, она пускала поцѣлуй въ пространство надъ нашими склоненными головами. Другимъ своимъ внукамъ, де-Сегюръ, она посылала ящичками дорогіе подарки, намъ же дарила грошевыя игрушки, которыя стыдно давать самымъ маленькимъ дѣтямъ. Намъ было уже 16 и 17 лѣтъ, когда она намъ дала на новый годъ по деревянной тарелочкѣ, съ наклеенными на нихъ грубо на-малеванными фруктами.

Мы росли въ страхѣ и трепетѣ, не понимая, что вокругъ насъ творилось, но смутно сознавая чуткимъ юношескимъ сердцемъ, что атмосфера холода и отсутствія любви, окружающая насъ,— явленіе ненормальное. Сравненій мы дѣлать не могли, никого изъ постороннихъ мы не знали, ни съ какими чужими дѣтьми не были знакомы, бабушка этого не допускала. Иногда насъ водили въ церковь въ нашъ приходъ, гдѣ мы ничего не понимали, конфузились и страдали.

Мы одичали и сдѣлались пугливы. Правда, въ Вороновѣ, гдѣ мы проводили лѣто, намъ предоставляли больше свободы. Я часто убѣгала въ паркъ, въ чудный старый садъ, гдѣ четыре аллеи трехсотлѣтнихъ липовыхъ деревьевъ, напоминающихъ сады эпохи Людовика XIV, повторялись на двухъ площадяхъ. Тутъ научилась я любить природу; она сдѣлалась моею единственною отрадою, пока смерть обожаемой матери не научила меня искать другого болѣе возвышеннаго утѣшенія въ молитвѣ. Но тогда храмъ Божій ничего не говорилъ моей душѣ. Намъ все твердили про папу и про соборъ св. Петра. Ненависть бабушки, основанная на почвѣ религіознаго отчужденія, леденила мнѣ душу и умъ. Я увѣрена, что, если бы мы дольше оставались подъ ея нравственнымъ гнетомъ, я окончательно отупѣла бы или сошла бы съ ума. Во всякомъ случаѣ, какъ неизгладимая печать моей страдальческой юности, осталась у меня на всю жизнь болѣзненная воспримчивость нервной системы. Никто, мнѣ кажется, не страдалъ такъ сильно нравственно и физически, какъ я. Не будь у меня крѣпкаго тѣлосложенія и поздно развившейся силы воли, сложившейся подъ ударами судьбы, я осталась бы на всю жизнь нравственной калѣжкой.

Къ счастью, когда старшей моей сестрѣ минуло одиннадцать лѣтъ, мать наша наконецъ возстала противъ деспотизма свекрови и объявила мужу, что продолжать такую жизнь невозможно, что мы давно достигли тѣхъ лѣтъ, когда дѣти знаютъ Законъ Божій и приступаютъ къ Святому Причастію сознательно, послѣ исповѣди.

Отецъ согласился съ ея доводами и рѣшился разстаться съ матерью. Онъ купилъ далеко отъ Васманной, на Садовой, почти у Вдовьяго дома, противъ церкви Ермолая, огромный домъ Небольсина

съ большимъ садомъ, перестроилъ и отдѣлалъ его по царски, отдавъ весь верхній этажъ подъ картинную галерею и библіотеку... Тутъ для насъ наняли учителей англійскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ; православный священникъ вошелъ наконецъ въ нашъ заколдованный кругъ, и мы были спасены. Но бабушка поклялась при первой возможности отомстить невѣсткѣ за этотъ подвигъ и сдержала свое слово. Когда разстройство дѣлъ нашего отца стало доходить до разоренія, мать наша смирилась и, познакомивъ свекресь съ положеніемъ дѣлъ, стала умолять ее оставить имѣніе Вороново намъ, троимъ дѣтямъ ея сына, а не ему, но бабушка наотрѣвъ отказалась исполнить ея просьбу.

— Да вѣдь Андрей все истратитъ, онъ не вмѣняемъ, все пойдетъ прахомъ, и дѣти наши будутъ въ нищетѣ! — умоляла наша мать.

Бабушка выпрямилась, злая усмѣшка заиграла на ея губахъ, и она холодно возразила:

— Тѣмъ лучше, это послужитъ къ спасенію ихъ душъ.

И, осудивъ насъ такимъ образомъ на вѣчную нужду, спокойно продолжала она прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Если не католиками, то хоть нищими надѣялась она втолкнуть насъ въ царство небесное.

Понявъ бесполезность всякихъ попытокъ умиловить это каменное сердце, мама написала всеподданнѣйшее прошеніе государю, въ которомъ просила наложить опеку на отцовское состояніе; призвала насъ къ себѣ и, прочитавъ намъ эту бумагу, сказала:

— Я вышла замужъ безъ приданого и не имѣю въ этомъ дѣлѣ права голоса, но, какъ мать, обязана о васъ радѣть. Мѣра, на которую я рѣшаюсь, постыдна, но другого способа сохранить вамъ кусокъ хлѣба я не вижу.

— Рвите письмо, мама! — закричали мы въ одинъ голосъ, и она его разорвала. Намъ было тогда пятнадцать, четырнадцать и тринадцать лѣтъ.

Разумно ли поступала мать, спрашивая наше мнѣніе? Что могли мы тогда понимать? Впослѣдствіи горькій опытъ заставилъ меня убѣдиться, что даже и для спокойствія нашего отца было бы лучше, если бы хотя четырнадцатая часть Вороновскаго имѣнія пошла въ мои и сестрины руки, не случилось бы тогда того, что стравило послѣдніе годы его жизни. Несчастіемъ этимъ онъ тоже обязанъ своей матери. Наша же мать съ раннихъ лѣтъ приготовила насъ ко всемъ превратностямъ судьбы, и я за это благословляю ея память.

XI.

Графиня Екатерина Петровна, какъ помѣщица.

Приступаю теперь къ печальнѣйшимъ и возмутительнѣйшимъ воспомнаніямъ моей жизни.

Если я питаю такое благоговѣнное чувство къ памяти императора Александра II, то главнымъ образомъ за то, что онъ былъ Царемъ-Освободителемъ. Онъ вывелъ изъ темницы душу русскаго раба. Онъ спасъ его тѣло отъ унижительныхъ побоевъ. Онъ отстранилъ отъ него насиліе, несправедливость, жестокость, поруганіе, онъ вторично сдѣлалъ изъ него человѣка. Да будетъ имя Его благословенно вѣки! Не могу безъ слезъ вспомнить радостное чувство, охватившее меня въ незабвенное утро 19-го февраля 1861 года. Какъ радостно крестилась я, повторяя: «Свобода! свобода! Они свободны! Свободны любить, вѣнчаться, двигаться, уходить, куда захотятъ, они теперь, какъ птицы небесныя. Царское слово вывело ихъ на свѣтъ Божій. То страшное, грозное, несправедливое, что тяготѣло надъ ними, болѣе не существуетъ. Русскій Божій человѣкъ, ты долженъ теперь кланяться Одному лишь Богу и царю!» Мы поѣхали въ Казанскій соборъ. Мнѣ хотѣлось обнять каждаго мужика и сказать ему: «Братъ мой, отнынѣ ты мнѣ братъ не только по человѣчеству, но и по закону!»

Графиня Екатерина Петровна получила Вороново отъ мужа. Сколько именно было въ этомъ имѣніи десятинъ земли, я не помню, но знаю, что оно состояло изъ болѣе чѣмъ двухъ тысячъ душъ; и что отъ Вороновскаго дома до дальняго села Могутова было не менѣе десяти верстъ разстоянія. Каждое лѣто мы ѣздили туда раза два пикникомъ и, выѣхавъ чуть свѣтъ, доѣзжали только къ завтраку. Дорога шла все лѣсомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я стала себя помнить, имѣніемъ управлялъ бывшій мужикъ, Тимофей. Это былъ высокій, атлетическаго сложенія человѣкъ, наводившій ужасъ на всю подвластную ему окрестность. Какимъ образомъ добился онъ довѣрія бабушки,— не могу понять, но довѣріемъ этимъ онъ пользовался безгранично. Со смѣтливостью, присущей русскому крестьянину, догадался онъ, вѣроятно, какъ глубоко презираетъ и ненавидитъ бабушка «грубый и пьяный» русскій народъ, поганныхъ схизматиковъ, обреченныхъ на вѣчную геенну, и онъ нагло игралъ на этихъ гнусныхъ струнахъ, натянутыхъ руками іезуитовъ. Бабушкѣ было особенно ненавистно пьянство. По ея мнѣнію, пьяницы слѣдуетъ стереть съ лица земли, и всѣ они, безъ исключенія, достойны были кнута и Сибири. Когда она пріѣзжала въ Вороново, и къ ней приходили «молодые» на поклонъ, она выходила на крыльцо и грозно спрашивала: «А что вы пили на свадьбѣ?» Наученные

горькимъ опытомъ, новобрачные отвѣчали, низко кланяясь: «Шалфей, матушка ваше сіятельство, шалфей и ромашку». — «Хорошо, смотрите у меня, водки пить не смѣть! Это дьявольское навожде- ніе, отъ него непременно попадете въ адъ!» И довольная своею проповѣдью, она приказывала угостить молодыхъ ромашкой. Мо- жетъ быть, для молодежи это бывало иногда кстати, но мужской полъ проглатывалъ барское угощеніе весьма неохотно, вѣроятно, находя про себя, что спасеніе души солоно дается.

Разъ какъ-то бабушка отправилась гулять въ село. Это было цѣлое событіе, она всегда гуляла только въ саду, вѣчно окружен- ная чадами и домочадцами. Направилась она черезъ мостъ и прудъ, прямо къ кабаку. Идемъ мы за нею съ нашею собственною свитою гувернантокъ и гувернеровъ и видимъ, что изъ кабака бѣжитъ молодой парень съ бутылкой въ рукѣ. Мы отчаянно ему замахали. Онъ понялъ, снялъ шапку одной рукой, а другую съ предательской посудиною заложилъ за спину. Бабушка передъ нимъ остановилась:—«Кто ты какой?»—Онъ себя назвалъ.—«А водку пьешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отродясь не пилъ». И несчастный побожился — «Что же вы пьете по праздникамъ?»—«Из- вѣстно что, когда ромашку, когда бузину, либо шалфей».—«Это хо- рошо. Знай, что если станешь пить водку, дьяволъ потащитъ тебя въ адъ». — «Какъ не знать, ваше сіятельство. Шутъ его дери, лѣшаго».

Довольная бабушка величественно удалилась, а парень, кото- раго она удостоила своимъ милостивымъ вниманіемъ, шелъ, пятясь назадъ, пока мы его не окружили и не дали ему возможности улепетнуть въ ближайшій домъ.

Увы, не всегда такъ отдѣлывались отъ бѣды бѣдные воронов- скіе крестьяне! Во время другой нашей прогулки, въ свитѣ нашей грозной властительницы, но ужъ на этотъ разъ по парку, въ аллеѣ душистыхъ липъ къ намъ бросилась женщина, вся изодран- ная, въ крови, и упала къ бабушкинымъ ногамъ. За нею гнались конюхи. Несчастную сѣкли въ конюшнѣ по приказанію Тимоея, она вырвалась изъ тиранившихъ ее рукъ и кинулась къ барынѣ, вопя о прощеніи. Стали просить за нее и мы, мать наша, отецъ, и все напрасно. Узнавъ, что ее наказывали за пьянство, бабушка, махнувъ рукой, отвернулась, несчастную подхватили и повели до- сѣкать. Она оказалась беременной...

Боже мой! Это дѣлалось, я это видѣла и слышала!..

Помню, что остальная часть гулянья прошла въ глубокомъ молчаніи. Мы вернулись домой въ слезахъ и въ негодованіи. А скорѣ пришла къ мамѣ и несчастная жертва Тимоея. Была ли она дѣйствительно виновна въ пьянствѣ,—неизвѣстно. Мы только видѣли, какъ мать наша съ Mainté накладывали компрессы на ея окровавленную, покрытую глубокими рубцами, спину. Вислѣд-

стви мы узнали, что Тимоѳеи развращалъ приглянувшихся ему женщинъ и тиранилъ отцовъ и мужей, возстававшихъ противъ его насилія. Все это наконецъ дошло до свѣдѣнія начальства, и графъ Закревскій, московскій генераль-губернаторъ, принялъ мѣры для обузданія католички помѣщицы, такъ мало принимавшей въ расчетъ благополучіе своихъ схизматиковъ рабовъ. Если бъ это были поляки, тогда дѣло другое! У бабушки отняли управленіе имѣніемъ и передали его ея сыну, нашему отцу. Я помню, съ какою радостью крестьяне приняли это рѣшеніе, и какъ они ликовали при мысли объ избавленіи отъ изверга Тимоѳея.

Про этого достойнаго сподвижника графини Екатерины Петровны я должна рассказать слѣдующее. Пути Господни неисповѣдимы: награбленное имъ богатство пошло прахомъ, и подъ старость ему пришлось надѣтъ на плечи котомку съ краснымъ товаромъ и ходить продавать его по Россіи. Такъ дошелъ онъ до Сибири и тутъ въ лѣсу былъ ограбленъ и убитъ. Тѣло его было найдено уже разложившимся и изуродованнымъ. Я помню, какъ однажды, нѣсколько лѣтъ послѣ смерти бабушки, во время нашего посѣщенія села Могутова, везшій насъ кучеръ, красавецъ Павелъ, указывая на старое дерево, у котораго остановилась наша бричка, обернувшись къ намъ, сказалъ:

— А вотъ, ваше сіятельство, у этого самага дерева мы съ отцомъ однажды ночью подкарауливали проклятаго Тимоѳея. У отца было заряженное ружье въ рукахъ, и онъ имъ хотѣлъ убить нашего злодѣя. Да Тимоѳеи зналъ, что многимъ поперекъ горла стоитъ и никогда не ѣздилъ по одной и той же дорогѣ. Такъ мы его напрасно и прождали. Я тогда былъ маленькимъ мальчикомъ.

— За что же твой отецъ хотѣлъ его убить? — спросила наша мать.

Павелъ, искоса глянувъ на меня, процѣдилъ сквозь зубы: —
— Такъ... изъ-за сестры...

Я ничего изъ этихъ словъ не поняла, а мать моя больше не разспрашивала.

Когда отцу нашему было поручено управленіе бабушкиными имѣніями, онъ ѣздилъ съ нами по всѣмъ селамъ, и всюду насъ принимали съ хлѣбомъ-солью и со слезами радости. Онъ оправдалъ ихъ довѣріе, обращался съ ними милостиво, дарилъ имъ лѣсъ на постройки и дрова на топливо, павшихъ лошадей и коровъ замѣнялъ своими, выстроилъ имъ больницу, однимъ словомъ заслужилъ ихъ любовь и оставилъ о себѣ добрую память. Когда онъ продалъ имѣніе Голенищеву-Кутузову-Толстому, новый владѣлецъ занялся перестройкой и отдѣлкой дома и не успѣлъ окончить это дѣло, какъ домъ сгорѣлъ до тла. Стали строить новый—опять пожаръ. Пронесся слухъ, что крестьяне изъ любви къ прежнимъ

господамъ поджигаютъ у новыхъ. Толстой продалъ имѣніе графу Шереметеву, который въ свою очередь перепродалъ его графу С... Д... Въ настоящее время оно принадлежитъ его старшей дочери, г-жѣ Сабуровой.

XII.

Домъ на Басманной. — Уединенный образъ жизни. — Дворня. — Выѣздной лакей Ефимъ. — Наше вторичное вторженіе въ заколдованное царство католички. — Попугай.

Лишившись управленія Вороновымъ, бабушка объявила, что нога ея тамъ больше не будетъ, и съ тѣхъ поръ никуда не выѣзжала изъ своего дома на Басманной. Домъ этотъ, двухъэтажный и очень красивый, съ балконами, террасами, огромнымъ дворомъ и не менѣе обширнымъ садомъ, существуетъ до сихъ поръ въ томъ же видѣ, въ какомъ мы его знали 50 лѣтъ тому назадъ: посреди сада — большая аллея, другая направо, съ круглой площадкой, на которой весной мама принимала гостей. При послѣднемъ моемъ посѣщеніи Москвы я попросила позволенія у теперешнихъ владѣльцевъ осмотрѣть садъ и съ болѣзненно сжатымъ сердцемъ прошла по этимъ аллеямъ, полнымъ для меня такихъ дорогихъ воспоминаній. Вошла я и въ домъ, хотѣла подняться по лѣстницѣ, но тутъ впечатлѣнія юности нахлынули на меня въ такомъ множествѣ и такъ больно сжали мнѣ сердце, что я не въ силахъ была продолжать мой обзоръ и, къ удивленію сопровождавшаго меня дворника, убѣжала, чтобъ при немъ не разрыдаться.

Противъ сада стоялъ длинный и низкій флигель, гдѣ жилъ управляющій, а въ подвальномъ помѣщеніи ютилась большая дворня. Прямо отъ лѣстницы, направо, была столовая съ двумя окнами на улицу и двумя на дворъ; отъ нея шла длинная анфилада комнатъ, двери которыхъ были всегда отперты настежь, и по которымъ бабушка прохаживалась взадъ и впередъ, по цѣлымъ часамъ, не останавливаясь. За столовой была большая зала, со стѣнами подъ мраморъ, безъ всякихъ украшеній, холодная и неуютная, почти пустая, безъ картинъ на стѣнахъ, безъ лампъ на столахъ, безъ ковровъ, безъ занавѣсей, съ двумя длиннѣйшими диванами, обитыми шерстяною матеріею кофейнаго цвѣта; передъ нами — два стола съ инкрустаціями, деревянные стулья и два мягкихъ кресла рядомъ съ тѣмъ диваномъ, на которомъ лежала бабушка. Четыре кенкета по угламъ и одна лампа освѣщали эту мрачную, вѣющую скукой и холодомъ гостиную, гдѣ протекло столько часовъ моей юности. За этой комнатою, называемой кофейной, по цвѣту мебели, была другая древеснаго цвѣта, съ двумя окнами, съ невысокими шкафами изъ очень красиваго дерева вдоль стѣны и съ кроватью бабушки посреди. Кроватьъ была простая,

узкая, какъ подобаеть смиренной христіанкѣ, съ покрываломъ и занавѣсками изъ шерстяной матеріи темноабрикосоваго цвѣта съ бѣлыми разводами. Распятіе на стѣнѣ служило единственнымъ украшеніемъ этой строго нравственной комнаты. У постели не было ни коврика, ни ночного столика. Четвертою комнатою, замыкавшею анфиладу, былъ кабинетъ съ двумя окнами на улицу и двумя въ садъ. Тутъ обои были нѣсколько освѣтлѣе и стояло побольше мебели: неизбѣжный диванъ, за нимъ шкафъ у стѣны, со множествомъ ящичковъ, наполненныхъ карандашами, перьями, сургучемъ, бумагой и прочими письменными принадлежностями въ такомъ великомъ множествѣ, что я часто себя спрашивала, когда была ребенкомъ: «не остатки ли это отъ нашествія французовъ въ 1812-мъ году?» Воодушевленная духомъ этой достопамятной эпохи, я разыгрывала роль французовъ и тоже грабила, унося изъ шкафа то карандашикъ, то перочинный ножикъ. Въ послѣдніе годы бабушка совсѣмъ перестала писать и въ шкафъ этотъ не заглядывала. За кабинетомъ слѣдовала узкая туалетная, совсѣмъ просто убранная, за нею двѣ комнаты нашей матери, а дальше комната, которую занялъ отецъ, вернувшись послѣ Крымской кампаніи, во время которой онъ простоялъ съ своей дружиной въ Одессѣ. Почти весь фасадъ на дворъ, между спальней отца и буфетной, занималъ большой залъ подъ бѣлымъ мраморъ въ два свѣта, съ хорами для оркестра, ибо до бабушки въ домѣ этомъ веселились и танцевали, но наступило время покаянія, и грѣховное зданіе превратилось въ молельню, а хоры въ наблюдательный постъ для строгой, инквизиторской дворни. На антресоляхъ помѣщались дѣвичьи и компаньонки, послѣднія въ канурочкахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой деревянными выкрашенными перегородками. Надъ антресолями, окнами во дворъ, на солнечной сторонѣ, у нашей матери были небольшая спальня, туалетная и комната для горничной, а на улицу выходили наши апартаменты, очень просто, даже бѣдно убранные обитой полосатымъ тикомъ мебелью, полы крашеные. Все это производило тяжелое впечатлѣніе послѣ нашего роскошнаго помѣщенія въ домѣ на Садовой, гдѣ все было устроено съ такимъ изяществомъ и вкусомъ, разукрашено оригиналами картинъ извѣстныхъ художниковъ, драгоценною художественною мебелью и множествомъ вещей и произведеній искусства, вывезенныхъ изъ-за границы такими знатоками, какими были наши родители. Какъ тамъ весело было убѣгать въ бібліотеку и въ картинную галерею, когда отца не было дома, любоваться изваяніями и картинами, заглядывать въ книги въ великолѣпныхъ переплетахъ, останавливаться подолгу передъ портретами историческихъ личностей въ огромныхъ золоченыхъ рамахъ, отражавшихся въ большихъ зеркалахъ, а въ особенности передъ задернутой зеленой занавѣской картиной, изображающей дочь венеціанскаго палача, лежащую на постели (она была натурщицей).

Съ трепетомъ отдергивала я эту занавѣсь, чтобъ преклониться передъ красотой. И послѣ этого роскошнаго дворца, гдѣ все ласкало глазъ, воображеніе и тонкій вкусъ, съ многочисленной дворней, одѣтой въ богатая ливреи, очутиться въ убогихъ комнатахъ, обставленныхъ хуже тѣхъ, въ которыхъ жили наши горничныя,—какой тяжелый переходъ! И все это могло бы скраситься молодостью съ ея безпечнымъ упованіемъ на будущее, но у насъ не было ни молодости, ни упованій, была тяжелая, грустная и скучная жизнь, съ мимолетными вспышками веселаго забвенія, за которыя приходилось платиться горькими слезами!

Въ этомъ мрачномъ домѣ мы прожили до 1859 года. Надо отдать справедливость бабушкѣ, она была послѣдовательна въ своихъ воззрѣніяхъ: находя роскошь губительной для души, она изгнала ее изъ своего жилища; преслѣдую насъ за выѣзды въ свѣтъ, она отстранила отъ себя все суетное и веселое. Жила она настоящей затворницей, порвавъ всѣ сношенія съ прежними знакомыми, безъ друзей и пріятелей. Одинъ только разъ въ недѣлю обѣдалъ у нея католическій священникъ, а иногда докторъ Гаазъ или какаянибудь вышедшая замужъ воспитанница.

Про высокую личность д-ра Гааза считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Если ненавистный мнѣ Юсафатъ Кунцевичъ попалъ въ святые, то Гаазъ не могъ быть ему товарищемъ, дѣятельность ихъ была вполне противоположна. Гаазъ проводилъ всю свою жизнь съ несчастными, приговоренными къ ссылкѣ въ Сибирь, которыхъ онъ поддерживалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и окружалъ истинно христіанскимъ попеченіемъ и любовью. Онъ не говорилъ о нихъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, и тогда его широкое, обезображенное оспою лицо принимало такое ангельское выраженіе, что безъ умиленія на него невозможно было смотрѣть. Въ пылу разговора, его коротко остриженный рыжій парикъ съѣзжалъ на сторону, голая розоватая голова обнажалась, но никому и въ голову не приходило улыбнуться, такъ велико было благоговѣніе, которое онъ намъ внушалъ. Его тучное и неуклюжее туловище было облечено въ старинный костюмъ: во фракъ съ длинными фалдами, атласный черный кюлотъ, черные чулки и башмаки съ пряжками. Много анекдотовъ ходило про его чисто дѣтскую душевную простоту и пламенную любовь къ несчастнымъ. Одинъ изъ этихъ рассказовъ особенно запечатлѣлся въ моей памяти: часто такъ случалось, что у него не было въ карманѣ болѣе двугривеннаго, и онъ торговался съ извозчикомъ, нанимая его, чтобъ ѣхать на какойнибудь званный обѣдъ, но если въ эту минуту подходилъ къ нему нищій, онъ отдавалъ ему этотъ двугривенный и поспѣшно шель пѣшкомъ, куда ему было надо, сопровождаемый руганью обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ возницы.

Никогда не уходилъ онъ отъ бабушки съ пустыми руками, и часто также отецъ нашъ давалъ ему денегъ для его «дѣтей», какъ онъ называлъ осужденныхъ на каторгу. Его знала вся Москва, и многіе вручали ему пособіе на его святое дѣло.

Кромѣ доктора Гааза да католическаго священника изъ церкви св. Людовика, бабушку разъ въ годъ навѣщала дальняя родственница, Настасья Яковлевна Теплова, урожденная Протасова, да проѣздомъ въ деревню наши двоюродные братья, Дмитрій и Анатолій Нарышкины, вотъ и всѣ связи, которыя она сохранила съ міромъ. Когда дворъ пріѣзжалъ въ Москву, она, какъ дама Екатерининскаго ордена, всегда получала приглашеніе къ обѣду во дворецъ и отъ приглашенія этого всегда отказывалась. Жизнь ея протекала скучно и однообразно: обѣдня, молитва, чтеніе духовныхъ книгъ, хожденіе по комнатамъ и выписки изъ благочестивыхъ сочиненій, а также записываніе собственныхъ мыслей и даже разговоровъ. Такимъ образомъ пересылала она внукамъ своимъ, Сегюрамъ, все, что рассказывала намъ изъ священнаго писанія, въ маленькихъ переплетенныхъ книжкахъ, исписанныхъ замѣчательно четкимъ и красивымъ почеркомъ. Но за годъ до смерти она бросила это занятіе. Послѣ обѣда она всегда вязала филейные, въ родѣ кружевныхъ, стихари для аббатовъ, по воскресеньямъ же и по праздникамъ щипала корпію для католической больницы.

Столъ у бабушки былъ самый простой и умѣренный, завтракала она въ 11 часовъ, обѣдала въ четыре, въ восемь подавали уже налитый въ чашки чай съ сухарями. Съ годами вкусъ у нея притупился, аппетитъ сталъ пропадать, и поваръ этимъ пользовался, чтобъ красть и поставлять дурную провизію. Когда мы жили на Садовой, насъ каждое воскресенье возили обѣдать къ бабушкѣ, и насъ тошнило отъ этихъ обѣдовъ. Чтобъ утолить голодъ, насъ, при возвращеніи домой, завозили въ кондитерскую Дубле, гдѣ мы покупали пирожки, которые ѣли дома съ чаемъ и съ холодными кушаньями, оставленными для насъ отъ стола нашихъ родителей. Напрасно отецъ нашъ изобличалъ повара бабушки и журилъ его, у нея въ домѣ всѣ были въ стачкѣ, чтобъ пользоваться ея возрастающею старческою немощью и обкрадывать ее елико возможно. Когда мы опять переѣхали къ ней жить, нашъ поваръ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, готовилъ у нея на кухнѣ, и бабушка говорила сыну:

— Андрей, мой поваръ сталъ дѣлать большіе успѣхи, съ тѣхъ поръ какъ вы у меня живете.

Что за дворня была у нея! Какіе тишы! Какіе разбойники! Страшно и стыдно было смотрѣть на ея выѣзднаго лакея, рыжаго Ефима, вѣчно пьянаго и неумытаго. Но она ихъ держала за душевную красоту, гарантированную аббатами, и такъ свято вѣрила

этой красотѣ, что ничѣмъ невозможно было ее разубѣдить. Природное упорство застигло ей глаза. Однажды нашъ выѣздной заболѣлъ, и нашей матери случилось воспользоваться услугами Ефима; вернувшись домой, она объявила, что надъ ея новымъ лакеемъ такъ вездѣ смѣялись, что она никогда больше никуда съ нимъ не поѣдетъ. Впослѣдствіи этотъ самый Ефимъ, пользуясь слабѣющей памятью своей барыни, сталъ по два раза въ мѣсяцъ приходитъ за жалованьемъ.

— Да я, кажется, ужъ тебѣ отдала,— замѣчала бабушка.

— Никакъ нѣтъ-съ, вы изволите ошибаться, — нагло возражалъ онъ.

Его примѣру стали слѣдовать и другіе. Я была однажды свѣдѣтельницей такой сцены и передала объ этомъ отцу. Въ то время, завѣдуя Вороновымъ, онъ ежемѣсячно долженъ былъ выдавать матери деньги на расходы по дому, но денегъ этихъ не хватало, и тогда отецъ взялъ всѣ эти расходы на себя, платилъ за столъ людямъ, а матери своей выдавалъ каждый мѣсяцъ на личныя ея нужды тысячу рублей. Но деньги исчезали у нея съ непостижимой быстротой даже и тогда, когда аббаты перестали къ ней ходить. Тогда отецъ придумалъ такую штуку: вмѣсто тысячи рублей, онъ началъ выдавать матери каждое первое число только полтораста, но серебряными рублями, и бабушка осталась этимъ очень довольна. Намѣненная на рубли сумма казалась ей огромной. Но тутъ гениальный Ефимъ выказалъ еще большую изобрѣтательность: онъ кралъ у нея молитвенникъ и продавалъ ей его за рубль, а она хвалила его намъ:

— Какой догадливый Ефимъ, увидалъ на улицѣ, что продаютъ французскій молитвенникъ, и принесъ мнѣ показать! Хорошее изданіе, переплетъ почти новый и не дорого, я купила.

— Бабушка, да это вашъ молитвенникъ!— восклицали мы.

Но ее это сердило, и она намъ не вѣрила. Напрасно отецъ дѣлалъ Ефиму выговоры за мошенничество, негодяй зналъ, что бабушка любить его за душевную красоту, и надъ укоризнами нагло смѣялся. Продолжалъ онъ такимъ образомъ мошенничать до самой смерти своей госпожи.

Вотъ въ какой обстановкѣ прожила бабушка почти полстолѣтія, безъ друзей и безъ общества. Политикой она не занималась, Россіей не интересовалась, а человѣчествомъ и подавно. Рамки своей собственной жизни она постоянно суживала и прозябала, занятая исключительно одной заботой, какъ бы незначай не попасть въ адъ.

Наше вторичное вторженіе въ ея сухую и скучную жизнь внесло въ нее своеобразное оживленіе и интересъ. Нелюбимые ею, мы все-таки были занятнѣе окружавшихъ ее и обезличенныхъ ею автоматовъ. Любить она могла только Сегуровъ, но ненавидѣть могла многихъ, а тутъ подъ рукой очутилась непокорная невѣстка, трое

внуковъ, воспитанныхъ въ ненавистномъ православномъ духѣ, и бабушка оживилась. Я сказала выше, что отецъ нашъ, столь строптивый и со всѣми необузданный, былъ самымъ покорнымъ и почтительнымъ сыномъ, и этимъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ искупилъ грѣхи своей молодости. Ежедневно проводилъ онъ у матери довольно продолжительное время, гулялъ съ нею и бесѣдовалъ о домашнихъ. Что говорила она ему про жену и дѣтей,— не знаю, но помню, что послѣ этихъ разговоровъ онъ являлся къ намъ всегда озлобленный.

Оканчивая эту главу, я замѣчаю, что забыла упомянуть о самыхъ близкихъ для бабушки существахъ, объ ея попугаяхъ. Это—непростительная ошибка: послѣ Сегуровъ первое мѣсто въ ея сердцѣ занимали попугай. И какъ это понятно! Попугай, птица безъ сердца, безъ способности привязываться за ласки и заботы, существо сухое, холодное, естественно занялъ мѣсто кошки или собаки въ этомъ сухомъ сердцѣ, не признающемъ плодотворнаго дѣйствія ласкъ. У нея ихъ было нѣсколько паръ. Я помню Заиру, Азико, отвратительнаго Пузана, который рвалъ наши платья, впиался въ икры мужчинъ и однажды посягнулъ даже на самого Ефима, вырвавъ у него цѣлый кусокъ мяса изъ тѣла. Пришлось посадить его на цѣпь. Притаится, бывало, гдѣ нибудь, забывшись пройдеши мимо него, тотчасъ же налетитъ и вцѣпится, а жаловаться нельзя: бабушка увѣряла, что на ея милаго шалуна постоянно клеветцугъ.

Но главнымъ ея любимцемъ былъ огромный, съ аршинъ ростомъ и съ ярко краснымъ хохломъ, Патапъ. Этотъ былъ не золъ, но замѣчательно глупъ. Онъ могъ качаться по нѣскольку часовъ сряду, приговаривая: «Пата-пата-патаповичъ-патаповъ», и это монотонное гортанное причитываніе услаждало слухъ его владѣтельницы слаще всякихъ человѣческихъ рѣчей. Весною всѣхъ птицъ выносили на стеклянную галерею, и тутъ, опьяненный солнцемъ и воздухомъ, неугомонный Патапъ такъ громко выкрикивалъ свое патапство, что выведенные изъ терпѣнія сосѣди подали жалобу начальству на причиняемое имъ безпокойство. Распоряженіемъ полиціи пристыженный попугай былъ водворенъ обратно въ домъ, съ воспрещеніемъ выносить его на воздухъ. Судьба какъ бы мстила бабушкѣ за жестокость ея относительно друзей ея покойнаго мужа и вмѣсто изгнаннаго Брокера осуждала ее на постоянное жительство подъ одной кровлей съ шумнымъ Патапомъ. Какъ бы тамъ ни было, но она этимъ ужасно огорчилась и оскорбилась. Любимцы ея безнаказанно все грызли и пачкали въ комнатахъ, портили книги, мебель, даже аналой съ молитвенникомъ и лежаншую передъ нимъ, для колѣнопреклоненія подушку святотатственно оскверняли. Въ бытность нашу въ Римѣ, мать наша представлялась папѣ Пію IX, только что вступившему тогда на престолъ, и онъ пожаловалъ ей.

для передачи бабушкѣ, четки изъ рѣзного кипариснаго дерева, благословенныя имъ *in articulum mortis*, то-есть обладающія драгоцѣннымъ даромъ отпущенія грѣховъ при смертномъ часѣ того чело-вѣка, на котораго онѣ будутъ надѣты. О, какъ счастлива была бы бабушка, если бѣ получила эти четки не черезъ ненавистную свою невѣстку! Но въ данномъ случаѣ ненависть къ мадамъ Едокси (какъ называла бабушка нашу мать) взяла верхъ даже надъ уваженіемъ ея къ главѣ католичества, и однажды, войдя къ ней въ комнату, я увидала слѣдующую сцену: отвратительный Пузанъ, опираясь одной лапой на аналой, держалъ въ другой святыя четки и кощунственно ихъ обгрызывать, бабушка же, лежа на диванѣ, умильно глядѣла на своего любимца...

Быль у нея еще столѣтній скворецъ, зеленый съ краснымъ хохолкомъ. Когда онъ совсѣмъ состарился, и перья у него облѣзли, бабушка его возненавидѣла и, чтобъ скорѣе его уморить, приказала выставить его клѣтку въ коридоръ на сквозной вѣтеръ. Сжалившись надъ бѣдной старой птицей, ѣжившейся отъ холода, мать наша пріютила ее у себя. Со временемъ та же участь постигла и Патапа: провинился ли онъ передъ нею какъ нибудь особенно, или просто надоѣлъ, такъ или иначе, но бабушка и его возненавидѣла. Патапъ былъ изгнанъ и нашель пріючь у насъ. И вдругъ, о чудо! Патапъ, до сихъ поръ считавшійся самцомъ, снесъ яйцо! Тутъ ужъ мать моя не вытерпѣла и сострила насчетъ своей свекрови: «Моя свекровь такъ зла,—сказала она,—что она дѣлаетъ бесплодными животныхъ». («*Ma belle mère est si méchante qu'elle sterilise les animaux*»).

Кромѣ попугаевъ, у бабушки стояла огромная клѣтка со множествомъ прехорошенькихъ птичекъ, но подъ конецъ бабушка возненавидѣла и ихъ; она впустила въ клѣтку молодого ястреба, который всѣмъ имъ перегрызъ головки, чтобъ высосать изъ нихъ мозгъ. Бабушка очень къ нему пристрастилась, и когда всѣ рѣдкія птички, изъ которыхъ многія были вывезены издалека, были истреблены имъ, она приказывала ловить воробьевъ и отдавала ему ихъ на съѣденіе. Наконецъ крылатаго злодѣя кто-то догадался убить.

Попугаи бабушкины были всѣ бѣлые. Однажды, вернувшись изъ Воронова, мы были изумлены, увидавъ цѣлую коллекцію птицъ всевозможныхъ цвѣтовъ: желтыя, свѣтло сѣрыя, ярко красныя. Это бабушка ихъ всѣхъ выкрасила, и производитъ эту операцію ей такъ понравилось, что она и въ Вороновѣ перекрашивала въ разные цвѣта простыхъ птицъ, чѣмъ приводила въ неописанное изумленіе являвшихся къ ней на поклонъ мужиковъ, которымъ она выносила на показъ преображенныхъ такимъ образомъ птицъ.

XIII.

Болѣзнь нашей матери.—Докторъ Летуновъ.—Праздникъ у Закревскихъ.—Докторъ Николаевъ.—Иноземцевъ и Оверъ.—Отношеніе графини Ростопчиной къ страданіямъ невѣстки.—Посѣщеніе митрополита Филарета.—Послѣдніе дни нашей матери.—Ея кончина.—Похороны.

Въ 1857 году наша бѣдная мать почувствовала первыя проявленія страшнаго недуга, сведшаго ее въ могилу. Надо къ этому прибавить, что до этого она уже года два какъ оставалась безъ медицинской помощи, вслѣдствіе того, что ни у одного доктора не хотѣла лѣчиться, кромѣ Николая Ивановича Летунова, который самъ былъ боленъ. Весь 1857 годъ мать наша страдала, хотя и продолжала выѣзжать и принимать у себя. Мы уговорили ее снять съ себя портретъ дагеротипомъ, и во время сеанса съ нею сдѣлался припадокъ такой мучительной боли, что портретъ вышелъ съ болѣзненной гримасой. И вотъ, подъ злобное шипѣніе клеветниковъ и завистниковъ ея выдающагося таланта, началась медленная и мучительная агонія этого богато одареннаго существа, вся жизнь котораго была посвящена добру, любви къ ближнимъ и поклоненію красотѣ и правдѣ во всѣхъ ея видахъ.

Лѣто мы жили по обыкновенію въ Вороновѣ. Имѣніе это находится неподалеку отъ знаменитаго села Иванова, воспѣтаго Маркевичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ». Въ день св. Аграфены мы туда поѣхали съ мамой на именины владѣлицы, супруги генераль-губернатора Закревскаго. Я живо помню, какъ въ этотъ день графиня Закревская въ бѣломъ прозрачномъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на сорочку, стоя у окна и глядя на подѣзжавшій съ новыми гостями экипажъ, сказала: «Еще новый ротъ, который надо накормить». (*Encore une bouche à nourrir*).

Между гостями былъ извѣстный докторъ Николаевъ. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ нашей матери и послѣ обѣда сказалъ тетущкѣ Александрѣ Ивановнѣ Пашковой: «Предупредите графа Андрея, что супруга его опасно больна; у нея всѣ признаки рака». Испуганная тетушка поспѣшила исполнить данное ей порученіе, и отецъ нашъ тѣмъ болѣе испугался, что фельдшеръ нашей больницы уже предупреждалъ его, что у графини какая-то сложная и опасная болѣзнь. Мы немедленно переѣхали въ Москву, гдѣ въ то время двѣ медицинскія знаменитости, Иноземцевъ и Оверъ, соперничали между собою въ талантѣ и симпатіи публики. Сначала нашу мать лѣчилъ Оверъ, красивый старикъ съ мягкими манерами и ласковымъ обращеніемъ. Кажется, онъ предупредилъ отца, что положеніе его жены безнадежно, отъ насъ же это скрывали, и мы даже не знали, какую болѣзнью страдаетъ мать. Оверъ съ докторомъ Николаевымъ, служившимъ ему ассистентомъ, давали больной успокоительныя средства, надѣясь довести ее до конца безъ

особыхъ страданій. Но тутъ вмѣшались родственники и друзья. Посыпались совѣты, рекомендаціи «чудныхъ» докторовъ, присылки чудодѣйственныхъ рецептовъ со всѣхъ концовъ Россіи, отъ частныхъ лицъ, изъ монастырей. Кто-то указалъ на Иноземцева, какъ на единственнаго человѣка, могущаго спасти дорогую больную, и на несчастье созвали консиліумъ, на которомъ послѣ продолжительнаго и мучительнаго изслѣдованія состоялось совѣщаніе въ гостинной, и вынесенъ былъ приговоръ съѣхавшейся со всѣхъ концовъ города роднѣ. Мама была еще на ногахъ. Это было 25-е октября, день моего рожденія, мнѣ минуло двадцать лѣтъ, и мама легла въ первый разъ днемъ въ постель, чтобъ ужъ болѣе не вставать. Вечеромъ этого дня пріѣзжая оперная труппа давала «Сонамбулу». Мама послала за ложей и подарила ее мнѣ со словами: «Бланшета, извини и не огорчайся, если я лягу, мнѣ не хорошо, но къ вечеру я встану и поѣду съ вами въ театръ». Увы, вечеромъ мы поѣхали въ театръ съ Mainté, а на другой день дѣдушка Николай Васильевичъ, со свойственной ему грубостью, сдѣлалъ намъ строгій выговоръ за то, что мы позволяемъ себѣ ѣздить по театрамъ, когда мать наша умираетъ отъ рака.

Такимъ образомъ узнали мы о предстоящемъ намъ несчастіи.

Я помню, какъ доктора, шумно споря между собою, пошли къ отцу, гдѣ Иноземцевъ объявилъ, что есть еще надежда, тогда какъ всѣ прочіе утверждали противное. Какъ же было не поручить больную его попеченіямъ? Такъ и сдѣлали. Говорятъ, что, обращаясь къ сопернику своему Оверу, онъ сказалъ: «Къ Рождеству графиня Евдокія Петровна выѣдетъ кататься». — «Да, — возразилъ Оверъ, схватывая шляпу, — къ Рождеству графиня выѣдетъ... ногами впередъ».

Началось новое лѣченіе, Эмскими водами, причинявшее больнои такія острые боли, что крики ея раздавались по всему дому. Въ то время для утоленія болей существовалъ только опиумъ, о благодѣтельныхъ испрыскиваніяхъ морфіемъ не имѣли понятія, и бѣдная наша мать терзалась невыразимо.

Въ то время въ Петербургѣ находился знаменитый спиритъ Юмъ. Обратились къ нему, но онъ отвѣтилъ, что болѣзнь зашла слишкомъ далеко, и что онъ помочь не можетъ.

И по мѣрѣ того, какъ тѣло ея истощалось страданіями и голодомъ (она уже ничего не могла ѣсть), душа ея очищалась отъ всего земнаго и грѣховнаго, и понявъ, что смерть близка, она стала къ ней готовиться съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью. Всегда почитая митрополита Филарета, она просила его друга, Н. В. Сушкова, передать ему ея просьбу помолиться за нее, и онъ прислалъ ей свое благословеніе. Настъ она послала къ Иверской Богородицѣ ставить за нее свѣчъ и молиться, наконецъ пожелала приложиться къ иконѣ, которую ей и привезли, при великомъ стеченіи народа.

Увидавъ эту толпу на дворѣ нашего дома, бабушка (отъ которой скрывали опасное положеніе невѣстки, и которая не хотѣла вѣрить ея страданіямъ и продолжала надъ нею издѣваться) спросила: что это значитъ? Ей отвѣчали, что молодой графинѣ стало хуже, и что она пожелала помолиться передъ чудотворной иконой. Бабушка съ гнѣвомъ и презрѣніемъ сказала: «Развѣ она полагаетъ, что этотъ кусокъ дерева ее исцѣлитъ?»

Въ Москвѣ жила одна набожная особа, кажется, Новосильцева, тоже больная и пользовавшаяся милостивымъ вниманіемъ митрополита Филарета. Ей приснилось, что онъ къ ней вошелъ, благословилъ ее и сказалъ: «я теперь пойду къ такой же страдальцѣ, какъ и ты, къ графинѣ Ростопчиной». И точно, въ тотъ же день и въ ту же минуту, дежурившая у постели мамы, Mainté, вдругъ увидѣла, что маменька приподнимается съ просвѣтленнымъ лицомъ, что-то проговорила, низко наклоня голову, а затѣмъ громко вскричала: «Да провожайте же! Провожайте!»—«Кого?»—спросила Mainté.—«Митрополита Филарета, онъ сейчасъ у меня былъ и благословилъ меня». Впослѣдствіи Н. В. Сушковъ спросилъ у митрополита, помнить ли, что онъ дѣлалъ въ такой-то день и часъ. «Помню, я былъ въ модельнѣ и молился за вашу племянницу и за Новосильцеву».

За три дня передъ смертью началась агонія, въ продолженіе которой насъ уже не впускали въ ея комнату. Передъ тѣмъ, она еще разъ причащалась и со всѣми нами и домашними прощалась. Начался бредъ. Но утромъ третьяго декабря больная такъ явственно сказала: «Прикажите заложить карету и ѣхать на вокзалъ за моимъ братомъ Дмитріемъ Петровичемъ», что, невзирая на то, что Дмитрій Петровичъ былъ въ Парижѣ, приказаніе умирающей исполнили, и карета поѣхала на вокзалъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда она вернулась назадъ съ пріѣхавшимъ изъ-за границы Дмитріемъ Петровичемъ!

Онъ уѣхалъ въ Москву, никого не предупредивши. Свидѣтелями такой чудесной прозорливости умирающей было нѣсколько человекъ, и фактъ этотъ свидѣтельствуется о просвѣтленіи души, очищенной страданіями отъ грѣховъ.

Вечеромъ того же дня она скончалась, сорока семи лѣтъ, во всемъ блескѣ возмужавшаго ума и таланта, оплакиваемая всѣми, кто ее зналъ.

Для успокоенія бабушки, отъ которой продолжали скрывать ея смерть, какъ скрывали ея болѣзнь, тѣло ея не было перенесено внизъ, и желавшіе ему поклониться, а такихъ было очень много, должны были пробираться на верхъ по узкой и крутой лѣстницѣ, черезъ узкій коридоръ.

Отпѣваніе происходило въ нашей приходской церкви, имѣющей видъ корабля, въ нижнемъ прйдѣлѣ. Какъ сквозь сонъ, помню я

толпу, шествующую за гробомъ, который несли ближніе родные, друзья и студенты университета, просившіе объ этомъ, какъ о милости. Какая-то духовная особа сказала рѣчь. Говорили ли другіе—не помню, о томъ, что происходило въ моей душѣ, не хочу и не могу распространяться. Шествіе потянулось къ кладбищу. Была зима, снѣгъ сверкалъ подъ лучами солнца, окутывая кладбище серебристой пеленой. Все было дѣвственно чисто, и земля, и небо, и воздухъ. Она любила воспѣвать красоту, и красота окружала ея послѣднее пребываніе на землѣ.

XIV.

Какъ отнеслась бабушка къ смерти невѣстки. — Урокъ ей внучки. — Послѣдніе дни супруги Э. В. Ростопчина. — Кончина. — Нѣсколько словъ о «Правдѣ о московскомъ пожарѣ». — Гатчинская, Вороновская и Парижская Екатерина Петровна.

Мы вернулись въ осиротѣлый домъ, гдѣ не было уже больше для насъ ни любви, ни ласкъ, ни всего того, что такъ крѣпко связываетъ сердце матери съ сердцами дѣтей.

Намъ даже нельзя было предаваться нашей печали: надо было играть комедію передъ бабушкой. Она не знала о нашей потерѣ и холодно спрашивала у насъ про здоровье нашей матери. О причинахъ продолжительнаго нездоровья невѣстки въ померкшемъ ея умѣ сложилось нѣчто отвратительное. Не могла она думать хорошо ни о комъ, кромѣ аббатовъ и Сегуровъ. Бабушка довѣрила часть своихъ догадокъ нашей Mainté, и наша добрая француженка ужаснулась и, забывъ предостереженія нашего отца, вскричала съ негодованіемъ: «Графиня, вы клеветеете на мертвую!»—«Какъ? Развѣ она умерла? Почему же мнѣ про это не сказали?»—«Графъ опасался, чтобъ извѣстіе это не подѣйствовало на ваше здоровье».

Когда мы пришли вечеромъ къ томительному чаепитію, бабушка была молчалива. Сказала ли она намъ что нибудь о смерти матери, не помню, но, когда вошелъ нашъ отецъ, она проговорила голосомъ, въ которомъ звучало нѣчто, если не грустное, то болѣе человѣчное, чѣмъ то, что мы отъ нея всегда привыкли слышать: «Андрей, я знаю, мнѣ сказали»... И это было все.

Нѣсколько дней она насъ щадила и сдерживала свою радость, но затѣмъ сдержанность ей измѣнила, и, улыбаясь злой усмѣшкой, она намъ объявила, что теперь отецъ нашъ свободенъ и непременно скоро женится на строгой особѣ, «которая по баламъ и вечерамъ таскать насъ не станетъ, какъ «та»... и постарается исправить наше воспитаніе»... И надо было видѣть, какою ехидною радостью сверкали ея глаза, когда она произносила эти жестокія слова!

Она была тогда уже невмѣняема и впадала въ дѣтство, умъ ея померкъ, но старость не укротила ея злости. Не смягчала ея и покорность, съ которою мы выслушивали по цѣлымъ днямъ ея

нападки на нашу дорогую покойницу и ехидные намеки на ту, которая, по ея мнѣнію, непремѣнно должна будетъ ее замѣнить. Съ злораднымъ наслажденіемъ не уставала она распространяться о томъ, что намъ предстояло вытерпѣть отъ нашей будущей мачехи, какъ она насъ будетъ бить и всячески тиранить, и какъ это случится скоро, много скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, до истеченія шести недѣль... Наконецъ, я не выдержала и, выслушавъ ея рѣчь до конца, положила работу, поднялась съ мѣста и, глядя ей прямо въ глаза, съ отчаянною рѣшимостью спросила: «Бабушка, вы находите приличнымъ, чтобъ отецъ нашъ женился такъ скоро послѣ смерти нашей матери, но позвольте узнать, имѣлъ ли бы дѣдушка право также скоро жениться на другой женщинѣ, если бы такъ случилось, что вы умерли бы раньше его?»

Это было высказано среди гробового молчанія всего женскаго общества, окружавшаго постоянно бабушку и съ трепетомъ ожидавшаго грозу за такія небывало дерзкія слова.

Невозможно передать ея изумленія, когда безгласное существо, которое она привыкла безнаказанно попираеть ногами, вдругъ заговорило! Тутъ было бы ей кстати вспомнить про Валаамскую ослицу. Не знаю, вспомнила ли она про нее, но, оглянувъ меня съ ногъ до головы недоумѣвающимъ взглядомъ, она нерѣшительно вымолвила: «Не знаю... не думаю»...

— А я думаю, бабушка, что дѣдушка такъ обрадовался бы вашей смерти, что, не дождавшись и девяти дней, взялъ бы себя въ жены особу подобре васъ,—продолжала я, вѣ себя отъ возбужденія и счастья, что могу отомстить за поруганную память матери.

Она вздрогнула, и ея большіе выразительные глаза вонзились въ меня сверкающимъ отъ негодованія взглядомъ. Поняла ли она, что зашла слишкомъ далеко, и почувствовала ли угрызения совѣсти,—не знаю, но она не проронила ни слова, потупилась надъ работою, и вечеръ прошелъ въ неловкомъ молчаніи.

Не помню также, чтобъ мнѣ досталось за мои дерзкія слова, но должна сказать, что съ этихъ поръ бабушка не упоминала больше въ нашемъ присутствіи ни про нашу мать, ни про вторичный бракъ нашего отца. Скажу больше: вмѣстѣ со страхомъ ко мнѣ въ ней проснулось нѣчто, похожее на любовь къ дерзкой внучкѣ, осмѣлившейся выразить ей правду; съ этого дня она стала обращаться со мною человѣчнѣе, ей было пріятно, когда я прохаживалась съ нею по комнатамъ, а когда она отказывалась принимать предписанное докторомъ лѣкарство или выпить лишнюю чашку бульона, ея приживалки посылали за мною, и изъ моихъ рукъ она все принимала безпрекословно.

Впрочемъ, власть ея надъ нами продолжалась не долго: весною отецъ повезъ насъ за границу лѣчиться отъ расстройства нервовъ,

выразившагося особенно сильно у моей сестры. За послѣднее время пошатнулось и здоровье бабушки, память ея ослабѣла до такой степени, что по временамъ она насъ не узнавала и, считая насъ ровесницами давно умершей дочери, жалѣла, что она не можетъ раздѣлять съ нами наши забавы. А по мѣрѣ того, какъ усиливалась ея слабость и беспомощность, я дѣлалась къ ней снисходительнѣе и многое ей прощала.

Ей не сказали, что мы въ Россію болѣе не вернемся изъ-за границы. Лѣто послѣ нашего отъѣзда должна была провести съ нею дочь ея Нарышкина; но тутъ случился инцидентъ, ускорившій ея смерть: она терпѣть не могла чтобъ ее поддерживали, когда она прохаживалась по комнатамъ, а между тѣмъ ноги ея становились со дня на день слабѣе, и она всегда требовала, чтобъ полы натирали до скользкости, и вотъ однажды, во время обычной своей прогулки, она поскользнулась на паркетѣ и упала. Подать ей немедленную помощь не могли, потому что двери были заперты, и когда наконецъ догадались сломать замокъ, то нашли ее безъ чувствъ, со сломанной ключицей. Съ этого дня она уже болѣе не поднималась съ кровати, и силы ея начали быстро падать. Оставивъ насъ за границей, отецъ нашъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни матери, поскакалъ въ Москву, но бабушка его уже не узнала, называла его Теодоромъ, принимая вѣроятно, за покойнаго мужа, и нѣжно гладила по головѣ. Образъ умершаго супруга ожилъ въ ея памяти. Помирилась ли она съ нимъ душою? Сознала ли она сердцемъ грѣховность и жестокость своего фанатизма,—это осталось тайной. Причащалась она уже въ безсознательномъ состояніи и тихо скончалась 14-го сентября 1859 года.

Похоронили ее на католическомъ кладбищѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ за границей, я вернулась въ Москву, и отецъ повезъ меня на могилу матери, на которой мы съ нимъ и помолились о ней.

Считаю долгомъ прибавить, что теперь, когда я сама старуха и близка къ смерти, я отношусь къ личности Екатерины Петровны Ростопчиной безпристрастно. Она представляется мнѣ крайне интереснымъ историческимъ типомъ отжившей эпохи. Написала я мои воспоминанія о ней потому, что задумала написать біографію моего дѣда, говоря же про него, нельзя не коснуться его жены и вообще его семейной жизни. Не будь онъ такимъ нѣжнымъ семьяниномъ, не любилъ онъ первые годы такъ горячо свою супругу, личность этой женщины осталась бы въ тѣни, но невозможно представить себѣ его домашнюю обстановку безъ той, которая сначала украшала ее, а потомъ отравляла. Оставайся Екатерина Петровна истинною подругою души и ума своего мужа, дѣлившаго съ нею всѣ свои помыслы и порывы, развѣ онъ стремился бы такъ страстно въ Москву изъ Парижа, гдѣ ему во всѣхъ отношеніяхъ такъ хо-

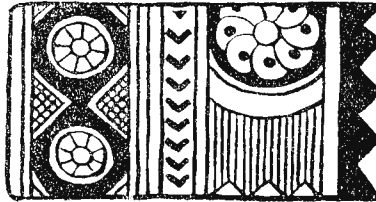
ропо жилось, гдѣ у него было столько пищи для ума, и гдѣ можно ему было забывать горькія разочарованія, гоненія и клеветы, которыми онъ подвергался на родинѣ послѣ 1812-го года? Но при возрастающемъ духовномъ разладѣ съ женой одиночество на чужбинѣ такъ сильно угнетало его, что его, потянуло къ старымъ друзьямъ, оставленнымъ въ Россіи, ему захотѣлось согрѣть скорбную свою душу сближеніемъ съ русскими сердцами, съ русскимъ духомъ. А между тѣмъ онъ получалъ изъ этой пламенно любимой родины анонимныя письма, полныя ругательствъ и угрозъ, какъ поджигатель Москвы и какъ виновникъ разоренія многихъ. И вотъ, убѣждаясь все болѣе и болѣе, что геройскій его поступокъ не понятъ современниками и даже отчаяваясь чтобъ онъ могъ быть когда нибудь понятъ и будущими поколѣніями, сомнѣваясь даже, можетъ быть, въ минуты отчаянія въ великомъ значеніи поступка, на который онъ рѣшился, какъ патриотъ, ставящій честь своей родины превыше всего на свѣтѣ, истерзанный одиночествомъ, нравственными и тѣлесными страданіями, до изступленія раздраженный какимъ нибудь новымъ письмомъ, оказавшимся кашлей, переполнившей чашу его мученій, а, можетъ быть, желая оградить свою семью отъ нападковъ и обидъ слѣпой толпы, онъ схватилъ перо и написалъ свою позорную «Правду о пожарѣ Москвы».

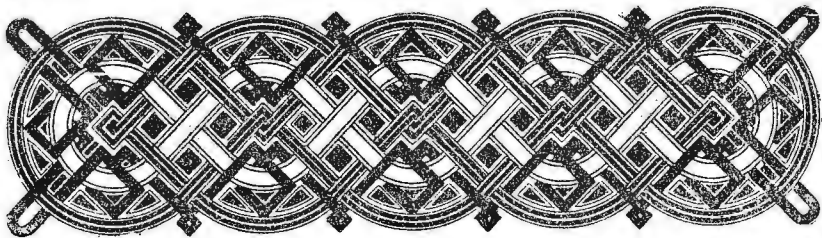
Оставаясь его жена такою, какая она была раньше, до перехода въ католичество, развѣ она допустила бы его до отреченія отъ славнаго и безсмертнаго дѣянія? до опубликованія того, что, увы, было не «правдой», а ложью, клеветой на себя? Но въ томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ она тогда находилась, именно такая клевета на себя ея мужа и была ей на руку, отвѣчала потребности ея, затемненной новою религіею, души и желаніямъ ея совратителей. Опять повторяю, онъ былъ совсѣмъ одинъ. Возлѣ него была не русская православная женщина, способная восторгаться его идеалами и понимать ихъ величіе, а напротивъ того холодная и сухая эгоистка, жившая своею отдѣльною жизнью и интересами, во всемъ враждебными его идеаламъ и интересамъ. Нельзя также не принять въ соображеніе іезуитскихъ ласкательныхъ приемовъ которыми графиня первое время послѣ своего вѣроотступничества, пыталась вліять на оскорбленнаго ею мужа. До грубаго цинизма, высказаннаго ею въ Москвѣ при смерти дочери, она дошла постепенно, когда убѣдилась въ невозможности подѣйствовать на убѣжденія графа мягкими мѣрами, раньше же она, безъ сомнѣнія, дѣйствовала иначе и добивалась цѣли ласками и притворною покорностью всѣмъ его желаніямъ, и хотя ужъ и тогда общаго въ ихъ мысляхъ, чувствахъ и убѣжденіяхъ ничего не было, тѣмъ не менѣе «Правда» была написана и напечатана. Надо и то сказать, что отличительною чертою характера моего дяди была необузданная пылкость, и что дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты

было для него часто непреодолимою потребностью. Я унаслѣдовала отъ него это свойство и знаю по опыту, какъ мнѣ трудно съ нимъ бороться. Надо вспомнить его письма, часто до дерзости откровенныя и рѣзкія, къ императору Александру I, къ Кутузову и къ другимъ, не говоря уже о вышеприведенномъ письмѣ къ императору Павлу, чтобъ понять, что въ данномъ случаѣ онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Пожалѣлъ ли онъ впоследствии о содѣянномъ опрометчивомъ поступкѣ—не знаю, но его глубокое, ничѣмъ не возмутимое молчаніе на письма и воззванія маркиза де-Шамбре и Бутурлина заставляетъ предполагать, что онъ съ умысломъ отстранялъ отъ себя все, что могло пролить свѣтъ на истинную причину московскаго пожара. Надѣюсь изслѣдовать вопросъ этотъ глубже въ его біографіи и по возможности его выяснитъ.

Не скрою, что цѣлью всего мною выше сказаннаго про мою бабушку было показать, что она имѣла пагубное вліяніе на своего мужа, вліяніе активное и пассивное, и что послѣднее было даже сильнѣе перваго, и вотъ почему въ умѣ моемъ и сложилось заглавіе «Правдѣ о моей бабушкѣ», какъ откликъ всего того, что я перестрадала, читая и слыша отзывы на всѣхъ языкахъ о «Правдѣ» моего дѣда.

Графиня Л. А. Ростопчина.

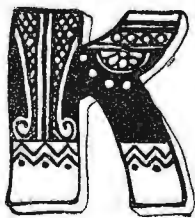

ПОДЪ ГРОЗОЙ.

Повѣсть.

(Посвящается С. Н. Шубинскому).

I.

КАЗАНСКІЙ губернаторъ фонъ-Брандтъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и принималъ доклады подчиненныхъ лицъ. Лицо стараго генерала было очень озабочено. Мало того, на немъ проступало даже скорбное выраженіе. По временамъ губернаторъ впадалъ въ раздумье и начиналъ безотчетно жевать губами, не вслушиваясь въ слова доклада. Молодцоватый комендантъ городской крѣпости, Баннеръ, присутствовавшій при докладѣ, въ эти минуты нетерпѣливо вздергивалъ плечами и принимался слегка барабанить пальцами по столу. Докладчикъ замолкалъ.

— Ну, ну, такъ что же?—прерывалъ молчаніе губернаторъ, обводя присутствующихъ старческими слезящимися глазами.

— Да, ваше превосходительство,—обратился фонъ-Брандтъ къ Баннеру, когда изъ губернаторскаго кабинета вышелъ чиновникъ губернской канцеляріи,—и кто бы могъ себѣ представить, что нашъ недавній колодникъ Емелька надѣлаетъ всѣмъ столько хлопотъ!

Баннеръ вынулъ табакерку изъ задняго кармана форменнаго кафтана и, улыбувшись, дипломатически воздержался отъ отвѣта.

Удивляясь теперь безпокойству, причиненному Емелькой Пугачевымъ не только властямъ Поволжья, но и самому Петербургу, губернаторъ забывалъ, что онъ самъ еще недавно аттестовалъ Пугачева передъ сенатомъ простымъ вралемъ и своей невнимательностью далъ мятежнику возможность успѣшнаго бѣгства.

— Николай Ильичъ, господинъ Желтугинъ, пріѣхали и просятъ позволенія войти,—провозгласилъ лакей, появляясь въ дверяхъ кабинета.

— Приси,—отозвался губернаторъ и всталъ съ кресла, чтобы привѣтствовать почетнаго гостя.

Желтугинъ былъ близкій сосѣдъ города, богатый и вліятельный помѣщикъ, когда-то служившій по дипломатической части за границей, а теперь жившій на покоѣ въ родовомъ помѣстьѣ. Онъ вошелъ свободной увѣренной походкой человѣка, который знаетъ, что въ пріемѣ ему никто не откажетъ. Губернаторъ продолжилъ любезность до того, что даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу бывшему дипломату. Желтугинъ, однако, поскорѣе поспѣшилъ усадить этого сгорбленнаго, сухого человѣка, съ усиленіемъ передвигавшаго плохо сгибавшіяся ноги.

— Пріятно на васъ смотрѣть,—привѣтствовалъ вошедшаго молодцоватый Баннеръ:—вы такъ и пишите здоровьемъ.

Желтугинъ улыбнулся. Дѣйствительно, ему на здоровье жаловаться не приходилось; при этомъ Николаю Ильичу не было еще и пятидесяти лѣтъ; его плотное, упругое тѣло выдавалось округленными формами изъ-подъ малиноваго бархатнаго кафтана съ золотымъ шитьемъ и орденскими знаками; полное выразительное лицо дышало свѣжестью и добротою.

— Но почему вы сегодня въ такомъ парадѣ?—спросилъ Желтугина губернаторъ.

— Я къ вамъ, ваше превосходительство, явился по дѣлу,—отвѣчалъ дипломатъ.

— Радъ служить. Что прикажете?

Желтугинъ расположился на свободномъ стулѣ и взялъ щепотку табаку изъ предложенной Баннеромъ табакерки.

— Я, ваше превосходительство, пріѣхалъ просить разъясненій по поводу всюду ходящихъ слуховъ.

— Что служи!—отозвался фонъ-Брандтъ.—Развѣ имъ можно придавать значеніе?

— Однако... говорятъ, что мятежники не сегодня—завтра будутъ здѣсь... населеніе волнуется... и каждую минуту можно ожидать общаго возмущенія... Вы слышали, что происходитъ у отдѣльныхъ помѣщиковъ. Что наше положеніе серьезно, я могу заключить изъ того, что имъ обезпокоены даже въ Петербургѣ... Вотъ письмо, которое получено мною вчера изъ столицы...

Фонъ-Брандтъ взялъ письмо, надѣлъ очки и, внимательно прочтя бумагу, вернулъ ее Желтугину.

— Да,—со вздохомъ произнесъ онъ,—я не могу скрывать отъ васъ, наше положеніе затруднительно... Если возьмутъ Оренбургъ...

— И безъ Оренбурга, ваше превосходительство, злодѣи двигаются дальше,—вставилъ свое замѣчаніе Баннеръ.

— Да, да,—согласился губернаторъ,—но все въ руцѣ Божіей... Рейнсдорпъ также пишетъ, что злодѣи хотятъ итти на нашу губернію; все, что можно, мы сдѣлаемъ, чтобы предупредить врага... А подъ Оренбургъ уже идетъ генералъ Каръ. Сюда тоже изъ Москвы посылаются солдаты. Я уже имѣю увѣдомленіе. Мы не должны терять бодрости духа. А главное, пусть населеніе не знаетъ... Мы не можемъ ничего открывать ему...

— Но, ваше превосходительство, населеніе многое знаетъ лучше нашего,—возразилъ Желтугинъ.—Я своими глазами видѣлъ, сколько народу поѣхало изъ Казани по Московской и Царевokokшайской дорогѣ. Я и пріѣхалъ спросить, нужно уѣзжать отсюда, или не нужно.

— Кто хочетъ, пусть ѣдетъ,—отвѣчалъ губернаторъ:—я никого не задерживаю. Но я говорю, что ѣхать не зачѣмъ. Я все дѣлаю, чтобы поднять народный духъ, я все дѣлаю...

Старикъ вздохнулъ, опустилъ голову съ жиденькой косичкой и задумался.

Желтугинъ всталъ со своего мѣста. То, что сообщилъ ему губернаторъ, онъ самъ хорошо зналъ. Онъ не затѣмъ сюда ѣхалъ. Ему нужно было знать, какія же мѣры принимаются начальствомъ края къ обезпеченію спокойствія и безопасности губерніи.

— Но вы совѣтуете или не совѣтуете уѣзжать?—продолжалъ Желтугинъ.

— Я ничего не совѣтую,—отвѣчалъ фонъ-Брандтъ,—я никого не стѣсняю...

— Но вы сами, ваше превосходительство, приняли мѣры къ выѣзду...

— Я... отозвался губернаторъ и замолкъ.

Да ему и трудно было что либо отвѣтить. Свою семью онъ уже давно отправилъ въ Козьмодемьянскъ, куда спасались многіе изъ обывателей Казани. Туда же было отправлено почти все губернаторское добро, о чемъ между прочимъ свидѣтельствовала обстановка кабинета начальника края. Въ комнатѣ не оставалось ничего, кромѣ самой необходимой мебели: стола, кресла, нѣсколькихъ стульевъ и стараго клеенчатого дивана. Въ стѣнахъ зіяли дыры и торчали крюки отъ снятыхъ зеркалъ и картинъ, на окнахъ виднѣлись голыя палки занавѣсей; кое-гдѣ со стѣнъ была сдернута краска при поспѣшной уборкѣ комнатныхъ вещей.

— Но остающимся,—настаивалъ Желтугинъ,—обезпечивается безопасность? Приняты какія либо положительныя мѣры обороны и предотвращенія мѣстныхъ волненій?

На этотъ вопросъ губернаторъ развелъ руками.

— О своихъ распоряженіяхъ я уже донесъ вышему начальству, теперь только нужно ждать.

Этими словами старый генераль давалъ понять хотя и сановному, но штатскому человѣку и обывателю, что губернаторскія обязанности предполагаютъ свои тайны. Оставалось раскланяться. Желтугинъ попрощался и направился къ двери.

— Кстати,—на минуту остановилъ его фонъ-Брандтъ,—если вы не уѣзжаете, Николай Ильичъ, не откажите сдѣлать честь. Директоръ гимназіи, господинъ фонъ-Каницъ, и самъ будетъ васъ просить объ этомъ, но я усердно присоединяюсь къ его просьбѣ. Черезъ недѣлю въ гимназіи предстоитъ театральное зрѣлище; будутъ присутствовать многіе дворяне. Хотѣлось бы видѣть и васъ съ Натальей Николаевной... Мой привѣтъ барышнѣ...

— Представленіе дается для поднятія духа,—пояснилъ со своей стороны Баннеръ.

— Да, да, — подтвердилъ фонъ-Брандтъ,—видите, я все дѣлаю, все...

Чтобы оказать почетъ посѣтителю, губернаторъ опять всталъ и проводилъ Желтугина до самой двери кабинета: этимъ онъ хотѣлъ смягчить свой отказъ сообщить распоряженія по охранѣ края.

Желтугинъ прошелъ черезъ приемную, набитую всякимъ чиновнымъ людомъ, и выбрался на улицу. Карета ждала его у подъѣзда губернаторскаго дома. Желтугинъ сѣлъ въ нее и приказалъ кучеру ѣхать домой. Карета покатила по крѣпости. Изъ окна Желтугинъ могъ видѣть, что, по крайней мѣрѣ, для обороны города кое-что предпринималось. Нѣсколько десятковъ слобожанъ и отставныхъ солдатъ подъ наблюденіемъ офицера пытались починить полуразрушенную кремлевскую стѣну; у моста на Казанкѣ стояли лодки, нагруженныя землей, пескомъ и кирпичемъ. Въ самой крѣпости солдаты ходили кучками взадъ и впередъ; нѣкоторые тащили въ рукахъ связки старыхъ ружей, сабель, пистолетовъ; другіе оживленно бесѣдовали съ какими-то грязными, закопчѣлыми мастеровыми, кузнецами или слесарями по вѣшности. У этихъ дѣло, повидимому, шло о починкѣ оружія.

На дворѣ стоялъ октябрь. Уже цѣлую недѣлю почти безъ перерыва лилъ дождь. Дороги превратились въ колеи грязной воды и жижи съ глубокими ухабами и каменными грядками. Помѣстье Желтугина находилось въ двухъ верстахъ отъ Казани; но по испорченной дорогѣ и такой короткій конецъ превращался въ цѣлое путешествіе. Карета поминутно увязала въ грязи, сильно потряхивалась и похрустывала рессорами.

На пути Николай Ильичъ предался нѣкоторымъ размышленіямъ. Онъ сравнительно недавно поселился въ здѣшнемъ краѣ.

Лѣтъ двѣнадцать Желтугинъ прожилъ въ Парижѣ, сроднился съ складомъ его жизни, проникся духомъ природнаго парижанина и даже готовъ былъ навсегда остаться въ столицѣ міра, но смерть брата, хозяйничавшаго въ родовой деревнѣ, вызвала дипломата въ Россію и заставила поселиться въ глуши приволжскаго края. Съ собой вдовець Желтугинъ привезъ въ деревню и молоденькую Наташу, дочку, родившуюся за границей и только здѣсь подучивавшуюся говорить по-русски. Въ Парижѣ Наташа воспитывалась въ аристократическомъ монастырѣ, а здѣсь находилась подъ присмотромъ mademoiselle Charbonnier, французенки, хотя и превосходившей свою воспитанницу возрастомъ почти вдвое, но, тѣмъ не менѣе, сохранившей всю живость и впечатлительность ранней юности. Теперь, кромѣ этихъ лицъ, въ помѣстьѣ Желтугина еще гостилъ одинъ его дальній родственникъ, гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій отдохнуть послѣ тягостей военной, фронтовой службы.

Перебирая въ своемъ умѣ всѣ слухи относительно приближенія Пугачева и помня, что во всемъ домѣ, за исключеніемъ дворовыхъ, только одинъ мужчина, самъ хозяинъ, Николай Ильичъ, приходилъ къ заключенію, что нужно уѣзжать заблаговременно. А вмѣстѣ съ тѣмъ ему жаль было покидать родовое гнѣздо, которое въ отсутствіе господъ при тревожныхъ условіяхъ времени легко могло подвергнуться разоренію. Случаи нападенія крестьянъ на помѣщичьи дома теперь были очень нерѣдки даже въ присутствіи самихъ хозяевъ. Чего же можно было ожидать заглавно? И Николай Ильичъ начиналъ колебаться въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи съ отъѣздомъ.

II.

Дома Николая Ильича уже ждали къ завтраку. Быстроглазая, тоненькая Наташа увидала отца, когда карета, обогнувъ цвѣтникъ передъ домомъ, остановилась у подъѣзда. Дѣвушка быстро спустилась внизъ по лѣстницѣ, и не успѣлъ Желтугинъ снять верхняго платья, какъ дочь повисла у него на шеѣ.

Николай Ильичъ поцѣловалъ Наташу въ лобъ и погладилъ ея вьющіеся, золотистые волосы. Желтугинъ въ дочери души не чаялъ не только потому, что она у него была одна, но и потому, что между ними существовала особая духовная близость. Николай Ильичъ былъ начитанный человѣкъ; при всей своей рѣзвости и подвижности Наташа тоже выказывала интересъ къ серіознымъ занятіямъ, и отецъ самъ занимался ея образованіемъ.

На верху лѣстницы хозяина дома встрѣтила m-elle Charbonnier и гостившій племянникъ, Карцовъ. Молодая французенка, съ взби-

той прической, въ модномъ платьѣ, съ цвѣтными бантами и воланами присѣла передъ Желтугинымъ. Она всегда выражала ему почетъ. Только Карцовъ, не здороваясь, легкомысленно воскликнулъ:

— Что это, точно мы на годъ разставались!

— Хоть и не на годъ, а мы все-таки заждались съ m-lle Julie, не правда ли?—отозвалась Наташа.

— Ah, oui, — отвѣчала француженка, блестя черными глазами и сверкая рядомъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

Желтугинъ прошелъ къ себѣ переодѣться и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ легкомъ домашнемъ нарядѣ. Сѣли за столъ; за спиной Николая Ильича помѣстился его камердинеръ Силантій, не допускавшій мысли, чтобы барину могъ услуживать кто либо иной, кромѣ него. Пока подавали первое блюдо, Желтугинъ успѣлъ въ общихъ чертахъ рассказать свой разговоръ съ губернаторомъ. Нового въ немъ для присутствовавшихъ не было ничего, кромѣ приглашенія на спектакль въ гимназію.

— Ахъ, вотъ будетъ весело,—воскликнула Наташа, обращаясь къ французѣнкѣ,—мы непременно поѣдемъ, не правда ли? m-eille; вы помните, какъ мы веселились въ гимназіи въ прошломъ году? А губернаторъ, папочка, все такой же смѣшной и съ такимъ же крысинымъ хвостикомъ вмѣсто косы?

Николай Ильичъ улыбнулся.

— Все это хорошо, господа,—отвѣтилъ онъ на щебетанье дѣвушки,—а я вамъ хочу предложить другое. По-моему, не лучше ли намъ пока уѣхать отсюда?..

— Подобру, поздорову,—добавилъ Карцовъ.

— Точно мы уѣхать не успѣемъ, и куда же ѣхать?—возразила Наташа.

— Разумѣется, въ Петербургъ или въ Москву, — отвѣчалъ за Желтугина Карцовъ:—по-моему, кухня, ѣдьте лучше въ Питеръ, вотъ гдѣ будетъ весело, будемъ танцевать, ѣздить въ маскарады, въ театры... Васъ представятъ ко двору.

Наташа вопросительно посмотрѣла на отца.

— Нѣтъ, сразу въ Петербургъ было бы трудно, — возразилъ Желтугинъ,—намъ главное нужно переждать тревожное время.

— Папа, мы уѣдемъ, а кто же тутъ останется, что съ нашимъ домою будетъ?

— Вотъ это-то меня и заботить.

— Тогда лучше останемся пока,—предложила Наташа,—еще ничего такого страшнаго нѣтъ. Наши крестьяне насъ любятъ.

— Любятъ они васъ! — съ раздраженіемъ по-французски отозвался Карцовъ:—на добрыя чувства этихъ скотовъ рассчитывать не очень-то совѣтую. Они—наши природные враги. Имъ вѣрить нельзя ни на грошъ. Вотъ вамъ примѣръ. Сегодня утромъ иду я

по парку и слышу въ кустахъ за бесѣдкой разговоръ: «вотъ какъ царь батюшка придетъ въ Москву, тутъ всѣмъ барамъ и конецъ. Они его не выручали, теперь онъ ихъ на расправу». Я зашелъ въ кусты, смотрю, двѣ дѣвки... Ужъ я ихъ такъ хлыстомъ съѣздила, что долго будутъ помнить.

При послѣднихъ словахъ кузена Наташа вздернула плечами и отвернулась съ неудовольствіемъ, а Желтугинъ, съ нетерпѣніемъ бросивъ салфетку на столъ, произнесъ:

— Василій Ивановичъ, я васъ прошу ничего подобнаго впредь себѣ у меня не позволять. У себя вы можете дѣлать, что угодно, но я запрещаю бить моихъ людей... Я ихъ самъ не бью и никому не позволю. И главное теперь, когда и такъ всѣ ожесточены...

— И бить женщину,—вмѣшалась Наташа:—фи, кузенъ, это недостойно офицера и дворянина.

— Благодарю васъ, кузина, за урокъ,—ощетинился Карцовъ:—постараюсь имъ воспользоваться.

Однако, по лицу молодого офицера можно было заключить, что въ словахъ его скрывалась иронія. Блѣдный, издерганный, сухощавый гвардеецъ, повидимому, не былъ склоненъ къ особой нѣжности и добросердечію. Его маленькіе, зеленоватые глазки сверкали недобрымъ огонькомъ, небольшой острый вздернутый носикъ выказывалъ взбалмошность и упрямство. Карцовъ вообще былъ бы недуренъ собой, если бы его не портило холодное, дерзкое, вызывающе-надменное выраженіе лица. По поводу наружности молодого офицера у Наташи было много споровъ съ французенкой. Желтугина ставила ему на счетъ его надменность, а французенка была отъ него въ восторгѣ.

— Такъ какъ же быть,—началъ Николай Ильичъ, чтобы прервать наступавшее тягостное молчаніе:—ѣдемъ въ Козьмодемьянскъ или не ѣдемъ?

— Остаемся, папа, пока тутъ,—предложила Наташа:—мы около города, а тамъ и солдаты и пушки.

— Надѣйтесь на нихъ, — опять саркастически замѣтилъ Карцовъ:—въ Казани, насколько мнѣ извѣстно, всего насчитывается три батальона, да и изъ нихъ большинство послано за рекрутами, или съ арестантами ушли въ Сибирь; Брандтъ надѣется на поселенскихъ солдатъ, такъ они давно уже забыли воинскіе обряды и превратились въ простыхъ мужиковъ.

— Все это такъ, — проговорилъ Желтугинъ,—главная надежда остается на помощь изъ Москвы и Петербурга. Каръ долженъ прибыть на-дняхъ, къ Волконскому послана просьба о помощи.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ,—продолжалъ офицеръ:—Волконскому люди самому нужны. Послѣ чумнаго бунта въ Москвѣ еще не все спокойно. Кромѣ того, я вообще не знаю, откуда возьмется войска; благодаря турецкой и польской войнѣ, они всѣ къ

границамъ стянуты, и трогать ихъ оттуда опасно. А если и тронуть, такъ когда они сюда придутъ? Тутъ же Пугачевъ пока хозяйничаетъ. Теперь уже видно, что у него на плечахъ не кончанъ капусты, да и атаманы его не Брандту съ Рейнсдорпомъ чета.

— Ну, хорошо, тогда дворянство должно позаботиться о защитѣ края. Пусть бѣгутъ купцы, а мы дадимъ отпоръ. Мы можемъ собраться, все обсудить... Мы потребуемъ смѣнить Брандта... Пусть намъ приплюютъ челобѣка... Да вотъ ѣдетъ Каръ, мы къ нему обратимся...

Николай Ильичъ заговорилъ горячо, съ воодушевленіемъ.

— Я завтра же,—продолжалъ онъ,—поѣду къ Ларионову и ко всѣмъ... Пусть предводитель насъ соберетъ... Мы выставимъ ополченіе... Завтра же Силантій и конторщикъ Никита выберутъ изъ нашихъ парней молодцовъ повиднѣе; мы изъ нихъ сдѣлаемъ свой отрядъ... Ты примешь надъ нимъ командованіе... Ружья у насъ есть изъ охоты, кому ружей не хватитъ, тому дадимъ рогатины...

— Все это хорошо, дядюшка,—отозвался Карцовъ,—но я долженъ васъ предупредить, что отпускъ мой скоро кончается, и я долженъ буду спѣшить въ Петербургъ...

— Какъ, кузень, вы хотите насъ оставить въ такую минуту!—воскликнула Наташа.

Француженка широко раскрыла глаза.

— Меня принуждаетъ къ этому долгъ службы,—отвѣчала офицеръ,—не даромъ я такъ хлопоталъ о томъ, чтобы и вы переселились въ столицу.

— Но развѣ вы не можете написать, чтобы вамъ дали отсрочку? Наконецъ, переводитесь прямо сюда.

— Въ Казань, вы хотите сказать?

— Ну, да, въ Казань.

— Въ самомъ дѣлѣ, Вася, — вмѣшался Николай Ильичъ,—почему бы тебѣ на время не задержаться или даже не перевестись?.. Я напишу князю, и это сейчасъ устроится.

— Изъ гвардіи въ гарнизонъ, дядюшка,—насмѣшливо проговорилъ Карцовъ,—спасибо. Этакъ я себѣ всю службу испорчу. Ужъ если на то пошло, я поѣду въ Петербургъ и буду просить, чтобы меня прикомандировали въ штабъ къ комунибудь изъ генераловъ въ этихъ мѣстахъ... Такъ будетъ лучше...

— Ну, хорошо,—согласился Желтугинъ,—а пока займись своими молодцами.

Николай Ильичъ всталъ. Начали убирать со стола. Изъ столовой молодые люди перешли въ библиотеку. Желтугинскій домъ представлялъ собою просторное двухъэтажное каменное зданіе, гдѣ могла съ удобствомъ размѣститься большая барская семья. Поэтому

помимо комнатъ общаго пользованія, не говоря уже о хозяйнѣ и его дочери, даже французенка и гость имѣли и кабинетъ, и спальню, и уборную.

Библіотека была вся съ верху до низу задѣлана дубовыми рѣзными шкафами. У круглыхъ столовъ, съ листами бумаги и перьями для замѣтокъ, стояли мягкія кожаныя кресла и стулья. На нѣсколькихъ колонкахъ виднѣлись бронзовые и мраморныя бюсты мыслителей древняго и новаго міра, между прочимъ, Вольтера.

По образу мыслей Николай Ильичъ былъ нѣсколько вольтерьянецъ и проявлялъ склонность къ матеріализму Кондильяка, Гельвеція и Ла-Меттри. Съ удовольствіемъ Желтугинъ почитывалъ и Руссо и Монтескье. Томики этихъ писателей у него имѣлись въ библіотекѣ, и Николай Ильичъ не запрещалъ съ ними знакомиться и дочери, хотя французенка предостерегала русскую барышню противъ подобнаго чтенія, рекомендуя Корнеля и Расина.

Въ библіотекѣ Наташа, французенка и Карцовъ разсѣлись вокругъ стола. Наташа достала недавно полученныя гравюры и занялась ими. Гвардеецъ расположился въ креслѣ и, молча, исподлобья взглядывая на кузину, принялся разсматривать свои холёные ногти.

— Вы насъ покидаете, m-g, — съ нѣжнымъ укоромъ обратилась къ молодому человѣку Шарбонье.

— Что дѣлать, долгъ службы и присяга выше всего, — отвѣчалъ Карцовъ.

— Ну, ничего, — замѣтила Наташа, отрываясь отъ гравюры, — кузенъ скоро вернется... Онъ переведется сюда въ штабъ.

— Но вы думаете, что это такъ легко сдѣлать? — отозвался офицеръ.

— Конечно, папа напишетъ князю, вотъ и все...

— Вы сами очень избалованы, кузина, оттого вамъ и кажется, что въ мірѣ все дѣлается такъ, какъ мы захотимъ...

— Значить, m-g къ намъ, можетъ быть, и не пріѣдетъ! — съ испугомъ воскликнула французенка.

Наташа засмѣялась.

— Вы своимъ поведеніемъ, кузенъ, заставляете страдать m-elle Julie. Если вы захотите сдѣлать намъ удовольствіе, то пріѣдете навѣрно.

Карцовъ нахмурился.

— Кузина, — отвѣчалъ онъ недовольнымъ тономъ, — оставьте ваши шутки, я говорю серьезно. Кромѣ того, я долженъ съ вами побесѣдовать о нѣкоторыхъ дѣлахъ...

— Говорите, я слушаю...

Карцовъ молчалъ.

— Я васъ стѣсняю? — спросила французенка: — я уйду.

— Нѣтъ, пожалуйста,—остановилъ ее офицеръ:—я хотѣлъ предложить кузинѣ пройтись по саду.

— Но тамъ сыро,—замѣтила Наташа.

Она встала и подошла къ окну, выходившему въ садъ. Француженка удалилась изъ библіотеки. Карцовъ приблизился къ кузинѣ и остановился у нея за спиной. Сегодня выдался ясный день. Голубое небо синѣло далекой синевой; круглыя выпуклыя тучки медленно ползли въ вышинѣ. Не успѣвшая опасность листва переливалась яркимъ желтымъ зеленоватымъ, багрянымъ цвѣтомъ. Дѣвушка распахнула окно. Оттуда потянуло острой душистой сыростью.

— Кузина,—началь офицеръ, слегка касаясь рукой руки Наташи,—въ самомъ дѣлѣ, я уѣзжаю очень скоро, быть можетъ, завтра, и потому желалъ бы съ вами объясниться рѣшительно.

— Я васъ слушаю,—отвѣчала Желтугина, оборачиваясь.

— Вы хорошо знаете о моихъ чувствахъ къ вамъ.

— Могу о нихъ заключить изъ того, что вы такъ спѣшите отъ насъ уѣхать.

— Если вы желаете, я останусь, но подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ?

— Вы знаете, о чемъ я говорю. Отвѣйте: да или нѣтъ?

Дѣвушка обернулась и, смотря на кузена своими ясными, веселыми глазами, просто отвѣтила:

— Я думала о вашемъ предложеніи и думаю, что мы съ вами не пара.

— Не пара? Вотъ еще, почему это?—воскликнулъ гвардеецъ.

— Вы, кузенъ, злой. Вы будете меня мучить.

— Я буду васъ мучить?—Карцовъ пожалъ плечами.— Я, который вамъ такъ преданъ? Я васъ обожаю, кузина, вы это знаете... Ради васъ я готовъ на всякія испытанія, готовъ на смерть...

— И оттого такъ спѣшите уѣхать.

— Спѣшу, чтобы насильно вырвать вашъ образъ изъ своего сердца, чтобы забыть васъ, которая только шутить и смѣется надо мною.

— Кузенъ, посмотрите мнѣ въ глаза.

— Извольте.

Наташа взглянула въ эти холодные зеленовато-сѣрые глазки и медленно проговорила:

— Если вы меня обожаете, зачѣмъ вы тогда клялись въ любви Julie?

Молодой гвардеецъ нѣсколько смутился, и легкая краска проступила у него на блѣдныхъ щекахъ.

— Вамъ чтонибудь нагали на меня,—наконецъ проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ объ этомъ сказала сама Julie. Вы даже заранѣе условились съ ней, какъ вы будете встрѣчаться въ Петербургѣ. Изъ-за этого вы и насъ все уговариваете ѣхать въ столицу.

— Клянусь честью, нѣтъ!—горячо воскликнулъ молодой человекъ.—Мало ли чего наговоришь иной разъ подъ веселую руку. *C'étaient des blagues*. Вы не знаете, что это за народъ француженки... Имъ надо что нибудь говорить...

— Въ такомъ родѣ?

— Ну, да.

То, что Карцову хотѣлось перевезти Желтугиныхъ въ Петербургъ не ради француженки, была правда. Молодому гвардейцу нравилась Наташа. Но, кромѣ того, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на очень выгодную невѣсту со средствами и со связями. У самого же Карцова плохонькая деревенька въ Тверской губерніи приходилась на трехъ братьевъ, изъ которыхъ Василій, служившій въ гвардіи, болѣе всего нуждался въ деньгахъ, такъ какъ и теперь имѣлъ много долговъ. Карцовъ уже два года ухаживалъ за Наташей, именно съ тѣхъ самыхъ поръ, когда она, почти еще дѣвочкой, нѣсколько времени жила съ отцомъ въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Парижа. Молодой человекъ, съ своей стороны, нравился дѣвчкѣ, въ особенности здѣсь, въ Казани, гдѣ у Желтугина въ домѣ почти не бывало мужчинъ. Что Наташа будетъ его женой, Карцовъ рѣшилъ съ перваго дня встрѣчи съ нею, и теперь дѣло должно было близиться къ развязкѣ.

— Ну, такъ что же, кузина, ваше послѣднее слово?—настаивалъ офицеръ.

— Я подумаю.

— Вы уже долго думали.

— Я еще поговорю съ папой, а вы пока останьтесь.

— Хорошо, я останусь.

Наташа вышла изъ библіотеки, а Карцовъ остался стоять у окна въ раздумьѣ.

— Нѣтъ,—вслухъ заключилъ онъ свои размышленія,—ты отъ меня не уйдешь, только бы Пугачевъ со своимъ нашествіемъ не испортилъ дѣла. А съ Жюльеткой канитель надо бросить, разъ она не умѣетъ держать секретовъ.

III.

Передъ спектаклемъ въ гимназіи директоръ ея, «командиръ» фонъ-Каницъ, лично сдѣлалъ визитъ Желтугину и просилъ оказать честь своимъ посѣщеніемъ. Начальникъ казанской гимназіи былъ свѣтскій, общительный человекъ. Онъ рассказалъ массу городскихъ новостей, которыя попреимуществу сводились къ тому, кто куда уѣхалъ изъ Казани и кто собирается. Самъ Каницъ не довѣрялъ крайности положенія и потому подшучивалъ даже надъ губернаторскимъ семействомъ, которое покинуло городъ однимъ изъ первыхъ.

До послѣдняго времени всякаго рода спектакли процвѣтали въ казанской гимназіи. Фонъ-Каницъ былъ особенный мастеръ устраивать ихъ. Они пользовались также сочувствіемъ высшихъ классовъ общества, тѣмъ болѣе, что сама императрица, интересовавшаяся драматическимъ искусствомъ, поощряла театральныя представленія. Обыкновенно въ пьесахъ, балетахъ и живыхъ картинахъ принимали участіе сыновья и дочери мѣстныхъ дворянъ лучшихъ фамилій. Теперь Каницъ жаловался на оскуднѣніе артистическихъ силъ и потому усердно просилъ Наталью Николаевну выступить въ живыхъ картинахъ въ роли богини Діаны. Возможныя препятствія, кромѣ принципиальнаго согласія или несогласія, директоръ предвидѣлъ и устранялъ заранѣе. На репетиціи для живыхъ картинъ можно было не являться; нужно было пріѣхать на спектакль нѣсколько пораньше и дома приготовить костюмъ. Каницъ далъ полное описаніе несложнаго костюма и приложилъ даже рисунокъ его.

Наташа была не прочь отъ маленькаго развлеченія; Николай Ильичъ также послѣ небольшого колебанія далъ свое согласіе, и директоръ разсыпался въ благодарностяхъ. По его словамъ, вѣроятно, даже настоящая Діана уступала по красотѣ Діанѣ казанской. Теперь попрежнему къ устройству спектакля по мѣрѣ возможности всѣ приложили свои силы. Командиръ гимназіи бралъ на себя распорядительскую часть и предоставлялъ помѣщеніе вмѣстѣ съ составомъ исполнителей изъ гимназистовъ; губернаторъ давалъ музыкантовъ и освѣщеніе, архіерей общалъ присоединить къ музыкантамъ хоръ своихъ пѣвчихъ. Декораціи и костюмы съ необходимыми украшеніями сцены готовились домашними средствами частью въ гимназіи, частью на дому у сочувствовавшихъ затѣѣ лицъ.

Еще недавно театральныя представленія по самой разнообразной программѣ очень часто давались въ казанской гимназіи, но нашествіе Пугачева отозвалось на этомъ видѣ развлеченій. Дѣло главнымъ образомъ остановилось за исполнителями, изъ которыхъ многіе вмѣстѣ съ отцами и матерями уѣхали изъ города; оставшіеся отговаривались тѣмъ, что теперь не до того. Располагая небольшимъ составомъ артистовъ, Каницъ на этотъ разъ рѣшилъ ограничиться только живыми картинами съ присоединеніемъ къ нимъ инструментальныхъ и вокальныхъ номеровъ.

По отъѣздѣ Каница, Наташа съ французенкой немедленно принялись за приготовленіе костюма; двѣ горничныя дѣвушки были засажены за шитье греческой туники, въ людской приказано было приготовить лукъ и стрѣлы, а мѣсяцемъ должна была послужить алмазная діадема, полученная Наташей въ наслѣдство еще отъ бабушки. Карцовъ находилъ появленіе Наташи передъ публикой въ греческомъ костюмѣ неприличнымъ, но Наташа заемѣялась на замѣчаніе такого рода.

Въ день спектакля Желтугины отправились въ городъ еще за свѣтло. Любезный хозяинъ гимназіи пригласилъ почетныхъ гостей и исполнительницу къ себѣ, окруживъ ихъ всевозможными заботами. Въ полуосвѣщенномъ залѣ была сдѣлана одна репетиція. Наташа въ бѣлой туникѣ до колѣна съ позолоченнымъ лукомъ помѣстилась въ центрѣ группы; нѣсколько гимназистовъ въ костюмахъ дриадъ держали собакъ на привязи, а вдали на транспарантѣ виднѣлся убѣгающій олень.

Репетиція прошла въ присутствіи директора, самого Желтугина съ Карцовымъ и французенкой. Когда поднялся занавѣсъ и картина открылась, Каницъ оглушительно захопалъ въ ладоши и закричалъ bravo. Николай Ильичъ тоже не могъ удержаться, чтобы не выразить одобренія. При вечернемъ освѣщеніи, въ бѣлой туникѣ, съ распущенными волосами, со сверкающими въ нихъ алмазами, гибкая, стройная Наташа была необыкновенно хороша.

— Богиня,—воскликнулъ востороженно Каницъ,—настоящая богиня!..

Наташѣ было отведено подъ уборную двѣ комнаты: въ одной помѣщалась она сама съ французенкой, а другую занимали горничныя съ платьями и костюмомъ. Въ ожиданіи своего выхода она сидѣла въ уборной въ обществѣ отца и Julie. Каницъ хлопоталъ по продолженію репетиціи, и изъ залы доносились звуки музыки и пѣнія.

Ждать пришлось недолго. Публика начала собираться оживленно, и къ семи часамъ весь залъ былъ полонъ. Первымъ номеромъ поставили «Діану на охотѣ». Громкій шопотъ одобренія прокатился по залѣ, когда занавѣсъ поднялся, и живая картина открылась. Громъ аплодисментовъ потребовалъ поднятія занавѣса еще два раза. Успѣхъ былъ полный. Какъ только опустили занавѣсъ, въ антрактѣ и въ теченіе музыкальнаго номера Наташа успѣла переодѣться и выйти въ залъ. Наступилъ слѣдующій антрактъ. Едва Желтугина показалась на порогѣ, какъ къ ней подбѣжалъ Каницъ съ привѣтствіями, поздравленіями и выраженіями благодарности. Привѣтствовалъ ее и губернаторъ съ комендантомъ и нѣсколькими личными знакомыми Николая Ильича. Въ залѣ было очень людно, но большинство присутствовавшихъ состояло изъ семействъ мелкихъ приказныхъ, оставшихся въ городѣ представителей купечества; только въ переднихъ рядахъ сіяли парадные кафтаны дворянства и высились затѣйливыя прически дамъ высшихъ классовъ. Послѣднихъ, однако, было очень немного; преобладали мужчины, которые вѣжливо вставали съ мѣстъ, когда мимо нихъ проходила Наташа.

Сіяющая и разгорѣвшаяся отъ волненія Желтугина сѣла рядомъ съ отцомъ. Каницъ, Карцовъ, Баннеръ и еще нѣсколько чело-
вѣкъ военныхъ сплотились вокругъ. Карцову почему-то успѣхъ

Наташи былъ непрятенъ; въ общемъ удивленіи красотѣ и изяществу дѣвушки онъ какъ будто видѣлъ посягательство на свою собственность и молчалъ тогда, когда другіе разсыпались въ complimentахъ.

— Вы были настоящей античной статуей,—больше всѣхъ старался выразить свои впечатлѣнія подвижной и общительный Каницъ:—эта пластичность, спокойствіе, глаза... Вотъ графъ видѣлъ лучшихъ артистокъ въ Парижѣ, премированныхъ красавицъ, но я увѣренъ, что онъ засвидѣтельствуетъ, что наша Діана не уступитъ никому.

— Совершенно справедливо,—услышала за собой Наташа сильный, пріятный голосъ того, кого Каницъ назвалъ графомъ.

Желтугина обернулась. Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, худощавый, блѣдный, съ большими черными выразительными глазами и во всемъ черномъ.

— Графъ Сервиругъ-Зборомірскій,—поспѣшилъ его представить фонъ-Каницъ.

Желтугинъ тоже повернулъ голову. Сервиругъ ему поклонился.

— Мы съ вами нѣсколько знакомы, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Николаю Ильичу...

— Простите...

— Да, вы меня, конечно, забыли, это очень просто... Но, быть можетъ, вспомните, лѣтъ пять тому назадъ въ Парижѣ на rue Saint-Hippolyte въ отелѣ Farigny.

— Да, да, я бывалъ тамъ, — отвѣчалъ Желтугинъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ,—но все-таки...

— Мы съ вами два вечера подъ рядъ спорили по поводу L'homme machine Ла-Меттри, въ кабинетѣ у балкона...

— Теперь припоминаю, — воскликнулъ Желтугинъ, протягивая руку собесѣднику:—о Парижѣ и парижскихъ встрѣчахъ я сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія... Но какая неожиданная случайность!.. Какъ вы очутились здѣсь, въ нашей глуши?

Сервиругъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Я защищалъ свое отечество... я полякъ... но послѣ взятія Кракова попалъ въ плѣнъ съ нѣкоторыми другими конфедератами и... очутился здѣсь...

Пока конфедератъ разговаривалъ съ отцомъ, Наташа пристально его разглядывала. Осанка молодого человѣка была полна достоинства, но платье на немъ сидѣло нѣсколько мѣшковато и было потерто во многихъ мѣстахъ. Сперва дѣвушку это удивило, но теперь она себя объяснила причину такой скромности въ одеждѣ графа—онъ былъ плѣнный. Но его аристократическое происхожденіе сказывалось не только въ осанкѣ: оно сквозило въ породистомъ съ тонкими чертами лицѣ, въ глубокихъ выразительныхъ и живыхъ глазахъ. Сервиругъ обернулся на мгновеніе въ

сторону Наташи, и взгляды ихъ встрѣтились. Дѣвушку точно что-то обожгло.

Желтугинъ бесѣдовалъ съ полякомъ. Спектакль продолжался. Грянулъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, занавѣсъ поднялся, и зрителямъ открылся союзъ Марса съ Аполлономъ. Марсъ въ папочномъ шлемѣ съ пѣгушиными перьями, Аполлонъ въ золотистомъ парикѣ. Аполлона представлялъ красивый юноша изъ старшихъ гимназистовъ. Съ обѣихъ сторонъ сцены виднѣлись прозрачныя картины, изображавшія греческій пейзажъ съ бѣлыми колоннами храма. Сверху, съ облаковъ, на зрителей глядѣлъ портретъ императрицы, поддерживаемый геніями, а надъ ними возвышалось окруженное сіяніемъ Всевидящее око. Оба бога, обращаясь къ слушателямъ, произнесли по монологу, въ которыхъ восхвалялись дѣянія императрицы, военныя и гражданскія, призывалось покровительство Провидѣнія на Россію и на Казанскій край. Въ промежуткахъ между рѣчами опять пѣлъ хоръ и играла музыка.

Наташа не вполне поняла смыслъ всѣхъ этихъ иносказаній и обратилась къ отцу. Сервиругъ вѣжливо вмѣшался въ разговоръ Желтугиныхъ. Оказалось, что онъ помогалъ Каницу въ устройствѣ зрѣлища.

— Вотъ какъ,—замѣтилъ Николай Ильичъ,—вы приняли участіе въ изображеніи апоѳеоза нашей государыни!

— Я стараюсь быть справедливымъ, — отозвался Сервиругъ.

— Это вамъ дѣлаетъ честь,—продолжалъ Желтугинъ,—кстати сказать, мнѣ было бы очень пріятно васъ видѣть у себя, мы бы продолжили нашъ неоконченный споръ о сочиненіи Ла-Меттри...

Сервиругъ поклонился, а Карцовъ на него покосился съ недоброжелательствомъ.

Послѣ представленія Каницомъ предполагалось предложить угощеніе почетнымъ гостямъ, почему ихъ просили задержаться. Рядовые же зрители повалили изъ гимназическаго зала на улицу. Снаружи большой деревянный домъ гимназіи тоже былъ освѣщенъ; двѣ смоляныя бочки пылали у подъѣзда. Громадная толпа народа давно уже тѣснилась на мостовой, сдерживаемая конными татарскими развѣздами. Теперь, когда двери гимназіи были открыты настежь, въ залу съ улицы долетѣлъ какой-то странный шумъ и звуки отрывистыхъ восклицаній. Среди удалявшихся зрителей произошло замѣшательство, фонъ-Брандтъ съ Баннеромъ начали успокаивать обезпокоенныхъ гостей. Шумъ на улицѣ между тѣмъ усилился. Покинувшіе было гимназію зрители вдругъ хлынули обратно въ подъѣздъ. Послышался гулъ голосовъ, а затѣмъ со звономъ разбилось стекло одного изъ оконъ, и въ залу влетѣлъ большой булыжникъ.

Среди гостей поднялся переполохъ. Наташа со страхомъ прижалась къ отцу. Француженка схватила подъ руку Карцова. Всѣ столпились у сцены.

— Вася,—обратился Николай Ильичъ къ молодому офицеру,— узнай, что тамъ такое происходитъ.

Карцовъ замедлилъ исполнить просьбу дяди, но за него исполнилъ желаніе Желтугина Сервиругъ.

— Не безпокойтесь,— произнесъ онъ, вернувшись,— это маленькій уличный беспорядокъ, который всегда можно ожидать отъ черни. Дальше ничего не будетъ... Тамъ уже солдаты.

Въ самомъ дѣлѣ шумъ на улицѣ началъ стихать. вмѣсто того, черезъ разбитое окно долетѣло побрякиванье ружей, мѣрный солдатскій шагъ и слова воинской команды.

— Но вамъ теперь домой ночью ѣхать и думать нечего,— замѣтилъ конфедератъ.

— Да,— отвѣчалъ Желтугинъ,— я и самъ такъ думаю, ваше превосходительство,—обратился онъ къ Брандту,—вы не откажете намъ въ гостепріимствѣ на ночь.

— Но нуженъ п конвой,— замѣтилъ Сервиругъ.

Конвой изъ татарскихъ вершниковъ былъ данъ всѣмъ почетнымъ гостямъ, а на ночь были усилены городскіе разъѣзды.

Конфедератъ проводилъ Желтугиныхъ до кареты и на прощанье поцѣловалъ руку у Наташи.

Желтугинымъ пришлось провести ночь безъ особенныхъ удобствъ въ опустошенномъ губернаторскомъ домѣ. Только для Наташи нашлась кровать и перина; самъ Николай Ильичъ долженъ былъ лечь на сѣнникѣ.

Утромъ на обратномъ пути Карцовъ разузналъ подробности вчерашняго происшествія. Оказалось, что собравшаяся вчера у гимназіи уличная толпа забуянила подъ воздѣйствіемъ какихъ-то, неизвѣстно откуда явившихся, мужиковъ, изъ которыхъ двое были задержаны. Сперва мальчишки начали бить плшки и шкалики, а когда татарскій пикетъ попытался отѣснить буяновъ отъ зданія гимназіи, вершникамъ сзади начали поджигать хвосты у лошадей. Дальше—больше. Татары ударили въ нагайки, а имъ отвѣтили ножами и камнями. Только солдатамъ прикладами и штыками удалось разогнать разбушевавшуюся толпу.

— Вотъ видите, дядюшка,—заклучилъ Карцовъ свой рассказъ о вчерашнемъ переполохѣ,—бунтъ начинается даже въ городѣ, отъ этого нечего ждать добраго. Нужно ѣхать, пока время не ушло.

Желтугинъ ничего не отвѣчалъ. Онъ опять началъ колебаться.

— Уѣхать мы всегда успѣемъ,—отвѣчала за отца Наташа,—еще ничего особеннаго не произошло.

Карцовъ зло сверкнулъ своими маленькими глазками.

Онъ вчера долго не могъ заснуть, сегодня всталъ рано съ головной болью и потому былъ раздраженъ. Качанье и подскакива-

ніе кареты по скверной дорогѣ еще болѣе усиливали дурное расположение его духа.

— Да, я вижу,—ядовито замѣтилъ онъ,—что послѣ знакомства со вчерашнимъ полячкомъ кузина расположена остаться здѣсь вплоть до самаго прибытія Пугачева.

— Вася,—оборвалъ племянника Желтугинъ,—подумай, что ты говоришь.

— Вы говорите дерзости,—рѣзко въ свою очередь произнесла Наташа.

— Что съ тобой? — продолжалъ Николай Ильичъ.

Карцовъ откинулся въ уголь кареты и не отвѣчалъ ни слова.

Вечеромъ, когда молодому офицеру удалось остаться наединѣ съ кузиной, Наташа хотѣла было поскорѣе уйти, но Карцовъ загородилъ ей дорогу.

— Вы говорили съ дядюшкой? — спросилъ онъ.

— О чемъ?

— Вы хорошо знаете, о чемъ я говорю, вы обѣщали подумать о моемъ предложеніи и спросить мнѣнія дяди.

— Ахъ, да, не успѣла, — засмѣялась Желтугина, — да и куда намъ торопиться?

Карцовъ посмотрѣлъ на кузину пристальнымъ взглядомъ.

— Я просилъ васъ поторопиться потому, что я уѣзжаю,—добавилъ онъ.

— Если вы не можете остаться, что же дѣлать?

— Но ваше рѣшеніе?

— Я васъ увѣдомлю письмомъ.

— Письмомъ? Не торопитесь, Наталья Николаевна, постоитъ немножко.

Карцовъ еще ближе подошелъ къ дѣвушкѣ и многозначительно произнесъ:

— Я знаю, что это все значитъ... Вы начинаете думать объ этомъ полякѣ. Онъ мнѣ становится поперекъ дороги.

— Вы съ ума сошли,—опять возмутилась Наташа.

— О, нѣтъ, наоборотъ, я въ полномъ умѣ; но помните, что я васъ не уступлю безъ боя... Кромѣ того, предупреждаю васъ... Наталья Николаевна, никому не совѣтую имѣть меня врагомъ.

— Вы угрожаете!

— Нѣтъ, я только предупреждаю.

— Воображаю,—закончила Желтугина неприятный разговоръ,—если вы позволяете себѣ такъ много теперь, что было бы, если бы вы сдѣлались моимъ мужемъ?

IV.

Наташа ушла къ себѣ, возмущенная поведениемъ Карцова. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя на нее никакихъ правъ, онъ, тѣмъ не менѣе, позволялъ себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проявлять крайнюю близость и безцеремонность, чтобы не сказать болѣе. Въ этихъ выраженіяхъ Желтугина и подѣлилась съ компаньонкой своимъ негодованіемъ.

Julie отъ всей души поддержала Желтугину. У нея съ Карцовымъ нѣсколько дней тому назадъ произошелъ полный разрывъ, и потому французенка не считала нужнымъ теперь падить своего недавняго пріятеля.

— М-г ведетъ себя, какъ недостойно офицера, — воскликнула Шарбонье, — онъ завлекалъ дѣвушку иностранку и въ то же время рассчитывалъ жениться на своей двоюродной сестрѣ, которая теперь уже взрослая дѣвушка и все сама можетъ разсудить. Двучеловѣчному человѣку нельзя вѣрить; онъ всегда способенъ на обманъ...

Сегодня французенка была еще откровеннѣе, нежели обыкновенно, и Наташа разомъ узнала много ранѣе скрываемыхъ отъ нея тайнъ. Вообще въ бесѣдахъ съ компаньонкой ей открывался цѣлый новый неизвѣстный ей міръ. Шарбонье обладала нѣжнымъ сердцемъ, но жизнь, по ея словамъ, принесла ей много разочарованій. Она убѣдилась, что мужскому постоянству вѣрить нельзя, хотя вполне въ мужчинахъ она еще не отчаивалась.

— М-г Карцовъ, — воодушевляясь говорила французенка, — думаетъ, что онъ необычайный красавецъ, на самомъ дѣлѣ въ немъ ничего особеннаго нѣтъ. Развѣ можно его сравнить съ тѣмъ польскимъ графомъ, который былъ представленъ на спектаклѣ въ гимназіи?

Восторженная французенка дала волю своему краснорѣчію въ оцѣнкѣ достоинствъ плѣннаго конфедерата. Она восхищалась благородствомъ его осанки, изяществомъ манеръ, утонченностью обращенія. При этомъ она находила его настоящимъ военнымъ. M-lie Charbonnier уже было извѣстно откуда-то, что Сервиорогъ получилъ рану въ руку и нѣсколько разъ находился на волосокъ отъ смерти.

— Да вы, кажется, уже влюблены въ графа, — смѣясь воскликнула Наташа въ отвѣтъ на восхваленія французенки, — а кузена очень скоро выкинули изъ сердца.

— А вы, — въ свою очередь огрызнулась Жюли, — а вы, какъ смотрѣли на графа, вы думаете, я не видѣла... Онъ вамъ тоже понравился... не отпирайтесь.

Наташа слегка покраснѣла и пожала плечами.

— Вы судите по себѣ.

Но въ душѣ Желтугина должна была признаться, что Сервиругъ произвелъ на нее извѣстное впечатлѣніе.

Пока Наташа бесѣдовала съ французенкой, въ кабинетѣ Николая Ильича происходилъ другой разговоръ.

У письменнаго стола въ креслѣ сидѣлъ молодой гвардеецъ и кусалъ себѣ ногти. Въ зеленоватыхъ глазахъ его бѣгали злые огоньки.

— Но ты обѣщаль мнѣ заняться съ моими молодцами,—говорилъ Желтугинъ.

— Не могу, дядюшка, рѣшительно нѣтъ времени; я думаю ѣхать завтра или послѣзавтра.

— Но почему бы тебѣ не подать рапорта о болѣзни?

— Не повѣрятъ рапорту. Вы не знаете нашего командира... А я между прочимъ все-таки къ вамъ съ просьбой... съ серьезнымъ разговоромъ...

— Въ чемъ дѣло?

— Вы помните, дядюшка, я разъ уже сообщалъ вамъ о своихъ чувствахъ къ кузинѣ...

— Ну?

— Теперь я уѣзжаю, но можно мнѣ надѣяться на что либо по возвращеніи, если все будетъ благополучно?

— То-есть на что надѣяться?—переспросилъ Желтугинъ.

— Я скажу прямо: вы отдадите за меня Наташу?

— А, ты вотъ о чемъ. Что жъ, ты знаешь, что я къ тебѣ расположенъ. Но это не отъ меня одного зависитъ, и при томъ съ этимъ нужно погодить.

— Зачѣмъ ждать, дядюшка, жизнь наша коротка.

— Ну, твоя жизнь еще впереди,—возразилъ Николай Ильичъ,—да и Наташа еще почти дѣвочка. Кромѣ того, ты такъ скоро хочешь насъ разлучить. Вѣдь, она у меня одна.

— И не зачѣмъ вамъ разлучаться, вы будете жить съ нами,—отвѣчалъ Карцовъ, вскидывая плечами,—кромѣ того, развѣ ужъ такъ необходимо при бракѣ согласіе невѣсты? Я думаю, тутъ важнѣе слово отца.

— Да, вѣдь, жить-то ты не съ отцомъ будешь.

— Это все равно.

— Значитъ, ты готовъ жениться даже насильно, да какъ же она тебя любить будетъ?

— Дядюшка, вы сами хорошо знаете, одна любовь у любовницы, другая—у жены...

— Ну, нѣтъ, — воскликнулъ Желтугинъ, — я съ этимъ согласиться не могу. Меня даже удивляетъ, какъ ты можешь говорить такія рѣчи, ты, молодой человекъ.

- Дядюшка, я говорю такъ потому, что очень люблю Наташу.
- Любишь, такъ заслужи ея любовь.
- А если ктонибудь мнѣ станетъ на дорогѣ?
- Сумѣй съ нимъ справиться.
- А иначе содѣйствовать мнѣ вы отказываетесь?
- Положительно. Впрочемъ, чтобы выяснитъ дѣло, я кликну Наташу,—хочешь?

Не дожидаясь отвѣта, Николай Ильичъ позвонилъ и приказалъ пригласить барышню.

Войдя въ кабинетъ отца, Наташа сразу почувствовала, зачѣмъ ее позвали. Зародившееся въ ней сегодня враждебное чувство къ кузену загорѣлось еще сильнѣе. Желтугинъ безъ предисловія объявилъ ей, что Карцовъ проситъ ея руки. Моментъ для объясненій былъ выбранъ самый неподходящій.

— Что же ты скажешь намъ?—закончилъ свою рѣчь Николай Ильичъ.

- Скажу, что женою г. Карцова я никогда не буду.
- Ну, вотъ еще,—воскликнулъ съ изумленіемъ Желтугинъ,— почему же никогда?
- Василий Ивановичъ хорошо знаетъ почему,—отвѣчала дѣвушка.

— Нѣтъ, я не знаю,—дерзко и вызывающе отозвался Карцовъ.
— Не знаете,—съ раздраженіемъ произнесла Наташа, — тогда спросите у Жюли, она вамъ скажетъ...

— Не понимаю вашихъ намековъ, Наталья Николаевна,—продолжалъ офицеръ, — но могу сказать, что получаю незаслуженную обиду отъ васъ и отъ Николая Ильича.

— Ну, полно, полно,—вмѣшался, вставая со своего мѣста, Желтугинъ,—нечего вамъ тутъ пикироваться... Не во время мы затѣяли разговоръ... Поживемъ—увидимъ... Я скажу свое слово... Теперь мы ничего не рѣшаемъ... Теперь ты поѣзжай въ полкъ и возвращайся скорѣе, а тамъ виднѣе будетъ... А письмо о тебѣ я напишу князю.

На слѣдующее утро Карцовъ уѣхалъ. Дамы Желтугина простились съ нимъ очень холодно, но Николай Ильичъ все-таки крѣпко обнялъ молодого гвардейца въ тотъ моментъ, когда онъ садился въ экипажъ. Желтугинъ привыкъ къ Карцову. Онъ замѣчалъ въ немъ нѣкоторые недостатки, но объяснялъ ихъ молодостью племянника. Было условлено, что при первой возможности молодой человѣкъ поспѣшитъ въ Казань, а пока будетъ аккуратно писать изъ Петербурга. Чтобы смягчить вчерашнюю размолвку, Желтугинъ приказалъ даже себѣ подать плащъ и шляпу и затѣмъ проводилъ гостя до Волги, куда за нимъ должны были прислать верховую лошадь.

V.

Спустя недѣли двѣ послѣ отъѣзда Карцова, Желтугинъ ѣздилъ въ Казань и привезъ оттуда съ собой Сервиорога. Общія воспоминанія о парижскомъ житьѣ-бытьѣ въ короткій срокъ сблизили ихъ. Бывая въ городѣ, Николай Ильичъ навѣщалъ фонъ-Каница, съ которымъ у него были общіе литературные интересы. У Каница Желтугинъ встрѣчался съ Сервиорогомъ, преподававшимъ въ гимназій французскій языкъ воспитанникамъ дворянской половины. Какъ объяснилъ директоръ гимназій, у Сервиорога были средства, но война нанесла ущербъ его имѣніямъ и произвела безпорядки въ управленіи. Уже нѣсколько мѣсяцевъ молодой конфедератъ не получалъ ни вѣстей, ни денегъ изъ дому и долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ ожиданіи улучшенія обстоятельствъ. Въ Польшѣ у Сервиорога остался старшій братъ, но о немъ пока не имѣлось извѣстій.

Барская русская душа Николая Ильича прониклась сочувствіемъ къ конфедерату, пожертвовавшему всей судьбой ради защиты родины. Нѣсколько разъ у Каница заходилъ разговоръ о политикѣ, и Желтугинъ имѣлъ случай убѣдиться, что Сервиорогъ былъ горячимъ отчизнолюбомъ, но это не мѣшало ему въ то же время высказывать наиболѣе терпимыя и возвышенныя мысли.

По русскому обычаю, Николай Ильичъ привезъ поляка прямо къ обѣду. Дамы обрадовались прибытію гостя. Несмотря на то, что и французенка и Наташа разсорились съ Карцовымъ, послѣ его отъѣзда обѣ почувствовали вокругъ себя пустоту. Просторный, молчаливый барскій домъ показался еще огромнѣе и молчаливѣе. А получавшіяся тревожныя вѣсти объ успѣхахъ Пугачева нарушали спокойствіе духа.

Послѣ всѣхъ недавнихъ разговоровъ Жюли о достоинствахъ молодого поляка Наташа ощутила какое-то особое волненіе при встрѣчѣ съ конфедератомъ; дѣвушка замѣтила, что рука ея невольно задрожала, когда онъ нагнулся ее поцѣловать.

— Ну, вотъ, — провозгласилъ Николай Ильичъ, вводя Сервиорога въ залу, — я вамъ привезъ гостя, прошу любить и жаловать... Вотъ, графъ, посмотрите мой пріютъ въ одиночествѣ казанской жизни.

Желтугинъ повелъ конфедерата по дому, показывая ему библіотеку, картины, портреты предковъ. Въ библіотекѣ гость задержался. Учтиво отвѣчая на вопросы дамъ, Сервиорогъ пробѣжалъ взглядомъ по заголовкамъ книгъ нижнихъ полокъ, а двѣ, три книжки развернулъ.

— У васъ тутъ цѣлыя богатства, — воскликнулъ онъ, указывая на ряды корешковъ и сафьянные переплеты.

— Да,—отвѣчалъ Желтугинъ,—это моя гордость. У меня всегда вы можете найти послѣднія новости европейской мысли: вотъ «*Système de la nature*» барона Гольбаха, а вотъ его же «*Le bon sens*».

— Вы не перестаете интересоваться сенсуализмомъ, Николай Ильичъ?

— Да, интересуюсь и даже, мало того, даже нѣсколько склоняюсь въ ихъ сторону...

— Что касается до меня,—замѣтилъ Сервиругъ,—то, какъ и въ первый день нашего свиданія въ Парижѣ, я позволю себѣ не вполне согласиться съ вами...

— Прекрасно,—отвѣчалъ Желтугинъ,—мы слѣдовательно будемъ имѣть тему для разговора за обѣдомъ.

Мужчины подали дамамъ руки и перешли изъ библіотеки въ столовую.

Столовая представляла собою обширную, нѣсколько мрачную комнату, отдѣланную во вкусѣ палатъ старыхъ рыцарскихъ замковъ. Стѣны съ верху до низу были задѣланы дубомъ, въ углу высился остроконечный 'зонть громаднаго готическаго камина, разноцвѣтныя круглыя въ свинцовомъ переплетѣ стекла оконъ пропускали мало свѣта; тяжелые обитые темной кожей стулья и два полныхъ рыцарскихъ доспѣха по бокамъ двери довершали обстановку.

— Ахъ,—воскликнулъ Сервиругъ, кидая взглядъ вокругъ себя,—какъ напоминаетъ мнѣ эта столовая мой родной замокъ: у насъ еще сохранились остатки дѣйствительнаго шестнадцатаго вѣка, и отецъ между прочимъ ни за что не хочетъ жертвовать этой памятью старины.

— А гдѣ вашъ замокъ, графъ?—спросила французенка, все время чаровавшая конфедерата нѣжными взглядами, но такъ, чтобы это не бросилось въ глаза Николаю Ильичу.

— На Вислѣ, madame,—отвѣчалъ Сервиругъ,—близъ старой столицы Польши Кракова... Вы, можетъ быть, посѣщали эти мѣста. Они прелестны въ особенности весною, когда цвѣтутъ сирень и бѣлая акація.

— А въ Парижѣ вы путешествовали?—въ свою очередь задала вопросъ Наташа.

Она старалась быть серьезной, но, встрѣтившись взглядомъ съ конфедератомъ, слегка улыбнулась.

— Нѣтъ, я не только путешествовалъ,—отвѣчалъ Сервиругъ,—я жилъ въ Парижѣ по дѣламъ и не по своимъ личнымъ. вмѣстѣ съ другими земляками я хлопоталъ о помощи отечеству передъ дворомъ французскаго короля.

— Вы видѣли герцога Шуазеля?—спросилъ Желтугинъ.

— Да, я былъ ему представленъ, а затѣмъ сопровождалъ полковника Дюмурье на театръ военныхъ дѣйствій. вмѣстѣ съ Мион-

чинскимъ я помогаль ему организовывать силы конфедерации, а потомъ счастье намъ измѣнило, и я очутился здѣсь...

— Вы, говорятъ, были ранены?—замѣтила Наташа.

— Да, по моей рукѣ прошелся штыкъ суворовскаго солдата.

— Ахъ, покажите руку,—воскликнула Жюли.

Сервиругъ показалъ. Пovyше кисти, на внутренней сторонѣ руки, краснѣлъ глубокой шрамъ.

— Значитъ, вы и политикъ и воитель не на шутку, — промолвилъ Николай Ильичъ.

— Былъ когда-то,—съ горечью отвѣчалъ конфедератъ,—а теперь—жалкій и разоренный ссыльный.

— Ну, подождите немного, потерпите,—утѣшалъ поляка Желтугинъ,—вы слышали: уже данъ приказъ о возвращеніи вашихъ земляковъ изъ Сибири, а тамъ дойдетъ очередь и до васъ... Императрица милостива.

— Кромѣ того, теперь мы здѣсь не у мѣста,—усмѣхнулся конфедератъ,—боятся, чтобы мы не пристали къ Пугачеву. Напрасныя опасенія: онъ самъ насъ не хочетъ...

— Но помимо того, вѣдь, поляки отличились при защитѣ Верхнеозерной противъ Пугачева,—продолжалъ Николай Ильичъ.

— И намъ все-таки не довѣряютъ ни тѣ, ни другіе. Между тѣмъ какую силу въ монхъ землякахъ имѣлъ бы тотъ же Пугачевъ, если бы онъ не былъ такъ невѣжественъ и недалекъ...

— Вы точно сожальете объ этомъ,—засмѣялась Наташа.

— Сожалью? Нѣтъ. Я говорю отвлеченно,—отвѣчалъ конфедератъ.—Смѣю васъ увѣрить, что мнѣ гораздо пріятнѣе быть ссыльнымъ въ Казани и находиться въ такомъ несравненномъ обществѣ, въ которомъ я нахожусь, нежели называться есауломъ или атаманомъ злодѣйскихъ шаекъ и быть пожалованнымъ крестомъ и бородою.

Незамѣтно разговоръ перешелъ на злобу дня. За послѣднее время смятеніе въ Казани еще болѣе увеличилось. Командированный изъ Петербурга для отраженія Пугачева генералъ Каръ, введенный въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями о силахъ самозванца, терпѣлъ неудачи. Войска стекались къ Поволжью медленно. Потерпѣвъ пораженіе при деревнѣ Юзеевой, Каръ медлилъ военными дѣйствіями, а въ Казанской губерніи между тѣмъ уже свободно хозяйничали пугачевскія шайки.

— Кстати,—между прочимъ замѣтилъ Сервиругъ,—вы слышали: Каръ бросилъ свой отрядъ и ѣдетъ въ Петербургъ?

— Какъ, въ Петербургъ? — воскликнулъ въ изумленіи Желтугинъ:—онъ получилъ предписаніе?

— Безъ всякаго предписанія.

— Быть не можетъ!

— Смѣю васъ увѣрить: у меня на этотъ счетъ точныя свѣдѣнія.

— Ну, это ему не пройдет даромъ. Но наше положеніе отъ этого становится еще болѣе опаснымъ. Кстати, графъ, я приказалъ изъ своихъ дворовыхъ выбрать маленькую команду и вооружить ее; будьте добры, не откажите взять на себя завѣдыванье ею и подучите моихъ молодцовъ. Вы—человѣкъ военный. Племянникъ мой хотѣлъ было приняться за это дѣло, но долженъ былъ ѣхать въ полкъ.

— Охотно. У васъ пѣхота или конница?

— Можно сдѣлать и конницу. У меня конюшни обширныя.

Николай Ильичъ при извѣстїи о бѣгствѣ Кара взволновался. Онъ опять вспомнилъ свое рѣшеніе ѣхать объясняться съ предводителемъ дворянства насчетъ дворянскаго ополченія. Желтугинъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, принялся бранить Брандта, который, по его мнѣнію, являлся какимъ-то злымъ гениемъ края, бранилъ Баннера и всѣхъ властей.

— А мы съ вами не кончили нашего спора о сенсуализмѣ,—замѣтилъ Сервиругъ, чтобы перемѣнить разговоръ,—вы будете добры мнѣ одолжить для прочтенія книжки Гольбаха; съ Гельвеціемъ же я знакомъ и нахожу, что мысли о себялюбїи, какъ главной пружинѣ всѣхъ человѣческихъ дѣйствїй, мысли очень старыя, дохристіанскія. Ихъ выставили еще греческіе софисты, позднѣе развивалъ Макиавелли, и французамъ, перетряхая старье, ихъ внушилъ Гоббесъ.

— Да, да,—разсѣянно отвѣчалъ Желтугинъ, мысли котораго витали теперь совершенно въ другой области.

— Кстати,—промолвилъ онъ,—я на всякій случай нашелъ въ Казани домъ, на случай, если придется перебираться отсюда въ городъ. Домъ пока пустой; вы меня обяжете, графъ, если не откажетесь въ немъ поселиться пока... Все-таки, когда я буду прїѣзжать въ Казань, мнѣ будетъ прїятно сразу встрѣчать васъ, дружественнаго мнѣ человѣка...

— Я, право, не знаю,—замаялся конфедератъ.

— Но я васъ прошу...

— Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе...

— Пожалуйста.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пока прїютить также одного своего земляка.

— Очень обяжете.

Сервиругъ понялъ, что Желтугинъ ему предлагаетъ нѣкоторое вознагражденіе за предстоящее занятіе съ командой. Для удобства этихъ занятїй конфедерату была предложена также верховая лошадь. Отъ услугъ двороваго Сервиругъ положительно отказался, такъ какъ за лошадей могъ присматривать рядовой конфедератъ, который вообще служилъ бывшему своему офицеру.

— И вы насъ защитите, графъ?—томно спросила французенка на прощанье.

— Когда будетъ нужно, умру у ногъ дамъ дома, оказывающаго мнѣ такое гостепрїимство,—съ чувствомъ отвѣчалъ полякъ.

VI.

Слова Сервиорога оправдались. Каръ дѣйствительно, сдавъ команду генералу Фрейману, безъ всякаго зова поскакалъ объясняться съ президентомъ военной коллегіи и бросилъ Казанскій край на произволъ судьбы. Въ Казани по этому поводу произошелъ переполохъ. Бѣгство изъ города сдѣлалось повальнымъ. Вслѣдъ за дворянствомъ и купечествомъ потянулись простые обыватели. Цѣны на подводы поднялись до неимоверной высоты. Въ опустѣвшемъ городѣ, несмотря на усиленный полицейскій надзоръ съ ночными рогатками, татарскими конными разъѣздами и запрещеніемъ ходить ночью безъ билетовъ, постоянно происходили безчинства, ночные разбои, грабежи, поджоги. На мѣсто убывающихъ гражданъ Казань наполнялась невѣдомыми пришельцами, выдававшими себя за бѣглецовъ изъ охваченныхъ мятежемъ округовъ.

За чертою города положеніе было еще тревожнѣе. Помѣщики оставляли свои усадьбы; въ нихъ хозяйничали крестьяне, предавая разграбленію хозяйское добро, растаскивая по бревешку барскіе дома и хозяйственныя строенія. Оставшіеся на мѣстахъ дворяне съ преданнѣйшими дворовыми людьми, у кого такіе были, вели ночные караулы и выѣзжали съ вооруженной охраной. Крестьянамъ Желтугина жилось хорошо, но, тѣмъ не менѣе, и среди нихъ за послѣднее время начали повторяться случаи побѣговъ и открытаго неповиновенія.

Сервиорогъ принялъ командованіе надъ отрядомъ Желтугинскихъ молодцовъ; мало того, съ согласія Николая Ильича онъ даже пригласилъ къ нимъ вахмистра изъ тѣхъ же плѣнныхъ конфедератовъ. Теперь молодой изгнанникъ сталъ часто бывать у Желтугинныхъ. Когда на большой дорогѣ слышался топотъ верхового, Жюли бросалась къ окну въ надеждѣ увидѣть Сервиорога и рѣдко обманывалась въ своихъ ожиданіяхъ. Когда французенка оставалась одна съ Наташей, у нихъ только и было разговоровъ о симпатичномъ полякѣ. Жюли даже призналась Желтугиной, что она становится неравнодушной къ графу, но умоляла ее скрывать эту тайну. Смѣясь, Наташа обѣщала выполнить просьбу и спрашивала, какія надежды подавалъ французенкѣ Сервиорогъ съ своей стороны.

— Мнѣ не надо никакихъ надеждъ,—въ отвѣтъ на эти слова восторженно воскликнула Жюли:—если я буду любить графа, я отдамъ ему лучшее святое чувство, и онъ не будетъ даже знать объ этомъ.

Съ удивленіемъ Наташа ощущала въ груди своей какое-то тягостное сжатіе всякій разъ, когда французенка начинала изливаться въ своихъ чувствахъ къ конфедерату. Желтугина ревновала, не давая себѣ въ томъ отчета.

Сегодня Наташа съ компаньонкой смотрѣла изъ окна на ученье, производимое Сервиногомъ съ отрядомъ Желтугинскихъ молодцовъ. Весь порученный ему десятокъ конфедератъ превратилъ въ конницу, но вмѣстѣ съ тѣмъ молодцы проходили и пѣшіей строй и обучались также владѣть штыкомъ, какъ и саблей. Наташа любовалась полякомъ, когда онъ въ синей чамаркѣ съ конфедераткой на головѣ гарцовалъ на лошади на обширномъ дворѣ Желтугинскаго дома. За послѣднее время Сервиного началъ безсмѣнно носить свой польскій костюмъ, а въ дополненіе къ нему отпустилъ себѣ маленькіе усы, которые очень шли къ его блѣдному выразительному лицу.

Послѣ ученья Сервиного въ обществѣ дамъ обыкновенно пилъ кофе въ библиотекѣ. Очень часто тутъ же присутствовалъ Николай Ильичъ, теперь часто ѣздившій въ городъ и справлявшійся о положеніи дѣлъ.

— Сегодня, господа, я васъ обрадую пріятной вѣстью,—сказалъ однажды Желтугинъ, обращаясь къ дамамъ и Сервиному, разсматривавшимъ сочиненный конфедератомъ рисунокъ значка Желтугинскаго отряда.

— Въ чемъ дѣло?—воскликнулъ Сервиного:—у насъ такъ долго не было веселыхъ вѣстей!

— Да, графъ, вы всегда сообщаете мнѣ разныя подробности съ одной стороны, я вамъ сообщу съ другой.

— Кстати, папа, я уже нѣсколько разъ спрашивала у графа,—вмѣшалась Наташа,—откуда онъ узнаетъ все ваши новости.

— Да о нихъ все всегда говорятъ, Наталья Николаевна.

— Однако, вы знали объ отъѣздѣ Кара тогда, когда это никому не было извѣстно.

— Ну, тутъ случайность,—засмѣялся Сервиного,—а какія новости привезъ Николай Ильичъ?

— Вотъ (Желтугинъ подалъ письмо) пишетъ изъ Петербурга Вася. Вы знаете—мой племянникъ, тотъ офицеръ, который съ нами былъ на зрѣлищѣ въ гимназіи.

Сервиного мелькомъ взглянулъ на Наташу; она потупилась.

— Вася пишетъ прежде всего, что его хлопоты относительно службы въ нашемъ краю удаются. Онъ, вѣроятно, будетъ назначенъ въ штабъ въ Казани. Это—прежде всего, а затѣмъ на мѣсто Кара назначается генералъ-аншефъ Бибииковъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано форсированнымъ маршемъ двигаться сюда гренадерскимъ и гусарскимъ полкамъ вмѣстѣ съ артиллеріей.

— А скоро ли они могутъ прибыть сюда?—спросилъ конфедератъ.

— Къ началу января.

Француженка захопала въ ладоши. За послѣднее время она беспокоилась больше всѣхъ, и только положительныя увѣренія Сервируга, что опасность еще далеко, успокаивали впечатлительную парижанку. На Наташу же и конфедерата новости не произвели радостнаго впечатлѣнія. Напоминаніе о Карцовѣ дѣвушка было прямо непріятно, дѣвушка сдвинула брови; Сервиругъ не выразилъ никакихъ ощущеній.

— При Бибииковѣ пугачевскимъ скопищамъ придется плохо,— провозгласилъ въ заключеніе Николай Ильичъ,—это не Каръ и не Брандтъ. Онъ воевалъ и не съ такими господами.

Желтугинъ сказалъ и спохватился. Бибииковъ принималъ участіе въ борьбѣ съ конфедераціей, и намекъ на это могъ быть непріятенъ гостю. Дѣйствительно, конфедератъ опустилъ голову и слегка забарабанилъ пальцами по столу.

— Все говорятъ: пугачевскія скопища,—задумчиво заключилъ полякъ,—все сволочь и сбродъ. Это такъ. Въ прошлое воскресенье Брандтъ увѣрялъ въ церкви, что вмѣсто полчищъ по дорогамъ бѣгаютъ башкирскія и калмыцкія шайки. А сбродъ бьетъ русскихъ генераловъ изъ нѣмцевъ, забираетъ крѣпости и осаждастъ города.

— А это тебѣ отъ Васи подарокъ на память, чтобы ты его не забывала,—шутя продолжалъ Желтугинъ, давъ высказаться конфедерату.

Николай Ильичъ протянулъ дочери маленькій свертокъ. Наташа развернула, и оттуда выпалъ маленькій медальонъ съ портретомъ Карцова. Рисунокъ былъ исполненъ очень тонко и умѣло. Сервиругъ попросилъ посмотрѣть портретъ и сразу опредѣлилъ достоинства работы. Наташа, однако, отнеслась къ медальону небрежно: она отодвинула его въ сторону и замѣтила коротко:

— А вы, графъ, интересуетесь искусствомъ?

— Не только интересуюсь, но даже самъ немножко рисую.

— Ахъ, какъ много талантовъ у васъ,—воскликнула француженка,—я непременно буду просить васъ нарисовать мой портретъ.

Сервиругъ поклонился и произнесъ:

— Я не художникъ въ полномъ смыслѣ слова,—пояснилъ онъ,—но лишь любитель. Въ домѣ моего отца была прекрасная картинная галлерей, не знаю, что теперь съ ней случилось; отсюда у меня любовь къ живописи. Между прочимъ,—прибавилъ конфедератъ, обращаясь къ Наташѣ,—вы будете сегодня брать вашъ урокъ верховой ѣзды?

Дѣвушка отвѣчала утвердительно. Учить верховой ѣздѣ Наташу началъ уже Карцовъ, а Сервиругъ продолжалъ уроки. Для этой цѣли громадный сарай былъ превращенъ въ манежъ и двѣ лучшія лошади были отданы въ распоряженіе Наташи. Николай Ильичъ одобрялъ это ученіе. По нынѣшнимъ временамъ оно могло непо-

средственно пригодиться для жизни. Наташа же дѣлала успѣхи. Раза два съ Сервиногомъ она пробовала прокатиться по дорогѣ около дома и оба раза очень удачно.

Француженка немного надулась на Сервиного за его косвенный отказъ писать съ нея портретъ и, пренебрегая своими обязанностями, не пожелала сопровождать Наташу въ манежъ, отговорившись нездоровьемъ. Конфедератъ, однако, казался не очень опечаленнымъ этимъ обстоятельствомъ. Наоборотъ, онъ будто бы даже былъ доволенъ, оставшись наединѣ съ Желтугиной. По крайней мѣрѣ, обыкновенно нѣсколько чопорный съ дамами, графъ сталъ проще и оживленнѣе въ отсутствіе Жюли. Это понравилось Наташѣ. Погода становилась все холоднѣе и холоднѣе. Несмотря на недалекій переходъ, Сервиного настоялъ на томъ, чтобы Наташа одѣвалась теплѣе.

На обратномъ пути конфедератъ предложилъ Желтугиной сдѣлать нѣсколько шаговъ по парку. Наташа согласилась, и молодые люди пошли рядомъ по дорожкѣ. Облетѣвшіе листья мягко шуршали у нихъ подъ ногами, голубое нѣжное небо просвѣчивало сквозь оюленные сучья деревьевъ, острый, но пріятный запахъ прохваченной морозомъ зелени разливался въ воздухъ; кой-гдѣ на солнцѣ ярко рдѣли сочныя кисти ягодъ рябины.

Нѣсколько времени ни Наташа ни конфедератъ не произносили ни слова. Желтугина чувствовала какое-то непонятное волненіе, она все точно ждала чего-то.

— Вамъ не холодно, графъ?—первая нарушила молчаніе дѣвушка.

Конфедератъ шелъ въ одной чамаркѣ безъ плаща.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—солдаты должны равнодушно относиться къ холоду и теплу, а сегодня тѣмъ болѣе вовсе не холодно.

Личико Наташи, однако, нѣсколько порозовѣло отъ вѣтра. Несмотря на увѣреніе конфедерата, что ему тепло, Желтугина приказала попавшемуся навстрѣчу садовнику принести графу плащъ. Сервиного, повидимому, былъ тронутъ такой внимательностью. По-немногу молодые люди зашли въ глубь парка, гдѣ надъ прудомъ высилась каменная бесѣдка. Наташа поднялась по ступенькамъ, конфедератъ послѣдовалъ за нею. Желтугина опустила на каменную скамью; Сервиного заботливо хотѣлъ подостлать свой плащъ, но дѣвушка не допустила этого.

— Не беспокойтесь,—сказала она,—иначе я принуждена буду идти домой.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста.

— Тогда сидите смирно.

Сервиного сѣлъ. Наташа посмотрѣла на него сбоку, и ей показалось, что этотъ человѣкъ, не разъ бывавшій на волосокъ отъ

смерти, точно робѣетъ передъ нею. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвушка почувствовала себя смѣлѣе.

— Что же вы вдругъ впали въ задумчивость, графъ?—начала она. Конфедератъ встрепенулся и отвѣчалъ:

— Сегодня мнѣ стало что-то грустно.

— Что съ вами? И кстати, не зовите меня *mademoiselle*, навывайте по-русски, по имени и отчеству.

— Хорошо, мнѣ еще пріятнѣе называть васъ такъ. Да, я о чемъ-то хотѣлъ спросить у васъ.

— Я слушаю.

— Господинъ Карцовъ скоро возвращается сюда?

— Не могу точно сказать. Вѣроятно, онъ пріѣдетъ вмѣстѣ съ Бибиковымъ. А почему вы спрашиваете?

— Такъ. Я ему завидую.

— Завидуете? Почему?—удивилась Наташа.

— Онъ будетъ имѣть счастье постоянно находиться возлѣ васъ.

Наташа слегка покраснѣла и замѣтила, смѣясь:

— Вы этимъ счастьемъ тоже обладаете, графъ...

— Да, я благодарю судьбу за это; но счастье мое случайно и кратковременно. Я слышалъ: вы скоро покидаете Казань и переѣзжаете въ Петербургъ.

— Если нужно будетъ, мы переѣдемъ. Нельзя же даваться въ плѣнъ Пугачеву.

— Я не о Пугачевѣ говорю,—продолжалъ Сервиругъ,—но, насколько мнѣ извѣстно, вы вскорѣ выходите замужъ и потому будете жить въ Петербургѣ.

— Я не думаю выходить замужъ,—рѣшительно промолвила Наташа.

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ какой-то радостью воскликнулъ конфедератъ:—и правда, зачѣмъ вамъ торопиться?.. Вы такъ молоды.

— И вы думали, что Карцовъ—мой женихъ?—спросила Желтугина, улыбаясь.

— Да, всѣ въ городѣ говорятъ такъ.

— И очень ошибаются.

Сервиругъ что-то хотѣлъ сказать, но въ это время чьи-то шаги послышались на дорожкѣ. Показалась Жюли. Кутаясь въ шубку, француженка съ кислой улыбкой обратилась къ собесѣдникамъ.

— А я васъ вездѣ ищу... Вы, *Natalie*, простудитесь здѣсь на холодной скамейкѣ...

— Нѣтъ, сегодня тепло, — смѣясь отвѣчала Наташа: — графъ даже хотѣлъ итти безъ плаща, когда я его попросила пройтись по парку.

— У графа горячая кровь,—насмѣшливо замѣтила француженка,—но, кромѣ того, васъ, *Natalie* хотѣлъ видѣть Николай Ильичъ.

У террасы дома Сервиорогъ сталъ прощаться. Ему нужно было въ городъ. Дамы прошли въ библіотеку. У французенки былъ нѣсколько натянутый видъ.

— Вы меня простите, Natalie, — между прочимъ обратилась Жюли къ Желтугиной, — Николай Ильичъ былъ бы очень недоволенъ, если бы узналъ, что вы проводите время наединѣ съ графомъ, онъ вамъ, вѣдь, не родственникъ.

— Прежде всего я не провожу съ нимъ времени, — возразила Наташа, хмурясь и краснѣя, — а только прошлась по парку, а потомъ я уже достаточно выросла, чтобы отвѣчать сама за себя.

— Я знаю, что вы — взрослая дѣвушка, — отвѣчала французенка, — но мой долгъ васъ предупредить. Кромѣ того, вы не знаете, что такое мужчины.

— Ну, я много о нихъ слышала отъ васъ.

Наташа при послѣднихъ словахъ вдругъ весело засмѣялась и прибавила:

— И вы сами мнѣ говорили, что графъ — не Вася и не похожъ на другихъ.

— И вы со мной теперь согласны? — ядовито замѣтила французенка.

— Я повторяю только ваши слова, — отпарировала нападеніе Желтугина.

Жюли потерялась и замолчала.

VII.

Послѣ разговора въ бесѣдкѣ между Наташей и конфедератомъ установилась особая близость, скрытая, однако, отъ постороннихъ глазъ. Съ тѣхъ поръ молодымъ людямъ долго не приходилось оставаться наединѣ. Жюли ни на мгновеніе не покидала Наташи. Да и самыя отношенія между французенкой и Желтугиной измѣнились. Прежняя взаимная откровенность исчезла, Наташѣ вообще пока нечего было скрывать, но, тѣмъ не менѣе, она перестала довѣрять компаньонкѣ. Положеніе Жюли наконецъ стало затруднительнымъ, — и она пошла на уступки.

Какъ-то днемъ Наташа ожидала приѣзда Сервиорога, но онъ не явился. Дѣвушка была недовольна. Жюли сидѣла тутъ же за какимъ-то вышиваньемъ и пристально слѣдила за Желтугиной.

— Графа сегодня не будетъ, — какъ бы мимоходомъ произнесла французенка.

— Почему вы знаете? — спросила Наташа, отходя отъ окна библіотеки.

— Онъ говорилъ вчера, что сегодня у него дѣла...

— Вамъ говорилъ? — съ нѣкоторой особой живостью переспросила Наташа.

Француженка улыбулась и отвѣчала:

— Нѣтъ, я слышала его разговоръ съ вашимъ отцомъ. Мнѣ онъ о себѣ ничего не сообщаетъ. Кстати, *ma chérie*,—продолжала Шарбонье,— вы на меня сердитесь?

— На васъ за что?

Наташа какъ бы въ изумленіи сдѣлала большіе глаза.

— Вы хотите притворяться, *ma petite*, но, вѣдь, я васъ такъ хорошо изучила. Въ самомъ дѣлѣ, бросимъ мелочи, будемъ опять друзьями, какъ были раньше. Вы сердитесь за то, что я васъ старалась уберечь отъ увлеченія. Вы знаете, это—моя обязанность. Я старше васъ... Вы смотрите на меня съ недоувѣріемъ. Вамъ кажется, что я сама увлечена графомъ и потому недоброжелательствую вамъ. Вы ошибаетесь. Графъ мнѣ нравится, какъ можетъ нравиться всякій образованный, свѣтскій, красивый мужчина. Я могу вамъ дать слово, что мое чувство имъ не затроуто. Мало того, вѣрьте мнѣ, если бы даже у меня было что нибудь, я была бы готова пожертвовать всѣмъ ради васъ... Вѣдь, мы съ вами, какъ родныя.

Голосъ француженки дрогнулъ. Сердце Наташи откликнулось на ноту искренности, зазвучавшую въ словахъ Жюли. Она подошла къ компаньонкѣ, обняла ее и поцѣловала въ лобъ.

— *Julie*,— произнесла она,— я не сержусь на васъ, увѣряю.

— Я знаю,— продолжала француженка, привлекая къ себѣ Желтугину:— у васъ золотое сердце. Вы повѣрьте, я васъ люблю, какъ сестру. У меня въ мірѣ почти никого нѣтъ. Я заброшена далеко отъ дорогой родины.

Жюли припала къ груди Наташи и заплакала. Желтугина со всѣмъ растрогалась. Она цѣловала Жюли и просила успокоиться.

— *Natalie*, признайтесь,— шептала француженка:— онъ вамъ нравится, да? Вы о немъ думаете?

Наташа не отвѣчала.

— Да, да,—еще тише продолжала Жюли:—слушайте, что я вамъ скажу. Я не буду мѣшать вамъ; но дайте мнѣ слово, что вы будете благоразумны и откровенны со мной.

Наташа кивнула головой. Француженка обняла ее, и миръ былъ заключенъ.

— Я привыкла къ нему,—нѣсколько времени спустя, говорила Желтугина,—но онъ точно меня боится. Отчего это?

Въ томъ же приподнятомъ тонѣ, какъ и раньше, Жюли объяснила молодой дѣвушкѣ, что истинные герои, для которыхъ ничего не значатъ опасность и самая смерть, очень часто обладаютъ почти дѣтскою душою, и что, быть можетъ, графъ именно отличается этимъ свойствомъ.

— Да,—говорила Наташа,— а я думала... онъ получитъ прощенье... вернется домой... ему вернутъ имѣніе... Онъ опять будетъ тѣмъ, кѣмъ былъ. Онъ дворянинъ, не хуже Карцова.

— Ахъ, что вы говорите, *ma chérie*, — воскликнула француженка:— онъ лучше... прежде всего онъ графъ... И потомъ, вы знаете, что такое Польша, тамъ дворянство знатнѣе, чѣмъ въ Россіи; мнѣ говорили, что тамъ самый бѣдный человѣкъ, и тотъ—дворянинъ. Конечно, онъ уѣдетъ и опять пріѣдетъ къ намъ, а потомъ, а потомъ, вы сами знаете, что можетъ случиться потомъ.

— Ахъ, вы говорите глупости, *Julie*, — отвѣчала Наташа, смѣясь и краснѣя.

Въ день этого разговора Наташи съ француженкой Сервиругъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ обширномъ, нанятомъ Желтугинымъ, домѣ и бесѣдовалъ съ нѣсколькими поляками, товарищами по ссылке. Гостей было всего человѣкъ пять, но сильные споры и оживленный говоръ могли бы заставить предположить, что здѣсь сошлось многочисленное собраніе.

Сервиругъ сидѣлъ въ креслѣ за столомъ, противъ него на диванѣ помѣщался его сожитель, Млынарскій, обыкновенно очень молчаливый, но сегодня принимавшій большое участіе въ спорахъ. Онъ поддерживалъ мнѣніе графа. Противъ него говорилъ высокій, блѣдный конфедератъ съ рыжими, короткими волосами, глубоко запавшими горящими глазами и далеко выдвинутой нижней челюстью.

— Когда дѣло идетъ объ интересахъ родины, — убѣжденно и страстно воскликнулъ противникъ Млынарскаго, стоя посреди комнаты, — мы должны пользоваться всѣми средствами.

— Далекое не всѣми, — спокойно возразилъ Сервиругъ, — въ словахъ пана Лешко сказывается ученикъ іезуитовъ. Есть средства, которыя набрасываютъ тѣнь на самую цѣль. И то, которое предлагается теперь, именно принадлежитъ къ такимъ. Я не могу на него согласиться.

— И вы слѣдовательно желаете, — заключилъ Лешко, — чтобы благопріятныя для насъ обстоятельства ухудшились, и мы бы не имѣли возможности воспользоваться ими. Вы отказываетесь помогать намъ. И это ваше послѣднее слово?

— Не только отказываюсь помогать, — твердо отвѣчалъ Сервиругъ, — но самое дѣло считаю безчестнымъ. Убіеніе тайное изъ-за угла, убіеніе человѣка, ѣдущаго бороться съ врагомъ въ честномъ бою...

— Положимъ, не въ бою — замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ конфедератовъ, — за голову Пугачева назначена награда; на него смотрятъ, не какъ на воюющую сторону, а какъ на разбойника.

— Онъ разбойникъ и есть, — подтвердилъ сидѣвшій на диванѣ Млынарскій.

— Нѣтъ, — воскликнулъ Лешко, — онъ народный мститель и нашъ союзникъ.

— Который отрещивается отъ насъ обѣими руками,—насмѣшливо промолвилъ Сервиругъ.

— Это—другой вопросъ: отрещивается потому, что глупъ,—настаивалъ Лешко,—но пріѣздъ Бибикова можетъ перевернуть все положеніе дѣлъ: это—не Каръ и не Брандтъ.

— И потому отъ него нужно отдѣлаться. Такой взглядъ можетъ быть точкой зрѣнія пугачевцевъ, но не нашей.

— А я убѣжденъ, что это—точка зрѣнія всякаго добраго патриота.

— Я протестую,—воскликнулъ Сервиругъ,—я проливалъ кровь за благо отчины и готовъ отдать за нее жизнь, но тайное убійство считаю безчестнымъ дѣломъ, недостойнымъ поляка.

— Товарищи, разсудите насъ,—въ свою очередь воскликнулъ Лешко.

— Мы согласны съ паномъ Лешко,—откликнулись конфедераты.

— А я присоединяюсь къ графу,—отозвался Млынарскій.

Сервиругъ всталъ съ своего мѣста.

— Вы хотите уходить, графъ,—остановилъ его блѣдный Лешко,—повремените минуту. Конечно, намъ ясны причины крайностей вашего благородства.

— А именно?

— Вы хотите, чтобы я вамъ ихъ указалъ въ глаза?

— Да, хочу.

— Извольте: панъ грабя отдалъ себя въ руки русской Далилы, и она теперь остригла волосы нашему Самсону.

— Лешко,—серіозно замѣтилъ Сервиругъ,—я не понимаю, на что вы намекаете, но предупреждаю, что никому и никогда не позволю касаться моей личной жизни. Иначе...

— Иначе ясновельможный графъ вызоветъ неосторожнаго на дуэль и убьетъ его, хотя бы это былъ его родной братъ,—съ злымъ смѣхомъ произнесъ Лешко... Будемъ помнить... Но вы, графъ, все-таки не уходите: у насъ еще есть дѣла.

Сервиругъ опустилсѣ въ кресло.

— Манифесты готовы,—произнесъ Лешко.—Кемпинскій, гдѣ они?

Суроваго вида длинноусый конфедератъ подалъ Сервиругу свертокъ. Графъ вынулъ изъ него большой листъ грубой сѣрой бумаги съ такимъ же грубымъ печатнымъ текстомъ и бѣгло просмотрѣлъ его:

— Хорошо пишутъ,—съ улыбкой замѣтилъ онъ,—а правительственный манифестъ ктонибудь видѣлъ?

— Я видѣлъ,—откликнулся блондинъ съ дивана,—но написанъ онъ плохо. Сегодня мѣщане читали его на углу и пришли къ тому заключенію, что Пугачева нельзя называть императоромъ, а только принцемъ Балтійскихъ острововъ.

Всѣ засмѣялись.

— И стоило послѣ того сенату трудиться надъ манифестомъ!— произнесъ Сервирогъ.

— Именно,—подтвердилъ блондинъ,—потомъ въ толпѣ, я слышалъ, говорили, что Бибиговъ ѣдетъ въ Казань, чтобы съ честью встрѣтить Петра III, у котораго жена хочетъ просить прощенья въ особенности за Орловыхъ.

— Дикари,—замѣтилъ одинъ изъ конфедератовъ.

— Да, если Бибиговъ пріѣдетъ, онъ можетъ надѣлать Пугачеву хлопотъ,—промолвилъ блондинъ.

— Ну, безъ войска-то и онъ сдѣлаетъ немного,—возразилъ ему сосѣдъ.

— Кромѣ того,—загадочно усмѣхаясь, добавилъ Лешко,—Бибиговъ все-таки человѣкъ болѣзненный и пожилой. Вынесетъ ли онъ всѣ труды и лишенья, которые соединены съ его отвѣтственнымъ постомъ?

Сервирогъ пристально посмотрѣлъ на говорившаго, но не сказалъ ни слова.

— А кто же будетъ распространять наши манифесты?—спросилъ блондинъ.

— Всѣ понемногу,—отвѣчалъ Лешко.

— Конечно, но это дѣло требуетъ крайней осторожности,—замѣтилъ Сервирогъ:—вамъ извѣстно, господа, что пойманному съ этими листами грозитъ висѣлица.

— Между прочимъ,—вмѣшался опять блондинъ,—сегодня утромъ приходилъ Кемпинскій и говорилъ, что, по послѣднимъ извѣстиямъ, войска Пугачева подходятъ уже къ Самарѣ.

— О,—воскликнулъ Лешко,—если бы Пугачевъ былъ умнѣе, онъ могъ бы совершить великія дѣла.

Гости долго сидѣли у Сервирога, пили вино и ушли только тогда, когда начало темнѣть. Освободившись отъ земляковъ, Сервирогъ приказалъ слугѣ осѣлать лошадь и поскакалъ въ усадьбу Желтугинныхъ. Пріѣзду конфедерата у Желтугинныхъ всѣ были рады, но Николай Ильичъ попенялъ ему за неосторожность. Путешествіе одиночнаго всадника внѣ города ночью въ настоящее время было прямо опаснымъ.

— Вы напрасно рискуете, графъ,—замѣтилъ Желтугинъ.

— Рискъ—благородное дѣло,—смѣясь отвѣчалъ Сервирогъ:—такъ говорить русская пословица.

— Я вижу, вы становитесь совершенно русскимъ, — улыбаясь продолжалъ Желтугинъ.

— Да, можете себѣ представить, то же самое мнѣ говорятъ мои земляки.

Конфедератъ взглянулъ въ сторону Наташи, и глаза молодыхъ людей встрѣтились. Поляку показалось, что онъ прочелъ благодарность во взглядѣ дѣвушки.

Собрался пить чай. Вечеромъ мрачная столовая Желтугинскаго дома теряла свой угрюмый видъ. Вечернее освѣщеніе у чайнаго стола, гдѣ ярко блестѣлъ серебряный самоваръ съ фарфоровыми приборами, и горѣли высокіе бронзовые канделябры, скрадывало мрачную обстановку. Вечеромъ даже готическая столовая казалась уютнымъ уголкомъ.

Сервилогъ между прочимъ сразу замѣтилъ, что прежнія отношенія между Наташей и Жюли возстановились. Это придало оживленіе бесѣдѣ. Опять говорили много и долго о парижской жизни, о театрѣ, о гуляньѣ въ саду Палерояля. Кстати, конфедератъ художественно разсказалъ дамамъ исторію парижскихъ историческихъ достопримѣчательностей: замка Шатле и башни Тампля.

Николай Ильичъ съ своей стороны напомнилъ о чудачествахъ парижанокъ на могилѣ аскета дьякона на Сенъ-Медарскомъ кладбищѣ. Было очень весело и оживленно. Собесѣдники совершенно перенеслись въ Парижъ, позабывъ и Казань и Пугачева; въ десятомъ часу Сервилогъ началъ прощаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не пуцу, — заявилъ при этомъ хозяинъ: — вы знаете, что тутъ ночью за городомъ опасно; мало того, и въ самый городъ вы попадете съ большимъ трудомъ.

Это была правда. Конфедератъ вспомнилъ, что на ночь запирались не только главныя ворота города, но даже всѣ улицы съ многочисленными переулками заграждались рогатками, охраняемыми военнымъ карауломъ.

— Вы останетесь у насъ ночевать, — продолжалъ радушный хозяинъ, — вамъ отведутъ комнату, въ которой жилъ мой племянникъ, и вы будете себя чувствовать, какъ дома.

Конфедератъ остался. До ужина играли въ домино и въ трикъ-тракъ, а съ Николаемъ Ильичемъ Сервилогъ сразился въ шахматы. Поздно вечеромъ, простившись съ дамами, конфедератъ еще долго сидѣлъ въ кабинетѣ съ самимъ Желтугинымъ и серьезно о чемъ-то бесѣдовалъ.

Прощаясь, Николай Ильичъ ему сказалъ:

— Благодарю васъ, графъ; вы сообщили мнѣ важныя свѣдѣнія; конечно, это — слухи, но они правдоподобны; отъ людей всего можно ждать. Во всякомъ случаѣ я самъ постараюсь предупредить Биби-кова, съ нимъ мы — старые знакомые, и я посоветую ему беречься.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

В. Грибовскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

(Изъ воспоминаній моея матери).

О КРЫМСКОЙ кампаніи мужъ мой служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при калужскомъ губернаторѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ Булгаковѣ¹⁾). Последній очень полюбилъ мужа за его безгранично добрый и честный характеръ, и его отношенія къ нему были чисто отеческія. Мужъ мой, съ своей стороны, искренно былъ преданъ своему патрону и благодарилъ судьбу, что она въ самомъ началѣ его служебнаго поприща дала ему такого начальника. И это, дѣйствительно, было для него большимъ благомъ: при его совершенной неспособности «выставляться» и деликатности, почти граничившей съ робостью, его, при другихъ отношеніяхъ къ нему начальника, не только всегда можно было, какъ говорится, затереть, но и подвести подъ какія либо неприятыя обстоятельства, что, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, и случилось впоследствии. Къ искреннему сожалѣнію, служба мужа при П. А. Булгаковѣ продолжалась не долго. Случилось такъ, что въ началѣ 1854 года Петръ Алексѣевичъ вызванъ былъ въ Петербургъ и получилъ тамъ другое назначеніе, а мужъ мой, тогда еще холостой человѣкъ, увлеченный общимъ патріотическимъ настроеніемъ, оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ ополченіе. По окончаніи войны, когда послѣдовало

¹⁾ Впоследствии статсъ-секретарь его величества.

расформированіе стрѣлковыхъ ополченскихъ дружинъ, всѣмъ служившимъ въ нихъ данъ былъ льготный годъ для пріисканія службы. Какъ разъ въ это время мужъ мой встрѣтился со мной, мы понравились другъ другу, поженились и уѣхали послѣ свадьбы въ его родовое имѣніе. Спустя два съ небольшимъ года послѣ нашего брака, по случаю выхода замужъ одной изъ сестеръ моего мужа, послѣдовалъ раздѣлъ ихъ родового имѣнія. Хотя средства у моего свекра были весьма порядочныя, но и семья у него была ужасно большая, такъ что, пока имѣніе оставалось нераздробленнымъ, и все шло сообща, еще можно было жить, но при раздѣлѣ каждому изъ насъ досталось по такой незначительной долѣ, что устроиться на ней и жить самостоятельно было совсѣмъ невозможно, и волей-неволей приходилось думать о службѣ. Заговорилъ о ней и мужъ мой, и пока думалъ, гдѣ и какое искать мѣсто и къ кому обратиться, судьба какъ бы сама пришла намъ на помощь. Въ это время младшему деверю моему надо было опредѣляться на службу, и онъ обратился къ мужу съ просьбой хлопотать за него у П. А. Булгакова. Всегда стѣснявшійся просить чего либо для себя, мужъ не могъ отказать брату въ его просьбѣ и далъ ему письмо къ Булгакову. Послѣдній принялъ моего деверя очень ласково, далъ ему мѣсто и при этомъ сказалъ, что даетъ ему мѣсто лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ сейчасъ же вызвалъ къ нему своего брата (моего мужа). Мужъ поѣхалъ въ Петербургъ и явился къ своему бывшему начальнику. Петръ Алексѣевичъ встрѣтилъ его такъ, какъ будто ихъ отношенія ни на минуту не прекращались.

— Что жъ это ты, братецъ,—съ порога проговорилъ онъ,—завалился въ деревню, да и знать ничего не хочешь? Неужто думаешь съ этихъ лѣтъ ничего не дѣлать?

— Я желаю служить, ваше превосходительство,—отвѣтилъ мужъ.

— То-то желаю, а самъ хотъ бы аукнулъ.

— Стѣснялся, ваше превосходительство, напомнить о себѣ. Думалъ, чтò я такое, чтобы вы помнили обо мнѣ! Служилъ я подъ вашимъ начальствомъ не долго, и мало ли насъ...

Булгаковъ только рукой махнулъ.

— Такъ и зналъ! Да, такъ и зналъ, что, не вытяти тебя, ты самъ за себя и слова не вымолвишь. Чудакъ ты, братецъ, а только отъ чудачества этого отвыкать надо. Нельзя такъ; да еще вотъ братъ твой говорилъ, что ты женился, семьей обзаведся, какъ же семейному человѣку такому быть? Ну, сказывай, гдѣ бы служить хотѣлъ?

Мужъ сказалъ, что хотѣлъ бы служить по военному министерству, именно потому, что средства у него небольшія, а тамъ учреждена была къ этому времени эмеритура, и, слѣдовательно, можно было хотя этимъ путемъ обезпечить въ будущемъ семью.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого свиданія, мужъ мой получилъ назначеніе въ Пензу. Данное ему мѣсто было во всѣхъ отношеніяхъ хорошее: и положеніе по тогдашнимъ годамъ мужа видное и жалованье достаточное, и мы, сдавъ нашу землицу въ аренду, выѣхали къ мѣсту новаго служенія, полные самыхъ радостныхъ надеждъ.

Пріѣхавъ въ Пензу, мужъ явился къ своему начальнику, П—ну, и просилъ его распоряженія о сдачѣ ему должности. Къ удивленію своему онъ узналъ, что должность ему придется принимать отъ него же, П—на, такъ какъ, по смерти предшественника моего мужа, за неимѣніемъ будто бы кого временно откомандировать, П—ъ самъ принялъ должность. Сразу мужъ не придалъ этому обстоятельству никакого значенія, но прошла недѣля, другая—должности ему не сдавали; онъ напомнилъ разъ, другой, отвѣтъ получался: «хорошо, подождите только, пожалуйста, немного: дѣла много накопилось». Такъ прошелъ мѣсяць. Мы за это время немножко ужъ обжились въ городѣ, пріобрѣли кое-какія знакомства, и до мужа стали доходить совѣты быть осторожнымъ при пріемкѣ должности. Мужъ сталъ волноваться, а я еще больше, ибо знала, что быть осторожнымъ, или, иначе говоря, требовательнымъ по всѣмъ статьямъ и буквѣ закона мужъ, по своему характеру, не могъ, что онъ непремѣнно въ одномъ обстоятельствѣ смолчитъ по деликатности, въ другомъ—пустится на снисходительности, взваливая, такимъ образомъ, всякіе недочеты и погрѣшности другихъ на себя. Прошло еще двѣ недѣли; мужъ, по моему настоянію, написалъ формальную бумагу, требуя немедленной сдачи ему должности, и въ то же время потребовалъ къ себѣ старшаго вахмистра. Послѣдній явился. Это былъ, какъ впоследствии мы узнали, честнѣйшій, трезвый и чрезвычайно набожный человѣкъ, отказавшійся отъ предложеннаго ему за его безпорочную службу офицерскаго чина и весь украшенный медалями, крестами и нашивками.

— Скажи, любезный, что тамъ у васъ такое дѣлается, что мнѣ до сихъ поръ не сдаютъ должности?—обратился къ нему мужъ, въ надеждѣ услышать, что къ этому хоть дѣлаются приготовленія.

— Не могу знать, ваше благородіе,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ, ты стоишь у самага дѣла и ничего не знаешь? Скажи, готовятъ ли, по крайней мѣрѣ, дѣла къ сдачѣ мнѣ?

— Не могу знать, ваше благородіе.

Не знать этого вахмистръ не могъ, и изъ его отвѣтовъ явствовало лишь, что онъ не желаетъ говорить. Мужъ отпустилъ его, но на другой же день узналъ, что вахмистръ этотъ препровожденъ былъ ночью его квартирными хозяевами въ полицейскій участокъ за покушеніе къ самоубійству. Тутъ ужъ очевидно было, что дѣла по должности, которую слѣдовало принять мужу, были въ слишкомъ некрасивомъ состояніи, если такой набожный и трезвый чело-

вѣкъ рѣшился на столь тяжкій по христіанскимъ понятіямъ и крайне рѣдко имѣющій мѣсто среди простаго народа грѣхъ, какъ самоубійство. Мы растерялись и положительно не знали, что дѣлать. Помню, кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ мужу обратиться къ губернатору и просить его содѣйствія относительно сдачи должности; но мужъ на это не согласился, считая совершенно неумѣстнымъ вмѣшиваться губернаторскую власть въ его отношенія къ своему начальнику и сослуживцу. Между тѣмъ, наступилъ уже третій мѣсяць со времени нашего прибытія въ Пензу, а должности мужу все-таки не сдавали.

Терпѣть далѣе значило уже рисковать всякими непредвидѣнностями, и, не зная, что предпринять и на что рѣшиться, мы на семейномъ совѣтѣ остановились на мысли написать обо всемъ частое письмо П. А. Булгакову, прося его указанія, какъ поступить. Спустя нѣсколько дней, мы послали второе письмо такого же содержанія. И вдругъ въ одно злополучное утро мужу принесена была изъ управленія бумага, въ которой значилось, что онъ отрѣшается отъ настоящей должности съ причисленіемъ сверхъ штата къ Орловской дистанціи, куда и имѣеть отправиться. Это былъ настоящій громовой ударъ. Чего-чего — а что дѣло приметъ сразу такой крутой оборотъ, мы никоимъ образомъ не могли ожидать, такъ какъ никакой вины мужъ за собой не чувствовалъ. Мы просто потеряли голову, да и было отъ чего. Во-первыхъ, въ матеріальномъ отношеніи мы очутились на мели: земля наша была сдана, деньги взяты впередъ чуть ли не за два года, такъ какъ намъ предстояло сдѣлать длинный путь на лошадахъ изъ Орла въ Пензу и здѣсь, на новомъ мѣстѣ жительства, устроиться, обзавестись всѣмъ; а теперь снова предстоялъ такой же путь на должность чиновника сверхъ штата безъ содержанія. Но главное, что до слезъ волновало мужа и, конечно, меня, — это его положеніе предъ Булгаковымъ. Тотъ самъ вспомнилъ о немъ, вызвалъ его и далъ такое прекрасное мѣсто — и вдругъ! Что случилось, въ чемъ обвинили такъ мужа предъ нимъ, что онъ не обратилъ вниманія на его письма, въ которыхъ выяснено было все, — мы ничего не могли придумать въ объясненіе. Мысль эта была для насъ такъ горька и такъ неотступно преслѣдовала насъ, что за нею отступили на задній планъ и наши матеріальныя невзгоды. Не заглядывая впередъ и не раздумывая, какъ и чѣмъ будемъ жить въ Орлѣ, пока найдется какой либо выходъ изъ нашего стѣсненнаго положенія, мы только и думали объ одномъ: какъ выяснитъ Булгакову полнѣйшую невиновность мужа и доказать ему, что онъ въ немъ не ошибся? Письмамъ онъ, очевидно, не вѣрилъ, и другой способъ былъ только одинъ, и мы остановились на немъ. Распродавъ обстановку и разную домашнюю утварь, мужъ въ ожиданіи полученія казенныхъ прогоновъ остался съ кормилицей и

ребенкомъ въ Пензѣ, чтобы затѣмъ отправиться къ мѣсту своего новаго назначенія въ Орелъ, а я на послѣднія деньжонки поскакала въ сопровожденіи своего двороваго человѣка въ Петербургъ, чтобы лично передать П. А. Булгакову все происшедшее и, узнавъ, въ чемъ оклеветали передъ нимъ мужа, опровергнуть эту клевету.

Путешествіе мое было не изъ легкихъ; былъ мартъ мѣсяцъ, и повсемѣстно наступилъ разливъ рѣкъ. Въ тревогѣ мы даже опустили это обстоятельство изъ вида, да и многого другого не приняли въ соображеніе. Помню, подъ Рязанью мы налетѣли на такое половодье, что о переправѣ черезъ Оку нечего было и думать, а мнѣ ждать было невозможно, во-первыхъ, потому, что не только каждый лишній день, но и часъ былъ для меня истинной пыткой въ разлукѣ съ мужемъ и ребенкомъ, изъ которыхъ перваго я оставила до крайности взволнованнымъ, а второго на попеченіяхъ простой кормилицы, а, во-вторыхъ, такъ же и потому, что денегъ у меня въ карманѣ было чуть не въ обрѣзъ. Но извѣстно, что у русскаго человѣка есть излюбленное слово: «авось». Вотъ на это русское «авось» наплыли поромщики, взявшіеся переправить насъ черезъ рѣку. За переправу эту всѣ мы едва не заплатились жизнью; поромъ нашъ посрединѣ рѣки сорвало бурнымъ теченіемъ и понесло по прихоти сего послѣдняго; проплывъ нѣкоторое разстояніе, онъ попалъ въ какой-то водоворотъ и накренился, вода пошла ужъ чрезъ него, лошади этого испугались и забились, поромъ отъ этого заколыхался и еще больше накренился, и если мы остались живы и спаслись, то единственно лишь чудомъ милости Божіей.

Въ первыхъ числахъ апрѣля я кое-какъ добралась до Петербурга, и первая новость, которую я узнала, и о которой говорилъ тогда весь городъ, была та, что П. А. Булгаковъ не только подалъ въ отставку и сдаетъ свою должность, но что онъ находится въ страшной опалѣ. Причиной опалы послужилъ, вѣроятно, не безызвѣстный читателямъ злополучный тостъ, произнесенный имъ на какомъ-то обѣдѣ. Это было для меня такою неожиданностью, что сразу я даже отказывалась вѣрить сообщенію, почитая его просто пущеннымъ по столицѣ «краснымъ словцомъ». Но на слѣдующій день меня ожидала еще болѣе удивительная уже по своей наглости и искаженію правды новость.

Приѣхавъ рано по утру къ П. А. Булгакову, я просила доложить обо мнѣ. Петръ Алексѣевичъ сейчасъ же принялъ меня, и, когда я вошла въ его кабинетъ, онъ встрѣтилъ меня словами:

— Скажите, пожалуйста, что тамъ такое подѣялось съ вашимъ супругомъ? Вообразилъ ли онъ себя сразу какимъ-то трехбунчужнымъ пашей, что ли? Вѣдь мнѣ за него военный министръ чуть не выговоръ влѣпилъ.

— Что же такое, ваше превосходительство?—спросила я, положительно недоумѣвая, въ чемъ могли такъ обвинить моего мужа, чтобы дѣлать за него какія либо замѣчанія Булгакову.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, выговоръ — не выговоръ, а запросъ о немъ лежитъ въ канцеляріи отъ военнаго министра. Спрашиваетъ, какго это такого монсиньера назначилъ я въ Пензу, что его три мѣсяца не могутъ дозваться принять должность.

— Какъ, ваше превосходительство, мужа не могутъ дозваться принять должность?!—ужь совершенно пораженная наглостью такого обвиненія, проговорила я.—Но вы изъ его писемъ знаете, что и какъ происходило тамъ.

— Какихъ писемъ?

— Мужъ два раза писалъ вамъ, объясняя всю странность поведенія П—на и прося вашихъ указаній, какъ поступить ему.

— Никакихъ писемъ я отъ него не получалъ. Да расскажите, пожалуйста, что тамъ такое вышло.

Я подробно рассказала Булгакову, какъ въ дѣйствительности произошло все, и когда заговорила, какою горькою неожиданностью явилось для насъ отрѣшеніе мужа отъ должности, онъ перебилъ меня словами:

— Какъ, развѣ его уволили?

— Да, ваше превосходительство.

— Куда же его назначили?

— Причислили къ Орловской дистанціи сверхъ штата.

— Гм... поспѣшили, поспѣшили. Очевидно, его очень нужно было поскорѣе убрать оттуда. Что же теперь дѣлать-то? Я, какъ вы, вѣроятно, уже знаете, больше не служу и въ главномъ ужь сдалъ должность. Обратиться вамъ къ военному министру не посоветую: Сухозанетъ—человѣкъ сухой и завзятый формалистъ, одному словесному разъясненію онъ не придастъ никакого значенія.

— Можетъ быть, ваше превосходительство, можно просить формальнаго разслѣдованія дѣла?—сказала я.

— Гм... вѣдь то-то вотъ вы женщина, — улынулся Булгаковъ въ отвѣтъ на мое предложеніе.—Ну, какое тамъ можетъ быть разслѣдованіе, когда у васъ тамъ такіа диковинныя вещи творятся? Вашего же мужа не допустили къ принятію должности, а донесли, что его не могутъ дозваться, да еще и уволили сразу! Такъ и разслѣдованіе могутъ повернуть.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ мнѣ:

— Понавѣдайтесь ко мнѣ послѣзавтра. Я подумаю и поизслѣдую немножко атмосферу. Просить мнѣ за вашего мужа — не знаю, удобно ли. Какъ бы мое ходатайство не принесло ему больше вреда, чѣмъ пользы. Вѣдь я — опальный. И не столько, можетъ быть, гнѣвается самъ государь, сколько оцетинились тѣ люди, которымъ нужно выжить насъ, людей старыхъ русскихъ понятій, отъ него и, въ виду извѣстныхъ цѣлей, самимъ занять и удержать за собою позицію вокругъ него. Вотъ съ этимъ и надо считаться.

Черезъ день я снова явилась къ Булгакову.

— Знаете, что я вам посоветую?—заговорилъ онъ, поздоровавшись со мной: — обратитесь съ просьбою по вашему дѣлу къ самому государю. Это—единственный болѣе или менѣе надежный исходъ. Только просите непременно, чтобы онъ самъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣла вашего мужа. Онъ найдетъ, кого назначить, и тутъ ужъ всякіе шахеръ-махеры со стороны П-на не выгорятъ. Надо только устроить какъ нибудь такъ, чтобы вамъ лично подать прошеніе государю, а не чрезъ комиссію; такъ дѣло пойдетъ скорѣе, и это возможно: государь принимаетъ иногда просьбы.

— Государь, кажется, въ Царскомъ Селѣ теперь?—спросила я.

— Да. Вотъ тамъ и надо у кого нибудь разузнать, какъ это устроить.

— А могу я, ваше превосходительство, обратиться съ этимъ къ моей бывшей институтской начальницѣ? Можетъ она мнѣ помочь здѣсь? Что она не откажетъ никому изъ насъ, своихъ питомицъ, въ томъ, что она можетъ сдѣлать, я не сомнѣваюсь.

— А вы въ какомъ институтѣ воспитывались?

— Въ Екатерининскомъ.

— Ахъ, такъ это значитъ къ Е. В. Родзянко? Ну, чего же и лучше! Для нея, какъ для дамы, скорѣе все сдѣлаютъ. И отлично. Вотъ ее и попросите. А прошеніе, я думаю, вы и сами сможете написать. Или, если хотите, я могу кому нибудь изъ моихъ приказать сдѣлать это.

Я поблагодарила Булгакова и сказала, что прошеніе напишу сама.

Вечеромъ того же дня я отправилась къ моей бывшей начальницѣ и рассказала ей все, то-есть, въ чемъ заключалось и дѣло моего мужа, и моя просьба къ ней. Добрѣйшая наша татаа приняла во мнѣ, какъ я въ томъ была и увѣрена, самое искреннее участіе. Она обѣщала навести справки и завтра же увѣдомить меня, что слѣдовало мнѣ предпринять. На слѣдующій день лакей, дѣйствительно, принесъ мнѣ отъ нея записку, въ которой она сообщала мнѣ, что мнѣ должно ѣхать въ Царское Село, и что она просила тамошняго коменданта предоставить мнѣ случай подать лично мою просьбу государю.

Раннимъ утромъ отправилась я на слѣдующій день въ Царское, но меня ожидала неудача: государь уѣхалъ въ Петербургъ, на похороны митрополита Григорія, и неизвѣстно было, когда онъ вернется. На второй день повторилось то же: государь былъ на какомъ-то парадѣ. И только на третій день, пріѣхавъ къ коменданту, я наконецъ услышала, что государь дома, и что, по всей вѣроятности, нынче мнѣ удастся подать ему прошеніе. Комендантъ (не припомню теперь его фамиліи) самъ проводилъ меня въ Царско-сельскій паркъ. Когда мы вошли въ него, на площадкѣ у дворца,

у того крыльца, съ котораго, какъ слѣдовало предполагать, долженъ былъ выйти государь, стояла порядочная толпа мужиковъ, тоже съ прошеніями. Минуя эту площадку и обогнувъ уголь дворца, комендантъ вывелъ меня на широкую аллею и сказалъ, чтобы я здѣсь ожидала государя, что государь непременно пойдетъ по этому пути, направляясь на ферму за государыней, которая кушала тамъ козье молоко.

— Только помните, — прибавилъ онъ, — что просьбу надо подать, когда государь будетъ итти туда, а назадъ онъ возвращается уже съ государыней императрицей, и тутъ его останавливать и беспокоить нельзя, такъ какъ государыня нездорова.

Комендантъ ушелъ; я присѣла на одинъ изъ садовыхъ диванчиковъ и осмотрѣлась. На всемъ протяженіи этой длинной аллеи не было ни души. Сразу меня это смутило. «Да дѣйствительно ли пойдетъ по этой дорогѣ государь? — подумала я. — Неужели, кромѣ меня, такъ-таки и нѣтъ ни одного просителя? Ужъ не подвинуться ли мнѣ къ дворцу, чтобы видѣть, куда направится государь?» Но, не разъ видя государя въ годы моего ученя въ институтѣ, я вспомнила, что онъ имѣлъ привычку ходить очень быстро, такъ что, если бы онъ пошелъ не по тому направленію, гдѣ стояла я, мнѣ все равно не удалось бы его перехватить, тѣмъ болѣе, что расположенія парка и его дорожекъ я совсѣмъ не знала. Это я сообразила, но страхъ упустить случай, страхъ, что вторично такая возможность оттянется, быть можетъ, на очень долго, волновалъ меня, и, бучучи не въ состояніи сидѣть на одномъ мѣстѣ, я встала и нервно заходила взадъ и впередъ по небольшому пространству дорожки. Вскорѣ казакъ привелъ на эту же аллею еще одну даму съ хорошенькимъ мальчикомъ, лѣтъ пяти. Увидавъ меня, она подошла ко мнѣ и спросила:

— Вы, вѣроятно, тоже съ прошеніемъ?

Я отвѣтила утвердительно.

— Я хочу просить государя о зачисленіи моего сына въ кадетскій корпусъ на казенный счетъ. Онъ еще малъ, но мнѣ говорятъ, что объ этомъ надо хлопотать заранѣе.

Пока мы разговаривали, мимо насъ прошла еще одна дама, очень нарядно одѣтая. На ней было свѣтлое шелковое платье, и на плечи накинута коротенькая бархатная мантилья; изъ-подъ широкихъ кружевъ, доходившихъ до локтя рукавовъ, видны были ея руки, съ нѣсколькими браслетами на каждой, прикрытые ажурными митенями пальцы были унизаны кольцами. Сразу я подумала, что это кто либо изъ гуляющихъ придворныхъ дамъ, но, пройдя мимо насъ, ближе къ дворцу, она тоже остановилась и вынула изъ-подъ мантильи прошеніе. Ея нарядность сразу сконфузила меня. Я - то наоборотъ была, пожалуй, ужъ слишкомъ скромно одѣта. Случилось это такъ потому, что, направляясь на

почтовыхъ въ Петербургъ, я старалась какъ можно меньше брать съ собою багажа; приличное платье я захватила, такъ какъ имѣла въ виду быть у Булгакова, но явиться и ждать въ паркѣ въ одномъ платьѣ было и свѣжо, и не по сезону, а длинный бурнусъ и шляпка были у меня, хотя и чистенькіе, но самые скромные, дорожные. Да, откровенно говоря, я даже и ни минуты не думала, какъ и во что одѣться, я знала только, что все на мнѣ должно быть чисто, и на рукахъ свѣжія перчатки, и чрезмѣрная уже, быть можетъ, скромность моего туалета пришла мнѣ въ голову лишь при видѣ вышеупомянутой нарядной барыни. Смущеніе мое и теперь было не продолжительно: не тѣмъ была занята голова, чтобы долго думать о нарядѣ, и къ тому же вскорѣ въ томъ направленіи, гдѣ стояла толпа крестьянъ, послышался шумъ. Мы догадались, что, вѣроятно, государь вышелъ, и поспѣшили занять мѣста. Обстановка была такова: широкая аллея, на которой мы находились, однимъ концомъ упиралась въ площадку, окружавшую дворецъ, и здѣсь намъ видна была часть дворца съ легонькою наружною лѣсенкой и балкончикомъ; мы размѣстились въ такомъ порядкѣ: первою, то-есть ближе всѣхъ ко дворцу, стала нарядная барыня, за нею, на нѣкоторомъ разстояніи, дама съ мальчикомъ и послѣднею я. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ у подъѣзда дворца раздался шумъ, въ самомъ началѣ нашей аллеи появилось еще три господина. Они пришли, очевидно, какими-то другими путями, такъ какъ всѣ мы попадали на эту аллею съ пересѣкавшей ее въ порядочномъ разстояніи отъ дворца другой, а они сразу появились, словно изъ земли выросли, въ самомъ началѣ аллеи, въ трехъ—пяти шагахъ отъ мѣста ея соединенія съ окружавшей дворецъ площадкой. Двое изъ нихъ, очень пожилые, были въ формѣ сенаторовъ, а третій, высокій, худой и значительно моложе годами, въ дворянскомъ мундирѣ. Послѣдній держалъ въ рукѣ свернутыя въ трубку какія-то бумаги. «Неужели тоже съ прошеніемъ?»—подумала я и подивилась, зная, что люди подобнаго служебнаго положенія могутъ изъяснять свои просьбы государю иначе, то-есть прося аудіенціи. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Но вотъ шумъ у подъѣзда смолкъ, и, спустя немного времени, на площадкѣ противъ нашей аллеи показался черный водолазъ государя. Добѣжавъ до поворота, онъ остановился и, помахивая хвостомъ, оглянулся въ ту сторону, гдѣ, очевидно, былъ его хозяинъ, какъ бы спрашивая, куда слѣдовало ему итти дальше, и затѣмъ, постоявъ минуту, повернулъ на нашу аллею. Понятное волненіе наше достигло крайняго предѣла: государь, стало быть, уже шелъ и былъ близко. И дѣйствительно вскорѣ его фигура показалась изъ-за окаймлявшаго площадку кустарника, но, едва сдѣлавъ поворотъ, чтобы вступить на нашу аллею, онъ сразу становился и вдругъ раздался его гнѣвный голосъ:

— Я еще вчера приказалъ, чтобы васъ въ двадцать четыре часа не было въ Петербургѣ!—громко проговорилъ онъ, обращаясь къ группѣ мужчинъ.

Бывшій въ дворянскомъ мундирѣ господинъ выступилъ при этомъ на шагъ впередъ и проговорилъ:

— Ваше императорское величество, я прошу выслушать меня, а, если не угодно, примите отъ меня хотя прошеніе, только извольте прочесть его сами.

— Повторяю: я еще вчера приказалъ, чтобы васъ не было здѣсь!

Господинъ въ отвѣтъ на эти слова проговорилъ еще что то, чего намъ не было слышно.

Государь круто повернулъ и, кажется, въ одно мгновеніе взбѣжавъ по наружной лѣсенкѣ на балконъ, оттуда голосомъ, который, вѣроятно, слышенъ былъ на добрую половину огромнаго парка, крикнулъ:

— Взять его!

Всѣ три просителя мгновенно исчезли, и что воспослѣдовало съ ними, — намъ не было видно ¹⁾.

Читатель можетъ представить себѣ, въ какое состояніе повергло это злополучное происшествіе насъ, ожидавшихъ государя съ просьбами, и что должны были перечувствовать мы въ это время. «Подавать ли прошеніе, когда государь такъ разгнѣванъ?»—была первая мысль, мелькнувшая въ моей головѣ. Но на смѣну ей сейчасъ же явилась другая: «а представится ли еще такой случай? да и пойдетъ ли теперь государь?» И мнѣ вдругъ вообразилось, что государь не только не пойдетъ, но что, можетъ быть, послѣ такого случая отдано будетъ приказаніе — впредь и совѣмъ не допускать къ нему просителей. Этотъ страхъ перевѣсилъ мои колебанія и придалъ мнѣ рѣшимости, и я съ замираніемъ сердца, не сводя глазъ, смотрѣла на виднѣвшуюся на балконѣ фигуру государя, ожидая, что будетъ дальше, куда пойдетъ онъ.

Простоявъ нѣсколько минутъ, государь сошелъ съ балкона; внизу къ нему присоединились двое его младшихъ дѣтей: великій князь Алексѣй Александровичъ и великая княжна Марія Александровна, и вмѣстѣ съ ними онъ направился прямо на нашу аллею. Лицо его было серьезно, но не гнѣвно. Поровнявшись съ нарядною дамой и замѣтивъ въ рукахъ ея прошеніе, онъ подошелъ къ ней и, взявъ прошеніе, сталъ читать его. Я только было порадовалась, что стою послѣдней, что, пока очередь дойдетъ до меня, государь успеетъ нѣсколько успокоиться, и что другія просьбы и дѣла

¹⁾ Какъ впоследствии я слышала, господинъ въ дворянскомъ мундирѣ былъ тверской предводитель дворянства У—скій, а фамиліи двухъ сопровождавшихъ его сенаторовъ я не узнала.

отвлекутъ его мысли отъ только что происшедшей непріятности, какъ вдругъ я ясно увидѣла на лицѣ его снова гнѣвное выраженіе.

— Такъ вы говорите,—дочитавъ прошеніе, громко началъ онъ, отчетливо и раздѣльно произнося слова:— что, если вамъ еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не выдадутъ пенсіи, ваши дѣти должны будутъ умереть съ голоду?

— Такъ точно, ваше величество,—довольно увѣренно проговорила дама.

— Какъ же вы смѣете такъ лгать мнѣ?!—крикнулъ государь. Дама молчала.

— Вы первая обворовываете вашихъ дѣтей. Снимите всѣ эти ваши побрякушки,—указалъ государь на ея браслеты и мотавшуюся у пояса цѣпочку отъ часовъ, — продайте ихъ, и ваши дѣти цѣлый годъ будутъ сыты.

И, не говоря болѣе ни слова, онъ разорвалъ прошеніе пополамъ и бросилъ его на землю.

Господи, Боже мой, да что же это былъ за злосчастный день такой! И какъ тутъ было не растеряться! Стоявшая впереди меня дама съ мальчикомъ при видѣ этой сцены поблѣднѣла, какъ мертвецъ, но у нея нашелся исходъ. Она быстро поставила своего малютку-сына на колѣна, дала ему въ ручку прошеніе, а сама убѣжала и спряталась за кустами.

Государь подошелъ къ малюткѣ, взялъ прошеніе и, поднявъ самого просителя за ручку, направился къ диванчику, сѣлъ на него и, посадивъ мальчика къ себѣ на колѣна, сталъ читать прошеніе. Прошеніе было коротенькое.

— А гдѣ жъ твой мама?—дочитавъ просьбу, спросилъ государь.

— Вонъ тамъ,—указалъ мальчикъ пальчикомъ на кусты, за которыми спряталась его мать.

По лицу государя проскользнуло что-то въ родѣ улыбки.

— Ну, скажи твоей мамѣ, что ты гораздо умнѣе ея,—все съ тою же едва замѣтною улыбкой проговорилъ государь и, вынувъ изъ бокового кармана карандашъ, написалъ что-то на прошеніи. Затѣмъ онъ спустилъ мальчика съ колѣнъ, погладилъ его по головкѣ и пошелъ дальше.

Вотъ государь ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, а я, переволнованная всѣмъ происшедшимъ чуть не до обморока, еле стою на ногахъ. Что онъ обошелся довольно милостиво съ ребенкомъ,—это не особенно ободряло меня: тамъ просьба была простая, всего лишь о зачисленіи мальчика въ учебное заведеніе, а у меня было служебное дѣло, да еще не очень-то красивое, съ разными подвохами и некрасивыми поступками. И—на, и какъ приметъ его государь послѣ такого раздраженія, въ какое привели его первые просители, предугадать было трудно. Спрятавъ

прошеніе подъ рукавъ бурнуса, я стояла, какъ говорится, ни жива, ни мертва, и, подъ вліяніемъ страха и волненія, сомнѣнія и колебанія относительно подачи просьбы все сильнѣе овладѣвали мною. Между тѣмъ, государь приближался; я поклонилась ему. Не видя ничего у меня въ рукахъ, онъ отвѣтилъ на мой поклонъ приложеніемъ руки къ козырьку и прошелъ дальше. «Господи, да что же это я дѣлаю? Вѣдь я же изъ-за этого скакала больше тысячи верстъ, бросила ребенка. И какъ мужъ теперь волнуется!»—быстро пронеслось у меня въ головѣ. И, вынудъ прошеніе, я еле слышно проговорила:

— Ваше императорское величество!

Государь сейчасъ же обернулся.

— Виноватъ,—проговорилъ онъ, увидавъ у меня прошеніе:— я думалъ, вы изъ числа гуляющихъ.

Я послѣшила ему навстрѣчу и подала прошеніе.

Государь развернулъ его и сталъ читать. Прочитавъ въ концѣ мою фамилію, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не дочь бывшаго орловскаго губернатора С—на?

— Невѣстка его, ваше величество.

— Ахъ, да, вѣдь это ваша фамилія по мужу!—и, помолчавъ минуту, государь заговорилъ:— мнѣ очень пріятно видѣть, что вы такъ хлопочете и беспокоитесь о вашемъ мужѣ; это за мое царствованіе ¹⁾ первый примѣръ еще, и это дѣлаетъ вамъ честь, какъ семьянинкѣ. Но... жена бываетъ иногда за мужа плохимъ ходатаемъ. Въ вашихъ глазахъ онъ можетъ быть прекраснѣйшимъ, даже праведникомъ, а что найдетъ законъ... Вы вотъ просите меня, чтобы я назначилъ комиссію для разслѣдованія его дѣла, а при разслѣдованіи, можетъ быть, окажется, что онъ и не правъ. Вѣдь тогда такъ ужъ и будетъ, потому что законъ выше меня.

— Ваше императорское величество, я ѣхала просить милости вашей, — проговорила я, нѣсколько ободренная мягкимъ тономъ рѣчи государя,—и отлично понимаю, что всякою неправдою могу навлечь лишь гнѣвъ вашъ. Если бы мой мужъ сдѣлалъ какую либо оплошность и былъ бы въ чемъ либо виноватъ, я не посмѣла бы утаить этого отъ васъ. Все произошло совершенно такъ, какъ я излагаю, и вина мужа можетъ только развѣ въ томъ состоять, что онъ не рѣшился прибѣгнуть къ какимъ либо болѣе энергичнымъ, рѣзкимъ мѣрамъ. На это смѣю объяснить вашему величеству, что для мужа въ сущности было только два выхода: или жаловаться въ главное управленіе, или просить содѣйствія губернатора. Но начинать свою службу съ жалобъ или вмѣшиваться въ свои слу-

¹⁾ Я подавала прошеніе въ 1860 году, слѣдовательно, съ воцаренія государя Александра Николаевича прошло только пять лѣтъ.

жебныя отношенія постороннюю власть мужъ считалъ и неумѣстнымъ и безтактнымъ.

— Понятно,—проговорилъ государь и затѣмъ громко позвалъ дежурнаго казака.

Послѣдній вывернулся откуда-то во мгновеніе ока.

— Кто нынче дежурный генераль-адъютантъ? — спросилъ его государь.

— Генераль-адъютантъ князь Голицынъ, ваше императорское величество,—отвѣтилъ казакъ.

— А, вы счастливы,—обратился ко мнѣ государь:—князь—вашъ землякъ и прекраснѣйшій человѣкъ. Вотъ казакъ проводитъ васъ къ нему и потрудитесь на словахъ передать ему все, что найдете нужнымъ въ дополненіе къ вашей просьбѣ.

При этихъ словахъ государь досталъ изъ кармана карандашъ и въ заголовкѣ моего прошенія написалъ: «для нынѣшняго доклада». Затѣмъ, возвращая мнѣ прошеніе, спросилъ:

— А вы гдѣ воспитывались?

— Въ петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины, имѣла счастье быть пансіонеркой августѣйшей матушки вашей, государыни Александры Феодоровны.

— Ахъ, вотъ какъ! Вѣдь вашъ институтъ сдѣланъ теперь образцовымъ. Поздравляю васъ.

Я молча поклонилась.

— Если вы пробудете здѣсь еще нѣкоторое время, представьтесь государынѣ (Маріи Александровнѣ). Она очень чтитъ семейное начало, и ей пріятно будетъ видѣть, что учебныя заведенія, о которыхъ и она заботится вмѣстѣ съ матушкой, даютъ такихъ семьянинокъ.

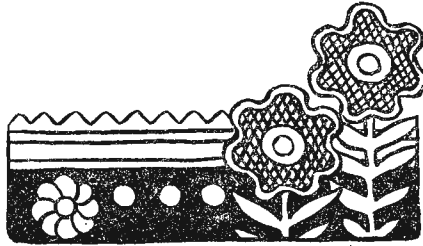
Государь поклонился мнѣ и пошелъ. Меня въ высшей степени удивило и тронуло его вниманіе къ моему поступку. Ни въ прошеніи, ни на словахъ я, конечно, ни слова не говорила о себѣ, и, слѣдовательно, онъ самъ усмотрѣлъ и понялъ и всю трудность предпринятаго мною путешествія, и тѣ душевныя муки и волненія, которыя я переживала за мужа.

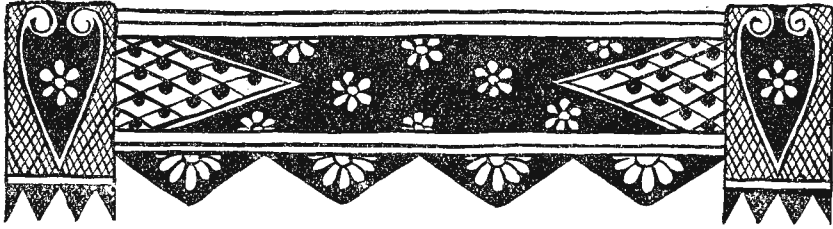
Казакъ проводилъ меня къ князю Голицыну. Князю я ужъ подробно рассказала, какъ произошло все въ Пензѣ; и такъ какъ дольше оставаться въ Петербургѣ мнѣ было затруднительно, то просила князя увѣдомить меня по пути моего слѣдованія въ Москву о резолюціи государя на мое прошеніе.

Пріѣхавъ въ Москву, я получила чрезъ полицеймейстера извѣщеніе, что государю угодно было исполнить мою просьбу и назначить комиссію для разслѣдованія дѣла моего мужа. Спустя нѣкоторое время, мы узнали, что, когда высочайше назначенная комис-

сія прибыла въ Пензу, П—нъ скоропостижно умеръ. Комиссія разслѣдовала все дѣло; мужъ, конечно, оказался ни въ чемъ не повиннымъ, и ему вмѣстѣ съ производствомъ въ слѣдующій чинъ сейчасъ же дали мѣсто въ харьковскомъ округѣ, и, кромѣ того, государю даже угодно было приказать выдать намъ 600 рублей для покрытія расходовъ по моему путешествію въ Петербургъ, о чемъ я, понятно, и не помышляла просить.

В. Искуль (Соковнина).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДЕКАБРИСТА Н. А. БЕСТУЖЕВА.

ЗАПИСКИ Николая Александровича Бестужева, писанныя имъ во время пребыванія на поселеніи въ Селенгинскѣ, до сихъ поръ неизвѣстны въ полномъ ихъ объемѣ. Въ историческомъ сборникѣ П. И. Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ» (М., 1872, кн. I, стр. 338—350) напечатаны съ сокращеніями и даже измѣненіями въ текстѣ отрывки изъ этихъ записокъ, заключающіе воспоминанія о К. О. Рылѣевѣ. А. И. Григоровичу во время занятій въ военно-ученомъ архивѣ удалось разыскать рукопись записокъ Н. А. Бестужева (отд. IV, № 466). Представленный имъ въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» списокъ архивной рукописи раздѣляется на двѣ части: первая часть уже напечатана П. И. Бартевымъ, вторая въ печати неизвѣстна. Не считая возможнымъ и въ настоящее время возстановить пропуски, сдѣланные П. И. Бартевымъ, мы находимъ излишнимъ повторять въ печати первую часть записокъ и помѣщаемъ лишь вторую, заключающую воспоминанія о послѣднихъ мѣсяцахъ свободной жизни Рылѣева и о событіяхъ дня 14 декабря 1825 года. Тексту записокъ полагаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько фактическихъ данныхъ объ ихъ авторѣ ¹⁾.

¹⁾ Библиографическая данная въ книгѣ С. А. Венгерова «Источники словаря русскихъ писателей», т. I-й. Къ нимъ нужно прибавить обстоятельную статью г. Богучарскаго въ «Мірѣ Божьемъ» (1902, сент.) и сообщеніе Н. А. Гастфрейнда «Декабристы во флотѣ» («Всемирный Вѣстникъ», 1903, №№ 6—7).

Николай Александровичъ Бестужевъ, старшій изъ пяти сыновей Александра Феодосіевича, родился въ 1791 году. Отецъ его служилъ въ военной службѣ, но при Павлѣ I, тяготясь гнетомъ А. А. Аракчеева, вышелъ въ отставку и занялся литературой. Дѣтство Н. А. протекало въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Десяти лѣтъ отъ роду, Б. посѣтилъ со своимъ отцомъ корабль, и это посѣщеніе опредѣлило его судьбу. 22-го марта 1802 года онъ вступилъ въ кадеты морского кадетскаго корпуса. Изъ преподавателей корпуса благое вліяніе оказали на него два чловѣка: инспекторъ корпуса Гамалѣй и учитель исторіи и литературы Васильевскій. Въ корпусѣ Бестужевъ ревностно занимался изученіемъ математическихъ наукъ, иностранныхъ языковъ, знакомился съ европейскими литературами и сталъ немного рисовать. Занятія шли успѣшно. 7 апрѣля 1807 года Б. былъ произведенъ въ гардемарины, а 29 декабря—въ мичманы флота. «Не въ примѣръ прочимъ» восемнадцатилѣтній мичманъ былъ оставленъ въ чинѣ подпоручика воспитателемъ при корпусѣ. Въ мартѣ 1810 года умеръ отецъ Бестужева, и на его рукахъ осталась огромная семья, состоявшая изъ матери, трехъ сестеръ и четырехъ братьевъ. Николай Александровичъ былъ не только матеріальной опорой семьи, но и духовнымъ руководителемъ братьевъ, которые всегда относились къ нему съ искреннѣйшей любовью и глубочайшимъ уваженіемъ. 14 іюня 1813 года Н. А. былъ назначенъ во флотъ и жилъ въ Кронштадтѣ, а 22 іюня 1814 года онъ былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1815 году съ 15 мая по 15 октября Н. Бестужевъ провелъ въ плаваніи къ берегамъ Голландіи на фрегатѣ «Архипелагъ и Аргусъ» подъ командою капитана 2-го ранга Тизенгаузена. Въ 1817 году Н. А. плавалъ «отъ Кронштадта до французскихъ береговъ города Кале» и обратно (съ 1-го мая по 8 августа). Въ 1820 году Бестужевъ былъ откомандированъ въ качествѣ помощника въ распоряженіе директора маяковъ, 1821—1822 годы служилъ при маякахъ. Въ это время Бестужевъ жилъ въ Кронштадтѣ вмѣстѣ съ своимъ закадычнымъ другомъ Константиномъ Петровичемъ Торсономъ. Когда Торсонъ былъ переведенъ въ С.-Петербургъ на должность главнаго адъютанта при морскомъ министрѣ, Бестужевъ былъ назначенъ для составленія исторіи російскаго флота. Въ 1824 году Б. совершилъ плаваніе на «Проворномъ» до Гибралтара. По свидѣтельству Греца, въ Гибралтарѣ Бестужевъ «съ высоты утеса видѣлъ, какъ разстрѣливали королевскія команды взятыхъ ими либераловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей и разбойниковъ. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотическому правительству».

Вообще заграничныя путешествія оказали огромное вліяніе на міросозерцаніе Бестужева. Отсюда идетъ начало его вольнодумства. Какъ разъ во время пребыванія Бестужева въ Голландіи здѣсь устанавливалось конституціонное правленіе. Это обстоятельство, по

словамъ Бестужева, дало ему «первое понятіе о пользѣ законовъ и правъ гражданскихъ: послѣ того двукратное посѣщеніе Франціи, вояжъ въ Англію и Испанію утвердили сей образъ мыслей. Первая же книга,—говорилъ въ 1825 году Бестужевъ,—развернувшая во мнѣ желаніе конституціи въ моемъ отечествѣ, была О конституціи Англіи, переведенная на русскій языкъ въ 1805 году Татищевымъ и посвященная имъ императору Александру Павловичу. Впрочемъ всѣ происшествія послѣдняго времени во всей Европѣ, всѣ иностранные журналы, современные исторіи и записки, и даже русскіе журналы и газеты, открывали внимательному читателю пользу постановленія законовъ».

Въ 1825 году Николай Александровичъ энергично работалъ надъ морской исторіей, получилъ званіе исторіографа флота и былъ назначенъ смотрителемъ модель-камеры. День 14 декабря разбилъ его жизнь. Въ концѣ 1824 года онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Торсономъ вступилъ въ тайное общество, а въ самый день 14-го вывелъ гвардейскій экипажъ на площадь и находился въ рядахъ возмущавшихся. Задуманный имъ побѣгъ не удался, и онъ былъ арестованъ въ Кронштадтѣ и привезенъ въ Зимній дворецъ. Н. К. Шильдеръ въ своей исторіи Николая I (т. I, стр. 545) приводитъ слѣдующій разговоръ императора Николая съ арестованнымъ Н. А. Бестужевымъ.

«Государь былъ тронутъ его выраженіями и чувствами, проникнутыми высокою любовью къ отечеству, и сказалъ Бестужеву:

«— Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, а если бы могъ убѣдиться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ.

«— Ваше величество! въ томъ и несчастіе, что вы все можете сдѣлать,—отвѣтилъ Бестужевъ:—что вы выше закона; желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности».

На вопросы высочайше учрежденнаго комитета Н. А. отвѣчалъ вполне искренно, совсѣмъ не уклоняясь и не запираясь. Сущность его показаній и степень участія его въ обществѣ выясняются изъ слѣдующей, составленной правителемъ дѣлъ комитета Боровковымъ записки.

«Бестужевъ сознался, что немного болѣе года принятъ Рылѣвымъ въ тайное общество, и самъ принялъ Торсона и Арбузова. Не бывши членомъ думы, не присутствуя никогда въ ея засѣданіяхъ, онъ зналъ о дѣли общества только изъ словъ Рылѣва, что она клонилась ко введенію конституціоннаго правленія, и что предполагалось приступить къ дѣйствию по кончинѣ императора Александра Павловича. Согласно сей дѣли была написана конституція, которую Рылѣвъ однажды отдалъ ему, Бестужеву, для прочтенія, а сей носилъ къ Торсону и потомъ опять возвратилъ Рылѣву

съ сдѣланными на ней замѣчаніями Торсона, что не одна особа императора должна считаться священною и неприкосновенною, но и наслѣдникъ престола, и что вмѣсто одной палаты должны быть двѣ. Впослѣдствіи времени слышалъ онъ отъ Торсона, что Рылѣевъ говорилъ ему: «въ случаѣ несогласія особъ императорскаго дома на введеніе конституціи, доставить имъ средство выѣхать за границу», но Торсонъ и Бестужевъ считали это простымъ предположеніемъ общества.

«Послѣ сего Бестужевъ узналъ, что проектъ конституціи, имъ читанный, истребленъ, что сдѣланы многія перемѣны противъ перваго плана (какія же именно, ему Рылѣевъ не сказывалъ), и что въ думѣ нѣкоторые члены предполагаютъ ввести въ Россіи республиканскую форму правленія, но что это еще одно предположеніе, и не извѣстно, будетъ ли принято. Не одобряя сію мѣру, Бестужевъ разговаривалъ о семъ съ Торсономъ, который тоже съ оною не соглашался, и, полагая, что въ думѣ, о которой Рылѣевъ оставлялъ ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи, находятся люди съ благоразуміемъ и разсудительностію, они думали, что пылкія и химерическія предположенія Рылѣева не будутъ имѣть никакого вѣсу; при томъ же онъ самъ отъ Рылѣева сего не слышалъ и тѣмъ болѣе утвердился въ своемъ мнѣніи.

«Рылѣевъ всегда старался оставлять его въ совершенной безызвѣстности о силѣ и средствахъ общества, уклоняясь отъ вопросовъ его тѣмъ, что не можетъ сказать лицъ, находящихся въ обществѣ; но что есть многіе, заслуживающіе общую довѣренность, коихъ онъ узнаетъ въ свое время; что силы общества увеличиваются безпрестанно, и что во второй арміи явное безпокойство между офицерами и даже солдатами. Для убѣжденія въ томъ, что общество всегда дѣйствуетъ благоразумно и основательно, приводилъ ему Рылѣевъ въ доказательство, что есть въ ономъ два человека (это были Якубовичъ и Каховскій), которые рѣшаются на все и даже имѣли намѣреніе покуситься на жизнь государя; но общество ихъ отклонило отъ сего предпріятія, ибо оно противно и дѣйствіямъ и намѣреніямъ его; такимъ образомъ, стараясь увѣрить его въ благоразуміи и разсудительности распоряженій общества, внушалъ ему заняться распространеніемъ членовъ во флотъ и въ Кронштадтъ, надѣясь, что онъ, въ случаѣ неудачи, могъ бы служить тѣмъ же, что островъ Леонъ для гишпанцевъ; но Бестужевъ послѣ поѣздки Рылѣева въ Кронштадтъ рѣшительно отказался отъ распространенія членовъ во флотъ, и Рылѣевъ отрекся отъ своихъ на то притязаній.

«Бестужевъ до смерти покойнаго императора имѣлъ поверхностныя понятія объ обществѣ и полагалъ цѣль онаго слишкомъ отдаленною; самъ въ пользу его не дѣйствовалъ, бывъ преданъ занятіямъ по тремъ должностямъ. По кончинѣ его величества, когда

дана была присяга государю цесаревичу, положено было общество уничтожить. Въ сіе время, за нѣсколько дней предъ 14-мъ числомъ декабря, при немъ, Бестужевъ, вошелъ къ Рылѣву Каховскій, который, негодуя на сіе намѣреніе объ уничтоженіи общества, сказалъ: «Не довольно того, что вы удержали человѣка, но не хотите и продолжать цѣли своей; я говорю вамъ, господа, что ежели вы не будете дѣйствовать, то я донесу на васъ правительству. Я готовъ собою жертвовать. Назначьте, кого должно поразить, и я поражу; довольно одного удара, чтобы заставить всѣхъ обратиться на нашу сторону». Рылѣвъ, возражая ему, напоминалъ обѣщанное имъ безусловное повиненіе, что обязанность его есть слѣпо дѣйствовать, какъ ему прикажутъ, и что участь императорской фамилии будетъ зависѣть отъ общаго голоса чиновъ великаго собора. Слова «великій соборъ» здѣсь Бестужевъ въ первый разъ слышалъ; между тѣмъ, Рылѣвъ сообщилъ ему, что на югѣ есть сильное общество, что во 2-й арміи цѣлый корпусъ готовъ, что нечаянность присяги, принесенной цесаревичу, не дала времени приступить къ дѣйствию, но что предполагаемое отреченіе его высочества отъ престола представляетъ удобный случай начать открытыя дѣйствія.

«Все сіе, сверхъ того желаніе добра своему отечеству, надежда на расположеніе гвардіи и письмо Ростовцева къ императору Николаю Павловичу побудили его, Бестужева, дѣйствовать рѣшительно. Согласно сему 14 декабря въ 9 часовъ утра пошелъ онъ къ Рылѣву, и, получивъ отъ него наставленіе воспользоваться расположеніемъ гвардейскаго экипажа и, если возможно, быть съ онымъ на площади, пришелъ онъ туда спрашивать офицеровъ, приготовлены ли у нихъ люди. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, предлагалъ избрать начальникомъ Арбузова; потомъ при сборѣ баталіона, оставаясь на дворѣ казармъ до того времени, пока пришло извѣстіе, что Московскій полкъ на площади, сказалъ солдатамъ: «ребята, пойдемте за мной на площадь»; но не полагаетъ, чтобы слова незнакомаго офицера могли подѣйствовать, если бы сами офицеры экипажа не приготовили къ тому людей; притомъ онъ произнесъ сіе тогда, когда уже солдаты двинулись.

«Бестужевъ не далъ присяги и по совѣсти думалъ, что могъ изъяснить свои нужды прежде, нежели другою присягою обязался бы безусловному повиненію. Онъ пробылъ на площади, пока толпа не разсыпалась отъ картечи. Тогда пробрался на Васильевскій островъ къ матери, взялъ фуражку и пустился въ Кронштадтъ. Тамъ у человѣка г. Обросимовой, которая находилась въ то время въ С.-Петербургѣ, выпросилъ тулупъ и отправился на Кронштадтскую косу, сдѣлавъ себѣ видъ за подписаніемъ Спааріева и два письма на имя смотрителя маяка, дабы дать болѣе вѣроятія своему обѣянью. Тутъ былъ схваченъ и отправленъ подъ стражею въ С.-Петербургъ.

«Спрошенный по показанію Торсона, какъ онъ ему показывалъ черновое обнародованіе, Бестужевъ отвѣчалъ, что въ одно утро предъ 14-мъ числомъ набросалъ на бумагѣ въ нѣсколькихъ строкахъ мысли свои о предметѣ воззванія къ народу отъ правительствующаго сената, что наступило время для Россіи получать законы, для постановленія которыхъ будетъ собрано особенное совѣщательное сословіе и изберутся отъ народа представители.

«Сверхъ того о Николаѣ Бестужевѣ показываютъ (показаніе Александра Бестужева): «Прежде введенія его въ кругъ знакомства Александра Бестужева онъ не имѣлъ вовсе либеральнаго образа мыслей; но по переходѣ въ Петербургъ мало-по-малу примѣръ друзей увлекъ и его. Чѣмъ болѣе, однако же, узнавалъ онъ Рылѣева, тѣмъ менѣе сталъ довѣрять средствамъ общества и не разъ говорилъ, что все это химера, слушалъ мечтанія Рылѣева, не говоря ни слова, и доказывалъ, что содѣйствіе Кронштадта и невозможно и бесполезно. Послѣ извѣстія о смерти государя онъ уже дѣйствовалъ по убѣжденію, что это принесетъ пользу отечеству, и сказалъ: «разсуждайте, какъ быть, а я сдѣлаю, что мнѣ укажутъ». Впрочемъ онъ всегда держался кроткихъ мѣръ.

«(Показаніе коллежскаго ассесора Кюхельбекера и кн. Оболенскаго) Николай Бестужевъ находился на площади, но весьма мало принималъ участія въ происходившемъ; ему предлагали принять команду, но онъ отказался».

Верховный уголовный судъ отнесъ Н. А. Бестужева ко второму разряду преступниковъ и присудилъ: «положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу»; императоръ Николай повелѣлъ сослать въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Съ сентября 1826 по сентябрь 1827 года Бестужевъ пробылъ въ Шлиссельбургской крѣпости; отсюда онъ былъ отправленъ въ Читинскій острогъ и въ 1830 году былъ переведенъ въ Петровскій заводъ. Въ 1840 году Н. А. Бестужевъ былъ отправленъ на поселеніе въ городъ Селенгинскъ, Забайкальской области. И въ каторгѣ, и въ ссылкѣ, Н. А. Бестужевъ обнаружилъ блестящія техническія способности; ему удалось устроить при помощи самыхъ ничтожныхъ средствъ очень точный хронометръ; онъ придумалъ особую «бестужевскую печь» и т. д.

Умеръ Бестужевъ 15-го мая 1855 года, не дождавшись амнистіи.

I.

Изъ воспоминаній о К. Ѡ. Рылѣевѣ.

Приступимъ теперь къ важнѣйшей эпохѣ жизни Рылѣева. Раздѣляемый между литературою, занятіями по обществу и домашними попеченіями, онъ тихо проводилъ жизнь свою, уважаемый общимъ

мнѣніемъ, любимый домашними и друзьями и подозрѣваемый правительствомъ, которое, повидимому, въ послѣднее время было очень слабо въ своемъ полицейскомъ надзорѣ. Мало-по-малу тайныя дѣла для приготовленія общества отвлекли его отъ другихъ зачатій; онъ совершенно посвятилъ себя одной только заботѣ.

Не знаю, былъ ли онъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключали, что общество наше многочисленно, и что значительные люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи дѣлъ застала насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о сѣздѣ во дворецъ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наследниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву. Ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и вмѣсто начатія дѣйствій я увидѣлъ, что Рылѣевъ совершенно не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ и видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

— Гдѣ же общество,—говорилъ я,—о которомъ столько рассказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе ихъ планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знадо о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаютъ бюллетени объ опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ, и мы приступимъ къ исполненію—говори!

Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣно и положивъ голову между рукъ.

Онъ былъ пораженъ нечаянностью случая и наконецъ сказалъ:

— Это обстоятельство даетъ намъ явное понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ, мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико, но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня ввечеру; между тѣмъ, я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и войскѣ.

Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, выразилось бѣднымъ собраніемъ пяти человекъ.

Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ—душой оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ

другу собранныя свѣдѣнія, они были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленій неудовольствія. Въ городѣ еще не знали, отречется ли Константинъ, тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

Когда мы остались трое: Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ моихъ намѣреній положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько написанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое итти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

Это положено было рассказывать, чтобы приготовить духъ войска, для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

Нельзя представить жадности, съ какой слушали насъ солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какой разнеслись наши слова по войскамъ, на другой день такой же обходъ по городу удостоуверилъ насъ въ этомъ.

Два дня сильнаго безпокойства, двѣ бессонныя ночи въ ходѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла, онъ слегъ въ постель, воспаленіе перешло въ жабу, онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало-по-малу число напе увеличилось, члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

Мнѣ прискорбно теперь припоминать предсказаніе, сдѣланное мною больному, и тогда было оно шуткою, но вскорѣ исполнилось ужасною истиною. Ему поставили на шеѣ мушку, и когда она подѣйствовала, надобно было сдѣлать перевязку. Очищая больное мѣсто и прикладывая новый пластырь, я зацѣпилъ. Рылѣевъ вскрикнулъ. «Какъ не стыдно тебѣ быть такъ малодушнымъ, — сказалъ я шутя, — и кричать отъ одного прикосновенія, когда ты знаешь свою участь, знаешь, къ чему тебѣ должно приучать свою шею».

Между тѣмъ, сомнѣнія насчетъ наслѣдства престола возрастали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе, готовили гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшей между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества.

Но, несмотря на успѣхи наши, невзирая на то, что новые члены прибывали, что за многіе полки сдѣлано было обѣщаніе, мы

мало увѣрены были въ нашихъ силахъ; никто не могъ ручаться за полный полкъ, ротные командиры, участвовавшіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты, и то при нѣкоторыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ. Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать, чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: «предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо, тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ».

Наконецъ, 12-го числа декабря, въ субботу, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный, онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему объ умышляемомъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрасивалъ его для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола, или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать какъ письмо, писанное имъ до свиданія, такъ и разговоръ съ Николаемъ.

— Вотъ черновое изложеніе того и другого,—продолжалъ Рылѣевъ,—собственной руки Ростовцева, и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи общества, не названо ни одного лица, но говорилось о намѣреніи восппротивиться вступленію на престолъ Николая, о могущемъ произойти кровопролитіи. Въ справедливости же своего показанія Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобы его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

— Увѣренъ ли ты,—сказалъ я Рылѣеву,—что все, написанное въ этомъ письмѣ, и разговоръ совершенно согласны съ правдою, и что въ нихъ ничего не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева?

— Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

— По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить, но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, предъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго. Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно, и скрыть то, что ему не надобно намъ сказывать. Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстью, раскаялся, сказалъ и написалъ не болѣе и не менѣе, однакожъ у него сказано объ умыслѣ, и ежели у Николая теперь такъ много хлопотъ, что некогда разспросить объ немъ доносчика, или боязнъ и политика мѣшаютъ

приняться за розыскъ, какъ бы надобно то, конечно, эти причины не будутъ существовать въ первый день по вступленіи на престолъ, и Ростовцева заставятъ сказать что нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говорилъ теперъ съ такою скромностью.

— Но если бы сказано было что нибудь болѣе, насъ, конечно, тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

— Я тебѣ повторяю, что Николай боится сдѣлать это теперъ. Спорная точка нашего заговора есть вѣрность присягѣ Константину и нежеланіе присягать Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскѣ, и, конечно, тайная полиція о томъ извѣстила Николая, но какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно, арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

— Итакъ, ты думаешь, что мы уже заявлены?

— Непремѣнно, и будемъ взяты, ежели не теперъ, то послѣ присяги.

— Что же, ты полагаешь—нужно дѣлать?

— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать. Лучше быть взятыми на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибаемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали.

Рылѣевъ бросился ко мнѣ на шею.

— Я увѣренъ былъ,—сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ:— что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ, съ Богомъ! Судьба наша рѣшена! Къ сомнѣніямъ нашимъ теперъ, конечно, прибавятся все препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества.

Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену общества, чтобы спросить его рѣшительнаго отвѣта, и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непременно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ расположеніи—съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ этотъ же вечеръ пріѣхала ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщаніи. Рылѣевъ обѣщаль извѣстить меня обо всемъ.

На другой день, по утру, передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхаль со мною опять къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ пріѣхать ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать Моллера, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

Я отправился къ Торсону, и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего, министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣреніяхъ онъ вспыхнулъ, сказалъ, что не намѣренъ слу-

жить орудіемъ и игрушкою другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова не твердо держится на плечахъ, и, не слушая нашихъ убѣжденій, ушелъ.

Я сообщилъ Рылѣву за обѣдомъ о нашей неудачѣ.

— Намъ надобно что нибудь узнать о Финляндскомъ полку,—сказалъ онъ,—поѣдемъ къ Рѣпину.

Насилу отыскали, привезли его ко мнѣ, и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка.

— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня по утру съ энтузіазмомъ далъ свое слово, оба отказываются: Моллеръ по своимъ расчетамъ, Тулубьевъ — слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата; моей роты здѣсь нѣтъ, она съ батальономъ стоитъ въ деревнѣ, и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать.

Рылѣвъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ къ завтрашнимъ дѣйствіямъ.

Мы остались съ Рѣпинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣвъ съ Пуцинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что въ завтрашній день при принятіи присяги должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

— Надобно нанести первый ударъ,—сказалъ онъ,—а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствию, итакъ, братъ ли твой, Михайлъ, съ своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ—первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.

Здѣсь Рѣпинъ замѣтилъ Рылѣву, что дворецъ слишкомъ великъ, и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, что наконецъ Преображенскій баталіонъ, помѣщенный возлѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда чрезъ армітажъ, и что отважившаяся рота будетъ въ слишкомъ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобы воспрепятствовать уходу царской фамиліи. Ежели же это,—прибавилъ онъ,—необходимо, то не дурно бы достать планъ дворца и по оному расположить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодною малымъ числомъ.

— Мы не думаемъ,—сказалъ Рылѣвъ,—чтобы могли кончить всѣ дѣйствія однимъ занятіемъ дворца, но довольно и того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ отсюда, и замѣшательство оставить его партію безъ головы. Тогда гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны будутъ склониться на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзайте.

Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія.

Не бывъ на семь совѣщаній, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13-го числа послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семь случаѣ пишу не исторію общества, но дѣйствія Рылѣева, то и долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ.

Рано по утру, 14-го числа, я былъ уже у Рылѣева, онъ соби-рался ѣхать со двора.

— Я дожидаль тебя,—сказаль онъ:—что ты намѣренъ дѣлать?

— Ѣхать, по условію, въ гвардейскій экипажъ, можетъ быть, тамъ мое присутствіе будетъ къ чему нибудь годно.

— Это хорошо. Сейчасъ былъ у меня Каховскій и далъ намъ съ твоимъ братомъ Александромъ слово объ исполненіи своего обѣщанія, а мы сказали ему, на всякій случай, что съ сей поры мы его не знаемъ, и онъ насъ не знаетъ, и чтобы онъ дѣлаль свое дѣло, какъ умѣетъ. Я же съ свсей стороны ѣду въ Финляндскій и лейбъ-гренадерскій полки, и если кто либо выйдетъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Какъ, во фракъ?

— Да, а, можетъ быть, надѣну русскій кафтанъ, чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

«— Я тебѣ этого не совѣтую. Русскій солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма, и ты скорѣе подвергнешься опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало.

Рылѣевъ задумался.

— Въ самомъ дѣлѣ это слишкомъ романически,—сказаль онъ:—итакъ, просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть,—продолжалъ онъ,—мечты наши сбудутся, но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ.

Онъ вздохнулъ, крѣпко обнялъ меня, мы простились и пошли.

Но здѣсь ожидала насъ трудная сцена. Жена его выбѣжала къ намъ навстрѣчу, и, когда я хотѣлъ съ нею поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить: «Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его—я знаю, что онъ идетъ на гибель».

Кто изъ моихъ товарищей испыталъ чувства, одушевлявшія каждого изъ насъ въ эти незабвенные дни, тотъ можетъ представить, что напряженная душа готова была ко всѣмъ пожертваніямъ, и потому я уговариваль ее такими словами, какъ будто супруга и мать должна была понимать мои чувства, но это было холодно для ея сердца. Рылѣевъ, подобно мнѣ, старался успокоить ее, что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ни-

чего опаснаго. Она не слушала насъ, но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ черныхъ ея глазъ попеременно устремлялся на обоихъ — я не могъ вынести этого взгляда и смутился. Рылѣевъ примѣтно былъ въ замѣшательствѣ, вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:

— Настенька, проси отца за себя и за меня!

Маленькая дѣвочка выбѣжала, рыдая, обняла колѣни отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочернихъ объятій и убѣжалъ.

II.

14-е декабря 1825 года.

... Сабля моя давно была вложена. Я сталъ въ интерваллѣ между московскимъ карре и колонною гвардейскаго экипажа; нахлобучивъ шляпу и поджавъ руки, повторяя слова Рылѣева, что мы дышимъ свободою, я съ горестью видѣлъ, что это дыханіе стѣснялось. Наша свобода и крики солдатъ походили болѣе на стенанья, на хрипъ умирающаго! Въ самомъ дѣлѣ, мы были окружены со всѣхъ сторонъ; бездѣйствіе поразило оцѣпенѣніемъ умы; духъ упалъ, ибо тотъ, кто въ началомъ поприщѣ разъ остановился, уже побѣжденъ въ половину; сверхъ того, провзительный вѣтеръ леденилъ кровь въ жилахъ солдатъ и офицеровъ, стоявшихъ такъ долго на открытомъ мѣстѣ. Атака на насъ прекратилась; «ура» солдатъ становилось рѣже и слабѣе, день смеркался, вдругъ мы увидѣли, что полки, стоявшіе противъ насъ, разступились на двѣ стороны, и батарея артиллеріи стала между ними съ разверзтыми зѣвами, тускло освѣщенными сѣрымъ мерцаніемъ сумерекъ. Митрополитъ, посланный для нашего увѣщанія, возвратился безъ успѣха; Сухозанету, который, подѣхавъ, показалъ намъ артиллерію, громогласно прокричали — подлець! и это были послѣдніе порывы, послѣднія усилія нашей независимости.

Первая пушка грянула, картечь разсыпалась, однѣ пули ударили въ мостовую и подняли рикошетами снѣгъ и пыль столбами, другія вырвали нѣсколько рядовъ изъ фронта, третья съ визгомъ пронеслись надъ головами и нашли своихъ жертвъ въ народѣ, лѣпившемся между колоннъ сенатскаго дома и на крышахъ сосѣднихъ домовъ; съ первыми выстрѣлами семь человекъ опеломленные упали, я не слышалъ ни одного вздоха, не примѣтилъ ни одного судорожнаго движенія — столь жестоко разила картечь на этомъ разстояніи.

Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми; другой и третій выстрѣлы повалили кучу солдатъ и черни, которая толпами собралась около нашего мѣста; разбитыя оконницы за-

звенѣли, падая на землю, но люди, слетѣвшіе вслѣдъ за ними, растянулись безмолвно и недвижимо, какъ будто одеревенѣли. Я сталъ тамъ въ томъ положеніи, смотрѣлъ въ глаза смерти и ждалъ рокового удара; въ эту минуту существованіе было такъ горько, что гибель казалась мнѣ благополучіемъ, однако судьбѣ угодно было иначе... съ пятымъ или шестымъ выстрѣломъ колонна дрогнула. Почувявъ это, я оглянулся—между мною и бѣгущими была уже цѣлая площадь и сотни скошенныхъ картечью жертвъ свободы. Я долженъ былъ слѣдовать общему движенію и съ какимъ-то мертвымъ чувствомъ въ душѣ пробирался между убитыхъ; тутъ не было ни движенія, ни крика, ни стenanія, только въ промежуткахъ между выстрѣлами можно было слышать, какъ кипятится кровь струями по мостовой, растопляя снѣгъ,—потомъ сама, алѣя, замерзала.

За нами двинули эскадронъ Конной Гвардіи, и, когда при входѣ въ узкую Галерную улицу бѣгущіе столпились вмѣстѣ, я достигъ до лейбъ-гренадеровъ, слѣдовавшихъ сзади, и сошелся съ братомъ Александромъ; здѣсь мы остановили нѣсколько десятковъ человѣкъ, чтобы, въ случаѣ натиска, сдѣлать отпоръ и защитить отступленіе, но императоръ предпочелъ продолжать стрѣльбу по длинной улицѣ.

Картечь догоняла лучше, нежели лошади, и составленный нами взводъ разсѣялся. Мертвые тѣла солдатъ и народа валились и валились на каждомъ шагу; солдаты забѣгали въ дома, стучались въ ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала отъ стѣнъ въ стѣны и не щадила ни одного закоулка. Такимъ образомъ, толпы достигли до перваго перекрестка и здѣсь были встрѣчены новою частью Павловскаго гренадерскаго полка. Не видѣвъ, куда исчезъ братъ мой, я поверотилъ въ полуотворенныя ворота направо и сошелся съ самимъ хозяиномъ дома; двое порядочно одѣтыхъ людей бросились такъ же въ ворота, и въ ту минуту, какъ первый пригласилъ насъ войти, картечь поразила одного изъ послѣднихъ, и онъ упалъ, загородивъ намъ дорогу.

Прежде нежели я успѣлъ нагнуться, чтобы приподнять его, онъ закрылъ глаза навѣки, кровь брызгала въ обѣ стороны изъ груди и спины, пуля пробила его насквозь.

— Боже мой! Нельзя ли ему помочь!—воскликнулъ хозяинъ.

Я безмолвно указалъ ему на рану, которая начиналась противъ самаго лѣваго соска и оканчивалась противъ самаго хребта. Шинель молодого человѣка свалилась съ плечъ при паденіи.

— Да будетъ воля Божія!—сказалъ хозяинъ.—Пойдемте ко мнѣ, иначе еще ктонибудь изъ насъ убудетъ.

Итакъ, мы трое, перешедъ дворъ, остановились на крыльцѣ; хозяинъ постучалъ въ дверь; громкій лапъ собаки, раздавшійся,

какъ громъ, въ пустыхъ стѣнахъ, отвѣтствовалъ ему: о ростѣ собаки можно было судить по необыкновенному голосу.

— Позвольте мнѣ теперь спросить, господа, кого я имѣю честь у себя принимать,—говорилъ хозяинъ, пока слышался голосъ слуги, начавшаго унимать собаку и отодвигать запоры.

Я распахнулъ шинель, и, какъ полная форма мундира, штабъ-офицерскія эполеты и крестъ могли служить достаточнымъ отвѣтомъ, хозяинъ учтиво мнѣ поклонился.

— А вы?...

Молодой человѣкъ очень пріятной фізіономіи сказалъ ему свою фамилію и мѣсто службы—я жалѣю, что не помню ни того, ни другого.

Въ эту минуту замокъ, запоръ и нѣсколько задвижекъ были отодвинуты, дверь пріотворилась, и слуга высунулъ голову.

— Я не одинъ, поддержи собаку, пока мы пройдемъ,—сказалъ хозяинъ и, подавъ намъ обоимъ руки, пригласилъ войти въ домъ; предосторожность его была необходима, потому что датская собака чудовищной величины рвалась изъ рукъ слуги, едва могшаго удерживать ее за ошейникъ.

Мы вошли въ комнату нижняго этажа, и когда подали свѣчу, хозяинъ приказалъ запереть снова дверь, закрыть ставни на набережную и на дворъ и не сказывать его дома.

Пушечные выстрѣлы гремѣли по улицѣ и на Невѣ, ружейная пальба не переставала по обѣ стороны дома; все то, что я сказалъ, едва ли продолжалось десять минутъ, потомъ пушки замолкли, ружейные выстрѣлы слышались изрѣдка, наконецъ и тѣ перестали.

Подали чай. Разговоръ нашъ, хотя и относился до ужасныхъ происшествій сего дня, былъ сухъ и холоденъ. Всѣ трое были не знакомы другъ другу, недовѣрчивость связывала каждому языкъ, принужденіе каждаго свѣтилось сквозь свѣтскую учтивость, когда мы остались другъ съ другомъ.

Тутъ я разсмотрѣлъ хозяина: онъ былъ съ меня ростомъ и по виду лѣтъ 45-ти мужчина, но съ цвѣтущимъ здоровьемъ, съ пріятнымъ и красивымъ лицомъ. Блестящіе черные глаза ручались за твердость его характера, въ черныхъ волосахъ не было ни одной сѣдины, которая бы обнаружила излишество внутренняго огня. На сѣромъ фракѣ, шитомъ настолько по модѣ, чтобы не отстать отъ нея и не походить на бульварныхъ щеголей, надѣта была неаполитанская звѣзда.

Наконецъ на обѣихъ сторонахъ дома все утихло; слуга, выходившій нѣсколько разъ за ворота, сказывалъ, что по улицамъ и набережной разъѣзжаютъ одни патрули.

Тогда молодой человѣкъ всталъ, поблагодарилъ хозяина за гостепріимство, повторилъ свою фамилію и былъ выпущенъ слугою на безлюдную набережную. Предѣлы приличія не позволяли и мнѣ оставаться долѣе, но я считалъ еще опаснымъ выйти на дворъ, и

когда хозяинъ, проводивъ своего гостя, подошелъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, будто желалъ и моего ухода, я ему сказалъ:

— Вы сдѣлали великодушное дѣло, укрывъ насъ отъ картечей, и теперь, когда ихъ нечего бояться, молодой мой товарищъ ушелъ, по законамъ учтивости должно бы уйти и мнѣ, но ваши поступки внушаютъ мнѣ довѣренность: я долженъ сказать причину, почему прошу у васъ гостеприимства еще на часъ или два—я одинъ изъ приведшихъ на площадь войска, не присягнувшія Николаю.

Хозяинъ мой поблѣднѣлъ, сомнѣніе выразилось на его лицѣ.

— Теперь дѣло сдѣлано,—продолжалъ я, замѣтивъ перемѣну,—вы властны расположить мною: или выдать, какъ бунтовщика, или укрыть, какъ преслѣдуемаго несчастливца.

Онъ протянулъ руку.

— Вы остаетесь у меня, сколько нужно для вашей безопасности,—сказалъ онъ.

— Разсудите, на что вы рѣшаетесь: сверхъ мною сказаннаго вы обязаны объявить, кого вы укрываете... я...

— Не нужно... мнѣ довольно одного вашего несчастія,—сказалъ онъ, торопливо взявъ меня за руку и сажая съ участіемъ на стулъ.

— Вы великодушный человѣкъ,—отвѣчалъ я,—въ такомъ случаѣ я не употреблю во зло снисхожденія, за которое заплатитъ вамъ Богъ.

— Мы начнемъ съ того, что перейдемъ отсюда въ другую комнату, потому я занимаю обыкновенно эту, а ко мнѣ можетъ кто нибудь зайти, увидя сквозь ставни огонь.

Сказавъ это, онъ вывелъ меня въ комнату, похожую на кабинетъ, но заставленный разными мебельями.

— Жена моя въ деревнѣ,—продолжалъ онъ,—я собираюсь также на-дняхъ ѣхать, и потому весь домъ пустъ, кромѣ этихъ двухъ комнатъ и третьей, гдѣ живетъ сынъ мой, служащій адъютантомъ у ****.

Мы сѣли, и разговоръ нашъ сдѣлался откровеннѣе. Рѣчь была о расположеніи войскъ, мой хозяинъ былъ зрителемъ на площади и видѣлъ, желали ли новаго государя, и когда по спѣшенію мыслей мы дошли до того, кто привелъ непріятельскіе полки, я упомянулъ свою фамилію.

Хозяинъ мой остановилъ меня.

— Не сынъ ли вы А. Б., бывшаго капитаномъ въ инженерномъ корпусѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ радъ,—продолжалъ онъ,—что могу оказать услугу сыну моего благотворителя. Я воспитывался подъ его начальствомъ и потомъ, могу сказать, былъ его другомъ, пока обстоятельства не разлучили насъ.

Здѣсь онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, не богатую занимательными происшествіями; самое замѣчательное было то, что онъ ко-

ротко былъ извѣстенъ покойному императору, переписывался съ нимъ и имѣлъ нѣсколько отъ него порученій въ чужихъ краяхъ, будучи употребляемъ также и какъ корреспондентъ ученаго артиллерійскаго комитета; рассказывая свои сношенія съ Александромъ и любовь къ нему, онъ далъ волю своимъ чувствамъ и, когда кончилъ похвалы, вынулъ висѣвшій на груди его портретъ государя, поцѣловалъ его съ благоговѣнїемъ, слезами, и прибавилъ, что это былъ подарокъ самого государя, потому данный, что онъ не хотѣлъ принять никогда никакой награды.

Ласки моего хозяина, котораго я узналъ имя и фамилію, обворожили меня; я не замѣчалъ, какъ проходило время; было уже около 8-ми часовъ вечера, вдругъ собака залаяла, у дверей поднялся страшный стукъ. Нашъ разговоръ пресѣкъся, хозяинъ немного смутился, но когда онъ увидѣлъ вошедшаго молодого человѣка въ адъютантскомъ мундирѣ, онъ мнѣ шепнулъ, что это—его сынъ.

Красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, разсказалъ отцу, что едва могъ урваться изъ дворца, чтобы переодѣться, и что долженъ немедля опять ѣхать туда же.

Молодой человѣкъ столько былъ занятъ происшествїями, что почти вовсе не замѣтилъ меня, не спрашивалъ отца о томъ, что съ нами случилось, и съ жаромъ разсказывалъ о дѣйствїяхъ государя, войскъ и артиллерїи.

— Чѣмъ же все это кончилось? — сказалъ мой хозяинъ: — я ушелъ съ площади, какъ только начали стрѣлять, и потому не знаю остальнаго.

— Однимъ словомъ, батюшка, эту толпу мерзавцевъ разогнали, нѣсколько человѣкъ офицеровъ, съ ними бывшихъ, перехватили; теперь открывается, что зачинщики всего зла—братья Бестужевы; ихъ тутъ безъ счету, и ни одного изъ этихъ подлецовъ не могли поймать.

Я сжалъ руки и стиснулъ зубы, но здѣсь не мѣсто было вступить за свою обиженную честь. Хозяинъ мой вздрогнулъ при сихъ словахъ, взглянулъ на меня и началъ:

— Не брани, любезный другъ, такъ легкомысленно людей, не разсудивъ хорошенько о ихъ проступкахъ. Ты смотришь на нихъ съ одной стороны, видишь ихъ глазами придворнаго, но если бы ты, подобно мнѣ, былъ на площади между ними, тогда ты бы согласился, что требованія ихъ были справедливы.

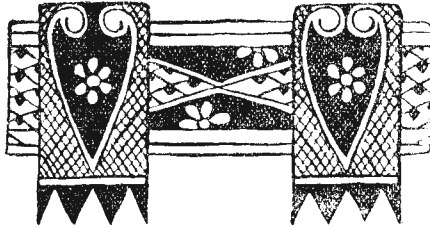
Здѣсь хозяинъ разсказалъ, на чемъ основывалось недовѣріе солдатъ, сколько могло быть законно отреченіе Константина, не извѣстное никому, и которому не дано было никакого послѣдствїя, и какъ можно было положиться на новую записку его, писанную изъ Варшавы. Однимъ словомъ говорилъ благоразумно, такъ что молодой человѣкъ долженъ былъ съ нимъ согласиться.

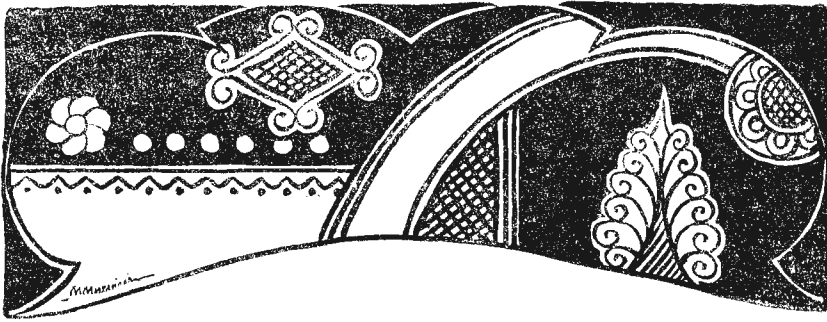
— Вы видите,—началь хозяинъ,—что вамъ небезопасно оставаться въ моемъ домѣ, имѣя сына моего съ сими мыслями.

— Я и не намѣренъ оставаться долѣе,—сказалъ я,—хочу поблагодарить васъ и проститься.

— Нѣтъ, еще рано, мы поужинаемъ, дадимъ еще успокоиться городу и потомъ разстанемся...

Н. А. Бестужевъ.

ТРИ БѢДЫ СРЯДУ.

РОТЪ это-то, господа, и вредно! Вотъ это-то, господа, и скверно! Въ мирное время мы настолько привыкли заботиться о своемъ благополучіи, точно намъ суждено безсмертіе, а между тѣмъ назначеніе наше—опасности, страданіе и смерть!.. И не наше только, а и всего человѣчества!

Такъ говорилъ нашъ заслуженный товарищъ-артиллеристъ, сидя съ нами за столикомъ въ «военномъ собраніи». Мы весьма уважали почтеннаго Ивана Герасимовича, которому оставался всего одинъ годъ до отставки, и рассказы его слушали съ большимъ удовольствіемъ.

— Да,—продолжалъ онъ,—развѣ не правда? Увидите вы убиитаго человѣка, только одного человѣка!—и васъ охватываетъ настоящій ужасъ; оцарапаете себѣ руку—и уже морщитесь; а, не дай Богъ, придется вырвать себѣ большой зубъ,—такъ вы готовитесь къ этому дѣлу, точно къ какому нибудь подвигу! А вѣдь въ такомъ настроеніи всю жизнь предрекаться нельзя! Что же еще вы скажете, когда увидите вокругъ себя сотни окровавленныхъ труповъ, и вамъ каждую минуту будетъ предстоять случай сдѣлаться такимъ же трупомъ, испытавъ предварительно массу страданій? Слѣдовало бы объ этомъ помнить!

— Зачѣмъ помнить, Иванъ Герасимовичъ?—отозвался одинъ пожилой капитанъ:—ну, придутъ страданія, такъ и будемъ стра-

дать!.. Для чего же заранѣе отравлять себѣ жизнь подобными размышленіями?

— Для чего? А для того, чтобы не оцѣпенѣть въ минуту опасности! Вы развѣ не знаете, что непривычный человѣкъ въ опасности цѣпенѣеть? А наше дѣло какое?—стрѣлять? то-есть, потеперешнему, разыгрывать игру на манеръ винта или преферанса? Какъ же вы будете играть, если оцѣпенѣете?!

— Да, господа! Много я видѣлъ на своемъ вѣку и испыталъ тоже немало; и потому нѣтъ мнѣ ничего противнѣе, какъ слушать бойкіе рассказы о пережитыхъ опасностяхъ! Замѣтили ли вы, что всѣ они звучатъ страшно фальшиво? А почему?—очень просто: человѣкъ потерялъ сознание и ничего не помнить, а признаться въ этомъ не хочетъ; ну, и придумываетъ, что ему прилетѣть въ голову... о хвастунахъ я уже не говорю!..

— Всѣ мы, господа, сдѣланы изъ одного тѣста! и я никогда не повѣрю, чтобы непривычный къ опасности человѣкъ встрѣтилъ ее вполне сознательно и спокойно. Въ Севастополѣ—тамъ дѣло другое: тамъ было когда привыкнуть, а теперь—гдѣ же? Самъ я воевалъ и въ Турціи, и въ Туркестанѣ; кажется, ничего не испортилъ... но скажу вамъ по совѣсти, что, взглянувъ въ глаза костлявой старухѣ, которую называютъ смертью, я каждый разъ впадалъ въ настоящій гипнотическій трансъ, пока не привыкъ къ ея виду и не израсходовалъ, если можно такъ выразиться, всей энергіи страха. Про такъ называемую храбрость, какъ и про любовь, говорятъ очень многое; а я знаю, что это не что иное, какъ только привычка. Да вотъ, хотите?—я вамъ расскажу одинъ маленькій случай, какъ я, волей-неволей, приучался къ опасности, при первыхъ шагахъ своей жизни? Главное то, что я рисоваться передъ вами не буду, а расскажу, какъ на исповѣди. Другой ни за что не сталъ бы рассказывать такъ откровенно, а мнѣ чинится съ вами нечего, да и жить уже мало осталось... Такъ хотите послушать?

Мы, разумѣется, выразили полнѣйшее удовольствіе, и Иванъ Герасимовичъ началъ.

— Это случилось въ 1870 году, ровно черезъ годъ послѣ того, какъ я выпущенъ былъ въ офицеры. Назначили меня въ одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ въ Россіи; но, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, я взялъ—да и подалъ прошеніе о переводѣ въ Туркестанскій край. Тогда такіе переводы были въ модѣ; но переводились обыкновенно или отъ несчастной любви, или отъ неоплатныхъ долговъ. У меня, положимъ, ни того, ни другого не было, но жизнь, хотя и въ большомъ городѣ, безъ дѣятельности и средствъ, не удовлетворяла меня, и я рѣшилъ попробовать счастья... Начальство пожалѣло, однако согласилось; и вотъ, простившись надолго съ родиной, я покатилъ прямо въ степь.

— Не стану вамъ подробно рассказывать, какъ солоно пришла эта поѣздка! Выѣхалъ я въ срединѣ лѣта, но и лѣтомъ радости было мало: путей сообщенія не существовало въ то время почти никакихъ; приходилось скакать то на почтовой телѣжкѣ, запряженной совершенно дикими лошадьми, то верхомъ на киргизскомъ сѣдлѣ, а то и на верблюдѣ; достать что нибудь поѣсть рѣшительно было невозможно... Но все это ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ тяжелымъ душевнымъ настроеніемъ, въ которомъ я очутился, лишь только проѣхалъ населенную мѣстность. Представьте себѣ двадцатилѣтняго юношу, оторваннаго отъ всего близкаго сердцу, отъ самыхъ первоначальныхъ житейскихъ удобствъ, и даже, можно сказать, отъ самой земли, такъ какъ Туркестанская степь вовсе не похожа на нашу землю, а скорѣе на Елисейскія поля, какъ ихъ представляли себѣ древніе греки. Одинъ среди безконечныхъ, песчаныхъ бугровъ или гладкаго солончака, подобнаго мраморному столу, надъ которымъ опрокинутъ стеклянный колпакъ сѣраго цвѣта,—я иногда чувствовалъ такіе приливы горькаго отчаянія, что просто готовъ былъ броситься въ воду! Но воды-то какъ разъ не было, даже напиться!.. Однако, дѣлать нечего!—надо было ѣхать, и ѣхалъ, ужъ не знаю, сколько времени, пока не добрался до форта Перовскаго. Путь мнѣ лежалъ еще дальше, но въ Перовскомъ оказался мой однокашникъ, товарищъ и другъ К., присланный сюда изъ Ташкента за какую-то шалость. Разумѣется, я обрадовался этой встрѣчѣ, какъ нельзя болѣе, и, пользуясь тѣмъ, что поверстный срокъ еще мнѣ не вышелъ, рѣшился погостить у него подольше.

Первые дни прошли въ дружескихъ изліяніяхъ, а затѣмъ мой пріятель захотѣлъ посвятить меня во всѣ прелести Туркестанской жизни: онъ угощалъ меня десятифунтовыми фазанами, которые, будучи зажарены неумѣлымъ солдатомъ въ бараньемъ салѣ, казались хуже всякой вороны; мы пили съ нимъ мѣстное шампанское, приготовляемое тогда въ Ташкентѣ изъ винограда величиною съ добрую сливу и весьма похожее на настоящее шампанское, только... одинъ разъ ужъ проглоченное... Потомъ ходили осматривать «городъ».

Фортъ Перовскій—бывшая кокандская крѣпость Акъ-Мечеть—старѣйшій изъ нашихъ средне-азиатскихъ поселковъ, расположенъ на берегу рѣки Сыръ-Дарьи и представлялъ собою въ то время небольшую кучку мазанокъ, окруженную землянымъ валомъ полевой профили съ поставленными кое-гдѣ полевыми же допотопными орудіями. Въ этихъ мазанкахъ безпечально и даже довольно уютно проживало мѣстное начальство и нѣсколько, Богъ вѣсть откуда взявшихся, русскихъ поселенцевъ, а кругомъ бродили тигры и шайки хивинскихъ разбойниковъ, еще болѣе опасныхъ, чѣмъ тигры. Громадная рѣка не оказывала никакого влія-

нія на окружающую мѣстность: сейчасъ же за валомъ начипалась глухая безплодная степь, перемежавшаяся непроходимыми зарослями проклятой колючки...

Колючка, господа (я не знаю, какъ она называется по-латыни),— это такое растение, которое растетъ специально въ аду да еще въ Туркестанѣ. По виду—это совершенно высохшій терновникъ; а между тѣмъ онъ не только подымается въ ростъ человѣка, да еще и даетъ какія-то сухія ягоды, которыми питаются фазаны. Пробраться сквозь такую заросль, кромѣ фазана и тигра, никому невозможно: для топора этотъ лѣсъ слишкомъ тонокъ, а для косы—слишкомъ толстъ; любопытно знать, какъ съ нимъ теперь порѣшили, потому что онъ, кажется, и не горитъ... Но, во всякомъ случаѣ, прогуливаться среди такой мѣстности не доставляло никому удовольствія, и всѣ держались внутри ограды.

Но и внутри тоже ничего не было. Посрединѣ стояла маленькая деревянная церковка; напротивъ — гауптвахта съ домикомъ коменданта; а затѣмъ рядъ кривыхъ, обнесенныхъ плетнемъ проулковъ, спускавшихся къ самой рѣкѣ. Впрочемъ — виноваты!.. въ «городѣ» имѣлись еще двѣ прескверныя лавочки, торговавшія только два мѣсяца послѣ «Макарья», а потомъ закрывавшіяся, и «городское собраніе».

— Безъ «собранія», какъ вы знаете, у насъ нигдѣ не обходится: въ иномъ городишкѣ сахару достать невозможно, а собраніе есть! Вотъ и въ Перовскѣ было собраніе, со всѣми удобствами, т.-е., карточными столиками, водкой и закуской и даже танцами, хотя потолки въ немъ отсутствовали. Но потолки въ этомъ краѣ, полагаю, и теперь считаются излишнею роскошью, такъ какъ лѣсъ страшно тамъ дорогъ, а дождей не полагается.

Всѣ такія мѣстныя удовольствія, конечно, скоро пріѣлись; и мой пріятель, не знавшій, что со мной дѣлать, пожелалъ утѣшить меня прославленной туркестанской охотой. Охота тогда здѣсь дѣйствительно была замѣчательная и вполне оправдывала свою славу: рано поутру изъ колючки подъ самую крѣпость выходили тысячи громадныхъ золотыхъ фазановъ; въ камышахъ по рѣкѣ стадами бродили кабаны; по степи сотнями летали быстрые, какъ вѣтеръ, но почти ручные сайгаки. Было еще и множество тигровъ, но тѣ ужъ сами за всѣми охотились, не исключая заблудившихся солдатъ.

До сихъ поръ, господа, люди не знаютъ, что такое настоящій королевскій тигръ, потому что рѣдко кому приходилось имѣть съ нимъ настоящее дѣло, а теперь онъ уже почти совсѣмъ вывелся... но старые туркестанцы кое-что въ этомъ понимали! Знаете вы, какъ опасна кошка, простая домашняя кошка, когда она сбѣсится? Представьте же себѣ эту кошку въ добрую лошадь длиною, съ силою нѣсколькихъ быковъ и съ когтями и зубами въ корабель-

ный гвоздь величиною! Льва называютъ царемъ звѣрей за его красивую внѣшность и знакомство съ французами, которые умѣютъ дѣлать рекламу; но я глубоко убѣжденъ, что нашему туркестанскому тигру, если только онъ существуетъ до сихъ поръ, — левъ и въ подметки не годится! Какъ вы полагаете? можетъ левъ, перепрыгнувъ черезъ саженную стѣну, схватить корову и исчезнуть съ нею безслѣдно? можетъ онъ, зарѣзавъ верблюда, протащить его по степи нѣсколько верстъ, чтобы полакомиться на досугѣ? А такіе подвиги тигровъ въ 60-хъ годахъ случались подъ стѣнами Перовска чуть ли не ежедневно! Если прибавить къ тому кошачью живучесть и дьявольскую хитрость этого звѣря, то нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый охотникъ только и думалъ о томъ, какъ бы не встрѣтиться съ этой ужасной дичью, за исключеніемъ развѣ одного только извѣстнаго Гамова, который такъ же одинокъ, какъ и Александръ Македонскій.

Я весьма хорошо зналъ этого необыкновеннаго человѣка, хотя въ близкія отношенія, подобно прочимъ, съ нимъ никогда не вступалъ. Это былъ тогда поручикъ 8-го Туркестанскаго линейнаго батальона, стоявшаго въ томъ же Перовскѣ, гдѣ мнѣ пришлось остаться надолго. Низенькій, худенькій, весьма добродушный, онъ далеко не поражалъ своей внѣшностью и заставлялъ предполагать скорѣе недостатокъ, чѣмъ избытокъ чего либо. Какъ теперь понимаю, онъ дѣйствительно имѣлъ недостатокъ, — недостатокъ того психическаго центра, который, къ несчастью всѣхъ военныхъ, производитъ въ человѣкѣ эмоцію опасности; кромѣ того, у него была большая привычка. Никогда бы не повѣрилъ, если бы не видѣлъ собственными глазами, какъ этотъ удивительный выродокъ, съ плохенькимъ ружьишкомъ и съ маленькой собачкой ходилъ на тигровъ, какъ мужикъ ходитъ за зайцами, и весьма часто посылалъ за добычей. Какъ онъ ихъ билъ, — никому не извѣстно: въ противоположность всѣмъ другимъ охотникамъ рассказывать онъ не любилъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ односложно и вяло, а товарищей онъ никогда не бралъ съ собою, не смотря ни на какія горячія просьбы. Впрочемъ и просились-то только люди неопытные. Говорятъ, что прежде съ нимъ ходили солдаты. Однажды онъ съ тремя весьма бойкими солдатиками выслѣживалъ звѣря «по тропѣ». Слѣды были весьма ясные и показывали присутствіе тигра въ логовищѣ, къ которому и направлено было все вниманіе охотниковъ. Но звѣрь неожиданно напалъ на нихъ сзади и, прежде чѣмъ они успѣли опомниться, истерзалъ всѣхъ троихъ спутниковъ Гамова. Самъ Гамовъ остался невредимъ и вмѣстѣ съ ранеными привезъ и добычу, но съ тѣхъ поръ уже никого не бралъ съ собой, кромѣ собаки. Собаки у него были маленькія, непородистыя и всегда перемѣнныя. Объяснялъ это Гамовъ весьма простодушно, что «проклятый звѣрь постоянно

портить «собачекъ», такъ что и завести хорошую невозможно». Но удивительный охотникъ долго оставался цѣль и невредимъ; и я очень желалъ бы узнать, чѣмъ закончилъ онъ свою карьеру.

Имѣлись ли тигровые охотники, кромѣ Гамова? Что бы ни писали и ни рассказывали о томъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, специалистовъ не было во всемъ Туркестанѣ. Правда, тигровъ били, и били довольно часто, а правительство черезъ уѣздныхъ начальниковъ платило за каждую показанную тушу сначала по 50-ти, а потомъ по 25 рублей. Но это дѣлалось или случайно, или же различными стратегическими и механическими способами, давно описанными въ разныхъ изданіяхъ, о чемъ теперь говорить вамъ не стану; только и при этомъ являлось множество жертвъ, особенно между туземцами...

Такъ вотъ какая охота существовала тогда въ фортѣ Перовскомъ! На тигровъ мы, конечно, охотиться не собирались, хотя и такую охоту, какъ я говорилъ, возможно было устроить особымъ способомъ, а порѣшили собраться компаніей въ нѣсколько человекъ, чтобы пострѣлять, что подъ руку попадется. Охотиться мы должны были непременно верхомъ, такъ какъ въ Туркестанѣ иначе не ходятъ; и вотъ отъ этого-то и вышла бѣда, о которой я собрался вамъ рассказать.

Какъ у пріѣзжаго, у меня своей лошади не было. У пріятеля моего имѣлось два добрыхъ коня, но, какъ на грѣхъ, одинъ изъ нихъ захворалъ передъ самой охотой. Явился вопросъ, гдѣ достать мнѣ лошадь, такъ какъ мы хорошо знали, что порядочной ни одинъ туркестанецъ чужому человѣку не дастъ, а на плохой ѣхать не хотѣлось. Долго бы мы объ этомъ думали, если бы на выручку не явился нѣкій сартъ, Джурабай, весьма успѣшно игравшій роль жида въ фортѣ Перовскомъ, гдѣ настоящихъ евреевъ въ ту пору не было. За пять рублей Джурабай обѣщался достать наилучшаго скакуна, и необходимо было на этомъ покончить, такъ какъ иного средства не представлялось.

Собрались мы на нашей квартирѣ, закусили, выпили, а Джурабая все нѣтъ. Наконецъ уже къ полудню прилетѣлъ онъ съ цѣлой кучей лохматыхъ киргизовъ и привелъ съ собою обѣщаннаго коня. Конь оказался весьма порядочнымъ, но совершенно дикимъ, и, признаюсь, у меня сердце екнуло, когда я посмотрѣлъ на будущаго своего Буцефала. Учился я ѣздѣ хорошо и здоровье имѣлъ крѣпкое, но настоящей практики не имѣлъ. Мой пріятель К., будучи молодцомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, видимо понималъ это, и охотно бы помѣнялся со мною, но въ присутствіи постороннихъ, да еще туркестанскихъ офицеровъ, о такой перемѣнѣ не могло быть и рѣчи. Дѣлать нечего, привязалъ я къ поясу фляшку съ Кашинскимъ хересомъ, закинулъ за плечо купленный передъ отъѣздомъ «винчестеръ» и пошелъ пробовать

лошадь. Помню, что съѣлъ я довольно удачно, сбить себя не позволилъ и, чтобы обмять лошадь, началъ дѣлать круги на глазахъ у всей собравшейся публики. Успѣхъ ободрилъ меня: дѣлая круги все меньше и меньше, я подогналъ лошадь къ самому крыльцу и изо всѣхъ силъ натянулъ поводья уздечки, рассчитывая сразу остановиться. Но вдругъ, о ужасъ! послышался рѣзкій трескъ, лошадь отчаянно замотала головой и, прежде чѣмъ кто либо успѣлъ опомниться, вынеслась въ открытую степь, а вмѣстѣ съ нею понесся и я, безсознательно сжимая въ рукѣ сорвавшуюся уздечку.

Что было со мною въ первое время, — рѣшительно не помню. Кажется, будто слышалъ я за собою отдаленный топотъ и крики, или все это придумалось мнѣ впоследствии, только никакого отчета въ своемъ положеніи я себѣ не отдавалъ. Такъ продолжалось, вѣроятно, немалое время. Наконецъ, рано ли, поздно ли, я началъ приходить понемногу въ себя. Первое чувство, которое я испыталъ, была какая-то дѣтская жалость къ себѣ и злоба на причину своихъ бѣдствій: куда несутъ меня? зачѣмъ это? — съ горькой обидою думалось мнѣ. Огорченіе все разросталось и разросталось и дошло до настоящаго бѣшенства: выхвативъ изъ-за голенища здоровенную казачью нагайку, я изъ всѣхъ силъ началъ угощать ею по чемъ попало своего скакуна до тѣхъ поръ, пока окончательно не утомился. Бѣдному коню пришлось плохо: остановиться уже онъ не могъ, а сбросить меня на карьерѣ по ровной, какъ скатерть, степи, было тоже довольно затруднительно. Теперь онъ также оказался беспомощенъ подо мною, какъ и я у него на спинѣ.

Долго мы скакали такимъ образомъ, Сидѣть мнѣ было весьма удобно, и руки мои повременамъ отдыхали, а конь утомлялся все больше и больше и началъ уже дрожать и хрипѣть. Я понялъ, что намъ пора помириться. Но прежде надо было что нибудь сдѣлать съ уздечкою, которую я продолжалъ сжимать въ лѣвой рукѣ. Оглядѣвъ ее внимательно, я съ радостью замѣтилъ, что разорванъ былъ только одинъ поводъ у самаго удила, а остальное почти все цѣло. Началъ я усердно трудиться руками и зубами, и послѣ продолжительныхъ усилій наконецъ получилъ нѣчто пригодное. Тогда, пользуясь тѣмъ, что мой конь остановился, я удѣвился за гриву изъ всѣхъ силъ, и — не знаю ужъ какъ — надѣлъ на него уздечку.

Казалось, мученіямъ моимъ наступилъ ужъ конецъ; но радость, быстро мелькнувшая въ моемъ умѣ, также быстро погасла, когда я осмотрѣлся кругомъ. Меня окружала непроглядная степь, а на коня моего и взглянуть было страшно: мокрый, точно только что вынутый изъ воды, съ грязно-сѣрою вмѣсто гнѣдой шерстью, съ кусками присохшей пѣны и вздувшимися опухольями на спинѣ и

бокахъ, — онъ скорѣе казался похожъ на какое нибудь миеологическое чудовище, чѣмъ на лошадь. Однако, что было дѣлать? разставаться намъ все-таки не приходилось, и потому, замѣтивъ на горизонтѣ какіе-то кусты, которыхъ совсѣмъ не ожидалъ здѣсь видѣть, я потихоньку повелъ къ этимъ кустамъ своего недавняго врага.

Оба мы сильно были измучены и плелись очень долго, какъ вдругъ блеснувшая сквозь кусты вода оживила мои надежды. Сначала я подумалъ, что это — миражъ, но, подойдя ближе, ясно увидѣлъ, что это — не миражъ, а широкій обрывъ, быстро катившій по почти отвѣсному руслу свои мутныя волны. Въ Туркестанѣ, господа, все навыворотъ! У насъ вода съ полей ручьями стекаетъ въ рѣку, а тамъ, напротивъ, изъ рѣки развѣтвляется ручьями, и оттуда уже идетъ на поля. Одинъ изъ такихъ ручьевъ, по-мѣстному «арыковъ», и встрѣтился на нашемъ пути; и я могъ надѣяться, что, идя по его теченію, непременно набреду на какое либо жилье. Привязавъ тщательно лошадь къ кусту, побольше другихъ, я разыскалъ мѣсто, гдѣ берегъ казался отложе, и спустился къ водѣ. Первымъ дѣломъ я перекрестился, а затѣмъ рѣшилъ немедленно выкупаться. Снялъ я шапку и положилъ на песокъ; потомъ стащилъ съ плечъ набившій мнѣ спину винчестеръ, взялъ его въ руки и... вдругъ почувствовалъ, что я умеръ...

Да, это былъ настоящій переходъ къ небытію, и именно въ той ужасающей формѣ, въ которой представляется разстроенному воображенію адъ, со всѣмъ его гнетущимъ отчаяніемъ. Міръ пересталъ существовать для меня, или, лучше сказать, весь сузился въ небольшой, небольшой промежутокъ, въ которомъ мерпали два свѣтлыхъ пятна — два желтые глаза королевскаго тигра! Трудно мнѣ передать свое тогдашнее состояніе. Я не чувствовалъ кругомъ ничего, но въ то же время всѣмъ существомъ сознавалъ, что мною владѣетъ какой-то ужасный господинъ, неотразимый и неумолимый, который чего-то отъ меня требуетъ. И въ силу такого велѣнія мертвыя руки подняли оружіе къ плечу, и мертвые глаза направились на прицѣлъ и мушку... Міръ сузился еще больше: мушка, прицѣлъ и два желтыхъ кружка... Точки эти то сходились въ одну, то расходились между собою... и такъ провелъ я, казалось, нѣсколько лѣтъ... наконецъ, я потерялъ сознаніе вовсе...

Очнулся я какъ бы послѣ тяжелой болѣзни и долго не могъ понять, что со мной происходитъ. Безсознательно оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ на противоположномъ обрывѣ лежавшаго тигра и, машинально поднявши ружье, сдѣлалъ въ него два или три выстрѣла (винчестеръ былъ двѣнадцатизарядный). Звѣрь не пошевелился. Тогда я припомнилъ все: шатаясь сталъ на колѣни и поднялъ глаза къ сѣрому, раскаленному небу.

Никогда, господа, рѣшительно никогда не испыталъ я подобнаго чувства! Я стоялъ на колѣнахъ на горячемъ пескѣ, одинъ среди цѣлаго міра, и звалъ своего Создателя, потому что больше позвать было некого. Не знаю, чего я хотѣлъ: молился ли, или укорялъ, просилъ, или благодарилъ, но, должно быть, велико было мое стремленіе къ Нему! И вотъ я почувствовалъ, какъ сквозь дымку раскаленнаго пара кто-то Могучій и Любящій приблизился идохнулъ въ мое оцѣпенѣвшее сердце. И съ этимъ дыханіемъ кровь сразу зашевелилась во мнѣ, и я снова увидѣлъ себя чело-вѣкомъ. Выкупавшись и глотнувъ добрую порцію хереса, я уже оживился надеждой и побѣжалъ разыскивать свою лошадь, съ намѣреніемъ тотчасъ же пуститься въ дорогу. Но лошади моей и слѣдъ простылъ, и только оборванные ремешки свидѣтельствовали о ея пребываніи. Я снова взглянулъ на небо и укоризненно покачалъ головой...

Горько обезкураженный, но уже совершенно спокойный, медленно побрелъ я по берегу арыка.

Яркое, безъ лучей, словно раскаленный гвоздь, солнце уже сильно подвинулось къ закату, и по степи пробѣжалъ вѣтерокъ—предвѣстникъ страшно холодной ночи, которая въ томъ краѣ наступаетъ почти внезапно. Что было дѣлать? Я уже настолько усталъ и настолько освоился съ безнадежностью своего положенія, что, явись мнѣ теперь хоть самъ сатана, я бы махнулъ на него только рукою. Но начинать свое путешествіе на ночь пѣшкомъ было безуміемъ, и потому я рѣшилъ переночевать на мѣстѣ, возлѣ убитаго тигра, запахъ котораго, какъ мнѣ говорили, могъ служить надежною защитой отъ всѣхъ прочихъ звѣрей. Поставивъ ружье между колѣнъ и прислонившись къ откосу арыка, я скоро заснулъ, какъ убитый.

Не знаю, какъ долго я спалъ, какъ вдругъ какой-то подозрительный шорохъ и плескъ насторожилъ мои чуткіе нервы. Раскрывъ глаза, я увидѣлъ порядочную кучу весьма странныхъ людей, спускавшихся къ берегу какъ разъ напротивъ меня, съ противоположной стороны арыка. При свѣтѣ половиннаго мѣсяца можно было отчетливо разсмотрѣть, что они были въ халатахъ, лохматыхъ мѣховыхъ шапкахъ и вооружены очень длинными тонкими пиками съ пучками волосъ на концѣ. Сердце у меня упало! «Каракчи! кому жъ больше тутъ быть!» произнесъ я самъ себя вслухъ и горько улыбнулся. Я уже былъ достаточно освѣдомленъ, что каракчи, или туземные разбойники изъ Хивы и Коканда, постоянно бродили по нашей степи, вырѣзывали проѣзжающихъ и пѣлыя почтовые станціи и даже нападали на мелкіе поселки. Противъ нихъ высылались небольшіе отряды; но гдѣ угоняться на подобномъ просторѣ, тѣмъ болѣе, что лошади у нихъ были лучшія въ мірѣ?

Передніе уже подходили къ самой водѣ. «Кой!»—закричалъ я не своимъ голосомъ, почему-то воображая, что по-татарски это означаетъ «стой». Лохматые продолжали спускаться. Тогда въ ночной тишинѣ отчетливо раздался мой голосъ по-русски: «въ моемъ ружьѣ двѣнадцать зарядовъ, и первому, кто ступитъ въ воду, я прострѣлю голову!» Толпа остановилась; передніе отшатнулись назадъ, задніе защелкали курками и залопотали что-то по-своему.

Разумѣется, я былъ не въ полномъ умѣ! Если бы я владѣлъ своими чувствами, то сразу бы сообразилъ, что ни хивинцы, ни кокандцы по-русски не понимаютъ. Но ни къ какимъ соображеніямъ я, видно, способенъ не былъ, и потому рѣшительно приготовился пробить азіатскую голову усовершенствованной американскою пулей.

Изъ толпы выдѣлился, должно быть, начальникъ и забормоталъ что-то ко мнѣ по-татарски; я, конечно, ничего не понялъ и отвѣчалъ взводомъ затвора.

— Ты кто? русски?—продолжалъ опять тотъ же голосъ.

— Русскій офицеръ,—гордо отвѣтилъ я.

— Такъ зачѣмъ же ты хочешь стрѣлять въ русски люди? — неожиданно заволновался спрашивавшій: — зачѣмъ хочешь стрѣлить? Я самъ русски офицеръ!

Я громко расхохотался.

Хорошъ офицеръ! въ малахаѣ! — думалось мнѣ, и я уже хотѣлъ спустить затворъ въ средину этого малахая, но незвѣстно, почему удержался.

— Ей-Богу, офицеръ!—продолжалъ убѣждать малахай:—вотъ, смотри!—и онъ указывалъ обѣими руками на свои плечи, гдѣ я ровно ничего не видѣлъ, кромѣ порваннаго халата. Но я уже окончательно овладѣлъ собою и потому рѣшительно приказалъ: «оставь оружіе на томъ берегу и приходи со мной разговаривать одинъ!»

Малахай повиновался. Осторожно переправившись черезъ арыкъ, онъ довольно невѣжливо отодвинулъ рукой мой страшный винчестеръ и протянулъ мнѣ ту же самую руку, до невозможности грязную и вонючую.

Несмотря на то, что я уже замѣтилъ на плечахъ моего собесѣдника заношенные, совсѣмъ черные офицерскіе погоны, мнѣ все же трудно было понять, кто онъ такой, хотя о разбойникахъ я пересталъ уже думать. Тогда я не зналъ, что правительство изъ политическихъ видовъ давало наиболѣе вліятельнымъ азіатамъ право носить офицерскіе погоны, не связывая, впрочемъ, такого пожалованья ни съ какими дальнѣйшими правами.

Но все-таки мы кое-какъ столковались.

Малахай оказался женихомъ и везъ «калымъ» изъ разнаго скота въ какой-то киргизскій аулъ въ уплату за свою будущую супругу. Онъ соглашался доставить до форта Перовскаго меня и тигра за десять рублей, а я настолько расхрабрился, что давалъ только пять. Теперь смѣшно вспомнить, какъ я наверстывалъ свое прежнее малодушіе! Положимъ, что оставить меня онъ бы ни за что не осмѣлился изъ страха передъ уѣзднымъ начальникомъ; но кто же велѣлъ ему брать другого, гораздо болѣе неприятнаго пассажира, одинъ цокавъ котораго стоилъ 25 рублей?! Но я не уступалъ, а азіатъ оказался великодушнымъ и согласился на мои условія. Навьючивъ тигра на спину верблюда, который все время кричалъ отчаянно, мы двинулись къ Перовску.

Должно быть, мой конь былъ дѣйствительно хорошей породы и скакалъ, какъ слѣдуетъ, потому что мы прибыли въ Перовскъ только къ полудню. Въ дорогѣ я почти не сознавалъ ничего и, сидя на киргизскомъ сѣдлѣ, какъ собака на заборѣ, неминуемо бы съ него свалился, если бы кто-то постоянно меня не поддерживалъ. Наконецъ, мы подѣхали къ крыльцу уѣзднаго начальника. Я присѣлъ на это крылечко, положилъ на верхнюю ступеньку руки и голову и заснулъ сномъ праведника.

Дальше ужъ рассказывать нечего добрѣйшій Александръ Ивановичъ, увидѣвъ меня на своемъ крыльцѣ, немедленно перетащилъ въ комнаты, накормилъ, напоилъ и выдалъ слѣдующія отъ казны деньги. Радость встрѣтившихъ меня товарищей была неописанная: оказалось, что всѣ они бросились въ погоню за мной; но такъ какъ лошади были у нихъ не готовы, то имъ и не удалось догнать меня. Измучившись понапрасну, они возвратились обратно и разослали погоню во всѣ концы. Но они прекрасно понимали, что такихъ концевъ въ степи было много, и уже почти совершенно отчаялись. Меня тормозили, спрашивали, обнимали и удивлялись моему молодечеству; но ко всѣмъ ихъ оваціямъ я оставался вполне равнодушенъ, ничего не отвѣчалъ, ничему не радовался и только думалъ о томъ, какъ бы мнѣ отдохнуть, опасаясь, что мои друзья прокутятъ всю ночь съ большой радости и не дадутъ, какъ слѣдуетъ, выспаться.

Да, господа, не дешево мнѣ обошелся этотъ денекъ! Долго послѣ того я не могъ возвратитъ себѣ прежнюю веселость и ходилъ, какъ ошпаренный. Да и матеріально пришлось поплатиться. Положимъ, я заработалъ 25 казенныхъ рублей, но къ этимъ рублямъ немало еще надо было прибавить, чтобы заплатить сарту за пропавшую лошадь и за побои, которыми угостилъ его мой пріятель, когда тотъ пришелъ къ нему въ недобрый часъ требовать лошади. Кромѣ того, слѣдовало вознаграждать еще цѣлую казачью сотню, искавшую меня въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ и чуть не пропавшую. Даже и тигровой шкурой я не воспользо-

вался; пролежавъ на солнцѣ въ теченіе цѣлаго дня, она оказалась въ такомъ состояніи, что оставалось ее только выбросить...

Такъ вотъ вамъ, товарищи!—сказалъ, вставая и потягиваясь, Иванъ Герасимовичъ, — вотъ вамъ мой незамысловатый рассказъ о случившемся. Были у меня и другіе случаи. Но о нихъ я едва ли могу передать такія подробности, какъ о происшедшемъ въ ранней молодости, когда организмъ еще столь впечатлительнъ и крѣпокъ. Говорилъ я вамъ по чистой совѣсти, и говорилъ для того, чтобы вы знали, что такое настоящая храбрость, о которой у насъ такъ много болтаютъ. Подумайте: вѣдь явившись къ своимъ съ убитымъ тигромъ, я бы могъ, чортъ знаетъ что, рассказывать, и мнѣ бы, пожалуй, повѣрили... Только разводить подобные разговоры я считаю совершенно излишнимъ...

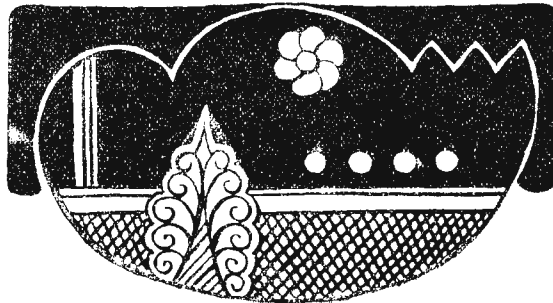
— Позвольте, Иванъ Герасимовичъ! — ядовито замѣтилъ неожиданно къ намъ присосѣдившійся безусый штабный капитанъ: — какое же изъ этого слѣдуетъ нравоученіе?

Иванъ Герасимовичъ сильно нахмурился.

— Никакого, милостивый государь, — отвѣчалъ онъ, не глядя на своего неожиданнаго оппонента: — рѣшительно никакого, кромѣ того, что иногда бываютъ у насъ ужасно глупые моменты.

Компанія, ухмыляясь, разбрелась по домамъ.

Григорій Ольшанскій.

ШТУРМЪ КАРСА ВЪ 1877 ГОДУ.

(Изъ записокъ участника).

... умѣють биться на Русской землѣ
и еще лучше того умѣють умирать въ
ней за святую вѣру.

Гоголь.

I.

ПЕРЕНОСЯСЬ воспоминаніями болѣе чѣмъ за четверть вѣка назадъ и возстановляя въ памяти своей одинъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ войны нашей съ турками—штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году, это славное событіе, которому будущая исторія, несомнѣнно, отведетъ почетную и болѣе широкую страницу,—я коснусь въ предлагаемомъ мною разсказѣ лишь только тѣхъ подробностей штурма, которыя промелькнули передъ моими глазами, не вдаваясь при этомъ въ общее историческое описаніе этой славной побѣды, имѣвшей, какъ извѣстно, огромное значеніе во всемъ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.

Послѣ страшнаго погрома Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ ¹⁾, гдѣ большая часть его арміи, окруженная со всѣхъ сторонъ нашими отрядами, принуждена была положить оружіе и сдаться военноплѣнною, а другая, спасаясь бѣгствомъ, успѣла укрыться за стѣнами крѣпости Карса,—изъ дѣйствующаго корпуса нашего былъ

¹⁾ Сраженіе на Аладжинскихъ высотахъ происходило 3-го октября 1877 г.

выдѣленъ Карскій отрядъ, который подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Лазарева¹⁾, въ количествѣ 35 баталіоновъ пѣхоты, 48 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи и 138 полевыхъ орудій, двинулся отъ Визинкева къ Карсу. Отрядъ этотъ, въ составъ котораго вошелъ и нашъ Перновскій гренадерскій полкъ, долженъ былъ поѣшелонно слѣдовать на селенія Магараджикъ, Ардостъ и Большое Тикмэ и по раздѣленіи тамъ уже на нѣсколько болѣе мелкихъ отрядовъ войти въ общую линію кольца тѣхъ войскъ, которыя назначены были для блокированія Карса и его укрѣпленій.

5-го октября бригада наша—Перновскій и Несвижскій полки—подъ начальствомъ генераль-майора, графа Граббе, выступили съ Визинкева. Погода была скверная. Густой туманъ и мелкій частый дождь, зарядившій съ самаго утра, такъ пронизывали насъ и такъ затрудняли движеніе колонны, что мы все время едва тащились, не имѣя возможности ничего различать передъ собою въ двухъ шагахъ. Къ полудню, впрочемъ, погода нѣсколько прояснилась, туманъ поднялся, и съ одной изъ высотъ, которую отрядъ долженъ былъ переваливать, передъ нами сразу вдругъ открылась вся чудная панорама каресской долины съ Карсомъ и его укрѣпленіями.

Я видѣлъ Карсъ тогда еще въ первый разъ и не скажу, чтобы видъ этой крѣпости произвелъ на меня впечатлѣніе чего нибудь грознаго. Сѣрыя массы нагроможденныхъ въ беспорядкѣ одно на другое мелкихъ каменныхъ строеній, высокая голая скала, на которой расположена цитадель, казавшаяся издали какъ будто бы выточенною изъ цѣльнаго гранитнаго камня, нѣсколько выдвинувшихся въ вышину минаретовъ и при этомъ совершенное отсутствіе, какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ какой либо растительности, которая могла бы, хотя отчасти, скрашивать угрюмый видъ города,—вотъ все, что можно было видѣть тогда съ нашей стороны. Я долго разсматривалъ въ бинокль городъ и тѣ его укрѣпленія, которыя были расположены съ юго-западной стороны Карса, и невольно перенесся мыслями къ прошлому этой знаменитой крѣпости, стоившей русскимъ въ войну 1855 года многихъ тысячъ людей, погибшихъ здѣсь на штурмѣ.

Помню, какъ разъ въ это время подѣхалъ къ нашимъ ротамъ командиръ полка, полковникъ Бѣлинскій. «Братцы!—сказалъ полковникъ, указывая солдатамъ на Карсъ,—вотъ тамъ вы видите те-

¹⁾ Генераль-лейтенантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, тотъ самый герой Кавказа, который при взятіи Гуниба въ 1859 году—тогда еще въ чинѣ полковника—одинъ, безъ тѣлохранителей, отправился въ аулъ къ Шамилю, чтобы уговорить его сдаться русскимъ. Шамиль долго колебался и въ началѣ даже рѣшительно отказался сдаться живымъ, но въ концѣ концовъ все-таки склонился на убѣжденія полковника Лазарева и съ нимъ вмѣстѣ, на глазахъ всего отряда вышелъ изъ аула, представъ уже, какъ плѣнникъ, передъ главнокомандующимъ кавказскою арміею, княземъ Барятинскимъ.

перъ турецкую крѣпость Карсъ. Эту крѣпость двадцать лѣтъ тому назадъ штурмовали русскія войска. Много тогда легло тамъ и нашихъ и турокъ; но, выхвативъ почти уже совсѣмъ побѣду у непріятеля, русскіе все-таки не удержались тогда въ Карсѣ, и не удержались только потому, что у многихъ сильно разбѣжались глаза на тѣ богатства, которыя они тамъ нашли. Это была, конечно, страшная оплошность нашихъ, и турки сумѣли ею воспользоваться; они дружно ударили всѣми силами на русскихъ, вырвали изъ рукъ у нихъ побѣду и заставили съ огромными потерями отступить наши войска отъ крѣпости. Помните, братцы, этотъ тяжелый урокъ, и если намъ доведется брать эту крѣпость,—дѣйствуйте дружище; а главное пусть никто изъ васъ не соблазнится чужимъ добромъ и не возьметъ на душу свою того тяжкаго грѣха, за который Богъ всегда караетъ людей».

Думалъ ли въ то время полковникъ, говоря эту рѣчь солдатамъ, что Карсъ будетъ для него могилою ¹⁾, и что тѣ же солдаты, среди которыхъ онъ тогда стоялъ, какойнибудь мѣсяцъ спустя, будутъ уже провожать его бездыханное тѣло на вѣчный покой?!...

У селенія Магараджикъ мы провели двое сутокъ и 8 октября двинулись черезъ Ардостъ къ селенію Большому Тикмэ. Этотъ путь былъ кружной, болѣе чѣмъ въ тридцать верстъ и при томъ по совершенно безводной мѣстности. Мы шли всю ночь и только къ утру, утомленные до крайней степени такимъ труднымъ переходомъ, пришли на мѣсто.

Я ничѣмъ не могъ бы отмѣтить этого пути, если бы онъ не оставилъ у меня воспоминанія объ одномъ весьма странномъ случаѣ, который такъ глубоко поразилъ меня впоследствии, что я не могу не рассказать о немъ. Дѣло въ томъ, что на привалѣ, гдѣ нашей колоннѣ данъ былъ довольно продолжительный отдыхъ, мнѣ вздумалось закусить и напиться горячаго чаю. Имѣя въ своемъ вьюкѣ небольшой запасъ воды, чай, сахаръ и даже бутылку кавказскаго вина, я воспользовался этимъ приваломъ и, приказавъ солдатамъ развести небольшой костеръ, самъ принялся кипятить въ чайникѣ воду. Конечно, чай на походѣ, когда нельзя нигдѣ достать даже и воды, чтобы утолить жажду, есть очень большая роскошь, и я помню, какъ на огонекъ ко мнѣ подошли нашего полка капитанъ Вееръ и Несвижскаго полка штабсъ-капитанъ Гулецкій. Оба они были мои давнишніе пріятеля, и потому я, конечно, былъ очень радъ угостить ихъ чаемъ.

— Спасибо,—сказалъ Гулецкій, присаживаясь къ костру, и, взявъ стаканъ, шепнулъ мнѣ тихонько, что не мѣшало бы мнѣ предложить по стаканчику чая также и своимъ начальникамъ: графу

¹⁾ Полковникъ Вѣлинскій былъ убитъ при штурмѣ Карса 5 ноября, т.е. ровно мѣсяцъ спустя.

Граббе и полковнику Бѣлинскому, которые, разговаривая между собою, ходили вдвоемъ въ это время по небольшой площадкѣ шагахъ въ десяти отъ насъ.

Разумѣется, я не преминулъ тотчасъ же воспользоваться этою мыслью и, подойдя къ графу и полковнику, предложилъ имъ обоемъ свое назатѣйливое угощеніе.

— Благодарю васъ,—сказалъ графъ,—но закусывать я не хочу, а если вы дадите мнѣ стаканъ горячей воды съ виномъ, то я буду вамъ за это весьма благодаренъ.

И онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Бѣлинскимъ подошелъ къ моему костру.

— Завидую вамъ, капитанъ, что вы имѣете при себѣ вьюкъ, а я вотъ и не знаю, гдѣ моя повозка,—сказалъ графъ, приготовляя себѣ самъ что-то въ родѣ грога изъ вина, воды и сахара, и, усѣвшись на своей бѣлой буркѣ около огня, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не служилъ ли я на Кавказѣ. Я отвѣчалъ, что дѣйствительно служилъ прежде на Кавказѣ, и что тамъ мнѣ не разъ приходилось бывать въ походахъ.

— Ну, вотъ, я такъ и думалъ, смотря на вашу дубленку и походные запасы. Кавказскіе офицеры именно такъ ходятъ въ походахъ. А гдѣ вы тамъ служили?

— На лѣвомъ крылѣ и въ Прикаспійскомъ краѣ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я.

— А, а! такъ мы, можетъ быть, съ вами и прежде бывали вмѣстѣ въ походахъ? Вы были въ Чеченскомъ отрядѣ въ 1859 году?

— Да, я былъ тамъ, но только въ отрядѣ барона Врангеля.

Мы разговорились съ графомъ про то старое, боевое время, которое всегда воспоминается съ особеннымъ удовольствіемъ между старыми кавказскими сослуживцами, и у насъ много нашлось общихъ знакомыхъ лицъ и много памятныхъ эпизодовъ изъ Кавказской войны ¹⁾.

Выпивъ стаканъ грогу, графъ посмотрѣлъ на часы и замѣтивъ, что пора уже было трогаться далѣе, приказалъ ударить подъемъ. Затѣмъ онъ всталъ, подалъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Благодаря вамъ, я такъ хорошо освѣжился, что чувствую себя теперь значительно бодрѣе. Вслѣдъ за этимъ онъ сѣлъ на своего коня, и черезъ минуту мы тронулись.

¹⁾ Свиты его величества генералъ-майоръ графъ Граббе служилъ на Кавказѣ въ пѣхотномъ Кабардинскомъ полку въ дни славы этого полка, когда изъ среды его выходили такіе герои, какъ Гейманъ, Батяновъ, свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ и другіе. Ираненный въ войнѣ на Кавказѣ графъ Граббе въ 1872 году вышелъ въ отставку и жилъ съ семьєю въ своемъ имѣніи въ Тульско-й губерніи. Вспыхнувшая послѣдняя война съ турками воспламенила въ немъ неугасшій еще духъ героя прежнихъ войнъ, и графъ, бросивъ любимую семью и домъ, полетѣлъ опять въ дѣйствующую армію, но какъ будто только для того, чтобы умереть тамъ геройскою смертію.

Да, кто бы тамъ что ни говорилъ, а невольно воскликнешь словами Гамлета: «въ землѣ и небѣ есть, другъ Гораціо, многое необъяснимое». Ну, могло ли мнѣ прійти въ голову о томъ странномъ совпаденіи судьбы этихъ людей, которыхъ простой случай свелъ у моего костра, и которымъ я отъ души оказывалъ свое гостепріимство,—могло ли прійти, говорю, въ голову, что близокъ тотъ день и часъ, когда по волѣ злого рока смерть вырветъ ихъ всѣхъ изъ среды нашей? При штурмѣ Карса графъ Граббе, полковникъ Бѣлинскій, капитанъ Бееръ и штабсъ-капитанъ Гулецкій—всѣ четверо были убиты въ одинъ день и даже въ одинъ часъ!...

Отъ селенія Большого Тикмэ полкъ нашъ на другой же день перешелъ къ Владикарсу, и тутъ только, послѣ трехъ недѣль странствованія безъ палатокъ и вещей, мы получили наконецъ лагерь, а съ нимъ и весь нашъ походный скарбъ. Впрочемъ у Владикарса мы простояли недолго и черезъ нѣсколько дней были передвинуты въ передовую линію, занявъ верстахъ въ пяти отъ турецкихъ укрѣпленій Канлы и Сувари двѣ позиціи: одну у селенія Верхняго Караджурана, а другую за селеніемъ Малымъ Тикмэ. На этихъ позиціяхъ мы оставались вплоть до самаго штурма Карса и, надобно сказать правду, на первыхъ порахъ терпѣли большой недостатокъ какъ въ фуражѣ, такъ и въ сѣстныхъ припасахъ, которые доставать въ окрестныхъ селеніяхъ было очень трудно, а посылать на базаръ въ главную квартиру, до которой отъ насъ по меньшей мѣрѣ считалось около 10 верстъ, было и далеко, да и не всегда возможно. Къ счастью, его высочество главнокомандующій, находя, что слишкомъ близкое расположеніе турецкаго населенія къ театру военныхъ дѣйствій можетъ нѣкоторымъ образомъ оказаться для нашихъ отрядовъ не совсѣмъ удобнымъ, сдѣлалъ распоряженіе о выселеніи всѣхъ жителей изъ ближайшихъ ауловъ въ болѣе отдаленные районы, и дѣла наши съ этого времени въ отношеніи продовольствія нѣсколько поправились. Турки по необходимости начали сбывать свои хозяйственные предметы, и мы могли пріобрѣтать отъ нихъ, что намъ было нужно, по цѣнамъ уже довольно сходнымъ. Такъ, напримеръ, пудъ сѣна продавался по 50 к., мѣшокъ самана 10 к., гусь 50 к., курица 20 к. и т. п.

Около половины октября мѣсяца, то-есть съ того времени, какъ были установлены вокругъ Карса батареи дальнобойныхъ орудій, началась блокада, а съ нею вмѣстѣ и бомбардированіе непріятельскихъ укрѣпленій. Турки въ первое время отвѣчали намъ изъ крѣпости довольно сильно, однако это продолжалось недолго, и къ концу мѣсяца огонь ихъ началъ настолько ослабѣвать, что нѣкоторыя батареи иногда по нѣскольку дней молчали, не дѣлая почти ни одного выстрѣла. Только однажды — это было

24 октября—турки проявили съ своей стороны особенную энергію и послѣ сильной канонады рѣшились было сдѣлать большую вылазку изъ юго-восточныхъ укрѣпленій на наши осадныя батареи; но вылазка эта была для нихъ до того неудачна, что отступая они не могли даже удержать за собою преслѣдованія Кутаисскаго полка, который съ своимъ храбрымъ командиромъ, полковникомъ Гадеевымъ, на ихъ же плечахъ, ворвался въ укрѣпленіе Хафизъ-паша и занялъ его. Конечно, удержаться долго въ этомъ укрѣпленіи кутаисцамъ было нельзя, и они, успѣвшивъ уничтожить почти всѣ замки у орудій и захвативъ до 80 человѣкъ плѣнныхъ, отступили съ потерей, кажется, всего лишь только нѣсколькихъ человѣкъ ранеными.

Это неудачное дѣло для турокъ имѣло, однако, тѣ важныя послѣдствія для насъ, что послѣ того они не рѣшались уже болѣе предпринимать никакихъ вылазокъ изъ крѣпости и до конца осады ограничивались одною лишь только стрѣльбою изъ орудій, которая, какъ я уже говорилъ, къ концу мѣсяца и совсѣмъ почти прекратилась.

Но только что умолкли выстрѣлы 24 октября, какъ на другой день около полудня послышалась въ сторонѣ нашей главной квартиры опять какая-то пушечная пальба, которая привела насъ въ крайнее недоумѣніе.

— Что за притча такая? Откуда бы тамъ могли быть турки?— заговорили всѣ, стараясь разгадать значеніе этой пальбы. Но дѣло, какъ оказалось, было совсѣмъ не въ туркахъ, а тамъ просто въ этотъ день праздновалась побѣда генерала Геймана, который подъ Эрзерумомъ взялъ штурмомъ сильное турецкое укрѣпленіе Деви-Бойна и съ нимъ вмѣстѣ около 100 орудій и огромное количество плѣнныхъ. Конечно, эту важную новость немедленно постарались пропустить въ Карсъ, гдѣ она произвела такую сильную панику между жителями, что, по рассказамъ лазутчиковъ, они въ тотъ же день собрались огромною толпою къ дому коменданта крѣпости, Хуссейна-паша, и самымъ настойчивымъ образомъ стали требовать, чтобы онъ не доводилъ дѣла до штурма ихъ города и сдалъ бы его русскимъ безъ сопротивленія. Понятно, что, не имѣя со стороны турецкихъ властей никакихъ полномочій на сдачу крѣпости, Хуссейнъ-паша положительно отвергъ требованія жителей, но, желая, однако, ихъ успокоить, заявилъ имъ въ то же время, что форты Карса крѣпки, продовольствія въ городѣ много, и что русскіе—онъ вполне увѣренъ—не только никогда не рѣшатся итти на приступъ такой сильной крѣпости, какъ Карсъ, но что напротивъ онъ имѣетъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о намѣреніи русскихъ снять въ скоромъ времени опять осаду и отступить къ своимъ границамъ ¹⁾. Конечно, все это были лишь только однѣ иллюзіи

¹⁾ Первая блокада русскими войсками Карса была установлена 22 мая 1877 года и подъ впечатлѣніемъ событій въ Алашкертъ снята 26 іюня того же года. (Извлеч. изъ офиц. источ.).

турецкихъ военачальниковъ, и пока они строили у себя такія предположенія и мечтали объ освобожденіи Карса отъ осады, въ нашей главной квартирѣ вопросъ о штурмѣ этой крѣпости уже былъ рѣшенъ окончательно, и въ отрядахъ шли къ этому серьезныя приготовленія, которыя начались прежде съ того, что во всѣхъ полкахъ были сформированы охотничьи команды по 120 человекъ въ каждой и заготовлялись въ огромномъ количествѣ тѣ приспособленія, которыя необходимы были для предстоящаго штурма.

Между тѣмъ къ концу октября мѣсяца погода рѣзко измѣнилась. Начали довольно часто перепадать дожди, и на высотахъ иногда показывался даже снѣжокъ. Въ воздухѣ становилось сыро и до того холодно, что наши потертыя парусинныя палатки дѣлались уже настолько плохою защитою для насъ, что всѣ невольно только и думали теперь лишь о теплой хатѣ или землянкѣ и съ нетерпѣніемъ ждали со дня на день какихъ нибудь особыхъ распоряженій или рѣшительныхъ дѣйствій.

Такъ тянулось до ноября мѣсяца. Бомбардировка попрежнему продолжалась изо дня въ день, и если она не наносила, повидимому, очень большого вреда туркамъ, то все-таки, заставляя ихъ находиться въ постоянномъ напряженіи, такъ изнуряла гарнизоны всѣхъ укрѣпленій, что довела въ концѣ концовъ ихъ до полнѣйшей апатіи и той небрежности при исполненіи ими аванпостной службы, которыя и были главными причинами потери ими своей крѣпости при штурмѣ.

Помню, 1-го ноября, послѣ полудня, погода нѣсколько прояснилась, и мы, воспользовавшись этимъ, цѣлою гурьбой выползли на переднюю линейку лагеря, чтобы посмотрѣть оттуда въ бинокли на дѣйствіе нашихъ дальнобойныхъ батарей, которыя въ этотъ день съ утра вели почти непрерывную пальбу по всей линіи. День клонился къ вечеру, и густая мгла, предвѣстникъ сумерекъ, заволакивая дальніе предметы, уже стала ложиться на землю, когда вдали, отъ аула Малаго Тикмэ, показался всадникъ, который, какъ можно было замѣтить, очень спѣшилъ съ чѣмъ-то, направляясь прямо къ нашему лагерю.

— А вѣдь это, кажется, драгунъ изъ Малаго Тикмэ летитъ сюда,—сказалъ подполковникъ Марушевскій, пристально всматриваясь въ верхового.—Ужъ не везетъ ли онъ намъ какой нибудь пріятной вѣсточки относительно прогулки къ Карсу?—добавилъ онъ шутя. И мы всей ватагой направились навстрѣчу къ драгуну, который, осадивъ вскорѣ передъ нами своего взмыленнаго коня, подаль подполковнику Марушевскому запечатанный пакетъ.

— Ну, такъ и есть, я угадалъ!—проговорилъ подполковникъ, распечатавъ пакетъ и пробѣгая глазами бумагу.—Мы сейчасъ, господа, должны выступить въ Караджуранскій лагерь, и хотя въ предписаніи ко мнѣ совсѣмъ не упомянуто, для чего собственно

насъ туда требуютъ, но, кажется, можно и безъ того догадаться, такъ какъ всѣ тяжести вѣдно оставить на мѣстѣ, а сухарей взять съ собою только на одинъ день.

Въ одинъ мигъ въ лагерь все засуетилось. Пошли разныя приказанія, распоряженія; но сборы наши были не долги, и не болѣе какъ черезъ полчаса баталіонъ уже былъ готовъ къ выступленію.

Въ 5 часовъ вечера мы выступили. Канонада къ этому времени начинала стихать, и только тамъ, гдѣ-то вдали, продолжали еще съ батарей раздаваться выстрѣлы изъ орудій, но вскорѣ и они совсѣмъ затихли, закончивъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго свой боевой день.

До Караджуранскаго лагеря отъ насъ было всего около четырехъ верстъ, но грязная и размытая постоянными дождями дорога такъ задержала насъ въ пути, что туда добрались мы только лишь къ самой ночи и сразу натолкнулись на цѣлую массу штурмовыхъ лѣстницъ, досокъ, канатовъ съ крючьями и проч. Все это, вполнѣ прилаженное, сложено было впереди палатокъ и краснорѣчивѣе всего давало понять намъ, что къ штурму здѣсь все готово, и ждутъ только сбора войскъ.

Составивъ въ сторонѣ отъ палатокъ ружья въ козлы, батальонъ разошелся пока по лагерю, и пошли всюду толки да разспросы: какъ и что, куда идемъ, когда выступаемъ и проч.

Было еще рано, а темная непроглядная ночь почти уже совсѣмъ спустилась на землю. Кое-гдѣ въ солдатскихъ палаткахъ замелькали огоньки и освѣтили группы солдатъ, которые, расположившись кружками, довольно громко вели между собою бесѣду. Конечно, вездѣ рѣчь шла только о штурмѣ Карса, который стоялъ теперь у всѣхъ передъ глазами, и потому разговоры объ этомъ были очень оживленны.

Мнѣ захотѣлось прислушаться къ толкамъ нашихъ солдатъ, и, проходя мимо одной изъ палатокъ, я нарочно замедлилъ шаги.

— ... Ни въ жись даже не повѣрю,—говорилъ одинъ солдатъ, сильно затягиваясь дымомъ изъ трубочки,—ни въ жись не повѣрю, чтобы въ такую-то темень да турокъ теперича ждалъ насъ.

— Да, пожалуй, и не вѣрь,—отвѣчалъ ему другой,—а ужъ не даромъ онъ притаился проклятый: вотъ другой день не палить изъ пушекъ. Нѣтъ, братъ, безпремѣнно чувствуетъ онъ бѣду, да поди, чай, и теперь готовить про насъ сахарны головы¹⁾.

— Эхъ, други мои!—вадыхая проговорилъ новый голосъ изъ угла,—много, должно, перепортить онъ нонче народу нашего. А только, конечно, не кто, какъ Богъ!..

¹⁾ Турецкія гранаты большого калибра по величинѣ и по формѣ весьма похожи были на сахарныя головы.

— На Бога, братъ, надежду имѣй, — сказалъ какъ бы въ отвѣтъ ему первый, — а кому ужъ какое, значить, отъ Него опредѣленіе положено, такъ тому и быть должно.

Да, велика покорность русскаго человѣка судьбѣ своей, и вотъ въ чемъ кроется сила его непобѣдимости, — подумалъ я, входя въ одну изъ офицерскихъ палатокъ, гдѣ нѣсколько офицеровъ при свѣтѣ маленькаго стеариноваго огарочка, воткнутаго въ штыковую трубку, кто, лежа прямо на землѣ, кто, сидя на барабанѣ, закусывали изъ солдатскаго котелка, подкрѣпляя себя очевидно остатками отъ обѣда. Мнѣ гостеприимно предложили присоединиться, но я попросилъ удѣлить мнѣ маленькое мѣстечко въ палаткѣ и отказался отъ закуски, помня завѣтъ моего друга, стараго кавказца, который говорилъ, что, если тебѣ предстоитъ итти въ дѣло не набивай себѣ ничѣмъ желудка.

Около 8 часовъ вечера всѣ батальонные и ротные командиры были собраны въ палатку командира полка, который, объявивъ намъ, что въ эту ночь мы идемъ на штурмъ и выступаемъ изъ лагеря въ 3¹/₂ часа ночи, прежде всего подробно ознакомилъ насъ съ диспозиціей для нашего отряда, потомъ точно указалъ по плану пунктъ нашей атаки и, выразивъ въ краткой рѣчи увѣренность, что всѣ мы, проникнутые долгомъ службы и чести, конечно, сумѣемъ поддержать свое знамя и дорогую славу полка, распустилъ насъ, посовѣтовавъ все-таки воспользоваться нѣсколькими часами, оставшимися до выступления, и, кому возможно, подкрѣпить себя сномъ.

Молча всѣ вышли мы изъ палатки командира, сдѣлали какія было нужно распоряженія и разбрелись по палаткамъ.

Часовъ съ девяти вечера началъ моросить мелкій дождь. Я разыскалъ себѣ свободный уголокъ въ палаткѣ у одного изъ офицеровъ и, примостившись въ немъ, задумалъ было немножко вздремнуть, такъ какъ до выступления оставалось еще много времени, и дѣлать было совершенно нечего, но сонъ бѣжалъ отъ меня. Помню, я придвинулъ къ себѣ какой-то мѣшокъ и, уткнувшись въ него головою, долго лежалъ такъ съ закрытыми глазами. Во всѣхъ членахъ чувствовалось какое-то нервное напряженіе, а въ головѣ, точно гвоздь, засѣла одна неотвязчивая мысль: что будетъ тамъ, впереди? какую участь, какой жребій готовить мнѣ, да и всѣмъ намъ, судьба?... Но кто могъ разгадать, кто могъ отвѣтить на такіе вопросы? кто могъ приподнять ту непроницаемую завѣсу, за которой скрыто никому невѣдомое наше будущее?...

А погода между тѣмъ становилась все хуже и хуже. Дождь и мокрый снѣгъ, валившій хлопьями, ежеминутно усиливались и вскорѣ до того распустили землю, что всякая надежда на благоприятный успѣхъ штурма начала пропадать.

Такъ прошло около двухъ томительныхъ часовъ, какъ вдругъ до моего слуха донеслось какое-то странное движеніе и необычно-

венная суета людей по лагерю. Я вострепнулся, выскочилъ изъ палатки и почти у самаго входа въ нее столкнулся съ поручикомъ нашего батальона Свѣховскимъ.

— Слава Богу!—говорилъ онъ мнѣ съ сіяющимъ лицомъ,— штурмъ сегодня отложенъ, и мы сейчасъ возвращаемся домой. Адъютантъ сію минуту передавалъ всѣмъ, что командиръ полка приказалъ строить людей и самъ будетъ обходить батальоны.

Не стану скрывать, но эта вѣсть охватила меня такую радостью, что я чуть не подпрыгнулъ на мѣстѣ и бѣгомъ бросился къ своей ротѣ, которую едва лишь только успѣлъ выстроить, какъ подошелъ командиръ полка. Поблагодаривъ людей за ихъ службу и труды, полковникъ тутъ же объявилъ солдатамъ, что штурмъ по случаю дурной погоды отмѣненъ. «Но я надѣюсь, братцы, — закончилъ полковникъ,— что мнѣ все-таки придется еще видѣть васъ на стѣнахъ Карса, гдѣ, я не сомнѣваюсь, вы сумѣете показать себя такими же славными героями, какими были ваши храбрые предшественники, заслужившіе въ прежнихъ бояхъ наши георгіевскія знамена». Дружный откликъ солдатъ: «рады постараться, ваше высокоблагородіе», покрылъ голосъ командира, и нѣсколько минутъ спустя, едва разбирая дорогу, почти сплошь занесенную снѣгомъ, мы были уже на пути къ нашему лагерю.

Но не всѣмъ, однако же, войскамъ въ эту ночь удалось благополучно и такъ же скоро, какъ намъ, вернуться въ свой лагерь. Отрядъ генерала Роопа, которому предназначено было произвести одно только демонстративное движеніе къ Шарохскимъ высотамъ, по весьма странной случайности не получилъ своевременно извѣщенія объ отмѣнѣ штурма и, несмотря на отчаянную погоду, выступилъ все-таки въ назначенное для него время изъ своего лагеря. Скрытый ночьюю темнотою и совсѣмъ незамѣченный турками отрядъ этотъ близко подошелъ къ укрѣпленіямъ Чиму и Тохмасу и тотчасъ же повелъ на нихъ свою ложную атаку, готовясь, если представится возможность, перейти вслѣдъ затѣмъ и въ рѣшительное наступленіе, но, попавъ подъ сильный огонь съ обоихъ этихъ укрѣпленій и не замѣчая въ то же время никакого движенія со стороны другихъ отрядовъ, онъ долженъ былъ остановиться и, ограничившись одною лишь только перестрѣлкою, далѣе не пошелъ. Уже далеко за полночь генералъ Роопъ получилъ наконецъ приказаніе объ отмѣнѣ штурма и тогда только сталъ отходить назадъ, отдѣлавшись, впрочемъ, благодаря темнотѣ и разбушевавшейся снѣжной бурѣ въ горахъ, лишь незначительными потерями въ людяхъ.

Однако отмѣна штурма на 1-е ноября повлекла за собою распоряженіе изъ главной квартиры произвести этотъ штурмъ на слѣдующій день, и въ полдень 2-го ноября мы получили черезъ гонца опять приказаніе: прибыть къ ночи въ Караджуранскій лагерь. Это

новое приказаніе поставило было насъ въ крайнее недоумѣніе, такъ какъ погода въ этотъ день была уже до того отвратительна, что не только производить какія бы то ни было военныя манипуляціи, но даже и выходить изъ лагеря въ открытое поле рѣшительно было невозможно. Впрочемъ, къ нашему счастью, вскорѣ послѣдовало вторичное распоряженіе: не выступать изъ лагеря до приказанія, — и мы успокоились.

Но вотъ съ вечера 4-го ноября хмурое небо начало понемногу проясняться. Выглянулъ изъ облаковъ большой серпъ луны, и къ ночи стало довольно сильно подмораживать.

Утро 5-го ноября настало ясное, тихое. Какъ теперь помню, я вышелъ изъ палатки и залюбовался видомъ окрестныхъ горъ, вершины которыхъ были покрыты густою пеленою выпавшаго за эти дни снѣга. Карская цитадель, ярко освѣщенная солнцемъ, еще рельефнѣе теперь выдѣлялась на снѣжномъ фонѣ лежащихъ за нею высотъ, а у подошвы ея, надъ городомъ, голубоватыя струйки дыма, высоко взвиваясь прямыми линіями изъ трубъ, ясно обозначали, что жизнь въ городѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ, и что никто изъ жителей, повидимому, не ожидаетъ той близкой катастрофы, которая, надвигаясь грозной тучей, уже готовилась разразиться надъ ними страшной бурей.

Въ 3 часа пополудни въ нашемъ лагерѣ вновь получено было приказаніе: прибыть 1-му баталіону къ полку немедленно. Баталіонъ наскоро снаряжился, и въ сумерки мы были уже въ Караджуранѣ. Тамъ все тѣ же виды, тѣ же лѣстницы, канаты, доски, но о штурмѣ теперь говорили уже всѣ болѣе положительно, хотя о часѣ выступленія никто еще ничего не зналъ.

Въ 6 часовъ вечера мы были собраны къ палаткѣ графа Граббе, который, объявивъ о назначенномъ въ эту ночь штурмѣ Карса, самъ прочелъ намъ диспозицію. По этой диспозиціи въ составъ колонны графа входилъ весь Перновскій полкъ, одинъ баталіонъ Севастопольскаго полка и 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. Составляя лѣвую штурмовую колонну, мы получили назначеніе обойти съ правой стороны укрѣпленіе Канлы и атаковать его съ горжи тогда какъ правая колонна подъ начальствомъ командира Севастопольскаго полка, полковника Важдакина, одновременно съ нами должна была атаковать то же укрѣпленіе съ лѣвой стороны. Обѣ эти колонны, имѣя у себя до 6.600 штыковъ, должны были выступить изъ Караджурана въ 8 часовъ вечера и двигаться по тѣмъ направленіямъ, которыя имъ будутъ указывать проводники, слѣдовавшіе въ головѣ у обѣихъ штурмовыхъ колоннъ.

Итакъ, наступилъ наконецъ тотъ актъ, который кровавымъ боемъ долженъ былъ разыграться на стѣнахъ неприступнаго Карса. Конечно, всякій изъ насъ давно и ясно видѣлъ, что штурмъ Карса долженъ быть неизбѣжнымъ финаломъ нашихъ военныхъ операцій;

но пока шли къ этому лишь только приготовленія, пока не было еще сказано послѣдняго слова о штурмѣ,—всѣ мы спокойно сидѣли по своимъ лагерямъ и какъ-то мало вообще объ этомъ думали, тѣмъ болѣе, что послѣ отбѣны штурма на 1-е ноября всюду начали сильно распространяться слухи о перерывѣ военныхъ дѣйствій и даже размѣщеніи на зиму нашихъ войскъ по турецкимъ ауламъ. Но когда вопросъ о штурмѣ Карса уже рѣшенъ былъ окончательно и безповоротно, когда, взвѣсивая шансы наши и противника, имѣвшаго передъ нами слишкомъ большія преимущества, нельзя было не видѣть, что весь успѣхъ нашей ночной атаки можетъ зависѣть единственно лишь отъ быстроты и силы натиска, съ которыми, какъ бурный ураганъ, мы должны были налетѣть на врага и сокрушить его неприступныя твердыни; когда наступила, наконецъ та рѣшительная минута, въ которую только и оставалось уже сказать: нужно умереть или побѣдить! тогда... да, тогда, я думаю, при этой мысли и не у одного меня захолодѣло на сердцѣ, и мурашки забѣгали по тѣлу...

Ровно въ 8 часовъ вечера приказано было всѣмъ войскамъ нашей колонны построиться. Я подтвердилъ опять своимъ солдатамъ, на какой пунктъ мы будемъ вести атаку, какъ предполагено при этомъ намъ дѣйствовать, куда относить раненыхъ и проч. Затѣмъ, вызвавъ къ себѣ въ ассистенты четверыхъ надежныхъ солдатъ, я отдалъ имъ приказаніе относительно себя на случай, если буду убитъ или тяжело раненъ, и, закончивъ всѣ свои распоряженія, приказалъ людямъ снять шапки и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ.

Никогда не забуду я этой минуты, этой послѣдней минуты передъ нашимъ выступленіемъ. Сколько въ ней было чего-то глубоко трогательнаго и въ то же время торжественнаго! Я помню ту мертвую тишину, когда солдаты, обнаживъ головы и устремивъ взоры къ небесамъ, съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія возносили свои молитвы; помню ихъ серьезные сосредоточенныя лица, на которыхъ отражалась та непоколебимая вѣра въ святое Провидѣніе, съ которою они шли на смертный бой, и у меня невольно промелькнула въ головѣ мысль: многимъ ли изъ этихъ людей, готовыхъ такъ беззавѣтно отдать свою жизнь за вѣру и царя,—многимъ ли изъ нихъ суждено будетъ вернуться живыми и невредимыми назадъ?!

Когда очередь движенія дошла наконецъ и до меня, я вполголоса скомандовалъ ротѣ: направо, шагомъ маршъ!—и вслѣдъ за другими мы тихо тронулись впередъ.

II.

Сильное по вооруженію и профили укрѣпленіе Канлы-Табія ¹⁾, которое мы должны были атаковать, принадлежало къ ряду юго-восточныхъ фортовъ Карса. Это укрѣпленіе состояло изъ большого люнета, замкнутого съ горжи оборонительною казармою, и двухъ придаточныхъ укрѣпленій-редутовъ, уже болѣе слабой профили, соединенныхъ съ главнымъ укрѣпленіемъ прикрытымъ путемъ съ траверсами ²⁾. Все укрѣпленіе могло развивать линію огня до 2000 шаговъ и соединено было съ смежнымъ укрѣпленіемъ Сувари траншеею, на разстояніи до полуторы версты. Передъ укрѣпленіями и траншеями находились волчьи ямы.

Вотъ къ этому-то укрѣпленію колонна наша и должна была двинуться, имѣя при себѣ проводника, который за 50 золотыхъ взялся указать намѣченный для нея заранѣе путь.

За лагеремъ мы остановились и стали перестраиваться, чтобы принять тотъ порядокъ движенія, который былъ указанъ по диспозиціи. Впередѣ, въ общей командѣ отъ всѣхъ частей, пошли охотники; за охотниками—саперы съ динамитомъ въ рукахъ для взрывовъ, если встрѣтится въ томъ надобность; за саперами—команды артиллеристовъ съ заклепками для крѣпостныхъ и полевыхъ орудій, и затѣмъ уже слѣдовали: 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 4-й баталіонъ Севастопольскаго полка и 1-й, а за нимъ 2-й баталіоны Перновскаго гренадерскаго полка, которыми и замыкалась вся колонна. При всѣхъ частяхъ для эскалаторованія брустверовъ неслись на рукахъ штурмовыя лѣстницы, доски и канаты. 3-й баталіонъ Перновскаго полка получилъ назначеніе находиться въ прикрытіи при полевой батарее отъ 1-й артиллерійской бригады и, составляя резервъ, въ общемъ движеніи штурмовой колонны не участвовалъ.

Пока устанавливался весь этотъ порядокъ, и части занимали опредѣленные имъ мѣста, я подошелъ къ капитану Бееру, который командовалъ въ нашемъ баталіонѣ 4-й ротой. Онъ сидѣлъ на барабанѣ около своей роты и задумчиво смотрѣлъ вдаль.

— Что-то ожидаетъ насъ впереди, Балтазаръ Ивановичъ!—сказалъ я, подсаживаясь къ нему на другой барабанъ, который услужливо подаль мнѣ барабанщикъ.

— Какъ Богъ велитъ! Не будемъ загадывать впередъ,—отвѣчалъ Бееръ и глубоко вздохнулъ. Онъ видимо какъ-то неохотно

¹⁾ Канлы—по-турецки кровомщеніе.

²⁾ Размѣры главнаго укрѣпленія Канлы были слѣдующіе: высота бруствера 21 футъ, толщина его 24 ф., ширина валганга съ банкетомъ 42 ф., ширина рва 12 ф., глубина 8 футовъ. Профили придаточныхъ укрѣпленій были слабѣе. Грунтъ земли каменистый.

вель разговоръ, и въ тонѣ его голоса мнѣ послышалась даже какая-то затаенная грусть, точно какъ будто онъ предчувствовалъ для себя что-то недоброе. И вѣдь странно, но предчувствіе не обмануло Беера: онъ въ самомъ началѣ боя былъ раненъ пулею, и эта роковая пуля свела его въ могилу.

Но вотъ блеснули впереди штыки, отражая на лезвяхъ своихъ слабый свѣтъ молодого мѣсяца, и колонна, мѣрно заколыхавшись, тронулась впередъ.

Безмолвно, не нарушая ничѣмъ царившей кругомъ тишины, двигались мы за своимъ проводникомъ, который долженъ былъ завести колонну нашу такъ, чтобы мы, обойдя съ правой стороны укрѣпленіе Канлы, могли прямо ударить на него съ горжи. Тихая, ясная ночь съ мпіадами ярко блестящихъ въ вышніѣ звѣздъ, среди которыхъ на безоблачномъ небѣ, тускло освѣщая предметы, плавно катился большой серпъ луны, легкій, но довольно хорошо сковавшій землю морозъ, и ко всему этому сѣрыя шинели солдатъ, сливавшіяся съ сѣроватымъ фономъ земли, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали скрытному движенію нашихъ колоннъ. Дальнебойныя батареи все также обычно продолжали стрѣльбу по турецкимъ фортамъ, но огонь ихъ долженъ былъ длиться только лишь до того времени, когда по расчету мы уже близко могли подойти къ укрѣпленіямъ и начать атаку.

Такъ шли мы около получаса. Но вотъ наши батареи наконецъ смолкли, и, словно какъ передъ бурей, все замерло кругомъ. Теперь слышны были только одни мѣрные шаги двигающейся огромной массы людей, да порой слабо доносился до слуха шопотъ молитвы какого нибудь солдатика, вспомнившего, можетъ быть, въ послѣдній разъ свою семью, своихъ близкихъ... Что-то томительное, невѣдомо-жуткое было во всей этой зловѣщей тишинѣ. Сердце усиленно билось, трепетало въ груди, точно хотѣло вырваться наружу; кровь стучала въ виски, туманила голову, и оцущеніе какой-то нервной дрожи чувствовалось во всемъ тѣлѣ... Мы шли, ускоряя все болѣе и болѣе шагъ.

Вдругъ впереди, съ турецкихъ аванпостовъ, грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій... Еще прошло нѣсколько секундъ, и вздрогнула вся окрестность; заревѣли изъ укрѣпленій тяжелыя турецкія орудія, и начался бой, тотъ кровавый бой, который никогда, вѣроятно, не забудется тѣмъ, кто видѣлъ и пережилъ его ¹⁾. Гранаты, шрапнель, картечь, свѣтящіеся брандкугели, которые турки непрерывно пускали, чтобы освѣщать мѣстность,—все это вмѣстѣ со звономъ, трескомъ, шипѣніемъ понеслось, запрыгало кругомъ, взрывая землю и обдавая насъ осколками, камнями, землею. Не отвѣчая на выстрѣлы, мы скоро обогнули укрѣпленіе Канлы и, завер-

¹⁾ При штурмѣ Карса укрѣпленіе Канлы прежде всѣхъ открыло огонь.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1904 г., т. хови.

нужь круто лѣвымъ плечомъ впередъ, сразу попали подъ перекрестный огонь укрѣпленій Канлы, Сувари и Шарохскихъ высотъ. Здѣсь краски уже до того сгущаются, что трудно и описать всю картину того, что представлялось глазамъ: прямо передъ нами залитыя тысячами ружейныхъ выстрѣловъ и точно иллюминированныя въ нѣсколько ярусовъ гремѣли Шарохскія высоты; огонь сотни орудій, прорываясь черезъ густыя облака порохового дыма, сверкалъ со всѣхъ сторонъ; крики командъ, стоны раненыхъ, грохотъ выстрѣловъ, свистъ пуль, картечи — все тутъ слилось въ одинъ адскій хаотическій гулъ, отъ котораго волосы становились дыбомъ, и кровь леденѣла въ жилахъ... Тутъ ужь смерть неслась со всѣхъ концовъ и жадно рвала свои жертвы, выхватывая цѣлые ряды изъ строя... Но ничто уже не могло остановить нашихъ колоннъ, которыя, опережая другъ друга, все быстрѣе и быстрѣе подвигались къ намѣченнымъ цѣлямъ, — къ тѣмъ укрѣпленіямъ, грозные силуеты которыхъ уже ясно стали обрисовываться передъ нами впереди.

— Молодцы первый батальонъ! Спасибо вамъ! — послышался вдругъ громкій голосъ полковника Бѣлинскаго, подскакавшаго къ нашему батальону. — Держитесь нѣсколько правѣе, — крикнулъ онъ командиру батальона, указавъ на лету, куда ему слѣдовало направляться, и, давъ шпоры коню, поскакалъ впередъ.

Это былъ послѣдній привѣтъ и послѣднія приказанія намъ полковника Бѣлинскаго. Черезъ нѣсколько минутъ его уже не было въ живыхъ.

Дойдя до траншей, передъ которыми были расположены въ три ряда волчьи ямы¹⁾, мы безъ всякаго затрудненія перескочили ихъ и, не встрѣтивъ здѣсь турокъ, которые, побросавъ оружіе, успѣли скрыться въ палатки, стоявшія за траншеями, съ крикомъ «ура» бросились бѣгомъ къ главному укрѣпленію. Тутъ все спуталось, перемѣшалось въ одну общую массу, которая, добѣжавъ до укрѣпленія и перескочивъ глубокій ровъ, сразу кинулась на брустверъ. Подсаживая офицеровъ и одинъ другого, солдаты быстро стали карабкаться по наружному скату высокаго вала, и вскорѣ весь правый фасъ укрѣпленія былъ уже занятъ штурмовыми колоннами.

Увидя русскихъ на укрѣпленіи, турки пришли въ такую сильную панику, что поспѣшно скрылись за внутреннею отлогостью вала и, думая хотя чѣмъ нибудь задержать насъ, выставили оттуда свои ружья, угрожая всадить пулю или штыкъ тому, кто вадумалъ бы сунуться къ нимъ въ укрѣпленіе; но съ этимъ препятствіемъ солдаты наши справились очень скоро: они прямо подпол-

¹⁾ Волчьи ямы передъ турецкими укрѣпленіями были устроены по всѣмъ правиламъ фортификаціоннаго искусства, но онѣ содержались турками небрежно, были наполовину безъ кольевъ и до того по ребрамъ затоптаны ногами, что ихъ очень свободно можно было переходить, не опасаясь свалиться въ яму.

зали къ самой кронѣ, раздвигали ударами ружейныхъ прикладовъ вправо и влѣво турецкіе штыки и чуть не въ упоръ били турокъ, защищенные въ то же время сами кронею бруствера.

Однако первая удача не была еще полною нашею побѣдою, и хотя мы овладѣли брустверомъ, но все укрѣпленіе оставалось еще въ рукахъ турокъ, и съ минуты на минуту надобно было ждать новой атаки уже въ самомъ укрѣпленіи.

Помню, примостившись на брустверѣ среди солдатъ, я вмѣстѣ съ подполковникомъ Марушевскимъ лежали шагахъ въ двухъ одинъ отъ другого. Пули такъ и щелкали по валу, но откуда къ намъ стрѣляли, за темнотою разобрать было очень трудно. Вдругъ между нами обоими съ визгомъ ударилась въ валъ граната и, осыпавъ насъ пылью и мелкими камнями, глубоко врѣзалась въ землю. Мы оба инстинктивно пригнулись, затаили дыханіе и замерли... Охъ, страшная это была минута,—минута ожиданія смерти!.. Но часъ нашъ, видно, еще не пробилъ: граната не разорвалась, и мы остались оба невредимы¹⁾. Я перекрестился и съ глубокимъ чувствомъ радости протянулъ руку Марушевскому, молча поздравивъ съ неожиданнымъ для насъ спасеніемъ.

И странно, но такова ужъ, должно быть, логика нашихъ психологическихъ ощущеній,—съ этого ужаснаго момента у меня совершенно исчезъ всякій страхъ передъ опасностью, и хотя гранаты и пули неслись попрежнему черезъ наши головы и били по валу, но я ихъ почти уже совсѣмъ пересталъ замѣчать.

— Однако намъ здѣсь, кажется, трудно будетъ долго удержаться,—замѣтилъ мнѣ подполковникъ Марушевскій.—Посмотрите, какъ турки бьютъ сюда изъ правой траншеи; вѣдь такъ они насъ, пожалуй, всѣхъ здѣсь переколотятъ. Соберите-ка, Аноевъ, вашу роту и займите эту траншею. Не даю вамъ сейчасъ никакихъ болѣе приказаній; идите туда и дѣйствуйте, какъ укажутъ вамъ обстоятельства.

Порученіе это было не легкое. Мнѣ нужно было отдѣлиться отъ своихъ, итти на выстрѣлы непріятели, засѣвшего въ траншеѣ, и, не зная ни его расположенія, ни его численности, броситься прямо на него. Но раздумывать было некогда. Я живо перебрался обратно черезъ ровъ, собралъ съ помощью моего фельдфебеля значительную часть роты (офицера въ моей ротѣ не было) и, не теряя времени, бѣгомъ двинулся къ траншеѣ. Турки осыпали насъ градомъ пуль, но вслѣдствіе, вѣроятно, паники, которая ими овла-

¹⁾ Подобный случай былъ со мною 20-го сентября въ дѣлѣ подъ Малыми Ягнами, гдѣ турецкая граната, ударившись въ землю почти у самыхъ ногъ моихъ, точно также не разорвалась и, сваливъ меня огромнымъ столбомъ поднявшейся земли, не причинила мнѣ никакого вреда. Эти случаи доказываютъ, что турки, имѣя у себя прекрасную артиллерію, снабжены были снарядами очень давняго заготовленія.

дѣла въ это время, стрѣльба ихъ была до того тороплива и безпорядочна, что я, не потерявъ ни одного человѣка, скоро овладѣлъ траншеею. Турки бѣжали оттуда и при томъ такъ послѣшно, что, побросавъ оружіе, не захватили даже и своихъ раненыхъ. Я обошелъ по рву все право-фланговое укрѣпленіе и только что сталъ было выходить изъ рва къ переднему фасу главнаго укрѣпленія, какъ пули опять вдругъ засвистали надъ нашими головами.

— Ваше благородіе, наши съ вала сюда стрѣляютъ!—крикнули мнѣ солдаты изъ патруля, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди роты.

Дѣло выходило скверное: я попалъ теперь подъ выстрѣлы своихъ, очевидно принявшихъ въ темнотѣ мою роту за какой нибудь турецкій отрядъ и открывшихъ по намъ огонь. Но, дѣлать было нечего; я послѣшилъ прежде всего укрыть роту за контръ-эскарпомъ рва и послалъ предупредить своихъ, что здѣсь находятся не турки, а рускіе. Стрѣльба скоро прекратилась, и я благополучно присоединился къ нашимъ ротамъ, отдѣлавшись только лишь однимъ переполохомъ.

Однако мое обходное движеніе, какъ оказалось, имѣло очень важныя послѣдствія: фасъ, занимаемый батальонами перновцевъ и севастопольцевъ, былъ очищенъ совершенно отъ выстрѣловъ съ фланга, и это дало возможность этимъ батальонамъ удержаться все время на брустверѣ.

Между тѣмъ полковникъ Бѣлинскій, поскакавъ отъ насъ ко 2-му батальону нашего полка, направилъ этотъ батальонъ отъ траншеи нѣсколько лѣвѣе и самъ во главѣ его бросился къ оборонительной казармѣ. Здѣсь, соскочивъ съ коня, онъ первымъ взбѣжалъ на брустверъ; но въ ту минуту, когда, обратившись къ солдатамъ, онъ крикнулъ: «братцы, за мной!»—двѣ турецкія пули пронзили его въ грудь, и онъ, не вскрикнувъ даже, упалъ на руки своихъ солдатъ.

Почти въ то же время и недалеко уже отъ укрѣпленія былъ смертельно раненъ и командиръ нашей бригады, графъ Граббе, пораженный пулею тоже въ грудь. Графъ, какъ рассказывали очевидцы, вдругъ зашатался на лошади, схватился руками за грудь и сталъ падать съ сѣдла, но тутъ же былъ подхваченъ солдатами и на ихъ рукахъ уже мертвымъ вынесенъ изъ дѣла.

Такимъ образомъ еще почти въ самомъ началѣ боя мы лишились двухъ своихъ главныхъ начальниковъ. Это была, конечно, важная и очень тяжелая потеря для насъ, но она не могла уже измѣнить общаго успѣха атаки, и всѣ части колонны нашей были вскорѣ на стѣнахъ укрѣпленія.

А я тѣмъ временемъ пристроился опять къ ротамъ 1-го батальона и расположился около нихъ на брустверѣ. Здѣсь вскорѣ я замѣтилъ не вдалекѣ отъ себя фельдфебеля 4-й роты.

— Магановъ!—кликнулъ я фельдфебеля, сдѣлавъ ему знакъ чтобы онъ подползъ ко мнѣ поближе.—Гдѣ ваша рота?

— Рота здѣсь вся на валу,—доложилъ мнѣ фельдфебель.

— А капитанъ Бееръ?

— Капитанъ, ваше благородіе, нашъ крѣпко раненъ, и ихъ отнесли на перевязочный пунктъ.

— Сбылось таки роковое предчувствіе этого человѣка, — подумалъ я, вспомнивъ его удрученный видъ, когда мы только что выступали изъ Караджурана.—Но, видно, ужъ такова судьба его.

Бееръ, какъ потомъ я узналъ, тяжело былъ раненъ пулею въ бокъ, долго мучился на перевязочномъ пунктѣ и къ утру умеръ.

Тутъ же вскорѣ разнеслась печальная вѣсть о смерти графа Граббе и полковника Вѣлинскаго. Я снялъ фуражку и перекрестился.

— Миръ праху вашему, славные герои и краса нашей арміи!

А турки, между тѣмъ, изъ бойницъ и оконъ оборонительной казармы продолжали все сыпать пулями, обстрѣливая крону, за которою мы лежали; но главное было сдѣлано, а съ оставшеюся еще во власти турокъ оборонительной казармой справиться, конечно, было много легче.

— Гдѣ Перновскій полкъ, и гдѣ можно найти командира?—послышался изо рва вдругъ чей-то громкій голосъ, какъ разъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ я лежалъ съ своими солдатами.

Въ темнотѣ трудно было разсмотрѣть, кто наводилъ эти справки, но полагая, что это могъ быть кто нибудь изъ штабныхъ, которому нужны свѣдѣнія о положеніи войскъ, я спустился внизъ и, увидѣвъ какого-то полковника съ бѣлыми погонами, который подробно разспрашивалъ солдатъ о нашемъ полкѣ, подошелъ къ нему и доложилъ, что два батальона перновцевъ вмѣстѣ съ севастопольцами находятся здѣсь и занимаютъ всю правую половину бруствера.

— Вы кто, — офицеръ? — спросилъ меня полковникъ, который, видя, что на мнѣ вмѣсто шинели надѣтъ дубленый полушубокъ, не могъ, вѣроятно, сразу разсмотрѣть, кто передъ нимъ.

— Я—командиръ роты Перновскаго полка и только что сейчасъ прибылъ съ нею съ того фаса, гдѣ находится оборонительная казарма,—доложилъ я полковнику.

— Гдѣ вашъ командиръ полка?

— Сію минуту, полковникъ, я узналъ печальную вѣсть, что нашъ командиръ полка убитъ.

— Убитъ?!—воскликнулъ полковникъ, видимо пораженный имъ сообщеніемъ.—Весьма грустная вѣсть! Но кто же командуетъ теперь полкомъ?

— Этого сказать я вамъ не могу, но, вѣроятно, его замѣнялъ старшій—командиръ перваго баталіона.

— А онъ гдѣ?

— Его я оставилъ на брустверѣ со стороны казармы.

Какъ разъ въ это время по рву проходилъ мимо майоръ нашего полка Рженсницкій. Замѣтивъ его, я указалъ полковнику на майора и прибавилъ, что это—одинъ изъ нашихъ баталіонныхъ командировъ.

— Майоръ,—обратился полковникъ къ Рженсницкому, — вамъ тоже, вѣроятно, извѣстно, что вашъ командиръ полка убитъ?

— Да, полковникъ,—сказалъ подойдя Рженсницкій,—нашъ командиръ убитъ около казармы, и мои солдаты понесли тѣло его въ Караджуранъ.

— Ну, такъ я заявляю вамъ, господинъ майоръ, что я назначенъ начальникомъ вашей команды вмѣсто убитаго графа Граббе, и именемъ его высочества главнокомандующаго назначаю васъ командовать Перновскимъ полкомъ. Сдѣлайте сейчасъ же распоряженія, чтобы никто не отступалъ съ занятыхъ теперь мѣстъ, и усильте брустверъ всѣми людьми, какіе имѣются у васъ подъ рукою.

Это былъ инженеръ-полковникъ Бульмерингъ, назначенный лично главнокомандующимъ вмѣсто убитаго графа Граббе.

Приказаніе полковника было немедленно передано по всей линіи и тутъ же послано въ нашъ 3-й баталіонъ, который вскорѣ послѣ того прибылъ сюда изъ резерва.

Въ этомъ положеніи дѣло тянулось довольно долго. Мы лежали на брустверѣ, перестрѣливались съ турками и хотя не предпринимали болѣе никакихъ активныхъ дѣйствій, но по всему уже можно было замѣтить, что дѣло клонится къ концу, и съ минуты на минуту нужно ожидать скорой развязки.

Вдругъ прямо передъ нами изъ-за бруствера показался турецкій солдатъ, который, размахивая своею фескою и давая тѣмъ знать, что онъ безоруженъ, выказывалъ намѣреніе вылѣзть къ намъ на брустверъ. За первымъ турецкимъ солдатомъ тотчасъ же показался другой, а потомъ и третій. Перебѣжчиковъ, конечно, вытаскивали на валъ и представили полковнику Бульмерингу, которому они всѣ трое заявили черезъ переводчика, что въ укрѣпленіи очень много раненыхъ, больныхъ и умершихъ, и что весь гарнизонъ укрѣпленія готовъ былъ бы хотъ сейчасъ положить оружіе, но ихъ паша колеблется и боится самъ приступить къ переговорамъ о сдачѣ. Заявленія перебѣжчиковъ были такъ важны, что полковникъ Бульмерингъ немедленно приказалъ прекратить перестрѣлку по всей линіи и вступилъ въ переговоры, которые въ скоромъ времени увѣнчались такимъ успѣхомъ, что привели турокъ къ окончательному рѣшенію положить оружіе и сдаться русскимъ военноплѣнными. Въ укрѣпленіе тутъ же были спущены команды артиллеристовъ, и на турецкихъ батареяхъ работа закипѣла: мелкія орудія спускались въ ровъ,—большія хотя и остались на мѣстѣ, но всѣ безъ замковъ, которые были вынуты и унесены съ батарей.

Пока происходила вся эта процедура разруженія, и выводились изъ укрѣпленія плѣнные, которыхъ насчитывалось до 500 человекъ¹⁾ съ ихъ главнымъ начальникомъ Дауль-пашею и нѣсколькими офицерами, я прошелъ по главному брустверу и близъ турецкой казармы спустился внизъ. Здѣсь на небольшой площадкѣ, около желѣзныхъ воротъ находились наши раненые, снесенные сюда во время боя съ вала и отъ казармы. Они длинными рядами лежали одинъ возлѣ другого прямо на голой землѣ и представляли такую тяжелую картину, что у меня сердце сжалось, когда смотрѣлъ на этихъ бѣдныхъ мучениковъ, обреченныхъ жребіемъ судьбы на роль тѣхъ щепокъ, которыя всегда летятъ тамъ, гдѣ рубятъ лѣсъ... Ихъ стоны, жалобные крики и предсмертныя хрипѣнія были ужасны, но еще ужаснѣе было то что около этихъ несчастныхъ страдальцевъ не было ни докторовъ, ни фельдшеровъ, которые могли бы оказать имъ хотя первую помощь. Вотъ, подумалъ я, обратная сторона того блеска, который украшаетъ такъ военнаго человѣка! Понятно, что перенести всю эту массу раненыхъ на перевязочный пунктъ было нельзя, и они такъ и остались всѣ до утра на этомъ мѣстѣ. Я видѣлъ на другой день опять эти ряды нашихъ героевъ, но это уже были теперь только трупы, и они не нуждались болѣе ни въ чьей помощи. Проходя по рядамъ этихъ отошедшихъ въ лучшій міръ людей, я нашелъ здѣсь нѣсколько человекъ своей роты и въ числѣ ихъ моего юнкера Давыдова, который на штурмѣ былъ въ охотникахъ. Онъ лежалъ съ прострѣленною грудью, весь обрызганный кровью, а на его шинели красовался еще георгіевскій крестъ, полученный имъ не задолго передъ тѣмъ за дѣло подъ Малыми Ягнами. Я снялъ съ него этотъ, обрызганный тоже кровью крестъ и, сохранивъ у себя, передалъ эту дорогую память о немъ впоследствии его роднымъ уже въ Москвѣ.

Но вотъ наконецъ около 3-хъ часовъ ночи выстрѣлы почти со всѣхъ укрѣпленій начали стихать, и только на Шарохскихъ высотахъ продолжала гремѣть канонада, обозначая, что тамъ турки держатся еще крѣпко; но то были уже послѣдніе вздохи умирающаго Карса, и къ восьми часамъ утра 6-го ноября вся грозная турецкая крѣпость съ ея укрѣпленіями, гарнизономъ въ 17.000 и 300 орудій пала, сдавшись русскимъ безъ всякихъ условій. Городъ и цитадель немедленно заняты были полками 40-й пѣхотной дивизіи, — всѣ же прочіе укрѣпленія и форты тѣми частями войскъ, которыми они были взяты.

Уже не въ первый разъ русскія войска, развернувъ свои знамена, вступали побѣдителями въ Карсъ. Въ войну 1855 года эта знаменитая крѣпость послѣ продолжительной осады тоже была взята

¹⁾ Изъ придаточныхъ укрѣпленій и траншей турки, при взятіи нами этихъ защитъ, бѣжали въ Карсъ.

русскими, но не штурмомъ, который былъ неудаченъ и стоилъ нашимъ войскамъ огромныхъ потерь¹⁾, а голодомъ, принудившимъ наконецъ турокъ положить оружіе и сдаться на капитуляцію²⁾. Но Карсъ въ 1855 году былъ далеко не тѣмъ, что онъ представлялъ собою, спустя 22 года. Въ то давнее время Карсскія укрѣпленія не имѣли ни тѣхъ превосходныхъ фортификаціонныхъ построекъ, ни тѣхъ чудовищныхъ новѣйшихъ системъ орудій, которыя теперь дѣлали его укрѣпленія почти неприступными. Тогда турки не имѣли еще и понятія о системахъ Пибоди, Снайдера, Винчестера, дающихъ такую силу огня, о какомъ нашимъ предшественникамъ, конечно, не могло даже и мерещиться...

Только хорошо задуманный и также хорошо выполненный планъ всей этой трудной задачи, отважная рѣшительность произвести ночную атаку и умѣлое примѣненіе къ дѣлу высшаго военного искусства нашихъ полководцевъ, въ главѣ которыхъ стоял самъ главнокомандующій нашъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, — вотъ, по мнѣнію многихъ вполне авторитетныхъ людей, были тѣ главныя причины, которыя могли дать такой блестящій и, можно сказать, безпримѣрный успѣхъ всему этому дѣлу.

Но если карсская операція стоила туркамъ потери крѣпости и всего гарнизона, то и нашимъ войскамъ она обошлась недешево. По официальнымъ источникамъ, изъ 15.071 человекъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, русскіе потеряли убитыми: 1 генерала³⁾, 18 штабъ и оберъ-офицеровъ и 453 нижнихъ чина, а ранеными, контужеными и безъ вѣсти пропавшими: 59 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1.743 человекъ нижнихъ чиновъ. Что же касается потерь Перновскаго гренадерскаго полка, то въ этомъ бою полкъ потерялъ убитыми и ранеными 1 штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ и 320 человекъ нижнихъ чиновъ⁴⁾.

Потери турокъ при штурмѣ Карса неисчислимы; да о нихъ и говорить нечего — они лишились всего.

Оканчивая разсказъ свой о штурмѣ Карса, то-есть, вѣрнѣе сказать, о томъ участіи, какое принималъ въ немъ Перновскій гренадерскій полкъ, мнѣ остается добавить еще лишь о послѣднихъ дняхъ пребыванія нашего подъ Карсомъ, — тѣхъ дняхъ, которые такъ тѣсно связаны для всѣхъ насъ со штурмомъ.

¹⁾ При штурмѣ Карса въ 1855 году русскіе потеряли 7.059 чел. (офиц. источ.).

²⁾ Въ 1855 году штурмъ Карса былъ произведенъ 17 сентябрю, но крѣпость сдалась русскимъ лишь 15 ноября.

³⁾ Убитъ генералъ-майоръ графъ Граббе.

⁴⁾ Убиты: командиръ Перновскаго полка полковникъ Бѣлинскій, капитанъ Бееръ и прапорщикъ Погожевъ; ранены: штабъ-капитанъ Соколовъ, прапорщики баронъ Нетельгорстъ и Ивановъ.

На другой день послѣ штурма его императорское высочество главнокомандующій, желая лично благодарить войска за славную карсскую побѣду, предпринялъ объѣздъ всѣхъ частей, участвовавшихъ въ штурмѣ. День выдался прекрасный, и войска въ ожиданіи пріѣзда главнокомандующаго съ утра выстроились впереди своихъ биваковъ. Районъ объѣзда былъ очень большой, и потому намъ пришлось ожидать его высочества довольно долго. Но вотъ около 12 часовъ дня послышались вдали крики «ура», и со стороны укрѣпленія Хафизъ-паши въ сопровожденіи огромной свиты показался наконецъ великій князь. Подъѣхавъ къ нашему полку и привѣтливо поздоровавшись, его высочество въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ полкъ за славную побѣду, и когда крики «ура», раздавшіеся на его привѣтствіе, стали стихать въ полку, онъ изволилъ произнести слѣдующія слова:

— Гренадеры! Я только что получилъ телеграмму отъ государя императора, котораго извѣщалъ о взятіи нами Карса и вашемъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Его величество шлетъ вамъ, молодцы, за эту славную побѣду свое царское спасибо.

Взрывъ оглушительнаго «ура», какъ громъ, прокатился опять по рядамъ солдатъ, и долго, долго повторяло эхо этотъ радостный крикъ, разнося его по всей окрестности.

Когда его высочество, проѣхавъ мимо полка, изволилъ прослѣдовать далѣе, и крики «ура» начали стихать, къ полку подъѣхалъ генералъ Роопъ ¹⁾. Остановившись передъ серединою полка, генералъ снялъ свою фуражку и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ:

— Честно, геройски исполнили вы, храбрые солдаты, свое дѣло! Я не имѣю словъ, чтобы выразить вамъ то счастье, которое досталось мнѣ, — счастье командовать вами; но не могу безъ тяжелой грусти вспомнить о потерѣ вашей своего командира, который вмѣстѣ со многими вашими товарищами геройски палъ за святую церковь и царя!... Спасибо, большое спасибо вамъ, мои храбрые товарищи!—добавилъ генералъ, низко склоняя передъ нами свою сѣдую голову, и, надѣвъ затѣмъ фуражку, поскакалъ за великимъ княземъ.

Въ тотъ же день нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, поѣхали верхомъ изъ лагеря осматривать Карсъ. Переѣхавъ поле и миновавъ большое каменное зданіе — турецкій военный госпиталь, мы черезъ довольно грязное предмѣстье, которое своими мазанками напоминало болѣе ауль, чѣмъ какой нибудь городъ, вѣхали на главную улицу Карса. Тутъ съ первыхъ же шаговъ намъ пришлось натолкнуться на цѣлыя массы турец-

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Христофоръ Христофоровичъ Роопъ былъ тогда начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи. За штурмъ Карса онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 ст.

кихъ повозокъ, артиллерійскихъ ящиковъ, лафетовъ; все это изломанное, исковерканное валялось среди улицы и такъ загромождало ее, что съ трудомъ лишь можно было по ней проѣхать. Самый городъ, казалось, немного пострадалъ отъ бомбардировки, и только мѣстами лишь попадались полуразрушенныя зданія, съ пробитыми насквозь стѣнами и безъ крышъ, но большинство ихъ все-таки были обитаемы, и жизнь всего населенія съ его интересами и повседневными заботами, какъ будто не нарушенная никакимъ событіемъ, повидимому, уже успѣла войти въ свою обычную колею. Дома въ городѣ почти всѣ двухэтажной постройки, выложены изъ мѣстнаго дурно отесаннаго камня и не только не оштукатурены, но и не выбѣлены; верхній этажъ составляетъ жилье, нижній приспособленъ для скота и разныхъ хозяйственныхъ складовъ. О какомъ нибудь уличномъ освѣщеніи здѣсь въ то время никто не имѣлъ и понятія, и, чтобы пройти или проѣхать, напряжѣръ, почью по улицѣ, не рискуя при этомъ разбить себѣ голову или сломать ноги, непривычному человѣку нельзя было и думать. Пыль, грязь, всевозможные отбросы и даже падалъ, которые никогда и никѣмъ не убираются съ улицы, распространяли по всему городу до того зловонную атмосферу, что намъ не разъ приходилось даже затыкать носы.

Обѣхавъ по кривымъ и узкимъ улицамъ значительную часть города и базарную площадь, на которой около мелочныхъ лавочекъ толпилась масса народа, мы свернули опять на главную улицу и по довольно крутому подъему поднялись къ цитадели. Здѣсь у нашего караула мы оставили лошадей и вошли въ крѣпость. Видъ на окрестности отсюда превосходный, и наши лагерные биваки, которые мы занимали во время блокады, всѣ какъ на ладони. Мы долго разсматривали съ крѣпостной стѣны укрѣпленія и довольно поздно вернулись въ лагерь.

А тамъ въ это время шла уже въ полномъ разгарѣ уборка неприятельскихъ тѣлъ, которыхъ было такое множество, что сами турки, работая безъ перерыва въ продолженіе трехъ дней, едва лишь могли успѣть собрать и зарыть въ землю ¹⁾.

Всѣ трупы нашихъ убитыхъ были снесены къ укрѣпленіямъ и здѣсь послѣ отпѣванія и отданныхъ имъ военныхъ почестей похоронены въ общихъ могилахъ.

8-го ноября, въ день тезоименитства его императорскаго высочества, главнокомандующаго, всѣмъ войскамъ назначенъ былъ благодарственный молебенъ и по окончаніи его парадъ. Погода, какъ и во всѣ эти дни, была прекрасная, и войска съ ранняго утра потянулись на равнину, которая занимала обширную пло-

¹⁾ По турецкимъ свѣдѣніямъ, турками погребено до 2.500 человѣкъ, убитыхъ въ день штурма.

щадь у самаго города. Здѣсь всѣ полки поставлены были большимъ четырехугольникомъ, посреди котораго наше духовенство въ новыхъ парчевыхъ ризахъ уже стояло у аналоя, приготавлиаясь къ богослуженію. Огромная толпа карскихъ жителей, высыпавъ изъ города, почтительно стояла въ отдаленіи и безмолвно наблюдала за всѣми нашими приготовлениями къ церемоніи, но ничѣмъ, однако, не выражала неприязни къ русскимъ.

Ровно въ 10 часовъ на молебствіе прибылъ со свитою великій князь. Обѣхавъ войска и поздоровавшись со всѣми, его высочество сошелъ съ лошади, и начался молебенъ.

Полная благоговѣйная тишина, стройное пѣніе прекраснаго хора пѣвчихъ, осеннее солнышко, освѣщавшее своими яркими лучами всю эту массу войскъ и толпы народа, давая всему видъ праздничной обстановки, невольно производили на всѣхъ впечатлѣніе того отраднаго чувства, которое можетъ быть понятно только тому, кто испыталъ здѣсь самъ всѣ ужасы недавняго боя... Но вотъ пропѣли послѣднія молитвы, и только что протодіаконъ густымъ басомъ провозгласилъ многолѣтіе царю и дому его, какъ вдругъ взвилась сигнальная ракета, и въ тотъ же моментъ со всѣхъ батарей загремѣли выстрѣлы. Эта картина была такъ великолѣпна, такъ торжественна и такъ сильно била по нервамъ, что у многихъ присутствующихъ неудержимо закапали слезы изъ глазъ. Триста орудій, тѣхъ самыхъ орудій, которыя еще за день до того извергали изъ жерлъ своихъ смерть и ужасъ русскимъ, теперь салютовали въ честь русскаго императора! Эта непрерывная пушечная пальба живо напомнила намъ всю картину недавняго штурма, но разница была та, что не свистала теперь надъ головами нашими картечь, не лопались кругомъ гранаты, вырывая цѣлые ряды людей, и не стоялъ уже у тѣхъ орудій турецкій воинъ, а стоялъ тамъ нашъ русскій солдатъ, грудью своею взявшій эти твердыни и, конечно, не въ послѣдній разъ доказавшій міру, что не страшны ему стѣны высокія, и не боится онъ пули вражьей...

Когда окончилось молебствіе, его императорское высочество самъ скомандовалъ войскамъ на караулъ и, вынувъ саблю, отсалютовалъ ею корпусному командиру — генераль-адъютанту Лорисъ-Меликову. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо великаго князя и были имъ распущены по своимъ мѣстамъ.

Два дня спустя, Перновскій полкъ въ полномъ составѣ провожалъ изъ селенія Малаго Тикмэ прахъ своего командира, полковника Бѣлинскаго, а съ нимъ вмѣстѣ и прахъ товарища своего, капитана Беера. Послѣ панихиды и сказаннаго полковымъ священникомъ надгробнаго слова генераль-майоръ Дене, бывшій предмѣстникъ полковника Бѣлинскаго, скомандовалъ полку на караулъ, и печальный кортежъ, подъ звуки похороннаго марша, потянулся по дорогѣ къ городу Александрополю. Тамъ на кладбищѣ Холма

Чести и нашли себѣ вѣчное упокоеніе бранные останки нашихъ героевъ...

За укрѣпленіемъ Хафизъ-паши процессія остановилось. Полкъ отдалъ послѣднюю честь павшимъ воинамъ и возвратился назадъ.

Да, правду сказалъ нашъ великій писатель: умѣють биться на Русской землѣ, а еще лучше того умѣють умирать въ ней за царя и Русь святую!...

А. Аноевъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I) ¹⁾.

VI.

По-американски.

I.

АРАГУНСКІЙ полкъ отправился на усиленіе русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генерала Беннигсена. Въ городѣ остался только одинъ полуэскадронъ, четыре офицера и одинъ берейторъ изъ чиновниковъ. Двумъ старшимъ офицерамъ было поручено произвести наборъ лошадей для укомплектованія полка, а остальные должны были заниматься выѣздкою покупаемыхъ лошадей.

Несмотря на то, что Россія была въ войнѣ съ французами, несмотря на то, что слухи о неудачахъ русскихъ войскъ, дравшихся въ союзѣ съ Пруссіей, тревожили общество, —несмотря на все это, уличная жизнь города, о которомъ идетъ рѣчь, отличалась тою же бойкостью, веселостью и оживленіемъ, какія царили и раньше.

Огромныя лошадиныя ярмарки привлекали въ городъ множество разныхъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій, возрастовъ и пола. Все это ходило, говорило, волновалось и придавало жизни праздничный колоритъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 902.

Вблизи ярмарки были построены убогія зданія, кое-какъ сколоченныя изъ стараго лѣса и служившія гостиницами, ресторанами, цирковыми аренами, мѣстами мелкой торговли.

Жизнь была ключомъ. Несмолкаемый говоръ и шумъ стоялъ надъ городомъ, затихалъ немного къ тремъ-четыремъ часамъ утра, чтобы съ восходомъ солнца начаться съ удвоенною силою. А тамъ, на далекихъ поляхъ Іены и Фридланда, готовились умирать тысячи людей подъ стихійнымъ напоромъ генія Наполеона,—тысячи людей, голодныхъ, измученныхъ, оторванныхъ отъ родины, отъ зеленѣющихъ новымъ всходомъ полей.

Оставшіяся полуэскадронъ примкнулъ къ шумной и безтолковой жизни города. По цѣлымъ днямъ офицеры и нижніе чины бродили по ярмаркѣ, присматриваясь, выбирая и торгуя лошадѣй. Два пріятеля ремонтеры, капитаны Леоновъ и Прохоровъ, въ сопровожденіи берейтора Левина и цѣлой толпы цыганъ и евреевъ, ходили взадъ и впередъ по обширной конной площади изо дня въ день, кричали, ругались, колотили «мошенниковъ-торгашей» и поздно вечеромъ отправлялись въ трактиръ «Австрія», гдѣ или играли въ карты, или пили безъ конца разныхъ вкусовъ, цвѣта и запаха вина, ликеры, настойки. Иногда они заходили въ циркъ посмотреть на фокусника, дрессированныхъ животныхъ или просто поухаживать за наѣздниками.

Имъ жилось весело, и воспоминанія объ ушедшихъ товарищахъ, сильныя вначалѣ, ослабѣли въ концѣ концовъ и смѣнились сознаниемъ беззаботной, хорошей и свободной жизни, внѣ всякаго подчиненія, надзора и руководства. При этомъ ремонтерамъ было хорошо и въ денежномъ отношеніи: у нихъ на рукахъ были огромныя суммы денегъ, которыя давали имъ извѣстный процентъ, такъ какъ покупка лошадей велась на коммерческомъ основаніи, а начальство, за недосугомъ разсматривать строго покупаемыхъ лошадей, требовало только своевременной доставки коней.

Два другихъ офицера полуэскадрона, на обязанности которыхъ лежала выѣздка лошадей, чувствовали себя похуже своихъ старшихъ товарищей, но услужливые факторы доставляли имъ все, что требовалось въ данный моментъ, почему и они не могли жаловаться на скуку и однообразіе жизни.

Такъ продолжалось два-три мѣсяца, и ремонтированіе лошадей приближалось уже къ концу.

— Скоро конецъ нашему гулянью! — говорили офицеры.— Поѣдемъ въ дѣйствующую армію... Здѣсь все надоѣло... И повеселиться толкомъ нельзя... Каждый день одно и то же... Даже пьянствовать наскучило... Хотъ бы въ городѣ чтонибудь новенькое открылось... А то всё заведенія, какъ свои пять пальцевъ, знакомы... Тоска...

Скучать долго офицерамъ не пришлось.

Однажды, раннимъ утромъ, по дорогѣ къ городу двигались три повозки. Первая изъ нихъ представляла собою огромныхъ размѣровъ фургонъ, крытый полосатыми тряпками, которыя трепались изъ стороны въ сторону и тѣмъ самымъ придавали повозкѣ какой-то причудливый видъ. Другая повозка была нагружена множествомъ ящичковъ разныхъ цвѣтовъ и размѣровъ и при солнечномъ освѣщеніи отливала всѣми цвѣтами радуги. Въ третьей повозкѣ сидѣло двое мужчинъ и одна женщина. Мужчины, одинъ—старый, сутуловатый, другой—молодой и стройный, сидѣли на передкѣ и что-то жевали; женщина, прислонившись къ стѣнкѣ повозки и закрывшись платкомъ, спала.

Подѣхавъ къ заставѣ, старый слѣзъ съ повозки, догналъ передній фургонъ и взялъ лошадь за вожжи. Отъ заставы онъ повернулъ къ базарной площади, гдѣ уже началась дѣятельность и стоялъ говоръ.

Повозки медленно двигались и своимъ оригинальнымъ видомъ обращали всеобщее вниманіе.

Выбравъ менѣе людное мѣсто, старикъ повелъ лошадь мимо торговыхъ, важно разсѣвшихся по сторонамъ дороги. Пройдя немного, онъ вдругъ остановилъ лошадь и быстро подбѣжалъ къ одной бабѣ, которая сидѣла передъ небольшой корзинкой съ яйцами.

— Почему продаешь?—спросилъ онъ ее, вынимая изъ корзины яйцо.

Баба взглянула на фургонъ и вмѣсто отвѣта спросила:

— А ты пріѣзжій?

— Пріѣзжій. Почему яйца-то?

— А откелева?

— Ну, пошла спрашивать! Ты, видно, болтать вышла, а не торговлей заниматься.. Я къ другимъ пойду!

— И что ты, родимый! — всполошилась баба. — Какъ можно!.. Я только спросила!.. А яйца дешевыя, родной мой!.. Тебѣ сколько требуется?..

— Може, десятокъ, а, може, и всю корзину!

— Такъ, такъ! За десятокъ я съ тебя три алтына возьму, а корзинку бери за пѣлковый!

— Ишь, какъ дорожишься!.. Да хороши ли яйца-то?

— Самыя наилучшія... сейчасъ изъ-подъ курочекъ!.. Ужъ будешь доволенъ...

— Гм... повѣрь тебѣ... гм.. Ну, ладно... получай пѣлковый!

Пріѣзжій старикъ вынулъ сальный кошелекъ, досталъ изъ него деньги и отдалъ бабѣ.

— Получай!.. Видно, тебѣ сегодня удачный день выдался!.. А ну-ка... какія яйца-то... Поглядимъ!

Незнакомецъ присѣлъ на корточки, разбилъ яйцо о колѣнку и... вынулъ оттуда новенькій, блестящій червонецъ.

— Что ты дѣлаешь! — вскрикнула баба и подняла руки, какъ бы собираясь летѣть.

— Не твое дѣло! — отвѣтилъ старикъ, затѣмъ взявъ другое яйцо, разбилъ его и снова на глазахъ бабы вынулъ изъ него новый червонецъ, который положилъ не спѣша въ карманъ.

Баба стояла, разинувъ ротъ, и, какъ сумасшедшая, поводила глазами.

Старикъ хотѣлъ уже разбить третье яйцо, какъ вдругъ баба схватила обѣими руками корзину съ яйцами, бросила на землю полученный отъ незнакомца рубль и пустилась бѣжать.

— Куда ты? куда ты? — крикнулъ старикъ, поднимая рубль, но баба уже смѣшалась съ народомъ, и ея не было видно.

— Что случилось? что такое? — спрашивали окружающіе, образуя около старика толпу.

— Да какъ же?! — сказалъ незнакомецъ. — Я у нея купилъ корзину яицъ и деньги отдалъ; сталъ оттуда, изъ яицъ-то, червонцы вынимать, а она какъ схватитъ корзинку да какъ побѣжитъ... и слѣдъ ея простылъ.

Иные съ недовѣріемъ, другіе съ сожалѣніемъ поглядывали на старика, думая, что онъ не въ своемъ умѣ, но въ ту же минуту другая торговка, на глазахъ которой происходило разбиванье яицъ, стала божиться и креститься, что своими очами видала, какъ онъ «золотые изъ яицъ свѣжихъ таскалъ».

— Ударить по колѣнкѣ, скорлупка хрясть, и золотой выпадеть, и золотой...

Толпа съ удивленіемъ поглядѣла на старика, а онъ, грустно покачивая головою, подошелъ къ фургону, дернулъ за вожжи и медленно поплелся за лошадыю. Зѣваки пошли за нимъ вслѣдъ, съ любопытствомъ разсматривая и странныя повозки, и незнакомыхъ людей.

Не прошли они, однако, и четверти версты, какъ вдругъ позади раздался отчаянный крикъ:

— Стой, окаянный, стой!

Старикъ остановился, обернулся назадъ и увидаль бабѹ, у которой онъ купилъ яйца. Та протискалась впередъ и громко, съ дикимъ воемъ, произносила свою выразительную, уснащенную ругательствами рѣчь.

— Окаянный ты человѣкъ! — заголосила она, протягивая къ старику корзинку, на днѣ которой виднѣлось много яичной скорлупы. — Что ты со мной сдѣлалъ?.. Помогите, православные! Купилъ онъ у меня яйца, проклятый онъ человѣкъ, и сталъ колотить ихъ и изъ кажиннаго яйца по золотому таскать... По самому настоящему червонцу — окаянный этакій! Я корзину-то у него отняла, да за уголь зашла, да стала по-окаянному яйца разбивать... И всѣ до одного расколотила, а червонцевъ не нашла... Отдай рубль, проклятый... Отдай!

Толпа стояла въ недоумѣніи: доказательства свершившагося были слишкомъ вѣски.

— Ишь какая наплась!.. — сказалъ незнакомецъ.— Сама лѣца расколотила, а я виноватъ... Нѣтъ, братъ, не на такого напала... А вотъ если хочешь, такъ бери...

И старикъ протянулъ свою руку къ носу плачущей бабы, пожалъ его—и тотчасъ же въ его рукѣ блеснулъ рубль, который онъ сунулъ бабѣ въ руку. Все произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что толпа оцѣпенѣла и опомнилась только тогда, когда фургоны уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди.

Она бросилась за старикомъ и сплошной стѣной окружила его. Двѣ другія подводы съ трудомъ могли пробираться сзади. Народъ гудѣлъ, и толпа увеличивалась.

У городской части фургонъ остановился. Старикъ скрылся въ воротахъ, а толпа, ожидавшая чего нибудь новаго, осталась его ждать...

Когда черезъ часъ старикъ вышелъ изъ части и, подойдя къ фургону, ударилъ вожжами по лошади, вдругъ тряпки съ фургона исчезли, и грамотные прочли внезапно явившуюся большую вывѣску:

«Всемирный фокусникъ Асмодей!»

Такъ была создана реклама, которой можно позавидовать и въ наше время.

Повозки, теперь уже въ сопровожденіи толстаго будочника, пересѣкли площадь и остановились около обширнаго сарая. Изъ задней повозки вышла женская фигура, которая, не снимая платка, вошла въ сарай; старикъ и молодой отворили ворота и въѣхали во дворъ.

Толпа все еще не расходилась.

II.

На слѣдующій день повсюду: на заборахъ, домахъ, лавкахъ, сараяхъ висѣли огромныя афиши, возвѣщавшія о чудесахъ, происходящихъ въ «театрѣ Асмодея». Собственно говоря, афиши были излишни, такъ какъ слухи о фокусахъ Асмодея разнеслись по городу съ невѣроятною быстротой, и очень многимъ хотѣлось убедиться въ дѣйствительности.

Вечеромъ обширный сарай, залитый яркими разноцвѣтными огнями, вмѣщалъ огромное множество публики, хотя цѣны мѣстамъ были не изъ дешевыхъ. Зато зрители получали здѣсь полное удовольствіе: уже не говоря о фокусахъ самого Асмодея, которые поражали и приводили въ восторгъ зрителя, услужливый содержатель предлагалъ вниманію публики «замѣчательную красавицу изъ Севильи», которая выходила на сцену, садилась на стулъ и

скоро засыпала; тогда Асмодей предлагалъ желающимъ узнать свою судьбу, но уже за особую отъ входной платы сумму денегъ; при этомъ «красавица изъ Севильи» угадывала будущее и нерѣдко отгадывала прошлое и такъ вѣрно, что оставалось лишь изумляться.

«Красавица изъ Севильи» была настоящею красавицею: молодая, стройная, съ густыми, длинными, черными волосами, съ блестящими какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ глазами она производила ошеломляющее дѣйствіе и очаровывала публику.

Затѣмъ здѣсь же показывалось укрощеніе звѣрей, гимнастическія упражненія, въ которыхъ отличался молодой спутникъ Асмодея, проглатываніе шпагъ, мечей и т. п. Все это было такъ заманчиво и такъ ново для мѣстныхъ жителей, что Асмодей не могъ пожаловаться на плохіе сборы.

Офицеры полуэскадрона почему-то сначала не обратили вниманія на новое зрѣлище и не посѣщали его, пока наконецъ поручикъ Ашкеладзе, страстный поклонникъ женщинъ, не отправился посмотреть на «красавицу изъ Севильи». Изъ театра онъ, несмотря на позднее время, бросился въ трактиръ, гдѣ его товарищи, капитаны Леоновъ и Прохоровъ, сидѣли и пили вино.

— Нѣтъ! Это что-то сверхъестественное!..—говорилъ онъ, рассказывая о только что видѣнныхъ чудесахъ. — Такой красавицы мнѣ еще не приходилось видывать!.. А какой у нея голосъ, какая походка!.. Голубчикъ Леоновъ, дай сто рублей!.. Ей-Богу, дай... Крайне нужно!..

Леоновъ, грузный мужчина съ черными сѣдьющими волосами, отнесся очень безразлично и къ похвалямъ Ашкеладзе и къ его просьбѣ.

— По—твоему, по-восточному, всѣ женщины — сверхъестественны! — сказалъ онъ. — Ну, а по-моему, по-славянскому, все это — вздоръ! И твоя красавица, вѣроятно, на всѣхъ звѣрей похожа!.. А денегъ не дамъ, ибо ты мнѣ ихъ отдать не можешь.. Убирайся и не мѣшай намъ пить!..

— Ну, дай пятьдесятъ!—продолжалъ Ашкеладзе.—Ну, тебѣ не все равно? Ну, дай, дай!

— Отстань, пожалуйста... И зачѣмъ тебѣ деньги понадобились?

— А я хочу севильской красавицѣ презентъ маленькій сдѣлать.

— Ну, для твоей красавицы и пятерки довольно. Получай!..

Леоновъ вынулъ изъ кармана деньги и подалъ ихъ Ашкеладзе. Тотъ взялъ ихъ и тотчасъ же ушелъ.

Вернулся онъ на утро, блѣдный и измученный.

— Что съ тобой?—спросилъ его Леоновъ.

— Усталъ! Вчера я къ фактору ходилъ, двадцать рублей досталъ да твоихъ пять... Всѣ тамъ оставилъ!

— Гдѣ тамъ? у красавицы?

— Да... Пришелъ я къ театру, а все уже заперто, огни потушены... Я постучался... Отворилъ Асмодей и провель меня къ себѣ... Чѣмъ, говорить, угощать? И дочь его вышла, эта красавица-то... Ну...

— Ну, и что же?..

— Ну, и братъ вышелъ... это который гимнастику дѣлаетъ... Я сказалъ: вина хочу! Подали вина, угощаю... Асмодей съ сыномъ пьютъ... Выпили... А красавица сидитъ, глазъ съ меня не спускаетъ... И жутко такъ, и приятно... Хочу взглянуть на нее, подниму глаза, да и опущу сію же минуту... Словно, она въ душу твою смотритъ, мысли читаетъ. «Выпейте», говорю ей... А она этакъ головой поведетъ... «Не пью», говоритъ и улыбнулась... И какая это улыбка!..

— Да ты совсѣмъ рехнулся!.. Что же дальше?

— Дальше?! Выпили вина, еще откупорили... Подошла Раиса (это такъ красавицу-то зовутъ), подошла ко мнѣ, взяла меня за руку... «Ты, говорить, добрый да ласковый и сердцемъ отходчивый, а судьба твоя не красная». Я обомлѣлъ.—«Чѣмъ же она не красна?»—спрашиваю.—«Ждетъ, говорить, тебя неудача большая!»—«Какая же?»—говорю. А она отошла отъ меня, сѣла въ уголъ и глаза закрыла. И словно восковая стала: ни кровинки въ лицѣ. Асмодей вскочилъ, платкомъ ее накрылъ. «Выйдемъ, говорить, въ сосѣдную комнату! Раиса больна, говорить. Съ ней часто припадки дѣлаются... Выйдемъ!» Вышли. Еще вина взяли. Асмодей съ сыномъ пьютъ, а я только губы обмакиваю. Стоитъ Раиса передъ моими очами, словно нездѣшная, неземная какая-то... А черезъ полчаса и она выходитъ. Смѣется. Отецъ шепнулъ ей что-то на ухо. Она поглядѣла на него да и говоритъ мнѣ: «Приходите къ намъ почаще и товарищей своихъ приводите!» Повернулась и ушла.... А я остался вино съ Асмодеемъ пить...

— И все?—спросилъ Леоновъ.

— Все... Оставилъ Асмодееу всѣ деньги и ушелъ...

— Какъ? Четвертную за вино?—удивился Леоновъ.—Да они тебя обобрали...

— Нѣтъ! Я самъ отдалъ... на гостинцы... Раисѣ...

— Да за что же? за что деньги-то ей давать?—недоумѣвалъ Леоновъ.

— Ни за что!.. Такъ просто... Асмодей говоритъ, что Раиса деньги любитъ... ну, я и отдалъ...

— Глупо! Очень глупо!.. Жулики они базарные, больше ничего...

— А все-таки ты сходи къ нимъ!—сказалъ Ашкеладзе съ грустью въ голосѣ.—Я Раисѣ общался...

— Не пойду!—отозвался Леоновъ.—Они и меня оберутъ. Не пойду... Вонъ Алешку зови...

Ашкеладзе поглядѣлъ на Прохорова, который стоялъ рядомъ съ нимъ и съ большимъ интересомъ слушалъ рассказъ Ашкеладзе.

— Что жъ... я пойду!—сказалъ тотъ.—Не одинъ онъ, всѣ въ въ городѣ ею восхищаются... Пойду... сегодня же...

— Ну, такъ и я пойду!—проговорилъ Леоновъ.—Только деньги дома оставлю... А то они такой фокусъ могутъ съ ними продѣлать, что подъ судъ попадешь... Ладно, идемъ!

— Вотъ отлично, отлично!—закричалъ Ашкеладзе.—А я побѣгу Боклевскаго звать. Пусть прапорщикъ на настоящую красавицу поглядитъ... Всѣ четверо и пойдѣмъ...

— Зови... Только денегъ съ собою не бери да къ факторамъ не ходи... Зарѣжешься...

Но Ашкеладзе уже не слышалъ наставленій Леонова и пустился бѣгомъ сначала къ прапорщику Боклевскому, а потомъ къ фактору за деньгами.

Леоновъ и Прохоровъ отправились на конную площадь.

III.

Когда офицеры входили въ зрительный залъ, представленіе уже началось.

Асмодей вынималъ изъ пустыхъ шляпъ живыхъ куръ, которыхъ тотчасъ же превращалъ въ гусей, ѣлъ горящую паклю, при чемъ облизывался, показывая, что это очень вкусно, отрубалъ себѣ острымъ топоромъ правую руку и превращалъ ее въ самыя обыкновенныя вилы для навоза, и все это продѣлывалъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостью.

— Сейчасъ, сейчасъ и она выйдетъ!—заговорилъ Ашкеладзе, наклоняясь къ уху Леонова, когда Асмодей, раскланявшись съ публикой, удалился со сцены.

— Посмотримъ!—пробасилъ Леоновъ, и въ ту же минуту въ глубинѣ сцены появилась Раиса въ бѣломъ платьѣ. Она шла съ опущенными глазами и, подойдя къ рампѣ, остановилась и подняла глаза.

— Ну, что? что скажешь?—зашепталъ Ашкеладзе.

— Гм... да... гм!.. промычалъ Леоновъ и задвигался на стулѣ.

— Что? какъ находишь? а?

— Отстань... Никакъ не нахожу... Не мѣшай смотрѣть...

— Вотъ прелесть, вотъ прелесть!—произнесъ Прохоровъ.—Никакъ не думалъ, что она такъ хороша... Обязательно въ гости пойду... непременно...

— И я пойду... въ гости!—снова промычалъ Леоновъ и устоялся на Раису.

Началось отгадываніе будущаго. Но уже ни Прохоровъ, ни Леоновъ не интересовались происходившимъ. Они «созерцали» въ

буквальномъ значеніи этого слова. Все въ Раисѣ было такъ гармонично, что смотрѣть на нее доставляло для офицеровъ неизъяснимое удовольствіе.

Леоновъ оглянулся въ сторону, и ему стало непріятно, что на Раису смотрятъ Прохоровъ, Ашкеладзе и сотни другихъ глазъ. Въ то же мгновеніе оглянулся и Прохоровъ и, вѣроятно, испыталъ то же самое чувство.

— Ты останешься?—спросилъ у Прохорова Леоновъ, когда за-навѣсъ упалъ.

— Да... останусь!—отвѣтилъ тотъ, не глядя на товарища.

— Ну, оставайся!.. А я пойду... неловко оставаться всѣмъ... Неловко... я пойду!..

— Почему неловко?—заволновался Ашкеладзе.—Очень ловко. Она всѣхъ просила. Жаль, что я Левина не пригласилъ, жаль...

— Ну, вотъ еще... берейтора приглашать!—сказалъ Леоновъ.— Онъ еще рыломъ не вышелъ... Пожалуй, и я останусь... Рано еще домой... успѣемъ... Я останусь...

Публика шумно оставляла театръ. Офицеры сидѣли на мѣстахъ и молчали, и это молчаніе для всѣхъ казалось страннымъ, но прерывать его было непріятно.

Они сидѣли, пока въ залъ уже не оставалось постороннихъ. Тогда изъ-за сцены показался Асмодей, который уже успѣлъ снять свой фантастическій балахонъ. Онъ улыбаясь подошелъ къ офицерамъ.

— Какъ вамъ понравилось представленіе, господа?—спросилъ онъ.

— Прекрасно, прекрасно!—отозвался за всѣхъ Ашкеладзе.— А Раиса еще не готова? она одѣвается?

— Она сейчасъ будетъ!—сказалъ Асмодей.—А теперь покорно прошу...

Онъ указалъ на дверь, которая была продѣлана въ перегородкѣ, отдѣлявшей сцену отъ зала, и двинулся впередъ. Офицеры молча пошли за нимъ.

Скоро они всѣ вошли въ довольно большую комнату, въ которой стоялъ столъ, нѣсколько табуретокъ и мягкій диванъ, съ провалившимся сидѣньемъ.

— Чѣмъ прикажете угощать?—спросилъ Асмодей.— Какого вина позволите?

— Все равно! Только побольше давайте!—сказалъ Ашкеладзе и усѣлся на табуретку въ непринужденной позѣ, какъ старый знакомый хозяевъ.

Вошелъ сынъ Асмодея, поздоровался за руку съ офицерами и сѣлъ рядомъ съ Ашкеладзе.

— А Раиса сегодня цѣлый день была больна!—проговорилъ онъ.—Голова болѣла...

— Отчего же это у нея?—спросилъ Ашкеладзе.

— А не знаю! Она у насъ часто бываетъ больна... Работы много... изнуряется... Она сейчасъ выйдетъ...

Онъ всталъ, ушелъ за дверь и черезъ минуту вернулся, неся въ рукахъ подносъ съ бутылками. За нимъ шелъ Асмодей съ такимъ же подносомъ. Сзади нихъ двигалась Раиса. Она уже была одѣта въ другое платье, и въ косу была вплетена бѣлая роза.

Она вошла, оглядѣлась и, не говоря ни слова, сѣла на диванъ.

— Пожалуйте, дорогіе гости, пожалуйста!—проговорилъ Асмодей.—За ваше здорье!..

Леоновъ быстро подошелъ и залпомъ выпилъ два стакана; то же самое сдѣлали Прохоровъ и другіе.

Асмодей сталъ жаловаться на дороговизну жизни, на равнодушіе публики, на убытки, которые онъ терпитъ отъ постоянного передвиженія съ мѣста на мѣсто, на болѣзнь дочери.

Ашкеладзе сочувственно вздыхалъ, покачивалъ головою и по-смастривалъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Раиса. Около нея стоялъ Прохоровъ и что-то говорилъ ей. Леоновъ ходилъ мимо него изъ стороны въ сторону, изрѣдка бросая на него косые взгляды.

— Послушай, не болтайся, какъ маятникъ!—сказала Раиса.— Садись сюда...

Леоновъ остановился и затѣмъ послушно сѣлъ около Раисы на диванъ.

— Почему ты такъ сердито смотришь?—спросила она Леонова съ хитрою усмѣшкою, отъ которой ему сдѣлалось неловко. — Не стоитъ сердиться... Ты одного хочешь, и другой того же хочетъ, и третій, и всѣ... Сердиться не надо... Ты славный такой...

— А почему ты знаешь?—буркнулъ Леоновъ.—Какой я славный!.. Ха-ха-ха!..

— Тебѣ не хочется смѣяться!—продолжала Раиса.—Выпей еще вина, а то ты все будешь дѣлать не то, что тебѣ хочется... Отецъ, налей-ка этому толстому стаканъ... Давай сюда...

Леоновъ выпилъ. Въ обращеніи Раисы что видѣлъ что-то исключительное, необычное для него. Это не было обращеніе свѣтской женщины, но это не было и обращеніе женщины того круга, къ которому она принадлежала по профессіи артистки; она говорила съ Леоновымъ какимъ-то покровительственнымъ тономъ, обнаруживающимъ независимость, гордость и какую-то внутреннюю силу дѣвушки.

— Какая ты странная!—сказалъ онъ ей.—Ты и смотришь, и говоришь не такъ, какъ другія. Откуда ты родомъ?

— Откуда?—засмѣялась дѣвушка.—Отъ отца и матери. У каждаго отецъ и мать есть.

— Ты не изъ цыганокъ?

— Нѣтъ!

— И не изъ евреекъ?

— Тоже нѣтъ!

— Откуда же ты?

— Отца спроси! — она указала на Асмодея, который сидѣлъ напротивъ Ашкеладзе и игралъ съ нимъ въ дурачки. — Отецъ знаетъ... А я кто? Раиса... вотъ тебѣ и все... И не спрашивай меня, и не скажу тебѣ ничего...

— А это твой братъ?—спросилъ Леоновъ, указывая на молодого человѣка, который на сценѣ показывалъ гимнастическія упражненія.

— Братъ!—отвѣчала Раиса.

— А замужъ ты не собираешься?

— Собираюсь!.. Возьми меня!.. Аль не возьмешь?

— А любишь когонибудь?

— Ишь допытывается... Всѣхъ люблю... тебя, его, того, этого, всѣхъ, всѣхъ...

— Нѣтъ... не такъ... а по-настоящему... по-хорошему...

— Фу, ты какой... Не пилъ—ничего не говорилъ, выпилъ—понесъ городить... Я къ себѣ пойду... Прощайте!..

— Останься съ нами!.. Намъ скучно безъ тебя! Или ты разсердилась?

— Голова болитъ!..—отвѣчала Раиса.—Другой разъ придете... А теперь пойду...

— Мы завтра опять придемъ!—сказалъ Прохоровъ, удерживая Раису за руку и смотря ей въ глаза.

— Что жъ? Приходи, приходите!.. Я люблю на людяхъ быть... съ ними весело... Прощай, отецъ!..

Раиса ушла. Леоновъ и Прохоровъ вздохнули оба и подошли къ Ашкеладзе.

— Въ дураки дуетесь?—спросилъ Леоновъ.—А ты, старикъ, въ другія игры играешь?

— А въ какія?—въ свою очередь спросилъ Асмодей.

— Разныя игры... Гдѣ деньги рѣкой льются... Понимаешь... удержу имъ нѣтъ...

— Гдѣ жъ мнѣ... Человѣкъ я бѣдный... Такъ по маленькой... Это можно немножко...

— Давай по маленькой!—согласился Леоновъ.—Алешка, давай старика обставлять! Только чуръ—не фокусничать...

Асмодей выпилъ вина, отодвинулъ въ сторону бутылки и сказалъ:

— Только по самой маленькой, по самой маленькой!..

Началась игра. Асмодей не фокусничалъ, но проигрывалъ и потому сокрушенно покачивалъ головой. Сынъ его пилъ вино и часто уходилъ въ ту комнату, гдѣ скрылась Раиса.

Подъ утро офицеры собрались уходить.

— Играли по маленькой, — ты проигрывалъ; стали играть по большой, — и ты не въ накладѣ! — замѣтилъ Леоновъ, расплачиваясь съ Асмодеемъ и давая ему нѣсколько бумажекъ.

Асмодей улынулся, съежился и скорчилъ смѣшную гримасу.

— Счастье мое! А то совсѣмъ бы я пропалъ! — сказалъ онъ. — Жить трудно, все дорого... А Раисѣ на гостинецъ не оставите? Она любить гостинцы! Строгая такая, никого къ себѣ не подпускаетъ, а гостинцы любить!

Леоновъ и Прохоровъ вынули по золотому, выпили вина и вышли. Начиналось ясное весеннее утро, обѣщавшее хорошей погодой день.

IV.

Жизнь ремонтеровъ измѣнилась самымъ кореннымъ образомъ. Прохоровъ и Леоновъ, закадычные друзья, школьные товарищи, почувствовали, что имъ тѣсно быть другъ съ другомъ вмѣстѣ. Какъ это случилось, — ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ бы объяснить, но, что это было такъ, — являлось несомнѣннымъ какъ для каждаго изъ нихъ, такъ и для постороннихъ.

Однако, по внѣшности, ничего не произошло такого, что бы могло повлечь за собою такой скорый, хотя и молчаливый разрывъ. Они жили на одной квартирѣ, вмѣстѣ выбирали лошадей, вмѣстѣ ходили въ театръ Асмодея и любовались Раисой, просиживая подлѣ нея цѣлыми ночами, пока она наконецъ не уходила спать, вмѣстѣ оставались потомъ играть въ карты съ Асмодеемъ и вмѣстѣ же возвращались домой.

Но иначе поступать они не могли. И въ выборѣ лошадей, и въ мирной бесѣдѣ, и на представленіяхъ Асмодея каждый изъ нихъ чувствовалъ въ другомъ противника. Они стали меньше разговаривать между собою и больше пить: вино мѣшало сознавать и чувствовать вражду. Передъ тѣмъ, какъ итти въ театръ Асмодея (а ходили они туда ежедневно), они умышленно избѣгали другъ друга, сторонились, косились, но отправлялись вмѣстѣ.

Если одинъ садился съ правой стороны Раисы, то другой садился съ лѣвой; если Раиса обращалась къ одному, другой ревновалъ ее и дулся. И, тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ не могъ бы сказать, что Раиса предпочитаетъ одного другому. Съ своими грустными, вдумчивыми глазами, съ своею блѣдностью и страннымъ очертаніемъ лба она для обоихъ являлась неразгаданною загадкою. Раиса, очевидно, страдала; очевидно, въ ея душѣ происходила какая-то драма, но содержаніе ея было темно, и Раиса молчала объ этомъ. Она привѣтливо улыбалась какъ Леонову, такъ и Прохорову; любила болтать съ ними, называла ихъ славными, добрыми, хорошими. И все-таки Леонову хотѣлось, чтобы

здѣсь, при бесѣдахъ съ Раисою, не было Прохорова, какъ Прохорову хотѣлось того же въ отношеніи Леонова.

— Да, намъ тѣсно!—думалъ каждый изъ нихъ. — Или я, или онъ... Но я не уступлю, хотя бы это стоило жизни!

Но уступать было нечего, ни одинъ изъ нихъ не обладалъ Раисой, никому изъ нихъ не было дано никакихъ поводовъ ревновать ее. Она любила больше слушать рассказы ремонтеровъ, нежели говорить и въ особенности говорить про себя. Она тщательно скрывала свое прошлое, и, когда ее спрашивали, она вздыхала и уходила къ себѣ, ссылаясь на нездоровье.

Асмодей каждую ночь просилъ у нихъ гостинцевъ для Раисы, и каждый изъ нихъ давалъ деньги—ровно столько, сколько давалъ противникъ, и въ этомъ «гостинцѣ» они не видѣли ничего дурного, свыклись съ нимъ, считая это платой за тѣ минуты разговора, которыми они пользовались у Раисы.

— Не будь его, — думали противники, — этого моего друга, и Раиса была бы моею... Онъ—единственное мое препятствіе, и Раиса должна выбирать. Нужно рѣшиться и предложить ей...

Но время шло, и противники-друзья молчали, такъ какъ Раиса попрежнему оставалась ровной и постоянной въ своихъ симпатіяхъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Перемѣна отношеній между Прохоровымъ и Леоновымъ стала ощутительною для ихъ товарищей-офицеровъ, и Ашкеладзе не разъ говорилъ прапорщику Боклевскому:

— И чего они надѣются? и на что они надѣются? Раиса—холодна, какъ камень, и изъ-за нея ссориться не стоитъ... Смотри на нее, любуйся—она ничего; подойди ближе—и увидишь ледъ... Я потому и пересталъ къ Асмодею ходить. Леоновъ и Прохоровъ какіе-то странные стали... Идутъ по базару, а сами молчатъ и другъ на друга косятся... словно, враги лютые... Не стоитъ... А Раиса все-таки хороша...

Однако, отношенія обострились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и недаромъ Ашкеладзе видѣлъ что-то странное въ этихъ отношеніяхъ.

Однажды утромъ Прохоровъ и Леоновъ молча шли отъ Асмодея. Молчать было неловко, но говорить они не могли. Они взяли возницу и поѣхали къ трактиру. Вылѣзая изъ повозки, Леоновъ опустилъ руку въ карманъ и вдругъ поблѣднѣлъ. Прохоровъ замѣтилъ это.

— Дай ему, пожалуйста, деньги!—сказалъ Леоновъ Прохорову, указывая на возницу.

Затѣмъ они вошли въ номеръ, и Леоновъ, не садясь, мрачно проговорилъ:

— У меня украли бумажникъ!

Прохоровъ испугался, взглянувъ на блѣдное лицо товарища.

— Что ты говоришь? Ты его, вѣроятно, сунуль куда нибудь!
 — Нѣтъ!—твердо произнесъ Леоновъ.—Его украли... И я знаю кто...

— Кто? кто?.. Скажи...

Леоновъ помолчалъ, потомъ отвернулся въ сторону и безпомощно опустился на кровать.

— Раиса!—прошепталъ онъ.—Я чувствовалъ даже... Когда мы сидѣли... Это она...

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Прохоровъ.

— А я говорю: да! Это она... она... И я погибъ... У меня только осталось полторы тысячи... Онѣ въ столѣ... и больше ничего... Я погибъ...

Онъ закрылъ лицо руками и откинулся назадъ. Его тучное тѣло вздрагивало...

Прохоровъ не могъ произнести отъ ужаса ни одного слова и смотрѣлъ на товарища, чувствуя въ душѣ какое-то незнакомое, не хорошее, но сладостное движеніе.

— Какъ же быть?—проговорилъ наконецъ Прохоровъ.—Что ты будешь дѣлать? Неужели ты поднимешь исторію? А какъ же ремонтировать будешь? Что дѣлать?..

— Я не знаю, я ничего не знаю!.. — проговорилъ Леоновъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Прохоровъ отошелъ къ окну. Онъ вспомнилъ, что сегодня Раиса позволила себѣ обнять Леонова за голову. Она обвила его шею руками, и онъ склонилъ свою голову къ ея плечу. Въ ту же минуту братъ ея вскочилъ, какъ ужаленный, и, какъ бы опомнившись, сѣлъ на мѣсто. Раиса разсмѣялась какимъ-то истерическимъ смѣхомъ и убѣжала въ свою комнату. Потомъ они ушли, не игравъ въ карты и не давая на «гостинцы», такъ какъ и самъ Асмодей чувствовалъ себя больнымъ. Прохоровъ стоялъ у окна, а Леоновъ безпомощно плакалъ.

— Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?

И у Прохорова, стоявшаго у окна, то же нехорошее чувство копошилось въ груди: было ясно, что украденныхъ денегъ не вернешь, что для Леонова судъ не минуетъ, и что препятствія къ обладанію Раисой устраняются сами собою. И ему было пріятно думать объ этомъ.

V.

На другой день на конной площади можно было видѣть только одного Прохорова, и на вопросы барышниковъ: «гдѣ капитанъ Леоновъ?»—онъ отвѣчалъ, что Леоновъ боленъ и не можетъ выйти изъ дома.

Прохоровъ выбиралъ лошадей, присматривался, покупалъ, но все это дѣлалъ онъ въ какомъ-то чаду, словно это была не дѣй-

ствительность, а сонъ. Барышники пользовались этимъ состояніемъ покупателя и сбывали ему всякую дрянъ за довольно высокую цѣну.

— Развѣ это можно?—услыхалъ Прохоровъ сзади себя знакомый голосъ Ашкеладзе.—Смотри, что тебѣ продаетъ этотъ мошенникъ? Развѣ это конь? Кляча водовозная!..

Барышникъ нахмурился.

— Такъ что позвольте сказать,—началъ онъ,—покупатели-то не вы будете...

— Молчать!—крикнулъ на него Ашкеладзе.—Я тебѣ покажу! Я тебя въ часть отправлю! Мошенничать не дозволяется... Возьми свою клячу... Убирайся!

Прохоровъ равнодушно смотрѣлъ на эту сцену: и конная площадь, и барышники, и Ашкеладзе, и Леоновъ—все это было для него чѣмъ-то постороннимъ, чужимъ; мечты о возможномъ личномъ счастьѣ овладѣли имъ совершенно и заставляли, не разбираясь въ чувствахъ, отдаваться имъ.

— Пойдемъ... Мнѣ надоѣло!—сказалъ Прохоровъ, махнувъ рукою, и вмѣстѣ съ Ашкеладзе направился въ трактиръ.

— Чѣмъ же боленъ Леоновъ?—спрашивалъ Ашкеладзе по дорогѣ.

— Не знаю!—отвѣчалъ Прохоровъ.—Но онъ боленъ серьезно, и къ нему нельзя ходить!

Ашкеладзе помолчалъ немного и затѣмъ пониженнымъ голосомъ проговорилъ:

— Ты меня извини. Конечно, это не мое дѣло, я тутъ сторона, но по чувству дружбы, товарищества я долженъ сказать тебѣ, что у васъ дѣло не чисто.

— Не чисто? чѣмъ же?

— Я не знаю—чѣмъ! я ничего не знаю! Но вы оба, и ты, и Леоновъ, какъ будто врагами сдѣлались. И неужели все это отъ Раисы? Она можетъ свести съ ума, но вамъ-то надо воздержаться: вы—повѣренные казны, у васъ много денегъ, а притонъ Асмодея... ой-ой-ой... какой притонъ! Вы тамъ по ночамъ бываете, деньги проигрываете, а днемъ у нихъ купцы сѣзжаются. Вы этого оба не знаете, а я знаю. Сидятъ, любятъ на Раису да денежки проигрываютъ. А она сама, какъ скала неприступная, никого къ себѣ не подпускаетъ. Такъ-то...

— Я этого не зналъ!—отозвался Прохоровъ.

— Вотъ то-то и есть! Ничего вы не знаете... А такъ можно и деньги растратить! Много у тебя осталось?

— Не считалъ! Да чего ты безпокоишься? Какъ будто это тебя касается!

— Касается; конечно, касается. По чувству товарищества я долженъ спросить объ этомъ. Чортъ васъ знаетъ, чѣмъ это у васъ

кончится. Вотъ и теперь я думаю,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,—что у васъ не все благополучно. Ну, скажи, пожалуйста, развѣ это правда, что Леоновъ боленъ. Ни я, ни барышники, никто другой этому не повѣрятъ. Всѣ знаютъ, гдѣ вы по ночамъ прогуливаетесь... Сегодня заболѣлъ Леоновъ, завтра ты... Плохо, братъ!

Прохоровъ нахмурился было, но, взглянувъ на искренне опечаленное лицо Ашкеладзе, разсмѣялся.

— Не безпокойся... все въ исправности, и все хорошо будетъ. Ужъ не хочешь ли ты насъ отъ Раисы отстранить? а?

— Куда мнѣ!.. Раисѣ нужны деньги, а я—человѣкъ бѣдный, факторы больше не даютъ денегъ, заложить нечего. Нѣтъ, я насчетъ Раисы всякія помышленія бросилъ, да и вамъ то же самое совѣтую... Такъ-то...

— Ну, прощай!—сказалъ Прохоровъ.—Я спать пойду! Что-то дурно себя чувствую сегодня.

— Прощай! Сегодня къ Раисѣ пойдете?

— Сегодня? Нѣтъ... Сегодня у Асмодея нѣтъ представленія... Завтра праздникъ большой...

— Эхъ, кабы всегда были праздники большіе!—вздыхнулъ Ашкеладзе.

И они разстались.

VI.

Когда Прохоровъ вошелъ въ номеръ, Леоновъ лежалъ на кровати, закинувъ подъ голову руки. Онъ даже не обратилъ вниманія на вошедшаго. Глаза его были открыты; въ лицѣ произошла какая-то перемѣна, которую съ перваго же взгляда замѣтилъ Прохоровъ.

Онъ хотѣлъ заговорить, но чувствовалъ всю невозможность осуществленія своего желанія. А Леоновъ попрежнему лежалъ и не шевелился.

— А сегодня про тебя Ашкеладзе спрашивалъ!—промолвилъ наконецъ Прохоровъ.

Леоновъ крикнулъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Прохоровъ умышленно не замѣтилъ этого движенія и продолжалъ:

— Я сказалъ, что ты боленъ! И я лошадей не покупалъ. Чортъ съ ними... надоѣло. А ты, Леоновъ, не огорчайся такъ сильно,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не велика важность, что деньги у тебя украли. Раздобудься гдѣ нибудь. Жаль, что у меня тоже нехватка, около тысячи я у Асмодея прожилъ, а то бы я тебѣ далъ. Право, не стоитъ огорчаться. Повѣрь мнѣ, какъ товарищу...

Но онъ не кончилъ. Леоновъ быстро поднялся съ кровати, его блѣдное, искаженное лицо горѣло ненавистью.

— Молчи, ради Бога молчи!—проговорилъ онъ надреснутымъ голосомъ.—Я не хочу ни думать, ни говорить. Мнѣ сожалѣній не нужно. Я ничего не хочу. Никто у меня денегъ не воровалъ, я самъ—понимаешь?—самъ выбросилъ ихъ вонъ изъ кармана. Забудь о кражѣ, о которой я сказалъ тебѣ. Я во всемъ виноватъ, за все и отвѣчу. Но только избавь меня отъ сожалѣній, отъ сочувствій, отъ всего того, чѣмъ ты сейчасъ такъ богатъ. И я не товарищъ тебѣ. Наша дружба давно порвалась. Ты это хорошо знаешь. Мы жили вмѣстѣ только по глупости, по какой-то странной, нелѣпой гордости. Намъ стыдно было показаться противниками, врагами; намъ неловко было признаться, что мы вдвоемъ, какъ кошки, влюблены или сведены съ ума что ли Раисой. Мы хотѣли показать, что у насъ все идетъ хорошо, и что мы другъ другомъ довольны. Ахъ, зачѣмъ мы такъ дѣлали, зачѣмъ мы при первой же нашей встрѣчѣ съ Раисой не порвали всего, всего, всего?.. Теперь я растратилъ казенныя деньги, ты еще при деньгахъ. Такимъ образомъ мы не въ одинаковомъ положеніи, и я завидую тебѣ, но я и ненавижу тебя, ненавижу такъ, какъ только можетъ ненавидѣть человѣкъ... Ты мнѣ всегда мѣшалъ: не было ни одной минуты, когда ты не отравлялъ бы мнѣ своимъ присутствіемъ мое существованіе, ты мѣшалъ мнѣ любить Раису, ты мѣшалъ мнѣ обладать ею, изъ-за тебя я проигрывалъ Асмодею кучу денегъ, чтобы заслужить расположеніе этого фокусника, который помогъ бы мнѣ склонить дочь, Раису, на мою сторону. Ты поступалъ хитро, ты видѣлъ все это и молчалъ. Ты въ правѣ былъ такъ дѣлать, и я тебя ненавижу за это... Уйди, уйди отъ меня!.. Я не хочу тебя видѣть!..

— Опомнись! — въ свою очередь воскликнулъ Прохоровъ, все время съ терпѣніемъ выслушивавшій Леонова. — Опомнись! Все, что ты сказалъ мнѣ, я могу повторить тебѣ слово въ слово, и это будетъ сущей правдой. Да, мы мѣшали другъ другу, мы хотѣли одного и того же, мы стремились къ одной и той же цѣли. Ты упалъ, я еще держусь на ногахъ. Но рано или поздно судъ неминуемъ и для меня. Я не остановлюсь на полъ-пути: я все потеряю, чтобы отнять у тебя... да, да... отнять Раису... Во мнѣ говоритъ чувство оскорбленнаго самца, какъ и въ тебѣ. И я объявляю войну: всюду, гдѣ ты, тамъ и я, и пуцу въ дѣло всякія средства...

— Пускай, иди, борись! — какъ-то не то испуганно, не то завистливо прохрипѣлъ Леоновъ. — Да, я палъ, я не выдержалъ. Завтра донесу начальству о своей растратѣ, и меня посадятъ подѣ стражу, осудятъ... Ты — ремонтеръ, имѣющій въ своемъ распоряженіи много денегъ, у тебя больше надеждъ на успѣхъ. Но я не

сдѣлаю такъ, и не донесу начальству, я еще долго буду мѣшать тебѣ: у меня еще полторы тысячи есть...

— Полторы тысячи! — иронически усмѣхнулся Прохоровъ.

— Хватить, хватить! — отозвался Леоновъ.

— Посмотримъ!

Леоновъ смолкъ и снова легъ на кровать. Наступали уже сумерки, и въ углахъ висѣлъ сумракъ. По улицамъ города кое-гдѣ уже зажигали фонари.

Прохоровъ, стоя у окна, смотрѣлъ въ пространство и вдругъ, точно ужаленный, бросился къ выходу.

VII.

— Раиса?! Ты это? зачѣмъ? къ кому? — закричалъ Прохоровъ, встрѣчая въ коридорѣ Раису, закутанную въ пеструю шаль.

— Нужно, очень нужно! — отвѣтила она. — А гдѣ Леоновъ?

— Зачѣмъ онъ тебѣ? Пойдемъ отсюда, я отведу тебя!

— Нѣтъ, мнѣ нужно Леонова!

— А меня? меня не надо тебѣ?

— Пойдемъ и ты! Я должна съ вами переговорить. У меня важное дѣло!

Прохоровъ досадливо отворилъ дверь. Леоновъ, узнавъ голосъ Раисы, всталъ съ постели и схватился за косякъ двери; глаза его блестѣли какъ-то странно.

— Вотъ и я пришла! — проговорила Раиса, снимая шаль и садясь на стулъ. — Не ждали? Да ты какой смѣшной Леоновъ! что съ тобой? ты не пьянствовалъ сегодня?

Леоновъ и Прохоровъ молчали; имъ обоимъ было неловко.

— Да что это съ вами? вы не поссорились ли? а? А я къ вамъ по важному дѣлу... Я къ вамъ за совѣтомъ за однимъ пришла. Видите, у меня заплаканные глаза? Ну, вотъ... Я хочу знать, можетъ ли Асмодей держать меня у себя? имѣетъ ли онъ право?

— Асмодей? отецъ-то? — переспросилъ Прохоровъ.

— Ну, да... онъ самый.

— Разумѣется!

— Ну, а если бы Асмодей не былъ моимъ отцемъ, то тогда?

— Конечно, нѣтъ!

— Ну, я очень рада! Я уйду отъ него, и уйду къ вамъ. Вы должны защитить меня!

— Въ чемъ дѣло? Я ничего не понимаю! — сказалъ Леоновъ, подходя къ Раисѣ, и въ ту же минуту подошелъ къ ней и Прохоровъ.

— Я не хотѣла вамъ рассказывать, но я не могу. Вы оба такіе хорошіе, добрые, ласковые. А я не могу больше. Я должна разсказать. Не знаю, какъ я попала къ Асмодею, откуда я ро-

домъ, кто я ему. Вѣроятно, чужая. Давно, я уже не помню, маленькой была, все мнѣ казалось, что Асмодей не мой отецъ. Часто я вспоминаю большія комнаты, нарядныхъ людей, музыку. Если я это не видѣла во снѣ, то не видѣла и у Асмодея, но эти воспоминанія изъ дѣтства меня не оставляютъ и теперь. Я не знаю, какъ я очутилась у него, какъ я выросла на его рукахъ. Я стала большая. Асмодей показывалъ фокусы, держалъ театръ и заставлялъ меня въ театрѣ представлять, а послѣ театра—обирать такихъ людей, какъ вы. И меня Асмодей заставляетъ дѣлать все: выманивать деньги, жить съ его сыномъ... брр... Я не хочу, не могу, я не въ силахъ сносить этого... Спасите меня!..

Она заплакала, а противники переглянулись.

— Вчера Асмодей приказалъ мнѣ взять у... тебя... Леоновъ... деньги! И я украла, и отдала ихъ ему! А сегодня мнѣ велѣли обобрать одного глупаго московскаго купчика, и я не могла. И меня выгнали на улицу, не пускаютъ домой. Я вчера всю ночь не спала... Мнѣ было жаль тебя, Леоновъ. Но я должна была сдѣлать такъ. Я измучена, я измучена страшно... Что я буду дѣлать?..

И она рыдала, опустивъ голову на столъ.

— Перестань, перестань...— говорилъ ласково Леоновъ.—Какънибудь изъ бѣды вывернемся... Успокойся... Оставайся у насъ, а мы съ Прохоровымъ переберемся въ сосѣдній номеръ... Успокойся...

Прохоровъ подаль ей воды, зажегъ огонь и спустилъ занавѣски на окнѣ.

— Не волнуйся!..—продолжалъ Леоновъ.—Это—твоя комната. Устраивайся въ ней, сейчасъ ты получишь ужинъ, а мы съ Прохоровымъ пойдемъ устраиваться и о твоей судьбѣ подумаемъ. Тутъ у насъ есть одинъ приказный, онъ насъ научить, что нужно дѣлать.

— Правда? устройте?—спросила радостно Раиса.—Какіе вы оба хорошіе, добрые... А вѣсть я не хочу. Вы ступайте, устраивайтесь... А я здѣсь побуду... Только далеко не уходите. Я боюсь... А знаешь, Леоновъ, если бы я вѣрила своимъ предсказаніямъ, то я тебѣ ничего не сказала бы, а теперь скажу: тебя ждетъ что-то непріятное. Да ты не вѣрь... Я все вру... Ну, ступайте!..

VIII.

Леоновъ и Прохоровъ вышли въ коридоръ.

— Пойдемъ въ садъ!—сказалъ Леоновъ.—Намъ необходимо переговорить.

Они спустились съ лѣсенки и вошли въ садъ, который окружалъ съ трехъ сторонъ гостиницу-трактиръ, гдѣ они жили. Наступилъ уже вечеръ. Въ воздухѣ было прохладно, и вѣтеръ легко шелестилъ въ верхушкахъ деревь.

— Ты слышалъ, что сказала Раиса? — началъ Леоновъ. — Не знаю, какъ ты, но я понялъ, что положеніе ея безвыходно. Ей некуда дѣться. Сегодня, завтра, послѣ завтра, недѣлю наконецъ она можетъ скрываться, но потомъ придетъ Асмодей и возьметъ ее. Раиса не знаетъ ничего, но у Асмодея, конечно, найдутся бумаги, которыя подтвердятъ, что она—его дочь. И ее вернуть къ нему на старый путь грязи, разврата, преступленій. Ее нужно спасать!

— Я это самъ знаю! — отозвался Прохоровъ. — Но какъ это сдѣлать?

— Если бы дѣло касалось только меня, — отвѣтилъ Леоновъ, помолчавъ немного:—я сдѣлалъ бы это очень просто: взялъ и женился бы на ней...

— Что ты говоришь?

— Да, женился бы, безъ высочайшаго разрѣшенія, въ противность закону. Но это только и можетъ оставить Раису въ моихъ рукахъ. Раиса думаетъ, что ей съ нами хорошо, что она въ безопасности. Но вѣдь это только ей такъ думается, она законовъ не знаетъ, а отцовская власть...

— Да!.. — согласился Прохоровъ. — Это—единственный путь!.. Да... да!..

— Ну, и что же мы будемъ дѣлать?

— Я не знаю!

— Я тоже не знаю!

Они шли по аллеѣ сада, и каждый изъ нихъ понималъ, что наступила развязка.

— Имѣй въ виду, что я не уступлю тебѣ!—сказалъ Леоновъ и остановился.

— Не уступай! Не уступлю и я!

— Но вѣдь тогда Раиса опять пойдетъ къ Асмодею, опять ее будутъ мучить...

— Да... ее будутъ мучить!—какъ эхо, произнесъ Прохоровъ.

— Чего жъ ты хочешь? — прохрипѣлъ Леоновъ, подходя къ Прохорову и наклоняясь къ его лицу.

— Того же, чего и ты!

Они стояли другъ противъ друга въ выжидательной позѣ и молчали. Съ улицы неся шумъ, тамъ шла своя жизнь.

— Я ненавижу тебя! Я готовъ задушить тебя своими руками! — шепталъ Леоновъ.—Мнѣ все противно въ тебѣ...

— Несчастный! жалкій игрокъ!.. — отвѣчалъ Прохоровъ. — Нищій...

— Убью! — закричалъ Леоновъ и поднялъ было кулакъ, но тотчасъ же опустилъ его.—Слушай! Перестанемъ оскорблять другъ друга. Зачѣмъ это? Давай рѣшимъ просто... Впрочемъ, хватить ли у тебя смѣлости?

— Въ чемъ дѣло?

— Я предлагаю такую вещь! Намъ съ тобой тѣсно, одному изъ насъ нужно уйти, далеко-далеко. И я предлагаю... Впрочемъ, ты трусь, ты не пойдешь на это...

— Говорите!

— Хорошо! Я предлагаю жребій. Вынувшій жребій уничтожаетъ себя... Понимаете? хорошо понимаете? Уничтожаетъ тѣмъ оружіемъ, какое ему больше всего по душѣ... Да способны ли вы на это?

— Я готовъ!—прошенталь Прохоровъ.

— Мы придемъ къ Раисѣ, она сдѣлаетъ узелокъ... И кто вынетъ узелокъ, тотъ сегодня же... не позже полуночи покончить съ собою.

— Даю честное слово подчиниться жребію!—взволнованно произнесъ Прохоровъ.

— Даю честное слово исполнить, какъ условлено! — отозвался Леоновъ.

Они пошли въ гостиницу. Въ коридорѣ Леоновъ остановился и еще разъ сказалъ:

— Кто вынетъ узелъ, тотъ покончить!

Прохоровъ кивнулъ головою, и они оба вошли въ комнату, гдѣ была Раиса.

— Ну, устроились?—спросила она офицеровъ.—А я сейчасъ спать собираюсь. Нельзя ли ставни закрыть, а то я боюсь... страшно!

— Ничего, никто тебя не тронетъ!—сказалъ Леоновъ.—Видишь ли, Раиса, мы сейчасъ съ Прохоровымъ спорили, и ты должна разрѣшить нашъ споръ...

— Ну? какъ рѣшать?

— Очень просто. Вынь свой платокъ и сдѣлай на одномъ концѣ узелъ и дай намъ вынуть...

— Да вамъ это зачѣмъ? о чемъ вы спорите?—спросила Раиса, дѣлая узелокъ.

— А вотъ о чемъ: у насъ въ комнатѣ всего одна кровать, и вотъ намъ нужно рѣшить, кому спать на кровати, а кому на полу. Кто вынетъ узелокъ, тому спать на полу, а кто пустой кончикъ...

— Ну, ладно. Вынимайте.

Раиса стояла, держа въ кулакѣ платокъ. Два предательскихъ ушка торчали, ничѣмъ не обнаруживая разницы между ними. Раиса улыбалась, а Леоновъ и Прохоровъ дрожащими руками взялись за ушки.

— Ну, тяните!

Офицеры потащили платокъ въ разные стороны.

— Ха, ха, ха!—расхохотался Леоновъ.—Узелокъ, узелокъ, узелокъ! Я вытащилъ узелокъ!..

И онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

— Леоновъ!—крикнулъ ему въ догонку Прохоровъ, но тотъ уже выбѣжалъ на улицу и не слыжалъ ничего.

Началъ накрапывать дождь, и капли забарабанили по стекламъ и крышамъ. Прохоровъ стоялъ у воротъ, и чувство животной радости мѣшалось у него съ подступавшими къ горлу слезами.

— Но я не уступлю ему!—сказалъ онъ вслухъ и пошелъ обратно въ домъ.

Онъ остановился у двери комнаты, гдѣ была Раиса. Дверь была заперта. Онъ постучался.

— Я спать легла. Кто тамъ?—услыхалъ онъ голосъ Раисы.

— Это я!

— А-а! А я было перепугалась! А Леоновъ гдѣ?

— Онъ пошелъ спать.

— Ну, ложись и ты! Обдумали мое дѣло? Обдумайте хорошенько. Какъ дождь-то стучить. Ну, прощай. Поклонись Леонову... Спи съ Богомъ!

Прохоровъ постоялъ немного, поглядѣлъ по сторонамъ.

— До свиданья!—сказалъ онъ и, пройдя коридоръ, неожиданно для самого себя очутился на улицѣ.

IX.

— «Куда итти, что дѣлать?—думалъ Прохоровъ, беспомощно оглядываясь вокругъ. — Возвращаться назадъ невозможно. Близость Раисы волнуетъ, смущаетъ меня. Итти искать Леонова, предупредить его, просить, чтобы онъ остался жить... Но зачѣмъ это? Ему гораздо лучше умереть; онъ, по крайней мѣрѣ, избавится отъ позорнаго суда и наказанія. Наконецъ, я не хочу, чтобы онъ жилъ. Это въ своемъ родѣ дуэль, благородное соревнованіе. Вынь узелокъ я, и я застрѣлился бы на глазахъ его и Раисы, мой призракъ пугалъ бы ихъ въ темныя ночи и мѣшалъ бы имъ... Теперь что мнѣ дѣлать? Я связанъ словомъ, я долженъ жениться на Раисѣ. Но что я ей скажу про Леонова? И почему это намъ вдругъ представилось, что Раиса согласится выйти за одного изъ насъ замужъ? А если этого ничего не будетъ? если она не захочетъ?»...

И онъ шелъ все впередъ и впередъ. Незамѣтно для себя онъ сталъ произносить фразы вслухъ, и прохожіе съ удивленіемъ оглядывались на него.

— «Безуміе, безуміе!—говорилъ онъ себѣ. — Въ насъ говорило чувство страсти, желаній. Мы боялись другъ друга и вотъ рѣшились на дикій, нелѣпый поступокъ. Зачѣмъ Леонову умирать? Ему надо жить... Нѣтъ, нѣтъ... пусть умираетъ; я не уступлю, ни за что не уступлю!»...

Вдругъ рѣзкій, гортанный крикъ заставилъ его обернуться. Онъ увидалъ бѣгущаго за нимъ Ашкеладзе.

— Стой, стой!—кричалъ онъ.—Я былъ у васъ, дверь заперта, никого нѣтъ. Знаешь, Леоновъ стрѣлялся?

Прохоровъ вздрогнулъ.

— И не застрѣлился? — спросилъ онъ, чувствуя, какъ кровь прилила къ вискамъ.

— Онъ живъ еще. Я бѣгалъ, искалъ доктора. Никого нѣтъ. Я изъ силъ выбился. Ты куда идешь?

— А гдѣ же Леоновъ? гдѣ онъ стрѣлялся? изъ-за чего?

— Въ казармахъ, въ помѣщеніи вахмистра. Пришелъ, взялъ у вахмистра пистолеть, выслалъ его вонъ изъ комнаты и пафъ себѣ въ лѣвый бокъ... А изъ-за чего,—не знаю... Я побѣгу за докторомъ...

И Ашкеладзе бѣгомъ пустился вдоль улицы.

— «Изъ-за чего? изъ-за чего? — думалъ Прохоровъ. — И я не знаю, и онъ не знаетъ, и никто не знаетъ. Да изъ-за всего: изъ-за меня, изъ-за Райсы, изъ-за растраты... Да, но онъ еще живъ и, кто знаетъ, можетъ быть, поправится... Но онъ не смѣетъ, онъ не смѣетъ»...

И онъ прибавилъ шагу, поворотивъ въ ту сторону, гдѣ были казармы.

— Слышали, ваше высокоблагородіе? Несчастье!—встрѣтилъ его на лѣстницѣ вахмистръ.

— Да, слышалъ. Онъ у тебя лежитъ? Проведи меня къ нему.

Они подошли къ двери и отворили ее. На койкѣ, блѣдный, какъ полотно, лежалъ тучный Леоновъ. Руки висѣли, глаза были сомкнуты. Онъ измѣнился. Изъ-подъ одѣяла виднѣлся сапогъ со шпорою. Около койки на полу чернѣло нѣсколько пятнъ.

— Кровь!—подумалъ Прохоровъ, и ему вдругъ стало страшно; онъ хотѣлъ выйти.

— Кто тутъ? Власовъ—это ты? — тихо-тихо проговорилъ Леоновъ, не открывая глазъ.

— Капитанъ Прохоровъ пришли, выше высокоблагородіе!—отвѣтилъ вахмистръ.

— Прохоровъ?! пришелъ?!

Леоновъ открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться, но тотчасъ же бессильно опустился на подушку.

— Власовъ, уйди отсюда! — сказалъ онъ. — А ты, Прохоровъ, подойди поближе!..

Вахмистръ ушелъ. Противники остались вдвоемъ.

— Вотъ видишь, я сдержалъ слово! — сказалъ Леоновъ, пристально глядя въ глаза Прохорову.—Извини, пожалуйста, что неудачно выстрѣлилъ. Однимъ ребромъ ошибся, не рассчиталъ, гдѣ сердце. Сталъ искать, гдѣ оно колотится, а оказывается, что у

меня вездѣ колотится, все существо дрожало. Да ничего, часикъ— другой, и все будетъ кончено. Что Раиса?

— Она заперлась и спить,—отвѣтилъ Прохоровъ; пристальный взглядъ Леонова стѣснялъ его.

— А ты... ты не былъ у нея? Скажи правду, ты еще...

— Успокойся! Даю честное слово, что мы съ тобою вышли отъ нея одновременно, и съ этихъ поръ я не видалъ ея...

Леоновъ улыбулся и вздохнулъ.

— Слава Богу! Дай руку, Прохоровъ! — сказалъ онъ.—Мы съ тобой пока въ равныхъ условіяхъ и останемся друзьями. Слушай, что я скажу. Вотъ тамъ... на столѣ лежитъ моя записка. Я пишу, что умираю по своей винѣ, что растратилъ всѣ деньги. У тебя много не хватаетъ изъ казенныхъ денегъ?

— Около двухъ тысячъ.

— Слушай! У меня въ столѣ тамъ лежитъ полторы тысячи... возьми ихъ!

— Что ты говоришь?!

— Возьми! Для счастья Раисы необходимо, чтобы ты былъ безпорочень...

— У меня все равно тогда будетъ растрата... Я не хочу твоихъ денегъ.

— Послушай, во имя нашей бывшей дружбы, сдѣлай, какъ я тебя прошу... А остальные пятьсотъ рублей... можно такъ сдѣлать... какъ будто я взялъ у тебя займы и не отдалъ... Дай бумагу, скорѣе, скорѣе... Мнѣ становится хуже... дай бумагу, я напишу, что я тебѣ долженъ... скорѣе, скорѣе, бумага бѣлая, бѣлая и снѣгъ бѣлый... Долженъ я, я долженъ... опять бумага... Больно, больно!

Леоновъ заметался по койкѣ; сознание оставляло его.

Прохоровъ вышелъ изъ комнаты, позвалъ вахмистра и, показавъ на лежащую на столѣ записку, сказалъ:

— Береги записку! Слышишь?

Онъ хотѣлъ было уже уйти, но вдругъ остановился, подошелъ къ койкѣ, на которой лежалъ Леоновъ, посмотрѣлъ на умирающаго и съ чувствомъ поцѣловалъ его руку.

— Кончается!—сказалъ онъ.—Бѣдный, бѣдный!

Х.

Прохоровъ вышелъ изъ казармъ. Дождь попрежнему лилъ, не переставая. На затихшихъ улицахъ было темно, безлюдно, сыро, неуютно.

— Куда идти? — задалъ онъ себѣ вопросъ и не могъ дать на него отвѣта.

Все устранено, все сложилось выгодно для него, но онъ не можетъ чувствовать себя спокойнымъ. Внезапная смерть Леонова,

бѣгство Райсы отъ Асмодея, весь сегодняшний день разстроили ему нервы. Онъ плохо понималъ окружающее. Заснуть бы теперь, забыться — и проснуться съ легкимъ сердцемъ, думая, что минувшее—сонъ.

Наконецъ—Райса. Питалъ ли онъ къ ней любовь, и было ли это серьезнымъ влеченіемъ? не явилось ли это чувство плодомъ соревнованія между нимъ и Леоновымъ? способенъ ли онъ на самомъ дѣлѣ жениться на Райсѣ, какъ требовалъ того Леоновъ? Прохоровъ и на эти вопросы не могъ ничего отвѣчать.

А впереди ему грозили неприятности: укрывать Райсу, уламывать поповъ, чтобы они обвинчали его съ ней безъ разрѣшенія и безъ бумагъ, а тамъ еще впереди—отданіе подь судъ за женитьбу безъ позволенія, небольшая растрата... И Прохорову казалось, что онъ и Леоновъ вели себя, какъ дѣти.

— «Хорошо еще, что онъ мнѣ полторы тысячи оставилъ, авось пятьсотъ рублей найду!—думалъ онъ.—Безъ этихъ денегъ, пожалуй, было бы плохо!»

Онъ все шелъ и шелъ, не обращая вниманія на окружающее.

— Куда же, однако, я иду?

Онъ оглянулся. Мѣсто было знакомое: версту пройти, не болѣе, и тамъ театръ Асмодея.

— Хватились теперь Райсы, ищутъ ее, да не найдутъ!—говорилъ онъ себѣ, улыбаясь.—Отлично, я исполню свое обѣщаніе и женюсь на ней. Что будетъ, то будетъ...

И вдругъ ему захотѣлось, страстно, сильно захотѣлось пойти къ Асмодею. Его приходъ разгонитъ у старика всякія опасенія насчетъ Райсы. Онъ придетъ, какъ приходилъ обыкновенно, какъ будто ничего не зная о ея бѣгствѣ. Старикъ повѣритъ ему и не пойдетъ къ нему искать Райсы. Это отлично, такъ и надо сдѣлать.

Онъ пошелъ вдоль базарной площади. На городской башнѣ часы пробили одинъ разъ.

— Однако! какъ незамѣтно пробѣжало время... И сколько совершилось уже... Часъ ночи. Райса спитъ теперь...

Вотъ знакомые бараки, гдѣ торгуютъ фруктами, вотъ покривившаяся будка ночного сторожа, а вотъ и театръ Асмодея. Онъ окутанъ мракомъ и дождевою мглою.

Все заперто. Входная дверь плотно прикрыта, но гдѣ же огромная афиша? гдѣ шесть съ привязаннымъ флагомъ? гдѣ длинная вывѣска? Ничего уже не было.

Прохоровъ постучался. Молчаніе. Онъ постучался еще разъ. Гдѣ-то залаяла собака, но изъ сарая отвѣта не было.

Онъ началъ стучать сильнѣе и звать Асмодея.

Изъ темноты выдѣлилась фигура, закутанная во что-то темное.

— Вамъ чего?—спросила фигура, оказавшаяся мѣстнымъ будчикомъ.

— Вѣдь здѣсь театръ Асмодея? Я къ нему!—отвѣчалъ Прохоровъ, продолжая стучать.

— Оно точно былъ здѣсь этотъ самый Асмодей, — возразилъ будочникъ,—оно точно! Только позвольте доложить, что онъ этотъ самый хвокусникъ выѣхалъ...

— Выѣхалъ? когда же? куда?

— Такъ точно выѣхалъ, а тому времени назадъ часъ, али два...

— Но куда же онъ выѣхалъ?

— Вотъ этого не можемъ знать... Запрягли, значить, свои повозки и уѣхали. Словно какъ бы цыганы...

Прохоровъ постоялъ немного, постучалъ еще разъ и спросилъ будочника:

— Да вѣрно ли ты говоришь?

— Такъ точно... Ужъ будьте безъ сумлѣнія. Самъ Асмодей, значить, лошадь повелъ, а сынъ его съ Асмодеихой сѣлъ. Говорятъ, Асмодеиха рехнулась, у нея какъ бы въ родѣ падучей болѣзани. Она сбѣжала отъ ихъ, насилу нашли, связали, значить, какъ помѣшанная, стало быть, да въ хургонъ, да и повезли. Лѣчить, говорятъ, будутъ...

— Что ты врешь?—закричалъ Прохоровъ.—Это Раису взяли? да какъ они успѣли? какъ они осмѣлились?

— А этого не могу знать, потому какъ я вышелъ на часы въ десятомъ часу, а глядь... идетъ, стало быть, Асмодей съ сыномъ и пошли въ городъ, а черезъ часъ, али черезъ полтора гляжу—везутъ Асмодеиху, а она кричитъ, бьется, какъ сумасшедшая. Стало быть, ее держатъ. Привезли, связали потому, какъ бьется очень, даже пѣна у рта, связали, хургоны заложили, да и шастъ. Въ Московскую заставу выѣхали... Такъ-то...

Прохоровъ стоялъ и смотрѣлъ на будочника, на его сытое лицо съ сѣдыми баками, на длинную алебарду. Потомъ онъ стукнулъ кулакомъ въ дверь театра и вдругъ опрометью бросился къ себѣ въ гостиницу.

Дверь номера была отперта, все было въ порядкѣ, постель Леонова была измята, и подъ столомъ валялся башмакъ.

Прохоровъ поднялъ его, поглядѣлъ на него и судорожно зарыдалъ.

Востокъ начиналъ свѣтлѣть, и тѣни рѣдѣли.

XI.

Самоубійство Леонова осталось для всѣхъ загадкой. Приѣхали власти, допросили Прохорова, Ашкеладзе и другихъ офицеровъ, и всѣ они показали, что Леоновъ въ послѣднее время много пилъ, игралъ въ карты.

Черезъ недѣлю послѣ этого арестовали и Прохорова, такъ какъ у начальства сложилось убѣжденіе, что растрата Леоновымъ казенныхъ денегъ состоялась при участіи Прохорова; къ тому же и у самого Прохорова оказался недочетъ въ казенныхъ деньгахъ, хотя и въ небольшой суммѣ: около четырехсотъ рублей.

Дѣло тянулось около двухъ лѣтъ.

Гауптвахта, съ ея суровымъ въ то время режимомъ, отсутствіе свободы, безпрестанные вызовы въ судъ—все это въ связи со смертію Леонова, съ похищеніемъ Раисы надломило здоровье Прохорова.

Наконецъ, состоялся приговоръ, въ силу котораго Прохоровъ былъ лишенъ чиновъ и написанъ въ рядовые до выслуги. Его больного отвезли на Кавказъ и положили въ госпиталь. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ вышелъ оттуда, но уже оставаться на военной службѣ не могъ. Ему вернули чины и уволили въ отставку.

Что касается Раисы, то онъ совершенно потерялъ ее изъ виду. Если ему случалось слышать, что въ томъ или другомъ городѣ появлялся какой нибудь фокусникъ, онъ ѣхалъ туда, но ни Асмодея, ни Раисы уже не встрѣчалъ болѣе.

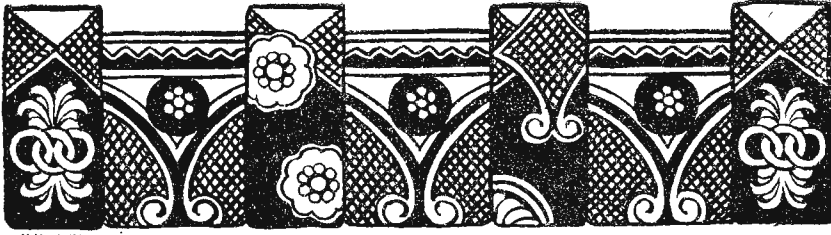
— Зачѣмъ все это случилось такъ? — говорилъ онъ.—Зачѣмъ мы выдумали эту звѣрскую, нелѣпую дуэль, которая граничить съ убійствомъ? И гдѣ же цѣль нашихъ соревнованій?

Онъ состарился не по лѣтамъ, и тѣмъ не менѣе не могъ остаться празднымъ въ эпоху Отечественной войны: благодаря его стараніямъ, многіе партизанскіе отряды научились владѣть оружіемъ, а самъ онъ пустился по слѣдамъ Наполеона при его отступленіи, и съ тѣхъ поръ объ немъ никто не получалъ никакихъ извѣстій.

Н. И. Фалѣевъ.

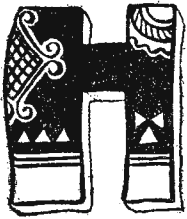
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА МОГИЛѢ НОЯ.

(Изъ путевого альбома).

НЕСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ обязанности службы забросили меня на дальній югъ, къ границамъ Персіи.

Имѣете вы понятіе о Нахичевани? Не о торговой и сравнительно культурной Нахичевани на Дону, считающей около тридцати тысячъ жителей, а о Нахичевани на Араксѣ, крохотномъ уѣздномъ городишкѣ Эриванской губерніи? Городишко этотъ, населенный татарами и армянами, въ числѣ не болѣе восьми тысячъ жителей обоего пола, производитъ крайне унылое впечатлѣніе.

Представьте себѣ беспорядочную груду глинобитныхъ стѣнъ и одноэтажныхъ домишекъ съ плоскими, въ большинствѣ случаевъ, кровлями, представьте себѣ рядъ кривыхъ и узкихъ, немощеныхъ, конечно, переулковъ, по срединѣ которыхъ струятся мутныя оросительныя канавки, проходящія къ маленькимъ при домахъ садикамъ. Всюду кучи мусора, кизяка и разныхъ органическихъ отбросовъ; пыль—невозможная. Общій изжелта-сѣрый колоритъ скрашиваетъ только тѣнистый садъ, разведенный на мѣстѣ прежняго татарскаго кладбища, около единственной въ Нахичевани русской церкви. На костяхъ садъ разросся надиво. Бѣлыя акаціи, тополи, чинары и чудныя розы наполняютъ воздухъ благоуханіемъ и даютъ надежную тѣнь, столь необходимую подъ 39° сѣверной широты.

Хорошъ садъ, но любопытны и картинныя развалины, которыми покрытъ буквально весь городъ. Развалины эти имѣютъ свою исторію. Закавказская Нахичевань—очень древній и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

несчастнѣйшій городъ. Персидскіе и армянскіе историки относятъ ея основаніе къ 1539 году до Рождества Христова и удостовѣряютъ, что въ IV столѣтіи по Р. Х. въ ней считалось болѣе 150 тысячъ жителей. Городъ былъ богатъ и цвѣтущъ, но на бѣду свою стоялъ на большой всемірной дорогѣ, по которой проходили и Александръ Македонскій, и Аттила съ гуннами, Чингисъ-ханъ и Тамерланъ со своими полчищами. Кто только не грабилъ, кто только не разрушалъ этого злополучнаго города! Въ VII вѣкѣ разрушилъ Нахичеванъ византійскій императоръ Ираклій во время похода противъ армянскаго царя Хозроя 2-го, въ XIII вѣкѣ грабили ее монголы, а въ XIV-мъ турецкій султанъ Мурадъ, воевавшій въ то время съ персами. Наконецъ шахъ Надиръ въ 1673 году и шахъ Аббасъ въ 1720 году окончательно превратили ее въ груды развалинъ. Въ послѣдующее время Нахичеванъ принадлежала Персіи и уступлена Россіи по Туркманчайскому трактату 10 февраля 1828 г.

Въ Нахичеванъ я пріѣхалъ лѣтомъ, въ удушливый зной; днемъ на солнцѣ Реомюръ показывалъ 45°+. Оказалось, что вся мѣстная администрація лѣтомъ въ Нахичевани не живетъ, перекочевывая отъ страшныхъ жаровъ въ возвышенную, населенную молоканами деревушку Кармалиновку, гдѣ дышится немного легче. Давно перерался въ Кармалиновку и знакомый мнѣ чиновникъ, у котораго я рассчитывалъ остановиться, и, такъ какъ о гостиницахъ или хотя бы о маломальски сносныхъ заѣзжихъ духанахъ Нахичеванъ не имѣетъ никакого представленія, то поневолѣ пришлось искать пристанища въ какомъ нибудь частномъ домѣ. Не безъ труда нашелъ я убогую комнату у старой армянки, похожей, какъ двѣ капли воды, на одну изъ вѣдьмъ въ «Макбетѣ». Сакля этой милой дамы походила скорѣе на глиняный склепъ, чѣмъ на людское жилище; но зато не слишкомъ удалена была отъ городского сада и почтовой конторы, которая, разумѣется, влекла меня къ себѣ, какъ магнитъ: все тянуло справиться, нѣтъ ли писемъ отъ близкихъ сердцу изъ далекаго, родного Петербурга, не пришли ли хоть газеты?..

Зной, къ которому я довольно выносливъ, не помѣшалъ мнѣ осмотрѣть въ нѣсколько дней всѣ Нахичеванскія достопримѣчательности. Полюбовался я на живописныя руины старинной мечети, находящіяся въ концѣ города, съ южной стороны. Это—грандіозный вздутый конусъ на аркахъ, внутри котораго, несмотря на всеограшающее время, сохранились еще слѣды барельефовъ тонкой художественной работы. Осмотрѣлъ развалины старинной крѣпости съ глинобитными стѣнами и высокой восьмигранной башней изъ жженого кирпича, съ арабскими надписями по карнизамъ и съ двумя минаретами по бокамъ. Побывалъ и на базарѣ, имѣющемъ

чисто восточную фізіономію. Тянутся узкіе темные ряды мелкихъ лавченоекъ, гдѣ продается всякій туземный товаръ, не отличающійся ни красотой, ни доброкачественностью. Беспорядочно навалены груды кусковъ бязи съ выбитыми безобразными фигурами краснаго и синяго цвѣта, навалены дешевые ковры, паласы и войлоки, плохое оружіе, персидская мѣдная посуда и разная «бакалея», среди которой видное мѣсто занимаютъ «саккизъ» — бѣлая смола для жвачки, «хна» — желтая растительная краска для ногтей и бородъ правовѣрныхъ шіитовъ, и ладанъ, употребляемый какъ для куренія, такъ и для лѣкарственныхъ снадобій. Туземцы увѣряютъ, что порошокъ ладана отлично помогаетъ при многихъ болѣзняхъ, и особенно при дизентеріи, зачастую свирѣпствующей лѣтомъ въ знойной Нахичевани.

Pour la bопne bouche я оставилъ осмотръ главной мѣстной достопримѣчательности — гробницы праотца Ноя.

У Птоломея Нахичевань упоминается подъ именемъ Нахсуанъ, но армяне утверждаютъ, что правильнѣе называть ее Нахиджеванью, что по-армянски означаетъ «первое пристанище», ибо по преданію Ной послѣ потопа поселился именно въ этой мѣстности. Могилу жены Ноя, Ноэмгары, показываютъ въ г. Марандѣ, въ Персіи, въ 80-ти верстахъ отъ Тавриза, а въ Нахичевани, по убѣжденію армянъ, сложили свои кости самъ патріархъ и сестра его. Могилу послѣдней, совершенно заброшенную, указываютъ на высокомъ холмѣ, при вѣздѣ въ городъ по Эриванской дорогѣ; гробница же Ноя находится на южной сторонѣ, въ разстояніи около 2-хъ верствъ отъ центра города, вблизи развалинъ старой крѣпости.

Гробница Ноя возобновлена, какъ говорятъ мѣстные историки, въ VIII вѣкѣ персами и съ тѣхъ поръ остается въ неизмѣнномъ видѣ. Небольшое, похожее на пещеру, каменное зданіе вросло въ землю. Спустившись внутрь его по нѣсколькимъ ступенямъ, я очутился въ почти кругломъ склепѣ со сводами, поддерживаемыми посрединѣ довольно толстымъ каменнымъ столбомъ. Около столба сооруженъ грубый алтарь-жертвенникъ, подъ которымъ, какъ увѣряютъ, и покоится прахъ патріарха. Гробница никѣмъ не охраняется; массивная деревянная дверь въ склепъ лишена какихъ либо запоровъ, и въ склепѣ сыро, грязно и неприглядно. Ни украшеній, ни какихъ либо рисунковъ; только голыя сѣрыя стѣны и столбъ посрединѣ исписаны и изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ именами путниковъ и паломниковъ. Очень немного русскихъ надписей и масса армянскихъ крючковъ и татарскихъ черточекъ и точекъ.

Смотрѣть въ сущности было нечего. Я нацарапалъ свое имя на срединномъ столбѣ гробницы и съ облегченнымъ сердцемъ вылѣзъ изъ подземелья.

— Вазьми, барынь, камень и прилѣпи его къ могилѣ — счастливъ будѣшь!—посоветовалъ армянинъ, мой возница.

— Зачѣмъ это?

— Тѣбѣ гаварымъ: счастливъ будѣшь.

Оказалось, что армяне имѣютъ обыкновеніе прилѣплять небольшіе камешки къ входному своду Ноевой могилы, вымазанному нарочно для этого вязкою глиной, и вѣрятъ, что, если камень удачно прилипнетъ, то всякое задуманное при этомъ желаніе исполнится.

Я глубоко вдавилъ мой камень, мысленно прося Ноя озаботиться счастливымъ моимъ возвращеніемъ на берега Невы: тоска по родному Петербургу уже начинала щемить мое сердце. Вечеръ между тѣмъ приближался, и зной нѣсколько свалилъ. Мглою подернулись зеленѣющіе вдаль виноградники и фруктовые сады нахичеванцевъ, затуманилась Змѣиная гора, Иланъ-Дагъ, и словно паръ закрубился надъ Араксомъ, огибающимъ Карадагскія горы, границу Макинскаго ханства. Библейскій Араратъ, раздвоенная вершина котораго въ ясный день отлично видна съ гробницы Ноя, совсѣмъ задернулся дымкой.

Сумерки на югѣ очень коротки, и ночь наступаетъ какъ-то сразу. Дѣлать на могилѣ праотца было уже нечего, и я собрался въ обратный путь, какъ вдругъ, шагахъ въ десяти отъ себя, увидѣлъ довольно странную фигуру. Представьте себѣ очень стараго татарина, лѣтъ семидесяти, а то и больше. Одѣтый въ длинную коричневаго сукна хламиду, онъ былъ босъ, и его черные узловатые ноги, похожіе на корни стараго дерева, почему-то прежде всего бросились мнѣ въ глаза. Голова его тоже ничѣмъ не была покрыта; пробритая по обычаю всѣхъ шитовъ середина головы блестѣла, какъ покрытая бронзовымъ лакомъ, а на вискахъ торчали ключья сѣдыхъ жесткихъ волосъ, на концахъ выкрашенныхъ желтою «хной». Выкрашены «хной» были также ногти на рукахъ, концы усовъ и жидкой растрепанной бороденки. Лицо — сѣтъ глубокихъ морщинъ и шрамовъ—совсѣмъ бронзовое и некрасивое; но черные умные глаза смотрятъ ясно и горятъ, какъ у юноши. Въ рукахъ у него былъ фонарь и какая-то жестянка.

— Гассанъ, старый Гассанъ на ловлю идетъ! — шепнулъ мнѣ мой Автомедонъ съ какимъ-то нелѣпымъ восторгомъ, и не только почтительно, но даже раболѣпно поклонился корявому старику.

Я слышалъ ужъ про Гассана и радъ былъ съ нимъ познакомиться. Мнѣ говорили о немъ въ Нахичевани, какъ о туземномъ лѣкарьѣ, отлично помогающемъ отъ разныхъ ушибовъ, язвъ и ранъ, а въ особенности отъ укусовъ скорпіоновъ, змѣй, фалангъ и прочихъ гадовъ.

Помимо обыкновенныхъ желтыхъ скорпіоновъ, укусъ которыхъ не страшнѣе укуса осы, въ Закавказьѣ водятся и очень ядовитые черные скорпіоны, жало которыхъ смертельно. Но счастью, гнѣв-

дятся они только въ пустынныхъ мѣстахъ, на старыхъ кладбищахъ и въ расщелинахъ скаль, вылѣзая на свѣтъ Божій только ночью. Ядовитыхъ змѣй въ Закавказьѣ сколько угодно; особенно же опасны «юрза» и «гюльмаръ». Первал—изъ породы очковыхъ—дѣйствительно очень ядовита: отъ укушенія ея даже верблюдъ умираетъ уже черезъ полчаса. Въ бытность мою въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, одинъ укушенный юрзою крестьянинъ спасся отъ смерти только тѣмъ, что съ рѣдкимъ присутствіемъ духа моментально отрубилъ себѣ кинжаломъ палець, пораженный укусомъ. «Гюльмаръ» по-русски значить вѣтеръ. Змѣя, носящая это названіе, — длинная и тонкая гадина, которая преслѣдуетъ своего врага съ быстротою вѣтра, смѣло нападая и на человѣка, въ особенности когда защищаетъ своихъ дѣтенышей. Въ долинѣ Аракса змѣй поразительное количество. Не даромъ одна изъ горъ Нахичеванскаго уѣзда называется Змѣиной, Иланъ-дагъ. На вершинѣ ея, по преданію, живетъ змѣиный царь съ короной на головѣ, на поклоненіе которому приползаютъ въ извѣстное время всѣ окрестныя змѣи.

Гассанъ, который, какъ мнѣ говорили, не разъ былъ на вершинѣ Иланъ-дага и видѣлъ этого змѣинаго царя, теперь и стоялъ передо мною.

На раболѣпный поклонъ моего возницы онъ отвѣтилъ какъ-то одними глазами, а на меня не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

— Великій человѣкъ! — шепталъ мнѣ, между тѣмъ, мой возница, — всякую болѣзнь знаетъ... Кровь идетъ, онъ слово обдумаетъ, и кровь остановится... Если Гассанъ тутъ — ни змѣя, ни скорпіонъ не страшны. Великій человѣкъ!

— А по-русски онъ говорить?—спросилъ я.

— Нѣмой онъ, ни на какомъ языкѣ не говоритъ, а всякое слово понимаетъ и знаками отвѣтъ даетъ такъ, что каждый его пойметъ... Прошлымъ лѣтомъ англичанинъ одинъ изъ Персіи черезъ Нахичеванъ проѣзжалъ, долго говорилъ съ Гассаномъ. Гассанъ для него и змѣй, и скорпіоновъ, и тарантуловъ, и фалангъ наловилъ очень много; англичанинъ засушилъ ихъ и съ собой увезъ,—хорошія деньги далъ... Уфъ, много монетъ получилъ Гассанъ отъ англичанина!.. Хочешь, баринъ, и тебѣ Гассанъ скорпіоновъ и змѣй наловить?

Не имѣя ни малѣйшей надобности ни въ какихъ гадахъ, я отклонилъ это предложеніе, выразивъ только желаніе узнать, какъ Гассанъ ловитъ ядовитыхъ пресмыкающихся.

— Руками ловить. На огонь они ползутъ, а онъ ихъ прямо руками хватаетъ. Вотъ и теперь на охоту вышелъ. Поговори съ нимъ, баринъ, дай монету, онъ сейчасъ покажетъ тебѣ черныхъ скорпіоновъ.

Перспектива присутствовать при такой оригинальной охотѣ показалась мнѣ настолько интересной, что я немедленно послѣдовалъ совѣту и направился къ Гассану.

— Селямъ-алейкумъ!—привѣтствовалъ я его.

Корявый старикъ какъ-то присѣлъ, приложилъ, по восточному обычаю, правую ладонь сначала ко лбу, а затѣмъ къ животу, и уставился на меня своими умными, блестящими глазами.

Такъ какъ словами «селямъ-алейкумъ» все мое знаніе татарскаго языка было уже исчерпано, то оставалось перейти на русскій. Сопровождая рѣчь знаками, я сказалъ Гассану, что желалъ бы видѣть, какъ онъ ловить скорпіоновъ и другихъ гадовъ, если это не представляетъ для меня опасности, и что съ удовольствіемъ готовъ заплатить ему за это зрѣлище. Гассанъ въ продолженіе моей рѣчи, что называется, ѣлъ меня глазами и отлично все понималъ.

Чрезвычайно образными и вполне понятными знаками онъ отвѣтилъ, что согласенъ на мое присутствіе при его охотѣ, и что для меня ни малѣйшей опасности не предвидится, что денегъ онъ за это не возьметъ; но если русскій чиновникъ желаетъ купить у него лѣкарство отъ укушенія скорпіоновъ, то стоитъ это ровно два абазы. Онъ сказалъ, наконецъ, что змѣй на могилѣ Ноя не водится, и вообще это время года не благоприятно для ловли змѣй, а фалангъ надо ловить не ночью, а днемъ, выслѣдивъ ихъ норку и опустивъ туда веревку съ кусочкомъ воска на концѣ.

Морщинистое бронзовое лицо Гассана мимировало поистинѣ великолѣпно. Змѣю онъ представлялъ, высунувъ языкъ въ видѣ жала и быстро бѣгая глазами по сторонамъ; скорпіона—скорчивъ указательный палецъ, а фалангу — прыгая всей пятернею правой руки по ладони лѣвой. И что у него были за руки! Совсѣмъ коричневья, мозолистыя, покрытыя будто кожей слона или носорога, но гибкія и проворныя, какъ у фокусника.

Подожелъ мой армянинъ-извозчикъ и заговорилъ о чемъ-то съ Гассаномъ на своемъ родномъ языкѣ, но старикъ замахалъ на него обѣими руками, высоко поднялъ свой фонарь и устремился къ стѣнѣ Ноевой гробницы.

Охота за скорпіонами началась.

Гассанъ водилъ фонаремъ вдоль и поперекъ стѣны, и на свѣтъ, изъ трещинъ и впадинъ, вылѣзали противные гады, которыхъ онъ хваталъ дѣйствительно голыми руками удивительно ловко и проворно и бросалъ въ свою жестянку. Такъ деревенскіе парнишки ловятъ на огонь раковъ съ берега рѣки, вода надъ уснувшюю водою зажженною берестю.

Въ четверть часа Гассанъ наловилъ почти полную жестянку. Большинство пойманныхъ скорпіоновъ были желтые, маленькіе, но попадались и крупные экземпляры темнубураго, почти чернаго цвѣта. Повидимому, ни одинъ изъ нихъ не ужалилъ Гассана, а

если бы и ужалилъ, то не думаю, чтобы охотникъ это почувствовалъ. Кожа его рукъ была слишкомъ толста и загрубѣла.

— Занѣмъ ему скорпіоны?—спросилъ я извозчика.

— Лѣкарство изъ нихъ дѣлаютъ. Живого скорпіона положить въ кипящее масло, сварить, и этимъ масломъ помажетъ укушенное скорпіономъ мѣсто—сейчасъ боль прекратится, и опухоль снадетъ.

— *Similia similibus curantur!* Девизъ гомеопатіи! — подумалъ я:—а отъ укушенія ядовитыхъ змѣй чѣмъ онъ лѣчитъ?

— Тоже мазь даетъ, выжигаетъ рану или высасываетъ, а то еще разрѣжетъ собакѣ животъ и заставитъ сунуть укушенную руку или ногу въ теплыя внутренности... Очень хорошо помогаетъ.

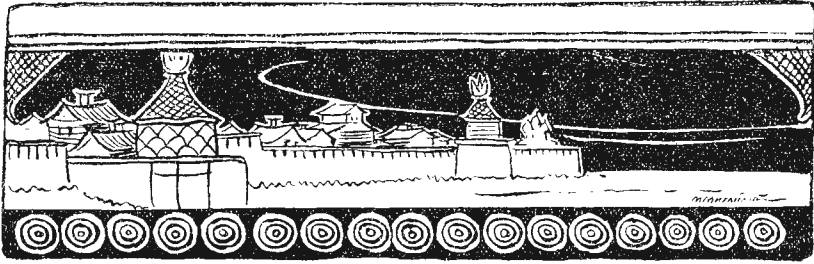
Ночь уже совсѣмъ надвинулась. Простившись съ Гассаномъ, я сѣлъ въ фаятонъ и вернулся въ Нахичевань.

Квартирная моя хозяйка, похожая на одну изъ вѣдьмъ въ «Макбетѣ», узнавъ о моей встрѣчѣ съ Гассаномъ, рассказала мнѣ о немъ слѣдующее.

— Несчастнѣйшій онъ человѣкъ!.. Давно это было, и мало кто знаетъ исторію Гассана; можетъ быть, и самъ онъ многое позабылъ, а старая Шушаника все помнить... Гассанъ въ молодости былъ очень красивый и ловкій джигитъ. Отецъ его велъ съ Персіей выгодную торговлю шелкомъ и не жалѣлъ денегъ на обученіе единственнаго сына. Гассанъ учился сначала въ медресе, а потомъ и въ высшей мусульманской школѣ въ Эривани, и рано получилъ званіе «ахунда», то-есть имѣющаго право носить чалму. Вернувшись въ Нахичевань, онъ безъ ума влюбился въ красавицу Назлу, дочь тоже богатаго кунца, и уже надѣялся назвать ее своею женою, какъ вдругъ Назлу умерла отъ укуса чернаго скорпіона... Съ тѣхъ поръ Гассанъ поклялся до гроба мститъ скорпіонамъ, змѣямъ и прочимъ ядовитымъ гадамъ; съ той поры онъ и онѣмѣлъ, или, лучше сказать, положилъ на себя обѣтъ вѣчнаго молчанія... Несчастнѣйшій онъ человѣкъ!

Н. К. Никифоровъ.

А. С. ПУШКИНЪ И МОСКОВСКІЕ СТУДЕНТЫ ВЪ 1831 ГОДУ.

I.

ВЪ КОНЦѢ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX столѣтія Московскій университетъ находился въ незавидномъ положеніи. Административные порядки были крайне плохи. Лекціи большинства профессоровъ мало кого изъ студентовъ могли удовлетворить; на многихъ кафедрахъ доживали свой вѣкъ старики, цѣликомъ выхваченные изъ XVIII вѣка и совершенно не затронутые грандіозными движеніями первой четверти XIX вѣка. Среди профессоровъ было немало монстровъ; ихъ университетскія похождения, о которыхъ рассказываютъ современники, кажутся намъ прямо баснословными. Но въ это время уже появляются признаки оживленія, обозначаются новыя вѣянія—предвѣстники возрожденія Московскаго университета конца 30-хъ годовъ. Это оживленіе въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что университетъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей сохранялъ живыя связи съ литературой. Профессора университета Каченовскій, Погодинъ, стояли во главѣ важнѣйшихъ журналовъ того времени: «Вѣстника Европы» и «Московскаго Вѣстника»; Надеждинъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ литературной жизни, сначала, какъ сотрудникъ «Вѣстника Европы», и затѣмъ—издатель «Телескопа». Это обстоятельство немало, конечно, содѣйствовало тому, что литературные интересы въ московскомъ студенчествѣ были живы и сильны.

Въ 1829—1831 году въ Московскомъ университетѣ былъ Бѣлинскій; онъ жилъ на казенномъ кошту «въ 11 номерѣ». Его товарищъ по университету и 11-му номеру, Прозоровъ, передаетъ слѣдующія подробности о литературныхъ интересахъ современнаго ему студенчества: «Умственная жизнь въ студенческомъ кругу особенно въ 11-мъ номерѣ шла бойко, споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ, въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старыхъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и начитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагоклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана: Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ»¹⁾.

Въ атмосферѣ литературныхъ интересовъ и споровъ возникаютъ и зрѣют попытки самостоятельной литературной работы, которая обычно находятъ себѣ мѣсто въ рукописныхъ юношескихъ журналахъ. И въ Царскосельскомъ лицейѣ временъ Пушкина, и въ Нѣжинскомъ училищѣ высшихъ наукъ временъ Гоголя процвѣтала журнальная дѣятельность. Не боясь ошибиться, мы въ правѣ предположить, что и среди московскихъ студентовъ въ отмѣченный періодъ оказались издатели и журналисты. Къ сожалѣнію, юношескіе журнальные опыты не долговѣчны и рѣдко сохраняются, а они имѣютъ несомнѣнный интересъ, свидѣтельствуя о литературныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ ихъ авторовъ, о степеніи распространенія и значенія современныхъ литературныхъ дѣятелей. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены познакомить читателей съ однимъ изъ такихъ рукописныхъ журналовъ, пока единственнымъ, дошедшимъ до насъ изъ періода начала тридцатыхъ годовъ. Этотъ журналъ предоставленъ въ наше распоряженіе П. А. Ефремовымъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Сиб. 1876, т. I, стр. 49. Изъ другихъ воспоминаній, относящихся къ 1828—1832 гг., укажемъ: Воспоминанія К. Аксакова («День», 1862, № 39—40), Г. Г. (здѣсь же, 1863, № 42), Я. И. Костенецкаго («Русскій Архивъ», 1887, т. I и II) и, конечно, воспоминанія А. И. Герцена въ «Выломъ и думахъ» и И. А. Гончарова въ «Сочиненіяхъ».

Редакція Момуса.
(2-е января 1881 года).

Этотъ журналъ былъ приобрѣтенъ П. А. Ефремовымъ вмѣстѣ съ другими бумагами Вас. Фед. Щербакова, знакомаго Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, А. Н. Аванасьева и М. П. Погодина, съ которыми былъ знакомъ еще отецъ В. Ф. Щербакова ¹⁾. Этотъ Щербаковъ, по словамъ П. А. Ефремова былъ страстнымъ любителемъ книгъ; у него была обширная библиотечка, заключавшая въ себѣ порядочное количество рукописей. У П. А. Ефремова находится замѣчательная тетрадь, писанная Щербаковымъ въ Москвѣ на бумагѣ 1818 года. Въ этой тетради выписаны, главнымъ образомъ, стихотворенія Пуш-

¹⁾ Свѣдѣнія о Щербаковѣ извлечены изъ сообщеній П. А. Ефремова въ примѣчаніяхъ на сочиненія Пушкина (изд. А. С. Суворина, 1904).

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1904 г., т. XLVI.

кина, большей частью, изъ числа не попавшихъ въ печать, и притомъ въ замѣчательно полномъ и вѣрномъ текстѣ. П. А. Ефремовъ дѣлаетъ предположеніе, что Щербаковъ получилъ стихи Пушкина или отъ Погодина или отъ кого нибудь изъ близкихъ знакомыхъ Пушкина. Но въ тетради оказались не только стихи, но и еще листки съ замѣтками о пребываніи Пушкина въ Москвѣ въ 1826—1827 годахъ и съ рассказами о немъ. Все это указываетъ на то, что Щербаковъ очень интересовался личностью поэта и былъ близокъ, если не къ нему, то къ окружавшимъ его.

Въ бумагахъ Щербакова нашлось приглашеніе подписаться въ складчину въ 1831 году на журналы. «Въ слѣдующемъ 1831 году—такъ начинается это приглашеніе—будутъ выходить въ Москвѣ два литературно-ученые журналы: 1-й—«Телеграфъ», издатель его опытный человѣкъ, закаленный въ буряхъ прошедшаго двадцатипятилѣтія; 2-й—«Телескопъ» съ прибавленіемъ «Молва», издатель докторъ изящныхъ наукъ и авторъ диссертациі о романтической поэзіи Н. Надеждинъ. Гг. желающіе обезпечить себя литературными новостями съ меньшими для кармана издержками благоволятъ на подписку упомянутыхъ журналовъ согласиться на слѣдующихъ условіяхъ». Далѣе изложены правила подписки и чтенія для «акціонеровъ предпріятія»: такъ назвали себя участники общей выписки журналовъ. На приглашеніи можно разобрать слѣдующія подписи изъ явившихъ желаніе участвовать въ семъ общепольномъ предпріятіи: В. Давыдовъ, А. Недремскій, В. Щербаковъ, Л. Ребиченковъ, Сорохтинъ и Б. Берсъ. Можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что эти лица составляли ближайшій кругъ знакомыхъ Щербакова и принимали участіе въ журнальной дѣятельности.

Рукописный журналъ, найденный въ бумагахъ Щербакова, называется «Момусъ». При номерахъ журнала оказалось и объявленіе о журналѣ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1831 году будетъ издаваться газета литературы и новостей «Момусъ». Форматъ газеты in folio; выходитъ каждую недѣлю по пятницамъ. Планъ ея слѣдующій: I. Изыщная словесность. Проза: повѣсти, сказки, извлеченія изъ путешествій и пр. Стихотворенія: отрывки изъ романтическихъ и классическихъ поэмъ, элегіи, посланія, баллады, пѣсни, эпиграммы и сатиры. II. Нравы. Наблюденія по примѣру Жуи и Ружмона. III. Критика: разборы сочиненій словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ. IV. Новости: происшествія, случившіяся въ кругу редакторовъ и читателей Момуса, эстетическіе анализы модныхъ московскихъ костюмовъ, модные обычаи и книжныя извѣстія. V. Смѣсь: пародіи, шутки, карикатуры, анекдоты, острые слова, скороговорки, обмолвки и недомолвки. Къ нѣкоторымъ нумерамъ будутъ прилагаться портреты, карикатуры, чертежи, очерки и снимки (facsimile) съ почерковъ великихъ въ своемъ муравейникѣ. Эту часть принялъ на себя извѣстный рисовщикъ Э. Фаевъ.

Наружное выполненіе газеты будетъ производиться въ стенографіи г. N. «Nota bene. Эпиграфъ газеты. Брось взглядъ на Момуса съ противоположной точки—и ты увидишь, что онъ съ умомъ. Анонимъ».

Понятно, журналъ распространялся, главнымъ образомъ, въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. Журналъ печатался или, какъ выражалась редакція, стенографировался всего на всего... въ одномъ экземплярѣ. Объявляя подписную цѣну по шесть листовъ бѣлой и по шесть сѣрой бумаги, издатели заявляли, что «такъ какъ будетъ выходить только по одному экземпляру газеты, то гг. подписчики будутъ ее получать послѣдовательно по старшинству подписки и внесенія условленной цѣны». Вышло всего пять номеровъ «Момуса»: изданіе было прервано, такъ какъ сохранился листъ съ началомъ № 6—13 за мартъ и апрѣль 1831 года. Экзамены, а, быть можетъ, и извѣстная демонстрація на лекціи профессора Малова, бывшая какъ разъ весной 1831 года, прекратили дѣятельность юныхъ журналистовъ. На каждомъ номерѣ имѣется предупрежденіе: «по прочтеніи отдавать редакторамъ». Такъ какъ не только всѣ вышедшіе номера, но и невышедшій номеръ оказались въ бумагахъ Щербакова, то можно думать, что Щербаковъ и его ближайшіе друзья и знакомые были редакторами и издателями «Момуса».

Впрочемъ, журналъ былъ извѣстенъ и за предѣлами кружка: въ первомъ же номерѣ редакторы просили «особъ, имѣющихъ до нихъ надобность, оставлять письменныя требованія въ прихожей, въ ящикѣ стола». Любопытно, что примѣръ «Момуса» вызвалъ даже подражанія. По крайней мѣрѣ, въ 4 номерѣ «Момуса» встрѣчаемъ слѣдующее объявленіе съ эпиграфомъ: «Ахъ, уродъ! ахъ, уродъ! Не берись за переводъ (хвалебная пѣснь переводчику Шиллера).— Недолго Момусъ прыгалъ одинъ по пустынному полю скорописной журналистики; недолго обращалъ онъ нераздѣльно вниманіе читателей своихъ. Чу! издали ѣдетъ на долгихъ уродъ! Да, мм. гг., уродъ! такъ, по крайней мѣрѣ, по слухамъ звали до крещенія единственнаго нашего соперника. Но говорятъ, что воспріемники назвали его Люциферомъ (по послѣднимъ извѣстіямъ Мефистофелемъ) и повили, вмѣсто пеленъ, обертками эфемернаго Альманаха. Милости просимъ, незванный гость! Не смѣемъ назвать тебя братомъ: ты, кромѣ чернилъ, переводишь повѣсти, а мы помѣщаемъ, хоть дурное, свое. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, которое вѣрно раздѣлять съ нами читатели наши—1 февраля: тогда только увидимъ мы чорта, котораго до сихъ поръ знаемъ по слуху. Момусъ до того самолюбивъ, что приписываетъ себѣ рожденіе Мефистофеля. Не знаемъ, кто былъ его матерью; боимся, чтобы не зависть раздѣляла ложе съ насмѣшливымъ нашимъ божкомъ. Во всякомъ случаѣ мы твердо увѣрены въ успѣхѣ новыхъ листковъ: печатная извѣстность одного изъ редакторовъ ручается за достоинство скорописнаго журнала».

Въ пятомъ номерѣ помѣщенъ отрывокъ изъ письма въ редакцію отъ 10 февраля Въ немъ сообщены слѣдующія подробности о судьбѣ «Люцифера»... «Вѣроятно, вы не знаете, что въ пустопорожней головѣ одного долговязаго юриста зачалъ врагъ Момуса— Люциферъ. Этотъ врагъ вслѣдствіе сильного испуга былъ выкинутъ прежде времени, и, разумѣется, несовершеннымъ. Родитель его... кажется, Фаевъ... въ подражаніе громовержцу Зевесу, который донашивалъ своего Діониса въ лядвеѣ, пригрѣлъ бѣдненькаго чертенка Люцифера близъ своего сердца въ широкомъ раздольѣ бокового кармана. Зародышъ, проникнутый родительской теплотой желтаго жилета, видимо сталъ принимать формы чудныхъ жителей фантастическаго міра, существующаго въ пьяныхъ головахъ многихъ нѣмецкихъ трансцендентальныхъ идеалистовъ: уже сквозная головка маленькаго Люцифера качалась по волѣ постороннихъ причинъ на маленькой шейкѣ; уже онъ съ примѣтнымъ плачемъ пробовалъ питательныхъ соковъ—сирѣчь матеріаловъ,—которые изсякли въ головахъ его кормильцовъ; уже когтистыя ручки его не разъ драли за носъ родителя и сдергивали золотыя очки его; уже зародышъ чертенка стиснулъ кулачекъ для нанесенія удара веселому богу шутокъ и смѣха Момусу... какъ отъ чрезвычайнаго напряженія еще не развившихся силъ онъ испустилъ духъ, не дождавшись образованія своихъ ножекъ, своего хвостика»...

Редакторы присоединили къ письму свой отвѣтъ: «Чувствительно благодаримъ г. корреспондента за доброе мнѣніе о нашемъ Момусѣ и за доставленіе чувствительнаго описанія смерти Люцифера, который вышелъ бы весь въ родителя и силами тѣлесными и... *no de mortuis aut bene aut nihil*».

II.

Обратимся къ содержанію «Момуса». Нечего, конечно, говорить о томъ, что редакторы «Момуса» во всемъ подражали современнымъ журналамъ: «Московскому телеграфу» и «Телескопу». Въ «Момусѣ» мы найдемъ отдѣлъ «изящной словесности» со стихами и прозой, критики, нравовъ, бібліографіи, смѣси, анекдотовъ и объявленій.

Въ отдѣлѣ критики встрѣчаемъ подражаніе критическимъ разсужденіямъ Надеждина—разсужденіе о «предметѣ и вещи». Въ результатѣ изслѣдованія авторъ статьи даетъ слѣдующее опредѣленіе вещи и предмета: «вещію, не трогая Юстиніана, называется все то, что занимаетъ мѣсто въ пространствѣ; а предметомъ—все, что подлежитъ умственному или чувственному взору». Въ отдѣлѣ бібліографіи, въ 5 №, Климы Букинистовъ даетъ слѣдующій легко написанный, любопытный «Взглядъ на альманахи 1831 года».

1. Сѣверные цвѣты нынѣшняго года вялы и безцвѣтны, въ нихъ попрежнему вплетенъ обзоръ русской словесности, сплетен-

ный Сомовымъ, который заступилъ мѣсто обзоровъ художественныхъ произведеній Плетнева. Жаль, что самъ издатель не подарилъ насъ лебединой пѣсней.

Бальный вечеръ. (5-го февраля 183... года).

Отецъ. О чемъ, безумецъ молодой,
Теперь ты плачешь и тоскуешь?

Онъ. Отецъ! Она меня не любитъ!
Отецъ. Кто въ ней мѣсто ей укажетъ и пр.

2. Невскій альманахъ болѣе, чѣмъ прежде, отзывался неврской водой.

3. Альманахъ анекдотовъ. Сборъ иноземныхъ и родныхъ ошибокъ, простодушныхъ отвѣтовъ и вопросовъ, глупостей, насмѣшекъ,

иногда довольно смѣшныхъ. Число подписчиковъ громко говорить, что труды Зейделя приняты публикою радушно; и не мудрено: публика есть авторъ большей части этихъ анекдотовъ, а когда же авторы были не самолюбивы?

4. Метеоръ напечатанъ на весьма мягкой бумагѣ, за что издатель имѣетъ полное право требовать благодарности отъ любителей, если не пріятнаго, то, по крайней мѣрѣ, полезнаго чтенія.

5. Сѣверное сіяніе. Громкій титулъ! Мы посовѣтовали бы издателю быть поскромнѣе и назвать свой сборникъ просто мышиннымъ огнемъ.

6. Альціона...

... я покидалъ верхушку Геликона.
Онъ въ альманахахъ, мнѣ казалось, утопалъ;
За мной и надо мной стенола Гальціона,
Но я ее, признаться, не видалъ.

Въ отдѣлѣ изящной словесности «Момуса» помѣщено пять стихотвореній: двѣ элегіи, стансы, эпиграмма и куплеты на 1831 годъ. Для характеристики поэтическихъ талантовъ сотрудниковъ достаточно привести одно стихотвореніе, полное намековъ, для насъ неясныхъ.

КУПЛЕТЫ НА 1831 ГОДЪ.

Что межъ нами измѣнилось,
Поглядимъ скорѣй, друзья:
Сердце чье сильнѣй забилось,
А чье сжалось стена?
Любовь Фаева манила,
Объщала вкусный плодъ,
Но Лизета измѣнила...
Фаевъ грустенъ въ новый годъ.

Къ награжденью представляли
Звонова et cetera;
Всѣ заслуги вычисляли:
И достоинство пера,
И исправность въ исполненьи,
И безчисленность заботъ;
Но что толку въ представленьи—
Обмануть ихъ новый годъ.

Нашъ потомокъ знаменитый
Все о предѣлахъ толковалъ,
И свой родъ применитый
Выше цесарей считалъ.
Все о вотчинахъ старался,
Лбомъ ломился въ знатный родъ;
Но попрежнему остался
Съ поументомъ въ новый годъ и т. д.

Художественная проза «Момуса» представлена двумя рассказами, написанными Простодушнымъ: Шалка Невидимка и Злая хозяйка квартиры. Эти рассказы не представляютъ ничего интереснаго, и потому мы проходимъ ихъ молчаніемъ.

Студенты-литераторы подмѣтили всѣ характерныя особенности современныхъ журналовъ и не забыли въ своемъ журналѣ воспроизвести обычные въ тогдашнихъ «толстыхъ» журналахъ отдѣлы анекдотовъ, смѣси, объявленій и корреспонденцій. При второмъ номерѣ была приложена карикатура, изображавшая редакторовъ «Момуса», при слѣдующемъ объявленіи: «Мы общали читателямъ нашимъ осмѣивать странности не въ однѣхъ нравонаблюденіяхъ и эпиграммахъ, но и въ карикатурахъ, почему, маніемъ жерла Момуса, олицетворяемъ прежде всего редакцію нашихъ листковъ. Надѣмся, что послѣ такого самоотверженія читатели не оскорбятся, ежели встрѣтятъ иногда нѣкоторыя черты нравственнаго и физическаго своего лица въ живописныхъ погрешкахъ патрона нашего еженедѣльника». При третьемъ номерѣ была приложена другая карикатура, очевидно, изображавшая всѣмъ извѣстное событіе и извѣстныя лица и, быть можетъ, имѣющая отношенія къ содержанію этого номера, о чемъ скажемъ ниже. Объясненіемъ карикатуры служитъ письмо къ редакторамъ: «Мм. гг. Я уже послалъ въ редакцію Момуса одно изъ произведеній рисовальнаго искусства моего пріятели Х... а ... долженъ еще препроводить къ вамъ, мм. гг., карикатуру, полученную мною отъ него при слѣдующей запискѣ: «Любевный другъ! такъ какъ ты ихъ корреспондентъ что ли, или факторъ, или собиратель, или просто знакомецъ, или... ужъ Богъ тебя знаетъ что... газеты Момусъ ихъ издателей, то я посылаю къ тебѣ картинку (примѣчаніе: онъ называетъ это карикатурою, хотя имя у журавля на лбу написано! Злодѣй... но кто эта сошка и прочіе, сколько ни думалъ и ни догадывался, не знаю). Ты вѣрно догадываешься, для чего (?) не станешь держать ее у себя и любоваться ею (примѣчаніе: Злодѣй, злодѣй!!..), а тотчасъ поплешь къ Момусу,—который съ...». Здѣсь я долженъ прекратить выписку, ибо тутъ слѣдуютъ слова, кои я рѣшился не писать по весьма законной причинѣ!.. И такъ, исполняя желаніе моего пріятели, посылаю къ вамъ карикатуру, съ коею можете дѣлать все, что вамъ угодно; но я однакожъ (признаюсь вамъ откровенно) желалъ бы лучше, чтобы вы ее порвали. Вы спросите: почему? Не скажу, мм. гг., ибо я не прошу васъ объ этомъ, а только желаю... N. N.»

Редакторы сдѣлали примѣчаніе къ этому письму: «Мы рвемъ только дурные стихи; дурную прозу жжемъ; а все хорошее гладимъ по головкѣ. Ваши карикатуры такъ милы, что и на дурную руку не поднимется». Обѣ упомянутыя карикатуры воспроизводятся нами въ текстѣ.

Когда пересматриваешь анекдоты Момуса, то приходишь къ убѣжденію, что анекдоты и остроты современныхъ намъ юмори-

стическихъ листковъ совсѣмъ не далеко ушли отъ остроумія тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Вотъ типичный образецъ остроты, которая варьируется на разные лады вплоть до нашего времени.

«Въ непродолжительномъ времени будетъ разыгрываться лотерея, состоящая изъ нижеслѣдующихъ вещей: обручъ съ бочки Диогена, туфли Конфуція, соль Аристофановыхъ комедій, нѣсколько пѣны, изъ которой композировалась Венера, хохоль Магомета, голосъ Демосѣена, закупоренный въ оловянную банку, послѣдній вздохъ лорда Байрона, остовъ Шекспирова Духа, улыбка Ниноны Ланкло» и т. д.

Живѣе и интереснѣе всѣхъ этихъ произведеній отдѣлъ, озаглавленный «Нравы». Въ первомъ номерѣ въ этомъ отдѣлѣ помѣщенъ очеркъ «Первый день новаго года», во второмъ—«День извозчика», въ третьемъ—«Два разговора объ одномъ предметѣ». Всѣ эти очерки написаны недурно, легко и занимательно. Наше вниманіе привлекаетъ главнымъ образомъ третій очеркъ, на которомъ мы и остановимся подробнѣе.

III.

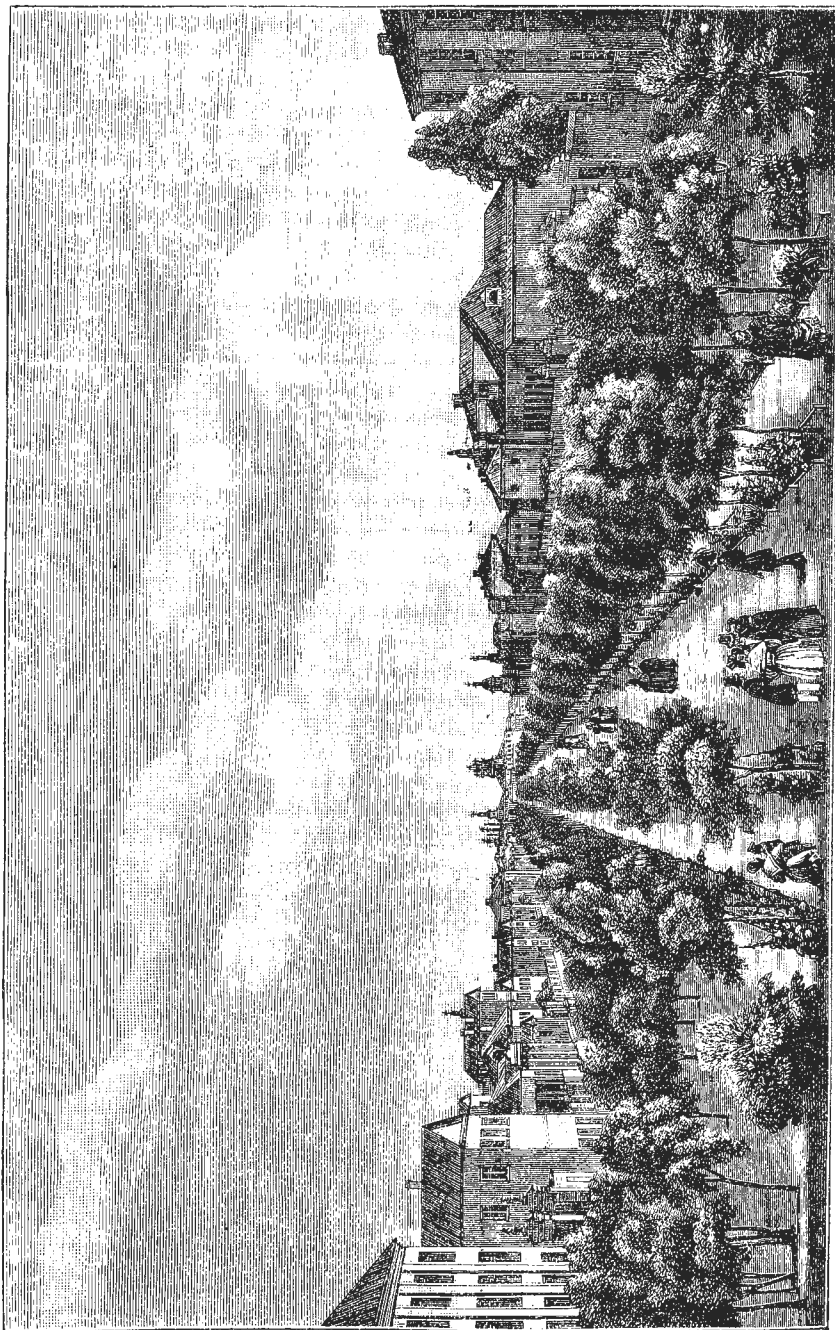
«Два разговора объ одномъ предметѣ» помѣщены въ третьемъ номерѣ «Момуса». Онъ появился въ февралѣ 1831 года. Открывается онъ Элегіей, которую мы приведемъ цѣликомъ, потому что она, быть можетъ, является комментариемъ къ «Двумъ разговорамъ».

Э Л Е Г И Я.

Мнѣ предпочла она другого;
 Другой прижметъ ее къ груди!..
 Было, возвратися снова
 И сердцу счастье возврати!..
 Нѣтъ! невозвратно... Боже! Боже!
 Не мнѣ судьба ее хранить:
 Другой ей поясъ въ брачномъ ложѣ
 Отъ груди полной отрѣшитъ;
 Она другого въ часъ желанья
 Рукой лилейной обовьетъ
 И съ стономъ, съ пламеннымъ лобзаньемъ
 Души любимцемъ назоветъ!..
 А я? меня пожретъ страданій пламень!..
 Быть можетъ, раннею весной
 Гуляя съ нимъ, она отыщеть камень—
 Друзья! могильный камень мой!..

Эрастъ Фаевъ.

2 января 1831.
 Гранатный переулокъ.

Тверской бульваръ въ Москвѣ въ 1826 году.
Съ литографіи того времени.

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ идутъ

Два разговора объ одномъ предметѣ.

[Лѣто. Бульваръ. Фарсинъ подбѣгаетъ къ Иксину].

Фарсинъ. Видѣлъ ли ты ее?

Иксинъ. Кого?

Фарсинъ. Профанъ! Ее: Надежду Изразцову?

Иксинъ. Видѣлъ. Что жъ дальше?

Фарсинъ. Не правда ли, что она болѣе, нежели божественна?

Иксинъ. Неправда. Она хороша и только.

Фарсинъ. Вандализмъ! Готтентоты! Можно ли такъ относиться о лучшемъ произведеніи природы! О перлѣ всего прекраснаго, существующаго на этой уродливой глыбѣ! Самый идеалъ красоты не можетъ стоять выше Надежды. Ежели этотъ идеалъ чуждъ твоего воображенія, обратись къ твореніямъ Тициана, которыми онъ стяжалъ себѣ безсмертіе; смотри на нихъ... Впрочемъ они такъ далеки отъ совершенства: портреты кухарокъ, прачекъ... А моя Надежда? О! какое сравненіе!

Иксинъ. Фарсинъ! Фарсинъ! Ты ли это? Что за энтузіазмъ! растолкуй ради Бога!

Фарсинъ. Ты просишь многого, но такъ и быть: я люблю Надежду,—и она меня любитъ.

Иксинъ. А! теперь понимаю.

[Семейство Изразцовыхъ приближается; къ нимъ подходитъ поэтъ Фузеинъ].

Иксинъ. Фузеинъ знакомъ съ Изразцовыми?

Фарсинъ. Да, они его принимаютъ. И есть за что: онъ вчера читалъ новую свою поэму—чудо! Всѣ поэты отъ Музея и до Мицкевича включительно ничто передъ Фузеинымъ.

Иксинъ. Ежели ты рѣшилъ импровизировать панегирики всѣмъ и каждому, то не забудь о добромъ Увыхалкинѣ, который такъ много страдалъ отъ тебя!

Фарсинъ. Теперь не до него: спѣшу къ ней. Прощай. [Уходя]. Ахъ, какъ она прекрасна!

[Зима. Гулянье на набережной. Фарсинъ и Иксинъ].

Иксинъ. Вотъ и семейство Изразцовыхъ. Фузеинъ рядомъ съ Надеждой. Правда ли, что онъ на ней женится?

Фарсинъ [протяжно] Говорять... [Со смѣхомъ]. Поддѣли молодца!..

Иксинъ. Какъ хочешь, думай обо мнѣ, Фарсинъ, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественнаго въ особѣ Надежды Петровны.

Фарсинъ. Признаюсь тебѣ, я самъ тоже думаю.

Иксинъ. Напримѣръ, что за глаза, что за колоритъ?

Фарсинъ. О! что до глазъ такъ они просто косые; лице же спорить съ цвѣтомъ свѣтло-оранжевой шляпки ея возлюбленной сестрицы.

Иксинъ. Ну, а Фузеинъ-то—каковъ?

Фарсинъ. Сатиръ! Обезьяна!

Иксинъ. Зато любимецъ Феба.

Фарсинъ. Прочти-ка его новую трагедію, посвященную Изразцовымъ,—не то заговоришь. Это—нелѣпость невиданная, неслыханная! Планы трагедій Сумарокова гораздо сноснѣе, версификаціи Тредьяковского благозвучнѣе.

[Налетѣвшая пара бѣшеныхъ лошадей помѣшала разговаривать].

Простодушный.

Читатели, навѣрное, уже догадались, о комъ идетъ рѣчь въ этой сценѣ. Поэтъ Фузеинъ,—конечно, Пушкинъ; семья Изразцовыхъ—семья Гончаровыхъ, и красавица Надежда Петровна, конечно, Наталья Николаевна Гончарова, которая стала женой поэта 18 февраля 1831 года. Этотъ наивный разговоръ рисуетъ намъ ту атмосферу, въ которой протекала дѣвичья жизнь Гончаровой, атмосферу обычнаго еще и теперь въ провинціи флирта, ухаживаній; показываетъ тотъ уровень, на которомъ находилась барышня Гончарова въ тотъ моментъ, когда она готовилась стать на всю жизнь подругой великаго поэта. Соперниками Пушкина были молодые студенты—обожатели Натальи Николаевны.

Извѣстно, что у Пушкина съ женитьбой дѣло не ладилось. Одинъ разъ, передъ отъѣздомъ на Кавказъ въ маѣ 1829 года, Пушкинъ на свое предложеніе получилъ отказъ. Въ началѣ марта 1830 г. Пушкинъ даже думалъ, что Гончарова совсѣмъ ушла отъ него: онъ спрашивалъ у Вяземскаго: «правда ли, что моя Гончарова выходитъ за архивнаго Мещерскаго?» 6 апрѣля на Пасху Пушкинъ сдѣлалъ новое предложеніе Н. Н. Гончаровой; на этотъ разъ оно было принято. Но еще много неприятностей и огорченій пришлось пережить до женитьбы. Письма ярко рисуютъ положеніе Пушкина въ 1830 году. Оставалось нѣсколько дней до свадьбы, и вотъ что писалъ 16 февраля 1831 года изъ Москвы А. Я. Булгаковъ своему брату въ Петербургъ... «Въ городѣ опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходитя. Это скоро должно открыться. Середа—последній день, въ который можно вѣнчать. Невѣста, сказываютъ, нездорова. Онъ былъ на балѣ у нашихъ, отличался, танцовалъ, послѣ ужина скрылся.—Гдѣ Пушкинъ?—я спросилъ, а Гриша Корсаковъ серьезно отвѣчалъ: «Il a été donc ici toute la soirée, et maintenant il est allé trouver sa promise». Хорошъ визитъ въ 5 часовъ утра и къ больной! Нечего ждать хоро-

шаго, кажется; я думаю, что не для нея одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась»¹⁾).

Слухи о томъ, что свадьба могла разойтись, имѣли основаніе, такъ какъ Пушкинъ за восемь дней до свадьбы, 10 февраля, писалъ изъ Москвы своему другу П. И. Кривцову: «Я женатъ, или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью».

Очевидно, въ отношеніяхъ Пушкина было уже мало страстности и влюбленности. Бракъ казался ему чѣмъ-то прозаическимъ. «Итакъ совершилась эта свадьба, которая такъ долго тянулась,— писалъ Булгаковъ 19 февраля.—Ну, да какъ будетъ хорошій мужъ! То-то всѣхъ удивитъ, никто этого не ожидаетъ, и всѣ сожалеютъ о ней. Я сказалъ Гришѣ Корсакову: быть ей *milady Byron*. Онъ пересказалъ Пушкину, который смѣялся только. Онъ женѣ моей говорилъ на балѣ: «пора мнѣ остепениться, ежели не сдѣлаешь этого жена моя, то нечего уже ожидать отъ меня»²⁾). Впрочемъ, тотъ же Булгаковъ, побывавъ 27 февраля на балу Пушкина, выражается нѣсколько мягче о супружеской жизни Пушкина. «Пушкинъ славный задалъ вечеръ-балъ,—пишетъ онъ на другой день брату.—И онъ и она прекрасно угощали гостей своихъ. Она прелестна, и они, какъ два голубка. Дай Богъ, чтобы всегда такъ продолжалось. Много всѣ танцовали, и такъ какъ общество было небольшое, то я также потанцовалъ по просьбѣ прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанію старика Юсупова; *et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force*, говорилъ онъ. Ужинъ былъ славный: всѣмъ казалось странно, что у Пушкина, который жилъ все по трактирамъ, завелось такое ховайство»³⁾).

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1902, I, 52.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1902, I, 54.

³⁾ На другого очевидца жизни Пушкина въ первые недѣли послѣ свадьбы произвела нѣсколько иное впечатлѣніе. Вотъ что писалъ 16 марта 1831 года, по выѣздѣ изъ Москвы, Василій Ивановичъ Туманскій: «Пушкинъ радовался, какъ ребенокъ, моему пріѣзду, оставилъ меня обѣдать у себя и чрезвычайно мило познакомилъ меня со своей пригожей женой. Не воображайте, однако жъ, чтобы это было что нибудь необыкновенное. Пушкина бѣленькая, чистенькая дѣвочка,

Но возвратимся къ любопытному разговору, помѣщенному въ «Момусѣ». Кто же такой—Фарсинъ, оказавшійся счастливымъ соперникомъ Пушкина? Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ письмахъ Пушкина найдутся нѣкоторые намеки, которые можно связать съ «Двумя разговорами объ одномъ предметѣ».

Въ маѣ 1831 года Пушкинъ съ молодой женой выѣхалъ изъ Москвы въ Царское Село, а въ декабрѣ этого же года онъ одинъ пріѣхалъ въ Москву. 10 декабря Пушкинъ рассказывалъ въ письмѣ къ женѣ, какъ онъ провелъ предыдущій день: «Вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента-дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однако жъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы». Пушкину, очевидно, было непріятно вспоминать о студентѣ-обожателѣ. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши поиски въ библиографическихкихъ росписяхъ, каталогахъ книжныхъ магазиновъ и газетныхъ объявленій, намъ не удалось разыскать романа «Теодоръ и Розалія». Быть можетъ, онъ поднесенъ былъ Пушкину въ рукописи.

Въ числѣ обожателей Натальи Николаевны былъ нѣкій Давыдовъ; въ письмахъ изъ Москвы къ женѣ Пушкинъ не разъ упоминаетъ о немъ. 16-го декабря 1831 года онъ пишетъ женѣ: «Видѣлъ твоего Давыдова—не женатаго (утѣшься)». Любопытныя свѣдѣнія находимъ въ письмѣ Пушкина къ женѣ отъ 25-го сентября 1832 года: «Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера рассказали анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февраля 18-го, была свадьба на Никитской, въ приходѣ Вознесенія. (Пушкинъ говоритъ о своей свадьбѣ). Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другого, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся со временемъ забыть безумную страсть и пр. и пр. Княжны Вяземскія слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ?»

Мы не знаемъ, о какомъ Давыдовѣ идетъ рѣчь. Но на томъ найденномъ въ бумагахъ Щербакова подписномъ листѣ на журналы, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, среди подписей участниковъ предпріятія находятся подписи В. Давыдова и Сорох-

съ правильными черными и лукавыми глазами, какъ у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна, а все-таки московщина отражается на ней довольно замѣтно. Что у нея нѣтъ вкуса, это было видно по безобразному ея наряду; что у нея нѣтъ ни опрятности, ни порядка, о томъ свидѣтельствовали запачканныя салфетки и скатерть и разстройство мебели и посуды». Письма В. И. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ. 1891, стр. 88.

тина. Какъ разъ эти имена мы встрѣчаемъ въ письмѣ Пушкина. Является предположеніе, что ухаживатели и обожатели Гончаровой были какъ разъ изъ кружка Щербакова.

Въ заключеніе еще одинъ комментарий къ интересующей насъ сценкѣ на Тверскомъ бульварѣ. Тверской бульваръ—въ то время самое популярное мѣсто гулянья въ Москвѣ. Московскіе обыватели встрѣчали здѣсь нерѣдко Пушкина, который пользовался большою извѣстностью въ Москвѣ. Въ «Московскомъ Калейдоскопѣ»—прибавленіи къ «Молвѣ», подписанномъ въ цензурѣ 21-го апрѣля 1831 года, находимъ обширную статью о «Тверскомъ бульварѣ». Статья—въ прозѣ и стихахъ, съ упоминаніемъ о Пушкинѣ. Вотъ стихи:

«Здѣсь и педантъ учено-важный,
И франтъ паркетный записной,
Членъ клуба Англии вальжанный,
И членъ нѣмецкаго простой.

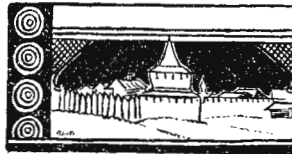
Здѣсь много милаго смѣшного!
Сюда, запрятавъ свой галунъ,
Отъ душевной лекціи Пустова
Пришелъ спастись студентъ-шалунъ.

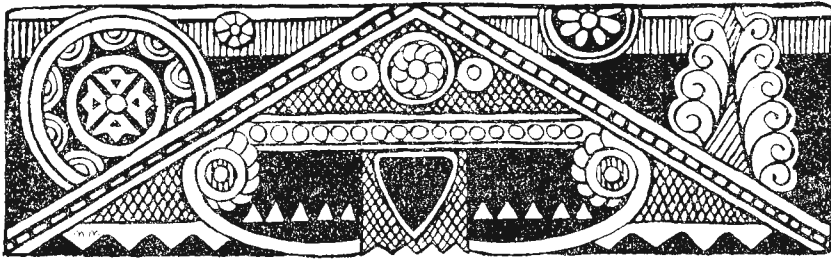
Здѣсь и романтикъ полупьяный,
И классицизма вождь сѣдой,
Пѣвцомъ ругавшійся Татьяны,
И самъ пѣвецъ съ своей женой.

Здѣсь и торговка въ душегрѣйкѣ,
И дерзкій враль, и злой нахаль.
И много пащи для статейки—
Въ уютный княжескій журналъ».

Приложенный рисунокъ воспроизводитъ съ современной литографіи видъ Тверского бульвара въ пушкинское время. На немъ изображено и нѣсколько гуляющихъ.

П. Щеголевъ.

ОЧЕРКЪ БЫТА И ПРАВОВЪ СЪВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ.

I.

В ТѢХЪ поръ, какъ раздался орудійный залпъ у стѣнъ Таку, естественно глаза всѣхъ русскихъ обратились на Дальній Востокъ, и они напряженно стали прислушиваться къ дальнѣйшимъ выстрѣламъ и слѣдить за развитіемъ событій на этой окраинѣ. Первоначально казалось, что дымъ былъ безъ огня, но скоро огонь запылалъ ярче, чѣмъ можно было предполагать. Таку, Тьень-тзинъ, событія въ Пекинѣ и послѣдующія — заставили подняться русское оружіе, обреченное, какъ казалось, на вѣчное спокойствіе... Явилась необходимость возстановить миръ оружіемъ — и войска пошли. Часть двигалась сухимъ путемъ черезъ великій Сибирскій трактъ, другая — по морю черезъ Одессу, Константинополь и такъ далѣе до Портъ-Артура и Владивостока. Центръ тяжести военныхъ дѣйствій первоначально сосредоточивался на югѣ Китая, откуда волненія распространялись все далѣе на сѣверъ, и вскорѣ охватили почти всю обширную китайскую область — Маньчжурію.

Пишущему эти строки также пришлось принять участіе въ общемъ движеніи, и въ качествѣ должностного лица провести слишкомъ два года въ центрѣ сѣверной Маньчжуриі, въ районѣ Цицикаръ — Харбинъ — Ажехъ. По обстоятельствамъ времени и служебному положенію приходилось довольно близко соприкасаться съ туземцами — какъ съ ихъ властями, такъ и простонародьемъ, а по-

тому я и рѣшилъ предложить вниманію читателей накопившіяся матеріалъ — продуктъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, вполнѣ ручаясь за его достовѣрность. Долженъ предупредить, что все нижеизложенное касается правовъ и быта сѣверной Маньчжуріи, и если гдѣ либо въ повѣствованіи встрѣчаются слова: «китайскій», «маньчжурскій», то ихъ все-таки нужно понимать, какъ относящіяся къ указанному району, гдѣ та и другая народность смѣшаны очень тѣсно. Среди городскихъ властей одинаково встрѣчаются и маньчжуры и китайцы, при чемъ первые преобладаютъ. Зная замкнутость жителей этой страны, никто не будетъ удивляться тому, что свѣдѣнія, почерпаемые изъ ихъ разспросовъ, оказываются сбивчивыми и неясными: очевидно, они умышленно стараются скрывать свой бытъ отъ глазъ европейцевъ.

II.

Въ тридцати верстахъ къ востоку отъ того пункта, гдѣ начинается южная вѣтвь Китайской Восточной желѣзной дороги, идущая на Мукденъ и далѣе на Портъ-Артуръ, именно отъ поселка Харбинъ, въ настоящее время получившаго городское устройство, лежитъ маньчжурскій городъ Ажехэ на рѣкѣ того же имени (хэ-рѣка). Когда въ концѣ октября 1900 года тамъ формировался полевой запасный госпиталь, т.-е., черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ занятія этого города русскими войсками, онъ былъ совершенно лишенъ мѣстнаго населенія, и торговли не существовало. Наилучшіе дома большею частью были разрушены, лавки залепты. На нашихъ глазахъ городъ оживалъ: постепенно осмѣливаясь, маньчжуры стали стекаться изъ окрестностей, куда бѣжали во время взятія города русскими, въ буквальномъ смыслѣ, на старое пепелище, привозя на своихъ неуклюжихъ арбахъ, запряженныхъ шестью лошадьми, уцѣлѣвшій скарбъ, а впослѣдствіи и своихъ женъ — «бабушекъ», какъ они называютъ ихъ по-русски, и дѣтей. Пока городъ былъ пустъ, легко можно было ознакомиться съ расположеніемъ его улицъ. Эти послѣднія тянутся болѣе или менѣе прямолинейно, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія ширину нашихъ самыхъ узкихъ улицъ, должны здѣсь считаться наиболѣе широкими; онѣ-то и представляютъ собой тѣ пути, которые соединяютъ одни городскія ворота съ другими. Такихъ воротъ здѣсь девять, при чемъ трое изъ нихъ въ южной части городской стѣны называются «Гиринскими». Окружающая городъ стѣна есть не болѣе, не менѣе, какъ валъ, сдѣланный изъ земли и со стороны города имѣющій высоту не болѣе сажени, а со стороны поля гораздо выше, въ зависимости отъ глубины широкаго рва, внутренняя стѣнка котораго служитъ непосредственнымъ продолженіемъ, или, вѣрнѣе, подножіемъ городской стѣны. Нѣкоторыя ворота имѣютъ

каменные кладки, переходящія въ городскую стѣну, остальные представляютъ просто-напросто отверстія въ земляной стѣнѣ, черезъ которыя происходитъ сообщеніе города съ окрестностями. Кромѣ того, есть также ворота, въ видѣ высокихъ деревянныхъ арокъ съ затѣйливыми рѣзными украшеніями. По большей части, перпендикулярно къ широкимъ улицамъ идутъ второстепенныя болѣе узкія и наиболѣе грязныя съ кучами навоза и мусора, въ которыхъ стаи голодныхъ собакъ копошатся по цѣлымъ суткамъ, ища себѣ пищи. Особенно въ жаркое время дня для непривычнаго человѣка такія улицы становятся непроходимыми вслѣдствіе невозможнаго запаха, несущагося справа и слѣва. Мостовыхъ, конечно, нѣтъ; по бокамъ нѣкоторыхъ улицъ тянутся канавы, заполняемыя отбросами, въ иныхъ мѣстахъ покрытыя досками, напоминающими деревянные тротуары. Отличительная особенность китайскихъ городовъ, какъ и вообще на Востокѣ, та, что ни одно жилое зданіе не выходитъ своимъ фасадомъ на улицу; напротивъ, усадьба окружена прочнымъ заборомъ—деревяннымъ у лицъ средняго состоянія и каменнымъ—у богачей. Въ послѣднемъ случаѣ это, вѣрнѣе, каменная стѣна до двухъ саженъ высоты и около полуаршина толщины. Внутри этой ограды, куда ведутъ тяжелыя двустворчатыя ворота, находится дворъ, вымощенный кирпичемъ, въ которомъ расположены дома, или такъ называемыя фанзы. Расположены онѣ такимъ образомъ, что занимаютъ три стороны двора—четыреугольника, т.-е., одна фанза противъ воротъ, остальные по бокамъ, оставляя между собой промежутокъ, иногда лишь до величины обыкновенной калитки. По внѣшности, фанза представляетъ одноэтажное зданіе, имѣющее двѣ сплошныхъ каменныхъ стѣны соответственно узкому размѣру зданія, т.-е., поперечныхъ; продольныя же стѣны имѣютъ каменную кладку только въ аршинъ высотой отъ земли, а затѣмъ, на серединѣ высоты, стѣна состоитъ изъ своеобразныхъ деревянныхъ рамъ, окружающихъ рѣзбу, которая служитъ основой для наклейки на нее промасленной бумаги, замѣняющей стекло. Верхній ярусъ стѣны состоитъ изъ тонкихъ деревянныхъ рамокъ, устроенныхъ такъ, что въ жаркую погоду онѣ могутъ открываться, на подобіе нашихъ форточекъ. Во время холодовъ и въ защиту отъ сильныхъ вѣтровъ стѣнки эти вмѣстѣ съ бумажными окнами закрываются деревянными щитами, по-нашему—ставнями, кромѣ того, защитой служитъ навѣсъ вдоль всей фанзы. Крыши на два ската дѣлаются изъ черепицы. Входныя двери непременно по серединѣ жилого помѣщенія ведутъ въ нѣчто, соответствующее нашей передней, изъ которой двери направо и налево ведутъ въ жилую часть фанзы; здѣсь же въ преддверіи у самаго каменнаго пола находится по обѣимъ сторонамъ по очагу, служащему для топки такъ называемаго кана.

Почти всегда совершенно одинаковая правая и лѣвая часть фанзы устроена такъ, что вдоль трехъ ея стѣнъ, исключая входной стороны, находится возвышеніе въ три четверти аршина и до двухъ съ половиной аршинъ ширины, сложенное изъ глины, перемѣшанной съ соломой, внутри котораго идетъ каменный дымовой ходъ, начинающійся отъ упомянутаго очага въ передней. Такимъ образомъ эти возвышенія, или каны, представляютъ собой лежанку, нагрѣвающуюся только во время топки, такъ какъ прямой, безъ поворотовъ, дымовой ходъ ведетъ въ вертикальную трубу, расположенную внѣ стѣнъ зданія и равную ему по высотѣ, никогда ничѣмъ не закрываемую. Вслѣдствіе такого устройства, пока каны топятъ, въ помещеніи тепло, а по прошествіи нѣсколькихъ часовъ температура понижается. На этихъ канахъ обитатели фанзъ и спятъ. Здѣсь же на краю канъ ставятся небольшіе, въ квадратный аршинъ, столики, на которыхъ и подается пища, заключающаяся главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, а иногда и вареной свинины. Когда китайцы (фудутунъ и другіе чиновники) принимали у себя насъ, русскихъ, то на ряду со своими блюдами подавали нѣчто, подобное нашимъ. Такъ сначала предлагались сласти—сухіе фрукты въ сахарѣ, леденцы, пряники, затѣмъ разваренная курица, вареная рыба, нѣчто, подобное нашимъ пельменямъ, изъ рубленаго свиного мяса съ лукомъ, яйца безъ скорлупы, обваренныя въ кипящемъ бобовомъ маслѣ, въ томъ же видѣ картофель, соусъ изъ моркови, изъ сухихъ грибовъ съ картофелемъ, наконецъ очень рѣдко и только въ торжественныхъ случаяхъ—поджаренные трепанги. Эти послѣдніе въ томъ видѣ, какъ подаютъ ихъ тамъ къ столу, то-есть, поджаренные въ чистомъ бобовомъ маслѣ съ сухариками, очень напоминаютъ по вкусу наше блюдо—телячьи ножки; на видъ же они представляютъ небольшіе, вершка въ три, кусочки вязиги и также эластичны.

Пищу китайцы принимаютъ обыкновенно два раза въ день; въ остальное время у нихъ всегда непрерывный чай. Пьютъ они изъ маленькихъ глиняныхъ мисочекъ, ловко подбрасывая въ ротъ разваренный рисъ или мясо двумя деревянными или костяными палочками, удерживая ихъ тремя пальцами правой руки и быстро владѣя ими—то соединяя, то разъединяя, при чемъ захваченный кусокъ очень крѣпко удерживается между палочками.

Чай—національный напитокъ и готовится у нихъ своеобразно. Въмѣсто нашихъ самоваровъ тамъ существуютъ огромные чайники—до ведра и болѣе,—въ которыхъ вода постоянно кипитъ на треножникѣ съ горячими углями. Небольшая щепотка сухого чая кладется въ обыкновенную грубой глины чашку безъ ручки, но съ такой же глиняной крышкой, на подобіе блюда, но немного входящей внутрь чанки. Блюдецъ, напрогнвъ, не пмѣетъ, какъ у насъ, центрального вдавленнаго кружка, а настоящую

выемку, такъ что чашка своимъ нижнимъ ободкомъ совсѣмъ входитъ въ нее. Пить изъ такого блюдечка, конечно, не возможно, оно служитъ лишь для держанія чашки. Щепотка чая обдаётся кипяткомъ и покрывается крышкой; черезъ нѣсколько минутъ она достаточно распаривается, чтобы можно было пить уже чайный настой. По мѣрѣ отпиванія чашку доливаютъ кипяткомъ.

Пьютъ чай безъ всякихъ приправъ; намъ предлагали леденцы, но внѣшній видъ ихъ заставлялъ насъ благодарить любезныхъ хозяевъ и отказаться отъ угощенія, приложивъ руку къ сердцу. Обыкновенный чай тамъ продается 30—40 копеекъ фунтъ, а цвѣточный—1 рубль 20 копеекъ, вообще въ 4—5 разъ дешевле, чѣмъ въ Россіи.

Долго также пришлось намъ усвоивать церемонію взаимныхъ встрѣчъ и привѣтствій. Легко можно было оказаться невѣжливымъ хозяиномъ, если не спросить при самой встрѣчѣ гостя китайца о его здоровьѣ. Съ другой стороны, можно впасть въ противоположную крайность, если спросить его о здоровьѣ жены: посторонній мужчина не имѣетъ на это права, это считается верхомъ безтактности и нескромности. Можно поэтому судить, насколько мы, европейцы, при нашихъ понятіяхъ о вѣжливости и приличіи въ глазахъ китайцевъ оказывались и грубыми и неприличными. Чему же можно у насъ поучиться, если намъ неизвѣстны примитивныя правила приличія? Намъ можно только терпѣть и снисходить къ нашему невѣжеству, а нисколько не стараться отыскать хорошія черты и воспользоваться ими.

Таковы взгляды азіатовъ. Къ иллюстраціи только что сказаннаго приведу слѣдующій примѣръ.

Наши конныя войсковыя части—сотни, эскадроны, батареи—сняли для сѣнокоса у китайцевъ луга, которые своевременно мы косили на сѣно. Китайцы смотрѣли на эту работу съ ироніей и говорили, что лошади не будутъ ѣсть этой сухой травы. Наши солдаты, конечно, не обращали вниманія на эти замѣчанія и продолжали свое дѣло. Китайцы были удивлены, когда увидѣли траву лежащей нѣсколько дней въ томъ видѣ, какъ она скошена, — для просушки. Оказалось, что они пытались утилизировать ее, но скосивъ тотчасъ же складывали ее въ большія кучи, въ которыхъ она, будучи влажна, неминуемо должна была обратиться въ прѣлый навозъ, котораго никакое животное даже при голодѣ ѣсть не будетъ. И все-таки они остались при своемъ убѣжденіи, и нигдѣ у нихъ не увидишь ни рядовъ скошенной травы, ни стоговъ сѣна.

Обычнымъ кормомъ для лошадей, коровъ, ословъ и муловъ, которыхъ въ Маньчжуріи содержатъ въ одинаковомъ почти количествѣ съ лошадьми и также запрягаютъ, служитъ такъ называемой жмыхъ отъ злака, именуемаго «чумидзой». Эти жмыхи представляютъ круги до аршина въ діаметрѣ и въ вершокъ толщины, сѣро-

вато-желтаго цвѣта. Одного круга съ прибавкой нѣкотораго количества ячменя достаточно на пару лошадей въ сутки. Такая комбинація корма способствуетъ тому, что маньчжурскія лошади замѣчательно хорошо держатъ тѣло, онѣ округлены, съ толстыми шеями и ногами. Есть, впрочемъ, и между ними пасынки судьбы: это именно тѣ, которыя впрягаются въ оглобли арбы, на нихъ лежитъ вся тяжесть этого неуклюжаго экипажа, нагруженнаго иногда до ста пудовъ, которые всею тяжестью давятъ имъ на спину и подбиваютъ заднія ноги при спускѣ съ горы. Такихъ инвалидовъ можно сразу узнать, даже если они ходятъ на свободѣ: они всегда горбаты, шеи согнуты, животъ вдавленъ, а заднія ноги, какъ бы подогнуты къ животу. Остальныя запряженныя въ арбу лошади привязаны къ ней веревками и идутъ значительно свободнѣе коренника частью рядомъ съ нимъ, частью впереди, въ количествѣ 5—6 штукъ. Но и этого, можно сказать, стада подчасъ бываетъ недостаточно, чтобы нагруженную арбу вытащить изъ той засасывающей грязи, которая покрываетъ улицы города въ дождливое время года—въ июль и августъ. Въ эту пору нѣкоторыя улицы представляютъ сплошную лужу, развѣ только около заборовъ остается небольшая возвышенная тропинка, по которой съ трудомъ можно пройти. Въ такихъ трясилахъ арба застрѣваетъ на нѣсколько часовъ, пока погонщикъ не догадается разгрузить ее, устроивъ возлѣ нея нѣчто въ родѣ плота, на который складываетъ грузъ, или перенеся его на твердое мѣсто у забора, чтобы потомъ на своихъ плечахъ перетащить на арбу, вытянутую изъ грязи.

Выше упомянуто, что наравнѣ съ лошадьми въ упряжь употребляются и коровы. Въ самомъ дѣлѣ, жаль этихъ бѣдныхъ животныхъ, исполняющихъ совершенно не соответствующую имъ роль. Дѣло въ томъ, что китайцы не употребляютъ въ пищу ни молока, ни молочныхъ продуктовъ. Корова выкармливаетъ теленка опредѣленное время, и молочный періодъ ея оканчивается, а сама она съ этого времени употребляется для домашнихъ работъ.

Здѣсь же кстати сказать о самомъ распространенномъ въ Маньчжуріи, какъ и во всемъ Китаѣ, экипажѣ, именуемомъ арбой. На высокихъ колесахъ съ широкимъ до $\frac{1}{4}$ аршина ободомъ, суживающимся наружу и усаженнымъ толстыми желѣзными цѣнами по краю, она состоитъ изъ деревяннаго остова, лежащаго на желѣзной оси, къ которой неподвижно прикрѣплены эти два колеса, такъ что они не могутъ вращаться самостоятельно, а вмѣстѣ съ нею. Такое устройство позволяетъ грузу опираться только въ двухъ точкахъ, и потому при поворотахъ колесо, остающееся на мѣстѣ, должно преодолѣть значительное сопротивленіе свѣжей глубокой колеи, которую оно при этомъ разворачиваетъ. Это усиліе всецѣло лежитъ на коренникѣ, который подъ ударами бича едва успѣваетъ передвигать ноги въ сторону одна за другой, такъ какъ въ этомъ случаѣ пристяжныя не оказываютъ ему помощи.

Незначительное видоизмѣненіе этого экипажа — это каретка — также на двухъ колесахъ, но только съ кузовомъ, со всѣхъ сторонъ закрытымъ, иногда со стеклами по бокамъ, служить для поѣздокъ чиновниковъ и богачей, а главное ихъ женъ. Важные сановники (дзянь-дзюнь, фудутунъ) путешествуютъ въ паланкинахъ, несомыхъ ихъ солдатами. Здѣсь же упомяну, что длинный бичъ, которымъ погоняютъ лошадей, щелкая имъ надъ ихъ головами, часто причиняетъ бѣднымъ животнымъ тяжелыя поврежденія глазъ, оканчивающіяся слѣпотой.

Въ тѣ рѣдкіе въ Маньчжуріи дни, когда чуть покрывшія землю снѣжокъ еще разъ даетъ европейцу поводъ тосковать по своей родной землѣ, — и мѣстные жители выѣзжаютъ на саняхъ. Но и въ устройствѣ этого незамысловатаго экипажа сказывается оригинальность: полозья съ оглоблями составляютъ одно цѣлое, а не такъ, какъ у насъ — послѣднія привязываются къ полозьямъ веревками. Иногда, какъ и у насъ, сани бываютъ со спинками и имѣютъ лавочки для сидѣнья.

Ш.

Несмотря на теремную жизнь и высокія ограды, за которыми укрыта отъ посторонняго глаза домашняя жизнь китайской женщины, эту послѣднюю часто можно встрѣтить на улицѣ со своей неизмѣнной длинной трубочкой, съ разноцвѣтными букетами искусственныхъ цвѣтовъ, воткнутыхъ въ своеобразную тугую прическу волосъ. Почти всегда, кромѣ этихъ украшеній, въ волосы вставляется еще тонкая серебряная полоса вершка въ полтора шириной и вершковъ пять длиной съ вытисненными на ней цвѣтами. Вставляется она справа налѣво, такъ что за средину ее держать толстая прядь волосъ, а концы выдаются.

Однако при встрѣчѣ съ этой далеко не прекрасной половиной китайскаго населенія вовсе не эти особенности бросаются въ глаза. Прежде всего вы замѣчаете неестественный румянецъ лба, вѣкъ и скулъ, а также средней части губъ, подъ носомъ: это — обильный слой кармина. Но еще рѣзче и даже издали бросается въ глаза неестественно колеблющаяся походка въ зависимости отъ изуродованныхъ согласно обычаю ногъ. Туфелька, въ которую облекается такая нога, имѣетъ всего два вершка длины отъ внутренней поверхности задника до конца носка, при чемъ вся тяжесть тѣла держится на каблукѣ, который нѣсколько скошенъ спереди, носокъ, напротивъ, чуть приподнять, или, вѣрнѣе, едва касается земли. Естественно, что при такомъ неустойчивомъ равновѣсіи эти жертвы моды не могутъ обойтись безъ баланса, и потому всѣ онѣ ходятъ, опираясь на палочки и помогая въ то же время равновѣсію немного отведенными и согнутыми въ локтяхъ руками. Впро-

чемъ, маньчжурки не придерживаются этой моды, да и китайки все меньше и меньше слѣдуютъ ей.

Довольно оригинальное и очень пестрое зрѣлище представляла празднично наряженная толпа женщинъ около кумирни во время религіознаго торжества въ честь богини плодородія въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца. Женщины, празднично одѣтыя въ своихъ синихъ, голубыхъ или красныхъ вышитыхъ халатахъ (курмахъ) съ широкими рукавами, въ высокихъ прическахъ, украшенныхъ цвѣтами и блестящими шпильками, огромной толпой тѣснились у входа въ кумирню, окруженные такими же разодѣтыми дѣтьми, принося въ рукахъ кукольные изображенія женщинъ — это какъ бы жертвоприношеніе. У входа онѣ совершали нѣчто въ родѣ колѣнопреклоненія и поодинокѣ входили въ кумирню, гдѣ стоятъ огромные идолы, изображающіе женщинъ, окруженныхъ такими же куклами, подсвѣчниками и предметами домашняго хозяйства. Это поклоненіе продолжалось нѣсколько дней, и все время разноцвѣтная толпа колыхалась около кумирни, вокругъ которой было настроено множество балагановъ съ продажей жертвенныхъ куколъ, пряниковъ, орѣховъ и своеобразныхъ сластей. Словомъ картина очень напоминала нашу ярмарку или большой базаръ у церкви въ храмовой праздникъ. Смысла, какъ этого торжества, такъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ нельзя было ни у кого добиться. Хотя и были у насъ переводчики, повидимому, образованные и къ намъ расположенные, однако и они давали или туманные разъясненія, въ которыхъ ничего нельзя понять, или же сводили свои объясненія, что дѣлали даже чаще, къ тому, что для того, чтобы это знать, нужно изучить въ Пекинѣ очень много книгъ, и что одному человеку всего знать нельзя.

Покорность року, какъ извѣстно, въ высшей степени присуща китайцу. Холерная эпидемія въ іюнѣ и іюлѣ 1902 года дала возможность и намъ лично убѣдиться въ этомъ, а также наблюдать подробности похоронныхъ обрядовъ у нихъ.

Лишь только въ домѣ появится покойникъ, для него дѣлается или готовымъ покупается гробъ въ родѣ нашего, только поглубже, изъ очень толстыхъ досокъ и съ плоской крышкой. На базарѣ продаютъ ихъ въ изобиліи. Умершій укладывается въ гробъ, а всѣ родные облакаются въ траурную бѣлую одежду обыкновеннаго покроя, при чемъ, чѣмъ больше печаль, тѣмъ больше одеждъ надѣнается подъ эту верхнюю. Со слѣдующаго утра у воротъ дома появляется оркестръ музыкантовъ человекъ въ 6—10, смотря по достатку семьи умершаго, который и начинаетъ завывать все время съ утра до вечера съ небольшими перерывами, во время которыхъ музыканты здѣсь же на улицѣ пьютъ чай. У воротъ на очень длинномъ шестѣ, укрѣпленномъ вертикально въ особомъ станкѣ, привѣшивается длинный, узкій красный флагъ съ какими-то над-

писями. Когда похоронная музыка съ 6 часовъ утра загремѣла въ сосѣдствѣ съ нашимъ жилищемъ, и мы узнали, что покойникъ будетъ стоять во дворѣ дней 8—10, то обратились съ формальной бумагой въ китайскую полицію, прося, чтобы въ виду эпидеміи и жаркой погоды его поскорѣе убрали на кладбище; намъ, однако, отвѣтили уклончиво, а именно: похоронятъ какъ можно скорѣе, а болѣзнь не заразительна. Несмотря на такое заявленіе, музыка услаждала насъ, нестерпимо разстраивая нервы, въ теченіе трехъ недѣль, такъ какъ въ трехъ сосѣднихъ домахъ одинъ за другимъ умерло четыре человѣка, а хоронили ихъ на 4—5-й день. Кромѣ ужасной музыки въ азіатскомъ вкусѣ, прекращающейся только съ заходомъ солнца, со двора покойника по вечерамъ раздавался вой вѣсколькихъ женщинъ, сидящихъ въ бѣлыхъ одеждахъ вокругъ гроба. Передъ выносомъ на кладбище гробъ ставится на улицѣ противъ воротъ, а передъ нимъ большой глиняный тазъ съ горящими углями; женщины садятся на землю передъ тазомъ, что-то причитаютъ, потомъ по сигналу поднимаютъ тазъ и разбиваютъ, ударяя его о землю, а гробъ быстро подхватывается восемью носильщиками, переносится черезъ эти черенки и уносится на кладбище. За нимъ несутъ изображеніе, или, вѣриѣе, чучело коровы (если умерла женщина) или лошади въ половину натуральной величины, сдѣланное изъ прутьевъ и обтянутое бумагой, кромѣ того, такую же телѣжку и куклу,—и все это сжигается или здѣсь же на площади, или на кладбищѣ. Всѣ родственники съ плачемъ провожаютъ гробъ до могилы и тамъ закапываютъ его наравнѣ съ поверхностью земли, но насыпая надъ нею высокій холмъ. Этимъ объясняется, что гробы нѣкоторыхъ бѣдняковъ, похороненныхъ за чертой кладбища, становятся подъ влияніемъ времени и дождей видимыми съ поверхности земли, а черепа и кости часто торчатъ совѣмъ снаружи. Это какъ-то не вяжется съ общераспространеннымъ убѣжденіемъ о высокой степени почитанія памяти предковъ у китайцевъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, обыкновенныхъ могилъ, въ каждомъ китайскомъ городѣ существуетъ за его чертой нѣсколько общихъ могилъ, или, вѣриѣе, ямъ, въ два аршина глубины и сажени въ 3—4 въ длину и ширину, куда сбрасываются трупы казненныхъ, и гдѣ они становятся добычей голодныхъ бродячихъ собакъ. Эти послѣднія хорошо знаютъ звукъ трубы, возвѣщающей жителямъ города о предстоящей казни, и немедленно устремляются къ мѣсту ея. Прежде, однако, чѣмъ попасть въ этотъ адъ, несчастные преступники проходятъ чистилище. Это — самая скверная фанза съ одной деревянной рѣшетчатой стѣной, напоминающей клѣтки звѣринца. Тамъ они содержатся въ грязи, совершенно раздѣтые, съ огромными колодами на шеѣ, не позволяющими имъ даже положить голову на землю. Когда тамъ набивается человѣкъ 50, имъ

не хватаетъ мѣста лечь, и они толпятся одинъ возлѣ другого, перепрыгивая съ ноги на ногу, чтобы согрѣться во время морозовъ, ибо тюрьма отапливается очень скудно, къ тому же, всегда есть доступъ наружнаго воздуха черезъ рѣшетку. Видъ ихъ ужасенъ. Въ большинствѣ случаевъ это—уже обреченные на казнь; въ лицахъ почти нѣтъ ничего человѣческаго, отъ нихъ живыхъ уже вѣетъ холодомъ могилы, смертью. И вдругъ вы видите улыбку, слышите шуточный разговоръ. Что это? Отсутствіе сознанія или покорность судьбѣ? Сказать трудно. Передъ тѣмъ, какъ вести несчастныхъ на мѣсто казни, существуетъ обычай напаивать ихъ ханшиномъ—отвратительной мѣстной водкой, послѣ чего они являются на послѣдній этапъ дѣйствительно почти безъ сознанія. Со связанными назадъ руками, ихъ ставятъ въ рядъ на колѣна, и палачъ съ длиннымъ мечомъ въ рукахъ въ нѣсколько минутъ кончаетъ ихъ судьбу, ударяя каждого сзади между черепомъ и шейнымъ позвонкомъ. Толпа зрителей при удачномъ ударѣ палача своею тысячною грудью восторженно восклицаетъ: «хао!», что значитъ: «хорошо! ловко!»

Послѣ казни трупы бросаются въ яму на съѣденіе собакамъ, а головы, заключенныя въ деревянныя клѣтки, развѣшиваются въ назиданіе живымъ, на вѣтвяхъ деревьевъ за веревки или за косы, пока онѣ сами не оборвутся, сдѣлавшись достояніемъ хищныхъ птицъ.

Тѣ рѣдкіе у насъ смертельные случаи холеры, которые называются «молніеносными», среди китайцевъ встрѣчаются очень часто. Сплошь и рядомъ какойнибудь рабочій, почувствовавъ себя дурно, идетъ къ старшему—русскому, и заявляетъ: «моя ломайло есть, моя ходи помирайло». Это выраженіе на ломаномъ русскомъ языкѣ означаетъ: «мнѣ дурно, я сейчасъ умру». И дѣйствительно, укладывается гдѣнибудь подъ кустомъ и вскорѣ умираетъ отъ рѣзкихъ проявленій холеры. Ни разу не приходилось наблюдать, чтобы уставшій или заболѣвшій получилъ помощь отъ своего земляка или соотечественника. Начальство, однако, любитъ показать, что оно заботится о больныхъ—и вотъ какимъ образомъ.

Въ самый разгаръ эпидеміи къ намъ передъ вечеромъ, какъ бы невзначай, заѣхалъ однажды китайскій чиновникъ Ли-Чинъ-Санъ, котораго считали судьей, въ сопровожденіи переводчика съ узелкомъ въ рукахъ. Бесѣда началась объ эпидеміи, о количествѣ умирающихъ, которыхъ они скрывали и хоронили по ночамъ, при чемъ судья заявилъ черезъ переводчика, что онъ давно уже ѣздитъ по городу и раздаетъ лѣкарство, которое заключается въ узелкѣ. Тогда мы, заинтересовавшись, просили показать его намъ. Лѣкарство было завернуто въ бумажку, какъ наши порошки. Развернувъ одну бумажку, мы увидѣли кусочекъ какого-то корешка съ полъ-ногтя величиною; этотъ корешокъ нужно положить въ полъ-

стакана воды, которую сейчасъ же выпить, а корешокъ выбросить; затѣмъ въ другой бумажкѣ заключаются двѣ пилюли краснаго цвѣта—ихъ нужно проглотить, послѣ чего, какъ они говорятъ, болѣзнь быстро проходитъ. Переводчикъ все это продѣлалъ на нашихъ глазахъ. Заинтересовавшись, мы попросили дать намъ одинъ—два пакетика, чтобы повезти съ собой въ Россію. Каково же было наше удивленіе, когда намъ заявили, что это лѣкарство помогаетъ только на китайской землѣ и на китайской водѣ! Мнѣ кажется въ этомъ отвѣтѣ сказался весь китаецъ и вся его политика. Происхожденіе же этого лѣкарства таково, какъ они передавали. Когда нѣсколько лѣтъ назадъ свирѣпствовала холера, оно очень помогало, но потомъ про него забыли; теперь же старуха, мать фудутуна (губернатора), вспомнила про него и передала его сыну; тотъ, чтобы помочь бѣдствію, три дня ничего не ѣлъ и молился, а потомъ велѣлъ изготовить это лѣкарство по указанію матери и раздавать больнымъ.

До сихъ поръ не могу понять: считали ли они насъ такими наивными, рассказывая эти сказки, или сами они таковы? Последнее предположеніе, однако, мало вѣроятно. Мы, конечно, заявили, что беремъ лѣкарство не съ цѣлью лѣчить, а только познакомиться съ его составомъ.

IV.

Очевидно природа предусмотрительно заботится, чтобы въ извѣстное время избытокъ населенія былъ уничтоженъ, — иначе, какъ объяснить самостоятельное прекращеніе эпидеміи, которая посѣтила городъ ровно въ теченіе мѣсяца безъ всякихъ, конечно, санитарныхъ мѣропріятій, не считая вышеописаннаго лѣченія. Такое антисанитарное состояніе города, особенно въ центрѣ его, гдѣ базаръ, на подобіе нашего толкучаго рынка съ открытыми лавочками или палатками, можно встрѣтить лишь въ еврейскихъ кварталахъ захолустныхъ югозападныхъ мѣстечекъ. Кромѣ эпидемій — временныхъ регуляторовъ количества населенія, существуютъ постоянныя болѣзни, уносящія много жертвъ, и главнымъ образомъ оспа. Сплошь и рядомъ встрѣчаются лица съ глубокими ямками; немало также и ослѣпшихъ отъ этой болѣзни. Эти послѣдніе промышляютъ музыкой, переходя изъ деревни въ деревню со струннымъ инструментомъ на подобіе гитары. Водятъ ихъ мальчики лѣтъ 7 — 10, которые часто подвергаются со стороны слѣпцовъ различнымъ насиліямъ, между прочимъ имъ подрѣзаютъ языки, вѣроятно, для сокрытія еще большихъ преступленій. Намъ пришлось видѣть 12-ти-лѣтняго мальчика, подвергшагося такой операціи лѣтъ пять назадъ. Языкъ былъ подрѣзанъ у корня и свободно болтался во рту, но мышцы его не могли принимать из-

вѣстнаго положенія, необходимаго для воспроизведенія того или другого звука; кромѣ грубаго «мм», онъ не говорилъ ничего. Оспа тамъ не переводится, вспыхивалъ иногда съ большой силой. Едва ли въ этомъ случаѣ китайцы будутъ оправдываться тѣмъ, что они уже пережили гуманное начало, завѣщанное намъ предыдущими вѣками, — я говорю объ оспопрививаніи, котораго они не знаютъ.

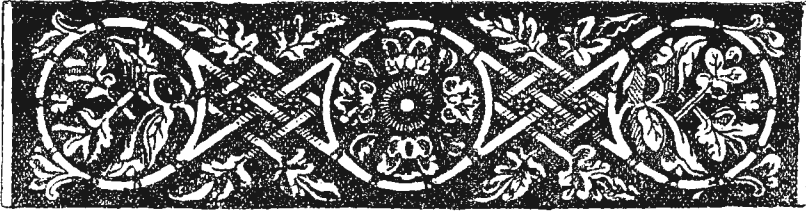
Жертвой такой вспышки въ одномъ изъ городовъ Сѣверной Маньчжуріи палъ нашъ товарищъ, 28-ми-лѣтній врачъ М. Г. Мались.

Что касается географическихъ условій описываемой мѣстности, ея климата и преобладающихъ вѣтровъ, то всѣ эти данныя даютъ полное право назвать эту страну континентальной. Несмотря на вѣчно ясное небо и ослѣпительное солнце, безснѣжная зима съ сухими сѣверо-восточными вѣтрами, несущими облака пыли, и тридцати-градусными морозами слишкомъ глубоко сковываетъ землю, такъ что двухъ весеннихъ мѣсяцевъ бываетъ недостаточно, чтобы она оттаяла и дала жизнь дремлющимъ въ ней зародышамъ растительнаго царства. При такихъ условіяхъ происходитъ быстрое отнятіе тепла отъ тѣла, и холодъ ощущается очень сильно. Въ эту пору суставные ревматизмы очень часты.

Напрасно бы вы ожидали «цвѣтущаго мѣсяца мая» въ томъ видѣ, какъ онъ появляется у насъ, не говоря уже о югѣ, но даже въ средней полосѣ, тамъ нѣтъ такого полнаго расцвѣта разнообразныхъ растений; всѣ они распускаются лишь исподволь, и только къ концу іюня сѣрая одноцвѣтная земля покрывается рѣдкой зеленью. Точно также овощъ: картофель и лукъ, которыхъ тамъ въ изобиліи, редиска, горохъ и проч., — все это поспѣваетъ лишь къ концу іюня или въ іюль. Но съ этихъ поръ начинается періодъ дождей и тянется мѣсяца два. Дожди бываютъ настолько сильны, что на разстояніи ста шаговъ за ливнемъ нельзя видѣть построекъ. Узкія улицы города, какъ желоба, наполняются водой, и по нѣсколькимъ часамъ сообщеніе по нимъ становится невозможнымъ. Низкія мѣста заливаются совершенно, какъ у насъ въ половодье, котораго тамъ весной не бываетъ, и обычное сообщеніе верхомъ или въ экипажѣ замѣняется временнымъ — на плотахъ, которые подгоняютъ, упираясь палками, полураздѣтые китайцы. Такія рѣзкія перемены атмосферныхъ явленій обуславливаютъ то, что въ этой странѣ озимые посѣвы не возможны: зерно безъ снѣжнаго покрова земли погибаетъ отъ мороза вмѣстѣ съ росткомъ, если бы таковой появился. Напротивъ яровые хлѣба культивируются съ успѣхомъ, и урожаи бываютъ хороши.

Далѣе къ востоку идутъ горы и лѣса, черезъ которые пробѣгаетъ желѣзная дорога для соединенія съ давно уже присоединеннымъ и плодороднымъ Уссурійскимъ краемъ.

Ф. Ястремскій.

ВЪ МАНЬЧЖУРИИ¹⁾.

III.

Главнѣйшіе центры «русскаго духа» въ Маньчжуріи.—Портъ-Артуръ, Дальній, Инкоу.—Мукденъ.—Императорскія могилы.—Гиринь.—Главнѣйшія черты китайской культуры.—Религія.—Государственный строй.—Административное управленіе.—Китайскій судъ.—Наиболѣе распространенные промыслы.—Торговый духъ китайцевъ.—Заключеніе.

КРОМѢ ХАРБИНА, главнѣйшими центрами русскаго духа въ Маньчжуріи являются другіе значительные города по линіи желѣзной дороги, и среди нихъ, понятно, первое мѣсто занимаетъ конечный пунктъ ея — Портъ-Артуръ. Расположенный на самомъ берегу прекрасной бухты, полуокруженной цѣпью довольно высокихъ горъ, Портъ-Артуръ съ моря представляетъ замѣчательно красивую картину съ его лѣпящимися по склонамъ этихъ горъ домиками. Въ самомъ городѣ, увы, это впечатлѣніе красоты совершенно вытѣсняется видомъ дѣйствительности—грязныхъ, узенькихъ улицъ, окаймленныхъ отвратительнѣйшими постройками—все, по большей части, «приспособленными» китайскими фанзами. Но зато какая жизнь кипитъ въ той изменной, грязной части города, гдѣ сосредоточена вся его торговая и дѣловая жизнь. Толкотня и давка здѣсь такая, что, кажется, нельзя пройти по улицѣ безъ того, чтобы не колотиться своими локтями о локти другихъ прохожихъ. Такое исключительное оживленіе Портъ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 952.

Артура, обусловленное выдающимся его торговымъ значеніемъ, объясняется, конечно, прежде всего портовымъ характеромъ и положеніемъ его, какъ пункта соединенія желѣзнодорожнаго и морского путей. Отсюда лежитъ путь въ Америку, въ Японію, въ китайскіе порты, въ Шанхай, Тянь-Цзинь, Чифу, Ханькоу, въ Корею, однимъ словомъ, здѣсь, на Востокѣ, всѣ дороги ведутъ на Портъ-Артуръ и черезъ Портъ-Артуръ. И тогда какъ, проѣзжая черезъ Харбинъ, какъ центральный пунктъ и узелъ желѣзнодорожныхъ линий, путешественники нерѣдко не выходятъ даже изъ вагона, оставаясь въ немъ въ теченіе тѣхъ 2 — 3 часовъ, которые стоитъ здѣсь поѣздъ, — въ Портъ-Артурѣ, наоборотъ, всѣ, кому нужно пересаживаться съ поѣзда на пароходъ или обратно, неминуемо проѣзжаютъ черезъ городъ, интересуются имъ, заѣзжаютъ въ магазины, оставляютъ тамъ свои деньги, а иногда и сами на нѣсколько дней останавливаются здѣсь, чтобы познакомиться съ этимъ, несомнѣнно, интереснѣйшимъ городомъ.

Впрочемъ, останавливаться въ Портъ-Артурѣ бываетъ не такъ-то легко по очень неприятой причинѣ: дѣло въ томъ, что существующихъ здѣсь гостиницъ, къ слову сказать, прескверно и грязно содержимыхъ, совершенно недостаточно для той массы народа, которая поневолѣ бываетъ принуждена ими пользоваться. Помню, въ ноябрѣ 1902 года, пріѣхавъ въ Портъ-Артуръ, я въ теченіе двухъ часовъ объѣзжалъ буквально всѣ гостиницы и не нашелъ ни малѣйшаго уголка, гдѣ бы могъ приткнуться на ночь, такъ что положительно не знаю, что сталъ бы дѣлать, если бы не повстрѣчался случайно съ однимъ знакомымъ, гостепріимно предложившимъ мнѣ свой кровъ.

Со временемъ, конечно, этотъ весьма важный недостатокъ порт-артурской жизни долженъ сгладиться по мѣрѣ того, какъ будетъ обстраиваться такъ называемый Новый городъ, то-есть новая часть его, гдѣ красуются уже зданія нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій, а также и вновь выстроенная гостиница, за которою послѣдуютъ, конечно, и другія. Ростъ этого Новаго города немало задерживается лишь отъ неопредѣленнаго положенія Портъ-Артура, созданнаго сооруженіемъ въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ города Дальняго.

— Помилуйте, — говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ коренныхъ портартурцевъ, — какъ же могутъ рядомъ два города расти и такъ, чтобы безъ ущерба другъ для друга. Вѣдь вы подумайте! Только начали портартурцы основываться, къ мѣсту привыкать, корни пускать, кто домá задумалъ строить, кто новую торговлю заводить, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, выросъ въ 47-ми верстахъ отъ насъ новый городъ Дальній. И вѣрно, что его шутя «Лишній» называютъ! Вѣрно! Злая, жестокая это шутка, но вѣрная.

— Но, позвольте, если не ошибаюсь, имѣлось въ виду создать къ Дальнему спеціальныи коммерческій портъ.

— Эхъ, батенька, помилуйте, какой тамъ спеціальный коммерческій портъ. Вы только подумайте. Мы вѣдь не у себя гдѣ нибудь въ дѣдинѣ или въ вотчинѣ родительской. Вѣдь «онъ»-то каждую минуту нагрязнуть можетъ. Предположимъ, что оборудуютъ Дальній дѣйствительно такъ, какъ этого хотятъ, то-есть будетъ это первоклассный коммерческій, спеціальный коммерческій портъ. А въ одну прекрасную ночь подойдетъ «онъ» къ этому спеціальному коммерческому порту, да начнетъ по немъ спеціально военными артиллерійскими снарядами жарить, да такую канонаду подниметь, что этотъ самый портъ со всѣхъ концовъ, какъ хлопокъ, подожжетъ, а жителямъ останется только сидѣть съ голыми руками да любоваться канонадою.

— Да, но вѣдь, кажется, предполагается и Дальній укрѣпить?

— Вотъ-те разъ! Тогда зачѣмъ же было Портъ-Артуръ строить, на него милліоны ухлопывать, зарывать ихъ въ землю? Какъ будто бы ужъ въ самомъ дѣлѣ коммерческій и военный портъ не могутъ ужиться другъ съ другомъ? А главное, хоть бы кончилось это чѣмъ. А то теперь ни Портъ-Артуръ не обстраивается, какъ слѣдуетъ — все боятся, что Дальній его забудетъ, ни Дальній не устраивается—боятся, что въ случаѣ чего въ немъ, какъ въ открытомъ полѣ, будешь.

— Не знаю, а мнѣ говорили, что Дальній обстраивается.

— А вотъ побываете тамъ, увидите. То-есть, конечно, онъ обстраивается. И навѣрное онъ вамъ лучше Портъ-Артура покажется. Только жизни въ немъ нѣтъ. Такъ-то онъ красивъ, что твоя игрушечка. Знаете, въ родѣ небольшихъ дачныхъ городковъ, какіе бываютъ въ окрестностяхъ Берлина или Дрездена. Только ужъ какой это спеціально-коммерческій портъ!

— Да, но чего вы хотите? Вѣдь Дальній еще такъ молодъ. Современемъ значеніе его можетъ сильно возрасти.

— Конечно, конечно. Особенно имѣя въ виду, съ какимъ вниманіемъ къ нему относится Маньчжурская желѣзная дорога. У насъ положительно острятъ, что Портъ-Артуръ это дитя отъ перваго брака — пасынокъ, а Дальній — настоящій любимецъ, родной сынъ. Вѣдь вы знаете, чего только не дѣлаютъ, чтобы поднять значеніе Дальняго. Раньше Портъ-Артуръ считался конечнымъ пунктомъ дороги, до него были расчитаны всѣ тарифы, провозныя платы, въ немъ находилось мѣстное управленіе желѣзной дороги. Теперь все, все въ Дальнемъ. Мало того, чтобы направить грузы на Дальній въ ущербъ Владивостоку, который ужъ совсѣмъ чужое дитя, подкидывшъ, дѣлаютъ такія дѣла. Отъ Харбина, скажемъ, почти одинаковое разстояніе и до Владивостока и до Дальняго. А тарифныя ставки расчитываются такъ, что за провозъ груза отъ Владивостока до Харбина берутъ приблизительно въ полтора и два раза больше, чѣмъ отъ Дальняго до Харбина. Понятно,

тамъ кое-что можно сдѣлать и сдѣлаюгъ, вѣроятно, со временемъ; но пока Дальній—это только игрушка, кукла, которая къ тому же пока еще ни папа, ни мама не говорить. Да вотъ увидите, когда сами побываете.

Когда мнѣ послѣ Портъ-Артура пришлось побывать въ Дальнемъ, то я убѣдился, что въ словахъ моего собесѣдника было немало правды. Дальній дѣйствительно производитъ прекрасное впечатлѣніе своею блестящею чистотою, изящнымъ типомъ архитектуры своихъ построекъ, хорошими мостовыми и вообще образцовымъ благоустройствомъ. Но зато въ смыслѣ торговаго оживленія Дальній безусловно по всей линіи уступаетъ Портъ-Артуру. Да оно и понятно. До тѣхъ поръ пока Дальній не будетъ, быть можетъ, представлять собою болѣе или менѣе крупный, хотя и искусственно созданный центръ, пока въ немъ не увеличится значительно населеніе, для здѣшнихъ торговыхъ фирмъ, уже обосновавшихся въ Портъ-Артурѣ, въ разстояніи всего какихъ нибудь двухъ часовъ ѣзды отъ Дальняго, нѣтъ расчета открывать въ немъ свои особые отдѣленія, такъ какъ дальнинцы и безъ того, пользуясь близостью Портъ-Артура и сравнительнымъ удобствомъ сообщенія съ нимъ, легко могутъ запасти въ себѣ необходимымъ во время своихъ довольно частыхъ поѣздокъ сюда. Поэтому между Портъ-Артуромъ и Дальнимъ всегда, въ особенности въ праздничные дни, происходитъ непрерывный приливъ и отливъ сосѣдей. Дальнинцы ѣздятъ въ Портъ-Артуръ навѣстить знакомыхъ, закупить все необходимое, а портъ-артурцы въ свою очередь любятъ ѣздить въ Дальній, отдохнуть отъ шумной, дѣловой артурской жизни, и, благодаря этому, за Дальнимъ еще болѣе упрочивается физіономія какого-то дачнаго пригорода.

Кромѣ Портъ-Артура, у Дальняго есть еще одинъ очень серьезный соперникъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Это—Инкоу, или, какъ его иначе называютъ, Ньчжуанъ, имѣющій за собою преимущество старшинства, такъ какъ онъ уже давно пользуется громаднымъ торговымъ значеніемъ.

Когда въ Маньчжуріи еще не было никого изъ иностранцевъ, положеніе этого города у устья мощной многоводной рѣки Ляо-хэ создало ему исключительное значеніе крупнаго торговаго центра. Ляо-хэ настолько многоводна и глубока, что даже суда съ самою глубокою осадкою, громадные военные броненосцы свободно въ нее входятъ и бороздятъ ея воды. Положеніе Инкоу при устьѣ такой рѣки само по себѣ обезпечиваетъ ему сохраненіе его важнаго торговаго значенія, которое за послѣднее время еще болѣе усилилось, благодаря проведенію двухъ желѣзныхъ дорогъ—Маньчжурской и Инкоу-Пекинской, для которыхъ онъ служитъ соединительнымъ пунктомъ. Отсюда до Пекина—однѣ сутки ѣзды даже тѣмъ черепашьимъ шагомъ, которымъ ходятъ здѣсь поѣзда съ китайскими

машинистами и поѣздною прислугою. Когда мнѣ пришлось ѣхать по этой дорогѣ въ Пекинъ и обратно, то мы ѣздили даже въ каждый конецъ по двое сутокъ, благодаря тому, что поѣздъ шель только днемъ, а почевать мы останавливались на половинѣ дороги въ Шанхайгуанѣ. Это было вскорѣ послѣ передачи нами дороги, занятой во время боксерскаго движенія, въ руки китайской администраціи, которая, вѣроятно, была еще недостаточно увѣрена ни въ прочности пути, ни въ его безопасности, ни наконецъ въ своемъ искусствѣ и умѣньѣ обходиться съ дорогою. На станціяхъ еще виднѣлись надписи съ русскими ихъ названіями, во многихъ мѣстахъ уже уступившими впрочемъ мѣсто надписямъ на англійскомъ языкѣ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, находящимся въ составѣ администраціи дороги англичанамъ.

Кстати сказать, если, какъ говорятъ, въ дѣйствительности англичане являются настоящими заправилами на этой дорогѣ, то порядки, на ней господствующіе, отнюдь не дѣлаютъ имъ чести. Достаточно сказать, что ѣзда по этой дорогѣ сопряжена съ гораздо большими неудобствами, чѣмъ по Маньчжурской желѣзной дорогѣ. Я уже не говорю о китайцахъ, которыхъ дорога въ концѣ ноября мѣсяца въ довольно таки прохладное время возила на открытыхъ платформахъ, вмѣстѣ съ лошадьми и другими животными. Но даже такъ называемый здѣсь первый классъ для иностранцевъ это нѣчто ужасное. Представьте себѣ вагонъ, внутри совершенно пустой, вдоль стѣнъ котораго идутъ узенькія деревянныя лавочки, да, именно «лавочки», а не скамейки—вотъ и вся меблировка вагона. Единственное мѣсто, гдѣ возможно сидѣть,—это отдѣленіе вагона, гдѣ помѣщается ресторанъ. Хорошо, что хоть въ этомъ проявляется англійская любовь къ комфорту. Но зато и кормятъ же въ этомъ ресторанѣ! Кажется, трудно представить себѣ что либо худшее, чѣмъ тѣ произведенія кулинарнаго искусства, которыя являются результатомъ скрещенія двухъ отвратительнѣйшихъ въ мірѣ кухонь—англійской и китайской.

Остается прибавить ко всему этому, что отопленіе вагоновъ на этой ужаснѣйшей въ мірѣ желѣзной дорогѣ производится при посредствѣ желѣзной печки самой первобытной системы, около которой приходится испытывать такое ощущеніе, какое, вѣроятно, переживалъ Іоганнъ Гуссъ и другіе праведники, когда благочестивые вѣрующіе подкладывали дрова въ разведенный подъ ними костеръ. А отойти отъ печки тоже нельзя, потому что изъ дверей и изо всѣхъ щелей такъ дуетъ, что уже на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ отъ костра зубъ на зубъ не попадаетъ.

При такихъ условіяхъ понятно, что путешествіе по этой желѣзной дорогѣ никакого удовольствія не представляетъ. Интересныхъ зрѣлищъ или развлеченій оно также не даетъ или, по крайней мѣрѣ, не давало въ то время, когда мнѣ пришлось про-

ѣзжать здѣсь, вскорѣ послѣ событій 1900 года, когда этотъ край, бывший главнымъ театромъ недавнихъ военныхъ дѣйствій, представлялъ собою сплошную пустыню, усѣянную, какъ тѣло прокаженного язвами, маленькими бугорками, подъ которыми погребены тысячи и десятки тысячъ китайцевъ—безвѣстныхъ жертвъ 1900 года. Единственное, правда, очень скромное и довольно таки однообразное развлеченіе представляетъ развѣ только видъ шеренги китайскихъ солдатъ, выстраивающихся на пустынныхъ по большей части, какъ и весь этотъ край, дебаркадерахъ станцій при проходѣ каждаго поѣзда. Зрѣлище это воистину курьезно. Приближаясь къ станціи, можно видѣть изъ окна вагона, какъ изъ стоящаго въ сторонѣ зданія казармы выбѣгаютъ десятка два какихъ-то странныхъ фигуръ, съ чалмами на головахъ, съ ружьями въ одной рукѣ, придерживая другою болтающіеся у нихъ на пояскомъ ремнѣ длиннѣйшіе палаши. Вся эта орава выстраивается на томъ мѣстѣ дебаркадера, противъ котораго долженъ остановиться вагонъ перваго класса съ иностранцами, и при остановкѣ поѣзда, а также и при отходѣ его, по командѣ своего офицера продѣлываетъ довольно нескладно ружейные приемы. Эта операція, вѣроятно, имѣетъ цѣлью показать «бѣлымъ дьяволамъ», какъ далеко ушли впередъ отъ 1900 года въ военномъ искусствѣ китайскіе воины, которые въ своихъ длинныхъ мѣшковатыхъ платьяхъ съ чалмами на головахъ и безъ всякой растительности на лицѣ производятъ скорѣе впечатлѣніе «старыхъ бабъ» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ воиновъ. И, глядя на ихъ мѣшковатыя платья, остается удивляться, конечно, не тому, какъ могли они въ нихъ сражаться и оказывать сопротивление, а скорѣе тому, какъ могли они спастись въ нихъ отъ преслѣдованія побѣдителей послѣ сраженія. Невольно приходитъ на умъ, что и это съ виду столь ничтожное обстоятельство, пожалуй, немало способствовало увеличенію числа тѣхъ маленькихъ бугорковъ земли, отъ которыхъ здѣсь буквально въ глазахъ рябитъ.

Сравнительно больше разнообразія представляетъ участокъ дороги отъ Шанхайгуаня до Тянь-Цзина, благодаря присутствію на станціяхъ офицеровъ и солдатъ чуть ли не всѣхъ армій міра: тутъ и черномазые, низенькіе, щеголеватые японцы, съ цестрыми желтыми околышами и выпушками, и громадные, черные сипаи, какъ будто бы обмотанные съ головы до ногъ въ свою одежду, и дюжіе, выпячивающіе грудь нѣмцы съ торчащими кверху усами, и тоненькіе, вертлявые французы, и наконецъ наши калужскіе и тамбовскіе мужички въ своихъ скромныхъ сѣрыхъ шинелькахъ, жадно приглядывающіеся ко всему, что они видятъ здѣсь вокругъ себя въ совершенно необычайной новой обстановкѣ.

Однако... это уже не Маньчжурія, и потому возвращаюсь къ Инкоу, описаніе котораго невольно увлекло меня на Инкоу-Це-

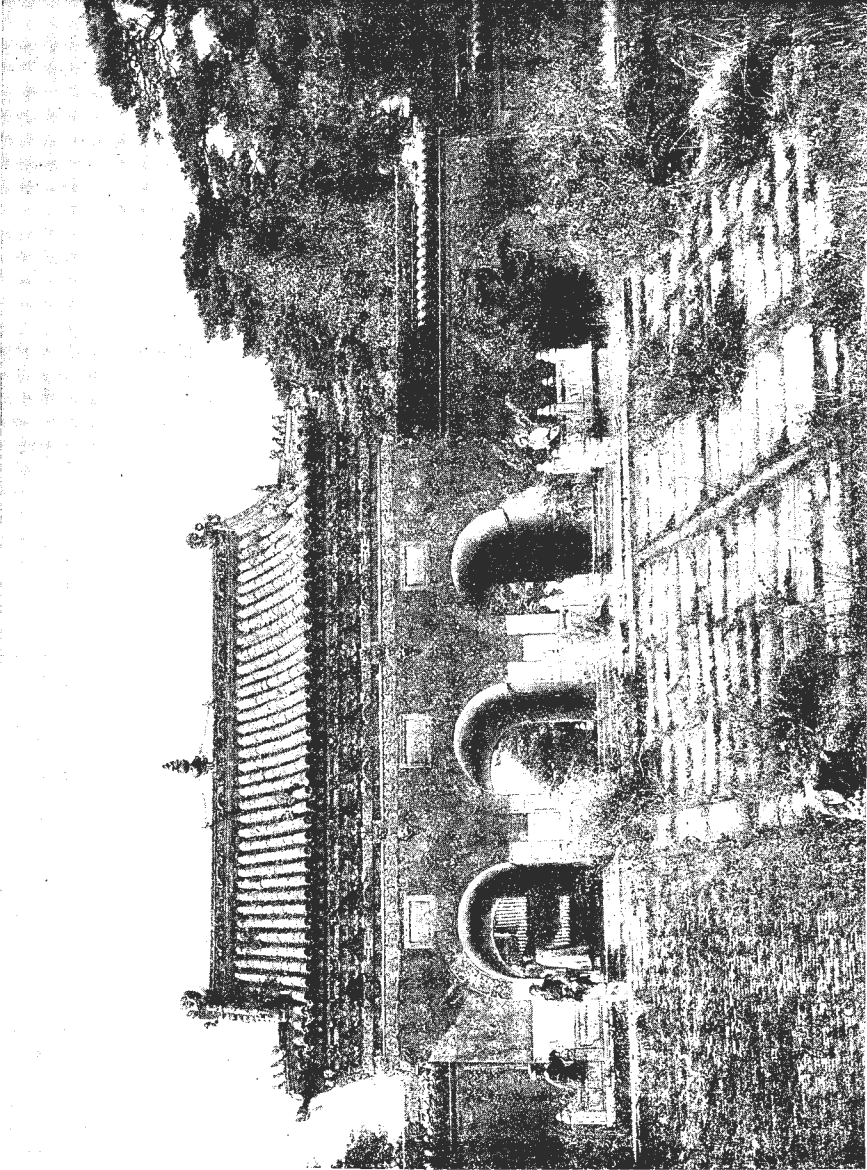
Китајскія войска.

кинскую желѣзную дорогу, соединяющуюся здѣсь съ нашею Маньчжурскою магистралю. Впрочемъ, соединеніе это существуетъ не въ видѣ одного непрерывнаго пути: обязанности соединительнаго пути исполняются тою же рѣкою Ляо-хэ, которая и кормить и поить Инкоу. Въ обычное время переправа черезъ нее производится при посредствѣ катеровъ и представляетъ даже нѣкоторое удовольствіе. Но бываютъ одна-двѣ недѣли въ году, когда переправа эта можетъ представлять удовольствіе развѣ только для любителей очень сильныхъ ощущеній, сопряженныхъ съ опасностью жизни. Это бываетъ позднею осенью и раннею весною, во время ледохода по Ляо-хэ, которая замерзаетъ лишь на очень короткое время. Благодаря быстрому теченію рѣки, льдины плывутъ по ней съ необычайною стремительностью и на пути своемъ увлекаютъ все, что имъ попадется навстрѣчу. Переправа при такихъ условіяхъ довольно затруднительна тѣмъ болѣе, что нелегко найти среди здѣшнихъ китайцевъ-рыболововъ смѣльчака, который рѣшился бы переплывать рѣку, пользуясь для этого какимъ нибудь 10—15-минутнымъ промежуткомъ времени между приливомъ и отливомъ въ устьѣ рѣки, такъ какъ на это время движеніе льдинъ, если и не прекращается совершенно, то во всякомъ случаѣ значительно замедляется.

Когда я пріѣхалъ въ Инкоу изъ Пекина, то по необходимости пришлось продѣлать эту переправу, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы прожить недѣлю—двѣ на пустынномъ южномъ берегу Ляо-хэ, гдѣ, кромѣ коменданта и нѣсколькихъ солдатъ, ни одной живой души нѣтъ, и, въ ожиданіи, пока рѣка станетъ, любоваться видомъ уходящихъ съ противоположнаго берега поѣздовъ на сѣверъ Маньчжуріи, куда мнѣ надо было ѣхать.

Съ трудомъ удалось розыскать китайцевъ, которые согласились рѣшиться на переправу. Когда мы съ комендантомъ, которому я обязанъ былъ этою услугою, подошли къ берегу, они копошились тамъ въ своей громадной лодкѣ, такъ называемой шампункѣ, съ длиннѣйшими баграми и веслами въ рукахъ, которыми они тщательно работали для того, чтобы удержать на мѣстѣ лодку, уносимую сильнымъ теченіемъ. Кое-какъ усѣлись мы въ шампунку; гребцы удерживали ее еще нѣкоторое время на мѣстѣ, а затѣмъ, выбравъ моментъ, по ихъ мнѣнію, представлявшійся благопріятнымъ для того, чтобы начать наше плаваніе, двинулись въ путь, и наша ладья тронулась внизъ по теченію для того, чтобы выбраться на чистое мѣсто, гдѣ льдинъ было меньше. Но не успѣли мы проѣхать и нѣсколькихъ десятковъ саженъ, какъ навстрѣчу намъ показалась громадная льдина, которую съ страшною силою несъ приливъ прямо на нашу лодку. Китайцы начали работать и веслами и баграми, направляя лодку такъ, чтобы спрятать ее за находившейся, къ счастью, на этомъ мѣстѣ небольшою при-

станью у берега, и едва успѣли мы выскочить на сушу, какъ льдина нагрянула на эту пристань, изломала ее въ щепы и, конечно, унесла бы съ собою и нашу лодку, если бы всѣ мы, взя-

Ворота у императорскихъ могилъ въ Мукденѣ.

вшись за канаты, не удержали ея противъ напора льдины, значительно ослабленнаго уже ударомъ о пристань. Послѣ этого сплошное движеніе льдинъ какъ-то сразу прекратилось, и тогда,

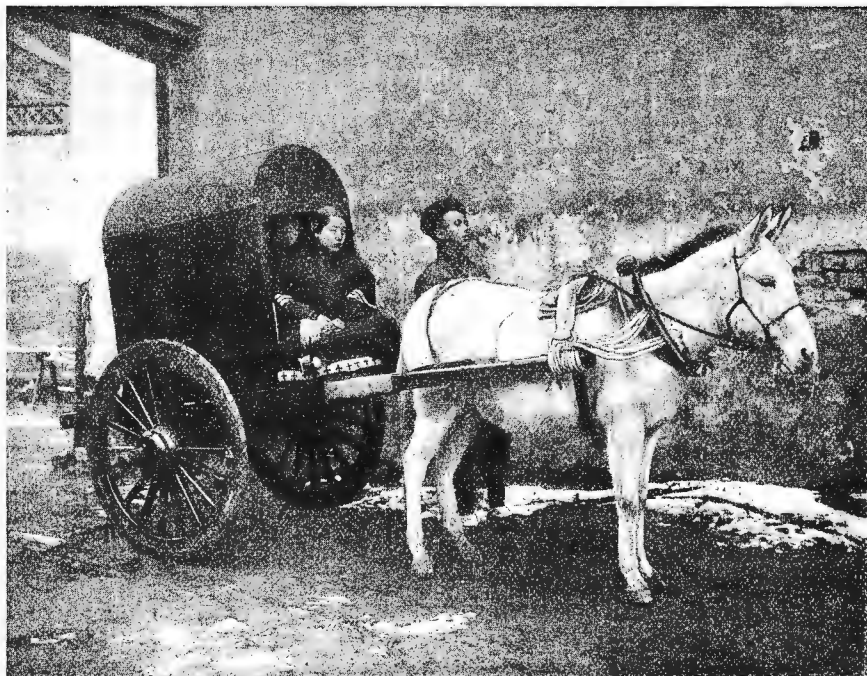
вскочивъ въ лодку, мы снова пустились въ дальнѣйшій путь. Безпрестанно лавируя между отдѣльными льдинами, во множествѣ окружавшими нашу утлую ладью, послѣ безчисленныхъ поворотовъ и остановокъ, мы наконецъ благополучно пристали къ противоположному берегу.

Въ Инкоу мнѣ пришлось оставаться недолго, но все-таки удалось настолько осмотрѣть его, чтобы можно было составить себѣ о немъ нѣкоторое болѣе или менѣе ясное впечатлѣнiе. Оно многимъ разнится отъ того, какое производятъ, напримѣръ, Портъ-Артуръ, Дальнiй и тѣмъ болѣе Харбинъ, т. е. собственно русскiе города. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ русскiй элементъ является даже численно преобладающимъ, въ Инкоу частныхъ лицъ русскихъ собственно очень мало. Изъ русскихъ на улицѣ встрѣчаешь только нашихъ солдатиковъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, то проходящихъ патрулями небольшими отрядами, то въ одиночку стоящихъ на углахъ улицъ въ качествѣ полицейскихъ, такъ какъ здѣсь дѣйствуетъ русская полицейская власть во главѣ съ градоначальникомъ. И тутъ, какъ и повсюду въ Маньчжурiи, это подчиненiе города русской администраци не только не вызывало среди населенiя какого нибудь недовольства, а наоборотъ даже пришлось ему исполнѣ по вкусу. Особенно мѣстные китайскiе кушцы, которые составляютъ здѣсь преобладающiй классъ населенiя, были прiятно поражены, когда прежнiе неограниченные поборы, существовавшiе при китайской системѣ управленiя, смѣнились умѣренными сборами, примѣненiе которыхъ къ тому же у всѣхъ на глазахъ, такъ какъ на эти сборы заведено въ городѣ освѣщенiе, производится чистка улицъ и дворовъ и принимаются другiя мѣры порядка и благоустройства. Тѣ, кто бывалъ въ Инкоу до занятiя его нами, говорятъ, что теперь его узнать нельзя—такую чистоту и порядокъ завели на улицахъ наши доморощенные полицейскiе солдатики.

Инкоу сообщается съ Маньчжурскою магистралью при посредствѣ небольшой желѣзнодорожной вѣтки, соединяющейя съ нею на станци Ташичао, откуда около сутокъ ѣзды въ сѣверномъ направленiи до китайской столицы Маньчжурiи—Мукденя, представляющаго большой интересъ для путешественниковъ, благодаря находящимся вблизи его знаменитымъ императорскимъ могиламъ.

Въ то время, когда я путешествовалъ по Маньчжурiи, желѣзная дорога еще не подходила, какъ теперь, къ самому городу, такъ что, подѣзжая къ Мукденю въ 4 часа ночи, я безъ особеннаго удовольствiя думалъ о предстоявшемъ мнѣ еще путешествiи отъ станци до города. Къ счастью, на станци меня ждали двое казаковъ съ присланной для меня лошадыю, и это, по крайней мѣрѣ, разрѣшило для меня вопросъ о средствахъ передвиженiя, весьма жгучiй въ этихъ краяхъ, гдѣ о какихъ нибудь наемныхъ

экипажахъ или даже телѣгахъ не можетъ быть и рѣчи, если только, конечно, не считать тѣхъ орудій пытки, которыя представляютъ собою китайскія телѣги, такъ называемыя фудутунки. Ихъ всегда здѣсь масса, и владѣтели ихъ и на этотъ разъ во множествѣ появились на станціи, каждый съ разноцвѣтными китайскими фонариками въ рукахъ—цѣлое море фонариковъ, и надъ этимъ моремъ

Китайскій извозчикъ.

смѣшанный разнотонный гулъ голосовъ, то утихающій, то усиливающійся, какъ звуки волны по мѣрѣ ея близости къ берегу.

Казаки сбѣявили, что надо подождать до разсвѣта, чтобы пуститься въ путь, и я, на половину только проснувшись, прошелъ въ зданіе вокзала, чтобы тамъ переждать это время. Небольшое неказистое строеніе снаружи, внутри вокзалъ былъ совсѣмъ, какъ обыкновенный вокзалъ на маленькой станціи гдѣ нибудь и не въ Маньчжуріи. Вся обстановка его была точно такая же, кака я обыкновенно бываетъ на этихъ станціяхъ. Прикрученныя пузатыя лампы такъ же копѣлки, на столахъ такъ же красовались неизбѣжныя вазы съ искусственными цвѣтами, и какой-то полусонный офицеръ такъ же стучалъ ложечкою по стакану для того, чтобы привлечь вниманіе полусаснувшаго лакея съ номеркомъ въ

петлицѣ пиджака, и такъ же кричалъ на него, кажется, больше для того, чтобы разогнать сонъ.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, мы выѣхали, и весь сонъ мой, какъ рукой, сняло. Утро было прекрасное, не холодное, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ ноябрь мѣсяцъ, и я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя прекрасный свѣжій воздухъ, любуясь развернувшейся передо мною красивою панорамою природы Южной Маньчжуріи. Незамѣтно проѣхали мы 20 верстъ нашего пути, когда передъ нами показался городъ, открывшійся какъ-то совершенно неожиданно. Это, кажется, особенность всѣхъ вообще здѣшнихъ городовъ, что они расположены въ низменномъ немного мѣстѣ, къ которому ведетъ совершенно пологій спускъ, такъ что городъ показывается только тогда, когда подъѣзжаешь къ нему чуть ли не вплотную.

Мѣстность, въ которой расположенъ самый городъ, не отличается, однако, особою красотой и не можетъ сравниться по живописности съ мѣстоположеніемъ и панорамою другой китайской столицы Маньчжуріи — Гирина. Мѣсто совершенно ровное—ни горъ, ни рѣки. И городъ построенъ какъ-то казарменно, слишкомъ правильно, въ видѣ двухъ правильныхъ, расположенныхъ одинъ въ другомъ, четырехугольниковъ. Во внутреннемъ помѣщается дворецъ цзянь-цзюня и присутственныя мѣста; это—мѣстный кремль, дворецъ и крѣпость. Теперь этотъ городъ занятъ нашими войсками; здѣсь помѣщается квартира командира южно-маньчжурскаго отряда, штабъ отряда, различныя канцеляріи и расквартирована часть войскъ, расположенныхъ въ Мукденѣ; у воротъ стоятъ наши орудія и часовые, мимо которыхъ снуютъ шумная китайская толпа, видимо, до того свыкшаяся съ этою новою обстановкою и новыми лицами, что видъ ихъ не привлекаетъ къ себѣ ничего вниманія.

Главнѣйшею достопримѣчательностью Мукденя являются знаменитыя императорскія могилы, посѣщеніе которыхъ представляетъ дѣйствительно немалый интересъ. Начинаясь отъ наружныхъ воротъ, устроенныхъ въ громадной стѣнѣ, длинная аллея, густо обсаженная съ обѣихъ сторонъ многовѣковыми деревьями, приводитъ къ внутреннимъ воротамъ, у которыхъ приходится выйти изъ экипажа и продолжать путь пѣшкомъ. Входъ черезъ эти ворота ведетъ во внутренній дворъ, также громадныхъ размѣровъ, сплошь вымощенный крупными каменными плитами; среди него проходъ, образуемый стоящими по бокамъ колоссальными каменными изображеніями различныхъ животныхъ—слоновъ, верблюдовъ, муловъ, лошадей и другихъ. Въ концѣ прохода круглое зданіе—храмъ, гдѣ находится также каменное громадное изображеніе черепахи, на которой, по китайскимъ вѣрованіямъ, чуть ли не свѣтъ стоитъ. Позади этого храма, по сторонамъ котораго на-

ходятся другіе, открытые храмы, высится гигантскихъ размѣровъ искусственный холмъ, насыпанный надъ могилой Нурхади—родоначальника царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи. Высота этого холма, вышиною въ 5—6 этажей, еще болѣе увеличивается отъ увѣнчивающаго его многовѣковаго дуба, настолько широко раскинувшаго свои густыя листовныя вѣтви, что, кажется, будто на холмѣ раскинутъ громадный зеленый шатеръ.

Отъ посѣщенія императорскихъ могилъ остается какое-то смутное и смѣшанное впечатлѣніе: невольно думается о переменчивости судебъ при мысли о томъ, что находишься въ мѣстѣ, почитаемомъ китайцами чуть ли не за «святая святыхъ» ихъ истории; страннымъ кажется, что въ это мѣсто, куда теперь такъ доступенъ входъ для всѣхъ и cadaго, до послѣднихъ лѣтъ не ступала нога не только европейца, но даже и профана-китайца, и, переѣзжая черезъ проложенные уже вблизи могилъ рельсы желѣзной дороги, нельзя не подумать о могучей силѣ культуры, которая не хочетъ, не можетъ допускать существованія скрытыхъ отъ нея тайнъ и властной рукою срываетъ съ нихъ густую завѣсу.

Обратный путь изъ Мукдена до желѣзной дороги я, по совѣту здѣшнихъ своихъ знакомыхъ, совершилъ не на лошадяхъ, а по вновь пролагавшейся уже въ то время желѣзнодорожной вѣтви, которая должна была спрямить прежній обходный путь у Мукдена. Мнѣ легко удалось это, благодаря любезности здѣшнихъ желѣзнодорожниковъ, предоставившихъ въ мое распоряженіе дрезину съ четырьмя рабочими-китайцами, которые должны были доставить меня на сосѣднюю станцію Суй-фуи-тунъ къ двумъ часамъ ночи, когда черезъ нее проходилъ поѣздъ на Харбинъ. На описаніи этого путешествія я позволю себѣ ненадолго остановиться, такъ какъ, думается мнѣ, оно можетъ служить также до известной степени иллюстраціею къ общему вопросу о характерѣ китайцевъ и объ отношеніи ихъ къ русскимъ въ Маньчжуріи.

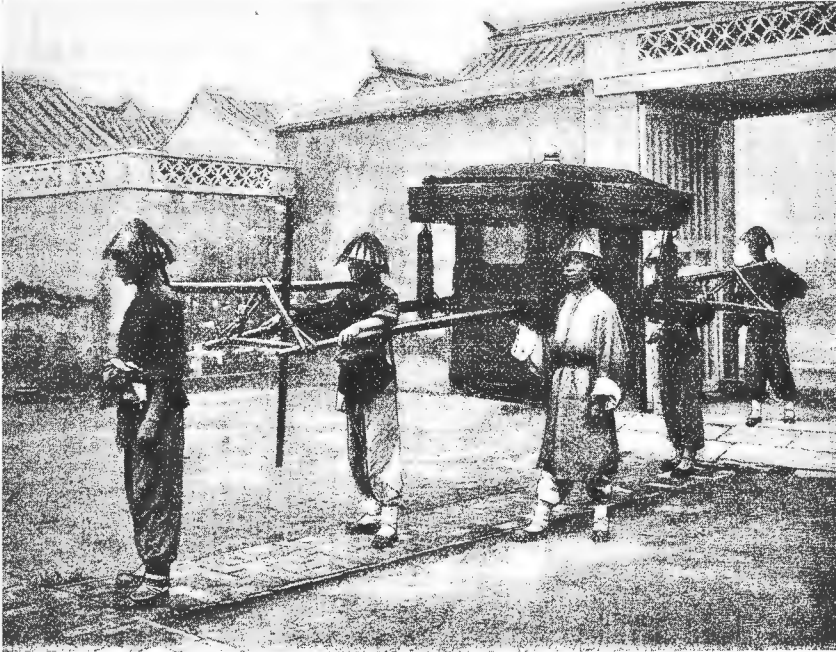
Сначала ѣхать было хорошо, хотя дрезина мнѣ попалась невозможная. Не дрезина, а просто, одна идея дрезины. Четыре колеса, а на нихъ укрѣплено нѣсколько досокъ, образующихъ площадку, на которой спереди сидѣлъ, свѣсивъ внизъ ноги, вашъ покорнѣйшій слуга, а съ боковъ и сзади четверо «манъ» съ длинными шестами, которыми они работали положительно, какъ веслами, отталкиваясь ими попеременно отъ земли, отчего наше движеніе совершенно походило на плаванье, иллюзія котораго еще болѣе поддерживалась гулкимъ рокотомъ рельсовъ, напоминавшихъ шумъ небольшихъ волнъ. Только отѣхавъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, я невольно началъ задумываться надъ тѣмъ, въ какой степени безопасность моего путешествія равняется его пошлости. Какъ хотите, а почувствовать себя въ открытомъ полѣ ночью на дрезинѣ въ

обществѣ четырехъ совершенно неизвѣстныхъ китайцевъ, не имѣя при себѣ никакого оружія (револьверъ свой я потерялъ при переправѣ черезъ Ляо-хэ), ощущеніе довольно все-таки сильное. Невольно приходило на мысль то весьма простое соображеніе, что моимъ спутникамъ, въ сущности, ничего не стоитъ, польстившись на мои деньги, наличность которыхъ они не могли не подозрѣвать, зная, что я человѣкъ дорожный, оглушить меня хоть тѣми же самыми шестами, при помощи которыхъ они съ такою ловкостью приводили въ движеніе дрезину, обобратъ меня, какъ липку, а затѣмъ разсыпаться въ разныя стороны—и поминай ихъ, какъ звали, а то и просто устроить для виду крушеніе дрезины и потомъ даже не бѣжать и сохранить за собою свои мѣста ремонтныхъ рабочихъ. Пока еще свѣтила луна, и было свѣтло, настроеніе мое было сравнительно сносное. Но по мѣрѣ того, какъ луна стала садиться за деревья, оно все болѣе портилось, а когда она скрылась, и насъ охватила полнѣйшая темнота, стало какъ-то совѣмъ жутко.

Когда мы проѣзжали желѣзнодорожный мостъ, на которомъ стояли часовые солдаты пограничной стражи, то видъ ихъ въ полномъ боевомъ снаряженіи какъ будто бы еще разъ напомнилъ мнѣ объ опасностяхъ обстановки, которая окружала меня въ этой полудикой странѣ, въ обществѣ чуждыхъ полудикихъ людей. На минуту мелькнула даже мысль, не остановиться ли здѣсь и попросить у начальника отряда, расположеннаго вблизи этого моста, одного, двухъ провожатыхъ, или даже не переночевать ли здѣсь и затѣмъ продолжать свой путь днемъ при свѣтѣ солнца, когда всѣ предметы и самая опасность не кажутся, какъ ночью, большими, чѣмъ они есть въ дѣйствительности, когда, наконецъ, и самой опасности можно смотрѣть хоть прямо въ глаза.

Однако, пока я думалъ объ этомъ, мы уже миновали мостъ и быстро неслись дальше среди мертвой тишины ночи, нарушавшейся лишь однообразнымъ звукомъ движенія дрезины. Понемногу я уже началъ было успокаиваться, какъ вдругъ въ напряженномъ слухѣ моемъ стали отдаваться между этими размѣренными звуками какіе-то другіе, похожіе на нихъ, и такіе же мѣрные, но болѣе глухіе. Какъ молнія блеснула въ головѣ мысль, что это должно быть ѣдетъ навстрѣчу намъ другая дрезина, и что, значитъ, если она на полномъ ходу нагрянетъ на нашу, то послѣдствія этого столкновенія могутъ быть самыя печальныя. Какъ можно скорѣе я убралъ на площадку свои ноги, и началъ всѣми имѣвшимися въ моемъ распоряженіи средствами языка и жестовъ указывать своимъ «манзамъ», чтобы они остановили нашу дрезину. Къ счастью, китайцы довольно скоро поняли меня, задержали дрезину, а одинъ изъ нихъ побѣждалъ впередъ предупредить и встрѣчную дрезину, чтобы она остановилась, и она дѣйствительно остановилась на разстояніи какихъ нибудь десяти шаговъ

отъ нашей. Одинъ изъ бывшихъ на ней китайцевъ ломанымъ русскимъ языкомъ объяснилъ мнѣ, что они днемъ также отвозили на станцію одного русскаго «капитана» и теперь возвращаются въ Мукдень, и предложилъ намъ, во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ, обмѣняться дрезинами. Мы такъ и сдѣлали и продолжали нашъ путь уже на новой дрезинѣ. Не знаю, было ли это впечатлѣніе только что пережитой опасности столкновения, или же сознаніе общности ея какъ для меня, такъ и для сопровождав-

Китайскій паланкинъ.

шихъ меня китайцевъ, но только теперь какъ-то мысль о возможности опасности съ ихъ стороны совсѣмъ оставила меня, и я ѣхалъ сравнительно спокойно, довольный, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что новая наша дрезина была настоящая, приводилась въ движеніе рычагомъ, а не шестами, и поэтому двигалась гораздо скорѣе прежней. Когда показались первыя стрѣлки, предвѣстницы непосредственной близости станціи, я вздохнулъ уже вздохомъ полного облегченія, а, очутившись въ вагонѣ, заснулъ, какъ убитый, и во снѣ видѣлъ китайцевъ—моихъ спутниковъ, которые упрекали меня за мое къ нимъ недовѣріе.

Изъ Мукденя я проѣхалъ въ Гиринь, гдѣ мнѣ пришлось прожить довольно долгое время, такъ что во время пребыванія въ

этомъ городѣ, среди преобладающаго китайскаго населенія, удалось ближе познакомиться съ его характерными особенностями.

Путешествіе въ Гиринь сопряжено съ еще большими трудностями, чѣмъ въ Мукденъ, такъ какъ для того, чтобы добраться до него, приходится проѣхать на лошадяхъ 125 верстъ, отдѣляющихъ его отъ желѣзнодорожной станціи Куанченцзы. Здѣсь мнѣ впервые пришлось познакомиться со всѣми прелестями ѣзды по маньчжурскимъ дорогамъ, пользуясь мѣстными средствами передвиженія. Отъ станціи Куанченцзы до города пришлось проѣхать даже въ китайской телѣгѣ, представляющей собою сооруженіе настолько же несложное, насколько мучительное для того, кому придется имъ пользоваться: на двухъ высокихъ тяжелыхъ колесахъ положены доски, надъ которыми сдѣланъ навѣсъ въ видѣ собачьей конуры; сидѣнья никакого нѣтъ, а приходится сидѣть просто, какъ на полу, вытянувши ноги во всю длину; въ «экипажъ» запряжена одна лошадь въ оглобли и впереди еще нѣсколько муловъ. Возница управляетъ этою запряжкой безъ вожжей, единственно лишь при помощи длиннаго бамбуковаго бича, отъ ударовъ котораго животныя мечутся въ стороны, всякій разъ выбрасывая арбу изъ ея колесъ. Понятно, что каждый такой поворотъ недешево обходится бокамъ несчастнаго сѣдока; положительно кажется, какъ будто рядомъ съ вами сидитъ кто нибудь съ увѣсистою дубиною въ рукахъ и при малѣйшемъ уклоненіи отъ колесъ начинаетъ васъ немилосердно колотить дубиною. Можно только удивляться тому, какъ сами китайцы не сознаютъ неудобствъ такого рода экипажа, которымъ приходится пользоваться для всякаго болѣе или менѣе дальняго путешествія, такъ какъ въ паланкинахъ ѣздятъ почти исключительно въ городѣ, да и къ тому же пользованіе паланкинами доступно лишь болѣе богатымъ, такъ какъ для этого нужно содержать цѣлый штатъ специалистовъ-паланкинистовъ, что обходится, конечно, недешево.

Испробовавъ на разстояніи всего лишь пяти верстъ китайскій способъ передвиженія въ фудутункѣ, я готовъ былъ благословлять судьбу при одной мысли о перспективѣ пересѣсть наконецъ въ русскій «экипажъ», оказавшійся впрочемъ не чѣмъ инымъ, какъ обыкновенною военною обозною двуколкою, отличіе которой отъ китайской арбы заключалось въ томъ, что въ ней было устроено хоть кое-какое европейское сидѣнье, такъ что можно было придать ногамъ болѣе естественное положеніе. Въ другихъ отношеніяхъ ѣзда на двуколкѣ немногимъ отличается отъ ѣзды въ фудутункѣ, такъ какъ сидѣнье находится на самой оси, и ужъ, конечно, ни одинъ толчекъ здѣсь также не пропадаетъ даромъ.

Единственное утѣшеніе при такихъ условіяхъ пути—это возможность любоваться панорамой красивой мѣстности, которая все время развертывается все шире и шире. Всюду кругомъ настоящее

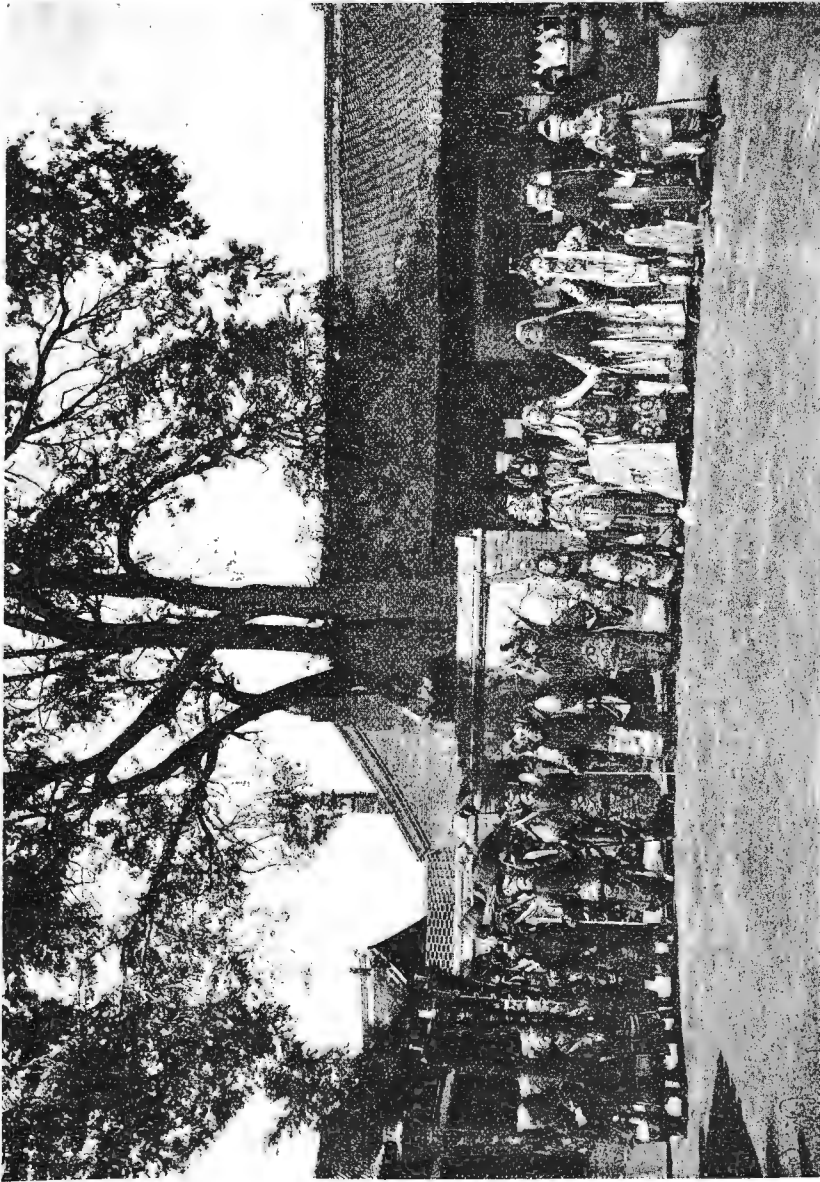
Китайскіе боги.

море зелени, но море не гладкое и спокойное, а неровное и какъ бы волнующееся. Масса возвышенностей, то покрытыхъ одною только травю, съ рѣзко выдѣляющимися, какъ будто бы сдѣланными изъ паше-маше хребтами, то густо обросшихъ лѣсомъ, какъ барашки съ густою шерстью. А вотъ горка совсѣмъ оригинальная: одна сторона ея покрыта такимъ густымъ лѣсомъ, а другая—совершенно безлѣсная,—ну, совсѣмъ, какъ голова каторжника, одна

половина которой обрита. А вотъ еще другая—совершенно двугорбый верблюдъ: двѣ горки, соединенныя одна съ другою небольшою впадиною. Тамъ и сямъ разбросаны китайскія деревушки или, вѣрнѣе говоря, отдѣльныя хуторки, обыкновенно живописно скрывающіеся за деревьями. Китайцы здѣсь, вообще, не живутъ внѣ городовъ крупными поселеніями; въ этихъ хуторкахъ находятся обыкновенно всего три или четыре фанзы, стоящія совершенно отдѣльно, обыкновенно на разстояніи полутора, двухъ верстъ отъ подобной же группы фанзъ, составляющихъ новый хуторъ. Около фанзъ людей почти не видать: женщины находятся внутри дворовъ, а мужчины всѣ въ полѣ, гдѣ только и виднѣются издали ихъ синія кофты и громадныя круглыя соломенныя шляпы. Этотъ обычный нарядъ китайцевъ издали, когда не видать ихъ косъ, дѣлаетъ ихъ совсѣмъ похожими на французскихъ или испанскихъ рабочихъ, работающихъ гдѣ нибудь въ колоніяхъ, плантаціи которыхъ къ тому же, по тщательности ихъ обработки, имѣютъ также немалое сходство со здѣшними, тщательно обработанными пашнями. Иллюзію дополняетъ еще попадающаяся изрѣдка на глаза запряжка какого нибудь плуга, которая состоитъ то изъ мула и лошади, то изъ вола и двухъ муловъ, то, наконецъ, изъ однихъ муловъ или воловъ. Яркіе лучи солнца обливаютъ золотымъ свѣтомъ красивую картину зеленѣющихъ полей и лучше всякихъ учебниковъ географіи напоминаютъ, что мы находимся хоть и въ Маньчжуріи, но все же почти на одной параллели съ Ниццею, съ благодатнымъ югомъ Франціи. Даже странно какъ-то и подумать объ этомъ, а между тѣмъ это такъ, и уже одно это говоритъ само по себѣ, какимъ благодатнымъ краемъ представляется эта часть Маньчжуріи.

Среди всей этой обстановки какое-то странное впечатлѣніе производитъ бѣлая мазанка, рѣзко выдѣляющаяся среди китайскихъ фанзъ, строящихся здѣсь изъ земли, смѣшанной съ глиною и соломой, и поэтому представляющихъ собою весьма однообразный невеселый сѣрый фонъ. Это—этапъ, гдѣ путешественникъ находитъ пріютъ и отдыхъ послѣ труднаго 20—25-ти-верстнаго переезда. Приближаясь къ нему, чувствуешь все больше и больше, что «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ», когда видишь солдатъ, выстроенныхъ для ученья или мирно играющихъ въ городки, лашту или другую какую нибудь игру. На каждомъ такомъ этапѣ находится около взвода солдатъ при этапномъ комендантѣ, несущемъ весьма разнообразныя обязанности, начиная отъ обязанностей мѣстнаго представителя русской власти въ глазахъ китайцевъ и кончая обязанностями станціоннаго смотрителя по отношенію къ лицамъ, проѣзжающимъ «по казенной надобности». И невольно переносишься мыслью въ далекое, далекое прошлое, когда, подѣзжая къ такому этапу, слышишь классическій въ своемъ родѣ діалогъ:

- Что, лошади есть?
- Есть-то есть, да заморенныя очень: только что почту привезли.
- Такъ какъ же быть? Неужели долго ждать придется?

Китайскіе актеры.

— Да ужъ не знаю; видно, придется переночевать; завтра рано утромъ чѣмъ свѣтъ выйдете; самое лучшее будетъ: и сами отдохнете, и лошади свѣжѣ будутъ.

Поневоля приходится покоряться роковой необходимости и располагаться на этапъ. Впрочемъ, жалеть объ этомъ особенно не приходится, такъ какъ здѣсь бываетъ обыкновенно тепло и уютно, насколько это можетъ быть въ «приспособленной» китайской фанзѣ. Остатокъ дня проходитъ незамѣтно въ бесѣдѣ съ этапнымъ комендантомъ, большинство которыхъ все люди разговорчивые — по очень простой причинѣ; послѣ того, какъ сплошь и рядомъ дня по 3 по 4 проведешь, не выдавши живого лица человѣческаго, поневоля накинешься на «профѣзжающаго», чтобы узнать отъ него хоть какія нибудь новости. Разговоръ, конечно, вращается почти исключительно около одной темы—Маньчжуріи, съ которой онъ переходитъ лишь иногда на другую—совершенно ей противоположную—на воспоминанія о далекой родинѣ, о прежнемъ мѣстѣ службы.

— То-есть, до чего хотѣлось бы теперь у себя въ Черкасахъ побывать,—ей-Богу, и сказать не могу. Тамъ у меня старушка-мать, клочекъ земли есть. Дорого бы далъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть.

— А вы какъ же сюда попали?

— Доброю волею, охотою пошелъ. Предложили въ полку, кто хочетъ въ Маньчжурію ѣхать. Ну, насъ нѣсколько товарищей и поѣхало. Думали—война, живое дѣло, люди молодые, понятно, и тянуло насъ сюда.

— Ну, и что же?

— Приѣхали—военныя дѣйствія уже окончились. Перешли вотъ на мирное положеніе. И ужъ чего въ самомъ дѣлѣ мирнѣе, здѣсь на этапѣ, какъ въ гробу, живешь, какъ заживо погребенный.

И дѣйствительно, все вокругъ насъ было тихо; ночь спускалась на землю; на деревнѣ дневная жизнь уже прекратилась, мы сидѣли на завалинкѣ у этапа; передъ нами разстилалась зеленая долина, на которую все гуще и гуще ложились ночныя тѣни; и только на вершинахъ горъ красиво отражалась лѣтняя игра послѣднихъ лучей заходящаго солнца. А горы эти стояли серьезныя, насупившіяся, какъ равнодушныя стражи на порогѣ страстнаго желанія хоть однимъ глазкомъ взглянуть на далекую родину, которая была тамъ за ними, за нѣсколькими десятками тысячъ верстъ...

— «Спаси, Господи, люди твоя»,—донеслось до насъ стройное пѣніе хора.

— Ну, пойдете, пора и въ хату; вотъ ужъ и солдатики мои вечернюю молитву поютъ,—сказалъ комендантъ, поднявшись съ мѣста и обнажая голову.

Я также снялъ шапку и послѣдовалъ за нимъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ. То, что онъ сейчасъ говорилъ мнѣ, само по себѣ уже произвело на меня какое-то тягостное впечатлѣніе. А теперь эти звуки молитвы, такъ давно знакомой, такой привычной, но здѣсь въ глубинѣ Маньчжуріи казавшіяся какими-то со-

всѣмъ новыми и особенными, въ одно и то же время и ущемляли сердце при одной мысли о далекой родинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ широкою волною вливали въ него отрадное чувство какой-то особой увѣренности въ русской силѣ и мощи, которая одинакова и въ далекихъ Черкасахъ, и здѣсь, въ самомъ центрѣ Маньчжуріи, въ какой-то глухой китайской деревушкѣ, самое названіе которой русскому и не выговорить...

Вслѣдствіе отвратительной дороги пришлось потратить два съ половиной дня на то, чтобы проѣхать 125 верстъ, отдѣляющихъ

Куреніе опиума.

Куанченцы отъ Гириня. Понятно послѣ этого то нетерпѣніе, съ какимъ я ожидалъ минуты, когда наконецъ съ вершины довольно высокой горы открылся видъ на городъ. Картина была дѣйствительно красивая и живописная.

Представьте себѣ большую и длинную котловину въ формѣ эллипсиса или яйца. Со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ горы не всѣ одинаковой высоты, но всѣ одинаковой красоты и живописности, которую придаютъ имъ капризно-разнообразныя очертанія склоновъ, сплошь усѣянныхъ густо растущими деревьями. По срединѣ ея катить свои быстрыя воды красавица Сунгари, образующая на

пространствѣ этой котловины нѣсколько рѣзкихъ изломовъ и какъ бы замкнутая стоящими на концахъ ея высокими горами. По одну сторону Сунгари во всю ея длину, послушно слѣдуя малѣйшему ея изгибу, расположился городъ—большой, оживленный и многолюдный. Гораздо болѣе длинный, чѣмъ широкій, и къ тому же весь изогнутый, благодаря расположенію своему по берегу изломанной рѣки, онъ поразительно напоминаетъ собою фигуру китайскаго дракона.

Примыкая одной стороной своей къ рѣкѣ, городъ со всѣхъ другихъ сторонъ окруженъ, какъ и всѣ вообще китайскіе города, невысокою зубчатою стѣною, въ которой устроено 8 воротъ характерной китайской архитектуры съ рѣзными, какъ будто ажурной работы навѣсами надъ ними. Здѣсь у этихъ воротъ весь день, не умолкая, живымъ ключемъ бьетъ жизнь; здѣсь торговцы располагаютъ свои лари, на которыхъ продаютъ самые разнообразные предметы; тутъ же располагаются обыкновенно во множествѣ китайскіе трактиры, въ которыхъ поваръ на глазахъ у невзыскательной публики грязнѣйшими руками копается въ тѣстѣ, рисѣ или какихъ нибудь особенныхъ китайскихъ макаронахъ, накладывая все это руками же въ миски непритомливыхъ потребителей, умудряющихся при помощи тоненькихъ палочекъ, служащихъ имъ универсальнымъ орудіемъ при ѣдѣ, съѣсть до чиста всякое блюдо.

Такъ какъ городская стѣна выстроена уже очень давно, а между тѣмъ городъ все продолжалъ расти въ разныя стороны, то естественно, что въ концѣ концовъ городскія стѣны и ворота оказываются теперь уже не на окраинѣ города, а чуть ли не въ самомъ его центрѣ, густо облѣпленномъ пригородами, пристраивавшимися уже внѣ городской стѣны. Благодаря именно этому, уже у самыхъ воротъ наблюдается кипучая торговая дѣятельность, внѣшнимъ выраженіемъ которой, кромѣ невѣроятной каши изъ толкущихся китайцевъ, служитъ также цѣлый лѣсъ высокихъ каменныхъ узкихъ пирамидъ, испещренныхъ китайскими іероглифами. На нашъ европейскій взглядъ, онѣ совсѣмъ имѣютъ видъ памятниковъ—величавыхъ обелисковъ; въ дѣйствительности же это просто торговыя вывѣски. Кромѣ вывѣсокъ, у каждой почти лавки развѣваются прикрѣпленные къ высокимъ шестамъ куски полотна, на которыхъ разноцвѣтными шелками вышито имя хозяина магазина и обозначеніе его специальности. Эти развѣвающиеся куски полотна, имѣющіе видъ нашихъ флаговъ, вмѣстѣ съ вывѣсочными обелисками придаютъ улицѣ совершенно своеобразный, особо торжественный характеръ, и какъ-то странно узнать, что вся эта, на нашъ взглядъ, торжественная обстановка служитъ самымъ обыкновеннымъ прозаическимъ торговымъ цѣлямъ.

Въ центрѣ города, на берегу Сунгари находится дворецъ цзянь-цзюня, могущій служить типичнымъ образцомъ домовъ китайскихъ

вельможъ и богачей. Онъ занимаетъ громадное пространство, раздѣленное на нѣсколько дворовъ. Въ первомъ изъ нихъ находятся первыя внутреннія ворота, охраняемыя стоящими по ихъ сторонамъ каменными изваяніями какихъ-то диковинныхъ звѣрей съ широко раскрытыми пастьми. Въ этомъ дворѣ помѣщается внѣшній караулъ и останавливаются всѣ менѣе знатные посѣтители, оставляющіе здѣсь своихъ лошадей, которыхъ всегда цѣлая масса, такъ что съ перваго взгляда можетъ показаться, что въѣзжаешь на какой нибудь постоялый дворъ. Изъ этого двора ворота ведутъ во второй меньшій внутренній дворъ, болѣе почетный, куда допускаются и болѣе почетные гости, пріѣзжающіе верхомъ или въ паланкинахъ. Отсюда уже пѣшкомъ проходятъ черезъ проходъ, обыкновенно заслоняемый большимъ экраномъ, въ третій дворъ, гдѣ находится домъ цзянь-цзюня. Экранъ, заслоняющій этотъ проходъ, отодвигается лишь для наиболѣе почетныхъ гостей; остальные же посѣтители проходятъ черезъ боковую дверь и, даже если проходъ открытъ, не имѣютъ права имъ пользоваться.

Приблизительно въ этомъ же родѣ, только, разумѣется, въ меньшихъ размѣрахъ устроены всѣ вообще китайскіе дворы. Самые дома помѣщаются всегда въ глубинѣ ихъ и представляютъ собою одноэтажныя постройки, обыкновенно изъ одного матеріала—земли, смѣшанной съ глиною и соломой. Крыша черепичная, приготовляемая изъ особой китайской сѣрой черепицы; характерную особенность китайскихъ домовъ представляютъ окна, если только можно назвать окнами миниатюрныя квадратныя деревянныя рамки, заклеенныя сѣрою бумагою. Стеколъ китайцы совсѣмъ не знаютъ, такъ что для того, чтобы свѣтъ все-таки проникалъ въ ихъ жилища сквозь подобныя оконца, заклеенныя бумагою, надо ихъ имѣть очень много, и поэтому китайскіе дома съ лицевой стороны почти совсѣмъ не имѣютъ стѣнъ, а вмѣсто нихъ одну сплошную рѣшетку изъ квадратныхъ рамокъ, заклеенныхъ бумагою.

Китайская архитектура вообще не отличается изяществомъ и красотою, такъ что въ этомъ отношеніи многовѣковая культура Китая значительно отстаетъ отъ менѣе продолжительныхъ по времени существованія культуръ другихъ странъ, напимѣръ, Египта, Греціи или Рима. Оригинальностью и красотою, по крайней мѣрѣ, въ китайскомъ смыслѣ этого послѣдняго слова, отличаются лишь весьма немногія общественныя зданія, почти исключительно кумирни. Впрочемъ, и онѣ снаружи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ обыкновенныхъ зданій—развѣ только своими размѣрами и непзмѣнно водружаемыми передъ каждою изъ нихъ двумя высокими шестами по обѣимъ сторонамъ входныхъ воротъ. Да и внутри особеннаго въ нихъ ничего нѣтъ, заслуживающаго вниманія въ архитектурномъ отношеніи, если не считать расположенныхъ по стѣнамъ барельефовъ съ изображеніями драконовъ, поражающими, однако,

не столько искусствомъ выдѣлки, сколько крайнею кропотливостью затраченнаго на нее труда.

Зато въ кумирняхъ можно наблюдать образцы совершенно своеобразнаго китайскаго искусства—кумиродѣлія, что ли, то-есть искусства выдѣлки кумировъ, которые работаются изъ дерева и металла. Красоты съ европейской точки зрѣнія въ нихъ также никакой, конечно, нѣтъ: наоборотъ даже, они прямо таки поражаютъ своимъ безобразіемъ, своими чрезмѣрно большими головами, громадными бородами и вообще крайнею своею уродливостью. Обыкновенно въ каждой кумирнѣ по нѣскольку боговъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, главный, изображается сидящимъ на тронѣ, а остальные стоятъ предъ нимъ въ два ряда—одни направо, а другіе налево. Никогда не забуду, какъ однажды во время обозрѣнія мною одной изъ подобныхъ кумиренъ, когда я спросилъ у сопровождавшаго меня китайца-священника или монаха—кто эти кумиры, стоящіе по обѣ стороны главнаго бога, я получилъ отъ него въ отвѣтъ:

— Это бойки, боковы бойки.

Такимъ своеобразнымъ способомъ и языкомъ китаецъ хотѣлъ объяснить мнѣ, что это—второстепенные боги. Сразу я даже не понялъ его, но потомъ, когда понялъ, не могъ удержаться отъ улыбки, несмотря на все мое стараніе не выказать ни въ чемъ неуваженія къ предметамъ китайской религіи, и китаецъ, довольный тѣмъ, что я понялъ его, тоже началъ улыбаться и даже громко смѣяться и хохотать, видимо, не питая особаго чувства благоговѣнія къ святости мѣста, гдѣ онъ находится.

Вообще китайцы, какъ извѣстно, къ религіи относятся довольно индифферентно, и ни внутреннее ихъ чувство религіозности, ни внѣшняя сторона его выраженія въ богослуженіяхъ не отличаются особою содержательностью. Собственно говоря, съ европейской точки зрѣнія, у китайцевъ даже нѣтъ религіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее европейцы, въ смыслѣ особой внутренней связи, соединяющей человѣка съ Высшимъ Существомъ. Для нихъ эта связь выражается во исполнѣ осязательной внѣшней формѣ культа предковъ, то-есть такихъ же людей, какъ и всѣ живущіе, но послѣ смерти своей ставшихъ особыми духами, почти богами. Каждый такой духъ—это бывшій человѣкъ, и каждый китаецъ—это собственно будущій духъ въ глазахъ потомковъ. Въ этомъ именно выражается основная характерная черта китайской религіи, устанавливающая непосредственную неразрывную связь между живыми грѣшными людьми и безгрѣшными духами-божествами, какими они становятся послѣ смерти.

У китайцевъ люди не умираютъ, а просто теряютъ лишь тѣлесную оболочку и остаются жить духовно вмѣстѣ со своими ближними. Поэтому въ домѣ каждаго китайца наиболѣе священнымъ предметомъ является дощечка съ именами умершихъ ближайшихъ

родственниковъ, и ни одного болѣе или менѣе важнаго дѣла китаецъ не предприметъ, не помолившись передъ этими дощечками и не испросивъ какъ бы ихъ совѣта и благословенія. Не меньшимъ почетомъ и уваженіемъ пользуются въ Китаѣ могилы покойниковъ, которые обыкновенно зарываются даже не въ отдѣльномъ мѣстѣ въ отдаленіи отъ жилья, а вблизи самаго дома. Въ городахъ это, конечно, невозможно, и поэтому городскіе жители устраиваютъ кладбища своихъ родственниковъ за городомъ, выбирая обыкновенно для этого наиболѣе красивыя мѣста, въ которыхъ они устраиваютъ себѣ на лѣтнее время дачи. Самыя могилы окружаются купами деревьевъ, насаждаемыхъ по діаметру, и эти круги изъ деревьевъ, дающихъ хорошую прохладную тѣнь лѣтомъ, служатъ любимымъ мѣстомъ пребыванія китайцевъ, которые проводятъ здѣсь большую часть времени. Сами они не считаютъ оскверненіемъ этихъ могилъ то, что они топчутся на нихъ цѣлый день, но допустить сюда посторонняго человѣка считается крайне предосудительнымъ святотатствомъ, такъ какъ онъ можетъ обезпокоить покой умершихъ. Говорятъ даже, что однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ возраженій, дѣлавшихся китайцами противъ осуществленія у нихъ проекта постройки желѣзной дороги, было опасеніе, что, пройдя вблизи могилъ, она можетъ обезпокоить покойниковъ, и что поэтому именно желѣзная дорога оставила въ сторонѣ болѣе или менѣе крупныя поселенія, по отношенію къ которымъ это соображеніе могло имѣть наиболѣе важное значеніе.

Такъ ли это въ дѣйствительности—не знаю, но что при китайскомъ способѣ погребенія умершихъ приходилось нерѣдко наткаться на трупы покойниковъ при неглубокихъ даже землякопныхъ работахъ,—это вѣрно. Объясняется это тѣмъ, что китайцы, желая имѣть покойниковъ какъ можно ближе отъ себя, обыкновенно зарываютъ ихъ очень неглубоко въ землю, что въ гигиеническомъ отношеніи представляется прямо таки небезопаснымъ, особенно при заразительныхъ болѣзняхъ, которыя между прочимъ также и по этой причинѣ находятъ себѣ здѣсь весьма благодарную почву для своего распространенія. Еще болѣе опасностей въ этомъ отношеніи представляетъ существующій у китайцевъ обычай хоронить покойниковъ, возможно, долѣе спустя послѣ ихъ смерти, такъ что тѣло покойника обыкновенно только кладутъ въ гробъ, даже не заколачивая его, и оставляютъ такъ стоять у самой двери дома до тѣхъ поръ, пока отъ гніенія трупа не распространяется такое зловоніе, что буквально дышать становится нечѣмъ.

Основная черта китайской религіи — ея реалистическій характеръ, выражающійся въ культѣ предковъ, сказывается, между прочимъ, также и въ томъ, что какъ при жизни болѣе знатные занимаютъ болѣе выдающееся положеніе, такъ и послѣ смерти души сильныхъ міра сего почитаются болѣе остальныхъ, такъ что души

императоровъ являются настоящими божествами, особенно первыхъ императоровъ Китая, напимѣръ, Яо и Шунь. Только очень немногіе смертные могутъ равняться съ ними въ этомъ отношеніи; наравнѣ съ духами императоровъ почитаются лишь духи такихъ выдающихся родоначальниковъ китайскаго духовнаго строя, какъ, напимѣръ, Конфуція и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ. Нельзя однако преувеличивать значеніе Конфуція, какъ это дѣлаютъ многіе европейцы, мало знакомые съ жизнью Китая. Иные считаютъ его чуть ли не китайскимъ богомъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности китайцы чтутъ Конфуція исключительно, какъ мудреца, сумѣвшаго собрать и выразить въ своемъ ученіи тѣ именно черты китайскаго характера, которыя составляютъ его особенность и существовали, конечно, задолго до Конфуція, а именно культъ предковъ и, какъ прямое его послѣдствіе, почитаніе старшихъ. Конфуцій, такимъ образомъ, нисколько не создалъ какой либо религіи. Его ученіе является лишь сводомъ практическихъ правилъ, которыхъ долженъ держаться въ своей жизни всякій порядочный китаецъ для того, чтобы съ чистою совѣстью свершить свой жизненный путь.

Этимъ своеобразнымъ характеромъ китайской религіи легче всего и можно объяснить себѣ то явленіе, что уже съ давнихъ поръ въ Китаѣ свободно развиваютъ свою дѣятельность миссіонеры различныхъ вѣроисповѣданій, привлекающіе къ себѣ немало прозелитовъ-китайцевъ, свободно исповѣдывающихъ свою новую вѣру. Въ тѣхъ взрывахъ народнаго возмущенія противъ этой дѣятельности миссіонеровъ, которые время отъ времени вспыхиваютъ и сопровождаются потоками крови, — ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть протестъ противъ религіи, представителями которыхъ они являются. Причина ихъ заключается исключительно въ глубокой внутренней ненависти желтаго человѣка къ европейцамъ, «бѣлымъ дьяволамъ», той ненависти и инстинктивнаго чувства боязни, какую питаетъ всякій дикарь — все равно ашантій ли, готтентотъ, или невѣжественный китаецъ — ко всякому европейцу — все равно христіанину ли, магометанину. Несомнѣнно, китаецъ испытывалъ бы это чувство къ европейцу, который исповѣдывалъ бы даже конфуціанизмъ, если бы, конечно, это было возможно. Такимъ образомъ ненависть эта объясняется не религіозною, а исключительно расовою рознью, къ которой нерѣдко примѣшиваются также и побужденія политическаго характера, какъ такъ миссіонеры притязаютъ на нѣкоторыя особыя преимущества для своей паствы, и послѣдней приходится дорого расплачиваться за эти притязанія въ минуты возбужденія народнаго фанатизма.

Послѣ конфуціанства одною изъ наиболѣе распространенныхъ религіи Китая является даосизмъ, представляющій собою какъ бы родъ претвореннаго буддизма, специально китайскаго, смѣси буд-

дизма съ конфуціанствомъ. Даосизмъ также придерживается культа духовъ и предковъ, являющихся покровителями различныхъ отраслей человѣческой жизни и дѣятельности, и въ этомъ выражается его специально китайскій реалистическій характеръ. Но въ основѣ даосизма лежитъ абстрактное начало—ученіе о «дао», пути, т.-е. верховномъ началѣ, которое руководитъ дѣятельностью и людей и духовъ. Въ этомъ, несомнѣнно, скрывается вліяніе буддизма, который не могъ не быть занесеннымъ въ Китай изъ сосѣдняго Тибета или даже изъ Индіи. Родоначальникомъ даосизма считается, однако, китайцами китайскій мудрецъ Лао-цзы, который, по преданію, родился на свѣтъ глубокимъ старцемъ. Въ этомъ преданіи, быть можетъ, кроется глубокій внутренній смыслъ, если имѣть въ виду, что буддизмъ дѣйствительно появился въ Китаѣ не въ зачаткѣ своемъ, а уже въ расцвѣтѣ своего развитія. Въ чистомъ своемъ видѣ буддизмъ имѣетъ сравнительно мало послѣдователей, но все же число ихъ настолько значительно, что эти три религіи—конфуціанство, даосизмъ и буддизмъ—являются наиболѣе распространенными и представляютъ собою въ общемъ государственннй религіозный культъ Китая.

Въ связи съ общимъ характеромъ религіознаго культа Китая находится также и система китайскихъ праздниковъ, которая имѣетъ очень мало общаго съ европейскою. Китайскіе праздники связаны не съ чествованіемъ памяти святыхъ, а съ событіями текущей жизни, которыя они собою знаменуютъ, какъ, на примѣръ, днемъ рожденія, прекращенія траура, свадьбы и т. п. Поэтому большинство китайскихъ праздниковъ носятъ семейный характеръ, и празднованіе ихъ не выходитъ за предѣлы круга тѣхъ лицъ, которыхъ они непосредственно касаются. Едва ли не единственный всеобщій національный праздникъ у китайцевъ—это новый годъ, наступленіе котораго торжественно празднуется по всей странѣ въ теченіе 20 дней. Особенно торжественно празднуются первые и послѣдніе 3 дня этого продолжительнаго срока, но и въ остальное время жизнь страны совершенно преобразуется, такъ какъ теченіе ея происходитъ необычнымъ для дѣловыхъ и хлопотливыхъ китайцевъ порядкомъ въ отдыхъ и праздности. Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій китайцевъ, которому они предаются въ это время съ особенною охотою, являются театральныя зрѣлища, устраиваемыя обыкновенно во временныхъ балаганахъ кочующими труппами китайскихъ актеровъ. Въ репертуарѣ ихъ преобладаютъ пьесы героическаго характера, при чемъ непремѣнною принадлежностью участвующихъ въ нихъ лицъ-героевъ являются длиннѣйшія бороды, чуть ли не до самой земли. На театральныя представленія собираются обыкновенно громадныя толпы зрителей, которые слѣдятъ за ними съ живымъ неослабнымъ интересомъ, нерѣдко выражающимся въ громкихъ возгласахъ сочувствія или осужденія по поводу совершающагося на сценѣ.

Государственное устройство Китая, такъ же, какъ и его религіозный культъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ характеромъ китайскаго народа. Въ основѣ его лежитъ то преклоненіе низшаго передъ высшимъ, которое въ сферѣ религіозной выражается у китайцевъ въ культѣ предковъ, а въ сферѣ государственной жизни—въ безусловномъ почитаніи сложной іерархической системы, на высшей ступени которой находится богдоханъ, получеловѣкъ, полубогъ, по представленію китайцевъ, сынъ Неба. Власть богдохана на мѣстахъ олицетворяютъ вице-короли, которые отчасти и до сего времени являются полнѣйшими хозяевами въ своихъ провинціяхъ. Раньше это было безусловно такъ, и этимъ, между прочимъ, объясняется обиліе междоусобій въ исторіи Китая, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ честолюбію болѣе энергичныхъ и смѣлыхъ вице-королей, которые присваивали себѣ достоинство богдохана и, свергая прежнюю династію, начинали собою новую. За послѣднее время, благодаря отчасти развитію путей и средствъ сообщенія, а, съ другой стороны, выступленію Китая на арену міровой жизни въ качествѣ единаго цѣлаго въ общеніи съ европейскими державами, власть Пекинскаго правительства настолько усилилась и окрѣпла, что теперь уже и въ поминѣ нѣтъ прежней децентрализаціи, и вице-короли являются дѣйствительно не болѣе, какъ мѣстными представителями центральной власти; и если нѣкоторые изъ нихъ иногда, благодаря личнымъ своимъ достоинствамъ и энергіи, играютъ даже руководящую роль, то опять таки исключительно въ качествѣ представителей центральной власти.

Въ Маньчжуріи такими мѣстными представителями верховной власти являются цзянь-цзюни, въ лицѣ которыхъ сосредоточивается все высшее управленіе краемъ, какъ гражданское, такъ и военное, и административное и судебное—однимъ словомъ высшая власть во всей ея полнотѣ и въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Благодаря такому исключительному своему значенію, цзянь-цзюнь, можно сказать, буквально олицетворяетъ въ своемъ лицѣ всю управляемую имъ провинцію и придаетъ ей свою фізіономію.

Слѣдующими послѣ цзянь-цзюня представителями мѣстной власти являются фудутуны, которые, однако, не сосредоточиваютъ въ своемъ лицѣ такой полноты ея, какъ цзянь-цзюни, а являются лишь администраторами, управителями отдѣльныхъ округовъ, на которые раздѣляется провинція, соответствующихъ приблизительно нашимъ губерніямъ. Болѣе мелкіе административные округа—уѣзды, управляются низшими чиновниками, носящими званіе чжи-фу и тун-чжи.

Доступъ на всѣ эти должности пріобрѣтается на общихъ въ Китаѣ основаніяхъ, т.-е. при посредствѣ весьма сложныхъ экзаменовъ, служащихъ для китайцевъ лѣстницею для перехода отъ низшаго шарика къ высшему. Но въ Маньчжуріи еще болѣе

чѣмъ въ остальномъ Китаѣ, имѣеть въ данномъ случаѣ значенія происхожденіе того или иного претендента на должность, и полное предпочтеніе отдается въ этомъ отношеніи маньчжурамъ, особенно болѣе знатныхъ родовъ, нерѣдко занимающимъ даже въ молодые годы сравнительно высокія должности.

Ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ цзянь-цзюня по управленію провинціею является дао-тай. Въ Маньчжуріи такъ же, какъ и въ другихъ провинціяхъ Китая, на этомъ чиновникѣ лежатъ ближайшимъ образомъ сношенія съ иностранными властями, т.-е. въ Маньчжуріи исключительно русскими. Но, кромѣ того, ему же принадлежитъ надзоръ за административнымъ управленіемъ края и за отправленіемъ правосудія.

Послѣдняя задача едва ли не является наименѣе трудною и сложною, при существующемъ въ Китаѣ порядкѣ служенія Ѳемидѣ. Сила наибольшей доказательности признается въ китайскомъ судѣ обыкновенно за бамбуками и, если только обвиняемый на заданный ему вопросъ о виновности отвѣчаетъ отрицательно, то его сейчасъ же ведутъ въ застѣнокъ, гдѣ уже начинаютъ съ нимъ иначе разговаривать. Такъ какъ этотъ допросъ тянется обыкновенно долѣе словеснаго, то и судья располагаетъ съ болѣшимъ удобствомъ, обыкновенно на канѣ, иногда съ трубкою опиума въ рукахъ, а секретарь помѣщается вблизи него и записываетъ показанія допрашиваемаго, котораго кладутъ вичкомъ на полъ, при чемъ одинъ солдатъ садится ему на шею, а другой на ноги у колѣнъ, и удерживаютъ его въ такомъ положеніи въ то время, когда другіе два солдата, стоящіе по его сторонамъ, вооружившись толстыми бамбуковыми палками, усердно молотятъ ими по его спинѣ. Если такая пытка не дѣйствуетъ, то начинаются для обвиняемаго новыя мученія: его заставляютъ цѣлыми часами стоять въ распятомъ видѣ на колѣняхъ, пускаютъ дымъ въ ноздри, ломаютъ кости рукъ и ногъ, вырѣзаютъ цѣлыя полосы мяса, однимъ словомъ, изощряютъ всю свою изобрѣтательность для того, чтобы добиться цѣли.

Такая пытка продолжается обыкновенно до тѣхъ поръ, пока секретарю не удастся записать хоть одно слово признанія, которое вырвалось бы съ устъ допрашиваемаго. Но зато, если допрашиваемый сумѣетъ выдержать изрядное количество ударовъ и не проговорится, то хотя бы и всѣ свидѣтели были противъ него, судья его никогда не осудитъ. Какъ и въ нашемъ дореформенномъ процессѣ, признанію подсудимаго придается настолько преобладающее значеніе, что оно является рѣшающимъ при опредѣленіи приговора суда.

Пенитенціарная система китайцевъ очень несложна. Главнѣйшимъ видомъ наказанія является наказаніе тѣлесное. При этомъ, по большей части, дополнительнымъ къ нему наказаніемъ является

ношеніе канги, т.-е. особой колодки на шеѣ, въ которой продѣланы отверстія для рукъ. Отъ неестественнаго положенія руки затекають, и преступникъ испытываетъ страшныя физическія страданія. Но главное значеніе канги—въ нравственномъ позорѣ, который испытываетъ наказываемый, такъ какъ съ нею онъ обыкновенно или выставляется на какомъ нибудь людномъ мѣстѣ, или его водятъ по городу, громко выкрикивая, за какое преступленіе онъ несетъ кару. Какъ и во всѣхъ примитивныхъ законодательствахъ, тѣлесное наказаніе признается наиболѣе дѣйствительнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно наименѣе обременительно для государства, которое избавляется отъ необходимости содержать многочисленныя тюрьмы, гдѣ приходится кормить и поить заключеннаго. Правда, расходы на эту послѣднюю статью въ китайскихъ тюрьмахъ не превышаютъ своего минимума, на каждого заключеннаго ассигнуется казною, кажется, что-то около $\frac{3}{4}$ копейки, но все же и это деньги, и бамбуки, конечно, обходятся казнѣ дешевле, чѣмъ тюремное заключеніе. Да и народъ предпочитаетъ бамбуки, потому что, во-первыхъ, это наказаніе не лишаетъ свободы и не отрываетъ отъ работы, а, во-вторыхъ, дѣйствительно заключеніе въ китайской тюрьмѣ представляется такимъ тяжкимъ наказаніемъ, которому можно предпочесть всякое другое. Достаточно уже того, что для облегченія надзора за заключенными на послѣднихъ надѣваются колодки, которыя лишаютъ ихъ всякой возможности двигаться. Если прибавить къ этому голодъ, всегда испытываемый заключенными, ужасныя гигиеническія условія, которыя даже въ сравненіи съ обычной китайскою обстановкою представляются адомъ, страшную скученность помѣщенія, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ сажени помѣщаются нѣсколько сотенъ чловѣкъ, то станетъ легко понятнымъ, почему тюремное заключеніе считается въ китайскомъ законодательствѣ тяжчайшимъ наказаніемъ, которое никогда не назначается даже на срокъ болѣе года. При этомъ обыкновенно сопутствующимъ ему наказаніемъ является высылка преступника на родину, имѣющая цѣлью какъ избавленіе мѣстности отъ преступнаго пришельца, такъ и усиленіе для него значенія наказанія необходимостью отбывать его тамъ, гдѣ его всѣ знаютъ, и гдѣ поэтому позоръ наказанія для него гораздо болѣе чувствителенъ.

Наказаніемъ за всякое почти болѣе или менѣе тяжкое преступленіе является смертная казнь, такъ широко распространенная въ Китаѣ, какъ, пожалуй, нигдѣ въ мірѣ. Съ точки зрѣнія китайскаго законодательства, она представляетъ большія преимущества, такъ какъ обходится дешевле какого либо другого наказанія, а въ особенности тюремнаго заключенія, и къ тому же вѣрнѣе всего обезпечиваетъ отъ опасности обнаруженія судебныхъ ошибокъ, которое наиболѣе возможно по инициативѣ обвиняемаго, ее потерпѣвшаго.

Одну изъ весьма сложныхъ отраслей мѣстнаго, какъ и центральнаго управленія, въ Китаѣ представляетъ финансовое хозяйство, находящееся въ завѣдываніи особаго должностнаго лица—казначей. На немъ лежитъ трудная задача наблюденія за правильнымъ поступленіемъ налоговъ,—тѣмъ болѣе трудная, что при господствѣ исконной системы «кормленія» чиновниковъ, законные доходы поступають въ государственную казну нерѣдко гораздо менѣе аккуратно, чѣмъ незаконные—въ карманы чиновниковъ, особенно низшихъ. Одною изъ главнѣйшихъ статей дохода является поземельный налогъ, взимаемый въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Слѣдующею за нимъ по своей важности статью представляетъ доходъ отъ мѣстныхъ таможенъ, лежащій тяжелымъ бременемъ на развитіи торговой жизни страны, такъ какъ онъ составляется изъ поступленій, взимаемыхъ съ товаровъ, перевозимыхъ изъ одного города въ другой. Такое же задерживающее дѣйствіе на ея развитіе оказываетъ также и налогъ, взимаемый въ довольно крупныхъ размѣрахъ со всякой сдѣлки купли-продажи, доставляющій казнѣ значительный доходъ, но отзывающійся довольно тяжело на интересахъ частныхъ лицъ. Крупные доходы извлекаетъ государственная казна также изъ торговли солью, являющейся правительственною регалією и отдаваемой въ руки монополистовъ-откупщиковъ.

Эта регалія доставляетъ правительству, пожалуй, гораздо болѣе значительный доходъ, чѣмъ другая, естественная его регалія—монетная, за которою въ Китаѣ не сохраняется вполне правительственно-монопольный характеръ, такъ какъ собственно здѣсь и нѣтъ опредѣленной китайской монетной единицы. Ея роль исполняетъ просто опредѣленное по вѣсу количество серебра, носящее названіе ланы, цѣнность которой подвергается весьма рѣзкимъ измѣненіямъ при малѣйшемъ колебаніи стоимости серебра. Кромѣ того, крайнее неудобство этой монетной единицы заключается также въ томъ, что каждую такую лану необходимо всякій разъ при пріемѣ ея взвѣшивать для того, чтобы убѣдиться въ правильности ея вѣса. Немудрено, что эта собственно китайская монета не можетъ выдерживать конкуренцію съ проникающими въ Китай иностранными монетами опредѣленныхъ размѣровъ и вѣса. До послѣдняго времени въ Маньчжуріи такою монетою являлся преимущественно мексиканскій долларъ, но со времени утвержденія въ краѣ русской власти его почти совершенно вытѣснили русскія деньги, особенно кредитныя, представляющія по сравненію съ серебряными деньгами громадное преимущество въ отношеніи перевозки. Насколько преимущество это цѣнится китайцами, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать уже то на первый взглядъ весьма странное явленіе, что, вопреки всѣмъ принципамъ политической экономіи, въ Маньчжуріи русскія кредитныя деньги обращаются

съ лажемъ даже по отношенію къ русскимъ же серебрянымъ деньгамъ, такъ что за рубль кредитный охотно платятъ 1,10—1,15 серебромъ.

Это странное явленіе можетъ быть объяснено, конечно, лишь въ связи съ трудностью перевода или перевозки денегъ, облегчаемыхъ въ Китаѣ вообще и въ частности въ Маньчжуріи только широкимъ распространеніемъ кредита, о значительности котораго можно судить хотя бы уже по одному тому, что китайскіе купцы въ дѣловыхъ сношеніяхъ между собою даже не знаютъ, что такое вексель, или долговое обязательство. Каждый купецъ имѣетъ свои торговыя книги, въ которыхъ ведется точный счетъ его денежнымъ отношеніямъ къ лицамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣла. Когда одинъ купецъ сужаетъ другому деньги или даетъ товаръ въ кредитъ, то обѣ стороны только отмѣчаютъ это у себя въ книгахъ, и должникъ, хотя и не давъ кредитору никакого долговаго обязательства, никогда, однако, не рѣшится отрицать свой долгъ, такъ какъ онъ знаетъ, что стоитъ ему сдѣлать это хоть одинъ разъ, и вся его торговая карьера навѣки погублена.

Эта сторона китайскаго торговаго быта, такъ рѣзко отличающаяся отъ европейскаго, допускающаго сплошь и рядомъ банкротство, какъ выгодную коммерческую операцію, является одною изъ главнѣйшихъ причинъ процвѣтанія китайской торговли. Другая причина заключается въ томъ, что китайскій купецъ довольствуется самымъ ничтожнымъ процентомъ прибыли при своихъ коммерческихъ операціяхъ, и поэтому на количествѣ продаваемаго имъ товара наживаетъ тотъ доходъ, котораго онъ могъ бы лишиться вслѣдствіе невысокой его продажной цѣны. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ цвѣтущаго состоянія внутренней торговли Маньчжуріи, какъ и всего Китая, заключается также и въ томъ, что Китай сравнительно нуждается очень мало въ издѣліяхъ иностранной промышленности, а потребляетъ главнымъ образомъ то, что онъ самъ же и производитъ. И наконецъ важнѣйшая причина цвѣтущаго состоянія китайской торговли кроется въ необыкновенномъ развитіи среди китайцевъ торговаго духа, являющагося какъ бы прирожденною чертой этого народа. Несмотря даже на все несовершенство путей сообщенія до самаго послѣдняго времени, многіе китайскіе купцы Маньчжуріи издавна ведутъ обширныя торговыя операціи не только въ этомъ краѣ, но и за предѣлами его—съ Тяньцзинемъ и даже Шанхаемъ. Для этой цѣли существуютъ правильно организованныя транспортныя конторы, производящія перевозку грузовъ на самыя значительныя разстоянія. Эти же транспортныя конторы принимаютъ на себя и порученія по расплатѣ между купцами различныхъ городовъ и выполняютъ такимъ образомъ функціи банкирскихъ конторъ.

Главнѣйшими предметами Маньчжурской торговли являются сырые продукты, и среди нихъ на первомъ мѣстѣ продукты зе-

мледѣлія, которое стоитъ здѣсь на большой высотѣ, благодаря, съ одной стороны, плодородію почвы во всей южной части края, а съ другой—тому трудолюбію, съ какимъ китайцы занимаются ея обработкою.

Изъ хлѣбныхъ растений наиболѣе распространенными въ Маньчжуріи являются пшеница, ячмень, овесъ, гречиха и кукуруза. Населеніе страны потребляетъ, однако, сравнительно мало этихъ растений, и они являются преимущественно предметами внѣшней торговли. Для удовлетворенія же нуждъ населенія служатъ главнымъ образомъ просо и бобы, особенно просо, которое въ нѣкоторомъ родѣ—какъ бы универсальный продуктъ. Изъ сѣмянъ одного его сорта приготавливаются лепешки, замѣняющія китайцамъ нашъ хлѣбъ, котораго они совсѣмъ не знаютъ. Другой сортъ употребляется въ кормъ скоту, при чемъ для этой цѣли сѣмена этого сорта, носящаго названіе «гаолянъ», вырабатываются также въ круглой формѣ, какъ бы въ видѣ мельничныхъ жернововъ. Этотъ же гаолянъ служитъ также и для самыхъ разнообразныхъ другихъ цѣлей китайскаго обихода. Стебли его, очень высокіе и крѣпкіе, употребляются для топлива, устройства потолковъ въ фанзахъ и различныхъ другихъ надобностей. О высотѣ этихъ стеблей можно судить по тому, что во время цвѣта гаоляна, когда онъ достигаетъ наибольшей высоты, въ немъ свободно можетъ укрыться всадникъ вмѣстѣ съ лошадыю.

Почти такую же универсальностью, какъ просо, отличаются также и бобы, являющіеся также однимъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ земли въ Маньчжуріи. Кромѣ того, что они идутъ въ пищу для людей и для скота, они служатъ также и важнѣйшимъ источникомъ освѣщенія для китайцевъ, такъ какъ изъ нихъ выдѣлывается бобовое масло, употребляемое ими вмѣсто нашего керосина, которому оно, конечно, много уступаетъ въ силѣ и яркости свѣта при горѣніи. Бобы служатъ также однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вывоза, по преимуществу въ Японію, гдѣ они употребляются въ громадномъ количествѣ для удобренія рисовыхъ полей, а также и въ Европу, куда въ особенности за послѣднее время значительно усилилось отправленіе бобоваго масла.

Среди другихъ воздѣлываемыхъ въ Маньчжуріи растений не послѣднее мѣсто принадлежитъ также табаку и маку, изъ котораго выдѣлывается опиумъ. Оба эти продукта находятъ себѣ колоссальный сбытъ исключительно въ самомъ Китаѣ, гдѣ, какъ извѣстно, потребленіе ихъ достигаетъ необычайныхъ размѣровъ. Некурящій китаецъ—это положительно рѣдкій феноменъ, и даже у самаго бѣднаго кули, который, въ буквальномъ смыслѣ слова, носитъ на себѣ все свое имущество, непремѣнно красуется за поясомъ трубка, а за пазухою хранится кисетъ съ табакомъ.

Опиумъ является такимъ же непремѣннымъ предметомъ китайскаго обихода, и хотя онъ не всѣмъ доступенъ, по причинѣ боль-

шой стоимости его по сравненію съ табакомъ, но все же кругъ его потребителей необычайно широкъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя опиумокурильни, которыя можно встрѣтить въ Китаѣ почти на каждой улицѣ болѣе или менѣе значительнаго города, почти въ каждомъ селеніи.

Одною изъ важныхъ отраслей земледѣлія въ Маньчжуріи является также добываніе извѣстнаго цѣлебнаго растенія, такъ называемаго жень-шеня, но оно распространено сравнительно мало, такъ какъ считается монополіею правительства, которое лишь съ большими затрудненіями выдаетъ частнымъ лицамъ разрѣшеніе на это занятіе.

Кромѣ земледѣлія, наиболѣе распространенными въ Маньчжуріи промыслами являются лѣсной и горный и скотоводство. Первые два промысла процвѣтаютъ преимущественно въ южной и средней Маньчжуріи, а послѣдній въ сѣверо-западной ея части, примыкающей къ Монголіи. Громадныя площади страны, покрытыя лѣсами, въ значительной части своей остаются и по настоящее время дѣвственно-нетронутыми, по причинѣ полнаго отсутствія средствъ сообщенія съ внѣшними рынками, на которыхъ лѣсъ могъ бы находить себѣ обезпеченный широкій сбытъ. Единственнымъ удобнымъ путемъ для сплава лѣса является рѣка Сунгари, теченіе которой направляется, однако, не въ море, а внутрь страны, вслѣдствіе чего лѣсная торговля имѣетъ почти исключительно внутренней характеръ. Начиная съ ранней весны и кончая позднею осенью, Сунгари буквально кишитъ безчисленными плотами, сплавляемыми изъ мѣстностей нѣсколько повыше Гирина внизъ по теченію. Въ попутныхъ городахъ на берегу во множествѣ разсѣяны лѣсопильни, гдѣ производится распилка доставляемыхъ бревенъ и выдѣлка изъ нихъ телѣгъ, телѣжныхъ колесъ, деревянной посуды, гробовъ и другихъ деревянныхъ издѣлій. За послѣднее время, благодаря постройкѣ желѣзной дороги, сплавъ лѣса неизмѣрно увеличился на пространствѣ между Гириномъ и Харбиномъ, гдѣ предложеніе лѣса почти никогда не поспѣвало за спросомъ на него.

Среди горныхъ промысловъ въ Маньчжуріи первое мѣсто должно быть отведено разработкѣ золота, богатые мѣсторожденія котораго разсѣяны по всей странѣ, въ особенности въ мѣстности Цзяпигоу и по рѣкѣ Мудандзяну. Однако, эта отрасль промышленности края, несмотря на то, что развитіе ея началось уже очень давно, несомнѣнно, еще ждетъ правильнаго своего развитія въ будущемъ, такъ какъ до сихъ поръ она производилась крайне примитивными средствами и не могла поэтому дать такихъ результатовъ, какихъ можно ожидать въ этомъ отношеніи, судя по проценту добычи чистаго золота въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его мѣсторожденіяхъ. То же самое можно сказать и про добычу серебра, каменнаго угля, желѣза и нѣкоторыхъ другихъ ископаемыхъ, такъ какъ эта отрасль

промышленности требуетъ примѣненія машинъ и крупныхъ капиталовъ, чего можно ожидать только въ будущемъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находятся такіе промыслы Маньчжуріи, какъ, напримѣръ, скотоводство и добыча мѣховъ, которые, по мѣрѣ развитія въ краѣ культуры, наоборотъ, должны будутъ, вѣроятно, опускаться на низшую степень своего процвѣтанія, чѣмъ та, на которой они находятся теперь. На звѣриномъ промыслѣ это уже отчасти и теперь замѣтно, такъ какъ звѣрь уходитъ все глубже внутрь страны и понемногу исчезаетъ.

Скотоводство процвѣтаетъ преимущественно въ Хэйлуцзянской провинціи, гдѣ степная трава служитъ наилучшимъ кормомъ для скота. Но и въ другихъ мѣстахъ Маньчжуріи въ скотѣ нѣтъ недостатка. Наиболѣе обычными животными китайскаго обихода являются быки, крупные и красивые, лошади невысокаго роста, но выносливыя, ослы и въ особенности мулы, незамѣнимые по своей силѣ и выносливости. Мулы маньчжурской породы даже по внѣшнему своему виду красивѣе здѣшнихъ лошадей, а такъ какъ они къ тому же и выносливѣе ихъ, то всегда пользуются предпочтеніемъ передъ лошадьми, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ. При этомъ, такъ какъ хозяйство средняго крестьянина состоитъ обыкновенно лишь изъ немногихъ представителей различныхъ породъ скота, то они запрягаютъ ихъ обыкновенно вмѣстѣ, въ порядкѣ ихъ силы и выносливости. Китайская запряжка представляетъ собою поэтому явленіе очень своеобразное, тѣмъ болѣе, что она состоитъ нерѣдко изъ 8—10 животныхъ. Ближе другихъ къ телѣгѣ помѣщаются мулы, обыкновенно 3 или 4. Впереди ихъ лошади и ослы въ два ряда, при чемъ лошади по большей части въ среднемъ ряду, а ослы на уносѣ. Китайскій возница, сидя на своей колымагѣ, перегруженной всякимъ грузомъ, управляетъ всею этою многоголовою и разнообразною запряжкою даже безъ помощи вожжей, которыхъ китайцы совершенно не знаютъ, а при посредствѣ длиннѣйшаго бича, кончикъ котораго, болтаясь передъ глазами передней пары или тройки, указываетъ ей надлежащее направленіе. Запряжка эта представляетъ крайнія неудобства вслѣдствіе чрезмѣрно длинныхъ постромокъ, въ которыхъ легко запутываются ноги многочисленныхъ участвующихъ въ ней животныхъ, такъ что, если они бѣгутъ рысью, то обыкновенно рядомъ съ ними бѣжить также и китаецъ, специально занимающійся распутываніемъ постромокъ, что онъ дѣлаетъ необычайно ловко, на бѣгу наступая то на ту, то на другую запутавшуюся постромку такъ, чтобы она приняла надлежащее положеніе.

Особенно часто приходится наблюдать такія сцены въ зимнее время, когда по маньчжурскимъ дорогамъ совершается непрерывное движеніе безчисленныхъ обозовъ, занимающихся перевозкою товаровъ. Въ лѣтнее время торговое движеніе почти отсутствуетъ

по причинѣ невозможнаго состоянія колесныхъ путей и невылазной грязи, изъ-за которой иной разъ приходится въ теченіе часа проѣхать не болѣе одной, двухъ верстѣ.

Въ этомъ отношеніи проведеніе желѣзной дороги въ Маньчжуриі, несомнѣнно, должно оказать рѣшительное дѣйствіе на увеличеніе торговаго движенія въ краѣ, которое въ значительной степени обнаруживается и теперь. Насколько хорошо понимаютъ это китайцы, и въ какой степени убѣдились они сами въ громадной выгоду для нихъ желѣзной дороги, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по тому, что когда возникъ вопросъ о соединеніи съ магистралью, при посредствѣ особой желѣзнодорожной вѣтки, Гириня, то многіе купцы сами выразили желаніе принять участіе своими денежными средствами въ сооружеіи этой вѣтки.

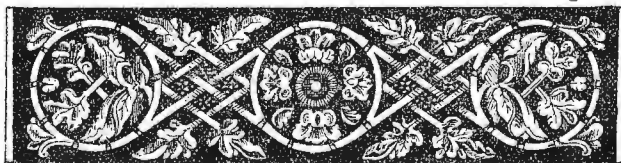
Имѣя нѣкоторое понятіе о томъ состояніи Маньчжуриі, какое переживаетъ этотъ край въ настоящее время, и о взаимныхъ отношеніяхъ, какія установились въ немъ между двумя главнѣйшими элементами его населенія — русскимъ и китайскимъ, познакомившись, хотя и въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ характеромъ этого послѣдняго, туземнаго населенія, нельзя въ заключеніе не составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ, каковы могутъ быть въ ближайшемъ будущемъ судьбы этого во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго края.

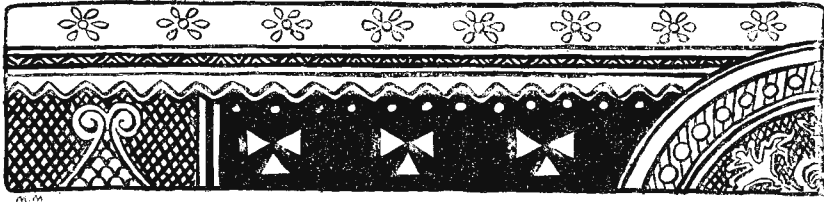
Если, съ одной стороны, китаецъ больше жизни дорожитъ своими внѣшними особенностями, своимъ внѣшнимъ видомъ, своею одеждою, своею традиціонною косою, всѣми своими привычками и приемами, то, съ другой стороны, какъ это ни странно, но можно положительно сказать, что всей этой внѣшней индивидуальности не соответствуетъ внутренняя національная индивидуальность этого народа, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя считаются наиболѣе характерными для всякаго народа—его религіи и государственности.

Принимая во вниманіе не разъ отмѣченную уже выше преобладающую въ характерѣ китайцевъ черту—ихъ практичность и положительность ихъ натуры, съ одной стороны, а съ другой—отсутствіе у нихъ внутренней народной индивидуальности, которое характеризуется слабостью патріотизма и развитія національно-религіознаго духа, можно съ достаточною долею увѣренности утверждать, что то государство, которое захочетъ господствовать надъ Китаемъ, можетъ легко достигнуть этого, если, насаждая среди китайцевъ блага европейской культуры, въ выгоду которыхъ сами они наглядно убѣждаются, сумѣетъ въ то же время щадить внѣшнія стороны и особенности ихъ быта. И можно только

повторить то высказанное уже ранѣе основное положеніе, что для населенія Маньчжуріи, какъ и для всѣхъ вообще китайцевъ, важнѣйшій вопросъ ихъ государственной жизни заключается не въ томъ, кто ими управляетъ, а въ томъ, какъ управляетъ. Понятно, что, какъ въ особенности раньше, такъ отчасти и до сихъ поръ, та извѣстная часть населенія, которая имѣла мало общенія съ новою утвердившеюся въ краѣ властью или находится подъ постороннимъ вліяніемъ, можетъ относиться къ этой власти съ враждебностью естественною, расовою. Но, во всякомъ случаѣ, можно утверждать,—и выше приведено немало примѣровъ этого,—что у ббльшей части населенія Маньчжуріи, по мѣрѣ того, какъ оно убѣждается въ выгодности переменъ, пережитыхъ краемъ за послѣднее время, эта инстинктивная враждебность все болѣе и болѣе вытѣсняется работою разсудка, которая доказываетъ китайцу такъ же ясно, какъ и европейцу, какихъ могущественныхъ результатовъ можно достигнуть мирною борьбою съ косностью и невѣжествомъ при помощи великихъ культурныхъ средствъ. И какія бы тяжелыя испытанія ни приходилось переживать этой истинѣ, она всегда останется истиною, такою же яркою, какъ огонь, и такою же сильною, какъ мечъ.

Сергѣй Руничъ.

АМЕРИКАНСКІЯ ТРУЩОБЫ¹⁾.

(Соціологическо-описательный очеркъ).

V.

ВЪ ОЧЕРТАНІЯХЪ самыхъ общихъ изобразилъ и предъ читателемъ общественный складъ и внутреннюю жизнь американскаго трущобнаго царства въ томъ видѣ, въ какомъ представляется оно въ настоящій моментъ послѣ многократныхъ реформъ послѣдняго десятилѣтія, о которыхъ придется мнѣ еще говорить нѣсколько позже. Въ послѣдніе годы въ составѣ населенія Зловонныхъ улицъ «страны свободы» произошли большія перемѣны. Въ то время, какъ еще сравнительно такъ недавно главный контингентъ иммиграціи въ «страну свободы» состоялъ изъ ирландцевъ, уроженцевъ прочихъ частей Соединеннаго королевства, нѣмцевъ да уроженцевъ Скандинавскихъ государствъ и Даніи, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ составъ этой иммиграціи совершенно измѣнился. Среди сотенъ тысячъ европейскихъ эмигрантовъ, въ послѣднее пятилѣтіе прибывшихъ въ Соединенные Штаты, первое мѣсто занимаютъ итальянцы, затѣмъ русскіе евреи, затѣмъ русскіе и австрійскіе поляки, далѣе

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСV, стр. 1072.

разныя народности многоплеменной Австріи, а затѣмъ уже идутъ ранѣе первенствовавшіе ирландцы, нѣмцы и т. д. Поэтому и въ американскихъ городскихъ трущобахъ наряду съ англійскимъ языкомъ, съ кельтской дѣтской болтовней, какой ирландскія старухи забвляють трущобныхъ малютокъ, съ нѣмецкимъ языкомъ, здѣсь подвергающимся нѣкоторой модификаціи, такъ что онъ скорѣе смахиваетъ на голландскій, съ пѣвучей итальянской рѣчью, начинаютъ все чаще и чаще раздаваться разныя славянскія нарѣчія, среди которыхъ преобладають польскій, малорусскій (галицкаго типа) и русскій. По странной игрѣ социальныхъ судебъ, этотъ послѣдній употребляется исключительно русскими евреями, ибо великорусской эмиграціи въ Америку не существуетъ, а немногочисленные малоруссы и бѣлоруссы, пускающіеся за океанъ, тотчасъ же вполне ассимилируются съ галицкими малоруссами, довольно многочисленными, усвоивая всѣ особенности ихъ рѣчи, ничѣмъ, впрочемъ, существенно не отличающейся отъ коренного малорусскаго языка. Поэтому же самому, т.-е. вслѣдствіе коренной перемѣны въ составѣ иммиграціи, въ болѣе или менѣе претенціозныхъ гостинныхъ американскаго трущобнаго царства, кромѣ «Исторіи Ирландіи», или «Нѣмецкой исторіи», или наконецъ «Исторіи Италіи», все чаще и чаще начинаютъ попадаться на столѣ, въ болѣе или менѣе порядочномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ: «Исторія Польши», «Исторія словаковъ», «Исторія хорватовъ», или наконецъ «Исторія Руси» галицкаго изданія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что европейскому и въ особенности русскому читателю болѣе или менѣе приличная обстановка гостинной, тѣмъ болѣе мягкая мебель, крытая плюшемъ, плюшевый альбомъ или исторія въ приличномъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ на столѣ, самый наконецъ фактъ наличности гостинной, покажутся совершенно несомвѣстимыми съ его понятіемъ о «трущобѣ». Въ видахъ разъясненія подобнаго недоразумѣнія, необходимо разъяснить прежде всего, что общій уровень жизненныхъ потребностей и жизненныхъ удобствъ въ «странѣ свободы» несравненно выше уровня европейскаго и въ особенности русскаго, такъ что даже трущобныя квартиры лучшаго сорта снабжены той особой, отдѣльной комнатою для приема посѣтителей, какую мы по-русски именуемъ «гостинной». Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что лишь сравнительно немногія трущобныя квартиры снабжены подобнымъ, съ европейской точки зрѣнія, атрибутомъ удобства или, пожалуй, даже роскоши, а значительное ихъ большинство состоитъ изъ двухъ и даже одной комнаты. Далѣе необходимо принять въ соображеніе, что въ американской жизни черезчуръ много показнаго, дѣланнаго, или, точнѣе говоря, поддѣльнаго, бьющаго на эффектъ, рассчитаннаго на то, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе, не соответствующее дѣйствительности. Къ числу подобныхъ показныхъ

сторонъ американскаго трущобнаго существованія относятся и эта мягкая мебель въ маленькой гостиной, иногда крытая плюшемъ, нерѣдко впрочемъ истрепаннымъ до неузнаваемости, и этотъ альбомъ въ плюшевомъ переплетѣ, также нерѣдко совершенно истершемся и запачканномъ, и это болѣе или менѣе роскошное изданіе исторіи, и эти нерѣдко эlegantные костюмы нѣкоторыхъ мужчинъ и въ особенности женщинъ Зловонной улицы и т. п. Все это не только не исключаетъ всѣхъ тягостей бѣдности и всѣхъ ужасовъ нищеты, въ особенности проявляющихся и дающихъ себя знать въ зимнее время, а напротивъ для проникательнаго наблюдателя ихъ лишь отбѣняетъ съ большой рельефностью. Все это отнюдь не смягчаетъ факта страшнаго скопленія цѣлой группы человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ на ничтожномъ пространствѣ крохотной квартиры, порождающемъ въ ней ту страшно затхлую и вонючую атмосферу, въ которой, по русскому выраженію, можно топоръ повѣсить. Все это отнюдь не измѣняетъ истиннаго характера американскаго трущобнаго царства, какъ царства грязи, копоти, смрада, удушья, почти совершенно лишеннаго солнечнаго сіянія. Если, по извѣстному изреченію основателя христіанства, солнце равно восходитъ какъ надъ добрыми, такъ и надъ злыми, то въ этомъ трущобномъ царствѣ оно равно не проникаетъ ни къ добрымъ, ни къ злымъ.

До сихъ поръ я пытался воспроизвести передъ читателемъ лишь общій типъ американскаго трущобнаго поселенія, абстрактную, такъ сказать, улицу трущобнаго царства «страны свободы». Отъ подобнаго абстрактнаго воспроизведенія перехожу теперь къ конкретнымъ фактамъ, мной позаимствованнымъ изъ официальныхъ отчетовъ санитарныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, въ кругъ надзора которыхъ входятъ также и домашнія мастерскія, отчетовъ, безусловная достовѣрность которыхъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Начнемъ съ Нью-Йорка. Въ Sudlow'ской улицѣ подъ № 45 имѣется на заднемъ дворѣ трехэтажное каменное зданіе, первый и второй этажи котораго состоятъ подъ конюшнями, а третій разбитъ на три маленькихъ комнаты. Комнаты эти не оштукатурены и сквозь деревянный некрашеный ихъ полъ небрежно сколоченный изъ шероховатыхъ, неотструганныхъ досокъ, свободно проникаетъ въ нихъ изъ находящихся подъ ними конюшенъ нестерпимый смрадъ. Одна изъ этихъ комнатъ, въ которыхъ положительно невозможно дышать, является квартирой, въ которой варится кушанье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерской для девяти мужчинъ, другая—для пяти мужчинъ и двухъ женщинъ и третья—для четырехъ муж-

чинъ, четырехъ женщинъ и одного ребенка. Подушки, одѣяла, матрасы, сковороды и прочая кухонная утварь нагромождены у каминовъ, а все остальное пространство всѣхъ трехъ комнатъ загромождено швейными машинами. Для входа въ эти «квартиры» придѣлана сбоку зданія узкая, высокая, деревянная лѣстница.

Подъ № 10^{1/2} въ той же улицѣ имѣется мрачное зданіе, и въ его мезонинѣ, въ комнатѣ въ двадцать пять футовъ въ длину и двадцать футовъ въ ширину, при семи съ половиной футахъ въ высоту, работаютъ тринадцать мужчинъ и шесть женщинъ. Правда, они живутъ и варятъ свое кушанье въ особой, по близости находящейся, комнатѣ, но зато девятнадцать швейныхъ машинъ и узлы съ конченнымъ и неоконченнымъ платьемъ на полу до того загромождаютъ комнату, что въ ней невозможно повернуться. При низкомъ потолкѣ и полномъ отсутствіи какой бы то ни было вентиляціи воздухъ въ этой комнатѣ до того густъ и наполненъ животными испареніями, что эти работники, ни одинъ изъ которыхъ не можетъ встать съ своего мѣста безъ того, чтобы не потревожить своихъ сосѣдей, едва въ состояніи различать другъ друга. Впрочемъ, они настолько пригвождены къ своимъ машинамъ и прикованы къ своей работѣ, что даже вовсе не отрываютъ глазъ отъ этой послѣдней.

Подъ № 28 на East Broadway (сравнительно широкая чистая улица) имѣется цѣлыхъ три подобныхъ вышеописаннымъ домашнимъ мастерскимъ въ одномъ небольшомъ зданіи: фабрика подтяжекъ, мастерская для издѣлія дешевыхъ мужскихъ панталонъ и мастерская тонкаго дамскаго нижняго бѣлья. Позади этого фронталоваго зданія находится другое, внутреннее зданіе, отстоящее отъ перваго всего лишь на два фута. Обыватели этого внутренняго зданія всевозможные домашніе отбросы попросту выбрасываютъ изъ оконъ въ этотъ двухфутовый промежутокъ между двумя зданіями, гдѣ таковыя и разлагаются, наполняя оба зданія нестерпимымъ смрадомъ; лѣстницы и коридоры въ нихъ обоихъ стали скользкими вслѣдствіе накопленія въ нихъ грязи.

Возьмемъ Чикаго. Подъ № 82 въ Wilson'ской улицѣ стоитъ недавно отстроенное каменное зданіе въ 5 этажей. Его фронтальная входная дверь, совершенно узкая, ведетъ на темную, почти перпендикулярно высящуюся лѣстницу и въ узкіе мрачные коридоры. Эта фронтальная входная дверь приспособлена для пользованія лишь фронтальныхъ квартиръ первыхъ четырехъ этажей зданія, а верхній (пятый) этажъ, равно какъ и всѣ его заднія квартиры, совершенно отъ него отрѣзаны, и въ нихъ можно попасть лишь черезъ особую боковую входную дверь. Всѣ квартиры биткомъ набиты жильцами и квартирантами этихъ послѣднихъ до такой степени, что въ нихъ положительно невозможно повернуться, а въ лѣтнее время совершенно невозможно дышать. Затхлый

вонючій воздухъ наполняетъ эти мрачные коридоры лѣтомъ и зимой. Это—одно изъ наилучшихъ зданій городского трущобнаго района.

Подъ № 132 въ Liberty улицѣ состоитъ деревянная лачуга въ двѣ комнаты, занимаемая евреемъ-портнымъ. Семейство его состоитъ изъ жены и четырехъ дѣтей. Мытье грязнаго бѣлья и тряпья всякаго рода, варка кушанья, шитье на машинѣ и семейная трапеза—все это сосредоточено въ одной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, наполненной неописуемымъ смрадомъ, грязной до невозможности. Другая комната, поменьше, являющаяся семейной спальней, ничѣмъ не отличается отъ первой, и по ея стѣнамъ ползають черви.

Возьмемъ Бостонъ. Подъ № 126 въ улицѣ С (буква англійскаго алфавита) имѣется подвальное помѣщеніе, состоящее изъ двухъ комнатъ. Стѣны мокры и скользки, шпалеры оборваны, и при прикосновеніи руки къ обнаженной штукатуркѣ, совершенно почернѣвшей, дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Въ этомъ подземномъ склепѣ заживо погребено семейство, состоящее изъ отца, матери и двоихъ дѣтей, изъ которыхъ родители страдаютъ страшнымъ ревматизмомъ, а дѣти блѣдныя, дрожація отъ холода и истощенныя до того привыкли жить впроголодь, что, получивъ чашку горячаго супа отъ стороннихъ людей, заболѣли разслабленіемъ желудка.

Подъ № 198 въ улицѣ Е въ крошечной квартирѣ изъ трехъ комнатъ помѣщается семейство, состоящее изъ мужа, жены и шестерыхъ дѣтей: четыре мальчика отъ пяти до семнадцати лѣтъ и двѣ дѣвочки—двухъ и шестнадцати лѣтъ. Одна изъ этихъ комнатъ представляется крохотной темной загроможденной конурой, кроватью, въ которую никогда не проникаетъ солнце. Для надобностей осьми душъ служатъ всего лишь двѣ кровати, сооруженныя изъ пустыхъ ящиковъ. Стѣны—мокры и липки, воздухъ сыръ и смраденъ, повсюду страшное скопленіе грязи, свидѣтельствующее, что «квартира» эта не подвергалась чисткѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Мной приведено лишь нѣсколько описаній трущобныхъ помѣщеній, выхваченныхъ заурядъ изъ официальныхъ отчетовъ санитарныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, единственно съ той цѣлью, чтобы отъ общаго, типическаго, абстрактнаго воспроизведенія трущобнаго царства «страны свободы» перейти къ конкретному его воспроизведенію. Трущобный міръ Нью-Йорка, этого второго по числу населенія города на земномъ шарѣ, этой истинной метрополіи Новаго Свѣта, настолько обширенъ и разнообразенъ, что его конкретное, реальное, фотографическое описаніе, снабженное надлежащими параллельными сопоставленіями съ иными городами, а равно неизбѣжными обобщеніями, дастъ полную, всестороннюю и превосходную картину трущобнаго царства «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

VI.

На разстояніи всего лишь какой нибудь четверти версты отъ зданія нью-іоркской городской думы находится самый густо населенный пунктъ на земномъ шарѣ. Пунктъ этотъ официально именуется одиннадцатымъ городскимъ полицейскимъ участкомъ и заключаетъ въ себѣ отъ 225.000 до 500.000 душъ на одну квадратную милю, биткомъ набитыхъ во множествѣ маленькихъ квартиръ въ нарочито къ тому приспособленныхъ домахъ, составляющихъ подавляющее большинство зданій въ каждомъ кварталѣ этой мѣстности. Хотя съ улицы всѣ эти зданія въ четыре и пять этажей выглядываютъ весьма прилично и опрятно, но позади нихъ на заднемъ дворѣ имѣется по одному или даже по два жалкихъ зданія, отдѣленныхъ какъ отъ фронтובהго зданія, такъ и между собой всего лишь на нѣсколько футовъ. Въ эти первые и вторые ряды заднихъ зданій, сверху до низу кишачихъ человѣческими существами, никогда не проникаетъ солнечное сіяніе. Такимъ образомъ, наружный видъ трущобныхъ кварталовъ метрополи Новаго Свѣта, равно какъ и прочихъ крупнѣйшихъ американскихъ городовъ, вообще представляется обманчивымъ, и даже такіе уголки трущобной части Нью-Йорка, какъ такъ называемая «Адская Кухня», или «Убиенный Рядъ», расположенные впрочемъ въ иной, верхней, части города, наружнымъ своимъ видомъ не выдаютъ своего истиннаго характера. Необходимо заглянуть на задворки, осмотрѣть это зданіе и боковые закоулки и переулки, присмотрѣться къ этимъ заднимъ, нефронтовымъ домамъ и ихъ ужаснымъ условіямъ, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ американской трущобѣ и той жизни, какая выпала на долю «Les Misérables» этой такъ называемой «страны свободы».

Всѣ почти трущобныя мѣста состоятъ изъ четырехъ или пяти этажей. Нижній этажъ обыкновенно занятъ какимъ либо торговымъ заведеніемъ, прочіе этажи разбиты на четыре отдѣльныхъ квартиры въ двѣ комнаты. Наружная комната, въ 12 футовъ длинной и 10 шириной, снабжена двумя окнами, а внутренняя комната, въ 6 футъ длины и 4 ширины, не имѣетъ ни одного окна. Обыкновенно въ подобной квартиркѣ проживаютъ отъ 6 до 8 взрослыхъ и 4—5 дѣтей. Дома, выходящіе на улицу, т.-е. фронтвые, до нѣкоторой степени доступны проникновенію въ нихъ солнечнаго свѣта и воспріятію того духа, какой присущъ обыкновенно страшно переполненнымъ улицамъ, но зато промежуточный и задній дома, скрывающіеся за фронтовымъ зданіемъ, находятся въ иныхъ условіяхъ: люди, набитые въ этихъ заднихъ домахъ, точ'о скотъ въ товарныхъ вагонахъ, живутъ здѣсь, работаютъ и родятъ дѣтей, буквально не видя свѣта божьяго въ теченіе круглаго года. Лампы горятъ здѣсь безпрерывно, день и ночь, и слабый полу-

свѣтъ, подобный тому, какой еле брезжитъ передъ разсвѣтомъ, является единственнымъ отблескомъ солнечнаго сіянія, какой проникаетъ въ это царство тьмы въ самые жаркіе дни знойнаго лѣта. Одинъ водопроводный крайъ полагается здѣсь на цѣлыя четыре квартиры, а одно отхожее мѣсто, полагающееся на цѣлый домъ, находится на заднемъ дворѣ и издаетъ нестерпимое зловоніе. Среди этого царства грязи и человѣческаго уничтоженія дѣти представляютъ собой зрѣлище самое трагическое. Улицы, переулки, дворы, задворки, лѣстницы, подвалы, кишмя кишатъ малютками: они плодятся съ невѣроятною быстротою и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особенности, въ лѣтнее время, мрутъ, какъ мухи. Такъ какъ труппобныя семьи почти безъ всякаго исключенія наwerbывають себя какъ можно больше квартирантовъ, то такая вещь, какъ 25 человѣкъ на три подобія комнаты, представляется явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Въ странѣ, кичащейся своими цивилизаціей, богатствомъ, народоправленіемъ, изобрѣтеніями, необычайными удобствами жизни и общедоступностью этихъ послѣднихъ, вовсе не въ диковинку найти цѣлую семью, вмѣстѣ со стадомъ гусей, проживающую въ мрачномъ и грязномъ подвалѣ, цѣлую семью среди грудъ тряпья и мусора всякаго рода въ нѣкоемъ подобіи помещенія, не ѣвщую нѣсколько дней, мать, едва разрѣшившуюся отъ бремени, съ кучей голодныхъ и продрогшихъ малютокъ выброшенную на улицу въ буквальномъ смыслѣ слова за неуплату мѣсячной или недѣльной платы за квартиру.

Такъ называемыя домашнія мастерскія, существованіе которыхъ законодательство разныхъ штатовъ въ послѣднее время старается ограничить и даже вовсе уничтожить, представляются одной изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ американскаго труппобнаго міра. Въ частности въ Нью-Йоркѣ обширный районъ, состоящій изъ улицъ Mulberry, Hester, Baxter, Canal, Sudlow, Essex и East Broadway, наполненъ сотнями подобныхъ «мастерскихъ». Въ нихъ изготовляются чулки, фартуки, картузы, галстуки, исподнее бѣлье болѣе грубыхъ сортовъ, а равно мужское и женское исподнее бѣлье высшаго сорта, женскія пальто и мужское платье вообще. Всѣ эти мужскіе костюмы, дамскія тканья фуфайки и т. п., столь заманчиво выглядывающіе на выставкахъ въ окнахъ магазиновъ и привлекающіе публику своими низкими цѣнами, служили, быть можетъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней постелью для грязнаго больного горемыки, ихъ изготовлявшаго. Оптовые склады готоваго платья и бѣлья въ Нью-Йоркѣ, Филадельфій, Балтиморѣ и т. д. охотно объяснятъ вамъ на ваши вопросы, что ихъ товаръ изготовляется по подрядамъ особыми подрядчиками (которые, какъ всякому извѣстно, исполняютъ эти подряды въ сотняхъ вышеописанныхъ «домашнихъ мастерскихъ»), если же, однако, вы выразите предположеніе, что этотъ самый товаръ является плодомъ тя-

желаго труда злополучныхъ рабочихъ въ вышеупомянутыхъ «мастерскихъ», то управляющіе означенными складами и ихъ приказчики строятъ вамъ мины кроваго оскорбленія и объявятъ вамъ, что, гдѣ именно изготовляется это ихъ превосходное платье или бѣлье, имъ неизвѣстно. Между тѣмъ, товаръ этотъ изготовляется несомнѣнно въ этихъ мрачныхъ и грязныхъ конурахъ, переполненныхъ изнуренными, нерѣдко больными человѣческими существами, задыхающимися надъ швейными и вязальными машинами, въ неопикуемой атмосферѣ, среди груды тюфяковъ, подушекъ, сковородокъ и т. д.

Представляется достопримѣчательнымъ, что трущобный міръ крупнѣйшихъ американскихъ городовъ—Нью-Йорка, Бостона и т. д., выросъ на мѣстѣ прежнихъ наиболѣе аристократическихъ ихъ кварталовъ. Когда бѣдняки, авантюристы, проходимцы и негодяи Старога Свѣта стали все болѣе и болѣе наводнять американскіе портовые города, то, въ силу какого-то скрытаго дѣйствія закона перемѣщенія центра социальной тяжести, зажиточные ихъ классы стали покидать свои дома и дворцы, переселяясь въ инныя части своихъ городовъ. Предоставляя «смѣтливимъ дѣловымъ» людямъ, въ качествѣ своихъ агентовъ, свои прежнія обиталища разбивать на сотни клѣтокъ, и эти послѣднія отдавать въ наймы женоприбывающимъ, которые готовы были платить почти какую угодно цѣну за одну или двѣ комнаты, эти домовладѣльцы вовсе не заботились о томъ, велико или мало нанимаемое помѣщеніе, чисто ли оно или не чисто, соответствуетъ ли оно, по своимъ размѣрамъ, составу семьи нанимателя или нѣтъ. Въ результатъ получилось то страшное переполненіе этихъ клѣтокъ, именуемыхъ квартирами, которое, являясь полнѣйшимъ игнорированіемъ всѣхъ элементарныхъ, санитарныхъ и гигиеническихъ требованій, порождаетъ высокій процентъ заболѣваній и страшную смертность, въ особенности между дѣтьми. Вторымъ результатомъ подобнаго наплыва европейской голи, ищущей какого бы то ни было приюта, явилось сооруженіе на скорую руку множества дешевыхъ деревянныхъ домовъ въ родѣ тѣхъ, описаніе которыхъ дано мной выше при воспроизведеніи жизни и быта Зловонной улицы. Однако подобная деревянно-строительная горячка вскорѣ была прекращена обязательными постановленіями городскихъ думъ, имѣющими силу закона, и вслѣдъ за симъ въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и т. д. стали выростать многоэтажные каменные дома, специально предназначенные для расквартированія бѣднаго класса. Дома эти отстроены съ соблюденіемъ извѣстныхъ санитарныхъ правилъ, а потому представляются сравнительно сносными обиталищами, между тѣмъ какъ бывшіе аристократическіе дома и дворцы, первоначально распланированные для роскошной жизни одной семьи, а впоследствии разбитые на множество маленькихъ клѣтокъ для обитанія множе-

ства семействъ, въ нарушение всѣхъ правилъ гигиены и санитаріи представляются истинными разсадниками заразы и смертности. Дома эти принадлежатъ нынѣ разнымъ наслѣдникамъ, которые, подобно некрасовскому барину, никогда ихъ не видятъ и поручаютъ ихъ попеченіямъ своихъ агентовъ или, выражаясь чисто по-русски, управляющихъ, которые воплощаютъ въ себѣ типъ некрасовскаго бурмистра Власа въ наихудшемъ смыслѣ слова. Покраски, побѣлки, подштукатуриванія, оклейки, очистки эти человѣческія обиталища не испытываютъ десятилѣтіями. Такимъ образомъ, алчность зажиточныхъ классовъ «страны свободы», это чисто американское кровососательство и кровопійство, набросившись на легіоны нахлынувшей и непрерывно прибывающей европейской голи, создали тотъ труппный міръ, который является серьезной угрозой здравію, нормальному росту и развитію американскаго народа, а равно даже и той формѣ правленія, которою онъ такъ кичится.

На это, можетъ быть, послѣдуетъ возраженіе, что всей этой голи Старога Свѣта вовсе незначѣмъ являться въ «страну свободы». Но вѣдь условія ея существованія въ родной странѣ такъ мало замѣчивы; разные эмиграціонные агенты, имъ же имя легіонъ, въ краскахъ столь чудныхъ и привлекательныхъ расписываютъ ей то благополучіе и богатство, какое, безъ всякаго сомнѣнія, ожидаетъ ее въ Новомъ Свѣтѣ, что всѣ эти бѣдняки, почти за безцѣнокъ распродавъ свое скудное достояніе, пускаются за море, а разъ они, разорвавъ всякую экономическую связь съ родной страной, вступаютъ на американскій берегъ и будутъ допущены въ страну, для нихъ, собственно говоря, уже нѣтъ возврата. Поэтому возраженіе, что имъ незначѣмъ являться въ Соединенные Штаты, представляется совершенно отвлеченнымъ и неимѣющимъ никакого практическаго значенія. Другое возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано по этому предмету, заключается въ томъ, что эти новопробывающіе европейскіе эмигранты, вовсе не обязаны нанимать подобныя ужасныя помѣщенія и платить за нихъ цѣны столь чрезмѣрныя. Но вѣдь, едва лишь ступивъ на эту «свободную» землю, европейскій эмигрантъ тотчасъ же убѣждается, что всѣ розсказни агентовъ—чистѣйшій и грубый обманъ; что ему придется здѣсь нести трудъ, гораздо болѣе тяжелый, и вести борьбу за существованіе, гораздо болѣе упорную и беспощадную, нежели въ родной странѣ. Окруженный обыкновенно многочисленнымъ семействомъ, безъ гроша за душой, не будучи въ состояніи произнести ни единого слова по-англійски, чувствуя себя неподготовленнымъ и неспособнымъ къ столь упорной и тяжелой борьбѣ за существованіе, потерявъ мужество и надежду, впавъ въ нѣкоторое отчаяніе, обезкураженный и растерявшійся, этотъ новопробывшій европейскій эмигрантъ естественно устремляется въ первую попавшуюся квартиру, отдаваемую въ наймы, вовсе не разбирая, насколько таковая грязна, негодна для существованія.

Если, такимъ образомъ, въ большихъ городахъ «страны свободы» сотни тысячъ человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принуждены жить въ квартирахъ столь грязныхъ и смрадныхъ, что не только американскій милліонеръ никогда не помѣстилъ бы въ нихъ своей лошади или своей собаки, но даже американскій фермеръ не отвелъ бы своей лошади или своей коровѣ, то тысячи дѣтей, рождающихся и вырастающихъ въ этихъ конурахъ и подвальныхъ помѣщеніяхъ, представляютъ собой зрѣлище поистинѣ трагическое. Конечно, малютки не сознаютъ всего ужаса окружающей ихъ обстановки, и потому до пробужденія подобнаго сознанія, если только они, какъ часто случается, не умираютъ ранѣ достиженія этого періода, настолько же беззаботны и счастливы, какъ и дѣти зажиточныхъ классовъ. Однако это отнюдь не измѣняетъ существа дѣла. Зарожденныя матерями, изможденными непрерывнымъ непосильнымъ трудомъ, оглобленными «тяготами» жизни, потерявшими мужество и надежду, не видящими предъ собой никакого просвѣта, отъ отцовъ, распатанныхъ физически и психически какъ тяжелымъ трудомъ, такъ и непрерывнымъ пьянствомъ, ожесточенныхъ и озвѣреподобленныхъ той чудовищной безпощадной борьбой за существованіе, какая денно и нощно идетъ въ «странѣ свободы» ради поддержанія уровня жизни, непосильнаго для рабочаго класса, дѣти эти черезчуръ часто выходятъ помѣшанными, преступниками и бродягами, а извѣстная часть ихъ попросту родится идиотами. Невѣжественныя, изнуренныя и ожесточенныя матери, голодные и разъяренные отцы, дикія, жестокія и неисправимыя дѣти находятся въ непрерывной войнѣ другъ съ другомъ, являясь въ миниатюрѣ олицетвореніемъ извѣстнаго философскаго утвержденія Гоббса, что человѣческое общество представляетъ собой *bellum omnium contra omnes*.

VII.

Наплывъ эмигрантовъ изъ Италіи въ метрополию Новаго Свѣта въ послѣдніе годы сталъ настолько громаденъ, что они совершенно наводнили собой ту часть Нью-Йорка, которая носитъ наименованіе «Bend», и даже стали вытѣснять бѣдняковъ негровъ изъ прилегающей къ Bend'у части города, издавна носящей наименованіе «Африки». Улицы, переулки, закоулки, дворы и задворки какъ Bend'a, такъ и «Африки» до такой степени переполнены сотнями тысячъ бездомныхъ человѣческихъ существъ всѣхъ національностей земного шара, что здѣсь обыкновенно на десять такъ называемыхъ «отдѣльныхъ помѣщеній» приходится въ каждый данный моментъ не болѣе 20—25 незанятыхъ, а равно нерѣдко можно встрѣтить выставленными въ окнахъ или вывѣшенными на дверяхъ объявленія такого рода: «только стоячая комната». Смыслъ подобнаго объяв-

ленія заключается въ томъ, что въ данной квартирѣ имѣется въ данный моментъ только такая конура, въ которой возможно спать лишь стоя. Такъ какъ, однако, обязательными постановленіями городского общественнаго управленія, имѣющими силу закона, опредѣляется отъ времени до времени предѣлъ переполненія отдѣльныхъ комнатъ людьми въ ночное время по исчисленію количества кубическихъ футовъ воздуха, необходимаго для дыханія отдѣльной личности, то чины нью-іоркской городской полиціи съ полуночи вплоть до разсвѣта повально обходятъ всѣ квартиры «Bend»'а, «Африки», «Китайскаго города», «Еврейскаго города» и прочихъ кварталовъ трущобной части города, для наблюденія за выполненіемъ вышеозначенныхъ обязательныхъ постановленій городскихъ властей. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ глухой ночи, продолжительность которой различна, смотря по времени года, непрерывно раздается въ трущобныхъ кварталахъ метрополиі Новаго Свѣта оглушительный стукъ полицейской палочки въ запертыя двери домовъ и квартиръ, сопровождающійся повелительнымъ возгласомъ: «отворите дверь!» провозглашаемымъ чуть не на всѣхъ языкахъ земного шара. Нестерпимо душливая атмосфера, копотъ керосиновой лампы, храпъ, плачъ дѣтей и испуганныя фізіономіи ночлежниковъ, обыкновенно являющихся постоянными «жильцами», проводящими здѣсь ночь за плату въ 5—7 центовъ съ «мѣста», встрѣчаютъ ночной полицейскій обходъ на всемъ протяженіи нью-іоркскаго трущобнаго царства. Кромѣ подобныхъ, такъ сказать, частныхъ квартиръ, въ которыхъ «жильцы» получаютъ «мѣсто» для сна за вышеприведенную плату, имѣются еще къ услугамъ бездомныхъ особые дешевые рестораны, открытые всю ночь. Здѣсь за плату въ 2—3 сента бездомный пролетарій «страны свободы» получаетъ чашку горячаго чернаго кофе съ черствой булочкой и стулъ, на которомъ имѣетъ право провести за столомъ всю ночь. За полночь и въ особенности предъ разсвѣтомъ эти «открытые всю ночь рестораны» представляютъ собою невеселую картину отдѣльныхъ группъ голодныхъ, изнуренныхъ человѣческихъ существъ обоего пола, при слабомъ мерцаніи лампъ повалившихся на столы и спинки стульевъ, безмолвно озираемыхъ стоящими за буфетомъ служителями и распорядителями. Обыкновенно подобный «ресторанъ» помѣщается въ грязномъ, темномъ, смрадномъ подвалѣ, выходящемъ иногда на улицу, но преимуществу въ переулочъ. Въмѣсто чашки кофе посѣтитель можетъ получить согласно собственному желанію кружку пива. Пиво это получается изъ боченковъ, признанныхъ содержателями питейныхъ заведеній негодными къ употребленію и выставленныхъ на улицу для уборки таковыхъ пивоваромъ, и, будучи слегка подмѣшано и сдобрено разными дешевыми пряностями, преподносится завсегдатаямъ подобныхъ «ресторановъ», обыкновенно содержимыхъ или итальянцемъ, или негромъ, или въ рѣдкихъ случаяхъ — евреемъ.

Сверхъ сего имѣются въ Нью-Йоркѣ точно также и ночлежные дома. Представьте себѣ каменное зданіе, въ родѣ амбара или конюшни, вдоль стѣнъ котораго идутъ одинъ надъ другимъ попарные ряды параллельныхъ деревянныхъ брусьевъ: между ними привѣшены продолговатые куски грубой холстины, представляющіе собой спальныя койки, безъ всякихъ признаковъ подушекъ и одеялъ. Здѣсь во всякое время года и въ особенности въ долгія и холодныя зимнія ночи тысячи бездомныхъ обрѣтаютъ нѣкоего сорта ночлегъ. Бросаясь въ подобныя «постели» не раздѣваясь, что, за отсутствіемъ какого бы то ни было покрывала, представляется не только естественнымъ, но даже и неизбѣжнымъ, армія ночлежниковъ издаетъ обыкновенно могучій храпъ и многогласное сопѣнье, а брусья, на которыхъ привѣшены ихъ койки, подъ напоромъ чрезмѣрнаго вѣса подобнаго количества непрерывно поворачивающихся людей, издають глухое и протяжное скрипѣнье, напоминающее скрипъ мачтъ на океанскомъ пароходѣ или на кораблѣ. Такъ какъ при словѣ «ночлежный домъ» въ умѣ русскаго читателя тотчасъ же рождается представленіе о правительственномъ учрежденіи, то представляется необходимымъ объяснить здѣсь, что всѣ эти ночлежные дома являются частными предпріятіями, точно такъ же, какъ вышеописанныя «комнаты» съ «мѣстами» и «открытые всю ночь рестораны». За плату въ 7 или 10 центовъ ночлежникъ пріобрѣтаетъ здѣсь эту холстинную койку, которая, хотя и безо всякаго покрывала, вообще говоря, предпочтительнѣе не только мѣста за столомъ на стулѣ въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ двухсентовыхъ ресторановъ, но даже и «мѣста» въ 5 центовъ въ вышеописанныхъ «комнатахъ» «отдѣльныхъ помѣщеній» трущобнаго района.

VIII.

Какъ это ни покажется страннымъ русскому читателю, тѣмъ не менѣе это непреложный фактъ, что въ первостепенномъ и главенствующемъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, какимъ представляется Нью-Йоркъ, второй по числу населенія городъ на земномъ шарѣ, въ нижней, восточной его части, представляющей собой трущобный его районъ, вовсе не существуетъ особой американской общины, отдѣльныхъ, специально американскихъ кварталовъ. Безъ всякихъ затрудненій, по первому опросу, вы найдете здѣсь всевозможныя колоніи: итальянскую, французскую, нѣмецкую, африканскую (негрскую), испанскую, скандинавскую, русскую (русскіе евреи), еврейскую (польскіе евреи), китайскую и даже арабскую, но вы напрасно стали бы искать здѣсь, въ этой части города, кварталовъ исключительно и чисто американскихъ. Таковыхъ здѣсь не существуетъ, и, дабы обрѣсти ихъ, необходимо перебраться въ иную, верхнюю, западную часть города.

Вышеописанныя двухсентовыя «мѣста» въ «комнатахъ» «отдѣльных помѣщеній» и семисентовые и десятисентовые ночлежные дома являются преимущественной и болѣе типической принадлежностью итальянскихъ кварталовъ нижней части «метрополиі Новаго Свѣта». По мѣрѣ приближенія отъ этихъ кварталовъ къ кварталамъ еврейскимъ (заселеннымъ русскими евреями), дома, разбитые на множество типическихъ маленькихъ «отдѣльных помѣщеній», становятся выше, т.-е. многоэтажнѣе, и ряды ихъ все гуще и гуще. Вы сразу слышите здѣсь столь знакомый еврейскій жаргонъ и видите столь знакомые еврейскіе кафтанъ и ермолку. Еврейское населеніе представляетъ собой въ этихъ кварталахъ столь подавляющее численное большинство, что въ дни большихъ еврейскихъ праздниковъ публичныя школы этой десятой части города Нью-Йорка совершенно пусты. Эта десятая часть города Нью-Йорка представляетъ собой едва ли не самый густонаселенный пунктъ на земномъ шарѣ, въ которомъ въ высшей степени рѣдко можно встрѣтить объявленіе: «отдается въ наемъ». Навербовываніе квартирантовъ является важнымъ факторомъ въ быту здѣшняго еврейства, а потому проживательство 20 душъ въ двухъ небольшихъ комнатахъ не представляетъ здѣсь ничего необычнаго. Грязныя, оборванныя, полунагія дѣти шныряютъ на каждомъ шагу, почти сбивая съ ногъ прохожихъ, горлана немилосердно и въ случаѣ надобности исчезая въ переулкахъ, подвалахъ и на задворкахъ.

Въ жаркую лѣтнюю пору, въ особенности въ іюлѣ и августѣ, жизнь въ этихъ домахъ и квартирахъ, которые правильнѣе было бы именовать бараками, представляется совершенно невозможной. Пока мужья находятся на работѣ, жены и дѣти, бѣжавъ изъ этихъ раскаленныхъ клѣтокъ, пѣлый день и ранній вечеръ проводятъ на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ, гдѣ подъ вечеръ присоединяются къ нимъ вернувшіеся домой мужья, родственники и родственницы, квартиранты и квартирантки. Всѣ полицейскія правила низвергаются въ прахъ предъ лицомъ стихійнаго зноя, и на крышахъ домовъ спятъ и забавляются малютки, рѣзвятся ребятишки, распивается вода со льдомъ или пиво, только что принесенное дѣтьми изъ сосѣдняго питейнаго заведенія, ссорятся и перебраниваются немиролюбивыя сосѣдки и ухаживаютъ другъ за другомъ молодые люди и молодыя дѣвушки, а когда наступитъ ночь, то все это населеніе «еврейскаго города» спускается съ крышъ на тротуары и здѣсь на пуховикахъ, перинахъ, матрасахъ и большихъ пустопорожнихъ ящикахъ располагается на ночлегъ. Тяжелый безпокойный сонъ нисходитъ на эти нестройные ряды мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разлегшихся на тротуарахъ и, подобно предкамъ въ пустынь моавитской, молящихъ небо о ниспосланіи дождя.

Смертность между дѣтьми нью-іоркскаго Гетто, равно какъ и прочихъ частей трущобнаго района «метрополиі Новаго свѣта» въ

эту знойную пору года достигаетъ положительно ужасающихъ размѣровъ. Санитарное управленіе города каждое лѣто откомандировываетъ въ этотъ районъ 50 такъ называемыхъ «лѣтнихъ» врачей, специально подготовленныхъ къ практикѣ этого рода, для поданія бесплатной медицинской помощи и бесплатнаго отпуска лѣкарствъ бѣднякамъ. Въ то же время бѣднымъ семействамъ предоставляется краткосрочный даровой проѣздъ въ разныхъ направленіяхъ по желѣзной дорогѣ или на пароходахъ за предѣлы города, чтобы подобными экскурсіями дать имъ возможность чаще подышать свѣжимъ воздухомъ и освѣжиться отъ смертельнаго зноя столь громаднаго города. Несмотря, однако, на всѣ эти мѣры къ огражденію здоровья и облегченію лѣтней участи обывателей труппаго царства второго города на земномъ шарѣ, устроители погребеній регулярно понижаютъ плату за погребеніе дѣтей на лѣтній сезонъ, гробокопатели на кладбищахъ всѣхъ вѣроисповѣданій и городскихъ въ іюлѣ и августѣ работаютъ сверхъ положенныхъ часовъ, а когда барка управленія городской благотворительностью черезъ каждые три дня отплываетъ къ городскому кладбищу, то въ это время года палуба ея неизмѣнно представляетъ собой цѣлую гору дѣтскихъ гробиковъ.

Между итальянской и еврейской частями Нью-Йорка расположена китайская его часть, именуемая официально шестой частью города. Несмотря на то, что китайская иммиграція въ Соединенные Штаты воспрещена законами уже въ теченіе двадцати лѣтъ, въ крупныхъ американскихъ городахъ, въ особенности Нью-Йоркѣ и Санъ-Франциско, имѣются болѣе или менѣе многочисленныя китайскія колоніи. Китаецъ въ «странѣ свободы» до такой степени монополизировалъ прачешное дѣло, что «китаецъ» и «прачешная» представляются здѣсь синонимами. Однако, помимо столь достойной и полезной профессіи, какъ мытье бѣлья, китаецъ ударился здѣсь еще и въ иную, совершенно недостойную и въ высшей степени вредоносную профессію, какой представляется несомнѣнно содержаніе специальныхъ притоновъ для куренія опиума. Злополучныя жертвы этой страсти, которая, будучи разъ приобрѣтена, представляется почти неискоренимой, денно и нощно наполняютъ десятки домовъ въ Mott и Pell улицахъ «Китайскаго города». Хотя полиція очень часто обыскиваетъ эти дома, и пойманные въ нихъ курильщики опиума обоого пола, просидѣвъ ночь подъ арестомъ, на слѣдующее утро, рѣшеніями полицейскихъ судей, отсылаются, смѣря по возрасту, или въ тюрьмы, или въ исправительные дома, тѣмъ не менѣе, однако, положеніе дѣла этими обысками, арестами и заключеніями ни на единую іоту не улучшается. Немало членовъ «почтеннѣйшихъ», «приличнѣйшихъ» и «законоповинующихся» семействъ, немало молоденькихъ дѣвушекъ какъ изъ труппаго царства, такъ и изъ аристократическихъ кварталовъ второго го-

рода на земномъ шарѣ, нерѣдко еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ становятся рабами и рабынями этой страсти. Изъ рабынь подобной страсти, изъ поклонницъ опиумовой трубки, дѣвушки эти превращаются нерѣдко въ рабынь обладателей этой трубки, т.-е. китайцевъ-содержателей притоновъ, живя съ ними въ качествѣ и подъ именемъ ихъ женъ. Никакія наказанія и никакой полицейскій терроръ не могутъ остановить и переродить этихъ трубкапоклонниковъ и трубкапоклонницъ, которые все по внѣшнему своему виду отличаются поразительной чистотой и опрятностью. Обычнымъ заключеніемъ и исходомъ этого трубкапоклонничества представляются или кровать въ «Благотворительномъ госпиталѣ», или общая, свальная могила среди чистаго поля за городомъ на специально къ тому предназначенномъ участкѣ городской земли, именуемомъ кладбищемъ для бѣдныхъ или «городскимъ кладбищемъ». Очевидно, современная общественность даже въ странахъ, наиболѣе цивилизованныхъ, не доросла еще до уразумѣнія непригодности и безцѣльности полицейскаго террора и наказанія тамъ, гдѣ нужно разумное воспитаніе и надлежащее лѣченіе.

Какъ мнѣ приходилось уже упоминать, трущобный районъ «метрополиі Новаго Свѣта» обнимаетъ собою нижнюю, восточную, часть города, расположенную ниже Четырнадцатой улицы. Однако и верхняя, западная, часть его не успѣла избѣжать обладанія собственными, такъ сказать, трущобами. Выше мной уже упоминавшіеся «Адская Кухня» и «Убиенный Рядъ» находятся въ районѣ боенъ и дешевыхъ питейныхъ заведеній верхней, западной, части города, и даже наиболѣе аристократической отдѣль этой послѣдней, носящій наименованіе «Harlem», обладаетъ такъ называемой «Маленькой Италіей», т.-е. особой итальянской колоніей, состоящей изъ бѣдняковъ-эмигрантовъ и по своему образу жизни, правамъ и обычаямъ, конкурирующей съ вышеописанной итальянской частью нижняго трущобнаго района города, именуемой «Bend»'омъ. Между трущобнымъ райономъ въ собственномъ смыслѣ и трущобными участками верхней, западной, буржуазной и буржуазно-аристократической части города существуетъ однако болѣе или менѣе значительная разница. Въ то время, какъ трущобный районъ второго города на земномъ шарѣ, выросшій изъ прежнихъ аристократическихъ его кварталовъ, представляетъ собой перестроенные изъ прежнихъ барскихъ домовъ и дворцовъ бараки, разбитые на безчисленное множество клѣтокъ, въ которыхъ, въ особенности въ лѣтнее время, томятся и задыхаются сотни тысячъ человѣческихъ существъ всѣхъ половъ и возрастовъ, большая часть домовъ для бѣднаго класса въ трущобныхъ участкахъ верхней, буржуазной части города, возведенныхъ уже сравнительно въ позднѣйшее время, построены съ извѣстнымъ соблюденіемъ правилъ санитаріи и гигиены. Въ силу позднѣйшихъ узаконеній по сему предмету,

сооруженіе заднихъ зданій уже представляется невозможнымъ, открытыя ямы для свалки и сливанія нечистотъ оказываются немислимыми, темныя спальни безъ оконъ и всякой вентиляціи не допускаются, возможность неимѣнія въ домахъ воды въ знойные лѣтніе дни пресѣчена, открытіе доступа воздуха и солнца въ дома для бѣдняковъ сдѣлано обязательнымъ. Такимъ образомъ, даже въ этомъ «темномъ царствѣ» этой такъ называемой «страны свободы» идетъ прогрессъ.

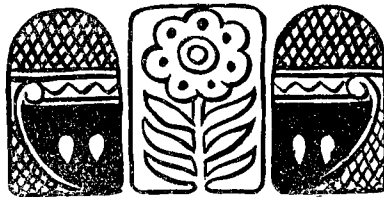
XI.

Въ предшествующихъ строкахъ я пытался воспроизвести предъ умственными очаминисходительныхъ читателей американскую трущобу лишь въ самыхъ общихъ ея очертаніяхъ, лишь постольку, поскольку представляется возможнымъ уразумѣть, охватить и описать ея домашній бытъ, ея внутренній складъ, ея болѣе или менѣе частную жизнь. Но за этой областью остается еще много иныхъ областей: улица и ея жизнь, питейное заведеніе и его особая жизнь, притоны убійцъ, фальшивыхъ монетчиковъ, поджигателей, мошенниковъ и воровъ, ночлежныя пристанища бездомныхъ дѣтей въ буквальномъ смыслѣ этого слова подъ заборами и у подъѣздовъ музеевъ, публичныхъ садовъ, церквей, думъ, судовъ, банковъ и т. д., ночлежныя пристанища взрослыхъ бродягъ на теплыхъ задворкахъ пекаренъ, на товарныхъ платформахъ и въ товарныхъ вагонахъ, уличныя чайныя и кофейни въ деревянныхъ будкахъ съ платою въ 1 центъ и, наконецъ, публичные дома всѣхъ разновидностей и наименованій. Однако не только сколько нибудь описать всѣ эти области трущобнаго царства «страны свободы», но даже слегка коснуться ихъ мнѣ «не дано», ибо не предоставлено для сего достаточно мѣста въ семъ почтенномъ журналѣ, въ которомъ мнѣ не первый уже годъ приходится описывать американскую жизнь и американскій бытъ. Я показалъ читателю одинъ лишь уголокъ этого ада цивилизаціи, и пусть онъ покамѣстъ этимъ удовлетворится.

«Тугая мошна», которая въ сей такъ называемой «странѣ свободы» ворочаетъ и командуетъ положительно всѣмъ: законами, государственными учрежденіями, управленіемъ, судами, печатью, воспитаніемъ дѣтей и юношества, наконецъ, и болѣе всего церковью и ея проповѣдниками, создала вышеописанные трущобные дома просто потому, что они являются въ высшей степени выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, давая отъ 20⁰/₀ до 50⁰/₀ чистаго дохода. Въ той бѣшеной и кровавой погонѣ за наживой, какая день и ночь ведется въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», американскій богачъ наткнулся на бѣднаго, беззащитнаго, преимуществу невѣжественнаго европейскаго эмигранта, незнакомаго съ языкомъ страны и ея своеобразнымъ и сложнымъ государственно-общественнымъ укладомъ, и въ эмигрантѣ этомъ узрѣлъ блестящую

возможность «выгоднаго помѣщенія капитала», т.-е. возможность построить неслыханные проценты и баснословные дивиденды на изнуреніи плоти и сосаніи крови этого парія Стараго Свѣта, пустившагося за океанъ искать лучшей доли. По самымъ умѣреннымъ статистическимъ исчисленіямъ за всѣ эти квартиры всѣхъ этихъ американскихъ трущобъ бѣдняками, въ нихъ коротающими свою невеселую жизнь, уплачена уже такая сумма, на которую всѣ эти зданія можно было бы шесть разъ выстроить изъ желѣза и мрамора. Но что же изъ этого? Самъ себѣ американскій трущобный обыватель покажѣтъ помочь не можетъ, а если самъ онъ себѣ помочь не можетъ, то кто же ему поможетъ? Вѣдь всѣ основные факторы и движущія силы общественной жизни, законодательство, управленіе, правосудіе, печать и церковная проповѣдь находятся на откупѣ у капиталиста-собственника. Неудивительно поэтому, что бѣдняку въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» достается такъ мало мѣста въ сей земной юдоли. Но даже и по его смерти, когда гробъ его вмѣстѣ со многими другими попадаетъ на такъ называемое «городское кладбище» среди чистаго поля за горбдомъ, то и тамъ ему приходится тѣсниться вплотную въ одной могилѣ со многими иными гробами. Такимъ образомъ, американскій трущобный обыватель и по смерти своей въ своей обширной и богатѣйшей странѣ находитъ такъ же мало мѣста, какъ имѣлъ онъ при жизни.

Е. Н. Матросовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

МЫ НАЧНЕМЪ нашу лѣтопись съ крупнаго литературнаго произведенія, появленіе котораго было обѣщано еще въ началѣ минувшаго года, но которое вышло въ Парижѣ лишь теперь. Мы говоримъ о К. Waliszewski. *Les origines de la Russie moderne. Ivan le Terrible.* Paris. Ed. Plon Nourrit. 1904, in—8°.

Г. Валишевскій—хорошо освѣдомленный историкъ и талантливый писатель, но такъ какъ онъ не чуждъ польскихъ національных предубѣжденій, то въ предшествующихъ его историческихъ трудахъ, особенно о Екатеринѣ Великой, нѣсколько сказалась недоброжелательность, навѣянная раздѣломъ Польши.

Въ монографіи объ Іоаннѣ Грозномъ польскій авторъ, оставаясь вполне объективнымъ, показалъ истинную мѣрку своего таланта и написалъ произведеніе, мастерски изложенное и опирающееся на обширную, чрезвычайно богатую литературу какъ русскую, такъ и иностранную (библіографическій списокъ сочиненій, послужившихъ пособіями трудолюбивому автору, занимаетъ около 20 страницъ, напечатанныхъ мелкимъ убористымъ шрифтомъ).

По мнѣнію Валишевскаго, Іоаннъ Грозный, заслуги котораго въ созданіи русской мощи недостаточно подчеркиваются, является предшественникомъ Петра Великаго. Извнѣ приобрѣтеніе Прибалтійскаго побережья, подавленіе послѣднихъ слѣдовъ татарскаго

владычества, завоеваніе Сибири и установленіе политическихъ и торговыхъ сношеній со всѣми европейскими странами, а внутри—внесеніе элементовъ иноземной культуры и преобразование государства на началахъ, на которыхъ зиждется Россія и по сей часъ — таковъ жизненный подвигъ Грознаго, ославленнаго какимъ-то Нерономъ или Калигулою. «Но подумайте только,— говоритъ Валишевскій,— о гигантскомъ горнилѣ, въ которомъ закипали разнородныя племена отъ Урала до Карпатовъ и отъ Бѣлаго до Чернаго моря—для того, чтобы смѣшать, столочь и стопить въ однородную массу тѣ десятки племенъ, имя которымъ нынѣ Всероссійская имперія. Ужъ, конечно, не пригодны были ни мягкость, ни любезность, ни пощада. Что въ своихъ трудахъ, положенныхъ на устроеніе Русскаго царства, Иоаннъ IV порою впадалъ въ жестокость, это я допускаю, но жестокость была удѣломъ нравовъ той эпохи и въ Западной Европѣ. И, тѣмъ не менѣе, чрезъ пелену этой жестокости сквозить восхожденіе солнца, того яснаго, багрянаго солнца, которое воспѣваютъ народные рассоды. Пусть идеаль, преслѣдовавшійся и осуществленный Грознымъ царемъ, и не принадлежитъ къ наиболѣе привлекательнымъ изъ извѣстныхъ въ исторіи человѣчества, но во всякомъ случаѣ это—идеаль цѣльный, являющійся завѣтомъ и служащій закономъ великому народу» (стр. V).

«Съ легкой руки Ломброзо, открывшаго психологію параноиковъ, Иоаннъ Грозный психіатромъ Ковалевскимъ и другими изслѣдователями ославленъ дегенератомъ.

«Недостатокъ подобнаго объясненія тотъ, что оно ровно ничего не объясняетъ и, при томъ, не представляетъ даже новизны. Еще Ревелье Паризъ (1834) и Шиллингъ (1863) пытались доказывать, будто любая гениальность граничитъ съ неврозомъ и безуміемъ, но подъ какой этикеткою «невроза эпилептическаго», «алкоголическаго» и т. д. ни показывать ту или иную историческую личность, гипотеза душевной или умственной болѣзни только передвигаетъ проблему, нисколько ея не разрѣшая.

«Истолкованія характера и темперамента Иоанна Грознаго исходятъ изъ заблужденія, которое я назову анахронистическимъ. Иоаннъ IV трактуется, словно субъектъ, живущій посреди насъ, и къ нему прилагаются аналитическія наблюденія и мѣрка, быть можетъ, и вѣрныя сами по себѣ, но упускающія изъ виду эпоху и историческую среду, въ которой разыгрывалась дѣятельность Грознаго.

«Представьте себѣ хотя бы Людовика XI Французскаго, съ извѣстными его свойствами, и перенесите его въ XIX или XX вѣкъ. Очевидно, несмотря на всю тонкость ума, онъ оказался бы и невѣждою и личностью, презрѣнною въ отношеніи нравственномъ, потому что онъ являлся великимъ человѣкомъ лишь для своей эпохи, на половину варварской, когда и на вершинѣ общественной

лѣстницы сказывалось отсутствіе координаціи и дисциплины умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, какія, постепенно совершенствуясь и уточняясь, передавались преемственно въ длинномъ рядѣ поколѣній и составили современную культуру.

«Людовикъ же XI, какъ и Іоаннъ Грозный, представлялъ собою натуру непосредственную, дѣйствовавшую исключительно по велѣніямъ импульсовъ.

«Іоаннъ IV, по всему тому, что извѣстно о его личности, отдавался, съ одной стороны, во власть внѣшнихъ побужденій, исходившихъ изъ окружавшей его среды и развертывавшихся событий, а, съ другой, подчинялся внутреннимъ импульсамъ, обусловленнымъ самымъ его положеніемъ и воспитаніемъ» (стр. 509—510).

Охарактеризовавъ въ первыхъ четырехъ главахъ своего труда страну и народъ, политическую, общественную, умственную жизнь и нравы Россіи въ XVI в., Валишевскій приходитъ къ заключенію, что мнѣніе, будто вторженіе монголовъ въ Россію, вызвавъ разрывъ между Россіею и Западомъ и рѣзкую пріостановку въ дальнѣйшемъ культурномъ развитіи нашего отечества, принадлежитъ къ области вымысловъ и ходячихъ заблужденій.

Валишевскій вначалѣ и самъ раздѣлялъ это заблужденіе, но открылъ ему въ этомъ отношеніи глаза митрополитъ Макарій своею «Исторіею Русской церкви»; опираясь на состояніе и развитіе просвѣщенія въ теченіе 2¹/₂ вѣковъ, предшествовавшихъ монгольскому вторженію, Макарій утверждаетъ, что едва ли поступательное движеніе въ ближайшіе вѣка пошло бы быстрѣе, если бы даже къ намъ и не вторглись татары. Азіаты эти нисколько не препятствовали духовенству, особенно въ монастыряхъ, заниматься науками. Но, повидимому, россияне въ ту пору не испытывали потребности въ высшей образованности. Слѣдуя примѣру предковъ, они сводили свою ученость къ умѣнью свободно читать и разумѣть Священное Писаніе (V, стр. 258).

Съ другой стороны, новѣйшія изслѣдованія разсѣяли заблужденіе относительно того потока азиатскаго варварства, который будто бы залилъ развивавшіеся вѣками на Руси элементы европейской культуры. Спутники Батыя и его помощника Суботая вовсе не были варварами, какъ блистательно доказываетъ Л. Кагунъ въ изслѣдованіи, являющемся истиннымъ откровеніемъ (*Introduction à l'histoire de l'Asie*, 1896). Татары въ ту пору оказались первостепенными стратегами и удивительными организаторами, чуждыми столько же разрушенія во что бы то ни стало, сколько стремленій къ пораженію (за предѣлами выполненія фискальныхъ ихъ требованій).

Въ дѣйствительности Батый и Суботая застали Россію уже отдѣленною отъ Европы и въ политическомъ, и въ умственномъ отношеніи совсѣмъ обособившеюся отъ Европы. Мелкіе удѣльные

князья, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались захватить кievскій столъ, безцѣльно тратя свои силы въ междоусобіяхъ. Въ довершеніе всего Русь, опустошаемая собственными дѣтищами, въ отношеніи умственнаго развитія всѣ надежды возлагала на Византію и греческую науку, какъ разъ въ ту эпоху, когда тамъ паденіе античной культуры, закрытіе старинныхъ школъ и распространеніе восточныхъ идей положило конецъ свободѣ изслѣдованій, являющейся существеннымъ условіемъ прогресса.

Благодаря рабскому подчиненію византійской «*alma mater*», Русь окончательно впадаетъ въ умственное одиночество, а послѣ паденія Константинополя Восточно-Греческая церковь все болѣе и болѣе погружается въ тьму. Въ концѣ XV в. не остается и слѣда отъ школъ, процвѣтаніе которыхъ при монастыряхъ въ болѣе раннюю эпоху подтверждается многочисленными свидѣтельствами. Въ началѣ XVI в. архіепископъ новгородскій, св. Геннадій, со скорбью признается, что ищущіе посвященія въ духовный санъ не знаютъ ни читать ни писать; устные церковныя поученія совершенно прекращаются, заѣзжіе иностранцы утверждаютъ, что изъ десяти росіянъ развѣ одинъ знаетъ «Отче нашъ».

Монастыри, правда, продолжаютъ собирать книги, иные обладаютъ даже цѣлыми библіотеками, но чтеніе становится спеціальностью немногихъ избранныхъ. Чтеніе возводится въ науку, и слово ученый—равносильно «книжнику».

Въ своемъ вѣковомъ отчужденіи отъ Европы Русь осталась недоступною тому умственному движенію, какое на Западѣ вызвала эпоха реформаціи. Игнорируемый и презираемый Русью, Западъ самъ уже взялъ на себя починъ сближенія съ таинственнымъ сосѣдомъ— въ борьбѣ съ исламомъ папство чрезъ Вѣну, Венецію и Геную стало искать поддержки у Московіи, и въ 1473 г. венеціанскій сенатъ началъ искушать Іоанна III, чтобы тотъ завладѣлъ Византією, какъ наслѣдіемъ родственныхъ ему Палеологовъ.

Болѣе озабоченный дѣйствительностью, чѣмъ посулами, Іоаннъ III, не ожидая папскихъ буллъ, удостоверяющихъ преемство для него правъ на Византійскую имперію, возложилъ на себя санъ царя всея Россіи, чѣмъ покрывались притязанія на властвованіе надъ Кіевомъ и Вильною. При смерти Іоаннъ III (1505) отказалъ сверхъ обычая старшему сыну, Василю, вмѣсто $\frac{1}{3}$, $\frac{2}{3}$ своихъ владѣній, въ составѣ 66 городовъ и удѣловъ. Послѣ неудачнаго брака на Саломей Юрьевнѣ Сабуровой Василій Іоанновичъ женился на Еленѣ Глинской.

Красавица, благодаря литовскому происхожденію, европейски образованная, новая царица приобрѣла особенное вліяніе надъ мужемъ и по смерти его сдѣлалась правительницею и опекуншею малолѣтнаго Іоанна. Воспитанная подъ вліяніемъ дяди, Михаила Львовича Глинскаго (боевого товарища Альберта Саксонскаго и императора Максимилиана), побывавшаго въ Италіи и принявшаго

католичество, Елена Васильевна, овдовѣвъ, отшатнулась отъ дяди и подчинилась вліянію своего любимца, князя Телепнева-Оболенскаго, который только запутывалъ государственныя дѣла, что вызвало смуты и вѣшателство Шуйскихъ. Въ 1538 г. Елена Васильевна умерла отъ отравы, Телепневъ подвергся заточенію, и той же участи подверглась сестра его Аграфена, вскормившая и пѣстовавшая царевича, а въ 1543 г. умерщвленъ былъ и близкій Іоанну IV Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Въ борьбѣ, происходившей между Бѣльскими и Шуйскими съ 1538 по 1543 г., Іоаннъ Васильевичъ испыталъ немало тяжелаго и подвергался оскорбленіямъ, которыя не разъ вспоминалъ въ зрѣломъ возрастѣ. Нечего и говорить, что воспитаніе его было совершенно исковеркано. Насилія во всѣхъ видахъ извратили его воображеніе и чувствительность, умъ и тѣло. Выростая въ атмосферѣ непрестанной борьбы, онъ роковымъ образомъ и самъ обреченъ былъ сдѣлаться насильникомъ, гнѣвнымъ и жестокимъ, чрезмѣрно нервнымъ и готовымъ на каждый ударъ отвѣчать такимъ же ударомъ (стр. 164—166).

Воспользовавшись предложомъ будто бы злоумышленнаго пожара, разыгравшагося на Москвѣ, Іоаннъ Грозный отдѣляется, наконецъ, отъ опеки Глинскихъ и Шуйскихъ. Въ сознаніи необходимости измѣненія системы управленія Іоаннъ IV долженъ былъ для измѣнивашагося положенія подыскать и новыхъ дѣятелей.

Катастрофа 1547 г. выдвинула впередъ Сильвестра Медвѣдева и Алексѣя Адашева. Благодаря пристрастнымъ отзывамъ Курбскаго, вокругъ личности Адашева сложилась цѣлая легенда, и, повторяемая однимъ историкомъ за другимъ, она не по заслугамъ раздула роль обоихъ любимцевъ, за которыми исчезаетъ фигура самого Грознаго. По мнѣнію Валишевскаго, совершенно неосновательно за Адашевымъ и Сильвестромъ усвоится значеніе какого-то двуглаваго правительства, обезпечившаго Москвѣ десять лѣтъ благоденствія (стр. 179). Въ дѣйствительности и Адашевъ и Сильвестръ сначала колебались между борющимися партіями, а затѣмъ, склонившись въ сторону оппозиціи царю, съ которою были связаны умственными и общественными интересами, возмнили, что создадутъ тѣсный кружокъ единомышленниковъ, во главѣ котораго и стануть, руководя дѣйствіями царя (стр. 303).

Этотъ кружокъ, къ которому принадлежали Курбскій, Морозовы, князь Дмитрій Курлятевъ и Симеонъ Ростовскій, быть можетъ, и получилъ бы преобладающее значеніе, если бы не заболѣлъ царь, и не обострился вопросъ о престолонаслѣдіи. Нежеланіе ближайшихъ совѣтчиковъ Іоанна признать права царевича Димитрія изъ-за опасенія возвышенія Захарьинныхъ (стр. 304) были поворотною точкою, которая привела Адашева и его единомышленниковъ къ паденію. Проникая въ Москву въ XVI вѣкѣ, западно-европейскія вліянія вызвали двѣ совершенно противоположныя реакціи: если

среди образованнѣйшихъ представителей знати, съ Курбскимъ и Адашевымъ во главѣ, эти вліянія вызывали покушенія къ ограниченію верховной власти, то самъ Іоаннъ изъ столкновеній съ Польшею и Ливоніею заимствовалъ практическія указанія для преобразования правительства, сообразно требованіямъ тогдашней современности. Вовлеченный въ разорительныя войны, Іоаннъ прекрасно уразумѣлъ, чего ему не достаетъ въ отношеніи финансовомъ, военномъ и административномъ, чтобы сравняться съ европейскими своими соперниками; но всякая попытка къ преобразованію древне-московскаго строя общественности ставила царя въ противорѣчіе съ исконными правами и родовыми привилегіями боярства, и Грозный оказался бессильнымъ предъ мѣстничествомъ, которое выдвигало людей не по заслугамъ и являлось помѣхою какимъ бы то ни было усовершенствованіямъ (стр. 298).

«Русскіе мои читатели,—говоритъ Валишевскій,—конечно, читали «Князя Серебрянаго». Графу А. Толстому его романъ навѣянъ не только воображеніемъ — составныя части нарисованной имъ картины и ея краски подсказаны романисту изслѣдованіями Карамзинныхъ, Соловьевыхъ, Костомаровыхъ, продолжателемъ которыхъ въ наши дни явился Ключевскій.

«Опричина, по представленіямъ историковъ этой школы, является чудовищнымъ нагроможденіемъ безцѣльныхъ убійствъ, совершаемыхъ безъ стыда и укора совѣсти, шайкою изверговъ, которые завершаютъ свои кровавыя оргіи кощунственными моленіями. Но за этою мрачною декораціею скрывается планъ, зрѣло обдуманый и преслѣдуемый съ энергіею и неуклонною настойчивостію — цѣльный проектъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ преобразованій проводится способами, пожалуй, достойными порицанія, но до нѣкоторой степени съ силу необходимости. Не найдя истинной разгадки явленію опричины, историки впали въ рядъ ошибокъ; они приняли видимость за дѣйствительность, придатки за сущность и часть за цѣлое» (стр. 321—323).

Московскій дворъ кишѣлъ потомками Гедиминова; съ другой стороны, чрезъ княжну Тверскую, бывшую въ замужествѣ за Ольгердомъ, значительное число знатныхъ польскихъ родовъ породнились съ Одоевскими, Бѣльскими, Воротынскими, Мстиславскими и т. д. Послѣ паденія Адашева, эмиграціонное движеніе русской знати въ Литву и въ Польшу значительно еще усилилось, тѣмъ болѣе, что право отъѣзда было освящено обычаями.

Имѣвшее прецеденты и угрожавшее дальнѣйшими подражаніями бѣгство Курбскаго, къ которому авторъ относится болѣе, чѣмъ скептически, поставило Грознаго въ положенія весьма невыгодное: задуманныя внѣшнія предпріятія требовали внутреннихъ преобразованій; и тѣ и другія вызывали надобность въ дѣятеляхъ и деньгахъ. А откуда ихъ было взять? Дѣятели, въ

заботахъ о своихъ наслѣдственныхъ привилегіяхъ, либо отъѣзжали за рубежъ, либо, поставленные во главѣ управленія и арміи, пререкались изъ-за мѣстничества, а изъ-за оскорбленнаго самолюбія нерѣдко вступали въ стачки съ внѣшними врагами и не стѣснялись измѣною. Денежными средствами располагали тѣ же люди, являясь владѣльцами поземельной собственности, составлявшей главное богатство страны, распоряжаясь и хозяйничая надъ нею. Воеводы, судьи, бояре, начальники приказовъ, держали все въ своихъ рукахъ, а кто и просто сидѣлъ въ своихъ вотчинахъ, поставляя людей для ратнаго дѣла и чиня почти безапелляціонно судъ и расправу надъ подвластнымъ людомъ и зачастую уклоняясь отъ несенія податныхъ тяготъ, являлись для московскихъ государей по меньшей мѣрѣ неудобными подданными.

Сломить сразу эти устои административнаго и военнаго строя Іоаннъ и помыслить не могъ. Царь обладалъ неограниченною и неоспоримою властью надъ каждою отдѣльною единицею, но его власть останавливалась предъ освященнымъ преданіями старины порядкомъ вещей; вѣдь и царь и бояре, князь и дружина, всѣ нѣкогда правили своими удѣлами и вотчинами самостоятельно, а теперь сообща правили кто государствомъ, кто приказомъ, кто вотчиною, и яснаго преклоненія предъ государственностью и верховною властью никто не признавалъ за предѣлами знати, съ которою Грозный стоялъ въ противорѣчій по всѣмъ воспоминаніямъ юности и по своимъ идеаламъ; опереться было не на кого, ибо десятки Скуратовыхъ и Грязныхъ, которыхъ Грозный, по его выраженію, «вытащилъ изъ грязи», не могли ему доставить противовѣса передъ знатью.

Поэтому для Грознаго выступала необходимость компромисса съ боярствомъ. Подобно тому, какъ указъ 10 октября 1550 г., поверставъ 1.000 боярскихъ дѣтей помѣстьями, создалъ для московской округи новый территоріальный и политическій строй путемъ подбора служилыхъ людей, такъ въ 1565 г. «опричина» явилась распространеніемъ и примѣненіемъ на широкую ногу того же плана.

Безъ коренной и видимой ломки существующаго строя, лишь путемъ перемѣщенія отдѣльныхъ личностей въ новыя условія существованія и верстанія избранниковъ не вотчинами, но помѣстьями, Іоаннъ изъ опричниковъ создалъ послушное ядро царедворцевъ, военачальниковъ и служилыхъ людей.

Тогда какъ часть Русскаго царства—«земщина», осталась при прежнемъ строѣ и управлялась въ лицѣ воеводъ, судей, старостъ, всякихъ кормленщиковъ и вотчинниковъ «по старинѣ и пошлинѣ», царь выдѣлилъ какъ бы себѣ въ удѣлъ (опричину) извѣстныя территоріи, города и въ самой столицѣ опредѣленные кварталы, гдѣ при помощи новой тысячи бояръ и боярскихъ дѣтей продолжалъ развивать тотъ же опытъ, починъ которому былъ положенъ указомъ 10 октября 1550 года.

«Я подчеркиваю,—говорить г. Валишевскій,—особенное значеніе двухъ существенныхъ чертъ этого опыта—перехода отъ вотчиннаго строя къ помѣстному и перемѣщенія избранниковъ въ новую среду; сущность новой системы сводилась къ тому, чтобы взять собственника вотчины, наслѣдственной и свободной отъ повинностей, оторвать его отъ клочка земли, на которомъ вѣками создавалось, развивалось и укоренялось его имущественное благополучіе и значеніе, отдѣлить его отъ всего подвластнаго ему люда и разорвать всѣ его связи съ насиженнымъ угломъ; эта личность, оторванная отъ прошлаго, обособленная и выбитая изъ колеи, пересаждалась на новое мѣсто, возможно болѣе удаленное отъ прежней родины, и тамъ ей предоставлялось пожизненно и условно болѣе или менѣе значительное помѣстье съ обязательствомъ отправлять службу и нести повинности—такимъ образомъ опричники оказывались людьми, порывавшими съ прошлымъ, беззащитными и единою опорю имѣвшими царя.

«Постепенно опричина расширялась все больше и количественно разрослась до шести тысячъ человѣкъ. Практическій же результатъ, достигнутый этимъ, былъ таковъ, что опричина вызвала переходъ повинностей въ пользу царя, уничтожила мѣстныя ратныя силы, съ помощью которыхъ непокорные вотчинники могли являться угрозою самому царю; она провозгласила начало личной службы и установила въ предѣлахъ своего вѣдомства сборъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ исключительно въ цареву казну (стр. 320—330).

«Съ другой стороны ослабленію аристократическаго элемента въ «земщинѣ» способствовали постепенное финансовое обѣдненіе и задолженность знати, которую вовлекали въ непосильные расходы пребываніе при царевомъ дворѣ и отправленіе военныхъ и иныхъ должностей, такъ какъ лишь хозяйничаніе на мѣстѣ, въ вотчинѣ, могло еще обезпечить нѣкоторый доходъ, удаленіе же изъ вотчины вызывало быстрое разореніе (стр. 528).

«Наконецъ, искорененію боярщины сослужили нѣкоторую службу и казни Грознаго, хотя лютость ихъ въ значительной степени преувеличивалась недругами и хулителями Іоанна—такъ, напримѣръ, по утвержденіямъ Курбскаго, Грозный будто бы полностью истребилъ роды Колычевыхъ, Заболотскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, а между тѣмъ фамиліи ихъ встрѣчаются въ поколѣнныхъ росписяхъ XVII вѣка. Что въ этомъ отношеніи Іоаннъ дѣйствовалъ не съ абсолютной преднамѣренностью, доказывается тѣмъ, что иныхъ знатныхъ родовъ, преданности которыхъ онъ имѣлъ основаніе вѣрить, Грозный не только не подвергалъ преслѣдованіямъ, но «миловалъ» и самъ способствовалъ дальнѣйшему ихъ возвеличенію; такъ сложились его отношенія къ Мстиславскимъ, Глинскимъ и Романовымъ» (стр. 527).

Такимъ образомъ, классъ русскаго боярства, отличавшійся къ своей невыгодѣ отъ западно-европейской аристократіи отсутствіемъ

феодалнаго принципа, постепенно подвергся демократической нивелировкѣ. Служебная іерархія, правда, создала новыя прерогативы, опирающіяся на мѣстничество, но она не давала прочныхъ элементовъ для восполненія аристократической корпораціи (стр. 529).

Это подавленіе боярскаго своеволія въ интересахъ идеи самодержавія и является главною заслугою Іоанна Грознаго.

На Западѣ его политическіе виды на расширеніе предѣловъ Русскаго царства не удались, но ставить это ему въ вину нельзя, и если бы чрезъ полтора вѣка Петръ Великій, слѣдуя по тому же пути завоеваній, вмѣсто сумасброднаго Карла XII повстрѣчался съ новымъ Баторіемъ, пожалуй, Полтавскій бой разыгрался бы иначе. Зато на Востокѣ завоеваніе Казани и Сибири дѣлають царствованіе Грознаго и въ отношеніи успѣховъ внѣшней политики выдающимсяъ.

Въ экономическомъ отношеніи завоеваніе Казани не доставило непосредственныхъ выгодъ, какія обѣщало. Торговля ея, значеніе которой татары преувеличивали, убѣждая султана отвоевать это царство у Москвы, доставила англичанамъ не одно разочарованіе. Іоаннъ, впрочемъ, постарался найти возмѣщеніе этимъ недочетамъ, предложивъ шведамъ свободный пропускъ по своимъ владѣніямъ до торговаго пути въ Индію включительно, онъ заручился такими же преимуществами для своихъ подданныхъ съ цѣлью завести торговыя сношенія съ Любекомъ и Испаніею.

Что касается финансовой политики Іоанна, то она сводится къ изворотливости, а система взиманія налоговъ была обставлена далеко не цѣлесообразно (стр. 529—530).

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на всѣ свои недостатки и заблужденія, Іоаннъ Грозный завоевалъ у народа популярность, о чемъ свидѣтельствуютъ народныя пѣсни, и сумѣлъ ее сохранить за все время царствованія, несмотря ни на какія стихійныя бѣдствія.

Героизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова Іоаннъ Грозный, конечно, не былъ, но въ то время какъ Густавы-Адольфы, Карлы XII и Наполеоны пролетаютъ, словно метеоры, безслѣдно, дѣятели склада Рюриковичей представляютъ иную содержательность — государь, который успѣшно въ теченіе 20 лѣтъ могъ бороться противъ всѣхъ Курбскихъ своей страны, и который въ борьбѣ съ Баторіемъ оспаривалъ у своего врага побѣды на дипломатической почвѣ, не пренебрегая ловкими средствами и не упуская никакихъ шансовъ для успѣха—личность, конечно, не заурядная (стр. 511, 531).

Іоаннъ, по-своему, не только былъ образованнѣе большинства образованныхъ своихъ соотечественниковъ, но нисколько не уступалъ просвѣщеннѣйшимъ европейскимъ государямъ своей эпохи. Онъ многое удержалъ въ памяти изъ обильнаго чтенія, хотя и не вполне усвоеннаго. Изъ священной и римской исторіи, лѣтописей русскихъ и византійскихъ, твореній отцовъ церкви и монологовъ

у него всегда на памяти и на языкѣ отрывки, которые имѣютъ касательство къ его личности, свѣтскому положенію и той роли, которую онъ хотѣлъ сыграть. Хотя онъ порою путаетъ хронологію и событія, но мысли и чувства, проникающія чрезъ его эрудицію, обличаютъ ясное пониманіе этою удивительною личностію истиннаго духа современности.

Въ умственномъ движеніи эпохи Іоаннъ Грозный первенствующаго мѣста не занимаетъ, и въ борьбѣ, возникающей между нравственными идеалами, выработанными церковью, и грубою испорченностью массы современниковъ Іоаннъ держится золотой середины. Даровитый отъ природы, онъ не обладалъ ни умомъ, достаточно умудреннымъ наукою, ни достаточнымъ величіемъ души, чтобы явиться проводникомъ въ жизнь благородныхъ возвышенныхъ стремленій.

Выступивъ на Стоглавѣ съ намѣреніемъ поддержать партію реформы, онъ, хотя и достаточно энергичный для выполненія этой роли, не проявилъ стойкости убѣжденій—поученія Нила Сорскаго лишь скользнули по немъ, не проникнувъ въ его самосознаніе. Съ другой стороны, для воспріятія во всей полнотѣ широкихъ умственныхъ европейскихъ вѣяній, Іоаннъ не имѣлъ и надлежащихъ способствъ, такъ какъ Европа лежала вдали, а Россія представлялась слишкомъ отсталою; тѣмъ не менѣе онъ искалъ перенять у сосѣдей достигнутые ими результаты, и въ его царствованіе было сдѣлано много для насажденія на Руси ремеслъ, инженернаго, архитектурнаго и ратнаго дѣла.

Благодаря подавленію боярщины и окончательному объединенію Руси подъ его скипетромъ Іоаннъ сдѣлался первымъ русскимъ царемъ не по титулу только, но въ силу яснаго сознанія, въ чемъ заключается дѣйствительная сущность этого понятія. Теорія царской власти была достаточно разработана въ литературѣ еще въ XV в., но ни Іоаннъ III, ни Василій, изъ теоріи этой не создали для себя идеала государя, воспринимающаго себѣ права отъ Бога и единственно предъ нимъ отвѣтственнаго за употребленіе, которое онъ сдѣлаетъ изъ власти, ни съ кѣмъ не раздѣляемой и стоящей внѣ контроля подданныхъ.

Къ этой теоріи Іоаннъ присоединяетъ толкованія, лично ему принадлежащія и не усвоенныя ни его предшественниками, ни его преемниками: тогда какъ Петръ Великій взираетъ на себя лишь, какъ на перваго слугу отечества, Іоаннъ Грозный личность царя ставитъ превыше государства, усматривая въ этой личности проявленіе божественной сущности.

Смерть Іоанна Грознаго остановила обновленіе Московскаго государства въ духѣ единодержавія въ состояніи зачаточномъ. Не позаботившись объ обезпеченіи преемственности подъятыхъ имъ начинаній, онъ оставилъ въ наслѣдіе Руси борьбу съ Польшею и анархію.

Тѣмъ не менѣе въ эпоху его царствованія вырисовывается идеаль того матеріальнаго величія и грубой силы, который оказался угоденъ и народу. Позднѣе, въ дружномъ единеніи царя и народа Петръ Великій продолжаетъ начинанія Іоанна Грознаго для осуществленія идеала имперіи Всероссійской. Хотя и Петръ Великій не обезпечиваетъ своего наслѣдія отъ случайностей завтрашняго дня, тѣмъ не менѣе послѣ новаго затменія на сцену выступаетъ великая Екатерина, и огромная уже государственная мощь еще болѣе усиливается матеріально, закаляется нравственно и является несокрушимымъ залогомъ для дивной будущности (стр. 532—533).

Если теоретическое обоснованіе такихъ явленій, какъ «опричина», и обѣленіе личности Іоанна Грознаго въ русской литературѣ не является новизною, такъ какъ эти темы разрабатывались такими серьезными изслѣдователями, какъ Майковъ, Платоновъ, Милюковъ и др., то новая книга Валишевскаго интересна, какъ новая стадія въ эволюціи писателя—преклоненіе предъ идеаломъ самодержавія безъ всякихъ филиппикъ и противоположеній русской дикости культурности полонизма является новизною у писателя, который въ прежнихъ трудахъ далеко не объективно относился къ политическимъ видамъ Россійской имперіи.

Отъ XVI в. мы теперь сдѣлаемъ скачекъ въ XIX в. и обратимся къ недавно вышедшимъ

— Notes et souvenirs de M. Thiers (1870—1873). Voyage diplomatique.—Proposition d'un armistice.—Préliminaires de la paix.—Présidence de la République. Paris. 1903. Ed. C. Lévy. Начало русско-французскаго сближенія, по справедливости, относится еще къ эпохѣ франко-прусской войны и къ услугамъ, оказаннымъ Россією временному французскому правительству въ отношеніи вступленія въ мирные переговоры съ побѣдителями.

Послѣ безуспѣшной миссіи въ Лондонъ, описанной Тьеромъ въ письмахъ къ Ж. Фавру которыя напечатаны въ извѣстномъ сочиненіи послѣдняго «Gouvernement de la défense nationale». Тьеръ въ концѣ сентября 1870 г. отправился въ Петербургъ чрезъ Вѣну, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Бейстомъ и Андраши. «Съ Бейстомъ,—пишетъ Тьеръ,—я началъ разговоръ съ точнаго описанія объявленія войны и блистательно доказалъ, что Франція ея не хотѣла, да и министерство подалось на войну, лишь уступивъ бонапартистской партіи, на которой единственно и лежитъ вся роковая вина. Далѣе я объяснилъ, что республика въ настоящее время является единственно возможнымъ правительствомъ, на столь долгое время, продолжительность котораго теперь никто не сумѣетъ опредѣлить,

пожалуй, республика установится и навсегда, если она сумѣетъ поставить себя надлежащимъ образомъ».

«Въ настоящее время,—прибавилъ онъ,—нужно выяснить, что могутъ сдѣлать для насъ державы, если онѣ сознаютъ громадный интересъ для Европы не предоставлять Пруссіи полной свободы дѣйствій, и если каждая изъ державъ, поскольку то ея касается, не собирается совершить той же ошибки, какую допустилъ Наполеонъ III послѣ битвы при Садовой».

Бейстъ на это отвѣчалъ соболѣзнованіемъ о прошломъ, а, перейдя къ объявленію Наполеономъ войны пруссакамъ, призналъ это безуміемъ. «Несомнѣнно, и Францъ-Иосифъ, и армія, и вся Австрія мечтаютъ о реваншѣ, но не провидятъ къ тому возможности въ ближайшемъ будущемъ... Наша армія,—говорилъ Бейстъ,—преобразовывается. И мы въ состояніи окажемся, какъ и пруссаки, выставить миллионъ солдатъ, но наши преобразованія еще не закончены... Повидимому, г. де-Грамонъ (французскій посланникъ въ Вѣнѣ) сообщилъ въ Парижъ, будто мы соберемъ 150.000-ную армію на границѣ Силезіи. Если бы мы вздумали это сдѣлать, какихъ только осложненій мы бы не встрѣтили отъ венгровъ и русскихъ! Когда мы высказали наши чувства, Россія намъ заявила: «Если вы вмѣшаетесь, вы заставите вмѣшаться и насъ, но едва ли это окажется дѣйствительнымъ способомъ принести Франціи пользу. Предоставьте дѣйствовать намъ, и мы повліяемъ на прусскаго короля»...

Обмѣнявшись платоническими соболѣзнованіями, Тьеръ условился съ Бейстомъ, что вернется въ Вѣну на обратномъ пути изъ Россіи. «Нужно, чтобы вы сюда пріѣхали,—говорилъ ему фонъ-Бейстъ.—Вы намъ сообщите, что намѣрены дѣлать русскіе; соображаясь съ ихъ дѣйствіями, и мы окажемся въ состояніи оказать ту болѣе дѣйствительную поддержку, какую вы отъ насъ ожидаете».

Андраши высказался еще откровеннѣе.

— Я говорилъ вѣдъ Грамону: «Не созидайте себѣ призрачныхъ надеждъ. Васъ вовлекаютъ въ заблужденія обѣщаніями поддержки отъ Австріи. Пусть ваше правительство это знаетъ и не рассчитываетъ легкомысленно на эту поддержку». Поэтому,—пояснялъ Андраши,—нельзя теперь насъ обвинять въ преданіи васъ на произволъ побѣдителя. Мы вѣдъ ничего не обѣщали.

На это Тьеръ возразилъ, что было бы желательно, если бы Австро-Венгрія не отставала отъ Россіи, когда та выскажется въ пользу Франціи.

— Конечно,—отвѣчалъ Андраши,—если Россія выскажется за васъ, мы не покинемъ ея въ одиночествѣ. Но Россія столь же мало склонна дѣйствовать сообща съ нами, какъ мы съ нею. Если она заговоритъ во имя европейскаго интереса, мы заговоримъ

тоже... Русскій народъ относится къ Франціи благосклонно, и если это же чувство возьметъ верхъ у императора надъ его пристрастіемъ къ королю Прусскому, вы и въ самомъ дѣлѣ чего нибудь добьетесь отъ Россіи. Мы послѣдуемъ ея примѣру, но, разумѣется, не примемъ на себя обязательства ввязаться въ войну—во всякомъ же случаѣ мы покажемъ, что еще кое-что значимъ въ мірѣ.

Послѣ этихъ завѣреній Тьеръ, 24 сентября, уѣхалъ въ Петербургъ. Во вторникъ, 27 сентября, утромъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ засталъ превосходную, почти теплую погоду. Г. де-Габриакъ встрѣтилъ его на станціи и передалъ ему опасенія князя Горчакова, что Тьеръ слишкомъ утомленъ, чтобы теперь же къ нему пріѣхать, но онъ всегда къ его услугамъ. Онъ просилъ передать князю, что будетъ у него въ 2 ч. пополудни, въ Царскомъ Селѣ.

«Въ назначенный часъ я отправился. Князь живетъ въ дворцовомъ павильонѣ въ двухъ шагахъ отъ императора. Я знавалъ канцлера, когда онъ былъ только полномочнымъ министромъ въ Штутгартѣ. Тогда онъ былъ худощавъ, скромнень и сдержанъ. Теперь же я нашелъ его полнымъ здоровьемъ, увѣреннымъ въ себя... Никогда никто не встрѣчалъ меня сердечнѣе.

«Горчаковъ мнѣ тутъ же сказалъ, что дверь его заперта для всѣхъ; императоръ на охотѣ, и все его время принадлежитъ мнѣ.

«Тутъ я опять пустился въ изложеніе тѣхъ же фактовъ, какіе были указаны мною въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ для разъясненія того, что не Франція повинна въ войнѣ...

«Отъ истинныхъ виновниковъ войны мы перешли къ вопросу, который тогда интересовалъ всѣхъ въ Россіи, — къ вопросу о республикѣ.

«Князь Горчаковъ, обладающій мудрымъ и возвышеннымъ умомъ истинно государственнаго человѣка и любящій похвалиться свободой отъ предразсудковъ, признался, что республика, какъ таковая, въ него страха не вселяетъ.

«Мнѣ показалось, однако же, что канцлера главнымъ образомъ озабочиваетъ вопросъ о томъ, насколько могутъ быть прочны отношенія, завязываемыя съ временнымъ французскимъ правительствомъ.

«Правительство это добросовѣстно,—внушалъ я ему,—и я утверждаю, что будущіе выборы управленіе дѣлами вручатъ въ руки умѣренныя. Поэтому, договариваясь съ нами, вы можете имѣть полную увѣренность, что наше соглашеніе будетъ прочно.

«Князь далѣе высказалъ, что наши злоключенія сильно поразили Европу и опечалили всѣхъ, кто тревожно взираетъ на удивительное возрастаніе Прусскаго могущества. Поэтому-то и опасаются, что Франція, прежде великая, пожалуй, въ будущемъ окажется неспособною на энергическое усиліе.

«Я на это отвѣчалъ Горчакову сообщеніемъ подробностей о послѣднихъ военныхъ операціяхъ и нашихъ арміяхъ; онѣ объясняли наши неудачи и подтверждали, что, разъ Франціи будетъ обезпечено мудрое управленіе, она займетъ прежнее положеніе среди европейскихъ державъ...

«Затѣмъ я коснулся настоящихъ затрудненій. Я изложилъ канцлеру, что, если Россія станетъ во главѣ державъ, она положитъ предѣлъ возрастающему властолюбію Пруссіи; за Россією послѣдовали бы всѣ нейтральныя державы, и это рѣшительное единодушіе безъ всякой войны окажется достаточнымъ, чтобы заставить побѣдителей уважать европейское равновѣсіе.

— «Пусть вашъ государь выскажется за насъ съ такою рѣшительностью, которая бы ясно показала, что его воля должна быть исполнена,—настаивалъ я.

— «Какъ угрожать?—воскликнулъ князь.—Угрожать нашъ государь не станетъ. Когда угрожаютъ, надо быть готовымъ къ нанесенію и ударовъ. А наши мысли далеки отъ этого. Императоръ уже говорилъ за васъ и будетъ говорить опять, хотя въ этомъ направленіи имъ уже сдѣлано все возможное. Ему вы вѣдь въ значительной мѣрѣ обязаны тѣмъ, что состоялось свиданіе въ Феррьерѣ (между Ж. Фавромъ и Бисмаркомъ), и пущена въ оборотъ мысль о перемиріи...

«Желая сильнѣе повліять на канцлера, я заговорилъ о союзѣ: я заявилъ, что уполномоченъ предложить союзъ. И въ настоящемъ и въ будущемъ мы обладаемъ достаточнымъ запасомъ силы и богатствъ, чтобы явиться союзникомъ, котораго дважды не встрѣтишь,—союзникомъ главнымъ образомъ противъ Германіи, которая не замедлитъ сдѣлаться для всѣхъ грозною. Тутъ я обрисовалъ картину будущаго Европы.

— «Намъ не разъ уже сулили этотъ союзъ,—заговорилъ князь.—Генералъ Флери безпрестанно о немъ заговаривалъ, но это былъ только разговоръ. Вамъ я вѣрю, на ваше слово положиться можно, но теперь не время заключать союзъ. Торговаться объ этомъ несвоевременно. Впослѣдствіи мы можемъ заняться установленіемъ болѣе точной связи между Россією и Францією, въ настоящую же минуту надо ее вызволить изъ бѣды, въ которую она попала.

— «Да, время не терпитъ, и отсрочекъ тутъ быть не должно,—подтвердилъ я.—Надо теперь же напрячь всѣ усилія, чтобы вызволить Францію изъ бѣды, и если вы смѣло выступите впередъ, Австрія, Англія и Италія, поощренныя вашимъ примѣромъ, послѣдуютъ за вами, а предъ воодушевленною вами Европою Пруссія, конечно, проявитъ умѣренность.

— «Ахъ, коллективныя дѣйствія!—вскричалъ князь,—я васъ понимаю, но намъ ихъ не надо. Это только озлобило бы Пруссію, которая не допускаетъ вмѣшательства нейтральныхъ державъ въ

настоящую войну, а мы утратимъ только существенное вліяніе, какимъ обладаемъ въ Берлинѣ.

«Я продолжалъ свои настоянія, и наша бесѣда затянулась болѣе, чѣмъ на два часа, а затѣмъ была отложена до слѣдующаго дня.

— «Вы теперь здѣсь,—заклучилъ князь,—подождемъ же развитія событій; пока они не обрисуются рѣзче, нельзя и мѣрѣ принять сколько нибудь дѣйствительныхъ. Вы увидите императора, я завтра у него спрошу, когда ему угодно будетъ назначить вамъ аудіенцію. Мы оба съ вами однихъ лѣтъ, вы бодрѣ меня, и я увѣренъ, что прогулка по дворцу вамъ доставитъ удовольствіе. Давайте же мнѣ вашу руку и пойдемте гулять.

«Болѣе часу показывалъ мнѣ князь великолѣпіе Царскаго Села и описывалъ нравственныя качества своего государя и могущество Россіи.

«Черезъ день, т.-е. въ четвергъ 29 сентября, государь Александръ II, по приѣздѣ въ С.-Петербургъ, принялъ меня въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ только я вошелъ, онъ мнѣ протянулъ руку и сказалъ, что радъ меня видѣть въ своей имперіи, и усадилъ меня рядомъ съ собою.

«Государь держится просто, естественно, владѣетъ французскимъ языкомъ въ совершенствѣ, и тотчасъ же навелъ рѣчь на цѣль моего посѣщенія.

—«Господинъ Тьеръ,—сказалъ онъ,—намъ не пришлось бы теперь быть свидѣтелями войны, которая раздираетъ и ужасаетъ Европу. Мнѣ передали объясненія, даваемые вами происхожденію войны, они меня живо заинтересовали.

«Затѣмъ государь предложилъ мнѣ изложить откровенно, съ чѣмъ я сочту полезнымъ его ознакомить.

«Не имѣя, такимъ образомъ, надобности указывать истинныхъ виновниковъ войны, я распространился о томъ, какъ образовалось настоящее правительство: меня предупредили, что подробности по этой части окажутся небезполезными.

«Государь слушалъ меня внимательно, и когда я высказалъ, что республиканское правительство, возникшее по необходимости, оказывается нынѣ единственно возможнымъ и сдѣлается еще болѣе умѣреннымъ, если встрѣтитъ поддержку со стороны державъ, государъ промолвилъ:

— «Что касается лично меня, я не имѣю возраженій противъ республиканскаго строя. Это до меня не касается, и касается только Франціи. Я опасаясь только людей, плодящихъ безпорядки, а пуще всего боюсь шаткости положенія, которое мало можетъ поощрять къ заключенію соглашеній съ непрочнымъ правительствомъ.

«Чтобы разувѣрить въ непрочности нашего положенія, я повторилъ сказанное князю Горчакову, а именно, что ближайшіе вы-

боры, конечно, доставятъ большинство умѣренной партіи, а если впоследствии и окажется видоизмѣненіе въ составѣ правительства, то измѣненія эти отнюдь не отразятся на теперешней политикѣ.

— «Такъ вы не безпокоитесь за возможность поддержать порядокъ?—переспросилъ меня императоръ.

— «Нисколько, ваше величество, а что моя увѣренность основательна, подтверждается царящимъ въ Парижѣ спокойствіемъ, несмотря на современные тяжелыя обстоятельства.

— «Тѣмъ лучше,—продолжалъ государь.—Перейдемте же къ современному положенію.

«Тутъ я перечислилъ предпріятія Пруссіи, начиная съ захвата Даніи до попытокъ, нынѣ уже заявляемыхъ гласно, расчлененія Франціи, и позволилъ себѣ освѣдомиться у его величества, можетъ ли онъ хладнокровно взирать на образованіе на европейскомъ материкѣ вмѣсто мирной Германіи добраго стараго времени завоевательной державы, которая раскинется отъ Зунда до Дуная, а, пожалуй, даже до Инна; не подлежитъ сомнѣнію, что она надолго упадетъ не станеть Данію, а въ скоромъ времени сведеть Баварію, Вюртембергъ и великое герцогство Баденское на такое же положеніе, въ какое поставлена Саксонія. Такимъ образомъ, свыше 40 милліоновъ нѣмцевъ соединятся подъ скипетромъ германскаго императора, такъ какъ прусскій король будетъ провозглашенъ императоромъ черезъ какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ.

«Я освѣдомился у императора, не мудро ли будетъ положить преграду разнуздавшемуся прусскому честолюбію; воспрепятствоватьъ дѣяніямъ, какія предполагается направить противъ Франціи, Россія создастъ себѣ изъ нея вѣрную союзницу, которая при благонамѣренномъ правительствѣ вскорѣ вернетъ себѣ прежнія силы.

«Его величество, внимательно выслушавъ, прервалъ меня ввѣдливо:

— «Я сознаю, г. Тьеръ, насколько важно и для Европы, и для моей имперіи созданіе такой державы, какою вы описываете Францію. Я не прочь былъ бы заручиться ея союзомъ въ интересахъ мира, но отнюдь не въ цѣляхъ войны и завоеваній (послѣднія слова императоръ особенно подчеркнул). Укажите мнѣ способъ, какимъ бы я могъ вамъ помочь,—я охотно имъ воспользуюсь. Я уже дѣлалъ попытку къ вмѣшательству и съ большимъ жаромъ; я за васъ вступился по собственному почину; раньше, чѣмъ Франція воззвала къ моимъ добрымъ услугамъ, я поднялъ за нее голосъ. Повѣрьте мнѣ, я это сдѣлаю опять, но не могу рисковать ради этого ни войною, ни угрозами, которыя повлекли бы за собою войну, ибо я прежде всего долженъ оберегать отечественные интересы. Я столько же, какъ и вы, убѣжденъ въ необходимости мира,—такого мира, который могъ бы безропотно быть принятъ Франціею и заслужилъ бы одобреніе Европы. Я это уже говорилъ

и повторю то же опять; словомъ я сдѣлаю, что можно, но войны, войны отъ меня вы не требуйте.

«Я поспѣшилъ отвѣтить, что отнюдь не прошу о войнѣ, но предстательствую въ интересахъ всей Европы о добрыхъ услугахъ, такъ какъ Пруссія ужъ, конечно, не пойдетъ на рискъ новой войны, особенно съ такою могущественною державою, какъ Россія.

— «Я вамъ далъ мое слово,—промолвилъ государь,—и вы можете на него рассчитывать.

«Онъ былъ видимо разстроены, и я чувствовалъ, что дошелъ до грани, какую переступить не слѣдовало...

«Только что я вернулся къ себѣ, какъ пріѣхалъ князь Горчаковъ сдѣлать визитъ г-жѣ Тьеръ и узнать о моихъ впечатлѣніяхъ.

— «Какое же впечатлѣніе произвелъ на васъ мой августѣйшій повелитель?—освѣдомился князь.

— «Впечатлѣніе добрѣйшаго и прямодушнѣйшаго человѣка; если бы я призванъ былъ служить такому государю, я бы, кажется, примирился даже съ неограниченнымъ образомъ правленія (*gouvernement personnel*).

«Хотя мнѣ и обѣщано было предстательствовать предъ Пруссіею за Францію, мнѣ хотѣлось добиться чего нибудь болѣе осязательнаго.

— «Отчего бы всей Европѣ не высказать своихъ желаній опредѣлительно?—спросилъ я князя Горчакова:—это и безъ угрозъ повліяло бы на дальнѣйшее поведеніе (*conduite*) Пруссіи?

— «Пруссія не хочетъ и слышать о вмѣшательствѣ нейтральныхъ державъ,—отвѣтилъ мнѣ князь.—На уступки нейтральнымъ державамъ она подалась бы только, если бы онѣ вооружились, а державы, конечно, за оружіе не возьмутся. Значитъ, дѣйствительную силу возымѣетъ лишь то, что мы выскажемъ въ качествѣ дружественной державы, отъ которой нельзя не принять ни даваемыхъ ею совѣтовъ, ни дѣлаемыхъ ею доброжелательныхъ указаній. Мы громко осудимъ, опорочимъ и напередъ признаемъ недѣйствительность мира, если онъ будетъ навязанъ вамъ безъ соблюденія справедливости. На нашъ взглядъ, это не мало...

«Принимая съ благодарностью то, что мнѣ предлагаютъ, я попытался добыть отъ князя разъясненія насчетъ Австріи: я спросилъ Горчакова, почему онъ противодѣйствуетъ вооруженіямъ этой державы.

— «Вы касаетесь,—отвѣчалъ мнѣ на это Горчаковъ,—деликатнаго и неуловимаго предмета... Государь принялъ на себя обязательство, которое не слѣдуетъ нарушать... да въ сущности мы васъ ничего не лишаемъ. Когда австрійцы утверждаютъ, будто мы мѣшаемъ имъ вооружаться, угрожая нашими вооруженіями, это—только пустая отговорка: ни въ какомъ случаѣ сами они на вооруженіе не пойдутъ.

— «Такъ предоставьте имъ свободу дѣйствій,—предложилъ я князю,—этимъ вы ихъ изобличите.

«Я простеръ свою смѣлость такъ далеко, что тутъ же прибавилъ:
— «Будь я на мѣстѣ австрійскаго канцлера, я не постѣснился бы и сталъ бы вооружаться, убѣжденный, что изъ-за этого вы войною на Австрію не пойдете.

«Князь, смѣшавшись, ограничился возраженіемъ, что вопросъ объ объявленіи войны сталъ бы въ зависимость отъ границы, вдоль которой направилось бы сосредоточеніе австрійскихъ силъ.

«Этотъ отвѣтъ убѣдилъ меня, что русское veto понудительно, а вздумаи Австрія съ нимъ не считаться, она не рисковала бы никакою опасностью.

«Тутъ князь началъ горько жаловаться на неосновательность фонъ-Бейста.

«Я поспѣшилъ уклониться отъ этой щекотливой темы и повелъ рѣчь объ Италіи. Тутъ князь въ ясныхъ выраженіяхъ удостовѣрилъ меня, что Италія вольна предпринять, что угодно, не опасаясь со стороны Россіи какихъ либо возраженій.

— «Ахъ, если бы вы могли заручиться хоть малѣйшимъ (военнымъ?) успѣхомъ!—воскликнулъ князь:—какъ бы это облегчило переговоры о мирномъ соглашеніи!

«Воскресеніе, 2 октября. Въ 9 часовъ утра я опять былъ въ Царскомъ Селѣ; въ 10^{1/2} час. мнѣ была назначена аудіенція у наслѣдника цесаревича, а въ 1 часъ пополудня у великаго князя Константина Николаевича.

«По пріѣздѣ во дворецъ я тотчасъ же былъ принять его императорскимъ высочествомъ. Молодой великій князь встрѣтилъ меня съ протянутой рукою и съ сердечною искренностью высказалъ мнѣ удовольствіе, что меня видитъ; на эти милостивыя чувства я впрочемъ разсчитывалъ, зная, что великій князь къ Франціи относится съ большою благосклонностью.

«Великій князь наслѣдникъ—красивый, бравый молодой человекъ, очень умный и рѣшительный. Я высказался предъ нимъ съ полною откровенностью. Когда я упомянулъ, что моимъ настояніямъ о вмѣшательствѣ противопоставляются опасенія войны, хотя я не могу себѣ представить, чтобы, заговоривъ съ надлежащею рѣшительностью, Россія рисковала и впрямь войною.

— «Война!—воскликнулъ наслѣдникъ горделиво.—Я хотѣлъ бы знать, кто посмѣетъ съ нами воевать! Что меня касается, я не колеблясь высказалъ бы нашъ взглядъ Пруссіи и увѣренъ, что, не объявляя войны, мы бы добились того, что нашъ взглядъ былъ бы принятъ въ соображеніе.

«Великій князь обѣщалъ мнѣ повторить своему родителю слышанное отъ меня, скромно признавшись, что, по молодости лѣтъ, онъ вліяніемъ не пользуется»...

О свиданіи съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ Тьеръ сообщаетъ слѣдующее.

«Усадивъ меня, великій князь оговорился, что не стѣсняется временемъ, и тотчасъ же навелъ разговоръ на цѣль моего пріѣзда.

«Я принялся еще рѣшительнѣе, чѣмъ предъ наслѣдникомъ, развивать мысль о необходимости оказать Франціи теперь же услугу, чтобы заручиться ея союзомъ.

«Великій князь мнѣ не противорѣчилъ и заговорилъ такъ:

— «Вся Россія преисполнена сочувствія къ Франціи и питаетъ къ Пруссіи противоположныя чувства, но не слѣдуетъ упускать изъ виду истиннаго настроенія страны. У насъ сложилось убѣжденіе, что слѣдуетъ заботиться не столько о расширеніи имперіи, сколько о всестороннемъ внутреннемъ ея развитіи. При исполненіи лежащихъ на мнѣ обязанностей, я могъ убѣдиться, что въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ громадная работа. И теперь уже сдѣлано немало—освобождены крестьяне, проводятся желѣзныя дороги, а это вызываетъ значительные расходы. Затѣять теперь войну равносильно приостановкѣ задачъ внутренней политики, а это произвело бы тягостное впечатлѣніе на всѣхъ благоразумныхъ людей.

Тутъ, взявъ меня за руку, великій князь прибавилъ:

— «Я особеннымъ вліяніемъ въ государственныхъ дѣлахъ не пользуюсь. Государственный совѣтъ, гдѣ я предсѣдательствую, занимается разсмотрѣніемъ законовъ, и императоръ не терпитъ, чтобы мы выходили за предѣлы предоставленной намъ власти. Но съ Горчаковымъ я могу касаться любыхъ темъ и не премину указать ему на ваши сообщенія».

Изъ Павловска Тьеръ заѣхалъ назадъ въ Царское Село къ Горчакову, который радостно ему сообщилъ:

— «Мы имѣемъ свѣжія вѣсти изъ Берлина. Повидимому, и тамъ начинаютъ ощущать тягость войны и были бы не прочь положить ей конецъ. Этимъ случаемъ нужно воспользоваться и заключить миръ».

Тогда Тьеръ предложилъ, чтобы императоръ Александръ II предложилъ Пруссіи официально посредничество, но Горчаковъ уклонился отъ официального вмѣшательства, хотя и обѣщаль самое дѣятельное негласное содѣйствіе. Онъ въ свою очередь убѣждалъ Тьера повліять на временное правительство въ примирительномъ духѣ, а Россія воздѣйствуетъ на Пруссію, и такимъ образомъ оба конца веревки окажутся связанными.

— «Вотъ что нужно сдѣлать,—совѣтовалъ князь:—императоръ испросить для васъ пропускъ въ главную квартиру, а тамъ вы начнете дѣйствовать. Вдвоемъ мы добьемся мира».

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ 30 октября, Тьеръ провель у князя Горчакова опять нѣсколько часовъ. Канцлеръ его встрѣтилъ съ пачкою депешъ, только что полученныхъ изъ Лондона и Тура, и предложилъ прочесть ихъ вмѣстѣ.

Брунновъ вполне одобрялъ невмѣшательство Англіи и полагалъ, что и Россія должна послѣдовать этому примѣру. Окуневъ изъ Тура, увѣдомлялъ, что Парижъ защищаться не можетъ, а въ Турѣ оказывается отчаянная безурядица.

Тьеръ пытался убѣдить князя Горчакова, что положеніе Франціи вовсе не такъ безнадежно, какъ казалось Окуневу, но канцлеръ, соглашаясь съ Тьеромъ, взывалъ къ его здравомыслію и усовѣщивалъ его примириться съ временною потерею Эльзаса и Лотарингіи, такъ какъ въ будущемъ можетъ представиться случай вернуть утраченное, въ настоящее же время, чѣмъ болѣе французы станутъ упорствовать въ неподатливости, тѣмъ болѣе будутъ увеличиваться ихъ потери.

Хотя Тьеръ имѣлъ отъ правительства самыя широкія полномочія для немедленнаго заключенія союза съ Россіею и принятія вытекающихъ отсюда обязательствъ, онъ не считалъ себя въ правѣ помимо временнаго правительства вступать въ переговоры съ Пруссіею о заключеніи мира и на предложеніе кн. Горчакова отъ имени государя отправить королю Вильгельму депешу о высылкѣ ему пропуска въ прусскую главную квартиру ¹⁾ отвѣчалъ уклончиво. Послѣ переговоровъ о редакціи депеши оба дипломата остановились на томъ, что когда Тьеръ согласится съ временнымъ правительствомъ насчетъ веденія переговоровъ о мирѣ, то сообщитъ объ этомъ князю Горчакову, и тогда государь испроситъ у Вильгельма пропускъ Тьеру и обеспечитъ ему милостивый приѣмъ у прусскаго короля.

«Изъ долгихъ дней переговоровъ, — заканчиваетъ Тьеръ свою реляцію о пребываніи въ Петербургѣ, — для меня выяснилось, что канцлеръ желаетъ мира, и таковы же желанія его государя; они вмѣстѣ похлопочутъ о томъ, чтобы намъ были предоставлены умѣренныя условія мира. Они готовы оказать намъ услугу, соображаясь съ сочувственнымъ намъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, но въ то же время не хотятъ поступиться и дружбою съ Пруссіею, въ силу тѣхъ обязательствъ, которыя намъ были извѣстны, а, можетъ быть, и иныхъ, намъ невѣдомыхъ».

Столь же безуспѣшны были дальнѣйшіе переговоры Тьера въ Вѣнѣ и во Флоренціи. Изъ свиданій съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, Потоцкимъ и Андраши, Тьеръ вынесъ то впечатлѣніе, что, несмотря на благосклонность, Австро-Венгрія безсильна помочь Франціи, Англія не видитъ въ этомъ для себя интереса, Россія связана обязательствами съ Пруссіею, а Италія отдѣляется пустыми отговорками, ссылаясь на то, что перейти отъ

¹⁾ Депеша эта проектировалась такъ: «Г. Тьеръ находится здѣсь. Онъ проявляетъ благоразумную умѣренность, и единственно онъ можетъ склонить Францію на уступки, необходимыя для заключенія мира. Вышлите ему пропускъ».

нейтралитета къ активному вмѣшательству въ франко-прусскую распрю можетъ не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць, по созывѣ парламента.

Безрезультатность поѣздки Тьера, капитуляція метцкой арміи и дальнѣйшіе переговоры съ временнымъ правительствомъ убѣдили французскихъ государственныхъ людей въ необходимости заключенія тяжелаго мира съ Пруссіею, и Тьеръ принужденъ былъ обратиться къ обѣщанному ему посредничеству Россіи; вслѣдствіе этого императоръ Александръ II и отправилъ Вильгельму телеграмму нижеслѣдующаго содержанія:

«Г. Тьеръ проявилъ умѣренность и разумѣніе истиннаго положенія вещей. Непосредственныя сношенія съ нимъ, быть можетъ, создали бы возможность пріостановленія борьбы, окончаніе которой и вы, и я, и вся Европа желаемъ въ одинаковой мѣрѣ. Не сочтете ли вы возможнымъ, буде признаете то умѣстнымъ, предоставить Тьеру пропускъ въ Парижъ съ правомъ выѣзда оттуда: этимъ вы дадите ему способъ вступить въ переговоры съ вашею главною квартирою?»

Посредничество русскаго государя не осталось безплоднымъ и возымѣло своимъ послѣдствіемъ въ ноябрѣ 1870 года дальнѣйшіе переговоры между Тьеромъ и Бисмаркомъ о мирѣ, которые выходятъ за предѣлы рубрики, намъ отмежеванной.

Отъ воспоминаній Тьера мы перейдемъ къ трудамъ, непосредственно затрагивающимъ наши интересы, и остановимся на новомъ англійскомъ сочиненіи, принадлежащемъ къ спеціальной литературѣ.

F. V. Greene. The campaign in Bulgaria (1877—1878). London. 1903.

По профессіи инженеръ, Ф. В. Гринъ состоялъ при сѣверо-американской миссіи въ Петербургѣ военнымъ агентомъ и, въ качествѣ такового, сопровождалъ императорскую главную квартиру въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. Составленный имъ о войнѣ трудъ, озаглавленный «Russian campaigns in Turkey», пользуется въ Америкѣ авторитетностью и служитъ въ Пирпойнтской академіи американскимъ офицерамъ, подготовляющимся къ службѣ въ генеральномъ штабѣ, пособіемъ для изученія новѣйшей исторіи военнаго дѣла.

Сочиненіе, обозначенное въ заголовкѣ, является извлеченіемъ изъ помянутаго выше труда Грина и переиздано въ Лондонѣ Рисомъ въ числѣ сочиненій, составляющихъ «The Pall Mall military series».

Въ этомъ трудѣ, написанномъ съ сухою объективностью, Гринъ главнымъ образомъ разсматриваетъ кампанію съ военной точки

зрѣнія и, съ корректностью дипломата чуждаясь сенсационныхъ разоблаченій, проявляетъ въ своихъ оцѣнкахъ большую сдержанность.

Если подробное разсмотрѣніе передвиженія боевыхъ русскихъ силъ въ различные періоды кампаніи и оцѣнка стратегическаго и тактическаго значенія военныхъ операцій представляетъ интересъ главнымъ образомъ для специалистовъ-военныхъ, то для зауряднаго читателя книга Грина любопытна по общему освѣщенію, какое придается военнымъ фактамъ, разыгравшимся въ памятную кампанію 1877—1878 годовъ.

11 (24) апрѣля 1877 г. высочайшимъ манифестомъ въ Кишиневѣ была объявлена Турціи война, и черезъ Румынію, по направленію къ Дунаю, были двинуты войска въ составѣ 4 корпусовъ и 2 стрѣлковыхъ бригадъ; въ маѣ было послано еще три корпуса, и, такимъ образомъ, въ началѣ кампаніи русская армія, переправленная черезъ Дунай, не превышала 180.000 человекъ, которымъ пришлось посчитаться съ турецкою арміею, численность которой вначалѣ достигала 250 тыс. человекъ, а впоследствии была еще значительно усилена.

Если, независимо отъ численнаго перевѣса турокъ, принять во вниманіе, что русскія войска далеко не все были вооружены берданками, тогда какъ снаряженіе турокъ было болѣе совершенно—пѣхота была вооружена дальнобойными ружьями Пибоди-Мартини, а кавалерія—магазинками системы Винчестера, то, казалось, шансы складывались болѣе благоприятно для побѣды полумѣсяца надъ крестомъ, а между тѣмъ результатъ кампаніи получился болѣе рѣшительный, чѣмъ можно было ожидать.

Вся кампанія продлилась 45 недѣль; изъ нихъ 10 ушло на сосредоточеніе наступающей арміи въ предѣлахъ Болгаріи; 23 недѣли—съ іюля по декабрь—употреблены на военныя операціи въ Болгаріи и на осаду Плевны, а въ теченіе послѣднихъ 12 недѣль безпримѣрный зимній походъ открылъ русскимъ войскамъ черезъ Балканы доступъ къ самому Константинополю.

Властуй въ 1877 г. Россія надъ Чернымъ моремъ значительнымъ флотомъ, или перебрось она съ начала кампаніи вмѣсто 200.000-й арміи 375 тыс. войска, вся война разыгралась бы несравненно успѣшнѣе, и, весьма вѣроятно, первоначальный планъ, выработанный русскимъ генеральнымъ штабомъ, получилъ бы неуклонное осуществленіе (стр. 7).

По переправѣ черезъ Дунай предполагалось маскировать Рущукъ, Виддинъ, Шумлу и Силистрію, выставивъ противъ нихъ вдоль линіи Яктры и Лома наблюдательный корпусъ, тогда какъ другой, расположившись по Виду или Искеру, имѣлъ дѣйствовать противъ виддинской арміи; въ то же время главныя силы направились бы на Адрианополь. Неожиданное появленіе арміи Османъ-

паши на правомъ флангѣ нашей дунайской арміи на цѣлыхъ пять мѣсяцевъ обрекло ее на пребываніе подъ Плевною.

Характеризуя происходившія за послѣднее пятидесятилѣтіе крѣпостныя осады Севастополя, Виксбурга, Ричмонта, Метца, Парижа, Карса и Плевны, Гринъ находитъ, что осада Плевны является типичнѣйшимъ подтвержденіемъ того, что при современныхъ усовершенствованныхъ дальнобойныхъ орудіяхъ система прикрытыхъ окопами укрѣпленій составляетъ превосходный способъ обороны, пока нападающій не заручится достаточными численными силами для полнаго обложенія крѣпости и прегражденія доступа къ дальнѣйшему продовольствованію осажденныхъ всѣмъ нужнымъ. Блестательное выполненіе этой задачи подъ Плевною Гринъ относитъ всецѣло къ заслугамъ генераль-адъютанта Тотлебена; донесенія его главнокомандующему цитируются цѣликомъ, при чемъ авторъ подчеркиваетъ самоотверженную доблесть, лишенія и непосильныя тяготы, понесенныя русскими войсками при осадѣ Плевны (стр. 191).

Послѣ того какъ преграда, поставленная Плевною поступательному движенію русской арміи, была наконецъ устранена, и Османъ-паша принужденъ былъ сдаться со всею своею арміею, характеръ кампаніи круто измѣнился.

Гринъ ставитъ въ великую заслугу главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу, что тотъ сумѣлъ настоять на совершеніи похода черезъ Балканы, невзирая на зиму.

Среди войнъ минувшаго столѣтія отъ наполеоновской эпохи напрасно стали бы мы искать примѣра движенія, болѣе смѣлаго по замыслу, болѣе рѣшительнаго по выполненію и болѣе успѣшнаго по конечнымъ результатамъ, чѣмъ «переходъ черезъ Балканы въ зиму 1877—1878 годовъ: на Россіи лежитъ доля непреходящей признательности къ великому князю Николаю Николаевичу за предпринятую зимнюю кампанію, къ генераламъ Гурко, Радецкому и Скобелеву за руководство этимъ походомъ, а превыше всего достойна удивленія беззавѣтная удалъ и выносливость русскаго солдата, который единственно и могъ выполнить возложенную на него задачу».

Въ теченіе 51 дня русская армія совершила переходъ свыше, чѣмъ въ 400 миль, перевалила черезъ цѣпь горъ, на которыхъ снѣгъ залегалъ слоемъ отъ 3 до 10 футовъ, при температурѣ ниже 10° F.; армія дала три серіи сраженій, изъ коихъ каждое длилось отъ 2 до 4 дней, и добила въ конечномъ результатѣ того, что одна турецкая армія, численностью въ 40 тыс., сдалась, а другая, численностью въ 50 тыс., была разсѣяна. Побѣдителямъ достались 213 орудій, масса ружей и всевозможныхъ военныхъ припасовъ, включая сюда милліоны снарядовъ, а побѣжденной Турціи были продиктованы такія условія мира, которыя ее навсегда фактически вычеркнули изъ списка независимыхъ воен-

ныхъ державъ. Все это Россія свершила при уронѣ изъ состава арміи менѣе чѣмъ 20 тыс. человекъ, изъ коихъ половина пала въ бояхъ, а половина отъ болѣзней и климатическихъ невзгодъ.

Несмотря на опорочиваніе ошибокъ, допущенныхъ русскими военачальниками въ началѣ кампаніи и подъ Плевною, русско-турецкая кампанія въ цѣломъ столь же блестяща и солидна по достигнутымъ результатамъ, какъ наитруднѣйшія войны современности.

Въ франко-германской войнѣ 1870 г., слывущей за военное чудо новѣйшаго времени, пруссаки настолько же превзошли французовъ, какъ въ 1877—1878 гг. русскіе турокъ, а личная доблесть турокъ отнюдь не уступала проявленіямъ французской храбрости. Благодаря искуснымъ военнымъ операціямъ, нѣмцы заперли Базена въ Метцѣ и разбили Макъ-Магона при Седанѣ (эти два дѣла являются какъ бы дружками Плевнѣ и Шибкѣ); затѣмъ пруссаки двинулись на Парижъ, который былъ принужденъ сдаться 28 января 1871 года, черезъ 6 мѣсяцевъ и 9 дней по объявленіи войны; въ русско-турецкую кампанію перемиріе въ Адрианополѣ было заключено 31 января 1878 г., т.-е. черезъ 9 мѣсяцевъ и 7 дней по объявленіи войны. Въ обоихъ случаяхъ побѣжденные націи оказались преданными всецѣло на милость побѣдителя, но, благодаря удивительной своей живучести, неизсякаемости сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ источниковъ богатства и благодаря умѣлости и работоспособности бережливаго населенія, Франція удивила міръ, успѣвъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ залѣчить экономическія свои раны и занявъ подобающее ей мѣсто среди міровыхъ державъ. Турція же, національная жизненность которой разрушена вырожденіемъ правящихъ классовъ, оказалась безсильною оправиться отъ военнаго погрома, тѣмъ болѣе, что не обладаетъ органическими источниками богатства и состоитъ изъ пестрой смѣси враждующихъ племенъ и народовъ, которые не поддаются ассимиляціи со стороны господствующаго народа, если бы даже послѣдній и дѣлалъ къ тому попытки. Правда, Турція можетъ еще нѣкоторое время протянуть существованіе, доколѣ ее будутъ искусственно охранять и поддерживать иныя державы, усматривающія въ этой неблагодарной задачѣ призрачный интересъ, пока не выяснится, что поддержка извнѣ недѣйствительна, и пока призракъ Турціи не смѣнится иными формами управленія странъ, входившихъ въ ея составъ. Но, какъ независимая держава, Турція въ Европѣ уже перестала существовать, хотя султанъ и можетъ еще продлить болѣе или менѣе продолжительное время свое пребываніе на европейской сторонѣ Босфора: таковъ непреходящій результатъ кампаніи 1877—1878 годовъ.

Такимъ образомъ, зимняя кампанія русскихъ окончательно разрушила обаяніе и военную мощь Турціи, основная же и отли-

чительная причина русскаго успѣха объясняется безграничной выносливостью русскаго солдата.

Съ того момента по паденіи Плевны, когда началось поступательное движеніе русской арміи, она уже не видала своихъ обозовъ, которые оставались по сю сторону Балканъ вплоть до заключенія перемирія. Армія двигалась впередъ, сражалась, останавливалась среди снѣга и льда на ночлеги и переправлялась чрезъ рѣки въ бродъ при температурѣ ниже нуля; армія не имѣла одѣяль, замерзшая земля дѣлала невозможнымъ разбитіе палатокъ, а самые лохмотья палатокъ, сослужившихъ войскамъ службу въ минувшее лѣто, были изрѣзаны въ полосы, которыми обматывалась обувь, пришедшая почти въ полную негодность; хотя и дѣлались попытки размѣщать войска на постой въ домахъ проходимыхъ селеній, тѣмъ не менѣе большая часть войска обречена была на ночевки подъ открытымъ небомъ. Одежда солдатъ въ ночное время оставалась та же, что днемъ, и противъ лѣтняго снаряженія отличалась добавкою шинели, шерстяной фуфайки и башлыка; пища ихъ сводилась къ фунту сухого хлѣба и 1¹/₂ фунтамъ жесткаго, жилистаго мяса, такъ какъ скотъ убивался на пути. Войска несли при себѣ въ ранцахъ раціоны по расчету на 6—8 дней, вмѣстѣ съ значительнымъ запасомъ боевыхъ патроновъ.

Бывали случаи, и далеко не рѣдкіе, что войска вступали въ бой и сражались доблестно, не только напередъ не позавтракавъ, но не выдавъ пищи цѣлыя сутки. И, тѣмъ не менѣе, несмотря на необычныя тяготы и лишенія, за весь походъ не было ни единого случая нарушенія дисциплины—люди неизмѣнно пребывали въ бодромъ и веселомъ настроеніи, а число отсталыхъ на зимнемъ походѣ оказалось даже меньше, чѣмъ за время жаровъ предшествовавшаго лѣта (стр. 251—253).

Охарактеризовавъ снабженіе русскихъ войскъ средствами продовольствія, снаряженіемъ и военными припасами въ теченіе зимняго похода, Гринъ заключаетъ, что на ряду съ самоотверженностью войскъ успѣшность зимняго похода, совершеннаго налегкѣ съ минимумомъ сѣстныхъ припасовъ и военныхъ запасовъ, въ значительной степени должна быть приписана находчивости и энергіи Гурко и Скобелева, сумѣвшихъ своевременно устранять неудобства, сопряженныя съ отсутствіемъ при арміи громоздкихъ обозовъ, и счастливо избѣжать серьезнаго вреда для дѣла и здоровья войска (стр. 258).

Сухое и дѣловитое изложеніе Гриноу фактовъ русско-турецкой кампаніи тѣмъ не менѣе очень краснорѣчиво, и указать на эти факты именно теперь, когда американская и англійская печать умалаетъ наши дѣянія въ Маньчжуріи, вполне своевременно. Если беззавѣтная доблесть нашего воинства для каждаго русскаго составляетъ неоспоримую и давно извѣстную истину, то англо-

саксонцамъ весьма полезно ознакомленіе съ серьезными книгами въ родѣ Гриновской. Точно также назидательно и то, что сообщаетъ авторъ специалистъ объ осадѣ крѣпостей: перенося разсужденія Грина на злободневный вопросъ о нападеніяхъ на Портъ-Артуръ, ясно, что сенсационныя вѣсти о напастяхъ, чуть ли не ежедневно угрожающихъ Портъ-Артуру и Владивостоку, падаютъ сами собою.

Но для того, чтобы разбираться и въ военныхъ, и въ политическихъ вопросахъ, печать должна дѣйствовать bona fide, а вотъ добросовѣстностью-то и не отличаются наши недруги. Характерный образчикъ недобросовѣстности представляетъ и сочиненіе, къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ.

N. F. B. Lynch. Armenia-travels and studies. Vol. I. The russian provinces. Vol. II. The turkish provinces. London. Longmans, Green and Co.

Сила Англіи несомнѣнно лежитъ столько же въ денежномъ ея богатствѣ и могуществѣ флота, сколько въ прекрасной ея освѣдомленности относительно всего, что непосредственно или косвенно касается пресловутыхъ британскихъ интересовъ. По примѣру средневѣковыхъ итальянскихъ торговыхъ республикъ, свдшая всѣ свои интересы на торговлю, Великобританія среди европейскихъ современныхъ государствъ оказывается внѣ конкурса по умѣнію помѣщенія своихъ издѣлій, завязыванія сношеній и проведенія вліянія и плетенія интригъ. А такъ какъ послѣднія разбрасываются на весь міръ, то англійскіе дипломатическіе и торговые агенты повсемѣстно занимаются собираніемъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія могутъ пригодиться метрополи для политическихъ и торговыхъ ея фокусовъ. Этими драгоценными свѣдѣніями испещряются издаваемые по распоряженію парламента синія книги и многочисленныя спеціальныя сочиненія, составляющія продуктъ изслѣдованій на мѣстѣ, благо любознательные англійскіе путешественники неизмѣнно находятъ поддержку и всяческое содѣйствіе отъ британскихъ консульскихъ чиновъ, обслуживающихъ «британскіе интересы» въ всевозможныхъ медвѣжьихъ углахъ.

Если взглянуть на географическую карту Малой Азіи, то, даже напрягая воображеніе, трудно себѣ представить, какое можетъ быть дѣло Англіи до областей, населенныхъ армянами и прикрытыхъ отъ британскаго вліянія русскими черноморскими и прикаспійскими областями, съ одной стороны, и турецкими анатолійскими владѣніями, съ другой. Тѣмъ не менѣе за послѣднія десятилѣтія среди армянъ идетъ броженіе, а въ мутной водѣ можно ловить легковѣрную рыбку, и вотъ является неутомимый путешественникъ, мистеръ Линчъ, который совершаетъ двѣ продолжительныя экспедиціи въ 1893 и 1898 гг.; онъ шныряетъ по русскому Закавказью

и турецкой Арменіи, въ сопровожденіи геолога Освальда и своего военнаго родственника, майора Линча, и въ двухъ томахъ излагаетъ результаты своихъ путешествій, которыя въ отношеніи русскаго Закавказья опираются на свѣдѣнія, почерпнутыя у покойнаго Радде въ Тифлисѣ, у фонъ-Клеонфеля въ Батумѣ и т. д.

Въ смыслѣ географическомъ и историческомъ изслѣдованія Линча представляютъ много любопытнаго, такъ какъ онъ проникъ всюду, начиная съ посѣщенія покойнаго наслѣдника Георгія Александровича и кончая армянскимъ католикосомъ Мрктичемъ; появленію подобныхъ трудовъ въ интересахъ ближайшаго и всесторонняго ознакомленія со странами, сравнительно мало изученными, можно было бы только радоваться, но такъ какъ двухтомное изслѣдованіе Линча, богато разукрашенное прекрасными иллюстраціями и картами, преслѣдуетъ въ сущности некрасивыя прикладныя цѣли, то и самъ авторъ въ предисловіи сознается, что «иныя общества и личности» съ лихвою оплатили бы его литературный трудъ, лишь бы только онъ не былъ напечатанъ. Въ этомъ намекѣ можно было бы заподозрѣть невѣсть какія разоблаченія тайнъ, но въ дѣйствительности изслѣдователь ограничивается интереснымъ описаніемъ восхожденія на Араратъ и путешествій въ Ахалцыхъ, Ахалкалаки, Александрополь, Эривань, Ани, Карсъ, Ванъ, Битлисъ, Мушъ, Эрзерумъ, Кинисъ, Тутакъ, Мелашкертъ, Ахлатъ, Бинголь и т. д. Иное дѣло, когда Линчъ пускается въ общія соображенія—тутъ онъ оказывается узкимъ джингоистомъ, прикладывающимъ къ вещамъ разныя мѣрки, въ зависимости отъ того, касаются ли онѣ британскихъ интересовъ или русской государственности.

Хотя армянское населеніе въ Закавказьѣ не превышаетъ одного милліона душъ, значеніе его должно измѣряться не столько численностью, сколько сплоченностью этой національности (т. I, стр. 448).

Авторъ не можетъ скрыть удивленія предъ вѣротерпимостью русскаго правительства, подъ сѣнью котораго мирно уживаются шиты, сунниты, армяне и грузины (т. I, стр. 454), но въ вину Россіи ставится терпимость къ вѣрованіямъ всѣхъ толковъ—благодаря этой злокозненности, отдѣльныя національности лишаются религіознаго объединенія и терпятъ ущербъ въ горделивомъ сознаніи своей мощи (т. I, стр. 449). Правда, русскіе переселенцы въ Закавказьѣ значительно превосходятъ въ нравственномъ отношеніи аборигеновъ, а сельско-хозяйственные методы ихъ внесли бы экономическій переворотъ въ страну, если бы коренное ея населеніе приняло такыя къ руководству; тѣмъ не менѣе осѣданіе въ Закавказьѣ русскіхъ раскольничьихъ колоній оказывается Линчу не по сердцу, такъ какъ русскіе поселки группируются вмѣстѣ и составляютъ самодовлѣющія единицы—къ поддержанію тѣсной связи съ инородцами ихъ не понуждаетъ ни удовлетвореніе насущныхъ потребностей, ни стремленіе къ социальному общенію (т. I, стр. 457).

По свидѣтельству Линча, занявъ сѣверо-восточную часть Арменіи, русской администраціи пришлось считаться съ племенами, вся политическая исторія которыхъ сводилась къ подпаданію подъ власть то персовъ, то турокъ. Послѣ того, какъ Россія завершила покореніе Кавказа, племена его, долгое время неукротимыя, перестали угрожать самой основѣ поступательнаго движенія имперіи, и въ Закавказьѣ водворились порядокъ и миръ, и жизнь и имущество сдѣлались для всѣхъ инородцевъ вполне обезпеченными. Освѣдомленный путешественникъ, посѣтившій въ 1868 году плодородную область Арменіи, лежащую между Карсомъ и Кагисманомъ, нарисовалъ разительную картину бѣдственности этой области подъ мусульманскимъ владычествомъ; нынѣ же, если армянскіе поселяне въ житницы собираютъ плоды своихъ сельско-хозяйственныхъ трудовъ, а безпокойные курды проявляютъ преклоненіе предъ закономъ, то за избавленіе отъ прежней безурядицы и анархіи мѣстное населеніе должно благодарить Россію (т. I, стр. 459).

Съ полною непослѣдовательностью, однако же, Линчъ усматриваетъ воіищее зло въ томъ, что Русское государство въ послѣднюю русско-турецкую войну не ограничилось аннектированіемъ турецко-армянскихъ провинцій, но пытается болѣе или менѣе успѣшно привить къ мѣстному населенію любовь къ новому русскому отечеству и воспитываетъ своихъ новыхъ подданныхъ въ духѣ общности тѣхъ интересовъ, принциповъ и идей, которыми живетъ вся Россія. По мнѣнію Линча, и это не простительно: вѣдь черезъ это подавляется нравственная и умственная самобытность армянъ или вѣрнѣе узкій ихъ партикуляризмъ (стр. 461, 463, т. I).

По пристрастному мнѣнію Линча, русское правительство должно было свою энергію свести къ благожелательному и безкорыстному возстановленію порядка въ обездоленной странѣ, а давъ созрѣть самосознанію армянъ слѣдовало послѣднимъ предоставить независимость—лишь подъ этимъ условіемъ армяне, для которыхъ дальнѣйшая русская опека излишня, могли бы питать признательность къ могущественнымъ сосѣдямъ и дружественнымъ покровителямъ за прежнія ихъ благодѣянія (т. I, стр. 459), которыми бы постаралась Англія при случаѣ воспользоваться.

Линчъ не поясняетъ, почему Великобританія не распорядится также съ Египтомъ, Африкою и Индією; зато торопится подчеркнуть, что послѣ Берлинскаго трактата Великобританія (единственно только она!) скорбѣла объ армянахъ и озабочена была мечтою о возстановленіи независимой Великой Арменіи.

«Нѣжно и любовно сближаемся мы съ древними азіатскими народностями, которыхъ Провидѣніе поручаетъ нашей охранѣ, и онѣ оплачиваютъ намъ за наши заботы и снисходительность. Въ армянахъ мы имѣемъ народъ, нарочито пригодный сдѣлаться проводникомъ новаго слова (new dispensation): они исповѣдуютъ хри-

стіанство, хорошо освѣдомлены насчетъ лучшихъ нашихъ идеаловъ и воспринимаютъ новѣйшіе плоды европейской культуры съ такою жадностью и основательностью, какъ никакое другое племя отъ Индіи до Средиземнаго моря» (II, стр. 465).

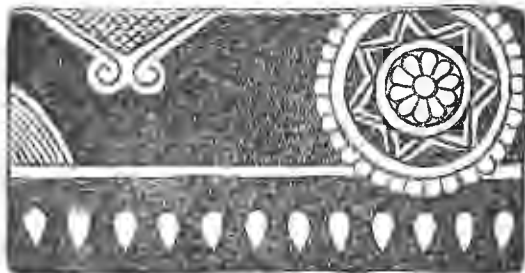
Эти показныя альтруистическія чувствованія великодушныхъ бриттовъ прикрываютъ несравненно болѣе практическія современныя цѣли. Съ цинизмомъ описывая интриги англійскихъ дипломатовъ, направленныхъ «къ созданію прочной почвы для устроенія независимой Арменіи» (II, стр. 410 и посл.), Линчъ распространяется о стратегическомъ значеніи турецкой Арменіи. Представляя со своихъ горныхъ плато удобные спуски къ западу, югу и востоку, она командуетъ надъ Средиземно-морскимъ побережьемъ и Персидскимъ заливомъ (стр. 441, II). А что какъ вдругъ сѣверная держава займетъ турецкую Арменію? Вѣдь это поведетъ къ уtratѣ англичанами торговыхъ путей въ сѣверную Азіатскую Турцію. Правда, товарообмѣнъ Великобританіи съ Азіатскою Турціею чрезъ Персидскій заливъ и Багдадъ не превышаетъ пока цѣнности 1 милл. ф. ст., но азіатскій рынокъ постепенно можетъ быть использованъ гораздо шире, когда англійскимъ товарамъ откроется доступъ въ глубь страны по Евфрату. Поэтому - то британское правительство никогда не потерпитъ, чтобы Россія заручилась хотя бы единымъ портомъ въ Персидскомъ заливѣ: вторженіе Россіи въ южную Персію было бы нарушеніемъ всякой международной нравственности и такимъ оскорбленіемъ для цивилизованнаго общественнаго мнѣнія, которое бы вызвало ожесточеннѣйшую войну отъ полюса до полюса (II, стр. 441).

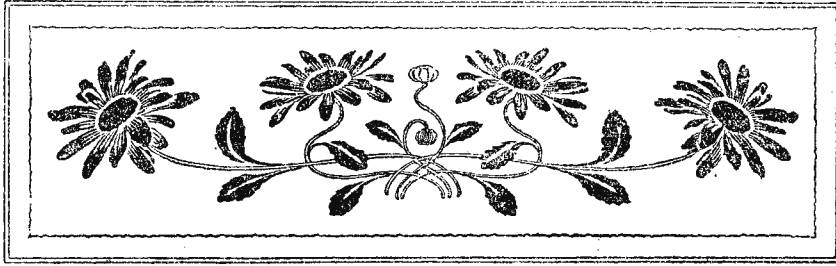
Для невозможнаго процвѣтанія прожорливыхъ англійскихъ аппетитовъ оттираніе Россіи отъ Персидскаго залива, однако же, оказывается недостаточнымъ. Было бы ужасно, если бы Россія совершила какіе нибудь захваты за предѣлами горныхъ кряжей, опоясывающихъ съ юга плоскогорія Арменіи и Персіи и спускающихся, какъ бы послѣдовательнымъ рядомъ *chevaux de frise*, къ Месопотамской долинѣ. Занятіе хотя бы части этого горнаго пояса рано или поздно приведетъ къ завладѣнію всею позиціею. Въ этомъ случаѣ на милость Россіи безъ единого выстрѣла была бы предана и самая Месопотамская низменность, являющаяся полемъ англійской торговли и отъ самой природы предназначенная служить житницею для Индіи съ ея многомилліоннымъ населеніемъ и невѣрными урожаями... Держава, которая обопрется на Діарбекиръ, станетъ властвовать и надъ Персидскимъ заливомъ... Поэтому англичанамъ слѣдуетъ наконецъ сознать, что опора ихъ могуществу въ Индіи лежитъ въ Малой Азіи (II, стр. 442).

Поэтому-то пресловутые британскіе интересы толкаютъ Англію на интриги для созданія противъ Россіи новаго буфета въ видѣ

возрожденія Армянскаго царства, которое Англія не преминула бы облагодѣтельствовать своею опекою, въ этихъ же интересахъ работала, конечно, и Линчъ со своими аколитами съ тѣмъ большею энергіею, что онъ съ грустью сознается въ неудачѣ благихъ намѣреній султана создать противъ Россіи прочный оплотъ въ лицѣ курдовъ, становища которыхъ предполагалось преобразовать, создавъ изъ этихъ прославленныхъ головорѣзовъ подражаніе русскимъ казачьимъ войскамъ (II, стр. 422—423).

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія, 1800 года. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

УКОПИСЬ, содержащая высокохудожественное «Слово» о походе князя Игоря, сгорѣла въ 1812 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими цѣнными памятниками древнерусской письменности, а по другимъ хотя бы позднимъ спискамъ текстъ «Слова» не извѣстенъ. Уже этимъ однимъ и самый памятникъ стоитъ какъ будто одиноко, благодаря чему не разъ возникали даже сомнѣнія въ его подлинности. Поэтому чуть ли не единственный слѣдъ нѣкогда богатаго поэтического достоинства русскаго народа, единственный первоисточникъ для изученія «Слова» мы находимъ въ первомъ изданіи его, сдѣланномъ графомъ Музинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году и предназначавшемся для «любителей россійской словесности». Для тѣхъ же любителей предназначается и автотипическое воспроизведеніе, передающее первый печатный текстъ до малѣйшихъ подробностей.

Излишне говорить о значеніи могучаго Слова—пѣсни, переносящей читателя къ тому времени, когда русскій народъ выдерживалъ на своихъ плечахъ натискъ кочевниковъ, когда среди далекихъ степей въ концѣ XII вѣка погибла рать отважнаго Игоря, когда на Руси впервые раздались призывы къ единенію, когда безвѣстный авторъ «Слова» съ грустью говорилъ, что Русской землѣ такъ же тяжело безъ Игоря, какъ головѣ безъ плечъ, какъ тѣлу безъ головы... Эпоха и историческія условія оставили глубокій слѣдъ на протяженіи всей древне-русской поэмы: его прямолинейная народность, глубина мысли, живость поэтическихъ образовъ, богатство фантазій, красота оборотовъ,—всѣ эти до-

стоинства лиро-эпической пѣсни сразу же бросаются въ глаза и дѣлаютъ ее памятникомъ высокохудожественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинокимъ. Создавшая его среда не скупилась на краски, а въ лицѣ безвѣстнаго поэта, подъ перомъ котораго «Слово» получило книжную обработку, мы можемъ видѣть опытнаго писателя, постигнаго народный духъ, обладавшаго литературной опытностью, солидной начитанностью, тонкимъ вкусомъ. Могучій родникъ народной поэзіи служить ему богатымъ источникомъ, но изъ него онъ выбиралъ только то, что удовлетворяло его эстетическимъ взглядамъ. Не даромъ «Слово» вызвало столько подражаній, передѣлокъ, стихотворныхъ переложеній, переводовъ, даже поддѣлокъ.

Изданіе «Слова» имѣло большое значеніе для общественнаго и культурно-національнаго самопознанія. Научная разработка памятниковъ древне-русской письменности тогда еще только начиналась. Безъ «Слова» была бы немислима научная реставрація прошлаго. До конца XVIII вѣка никто не зналъ, что и у насъ была такая же литература, какъ у западныхъ народовъ. Нѣмцы гордились пѣснями о Нибелунгахъ, французы—пѣснями о Роландѣ; тогда еще вѣрили въ простонародное происхожденіе поэмъ Оссіана. У русскихъ не было ничего подобнаго: былины въ счетъ не идутъ—ими тогда никто не интересовался, ихъ плохо знали, мало понимали, а собраніе Кирши Данилова не пользовалось популярностью. Открытіе «Слова» произвело цѣлый переворотъ во взглядахъ на древнерусскую литературу. Оказалось, что и у насъ были свои «трубадуры» домонгольского цикла, какъ на западѣ—готско-ломбардскаго. «Слово» говорило о фактѣ княжескаго удальства и невольно напрашивалось на сравненіе его съ пѣснями о безумно-отважномъ Роландѣ.

Въ борьбѣ съ «погаными» погибли лучшія войска и на днѣ половецкаго Каяла, и въ долинѣ Ронсеваля. По этому поводу одинаково горевали, призывая къ мести, и великій князь Святославъ, и дряхлый Карлъ Великій. Въ центрѣ необозримыхъ полчищъ половецкихъ и сарацинскихъ нашли себѣ смерть и храбрый буй-туръ Всеволодъ, и самонадѣянный Роландъ. Завязка и главная причина несчастія однѣ и тѣ же въ обѣихъ поэмахъ: молодые русскіе князья думали своими силами побѣдить врага; самонадѣянный Роландъ также отказался просить помощи у короля. Такимъ образомъ, открытіемъ «Слова» было удовлетворено самолюбіе русскихъ передовыхъ людей Екатерининской эпохи. Въ своемъ предисловіи графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ съ гордостью указывалъ на то, что въ изданномъ имъ сочиненіи виденъ «духъ Оссіановъ»; отсюда недалеко было до заключенія о существованіи «бардовъ» и у нашихъ предковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается научная разработка «Слова», переводы его на западно-европейскіе языки, даже двѣ замѣчательныя поддѣлки «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописей, которыя должны были возмѣстить въ чешской литературѣ тотъ самый пробѣлъ, что для русской давало «Слово о полку Игоревѣ». Литература о «Словѣ» достигла огромныхъ размѣровъ, и число работъ, посвященныхъ ему, достигаетъ почти 250 изслѣдованій, изданій, разборовъ, статей и замѣтокъ.

Какое значеніе можетъ имѣть точное воспроизведеніе перваго изданія «Слова»? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду,

что самую рукопись выдали очень немногие из ученых конца XVIII и начала прошлаго столѣтїа: повидимому, владѣлецъ неохотно показывалъ знакомымъ оригиналъ своего изданїа. Во-вторыхъ, рукопись сгорѣла, оставивъ память по себѣ только въ томъ изданїи, которое, по словамъ профессора П. В. Владимірова, «представляетъ первое прочное основаніе для изслѣдователя, замѣняя рукопись». Въ-третьихъ, въ томъ же 1812 году сгорѣла и большая часть изданїа Мусина-Пушкина, почему книга стала рѣдкой, и теперь представляетъ библиографическую цѣнность. Наконецъ, дальнѣйшія изученїа текста перваго изданїа пролили еще прольютъ свѣтъ на загадочный памятникъ въ томъ отношенїи, что, быть можетъ, еще разъ подтвердятъ древнее происхожденіе самого «Слова».

Два поколѣнїа ученыхъ считали его поддѣльнымъ. Скептицизмъ ихъ опирался на одиночество «Слова» среди моря памятниковъ церковнаго характера; одни находили французскій синтаксисъ въ отдѣльныхъ фразахъ «Слова», другіе не умѣли объяснить отдѣльныхъ грамматическихъ формъ и въ этомъ видѣли работу писателей изъ кружка Мусина-Пушкина. Реабилитация просвѣщеннаго издателя была восстановлена самымъ простымъ и единственно надежнымъ путемъ—тщательнымъ изученїемъ перваго изданїа, какъ первоисточника нашихъ свѣдѣнїй о «Словѣ». Дѣло въ томъ, что Архивская копія съ погибшей рукописи, сдѣланная для Екатерины II, оказалась во многомъ ниже печатнаго изданїа и имѣющей, въ сущности, мало значенїа. Мусинъ-Пушкинъ относился къ палеописанїямъ очень осторожно, всегда отмѣчалъ «непонятности, вкрапившіяся при перепискѣ», и при изданїи соблюдалъ строгія требованїа палеографїи и археографїи. Благодаря этому, быть можетъ, благодаря его неопытности въ чтенїи старыхъ текстовъ, впоследствии являлась возможность опредѣлить болѣе точно эпоху погибшей рукописи (вторая половина XV вѣка, а не XIV или XVI вѣка), мѣсто ея написанїа (псковскїа области, а не ярославскїа) и т. д.

Вполнѣ естественно, что въ концѣ XVIII вѣка изданїа древнерусскихъ произведенїй еще не велись по тѣмъ требованїямъ научности, какъ въ болѣе позднее время. Тѣмъ не менѣе, насколько можно догадываться, Мусинъ-Пушкинъ отнесся къ своей задачѣ довольно серьезно. Правда, онъ отдѣлялъ слова другъ отъ друга, раскрывалъ титла, разбиралъ галлографическія начертанїа, выводилъ буквы изъ-подъ вмѣговъ, но очень рѣдко бралъ на себя смѣлость исправлять языкъ «Слова», языкъ образный, мощный, сжатый, почти поговорочный, языкъ не вполне народный, а получившій книжную обработку подъ рукою опытнаго литератора.

Въ этомъ отношенїи очень поучительна дальнѣйшая исторїа литературной критики «Слова». Перепечатки и исправленїа, сдѣланныя учеными на основанїи собственныхъ домысловъ, впоследствии оказались лишеными всякаго научнаго значенїа, напримѣръ, поправки Пожарскаго, Грамматина, Вельтмана, Вяземскаго, В. Миллера и въ особенности Потебни, который въ погибшей рукописи видѣлъ черновой набросокъ автора «Слова» съ поправками XIII или XIV вѣка. Съ другой стороны, лучшіе ученые, напримѣръ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Огоновскїй, Владиміровъ, держались возможно ближе изданїа 1800 г. и этимъ избавили себя отъ всякихъ нареканїй критики. Однимъ словомъ, это

былъ единственный правильный путь, возможный при оцѣнкѣ драгоцѣннѣйшаго лиро-эпического памятника конца XII вѣка. Тотъ же путь, надо полагать, обезпечить «Слово» отъ дальнѣйшихъ нападковъ на него скептиковъ и въ будущемъ. Вотъ почему точное воспроизведение текста 1800 года находить за собой полное оправданіе.

А. И. Яцимирскій.

В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библиографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I. XVIII вѣкъ. Спб. 1903.

Русскій романъ XVIII-го вѣка... Это звучитъ такъ необычно, такъ странно... Мы знаемъ о русской лирической поэзіи XVIII вѣка, знаемъ о русской поэмі, трагедіи и даже комедіи этого столѣтія. Но русскій читатель, благополучно прошедшій курсъ родной гимназіи и даже побывавшій въ университетѣ, будетъ немало удивленъ въ первую минуту, когда ему попадетъ въ руки книга В. В. Сиповскаго о «русскомъ романѣ XVIII вѣка»... До сихъ поръ мы думали, что настоящій русскій романъ начинается только въ XIX вѣкѣ: исключеніе дѣлалось только для Карамзина, «Вѣдная Лиза» котораго считалась у насъ первымъ опытомъ романа въ новомъ, современномъ родѣ. Но вѣдь до Карамзина было почти цѣлое столѣтіе умственной жизни, приобщенной къ западной цивилизаціи... Столѣтіе въ жизни такого молодого, полного силъ и энергіи общества, какимъ являлось въ эту эпоху русское образованное общество, призванное къ новой, культурной жизни гениемъ Петра, — промежутокъ громадный... Почва для вліяній была такая воспріимчивая, благодарная; всѣ впечатлѣнія бытія были такъ новы, настроенія въ обществѣ смѣнялись такъ быстро... Однимъ словомъ, въ обществѣ происходила кака-то культурная работа, общество въ полномъ смыслѣ слова жило, думало, чувствовало и дѣйствовало... Кое-что о жизни и «дѣйствіяхъ» русскаго общества XVIII вѣка мы знаемъ изъ исторіи Россіи этой эпохи... Но о чемъ оно думало, что и какъ чувствовало, каковы были умственные и нравственные интересы общества, каковы были идеалы, которыми оно жило и которые старалось провести въ жизнь, каковы были эстетическія воззрѣнія эпохи?... Все это было такъ темно до сихъ поръ. Тяжелая завѣса скрывала отъ насъ самую любопытную сторону русской жизни XVIII вѣка, и вотъ теперь В. В. Сиповскій своей книгой приподнимаетъ эту завѣсу, и мы съ удивленіемъ останавливаемся передъ совершенно новымъ для насъ міромъ, полнымъ глубокаго, захватывающаго интереса...

До настоящаго времени въ нашихъ учебникахъ теоріи словесности, одобренныхъ компетентнымъ учрежденіемъ въ качествѣ учебнаго руководства для средне-учебныхъ заведеній, догматически сообщается о томъ, что до Карамзина «русскіе романы относились къ числу героическихъ сказаній», что «въ нихъ выводились неестественныя личности, описывались невѣроятныя происшествія», и что «Карамзинъ первый сталъ изображать обыкновенную и всѣмъ понятную жизнь» (см. «Уроки теоріи словесности» А. Радонежскаго,

стр. 116). И вдруг телерь В. В. Синовскій съ фактами въ рукахъ доказываетъ, что все это не только измышленія празднои фантазіи гг. составителей подобныхъ учебниковъ, но просто смѣшныя нелѣпости, которыя можно только извинить незнакомствомъ съ такимъ темнымъ вопросомъ, какииъ до сихъ поръ, до появленія труда В. В. Синовскаго, являлся для большинства русскій романъ XVIII-го вѣка. В. В. Синовскій, конечно, имѣлъ предшественниковъ, которые работали въ той же области. Въ основу своей работы, по собственному признанію, онъ положилъ рукописныя библиографическія матеріалы изъ собранія В. И. Саптова, которые онъ провѣрилъ, исправилъ и дополнилъ какъ по трудамъ Сѣдикова, Анастасевича, Плавильщикова, такъ и по болѣе позднимъ — Геннади, Губерти, Венгерова, Березина-Ширяева, Остроглазова и др. Кромѣ того, составитель просмотрѣлъ почти всѣ имѣющіяся въ Императорской Публичной библиотекѣ каталоги книжныхъ магазиновъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка, любопытныя библиографическія матеріалы, никѣмъ еще не использованныя... Всѣ эти «каталоги», «росписи», «реэстры» и пр. дали возможность составителю разобраться въ противорѣчіяхъ, нерѣдко встрѣчающихся въ вышеупомянутыхъ библиографическихъ трудахъ... Составитель настолько скромнень, что не рѣшается назвать свою книгу не только библиографіей романа, но даже «опытомъ» такой библиографіи: «это только матеріалы, — говоритъ онъ, — нуждающіяся въ детальной разработкѣ спеціалистовъ»... Въ предисловіи къ своей книгѣ В. В. Синовскій заранѣе предупреждаетъ, что цѣль его работы была не въ ней, что при составленіи ея онъ имѣлъ въ виду прежде всего интересы своей будущей работы, такъ что эта книга является лишь необходимымъ подспорьемъ для его будущихъ историко-литературныхъ изысканій въ интересующей его области.

Но если бы даже его книга не имѣла въ виду этихъ будущихъ изысканій, какъ конечной цѣли его работъ, если бы даже дѣло остановилось на ней, то и тогда нужно будетъ признать ее цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку. Центральную часть книги В. В. Синовскаго составляетъ хронологическій списокъ романовъ и повѣстей. Къ ней присоединены весьма важныя приложенія: 1) выдержки изъ предисловій къ переводнымъ романамъ XVIII вѣка, 2) выдержки изъ предисловій къ оригинальнымъ романамъ XVIII столѣтія и 3) выдержки изъ журнальныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) статей о романѣ (XVIII—начало XIX стол.). Наконецъ, есть и указатель собственныхъ именъ (авторовъ и переводчиковъ), что должно сильно облегчить пользованіе этой книгой.

Положительно интересно предисловіе составителя своими выводами и общеніями и указываетъ приблизительно тотъ путь, которымъ пойдетъ (или уже идетъ) изслѣдователь въ своихъ будущихъ изысканіяхъ. Надо полагать, что это предисловіе — не что иное, какъ конспектъ работы, намѣченной авторомъ конечной цѣлью его изысканій. Мы не можемъ не подѣлиться съ читателями, хотя нѣкоторыми наиболѣе любопытными выводами В. В. Синовскаго. Легко прослѣдить по «предисловіямъ», напечатаннымъ составителемъ, постепенную смѣну литературныхъ вкусовъ и настроеній какъ «сочинителей» романовъ и повѣстей XVIII вѣка, такъ и ихъ читателей. Русскій

печатный роман XVIII вѣка (въ отличіе отъ рукописнаго романа конца XVII и начала XVIII вѣка) прежде всего ставитъ себѣ нравоучительныя цѣли, а содержаніе беретъ изъ жизни, болѣе или менѣе, дѣйствительной, обыкновенной. Цѣль автора—дать назидательное чтеніе, принести пользу и даже оказать услугу отечеству. Вотъ гдѣ начало тенденціи и дѣленія романовъ на «хорошіе» и «дурные»: первые восхваляются, вторые — порицаются. Впрочемъ, параллельно идетъ требованіе, чтобы мораль романа не была слишкомъ «строга», и преподносилась «замаскированной въ примѣрахъ», была проста и жизненна: чтеніе должно быть уже не только «полезно», но и «пріятно». Нравоученіе дѣйствуетъ теперь болѣе тонко, болѣе осторожно совершаетъ свое развѣнчаніе «зла» и превознесеніе добродѣтели. Оно дѣйствуетъ уже и при помощи сатиры — обличеніемъ отрицательныхъ сторонъ жизни. Отъ стремленія къ естественности нравоучительнаго вывода совершенно понятенъ переходъ къ реализму изображенія. Содержаніе романа демократизируется, нравоученіе отстываетъ все болѣе на задній планъ передъ фактами, «примѣрами»: мораль признается даже излишней и лишь по старой памяти иногда еще притягивается насильно къ роману. Реализмъ содержанія обусловилъ реализмъ формы: прежній холодный риторизмъ ложно-классицизма уступаетъ мѣсто простому языку, живости и разнообразію содержанія... Далѣе художественный реализмъ идетъ, прогрессивно увеличиваясь: въ предисловіяхъ встречаемъ требованія рисовать жизнь, какъ она есть, и цѣлью романа ставить — изображеніе жизни, вскрытіе тайниковъ души человѣка, «узнаваніе» людей, ихъ сердецъ. Роль морали въ жизни признана жалкой, такъ какъ между «знать» и «дѣлать» — цѣлая пропасть: добро и зло равносильны въ природѣ и рядомъ живутъ въ душѣ человѣка, создавая «противорѣчія»... Все это вліяніе англійскаго романа XVIII вѣка — романа Фильдинга и Гольдсмитта. Итакъ, выводы изъ предисловія таковы: рыцарскій романъ совершенно не отразился на русской литературѣ XVIII вѣка; напротивъ, его высылкаютъ вмѣстѣ съ волшебными сказками. Псевдоклассическій романъ тоже оставилъ мало слѣдовъ: дѣло, кажется, ограничилось попытками дать теорію этого романа, характеристиками его «постоянныхъ типовъ» и остатками классическихъ традицій выбирать героевъ изъ знати, съ классическими именами. Болѣе часты попытки создать теорію романа «нравоучительнаго» и «англійскаго», какъ новаго жанра.

Чрезвычайно интересныя данныя «предисловія» къ переводнымъ романамъ даютъ для выясненія прогресса творчества, для характеристики сочинителя романовъ, его идеаловъ и цѣлей, читателя и переводчика романовъ. Романъ XVIII вѣка выставляетъ требованіе, чтобы герои были «національны», заступается за негровъ, протестуетъ противъ деспотизма власти... «Предисловія» къ русскимъ романамъ указываютъ, съ своей стороны, на полное отсутствіе нравоучительныхъ тенденцій, на сильное стремленіе къ реализму, на обличеніе набога и лжи псевдоклассицизма, на критическое отношеніе къ баснословію прошлыхъ временъ... Особенность русскихъ предисловія — любовь авторовъ говорить о себѣ, сообщать автобіографическія данныя о своемъ образованіи, о своихъ трудахъ и проч. Это даетъ возможность узнать о социальномъ положе-

нн авторовъ, о дѣлахъ ихъ трудовъ и проч. Есть свѣдѣнія о чтеніи книгъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, о состояніи книжного рынка, о большомъ числѣ романовъ у насъ, о близости русской интеллигенціи XVIII вѣка къ простому народу, о симпатіяхъ и интересѣ къ «низкому» сословію, о запечатлѣніяхъ и подражаніяхъ западному роману и т. д.

Наконецъ, 3-е приложение — выдержки изъ журнальныхъ критическихъ статей XVIII и начала XIX-го вѣковъ, касающіяся романовъ — служить необходимымъ дополненіемъ къ двумъ первымъ «приложеніямъ» для уясненія значенія романа XVIII вѣка въ глазахъ современныхъ ему критиковъ.

Составитель перешелъ и въ начало XIX вѣка, чтобы картина получилась полнѣе. Журнальные отзывы XVIII вѣка даютъ крайне скудный матеріалъ, изъ котораго, однако, можно выдѣлать уже отмѣченное стремленіе къ реализму и отрицаніе фантастики, кое-какія данныя по исторіи и теоріи романа; любопытны также — взглядъ на поэзію, какъ на идеализацію жизни, недостойную особенной вѣры, аристократизмъ въ отношеніяхъ къ народной поэзіи и демократическія тенденціи поклонниковъ новаго реального романа. Богаче матеріалъ журнальныхъ статей начала XIX вѣка. То же стремленіе къ реализму содержанія, естественности стили и построенія и рядомъ нападки на авантюрный романъ, на романъ, построенный только на фабулѣ, на псевдоклассическій, — за отсутствіе въ немъ народности; то же восхваленіе англійскаго романа, то же требованіе отсутствія или «замаскировки» правоученія. Новый романъ долженъ быть «картиной души», человѣческаго сердца, зеркаломъ нравовъ. Соотвѣтственно этому Ричардсонъ и особенно Фильдингъ — «цари» новаго романа.

Чрезвычайно интересное явленіе въ исторіи русскаго романа XVIII вѣка, — это возвращеніе къ фантастикѣ, послѣ нападкн на волшебныя сказки и господства реального романа: на время «романтической» романъ, беретъ перевѣсъ надъ другимъ. Послѣ безконечныхъ споровъ о пользѣ и вредѣ романа, о его задачахъ, приходятъ наконецъ къ выводу, что зло и добро — не въ романѣ, а въ сердцахъ самихъ читателей. Замѣтны попытки дать «исторію романа», опредѣлить понятіе литературнаго «типа» и проч. Въ общемъ хаосъ мнѣній, въ путаницѣ понятій и вкусовъ нельзя, однако, не замѣтить даже изъ «списка романовъ» прогрессивный ростъ популярности «англійскаго» романа, стремленіе все къ большому реализму, къ болѣе широкому захвату въ области идей: растутъ философскія и моральныя запросы, романъ отвѣчаетъ жизни... Таковы наиболѣе бросающіеся въ глаза выводы, которые дѣлаеть самъ составитель изъ «предисловія» къ романамъ и журнальнымъ статьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣщанная имъ въ будущемъ работа приведетъ все это въ систему, раскроетъ темныя стороны и смыслъ видимыхъ противорѣчій. Пожелаемъ В. В. Спировскому довершить начатое дѣло въ области, въ которой онъ — полный хозяинъ.

А. Е.

Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей І. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминки. Томъ І. К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903.

Въ шестидесятые годы, въ эпоху русскаго возрожденія, выработались идеалы, до сихъ поръ воодушевляющіе представителей передовой интеллигенціи; отчасти осуществленные въ «великихъ реформахъ», они кореннымъ образомъ измѣнили строй политической и общественной жизни Россіи. Поэтому знакомство съ тѣмъ, что было достигнуто въ эту эпоху, и что осталось осуществитъ послѣдующимъ поколѣніямъ, является насущной потребностью. Особенно это необходимо для нашего времени, когда, какъ можно замѣтить, общество снова вступаетъ въ творческій періодъ своей жизни. Между тѣмъ сколько нибудь полной и разносторонней исторической оцѣнки этой эпохи еще не было. Этотъ пробѣлъ съ успѣхомъ можетъ заполнить серія заданій, предпринятыхъ книгоиздательствомъ П. П. Гершунина, подъ редакціей юристовъ І. В. Гессена и А. И. Каминки. Имена такихъ публицистовъ и ученыхъ, какъ П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, К. К. Арсеньевъ, Г. И. Шрейдеръ, Н. Ф. Анневскій, Н. І. Юрданскій, И. М. Страховскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, привлеченныхъ къ выполненію этой работы, вполне ручаются за ея цѣнность. Цѣль заданія редакторы объясняютъ слѣдующимъ образомъ. «Въ настоящую минуту, когда обновленіе различныхъ сторонъ общественнаго быта является очередной задачей русской жизни, быть можетъ, особенно необходимо дать отчетъ въ томъ, что осталось намъ отъ прогрессивной эпохи, собрать уцѣлѣвшіе обломки и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки. Ставя себѣ эту задачу, мы намѣрены дать рядъ отдѣльныхъ работъ, посвященныхъ наиболѣе крупнымъ реформамъ царствованія Александра II и ихъ дальнѣйшей судьбѣ».

Намъ думается, что безпристрастное изученіе освободительной эпохи разсѣетъ тѣ противорѣчивыя мнѣнія, которыя существуютъ о ней въ настоящее время. Напримѣръ, при знакомствѣ съ публицистикою 60-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ ней нерѣдко затрагивались многіе животрепещущіе вопросы, вызывающіе горячія обсужденія и споры и въ наше время. Отсюда многіе склонны дѣлать заключеніе о какой-то неподвижности (sic) нашей общественной мысли, которая въ теченіе сорока слѣшкомъ лѣтъ оставалась какъ бы скованной и лишенной силъ двинуться впередъ, искать новыхъ путей и т. д. Такой скептическій взглядъ на развитіе нашей общественной жизни намъ кажется слишкомъ поверхностнымъ. Если глубже всмотрѣться въ ту обстановку, среди которой выработалась освободительная программа, получившая только отчасти реальное осуществленіе въ великихъ реформахъ, то замѣтимъ, что выдвинуло ее не все общество, не какой нибудь тѣсно сплоченный классъ, а единичныя личности, не встрѣтившія почти никакой поддержки въ большинствѣ современниковъ, которые относились къ движенію совершенно индифферентно, а то и прямо враждебно. А такъ какъ на ходъ историческихъ событій оказываютъ вліяніе, главнымъ

образомъ, не отдѣльныя личности, а цѣлыя группы, то причины малоуспѣшности и незначительности достигнутаго въ 60-е годы кроются именно въ неподготовленности большей части русскаго общества, вслѣдствіе чего оно и не могло поддерживать требованія передовыхъ дѣятелей. Не мудрено поэтому, что многое изъ общественной программы, выработанной послѣдними, было преждевременнымъ для той эпохи, тогда какъ въ наше время осуществленіе ея полностью является почти насущнѣйшей потребностью. Напримѣръ, въ публицистикѣ 60-хъ годовъ нерѣдко обсуждался рабочій вопросъ, рѣшеніе котораго имѣетъ реальное основаніе только теперь, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и образованіемъ многочисленнаго рабочаго класса.

Такимъ образомъ, изъ того факта, что стремленія передовыхъ дѣятелей освободительной эпохи почти одинаковы съ общественными стремленіями нашего времени, нельзя дѣлать заключенія о неподвижности общества. Наоборотъ, въ теченіе почти полустолѣтія наше общественное самосознаніе, хотя и медленно, но подвигалось впередъ, и то, что въ 60-е годы занимало умы лишь нѣсколькихъ лицъ, теперь, съ возникновеніемъ разныхъ общественныхъ группъ, для которыхъ достиженіе тѣхъ или другихъ правъ тѣсно связано съ экономическимъ благосостояніемъ, и въ среду которыхъ сознаніе этого уже проникло, — сдѣлалось доступнымъ для большинства. А для того, чтобы съ успѣхомъ выполнить начатую работу, необходимо знать не только ея принципы, но и историческое развитіе. Это какъ-разъ и составляетъ цѣль серіи изданій П. П. Гершунина, первый томъ которой посвященъ вопросу о свободѣ печати, составляющей необходимую принадлежность нормальной общественной жизни. Въ книгѣ г. Арсеньева, составленной частью изъ его прежнихъ статей, появившихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Вѣстникѣ Европы», представлена эволюція юридическаго положенія печати, начиная съ 1855 года и до нашихъ дней. Начавшій публицистическую дѣятельность на зарѣ великихъ реформъ, авторъ ея въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ слѣдилъ за нашимъ законодательствомъ о печати, за всякаго рода организаціонными проектами, посягавшими на послѣдніе остатки свободы и независимости печатнаго слова, и навітами на органы либеральныхъ направленій, педшими стъ газетъ извѣстной окраски. Свои взгляды на положеніе печати и ея значеніе авторъ высказываетъ замѣчательно прямолинейно. Съ особенной яркостью онъ подчеркиваетъ необходимость уничтоженія дискреціонной власти администраціи, всякихъ предостереженій и запрещеній, а вмѣсто этого предлагаетъ привлеченіе за преступленія печати только къ судебной отвѣтственности, падающей исключительно на одно лицо.

Разсмотримъ книгу г. Арсеньева болѣе детально. Въ первой главѣ дается характеристика періода отъ 1855 года до появленія закона о печати 6-го апрѣля 1865 года. Какъ извѣстно, съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II была значительно расширена сфера вопросовъ, доступныхъ обсужденію въ печати, а также увеличено число періодическихъ изданій. Но эта доля свободы часто подвергалась колебаніямъ и въ большинствѣ случаевъ зависѣла отъ разныхъ случайностей, не всегда благопріятныхъ для печати; на-примѣръ, одно цензурное учрежденіе пропускало то, что запрещалось въ дру-

гомъ. Но все же положеніе печати въ это время было довольно сноснымъ. Мнѣніе о необходимости свободы для печати встрѣчало сочувствіе даже среди нѣкоторыхъ изъ цензоровъ (напримѣръ, Бекетовъ и Крузе), которые, правда, быстро сходили съ поприща своей дѣятельности, но приобрѣтали себѣ широкую популярность. Въ правительственныхъ сферахъ также сознавалась своевременность этой реформы. Доказательствомъ тому служить слѣдующій характерный разговоръ между министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, и главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ, приведенный г. Арсеньевымъ изъ книги Н. П. Барсукова о Погодинѣ. Въ присутствіи государя Чевкинъ сказалъ:

— Жизнь наша—бурное море; чтобы корабль вѣрнѣ держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

— Помилуйте,—возразилъ князь Горчаковъ, — изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ, чтобы корабль легче шелъ по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

— Недостаточно выбросить балластъ, надо умѣть войти въ пристань.

— Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

— Этого мало: надобно при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

— Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значить пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности.

Однимъ словомъ, навстрѣчу освободительнымъ стремленіямъ передовыхъ дѣятелей общества отчасти пошло и правительство, сознавшее необходимость пересмотра законодательства о печати. Попытки въ этомъ направленіи дѣлались, начиная съ 1858 года, и, наконецъ, завершились изданіемъ 6 апрѣля 1863 года закона, имѣвшаго цѣлью «дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства» и носившаго временной характеръ. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ этого закона, а только замѣтимъ, что появленіе его печать встрѣтила весьма сочувственно. «Крѣпостная зависимость наша отъ цензуры,—писали тогда «С.-Петербургскія Вѣдомости»,—кончилась; признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть отъ нашей собственной воли, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе представляетъ законъ для публичной дѣятельности». Но этимъ ожиданіямъ не суждено было совершиться. Скоро послѣдовали ограниченія печати. Весной 1863 года, въ комитетѣ министровъ было утверждено представленіе министра внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашева о разрѣшеніи министру внутреннихъ дѣлъ запрещать розничную продажу газетъ. Это дополненіе къ закону было сдѣлано комитетомъ только въ видѣ временнаго правила, которое должно будетъ уступить мѣсто постоянному. При этомъ полагали, что соотвѣтствующій законопроектъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Но этого не послѣдовало, и временныя правила о запрещеніи розничной продажи газетъ до сихъ поръ сохраняютъ силу закона.

Нѣкоторые изъ членовъ совѣта министровъ указывали на то, что «для утвержденія въ обществѣ понятія о святости закона всякое измѣненіе или

дополненіе къ нему должно быть дѣлано не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ», но... «для администраціи важенъ не путь, которымъ добыто ея то или другое право, — говорить по этому поводу г. Арсеньевъ, — для нея важно только обладаніе правомъ; получивъ его вѣвъ обычнаго порядка, она неохотно подвергаетъ его законодательной повѣркѣ, сопряженной съ рискомъ его потери, и продолжаетъ пользоваться имъ впредь до переменъ обстоятельствъ, а такая переменъ наступаетъ у насъ не скоро». Последняя мысль наглядно подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Комиссія, учрежденная въ 1869 году для пересмотра законодательства о печати и замѣны временныхъ правилъ постояннымъ уставомъ (дѣятельность ея подробно разсмотрѣна въ III-й главѣ) и уже мало говорившая о расширеніи правъ для печати, признала необходимымъ опредѣлить срокъ для предостереженій, послѣ котораго они становились бы недействительными, но эта мѣра была приведена въ исполненіе только въ 1901 году, то-есть спустя тридцать лѣтъ. Далѣе въ книгѣ г. Арсеньева слѣдуетъ лѣтонисъ почти непрерывныхъ ограниченій и предостереженій по адресу печатнаго слова, лишь иногда освѣщаемая мимолетными надеждами на свободу печати. Содержащая, помимо историческаго обзора, богатый фактическій матеріалъ, почти совершенно неизвѣстный широкой публикѣ, книга г. Арсеньева заканчивается слѣдующими знаменательными словами: «Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность -- вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь, съ одной стороны, уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой — сознаніе солидарности между гражданами. Тотъ видъ свободы, которому посвящена настоящая книга, играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ — въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимаемая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, свобода печати является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неограничиваемою охраной всякаго права, всякой другой свободы. До сихъ поръ мы видѣли случайные, мимолетные, не полные ея проблески; хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта». Къ желанію, высказанному г. Арсеньевымъ, безъ сомнѣнія, присоединится наше общество, которому дороги судьбы родины, ея культурное и политическое развитіе.

А. Я.

Э. Н. Берендсъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго. Томъ I. Спб. 1903.

Профессоръ Берендсъ является у насъ однимъ изъ немногихъ знатоковъ какъ исторіи, такъ и правовой жизни финляндскаго народа. Строгій ученый, засвидѣтельствовавшій свою глубокую эрудицію въ трудахъ по исторіи шведскаго и русскаго права, уважаемый авторъ въ настоящей работѣ придерживается полнѣйшей объективности въ изложеніи и освѣщеніи фактовъ. Первый

томъ задуманнаго г. Берендсомъ труда содержитъ введеніе къ общему курсу административнаго права великаго княжества Финляндскаго и въ виду историческаго происхожденія современнаго государственнаго строя Финляндіи зиждется на историческихъ основаніяхъ. Въ любопытномъ введеніи авторъ, прежде всего, отмѣчаетъ отгѣнки различія въ національной культурѣ западной и восточной Финляндіи. Различіе это зависитъ отъ того, что до V вѣка по Р. Х. западная Финляндія подчинялась исключительно культурному вліянію Скандинавіи, тогда какъ восточная Финляндія находилась въ тѣсной культурной связи со славянскимъ востокомъ и югомъ. Съ десятаго вѣка и на востокъ Финляндіи начинаетъ усиленно вліять Скандинавія въ виду походовъ викинговъ и междоусобной розни славянскихъ племенъ, принужденныхъ при томъ вести борьбу съ хазарами, болгарами и другими южными сосѣдями. Только крайній востокъ — Корелія, — продолжалъ тяготѣть къ славянскому міру. Съ XI вѣка для Финляндіи начинается историческое время въ полномъ смыслѣ этого слова. Усиливается западное скандинавское колонизаціонное движеніе, при чемъ шведы неизбежно сталкиваются въ восточной Финляндіи съ новгородцами. Въ союзъ съ новгородцами финляндскія племена тавасты и корелы грозили отбросить скандинавскихъ пришлецовъ обратно въ Швецію, но въ 1230 и 1274 годахъ папа провозглашалъ крестовые походы противъ финскихъ язычниковъ, и потому до половины четырнадцатаго вѣка Финляндія служила ареной непрерывныхъ войнъ, при чемъ мѣстное населеніе шведы разсматривали, какъ порабощенный народъ, и къ полному гражданскому общенію съ собой не допускали. Четырнадцатый вѣкъ далъ Финляндіи общественную организацію, лишь отчасти сохранявшую основы древняго скандинавскаго демократическаго быта; преобладающее мѣсто занимали новыя феодальныя начала, соединенныя съ возрастающимъ господствомъ элементовъ военно-чиновныхъ и приказныхъ. На этой подкладкѣ развился и выросъ общественный строй современной Финляндіи. Поэтому въ Финляндіи до сихъ поръ живы понятія и термины, унаслѣдованныя отъ глубокой древности, и при томъ древности шведской по преимуществу.

Въ виду господства шведской системы финляндскаго права, профессоръ Берендсъ послѣдовательно излагаетъ исторію источниковъ шведско-финляндскаго права, исторію сложенія сословій землевладѣльческихъ, духовнаго и городского, исторію территориальныхъ приобрѣтеній и, наконецъ, исторію развитія административныхъ установленій Финляндіи. Въ особенности интересенъ и богатъ любопытными данными отдѣлъ, посвященный борьбѣ финской народности со шведскими завоевателями въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ. Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія шведское дворянство въ Финляндіи необычайно усилилось, и гнетъ дворянскій довелъ крестьянъ до отчаянія. Въ 1596 году народъ возсталъ, и разгорѣлась ужасная такъ называемая «дубинная» крестьянская война. Возстаніе было усмирено, но лишь цѣною опустошенія страны. Уцѣлѣвшіе отъ забіенія и погрома финны, подъ вліяніемъ всевозможныхъ притѣсненій и стихійныхъ несчастій, массами бѣжали въ Россію и Норвегію. Реформы и царствованіе Карла IX возвратили Финляндіи относительный покой, но правленія Густава-Адольфа и Карла X, требовавшія для веденія

безконечныхъ войнъ рекрутъ и громадныхъ налоговъ, опять дорого обошлись какъ самой Швеціи, такъ въ особенности Финляндіи. Въ теченіе восемнадцатилѣтняго участія Швеціи въ 30-ти лѣтней войнѣ, ежегодно въ рекруты набиралось болѣе 4.000 финляндцевъ; оставшіеся же дома должны были уплачивать налоги, тяжесть которыхъ безпрестанно увеличивалась и въ три раза превосходила современныя подати, при чемъ надо имѣть въ виду цѣнность денегъ въ наше время и цѣнность этого предмета въ семнадцатомъ вѣкѣ.

Коренное финское населеніе вздохнуло свободнѣе только во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда крестьянское сословіе начало развивать свои силы; вмѣстѣ съ тѣмъ начался и ростъ городского третьяго сословія, воспринявшаго въ свою среду и наиболѣе состоятельное крестьянство. До этого перелома сильное потрясеніе Финляндіи претерпѣла въ эпоху шведско-русскихъ войнъ при Петрѣ Великомъ. Послѣ Ништадтскаго мира, по общему подсчету, изъ числившагося до того населенія, средней цифрой, въ 450.000—500.000 человекъ, осталось не болѣе 275.000 человекъ. Настоящее же умноженіе для несчастной страны наступило со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи при Александрѣ Благословенномъ. Профессоръ Берендсъ признаетъ, что однимъ изъ главныхъ факторовъ послѣдующаго быстрого прогресса Финляндіи явилась неутомимая желѣзная трудовая энергія финновъ, но, съ другой стороны, уважаемый ученый обращаетъ вниманіе и на то, что владычество Россіи создало благоприятныя условія для приложенія такой энергіи, условія, оразившіяся не только въ возможности мирнаго существованія, но, между прочимъ, въ долгой свободѣ отъ несенія воинской повинности, этой страшной тягости, давящей и истощающей культурныя народы.

Достоинства труда г. Берендса обезпечиваютъ книгѣ почтеннаго ученаго почетное мѣсто на полкѣ всякаго лица, съ той или другой стороны интересующагося судьбами вашей сѣверной окраины. В. Грибовскій.

Н. Божеряновъ и В. Никольскій. Петербургская старина. Очерки и рассказы. Спб. 1903.

Къ недавнему юбилею Петербурга было выпущено нѣсколько работъ по исторіи столицы, но между ними не было ни одной полной исторіи. И послѣдней мы, вѣроятно, даже не скоро дождемся. Только въ минувшемъ 1903 г. с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, при содѣйствіи императорской академіи наукъ, еще объявленъ конкурсъ на такую исторію. Самая исторія, стало быть, далеко впереди. Пока же приходится считаться съ отдѣльными очерками по исторіи Петербурга, къ которымъ слѣдуетъ отнести и изданіе гг. Божерянова и Никольскаго — «Петербургская старина». Это — популяризація исторіи. Въ книжкѣ всего 24, такъ сказать, разнохарактерныхъ статьи, часть которыхъ изложена въ полуселлестристической формѣ. Не всѣ, впрочемъ, эти статьи имѣютъ непосредственное отношеніе къ Петербургу; напротивъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ («Измѣнникъ», «Санктъ-Петербургскіе гости», «Петергофъ», «Царевичъ Петръ») почти никакой связи съ петербургской соб-

ственно стариной ить. Статьи, такъ или иначе непосредственно касающіяся столицы, относятся къ разнымъ эпохамъ. Не всѣ онѣ, разумѣется, одинаковаго достоинства. Понадаются между ними выли, не по сюжету растянутыя; другія же, наоборотъ, кратки и сухи; среди послѣднихъ наиболѣе этими свойствами обладаютъ отдѣлы: «роскошь», «ученая жизнь» и «журналистика» въ перепечатанной изъ «Нивы» статьѣ «Столичная жизнь въ прежніе годы»; въ особенности мало характерна замѣтка о журналистикѣ, величиной въ дватри десятка строкъ, совершенно не соответствующая своему громкому заглавію. Вообще надо замѣтить, что составители книжки не всегда осторожно обращаются съ «титулами». Они, напримѣръ назовутъ статью «Двухсотлѣтіе Петербурга въ періодической печати». Соблазненный заглавіемъ читатель подумаетъ, что тутъ дѣйствительно собранъ богатый и интересный матеріалъ. Но на дѣлѣ его ждетъ жестокое разочарованіе. Подъ заманчивымъ заглавіемъ гг. Божеряновъ и Никольскій даютъ лишь перепечатку одной газетной юбилейной статьи, принадлежащей перу г. Немирова, да упоминавшася уже очерка «Столичная жизнь въ прежніе годы», и только.

Лучшій очеркъ, на нашъ взглядъ, принадлежить г. Божерянову: «Первые годы существованія Петербурга». Хотя повѣствованіе здѣсь ведется просто, даже безъ беллетристическихъ потугъ, а все же очеркъ читается не безъ интереса. Отсюда читатель узнаетъ, напримѣръ, что, по матеріаламъ шведскихъ архивовъ, Охта еще при шведскомъ господствѣ уже имѣла «мировыхъ судей и винную монополию, которою вѣдала городская ратуша». Ничто, значить, не ново подъ луною. Любопытны свѣдѣнія о первоначальномъ заселеніи Петербурга. Приневскія топи заселять приходилось принудительно. Въ 1709 году повелѣно было выслать въ Петербургъ 40 тысячъ работниковъ изъ всей Россіи, за исключеніемъ губерній Кіевской и Азовской. Въ 1712 году переселяемые въ Петербургъ на житье рабочіе обезпечиваются земельнымъ надѣломъ. Всего въ періодъ съ 1712 по 1716 годъ выслано было на работы до 150 тысячъ человѣкъ. И не однихъ только рабочихъ принуждали жить въ Петербургѣ. Такъ поступали и съ свободными сословіями. Еще въ 1712 году приказано было «недорослей всѣхъ городскихъ жителей и фамлій, знатныхъ и низкихъ чиновъ, которые для наукъ въ школахъ и въ службу ни къ какому дѣлу не опредѣлены, выслать въ Петербургъ на житье безсрочно». Съ того же года сооруженіе домовъ и проживаніе въ Петербургѣ сдѣлалось обязательными для всѣхъ царедворцевъ и другихъ чиновъ, за которыми числилось не менѣе 30 дворовъ крестьянъ. Въ 1714½ году опредѣлено было водворить въ Петербургъ 300 человѣкъ гостей и записанныхъ въ московскія гостиныя сотни, а также чернослободцевъ и другихъ людей, занимавшихся оптовою торговлею или имѣвшихъ заводы и промыслы. Въ 1717 году Петръ повелѣлъ: выбравъ изъ купеческаго и ремесленнаго сословія первостатейныхъ и среднихъ людей, добрыхъ и зажиточныхъ, выслать ихъ съ женами и дѣтьми въ Петербургъ безъ срока.

Не безъ интереса, пожалуй, прочтутся также очерки: «Послѣдній князь-папа», «Петербургское планство», «Нишдтатскіе триумфы», «Встрѣча лѣта въ Екатерингофѣ», и вѣскольکو суховатый — «Сооруженіе Александровской колонны».

Издание иллюстрировано весьма недурными рисунками и в общем не бесполезно. Но оно могло бы быть составлено лучше; требовалось только больше внимания и любви к избранной темѣ. Отметимъ еще, что авторы почти совсѣмъ не указываютъ своихъ источниковъ. Это—пріемъ нептературный.

М—въ.

Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.г.). Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1903.

Жгучій еврейскій вопросъ въ наше время обострился. «Рѣшеніе этого вопроса огнемъ и кровью»—уже не историческое воспоминаніе, а дѣйствительность, и понятно стремленіе просвѣщенныхъ людей страны перенести національные счеты съ улицъ и площадей въ сферу мысли и замѣнить грубую силу печатнымъ словомъ. Путь, указанный историкомъ А. Я. Гаркави,—собрать и обнародовать историческіе документы о евреяхъ, можетъ привести къ богатымъ результатамъ и долженъ быть признанъ единственно вѣрнымъ путемъ рѣшенія вопроса о роли евреевъ въ прошломъ Россіи. Еврейскій вопросъ этимъ рѣшенъ еще не будетъ, такъ какъ онъ связанъ съ цѣлой сѣтью сложныхъ экономическихъ и общественныхъ отношеній, но, по крайней мѣрѣ, ясно будетъ установленъ характеръ участія евреевъ въ жизни націи и вліяніе ихъ на ростъ народнаго благосостоянія. Третій томъ «Русско-еврейскаго архива» содержитъ акты, извлеченные изъ Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ, архива метрики Литовской, Виленскаго центрального архива древнихъ актовъ, рукописнаго отдѣленія Публичной бібліотеки, рукописнаго отдѣленія бібліотеки графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Копія актовъ, изданныхъ въ этомъ томѣ, засвидѣтельствованы въ архивахъ. Они напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ съ соблюденіемъ прежней орфографіи. Они относятся къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ 1364—1569 г.г. Содержаніе акта кратко излагается по-русски въ заголовкѣ надъ текстомъ. Это дѣлаетъ доступнымъ пользованіе книгой лицамъ, которыя интересуются исторіей евреевъ въ Россіи, но не могутъ читать актовъ, изданныхъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Матеріалы для третьяго и четвертаго тома были собраны С. А. Бершадскимъ, но по смерти его приготовлены къ печати исторической комиссіей при обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями. Датировка, свѣрка корректуры и описаніе грамотъ произведено С. М. Гольдштейномъ. Должно выразить признательность лицамъ, взявшимъ на себя трудную и неблагодарную роль изданія сырыхъ матеріаловъ, могущихъ лишь въ будущемъ послужить къ частному разрѣшенію еврейскаго вопроса, и возобновившимъ изданіе приостановившагося было «Русско-еврейскаго архива».

Изданіе вполне удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ. Въ концѣ книги помѣщено подробное оглавленіе, съ указаніемъ № и страницы, гдѣ находится грамота. Оглавленіе это значительно облегчаетъ пользованіе книгой. При ней приложенъ портретъ С. А. Бершадскаго, инициатора «Русско-еврейскаго архива», и его автографъ.

В. Ф—ко.

Д. Вишневскій. Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой академіи за указанное время. Кіевъ. 1908.

Черезъ десять лѣтъ Кіевская духовная академія будетъ праздновать 300-лѣтіе своего существованія. Несомнѣнно, въ этомъ культурномъ торжествѣ нашего старѣйшаго учебнаго учрежденія примутъ участіе многіе ученые и видные іерархи, воспитанные въ академіи, а пока готовятся матеріалы для возможно полнаго и всесторонняго историческаго очерка «Кіево-братской школы» (1615—1631 гг.), «Коллегіи» (1632—1651 гг.) и наконецъ академіи. Въ предшествующихъ трудахъ митрополита Макарія, Аскоченскаго, проф. Петрова, Голубева и другихъ на первую половину XVIII вѣка обращалось очень мало вниманія, въ то время какъ этотъ періодъ оказывается однимъ изъ самыхъ интересныхъ, такъ какъ къ этому времени замѣтно слабѣетъ спеціальнѣй польско-латинскій характеръ обученія, и преподаваніе понемногу становится въ значительной степени національнымъ.

Книга распадается на три отдѣла: I. Система управленія академіи; ректоры и префекты ея; II. Средства и помѣщеніе академіи; способы содержанія учителей и учениковъ; III. Задачи академическаго образованія; науки и учебники; бібліотека и вѣблассныя занятія учителей; общее состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ академіи и т. д. Наиболѣе интересны тѣ страницы въ книгѣ г. Вишневскаго, которыя рисуютъ бытъ типичнаго южно-русскаго бурсачества и его матеріальное положеніе. Правильному теченію научныхъ занятій студентовъ мѣшала недостатокъ средствъ; довольно сказать, что правительствомъ выдавало академіи всего 50 рублей и столько же четвертей хлѣба ежегодно. Въ распоряженіи же студентовъ было тѣсное, холодное и сырое помѣщеніе, которое они должны были отапливать и освѣщать на свои средства. Поддержка являлась развѣ отъ Братскаго монастыря, отдавашаго «мужицкимъ» и «козацкимъ» дѣтямъ небольшой участокъ земли, гдѣ они могли садить и выращивать овощи; другіе монастыри иногда присылали въ голодную бурсу «сырой продуктъ» въ видѣ хлѣба и одежды. Остальное они добывали сами, то читая псалтирь по покойникамъ, то «прося отъ добрыхъ дателей мялостыню», то «снѣвая канты» или слава Христа на святкахъ и исполняя подъ окнами похвалительныя вирши, оваліи и діалоги, а на лѣто занимались на «кондиціи» и «репетиціи», для чего имъ отъ начальства выдавались особые «пашпорты», и т. п. Но бывали случаи, когда «бурсацкая нужда» сказывалась въ критическомъ положеніи и читалась буквально «прошеннымъ хлѣбомъ», т. е. собиралась, или же шла «прислуживати» и жила у болѣе зажиточныхъ мѣщанъ, «какъ наймиты». Одинъ риторъ сообщаетъ, что въ 1733 году онъ жывъ у священника Жураковскаго въ работникахъ: «гной возилъ, кони пасъ, дрова рубилъ, коляску погонялъ». Еще хуже приходилось тѣмъ, кто принужденъ былъ заниматься въ «служители» къ своимъ же товарищамъ, сравнительно богатымъ «господскимъ дѣтямъ», если тѣ почему либо не привозили съ собой въ Кіевъ «хлопцевъ» изъ крѣпостныхъ. Все это—далеко не цвѣтистыя выраженія, а слова, взятая изъ документовъ, которые цитируетъ

авторъ разсматриваемой книги. Однимъ словомъ, мы не должны удивляться, что, напримѣръ, въ 1746 году студентъ Явоновскій проситъ кievскаго митрополита снабдить его «подъ наставшее зимнее время кожухомъ». При этихъ условіяхъ, мечтами «нищетной братіи», какъ они сами называли себя въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ, было поступленіе въ канцелярскія, пѣвчіе, даже лакеи; болѣе слабые мученики схоластической науки рѣшались на воровство, грабежъ, убѣгали и пропадали безъ вѣсти... Въ собранныхъ Д. Вишневскимъ «Матеріалахъ» можно найти много данныхъ, рисующихъ печальное положеніе бурсы въ первую половину XVIII вѣка, и эти страницы книги читаются съ особымъ интересомъ. А. Я.

К. Харламповичъ. Матеріалы для исторіи Казанской духовной семинаріи въ XVIII вѣкѣ. Казань. 1903.

Содержаніе «Матеріаловъ» составляютъ текстъ и примѣчанія издателя къ анонимному «Краткому описанію обстоятельствъ Казанскія семинаріи» и стихотворенія, относящіяся къ «Торжеству Казанскія семинаріи», пмѣвшему мѣсто въ 1795 году. «Торжество» очень интересно въ бытовомъ отношеніи, и мы остановимся на немъ болѣе подробно. Оно вводитъ читателя въ кругъ пиитическихъ упражненій казанскихъ семинаристовъ конца XVIII вѣка, времени процвѣтанія ложноклассическихъ одъ, диамрамовъ, кантовъ, мадригаловъ, акростиховъ, сонетовъ, рондо, «разговоровъ» и другихъ поэтическихъ формъ. Поводомъ къ составленію неуклюжаго и многошумнаго «Торжества» послужилъ отъѣздъ архіепископа Амвросія Подобѣдова въ столицу для засѣданій въ синодѣ. Признательные питомцы Казанской семинаріи рѣшили подобающимъ образомъ почтить своего «достойнаго пастыря, кроткаго учителя и милостиваго отца». Стихотворенія написаны на русскомъ языкѣ, латинскомъ, греческомъ, чувашскомъ, мордовскомъ и черемисскомъ; очевидно, преосвященный Амвросій чѣмъ-нибудь выказалъ свою заботливость о студентахъ-инородцахъ, и привѣтъ ствія на «финскихъ діалектахъ» явились вполне кстати. Студентъ философій Никита Пичуринскій сочинилъ «Сонъ» со всеми атрибутами ложноклассической поэзіи:

Уже за холмъ высокій скрылось
Свѣтило дневное въ водахъ,
И поле тьмой ночной покрылось,
Луна сіяла въ небесахъ.
Ручей едва журчалъ вдали,
Спокойно было на земли,
Престалъ порхать въ кустахъ аэфиръ;
Вездѣ простерся кроткій миръ.

Но эта картина какъ будто не вяжется съ дѣйствительностью, такъ какъ во время казанскаго торжества была зима: дѣло происходило въ декабрѣ. И вотъ авторъ рисуетъ другой, болѣе соответствующій пейзажъ, когда «при брегахъ быстрой Казанки уже не видно любезной пестроты», когда «съ де-

ревъ слетѣлъ желтый листь, а птичій свистъ въ рошѣ умолкнулъ»; когда долины покрыты бѣлымъ снѣгомъ, а берегъ окованъ льдомъ. И только «Казанскій садъ», подъ которымъ нужно понимать семинарію, цвѣтетъ, исполненный «всѣхъ отрадъ». Веселые питомцы рѣзво играютъ съ музами, — «то изъ цвѣтовъ вѣночки вяютъ, и счастье свое поютъ».

Въ это время авторъ погружается въ сонъ, и въ сопровожденіи какого-то таинственнаго старца идетъ въ тѣнистый лѣсъ, гдѣ помѣщался аллегорическій храмъ славы. Здѣсь онъ увидалъ того, кто лучами своей мудрости грѣетъ и живитъ семинарскій Парнассъ. Очевидно, это былъ самъ Амвросій, къ которому обращены послѣднія строки «Сна»:

Тобой науки процвѣтають,
Тобой растутъ успѣхи въ насъ,
Тобой утѣхи обитають,
Тобой красуется Парнассъ;
Твоихъ обиліе щедротъ
Великій производитъ плодъ,
И теплотой твоей согрѣтъ
Онъ въ осень и зимой растеть.

Другой студентъ, Весновскій, прочиталъ «Мадригалъ» собственного сочиненія:

Что роза на поляхъ?—Лишь взоръ людей плѣняетъ!
Что лира звонкая?—Лишь чувства улаждаетъ!
Въ минуту розы цвѣтъ увядъ,
И лиры звонъ гремѣтъ престалъ.

По взоръ іерарха пріятенъ для всѣхъ; онъ льетъ сладость въ чувства, никогда не увянетъ, подобно розѣ, а всегда будетъ цвѣсти.

Накопецъ, риторъ Алмазовъ рѣшаетъ, что объектъ его восхваленія просвѣтилъ ученьемъ гораздо больше «народовъ», чѣмъ побѣдилъ Александръ Македонскій. Для исторіи русской литературы эти стихи интересны еще и въ томъ отношеніи, что показываютъ, насколько было велико вліяніе Ломоносова и Державина на пѣстическія шалости питомцевъ Казанской семинаріи: нѣкоторыя строфы начатанныхъ стихотвореній обнаруживаютъ довольно замѣтное сходство съ ихъ вѣроятными образцами. А. Я.

К. Н. Шрейтерфельдтъ. Арестантская честь. Спб. 1903.

Интересъ къ подонкамъ общественной среды и въ частности къ міру преступниковъ вызвалъ обширную литературу. Въ большинствѣ случаевъ изслѣдователи касаются или отдѣльныхъ типовъ, или отдѣльныхъ случаевъ, которые имъ приходилось наблюдать; матеріалъ, собранный ими, при всемъ своемъ богатствѣ, разумѣется, страдаетъ разбросанностью, разрозненностью и не даетъ ничего цѣльнаго. Г. Шрейтерфельдтъ поставилъ себѣ задачу собрать этотъ матеріалъ воедино и изчлѣнить преступника въ его средѣ, въ тюрьмѣ,

въ его социальномъ кружкѣ; авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ, пытаясь изучить прежде всего общественныя инстинкты преступника, ограничилъ свое изслѣдованіе предѣлами специальной «арестантской чести», поскольку таковая можетъ служить однимъ изъ наиболее серьезныхъ психическихъ факторовъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, какъ съ общественнымъ недугомъ. И надо отмѣтить, что авторъ отлично выполнилъ свою задачу.

По мнѣнію автора, обстоятельное изслѣдованіе того, въ чемъ именно преступные элементы человечества полагаютъ свою честь, имѣетъ огромное практическое значеніе, такъ какъ оно можетъ дать ключъ къ уразумѣнію средствъ борьбы съ преступными наклонностями. Сообразно съ этимъ онъ устанавливаетъ «общія начала», въ которыхъ, съ одной стороны, рассматриваетъ потерю чести, а съ другой—указываетъ отклоненія отъ общаго понятія чести, господствующія у тюремнаго населенія; здѣсь же авторъ приводитъ авторитетныя мнѣнія такихъ изслѣдователей, какъ Лорана, Флайнта и другихъ ученыхъ, занимавшихся вопросами, такъ сказать, тюремной социологій.

Центральное мѣсто труда г. Шрейтерфельдта—изслѣдованіе быта нашихъ русскихъ преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, при чемъ авторъ раздѣляетъ изученіе на два періода, границею которыхъ является эпоха великихъ реформъ. Нельзя спорить, что эта эпоха отразилась на положеніи тюремнаго населенія, тѣмъ не менѣе ея влияніе не было исключительнымъ, попутно съ нею дѣйствовало много другихъ причинъ, которыя оказывали свое воздѣйствіе, какъ на измѣненіе состава тюремнаго общества, такъ и на его психику. Этимъ мы хотимъ сказать, что всякое подраздѣленіе въ такомъ вопросѣ будетъ являться дѣломъ чисто искусственнымъ. Авторъ характеризуетъ первый періодъ «общиннымъ» и на первыхъ же порахъ сталкивается съ данными, почерпнутыми изъ «Мертваго дома» Достоевскаго, относительно отсутствія общинной организаціи въ тюрьмѣ, что объясняется «оторванностью» «Мертваго дома» отъ свободной жизни и отсутствіемъ въ немъ бродягъ, благодаря которымъ и создавалась общинная организація. Мы думаемъ, что, если бы авторъ, не ограничиваясь приведенными имъ сочиненіями, изучилъ дореформенную тюрьму по специальнымъ трудамъ (какъ, напримѣръ, профессора Сергѣевского—«Наказанія въ XVII ст.», Филипова—«О наказаніи по законодательству Петра Великаго»), то онъ убѣдился бы, что общинное устройство было явленіемъ не повсемѣстнымъ, а скорѣе—исключительнымъ, стоявшимъ въ зависимости не только отъ состава населенія тюрьмы, но и отъ долгосрочности заключенія, отъ способовъ довольствія и т. п.; мы хотимъ сказать этимъ, что дореформенный періодъ зналъ какъ общинныя, такъ и не общинныя тюрьмы. Г. Шрейтерфельдтъ интересно излагаетъ влияніе на тюремную жизнь началъ крестьянской жизни, а также останавливается на подробностяхъ бродяжества, какъ социальнаго, вымирающаго явленія, положившаго въ тюрьмѣ основы общиннаго быта; при этомъ авторъ увлекательно рисуетъ картины тюремной жизни и выясняетъ содержаніе понятія «арестантская честь». Вторая часть труда касается тѣхъ измѣненій, какія произошли въ тюрьмѣ въ дореформенную эпоху, и влиянія ихъ на вырожденіе «арестантской чести». Въ заключеніе авторъ говоритъ, что «важнѣе всего не то, какая система тю-

ремнаго устройства будетъ принята, а то, какіе люди будутъ поставлены выполнять высокую миссію нравственнаго возрожденія надшихъ и погибающихъ людей».

Въ общемъ, мы должны замѣтить, что трудъ г. Шрейтерфельдта, отличающійся добросовѣтностью, представляетъ собою цѣнный вкладъ въ литературу вопроса; книга написана легко, интересно, прекраснымъ языкомъ и разсчитана на большую публику. Появленіе трудовъ, подобныхъ разсмотрѣнной книгѣ, весьма желательно. Ф. Л-въ.

Прошлое города Пскова въ его историческихъ памятникахъ. Составилъ В. Гедиминъ. Псковъ. 1903.

Небольшая книжка г. Гедимина—трудъ вполне добросовѣстный. Авторъ имѣлъ въ виду дать путеводитель по древностямъ города Пскова и его окрестностей и выполнилъ свою задачу старательно, при чемъ въ книгѣ много интересныхъ страницъ написано прекраснымъ языкомъ, безъ претензій, превосходно рисующихъ ту или другую мѣстную древность.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ историческія судьбы г. Пскова, авторъ даетъ сжатый и полный очеркъ древнихъ псковскихъ укрѣпленій: Дѣтинца, Довмонтовой крѣпости, Средняго города, Половица, Запсковья и Завеличья, указываетъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ топографіи древняго Пскова, и наконецъ останавливается на перечисленіи и описаніи многихъ мѣстныхъ памятниковъ, при чемъ большее мѣсто отводится памятникамъ церковной архитектуры какъ въ самомъ городѣ, такъ въ слободахъ, посадахъ и окрестностяхъ. Наибольшій интересъ возбуждаютъ памятники гражданской архитектуры и отличное изложеніе происхожденія Поганкиныхъ палатъ. Вторая половина книги касается описанія и исторіи двухъ старинныхъ поселеній, судьбы которыхъ когда-то были тѣсно связаны съ Псковомъ,—именно Изборска и Псково-Печерскаго монастыря; относительно послѣдняго г. Гедиминъ приводитъ историческій очеркъ его судебъ и описаніе монастырскихъ церквей и ихъ достопримѣчательностей.

Во всякомъ случаѣ, книгѣ слѣдуетъ отъ души пожелать возможно широкаго распространенія, которому, вѣроятно, не помѣшаетъ слишкомъ высокая цѣна ея (1 рубль). Ф. Л-въ.

Янъ Амосъ Коменскій. «Лабиринтъ свѣта и рай сердца». Переводъ съ чешскаго Н. П. Степанова. Спб. 1904.

Коменскій извѣстенъ у насъ, главнымъ образомъ, какъ гуманнѣйшій педагогъ-теоретикъ, какъ авторъ безсмертной «Великой Дидактики» и какъ послѣдній епископъ оригинальнѣйшаго религіозно-соціального института, «общины чешскихъ братьевъ». Коменскаго, какъ поэта и мыслителя почти не знаютъ. Поэтому появленіе «Лабиринта свѣта» въ русскомъ переводѣ оказывается кстати.

Проповѣдникъ согласія и любви, философъ-христіанинъ и пансофистъ, филологъ и педагогъ, сатирикъ и идеалистъ, мудрецъ и мистикъ,—во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Коменскій является и поэтомъ. Несмотря на то, что его отдѣляютъ отъ нашего времени почти три столѣтія, онъ и тогда уже сумѣлъ отрѣшиться отъ узко-національныхъ замысловъ и придать своимъ сочиненіямъ общечеловѣчскій характеръ. Поэтому изъ великаго чеха онъ превратился въ «великаго чловѣка». Священникъ-страдалецъ, поэтъ-изгнанныкъ, Коменскій почти всю жизнь оставался безиріотнымъ, и тѣ высокогуманные принципы, которыми проникнуто его міропониманіе, обязаны не одному внѣшнему мудрствованію: теорія и практика шли у него рука объ руку. Какъ создатель новой педагогикѣ, провозгласившей новое начало въ воспитаніи: «во всемъ свобода, ни въ чемъ насилія!»—Коменскій далеко оставилъ позади себя Руссо, Песталотци, быть можетъ, и Ушинскаго. Лейбницу принадлежатъ великолѣпныя слова о Коменскомъ: «придетъ время, когда множество хорошихъ людей будетъ почитать тебя, и дѣла твои, и надежды, и самыя желанія». Все это великолѣпно говоритъ о томъ значеніи, какое можетъ имѣть знакомство русскихъ чпателей съ лучшимъ созданіемъ чешскаго писателя XVII вѣка.

«Лабиринтъ свѣта и рай сердца» написанъ въ 1623 году, подъ впечатлѣніемъ смерти жены и сына самого Коменскаго и изгнанія общины чешскихъ братьевъ изъ потерявшей самостоятельность родины. Поэтому грустный колоритъ этого произведенія объясняется отчасти и автобіографическими причинами. Въ то же время оно имѣетъ глубокое общечеловѣческое значеніе. Недовольный дѣйствительностью путникъ посѣщаетъ разныя мѣстности неизвѣстной страны и неизвѣстнаго времени. Его сопровождаютъ Всевѣдъ и аллегорическій Обманъ. При обзорѣни «лабиринта міра» они даютъ ему объясненія. Лучшія главы посвящены описанію занятій ученыхъ, адвокатовъ, католическаго духовенства, военныхъ, администраторовъ, пнѣженныхъ богачей и т. д. Характеръ такого необычнаго путешествія съ цѣлю «взысканія града» далъ поводъ въ некоторымъ критикамъ называть Коменскаго чешскимъ Одисеемъ, чешскимъ Данте, даже Фаустомъ. Такое сопоставленіе справедливо, но только отчасти. Мы сравнили бы его «Лабиринтъ» съ «Похвалою глупости» Эразма Роттердамскаго, а «Рай сердца» съ «Путешествіемъ Пилигрима» Бульяна, и въ этомъ сравненіи окажется вся цѣнность произведенія чешскаго писателя.

Книжка издана хорошо, но переводъ могъ бы быть гораздо лучше, такъ какъ онъ не передаетъ эпически-спокойнаго духа поэмы и, кромѣ того, грѣшитъ дѣлымъ рядомъ непростительныхъ отступленій отъ подлинника во многихъ мѣстахъ, не представляющихъ никакихъ затрудненій для знающаго чешскій языкъ.

А. И. Яцмирохіѣ.

Н. Н. Дебольскій Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Спб. 1903.

Книга покойнаго Н. Н. Дебольскаго уже встрѣтила себѣ оцѣнку въ научной критикѣ. Помимо журнальныхъ рецензій, изъ которыхъ наиболѣе обширная

принадлежитъ г. Шумакову, «Гражданской дѣеспособности по русскому праву до конца XVII вѣка» удѣлилъ нѣсколько страницъ и профессоръ Сергѣевичъ въ третьемъ томѣ «Древностей русскаго права».

Въ своей книгѣ Дебольскій между прочимъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ «союзнаго строя» въ древнемъ обществѣ. По его мнѣнію, въ древній періодъ русской исторіи отдѣльное лицо пользовалось правомъ, не какъ гражданинъ и человѣкъ, а какъ членъ даннаго родового, племенного или общиннаго союза. Доказательства подобнаго положенія авторъ видитъ въ требованіи «Русской правды», чтобы вопросъ о сдѣлкѣ и ея эффектѣ рѣшался 12-ю послухами. Такое же союзное начало проявляется въ институтахъ схода и говенія слѣда, при которыхъ точно также сочлены союза привлекаются къ дѣлу суда и слѣдствія. Будучи горячимъ сторонникомъ союзнаго строя древней Руси, Дебольскій защищаетъ и древность поземельной общины. Въ противоположность мнѣнію профессора Сергѣевича авторъ полагаетъ, что крестьянская община у насъ возникла не въ конфискованныхъ волостяхъ волею московскихъ князей, а естественнымъ путемъ, т.-е. независимо отъ внѣшняго правительственнаго давленія и податныхъ условій. Затѣмъ, прежде чѣмъ говорить о дѣеспособности крестьянъ, покойный ученый призналъ нужнымъ пересмотрѣть всю нашу литературу по вопросу о ихъ прикрѣпленіи. По отношенію къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на частныхъ земляхъ, онъ выступаетъ сторонникомъ того стараго мнѣнія, что владѣльческіе крестьяне были закрѣпощены правительствомъ въ послѣднемъ десятилѣтіи шестнадцатаго вѣка. О крестьянахъ же, сидѣвшихъ на государевыхъ тяглыхъ земляхъ, высказываетъ самостоятельное мнѣніе, которое заключается въ томъ, что «въ половинѣ шестнадцатаго вѣка состоялось прикрѣпленіе тяглыхъ людей», но не къ землѣ, а къ тяглу; иначе говоря, по мнѣнію автора, государевы тяглые крестьяне право на переходъ съ земли на землю сохранили и могли переходить изъ волости въ волость, изъ села въ село, но только съ государевой тяглою земли на другую государеву же, а не частновладѣльческую. Въ доказательство своего положенія Дебольскій приводитъ 88 статью Царскаго Судебника, толкуя ее въ томъ смыслѣ, что этой статьей регламентируется переходъ изъ тягла въ тягло и условіе нарушенія договора аренды съ землевладѣльцами, но изъ нея не видно, чтобы былъ дозволенъ выходъ изъ волости за помѣщика. Съ такимъ толкованіемъ, однако, рѣшительно несогласенъ профессоръ Сергѣевичъ, убѣдительно доказывающій, что названная статья Судебника говоритъ вообще объ условіяхъ перехода крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, не проводя различія между тяглыми крестьянами и владѣльческими. Написана книга покойнымъ авторомъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ, при чемъ пересмотрѣна вся литература предмета. Въ вопросахъ критики Дебольскій былъ чуждъ увлеченій споромъ и стремленія къ опроверженію чужихъ мнѣній. Наоборотъ, во всевозможныхъ спорахъ онъ является примирителемъ-эклетикомъ, желающимъ взять у каждой стороны то, что, какъ ему кажется, у нея имѣется болѣе цѣннаго и доказательнаго.

Безвременная смерть похитила молодого ученаго у русской науки, на пользу которой онъ все-таки успѣлъ потрудиться. Можно было надѣяться, что,

пройдя въ своихъ научно-литературныхъ опытахъ горнило хотя бы и суровой, но безпристрастной критики, покойный Н. Н. расширилъ бы тѣ пути, по которымъ приходится слѣдовать младшему поколѣнію историковъ русскаго права въ настоящее время.

В. Г.

Отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. князя Александра Невскаго за 1901—1902 г. Вязники. 1903.

Православное братство во имя св. князя Александра Невскаго трудится въ предѣлахъ Владимирской губерніи уже цѣлую четверть вѣка. Какъ видно изъ вышеназваннаго отчета, братство содержитъ на свои средства болѣе 600 школъ грамоты п церковноприходскихъ, заводитъ въ селеніяхъ курсы церковнаго пѣнія, открываетъ общественныя библіотеки и въ г. Владимирѣ имѣетъ свое собственное небольшое древлехранилище съ библіотекой. Помимо насажденія просвѣщенія, дѣятельность братства особенно энергично направлена на борьбу съ расколомъ и съ сектантствомъ, для чего братство имѣло въ отчетномъ году нѣсколько платныхъ миссіонеровъ, приглашенныхъ изъ числа лицъ, приобрѣтшихъ извѣстность и опытность въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

По даннымъ отчета видно, что во Владимирской губерніи борьба идетъ не столько съ расколомъ, сколько съ сектантствомъ въ видѣ штундизма, молоканства и хлыстовщины. Наиболѣе упорной и враждебной православію сектой является штундизмъ, представляющій, какъ извѣстно, своеобразное видоизмѣненіе лютеранства. Нагляднымъ доказательствомъ, между прочимъ, служитъ большое распространеніе среди штундистовъ нѣмецкихъ богословскихъ сочиненій, конечно, въ русскомъ переводѣ. Сущность штунды заключается въ томъ, что послѣдователи ея единственнымъ источникомъ вѣроученія признаютъ Евангеліе. Вражду съ православіемъ, штундисты имѣютъ свою іерархію изъ мѣстныхъ крестьянъ и не скрываясь совершаютъ свои богослуженія, на которыхъ главнымъ образомъ распѣваютъ псалмы и разные религіозные гимны. Гражданской власти они повинуются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ея распоряженія не идутъ, по ихъ мнѣнію, въ разрѣзъ съ ученіемъ Евангелія. Такая точка зрѣнія ведетъ штундистовъ къ столкновенію съ административными властями. Кары, въ свою очередь, вызываютъ въ нихъ озлобленіе, которое ко вреду миссіонерства переносится штундистами и на православныхъ собесѣдниковъ. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что отношенія сектантовъ къ миссіонерамъ отличаются крайне дерзкимъ, вызывающимъ характеромъ, чего, повидимому, не бываетъ, какъ скоро они видятъ передъ собою лицо неофициальное.

Отчеты, подобные настоящему, весьма полезны тѣмъ, что при дешевизнѣ и небольшомъ объемѣ даютъ свѣжія свѣдѣнія о состояніи религіознаго сознанія темныхъ, непросвѣщенныхъ массъ.

М.

А. А. Шахматовъ. Исслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка. Части I и II. Спб. 1903.

Новая книга академика Шахматова раздѣлена на двѣ части. Въ первой помѣщается обстоятельное и подробное изслѣдованіе двинскихъ грамотъ, во второй напечатаны тексты съ приложеніемъ относящихся къ Двинѣ новгородскихъ актовъ и указателей собственныхъ именъ и географическаго.

Въ первой части изслѣдователь сообщаетъ свѣдѣнія о мѣстѣ и времени написанія той или другой грамоты, объ учрежденіяхъ, гдѣ онѣ первоначально хранились, о составѣ документовъ, наконецъ объ ихъ языкѣ.

Въ большинствѣ случаевъ, двинскія грамоты были написаны въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, точнѣе по обоимъ берегамъ Сѣверной Двины, начиная отъ Ступинскаго села, находящагося въ 32 верстахъ южнѣе Холмогоръ, и кончая Николаевскимъ Корельскимъ монастыремъ при впаденіи Двины въ море; затѣмъ по притокамъ Двины — Лодынѣ и Ижмѣ и, наконецъ, въ разныхъ селеніяхъ Поморья. Основываясь на хронологическихъ данныхъ и упоминаніяхъ въ грамотахъ историческихъ лицъ, академикъ Шахматовъ считаетъ временемъ написанія ихъ XV вѣкъ, точнѣе первыя семь десятилѣтій его.

оначальными хранилищами грамотъ изслѣдователь называетъ Чухченемскій и Архангельскій Михайловскій монастыри, Лисьеостровскую церковь Архангельскаго уѣзда, Лодынскую церковь того же уѣзда, Соловецкій монастырь, нѣкоторые второстепенные монастыри и церкви того же края. По составу своему, грамоты имѣютъ характеръ юридическій. Это — купчія, выкупныя, мѣновыя, закладныя, судныя, дарственныя, раздѣльныя, рядныя и духовныя. Въ главѣ II изслѣдователь даетъ довольно подробную характеристику каждаго рода вышеназванныхъ актовъ въ юридическомъ отношеніи. Остановимся на бытовой сторонѣ этихъ грамотъ.

Важность двинскихъ грамотъ въ указанномъ отношеніи формулирована въ слѣдующихъ словахъ А. А. Шахматова: «Мы очень мало знаемъ о первоначальной исторіи Двинской земли, хотя несомнѣнно, что древнія русскія поселенія на Двинѣ относятся къ XIII вѣку, а, можетъ быть, и къ XII вѣку. Такъ въ Паремейникѣ 1271 года, хранящемся въ Публичной библиотекѣ, имѣется запись, изъ которой видно, что книга эта написана «Матигорцамъ за Волокъ», при чемъ изъ болѣе поздней приписки видно, что она принадлежала церкви Бориса и Глѣба; современная Борисоглѣбская церковь въ Нижнематигорскомъ приходѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Холмогоръ. Въ XIV вѣкѣ, какъ видно изъ цѣлаго ряда историческихъ данныхъ, лѣтописей, уставной грамоты Василія Дмитріевича и др., Двинская земля была населена почти въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ и теперь сидитъ населеніе на Двинѣ, ея притокамъ и по морскому берегу. Наши грамоты XV вѣка еще въ большей степени подтверждаютъ это, и своими указаніями служатъ древнѣйшими источниками для исторіи тѣхъ или другихъ поселеній» (стр. 39 — 40). Какъ видно изъ тѣхъ же грамотъ, населеніе Двинскаго края было замѣчательно разнообразно по своему составу. Такъ здѣсь мы находимъ бояръ, житыхъ людей, купцовъ, духовенство, крестьянъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, холопей. Сохра-

ившіяся въ грамотахъ племена инородцевъ, напримѣръ: Курь, Обеканъ, Наерлокъ и др., указываютъ на то, что среди пришедшаго на Двину изъ сѣверно-русскихъ областей населенія жили остатки финскихъ племенъ, преимущественно чудскаго. Въ административномъ отношеніи Двинская земля дѣлилась на округи, повидимому, называвшіяся третями. Далѣе грамоты указываютъ, какой видъ обложенія существовать въ то время; чаще всего упоминается «пораль», т.-е. съ рала (соха). Формы землевладѣнія также отразились на актахъ. Последнее свидѣтельствоуетъ о томъ, что въ Двинской землѣ существовало исключительно личное, частное землевладѣніе, при чемъ последнее въ большинствѣ случаевъ соединялось «съ сидѣніемъ» собственника на землѣ. Такимъ образомъ, съ понятіемъ о частной земельной собственности, — говоритъ академикъ Шахматовъ, — тѣсно связано понятіе о дворѣ и дворницѣ; дворъ является центромъ, основаніемъ села, т.-е. понятіе, въ составъ котораго входили всѣ воздѣлываемыя земли, а также угодыя, объединенныя фактомъ общаго надъ ними владѣнія, село равносильно термину «участокъ», «владѣніе» (стр. 52). Но хотя въ двинскихъ грамотахъ нѣтъ прямого указанія на общинное землевладѣніе, — по нѣкоторымъ даннымъ видно, что села иногда находились во владѣніи нѣсколькихъ родственныхъ семей, другими словами, цѣлаго рода. И хотя въ нихъ и попадаются термины «общее поле», «община», но они не заключаютъ въ себѣ намека на общинное хозяйство, такъ какъ последнее несовмѣстимо съ свободнымъ отчужденіемъ участковъ, полосъ, лоскутовъ въ «обчемъ» полѣ; поэтому подобные термины представляютъ собою «не болѣе, какъ названія земельныхъ участковъ, данныя потому, что въ этихъ участкахъ имѣлось по нѣскольку владѣльцевъ, тѣмъ или другимъ способомъ приобрѣтшихъ земли въ одной окружной межѣ». Затѣмъ въ актахъ заключаются указанія на денежные знаки, находившіяся въ обращеніи среди населенія Двинскаго края. Такими знаками, называвшимися вообще «кунами», служили, съ одной стороны, «бѣлы», «бѣлки», и рѣдко «куны», съ другой — рубли; наконецъ, въ одной грамотѣ находятся сравнительно новыя названія денежныхъ знаковъ: «два рубля денегъ полтина».

Однимъ словомъ, приведенныхъ выдержекъ достаточно для того, чтобы показать, какую цѣнность представляютъ двинскія грамоты въ отношеніи юридическомъ и бытовомъ, не говоря уже объ ихъ лингвистическихъ особенностяхъ, очень важныхъ для исторіи сѣверно-русскихъ говоровъ и письма XV вѣка. Къ книгѣ приложены снимки съ трехъ грамотъ; у двухъ грамотъ сохранились печати, интересныя для исторіи русской сфрагистики.

А. И. Яцимирскій.

В. Герье. Идея народовластія и французская революція 1789 г. Москва. 1904.

Въ числѣ важныхъ идей, повліявшихъ на ходъ французской революціи, была идея народовластія. Вліяніе этой идеи изслѣдовано меньше, чѣмъ вліяніе другихъ идей. Почтенный профессоръ Московскаго университета, В. И. Герье, давно уже извѣстенъ, какъ выдающійся знатокъ новой исторіи. Теперь имъ

собраны въ этой книгѣ семь статей, въ которыхъ нашъ ученый выясняетъ почву, создавшую и развившую идею народовластія во Франціи, разсматриваетъ, какое примѣненіе эта идея получила, и какъ она восторжествовала. Въ первой же статьѣ «Историческая роль монархіи во Франціи и созданіе націи», напечатанной еще въ 1877 г. въ III т. «Сборника Государственныхъ Знаній», авторъ объясняетъ историческое происхожденіе французскаго народа, составныя части котораго объединились въ новомъ понятіи о націи. Въ скагого видѣ здѣсь представлена вся исторія Франціи, начиная съ первыхъ дней ея, съ Галліи, и до 1789 г., т.-е. до того времени, пока историческое развитіе государства шло рядомъ съ усиленіемъ королевской власти. Вторая статья (напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1880 г.) — «Зачатки революціи 1789 г.» — знакомитъ насъ, какъ французская нація въ смыслѣ новаго понятія стала главнымъ рычагомъ революціоннаго движенія, выдвинувшаго идею націи въ противоположность сословіямъ и монархическому принципу. Эта статья написана по поводу книги Рокана и рисуетъ намъ борьбу парламентовъ во Франціи противъ королевскаго абсолютизма. Популяризація идеи народовластія принадлежитъ Руссо. Въ статьѣ «Понятіе о власти у Руссо» авторъ разсматриваетъ вліяніе Руссо на представленіе о народѣ въ французскомъ обществѣ и выясняетъ, какъ разнообразны были отбѣнки, которые принимало это представленіе въ діалектическомъ умѣ Руссо, подъ вліяніемъ его сильнаго воображенія. Слѣдующая статья «Народъ и правительство Франціи на исходѣ Стараго Порядка» тѣсно связана съ предыдущей, такъ какъ посвящена дальнѣйшей судьбѣ идеи народовластія, находившейся въ зависимости отъ дѣятельности правительства Людовика XVI. Авторъ вскрываетъ это «важущееся» государственное единство Франціи и поражающую иностранцевъ гармонию національныхъ элементовъ во Франціи. Оказывается, что въ этогъ единствѣ «чрезвычайно много недодѣланнаго, а за этой гармоніей много розни и противорѣчій». Онъ разсматриваетъ, какъ нарушалось въ территоріальномъ отношеніи единство Франціи разными преградами и привилегіями, какъ на ряду съ сплывнымъ стремленіемъ къ единообразію формъ и быта всюду замѣтно такое же упорное сопротивленіе, вмѣстѣ съ строгимъ единствомъ — большое дробленіе. Последніе дни «старога порядка» съ ихъ хаотичностью во всѣхъ отрасляхъ управленія прекрасно изображены въ этомъ очеркѣ. Изъ теоретической области идея народовластія перешла на практическую почву, когда были созданы генеральные штаты въ 1789 г. Депутаты въ своихъ наказахъ высказали страстное желаніе реформъ, требованіе отмены существующаго порядка и замѣны его новымъ. «Преданность монархіи и феодалнымъ преданіямъ съ бреднями оптимистическаго раціонализма — характерный симптомъ наказовъ 1789 г. и отразившагося въ нихъ политическаго развитія высшихъ классовъ Франціи», — такъ заканчиваетъ проф. Герье свое изслѣдованіе: «Понятіе о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года» (рѣчь, произнесенная на актѣ Московскаго университета въ 1884 г.). Последняя статья — «Торжество идеи народовластія», выясняетъ борьбу изъ-за пониманія этой идеи и обстоятельства, приведшія къ ея торжеству. Центромъ этого очерка является фигура Мирабо. Въ этомъ же сборникѣ помѣщена статья: «Народность и про-

грессъ», напечатанная въ журналѣ «Русская Мысль». Эта статья должна была служить введеньемъ къ книгѣ о «Народѣ и народовластіи». Она не имѣетъ ближайшаго отношенія къ исторіи Франціи. П. К.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Изданіе С.-Петербургскаго археологическаго института, подъ редакціею А. И. Соболевскаго и С. Л. Птащичкаго. Спб. 1903.

Несмотря на то, что научная разработка письменныхъ памятниковъ русской исторіи вступила во второе столѣтіе со времени первыхъ робкихъ попытокъ въ этой области историческихъ изысканій, у насъ такъ мало еще издано хорошихъ снимковъ съ древнерусскихъ грамотъ, что для серьезныхъ занятій документальной палеографіею представляются серьезные затрудненія. Надо знать, что грамоты хранятся въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, иногда совсѣмъ недоступныхъ для занятій, а прежнія изданія, сами по себѣ слишкомъ малочисленные, не представляютъ полной гарантіи въ томъ, что сдѣланные отъ руки и отпечатанные литографіею снимки воиолнѣ схожи съ оригиналами. Кромѣ того, ни одно изъ прежнихъ изданій нельзя назвать болѣе или менѣе систематическимъ. Это затрудненіе теперь въ значительной степени устраняется, благодаря великолѣпному альбому большого формата, изданному въ память двадцатипятилѣтія (1878—1903 г.г.) археологическаго института. Въ этой коллекціи нашли себѣ мѣсто цѣнные снимки съ 51 грамоты въ натуральную величину, передающіе всѣ внѣшнія особенности грамотъ, имѣющія значеніе для исторіи русской дипломатики, сфрагистики и палеографіи. Однимъ словомъ, исполненные безукоризненно снимки избавляютъ будущихъ послѣдователей отъ необходимости обращаться къ оригиналамъ, разбросаннымъ въ столичныхъ, провинціальныхъ и заграничныхъ архивахъ.

Даже самый бѣглый пересмотръ грамотъ даетъ вѣрное представленіе объ особенностяхъ письма и языка сѣверовосточныхъ и югозападныхъ канцелярій древнерусскихъ областей, преимущественно XIV вѣка. Особенно интересны грамоты плохой сохранности или же съ дефектами, какъ, напримѣръ, договоръ великаго князя Симеона Гордаго съ братьями, 1341 года; жалованная грамота черниговскаго князя Свдригайла Максиму-Владу Драгосиновичу на пмѣнія въ Галиціи, 1424 года; грамота о продажѣ Хонькою Васковою съ дѣтьми протодіакону Ивану Губкѣ монастыря Каленикова, 1378 года; правая грамота галицкаго старосты, папа Сръмскаго, по спору объ одной вотчинѣ, 1412 года, и въ особенности договоръ великаго князя Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, относящійся ко времени послѣ 1362 года. Эти снимки даютъ возможность занимающимся самимъ восполнить недостающія или же сомнительныя мѣста грамотъ.

Если, судя по нѣкоторымъ приемамъ издателей, грамоты предвзначаются, главнымъ образомъ, для педагогическихъ цѣлей, для слушателей института,

то, намъ кажется, онѣ могутъ оказать извѣстную услугу и русской исторіи, такъ какъ многія изъ нихъ являются въ печати впервые и интересны по содержанию.

А. И. Яцимирскій.

З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи.
Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904.

На страницѣхъ «Историческаго Вѣстника» было указано на первыя двѣ части составленной г-жей Рагозиной исторіи древняго Востока, отмѣчены были и недостатки заслуживающаго полнаго вниманія этого труда — недочеты въ приемахъ изложенія, выпадающаго иногда въ наивность. Но зато нельзя отказать автору въ замѣчательной добросовѣстности и большомъ знаніи дѣла. Первые два выпуска посвящены были исторіи Халден и Ассиріи. Настоящая книга излагаетъ еще менѣе извѣстную, пожалуй, русскому читателю исторію Мидіи, второго Вавилонскаго царства и Персіи.

Потомки персовъ сохранились въ настоящее время въ лицѣ парсовъ. Ихъ менѣе ста тысячъ. Ихъ вѣра—вѣра древняго Ирана, они послѣдователи Зороастра. Съ этого замѣчательнаго осколка древности и начинается свою книгу г-жа Рагозина. Она знакомитъ читателя съ ихъ вѣроученіемъ и священными обычаями, рассказываетъ съ большимъ воодушевленіемъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя преодолѣли ученые ориенталисты, чтобы разобрать рукописи, составляющія священное писаніе парсовъ. Цѣлая глава посвящена пророку Ирана и Авестѣ, другая — очень богатая по содержанию — разсматриваетъ арійскіе мифы. Все вниманіе автора сосредоточено на религіи, археологіи и вышней исторіи. Вотъ это мы считаемъ недостаткомъ книги г-жи Рагозиной. Обширная эрудиція автора даетъ ему полную возможность свободно разсматривать религіозные вопросы народовъ Востока, подробно излагать политическую исторію. Но вѣдь наука въ настоящее время имѣетъ немало данныхъ, чтобы понять и оцѣнить также внутреннюю исторію народовъ Востока, т.-е. отношенія социальныя, экономическія. Объ этомъ мы ничего не находимъ въ книгѣ, а то немногое, что есть, отличается наивностью сужденій: можно подумать, что авторъ недостаточно силенъ въ обще-историческихъ вопросахъ и пренебрегаетъ культурно-соціальной исторіей. Въ затронутыхъ имъ вопросахъ—религія и политика—авторъ пользуется свободно всею новѣйшею литературой. Въ этомъ отношеніи, популярно написанная книга г-жи Рагозиной—цѣнное приобрѣтеніе для нашей исторической литературы. Издана книга превосходно, на отличной бумагѣ, съ хорошо выполненными 90 рис. — есть рѣдкіе, очень дорогіе снимки—и картой Персидской державы.

П. К.—ій.

К. Пельтанъ. Исторія Франціи отъ 1815 г. до нашихъ дней.
Изд. книгоиздательства Пирожкова. Спб. 1903.

При скудости книгъ по исторіи XIX в. на русскомъ языкѣ переводъ небольшой книжки французскаго депутата Пельтана нельзя назвать лишнимъ: событія вѣрно и достаточно объективно изложены. Но это не есть исторія

страны, а лишь политическая исторія Франціи, начиная отъ Ватерлоо до президентства Лубе. Культурная и социальная исторія отсутствуютъ въ этомъ сочиненіи,—единственный и, конечно, очень серіозный недочетъ книги. Все изложеніе вытянуто въ одну линію и разбито на 39 главъ, вслѣдствіе чего нѣтъ достаточнаго рельефа въ характеристикѣ отдѣльныхъ періодовъ исторіи Франціи. Такъ, эпоха реставраціи, возстановившая династію Бурбоновъ, была временемъ культурной реакціи, но Пельтанъ не отмѣчаетъ этого, хотя говорить и о Шатобрианѣ и о Жозефѣ де-Местрѣ. Точно также не выдѣлены имъ и либеральныя стремленія эпохи, хотя цѣлая глава посвящена романтизму, отгѣнками котораго былъ проникнутъ либерализмъ. Зато войны, отдѣльные эпизоды описаны живо и хорошо. Для читателя, мало знакомаго съ исторіей XIX вѣка, книжка Пельтана даетъ колоритный разсказъ о крымской войнѣ, объ итальянской войнѣ и седанской катастрофѣ. Къ русскому переводу приложено 7 рисунковъ и 78 портретовъ выдающихся политическихъ дѣятелей, писателей и полководцевъ. Написана книга легкимъ языкомъ и переведена хорошо.

П. К.

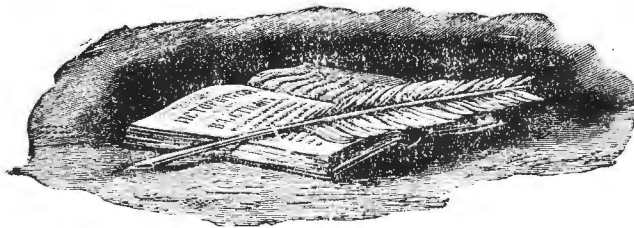
Проф. А. И. Загоровскій. О внѣбрачныхъ дѣтяхъ по новому закону (3 іюня 1902 г.) въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. Одесса. 1903.

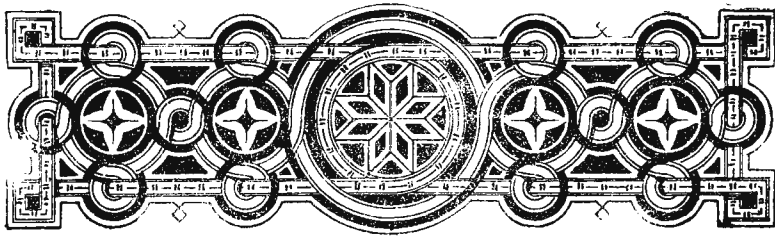
Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ бракъ, замѣчаетъ профессоръ Загоровскій во введеніи къ своему настоящему труду, проводится различіе между дѣтьми, рожденными въ бракѣ—законными, и внѣбрачными—незаконными. Но пока существовало многоженство, и бракъ не былъ обставленъ строгими формальностями какъ при заключеніи, такъ и расторженіи, различіе между законными и незаконными дѣтьми проводилось слабо. Наоборотъ, когда установилось единобрачіе въ опредѣленныхъ строгихъ формахъ, это различіе обозначилось явственно, при чемъ положеніе незаконнорожденныхъ оказалось очень невыгоднымъ. У грековъ незаконныя дѣти считались внѣ семьи и домашняго культа и потому не наследовали послѣ родителей. У римлянъ точно также вначалѣ не было мѣста въ агнатической семьѣ отца, и они числились за матерью. Распущенность нравовъ конца Римской республики и начала имперіи заставила законодателя полупризнать юридическую силу фактическаго сожителства конкубината, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и юридическое положеніе происшедшихъ отъ него дѣтей. Это былъ первый шагъ къ смягченію строгости въ отношеніи внѣбрачныхъ дѣтей. Дальнѣйшее благотворное вліяніе на ихъ судьбу оказало христіанское каноническое право, потребовавшее содержанія незаконнорожденныхъ какъ отъ отца, такъ и отъ матери; дѣйствующія законодательства о внѣбрачныхъ дѣтяхъ сложились подъ вліяніемъ, съ одной стороны, римскаго, съ другой—каноническаго права.

Анализируя нашъ законъ 3-го іюня 1902 года, уважаемый авторъ дѣлаетъ подробную историческую справку по данному вопросу и внимательно останавливается на исторіи его въ русскомъ прошломъ. Между прочимъ, г. Заго-

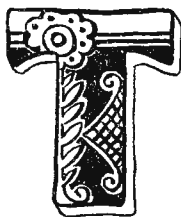
ровскій справедливо указываетъ, что наше древнее отечественное право очень свисходительно относилось къ незаконнорожденнымъ. Нужно предположить, что вѣбрачныя дѣти могли наследовать въ отцовской недвижимости и благопріобрѣтенныхъ имуществъ матери, такъ какъ незаконнорожденнымъ сыновьямъ не былъ закрытъ даже путь къ великокняжескому престолу. Византійское право, проникшее къ намъ съ принятіемъ христіанства, хотя и сузило прежнія условія широкой терпимости, но, тѣмъ не менѣе, предоставило незаконнымъ дѣтямъ извѣстные права на содержаніе послѣ отца и матери и наследственныя послѣ одной матери. Византійскія начала, претворяясь и измѣняясь подъ вліяніемъ національныхъ воззрѣній, могли бы со временемъ сложиться въ цѣлое законодательство по данному вопросу, но послѣдовавшее при Петрѣ Великомъ подчиненіе семейственныхъ отношеній свѣтской власти внесло въ дѣло случайность и неустойчивость. Съ Петра Великаго замѣчается иноземное вліяніе, выводится изъ практики право на полученіе содержанія незаконнымъ ребенкомъ отъ своего отца, вмѣсто общихъ узаконеній издаются сенатныя указы, рѣшающіе частныя отдѣльные вопросы о правахъ вѣбрачныхъ дѣтей *ad hoc*, иногда даже, глядя по ходатайству и ходатаю; наследственныя права незаконнорожденныхъ суживаются, и вообще законодатель въ итогѣ не столько старается разрѣшить вопросъ въ корнѣ, сколько обойти его, какъ неудобный. Законъ 3-го іюня 1902 года въ этомъ отношеніи представляетъ значительный шагъ впередъ на пути къ относительному уравненію обездоленныхъ вѣбрачныхъ дѣтей, неовинныхъ въ грѣхахъ и правонарушеніяхъ ихъ родителей. Начало улучшенія печальной судьбы незаконнорожденныхъ было положено уже закономъ 12-го марта 1891 года, когда было разрѣшено узаконять ихъ черезъ послѣдующій бракъ.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТРУДЫ англійскаго историка на своемъ и испанскомъ языкахъ. Известный англійскій писатель, Мартинъ Юмъ, преимущественно занимающійся исторіей англо-испанской эпохи, недавно издалъ почти одновременно два сочиненія—на англійскомъ и испанскомъ языкахъ. Въ сущности, это несколько не удивительно, ибо онъ отлично знаетъ испанскій языкъ и избралъ себѣ специально разборъ испанскихъ архивовъ XVI вѣка. Его испанское сочиненіе¹⁾ называется, какъ и слѣдовало ожидать: «Испанцы и англичане въ XVI вѣкѣ», и посвящено интереснымъ историческимъ очеркамъ, основаннымъ на архивной работѣ въ Вѣнѣ и Симанкѣ. Самая длинная и любопытная изъ семи статей этой книги трактуетъ объ испанскихъ наемникахъ—предметъ, мало извѣстномъ не только испанцамъ, но и англичанамъ.

Хотя въ последнее время почти исчерпана въ историческомъ отношеніи жизнь Маріи Стюартъ, и уже врядъ ли осталось съ новой стороны изучать загадку ея существованія, но несмотря на это, постоянно появляются книга за книгой, имѣющія цѣлью такъ или иначе представить своеобразный анализъ ея исторіи. Между прочимъ, Юмъ даетъ на своемъ родномъ англійскомъ языкѣ любопытный и оригинальный очеркъ²⁾ значенія любви въ драматической эпопее несчастной шотландской королевы. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: «Единственнымъ извиненіемъ для новаго сочиненія о Маріи Стюартъ представляется то обстоятельство, что большая часть ея историковъ имѣла въ виду

¹⁾ *Espanoles é Ingleses en el Siglo XVI: Estudios históricos.* Par Martin Hume. Madrid. 1904.

²⁾ *The Love Affairs of Mary Queen of Scots.* By Martin Hume. London, 1903.

добродѣтель или пороки злополучной королевы, а не причину ея политическихъ недостатковъ, которые происходили не отъ ея добродѣтелей или пороковъ, а отъ слабости ея характера въ дѣйствіяхъ съ противниками болѣе сильными, чѣмъ она». Главная цѣль Юма заключается въ изслѣдованіи политическаго элемента во всѣхъ исторіяхъ любви Маріи. Благодаря этому оригинальному взгляду, его очеркъ принимаетъ характеръ новизны. Ни одинъ авторъ прежде него не выражалъ такъ ясно политическаго вліянія Европы на разнообразныя любовныя похождения шотландской королевы. Не только Англія, но Франція, Испанія и другія державы были готовы интриговать за или противъ нея изъ-за католическихъ или протестантскихъ видовъ. Свачала, по вступленіи ея на шотландскій престолъ, причиною распрей ради нея былъ вопросъ объ ея бракѣ. Короли шведскій, датскій и французскій, эрцъ-герцогъ Карлъ Австрійскій, донъ-Карлосъ испанскій, герцогъ Феррарскій, герцогъ Немурскій, герцогъ Анжуйскій, шотландскій герцогъ Арранъ и англійскій герцогъ Лейстеръ явились претендентами на ея руку. Интригамъ всей Европы въ пользу и противъ этихъ жениховъ не было конца. Марія оказала предпочтеніе дону-Карлосу, наслѣднику величайшей монархіи въ христіанскомъ мірѣ. Но ея надежды не осуществились, и тогда она неожиданно вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, лорда Дарнлея. Кромѣ близкихъ родственныхъ связей съ англійской короной и физической красоты, онъ ничего не имѣлъ за собой и былъ слабый, неостойчивый, нахальный и развратный человѣкъ. Лучшіе друзья королевы, какъ католики, такъ и протестанты, противились этому браку и подняли знамя возстанія, но были побѣждены королевой. Вскорѣ, однако, послѣ ея торжества она поняла, какимъ недостойнымъ человѣкомъ былъ ея мужъ, и влюбилась въ итальянца Давида Риччіо. Ея мужъ возбудилъ противъ него своихъ пріятелей, которые и убили итальянца. Это окончательно возбудило въ сердцѣ Маріи ненависть противъ Дарнлея, и ровно черезъ годъ она подбила своего новаго любовника, нигде негоднаго проходимца, графа Вотвеля, умертвить мужа. Потомъ, несмотря на общую ненависть всего народа къ убійцѣ, она вышла за него замужъ. Въ концѣ концовъ, Марія Стюартъ пришлось отказаться отъ Вотвеля и отдаться въ руки возставшаго народа, послѣ чего она вздумала бѣжать и искать спасенія у Елизаветы, которая предала ее казни, по обвиненію въ заговорѣ противъ своей жизни. Въ продолженіе всей этой полной перипетій жизни несчастная шотландская королева погибла, главнымъ образомъ, благодаря тому, что, несмотря на свою хитрую, умную натуру, она встрѣтила двухъ противниковъ болѣе сильныхъ, чѣмъ она сама—двухъ женщинъ: Елизавету англійскую и Екатерину Медичи. Въ три были ловкія дипломатки, но Елизавета и Екатерина были гораздо способнѣе Маріи, которая обладала только большей физической красотой и очарованіемъ. Этой физической способности шотландской королевы противодействовало чрезвычайное себялюбіе. За исключеніемъ себя, она нисколько не любила ни другихъ, ни своего отечества. Конечно, въ ея жизни много ей вредила религія: католицизмъ дѣлалъ ее, по словамъ ея народа, агентомъ дьявола. Хотя Юмъ старается рассказать жизнь Маріи Стюартъ, не обсуждая ея добродѣтели или преступности, но это невозможно, и онъ, поневолѣ, признаетъ ее виновной за участіе въ убіиствѣ Дарнлея. Впро-

чемъ, онъ оправдываетъ ее тѣмъ, что въ тѣ времена убійство не считалось такимъ жестокииъ преступленіемъ, какъ теперь; напротивъ, оно было естественнымъ послѣдствіемъ обычаевъ того времени.

— Королева слезъ. Подъ этимъ названіемъ извѣстна была дочь принца Уэльскаго, сестра англійскаго короля Георга II — датская королева Каролина-Матильда. Ея жизнь была полна патетическихъ событій и драматическихъ несчастій. О ней писали преимущественно датскіе и германскіе историки, но англійскіе писатели еще не посвящали этой печальной личности подробныхъ монографій. Теперь В. Вилькинсъ, обычный историографъ Ганноверскаго дома, написалъ два тома ¹⁾ ея любопытной біографіи. Хотя всѣ депеши англійскихъ резидентовъ въ Копенгагенѣ, касающіяся событій, относящихся до королевы Каролины-Матильды, по приказанію Георга III были уничтожены, все-таки Вилькинсъ нашелъ въ англійскихъ архивахъ много новыхъ документовъ и воспользовался всеми имѣющимися матеріалами въ Даніи. Каролина-Матильда родилась, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего отца въ 1775 г., и провела дѣтство безъ всякаго присмотра и руководства. Пятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, датскаго короля Христіана VII, сына одной изъ дочерей Георга II-го. Ея мужъ былъ страстный, развратный и полусумасшедшій человѣкъ. Онъ поставилъ условіемъ своего брака, чтобы жена не имѣла при Копенгагенскомъ дворѣ никакого изъ своихъ соотечественниковъ или соотечественницъ, и когда она подружилась съ г-жею Плессенъ, единственной женщиной при дворѣ, обладавшей твердымъ характеромъ, онъ немедленно удалилъ ее. Послѣ рожденія сына, будущаго короля, Фридриха VI, Христіанъ открыто взялъ себѣ любовницу и позволялъ своимъ фаворитамъ обращаться съ королевой самымъ оскорбительнымъ образомъ. Когда дѣло дошло до того, что всемогущій русскій посланникъ въ Копенгагенѣ настоялъ на изгнаніи любовницы короля, то послѣдній, ради развлечения, уѣхалъ на восемь мѣсяцевъ изъ своей страны. Все это время онъ провелъ отчасти въ Лондонѣ, а отчасти въ Парижѣ, въ самыхъ отвратительныхъ трущобахъ, среди пьянства и разврата. Когда его тетка, англійская принцесса Амалия, спрашивала его, отчего онъ такъ дурно обращается съ своей женой, онъ отвѣчалъ: «Отчего? Она такая бѣдлая!» По возвращеніи на родину онъ сталъ лучше обращаться съ женою, но не надолго и, мало-по-малу, совершенно сошелъ съ ума. Его фаворитъ Струэнзе сдѣлался въ это время любовникомъ королевы и въ теченіе двухъ лѣтъ, будучи умнымъ и способнымъ человѣкомъ, пользовался диктаторскою властью, какъ первый министръ. Благодаря окончательному сумасшествію короля, управленіе королевствомъ перешло къ Каролинѣ-Матильдѣ, но въ сущности она предоставила всю власть Струэнзе. Онъ ввелъ много либеральныхъ реформъ, начиная съ освобожденія крестьянъ до свободы печати, но дѣйствовалъ чрезвычайно сурово и деспотически. Мѣстные вельможи возстали противъ королевы и ея фаворита, побудили ту и другого сознаться въ своей связи, и хотя слѣдственная комиссія признала законной дочь королевы, принцессу

¹⁾ A, Quon of Tears: Caroline Matilde, Queen of Denmark and Norway and Princess of Great Britain. By W. H. Wilkins, 2 vols. London. 1904.

Лупзу, но Струэнзе казнили, а королеву Матильду официально развели съ мужемъ. Дальнѣйшую свою жизнь она провела въ почетномъ изгнаніи, сначала въ замкѣ Кройбергъ, а потомъ въ Целль, въ Ганноверѣ, гдѣ она векорѣ и умерла на 24-мъ году жизни. По словамъ новѣйшаго біографа, вся жизнь Каролины-Матильды протекла въ слезахъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ съ Струэнзе, но и въ это время она не пользовалась въ Копенгагенѣ поцудлярностью, отчасти благодаря тому, что обыкновенно носила некрашенный мужской костюмъ для верховой ѣзды, а также вслѣдствіе поправки суровымъ капризамъ своего фаворита.

— Первоначальная судьба подводныхъ лодокъ. Въ февральскомъ номерѣ «Revue Bleue» Фелисьенъ Паскаль рассказываетъ ¹⁾, съ какимъ упорствомъ сопротивлялся Наполеонъ I-й введенію во французскомъ флотѣ подводныхъ лодокъ. Изобрѣтатель первой подводной лодки, американецъ Робертъ Фультонъ, обратился къ члену Директоріи, Ларевельеру Лено, прося его ознакомиться съ предложеннымъ проектомъ и сообщить о немъ сотоварищамъ. Инженеръ Фультонъ былъ вызванъ въ Парижъ американскимъ посланникомъ Джозе Барло и предлагалъ устроить во Франціи новую систему канализаціи и шлюзовъ, а также панораму. Проектъ, предложенный имъ Ларевельеру Лено, касался подводной лодки, вооруженной торпедою, т.-е. подводной миной, для истребленія англійскаго флота, блокировавшаго французскіе берега. Эта лодка съ изобрѣтенымъ американцемъ механизмомъ называлась Nautilus, и подобная флотилія могла спокойно истребить весь англійскій флотъ или закрыть англійскимъ кораблямъ возвратный доступъ въ Темзу. Такимъ образомъ Англійи пришлось бы просить у Франціи пощады. Для приведенія своего проекта въ исполненіе Фультонъ составилъ товарищество Nautilus. Согласно проекту условія, предложеннаго товариществомъ Франціи, послѣдняя обязывалась уплачивать ему 4.000 франковъ съ пушки на каждомъ англійскомъ судѣ высшаго качества въ 40 пушекъ, которое истребитъ бы одинъ изъ Nautilus'овъ, и 2.000 франковъ съ пушки за остальные суда, низшаго качества. Взятая же въ илѣтъ Nautilus'омъ англійскія суда были бы собственностью товарищества. Монополія постройки Nautilus'овъ была обезпечена за товариществомъ, и если правительство вздумало бы самостоятельно строить Nautilus, то товариществу было бы выплачено 100.000 франковъ за каждую лодку. Фультонъ держалъ въ тайнѣ свое изобрѣтеніе и сказалъ, что будетъ счастливъ объяснить систему постройки Бонапарту, котораго считалъ за хорошаго инженера. Морской министръ Плевиль-Ла-Пеллей въ принципѣ принялъ договоръ Фультона, но поставилъ условіемъ уменьшить на половину вознагражденіе, определенное товариществомъ, и совершенно отвергнувъ всѣ требованія товарищества относительно плѣнныхъ судовъ. Фультонъ подчинился и этимъ требованіямъ, но только настаивалъ на необходимости военно-судной комиссіи, которая предохранитъ его отъ обращенія съ нимъ англичанъ, какъ съ пиратомъ. Онъ предложилъ выстроить въ Парижѣ лодку и отпрavitъ въ Гавръ для опыта надъ какимъ нибудь негоднымъ судномъ. Но Ди-

¹⁾ Napoleon I-er contre les torpilleurs, par Felicien Pascal, «Revue Bleue», 27 Fevrier 1904.

ректорія отказалась отъ испытанія. Только новый морской министръ Брюи согласился поднять снова вопросъ о подводной лодкѣ. Была назначена комиссія для провѣрки изобрѣтенія Фультона, и отчетъ получился благопріятный для американца. Хотя въ немъ и указывалось на нѣкоторыя детальныя усовершенствованія, но комиссія просила министра поручить Фультону выстроить подобную лодку и дать ему на это средства. Лодка Фультона представляла вполне проблему подводной навигаціи; онъ добился, что она могла по желанію погружаться и всплывать на поверхность, плавать надъ водою и подъ водою, возможности жить въ ней и пребыванія на якорѣ на днѣ моря. Ей не хватало лишь совершенства механическихъ приспособленій и еще въ то время неизвѣстныхъ двигательныхъ силъ. Несмотря на благопріятный отчетъ ученой комиссіи, французское правительство не дало хода дѣлу. Тогда Фультонъ обратился къ голландскому правительству съ тѣмъ же предложеніемъ, но результатъ получился тоже неблагопріятный. Узнавъ, что Бонапартъ сдѣлался консуломъ, Фультонъ опять обратился во Францію, въ надеждѣ, что наконецъ будетъ понятъ Бонапартомъ. На этотъ разъ его предложеніе попало въ руки морского министра Форфэ, находившагося ранѣе въ ученой комиссіи, собранной для изслѣдованія изобрѣтенія Фультона. По его приказанію былъ выстроенъ одинъ Nautilus въ Руэнѣ, и Фультонъ 29-го іюля 1800 г. сдѣлалъ испытаніе своего изобрѣтенія на Сенѣ. Онъ погружался въ своей Nautilus отъ восьми до семнадцати минутъ. Затѣмъ Фультонъ отправился въ Гавръ и увѣдомилъ оттуда письмомъ Монжа и Лапласа, что ему удалось погружаться въ сообществѣ двухъ лицъ на два часа двѣ минуты; быстрота хода равнялась 260 футамъ въ семь минутъ на поверхности воды, и почти такая же скорость сохранялась подъ водою. 28-го августа 1800 г., приобрѣтя удостовѣреніе въ годности своей подводной лодки, Фультонъ доказалъ возможность производить подъ водою взрывы своихъ минъ, которыя были орудіемъ наступленія его подводной лодки противъ непріятельскаго флота. Тогда еще оспаривали возможность взрывать порохъ подъ водою. Фультонъ сдѣлалъ опытъ и доказалъ эту возможность. Nautilus былъ продолговатой и вышуклой формы, какъ наши современныя подводныя лодки. Парусъ, спускавшійся по бокамъ во время погруженія, приводилъ ее въ движеніе, когда она шла по поверхности воды. Ея ходъ подъ водою ускорялся посредствомъ руля и гребныхъ винтовъ. Торпедо, предназначенное для истребленія непріятельскаго судна, состояло изъ мѣднаго боченка, на днѣ котораго находилось сто фунтовъ пороха. Оно было снабжено часовымъ механизмомъ, предназначеннымъ воспламенять порохъ въ опредѣленный промежутокъ времени. Впереди этого боченка была приспособлена ружейная батарея, которая разрывалась подъ толчкомъ слабого спуска собачки. Этотъ снарядъ соединялся съ Nautilus'омъ посредствомъ кабеля, разматывавшагося по удаленіи лодки. Все было рассчитано, чтобы взрывъ произошелъ лишь въ моментъ, когда подводная лодка находилась внѣ удара. Доказавъ на опытѣ достоинство своего изобрѣтенія, Фультонъ хотѣлъ отправиться въ Шербургъ, чтобы показать, какъ его Nautilus можетъ держаться въ открытомъ морѣ. «Онъ проходилъ иногда въ часъ полторы мили и очень хорошо поднимался по волнамъ», писалъ Фультонъ Лапласу. Но время наступило угрожающее, и Фультонъ при-

шлое укрыться въ Грoванѣ близъ Изнвы. Тамъ онъ оставался блокированнымъ въ продолженіе тридцати пяти дней. Онъ чуть было не попалъ на два англійскіе брига. Но англичане, должно быть, извѣщенные объ его изобрѣтеніи, пустились на всѣхъ парусахъ, какъ только замѣтили его приготовленія къ погруженію. Во время одной изъ подобныхъ попытокъ пришлось остаться подъ водою цѣлыхъ шесть часовъ. Утомившись ожиданіемъ отвѣта французскаго правительства, Фультонъ возвратился въ Парижъ и сообщилъ о результатахъ своихъ опытовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, остатки заброшеннаго Nautilus'a еще плавали у берега Грoвана. Бонапартъ тѣмъ временемъ готовился совершить десантъ въ Англій, и сама судьба послала ему въ помощь Фультона съ его изобрѣтеніемъ. Наполеонъ игнорировалъ существованіе американца, хотя Лапласъ и Монжъ гарантировали ему силу истребителя, изобрѣтеннаго Фультономъ. Но американецъ былъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ предъ неудачами, и добился, что Монжъ отъ его имени написалъ первому консулу письмо, въ которомъ просилъ у него кредитъ на 57.000 ливровъ для постройки Nautilus'a въ 30 футовъ длины, 6 въ діаметръ и двухъ добавныхъ лодокъ для двадцати подводныхъ минъ и на спускъ по Сенѣ отъ Парижа до Гавра въ виду новыхъ опытовъ. Вслѣдъ за письмомъ Фультона представили Бонапарту, при чемъ Монжъ и Лапласъ горячо ратовали за американца и настаивали на открытіи кредита. Опять началась волокита, и министръ Декрѣ, отнесшійся къ Фультону недоброжелательно, затормозилъ дѣло и въ концѣ одной изъ аудіенціи замѣтилъ Фультону, что его изобрѣтеніе хорошо «для алжирцевъ или корсаровъ, но не для Франціи, рѣшившейся всегда занимать почетное положеніе на океанѣ». Оба ученые такъ отстаивали изобрѣтеніе Фультона, что взяли перевѣсъ надъ недоброжелательствомъ министра, и Бонапартъ рѣшился сдѣлать новыя испытанія въ Брестѣ. Фультонъ выстроилъ еще Nautilusъ за свой счетъ. Результаты получились благопріятные, но дѣлу это не помогло, такъ какъ Декрѣ намекнулъ на другой способъ уничтоженія судовъ, котораго онъ не опредѣлилъ, и сказалъ, что Фультонъ долженъ былъ знать иныя системы постройки, которыя уже были извѣстны и предпочитались министромъ. Фультонъ тогда рѣшилъ отказаться на время отъ употребленія Nautilus'a. Послѣ опыта въ Брестѣ Фультонъ просилъ у морскаго префекта Каффарелли легкую шлюпку въ 36 футовъ длины, движимую не веслами, а колесами съ рукоятками, которыми управляли 24 человека, имѣя на буксирѣ мину съ 20 фунтами пороха. Онъ намѣревался съ помощью послѣдняго уничтожить одинъ изъ англійскихъ кораблей, крейсировавшихъ предъ входомъ въ гавань. Опыты со старой шлюпкой вполне удалсь. Но Каффарелли замѣтилъ, что отступленіе лодки, которая конвоировала торпеду, не было достаточно быстро, и она могла быть повреждена взрывомъ мины. Движеніе колесъ не придадо шлюпкѣ желаемой Фультономъ быстроты. Такимъ образомъ этотъ родъ лодки уступалъ Nautilus'у. Попытка взорвать англійское судно не удалась, что очень повредило дѣлу Фультона, такъ какъ Бонапартъ и морское министерство окончательно разочаровались въ изобрѣтеніяхъ Фультона. Неудача зависѣла, можно думать, отъ того, что англичане были освѣдомлены о малѣйшихъ намѣреніяхъ Фультона, и вокругъ ихъ кораблей все время сновали лодки, а

матросы не спускали глазъ съ волнъ, не оставляя ни одной благопріятной минуты Фультону. Непзвѣстно, почему Фультонъ не прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ *Nautilus*'у. Вернувшись въ Парижъ, онъ жаловался, что ему не удалось опытъ вслѣдствіе недостатка въ хорошей подводной лодкѣ. Система же министра оказалась негодной, и Кафферелли сдѣлалъ непростительный вредъ, отказавъ Фультону прибѣгнуть къ своей подводной лодкѣ, вѣроятно, по приказу морского министерства. Тогда Фультонъ, видя, что Бонапартъ не хотѣлъ принять его изобрѣтенія, остался еще нѣкоторое время въ Парижѣ для опытовъ на Сенѣ съ пароходами, которые тоже были отвергнуты Бонапартомъ, и затѣмъ рѣшился отправиться съ предложеніемъ въ Англію. Питтъ очень обрадовался, видя, какого козыря выпустила изъ рукъ Франція и тѣмъ лишилась единственнаго средства истребить первенствующій англійскій флотъ. Однако коммисія, назначенная Питтомъ для изслѣдованія изобрѣтенія Фультона, признала его подводную лодку негодною къ употребленію. «Двѣ» минныя атаки, веденныя англійскими офицерами по указанію Фультона прогивъ французскаго флота, оказались несостоятельными. Но взрывъ датскаго брига «Доротея» далъ понять Англіи, какую угрозу ихъ флоту представляютъ подводныя лодки. Однако интересъ Англіи заставилъ ее не вводить въ употребленіе такого изобрѣтенія, которое рано или поздно должно обратиться противъ нея, и Питту вмѣнили въ преступленіе, что онъ допустилъ эти опыты. «Самая большая глупость, — объявилъ лордъ Сентъ-Винцентъ, — поощрять такой способъ бесполезной войны тѣмъ, кто владыка моря и который, если будетъ имѣть успѣхъ, лишитъ насъ этого превосходства». Питтъ также сказалъ Фультону, что «если бы этотъ способъ сражаться вошелъ въ употребленіе, то всѣ морскіе флоты погибли бы». Онъ предложилъ, однако, Фультону кушить изобрѣтеніе съ очевидной цѣлью предать его забвенію. Американецъ согласился на условіяхъ 20.000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной пенсіи. Бонапартъ, отказываясь принять изобрѣтенія Фультона, назвалъ его шарлатаномъ и мошенникомъ, который только хотѣлъ получить деньги. Англійское же правительство дало ему вознагражденія 15.000 фунтовъ стерлинговъ.

— Воспоминанія актрисы Жоржъ. Вскорѣ появятся въ Парижѣ записки извѣстной актрисы «Французской комедіи», г-жи Жоржъ, теперь же въ «*Revue Bleue*» помѣщены выдержки ¹⁾ изъ нихъ. Г-жа Жоржъ происходила изъ бѣдной семьи, и отецъ ея, капельмейстеръ оркестра, почти не принималъ участія матеріально въ ея содержаніи во время пребыванія въ Парижѣ. Пріѣхавъ съ матерью въ Парижъ, онъ былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ братъ, отдававшій имъ весь свой заработокъ, получалъ очень мало, отецъ же могъ присылать имъ лишь одежду и овощи, а старая кормилица будущей звѣзды ходила на рѣку мыть ихъ бѣлье. По пріѣздѣ своемъ онъ тотчасъ же отправились къ извѣстной драматической актрисѣ Рокуръ, и на первомъ урокъюная Жоржъ была неприятно поражена голосомъ своей преподавательницы. Зная ея за знаменитость, она съ дѣтской наивностью думала, что такой голосъ

¹⁾ Les mémoires de m-elle Georges, «*Revue Bleue*», 23—30 Janvier, 6—13 Fevrier 1904.

необходимъ для успѣха, и заранѣе приходила въ отчаяніе, что не добьется цѣли. Только услышавъ голоса другихъ актрисъ и актеровъ, она убѣдилась, что это былъ недостатокъ, и мелодичный голосъ Флери заставлялъ забывать ея неблагодарную наружность. Увидавъ впервые Тальму, г-жа Жоржъ нашла его гениальнымъ. Она присутствовала на всѣхъ представленіяхъ г-жи Рокуръ, послѣ которыхъ должна была являться къ ней въ ложу, гдѣ всегда находилось многочисленное избранное общество. Г-жа Рокуръ была очень лѣнливой преподавательницей, при томъ любила свѣтскую жизнь: ихъ уроки тянулись безконечно, прерываемые посѣщеніями, при чемъ юная ученица должна была повторять урокъ при постороннихъ, что приводило ее въ дурное настроеніе. Такимъ образомъ ученіе тянулось медленно. У г-жи Рокуръ было имѣніе близъ Орлеана, куда она часто ѣздила ради уроковъ г-жи Жоржъ. Но и тамъ занятія шли не усидчивѣе, такъ какъ г-жа Рокуръ занималась болѣе цвѣтами, охотой и гостями. Все-таки имъ удалось пройти тамъ подъ рядъ нѣсколько ролей. Туда пріѣхалъ и красавецъ актеръ Лафонъ. Онъ началъ ухаживать за юной ученицей, и она въ свою очередь питала къ нему первую любовь. «Любовь,—говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ,—дѣлаетъ вамъ иллюзіи, заставляетъ васъ жить, терзаетъ, часто разбиваетъ сердце, но воодушевляетъ васъ. Въ гладкой тишинѣ не живутъ, но я думаю, что если существуетъ дѣйствительно истинная любовь, то это—материнская!» По вечерамъ г-жа Рокуръ заставляла ученицу репетировать роли въ костюмахъ и приглашала присутствовать при этомъ цвѣтъ орлеанскаго общества. Четырнадцатилѣтнюю Жоржъ осыпали похвалами, а также и ея преподавательницу. Это заставило г-жу Рокуръ серьезнѣе заняться своей ученицей, ради самолюбія. Будущая звѣзда испытывала такой страхъ, когда ей приходилось повторять роли, что не ѣла, не пила въ этотъ день. Первый дебютъ четырнадцатилѣтней г-жи Жоржъ состоялся въ «Ифигеніи въ Авлидѣ». Театръ былъ переполненъ: имя актрисы Рокуръ служило притягательной силой. Вся «Французская комедія» приняла юную г-жу Жоржъ, какъ члена семьи. Подъѣздъ артистовъ былъ такъ переполненъ, что пришлось требовать гвардейцевъ, чтобъ пробраться. Г-жа Рокуръ свихнула себѣ ногу, но успокоила свою ученицу и, несмотря на боль, присутствовала въ ложѣ на сценѣ. Она волновалась сильнѣе дебютантки. Въ театрѣ были Бонапартъ и Жозефина, которою г-жа Жоржъ всегда восхищалась. Послѣ первой сцены страхъ сильнѣе охватилъ дебютантку, тѣмъ болѣе, что враги г-жи Рокуръ пробовали смутить юную г-жу Жоржъ недоброжелательнымъ шепотомъ, прерывавшимъ ея тираду. Первая, желая поддержать ученицу, кричала ей: «Начинай снова!» Опять поднялся недоброжелательный шопотъ, но дружные аплодисменты друзей г-жи Рокуръ, а также Бонапарта и одобреніе Жозефины поддержали дебютантку. Вечеръ окончился бурными сценами въ партерѣ, и у многихъ оказались разорванная одежда и окровавленные руки. Актриса Конта, также присутствовавшая на дебютѣ, расплывалась г-жу Жоржъ, на что г-жа Рокуръ замѣтила: «Ты должна этимъ гордиться». Бонапартъ и Жозефина послали поздравленіе г-жѣ Рокуръ. Для второго дебюта юной актрисы была поставлена «Федра», которая прошла для нея болѣе блестяще, чѣмъ первый дебютъ, хотя эта роль казалась ей очень трудной, и она говорила г-жѣ Рокуръ: «Мнѣ кажется, что я

слишкомъ здорова для женщины, которая не ѣстъ». Въ отвѣтъ она услышала: «Глупая, развѣ я худая, развѣ надо быть скелетомъ съ кладбища Rége Lachaise, чтобы хорошо играть Федру? Она не ѣстъ, но только три дая». Это успокоило г-жу Жоржъ, и она играла сознательно. Послѣ этого спектакля Жозефина прислала ей и г-жѣ Дюшенуа прекрасно вышитыя золотомъ платья и мантіи для этой пьесы. Платье Дюшенуа было богаче, дебютантки же скромнѣе. Бонапартъ подарилъ каждой по 3.000 фр. Попрежнему г-жа Жоржъ продолжала жить въ своей скромной семьѣ, и когда, на другой день дебюта, г-жа Рокуръ подарила ей два платья, то она была въ восторгѣ, не видя равнѣ ничего лучшаго. Наконецъ они рѣшили перебраться въ квартиру съ «собственной мебелью» и нашли маленькое помѣщеніе надъ конюшнями и каретными сараями, противъ кузницы. Адскій шумъ молота заставлялъ юную актрису подыматься съ постели двумя часами ранѣе. Въ томъ же домѣ находилась мастерская портнихи, дѣлавшей платья для Жозефины, и по вечерамъ юная г-жа Жоржъ, забывъ свое положеніе, бѣгала по улицамъ съ портнихами и играла съ ними въ уголки, пока не узнала объ этомъ и не вмѣшалась г-жа Рокуръ. Люсьенъ Бонапартъ, котораго г-жа Жоржъ встрѣчала почти каждое утро у его сестры, г-жи Бачюки, прислалъ ей въ подарокъ красивую эмалевую шкатулку съ сотней луидоровъ, и будущая звѣзда едва не сошла съ ума отъ восторга, танцевала вокругъ подарка, а деньги отдала матери, такъ какъ не знала, что съ ними дѣлать. Къ ея сожалѣнію, Люсьенъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ женился. «Этотъ бракъ былъ, я думаю, причиной его отъѣзда, — говоритъ г-жа Жоржъ. — Я думаю, что, несмотря на любовь къ своей новой супругѣ, я ему немного нравилась. Онъ даже говорилъ деликатно съ г-жею Рокуръ о своемъ планѣ помѣстить меня въ отдѣльномъ домѣ и позаботиться о моемъ будущемъ». Ее даже водили смотрѣть этотъ домъ и сказали, что онъ будетъ принадлежать ей, но она должна жить тамъ одна. На это она отвѣтила, что ни за что не согласится, и умереть безъ своихъ. «Но такъ какъ это случилось задолго до отъѣзда, — говоритъ она, — какъ были далеки отъ предположенія, и отъѣздъ случился. О мужчины! они васъ любятъ и обманываютъ! Можетъ быть, онъ хотѣлъ такъ меня сдѣлать счастливой, это случается, и я докажу». Этимъ доказательствомъ служить, по ея словамъ, старшій князь Сапѣга, который вносльдствіи покровительствовалъ ей безъ всякой предвзятой мысли, только какъ артисткѣ, не требуя никакой награды. «Вы не можете оставаться въ этой маленькой квартирѣ, — сказалъ онъ, — надо найти другую, объ остальномъ не заботьтесь!» Мать г-жи Жоржъ была очень къ ней строга и дѣлала ей замѣчанія, но у нея была легкомысленная сестра, льстившая племянницѣ и старавшаяся передавать ей всѣ похвалы, какія только удавалось услышать. Она тотчасъ же отиравилась искать квартиру, и въ улицѣ Сентъ Оморѣ, № 384, нашла помѣщеніе въ 2.400 фрнковъ, съ конюшнями и сараями. Когда юная актриса увидѣла квартиру, то воскликнула: «Ахъ, тетя! какъ это красиво, но у васъ нѣтъ ни мебели, ни лошадей». — «Будь спокойна, мнѣ поручено все устроить». — «Кѣмъ?» — «Княземъ Сапѣгой». — «Да? княземъ Сапѣгой? но я его не люблю, я ничего не хочу отъ него принимать». — «Онъ это знаетъ, но ему все равно; онъ хочетъ, чтобы тебѣ было хорошо, какъ ты

этого заслуживаешь». — «Онъ не хочетъ ничего другого, въ добрый часъ». «Послѣ всѣхъ моихъ условій я позволила дѣлать все, что приказывалъ щедрый князь». Г-жа Жоржъ упорно настаиваетъ все время на безкорыстїи князя Сапѣги.

О своей любви къ Бонапарту и первомъ знакомствѣ съ нимъ г-жа Жоржъ рассказываетъ, что, возвратившись изъ театра, гдѣ играла въ «Ифигенїи» въ присутствїи Наполеона, она нашла въ своей квартирѣ главнаго его камердинера, Констана. Онъ явился къ ней просить отъ имени консула позволенія прїѣхать за нею на другой день въ 8 час. вечера, чтобы отвезти ее въ Сентъ-Клу, такъ какъ консулъ желаетъ лично поздравить молодую актрису съ успѣхомъ. Ее охватилъ страхъ. Жоржъ была въ печальномъ и дурномъ настроенїи и всю ночь не спала. День ей казался безконечно длиннымъ. Выбравъ бѣлое кисейное *pégligé* и накинувъ на голову кружевной шарфъ, а на шею бѣлую кашмировую шаль, она отиравилась въ театръ въ сопровожденїи горничной, куда за нею явился Констанъ. Дорогою ея сердце страшно билось, и время отъ времени она говорила Констану: «Я умираю отъ страха, и вы хорошо сдѣлаете, если отвезете меня домой и скажете первому консулу, что я захворала. Сдѣлайте это, и я обѣщаю вамъ прїѣхать другой разъ». Констанъ отъ души смѣялся надъ ея страхомъ и успокаивалъ ее, говоря, что консулъ очень добръ. Наконецъ они прїѣхали, и Констанъ пошелъ доложить консулу. Юная артистка ожидала въ большой комнатѣ съ громадной кроватью съ зелеными шелковыми занавѣсами, громаднымъ диваномъ. «Все велико здѣсь, — говоритъ г-жа Жоржъ, — ни одного маленькаго таинственнаго уголка, гдѣ можно скрыться, все открыто, это слишкомъ прекрасно для меня». Она выбрала маленькую бержерку между кроватью и каминомъ, гдѣ можно было немного укрыться. Комната была освѣщена, какъ во время бала, люстрой и большими канделябрами. Надвинувъ какъ можно ниже на лицо шарфъ, она стала ожидать. «Я услышала легкое движеніе. Ахъ, какъ билось сердце! — рассказываетъ Жоржъ, — это онъ. Консулъ вошелъ чрезъ дверь по другую сторону каминна, выходящую въ библіотеку. Онъ былъ въ шелковыхъ чулкахъ, бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и въ зеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и отворотами, съ шляпою подъ мышкой. Я встала. Онъ подошелъ ко мнѣ съ той очаровательною улыбкою, которая принадлежала только ему, взялъ меня за руку и заставилъ сѣсть на этотъ громадный диванъ, снялъ мой шарфъ и бросилъ его безъ церемонїи на полъ. Мой прекрасный шарфъ! любезно будетъ, если онъ по немъ пройдетъ. Онъ разорветъ мнѣ его, это очень непрїятно». Вотъ какъ произошло свиданіе по разсказу г-жи Жоржъ: — «Какъ дрожитъ ваша рука! Такъ вы боитесь меня, я кажусь вамъ страшнымъ; я напелъ васъ очень прекрасной вчера, сударыня, и хотѣлъ васъ поздравить. Я любезнѣе и вѣжливѣе васъ, какъ вы видите!» — «Какимъ образомъ, сударь?» — «Какимъ образомъ?» — я велѣлъ вручить вамъ 3.000 франковъ, послѣ того, какъ слышалъ васъ въ Эмилиѣ, чтобы выразить удовольствїе, которое вы мнѣ сдѣлали. Я надѣялся, что вы попросите разрѣшенія представиться и поблагодарить меня. Но прекрасная и гордая Эмилия вовсе не пришла». — Я пробормотала и не знала, что сказать. — «Но я не знала, я не рѣшалась взять на себя смѣлость». —

«Плохое извиненіе; такъ вы боялись меня?» — «Да». — «А теперь?» — «Еще болѣе». Консуль отъ души расхохотался. — «Скажите мнѣ ваше имя». — «Жозефина-Маргарита». — «Жозефина, мнѣ нравится: я люблю это имя, но я хотѣлъ бы васъ называть Жоржина, э? Хотите?» — «Да, хочу». — «Вы не говорите, дорогая Жоржина, — почему же?» — «Потому что все это освѣщеніе меня утомляетъ, прикажите затушить его, прошу васъ, мнѣ кажется, что тогда мнѣ будетъ удобнѣе васъ слушать и отвѣчать вамъ». — «Приказывайте, дорогая Жоржина». Онъ позвонилъ Рустава и крикнулъ: «Погаси люстру. Достаточно ли такъ?» — «Нѣтъ еще половину этихъ громадныхъ канделябръ». — «Очень хорошо, погаси». — «А теперь слишкомъ ли видно». — «Не слишкомъ, но довольно». — «Расскажите-ка мнѣ, Жоржина, все, что вы подблывали, будьте добры и откровенны, скажите мнѣ все». Онъ былъ такъ простъ и добръ, — говоритъ г-жа Жоржъ, — что мои опасенія исчезли. — «Я вамъ надѣймъ потомъ, какъ сказать все это? У меня нѣтъ ума; я очень дурно расскажу». — «Все-таки говорите». Г-жа Жоржъ рассказала ему о своемъ житіи въ Парижѣ и о недостаткахъ средствъ. — «Дорогая крошка, — сказалъ Наполеонъ, — вы были небогаты, но теперь какъ вы живете? Кто далъ вамъ красивую кашмировую шаль, шарфъ и т. д.?» Г-жа Жоржъ рассказала о безкорыстныхъ заботахъ князя Сапѣги. — «Прекрасно, — сказалъ Наполеонъ, — вы не ждете; вы придете ко мнѣ, вы будете скромны, общайтесь мнѣ». Онъ былъ нѣженъ и деликатенъ и не оскорблялъ слишкомъ большой поспѣшностью моей стыдливости, — говоритъ г-жа Жоржъ, — онъ былъ счастливъ, найдя застѣнчивое сопротивленіе. Боже мой, я не говорю, что онъ влюбленъ, но, конечно, я ему нравилась. Я не могла въ этомъ сомнѣваться. Приметь ли онъ всѣ мои дѣтскіе капризы? Проведетъ ли онъ ночь въ желаніи побѣдить меня? Однако онъ былъ очень взволнованъ, и очень желалъ мнѣ понравиться; онъ уступилъ моимъ просьбамъ пощадить меня: не сегодня, подождите, — говорила я, — я возвращусь, общаю вамъ это. Этотъ человекъ, предъ которымъ всѣ преклонялись, уступилъ. Можетъ быть, это именно его и очаровало. Такимъ образомъ мы оставались до 5 час. утра. Съ восьми часовъ, этого довольно. — «Я хотѣла бѣи уйти», — сказала я. — «Вы, должно быть, устали, дорогая Жоржина. Дозавтра! вы придете?» — «Да, съ удовольствіемъ, вы слишкомъ добры, слишкомъ милостивы для того, чтобы васъ не любили... и я люблю васъ отъ всего сердца». Онъ накинулъ на г-жу Жоржъ шаль и шарфъ. Сказавъ ей прощальный привѣтъ, Бонапартъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она размѣялась и сказала: «Прекрасно, вы поцѣловали шарфъ князя Сапѣги». Наполеонъ схватилъ шарфъ и разорвалъ его на мелкіе куски; шаль была брошена подъ ноги, маленькій медальонъ на цѣпочкѣ сорванъ съ шеи. Той же участи подверглось маленькое колечко съ волосами г-жи Рокуръ. Затѣмъ онъ очень мило подошелъ къ г-жѣ Жоржъ и сказалъ: «Дорогая Жоржина, вы не должны имѣть ничего отъ другихъ; вы не будете на меня дуться, это будетъ очень дурно, и я буду другого мнѣнія о вашихъ чувствахъ». — «Вы правы, я не сержусь, но мнѣ будетъ холодно». — Онъ позвонилъ Констану. — «Принеси бѣлую кашмировую шаль и большой шарфъ». Онъ проводилъ ее до оранжереи. Достигнувъ дома, гдѣ жила г-жа Жоржъ, Констанъ сказалъ: «До вѣчера, сударыня, я приѣду за вами».

Но г-жа Жоржъ колебалась, она слишкомъ любила независимость, и ее пугало рабство: свиданія лишь по желанію Бонапарта, когда ему вздумается, и перспектива быть покинутой, а потому она отвѣтила, что еще не рѣшила, и сказала, чтобы Констанъ явился въ 3 часа за отвѣтомъ. Днемъ она видѣла Тальма, который уговорилъ ее быть вечеромъ у консула. Въ 8 час. Констанъ явился за нею и дорогою сообщилъ, что «консулъ находитъ ее очаровательной и ожидаетъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ». На это г-жа Жоржъ ничего не отвѣтила: ей показалось страннымъ, что консулъ ведетъ интимную бесѣду съ своимъ лакеемъ. Но она успокоила себя, объяснивъ это развлеченіемъ и преданностью Констана. Бонапартъ встрѣтилъ ее словами: «Здравствуйте, Жоржина, въ хорошемъ ли мы настроеніи?»—«Да, всегда для васъ». Это была правда,—прибавляетъ г-жа Жоржъ:—онъ былъ поистинѣ пріятеленъ, его улыбка была такъ божественна, а манеры такъ мягки, что онъ привлекалъ васъ и очаровывалъ.—«Такъ вы мнѣ сказали правду, Жоржина, спросилъ онъ,—такъ это маленькое колечко, которое я раздавилъ каблуками, было-отъ г-жи Рокуръ, другія вещи отъ вашего прекраснаго принца Саиѣги? Безъ сомнѣнія, вы уже ведѣли ему сказать, чтобы онъ прекратилъ свои посѣщенія и подарки?»—«Нѣтъ, признаюсь вамъ откровенно, я объ этомъ не думала.—«Прекрасно, не беспокойтесь объ этомъ. Онъ это пойметъ, вы его болѣе не увидите». Консулъ былъ еще нѣжныѣ и еще убѣдительныѣ, чѣмъ наканунѣ, но въ то же время деликатенъ, желая привлечь къ себѣ не насиліемъ, а нѣжнымъ чувствомъ.—«Полно, Жоржина, дай любить тебя всецѣло, — говорилъ онъ,—я хочу, чтобы ты вполнѣ довѣрилась. Правда, ты меня едва знаешь, но, чтобы полюбить, нужна только минута, сейчасъ же чувствуется электрическое движеніе, которое въ то же время поражаетъ. Скажи мнѣ, любишь ли ты меня немного?»—«Конечно, я васъ люблю, не только немного, но боюсь любить васъ очень и тогда сдѣлаться очень несчастной. Въ васъ есть что-то слишкомъ великое, чтобы ваше сердце почувствовало живую нѣжность къ чему нибудь иному, чѣмъ слава. Вѣдныя плѣнныя женщины живо забываются; для васъ это—игрушка, которая васъ забавляетъ немного болѣе, немного менѣе, и хотя вы первый консулъ, я не хочу быть игрушкой».—«Но если вы моя предпочитаемая игрушка, то не будете жалѣть объ этомъ, вадѣюсь. Безъ недовѣрія, Жоржина, вы меня разсердите».—«Ну, хорошо, я возвращусь завтра».—«Видите, какъ я слабъ, соглашаясь отпустить васъ безъ того, чтобы вы дали доказательство, которое не оставило бы насъ болѣе чужими. Увѣжайте, Жоржина; дозавтра». — «Ахъ, я забыла; я играю въ Циннѣ». — «Тѣмъ лучше, я буду на представленіи. Будьте прекрасны, послѣ Цинны васъ будетъ ожидать карета».—«Но я буду утомленной».—«Полно, Жоржина, на этотъ разъ я хочу видѣть васъ послѣ Цинны, и вы уступите моему желанію, или я васъ никогда не увижу».—«Я пріѣду». У меня,—говорить г-жа Жоржъ,—на глазахъ были крупныя слезы.—«Ты плачешь, видишь, ты меня немного любишь, сумасшедшая». Онъ отеръ слезы, обнявъ ее и сказалъ: «Дозавтра, дорогая Жоржина». Послѣ спектакля, на который явился Бонапартъ, г-жа Жоржъ въ третій разъ отправилась въ Севъ-Клу. Консулъ ожидалъ ее.—«Представленіе было прекрасно, — сказалъ онъ. — Тальма по-

истинѣ быть величественъ. Монвель очень глубокий актеръ, къ несчастію, природа его обошла; нельзя имѣть большой реуитаціи съ такимъ разбитымъ голосомъ и сухопарой фигурой. Театръ — идеализація: не желательно видѣть тамъ дурно сложенныхъ героевъ. Монвель побѣждаетъ свои недочеты наукой, но очарованіе отсутствуетъ. Этого актера надо пзучать. Вы были сегодня тоже прекрасны, Жоржина». — «Я все сдѣлала чтобы заслужить ваше одобреніе, которое для меня самое лестное». — «А, да вы становитесь льстивой». — «Я стараюсь сдѣлаться дамой высшаго общества». — «Вы пробуете сдѣлаться злой. Будьте, чѣмъ вы были. Сядьте здѣсь возлѣ меня, вы немного устали». — «Полно, снимите шаль и шляпу, чтобы васъ можно было видѣть». Онъ весело исполнялъ должность горничной съ такой прелестью и приличіемъ, что надо было сдаться вопреки всему. И какъ не быть обвороженной и увлеченной этимъ человѣкомъ? Онъ сдѣлался маленькимъ человѣкомъ и ребенкомъ, чтобы мнѣ понравиться. Это болѣе не былъ консулъ, а, можетъ быть, влюбленный человѣкъ, но любовь котораго не имѣла ни насилія, ни внезапности; онъ обнималъ васъ нѣжно, его слова были нѣжны и стыдливы, невозможно было не испытывать возлѣ него того, что онъ самъ испытывалъ. Я разсталась съ консуломъ въ семь часовъ утра, но стыдилась того очаровательнаго безпорядка, который причинила эта ночь. Я ему призналась въ моемъ смущеніи. — «Позвольте мнѣ привести въ порядокъ», — сказала я. — «Да, моя добрая Жоржина, я даже самъ тебѣ помогу. [Дозавтра], — сказалъ Бонапартъ. — «Нѣтъ, не дозавтра, если вы позволите, — до послѣзавтра». — «Да, добрая Жоржина, какъ хочешь: до послѣзавтра, люби меня немного и скажи мнѣ, что будешь счастлива возвратиться сюда». — «Я люблю васъ отъ всей души, я боюсь слишкомъ любить васъ; вы созданы не для меня, я это знаю и буду страдать; это предназначено, вы увидите». — «Полно, ты дурно пророчишь, я всегда буду къ тебѣ добръ, но вѣдь мы еще не дошли до этого. Обними меня и будь счастлива!» Въ послѣднемъ отрывкѣ изъ записокъ г-жи Жоржъ она говоритъ: «Я его не видѣла болѣе двухъ недѣль, я ему ничего не велѣла сказать. Я ожидала, но на этотъ разъ безъ нетерпѣнія и почти рѣшивъ отказаться отъ посѣщенія, если явятся ко мнѣ просить объ этомъ, что не замедлило случиться. Констанъ пріѣхалъ просить меня отъ имени консула посѣтить его вечеромъ въ Тюильри». Г-жа Жоржъ отказалась. На другой день она сидѣла въ своей маленькой ложѣ, противъ ложи консула. Бонапартъ присутствовалъ тоже въ театрѣ. Вдругъ къ ней вошелъ Мюратъ и старался обратить ея вниманіе на Бонапарта, но г-жа Жоржъ упорно сопротивлялась. Затѣмъ они отправились кататься, и дорогой онъ уговорилъ ее поѣхать на другой дань въ Тюильри. «На другой день я отправилась въ Тюильри, — пишетъ г-жа Жоржъ, — но не съ радостью; не знаю отчего, но мнѣ казалось, что меня ожидаетъ несчастіе. Консулъ былъ тѣмъ же добрымъ и любящимъ; я съ виду казалась сдержанной, но это было лишь показное, я не улыбалась, была холодна и серьезна. — «Ахъ, вы дѣлаете серьезное лицо! Бросьте это скорѣе, оно къ вамъ очень не идетъ, не портите мнѣ Жоржины; этотъ сердитый видъ не очаровываетъ. Скорѣе вернитесь къ вашей природѣ. Будьте, какъ вы были вчера въ вашей ложѣ, балованнымъ ребенкомъ, дурно воспи-

таннымъ, который не хочетъ, чтобы ему противорѣчили». — «А вы, сударь, не будьте такъ долго отдалены отъ меня, что мнѣ не нравится и страшно досаждаеть». — «Не все дѣлаешь, что хочешь, моя дорогая Жоржина, но что бы не случилось, будьте увѣрены, что я всегда буду нѣжно привязанъ къ вамъ и не потеряю васъ изъ виду». — «Но то, что говорите, очень печально; развѣ я васъ больше не увижу?» — «Нѣтъ, дорогая, обещаю вамъ. Не бойтесь. Довольно на сегодня вопросовъ. Будьте добры и естественны и рассчитывайте на меня». Г-жа Жоржъ вернулась домой опечаленная, предчувствуя, что произойдетъ нѣчто мрачное. Когда она снова увидѣла консула, нѣсколько дней спустя, то онъ взялъ ее за руку и, усадивъ возлѣ, сказалъ: «Дорогая Жоржина, я скажу тебѣ нѣчто, чѣмъ ты огорчишься, но въ продолженіе нѣкотораго времени я перестану съ тобою видѣться. Ну, что же! ты ничего не говоришь?» — «Нѣтъ, я этого ожидала. Было бы слишкомъ безумно думать, что я, ничтожность въ мірѣ, могла бы занимать мѣсто, я не говорю, въ вашемъ сердцѣ, но въ вашихъ мысляхъ. Я была простымъ развлеченіемъ, вотъ и все». — «Ты ребенокъ, но очаровательна; говоря это, ты доказываешь мнѣ твою привязанность, и я люблю тебя за то, что ты любишь меня. Насъ такъ мало любятъ! Но я тебя увижу, обещаю тебѣ». — «Благодарю за ваши благосклонныя слова, но я не воспользуюсь вашей добротой, я уѣду». — «Я не вѣрю этому; ты не сдѣлаешь такой ошибки, ты погубишь твою будущность». — «У меня нѣтъ болѣе будущности. Впрочемъ, не велика важность, я уѣду». Консулъ былъ съ нею особенно добръ въ этотъ вечеръ, и это очень ее тронуло. Она уѣхала отъ него полная горя и на его «досвиданія» отвѣтила «прощайте». Только Тальма объяснилъ ей причину перерыва ихъ свиданій: Наполеонъ ожидалъ крупное событіе — коронованіе его императоромъ, и, чтобы избѣжать излишней болтовни, онъ прекратилъ на нѣкоторое время свиданія съ нею. Она смотрѣла на церемонію очень грустная, думая, что, когда онъ будетъ на тронѣ, то не захочетъ видѣть ее. Отъ Жозефины она пришла въ посторгъ и сожалѣла впоследствии о ея разводѣ съ Наполеономъ, считая это событіе несчастіемъ для Франціи. Пять недѣль спустя, Констанъ снова явился къ ней, и она отправилась уже «по приказанію императора», какъ она отвѣтила камердинеру Наполеона. «На этотъ разъ я была въ нетерпѣннѣи, — писала она, — и не могла оставаться на мѣстѣ; какъ мое бѣдное сердце было оскорблено! Боже мой! На мнѣ былъ ослѣпительный туалетъ. Императоръ принялъ меня съ тою же добротою. — «Какъ вы прекрасны, Жоржина, какой уборъ!» — «Можно ли быть достаточно хорошо одѣтой, государь, когда имѣешь честь быть принятой вашимъ величествомъ?» — «Ахъ, дорогая моя, какая выдержка, какой дѣланный языкъ! Полно, Жоржина, жеманныя манеры къ вамъ не идутъ. Будьте, чѣмъ вы были, превосходной особой, откровенной и простой». — «Государь, въ пять недѣль измѣнишься; вы дали мнѣ время одуматься и отвыкнуть! Нѣтъ, я не та, я это чувствую. Я буду всегда почтена, когда ваше величество удостоитъ меня принять. Вотъ и все. Я болѣе не весела. Что же вы хотите? Я пришла въ уныніе, надо мнѣ перемѣнить воздухъ». Наполеонъ былъ съ ней милостивъ и старался уничтожить ея опасенія. «Я выслушала его добрыя слова, — говорила она, — но не вѣрила имъ. Я возвратилась со скверными мыслями, почти парализованная. Должна ли

я вѣрить? должна ли сомнѣваться? Да, я его нашла такимъ же, какъ прежде, но я не знаю, отчего императоръ изгналъ моего перваго консула. Теперь все выше, величественнѣе, тутъ не должно болѣе быть счастья. Поищемъ его въ другомъ мѣстѣ, если оно существуетъ». Такъ заканчивается отрывокъ воспоминаній г-жи Жоржъ.

— Столѣтіе смерти Канта. Недавно нѣмцы праздновали въ Кенигсбергѣ столѣтнюю годовщину смерти своего оригинальнаго философа и родоначальника современной философіи — Эммануила Канта. Онъ обладалъ массою научныхъ познаній въ противоположность многимъ философамъ: физика, математика, геологія, географія, антропология были имъ подробно изучены, и онъ разсуждалъ о нихъ, какъ специалистъ. Тѣмъ болѣе можно ему поставить это въ заслугу и считать природнымъ даромъ, что родился онъ въ малообразованной, бѣдной семьѣ скромнаго сѣдельнаго мастера, обремененнаго многочисленною семьей въ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ будущій философъ былъ четвертымъ ребенкомъ. Окончивъ гимназію въ 1740 г., онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ прошелъ все, что только можно было изучить въ тѣ времена. Впрочемъ, это ему не представляло труда, благодаря двумъ особеннымъ способностямъ — быстро охватывать изучаемый предметъ и никогда его не забывать; разъ прочитанное было для него уже изученнымъ. По словамъ одного изъ его товарищей, Кантъ никогда не дѣлалъ замѣтокъ на бумагѣ: слышанное отпечатывалось у него въ головѣ. Онъ былъ такъ въ ней увѣренъ, что никогда не прибѣгалъ къ помощи библіотеки, чѣмъ упрощалъ свою жизнь умственнаго труженика. Послѣ его смерти осталось пятьсотъ книгъ и брошюръ, и почти ни одна не была имъ открыта. По выходѣ изъ университета онъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ, а въ 1755 г. защищалъ диссертацию и только черезъ 15 лѣтъ добился катедры, выбравъ предметомъ философію. Какъ приватъ-доцентъ, онъ читалъ лекціи съ такимъ оживленіемъ, что, касаясь въ нихъ самыхъ непривлекательныхъ матерій, придавалъ имъ блестящую окраску. Вообще въ немъ страннымъ образомъ смѣшивался идеализмъ съ реализмомъ. Первоначально Кантъ слѣдовалъ Ньютону и Руссо. Въ своей «Общей естественной исторіи и теоріи неба», вышедшей въ 1763 г., онъ говоритъ, что, можетъ быть, души послѣ смерти тѣла переселятся на другія планеты; но въ своей гипотезѣ туманностей онъ былъ предтечей Лапласа и Дарвина. Точно также онъ разсуждалъ о землѣ, перешедшей черезъ различныя катастрофы, чтобы, выйдя изъ хаоса, слѣдовать по пути организаціи до момента, когда она наконецъ могла сдѣлаться обитаемою разумными существами. Послѣднія, въ свою очередь, посредствомъ войны, революцій, различныхъ смятеній, страстей движутся къ умственному превосходству до тѣхъ поръ, пока достигнуть образа вѣчной міровой гармоніи; конечно, это относится только къ избраннымъ. Въ своихъ «Сображеніяхъ надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго», появившихся позднѣе, въ 1764 г., онъ высказывается за возвращеніе къ природѣ, но не къ дикой, а къ классической, посредствомъ воспитанія народа. Это онъ писалъ подъ влияніемъ Руссо. Онъ говоритъ, что чувство прекраснаго различно у разныхъ народовъ, предупреждая этой мыслью идею Стендаля. Иронизируя надъ легкомысліемъ

французовъ, для которыхъ «красное слово есть государственное дѣло», онъ прикрывается Даламберомъ и Монтескьё. Относительно смѣлости ихъ ума онъ замѣчаетъ: «чтобы найти истину, надо быть не смѣлымъ, а осмотрительнымъ». О женщинахъ онъ говоритъ даже въ юмористическомъ тонѣ: «смуглый цвѣтъ лица и черные глаза приближаются къ возвышенному, а голубые къ прекрасному». Такимъ образомъ въ первыхъ его сочиненіяхъ замѣтно вліяніе другихъ мыслителей. Кантъ еще не былъ настоящимъ оригинальнымъ Кантомъ, и только въ 57 лѣтъ онъ проснулся отъ своего догматическаго сна во всей своей силѣ. Появленіе его «Критики чистаго разума», написанной языкомъ, «заволакивающимъ туманомъ ея смыслъ, какъ бы изъ желанія скрыть отъ профановъ свои мысли», покорило весь интеллектуальный міръ, и многіе выдающіеся умы подпали подъ ея вліяніе, хотя не сразу, а лишь въ 1789 г., когда она начала распространяться. Ее надо было прочитывать по нѣскольку разъ, и тогда только чувствовалъ себя читатель, «какъ слѣпой послѣ произведенной операціи катаракта». Затѣмъ вышли его «Пролегомены» ко всякой будущей метафизикѣ, «Основоположеніе метафизики нравовъ», «Метафизическія основы естественныхъ наукъ», наконецъ въ 1788 г. появилась «Критика практическаго разума», а въ 1790 г. «Критика способности сужденія». Въ «Критикѣ чистаго разума» Кантъ различаетъ три категоріи способностей души—познаніе, желаніе и ощущение. Способность познанія онъ называетъ—теоретической, способность желанія—практической, а способность ощущенія—эстетической. Въ ней онъ опредѣлилъ границы и происхожденіе человѣческихъ познаній и вывелъ, что пространство и время, воспринимаемыя нами въ опытѣ, — субъективны и суть только наши представленія, а не существуютъ сами по себѣ; слѣдовательно и все, что помѣщается въ нихъ, есть не болѣе, какъ наше представленіе, только являющееся намъ, какъ объектъ. Изъ этого выходитъ, что и самихъ себя мы знаемъ лишь, какъ явленіе, какъ «вещь въ себѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ не считаетъ возможнымъ отрицать самое существованіе «вещей въ себѣ», иначе такое отрицаніе уже являлось бы сужденіемъ о нихъ, которое, благодаря ихъ непознаваемости для насъ, мы не имѣемъ данныхъ высказывать. Умъ нашъ познаетъ предметы, потому что познаваемое въ нихъ создано имъ же самимъ по присущимъ ему правиламъ или законамъ. Всякое познаніе состоитъ изъ сужденій апостеріорныхъ, поясняющихъ уже видимое свойство, и апіорныхъ, вносящихъ новое знаніе. Сочетаніе впечатлѣній, полученныхъ извнѣ нашей познавательной способностью, есть опытное знаніе. Впечатлѣнія есть матерія, а познавательная способность—форма всякаго опыта. Понятія души, міра, Бога, свободы воли не могутъ быть предметами разума. Такимъ образомъ въ «Критикѣ чистаго разума» Кантъ подвергаетъ сомнѣнію ихъ существованіе, а въ «Критикѣ практическаго разума» онъ ихъ вновь воскрешаетъ, какъ необходимое слѣдствіе первобытнаго отличія добра отъ зла, находящагося внутри насъ, и которое, если мы этого захотимъ, служитъ намъ непогрѣшимымъ руководителемъ нашего поведенія. Отвергнувъ метафизику, какъ науку, Кантъ допустилъ ее въ качествѣ вѣры, морально обоснованной признаніемъ безусловной обязательности нравственнаго закона. Кантъ исполнилъ эту трудную задачу перестройки на интеллектуальномъ нигилизмѣ

чистаго разума—нравственнаго догматизма практическаго разума, самаго суроваго, самаго неумолимаго, какой только когда либо могъ постичь философъ. Такимъ образомъ идеи свободы воли, безсмертія души и существованія Бога, не разрѣшимыя для чистаго разума, являются въ практическомъ разумѣ необходимыми постулатами, безъ которыхъ немислимо достигъ добродѣтели и счастья. Согласно наукѣ, человѣкъ только механизмъ и теряется въ природѣ, какъ случайный атомъ, и чистые скептики отказываютъ ему въ центральномъ и господствующемъ «я». Кантъ подмѣтилъ такъ же, какъ Паскаль, низость человѣка, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ и его величіе. Онъ отрываетъ его отъ природы, чтобы сдѣлать изъ него члена высшаго и невидимаго порядка, власть во власти: «Надъ моею головою звѣздное небо; въ моей совѣсти нравственный законъ». Этика Канта императивная: нравственный законъ приказываетъ безъ принужденія, и въ этомъ «категорическая императивность». [Поступай такъ, какъ если бы максимы, изъ которыхъ вытекаютъ твои поступки, должны сдѣлаться всеобщими законами природы. Она приказываетъ служить Богу, только служа людямъ, и эта служба не должна быть средствомъ, а цѣлью. Но глубина морали Канта дѣлаетъ его этику слабой и опасной. Слабой—потому, что она предполагаетъ, будто люди могутъ дѣйствовать безъ доброжелательнаго мотива, а это не доказано ни однимъ нашимъ актомъ, такъ какъ разумъ есть свѣтъ, а не побудительная причина дѣйствія. Опасно—потому, что, удаляя человѣческія чувства, она оставляетъ свободное мѣсто всѣмъ софизмамъ гордости. Такимъ образомъ, говоритъ Бурдо, авторъ прекрасной статьи о Кантѣ въ «Journal des Debats», категорическій императивъ не что иное, какъ десять заповѣдей Вибліи. Въ частной жизни Кантъ строго держался своей этики. Такъ онъ никогда не выразилъ, по словамъ одного его современника, ни одного теплаго чувства или добраго движенія души. Въ Кенигсбергѣ у него жили двѣ бѣдныя сестры, которымъ онъ посылалъ деньги и даже крупныя суммы, согласно своему принципу, но никогда онъ не слышали отъ него добраго слова. Въ его «Критикѣ способности сужденія» апіорнымъ элементомъ является понятіе о целесообразности. Существуетъ ли она въ природѣ, — намъ невозможно знать, и наше сужденіе лишь предполагаетъ цѣлесообразность въ явленіяхъ природы. Своими «Критиками» Кантъ произвелъ полный переворотъ въ мыслящихъ умахъ, и метафизикъ пришелъ конецъ, хотя философъ не доставилъ торжества скептицизму, а отнесся къ нему критически, доказавъ, что во всякомъ опытѣ есть апіорный элементъ. При такомъ громадномъ умственномъ трудѣ не удивительно, что Кантъ тратилъ все питаніе на мозгъ въ ущербъ физическому развитію. Современники рисовали его съ громаднымъ лбомъ, впавшей грудью и съ слегка вывихнутой правой рукой. Его кости и мускулы были такъ ничтожны, что почти совѣмъ отсутствовали — все атрофировалось въ пользу мозга. Впрочемъ, Кантъ, сознавая свое физическое безсиліе и предстоящее выполненіе колоссальной умственной задачи, инстинктивно избѣгалъ бесполезно тратить свои слабыя физическія силы. Сила же воли сама продиктовала ему такой образъ жизни, благодаря которому онъ прожилъ до восьмидесяти лѣтъ. Онъ неизмѣнно вставалъ въ пять часовъ утра, пилъ чай и выкуривалъ единственную во весь день трубку

и до семи часов обдумывать свои труды. В семь часов начинались лекции и остальные занятия, а в час онъ обѣдалъ и всегда зъ обществомъ. За нѣсколько минутъ до обѣда Кантъ принималъ гостей у себя въ рабочемъ кабинетѣ, и въ это время не допускалось другого разговора, какъ только о погодѣ. За столомъ бесѣда принимала другое направленіе: касались всего понемногу, но только не философіи, и въ виду этого Кантъ предпочиталъ принимать къ обѣду купцовъ, чуждыхъ философскихъ вопросовъ, чтѣ давало ему возможность отдохнуть умственно. Въ 5 ч. онъ отправлялся гулять, отъ 6 до 10 ч. читалъ и размышлялъ, а въ 10 ложился спать. Онъ жилъ чисто для мысли, отказавшись отъ страстей и чувствъ. Любить, восторгаться, возмущаться значило портить человѣческую машину и нервы. Кантъ добился силой воли никогда не волноваться. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—ни приходить въ восторгъ отъ радости, ни удручать себя печалью, ни таять въ симпатіяхъ». Во всю свою восьмидесятилѣтнюю жизнь онъ питалъ любовь лишь къ двумъ лицамъ и то на двухъ противоположныхъ полюсахъ жизни: во время дѣтства—къ матери, и во время старости, когда снова впалъ въ дѣтство, къ Васьянскому. Но ни первая, ни вторая въ расчетъ не принимается. Онъ питалъ отвращеніе къ чувствамъ и называлъ низшими существами тѣ души, которыя дѣлали добро по влеченію. «Насколько возвышеннѣе человѣкъ,—говорилъ онъ,—которому природа вложила въ сердце мало симпатіи, но который, оставаясь холоденъ и равнодушенъ къ страданіямъ другихъ, дѣлаетъ добро, какъ долгъ». Какъ бы холодна и суха ни была философія Канта, но она оказала громадную услугу человѣческому уму, сдвинувъ его съ напрасныхъ умозрѣній и направивъ на дорогу, съ которой онъ не могъ бы сойти, не свернувъ въ фатальный кругъ безконечныхъ противорѣчій. Онъ доказалъ неспособность разума перейти границу феноменовъ, достичь абсолютности, причины бытія—предмета прежней философіи. Онъ отдѣлилъ бездной науку отъ вѣрованія, окончивъ работу Декарта и Бэкона, и такимъ образомъ громадные усилія метафизики достигли уничтоженія самой же метафизики. Кантъ не критиковалъ мнѣнія и системы, а само орудіе мысли, механизмъ котораго онъ разбиралъ. Мендельсонъ называлъ его «всеобщимъ разрушителемъ». Возвращеніе къ Канту стало лозунгомъ новѣйшей философіи. Въ социальномъ и политическомъ отношеніи онъ былъ яркимъ поборникомъ свободы, хотя однажды ему пришлось подчиниться запрещенію Фридриха-Вильгельма II читать въ Кенигсбергскомъ университетѣ свою «Религію въ границахъ чистаго разума». Онъ пришелъ въ такой энтузіазмъ отъ французской революціи, что даже измѣнилъ свои обычные привычки. Въ ней онъ привѣтствовалъ первую попытку основать государство на разумѣ. Карлъ Голиндъ говоритъ въ своей статьѣ, что Кантъ былъ замѣчательнымъ демократическимъ политикомъ и полагалъ, что чистая республика была лучшей формой законной конституціи. Его идеаломъ была федерація республиканскихъ государствъ безъ малѣйшаго исключенія. Кантъ еще самъ себя противорѣчитъ: въ своемъ проектѣ непрерывнаго мира, приводя самыя гуманныя идеи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалъ въ войнѣ природную силу, цивилизаторскую роль и находилъ въ ней высшую красоту, сознавая, что продолжительный миръ рискуетъ создать вмѣстѣ съ дѣловымъ духомъ вуль-

гарный эгоизм. Но съ одной стороны торговые интересы, съ другой безконечное возрастаніе вооруженія и республиканская конституція государствъ приведутъ цивилизованные народы къ устраненію отъ человѣчества бича войны и направятъ къ гуманной и мирной эрѣ. «Берегись тогда этого существованія пастушковъ Аркадіи,—говоритъ онъ,— гдѣ люди тихіе, какъ проходящія овцы, едва будутъ придавать своему существованію большую цѣну, чѣмъ животному»,—перспектива, отъ которой съ ужасомъ отворачивается Кантъ въ своемъ предшествовавшемъ сочиненіи, гдѣ онъ говоритъ о борьбѣ, безъ которой лучшія качества человѣчества вѣчно дремали бы. Настоящій очеркъ основанъ на статьяхъ иностранныхъ журналовъ, вызванныхъ юбилеемъ нѣмецкаго философа ¹⁾).

— Современное вліяніе Гёте и Шиллера. Недавно извѣстный германскій писатель Людвигъ Фульда прочиталъ въ Берлинѣ замѣчательную лекцію о причинѣ упадка Шиллеровскаго вліянія въ Германіи. Теперь она ²⁾ напечатана и распространена по всей Германіи. Шиллера въ настоящее время читаютъ мало, онъ пересталъ имѣть прежнее вліяніе на народъ. Причину этому Фульда видитъ въ удивительной перемѣнѣ, которая произошла въ политической и общественной жизни Германіи, особенно въ интеллектуальномъ направленіи за послѣднюю треть XIX столѣтія. Въ 1859 году идеалъ германскаго гражданина исчерпывался двумя словами: единство и свобода. Съ тѣхъ поръ эти идеалы частью осуществлены, частью отложены въ сторону. Единство завоевано, и для тѣхъ, которые имъ пользуются, является излишнимъ его прославленіе великимъ поэтомъ. Значеніе свободы также измѣнилось, хотя она попрежнему царитъ въ сердцѣ многихъ вмѣстѣ съ свободой мысли. Въ такой же степени не современенъ идеализмъ, а Шиллеръ—идеалистъ чистѣйшей воды. Въ наши дни мы скрываемъ свои настоящія чувства подъ маской спокойной трезвости, избѣгая чувства и паюса, словно адскаго огня. Шиллеръ былъ патетичнымъ и сентиментальнымъ; онъ говорилъ: «мужественный человѣкъ думаетъ о себѣ—послѣднемъ». Напротивъ индивидуалистъ теперь восклицаетъ: «сильный человѣкъ думаетъ о себѣ—первомъ». Наконецъ, женщины болѣе не довольствуются тѣмъ мѣстомъ въ обществѣ, которое имъ отводилъ Шиллеръ, а потому его не читаютъ. Въ то же время гению Шиллера противорѣчатъ натуралистическія тенденціи современной литературы. Его сила основывается на типѣ, а натуралистическій писатель основывается на индивидуумѣ. Шиллеръ имѣетъ цѣлью воодушевить насъ, а натурализмъ—дать намъ темпераментъ. Шиллеръ желаетъ, чтобы мы создали лучшій міръ, реализовали его. Такимъ образомъ, въ 1859 году люди, нуждавшіеся во многомъ и стремившіеся ко многому, нынѣ, вступивъ во владѣніе многимъ, отвернулись отъ Шил-

¹⁾ Kant als Mensch, von Erich Adickes. Deutsche Rundschau. Februar. 1904.

Emmanuel Kant, par Bourdeau. Journal des Debats, 19 Fevrier 1904.

Le centenaire de Kant «Revue Universelle», 15 Mars 1904.

Kant as a Democratic Politician, by Karl Blind, «Westminster Review», March, 1904.

²⁾ Shiller und die neue Generation. Ein Vortrag. Von Ludvig Fulda. Berlin. 1904.

лера. «Но, все-таки, — говорит Фюльда, — звезда Шиллера не может померкнуть навсегда. Люди, нуждающиеся и стремящиеся, останутся на свѣтѣ, они вѣчно будутъ искать въ искусствѣ и поэзіи утѣшеніе. Если Шиллеръ потерялъ своихъ сторонниковъ въ верхнихъ и среднихъ классахъ общества, то онъ, конечно, найдетъ новыхъ поклонниковъ въ низшихъ классахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, когда спокойные и счастливые люди придутъ въ безпокойство, то они обратятся къ Шиллеру. Тогда снова голосъ великаго поэта «Lied von der Glocke» привлечетъ вниманіе людей, и Шиллеръ, Тиртей нравственной борьбы, встанетъ рядомъ съ Гёте, верховнымъ первосвященникомъ красоты. Если Гёте подобеетъ солнцу, которое впервые сдѣлало день днемъ, то Шиллеръ похожъ на луну, которую люди уважаютъ, какъ своего лучшаго, добраго друга, и самаго вѣрнаго руководителя, когда настанетъ ночь».

Но если вліяніе Шиллера упало, то въ наше время Гёте еще болѣе выросъ. Звѣзда Гёте по той же причинѣ возвысилась, по которой звезда Шиллера померкла. Гёте учитъ насъ пользоваться жизнью, которая намъ дана. Онъ рисуетъ ея прелести и требуетъ, чтобы мы признавали ея красоту. Гёте — поэтъ имущихъ, тогда какъ Шиллеръ — пѣвецъ нуждающихся и стремящихся. Вотъ отчего имущіе въ настоящее время отвернулись отъ Шиллера и прикнули къ Гёте. Вліянію на Францію въ продолженіе ста двадцати пяти лѣтъ посвященъ серьезный основательный трудъ¹⁾ Фернанда Вальденспергера, или Вальденспержэ, какъ называютъ его французы. Съ удивительнымъ утонченнымъ анализомъ изслѣдуетъ провинціальный ученый вліяніе Гёте на французскую литературу, какъ въ старину, такъ и въ настоящее время. Болѣе или менѣе Гёте подчинялись французскіе поэты съ 1780 года. «Вертеръ» произвелъ переворотъ во многихъ французскихъ писателяхъ, особенно въ г-жѣ Сталь. Она безгранично имъ восхищалась, приписывая ему такое социальное значеніе, какого не подозрѣвалъ даже самъ поэтъ. Точно также громадно было вліяніе «Вертера» на «Рэнэ» Шатобриана. Кромѣ романтическаго вліянія Гёте на старыхъ французскихъ писателей, онъ сильно вліяетъ на позднѣйшихъ и даже на самыхъ новѣйшихъ, какъ, напримѣръ, на романиста Вуржэ, который постоянно прибѣгаетъ къ инокровительству Гёте и его авторитету. Его менѣе понималъ Сенъ-Бѣвъ, по словамъ котораго «Гёте остался для насъ чужимъ, полувѣстной, таинственной загадкой, Юпитеромъ Амонскимъ въ своемъ святилицѣ». Вообще, вліяніе Гёте было глубоко, и онъ мало-по-малу поглотилъ въ себѣ самые крупные таланты своего времени. По мѣрѣ того, какъ его современные соперники ступевывались въ тѣни его славы, она все болѣе и болѣе сіяла, и особенно распространялся несравненный блескъ «Фауста». Совершенно справедливо характеризовалъ его французскій писатель Стафферъ: «Всего болѣе насъ прельщаетъ въ Гёте его открытый умъ, широкое сочувствіе, всеобщая любознательность, удивительный даръ всесторонней любви и способности интересоваться всѣмъ, что дѣлало его не только человекомъ XIX вѣка, но его исключительнымъ поэтомъ и самымъ совершеннымъ олицетвореніемъ космополитическаго генія нашего вѣка».

¹⁾ Goethe en France, par F. Baldensperger. Paris. 1904.

— Морлей, какъ образцовый биографъ Гладстона. Въ послѣднее время по единогласному мнѣнію всѣхъ англичанъ, либераловъ и консерваторовъ, самымъ замѣчательнымъ сочиненіемъ, вышедшимъ въ Англии, была биографія ¹⁾ Гладстона, написанная его другомъ Морлеемъ. Эта биографія вполне достойна величайшаго государственнаго человѣка нашего времени, а ея авторъ также заслуживаетъ славы одного изъ первыхъ писателей Англии. Давно уже не выходило столь замѣчательнаго произведенія о такой замѣчательной личности. Оно появилось въ концѣ прошлаго года, и хвалебные гимны автору до сихъ поръ появляются во всѣхъ англійскихъ журналахъ и газетахъ. Глава англійскихъ позитивистовъ, Фридрихъ Гаррисонъ, говоритъ, что эта книга составитъ образцовое явленіе въ англійской литературѣ на будущія времена, сдѣлавъ его автора передовымъ писателемъ на англійскомъ языкѣ, на которомъ никогда не появлялась другая биографія, равная этой. Сэръ Вемисъ Ридъ увѣряетъ, что Морлей своимъ «образцовымъ трудомъ одарилъ англійскую литературу рѣдкой жемчужиной, такъ какъ это выше, чѣмъ биографія, это настоящая исторія». Консервативный органъ «Quarterly Review» съ восторгомъ заявляетъ, что это—истинно великій портретъ великаго человѣка, при чемъ этотъ журналъ совершенно забываетъ, что онъ далеко не восторгался Гладстономъ. Ни одинъ современный человѣкъ, говоритъ Стэдъ, не имѣлъ такой тяжелой задачи, какъ Морлей въ своей послѣдней книгѣ, и никто никогда не справлялся съ нею такъ усѣбно, такъ побѣдно. Ему пришлось охарактеризовать человѣка, который при жизни раздѣлялъ Англію на два лагеря. Написать исторію подобной жизни, когда еще не охладѣли пламенные распри защитниковъ или враговъ, да еще такъ, чтобы обѣ стороны были вполне довольны, — рѣдкій усѣхъ, когда либо къѣмъ достигнутый. Таково мнѣніе громаднаго большинства англичанъ, и дѣйствительно книга Морлея вполне заслуживаетъ общихъ похвалъ. Авторъ ея уже давно извѣстенъ, какъ способный писатель, подарившій не только Англии, но всему свѣту свои талантливыя произведенія, которыя, однако, не могутъ сравниться съ послѣдней его книгой въ трехъ большихъ томахъ. Она написана, какъ всегда, простымъ, понятнымъ и сильнымъ языкомъ. Обыкновенно въ своихъ сочиненіяхъ Морлей поражаетъ сдержанностью своего стиля. Но здѣсь онъ даетъ перу полную свободу и пишетъ съ такимъ восторженнымъ сочувствіемъ и блестящимъ пыломъ о своемъ великомъ другѣ, что, по справедливымъ словамъ Стэда, онъ перестаетъ быть философомъ и становится прозаичнымъ Гомеромъ Иліады нашего времени. Въ его «Жизни Гладстона» встрѣчается много красивыхъ фразъ, живописныхъ описаній и живыхъ характеристикъ. Но онъ поставилъ себѣ за правило не допускать пустыхъ диерамбовъ и искусственныхъ возгласовъ. Всѣ его отзывы о «народномъ Вилльямѣ» основаны на жизненныхъ фактахъ и на истинныхъ событіяхъ. Три тома его книги займутся на трехъ стахъ тысячахъ документахъ, прочтенныхъ и проверенныхъ имъ, въ томъ числѣ ему служили источниками неизданныя письма королевы Викторіи и столь же невѣдомые отрывки

¹⁾ The Life of William Edward Gladstone. By John Morley. 3 vols. London. 1908.

изъ дневника Глэдстона. Однако Морлей съ такой умѣренностью и трезвостью пользовался своими драгоценными свидѣніями, что ни одной откровенностью не оскорбилъ живущихъ и даже уже умершихъ дѣятелей. Правда, такимъ образомъ онъ не сообщалъ ничего новаго, ничего оригинальнаго о своемъ героѣ, но только умножилъ, удесятирилъ то, что было уже извѣстно о немъ. Поэтому Глэдстонъ является въ его книгѣ тѣмъ самымъ Глэдстономъ, котораго всѣ знали, но въ болѣе подробномъ видѣ, въ окончательномъ историческихъ чертахъ. Въ первомъ томѣ произведенія Морлея краснорѣчиво нарисована молодость Глэдстона, и особенно охарактеризованъ онъ, какъ христіанинъ. Второй томъ посвященъ Глэдстону, какъ финансисту, а третій томъ всецѣло занятъ его политической дѣятельностью. Поэтому первый томъ имѣетъ характеръ исторіи, второй отчасти, а третій уже совершенно посвященъ современнымъ событіямъ. Онъ начинается съ 1880 года, когда Глэдстону было 73 года, а оканчивается его смертью. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже такъ часто и такъ подробно говорилось о народномъ Вильямѣ, что совершенно излишне повторять о событіяхъ его жизни и даже о чертахъ, характеризующихъ этого великаго человека, тѣмъ болѣе, что, какъ уже сказано, Морлей не сообщаетъ ничего новаго и оригинальнаго. Окончимъ отзывъ объ его образцовой биографіи словами Морлея: «Покинемъ Глэдстона съ мыслями о немъ, какъ о человѣкѣ, который вполне былъ преданъ общественному долгу и частнымъ обязанностямъ, о человѣкѣ, сохранившемъ въ теченіе долгаго времени чистоту нравовъ среди всей грязи вѣшняго міра, наконецъ, какъ о человѣкѣ, вѣрномъ своему принципу: будь поддерживаемъ вѣрою, что жизнь велика и благородна, а не мелочна и грязна; будь увѣренъ, что мы призваны къ судьбѣ не суетной, а возвышенной и благородной.

— Воспоминанія о Бисмаркѣ и его нѣмецкихъ современникахъ. Въ послѣднихъ нумерахъ американскаго журнала «Century Magazine» помѣщено начало ¹⁾ мемуаровъ о дипломатической жизни американскаго посланника въ Берлинѣ—Андрю Уйта, и воспоминанія ²⁾ тоже американца, Генри Вилларда, о своемъ посѣщеніи Бисмарка во время его отставки. Что касается до перваго, то это—извѣстный американскій историкъ, профессоръ и государственный человѣкъ, бывшій посланникомъ въ Россіи въ 1892—1894 гг., а въ Берлинѣ два раза—въ 1879—1881 гг. и въ 1897—1902 гг. Такимъ образомъ, проведя еще студенческіе годы въ Германіи, онъ главную часть своей жизни прожилъ въ германской столицѣ, и поэтому свои воспоминанія посвятилъ большому частію выдающимся государственнымъ людямъ и ученымъ этой страны. Въ первое его пребываніе въ германской столицѣ онъ, конечно, обратилъ большое вниманіе на престарѣлаго императора Вильгельма, на будущаго императора Фридриха III и Бисмарка; послѣднему онъ даже посвящаетъ особую статью. Оба императора, по его словамъ, въ высшей степени интересовались всѣмъ, что касалось Америки. Первый былъ добродушнымъ старикомъ, а послѣдній очень

¹⁾ Chapters from my diplomatic life. By Andrew D. White. «Century Magazine» August, September, November, 1903.

²⁾ A visit to Bismarck. By Henri Villard. «The Century Magazine». March. 1904

походилъ, по словамъ американца, на Марка-Аврелія. Изъ нѣмецкихъ государственныхъ людей онъ съ наибольшимъ сочувствіемъ отзывался о министрѣ иностранныхъ дѣлъ, баронѣ Бюловѣ, котораго считаетъ замѣчательно независимымъ человѣкомъ самыхъ широкихъ воззрѣній. Естественно, что самыми близкими его пріятелями были извѣстные нѣмецкіе историки и ученые: Лелсіусъ, первый египтологъ того времени, Эрнестъ Курціусъ, изслѣдователь греческой старины, Рудольфъ Гнейстъ, знатокъ римскаго права и англійской конституціи, Зибель и Дройзенъ—оба замѣчательные профессора исторіи. Однако, послѣдніе двое, несмотря на свои глубокія знанія, были часто противоположныхъ мнѣній; такъ Зибель на вопросъ объ его мнѣніи на счетъ «Исторіи Наполеона» Лабулэ отвѣчалъ: «Это не стоитъ называть исторіей, а просто рапсодіей». Напротивъ на подобный же вопросъ Дройзенъ воскликнулъ: «Это—настоящая исторія и гениальное произведеніе. Это—одна изъ тѣхъ книгъ, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на темную эпоху. Подобная книга будетъ вѣчно жить». Изъ остальныхъ берлинскихъ профессоровъ всего болѣе понравились американцу Германъ Гриммъ, жена котораго была удивительно привлекательная женщина, и совершенно понятно, такъ какъ ея мать была Веттина Гёте; Тречкэ, отличавшійся совершенной глухотой и всегда разговаривавшій съ кипой бумаги въ рукахъ, биологъ Дюбуа Рэймонъ и физикъ Гельмгольцъ. Уайтъ не только былъ друженъ съ берлинскими профессорами, но съ гейдельбергскими, лейпцигскими, гиссенскими и другими. Особенно онъ восторгался ораторскими способностями историка Онкэна. По его словамъ, ему не приходилось встрѣчать лучшаго историческаго лектора; даже Лабулэ Французской Коллеги, Сили въ Кэмбриджѣ и Гольдена Смита въ Америкѣ нельзя было съ нимъ сравнить. Изъ нѣмецкихъ литераторовъ Уайтъ отдаетъ предпочтеніе Ауэрбаху, а изъ художниковъ—Кнаусу, Вернеру и Манцелю. Конечно, первымъ изъ нѣмцевъ Уайтъ называетъ Бисмарка и считаетъ его «величайшимъ германцемъ со времени Лютера». Во время перваго своего посольства въ Берлинъ онъ былъ очень съ нимъ друженъ и чрезвычайно удивлялся, что, рѣдко посѣщая Англію, и то на короткое время, онъ въ совершенствѣ говорилъ по-англійски. Самой характеристичной чертой желѣзнаго канцлера было, по увѣреніямъ американца, антипатія къ церемоніямъ. Такимъ образомъ онъ почти никогда не видалъ Бисмарка на придворныхъ балахъ и банкетахъ. Вообще онъ былъ очень суроваго и капризнаго настроенія въ официальномъ отношеніи, такъ что часто подавалъ въ отставку. Въ этихъ случаяхъ старый императоръ отправлялся къ нему и своею добродушной бесѣдой приводилъ его въ хорошее настроеніе, подымалъ съ постели, такъ какъ Бисмаркъ обыкновенно прикидывался больнымъ, и снова пускалъ въ ходъ «канцлерскую машину». «Однажды я встрѣтилъ,—говоритъ Уайтъ,—большого пріятеля Бисмарка, профессора Рудольфа Гнейста, и спросилъ у него о причинѣ одной изъ такихъ отставокъ. «О!—отвѣчалъ Гнейстъ,—онъ слишкомъ наѣлся чибисовыхъ яицъ». Дѣло было въ томъ, что онъ очень любилъ эти яйца, и ему присылали ихъ его поклонники съ Сѣвернаго моря. Тотъ же профессоръ рассказывалъ Уайту любопытный анекдотъ о Бисмаркѣ. «Въ одинъ прекрасный день,—говорилъ онъ,— я встрѣтилъ Бисмарка и спросилъ, какъ его здоровье. Онъ отвѣчалъ: «Скверно,

я не могу ни спать, ни ѣсть». — «Такъ знаете что, сказалъ я, позвольте мнѣ при-
слать вамъ дюжину отличнаго вина «Эрмитажъ». Пейте пару стакановъ этого
вина каждый день за обѣдомъ, и вы увидите, что почувствуете себя лучше. Черезъ
нѣсколько времени я снова его встрѣтилъ и спросилъ, хорошо ли подѣйстви-
вало мое вино. «Ахъ! нѣтъ, — произнесъ онъ: — мнѣ только хуже было отъ
него». — «Да такъ ли вы пили?» — спросилъ я. — «Какъ вы мнѣ совѣтовали, — от-
вѣчалъ Бисмаркъ: — по двѣ бутылки каждый день за обѣдомъ». Всего интереснѣе,
по словамъ американца, было видѣть Бисмарка въ парламентѣ. Его громадная
фигура, по обыкновенію въ скюртуекъ прусскаго генерала, казалась очень мас-
сивной, и сначала его рѣчь была несвязная и неинтересная, но мало-по-малу
она становилась ясной, опредѣленной и краснорѣчивой. Особенно онъ рѣзко,
ловко и ядовито рѣзалъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ Виндгорста, ко-
торый былъ до того малъ ростомъ, что казался карликомъ. Однако этотъ кар-
ликъ ему не уступалъ и возбудилъ смѣхъ всей палаты остроумнымъ замѣча-
ніемъ на безмолвный, презрительный отвѣтъ Бисмарка: «Какъ ни смотреть на
меня канцлеръ, а ему надо очень рано встать, чтобы меня перехитрить». Что
касается до семейной жизни желѣзнаго канцлера, то, по замѣчанію Уайта,
трудно вообразить себѣ прекраснѣе мужа, отца и вообще семьянина. Однажды
у себя за обѣдомъ онъ разсказалъ при Уайтѣ, что отецъ непремѣнно желалъ
сдѣлать его въ молодости пасторомъ. «Какъ вы полагаете, — прибавилъ онъ: —
я вѣдь былъ бы пасторомъ гораздо лучше, чѣмъ человѣкомъ?» — «Я этого не
скажу, — перебила жена, — но, конечно, ты былъ бы болѣе счастливымъ чело-
вѣкомъ».

Генри Виллардъ, богатый американскій строитель желѣзныхъ дорогъ, по
происхожденію нѣмецъ, бывалъ часто въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ
годахъ въ Берлинѣ, но по странной случайности ни разу не видалъ Бисмарка,
впрочемъ онъ, можетъ быть, дѣлалъ это нарочно, такъ какъ не долбилъ политику
желѣзнаго канцлера. Однажды, въ 1890 г., онъ разсказалъ объ
этомъ обстоятельстве либеральному члену рейхстага, Людвигу Вамбергору.
Тотъ пришелъ въ изумленіе и сказалъ: «Я также не долбилъ его и при-
знаю бывшаго канцлера за сребролюбиваго и безпринципнаго человѣка, но
все же считаю его за величайшаго и самаго интереснаго человѣка нашего вре-
мени. Смотрите, не уѣзжайте въ Америку, не повидавъ его хоть теперь». Вил-
лардъ послушался этого совѣта и попросилъ д-ра Швенингера представить
его Бисмарку. Это посѣщеніе состоялось, и Бисмаркъ принялъ Вилларда са-
мымъ любезнымъ образомъ, въ Фридрихсруѣ. Сначала великій человѣкъ долго
разсуждалъ объ Америкѣ, а потомъ естественно перешелъ къ разговору о со-
временныхъ дѣлахъ Германіи. При этомъ онъ очень рѣзко и неодобрительно
отзывался о старикѣ Вильгельмѣ, о несчастномъ Фридрихѣ и объ импера-
трицахъ. Что же касается до императора Вильгельма и его министровъ, то
онъ говорилъ о нихъ въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, что Вилларду
даже слушать было непріятно. «Я подобралъ этихъ мошенниковъ изъ уличной
грязи!» восклицалъ онъ, и далѣе позволялъ себѣ такія крупныя слова, что я
не могу ихъ повторить, такъ какъ въ Германіи меня обвинили бы въ оскор-
бленіи величества. Возвратясь въ разговоръ къ Америкѣ, Бисмаркъ хвалилъ

ея демократическое правительство, которое было столь же полезно для этой страны, как монархія для Германии. «Будь я американецъ,—произнесъ онъ,— я также былъ бы преданнымъ республиканцемъ». «Я разстался съ Бисмаркомъ очень довольный, что его повидалъ, — говоритъ Виллардъ въ концѣ своей статьи, — но не перемѣнилъ своего мнѣнія о немъ».

— Англичане въ Тибетѣ. Военная экспедиція англичанъ въ Тибетъ вызываетъ въ иностранныхъ журналахъ появленіе различныхъ статей и, между прочимъ, въ «Revue Universelle», въ которомъ Бельмонъ разсматриваетъ значеніе этой экспедиціи и ея послѣдствія для другихъ державъ. Извѣстно, что Тибетъ граничитъ съ запада Кашмиромъ, съ сѣверо-запада и востока — Китаемъ, отдѣленнымъ на югъ отъ странъ, подчиненныхъ британской гегемоніи, Гималайской стѣною, которая тянется на 2.600 километровъ отъ запада къ востоку, а отъ юга къ сѣверу на 1.250 километровъ, съ поверхностью въ два милліона квадратныхъ километровъ. Тибетъ долго считался равниной, въ родѣ террасы, господствующей на сѣверѣ надъ Гоби, склонами Куенъ-бина и Алтынъ-Тага. Но это—вѣрнѣ долины, расположенныя вѣромъ по направленію съ запада на востокъ, ручка котораго лежитъ въ Дапсангѣ. Въ западной части теченіе воды почти всегда скоро прекращается и не имѣетъ силы прорыть глубокое ложе, такъ что страна въ 5.000—5.500 метровъ представляетъ каменистую пустыню. Напротивъ, на востокѣ возвышенія, понижаясь, допускаютъ прорытіе глубокихъ долинъ, и здѣсь климатъ относительно теплый, а мѣстность плодородна, что даетъ возможность произростать рису, виноградникамъ, абрикосамъ, гранатамъ. Во всякомъ случаѣ, говоритъ авторъ, это скудное богатство, какъ и болѣе, повидимому, важное, ископаемое, не могло искушить англичанъ, и объясненіе ихъ дѣйствій надо искать въ важности Тибета, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Заселенный народомъ тихаго, но порочнаго нрава, подъ управленіемъ въ родѣ феодальной теократіи, онъ находится подъ владычествомъ, почти номинальнымъ, Китая, который, однако, имѣетъ въ Лхасѣ своего постоянного представителя, амбана. Тибетъ—пунктъ, гдѣ сталкиваются различныя вліянія народовъ, оспаривающихъ господство надъ Азіей. Съ сѣвера и съ запада идетъ русское вліяніе посредствомъ киргизовъ и бурятовъ, благодаря чему тибетцы имѣютъ случай бесѣдовать о бѣломъ царѣ. Китайское вліяніе съ востока достигаетъ ихъ чрезъ амбаней и, въ особенности, благодаря караванамъ, являющимся съ чаемъ, главнымъ торговымъ предметомъ ввоза въ Тибетъ. Наконецъ, съ юга въ долину Шумби открывается дверь въ Индію и вдается угломъ между вассалами Англій — Сиккимомъ и Бутаномъ. Съ стратегической точки зрѣнія, занятіе южной части Тибета обезпечиваетъ Англій максимумъ безопасности для Индіи обладаніемъ гласисовъ ея природнаго оплота, Гималая. Можетъ быть, по словамъ Бельмона, англичане надѣются, что, разъ водворившись въ этой цитадели гористыхъ бастионовъ, они будутъ имѣть возможность выходить по желанію въ Гоангъ-Го чрезъ Ланъ-Тшеу или на Янгъ-Тце-Кіангъ чрезъ Кіа-Тингъ и Сюи-Фу и, такимъ образомъ, противиться русскимъ дѣйствіямъ съ сѣвера, а французскимъ— съ юга Китая. Уже давно русскіе и англичане, ведя глухую борьбу за господство Азіи, поняли важное значеніе Тибета и полагаютъ всѣ усилія водворить

въ немъ свое вліяніе. Попытки русскихъ, по словамъ Бельмона, остаются очень таинственными. Русскіе подданные, буряты-буддисты, конечно, приходили въ Лхассу въ послѣдніе годы, и даже обнаружилось тамъ присутствіе лица, имѣющаго официальные связи. Въ іюль 1902 года китайскія газеты въ Кантонѣ и въ Чунгъ-вейжи-аю напечатали текстъ предполагаемаго трактата между Россіей и Тибетомъ. Наконецъ, въ концѣ іюля «Gazette de Cologne» напечатала распространеннѣйшій въ Пекинѣ слухъ, что Россія, посредствомъ тайныхъ переговоровъ, имѣетъ цѣлью добиться разрѣшенія произвести геологическія раскопки, для чего послала въ Тибетъ нѣсколько сотенъ казаковъ, утверждая, что китайское правительство разрѣшило приходъ войска. «Изъ всѣхъ этихъ навѣрно тенденціозныхъ слуховъ,—говоритъ Вельмонъ,—обнаруживается, тѣмъ не менѣе, два достовѣрныхъ факта, что русскіе со вниманіемъ присматриваются къ Тибету, и что въ Петербургѣ была принята тибетская миссія. Прибавимъ къ этому, что третьестепенное лицо ламайской іерархіи, лама города Урги, или Тарана-лама, находится совершенно подъ русскимъ вліяніемъ, по причинѣ географическаго положенія этого города. Въ отместку русскимъ, англичане, повидимому, сдружились съ другимъ важнымъ ламой, Тешу-ламой, или Панченъ-ринпоче-Тешу, резиденція котораго находится въ монастырѣ Тешу-Лумбо, недалеко отъ Шигатсе, и подъ его юрисдикціей находится въ области, тянущейся между Шигатсе и Сиккимомъ, около ста тысячъ душъ. Попытки англичанъ завязать сношенія съ Тибетомъ относятся къ 1885 году, когда конвенціей Тай-фу они добились права послать миссію къ Далай-Ламѣ. Но эта конвенція не была приведена въ исполненіе, и миссія Мак-лэя рушилась въ іюль 1886 года. Послѣ нѣсколькихъ военныхъ операцій для изгнанія тибетскихъ шаекъ, проникнувшихъ въ Сиккимъ въ 1888—1889 годахъ, въ Калькуттѣ были заключены конвенціи: въ 1890 году—для распредѣленія границъ, затѣмъ, въ 1893 году, для созданія рынка въ Я-Тунгъ, маленькой мѣстности долины Шумби, расположенной близъ пограничнаго поста Гуа-Тунга, который зависитъ отъ Даржеелинга. Въ неисполненіи этой послѣдней сдѣлки надо искать причину или, вѣрнѣе, предлогъ настоящихъ событий. Тщетно Китай, встревоженный оборотомъ дѣла, предложилъ, въ качествѣ сюзереннаго государства, послать комиссаровъ, чтобы урегулировать споръ на мѣстѣ, съ сентября мѣсяца его амбанъ въ Лхассѣ былъ освѣдомленъ Вай-ву-пу о присутствіи на тибетской территоріи англійскихъ войскъ изъ 500—600 человекъ. Они служили эскортомъ полковнику Юнгхеспанду, которому поручено вести переговоры. Тибетъ взводновался, но не выслалъ англійской вооруженной миссіи требуемыхъ проводниковъ, и, повидимому, Далай-Лама отказался принять письма лорда Курзона. Съ этого момента враждебныя дѣйствія были неизбѣжны. Нѣсколько мѣсяцевъ миссія Юнгхеспанда пробыла въ Камба-Уонгъ, деревнѣ, расположенной на тибетской территоріи въ 48-ми километрахъ отъ границы, тщетно ожидая посланнаго отъ Далай-Ламы. 13-го декабря она прибыла въ Кяншинжонгъ, въ долину Шумби, тогда какъ тибетскія войска отступили на Фари. Долина Шумби, которая считается ключемъ Тибета, уже большею частью во власти англичанъ. Военная экспедиція, собственно говоря, находится подъ начальствомъ Макдональда, который выдѣлился, какъ директоръ желѣзныхъ дорогъ

во время китайской кампании. Съ нимъ находится майоръ Иггульденъ, которому хорошо знакома эта страна, благодаря предшествовавшимъ изслѣдованіямъ. Его войско состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, именно 23-й и 32-й батальонъ пионеровъ, 2.800 туземцевъ и британской артиллеріи. Какъ только они всѣ соединятся, то согласно принятому плану двинутся къ Гянтсе, первому важному городу въ Тибетъ послѣ Лхассы, и находящемуся по дорогѣ къ столицѣ. Если войско тибетцевъ не будетъ сопротивляться въ Фари, гдѣ оно находится въ данный моментъ, то англичанамъ ничто не помѣшаетъ двинуться впередъ, и занятіе Гянтсе — неизбежно. Какъ только они основательно устроятся, полковникъ Юнгхесмандъ снова попытается вести переговоры съ тибетцами. Какъ себя поведутъ послѣдніе? Очень вѣроятно, — замѣчаетъ Бельмонъ, — что они уже обратились за помощью къ Китаю или Россіи, но надо признаться, что англичане выбрали чудный моментъ затруднительнаго положенія обоихъ государствъ, въ особенности Россіи, на востокъ. Очень возможно, что англійская экспедиція достигнетъ Лхассы и учредитъ англійскую гегемонію. Все дѣло теперь въ этомъ, а не только въ томъ, чтобы призвать Далай-Ламу къ соблюденію заключенныхъ конвенцій. Англійская пресса объявляетъ безъ обиняковъ, что надо водворить въ Лхассѣ британское вліяніе и помѣшать другимъ занять это мѣсто. Чтобы привести въ дѣйствительность этотъ планъ, Англія не боится тибетской арміи, не имѣющей никакого военнаго значенія, но ей придется побѣждать физическія трудности, которыя представляютъ климатъ и почва; за нихъ предстоитъ англичанамъ поплатиться какъ въ физическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Затѣмъ вмѣсто Россіи, занятой въ данный моментъ войною на востокъ, придется считаться съ Китаемъ, чудесно умѣющимъ, не объявляя открыто войны, прибѣгать къ тайнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ «Мы, — говоритъ Бельмонъ, — когда-то недавно поплатились въ Тонкинѣ за то, чтобы хорошо это знать. Въ данный моментъ Франція прямо не заинтересована въ тибетскомъ вопросѣ, но не надо забывать, что англійское владычество, водворившееся и утвердившееся въ Тибетѣ, угрожаетъ, если не французскимъ владѣніямъ въ Индо-Китаѣ, но, по крайней мѣрѣ, распространенію французскаго вліянія въ южномъ Китаѣ. Тогда ключъ пути, примѣненный съ пользою въ 1846 г. миссіонерами, Гюкомъ и Габе, достигшими Та-Дзіена-лу отъ Сее-Чуена черезъ Чампа-Ларуго, тибетской провинціи, изъ Кхамы и Батанга — дороги, по которой недавно спускались въ Тонкинъ принцъ Генрихъ Орлеанскій и Бонвало, — останется въ рукахъ англичанъ. Намъ надо очень внимательно присмотрѣться, — оканчиваетъ Бельмонъ свою статью, — къ событіямъ, театромъ которыхъ будетъ Тибетъ».

— Смерть сэра Лесли Стивэна, фельдмаршала Вальдерзее и герцога Кэмбриджъ. Въ концѣ февраля, скончался въ Лондонѣ, быть можетъ, лучший и, во всякомъ случаѣ, самый здравый изъ современныхъ литературныхъ критиковъ — сэръ Лесли Стивэнъ. Родившись въ 1832 году, онъ былъ сыномъ сэра Джэмса Стивэна, секретаря колониальнаго вѣдомства, и братомъ извѣстнаго юриста, сэра Джэмса Стивэна. Онъ вмѣстѣ съ братомъ воспитывался въ Итонской школѣ и Кэмбриджскомъ университетѣ и подучилъ при

выходѣ изъ университета пасторскій санъ, послѣ чего въ продолженіе девяти лѣтъ былъ успѣшнымъ воспитателемъ и преподавателемъ. Кромѣ того, онъ отличался физическимъ развитіемъ и прославился своими странствованіями по Альпамъ и другимъ европейскимъ горамъ. Однимъ изъ первыхъ его сочиненій было описаніе этихъ странствованій, которыя вышли подъ названіемъ «Playground of Europe». Въ 1863 году онъ покинулъ духовное званіе, чувствуя себя для него неспособнымъ, и предпринялъ путешествіе въ Америку. Вернувшись въ Англію, онъ пытался сдѣлаться политикомъ, но это ему не удалось, и съ того времени онъ, посвятивъ себя литературѣ, сталъ писать критическія и публицистическія статьи въ «Saturday Review», «Pall Mall Gazette», «Fortnightly Review» и «Fraser's Magazine». Эти болѣе или менѣе мелкія статьи имѣли большой успѣхъ и, онъ въ 1871 году сдѣлался редакторомъ «Cornhill Magazine»'а, основаннаго его тестемъ Текереемъ. Одинадцать лѣтъ онъ мастерски редактировалъ этотъ журналъ и самъ написалъ въ немъ цѣлую серію статей, которыя затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ «Часы, проведенные въ библиотекѣ» и «Исторія англійской мысли въ XVIII вѣкѣ». Затѣмъ онъ предпринялъ замѣчательное изданіе: «Англійскіе литераторы», рядъ литературныхъ монографій, въ которыхъ біографію Джонсона Попа, Свифта и Джорджа Эліота написалъ самъ. Наконецъ, онъ взялся за тяжелый и основательный трудъ: «Словарь національной біографіи». Стивенсъ, лично издавъ большую часть его многочисленныхъ томовъ, передалъ конецъ словаря подъ собственнымъ руководствомъ Сиднею Ли. Кромѣ того, онъ написалъ много историческихъ и философскихъ трудовъ: «Опытъ о свободомысліи», «Англійскіе утилитарьянцы», «Біографія Генри Фоссета» и четыре тома «Исслѣдованій біографа». Невозможно упомянуть всѣхъ его изданій замѣчательныхъ англійскихъ авторовъ, какъ Фильдингъ, Ричардсона и проч. Наконецъ въ нынѣшнемъ году онъ напечаталъ свои прошлогднія лекціи объ англійской литературѣ и обществѣ въ XVIII вѣкѣ. Въ философскомъ отношеніи онъ былъ агностикомъ, и главный его принципъ въ литературѣ состоялъ въ томъ, что она должна быть создана тѣми, которые выражаютъ своими произведеніями живыя и могущественныя теченія общественной мысли. Его критическія сужденія были всегда ясны, справедливы, не односторонни, основательны и глубоки. Въ послѣдніе годы онъ серьезно хворалъ, хотя продолжалъ литературную работу до самаго дня своей смерти на 72 году жизни.

Одинаковыхъ лѣтъ, но нѣсколько дней позже, скончался вѣмецкій фельд-маршалъ графъ Вальдерзее. Онъ былъ сынъ берлинскаго губернатора и родился 2-го апрѣля 1832 г. въ Потсдамѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ вступилъ подпоручикомъ въ гвардейскую артиллерію. Въ качествѣ адъютанта принца Карла, графъ Вальдерзее совершилъ Богемскую кампанію, а въ 1870 г. былъ назначенъ военнымъ агентомъ при прусскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Когда вспыхнула франко-прусская война, онъ вызванъ былъ въ главную прусскую армію, присутствовалъ при капитуляціи Седана, участвовалъ въ осадахъ Меца и Парижа, а также принялъ участіе въ Луарской арміи, какъ начальникъ штаба великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго. Затѣмъ онъ постепенно

былъ произведенъ въ генераль-майоры, генераль-лейтенанты и въ генералы отъ кавалеріи. Въ 1888 г. онъ наслѣдовалъ Мольтке въ качествѣ начальника главнаго штаба, но оставался имъ недолго и чрезъ три года получилъ постъ командира 9-го корпуса въ Альтовѣ. Въ это время онъ пользовался большой милостью молодого императора Вильгельма II, который еще до восшествія своего на престолъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Вальдерзее и особенно съ его женой, бывшей вдовой принца Фридриха Шлезвигъ-Гольштейна, дяди теперешней императрицы. Графъ Вальдерзее былъ такъ популяренъ, что послѣ отставки Бисмарка всѣ ожидали его назначенія канцлеромъ, но оно не состоялось, хотя онъ до послѣдняго времени имѣлъ большое вліяніе на Вильгельма. Въ 1900 г. во время Китайской войны онъ получилъ командованіе отрядомъ нѣмецкаго войска, а такъ какъ онъ тогда былъ фельдмаршаломъ и слѣдовательно старше всѣхъ командировъ другихъ европейскихъ отрядовъ, то по общему соглашенію былъ назначенъ генералиссимусомъ. Впрочемъ, это званіе оказалось только почетнымъ, и онъ не оказалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ замѣчательнаго военнаго гения, который ему приписывали. Онъ обнаружилъ при этомъ болѣе политическаго такта, чѣмъ таланта главнокомандующаго. Едва не погибнувъ во время пожара пекинскаго дворца и возвратясь въ Берлинъ, онъ былъ осыпанъ необыкновенными милостями со стороны императора. Послѣ смерти своей первой жены онъ женился на второй, американкѣ, миссъ Ли, и былъ членомъ палаты господъ, но въ политическомъ отношеніи онъ не отличался большимъ успѣхомъ. «Князю Бисмарку угодно было,—писалъ фельдмаршалъ,—выставить меня ханжой, ученикомъ Стэкера, чернымъ реакціонеромъ, такъ что отъ меня отворачивались всѣ либералы, а Каприви также нашелъ нужнымъ составить мнѣ репутацію самаго воинственнаго человѣка, всѣ же считали меня человѣкомъ энергичнымъ и сильной воли. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я очень благодаренъ своимъ врагамъ». Въ послѣднее время графъ Вальдерзее страдалъ катаромъ кишечника, осложненнымъ нарывомъ, и потому ему принуждены были сдѣлать операцію, которой онъ не вынесъ.

17-го марта новаго стиля въ Лондонѣ умеръ старѣйшій изъ англійской королевской семьи—Джоржъ-Вильямъ-Фридерикъ-Чарльзъ, герцогъ Кембриджъ, внукъ короля Георга III и дядя короля Эдуарда VII. Герцогъ родился въ Ганноверѣ въ 1819 г. и въ 1850 г. наслѣдовалъ титулъ своего отца—герцога Адольфа Кембриджа, графа Типперари, барона Келлодена, англійскаго фельдмаршала и младшаго сына короля Георга III. Въ 1850 г. во время крымской кампаніи, герцогъ Вильямъ Кембриджъ выказалъ себя отважнымъ воиномъ въ битвахъ при Альмѣ и при Инкерманѣ, гдѣ сражался во главѣ двухъ бригадъ. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ англійской арміи, а въ 1862 г. фельдмаршаломъ. Во время его начальства надъ англійской арміей и по его инициативѣ была основана армія волонтеровъ, дошедшая въ настоящее время до 200.000 человѣкъ. Въ 1892 г. онъ передалъ званіе главнокомандующаго Вольслею. Удалившись официально отъ дѣлъ, онъ продолжалъ интересоваться арміей и до послѣдняго времени довольно правильно слѣдилъ за дебатами въ палатѣ лордовъ. Въ противоположность своему отцу, ярому врагу Франціи и Наполеона, покойный герцогъ любилъ ее и ежегодно съ января до весны жилъ на югѣ Франціи. Онъ умеръ 85 лѣтъ.

— Новыя польскія изданія по славянской этнографіи. Изданіемъ ученыхъ изслѣдовацій по польской и общеславянской этнографіи занимается особая комисиія антропологическая при Краковской академіи наукъ (Академія Umiejętności). Ея изданіе носитъ названіе: *Materyały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisji antropologicznej akademickiej*, заключааетъ въ себѣ массу вновь разработаннаго матеріала и выходитъ томами довольно значительнаго размѣра. Такъ, томъ VI in-8° имѣетъ 91 + 421 стр. и 25 таблицъ иллюстрацій. Оставляя до слѣдующаго раза рассмотреть археологическую его часть, въ которой особенно интересно изслѣдованіе Деметрикевича о пещерахъ въ Галиціи, опровергающее выводы предшествующихъ изслѣдователей этихъ гротовъ (напримѣръ, Киркора), мы займемся чисто этнографической частью этого сборника. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе работа Северина Удзѣлы (S. Udziela) подъ названіемъ: «Топографическо-этнографическое описаніе польскихъ деревень въ Галиціи», представляющая, однако, вопреки заголовку описаніе не всѣхъ, а лишь больше десятка деревень изъ нѣсколькихъ уѣздовъ (Подгурскаго, Велицкаго, Мысленицкаго и Горлицкаго). Конечно, описаніе всѣхъ населенныхъ мѣстъ Галиціи можетъ быть не подъ силу одному лицу, хотя бы и съ Дидимовскимъ трудолюбіемъ, но важную роль здѣсь играетъ начало, положенное съ такимъ знаніемъ дѣла авторомъ этой работы, и выработка имъ плана, которому могутъ слѣдовать и другіе изслѣдователи-этнографы, хотя нужно указать, что уже въ Познани въ 1901 году вышло изданіе газеты «*Dziennik Poznański*», подъ названіемъ «*Wielkopolskie nazwy rolne*», представляющее богатый списокъ мѣстныхъ названій. С. Удзѣла начинаетъ съ историческаго указанія, называетъ деревню или мѣстечко, говоритъ о началѣ ихъ, приводитъ названія улицъ, дорогъ, полей, лѣсовъ, горъ, ручьевъ, деревьевъ, кустовъ, отдѣльныхъ дворовъ; далѣе указываетъ на преданія и показанія старожиловъ, при чемъ записываетъ ихъ мужицкимъ говоромъ, какъ онъ слышалъ отъ рассказчиковъ. Какъ видимъ, подобная работа имѣетъ огромное значеніе для этнографа, историка и филолога (въ общемъ смыслѣ).

Второе изслѣдованіе, занимающее большую часть этого тома, принадлежитъ Александру Салони подъ заглавіемъ «*Lud zagucki*» — этнографическое описаніе (стр. 157—420), представляетъ лишь массу сырого матеріала, почти не обработаннаго: здѣсь и наряды, обычаи, діалоги, обряды, забавы, пѣсни, рассказы, часто уже встрѣчавшіеся въ другихъ изданіяхъ.

Академіей наукъ издается и огромный трудъ М. Федеровскаго подъ заглавіемъ: «*Lud białoruski na Rusi litewskiej*», который посвятилъ ему болѣе 25-ти лѣтъ усидчиваго труда съ 1877 по 1893 годъ, собирая матеріалы для этнографіи славянской. Сочиненіе это, рассчитанное на 10 толстыхъ томовъ, выходитъ довольно медленно: чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго тома появился теперь 2-й in-8°, стр. XXXII, 358 — «*Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słónina, Lidy i Sokółki. Część I. Baśnie fantastyczno-miśtyczne*».

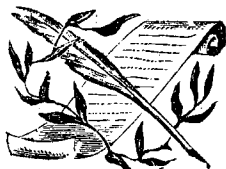
Въ этомъ томѣ записано авторомъ около 400 преданій народныхъ на бѣлорусскомъ нарѣччіи. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, преданія, касающіяся мѣстно-

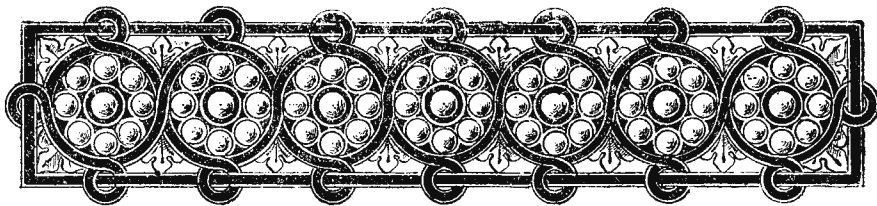
стей, ручьевъ, озеръ, урочищъ, наиболѣе многочисленныя, вѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе кратки; второе мѣсто занимають рассказы о вѣдьмахъ, чудовищахъ, чертяхъ, утопленникахъ, оборотняхъ и тому подобныхъ существахъ; послѣднее мѣсто занимаетъ на Бѣлоруси эпосъ. Порядокъ, которому слѣдуетъ Федеровскій въ расположеніи матеріала, установленъ на съѣздѣ въ Стокгольмѣ по предложенію доктора И. Карловича: впереди басни и сказки, относящіяся къ животному міру, затѣмъ мифическія существа и звѣри съ сверхприродными свойствами, далѣе все, что относится къ духовному міру, т.-е. жизни и смерти, — духи, чары, привидѣнія и т. п., наконецъ, рассказы о Богѣ, святыхъ, священникахъ. Во многихъ мѣстахъ авторъ приводитъ аналогичныя преданія изъ польскихъ земель, очень удаленныхъ отъ Бѣлорусси, напримѣръ, сказаніе объ избіеніи старцевъ, о которомъ писалъ уже профессоръ Полиока въ «*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*» въ 1898 году, и сказка о смерти, вполне аналогичная съ «*Sabałowa bajka*» извѣстнаго Сенкевича.

Вышелъ также въ VII томѣ матеріаловъ и 2-й выпускъ сочиненія, начатаго 20 лѣтъ тому назадъ Косиньскимъ въ изданіи Академіи (подъ заглавіемъ: «*Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*») — *Materyały etnograficzne zebrane w różnych okolicach Galicji zachodniej, — część druga: Wieszenia i przesyady*, 86 стр. 1903. Kraków.

Работа эта, несмотря на свою систематичность и тщательность, мало вноситъ новаго въ демонологию польскаго народа и доказываетъ скорѣе выдающуюся бѣдность представленій народныхъ въ этомъ отношеніи. Интереснѣе способъ собиранія матеріала для вѣрваній народныхъ, къ которому прибѣгнулъ докторъ Косиньскій, и который съ пользой можетъ быть примѣненъ и у насъ лицами, не могущими или не желающими входить въ непосредственное общеніе съ народомъ, а между тѣмъ, имѣющими всѣ данныя для занятій этнографіей. Будучи преподавателемъ гимназіи, онъ поручалъ своимъ ученикамъ записывать и доставлять ему слышанныя ими преданія и вѣрванія народа и затѣмъ обрабатывать доставленный ими матеріалъ.

Въ томъ же томѣ матеріаловъ академіи находимъ и работу въ 37 стр. Свіонтека (Swiatek, Jan.) — монографію деревни Боровой, замѣчательно дикаго захолустья, по словамъ автора: обитатели этой деревни не знаютъ даже своей національности, не знаютъ, что они поляки, а напротивъ рассказываютъ, какъ они въ 1846 году рѣзали «поляковъ», т.-е. своего помѣщика прежде всего, — изъ этого можно вывести заключеніе одно: авторъ можетъ сказать о себѣ «*oleum et operam perdidit*», посвятивши свое время и знанія боровянамъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ пріемъ представителей ежедневной печати.

25-го февраля, въ 3 часа дня, въ Зимнемъ дворцѣ Его Величество Государь Императоръ соизволилъ принять представителей ежедневной столичной печати, избранныхъ для поднесенія всеподданнѣйшаго адреса: издателя газеты «Новое Время» Суворина и редактора газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» Столыпина. Государь Императоръ, выслушавъ

адресъ, изволилъ обратиться къ присутствовавшимъ со слѣдующими высоко-милостивыми словами: «Благодарю петербургскую печать за выраженныя въ адресѣ прекрасныя чувства. Внимательно слѣдя за печатью въ послѣднее время, Я убѣдился, что она явилась вѣрною истолковательницею современныхъ событій. Ея одушевленіе и проникновеніе народнымъ духомъ доставили Мнѣ истинное удовольствіе. Надѣюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призванія служить выразительницею чувствъ и мыслей великой страны и воспользуется своимъ большимъ вліяніемъ на общественное настроеніе, чтобы вносить въ него правду, и только правду». Всеподданнѣйшій адресъ отъ представителей ежедневной столичной печати составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь. Святой огонь, которымъ воспламенились и такъ ярко горятъ русскія сердца, угадывая величіе наступившихъ событій, объединилъ насъ, представителей ежедневной столичной печати, въ горячемъ желаніи выразить Вамъ, Государь, одушевляющія насъ чувства. Вѣрная духу родины, печать гордится выпавшей ей высокою честью быть вѣстницей и истолковательницей того величественнаго подъема несокрушимой духовной силы, которымъ отвѣтилъ русский народъ на брошенный ему вызовъ. Ваше Величество, въ этомъ могутъ порывъ благороднѣйшихъ чувствъ, охватившемъ Вашихъ подданныхъ

отъ мала до велика, печать найдеть силы встрѣтить самыя бѣдствія войны мужественною рѣчью, достойною Вашего великаго народа. Печать преисполнена свѣтлой надежды, что за годиною испытаній ее ждетъ завидная доля лѣтописца новаго славнаго торжества Россіи надъ ея врагами. Мы вѣримъ, Государь, Провидѣніе уготовило Вамъ славный жребій—вести русскую мощь и доблесть къ совершенію великаго народнаго дѣла. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные». Слѣдуютъ подписи издателей и редакторовъ столичныхъ ежедневныхъ газетъ.

Разрядъ изящной словесности. Въ № 29 Собранія узаконеній и распоряженій правительства отъ 20 февраля напечатаны слѣдующія постановления о разрядѣ изящной словесности: «Именной высочайшій указъ правительствующему сенату. Учредивъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, въ ознаменованіе исполнившагося въ 1899 году столѣтія со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина, разрядъ изящной словесности и утвердивъ представленныя Намъ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ президентомъ академіи постановленія о семь разрядѣ, Мы повелѣли указомъ Нашимъ правительствующему сенату отъ 23 декабря того же года внести ихъ, какъ дополнительныя статьи, въ положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Нынѣ, признавъ за благо утвердить, въ видахъ споспѣшествованія дальнѣйшему развитію дѣятельности разряда изящной словесности, вновь представленныя Намъ по ходатайству его императорскаго высочества великаго князя президента академіи постановленія о семь разрядѣ, повелѣваемъ таковыя внести взамѣнъ дѣйствующихъ въ положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай». Въ С.-Петербургѣ. 15 января 1904 года».

«Постановленія о разрядѣ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. (Высочайше утверждены 15 января 1904 г.). 1. Разрядъ изящной словесности, учрежденный въ память исполнившагося въ 1899 г. столѣтія со дня рожденія Пушкина, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 2. Въ память того же событія въ отдѣленіи русскаго языка и словесности образованы шесть новыхъ должностей ординарныхъ академикомъ, на которыя избираются какъ писатели-художники, такъ и ученые изслѣдователи въ области словесности. 3. Разрядъ изящной словесности составляютъ: 1) всѣ дѣйствительные члены отдѣленія русскаго языка и словесности, 2) почетные академики. 4. Въ почетные академики, въ числѣ не болѣе двѣнадцати, избираются выдающіеся русскіе писатели-художники, литературные критики и публицисты. 5. Выборы въ почетные академики происходятъ съ разрѣшенія президента императорской академіи наукъ въ засѣданіи разряда изящной словесности, при чемъ въ одномъ засѣданіи не можетъ быть замѣщаемо болѣе двухъ вакансій. 6. Выборы въ почетные академики производятся примѣнительно къ тому порядку, какимъ избираются дѣйствительные члены императорской академіи наукъ, но избранные въ разрядъ изящной словесности почетные академики не представляются общему собранію ака-

деи на окончательное избраніе. 7. Наличныя члены разряда изящной словесности образуютъ изъ себя комиссію, которая, собравъ черезъ председательствующаго указанія членовъ о намѣчаемыхъ ими кандидатахъ, составляетъ затѣмъ списокъ лицъ, подлежащихъ, по ея мнѣнію, баллотировкѣ, съ изложеніемъ къ сему основаній. При этомъ на каждую вакансію можетъ быть представлено къ баллотировкѣ не болѣе трехъ лицъ. 8. Въ засѣданіи, въ которомъ производится баллотированіе представленныхъ комиссіею кандидатовъ, число присутствующихъ членовъ должно быть не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ разряда, проживающихъ въ С.-Петербургѣ. 9. Окончательно избраннымъ въ почетныя академіи признается тотъ кандидатъ, который при баллотировкѣ въ разрядъ изящной словесности соединитъ въ свою пользу мнѣніи не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи членовъ. 10. Почетныя академіи получаютъ дипломъ на свое званіе за подписью президента императорской академіи наукъ и председательствующаго въ отдѣленіи русскаго языка и словесности. 11. Предсѣдателемъ разряда изящной словесности является председательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности. 12. Засѣданіе разряда признается состоявшимся, если въ немъ принимаютъ участіе не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ разряда, проживающихъ въ С.-Петербургѣ. 13. Члены, желающіе сдѣлать сообщеніе въ засѣданіи разряда, извѣщаютъ о томъ председательствующаго. 14. Почетнымъ академикамъ предоставляется, съ разрѣшенія разряда изящной словесности или по его порученію, произнесеніе рѣчей въ публичныхъ засѣданіяхъ, какъ отдѣленія русскаго языка и словесности, такъ и императорской академіи наукъ. 15. Изъ числа почетныхъ академиковъ избираются члены комиссій по присужденію пушкинской и другихъ премій за литературные труды. Сверхъ сего, почетныя академіи имѣютъ право въ засѣданіяхъ разряда дѣлать представленія о тѣхъ оконченныхъ печатаніемъ за послѣдніе три года сочиненіяхъ, авторы коихъ, по ихъ мнѣнію, заслуживаютъ почетнаго отзыва отъ академіи. 16. Занятія разряда изящной словесности могутъ выражаться: 1) въ трудахъ по изданію сочиненій русскихъ писателей; 2) въ собраніи біографическихъ и бібліографическихъ матеріаловъ о русскихъ писателяхъ и въ содѣйствіи къ образованію при императорской академіи наукъ архива документовъ, относящихся къ личности и дѣятельности умершихъ выдающихся писателей; въ участіи членовъ въ извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности или въ отдѣльномъ органѣ разряда изящной словесности, посвященномъ литературной критикѣ; 4) въ участіи членовъ въ юбилейныхъ сборникахъ, издаваемыхъ академіею по случаю знаменательныхъ для русской литературы годовщинъ. 17. Отдѣленіе русскаго языка и словесности присуждаетъ почетнымъ академикамъ пушкинскія золотыя медали за ихъ труды по академіи. 18. Почетныя академіи получаютъ всѣ изданія отдѣленія русскаго языка и словесности. 19. Могущіе образоваться остатки отъ содержанія шести ординарныхъ академиковъ, избираемыхъ на должности, учрежденныя въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина (ст. 2), употребляются, по выбору отдѣленія русскаго языка и словесности, на поддержаніе научной дѣятельности, главнымъ образомъ, молодыхъ ученыхъ, посвящающихъ себя изученію предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій сего отдѣленія.

Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 26-го февраля въ домѣ графа С. Д. Шереметева происходило торжественное годовое собраніе общества. Въ наполненномъ публичной залѣ была отслужена сначала панихида по въ Бозѣ почивающемъ императорѣ Александрѣ III, которую знаменнымъ расиѣвомъ замѣчательно пропѣлъ хоръ басовъ графа С. С. Шереметева. Затѣмъ подъ предсѣдательствомъ графа за столомъ засѣданія заняли мѣста члены совѣта; много публики наполнило проходы между колоннъ, кресель и сосѣднимъ заломъ. Среди присутствующихъ были: министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Шлеве, членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь Галкинъ-Враской, генераль Петровъ, сенаторъ Саблеръ, генераль Мартыновъ, генераль-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, почетный оекувъ генераль-майоръ Брокъ, лейбъ-медикъ Айкановъ, много лицъ высшей администраціи, много дамъ высшаго общества. Прежде всего были оглашены результаты соисканія объявленной обществомъ преміи за общедоступную біографію императора Александра III. Премія въ 500 рублей присуждена священнику Королькову. Хоръ императорской русской оперы подъ управленіемъ Козаченка исполнилъ: «Слава на небѣ» (переложеніе Козаченка), «Надъ неприступной крутизною» Гречанинова, «Не кукушечка» Чайковскаго и Козаченка: «Высоко стоитъ солнце на небѣ» и «Тихо ночь ложится», затѣмъ хоръ поселянтъ изъ оперы «Князь Игорь» Бородина и «Дивный теремъ стоитъ» Глинки. Послѣ концерта С. С. Татищевъ прочиталъ первую главу своей монографіи «Императоръ Александръ III, его жизнь и царствованіе». Первая глава содержитъ въ себѣ описаніе дѣтства и отрочества императора Александра III. Собраніе закончилось исполненіемъ народнаго гимна.

Общество любителей древней письменности. 13-го февраля состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ немъ С. П. Розановъ сдѣлалъ сообщеніе: «Къ исторіи русскихъ пчелъ»; путемъ сравненія новаго списка «Пчелы» съ извѣстными уже въ литературѣ видами этого рода произведеній г. референтъ пришелъ къ выводамъ, что эта «Пчела» новаго состава, отчасти составлена по новымъ, пока еще неизвѣстнымъ источникамъ, а въ другихъ своихъ извѣстныхъ источникахъ или соотносается съ подобными же произведеніями югославянской (сербской) литературы, или же возстановляетъ первоначальное чтеніе, соответствующее греческому тексту. Второе сообщеніе, касавшееся хроники Іоанна Малалы, было прочтено К. К. Истоминымъ. Г. Истоминъ извлекъ изъ текста Златооструя XII в. (по рукописи Императорской Публичной бібліотеки) отрывокъ хроники Малалы, заключающій въ себѣ царствованіе Нерона. При сравненіи съ греческимъ текстомъ, оказывается, что русскій отрывокъ является въ очень искаженномъ видѣ; на почвѣ исправленій этого текста могъ возникнуть, по мнѣнію референта, Еллинскій лѣтописецъ. Что касается выше указаннаго отрывка хроники, то его должно считать копіей съ какой-то другой рукописи, которую можно было бы отнести къ XII вѣку, т. е. ко времени появленія на Руси болгарской энциклопедіи, и въ такомъ случаѣ найденный текстъ являлся бы драгоценнымъ отрывкомъ этой энциклопедіи. Последнее сообщеніе Н. И. Сербрянскаго: «Одинъ изъ малознѣстныхъ памятниковъ исковской монастырской письменности»,

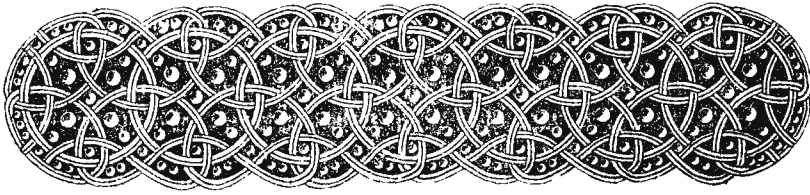
доложенное секретаремъ, имѣеть въ виду «Посланіе Корнилія инока Сябныхъ горы къ сыну его, попу Ивану, хотящу второму браку сочтатися». Посланіе это, представляя дополнительный источникъ для исторіи псковскаго чернаго и бѣлаго духовенства, можетъ въ то же время служить руководствомъ для провѣрки указаній болѣе ранняго источника, какъ «Житіе пр. Евфросина», въ виду болѣе правильной оцѣнки личности Іова, столпа псковскаго благочестія, охарактеризованнаго нѣскольکو черными красками въ указанномъ житіи.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи, состоявшемся 16 февраля въ залѣ Собранія арміи и флота, нашъ консулъ въ Хакодате, М. М. Геденштромъ, сдѣлавъ сообщеніе «О современномъ положеніи Японіи». Животрепещущая тема собрала массу публики, слушавшей съ глубокимъ интересомъ это сообщеніе. Сдѣлавъ краткій обзоръ Японіи съ различныхъ ея сторонъ, обрисовавъ характеръ и психологію японцевъ, давши свѣдѣнія о ростѣ торговыхъ сношеній Японіи съ ея ближайшими сосѣдями, Россією и Китаемъ (начиная съ японо-китайской войны, торговые сношенія съ послѣдней страной увеличились вшестеро), докладчикъ коснулся лихорадочнаго состоянія умовъ послѣ 1895 г. въ Японіи, опьяненной легкими побѣдами надъ дремавшимъ сосѣдомъ. Причины вражды Японіи къ намъ лежатъ въ неосновательномъ страхѣ передъ воображаемыми замыслами Россіи и въ національной гордости, причины, подерживаемыя заинтересованными въ томъ державами. Ослабленная Японія можетъ сдѣлаться легко добычею этихъ державъ—Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, которые въ такомъ случаѣ продиктуютъ ей свои условія, чего въ настоящее время имъ сдѣлать невозможно. Любопытны данныя, представленныя г. Геденштромомъ объ эмиграціи, которая совсѣмъ не велика, какъ можно было предполагать, и даже не можетъ быть названа эмиграціею, а скорѣе отхожими промыслами на чужбинѣ. Правда, что пребываніе въ Корей освобождало отъ воинской повинности отправлявшагося туда японца, но эта мѣра въ прежнее время практиковалась и по отношенію къ лицамъ, переселившимся съ юга на островъ Іезо. Во всякомъ случаѣ, японецъ не остается за границею болѣе трехъ лѣтъ, и число находящихся за границею японцевъ—въ Приморской области, Китаѣ, Корей, Соединенныхъ Штатахъ, не превышаетъ въ общей сложности 150.000 человекъ. Коснувшись японскаго солдата, докладчикъ, на основаніи своего близкаго знакомства съ японскимъ простолудинномъ вообще, не отрицая его храбрости, отнесся скептически къ его выносливости и неприхотливости. Японецъ по природѣ человекъ аккуратный, которому все должно быть дано во время, чтобы получить отъ него известную массу энергіи. Таковъ же, очевидно, долженъ быть и японскій солдатъ. Военной стороны докладчикъ не коснулся, не считая себя специалистомъ. Что же касается экономическаго положенія, то оно въ Японіи было плохо еще до начала войны, когда, наприимѣръ, за пять мѣсяцевъ до начала ея обанкрутилось не менѣе сотни торговыхъ домовъ, и еще болѣе плохимъ оно должно оказаться теперь, въ особенности въ случаѣ, если война затянется, на что г. Геденштромъ не рассчитываетъ. Онъ напротивъ думаетъ, что экономическая неурядица и всѣ послѣдствія ея должны непременно вызвать требованіе отъ японскаго правительства мира со стороны значительной части населенія Японіи, оставшейся

безъ заработковъ и безъ средствъ къ существованію. Во всякомъ случаѣ, Японія, какъ врагъ, при всемъ своемъ задорѣ и извѣстныхъ качествахъ, не можетъ представлять намъ серьезнаго противника. Докладъ продолжался около двухъ часовъ съ небольшимъ перерывомъ. Заключение его были привѣтствованы шумными аплодисментами собранія. 17-го февраля состоялся весьма интересный докладъ А. И. Звегинцова, одного изъ издателей карты Сѣверной Кореи, на тему «Орографія Сѣверной Кореи по собственнымъ наблюденіямъ и другимъ источникамъ». Весьма сожалѣемъ, что не можемъ воспроизвести съ надлежащею полнотою этого доклада. Резюме его появилось въ видѣ краткой замѣтки въ № «Новаго Времени» отъ 18-го февраля. Согласно замѣткѣ, докладчикъ пытался доказать, что Станового хребта, идущаго въ сѣверной Корей по меридіану, не существуетъ, и что климатическія границы сѣверно-корейской горной страны идутъ такъ, какъ показано на его картѣ. Онъ оправдывалъ также усвоенное имъ фонетическое написаніе названій. Противъ указанной имъ климатической границы вѣскія возраженія представилъ путешественникъ по Корей А. Г. Лубенцовъ, противъ мнѣнія о Становомъ хребтѣ Лубенцовъ и генералъ Штубендорфъ, а противъ фонетическаго написанія корейскихъ именъ издатель печатаемой нынѣ карты главнаго штаба генералъ Большевъ. Въ томъ же «Новомъ Времени», однако, вскорѣ появились два нижеслѣдующія письма въ редакцію: 1) «Въ «Новомъ Времени» 18 февраля была помѣщена замѣтка о докладѣ, сдѣланномъ въ географическомъ обществѣ А. И. Звегинцовымъ, однимъ изъ составителей недавно изданной карты Сѣверной Кореи. Авторъ замѣтки ставитъ издателямъ карты въ упрекъ: 1) фонетическую транскрипцію именъ и 2) неправильность гипотезы о направленіи хребта, составляющаго климатическую границу, при чемъ утверждаетъ, что упрекъ этотъ былъ сдѣланъ докладчику наиболѣе авторитетными лицами ученаго собранія. Утвержденіе это не соответствуетъ дѣйствительности. Генералъ Большевъ не возражалъ противъ фонетической транскрипціи именъ, но, подобно докладчику, находилъ, что каждый изъ двухъ способовъ транскрипціи (фонетическій и «грамматическій») имѣетъ свои преимущества, и что выборъ издателями способа фонетическаго оправдывается въ настоящемъ случаѣ практическими соображеніями. Нашъ офицеръ, читая въ Корей русскія надписи на изданной докладчикомъ картѣ, произнесетъ данное имя такъ, что будетъ понятъ жителемъ данной мѣстности; при другомъ способѣ транскрипціи, этого можетъ и не произойти, ибо въ различныхъ мѣстностяхъ Сѣверной Кореи говоръ весьма различенъ. Полковникъ Лубенцовъ оспаривалъ гипотезу, что климатическая грань совпадаетъ съ горной цѣпью, названной докладчикомъ «Хребтомъ климатической границы»; по мнѣнію оппонента, грань эта проходитъ по другому хребту (направляющемуся вдоль 127 меридіана). Нѣкоторое сомнѣніе въ правильности указанной гипотезы докладчика было выражено также генераломъ Штубендорфомъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ, которая изъ гипотезъ истинная, остался, конечно, открытымъ: его не можетъ рѣшить никакое личное мнѣніе, какъ бы авторитетно оно ни было. Не рѣшитъ его даже издаваемая нынѣ главнымъ штабомъ 10-ти верстная карта Кореи. Сомнѣніе разрѣшить только инструментальная съемка полуострова, которая впервые можетъ быть произ-

ведена лишь послѣ войны нашими топографами. Такимъ образомъ, возраженія названныхъ оппонентовъ вовсе не имѣли цѣлью умалить заслуги докладчика, который, какъ серьезный работникъ, самъ скромно указалъ на нѣкоторые недочеты, неизбежные въ столь сложной работѣ. Авторъ замѣтки, обратившій вниманіе лишь на эти недочеты, врядъ ли обосновалъ свое сужденіе на должномъ безпристрастіи. Г. Звегинцовъ и баронъ Корфъ не только дали намъ лучшую пока карту Сѣверной Кореи, но и дали ее своевременно. Уже изъ вниманія къ тому облегченію, которое карта доставитъ нашимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, надо отвестись къ труду издателей съ уваженіемъ и благодарностью. Такъ и поступило въ день доклада и ученое собраніе, благодарившее докладчика, и публика, наградившая его сочувственными рукоплесканіями. Кн. А. М. Волконскій». 2) «Путешествуя въ концѣ 1895 года по Сѣверной Корее, мы замѣтили, что, хотя она испещрена цѣлымъ лабиринтомъ хребтовъ и отроговъ, ни одинъ изъ нихъ не носилъ общаго для всѣхъ своихъ частей мѣстнаго названія. Жителямъ извѣстны только названія вершинъ, переваловъ, мысовъ. Что же касается особыхъ наименованій хребтовъ и отроговъ во всей ихъ цѣлости, то въ этомъ отношеніи географическая номенклатура Кореи совершенно отсутствовала. Поэтому, дабы дать ясное представленіе объ орографіи этой малоизвѣстной въ то время страны, въ виду полного отсутствія какихъ либо общихъ наименованій для корейскихъ хребтовъ и въ европейской литературѣ, мы позволили себѣ, въ своей книгѣ «Хамкенская и Пхенанская провинціи Кореи» (Хабаровскъ, 1897 г.), дать особыя названія корейскимъ хребтамъ, при чемъ стремились, чтобы названія имѣли не произвольный характеръ, а какое либо мѣстное значеніе. Предложенная нами номенклатура главнѣйшихъ хребтовъ Сѣверной Кореи была принята составителями «Описанія Кореи» (изд. мин. фин.), представляющаго собою капитальное сочиненіе, исчерпывающее весь матеріалъ, собранный многочисленными путешественниками и изслѣдователями Сѣверной Кореи, и объединяющее въ одномъ стройномъ цѣломъ все написанное объ этой странѣ. Эта номенклатура, предложенная нами по праву перваго изслѣдователя и описателя корейскихъ хребтовъ, получила, повидимому, полныя права гражданства въ географической литературѣ, такъ какъ, въ теченіе восьми лѣтъ, ея никто не опротестовалъ, и только недавно появились въ свѣтъ: «Военно-топографическій и статистическій очеркъ Сѣверной Кореи» А. Баюва и карта Сѣверной Кореи, составленная А. И. Звегинцовымъ и барономъ Н. А. Корфомъ, авторы которыхъ внесли нѣкоторую путаницу въ орографію Сѣверной Кореи. Въ названномъ сочиненіи А. Баюва, хотя и сохранена полностью предложенная нами номенклатура хребтовъ: Граничнаго (между провинціями Хамкюнг-до и Пхенг-ан-до: рѣзкая климатическая граница), Амнокскаго (отрогъ Главнаго хребта, служащій водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ Амнок-кангъ и Чхенг-чхен-кангъ), Тайдовскаго (отрогъ Главнаго хребта между рѣками Чхенг-чхен-кангъ и Тай-донг-кангъ), Кайсанскаго и плоскогорья Пяктусанскаго (между Граничнымъ и Главнымъ хребтами), но зато хребетъ Туменьскій считается не отрогомъ, а продолженіемъ Главнаго, или Становаго, корейскаго хребта, между тѣмъ какъ сѣверо-западная часть Главнаго (Становаго) хребта сочтена его отрогомъ и наименована глав-

нымъ водораздѣльнымъ хребтомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что отрогъ является также и главнымъ водораздѣльнымъ хребтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно превосходитъ по высотѣ Главный Становой хребетъ. Полагаемъ, что было бы гораздо цѣлесообразнѣе сохранить предложенное нами понятіе о Главномъ Становомъ хребтѣ, какъ берущемъ начало у Пэктусанскаго горнаго узла, тѣмъ болѣе, что именуемый нами Главный Становой хребетъ въ дѣйствительности является самъ по себѣ и главнымъ водораздѣльнымъ хребтомъ между всѣми рѣчными системами бассейновъ Японскаго и Желтаго китайскаго морей. Указанные выше авторы новѣйшей карты Сѣверной Кореи (въ масштабѣ 20 верстъ въ дюймѣ) не только совершенно игнорируютъ предложенную нами номенклатуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на своей картѣ открытый ими хребетъ климатической границы. Мы бы, конечно, ничего не имѣли противъ этого наименованія, если бы этотъ хребетъ не совпадалъ съ тѣми, направленіе которыхъ было уже указано въ нашей книгѣ, и если бы авторы, по крайней мѣрѣ, помѣстили въ скобкахъ наши названія. Оказывается, что этотъ климатическій хребетъ на протяженіи около 100 верстъ (въ своей восточной части) совпадаетъ съ Главнымъ Становымъ корейскимъ хребтомъ и только на протяженіи 40 верстъ представляетъ собою отрогъ Амнокскаго хребта, упирающійся въ рѣку Амнок-кангъ близъ гор. Пек-тонгъ. Такимъ образомъ, этотъ хребетъ является искусственно выкроеннымъ изъ частей другихъ хребтовъ. Независимо того, самое названіе «Хребетъ климатической границы», по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно. Если съ этимъ названіемъ и можно было бы согласиться относительно восточной его части (т.-е. гдѣ онъ совпадаетъ съ Главнымъ Становымъ хребтомъ), такъ какъ ограничиваетъ собою съ юга и юго-востока высокое Пэктусанское плоскогорье, отличающееся значительно болѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ вся остальная Корея, то этого сказать нельзя относительно западной его части (по-нашему, Амнокскій хребетъ), такъ какъ и къ сѣверу и къ югу отъ него разводитъ и рисъ, и хлопчатникъ, воздѣлываніе котораго съ промышленною цѣлью было нами замѣчено у гор. Канге, т.-е. на 60 верстъ къ сѣверу отъ этого хребта климатической границы, а это показываетъ, что нѣтъ особенной разницы въ климатѣ по обоимъ склонамъ хребта. Вообще нами замѣчено въ Сѣверной Корей, что большая разница въ климатѣ (разумѣется, мѣстъ, лежащихъ на одной высотѣ надъ уровнемъ океана) замѣчается между восточными и западными склонами Главнаго хребта, чѣмъ между сѣверомъ и югомъ. На западѣ зима суровѣе, а лѣто длиннѣе и жарче, а на востокѣ — наоборотъ. Поэтому, если ужъ давать какому либо хребту названіе хребта климатической границы, то его по полному праву можно было бы присвоить Главному Становому хребту, считая на сѣверѣ этой климатической границей Пэктусанское плоскогорье, заключающееся въ треугольникѣ между Главнымъ Становымъ и Граничнымъ хребтами. А. Лубенцевъ».

НЕКРОЛОГИ.

ВАННОВСКІЙ, П. С. 16-го февраля скончался членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Петръ Семеновичъ Ванновскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи; родился въ Кіевѣ 24-го ноября 1822 года. Образование получилъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ прапорщикомъ. Въ Крымскую кампанію П. С. состоялъ въ отрядѣ генераль-лейтенанта Павлова и въ награду за отличіе получилъ монаршее благоволеніе и орденъ св. Владимира 4-й степени съ мечами. Въ 1855 году, въ чинѣ полковника, командовалъ 3-мъ и потомъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, а въ 1857 году—стрѣлковою офицерскою школой. Занимая эту должность и въ 1869 году, онъ много поработалъ, какъ совѣщательный членъ временно-организованной комиссіи артиллерійскаго комитета, по закрытіи которой былъ произведенъ въ 1861 году въ генераль-майоры и назначенъ директоромъ павловскаго кадетскаго корпуса; въ слѣдующемъ году состоялъ членомъ особаго комитета по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ членомъ специальной комиссіи по административной и хозяйственной части. Годы 1863—1868 П. С. былъ начальникомъ 1-го военнаго павловскаго училища. Въ 1868 году былъ переведенъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній для особыхъ порученій и получилъ чинъ генераль-лейтенанта съ назначеніемъ начальникомъ 12-ой пѣхотной дивизіи. Въ 1870—1875 годахъ командовалъ войсками кіевскаго военнаго округа и начальствовалъ надъ 33-й пѣхотною дивизіей. Въ 1876 году назначенъ командиромъ 12-го армейскаго корпуса, который поступилъ въ составъ дѣйствующей арміи. Затѣмъ исполнялъ должность начальника штаба Рущукскаго отряда (27-го июня 1877 года—24-го февраля 1878 года); командующаго войсками Восточнаго отряда (24-го февраля 1879 года—1-го ав-

густа 1879 года); снова командовалъ 12-мъ армейскимъ корпусомъ (1-го августа 1879 года—22-го мая 1881 года); назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ (22-го мая 1881 года—1-го января 1882 года). Военнымъ министромъ назначенъ 1-го января 1882 года. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1849, 1853—1854 и 1877—1878 годовъ. Назначенъ генераль-адъютантомъ къ его величеству еще въ 1878 году. Произведенъ въ генералы отъ инфантеріи въ 1883 году. Имѣлъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Послѣ смерти министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, Государь Императоръ призвалъ на этотъ «ставшій особенно важнымъ постъ» П. С. Ванновскаго. Это было 21-го марта 1901 года. На этомъ посту покойный пробылъ до 13-го апрѣля 1902 года. Тогда государь императоръ, снизойдя къ усиленной просьбѣ своего сиодвижника, освободилъ генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія. П. С. Ванновскій числился по генеральному штабу. Онъ состоялъ почетнымъ президентомъ императорской военно-медицинской академіи, почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и академіи: Николаевской генеральнаго штаба, Михайловской артиллерійской и Николаевской инженерной; числился: лейбъ-гвардіи въ финляндскомъ полку, въ 1-мъ военно-павловскомъ училищѣ, въ войсковомъ сословіи войска донскаго, почетнымъ старикомъ въ станицѣ Суворовской Кубанскаго казачьяго войска, почетнымъ казакомъ въ станицахъ Александровской и Саратовской Астраханскаго казачьяго войска и казакомъ Уральскаго казачьяго войска. При немъ были образованы мортирные военные полки, сформированы новые кадры кавалерійскаго запаса, учреждены въ частяхъ охотничьи команды, увеличено число офицеровъ въ арміи, гусарскіе и уланскіе полки преобразованы въ драгунскіе; образованы учебный воздухоплавательный паркъ, учебная электротехническая школа, военно-голубинныя почтовые станціи, обозные батальоны; срокъ обязательной службы сокращенъ на годъ и увеличенъ срокъ службы для лицъ, пользующихся правами по образованію; введена общая воинская повинность на Кавказѣ и въ Семирѣченской области; учреждены ежегодные учебные сборы запасныхъ и ополченцевъ; въ кавалеріи и конной артиллеріи офицерамъ даны казенныя лошади; упразднены чины прапорщика и майора; для нѣкоторыхъ чиновъ установлены опредѣленные сроки производства, дающіе движеніе капитанамъ арміи; учрежденъ особый офицерскій курсъ восточныхъ языковъ; увеличены и облегчены лагерные сборы; увеличена мобилизаціонная готовность нашей арміи, построены Полѣвскія и Закаспійская желѣзныя дороги, важныя въ стратегическомъ отношеніи; значительно улучшена охрана западной границы нашей, при чемъ расширена сѣтъ военно-стратегическихъ шоссе (Кобрынъ-Малорыто-Влодава; Ораны-Олита и пр.), что важно для края и въ экономическомъ смыслѣ; вообще обращено усиленное вниманіе на фортификаціонную оборону нашихъ границъ; улучшены старыя и построены новыя крѣпости (Гродно и пр.); госпитали замѣнены лазаретами; улучшилось санитарное состояніе войскъ; переработаны и изданы новые уставы военно-судный и дисциплинарный; издано новое положеніе объ управленіи крѣпостями; перевооружена армія; введены въ полевую армію мортиры, электрическое освѣщеніе мѣстностей въ крѣпостяхъ и мн. др. Вся 63-хъ-лѣтняя служба генерала Ванновскаго одухотворена была горячей преданностью Царю и Отечеству, серьез-

нымъ взглядомъ на всякое порученное ему дѣло, тщательнымъ ознакомленіемъ съ нимъ, затѣмъ настойчивымъ опредѣленнымъ требованіемъ его исполненія. Онъ еще со школьныхъ лѣтъ всегда былъ трудолюбивъ и настойчивъ. Въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ; офицеромъ продолжалъ работать надъ своимъ образованіемъ, выучился говорить на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; обладая недюжинными способностями и хорошей памятью, онъ легко усваивалъ, запоминалъ и всесторонне изучалъ предметъ; мы знаемъ, что когда ему послѣ Крымской войны поручена была стрѣлковая школа, онъ прежде, чѣмъ принять ее, обстоятельно изучилъ нарѣзное оружіе по имѣвшимся русскимъ и иностраннымъ источникамъ, а затѣмъ, сдѣлавшись командиромъ школы и имѣя до 100 офицеровъ въ своемъ подчиненіи, ежедневно бывалъ на лекціяхъ, на занятіяхъ въ мастерскихъ, и результатомъ было то, что всѣ офицеры усердно занимались новымъ тогда дѣломъ, получили основательныя свѣдѣнія и выпускались въ войска дѣльными инструкторами, самъ же П. С. продолжалъ работать въ печати и въ журналахъ «Военномъ Сборникѣ» и «Оружейномъ Сборникѣ», въ которыхъ помѣстилъ нѣсколько обстоятельныхъ статей по стрѣлковому и оружейному дѣлу. Будучи назначенъ въ 1861 году директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, преобразованнаго въ Павловское военное училище, онъ настолько уже былъ ознакомленъ съ учебными курсами всѣхъ предметовъ, что, бывая на репетиціяхъ и на экзаменахъ, онъ удивлялъ не только учащуюся молодежь, но и преподавателей своимъ научнымъ знаніемъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности къ покойному Россіи сохранить память о его кратковременномъ, но необыкновенно важномъ по своимъ послѣдствіямъ пребываніи на посту министра народнаго просвѣщенія. Въ исторіи русскаго просвѣщенія съ именемъ П. С. Ванновскаго связанъ рѣшительный поворотъ отъ ложноклассической системы, основанной на формализмѣ въ учебно-воспитательныхъ дѣлахъ, къ системѣ гуманитарной, основанной на требованіи прежде всего «сердечнаго отношенія» къ учащимся. Еще до назначенія на постъ министра народнаго просвѣщенія П. С. Ванновскому выпала чрезвычайно трудная и отвѣтственная задача разобратъ въ дѣлѣ студенческихъ безпорядковъ, возникшихъ въ февралѣ 1899 года, и эту задачу онъ выполнилъ не только гуманно, но и съ дальновидностью государственнаго человѣка. Призванный вскорѣ послѣ того стать во главѣ вѣдомства просвѣщенія П. С. Ванновскій, несмотря на свои преклонные годы, проявилъ необыкновенную энергію и кипучую дѣятельность. Въ теченіе одного года, когда онъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, конечно, было немислимо сполна ликвидировать старую школьную систему и создать на ея развалинахъ новую, но онъ все-таки достигъ того, что возвратъ къ старой системѣ сталъ невозможенъ. Выработка и проведеніе въ жизнь новой системы принадлежитъ будущему, но великой заслугой П. С. Ванновскаго останется то, что онъ имѣлъ не только энергію, но и мужество расчистить и приготовить почву для новой системы на началахъ истиннаго гуманизма. П. С. Ванновскій былъ доступенъ и чрезвычайно участливъ, много оказывалъ помощи нуждающимся и всегда такъ, что даже близкіе и семейные люди не знали объ этомъ; къ родственникамъ своимъ онъ питалъ самыя теплыя чувства, заботился о нихъ и всякое ихъ горе принималъ близко къ сердцу. (Некрологи

его: «Новое Время», 1904 г., № 10041; «Петербургскія Вѣдомости», 1904 г., № 47; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 42; «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 48; «Варшавскій Дневникъ», 1904 г., № 49; «Казанскій Телеграфъ», 1904 г., № 3328; «Южное Обзорѣніе», 1904 г., № 2413).

† **Васильевъ, П. С.** 26-го февраля въ Петербургѣ скончался старѣйшій художникъ мозаики академикъ Павелъ Семеновичъ Васильевъ. Покойный являлся ревностнымъ насадителемъ русскаго мозаичнаго производства, и его имя должно быть хорошо знакомымъ для всѣхъ любителей этой отрасли изобразительныхъ искусствъ. Почившій академикъ родился въ 1834 году. Свое образованіе онъ получилъ въ школѣ Императорскаго стекляннаго завода, гдѣ уже семнадцатилѣтнимъ юношей удостоился званія некласснаго художника по живописи на стеклѣ. Съ 1862 года П. С. Васильевъ началъ заниматься мозаичнымъ искусствомъ, которому и посвятилъ потомъ всѣ свои силы и способности. Свыше тридцати пяти лѣтъ трудился покойный надъ украшеніемъ Петербургскаго Исаакіевскаго собора. Грандіозные образа Исаакіевскаго собора въ большинствѣ труды академика П. С. Васильева. Мозаическія картины покойнаго были премированы на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ и Чикаго. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10051; «Прибалтійскій Край», 1904 г., № 49).

† **Воскресенскій, Н. В.** Въ г. Подольскѣ, Московской губ., на этихъ дняхъ скончался Николай Васильевичъ Воскресенскій, нѣкоторое время имѣвшій касаніе къ воронежской жизни. Покойный не получилъ даже средняго образованія и началъ свою служебную карьеру съ писцовъ. Благодаря аккуратности, покладистому характеру и упорному трудолюбію, онъ постепенно сталъ подвигаться впередъ и вышелъ въ отставку въ девяностыхъ годахъ, занимая въ послѣднее время мѣсто совѣтника губернскаго правленія. Съ переводомъ покойнаго изъ Нижнедѣвnicka въ Воронежъ, онъ началъ отдавать свои досуги мѣстной лѣтописной, если можно такъ выразиться, исторіи и, благодаря настойчивости, оставилъ въ этой области нѣкоторый слѣдъ. По данной программѣ, онъ составлялъ очерки исторіи нѣкоторыхъ воронежскихъ благотворительныхъ учрежденій; по даннымъ старымъ рукописямъ дѣлалъ выборки, которыя входили въ компилятивныя статьи другихъ авторовъ; участвовалъ въ составленіи одного года «Воронежскаго Календаря» въ семидесятыхъ годахъ; издалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Г. М. Веселовскимъ книжку «Города Воронежской губерніи». Но главный его трудъ — «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», представляющій громадный томъ въ нѣсколько сотъ страницъ. Вышелъ въ свѣтъ всего одинъ томъ этого труда, но и этого достаточно, чтобы судить о трудолюбіи и терпѣніи автора. Трудъ этотъ — послѣдняя работа покойнаго — цѣненъ тѣмъ, что этотъ сырой матеріалъ спасенъ отъ забвенія и можетъ служить съ пользой для другихъ историковъ. (Некрологъ его: «Донъ», 1904 г., № 22).

† **Головинъ, Х. С.** 8-го марта скончался отъ паралича сердца попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Харлампій Сергѣевичъ Головинъ. Смерть постигла его неожиданно въ квартирѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, С. М. Лукьянова, котораго онъ посѣтилъ по служебнымъ дѣламъ. Во главѣ петербургскаго учебнаго округа покойный находился съ 29-го октября

1902 г. и въ это короткое время заявилъ себя гуманнымъ педагогомъ-администраторомъ. Онъ отвелъ видное мѣсто въ школьной жизни требованіямъ теплаго сердечнаго отношенія къ учащимся, заботился о томъ, чтобы педагогическій персоналъ обрацалъ вниманіе на индивидуальныя способности учениковъ и ихъ физическое развитіе. Х. С. родился 1-го февраля 1844 года и образованіе получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. Службу началъ подпоручикомъ 5 сапернаго батальона. Затѣмъ поступилъ въ Николаевскую инженерную академію, курсъ которой окончилъ однимъ изъ лучшихъ. Имя его было занесено на мраморную доску. По окончаніи академіи отправился на строительныя работы Московско-Ярославской желѣзной дороги, но вскорѣ венулся въ Инженерную академію на должность репетитора механики; пользуясь пребываніемъ въ Петербургѣ, посѣщалъ лекціи физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета въ качествѣ вольнослушателя. Потомъ отправился за границу, занимался на бельгійскихъ заводахъ и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. участвовалъ въ переправѣ черезъ Дунай и въ нѣсколькихъ бояхъ съ неприятелемъ. За боевыя отличія получилъ ордена св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и св. Станислава 2 ст. съ мечами. Въ 1878 году былъ назначенъ преподавателемъ механики въ Николаевской инженерной академіи и черезъ годъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Во время заграничныхъ командировокъ осматривалъ германскіе металлургическіе заводы и выдающіяся сооруженія во Франціи и Германіи. Въ 1883 году назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Николаевской инженерной академіи и профессоромъ петербургскаго технологическаго института. Черезъ пять лѣтъ перенесъ свою дѣятельность въ Харьковскій технологическій институтъ, въ которомъ читалъ строительное искусство и былъ помощникомъ директора. Въ 1891 году назначенъ директоромъ С.-Петербургскаго технологическаго института и находился во главѣ этого высшаго учебнаго заведенія въ теченіе одиннадцати лѣтъ. При немъ институтъ обогатился новыми мастерскими и лабораторіями и значительно расширился. Количество студентовъ увеличилось. Помимо руководительства учебной жизнью института Х. С. читалъ строительную механику. Изданный имъ «Курсъ строительной механики» явился цѣннымъ вкладомъ въ спеціальную литературу по этому предмету. Кромѣ того, онъ написалъ множество статей по спеціальнымъ вопросамъ, напечатанныхъ преимущественно въ «Инженерномъ» и «Артиллерійскомъ» журналахъ, и въ «Извѣстіяхъ Спб. технологическаго института» Съ 1892 года состоялъ членомъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія. Какъ человекъ, Х. С. пользовался общимъ уваженіемъ профессоровъ, студентовъ и всѣхъ, кому пришлось съ нимъ имѣть дѣло. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости» 1904 года, № 70; «Новое Время», 1904 года, № 10063; «Нарвскій Листокъ», 1904 года, № 21; «Одесскій Листокъ», 1904 года, № 66).

† **Дмитріевъ, В. Н.** 22-го февраля, въ Ялтѣ скоропостижно скончался весьма видный мѣстный общественный дѣятель и ученый, д-ръ медицины, корреспондентъ Николаевской главной физической обсерваторіи, Владимиръ Николаевичъ Дмитріевъ. Большую часть своей жизни, а именно, 35 лѣтъ, онъ трудился на пользу южнаго берега Крыма. Прослуживъ 2 года морскимъ вра-

чемъ на одномъ изъ военныхъ судовъ, В. Н. по разстроенному здоровью оставилъ службу во флотѣ и въ 1867 г. занялъ мѣсто земскаго врача въ Ялтѣ. Испытавъ на себѣ цѣлебное дѣйствіе климата Ялты, В. Н. принялся за изученіе южнаго берега Крыма въ климатическомъ и климатолѣчебномъ отношеніяхъ, и можно утверждать, что никто въ этомъ направленіи не поработалъ столько, сколько онъ. Когда В. Н. приступалъ къ изученію этого благодатнаго уголка нашего отечества, имѣлось весьма мало надежныхъ наблюденій, пригодныхъ для намѣченной имъ цѣли, но это не остановило В. Н.: съ 1869 года онъ началъ вести метеорологическія наблюденія, которыя продолжались имъ лично до 1897 года, когда въ Ялтѣ была открыта городская метеорологическая станція. Точно также В. Н. принялся за собраніе и другихъ нужныхъ ему матеріаловъ. По мысли д-ра Дмитриева въ Ялтинскомъ уѣздѣ были организованы метеорологическія наблюденія въ нѣсколькихъ пунктахъ; В. Н. были превосходно разработаны собранныя данныя, а составленный В. Н. обстоятельный очеркъ климатическихъ и санитарныхъ условій южнаго берега Крыма представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Кромѣ этого очерка, докторомъ Дмитриевымъ напечатанъ еще рядъ статей, посвященныхъ разнымъ специальнымъ вопросамъ климатолѣченія. Наблюденія и изслѣдованія покойнаго были прерваны лишь на время турецкой кампаніи, когда онъ, въ качествѣ старшаго бригаднаго врача, работалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Состоя много лѣтъ городскимъ гласнымъ въ Ялтѣ, докторъ Дмитриевъ много содѣйствовалъ улучшенію санитарныхъ условій этой важной климатической станціи. Его трудамъ и общественной дѣятельности курорты южнаго берега немало обязаны своимъ развитіемъ и приобрѣтенной ими извѣстностью. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10050; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 48).

† Зарубинъ, И. К. 11-го марта, въ Харьковѣ скончался извѣстный ученый и общественный дѣятель, заслуженный профессоръ императорскаго Харьковскаго университета Иванъ Кондратьевичъ Зарубинъ. Покойный происходилъ изъ семьи свободныхъ хлѣбопашцевъ Курской губерніи. Получивъ среднее образованіе въ курской гимназіи, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, который окончилъ въ 1858 году съ званіемъ лѣкаря съ отличіемъ, и опредѣленъ былъ на службу помощникомъ ординатора хирургическаго отдѣленія клиники Харьковскаго университета. Въ 1859 году удостоенъ званія уѣзднаго врача. Въ этомъ году по экзамену медицинскимъ факультетомъ удостоенъ званія оператора, какъ члена врачебной управы. Въ 1860 году былъ избранъ учредителями женской воскресной школы руководителемъ этой школы и въ томъ же году былъ утвержденъ ординаторомъ хирургическаго отдѣленія университетской клиники. Въ 1861 году по защитѣ диссертациі на тему «объ органическомъ возстановленіи нижней губы» получилъ званіе доктора медицины и опредѣленъ на одинъ годъ преподавателемъ при медицинскомъ факультетѣ. Въ 1862 году утвержденъ адъюнктомъ при кафедрѣ хирургіи Харьковскаго университета и высочайшимъ приказомъ былъ командированъ за границу на 2 года съ ученой цѣлью. По возвращеніи изъ командировки, И. К. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ теоретической хирургіи. Въ 1867 году былъ избранъ кандидатомъ на должность

судьи университетскаго суда и въ томъ же году утвержденъ секретаремъ медицинскаго факультета. Съ 1870 г. занималъ мѣсто декана медицинскаго факультета и въ 1873 г. избранъ председателемъ медицинскои секціи общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ состоялъ по 1893 годъ, будучи избираемъ на эту должность ежегодно. Въ 1879 году отъ главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ получилъ высочайше установленный знакъ Краснаго Креста за безвозмездное участіе въ дѣлѣ помощи раненымъ во время военныхъ дѣйствій въ 1877—1878 годахъ. Въ 1877 году утвержденъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ 1878 году утвержденъ былъ заступающимъ мѣсто ректора при Харьковскомъ университетѣ и оставилъ эту должность въ 1881 году по собственному желанію. Въ 1882 году перемѣщенъ былъ съ кафедры теоретической хирургіи на кафедру госпитальной хирургіи и назначенъ директоромъ хирургической клиники. Въ 1886 году харьковское и шигровское медицинскія общества за плодотворную дѣятельность на пользу общества И. К. единогласно избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Съ 1889 года за выслугу 30 лѣтъ ему назначена была полная пенсія. Въ 1898 году И. К. опредѣленъ былъ главнымъ врачомъ харьковской общины сестеръ милосердія русскаго общества Краснаго Креста и товарищемъ председателя той же общины, въ какихъ должностяхъ оставался до самой смерти. Кромѣ перечисленныхъ должностей, покойный въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ гласнымъ городской думы и въ послѣдніе выборы былъ избранъ городскимъ головою, но отъ этой должности онъ отказался. Перу покойнаго профессора принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ работъ. Изъ нихъ нельзя не отмѣтить слѣдующихъ, какъ наиболѣе интересныхъ: «О подкожномъ впрыскиваніи судумы при лѣченіи сифилиса» (Пр. Хар. Вр., 1870 г., № 8), «Киселоводскъ, какъ лѣчебный пріютъ для страдающихъ грудными болѣзнями» (тамъ же, 1872 г., прилож.), «Случай отравленія горько-миндальнымъ масломъ» (тамъ же, 1875 г., прилож. III) и проч. Много трудовъ почившаго было также помѣщено на страницахъ «Военно-Медицинскаго Журнала» и «Газеты Боткина». И. К. былъ въ высшей степени добрымъ и отзывчивымъ человекомъ. Въ послѣдніе дни, несмотря на недомоганіе, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ формированіи 1-го врачебно-санитарнаго отряда для отправки на театръ военныхъ дѣйствій и ни на минуту не оставлялъ своихъ занятій. Смерть И. А., какъ громомъ, поразила всѣхъ знавшихъ его и вызвала глубокое чувство сожалѣнія о невознаградимой уtratѣ виднаго ученаго и хорошаго человека. (Некрологи его: «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 67; «Харьковскій Листокъ», 1904 г., № 1365; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 74).

† Латкинъ, Н. В. 17-го февраля скончался извѣстный географъ и знатокъ Сибири и сѣвера Россіи Николай Васильевичъ Латкинъ. Покойный родился въ 1832 году. Онъ долго жилъ въ Сибири, гдѣ занимался золотопромышленностью, и имѣлъ возможность изучить Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ. Перу Н. В. принадлежитъ много изслѣдованій и статей по географіи и статистикѣ въ разныхъ повременихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, изданіяхъ. Онъ писалъ въ «Голосѣ», «Спб. Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Финансовомъ Обзорѣніи», въ «Трудахъ географическаго общества», «Общества

содѣйствія русской промышленности и торговли», «Горномъ журналѣ» и др. Особенно много статей напечатано имъ въ вѣмецкомъ географическомъ журналѣ «Mittheilungen» Петермана. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій «Красноярскій округъ Енисейской губернии» было удостоено золотой медали отъ Императорскаго русскаго географическаго общества. Изъ другихъ сочиненій можно назвать «Очеркъ Енисейской губ.», «Aperçu général de l'arrondissement de Krasnojarsk», «На сибирскихъ золотыхъ промыслахъ». За свою ученую дѣятельность Н. В. былъ избранъ почетнымъ членомъ многихъ иностранныхъ географическихъ обществъ (парижскаго, берлинскаго, вѣнскаго). Долгое время Н. В. состоялъ гласнымъ сиб. думы и сиб. губернскаго земства, гдѣ проявлялъ большую активную дѣятельность. Такъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ санитарнымъ попечителемъ Литейной части, при чемъ напечаталъ статистическо-санитарный отчетъ по этой части (первый въ такомъ родѣ), былъ членомъ училищной комиссiи, завѣдывалъ переписью Литейной части въ 1881 г. и т. д. До послѣднихъ дней жизни Н. В. сохранилъ полную свѣжесть ума и огромную работоспособность. Онъ умеръ внезапно отъ паралича сердца. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10044; «Приазовскій Край», 1904 г., № 49; «Южный Край», 1904 г., № 8009).

† Макъ-Гаханъ, В. Н. 15-го февраля въ Нью-Йоркѣ скончалась Варвара Николаевна Макъ-Гаханъ, извѣстная корреспондентка русскихъ и американскихъ газетъ. Покойная писательница была чисто-русскою женщиной, какъ по своему происхожденiю, такъ и по своимъ взглядамъ и убѣжденiямъ. Она появилась на свѣтъ въ 1850 году и носила до замужества фамилiю Елагной. Первоначальное образованiе она получила дома, а потомъ зачислилась воспитанницей Тульской женской гимназiи. Въ 1872 году В. Н. познакомилась съ знаменитымъ американскимъ газетнымъ корреспондентомъ Макъ-Гаханомъ, который прiѣхалъ, чтобы присоединиться къ организовавшейся тогда Хивинской экспедици. Знакомство, спустя короткое время, закончилось бракосочетанiемъ. Послѣ безвременной кончины своего супруга В. Н. рѣшилась сама взяться за перо. Съ 1878 года на страницахъ различныхъ періодическихъ изданiй стали появляться ея многочисленныя статьи и замѣтки, обращающiя общее вниманiе живостью изложенiя и отмѣченныя искрой несомнѣннаго литературнаго дарованiя. Въ то же время она продолжала работу своего супруга и въ иностранныхъ газетахъ, дѣятельно корреспондируя въ New-York Herald и Sydney Herald. Тридцати лѣтъ отъ роду В. Н. Макъ-Гаханъ отправилась въ Америку съ цѣлью дать русскимъ читателямъ обстоятельные отчеты о загорѣвшейся тогда президентской кампанiи. Но условiя тамошней жизни пришлись по вкусу этой энергичной жѣнщинѣ, и она рѣшилась поселиться тамъ навсегда. Неустанно корреспондируя во всевозможныя русскiя изданiя, В. Н. Макъ-Гаханъ за послѣднiе годы стала особенно работать на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени» и «Русскаго Обзорнiя». Въ послѣднемъ журналѣ была, между прочимъ, помѣщена ея чрезвычайно интересная статья «Поступательное движенiе православiя въ Соединенныхъ Штатахъ» (см. «Русское Обзорнiе», 1895 г., кн. 8 и 9). Десять лѣтъ тому назадъ, во время скорбныхъ октябрьскихъ дней 1894 года, В. Н. Макъ-Гаханъ прiѣзжала на свою далекую родину въ качествѣ корреспондента восьми американскихъ газетъ.

Въ истекшемъ 1903 году она снова посѣтила родную Россію и провела въ ней нѣсколько мѣсяцевъ; еще свѣжая и бодрая, она не знала, что видитъ ее въ послѣдній разъ. Въ августѣ она вернулась въ Америку, принялась снова за работу, но силы ей измѣнили... Имя покойной энергичной и талантливой писательницы, какимъ-то чудомъ сумѣвшей совмѣстить натуру истой американки съ чисто русскою душой, несомнѣнно надолго сохранится въ памяти ея соотечественниковъ. (Некрологи ея: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 53; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 190; «Южный Край», 1904 г., № 8009).

† **Маликовъ, А. К.** 8-го марта, умеръ въ Вильнѣ 63 лѣтъ отъ роду Александръ Капитоновичъ Маликовъ, авторъ книги: «На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго». Покойный былъ типичнымъ человекомъ 60-хъ годовъ. Послѣднее время покойный служилъ при постройкѣ полоцко-сѣдлецкой линіи въ качествѣ агента по отчужденію имуществъ и пользовался не только любовью своихъ сослуживцевъ, но и большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго крестьянскаго населенія, съ которымъ ему много приходилось сталкиваться по дѣламъ службы,—за свое всегда внимательное и безпристрастное отношеніе къ его матеріальнымъ интересамъ. Умеръ А. К. Маликовъ отъ сыпного тифа, заразившись двѣ недѣли тому назадъ при служебныхъ разъѣздахъ по деревнямъ Опшмянскаго уѣзда. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ интересныхъ и характерныхъ участниковъ и свидѣтелей провинціального оживленія и подъема духа, охватившихъ русское общество въ 60-хъ годахъ. (Некрологъ его: «Новости дня», 1904 г., № 7460).

† **Миткевичъ, Ф. И.** 20-го января скончался настоятель Минскаго Екатерининскаго собора протоіерей Фѣдоръ Ивановичъ Миткевичъ. Отецъ протоіерей родился въ 1829 году, получилъ образованіе въ минской духовной семинаріи, которую и окончилъ въ 1853 году со степенью студента. Свою духовно-просвѣтительную дѣятельность почившій началъ въ минскомъ духовномъ училищѣ—сначала учителемъ второго класса, затѣмъ—преподавателемъ русскаго языка, церковнаго устава и нотнаго пѣнія. 23-го октября 1855 года покойный былъ рукоположенъ въ священники столпецкой Аннинской церкви Минскаго уѣзда и былъ наставникомъ приходскаго училища. Въ 1868 году покойный былъ назначенъ редакторомъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ послѣдующіе годы отецъ настоятель былъ законоучителемъ женскаго образцоваго пансіона преподавалъ Законъ Божій въ минской женской гимназіи. 18 лѣтъ онъ безвозмездно преподавалъ Законъ Божій въ начальной школѣ для бѣдныхъ дѣвицъ. Немало и другихъ учительскихъ должностей занималъ отецъ протоіерей. Несмотря, однако, на то, что служба на разныхъ должностяхъ отнимала у отца протоіерей много времени, онъ успѣлъ все-таки выполнить капитальный трудъ, посвященный дѣлу образованія юношества. Имъ составленъ рядъ прекрасныхъ учебниковъ по священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ въ простыхъ разсказахъ для дѣтей младшаго возраста. Книга эта нашла себѣ примѣненіе въ приходскихъ училищахъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. И нельзя не признать, что изданныя имъ священныя исторіи Ветхаго и Новаго завѣта являются безусловно лучшими изъ всѣхъ другихъ изданій этого рода. Онѣ разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, выдержавъ свыше 20 изданій. Кромѣ того, отцемъ Миткевичемъ написаны: «Исторія христіанской право-

славной церкви въ разсказахъ», «Общедоступное объясненіе богослуженія православной церкви», «Сборникъ духовныхъ стихотвореній», «Объясненіе праздниковъ и постовъ православной церкви» и многіе другіе труды. (Некрологъ его: «Сѣверо-Западный Край», 1904 г., № 387).

† **Петрушевскій, Ф. Ф.** 17-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ физики Ѳеодоръ Ѳомичъ Петрушевскій. Дѣятельность покойнаго была весьма разносторонняя. Происходя изъ стараго дворянскаго рода, покойный былъ однимъ изъ членовъ семьи, давшей видныхъ дѣятелей: братъ его, Василій Ѳомичъ, былъ авторомъ многихъ усовершенствованій въ артиллеріи и военной электротехникѣ, а Александръ Ѳомичъ, будучи военнымъ, занимался исторіей, какъ военной, такъ и общей; третій братъ, Михаилъ Ѳомичъ, какъ начальникъ штаба бывшаго харьковскаго военнаго округа, принималъ видное участіе въ послѣдней турецкой войнѣ. Ѳеодоръ Ѳомичъ родился въ 1828 году, образованіе получилъ въ 3-й петербургской гимназій, потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ въ 1851 году получилъ степень кандидата физико-математическихъ наукъ. Въ томъ же году онъ былъ командированъ университетомъ, въ качествѣ ассистента профессора астрономіи А. Н. Савича, въ Херсонскую губернію для наблюденія полнаго солнечнаго затменія. Сначала преподавалъ математику и физику въ семинаріяхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, въ 1862 году получилъ степень магистра физики и началъ чтеніе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1865 году ввелъ практическія занятія по физикѣ со студентами и въ томъ же году получилъ степень доктора физики. Съ 1872 года состоялъ предсѣдателемъ сначала физическаго общества, а потомъ физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества. Кромѣ университета, Ѳеодоръ Ѳомичъ преподавалъ физику въ институтахъ: технологическомъ и путей сообщенія, въ миномъ офицерскомъ классѣ въ Кронштадтѣ, гдѣ устроилъ спеціальныи физическій кабинетъ. Первая ученая работа Ѳедора Ѳомича напечатана въ «Бюллетенѣ Петербургской академіи наукъ» въ 1853 году; вотъ почему въ прошломъ году былъ юбилей 50-лѣтней научной дѣятельности покойнаго, отъ официального празднованія котораго Ѳеодоръ Ѳомичъ уклонился, будучи убѣжденнымъ противникомъ подобныхъ чествованій. Степень магистра физики получена Ѳеодоромъ Ѳомичемъ по защитѣ диссертациі: «Способы опредѣленія мѣста полюсовъ магнитовъ и электромагнитовъ», степень доктора за диссертацию: «О нормальномъ намагничиваніи». Другія работы по физикѣ — «Новый способъ опредѣленія теплопроводности» (1874 г.), «Формы сыпучихъ тѣлъ» (1884 г.). Петрушевскій устроилъ школьный фотометръ для гигиеническихъ цѣлей. Неоднократно покойный выступалъ на публичныхъ чтеніяхъ, часть которыхъ напечатана въ сборникѣ его — «Свѣтъ и цвѣта». Кромѣ многихъ небольшихъ статей по физикѣ, напечаталъ: «Курсъ наблюдательной физики», 2 изд. (1874 г.), «Начальный курсъ физики» (1876 г.), «Экспериментальный и практическій курсъ электричества» (1876 г.), «Современное состояніе маячнаго освѣщенія» (1876 г.). Страстно любя живопись, покойный всѣ досуги отдавалъ ей. Результатомъ научнаго отношенія къ ней была книга: «Краски и живопись», 2 изд. (1891—1902 г.) и рядъ статей по исторіи и техникѣ живописи. Съ 1891 г. редактировалъ «Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона», какъ глав-

ный редакторъ по отдѣламъ точныхъ и естественныхъ наукъ. При массѣ научныхъ работъ, покойный, несмотря на свой преклонный возрастъ, чутко относился ко всѣмъ событіямъ текущей жизни. Любовь къ искусству живописи побуждала покойнаго въ теченіе лѣтнихъ каникулъ послѣднихъ лѣтъ объѣздить почти всѣ выдающіяся картинныя галереи Европы для собиранія матеріаловъ для задуманной обширной работы: «Выраженіе природы въ литературѣ и живописи». Первые проявленія тяжелой болѣзни (ракъ забрюшинныхъ железъ) обнаружались весной прошлаго года. Несмотря на тяжелую болѣзнь, Федоръ Фомичъ продолжалъ работать, даже будучи въ постели, почти до самыхъ послѣднихъ дней жизни. Событія послѣдняго времени сильно волновали его, какъ истиннаго патриота. (Некрологи его: «Южный Край», 1904 г., № 8007; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 52; «Приазовскій Край», 1904 г., № 49; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 46; «Сѣверо-Западный Край», 1904 г., № 387; «Витебскія Вѣдомости», 1904 г., № 47).

Ратимовъ, В. А. Въ Евпаторіи скончался бывшій профессоръ военно-медицинской академіи по кафедрѣ госпитальной хирургической клиники Василій Александровичъ Ратимовъ. Уже года два назадъ тяжелая болѣзнь заставила его покинуть академію и уѣхать на югъ. Покойный принадлежалъ къ извѣстнымъ хирургамъ, пользовался большою популярностью и имѣлъ обширную практику. Русское хирургическое общество имени Пирогова, цѣня его заслуги въ области хирургіи, избрало его въ 1891 году своимъ предсѣдателемъ, и онъ руководилъ дѣятельностью общества, пока позволяло ему здоровье. Покойный—сынъ священника Успенской станицы на Кавказѣ—родился въ 1850 г., медицинское образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, по окончаніи курса которой отправился служить на Кавказъ, въ качествѣ врача хасафъ-юртовскаго военнаго госпиталя. Послѣ русско-турецкой войны командировался къ военно-медицинской академіи и состоялъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ординаторомъ госпитальной хирургической клиники проф. Е. И. Богдановскаго. Въ это время имъ пропзведено нѣсколько цѣнныхъ работъ спеціальнаго характера («О сибирской язвѣ у человѣка» и др.). Защитивъ диссертацию «Опухоли верхней челюсти въ клиническомъ отношеніи» на степень доктора медицины, былъ командированъ на два года за границу для усовершенствованія въ знаніяхъ. Въ лабораторіи Пастера изучалъ бактериологію, затѣмъ занимался анатоміей и оперативной хирургіей у Тилло и Фарабефа въ Берлинѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1884 г. принялъ дѣятельное участіе въ научныхъ занятіяхъ военно-медицинской академіи, былъ ассистентомъ при кафедрѣ госпитальной хирургіи, руководилъ практическими занятіями студентовъ по оперативной хирургіи на трупахъ, съ 1886 г. по 1889 г. преподавалъ оперативную хирургію, топографическую анатомію и хирургическую патологію и въ 1890 г. былъ избранъ профессоромъ по кафедрѣ госпиталь-клиники. Съ этого времени ему принадлежала руководящая роль по хирургическому образованію будущихъ врачей. При немъ академическая хирургическая клиника была переустроена, согласно послѣднимъ требованіямъ хирургіи и ея клиническаго преподаванія. Одновременно покойный состоялъ старшимъ хирургомъ Александровской городской больницы. Въ послѣдніе годы своей профессорской дѣятельности онъ преподавалъ военно-полевую хирургію прикомандированнымъ

къ академіи военнымъ врачамъ. Перу его принадлежать нѣсколько цѣнныхъ научныхъ работъ, опубликованныхъ въ различныхъ врачебныхъ изданіяхъ. Изъ нихъ назовемъ: «О причинахъ внезапной смерти отъ хлороформа», «О резекціи выходной части желудка при раковомъ пораженіи ея» и друг. Профессоръ Ратимовъ былъ замѣчательнымъ операторомъ. Онъ быстро и вѣрно опредѣлялъ не только причины заболѣваній, вызывавшія хирургическую врачебную помощь, но и вообще состояніе больного, что весьма важно для оператора. Его операціи были удачны и свидѣтельствовали о его выдающейся талантливости и громадной опытности. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 70; «Новое Время», 1904 г., № 10059).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Правда о моей бабушкѣ» на страницѣ 438 сказано, что моя бабушка «успѣла испортить своего сына (моего отца) въ два года пребыванія его подъ ея вліяніемъ такъ, что изъ него вышелъ мотъ и шалопай».

Я писала мои воспоминанія въ Парижѣ и по неразборчивости моего почерка просила одну мою хорошую знакомую, живущую въ Москвѣ, переписать ихъ и послать переписанную рукопись въ редакцію «Историческаго Вѣстника». Очевидно, моя знакомая сдѣлала грубую и досадную для меня опіску, написавъ слово «шалопай», котораго у меня не было, и которое я не могла употребить потому, что, говоря объ ошибкахъ и заблужденіяхъ отца, я дѣлала это съ горестью и сожалѣніемъ, но никогда не позволила бы себѣ оскорбить его память. Какое слово было въ моей рукописи, я не могу возстановить, не получивъ до сихъ поръ подлинника, но во всякомъ случаѣ тамъ нѣтъ слова «шалопай», возмутившаго и меня и мою сестру. **Графиня Л. Ростопчина.**

II.

Къ дуэли Кушелева съ Бахметевымъ.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» г. Е. Вейденбаумъ утверждаетъ, что мой рассказъ о дуэли камеръ-юнкера Кушелева съ генераль-майоромъ Бахметевымъ («Историческій Вѣстникъ», № 1) «требуетъ небольшой поправки: поединокъ между ними состоялся не послѣ перевода Кушелева въ Кавказскій гренадерскій полкъ, а наоборотъ—переводъ изъ гвардіи въ армію послѣдовалъ въ видѣ наказанія за дуэль».

Я не знаю, тѣмъ я могъ заслужить недовѣріе г. Вейденбаума, тѣмъ болѣе, что въ предисловіи къ своему очерку я указывалъ, что онъ, какъ и всѣ послѣдующіе, составленъ на основаніи подлинныхъ дѣлъ, являющихся достояніемъ специальныхъ архивовъ, я ручался также за историческую вѣрность сообщаемыхъ мною фактовъ. Г. Вейденбаумъ мнѣ не повѣрилъ...

Если обвиненіе г. Вейденбаума справедливо, то значительная часть моего рассказа — сплошная выдумка, присочиненная мною; если же я правъ, то за-

явленіе г. Вейденбаума — «непростительная неосторожность въ обращеніи съ печатнымъ словомъ».

Обращаюсь къ подлиннику. Имѣется въ Петербургѣ архивъ бывшаго аудиторіатскаго департамента, гдѣ въ шкафу № 5а на 3-ей полкѣ имѣется огромное дѣло, озаглавленное «Выписки и донесенія по сухопутной арміи 1803 г.». Открываю высочайшій докладъ № 170 и читаю въ немъ буквально слѣдующее на стр. 2-й:

«Куселевъ въ судѣ показалъ, что требовалъ онъ сатисфакціи отъ генералъ-майора Бахметева, какъ двора вашего императорскаго величества камеръ-юнкеръ, ибо, хотя по его желанію и опредѣленъ онъ штабсъ-капитаномъ въ армію, но не лишентъ и того чину, которымъ считается при дворѣ».

На предпоследней страницѣ того же доклада значитъ, что поручикъ Куселевъ «15-го сентября 1801 года изъ камеръ-юнкеровъ поступилъ въ Кавказскій гренадерскій полкъ штабсъ-капитаномъ».

Итакъ, изъ первой выписки вытекаетъ, что Куселевъ перевелся въ армію по собственному желанію, а изъ второй, что переводъ его въ армію состоялся за мѣсяць до совершенія дуэли и за два съ лишнимъ года до конфирмаціи приговора.

Затѣмъ г. Вейденбаумъ утверждаетъ, что переводъ Куселева «въ армію послѣдовалъ въ видѣ наказанія за дуэль». Если бы г. Вейденбаумъ обратилъ вниманіе на подлинную конфирмацію государя («Историческій Вѣстникъ», стр. 136), поставленную въ кавычки и даже имѣющую дату, то онъ увидать бы, что все наказаніе Куселева заключалось въ исключеніи его изъ званія камергера. Точно также г. Вейденбаумъ могъ убѣдиться въ моей справедливости изъ донесенія князя Цицанова, которое г. Вейденбаумъ приводитъ въ своемъ возраженіи мнѣ; ясно, что «Куселевъ, за штрафъ выключенный изъ придворнаго стата и написанный въ оной полкъ на службу... дерзаю... испрашивать ему... прощенія и возвращенія прежняго ему старшинства по придворной службѣ..., хотя оставя въ ономъ же полку на службѣ».

Такимъ образомъ, г. Вейденбаумъ не правъ. Но, чтобы уже окончательно убѣдить его въ этомъ, замѣчу, что Куселевъ, какъ молодой, увлекающійся человекъ, самъ просилъ о переводѣ въ армію и на Кавказъ, желая отличиться въ борьбѣ съ кавказскими горцами. Въ ту эпоху желаніе помѣряться съ врагомъ у гвардейскихъ офицеровъ было настолько сильно, что они рѣшались просить о переводѣ, и это явленіе было общимъ. И теперь въ наше время аналогичное явленіе замѣчается весьма рѣзко. Что же касается Куселева, то, отправляясь на Кавказъ и не зная своей судьбы, онъ рѣшается передъ отъѣздомъ свести счеты съ генераломъ Бахметевымъ, чтобы на его прошломъ, такимъ образомъ, не оставалось никакого уже пятна. Замѣчу мимоходомъ, что Куселевъ до перевода въ армію состоялъ въ чинѣ поручика, при переводѣ онъ былъ переименованъ въ штабсъ-капитану; а въ эпоху Александра I переводъ изъ гвардіи въ армію въ видѣ наказанія совершался такимъ образомъ, что виновный оставался въ старомъ чинѣ, и конфирмаціи государя цестрѣютъ словами: «перевести въ армію тѣмъ же чиномъ». По г. Вейденбауму же выходитъ наоборотъ.

Я съ благодарностью принимаю всякія указанія, такъ какъ они ведутъ къ истинѣ; голословныя же обвиненія — явленія нежелательныя и во всякомъ случаѣ опротивительныя.

Н. Фалевъ.

Праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда возвѣстили о прїѣздѣ короля. Онъ былъ въ роскошной синей бархатной одеждѣ съ лентами того же цвѣта, сплошь покрытой тонкой и изящной золотой вышивкой, которая мѣстами переходила въ болѣе плотную и богатую. Пуговицы его сверкали брильянтами.

Принявъ почтительное привѣтствіе приглашенныхъ своего брата, Людовикъ съ обычной ему любезностью отправился здороваться съ дамами; замѣтивъ Марію Фонтанжъ, онъ приблизился къ ней и предложилъ руку раскраснѣвшей отъ волненія и радости молодой дѣвушкѣ.

Людовикъ XIV всегда посвящалъ въ свои любовныя тайны Францію и Европу. Разглашать о своихъ страстяхъ казалось ему проявленіемъ своего величія и благородства и очевиднымъ доказательствомъ могущества.

Онъ провелъ новую фаворитку въ маленькій уединенный салонъ, гдѣ ни одинъ нескромный взглядъ не могъ осмѣлиться ихъ поймать.

Въ это время среди приверженцевъ маркизы Монтеспанъ, которая хотѣла присутствовать на балу, успѣшно шли пересуды.

Никогда Атенаиса не была такъ блестяще прекрасна и одѣта съ такимъ вкусомъ и богатствомъ. На ней было платье изъ «массивной золотой матеріи, окаймленной золотымъ бортомъ, а надъ нимъ волнистое золото, затканное смѣшаннымъ золотомъ и дѣлавшее столь восхитительной матерію, какъ только можно было придумать». Въ ея бѣлокурыхъ локонахъ былъ жемчугъ ея прабабки, жены маршала Лопиталь, украшенный жемчугами и брилліантовыми подвѣсками необычайной красоты.

Разумѣется, «Quantova», какъ ее называла г-жа Севиньи, заставляла забывать не только о другихъ придворныхъ дамахъ, но она затмевала даже дѣвицу Фонтанжъ. Восторженные царедворцы смѣшались въ похвалахъ и болѣе не думали о новой подругѣ короля.

Въ этотъ часъ надменная Мортемаръ, лучезарная подъ огнемъ люстръ и сравниваемая съ молодой Маріей-Анжеликой, заслуживала, чтобы къ ней отнесли прелестные стихи дѣда г-жи Ментенонъ:

«Une rose d'automne est plus qu'une autre exquise».

Все-таки при всей своей вполне расцвѣтшей «прекрасной красотѣ» она не могла оставаться равнодушной къ слишкомъ публичной невѣрности короля.

Блѣдная отъ негодованія, она съ досадой смотрѣла на удалявшихся любовниковъ и принялась ощипывать кончиками зубовъ едва распустившуюся розу, раздавливая лепестки, упавшіе на коверъ одинъ за другимъ, какъ слезы.

Люссакъ въ качествѣ придворнаго герцога Орлеанскаго присутствовалъ на балу. Замѣтивъ Атенаису среди ея обожателей, онъ приблизился къ ней съ привѣтствіемъ.

Развѣянная и слишкомъ уязвленная въ своей гордости, маркиза Монтеспанъ не обратила вниманія на присутствіе Оливье. Она удалилась, безчувственная къ комплинтамъ, которые усердные царедворцы старались расточать по дорогѣ, какъ бы въ утѣшеніе ей.

Подъ горькимъ впечатлѣніемъ столь жестокаго пораженія Атенанса Мортемаръ ни о чемъ болѣе не думала, какъ о мести.

Какъ! она посвятила лучшее ея достояніе, первый расцвѣтъ своей молодости этому капризному королю, который, ради первой бродячей красоты, покинулъ ее, даже не взглянувъ. Сокровищницѣ ея ума, искусству ея ласкъ, покорности ея великолѣпнаго тѣла король отвѣтилъ въ высшей степени презрительно.

Казалось, Людовикъ иронически и безжалостно говорилъ ей этимъ: «Будь зрительницей своего бѣдствія!» И маркиза Монтеспанъ, прежде чѣмъ удалилась изъ блестящаго зала, осыпала нѣмыми угрозами Марію Фонтанжъ, свою хрупкую «соперницу, которая только что увеслась въ вихрѣ счастья».

V.

Со времени бала, даннаго въ Палэ-Роялѣ, Марія Фонтанжъ, или, какъ ее прозвала г-жа Севиньи — «Единственная, Даная, Божественная», продолжала торжествовать. Король, влюбленный, какъ никогда, даже предложилъ ей герцогскій титулъ, что довершило раздраженіе маркизы Монтеспанъ.

Слишкомъ надменная, чтобы появляться при дворѣ, гдѣ все напоминало ей объ опалѣ, Атенанса уединилась въ Кланьи и въ своей досадѣ пренебрегала даже кавалеромъ Люссакомъ.

Она оставалась съ г-жею Дезэлье, которая старалась вернуть надежду въ сердцѣ своей госпожи.

— Зачѣмъ вы истязаете себѣ душу, сударыня? — сказала напереница: — и придаете такую важность невѣрности его величества? Король не примѣнится къ характеру Маріи Фонтанжъ, зная вашъ. И эта вспышка страсти продлится столько же времени, какъ и другія...

— Сомнѣваюсь, Дезэлье... Король главное требуетъ отъ любовницъ—удовлетворенія своего самолюбія. Если Фонтанжъ не обладаетъ умомъ, то у нея достаточно красоты, чтобы удовлетворить гордость своего владыки...

— Развѣ его величество не разглашалъ всегда свои любовныя похождения, даже мимолетныя, сударыня? Какъ можетъ онъ довольствоваться этой дѣвушкой, у которой остроумія не больше, чѣмъ у кошки, а ума не болѣе чѣмъ, у корвинны, и которая, какъ говорятъ, имѣла уже любовныя похождения въ провинціи; принявъ все во вниманіе, она не болѣе, чѣмъ прекрасная статуя. Сравнить васъ съ нею развѣ не есть оскорбленіе для васъ? Впрочемъ король

не можетъ забывать, что онъ—отецъ вашихъ дѣтей... Развѣ онъ не узаконилъ ихъ черезъ парламентъ?.. Развѣ ваша семья не была осыпана милостями? Вашъ отецъ сдѣланъ герцогомъ и пѣромъ и давно уже занимаетъ постъ губернатора Парижа... Г-нъ Вивоннь, вашъ братъ, крестникъ его величества, только что сдѣланъ маршаломъ Франціи... Вашъ старшій сынъ, герцогъ Мэнскій, получилъ княжество Домбъ и графство Ё. Въ 1675 г., когда ему было только пять лѣтъ, развѣ онъ не былъ уже сдѣланъ полковникомъ пѣхотнаго полка маршала Тюреннъ?..

— Все это вѣрно, Дэээлье... но Фонтанжъ уже готовы сдѣлать герцогиней съ двадцатью экою пенсіи...

— Но вы, сударыня, развѣ не были назначены главной придворной дамой королевы, несмотря на всѣ интриги?

— Прекрасное великодушіе!.. Это—подарокъ, который изъ учтивости оставляютъ женщинѣ, когда ея болѣе не желаютъ... Никто не ошибается при дворѣ, а я менѣе всѣхъ... Ахъ, Дэээлье, если бы вы знали, какъ я несчастна!

И вся въ слезахъ маркиза въ изнеможеніи упала на диванъ.

— О, ради Бога, сударыня, — сказала наперсница: — не отчаивайтесь такъ!.. Не все еще потеряно... далеко отъ этого... Вы восторжествовали надъ другими затрудненіями, и, во что бы то ни стало, необходимо, чтобы ваша судьба совершилась... Помните ли вы, сударыня, что предсказала вамъ однажды Катерина Вуазенъ?

— Катерина Вуазенъ?.. — прошептала маркиза, приподнявъ голову.

— Да, сударыня, Катерина Вуазенъ... Не хвалили ли вы всегда точность ея пророчествъ? И съ тѣхъ поръ, когда впервые въ замкѣ Вильбузенъ—тому тринадцать лѣтъ—она пустила въ дѣло весь запасъ своего искусства, развѣ не удовлетворялись всѣ ваши желанія? Каждый разъ, когда вы опасались, что милости короля уменьшатся, развѣ вы, благодаря ей, не выходили побѣдоносно изъ непріятностей...

— Всегда, нѣтъ, Дэээлье! Тому три года, когда по вашему совѣту я согласилась снова обратиться за помощью къ этой женщинѣ, и она вручила мнѣ, не знаю, какой-то порошокъ, магическая сила котораго должна была завоевать мнѣ сердце короля,—пылкость его величества дѣйствительно сильно увеличилась, но онъ успокоивалъ ее въ другомъ мѣстѣ, и количество его любовницъ произвело скандалъ при дворѣ.

— Это вѣрно, сударыня, но это были любовныя связи, не достойныя вниманія, и король не замедлилъ возвращаться къ вамъ еще болѣе влюбленный, чѣмъ прежде. Вы видите, и на этотъ разъ Катерина Вуазенъ не ошиблась... Почему въ настоящемъ случаѣ вы не спросите ея совѣта? Кто знаетъ, какъ далеко простирается ея оккультическое могущество, странная ея сила?

Смущенная маркиза Монтеспанъ ничего не отвѣтила. Затѣмъ внезапно, какъ будто овладѣвъ собою, она сказала:

— Вы правы, можетъ быть, тамъ спасеніе... Завтра вы отправитесь въ Парижъ и привезете ко мнѣ г-жу Вуазенъ.

На другой день около двухъ часовъ Катерина Вуазенъ явилась къ маркизѣ Монтеспанъ.

— Я вами слишкомъ пренебрегла уже нѣсколько мѣсяцевъ, — начала маркиза, указывая Катеринѣ на кресло. — По правдѣ вы должны считать меня неблагодарной. Увы, на меня обрушилось столько грустныхъ заботъ. Будьте увѣрены, что я не забыла ни вашей доброты къ кавалеру Люссакъ, ни того, что вы сдѣлали для меня.

— Маркиза, вы всегда меня осыпали вашей милостью. Вы щедро мнѣ заплатили за нѣсколько услугъ, которыя могла оказать вамъ моя наука!... развѣ это также не большая честь имѣть возможность привѣтствовать сегодня ту, предъ которой преклоняетъ колѣно король Франціи?

Долго ловкая женщина поддѣлывалась къ маркизѣ, разсыпаясь въ похвалахъ. Однако лицо отверженной фаворитки омрачилось. Тоска сжимала сердце Атенансы.

— Но что же съ вами, маркиза? — спросила Катерина... Почему эта внезапная тоска? Затѣмъ эти тучи на вашемъ прекрасномъ челѣ?

Маркиза Монтеспанъ, прислонившись головою къ парчевой подушкѣ, ничего не отвѣчала, отдавшись вся своимъ мыслямъ.

Съ почтительной увѣренностью г-жа Вуазенъ смотрѣла на маркизу, которая тщетно боролась, чтобы скрыть душевную смуту.

Наконецъ слова сошли съ ея губъ, и она медленно сказала:

— Моя щедрость, сударыня, не можетъ сравняться съ вашими услугами... И если теперь мнѣ надо будетъ пожертвовать состояніемъ, я отдамъ вамъ его, умоляя васъ прекратить горькія испытанія, которыя я переживаю.

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ маркиза снова заговорила:

— Однако, когда я вспомню о той борьбѣ, которая происходила во мнѣ, прежде чѣмъ я согласилась на мистическій ритуалъ, когда я подумаю объ этой первой мессѣ, которую служилъ на моемъ тѣлѣ въ замкѣ Вилльбузэнъ пастеръ графа Монгоммери, я не отваживаюсь снова отдаться, сударыня, вашимъ оккультическимъ обрядамъ... Съ этой ужасной ночи, несмотря ни на что, меня преслѣдуютъ угрызения совѣсти, и мнѣ страшно при мысли, что еще вы потребуете отъ меня...

Но внезапно предъ нею возстали недавнія униженія, поведеніе короля, ослѣпительное торжество соперницы. Тогда въ глазахъ маркизы Монтеспанъ блеснула молнія мщенія, и она призналась во всемъ, ничего не скрывая.

Невозмутимая г-жа Вуазенъ пристально смотрѣла на Атенансу, которая, оправившись, рассказывала о своихъ страданіяхъ и оскорбленіяхъ, брошенныхъ въ ея гордость женщины, «почти королевы». Забывъ о своемъ высокомъ положеніи, она, высококомѣрная Монтеспанъ, взяла въ свои наперсницы искательницу приключеній. Когда она окончила свою мучительную исповѣдь, то упала, какъ бы уничтоженная, на диванъ.

— Я знаю обо всѣхъ вашихъ тревогахъ, маркиза,—сказала просто Катерина.—Я знаю все ваше томленіе...

— Правда? вы это знаете?.. Почему же вы не пришли ранѣе?

Г-жа Вуазенъ торжественно встала. Въ своемъ темномъ платьѣ, съ вдохновеннымъ взглядомъ, она показалась маркизѣ выросшей.

— Я пришла въ свой часъ, сударыня... Послушались бы вы меня вчера?.. Съ тѣхъ поръ, какъ король на мгновеніе оставилъ васъ, чтобы улетѣть къ другимъ любовнымъ интригамъ, вы потеряли ко мнѣ довѣріе... Сегодня, по счастью, вы велѣли мнѣ прийти; завтра, очень вѣроятно, было бы поздно... Да, я знала все... Я знала, какія жестокія страданія терзаютъ вашу душу. Я знала, что вы хотите какою бы то ни было цѣною вернуть сердце короля, уничтоживъ навсегда власть Маріи Фонтанжъ, вашей соперницы... Все это я знала...

По мѣрѣ того, какъ прорицательница говорила, маркиза Монтеспанъ увидѣла, что она проникла въ ея самые тайные планы. Она находилась подъ какимъ-то обаяніемъ, подъ властью, охваченная какой-то невыразимой тревогой.

Искушающія слова закончили работу ревности, подстрекнули ея высококомѣріе и обласкали честолюбіе...

Преобразившись Катерина Вуазенъ пророчески продолжала:

— Я также знала, что вы позовете меня, и пришла возвратить вамъ, сударыня, потерянное счастье, если вы вѣрите въ меня... Ни сама королева Марія-Тереза, ни дофинъ не одержать верхъ надъ вами... Повторяю вамъ, сударыня, то, что когда-то я вамъ предсказала: маркиза Монтеспанъ, близокъ день, когда вы будете королевой, королевой Франціи!

Высокомѣрная фаворитка поспѣшно соединила руки, склонила чело предъ оракуломъ сибиллы и съ наслажденіемъ выслушала послѣднія слова: «Вы будете королевой Франціи!» Тогда ея судьба вновь появилась предъ нею блистательной. Однако ея ненасытное честолюбіе, охваченное страхомъ, казалось, одно мгновеніе поддавалось предъ чудовищнымъ призракомъ. Слишкомъ отдаленная греза заставила ее опасаться слишкомъ близкой дѣйствительности... Вскорѣ она спохватилась. Развѣ она не слышитъ уже оглушающаго шума привѣтственныхъ криковъ? Развѣ она не видитъ себя окруженной всѣми королевскими почестями? Развѣ она не получа-

еть дани всеобщаго уваженія? Она была королевой, королевой Франціи! Ея соперница плакала въ тѣни, снѣдаемая ревностью, безсильная предъ своей новой повелительницей... Наконецъ все королевство будетъ у ея ногъ.

Ничего болѣе не существовало, какъ ея побѣда, и было лишь одно свѣтило: ея гордость.

Маркиза Монтеспанъ склонилась предъ будущимъ, какъ предъ зеркаломъ, не смѣя дышать, чтобы не разрушить своимъ дыханіемъ лучезарнаго видѣнія.

Буазенъ, стоя съ высоко поднятой головой, содрогнулась. Въ ея глазахъ вспыхивалъ странный, мѣняющійся свѣтъ, и казалось, они что-то читали въ другомъ мірѣ.

Протянувъ руку, какъ бы призывая въ свидѣтели темныя силы, она медленно произнесла кабалистическія слова и повторила:

— Маркиза Монтеспанъ, вы будете королевой Франціи!

И Атенаиса съ благоговѣніемъ прошептала:

— Я вѣрю въ васъ...

Медленно Катерина опустила свою руку на плечо маркизы. Ея судорожно сжатые пальцы, казалось, еще усиленно перелистывали невидимыя страницы книги судьбы.

Она приказала повелительно:

— Ожидаю васъ ровно чрезъ мѣсяць, въ улицѣ Борегаръ, въ 11 ч. ночи До тѣхъ поръ...

Г-жа Буазенъ остановилась. Адская мысль пронеслась въ ея мозгу. На ея лицѣ появилось странное выраженіе. Она сказала съ улыбкой:

— До тѣхъ поръ счастливое событіе докажетъ, что я думала о васъ.

Съ этими словами, полными обѣщаній, прорицательница простилась.

Маркиза Монтеспанъ неподвижно осталась сидѣть, опустивъ глаза. Порабощенная непреодолимой и магической властью, она только что заключила не заслуживающій никакого оправданія договоръ.

Какъ объяснить, что высококомѣрная маркиза могла такъ отдаться колдунѣ и вѣрить въ силу ея святотатственныхъ обрядовъ? Ларошфуко, жившій въ близкомъ общеніи съ самыми умными женщинами своего времени и знавшій хорошо маркизу Монтеспанъ, такъ какъ былъ женатъ на одной изъ дѣвицъ Вивоннь, сказалъ по этому случаю еще одинъ изъ глубокихъ по смыслу афоризмовъ: «Умъ нѣкоторыхъ женщинъ служитъ для укрѣпленія скорѣе ихъ безумія, чѣмъ разума».

VI.

Двѣ недѣли спустя послѣ памятнаго посѣщенія Кланьи г-жею Вуазенъ, въ версальскомъ замкѣ, куда каждую субботу перебирался король съ своими приглашенными, состоялась игра въ бассетъ.

Многочисленные роскошные экипажи останавливались на парадномъ дворѣ. Въ сверкающихъ залахъ, откуда можно было видѣть свѣтящіеся фонтаны и большой каналъ среди обширныхъ садовъ, еще загроможденныхъ строительнымъ матеріаломъ, блестящая толпа царедворцевъ уже бесѣдовала и вела разговоры о побѣдахъ и завоеваніяхъ короля, о его царствованіи, въ которое, какъ по волшебству, появлялись удивительные поэты, гениальные артисты и великіе государственные люди.

Въ глубинѣ галлерей король любезно бесѣдовалъ съ окружавшими его дамами, въ другомъ мѣстѣ Ланглэ, квартирмейстеръ королевской арміи, рассказывалъ маршалу Вивоннѣ о послѣднемъ ужинѣ, который онъ давалъ брату короля и его женѣ, а также герцогу и герцогинѣ Вилльруа; еще дальше г-жа Севиньи, Помпонъ, маркизъ Данжо, Фонтенелль, Расинъ, Перро, Миньяръ, Люлли сгруппировались вокругъ Буало, забавляясь шутками, которыя отпускаялъ сатирической авторъ.

Около трехъ часовъ началась игра.

Обыкновенно король игралъ въ залѣ Марса.

Самые крупные художники работали надъ украшеніемъ этой комнаты, роскошь которой превосходила всякое воображеніе. На потолкѣ, расписанномъ Одраномъ, былъ представленъ богъ войны на колесницѣ, запряженной волками и окруженной геніями войны, которымъ Циклопъ раздавалъ оружіе. Впереди колесницы, возлѣ Сатурна летѣли исторія и слава. На каждомъ концѣ салона находились два панно, кисти Жувенэ и Уасса. Первый изобразилъ побѣду, поддерживаемую Геркулесомъ, которую сопровождаютъ изобиліе и плодородіе; второй представилъ страхъ, боязнь, ярость и ужасъ, которые овладѣли сильными міра.

Надъ этими сюжетами былъ нарисованъ родъ верхняго яруса, расположеннаго на карнизѣ, гдѣ множество дѣтей, повидимому, вооружались и учились военнымъ экзерциціямъ.

Напротивъ въ видѣ золотого барельефа находились шесть картинъ кисти Жувенэ, Уасса и Одрана, напоминавшихъ знаменитыя историческія событія: «Цезарь, дѣлавшій смотръ своимъ легионамъ»; «Киръ, говорящій рѣчь войскамъ», «Димитрій Полиоркетъ, берущій приступомъ городъ», «Александръ Северъ, липающій офицера знакомъ отличія въ присутствіи своей арміи», и «Маркъ Антоній, проивводящій въ консулы Альбина».

Углы были украшены трофеями, которые юные амурь украсили цвѣтами. Надъ дверьми красовалась живопись Симона Вуэ, изображавшая правосудіе, умѣренность, силу и осторожность.

На высокомъ каминѣ помѣщалось панно работы Веронеза, изображавшее «Святое семейство»; направо другое, его же работы— «Эммаускіе пилигримы», а налѣво «Семья Дарія»—Лебрёна.

Вокругъ большого квадратнаго стола, украшавшаго средину комнаты, стояли четыре меньшаго размѣра, поставленные треугольникомъ, и шесть складныхъ, предназначенныхъ для игроковъ. Всѣ они были покрыты зелеными бархатными скатертями съ золотымъ галуномъ, и на каждомъ углу стояли серебряные подсвѣчники.

Тамъ-то, въ этой залѣ, король, королева и вся королевская семья снисходили съ своего величія, чтобы играть со многими приглашенными, которые раньше никогда не имѣли этого счастья.

Такимъ образомъ каждую субботу многочисленное избранное общество собиралось въ большихъ апартаментахъ. Одни выбирали какую нибудь игру, другіе смотрѣли, какъ играли, а многіе предпочитали прогуливаться и любоваться безчисленными чудесами. Можно было говорить громко, но во всякомъ случаѣ не слишкомъ возвышая голосъ, изъ уваженія къ королю. И только слышалось легкое перешоптываніе, которое никого не беспокоило.

Король переходилъ отъ одной игры къ другой, но запрещалъ, чтобы при его приближеніи вставали.

Позади столовъ слуги, одѣтые въ синіе камзолы съ золотыми и серебряными галунами, подавали игрокамъ карты, жетоны и все, что было необходимо. Даже иногда, какъ, напримѣръ, въ «Троу Madame», они избавляли игроковъ отъ труда считать и записывать взятки.

Въ вышеупомянутый день король сидѣлъ за главнымъ столомъ, окруженный принцами и принцессами королевскаго дома, придворными кавалерами и дамами. Онъ держалъ банкъ. Маршалъ Вивоннь, графъ Граммонъ, маркизъ Данжо, Ланглэ, Марія Фонтанжъ, маркиза Монтеспанъ, госпожа Вивоннь пантировали; позади нихъ приглашенные держали крупныя пари.

Марія Фонтанжъ сидѣла справа отъ короля, къ которому она наивно склонялась, въ нѣжно-ласковой позѣ; ея полуоткрытыя губы обнаруживали два ряда жемчужинъ ослѣпительной бѣлизны. Очарованные царедворцы слушали ея болтовню и любовались ею, какъ роскошнымъ, восхитительнымъ и рѣдкимъ цвѣткомъ.

Маркиза Монтеспанъ, несмотря на свою досаду, не могла избѣжать любезнаго приглашенія короля. Впрочемъ, подкрѣпленная предсказаніемъ госпожи Вуазенъ, она никого болѣе не боялась. Надежда на побѣду, которую она считала близкой, наложила на ея лицо выраженіе спокойствія.

Глубокимъ придворнымъ поклономъ отвѣтила она при входѣ въ залъ на очень учтивый поклонъ монарха и, улыбаясь, какъ всегда, нѣсколько высококомѣрно, сѣла въ концѣ королевскаго стола.

Новая игра бассетъ, очень похожая на ландскнехтъ, изобрѣтенная итальянцемъ Бассетти и введенная во Франціи венеціанскимъ посланникомъ Жюстиниани, вскорѣ вошла въ моду. Это была опасная игра. Луидоры и пистолы въ ней проигрывались такъ же быстро, какъ и выигрывались. Хотя король былъ еще неопытенъ въ этой игрѣ, но онъ очень интересовался различными ея фазами, а также исходомъ партій. Когда онъ дѣлалъ честь приглашать на бассетъ своихъ паредворцевъ, то рисковалъ крупными ставками и ворчалъ, если ихъ не держали.

Нѣсколько минутъ королю благопріятствовало необыкновенное счастье. Предъ нимъ лежала груда жетоновъ на сумму въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, что привело его въ пріятное настроеніе. Маркиза Монтеспанъ въ большой мѣрѣ содѣйствовала этому громадному выигрышу.

Обыкновенно она страстно интересовалась обращеніемъ жетоновъ.

На этотъ счетъ даже распространялись злорадныя насмѣшки и забавныя легенды, распускаемые остроумными царедворцами.

Но въ этотъ вечеръ дѣйствительно маркиза Монтеспанъ не обращала никакого вниманія на игру.

— Поистинѣ счастье не очень любезно къ нашей прекрасной маркизѣ,—прошепталъ Данжо на ухо маршалу Вивоннь.

— Маркизъ Сессакъ не можетъ этого сказать, — отвѣтилъ маршалъ.

Маркизъ Сессакъ пользовался репутаціей заслуженнаго шулера.

— Правда, самъ онъ очень помогаетъ счастью, — подтвердилъ Данжо.

— Жаль, что королю не пришла мысль устроить игру въ салонѣ Меркурія...

— Въ салонѣ Меркурія?

— Ну, да! Тогда бы маркизъ Сессакъ, по крайней мѣрѣ, находился подъ покровительствомъ домашняго божества. Развѣ Меркурій не богъ... игроковъ?

— А! игроковъ!—заключилъ тихимъ голосомъ Данжо.—Вы снисходительны, Вивоннь. Скажите: богъ маркиза Сессака.

Ихъ разговоръ затерялся въ сдержанномъ ими смѣхѣ.

Маркиза Монтеспанъ безпрестанно проигрывала значительныя суммы. Тогда король впервые въ этотъ вечеръ обратился къ ней благосклонно-вѣжливымъ тономъ.

— Обыкновенно вы счастливыѣ, сударыня... Не больны ли вы?

— Я никогда не была такъ здорова, государь, какъ теперь...— отвѣтила маркиза и мило прибавила:—поистинѣ я смущена, что ваше величество удостоили поинтересоваться моимъ здоровьемъ...

— Ваше здоровье, сударыня, мнѣ было всегда дорого.

Обмѣнявшись этими учтивостями, король попросилъ брата въ свою очередь держать банкъ.

Онъ проигралъ въ четверть часа значительную сумму; его замѣнилъ Данжо. Счастье улыбнулось послѣднему, который послѣ нѣсколькихъ партій рѣшилъ, что благоразумнѣе уступить мѣсто графу Граммону. Онъ выигралъ въ нѣсколько минутъ много тысячъ золотомъ. Его сосѣдомъ за столомъ былъ Ланглэ, но, находя генераль-квартирмейстера слишкомъ развязнымъ, онъ сказалъ ему съ высокошбріемъ вельможи:

— Маркизъ Ланглэ, поберегите эти фг миллярности, когда вы будете играть... съ королемъ.

Можно ли было остроумнѣе и болѣе жестоко напомнить Ланглэ о его настоящемъ происхожденіи?

Въ этотъ моментъ маркиза Монтеспанъ потеряла семьсотъ тысячъ ливровъ.

Только что Сессакъ предполагалъ замѣнить Граммона, какъ вниманіе игроковъ было отвлечено шумомъ открывшейся двери въ глубинѣ залы.

Въ это время вошла личность въ черной одеждѣ. Это былъ толстый мужчина, средняго роста, съ мужиковатымъ лицомъ. Не будь огня въ его взглядѣ со страннымъ выраженіемъ и нѣсколько приплюснутой челюсти, что означало волю,—все въ его особѣ казалось бы вульгарнымъ.

Онъ приблизился къ столу Людовика и почтительно ожидалъ, чтобы король удостоилъ замѣтить его присутствіе.

— Вы здѣсь, Лувуа?—сказалъ удивленный Людовикъ XIV, замѣтивъ министра.—Что же случилось?

Лувуа склонился къ королю и произнесъ нѣсколько словъ.

Царедворцы ступевались и внутренно спрашивали себя, какое важное событіе и какая важная причина могли заставить маркиза Лувуа прервать своимъ появленіемъ королевскую игру. И они дѣлали втихомолку тысячу предположеній, тысячу комментариевъ.

— Какую новость принесъ еще этотъ лѣсной волкъ («loup du bois»)?—сказалъ кто-то.

— Этотъ Лувуа всегда является нарушителемъ праздника,—прошепталъ своему сосѣду по столу маркизъ Вилларсо.

— Какой трагическій видъ сегодня у нашего дорогого министра!—прибавилъ другой царедворецъ.

И онъ сталъ тихонько напѣвать модный въ то время куплетъ:

Il est toujours furibond,
Le compère, le compère;
Il est toujours furibond
Et va par sauts et par bonds.

Внезапно король обратился къ своимъ приглашеннымъ.

— Господа, къ моему большому сожалѣнiю, партiя окончилась. Онъ поклонился дамамъ, учтиво поцѣловалъ руку Марiи Фонтанжъ и удалился съ Лувуа.

Согласно этикету игроки покинули столы.

.....
 Людовикъ XIV и Лувуа вскорѣ вошли въ большой кабинетъ, гдѣ начальникъ полицiи, Ларейни, уже ожидалъ ихъ.

Едва только дверь закрылась, король съ озабоченнымъ лицомъ спросилъ Лувуа:

— Какую особенно важную новость, сударь, должны вы мнѣ передать, чтобы принудить меня разстаться такимъ образомъ съ моими приглашенными?

Министръ съ минуту углубился въ себя, потомъ серьезнымъ голосомъ началъ.

— Государь, если у васъ есть вѣрные подданные, готовые пожертвовать своей жизнью ради вашего величества, то у васъ такъ же есть, что вамъ неизвестно, многочисленные враги. Уже давно внезапныя, таинственныя, необъяснимыя смерти омрачаютъ вашъ дворъ. Даже многiе члены вашей августѣйшей семьи не избѣгли этого. Тому девять лѣтъ жена вашего брата умерла въ припадкѣ кашля. Послѣ того, какъ она выпила чашку цикорной воды, она почувствовала боль, которая унесла ее въ могилу въ нѣсколько часовъ. Первый отчетъ доктора, вы помните, государь, былъ убѣдителенъ; несмотря на принятыя мѣры, чтобы замаскировать истину, она умерла отравленной!.. Благодаря государственной причинѣ, вы считали неумѣстнымъ разсѣять сомнѣнiя, которыя еще парятъ надъ этимъ трагическимъ событiемъ.

Король, предавшись мрачнымъ предчувствiямъ, не осмѣливался прервать своего министра. Онъ зналъ цѣну откровенности Лувуа.

— Преступныя отравленiя,—продолжалъ министръ,—увеличиваются ужасающимъ образомъ, и нѣтъ того дня, чтобы намъ не указывали на какого нибудь злодѣя, занимающагося торговлей отравками. Такимъ образомъ, со времени казни маркизы Бренвилле можно было наложить руку на цѣлую шайку отравителей во главѣ съ кавалеромъ Вананъ. Несмотря на всѣ наши усилiя, ядъ, увы, продолжаетъ свое дѣло, и смерть безжалостно проходитъ; сѣя повсюду трауръ и ужасъ... Другiе дворы не избѣжали этой ужасной жатвы...

Эти слова прозвучали, какъ похоронный звонъ, среди торжественнаго молчанiя, царившаго въ комнатѣ. Лувуа продолжалъ:

— Итакъ, государь, столькихъ жертвъ еще имъ не достаточно; на этотъ разъ отравители осмѣлились простереть свою преступную руку въ вашъ дворецъ.

При этихъ словахъ король поблѣднѣлъ въ ужасѣ.

— Вы говорите, въ мой дворецъ?

— Да, государь. Тому два дня королева, прежде чѣмъ заснуть, потребовала стаканъ оранжада. Когда подали его, ея величество дремала... Ее не хотѣли будить... Такимъ образомъ, оранжадъ остался тамъ всю ночь, и королева до него не дотронулась. На другой день этотъ напитокъ унесли... Нѣсколько часовъ спустя, съ однимъ изъ дежурныхъ лакеевъ сдѣлался припадокъ ужасныхъ страданій. Допрошенный докторомъ, онъ признался, что выпилъ стаканъ оранжада, предназначенный королевѣ. Вскорѣ несчастный умеръ. Я взялъ на себя сдѣлать распоряженіе о вскрытіи тѣла. Вотъ отчетъ доктора и хирурга. Ваше величество не удостоите ли взглянуть? Вы увидите, что симптомы, предшествовавшіе смерти этого человѣка, тѣ же, какіе предшествовали смерти вашей невѣстки, и поврежденія, оказавшіяся въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, тождественны. Все, государь, заставляетъ предполагать, что хотѣли отравить королеву... Таково это гнусное открытіе. Не долженъ ли былъ я поторопиться увѣдомить васъ, ваше величество?

Это извѣстіе сразило короля.

— Государь,—сказалъ въ свою очередь начальникъ полиціи,—будемъ надѣяться, что съ Божіей помощью намъ наконецъ удастся положить предѣлъ этимъ преступленіямъ. Что касается меня, то я, не ожидая вашихъ распоряженій, отдалъ самый строгій приказъ. Многіе подозрительные дома уже въ теченіе нѣкотораго времени служатъ предметомъ особаго наблюденія. Я снова допрошу отравителей, заключенныхъ въ Бастилію, а такъ же и недавно арестованныхъ помощникомъ прево, Дегрэ, по доносу одного адвоката, которые въ данный моментъ арестованы въ вашемъ Венсенскомъ замкѣ. Можетъ быть, мы добьемся съ этой стороны важныхъ разоблаченій съ тѣми средствами, которыми мы располагаемъ. Серіозныя улики, тяготящія надъ ними, скоро измѣнятся въ очевидность. Пусть ваше величество уполномочитъ насъ въполнѣ, и я отвѣчаю за обнаруженіе виновныхъ.

Ларейни и Лувуа ожидали рѣшенія короля, который, стоя у своего кресла, задумался, слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей.

Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Господа, благодарю васъ за усердіе, я глубоко тронутъ вашими дѣйствіями. Уполномочиваю васъ въполнѣ и, что бы ни случилось, я васъ защищу.

VII.

Въ одно изъ воскресеній, около середины октября 1678 года, г-жа Вуазенъ была вызвана въ Сентъ-Жермэнъ къ одному изъ своихъ друзей и наперениковъ, по имени Лэже, лакею герцога Монтозье. Этотъ Лэже обязался облегчить ей возможность вручить

королю прошеніе, чтобы добиться освобожденія нѣкогого Блесси, котораго маркизь Термъ упорно держалъ въ своемъ замкѣ Фонтенѣ, въ Бри.

Г-жа Вуазенъ, пользуясь своимъ прїѣздомъ въ Сентъ-Жерманъ, посѣтила свою дочь, оставшуюся подъ присмотромъ старой служанки въ своемъ маленькомъ домѣ. Она нашла Маргариту мечтательной и очень меланхоличной. Это одиночество ее тяготило, и она просила мать взять ее съ собою.

— Понимаете ли, дорогая мама, я здѣсь до смерти скучаю; скоро придетъ зима... А затѣмъ васъ, главное васъ, мнѣ недостаать...

— Крошка моя,—возразила г-жа Вуазенъ:—надо быть послушной... Если я оставляю тебя здѣсь одну, то потому, что меня къ этому обязываютъ серіозныя причины... Потомъ, ты знаешь, это воля твоего отца.

Маргарита такъ ее просила и представила такіе доводы, что мать наконецъ согласилась взять ее съ собою.

Г-жа Вуазенъ помѣстила дочь въ комнату, которая была очень кокетливо убрана моднымъ обойщикомъ, по имени Менуаръ. Эта комната была расположена въ первомъ этажѣ дома и выходила въ садъ.

Со времени своего прїѣзда въ Парижъ Маргарита видѣла своего отца только два-три раза, при этомъ онъ оставался въ домѣ только нѣсколько минутъ. Г-жа Вуазенъ, должно быть, серіозно обижалась на своего мужа, потому что Маргарита слышала, какъ по поводу его послѣдняго посѣщенія ея мать воскликнула, что «впредь она отказывается принимать у себя человѣка, у котораго такъ мало здраваго смысла, и который можетъ служить лишь къ ея гибели, послѣ того, какъ она его такъ долго кормила».

Но беззаботная Маргарита не старалась постичь смысла этихъ словъ.

У г-жи Вуазенъ была служанка Марго, которая, казалось, была ей очень предана.

Часто ея хозяйка давала ей маленькіе пакетики, которые поручала отнести въ сопровожденіи Маргариты къ различнымъ лицамъ.

Послѣдняя очень примѣнилась къ этой прїятной жизни. Потому, надо сказать, что во время своихъ прогулокъ по городу, болѣе подходящихъ къ ея нраву, чѣмъ спокойное житіе въ домикѣ среди полей, она встрѣтила красиваго офицера королевской стражи, который по дорогѣ слегка ухаживалъ за нею. Мало-помалу, ея наивное сердце взволновалось, и она безумно въ него влюбилась... Такимъ образомъ она относилась теперь безразлично къ чудесамъ Парижа. Каждый выходъ былъ для нея новой радостью, такъ какъ она знала, что ея обожатель поджидаетъ ее.

Среди близкихъ людей ея матери она встрѣчала Лезажа, жившаго у нихъ въ домѣ, и Романи, тѣхъ самыхъ, которые правильно, каждую недѣлю, прїѣзжали въ Сенъ-Жермэнъ. Г-жа Вуазенъ записалась съ этими двумя аколитами въ своемъ таинственномъ кабинетѣ — единственной комнатѣ, куда еще не могла проникнуть Маргарита.

Лезажъ, или, вѣрнѣе, Адамъ Кёрэ, былъ человѣкомъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста и носилъ рыжій парикъ, былъ дурно сложенъ и обыкновенно одѣвался въ сѣрый цвѣтъ и баркановый плащъ. Уроженецъ Вена, близъ Каена, онъ рано прїѣхалъ въ Парижъ, гдѣ водворился, какъ торговецъ шерстью. Въ сущности же онъ предавался совсѣмъ другого рода торговлѣ. Съ нимъ случались самыя необыкновенныя приключенія. Около 1667 г. онъ былъ приговоренъ къ галерамъ за демоническіе обряды. Г-жа Вуазенъ, которая была его прїятельницей, предпринимала тогда дѣятельную попытку, чтобы добиться его освобожденія. Наконецъ, чрезъ пять лѣтъ, въ 1672 г., ея усилія увѣнчались успѣхомъ, и въ виду Генуэскаго порта, къ галерѣ, гдѣ гребъ Лезажъ, присталъ корабль, который привезъ помилованіе.

Что касается до Романи, «высокаго, черноволосаго, прекрасно сложеннаго, съ природнымъ умомъ» человѣка, то онъ родился въ Греноблѣ отъ итальянца отца и французенки матери; ему могло быть тогда отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ. Молодость его протекла въ Итали, и тамъ онъ сдѣлался слишкомъ смѣтливымъ ученикомъ знаменитаго отравителя Экзили. Затѣмъ онъ поступилъ на службу къ герцогу Савойскому, въ французскій полкъ Бѣлаго Креста, гдѣ онъ познакомился съ другимъ отравителемъ, графомъ Шастюель, майоромъ того же полка. Романи было дано одно порученіе, которое онъ исполнилъ съ такой смѣлостью и ловкостью, которыя ему заслужили много комплиментовъ. Нѣкоторое время спустя, Карлъ-Эммануиль II «умеръ сорока лѣтъ самымъ неожиданнымъ и внезапнымъ образомъ». Вотъ какъ Романи началъ свой дебютъ въ искусствѣ отравъ.

Впрочемъ способный на всѣ работы, онъ былъ послѣдовательно лакеемъ, дворецкимъ, стряпчимъ и служащимъ на почтѣ. Его ловкость, хитрость и энергія дѣлали изъ Романи драгоценнаго помощника. Онъ до такого совершенства зналъ искусство преобразовывать свое лицо, что могъ много разъ посѣтить г-жу Вуазенъ и не быть ею узаннымъ.

Со времени присутствія Маргариты въ Вилль-Нёвъ Романи, обыкновенно одѣтый въ черное, сталъ изысканнѣе наряжаться и украшать свѣжими лентами нѣжныхъ оттѣнковъ свои подвязки и чашку у шпаги. Онъ отваживался бросать на нее нѣжные взгляды и часто вздыхалъ, несмотря на свою смѣлость. Иногда онъ издали слѣдовалъ за молодою дѣвушкою въ садъ и принималъ соверща-

тельную позу, какъ герой Скюдри или какъ опечаленный влюбленный мадригаловъ Вуатюра.

Г-жа Вуазенъ смотрѣла на него съ удивленіемъ и нѣсколько проницательно, что не ускользнуло отъ вздыхателя; что касается Маргариты, то она оставалась равнодушной къ этому выраженію любви.

Однажды въ полдень, когда прорицательница одна въ своемъ кабинетѣ предавалась обычнымъ занятіямъ, вошелъ Романи, на видъ очень озабоченный.

Онъ, казалось, на минуту сосредоточился, затѣмъ послѣ долгаго колебанія сказалъ:

— Дорогая моя, простите, что я пришелъ потревожить васъ среди вашихъ размышленій, но я спѣшилъ побесѣдовать съ вами о предметѣ, который очень близко касается моего сердца...

— Вашего сердца? — перебила его г-жа Вуазенъ, маленькіе глаза которой лукаво засверкали.

— Не насмѣхайтесь, Катерина, — сказалъ Романи. — Да, моего сердца... Есть такіе чувства, которыя не сумѣешь скрывать слишкомъ долго безъ того, чтобы не продолжить бесполезныхъ страданій, и вотъ почему я рѣшилъ довѣрить вамъ мою тайну. Катерина, я люблю вашу дочь.

При этихъ словахъ г-жа Вуазенъ не могла сдержать недовѣрчивой улыбки.

— О, ради Бога, — продолжалъ Романи: — не сомнѣвайтесь въ моей любви!

Г-жа Вуазенъ сдѣлалась снова серіозной.

— Правда, — сказала она, — я не права, что улыбнулась, Романи... Но такое разоблаченіе могло съ полнымъ правомъ вызвать во мнѣ нѣкоторое удивленіе. Такъ, значитъ, вы любите мою дочь?

— Да, я ее люблю, Катерина, — отвѣтилъ Романи съ искреннимъ выраженіемъ, которое произвело впечатлѣніе на г-жу Вуазенъ. — Да, я люблю ее.

— А! вы любите Маргариту! — отвѣтила г-жа Вуазенъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Такъ это-то вы и хотѣли мнѣ сказать?

— Да... И въ то же время я пришелъ попросить ея руки.

— Женитесь на Маргаритѣ! — воскликнула г-жа Вуазенъ, притворяясь удивленной.

— Ради Бога, — прошепталъ женихъ.

Г-жа Вуазенъ задумалась.

— Дорогой Романи, — сказала она, — если же вы, однако, совсѣмъ не нравитесь Маргаритѣ?

— Одно ваше слово, и дочь ваша повинуется.

— Я отдамъ мою дочь лишь тому, кто сумѣетъ ее заслужить.

— До сихъ поръ, Катерина, развѣ я не преданно исполнялъ ваши приказанія? Вы не можете сомнѣваться въ моей преданности.

— Вашей преданности? Когда-то, можетъ быть! Я не говорю,

чтобы вы не оказали мнѣ нѣкоторыхъ услугъ... Но я тщетно ищу той отважности, которую я думала обнаружить въ васъ, когда съ вами познакомилась. Малѣйшій шагъ теперь васъ пугаетъ! Вы отступаете даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опасности.

— Вы забываете,—перебилъ ее Романи,—что я рисковалъ для васъ жизнью, отправляясь къ королевѣ.

— Къ тому же напрасно...—подтвердила съ горечью прорицательница. А теперь,—когда дѣло идетъ о герцогинѣ Фонтанжъ...

— Что вы говорите, Катерина! Войти къ герцогинѣ Фонтанжъ въ такое время, когда начальникъ полиціи Ларейни со дня моего ухода изъ придворной официантской видитъ повсюду признаки заговора и строго за нами слѣдитъ?! Вамъ, вѣроятно, безызвѣстны послѣдствія обѣда въ улицѣ Куртовиллэнъ?

— Обѣдъ въ улицѣ Куртовиллэнъ?—спросила г-жа Вуазенъ.

— Да, обѣдъ, данный Маріей Боссъ, прорицательницей будущего въ улицѣ Гранъ-Гюсо.

— Фу! прорицательница будущего... самое большее—ничтожная гадалщица на картахъ...

— Словомъ, все равно, Катерина. Марія Боссъ во время обѣда имѣла неосторожность произнести одно слово, которое могло сойти за бахвальство, но оно не ускользнуло отъ одного изъ приглашенныхъ, Пэррена. Этотъ злой адвокатшко, безъ всякаго повода, поспѣшилъ донести г-ну Дегрѣ о разговорѣ: «Еще три отравленія, и мы выручимъ пѣлое состояніе». Нѣсколько дней позже Марія Боссъ была арестована вмѣстѣ со своей дочерью Манонъ и двумя сыновьями, Франсуа, прозваннымъ красавцомъ-амуромъ, солдатомъ королевской стражи, и самымъ младшимъ, Гильомомъ, пятнадцати лѣтъ, вышедшимъ изъ Бисетрскаго госпиталя, куда его помѣстила мать, чтобы «улучшить нравственность и возбудить любовь къ труду». Въ этомъ дѣлѣ скомпрометирована даже одна изъ приглашенныхъ Маріи Боссъ—жена дамскаго портного, г-жа Вигурѣ... И теперь всѣ ждутъ въ замкѣ Венсенъ, какое рѣшеніе приметъ король относительно ихъ. Вы должны вспомнить объ этомъ происшествіи, Катерина... Едва прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ вамъ объ этомъ напомнить.

— Да, дѣйствительно, я помню,—отвѣтила г-жа Вуазенъ.—Но я въ этомъ не вижу, что могло бы мотивировать ваше колебаніе... Ларейни хотѣлъ однимъ разомъ болѣе дать доказательства своего усердія. Его величество, я въ этомъ удостовѣрилась, первый признаетъ недостаточность основанія и самовластіе въ подобномъ арестѣ и дастъ распоряженіе освободить Марію Боссъ и другихъ.

— Я этому совсѣмъ не вѣрю, Катерина. Приговоромъ парламента 10-го января Ларейни поручено допросить г-жу Вигурѣ, Марію Боссъ и ея дѣтей. Время совсѣмъ ненадежное, и лучше, вѣрьте мнѣ, быть на-сторожѣ...

— Словомъ, вы боитесь?

— Боюсь? Нѣтъ, я остороженъ, вотъ и все.

— Остороженъ!.. Чего вамъ опасаться?.. Развѣ у насъ нѣтъ могущественныхъ покровителей даже между судьями? Вы хорошо знаете, что королевскій прокуроръ Ріантцъ при Шатлэ и уголовный слѣдователь Эфита—все нами пріобрѣтены. Да, впрочемъ, кто могъ бы васъ узнать когда нибудь въ вашемъ переодѣваньи, къ которому вы должны прибѣгнуть? Присутствіе торговца шелковыми матеріями у герцогини Фонтавжъ никого не удивило бы... Она поспѣшила бы купить матеріи и перчатки, которыя вы отправились бы предложить ей, такъ какъ у нея есть большой недостатокъ—кокетство. И затѣмъ вы были бы поддержаны у нея нашимъ другомъ, г-жею Бретешъ. Эта рекомендація достаточна, чтобы обезпечить вашу безопасность. Ахъ, у васъ было больше смѣлости въ тотъ день, когда вамъ поручили передать маркизу Термъ халатъ и ночной колпакъ, которые вы отвезли ему въ Фонтенэ!..

Романи нахмурилъ брови и понизилъ голосъ:

— Зачѣмъ напоминаете вы мнѣ объ этомъ, Катерина? Я просто хотѣлъ оказать услугу, попробовавъ вырвать вашего любовника, Блесси ¹⁾, изъ рукъ алхимика. Не будемъ слишкомъ говорить объ этомъ дѣлѣ...

— Ба! въ самомъ дѣлѣ!—сказала насмѣшливо г-жа Вуазенъ:— не угрызения ли совѣсти у васъ?

— Угрызенія совѣсти? Нѣтъ, я никогда не сожалѣю о своихъ поступкахъ, Катерина... Но въ день, когда я вступилъ въ сношенія съ маркизомъ Термъ, ничто еще не обратило вниманія начальника полиціи.

Справедливые доводы Романи не смягчили Катерины.

— Всего можно достичь,—сказала она подымаясь,—когда, какъ вы, дѣятеленъ, уменъ, отваженъ, хитеръ и болѣе того... влюбленъ. Когда называешься Романи и пользуешься высокими покровительствомъ, то не боишься агентовъ Ларейни.

Затѣмъ послѣ минутнаго размышленія она прибавила:

— Будете ли вы еще отступать, если я обещаю вамъ въ награду руку моей дочери?

¹⁾ Этотъ Блесси, прежній аптекарь въ Монбризонѣ, пріѣхалъ въ Парижъ дѣлать фальшивыя монеты. Тамъ онъ познакомился съ г-жею Вуазенъ и сдѣлался ея любовникомъ.

Маркизъ де-Термъ, родственникъ маркизы Монтеспанъ, который предавался нѣкоторымъ алхимическимъ работамъ, желая обезпечить себѣ драгоценное содѣйствіе Блесси, таланты котораго ему расхваливали, ничего не нашелъ лучше, какъ его похитить и запереть въ замкѣ Фонтенэ, въ Бри. Взбѣшенная Вуазенъ поручила Романи отправиться къ маркизу де-Термъ и поднести ему отравленные халатъ и ночной колпакъ. Но попытка не удалась. И только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, маркизъ Термъ согласился отпустить узника.

Романи измѣнился въ лицѣ.

— Послушайте, Романи. Я очень желала бы вамъ дать мое согласіе, но вы отправитесь къ герцогинѣ Фонтанжъ. Вы будете слѣдовать всѣмъ моимъ инструкціямъ и исполните миссію, вы знаете—какую... Васъ это ужасаетъ?

— Нѣтъ,—холодно отвѣтилъ Романи.

— Вспомните, что вы потерпѣли неудачу у королевы, несмотря на преданное соучастіе моихъ друзей, мундшенковъ Дюшеня и Жило, но я васъ въ этомъ не упрекаю, наконецъ, несмотря на всѣ средства, которыми вы располагаете... Теперь надо, чтобы герцогиня Фонтанжъ...

— Я понялъ.

— Помните, что Ларейни ходитъ за нами по пятамъ...

— Я его болѣе не боюсь, — сказалъ улыбаясь и рѣшительно Романи.

Г-жа Вуазенъ цинично объяснила:

— То, что я вамъ предлагаю, не забудьте, сдѣлка, въ которой Маргарита—цѣна.

— Я ее принимаю.

— Повторяю вамъ, — настаивала Катерина, — моя дочь будетъ вашей женою, если только вы будете имѣть успѣхъ.

И Романи съ мрачнымъ и дикимъ воодушевленіемъ воскликнулъ:

— Я люблю Маргариту и буду имѣть успѣхъ!

VIII.

Въ концѣ января, около девяти часовъ вечера женщина, закутанная въ темный плащъ, съ замаскированнымъ лицомъ и высокаго роста мужчина молча шли рядомъ торопливыми шагами. Иногда они оборачивались, всматривались въ темноту, какъ будто боялись, что за ними шпионятъ или слѣдуютъ, затѣмъ продолжали свой путь по направленію къ Вилль-Нёвъ. Достигнувъ вершины подъема Пуассоньеръ, они взяли направо и вошли въ улицу Борегаръ.

Въ этотъ часъ кварталъ былъ пустыненъ и погруженъ въ полную темноту. Ставни кабачка «Хорошей Воды», столь шумнаго днемъ, и свѣчной лавки, которая съ утра до вечера не пустѣла, теперь были плотно закрыты.

Послѣ пятидесяти шаговъ ночные прохожіе остановились на лѣво предъ входомъ дома, расположеннаго вблизи церкви. Здѣсь жила Катерина Вуазенъ.

Послѣ нѣсколькихъ ударовъ тяжелаго молотка дверь повернулась на своихъ петляхъ, и мужчина съ женщиной исчезли въ коридорѣ, гдѣ дрожало пламя ночника.

Прорипательница вышла сама открыть дверь. Она провела обоих посѣтителей въ свой кабинетъ. Свѣточъ, поставленный на высокомъ каминѣ, освѣщаль комнату. Два полѣна вспыхивали въ очагѣ.

Катерина толкнула дверь и поздоровавшись указала жестомъ мужчинѣ на стулъ. Затѣмъ, обратившись къ его спутницѣ, сказала:

— Вы точны на свиданія, Дэээлье. Я ожидала васъ съ нетерпѣніемъ.

— Мы не могли откладывать долѣ этого свиданія, — сказала г-жа Дэээлье, — такъ такъ милордъ (она указала на своего спутника) долженъ уѣхать на разсвѣтъ въ Калэ, откуда возвратится въ Англию.

— Какъ! милордъ? — сказала Катерина, обернувшись къ иностранцу:—вы въ Парижѣ только съ сегодняшняго утра и уже готовяетесь покинуть насъ, не отдохнувъ?..

— Не до отдыха, сударыня, когда дѣло идетъ объ исполненіи Божьяго предначертанія; отъ имени моей партіи, я пришелъ просить васъ отдать отчетъ о порученіи, которое было вамъ довѣрено. Скажите мнѣ причину, которая задержала его исполненіе. Мы не нашли въ васъ, сударыня, содѣйствія, которое имѣли право ожидать.

Катерина, порядочно удивленная подобнымъ вступленіемъ, воскликнула:

— Вы обращаетесь ко мнѣ съ упреками, милордъ? Я ихъ со всѣмъ не заслуживаю, такъ какъ съ того дня, когда сторонники Англии и Голландіи удостоили сдѣлать мнѣ честь своимъ довѣріемъ и поручили чрезъ ваше посредничество миссію, интересъ которой я прекрасно поняла, будьте убѣждены, мною не было потеряно ни одной минуты... Да, конечно, задача опасная, и гораздо труднѣе уничтожить короля, чѣмъ мужика.

— Мы это знаемъ, сударыня, но вотъ уже четыре года, какъ мы ожидаемъ! Каждый протекшій день приноситъ новое гоненіе на протестантовъ... Время исчезнуть притѣснителю. Въ эпоху, когда я пріѣхалъ во Францію въ сопровожденіи лорда Букингама, тому восемь лѣтъ, г-жа Дэээлье хвалила мнѣ много разъ вашъ талантъ. Поистинѣ, церемоніи, на которыхъ вы заставили насъ присутствовать, поразили меня удивленіемъ. Три года спустя, то-есть въ 1675 г., когда съ согласія моихъ братьевъ изганниковъ была рѣшена смерть тирана, мы не поколебались сдѣлать васъ повѣренной нашего плана... Вы приняли наши предложенія, и мы вручили вамъ безъ всякой предвзятой мысли всѣ деньги, какія вы требовали отъ насъ. Мы обѣщали вамъ, кромѣ того, сумму въ сто тысячъ золотыхъ экю въ тотъ день, когда вы достигнете успѣха, и мы обезпечиваемъ вамъ и вашей дочери убѣжище въ Англию... Вотъ уже четыре года, какъ я вамъ это повторяю и спрашиваю себя теперь: дѣйствительно ли вы намѣрены намъ служить?

Г-жа Дэээлье, нѣсколько взволнованная, но увѣренная въ удовлетворительномъ отвѣтѣ, посмотрѣла на г-жу Вуазенъ.

Катерина невозмутимо слушала упреки иностранца.

Она заговорила очень спокойно:

— Съ вами, милордъ, я говорю совсѣмъ искренно... Подумайте, если я приняла подобную миссію, то значитъ чувствовала ее по плечу, чтобы довести до благопріятнаго конца... Но, подписываясь подъ условіями, которыя вы мнѣ выставили, я не обязывалась кончить въ назначенное число... Однако я хочу вамъ доказать, что я, все-таки, достойна вашего довѣрія. Дѣйствительно, уже нѣсколько лѣтъ, какъ я принялась за работу и медленно иду къ своей цѣли, которой наконецъ я почти достигла... Послушайте, милордъ... Не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ,—въ этомъ я даю торжественную клятву всѣми тайными силами, которыя покровительствуютъ мнѣ,—не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, и короля болѣе не будетъ... Вотъ въ чемъ вы можете увѣрить, милордъ, вашихъ друзей въ Англіи и Голландіи.

И прорицательница мрачно прибавила:

— Уже королева Франціи едва не предшествовала въ могилу нѣсколькими недѣлями ранѣе своего всемогущественнаго супруга.

— Королева Франціи?

— Да, милордъ... королева! Развѣ не слѣдовало быть неумолимымъ, наносить ударъ безошадно, какъ безошадно преслѣдовали вашихъ братьевъ? Расы Бурбоновъ и Стюартовъ—проклятыя расы.

— Это правда, сударыня... Но королева Марія-Тереза не виновата, и Богъ никогда не требовалъ сожженія невинныхъ жертвъ.

— Чортъ возьми! — возразила уязвленная Катерина... Вы, по-видимому, болѣе не помните о принцессѣ Генріетѣ. Преступленіе, которое по-вашему она сдѣлала, отправившись подписывать въ Дувръ трактатъ о союзѣ съ Карломъ II, заслуживало, стало быть, наказанія, которое не поколебались нанести вы, сторонники Англіи.

— Сударыня!.. — воскликнулъ иностранецъ: — что вы хотите этимъ сказать?

— Я все знаю, все, милордъ. Мнѣ было легко узнать интриги, которыя завязывались у первой жены брата короля. Многіе изъ ея домашнихъ, г-жа Сенъ-Мартэнъ, ея горничная, г-жа Гордонъ, ваша соотечественница, были также моими лучшими друзьями. Съ другой стороны, графъ Бевронъ, капитанъ стражи брата короля, маркизъ Деффіа, его оберъ-штальмейстеръ и оберъ-егермейстеръ кавалеръ Данивэль де-Морелли, этотъ мелкій провансальскій дворянинъ, котораго вы видѣли у меня въ улицѣ Борегаръ, и нравственность котораго, по-видимому, васъ такъ сильно испугала, были всѣ изъ свиты принцессы и часто прибѣгали къ моимъ услугамъ... Видите ли, милордъ, что мнѣ ничего нѣтъ неизвѣстнаго изъ того, что затѣвалось вокругъ принцессы.

Г-жа Вуазенъ торжествовала.

Высокомѣрнымъ и рѣзкимъ языкомъ она выражала свое непреодолимое превосходство. Во время этого страннаго спора г-жа Дезелье выражала сдержанное благоговѣнне къ прорицательницѣ, слегка кивая головою. Хорошенькая компаньонка наслаждалась этимъ ораторскимъ состязаніемъ, въ которомъ Катерина выказывала свое краснорѣчіе.

Явно стѣсняясь, иностранецъ перебилъ Катерину Вуазенъ:

— Я пришелъ совсѣмъ не затѣмъ, — сказалъ онъ нѣсколько сурово: — чтобы узнать о происшедшемъ когда-то въ Сенъ-Клу... Важно одно настоящее. Вы мнѣ только что поклялись и сами назначили отсрочку въ два мѣсяца, чтобы исполнить порученіе. Можемъ ли мы, наконецъ, въ этотъ разъ рассчитывать на васъ?

— Можете. До сихъ поръ необходимо было, милордъ, и я настаиваю на этомъ пунктѣ, дѣйствовать съ крайней осторожностью. Благодаря же поддержкѣ, которою я располагаю, возможно было преодолѣть большую часть препятствій, собравшихся на моемъ пути... И прежде чѣмъ вы возвратитесь къ вашимъ друзьямъ совершенно успокоенные, я хотѣла бы вамъ сообщить свѣдѣнія объ употребленныхъ средствахъ и сказать вамъ, какъ я рассчитываю воспользоваться тѣми, которыя держу въ запасѣ... Одолжите мнѣ еще нѣсколько минутъ вниманія.

Катерина сдѣлала паузу.

— Достичь короля лично мнѣ, — сказала она: — вы это знаете, милордъ, дѣло невозможное... И впрочемъ было бы безуміемъ пытаться счастье. Чѣмъ неожиданнѣе будетъ ударъ, нанесенный нами расѣ, которую вы ненавидите, тѣмъ сильнѣе будетъ его отголосокъ... Надо, чтобы подобное событіе наполнило міръ страхомъ и ужасомъ, чтобы шумъ отъ подобнаго преступленія распространился и отразился во всѣхъ европейскихъ государствахъ, какъ угрожающій и ужасный ударъ грома!.. Надо, чтобы короли знали, какъ велико наше могущество... И чрезъ минуту, я въ этомъ увѣрена, милордъ, вы похвалите дѣятельность, которую я непрерывно выказывала въ продолженіе четырехъ лѣтъ... Знайте сначала, что мои отношенія съ первыми дворянами королевства и съ самыми высокопоставленными дамами позволяютъ мнѣ проникать до самаго сердца твердыни. Двое людей, которыхъ я особенно вамъ рекомендую, если наше дѣло исполнится, мнѣ будутъ особенно полезны: одного зовутъ Лезажъ, и его ловкость необычайна; другого — Романи, которого, я думаю, вы уже знаете; это — самая хитрая, самая искусная личность, какую можно себѣ вообразить. Третій, творецъ или начальникъ интригъ, мнѣ также оказалъ серіозную услугу; къ несчастію, онъ теперь заключенъ въ Бастилію по распоряженію Лувуа: это — кавалеръ Луи-де-Вапанъ, провансальскій дворянинъ, прежній капитанъ галеръ, арестованный прошедшій годъ въ улицѣ Анжу, въ маленькой гостиницѣ «Англія», въ тотъ моментъ, когда онъ до-

бился монополіи на перегонку спирта. Другому моему другу, знаменитому врачу Рабелю, воду и элексиръ котораго такъ теперь дѣлать, угрожала такая же судьба, но ему посчастливилось имѣть возможность уѣхать въ Англію, гдѣ, благодаря вашему покровительству, онъ теперь ухаживаетъ за королемъ Карломъ II.

Произнося послѣднія слова, г-жа Вуазенъ пристально взглянула на иностранца. Но онъ оставался безстрастнымъ.

— Также чрезъ дѣятельное вмѣшательство Романи и Лезажа я заинтересовала въ нашемъ дѣлѣ четырехъ мундшенковъ: Бергана, Пьера Марни, Жило и Дюшени. Этотъ послѣдній былъ воспитанъ въ хорошей школѣ, такъ какъ онъ долго былъ лакеемъ у Обрѣ, отца маркизы Бренвилье. Вы догадываетесь, насколько такія связи въ королевской кухнѣ могутъ мнѣ быть полезными для исполненія нашего плана. Съ другой стороны, братъ одной изъ моихъ клиентокъ, нѣкій Лемѣръ, купилъ за семь тысячъ ливровъ, которые я ему дала въ задатокъ, должность ключника. Но непредвидѣнные обстоятельства обязали насъ быть насторожѣ: 21-го сентября 1677 года въ исповѣдальнѣ іезуитовъ, въ улицѣ св. Антонія, была найдена записка, въ которой доносили о планѣ отравленія короля и дофина, однако никого не называя по имени. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за этимъ доносомъ Лувуа, думая нанести геніальный ударъ, издавъ указъ объ арестѣ несчастнаго кавалера Ванэна и его друзей. Было дано предупрежденіе. Агенты начальника полиціи стали бродить, прокрадываться, наблюдать, подслушивать, и малѣйшая нескромность могла насъ погубить. По счастью, мои высокія связи въ судебномъ вѣдомствѣ позволяли мнѣ узнавать и уничтожать маневры Ларейни. Вотъ до чего я дошла, милордъ, и почему заставила васъ такъ долго ожидать... Но, наконецъ, часъ пришелъ, и скоро вы и ваши будете удовлетворены.

— Какъ же такъ? Если вы говорите, что за вами наблюдаютъ и шпионятъ, то всѣ настоящія попытки будутъ крайне опасны.

— Терпѣніе, милордъ, терпѣніе!.. Я достигаю до самаго интереснаго мѣста моего способа дѣйствій. Если дѣло затянулось, оно только будетъ лучше поведено, и я могу достичь даже до изголовья короля.

— До изголовья короля?

— Да, милордъ, до изголовья короля! И въ настоящій часъ дни его величества сочтены... Но еще немного вниманія, и вы увидите, что Катерина была достойна вашего довѣрія... Сегодня ровно четырнадцать лѣтъ, какъ г-жа Дзэзелье, съ которой я вступила въ сношенія при посредничествѣ моего друга Леруа, воспитателя пажей, сообщила мнѣ о честолюбивыхъ замыслахъ, которые снѣдаютъ ея госпожу, маркизу Монтеспанъ, въ то время придворную даму королевы. Г-жа Дзэзелье, вызвавъ признаніе своей госпожи, первая дала ей провидѣть возможность замѣстить въ сердцѣ короля Луизу

Лавальеръ. Маркиза Монтеспанъ прибѣгла къ моимъ услугамъ. Я употребила всѣ обычныя заклинанія, и мои друзья, аббаты Этьенъ Гибуръ и Франсуа Мариеттъ, служили для будущей фаворитки мессы и произносили молитвы, предписанныя сатанинскимъ ритуаломъ. Остальное вы знаете...

— Да, сударыня, — сказалъ англичанинъ съ нетерпѣливымъ жестомъ: — но черезъ нѣсколько часовъ день будетъ свѣтать, а я долженъ до зари отправиться въ Калэ. Сообщите мнѣ скорѣе...

— Вы поймете, почему я напомнила вамъ о придворныхъ дебютахъ маркизы Монтеспанъ. Вотъ наконецъ она сдѣлалась официальной любовницей короля. Прошли года этой связи. Мало привычный къ постоянству, король всегда ненасытный, сохраняя свою благосклонность къ маркизѣ, отправлялся къ другимъ просить новыхъ любовныхъ развлеченій. Полная отчаянія маркиза Монтеспанъ еще обратилась ко мнѣ. Я сдѣлала для нея магическія чары и вручила ей порошки, освященные подъ дароносицей. Эти порошки она должна была заставить принимать короля...

— И эти порошки? — спросилъ живо иностранецъ.

— А! а! милордъ, — продолжала Катерина съ дьявольской улыбкой, — я думаю, что наконецъ вы стали понимать!.. Ну, такъ эти порошки были просто любовные порошки, и король принималъ ихъ безъ своего вѣдома въ напитокъ, который наливала ему маркиза Монтеспанъ...

Непріятное разочарованіе изобразилось на лицѣ собесѣдника.

— Признаюсь, что ничего болѣе не понимаю, — прошепталъ онъ.

— Еще немного терпѣнія, — сказала г-жа Ваузенъ. — И такъ, маркиза не колебалась заставить короля принять эти порошки, а эти порошки дѣйствовали чудесно. Но при французскомъ дворѣ произошли неожиданныя событія. Вліянію маркизы Монтеспанъ угрожало болѣе, чѣмъ когда либо, и весь пылъ короля, повидимому, перенесся на одну изъ фрейлинъ герцогини Орлеанской, на молодую дѣвицу Фонтанжъ. Маркиза Монтеспанъ въ отчаяніи, и вскорѣ она по-прежнему придетъ ко мнѣ просить совѣта... Не правда ли, Дезэлье? — спросила г-жа Ваузенъ, оборачиваясь къ компаньонкѣ, которая сидѣла у огня, слѣдя съ возрастающимъ вниманіемъ за всѣмъ этимъ разговоромъ.

Г-жа Дезэлье кивнула головою въ знакъ одобренія.

— И такъ, — продолжала Катерина: — мнѣ надо будетъ прибѣгнуть для маркизы къ тайному ритуалу, и я вручу ей еще разъ порошокъ, освященный подъ дароносицей, который будетъ имѣть власть вернуть ей сердце короля... Понимаете ли вы теперь, милордъ?

Дѣйствительно иностранецъ думалъ, что теперь онъ отгадалъ намѣреніе г-жи Ваузенъ. Но, изумленный смѣлостью подобной мысли, онъ могъ только пробормотать:

— Такъ этотъ любовный порошокъ... этотъ порошокъ...

— Будетъ просто смертельнымъ порошкомъ,— отвѣтила холодно Катерина:—и король получить ядъ изъ рукъ самѣй безсознательной любовницы.

Англичанинъ схватилъ прорицательницу за руку.

— Сударыня, забудьте мои, только что сказанныя, нѣсколько жестокія слова... Теперь восхищаюсь вашей осторожностью... Конечно, г-жа Дэээлье меня совсѣмъ не обманула, и я не сумѣю достаточно отблагодарить ее за услугу, оказанную ею въ тотъ день, когда она намъ представила васъ... Сударыня, что вамъ нужно? Сумма, которую вы потребуете, съ сегодняшняго дня въ вашемъ распоряженіи.

— Въ данную минуту мнѣ ничего не надо, милордъ. Вы—дворянинъ, и я довѣряю вамъ. Я увѣрена, что вы вознаградите мои важныя услуги, когда вы ихъ оцѣните по достоинству...

Этотъ странный, захватывающій и даже страшный разговоръ еще болѣе увеличилъ, если это было возможно, восхищеніе г-жа Дэээлье г-жею Вуазенъ. Компаньонка возгордилась своей ролью, и ее охватило жестокое удовольствіе видѣть такимъ образомъ свои гнусныя интриги увѣнчанными успѣхомъ. Не она ли была дѣятельной посредницей между прорицательницей улицы Борегаръ и сторонниками съ той стороны Ламанша, сильнѣйшими, чѣмъ самъ лордъ Монмутъ? Лордомъ Монмутомъ назывался благородный иностранецъ, съ которымъ такъ долго бесѣдовала г-жа Вуазенъ.

Онъ былъ сынъ красавицы Люси Вальтерсъ, которая услаждала изгнаніе Карла II въ Голландіи. Отецъ любилъ его безгранично... Прежде всего онъ сдѣлалъ его графомъ Оркенеемъ, затѣмъ герцогомъ Монмутомъ и кавалеромъ ордена Подвязки. Но Монмутъ былъ честолюбивъ и хотѣлъ воспользоваться своимъ высокимъ положеніемъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ заговорахъ и не замедлилъ сдѣлаться звеномъ между вѣчно недовольными Франціей протестантами и англичанами, притѣсняемыми Стюартами. Такимъ образомъ онъ сдѣлался этого дѣла краснорѣчивымъ посредникомъ и фанатическимъ апостоломъ, котораго не могло испугать преступленіе. Впрочемъ англичане не переставали видѣть въ побѣжденномъ при Седжмурѣ славнаго защитника интересовъ англиканской религіи, достойнаго предшественника Вильгельма Оранскаго, поборника истинной вѣры, который, какъ мученикъ своего вѣрованія, долженъ былъ умереть на эшафотѣ 15 іюля 1685 года.

Замечавшаяся г-жа Дэээлье вздрогнула, когда лордъ Монмутъ положилъ свою руку ей на плечо.

— Пойдемте, сударыня, намъ надо покинуть г-жу Вуазенъ. Я достаточно теперь слышалъ и могу возвратиться въ Калэ.

Г-жа Дэээлье встала и закуталась въ плащъ, въ то время, какъ посланный изъ Англїи высказывалъ въ послѣдній разъ предъ Катериной свой восторгъ отъ ея столь гениальной смѣлости.

Однако въ тотъ моментъ, когда онъ въ сопровожденїи компаньонки удалялся, его остановило послѣднее опасенїе. Герцогъ приблизился къ трагической авантюристкѣ и сказалъ:

— Итакъ, вы увѣрены въ успѣхѣ, сударыня? Я могу формально обѣщать моимъ братьямъ скорую кончину тирана?..

— Снова клянусь вамъ, милордъ, всѣми сверхъестественными силами, всѣми противоположными духами, отъ которыхъ я черпаю мою власть, что прежде вступленїя солнца въ созвѣздіе Овна, то-есть до будущаго 21 марта, въ полночь, король Франціи перестанетъ жить... Любовный порошокъ не сумѣетъ обмануть смерти...

— Но увѣрены ли вы въ тѣхъ, кто посвященъ въ ваши планы?..

— Я увѣрена въ нихъ, какъ въ самой себѣ, — отвѣтила твердымъ голосомъ Катерина... Никто изъ нихъ не осмѣлится мнѣ измѣнить... Насъ связываютъ слишкомъ много тайнъ, и моя гибель повлечетъ за собою ихъ...

— Благодарю васъ, сударыня. Примите это.

И лордъ Монмутъ вручилъ прорицательницѣ кошелекъ, содержащій тысячу золотыхъ испанскихъ пистолей.

— Ну, пойдете, Дэээлье, — сказалъ иностранецъ. — Надо, чтобы никто не подозрѣвалъ о нашемъ ночномъ посѣщенїи...

Катерина съ предосторожностью открыла дверь и убѣдилась, что улица пустыня; затѣмъ она обернулась къ посѣтителемъ и сказала:

— Вы можете отправляться...

И прорицательница стала смотрѣть вслѣдъ лорду Монмуту и г-жѣ Дэээлье, которые удалялись среди ночи, приближавшейся къ утру.

IX.

Такъ, значитъ, попробовали посягнуть на жизнь королевы!

Король оставался испуганнымъ, и на этотъ разъ онъ рѣшилъ наказать.

Онъ сказалъ начальнику полицїи въ присутствїи Лувуа:

— «Даю вамъ полную власть, и, что бы ни случилось, я васъ защищу».

Ларейни, съ этихъ поръ увѣренный, что не будетъ остановленъ въ своей задачѣ ничьимъ соображенїемъ, имѣлъ теперь большую надежду внести свѣтъ въ это темное дѣло.

Въ данный моментъ, если онъ хотѣлъ привести розыски къ успѣху, то необходимо было дѣйствовать въ безусловной тайнѣ. Никто до сихъ поръ не зналъ объ этой попыткѣ отравить; это уже было первой выгодой.

У Ларейни въ распоряженіи былъ одинъ смѣтливый и преданный агентъ, по имени Дегрэ.

Дегрэ служилъ въ то же время по судебной части. Ловкость, осторожность и старательность, съ которою онъ исполнялъ самыя деликатныя порученія, заслужили ему полное довѣріе главнаго начальника полиціи. Не ему ли, благодаря ловкости, удалось остановить въ чужой странѣ великую отравительницу, г-жу Бренвилльеръ, и еще заставить себя замѣтить во множествѣ другихъ обстоятельствъ?

Никто лучше Дегрэ не могъ въ настоящемъ положеніи направить правосудіе на истинный путь.

Вотъ отчего Ларейни потребовалъ къ себѣ немедленно полицейскаго офицера и рассказалъ ему съ мельчайшими подробностями все, что онъ зналъ о гнусномъ покушеніи.

Король далъ ему полную власть, начальникъ же полиціи предоставилъ своему агенту свободу.

— Я вамъ, любезный Дегрэ, — сказалъ оканчивая Ларейни: — поручаю веденіе этого дѣла.

Дегрэ, внимательно слушавшій начальника полиціи, понялъ всю важность этого высокаго, щекотливаго и даже опаснаго порученія.

Польщенный онъ поклонился.

— Я принимаю и слишкомъ почтенъ возможностью доказать еще разъ мое усердіе и преданность... Я тотчасъ же примусь за поиски...

Ларейни всталъ и, чтобы засвидѣтельствовать свое удовольствіе, сказалъ:

— Отъ имени короля и отъ моего благодарю васъ, любезный Дегрэ! Вы вѣрный и честный служака, я это давно зналъ. Я ни минуты не сомнѣвался въ васъ. Его величество сумѣетъ отблагодарить ваши услуги... Начинайте ваши розыски съ сегодняшняго дня и располагайте всѣми деньгами, какія вамъ будутъ необходимы... Я вполнѣ рассчитываю на васъ... Ступайте и дѣйствуйте по своему усмотрѣнію...

Въ тотъ же вечеръ, въ который состоялось это свиданіе, къ главному повару короля, Жаку Миньо, явился съ предложеніемъ своихъ услугъ человекъ, снабженный рекомендательными письмами отъ высокопоставленныхъ и могущественныхъ лицъ.

Одно мѣсто всегда было вакантно среди помощниковъ повара.

Благодаря рекомендаціямъ, новоприбывшій былъ безъ труда благосклонно принятъ и на слѣдующій день принялся за свои обязанности. Онъ казался очень ловкимъ въ изготовленіи различныхъ тонкихъ соусовъ и искусныхъ кулинарныхъ композицій. Мало разговорчивый, онъ довольствовался отвѣчать улыбками на грубыя злословія, которыми забавлялись поваренки. Тѣмъ не менѣе его

умъ и хорошее настроеніе вскорѣ приобрѣли ему общее уваженіе всѣхъ поваренковъ его величества. Велико было бы ихъ удивленіе, если бы имъ сказали, что этотъ толстый и короткій добрякъ съ багровыми щеками и сѣдоватыми волосами, съ животомъ, опоясаннымъ бѣлымъ передникомъ, этотъ искусный поваръ, былъ самымъ хитрымъ сыщикомъ начальника полиціи.

Дегрэ—какъ можно было угадать—считалъ должнымъ втереться среди людей большой придворной официантской и прожить съ ними нѣсколько дней.

Вокругъ него говорили, впрочемъ, неопредѣленно, безъ какого либо намека о бѣднягѣ лакеѣ, скончавшемся при странныхъ обстоятельствахъ. О покушеніи ничего не знали.

Впрочемъ недавній уходъ помощника, о которомъ всѣ сожалѣли, особенно былъ предметомъ разговора.

Хотя онъ оставался на службѣ короля лишь нѣсколько дней, замѣняя больного повара, но этотъ человекъ, по имени Гѣдонъ, произвелъ на сослуживцевъ самое благопріятное впечатлѣніе.

По крайней мѣрѣ, это выдѣлялось изъ ихъ болтовни.

— Поистинѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—его покровитель, г-нъ Кольбергъ, имѣлъ превосходную идею порекомендовать его на это мѣсто... къ несчастію, временное. Мы всегда будемъ помнить о восхитительныхъ блюдахъ, составленныхъ Гѣдономъ...

— А!—спросилъ Дегрэ:—ему покровительствовалъ г-нъ Кольбергъ?

— Да, онъ явился къ намъ съ письмомъ отъ г-на Кольбера къ дворецкому, г-ну Сангэну.

— Онъ зналъ знаменитые стихи моего господина, великаго поэта Буало:

«Quand on parle de sauce, il faut qu'on y raffine»,—прибавилъ одинъ изъ старыхъ поваровъ, Сильвэнъ, почтительно кланяясь.

— Чтобы адскій огонь сжегъ вашего Буало!—воскликнулъ изъ глубины кухни Жакъ Миньо.

— Чортъ возьми! у васъ упорное злопамятство, кумъ,—возразилъ Сильвэнъ... Продажа вашихъ сухарей должна была заставить васъ забыть эти старыя злопамятства.

Жакъ Миньо съ давнихъ поръ ненавидѣлъ Буало, который въ одной изъ своихъ сатиръ назвалъ его отравителемъ. Король отвергъ жалобу на диффамацию, которую представилъ ему мастеръ кулинарнаго искусства противъ поэта, а Жакъ по случаю этой шутки отпечатавъ за собственный счетъ сатиру аббата Котэна противъ своего противника и употреблялъ ее на обертку сухарей, которые онъ продавалъ въ своей лавкѣ въ улицѣ Лаарпъ. Такимъ образомъ Миньо извлекъ изъ этой мести громадную выгоду.

Сильвэнъ самъ когда-то былъ поваромъ Буало, котораго онъ напротивъ очень уважалъ. Онъ сохранилъ отъ своего пребыванія

въ Отейлѣ нѣкоторое поверхностное остроуміе, которое, впрочемъ, охотно допускали въ немъ его сослуживцы. Даже его считали настолько ученымъ, чтобы составлять шестистопными приемами кулинарные рецепты. Но это была лишь молва, и никто не могъ добиться отъ него малѣйшаго двустишія.

Итакъ, чтобы избѣжать всѣхъ споровъ по поводу поэта, Сильвэнъ воскликнулъ:

— Оставимъ въ покоѣ г-на Дебрео и подумаемъ поскорѣе, чтобы удались, какъ слѣдуетъ, этотъ сальпиконъ ¹⁾ и молодые каплуны (*hétoudeaux*) ²⁾, предназначенные для ужина его величества.— Затѣмъ онъ меланхолически сказалъ Дебрэ:

— Ахъ, какое драгоценное содѣйствіе оказывалъ мнѣ помощникъ, о которомъ мы только что говорили!

И, обернувшись къ Жаку Миньо, онъ сказалъ:

— Развѣ лицо, покровительствуемое г-номъ Кольберомъ, не было рекомендовано еще двумя мундшенками?

— Да, дѣйствительно,— возразилъ Жакъ Миньо: — Дюшень и Жило очень расхваливали мнѣ его кулинарные таланты, что побудило меня сейчасъ же его нанять.

Дебрэ заботливо собралъ малѣйшіе разговоры и, сохраняя съ виду спокойное равнодушіе, дѣятельно занялся обязанностями своей должности.

Каждая черта, всякая мелочь отпечатались въ его умѣ, и онъ не упустилъ никакого указанія, годнаго для составленія рапорта, который онъ рассчитывалъ чрезъ самый короткій срокъ вручить Ларейни.

Нѣсколько дней спустя, разочарованный Дебрэ въ свою очередь исчезъ изъ королевской кухни къ большому удивленію своихъ сослуживцевъ, господъ поваровъ и поваренковъ его величества, и поспѣшилъ дать отчетъ начальнику полиціи обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ...

Ларейни сообщилъ Лувуа о краткомъ и мало убѣдительномъ отчетѣ своего агента.

— Такъ мы ничего не узнали?—спросилъ министръ.

— Почти, т.-е. что г-нъ Кольберъ не помнить, чтобъ онъ посылалъ одного изъ покровительствуемыхъ лицъ къ управляющему кухней. Врученное письмо, должно быть, поддѣлано, и человекъ, который имъ воспользовался, конечно, имѣлъ преступныя намѣренія.

Недовѣрчивый Лувуа далъ замѣтить начальнику полиціи, что этотъ человекъ «съ преступными намѣреніями» далъ доказательства

¹⁾ Сальпиконъ состоялъ изъ наръзанныхъ кусочками живности, дичи и рыбы съ трюфелями, гусиной печенкой и шампильонами.

²⁾ Молодому каплуну дали названіе *hétoudeaux*.

образцоваго поведенія, такъ что невозможно забыть его веселаго характера и привѣтливости; вообще онъ оставилъ сожалѣніе о себѣ среди людей придворной официантской. Наконецъ онъ покинулъ кухню его величества по причинѣ нисколько не подозрительной. Не правда ли, вотъ что видно изъ рапорта Дегрэ?

— Да, сударь.

— А что говорятъ оба мундшенка?

— Они видѣли этого человѣка нѣсколько разъ въ кабачкѣ улицы Монмартръ, гдѣ онъ пользовался извѣстностью отличнаго повара. Они ничего не могли точнѣе опредѣлить.

— Вы знаете его имя?

— Онъ пришелъ въ придворную официантскую подъ именемъ Гэдона: по всей вѣроятности, это фальшивое имя.

— Надо было бы поискать въ другомъ мѣстѣ, сударь, — сказалъ грубо министръ.

— Однако есть подложное письмо.

— А это подложное письмо у васъ?

Начальникъ полиціи отвѣтилъ смущенно:

— Я самъ спрашивалъ его у г-на Сангэна, какъ только узналъ подробности чрезъ Дегрэ, но это письмо не могло быть размыскано.

Тогда Лувуа сказалъ съ досадой:

— Такъ, значитъ, у насъ нѣтъ ни малѣйшаго признака, и мы едва владѣемъ смутными примѣтами. Виновные, однако, существуютъ. Ежедневно безыменныя письма доносятъ объ отравкахъ. Парижъ содрогается. А мы тревожимся въ неизвѣстности, гоняемся за неуловимымъ и обнаруживаемъ лишь пустоту. Нами играютъ, господинъ начальникъ полиціи, и насъ вызываютъ на бой. Уже съ высоты кафедръ священные слова негодующе гремятъ противъ отравителей, кругъ которыхъ все суживается, окружаетъ дворъ и обнимаетъ его величество.

— Вамъ небезызвѣстно, сударь, что мы произвели уже важные аресты. Послѣ странной смерти принца Савойскаго развѣ мы не захватили цѣлую шайку отравителей, которые заключены въ Бастиліи и Венсенъ? Слѣдовательно мы сумѣли открыть слѣды обширнаго заговора, и наканунѣ открытія мельчайшихъ его деталей.

— Несмотря на это, они продолжаютъ свою работу... пробуя посягать на жизнь королевы!..

— Это—правда, сударь... Но повѣрьте, что время, терпѣнье, осторожность преодолѣютъ препятствія, и я надѣюсь, что съ помощью Дегрэ...

— Дегрэ? — спросилъ Лувуа съ горькой улыбкой: — но вашъ агентъ остается, какъ и мы, безсиленъ въ интересующемъ насъ теперь дѣлѣ. Вы имѣли доказательства...

Ларейни понурилъ голову. Неуспѣхъ первыхъ шаговъ былъ слишкомъ очевиденъ.

Министръ съ сдержаннымъ гнѣвомъ продолжалъ:

— Кстати о кухнѣ—поддѣльное письмо, предполагаемый убійца подъ фальшивымъ именемъ,—вотъ все. Разслѣдованія подвинулись ли хоть на шагъ?

Начальникъ полиціи, котораго тревожило гнѣвное нетерпѣніе министра, сказалъ бессильно:

— Нѣтъ, сударь... я, какъ и вы, съ глубокимъ сожалѣніемъ признаю это.

Между тѣмъ Луваа съ нахмуреннымъ лбомъ и Ларейни оставались смущенные предъ страшной загадкой. У обоихъ было тревожное видѣніе будущаго, полного опасностей. Они спѣшили жестоко наказатъ ради имени короля и, можетъ быть, ради собственной безопасности. Поэтому ихъ испугъ, смѣшанный съ досадою, увеличивался по мѣрѣ того, какъ предъ ними являлось безплодіе ихъ усилій.

Между тѣмъ въ улицѣ Борегаръ г-жа Вуазенъ совершенно спокойно продолжала собирать плоды суевѣрія, служить ненависти и двусмысленной любви, завязывать благородныя интриги и къ досадѣ всемогущаго министра и начальника полиціи, занятыхъ тѣмъ, что метали молнію, искала съ адскимъ упорствомъ средства достигчь до изголовья короля.

X.

Утвержденіе, столь точно опредѣленное г-жею Вуазенъ во время ея послѣдняго визита въ Кланьи, успокоило маркизу Монтеспанъ, которая теперь ждала только благопріятнаго случая, чтобы навсегда возвратить свою всемогущую власть надъ королемъ.

Однако въ маркизѣ Монтеспанъ еще существовало опасеніе.

Всегда ли останется король въ невѣдѣніи относительно ея связи съ кавалеромъ Люссакомъ, и что будетъ съ нимъ, когда онъ узнаетъ объ этой связи?.. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что, уязвленный въ своемъ самолюбіи, онъ накажетъ невѣрность своей любовницы окончательнымъ ея изгнаніемъ.

Конечно, Атенаиса пылко любила Оливье; но она понимала также, что могла сохранить эту любовь путемъ благоразумія, предосторожностей и тайны...

Съ большею предосторожностью она просила кавалера Люссака перестать ее посѣщать нѣкоторое время.

Вслѣдствіе этого неожиданнаго рѣшенія имъ овладѣло глубокое отчаяніе. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы угадать, сколько скрывалось благоразумной предусмотрительности въ поведеніи Атенаисы, и сказалъ себѣ, что болѣе онъ не одинъ занимаетъ сердце своей любовницы. Въ своемъ горѣ онъ прежде всего думалъ просить объ,

отпускъ и возвратиться въ провинцію. Тамъ онъ потребуеть утѣшенія отъ материнскихъ ласкъ.

Но Люссакъ колебался. Это была жертва свыше его силъ.

Покинуть дворъ не значить ли отказаться отъ единственной хотя столь малой радости, которая осталась у него,—находиться въ близкомъ присутствіи его возлюбленной?

Однажды болѣе опечаленный, чѣмъ когда либо, онъ вспомнилъ о рекомендательномъ письмѣ, которое далъ ему отецъ къ прежнему главному патеру графа Монгоммери, аббату Гибуру, причисленному теперь къ приходу св. Евстаѳіа.

Со времени отъѣзда изъ Пуату столько событій пересѣкли жизнь Оливье, что онъ пренебрегъ этимъ визитомъ. Теперь по чувству сыновняго уваженія, а также въ надеждѣ найти облегченіе своему горю, онъ отправился въ улицу Жанъ-Тизонъ, расположенную между улицами Балльель и Сенъ-Жерменъ Локсерруа, гдѣ уже съ годъ поселился аббатъ Этьень Гибуръ.

Онъ былъ принятъ высокой, толстой, краснолицей, дюжей дѣвушкой лѣтъ около сорока, которая держала на рукахъ совѣмъ маленькаго ребенка.

Онъ былъ принятъ высокой краснощекой плотной дѣвушкой лѣтъ сорока, державшей на рукахъ маленькаго ребенка. Она провела Люссака въ обширную комнату, съ виду напоминавшую приемную въ богатомъ монастырѣ. Столикъ, покрытый ковромъ utrechtскаго бархата, шесть лакированныхъ орѣховаго дерева стульевъ съ подушками изъ черной тафты съ ратиновыми полосами составляли обстановку салона, въ которомъ царствовалъ скромный, приличный характеръ, очень согласовавшійся съ духовнымъ званіемъ его хозяина. Среди рѣдкихъ картинъ святыхъ, окруженныхъ сіяніемъ, вниманіе Люссака было устремлено на портретъ Генриха II де-Монморанси, написанный восхитительнымъ карандашемъ Даніэля Мустье. Часто отецъ рассказывалъ ему о высокихъ дѣяніяхъ этого маршала Франціи, который, сначала приобрѣтя уваженіе и восхищеніе всего королевства, въ восемнадцать лѣтъ произведенный въ адмиралы, несмотря на важныя услуги, былъ обезглавленъ въ тулузской ратушѣ 30-го октября 1632 года за оскорбленіе величества.

Зачѣмъ этотъ драгоценный портретъ у аббата Гибура? По причинѣ ли его высокой артистической цѣнности? Нѣтъ. Потому что хозяинъ дома съ гордостью называлъ себя сыномъ Генриха II де-Монморанси. Это притязаніе, какъ странно оно ни казалось, было возможно, такъ какъ прежній губернаторъ Лангедока, доблестный воинъ, волокита и «соблазнитель», сѣялъ незаконнорожденныхъ дѣтей вездѣ понемногу, наудачу, во время своихъ любовныхъ приключеній. Впрочемъ между знаменитымъ герцогомъ и старымъ жителемъ улицы Жанъ-Тизонъ было нѣкоторое сходство; какъ особенный признакъ,—оба они одинаково отличались косоглазіемъ.

Надъ каминомъ, на которомъ возвышались небольшіе часы съ маятникомъ, въ родѣ работы Клода Ральера, висѣло въ красной бархатной рамѣ Распятіе изъ пожелтѣвшей слоновой кости, которое теперь сдѣлалось предметомъ созерцанія Оливье. Печаль невыразимыхъ страданій говорила, что Распятый въ борьбѣ напрягалъ свои мускулы, стараясь оторвать окровавленные руки и ноги отъ позорной висѣлицы, къ которой пригвоздила его слѣпая ненависть евреевъ.

Блѣдный дневной свѣтъ, падавшій изъ высокихъ оконъ, образовывалъ сіяніе печальнаго свѣта, какъ вѣнецъ на измученномъ лицѣ страдальца Бога...

Служанка вскорѣ возвратилась.

— Г-нъ аббатъ занятъ, — сказала она. — Не повремените ли вы нѣсколько минутъ, сударь?

Оливье остался одинъ въ безмолвной тишинѣ комнаты.

Заинтересованный страннымъ Распятіемъ, молодой человекъ приблизился, чтобы лучше полюбоваться произведеніемъ артиста, вырѣзавшаго на слоновой кости это несравнимое чудо.

Люссакъ былъ одной изъ тѣхъ привилегированныхъ душъ, которыхъ приводитъ въ восторгъ всякая красота, парящая надъ обыденной вулгарностью и живущая идеаломъ. Затѣмъ также уваженіе къ священнымъ предметамъ, стремленіе къ продолжительнымъ мечтаніямъ склоняли его иногда къ мистицизму. Религія ласкала его дѣтство, и если въ стремительности своихъ двадцати лѣтъ онъ могъ пренебрегать своимъ долгомъ, то все-таки оставался еще пропитаннымъ семейными традиціями и своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ.

Предъ Распятымъ Богомъ у него пронеслися тысяча воспоминаній: воскресная обѣдня въ часовнѣ замка, молившіеся крестьяне, преклонившіе колѣно на ступеняхъ Голгоѣы и по краямъ дороги, и молитвы, которыя онъ заучилъ на колѣняхъ матери. Всѣ эти благочестивыя чувства, на минуту уснувшія, внезапно проснулись. Онъ также думалъ о тѣхъ, кого любилъ, и кто, безъ сомнѣнія, оплакиваетъ его тамъ...

Тогда въ его сердцѣ возобновилась нѣжность. Онъ снова увидѣлъ большіе лѣса, новую листву, совсѣмъ бѣлыя яблони и цвѣтуція ограды, на которыхъ пѣли пташки.

Въ этой благочестивой атмосферѣ суровой мечты впервые въ него вторгнулось угрызеніе совѣсти за преступную любовь, связавшую его съ фавориткой.

Онъ измѣнилъ своему королю, своему господину и благодѣтелю и, похищая дорогія ласки, совершилъ болѣе чѣмъ преступленіе. Въ припадкѣ жаркаго раскаянія онъ чуть не упалъ къ ногамъ Христа, чтобы выпросить прощеніе у Того, который видитъ слабости и страданія людей.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
МАЙ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроникки). XI—XII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	401
II. Варшавскія воспоминанія. Н. П. Авенариуса	417
иллюстрація: Николай Петровичъ Авенариусъ.	
III. Подъ грозой. Повѣсть. (Посвящается С. Н. Шубинскому). VIII—XIV. (Продолженіе). В. М. Грибовскаго	449
IV. Два высочайшихъ посѣщенія. Д. П. Медвѣдева	489
V. Страничка изъ литературныхъ воспоминаній. П. В. Засодимскаго	500
VI. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. VII—VIII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	505
VII. Подвигъ русской женщины. П. Е. Щеголева	530
VIII. С. П. Боткинъ и чума. П. А. Граціанова	531
IX. Отъ Асхабада до Мешеда. I—IV. Д. Бѣляева	557
X. Изъ историко-археологическихъ экскурсій по Ломжинской губерніи. Путевые наброски. Г. А. Воробьева	575
иллюстраціи: 1) Внутренній видъ костела въ Червинѣ. — 2) Костель въ Клецковѣ. — 3) Одна изъ башенъ стѣны, окружающей костель въ Клецковѣ. — 4) Внутренность костела бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ. — 5) Одинъ изъ коридоровъ бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ. — 6) Остроленка. Памятникъ сраженія 14-го мая 1831 года. — 7) На мосту въ Остроленкѣ. — 8) Куриянская деревня. — 9) Група куріевъ. — 10) Костель въ Говоровѣ.	
XI. Аутодафе надъ философской книгой. Е. А. Боброва	605
XII. По обычаямъ страны. (Очеркъ изъ русско-американскаго житья-бытья). Е. Н. Матросова	608
XIII. Иностранцы о Россіи. В. Тимирязева	626
XIV. Критика и библіографія	654

1) Иванъ Ивановичъ Вецкой. Опытъ его біографіи. Сост. П. М. Майковъ. Спб. 1904. в. т.—2) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1899 годъ. Спб. 1903. с. Пчельникова. — 3) Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1762—1801 гг. Составленъ подъ редакціей С. Панчудидзева. Спб. 1904. в. Грибовскаго. — 4) А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга VIII. Спб. 1904. А. М. Ловягина. — 5) А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва. 1903. м. к.—6) Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. К. 1903. М. Ф. Вистровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ. Спб. 1904. я. а.—7) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 18-я. Спб. 1904. А. Б.—8) Опытъ исторіи государственнаго совѣта въ Россіи, составленный помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта В. И. Туманскимъ въ 1840 г. Часть первая. 1769—1801 г. Совѣтъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й и Павла I-го. (Сообщеніе графа Г. А. Милорадовича). Черниговъ. 1903. в. г.—9) Возроженіе русской арміи въ Крымскую кампанію. Составилъ В. Федоровъ. Издаю по приказанію великаго князя Александра Михайловича музеюмъ севастопольской обороны. Спб. 1904. м. ф.—10) С. А. Чистяковъ. Исторія Петра Великаго. Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. Изданіе второе. Спб. 1904. С. Ш.—11) Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мѣвнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ К. Скальковскій. Спб. 1904. б. Гл.—снго.—12) В. В. Святловскій, приватъ-доцентъ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Выпуски I, IV, V. Спб. 1903. в. Грибовскаго. — 13) Старица и Новизна. Книга сельмая. Спб. 1904. б.—14) Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. в. с. н.—15) Александръ Венуа. Русская школа живописи. Изданіе товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Вып. I и II. Спб. 1904. п. п—ва.—16) П. Гр. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письмен-

(См. слѣд. стран.).

ности. Ч. I. Спб. 1904. И. Ретвика. — 17) Н. И. Теодоровичъ. Волины въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Томъ V. Ковельскій уѣздъ. Почаевъ. 1903. А. Я. — 18) Евг. Лядцій. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904. А. Б. — 19) Панченко, В. А. Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы. Софія. 1904. И. Ретвика. — 20) Изъ боевой и походной жизни 1877 — 1878 гг. Воспоминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова. Перевелъ со второго исправленнаго и дополненнаго болгарскаго изданія. М. Горюнинъ. Софія. 1903. Андрея Сиротиннина. — 21) Труды Пензенской ученой архивной комисіи. Книгъ I. Пенза. 1903. М. К. — 22) П. Красовскій. Юрьевъ и Юрьевскій университетъ. Очерки, замѣтки и воспоминанія юрьевского студента. Рига. 1904. Д. З. — 23) И. К. Антошевскій. Константиновскій рубль 1825 года. Со снимкомъ. Спб. 1904. Беге. — 24) М. и В. Успенскіе. Мѣсяцесловъ императора Василия II. Мѣсяцы сентябрь и октябрь. Спб. 1904. М. — 25) М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Москва. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 26) В. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись. Съ 20 таблицами. Спб. 1903. А. Я. — 27) У. Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Москва. 1904. п. — 28) Е. В. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Спб. 1904. п. и-аго. — 29) Э. Вандервельде. Вѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Переводъ съ французскаго подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предисловіемъ проф. А. Фортунатова. Изд. Д. С. Горшкова. Москва. 1904. ш. м. в. — 30) В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. 3-е исправленное изданіе. Спб. 1904. Андрея Сиротиннина. — 31) Ludwik Bogałyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw turkom (1576 — 1584). Kraków. Nakładem Akademii Umiejętności. (Людвигъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и планъ союза противъ турокъ. 1576—1584. Краковъ. Изданіемъ академіи наукъ). Г. А. Воробьева. — 32) Списокъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ XVII—XIX столѣтій. Составилъ Н. М. Лисовскій. Спб. 1903. Беге. — 33) Проф. Дж. Цвѣтаевъ. Положеніе инновѣрія въ Россіи. Историческое обобщеніе. Варшава. 1904. А. М.—лова. — 34) П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 гг. («Лѣтопись о Крыловѣ» и ея разборъ). М. 1904. М. К. — 35) И. И. Иллюстровъ. Сборникъ російскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. Д. Зеленина. — 36) Р. Мутеръ. Исторія живописи. Томъ III. Спб. 1904. А. Я. — 37) Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Съ портретами. Спб. 1904. В. Т. — 38) По островамъ Ладожскаго озера. Очеркъ Вл. А. Новова. Съ 30 рисунками. М. 1904. А. Я.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 717

1) Книга египетскихъ пророчествъ. — 2) Первые европейцы въ Японіи. — 3) Новые труды биографа Наполеона, академика Массона. — 4) Последняя любовь Гете. — 5) Бальзакъ, какъ типографъ. — 6) Мопассанъ и его мать. — 7) Окубо Тосимитси. — 8) Адмиралъ Того. — 9) Столѣтніе юбилеи французскихъ писателей. — 10) Смерть испанской королевы Изабеллы II.

XVI. Смѣсь 746

1) Диспутъ А. Н. Савина. — 2) Русское историческое общество. — 3) Общество любителей древней письменности. — 4) Общество археологів, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 5) Географическое общество. — 6) Общество востоковѣдннхъ.

XVII. Некрологи 754

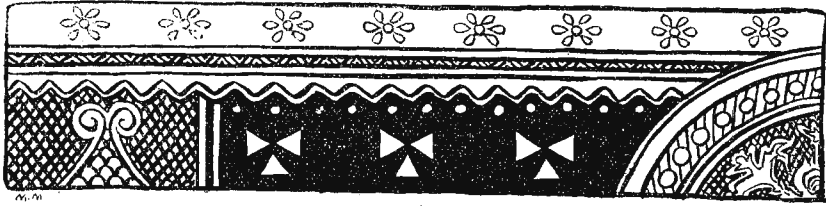
1) Агалъевъ, А. П. — 2) Ахматова, Е. Н. — 3) Бетлингъ, О. — 4) Верещагинъ, В. В. — 5) Добровольскій, В. И. — 6) Ириней, епископъ. — 7) Константиновскій, И. В. — 8) Леаръ, Г. А. — 9) Макаровъ, С. О. — 10) Писаревъ, С. П. — 11) Поповицкій, А. И. — 12) Чичеринъ, Т. С. — 13) Ювеналій, архіепископъ.

XVIII. Замѣтки и поправки 767

Къ вопросу о пребываніи ростовскаго митрополита Филарета Романова въ Варшавѣ въ 1611—1619 гг. Г. А. Воробьева.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Маріи Николаевны Волконской. — 2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. (Продолженіе). XI—XV.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XI.

МИТРИЙ Степановичъ Аратовъ очень торопился домой; однако какъ ни сокращалъ онъ остановки для ночлега и отдыха лошадей, раньше, какъ къ вечеру третьяго дня по выѣздѣ изъ Тульчина, онъ не могъ доѣхать со своей свитой (въ числѣ которой былъ и тотъ парень, котораго послали къ нему съ роковымъ извѣстіемъ изъ Малявина) до мѣстечка, гдѣ надо было въ послѣдній разъ покормить лошадей и поѣсть людямъ до пріѣзда домой.

Въ этомъ поселкѣ, бойкомъ торговомъ центрѣ, кишачемъ жидами, его знали хорошо, и едва успѣлъ онъ подъѣхать къ корчмѣ, какъ толпа длинноносыхъ въ засаленныхъ лапсердакахъ и съ пейсамп загудѣла подѣ окнами просторной горницы съ каменнымъ поломъ и низкимъ потолкомъ, въ которую ввелъ его хозяинъ, тоже еврей, низко кланяясь, и, уснащая свое привѣтствіе высокопарными эпитетами, величая его то графомъ, то княземъ, назойливо предлагалъ ему свои услуги.

— Можетъ, его сіятельство желаетъ ужинать? Могу предложить его свѣтлости такихъ угрей и форелей, какихъ у самого князя Радзивилла не подаютъ. У поставщика пана Борейки перекупилъ, точно предчувствовалъ пріѣздъ дорогого гостя. Есть также у меня

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», КСѢІ, стр 5
«Истор. вѣстн.», май, 1904 г., т. КСѢІ.

доброе вино изъ погреба ясновельможнаго пана Сапѣги. Нарочно для вашей милости три бутылки стараго венгерскаго у его поссессора выпросилъ...

— Выгони изъ-подъ оконъ всю эту сволочь, — прервалъ его Аратовъ, опускаясь на диванъ, обитый потрескавшейся кожей, и протягивая ноги Езебіушу, чтобъ онъ снялъ съ него сапоги и замѣнилъ бы ихъ туфлями, вынутыми изъ дорожной кисы.

Хозяинъ поспѣшно вышелъ исполнять приказаніе, и когда гулъ голосовъ удалился, его ухмыляющееся лицо снова появилось въ дверяхъ.

— Гони его вонъ, я спать хочу. Ужина не надо. А вы тамъ потораливайтесь, чтобъ намъ засвѣтло пуститься въ путь.

Съ этими словами Дмитрій Степановичъ подложилъ подъ голову кожаную подушку, вмѣстѣ съ туфлями вынутую изъ дорожной кисы, и растянулся на диванѣ.

А Езебіушъ подошелъ къ двери и принялся энергично выталкивать жида, который упирался, увѣряя, что у него есть такое угощеніе, отъ котораго панъ Аратовъ не откажется.

— Раки крупные, ай-вай, какіе крупные и хорошіе!

— Про какіе раки онъ толкуетъ? Откуда здѣсь раки?—полюбопытствовалъ Аратовъ, который зналъ, что въ пересохшей рѣчонкѣ, орошавшей это мѣстечко, водятся однѣ только лягушки, такъ она мелка.

— Изъ Днѣпра, ваши русскіе раки, ваше сіятельство, Воробьевскіе, — поспѣшилъ заявить жидъ, пользуясь удобнымъ случаемъ снова просунуть голову въ дверь, за которую онъ не переставалъ цѣпляться.

Аратовъ порывистымъ движеніемъ поднялъ голову съ подушки. Спать ему ужъ не хотѣлось.

— Кто отсюда ѣздитъ въ Воробьевку?—спросилъ онъ.

— Майзль. Сейчасъ оттуда вернулся.

— «Зачѣмъ Майзлю было туда ѣздить?» — подумалъ Аратовъ.—Пошли его сюда!—прибавилъ онъ вслухъ.

И, вскочивъ съ дивана, онъ сталъ большими шагами прохаживаться по горницѣ. Цѣлый рой самыхъ неожиданныхъ мыслей, или, лучше сказать, обрывковъ мыслей, закружился у него въ головѣ.

Минуты черезъ двѣ Езебіушъ вернулся съ толстымъ жидомъ, въ такомъ грязномъ и вонючемъ лапсердакѣ, какъ и у прочихъ его единовѣрцевъ, но съ золотыми часами на толстой цѣпочкѣ и съ брилліантовыми перстнями на пальцахъ.

Майзль, одинъ изъ богатѣйшихъ ростовщиковъ въ странѣ, былъ извѣстенъ тѣмъ, что во всякое время могъ ссудить какую угодно сумму вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ помѣщикамъ.

— По какому дѣлу ѣздитъ ты въ нашу сторону? — спросилъ Аратовъ, садясь на диванъ и устремляя пытливыиъ взглядъ на

жида, питавшаго къ нему большое уваженіе за умъ и опытность въ дѣлахъ.

— Позволю себѣ доложить яснѣе, — началъ Майзль съ низкимъ поклономъ, однако не позволяя себѣ ни на шагъ отойти отъ двери: — отправился я въ Воробьевку по приглашенію самого господина Грабина, который, какъ вашей милости извѣстно, изволилъ пріѣхать изъ города Санктъ-Петербурга въ свое имѣніе.

— Для чего ты ему понадобился?

Прежде чѣмъ отвѣтить на предложенный вопросъ, онъ краснорѣчиво посмотрѣлъ на Езебуша, который по знаку барина вышелъ изъ горницы.

— Имъ деньги очень нужны, — произнесъ онъ, опуская глаза, знаменательно приподнимая брови и таинственно понижая голосъ.

Разговоръ начиналъ принимать чрезвычайно интересный для Аратова оборотъ.

— И много ему надо денегъ? — освѣдомился онъ небрежнымъ тономъ.

Отъ полноты чувствъ Майзль даже зажмурился.

— Много! Ай-вай, какъ много!

— А сколько именно?

Жидъ подскочилъ къ нему такъ близко, что Аратовъ брезгливо отодвинулся отъ его грязной, пропитанной чеснокомъ фигуры.

— Пять тысячъ червонцевъ! — произнесъ онъ благоговѣйнымъ шопотомъ.

— Вотъ какъ много! И ты ему эту сумму достанешь?

Продолжая хранить на лицѣ торжественную таинственность, Майзль нѣсколько разъ утвердительно кивнулъ.

— А какіе сдерешь ты съ него проценты?

— Пфью! Что проценты! И зачѣмъ мнѣ брать съ господина Грабина большіе проценты, когда онъ мнѣ даетъ въ залогъ Лисичью пустошь!

— Лисичью пустошь! Да тамъ весь лѣсъ мачтовый!

Опять закивалъ Майзль своими длинными лоснящимися пейсами.

— Мачтовый, мачтовый, — повторилъ онъ съ блаженной улыбкой. — Ему очень нужны деньги, и скоро. А кто же можетъ здѣсь скоро достать деньги? Одинъ только Майзль, никто больше.

— «На что ему нужны къ спѣху деньги?» — замелькалъ въ головѣ Аратова вопросъ. — Убѣжать вѣрно отсюда въ скорости собирается? — спросилъ онъ.

— Да, да, убѣжаетъ, далеко убѣжаетъ, просилъ меня прислать изъ Кіева самаго лучшаго слесаря, дорожную карету осмотрѣть. Хорошая карета, я бы за нее сейчасъ триста червонцевъ далъ.

— Чтобъ перепродать за четыреста?

— Зачѣмъ четыреста? Панъ Шидловскій за такую карету и семи сотъ не пожалѣлъ бы. Деньги у него есть, на прошлой не-

дѣлѣ пана Битяговскаго на десять тысячъ золотыхъ въ карты обыгралъ. Но господинъ Грабининъ и за двѣ тысячи своей кареты не продастъ, она ему теперь очень нужна,—со вздохомъ вставилъ Майзль.

— «Зачѣмъ ему понадобилось такъ скоро отсюда уѣзжать?»—вернулся Аратовъ къ заинтересовавшему его вопросу.—А куда ѣдетъ Грабининъ, ты не знаешь?— снова обратился онъ къ своему собесѣднику.—Въ Москву или въ Петербургъ?

— Нѣтъ, не въ Петербургъ и не въ Москву, а, кажется, за границу. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ своему управителю, что въ Пруссіи за карету бояться нечего, тамъ дороги исправныя, не то, что здѣсь.

— «Въ Пруссію! За границу! И такъ внезапно собрался! Давно ли просилъ о продленіи отпуска, чтобъ заняться хозяйствомъ и смѣнить управителя?.. А теперь этотъ самый управитель ему и деньги нашель, и объ осмотрѣ дорожнаго экипажа хлопочеть»...

Зародившееся подозрѣніе начинало принимать все болѣе и болѣе опредѣленную форму, но до увѣренности еще не доходило, хотя и было близко къ ней.

Отославъ Майзля, отъ котораго узнать было больше нечего, Дмитрій Степановичъ вышелъ на крыльцо и позвалъ того парня, котораго къ нему прислали съ извѣстіемъ объ исчезновеніи Елены. Это былъ юноша лѣтъ восемнадцати, внучатный племянникъ Ипатыча, приставленный къ нему помощникомъ. Находясь постоянно въ барскихъ хоромахъ, онъ долженъ былъ знать, что тамъ происходило послѣ отъѣзда барина, и Аратовъ сталъ его допрашивать, заставляя припоминать ничтожнѣйшія подробности, какъ этого дня, такъ и слѣдующаго, а именно: кто да кто видѣлъ молодую барыню и говорилъ съ нею передъ тѣмъ, какъ она исчезла, въ какое время она легла спать, когда вышла отъ нея Настя, что Настя говоритъ, и въ которомъ часу уѣхалъ Грабининъ, предлагали ли ему завтракать, спрашивалъ ли онъ про старую барыню, что приказалъ ей передать и проч. и проч.

Посланецъ повторилъ то же самое, что и при первомъ допросѣ, когда онъ передавалъ барину порученіе Ипатыча въ Тульчинскомъ замкѣ, но теперь каждое слово его принимало въ глазахъ его слушателя особое значеніе; въ каждомъ словѣ его Дмитрій Степановичъ находилъ подтвержденіе своихъ подозрѣній.

Грабининъ пріѣхалъ въ Малявино рано, часа за два до обѣда, по крайней мѣрѣ. Къ бабушкѣ его тотчасъ не пустили. Она показываться гостямъ въ дезабилье не любитъ. Въ это самое время Елена унесла изъ флигеля ребенка и могла пробѣжать съ нимъ кратчайшимъ путемъ, мимо балкона... Послѣ обѣда, Грабинина надолго оставили одного въ библіотекѣ писать письмо въ Петербургъ, которое отправили съ нарочнымъ; за посылку хотѣлъ сто рублей

дать, такъ обрадовался случаю подольше здѣсь пожить, и вдругъ такая перемена! Съ чего это? Только отъ влюбившагося безъ ума и внезапно можно ждать такихъ переменъ въ настроеніи... Въ библіотекѣ онъ провелъ одинъ, по крайней мѣрѣ, часа два. Никто за нимъ не подсматривалъ и не можетъ сказать, что дѣлалъ онъ все это время... А послѣ отъѣзда хозяина дома онъ провелъ у нихъ цѣлую ночь... Уѣхалъ много раньше, чѣмъ предполагалъ наканунѣ, не дождавшись пробужденія старой барыни, которая такъ его обладала, и которой онъ, повидимому, былъ такъ благодаренъ за совѣты, что принялся немедленно дѣйствовать по ея указаніямъ... А что измѣнилъ онъ свое намѣреніе до выѣзда изъ Малявина, а не по возвращеніи домой, тому служитъ доказательствомъ его поспѣшность покинуть домъ, изъ котораго онъ наканунѣ вовсе не торопился выѣхать... Что случилось въ эту ночь такого, чтобъ заставить перевернуться вверхъ дномъ всѣ его планы? Никто къ нему изъ Воробьевки не пріѣзжалъ съ письмами или съ какими бы то ни было вѣстями... и онъ даже не догадался пожаловаться на болѣзнь, чтобъ объяснить такую перемену въ мысляхъ... Но, во всякомъ случаѣ, познакомиться съ Еленой у него было достаточно времени; нѣсколько часовъ въ продолженіе дня и цѣлую ночь былъ онъ предоставленъ самому себѣ. Они могли встрѣтиться въ саду и въ заброшенныхъ покояхъ въ домѣ, куда никогда никто даже и днемъ не заглядываетъ, а ночью и подавно... Однимъ словомъ возможность познакомиться у нихъ была... а также выслушать ея жалобы на мужа и влюбиться въ нее. Развѣ самъ онъ не влюбился въ нее съ перваго взгляда, даже не слышавъ ея голоса? А въ тотъ день она была подъ впечатлѣніемъ угрозъ своего тирана, въ тоскѣ и въ страхѣ отъ ожиданія доктора и разлуки съ дѣтьми... Женщину въ такомъ настроеніи можно уговорить на что угодно. Предложи ей Грабининъ, вмѣсто бѣгства съ нимъ, яду, она выпила бы его, не задумываясь... Къ тому же Грабининъ молодъ и красивъ, что же мудренаго, если она рѣшилась ввѣрить ему свою судьбу? Обстоятельства для нея такъ сложились, что скорѣе можно было бы удивляться, что этого не случилось... Бабушка была права, совѣтуя не доводить ее до отчаянія. Онъ довелъ ее до отчаянія. Не надо было говорить ей про то, что онъ хочетъ съ нею сдѣлать... Людямъ на свободѣ такихъ вещей не говорятъ, если не хотятъ, чтобъ они бѣжали отъ опасности или лишили себя жизни...

Да, старуха была права... и, навѣрное, торжествуетъ теперь...

Все это очень просто, такъ просто, что и безъ разговора съ Майземъ можно было бы до этого додуматься. Сколько разъ обводилъ онъ такимъ образомъ мужей чужихъ женъ и потомъ смѣялся надъ ихъ недалководностью! Пришла очередь надъ самимъ собою посмѣяться. Это не такъ забавно, но онъ самъ виноватъ... Надо все предвидѣть и cadaго человѣка, даже такого дурака, какъ Гра-

бининъ, считать способнымъ на хитрость и ловкость, когда имъ руководить страсть... Всему причиной Юльня! Онъ ею такъ увлекся, что поглубль... Хорошо, что только на время...

Однако положеніе осложнялось новыми открытіями, и надо было пустить въ ходъ всѣ мыслительныя способности, чтобъ въ немъ распутаться и такъ дѣйствовать, чтобъ впослѣдствіи не каяться...

Представлялось два исхода: первый, самый легкій, прямой и простой—наѣхать съ вооруженною челядью на усадьбу Грабинина, убить его, найти Елену и привезти ее въ Малявино, а затѣмъ хлопотать о разводѣ, въ чемъ послѣ случившагося отказа не будетъ...

Но тутъ начнется слѣдствіе, допросы, разпросы, многое трудно будетъ скрыть, на многое взглянуть косо, придется тратиться на подкупы, на взятки, на поѣздки въ Петербургъ, и, не говоря о деньгахъ, съ которыми онъ не любилъ разставаться, сколько пройдетъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ прежде, чѣмъ ему можно будетъ продолжать затѣянные дѣла и жениться на Розальской!..

Онъ рѣшилъ поступить иначе, не такъ, какъ всѣ, оригинальнѣе и во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе. Собственно, что ему было надо? Навсегда развязаться съ Еленой, какъ можно скорѣе, безъ шума и безъ скандала и, по возможности, безъ большихъ затратъ, но такъ, чтобъ она была наказана за свою измѣну и жестоко наказана... А также и ея похититель... И онъ ихъ накажетъ, такъ накажетъ, что они до гробовой доски его будутъ помнить и проклинять...

Придуманый имъ планъ былъ очень сложенъ, и не легко было его исполнить, но такого рода комбинаціи были въ его вкусѣ, а препятствія только разжигали въ немъ энергію и изворотливость ума.

Когда черезъ нѣсколько часовъ онъ доѣхалъ до Малявина, планъ его окончательнo созрѣлъ, и всѣ подробности такъ хорошо обдуманы, что оставалось только итти по намѣченному пути, ничѣмъ не смущаясь и ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Успѣхъ казался несомнѣннымъ.

ХІІ.

Шестыя сутки проводила Елена въ подвальномъ помѣщеніи въ развалинахъ стараго дома, съ маленькимъ оконцемъ въ уровень съ землей, такъ густо поросшей травой, что съ двора, на который оно выходило, замѣтить его не было никакой возможности. Проникнуть же въ это убѣжище можно было только по лѣстницѣ, продѣланной въ стѣнѣ комнаты, служившей нѣкогда спальней старому барину.

По словамъ Андрея, предложившаго это убѣжище, какъ надежнѣйшее для похищенной молодой барыни, никто въ селѣ не по-

дозрѣвалъ о существованіи его. Тутъ была прежде кладовая для винъ, съ выходомъ въ другіе подвалы, но старый баринъ приказалъ его задѣлать и устроить потайную лѣстницу въ стѣнѣ своей спальни, по которой можно было бы проникать въ бывшую кладовую никѣмъ незамѣченнымъ. Сдѣлано это было для той полячки, которую онъ увезъ отъ мужа, чтобъ скрыть ее отъ всѣхъ глазъ въ случаѣ опасности. Но когда опасность наступила, она не захотѣла воспользоваться этимъ убѣжищемъ и предпочла послѣдовать за людьми, присланными за нею, чтобъ вернуть ее на родину. Елена же безпрекословно подчинилась всѣмъ требованіямъ своего освободителя и хотя встрѣчала его каждый день съ заплаканными глазами, тщетно стараясь скрыть мучительныя чувства, не перестававшія ее волновать передъ страшною неизвѣстностью и при мысли о дѣтяхъ, но на вопросъ Грабинина, не раскаивается ли она, что довѣрилась ему, она не задумываясь отвѣчала, что другого исхода у нея не было, что у мужа ей грозило несчастье много хуже смерти, и что она ничего такъ не желаетъ, какъ доказать свою преданность и благодарность своему избавителю.

Преданность и благодарность, — ничего больше!

Питала ли она къ нему еще и другое чувство, хотя бы скольконибудь отвѣчавшее на его страстную и съ каждымъ днемъ усиливавшуюся любовь, этого онъ не зналъ. Да и сама она, безъ сомнѣнія, испугалась бы этого вопроса, если бъ ктонибудь позволилъ себѣ ей предложить его. Къ счастью, предлагать ей такіе вопросы было некому: кромѣ Маланьи, являвшейся къ ней по нѣскольку разъ въ день для услугъ и не осмѣливавшейся вступать съ нею въ разговоры, да Владимира Михайловича, она никого не видѣла, а этотъ относился къ ней такъ почтительно, такъ старательно избѣгалъ малѣйшаго намека на то, что къ ней чувствовалъ, такъ боялся поколебать ея довѣріе къ нему, какъ къ покровителю и другу, посланному ей судьбою въ такую минуту, когда ей казалось, что некому заступиться за нее!

Онъ достигъ желаемой цѣли, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ дичилась она его все меньше и меньше, и бессознательно раскрывала передъ нимъ всю прелесть своей чистой, невинной души.

О, какъ дорожилъ онъ ея довѣріемъ и откровенностью! Какъ онъ былъ счастливъ, когда ему стало казаться, что онъ ей дорогъ, и что жить вдали отъ него ей будетъ такъ же нестерпимо тяжело, какъ и ему безъ нея!

О будущемъ, о томъ, какъ устроится ихъ дальнѣйшая судьба, они никогда не говорили между собою, и въ ея присутствіи онъ даже старался объ этомъ не думать, такъ обаятельно дѣйствовалъ на него ея голосъ и взглядъ ея милыхъ глазъ, что тревогамъ и опасеніямъ не находилось мѣста въ его сердцѣ, переполненномъ восторгами любви. Но когда онъ оставался одинъ, боязнь ее поте-

рять овладѣвала имъ съ такою силою, что онъ доходилъ до отчаянія, и Андрею стоило немало труда его удерживать отъ безумныхъ поступковъ, которыми онъ могъ погубить и себя, и ту, за которую, не задумываясь, пожертвовалъ бы жизнью. То рвался онъ навстрѣчу къ сопернику, чтобъ вызвать его на дуэль, то рѣшался съ нею бѣжать за границу, не дожидаясь возвращенія Аратова, которому, можетъ быть, ужъ все извѣстно, и который каждую минуту можетъ ворваться въ старый домъ съ вооруженными людьми и, убивъ его, увезти свою жену на новыя истязанія.

Когда мысль эта западала ему въ голову, онъ умолялъ Андрея немедленно увезти Елену въ Кіевъ и поручить ее игуменѣ какого нибудь монастыря, при чемъ онъ заставлялъ его клясться, что въ случаѣ его смерти онъ будетъ о ней заботиться, какъ о родной дочери, и спасетъ ее отъ злодѣя, хотя бы для этого надо было истратить все состояніе, которое останется послѣ барина.

Андрей, насколько могъ, его успокаивалъ, увѣщевалъ вооружиться терпѣніемъ. Про Аратова имъ ничего не извѣстно. Онъ еще не вернулся домой и, по всей вѣроятности, не подозрѣваетъ о томъ, гдѣ его жена. Прежде чѣмъ готовиться къ смерти отъ его руки, надо позаботиться о томъ, чтобъ, по мѣрѣ силъ и возможности, отразить нападеніе. Отчаиваться заранѣе не для чего. Найдутся и у нихъ приспѣшники, если нагрянетъ бѣда. Въ случаѣ надобности можно и къ лѣснымъ друзьямъ обратиться за помощью, они не откажутъ, и не извѣстно еще, кто одолѣетъ въ борьбѣ—Малаявинскіе Воробьевскихъ или Воробьевскіе Малаявинскихъ.

Во всякомъ случаѣ, Андрей времени не терялъ и просилъ барина во всемъ на него положиться.

Его спокойствіе и бодрость духа на время успокаивали Грабинина. Любо ему было мечтать о кровавой стычкѣ съ мучителемъ своей возлюбленной, но еще охотнѣе останавливался онъ на мысли о поединкѣ. Въ случаѣ благоприятнаго исхода, никто бы ужъ не могъ отнять у него Елену, и счастьемъ его не было бы предѣла.

Какъ ясно чувствовалъ онъ, что ему съ Аратовымъ на землѣ тѣсно, и что одинъ изъ нихъ долженъ уступить другому мѣсто!

А если побѣдитъ Аратовъ?

Смерти Владимиръ Михайловичъ не боялся, но мысль оставить Елену безъ защитника леденила ему кровь въ жилахъ.

Не взирая на протестъ Андрея, онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочими распоряженіями, касавшимися любимой женщины, давалъ своему управителю вольную и дѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ.

Къ завѣщанію этому онъ приложилъ письмо къ князю Григорію Орлову, котораго умолялъ предсмертной мольбой сжалиться надъ несчастной жертвой хорошо ему извѣстнаго озорника и негодяя Аратова. Если бъ такъ случилось, что баринъ его будетъ

убить, Андрей, предварительно отвезши Елену въ монастырь, долженъ былъ съ этимъ письмомъ и завѣщаніемъ скакать въ Петербургъ и тамъ умолять князя о помощи противъ злодѣя. Андрей ему не прекословилъ, но продолжалъ дѣятельно все готовить къ болѣе удобной развязкѣ: хлопоталъ о деньгахъ и объ экипажѣ, въ то время, какъ жена его перешивала платье своего брата, семинариста, гостившаго у нихъ на каникулахъ въ Воробьевкѣ, для молодой барыни.

И мужъ и жена молили Бога, чтобъ пріѣздъ Малявинскаго барина задержался на нѣсколько дней, и чтобъ онъ пріѣхалъ ужъ тогда, когда влюбленные будутъ далеко.

Ждать оставалось всего только двое сутокъ, Майзль обѣщала привезти деньги въ пятницу, а наступила уже среда, но Грабининъ былъ въ такомъ волненіи, что по цѣлымъ ночамъ не спалъ и при малѣйшемъ шорохѣ срывался съ мѣста и хватался за оружіе, чтобъ отразить воображаемаго врага. Увѣщанія Андрея уже не дѣйствовали, и барину его становилось не въ мочь скрывать свое волненіе и отъ Елены, такъ что, когда она предложила ему прогуляться по парку передъ заходомъ солнца, первымъ его движеніемъ было отказаться: такъ опасно казалось ему даже на нѣсколько шаговъ отходить отъ стараго дома.

Но вечеръ былъ въ тотъ день такъ чудно хорошъ, воздухъ такъ душистъ и тепелъ, а кругомъ царилъ такая благодатная тишина, что ему жаль стало лишать ее удовольствія побродить съ нимъ по старому парку, и онъ рѣшилъ дойти съ нею до группы старыхъ липъ, покрытыхъ пучками желтыхъ ароматныхъ цвѣтковъ, на которые она съ вождельніемъ глядѣла изъ оконца своего убѣжища.

Они вышли изъ стараго дома и начали медленно пробираться между спутанными вѣтвями деревьевъ, завязая въ густой травѣ и въ мелкомъ кустарникѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ, въ страхъ отойти слишкомъ далеко отъ мѣста, гдѣ можно было считать себя въ безопасности, какъ вдругъ Грабинину почудилось шуршанье листьевъ подъ чьими-то ногами, и онъ, какъ вкопанный, остановился, чтобъ прислушаться. Шорохъ смолкъ, но онъ продолжалъ стоять неподвижно, напряженно всматриваясь въ зелень, сверкавшую въ заходящихъ лучахъ солнца.

Она хотѣла ему сказать, чтобъ онъ успокоился, что никто сюда не проникнетъ, что Андрей съ женой зорко ихъ стерегутъ, но, взглянувъ на него, сама поблѣднѣла отъ страха, и слова замерли у нея въ горлѣ, такъ былъ онъ блѣденъ, и такимъ зловѣщимъ блескомъ сверкали у него глаза.

До ушей его опять начиналъ доходить роковой шорохъ: шаги то приближались, то отдалялись. Тысячи предположеній, одно другого ужаснѣе, вихремъ проносились въ его мозгу... Аратовъ все

узналъ... прискакалъ сюда... Андрей, можетъ быть, ужъ убить, и сейчасъ, сію минуту, убійца его передъ ними предстанетъ... Вооруженный, конечно, а отразить его нечѣмъ! Нечѣмъ защитить довѣрившуюся ему женщину!..

— Бѣгите... оставьте насъ вдвоемъ... Господь мнѣ поможетъ... Бѣгите скорѣе, ради самого Создателя! — шепталъ онъ прерывающимся голосомъ, указывая ей на развалины дома, бѣлѣвшіяся шагахъ въ двухъ стахъ отъ того мѣста, гдѣ они остановились.

Но она безсознательнымъ движеніемъ существа, ищущаго защиты, прижималась къ нему все ближе и ближе. Оттолкнуть ее, разстаться съ нею въ эту минуту, когда смерть была къ нимъ такъ близка, что онъ уже ощущалъ ея ледяное дыханіе, было нестерпимо больно, тѣмъ не менѣе, невольно прижимая ее къ своей груди, онъ дрогнувшимъ голосомъ повторилъ:

— Да бѣгите же, умоляю васъ! Я его убью... а если онъ меня убьетъ, довѣрьтесь Андрею, онъ васъ отвезетъ въ монастырь, вы тамъ будете въ безопасности, и я умру спокойно... Я люблю васъ, безумно люблю, какъ невѣсту, какъ будущую жену... не забывайте меня, молитесь за меня...

Слова помимо воли срывались съ языка. Молчать, скрывать дольше свое чувство онъ былъ уже не въ силахъ, и ему казалось, что хуже несчастья, какъ умереть, не высказавъ ей своей любви, для него ничего не можетъ быть.

— Я тоже тебя люблю... Умремъ вмѣстѣ, — чуть слышно прошептала она, взглянувъ на него съ такою рѣшимостью, что видъ себя отъ счастья онъ забылъ все на свѣтѣ и крѣпче прежняго сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— О милая, какъ я счастливъ! Да, да, умремъ вмѣстѣ, если Богу не угодно, чтобъ мы жили вмѣстѣ! — вскричалъ онъ видъ себя отъ восторга.

А между тѣмъ тотъ, кто ихъ искалъ, напалъ наконецъ на ихъ слѣдъ: кусты передъ ними раздвинулись, и между ними появилось взволнованное лицо Андрея.

— Надо собираться въ путь, сударь, у меня тутъ и лошадь съ телѣжкой, я васъ самъ отвезу въ надежное мѣсто. Такъ обернулось дѣло, что до субботы ждать опасно, — торопливо проговорилъ онъ, избѣгая встрѣчаться взглядомъ съ глазами барина. И, обращаясь къ Еленѣ, онъ прибавилъ, подавая ей узелъ, который былъ у него въ рукахъ: — Извольте скорѣе переодѣться, сударыня. Малаша васъ дожидается въ старомъ домѣ и поможетъ вамъ собраться въ путь.

Не возражая ни слова, Елена Алексѣевна взяла узелъ и побѣжала въ домъ.

— Что случилось? Онъ пріѣхалъ? Гдѣ? Ты мнѣ принеси, чѣмъ его убить?—вскричалъ Грабининъ, въ волненіи своемъ не замѣчая смущенія Андрея.

— Христосъ съ вами, сударь, зачѣмъ вамъ лишній грѣхъ брать на душу! Богъ дастъ, и безъ смертоубійства обойдется, только бы вамъ сегодня къ ночи до надежнаго мѣста добраться. Есть у меня такой человѣчекъ въ лѣсу, на него положиться можно, онъ и совѣтъ хорошій можетъ дать и паспортъ какой угодно достанетъ. Я васъ къ нему отвезу, а самъ, вернувшись назадъ, вмѣстѣ съ людьми карету вамъ ужъ прямо въ Кіевъ отправлю и прикажу имъ тамъ у другого моего пріятели, на постояломъ дворѣ, дожидаться. И деньги придется тоже въ лѣсу взять, такое вышло дѣло, что жиды намъ ждать невозможно,—продолжалъ онъ распространяться, не замѣчая или не желая замѣчать недоумѣніе, съ которымъ его слушали, тщетно стараясь понять смыслъ его словъ.—Теперь намъ, какъ будто, наѣзда изъ Малявина опасаться нечего, но съ такимъ мудренымъ бариномъ, какъ Дмитрій Степанычъ, осторожность соблюдать не мѣшаетъ. Вишь вѣдь какую злую и грѣшную штуку придумалъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Я, сударь, сказалъ ихнему посланцу, что вашей милости ужъ второй день какъ дома нѣтъ, въ городъ, говорю, по дѣлу изволили уѣхать продажную на лѣсную пустошь совершать...

— Кому ты это сказалъ? Для чего Аратовъ ко мнѣ присылалъ? Кого? Знаетъ онъ, что Елена Алексѣевна здѣсь?—вскричалъ Грабининъ.

— Экій вы, баринъ, скорый! Такъ много задали вопросовъ, что не знаешь, на что прежде отвѣтить...

— Говори самъ, только скорѣе, пожалуйста!

— Дмитрій Степанычъ пріѣхали въ Малявино еще вчера въ ночь и сегодня прислали объявить вашей милости, что у нихъ несчастье случилось,—нерѣшительно и видимо затрудняясь, началъ объяснять Андрей.

— Какое несчастье?

— Да ужъ не знаю, какъ и доложить вашей милости: они приказали всѣхъ оповѣстить, что супруга ихъ скончалась.

— Елена? Онъ говоритъ, что она умерла?!

— Точно такъ-съ, послѣзавтра похороны.

Наступило молчаніе. Грабининъ во всѣ глаза смотрѣлъ на своего собесѣдника, усиливаясь понять, что съ ними обоими дѣлается: бредитъ ли Андрей? не сошелъ ли съ ума? или самъ онъ лишился разсудка?

На вопросы эти отвѣта не находилось. Андрей казался болѣе смущеннымъ, чѣмъ испуганнымъ, и глядѣлъ на него съ состраданіемъ, какъ на человѣка, который еще не можетъ понять всей важности обрушившагося на него несчастья.

— Они, сударь, вздумали изъ своей супруги живую покойницу сдѣлать. Похороны на послѣзавтра назначили. Ужь кого они замѣсто ея въ гробъ положить и отпѣвать стануть, — окромя самыхъ близкихъ къ нимъ, поляка Езебѣуша, да еще, можетъ быть, двухъ, трехъ, никто не знаетъ, а кто и знаетъ, такъ не скажетъ. Сдѣлали бѣдную молодую барыню хуже послѣдней сироты, съ бѣлаго свѣта совсѣмъ, значить, ее выжили, — прибавилъ онъ съ печальнымъ вздохомъ. — Не живая и не мертвая она теперъ. Зовуть ужь ее покойницей и послѣзавтра хоронять, — повторилъ онъ слова, странно и непонятно звучащія въ ухахъ Владимира Михайловича. — Гостей ждуть много. Повара съ сегодняшняго дня начали поминальный обѣдъ стряпать. Отъ насъ посланецъ къ господамъ Патрикѣевымъ поскакалъ, оттуда махнетъ за рѣку къ Полянскимъ... Похороны богатя хотятъ справлять, съ двумя попами, съ пѣвчими. Столы будутъ для народа строить, нищихъ кормить, чтобъ значить поминали покойницу...

Покойница! Но вѣдь она жива... сейчасъ была тутъ съ нимъ...

Грабинину такъ захотѣлось ее видѣть, убѣдиться, что не она умерла, и не ее будутъ хоронигъ послѣзавтра въ Малявинѣ, что онъ машинально обернулся къ дому, изъ котораго выходилъ молоденькій семинаристъ въ нанковомъ сѣромъ халатѣ, черномъ высокомъ галстукѣ и съ шапкой въ рукѣ.

Короткіе волосы и странное одѣяніе такъ измѣняли Елену, что онъ не вдругъ ее узналъ.

— Можно, значить, пуститься въ путь? — спросилъ Андрей.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ за лошадыю съ телѣжкой, которую оставилъ у входа въ паркъ.

— Малаша понесла въ телѣжку узелокъ съ моимъ добромъ, — сказала Елена со смущенной улыбкой. — Немного его у меня. Дмитрій Степанычъ взялъ меня безприданницей, а теперъ я должна была лишиться и моихъ косъ. Ихъ надо было срѣзать, чтобы онѣ насъ не выдали.

Онъ смотрѣлъ на нее съ тревогой и съ безотчетной тоской, спрашивая себя: «Какъ сообщить ей о томъ, что съ нею сдѣлали? Сумѣетъ ли онъ ее успокоить? Примирится ли она когда нибудь съ страннымъ положеніемъ мнимо умершей? Не придетъ ли въ отчаянье и не захочетъ ли умереть на самомъ дѣлѣ?»

— Намъ предстоитъ далекое путешествіе, — продолжала она, помолчавъ и точно угадывая его мысли. — Оставаться на родинѣ мнѣ нельзя, нельзя встрѣчаться съ тѣми, кто зналъ меня живой и послѣзавтра будетъ провожать мой гробъ въ могилу...

— Такъ вы знаете? — вскричалъ онъ, озадаченный ея спокойствіемъ.

— Знаю. Мнѣ сказала Малаша. Я не испугалась и не удивилась, — поспѣшила она прибавить. — Послѣ того, что я вынесла, и

что меня ждало въ будущемъ, ничто не можетъ меня испугать. Дмитрій Степанычъ правъ, — продолжала она раздумчиво, — ни винить его, ни роптать на него я не могу. Развѣ я не умерла, какъ для него, такъ и для всѣхъ, кто зналъ меня его женой? Жива я только для васъ, — прибавила она, краснѣя и стыдливо опуская глаза.

Онъ слушалъ ее съ восхищеніемъ. Каждымъ своимъ словомъ разъясняла она ему все больше и больше его недоумѣніе и заставляла понимать смыслъ всего случившагося. Какъ чутко угадала она сердцемъ то, чего не могъ онъ постичь умомъ! Не Аратовъ, а онъ, Грабининъ, порвалъ связь между нею и міромъ. Не Аратовъ, а онъ заживо ее похоронилъ, вырвавъ изъ дома мужа. Но она была права, утверждая, что страшиться ей нечего, и что ничего новаго для нихъ не произошло. Умерла Елена Алексѣвна Аратова для свѣта не теперь, а съ той минуты, какъ рѣшилась послѣдовать за чужимъ человѣкомъ, и жива только для него, ни для кого больше.

Они вступали въ новую, невѣдомую жизнь, полную такихъ затрудненій и опасностей, о которыхъ нельзя было заранѣе составить себѣ никакого представленія, и единственной поддержкой должна имъ служить любовь.

Сжалится ли надъ ними судьба и окажется ли милосердіе людей, — должно было показать будущее, а въ эту минуту, пускаясь въ путь къ дремучему лѣсу, гдѣ новая ихъ жизнь должна была начаться знакомствомъ съ таинственнымъ пріятелемъ Андрея, они испытывали то, что долженъ чувствовать человѣкъ, который, спасаясь бѣгствомъ отъ смертельной опасности, кидается въ темную пропасть, не зная, что именно ждетъ его на ея днѣ—гибель или спасеніе.

Не даромъ говорилъ Андрею посланецъ изъ Малявина, что у нихъ готовятся богатые похороны.

Если Аратовъ задался цѣлью какъ можно дальше и громче разнести вѣсть о внезапной кончинѣ своей жены, то цѣли этой онъ достигъ вполне. Въ назначенный день издалика стекался сюда народъ всякаго званія и состоянія; пріѣзжали и въ колымагахъ богатые господа оказать вниманіе вліятельному сосѣду, притащились издалика и пѣшкомъ помянуть покойницу сытнымъ обѣдомъ, а передъ тѣмъ полюбоваться ея гробомъ, обитымъ золотою парчею, въ которомъ молодая боярыня лежала разодѣтая въ роскошный подвѣнечный нарядъ, окутанная съ головою въ густыя складки бѣлаго креповаго савана, среди цѣлаго лѣса зажженныхъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ такъ ярко и въ такомъ множествѣ, что даже дневному свѣту нельзя было затмить ихъ блеска.

День былъ пасмурный, и моросилъ дождь. Подъ звучное пѣніе пѣвчихъ, привезенныхъ изъ Кіева, гробъ понесли изъ барскихъ хоромъ къ церкви, стоявшей на горѣ, въ концѣ парка, за полверсты отъ барской усадьбы.

Здѣсь начали покойницу отпѣвать, прежде чѣмъ опустить въ склепъ, рядомъ съ гробницами родителей ея мужа. Многіе плакали, и особенно громко убивалась ближайшая прислужница молодой барыни, Настя. Ревѣла и Анелька, шествуя за гробомъ, рядомъ съ кормилицей, съ маленькой барышней на рукахъ, позади убитаго горемъ барина, который велъ за рученку сына. Дмитрій Степановичъ былъ такъ блѣденъ и имѣлъ такой удрученный видъ, что не могъ не возбуждать сочувствія.

Сынишка же его былъ слишкомъ малъ, чтобъ понимать свое несчастье, и съ недоумѣніемъ озирался по сторонамъ, какъ бы отыскивая въ толпѣ кого нибудь, кто объяснилъ бы ему значеніе происходившей вокругъ него странной церемоніи.

Трудно было удержаться отъ слезъ при видѣ бѣдныхъ, лишившихся матери малютокъ. Когда настала минута прощанія съ покойницей, Аратовъ первый приложился къ потемнѣвшей рукѣ, лежавшей поверхъ савана, а затѣмъ поднялъ сына, чтобъ и его пригнуть къ этой рукѣ, но ребенокъ, точно внезапно понявъ, въ чемъ дѣло, съ такимъ пронзительнымъ крикомъ откинулся назадъ, что отецъ послѣдилъ передать его на руки одному изъ стоявшихъ позади его людей.

По странной случайности человѣкъ этотъ оказался Воробьевскимъ управляющимъ, явившимся сюда однимъ изъ первыхъ, чтобъ отдать послѣдній долгъ молодой барынѣ, какъ представитель своего барина, задержавшагося въ Кіевѣ.

У Андрея былъ очень представительный видъ; въ новомъ черномъ кафтанѣ изъ тонкаго сукна онъ казался настоящимъ купцомъ по солидности осанки и развязности обращенія и рѣчи. Съ Дмитриемъ Степановичемъ ему не удалось говорить, но Езебіушъ, черезъ котораго онъ передалъ причину, помѣшавшую его барину лично пріѣхать засвидѣтельствовать свое уваженіе и соболѣзнованіе сосѣду, не могъ не замѣтить перемѣны, свершившейся въ Воробьевскомъ управителѣ, и онъ въ недоумѣніи себя спрашивалъ: съ чего это онъ набрался такого гонору, что никого выше себя не считаетъ? Претъ прямо на мѣсто, отведенное для господъ, и со всѣми говорить съ развязностью свободнаго человѣка! Вольную, что ли, баринъ ему далъ?

Высоко держа голову и отвѣчая покровительственными кивками на поклоны разступавшейся передъ нимъ толпы, Андрей безъ труда пробрался въ среду господъ и очутился всѣхъ ближе къ Дмитрію Степановичу, когда этотъ послѣдній, раздосадованный

крикомъ ребенка, не оборачиваясь, передалъ его въ первыя руки, протянувшіяся, чтобъ его взять.

Мальчикъ успокоился, и печальная церемонія ничѣмъ больше не нарушалась.

При громкомъ пѣніи гробъ, поддерживаемый вдовцомъ и почетнѣйшими гостями, понесли въ склепъ. За нимъ послѣдовали ближайшіе слуги, а Андрей, передавъ барчука Настѣ, остался на паперти съ народомъ, среди котораго толпились монахи и монашенки изъ окрестныхъ монастырей.

Начали завязываться разговоры, сначала шопотомъ, а тамъ все громче и громче. Пришедшіе издалека спрашивали ближнихъ о подробностяхъ печальнаго событія, и Андрей тутъ узналъ, въ какомъ именно видѣ приказано было домашнимъ представлять постороннимъ катастрофу, внезапно обрушившуюся на Малявинскую усадьбу: молодая барыня была порченая. Никогда не оставляли ее одну, но на этотъ разъ какъ-то не досмотрѣли, думали—она почиваетъ, а она поднялась чуть свѣтъ, и никто не видѣлъ, какъ она вышла въ садъ. Тамъ съ нею случился припадокъ, нашли ее въ глубокомъ обморокѣ, и что ни дѣлали, чтобъ привести ее въ чувство, ничто не помогло. Такъ и скончалась, не открывая глазъ, на рукахъ супруга, при докторѣ, котораго для нея же раньше выписали изъ Варшавы.

Событія были такъ ловко перепутаны, что, казалось, сами рассказчики вѣрили въ то, что повторяли по чужому приказу. Особенно настойчиво распространялись насчетъ обезображеннаго личика молодой барыни.

— Почернѣла вся, страшно было смотрѣть на нее. Баринъ, какъ увидаль ее сегодня, ажно руками всплеснулъ и приказаль саваномъ ее съ головкой укутать, чтобъ народъ не пугался. А какая она у насъ была красавица! Бѣлая да румяная, глаза съ поволокой, волосы до пятъ! Улыбнется—рублемъ подарить. Барчукъ-то весь въ нее, одно лицо, можно сказать, и такой же тихій да добрый. А барышня въ тятеньку и личикомъ и нравомъ.

— Ловко обставили дѣло, — произнесъ у самаго уха Андрея знакомый голосъ.

Онъ обернулся и узналъ своего дѣснаго пріятеля въ старомъ крестьянинѣ, который вмѣстѣ съ нимъ прислушивался къ разговорамъ въ толпѣ. На немъ была темная свитка, баранья мохнатая шапка, надвинутая по самыя брови, за плечами котомка и суконная толстая дубина въ рукѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь, батько?—съ удивленіемъ спросилъ Андрей.

— А затѣмъ, чтобъ это новое кощунство не прошло даромъ Дмитрію Степановичу Аратову, вотъ зачѣмъ, — отвѣчалъ тотъ, котораго называли монахомъ.—Пойдемъ восвоися, Иванычъ, я къ себѣ въ дѣсь, а ты въ Воробьевку,—продолжалъ онъ, повертывая

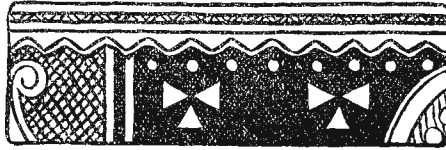
въ боковую аллею къ выходу изъ парка. — Что нужно было видѣть и слышать, мы съ тобою видѣли и слышали, теперь пока намъ съ тобою дѣлать здѣсь нечего.

Андрей за нимъ послѣдовалъ, и вскорѣ они скрылись изъ виду.

Впрочемъ, народу не до того было, чтобъ замѣчать ихъ отсутствіе: изъ склепа выходилъ Дмитрій Степановичъ въ сопровожденіи священника и гостей, всѣ глаза устремились на его блѣдное лицо, съ крѣпко стиснутыми губами и растеряннымъ, какъ у человѣка, удрученнаго печалью, взглядомъ.

Н. И. Мердеръ.

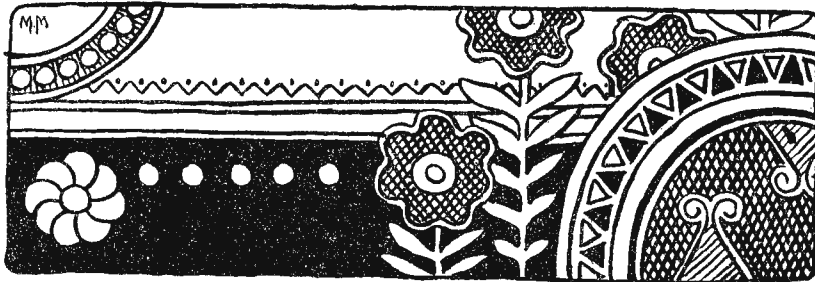
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КНЯГИНЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ.

ДОВ. ЦЕНЗ. 27 АПРѢЛЯ 1904 Г. С.П.

ВАРШАВСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ПОКОЙНЫЙ авторъ предлагаемыхъ читателямъ любопытныхъ воспоминаній, Николай Петровичъ Авенариусъ, написалъ ихъ еще въ 1885 году во время лѣтняго досуга отъ своей педагогической дѣятельности. Сынъ лютеранскаго пастора и кабинетнаго ученаго, онъ родился 31-го августа 1834 года въ городѣ Царскомъ Селѣ, гдѣ получилъ и первоначальное образованіе въ церковной школѣ своего отца; затѣмъ воспитывался въ 5-й и 3-й Петербургскихъ гимназіяхъ (въ послѣдней пансіонеромъ) и, наконецъ, въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Успѣшно окончивъ здѣсь курсъ по историко-филологическому факультету, Николай Петровичъ опредѣлился преподавателемъ нѣмецкаго языка и исторіи во 2-ю Петербургскую гимназію. Своими педагогическими приѣмами обративъ на себя вниманіе министерства народнаго просвѣщенія, занятаго тогда, въ числѣ другихъ реформъ, разработкой проекта всеобщей обязательной грамоты, онъ былъ причисленъ къ ученому комитету министерства и командированъ въ Германію и Швейцарію для ознакомленія съ тамошними учительскими семинаріями. По возвращеніи, осенью 1863 г., въ Россію, онъ занялся устройствомъ первой учительской семинаріи—Молодечнянской—въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ слѣдующемъ году устроилъ такую же семинарію для военнаго вѣдомства въ Москвѣ. Вслѣдъ затѣмъ (осенью 1864 г.) ему

было предложено мѣсто инспектора классовъ въ Варшавскомъ Александринско-Маріинскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Совпало это съ польскимъ возстаніемъ шестидесятыхъ годовъ, и для проведенія русскихъ началъ въ Варшавскомъ институтѣ, насквозь пропитанномъ польскимъ духомъ, требовались со стороны новой начальницы института (А. И. Случевской, матери поэта К. К. Случевского) и новаго инспектора классовъ большая энергія и не меньшій тактъ. Этому-то періоду посвящены печатаемые нами посмертныя записки Н. П. Авенаріуса. Пробывъ на тяжеломъ посту инспектора Варшавскаго института болѣе 20-ти лѣтъ, Николай Петровичъ перешелъ въ 1885 г. на такую же должность въ Бѣлостокскій институтъ, а пятнадцать лѣтъ спустя, по совершенно разстроенному здоровью, окончательно оставилъ службу. Въ молодые годы всего болѣе увлекаясь исторіей, а въ зрѣломъ возрастѣ археологіей, Николай Петровичъ могъ предаваться любимому своему дѣлу почти исключительно во время лѣтняго отдыха. Тогда имъ писались педагогическія статьи и ученныя изслѣдованія, печатавшіяся съ 1858 г. въ разныхъ журналахъ (въ «Подснѣжникѣ», «Воспитаніи», «Педагогическомъ Сборникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ», «Запискахъ Императорской археологической комиссіи», «Berliner Blätter für Unterricht und Erziehung»). Кромѣ того, имъ составлено руководство педагогики. По археологіи же онъ не ограничивался одною кабинетною работою, а руководилъ и раскопками цѣлыхъ сотенъ старинныхъ кургановъ и каменныхъ могилъ въ губерніяхъ Гродненской, Минской и Полтавской. Особенно успѣшны были его раскопки въ Дрогичинскомъ городищѣ, гдѣ имъ собрано болѣе двухъ тысячъ предметовъ древности; изъ числа ихъ загадочныя древне-русскія пломбы возбудили среди нашихъ археологовъ оживленную полемику. По выходѣ въ отставку, Николай Петровичъ прожилъ всего три года и скончался 3-го іюля 1903 г. въ городѣ Ковнѣ. Но добрая память о немъ, какъ о человѣкѣ, не только глубоко преданномъ своему служебному долгу, но и прямодушномъ, отзывчивомъ и сердечномъ, навсегда сохранится у большинства его бывшихъ воспитанницъ и сослуживцевъ.

Вступленіе къ воспоминаніямъ.

Двадцать одинъ годъ въ Варшавѣ! Понимаете ли, господа, что это значитъ? Нѣтъ, не понимаете, потому что никто изъ смертныхъ не провелъ столько лѣтъ въ Варшавѣ въ одной и той же должности, кромѣ меня одного. Варшава для поляка — рай, пупъ міра; для русскаго—станція на большой дорогѣ. Пріѣхалъ, плюнулъ и удралъ, или пріѣхалъ на пять лѣтъ за полученіемъ льготной пен-

сія и также удралъ. Безконечной вереницей тянутся передо мною тѣни промелькнувшихъ чрезъ Варшаву русскихъ карьеристовъ, кто въ звѣздахъ и съ майоратомъ въ придачу, кто съ видомъ разочарованія или отчаянія, а кое-кто и съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Немногіе, выслуживъ пенсію, остались въ Варшавѣ, да и то лишь на время для окончанія воспитанія дѣтей или изъ-за зазнобушки.

Правда, есть еще человѣкъ пять-шесть старичковъ, одинокихъ или женатыхъ на полькахъ, давно бросившихъ службу и забывшихъ родину. Но вѣдь это единицы. А толпа только заглядываетъ въ Варшаву и, не помянувъ ее добрымъ словомъ, снова садится въ вагонъ.

Пора и мнѣ укладываться. Приѣхалъ я въ Варшаву молодымъ человѣкомъ, полнымъ надеждъ. Приѣхалъ на короткое время, много на два года. Теперь голова моя бѣла, какъ лунь; надежды улынулись и исчезли; дѣти понемногу разносятся по бѣлу свѣту и уже не приковываютъ къ одному мѣсту; изъ старыхъ друзей и знакомыхъ никого нѣтъ. Къ тому же настали новыя времена. Многое изъ того, что лѣтъ двадцать тому назадъ считалось бѣлымъ, называется теперь чернымъ, и наоборотъ. Пора мнѣ очистить мѣсто свѣжему поколѣнію. Послѣ каникулъ ѣду въ Варшаву уже въ послѣдній разъ вводить въ свою должность новое лицо. Тамъ мѣсяць, другой,—и прощай Варшава!

Занимая скромную должность, такъ сказать, не выѣзжая изъ Варшавы слишкомъ двадцать лѣтъ, я видѣлъ немного, но все-таки болѣе многихъ другихъ, стоявшихъ ближе къ кормилу. Запишу видѣнное и испытанное, пока оно не исчезло изъ памяти.

I.

Приѣздъ въ Варшаву.

7-го октября 1864 года я получилъ отъ Федора Федоровича Витте, главнаго директора правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, слѣдующую телеграмму:

«Вчера совѣтъ управленія царства утвердилъ васъ въ должности инспектора классовъ Варшавскаго Александринско-Маріинскаго института. Приѣзжайте немедленно».

Въ тотъ же день я продалъ за безцѣнокъ все свое хозяйство, на другой день выѣхалъ изъ Москвы, нѣсколько дней провелъ въ Петербургѣ для полученія подъемныхъ и 15-го октября выѣзжалъ въ Варшаву.

Какъ теперь, помню минуту нашего приѣзда. Погода была отчаянная. Дождь не лилъ, а хлесталъ во всѣ стороны. Дѣти, изъ

которыхъ одному было 5 мѣсяцевъ, другому 2¹/₂ года, усталыя и больныя, ревѣли благимъ матомъ. Братъ Яковъ ¹⁾, встрѣтившій насъ на вокзалѣ, усадилъ насъ въ допотопныя варшавскія дрожки, не защищающія отъ встрѣчнаго дождя, и повезъ въ городъ. Тогда еще не было постоянного каменнаго моста, и нужно было ѣхать плывучимъ мостомъ, выходящимъ на крутую Беднарскую улицу, и оттуда на Краковское предмѣстье, которое въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится скверъ, состояло изъ двухъ узкихъ переулковъ, отдѣленныхъ рядомъ старинныхъ мрачныхъ домовъ. Вообще Варшава произвела на насъ при первомъ знакомствѣ съ нею самое невыгодное впечатлѣніе. Остановились мы въ Саксонской гостиницѣ, на Козьей улицѣ, знаменитой не только своей темнотой и ужасной мостовой, но и тѣмъ, что въ ней по настоящее время сохранились четырехъэтажные дома въ одно окно.

На слѣдующее утро отправился я къ Витте. Отъ него я узналъ, что всѣ предметы въ институтѣ, какъ вообще во всѣхъ заведеніяхъ царства, преподаются по-польски, и что, поступивъ на службу по вѣдомству комиссіи просвѣщенія, я не только теряю 7 лѣтъ службы по министерству народнаго просвѣщенія, но обязанъ прослужить до полученія пенсіи не 25, а 35 лѣтъ, то-есть 17 лишнихъ. Слѣдствіемъ этихъ сюрпризовъ было то, что, возвратившись въ гостиницу, я тотчасъ же слегъ въ жестокой желтухѣ. Докторъ Мянговскій, ректоръ главной школы, котораго Витте прислалъ ко мнѣ, дней черезъ десять кое-какъ поставилъ меня опять на ноги. Затѣмъ нужно было надѣть мундиръ и отправиться съ визитами по списку, собственноручно составленному самимъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. Этотъ списокъ сохранился у меня по настоящее время, и я дорожу имъ. Вотъ они, сильные тогдашняго варшавскаго міра, двадцать слишкомъ человѣкъ! Теперь изъ нихъ никого уже нѣтъ. Человѣкъ 6—7 еще числятся въ живыхъ, на покой или въ сенатѣ, а всѣ прочіе, между ними и самъ авторъ списка, уже давно покоятся вѣчнымъ сномъ. Скажу объ нихъ нѣсколько словъ, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ, съ которыми меня позже сталкивала судьба.

II.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте.

Ѳ. Ѳ. Витте, какъ уже сказано выше, былъ главный начальникъ учебной части въ царствѣ Польскомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мой непосредственный начальникъ. Центральнымъ мѣстомъ управленія считался тогда такъ называемый совѣтъ управленія цар-

¹⁾ Я. П. Авенариусъ, старшій братъ автора, въ то время капитанъ, впоследствии генералъ-майоръ.

ства. Собственно говоря, это была промежуточная инстанція, чрезъ которую всё комиссіи, своего рода маленькія министерства, посылали свои дѣла въ комитетъ по дѣламъ царства, находившійся въ Петербургѣ. Въ совѣтѣ управленія, кромѣ главныхъ директоровъ комиссій, засѣдали и разные почетные старики-поляки. Пренія происходили на международномъ языкѣ—французскомъ. Помню, разъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ рассказывалъ мнѣ, какъ совѣтъ управленія большинствомъ голосовъ рѣшилъ изгнать изъ среднихъ учебныхъ заведеній французскій языкъ, какъ языкъ вредный.

— А на какомъ языкѣ рѣшался этотъ вопросъ?—спрашиваю я.

— Конечно, на французскомъ! — отвѣтилъ Витте.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ родомъ латышъ, сынъ простаго лѣсника. Мнѣ рассказывали, что онъ обязанъ первоначальной своей карьерой графу Нессельроде. Однажды, когда графъ гостилъ у какого-то знакомаго въ Курляндіи, онъ крестилъ у мужика-лѣсника сына и обѣщалъ его воспитать. Ребенокъ этотъ былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Такъ ли оно было или нѣтъ, не знаю. За что купилъ, за то и продаю. Какъ бы то ни было, но Ѳедоръ Ѳедоровичъ сдѣлался студентомъ педагогическаго института, гдѣ шелъ первымъ.

Однажды въ институтѣ произошелъ какой-то скандалъ. Директоръ Миддендорфъ потребовалъ отъ Витте и товарища его Шмидта, какъ отъ такъ называемыхъ старшинъ, чтобы они выдали виновныхъ, и когда тѣ отказались наотрѣзъ, то ихъ исключили изъ института и отправили уѣздными учителями: Витте—въ Дерптъ, а Шмидта—въ Ревель. Когда Витте былъ уже попечителемъ Варшавскаго округа, къ нему явился старый его товарищъ Шмидтъ, выслужившій 400 рублей пенсіи, съ просьбою о мѣстѣ. Витте далъ ему мѣсто учителя въ Лодзи, и тѣмъ доставилъ возможность выслужить черезъ 5 лѣтъ пенсію въ 1500 рублей.

Въ Дерптѣ, будучи уѣзднымъ учителемъ, Витте поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ и выдержалъ послѣдовательно экзаменъ на кандидата, магистра и доктора правъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ сдѣлался инспекторомъ классовъ въ училищѣ правовѣдѣнія, оттуда былъ назначенъ на должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а въ 1864 году главнымъ директоромъ комиссіи просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на правахъ министра.

Внѣшность Ѳедора Ѳедоровича была въ высшей степени непрезентабельна. Невысокій ростъ, лицо плоское, рябоватое, маленькіе узкіе глаза и выдающіяся скулы аттестовали его латышско-финское происхожденіе. Не могу не припомнить одного комическаго случая. Мой братъ Яковъ (о которомъ упомянуто выше), принявъ его на вечерѣ у графа Берга за лакея, потребовалъ отъ

него стаканъ чая и, когда Витте, скорчивъ гримасу, отвернулся, повторилъ свое требованіе еще болѣе категорическимъ тономъ. Тогда Федоръ Федоровичъ еще разъ повернулся на каблукъ и гордо показалъ свою звѣздную грудь.

Но когда Витте начиналъ говорить, то несчастная его фізіономія забывалась. Я никогда не встрѣчалъ человѣка съ такимъ краснорѣчіемъ. Онъ могъ говорить о чемъ и когда угодно, съ жаромъ и увлеченіемъ. Слова такъ и лились, сопровождаемыя соотвѣтствующими жестами. Слушая его много разъ, я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ не актеръ, какъ называли его многіе другіе, но что въ данную минуту онъ всю свою душу влагалъ въ предметъ своей рѣчи, каковъ бы тотъ ни былъ. Даръ слова былъ его главной силой, и этой силой онъ пользовался неудержимо. Этому дару онъ обязанъ своей карьерой, потому что, хотя ума въ немъ нельзя было отрицать, но имъ онъ не превышалъ многихъ изъ окружающихъ его лицъ.

Впрочемъ, Федоръ Федоровичъ обладалъ еще и другимъ выгоднымъ житейскимъ свойствомъ—ловкостью. Онъ умѣлъ и угодить и отказать. Рассказываютъ слѣдующій случай. Однажды къ нему прѣзжаетъ начальникъ своднаго гвардейскаго отряда, генераль-адъютантъ, баронъ Корфъ.

— У меня, — говоритъ, — къ вамъ просьба. Ко мнѣ прѣехали изъ Берлина два сына, гдѣ они блистательно окончили университетскій курсъ (т.-е. выпили несмѣтное количество пива). Одинъ изъ нихъ продувной малышъ (ein grosser Schlingel), такъ я его прочу въ дипломаты. Другой—глубокій мыслитель (ein tiefer Denker). Вотъ о немъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Нѣтъ ли у васъ для него подходящаго мѣста?

— Я,—говоритъ Федоръ Федоровичъ,—васъ отъ души благодарю, баронъ, за честь, которую вы мнѣ оказываете своимъ предложеніемъ, и съ величайшею готовностью предоставляю ему какое хотите мѣсто. Но, право, не знаю, будутъ ли эти мѣста подходящія для него. Вѣдь учительскаго или инспекторскаго мѣста онъ, конечно, не возьметъ? (Въ то время не было еще директоро въ гимназій).

— Еще бы!—говоритъ баронъ,—я и не думалъ о такихъ мизерныхъ мѣстахъ; но вѣдь у васъ полагается по штату помощникъ?

— Это отличная мысль!—воскликаетъ Витте:—и должность эта какъ нельзя болѣе отвѣчала бы положенію и способностямъ вашего сына; но, признаюсь, я не знаю, какъ быть: мой помощникъ Михневичъ черезъ два года выслуживаетъ пенсію, и мнѣ какъ-то трудно отказать этому достойному старику отъ мѣста...

— Понятно,—говоритъ Корфъ,—что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ, значить, у васъ другого подобнаго мѣста для моего сына нѣтъ? Жаль! Что-жъ дѣлать? придется отдать его въ уланы.

Такимъ образомъ молодой баронъ не попалъ въ товарищи министра, а поступилъ юнкеромъ въ уланскій полкъ.

Но Витте былъ не только красобай и ловкій человекъ. Это былъ человекъ съ теплымъ сердцемъ и вполне преданный дѣлу. Иностранецъ по происхожденію, онъ сослужилъ службу матушкѣ Россіи и принесть въ царствѣ Польскомъ громадную пользу русскому дѣлу. Всѣ крупныя реформы въ училищномъ дѣлѣ совершились тамъ при немъ и при его личномъ участіи. Хотя постоянно повторяемое имъ изреченіе о «русскомъ знамени» вызывало иногда улыбку, но онъ вѣрилъ въ это знамя, слѣдовалъ за нимъ. Теперь, по прошествіи шести лѣтъ послѣ его смерти ¹⁾, начинаютъ цѣнить его заслуги, но вполне могутъ оцѣнить ихъ только служившіе подъ его начальствомъ.

III.

Намѣстникъ царства Польскаго, графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ.

Конечно, мой первый визитъ былъ къ намѣстнику, графу Федору Федоровичу Бергу. О графѣ Бергѣ писалъ много его однофамилецъ Н. В. Бергъ въ «Русской Старинѣ». Онъ очернилъ, оклеветалъ его, насколько возможно. А если кого покойный фельдмаршалъ облагодѣтельствовалъ, такъ именно Николая Васильевича. Онъ далъ ему мѣсто лектора русскаго языка въ Варшавской главной школѣ, преобразованной затѣмъ въ университетъ, хотя Николай Васильевичъ не имѣлъ даже кандидатской степени. Кромѣ того, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ давалъ ему по три тысячи на изданіе исторіи польскаго мятежа. И вотъ, въ этой же книгѣ, изданной на деньги графа, Н. В. Бергъ забросалъ его грязью съ ногъ до головы. Не хорошо!

Графъ Бергъ былъ не кондотьеръ, не авантюристъ высшаго полета, какимъ его рисуетъ Николай Васильевичъ. Это былъ государственный человекъ въ полномъ смыслѣ слова, возвышавшійся надъ всѣми окружающими его друзьями и недругами. Иногда онъ былъ слишкомъ ловокъ, но и эта ловкость была далеко не дюжинная. Мнѣ рассказывалъ директоръ Петроковской гимназіи, Солнцевъ, такой случай. Однажды графъ Бергъ пріѣзжаетъ въ Петроковъ и входитъ, въ сопровожденіи губернатора и директора, въ классъ, передѣланный изъ монастырской кельи, со сводами, небѣлеными стѣнами, съ старыми, некрашенными и изрѣзанными столами. Директоръ счелъ долгомъ извиниться, объясняя, что гим-

¹⁾ О. О. Витте скончался въ 1879 г.

назія недавно основана, что мебель досталась по наслѣдству отъ монаховъ-піаровъ и т. п. Бергъ, не отвѣчая ни слова, простоялъ нѣсколько минутъ, опустивъ голову; затѣмъ, обратившись къ ученикамъ, сказалъ:

— Знаете, господа, что этотъ вашъ классъ напоминаетъ мнѣ лучшія минуты моей жизни. Лѣтъ 60 тому назадъ я учился въ ревельской Domschule, также передѣланной изъ монастыря. Обстановка класса была тамъ такая же скромная, могу сказать — бѣдная. Столы были такіе же старые и изрѣзанные. И между тѣмъ это не мѣшало намъ всѣмъ любить науку и любить наше заведеніе. Надѣюсь, что и вы, если Богъ вамъ дастъ достигнуть моихъ лѣтъ, съ такимъ же уваженіемъ и съ такою же любовью будете вспоминать о заведеніи, которое открыло вамъ дорогу къ жизни и сдѣлало васъ честными и добрыми людьми.

Эффектъ этой рѣчи, говоритъ директоръ, былъ поразительный. Гимназисты-поляки послѣ этого говорили о Бергѣ не иначе, какъ съ восторгомъ.

Но—amicus Plato, sed major amica veritas. Не могу умолчать и о другомъ случаѣ, рисующемъ Берга съ отрицательной стороны. Впрочемъ, у кого ея нѣтъ? Однажды люблинскій губернаторъ доноситъ Бергу о слѣдующемъ возмутительномъ фактѣ. На одномъ вечерѣ, гдѣ разсказывали объ извѣстномъ покушеніи Березовскаго, какой-то помѣщикъ-полякъ сказалъ:

— Господа! когда я былъ еще мальчикомъ, отецъ взялъ меня съ собой на охоту. Я прицѣлился въ зайца и промахнулся. Тогда отецъ высѣкъ меня, промолвивъ: «не смѣй дѣлать промаха».

— Что же изъ этого слѣдуетъ?—спрашиваютъ другіе.

— А то, что если меня высѣкли, то Березовскаго слѣдуетъ повѣсить.

Губернаторъ, донося о случившемся, проситъ резолюціи.

— Посадить этого болвана на три дня подъ арестъ, — отвѣчаетъ намѣстникъ.

Вотъ одинъ фактъ, а теперь сопоставьте его со слѣдующимъ. Нѣсколько дней спустя, я былъ съ женой у нашего хорошаго знакомаго, полковника Симонова. Вдругъ входитъ его адъютантъ, капитанъ Каргановъ, и говоритъ:

— Прощайте, Александръ Ивановичъ! Я завтра ѣду въ Ташкентъ.

— Что такъ?

— По приказанію намѣстника.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Утромъ графъ Бергъ проѣзжалъ по Краковскому предмѣстью, какъ всегда, съ конвоемъ кубанскихъ казаковъ. Публика, по обыкновенію, снимала шляпы. Только одинъ не снялъ ея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нератовъ, только что пріѣхавшій въ Варшаву и не знавшій мѣстныхъ

обычаевъ. Казакъ и хватилъ его за это нагайкой по лицу. За обѣдомъ въ клубѣ была рѣчь объ этомъ происшествіи. Каргановъ имѣлъ неосторожность назвать графа далайламой и часа черезъ два получилъ приказаніе ѣхать въ Ташкентъ.

Итакъ, въ одномъ случаѣ—три дня ареста, въ другомъ—Ташкентъ!

Да, самолюбіе было слабой стороной графа Берга, но вѣдь самолюбіе его было и двигателемъ его къ дѣламъ, въ которыхъ онъ является государственнымъ дѣятелемъ.

У Берга не было дѣтей, т.е. была только одна незаконная дочь, выданная имъ за генерала Ляхницкаго. Она и младшій племянникъ были его любимцами. Жена его, итальянка и чуть ли не купленная имъ у перваго мужа, была лѣтъ на 10 старше его. Я ее зналъ уже совершенно дряхлой старухой. Она уже почти ничего не видѣла и не слышала. Рассказываютъ, что однажды въ пріемный день посѣтилъ ее и архіепископъ Іоанникій. Подойдя къ ея креслу, онъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ по-русски; она отвѣтила казенной французской фразой и затѣмъ, когда архіерей отошелъ, спросила у сидящаго возлѣ нея лица:

— Съ какой это дамой я разговаривала?

А у Іоанникія была борода необыкновенно длинная.

Когда было получено въ Варшавѣ извѣстіе о смерти въ Петербургѣ графа Берга, то вся прислуга его разбѣжалась. Бѣдная старуха-жена его, бывшая при смерти, осталась одна. Если бы не учитель французскаго языка Плонскій, обучавшій дѣтей г-жи Ляхницкой, не бывшей въ это время въ Варшавѣ, то некому бы было подать послѣднюю помощь супругѣ всемогущаго намѣстника царства.

IV.

Архіепископъ Іоанникій.

Затѣмъ я поѣхалъ къ архіепископу Іоанникію. Это былъ добрейшій старикъ, у котораго была одна только слабость: очень ужъ любилъ онъ отрѣзывать купоны. Ласковый и привѣтливый со всѣми, онъ, однако же, умѣлъ при случаѣ показать себя. Когда, однажды, во время архіерейскаго служенія, нѣсколько старшихъ генераловъ позволили себѣ разговаривать въ церкви, онъ тутъ же сказалъ имъ такую рѣчь, что имъ врядъ ли поздоровилось.

Впослѣдствіи, когда началось присоединеніе уніатовъ, Іоанникія перевели въ Одессу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

По поводу Іоанникія я вспоминаю объ одномъ разговорѣ, хорошо рисующемъ отношенія поляковъ къ русскимъ. Когда было получено извѣстіе о смерти Іоанникія, одинъ полякъ говорилъ мнѣ:

— Должно быть, онъ былъ превосходный человѣкъ.

— А почему вы такъ думаете?

— Видите, онъ русскій, прожилъ много лѣтъ въ Варшавѣ, а между тѣмъ имя его никогда не упоминалось въ польскомъ обществѣ.

Князя Черкаскаго, Соловьева, Кошелева и многихъ другихъ на этотъ разъ я не засталъ дома. Впрочемъ, и позже я очень мало сталкивался съ главными директорами комиссій, за исключеніемъ той, въ которой состоялъ самъ.

V.

Почетный попечитель Варшавскаго института Иванъ Ивановичъ Фундуклей.

Само собою разумѣется, что мнѣ пришлось побывать и у почетнаго попечителя нашего института, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ив. Ив. Фундуклея, сенатора варшавскихъ департаментовъ сената и главнаго директора высшей счетной палаты. Фундуклей былъ родомъ нѣжинскій грекъ, сынъ откупщика, человѣкъ страшно богатый. Хотя онъ жилъ, относительно, очень скромно и былъ человѣкъ холостой, но онъ ухитрялся всегда быть безъ денегъ. Кіевскіе свои дома онъ отдалъ подъ гимназію своего имени; одесскіе не хотѣлъ отдавать въ наемъ, боясь, какъ бы жильцы не испортили парижской мебели; великолѣпное его имѣніе Гурзуфъ на южномъ берегу Крыма не приносило ему ни гроша дохода; отличное имѣніе въ Польшѣ также. Его не обкрадывалъ только тотъ, кто не хотѣлъ. Человѣкъ онъ былъ добрѣйшій, неспособный обидѣть кого бы то ни было. Казеннаго жалованья онъ не бралъ и дѣлилъ его между бѣдными чиновниками. Въ большіе праздники ворота его квартиры были запружены внѣшними, настоящими и импровизированными, которые всѣ получали при этомъ случаѣ по 5-ти рублей. Но, Боже мой, что это былъ за убогій умъ! Однажды меня спросили: видалъ ли я человѣка глупѣе Фундуклея, и я долженъ былъ отвѣтить отрицательно. Мнѣ приходилось часто имѣть съ нимъ дѣло, какъ съ почетнымъ попечителемъ института. Однажды я принесъ ему показать проектъ новой формы аттестатовъ для воспитанницъ, русской вмѣсто польской.

— Нѣтъ, ее нужно измѣнить, — говоритъ Фундуклей. — Напишите такъ, какъ было въ Пулавскомъ институтѣ.

Я говорю, что не знаю этой формы, и прошу его исправить, какъ онъ знаетъ, такъ какъ онъ былъ предсѣдателемъ совѣта института.

— Нѣтъ, — говоритъ, — исправьте сами.

— Да вѣдь я не знаю, какъ было въ Пулавахъ, — повторяю я.

— Пустяки! — говоритъ: — все-таки исправьте по-пулавски.

Я — къ Витте: такъ и такъ. Витте и научилъ меня, что сдѣлать. На другой день я опять къ Фундуклею. Показываю тотъ же аттестатъ и говорю, что исправилъ его по инструкціи. Онъ посмотрѣлъ и говоритъ:

— Вотъ именно, такъ я васъ и просилъ исправить. Странно, что вы не поняли съ перваго разу!

Когда была основана русская гимназія въ Варшавѣ (нынѣшняя первая), и директоромъ ея былъ назначенъ младшій ординаторъ

Николай Петровичъ Авенариусъ.

Уяздовскаго госпиталя Орловъ за то, что съ утра до вечера кричалъ о необходимости «высоко держать русское знамя», Фундуклей принялъ званіе почетнаго попечителя этого заведенія. Ловкій Орловъ, прикрываясь именемъ убогаго, невѣняемаго старичка-попечителя, сдѣлался вполнѣ неограниченнымъ повелителемъ гимназіи: распорядился экономическими суммами безконтрольно, опредѣлялъ и увольнялъ служащихъ по усмотрѣнію, раздавалъ мѣста своимъ родственникамъ и проч. До самаго упраздненія ко-

миссиі просвѣщенія Витте не смѣлъ и носу показывать въ гимназію. Такъ какъ Фундуклей ежегодно жертвовалъ значительныя суммы на заведеніе, то Витте и намѣстникъ рѣшили не мѣшать ему. «Пускай, молъ, тѣшится старикъ». Нужно полагать, что слухи объ автономической русской гимназіи, этомъ *status in statu*, дошли и до покойнаго государя. По крайней мѣрѣ, рассказываютъ, что когда Бергъ предложилъ посѣтить гимназію, то государь съ улыбкой отвѣтилъ:

— Не смѣю; ею управляютъ лишь Фундуклей да Богъ.

Разъ, уходя отъ Фундуклея, я ошибкой взялъ было его шляпу.

— Нѣтъ, это не ваша!—закричалъ старикъ.— Ваша хотя и новѣе, но моя дороже. Она стѣитъ 10.000 рублей.

— Какъ такъ?

— А вы думаете, что жондъ народовой позволилъ бы мнѣ даромъ носить цилиндръ, когда за ношеніе цилиндра полагалась смертная казнь? Я не хотѣлъ расстаться съ своимъ цилиндромъ, ну, и заплатилъ 10.000 рублей жонду.

VI.

Другіе русскіе дѣятели въ царствѣ Польскомъ.

Разъ затронувъ вопросъ о русскихъ дѣятеляхъ въ царствѣ, я не могу обойти молчаніемъ и остальныхъ.

Вспоминая о вопросахъ, считавшихся двадцать лѣтъ тому назадъ серьезными и важными, я вполнѣ сознаю, что въ извѣстныхъ случаяхъ *difficile est satyram non scribere*. Много пережилъ я всевозможныхъ системъ, изъ которыхъ только одна, Милютинская, имѣла смыслъ. Но и эта могла рассчитывать на успѣхъ единственно въ томъ случаѣ, если бы ее выростила и позволила ей пустить корни та страшная сила, которая не допускаетъ ни малѣйшихъ скачковъ и насилуваній, и которая смѣется надъ всякими кабинетными измышленіями, а въ особенности надъ такъ называемыми переворотами. Сидя эта—неумолимое время. Продли судьба жизнь Милютина на много лѣтъ, дай она ему подобныхъ ему преемниковъ, тогда, можетъ быть, время оправдало бы его систему. Но едва онъ сошелъ со сцены, скажу точнѣе, въ самый моментъ его удаленія отъ кормила, система его распалась въ пухъ и прахъ. Когда было получено въ Варшавѣ извѣстіе о постигшей его неизлѣчимой болѣзни, члены учредительнаго комитета хотѣли отслужить за здоровье его молебенъ. Нерѣшительный старичекъ Іоанникій сдѣлалъ запросъ Бергу: служить или не служить? Отвѣтъ былъ: не служить. И вотъ потихоньку да помаленьку милютинцы начинаютъ переходить въ другой лагерь. Солѣвевъ, Кошелевъ,

Брауншвейгъ и ближайшіе ихъ помощники нѣкоторое время еще пытались продолжать начатое Милютинымъ дѣло; но всѣ они, уставши и разочаровавшись, также скоро одинъ за другимъ уходили, бросивъ его систему на произволъ судьбы; а меньшая братія, т.-е. именно тѣ, которые стояли лицомъ къ лицу съ дѣломъ, по большей части, съ легкимъ сердцемъ переходили отъ Милютинской системы разъединенія живущихъ въ Польшѣ національностей (*divide et impera*) къ системѣ объединенія, затѣмъ къ системѣ обрусенія, перешли бы ко всякой другой, будь на то приказаніе начальства. Грустно и гадко вспоминать всѣ видѣнныя мною метаморфозы!

Конечно, было и много честныхъ въ своемъ родѣ людей. Но что было въ нихъ толку? Одни говорили:

— Не намъ разсуждать; на то есть начальство.

Другіе, поопаснѣе, проводили системы собственнаго изобрѣтенія, вслѣдствіе чего путаница происходила невѣроятная.

Третьи, кромѣ ежовыхъ рукавицъ, ничего не знали. Большая же часть мечтала о скорѣйшей выслугѣ льготной пенсіи.

Кстати, о ежовыхъ рукавицахъ, мода на которыя у насъ держится лучше всѣхъ прочихъ. Мы испытали пользу ихъ въ своихъ сношеніяхъ съ восточными сосѣдями и потому полагаемъ, что онѣ примѣнимы и къ западнымъ. Это—страшная и въ высшей степени вредная ошибка. Поляковъ нужно держать не въ ежовыхъ рукавицахъ, а въ бархатныхъ перчаткахъ. Первые только колютъ, вторыми погладишь-погладишь, да затѣмъ и возьмешь, что нужно. Я безчисленное число разъ испыталъ пользу этихъ бархатныхъ перчатокъ. Нужно уметь настоять на своемъ, въ случаѣ необходимости отказать или наказать, но все это не снимая бархатныхъ перчатокъ. А отъ ежовыхъ рукавицъ, кромѣ боли, производимой ими, толку нѣтъ никакого. Да къ тому же онѣ, по большей части, не держатся на рукахъ и въ особенности легко сваливаются при первомъ прикосновеніи женщинъ, а женщинами собственно и управляется Привислинскій край. Видалъ я и такихъ обладателей ежовыхъ рукавицъ, на спинѣ которыхъ красовалась переметная сума. Богъ съ ними, съ этими ежовыми рукавицами!

VII.

Начальница Варшавскаго института, Анжелика Ивановна Случевская.

Пора, однако же, перейти къ разсказу о моемъ вступленіи въ должность. Въ назначенный день Витте привезъ меня въ институтъ и представилъ служащимъ и воспитанницамъ, собравшимся въ большомъ актовомъ залѣ. При этомъ случаѣ, какъ и всегда въ

первые два года, Витте говорилъ по-французски, не рискуя произнести русское слово передъ поляками. Затѣмъ, уѣзжая, приказалъ мнѣ по возможности скорѣе представить проектъ преобразованія института. Если бы не начальница, незабвенная Анжелика Ивановна Случевская, то я, конечно, не только не справился бы съ своимъ дѣломъ, но, вѣроятно, на первыхъ же порахъ улетучился бы изъ Варшавы, подобно многимъ другимъ пріѣзжимъ. Поэтому, прежде, чѣмъ говорить объ институтѣ, я считаю долгомъ посвятить нѣсколько строкъ этой достойной женщинѣ, которой не забуду, пока буду живъ.

Анжелика Ивановна по происхожденію и воспитанію принадлежала къ тому кругу общества, изъ котораго у насъ обыкновенно выбираются начальницы институтовъ,—къ великосвѣтскому, т.-е. именно къ тому кругу, который менѣе всего представляетъ данныхъ для серьезнаго и дѣльнаго веденія дѣла. Но вѣдь нѣтъ правила безъ исключеній, и такимъ исключеніемъ изъ общаго правила была Анжелика Ивановна. Она была дочь зажиточнаго витебскаго помѣщика Зарембы, поляка, но протестанта. Хотя мать Анжелики Ивановны была православная, изъ фамиліи Львовыхъ, но сама она и ея братья были крещены по реформатскому обряду. Выйдя замужъ за члена совѣта министра финансовъ Случевскаго, братъ котораго былъ первоприсутствующимъ сенаторомъ, Анжелика Ивановна, женщина необыкновенно красивая, сдѣлалась центромъ тогдашняго петербургскаго beau monde'a. Всѣ передъ ней преклонялись, въ честь ея писались стихи и сочинялись романы; словомъ, все сложилось такъ, чтобы вскружить голову и баловствомъ испортить ее до мозга костей, какъ это случается у насъ съ красивыми и знатными дамами, а между тѣмъ Анжелика Ивановна не потонула въ этомъ омутѣ. Она сдѣлалась примѣрной, вѣрной женой старика-мужа, отличной матерью своихъ дѣтей и, не отказываясь отъ общества, находила время чтеніемъ серьезныхъ книгъ пополнить свое поверхностное воспитаніе. Когда мужъ ея умеръ, оставивъ самыя незначительныя средства, Анжелика Ивановна принялась за постройку дома, желая обезпечить судьбу своихъ дѣтей. Но своихъ денегъ у нея было мало; пришлось занять у кредитнаго общества; наконецъ, когда и этихъ денегъ оказалось недостаточно, и доходъ отъ дома не покрывалъ процентовъ, требуемыхъ кредиторами, Анжелика Ивановна обратилась къ своей пріятельницѣ, графинѣ Толстой, съ просьбой о казенномъ мѣстѣ. Въ это время было вакантно мѣсто въ Варшавѣ, такъ какъ прежняя начальница института, занявшаяся специально переводомъ православныхъ воспитанницъ въ католичество, была уволена отъ должности. Анжелику Ивановну назначили начальницею института въ іюль 1864 г. Кромѣ врожденнаго ума и необыкновеннаго такта въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ, Анжелика Ивановна обладала еще другими свойствами,

которыя облегчили ей исполнить трудную ея задачу. Во-первыхъ, она, не будучи ни католичкой, ни православной, не была поставлена въ необходимость пристать къ одному изъ враждебныхъ лагерей; во-вторыхъ, она говорила хорошо по-польски; въ-третьихъ, она не хотѣла ломать, не изучивъ среды, въ которой приходилось ей дѣйствовать. Къ моему приѣзду она уже знала заведеніе, какъ свои пять пальцевъ, но не тронула никого и ничего, выжидая назначенія инспектора.

VIII.

Мой дебютъ въ Варшавскомъ институтѣ.

До моего назначенія въ Варшавскій институтъ, съ самаго его основанія въ 1862 году, не было въ немъ инспектора. Институтское зданіе было выстроено въ 1853 г. для мужского дворянскаго института. Въ 1862 году ученики и преподаватели этого заведенія отправились въ банду, и институтъ былъ закрытъ. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же зданіи былъ открытъ женскій Александринско-Маріинскій институтъ, въ составъ котораго вошли нѣкоторыя изъ воспитательницъ и служащихъ Александринскаго института въ Пулавахъ (Новой Александріи) и такъ называемаго казеннаго Маріинскаго пансіона въ Варшавѣ. Привезли воспитанницъ и вещи, назначили фанатичку-начальницу, а общій надзоръ за заведеніемъ поручили ксендзу Якубовскому. Затѣмъ, среди безпорядковъ, происходившихъ въ краѣ, никто не заботился объ Александринско-Маріинскомъ институтѣ, пока насильственный переводъ православныхъ воспитанницъ въ католичество не обратилъ вниманія новаго начальства на это заведеніе. Расскажу теперь свой первый дебютъ въ этой должности.

Анжелика Ивановна меня предупредила, что въ учебную часть она до моего приѣзда не входила, но не могла не замѣтить нѣкоторой несообразности въ распредѣленіи занятій воспитанницъ. Дѣйствительно, несообразность эта была феноменальная. Учителя приходили въ институтъ въ свободное отъ прочихъ занятій время, насколько не сообразуясь съ тѣмъ, сколько уроковъ въ какомъ классѣ. Вслѣдствіе этого, по расписанію, оказывалось въ одномъ и томъ же классѣ сегодня 3 урока, завтра 5, а тамъ 4 или 2. Самаго текста расписанія уроковъ не понимаю, потому что онъ написанъ по-польски. Вижу, однако, что дѣло не ладно. Затѣмъ, мысленно перекрестившись, начинаю обходъ классовъ. Вхожу и спрашиваю преподавателя:

— Чтó вы преподаете?

— *Historia powszechna.*

— Извините, не понимаю: чтó это значитъ?

— L'histoire universelle.

Прослушавъ минутъ десять непонятный для меня урокъ, иду въ слѣдующій классъ.

— Вашъ предметъ?

— Nauki przyrodzony.

— Чтò это означаетъ?

— L'histoire naturelle.

Иду въ третій классъ. Сидитъ дама и что-то прочитываетъ. Опять тотъ же вопросъ, и оказывается, что ея предметъ называется «наука moralności», а въ французскомъ переводѣ «lectures morales»,—предметъ похвальный, но для меня новый.

Ну, думаю, плохо! Что я подѣлаю? Никто ни слова по-русски, а я столько же по-польски. Какъ же мы разговоримся? Беру листъ бумаги и циркулярно прошу на французскомъ языкѣ преподавателей собраться на засѣданіе педагогическаго совѣта къ шести часамъ вечера. Собираются. Открываю я совѣтъ, конечно, по-французски. Послѣ краткаго введенія заявляю, что мнѣ прежде всего хочется познакомиться съ будущими своими сослуживцами.

— Гдѣ вы получили воспитаніе?—спрашиваю одного.

— Въ Петербургскомъ университетѣ.

— А вы?

— Въ Московскомъ.

— Вы?

— Въ Киевскомъ.

Оказывается, что всѣ, за исключеніемъ одного учителя математики, нигдѣ не учившагося, обучались въ русскихъ университетахъ, а одинъ изъ нихъ, учитель польской исторіи, въ добавокъ провелъ десять лѣтъ въ Сибири, на поселеніи.

— Господа, — говорю я тогда, переходя уже съ французскаго на русскій языкъ,—зачѣмъ намъ играть комедію? Всѣ мы говоримъ отлично по-русски, такъ зачѣмъ же коверкать чужой языкъ? Съ этой минуты будемъ говорить по-русски, и ученицы насъ кое-какъ поймутъ, а чего не поймутъ, то я переведу на французскій или нѣмецкій языкъ.

Нарывъ сразу прорвался. Въ первый разъ съ основанія введенія природные поляки заговорили на ненавистномъ имъ русскомъ языкѣ, и, разъ заговоривши, уже перестали стѣсняться. Затѣмъ тутъ же составили новое расписание уроковъ и разъяснили составъ курса. Знаменитая «наука moralności» оказалась ни болѣе, ни менѣе, какъ чтеніе книгъ ультра-патріотическихъ извѣстной польской писательницы, Таньской, воспитательницы въ домѣ Чарторыжскихъ. Можетъ быть, читалось и что нибудь болѣе радикальное, но до этого я не могъ добраться. Исторія Россіи вовсе не проходила, но тѣмъ подробнѣе изучалась исторія Польши, которую преподавалъ, какъ замѣчено выше, бывший каторжникъ Гроховскій.

— А кто же у васъ преподаетъ русскій языкъ?

— C'est moi!—отвѣчала одна изъ дамъ.

При дальнѣйшемъ разговорѣ оказывается, что эта дама, madame Dinsart, не умѣетъ говорить по-русски.

Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше!

— Какъ же вы занимаетесь съ дѣтьми предметомъ, котораго сами не знаете?

— Вотъ видите, русскій языкъ только значитъ въ программѣ; онъ не обязателенъ, и я получаю всего 140 рублей жалованья, и мужъ мой такой заслуженный человѣкъ.

Этотъ заслуженный человѣкъ, недѣли черезъ двѣ послѣ моего вступленія въ должность, былъ высланъ по этапу за границу, такъ какъ оказался политическимъ эмигрантомъ.

Изъ учителей только преподаватель математики ни слова не зналъ по-русски. Это былъ помѣщикъ, имѣнiе котораго было конфисковано за участіе его въ мятежѣ. За эти заслуги предмѣстникъ *Ө. Ө. Витте* далъ ему мѣсто въ институтѣ. Замѣчательный это былъ учитель: во всѣхъ классахъ онъ занимался однимъ и тѣмъ же переводомъ золотыхъ на рубли и обратно.

Два педагогическихъ засѣданія подѣ рядъ доставили мнѣ множество интереснаго матеріала, изъ котораго была мною составлена обстоятельная записка для *Ө. Ө. Витте*. Витте вполне одобрилъ мои предположенія, и вотъ началась ломка. Ломать оказалось не трудно, какъ оно и всегда бываетъ, но строить было труднѣе. Исчезли изъ учебнаго плана «*наука totalności*» и польская исторія, бѣдный помѣщикъ-математикъ распрощался съ институтомъ, а *m-me Dinsart* съ своимъ номинальнымъ предметомъ. Но гдѣ взять людей?—вотъ вопросъ. Въ это время на всѣ учебныя заведенія въ Варшавѣ было только два русскихъ учителя: Олешкевичъ и Маркіановичъ, по горло занятыхъ уроками. Всѣ прочіе бѣжали во время возстанія. Въ январѣ ожидалось утвержденіе новыхъ штатовъ для преподавателей русскаго языка въ гимназіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наплывъ новыхъ силъ. А пока что же? Прежде всего, я пригласилъ Маркіановича для послѣобѣденныхъ занятій съ православными воспитанницами, которыхъ въ то время было всего семь. Затѣмъ удалось добыть на нѣсколько дообѣденныхъ часовъ другого учителя, Олешкевича. Самъ же я взялъ (конечно, безъ вознагражденія) отъ 2—3 уроковъ русскаго языка во всѣхъ семи классахъ, и давай учить дѣвицъ первоначальной грамотѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда мнѣ удалось пригласить еще одного новопрїѣзжаго учителя, я отдалъ ему часть уроковъ русскаго языка, а самъ взялъ исторію Россіи. Свободные отъ собственныхъ уроковъ часы употреблялись мною на посѣщеніе чужихъ уроковъ. Такъ какъ мнѣ уже не придется возвращаться къ этому предмету, то разскажу нѣсколько курьезовъ.

«истор. вѣстн.», МАЙ, 1904 г., т. хсѣі.

3

IX.

Учитель географіи Котковскій.

Учителемъ географіи былъ нѣкто Котковскій, докторъ медицины Кіевскаго университета. Онъ былъ женатъ на православной, но дѣти его остались некрещенными, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Онъ выслужился передъ родичами тѣмъ, что, во-первыхъ, братъ его, ксендзъ Котковскій, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ главарей жонда народоваго, во-вторыхъ, что перевелъ на польскій языкъ Нестора, доказывая, что Несторъ былъ полякъ, и церковно-славянскій языкъ есть не что иное, какъ древне-польское нарѣчіе. За эти заслуги доктору Котковскому дали кафедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавской главной школѣ, а въ придачу уроки географіи въ институтѣ.

Господинъ этотъ сразу показался мнѣ подозрительнымъ, и потому я обратилъ на него особенное вниманіе. У него было одно достоинство: онъ чѣртилъ прекрасно карты, даже слишкомъ хорошо, потому что, начертивъ сгоряча какую нибудь лишнюю рѣку, онъ тутъ же сочинялъ для нея и названіе. Говорилъ онъ красно, съ необыкновеннымъ жаромъ, въ особенности, когда дѣло касалось Польши. Та или другая мѣстность внушала ему большій или меньшій интересъ, смотря по отношеніямъ ея къ Польшѣ. Такъ, на примѣръ, Магдебургъ былъ важенъ тѣмъ, что оттуда вышло, въ Польшу Магдебургское право. Лейпцигъ тѣмъ замѣчательнъ, что въ протекающей мимо его рѣчкѣ Эльстеръ утонулъ Іосифъ Понятовскій и т. п. Послѣ каждаго урока мнѣ приходилось увѣщевать его не уклоняться отъ своего предмета. Наконецъ, вижу, что нужно съ нимъ разстаться. Предлогъ скоро явился. Слышу я, что Котковскій, рассказывая объ итальянскихъ школахъ живописи, позволилъ себѣ шутя покошунствовать надъ православіемъ.

— Всѣ вы,—говоритъ онъ воспитанницамъ,—видѣли копии съ знаменитой тайной вечера Л. да Винчи. Вотъ картина, такъ картина! Не то, что русскіе образа, гдѣ представляется одно чаепитіе: въ серединѣ самоваръ, а кругомъ сидятъ бородачи и дуютъ себѣ чай.

Я самъ, конечно, не былъ на этомъ урокѣ, но узналъ о случившемся черезъ православную воспитанницу. «Ну, думаю, попался голубчикъ!» Зову къ себѣ Котковскаго.

— Что, молъ, вы изволили рассказывать въ классѣ?

Онъ—туда, сюда.

— Ну,—говорю,—вотъ вамъ листъ бумаги. Пишите прошеніе объ отставкѣ, а то, если это дѣло черезъ воспитанницъ распространится въ городъ и дойдетъ до Трепова (генераль-полицеймейстера), то вамъ не миновать Владимирки.

Онъ молча взялъ перо, написалъ, что слѣдуетъ, поклонился—и былъ таковъ.

X.

Ксендзъ Улянецкій.

Ксендзъ Улянецкій былъ еще интереснѣе Котковскаго. Онъ воспитывался въ знаменитой римской «Пропандѣ» (иезуитскомъ университетѣ), получилъ тамъ званіе доктора богословія и былъ назначенъ законоучителемъ въ институтъ, лѣтомъ 1864 года. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, лысый, съ неимоверно сладкимъ лицомъ. Нравственныя его свойства выяснятся изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Уже нѣкоторое время ходили слухи о предстоящемъ закрытіи католическихъ монастырей, но когда именно оно совершится, не зналъ никто. Однажды, хорошій мой знакомый, графъ Опперманъ, передалъ мнѣ по секрету, что въ слѣдующую ночь онъ, въ числѣ другихъ, опечатаетъ варшавскіе монастыри и заарестуетъ монаховъ. На слѣдующее утро, въ паузу послѣ перваго урока, я замѣчаю, что всѣ воспитанницы старшаго класса плачутъ и группами о чемъ-то шепчутся. Спрашиваю одну изъ православныхъ дѣвицъ, въ чемъ дѣло. Оказывается, что ксендзъ прочелъ пѣлюю проповѣдь о преслѣдованіяхъ католичества правительствомъ и, въ видѣ доказательства, рассказалъ то, что произошло въ предыдущую ночь. Призываю я ксендза на судъ.

— Quis? quid? ubi? и т. д.

Мой ксендзъ сначала давай отнѣживаться, но когда я ему пригрозилъ возможными послѣдствіями, то онъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно, обѣщалъ мнѣ чрезъ нѣсколько дней представить письменно произнесенную имъ рѣчь, въ доказательство своей невинности. Дня черезъ три приноситъ дѣйствительно объемистую тетрадь на польскомъ языкѣ. Съ помощью Анжелики Ивановны я разобралъ ее, и по настоящее время сожалью, что не сохранилъ въ оригиналѣ. Боже, что тутъ было понаписано! Вся рѣчь, испещренная текстами, сводилась къ тому, что главная обязанность человѣка состоитъ въ подчиненіи власти, и главное доказательство находилъ онъ въ рожденіи самого Спасителя. «Императоръ,—говорилъ онъ,—велѣлъ всѣмъ подданнымъ отправиться въ мѣста своего происхожденія. Только вслѣдствіе этого приказанія родители Спасителя отправились въ Виѣлеемъ. Слѣдовательно, не будь императорскаго приказанія, Спаситель не могъ бы родиться».

Послѣ этого эпизода мой Улянецкій какъ будто бы перемѣнился и сталъ заигрывать съ русскими властями.

Когда Случевская отправилась однажды въ Петербургъ, онъ отправилъ ей вслѣдъ письмо на французскомъ языкѣ, явно написанное съ тѣмъ, чтобы его показали кому слѣдуетъ. Онъ предлагалъ тутъ цѣлый рядъ проектовъ: преподаваніе католическаго за-

кона Божія на русскомъ языкѣ, введеніе въ царствѣ Польскомъ стараго стила и т. п. Про себя онъ рассказывалъ, что родился въ одинъ и тотъ же день съ государемъ императоромъ, и что это совпаденіе было причиною того, что его еще въ дѣтствѣ называли «русскій духъ», «русскій епископъ». Заключаетъ, конечно, заявленіемъ своей преданности правительству и проклятіемъ возстанія. Это письмо сохранилось у меня, а равно и другое въ такомъ же вкусѣ.

Наконецъ, онъ подаетъ въ совѣтъ института прошеніе объ отпускѣ въ Петербургъ, для изученія «родного нашего русскаго языка, языка нашего Царя-Освободителя».

Вскорѣ послѣ его возвращенія изъ отпуска совѣтъ получаетъ конфиденціальное письмо отъ виленскаго жандармскаго начальника, что, молъ, ксендзъ Улянецкій прїѣзжалъ въ Вильну, сносился съ разными подозрительными людьми и собиралъ деньги для какихъ-то неизвѣстныхъ цѣлей.

Зовемъ мы ксендза на засѣданіе совѣта. Начинается экзаменъ. Ксендзъ отъ всего отнѣживается, и только, когда были представлены неопровержимыя доказательства, признается, что былъ не въ Петербургѣ, а въ Вильнѣ. Когда онъ не согласился на наше предложеніе подать въ отставку, то мы его тутъ же уволили отъ службы по третьему пункту. Тутъ сладкое лицо нашего ксендза сразу превратилось въ грозное.

— Если такъ, то не будетъ же у васъ ксендза!—говоритъ.

Затѣмъ онъ отправился въ ризницу, заперъ ее и костелъ, и ключи положилъ въ карманъ. Много у насъ было возни съ управляющимъ католическою епархіею, пока Улянецкій не выдалъ ключей.

Но и тутъ онъ не уговорился. Разсердившись на администратора епархіею, онъ произнесъ противъ него рѣчь въ Свято-Янскомъ костелѣ, гдѣ назвалъ его свинопасомъ. Послѣ этого его отправили въ одинъ изъ оставшихся монастырей, а затѣмъ выпустили по эмиграціонному паспорту за границу. Нѣсколько лѣтъ спустя, я слышалъ, что онъ безпокоилъ одно высокопоставленное лицо письмами изъ Лурда, въ которыхъ обѣщалъ доказать, что тамошнія чудеса не что иное, какъ мошенничество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ денегъ. Говорятъ, что онъ недавно умеръ. *Sit ei terra levis!*

XI.

Классныя дамы, польки и русскія.

Классныя дамы первоначальнаго состава были отчасти переведены изъ Пулавскаго института, частью назначены по протекціи, за «заслуги» своихъ родственниковъ. Мужъ одной классной дамы былъ сосланъ въ Сибирь, мужъ другой, командуя бандой,

убить, сынъ третьей также участвовалъ въ возстаніи. Изъ числа 14-ти дамъ было 11 полекъ, двѣ нѣмки и одна французженка. Кромѣ того, были двѣ сверхштатныя русскія классныя дамы, посланныя для надзора за православными воспитанницами, послѣ попытки совращенія ихъ въ католичество, о чемъ сказано выше. Это были личности также въ своемъ родѣ замѣчательныя. Приѣхавъ въ Варшаву въ моментъ междуцарствія, между отчисленіемъ одной начальницы и назначеніемъ другой, обѣ надѣялись занять этотъ постъ и, разочаровавшись, накинулись съ остревнѣніемъ на Анжелику Ивановну. Никогда въ жизни не видалъ я такихъ злыхъ до циничности старыхъ дѣвъ. Такъ какъ онѣ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, были назначены по высочайшему повелѣнію, то не хотѣли признавать никакой мѣстной власти. Не проходило дня, чтобы онѣ не дѣлали какой нибудь непріятности начальницѣ и мнѣ. А обѣ ихъ отношенія къ класснымъ дамамъ-полькамъ и говорить нечего. Это былъ рядъ вызововъ на скандалы. Одну изъ этихъ дамъ, фанъ-Дезинъ, скоро удалось сплавить, по случаю назначенія ея главною надзирательницею въ новую русскую женскую гимназію. Тамъ она также отличалась своимъ поведеніемъ, была уволена отъ должности и съ горя умерла, не выѣзжая изъ казенной квартиры.

Другая, Венедиктова, была еще почище. Ее перевели въ Варшаву изъ какого-то другого института, поставивъ ей альтернативу: вонъ или въ Варшаву. Службой она вовсе не занималась, а только ходила по коридорамъ и говорила всѣмъ дерзости или же, развалившись въ креслѣ, заставляла воспитанницъ щекотать себѣ въ затылкѣ. Полекъ, классныхъ дамъ и воспитанницъ, она называла не иначе, какъ мятежницами, Случевскую и меня ругала въ глаза, какъ нельзя лучше. Вѣчный ея гегайнъ былъ: «я назначена государыней императрицей, и потому никого знать не хочу. Всѣ вы, начиная отъ Берга и Витте и кончая Случевскою и инспекторомъ,—нѣмки; я же—русская, и мнѣ плевать на васъ!»

Вѣдила Случевская, вѣдилъ и я къ Бергу и къ Витте. Тѣ только пожимаютъ плечами и говорятъ:

— Устройте такъ, чтобы она подала въ отставку. Мы уволить ее не можемъ.

Наконецъ подошелъ случай. Она заболѣла глазами и перестала выходить изъ комнаты. Вотъ я и убѣдилъ ее подписать рапортъ о болѣзни и невозможности продолжать службу. Съ этой бумагой я немедленно отправился къ Витте, тотъ — къ Бергу. Бергъ тотчасъ представилъ Венедиктову къ увольненію въ отставку съ половиною пенсіона, которой она еще далеко не выслужила, и недѣли черезъ три была получена изъ Петербурга высочайшая резолюція.

Посмотрѣли бы вы на Венедиктову, когда ей вручили бумагу обѣ отставкѣ. Это была Медея, фурія, нѣчто ужасное!

— Хорошо!—говоритъ:—припомните вы меня, подлецы, начинающая съ мерзавца Берга и кончая вами! Я такъ этого дѣла не оставлю!

И, дѣйствительно, она сдержала, или, по крайней мѣрѣ, попыталась сдержать слово. Въ слѣдующемъ году институтъ ожидалъ посѣщенія ихъ величествъ. Въ вестибюль передъ параднымъ подъѣздомъ собрались: принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, въ вѣдѣніе котораго предполагалось отдать институтъ (это было въ 1867 году), Фундуклей, Витте, начальница и я. Вдругъ открываются двери, и входитъ Венедиктова. Я бросился ей навстрѣчу.

— Госпожа Венедиктова!—говорю я,—мы каждую минуту ожидаемъ ихъ величествъ, и потому я покорнѣйше прошу васъ прійти въ другой разъ.

Она ехидно улыбнулась.

— Знаю,—говоритъ,—потому-то именно я и пріѣхала изъ Петербурга. Задамъ же я вамъ трепку!

Съ этими словами она, оттолкнувъ Случевскую, пытавшуюся остановить ее, быстро направилась чрезъ классный коридоръ въ парадный залъ, гдѣ собрались воспитанницы. Я къ принцу:

— Ваше высочество! такъ и такъ; что намъ дѣлать?

Принцъ былъ внѣ себя.

— Вонъ ее, скорѣе вонъ! Вѣдь это сумасшедшая; я ее потому и выгналъ изъ X. института; скорѣе вонъ, вонъ!

Я бѣгу въ канцелярію и посылаю эконома съ двумя сторожами ей вдогонку и, слава Богу, не опоздалъ. Въ тотъ моментъ, когда ихъ величества подъѣзжали къ институту, Венедиктова, поддерживаемая съ двухъ сторонъ сторожами и подталкиваемая экономомъ, выпроваживалась изъ боковой калитки и сдавалась городовому. На слѣдующій день она пыталась остановить государя на улицѣ, ставъ съ бумагой поперекъ дороги, но предупрежденная Случевскою полиція остановила ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла въ сумасшедшемъ домѣ.

ХІІІ.

Учителя-поляки.

Отношенія наши, т.-е. мои и Случевской, къ сослуживцамъ-полякамъ долго оставались натянутыми. Оно и не могло быть иначе. Восстаніе только что кончилось, слѣдственные комиссіи еще продолжали свои работы. Я самъ еще удостоился медали за усмиреніе польскаго мятежа. Поляки-учителя и польки-учительницы и классныя дамы не могли къ намъ относиться иначе, какъ къ представителямъ ненавистной націи. Мы, съ своей стороны, невольно должны были слѣдить за малѣйшими проявленіями этого

враждебнаго чувства. Словомъ, долгое время отношенія были непріятныя, натянутыя. Но, когда съ теченіемъ времени страсти нѣсколько улеглись, когда самыя подозрительныя личности были удалены, и мы ближе познакомились съ остальными, то отношенія наши постепенно сдѣлались нормальнѣе. Между поляками, которыхъ мы частью застали въ институтѣ, частью опредѣлили на вакантныя мѣста, оказалось много достойныхъ личностей, умныхъ, честныхъ и работающихъ. Конечно, въ политическомъ отношеніи никому изъ нихъ, какъ вообще ни одному поляку въ свѣтѣ, довѣрять было нельзя. Всѣ они оставались попрежнему врагами русскаго народа и правительства. Но все дѣло было въ томъ, чтобы не пробуждать этого сквернаго чувства, чтобы не давать возможности прививать антирусскія начала къ воспитанницамъ, наконецъ, чтобы извлечь изъ нихъ ту пользу, которую могли они принести. Но, повторяю, разъ поляки-преподаватели убѣдились, что ихъ не тронуть, не оскорбятъ понапрасну, если они будутъ дѣлать свое дѣло, то холодность и натянутость нашихъ отношеній постепенно исчезли. Они понимали, что дѣйствовать à la Котковскій не безопасно; я съ своей стороны старался избѣгать всего того, что могло уязвить ихъ больное мѣсто, ихъ неизлѣчиму ю національную рану. Двое изъ этихъ преподавателей оставались моими сотрудниками цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Одинъ изъ нихъ мѣсяца два тому назадъ дослужился до полной эмеритальной пенсiи; другой получить ее нынѣшнею осенью ¹⁾. И, признаться, я горжусь тѣмъ, что далъ возможность этимъ достойнымъ людямъ достигнуть житейской пристани. Пускай говорятъ,—а говорятъ это теперь нѣкоторыя лица не стѣсняясь,—что я держалъ старыхъ преподавателей, да еще поляковъ. Я не раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ.

ХІІІ.

Русскіе учителя.

Несравненно болѣе возни было у меня съ преподавателями русскаго языка. Ихъ при мнѣ перемѣнилось въ институтѣ 15 или 16 человекъ. Эти частыя перемѣны объясняются слѣдующими причинами. Во-первыхъ, изъ поляковъ у меня былъ громадный выборъ. Лучшій, извѣстнѣйшій учитель-полякъ съ готовностью принималъ мое приглашеніе, тѣмъ болѣе, что плата въ институтѣ была лучшая, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ. Между тѣмъ русскіхъ преподавателей было вообще немного, выбора между ними почти не было. Во-вторыхъ, съ обнародованіемъ извѣстныхъ пра-

¹⁾ Осенью 1885 года.

вилъ о правахъ и преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія въ царствѣ Польскомъ, русскимъ учителямъ не было никакого расчета поступать на дѣйствительную службу въ институтъ, на который эти преимущества не распространялись. Во все время моей службы только одинъ преподаватель русскій состоялъ на коронной службѣ по заведенію, а именно, учитель географіи и естествовѣдѣнія., П. К. Стефановичъ; преподаватели же русскаго языка были всѣ по найму. Двое изъ нихъ: П. Н. Полевой и Плутенко, были дѣйствительно прекрасные учителя. Но первый скоро оставилъ Варшаву и переселился въ Петербургъ, гдѣ занялся изданіемъ своихъ сочиненій. Второй умеръ отъ чахотки. Были учителя и довольно порядочные, и такъ себѣ; эти въ скоромъ времени сдѣлались инспекторами и директорами разныхъ гимназій. Наконецъ, были и совсѣмъ плохіе учителя, которыхъ пришлось уволить за окончательною ихъ неспособностью.

Много могъ бы я рассказать о всякаго сорта преподавателяхъ, пріѣхавшихъ просвѣщать Польшу и только срамившихъ Россію. Но это уклонило бы меня отъ моего разсказа, и потому Богъ съ ними.

XIV.

Хозяйственная часть института.

Перехожу теперь къ описанію моихъ занятій въ институтѣ. Утренніе часы, съ 7-ми до 9-ти, посвящались хозяйству; съ 9-ти до 4-хъ шли классныя занятія, а съ 8-ми до 2-хъ ночи происходили засѣданія у Витте.

До перехода института въ вѣдѣніе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи у насъ не было совѣта, а заведеніе управлялось начальницей. Инспекторъ и всѣ прочіе служащіе находились подъ непосредственнымъ ея начальствомъ. Отъ ея имени исходили всѣ бумаги, она одна отвѣчала передъ высшимъ начальствомъ по всѣмъ частямъ управленія. Словомъ, управленіе было единоличное, какъ оно и должно быть. Когда былъ учрежденъ совѣтъ, то-есть, когда къ начальницѣ были приставлены двѣ няньки, то значительная часть отвѣтственности пала съ ея плечъ, а власть осталась прежняя. Вслѣдствіе этого явилась полная возможность къ развитію того качества, которое въ женщинахъ проявляется гораздо чаще, чѣмъ въ мужчинахъ.—самодурства. Случевская была начальницей въ полномъ смыслѣ слова: она сознавала свою власть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимала и свою отвѣтственность передъ закономъ. Поэтому она и не сдѣлалась самодуркою, когда съ учрежденіемъ совѣта значительная часть отвѣтственности перешла на остальныхъ членовъ.

До 1868 года при начальницѣ находился хозяйственный комитетъ, состоявшій подъ ея предсѣдательствомъ изъ инспектора и одной классной дамы. Обязанность комитета, собиравшагося разъ въ недѣлю, состояла въ наблюденіи за правильнымъ расходоуемъ суммъ. Мы были только помощниками начальницы, но инициатива и отвѣтственность принадлежали одной ей. Кромѣ того, былъ экономъ, онъ же и смотритель зданія.

Въ первое время экономомъ былъ отставной полковникъ Петерсонъ, служившій прежде въ комиссаріатской комиссіи и выгнанный оттуда за воровство. Это былъ мошенникъ первостатейный. Онъ пренаивнѣйшимъ образомъ говорилъ мнѣ въ глаза, что десятая часть всѣхъ расходоуемыхъ заведеніемъ суммъ по закону должна принадлежать ему. Къ несчастью, онъ пользовался протекціей графа Берга, крестившаго, что ли, кого-то изъ его дѣтей. Вслѣдствіе этого пришлось его терпѣть около года; но Случевская съ перваго же момента увидѣла, что ему нельзя давать повадки, и потому просила меня помочь ей въ приведеніи хозяйства въ порядокъ.

И вотъ, въ теченіе цѣлаго полугода, мы съ Анжеликой Ивановной съ 7-ми, а иногда и съ 6-ти часовъ утра до половины 9-го сидѣли въ кухнѣ. Она принимала припасы, раздѣляла на порціи, взвѣшивала, а я составлялъ расчеты, изъ которыхъ постепенно составлялось полное расписание всѣхъ употребляемыхъ въ институтѣ блюдъ, съ точнымъ опредѣленіемъ стоимости ихъ на одно лицо. Кромѣ того, мнѣ пришлось принимать дрова, каменный уголь, керосинъ и т. п. Для точнаго опредѣленія количества топлива и керосина, требуемаго институтомъ, я принялъ слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, я всѣ институтскія печи раздѣлилъ на извѣстное число категорій, смотря по тому, топились ли онѣ дровами или каменнымъ углемъ, а затѣмъ сообразно количеству требуемаго каждой изъ нихъ топлива. Это было дѣло весьма нелегкое, потому что каждую порцію угля я взвѣшивалъ до употребленія. Затѣмъ я взвѣсилъ на десятичныхъ вѣсахъ двѣ кубическихъ сажени дровъ, такъ называемыхъ мягкихъ (сосновыхъ) и твердыхъ (березовыхъ), и опредѣлилъ число топокъ изъ одной сажени. То же самое сдѣлалъ я съ каменнымъ углемъ. Далѣе, имѣя въ виду, что хотя каменный уголь доставляется въ 10-ти корцевыхъ повозкахъ, но въ повозкахъ оказывалось часто значительно менѣе, я построилъ кубическій деревянный ящикъ, въ которомъ могло помѣщаться 140 корцевъ, или 840 пудовъ, и сталъ принимать уголь цѣлыми ящиками. Во-вторыхъ, я взялъ образцы всѣхъ институтскихъ лампъ, наполнилъ ихъ керосиномъ и, обозначивъ вѣсъ, заставилъ горѣть по 3 часа. Затѣмъ, потушивъ лампы, взвѣсилъ ихъ во второй разъ и раздѣлилъ ихъ разницу между обоими числами на три. Такимъ образомъ, узнавъ количество керосина, сгорающаго въ

каждомъ родѣ лампъ, и составивъ расписаніе часовъ горѣнія въ извѣстныхъ времена года и въ опредѣленныхъ помѣщеніяхъ, я могъ совершенно точно контролировать эту статью расхода.

Позволивъ себѣ остановиться на описаніи этой скучной процедуры, я хотѣлъ доказать, что и мнѣ пришлось поработать надъ хозяйственною частью. Конечно, главная обуза въ этомъ отношеніи лежала на начальницѣ, идеальной хозяйкѣ, которая заботилась не только о пользѣ заведенія, но и объ интересахъ казны. Результатомъ ея хозяйничанья было то, что при переходѣ института въ другое вѣдомство (учрежденія императрицы Маріи) она, несмотря на чрезвычайно скромный старый штатъ, могла передать ему остатокъ въ 5.000 слишкомъ рублей.

XV.

Учебная часть и канцелярія института.

Учебною частью завѣдывалъ я при Случевской вполне самостоятельно. Посѣщая постоянно классы, слѣдя внимательно за успѣхами воспитанницъ, она никогда не вмѣшивалась въ мою часть. Сдѣланныя ею наблюденія она умѣла передавать въ такой умной и вмѣстѣ деликатной формѣ, что я только съ благодарностью могъ принимать ея замѣчанія. Курсъ института былъ тогда 6-ти-лѣтній. Кроме того, былъ 7-й дополнительный классъ, куда принимались лишь тѣ воспитанницы, которыя хотѣли посвятить себя педагогической дѣятельности. Окончившія курсъ въ этомъ классѣ получали званіе домашней наставницы съ правомъ преподавать одинъ или два предмета, специально избранныхъ ими, и завѣдывать женскими пансіонами.

До 1866 года преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ русской исторіи. Затѣмъ, въ теченіе года, я постепенно ввелъ русскій языкъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ, такъ что къ переходу института въ 1867 году въ вѣдѣніе принца Ольденбургскаго это преобразование было окончено, а именно полугодомъ ранѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ заведеніяхъ царства Польскаго. Смѣю гордиться тѣмъ, что на эту реформу я не получилъ отъ казны ни копейки денегъ, хотя пришлось пріобрѣсть тысячи русскихъ руководствъ и за безцѣнокъ продать польскія. Кстати объ учебныхъ пособіяхъ. Не могу безъ смѣха вспомнить, что я засталъ въ институтѣ.

Выше я сказалъ, что институту досталось въ наслѣдство имущество трехъ заведеній: мужского шляхетскаго института, Пулавскаго женскаго института и казеннаго Маріинскаго варшавскаго пансіона. Все это имущество было доставлено въ институтъ неиз-

вѣстно кѣмъ и когда, безъ описей и инвентарныхъ списковъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія института, вице-директоръ канцелярїи О. О. Витте, Пржистанскій, выпросилъ себѣ позволеніе выдѣлить изъ всего собраннаго въ зданіи будущаго института все то, что, по его мнѣнію, окажется годнымъ для гимназій, учреждавшихся въ это время въ Варшавѣ и другихъ городахъ. Получивъ это позволеніе, онъ взялъ все лучшее и оставилъ одинъ хламъ. Вотъ этотъ-то хламъ и пришлось принять мнѣ въ наслѣдство. Боже, чего тутъ не было! Тысячи двѣ растрепанныхъ латинскихъ и греческихъ учебниковъ; физическіе инструменты, годные лишь въ ломъ, а главное — полное собраніе запрещенныхъ польскихъ книгъ. Эти послѣднія книги я, съ разрѣшенія Витте, отправилъ въ Петербургскую Публичную бібліотеку. Оставляя институту, послѣ 20-ти-лѣтняго завѣдыванія учебною частью, около 20.000 нумеровъ разнаго рода учебныхъ пособій, я съ гордостью могу сказать, что собралъ ихъ своими трудами, не получивъ на это отъ казны ни гроша, кромѣ несчастныхъ десяти рублей, полагаемыхъ ежегодно на учебную часть по числу воспитаницъ.

Паузы между уроками и послѣобѣденные часы я посвящалъ канцелярїи. Секретаремъ былъ нѣкто Лозинскій, почти ни слова не понимавшій по-русски, человекъ до-нельзя легкомысленный. Накатаеть, бывало, бумагу и ни за что не пересмотритъ ея. Вслѣдствіе того мнѣ нужно было возможно внимательно пересматривать его писанія. Когда, съ введеніемъ переписки на русскомъ языкѣ, пришлось его уволить, то онъ просилъ меня выдать ему свидѣтельство, что онъ уволенъ за незнаніе русскаго языка и за нежеланіе ему выучиться, говоря, что подобное свидѣтельство послужитъ ему рекомендаціей во Львовѣ или Краковѣ, куда онъ собирается перейти на службу.

Бухгалтеромъ и казначеемъ былъ Зигмунтъ, скрипачъ и поэтъ, также не знавшій русскаго языка. Его назначили еще въ 1863 году, послѣ того, какъ его предшественникъ, обобравъ институтскую кассу и оставивъ въ ней, какъ будто на смѣхъ, польскую трехгрошевую монету, надѣлъ высокіе сапоги и ушелъ въ банду. Вотъ съ этими-то господами мнѣ пришлось работать.

Вся переписка между главнымъ директоромъ и начальницей института шла по-польски. Ни Витте, ни я не знали этого языка. Вслѣдствіе этого приходилось дѣлать такъ. Я пишу ему бумагу по-русски; секретарь переводитъ на польскій языкъ. Я пересматриваю. Начальница подписываетъ, и затѣмъ обѣ бумаги, черновая русская и чистовая польская, посылаются къ Витте. Онъ, съ своей стороны, дѣлаетъ также. Или же дѣло происходило еще проще. Я ему говорю: «Я пришлю вамъ польскую бумагу слѣдующаго содержанія», а онъ мнѣ обѣщаетъ прислать такой-то польскій отвѣтъ, — и оба мы смѣемся.

XVI.

Вечернія засѣданія у Витте.

Обѣ зимы, съ 1864 на 1865 годъ и съ 1865 на 1866 годъ, я просиживалъ съ 8-ми часовъ вечера до 2-хъ часовъ ночи у О. О. Витте. Въ этихъ засѣданіяхъ участвовали самъ Фѣдоръ Фѣдоровичъ, его помощникъ Михневичъ, вице-директоръ Пржистанскій, правитель канцеляріи Губеръ, начальникъ Варшавской учебной дирекціи В. В. Вилуевъ, извѣстный подъ именемъ Василія Грознаго, и пишущій эти строки. Кромѣ того, приглашались иногда и другія лица: директоръ главнаго нѣмецкаго училища Бекманъ, предсѣдатель цензурнаго комитета Шрейеръ, крещеный жидъ и шаромыжникъ, самый ярый «русскій знаменщикъ» и т. п.

Предметомъ нашихъ занятій было составленіе проектовъ уставовъ для разнаго рода учебныхъ заведеній и объяснительныхъ записокъ къ этимъ проектамъ. Въ теченіе двухъ зимъ мы составили не менѣе 14-ти уставовъ со столькими же объемистыми записками. Когда, бывало, читаешь въ газетахъ, что такая-то, молъ, комиссія годъ—другой составляетъ уставъ и все не можетъ съ нимъ покончить, то я только улыбаюсь. Попробовали бы эти господа выработать 14 уставовъ, да еще ночью, послѣ 10-ти часовой дневной работы!

Уставы эти были слѣдующіе: 1) университетскій, 2) гимназическіе: для русской гимназіи, для главнаго нѣмецкаго училища, для такъ называемыхъ смѣшанныхъ гимназій и для польскихъ, мужскихъ и женскихъ особо; 3) уставы для народныхъ училищъ: русскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ. Въ основу этихъ уставовъ была положена Милютинская система: *divide et impera*. Милютинъ полагалъ, что лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ для предупрежденія новаго мятежа можетъ служить разъединеніе населяющихъ Польшу національностей. Малороссы Люблинской и Сѣдлецкой губерній должны сдѣлаться настоящими русскими, ломжинскіе литовцы истыми литовцами, петроковскіе и калишскіе колонисты истыми же нѣмцами, а поляки Моисеева закона обратятся въ старыхъ евреевъ. Дѣйствительно, эта система съ успѣхомъ примѣнялась еще римлянами, но римляне, какъ народъ солидный, держались цѣлыми вѣками одной системы, почему она у нихъ и укоренилась. Мы же мѣняемъ системы каждыя 5—6 лѣтъ. Поэтому и Милютинское *divide et impera* въ концѣ концовъ оказалось мертворожденнымъ ребенкомъ, бутеномъ, завядшимъ до расцвѣта.

На этихъ же засѣданіяхъ у Витте были составлены книжки для народнаго чтенія, съ переводами на языки польскій, нѣмецкій

и литовскій. Нѣмецкій переводъ составленъ мною. Книжки эти печатались съ обоими текстами, русскимъ и переводнымъ.

Подобную книгу для чтенія придумалъ и Н. И. Костомаровъ для малороссійскихъ школъ въ своей статьѣ «о малорусскомъ словѣ», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы». Испытавъ на опытѣ безуспѣшность такой попытки выучить великорусскому языку, такъ какъ ученики довольствуются изученіемъ перевода, я обратился съ частнымъ письмомъ къ Николаю Ивановичу. Его возраженія чрезвычайно любопытны; я когда нибудь передамъ ихъ гласности.

Усталые, разбитые, мы въ 3-мъ часу ночи уходили отъ Ѳедора Ѳедоровича. На улицахъ въ это время не было ни души. Только около мерцавшихъ въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи фонарей стояли треповскіе полиціанты, которымъ одинокій прохожій долженъ былъ предъявлять свой желтый билетъ. Для объясненія нужно сказать, что вечеромъ до 9-ти часовъ позволялось ходить по городу каждому, но не иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ, а послѣ девяти часовъ допускались на улицу только избранные по дѣламъ службы и получившіе на основаніи удостовѣренія отъ высшаго начальства въ своей благонадежности, отъ генералъ-полицеймейстера именной билетъ желтаго цвѣта, который стоилъ 5 копеекъ и мѣнялся ежемѣсячно.

Изъ-за фонарей происходили иногда прекомичныя исторіи. Однажды зашелъ ко мнѣ мой пріятель Копыловъ со своимъ пріателемъ ¹⁾, который, проѣздомъ изъ Берлина въ Петербургъ, остановился у него. Покалякавши у меня до 9-ти часовъ, они отправились домой. На бѣду у Копылова потухъ фонарь; къ тому же было болѣе 9-ти часовъ. Вотъ ихъ, голубчиковъ, и засадили въ участокъ и продержали до утра. Пріѣзжій пріятель Копылова, цѣлыхъ два года пробывшій внѣ отечества, вѣроятно, вспомнилъ при этомъ случаѣ извѣстный Грибоѣдовскій стихъ про дымъ отечества, но со сладостью и пріятностью этого дыма едва ли согласился.

XVII.

Учрежденіе совѣта института.

22-го іюля 1867-го года состоялся высочайшій указъ о переходѣ Варшавскаго института въ вѣдѣніе IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Первые полгода по полученіи этого указа институтъ находился въ какомъ-то странно-неопредѣленномъ положеніи. Витте отъ него отказался, а никто

¹⁾ Кажется, это былъ Н. С. Таганцевъ (впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургскаго университета, а въ настоящее время сенаторъ).

не принималъ заведенія. Мы пишемъ одну бумагу за другою въ канцелярію IV Отдѣленія, спрашиваемъ, какъ намъ быть,—и не получаемъ отвѣта. Со дня перехода въ новое вѣдомство прекратился нашъ кредитъ изъ суммъ царства Польскаго. Мы просимъ объ ассигнованіи намъ денегъ, пишемъ, пишемъ,—молчаніе. Наконецъ, видя, что на бумагѣ ничего не подѣлаешь, мы съ Анжеликой Ивановной рѣшаемся ѣхать въ Петербургъ. Это было о Рождествѣ 1867 года. Нужно замѣтить, что въ это время Варшава была еще на военномъ положеніи, и никому не выдавали желѣзнодорожнаго билета безъ предъявленія письменнаго разрѣшенія отъ начальства. Какъ намъ быть? Вотъ мы и рѣшили великодушно уволить другъ друга въ отпускъ. Я выдалъ ей свободный проѣздъ, она — мнѣ. Съ этими свидѣтельствами мы и пріѣхали въ Петербургъ.

Начальство вполне одобрило нашъ пріѣздъ. Н. И. Свѣчинъ, въ то время заправлявшій всѣми дѣлами IV Отдѣленія, пригласилъ насъ къ себѣ, и вотъ мы въ теченіе двухъ недѣль просиживали у него часовъ по 4.—5 для ознакомленія его съ нашимъ институтомъ. Тутъ же былъ рѣшенъ вопросъ объ учрежденіи совѣта; мнѣ было поручено составить проектъ преобразованія, и затѣмъ, покочивъ дѣла и снабженные цѣлымъ ворохомъ разныхъ циркуляровъ, служащихъ дополненіемъ къ уставу женскихъ учебныхъ заведеній 1855 года, мы возвратились домой.

Кстати объ этомъ уставѣ. Естественно, что съ переходомъ въ новое вѣдомство намъ прежде всего нужно было познакомиться съ существующими по этому вѣдомству законоположеніями. Между тѣмъ въ цѣлой канцеляріи главнаго управленія былъ только одинъ экземпляръ, который намъ, конечно, не могли дать. Въ продажѣ тоже не было ни одного экземпляра. Къ счастью, мнѣ удалось добыть таковой отъ одного знакомаго, служившаго когда-то въ Бѣлостокскомъ институтѣ.

Въ 1868 году былъ учрежденъ совѣтъ. Первымъ членомъ совѣта по хозяйственной части былъ, рекомендованный Анжеликой Ивановною, Г. С. Завадскій, служившій при Петербургскомъ почтамтѣ. Это былъ премилый, честный человѣкъ. Но онъ не успѣлъ пріѣхать въ Варшаву, какъ уже сталъ рваться домой въ Петербургъ. Въ хозяйствѣ онъ ничего не понималъ, такъ что мнѣ попрежнему пришлось заниматься этимъ дѣломъ; онъ соглашался на все, лишь бы его не беспокоили. Черезъ полгода онъ уѣхалъ.

На его мѣсто былъ назначенъ баронъ Н. П. Фредериксъ, занимавшій передъ тѣмъ мѣсто смотрителя въ С.-Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ и потому вполне приготовленный къ ожидавшимъ его у насъ обязанностямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ чрезвычайно умный, дѣятельный и энергичный, даже слишкомъ энергичный, такъ что у насъ съ нимъ въ первое время, пока мы не узнали другъ друга поближе и не убѣдились, что оба мы имѣемъ

одну цѣль—пользу заведенія, происходило немало недоразумѣній. Благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ Свѣчину, Фредериксъ выхлопоталъ для института новый штатъ, который на 30.000 рублей приблизительно превышалъ старый. Этотъ штатъ вошелъ въ силу съ 1870 года. Конечно, съ такими средствами, при тогдашней дешевизнѣ, можно было сдѣлать весьма много. Къ тому же самъ Фредериксъ, какъ сказано выше, былъ отличный хозяинъ. Онъ вымуштровалъ эконома и прислугу, самолично училъ кухарокъ дѣлать котлеты и правильно дѣлать порціи, — словомъ, входилъ во всѣ мелочи хозяйства. Понятно, что на Анжелику Ивановну не могло особенно пріятно подѣйствовать ограниченіе власти, которою она пользовалась столько лѣтъ. Но, какъ женщина умная, она сумѣла покориться обстоятельствамъ и впослѣдствіи прекрасно уживалась съ Фредериксомъ. Что касается моихъ съ нимъ отношеній, то они вскорѣ опредѣлились очень ясно. Мы провели черту: это—ваше, а то—мое, и баста, и затѣмъ никто изъ насъ не мѣшалъ другому.

Къ несчастью для института баронъ Фредериксъ не долго оставался при нашемъ институтѣ. Боясь застрять въ Варшавѣ навсегда, онъ, по собственному его выраженію, рѣшился сдѣлать шагъ назадъ, чтобы лучше разбѣжаться. Съ этою цѣлью онъ предложилъ контролеру при IV Отдѣленіи, Г. П. Шухову, помѣняться мѣстами, на что тотъ и согласился. Фредериксъ не ошибся въ расчетѣ. Вскорѣ его сдѣлали директоромъ Московскаго воспитательнаго дома, затѣмъ помощникомъ управляющаго дѣлами IV Отдѣленія.

XVIII.

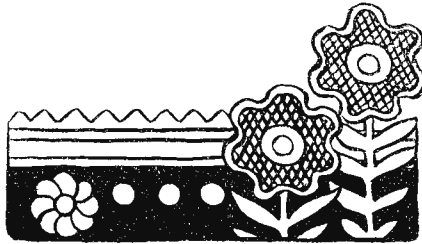
Болѣзнь и увольненіе А. И. Случевской.

Съ 1873-го года А. И. Случевская, женщина необыкновенно крѣпкаго здоровья, стала постоянно хворать. У ней развилась болѣзнь почекъ, такъ называемая Брайтова болѣзнь. Обмороки, сначала рѣдкіе, постоянно учащались и, наконецъ, сдѣлались ежедневными, повторялись при малѣйшемъ волненіи; на ногахъ появилась опухоль, угрожая водянкой. Наконецъ, врачи объявили, что ей необходимо оставить службу. Какъ мнѣ ни жаль было разстаться съ этою превосходною женщиной, но и я счелъ долгомъ присоединить свои убѣжденія къ мнѣніямъ врачей, и вотъ, въ іюнѣ 1875 года, Анжелика Ивановна подала въ отставку. Никогда не забуду прощанія ея съ институтомъ! Никто не могъ удержаться отъ слезъ, не исключая меня и ея самой. Не смѣя надѣяться на ея выздоровленіе, мы провожали ее, какъ дорогую покойницу, ѣхали за ея каретою, какъ дѣти за гробомъ родной матери.

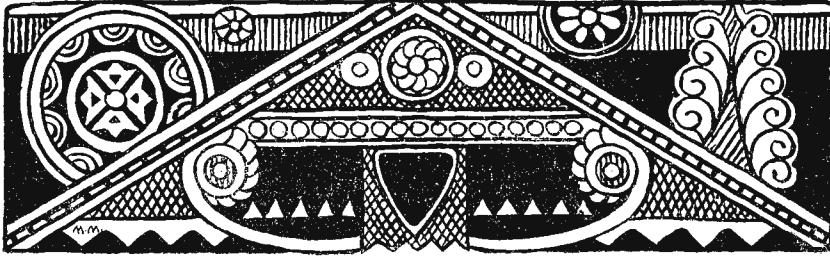
А между тѣмъ, возвратившись въ Петербургъ, въ кругъ семьи и отдохнувъ отъ служебныхъ заботъ, Анжелика Ивановна поправилась и еще много лѣтъ пользовалась полнымъ здоровьемъ. Впрочемъ, наконецъ, лѣта взяли свое и подкосили ее. Въ 1884 году, когда я со сломанной ногой лежалъ въ Петербургѣ, она посѣтила меня. Это была уже не прежняя Анжелика Ивановна! Это была дряхлая, угасающая, почти слѣпая старушка.

Мы, старые ея сослуживцы и всѣ бывшія ея воспитанницы, никогда не забудемъ ея. Съ увольненіемъ А. И. Случевской оканчивается первый періодъ исторіи Варшавскаго института, вѣкъ его основанія и процвѣтанія... ¹⁾.

Николай Авенариусъ.

¹⁾ Продолженіе этихъ интересныхъ посмертныхъ записокъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, не можетъ быть еще напечатано.

ПОДЪ ГРОЗОЙ¹⁾.

Повѣсть.

(Посвящается С. Н. Шубинскому.)

VIII.

ПРИШЛИ святки. Въ былое время ихъ весело проводили въ Казани. Дворянство вмѣстѣ съ высшей администраціей задавало балы, маскарады, устраивало зимніе пикники на тройкахъ. Веселились на вечеринкахъ купцы и приказные. Цѣлые дни и вечера по городскимъ пригоркамъ и горушкамъ катались сотни саней самой разнообразной запряжки, кривыя улицы и переулки наполнялись звономъ бубенцовъ и колокольчиковъ. Нынче же все было спокойно и даже безмолвно. Только ночныя безчинства подозрительнаго люда не прекращались.

Особенно боялись поджоговъ. Небольшое число каменныхъ зданій города скопилось въ кремль, а большинство улицъ, за исключеніемъ Арской, выходившей на Арское поле, по скученности низенькихъ деревянныхъ домиковъ въ смыслѣ пожара представляли большую опасность; городскія власти додумались на ночь ихъ запираеть рогатками, не пропуская никого безъ билета, но и эта мѣра не помогала на окраинахъ: въ Суконной слободѣ скопища «под-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 69.
«истор. вѣстн.», май, 1904 г., т. хсви.

лыхъ людей» происходили каждую ночь, и тюрьма переполнялась заключенными.

Бибиковъ пріѣхаль на второй день праздника. Съ нимъ явился и Карцовъ. Николай Ильичъ вмѣстѣ съ другими встрѣчалъ Бибикова при вѣздѣ въ городъ и тотчасъ же увезъ Карцова къ себѣ. Молодой гвардеецъ предсталъ предъ дамами Желтугинскаго дома расфранченный, раздушенный, съ гордымъ положительнымъ видомъ, какой, по его мнѣнію, соотвѣтствовалъ офицеру штаба главнокомандующаго. Николай Ильичъ искренно обрадовался пріѣзду племянника. Карцовъ, съ своей стороны, былъ увѣренъ въ радушномъ пріемѣ, но первое, что его непріятно поразило, было присутствіе Сервиорога въ малой гостиной желтугинскаго дома. Пока Желтугинъ былъ на встрѣчѣ главнокомандующаго, конфедератъ оставался съ Наташей и француженкой. Это Карцовъ сразу сообразилъ.

Послѣ обмѣна привѣтствій Николай Ильичъ приказалъ нести вещи офицера въ его комнату, но Карцовъ просилъ оставить ихъ внизу.

— Простите, дядюшка,—внушительно замѣтилъ онъ,—вы мнѣ позволите иногда погостить у васъ, но жить я долженъ въ городѣ: къ тому меня принуждаютъ мои обязанности... Главнокомандующій можетъ меня хватиться каждую минуту.

Желтугинъ предложилъ племяннику отдохнуть съ дороги, но тотъ отказался.

— Я ѣхаль съ такими удобствами, въ дормезѣ, — отвѣчалъ онъ,—вотъ отъ завтрака я не откажусь.

За столомъ Карцовъ одинъ завладѣлъ разговоромъ. Онъ много рассказывалъ о себѣ, о своемъ теперешнемъ положеніи, которое многое обѣщало въ будущемъ, о расположенности къ нему Бибикова. О главнокомандующемъ гвардеецъ отзывался даже нѣсколько фамильярно, назвавъ его раза два «нашъ Сашокъ». Сервиорогъ учтиво слушалъ и молчалъ, но Наташа видимо тяготилась болтовней кузена и засмѣялась только тогда, когда самъ Желтугинъ рассказалъ, какъ Бибиковъ послѣ свиданья съ Брандтомъ наединѣ вышелъ къ остальнымъ ожидавшимъ его губернскимъ властямъ и дворянамъ со словами: «Государи мои, давно ли сей мужъ съ ума сошелъ?». Это изреченіе вскорѣ послѣ того стало повторяться всѣмъ городомъ.

— Да,—заключилъ свой рассказъ Николай Ильичъ,—теперь дѣло пойдетъ иначе... Александръ Ильичъ оправдаетъ довѣріе императрицы...

— Надо надѣяться,—наконецъ отозвался Сервиорогъ,—но генералу врядъ ли такъ скоро придется справиться съ мятежемъ... Кромѣ Оренбурга, теперь въ осадѣ Яикъ, Уфа, Кунгуръ, Челябинскъ... Самара не сегодня, завтра должна пасть... Мятежники идутъ на рѣшительный приступъ...

— Откуда вамъ все это извѣстно, милостивый государь? — надменно спросилъ конфедерата гвардеецъ:—еще въ штабѣ главнокомандующаго нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій на этотъ счетъ.

— Очень жаль, если штабъ главнокомандующаго такъ мало интересуется движеніями мятежниковъ... Здѣсь это знаетъ всякій,—спокойно, съ легкой улыбкой замѣтилъ Сервиругъ.

Карцовъ оскѣся, но зеленые глазки его загорѣлись недобрымъ огонькомъ.

— Но вы, милостивый государь,—продолжалъ онъ съ раздраженіемъ,—повидимому, сомнѣваетесь, въ успѣхахъ русскаго оружія... Вамъ, однако, какъ плѣнному, должна быть хорошо извѣстна сила русскаго штыка. Или, быть можетъ, вы попали въ плѣнъ, его избѣгая?

— Вася!—строго остановилъ племянника Желтугинъ...

Сервиругъ выпрямился на своемъ мѣстѣ.

— Милостивый государь,—произнесъ онъ,—я не возражаю на ваши слова только потому, что считаю недостойнымъ обвиняться дерзостями въ присутствіи дамъ и глубоко мною уважаемаго хозяина дома.

Наташа тотчасъ же встала изъ-за стола и вышла изъ комнаты; за нею послѣдовала французенка, а затѣмъ поднялся Сервиругъ. Чтобы не давать возможности продолженія ссоры, Николай Ильичъ не сталъ удерживать поляка, но, тѣмъ не менѣе, выказалъ ему свое уваженіе, проводивъ до передней и выразивъ надежду увидѣться въ скоромъ времени.

Вернувшись въ столовую, Желтугинъ нашелъ тамъ Карцова, взадъ и впередъ шагавшаго по комнатѣ.

— Вася, — съ укоромъ обратился къ нему Николай Ильичъ,—мнѣ тяжело тебѣ говорить это въ первый же день твоего приѣзда къ намъ. Но развѣ такъ можно вести себя? За что ты оскорбилъ человѣка?

— Скажите, пожалуйста, человѣка,—вскричалъ гвардеецъ,—какую-то дрянъ, плѣннаго полячишку... Вообще, дядя, я удивляюсь, какъ вы можете принимать этого господина у себя въ домѣ.

— Прежде всего онъ вовсе не дрянъ, позволь тебѣ замѣтить,—возразилъ Желтугинъ,—онъ такой же дворянинъ, какъ мы съ тобой, и такъ же офицеръ; какъ офицеръ, онъ былъ въ сраженіяхъ, а другіе, мой милый, весь вѣкъ проводятъ въ службѣ, стараюсь быть возможно дальше отъ пуль и ядеръ...

— Вы этого не можете сказать про меня, дядя,—обидчиво проговорилъ Карцовъ:—я изъ Петербурга приѣхалъ сюда на театръ военныхъ дѣйствій...

— И записался въ штабъ, — произнесла Наташа, неожиданно вошедшая въ столовую:—довольно, папа, вы тратите напрасно слова и ни въ чемъ не убѣдите кузена...

— Да, кухня, я останусь всегда при своемъ, — запальчиво продолжалъ гвардеецъ, — и вижу, что не ошибался, боясь, что по отъѣздѣ моемъ мое мѣсто здѣсь будетъ занято...

— Вы не имѣли никакого особаго мѣста, кузенъ, — холодно отвѣчала Наташа, — а ваши комнаты папа сохранилъ за вами...

— Наташа, я прошу тебя уйти, — вступился Желтугинъ.

— Я уйду, папа, — согласилась дѣвушка, — но предупреждаю, что мнѣ тяжело встрѣчаться съ кузеномъ послѣ сегодняшней сцены...

— Наташа, ты съ ума сошла! — съ неудовольствіемъ воскликнулъ Николай Ильичъ.

— А, такъ вы вотъ какъ! — въ свою очередь почти закричалъ Карцовъ. — Ради этого господина вы мнѣ отказываете отъ дома, хорошо, благодарю покорно... Я этого никогда не забуду... Еще разъ благодарю...

На слѣдующій день Желтугинъ посѣтилъ Сервиорога. Онъ нашелъ молодого поляка разбирающимъ свои вещи и бумаги. Посреди комнаты стоялъ сундукъ, на диванѣ лежали рапиры и пистолеты. При входѣ Николая Ильича Сервиорогъ быстро спряталъ въ столъ какіе-то картонны и прикрылъ бумагой начатое письмо. Мелькомъ Желтугинъ замѣтилъ на картонахъ набросокъ женской головки.

— Что это вы? — началъ онъ здороваясь! — куда-то собираетесь?

— Да, думаю перебраться на другую квартиру, — отвѣчалъ конфедератъ, — я уже написалъ вамъ письмо съ благодарностью за гостепріимство, но обстоятельства теперь меня вынуждаютъ...

— Вы меня простите за нескромность: какія обстоятельства? Вы очевидно имѣете въ виду вчерашнее недоразумѣніе. Но, вѣдь, вы могли замѣтить, графъ, что я осуждаю слова моего племянника... Я и пришелъ побесѣдовать съ вами насчетъ этого прискорбнаго случая... Я увѣренъ, что вы ему не придали особаго значенія...

Конфедератъ молчалъ.

— Карцовъ еще мальчикъ, — продолжалъ Желтугинъ.

— Но онъ офицеръ и дворянинъ, — возразилъ Сервиорогъ...

— И потому вы считаете возможнымъ съ нимъ считаться?

— Не только возможнымъ, но и должнымъ.

— Значитъ, вы хотите съ нимъ драться, — воскликнулъ Желтугинъ, устремляя взглядъ на рапиры и пистолеты: — это ему вы писали письмо?

— Нѣтъ, къ господину Карцову я уже послалъ своего секунданта.

— Ради Бога, что вы дѣлаете! — умоляюще заговорилъ Николай Ильичъ: — ради меня, ради моей дочери... возьмите вашъ вызовъ

назадъ. Вѣдь, пойдетъ огласка, разговоры... Вѣдь, все это въ концѣ концовъ падеть на насъ...

Сервиругъ пожалъ плечами.

— Теперь дальнѣйшее зависитъ не отъ меня: г. Карцовъ можетъ прекратить дѣло.

— Да, совершенно справедливо, я понимаю, — заторопился Желтугинъ, — я поѣду къ нему... Онъ тоже сумасшедшая голова... Я у васъ сегодня буду... Но вы, пожалуйста, оставайтесь пока здѣсь... Этимъ вы меня обяжете.

Николай Ильичъ направился къ двери, но въ это время на порогѣ появился блѣднолицый свѣтловолосый безстрастный Млынарскій, сожитель Сервируга.

— А, вотъ мой секундантъ, — промолвилъ графъ, — позвольте вамъ представить: офицеръ польской арміи, Млынарскій.

Желтугинъ пожалъ руку секунданту.

— Ну, что? — спросилъ у него Сервиругъ: — какія вѣсти?

— Господинъ Карцовъ отказывается отъ дуэли, — отвѣчалъ Млынарскій.

— Ну, слава Богу, — воскликнулъ Желтугинъ: — это благо разумно.

— Но онъ извинился, по крайней мѣрѣ? — въ свою очередь съ живостью произнесъ Сервиругъ.

— Нѣтъ, онъ сказалъ просто: принимайте мой отказъ, какъ хотите.

— А вы, графъ, примите его за извиненіе, — вмѣшался Николай Ильичъ.

Сервиругъ улыбнулся.

— Благодарю васъ, товарищъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Млынарскому: — мы съ вами еще поговоримъ.

Секундантъ поклонился и вышелъ.

— Говоря откровенно, — началъ Сервиругъ по уходѣ Млынарскаго, — я такъ и думалъ, что г. Карцовъ откажется отъ дуэли. О, онъ не такая сумасшедшая голова, какъ вы думаете, но я не рассчитывалъ ограничиться однимъ бесплоднымъ вызовомъ... Я не стану произносить громкихъ словъ, но я долженъ сказать, что мой родъ не изъ тѣхъ, которые спокойно глотаютъ оскорбленія.

— Но ради меня, — продолжалъ Желтугинъ, — я васъ прошу... Вы знаете, какое теперь время... Съ вашей стороны я буду считать это за личное одолженіе.

— Ради васъ, Николай Ильичъ, — отвѣчалъ Сервиругъ.

— Ради меня, — подтвердилъ Желтугинъ.

Собесѣдники крѣпко пожали другъ другу руки. Николай Ильичъ присѣлъ на стулъ.

— Теперь, когда миръ возстановленъ, — засмѣялся онъ, — вы, надѣюсь, не будете настаивать на своемъ выѣздѣ...

— Нѣтъ, все-таки буду,—отозвался конфедератъ,—и вотъ по какимъ соображеніямъ... Быть можетъ, вамъ скоро самому придется воспользоваться домою, а мои дѣла поправились теперь настолько, что было бы грѣхомъ пользоваться чьей бы то ни было любезностью... Я получилъ письмо отъ брата... Имѣнье наше исторгнуто изъ чужихъ рукъ... Мы получили субсидію... Дѣло теперь только за моимъ возвращеніемъ...

— Ахъ, да,—подхватилъ Желтугинъ,—вы слышали, вышелъ приказъ вернуть на родину всѣхъ плѣнныхъ конфедератовъ? Я съ первыхъ же словъ хотѣлъ вамъ сообщить объ этомъ, но забылъ...

— Благодарю васъ, мнѣ это уже извѣстно.

— Но вѣдь уйдете вы не тотчасъ?

— Да, я еще останусь нѣсколько времени...

— Ну, поздравляю васъ, отъ души поздравляю... Видите, какъ все устраивается хорошо,—воскликнулъ Николай Ильичъ, потрясая руку конфедерата,—а пока вы мой гость и здѣсь и въ деревнѣ. Я беру съ васъ слово, что вы у насъ будете въ ближайшемъ будущемъ.

— Но...

— Васю вы не встрѣтите... Онъ такъ поссорился съ Наташей, что теперь, вѣроятно, долго не заглянетъ.

IX.

Энергія Бибикова подняла упавшій духъ населенія и властей. Нерѣшительный, дряхлый Брандтъ былъ фактически устраненъ отъ распоряженій. Все стало дѣлаться по приказанію и по мысли главнокомандующаго.

Послѣ обѣдни, перваго января, въ соборѣ преосвященный по прочтеніи манифеста объ искорененіи Пугачева обратился къ простому народу съ рѣчью, въ которой увѣщаль ополчиться на защиту вѣры, отечества, женъ и дѣтей, противъ злобнаго возмутителя и его соумышленниковъ. Затѣмъ въ домѣ предводителя Бибиковъ бесѣдовалъ съ дворянствомъ и предложилъ ему, по мысли императрицы, собрать для усиленія войскъ особый «корпусъ» и, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, отправить противъ мятежниковъ. Дворяне съ восторгомъ откликнулись на такое предложеніе. Было рѣшено на счетъ дворянства составить вооруженный отрядъ, собравъ для этой цѣли по одному человѣку съ каждыхъ двухсотъ душъ. Для вооруженія этого отряда главнокомандующій распорядился выдать изъ Казанскаго комиссаріата старые драгунскіе палаши и пистолеты. Былъ назначенъ и командиръ «дворянскаго корпуса», сводный братъ Бибикова, генераль-майоръ Ларіоновъ.

Желтугинъ первый представилъ своихъ вымуштрованныхъ Сервиногомъ молодцовъ и выслушалъ отъ главнокомандующаго личную благодарность.

Спустя нѣсколько дней послѣ рѣчей преосвященнаго и главнокомандующаго, Сервиного пріѣхалъ къ Желтугинымъ. Николая Ильича не было дома. Наташа съ французенкой встрѣтили конфедерата, какъ стараго друга.

— И вамъ не стыдно такъ забывать насъ?—накинулась на него Жюли.

— Обстоятельства такъ слагались,—виновато отвѣчалъ полякъ, цѣлуя руки дамъ.

— Обстоятельства!.. и вамъ не стыдно это говорить?—продолжала французенка.

Она провела Наташу съ конфедератомъ въ библиотечку, а сама скрылась. Молодые люди остались наединѣ послѣ долгаго промежутка.

— Большое вамъ спасибо, графъ,—начала Наташа, пользуясь минутой.

— За что?—спросилъ Сервиного.

— За вашъ отказъ отъ дуэли съ моимъ кузеномъ.

— Какъ! вамъ извѣстно?

— Да, папа все рассказалъ... Карцовъ злой и бездушный человекъ... Я его поняла уже давно... Вы знаете, онъ у насъ больше бывать не будетъ... Но вы, вѣдь, тоже скоро уѣзжаете, это правда?

Наташа съ тревогой заглянула въ лицо молодому человеку.

— Вы повѣрьте,—горячо отвѣчалъ конфедератъ:—если бы было возможно, я никуда не уѣхалъ бы отсюда...

— Значитъ, вы пока остаетесь?

— До послѣдней возможности. Если бы даже мнѣ пришлось уѣхать, я вернулся бы сюда немедленно, какъ только устроилъ бы свои дѣла.

— Не уѣзжайте, я не хочу, чтобы вы ѣхали,—тихо проговорила Желтугина...

— Ваше слово для меня законъ,—также тихо отвѣчалъ Сервиного, прижимая къ губамъ руку дѣвушки.

— Знаете, что я думала,—продолжала Наташа:—если бы вы поступили здѣсь на службу?

— Кѣмъ?

— Офицеромъ.

— Меня не возьмутъ, насъ, поляковъ, боятся.

— А если бы папа попросилъ главнокомандующаго?.. Александръ Ильичъ обѣщалъ у насъ быть... Папа уже ему говорилъ о насъ, что вы подготовили нашихъ дворовыхъ къ службѣ... Главнокомандующій насъ хвалилъ.

— Теперь, когда я болѣе не плѣнникъ, я былъ бы готовъ служить подъ русскимъ знаменемъ, хотя бы ради того, чтобы знать, что службой своей я дѣлаю угодное вамъ.

Кто-то стукнулъ въ сосѣдней комнатѣ. Это вошла французенка.

— М-г Желтугинъ сейчасъ прїѣдетъ, — объявила она: — уже слышны бубенчики тройки.

— Да, мы всѣ пойдемъ встрѣчать папу, онъ намъ привезетъ интересныя новости, — весело отвѣчала Наташа.

Желтугинъ прїѣхалъ оживленный и довольный. За послѣднее время онъ почти постоянно пропадалъ въ городѣ, пребывая то у Ларионова, то у предводителя, то у главнокомандующаго. Онъ обрадовался, увидя у себя Сервиорога.

— А, графъ, спасибо, что наконецъ собрались къ намъ, а то мои дамы васъ заждались.

Полнота вообще нѣсколько мѣшала Николаю Ильичу, а въ особенности она давала себя знать при подъемахъ на лѣстницу. Поэтому, прежде чѣмъ вступать въ разговоръ болѣе сложный, Желтугинъ обыкновенно уходилъ къ себѣ немного отдышаться и передѣться.

— Да, да, — говорилъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ появляясь въ библиотекѣ, — молодецъ Александръ Ильичъ, не даромъ о немъ такая слава.

— А что дворянскій отрядъ, какъ онъ? — спросилъ конфедератъ.

— Прекрасно идетъ, прекрасно, — съ живостью отвѣчалъ Желтугинъ, — рассчитано собрать эскадронъ въ триста человекъ; нашъ фельдфебель, рекомендованный вами, уже записался въ эскадронъ. Теперь набираютъ офицеровъ; уже нѣсколько дворянъ вызвалось — двое Толстыхъ, Левашевъ, Матюшинъ. Да, жаль, что вы уѣзжаете, а то хорошо было бы и вамъ записаться въ эскадронъ... Вѣдь вы лихой вояка...

— И я папа уже говорила графу объ этомъ... Графъ ѣдетъ еще не скоро.

— Тогда зачѣмъ же дѣло стало? — воскликнулъ Николай Ильичъ: — и прекрасно!

— Но возьмутъ ли меня? — усомнился Сервиорогъ: — вѣдь намъ недовѣряютъ, полякамъ...

— Не довѣряютъ? — переспросилъ Желтугинъ: — а кто отличился при Верхне-Озерной? Поляки. Не довѣрять можетъ господинъ Брандтъ, который всегда привыкъ сваливать свои вины на людей, а не Александръ Ильичъ... Не беспокойтесь, я переговорю съ главнокомандующимъ лично; онъ о васъ кстати слышалъ, я уже сообщалъ, кто привелъ въ образцовый порядокъ мой отрядъ; самъ по себѣ онъ не великъ, но зато онъ верно дворянскаго эскадрона... И такъ вы согласны, я завтра же поѣду и къ Александру Ильичу и къ Ларионову.

Желтугинъ позвонилъ.

— Венгерскаго,—приказаль онъ вошедшему слугѣ.

— За новаго офицера русской арміи,—торжественно провозгласилъ Николай Ильичъ, подымая бокаль,— за близость и дружбу двухъ самыхъ близкихъ по крови народовъ, русскихъ и поляковъ.

Сервиругъ въ свою очередь предложилъ тостъ за императрицу, за Россію, русскую доблесть и русскихъ женщинъ. Не были забыты и женщины французскія.

Спустя нѣсколько дней, у Сервируга опять происходило собраніе его земляковъ, товарищей по плѣну и изгнанію. Двое конфедератовъ уѣзжали на родину, остальные собрались ихъ провожать. По этой причинѣ на столѣ видѣлись бутылки съ виномъ и медомъ. Произносились рѣчи. Уѣзжавшимъ приказывали кланяться родной землѣ и сказать ей, что скоро ее увидятъ и остальные ея сыны.

— Вотъ попируемъ въ замкѣ надъ Вислой у графа,—воскликнулъ тутъ же присутствовавшій горбоносый и рыжій Лешко.

— Не скоро это случится,—сдержанно отозвался Сервиругъ.

— Почему не скоро?—спросилъ Лешко:—развѣ графъ думаетъ долго оставаться здѣсь? Насъ теперь ничто не держитъ. Дѣло свое мы сдѣлали, а руководительской роли играть намъ ни въ какомъ случаѣ не придется; надежду на это надо бросить...

— Пугачевъ намъ не довѣряетъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде,—замѣтилъ Млынарскій:—это Верхне-Озерная надѣлала.

— Онъ дуракъ,—подтвердилъ одинъ изъ уѣзжавшихъ конфедератовъ.

— Дѣло не въ томъ, мои друзья,—отвѣчалъ Сервиругъ:—я вамъ еще не сообщалъ, что поступаю офицеромъ въ дворянскій ополченскій эскадронъ.

— А вотъ это прекрасно,—воскликнулъ Лешко,—у графа, значитъ, родилась какая-то новая комбинація... За это я прощаю ему его отказъ помогать намъ въ исполненіи нашего давнишняго плана.

— Вы напрасно прощаете меня, Лешко,—отозвался Сервиругъ:—у меня нѣтъ никакихъ комбинацій. Я просто буду служить въ русскомъ войскѣ.

-- И только?

— И только.

— Какой же смыслъ подобной службы?

— Это мое дѣло.

Лешко провелъ рукой по бритой верхней губѣ и подбородку.

— Графъ Сервиругъ измѣняетъ родинѣ,—сурово произнесъ онъ.

— Вы ошибаетесь, Лешко. Я не измѣняю никому. Я болѣе не плѣнный, и могу располагать собою, какъ хочу.

— Но вы забыли, графъ,—воскликнулъ Лешко, выпрямляясь и сверкая глубоко запавшими глазами:—наша родина разорвана на

части и опозорена; она ждетъ за себя мстителѣй, а вы хотите служить ея врагу. Это недостойно истиннаго поляка. Или вы ищете личнаго счастья подѣ русскимъ знаменемъ?

— Я ничего не ищу.

— Такъ опомнитесь же вы, котораго мы признавали всегда своимъ вождемъ, вы, около котораго мы всѣ группировались въ тяжелые мѣсяцы плѣна и ссылки. Послушайте, графъ, быть можетъ, вы сказали все это сгоряча... Подумайте... Еще недавно вы въ присутствіи нашихъ товарищей говорили, что въ смутѣ Россіи видите залогъ спасенія Польши... Уже теперь въ нашемъ послѣшномъ освобожденіи мы видимъ доказательство справедливости этой мысли... Вы не хотите спѣшить отъѣздомъ; но вѣдь и многіе изъ насъ также; наше мѣсто именно теперь здѣсь, въ такую минуту, когда можно вонзить кинжалъ въ спину врага...

— Кинжалъ нужно вонзить въ сердце, а не въ спину, не правда ли, товарищи?—перебилъ оратора Сервиругъ.

Конфедераты промолчали, и только Млынарскій утвердительно кивнулъ головой.

— Или, быть можетъ, графъ считаетъ себя связаннымъ гостепріимствомъ русскаго помѣщика,—продолжалъ Лешко,—тогда пусть будетъ проклятъ день и часъ, когда вы и мы вступили подѣ эту кровлю. Она намъ слишкомъ дорого обошлась.

— Не допытывайтесь у меня причинъ моего рѣшенія, но оно безповоротно.

— Тогда я не могу здѣсь долѣе оставаться,—берясь за шляпу, рѣшительно произнесъ Лешко.—Товарищи,—добавилъ онъ,—вы, я думаю, кромѣ пана Млынарскаго, раздѣляете мои мысли?

Только одинъ изъ конфедератовъ поднялся вслѣдъ за Лешкомъ. Другіе продолжали сидѣть.

— Напрасно панъ Лешко такъ обостряетъ разговоръ,—замѣтилъ одинъ изъ конфедератовъ:—панъ графъ имѣетъ свои заслуги передъ родиной... И его совѣсть—лучшій руководитель ему въ настоящее время.

— Спасибо, товарищъ,—промолвилъ Сервиругъ, крѣпко пожимая руку своего заступника.

— Ага, такъ вотъ какъ говорятъ теперь поляки!—вскричалъ Лешко:—я буду это помнить. Пойдемъ, Бринъ,—обратился онъ къ конфедерату, повидимому, безусловно раздѣлявшему мысли непримиримаго патріота:—намъ съ тобой здѣсь не мѣсто.

— Вы уходите,—проговорилъ на прощаніе Сервиругъ,—такъ возьмите съ собой и эти пачки манифестовъ, онѣ стѣсняють меня.

Лешко остановился, какъ вкопанный.

— Что это?—озадаченно произнесъ онъ:—это графская месть честному сыну Польши?

— Далеко не мечь,—спокойно возразилъ Сервиругъ:—эти вещи меня стѣсняють. Я не считаю себя въ правѣ хранить ихъ долѣе здѣсь.

— Такъ что жъ мнѣ съ ними дѣлать?

— Возьмите ихъ съ собой.

— Но вѣдь, если меня поймають съ ними, я попаду на висѣлицу.

— Тогда я ихъ сожгу.

— Жгите.

Лешко хлопнулъ дверью и вышелъ. Преданный ему конфедератъ удалился вслѣдъ за патрономъ, спрятавъ предварительно подъ кафтаномъ нѣсколько листовъ манифеста.

— Лешко вамъ не простить сегодняшняго разговора, графъ,—замѣтилъ Млынарскій.

— О, да, я знаю, что онъ злопамятенъ, но что же дѣлать!

Нарушенное размовкой оживленіе уже не могло возстановиться. Понемногу собесѣдники стали расходиться по домамъ, и вскорѣ въ комнатѣ остался только Сервиругъ и Млынарскій.

— А вы, графъ, потомъ не раскаетесь въ своихъ намѣреніяхъ?—спросилъ послѣдній послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не думаю, товарищъ,—отвѣчалъ Сервиругъ.

Онъ подошелъ къ шкафу, гдѣ подъ различнымъ наваленнымъ книжнымъ и бумажнымъ хламомъ хранились пугачевскіе листы, и, разрывая ихъ, сталъ одинъ за другимъ бросать въ огонь топившагося камина.

Толстая бумага корезилась, дымила и плохо поддавалась дѣйствию огня. Пока листы горѣли, Сервиругъ смотрѣлъ на пламя камина. Когда истлѣлъ послѣдній кусокъ горѣвшей бумаги, графъ, не отрывая глазъ отъ огня, произнесъ:

— Да, Лешко мнѣ этого никогда не простить...

— Никогда,—подтвердилъ Млынарскій.

Х.

Прошло нѣсколько недѣль. Дворянскій эскадронъ былъ окончательно сформированъ, но Сервиругъ не попалъ въ него. Вначалѣ Бибииковъ и Ларионовъ охотно приняли предложеніе молодого конфедерата, но, спустя нѣсколько времени, начали подъ разными предлогами уклоняться отъ прежняго обѣщанія. Николай Ильичъ былъ огорченъ. Онъ хлопоталъ настойчиво, вначалѣ ничего не сообщая Сервиругу, но въ концѣ концовъ получилъ рѣшительный отказъ. Конфедерату было предложено попытать счастья въ отрядѣ, формируемомъ по примѣру дворянъ казанскимъ магистратомъ.

Желтугинъ передалъ это предложеніе конфедерату, но тотъ съ своей стороны отклонилъ его.

Сервиругъ былъ очень опечаленъ. Все желтугинское семейство ему искренно сочувствовало. Николай Ильичъ сердился.

— Тутъ чьи нибудь интриги,—говорилъ конфедерату въ присутствіи дочери и французенки Желтугинъ.

— Я въ этомъ увѣрена,—замѣтила Наташа,—кромѣ того, я даже догадываюсь—чьи.

— Ты догадываешься?—спросилъ Желтугинъ.

— Да, папа, но и ты тоже,—продолжала дѣвушка.

— Я? Нѣтъ.

Наташа пожала плечами. Желтугинъ пристально посмотрѣлъ на дочь и произнесъ:

— Если ты въ этомъ подозрѣваешь Васю, то ты ошибаешься. Онъ горячъ, несдержанъ, но неспособенъ на такую низость.

Сервиругъ что-то хотѣлъ сказать, но удержался и только хрустнулъ пальцами...

— Нѣтъ, Наташа,—продолжалъ Николай Ильичъ,—я тебѣ даже думать запрещаю объ этомъ. Вообще, мнѣ не нравится, когда ты дурно высказываешься о Васѣ: онъ нашъ родственникъ, и мы не должны относиться къ нему хуже, чѣмъ другіе. А между тѣмъ отъ чужихъ я слышу о немъ только похвалы.

Желтугинъ прекратилъ разговоръ и скоро вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, лукаво поглядѣвъ на молодыхъ людей, скрылась и Жюли. Наташа съ Сервиругомъ остались одни.

— Вы очень огорчены неудачей, графъ?—спросила Желтугина:— не стоитъ объ этомъ печалиться.

— Я не огорчаюсь, Наталья Николаевна, тѣмъ, что не попалъ въ эскадронъ,—отвѣчалъ конфедератъ:—не велика честь служить подъ начальствомъ такого шефа, какъ Ларіоновъ. Это—самомнительный, но пустой человѣкъ, въ шефы попавшій, благодаря родству съ главнокомандующимъ. Я жалѣю не о томъ. Вы знаете, чего мнѣ жаль. У меня нѣтъ повода болѣе оставаться здѣсь, а это меня терзаетъ.

Глаза молодыхъ людей встрѣтились. Наташа протянула собеседнику руку, которую онъ крѣпко поцѣловалъ.

— Запишитесь въ магистратскій отрядъ,—предложила Наташа.

— Чтобы мнѣ отказали и купцы? Нѣтъ, довольно униженій. Я уже придумалъ, что дѣлать. Я ѣду въ Петербургъ; теперь я свободенъ; императрица сама любитъ поляковъ, а у меня тамъ есть кое-кто изъ своихъ... Кто знаетъ, можетъ быть, и я попаду въ штабъ самого главнокомандующаго...

Наташа всплеснула руками отъ радости. Она нашла придуманный Сервиругомъ планъ превосходнымъ.

— А папа вамъ еще дастъ письма,—добавила она,—у насъ въ Петербургѣ много родныхъ, и папу сама императрица знаетъ. Поѣзжайте, графъ, и возвращайтесь скорѣе... Мы васъ будемъ ждать... И вотъ возьмите этотъ образокъ, его привезли мнѣ изъ Италіи; онъ приноситъ счастье...

Дѣвушка сняла съ своей шеи медальонъ съ образкомъ и передала его конфедерату. Сервилогъ прижалъ вещь къ своимъ губамъ.

— Наталья Николаевна, — съ чувствомъ воскликнулъ онъ, — я буду смотрѣть на этотъ образъ въ минуту моеѣ смерти, а вамъ, — прибавилъ онъ, — позвольте оставить на память эту вещь.

Конфедератъ вынулъ изъ кармана тщательно завернутый пакетъ. Когда она его развернула, въ немъ оказался миниатюръ, изображавшій въ краскахъ Наташу въ греческой прическѣ, съ алмазной діадемой на головѣ.

— Такой я увидѣлъ васъ первый разъ, — закончилъ полякъ. Желтугина протянула конфедерату руку еще разъ.

Вошла Жюли.

— Посмотрите, какой нашъ графъ художникъ, — обратилась къ ней Наташа, протягивая ей миниатюръ.

— А мой портретъ графъ сдѣлать отказался, — погрозила пальцемъ Жюли.

— Онъ былъ у меня на второмъ планѣ, — отвѣчалъ Сервилогъ.

Вечеромъ разсматривалъ миниатюръ и Николай Ильичъ. Всѣ находили его исполненнымъ превосходно. Желтугинъ одобрилъ планъ поѣздки Сервилога въ Петербургъ. Императрица дѣйствительно благоволила къ полякамъ, и въ Петербургѣ скорѣе можно было устроиться въ арміи, нежели въ казанской глуши. Чтобы открыть конфедерату доступъ въ дома столицы, Желтугинъ надавалъ ему порученій къ роднымъ и знакомымъ. Отъѣздъ былъ рѣшенъ въ скорѣйшемъ времени.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, — весело говорилъ Николай Ильичъ, — и скорѣе возвращайтесь. Приѣдете, мы васъ тутъ поженимъ на хорошей невѣстѣ, и заживете вы потомъ казанскимъ дворяниномъ и помѣщикомъ.

При послѣднихъ словахъ Наташа и Сервилогъ почему-то невольно переглянулись.

Предположенный скорый отъѣздъ Сервилога, однако, немного замедлился. Приближалась весна. Надежды, возлагаемыя на пребываніе въ краѣ главнокомандующаго Бибикова, оправдались. Посланные въ разныхъ направленіяхъ отряды въ различныхъ мѣстахъ разбили скопища Пугачева. Дворянскій корпусъ ничѣмъ особеннымъ себя не проявилъ, но зато отличились команды майора Муфеля, полковника Юрія Бибикова, подполковника Бедряги и другихъ. Въ Петербургъ неустанно скакали курьеры съ радостными депешами. Многие изъ казанскихъ обитателей, покинувшихъ было городъ, вернулись въ родныя гнѣзда. 22-го февраля, во всѣхъ церквахъ былъ прочитанъ манифестъ о неоспоримыхъ доказатель-

ствахъ вѣрноподданничества казанцевъ. Ожидали доставленія жены Пугачева изъ Зимовейской станицы.

Много шуму и толкованій произвелъ высочайшій рескриптъ казанскому дворянству по поводу сбора ополченія. Императрица называла себя «казанской помѣщицей» и приказала отъ себя представить въ дворянскій корпусъ по два человѣка съ каждаго двусотъ душъ дворцовыхъ крестьянъ Казанской губерніи.

Дворянами былъ данъ цѣлый рядъ баловъ. Между прочимъ, предводитель пожелалъ особо почтить главнокомандующаго, по окончаніи дѣлъ въ Кавани намѣревавшагося перевести свой штабъ поближе къ самозванцу, въ Кичуевскій фельдшанецъ. Желтугины получили приглашеніе въ числѣ первыхъ. Николай Ильичъ просилъ Сервилога вмѣстѣ съ нимъ проводить дамъ въ домъ предводителя... Готовясь къ балу, конфедератъ опять сбрилъ усы и облачился въ модный кафтанъ и пудренный парикъ. Когда Желтугинская карета подкатила къ предводительскому дому, съѣздъ былъ въ самомъ разгарѣ. Вдоль всей улицы и на ближайшей площади тѣснились ряды всевозможныхъ экипажей, саней, каретъ, одиночекъ, а между тѣмъ новыя все подѣзжали и подѣзжали. Домъ предводителя былъ ярко освѣщенъ и внутри и снаружи. Вдоль улицы, на свѣгу, жарко пылали смоляныя бочки, около которыхъ тѣснились кучки звѣвакъ изъ купеческаго и приказнаго класса. Во избѣжаніе сценъ, подобныхъ той, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разыгралась у гимназіи, чернь близко не подпускалась. Около предводительскаго дома дежурило нѣсколько десятковъ недавно прибывшихъ гусаръ. Ихъ конныя пестрыя фигуры то рѣзко выступали изъ полумрака при вспыхиваніи пламени бочекъ, то снова скрадывались и какъ бы терялись въ полутьмѣ. По сосѣднимъ улицамъ разѣзжали конные татарскіе пикеты. Большинство предводительскихъ гостей прибыло съ вооруженными гайдуками, вершиками, охотниками. И ихъ присутствіе еще болѣе пестрило и увеличивало толпу.

По лѣстницѣ, усланной краснымъ сукномъ, гостямъ приходилось итти мимо двухъ рядовъ бравыхъ гренадеръ, державшихъ ружья къ ногѣ. Это было очень красиво, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предусмотрительно. Гренадеры представляли собой внутренній карауль. Одни изъ нихъ дежурили на лѣстницѣ, другіе, смѣнившись, пили чай въ людской, превращенной въ кордегардію.

Когда Желтугины съ Сервилогомъ, еще наканунѣ представленнымъ предводителю, вступили въ залъ, тамъ уже подъ струнную музыку шелъ менуэтъ. Танцующихъ, однако, было немного. Съ прибытіемъ Бибикова въ Казань нахлынуло много военной молодежи и изъ штаба и изъ линейныхъ войскъ, но въ дамахъ чувствовался недостатокъ. Изъ уѣхавшихъ дворянскихъ женъ и дочерей пока только немногія пожелали вернуться, большинство же

продолжало пребывать въ Москвѣ или въ ближайшемъ Козьмодемьянскѣ.

Менуэтъ продолжался: по лощеному паркету въ тѣсномъ кругѣ столпившихся зрителей, съ поклонами и присѣданіями проходила пара за парой дамъ въ пышныхъ робронахъ и кавалеровъ въ пестрыхъ мундирахъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Портретъ императрицы, въ золотой рамѣ, глядѣлъ на веселящуюся толпу съ передней стѣны залы.

Несмотря на танецъ и общее оживленіе, прибытіе Желтугихъ было тотчасъ же замѣчено. Николай Ильичъ шелъ подъ руку съ Наташей, Сервиругъ съ Жюли. Имъ навстрѣчу послѣшилъ самъ хозяинъ вечера, коротенькій, толстенный, но, тѣмъ не менѣе, очень подвижной человекъ. Онъ въ изысканныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ Наташу, не упустивъ сказать нѣсколько любезностей и Жюли. Наташа сейчасъ же была приглашена на менуэтъ, за ней послѣдовала француженка. Желтугинъ подошелъ къ главнокомандующему. Въ простомъ суконномъ генеральскомъ мундирѣ, съ одной лишь звѣздой Александра Невскаго на груди и съ аксельбантомъ, любезный и улыбающійся Бибиговъ бесѣдовалъ со всѣми, стараясь каждому сказать что нибудь пріятное и не отпустить отъ себя неудовлетвореннымъ. Иногда только полное, но, тѣмъ не менѣе, нѣсколько болѣзненное лицо главнокомандующаго начинало выражать утомленіе, но Александръ Ильичъ сейчасъ же старался брать себя въ руки, и прежняя привѣтливость возвращалась къ нему. Желтугина онъ видимо искренно радъ былъ видѣть. Главнокомандующій, къ великой зависти многихъ, взялъ Николая Ильича подъ руку и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, смотря на цѣнь танцующей молодежи.

Мимо прошла съ красивымъ гвардейцемъ Наташа. На ней было полурусское платье, подобное тому, которое съ недавнихъ поръ начала носить императрица, именно нѣкоторое подобіе свѣтло-зеленаго бархатнаго сарафана, плотно облегающаго станъ, съ кружевами у кистей рукъ и на шеѣ; уборъ довершали жемчужное ожерелье и алмазная нитка, ярко вспыхивавшая на низко причесанныхъ, слегка напудренныхъ, волосахъ. Оригинальный нарядъ очень шелъ къ античнымъ чертамъ лица дѣвушки, и она стала центромъ общаго вниманія.

— Это ваша дочь,—обратился къ Желтугину Бибиговъ,—какая красавица, ея лицо настоящая камея. Вы меня простите, что я еще не собрался къ вамъ въ деревню, но передъ отъѣздомъ непременно буду, непременно...

Главнокомандующій, несмотря на серіозныя заботы, продолжалъ оставаться свѣтскимъ, любящимъ женское общество человекомъ, и при случаѣ умѣлъ сказать любезность.

— А это,—въ свою очередь указалъ Николай Ильичъ, когда проходилъ съ дамой Сервиромъ,—тотъ польскій плѣнный графъ, за котораго я просилъ ваше превосходительство.

Бибиковъ внимательно посмотрѣлъ на конфедерата.

— У него очень пріятная наружность,—отвѣчалъ главнокомандующій,—но вы меня простите, Николай Ильичъ, я радъ былъ бы исполнить вашу просьбу, но... я получилъ о немъ такую секретную аттестацію... И знаете—отъ кого? Отъ вашего же другого протеже, Карцова. Вы—благородный и добрый человекъ, а поляки двоедушны. Я съ ними уже имѣлъ дѣло. Полякамъ нельзя довѣрять, а понравиться они сумѣютъ...

Желтугинъ далѣе плохо слышалъ главнокомандующаго. Его поразили слова Бибикова. Значить, Наташа была права въ своихъ подозрѣніяхъ. Николай Ильичъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы родственникъ его былъ способенъ на какія нибудь интриги и сплетни, но теперь сомнѣнія не оставалось. Главнокомандующаго отвлекли другіе дворяне. Наташа подошла къ отцу. Желтугинъ казался разстроеннымъ. Отставной дипломатъ, несмотря на свою профѣссію, плохо умѣлъ справляться съ своими чувствами.

— Что съ тобой, папа?—спросила Наташа, привыкшая читать на лицѣ отца.

— Знаешь, ты была права относительно Васи,—отвѣчалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Желтугинъ,—это Вася насплетничалъ на графа... Мнѣ сейчасъ сказалъ главнокомандующій...

— Я была увѣрена,—повидимому, вполне спокойно отозвалась дѣвушка.

Танцы продолжались. За менюэтомъ послѣдовали контредансъ и польскій. Въ польскомъ съ Наташей прошелся самъ главнокомандующій. Рой молодежи окружилъ Желтугинскихъ дамъ, но Наташу мало удовлетворялъ ея успѣхъ. Она взяла подъ руку Жюли и направилась въ уборную.

Какъ и многіе дворянскіе дома, домъ предводителя подвергся добровольному разоренію. Все болѣе цѣнное было вывезено изъ него. Въ громаднхъ комнатахъ теперь только стояли столы и стулья, и то набранные ко дню приѣма изъ другихъ квартиръ и присутственныхъ мѣсть. Изъ губернской канцеляріи былъ доставленъ и портретъ императрицы. Одна изъ комнатъ была занята буфетомъ, около котораго суетились десятки лакеевъ въ красныхъ и синихъ кафтанахъ и цвѣтныхъ чулкахъ; въ двухъ другихъ комнатахъ происходила карточная игра; играли въ ломберъ, въ пикетъ, въ памфилъ; нѣсколько азартныхъ игроковъ рѣзались въ запрещенный фаро и банкъ.

Мимо играющихъ Наташа съ французенкой прошлись по всей анфиладѣ комнатъ и, наконецъ, направилась въ уборную. Пока горничная прикалывала Желтугиной бантъ на башмачкѣ, послѣдняя

разказала Жюли по-французски ту новость, которую она только что услышала отъ отца.

— О, я также это думала!—воскликнула французенка:—я была увѣрена въ этомъ. Бѣдный графъ, а онъ такъ хотѣлъ быть русскимъ офицеромъ.

Жюли дала волю своимъ словамъ. Она не забыла той обиды, которую ей пришлось испытать отъ Карцова.

Когда обѣ дѣвушки вернулись въ залъ, Жюли постаралась отыскать Сервилога и отозвала его на пару словъ. Мимоходомъ французенка сообщила конфедерату о новости, узнанной отъ главнокомандующаго. Полякъ поблагодарилъ свою благожелательницу. Онъ выслушалъ сообщеніе объ интригѣ Карцова, не выказавъ ни удивленія, ни негодованія, но французенка замѣтила, все-таки, какъ слегка дрогнули губы молодого конфедерата, и загорѣлись его глаза. Стрѣла попала въ цѣль.

Подали ужинъ. Здѣсь предводитель блеснулъ вовсю. Если домъ его страдалъ недостаткомъ въ смыслѣ обстановки, то зато столъ оказался на высотѣ. Гостямъ былъ предложенъ цѣлый рядъ мясныхъ блюдъ, рѣдкая дичь, громадныя волжскія стерляди, щуки, все это было по модѣ обильно приправлено корицей, гвоздикой, перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ. Рѣкой лилось вино красное и бѣлое, рейнвейнъ, старое венгерское, ликеры. Дамъ обносили оршадомъ и конфетами. На столахъ высились горы хрустала, фаянса и серебра; между бронзовыхъ канделябръ пестрѣли искусственные цвѣты въ вазахъ. По образцу придворныхъ банкетовъ и «трактованій» у стола служили лакеи въ красныхъ кафтанахъ съ золотыми галунами.

Сервилогъ тщетно искалъ встрѣчи съ Карцовымъ до ужина; за столомъ ихъ тоже разсадили далеко другъ отъ друга. Конфедератъ былъ разсѣянъ, невпопадъ отвѣчая на обращенные къ нему вопросы; онъ все время точно обдумывалъ что-то. Послѣ ужина молодежь еще пожелала танцевать, а Карцовъ всталъ съ мѣста, чтобы отдать приказаніе музыкантамъ. За нимъ послѣдовалъ Сервилогъ. Оба молодыхъ человека столкнулись въ дверяхъ залы. Карцовъ шелъ, какъ всегда, самоувѣренный и довольный, помахивая вѣеромъ изъ кости. Этотъ вѣеръ онъ взялъ въ залогъ у своей дамы, обѣщавшей дожидаться за столомъ его возвращенія. Сервилогъ настигъ гвардейца въ тотъ моментъ, когда Карцовъ замедлил шагъ, чтобы уступить дорогу шедшему навстрѣчу гренадерскому полковнику. Конфедератъ тронулъ гвардейца за рукавъ. Карцовъ обернулся и съ ногъ до головы оглядѣлъ поляка.

— Что вамъ угодно, сударь?—надменно спросилъ онъ.

— Я вамъ долженъ сказать нѣсколько словъ, — сдержанно отвѣчалъ конфедератъ.

— Намъ не о чемъ съ вами говорить, сударь,—также надменно и громко произнесъ гвардеецъ.

Нѣсколько человѣкъ замедлили шагъ, замѣтивъ передъ собой разыгрывающуюся ссору. Карцовъ хотѣлъ пройти, но конфедератъ рѣшительно ему загородилъ дорогу.

— Вы должны мнѣ дать объясненіе, сударь.

— Никакихъ объясненій я вамъ давать не буду, — отрѣзалъ гвардеецъ:—подите отъ меня прочь.

Неудовольствовавшись рѣзкостью, Карцовъ двинулся впередъ и вѣромъ ткнулъ въ грудь конфедерата. Терпѣніе послѣдняго истощилось. Въ одно мгновеніе вѣрь былъ выхваченъ изъ рукъ гвардейца и разлетѣлся на куски, ударившись о его лицо. Карцовъ совершенно потерялся отъ такой неожиданности, вскрикнулъ, схватился за щеку и, точно окаменѣлый, не двинулся съ мѣста.

— Для удовлетворенія я къ вашимъ услугамъ, — поклонился Сервиругъ и ровнымъ, спокойнымъ шагомъ вышелъ изъ залы. Онъ спустился по лѣстницѣ и на улицѣ не надѣлъ шляпы, чтобы освѣжить пылавшую голову. Въ это время въ домѣ предводителя происходило смятеніе. Вѣсть объ оскорбленіи, нанесенномъ полякомъ Карцову, въ нѣсколько минутъ облетѣла всѣхъ присутствовавшихъ. Товарищи Карцова бросились отыскивать пострадавшаго съ предложеніемъ услугъ по защитѣ его чести, но растерянный и ошеломленный гвардеецъ исчезъ съ бала. О происшествіи было доложено главнокомандующему, но Бибииковъ выслушалъ донесеніе довольно равнодушно. Его въ эту минуту занимали другія, болѣе серьезныя мысли.

Николай Ильичъ эту ночь проводилъ у себя въ нанятомъ казанскомъ домѣ. Вернувшись съ бала, онъ немедленно зашелъ въ комнату къ Сервиругу, чтобы объясниться съ нимъ, но поляка не было дома. Онъ такъ и не возвращался.

XI.

Утромъ конфедератъ прислалъ къ Желтугинымъ за своими вещами. Какъ оказалось, онъ нанялъ квартиру на Арской улицѣ близъ выѣзда за городъ у какого-то запятнаго дьячка. Николай Ильичъ не могъ объяснить себѣ поступка поляка съ Карцовымъ и потому очень негодовалъ на конфедерата. Заступничество Натани и Жюли, принявшихъ сторону обидчика, не привело ни къ чему. Желтугинъ написалъ письмо Сервиругу, въ которомъ заявлялъ, что считаетъ дальнѣйшее знакомство невозможнымъ. Жюли была ни жива, ни мертва. Она не рассчитывала, чтобы сообщеніе ея имѣло послѣдствіемъ такую развязку дѣла. Сервиругъ, однако, ея не выдалъ. Онъ очень сдержанно отвѣтилъ Николаю Ильичу,

указавъ, что имъ было получено новое оскорбленіе отъ Карцова теперь уже не на словахъ, а на дѣлѣ, и что при всемъ уваженіи къ Желтугину конфедератъ не могъ поступить иначе, не роняя себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Николай Ильичъ навѣстилъ племянника, чтобы выразить ему свое сочувствіе. Какъ оказалось, обиженный просилъ у главнокомандующаго разрѣшенія на дуэль, но Бибииковъ отказалъ въ такомъ разрѣшеніи, сославшись на воинскій уставъ, безусловно подѣ страхомъ жестокаго наказанія воспрещавшій всякаго рода поединки. Оскорбленному предоставлялось привлечь оскорбителя къ суду. Поэтому Сервиругъ тщетно ожидалъ вызова со стороны Карцова. Отъ душевныхъ потрясеній послѣдній заболѣлъ. По крайней мѣрѣ, по временамъ онъ начиналъ рыдать и смѣяться безъ причины, производить безпорядочныя тѣлодвиженія. Желтугинъ лично ѣздилъ къ главнокомандующему и объяснилъ, что состояніе племянника грозитъ сумасшествіемъ. Карцова уволили отъ обязанностей по болѣзни. Николай Ильичъ опять его звалъ къ себѣ въ деревню погостить и отдохнуть, но гвардеецъ рѣшительно отказался. Между тѣмъ Сервиругъ получилъ приказаніе отъ губернатора немедленно выѣхать изъ Казани.

Бибииковъ уже перебрался въ Кичуевскій фельдшанецъ, куда за нимъ послѣдовалъ и его штабъ. Наступилъ мартъ. Сервиругъ уѣзжая просилъ позволенія проститься съ Желтугиными, но Николай Ильичъ отказалъ ему въ этомъ. Зато, когда пріѣхалъ Карцовъ, Наташа въ свою очередь не вышла къ кузену. Передъ отъѣздомъ конфедерата повидала только Жюли. Она одна собралась въ городъ, чтобы посмотрѣть оставляемый теперь безъ присмотра городской желтугинскій домъ и какъ бы нечаянно встрѣтилась съ полякомъ. Онъ отказался пока отъ поѣздки въ Петербургъ и перебирался покуда на временное жительство въ ближайшій къ Казани Козьмодемьянскъ. Изъ дому Сервиругъ опять получилъ утѣшительныя вѣсти и потому возвращеніемъ на родину не торопился. Было условлено, что онъ будетъ давать знать о себѣ черезъ посредство своего недавняго хозяина, заштатнаго дьячка.

Прошло нѣсколько недѣль. Солнце уже начало сильно пригрѣвать землю. Съ горъ потекли ручьи, рѣчки посинѣли и надулись, почки напухли на деревьяхъ.

Въ концѣ марта Казань опять предалась ликованіямъ. Палъ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ оплотовъ мятежниковъ — крѣпость Татищева. Въ Татищевой, въ моментъ взятія ея правительственными войсками, находился самъ Пугачевъ, но и это не помогло. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, пугачевцы были выбиты изъ укрѣпленій, потерявъ убитыми и ранеными нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля мятежники были отбиты

и отъ Оренбурга. Торжество казалось полнымъ. Многіе полагали, что возмущенію нанесенъ рѣшительный ударъ. Такъ думали даже въ Петербургѣ. На участниковъ схватокъ съ Пугачевымъ щедро сыпались награды. Не былъ забытъ и главнокомандующій, своимъ появленіемъ принесшій счастье правительственному оружію. Имена Бибикова, Мансурова, Голицына, Фреймана, Михельсона повторялись по всей Россіи.

Въ Казани и около нея стало значительно тише. Городъ наполнился жителями и оживился. Но, тѣмъ не менѣе, глухое волненіе не прекращалось. Манифесты Пугачева отъ времени до времени продолжали появляться въ обращеніи или на стѣнахъ домовъ и церквей. Въ Казани поэтому было объявлено съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто будетъ уличенъ въ утайкѣ виновныхъ въ распространеніи воровскихъ листовъ, храненіи ихъ или расклейкѣ, тотъ подвергнется смертной казни чрезъ повѣшенье.

Вскорѣ послѣ такого объявленія, къ Желтугину, въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, просматривая счета, вошелъ его старый преданный камердинеръ Силантій. Николай Ильичъ сперва не обратилъ на него вниманія. Старый слуга крикнулъ.

— Что тебѣ?—обернулся къ нему Желтугинъ.

Силантій опять крикнулъ и началъ мяться. Желтугинъ понялъ, что дѣло шло о какомъ-то щекотливомъ вопросѣ.

— Ты хочешь о чемъ нибудь просить?—продолжалъ Николай Ильичъ.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ камердинеръ:—у меня другое дѣло.

— Говори.

— Не извольте разсердиться за мои рѣчи.

Желтугинъ внимательно посмотрѣлъ на слугу. Ему за послѣднее время стали подозрительны частыя поѣздки Жюли въ городъ, и онъ подумалъ, что Силантій хочетъ ему что нибудь сказать на этотъ счетъ.

— Говори, не бойся,—отозвался онъ.

Силантій посмотрѣлъ, хорошо ли заперта дверь въ комнату, и, приблизившись къ самому креслу барина, продолжалъ:

— На счетъ графа-съ я пришелъ сказать, насчетъ Бронислава Юліановича.

— Ну?

«Такъ я и думалъ,—мелькнуло въ головѣ Желтугина,—какіе нибудь шуры-муры съ Жюли». Но онъ ошибся.

— Хорошій человекъ были графъ, — началъ говорить Силантій, — а теперь я боюсь, какъ бы намъ черезъ нихъ бѣды не нажить.

— Ну, ну?

— Какъ, по моему глупому разумѣнію, графъ не иначе, какъ Пугачу, передаться хотѣли.

— Съ чего ты взялъ?

Еще разъ оглянувшись на дверь, Силантій вытащилъ изъ-за пазухи въ четверо сложенный листъ грубой печатной бумаги и подалъ его Желтугину.

Николай Ильичъ развернулъ бумагу и началъ читать:

«Божьей милостью, мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., и проч., и проч.».

Желтугинъ остановился.

— Что это значитъ?—въ недоумѣніи спросилъ онъ.

— Извольте прочесть до конца,—настаивалъ Силантій.

Николай Ильичъ продолжалъ:

«Объявляемъ во всенародное извѣстіе; не безызвѣстно есть каждому вѣрноподданному рабу, какимъ образомъ мы не отъ доброжелателей, а зависцовъ общаго покоя всероссійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго престола лишены были, а нынѣ Всемогущій Господь неизреченными своими праведными судьбами, моленіемъ и усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ паки возвести насъ соизволилъ и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ»...

Дальше слѣдовали угрозы зависцамъ и непокоряющимся законной власти; вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось великодушное прощеніе и милость тѣмъ, «кто, возникнувъ отъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, усердно покорится и во всеподданнѣйшія должности быть повинится».

Бумага была подписана именемъ Петра.

— Это пугачевской манифестъ!—воскликнулъ Николай Ильичъ.

— Такъ точно, воровской листъ,—отвѣчалъ Силантій.

— Откуда ты его взялъ?

— У насъ въ Казани въ домѣ нашелъ и не одинъ.

— Значитъ, они отъ бывшаго хозяина остались?

— Никакъ нѣтъ. Ихъ, видать, забылъ графъ Брониславъ Юльяновичъ.

— Быть не можетъ!

— Не иначе какъ. Осмѣлюсь доложить, — продолжалъ Силантій,—какъ я вчера осматривалъ домъ къ приему гостей, какъ ихъ предполагалось принять. Изъ саду по лѣсенкѣ въ комнату, гдѣ жили графъ, кто-то постучался. Я отворилъ. Вошелъ челоуѣкъ незнакомый. Спрашиваетъ: «дома графъ?» Я говорю: «никакъ нѣтъ, они болѣе тутъ не живутъ и изъ города совсѣмъ уѣхали». А онъ мнѣ: «экая досада, я совсѣмъ и не зналъ, а пріѣхалъ издалека, а у графа тутъ должны быть мои вещи». Я говорю: «вещей нѣтъ, потому все мы прибирали». А онъ пошелъ на лѣстницу въ чуланчикъ. «А тутъ, спрашиваетъ, нѣтъ?» И тамъ мы смотрѣли, ничего не оказалось. А послѣ какъ онъ ушелъ, я думаю, дай еще разъ вездѣ пошарю. Анъ, гляжу въ чуланчикъ-то въ углу они

веревочкой перевязанные валяются. Силантій пальцемъ указаль на воровской листь.

— А какъ изъ себя тотъ, который заходилъ спрашивать графа?— задалъ вопросъ Желтугинъ.

— Да такъ, тоже въ родѣ поляка, носатый такой, рыжій. Пока графъ у насъ жили, къ нимъ часто разные гости ходили, да все больше по ночамъ; и сторожъ сказываль, сперва у нихъ бывали не только поляки, а разный сбродъ, не то нищѣ, не то казаки.

— А гдѣ остальные листы?

Силантій досталь изъ-за пазухи свертокъ, въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ манифестовъ, были еще письма на польскомъ языкѣ и наброски плана Казани.

— Ты все хорошо осмотрѣль, — спросилъ Николай Ильичъ:— больше у насъ въ домѣ ничего нѣтъ?

— Ничего.

Желтугинъ взялъ съ собою листы, письма и планы и вышелъ съ ними въ библиотечку, гдѣ Жюли читала вслухъ Наташѣ французскую книгу.

— Поздравляю васъ, mesdames, — иронически воскликнулъ Желтугинъ:— оказывается, что подъ видомъ честнаго человѣка, желавшаго служить подъ русскими знаменами, мы имѣли дѣло со стонникомъ Пугачева.

— Про кого это ты говоришь, папа?— съ изумленіемъ спросила Наташа.

— Про вашего общаго протеже, графа Сервиорога-Зборомірскаго. Да, какъ молодой чикъ! А мы-то уши распустили, а мы-то къ нему всей душой. О русская простота! Теперь мы видимъ, насколько правъ былъ Вася, когда предостерегалъ и меня и Александра Ильича противъ этого господина.

— Да что такое, въ чемъ дѣло? Ты, папа, говоришь загадками.

— Не загадками душечка, а самымъ яснымъ образомъ. На, полюбуйся, это манифесты Пугачева и планъ Казани съ крѣпостью, ихъ нашли въ комнатѣ у Сервиорога.

Желтугинъ протянулъ дочери свертокъ.

— Но какъ это случилось, что ихъ нашли послѣ его отъѣзда? Онъ долженъ былъ все взять съ собою.

— На всякаго мудреца довольно простоты, — отозвался Николай Ильичъ и въ общихъ чертахъ повторилъ разсказъ Силантія.

— Эти вещи навѣрно подбросилъ тотъ человѣкъ, который приходилъ къ графу безъ него, — заключила Наташа, выслушавъ отца.

— И я того же мнѣнія, — поддержала Наташу французенка.

— Но кому же нужно было подбрасывать? Зачѣмъ?— съ недоумѣніемъ замѣтилъ Желтугинъ.

— Кому?— переспросила Наташа:— я думаю, есть такіе люди.

— Ты опять хочешь подозрѣвать Васю, — вскричалъ въ раздраженіи Николай Ильичъ:—ты предубѣждена противъ него и теперь хочешь спорить противъ очевидности. Я же съ своей стороны не допускаю никакихъ сомнѣній.

По преслѣдованію тайныхъ сторонниковъ Пугачева и вообще для разбирательства щекотливыхъ обстоятельствъ мятежа въ Казани была учреждена особая секретная коммиссія. Въ эту коммиссію тотчасъ же рѣшилъ отправиться Желтугинъ и представить туда обвинительный матеріалъ противъ Сервиорога. О своемъ намѣреніи Николай Ильичъ сообщилъ дамамъ. По его мнѣнію, конфедератъ не заслуживалъ никакого снисхожденія. Его двуличность и лживость доходили до чудовищности.

— Постой, папа,—остановила отца Наташа:—я тебѣ не смѣю совѣтовать, но хорошо ли ты придумалъ свое намѣреніе. Ты берегъ наше имя отъ сплетенъ при возможной дуэли графа съ Карцовымъ. А теперь хочешь ѣхать доносить на человѣка, который жилъ въ твоемъ домѣ и былъ близокъ къ тебѣ. Твое имя теперь связано съ его именемъ. Подумай, какія сплетни и толки подымутся теперь на нашъ счетъ. Дойдутъ они и до государыни, и мы уронимъ себя въ ея глазахъ.

— Наташа права,—опять подтвердила француженка:—дѣло само по себѣ очень щекотливо, чтобы его рѣшить сразу.

Николай Ильичъ остановился.

— Да, вы, пожалуй, обѣ правы отчасти,—подумавъ произнесъ онъ:—но что же дѣлать?

— Напиши графу письмо, потребуй у него объясненій, — предложила Наташа.

— Писать ему? Никогда! — воскликнулъ Желтугинъ: — мое письмо, кромѣ того, можетъ попасть въ чужія руки, и тогда откроется, что я медлилъ съ представленіемъ листовъ въ полицію.

Теперь Наташѣ пришлось согласиться, что въ данномъ случаѣ правъ былъ отецъ.

— Тогда просто уничтожь листы, — отвѣчала она, — не придавая дѣлу огласки.

— Оставивъ преступника ходить на свободѣ?... прекрасно!

— Тогда подумай, папа.

— Хорошо, я подумаю.

Николай Ильичъ ушелъ, унеся съ собой обвинительные документы. Послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшилъ поступить по совѣту Наташи и, не придавая дѣлу никакой огласки, уничтожить и письма, и листы, и планы. Въ казанскомъ домѣ былъ произведенъ тщательный осмотръ, а Силантій получилъ строгій приказъ молчать обо всемъ происшедшемъ. Жюли въ свою очередь въ иносказательныхъ выраженіяхъ увѣдомила Сервиорога о взводимомъ на него обвиненіи.

XII.

Среди цѣлаго ряда ликованій по поводу успѣховъ правительственныхъ войскъ, между прочимъ, казанцамъ пришлось освоиться и съ нѣкоторыми неприятыми извѣстіями.

Находясь въ Кичуевской крѣпости, главнокомандующій началъ серьезно недомогать. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Бибиговъ вообще не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а тутъ почти въ зимнюю пору ему приходилось жить среди неусыпныхъ трудовъ почти на бивакѣ. Вслѣдствіе начавшагося бездорожья обозъ главнокомандующаго на мѣсто назначенія не приходилъ, и Александру Ильичу приходилось испытывать лишения всякаго рода, находясь при томъ въ сырости и тѣсномъ жилищѣ. Постоянныя тревоги, непрерывныя заботы, оторванность отъ семьи усиливали матеріальныя неудобства. Здоровье главнокомандующаго надломилось въ конецъ. Въ концѣ марта Бибиговъ перенесъ сильную лихорадку, но какъ только ему стало немного лучше, онъ немедленно переѣхалъ въ Бугульму. Этотъ переѣздъ не прошелъ главнокомандующему даромъ. Болѣзнь осложнилась... Новыя радостныя вѣсти, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій, уже не могли болѣе веселить главнокомандующаго. Онъ лежалъ прикованнымъ къ постели и плохо сознавалъ окружающее. Еще раньше Александръ Ильичъ писалъ императрицѣ о своей болѣзни. На это письмо послѣдовало повелѣніе послать въ Бугульму изъ Москвы лучшаго врача, но было уже поздно. Девятаго апрѣля Бибигова не стало.

Желтугинъ заплакалъ, когда узналъ о смерти Александра Ильича. Со слезами на глазахъ онъ сообщилъ печальную новость Наташѣ и французенкѣ. Наташа перекрестилась.

— Да, — вздохнулъ Николай Ильичъ, — кто знаетъ, какъ теперь пойдутъ наши дѣла. Кого пришлютъ на мѣсто покойнаго, а пока пришлютъ, Брандтъ сумѣетъ многое испортить.

— Ахъ, кстати, — замѣтила въ отвѣтъ на эти слова Наташа, — графъ просилъ увѣдомить тебя, что онъ въ чуланѣ на лѣстницѣ у насъ въ Казани ничего не оставлялъ, и что это враги его подкинули ему свертокъ.

— Ты переписываешься съ измѣнникомъ! — въ негодованіи воскликнулъ Желтугинъ: — этого еще недоставало!

— Я не переписываюсь съ графомъ, но мы съ Жюли получили отъ него вѣсти.

— Какъ? какимъ образомъ?

— Это наша тайна, папа, — смѣло отвѣчала Наташа.

— Благодарю васъ, madame, — раскланялся Николай Ильичъ, обращаясь къ французенкѣ: — я чувствую, что здѣсь не обошлось безъ вашего содѣйствія... Вы приставлены были къ дѣвушкамъ,

чтобы давать ей добрый примѣръ, а сами поддались увлеченію какимъ-то проходимцемъ.

— Вы меня оскорбляете, милостивый государь! — воскликнула француженка.

Все лицо Жюли покрылось пятнами, лицо Наташи тоже выразило страданіе. Желтугинъ замѣтилъ, что зашелъ слишкомъ далеко.

— Однако,—произнесъ онъ,—если я ошибаюсь, я готовъ извиниться. Но тогда вы должны мнѣ сказать, какимъ путемъ вы сноситеcь съ Сервирогомъ.

Обѣ дѣвушки молчали.

— Наташа, я требую отъ тебя властью отца.

— Я не могу сказать, папа.

— Скажите, пожалуйста,—вспылилъ Желтугинъ,—у нея есть тайны отъ отца. Это недурно. Вотъ до чего я дожилъ! Родная дочь отказывается мнѣ повиноваться!

Николай Ильичъ хлопнулъ дверью и вышелъ.

— Что вы надѣлали?—воскликнула по уходѣ Желтугина Жюли.

— У меня вырвалось невольно,—отвѣчала Наташа.

Слезы стояли на глазахъ дѣвушки; француженка подошла къ ней и прижала ея голову къ своей груди.

Послѣ смерти Бибикова командующимъ войсками, но уже безъ чрезвычайныхъ полномочій, былъ назначенъ, по старшинству, генералъ-поручикъ князь Щербатовъ. Но на него возлагалось только завѣдываніе военною частью. Что же касается гражданскаго управленія, то оно опять передавалось въ руки казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ по принадлежности; этимъ же лицамъ поручено было веденіе слѣдственныхъ дѣлъ объ участникахъ возстанія и прикосновенныхъ къ нему. Такимъ образомъ прежде дѣйствовавшая въ Казани одна комиссія разбилась на двѣ.

Карцовъ, остававшійся по болѣзни въ городѣ и не ѣздившій съ Бибиковымъ въ Кичуевскую крѣпость, попалъ въ члены казанской слѣдственной комиссіи. Собственно говоря, руководить дѣйствіями комиссіи долженъ былъ самъ Брандтъ, но у престарѣлаго губернатора имѣлась куча всевозможныхъ хлопотъ другого рода, и потому члены комиссіи, по большей части, молодые петербургскіе офицеры, были предоставлены самимъ себѣ. Несмотря на отвращеніе императрицы къ пыткамъ, онѣ щедро примѣнялись при допросѣ обвиняемыхъ по пугачевскому дѣлу. Работала дыба; изводились кучи вѣниковъ на подпаливанье пятокъ допрашиваемыхъ, сотни палокъ и батоговъ ломались о спины подозрѣваемыхъ. Среди слѣдователей особой ревностью отличался Карцовъ, повидимому, находившій въ розыскѣ прямое удовольствіе.

Со смертью Бибикова счастье опять измѣнило правительственнымъ войскамъ. 19-го мая, самозванецъ, послѣ нѣсколькихъ мел-

кихъ стычекъ съ регулярными отрядами, овладѣлъ Троицкой крѣпостью. Комендантъ ея, бригадиръ де-Фейерваръ, вмѣстѣ съ четырьмя офицерами былъ убитъ; имущество жителей крѣпости разграблено, жена Фейервара привязана къ лошадиному хвосту и пущена на произволь судьбы; многихъ солдатъ мятежники выстроили въ шеренгу и на скаку перекололи копьями.

Извѣстіе о всѣхъ этихъ ужасахъ произвело сильное впечатлѣніе въ Казани и еще болѣе ожесточило членовъ слѣдственной комиссіи. Теперь уже рѣдко кто изъ допрашиваемыхъ сталъ выходить съ вопроса не изувѣченнымъ; большинство приговоровъ кончалось присужденіемъ къ смерти.

Однимъ тихимъ яснымъ вечеромъ Наташа, гуляя въ паркѣ, услышала быстрый топотъ лошадей нѣсколькихъ всадниковъ, скакавшихъ по направленію къ главному дому. Дѣвушка вышла на опушку и увидѣла Карцова съ конвоемъ четырехъ гусаръ. Наташа была неприятно поражена посѣщеніемъ кузена. Послѣ пощечины на балу у предводителя онъ только одинъ разъ былъ у Желтугихныхъ; теперь же внезапное появленіе, въ связи съ ролью жестокаго слѣдователя, не предвѣщало ничего добраго. Жюли раздѣлила опасенія Наташи. Обѣ дѣвушки поспѣшили въ домъ съ намѣреніемъ узнать о причинѣ пріѣзда гвардейца.

Карцовъ оставилъ конвой передъ домомъ и, какъ былъ, запыленный отъ быстрой ѣзды, со шляпой въ рукахъ, въ высокихъ ботфортахъ, безъ доклада прошелъ прямо въ кабинетъ Николая Ильича.

— А, Вася,—нѣсколько изумленно привѣтствовалъ гостя Желтугинъ,—что хорошенькаго скажешь?

— Къ сожалѣнію, ничего хорошаго сказать не могу,—отвѣчалъ гвардеецъ, здороваясь.

Безъ всякихъ приглашеній онъ расположился въ креслѣ и началъ хлыстомъ сбивать пыль съ ботфортовъ. Николаю Ильичу не понравилась такая развязность. Онъ позвонилъ и приказалъ слугѣ вытереть сапоги офицеру.

— Какія же у тебя такія неприятныя вѣсти?—продолжалъ Желтугинъ:—опять Пугачевъ нашихъ гдѣ нибудь разбилъ? Надо выбраться въ городъ?

— Хуже, дядюшка,—отвѣчалъ Карцовъ.

— Ты меня пугаешь.

— Нисколько. Я пріѣхалъ предупредить, что завтра васъ потребуютъ въ секретную комиссію.

— Меня, въ комиссію!—воскликнулъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ Николай Ильичъ:—ты шутишь?

— Нисколько. Потребуютъ именно васъ,—спокойно повторилъ Карцовъ:—собственно говоря, я не имѣю права кому бы то ни

было открывать служебныя тайны, но родственныя чувства заставили меня нарушить долгъ присяги.

— Въ чемъ же меня обвиняютъ?—спросилъ Желтугинъ:—вѣдь комиссія существуетъ для разбора пугачевскихъ дѣлъ. Меня, значитъ, считаютъ причастнымъ къ мятежу. Да, вѣдь, это же смѣшно, наконецъ. Я—русскій дворянинъ, а не разночинецъ какойнибудь.

— Шванвичъ тоже дворянинъ и офицеръ,—утѣшилъ дядю гвардеецъ,—а, вѣдь, передался же онъ на сторону самозванца.

— Ты меня сравниваешь съ Шванвичемъ!

— Я васъ ни съ кѣмъ не сравниваю, дядя, а передаю то, что есть. Вы обвиняетесь въ преступныхъ сношеніяхъ съ самозванцемъ и въ содѣйствіи къ подстрекательству къ бунту.

— Но это суцій вздоръ!

— Онъ и выяснится на допросѣ.

— На допросѣ! Меня будутъ допрашивать! Можетъ быть, для меня ты уже приготовилъ веревку покрѣпче на дыбѣ и припасъ свѣжихъ вѣнниковъ?

— Дядя, зачѣмъ вы меня оскорбляете? Я пришелъ къ вамъ, движимый лучшимъ чувствомъ, а вы...

— Ну, прости, прости, грозный судія; но кто, скажи, пожалуйста, меня обвиняетъ, и въ чемъ именно. Въ томъ, что я хотѣлъ стать пугачевскимъ атаманомъ и цѣловать у вора руку?

— Не шутите, дядя, дѣло серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Вы обвиняетесь въ томъ, что давали пріютъ у себя злоумышленникамъ конфедератамъ, хранившимъ въ вашемъ домѣ воровскіе листы и устранившимъ у васъ преступныя засѣданія. Одинъ изъ этихъ конфедератовъ схваченъ, онъ подтвердилъ, что собранія у васъ происходили, что ими руководилъ жившій въ вашемъ домѣ плѣнный капитанъ конфедератовъ Сервирогъ, съ которымъ вы находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и хлопотали даже о томъ, чтобы для большого успѣха измѣны помѣстить его въ дворянскій эскадронъ офицеромъ. Все это значитъ въ поданномъ на васъ доносѣ.

— Доносѣ?

— Да. Кромѣ того, противъ васъ выставляются еще секретные пункты.

Желтугина пришибло, какъ громомъ.

— Ну, братъ, удружилъ,—могъ только произнести онъ.

— Да, дѣло неприятное,—согласился Карцовъ,—въ вашемъ домѣ, въ Казани, только что производили обыскъ.

— И ничего не нашли,—съ живостью подхватилъ Желтугинъ.

— Это еще ничего не значитъ. Могутъ быть улики другого сорта. Кстати, вашъ камердинеръ Силантій въ послѣднее время распорядился по дому. Миѣ нужно съ нимъ поговорить.

Карцовъ самъ позвонилъ и приказалъ позвать Силантія. Силантій явился.

— Ну, ты, старый хрычъ,—грубо обратился къ нему гвардеецъ,—запри дверь, подойди сюда и отвѣчай.

— Василий Ивановичъ,—вскричалъ возмущенный этимъ обращеніемъ Желтугинъ,—я долженъ васъ предупредить, что въ моемъ домѣ вы не имѣете права распоряжаться моими людьми. Если будетъ нужно, онъ вмѣстѣ со мною дастъ отвѣтъ комиссіи, но не вамъ.

Силантій при имени комиссіи затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Я здѣсь по предложенію комиссіи,—холодно отвѣчалъ офицеръ:—я имѣю предписаніе за подписью губернатора, во избѣжаніе огласки, допросить васъ на дому.

— Такъ это допросъ?

— Да, допросъ.

— А вы сказали вначалѣ...

— Изъ жалости къ вамъ я хотѣлъ смягчить непріятность и подготовить васъ къ ней.

— И ко мнѣ никого не могли послать старше васъ?

— Этого я не знаю. Вотъ предписаніе.

— Но это произволь. Завтра же я ѣду въ Петербургъ и буду жаловаться самой государынѣ.

— Вы не уѣдете отсюда,—спокойно возразилъ Карцовъ.

— Это почему?—воскликнулъ Желтугинъ:—вы мнѣ запретите?

— Не я запрещу, а комиссія уже запретила. По постановленію комиссіи, вы обязываетесь не выѣзжать изъ вашего имѣнія впредь до особаго распоряженія.

— Этого еще недоставало!

Желтугинъ упалъ въ кресло. Карцовъ присѣлъ на кончикъ стула къ столу и вынулъ изъ бокового кармана листъ бумаги.

— Итакъ, Николай Ильичъ,—началъ онъ, беря перо въ руки,—что вы знаете по этому дѣлу?

— Я ничего не знаю,—твердо отвѣчалъ Желтугинъ,—и вамъ ничего не буду говорить.

— Такъ и запишемъ.

— А ты, Силантій, что знаешь о собраніяхъ бунтовщиковъ въ вашемъ казанскомъ домѣ?

— Ничего не знаю, сударь.

— А что тебѣ говорилъ старикъ сторожъ?

— Ничего не говорилъ.

— А ты по отъѣздѣ графа осматривалъ домъ?

— Осматривалъ, сударь.

— И ничего не нашелъ?

— Ничего, сударь.

— И къ тебѣ никто не приходилъ послѣ отъѣзда поляка?

— Приходили, спрашивали, только я всѣмъ говорилъ, что графъ отъ насъ совсѣмъ выѣхали.

— А куда?

— Такъ что собирались они въ Козьмодемьянскъ, а куда поѣхали — не знаю.

— Хорошо, ты поѣдешь со мной въ Казань.

— Слушаюсь. Только хотъ вы меня въ огнѣ жгите, а я этихъ дѣловъ совѣмъ не знаю.

— Ладно, мы поговоримъ, а покуда можешь итти за дверь.

За дверями Силантій нечаянно наткнулся на Наташу и Жюли. Обѣ дѣвушки были блѣдны. Онѣ хотѣли спрятаться за портьеру, но не успѣли.

— Бѣда, барышни,—прошепталъ Силантій,—пришла наша гибель.

— Такъ вотъ для чего я хлопоталъ о вашемъ прикомандированіи къ главнокомандующему,—обратился Желтугинъ къ Карцову послѣ ухода Силантія,—такъ-то вы мнѣ платите за мое добро.

— Да, я вамъ плачу добромъ за добро,—отвѣчалъ гвардеецъ:—если бы не я, васъ бы прямо вытребовали въ комиссію, и вы бы натерпѣлись сраму. Я настоялъ, чтобы дѣло велось келейно. Я не знаю, въ чемъ вы виновны, но я долженъ сказать, что противъ васъ предубѣждены. Вы распустили своихъ мужиковъ и дворовыхъ, вы якшались съ врагомъ отечества и всячески его пригрѣвали. Не даромъ Брандтъ прямо о васъ отзывался такимъ образомъ: «Желтугинъ вольтерьянецъ, отъ него можно ожидать всего».

— Твой Брандтъ — дуракъ.

Карцовъ пожалъ плечами.

— Между прочимъ, вы не знаете, гдѣ теперь Сервиругъ?

— Онъ долженъ быть въ Козьмодемьянскѣ.

— Его тамъ нѣтъ. Я имѣю приказаніе арестовать его, гдѣ бы онъ ни находился.

— Тогда не знаю.

— Хорошо, дядя, давайте теперь говорить серіозно. Вы видите, что въ настоящее время многое зависитъ отъ меня.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вотъ что. Вы знаете, я люблю Наташу, отдайте ее за меня, и, клянусь вамъ, отъ всѣхъ этихъ обвиненій не останется слѣда. Я сумѣю это сдѣлать; будь вы виновны или нѣтъ, для меня все равно. Слѣдствіе пойдетъ такъ, какъ я его направлю. Вы согласны?

Желтугинъ смотрѣлъ на племянника во всѣ глаза.

— И вы думаете то, что говорите,—наконецъ промолвилъ онъ.—Вы хотите насильно заставить меня выдать за васъ дочь, прибѣгая къ такому средству! Да будь я проклятъ, если бы я согласился на это. Теперь наконецъ я разгадалъ васъ. Вотъ на что вы способны. Богъ открылъ мнѣ глаза. Пусть будетъ, что будетъ. Со мной шутокъ я шутить не позволю. Я извѣстенъ самой импе-

ратрицѣ. Сударь, исполняйте ваши обязанности, но не ведите со мной партикулярныхъ разговоровъ.

— Не раскайтесь впоследствии въ отказѣ говорить со мною,— замѣтилъ Карцовъ.

— Не раскайтесь вы сами, сударь, въ той игрѣ, которую вы затѣяли со мною,—съ достоинствомъ отозвался Желтугинъ.

— Итакъ, прощайте, вашего Силантія я беру съ собой, а вза-мѣнъ его оставляю своихъ двухъ гусаръ.

— Будьте здоровы.

— Помните, что я желалъ вамъ добра.

— Ваше добро стоитъ много зла,—не поддался Николай Ильичъ. Карцовъ вышелъ. Наташа открыла дверь и бросилась на шею отцу.

— Я все слышала, папа,—воскликнула она:—спасибо тебѣ, спасибо... Если бы ты зналъ, какъ я его ненавижу.

Вслѣдъ за Наташей пришла и Жюли.

— Да, mesdames,—началъ Желтугинъ, глядя дочь по воло-самъ:—а дѣла наши, все-таки, неважны.

Онъ понизилъ голосъ.

— Вы сносились съ Сервидагомъ. Теперь его надо предупредить, что его ищутъ. Если онъ попадется въ руки Карцову, ему не сдобровать, хотя бы онъ былъ тысячу разъ невиновенъ. Какъ вы сообщили графу о томъ, что у него найденъ былъ свертокъ? Говорите скорѣй, теперь каждая минута дорога. Наши интересы теперь связаны съ интересами Сервидаго.

Дѣвушки переглянулись и молчали. Николай Ильичъ, однако, поймалъ ихъ взгляды.

— Вы мнѣ не довѣряете, я вижу,—усмѣхнулся онъ:—Наташа усомнилась въ своемъ отцѣ. Спасибо!..

— Нѣтъ, папа, я не усомнилась,—горячо откликнулась дѣвушка:—я знаю, что отецъ мой не способенъ на ложь или обманъ. Мы съ Жюли ходили на ту квартиру, куда отъ насъ пере-ѣхалъ графъ. Тамъ у хозяина есть большая мать старуха; мы навѣщали ее, а хозяинъ имѣетъ извѣстія о графѣ. Вотъ и все.

— Хорошо, необходимо, чтобы этотъ хозяинъ, при первой возможности, извѣстилъ Бронислава Юліановича о грозящей ему опасности. Но какъ это сдѣлать? Карцовъ теперь слѣдитъ за нами. Онъ, Богъ знаетъ, на что можетъ рѣшиться.

— М-г,—отозвалась на эти слова французенка,—я исполню ваше порученіе. Вы не беспокойтесь, а меня Карцовъ тронуть не посмѣетъ, я не русская подданная, и благородное его удержать отъ насилія надо мною.

Николай Ильичъ поцѣловалъ Жюли въ лобъ. Немедленно для французенки была заложена коляска, но ѣхать ей не пришлось. Гусары рѣшительнымъ образомъ воспротивились тому, чтобы кто

нибудь изъ желтугинской семьи выѣзжалъ въ городъ или куда бы то ни было.

— Не велѣно,—говорили они на всѣ обращенныя къ нимъ увѣщанія.

Глухой гнѣвъ закипѣлъ въ груди Желтугина, когда ему доложили объ упорствѣ гусаръ. Но дѣлать нечего; пришлось покориться. Ночь Желтугинины провели почти безъ сна. Николай Ильичъ писалъ письма въ Петербургъ. Наташа сидѣла въ креслѣ и смотрѣла передъ собою. Вечеромъ она долго бесѣдовала съ Жюли, но теперь все уже было переговорено. Приходилось ждать будущихъ событій. Француженка удивлялась, глядя на Наташу. Дѣвушка точно переродилась за послѣднее время. Прежняя безпечность и веселость покинули ее. Желтугина стала почти угрюмой. Краска сбѣжала съ лица, глаза запали, брови сдвигались все чаще и чаще. Было видно, что Наташа многое чувствовала и переживала.

XIII.

На слѣдующій день Николая Ильича въ комиссію, сверхъ ожиданія, не потребовали, но зато для караула Карцовъ прислалъ изъ Казани еще четырехъ конныхъ чувашей. На дворѣ желтугинскаго дома образовался въ пѣкоторомъ родѣ бивакъ. Ходили, звеня уздечками, осѣдланые кони, варили себѣ конину чувашаи, гусары, лежа на плацахъ, рѣзались въ кости. Дворнѣ запрещено было показываться на этотъ бивакъ, а въ первый день поглазѣтъ на чувашей и гусаръ набралось множество народу.

День проходилъ за днемъ. Николай Ильичъ началъ терять терпѣніе. Барская семья была арестована, а дворня и мужики спокойно ходили въ городъ и приносили оттуда тревожныя вѣсти. Казанскій край опять начиналъ волноваться. Единичные успѣхи полковника Михельсона не могли остановить народнаго движенія и увеличія пугачевскихъ скопищъ. Башкиры безчинствовали уже у пригорода Казани—Осы. Главнокомандующій князь Щербатовъ сидѣлъ вдали отъ дѣйствительнаго театра военныхъ дѣйствій въ Оренбургѣ и потому не могъ руководить дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ, начальники которыхъ ссорились другъ съ другомъ и вмѣсто помощи нерѣдко выказывали зависть и ставили препятствія одинъ другому. А Пугачевъ между тѣмъ неустанно шелъ впередъ и грозилъ самой Казани.

Наступилъ іюнь. Силантій не возвращался. Николай Ильичъ началъ окончательно терять терпѣніе. Въ бесѣдахъ съ Наташей и Жюли онъ выражалъ опасеніе, какъ бы Силантій не проговорился про найденные въ чуланѣ листы, но пока о старикѣ не было никакихъ извѣстій. Положеніе помѣщиковъ въ деревняхъ между тѣмъ,

какъ и до прїѣзда Бибикова, становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. Наконецъ, Желтугинъ рѣшилъ послать въ городъ племянника Силантія, форейтора Гришку, къ губернатору за разрѣшеніемъ прїѣхать въ Казань объясниться. Этотъ форейторъ Гришка служилъ теперь средствомъ постоянного сообщенія Желтугиныхъ съ городомъ; черезъ него получались всѣ послѣднія новости, которыя племянникъ Силантія во множествѣ собиралъ на базарѣ и въ трактирахъ.

На письмо Николая Ильича Брандтъ отвѣтилъ, что будетъ очень радъ видѣть его у себя. Гусары не осмѣлились противиться губернаторскому разрѣшенію. Желтугинъ поѣхалъ.

Онъ нашелъ Брандта въ удрученномъ состояніи. Среди постоянныхъ тревогъ, заботъ и всяческаго душевнаго напряженія старикъ за это время ослабѣлъ окончательно; голова и руки его начали трястись, воспаленные глаза подолгу останавливались на одной точкѣ. Николай Ильича губернаторъ принялъ очень любезно въ томъ же самомъ кабинетѣ, какъ и въ первый разъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

— Что васъ такъ долго не было видно въ городѣ?—привѣтливо встрѣтилъ Желтугина старый генералъ.

Николай Ильичъ сперва былъ нѣсколько озадаченъ, но потомъ вспомнилъ объ увеличивавшейся забывчивости старика и рѣшилъ ему напомнить о своей непріятности.

— Я, ваше превосходительство,—отвѣчалъ онъ,—находился все время подъ домашнимъ арестомъ, почему и просилъ разрѣшенія повидать васъ.

— Подъ арестомъ,—повторилъ Брандтъ,—но почему подъ арестомъ? А я думалъ, что вы опять желаете поговорить со мной о Пугачевѣ. Не стану скрывать, положеніе опасноѣе. Гораздо болѣе опасноѣе, чѣмъ было тогда. Средствъ защиты у насъ почти нѣтъ, подкрѣпленія не идутъ, а злодѣи надвигается. Вся надежда на Михельсона и Голицына. Башкиры хозяйничаютъ у Осы...

Губернаторъ замолчалъ и опустилъ голову. Желтугинъ недоумѣвалъ. Брандтъ не зналъ о томъ, что онъ находится подъ арестомъ. Старикъ могъ сразу не вспомнить объ этомъ обстоятельствѣ, но Николай Ильичъ указывалъ ему на него. Не касаясь далѣе этого вопроса, Желтугинъ продолжалъ вопросительно:

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, намъ, помѣщикамъ, безъ опасеній нельзя долѣе оставаться въ своихъ деревняхъ.

— Нельзя, нельзя,—подтвердилъ Брандтъ,—я уже всѣмъ, кого видѣлъ, говорилъ, чтобы уѣзжали въ Москву, или перебирались въ Казань, за городомъ я ни за что не отвѣчаю. Дай Богъ мнѣ уберечь городъ.

— Значитъ, вы ничего не имѣете противъ моего отъѣзда?

— Что же я могу имѣть? Пожалуйста, поѣзжайте.

— И если я поѣду въ Петербургъ?

— Тогда скажите тамъ, что вы здѣсь видѣли, въ какомъ положеніи нахожусь я. Сюда ѣдетъ Потемкинъ, но, когда онъ будетъ, неизвѣстно.

— Какой Потемкинъ? Зачѣмъ?

— А развѣ вы не слыхали? Павелъ Сергѣевичъ, троюродный братъ Григорія Александровича. Онъ теперь важная персона. Его назначили стоять во главѣ секретной комиссіи. Ему и я сдамъ дѣла и Рейнсдорпъ.

— Такъ вы соблаговолите дать мнѣ письменное удостовѣреніе, что къ выѣзду моему препятствій не встрѣчаете,—настаивалъ Николай Ильичъ.

— Зачѣмъ удостовѣреніе? — пожалъ плечами Брандтъ:—поѣжайте съ Богомъ.

— Да, вѣдь я, ваше превосходительство, по вашему распоряженію нахожусь подъ домашнимъ арестомъ. Меня стерегутъ гусары.

— По моему распоряженію... гусары... повторилъ съ недоумѣніемъ губернаторъ.

Старикъ потеръ лобъ.

— Тутъ что-то не такъ,—отвѣчалъ онъ:—развѣ я отдавалъ приказаніе васъ арестовывать? Карлъ Ивановичъ, пожалуйста сюда.

Вошелъ секретарь губернатора, добродушный, подслѣповатый, но исполнительный нѣмецъ.

— Карлъ Ивановичъ,—обратился къ нему губернаторъ,—развѣ у насъ было мое приказаніе арестовать домашнимъ арестомъ его превосходительство?

Николай Ильичъ былъ въ чинѣ статскаго совѣтника, но въ провинціи его часто въ общежитіи повышали чиномъ.

— Никакъ нѣтъ,—отрапортовалъ секретарь,—отъ насъ приказанія не было, но состоялось постановленіе секретной комиссіи. На ихъ превосходительство и на жившаго у нихъ польскаго графа поступилъ доносъ.

— Ага, ну, я такъ и думалъ,—отозвался Брандтъ,—я тутъ не причемъ. Я (обратился генераль къ Желтугину) долженъ вамъ сказать, почти никогда не бываю въ комиссіи. Времени нѣтъ. Но тамъ и безъ меня хорошо справляются... А въ какомъ положеніи дѣло по доносу на ихъ превосходительство?

— Допрашивали завѣдывавшаго домомъ камердинера.

— И что же онъ?

— Говорить, что оболгали.

— Ну, конечно. Сколько нынче доносовъ поступаетъ, такъ это только одинъ Богъ знаетъ.

— Кромѣ того, былъ оговоръ со стороны одного скваченнаго поляка, ваше превосходительство,—замѣтилъ секретарь.

«истор. вѣстн.», май, 1904 г., т. хсѳі.

6

— Но вѣдь этотъ оговоръ тоже вздоръ,—обратился къ Желтугину губернаторъ,—вы были въ дружбѣ съ тѣмъ графомъ конфедератомъ. То-есть вы оказывали ему покровительство. Но развѣ въ чужую душу влѣзешь? А онъ такой воспитанный, обходительный молодой человѣкъ, я его хорошо помню. За него и Каницъ всегда горой стоялъ. Одно время онъ даже училъ гимназистовъ французскому языку...

— А Сервирогъ схваченъ?—спросилъ кстати Николай Ильичъ.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ секретарь,—онъ скрылся, неизвѣстно куда, но его ищутъ...

— Такъ поѣзжайте,—закончилъ разговоръ губернаторъ,—душевно радъ былъ васъ видѣть.

Старикъ крѣпко пожалъ Желтугину руку. Николай Ильичъ, прощаясь, попросилъ дать письменный пропускъ, приказъ снять гусарскій караулъ и выпустить Силантія.

— Пожалуйста, пожалуйста,—на всѣ эти просьбы отвѣчалъ Брандтъ.

— Простите за причиненное безпокойство,—добавилъ онъ на прощанье,—разъ былъ доносъ и оговоръ, на нашей обязанности лежало принять мѣры. Теперь обязанность исполнена. Я съ перваго раза былъ увѣренъ, что все это сущій вздоръ. А въ комиссіи мнѣ лично бывать трудно: некогда и не до того. У меня зато есть тамъ дѣльный помощникъ. Да вы его знаете, это—вашъ родственникъ, поручикъ Карцовъ. Прекрасный офицеръ. Очевидно, это онъ обо всемъ распорядился, чтобы шума не дѣлать. О, онъ очень дѣльный, умный молодой человѣкъ. Если что нибудь вамъ будетъ нужно, вы прямо къ нему, отъ моего имени... Прекрасный молодой человѣкъ. Вы о немъ когда-то хлопотали и недаромъ, горячь только очень; все ему хочется, чтобы живо, живо. Ну, да молодъ, оно понятно. А за него вы, ваше превосходительство, не опасайтесь, онъ пойдетъ, и далеко пойдетъ. Я его буду рекомендовать Потемкину.

Губернаторъ, расхваливая Карцова, былъ увѣренъ, что онъ говоритъ Желтугину пріятное, но Николай Ильичъ плохо слушалъ генерала. Ему хотѣлось скорѣе ѣхать домой, взять Силантія и обрадовать Наташу хорошими вѣстями, Силантія привели блѣднаго, искудовашаго, измученнаго. Войдя въ губернаторскую пріемную, старикъ прямо повалился въ ноги своему барину. Желтугинъ чуть не заплакалъ отъ жалости при взглядѣ на стараго слугу. Онъ поднялъ и поцѣловалъ Силантія, и даже посадилъ къ себѣ въ карету.

Дорогой Силантіиъ рассказалъ Николаю Ильичу всѣ ужасы, которые происходили въ комиссіи и особенно про допросы, производимые Карцовымъ. Силантія били батогами, но до дыбы и вѣниковъ дѣло не дошло. Императрица была увѣдомлена о жестоко-

стяхъ казанскаго и оренбургскаго розыска и строго запретила примѣнять пытку въ этихъ ся видахъ.

— Щенокъ,—шепталъ въ негодованіи Желтугинъ, слушая рассказъ камердинера,—негодяй, мучитель, и онъ осмѣлился поднять свою грязную руку на меня, онъ осмѣлился дурачить меня вмѣстѣ съ дуракомъ Брандтомъ, онъ силою хотѣлъ вымучить у меня дочь родную...

Николай Ильичъ мысленно тысячу разъ отрекался отъ всякаго родства съ Карцовымъ и, будучи въ Петербургѣ, намѣревался всемъ рассказать о поведеніи племянника. Жаловаться на него Желтугинъ не желалъ, чтобы не придавать дѣлу съ доносомъ излишней огласки, но простить Карцова также не могъ.

Пока Николай Ильичъ бесѣдовалъ съ губернаторомъ, въ городъ отправилась и Наташа съ Жюли; онѣ хотѣли навѣстить больную мать хозяина бывшей квартиры Сервироса, но отставной дьячекъ покинулъ свой домъ и скрылся, неизвѣстно куда. Дѣвушки вернулись домой ранѣе Николая Ильича и вышли его встрѣчать на дорогу.

Желтугинъ рассказалъ по порядку о своемъ свиданіи съ Брандтомъ, о похвалахъ, расточаемыхъ старымъ генераломъ молодому поручику, о страданіяхъ Силантія. Наташа со слезами на глазахъ въ свою очередь поцѣловала стараго слугу, а Николай Ильичъ объявилъ его своимъ самымъ довѣреннымъ человѣкомъ и поручилъ завѣдыванье всеми хозяйственными дѣлами. Было рѣшено, что Желтугины поѣдутъ въ Петербургъ не позже, какъ черезъ недѣлю. Послѣ всего пережитаго оставаться здѣсь было тяжело; кромѣ того, опасность грозила и отъ Пугачева и отъ происковъ ревностнѣйшаго члена секретной комиссіи. За хозяина долженъ былъ остаться Силантій.

XIV.

Отъѣздъ Желтугиныхъ, однако, замедлился. Готовился цѣлый обозъ съ вещами, необходимыми въ дорогѣ и на мѣстѣ новаго пребыванія; набирался и вооружался изъ дворовыхъ конвой. Вѣсти между тѣмъ приходили одна другой тревожнѣе.

Башкиры продолжали осаду Осы. Расположенный на Камѣ, этотъ городокъ находился на главномъ Казанскомъ трактѣ, и въ случаѣ взятія его мятежниками Пугачеву открывался прямой и свободный путь на Казань. Понимая эти условія, Брандтъ по совѣщанію съ другими офицерами рѣшилъ собрать послѣднія силы и послалъ на помощь Осѣ небольшой отрядъ подъ начальствомъ майора Скрипицина. Присоединивъ къ себѣ по дорогѣ два-три другихъ маленькихъ отряда, Скрипицинъ 18 іюня подошелъ къ Осѣ, но тамъ встрѣтилъ уже не однихъ башкиръ, а самого Пугачева.

Сперва майоръ хотѣлъ защищаться, но потомъ дезертирство, неудачныя стычки съ непріятелемъ и получившійся отсюда упадокъ духа солдатъ заставили его подумать о сдачѣ. Сдаваясь, Скрипицинъ тайлъ планъ увѣдомить казанскаго губернатора объ угрожающей опасности и при столкновеніи правительственныхъ войскъ съ мятежниками ударить на нихъ со своими солдатами. Замыселъ этотъ, однако, былъ открытъ Пугачеву принимавшимъ участіе въ тайныхъ совѣщаніяхъ Скрипицина съ офицерами своего отряда подпоручикомъ Минеевымъ. Скрипицинъ съ главнымъ сообщникомъ своимъ Смирновымъ были немедленно повѣшены, а Минеевъ возведенъ въ званіе полковника и приближенъ къ Пугачеву.

Паденіе Осы и смерть Скрипицина поразили казанцевъ, какъ громомъ. Сомнѣній больше не оставалось. Пугачевъ шелъ на Казань, и дорога къ главному городу края была для него свободна.

Брандтъ напрягъ всѣ усилія, чтобы изыскать средства защиты, но ихъ было очень мало. За разсылкой въ разные отряды гарнизонныхъ баталіоновъ въ Казани не оставалось ни одной правильно организованной строевой части, которую можно было бы выслать противъ бунтовщиковъ. Въ городѣ и тюремномъ острогѣ караулы содержались четырьмя сотнями солдатъ, оставшихся отъ полковъ, но и эти сотни состояли почти исключительно изъ рекрутъ и едва оправившихся больныхъ. По возможности собраны были и всякія другія команды; въ устьѣ Камы соорудили пловучую батарею; всѣ спускавшіяся по Камѣ суда приказано было подвергать строгому осмотру, чтобы передовые мятежники не прокрались какъ нибудь по рѣкѣ тайкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ отправилъ нарочныхъ въ отряды Михельсона, Голицина и другихъ начальниковъ съ настойчивою просьбою немедленно спѣшить на выручку Казанской губерніи, а между тѣмъ шайки бѣглыхъ крестьянъ и рабочихъ по временамъ появлялись у самой Казани.

Люди переживали тягостныя минуты, а лѣтніе дни, какъ нарочно, сіяли красотою и говорили о спокойствіи и счастіи.

Послѣднія событія заставили Желтугиныхъ торопиться съ отъѣздомъ. Уже нѣсколько повозокъ стояли увязанными на дворѣ; было приготовлено два дормеза. Немножко оттягивала отъѣздъ Наташа со своими сборами, она все надѣялась что нибудь услышать о Сервирогѣ. Не совсѣмъ окончилъ денежныя дѣла и Николай Ильичъ.

Однимъ тихимъ яснымъ вечеромъ Наташа вышла въ садъ. За послѣднее время она еще ближе сошлась съ Жюли и проводила въ бесѣдахъ съ французенкой цѣлые дни; но по временамъ Желтугина чувствовала потребность остаться одной и предаться собственнымъ мыслямъ, Наташа теперь уже разобралась въ своихъ отношеніяхъ къ Сервирогу. Она сознала, что конфедератъ вну-

шилъ ей сильное чувство. Она думала о немъ каждую минуту, видѣла его передъ собою, вспоминала его рѣчи, терзалась неизвѣстностью въ отношеніи настоящаго и будущаго молодого поляка. Нѣсколько разъ дѣвушка просыпалась среди ужасныхъ сновидѣній, ей чудилось, что Сервиругъ уже схваченъ Карцовымъ и корчится на пыткѣ. Несмотря на всю опасность положенія, Наташѣ не хотѣлось покидать Казани. Въ Петербургѣ она уже ничего не могла знать о судьбѣ Сервируга, и это обстоятельство ее ужасало. Здѣсь можно было спросить Брандта, отсюда можно было писать въ столицу, указывая на неправильность дѣйствій слѣдственной комиссіи, словомъ, не уѣзжая, можно было хлопотать о конфедератѣ, а съ отѣздомъ возможность эта исчезала.

Наташа шла по дорожкѣ, и сердце ея сжималось съ мучительною болью.

Уже давно стемнѣло. На далекомъ голубомъ прозрачномъ небѣ затеплились крохотныя звѣздочки, полоса вечерней зари еще золотилась и просвѣчивала сквозь чащу свѣжихъ яркозеленыхъ деревьевъ. Отъ прудовъ уже начиналъ подыматься легкій паръ. Прохлада наступающей ночи была напоена душистымъ дыханіемъ зацвѣтавшихъ лицъ. Наташа зашла въ самую глубь парка къ той круглой каменной бесѣдкѣ, гдѣ она осенью въ первый разъ осталась наединѣ съ Сервиругомъ. Дѣвушка хотѣла подняться по ступенькамъ, но въ это время какой-то шорохъ въ кустахъ заставилъ ее взглянуть въ сторону. Сбоку дорожки стоялъ мужчина.

Наташа вскрикнула и хотѣла бѣжать, но неизвѣстный снялъ шляпу и загородилъ дорогу.

— Не бойтесь, Наталья Николаевна, зла вамъ не сдѣлаютъ... Это я... Вы меня не узнаете?

Звуки знакомаго голоса остановили дѣвушку; въ полутьмѣ она взглянула въ неизвѣстнаго и вдругъ тихо, но радостно воскликнула:

— Это вы, графъ, какъ вы очутились здѣсь?

— Да, это я, меня трудно узнать, не правда ли?

Сервируга узнать было дѣйствительно трудно. Отпущенные было черные польскіе усы были сбриты, фризловая шинель, собственные волосы безъ пудры, заплетенные въ косичку, неуклюжіе треухъ придавали конфедерату видъ не то попавича, не то мелкаго приказнаго.

— Но какъ вы не боитесь ходить здѣсь, васъ ищутъ,—поспѣшно заговорила Наташа, — вы погибнете, если попадете къ Карцову...

— Не беспокойтесь, я знаю, что меня ищутъ, знаю, въ чемъ обвиняютъ, но имъ меня не поймать. Поговоримъ о другомъ.

Конфедератъ взялъ дѣвушку за руку.

— Я весь изстрадался, не видя васъ,—началъ онъ,—а вы меня не забывали?

— Я...—могла только вымолвить Наташа.

Молодые люди вошли въ бесѣдку. Сервиругъ опустился передъ Наташей на колѣни, а она обѣими руками обняла его голову.

— Ну, что, гдѣ ты былъ, почему не было отъ тебя вѣстей?— торопливо говорила Наташа, когда конфедератъ сѣлъ рядомъ съ ней и крѣпко обнялъ ея станъ.

Наскоро Сервиругъ сообщилъ, что онъ никуда не уѣзжалъ изъ Казани. Онъ не могъ бросить на произволъ судьбы любимое существо и потому рѣшилъ остаться, чтобы имѣть возможность быть полезнымъ въ крайнюю минуту. Дьячекъ, хозяинъ его квартиры, былъ съ нимъ въ уговорѣ. Конфедератъ нѣсколько разъ видѣлъ Наташу въ городѣ и два вечера подъ рядъ бродилъ около усадьбы Желтугиныхъ въ надеждѣ встрѣтить дѣвушку одну. На время только онъ отлучался въ Арзамасъ, гдѣ выправилъ себѣ за деньги документы на званіе бывшаго протоколиста воеводской канцеляріи, затѣмъ снова вернулся въ Казань.

— А твои земляки, они тебя могутъ узнать,—съ испугомъ замѣтила Наташа.

— Моихъ земляковъ почти уже нѣтъ въ Казани,—отвѣчалъ Сервиругъ,—большинство уѣхало на родину, остался мой другъ Млынарскій, но онъ раздѣляетъ мою судьбу, и теперь даже стоитъ на опушкѣ парка и свисткомъ предупредить меня объ опасности...

— А кто же доносъ на тебя сдѣлалъ?—продолжала свои разспросы Желтугина:—кто подбросилъ пугачевскіе листы?

— Не знаю. Или Карцовъ послалъ кого нибудь, или мой врагъ конфедератъ Лешко?

Сервиругъ рассказалъ Наташѣ о своей размолвкѣ съ товарищами, о своемъ отказѣ содѣйствовать имъ въ ихъ замыслахъ противъ Россіи.

— Да, они могутъ бранить меня,—закончилъ свою рѣчь полякъ,—я измѣнилъ имъ, я измѣнилъ своему слову ради личнаго чувства. И я былъ наказанъ за это, и былъ вознагражденъ,—спохватился Сервиругъ:—взамѣнъ одного я получилъ другое.

Конфедератъ покрылъ поцѣлуями лицо и руки Наташи.

— Теперь мнѣ нѣтъ пока возможности вернуться на родину,—продолжалъ онъ.—Мой отказъ въ помощи товарищамъ, мой поступокъ съ пугачевскими листами уже извѣстны тамъ. Надо время, чтобы все это сгладилось и забылось. А товарищи мнѣ будутъ мстить. Не даромъ схваченный Карцовымъ оговорилъ меня вмѣстѣ съ доносомъ. Но мнѣ все равно, я счастливъ теперь, счастливъ этой минутой. Да, кстати,—вспомнилъ конфедератъ,—вы когда ѣдете?

— Мы собирались дня черезъ два или черезъ три.

— Поѣзжайте завтра. Возможно, что черезъ два или три дня уже будетъ поздно. Пугачевъ уже взялъ Ижевской заводъ и идетъ

на Мамадыши. Теперь бы я послѣдовалъ за вами, насъ двое, и вамъ будетъ защита въ дорогѣ. Вѣдь конвоя вамъ Брандтъ не дастъ. Нельзя ли мнѣ повидать Николая Ильича? Онъ не спитъ еще?

— Ахъ, нѣтъ, съ нимъ говорить не надо,—отозвалась Наташа:— намъ это можетъ повредить. И я не хочу, чтобы онъ зналъ о нашемъ свиданіи.

— Такъ какъ же быть, вы должны ѣхать завтра, иначе будетъ поздно.

Наташа задумалась.

— А вотъ что,—предложилъ конфедератъ:—я напишу записку и завтра рано пришлю ее изъ города.

— Но отъ чьего имени?

— Безъ имени. Пусть Николай Ильичъ думаетъ, какъ знаетъ. А въ запискѣ изложу, какая опасность грозитъ вамъ, если вы не уѣдете тотчасъ же.

— Но папа не повѣритъ, и, кромѣ того, онъ знаетъ твой почеркъ.

— Я его измѣню, а ты, во что бы то ни стало, настаивай на отъѣздѣ. Въ дорогѣ я какъ бы случайно присоединюсь къ вамъ, и потомъ до Петербурга мы будемъ все время вмѣстѣ. А въ столицѣ у меня найдутся и друзья, и знакомые. Кромѣ того, императрица покровительствуетъ полякамъ. А потомъ я реабилитирую себя, и ты будешь моей навѣки, мы поѣдемъ ко мнѣ на родину; я покажу тебѣ нашъ замокъ. Онъ въ предѣльномъ мѣстѣ надъ Вислой, надъ нашей старой польской рѣкой; потомъ мы поѣдемъ во Францію, въ Парижъ.

— А папа, а Жюли?—по-дѣтски спросила Наташа, внимательно слушая мечты собесѣдника,

— Они тоже будутъ вмѣстѣ съ нами,—отвѣчалъ конфедератъ,— для Николая Ильича Парижъ — вторая родина.

Наступила глубокая ночь. Стало совсѣмъ темно. Слышалось только кваканье лягушекъ и крикъ коростелей на лугу.

— Постой,—встрепенулась Наташа, какъ будто бы кто-то зоветъ меня.

Дѣйствительно, до бесѣдовавшихъ ясно долетѣли возгласы: «Natalie, Natalie, гдѣ вы!»

-- Это Жюли меня ищетъ, прощай, береги себя.

Наташа наскоро поцѣловала молодого человѣка, перекрестила и оттолкнула отъ себя. Сервилогъ скрылся въ кустахъ, а Желтугина пошла навстрѣчу французенкѣ.

— Ахъ, ma chérie, вы еще гуляете,—укоризненно замѣтила Жюли,—теперь такъ сыро и поздно. Еще чтонибудь случится съ вами.

— Благодарю васъ, что же можетъ случиться,—отвѣчала Наташа.

Жюли обняла ее.

— Но что съ вами?—продолжала она:—ваши руки холодны, какъ ледъ, а лицо пылаетъ и сердце такъ сильно бьется. Признайтесь, ужъ не видѣли ли вы его?

Наташа молчала.

— Natalie, вы меня обижаете своей скрытностью, вы знаете, я вашъ искренній и преданный другъ. Вѣдь, мнѣ ваши тайны и такъ извѣстны.

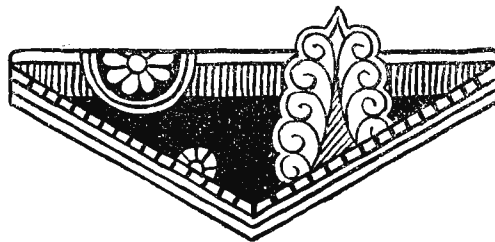
Сердце Наташи и безъ того было уже переполнено. Ей самой хотѣлось подѣлиться счастьемъ сегодняшней встрѣчи и планами на будущее. Послѣднiе французенка приняла съ восторгомъ. Въ-стѣ съ тѣмъ, она выразила удивленiе преданности и настойчивости Сервиорога.

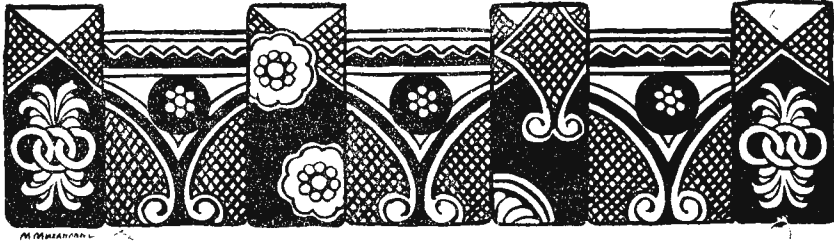
— Такихъ людей теперь уже мало,—воскликнула Жюли въ комнатѣ Наташи:—это настоящiй рыцарь старыхъ временъ. О, съ нимъ вы будете счастливы, моя дорогая. А какъ мы будемъ веселиться въ Парижѣ!

Наташа, оставшись одна, не могла заснуть почти до разсвѣта. Свиданiе съ Сервиорогомъ глубоко взволновало все ея существо. Ей хотѣлось, чтобы скорѣй наступалъ день, и чтобы скорѣе отправиться въ дорогу на новую жизнь и новое счастье.

В. Грибовскій.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВА ВЫСОЧАЙШИХЪ ПОСѢЩЕНІЯ.

ПОКОЙНЫЙ заслуженный профессоръ Московскаго университета, тайный совѣтникъ Модестъ Яковлевичъ Киттары, въ послѣдніе годы своей разносторонней дѣятельности, занималъ постъ предсѣдателя техническаго комитета при созданномъ съ его непосредственнымъ и ближайшимъ участіемъ главнымъ интендантскомъ управленіи военнаго министерства. По роду своей службы, Модестъ Яковлевичъ бывалъ почти на всѣхъ выставкахъ, устраивавшихся въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, главнымъ организаторомъ и предсѣдателемъ военныхъ отдѣловъ. Среди бумагъ, сохранившихся послѣ его кончины въ нашемъ семейномъ архивѣ, я нашелъ замѣтки, относящіяся къ посѣщеніямъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года и Московской политехнической 1872 года.

Мануфактурная выставка была осчастливлена высочайшимъ посѣщеніемъ 24-го апрѣля 1870 года. Въ первомъ часу дня, въ ожиданіи государя, туда прибыли ихъ императорскія высочества, великій князь Константинъ Николаевичъ, съ августѣйшимъ сыномъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ и принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, и нѣсколько позднеѣ,—наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, нынѣ въ Бовѣ почивающій императоръ Александръ III.

Въ 2 часа 40 минутъ, прибыли ихъ величества государь императоръ и государыня императрица, и парчевой линіей прошли на

интендантскій дворъ, гдѣ были встрѣчены Модестомъ Яковлеви-
чемъ, который и повелъ высокихъ гостей далѣе по отдѣламъ воен-
наго министерства.

Первое вниманіе государя обратили на себя манекены Орлова.

— Чьи?—спросилъ государь.

Модестъ Яковлевичъ объяснилъ. Перешли къ машинамъ, гдѣ
остановились около мѣровѣсной.

— Заграничная или русская?—спросилъ государь.

— Русская, ученаго мастера Совѣткина.

— Много ли такихъ въ Россіи?

— Во всѣхъ интендантскихъ складахъ введены.

— Всѣ Совѣткина?

— Большая часть, ваше величество.

Военный министръ Д. А. Милютинъ обратилъ вниманіе госу-
даря на вооруженіе казаковъ; въ прямомъ углу отъ машины, на
особомъ столѣ, лежали кинжалы и прочее. Государь вынулъ кин-
жалъ, осмотрѣлъ и что-то спросилъ у стоявшаго тутъ казацкаго
полковника.

Далѣе вниманіе государя привлекла машинка для навивки бин-
товъ.

— Это что за машина?—спросилъ его величество.

Модестъ Яковлевичъ объяснилъ.

— Неужели такъ трудно навивать бинты?

— Туго и плотно — трудно, ваше величество. Эта машинка за-
мѣняетъ 12 человекъ при силѣ ребенка. Изобрѣтена она Габри-
ковскимъ въ Москвѣ и введена во всѣхъ интендантскихъ скла-
дахъ.

Проходя далѣе, государь обратилъ вниманіе на карты Барков-
скаго — движеніе хлѣбной торговли Верхневолжскаго бассейна. Мо-
дестъ Яковлевичъ представилъ его величеству находившагося при
этомъ автора карты, полковника Барковскаго, который и имѣлъ
счастье лично давать объясненія высокому слушателю.

Рядомъ съ вышеупомянутой картой лежала карта суконнаго
производства въ Россіи, составленная самимъ Модестомъ Яковле-
вичемъ. Довольно разсѣяннo слушавшій дѣлаемые до сихъ поръ
доклады, государь Александръ Николаевичъ сдѣлался очень вни-
мателенъ при объясненіи профессоромъ дѣла русскаго сукнопроиз-
водства, видимо сильно заинтересовавшись.

— Очень полезно,—изволилъ онъ замѣтить подъ конецъ и по-
шелъ далѣе къ машинѣ для пробы тканей на разрывъ. Модестъ
Яковлевичъ объяснилъ его величеству, что разсматриваемая ма-
шина служить для точнаго цифроваго опредѣленія крѣпости сукна,
полотна и т. п.

— Такъ, значить, впередъ можно знать, что крѣпко и что
гнило?—спросилъ императоръ.

— Да, ваше величество, и цифры, опредѣляющія эту крѣпость, введены въ условія заказовъ суконъ и полотень.

— Да?

— Да, ваше величество.

Подошли къ литографированнымъ рисункамъ музея военной хроники, около которыхъ находился завѣдывающій музеемъ, баронъ Штейнгель. Среди рисунковъ была помѣщена картина масляными красками, изображавшая государя, членовъ императорской семьи и лицъ свиты.

— Свита не хорошо освѣщена,—замѣтилъ государь.

Модестъ Яковлевичъ возразилъ, что если дать картинѣ уклонъ на полдюйма, то освѣщеніе перемѣнится къ лучшему относительно лицъ свиты, но зато много потеряетъ изображеніе его величества.

Отъ картинъ перешли къ машинѣ для мѣры и укладки холстовъ, построенной тѣмъ же Габриковскимъ, по мысли профессора Китгары. Разсматривая ее, государь спросилъ, гдѣ видна мѣра, и затѣмъ поинтересовался, вездѣ ли введены такія машины. Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

Такимъ образомъ, постепенно были осмотрѣны карты Лерхе, образцы готоваго и полуготоваго платья, въ шкафахъ и на манекенахъ и т. д. Все подробно осмотрѣвъ, его величество отошелъ ко входу, еще разъ окинувъ взоромъ весь отдѣлъ, и спросилъ, куда итти дальше. Бутовской повелъ государя по суконной линіи, а оттуда въ отдѣлъ химическихъ продуктовъ.

Подъ руководствомъ Модеста Яковлевича были осмотрѣны экспонаты Миллера, гдѣ особое вниманіе привлекли непромокаемыя ткани, изъ которыхъ предполагалась постройка ранцевъ для русскихъ войскъ, по примѣру Франціи и Пруссіи.

— Да, чтобы моль не ѣла запасовъ,—замѣтилъ государь. — А скоро ли будутъ сдѣланы образцы?

— Шьются, ваше величество, и скоро будутъ представлены.

Проходя дальше, Модестъ Яковлевичъ обратилъ вниманіе государя на свой противозловонный порошокъ.

— Слышалъ,—сказалъ государь.—Скоро дѣйствуетъ?

— Почти мгновенно.

Александръ II съ двухъ сторонъ обошелъ горку и, видимо, читалъ надпись.

— Спрашиваютъ въ торговлѣ?—поинтересовался онъ.

— Да, и сильно.

— Есть у тебя заводъ?

— Точно такъ.

— Гдѣ?

— Подъ Москвой.

— Въ какомъ уѣздѣ?

— Въ Московскомъ, въ 39-ти верстахъ отъ Москвы.

— Пришли мнѣ попробовать,—милостиво замѣтилъ государь и прошелъ въ отдѣлъ санитарнаго комитета, въ концѣ котораго помѣщались вещи санитарнаго обоза военнаго министерства.

Въ длинной галлерей, съ рельсовыми путями, его величество осмотрѣлъ модели генерала Анненкова, рельсы военно-кухоннаго и военно-санитарнаго обозовъ и госпитальный вагонъ Комиссаровской школы, куда онъ вошелъ подъ руку съ императрицей. Осмотрѣвъ подробно вагонъ, государь вновь прошелъ по химическому отдѣленію и перешелъ на линію металлическихъ вещей выставки морского вѣдомства и вышелъ къ полевой артиллеріи. Этотъ отдѣлъ выставки показывалъ генералъ Баранцевъ. Отсюда государь прошелъ въ механическое отдѣленіе на лѣвую галлерей, гдѣ смотрѣлъ грушевскій антрацитъ и модели яхтъ-клуба.

Во время осмотра государемъ выставки морского вѣдомства произошелъ неожиданный скандалъ. Въ ту самую минуту, когда государь съ императрицей были подведены къ машинамъ индентскаго вѣдомства, паровая машина Неслера остановилась, и весь ожидаемый эффектъ машиннаго отдѣленія былъ потерянъ.

— *Очень жаль,—сказалъ государь.

Обойдя кругомъ, его величество подошелъ къ тяжелой крѣпостной артиллеріи какъ военнаго вѣдомства, такъ и частныхъ экспонатовъ.

Въ эти минуты прохода Модестъ Яковлевичъ обратился къ главному машинисту Неслера съ совѣтомъ подсыпать подъ передаточный ремень песку, такъ какъ самъ онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета въ причинѣ внезапной остановки машинъ.

— Такія грубыя средства въ такихъ машинахъ не употребляются,—отвѣтилъ механикъ.

— А вы все-таки попробуйте, — возразилъ Модестъ Яковлевичъ, — и уладьте; черезъ полчаса я приведу государя, если у васъ все будетъ въ ходу.

По предварительной программѣ послѣ осмотра тяжелой артиллеріи государю слѣдовало вернуться въ механическое отдѣленіе, но Модестъ Яковлевичъ, къ крайнему прискорбію Бутовскаго, обратилъ вниманіе его величества на отдѣлы войска Донскаго и горнаго вѣдомства и, такимъ образомъ, отвелъ высокаго посѣтителя далеко въ сторону отъ намѣченнаго пути. Маршрутъ перемѣнился, и государь изъ рельсовой пристройки вошелъ въ главное зданіе, гдѣ остановился у выставки Обуховскаго пушечнаго завода. Тѣмъ временемъ императрица вернулась, какъ и предполагалось раньше, въ механической отдѣлъ, гдѣ продолжала стоять безъ движенія паровая машина. Здѣсь ея величество сѣла отдохнуть на кресло, подставленное ей директоромъ московскаго технического училища, профессоромъ Делавосомъ.

Осмотрѣвъ внимательно экспонаты Обуховскаго завода и милостиво выслушавъ даваемыя объясненія, государь послѣдовательно

посѣтилъ литографію, фотографію и типографію военнаго министерства, попутно осмотрѣлъ хирургическіе инструменты и, встрѣтаясь съ августѣйшей супругой, прошелъ въ военный педагогическій музей. Тѣмъ временемъ печальный эпизодъ съ передаточнымъ ремнемъ былъ улаженъ, и механическій отдѣлъ ожилъ. Модестъ Яковлевичъ, узнавъ объ этомъ, немедленно доложилъ министрамъ финансовъ и военному, что необходимо показать государю еще разъ машины; тѣмъ болѣе, что не было осмотрѣно находившееся въ ихъ отдѣлѣ московское императорское техническое училище. Противъ этого сильно запротестовалъ Бутовской, но М. Я. настоялъ на своемъ и провелъ его величество сначала къ моделямъ артиллерійскаго училища, а затѣмъ къ экспонатамъ технического, гдѣ всѣ объясненія давалъ Делавось.

Возвращаясь отсюда, государь (императрица уже уѣхала) хотѣлъ оставить выставку, но въ это время, пользуясь полнымъ ходомъ машинъ, Модестъ Яковлевичъ остановилъ на нихъ его вниманіе.

— Всѣ машины въ ходу; не угодно ли будетъ вашему величеству взглянуть ихъ?—сказалъ онъ.

— А что жъ, пожалуй, — отвѣтилъ государь и пошелъ внизъ.

Какъ ни старался великій князь Константинъ Николаевичъ удержать вниманіе его величества на паровой лодкѣ и другихъ экспонатахъ морского вѣдомства, государь на нихъ не остановился, зато внимательно смотрѣлъ работу каждой изъ машинъ. Особое вниманіе вызвала кроильная машина.

Какъ разъ незадолго передъ посѣщеніемъ государя мануфактурной выставки, газетами было сообщено извѣстіе, совершенно вымышленное, что военное министерство выставило все иностранныя произведенія. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ былъ очень огорченъ этой замѣткой, и государь также, видимо, зналъ о ней.

— Всѣ эти машины сдѣланы въ Россіи?—спросилъ его величество.

— Почти всѣ, только нѣкоторыя выписаны, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Государь милостиво и довольно кивнулъ головой и быстро направился къ выходу, гдѣ простился съ сопровождавшими его лицами и уѣхалъ.

Два года спустя, Модесту Яковлевичу снова выпало на долю принимать государя Александра Николаевича на московской политехнической выставкѣ, устроенной, какъ извѣстно, въ память двухсотлѣтія дня рожденія императора Петра Великаго.

Александръ II посѣтилъ первый разъ военный отдѣлъ этой выставки 9 іюня.

Наканунѣ, въ четверть третьяго часа дня, была получена телеграмма, въ которой Модеста Яковлевича просили пожаловать въ тотъ же день въ половинѣ третьяго въ Петровскій паркъ къ государю.

Быстро переодѣвшись въ парадный мундиръ, Модестъ Яковлевичъ помчался.

Оказывается, онъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу и, благодаря счастливому случаю, попалъ во время: дѣлали послѣднюю смычку желѣзной дороги изъ Петровскаго парка къ выставкѣ; и Модестъ Яковлевичъ, подъѣзжая, засталъ его величество, великихъ князей и свиту на коняхъ. Скоро всѣ вернулись во дворецъ, гдѣ въ круглой залѣ стояли столы, тоже круглые, не очень большіе, приготовленные для завтрака.

Государь занялъ мѣсто вмѣстѣ съ цесаревичемъ, цесаревной, великими князьями Владимиромъ Александровичемъ и Константиномъ Николаевичемъ, княземъ Долгорукимъ, комендантомъ и Гильденштуббе.

Столъ Модеста Яковлевича стоялъ около; за нимъ, кромѣ него, сидѣли Исаковъ, князь Куракинъ и другіе.

Во время завтрака Модестъ Яковлевичъ услышалъ «Киттары!», оглянулся и подошелъ къ государю.

— Отчего васъ такъ мало?—спросилъ его величество.

За столомъ гостей съ выставки дѣйствительно было не болѣе десяти.

— Не успѣли собраться, ваше величество,—отвѣтилъ Модестъ Яковлевичъ.

— Жаль, очень жаль,—продолжалъ государь.—Передай, что я жалѣю, что не видалъ ихъ у себя сегодня.

— Отсутствующимъ будетъ вдвое жаль, особенно послѣ настоящихъ словъ вашего величества, — сказалъ Модестъ Яковлевичъ и вернулся на свое мѣсто.

Послѣ завтрака общество стало группироваться, и Модестъ Яковлевичъ подошелъ къ Шувалову переговорить о слѣдующемъ днѣ. Было уже извѣстно, что государь будетъ на выставкѣ въ 11 часовъ утра и прослѣдуетъ прямо въ морской отдѣлъ; теперь слѣдовало обсудить вопросъ, куда его величество пойдетъ затѣмъ. Предполагали, что онъ обойдетъ нижнюю выставку военнаго министерства и поднимется въ политехнический музей. Модестъ Яковлевичъ сталъ доказывать подошедшему великому князю Константину Николаевичу, Шувалову и Милютину, что такой маршрутъ невозможенъ: гора такъ крута и высока, что государь, естественно, сильно устанетъ. Въ это время государь подошелъ самъ.

— О чемъ вы тутъ толкуете?—спросилъ онъ.

Великій князь повторилъ свой планъ осмотра выставки.

— Ну, а ты что говоришь? — обратился государь къ Модесту Яковлевичу.

— Я говорю, что вашему величеству будетъ неудобно подниматься на такую высокую и крутую гору, и что поэтому было бы

лучше изъ морского отдѣла пройти въ нижнюю часть военнаго, какъ это и предполагаетъ его высочество, но оттуда прослѣдовать прямо въ желѣзнодорожный отдѣлъ, тамъ сѣсть въ экипажъ и въ экипажѣ проѣхать въ верхнюю часть военнаго отдѣла.

— Пусть будетъ такъ, какъ онъ говоритъ, — рѣшилъ государь. — Такъ я буду у тебя завтра, — продолжалъ онъ. — Все ли у тебя готово?

— По возможности все, ваше величество, но я во всякомъ случаѣ заранѣе прошу вашего снисхожденія.

Когда государь отошелъ, великій князь Константинъ Николаевичъ говорить:

— А вѣдь оружейная мастерская не будетъ готова?

— Будетъ, — отвѣчалъ Модестъ Яковлевичъ.

— Ой, не будетъ, — продолжаетъ настаивать великій князь.

— Будетъ готова, ваше высочество, — повторилъ Модестъ Яковлевичъ.

На утро она была дѣйствительно готова. За хлопотами Модестъ Яковлевичъ легъ спать въ этотъ день въ 4 часа утра, а въ 6 его уже разбудили. Погода была печальная: косыя струи дождя такъ и рвались книзу и, надѣлали же онѣ хлопотъ въ музеѣ, гдѣ вся крыша течетъ. Благодаря Бога, дождь прошелъ рано и далъ возможность исправить причиненный имъ вредъ, но крикъ, гамъ и даже ругань были препорядочныя: у одного карты окатило, у другого мундиры попортило и т. д.

Государь прошелъ въ военный отдѣлъ изъ морского, пробылъ долго, смотрѣлъ все очень внимательно. При разводкѣ понтоннаго моста Модестъ Яковлевичъ предложилъ его величеству сѣсть.

— Хорошо, — сказалъ государь. Ему подали стулъ. Модестъ Яковлевичъ сталъ возлѣ и снялъ шляпу.

— Надѣнь шляпу, береги голову, — ласково обратился къ нему государь.

Проходя мимо квасника, его величество выпилъ у него квасу и прошелъ въ желѣзнодорожный отдѣлъ, откуда, какъ и предполагалось, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ. Къ сожалѣнью, объ этомъ посѣщеніи государя сохранилось мало свѣдѣній.

10-го іюня, въ 1 часъ дня, его величество снова посѣтилъ военный отдѣлъ. Его сопровождали цесаревичъ, цесаревна и великій князь Владимиръ Александровичъ. Подъѣхалъ онъ прямо къ Севастопольскому отдѣлу, гдѣ пробылъ недолго, а оттуда прослѣдовалъ въ музей, у подѣзда котораго его встрѣтилъ Модестъ Яковлевичъ, заранѣе съ согласія министра установившій порядокъ приема.

Всѣ начальники отдѣленій ожидали государя у своихъ мѣстъ; Модестъ Яковлевичъ къ нимъ его подводилъ, представлялъ неизвѣстныхъ, и каждый давалъ объясненія по своей части. Все шло, какъ по маслу, и государь остался очень доволенъ. Уходя онъ остано-

вился на площадкѣ, отдѣляющей музей отъ входной части, и при всемъ составѣ окружающихъ протянулъ Модесту Яковлевичу руку со словами:

— Спасибо тебѣ большое, ты мнѣ показалъ много очень интереснаго.

Модестъ Яковлевичъ, какъ водится, поцѣловалъ его величество въ плечо.

— Не угодно ли будетъ вашему величеству отдохнуть въ приготовленныхъ комнатахъ? — спросилъ онъ государя, подходя къ башенкѣ.

— Можно, — отвѣтилъ государь.

Вошли. Комнаты были богато убраны — одна кавказскими вещами, другая — вещами изъ музея Голицына.

— Не угодно ли будетъ вашему величеству выкурить папироску? — спросилъ Модестъ Яковлевичъ.

— Можно, — отвѣтилъ государь. — Только есть ли у тебя огонь? Тотчасъ были поданы свѣча и любимыя государемъ папиросы *merilande doux*.

— Не угодно ли будетъ вашему величеству чтонибудь скушать? — продолжалъ Модестъ Яковлевичъ.

— Можно, пожалуй.

Подали завтракъ изъ разныхъ закусокъ. Государь взялъ зернистой икры, говоря, что въ Москвѣ она особенно хороша, и скушалъ полблюдца.

— Не позволите ли, ваше величество, подать вамъ чегонибудь выпить?

— А что ты мнѣ дашь?

— Если прикажете, стаканъ шампанскаго.

— Хорошо, дай, но только съ сельтерской водой.

Подали то и другое. Государь долилъ $\frac{1}{4}$ стакана шампанскаго сельтерской водой и выпилъ. Тѣмъ кончился завтракъ.

Государь поблагодарилъ и уѣхалъ.

Маленькій эпизодъ изъ посѣщенія государя, который стоитъ отмѣтить.

Послѣ предыдущаго дождя на плацу было очень сыро, если не сказать больше. Поэтому Модестъ Яковлевичъ обратился съ вопросомъ къ цесаревичу, не покажется ли его высочеству неудобнымъ итти по плацу, гдѣ почти грязь.

— А вотъ я пойду, посмотрю, — отвѣтилъ цесаревичъ и пошелъ съ кѣмъ-то впередъ. Когда государь дошелъ до плаца, наслѣдникъ уже вернулся.

— Не сыро ли будетъ итти вашему величеству? — спросилъ Модестъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ государь.

— А цесаревнѣ?

Государь спросилъ ея высочество по-французски, толстая ли подошва у ея обуви. Оказалось, что нѣтъ.

— *C'est dommage*,—сказалъ государь.

— Ничего,—вступился цесаревичъ,—мы съ ней уже все обошли.

Цесаревичъ былъ поднесенъ прекрасный букетъ изъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ, съ которымъ она была и на народномъ праздникѣ вечеромъ. Модестъ Яковлевичъ получилъ приглашеніе на этотъ праздникъ въ царскій павильонъ.

— Молодецъ, а каково сердце-то женское знаетъ! — замѣтилъ Исаковъ, когда высочайшіе посѣтители отбыли, и свита сѣла завтракать и помѣняться впечатлѣніями.

Комплиментовъ и поздравленій съ блестящимъ успѣхомъ было высказано безконечное количество.

Вечеромъ было народное гулянье на Ходынскомъ полѣ, устроенное юбилейною комиссіей. Лилъ дождь, крыши все текли, фейерверкъ отсырѣлъ, и гулянье вышло неудачно.

Государь прямо съ поля уѣхалъ на желѣзную дорогу и по соединительной вѣтви прослѣдовалъ на Николаевскую линію, возвращаясь въ Петербургъ. Если предыдущіе два дня были такъ удачны, то на третій разразилась буря. Произвелъ ее великій князь Константинъ Николаевичъ. Началось съ того, что великій князь подѣхалъ не къ главному входу, гдѣ его ожидали, а къ боковой калиткѣ, и, оставивъ всехъ въ тылу, одинъ пошелъ осматривать военный отдѣлъ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ случайно увидалъ издали его бѣлую фуражку, поспѣшилъ сообщить Модесту Яковлевичу, который бросился догонять високаго гостя и настигъ его около одного мѣста, гдѣ довольно низко висѣли картины, такъ что великій князь могъ задѣть ихъ головой.

— Нагнитесь немного, ваше высочество, или возьмите въ сторону, вы можете удариться объ эти картины,—сказалъ Модестъ Яковлевичъ, желая дать знать великому князю о своемъ присутствіи. Тотъ обернулся.

— Благодарю васъ, что вы такъ бережете мою голову отъ опасности.

— Опасности, ваше высочество, получить синякъ,—отвѣчалъ Модестъ Яковлевичъ.

Теперь осмотръ продолжался вдвоемъ. Великій князь все время оставался недоволенъ тѣмъ, что представлялось его глазамъ. На одного офицера онъ такъ обрушился, что Модестъ Яковлевичъ счелъ нужнымъ вступить въ разговоръ, дабы предупредить возможность произойти нежелательныя послѣдствія.

Дѣло было въ томъ, что великій князь спросилъ объясненія какой-то заинтересовавшей его машинки въ артиллерійскомъ отдѣлѣ.

Офицеръ, показывавшій экспонаты, видимо, не зналъ ея назначенія, но, тѣмъ не менѣе, поспѣшилъ отвѣтить:

— Это винтовальная, ваше императорское высочество.

— Какъ винтовальная! — воскликнулъ великій князь, — да я здѣсь ни одного винта не вижу!

— То-есть это полировальная, — поправился офицеръ.

— Что вы мнѣ тутъ говорите, винтовальная, полировальная, да какая же наконецъ?

Офицеръ началъ объяснять, путаясь, и, видимо, наудачу.

Великій князь молчалъ, но Модестъ Яковлевичъ замѣтилъ, что его ноздри расширяются, и нижняя губа вздрагиваетъ.

— Извините, ваше высочество, — вмѣшался онъ, — капитанъ, видимо, не знаетъ значенія этой модели; она принадлежит и поставлена здѣсь полковникомъ Энгельгардтомъ. Это модель машины ворсовальной, которая употребляется... и подробно рассказалъ употребленіе злосчастной машинки.

Пошли далѣе и дошли до ружей. Великій князь взялъ два ружья Кренка и жестоко ихъ раскритиковалъ.

Модестъ Яковлевичъ замѣтилъ, что въ ружьяхъ онъ не специалистъ, а потому не можетъ ни возражать, ни соглашаться съ его высочествомъ.

— Ну, однако, неужели же вы не можете отличить хорошую систему отъ дурной? Тутъ не надо быть специалистомъ—это всякій понимаетъ.

Модестъ Яковлевичъ снова замѣтилъ, что онъ въ ружьяхъ и ихъ системахъ ничего не понимаетъ.

Великій князь сталъ объяснять.

Модестъ Яковлевичъ выслушалъ и снова замѣтилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ.

— Неужели вы не были охотникомъ и никогда не стрѣляли?

— Стрѣлялъ, ваше высочество, лѣтъ 25 тому назадъ, да бросилъ.

— Отчего?

— Тогда ружья были очень плохія, въ щеку очень отдавало.

Пошли дальше. На ходу великій князь продолжалъ говорить на ту же тему, но уже болѣе откровенно и мало-по-малу перешелъ къ прямымъ обвиненіямъ военнаго министерства.

— Это какой-то возмутительный антагонизмъ, — говорилъ его высочество:—стоитъ только что либо въ морскомъ вѣдомствѣ принять, чтобы военное министерство это отвергало. Ружья Баранова, напримѣръ, не приняли, а вотъ этой дрянью наградили почти всю армію.

— Насколько слышно, этими ружьями армія очень довольна, — возразилъ Модестъ Яковлевичъ.

Стоявшій сзади артиллерійскій офицеръ Наумовъ вполголоса указалъ на преимущества ружей Кренка.

— Да, но все же антагонизмъ существуетъ,—продолжалъ великій князь.—И это непростительно.

— Если антагонизмъ существуетъ, то гдѣ же искать его причину, и кто его поддерживаетъ?—спросилъ Модестъ Яковлевичъ.

Начали разбирать. Въ концѣ концовъ великій князь сознался, что военное министерство заказало Путилову ружья, а морское до сихъ поръ выписываетъ патроны изъ-за границы, когда у насъ есть свой отличный патронный заводъ.

Въ это время какъ разъ подошли къ витринѣ патроннаго завода, но былъ понедѣльникъ, машины не дѣйствовали, и работъ не производилось: люди отдыхали; въ воскресенье отдыха не бывало, такъ какъ это день, когда бывало наибольшее число посѣтителей; великій князь выразилъ свое неудовольствіе. Модестъ Яковлевичъ извинился, объяснивъ, что его высочества не ждали, и что всѣ офицеры и завѣдывающіе отдѣлами уѣхали къ Троицѣ.

— Это зачѣмъ?

— Всѣ такъ счастливы вчерашнимъ посѣщеніемъ государя, что поѣхали благодарить Бога.

На это великій князь ничего не отвѣтилъ, но при дальнѣйшемъ осмотрѣ выставки онъ еще нѣсколько разъ выражалъ неудовольствіе, что его не ждали, хотя онъ при государѣ говорилъ Исакову, что будетъ, и что Модестъ Яковлевичъ не могъ этого не слышать. У морского отдѣла онъ былъ встрѣченъ тамошнимъ управленіемъ и на вопросъ Модеста Яковлевича, прикажетъ ли онъ ему сопровождать себя далѣе, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, теперя я у себя дома,—и пригласилъ Модеста Яковлевича вечеромъ къ себѣ обѣдать.

15-го былъ данъ обѣдъ великому князю. Взяли по 15 рублей съ человѣка да еще по 15 рублей на стипендію. Такъ какъ его высочество держитъ себя русскимъ, то меню обѣда было составлено въ такомъ духѣ:

Щи лѣнвивыя.

Гречневая каша.

Поросенокъ съ хрѣномъ.

Стерлядь разварная.

Фазанъ, бекасы, перепела.

Цвѣтная капуста и горошекъ.

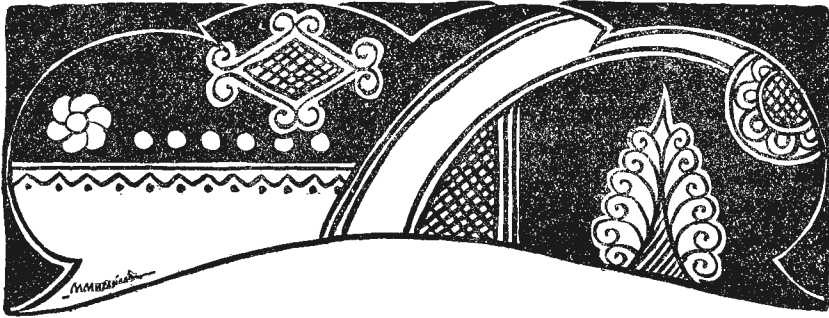
Гурьевская каша.

Фрукты и конфеты.

Послѣ обѣда всѣ провожали его высочество на Николаевскую желѣзную дорогу.

Всѣмъ экспонентамъ на другой день послѣ посѣщенія выставки государемъ даны были награды.

Д. Медвѣдевъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ ВЕСНЫ 1868 и до осени 1869 г. мнѣ пришлось пробыть на своей родинѣ, въ Вологдѣ. Тамъ же въ то время жилъ и Н. В. Шелгуновъ. Сотрудничая въ одномъ и томъ же журналѣ («Дѣло») и живя въ одномъ городѣ, мы, разумѣется, видались нерѣдко, особенно въ ту пору, когда одинъ изъ насъ, кончивъ работу, еще не принимался за другую (давалъ себѣ «передышку») и чувствовалъ потребность перемолвиться живымъ словомъ, подѣлиться мыслями. То Шелгуновъ, бывало, взбирался ко мнѣ на антресоли, то я отправлялся къ нему «за рѣку». Живо я помню на Архангельской улицѣ тотъ небольшой сѣренкій домъ въ три окна, гдѣ жилъ онъ въ ту пору съ двумя своими сыновьями, Михаиломъ и Николаемъ, тогда еще маленькими мальчиками.

Помимо сотрудничества въ одномъ журналѣ и сходства въ нашихъ воззрѣніяхъ, къ Шелгунову меня привлекали и его симпатичная личность и тотъ ореолъ, какимъ для меня была окружена вообще его дѣятельность, какъ бывшаго сотрудника «Русскаго Слова» и друга М. И. Михайлова.

Тогда же въ Вологдѣ была мною задумана, отчасти написана и впоследствии посвящена Шелгунову одна изъ моихъ первыхъ повѣстей («Темныя силы»).

Однажды (сколько помнится, уже въ 1869 г.), придя къ Шелгунову, я изъ передней услышалъ, что Николай Васильевичъ съ

къмъ-то горячо спорить. Я засталъ его посреди комнаты съ какимъ-то незнакомцемъ—мужиной среднихъ лѣтъ, высокаго роста (выше Шелгунова), съ густыми рыжеватыми волосами и съ такой же густой бородой и съ большими, умными, голубыми глазами; брови у него, помню, были также густыя, темныя, немного нахмурены. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, и спокойно, но настойчиво и энергично возражалъ своему оппоненту. Такимъ спокойнымъ, сдержаннымъ, рѣшительнымъ онъ и запечатлѣлся съ тѣхъ поръ въ моей памяти.

А Шелгуновъ, по обыкновенію, сильно жестикулировалъ, волновался, нервно подергивалъ и крутилъ бородку и ни минуты не стоялъ спокойно на мѣстѣ. Незнакомецъ своей неподвижной позой и спокойствіемъ представлялъ живой контрастъ съ пылкимъ, увлекающимся Шелгуновымъ. Въ немъ сказывалось то спокойствіе, какое дается сознаніемъ силы, увѣренностью въ самомъ себѣ.

Шелгуновъ, увидѣвъ меня, тотчасъ же познакомилъ съ этимъ господиномъ.

— Лавровъ... Петръ Лавровичъ! — сказалъ онъ, указывая на своего оппонента.

Заочно я уже зналъ Лаврова, и теперь, совершенно неожиданно-негаданно встрѣтившись съ нимъ, я съ глубокимъ уваженіемъ посмотрѣлъ на его внушительную фигуру и съ юношескимъ жаромъ крѣпко пожалъ ему руку.

Меня поразило одно обстоятельство... Когда Лавровъ здоровался со мной, на лицѣ его не отразилось ни тѣни той банальной, заученной привѣтливости, какую люди въ такихъ случаяхъ считаютъ нужнымъ изображать на своемъ лицѣ. Глаза его оставались серьезны, все также слегка нахмурены, и все обращеніе его—движеніе и рѣчь—отличались замѣчательною простотой.

— А вы здѣсь—по доброй волѣ?—спросилъ онъ меня.

— Да,—говорю,—по доброй волѣ: здѣсь моя родина.

— Холодная же у васъ родина!—сказалъ Лавровъ, слегка пожавъ плечами.

— А зато, Петръ Лавровичъ,—перебилъ Шелгуновъ,—сколько здѣсь морошки, поляники! Какіе здѣсь рыжики, рябчики!..

И онъ принялся перечислять лѣсныя богатства моего родного края.

Немного поговорили о Вологдѣ, о томъ, въ какихъ городахъ Вологодской губерніи живетъ больше ссыльныхъ, кто они и какъ ково живутъ. Оказывалось, что въ большинствѣ ссыльные устраивались сносно, съ мѣстнымъ населеніемъ жили въ ладу, общество уже привыкло къ нимъ, не смотрѣло на нихъ, какъ на лютыхъ злодѣевъ, да и тогдашній губернаторъ, генералъ Хоминскій, не притѣснялъ ихъ. Ссыльные были приняты въ обществѣ; у иныхъ изъ нихъ завязывались здѣсь прочныя дружескія связи, иные

поженились здѣсь. Н. В. Шелгуновъ, напримѣръ, нашелъ въ Вологдѣ много искреннихъ друзей и самыхъ горячихъ почитателей и почитательницъ; онъ былъ желаннымъ гостемъ въ нашихъ лучшихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ, почтенномъ семействѣ воинскаго начальника, генерала Э. И. Степанова, и др.

Такъ, поговоривъ о Вологдѣ, Шелгуновъ съ Лавровымъ стали продолжать свой споръ. Теперь, чрезъ столько лѣтъ, я, конечно, не помню выражений спорившихъ, но въ общемъ я помню отлично, о чемъ шла рѣчь.

На нѣмцевъ, англичанъ и французовъ, вообще на иностранцевъ, прибывающихъ къ намъ, въ Россію, съ запада, Шелгуновъ смотрѣлъ, какъ на нашихъ учителей, какъ на своего рода «Кирилла и Меѳодія», переводящихъ западно-европейскіе обычаи на наши нравы; они, — говорилъ Шелгуновъ, — приносятъ съ собою культуру, лучшіе «навыки», привычки къ дисциплинѣ, аккуратности; они показываютъ примѣръ упорства въ трудѣ, настойчивости въ преслѣдованіи цѣли и т. д., въ чемъ сильно нуждается распущенный и вялый, съ порядочной дозой «лѣнцы» русскій человѣкъ.

А Лавровъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что все горе въ томъ, что къ намъ являются не лучшіе изъ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ, являются не люди «идеи», но въ большинствѣ случаевъ (если не исключительно) лишь эксплуататоры, люди наживы, а иногда, прямо сказать, — отребье, котораго лучше бы и не было... «Давайте намъ западно-европейскую науку, знанія, западно-европейскій опытъ, книги, а западно-европейскихъ гешефтмахеровъ намъ не надо... Нельзя отождествлять цивилизацію съ баварскимъ пивомъ или съ берлинскимъ колбасникомъ, или съ какой нибудь фру-фру парижскихъ бульваровъ»...

Повторяю: я не ручаюсь за то, что въ точности повторяю здѣсь слова Лаврова, но увѣренъ лишь въ томъ, что смыслъ его рѣчи былъ именно таковъ...

Въ спорѣ я участія не принималъ. Оба противника были находчивы, остроумны, обладали большою эрудиціей и оказывались прекрасными діалектиками. Но Лавровъ говорилъ убѣдительноѣе, и я въ этомъ случаѣ былъ на его сторонѣ. Во время спора онъ иногда дѣлалъ отступленія отъ темы, дѣлалъ историческія справки, касался и текущихъ дѣлъ. Онъ поражалъ меня и своею феноменальною памятью и силою своихъ доводовъ.

Въ тотъ разъ я долго, до поздняго вечера, оставался у Шелгунова. Лавровъ произвелъ на меня впечатлѣніе чловѣка, выдающагося по уму, энергичнаго, рѣшительнаго, который уже не остановится ни передъ какими смѣлыми выводами, разъ онъ убѣдится въ вѣрности своей исходной точки.

Лавровъ въ то время былъ въ Вологдѣ проездомъ. На другой же день онъ отправился въ Тотму (уѣздный городъ Вологод-

ской губ.). Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ болѣе Петра Лавровича.

Онъ жилъ нѣсколько времени въ Тотмѣ, а затѣмъ долженъ былъ перебраться въ г. Кадниковъ (въ 40 верстахъ отъ Вологды), а изъ Кадниксва, въ февралѣ 1870 г., онъ исчезъ и перебрался за границу. Меня въ то время уже не было въ Вологдѣ, и объ исчезновеніи Лаврова изъ нашихъ весей я узналъ слѣдующее.

Лавровъ жилъ въ Кадниковѣ съ матерью-старушкой и по вечерамъ имѣлъ обыкновеніе долго ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Лица, которымъ было предписано «интересоваться» Лавровымъ, вечеромъ—чтобы не беспокоить его—ограничивались лишь тѣмъ, что проходили мимо оконъ его квартиры и, видя его тѣнь, безостановочно мелькавшую на бѣлыхъ шторахъ оконъ, успокоивались.

Когда же Лавровъ уѣхалъ, его мать осталась въ Кадниковѣ и, вечеромъ, спустивъ шторы и зажегши лампу, долго ходила по комнатѣ его разбѣренной поступью... Тѣнь въ окнахъ мелькала, и люди, заботившіеся о Лавровѣ, оставались спокойны—въ полной увѣренности, что онъ—живъ-здоровъ и пребываетъ дома. А тотъ, между тѣмъ, былъ уже далеко отъ вологодскихъ лѣсовъ... Впослѣдствіи мнѣ показывали и ту «историческую» тройку добрыхъ, ретивыхъ коней, которымъ выпало на долю умчать Лаврова изъ Кадникова.

Все это, если не «преданья старины глубокой», то ужъ во всякомъ случаѣ—«дѣла давно минувшихъ дней», и о нихъ, я полагаю, теперь можно говорить...

По отъѣздѣ изъ Вологодской губерніи Лавровъ пробылъ нѣсколько дней въ Петербургѣ (дѣло было на масленой) и оттуда направился за границу.

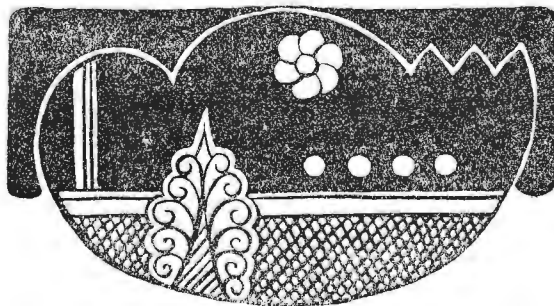
Большую часть онъ жилъ во Франціи. Болѣе 20 лѣтъ прожилъ онъ въ Парижѣ—въ одномъ домѣ (rue St. Jacques, 328). Въ 1871 г. во время коммуны Лавровъ работалъ въ санитарномъ отрядѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ началъ было большую работу—«Опытъ исторіи мысли», но, кажется, вышелъ только одинъ ея выпускъ. Въ 1875 г., когда одно французское министерство стало усиленно заботиться объ «очисткѣ» Парижа отъ неблагонадежныхъ элементовъ, Лавровъ вынужденъ былъ на время удалиться въ Англію. Ученый, кабинетный дѣятель показался опасенъ тогдашнему реакціонному французскому правительству.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ подъ редакціей Лаврова и при его дѣятельномъ участіи и при сотрудничествѣ М. Бакунина ¹⁾ стали издаваться газета и журналъ «Впередъ»,

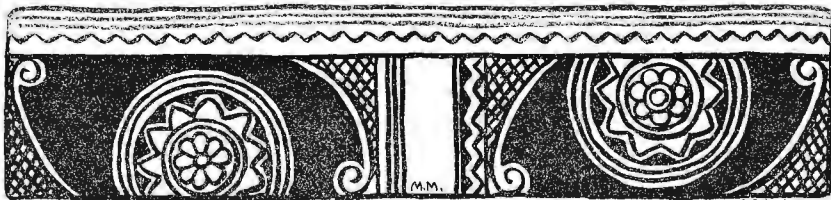
¹⁾ Въ этомъ журналѣ было напечатано его извѣстное сочиненіе «Государственность и анархія».

менѣе распространенный въ большой публикѣ, чѣмъ герценовскій «Колоколъ», но значительнѣе его по содержанію. Теперь, можетъ быть, еще не время говорить подробно о П. Л. Лавровѣ, о смыслѣ и значеніи его научно-литературной дѣятельности, такъ же, какъ и о его журналѣ. Но если въ наши дни явилась возможность публично вспоминать о Герценѣ, бывшемъ еще «подъ запретомъ» въ эпоху либеральныхъ лорисъ-меликовскихъ «вѣяній», то можно надѣяться, что скоро наступитъ такое время, когда воздастся по заслугамъ и памяти Лаврова, какъ одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей. Хотя онъ и жилъ на чужбинѣ, но постоянно вспоминалъ о Россіи и до послѣдняго мгновенія живо интересовался всѣми проявленіями русской жизни. Лавровъ, подобно Герцену, «тосковалъ» по Россіи, какъ сообщали мнѣ близкіе къ нему люди. Онъ горячо любилъ свою бѣдную родину и умеръ съ мыслью о ней ¹⁾.

П. Засодимскій.

¹⁾ П. Л. Лавровъ умеръ въ Парижѣ утромъ 25 января 1900 г. послѣ непродолжительной болѣзни, 76 лѣтъ отъ роду.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

VII.

Дуэль на балу.

I.

АДОЛЬ набережной Мойки несея рысакъ; кучеръ, словно изваянный, сидѣлъ неподвижно и только изрѣдка издавалъ громкіе гортанные звуки, пугавшіе прохожихъ. Моросилъ мелкій дождикъ. Два офицера, сидѣвшіе въ экипажѣ, по уши закрылись воротниками шинелей и молчали.

Экипажъ повернулъ на Исаакіевскую площадь и затѣмъ помчался по Большой Морской.

— Ты послѣ куда, князь? — спросилъ одинъ изъ офицеровъ другого.

— Не знаю. Можетъ быть, домой, а, можетъ быть, куда нибудь закачусь! — отвѣчалъ другой.

— Я тебѣ предлагаю послѣ собранія прокатиться на Крестовскій. Тамъ, говорятъ, новая пѣвичка пріѣхала. Всѣхъ съ ума сводить. Поѣдемъ? а?

— Можетъ быть! Я сегодня не въ духѣ. Впрочемъ, пожалуй!

— Перестань, князь! Почему тебѣ быть не въ духѣ? Стряслось что ли что надъ тобой?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 173.

— Нѣтъ, а такъ какъ-то не по себѣ! Ты танцовать будешь?

— Разумѣется, буду! Тамъ Илимовы будутъ, а я Машеньку уже пригласилъ...

Экипажъ остановился у освѣщеннаго подъѣзда музыкальнаго собранія. Офицеры вышли.

— Ты, Михайло, къ часу пріѣзжай! — обращаясь къ кучеру, сказалъ одинъ офицеръ въ формѣ гвардейскаго полка.

Изваяніе произнесло: «слушаюсь», и скоро исчезло въ туманѣ, покрывавшемъ всю улицу.

При свѣтѣ фонаря можно было разглядѣть, что другой офицеръ былъ поручикъ конной артиллерійской роты. Они вошли въ швейцарскую. Швейцаръ, длинный нѣмецъ съ сѣдыми бакеннами, бросился къ нимъ и взялъ шинели и шпаги, и когда офицеры стали подниматься по лѣстницѣ вверхъ, онъ подошелъ къ одному изъ стоявшихъ здѣсь лакеевъ и конфиденціально произнесъ:

— Завидные богатые женихи! Гвардеецъ—это князь Урусовъ, а артиллеристъ — Столыпинъ. Богатые женихи! И всегда они вмѣстѣ катаются. Друзья-пріятели, на весь Петербургъ такихъ другихъ не найдешь!

Музыкальныя собранія въ Петербургѣ отличались постояннымъ многолюдствомъ и великолѣпіемъ; съ восьми до десяти часовъ вечера игралъ оркестръ, затѣмъ убирались стулья, и зало наполнялось танцующими. При собраніи былъ буфетъ и билліардная комната. Обыкновенными посѣтителями здѣсь были представители «большого свѣта», почему и вечера въ собраніи носили великосвѣтскій характеръ.

Войдя въ зало, Урусовъ и Столыпинъ быстро осмотрѣлись и разошлись въ разныя стороны. Столыпинъ увидалъ своихъ знакомыхъ и направился къ нимъ. Урусовъ, которому нездоровилось сегодня и было вообще какъ-то не по себѣ, прошелъ въ читальню, а оттуда въ билліардную.

Сначала онъ смотрѣлъ на играющихъ равнодушно и тоскливо; но скоро спортивный интересъ проснулся въ немъ, онъ всталъ съ своего мѣста, лицо его оживилось, глаза заблестѣли.

— Владимиръ Николаевичъ! — обратился онъ къ одному изъ присутствующихъ здѣсь статскихъ.—Сыграемте одну-двѣ билліи! Статскій лѣнливо поднялся съ дивана.

— Сыграемте!—сказалъ онъ и двинулся къ билліарду.

Урусовъ игралъ съ увлеченіемъ и съ замѣчательною ловкостью; его красивыя движенія были методичны, размѣрены, изящны. Статскій не уступалъ ему ни въ чемъ, но игралъ спокойно, не увлекался и не горячился.

Первая партія была проиграна Урусовымъ. Онъ разволновался еще больше; глаза его метали молніи; удары кіемъ были менѣе методичны; руки дрожали; движенія получили особенную

порывистость, и онъ поминутно выхватывалъ изъ рукъ лакея мѣлокъ и бросалъ его на полъ.

Статскій, котораго называли Владимиромъ Николаевичемъ, былъ невозмутимъ: онъ изгибался, прищуривалъ лѣвый глазъ, подавалъ лакею свой кій—и все это съ такимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, что Урусовъ начиналъ уже злиться.

Вторая партія, какъ и первая, была проиграна Урусовымъ.

— Не угодно ли впередъ взять?—предложилъ статскій также невозмутимо.

— Благодарю васъ!—отвѣтилъ Урусовъ, весь вспыхнувъ.—Я не нуждаюсь особенно въ этомъ!

— А то взяли бы очковъ десять! Право...

— Начинайте биллію! — отвѣтилъ Урусовъ, замѣчая, что въ образовавшейся около нихъ толпѣ проскальзываютъ ироническія улыбки и шопотъ.

Нечего говорить о томъ, что присутствіе духа совершенно оставило Урусова: каждый ударъ его былъ плохъ, и противникъ его уже скоро долженъ былъ окончить партію.

Но вотъ Урусовъ подошелъ къ билліарду, нагнулся и сталъ дѣлать движеніе кіемъ, прицѣливаясь въ шаръ, и въ то же мгновеніе сзади него раздался голосъ Столыпина:

— А я тебя повсюду ищу! — сказалъ онъ.—Пойдемъ, пожалуйста, танцевать... Ты мнѣ необходимъ.

Урусовъ не отвѣчалъ; онъ продолжалъ изгибаться, ежеминутно готовый поразить шаръ противника.

— Пойдемъ, князь! Бросай свой кій!—продолжалъ Столыпинъ.—Уже первая ретурнель сыграна. Бросай, пожалуйста... Пойдемъ...

— Ты мнѣ мѣшаешь!—отвѣтилъ Урусовъ злобно. — Видишь, играю!

— Вижу, что играешь и, кажется, очень плохо!

— Уйди отсюда! Я не хочу танцевать... Уходи!

— Не хочешь?! Жаль... Ну, ладно, за это промахъ дашь!

Столыпинъ оказался пророкомъ: Урусовъ промахнулся и сердито выхватилъ у лакея мѣлокъ.

— Я танцевать не пойду и не желаю!—произнесъ онъ.—А тебя я попрошу отсюда уйти. Ты мнѣ мѣшаешь...

— Брось играть!—не унимался Столыпинъ.—Тебя Бебутовы хотятъ видѣть. Идемъ!

Урусовъ отошелъ отъ Столыпина на противоположный край комнаты и снова началъ прицѣливаться.

— Эй, князь, брось... промажешь!

И шаръ князя Урусова въ то же мгновеніе безрезультатно ударился о бортъ билліарда и покатился обратно.

— Я вѣдъ тебѣ говорилъ!—разсмѣялся Столыпинъ.—А ты все не слушаешься...

— Замолчи, дуракъ!..—вскрикнулъ Урусовъ.—С-с-с-котина!..

Столыпинъ вспыхнулъ; въ комнатѣ на секунду воцарилось грозное молчаніе.

— Князь, вы не понимаете, что говорите!.. — сказалъ Столыпинъ.

— Отлично понимаю!—отвѣтилъ Урусовъ.—И, повѣрьте, я говорю истину!

Столыпинъ сдѣлалъ шагъ къ Урусову и сжалъ кулаки, но тотчасъ же опомнился и многозначительно проговорилъ, насмѣшливо глядя на князя:

— Надѣюсь, князь, что послѣ этой неудачной для васъ билліи вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе видѣть васъ въ швейцарской?! Я васъ тамъ буду дожидаться!..

— Съ удовольствіемъ!—усмѣхнулся Урусовъ и продолжалъ игру.

Столыпинъ вышелъ изъ билліардной и остановился въ танцевальной залѣ у самой двери.

Лицо его горѣло, глаза заволакивалъ туманъ. Онъ поминутно оглядывался назадъ.

II.

— Вы хотѣли меня дожидаться въ швейцарской? — услышалъ Столыпинъ около себя знакомый голосъ Урусова.

— Да, и я готовъ итти туда!

Офицеры обошли толпу, которая сплошно стѣною отгородила танцующихъ, и спустились по лѣстницѣ внизъ. Швейцаръ бросился за ихъ шинелями. Столыпинъ окликнулъ его.

— Покажи намъ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не могъ бы видѣть!—приказалъ ему Столыпинъ.

Швейцаръ посмотрѣлъ на офицеровъ, и, словно догадавшись, о чемъ шла рѣчь, произнесъ «пожалуйте!» и провелъ ихъ длиннымъ коридоромъ въ довольно обширную комнату.

— Простите, у меня здѣсь не прибрано!—сказалъ швейцаръ.— Я холостой, а дѣла много, убираться некогда.

Онъ поклонился и вышелъ, остановившись въ коридорѣ за дверью.

— Ну? — вопросительно сказалъ Урусовъ, смотря прямо въ глаза Столыпину.—Что скажете?

— Вы, князь, меня оскорбили!

— Знаю, знаю, знаю!

— А потому вы должны позволить мнѣ возстановить мою честь...

— Какимъ образомъ это возможно?

— Я предлагаю слѣдующее: мы вернемся въ билліардную, и тамъ, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, которые были при оскорбленіи, вы попросите у меня извиненія!

— Ну, это ты врешь!—засмѣялся Урусовъ.

— Замолчите, князь, и не оскорбляйте меня еще разъ!

— Не могу, не могу... Ну, не дуракъ ли ты?..

Урусовъ не могъ окончить фразы. Взбѣшенный Столыпинъ рванулся къ нему и крикнулъ:

— Если ты не даешь удовлетворенія, такъ я беру его!

И звонкій ударъ пощечины раздался въ комнатѣ, и въ то же мгновеніе въ дверь просунулась голова швейцара, на глазахъ котораго Урусовъ оборвалъ у Столыпина аксельбантъ и замахнулся имъ.

— Швейцаръ, шпаги сюда!—крикнулъ Урусовъ.

— Онѣ здѣсь, ваше сіятельство!—отвѣтилъ швейцаръ, просовывая въ дверь двѣ шпаги и тотчасъ же плотно затворяя ее.

— Я нападаю!—крикнулъ Урусовъ.

— Обороняюсь!—отвѣтилъ Столыпинъ.

А на верху раздавались меланхолическіе звуки вальса и веселые голоса...

Черезъ десять минутъ изъ комнаты швейцара вышли Столыпинъ и Урусовъ.

— Дай умыться!—сказалъ Урусовъ. — Мы оба перепачкались кровью.

— Возьми шпаги и спрячь ихъ!—въ свою очередь замѣтилъ Столыпинъ. — Помни, что шпаги были у тебя, и ты ихъ намъ не отдавалъ... Понимаешь?

— Отлично понимаю! — произнесъ швейцаръ, почувствовавъ, что вмѣстѣ со шпагами въ его рукѣ очутилось нѣсколько монетъ.—Умывальникъ тамъ вонъ... направо.

Когда офицеры, умытые и причесанные, поднялись снова по лѣстницѣ, чтобы появиться вмѣстѣ въ злополучной биллиардной, ихъ встрѣтилъ полковой адъютантъ, поручикъ Сипягинъ.

— О вашей ссорѣ всежъ уже извѣстно!—сказалъ онъ.—И по приказанію плацъ-майора я ѣду съ докладомъ къ командиру полка! Какъ прикажете сказать?..

— Видишь?—проговорилъ Урусовъ, засучивая рукавъ и показывая свѣжій шрамъ, тянувшійся отъ ладони до локтя. — А у Столыпина мундиръ попорченъ. Но объ этомъ ни звука: мы поссорились, и я извинился передъ Столыпинимъ. Понялъ?

— Хорошо! Такъ я ѣду... А вы куда?

— Мы?! танцовать!

Офицеры, улыбающіеся и довольные другъ другомъ, пустились взапуски по лѣстницѣ.

III.

На слѣдующее утро полковой адъютантъ былъ призванъ къ полковнику Криденеру.

— Что случилось? докладывайте!—приказалъ онъ.

Сипягинъ рассказалъ о ссорѣ Урусова и Столыпина въ биллиардной, о томъ, что слухъ этотъ быстро распространился по заламъ собранія, что офицеры помирились, но что въ городѣ уже болтаютъ о бывшемъ будто бы между поссорившимися поединкѣ.

— А развѣ поединка не было?—спросилъ Криденеръ.—А развѣ Урусовъ не оскорбилъ Столыпина? а развѣ Столыпинъ не захотѣлъ удовлетворенія? а развѣ они не дрались? Не можетъ быть, не можетъ быть. Это дѣло не могло такъ рѣшиться. Они помирились, но, вѣроятно, на оружіи.

— Господинъ полковникъ, — возразилъ Сипягинъ, — для того, чтобы утверждать о томъ, что поединокъ былъ, нужны доказательства, а у насъ ихъ нѣтъ. Мало ли что могутъ говорить въ городѣ? Нельзя же всякому слуху вѣрить.

— Да, да! — согласился Криденеръ: — именно нельзя! Итакъ, если они удовлетворены, если общество ихъ принимаетъ, то, значитъ, они примирились на приличныхъ условіяхъ. Позовите ко мнѣ князя Урусова!

Тотъ явился и подтвердилъ, что онъ примирился со Столыпиннымъ такъ, какъ требовали того честь и офицерское званіе, но что слухамъ о поединкѣ не стоитъ придавать значенія.

— Такъ, такъ!—согласился Криденеръ.—Но если слухи будутъ все распространяться, то могутъ быть найдены неприятныя для васъ доказательства, и тогда всѣ узнаютъ, что за условія мира были у васъ. А за такія условія по головкѣ не поглядятъ. Но я сдѣлаю свое дѣло. Не стану доносить ни бригадному, ни дивизионному, а донесу прямо военному министру. Аракчеевъ такъ скоро разрѣшитъ дѣло, что никакихъ доказательствъ не найдутъ. Пишите докладъ на имя военнаго министра! — приказалъ Криденеръ Сипягину.

IV.

Императоръ Александръ I приказалъ нарядить судъ. Подсудимые были посажены на гауптвахты—Урусовъ на главную, а Столыпинъ—на арсенальную.

Противъ обыкновенія, судъ былъ оконченъ въ теченіе одного мѣсяца; единственный свидѣтель происшествія—швейцаръ говорилъ на судѣ:

— Кромѣ меня, никого при господахъ офицерахъ не было, никто ихъ не разнималъ, шпагъ при нихъ не было; его сіятель-

ства шпага была у меня, а поручика Столыпина — въ каретѣ. И говорятъ въ городѣ про поединокъ ложно. Никто поединка не видѣлъ; а какъ они полюбовно мирились, то знаю я и доподлинно видѣлъ, какъ они другъ другу руки подали и вскорѣ пошли танцевать, а потомъ и развѣхались.

Приговоръ суда, въ силу котораго Урусовъ и Столыпинъ были приговорены къ лишенію чиновъ и къ написанію въ рядовые, былъ представленъ на заключеніе великаго князя Константина Павловича.

Разсмотрѣвъ дѣло, великій князь представилъ государю императору слѣдующее:

«Хотя поручика Столыпина и должно почестъ подавшимъ начальную причину къ ссорѣ, въ разсужденіи произнесенныхъ имъ князю Урусову словъ, что онъ, играя на биллиардѣ, дастъ промахъ, но какъ таковыя слова сказаны въ шуткѣ, и не могли подать поводу къ разгоряченію и даже выйти изъ границъ благопристойности, чтобы при собраніи постороннихъ бранить Столыпина постыднымъ образомъ, посему обоихъ ихъ, какъ равно виновныхъ, судъ и приговорилъ къ наказанію согласно съ законами.

«Разсуждая жъ, съ одной стороны, сколько таковыя между офицерами поступки не приличны, а съ другой, — чистосердечное ихъ раскаяніе и преданіе себя въ высочайшее вашего императорскаго величества милосердіе, присовокупляя и то, что изъ оныхъ офицеровъ поведеніе князя Урусова коротко мнѣ не извѣстно, а изъ формулярнаго о немъ списка видно, что онъ служитъ усердно, поручикъ же Столыпинъ, служа подъ непосредственною моею командою, отличалъ себя какъ знаніемъ и усердіемъ по службѣ, такъ и похвальнымъ своимъ поведеніемъ, заслуживъ тѣмъ уваженіе начальства и всѣхъ вмѣстѣ служившихъ офицеровъ, въ уваженіе чего полагаетъ: означенныхъ поручиковъ — князя Урусова и Столыпина, выключивъ изъ гвардіи, опредѣлить тѣми же чинами въ армейскіе полки, дабы они съ вѣщимъ усердіемъ старались заслужить вновь милость вашего императорскаго величества».

Александръ I вполне согласился съ мнѣніемъ великаго князя; что же касается поступка полковника Криденера, который позволилъ себѣ обратиться съ донесеніемъ непосредственно къ Аракчееву, минуя свое ближайшее начальство, то таковой вызвалъ въ военномъ министерствѣ цѣлую бурю, и виновникъ долженъ былъ выслушать словесный выговоръ всеильнаго Аракчеева.

VIII.

На «шандалахъ».

I.

Частный приставъ захолустнаго городишка, Иванъ Семеновичъ Цитовичъ, поздно вечеромъ вышелъ изъ своей квартиры и пошелъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда ему надо было итти. Онъ отлично зналъ, что его супруга, толстая Жозефина Францовна, теперь спряталась за занавѣску и слѣдитъ за нимъ; онъ также не могъ ручаться, что дѣвка Лукерья не идетъ за нимъ по приказанію госпожи, чтобы узнать самымъ точнымъ образомъ, куда господинъ направился, и чѣмъ онъ будетъ тамъ заниматься. Поэтому необходимо нужно было измѣнить свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы ни Жозефина Францовна, ни Лукерья не могли возбудить на его счетъ какихъ либо подозрѣній.

Дѣло въ томъ, что самъ Иванъ Семеновичъ, несмотря на свой почтенный возрастъ, имѣлъ всѣ данныя, чтобы некрасивая Жозефина Францовна питала къ нему сильнѣйшее чувство ревности: онъ былъ красивъ, высокъ ростомъ, любилъ дамское общество и отличался необыкновенною силою. Последнее качество Ивана Семеновича имѣло огромное вліяніе на его служебную карьеру: онъ обогналъ товарищей и теперь былъ уже частнымъ приставомъ, имѣлъ порядочныя сбереженія и собирался уже выйти въ отставку, чтобы зажить заправскимъ помѣщикомъ.

А про силу Ивана Семеновича ходили необыкновенные рассказы: окрестные воришки и другіе лихіе люди не столько боялись грядущаго имъ по закону наказанія, сколько трепетали при видѣ мощнаго Ивана Семеновича, владѣющаго, какъ виртуозъ, всѣми своими четырьмя конечностями.

Разсказываютъ (не знаю, насколько это вѣрно), нѣсколько лѣтъ тому назадъ злоумышленники порѣшили раздѣлаться съ грознымъ приставомъ: въ одинъ темный, ненастный вечеръ, когда Иванъ Семеновичъ, пользуясь темнотою, пробирался къ одной изъ дамъ сердца отдаленными, скрытыми мракомъ и туманомъ отъ взоровъ Жозефины Францовны улицами, челоуѣкъ пять или шесть набросились на него. Иванъ Семеновичъ не растерялся: онъ ловко отбилъ нападеніе, повергъ во прахъ двухъ или трехъ разбойниковъ, а остальныхъ двоихъ схватилъ за волосы и сталъ легонько приводить въ соприкосновеніе ихъ лбы; последнее кончилось тѣмъ, что на утро въ часть были представлены въ безсознательномъ состояніи два оборванца съ сине-багровыми пятнами на лбахъ, и къ полдню они, не приходя въ сознаніе, умерли. Такъ причина ихъ смерти и осталась неизвѣстной.

Что касается другого качества Ивана Семеновича — неудержимаго влеченія къ женскому полу, то объ этомъ хотя и ходили разные слухи, но очевидно вымышленные или искажавшіе дѣйствительность. Лучше всѣхъ зналъ объ этомъ самъ Иванъ Семеновичъ, но о такихъ интимныхъ вещахъ онъ никому не говорилъ, тѣмъ болѣе, что еже дневныя объясненія съ супругою успѣли ему уже достаточно при скучить: слѣдовательно, расскажи онъ комунибудь свою любовную продѣлку,—хотя бы даже и закадычному другу,— и завтра Лукерья расскажетъ Жозефинѣ Францовнѣ съ талантомъ Боккачіо необыкновенное происшествіе, о которомъ уже говорить весь городъ.

— Всегда послѣдней... все узнаю послѣдней!—говорила Жозефина Францовна со слезами, обращая свои взоры на висѣвшій въ ея комнатѣ ея портретъ, написанный какимъ-то заѣзжимъ художникомъ много лѣтъ тому назадъ и изображавшій молодую красавицу (чтобы сдѣлать лицо красивымъ, художникъ взялъ очень большой гонораръ), вовсе не похожую на Жозефину Францовну. — Ахъ, если бы можно было вернуть старые годы, когда Иванъ Семеновичъ былъ мною очарованъ, и самъ онъ былъ молодъ!—говорила она со вздохомъ, и затѣмъ прибавляла:—Ужъ погоди же ты, старый пень, я тебѣ покажу за это, покажу... Только вернись.

И Иванъ Семеновичъ возвращался, и садился обѣдать, и начиналъ шутить съ супругою. И черезъ минуту въ него летѣли ложки, тарелки съ супомъ, солонка и другіе предметы домашняго обихода. Все это онъ сносилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и принималъ, какъ нѣчто заслуженное.

Словомъ, Иванъ Семеновичъ былъ образцовый хранитель общественной нравственности и внѣшняго порядка, а потому былъ цѣнимъ обывателями и награждаемъ начальствомъ: подъ его отеческимъ попеченіемъ захолустный городишко развивался, торговля въ немъ увеличивалась, и даже годъ тому назадъ сюда былъ переведенъ одинъ изъ мушкетерскихъ полковъ.

Послѣднее обстоятельство было не по душѣ Ивану Семеновичу: увеличилось населеніе (да еще со стороны мужского элемента), увеличались беспорядки, пришло еще начальство, отъ Ивана Семеновича независимое, и вообще служить и жить стало труднѣе. Зато торжествовала Жозефина Францовна: съ одной стороны, территорія Ивана Семеновича для любовныхъ походовъ значительно сузилась, потому что мушкетерскіе офицеры и солдатики знали дѣло не хуже Ивана Семеновича, съ другой же стороны—господа офицеры нерѣдко оказывали самой Жозефинѣ Францовнѣ честь и приходили запросто пообѣдать, выпить отличной настойки изъ вишенъ, приготовленной ею самою, поиграть въ карты; конечно, не обходилось дѣло и безъ легкаго ухаживанія: мушкетеры говорили хозяйкѣ дома комплименты,—она таяла и открывала свои

завѣтные погреба. Все это напоминало Жозефинѣ Францовнѣ то время, когда она была такъ молода и такъ обворожительна, какъ свидѣтельствовалъ о томъ ея портретъ.

Это я считаю достаточнымъ для характеристики Ивана Семеновича и его супруги—лицъ, пользовавшихся въ городѣ самымъ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Разумѣется, читатель хочетъ узнать, куда такъ таинственно пробирался Иванъ Семеновичъ, и, вѣроятно, легко догадывается, что рѣчь идетъ о какомъ нибудь романическомъ приключеніи, которыми была полна вся жизнь Ивана Семеновича.

II.

Дѣйствительно за послѣднее время въ благодушномъ самочувствіи Ивана Семеновича наступилъ тяжелый и, главное, непривычный для него надломъ: онъ—красавецъ, важное лицо, побѣдитель сотенъ женскихъ сердець—терпитъ неудачу уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Дѣло въ томъ, что въ захолустномъ городишкѣ былъ небольшой женскій монастырь, ютившійся на самомъ краю городской черты, на берегу быстрой рѣчонки, въ густыхъ высокихъ деревьяхъ. Этотъ монастырь обыкновенно служилъ первой инстанціей, куда поступали «выкрестки» женскаго пола для первоначальнаго назиданія въ правилахъ религіи: онѣ тамъ занимались уборкою помѣщеній, стиркою бѣлья, шитьемъ и т. п. По истеченіи годичнаго стажа онѣ выходили изъ монастыря и уходили на волю; очень многія изъ нихъ оставались въ томъ же городѣ и поступали въ услуженіе или открывали торговлю—сначала на базарахъ въ маленькихъ корзиночкахъ, потомъ въ небольшихъ лавочкахъ. Эти «выкрестки», преимущественно изъ евреекъ, пользовались всегда особымъ вниманіемъ и расположеніемъ Ивана Семеновича: онъ принималъ всегда самое дѣятельное участіе въ опредѣленіи ихъ въ монастырь, а также выказывалъ заботы объ обезпеченіи ихъ участи послѣ окончанія монастырскаго стажа, пользуясь за то ихъ услугами, какъ торговыхъ: бралъ иногда безъ денегъ у нихъ булки, бумагу, нитки, пуговицы, стараясь при этомъ высказать нѣсколько умныхъ мыслей, какъ, на примѣръ, о пользѣ торговли, о вліяніи климата, о любви къ животнымъ и т. п.

Выкрестки цѣнили вниманіе Ивана Семеновича и, въ свою очередь, платили ему тѣмъ же.

Но теперь, неизвѣстно, по какой причинѣ, одна изъ такихъ выкрестокъ, значившаяся официально «дѣвкой Евгеніею», не ставила Ивана Семеновича ни въ грошъ. Поступила она въ монастырь изъ другого города, родомъ была съ юга и не знала тѣхъ историческихъ традицій, которыя были установлены Иваномъ Семеновичемъ; къ тому же она была еще очень молода: ей едва минуло

17 лѣтъ, а потому и не могла оцѣнить должнымъ образомъ вниманіе значительныхъ людей.

Такія объясненія приходили на умъ Ивана Семеновича, но въ то же самое время какой-то голосъ изъ глубины шепталъ ему другое:

— Ты уже старъ! — говорилъ онъ. — Тебѣ за 50 лѣтъ... ты обрюзгъ, сгорбился и началъ сѣдѣть!..

И злое чувство охватывало Ивана Семеновича. Мысль, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ много лѣтъ тому назадъ, что любовныя свиданія съ «выкрестками» и другими охраняются исключительно только его вліяніемъ въ городѣ, а не побужденіями сердечнаго свойства, раздражали его.

А «дѣвка Евгенія», какъ на зло, вставала въ его воображеніи: рослая, красивая, съ подернутыми тонкой дымкой глазами, съ густою, длинною косою... Именно такая, во вкусѣ Ивана Семеновича...

Однако частный приставъ не имѣлъ у нея никакого успѣха... Мало того, на каждое его ухаживанье она отвѣчала такимъ искреннимъ смѣхомъ, что по кожѣ Ивана Семеновича начинали бѣгать мурашки, ему становилось и стыдно, и обидно... Потеряй онъ всякую надежду въ это время, — и онъ избилъ бы Евгенію всѣми четырьмя конечностями, какъ колотилъ чуть ли не ежедневно базарныхъ ворипекъ.

Но Иванъ Семеновичъ надежды не терялъ: къ чарамъ своей красоты онъ прибавлялъ чары болѣе вещественныя: приносилъ ей «разныя бездѣлки» — золотыя сережки, кольца, булавки и т. п. Все это принималось, разсматривалось и запирывалось куда-то очень далеко.

Вотъ и сегодня, идя дальними закоулками, онъ нащупываетъ въ карманѣ хорошенькую брошь, съ мелкими голубыми камешками. Иванъ Семеновичъ рѣшился на крайнее средство. Эта брошь имѣетъ свою исторію.

Много-много лѣтъ тому назадъ, задолго до того времени, когда художникъ изображалъ Жозефину Францовну, Иванъ Семеновичъ ѣздилъ въ Москву и приобрѣлъ тамъ эту брошь въ подарокъ своей супругѣ (тогда еще его невѣстѣ). Жозефина Францовна часто любила разглядывать ее и вспоминать прошлое время, заливаясь неудержимыми слезами. Иванъ Семеновичъ рѣшилъ воспользоваться брошью и «временно» дать ее въ собственность Евгеніи, конечно, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи взять эту брошь обратно. На такой шагъ онъ рѣшился только потому, что ждать далѣе не могъ, и атаку необходимо было вести, какъ можно рѣшительнѣе.

На раскрытіе такихъ интимныхъ вещей мы рѣшася исключительно для того, чтобы для читателя не оставалось темныхъ, неясныхъ, непонятныхъ мѣстъ, иначе все послѣдующее не дастъ нужнаго впечатлѣнія.

Итакъ, Иванъ Семеновичъ, скрывшись отъ взоровъ супруги и Лукерьи, шелъ по направлению къ монастырю.

Моросилъ мелкій осенній дождь. Благоустроенный городишко весь потонулъ во мракѣ, и нужно было хорошо знать мѣстность, чтобы шагать такъ бодро, какъ шагала Иванъ Семеновичъ въ темнотѣ и невылазной грязи. И чѣмъ ближе оставалось пройти до монастырской сторожки, тѣмъ сильнѣе колотилось его сердце, стучало въ вискахъ и какъ-то странно спирало дыханье.

III.

Монастырскій сторожъ Прохорычъ спалъ обыкновенно днемъ и, проснувшись вечеромъ, принимался за свою работу: надѣвалъ тулупъ, выходилъ на улицу и садился въ свою будку, гдѣ или продолжалъ спать, изрѣдка просыпаясь, чтобы ударить въ колоутушку, или предавался мечтаньямъ, или пѣлъ что нибудь божественное.

Сегодня онъ былъ настроенъ пессимистически: не спалъ, не ѣлъ и даже не мечталъ; отвратительная погода заставляла кутаться въ тулупъ, пожиматься отъ сырого тумана и холода и проклинать свою долготѣнную неблагоприятную службу. Ко всему этому прибавлялось еще новое огорченье: сапоги, которые онъ носилъ въ теченіе пяти лѣтъ вполне исправно и добросовѣстно, вдругъ ни съ того, ни съ сего стоптались и дали трещину. Надо было на-дняхъ нести ихъ къ сапожнику, а это значило—выбрасывать изъ кармана деньги, чтó при шестирублевомъ жалованьѣ въ годъ было для Прохорыча страшно убыточно.

— Жизнь собачья!—ворчалъ онъ.— Ни тебѣ спокойствія, ни тебѣ награды... Трудись и мерзни, а на сапоги деньги бросай... А взять ихъ откуда?.. Вотъ возьму и не отнесу къ сапожнику, пусть развалятся... А то на поди... взяли и разорвались... И диви бы ходилъ много, то всего на всего отъ будки до кровати... Жизнь собачья!.. Ни тебѣ счастья, ни тебѣ спокойствія... Грусть одна!..

И Прохорычъ долго еще проклиналъ бы свою судьбу, если бы вдругъ въ темнотѣ не появилась передъ нимъ рослая фигура Ивана Семеновича.

— Ишь ты!—звкнулъ частный приставъ.—Караульчики тоже: запрягались въ конуру и спить... Выходи...

— Ну, ну... Тоже порядчики нашлись!.. — невозмутимо отвѣтилъ Прохорычъ и застучалъ въ доску.

Между Прохорычемъ и Иваномъ Семеновичемъ существовали совершенно особыя отношенія, которыя, надо сказать, не нравились послѣднему. Приди Иванъ Семеновичъ къ монастырю днемъ, и Прохорычъ почтительно всталъ бы, чтобы привѣтствовать строго частнаго пристава. Другое дѣло—вечеромъ или ночью, когда

для Прохорыча уже не было частнаго пристава Ивана Семеновича, а былъ самый обыкновенный человекъ, который вотъ уже тридцать лѣтъ, съ первыхъ годовъ службы Прохорыча, ходитъ къ монастырскимъ воротамъ, заискиваетъ у стараго, немощнаго Прохорыча и съ глубокою благодарностью пользуется его услугами по устройству интимныхъ сношеній съ «выкрестками».

Такъ было и на этотъ разъ, почему грозный окликъ Ивана Семеновича не произвелъ желаемаго дѣйствія и тотчасъ же смѣнился кроткимъ и фамильярнымъ шопотомъ.

— Ну, не сердись, старина!—сказалъ приставъ.—Самъ знаешь, люблю я порядокъ!..

— Кто жь его не любитъ!..—отозвался Прохорычъ, закутываясь въ тулупъ и усаживаясь въ глубинѣ будки.

— Разумѣется!—согласился Иванъ Семеновичъ и смолкъ.

Прохорычъ отлично знаетъ, что приставъ постоитъ немного, помолчать, а потомъ, стараясь не глядѣть въ его сторону, скажетъ:

— Такъ я пройду къ тебѣ!.. А ты сходи... знаешь?

Но на этотъ разъ Прохорычъ готовить приставу сюрпризъ и желаетъ выместить свою злобу на Иванѣ Семеновичѣ, а потому громко вѣваетъ и говорить:

— Прощайте, Иванъ Семеновичъ!

Иванъ Семеновичъ удивленно глядитъ на него.

— Прощай!.. Такъ я къ тебѣ пройду... А ты...

— И итти-то вамъ не зачѣмъ!—рѣзко перебиваетъ его Прохорычъ.

— Почему?.. Что ты говоришь?—еще болѣе изумился Иванъ Семеновичъ.

— Да ужъ не зачѣмъ... Я говорю вамъ!—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ Прохорычъ.

Иванъ Семеновичъ думаетъ, что Прохорычъ разсердился на него за замѣчаніе; онъ дѣлаетъ привѣтливое лицо и трогаетъ сто-рожка за рукавъ.

— Эй, старина, старина! Съ тобой и пошутить нельзя... Какой обидчивый!

— Вѣстимо, старъ я!.. Да, вѣдь, и вы, батюшка, Иванъ Семеновичъ, не изъ махонькихъ... И какъ это грѣхи всѣ ваши вамъ прощаются?.. Какъ земля-то васъ, отецъ мой, носитъ?

— Что ты брешешь?

— А то, стало быть... что человекъу пора о грѣхахъ думать, душу спасать, а онъ все старыми дѣлами занимается... Грѣхъ какой!..

— Замолчи ты... Ишь наставникъ нашелся!..—разсердился Иванъ Семеновичъ.

— Стало быть, наставникъ! Все бабъ ищетъ, а бабы отъ него, отъ стараго, бѣгутъ прочь; онъ за бабой, а баба отъ него, да что духу есть бѣжить... Такъ-то, батюшка! Пора бабъ бросить, пора...

Иванъ Семеновичъ долженъ былъ сдержать себя, чтобы не развиться потокомъ брани, что для него было вовсе не выгодно, а потому ничего не отвѣтилъ сторожу, подумалъ немного и снова сказалъ:

— Такъ я къ тебѣ пройду... а ты...

— Знаю, батюшка!—подхватилъ Прохорычъ.—Я тутъ сижу да сапоги треплю, да зданіе охраняю, а мнѣ за это почета нѣтъ, а ты вотъ къ сапожнику зашелъ—онъ-те и подметки, онъ-те и заплатку... А дѣвка твоя сбѣжала... вотъ тебѣ и весь мой сказъ... и уходи, сдѣлай милость, прсчь, а не то матушкѣ настоятельница всю истинную правду расскажу...

— Что ты говоришь?—вскрикнулъ Иванъ Семеновичъ и почувствовалъ, что у него похолодѣли руки.

— Говорю: Евгенія сбѣжала!..

— Да какъ она смѣла? да кто ее выпустилъ? да что же начальство ваше глядитъ?

— Что жъ... она — человекъ вольный, ей вездѣ дорога широкая... А начальство знаетъ ужъ, что дѣлать надоть... Такъ-то, братъ, ваше благородіе...

— Да ты не врешь ли? Прохорушка, не врешь ли ты?—взмолился Иванъ Семеновичъ, не теряя еще надежды и думая, что сторожъ просто шутитъ надъ нимъ.

— Отродясь не вралъ, господинъ мой! Наша служба не вашей чета... прямая и открытая!

— А-а!.. — заревѣлъ Иванъ Семеновичъ. — Такъ вотъ что... И ваше начальство въ полицію знать не даетъ. Ладно... Я до тебя доберусь: это ты виноватъ, ты выпустилъ...

— Я домъ не караюлю...

— Ладно... Такъ вотъ что... вотъ какъ!.. Я ей покажу, я всёмъ покажу...

— Поглядимъ, батюшка, показывай!.. А дѣвки-то съ утра нѣтути...

— Я ее разыщу... Ужъ всё силы употреблю, а разыщу!—крикнулъ Иванъ Семеновичъ и, погрозивъ своимъ чудовищнымъ кулакомъ въ пространство, быстро повернулъ назадъ.

— Ищи, отецъ родной, вѣтра въ полѣ... Авось разыщешь!..—усмѣхнулся Прохорычъ, застучалъ въ доску и почувствовалъ, что теперь на душѣ у него стало какъ будто легче: злобы не было, и даже хотѣлось спать.

Онъ поднялся, поглядѣлъ въ темноту, гдѣ скрылся силуэтъ Ивана Семеновича, и скоро его храпъ огласилъ дырявыя стѣнки сторожевой будки...

А дождь все усиливался. Свинцовыя тучи недвижно повисли надъ городомъ.

IV.

Прошло три дня. Бѣгство дѣвки Евгеніи изъ монастыря сдѣлалось злобою города. Во всѣхъ домахъ только и было разговору объ Евгеніи и ея похитителѣ. Скромные и неглубокомыслящіе обыватели предполагали, что Евгенія сбѣжала отъ монастырскихъ строгостей, болѣе дальновидные считали соучастникомъ ея бѣгства самого частнаго пристава Ивана Семеновича, наконецъ — третьи утверждали, что бѣгство Евгеніи—дѣло солдатскихъ или офицерскихъ рукъ. Послѣднее было ближе къ истинѣ, и потому этому извѣстію повѣрили.

Однако, на базарной площади циркулировали слухи совсѣмъ другого рода: одна старуха, торговавшая бубликами и прескверными пряниками, отъ которыхъ пахло то лукомъ, то новою кожею, божилась, что видѣла Евгенію въ одной рубашкѣ въ объятіяхъ какого-то страшнаго чудовища съ рогами и съ обрубленнымъ хвостомъ; чудовище это тащило Евгенію по направленію къ части и вдругъ поднялось съ нею въ высоту и полетѣло за городъ.

Однако, всѣ эти рассказы не вели къ цѣли и глубоко возмущали Ивана Семеновича.

Онъ напрягалъ всѣ свои силы, ходилъ днемъ и ночью по самымъ отдаленнымъ закоулкамъ города, гонялъ взадъ и впередъ будочниковъ и квартальныхъ, но ничто не помогало: Евгенія словно въ воду канула.

А терзаніямъ и мукамъ сердца Ивана Семеновича не было конца: дорого бы онъ далъ, чтобы отмстить свою обиду и насладиться страданіями жертвы. Если Евгенія сбѣжала отъ строгостей,—пусть такъ; если она сбѣжала къ «своимъ», не поладивъ съ христіанскою вѣрою,—и то ничего; но если она сбѣжала къ полковымъ, сбѣжала отъ ухаживаній и подарковъ Ивана Семеновича, то... Иванъ Семеновичъ срывался съ мѣста и начиналъ ходить по комнатамъ, сверкая глазами и грозя кулаками.

— Но какими средствами открыть ея пріютъ?—думалъ Иванъ Семеновичъ.—Мои будочники и квартальные ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ и только зря отъ занятій отлыниваютъ, какъ будто отыскиваютъ бѣглянку... На нихъ нельзя положиться, а самому вездѣ поспѣть невозможно.

И онъ съ отчаяніемъ ломалъ руки и закидывалъ назадъ голову.

На третій день вечеромъ, когда онъ сидѣлъ въ части, сочиняя какую-то сложную бумагу по начальству, ему доложили о приходѣ монастырскаго сторожа.

— А-а, собака!—прошипѣлъ Иванъ Семеновичъ.—Впустить его...

Отворилась дверь, и на порогѣ показалась сгорбленная фигура Прохорыча. Онъ остановился у порога и громко, по-солдатски, произнесъ:

— Желаю здравствовать вашему благородію!

— Ахъ, ты песъ этакій!—набросился на него Иванъ Семеновичъ, видя предъ собой своего давнишняго врага, услугами котораго пользовался много лѣтъ съ трудно скрываемою ненавистью.— Собака ты старая! Изъ-за тебя, каналы, покоя не знаешь... Его хлѣбомъ кормятъ, деньги платятъ, а онъ за воротами услѣдить не можетъ... А? Такъ ты что же? а? Кляча старая...

И въ глазахъ Ивана Семеновича блеснулъ такой зловѣщій огонекъ, что Прохорычъ сначала присѣлъ на корточки, потомъ повалился въ ноги и крикнулъ:

— Бей, батюшка, бей!.. По дѣломъ мнѣ, по дѣломъ... Бей, батюшка!..

Неожиданность, съ которою произошла вся эта сцена, смутила Ивана Семеновича, къ тому же и Прохорычъ, лежавшій на полу, былъ такъ жалокъ, что приставъ плюнулъ и отошелъ въ сторону:

— Пошелъ вонъ!.. Я за тебя заступаться не стану... Ты во всемъ виноватъ, ты и отвѣтишь... Подъ судъ пойдешь... Такъ васъ и нужно, негодяевъ... Вонъ!..

Прохорычъ поднялся, обтеръ рукавомъ полы зипуна и остановился, глядя на Ивана Семеновича.

— Позвольте, ваше благородіе, доложить...—началъ онъ робко.

— Что еще?—окрикнулъ его Иванъ Семеновичъ.

— Такъ что я таперича все равно пропащій человѣкъ,— продолжалъ Прохорычъ грустно,— изъ монастыря, коли ежели дѣвку не найдутъ, меня выгонятъ, такъ дозвольте доложить...

— Да въ чемъ дѣло?

— Я, конечно, человѣкъ простой, можно сказать—дуракъ, что ни на есть... не вамъ, ваше благородіе, чета, а все-таки дозвольте доложить...

— Ну, ну... говори и убирайся вонъ!

— Такъ что Евгенія, значить, изъ евреекъ... А ихній братъ, стало быть, не любить... кто, значить, вѣру ихнюю мѣняетъ... Такъ вотъ ежели найти какого еврейчика, да пообѣщать ему деньжонокъ, такъ, пожалуй, онъ дѣвку-то отъ злобы на нее и найдетъ... Такъ-то, ваше благородіе... А найдетъ дѣвка,—добавилъ шопотомъ Прохорычъ,—и мнѣ будетъ лучше, и вамъ... Уломаю ее, вотъ-те, повѣрь, уломаю.

— Да... да!—произнесъ въ раздумьѣ Иванъ Семеновичъ.—Это такъ... умно придумано... Да гдѣ же такого жида найти?.. У меня и на примѣтѣ нѣтъ такихъ...

— Объ этомъ, ваше благородіе, не беспокойтесь... У меня есть одинъ... лудильщикъ Яшка... я ужъ его просилъ... да онъ два червонца спрашиваетъ... А мнѣ гдѣ взять... участь каторжная, сапогъ починить не на что...

Иванъ Семеновичъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

Надежда наполнила его сердце, что-то еладкое подкатилось къ горлу, и закружилась голова.

— Уломаешь? уломаешь? — пробормоталъ онъ и вдругъ весело расхохотался.— Люблю я тебя, Пропка, даромъ, что ты мошенникъ... Ну, тащи сюда своего жида!

Прохорычъ выбѣжалъ, и черезъ нѣсколько минутъ лудильщикъ Яшка съ серьезнымъ лицомъ, какое бываетъ у знаменитыхъ докторовъ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе жизни умирающаго чело-вѣка, входилъ въ комнату Ивана Семеновича безъ всякаго смущенія и робости.

Совѣщаніе длилось болѣе часа. Оно велось безъ свидѣтелей и шопотомъ, отдѣльными, отрывочными фразами, полными для совѣщавшихся особаго глубокаго смысла.

— На той недѣлѣ найди къ намъ... возьми тамъ... запаять надо! — сказалъ Иванъ Семеновичъ Яшкѣ на прощанье и повелительнымъ жестомъ указалъ на дверь.

Лудильщикъ отвѣсилъ низкій поклонъ и быстро вышелъ.

V.

Въ центрѣ квартала, отведеннаго для стоянки мушкетерскаго полка, на одной изъ бойкихъ улицъ, стоялъ шинокъ—двухъэтаж-ный домъ, съ покосившеюся крышею и удивительно узкими окопеч-ками. Эта крыша и эти окна бросались въ глаза, такъ что сначала нельзя было даже разглядѣть длинную вывѣску, на которой время почти совершенно сгладило надпись «Утѣха»; изъ пяти буквъ кое-какъ уцѣлѣли только три: *у* и *ха*, такъ что трактиръ называли просто: «Уха», и старинное названіе поэтическаго свойства замѣни-лось болѣе прозаическимъ.

Прежде въ «Ухѣ» собирались въ торговые дни купцы и здѣсь рѣшали свои торговыя сдѣлки; но со времени перевода въ городъ части войскъ трактиръ сталъ средоточіемъ военныхъ, при чемъ низъ помѣщенія былъ отведенъ для солдатъ, а въ верхней поло-винѣ—болѣе чистой—располагались офицеры.

Незатѣйливая и грязная обстановка шинка нисколько не мѣшала посѣтителемъ проводить весело время, тѣмъ болѣе, что полицей-скія власти—и даже самъ Иванъ Семеновичъ—предпочитали обхо-дить шинокъ, нежели вмѣшиваться въ порядокъ времяпровожде-нія военныхъ людей и, пожалуй, наткнуться на неприятность.

Шинокъ никогда не запирался, и въ любое время дня и ночи тамъ можно было достать все, что требовалось въ данную минуту. Карты, которыя отъ хозяина направлялись въ верхній этажъ шинка для господъ офицеровъ, по истеченіи нѣкотораго времени спуска-лись въ нижній этажъ и переходили въ руки нижнихъ чиновъ,

которые играли такъ же рьяно, какъ и офицеры, часто приглашая въ свою компанію посадскихъ жителей.

Благодаря этимъ условіямъ, хозяинъ шинка богатѣлъ и, полный благодарности военному населенію, всегда держалъ его сторону.

Вблизи шинка находилась военная гауптвахта съ карауломъ, такъ что и внѣшній порядокъ вблизи трактира охранялся достаточнымъ образомъ.

Поэтому даже для самого Ивана Семеновича казалось страннымъ заходить когда нибудь въ эту часть города, ему несимпатичную. Однако ему пришлось, хотя и съ горечью въ сердцѣ, пойти въ этотъ нелюбимый кварталъ. Дѣло въ томъ, что лудильщикъ Яшка исполнилъ свое обѣщаніе и открылъ мѣстопробываніе бѣглой дѣвки Евгеніи. По его показаніямъ, Евгенія пребываетъ въ шинкѣ, у господъ офицеровъ и домой вовсе не торопится; пребываетъ она тамъ открыто, такъ какъ военные ея не выдаютъ, пьеть вино, хохочетъ, танцуетъ и вообще ведетъ себя неподобающе.

Такія свѣдѣнія принесъ Яшка и крайне опечалилъ Ивана Семеновича; мало того, что онъ своими вѣстями возбудилъ въ Иванѣ Семеновичѣ чувства ревности и отчаянія, — ему еще надо было самому итти въ «Уху» и ловить тамъ Евгенію. Что это дѣло было трудное, Иванъ Семеновичъ не сомнѣвался, но онъ также зналъ, что ловля бѣглянки можетъ подорвать его авторитетъ въ городѣ, такъ какъ въ шинкѣ его за начальство не считаютъ, могутъ оскорбить, унижить, насмѣяться, а на завтра распустить по городу самыя невыгодныя для него и обидныя слухи.

Одну минуту онъ колебался и рѣшалъ гамлетовскій вопросъ:

— Итти или не итти?

Но затѣмъ крикнулъ, мотнулъ головой и, толкнувъ Яшку въ спину, сказалъ:

— Веди... И ужъ если жъ тамъ ея нѣтъ... если ея нѣтъ... я тебѣ!..

И грозныя взгляды Ивана Семеновича убѣждали Яшку, что пощады ему не будетъ.

Они пошли. Яшка, чтобы не возбуждать подозрѣній, шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади Ивана Семеновича; отъ нечего дѣлать Яшка старался попасть «въ ногу» Ивану Семеновичу; сначала это ему не удавалось, такъ какъ Иванъ Семеновичъ шелъ величаво и спокойно, а Яшка семенилъ, но потомъ онъ наловчился, и это стало его забавлять.

До «Ухи» было недалеко. Иванъ Семеновичъ уже видѣлъ освѣщенныя окна зданія. Сердце его колотилось, словно ему тѣсно было въ могучей груди частнаго пристава. Но онъ все шелъ, прибавляя шагъ по мѣрѣ приближенія къ «Ухѣ». Все чаще и чаще стали показываться солдатскія фигуры, слышатся своеобразный армейскій языкъ, уснащенный отборными словечками, и все меньше встрѣчалось гражданскихъ людей.

Иванъ Семеновичъ, чтобы не быть узаннымъ, шелъ въ енотовой шубѣ, доставшейся ему отъ отца въ качествѣ единственнаго наслѣдства, а потому на первый взглядъ его скорѣе можно было принять за прѣважаго купца, и только длинные усы съ завитками на концахъ да грозный взглядъ свидѣтельствовали, что передъ вами независимый человѣкъ и большое начальство.

Вотъ и «Уха». Изъ поминутно отворяющейся двери несетъ какой-то смѣшанный гулъ, который, вырвавшись на улицу, тотчасъ же тонетъ въ пространство.

Иванъ Семеновичъ остановился. Яшка приблизился къ нему и почтительно снялъ шапку.

— Надѣнь, дуракъ, надѣнь! — шопотомъ проговорилъ приставъ. — Еще узнаютъ...

— Чего изволите? — спросилъ Яшка.

— Ты войдешь и посмотришь, гдѣ «она»... Потомъ приди... и мы вмѣстѣ прямо захватимъ... Понялъ?

Яшка сдѣлалъ довольное лицо и юркнулъ въ дверь. Снова вылетѣлъ гулъ, и все стихло.

Иванъ Семеновичъ остался одинъ и, подойдя къ окну, сталъ смотрѣть въ него, стараясь разобрать, что дѣлается въ шинкѣ. Но запотѣвшія окна слезливо позвякивали и дрожали, рисуя на стеклахъ туманные силуэты фигуръ, сидѣвшихъ внутри кабачка.

— Тебѣ что нужно здѣсь? — услышалъ Иванъ Семеновичъ около себя чей-то громкій голосъ и невольно обернулся.

Передъ нимъ стоялъ рослый дѣтина, безъ шапки и съ шинелью, слегка накинутаю на плечи.

— Я тебя спрашиваю, тебѣ что здѣсь нужно? — повторилъ онъ. — Здѣсь, братъ, шляться постороннимъ не дозволяется... Аль не знаешь, что вечернюю зорю пробили?.. а? А хошь — тебя я въ караулъ отправлю?..

Солдатъ, смѣля отъ молчанья Ивана Семеновича, подступалъ къ нему ближе и ближе.

— Да я тутъ одного солдатика вашего ищю! — продолжалъ Иванъ Семеновичъ.

— Солдатика?! Такъ и шелъ бы въ «Уху», нечего подь окнами слоняться... — замѣтилъ солдатъ. — Вона дверь-то.

Нечего было дѣлать: Ивану Семеновичу приходилось итти. Онъ двинулся за солдатомъ и вошелъ въ шинокъ.

Въ спертотъ воздухъ кабачка было трудно дышать: онъ былъ пронизанъ дымомъ, запахомъ водки и чего-то такого, что и до сихъ поръ свойственно помѣщеніямъ нижнихъ чиновъ. Люди сидѣли, стояли, ходили и говорили, слышались пѣсни, хохотъ, брань. Все гудѣло и не обращало вниманія на вошедшаго. Рослый дѣтина, къ удовольствію Ивана Семеновича, куда-то пропалъ, и теперь въ массѣ людей Иванъ Семеновичъ чувствовалъ себя, какъ на без-

людной улицѣ: всѣ были заняты своимъ дѣломъ и пристава не замѣчали.

— Зачѣмъ вы пришли? Ея тутъ нѣтъ!—услыхалъ онъ шопотъ Яшки, который, не задумываясь, схватилъ Ивана Семеновича за рукавъ и повлекъ его къ двери.

— Гдѣ же она?—зарычалъ Иванъ Семеновичъ на улицѣ, приходя въ себя.

— А вотъ я васъ поведу...—сказалъ Яшка.—Она у господина офицера въ гостяхъ...

— У офицера-а?—протянулъ Иванъ Семеновичъ.—Ну, ладно же!..

Неловкость, которую онъ ощущалъ до сихъ поръ, исчезла; въ немъ снова проснулся начальникъ, частный приставъ, который шелъ теперь приводить кварталъ въ должный порядокъ. И попадись ему теперь рослый дѣтина, онъ показалъ бы ему свои полномочія.

— Тутъ!—буркнулъ Яшка, указывая на окно дома, сосѣдняго съ шинкомъ, и мгновенно исчезъ.

И это былъ очень удачный маневръ со стороны Яшки, такъ какъ глазамъ Ивана Семеновича представилась картина, способная довести пристава до бѣшенства, жертвою котораго неминуемо сдѣлался бы самъ Яшка.

Иванъ Семеновичъ остолбенѣлъ: прямо передъ нимъ на широкомъ диванѣ сидѣлъ офицеръ, штабсъ-капитанъ Жегаловъ; одной рукой онъ держалъ длинный чубукъ, а другою лѣниво гладилъ по волосамъ... Евгению. Другой офицеръ, котораго Иванъ Семеновичъ не зналъ, лежалъ на кровати, закинувъ подъ голову руки, и, кажется, спалъ. Евгения чему-то улыбалась и покачивала головой.

Вся дальнѣйшая сцена, которая займетъ у насъ нѣсколько строкъ, произошла въ одно мгновеніе.

Иванъ Семеновичъ, съ трудомъ переводя дыханіе, направился къ двери и толкнулъ ее. Дверь отворилась, и приставъ очутился въ потемкахъ. Ощупью онъ нашелъ ручку другой двери, и черезъ минуту онъ стоялъ уже передъ хозяевами.

— Что нужно?—воскликнулъ Жегаловъ и поднялся съ дивана.

Лежавшій офицеръ также вскочилъ, и только Евгения продолжала сидѣть.

— А-а!.. а-а!..—хрипѣлъ Иванъ Семеновичъ.—Что нужно?.. Эту нужно...

Онъ показалъ пальцемъ на Евгению.

Та поглядѣла на Ивана Семеновича и вскрикнула:

— Это—приставъ, приставъ...

Она вскочила и хотѣла было бѣжать.

— Стой, подлая!—зарычалъ Иванъ Семеновичъ и ударилъ Евгению ладонью по щекѣ.

— Какъ ты смѣешь? какъ ты смѣешь?—накинулись на него офицеры.

— Я—приставъ, господа офицеры!—вѣжливо сказалъ Иванъ Семеновичъ. — Мнѣ приказано доставить бѣглую дѣвку въ монастырь... И я исполняю только долгъ...

— Но зачѣмъ же бить ее? Кто это разрѣшалъ? — возмутился Жегаловъ.—Евгенія!..

Но Евгеніи уже не было въ комнатѣ.

— Я дѣйствую по закону! — продолжалъ галантно изъяснять Иванъ Семеновичъ.—Извиняюсь за причиненное безпокойство. А завтра вашему начальству будетъ донесено, что вы пристанодержательствовали бѣглой... Честь имѣю кланяться!.. Эй, ты, пойдѣмъ!..

Иванъ Семеновичъ сдѣлалъ подъ козырекъ и оглянулся. Евгеніи въ комнатѣ не было.

— Позвольте... позвольте!..—забормоталъ онъ.—Гдѣ же дѣвка?... Эй, ты!..

И онъ безпомощно сталъ смотрѣть по сторонамъ, заглядывать подъ столъ и стулья, думая найти тамъ Евгенію, и ничего не находилъ.

Офицеры, оправившіеся отъ перваго смущенія, стали хохотать: фигура пристава, изъ грозной превратившаяся въ жалкую, была дѣйствительно смѣшна. Это разсердило Ивана Семеновича. Онъ поглядѣлъ на офицеровъ и строго замѣтилъ:

— Господа, если вы все-таки будете скрывать дѣвку, то вы отвѣтите...

— Да мы ея и не скрываемъ!—сказалъ Жегаловъ.—Ищите по комнатѣ, другихъ помѣщеній у насъ нѣтъ. Эта женщина была приглашена нами для стирки бѣлья... и скрывать ее намъ вовсе не нужно...

— Очень хорошо-съ... очень... Честь имѣю кланяться!—забормоталъ Иванъ Семеновичъ и направился къ выходу, продолжая заглядывать подъ стулья.

— Позвольте!—остановилъ его Жегаловъ, сдерживаясь отъ дувившаго его хохота.—Вы совершили противъ меня много такихъ поступковъ, которые такъ быть оставлены не могутъ...

— Чего-съ?

— А вотъ чего-съ!... Во-первыхъ, вы въ моемъ присутствіи оскорбили женщину!...

— Женщину?!—искренно удивился Иванъ Семеновичъ. — Это дѣвка-то, по-вашему, благородною выходитъ... Ну, ужъ извините, не понимаю!...

— Во-вторыхъ, вы осмѣлились войти въ мою квартиру и тѣмъ самымъ оскорбили меня...

— По долгу службы... по долгу!...

— Это мнѣ все равно!...—сказалъ Жегаловъ уже серьезно. — Кромѣ долга службы, есть еще долгъ порядочнаго человѣка... И если вы порядочный, то должны дать мнѣ удовлетвореніе...

Иванъ Семеновичъ окончательно растерялся и только могъ проговорить:

— Чего-съ?

— Да что вы мнѣ все «чего-съ» да «чего-съ!»—въ свою очередь разсердился Жегаловъ. — Я говорю прямо: способны ли вы дать мнѣ удовлетвореніе? Отвѣчайте!

— Оно, конечно... въ разсужденіи того, что я вошелъ въ вашъ домъ, оно точно... но я долженъ былъ сдѣлать, а что насчетъ дѣвки, то ужъ это вы оставьте... Она—просто тварь!

— Вы опять повторяете ваши ругательства!—вспыхнулъ Жегаловъ.—Однако, этой твари вы надоѣдали цѣлыхъ три мѣсяца...

— Что-съ? что-съ?

— Да, да. Вы цѣлыхъ три мѣсяца таскались въ монастырь, чтобы заслужить ея расположеніе или даже къ чему другому склонить... Я этого не знаю... А теперь вы ссылаетесь на долгъ, на обязанности, на какое-то право... Вы просто — старый бабникъ и притомъ еще гнуснѣйшаго свойства... Поняли?

— Понялъ-съ... очень хорошо понялъ!...—съ разстановкой проговорилъ Иванъ Семеновичъ, чувствуя сильный приливъ гнѣва; всѣ эти оскорбленія застали его врасплохъ, и онъ не могъ найти выхода изъ такого положенія.

— Но позвольте, милостивый государь, вы забываете, что я—приставъ... да... я—частный приставъ, лицо должностное и исполняю свои обязанности... Позвольте...

— Позволю, господинъ частный приставъ!—отвѣтилъ Жегаловъ.—Но я тоже лицо должностное: я — офицеръ русской арміи, и позоръ, которымъ вы покрыли меня, требуетъ отплаты... Поняли? Выбирайте оружіе...

Жегаловъ показалъ на стѣну, гдѣ висѣли пистолеты, шпаги, сабли.

Иванъ Семеновичъ поглядѣлъ на оружіе, потомъ на Жегалова и почесалъ затылокъ.

— Что-жь... я ничего... я готовъ извиниться! — пробормоталъ онъ и вдругъ какъ-то съежился, и вся его фигура приняла снова жалкое выраженіе.

— Брось его!—шепнулъ Жегалову его товарищъ-офицеръ.

— Нѣтъ, не брошу!—отвѣтилъ тотъ громко. — Извиненій мнѣ не нужно... Ваши оскорбленія слишкомъ сильны, чтобы могли быть покрыты извиненіями...

— Да я ни стрѣлять, ни шпагами драться не умѣю!—съ трудомъ проговорилъ Иванъ Семеновичъ.

Офицеры переглянулись, и ихъ снова сталъ душить хохоть.

— Какъ угодно!... Вамъ принадлежитъ право выбрать оружіе!—холодно отвѣтилъ Жегаловъ и отошелъ въ дальній уголъ комнаты.

Иванъ Семеновичъ совсѣмъ потерялъ голову: онъ бессмысленно уставился на стѣну, потомъ перевелъ глаза на дверь, поглядѣлъ на столъ.

— Вотъ развѣ на этомъ...—тихо проговорилъ онъ, кивая головою на длинные мѣдные подсвѣчники.—На этомъ можно?...

Жегаловъ такъ громко разсмѣялся, что Иванъ Семеновичъ вздрогнулъ и отвернулся.

— Дуэль на шандалахъ? — воскликнулъ офицеръ. — Великолѣпно... идетъ на шандалахъ. Право противника выбрать оружіе—священно, и я преклоняюсь передъ нимъ...

— Что съ тобой? брось!—проговорилъ офицеръ, удерживая Жегалова за рукавъ.

Тотъ вырвалъ руку, вынулъ изъ подсвѣчниковъ свѣчи, взялъ одинъ изъ нихъ и громко скомандовалъ:

— Ну, частный приставъ, становитесь въ позицію!...

Иванъ Семеновичъ засучилъ рукава и взялъ другой подсвѣчникъ.

— Начинай! — крикнулъ Жегаловъ и рванулся къ Ивану Семеновичу, потрясая шандаломъ.

Его товарищъ выбѣжалъ изъ комнаты и бѣгомъ направился къ гауптвахтѣ.

.....

VI.

Поздно ночью въ квартирѣ Ивана Семеновича царило необыкновенное оживленіе.

Жозефина Францовна бѣгала взадъ и впередъ по комнатамъ, Лукерья металась изъ стороны въ сторону, и обѣ онѣ чувствовали себя какъ нельзя хуже.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Семеновичъ вернулся домой и тотчасъ же послалъ за уѣзднымъ докторомъ. Это обстоятельство такъ смутило бѣдную Жозефину Францовну, которая была убѣждена въ богатырскомъ здоровьѣ своего супруга, что теперь она чувствовала себя погибшей, потерянной, чуть ли не вдовой, а потому безпрестанно подбѣгала къ комнатѣ Ивана Семеновича, прислушиваясь къ происходившему тамъ разговору, но до ея слуха только долеталъ густой басъ Ивана Семеновича и тоненькій тенорокъ уѣзднаго врача.

— Успокойтесь! Все обстоитъ благополучно!—сказалъ ей докторъ, выходя отъ Ивана Семеновича.—Дня черезъ два все пройдетъ!

Жозефина Францовна рванулась было къ супругу, но дверь въ его комнату оказалась запертой, и изъ-за нея слышался голосъ Ивана Семеновича.

— Докторъ воспретилъ меня беспокоить!—сказалъ онъ и больше уже не подходилъ къ двери, несмотря на самыя нѣжныя упрашиванья супруги.

По уходѣ доктора Иванъ Семеновичъ сѣлъ писать донесеніе по начальству.

«Сего 1802-го года, октября 24-го дня, — писалъ, онъ:—я, частный приставъ города N—ска, Цитовичъ, по пробитіи вечерней зори, узнавъ, что отлучившаяся самовольно изъ тамошняго монастыря изъ перекрестокъ дѣвка Еженія, примѣченная мною въ непорядочномъ поведеніи, находится въ шинковомъ домѣ близъ самой квартиры —овскаго мушкетерскаго полка штабсъ-капитана Жегалова, а какъ я прежде былъ прошенъ о доставленіи той дѣвки въ монастырь, то, не найдя ее тамъ, зашелъ въ квартиру Жегалова и былъ тогда въ одной только шубѣ, гдѣ, увидя ту дѣвку, каковая якобы была призвана для найма мыть бѣлье, стоявшую подлѣ кровати, его спросилъ, зачѣмъ она тутъ, и потомъ ударилъ ее по лицу, отъ чего Жегаловъ набросился на меня, и отъ чего, по свидѣтельству уѣзднаго доктора, у меня оказались оба глаза подбиты и синебагровыя пятна, а носъ отъ удара распухъ».

Въ заключеніе своего донесенія Иванъ Семеновичъ просилъ дать дѣлу законный ходъ, избѣгая упоминать при этомъ столь ненавистное для него слово «дуэль».

— Пусть будто ссора произошла!—подумалъ онъ.—А то дуэль, да дуэль!... За дуэль со службы выгонять!...

Затѣмъ онъ прислушался: въ его домѣ царилъ тишина. Онъ нащупалъ въ карманѣ брошь Жозефины Францовны и на ципочкахъ пошелъ въ спальню, чтобы положить ее на мѣсто. И ему казалось, что онъ испытываетъ то же чувство любви къ супругѣ, которое волновало его, когда онъ впервые, по приѣздѣ изъ Москвы, дарилъ своей невѣстѣ эту брошь. Надежды на Еженію исчезли, и Иванъ Семеновичъ, поглядывая въ зеркало на свою измѣнившуюся фязіономію, не разъ говорилъ:

— Эхъ, старина, старина! Ну, куда тебѣ, старому... Дуэлисты!..

VII.

Донесеніе Ивана Семеновича получило нежелательное для него направленіе. Считаая себя правымъ и дѣйствовавшимъ по закону и замолчавъ исторію съ дуэлью, онъ желалъ одного: стереть своего противника съ лица земли.

Началось судное дѣло. Офицеры также не хотѣли упоминать слово «дуэль», боясь тяжкой отвѣтственности, а потому рѣшили перенести всю вину на Ивана Семеновича.

Судьи окончательно были сбиты съ толку и тянули дѣло. Офицеры утверждали, что зачинщикомъ ссоры былъ Иванъ Семен-

вичъ, который сталъ нападать на Жегалова, почему послѣдній и долженъ быть употребить силу «въ защищеніе себя», а также «заступаясь за женщину», которой онъ долженъ былъ оказать содѣйствіе «по чести порядочнаго человѣка».

Высшій судъ рѣшилъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

«По засвидѣтельствованію лѣкаря, по имѣющимъ у просителя частнаго пристава Цитовича знакамъ, не настоятъ сумнѣнія, что-бы онъ не былъ битъ, но по сему произведенному дѣлу не видно, кто изъ нихъ былъ зачинщикомъ ссоры, и кто его точно билъ. А въ показаніяхъ значится, что частный приставъ по приходѣ началъ ругать бывшую у Жегалова дѣвку Евгенію и ударилъ оную по лицу, а отъ того вышла ссора и драка со всѣхъ сторонъ. А посему и можно полагать, что причиною сему происшествію былъ частный приставъ, который пришелъ не въ своемъ видѣ, а въ одной шубѣ безъ всякаго другаго платья.

«Впрочемъ поступки офицеровъ также неприличны въ томъ, что у штабсъ-капитана Жегалова была въ квартирѣ послѣ пробитія зори женщина, чрезъ которую и сдѣлалась драка, за что они по содержанію воинскихъ артикуловъ подвергались бы строгому наказанію. Но изъ дѣла видно, что упомянутые офицеры состоятъ подъ судомъ одиннадцатый мѣсяць и получаютъ половинное жалованье, а потому и въ разсужденіи похвальной ихъ службы можно вмѣнить имъ за вышепроеписанныя ихъ преступленія судъ и арестъ въ наказаніе».

Александръ I въ ноябрѣ 1803 года далъ слѣдующую резолюцію:

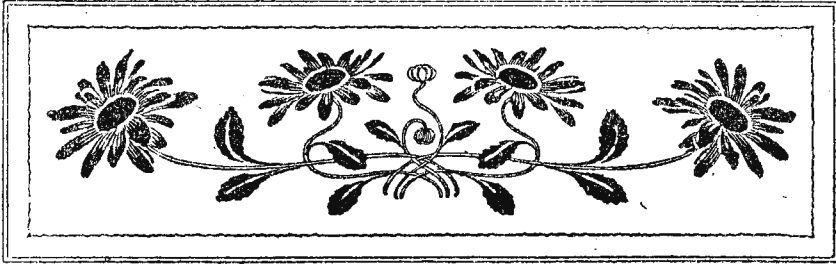
«Быть по сему, а Цитовича арестовать на двѣ недѣли».

Плохо чувствовалъ себя Иванъ Семеновичъ, сидя на военной гауптвахтѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ водворялъ порядокъ.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Семеновичъ навсегда отказался отъ своихъ прогулокъ къ сторожкѣ монастыря, чѣмъ значительно посодѣйствовалъ домашней тишинѣ и спокойствію сердца Жозефины Францовны. Лудильщикъ Яшка еще до сихъ поръ не получилъ обѣщанныхъ ему денегъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДВИГЪ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

СОВРЕМЕННЫЯ обстоятельства складываются неблагоприятно для литературы. Всѣ интересы и все вниманіе общества отвлечено войной. Въ настоящій моментъ статьѣ или книгѣ изъ непосвященныхъ военнымъ вопросамъ трудно разрушить односторонность этого интереса и добиться той доли вниманія, которой статья или книга заслуживаетъ.

Такія книги рѣдки, и въ числу ихъ принадлежатъ появившіяся на-дняхъ замѣчательныя «Записки княгини Маріи Николаевны Волконской» (съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя князя М. С. Волконскаго, Спб., 1904 г.). Эта книга, несмотря на неблагоприятный современный моментъ, несомнѣнно, привлечетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Намъ такъ близко и дорогъ поэтической образъ княгини Волконской, одной изъ «Русскихъ женщинъ» Н. А. Некрасова; мы такъ высоко цѣнимъ ея подвигъ любви и самоотверженія... и вдругъ появляются ея «Записки»—книга, со страницъ которой вѣетъ дыханіемъ какъ будто далекой и все же близкой старины, эпохи жестокой и сильной. Просто и безхитростно рассказываетъ она сама, «русская женщина», то, что случилось съ ней, какъ изъ блестящаго свѣта отправилась она на «Дальній Востокъ», за мужемъ, на каторжную жизнь. Н. А. Некрасовъ, какъ оказывается теперь, зналъ «Записки» княгини Волконской, въ своей поэмѣ почти не отступилъ отъ нихъ и нарисовалъ живое лицо, но все же образъ художественный и образъ дѣйствительнаго лица не тождественны, въ «Запискахъ» Волконская живѣе, чѣмъ въ поэмѣ,

а насъ манить и влечетъ живое лицо. и было бы жаль, если бы оно осталось для насъ только въ легендарной традиціи, хотя бы и поэтической. И теперь у насъ все еще мало матеріаловъ, мало данныхъ, чтобы оживить образъ М. Н. Волконской, но уже намѣчаются нѣкоторыя живыя черты, живыя особенности, просвѣты въ ея душу. Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся дать характеристику М. Н. Волконской, воспользовавшись ея «Записками», свидѣтельствами современниковъ и нѣкоторыми ея письмами, очень немногочисленными.

I.

Марья Николаевна Волконская вышла изъ замѣчательной семьи Раевскихъ. Отецъ ея—извѣстный генералъ двѣнадцатаго года, Николай Николаевичъ Раевскій; теперь, быть можетъ, въ «большой» публикѣ его имя не вызываетъ опредѣленнаго представленія, но всякій смутно помнитъ, какъ въ битвѣ подъ Дашковой въ 1812 году генералъ Раевскій, желая остановить отступление русскаго отряда, вывелъ впередъ своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей. Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ Раевскій пользовался необыкновенной популярностью. У всѣхъ на устахъ были стихи Жуковского въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала передъ рядами,
Онъ первый—грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

Его характеристику тотъ же Жуковский даетъ въ слѣдующихъ стихахъ «Бородинской годовщины»:

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ гровѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій?

Раевскій перешелъ въ потомство съ обычными эпитетами военнаго героя: храбрый, энергичный, твердой воли, стойкій, благородный, великодушный. Пушкинъ оставилъ его характеристику, не какъ героя, а какъ человѣка: «Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго и ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предрассудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить

9*

его достойныя качества». Въ своей семьѣ Раевскій пользовался беззавѣтной любовью и преклоненіемъ жены и дѣтей и безконечнымъ авторитетомъ. За эпитетами героя—сильная воля и рѣшимость—скрывался крутой нравъ, упорство, граничившее съ упрямствомъ, и нѣкоторый семейный деспотизмъ. Съ этой стороны Раевского ярко характеризуетъ эпизодъ, рассказанный Волконской въ «Запискахъ». Перваго ребенка ей пришлось родить въ семьѣ отца, въ деревнѣ, безъ повивальной бабки. «Отецъ требовалъ, чтобы я сидѣла въ креслѣ, мать, какъ опытная мать семейства, хотѣла, чтобы я легла въ постель во избѣжаніе простуды, и вотъ начинается споръ, а я страдаю; наконецъ, воля мужчины, какъ всегда, взяла верхъ; меня помѣстили въ большомъ креслѣ, въ которомъ я жестоко промучилась». Намъ необходимо было сказать эти нѣсколько словъ о Раевскомъ, чтобы понять, что значило спорить съ нимъ, и оцѣнить значеніе борьбы, которую вынесла Марья Николаевна передъ отправленіемъ въ Сибирь. Раевскіе—отецъ и дочь—оправдываютъ Шопенгауэровскую теорію наследственности: отецъ передалъ дочери сильную волю. Мать Марьи Николаевны—Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, приходилась внучкой Ломоносову. О ней мы ничего не знаемъ, очевидно, по той причинѣ, что она не играла въ семьѣ первой роли, совсѣмъ скрытая личностью мужа.

Марья Николаевна родилась въ 1806 году. У насъ нѣтъ свѣдѣній объ ея дѣтствѣ. Впослѣдствіи, во мракѣ ссылки, дѣтство рисовалось ей полнымъ безмятежнаго счастья. Семья Раевского была одною изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ семей своего времени. Всѣ дѣти—два брата и четыре сестры—получили тщательное воспитаніе и образованіе. Съ именемъ Александра Николаевича современники связывали пушкинскаго «Демона».

Печальна наша встрѣча!
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу холодный ядъ.
Неистоимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ.

Самъ Пушкинъ хотѣлъ было опровергнуть распространенное мнѣніе о томъ, что въ этихъ стихахъ изображенъ Александръ Раевскій, но послѣдній не отказывался относить «Демона» къ себѣ.

Другой сынъ Раевского, Николай Николаевичъ, любилъ изящную литературу и былъ ея большимъ цѣнителемъ. Пушкинъ съ интересомъ прислушивался къ его мнѣніямъ. «Едва ли не черезъ Н. Н. Раевского и его сестеръ Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидѣтельства, что подъ ихъ

руководствомъ Пушкинъ началъ учиться англійскому языку, а въ августѣ 1820 года, когда онъ плылъ съ Раевскимъ на кораблѣ «изъ Азіи въ Европу», уже была написана, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія:

Погасло дневное свѣтило...—

первое стихотвореніе въ той полосѣ творчества, когда онъ платилъ дань байронизму»¹⁾. Еще изъ поры дѣтства Марья Николаевна вынесла любовь и интересъ къ литературѣ, которые остались въ ней на всю жизнь. Сынъ ея вспоминаетъ, что въ Сибири она интересовалась больше всего историческими науками и литературой, и въ ея рукахъ никогда не бывало пустой книги. Принадлежа къ семьѣ, стоявшей на уровнѣ современной интеллигенціи, находившейся въ отношеніяхъ—родственныхъ, близкихъ и дружескихъ—съ представителями прогрессивнаго теченія русской жизни, Марья Николаевна имѣла возможность видѣть и слышать самыхъ интересныхъ и самыхъ умныхъ людей, какихъ только могла выставить тогдашняя Россія. А она сама отличалась необычайной привлекательностью. Декабристъ А. Е. Розенъ набросалъ ея портретъ въ слѣдующихъ строкахъ: «М. Н. Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка съ горящими глазами, съ гордою, но плавною походкой, получила у насъ прозванье «la fille du Gange», дѣвы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальникомъ острога». Въ этомъ портретѣ тонко подмѣчена связь физическаго лица съ духовнымъ. «Горящіе глаза» — неукротимая энергія и жажда жизни; гордость и взыскательность съ каторжнымъ начальствомъ можно оцѣнить, лишь вспомнивъ, что фактически Марья Николаевна была въ прямой и полной отъ него зависимости. Характерно названіе «Дочь Ганга»; извѣстная Зинаида Николаевна Волконская, въ домѣ которой провожали въ Сибирь Марью Николаевну, въ лирическомъ отрывкѣ тоже называетъ ее дочерью Ганга: «O toi qui vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! La reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teinte d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice»... «У тебя глаза, волосы и цвѣтъ лица—дѣвушки Ганга, и твоя жизнь, подобно жизни этой дѣвушки, носить печать долга и жертвы»²⁾. Зинаида Волконская

¹⁾ Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Спб. 1899, стр. 140, 141.

²⁾ Œuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, p. 253.

углубила внѣшнее сходство наружности во внутреннее соотвѣтствіе.

Къ сожалѣнію, мы можемъ возстановить исторію юности Марьи Николаевны въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Подробностей мы не знаемъ.

II.

На зарѣ юности Марья Николаевна Раевская встрѣтила Пушкина. Это было въ 1820 году. «Пріѣхавъ въ Екатеринославъ,—писаль 24-го сентября 1820 года Пушкинъ брату,—я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской корчмѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе по кавказскимъ водамъ». Такъ вошелъ Пушкинъ въ семью Раевскихъ; ко всѣмъ членамъ этой семьи онъ, по выраженію Волконской, питалъ чувство глубокой преданности. Съ Кавказа Раевскіе и Пушкинъ отправились въ Крымъ. Въ Юрзуфѣ ихъ ждали остальные члены семьи. Въ Юрзуфѣ,—пишетъ Пушкинъ,—«прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского... Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющіе воображеніе горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского».

Стихотворенія этого періода жизни Пушкина свидѣтельствуютъ о его увлеченіи, нѣжномъ и страстномъ, но безнадежномъ; намъ извѣстны собственныя признанія поэта, но кто былъ предметомъ его увлеченія, мы не знаемъ. Біографы и издатели сочиненій Пушкина склонны относить это увлеченіе къ любой изъ дочерей Раевского; одни думаютъ, что Пушкинъ любилъ старшую Елену Николаевну. Къ ней будто бы обращено стихотвореніе:

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтъ юности живой...

Наконецъ защитники этого мнѣнія находили подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что она умерла въ молодости, но оказывается,

что она скончалась въ 1852 году въ Итали. Другіе изслѣдователи указываютъ, что чувство Пушкина было обращено къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которая вышла замужъ за Михаила Ѳедоровича Орлова въ 1821 году; наконецъ третьи относятъ увлеченіе Пушкина къ Марьѣ Николаевнѣ Раевской. Фактическихъ свидѣтельствъ—писемъ, признаній—у насъ нѣтъ, а психологическаго анализа стихотвореній Пушкина никто не производилъ, и поэтому мы ужъ ни въ коемъ случаѣ не имѣемъ возможности набрасывать картину любви Пушкина къ Марьѣ Николаевнѣ Раевской. Но это соображеніе не оставяло пишущихъ о Пушкинѣ. Въ одной изъ статей мы можемъ, на примѣръ, прочесть, что «на самомъ дѣлѣ предметомъ первой страстной и безнадежной любви Пушкина была Марья Николаевна Раевская... Съ первой же встрѣчи Пушкинъ ее полюбилъ со всѣмъ пыломъ молодости и съ тою искреннею нѣжностью, которую мы долго встрѣчаемъ въ его поэзіи. Мы не знаемъ и не можемъ судить всѣхъ интимныхъ подробностей его любви, налетѣвшей, какъ морская волна въ часъ прилива, и смутившей поэта въ очаровательномъ уголкѣ южнаго берега Крыма, мы можемъ сказать только, что это было чувство высокое, святое по своей чистотѣ, идеальной свѣжести и потому такъ долго волновавшее и мучившее его. Это — чувство, когда клянутся въ вѣчной любви. Не можетъ быть, чтобы между ними не было произнесено ни одного слова любви, ни одной сколько нибудь горячей фразы, ни одного объясненія или нѣжнаго выраженія»¹⁾. Всему написанному нѣтъ доказательствъ: все это могло быть, а могло и не быть.

Послушаемъ рассказъ самой Марьи Николаевны Раевской о Пушкинѣ и его отношеніяхъ къ ней. Марья Николаевна очень тонко и глубоко подмѣтила характеръ пушкинскихъ увлеченій. «Въ качествѣ поэта,— пишетъ она,— онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ. Я помню, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала, для забавы, бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она настигала меня; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость; мнѣ было только 15 лѣтъ.

¹⁾ Г. Н. Кузьминъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1901 г., № 3.

Какъ я завидоваль волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь въ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милыхъ ногъ устами!

«Позже, въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» онъ сказалъ:

... ея очи
 Яснѣ дня,
 Темнѣ ночи.

«Въ сущности, онъ любилъ лишь свою музу и облекалъ въ поэію все, что видѣлъ».

Какъ принимать эти строки? Не чувствуется ли что-то недосказанное въ нихъ? Во всякомъ случаѣ, признанія самой Раевской совсѣмъ не даютъ пищи біографамъ Пушкина и опровергаютъ мнѣнія о нѣжной, первой страсти, о мученіяхъ и борьбѣ любви и т. д. Этотъ эпизодъ лишь красивое введеніе въ столь сложную и глубокую жизнь, которая выпала на долю М. Н. Раевской.

Въ концѣ 1824 года въ кругъ жизни Марьи Николаевны вошелъ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генераль-майоръ и бригадный командиръ, по лѣтамъ годившійся въ отцы Раевской. 18 октября 1824 года С. Г. Волконскій писалъ Пушкину: «Имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Марьей Николаевной Раевской. Не буду вамъ говорить о моемъ счастьи»¹⁾. Волконскій былъ давно влюбленъ въ нее, но только въ концѣ 1824 года онъ рѣшился черезъ Михаила Федоровича Орлова просить ея руки. Въ это время Волконскій былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ и искреннѣйшихъ членовъ тайнаго общества; политическія убѣжденія и долгъ передъ обществомъ были для него на первомъ планѣ. Поручая Орлову ходатайствовать за себя, онъ положительно высказалъ, что если извѣстное Орлову участіе въ тайномъ обществѣ будетъ помѣхой въ полученіи руки М. Н. Раевской, то онъ предпочтетъ отказаться отъ личнаго счастья, нежели измѣнить политическимъ убѣжденіямъ и долгу. Волконскій уѣхалъ на Кавказъ и здѣсь ждалъ отвѣта отъ Орлова, рассчитывая въ случаѣ неудачи поступить въ кавказскую армію и искать отвлеченія въ боевой жизни. Орловъ извѣстилъ его, что онъ можетъ сдѣлать формальное предложеніе. Предложеніе было принято по настоянію отца Марьи Николаевны Раевской; она выходила замужъ не по своей волѣ, не по личной страсти²⁾. Въ «Запискахъ» Волконская по понятнымъ причинамъ

¹⁾ Бумаги А. С. Пушкина. Вып. 1. М 1881, стр. 164.

²⁾ Записки А. Е. Розена, стр. 226.

не говорить объ этомъ; въ «Запискахъ», написанныхъ въ пятидесятихъ годахъ, остались лишь слабые отзвуки: «я вышла замужъ въ 1825 году за князя С. Г. Волконскаго, достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обезпечили мнѣ блестящую, по свѣтскимъ воззрѣнιάмъ, будущность. Мнѣ было грустно съ ними разставаться: словно, сквозь подвѣчный вуаль, мнѣ смутно виднѣлась ожидавшая насъ судьба».

Можно думать, что между Марьей Николаевной и Волконскимъ не было духовной близости: она не имѣла понятія о существованіи тайнаго общества, а онъ былъ весь поглощенъ заговорщической дѣятельностью, до того, что во время свадьбы принималъ участіе въ совѣщаніи русскихъ и польскихъ депутатовъ отъ тайныхъ организацій. Не могли сблизиться они и въ первый годъ брачной жизни. Въ этотъ годъ М. Н. провела со своимъ мужемъ всего три мѣсяца. Послѣ свадьбы она заболѣла и переѣхала въ Одессу. Къ концу осени С. Г. Волконскій пріѣхалъ за женой въ Одессу и отвезъ въ Умань, гдѣ стояла его дивизія. Но и въ Умани жена рѣдко видѣла мужа: подходили послѣдніе дни общества, уже окруженнаго атмосферой подозрѣнія, и Волконскій проводилъ время въ разъѣздахъ изъ Умани въ Тульчинъ и обратно.

Краткими и сжатыми штрихами описываетъ Волконская послѣдній мѣсяць перваго года своей брачной жизни. «Въ концѣ декабря Волконскій вернулся среди ночи; онъ меня будить, зоветъ: «вставай скорѣй»; я встаю, дрожа отъ страха. Моя беременность приближалась къ концу, и это возвращеніе, этотъ шумъ меня испугали. Онъ сталъ растапливать каминъ и сжигать какія-то бумаги. Я ему помогала, какъ умѣла, спрашивая, въ чемъ дѣло.—«Пестель арестованъ».—За что?—Нѣтъ отвѣта. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видѣла, что онъ грустенъ, озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ объявилъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему въ деревню на время родовъ,—и вотъ мы отправились. Онъ меня сдалъ на попеченіе моей матери и немедленно уѣхалъ; тотчасъ по возвращеніи, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашего супружества; онъ былъ еще на исходѣ, когда Сергѣй уже сидѣлъ подъ затворами крѣпости въ Алексѣевскомъ равелинѣ»¹⁾.

¹⁾ Въ «Запискахъ С. Г. Волконскаго» (1-е изд., стр. 446) этотъ эпизодъ передается нѣсколько иначе. 2 или 3 января, родился у Волконской сынъ Николай. Отецъ въ это время былъ въ Умани; 5 января онъ безъ офиціальнаго разрѣшенія прибылъ въ деревню Раевского, «обрадовалъ жену и ея семейство, взглянулъ на новорожденнаго младенца, а 7 января уѣхалъ и былъ арестованъ въ Умани».

III.

Такъ начался тяжелый 1826-й годъ. Въ этотъ годъ разыгралась трагедія жизни М. Н. Волконской. На основаніи всего того, что мы знаемъ о ея жизни до 1826 года, мы рисуемъ ее увлекательной женщиной, богато одаренной, съ огромной жаждой жизни, но все же пассивной. Она не самостоятельна ни въ семьѣ отца, ни въ своей. Внутреннія сокровенныя силы ея души еще не раскрывались; активность ея «я», сущность ея души еще не проявлялась. Теперь пришло время.

Роды были тяжелые; за ними началось воспаленіе мозга, которое приковало ее къ постели на два мѣсяца. Въ моменты сознанія она спрашивала о мужѣ; ей отвѣчали, что онъ въ Молдавіи, по секретному служебному порученію. Она вѣрила словамъ, но не долго; ночная сцена передъ арестомъ не могла не прийти въ голову. Наконецъ, она потребовала, чтобы ей сказали всю правду. Получила въ отвѣтъ, что Сергѣй арестованъ и находится въ Петербургѣ. Какъ разъ въ это время въ С.-Петербургѣ былъ и отецъ ея, а дома въ деревнѣ оставалась одна мать. Лишь только услышала Волконская «правду», сейчасъ же заявила матери, что она ѣдетъ въ Петербургъ. Проснулась энергія, рѣшительность стала непреклонной. Что же ей было дѣлать? Кто могъ помочь ей, подсказать ей, какъ поступить? Членъ дружной и тѣсной семьи, она оказалась совершенно одинокой. Родные—и братья, и отецъ—могли предугадывать, что предстоитъ С. Г. Волконскому; повинуюсь чувству семейнаго эгоизма, они хотѣли бы заставить М. Н. Волконскую совсѣмъ забыть о мужѣ. Къ тому же, они хорошо знали, что она вышла за С. Г. Волконскаго не по своей волѣ или личной страсти, а только изъ любви и послушанія къ отцу. Это грустное обстоятельство могло дать имъ основаніе думать, что связь съ мужемъ могла бы быть легко расторгнута; кромѣ того, они могли надѣяться на то, что возьметъ верхъ материнское чувство, которое не позволитъ оставить ребенка. Родные Волконской сдѣлали очень многое для того, чтобы разорвать союзъ, ими же благословенный; они постарались изолировать М. Н. Волконскую отъ всѣхъ дружественныхъ Волконскому вліяній. Когда она была въ Петербургѣ, жены декабристовъ не могли проникнуть къ Волконской, потому что находили двери ея квартиры запертыми. Въ семьѣ Волконскаго сердились на то, что М. Н. Волконская не отвѣчала на ихъ письма. Не могла же она сказать имъ, что ея братъ ихъ перехватывалъ. Она осталась одна, наединѣ съ своей душой. Она чувствовала, что ей надо дѣлать; рѣшенія принимались быстро и приводились въ исполненіе неуклонно.

Весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ распутицу Волконская отправилась въ Петербургъ; по дорогѣ завезла ребенка къ теткѣ отца,

графинѣ Браницкой; ѣхала день и ночь; очень больная и слабая, пріѣхала въ столицу, прямо къ матери Волконскаго, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, оберъ-гофмейстеринѣ высочайшаго двора. А мужъ въ это время сидѣлъ въ тѣсномъ, полутемномъ и сыромъ казематѣ крѣпости, проходилъ черезъ нравственныя пытки допросовъ и былъ въ полной неизвѣстности о женѣ и ребенкѣ, о матери, братьяхъ и сестрѣ. Наконецъ, онъ получилъ способъ вступить въ сношенія съ волей. За деньги ему удалось прислать своей горячо любимой сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ маленькую записочку, въ полтора квадратныхъ вершка, на которой уписалось не болѣе не менѣе около 1½ печатныхъ страницы. Съ чувствомъ робости и неувѣренности сообщаетъ онъ сестрѣ: «Уже нѣкоторые изъ женъ просили и получили разрѣшеніе слѣдовать за своими мужьями къ мѣсту ихъ назначенія, о которомъ они будутъ предувѣдомлены. Выпадетъ ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ все мнѣ пожертвуетъ, но я опасаясь постороннихъ вліяній, и ее отдалили отъ всѣхъ васъ, чтобы сильнѣе на нее дѣйствовать. Если жена пріѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она пріѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ же уведутъ отъ меня. Врачъ былъ бы при этомъ нужнѣе. Получу ли я отъ своей жены утѣшеніе, въ которомъ другіе уже увѣрены? Я понимаю, какой долгъ лежитъ на ней по отношенію къ сыну, и, конечно, я не рѣшился бы разлучить ее навсегда съ этимъ несчастнымъ ребенкомъ»¹⁾. Какое нравственное утомленіе чувствуется за этими строчками, нанизанными, какъ бисеръ, на маленькомъ листочкѣ! Мы знаемъ, что духовной, интимной близости не было ни между женихомъ и невѣстой, ни между мужемъ и женой. Вспомнимъ ту тревожную ночь, когда Волконскій жегъ свои бумаги. «Пестель арестованъ»,—вырвалось у него. «За что?»—спросила жена. Отвѣта не было. Она была ему такъ далека, такъ чужда ему, что онъ не подѣлился съ ней своими опасеніями, переживаніями. Грустно звучитъ объясненіе, которое даетъ М. Н. Волконская его скрытности. «Онъ былъ старше меня лѣтъ на двадцать и потому не могъ имѣть ко мнѣ довѣрія въ столь важномъ дѣлѣ». Но справедливо ли это?

Уединеніе, вольное или невольное, заставляетъ человѣка заглянуть въ себя, въ свою душу. И Волконскій много пережилъ и много передумалъ въ крѣпости. Не читаете ли въ мелкихъ строкахъ его письма, что онъ понялъ все горе духовнаго отчужденія? Онъ какъ будто сознаетъ, что у него нѣтъ права желать подвига отъ жены, а онъ такъ хочетъ этого подвига, онъ уже не можетъ обой-

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, 1-е изд., стр. 453.

тись безъ нравственной поддержки близкаго человѣка, и боится громко, открыто заявить о своемъ желаніи. Мы читаемъ только вопросы: выпадетъ ли мнѣ это счастье? получу ли я отъ своей жены утѣшеніе?

А она? что она переживала въ это время? Въ Петербургѣ она, конечно, узнала подробности событія, цѣли и задачи тайнаго общества. Она узнала, наконецъ, что поглощало весь досугъ и все вниманіе мужа. Мы не знаемъ ея взглядовъ на тайныя общества, но нѣтъ сомнѣнія, что и среда, ее окружавшая, и даже семья привили ей въ общемъ оппозиціонное настроеніе. Катастрофа могла только повысить его и сдѣлать органическимъ. Но ее поразилъ идеализмъ движенія; въ своихъ «Запискахъ» она не разъ подчеркиваетъ, что участники его не преслѣдовали личныхъ выгодъ; наоборотъ, они шли къ вѣрной гибели. «Дѣйствительно,—пишетъ Волконская,—если даже смотрѣть на убѣжденія декабристовъ, какъ на безуміе и политическій бредъ, все же справедливость требуетъ признать, что тотъ, кто жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія, не можетъ не заслуживать уваженія соотечественниковъ. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои «убѣжденія», тотъ истинно любитъ отечество». Быть можетъ, эта особенность движенія—полнѣйшее безкорыстіе.—повліяла и на ея окончательное рѣшеніе. Какъ она теперь стала смотрѣть на мужа? Видѣла ли она въ немъ лишь несчастнаго, страдающаго человѣка, или героя, окруженнаго ореоломъ, сознающаго свое право требовать жертвы отъ другихъ? Но М. Н. Волконская принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыя признаютъ, что право на ихъ душу принадлежитъ только имъ и никому больше. Поэтому и за мужемъ своимъ она не могла признать этого права. Эту особенность ея рѣшенія необходимо отмѣтить.

М. Н. Волконская просила свиданія съ мужемъ. «Государь, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое великодушіе (въ вопросахъ второстепенныхъ), и которому было извѣстно слабое состояніе моего здоровья, приказалъ, чтобы меня сопровождалъ врачъ, боясь для меня всякаго потрясенія» (многозначительный курсивъ самой Волконской!). Марья Николаевна Раевская пріѣхала въ крѣпость съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ. Пошли къ коменданту; привели подъ стражей Волконскаго. Свиданіе—при постороннихъ. «Мы старались обнадежить другъ друга, но дѣлали это безъ убѣжденія. Я не смѣла его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись домой, я успѣшила узнать, что онъ мнѣ передалъ, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, написанныхъ на одномъ углу платка, и которыя едва можно было разобрать».

Въ томъ психологическомъ процессѣ, который закончился отъѣздомъ въ Сибирь, свиданіе, кажется, единственное, сыграло большую роль. Въ этихъ тюремныхъ свиданіяхъ, мимолетныхъ и поневолѣ

(при постороннихъ) холодныхъ, особая острота переживаній. Исчезаютъ перегородки, и близкій, остающійся на волѣ, какъ-то особенно чутко и остро-любовно старается пережить то, что происходитъ въ душѣ находящагося за рѣшетками. Мысли приковываются къ тѣсной тюремной камерѣ, къ одному лицу. Когда видятся между собой люди, доселѣ не близкіе, то почти всегда между женщиной и женщиной возникаетъ процессъ интимнаго сближенія, даже влюбленности, надломленной и больной... И Волконская переживала аналогичный процессъ. Въ это время она понимала участіе къ себѣ, лишь поскольку оно касалось ея мужа. Императрица пожелала видѣть Волконскую. Въ «Запискахъ» сохранились слѣдующія краснорѣчивыя по своей лаконичности строки: «я думала, что императрица хочетъ со мной говорить о мужѣ, ибо въ столь важныхъ обстоятельствахъ я понимала участіе къ себѣ, лишь поскольку оно касалось моего мужа; вмѣсто того, со мной бесѣдуютъ о моемъ здоровьѣ, о здоровьѣ отца, о погодѣ»...

Послѣ свиданія съ мужемъ Волконская нетерпѣливо желала познакомиться съ сестрой мужа, Софьей Григорьевной, которую Сергѣй Григорьевичъ безконечно любилъ. Она въ это время сопровождала тѣло императрицы Елизаветы Алексѣевны. Братъ Марьи Николаевны постарался устранить встрѣчу сестры съ Софьей Григорьевной. Онъ убѣдилъ ее ѣхать посмотреть на ребенка и сказалъ, что съ сестрой мужа она встрѣтится въ дорогѣ. Понятно, эта встрѣча не состоялась. Лѣто 1826 года Волконская провела въ деревнѣ отца. Здѣсь подвергли ее основательной изоляціи. Скрывали всѣ извѣстія; она не могла добиться толка. Наконецъ, пришли газеты, въ которыхъ былъ напечатанъ приговоръ: Сергѣй Волконскій былъ приговоренъ къ двадцатилѣтней каторгѣ. Братъ сообщилъ Марьи Николаевнѣ приговоръ, и рѣшеніе ея было быстрымъ и безповоротнымъ. Она заявила брату, что послѣдуетъ за мужемъ. Братъ, кажется, не повѣрилъ, и приказалъ ей не двигаться съ мѣста, пока онъ не вернется изъ Одессы. И на другой день послѣ его отъѣзда Марья Николаевна взяла паспортъ и уѣхала въ С.-Петербургъ.

Предстояло самое главное и самое трудное. Самое главное—получить разрѣшеніе государя слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Въ это время уже ходили слухи, что отъѣзжающія лишены права взять съ собой своихъ дѣтей и возвратиться въ Россію до смерти своихъ мужей. Волконская обратилась къ государю съ письмомъ и получила слѣдующій отвѣтъ: «Я получилъ, княгиня, ваше письмо отъ 15 числа сего мѣсяца; я прочелъ въ немъ съ удовольствіемъ выраженіе чувствъ благодарности ко мнѣ за то участіе, которое я въ васъ принималъ; но во имя этого участія къ вамъ я и считаю себя обязаннымъ еще разъ изложить здѣсь предостереженія, мною уже вамъ высказанныя, относительно того, что васъ ожидаетъ, лишь только

вы проѣдете далѣе Иркутска. Впрочемъ, предоставляю вполнѣ вашему усмотрѣнію избрать тотъ образъ дѣйствій, который покажется вамъ наиболѣе соотвѣтствующимъ вашему настоящему положенію. *Благорасположенный къ вамъ Николай, 1826 г., 21 декабря.*

Дальше мы остановимся на томъ, что ожидало Волконскую за Иркутскомъ. Императоръ Николай Павловичъ рѣшительно не желалъ, чтобы жены декабристовъ слѣдовали за мужьями. Основнымъ мотивомъ было присущее императору представленіе, что само сочувствіе къ лицамъ, исходившее хотя бы отъ ихъ женъ, является выраженіемъ преступнаго сочувствія къ совершенному ими. Два раза Николай Павловичъ хотѣлъ отклонить Волконскую отъ принятаго ею намѣренія: одинъ разъ догналъ ее фельдъегерь на склонахъ Урала, и другой разъ убѣждалъ иркутскій губернаторъ.

Но самое трудное—разстаться съ семьей. Семейному эгоизму суждено было понести тяжелое пораженіе. Предоставимъ слово самой Волконской: «Теперь я должна рассказать вамъ сцену, которую я буду помнить до послѣдняго издыханія. Мой отецъ былъ все это время мраченъ и недоступенъ. Необходимо было, однако же, ему сказать, что я его покидаю и назначаю его опекуномъ своего бѣднаго ребенка, котораго мнѣ не позволяли взять съ собою. Я показала письмо его величества; тогда мой бѣдный отецъ, не владея болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и вскричалъ: «Я тебя прокляну, если ты черезъ годъ не вернешься». Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку. Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, съ твердымъ и возвышеннымъ характеромъ,—этотъ патріотъ, который при Дашковѣ видя, что войска его поколебались, схватилъ двоихъ своихъ сыновей, еще отроковъ, и бросился съ ними въ огонь непріятели,—нѣжно любилъ свою семью; онъ не могъ вынести мысли о моемъ изгнаніи, мой отвѣтъ представлялся чѣмъ-то ужаснымъ».

Черезъ годъ Марья Николаевна не вернулась. Борьба за пребываніе въ Сибири не прекратилась и продолжалась въ письмахъ, за которыя послѣ смерти отца Волконская упрекала себя... Въ 1829 году въ своемъ кіевскомъ имѣніи умиралъ, окруженный семьей, Николай Николаевичъ Раевскій. Не было только дочери. Онъ вспомнилъ о ней и, указывая на ея портретъ, сказалъ своему другу: «Voilà la plus admirable femme que j'aie connue». Несправедливость семейнаго эгоизма была признана.

Оставалось пройти черезъ «надрывы» прощаній. Съ отцомъ—молча; благословилъ и отвернулся. Съ ребенкомъ—у люльки на колѣняхъ. Онъ долго игралъ краснымъ сургучемъ печати того письма, которымъ разрѣшалась поѣздка въ Сибирь... Въ Москвѣ—долгий, мучительный вечеръ прощанія у Зинаиды Волконской... Зинаида Волконская собрала почти всю московскую интеллигенцію, пригласила итальянскихъ цѣвцовъ и нѣскольکو талантливыхъ дѣ-

вицъ московскаго общества. Былъ и Пушкинъ... Въ бумагахъ Веневитинова сохранилось прекрасное описаніе этого вечера 26 декабря 1826 года, которое мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ: оно прекрасно рисуетъ «надрывъ» Волконской.

«Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь, и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевой. Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ». Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина — больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже высохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнить, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву—славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

«Она чрезвычайно любить музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы, и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его уtratѣ; ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя, когда мы уже постигаемъ свою участь, вполне сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земнаго рая и съ верку блаженства быть ввергнута въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню,— тогда можетъ ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхоліи овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таятся отъ всѣхъ и тайно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца растроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?»

«Она, въ продолженіе цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было гостей, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угождать. Отрывокъ изъ «Agnes» del Maestro Paer былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное оближеніе алочастия Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался

онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе нѣкоторыми шутивными дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ быть думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливыми, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить съ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались, и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголокъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавишамъ, сѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмевало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не сѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ «Донъ-Жуана». Одному пѣть у меня тогда бы голоса не достало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нея велѣла К. З. изготѣвить ужинъ: ибо становилось уже поздно, и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ пошла въ свою комнату. И мы уѣхали уже послѣ 2-хъ часовъ. Я возвратился домой съ душою полною и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.

«Въ этой женщинѣ изрѣдка и невольно вырываются слова, означающія досаду. Говорили о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова (крѣпостного скрипача) для освобожденія его, и сказали, что зачинщики сего благодѣянія претерпѣли нѣкотораго рода несправедливости за то. Она тотчасъ съ жаромъ примѣтила: «On a trouvé que c'était trop libéral».

IV.

27 декабря 1826 года М. Н. Волконская выѣхала изъ Москвы. Черезъ двадцать дней она была въ Иркутскѣ. Здѣсь ожидало ее послѣднее испытаніе. Иркутскому гражданскому губернатору было предписано употребить всевозможныя мѣры, чтобы отклонить женъ декабристовъ отъ ихъ намѣренія. «Такъ какъ ссыльнымъ декабристамъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ какъ женамъ невозможно было запретить писать и тѣмъ поддерживать родственныя отношенія». Всѣ помнятъ въ поэмѣ Некрасова надрывающую душу сцену объясненія губернатора съ княгиней Трубецкой:

«Простите! да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ»,—

говорить въ концѣ объясненія губернаторъ. Этотъ строгій приказъ былъ опубликованъ лишь въ самое послѣднее время ¹⁾. Его стоитъ привести цѣликомъ, чтобы читатель могъ сопоставить строфы поэмы съ сухими и безстрастными строками официальной бумаги и представить въ своемъ воображеніи картину послѣдняго испытанія. Предписаніе было высочайше одобрено и подписано генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ. Вотъ его текстъ:

«Изъ числа преступниковъ, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ ссылке въ каторжную работу осужденныхъ, отправлены нѣкоторые въ Нерчинскіе горные заводы.

«За сими преступниками могли послѣдовать ихъ жены, не знающія ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленій и не предвидяція, какой, по принятымъ въ Сибири правиламъ, подвергнутъ онѣ себя участи, соединяя съ мужьями въ теперешнемъ ихъ состояніи.

«Мѣстное начальство неукоснительно обязано вразумить ихъ со всею тщательностію, съ какимъ пожертвованіемъ сопрягается такое ихъ преднамѣреніе, и стараться сколько возможно отъ онаго предотвратить.

«При томъ легко статься можетъ, что многія изъ нихъ, имѣя достаточное состояніе, вольмутъ съ собою значительныя суммы и драгоценныя вещи, ввозъ коихъ въ край бѣдный, населенный людьми буйными и развратными, не обѣщаетъ добрыхъ послѣдствій и потому не долженъ быть дозволенъ.

«Самые крѣпостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны раздѣлять участи, добровольно господами ихъ принимаемой.

«Сообразивъ сіе и зная, что жены осужденныхъ не иначе могутъ слѣдовать въ Нерчинскъ, какъ черезъ Иркутскъ, я возлагаю на особенное попеченіе вашего превосходительства употребить всѣ возможные внушенія и убѣжденія къ оставленію ихъ въ семь городѣ и къ обратному отъѣзду въ Россію.

«Внушенія могутъ состоять въ томъ:

«1) Что, слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ естественно сдѣлаются причастными къ ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, то-есть будутъ уже признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступать въ казенные крестьяне.

«2) Что ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ, взять имъ съ собою, коль скоро отправятся въ Нерчинскій край, дозволено быть не можетъ: ибо сіе не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности ихъ какъ отправляющихся въ мѣста, населенныя людьми, на всякія преступленія готовыми, и слѣдственно могущихъ подвергнуться при провозѣ съ собою денегъ и вещей опаснымъ происшествіямъ.

«3) Что съ отбытіемъ ихъ въ Нерчинскъ уничтожаются также и права ихъ на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ должно обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время чрезъ Байкалъ чрезвычайно опасенъ и невозможенъ, и представить, хотя мнимо, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадежность таковыхъ у торгующихъ людей, состоящихъ, и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія; а чтобы успѣхъ оныхъ вѣрнѣе былъ достигнуть, то ваше превосходительство не оставите принять и въ самомъ домѣ вашемъ, который, безъ сомнѣнія, будутъ онѣ посѣщать,

¹⁾ Въ нашей статьѣ «О русскихъ женщинахъ» Некрасова, въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ, въ сборникѣ «Къ свѣту» (1904).

такія мѣры, чтобы въ частныхъ въ ними разговорахъ находили онѣ утвержденіе таковыхъ убѣжденій.

«По исполненіи сего съ надлежащю точностью, если и затѣмъ окажутся въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ: въ такомъ разѣ, не препятствуя имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край перемѣнить совершенно ваше съ ними обращеніе, принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно-каторжныхъ, токъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности, и исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе, и именно:

«а) Всѣ имѣющіяся у нихъ деньги, драгоценныя вещи, серебро и прочее, по надлежащемъ описаніи лично при нихъ и по утвержденіи описи собственноручнымъ подписаніемъ тѣхъ, кому сіе имущество принадлежать будетъ, отобрать отъ тѣхъ и, опечатавъ, отдать къ храненію въ Иркутское губернское казначейство. Но мѣру сію для отклоненія всякаго сомнѣнія привести въ дѣйствіе чрезъ нарочитую комиссію, состави оную подѣ предсѣдательствомъ вашимъ изъ одного или двухъ членовъ главнаго управленія и губернскаго прокурора. Впрочемъ, прогоны на проѣздъ до Нерчинска выдать имъ изъ числа собственныхъ ихъ денегъ.

«б) Изъ вѣрнопостныхъ людей, съ ними прибывшихъ, дозволить слѣдовать за каждою тою по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, которые добровольно на сіе согласятся и дадутъ или подписки собственноручныя, или за неумѣніемъ грамотѣ личныя показанія въ полномъ присутствіи губернскаго правленія. Остальнымъ же предоставить возвратиться въ Россію и снабдить ихъ пропускными.

«Указавъ съ моей стороны средства, на законныхъ постановленіяхъ основанныя, которыя служатъ руководствомъ въ дѣйствіяхъ по сему предмету и ожидая отъ вашего превосходительства исполненія оныхъ въ совершенной точности, и надѣясь, что вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всѣхъ возможныхъ способовъ къ достиженію собственно той цѣли, чтобы послѣдовавшихъ за осужденными преступниками женъ рѣшительно отратить отъ исполненія ихъ намѣренія, происшедшаго отъ незнанія мѣстныхъ обстоятельствъ Сибири и постановленій, о семъ край существующихъ. Но если бы всѣ усилія ваши оказались тщетными, то ваше превосходительство, дѣйствуя въ отношеніи къ нимъ по назначенію сему, не оставьте немедленно увѣдомить меня о всѣхъ обстоятельствахъ, къ симъ женамъ относящихся, и вообще о мѣрахъ, какія вами будутъ принимаемы.

«Наконецъ, если бы которая либо изъ нихъ проѣхала Иркутскъ прежде, нежели вы сіе получите, въ такомъ разѣ прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ отправиться лично для возвращенія ея въ губернскій городъ или приказать остановить въ Верхнеудинскѣ, ибо примѣръ оной можетъ побудить и другихъ къ домогательствамъ о равномѣрномъ пропускѣ ихъ въ Нерчинскъ».

Это-то предписаніе и предстояло привести въ исполненіе иркутскому губернатору, старику-нѣмцу Цейдлеру. За нѣсколько дней до пріѣзда Волконской въ Иркутскъ ему пришлось примѣнить инструкцію въ первый разъ къ Трубецкой, и онъ могъ убѣдиться, что при всемъ желаніи выполнить волю высшаго начальства это было трудно и даже невозможно. Съ Волконской дѣло обошлось легче. «Подумайте же, какія условія вы должны будете подписать»,—сказалъ онъ и получилъ въ отвѣтъ: «я ихъ подпишу не читая».

Въ объявленіи, подписанномъ Волконской, текстуально приведены три пункта «внушеній», а къ первому было добавлено разъясненіе: «жена, слѣдую за мужемъ..., будетъ признаваема не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственными. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія». Какая предупредительность и заботливость, подумаешь. И какъ несправедливы оказались писавшіе эти строки въ своихъ мнѣніяхъ о русскомъ народѣ, хотя бы и преступномъ! Волконская отмѣчаетъ, что она всегда встрѣчала со стороны «развратнаго, презрительнаго класса» лишь знаки уваженія, въ которыхъ отказывало имъ нерѣдко и ближайшее, и высшее начальство. Уголовные преступники обожали Волконскую и Трубецкую, а мужей называли не иначе, какъ «наши князья» или «наши господа».

Подписка была дана, и Волконская стремительно направляется дальше, черезъ Байкаль, Верхнеудинскъ, на перекладныхъ, въ Большой Нерчинскій заводъ. Здѣсь она встрѣтилась съ Трубецкой. Мужъ въ это время былъ въ 12 верстахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ. Начальникъ рудниковъ Бурнашевъ предложилъ подписать еще одно обязательство. Центральный пунктъ его—воспрещеніе брачныхъ сношеній. Жена могла видѣть мужа не больше двухъ разъ въ недѣлю, не иначе какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ, въ назначенное для того время и въ присутствіи дежурнаго офицера. Кромѣ этого пункта, къ Волконской предъявили цѣлый рядъ другихъ требованій. Волконская была поражена. Съ горечью пишетъ она: «Итакъ, государственные преступники должны подчиняться всѣмъ строгостямъ закона, какъ простые каторжники, но не имѣютъ права на семейную жизнь, даруемую величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ. Я видала, какъ послѣдніе возвращались къ себѣ по окончаніи работы, занимались собственными дѣлами, выходили изъ тюрьмы; лишь послѣ вторичнаго преступленія на нихъ надѣвали кандалы и заключали въ тюрьму, тогда какъ наши мужья были заключены и въ кандалахъ со дня своего приѣзда». Бурнашевъ, предложилъ Волконской ѣхать въ Благодатскій рудникъ на другой же день...

Свершилось долгожданное: «Бурнашевъ предложилъ мнѣ войти. Въ первую минуту я ничего не разглядѣла, такъ какъ тамъ было темно; открыли маленькую дверь налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; бряцаніе его цѣпей меня пора-

зило: я не знала, что онъ былъ въ кандалахъ. Суровость этого заключенія дала мнѣ понятіе о степени его страданій. Видъ его кандаловъ такъ воспламенилъ и растрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала его кандалы, а потомъ—его самого. Бурнашевъ, стоявшій на порогѣ, не имѣя возможности войти по недостатку мѣста, былъ пораженъ изъявленіемъ моего уваженія и восторга къ мужу, которому онъ говорилъ «ты» и съ которымъ обходился, какъ съ каторжникомъ».

V.

«Первое время нашего пребыванія, — пишетъ Волконская, — я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ 5 лѣтъ, затѣмъ я себѣ говорила, что это будетъ черезъ 10 лѣтъ, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы Онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей».

Вопросъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ былъ окончательно разрѣшенъ лишь въ 1833 году. Лишеніе гражданскихъ правъ въ упомянутомъ выше предписаніи разсматривается, какъ мѣра внушенія; въ 1833 году оно было принято, какъ законъ. Ни одна инстанція не рѣшалась карать женъ за сочувствіе къ мужьямъ. не придавала распространительнаго толкованія предписанію и считала вполне возможнымъ возвращеніе женъ по смерти мужей въ Россію. Императоръ Николай Павловичъ былъ послѣдователенъ.

«Въ засѣданіи 18-го апрѣля, — читаемъ мы въ журналѣ комитета министровъ, — предсѣдатель комитета объявилъ, что государь императоръ, по разсмотрѣніи заключеній комитета министровъ о правахъ женъ государственныхъ преступниковъ, добровольно послѣдовавшихъ за мужьями въ ссылку на каторжную работу, — обращаясь къ условіямъ, на коихъ сіе дозволено было, находить изволить, что въ помянутыхъ условіяхъ именно предписывалось, что, слѣдуя за мужьями и продолжая супружескую съ ними связь, онѣ содѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т.-е. будутъ признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенные крестьяне. За симъ, хотя въ тѣхъ же условіяхъ присокуплено, что невинная жена, слѣдуя за мужемъ-преступникомъ въ Сибирь, должна оставаться тамъ до его смерти; но правительство, чрезъ такую ссылку на общій законъ, собственно до обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ относящійся (уставъ о ссыльныхъ, § 231), постановляя только, что невинныя жены государственныхъ преступниковъ прежде смерти мужей не могутъ оставлять Сибири, отнюдь не принимало еще на себя непремѣнной обязанности послѣ смерти ихъ дозволить всѣмъ ихъ вдовамъ возвратъ въ Россію.

«Посему его императорское величество, раздѣляя представляющійся здѣсь общій вопросъ на два, и именно: 1) о правѣ состоянія и 2) о правѣ избранія мѣста жительства, въ разрѣшеніи того и другого полагать изволить:

«1) Что невинныя жены государственныхъ преступниковъ, раздѣляющія супружескую съ ними связь, согласно прежнимъ повѣлѣніямъ и настоящему заключенію комитета министровъ, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжныхъ и съ симъ вмѣстѣ подвергаться всѣмъ личнымъ ограниченіямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками...

«2) Что послѣ смерти государственныхъ преступниковъ жившимъ съ ними невиннымъ женамъ ихъ, на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны быть возвращаемы лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ; но дѣйствіе всѣхъ этихъ правъ имѣтъ ограничиваться одними предѣлами Сибири, дозволеніе же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями, зависѣтъ будетъ отъ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ высочайшаго разрѣшенія»...

Только по вступленіи на престолъ Александра II 29-го августа 1856 года были дарованы «государственному преступнику Сергѣю Волконскому и законнымъ дѣтямъ его, рожденнымъ послѣ приговора надъ нимъ, всѣ права потомственнаго дворянства, только безъ почетнаго титула, прежде имъ носимаго, и безъ правъ на прежнее имущество, съ дозволеніемъ возвратиться съ семействомъ изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаетъ въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ С.-Петербурга и Москвы, подъ надзоромъ».

Мы не будемъ останавливаться на жизни Волконской на каторгѣ и на поселеніи. Намъ пришлось бы пересказывать ея «Записки», написанныя живо и трогательно. Неукротимая и боевая натура Волконской не находила успокоенія. Жизнь въ Сибири была полна ежедневной, ежечасной борьбы за существованіе мужа и свое. Если декабристы въ концѣ концовъ добились мало-мальски сноснаго существованія, то этимъ они обязаны всецѣло своимъ женамъ. Тяжелая жизнь не истребила основной черты характера Волконской—жажды жизни. Когда Волконскіе были на поселеніи и жили въ Иркутскѣ, она сдѣлала изъ своего дома центръ общественной жизни въ городѣ; она любила общество и развлеченія. Н. А. Бѣлоголовый вспоминаетъ о ней: «говорятъ, она была хороша собой, но, съ моей точки зрѣнія, 11-ти-лѣтняго мальчика, она мнѣ не могла казаться иначе, какъ старушкой, такъ какъ ей перешло тогда за 40 лѣтъ; помню ее женщиной высокой, стройной, худощавой, съ небольшою относительно головой и красивыми, постоянно

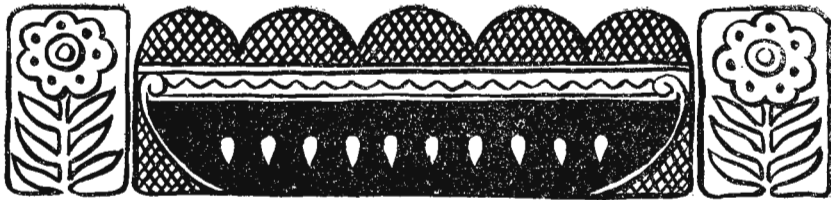
щурившимися, глазами. Держала она себя съ большимъ достоинствомъ, говорила медленно и вообще на насъ, дѣтей, производила впечатлѣніе гордой, сухой, какъ бы ледяной особы, такъ что мы всегда нѣсколько стѣснялись въ ея присутствіи».

М. Н. Волконская умерла 10-го августа 1863 года, 56 лѣтъ отъ роду.

Мы знаемъ, что не одна Волконская послѣдовала за своимъ мужемъ, не одна совершила подвигъ... Трубецкая, Розенъ, Давыдова, Нарышкина, Ентальцева, Анненкова, Ивашева, Фонвизина, раздѣляютъ славу Волконской. Различны психологическіе мотивы подвига каждой изъ нихъ. Для однѣхъ, какъ для Анненковой и Ивашевой, путешествіе въ Сибирь было подвигомъ страстной любви, для другихъ (Давыдова, Ентальцева и др.)—подвигомъ супружеской любви и долга. Фонвизина рѣшилась на подвигъ ради самаго подвига. Для Волконской онъ былъ подвигомъ «борьбы», чисто органическимъ и абсолютно чуждымъ эгоистическимъ соображеній. Она совершила его не для себя, не для мужа, а «по человѣчеству». Когда ей высказывали удивленіе по поводу того, какъ она могла лишиться всего, что имѣла, и все покинуть, чтобы слѣдовать за мужемъ, она отвѣчала: «Что же тутъ удивительнаго? Пять тысячъ женщинъ дѣлають добровольно то же самое».

П. Щеголевъ.

С. П. БОТКИНЪ И ЧУМА.

Ъ ОСОБЕННЫМЪ интересомъ прочелъ я статью д-ра Н. П. Черепнина: «Чума въ Петербургѣ», помѣщенную въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Къ сожалѣнію, въ этой статьѣ я не встрѣтилъ того, чего ожидалъ: въ ней только мимоходомъ упоминается исторія съ Наумомъ Прокофьевымъ и почти ничего не говорится объ отношеніи ко всему этому покойнаго Сергѣя Петровича Боткина. Какъ очевидцу и близко знакомому съ тогдашней чумной эпопеей, мнѣ бы хотѣлось дополнить воспоминанія д-ра Черепнина болѣе подробнымъ изложеніемъ этой исторіи, взволновавшей въ то время Петербургъ.

Я былъ тогда на IV курсѣ медико-хирургической, какъ она въ то время называлась, академіи, гдѣ однимъ изъ самыхъ популярныхъ и самыхъ любимыхъ профессоровъ былъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Насъ было на курсѣ около 400 человекъ, но не одни мы, четверокурсники, были слушателями гениальнаго профессора,—его лекціи посѣщались и студентами V курса, которымъ тотъ же предметъ читалъ проф. Эйхвальдъ,—постоянными посѣтителями Боткинскихъ лекцій были и врачи, которыхъ въ этотъ годъ (послѣ турецкой кампаніи) особенно много было прикомандировано къ академіи,—встрѣчались на лекціи и постороннія, не причастныя къ медицинѣ, лица. Лекціи эти имѣли такое же количество слушателей и во время сходовъ, когда другія аудиторіи пустовали. «Былъ у Боткина» служило достаточнымъ оправданіемъ неприбытія на сходку. Благодаря тому интересу, какой предста-

вляли собой лекціи Сергѣя Петровича, его аудиторія, рассчитанная почти на 500 человекъ, была всегда переполнена сверху до низу (она устроена амфитеатромъ). На присутствіе постороннихъ на этихъ лекціяхъ было обращено вниманіе, и я помню даже, какъ на одной изъ лекцій Сергѣй Петровичъ обратился къ аудиторіи: «Кажется, господа, здѣсь, кромѣ IV курса, есть и посторонніе... Какъ это мнѣ ни больно, но я вынужденъ просить всѣхъ не принадлежащихъ къ составу курса оставить аудиторію...». И сейчасъ же началъ: «Ну-съ, а теперь будемъ продолжать...». Я, дескать, сдѣлалъ, что нужно, а затѣмъ... какъ вамъ угодно.

И вотъ предъ такой-то многолюдной аудиторіей раздалися слова профессора: «Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ той бубонной чумой, съ которой идетъ борьба въ Ветлянкѣ».

Чтобы былъ понятенъ ходъ дѣла для неспеціалистовъ, я долженъ поподробнѣе изложить, на чемъ въ то время основывалось распознаваніе заразныхъ болѣзней. Какъ справедливо говорить д-ръ Черепнинъ, въ нашемъ распоряженіи тогда не было того вѣрнаго способа, какимъ обладаетъ современная медицина: не было культуръ специфическихъ бактерій,—бактеріологія тогда еще только зарождалась,—почему и приходилось довольствоваться другими, можетъ быть, и менѣе точными, но все же довольно надежными данными. Одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ при распознаваніи заразныхъ болѣзней—это ходъ температуры тѣла больного. При каждомъ подозрительномъ заболѣваніи у больного измѣряется температура утромъ и вечеромъ, результаты отмѣчаются на разграфленномъ листѣ, при чемъ въ вертикально расположенныхъ клѣткахъ обозначаются дни и часы, а въ горизонтальныхъ—градусы. Соответствующія утренней и вечерней температурѣ точки соединяются линіями, и въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, получается ломанная или кривая линія, извѣстная подъ названіемъ: «кривая температуры».

Наростаніе и паденіе температуры, или ходъ ея, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ бываютъ настолько характерны, что иногда достаточно взглянуть на «кривую», чтобы, не изслѣдуя еще больного, сказать, съ какимъ заболѣваніемъ мы имѣемъ дѣло. Понятно, что на практикѣ очень нерѣдко бываютъ и отклоненія, но типъ все же остается. Большая часть учебнаго 1878—1879 года Сергѣемъ Петровичемъ, какъ теперь помню, была посвящена именно тифознымъ заболѣваніямъ. Изображенныя на громадныхъ листахъ «кривыя» составляли непремѣнную принадлежность чуть не каждой лекціи,—и вотъ въ серединѣ курса Сергѣй Петровичъ началъ обращать наше вниманіе на часто встрѣчавшіяся отклоненія отъ нормальнаго хода температуры у тифозныхъ. Субъектъ, напримѣръ, съ клинической картиной сыпного тифа, а ходъ температуры не соответствуетъ теченію болѣзни. Такихъ больныхъ до Рождества

еще, сколько помнится, намъ было показано нѣсколько. Объясненій этого явленія профессоръ намъ не давалъ. «Я наблюдаю,—говорилъ онъ,—и если приду къ какимъ либо опредѣленнымъ выводамъ, не премину ихъ сообщить вамъ». И вотъ въ тотъ знаменательный день, если не ошибаюсь, въ февралѣ 1879 г., Сергій Петровичъ діагносцировалъ болѣзнь Наума Прокофьева: «да, это—то, что называется бубонная чума!» Не только теперь, спустя 25 лѣтъ, многіе думаютъ, что Боткинъ «поспѣшилъ», но и тогда, въ Петербургѣ, лица, не стоявшія близко къ дѣлу, раздѣляли этотъ взглядъ. Я вотъ и хочу отгнѣнить именно то обстоятельство, что Сергій Петровичъ не только не «спѣшилъ» съ своимъ діагнозомъ, но напротивъ, что онъ долго размышлялъ, изучалъ, наблюдалъ раньше, чѣмъ сказать свое рѣшительное слово. Слушатели покойнаго профессора отлично знали, что изъ устъ его не могъ выйти поспѣшный или необдуманнй діагнозъ, тѣмъ болѣе такой, который неминуемо долженъ былъ надѣлать шуму. «Ошибка»,—могутъ сказать. Кто говоритъ, и Боткинъ ошибался, вѣдь человѣческій организмъ не часовой механизмъ, но въ томъ-то и дѣло, что онъ сейчасъ и сознавался въ своей ошибкѣ и тутъ же указывалъ слушателямъ, какъ надо быть осторожнымъ, какъ тщательно надо изслѣдовать больного для того, чтобы рѣже ошибаться...

Я отчетливо помню эту лекцію. Мы были напряжены до послѣдней степени. При словѣ «чума» вся аудиторія какъ бы замерла, по ходу изложенія мы подозрѣвали діагнозъ, но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе было сильное. Но и тутъ Сергій Петровичъ какъ будто еще колебался. «Я прошу васъ, господа, пока объ этомъ не распространять, будемъ наблюдать еще...». Но аудиторія не выдержала. Это было въ 3 часа дня, а вечеромъ, какъ передавали газеты, въ тотъ же день въ Вѣнѣ мальчишки бѣгали по улицамъ съ ленточками, выкрикивая: «Der Pestfall in Petersburg!..».

Для Сергія Петровича наступили тяжелые дни, началась настоящая травля. Въ защиту его раздавались лишь немногіе голоса, а обвинительныхъ слышались тысячи, судили друзья и враги, и, Богъ знаетъ, отъ кого ему доставалось больше! Были даже такіе господа, которые, не краснѣя, увѣряли, что Боткинъ выдумалъ чуму, чтобы заработать на биржѣ. Намъ, близко знавшимъ уважаемаго и любимаго профессора, его преданность дѣлу, его сердечное отношеніе къ больному, его желаніе и стараніе приучить слушателей мыслить и разсуждать, а не только лѣчить, намъ было больно слышать эти инсинуаціи. Отношенія Сергія Петровича къ своимъ обязанностямъ извѣстны всѣмъ его ученикамъ. На приемахъ въ амбулаторіи онъ въ теченіе 1¹/₂, иногда 2 часовъ принималъ 3—4 больныхъ,—это называлось: «разбиралъ» больныхъ, да какъ разбиралъ! Эти приемы были тѣ же лекціи, но лекціи, подкрѣпляемые указаніями на данномъ субъектѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ

либо, мы приучались размышлять, вникать во всё детали, касающіяся больного. Задавая больному на первый взгляд кажущіеся лишними вопросы, Сергій Петровичъ приучалъ насъ не упускать изъ виду ничего, что помогало бы выяснить характеръ заболѣванія, указать на причину его...

Боткинъ и Эйхвальдъ дополняли другъ друга: первый былъ философъ въ медицинѣ, второй—практикъ.

Извиняюсь за отступление и продолжаю излагать ходъ событий.

На другой день послѣ знаменательной лекціи мы нашли палату, гдѣ лежалъ Наумъ Прокофьевъ, совершенно изолированной, доступъ къ нему имѣли лишь ординаторы и два куратора изъ студентовъ. Сколько мнѣ помнится, Прокофьевъ служилъ дѣйствительно дворникомъ, но только не на Охтѣ, а въ Инженерномъ замкѣ. По крайней мѣрѣ, помню, что чуть ли не на другой же день весь подвальный этажъ замка былъ очищенъ отъ жильцовъ, семейства жившей тамъ прислуги были переведены въ Екатерингофскій, и затѣмъ началась радикальная чистка, и не только злополучнаго подвала, но и всего Петербурга. Нужно сказать, что санитарныя условія его въ то время были не изъ важныхъ, особенно на Петербургской и Выборгской сторонахъ. Здѣсь знаменитыя Астраханскія, Саратовскія и прочія, носившія названія приволжскихъ городовъ, улицы напоминали собой улицы захолустныхъ уѣздныхъ городовъ. Загрязненные до такой степени дворы, что выходящія сюда окна «студенческихъ» комнатъ никогда нельзя было открыть, благодаря постоянному аромату, носившемуся тамъ, мѣста «не столь отдаленныя», дававшія себя чувствовать даже на улицѣ, вонючія и липкія лужи на лѣстницахъ, все это были явленія, мало кого поражавшія на патриархальныхъ «сторонахъ»...

Не мудрено, что «чума», какъ громомъ, поразила петербуржцевъ: почва подготовлена, а, ну, какъ чума разыграется! И вотъ все зашевелилось, домовладѣльцы, которымъ до сихъ поръ были чужды требованія санитаріи, застонали, полиція забѣгала, внушительная фигура Федора Федоровича (Трепова—тогдашняго оберъ-полицеймейстера) чаще обыкновеннаго появлялась то въ одномъ, то въ другомъ изъ мирныхъ уголковъ, словомъ, Петербургъ точно проснулся. До чего была полиція напугана чумой,—можно судить по слѣдующему комическому эпизоду, имѣвшему мѣсто какъ-то, недолго спустя послѣ Прокофьевской исторіи. Пріятеля моего какъ-то пригласили вечеромъ къ внезапно заболѣвшему, кажется, тоже къ дворнику. Осмотрѣвъ больного, онъ заподозрѣлъ холеру и рѣшилъ сейчасъ же сообщить объ этомъ мѣстному приставу. Было около 12 часовъ ночи, и приставъ собирался уже ложиться спать. Испуганный, онъ встрѣчаетъ «доктора», и когда collega объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, приставъ, облегченно вздохнувъ,

воскликнулъ: «Ну, батенька, и напугали же вы меня, я ужъ думалъ — чума!» Какъ ни убѣждалъ его пріятель, что и холера, ежели она настоящая, также опасна для окружающихъ,—приставъ остался при убѣжденіи, что въ настоящую минуту нѣтъ опаснѣе чумы, или, по крайней мѣрѣ, начальства, предписавшаго слѣдить за ней...

Между тѣмъ въ клиникѣ Боткина начиналась другая исторія: появилась комиссія, пріѣзжалъ, помнится, и покойный Эдекауэръ, Наума Прокофьева разобрали по косточкамъ, и въ концѣ концовъ былъ вызванъ «Вій» въ лицѣ берлинской знаменитости, кажется, профессора Левина. Вотъ тутъ-то и разыгрался «безрецидивный рецидивъ», о которомъ упоминаетъ д-ръ Черешнинъ. Левинъ сыгралъ въ этой исторіи довольно двусмысленную роль: сначала онъ заявилъ, что съ такой формой сифилиса (при высокой t^o тѣла) онъ незнакомъ, затѣмъ изъ Берлина уже написалъ письмо въ «Новое Время», въ которомъ объявилъ, что онъ съ самаго начала не сомнѣвался, что у Наума Прокофьева обыкновенный бубонъ, словомъ, въ общемъ получилась препорядочная путаница. Мы, студенты, очень интересовались исходомъ всей этой исторіи. Въ Сергѣя Петровича, въ солидность его распознаванія мы безусловно вѣрили, Наума Прокофьева большинство изъ насъ видѣло,—и мы никакъ не могли понять сначала смыслъ происшедшаго. Затѣмъ намъ стало ясно, что все ополчилось на нашего дорогого профессора—и вся молодежь приняла его сторону, его авторитетъ для насъ былъ выше мнѣній другихъ лицъ, хотя и занимавшихъ важное положеніе въ медицинскомъ административномъ мірѣ...

Наумъ Прокофьевъ выздоровѣлъ. «Вотъ такъ чума!» раздались ироническія замѣчанія со стороны не посвященной публики, ехидно посмѣивались и нѣкоторые изъ коллегъ. Съ Ветлянки, между тѣмъ, приходили все болѣе и болѣе утѣшительныя вѣсти: болѣзнь послѣ энергической дѣятельности тамъ гр. Лорисъ-Меликова стала стихать наконецъ, послѣдовало официальное сообщеніе, подкрѣпленное иностранными авторитетами, что чуму въ Ветлянкѣ удалось локализовать...

Явились скептики, отрицавшіе даже совсѣмъ и существованіе ея. «Такъ, газеты раздули, никакой и чумы-то не было!»—говорили они... Особенно на руку это было рыботорговцамъ.

Прошло нѣсколько времени, острый періодъ Прокофьевской исторіи миновался. Слышимъ,—скоро состоится засѣданіе общества русскихъ врачей подъ предсѣдательствомъ С. П. Боткина, и на этомъ засѣданіи будетъ дѣлать докладъ самъ Боткинъ и, кромѣ того, другіе врачи о нѣсколькихъ случаяхъ подозрительныхъ заболѣваній въ Петербургѣ. Понятно, засѣданіе представляло громадный интересъ и для насъ. Громадная аудиторія (въ химическомъ институтѣ при академіи) не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, сидѣли чуть не другъ на другѣ...

Сергѣй Петровичъ вновь повторилъ по поводу болѣзни Прокофьева все то, что говорилъ и раньше, и отъ своего первоначальнаго убѣжденія въ свойствѣ ея не отказался и тутъ...

Въ половинѣ марта того же года мы экзаменовались у Боткина. Доходить очередь до меня,—беру билетъ и глазамъ не вѣрю: «бубонная чума». Нечего и говорить, что едва ли кто изъ насъ не сумѣлъ бы отвѣтить на такой билетъ.

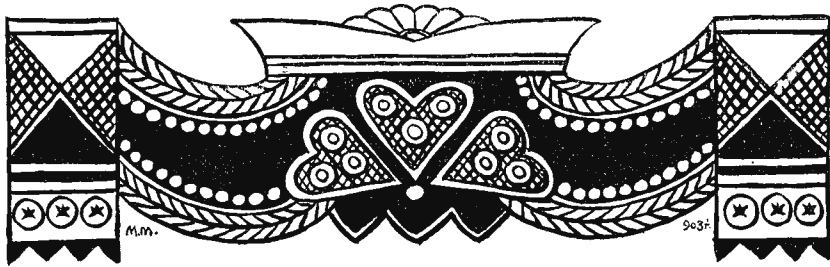
Не успѣлъ я сказать двухъ словъ, какъ профессоръ прерываетъ меня, увлекается и вмѣсто экзамена читаетъ блестящую лекцію о чумѣ... Я сидѣлъ и слушалъ и по окончаніи получилъ «весьма удовлетворительно». Отойдя отъ стола, я взглянулъ на часы: мой экзаменъ продолжался слишкомъ часъ... Вотъ до какой степени незабвенный Сергѣй Петровичъ былъ занятъ чумой,—его пылливый, философскій умъ не позволялъ ему отнестись къ такому важному вопросу легкомысленно. Долго наблюдалъ онъ, много думалъ, доказывалъ, подтверждалъ свои выводы и, сначала обезкураженный «шестью» административными авторитетами,—въ концѣ концовъ, воскликнулъ, какъ Галилей свое «*errip si muove!*» — «а все-таки это была чума!».

Петербургъ того времени съ радостью ухватился за мнѣніе комиссіи, подтвержденное заморскимъ авторитетомъ, и вмѣстѣ съ ними прокричалъ: «у Наума Прокофьева сифились приняли за чуму!» Прокричалъ, но не успокоился. Гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, копошился червячекъ сомнѣнія, маленькій, но надоѣдливый. «Ну, а если всѣ эти случаи, считая въ томъ числѣ и Наума,—первоначальная, легкая форма чумы? Вѣдь какъ ни какъ, а нѣсколько человѣкъ умерли при какихъ-то загадочныхъ явленіяхъ... Даже солдатикъ одинъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ умеръ крайне подозрительной смертью... А ну, если?.. Не мѣшаетъ на случай принять мѣры!» И мѣры приняли и задали Петербургу чистку, какой онъ, вѣроятно, съ тридцатыхъ годовъ не видалъ. И кто знаетъ, чѣмъ бы окончилось дѣло, если бъ червячекъ сомнѣнія молчалъ! Я такъ убѣжденъ, да и многіе согласятся со мной, что если Петербургъ и избѣгъ опасности познакомиться съ чумой во всей ея красѣ, такъ это благодаря мужеству и добросовѣстности Сергѣя Петровича. Дорого обошлось это ему, много здоровья унесла у него эта исторія, но, я надѣюсь, современемъ дѣло выяснится, и подозрѣніе въ поспѣшности съ него снимется.

Миръ праху твоему, дорогой профессоръ!

Д-ръ П. Граціановъ.

ОТЪ АСХАБАДА ДО МЕШЕДА.

I.

ВТОМЪ 1902 года мнѣ пришлось пробить нѣкоторое время въ столицѣ Хоросана—Мешедѣ. Городъ этотъ является центромъ торговли Россіи съ Хоросаномъ. Значеніе его увеличилось еще и отъ того, что онъ связанъ шоссейною дорогою съ Асхабадомъ. Кромѣ шоссе, отъ Мешеда идутъ караванные пути до станцій Закаспійской желѣзной дороги, до Каахки и Душака. Послѣднія двѣ дороги представляютъ собою только тропинки черезъ горы, и передвиженіе по нимъ грузовъ возможно лишь на вьючныхъ животныхъ. Несмотря на существованіе шоссейной дороги, эти вьючные пути далеко еще не потеряли своего значенія. Дѣло въ томъ, что они почти вдвое короче пути на Куганъ-Асхабадъ, что даетъ возможность, несмотря на трудности, представляемыя неразработанной дорогою, совершать переѣздъ до Мешеда почти вдвое скорѣе, чѣмъ изъ Асхабада. Такое сокращеніе времени переѣзда въ связи съ дешевой кормовъ значительно понижаетъ фрахты, что и даетъ возможность этимъ путямъ конкурировать съ шоссе. Кромѣ движенія грузовъ, здѣсь происходитъ движеніе богомольцевъ, стекающихся къ святынямъ Мешеда со всего шіитскаго востока. Мы не должны забывать, что Мешедъ есть прежде всего священный городъ. Самое имя его означаетъ по-арабски «Могила праведника». Городъ своимъ существованіемъ обязанъ исключительно тому

обстоятельству, что на этомъ мѣстѣ былъ погребенъ отравленный по приказанью халифа Мамуна, сына Гарун-ар-Рашида, Али-ибнъ-Муса, признаваемый шиитами за имама. Мѣсто это находилось верстахъ въ 25 отъ города Туса, развалины котораго существуютъ и понынѣ. Съ теченіемъ времени могила вѣроломно умерщвленнаго имама Ризы стала мѣстомъ поклоненія. Мало-по-малу кругомъ могилы образовался небольшой поселокъ, предназначавшійся сначала лишь для нуждъ богомольцевъ. Но постепенно этотъ поселокъ разросся въ большой городъ, и туда понемногу переселились всѣ жители изъ города Туса. Теперь этотъ городъ принадлежитъ къ числу трехъ мѣстъ паломничества. Правовѣрный шиитъ долженъ сначала съѣздить въ Мешедъ, затѣмъ въ болѣе отдаленную Кербелу и наконецъ въ самую дальнюю и трудно досягаемую Мекку.

Ежегодно тысячи богомольцевъ стекаются въ Мешедъ, свозя туда накопленные трудовыя копейки. По словамъ жителей Мешедъ, ежегодно на гробницу имама Ризы жертвуется до 7—8 милліоновъ рублей деньгами и драгоценностями. Удивительнѣе всего, что, несмотря на такой обильный притокъ пожертвованій, этихъ колоссальныхъ суммъ не хватаетъ на удовлетвореніе ненасытныхъ appetitовъ лицъ, имѣющихъ прикосновеніе къ дѣламъ гробницы имама. Говорятъ, что не только все это расходуется и раскрадывается, но что еще ежегодно на гробницѣ остается круглая сумма долга.

Богомольцы стекаются изъ Персіи и Кавказа. Послѣдніе-то преимущественно движутся по караваннымъ путямъ съ вышеуказанныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги. Сами они идутъ пѣшкомъ; женщины, дѣти и поклажа двигаются на ишакахъ и катерахъ.

Черезъ Хивіабанскій пограничный постъ, находящійся на дорогѣ въ Каахка, весною ежедневно проѣзжаетъ до 1.000 человекъ. Сколько русскихъ денегъ ввозятъ они ежегодно въ Персію, трудно даже представить. Помимо того, что они добровольно жертвуютъ на гробницу имама, жители Мешедъ норовятъ сорвать съ нихъ какъ можно больше, такъ что богомольцу зачастую едва-едва хватаетъ на обратную дорогу.

Для интересующихся нашими торговыми сношеніями съ Персіей, конечно, должны быть безынтересны пути сообщенія, условія передвиженія, нравы и обычаи близлежащаго края, изъ всей Персіи, пожалуй, болѣе всего подчиненнаго русскому вліянію, какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Англійскимъ товарамъ въ виду отдаленности отъ границъ Индіи и береговъ Персидскаго залива почти что невозможно конкурировать съ русскими, несмотря на всѣ усилія и затраты, сдѣланныя и произвоdimыя доселѣ англичанами.

Съ чувствомъ удовлетворенія мнѣ приходилось постоянно встрѣчать, какъ по дорогѣ, такъ и въ самомъ Мешедѣ, русскій сахаръ, спички, керосинъ, ситцы и другіе подобныя товары. Вообще можно сказать, что съ дешевыми товарами англичанамъ конкурировать нельзя. Но они, не покладая рукъ, стараются привить товары болѣе цѣнные и поэтому могущіе безъ особеннаго увеличенія стоимости выдержать доставку изъ Индіи.

Теперь на базарѣ есть два-три магазина, содержимыхъ англо-индусами. По слухамъ, они сильно субсидируются англійскимъ правительствомъ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ торговля должна была бы сама собою прекратиться. Торговля идетъ вяло, хотя товары продаются дешевле, чѣмъ они обходятся съ доставкой въ Мешедъ, при чемъ надо помнить, что изъ Калькутты они идутъ почти 2 мѣсяца моремъ и караваномъ.

Какъ разъ во время моего пребыванія въ Мешедѣ мнѣ рассказывали небезынтересный случай, заставившій одинъ такой субсидируемый англо-индійскій магазинъ потерпѣть убытки. Хозяинъ этого магазина выписалъ нѣсколько штукъ англійскихъ сѣделъ. Цѣны были назначены довольно дорогія, но, несмотря на это, ихъ стали было раскупать, какъ вдругъ кто-то пустилъ на базарѣ слухъ о томъ, что дѣйствительно сѣдла отличныя, и сдѣланы они изъ лучшей свиной кожи. На другой же день слухъ этотъ дошелъ до купившихъ сѣдла. Можно представить ихъ ужасъ и отвращеніе, когда они узнали, что сидятъ на проклятой нечистой свиньѣ, до которой и касаться грѣшно. Немедленно всѣ сѣдла были возвращены обратно въ магазинъ, гдѣ висятъ и доселѣ въ ожиданіи, пока ихъ раскупятъ европейцы. Несмотря на видимую убыточность торговли, англичане не отступаютъ, имъ необходимо имѣть въ Хоросанѣ подданныхъ: защищая якобы ихъ интересы, они имѣютъ право держать въ Мешедѣ генеральное консульство и слѣдить за русскими интригами, которыя имъ кажутся повсюду.

Какъ я уже говорилъ вначалѣ, лѣтомъ текущаго года мнѣ удалось побывать въ Мешедѣ. Туда я ѣхалъ по шоссе изъ Асхабада; пробывъ въ Мешедѣ полтора мѣсяца, я вернулся въ Россію уже по дорогѣ въ Каахка.

Въ виду полнаго почти незнакомства русской публики съ Хоросаномъ, мнѣ кажется, что и мои бѣглыя путевыя замѣтки могутъ представить нѣкоторый интересъ для лицъ, интересующихся прилегающими къ Россіи областями нашего сосѣда, представляющими такое обширное, но только еще мало разработанное поле для развитія русской торговли.

Въ самомъ дѣлѣ у большинства публики, знакомой по газетамъ съ Персією, по ассоціаціи идей первое неминуемо вызываетъ представленіе о Тегеранѣ. Слова же Хоросанѣ, Мешедѣ мно-

гимъ приходится слышать почти въ первый разъ. Больно слышать о такомъ незнакомствѣ русской публики съ важными пунктами русской торговли, въ то время какъ интересы наши въ Персіи вообще и въ частности въ Хоросанѣ возрастаютъ съ каждымъ днемъ.

Открываются и намѣчены къ открытію новыя отдѣленія «Учетносуднаго банка въ Персіи». Ходятъ слухи о предстоящей въ скоромъ времени постройкѣ дороги, установлены рейсы пароходовъ въ порты Персидскаго залива; прокладываются телеграфныя линіи, и открываются новыя консульства.

II.

Заказанныя наканунѣ извозчику молоканину лошади были поданы къ 4-мъ часамъ утра. Не теряя ни минуты прохладнаго утра, я, быстро собравшись, вышелъ на крыльцо. Передо мной находился экипажъ, въ которомъ мнѣ предстояло сдѣлать 250 слишкомъ верстъ. Нужно сказать, что сообщеніе съ Мешедомъ въ отношеніи экипажа таково, что ему можетъ позавидовать любой россіянинъ, испытавшій прелести путешествія на безрессорныхъ тарантасахъ и плетюшкахъ средней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ большихъ удобствъ отъ путешествія по Средней Азіи требовать нельзя. Передъ вами рессорная коляска съ переднимъ сидѣньемъ, запряженная четверкой лошадей. Такія коляски извѣстны всему русскому югу, Кавказу и Средней Азіи подъ названіемъ «фазтонъ». Слово это перешло теперь даже и въ персидскій языкъ. Этотъ способъ передвиженія, правда, не отличается дешевизной. Цѣна за проѣздъ до Мешеда, совершаемый въ 4—5 дней въ зависимости отъ времени года, колеблется отъ 50 до 90 рублей. Лѣтомъ дешевле, зимою, когда грязь и снѣгъ, плата возвышается. Кромѣ этого довольно дорогаго способа, существуютъ еще два другихъ болѣе дешевыхъ. Приблизительно разъ въ недѣлю ходитъ нѣкоторое подобіе дилижанса, въ которомъ переѣздъ стоитъ около 15 рублей. Вы можете также ѣхать на фургонѣ поверхъ всего везомаго груза. Это стоитъ еще дешевле. Послѣдніе два способа отличаются, кромѣ дешевизны, также своею медленностью. Дилижансъ идетъ 5—6 дней, а фургонъ 7—8.

Вещи были быстро уложены, послѣднія наставленія кучеру со стороны хозяина были произнесены, и мы тронулись. Мы ѣхали по спящимъ улицамъ Асхабада. Мостовая, покрытая толстымъ слоемъ мельчайшей пыли, почти совсѣмъ не была чувствительна. Солнце только что всходило; въ воздухѣ было совершенно тихо; день обѣщалъ быть жаркимъ. Изъ-за глиняныхъ стѣнъ виднѣлись сады, запыленные листья деревьевъ, казалось, дремали.

Но вотъ, миновавъ послѣднія строенія, мы выѣхали изъ города. Справа и слѣва разстилалась безграничная степная даль, прямо видѣлся Копетъ-дагъ.

Асхабадъ расположенъ въ равнинѣ. Отъ него къ горамъ совершенно прямо идетъ довольно широкое шоссе. Здѣсь по степи въ сухое время имъ почти не пользуются, предпочитая ѣхать по мягкому грунту, зато зимою, когда лѣсъ, составляющій по преимуществу почву Закаспія, превращается въ невылазную мелкую грязь, шоссе незамѣнимо. Отъ Асхабада до начала горъ верстъ 12. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда мы подъѣхали къ первымъ чуть замѣтнымъ отрогамъ, лишь слегка возвышающимся надъ прилегающей къ нимъ равниной. Мало-по-малу они поднимаются все выше и выше. Дорога идетъ вначалѣ по дну оврага до небольшого молуканскаго селенія. Затѣмъ начинается подъемъ. Шоссе дѣлаетъ 5 или 6 заворотовъ. Поднявшись, дорога идетъ снова внизъ, а затѣмъ довольно долго идетъ по ровному мѣсту. Горы Копетъ-дага въ особенности въ этомъ мѣстѣ голы и безжизненны. На вершинахъ растутъ рѣдко разсѣянные кусты туй, ниже горы покрыты желтой выгорѣвшей на солнцѣ травой. Видъ печальный и однообразный.

По дорогѣ васъ поражаетъ обиліе труповъ вьючныхъ животныхъ—верблюдовъ, лошадей и катеровъ. Одни только что пали, другіе уже высохли, третьи превратились уже въ скелеты. Трупы лежатъ около самой дороги, и никому и въ голову не приходитъ, что не мѣшало бы ихъ зарыть или, по крайней мѣрѣ, оттащить подальше. Да и дѣйствительно особенной надобности въ этомъ нѣтъ. Полная сухость воздуха, солнце и вѣтеръ дѣлаютъ то, что трупъ превращается въ мумію прежде, чѣмъ начнетъ разлагаться. Мы начинаемъ догонять фургоны, выѣхавшіе раньше насъ, еще до свѣту, изъ Асхабада. На высокихъ колесахъ крытый, запряженный четверкой отличныхъ лошадей, полный груза и пассажировъ, фургонъ кажется какимъ-то подвижнымъ домомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ немъ, кромѣ 80 пудовъ груза, помѣщается цѣлая семья персовъ, ѣдущихъ въ Мешедъ, съ посудой, подушками и коврами. Спереди, свѣсивъ ноги съ горы тюковъ, сидитъ кучеръ, обыкновенно изъ кавказскихъ татаръ. Рядомъ съ нимъ глава семьи, а за ихъ спиною жены, взрослые дочери и ребята.

Спустившись съ слѣдующаго перевала, мы попадаемъ въ небольшую сжатую горами долинку, по дну которой и идетъ дорога. По серединѣ долины, прижавшись къ обрывистой горѣ, нѣсколько глинобитныхъ построекъ. Это заброшенное въ горахъ селенье лежитъ на полпути отъ Асхабада до пограничнаго Гаудана. Тутъ находится станція, на которой мѣняютъ почтовыхъ лошадей. Рядомъ съ станціей—казармы поста пограничной стражи. Казармы и конюшни обнесены довольно основательной глинобитной стѣной.

Тутъ мы дѣлаемъ остановку, надо попоить лошадей; становится жарко, и мы уже сдѣлали отъ Асхабада 20 слишкомъ верстъ. Кучерь отправляется за водой, отъ нечего дѣлать иду и я за нимъ. Рядомъ съ дворомъ у подножья круто поднимающейся горы вырыта не высокая, но довольно глубокая пещерка, на днѣ ея колодець. Еще раньше въ горахъ я обратилъ вниманіе на множество саранчи, прыгивавшей съ шоссе при приближеніи экипажа, издавая при этомъ сухой трескъ. Тамъ ея было сравнительно немного, но тутъ весь дворъ былъ буквально покрытъ ею. Когда вы идете, тучи поднимаются на воздухъ, но еще больше остается сидѣть на землѣ, и вы давите ее ногами. Саранча садится вамъ на платье, ударяется вамъ въ лицо и немилосердно трещитъ въ воздухъ. Больше всего ея около воды. Земля передъ пещеркой, смоченная проливаемой изъ ведеръ водою, покрыта саранчей въ три-четыре слоя. Дно пещерки и вода полны ею. Попадая въ воду, саранча не можетъ оттуда выбраться. Она быстро гибнетъ и, начиная вскорѣ разлагаться, своимъ отвратительнымъ запахомъ отравляетъ воду. Полюбовавшись вдоволь этой картиной, возвращаюсь обратно на дворъ казармы. На дворѣ нѣсколько персовъ подъ руководствомъ солдатъ поправляютъ крышу, таская на нее землю. Интересенъ тотъ способъ, которымъ туземные мастера доставляютъ на верхъ строительные матеріалы. Лѣсовъ, какъ это дѣлается у насъ, тамъ по дороговизнѣ дерева не употребляютъ. Какъ мнѣ потомъ пришлось видѣть въ Мешедѣ, даже при постройкѣ довольно значительныхъ зданій обходятся лишь съ лѣстницей-стремлянкой. Кирпичи перекидываютъ снизу вверхъ, какъ мячикъ. Сидящій на верху каменщикъ прямо кладетъ ихъ на мѣсто. Землю же, какъ это и было здѣсь, они носятъ въ лоткахъ на плечѣ, ловко балансируя на приставленной почти вертикально къ стѣнѣ тоненькой тополевой лѣстницѣ.

Въ ожиданіи, пока напоятъ всѣхъ лошадей, вступаю въ бесѣду съ солдатами. Ихъ тутъ стоитъ 12 человекъ. На помощь имъ есть нѣсколько человекъ текинцовъ джигитовъ. вмѣстѣ съ ними они день и ночь караулятъ границу. Укараулить здѣсь границу—задача не изъ легкихъ. Мѣстность пустынная и крайне пересѣченная, масса горныхъ тропинокъ и обходныхъ дорогъ, добавьте къ этому темныя южныя ночи, заманчивость контрабанды и громадный навывкъ къ провозу контрабанды населенія, разбойническаго по природѣ, и вы увидите, что задача эта невозможна.

Изъ контрабанды, провозимой здѣсь, помимо чая и шелка, особенно замѣчательны своей оригинальностью слѣдующія три: сахаръ, краны и терьякъ (составъ изъ головокъ мака, приготовляемый въ Персіи открыто на улицахъ). Населеніе Закаспійской области, разъ привыкнувши къ нему, не можетъ уже теперь отъ него отказаться, какъ это бываетъ со всѣми привыкшими къ

употребленію наркотиковъ, морфія, гашиша и очень близкаго къ терьяку опиума. Поэтому контрабанда терьяка очень выгодна. Контрабандистъ, купивъ его сравнительно дешево въ Персіи и провезя въ Асхабадъ или окрестные текинскіе аулы, продаетъ его на много дороже. При этомъ покупатели не только не въ претензіи, но еще благодарны ему за доставленіе необходимаго для нихъ снадобья. Я говорю — необходимаго, ибо человѣкъ, разъ попробовавшій терьяку, только обладая рѣдкой желѣзной силой воли, не закуритъ вторично. Обыкновенно же достаточно выкурить одну трубку терьяку, чтобы черезъ двѣ-три недѣли обратиться въ завятаго терьякеша. Терьякъ отравляетъ организмъ и разстраиваетъ здоровье. Курильщикъ худѣетъ, лицо принимаетъ землистый оттѣнокъ, глаза тухнуть. Чувствуется полная апатія къ всему, единственная потребность во что бы то ни стало курнуть терьяку, чтобы на нѣсколько часовъ забыться чуднымъ сномъ. Эта потребность непреодолима. Послѣ куренія исчезаетъ апатія, человѣкъ становится энергичнымъ и для удовлетворенія своей пагубной страсти готовымъ на все, на преступленіе, воровство, убійство. Страсть эта сильно распространена въ Персіи. Тамъ курятъ и богатые и бѣдные, мужчины и женщины, даже дѣти. Но всѣ стараются скрыть свою привычку и чрезвычайно обидятся, если вы въ разговорѣ открыто на это намекнете. Этотъ-то губительный терьякъ, имѣющій видъ невинныхъ шоколаднаго цвѣта блестящихъ палочекъ, и провозится массаами черезъ горы.

Другой не менѣе оригинальной контрабандой является русскій сахаръ. Какъ извѣстно, сахароторговцы при вывозѣ сахара за границу получаютъ обратно акцизъ, уплаченный при выпускѣ сахара съ завода. Поэтому въ Персіи, несмотря на очень высокіе фрахты, сахаръ даже въ розничной продажѣ въ полтора раза дешевле, чѣмъ въ Россіи. Разумѣется, прямая выгода перевезти его разъ за границу, получить на границѣ въ таможенѣ акцизъ обратно, затѣмъ снова ввезти его горами въ Россію и продать по установленной въ Россіи цѣнѣ.

Но еще болѣе выгодно этотъ же сахаръ снова представить въ таможеню и заявить, что вы вывозите его въ Персію, и опять получить акцизъ, однажды вами уже полученный. Какъ видно, сахаръ можетъ путешествовать, такимъ образомъ, изъ Россіи въ Персію черезъ таможеню, а обратно тайкомъ черезъ горы, принося своему обладателю солидный заработокъ, безконечное число разъ, пока, наконецъ, съ нимъ не произойдетъ какой нибудь несчастный случай, въ родѣ, напримѣръ, задержанія чинами пограничной стражи и т. п.

Но, къ огорченію гг. контрабандистовъ, эта выгодная комбинація теперь стала невозможной. Если вы желаете вывезти изъ Россіи сахаръ, то необходимо представить въ таможеню счетъ завода

и накладную желѣзной дороги въ удостовѣреніе того, что сахаръ этотъ дѣйствительно никогда не видалъ Персіи и отправляется въ это путешествіе въ первый разъ. Опытный же въ путешествіяхъ сахаръ, не имѣющій требуемыхъ удостовѣреній, арестуется при таможенѣ и конфискуется. Благодаря этой предусмотрительной мѣрѣ, второй видъ контрабанды нынѣ уничтоженъ, тогда какъ первый процвѣтаетъ и понынѣ.

Помимо контрабандистовъ всѣ фургонщики, фазтонщики, черводары, т.-е. проводники каравановъ, и просто проѣзжающіе считаютъ своимъ долгомъ провезти дозволенное закономъ количество: пять фунтовъ на человѣка.

Третій соблазнъ представляютъ краны. Эта контрабанда самая заманчивая и выгодная. Она поставлена на очень широкую ногу, и ею занимается добрая половина мешедскихъ купцовъ, и даже мешедское отдѣленіе англійскаго банка; послѣднее, конечно, не лично, но черезъ посредниковъ.

Кранъ это — персидская серебряная монета, являющаяся основной монетной единицей. Теперь ея курсъ около 17 копеекъ, или за 100 рублей даютъ около 580 крановъ. Но курсъ измѣнчивъ, хотя стоимость крана не опускается ниже 16,9. Дѣйствительно же кранъ стоитъ меньше. Въ Персіи существуетъ свободная чеканка серебра. Всякій можетъ привезти на тегеранскій монетный дворъ свое серебро, и ему тамъ надѣлаютъ изъ него крановъ. При этомъ, кранъ обходится въ 15,25 копеекъ. Съ доставкой его въ Мешедъ онъ обходится въ 15,75 копеекъ. Теперь надо его продать на русскія деньги и получить разницу между дѣйствительною цѣною крана и курсомъ. Покупателями крановъ являются русскіе туркмены. Населеніе Закаспійской области, привыкшее издавна въ торговыхъ сношеніяхъ и еще чаще въ грабежахъ и набѣгахъ получать персидскій кранъ, до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ русскимъ деньгамъ. Въ виду устраненія этой аномалии, съ цѣлью пріученія русскихъ подданныхъ къ русской монетѣ, ввозъ крановъ въ Россію запрещенъ, а между тѣмъ у туркменъ потребность въ кранѣ еще осталась. Туркмень, получившій за свои продукты рубли на базарѣ, не знаетъ, что съ ними дѣлать. Въ его аулѣ они не ходятъ; ему надо, во что бы то ни стало, промѣнять ихъ на знакомые краны. Онъ готовъ дать за нихъ больше, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ, лишь бы сбыть свои рубли съ рукъ. Благодаря этому обстоятельству, цѣна на кранъ въ Закаспіи выше, чѣмъ въ Мешедѣ. Если вы можете продать кранъ въ Мешедѣ за 17 копеекъ, то въ Закаспіи онъ стоитъ 18—19 и иногда даже больше. Слѣдовательно, прямая выгода везти кранъ въ Закаспію. Контрабанда крановъ легче другой, по малому объему провозимаго товара, и еще по тому, что краны арестуются лишь на разстояніи не свыше 300 сажень отъ границы, такъ какъ въ самой Закаспійской обла-

сти размѣнъ и обращеніе крановъ не воспрещены. Въ виду выгоды этой операціи въ ней принимаютъ участіе,—какъ я сказалъ выше,—купцы и банкиры Мешедъ и даже отдѣленіе англійскаго банка. Участіе послѣдняго состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ покупаетъ въ Одессѣ серебро, провозитъ его въ Тегеранъ. Превращаетъ его тамъ въ краны и переправляетъ въ Мешедъ. Тутъ онъ осуждаетъ эти краны купцамъ, съ обязательствомъ со стороны послѣднихъ возвратить ссуду въ рубляхъ. Конечно, англійскому банку безызвѣстно, куда идутъ эти краны, и гдѣ ихъ продаютъ за рубли, которыхъ въ Мешедѣ весьма мало. Но англійскій банкъ подобное участіе въ контрабандѣ не считаетъ для себя неудобнымъ.

Напротивъ, очевидцы передавали, что на дворѣ англійскаго банка грузятъ цѣлые караваны катеровъ кранами, завѣдомо для отправки ихъ въ Россію. По истеченіи срока ссуды, купцы, провезшіе уже краны въ Россію и получившіе рубли, расплачиваются съ англійскимъ банкомъ, а послѣдній расплачивается за серебро, и операція начинается снова,

III.

Пока я разговаривалъ съ солдатами, ямщикъ напоилъ лошадей, и мы снова тронулись по извилистому шоссе по берегу проходящаго по дну долины русла пересыхающей гдѣто рѣчки. Версты черезъ двѣ мы опять начали подниматься. Шоссе дѣлаетъ шесть-семь поворотовъ и достигаетъ вершины горы. Отсюда можно бросить прощальный взглядъ на Закаспійскую равнину. На ней виденъ Асхабадъ, до котораго по прямой линіи версты 20; городъ тонетъ въ зелени окружающихъ его садовъ. Бѣлыя и желтыя постройки сливаются съ деревьями, и городъ кажется желтовато-зеленымъ пятномъ на желтомъ фонѣ Закаспія.

Солнце поднимается выше, близокъ полдень, но въ воздухѣ не чувствуется асхабалскихъ 55 градусовъ, и дышится гораздо свободнѣе. Выѣхавъ утромъ рано, начинаешь устывать, съ нетерпѣніемъ спрашиваешь кучера, много ли осталось до дограничнаго селенія Гауданъ, гдѣ намъ надо будетъ отдохнуть и покормить лошадей.

Еще два-три подъема, и мы спускаемся въ длинную узкую долину. Посерединѣ ея тянется прямая, какъ натянутый шнуръ, дорога. Версты черезъ двѣ долина суживается, и ее перегораживаютъ строенія. Это и есть Гауданъ. Дорога проходитъ черезъ ворота двора таможи. Кругомъ таможи по долинѣ объѣхать нельзя, ибо тамъ, гдѣ кончаются стѣны двора, начинаются острые крутые скалы.

Появленіе рѣдкаго проѣзжаго отрываетъ отъ дремоты караульнаго таможеннаго солдата. Бѣгутъ докладывать дежурному чиновнику.

Въ ожиданіи осматриваюсь кругомъ. Таможня сжата горами, за ней вдоль дороги лежитъ небольшое селеніе, гдѣ живутъ молукане. Въ рукахъ ихъ почти все извозное дѣло. Всѣ почти фаятоны Асхабада и фургоны, ходящіе въ Мешедъ, принадлежатъ имъ. Благодаря такой фактической монополіи, они заламываютъ за эти 250 верстъ, сколько имъ заблагоразсудится, и въ то время, какъ фрахты отъ Мешеда до Асхабада никогда не бываютъ выше 30—35 копеекъ съ пуда, изъ Асхабада въ Мешедъ, благодаря стачкѣ молуканъ-фургонщиковъ, онъ поднимается до 90 копеекъ, одного рубля и зимою еще выше. Благоразумные и степенные на видъ, они своимъ разумнымъ разговоромъ сначала внушаютъ симпатію, но чуть дѣло коснется наживы, они готовы содрать за пустую услугу, какъ можно больше.

Большой квадратный дворъ таможни былъ совсѣмъ пустъ. Въ это время дня фургоны и караваны находятся въ пути. Чиновникъ, вышедшій на зовъ солдата, любезно пригласилъ меня въ канцелярію, гдѣ исполнилъ необходимыя паспортныя формальности.

Багажъ мой не осматривали.

Распростившись съ чиновникомъ, послѣднимъ официальнымъ русскимъ лицомъ, я прошелъ въ слѣдующія ворота во второй дворъ, гдѣ устроены навѣсы для лошадей и казармы для таможенныхъ солдатъ. Тутъ же, у стѣны, приютилась небольшая чайная лавка, содержимая, какъ почти всѣ караванъ-сарай и чайхане по дорогѣ въ Мешедъ, кавказскимъ татаринкомъ. Напившись чаю и позавтракавъ, я легъ отдохнуть подъ навѣсомъ. Но жаръ, усилившійся послѣ того, какъ мы спустились съ горъ, мухи и прыгающая по мнѣ саранча не давали ни минуты покоя.

Часа въ три, когда въ воздухѣ стало замѣтно прохладнѣе, мы тронулись дальше. Сейчасъ же у воротъ таможни лежитъ самое селеніе Гауданъ. Полверсты дальше, у самой дороги, изъ земли черезъ чугунныя трубы выведена наружу, проведенная подземными каризами, далеко съ горъ вода. Выливаясь изъ трубы, вода попадаетъ въ цѣлый рядъ открытыхъ колодъ, расположенныхъ одна надъ другой такъ, что вода, наполняя первую, наполняетъ вторую и т. д. Такъ какъ она быстро разбирается, то почти никогда всѣ колоды не бываютъ полны, и ни одна капля воды не тратится даромъ. Но это остроумное устройство имѣло теперь свои невыгоды. Саранча, пользуясь громадной поверхностью воды, ничѣмъ не закрытой, наполняла воду своими трупами до такой степени, что ее оттуда приходилось выгребать лопатами. Запахъ и вкусъ воды отъ такого дополненія, конечно, не выигрывалъ.

Да, помимо того, вода сама по себѣ не важная. Сильно соленый вкусъ ея былъ замѣтенъ въ чаѣ, и большое количество сахара не въ состояніи заглушить его.

Гауданъ расположенъ въ четырехъ верстахъ отъ ближайшаго персидскаго селенія Башгира, гдѣ находится персидская таможня и паспортный чиновникъ. Приблизительно на половинѣ дороги между этими пунктами, расположенными въ долинѣ, находится высокій перевалъ. На немъ, немного не доѣзжая до самой вершины, мы увидали каменное строеніе, нѣчто въ родѣ блокгауза съ кирпичными воротами, бойницами и съ весьма основательной стѣной во кругъ небольшого двора.

За этимъ зданіемъ по горной лужайкѣ разбросано нѣсколько деревянныхъ бараконъ. Здѣсь былъ прежде постъ пограничной стражи, и надо полагать, что эти стѣны и кирпичныя бойницы были не бесполезны. Теперь тутъ, по словамъ кучера, солдатъ нѣтъ, они сосредоточены въ болѣе опасныхъ мѣстахъ.

Еще одинъ поворотъ шоссе, и мы достигли вершины подъема. Отсюда, несмотря на отсутствіе пограничныхъ знаковъ, начинается уже Персія, или, какъ называютъ ее сами персы, «Девлети Иранъ».

Съ пограничнаго подъема мы спустились въ долину. Вскорѣ показались группы глинобитныхъ зданій безъ оконъ и дверей, съ одними лишь ничѣмъ не закрытыми для прохода отверстіями. Крыши то плоскія, то куполообразныя. Всѣ постройки глинобитныя или въ лучшемъ случаѣ сложены изъ кирпича сырца. На крышахъ нѣкоторыхъ изъ домовъ сушился собранный хлѣбъ и скрученный въ пленки клеверъ «юрунджа», который готовится для продажи.

Дорога вошла въ селеніе и извивалась между криво разставленными стѣнами домовъ. Дорога настолько узка, что разъѣхаться двумъ фазтонамъ и, тѣмъ болѣе, двумъ фургонамъ совершенно невозможно; съ трудомъ разъѣзаемся съ верховыми.

Вотъ и таможня, съ ней рядомъ паспортное отдѣленіе.

И та и другое помѣщаются въ маленькихъ комнатахъ съ одной дверью, отворяющеюся прямо на улицу. На улицѣ никого нѣтъ, лишь у таможни два-три перса съ форменными пуговицами на сердари и съ львомъ и солнцемъ на шапкѣ. Это — таможенные сторожа. По другую сторону улицы ворота во дворъ, для каравановъ и фургоновъ, ожидающихъ досмотра.

Отправляюсь сначала въ паспортную. Предъявляю мой паспортъ. Повертѣвъ его въ рукахъ, мнѣ заявляютъ, что необходимо взять другой, и что стоитъ это удовольствіе 2 рубля 72 копейки. Не имѣя ни малѣйшаго желанія платить этихъ денегъ и думая, что тутъ лишь недоразумѣніе, такъ какъ никто меня объ этомъ не предупредилъ, начинаю доказывать, что моего паспорта совершенно достаточно. Говорю это по-русски переводчику, но это не дѣйствуетъ. Тогда обращаюсь къ главному чиновнику, въ синемъ однобортномъ сердари съ гербовыми персидскими золочеными пуговицами и контръ-погонами коллежскаго ассессора почтово-теле-

графнаго вѣдомства. Вообще относительно формъ въ Персіи господствуетъ произволь. Тутъ чиновникъ надѣлъ русскія почтово-телеграфныя погоны. Когда я выѣзжалъ изъ Персіи, черезъ Кахестеръ, мой паспортъ прописывалъ чиновникъ, одѣтый въ синее двубортное австрійское офицерское пальто, на красной генеральской подкладкѣ. Не говоря уже о мелкихъ чиновникахъ, то же, повидимому, и среди большихъ. Такъ, на торжественномъ обѣдѣ въ англійскомъ генеральномъ консульствѣ, по поводу коронаціи Эдуарда VII, я видѣлъ генераль-губернатора Хоросана и его сына въ черныхъ однобортныхъ сердари, съ краснымъ кантомъ и золочеными гербовыми пуговицами и русскими золотыми погонами полнаго генерала, надѣтыми наоборотъ, т.-е. со сръзанными углами къ плечу, а прямыми къ воротнику, повидимому, вслѣдствіе довольно логичнаго разсужденія, что къ плечу удобнѣе менѣе торчащіе концы. На другомъ праздникѣ, менѣе торжественномъ, сынъ генераль-губернатора уже былъ безъ погонь въ томъ же сердари, и на томъ мѣстѣ, гдѣ погоны привязывались шнурками, виднѣлись лишь дырочки, совершенно такъ, какъ у нашихъ денщиковъ, перешившихъ себѣ барскій сюртукъ.

Сердари называется платье въ родѣ нашего сюртука: спереди у него или отложной воротникъ или же стоячій, а свади отъ талии такія же складки, какъ у нашихъ поддевокъ. Вотъ изъ такого-то сердари со стоячимъ воротникомъ и устраиваютъ себѣ всевозможныя формы, украшая его пуговицами, кантами и русскими погонами.

Чиновникъ, къ которому я обратился, хотя и былъ удивленъ моими скудными знаніями персидскаго языка, все же не смягчился и любезно заявилъ, что «лаземъ эсть», т.-е. что это необходимо. Вижу дѣлать нечего, даю деньги, и мѣшъ пишутъ на соответствующемъ печатномъ бланкѣ нѣкоторое подобіе паспорта, наклеиваютъ гербовыя марки и прикладываютъ печать. Кстати о печатяхъ.

Персы, равно какъ и турки, очень любятъ печати. Подпись ваша имъ не нужна, на векселѣ, распискѣ, контрактѣ и на тому подобныхъ документахъ необходима лишь ваша печать. Поэтому у каждаго перса должна быть обязательно при себѣ, по крайней мѣрѣ, одна печать. Кто немного побогаче, у того ихъ по нѣскольку штукъ. Оттискъ дѣлается не сургучемъ, а чернилами или тушью.

Печать обыкновенно уже раньше бываетъ смазана краской, и, когда надо ее приложить, языкомъ лизнуть нужное мѣсто на бумагѣ и къ нему прикладываютъ печать. Засохшая на печати краска даетъ на мокрой бумагѣ довольно отчетливый оттискъ.

Какъ я уже сказалъ, приложеніе печати считается необходимымъ условіемъ для приданія документамъ значенія. Такое довѣріе къ печатямъ тѣмъ страннѣе, что на печатяхъ вырѣзывается обыкновенно лишь два имени, а имена у персовъ не отличаются

особеннымъ разнообразіемъ. Всѣ же прозвища, по которымъ носящихъ одно и то же имя различаютъ въ разговорѣ, на печатяхъ обыкновенно не вырѣзываютъ. Такимъ образомъ, у большого количества лицъ печати совершенно одинаковаго содержанія. Къ тому же, на базарѣ за пять кранъ вамъ черезъ полчаса сдѣлаютъ какую угодно печать.

Получивъ отъ таможни, послѣ бѣглаго осмотра вещей, удостовѣреніе, что ничего подлежащаго оплатѣ съ нами нѣтъ, ѣдемъ дальше.

Дорога идетъ около маленькихъ обработанныхъ и орошенныхъ полей; шпеница уже убрана, но клеверъ еще зеленѣетъ, пріятно выдѣляясь на сѣро-желтомъ фонѣ окружающихъ полей.

IV.

Версты черезъ три отъ Башгира, тамъ, гдѣ дорога съ долины начинаетъ подниматься въ горы, стоитъ довольно обширная глинобитная крѣпостца съ башнями и съ зубчатыми стѣнами. Теперь она уже необитаема, но, судя по тому, какъ хорошо она сохранилась, можно думать, что она покинута недавно. Поля, по которымъ мы ѣхали послѣ Башгира, давно уже колчались, мѣстность снова угрюма и пустынна.

День клонится къ вечеру, лошади уже начинаютъ уставать. Хотя мы сдѣлали съ утра версть 50, но крутые подъемы даютъ себя знать. Да и число пройденныхъ верствъ весьма проблематично. Дѣло въ томъ, что верстовые камни есть лишь до Гаудана. На персидской же территоріи никакихъ знаковъ нѣтъ. По картѣ опредѣлить пройденное разстояніе невозможно. Глядя на нее, кажется, что разстояніе отъ Асхабада до Кугана вдвое меньше, чѣмъ отъ Кугана до Мешеда; но на самомъ дѣлѣ первую часть вы ѣдете 2 дня, а вторую лишь 1¹/₂. Оно и понятно, ибо отъ Кугана до Мешеда дорога идетъ по совершенно ровному мѣсту, а до Кугана съ горы на гору.

Сегодня почевать мы должны въ Шамхалахъ. Еще въ Гауданѣ насъ уговаривали остаться почевать, говоря, что по слухамъ въ Шамхалахъ всѣ колодцы полны саранчей, и что вода не годится даже для скота. Но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ мѣсту ночлега, тѣмъ саранчи становилось меньше и меньше. Она, повидимому, уже перелетѣла въ другое мѣсто, оставивъ лишь массу труповъ своихъ собратій.

Но вотъ и караванъ-сарай.

На двѣ узкой долины виднѣется длинное четвероугольное строеніе безъ оконъ съ одними лишь выѣздными воротами. Кругомъ по долинѣ не видно никакихъ строеній, кромѣ маленькаго глинобитнаго домика, гдѣ помѣщается чайханъ, отдѣленнаго отъ

караванъ-сарая лишь дорогой. Караванъ-сарай—это четырехугольное продолговатое строеніе, снаружи обнесенное сплошною глинобитною стѣной. Въ сторонѣ, обращенной къ дорогѣ, ворота. Надъ ними нѣчто въ родѣ мезонина съ двумя маленькими окошечками. Въѣзжаемъ въ ворота; черезъ длинный съ кирпичнымъ сводомъ порталъ мы попадаемъ на первый дворъ. Кругомъ квадратнаго двора идетъ нѣчто въ родѣ крытой веранды, полъ которой поднимается на аршинъ отъ земли. Крыша надъ верандой глиняная, на тоненькихъ тополевыхъ столбахъ. На веранду, которая шириною аршина два, выходятъ двери и окна отдѣльныхъ номеровъ, именуемыхъ мензья'ями. Каждая такая комнатка—сажени 3 квадратныхъ. Окно безъ стеколъ и дверь выходитъ на веранду, задняя же стѣна составляетъ наружную стѣну караванъ-сарая. Надъ каждой комнаткой—куполообразная глиняная крыша. Прямо противъ воротъ, черезъ которыя мы въѣхали, находятся вторыя ворота, ведущія во второй дворъ приблизительно такой же величины, какъ и первый, но тутъ помѣщенія предназначены не для людей, а для упряжныхъ лошадей и вычныхъ животныхъ.

Описываемый караванъ-сарай—одинъ изъ лучшихъ на этой дорогѣ. Обыкновенно же ограничиваются лишь однимъ дворомъ, гдѣ рядомъ помѣщаются и везомые, и везущіе.

Этотъ караванъ-сарай новый и производитъ пріятное впечатлѣніе своею чистотою и хорошею отдѣлкою стѣнъ и куполовъ. Вообще надо отдать справедливость, что персы изъ своего незамысловатаго матеріала строятъ очень порядочно. Правда, ихъ глинобитныя постройки не особенно прочны, и во время дождя онѣ снаружи размываются. Но ихъ не трудно привести снова въ полную исправность, да къ тому же и дожди бываютъ лишь очень короткое время осенью и зимою. Всѣ постройки одного цвѣта съ землею, такъ какъ онѣ изъ нея и сдѣланы, и матеріалъ берется тутъ же рядомъ. Своды и столбы стѣнъ дѣлаются изъ обожженнаго кирпича, но къ этому прибѣгаютъ сравнительно рѣдко, такъ какъ топливо дорого.

Вышесказанное относится къ обыкновеннымъ строеніямъ; мечети, школы, базары и дома богатыхъ людей дѣлаются цѣликомъ изъ обожженнаго кирпича, чтѣ, конечно, возможно лишь при большихъ затратахъ.

Постройки изъ глины, предоставленныя сами себѣ, подъ дѣйствіемъ дождя и снѣга въ два, три десятка лѣтъ превращаются въ кучу земли и мало-по-малу сравниваются съ окружающей почвой.

Хозяинъ этого караванъ-сарая завѣдуетъ выдачей пропускныхъ билетовъ для проѣзда по шоссе до Мешеда. Билетъ до Мешеда стоитъ 1 р. 10 к. и дѣйствителенъ лишь на одинъ разъ въ одинъ конецъ. Каждый фаятонъ и фургонъ обязанъ запасаться

имъ здѣсь. Если почему либо вы не пожелали взять его здѣсь, то по прїѣздѣ въ Мешедъ съ васъ взыскиваютъ вдвое. Если же фаятонъ возвращается порожнемъ, то новаго билета покупать не надо. Кромѣ этого сбора, собственно не съ проѣзжающихъ, а съ экипажа, всякій проѣзжающій долженъ имѣть паспортъ, которымъ снабдили на границѣ меня.

Примѣты въ немъ не пишутся, и вы, разъ съѣздивши въ Персію, если не собираетесь ѣхать туда снова, можете смѣло продать его другому, конечно, съ уступкою.

Хозяинъ-извозчикъ, на лошадахъ котораго я ѣхалъ, ежегодно выправляетъ нѣсколько такихъ паспортовъ для кучеровъ и фургонщиковъ. Составъ его рабочихъ часто мѣняется, и зачастую они ѣздятъ съ чужими паспортами. Такъ и мой возница, по имени Василій, оказался въ паспортѣ Петромъ.

Караванъ-сарай по этой дорогѣ содержатся по большей части кавказскими татарами, зачастую знающими немного по-русски. Русское подданство, ставя ихъ подъ защиту консуловъ, спасаетъ ихъ отъ произвола и вымогательства туземныхъ властей, такъ какъ за обиду русскихъ подданныхъ туземныя власти платятся довольно дорого.

Пока кучеръ убиралъ лошадей, я послалъ бывшаго со мною человѣка за самоваромъ. Я говорю: послалъ, потому что у самого владѣтеля караванъ-сарая обыкновенно собственнаго самовара нѣтъ. За самоваромъ необходимо посылать въ чайханэ, которую вы всегда встрѣтите у каждаго караванъ-сарая. Хозяинъ этой лавки и снабжаетъ васъ самоваромъ, посудой, чаемъ и сахаромъ, конечно, за отдѣльную плату. Хозяину же караванъ-сарая за помѣщеніе надо платить только тогда, когда вы занимаете отдѣльную комнату. Если же, занявъ вашими повозками хоть весь дворъ, въ отдѣльной комнаткѣ не нуждаетесь, то съ васъ ничего за ночлегъ не берутъ. Хозяинъ довольствуется лишь доходомъ съ продаваемого вамъ фуража, за который онъ и заламываетъ соответствующія цѣны, пользуясь тѣмъ, что ближайшее селеніе верстахъ въ 5 въ сторону отъ дороги.

Пока хлопотали съ самоваромъ, быстро безъ сумерекъ наступила ночь. Сейчасъ только солнце еще виднѣлось надъ горизонтомъ, но вотъ оно скрылось, нѣсколько мгновений разсѣяннаго свѣта, длинныя вечернія тѣни пропали, солнце еще борется съ мѣсяцемъ. Но вотъ солнце уступаетъ; мѣсяцъ, давно уже ждавшій на небѣ, вступая въ свои права, разгорается все ярче и ярче. Потянулись, побѣжали черныя тѣни, заря догорѣла и погасла, тихая южная ночь охватила долину, отдаленныя горы покрылись серебряной дымкой; яркія южныя звѣзды, кажется, спорятъ съ мѣсяцемъ.

Утромъ, часа въ 4, когда солнце еще не показалось изъ-за горъ, мы уже выѣзжаемъ. Скоро начинается подъемъ. По мѣрѣ

того, какъ мы поднимаемся, лучи солнца, освѣщавшіе сначала лишь вершины дальнихъ горъ, спускаются все ниже и ниже и скоро заливаютъ горячимъ свѣтомъ самыя глубокія впадины покинутой нами долины.

Дорога отъ Шамхалъ, какъ называется этотъ караванъ-сарай, до города Кугана—самая живописная изъ всего пути. Дорога, шедшая прежде по землянымъ отлогимъ склонамъ, переходитъ теперь на скалистые обрывистые хребты. Шоссе узкою лентою смѣло извивается по откосамъ горъ, гдѣ мѣсто для него приходилось вырубать въ камнѣ. Скалы, составляющія стѣну по одной изъ сторонъ дороги, носятъ на себѣ слѣды взрывовъ.

На нависшихъ надъ дорогою утесахъ кое-гдѣ, цѣпляясь корнями, растутъ кусты туй. Но и эта единственная растительность, встрѣчаемая въ этихъ горахъ, разбросана крайне рѣдко.

Но вотъ мы снова спускаемся въ долину. Около горнаго родника пріютилась маленькая персидская деревушка. Жилища еще бѣднѣе и неудобнѣе, чѣмъ тѣ, что я видѣлъ въ Башгирѣ. У ключа, гдѣ мы остановились поить, разставлены на камняхъ мѣдные луженные тазы съ водою. Съ какою цѣлью это было сдѣлано, я такъ и не узналъ.

Видя, что мы собираемся поить лошадей, нѣсколько туземцевъ подошли къ источнику. Усѣвшись около воды, они видимо были недовольны и пытались протестовать противъ того, чтобы мы пользовались ихъ водою. Но, трусливые по природѣ, они ограничились лишь ворчаніемъ и ругательствами про себя. По объясненію моего кучера, они не желали, чтобы нечистое ведро уруса окуналось въ ихъ воду.

Сейчасъ же за ключемъ дорога входитъ въ ущелье. Сажень 150 вы ѣдете по узкому коридору, гдѣ можно разѣхаться со встрѣчными лишь съ трудомъ; высоко наверху видна узкая полоска голубого неба. Мѣсто это называется Дурбаданъ.

На долинѣ, куда мы выѣхали изъ этого ущелья, находятся посѣвы жителей деревни, которую мы миновали у ключа. Хлѣбъ уже поспѣлъ, и его жнутъ мужчины и женщины маленькими кривыми серпами. Затѣмъ, не связывая его въ снопы, наваливаютъ въ сѣтки и, связавъ ихъ по двѣ, нагружаютъ на ишака, который и отвозитъ ихъ въ деревню.

Ишакъ, или харъ, т.-е. оселъ, здѣсь, какъ и въ Закаспіи, самое необходимое, распространенное, дешевое и невзыскательное животное. Какихъ только работъ оно не исполняетъ! Онъ возитъ, или, вѣрнѣе, таскаетъ землю, навозъ, кирпичи, бревна, хлѣбъ, солому, арбузы, дыни, хозяина, хозяйку, дѣтей, порознь cadaго и всѣхъ трехъ вмѣстѣ. При этомъ на маленькое животное наваливаютъ такую массу, что удивляешься, какъ оно можетъ выдержать. Возмутительно видѣть, какъ на маленькомъ ишачкѣ сидятъ два гро-

мадныхъ перса, ноги ихъ достигаютъ земли, и изъ-подъ нихъ видна лишь голова животнаго. При ѣздѣ на ишакахъ простымъ народомъ узда не употребляется. Имъ управляютъ при помощи заостренной палочки, которой тычутъ или бьютъ по сторонѣ, противоположной той, куда надо повернуть. Когда ишаковъ нѣсколько, то ихъ не привязываютъ одного къ другому, какъ это дѣлаютъ съ верблюдами и лошадьми, но пускаютъ свободно.

Однѣ мальчишка съ палкой управляется съ цѣлымъ караваномъ изъ ишаковъ 8—10. Они идутъ себѣ вмѣстѣ, не отставая и не разбѣгаясь, и терпѣливо переносятъ свою незавидную долю. Невольно удивишься, откуда пошло мнѣніе объ упрямствѣ и лѣни осла. Смирнѣе, послушнѣе и кротче животнаго я не видывалъ.

Долина, по которой мы ѣхали, становится все шире и шире. Вотъ впереди раскинулся большой аулъ съ земляными домами, заборами, съ зеленѣющими тополями и съ пріятно ласкающими глазъ своею темной зеленью полями клевера. Послѣ голыхъ скалъ и выжженныхъ солнцемъ мертвыхъ откосовъ пріятно видѣтъ густую и свѣжую траву. Миновавъ кривую улицу, по которой проходитъ дорога, мы подъѣзжаемъ къ берегу широкой горной рѣчки, дающей жизнь всей растительности. Рѣчка эта пересѣкаетъ долину, и на всемъ ея пути ею постарались воспользоваться, насколько возможно. Выѣхавъ изъ селенія, мы ѣдемъ по берегу рѣчки вверхъ по теченію. Рѣчка бѣжитъ по дну широкаго ущелья, прихотливо извиваясь отъ одного его края къ другому. Дорога постоянно переходитъ съ берега на берегъ. Черезъ рѣчку перекинута нѣсколько новыхъ крѣпкихъ мостовъ; гдѣ берега отлоги, тамъ переѣзжаемъ въ бродъ.

Вотъ обвалъ скалъ засыпалъ русло; громадные камни образуютъ естественную плотину, вода съ шумомъ переливается черезъ преграду, то образуя водопадъ, то рассыпаясь мелкими брызгами.

Довольно долго ѣхали мы по ущелью, слѣдуя за капризными извивами рѣчки. Было уже близко къ полдню, когда показались стѣны караванъ-сарая, гдѣ мы должны были остановиться. Этотъ караванъ-сарай расположенъ въ томъ же ущельѣ, между дорогой и рѣчкой; по другую сторону дороги, какъ и въ предыдущемъ, расположена чайная лавка.

Сегодня вечеромъ мы должны доѣхать до города Кугана. Горы должны скоро кончиться. Перегонъ этотъ довольно великъ, и потому выѣзжаемъ пораньше. Съ сожалѣніемъ расстаемся съ веселой рѣчкой и яркой зеленью тополей, окружающихъ со всѣхъ сторонъ стѣны караванъ-сарая. Мѣсто это называется Имамъ-Кули, и по справедливости оно самое лучшее на всей дорогѣ. Черезъ польверсты снова начинаются подъемы.

Обгоняемъ трехъ ишаковъ, нагруженныхъ, помимо груза, цѣлымъ семействомъ. Бѣгущій за ними худощавый песъ догоняетъ

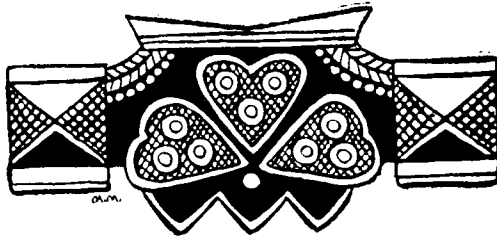
насъ. Но не лаеъ и гонится за нами, глаза его смотрятъ просительно, и онъ умильно виляетъ хвостомъ. Кучеръ объясняетъ, что собаки придорожныхъ селеній привыкли, что проѣзжающіе русскіе ямщики бросаютъ имъ съ фаятоновъ хлѣбъ. Поэтому и этотъ бѣжитъ за нами. Не желая обманывать его надеждъ, кидаю ему увѣсистый кусокъ.

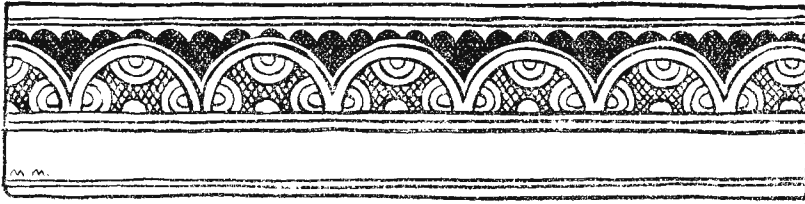
Въ Персіи собака считается нечистой, никто никогда не заботится ихъ накормить; на улицахъ множество бездомныхъ собакъ, жалкихъ, тощихъ, промышляющихъ неизвѣстно чѣмъ свой скудный кусокъ хлѣба.

Позже въ Мешедѣ, на дворѣ у генераль-губернатора, я видалъ пару отличныхъ лягашей, такихъ же тощихъ, какъ и бездомныя уличныя собаки. Охотящійся съ ними генераль-губернаторъ не только не считалъ нужнымъ отвести имъ особое помѣщеніе, но даже не назначалъ имъ опредѣленнаго корма, предоставляя прокармливаться, чѣмъ попало.

Дмитрій Бѣляевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЙ ПО ЛОМЖИНСКОЙ ГУБЕРНІИ ¹⁾.

Путевые наброски.

II.

Остроленскій уѣздъ.—Посады Червинь.—Костель.—Загадочный памятникъ.—Легенда о безсмертномъ шляхтичѣ.—Останки Целинскихъ.—Окопъ подъ Гроданскомъ.—Клечково.—Его костель.—Отъ Клечкова до Остроленки.—Прелести путешествія по желѣзной дорогѣ.

А ДЕРЕВУШКОЙ Еленками начинается Остроленскій уѣздъ.

Граничить онъ съ востока съ Кольненскимъ и Ломжинскимъ уѣздами, съ запада—съ Маковскимъ уѣздомъ Ломжинской губерніи и Праснышскимъ—Плоцкой губерніи, съ юга съ Островскимъ и на сѣверѣ примыкаетъ къ прусской границѣ. По количеству наличнаго населенія (84.116 душъ безъ войска) занимаетъ въ губерніи третье мѣсто, по пространству же земли—1424,2 кв. версты—второе. Почва мало благодарна для обработки, особенно въ сѣверной части уѣзда, изобилующей глубокими песками. Лѣсовъ, за исключеніемъ сѣвернаго пространства, мало. Водяныхъ путей сообщенія недостаточно. Двѣ желѣзнодорожныя линіи (Привислинской желѣзной дороги) прорѣзываютъ южную часть уѣзда въ направленіи съ юга на сѣверовостокъ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., кн. IX-я.

На восьмой верстѣ отъ Еленокъ, при шоссе, расположился старый посадъ Червинъ.

По свидѣтельству Лелевели, онъ встрѣчается уже на географическихъ картахъ Польши начала XIII вѣка. На площади большой каменный костелъ. Архитектура его не представляетъ собою ничего выдающагося. Нѣсколько оригинальный видъ придаютъ зданію двѣ стоящія по сторонамъ его, на углахъ ограды, четырехугольныя башенки, — одна изъ нихъ звонница, — похожія на часовни. Первоначально онъ былъ деревянный. Въ актахъ костела есть упоминаніе о томъ, что въ 1500 году какой-то Борута пожертвовалъ въ его пользу извѣстную часть земли. Въ XVII столѣтіи были подарены костелу новыя земли Яковомъ Гродзицкимъ, ломжинскимъ войтомъ. Когда деревянный костелъ пришелъ въ ветхое состояніе, его замѣнили въ 1740 году каменнымъ. Въ 1777 году подचाпій черниговскій Юсіфъ Целинскій¹⁾ и жена его Маріанна соорудили на свои средства новый каменный храмъ, нынѣ существующій. Отъ стараго костела осталось presbyterium (часть храма, въ которой находится главный алтарь) со стариннымъ памятникомъ изъ хенцинскаго мрамора. Памятникъ украшенъ статуею вооруженнаго рыцаря съ булавою въ рукѣ. На черной мраморной доскѣ нѣтъ никакой надписи. Надъ памятникомъ, въ щитѣ, раздѣленномъ на четыре части, помѣщены гербы: Остойя, Правизичъ, Слѣпвронъ и Любичъ. Отсутствіе надписи наводитъ на мысль, что памятникъ былъ воздвигнутъ еще при жизни своего строителя, что приходится иногда встрѣчать въ костелахъ. По преданію, переходящему отъ поколѣнія къ поколѣнію въ средѣ мѣстныхъ жителей, это — надгробный памятникъ какого-то, неизвѣстнаго по имени, шляхтича. Шляхтичъ этотъ былъ извлеченъ искусственнымъ способомъ изъ утробы матери, когда послѣдняя, не вынеся страданій при родахъ, умерла. И вотъ, подростши, онъ вообразилъ себѣ, что, если онъ не родился на свѣтъ Божій, то и умирать не долженъ, и въ виду такихъ соображеній началъ своевольничать, никого и ничего ни во что не ставя... Король (преданіе умалчиваетъ — какой) выслалъ противъ него войско, которое и осадило его въ какомъ-то небольшомъ замкѣ. Осажденный, не желая сдаться, заперся въ башнѣ, въ которой и умеръ голодною смертію, будучи до конца увѣренъ въ своемъ бессмертіи.

Обширными своими размѣрами, которымъ соответствуетъ и надлежащая высота зданія, завѣнчивающагося отлогими полукруглыми сводами, покоящимися на колоннахъ, поддерживающихъ послѣдніе и обиліемъ свѣта, и алтарями, если и не отличающимися богатствомъ, но зато выдающимися вкусомъ, — червинскій костелъ

¹⁾ Былъ министромъ короля Станислава Лещинскаго, князя Лотарингскаго подписалъ элекцію Станислава-Августа.

Внутренній видъ костела въ Червинѣ.

выдѣляется изъ ряда подобныхъ ему деревенскихъ костеловъ XVIII столѣтія.

Въ костелѣ заслуживаютъ еще вниманія два портрета фундаменторовъ его—Юсифа и Маріанны Целинскихъ, трупы которыхъ, превосходно сохранившіеся, можно осматривать въ подземельѣ храма,

«истор. вѣстн.», май, 1904 г., т. хсѳі.

12

чапа для св. Даровъ 1587 года и нѣсколько дорогихъ церковныхъ облачений.

Прочія постройки по преимуществу деревянныя, одноэтажныя, каменныхъ очень немного. Населеніе посада составляютъ главнымъ образомъ евреи. Бѣдность жителей поразительна. Я самъ видѣлъ, какъ на площади, по окончаніи базарнаго торга, еврейскія дѣвочки подбирали прямо руками свѣжій навозъ и уносили его въ подолахъ платьевъ... Мнѣ объяснили, что въ высушенномъ видѣ навозъ можетъ служить топливомъ.

За Червиномъ по дорогѣ въ Остроленку находится имѣніе г. Андляуэра Гродзискъ со свеклосахарнымъ заводомъ. Въ саду имѣнія существуетъ окопъ полукруглой формы, поросшій травой и деревьями; ниже его тянутся луга. Название мѣстности, созвучное со словомъ Grodzisko—городище, даетъ возможность относить происхожденіе окопа къ глубокой древности.

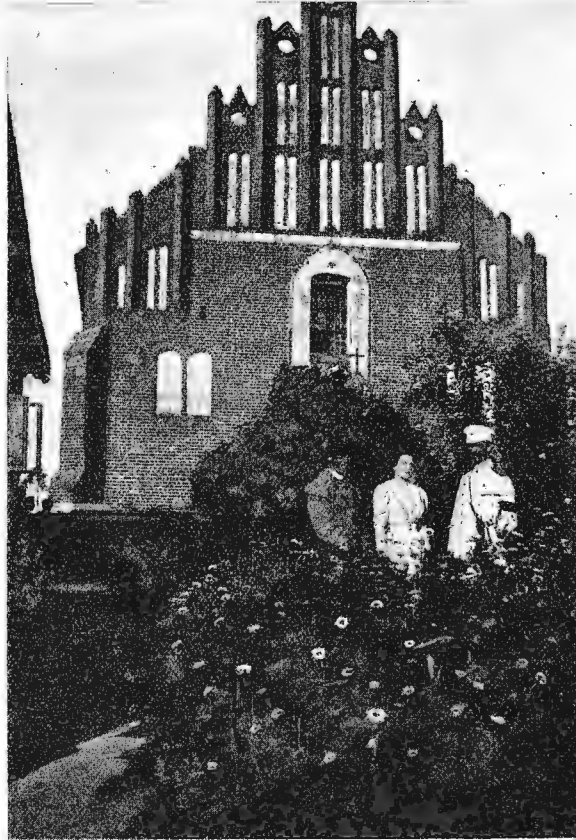
Отсюда направляемся въ юго-восточный уголъ уѣзда, въ деревню Ключково, извѣстную своимъ древнимъ каменнымъ костеломъ.

Отъ Гродзиска до Ключкова будетъ около 12 верстъ. Приходится испытать прелесть путешествія по проселочнымъ дорогамъ въ Ломжинской губерніи. При иныхъ условіяхъ, конечно, путешествіе это можно бы было совершить по желѣзной дорогѣ съ меньшею тратою времени и большимъ удобствомъ. Отъ Гродзиска до станціи «Гудинъ» Принаревской вѣтви Привислинской желѣзной дороги не больше трехъ верстъ. Въ «Гудинѣ» можно бы было взять билетъ черезъ Остроленку до полустанка «Жизнево», расположеннаго подлѣ Ключкова. Все это было бы возможно, если бы не удивительные порядки, царствующіе на здѣшней желѣзной дорогѣ, по линіи которой поѣзда ходятъ одинъ разъ въ сутки и то исключительно ночью. Напрыгавшись досыта въ бричкѣ на ухабахъ, вымазавшись въ липкой грязи и благодаря Создателя за цѣлость своихъ реберъ,—пріѣзжаемъ въ Ключково.

Ключково—самая обыкновенная мазовецкая деревня изъ 7—8 десятковъ дворовъ. Здѣшній костелъ въ такъ называемомъ привислинско-балтійскомъ стилѣ, построенъ въ 1429 году владѣльцемъ Ключкова, нѣкимъ Собезантомъ, сохранился снаружи въ первоначальномъ своемъ видѣ и съ этой стороны можетъ служить лучшимъ образцомъ костельной архитектуры въ Польшѣ XV столѣтія. Зато внутри подвергся настолько значительнымъ измѣненіямъ, что, за исключеніемъ старинныхъ рѣзныхъ дверей главнаго входа, сѣдалищъ (stalle) въ presbyterium'ѣ да еще четырехъ старыхъ портретовъ мѣстныхъ настоятелей, тамъ ничего древняго не осталось.

Костелъ дѣлится каменными столбами, поддерживающими прекрасные своды, на три продольныя части, или галлерей (навы). Средняя часть выше боковыхъ. Надъ сакристіею находится тай-

никъ—потайная комната. Костель окруженъ каменною стѣною. Нѣкогда на ней было пять каменныхъ башенъ, оригинальной, одинаковой съ костеломъ, архитектуры. До сихъ поръ сохранилась одна, да и та приходитъ въ разрушеніе. У мѣстнаго населенія она известна подъ именемъ викаріатки, вѣроятно, потому, что въ ней жили ксендзы-викаріи (помощники настоятелей). Въ башнѣ

Костель въ Клечковѣ.

вверху есть двѣ небольшія комнаты, а внизу нѣчто въ родѣ подвала. Башня эта указываетъ на то, что клечковскій костель былъ въ свое время *incastellatus*, и дѣйствительно въ 1806 году онъ сыгралъ роль укрѣпленія.

Изъ Клечкова, точнѣе — съ полустанка «Жизнево», рѣшаемся ѣхать въ Остроленку по желѣзной дорогѣ. Расстояніе здѣсь небольшое—верстъ пятнадцать, или, выражаясь желѣзнодорожнымъ языкомъ, одинъ перегонъ. Глухая ночь. Не видать ни зги. Платформа

въ открытомъ полѣ тонетъ во мракѣ ночи. Подползаетъ поѣздъ. Забираетъ немногочисленныхъ пассажировъ, но стоитъ для чего-то долго. Свистокъ; черезъ нѣкоторое время—другой, третій. Локомотивъ срывается съ мѣста, такъ что вагоны ударяютъ другъ друга буферами, а пассажиры: кто стоялъ, тотъ упалъ, кто лежалъ, тотъ скатился со скамейки на полъ... Въ вагонѣ жарко до того, что дышать становится трудно. Несмотря на сравнительно теплую погоду, въ печкахъ непрерывно поддерживается огонь. На каждой станціи подкладываютъ топливо. Вентиляція въ купѣ не дѣйствуетъ. Чтобы освѣжить воздухъ, остается одно средство: открыть наружныя двери въ противоположныхъ концахъ коридора, идущаго параллельно купѣ. Средство дѣйствительное, но и опасное въ смыслѣ простуды. Тѣмъ не менѣе къ нему приходится прибѣгать, какъ къ единственному. Эти пятнадцать верстъ поѣздъ ползетъ почерепашьи. Раздается протяжный свистъ локомотива. Замелькали огни. Остроленка. Но напрасно бы мечталъ путникъ, въ первый разъ ѣдущій по этой дорогѣ, что это—городъ Остроленка... Нѣтъ, это—станція «Остроленка». Отсюда до города еще пять верстъ. Строители нашихъ желѣзныхъ дорогъ и здѣсь остались вѣрными своему принципу—не доводить желѣзнодорожной линіи до самаго города... Вокзалъ на станціи «Остроленка»—каменный, тѣсный, содержитъ неряшливо. Касса для всѣхъ трехъ классовъ общая. Поэтому толкотня у нея ужасная, тѣмъ болѣе, что кассиръ дѣлаетъ свое дѣло не торопясь, очевидно руководствуясь тѣмъ мудрымъ соображеніемъ, что не онъ для публики, а публика для него. Прибавьте къ этому толпу евреевъ, издающихъ специфическій запахъ, и солдатъ, то и дѣло поминающихъ родителей. Буфетъ не казистый. Замѣчательнъ развѣ блинчатыми пирожками съ мясомъ, поджаренными на подсолнечномъ маслѣ!

У подѣзда пассажира осаждаютъ извозчики съ предложеніемъ отвезти въ городъ. Требуютъ обыкновенно за это рубль. Беремъ перваго попавшагося, разумѣется, еврея.

Пока онъ везетъ насъ по избитому шоссе, соединяющему станцію съ городомъ, рискуя каждую минуту опрокинуть, припомнимъ историческія судьбы Остроленки.

III.

Изъ историческаго прошлаго Остроленки. — «Hôtel Bristol». — Городскія достопримѣчательности. — Бывшій монастырь бернардиновъ. — Памятникъ сраженія 1831 года.—Забытыя могилы.—Внѣшній видъ города.

Первое упоминаніе объ Остроленкѣ относится къ 1379 году, когда Земовитъ III отдалъ ее, въ то время деревню, вмѣстѣ со всею прилегавшею пущею, князю Янушу. Послѣдній основалъ здѣсь приходъ и построилъ въ 1399 году костелъ. Князь Янушъ

Старшій въ 1427 году обратилъ деревню въ городъ и установилъ двѣ ярмарки. Городъ сталъ расти. Въ 1502 году князь мазовецкій Конрадъ учредилъ ремесленные цехи. По присоединеніи Мазоніи къ короннымъ землямъ, Остроленка перешла въ собственность королевы Боны. Въ 1563 году пожаръ уничтожилъ болѣе 300 домовъ. Въ 1578 году Стефанъ-Баторій одарилъ Остроленку привилегіями, и она снова начала развиваться. Набѣги шведовъ въ на-

Одна изъ башенъ стѣны, окружающей костелъ въ д. Клечковѣ.

чалѣ XVII столѣтія привели ее въ упадокъ. Только сравнительно въ послѣднее время, когда желѣзная дорога прошла вблизи города, Остроленка начинаетъ пробуждаться. Торговля, по обыкновенію, въ рукахъ евреевъ, фабрики всѣ наперечетъ: издѣлій изъ янтаря (скорѣе маленькая мастерская, чѣмъ фабрика), двѣ—кафельныхъ издѣлій, уксусный заводъ, два спиртоочистительные, одинъ медоваренный и нѣсколько промышленныхъ заведеній. Численность населенія достигаетъ восьми тысячъ душъ.

Страшные толчки и грохотъ по булыжной мостовой дали знать, что уже начался городъ. Это подтвердили и рѣдкіе огоньки въ домахъ. Нашъ автомедонъ лихо подкатилъ къ лучшему остроленкскому отелю «Hôtel Bristol». Гостиница оказалась новою, очень чистенькою, а предоставленный въ наше распоряженіе номеръ, стоимостью въ 2 рубля 50 коп. въ сутки, принимая во вниманіе его обширность, чистоту и даже претензію на роскошь, очень недорогогимъ. Въ губернскомъ городѣ Ломжѣ не найдете такихъ номеровъ. Владѣльцемъ hôteľ'a и хозяиномъ дома, какъ мы послѣ узнали, состоитъ бывший земскій стражникъ, персона, здѣсь соотвѣтствующая городовому въ Петербургѣ и уряднику въ русской провинціи. Вотъ послѣ того и вѣрьте въ непререкаемость русской пословицы, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ!

Слѣдующій день мы посвятили осмотру городскихъ достопримѣчательностей.

Такихъ въ Остроленкѣ нѣсколько.

Начнемъ съ костеловъ.

Изъ существующихъ въ городѣ Остроленкѣ двухъ римско-католическихъ костеловъ—приходскаго (faga) и бывшаго монастыря бернардиновъ—заслуживаетъ вниманія въ эстетическомъ и археологическомъ отношеніи послѣдній.

Строителемъ его былъ судья Нурской земли Гоцлавскій. Изъ хранящихся въ костелѣ документовъ видно, что въ 1664 г. Гоцлавскій приобрѣлъ землю и огороды, въ 1665 г. король Янъ-Казимиръ выразилъ согласіе на эрекцію (закладку) костела; въ томъ же году епископъ плочкій Гембицкій далъ разрѣшеніе строить костель. Въ 1666 г. бернардины уже поселились въ монастырѣ. Въ 1668 г. справлялось торжество эрекціи костела. Въ 1704 г. шведы сожгли Остроленку. Въ слѣдующемъ году костель украшенъ живописью. Послѣдняя теперь едва замѣтна. Костель собственно однонавный, только узкіе проходы въ толстыхъ стѣнахъ, раздѣляющихъ боковыя каплицы-алтари, образуютъ подобіе боковыхъ навъ. Главный алтарь, обильно украшенный скульптурными изображеніями ангеловъ и святыхъ, красивъ и величественъ, по правую его сторону, на стѣнѣ presbyterium'a помѣщенъ портретъ фундатора костела, судьи Т. Гоцлавскаго. Подъ костеломъ находятся катакомбы, служившія мѣстомъ погребенія монаховъ. Онѣ низки, полны костей и остатковъ гробовъ. Къ костелу примыкаетъ зданіе, бывшее помѣщеніемъ для монашествующихъ, характерные переходы котораго украшены образами (страданія Спасителя)—произведеніями монаховъ.

Другая достопримѣчательность Остроленки—памятникъ сраженія 14-го мая 1831 года.

Какъ извѣстно, Остроленка и ея окрестности нерѣдко были свидѣтелями военныхъ дѣйствій поляковъ, шведовъ, французовъ и русскихъ.

Такъ, въ 1702 г. подъ Остроленкою произошелъ рядъ сраженій между шведами и препятствовавшими ихъ переходу черезъ пущи курпіями. 4-го февраля 1807 г. здѣсь произошло столкновение между русскими, подъ начальствомъ генерала Эссена, и французами, подъ начальствомъ Удино. Въ кампанію 1831 года окрестности Остроленки вошли въ составъ театра военныхъ дѣйствій. 14-го мая 1831 года у Остроленки русскія войска, подъ начальствомъ графа Дибича-Забалканскаго, одержали побѣду надъ польскими войсками, предводимыми генераломъ Скржинецкимъ. Побѣда имѣла важное стратегическое значеніе. Въ честь павшихъ русскихъ воиновъ, на правомъ берегу Нарева, въ полуверстѣ отъ города, по высочайшему повелѣнію, воздвигнуть въ 1864 г., на счетъ казны царства Польскаго, памятникъ.

Памятникъ чугунный, пирамидальной формы. На лицевой сторонѣ его образъ св. Исидора, память котораго церковь православная празднуетъ 14 мая, писанный масляными красками.

На памятникѣ слѣдующія надписи.

На лицевой сторонѣ: «Побѣда при Остроленкѣ 14-го мая 1831 года. Предводительствовалъ русскою арміею генераль-фельдмаршалъ, графъ Дибичъ-Забалканскій». На лѣвой сторонѣ: «14-го мая сражалось при Остроленкѣ:

Русскихъ войскъ:	Войскъ мятежническихъ:
Пѣхоты . . . 21.487 чел.	Пѣхоты . . . 28.604 чел.
Конницы . . . 8.487 »	Конницы . . . 6.756 »
Орудій . . . 142 »	Орудій . . . 82 »

На правой сторонѣ: «Начальствовалъ гвардейскимъ корпусомъ его императорское высочество, государь, великій князь Михаилъ Павловичъ. Начальствовалъ гренадерскимъ корпусомъ генераль, князь Шаховской. Начальствовалъ I-мъ пѣхотнымъ корпусомъ генераль-адъютантъ, графъ Паленъ I-й. Начальствовалъ 3-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ генераль, графъ Виттъ. Начальникъ главнаго штаба арміи генераль-адъютантъ, графъ Толь. Генераль-квартирмейстеръ арміи генераль-адъютантъ Нейдгардъ. Начальникъ артиллеріи арміи генераль-адъютантъ, князь Горчаковъ 3-й. Начальникъ инженеровъ арміи генераль-майоръ Денъ».

На задней сторонѣ:

«Русскихъ

Мятежниковъ

убито, ранено: генераловъ 4, выбыло изъ строя до 8.300 чел.»
 воиновъ 1.157—3.710».

Кругомъ памятника устроена лѣстница изъ краснаго песчаника, покатость земли вымощена булыжнымъ камнемъ и обведена 32 столбиками изъ чугуна, соединенными между собою желѣзною цѣпью.

Говоря о памятникѣ побѣды подѣ Остроленкою 1831 г., справедливо упомянуть и о двухъ забытыхъ могилахъ, относящихся къ той же эпохѣ.

Одна изъ нихъ находится въ самомъ городѣ, на Стодольной улицѣ, на дворѣ частной еврейской недвижимости. Недвижимость принадлежитъ нѣкому Юджѣ Вишнѣ и занята складомъ лѣсного матеріала. Войдя въ ворота, увидите направо, у забора, отдѣляющаго дворъ отъ улицы, сложенный изъ кирпича склепъ. Утверждаютъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ нимъ стоялъ крестъ съ надписью. Молва гласитъ, что здѣсь похороненъ офицеръ польскихъ войскъ 1830—1831 гг., князь Яблоновскій. На территории еврейской недвижимости могила кн. Яблоновскаго могла, конечно, очутиться только въ позднѣйшее время, но когда и какимъ образомъ—выяснить намъ не удалось. На пересмотрѣнныхъ нами старыхъ планахъ Остроленки, начиная съ 1806 года, улица, называемая нынѣ Стодольною и соединяющая улицы Фарную и Островскую (по старымъ планамъ «Лавскую»), значится постоянно. Въ настоящее время кирпичный склепъ могилы постепенно приходитъ въ разрушеніе и все болѣе и болѣе входитъ въ землю, скоро не будетъ видно его... Грязь и нечистота, столь присущія еврейскимъ дворамъ, окружаютъ помянутую могилу. О состояніи, въ какомъ она находится, немало было говорено въ польской періодической печати, нѣсколько лѣтъ назадъ, между прочимъ и въ мѣстномъ органѣ—газетѣ «Echa Płockie i Łomżyńskie» за 1900 г., № 45. Нахожденіе могилы на территории еврейской недвижимости вызываетъ понятныя сѣтованія въ мѣстномъ христіанскомъ населеніи.

Другую могилу указываютъ въ огородѣ, принадлежащемъ г. Іер. Плевинскому, подлѣ стѣны по-бернардинскаго костела. Это—земляная горка, изъ-подъ которой торчатъ кирпичи. Рассказываютъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь также стоялъ крестъ. По слухамъ, здѣсь, будто бы, похороненъ въ 1831 г. русскій генералъ Носакинъ (?). Не надлежало ли бы, право, перенести останки погребенныхъ въ той и въ другой могилѣ—кто бы они ни были—на мѣстное кладбище, памятуя слова славянскаго князя-богатыря: «мертвіи срама не имуть».

Какъ еще на одну достопримѣчательность Остроленки, слѣдуетъ указать на небольшой деревянный домикъ на Островской улицѣ, въ которомъ, по рассказамъ старожиловъ, останавливался въ 1812 г. Наполеонъ I. Домъ этотъ во дворѣ и въ настоящее время принадлежитъ еврею Рубинштейну; въ немъ помѣщается уксусный заводъ.

На прїѣзжаго Остроленка производитъ недурное впечатлѣніе. Центръ города—обширная, квадратной формы, площадь, застроенная

каменными двухъ-и трехъэтажными домами. Тутъ и магистратъ, увѣнчанный четырехугольною башнею съ часами, и увѣздное управленіе, и гауптвахта, и почта. Въ базарные и ярмарочные дни на этой площади происходитъ торгъ. Желательно бы видѣть на ней скверъ, а торжище—перенесеннымъ въ какое нибудь другое мѣсто. Думаю, что таковое найдется. На другихъ, правду сказать, не-

Внутренность костела бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ.

многочисленныхъ улицахъ также встрѣчаются каменные постройки. Улицы, если и не могутъ похвастаться шириною и прямизною, зато содержатся относительно чисто. Движеніе на нихъ большое, благодаря скопленію войскъ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Въ Остроленкѣ расквартированъ 24-й пѣхотный Муромскій полкъ, а въ 4 верстахъ отъ нея, въ «Нижегородскомъ штабѣ», по дорогѣ въ Ломжу,—22-й пѣх. Нижегородскій, 16-й драгунскій Глуховскій и 10-й саперный баталіонъ.

Встрѣчается нѣсколько порядочныхъ магазиновъ, есть очень хорошій ресторанъ, приличная кондитерская и артистическая фототрографія г. Ф. Малиновскаго. Съ превосходными произведеніями послѣдняго читатели познакомятся по приложеннымъ къ настоящей статьѣ снимкамъ (виды Остроленки, типы курпиевъ). Мѣстный городской садъ—тѣнистъ и содержится въ большомъ порядкѣ. Противъ него возведено большое зданіе уѣздной тюрьмы—этотъ (*horribile dictu!*) непремѣнный аксессуаръ русскихъ и руссифицируемыхъ городовъ и городковъ!..

IV.

Экскурсія въ Курпянскую пуцу.—Ея населеніе—курпін.—Ихъ происхожденіе.—Нравы и обычаи.—Занятія.—Отъ Остроленки до Мышинца.—Мышинецъ—курпянская столица.—Его достопримѣчательности.

Выше мы упомянули мимоходомъ о курпіняхъ, которые въ началѣ XVIII ст. мужественно отразили подъ Остроленкою шведовъ. Курпін—мазурская отрасль польскаго племени. Она настолько интересна въ этнографическомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало извѣстна у насъ, что я позволю себѣ предпринять вмѣстѣ съ читателемъ экскурсію въ Курпянскую пуцу—мѣсто поселенія этого оригинальнаго племени ¹⁾.

Курпянская пуца обнимаетъ обширныя пространства лѣсовъ и болотъ по рѣкамъ Оржицу, Омудеву, Розогъ, Шквѣ и Писнѣ, вдоль русско-прусской границы, въ районѣ уѣздовъ Праснышскаго—Плоцкой, Остроленскаго и Кольненскаго—Ломжинской губерній. Такимъ образомъ, на территоріи Остроленскаго уѣзда находится центральная часть пуцы, носящая названіе Остроленской или Мышинецкой—отъ посада Мышинца, курпянской столицы.

Въ XV—XVI в.в. она простиралась еще далѣе—отъ р. Нарева до прусскихъ озеръ, и считалась непроходимой. Въ глубь ея устремлялись тогда только смѣлые промышленники изъ сосѣднихъ съ нею поселковъ: пчеловоды (*bartniki*), охотники, рыболовы и т. п. Только съ XVII ст. пуца начинаетъ заселяться.

¹⁾ Болѣе или менѣ обстоятельныя свѣдѣнія о курпіняхъ можно почерпнуть только въ польской литературѣ: у Оскара Кольберга («*Mazowsze*», т. IV, Краковъ, 1888), у Адама Закржевскаго («*W puszczy zielonej*»—*Wisła*, т. I и II) въ *Wędrowcъ* за 1886 г. («*Kurpie*») и въ *Ech'axъ Płock'ixъ Łomżyńsk'ixъ* за 1903 г. (рядъ статей г. Д. Сташевскаго—«*Moralność i umoralnienie kurpiów*»). Авторъ настоящихъ строкъ, въ 1901 г., напечаталъ въ Прагѣ-чешской въ журналѣ *Słowansky Přehled* (III, № 10) небольшой этюдъ подъ заглавіемъ «*Kurpiové*» (курпін). Въ русской литературѣ существуетъ коротенькая «Записка (?) о курпіняхъ», составленная комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ Остроленскаго уѣзда г. Невномовымъ (Ломжа, 1897, 9 стр.; перепечатана въ Памятной книгѣ Ломжинской губерніи на 1898 г., отд. IV).

Въ глубинѣ ея устраиваютъ свои поселенія бортники, по окраинамъ селятся рудокопы и дегтари, а вдоль по рѣкамъ — мельники. Получаютъ разныя привилегіи отъ польскихъ королей. Рядомъ съ этими поселеніями появляются хижины разнаго бѣглаго люда, бѣгущаго сюда подъ давленіемъ несчастій, главнымъ же образомъ отъ барскаго гнета. Въ числѣ бѣглыхъ значительный

Одинъ изъ коридоровъ бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ.

процентъ составляли мазуры. Они внесли въ пуцу знаніе разныхъ ремеслъ и были первыми культуртрегерами ея. Съ теченіемъ времени прежніе поселенцы пуцы и новые пришельцы ассимилировались, и изъ обитателей пуцы образовался типъ курпія съ присущими ему особенностями.

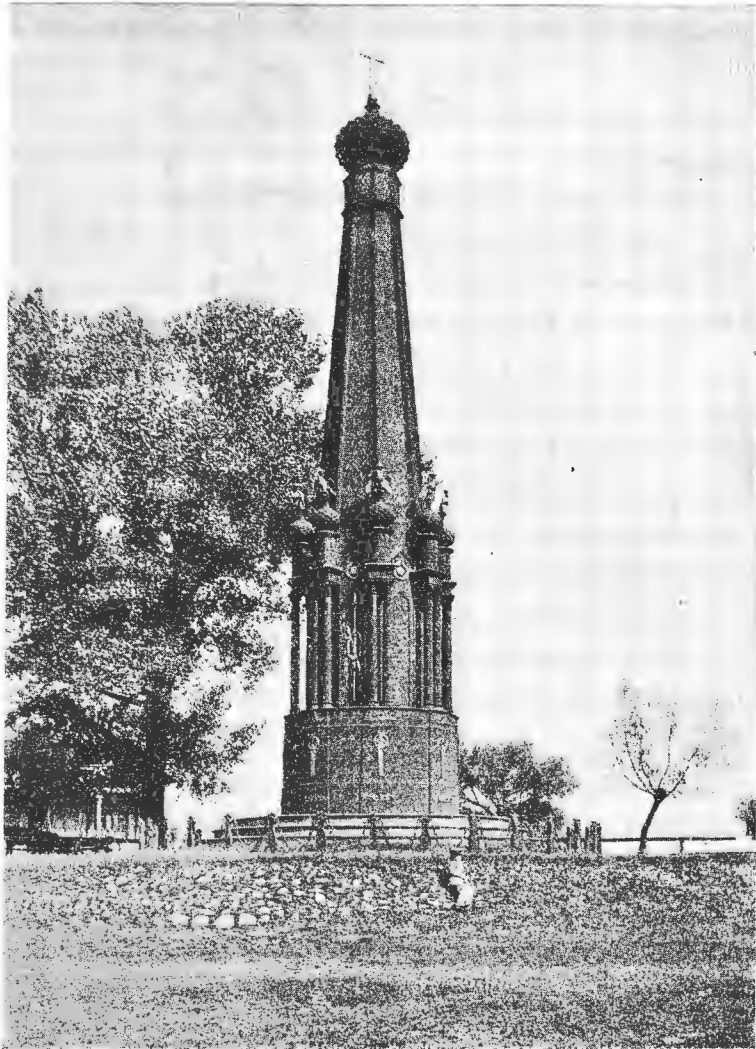
Обитая въ огромныхъ лѣсахъ, курпія выработали себѣ особенный характеръ, систему хозяйства и образъ жизни. Имѣя въ своемъ

распоряженіи немного земли, пригодной для обработки, они обратили все свое вниманіе на извлеченіе пользы изъ добычи, какую только можетъ дать пуца. Поэтому - то курпіи меньше земледѣльцы, чѣмъ охотники и пчеловоды. Замкнутая жизнь въ небольшомъ кружкѣ собственной семьи выработала у нихъ характеръ суровый, быструю смѣну чувствъ, необыкновенную физическую ловкость, выносливость во всякой работѣ. Охотники въ душѣ, курпіи отличаются мѣткостью въ стрѣльбѣ. Привилегія, дарованныя имъ польскими королями, благопріятствовали развитію въ нихъ гордости и самоувѣренности, выразившейся въ социальномъ стремленіи создать свою исторію. Извѣстенъ фактъ особаго проявленія мужества и воинственности курпіевъ.

Въ 1708 г., когда шведскій король Карлъ XII пытался пройти со своимъ войскомъ черезъ Мышинецкіе боры, курпіи сначала просили его выбрать другую дорогу, миновать ихъ поселенія; когда же Карлъ отвѣтилъ на это высокомѣрнымъ отказомъ, они устроили засаду и перестрѣляли чуть не все шведское войско.

По своему внѣшнему виду курпіи отличаются тѣмъ, что бреютъ усы и бороду и носятъ особый родъ одежды. Бѣлая холщевая рубаха, бѣлые суконные или полотняные штаны на выпускъ, черный жилетъ и темносѣрый суконный полукафтанъ до колѣнъ, подпоясанный краснымъ или разноцвѣтнымъ поясомъ, со стоячимъ воротникомъ, синими лацканами и со сборками сзади; на головѣ невысокая шляпа съ узкими полями, украшенная мишурными галунами съ кистями и павлинымъ перомъ, на ногахъ лапти изъ липоваго лыка или кожи — вотъ костюмъ крестьянина-курпія. Къ этому нужно прибавить, — когда курпія идетъ въ путь, — черную кожаную сумку черезъ плечо, трубку въ зубахъ и палку въ рукахъ. Курпянки отличаются красотой, но, къ сожалѣнію, въ нравственномъ отношеніи стоятъ очень невысоко. Вкусъ «запретнаго плода», за чтó «изъ Эдема былъ изгнанъ Адамъ», сплошь и рядомъ бываетъ извѣстенъ 13—12-лѣтнимъ дѣвочкамъ... Одѣваются онѣ въ пестрые юбки съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ, плечи покрываютъ шерстяными полосатыми фартуками, голову повязываютъ небольшими разноцвѣтными платками. Дома ходятъ босикомъ, а внѣ дома въ лаптяхъ. Въ наиболѣе чествуемые праздники и въ торжественныхъ случаяхъ домашней жизни курпянки надѣваютъ на себя расшитые шерстяные жилеты, стягивающіе талію на подобіе корсета, украшаютъ шею кораллами и янтарными бусами, надѣваютъ на ноги черные кожаные башмаки. Дѣвушки носятъ особый головной уборъ, называемый обрончекъ или чулка, видъ и форма котораго въ разныхъ мѣстностяхъ различны.

Живутъ курпіи въ довольно красивыхъ, по внѣшности, деревянныхъ, крытыхъ соломой, домахъ. Въ каждомъ домѣ — свѣтла,

Остроленка. Памятникъ сраженія 14-го мая 1831 года.

углубленіе въ стѣнѣ для кровати (alkowa) и кладовая. Обстановку свѣтелки составляютъ: деревянный шкафъ для посуды, столъ, скамьи, кровати и нѣсколько скамеекъ. Украшеніемъ ея служитъ множество дешевыхъ картинъ религіознаго содержанія и тарелокъ, развѣшанныхъ на боковыхъ стѣнкахъ и потолочныхъ балкахъ, да масса бумажныхъ цвѣтовъ, подвѣшенныхъ къ потолку. Внешней обстановкѣ и украшенію помѣщенія не вездѣ, впрочемъ, отвѣчаетъ внутренній порядокъ. Пребываніе въ избѣ вмѣстѣ съ

людьми домашнихъ животныхъ и птицъ устраняютъ возможность поддерживать чистоту и опрятность, а отсутствіе необходимой вентиляціи обуславливаетъ развитіе въ помѣщеніи тяжелого удушливаго воздуха, пропитаннаго табачнымъ дымомъ и какимъ-то особымъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ исключительно курпянскимъ домамъ.

Въ домашней своей жизни курпій поражаетъ случайнаго посѣтителя страннымъ обычаемъ сидѣть въ избѣ въ шапкѣ, снимаемой только при произнесеніи гостемъ общепринятаго привѣтствія:

— Pochwalony!

на которое хозяинъ отвѣчаетъ:

— Na wieki! ¹⁾

и приглашаетъ войти, проявляя затѣмъ чисто польское гостепрѣимство.

Языкъ, которымъ говорятъ курпій, — польскій, съ примѣсью нѣмецкихъ и специально мѣстныхъ выраженій. Отличительною особенностью ихъ выговора является оригинальное смягченіе губныхъ буквъ *b*, *w* и *p* передъ гласною *i* — въ звуки *bi*, *wi*, *pi*. Несмотря на непривычныя для слуха особенности этихъ звуковъ, рѣчь курпій представляется довольно плавною и, сопровождаемая въ большинствѣ случаевъ юморомъ и остротами, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Остроты курпійевъ выразились въ ихъ многочисленныхъ пѣсняхъ и стихотвореніяхъ, составляющихъ плодъ ихъ дикой, но богатой, фантазіи и бесконечно веселаго и игриваго настроенія, достигающаго высшей степени на курпянскихъ вечеринкахъ и свадьбахъ.

Свадебные обряды курпійевъ оригинальны и своеобразны.

Молодой парень, облюбовавъ себѣ дѣвушку, объявляетъ объ этомъ своимъ родителямъ и проситъ разрѣшенія жениться. Въ случаѣ ихъ согласія, къ родителямъ невѣсты посылаютъ свата. Передъ нимъ дѣвушка, въ присутствіи своихъ отца и матери, заявляетъ, что женихъ пришелся ей по сердцу, и она согласна выйти за него замужъ. Послѣ этого родители жениха посѣщаютъ домъ невѣсты, убѣждаются, насколько невѣста состоятельна, и договариваются насчетъ приданаго. Спустя недѣлю, женихъ съ невѣстою ѣдутъ въ костель, платятъ за оглашеніе, записываются въ книгу и съ этого момента считаются обрученными. Въ день обрученія въ домѣ жениха или невѣсты собираются ихъ родственники, приносятъ нѣсколько боченковъ пива, созываютъ гостей, приглашаютъ музыкантовъ; начинается веселье, пѣсни и пляска. Черезъ три недѣли послѣ обрученія назначаютъ свадьбу. Въ этотъ день женихъ вмѣстѣ съ родителями, дружбою и друзьями ѣдетъ

¹⁾ Сокращеніе фразъ: «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus» (да будетъ похваляемъ Иисусъ Христосъ!) и «Na wieki wieków, amen» (во вѣки вѣковъ!).

въ сопровожденіи музыки въ домъ невѣсты. Отсюда послѣ танцевъ и непродолжительной забавы всѣ отправляются въ приходскій костель. Въ костель невѣста вводится старшимъ дружбою, а женихъ старшею дружкою. Оба они становятся передъ алтаремъ на колѣни, и совершается обрядъ бракосочетанія обычнымъ порядкомъ. Послѣ бракосочетанія никакихъ взаимныхъ поздравленій не бываетъ. Молодые и дружба усаживаются въ одну телѣгу, родители ихъ и родственники размѣщаются въ другихъ, и цѣлый свадебный поѣздъ съ музыкою впереди направляется къ дому жениха или невѣсты, смотря по тому, гдѣ будутъ жить молодые. Звуки музыки, громкія свадебныя пѣсни и бѣшеная скачка лошадей возвѣщаютъ деревнѣ о приближеніи новобрачныхъ. Войдя въ домъ, невѣста, съ вѣнкомъ на головѣ, усаживается въ углу подъ образами. Ее окружаютъ дружки и поютъ свадебныя пѣсни. Но вотъ вваливается въ избу толпа ряженыхъ, и исполняется обрядъ, называемый очеины. Сущность этого обряда заключается въ томъ, что дружба приобрѣтаетъ отъ купцовъ, пришедшихъ изъ далекихъ странъ, свадебный чепчикъ за очень дорогую цѣну и передаетъ его старухѣ, называемой чепярка. Послѣдняя при специальныхъ пѣсняхъ дружекъ снимаетъ съ новобрачной—которая обыкновенно въ это время плачетъ—вѣночекъ и надѣваетъ вмѣсто него чепчикъ. Затѣмъ чепярка собираетъ деньги въ пользу новобрачной. Сборъ этотъ сопровождается припѣвами дружекъ, восклицающихъ въ пѣсняхъ щедрога жертвователя и безцеремонно порицающихъ экономную или безденежную молодежь. Въ числѣ щедрыхъ жертвователей долженъ быть и новобрачный, въ противномъ случаѣ и для него имѣется въ запасѣ язвительная пѣсенка. Начинаются танцы подъ музыку.

Веселье иногда продолжается трое сутокъ. Все зависитъ отъ степени зажиточности молодыхъ.

Въ свадебныхъ торжествахъ принимаетъ участіе вся деревня, и имъ, кажется, конца бы не было, если бы духовенство, въ видахъ устраненія деморализаціи, не разгоняло расходившейся молодежи.

Курпіи, судя по исправному посѣщенію ими костеловъ, обилію находящихся у нихъ образовъ и по особому почтенію ихъ къ своему духовенству, довольно религіозны. Но нельзя сказать, чтобы основы христіанской вѣры были ими должнымъ образомъ усвоены. На бракъ, на примѣръ, они смотрятъ, какъ на формальность, опредѣляющую скорѣе матеріальныя, чѣмъ супружескія отношенія лицъ, вступившихъ въ брачный союзъ. Родственныя чувства въ семьѣ сохраняются лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ. Съ возникновеніемъ же послѣднихъ, чувства эти притупляются, и между членами семьи устанавливается вражда, вызывающая довольно серьезныя послѣдствія. Не рѣдко

въ семейныхъ распряхъ братъ убиваетъ брата, зять — тестя или тещу, отчимъ — пасынка и т. д. Изгнаніе сыномъ старика отца, записавшаго ему имущество, равно какъ лишеніе отцомъ сыновей наслѣдства путемъ продажи имущества постороннимъ лицамъ — явленія среди курпиевъ довольно обыкновенныя.

Къ достоинствамъ курпиевъ слѣдуетъ отнести воздержаніе ихъ отъ пьянства и почти полное отсутствіе въ пуцѣ воровства, если не считать мелкихъ порубокъ въ казенныхъ лѣсахъ, которыя, по понятіямъ курпиевъ, основаннымъ на традиціяхъ, не считаются преступленіями,—и водворенія контрабанды. Въ настоящее время Курпянская пуца, обратившаяся въ значительной части, вслѣдствіе уничтоженія въ ней лѣсовъ, въ мѣстность скорѣе земледѣльческую, чѣмъ лѣсную, представляетъ весьма скудныя условія для созданія крестьянскаго благосостоянія. Выработанныя въ ней изъ-подъ лѣса земли заключаютъ съ собою почву песчаную, мало-плодную и плохо вознаграждающую трудъ земледѣльца. Естественныя богатства, которыми пуца изобиловала въ минувшихъ столѣтіяхъ, теперь истощены: дичь перебита, пушные звѣри исчезли, источники руды изсякли, и даже мѣсторожденіе янтара, еще не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ огромномъ количествѣ добывавшагося въ Остроленской пуцѣ, не привлекаетъ къ себѣ болѣе вниманія промышленнаго люда ¹⁾. При такихъ условіяхъ крестьянинъ-курпій, ограничивающій себя самыми скромными потребностями и питающійся почти исключительно картофелемъ, представляется въ большинствѣ случаевъ далеко небогатымъ, вынужденнымъ, для поддержанія своего существованія, заниматься болѣе промыслами, въ родѣ рубки, вывоза и сплава лѣса, скребанья древесной коры, чѣмъ посвящать свои силы плохо оплачиваемому земледѣлію ²⁾.

Отъ Остроленки до Мышинца 36 верстѣ по невозможной дорогѣ. Особенно ужасны первыя пять верстѣ. По краямъ — рывины, а посерединѣ груды огромныхъ булыжныхъ камней... По рассказамъ мѣстныхъ жителей, это—бывшее шоссе, упраздненное и вдобавокъ нарочно испорченное съ цѣлью стратегической (!). Если справедливы рассказы жителей, то нельзя не подивиться човому, столь оригинальному способу защиты государственной границы, неизвѣстному пока ни одному изъ сосѣднихъ съ нами

¹⁾ Янтарь (succinum, bursztyn), находимый въ Остроленскомъ уѣздѣ, своими высокими качествами не уступаетъ породамъ янтара, добываемаго въ другихъ мѣстностяхъ Европы, поэтому очень жаль, что янтарное производство здѣсь, не имѣя ни откуда поддержки, снизошло до изготовленія въ Остроленкѣ мундштуковъ для сигаръ и различныхъ бездѣлушекъ дамскаго туалета (брошки, браслеты, серьги, ожерелья), которыя вывозятся за границу и тамъ продаются втридорога.

Г. В.

²⁾ Памятн. кн. Ломж. губ. 1898 г., 278—283.

европейскихъ государствъ. На пути три большія деревни Дылево, Кадзидло и Вахъ, населенныя курпіями. Жители помянутыхъ деревень, особенно Дылева и Кадзидла издавна занимаются производствомъ пуговицъ изъ перламутра. Правильная постановка этому производству дана въ 1883 г., когда крупный землевладелецъ, графъ Адамъ Красинскій, пригласилъ на свой счетъ изъ Австріи и Германіи четырехъ мастеровъ, заготовилъ токарныя станки и, выписавъ потребное количество перламутровыхъ раковинъ, поручилъ мастерамъ обучать крестьянъ выдѣлкѣ пуговицъ.

На мосту въ Остроленкѣ.

Работа впервые началась въ Кадзидлѣ, потомъ распространилась въ сосѣднихъ уѣздахъ—Кольненскомъ и Маковскомъ. Крестьяне, лишенные заработковъ на мѣстѣ, охотно принялись за это ремесло. Уже въ первомъ году работало около ста токарныхъ станковъ. Съ теченіемъ времени промыселъ расширился, занявъ болѣе 300 семействъ бѣднѣйшаго населенія.

Крестьяне посвящаютъ выдѣлкѣ пуговицъ свободное отъ другихъ занятій время, работая больше зимою, чѣмъ лѣтомъ. Исполняя работу у себя дома, они получаютъ станки и необходимый сырой матеріалъ (раковины) изъ особо устроенныхъ для этого конторъ

истор. вѣстн.», май, 1904 г., т. хсѳі.

предпринимателей. Одни изъ крестьянъ вырѣзываютъ изъ раковинъ кружеля ¹⁾, а другіе вытачиваютъ изъ кружелей пуговицы. Какъ сырой, такъ и обработанный матеріалъ выдается крестьянамъ и принимается отъ нихъ по вѣсу или по счету. Вознагражденіе за работу опредѣляется задѣльно отъ 12 дюжинъ кружелей или пуговицъ. Размѣръ вознагражденія обуславливается величиною кружелей и пуговицъ. За кружеля платятъ отъ 2 до 16 коп. за 12 дюжинъ, а за пуговицы отъ 5 до 24 коп. за то же количество. Дневной заработокъ одного лица въ зависимости отъ большей или меньшей напряженности труда и искусства работы колеблется между 25 и 60 коп.

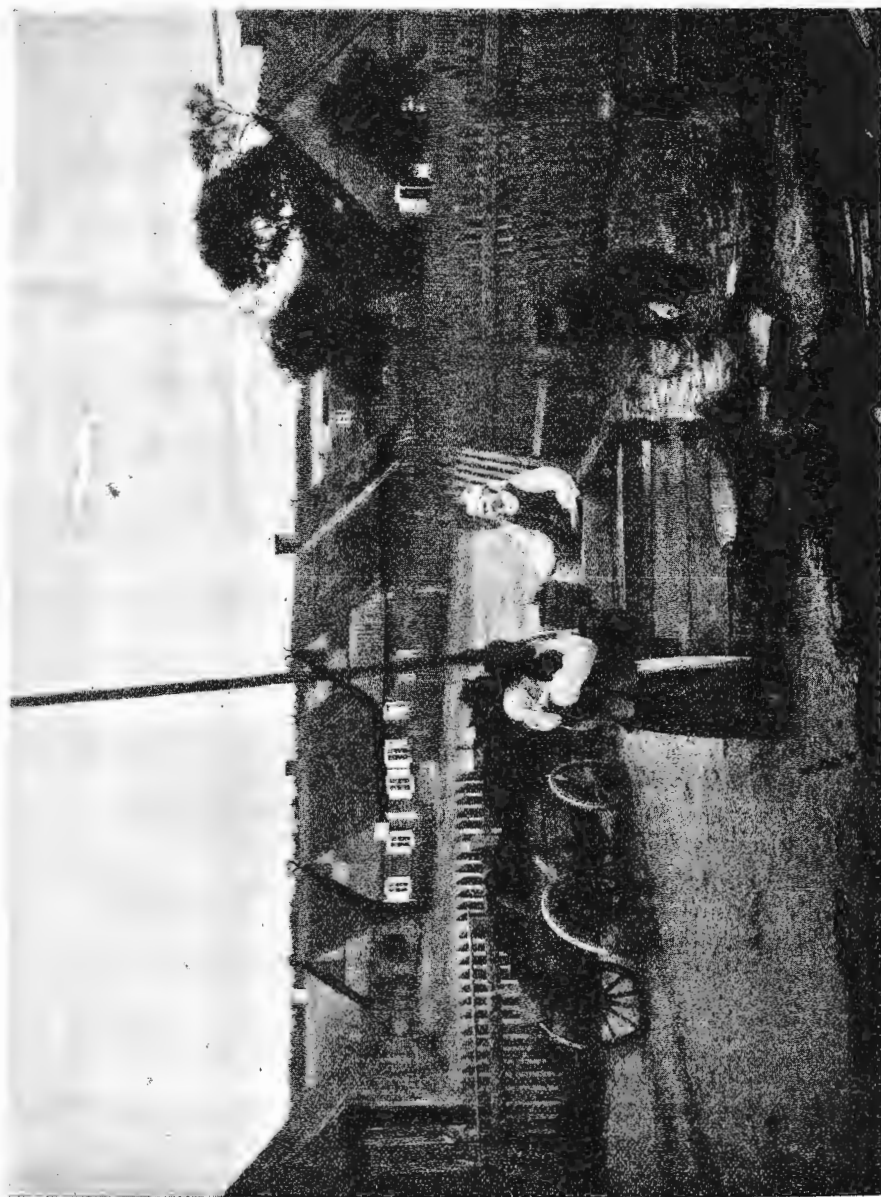
Въ послѣднее время въ пуговичномъ производствѣ замѣчается сокращеніе дѣятельности. Явленіе это объясняется послѣдовавшимъ въ 1899 году увеличеніемъ пошлины на сырыя перламутровыя раковины. При такихъ условіяхъ предпринимателямъ гораздо выгоднѣе привозить изъ-за границы товаръ въ полуобработанномъ видѣ кружелей, вырѣзанныхъ изъ раковинъ. Кромѣ того, въ Остроленкѣ и въ деревнѣ Пржистанъ Маковского уѣзда открылись три фабрики перламутровыхъ пуговицъ. Въ 1899 г. выдѣлкою пуговицъ занималось свыше 200 семействъ; производительность какъ крестьянъ-курпиевъ, такъ и фабрикъ достигала 151.600 рублей. Въ 1900 г. общая производительность уменьшилась на 36.600 рублей, а число рабочихъ силъ сократилось на сто семействъ, вынужденныхъ искать заработковъ за границею.

Наконецъ, мы въ Курпянской столицѣ.

Современный Мышинецъ—посадъ съ 4.000 жителей. Отстоитъ отъ прусской границы въ 5 верстахъ. Возникъ въ XVII столѣтіи и при томъ, вѣроятно, на другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ теперь лежитъ Старый-Мышинецъ (ближе къ границѣ, между посадомъ Мышинцемъ и пограничнымъ пунктомъ Домброва). Первоначально здѣсь было поселеніе, носившее названіе Iezupole. Почему оно стало впоследствии носить настоящее имя Мышинецъ—неизвѣстно. Въ 1650 г., въ цѣляхъ чисто миссіонерскихъ, чтобы препятствовать распространенію среди курпиевъ лютеранства изъ Пруссіи, Марія-Людвика Гонзаго, супруга Яна-Казимира, построила въ Iezupole (Мышинцѣ) каплицу и помѣстила при ней, въ качествѣ миссіонеровъ, іезуитовъ. Въ 1651 г. плоцкій епископъ Карлъ-Фердинандъ разрѣшилъ имъ исполнять всѣ требы, за исключеніемъ «заповѣдей» ²⁾, а также подъ условіемъ отправлять метрики въ подлежащіе приходы. По уничтоженіи ордена іезуитовъ, въ 1774 г. плоцкій епископъ, Михаилъ Понятовскій, назначилъ мышинецкимъ пробощемъ нѣкоего Яклицкаго, обязавъ его содержать 4-хъ ксендзовъ. Оче-

¹⁾ Первая форма обработанной раковины.

²⁾ Оглашеній для желающихъ вступить въ бракъ.

Курынская деревня.

видно, что около этого времени появился въ Мышинцѣ костель, но въ какомъ году—неизвѣстно. Его сожгли шведы.

Сущестующій нынѣ костель, подѣ титуломъ св. Троицы и св. Мартина, деревянный, построенъ въ 1716 году старостою остроленскимъ Яномъ Коссомъ, а освященъ въ 1755 г. плоцкимъ епископомъ Евстаѳіемъ Шембекомъ. Последняя реставрація была въ 1872 г. Въ костелѣ семь алтарей. Въ архитектурномъ отношеніи онъ ничѣмъ не выдается. Но въ немъ интересны нѣкоторые предметы. А именно: крестильница деревянная, въ видѣ чаши, подѣ балдахиномъ, стоящая на дельфинахъ, съ крышкою, увѣнчанною сидящимъ херувимомъ, очень изящной работы XVIII столѣтія. Въ pendant къ ней vis-à-vis—амвонъ ¹⁾, утвержденный на раскрашенной группѣ, изображающей библейскаго Сампсона, раздирающаго льва, украшенный по парапету скульптурными изображеніями святыхъ очень тонкой работы, подѣ балдахиномъ, XVIII столѣтія. Подлѣ амвона овальный портретъ, какъ полагаютъ, Яна Косса, фундатора костела. Два конфессіонала (исповѣдальни), деревянные, бѣлые, весьма оригинальные, въ видѣ костела, каждый увѣнчанъ двумя костельными главами (башенками). Любопытны, по наивности исполненія, нѣсколько образовъ, принесенныхъ въ даръ костелу набожными курпіями, и при томъ ихъ собственной работы. Надгробныхъ памятниковъ въ костелѣ нѣтъ никакихъ. Только въ каменной оградѣ, окружающей храмъ, есть плита съ именемъ ксендза-пробоща Юсифа Бонча-Скаржинскаго, умершаго въ 1812 году. Передѣ фронтомъ костела, со стороны посадской площади, возвышается трехъ-ярусная кирпичная звонница, съ кирпичными же одноярусными пристройками по бокамъ. На флюгерѣ ея видны двѣ даты: «1754», вѣроятно, годъ ея основанія, и ниже «1863», должно быть, годъ реставраціи. Въ среднемъ ярусѣ звонницы находятся три колокола литья: 1766, 1816 и 1870 годовъ. Въ нижнемъ ярусѣ, посрединѣ,—широкія и высокія ворота для пѣшеходовъ, идущихъ въ костель. Къ воротамъ ведетъ съ площади каменное крыльцо съ нѣсколькими ступеньками изъ булыжнаго камня. По обѣ стороны воротъ (со стороны площади) въ стѣнѣ звонницы помѣщены такъ называемые «куны» (по одной на каждой сторонѣ)—приборъ въ видѣ массивнаго широкаго желѣзнаго ошейника, на цѣпи, укрѣпленной въ стѣнѣ. Ошейникъ этотъ разгибается, состоитъ изъ двухъ половинъ и имѣетъ на концахъ отверстіе для замка, при помощи котораго онъ можетъ быть запертъ.

.....Снарядъ этотъ въ свое время игралъ роль орудія наказанія. Провинившагося въ какомъ либо тяжкомъ преступленіи курпія

¹⁾ Амвономъ въ римско-католической церкви именуется проповѣдническая кафедра.

приводили къ костельной звонницѣ, ставили на колѣни и нала- гали ему на шею «куны»... Въ такомъ видѣ онъ отбывалъ нака- заніе въ теченіе положеннаго ему срока. Название свое этотъ при- боръ получилъ отъ ловушки, которую ставили въ Курпянской пушчѣ на куницъ, очевидно, по сходству съ нею.

V.

Въ Говоровѣ.—Ксендзь-прелать А. Брыкчинскій.—Говоровскій костель.—По дорогѣ въ Пасѣки.—Аисты.—Мѣстные рассказы объ нихъ.—Адольфъ Дыгасинскій объ аистахъ.—Встрѣча.—Лѣтнія дѣтскія колоніи «Вильгельмовка» и «Софїевка».— Ихъ организація и результаты дѣятельности.

Желая попасть изъ Мышинца въ Маковскій уѣздъ, мы должны были вернуться снова въ Остроленку и оттуда уже поѣхать по же- лѣзной дорогѣ до станціи Пасѣки. Разстояніе между Остроленкою и Пасѣками—двадцать съ небольшимъ верстъ. На пути между Остроленкою и Пасѣками—платформа Говорово.

Выходимъ въ Говоровѣ.

Говорово—значительный посадъ и приходъ. Отъ станціи ле- житъ близехонько: не болѣе версты. Здѣшній приходъ считается однимъ изъ крупныхъ въ Полоцкой епархіи. Костель каменный, прекрасной архитектуры, новый, освященъ въ 1886 году. Но вну- три далеко еще не законченъ. Въ ряду новыхъ костеловъ—гово- ровскій костель въ своемъ родѣ достопримѣчательность. Въ немъ каждый предметъ, начиная отъ главнаго алтаря и кончая про- стымъ табуретомъ, свидѣтельствуетъ объ эстетическомъ образова- ніи и художественномъ вкусѣ лица, которое заботится объ укра- шеніи здѣшняго дома Божія. Лицо это—достопочтенный настоятель, ксендзь-каноникъ А. Брыкчинскій, домашній прелать его святѣй- шества, человекъ ученый и уже давно пользующійся заслужи- нною извѣстностью археолога и эстетика. О. Антоній состоитъ здѣсь настоятелемъ уже 15 лѣтъ. Постоянно занятый отправленіемъ многосложныхъ пастырскихъ обязанностей и учеными трудами, о. Брыкчинскій находитъ время заботиться и о постепенномъ укра- шеніи своего храма. Не ограничиваясь собраніемъ среди прихо- жанъ средствъ на эту цѣль, онъ приноситъ въ жертву свои литературные труды. Вырученныя отъ продажи послѣднихъ деньги идутъ въ пользу костела. Когда мы осматривали говоровскій ко- стель, въ немъ уже были установлены главный алтарь и два бо- ковыхъ. Всѣ три отличаются большимъ изяществомъ. Съ боль- шимъ также вкусомъ отдѣлана каплица фамиліи Глинокъ. Костель довольно обширенъ, и немало еще предстоитъ труда и заботъ почтенному настоятелю, чтобы довести до конца внутреннее укра- шеніе храма. Историческихъ памятниковъ въ немъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ. Во внутреннихъ стѣнахъ вмурованы три каменные

доски-надгробія, съ надписями, перенесенныя изъ прежняго ко-
стела.

Въ правой сторонѣ:

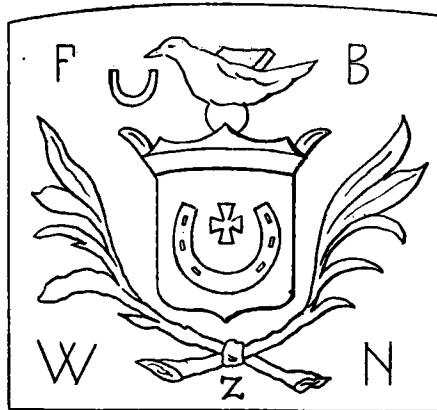
D. O. M.
S. P. Gabryelowi Zambrzyckiemu
Pułkownikowi b. Wojsk Polskich
d. 21 Lipca 1862 r. w 72 r. życia zmarłemu
Pozostała żona wraz z synami, córką,
zięciem, na pamiątkę 36 letniego szczęśliwego
pożycia, ten kamień położyła.

Wieczny odpoczynek racz Mu dać Panie!

Въ стѣнѣ надѣво:

D. O. M.
Post pia Brzezieński Floriani fata tribuni
Nurensis Consors hoc opus aedificat
Nemite mortales adsunt connubia nostris
In terris talis plurima rarus amor
Cultum Divinum haut gratis reparas Marianna
Brzezieńska est merces set praeciosa Deus
Anno Domini
MDCXCV

и гербъ Корвинъ:

Инициалы въ гербѣ значатъ: F—Флоріанъ, B—Бржезинскій,
W—войскій, Z—земли и N—Нурской.

Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ ксендза Брыкчинскаго, мы переночевали у него. На другой день, утромъ, выѣхали изъ Говорова на лошадахъ. Мы хотѣли, кстати, побывать въ лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей, расположенныхъ между Говоровымъ и Пасѣками.

Начинался прекрасный день. Солнце стояло уже высоко на небѣ и сильно пригрѣвало. Отъ орошенной обильнымъ дождемъ, выпавшимъ ночью, земли поднимался паръ. Тысячи птичекъ огласили воздухъ своими пѣснями и крикомъ. Степенные аисты — по-мѣст-

Группа курпівъ.

ному боіану—солидно разгуливали на лугахъ, разыскивая добычу. Здѣсь я позволю себѣ отклониться немного отъ своего повѣствованія и сказать нѣсколько словъ объ этой симпатичной птицѣ. Аистъ прилетаетъ въ Польшу передъ праздникомъ Благовѣщенія, то-есть въ началѣ марта по ст. ст., и отлетаетъ въ теплые края передъ праздникомъ Рождества Богородицы, въ 20-хъ числахъ августа по ст. ст. У мѣстнаго, особенно сельскаго, населенія онъ пользуется большою любовью. Къ прилету аистовъ крестьяне приготавливаютъ для нихъ гнѣзда. Укрѣпляютъ горизонтально на крышѣ своей хаты или овина (stadola), или просто на развѣсистомъ деревѣ колесо и накладываютъ на него соломы и прутьевъ. Изъ этого

материала перелетные гости устраиваютъ себѣ гнѣзда. Считается счастьемъ, если аистъ выберетъ для себя такое гнѣздо и поселится. Еще въ XVI в. существовало присловье «*bociana sprgowadzić*»—значило добыть себѣ счастье. Боцянъ и счастье были въ то время синонимами польскаго языка. Народъ называетъ его ласкательными именами: *bockiem*, *bocie*, *busko*, *wojtkiem*, даже *księdzem* *Wojciechem*. Бѣда тому легкомысленному охотнику, который позволилъ бы себѣ подстрѣлить аиста. Многихъ реберъ не досчитался бы онъ... Убить аиста — смертельный грѣхъ ¹⁾. Причина такого расположенія къ этой птицѣ прежде всего лежитъ въ массѣ легендъ, которыя окружаютъ ее какимъ-то ореоломъ, въ той пользѣ, которую она приноситъ истребленіемъ вредныхъ гадовъ и насѣкомыхъ, и, наконецъ, въ симпатичномъ ея характерѣ вообще.

Не отъѣхали мы и двухъ верстъ отъ Говорова, какъ на одномъ поворотѣ встрѣтили говоровскаго настоятеля. Онъ ѣхалъ въ бричкѣ на парѣ лошадей, управляемой крестьяниномъ съ открытою головою. Ксендзь отправлялся въ одну изъ деревень своего прихода со св. дарами напутствовать больного. Бричка ѣхала тихо. Мы ее не перегоняли. Встрѣчавшіеся на пути крестьяне и крестьянки опускались на колѣни, шепча молитву. Видя такое воздаваніе чести приникновенно шествующему Царю Славы, Которому невидимо сопутствуютъ Силы Небесныя, невольно проникаешься благоговѣніемъ. На католическомъ западѣ вообще очень развито почитаніе св. таинъ. Еще во второй половинѣ XIII столѣтія возникъ праздникъ Тѣла Божія, ежегодно отправляемый съ большою торжественностью въ первый четвергъ послѣ Троицына дня. Уже въ XVII ст., по свидѣтельству Кальдерона, въ Испаніи существовалъ обычай привѣтствовать друга при встрѣчѣ словами: «да пребываетъ Тѣло Христово съ вами!» Король Филиппъ II-й Испанскій, этотъ въ свое время владыка чуть ли не полъ-міра, при встрѣчѣ со священникомъ, шедшимъ со св. дарами, выходилъ изъ экипажа и, невзирая на состояніе погоды, повергался ницъ.

По мѣрѣ приближенія къ Пасѣкамъ мѣстность становится болѣе разнообразною и даже красивою. Особенную прелесть придаютъ ей небольшія, но тѣнистыя рощицы. Вотъ, въ такихъ-то сосновыхъ рощицахъ, вблизи рѣки Оржъ, и расположены двѣ образцовыя колоніи для дѣтей, устроенныя варшавскимъ обществомъ лѣтнихъ колоній. Послѣднее присылаетъ сюда лѣтомъ изъ Варшавы слабыхъ здоровьемъ дѣтей малосостоятельныхъ родителей. Исторія возникновенія этихъ колоній такова. Въ 1899 году наслѣдники извѣстнаго варшавскаго фабриканта В.-Е. Рау пожертвовали въ пользу

¹⁾ Въ 1899 или 1900 гг. въ Липновскомъ уѣздѣ Плоцкой губ. и въ Гродненской губерніи мѣстныя власти пробовали открыть ожесточенное гоненіе на аистовъ, оправдывая его тѣмъ, будто аисты истребляютъ дичь. Но успѣха не достигли. Противъ гонителей были и вѣковыя традиціи народа и вся пресса.

Костель въ Говоровѣ.

общества лѣтнихъ колоній 200.000 рублей, предназначивъ изъ этой суммы 50.000 рублей на постройку двухъ постоянныхъ колоній и 150.000 рублей въ видѣ капитала, процентами съ котораго покрывались бы расходы на содержаніе ихъ ¹⁾). Когда пожертвованіе было принято министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, комитетъ общества приступилъ къ исполненію воли жертвователей. Избралъ особую строительную комиссію для выработки проекта построекъ и выбора мѣстности для колоній. Составленные этой комиссіей детальныя планы колоній утверждены комитетомъ въ 1900 году. Въ томъ же году комитетъ приобрѣлъ отъ владѣльца имѣнія Цавинъ г. Глинки два участка земли: одинъ у деревни Юрги, въ 3¹/₂ десятины, другой—подъ дер. Поникевъ, въ 5 десятинъ, и началъ постройку. Наблюденіе за нею поручено было той же комиссіи. Постройка производилась, подъ руководствомъ архитектора г. Наневскаго, варшавскою строительною фирмою бр. Бевензе, канализаціонныя и водопроводныя работы исполнены фирмою Эд. Шенфельдъ и К^о. Расходы на приобретеніе земельныхъ участковъ, постройку зданій и обстановку ихъ составляли 89.370 рублей. Колоніи названы въ честь жертвователей «Софіевкой» и «Вильгельмовкой», по именамъ вдовы Рау и покойнаго ея мужа.

Обѣ колоніи, по числу построекъ и помѣщеній, почти тождественны. Каждая изъ нихъ состоитъ: изъ главнаго каменнаго, двухэтажнаго зданія съ двумя боковыми флигелями, хозяйственнаго надворнаго строенія и клочетовъ. Въ первомъ и второмъ этажѣ главнаго корпуса находятся двѣ спальни на 30 кроватей. На одну кровать приходится 7¹/₂ кв. арш. площади пола и почти 45 куб. арш. воздуха. Окна спаленъ выходятъ на востокъ и западъ. Лѣвый флигель занятъ въ первомъ этажѣ кухней, буфетной, кладовой и комнатою надзирателя; во второмъ спальнями прислуги, складомъ бѣлья и комнатою надзирателя. Въ первомъ этажѣ праваго флигеля помѣщены квартиры смотрителя колоній и дворника, ванна и комната надзирателя; во второмъ—лазаретъ, ванна и комната надзирателя. Въ колоніи «Вильгельмовка» одно окно помѣщенія каждаго надзирателя выходитъ въ дѣтскую спальню, что даетъ ему возможность наблюдать за поведеніемъ дѣтей даже и тогда, когда онъ находится въ своей комнатѣ. Проходъ изъ надзирательскихъ комнатъ въ дѣтскія спальни ведетъ чрезъ уборную, гдѣ каждое дитя имѣетъ свой отдѣльный шкафчикъ. Передъ главнымъ корпусомъ во всю длину его устроена деревянная веранда, отдѣленная отъ стѣны зданія небольшимъ свободнымъ пространствомъ, чтобы не затемнять спаленъ. Служитъ она столовою, а въ случаѣ непогоды мѣстомъ игръ дѣтей. Отдѣлка строеній и внутренняя обстановка ихъ просты. Стѣны

¹⁾ Уставъ «общества лѣтнихъ колоній для дѣтей» въ Варшавѣ утвержденъ въ 1897 году.

всѣхъ комнатъ выбѣлены. Полъ въ первомъ этажѣ каменный, во второмъ деревянный. Столы, стулья, скамьи, шкафы — сосновые, некрашенные, кровати желѣзныя. Простота обстановки, при безукоризненной чистотѣ на каждомъ шагѣ, несомнѣнно имѣетъ высокое назидательное значеніе для юныхъ обитателей колоній. Въ хозяйственномъ строеніи находятся прачечная, катки и дровяной сарай. Вода получается въ каждой колоніи изъ артезіанскихъ колодезь и проведена въ находящіяся на чердакѣ бассейны, откуда по трубамъ проходитъ въ кухню, ванны и комнаты съ умывальниками. Грязная дождевая вода отводится посредствомъ канализаціонныхъ трубъ далеко за колоніи, на луга. Клозеты устроены на торфяныхъ ямахъ съ образцовой вентиляціей и освѣщеніемъ.

Дѣти доставляются въ колоніи партіями, на 24 дня каждая. Передъ составленіемъ каждой партіи комитетъ общества собираетъ свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи родителей, которые просятъ о высылкѣ въ колоніи дѣтей, и подвергаетъ послѣднихъ медицинскому осмотру для рѣшенія вопроса, насколько необходима высылка ихъ. Назначенныя къ отправкѣ дѣти съ момента посадки ихъ въ желѣзнодорожные вагоны въ Варшавѣ поступаютъ на полное попеченіе общества. Вмѣстѣ съ дѣтьми выѣзжаютъ изъ Варшавы нанятыя комитетомъ общества надзиратели или надзирательницы, смотря по тому, отправляются ли мальчики, или дѣвочки. На каждые тридцать человѣкъ дѣтей назначается отдѣльный надзиратель, который долженъ постоянно находиться при дѣтяхъ и руководить ими во все время пребыванія ихъ въ колоніи. По прибытіи въ колонію, дѣти снимаютъ собственное платье и бѣлье и получаютъ заранее приготовленные для нихъ однообразные костюмы. Мальчикамъ даются бѣлыя холщевыя блузы и брюки, дѣвочкамъ — ситцевыя платья. Надзиратель указываетъ каждому ребенку его кровать въ спальнѣ и отдѣльную вѣшалку. Встаютъ дѣти ежедневно въ 6 часовъ утра. Поднявшись съ постели, они обязаны прежде всего убрать свои кровати, затѣмъ вычистить платье, умыться и причесаться. Весь почти день до 8^{1/2} час. вечера проводятъ на свѣжемъ воздухѣ, совершая общія прогулки и занимаясь разными играми подъ присмотромъ надзирателей. На прогулки обыкновенно отправляются въ лѣсъ, гдѣ собираютъ ягоды, грибы и наиболѣе рѣдкія растенія. Игры соединены съ гимнастическими упражненіями, ручными работами, маршировкой и пѣніемъ пѣсенъ. Обученіе по книгамъ и тетрадямъ совершенно исключено, но во время прогулокъ надзиратели стараются знакомить молодое населеніе колоній съ жизнію природы. Многія изъ дѣтей въ первый разъ въ жизни видятъ лѣсъ и деревню. Пищу получаютъ обитатели колоній пять разъ въ день: въ 7 часовъ утра первый завтракъ, состоящій изъ молока съ хлѣбомъ; въ 10 часовъ утра второй завтракъ — хлѣбъ съ масломъ или сыромъ; въ часъ дня обѣдъ — супъ мясной или

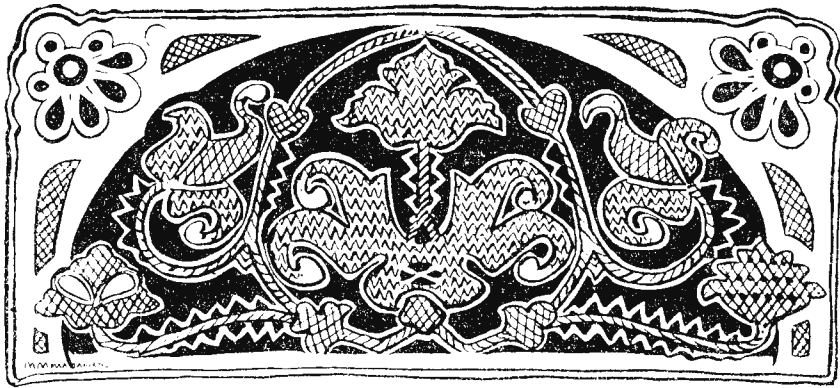
молочный, жареное или вареное мясо и свѣжая зелень; въ 4 часа по полудни полдникъ—молоко и хлѣбъ и въ 7 ч. вечера—ужинъ, мучное блюдо. Каждый ребенокъ потребляетъ въ среднемъ въ день: 20 лотовъ мяса, 1 кварту (литръ) молока, 2 лота сахару, 4—5 лот. каши, 20—24 лот. хлѣба, 16 лот. зелени, 1 яйцо, 2—3 лота сыра или творога, 1 лоть сала или 2 лота масла и 1 лоть соли. Въ постные дни эти выдачи нѣсколько измѣняются вслѣдствіе замѣны мяса увеличеніемъ отпуска молока и яицъ. Носильное бѣлье дѣтей перемѣняется два раза, постельное—одинъ разъ въ недѣлю. Продовольствіемъ дѣтей и стиркою бѣлья въ каждой колоніи завѣдываетъ особая кастелянша, дѣйствія которой контролируютъ командированные комитетомъ общества колоній члены и мѣстные опекуны. Опекунами въ 1901 и 1902 г.г. были настоятель прихода Говорова и владѣлецъ имѣнія Щавинъ, А. Н. Глинка. Кромѣ того, обѣ колоніи состоятъ подъ надзоромъ начальника Остроленскаго уѣзда.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя, характеризующія дѣятельность колоній «Софіевки» и «Вильгельмовки» въ 1901 г., т.-е. въ первомъ году ихъ существованія¹⁾. Въ первой колоніи дѣти пробыли три сезона, во второй—два. Въ эти сезоны въ «Софіевкѣ» находилось 360 мальчиковъ (по 120 въ каждый сезонъ), а въ «Вильгельмовкѣ» 146 мальчиковъ и 66 дѣвочекъ. Среднее приращеніе вѣса дѣтей послѣ 24-хъ-дневнаго пребыванія ихъ въ колоніяхъ было: въ «Софіевкѣ» 2,7 фунта, въ «Вильгельмовкѣ» же для мальчиковъ 2,4 ф., для дѣвочекъ 4,1. Не оказалось приращенія вѣса въ первой колоніи у 29 дѣтей, во второй у 35. Въ 1901 г. израсходовано обществомъ на содержаніе колоній: «Софіевки» 3.109 рублей 8 коп. и «Вильгельмовки» 2.195 рублей 96 коп. Средній расходъ на одного ребенка составлялъ въ первой колоніи 8 рублей 65 коп. (въ томъ числѣ стоимость пропитанія 5 рублей 78 коп.), во второй 10 р. 35 коп. (продовольствіе 6 рублей 83 коп.).

Обѣ эти колоніи, какъ упомянуто выше, содержатся главнымъ образомъ на проценты съ капитала, пожертвованнаго наследниками Рау, при чемъ въ «Софіевку» всѣ дѣти принимаются бесплатно и перевозятся какъ изъ Варшавы въ колонію, такъ и обратно, на счетъ общества, въ «Вильгельмовку» же, кромѣ бесплатныхъ, высылаются такъ называемыя полуплатныя партіи дѣтей, родители которыхъ вносятъ по 6 рублей въ сезонъ за каждого ребенка. Такія партіи дѣтей набираются преимущественно въ средѣ мелкихъ чиновниковъ, учителей, служащихъ въ частныхъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденіяхъ и т. п.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ За сообщеніе этихъ свѣдѣній, равно какъ и фотографическихъ снимковъ колоній, приносимъ искреннюю благодарность помощнику начальника Остроленскаго уѣзда, Станиславу Осиповичу Нивинскому. Г. В.

АУТОДАФЕ НАДЪ ФИЛОСОФСКОЙ КНИГОЙ.

ВЪ 1769 ГОДУ магистръ Дмитрій Сергѣевичъ Аничковъ, преподававшій въ Московскомъ университетѣ философію, представилъ для полученія званія ординарнаго профессора диссертацию, трактовавшую съ философской точки зрѣнія о началѣ богочитанія, т.-е. о возникновеніи религіи.

Разсужденіе было напечатано. По сообщенію митрополита Евгенія, сочинитель поручилъ изданіе своей диссертациі одному товарищу, профессору, недавно прибывшему изъ Англіи; товарищъ включилъ будто бы въ диссертацию Аничкова много вольнодумныхъ и даже «дерзкихъ» мыслей. Легко возможно, диссертация прошла бы благополучно, потому что эти дерзкія мысли на самомъ дѣлѣ были весьма невинны, да и не въ нихъ была вся суть...

Въ Москвѣ подвизался въ то время неугомонный кляузникъ и ябедникъ, протоіерей Архангельскаго собора, Петръ Алексѣевъ, составитель «Церковнаго Словаря» и членъ Россійской академіи. Петръ Алексѣевъ сдѣлалъ на Аничкова доносъ—и заварилась каша.

Въ засѣданіи университетской конференціи 24-го августа 1769 г. группа профессоровъ, охраняя свою собственную благонамѣрен-

ность, торжественно заявила протестъ противъ неосторожныхъ выраженій Аничкова. Особенно усердствовали пріѣзжіе профессора, иностранцы-нѣмцы, изъ которыхъ одинъ обозвалъ Аничкова по-латыни «поросенкомъ изъ эпикурова стада». Дѣло покончилось тѣмъ, что экземпляры брошюры Аничкова были отобраны и публично сожжены палачемъ на Лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ. Диссертация перепечатана съ исправленіями. Несмотря на неоднократныя представленія конференціи, Аничковъ еще два года не получалъ ординатуры.

Невольно пробуждается интересъ: въ чемъ же заключались эти столь страшныя мнѣнія Аничкова, потребовавшія *auto da fé*?

Никто изъ писавшихъ объ этомъ дѣлѣ не сообщаетъ въ точности, каковы именно были исправленія, внесенныя во второе изданіе книжки Аничкова.

Въ словарѣ Венгерова (т. I, стр. 588) сказано: «Тотъ экземпляръ, который находится въ Публичной библіотекѣ, и которымъ мы пользовались,... очевидно, принадлежитъ къ «исправленному», потому что авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ оговорки относительно православнаго образа мыслей своихъ. Но и по этому «исправленному» экземпляру нетрудно догадаться, почему разсужденіе Аничкова надѣлало такого переполоху. Дѣло въ томъ, что онъ задается вопросомъ о происхожденіи религій и видитъ источникъ ихъ въ трехъ причинахъ: страхъ, возбужденномъ воображеніи, или, по терминологіи Аничкова, «привидѣніи», и удивленіи предъ подвигами героевъ, которое въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ ведетъ къ боготворенію ихъ. Въ «исправленномъ» экземплярѣ авторъ постоянно прибавляетъ, что слова его относятся исключительно къ языческимъ религіямъ и не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствительно-божественному происхожденію христіанства. Въ первоначальномъ же видѣ, должно быть, такихъ оговорокъ не было,—и потому получалось впечатлѣніе, что авторъ говоритъ о происхожденіи всѣхъ религій безъ исключенія».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случилось имѣть въ рукахъ оба изданія диссертациі Аничкова, какъ первоначальное (рѣдчайшее), такъ и исправленное. Разумѣется, мы не упустили случая сличить тексты обоихъ изданій.

Это сличеніе показало намъ произвольность вышеприведенныхъ догадокъ.

Различіе между двумя изданіями брошюры Аничкова оказалось не весьма велико. Даже митрополитъ Евгеній, надо полагать, писалъ съ чужихъ словъ и чрезмѣрно сгустилъ краски. Исправленіе свелось лишь къ удаленію двухъ примѣчаній. Изъ-за нихъ, значить, и загорѣлся сыръ-боръ.

На страницахъ 19—20 имѣется такое примѣчаніе (отмѣчаю строки и переносъ на 20-ю стр.): «И одно одѣяніе необыкновенное

на предстоящихъ Олтарю дѣй/ствительно имѣть такой успѣхъ въ разсужденіи простаго народа, что // непросвѣщенные, напримѣръ, Римляне, въ первый разъ увидѣвъ карди/нала въ блестящей отъ злата и камней одеждѣ со свѣщеносными / предъ нимъ предтечами, въ восторгъ приходятъ отъ удивленія / и будучи въ изумленіи, спрашиваютъ другъ друга, ѣсть ли то / онъ, и пьетъ ли, какъ и прочіе люди? Хотя въ самомъ дѣлѣ онъ / такой же грѣшникъ, какъ и тотъ самый крестьянинъ, который отъ / невѣжества столько удивляется ему и по своей простотѣ его / обожаетъ».

На стр. 21 первоначальнаго изданія есть примѣчаніе: «И многіе невѣжды и пусто/мели, а особливо дряхлыя и престарѣлыя въ умѣ старухи клятвен/но увѣряли всякаго, что онъ въ то время дѣйствительно видѣли / Ангела съ огненною проволокою, которою онъ такъ ударилъ профес/сора по головѣ, что въ мгновеніе ока и души въ немъ не осталось, / утверждая притомъ, якобы громъ есть такая тайна, коей еще и / Евангелисту Іоанну, своему наперснику, Богъ не открылъ».

Таковы «дерзкія» мысли Аничкова (или его товарища, прибавившаго къ его диссертациі свои примѣчанія?).

Въ одномъ примѣчаніи говорится о сильномъ вліяніи особенной одежды церковнослужителей на воображеніе простаго народа, (напримѣръ, римлянъ) и о возможной грѣховности духовныхъ лицъ одинаково съ ихъ пасомыми. Въ другомъ мѣстѣ допущена иронія надъ старухами, ужасавшимися профессору Рихману, который дерзнулъ изучать явленія электричества, и при своихъ опытахъ былъ убитъ, какъ извѣстно, молніею.

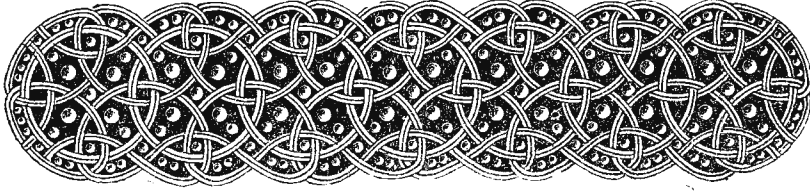
Протоіерею Петру Алексѣеву, доносившему даже на своего владыку и архипастыря, митрополита Платона, эти мысли въ диссертациі Аничкова показались потрясеніемъ основъ, и онъ сочинилъ доносъ, своего рода «слово и дѣло». Перепуганные коллеги Аничкова переусердствовали... Книга сожжена рукою палача, а во второмъ ея изданіи опасныя примѣчанія удалены.

Въ томъ же томѣ Венгеровскаго словаря (стр. 395), въ біографіи Петра Алексѣева сказано: «нельзя не считать актомъ величайшей несправедливости то, что представители русскаго монашества до сихъ поръ продолжаютъ клеймить архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева позорною кличкою доносчика»...

Спрашивается: какой же можно подобрать для него эпитетъ болѣе мѣткій? «Представители русскаго монашества», кажется намъ, правы...

Проф. Е. А. Бобровъ.

ПО ОБЫЧАЯМЪ СТРАНЫ.

(Очеркъ изъ русско-американскаго життя-быття).

Тай пойдемъ у той край,
Гдѣ хорошій обычай.

Изъ малорусской пѣсни.

ХОТЯ ОНА прибыла и въ Новый Свѣтъ, однако такимъ путемъ, который успѣлъ уже стать достаточно старымъ.

Изъ своего родного Самбора въ Галиціи онъ отправился въ Америку съ годъ тому назадъ. Ставъ за это время довольно опытнымъ углеломомъ въ знаменитомъ каменноугольномъ районѣ штата Пеннсилваніи, онъ изъ галицкаго мѣщанина превратился въ почтеннаго обывателя города Шенектоди, одного изъ значительныхъ городковъ этого царства твердаго каменнаго угля, насколько только можетъ стать почтеннымъ въ этой странѣ молодой и трезвый рабочій изъ эмигрантовъ. Въ исходѣ года Петро Гукъ послалъ ей пароходный билетъ отъ Гамбурга до Нью-Йорка съ приложеніемъ нѣкоей денежной суммы, съ галицкой точки зрѣнія значительной. Она тотчасъ же пустилась за море, дабы обзавестись домкомъ, о чемъ они такъ долго мечтали въ родной Галиціи. Онъ не могъ лично отправиться изъ Шенектоди въ Нью-Йоркъ встрѣтить ее на пароходной пристани, не рискуя потерять работу, а потому послалъ для этой цѣли старика Степана Верзило, церковнаго сторожа, который былъ очень радъ прокатиться въ Нью-Йоркъ и назадъ на чужой счетъ и еще разъ поглазѣть на все происходящее на этой колоссальной пристани, къ которой причаливаетъ такое множество этихъ огромныхъ пароходовъ, набитыхъ тысячами всякаго народа изъ-за моря.

Стояла превосходная предвечерняя пора ранней пенсильванской весны, когда длиннѣйшій чисто американскій желѣзнодорожный поѣздъ, мчавшій Марусю Черешню въ самую глубь царства «чернаго брильянта», подходилъ къ довольно обширной желѣзнодорожной станціи города Шенектоди. На станціи толкалось немало народа: одни встрѣчали, другіе провожали, третьи глазѣли, а четвертые просто шатались изъ стороны въ сторону. Петро Гукъ, который въ этотъ день съ особой тщательностью умылся и одѣлся по возвращеніи съ работы, мѣрно показивалъ вдоль станціонной платформы, съ нѣкоторой нервностью крутя свои довольно длинные черные усы. Въ своемъ обычномъ костюмѣ онъ болѣе походилъ на львовскаго купца или американскаго приказчика, нежели на углелома. Большинство публики составляли прирожденные американцы, которые вовсе не замѣчали, что «Питеръ Хукъ» находится въ какомъ-то совершенно необыкновенномъ состояніи. Завидя своего давняго «нареченнаго» изъ окна вагона, Маруся, представлявшая собой гордый типъ галицкой блондинки, устремилась къ двери и, прежде чѣмъ поѣздъ успѣлъ вполнѣ остановиться, съ вагонной площадки стремительно бросилась ему на шею. Все это произошло такъ внезапно, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ совершенно сконфузился и даже почти растерялся. За годъ онъ успѣлъ уже достаточно обамериканизиться и настолько привыкнуть къ тонкому и осторожному кокетству американскихъ горожанокъ, а въ особенности шикарныхъ горничныхъ и нянекъ фешенебельныхъ домовъ, что искренній, не рассчитанный порывъ этой русской дѣвушки, отъ которой вѣяло еще лѣсами и долиной родной Галиціи, уже пришелся ему не по вкусу. Дрожки и пролетки вовсе не въ ходу въ «странѣ свободы», за исключеніемъ лишь громаднѣхъ городовъ, а потому лица, не обладающія собственными лошадьми, или пользуются вагонами электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, или путешествуютъ по образу пѣшаго хожденія. Такъ какъ вагоны подгородной электрической дороги проходятъ мимо шенектодекаго вокзала лишь каждыя двадцать минутъ, то приѣзжающіе обыкновенно отправляются въ гостиницы и по домамъ на собственной парѣ. Мысль пройти по городу еще засвѣтло со своей Марусей въ ея стараго покроя костюмѣ его нѣсколько ужаснула. Онъ совершенно не понималъ, что этотъ роскошный малорусскій костюмъ, хотя необыкновенный для Америки, отгнѣялъ еще болѣе ея природную красоту. Старый Степанъ Верзило, выбравшійся изъ биткомъ набитаго вагона лишь нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ его опекаемая прорвалась чрезъ толпу, сразу замѣтилъ чувства, волновавшія Петра, и бросалъ на него ехидно-саркастическіе взгляды, которые еще болѣе увеличивали его смущеніе.

— Что же ты все работаешь въ той же углеломнѣ?—спросила Маруся, едва лишь они отошли отъ станціи, чтобы завязать разговоръ.

— Да, все тамъ же. Работа очень хорошая. Наживаю деньги. Всѣ здѣсь наживаютъ деньги. Таковъ обычай этой страны.

— Боже мой, какъ это чудесно!—воскликнула Маруся въ порывѣ искренняго восторга:— ты наживаешь большія деньги. Значитъ, мы можемъ сейчасъ же и обвѣнчаться.

— Не сейчасъ, — отвѣтилъ онъ многозначительнымъ тономъ, отрицательно покачивая головой: — прежде мы должны быть обручены продолжительное время. Таковъ обычай этой страны. Тогда уже мы, можетъ быть, и обвѣнчаемся.

— Можетъ быть!— въ ужасѣ прошептала Маруся, всплеснувъ руками. Ея сердце упало, и ея красивое, за минуту предъ тѣмъ столь беззаботное и ликующее лицо сразу приняло какое-то тревожно вопросительное выраженіе.

— Что же дѣлать? Таковъ обычай въ этой странѣ,—отвѣтилъ онъ наставительно-оправдательнымъ тономъ, закуривая сигару.

Онъ нашелъ ей мѣсто швей, хорошее мѣсто, въ зажиточномъ американскомъ семействѣ. Такъ какъ русскія дѣвушки пользуются въ Шенектоди превосходной репутаціей, то найти ей подобное мѣсто не представляло особыхъ затрудненій. Она очень быстро усвоила нѣсколько десятковъ англійскихъ фразъ, необходимыхъ для объясненій съ хозяевами и лавочниками, и служба казалась съ каждымъ днемъ все легче и легче. Хотя американскія работницы, имѣющія такъ мало общаго съ европейскими, вообще свободны отъ всякой работы послѣ обѣда, начинающагося въ шесть и кончающагося не позже семи часовъ вечера, и по вечерамъ уходятъ изъ дома или на прогулку, или въ театръ, однако Маруся обыкновенно проводила свои вечера въ американскомъ креслѣ-качалкѣ на верандѣ, которой снабженъ положительно всякій американскій домъ. Подобное домохозяйство, въ «странѣ свободы» совершенно необычайное, дѣлало ее въ глазахъ хозяевъ въ особенности цѣннымъ членомъ семейства, ибо работница въ родѣ швей въ этой странѣ является въ частныхъ семействахъ попросту ихъ членомъ. Петръ являлся по вечерамъ ее навѣститъ сначала довольно часто, а потомъ все рѣже и рѣже. Приѣмъ незамужней работницей своихъ «друзей» изъ такъ называемаго непрекраснаго пола въ домѣ своихъ хозяевъ, разъ она у нихъ живетъ, въ этой странѣ представляется дѣломъ столь же естественнымъ, какъ и приѣмъ своихъ многочисленныхъ «друзей» дочерями семейства. Хотя каждая незамужняя американка, независимо отъ своего общественнаго положенія, имѣетъ вообще цѣлую

кучу «друзей» непрекраснаго пола, она всѣхъ ихъ совершенно свободно принимаетъ въ своемъ домѣ, вовсе не спрашивая какого либо разрѣшенія или согласія со стороны родителей. Нерѣдко родители даже и незнакомы со всѣми этими «друзьями» и вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсное знакомство съ тѣмъ или инымъ изъ нихъ, который превратился уже въ «постояннаго друга», званіе или, если угодно, состояніе, болѣе или менѣе приближающееся ко званію жениха. Женщины-работницы ровно ничѣмъ не отличаются въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ прочихъ женщинъ страны, а Эмигрантки съ необычайной быстротой усваиваютъ обыкновенно нравы прирожденныхъ американокъ по этой части. Единственная разница между первыми и послѣдними обыкновенно заключается въ томъ, что эмигрантки на первыхъ порахъ не уходятъ со своими «друзьями» на прогулку или въ театръ всякій вечеръ и отличаются извѣстной степенью домосѣдства, совершенно неизвѣстнаго американской дѣвушкѣ.

Во время своихъ вечернихъ визитовъ, становившихся все менѣе и менѣе частыми, Петро Гукъ обыкновенно избѣгалъ разговоровъ о будущей ихъ брачной жизни. Съ этой нежелательной для него темы онъ весьма искусно переводилъ разговоръ на погоду, заработную плату въ углеломняхъ, русскій церковный митингъ въ послѣднее воскресенье, прелести новопривышаго цирка, интересное представленіе въ мѣстномъ театрѣ (онъ уже достаточно понималъ по-англійски), русское общество памяти Шевченка и т. п. Когда, однако, ей удавалось остановить разговоръ на томъ, что когда они станутъ мужемъ и женой, то будетъ то-то и то-то, такъ сказать, прижать его къ стѣнѣ, онъ говорилъ обыкновенно съ лукавой улыбкой: «Что-жъ, Маруся, мы обручены до тѣхъ поръ, пока я тебѣ лѣбъ, а ты мнѣ! Если же я встрѣчу иную, которая больше мнѣ полюбится, чѣмъ ты, то я тебѣ прямо о томъ скажу, а если ты встрѣтишь иного, что больше тебѣ полюбится, чѣмъ я, то ты мнѣ прямо о томъ скажешь!»

— О, нѣтъ, Петро, нѣтъ!—протестовала она своимъ пѣвучимъ голосомъ, въ которомъ слышалось искреннее огорченіе, звучали подавленные слезы.

— Таковъ обычай этой страны,—возражалъ онъ наставительнымъ и нѣсколько торжественнымъ тономъ.

Она не осмѣливалась еще пока возражать противъ обычаевъ страны и чувствовала себя побѣжденной.

— А ты,—какъ бы обнадеживалъ онъ ее,—ты свое жалованье берегай, припрятывай. Не транжирь на платья да наряды. Наилучше вноси въ сберегательную кассу. Станешь богатой со временемъ. Это тоже вѣдь обычай этой страны.

Несмотря на то, что новоиспеченный американецъ «Питеръ Хукъ», всего лишь годъ съ небольшимъ тому назадъ бывший галицко-русскимъ мужикомъ, столь настоятельно проповѣдывалъ принципы бережливости своей «нареченной», самъ онъ таковымъ отнюдь не слѣдовалъ. Каждый вечеръ, за исключеніемъ тѣхъ, когда онъ посѣщалъ Марусю на дому, онъ отправлялся съ какой либо американкой или въ театръ, или въ такъ называемую мороженную кондитерскую. Мороженое всѣхъ сортовъ является американской національной сластью и истребляется американцами лѣтомъ и зимой въ совершенно невѣроятныхъ количествахъ. Хотя, затѣмъ, нашъ «Питеръ Хукъ» старался столь ревностно привить своей «нареченной» всѣ обычаи страны и въ особенности обычай сберегать деньги и стать богатой, онъ не считалъ, однако, нужнымъ открыть ей, что рядомъ съ обычаемъ наживать деньги существуетъ здѣсь также обычай ихъ тратить. Смотри на нее, какъ на свою нѣкотораго рода собственность — ложное и опасное чувство, приносящее столько зла человѣчеству — онъ, такъ сказать, держалъ ее въ запасъ на всякій крайній случай, тѣмъ болѣе, что чѣмъ дольше будетъ она въ запасѣ, тѣмъ больше будутъ ея сбереженія.

Однажды онъ что-то не являлся долѣе обыкновеннаго. Она уже и не ждала его и почти заснула въ своемъ креслѣ-качалкѣ на верандѣ, какъ вдругъ на низкой наружной лѣстницѣ раздались медлительные, тяжелые шаги.

Она не успѣла даже вполнѣ очнуться, какъ онъ стоялъ уже позади ея кресла.

— Петръ, — воскликнула она, какъ бы просыпаясь, — ты такъ долго не приходилъ!

— Была тому причина, — отвѣтилъ онъ многозначительно.

— А что случилось?

— Ну, Маруся, я нашелъ дѣвушку, которая мнѣ больше любитъ, чѣмъ ты. Я теперь съ ней провожу все время. Потомъ, можетъ быть, я снова возвращусь къ тебѣ.

— Боже мой, нужно же такому лиху статься! — въ отчаяніи вскрикнула Маруся, вскочивъ съ кресла-качалки, которое ударило его прямо въ грудь, и ломая руки.

— Что жъ, Маруся, не только и свѣта, что въ окнѣ. И ты можешь найти себѣ такого, что будетъ тебѣ такъ же любъ, какъ и я.

— Боже мой, Боже мой, и зачѣмъ я поѣхала въ эту Америку!

Онъ старался утѣшить ее, но она оставалась безутѣшной. Онъ старался занять ее рассказами о томъ, что происходило въ послѣднемъ засѣданіи шенектодскаго отдѣла общества имени Шевченка, но она оставалась ко всему этому совершенно безучастной. Онъ попробовалъ даже было декламировать ей любимое стихотвореніе:

До тебе, Русе, я иду
И миръ и счастье ти несу.
Благословеніе небесъ
На русьскій край, на народъ весь...

Но даже и это ея не тронуло. Низко склонивъ свою милостивую головку на грудь и скрестивъ руки, она взадъ и впередъ ходила по верандѣ, какъ бы вовсе его не замѣчая. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ.

Недѣли черезъ три онъ снова явился. Она уже и совсѣмъ его не ожидала. Сидя на ступенькахъ низкой наружной лѣстницы дома, въ объятіяхъ дивной майской ночи, окутанная ароматомъ душистой сирени, она находилась въ состояніи какого-то полузабытья. Ей грезились поля и лѣса, горы и долины родной Галиціи.

— Здравствуй, голубко, я снова пришелъ къ тебѣ!—почти прокричалъ онъ, хватая ее за руки и цѣлуя ее въ уста.

— Съ чего это вдругъ?—съ радостнымъ смѣхомъ подхватила она:—а какъ же та, другая?

— Мы не поладили. Я разстался съ ней навсегда. Я снова вернулся къ тебѣ. Тебя одну лишь я люблю.

— Значитъ, теперь мы и обвѣнчаемся?—полу-вопросительнымъ и полу-утвердительнымъ тономъ спросила она съ видимымъ душевнымъ облегченіемъ.

— Нѣтъ еще, Маруся, нѣтъ еще пока. Таковъ обычай этой страны. Мы должны его соблюдать.

Она молча покорилась.

«Питеръ Хукъ» снова запропастился. Она слышала стороной, что онъ сѣхалъ съ прежняго обиталища, одного изъ столь многочисленныхъ или, точнѣе говоря, безчисленныхъ въ этой странѣ обиталищъ, которыя по-русски невозможно наименовать иначе, какъ меблированныя комнаты со столомъ, и поселился на другомъ концѣ города въ «отелѣ для углеломовъ». Вслѣдъ затѣмъ до нея дошли слухи, что онъ серьезно боленъ. Она сильно встревожилась и порѣшила его навѣстить.

Въ сѣверныхъ и центральныхъ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки іюнь представляется почти самымъ превосходнымъ мѣсяцемъ года. Лѣто вступило уже въ свои права, но не начались еще настоящія, угнетающія лѣтнія жары, какими здѣсь отличаются іюль, августъ и даже сентябрь. Въ особенности чудны американскія іюньскія ночи. Ночной воздухъ, изъ котораго не испарилось еще благоуханіе мая, въ которомъ сохранилось еще достаточно прохлады, отличается необычайной прозрачностью. Сквозь его неопредѣлимую про-

зрачную лазурь безчисленныя мириады звѣздъ кротко глядятъ на дремлющую землю. Всякій звукъ стократно сильнѣйшимъ отзвукомъ отдается въ этой торжественной тиши американской июньской ночи, и самонаибѣйшій шорохъ прозвучитъ гдѣ-то тамъ въ необъятной дали, точно трескъ разрываемаго полотна.

Стукъ, лязгъ и визгъ вагона электрической желѣзной дороги въ особенности поражали слухъ и раздражали нервы Маруси Черешни, тѣмъ болѣе, что въ теченіе своего непродолжительнаго пребыванія въ Америкѣ или, точнѣе говоря, городкѣ Шенектоди она почти не выходила изъ дома. Отель для угледомовъ подѣ именемъ «Бостонъ», являвшійся однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ новыхъ предпріятій, которыя въ «странѣ свободы» вырастаютъ, какъ грибы послѣ дождя, и нерѣдко такъ же быстро исчезаютъ, выросъ неожиданно на самой отдаленной окраинѣ Шенектоди, почти что за городомъ. Такъ какъ при этомъ Маруся еще очень плохо говорила по-англійски и виѣ нѣсколькихъ десятковъ фразъ, такъ сказать, домашнего и лавочнаго обихода почти не могла еще объясняться на этомъ языкѣ, то ей стоило немалыхъ трудовъ и усилій разыскать этотъ новорожденный отель «Бостонъ». Новоприбывшіе эмигранты и въ особенности эмигрантки обыкновенно берутъ съ собой въ подобныхъ случаяхъ кого либо изъ своихъ «краянъ» или «старокраевыхъ» людей, уже успѣвшихъ достаточно освоиться съ «новымъ краемъ», его порядкомъ и языкомъ, въ качествѣ провожатыхъ. Однако Маруся, не желая открытъ кому либо характера и цѣли своей поѣздки, отправилась разыскивать новооткрывшійся отель для угледомовъ сама, со своими собственными топографическими и лингвистическими ресурсами.

Въ послѣобѣденную пору, т.-е. послѣ 7 часовъ вечера, всякое человѣческое существо въ «странѣ свободы», независимо отъ времени года, пола, возраста и общественнаго положенія, обыкновенно исчезаетъ изъ дома. Эмигранты этотъ, такъ сказать, обычай страны усваиваютъ обыкновенно съ особой легкостью и съ особымъ усердіемъ. Поэтому, когда Маруся разыскала наконецъ отель «Бостонъ», то ни у наружныхъ его дверей, ни въ вестибюлѣ, ни даже въ конторѣ почти никого не оказалось. Въ недоумѣніи стояла она у узкой крутой лѣстницы, слабо освѣщенной однимъ газовымъ рожкомъ въ стѣнѣ, какъ вдругъ изъ-за полупритворенной двери одного вумера на второмъ этажѣ донеслись до нея столь знакомые и дорогіе ей звуки столь трогательнаго творенія величайшаго изъ поэтовъ малорусскихъ, въ Галиціи обратившагося въ народную пѣсню:

Якъ умру, то поховайте...

Она продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, опеломленная и какъ бы пригвожденная, между тѣмъ какъ сердце ея билось такъ быстро, такъ быстро...

Середь степу широкого,
На Вкрайини милый...

Она стремительно бросилась вдругъ на лѣстницу и опрометью влетѣла въ его комнату... Петро стоялъ у огромнаго зеркала, висѣвшаго на стѣнѣ, и старательно зачесывался: онъ очевидно собирался уйти изъ дома. Инстинктивно обернувшись на шумъ вбѣжавшаго человѣка, онъ встрѣтился вдругъ лицомъ къ лицу со своей старокраевой «нареченной»: ея щеки рдѣли яркимъ румянцемъ, и ея бархатистыя темноглубыя очи горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ...

— Маруся!

Въ восклицаніи этомъ было больше изумленія, нежели радости. Онъ усадилъ ее въ большое, мягкое кресло-качалку, какъ-то пылливо озирая ее съ головы до ногъ и цѣлуя ее въ обѣ щеки.

— Не въ пору гость хуже татарина!—произнесла она съ нѣсколько ѣдкой ироніей, между тѣмъ какъ онъ притворилъ дверь своей комнаты.

— Богъ знаетъ, что выдумываешь!—отвѣтилъ онъ серьезнымъ тономъ, подсаживаясь къ ней на обыкновенномъ стулѣ.

— Гдѣ ужъ мнѣ что либо на тебя выдумывать!—возразила она, и лицо ея, за минуту передъ тѣмъ столь пылающее и оживленное, слегка поблѣднѣло и приняло грустное выраженіе.

— Напротивъ я очень, очень радъ тебя видѣть. Отлично сдѣлала, что пришла. Только это совсѣмъ ужъ противъ американскихъ обычаевъ. Въ этомъ краѣ дѣвушки не навѣщаютъ одинокихъ мужчинъ, а наоборотъ одинокій мужчина воленъ навѣщать дѣвушку, когда ему угодно, и сидѣть съ ней въ ея домѣ, сколько ему или имъ обоимъ угодно.

— Я слышала, что ты очень боленъ, и потому пришла тебя навѣстить. Тутъ, на этой окраинѣ города души человѣческой не видно. Если бы ты не пѣлъ, то я совсѣмъ не знала бы, какъ тебя найти.

— А какъ ты узнала, что я переѣхалъ сюда, въ этотъ отель?

— Твоя новая возлюбленная мнѣ это сказала!—отрѣзала Маруся, пылливо глядя ему въ глаза.

— Ну, этого я не думаю, чтобы она тебѣ это сказала.

— Я не знаю, о какой ты говоришь,—подхватила она, видимо довольная тѣмъ, что его «поймала».

— Ну, конечно, объ этой шикарной дѣвушкѣ изъ Нью-Йорка.

— Что же она тебѣ по душѣ, любовь между вами большая?

— Въ этомъ краѣ никто не справляется и не хлопочетъ о душѣ. А время мы проводимъ очень весело. Каждый вечеръ мы отправляемся прокатиться въ трамваѣ по улицамъ города, кушаемъ съ ней мороженое, а затѣмъ обыкновенно идемъ въ театръ.

— А вотъ я еще ни разу не была въ театрѣ съ самаго моего приѣзда въ эту Америку.

— Да вѣдь ты же еще не понимаешь по-англійски. Куда же тебѣ итти въ театръ!

— Да вѣдь и ты не много понималъ на первыхъ порахъ!

— Ну, я и не ходилъ.

— Но не потому, что не понималъ бы, что тамъ актеры на сценѣ говорятъ.

— А почему же?

— Хочешь, чтобы я тебѣ сказала, почему?

— Скажи, сдѣлай милость!

— Потому, что не могъ еще волочиться за американскими дѣвушками!

По лицу его пробѣжала легкая, нѣсколько самодовольная улыбка. Онъ молча всталъ со своего стула и подошелъ къ раскрытому окну. Хотя въ его довольно просторной комнатѣ зажженъ былъ одинъ лишь газовый рожокъ, но тотъ именно, который расположенъ былъ надъ огромнымъ висячимъ зеркаломъ. Отражаясь на его блестящей поверхности, этотъ желтоватый газовый свѣтъ въ двѣнадцать свѣчей былъ нѣсколько непріятенъ для глазъ. «Питеръ Хукъ» внезапно прикрутилъ его, такъ что онъ едва лишь теплился, и комната погрузилась въ таинственный полумракъ. Онъ сталъ молча шагать назадъ и впередъ по своему номеру. Чудная июньская ночь глядѣла въ распахнутое окно.

— Да ты вѣдь собирался уйти!—возобновила она вдругъ прерванный разговоръ.

— Да, собирался. Но что же изъ того? Разъ такой дорогой и рѣдкій гость пришелъ, я и думать пересталъ о томъ.

— Какъ будто бы и пересталъ!

— Отчего же и нѣтъ?

— Пересталъ думать о своей шикарной нью-іоркской возлюбленной.

— Эхъ, Маруся, какъ я вижу, ты совсѣмъ не понимаешь этихъ американскихъ обычаевъ! Она мнѣ не возлюбленная, а просто компанія.

— Очень ужъ ты льнешь до этой компаніи!

— Я и не зналъ, что у меня такая ревнивая нареченная.

— Какая я, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ нареченная, коли ты по цѣлымъ недѣлямъ глазъ не кажешь!

— А, въ концѣ концовъ, все-таки до своей Маруси да и приду.

— Да, конечно, какъ съ иной поссоришься, и твоя компанія прогонитъ тебя отъ себя прочь!

— Ну, не все же я и ссорюсь, а чтобы меня какая нибудь такая компанія прогоняла отъ себя прочь, то этого еще не бывало.

— Не говори, не говори, пожалуйста! Слыжала я кое-что уже объ этихъ американкахъ. Пока деньги у тебя въ карманѣ, ты для нея хороша, а какъ только деньги вышли и не на что покупать мороженое да конфеты и ходить въ театръ, такъ и до свиданія, по боку, значить.

— Да ты, Маруся, не на шутку растравлена! Кто-то тебѣ, видно, на меня наговорилъ всякой всячины.

— Никто мнѣ о тебѣ не говорилъ ни слова. Сама очи имѣю — и вижу. Сама уши имѣю — и слышу.

— Ну, немного ты видишь и слышишь, сидя на своемъ крыльцѣ. Все это лишь твои догадки да подозрѣнія. Ты стала очень подозрительна.

— Что ужъ тутъ подозрѣвать! Все видно, какъ на ладони. Даже малое дитя пойметъ. И зачѣмъ только ты меня привезъ въ эту Америку?

— Ну, Маруся, да перестань же сердиться да выговаривать.

Этотъ призывъ къ миру и согласію отличался истинной вѣжностью. Въ отелѣ и на улицѣ слышались голоса, замѣчалось нѣкоторое оживленіе: видимо, народъ возвращался или съ прогулки, или съ какого-то митинга. Онъ быстро подошелъ сзади къ ея креслу-качалкѣ и, отшатнувъ это послѣднее далеко назадъ, прильнулъ къ ея устамъ. Когда онъ снова поднялъ голову и отдернулъ руки отъ спинки кресла, оно стало качаться съ неимоверной быстротой. Маруся молчала...

Кто-то тихонько постучался въ дверь. Петръ въ одинъ прыжокъ очутился у порога и пріотворилъ ее.

— Въ вашей комнатѣ находится ли какая-то женщина?—спросилъ мужской голосъ по-англійски, довольно жесткимъ тономъ.

— Да, у меня есть гостья,—отвѣтилъ «Питеръ Хукъ» точно также по-англійски, съ явнымъ оттѣнкомъ досады въ его басистомъ голосѣ.

— Развѣ вы не знаете, что посѣщеніе холостыхъ мужчинъ одинокими женщинами воспрещается правилами нашего отеля?

— Это — моя невѣста.

— Ну, этого мы не знаемъ.

— Но я это отлично знаю. Однако, кто бы она ни была, это совсѣмъ не ваше дѣло.

— Таковы правила нашего отеля. Одинокая женщина, даже невѣста, не должна являться въ комнату холостяка.

— Идите къ чорту!

— Вы позволяете себѣ нарушать правила нашего отеля!

— Повторяю вамъ: убирайтесь къ чорту!

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь завтра же переѣхать на иную квартиру!

— Ну, это мы еще посмотримъ. Проваливайте ко всѣмъ чертямъ

И «Питеръ Хукъ» шумно захлопнулъ дверь подъ самымъ носомъ отельнаго конторщика.

— Чего ему нужно?—спросила Маруся, лишь очень смутно улавливая общій смыслъ происходившаго объясненія.

— А вотъ заявляетъ претензію, что ты, одинокая женщина, явилась въ гости ко мнѣ, холостому мужчине. Это, молъ, противъ правилъ ихъ отеля.

— Скажите, на милость Божію, какія правила! И какое имъ до этого дѣло?

— Имъ до всего есть дѣло. Даже до того, какъ человекъ спитъ въ своей постели: на боку или на спинѣ. Такой уже это край.

— А какъ ты приходишь до своей компаніи, точно такъ же за тобой слѣдятъ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ наоборотъ! Одиному мужчине вольно здѣсь приходиться къ одинокой женщине въ ея домъ. Родители, родственники или друзья даже нарочно оставляютъ ихъ однихъ. Дѣвушка даже и не спрашиваетъ никого, а прямо сама приводитъ или приглашаетъ въ свой домъ, кого захочетъ. А какъ холостой мужчина поближе познакомится съ семействомъ своей подруги, или, какъ они выражаются, постоянной компаніи, то онъ не только занимаетъ съ ней гостиную на цѣлый вечеръ до поздней ночи, но даже ужъ попросту тушитъ тамъ газъ, довольствуясь полусвѣтомъ въ передней. Такъ и забавляются каждый вечеръ почти-что въ темнотѣ, и никто имъ въ томъ не мѣшаетъ. Таковъ обычай этой страны.

— Дивные обычаи въ этомъ краѣ!—съ отгѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія въ своемъ пѣвучемъ голосѣ заявила Маруся, вставая съ кресла и надѣвая свою новую, огромную американскую шляпку.

Онъ проводилъ ее до вагона электрической желѣзной дороги, проходившаго на разстояніи четырехъ кварталовъ отъ отеля, и, усадивъ ее на одну изъ переднихъ скамей, обѣщалъ отнынѣ приходить къ ней частенько.

Въ нижнемъ этажѣ русской церкви городка Шенектоди, представляющемъ собой одинъ сплошной обширный залъ, стоялъ необычайный шумъ.

Залъ этотъ, съ довольно высокимъ потолкомъ и большими окнами, пропускающими массу свѣта, предназначенъ специально для русской приходской школы. Въ то же время, однако, въ немъ помѣщаются шесть шкафовъ русской библіотеки и происходятъ разные митинги чисто свѣтскаго свойства, какъ-то: еженедѣльный митингъ русской торговой компаніи, еженедѣльные собранія русскаго общества имени Шевченка, негласныя предвыборныя собранія всѣхъ членовъ шенектодійско-русской колоніи, принявшихъ уже амери-

канское гражданство и обладающихъ правомъ выборнаго голосованія и т. д. Шенектодійскій русскій приходъ состоитъ изъ русскихъ галичанъ-уніатовъ, хотя имѣется въ немъ нѣкоторая подмѣсь угроруссовъ-уніатовъ, а равно попадаютъ сюда иногда и православные малоруссы изъ Россіи.

Церковный или приходскій митингъ былъ въ самомъ разгарѣ. За учительскимъ столомъ возсѣдалъ мѣстный русскій священникъ, о. Іоаннъ Костюкевичъ, предсѣдатель митинга *ex-officio*. О-бокъ съ нимъ, за короткимъ концомъ стола, засѣдалъ мѣстный приходскій учитель (онъ же и псаломщикъ) Михаилъ Башинскій, неизмѣнно исполнявшій обязанности секретаря всякаго приходскаго митинга. На скамьяхъ для учениковъ этой русской приходской школы сидѣли вплотную мѣстные прихожане и прихожанки. Однако, скамей для всѣхъ участниковъ приходскихъ митинговъ, какъ они ни тѣснились, никогда хватить не могло. Густая толпа всегда стояла позади ряда скамей, между тѣмъ какъ наиболѣе любопытные, наиболѣе заинтересованные въ дебатахъ или просто наиболѣе назойливые выбѣгали впередъ, вертясь въ пространствѣ между скамьями и предсѣдательскимъ столомъ и вызывая періодическіе протесты со стороны возсѣдающихъ на скамьяхъ.

Обсужденіе разныхъ текущихъ дѣлъ, какъ-то: состоянія приходской кассы, хода школьнаго обученія дѣтей и т. п., уже окончилось. Предсѣдатель митинга, съ видимымъ душевнымъ облегченіемъ и предвкушая уже сытный обѣдъ дома, какъ-то рѣшительно постучалъ по столу огромнымъ церковнымъ ключемъ, отправляющимъ функцію предсѣдательскаго жезла, и громогласно задалъ обычный, чисто формальный вопросъ: «Не имѣетъ ли кто на когонибудь изъ своихъ людей какихъ либо жалобъ?» Члены шенектодійско-русской колоніи обыкновенно всячески стараются избѣгать американскихъ судовъ, отличающихся страшною дороговизной и болѣе чѣмъ сомнительнымъ правосудіемъ, а потому въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ иногда, такъ сказать, къ суду общественнаго мнѣнія, въ лицѣ всѣхъ наличныхъ членовъ своей колоніи. Наиболѣе подходящимъ для этого случаяемъ представляется еженедѣльный приходскій митингъ, а потому на митингахъ этихъ вошло въ обычай, по рѣшенію заурядныхъ текущихъ дѣлъ, задавать вышеозначенный вопросъ. Обыкновеннымъ на него отвѣтомъ представляется молчаніе, краснорѣчиво свидѣтельствующее, что члены русской колоніи городка Шенектоди никакихъ обидъ другъ другу не чиняютъ. По этой причинѣ самое предъявленіе этого вопроса постепенно превратилось въ своего рода формальность, соблюдающуюся предсѣдателемъ церковныхъ митинговъ лишь для поддержанія развѣ заведеннаго порядка.

На сей разъ, однако, къ нѣкоторому изумленію, какъ о. Костюкевича, уже начавшаго предвкушать вкусный обѣдъ, такъ и боль-

шинства собранія, съ нѣсколькихъ концовъ зала донеслись заявленія: «я имѣю, я имѣю!»

Первымъ выступилъ Дмитро Талпашъ, красивый брюнетъ колоссальныхъ размѣровъ, единственный русскій содержатель питейнаго заведенія въ Шенектоди или же, если угодно, содержатель единственнаго русскаго заведенія въ городѣ Шенектоди, ибо въ «странѣ свободы», въ особенности въ ея небольшихъ городахъ, національностью содержателя подобнаго заведенія въ весьма значительной степени опредѣляется и національность его кліентовъ или, выражаясь чисто по-американски, его патроновъ. Съ большими затрудненіями выбравшись изъ-за скамьи, предназначенной для школьниковъ, не превышавшихъ двѣнадцатой части его колоссальной фигуры, онъ подошелъ къ самому предсѣдательскому столу. Его манеры, выраженіе его лица, а равно и выраженіе лицъ всѣхъ наличныхъ членовъ шенектодійско-русской колоніи, не исключая предсѣдателя и секретаря сего приходскаго митинга, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что жалобщикъ, если не виднѣйшій, то одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ этой колоніи.

— На кого?—лаконически спросилъ предсѣдатель.

— На Цетра Гука.

— Въ чемъ?

— Да вотъ ужъ полгода, какъ занялъ у меня 15 долларовъ до ближайшаго платежнаго дня въ своей углеломной конторѣ и не отдаетъ. Прибѣжалъ это ко мнѣ въ самый новый годъ, передъ вечеромъ. «Братіку, сватіку, въ старомъ краѣ бѣда, надо сейчасъ же послать хоть 15 долларовъ; сдѣлай Божескую милость—дай взаймы до перваго платежнаго дня въ нашей углеломной конторѣ!» Ну, что-жъ, думаю, коли въ старомъ краѣ бѣда, а 15 долларовъ все равно у меня до 15-го января въ моей желѣзной кассѣ пролежатъ, такъ отчего же и не дать своему человѣку на такое короткое время. Притомъ же человѣкъ онъ — одинокій, не пьющій, работа у него хорошая и постоянная; значить, навѣрняка отдастъ. Да не тутъ-то было! Не пришелъ черезъ двѣ недѣли, не пришелъ черезъ мѣсяць, не пришелъ черезъ два мѣсяца. Какъ поразспросилъ нашихъ людей, то оказалось, что въ старомъ краѣ у него только и есть, что старикъ отецъ. Имѣетъ добрый кусокъ доброй земли, мирно себѣ живетъ да хлѣбъ жуеетъ. А деньги эти ему понадобились на мороженое да на театры для американской дѣвушки, за которой онъ тогда волочился. Своей заработной платы не хватаетъ ему на такую жизнь, такъ вотъ онъ и занимается у людей на всѣ стороны. Такъ вотъ куда мои деньги пошли!

— А у меня взялъ 12 долларовъ такимъ же точно образомъ и точно такъ же на театры да мороженое для американокъ!—прогудѣлъ Андрей Шмель изъ заднихъ рядовъ.

— А у меня такъ цѣлыхъ 20 долларовъ!—пронзительно завопила Ульяна Жатковичъ, содержательница «русскаго» мебелированнаго дома со столомъ, въ которомъ Петро Гукъ ранѣе проживалъ вплоть до переѣзда своего въ отель «Востонъ».

— Да, что ужъ тутъ молчать! И меня огрѣлъ на 10 долларовъ,—нѣсколько трагическимъ тономъ подхватилъ Симеонъ Жиличъ, завѣдывающій извозчичьимъ заведеніемъ въ «польскомъ концѣ» города Шенектоди.

— Выманилъ и у меня 10 долларовъ!—страшной фистулой тенороваго сорта заявилъ Яковъ Ткачъ, надсмотрщикъ въ мѣстной фабрикѣ оберточной бумаги.

— И все это на театры да на мороженое для американскихъ дѣвушекъ!—отозвалось разомъ нѣсколько мужскихъ голосовъ въ разныхъ концахъ зала.

— Да, на театры да на мороженое для американокъ!—точно эхо, раздалось около дюжины мужскихъ и женскихъ голосовъ среди собранія.

— Постойте, люди добрые,—закричалъ старый Ома Жбанъ, рабочій мѣстной сапожной мастерской, высоко поднявъ правую руку и потрясая ею въ воздухъ, —да, вѣдь, онъ, кажется, свою нареченную привезъ сюда изъ стараго края!

— Эхъ, что ему нареченная, зачѣмъ ему нареченная, коли онъ чуть не каждую недѣлю за новой американкой волочится!—отозвалось сразу нѣсколько голосовъ.

О. Іоаннъ Костюкевичъ отчаянно застучалъ огромнымъ ключемъ по столу, призывая все болѣе и болѣе разгорячившееся собраніе къ порядку. Ему пришлось, однако, пообождать съ минуту, пока гулъ голосовъ достаточно смолкъ.

— Что на все это скажете, пане Гукъ?—спросилъ онъ, такъ сказать, обвиняемаго, какъ-то странно ежившагося на самой послѣдней скамьѣ.

— Что скажу? Взялъ и отдамъ!—отвѣтилъ Петро какимъ-то рѣшительнымъ тономъ, вставая со своего мѣста.

— Когда, когда?—раздались голоса.

— Послѣ второго пришествія!—рявкнулъ кто-то изъ самой середины собранія.

— Въ три мѣсяца все отдамъ!—отрѣзалъ Петро, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Никогда онъ не отдастъ, если не перестанетъ волочится за американками!

— Обязать его болѣе не таскаться съ ними по театрамъ да мороженнымъ кондитерскимъ!

— Ну, этого я сдѣлать не могу, не могу я его обязать не ходить въ театръ: вѣдь онъ не малое дитя въ самомъ дѣлѣ,—отвѣтилъ предсѣдатель митинга.

— И не стыдно тебѣ, Петро, — прогремѣлъ Талпащъ, колыхаясь всей своей колоссальной фигурой и разводя руками, — не стыдно тебѣ, говорю, своихъ людей обирать, чтобы поставлять мороженое американскимъ дѣвушкамъ и водить ихъ въ театр!

— Говорю вамъ: отдамъ вамъ всѣмъ въ три мѣсяца! — огрызнулся Петро Гукъ, какъ-то мапинально выбивая пыль изъ своей свѣтло-сѣрой поярковой шляпы.

— Пане Гукъ, — торжественно спросилъ предѣдатель собранія, — даете слово чести расплатиться со своими людьми въ три мѣсяца?

— Даю слово чести, — отвѣтилъ Петро самымъ серьезнымъ образомъ.

О. Іоаннъ Костюкевичъ объявилъ митингъ закрытымъ.

Когда шаги удалявшейся толпы смолкли, изъ темнаго задняго угла зала, совершенно почти заставленнаго однимъ изъ книжныхъ шкафовъ мѣстной русской библіотеки, вынырнула женская фигура. То была Маруся Черешня. Церковный сторожъ Степанъ Верзило, встрѣтившій ее съ океанскаго парохода и, такъ сказать, введшій ее въ Новый Свѣтъ, ея съ тѣхъ поръ вѣрный другъ и неизмѣнный доброжелатель, прониклъ какимъ-то ему одному извѣстнымъ образомъ, что на Петра будутъ въ это собраніе принесены жалобы, а также и характеръ этихъ жалобъ, и, дабы предоставить ей возможность все слышать и видѣть, не будучи въ то же время замѣченной, устроилъ ей укромное для сего мѣстечко за угловымъ книжнымъ шкафомъ. Она была блѣдна и какъ-то испуганно озиралась вокругъ, опасаясь съ кѣмъ нибудь здѣсь встрѣтиться. Послѣдно выйдя изъ зала, она почти что бѣжала домой боковыми улицами и малолюдными переулками.

«Питеръ Хукъ» чувствовалъ себя совсѣмъ не въ своей тарелкѣ.

Нѣсколько дней былъ онъ притчей во языцѣхъ среди шенектодѣйской русской колоніи. Всѣ положительно «русинѣ» города Шенектоди его осуждали. Лишь мѣстный псаломщикъ и школьный учитель Михаилъ Башинскій какъ-то мимоходомъ за него какъ будто бы вступился на одномъ изъ обычныхъ вечернихъ собраній въ русскомъ питейномъ заведеніи Дмитра Талпаща.

— Люди добрые — съ видомъ нѣкотораго раздумья произнесъ Башинскій, пристально глядя въ свой стаканъ, до краевъ наполненный чернымъ портеромъ, — и за что вы такъ на него нападаете? Что такое онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ? Съ американскими дѣвушками волочитъ, мороженымъ ихъ потчуетъ, въ театръ ихъ водитъ, — короче говоря, не по средствамъ живетъ. Скажите на милость Божію, кто только въ этомъ краѣ этого не дѣлаетъ. Таковы

обычаи этой страны. Развѣ лучше было бы, если бы Петро пьянствовалъ, съ разными волоцѣгами шатался да участвовалъ въ разныхъ побоищахъ? Вся вина его въ томъ, что онъ очень ужъ скоро обамериканился. Онъ черезчуръ мало русинъ и черезчуръ много американецъ.

— И то правда!— дружно подхватило нѣсколько голосовъ разомъ.

Однако это слово, мимоходомъ брошенное въ его защиту въ русскомъ питейномъ заведеніи, отнюдь не измѣнило положенія дѣла. Этимъ лѣтомъ работы въ угледомняхъ вокругъ Шенектоди сильно приупали, а слѣдовательно и заработки угледомовъ много сократились. Перехватить у кого либо изъ своихъ «русиновъ» нѣсколько долларовъ Петру ужъ нечего было и думать. Поэтому посѣщенія мороженныхъ кондитерскихъ и хожденія въ театръ пришлось ему постепенно сократить и наконецъ вовсе прекратить. Съ прекращеніемъ же этихъ посѣщеній и хожденій всѣ эти его «компаніи» почти мгновенно его покинули. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что наилучше будетъ для него наконецъ жениться на Марусѣ, которая успѣла уже кое-что скопить со времени своего прибытія въ Америку.

Когда тихимъ августовскимъ вечеромъ онъ пришелъ въ домъ мистера Гавардъ, въ которомъ его «нареченная» состояла домашней швеей, онъ не нашелъ ея уже на ея обычномъ мѣстѣ — въ креслѣ-качалкѣ на верандѣ. Въ домѣ и во дворѣ положительно никого не оказалось. Старуха-негрятянка, прислуга сосѣдняго дома, сообщила ему, что «миссъ Мэри» переѣхала въ номеръ 176-й Франклиновой улицы. Это ему показалось нѣсколько страннымъ, и онъ отправился по указанному адресу. Весь кварталъ состоялъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, нанимаемыхъ болѣе бѣднымъ классомъ населенія города Шенектоди, и онъ недоумѣвалъ, зачѣмъ повадилось ей изъ роскошнаго барскаго дома мистера Гаварда переѣзжать въ этотъ кварталъ. На одной изъ маленькихъ верандъ въ концѣ квартала, въ низкой деревянной американской качалкѣ сидѣла Маруся, стегая кусокъ полотна. Она не замѣчала его приближенія. Когда онъ ее окликнулъ, она на него поглядѣла съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Ну, что, какъ живется-можется? — спросилъ онъ донельзя дружественнымъ тономъ.

— Отлично, слава Богу!— отвѣтила она съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ грустной ироніи въ ея пѣвучемъ голосѣ, который его укололъ въ самое сердце.

— Что слышно изъ стараго края?— снова спросилъ онъ, избѣгая сразу приступить къ дѣлу своего посѣщенія.

— Все благополучно, слава Бога. Моя родня хочетъ, чтобы я вернулась домой, да ужъ поздно теперь.

Онъ несовѣмъ понялъ смыслъ послѣдней фразы и замѣтилъ:

— Всегда было поздно съ тѣхъ поръ, какъ ты сѣла на океанскій пароходъ.

— О, нѣтъ! — возразила она съ какой-то таинственной улыбкой, — не всегда, не всегда; теперь именно поздно.

— Почему именно теперь? — спросилъ онъ совершенно озадаченный.

— Развѣ же не поздно ужъ для дѣвушки думать о возвращеніи въ старый край, коли она вышла замужъ въ этомъ новомъ краѣ?

И она съ лукавой, но въ то же время нѣсколько грустной улыбкой взглянула на него.

Петръ просто ошарашило.

— Вышла замужъ?! — вскрикнулъ онъ, подпрыгнувъ на своемъ мѣстѣ и всплеснувъ руками.

— Что же тутъ удивительнаго? Вѣдь всѣ почти дѣвушки выходятъ замужъ, — нѣсколько оправдательнымъ тономъ заявила она, между тѣмъ какъ та же лукавая улыбка не сходила съ ея лица.

— Маруся, — воскликнулъ онъ съ укоризной и нѣсколько трагически, — ты совершила большой грѣхъ!

— Что же, таковъ обычай этой страны! Здѣсь молодой мужчина и молодая дѣвушка не сидятъ нареченными по цѣлымъ мѣсяцамъ, а сразу вѣчаютъ, никого не спрашивая. Вотъ и мы совѣмъ никогда не были нареченными, а сразу взяли да и обвѣнчались. Даже мои хозяева, Гаварды, ничего не знали.

— А вѣдь я любилъ тебя, Маруся! — съ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ и упавшимъ голосомъ произнесъ Петръ Гукъ.

— Что же, не велика бѣда! Сегодня же найдешь себѣ другую любовь, или, по крайней мѣрѣ, компанію. Таковъ обычай этой страны.

Онъ не нашелся сразу, что ей отвѣтить.

— Ну, ты меня извини. Я должна итти въ домъ готовить ужинъ къ приходу моего мужа, — произнесла она, вставая со своей качалки и собирая разбросанные куски полотна.

— Скажи на милость Божію, какъ все это случилось! — прямо ужъ закричалъ Петръ Гукъ, какъ бы опасаясь, что она уйдетъ, навсегда унося съ собой тайну происшедшаго.

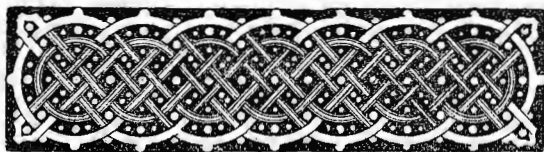
— А какъ случилось? Очень просто случилось. Ты не являлся такъ долго. Онъ пришелъ разъ, другой, третій. И мы обвѣнчались. Я и сама не замѣтила, какъ очутилась замужемъ. Все это точно во снѣ произошло. Мы вовсе не были обручены, мы сразу обвѣнчались. Таковъ обычай этой страны.

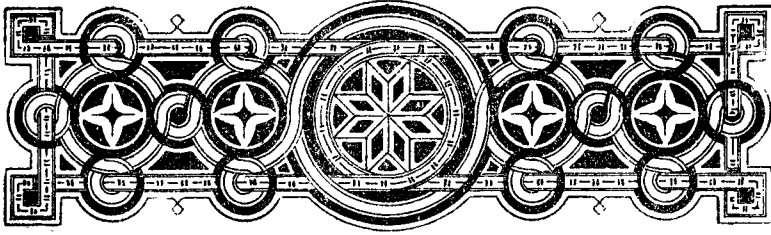
И она вошла въ домъ, привѣтливо кивнувъ ему головой и ласково сказавъ: «прощай!»

Онъ тихо побрелъ во-свояси. Въ головѣ у него мутилось, на сердцѣ лежалъ камень, на душѣ было такъ пусто, такъ пусто. Такъ же пусты были и его карманы.

И ему казалось въ эти минуты, что самое его существованіе, даже самый этотъ «вольный край» со всѣми этими его «обычаями» представляются не болѣе, какъ простыми иллюзіями.

Е. Н. Матросовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія актрисы Фюзи о войнѣ 1812 года. — Французскій театр на пожарахъ Москвы. — Переправа Луизы Фюзи черезъ Березину въ присутствіи Наполеона. — Мемуары недавно скончавшагося лорда Лофтуса. — Его восьмилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ въ качествѣ англійскаго посланника. — Характеристика русскихъ дипломатовъ. — Разговоры съ Александромъ II-мъ. — Харбинъ, Музденъ и Портъ-Артуръ съ англійской точки зрѣнія. — Профессоръ Шиманнъ и новая характеристика Александра I-го. — Тургеневъ и Бальзакъ по одѣнкѣ Джорджа Мурри.

ВОСПОМИНАНІЯ актрисы Фюзи о войнѣ 1812 года. Недавно вышли въ Парижѣ «Воспоминанія» ¹⁾ актрисы Луизы Фюзи, которыя въ сущности появились впервые въ 1841 г. Самая интересная ихъ часть напечатана въ видѣ отдѣльной брошюры въ 1817 году въ Лондонѣ, и касается походовъ этой актрисы въ Россіи, гдѣ она пробыла около десяти лѣтъ, принявъ участіе въ великихъ событіяхъ 1812 года. Теперь современный публицистъ и драматургъ, Поль Жинисти, нашелъ очень интересными эти воспоминанія и напечаталъ ихъ вновь, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, прибавивъ къ нимъ введеніе и примѣчанія. Въ этой новой формѣ они заключаютъ въ себѣ двѣ части: первую, относящуюся къ юности и началу сценической карьеры г-жи Фюзи до 1804 года, и вторую, которая содержитъ въ себѣ описаніе ея заключеній въ 1812 году. Остальныя же ея воспоминанія Жинисти на-

¹⁾ Souvenirs d'une actrice. Mémoires de Louise Fusil, par Paul Ginisty. Paris. 1904.

шелъ скучными и неинтересными, а потому и не напечаталъ ихъ въ своей книгѣ. Что же касается до насъ, то наше вниманіе обращаетъ на себя вторая часть. О сценической дѣятельности Луизы Фюзи скажемъ лишь немного: она была внучкой актера театра Французской комедіи—Флѣри, родилась въ 1774 г. въ Штутгартѣ и съ дѣтства вращалась въ сценическихъ кружкахъ. Обладая хорошенькимъ голоскомъ, она дебютировала пятнадцати лѣтъ, какъ пѣвица, а потомъ, по совѣту извѣстнаго актера Тальма, перешла на сцену французской комедіи, на амплу субретокъ. Не отличаясь особенно выдающимся талантомъ и красотой, г-жа Фюзи во время французской революціи переходила съ одной сцены на другую и переѣзжала изъ города въ городъ. Очень рано, семнадцати лѣтъ, она вышла замужъ за актера Фюзи, но постоянно жила отдѣльно отъ него, хотя между ними никогда не было явной ссоры, а ихъ разлучали лишь ангажементы въ различныхъ городахъ и на различныхъ сценахъ. Пользуясь своимъ веселымъ, живымъ характеромъ и пріятнымъ голосомъ, она имѣла болѣе успѣха, какъ пѣвица модныхъ романсовъ въ различныхъ концертныхъ залахъ Парижа. Занимая не особенно видное мѣсто въ театральныхъ и концертныхъ лѣтописяхъ парижскаго общества временъ директоріи, г-жа Фюзи рѣшилась наконецъ покинуть Францію. Наслышавшись много легендарнаго объ успѣхахъ французскихъ актрисъ въ Россіи, она отправилась ровно сто лѣтъ тому назадъ въ отдаленную отъ своей родины страну. «Брать въ Петербургъ мнѣ совѣтовала, главнымъ образомъ, графиня Мэзонфоръ,—говоритъ она,—мужъ которой, эмигрантъ, жилъ въ Петербургѣ, въ качествѣ представителя герцога Брауншвейгскаго. Я предприняла это путешествіе съ цѣлью приобрести себѣ состояніе и имѣла единственнымъ багажемъ — надежду».

Прибывъ въ Петербургъ черезъ Гамбургъ въ 1804 г., она рѣшительно не знала, куда преклонить голову, и, разодѣтая въ нарядное и единственное платье, которымъ она обладала, она блуждала по набережной Мойки, пока случайно не встрѣтился ей французскій докторъ Легро, который помѣстилъ ее къ знакомой содержательницѣ магазина дамскихъ нарядовъ. Кое-какъ устроившись, Луиза Фюзи написала графу Мэзонфору, который очень любезно обошелся съ нею и представилъ ее княгинѣ Куракиной. Страстно любя музыку, русская аристократка сдѣлалась покровительницей французской пѣвицы и ввела ее въ свѣтское общество. Вскорѣ Луиза Фюзи достала уроки пѣнія и французской декламации, а также стала участвовать во всѣхъ свѣтскихъ концертахъ. Такимъ образомъ она пробыла въ Петербургѣ два года и, желая поступить на императорскую французскую сцену, немало хлопотала объ этомъ. Благодаря рекомендаціи начальника театровъ, Нарышкина, она получила мѣсто на московскую сцену, и хотя тамъ не имѣла большого

успѣха, но пользовалась симпатіями свѣтскаго общества. Особенно ей покровительствовали графини Бутурлина и Строганова и устраивали для нея представленія въ аристократическихъ домахъ. Луиза Фюзи выписывала модные французскіе романсы и распѣвала ихъ своимъ поклонникамъ и поклонницамъ, которые особенно восхищались сентиментально-любовными романсами: «*Emigré montagnard*», «*Sentinelle armuée sur sa lance*» и «*Départ par la Syrie*». Среди роскоши, праздниковъ, маскарадовъ и баловъ, весело и шумно провела французенка нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ. Наконецъ наступилъ роковой 1812 годъ, и передъ самой войной, 11-го августа, она возвратилась изъ путешествія по Волгѣ въ древнюю русскую столицу.

Здѣсь начинается самая интересная часть воспоминаній г-жи Фюзи, и они состоятъ изъ буквальной перепечатки англійской брошюры, къ которой Жинисти прибавляетъ нѣсколько отрывковъ изъ французской книги 1841 г. и поясненій изъ современныхъ мемуаровъ. По пріѣздѣ въ Москву французенка застала всѣхъ жителей въ большомъ переполохѣ; дворянство и купечество уѣзжало въ отдаленныя провинціи; улицы и окрестныя дороги были переполнены отъѣзжавшими въ экипажахъ и телѣгахъ. Г-жа Фюзи, въ виду приближенія иностранной арміи, хотѣла уѣхать въ Петербургъ, но не могла достать паспорта. Тогда она рѣшилась перебраться изъ своей городской квартиры, въ домъ г-жи Дивовой, въ одно изъ предмѣстій, гдѣ находился большой домъ князя Голицына, съ великолѣпной картинной галлереей. Коши съ этихъ картинъ снималъ мужъ одной ея пріятельницы, иностранный художникъ. Они жили въ маленькомъ флигелѣ, расположенномъ въ саду, и, повидимому, ихъ помѣщеніе было вполне безопасно, такъ какъ всѣ боялись пожаровъ болѣе, чѣмъ вступленія французовъ. Перетаскивъ большую часть своихъ вещей въ новое жилище, г-жа Фюзи провела очень спокойно дней десять. Но 1-го сентября какъ ея, такъ и художника слуги объявили въ ужасномъ испугѣ, что они не могутъ у нихъ оставаться, такъ какъ вскорѣ весь городъ будетъ сожженъ. Прошло два дня безъ осуществленія этихъ роковыхъ предсказаній, но однажды вечеромъ жена художника позвала всѣхъ посмотреть удивительное явленіе на небѣ — нѣчто въ родѣ огненнаго снопа. Полюбовавшись на эту картину, они спокойно легли спать, но на другой день дѣйствительно начались страшные пожары. Однако ихъ жилищу, повидимому, ничто не угрожало, и Луиза Фюзи отправилась въ городъ, чтобы посмотреть, не сгорѣла ли ея прежняя квартира, но она оказалась въ полной безопасности, хотя во многихъ частяхъ города было море огня. Вернувшись домой вечеромъ, она съ безпокойствомъ наблюдала за быстрымъ распространеніемъ пламени въ противоположныхъ кварталахъ города. При этомъ выяснилось небесное явленіе, случившееся нака-

нунѣ: это было ни то иное, какъ ракеты Конгрива, которыми поджигали дома.

Въ этотъ день ея пріятельница взяла на свое попеченіе одного больного французскаго офицера, такъ какъ онъ все-таки представлялъ защиту противъ солдатъ. По его совѣту, г-жа Фюзи, ея пріятельница и онъ самъ отправились въ Петровское, куда Наполеонъ перебрался изъ Кремля; цѣлью ихъ было выхлопотать въ главному штабѣ покровительство на случай опасности со стороны французскихъ войскъ. Но они увидѣли на Тверской такое громадное пожарище, что должны были вернуться. Это было для нихъ величайшимъ счастьемъ, такъ какъ по возвращеніи домой они нашли весь околотокъ въ огнѣ. Съ трудомъ добравшись до своего жилища, они убѣдились, что и оно сгоритъ въ короткое время, а потому вытащили вещи, какія только могли, наполнили ими коляску, которую имъ одолжили недалеко проживавшіе французскіе офицеры, и отправились блуждать по городу. Наконецъ имъ пришла въ голову мысль отправиться на прежнюю квартиру г-жи Фюзи. Она избѣжала опасности отъ огня, и по странной игрѣ судьбы тамъ, откуда бѣжала Луиза, боясь сгорѣть, ей пришлось найти убѣжище отъ пожара, распространившагося въ той мѣстности, которую она считала безопасной. Здѣсь она провела со своими друзьями нѣсколько дней, пока не стихли пожары. Что же касается до средствъ пропитанія, то они доставали ихъ отъ французскихъ солдатъ за значительную цѣну.

Къ этому времени относится одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ занятія французами Москвы. Наполеону вдругъ пришла въ голову мысль позабавить своихъ солдатъ театральными представленіями, съ этой цѣлью онъ приказалъ собрать всѣхъ скитавшихся въ Москвѣ французскихъ актеровъ и актрисъ и устроить театръ. По словамъ Луизы Фюзи, сначала былъ выстроенъ театръ въ Кремлѣ, а потомъ найдена была болѣе удобная сцена въ частномъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ огня. Дворцовый префектъ Боссэ, которому было поручено организовать эти представленія, рассказывалъ, что онъ отыскалъ въ домѣ Позднякова прекрасную, роскошную сцену, походившую на парижскія. Ему принесли множество всякаго рода дорогихъ парчевыхъ, бархатныхъ и шелковыхъ матерій, преимущественно, по его забавному выраженію, изъ «мечети Ивана». Что же касается до актеровъ и актрисъ, то онъ собралъ ихъ порядочное количество; изъ мужчинъ были: Аднэ, Мартенъ, Перу, Лекантъ, Белькуръ, Перонъ, Госсэ и Лефевръ, а изъ женщинъ г-жи: Бюрсе, Андра, Периньи, Фюзи, Леконъ Ламираль и Аднэ. Передъ невзыскательной публикой, состоящей изъ офицеровъ и солдатъ, они съ успѣхомъ разыгрывали комедіи и водевили: «Le jeu de l'amour et du hasard», «L'amant, auteur et valet», «Le distrait», «Les trois sultannes» и «Le procureur arbitre». Всѣхъ

представленій было одиннадцать, и Боссэ увѣряетъ, что Наполеонъ ни разу не посѣтилъ театра, но Луиза Фюзи сообщаетъ иное; вотъ что она пишетъ: «Въ одинъ прекрасный день Наполеону явилась фантазія посѣтить наше представленіе; давали «Guette ouverte»; въ сценѣ открытаго окна я пѣла романсъ, который прежде имѣлъ успѣхъ въ гостиныхъ Москвы. Онъ былъ сочиненъ нѣмецкимъ композиторомъ Фишеромъ, и хотя не было принято аплодировать въ присутствіи императора, но этотъ неизвѣстный публикѣ романсъ произвелъ большую сенсацію. Наполеонъ съ кѣмъ-то разговаривалъ и совсѣмъ не слушалъ. Видя успѣхъ, онъ спросилъ, что это былъ за романсъ. Дворцовый префектъ, Боссэ, пришелъ ко мнѣ и просилъ его повторить. Мною овладѣло тогда такое смущеніе, что мой голосъ задрожалъ, и я едва могла справиться съ пѣніемъ. Однако я кое-какъ кончила романсъ, и съ тѣхъ поръ онъ вошелъ въ такую моду, что меня постоянно просили его повторять, а король Неаполитанскій велѣлъ спросить его у меня для своихъ музыкантовъ».

19-го сентября французы выступили изъ Москвы, и всѣ знакомые Луизы Фюзи, отъ знатныхъ до мелкихъ, совѣтовали ей ни за что не оставаться въ городѣ, такъ какъ русскіе, вернувшись, могли принять ее за измѣнницу. Несмотря на все ея желаніе остаться въ Россіи, она приняла эти совѣты и выѣхала въ покойномъ дормезѣ, одолженномъ ей однимъ офицеромъ главнаго штаба. Она взяла съ собою всѣ свои вещи, въ томъ числѣ цѣнныя шубы. Вообще она устроилась такъ хорошо, какъ только было возможно при подобныхъ обстоятельствахъ. Она рассчитывала удобно доѣхать до Минска или Вильны, а тамъ дожидаться болѣе спокойнаго времени. Три дня прошли благополучно, но на четвертый г-жа Фюзи подверглась большимъ опасностямъ. Прежде всего неприятельскимъ выстрѣломъ сшибло у ея экипажа колесо, а ей угрожали со всѣхъ сторонъ казаки. Счастливо избѣгнувъ этой бѣды, благодаря подослѣвшему на помощь кавалерійскому пикету, г-жа Фюзи продолжала путь среди всевозможныхъ невзгодъ. Близъ Смоленска изъ запряженной въ ея экипажъ пятерки лошадей пали двѣ, и несчастной путницѣ пришлось остановиться предъ мостомъ чрезъ Днѣпръ, гдѣ была страшная свалка отъ тѣснившихся войска и экипажей. Наконецъ, кучеръ объявилъ, что онъ нашелъ двухъ лошадей. «Я поняла,—говоритъ г-жа Фюзи,—что онъ ихъ укралъ; въ то счастливое время ничего не было обыкновеннѣе воровства». По этому поводу она рассказываетъ любопытный анекдотъ о Наполеонѣ. Увидавъ однажды офицера въ очень богатой шубѣ, онъ преспокойно его спросилъ: «Гдѣ вы ее своровали?» — «Ваше величество, я ее купилъ», — отвѣчалъ смутившійся офицеръ. — «Да, вы ее купили у спавшаго», — замѣтилъ со смѣхомъ императоръ. Однако, кража кучера не принесла ей большой пользы: экипажъ,

сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, принужденъ былъ остановиться отъ давки. Луиза Фюзи пришла въ отчаяніе, но, неожиданно увидавъ недалеко отъ себя генерала Ла-Рибусьера, стала со слезами умолять его пропустить ея экипажъ. Генералъ оказался очень добрымъ человѣкомъ и распорядился, чтобы ея дормежъ проводилъ жандармъ, помѣстивъ его между экипажами князя Экмюльскаго. Его приказаніе было исполнено, хотя съ большимъ трудомъ, только благодаря солдатамъ, протаскившимъ экипажъ за колеса. При этомъ оказалось, что и сама Луиза Фюзи услужила другой французенкѣ во время давки у Днѣпровскаго моста, попросивъ того же генерала пропустить и ея экипажъ. Эта французенка—Ида Сентъ-Эльмъ—въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что ее спасла Луиза Фюзи, и разсыпается въ благодарностяхъ. Последняя же ни слова не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, хотя была съ нею знакома.

Послѣ этого эпизода г-жа Фюзи два дня спокойно, хотя медленно, подвигалась впередъ, но во время подъема на высокую гору лошади снова остановились. Слуга отправился въ главную квартиру, находившуюся въ Смоленскѣ, за свѣжими лошадьми. Съ трудомъ они поднялись въ гору и тамъ остановились, ожидая возвращенія слуги. Прошелъ цѣлый день въ ожиданіи, и несчастная путница принуждена была прождать всю ночь. Казаки были вблизи, и проходившіе мимо французскіе офицеры совѣтовали ей не оставаться. Наступило утро, и солдаты торопили ее выйти изъ экипажа, желая его ограбить. Не дождавшись возвращенія слуги, она предложила одной вестфальской маркитанткѣ взять ее къ себѣ въ экипажъ. Маркитантка запросила за это 2 луидора; г-жа Фюзи согласилась и, захвативъ все, что было возможно, отправилась съ нею, вполне увѣренная, что если не солдаты, то кучеръ обокрадетъ ея экипажъ. Едва она сдѣлала одну версту, какъ увидѣла возвращавшагося слугу, который спокойно и не торопясь велъ лошадей. Она закричала ему, чтобы онъ поторопился и постарался спасти отъ грабежа ея экипажъ. Въ Смоленскъ она пріѣхала въ 3 часа дня вмѣстѣ съ маркитанткой. Луизу Фюзи считали уже погибшей, такъ какъ слугу съ лошадьми отправили наканунѣ, но онъ дорогой спалъ и явился только на другое утро. На возвращеніе коляски совѣтъ не рассчитывали, однако она была доставлена, но въ ужасномъ видѣ. «Онъ, слуга, могъ намъ рассказывать всякія сказки, какія хотѣлъ, но было ясно, что онъ самъ ее обворовалъ,—говорить г-жа Фюзи. — Особенно я пострадала, потерявъ все, что имѣла. Многія лица, у которыхъ на экипажахъ находились мои чемоданы, печально сообщили мнѣ, что ихъ также взяли казаки». Изъ этихъ словъ видно, что казаки служили отводомъ глазъ при многихъ грабежахъ, совершенныхъ своими же, французскими солдатами. У г-жи Фюзи уцѣлѣли шали, брильянты, серебро, хотя она ожидала, что потеряетъ ихъ, и готова была поклониться своей

участи, но одинъ офицеръ успокоилъ ее, общая дать въ спутники своего раненаго товарища, за котораго вполне ручался. При этомъ добавилъ, что солдаты будутъ ему повиноваться. Отдохнувъ весь день въ Смоленскѣ, они отправились далѣе. Спутникъ достался г-жѣ Фюзи неприятный, въ особенности опасавшійся казакъ и съ неудовольствіемъ ѣхавшій въ экипажѣ: «Если бы у меня была лошадь,—говорилъ онъ,—то я не боялся бы ихъ, но я не вижу моего слуги, котораго должны мнѣ вернуть». Эта эгоистическая забота о своей личности надоѣла г-жѣ Фюзи, притомъ лошади были заморенныя и едва могли подниматься даже на небольшую гору. Пришлось снова отправить слугу въ главную квартиру за лошадьми, а кучера за фуражемъ.

Снова г-жа Фюзи осталась одна на большой дорогѣ; ея спутникъ заботился только о себѣ, не думая о ней. Онъ былъ такъ ей неприятенъ, что она притворилась спящей, во избѣжаніе разговора съ нимъ. Слуги не возвращались, и она стала беспокоиться, не захватили ли ихъ казаки. Около десяти часовъ она услышала разговоръ своего спутника съ его полковникомъ, которому онъ жаловался, что ему дали экипажъ, лошади котораго не могутъ идти. Полковникъ посоветовалъ ему ѣхать верхомъ, а экипажъ сжечь. Услышавъ этотъ совѣтъ, г-жа Фюзи не вытерпѣла и сказала, что экипажъ принадлежитъ ей, и ея спутникъ не имѣетъ на него правъ; «онъ можетъ,—прибавила она,—итти, куда ему угодно, но она проситъ не кричать передъ солдатами, что экипажъ брошенъ, такъ какъ, воспользовавшись этимъ предлогомъ, они ограбятъ его. Она рѣшилась ожидать возвращенія слугъ, такъ какъ она не была ранена и не впервые оставалась одна среди большой дороги, тѣмъ болѣе, что она была увѣрена въ возвращеніи слугъ не ранѣе дня, и въ томъ, что ея знакомый офицеръ, давшій ей спутника, зная, въ какомъ она затруднительномъ положеніи, не способенъ ее такъ оставить.—«Вы очень храбры, сударыня»,—сказалъ ей полковникъ.—«Нѣтъ, сударь, я не храбрая, но безропотно покорилась своей судьбѣ»,—отвѣтила г-жа Фюзи и повернулась на другой бокъ. Притворяясь спящею, она заснула на самомъ дѣлѣ, но около полуночи услышала, что ея спутникъ, найдя своего слугу и лошадь, такъ быстро вышелъ изъ экипажа, что даже не сказалъ ей ни слова въ извиненіе, хотя не позабылъ захватить съ собою единственный оставшійся хлѣбъ. Его поведеніе возмутило г-жу Фюзи, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило въ ней чувство гордости при мысли, что у нея болѣе храбрости, чѣмъ у мужчины, хотя она не скрывала отъ себя опасности положенія. Опять она очутилась одна, ночью, среди спящихъ солдатъ. Найдя въ экипажѣ немного вина, она выпила его, желая подкрѣпиться, и стала ожидать возвращенія слугъ съ лошадьми и фуражемъ. Она рѣшила итти пѣшкомъ, пока не встрѣтится какойнибудь экипажъ или телѣжка, если че-

резъ часть слуги не явятся. Наконецъ показался слуга и кучеръ съ фуражемъ, и она рассказала имъ объ исчезновеніи друга ихъ господина, вмѣстѣ съ единственнымъ хлѣбомъ. Они возмущались особенно тѣмъ, что лишились своей доли хлѣба, такъ какъ г-жа Фюзи всегда дѣлилась съ ними. Опасаясь казаковъ, она стала уговаривать слугъ запретить въ экипажѣ верховыхъ лошадей, чтобы скорѣе отправиться. Но въ это время прибыли лошади изъ главной квартиры, и Луиза Фюзи пустилась въ путь. На другой день они были окружены казаками, вслѣдствіе чего имъ пришлось все время лавировать справа налево, чтобы избѣжать встрѣчи съ ними, такъ что они не сдѣлали во весь день и четверти версты. Лошадей кормить было невозможно, потому что отложить ихъ нельзя было ни на минуту, да, кромѣ того, не было фуража. Благодаря всевозможнымъ задержкамъ, они очутились въ арьергардѣ, вмѣстѣ съ колонной отсталыхъ, различныхъ національностей, измученныхъ или не желающихъ болѣе служить. Ихъ было такъ много, что въ узкихъ и затруднительныхъ мѣстахъ они запружали всю дорогу и шли всегда первыми, двигаясь въ беспорядкѣ; офицеры ихъ часто били, но они продолжали идти. Они занимались грабежами, воровствомъ, не щадя ни начальниковъ, ни товарищей, внося повсюду беспорядокъ и внушая всѣмъ ужасъ къ себѣ. Напрасно пытались присоединить ихъ къ корпусамъ, но это было невозможно, вслѣдствіе ихъ неуваженія къ распоряженіямъ начальства. Съ такимъ-то людомъ пришлось ѣхать г-жѣ Фюзи до полуночи, но скорѣе ей предстояли худшія условія. Продолжать путь въ экипажѣ было невозможно, въ виду неожиданной переправы черезъ большой ровъ, и, кромѣ того, приходилось спасаться отъ казаковъ верхомъ, пробираясь чрезъ поля по снѣгу, доходившему по брюхо лошадамъ, обезсиленнымъ отъ голода и холода.

Послѣ этого приключенія Луиза Фюзи лишилась своихъ послѣднихъ вещей и осталась безъ денегъ. Наконецъ въ субботу, 14-го октября, около 2 часовъ ночи, они догнали колонну, тащившую пушки. Г-жа Фюзи спросила у командовавшаго офицера, далеко ли до главной квартиры, и получила неуспокоительный отвѣтъ, что непріятель окружаетъ ихъ, и если сегодня имъ удалось избѣжать его, то завтра утромъ встрѣча будетъ неизбѣжна. На желаніе солдатъ развести огонь, съ цѣлью обогрѣться, послѣдовало запрещеніе, изъ опасенія привлечь вниманіе непріятели—и огонь потушили. Продрогшая и голодная несчастная Луиза Фюзи сошла съ лошади и сѣла на солому, брошенную на снѣгъ. Ею овладѣло такое отчаяніе, что она даже желала смерти, такъ какъ холодъ леденилъ ей кровь. Незадолго она выпила бутылку холодной воды, и ей сдѣлалось отъ этого еще холоднѣе. Ей не совѣтовали оставаться въ такомъ положеніи, но она не слышала, что ей говорили, потерявъ сознание. Когда она пришла въ себя, то находилась уже

въ экипажѣ, въ который ее перенесъ адъютантъ генерала и, прикрывъ мѣхомъ, напоилъ горячимъ кофе, благодаря чему она вернулась къ жизни. Она жаловалась на голодъ, но онъ отвѣтилъ, что ничего не можетъ ей дать, такъ какъ ключи у слуги, а онъ находится съ генераломъ. Она опять заснула и когда проснулась, то чувствовала, что экипажъ ѣдетъ. Получивъ одинъ сухарь, она его съ жадностью съѣла, и, кромѣ того, ея покровитель обѣщаль дать ей черезъ четверть часа чашку горячаго кофе во время остановки для корма лошадей. Черезъ два часа ей пришлось лишиться этого добраго покровителя, въ то время какъ они спасались отъ непріятеля. Пули летѣли надъ ихъ головами, и одна попала въ него. Въ воскресенье 15-го октября было знаменитое сраженіе при Красномъ, и въ то время, когда сражались слѣва и справа, они проскользнули въ серединѣ. Они двигались всю ночь медленно при свѣтѣ пылавшихъ деревень и грохотѣ пушекъ. «Я видѣла, — говоритъ г-жа Фюзи, — вышедшихъ изъ рядовъ несчастныхъ раненыхъ, другихъ умиравшихъ отъ голода, которые просили у насъ ѣсть; иные просили, чтобы ихъ взяли въ экипажъ, и умирали отъ холода на краю дороги, моля о помощи, которой имъ не оказывали и не могли оказать въ виду ихъ многочисленности. Слѣдовавшіе за арміей умоляли взять ребенка, котораго болѣе не имѣли силъ нести; его брали, но вскорѣ возвращали, не имѣя, что ему дать ѣсть; это была сцена отчаянія: страдали за себя и другихъ». Наконецъ они остановились въ виду Краснаго. Лошади болѣе не могли итти, и г-жа Фюзи принуждена была отправиться пѣшкомъ, надѣясь найти въ городѣ главную квартиру. Свѣтало; дорога была убійственная, они дошли до склона, какъ бы покрытаго льдомъ; солдаты съѣзжали на колѣняхъ, но г-жа Фюзи благополучно дошла по краю дороги. На ея вопросъ о главной квартирѣ одинъ офицеръ сказалъ, что она въ городѣ, но не останется долго, такъ какъ городъ начинаетъ загораться. На ея бѣду главной квартиры уже не было въ городѣ, и она пришла въ такое отчаяніе, что даже желала смерти и равнодушно смотрѣла на пролетавшія пули. Вдругъ она услышала: «Вотъ императоръ!» «Я собралась съ силами и побѣжала въ ту сторону, — говоритъ г-жа Фюзи, — мои движенія были такъ быстры, что я очутилась почти подъ ногами лошадей графа Нарбона. — «Боже мой, сударыня, — сказалъ онъ мнѣ, — въ какомъ вы положеніи?» — «Вы видите, сударь, я все потеряла; у меня нѣтъ болѣе ни экипажа, ни лошадей, ничего на свѣтѣ: я ничего не ѣла два дня, у меня нѣтъ болѣе силъ, я не знаю, что со мною станеть!» Онъ подѣлился съ нею кускомъ хлѣба и далъ мѣсто въ саняхъ, слѣдовавшихъ за главной квартирой. Несчастная Луиза Фюзи была совсѣмъ въ снѣгу и удивлялась, что у нея не отморожены ноги, такъ какъ сани были маленькія. Но она была слишкомъ счастлива, находясь въ нихъ и зная, что присоединится вечеромъ къ глав-

ной квартирѣ. Дѣйствительно она нашла ее въ польскомъ городѣ, первомъ уцѣлѣвшемъ городѣ, гдѣ она нашла жителей. «Это были евреи и по правдѣ очень грязные,—говорить г-жа Фюзи,—но, по крайней мѣрѣ, это были живыя существа, и я охотно обняла бы ихъ». Въ главной квартирѣ ей сказали, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе экипажей, но обѣщали достать сани для слѣдованія въ Вильну. Ее накормили, и она крѣпко заснула на соломѣ. Ночью она услышала возгласы: «Къ оружію!» Поднялась суматоха, и ей посовѣтовали не оставаться въ домѣ и удалиться изъ города. «Я бѣжала сама не зная куда, — говоритъ г-жа Фюзи.—Ночь была очень темная. Я находилась на ступенькахъ замка, гдѣ помѣстился Наполеонъ. Замокъ принадлежалъ одной княгинѣ, урожденной Нарышкиной. Я имѣла большое желаніе отправиться къ ней и просить ее принять меня; я хорошо сдѣлала бы, послѣдовавъ этой мысли, такъ какъ туда пришли бы русскіе офицеры. Я ихъ почти всѣхъ знаю, и они покровительствовали бы мнѣ. Меня узналъ маршалъ Лефевръ!—«Что вы здѣсь дѣлаете?»—спросилъ онъ меня.—«Ожидаю казаковъ, такъ какъ у меня нѣтъ болѣе силъ слѣдовать далѣе». — «Много у васъ экипажей?» — «Совсѣмъ нѣтъ». — «Горничной нѣтъ?» — «Я совершенно одна». — «Ну, такъ вы не очень тяжелы и не помѣшаете лошадямъ подвигаться впередъ; посадите ее въ мой экипажъ», — сказалъ онъ одному изъ своихъ офицеровъ. Г-жу Фюзи накормили, и она продолжала слѣдовать за ними.

Относительно перехода черезъ Березину въ англійской брошюрѣ разсказано о немъ только, что мостъ черезъ Березину она перешла за часъ до бѣдствія, которое было ужасно. Рѣчка была настолько переполнена трупами людей и лошадей, что по нимъ можно было ѣздить и ходить. Военные съ саблей въ рукахъ опрокидывали все, чтобы прочистить себѣ путь. Ледъ былъ крѣпокъ для того, чтобы переплыть рѣчку, и недостаточно твердъ для перехода. Попадавшіе въ рѣчку находились какъ бы въ тискахъ, а лошади, экипажи и патронныя фуры падали на нихъ. Во французскихъ воспоминаніяхъ г-жа Фюзи подробнѣе разсказываетъ о Березинѣ. «Императоръ,—говоритъ она,—стоялъ при входѣ на мостъ, чтобы ускорить переходъ. Я могла его внимательно рассмотреть, такъ какъ мы ѣхали тихо. Онъ мнѣ показался такимъ спокойнымъ, какъ на Тюильрійскомъ смотру. Мостъ былъ такой узкій, что наша карета почти задѣла императора.— «Не бойтесь,—сказалъ Наполеонъ,—поѣзжайте, поѣзжайте, не бойтесь». Эти слова, повидимому, относившіяся ко мнѣ, такъ какъ не было другихъ женщинъ, заставили меня порядочно призадуматься о томъ, что тамъ должно быть опасно. Неаполитанскій король держалъ свою лошадь за поводъ, а другой опирался на дверцу экипажа. Смотри на меня, онъ произнесъ пріветливыя слова. Его нарядъ показался мнѣ страннымъ

для подобнаго момента и при двадцати-градусномъ морозѣ: открытый воротъ и бархатный плащъ, небрежно наброшенный на одно плечо. Его завитые волосы и черная бархатная шляпа съ бѣлымъ перомъ придавали ему обликъ героя мелодрамы. Я никогда не видѣла его такъ близко и не могла насмотрѣться на него. Когда онъ былъ нѣсколько позади экипажа, то я обернулась, чтобы взглянуть ему прямо въ лицо. Онъ это замѣтилъ и сдѣлалъ рукою граціозный привѣтъ. Онъ былъ очень кокетливъ и любилъ, чтобы женщины обращали на него вниманіе. Многіе генералы вели своихъ лошадей за поводья, такъ какъ по этому мосту невозможно было ѣхать верхомъ; онъ былъ такой хрупкій, что трясся подъ колесами моей кареты. Погода смягчилась и заставила немного растаять ледъ рѣки, что еще болѣе дѣлало ее опасной. Когда мы достигли деревни, то остановились, какъ приказалъ императоръ, и всѣ офицеры возвращались къ Березинѣ. Я взяла подъ руку сына маршала Лефевра и пошла посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Когда мостъ рухнулъ, мы услышали крикъ, единственный крикъ, вырвавшійся у толпы; это былъ непостижимый крикъ. Онъ все еще раздается въ моихъ ушахъ, когда я объ этомъ думаю. Всѣ несчастные, оставшіеся на другомъ берегу, падали уничтоженные картечью. Тогда-то мы поняли всю важность бѣдствія. Ледъ не былъ достаточно крѣпокъ и сломался, поглощая людей, лошадей, экипажи... Мы видѣли красивую женщину, державшую на рукахъ ребенка, которую двѣ льдины захватили, какъ въ тиски. Ради ея спасенія, ей протянули прикладъ ружья и рукоятку сабли, чтобы она могла найти въ нихъ опору, но несчастная провалилась отъ самаго движенія, чтобы ихъ схватить. Я удалилась, рыдая отъ этого печальнаго зрѣлища. Генералъ Лефевръ, который былъ не очень нѣженъ, поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и повторялъ: «Ахъ, какое ужасное несчастіе!... Бѣдные люди находятся тамъ, подъ огнемъ непріятеля!»...

9-го декабря, въ 11 ч. вечера, бѣглецы достигли Вильны. У городскихъ воротъ скопилась такая толпа, что съ трудомъ можно было пробраться. Г-жа Фюзи была помѣщена въ домѣ одной графини, у которой уже останавливался маршалъ Лефевръ; мужъ ея находился на службѣ у Наполеона и спѣшилъ покинуть Вильну. Домъ былъ въ безпорядкѣ, и они не могли найти слуги, чтобы приказать развести огонь, такъ какъ было 28° мороза, и достать что нибудь поѣсть. Ночь г-жа Фюзи провела въ громадной нетопленной залѣ съ лѣтними рамами, а утромъ увидѣла на всѣхъ лицахъ сильное волненіе. Она узнала, что въ городѣ долго оставаться нельзя, такъ какъ русскіе окружили его. Сынъ герцога, имя котораго г-жа Фюзи замѣнила тремя звѣздочками, былъ опасно боленъ. Несчастный отецъ каждую минуту ожидалъ момента отъѣзда по дѣламъ службы. Наконецъ вечеромъ онъ написалъ рус-

скому генералу, командовавшему аванпостами, что принужденъ оставить сына добровольнымъ плѣнникомъ и полагается на честность храбраго воина относительно его обращенія съ сыномъ, какъ великодушнаго врага. Старикъ плакалъ; г-жа Фюзи сжалилась надъ нимъ, предложила остаться въ Вильнѣ и заботиться о его сынѣ, какъ мать. Хотя она предчувствовала, что ее ожидаютъ новыя бѣды, но принесла добровольную жертву. Съ нею остались, кромѣ больного, адъютантъ маршала и управляющій. Герцогъ оставилъ имъ необходимыя деньги.

Ночь г-жа Фюзи провела безъ сна, на другое утро въ 11 ч. въ городъ вошли русскія войска. Отвѣтъ на письмо маршала отъ русскаго генерала еще не пришелъ, и несчастные французы очень безпокоились. Однако явившійся къ нимъ въ 1 ч. адъютантъ русскаго генерала сообщилъ, что письмо получено, и къ больному будутъ относиться со всевозможнымъ вниманіемъ, какъ къ сыну храбраго воина, котораго русскій генералъ очень уважалъ. Адъютантъ прибавилъ, что пришлетъ имъ защиту, и черезъ полчаса были присланы казаки. «По неосторожности ихъ впустили въ комнату больного,—говоритъ г-жа Фюзи,—адъютантъ далъ имъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, стараясь заставить ихъ понять, что этимъ онъ хочетъ ихъ заинтересовать относительно нашей безопасности. Но какъ только казаки увидѣли на каминѣ груды монетъ и серебро на столѣ, они стали думать лишь о томъ, какъ бы имъ завладѣть всѣмъ, и я увидѣла по ихъ лицамъ и алчности, что они задумали относительно насъ недоброе. Я сѣла у постели молодого графа и подъ видомъ, что поправляю подушку и укрываю его, выбросила на улицу его часы, шубу и другія вещи. Я видѣла, какъ они грозили своими пиками двумъ лицамъ, находившимся противъ насъ, и затѣмъ подошли къ постели генерала, тоже угрожая ему и говоря по-русски: «денегъ». Я сняла съ шеи маленькій образокъ Кіевской Божіей Матери, который мнѣ дала въ Россіи княгиня Кутузова, какъ предохранителя отъ несчастія (дѣйствительно въ данный моментъ онъ былъ имъ), и положила его на генерала.—«Какъ смѣете вы,—сказала я имъ,—нападать на умирающаго человѣка? Васъ накажетъ Богъ!» Они такъ уважаютъ религію, что отступили. Русскіе очень почитаютъ иконы, и особенно Кіевскую Божию Матерь. Мое присутствіе духа насъ спасло, но волненіе, причиненное бѣдному молодому человѣку, сдѣлало его болѣзнь неизлѣчимой!»

Около четырехъ часовъ пріѣхалъ русскій генералъ Чичаговъ; ему рассказали о случившемся, и онъ оставилъ для охраны больного 18 человѣкъ солдатъ, за которыхъ ручался. Французовъ это успокоило, тѣмъ болѣе, что слуги рассказывали имъ каждую минуту всякіе ужасы. «Несчастные безъ крова бродили по улицамъ,—говоритъ г-жа Фюзи,—отталкиваемые жителями, опасавшимися,

что они ограбятъ дома. Они были раздѣты и умирали отъ стужи. Улицы были ими переполнены. Иныхъ приняли евреи, но тамъ они были еще несчастнѣе; эти презрѣнные приглашали ихъ только для того, чтобы легче обезпечить себѣ добычу; они ихъ убивали и бросали въ окна. Большинство евреевъ совершали гнусности. Этотъ беспорядокъ длился до прибытія фельдмаршала Кутузова и даже, когда онъ былъ уже въ городѣ, то не могъ сразу всего прекратить. Были такія уединенныя улицы, куда евреи завлекали своихъ жертвъ и убивали ихъ, если они сопротивлялись. Мы жили вблизи монастыря бенедиктинцевъ и часто, по вечерамъ и ночамъ, слышали стоны несчастныхъ, которымъ не могли оказать никакой помощи. Два, три раза я пробовала спускаться изъ комнаты и переждавъ, когда солдаты уйдутъ, отправлялась, вся дрожа, чтобы посмотрѣть, не осталось ли кого въ живыхъ, но, увы, я всегда обманывалась въ своихъ надеждахъ».

Болѣзнь молодого графа со дня на день усиливалась, и плѣнный французскій докторъ объявилъ, что спасенія нѣтъ, и можно давать больному все, что онъ пожелаетъ. Французскаго слугу посылать за необходимымъ для больного было опасно, а еврей-комиссіонеры возвращались съ пустыми руками, говоря, что у нихъ все отняли. Такимъ образомъ, г-жѣ Фюзи пришлось закупать самоѣ. «Я проходила, — говоритъ г-жа Фюзи, — среди солдатъ и евреекъ, которыя продавали купленные ими разграбленные вещи. Лошади были привязаны посрединѣ улицы, и я проходила среди всего этого и говорила любезно казакамъ: «Прошу тебя, поставь въ сторону лошадей». Они ихъ отводили, ни слова не сказавъ мнѣ. Я думаю также, что когда ихъ не боишься, такъ они и не думаютъ о васъ». 19-го декабря 1812 г. несчастный молодой графъ умеръ, поручивъ г-жѣ Фюзи отрѣзать прядь своихъ волосъ и отвезти матери. «Скажите моимъ родителямъ, что я васъ поручаю имъ, — сказалъ онъ, — если бы у меня были силы, я написалъ бы матери. Вы все потеряли, она богата, и не забудетъ вашей преданности». Похоронивъ графа, г-жа Фюзи не могла долѣе оставаться въ городѣ, гдѣ полики стали на нихъ смотрѣть, какъ на неудобныхъ гостей. Ей посовѣтовали написать императору Александру прошеніе о разрѣшеніи отправиться въ Штутгартъ, гдѣ она родилась, и гдѣ ея дядя былъ наставникомъ покойнаго короля, а часть ея родныхъ жила тамъ. «Если бы вмѣсто того, чтобы обращаться къ императору Александру съ прошеніемъ, — говоритъ г-жа Фюзи, — которое, можетъ быть, не достигло его, я имѣла бы смѣлость съ нимъ говорить, какъ это дѣлали многіе товарищи по несчастью, онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы мнѣ такую же милость, такъ какъ въ такихъ обстоятельствахъ онъ дѣйствовалъ съ присущей ему одному добротою и занимался лишь смягченіемъ судьбы несчастныхъ. Но мнѣ мѣшала слишкомъ большая робость. Моимъ единственнымъ

покровителемъ былъ фельдмаршалъ Кутузовъ. Онъ обѣщалъ мнѣ устроить отъѣздъ въ Петербургъ, рекомендуя меня своей женѣ, которую, впрочемъ, я имѣла честь очень хорошо знать, такъ какъ постоянно посѣщала ее въ Петербургѣ».

Однако, прежде отъѣзда изъ Вильны, въ жизни Луизы Фюзи произошло важное событіе. Одинъ офицеръ принесъ ей двухлѣтнюю дѣвочку, которую онъ нашелъ въ снѣгу полумертвой. Ея родители лежали возлѣ нея уже скончавшіеся отъ голода и холода. Добрая французенка взяла ребенка, назвала ее Надеждой и нѣжными попеченіями возвратила ее къ жизни. Не зная, что съ нею сдѣлать, она рассказала о случившемся Кутузову, который много смѣялся надъ этимъ страннымъ приключеніемъ, подарившемъ Фюзи малолѣтнюю дочь. По своей добротѣ онъ далъ на ребенка триста рублей, а князь Кудашевъ двѣсти. Послѣдній еще озаботился отправить ребенка со старой нѣмецкой служанкой въ Люксембургъ, гдѣ жила одна изъ родственницъ Луизы Фюзи.

Счастливо покончивъ такимъ образомъ съ этой исторіей, она отправилась въ Петербургъ и была принята старыми пріятелями очень радушно. Они ухаживали за нею такъ предупредительно, что тайно заплатили за ея квартиру и столъ въ гостиницѣ. Но ей пришлось недолго остаться въ любимой ею Россіи: зная, что ея родственники очень беспокоятся о ней,—она хотѣла ихъ успокоить. Возвратное путешествіе ея совершилось черезъ Швецію и Германію, гдѣ снова ей пришлось перенести немало страха отъ казаковъ, потому что еще продолжалась война 1813 года. Однако, въ сущности, Луиза Фюзи болѣе терпѣла страха отъ нѣмецкой арміи, чѣмъ отъ казаковъ.

«Вотъ по какой причинѣ: въ русскомъ войскѣ всегда находился кто нибудь,—писала она,—понимавшій меня, и начальники всегда покровительствовали мнѣ. Къ тому же въ немъ царилъ духъ гостепримства, благодаря которому я всегда была въ безопасности, конечно, если не угрожала ужасная смерть. Нѣмцы же принадлежали къ низшему классу и терпѣть не могли французовъ». Въ Дрезденѣ, куда она пріѣхала во время перемирія, къ ея величайшему удовольствію играла труппа Французской комедіи, во главѣ съ г-жею Марсъ. Затѣмъ она достигла Парижа, гдѣ ея друзья и знакомые радостно привѣтствовали ее. Вскорѣ она увидѣла тамъ русскихъ, какъ видѣла французовъ въ Москвѣ. «Когда императоръ Александръ вступилъ въ Парижъ съ своими генералами,—пишетъ она,—и остановился случайно передъ домомъ, гдѣ я сидѣла у окна перваго этажа, то графъ О* меня замѣтилъ и громко назвалъ по имени. Многие изъ императорской свиты также меня узнали и устроили мнѣ такой дружескій пріемъ, что я должна была сѣсть къ нимъ внизъ. Послѣ ихъ отъѣзда меня окружили солдаты и стали говорить по-русски, обрадованные тѣмъ, что на-

шелся кто нибудь, знавшій ихъ языкъ. Я была также очень рада, что наконецъ могла не бояться ихъ».

Этимъ кончается изданная Полемъ Жинисти книга, и мы приведемъ еще нѣсколько словъ о дальнѣйшей жизни г-жи Фюзи. Какъ только явилась возможность, то она съѣздила за своей любимой дѣвочкой Надеждой, которую всѣ называли «виленской сироткой», и всѣми силами старалась дать ей хорошее воспитаніе. Тринадцати лѣтъ Надежда вступила на театральные подмостки, а черезъ два года дебютировала на сценѣ Французской комедіи. Тутъ она занимала амплуа субретки, но имѣла посредственный успѣхъ. Впрочемъ ея карьера вскорѣ была прервана смертью. Болѣзненная и отъ природы слабая, молодая дѣвушка умерла двадцати лѣтъ, приведя въ отчаяніе свою покровительницу. Настоящая исторія виленской сиротки была рассказана актеромъ Ренье въ своихъ «запискахъ». По его словамъ, она была дочерью самой Луизы Фюзи отъ русскаго офицера. Она сама призналась въ этомъ умирающему мужу, съ которымъ увидѣлась передъ смертью. Что касается ея дальнѣйшей жизни, то она была самая плачевная, и Луиза Фюзи умерла въ 1848 г. въ Парижѣ всѣми забытая и брошенная.

— Восьмилѣтнее пребываніе въ Россіи англійскаго посла лорда Лофтуса. На-дняхъ умеръ въ Англии на 87-мъ году жизни лордъ Августъ Лофтусъ, бывшій однимъ изъ послѣднихъ могикановъ старой школы дипломатовъ, отъ которыхъ не требовалось ни талантовъ, ни знаній, ни подготовки, ни даже образованія, а лишь — аристократическое имя. Онъ родился въ 1817 г. и въ продолженіе сорока двухъ лѣтъ былъ дипломатомъ, занимая послѣднее время постъ посланника, послѣдовательно, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ. Кромѣ того, онъ шесть лѣтъ пробылъ губернаторомъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, а затѣмъ уже въ отставку написалъ свои «Дипломатическія воспоминанія», въ четырехъ томахъ. Эти воспоминанія отличаются живымъ изложеніемъ, обиліемъ новыхъ историческихъ фактовъ и любопытными характеристиками замѣчательныхъ современныхъ личностей. Особенно для насъ интересенъ четвертый томъ, посвященный его дѣятельности въ Петербургѣ. Первые тома въ свое время были кратко разобраны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а, насколько намъ извѣстно, о русскихъ ¹⁾ впечатлѣніяхъ не было упомянуто въ нашей литературѣ. Такимъ образомъ, по случаю смерти лорда Лофтуса, мы приведемъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ воспоминаній англійскаго дипломата.

4-го февраля 1871 г. лордъ Лофтусъ вмѣстѣ съ женою приѣхалъ въ Петербургъ, и первое впечатлѣніе, произведенное Рос-

¹⁾ The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. London. 4 vol.

сией, было вполнѣ благоприятное, если не считать мелкихъ недочетовъ. «Страна между Берлиномъ и Кенигсбергомъ плоская, песчаная и бѣдная. Удивительно, какъ дѣятельные германскіе поселенцы сумѣли многое сдѣлать изъ нея. Дома поселенцевъ хорошо построены, удобны и опрятны. Какое различіе съ картиной, представляющей съ другой стороны границы! Здѣсь все свидѣтельствуеетъ о бѣдности, небрежности и недостаткѣ трудолюбія. Конечно, нѣкоторымъ извиненіемъ можетъ служить климатъ, оставляющій землю подъ снѣгомъ четыре или пять мѣсяцевъ; но вездѣ замѣчается недостатокъ чистоты, порядка и опрятности, которые нельзя приписать климату. Впрочемъ русскій крестьянинъ добродушенъ, терпѣливъ и доволенъ своимъ существованіемъ. Если онъ имѣетъ очень скромную пищу, табакъ и водку, русскій крестьянинъ совершенно счастливъ. Очень мало образованный, онъ отъ природы уменъ и толковъ. Онъ строитъ самъ себѣ деревянный домъ и пользуется для постройки единственнымъ орудіемъ — простымъ топоромъ. Его религія заключается въ поклоненіи Богу и царю; а даже не увѣренъ, что послѣднее не превышаетъ перваго. Русскій крестьянинъ имѣетъ много хорошихъ качествъ; онъ добросердеченъ, не самолюбивъ и великодушенъ, и имъ легко управлять. Онъ хорошій мужъ и отецъ; не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе мужья менѣе дурно обращаются съ женами, чѣмъ въ цивилизованной Англіи. Когда воспитаніе и цивилизація,—что означаетъ одно и то же,—подвинется впередъ, русскій народъ сдѣлается могущественной націей. Съ родственными русскимъ славянами они предназначены сдѣлаться «расой будущаго».

Петербургъ очень понравился лорду Лофтусу, какъ красивая и видная столица. Онъ только ошибочно увѣряетъ, что наша столица построена на сваяхъ, но совершенно вѣрно распространяется объ изобиліи воды, начиная съ чудной Невы до мелкихъ каналовъ, напоминающихъ Венецію. Прежде всего онъ представился князю Горчакову, съ которымъ былъ знакомъ уже ранѣе. Онъ устроилъ немедленный пріемъ его у императора и императрицы, которые обошлись очень любезно съ новымъ посланникомъ. Какъ государь, такъ и князь Горчаковъ, были совершенно миролюбиво настроены, и, по ихъ словамъ, миръ былъ необходимъ для благоденствія Европы. Естественно, что въ виду своей дипломатической дѣятельности лордъ Лофтусъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ Горчаковымъ и въ восторгѣ отъ его пріятнаго, любезнаго обращенія. Такимъ образомъ, съ самаго начала до конца его пребыванія въ Петербургѣ, онъ постоянно велъ съ нимъ безконечныя бесѣды не только по дипломатическимъ, но и общественнымъ вопросамъ. Такъ, на примѣръ, касаясь положенія евреевъ въ Россіи и Европѣ, онъ выразился: «Мы съ радостію отдали бы вамъ всѣхъ нашихъ евреевъ за полдюжину вашихъ еврейскихъ магнатовъ». Посланникъ прибавляетъ,

что князь Горчаковъ былъ однимъ изъ видныхъ защитниковъ евреевъ въ государственномъ совѣтѣ.

Что касается до придворной и свѣтской жизни въ Петербургѣ, то лордъ Лофтусъ отзывается съ восторгомъ объ ихъ великолѣпнн и роскоши. Относительно свѣтской жизни англичанинъ говоритъ, что она очень пріятна и «distinguée». «Русскія дамы, — пишетъ онъ, — чрезвычайно привѣтливы, любезны и очаровательны, а также отличаются полнымъ отсутствіемъ афектаціи. Я нашелъ, что русскіе, вообще, при всякомъ случаѣ очень предупредительны въ отношеніи иностранцевъ и всегда дружны и добродушны съ ними. Если иностранцы отличаются какими нибудь недостатками, — а всякій ихъ имѣетъ, — то они съ удивительнымъ тактомъ стараются ихъ скрыть. Они чрезвычайно гостепріимны для иностранцевъ и всегда готовы оказать услуги, а потому я имѣю многихъ друзей въ Россіи и всегда сохраняю къ нимъ привязанность, а о нихъ добрую память». Во время своихъ прогулокъ онъ иногда встрѣчалъ императора, который однажды остановилъ его и сказалъ по-французски: «Мы получили письмо изъ Лондона». Эти слова были сказаны довольнымъ тономъ. Очевидно дѣло шло о свадьбѣ великой княжны Маріи Александровны, — событіе, тогда занимавшее оба двора. «Я надѣюсь, что наши отношенія всегда будутъ хороши». Лордъ Лофтусъ отвѣчалъ, что онъ будетъ стараться всѣми силами ихъ поддерживать. Императоръ пожалъ ему руку и сказалъ: «Вы можете всегда разсчитывать на меня».

Въ началѣ 1873 года умерла великая княгиня Елена Павловна, и ея смерть была большой потерей для государя, такъ какъ, по словамъ лорда Лофтуса, онъ ее очень уважалъ и питалъ большое довѣріе къ ея способностямъ и уму. Вслѣдствіе этого всю зиму не было никакихъ придворныхъ приемовъ, но въ свѣтскомъ обществѣ продолжались балы и вечера. Также попрежнему давались блестящія представленія въ итальянской оперѣ съ Патти, а также въ русской оперѣ, которую «очень хвалили». «Вообще, — замѣчаетъ онъ, — русскіе страстно любятъ музыку, и въ Россіи существуетъ нѣсколько артистовъ и композиторовъ. Русскій національный гимнъ — «Боже, царя храни», который послѣ нашего: «Боже, храни королеву», величайшій національный гимнъ въ свѣтѣ». Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Петербургъ посѣтилъ германскій императоръ съ Бисмаркомъ и Мольтке, и, по словамъ посланника, былъ радушно встрѣченъ императоромъ и дворомъ, «общество же и народъ отнеслись къ нѣмцамъ очень холодно». Послѣ ихъ отъѣзда вскорѣ пріѣхалъ въ Петербургъ персидскій шахъ, который очень забавлялъ императора «странными манерами и полнымъ невѣдніемъ европейскихъ обычаевъ», такъ что Александръ II его называлъ: «Un bon enfant et quelque chose de tout nouveau». Вообще государь любилъ выражаться съ милой простотой; такъ, напримѣръ, по случаю по-

молвки великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ онъ выразился о своей дочери въ разговорѣ съ посланникомъ: «C'est une bonne petite chatte». Свадьба состоялась 11-го января 1874 года, и посланникъ очень подробно описываетъ ея церемонію и послѣдующія затѣмъ празднества. Но новаго и замѣчательнаго въ описаніи этой свадьбы ничего нѣтъ, а потому мы о ней не будемъ распространяться. Въ маѣ императоръ изъ любви къ дочери предпринялъ поѣздку въ Лондонъ, увѣряя, что это посѣщеніе сдѣлано инкогнито и имѣетъ характеръ «de соeur et de famille»; но ему не удалось сохранить это инкогнито. Къ его особѣ былъ приставленъ лордъ Лофтусъ, и англійская королева старалась обставить державное посѣщеніе самымъ пышнымъ образомъ. Парады, балы, банкеты слѣдовали одинъ за другимъ «къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ».

Въ дипломатическомъ отношеніи со времени назначенія англійскимъ посланникомъ лорда Лофтуса, главнымъ предметомъ общаго вниманія былъ вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ центральной Азіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ интригахъ Англій по поводу Индіи. «Я никогда не принадлежалъ,—говоритъ лордъ Лофтусъ,—къ тѣмъ людямъ, которые приписывали Россіи стремленіе къ Индіи, и не придавалъ значенія знаменитому завѣщанію Петра Великаго. Александръ II, упоминая объ этомъ документѣ, называлъ его апокрифическимъ и сочиненнымъ въ Парижѣ. Императоръ самъ былъ чрезвычайнаго мирнаго настроенія и говорилъ, «что вторженіе въ Индію было бы безуміемъ», но не могъ, по выраженію лорда Лофтуса, противиться вліянію окружающихъ. Къ тому же Горчаковъ держался, насколько могъ, національной русской политики. Ея же виднымъ представителемъ былъ посланникъ въ Турціи, генералъ Игнатьевъ. «Онъ былъ,—говоритъ Лофтусъ,—человѣкъ очень пріятнаго обращенія, очень способный, безгранично находчивый, чрезвычайно энергичный и увѣренный въ себѣ относительно всего, что предпринималъ. Но одинаково онъ обладалъ сильнымъ воображеніемъ, вслѣдствіе чего его словамъ и надеждамъ нельзя было всегда вѣрить. Послѣ возвращенія императора изъ Англій назначенъ былъ новый русскій посланникъ въ Лондонъ, графъ Петръ Шуваловъ. Его избраніе, по мнѣнію лорда Лофтуса, было самое удовлетворительное для поддержанія хорошихъ отношеній между обѣими странами. Кромѣ того, что онъ отличался высокими качествами, онъ былъ личный другъ императора. Въ Петербургѣ многіе удивлялись, что онъ рѣшился промѣнять свое положеніе царскаго друга на мѣсто посланника. Онъ, однако, былъ въ политическомъ отношеніи ретроградъ, а въ дипломатическомъ—сторонникъ дружескихъ отношеній съ Англіей. Самъ Горчаковъ, хотя ловко лавировалъ между союзомъ съ Англіей и патріотической политикой, всегда увѣрялъ англійскаго посланника, что онъ, «какъ Адамъ, совершенно нагъ и ничего не скрываетъ».

Въ 1875 году произошелъ извѣстный эпизодъ столкновения между Германіей и Франціей, по поводу котораго едва не вспыхнула вторичная война. Императоръ Александръ обѣщалъ французскому посланнику, Лефлю, уладить дѣло. Дѣйствительно онъ въ это время ѣхалъ въ Берлинъ, и тамъ, благодаря его нравственному вмѣшательству, Бисмаркъ былъ принужденъ отложить свое воинственное намѣреніе. Онъ даже свалилъ на Мольтке причину этого эпизода и со смѣхомъ говорилъ: «Фельдмаршалъ графъ Мольтке мальчишка въ политикѣ». Въ концѣ этого года и въ началѣ слѣдующаго разгорѣлся восточный вопросъ. Болгарскіе ужасы и сербская война возбудили въ Россіи энтузіазмъ въ пользу притѣсняемыхъ на востокѣ христіанъ. Сначала собирали пожертвованія на этихъ несчастныхъ, и стекались въ Сербію толпы добровольцевъ, а затѣмъ воинственное настроеніе достигло такой силы, что война становилась неизбежной. На желаніе лорда Лофтуса обратить вниманіе Горчакова на афганскій вопросъ послѣдній отвѣчалъ: «Когда у меня въ рукѣ китъ, то я не могу заниматься мелкими рыбами». Въ это бурное время случился забавный эпизодъ, который возбудилъ общій смѣхъ, какъ императора, такъ и лорда Лофтуса. «Однажды я обѣдалъ во дворцѣ съ императоромъ, его семействомъ и нѣкоторыми придворными, — рассказываетъ англійскій посланникъ. — Послѣ обѣда императоръ ушелъ въ свои апартаменты, а я остался въ гостиной. Вдругъ послышался голосъ Александра II: «Милордъ!». Я послѣшилъ на его зовъ, но оказалось, что онъ звалъ свою любимую собаку, чтобы по обыкновенію дать ей бисквитъ. Мы оба очень смѣялись».

О восточной войнѣ лордъ Лофтусъ говоритъ немного, такъ какъ русскій императоръ и князь Горчаковъ сопровождали войска до ваятія Плевны, и слѣдовательно весь политическій интересъ сосредоточивался далеко отъ Петербурга, гдѣ оставался посланникъ. Его положеніе въ это время было самое неловкое, такъ какъ русскіе были сильно разгнѣваны на англичанъ за ихъ дипломатическое противодѣйствіе. Но онъ все-таки старался предотвратить разрывъ между Англійей и Россіей. «*N'allez pas à Constantinople, c'est la guette*», — говорилъ онъ своимъ русскимъ друзьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ томъ же духѣ постоянно писалъ барону Жюмини, старшему чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшему на войну Горчакова. «Онъ былъ чрезвычайно уменъ, — рассказываетъ лордъ Лофтусъ, — его манеры были очень пріятны, и послѣ Горчакова онъ былъ лучшее перо въ министерствѣ. Онъ находился со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и я вполне цѣнилъ пріятное общество этого швейцарца по происхожденію». Возвращеніе князя Горчакова въ Петербургъ послѣ окончанія войны было самымъ тяжелымъ временемъ для лорда Лофтуса. Ему приходилось лавировать между интригами Биконсфильда и патрио-

тическими стремленіями Россіи. Горчаковъ ему прямо говорилъ, хотя и дружескимъ тономъ: «Я всегда восторгался Англійей и уважалъ ее, желая вѣчно поддерживать съ нею дружескія отношенія, но падать ницъ передъ нею—никогда». Несмотря на это гордое выраженіе, Англии удалось обойти графа Шувалова, второго уполномоченнаго на конгрессѣ, и заключить позорный для Россіи берлинскій трактатъ.

Берлинскимъ конгрессомъ закончилась не только дипломатическая дѣятельность лорда Лофтуса въ Россіи, но и вообще его служба по дипломатической части, такъ какъ онъ былъ назначенъ весной 1879 года губернаторомъ Новаго Южнаго Валлиса. На прощаніе съ Россіей онъ упоминаетъ о самомъ животрепещущемъ тогда вопросѣ, именно о нигилистахъ. «Внутренніе симптомы безпокойства и неудовольствія,—говоритъ онъ,—выражались распространеніемъ ядовитыхъ сѣмянъ нигилистическихъ обществъ, наиболѣе въ литературномъ и интеллигентномъ классѣ. Это безпокойство отчасти происходило отъ бѣдности, причина которой заключалась въ недостаткѣ земледѣльческихъ рукъ, отозванныхъ въ большее количество на войну, въ дурной администраціи, въ развратѣ и лихоимствѣ всѣхъ классовъ и вообще въ нераспространеніи свободы. Студенты С.-Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ произвели многочисленныя демонстраціи не отъ недостатка преданности правительству, а благодаря притѣсненію начальства. Въмѣсто того, чтобы учредить слѣдствіе, которое обнаружило бы, какія необходимы реформы, большое количество студентовъ было арестовано, и университеты закрыты. Полиція въ то время не открывала тайныхъ обществъ и не могла уничтожить посылки по городу анонимныхъ писемъ и разныхъ зажигательныхъ прокламацій. Слѣдствіемъ подобнаго общаго безпокойства и неблагонадежности было царство террористской системы, ослаблявшей дѣятельность властей».

Откланявшись государю и государынѣ, лордъ Лофтусъ дружески распростился къ княземъ Горчаковымъ, съ которыми онъ уже двадцать лѣтъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ особенно уважалъ его и считалъ его послѣднимъ могиканомъ великихъ дипломатовъ школы Талейрана, Меттерниха, Нессельроде и проч. Въ это время Горчаковъ уже не былъ дѣйствующимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Номинально онъ оставался еще канцлеромъ и говорилъ, что Гирсъ его официально замѣняетъ, но если будетъ большая дипломатическая битва, то онъ тотчасъ займетъ свое мѣсто.

Что же касется Гирса, то лордъ Лофтусъ отзывался о немъ, какъ о замѣчательно умномъ и пріятномъ челоуѣкѣ, который, по его словамъ, лучше всѣхъ въ Россіи былъ способенъ исполнять должность министра иностранныхъ дѣлъ. Передъ самымъ его отъѣздомъ австрійскій посланникъ давалъ въ честь его прощаль-

ный обѣдъ, и на благодарственную рѣчь на французскомъ языкѣ Лефлю замѣтилъ съ улыбкой: «Повидимому, на Темзѣ лучше говорить по-французски, чѣмъ на Сенѣ». Съ этимъ комплиментомъ, раздававшимся еще въ ухахъ, лордъ Лофтусъ выѣхалъ изъ Петербурга съ своимъ семействомъ въ 1879 году.

— Харбинъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ. Въ настоящее время иностранная журналистика изобилуетъ различными статьями о Дальнемъ Востока. Однѣ изъ нихъ состоятъ изъ личныхъ воспоминаній туристовъ, посѣтившихъ мѣста, на которыхъ теперь сосредоточено общее вниманіе; другія же обнаруживаютъ взгляды иностранныхъ публицистовъ на главнѣйшіе пункты настоящей русско-японской войны. Къ первымъ, между прочимъ, принадлежитъ полковникъ Бересфордъ, описавшій¹⁾ свое пребываніе въ Харбинѣ и Мукденѣ, а среди вторыхъ выдѣляется публицистъ Ангусъ Гамильтонъ, представившій характеристику Портъ-Артура и разобравшій его стратегическое значеніе. Обѣ эти статьи появились въ апрѣльскомъ номерѣ «Fortnightly Review».

Бересфордъ впервые посѣтилъ Харбинъ въ прошедшемъ году и, подѣзжая къ нему, былъ удивленъ тому вкусу, съ какимъ распланированъ этотъ новый городъ. Одноэтажные дома, расположенные большей частью на югъ, по его словамъ, чрезвычайно удобны и окружены каменной стѣной, за которой посажены, на казенный счетъ, фруктовыя и другія деревья. Казармы устроены отдѣльно на каждую роту, а лазаретъ такъ же раздѣленъ на нѣсколько живописныхъ барачковъ. По распланированнымъ улицамъ, въ то время еще покрытымъ грязью, устраивалось шоссе, тротуары изъ гранитныхъ плитъ и хорошо проложенныя водосточныя трубы. Вообще, по его мнѣнію, все устраивалось по образцу Лондона и Парижа, начиная съ фонарей и кончая различными городскими приспособленіями. Однимъ словомъ, все доказывало, что русскіе, какъ здѣсь, такъ и въ остальныхъ мѣстахъ Манчуріи, намѣрены остаться навсегда. Тогда русскихъ было въ Харбинѣ 20.000 человѣкъ, а теперь гарнизонъ его въ четыре раза многочисленнѣе, въ немъ находится главная квартира адмирала Алексѣева. По словамъ полковника Бересфорда, «этотъ городъ долженъ быть защищенъ Россіей, во что бы то ни стало, такъ какъ съ его потерей она не только лишится сообщенія съ Владивостокомъ, но не будетъ въ состояніи защитить Портъ-Артура, такъ какъ въ отношеніи моря ея власть, благодаря смѣлымъ дѣйствіямъ японцевъ, не вернется къ ней въ эту кампанію. Очень можетъ быть, что Россія на сухопутьѣ вознаградитъ свой морской неуспѣхъ, но, во всякомъ случаѣ, она должна для этого сохранить Харбинъ, или ея

¹⁾ From Harbin to Mukden; by col. de la Puer Beresford. «The Fortnightly Review». April, 1904.

престижъ въ Азіи совершенно исчезнетъ. Уже теперь вездѣ на базарахъ Самарканда, Бухары, Кашгара и въ Лхассѣ распространились слухи о русскихъ неудачахъ, и искусному генералъ-губернатору Туркестана будетъ очень трудно успокоить общественное мнѣніе. Поэтому въ ближайшемъ будущемъ Харбинъ сосредоточить на себѣ вниманіе всего свѣта».

Говоря о Харбинѣ, Бересфордъ замѣчаетъ, что китайскій старый городъ чрезвычайно грязенъ, а обычаи туземцевъ очень жестоки. Такъ въ продолженіе мѣсяца обыкновенно бываетъ до 60 убитыхъ. Городъ находится въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ съ одной стороны Владивостокъ, съ другой Портъ-Артуръ, находящійся на разстояніи 895 верстъ. Послѣдняя линія идетъ по богатѣйшимъ частямъ Гиринской и Синъ-Цинской провинцій. На каждомъ шагѣ видны слѣды комфорта и даже богатства. Черезъ Сунгари переброшенъ великолѣпный желѣзный мостъ, на гранитныхъ быкахъ, подъ который проходятъ барки съ хлѣбнымъ зерномъ. На лѣвомъ берегу, у самаго моста, виднѣются большія казармы, выстроенныя русскими, а далѣе заботливо обрабатываютъ китайцы рисовыя поля; на востокъ простирается плодородная равнина до горнаго края, многочисленныя, благоденствующія селенія слѣдуютъ одно за другимъ. Станціи желѣзной дороги попадались въ этой мѣстности все чаще, и русскіе гарнизоны казались на нихъ многочисленнѣе. Солдаты были на взглядъ очень веселы, а главнымъ ихъ занятіемъ была варка щей. Туземцы же были очень покорны и спокойны. Вообще Манчжурія, по словамъ Бересфорда, быстро становится русской. Названія станцій написаны по-русски, и мальчишки, продающіе яйца, называютъ ихъ по-русски, а не по-китайски. На станціяхъ виднѣются всюду русскіе самовары, но вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ множество кулиевъ изъ Шанъ-Тунга, которые очень дерзко обращаются съ русскими. Одинъ офицеръ такъ выразился о нихъ: «они строятъ желѣзную дорогу, и мы должны строго слѣдить за ними. По правдѣ сказать, я очень хотѣлъ бы отдѣлаться отъ этихъ грязныхъ животныхъ». Маленькій городокъ Телинъ довольно красивый и окруженъ огородами, въ которыхъ виднѣются редиски и латукъ. За ними тянутся голубоватыя горы, и здѣсь все напоминаетъ китайскую провинцію—колыбель манчжуровъ.

По близости находится Мукденская станція, а въ 14 верстахъ отъ нея лежитъ и сама старинная столица Манчжуріи—Мукденъ. Исторія занятія Мукдена русскими полна перипетій. «Сначала, — рассказываетъ Бересфордъ, — рѣшено было, изъ уваженія къ императорской семьѣ, не занимать этого города, а русскій генералъ занялъ только наблюдательный постъ близъ города, солдатамъ же дозволялось посѣщать его. Туземцы были очень дружелюбны къ русскимъ, но однажды какой-то солдатъ, вѣроятно, въ пьяномъ

видѣ, произвелъ скандалъ и былъ арестованъ китайской полиціей. На слѣдующее утро его представили мандарину, который поступилъ съ нимъ, какъ со своими единоплеменниками, приказавъ его повѣсить на западныхъ воротахъ городской стѣны. Жестокое приказаніе было исполнено, и на слѣдующее утро русскіе къ ужасу увидали солдата, пригвожденнаго къ воротамъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до генерала Гродекова, командовавшаго войсками въ округѣ, то онъ пришелъ въ негодованіе отъ такого оскорбленія Россіи и христіанской религіи, а потому отдалъ городъ на разграбленіе солдатъ въ продолженіе трехъ дней. Солдаты были очень рады этому распоряженію и съ удовольствіемъ отомстили за смерть товарища убійствомъ всѣхъ попадавшихся имъ навстрѣчу китайцевъ. Богатыя бронзы, роскошныя шелковыя матеріи, жемчуга, драгоценныя древніе документы—все было истоптано и выброшено на улицу. Со времени этой катастрофы китайцы никогда не смѣли поднять головы передъ русскими, и хотя послѣдніе удалились изъ города, но они во всемъ имъ повиновались. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, китайцы присудили къ смерти одного мѣстнаго разбойника, но русскіе за него заступились и требовали его помилованія. Китайскія власти не обратили вниманія на эту просьбу и казнили злодѣя, тогда русскій начальникъ приказалъ занять Мукденъ, и говорятъ, вдовствующая императрица была разгнѣвана этимъ обстоятельствомъ не менѣе взятія пекинскаго дворца. Но русскіе, по словамъ англичанина, надо сознаться, со времени занятія Мукдена, обращаются съ мѣстными жителями очень мягко. Многіе изъ торговцевъ свидѣтельствуютъ, что имъ теперь безопаснѣе жить, чѣмъ во времена манчжурскихъ мандариновъ. Этому легко повѣрить при видѣ улыбающейся страны, покрытой садами и цѣлымъ роемъ роскошной растительности».

Несмотря на эту внѣшнюю роскошь, Мукденъ на взглядъ, очень мраченъ. Теперешній Мукденъ состоитъ изъ двухъ городовъ, окруженныхъ двумя стѣнами: внѣшней изъ грязи, а внутренней изъ камней. Отъ древняго Мукдена всячески отдаетъ Китаемъ, а русскій городъ, окружающій станцію, напоминаетъ Россію съ ея чиновниками, солдатами, самоварами, пищею и нравами. Въ китайскихъ же жилищахъ, особенно во дворцѣ основателя манчжурской династіи, все производитъ мрачное впечатлѣніе. Здѣсь все напоминаетъ о прошломъ величія богдыхановъ, и, по словамъ Бересфорда, теперь «колыбель великой династіи дрожить подъ ступней русскаго царя». Такимъ образомъ въ этой статьѣ то говорится о величіи русскаго могущества, то о современныхъ морскихъ успѣхахъ японцевъ и въ концѣ концовъ, хотя по мнѣнію автора, за спиной Японіи стоитъ Англія, но имъ не справиться даже вдвоемъ съ миллионной арміей, которую Россія можетъ выставить въ Азію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Другая статья ¹⁾ въ томъ же журналѣ посвящена Портъ-Артуру, и ея авторъ, Ангусъ Гамильтонъ, сначала вспоминаетъ историческое прошедшее этой крѣпости. Какъ извѣстно, до китайско-японской войны портъ былъ въ безспорномъ владѣніи Китая, но 21-го ноября 1894 г. онъ былъ взятъ японскими войсками, а по мирному трактату, заключенному между обѣими странами и подписанному въ Симоносеки, Портъ-Артуръ вмѣстѣ съ Ляодунскимъ полуостровомъ былъ присоединенъ къ Японіи. Однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря соединенному дѣйствію Россіи, Франціи и Германіи, Японія принуждена была возвратить по пекинскому трактату 8-го ноября 1895 г. всю территорію, занятую ею по предварительному соглашенію съ Китаемъ. Спустя три года, китайцы уступили Портъ-Артуръ Россіи на арендномъ условіи, и съ того времени, послѣдняя быстро укрѣпилась какъ въ Портъ-Артурѣ, такъ и въ простиравшейся за нею Манчжуріи.

Стратегически положеніе Портъ-Артура имѣетъ большое значеніе, такъ какъ онъ владычествуетъ надъ заливомъ Чжилійскимъ, Ляодунскимъ и Корейскимъ. Съ другой стороны, сухопутныя сообщенія съ крѣпостью очень неудовлетворительны и съ обоеихъ заливовъ—Ляодунскаго и Корейскаго,—очень легко направлять на желѣзную дорогу такой убійственный огонь, что она долго не выдержала бы. Гавань Портъ-Артура—круглая бухта въ двѣ мили ширины, съ востока на западъ, и въ одну милю длины съ сѣвера на югъ. Ее окружаютъ высокія горы, и единственный доступъ въ нее съ южной стороны состоитъ изъ узкаго прохода, охраняемаго съ юго-запада нѣсколькими опасными рифами. Отъ дурной же погоды ей служить защитой каменистая коса, извѣстная подъ названіемъ Тигроваго Хвоста, діагонально идущаго черезъ ея сѣверную оконечность. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ ея входъ равняется 900 футъ, такъ что большимъ судамъ трудно входить въ портъ. Морской бассейнъ, или Восточный Портъ, находится противъ входа въ гавань, и въ немъ помѣщаются военныя суда. Этотъ бассейнъ устроенъ китайцами подъ руководствомъ французовъ, которые также сдѣлали сухой докъ на сѣверной сторонѣ. Съ точки зрѣнія военной тактики Портъ-Артуръ очень трудно взять. Очень сильныя фортификаціи окружаютъ его со стороны суши и усиливаютъ всѣ окружныя возвышенности. Со времени занятія Портъ-Артура русскими защита его усилена замѣчательнымъ образомъ. Съ каждой стороны гавани тянутся по скаламъ ряды сильныхъ фортовъ, которые защищаютъ русскихъ безконечною линіей укрѣпленій. Затѣмъ до самаго Дальняго, въ двухчасовомъ пути по желѣзной дорогѣ отъ Портъ-Артура, продолжается система фортовъ и укрѣпленій. По мнѣнію Гамильтона, если даже предположить,

¹⁾ Port-Arthur, by Angus Hamilton. «Fortnightly Review».

что съ моря Портъ-Артуръ можетъ быть уничтоженъ, то невозможно бомбардировкой заставить замолчать крѣпость, отчасти замаскированную природой.

Несмотря на всю защищенность Портъ - Артура, Гамильтонъ совѣтуетъ Россіи ловкимъ движеніемъ очистить эту крѣпость и сосредоточить всѣ свои силы на Харбинѣ. Тогда, по его словамъ, располагая 400.000 человекъ войска, Россія могла бы окончательно укрѣпиться въ Манчжуріи и нанести роковой ударъ японцамъ. Насколько этотъ совѣтъ не искрененъ, а лицемеренъ, можно заключить уже по тому, что въ подобномъ случаѣ русскій флотъ на Дальнемъ Востокѣ перестанетъ существовать, по крайней мѣрѣ, Портъ-Артурская эскадра. Мы приводимъ это мнѣніе англійскаго публициста, чтобы показать, до какой степени враждебно относятся къ Россіи англичане, хотя они фактически и здраво описываютъ стратегическіе пункты театра настоящей войны.

— Профессоръ Шиманнъ и новая характеристика Александра I-го. Ученый профессоръ Берлинскаго университета, Теодоръ Шиманнъ, предпринялъ обширный трудъ ¹⁾ подъ названіемъ «Исторія Россіи при императорѣ Николаѣ», но его только-что вышедшій первый томъ посвященъ исключительно Александру I-му, на царствованіе котораго Шиманнъ смотритъ, какъ на введеніе къ исторіи его преемника. Онъ десять лѣтъ составлялъ это историческое и политическое вступленіе, которое считаетъ необходимымъ для основательнаго знакомства съ послѣдующей исторіей Россіи. Обстоятельства царствованія Николая и его личность не могутъ быть, по мнѣнію профессора, точно выяснены безъ полной и обстоятельной характеристики Александра I-го, какъ человека и государя. Онъ даже не довольствовался опредѣленіемъ жизненной дѣятельности и характера Александра Павловича, а въ первой главѣ кратко, но живо представляетъ очеркъ результатовъ царствованія Петра Великаго и его преемниковъ до правленія Павла. Затѣмъ онъ мастерски излагаетъ, хотя уже всѣмъ извѣстные, факты Александровскаго времени, долготѣнюю борьбу императора съ Наполеономъ, отношенія къ Польшѣ и Восточному вопросу, внутреннюю политику и опыты внутреннихъ реформъ. Хотя въ сущности въ талантливомъ изложеніи Шиманна нѣтъ ничего новаго или оригинальнаго относительно самихъ фактовъ, внутренняго положенія страны, вѣдшихъ европейскихъ событій и вообще жизненной дѣятельности Александра I-го, но рисуемый имъ портретъ императора, какъ человека, возбуждаетъ много интересныхъ, хотя и не новыхъ вопросовъ.

По мнѣнію Шиманна, Александръ удивительно владѣлъ собою и

¹⁾ Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Von Theodor Schimann. Berlin. 1904.

въ отношеніяхъ съ другими людьми выказывалъ себя необыкновенно пріятнымъ человѣкомъ. Онъ одинаково очаровывалъ Наполеона, Меттерниха, различныхъ дипломатовъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, и частныхъ людей, съ которыми онъ обращался внѣ всякаго придворнаго этикета. Развивая далѣе свой взглядъ на Александра, Шиманнъ говоритъ, что императоръ былъ самолюбивъ до крайности и соединялъ въ себѣ смѣсь либеральныхъ стремленій, мистическихъ теорій и самонадѣянности. Ловкій и скрытный въ политикѣ, онъ всегдѣ болѣе желалъ прослыть благороднымъ и безкорыстнымъ, и хотя вполне умѣлъ скрывать свои тайны, но его политическіе противники ясно видѣли, къ чему онъ стремился. Наполеонъ его называлъ «Un grec du Bas-Empire», а въ семействѣ онъ извѣстенъ былъ подѣ прозвищемъ «L'ange». По словамъ нѣмецкаго профессора, въ Александрѣ вѣчно эти двѣ души боролись за свое превосходство, и потому нельзя произнести надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, обвинительнаго или оправдательнаго приговора, такъ какъ онъ сдѣлалъ своему народу и добро и зло. Благодаря этому глубокому психологическому изслѣдованію одной изъ главныхъ личностей XIX-го столѣтія, нельзя не обратить вниманія на книгу профессора Шиманна и съ любопытствомъ ожидать его характеристики императора Николая.

— Тургеневъ и Бальзакъ въ оцѣнкѣ Джорджа Мура. Талантливый англійскій романистъ реальной школы, Джорджъ Муръ, помѣщаетъ въ «Pall Mall Magazine» цѣлый рядъ литературныхъ этюдовъ, подѣ названіемъ «Признанія». Они отличаются мастерскимъ изложеніемъ, художественными характеристиками и оригинальными взглядами. Въ одномъ изъ этихъ очерковъ ¹⁾ Джорджъ Муръ останавливается на любопытномъ фактѣ, что русскій, лучше сказать, всесвѣтный, реалистъ Тургеневъ не цѣнилъ другого столь же всесвѣтнаго реалиста Бальзака. «Онъ, повидимому, — замѣчаетъ Муръ, — не много говорилъ объ этомъ, и мы сомнѣваемся, считалъ ли онъ предметъ недостойнымъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, или желалъ возбудить наше любопытство своими словами, какъ Гете, который, конечно, только изъ самолюбія заявилъ, что было бы лучше, если бы Лютеръ не родился. Гете всегда заботился, чтобы люди придавали важное значеніе его словамъ, и вся его жизнь была такъ распланирована, что литературный и научный міръ обращалъ на него вниманіе. Но Тургеневъ былъ разумнѣе: онъ не терялъ времени на обдумываніе своей литературной репутаціи; когда онъ говорилъ о Бальзакѣ все, что было у него на умѣ, то этотъ простой славянинъ не думалъ, что его слова имѣли какое нибудь значеніе. Онъ могъ по силѣ своего генія откладывать въ сторону то, что до него не

¹⁾ Avowals, by George Moore. «Pall Mall Magazine». April 1904.

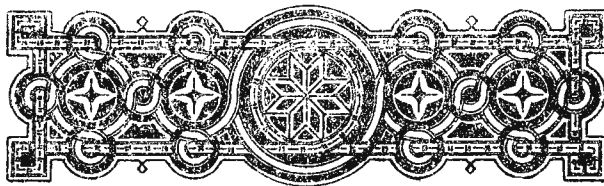
касалось, и справедливо смотрѣлъ на свою неспособность понять Бальзака, какъ на нѣчто неважное для него». Впрочемъ Муръ прибавляетъ, что такіе факты непризнанія однимъ гениемъ другого—не рѣдки: такъ Веберъ смѣялся надъ пасторальной симфоніей Бетховена, находя ее тривиальной. Далѣе, говоря о той же неспособности Тургенева понять Бальзака, англійскій реалистъ прибавляетъ: «Долгое время я удивлялся этому, но теперь, обсуждая прозаическіе рассказы Тургенева, я понялъ, что это обстоятельство было естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ генія Тургенева. Если Тургеневъ не понималъ Бальзака, то лишь потому, что былъ Тургеневымъ, а Бальзакъ былъ Бальзакомъ; понимать же ихъ обоихъ значитъ понимать все искусство прозаическихъ рассказовъ, такъ какъ, по правдѣ, другихъ прозаическихъ рассказчиковъ не было. Искусство художественной прозы такъ трудно, что только эти два художника, которыхъ послѣдующія поколѣнія читали, умѣли ее писать. Много было поэтовъ, много живописцевъ и много скульпторовъ, но писателей рассказовъ было только два. Правда, что нѣсколько интеллектуальныхъ людей были способны на созданіе повѣствовательной прозы, заслуживающей вниманія, какъ Толстой, Флоберъ, Гюисмансъ и Гонкуры. Толстой хотя пишетъ съ такимъ яснымъ умомъ, какъ блескъ электрической лампы, но этотъ свѣтъ бѣлый, рѣзкій, грубый, а часто непріятный; проза Флобера представляетъ восхитительную мозаику, но его лучшія книги не романы, а сатиры; Гюисмансъ въ своей «En route» и Гонкуры написали только нѣсколько страницъ, которыя, положимъ, еще будутъ приводить въ удивленіе послѣдующія поколѣнія.

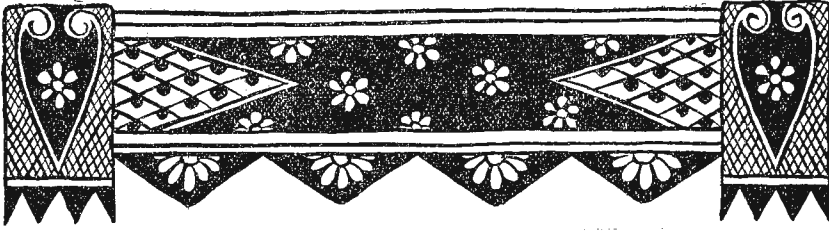
Продолжая сравненіе Тургенева съ Бальзакомъ, Муръ называетъ послѣдняго изобразителемъ жизни, который не только давалъ жизнь всѣмъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, но у него жили дома, мебель, каминъ, шляпы, галстуки. «Это писатель,—говоритъ Муръ,—у котораго все живетъ. Флоберъ старался писать совершеннѣе, но его изображенія производятъ впечатлѣніе прекраснаго ваянія. Тургеневъ же представляетъ жизнь, какъ мы о ней думаемъ, а Бальзакъ—всю жизнь, какъ она есть. Тургеневъ рисуетъ сердце жизни, съ безконечнымъ его біеніемъ. Съ самаго начала онъ ясно видѣлъ жизнь, полную безумія и зла; нравственность ему представлялась миеомъ и только одна красота—реальностью. Поэтому разумнѣе всего слѣдовать за красотой, и художникъ можетъ учить міръ, только представляя ему образы красоты. Кто-то сказалъ, что рассказъ Тургенева совершеннѣе всего на свѣтѣ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ—и это правда. Бальзакъ насъ болѣе поражаетъ, чѣмъ Тургеневъ, и самъ по себѣ онъ полнѣе, какъ, на примѣръ, Микель-Анжело, но подобно тому, какъ Фидій прекраснѣе послѣдняго, такъ Тургеневъ красивѣе и совершеннѣе Бальзака. Все, что мы говоримъ о Тургеневѣ, мы можемъ сказать съ такою

же справедливостью о Фидіи». Но если сравнивать Тургенева съ какимъ нибудь живописцемъ, то онъ ближе всего подходитъ, по мнѣнію Мура, къ французскому художнику Коро. «Оба они поражаютъ, говоритъ онъ, простотой своихъ произведеній и однородностью ихъ тона. Такъ у Коро вѣчно царитъ мягкій сѣроватый колоритъ, который у Тургенева является главнымъ тономъ его произведеній. Когда я говорю о Тургеневѣ, то думаю о Коро, и когда смотрю на картину Коро, то думаю о повѣсти Тургенева. Уайтманъ называетъ Тургенева «благороднымъ и меланхоличнымъ», и никакія слова не могутъ его лучше обрисовать. По словамъ этого же американца, нѣтъ на свѣтѣ удивительнѣе рассказчика, чѣмъ Тургеневъ. Я не сразу понялъ Тургенева и Коро,—говоритъ Муръ,—но теперь я вполне понимаю повѣсть Тургенева и картину Коро».

Въ концѣ своей статьи Муръ возвращается къ Бальзаку и говоритъ: восторгаюсь имъ наравнѣ съ Вагнеромъ, но Тургеневъ и Коро — го святилище, въ которомъ я отдыхалъ, предавался мечтамъ, и оба они сосредоточиваютъ въ себѣ все, въ чемъ я нуждаюсь. Эти родственныя души дышатъ одинаково красотой. Я полагаю, что Тургеневъ любилъ Коро, какъ Бальзакъ живописца Мане, конечно, послѣдній мелкая личность въ сравненіи съ Бальзакомъ, но они въ одномъ одинаковы: ни тотъ, ни другой не имѣлъ своей собственной точки зрѣнія, и, быть можетъ, поэтому Мане не любилъ Коро, а Тургеневъ не любилъ Бальзака.

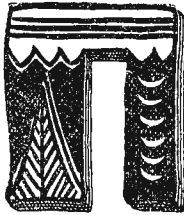
В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Сост. Майковъ. Спб. 1904.

ПРОШЕДШАГО года 3-го февраля минуло двѣсти лѣтъ со дня рожденія одного изъ славныхъ сподвижниковъ Екатерины II — Ивана Ивановича Бецкаго. Несмотря на то, что прошелъ такой значительный промежутокъ времени, до сихъ поръ не появлялась подробная его біографія, и только теперь, по случаю юбилея этого замѣчательнаго общественнаго дѣятеля XVIII столѣтія, явился первый обстоятельный опытъ его жизнеописанія, составленный П. М. Майковымъ. За этотъ историческій трудъ авторъ удостоился получить академическую премію. Основная, кропотливая работа, положенная въ основу этой книги, потребовала тщательнаго разсмотрѣнія не только всей печатной литературы о Бецкомъ, но и обширныхъ архивныхъ матеріаловъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Не довольствуясь этимъ, авторъ производилъ справки даже въ шведскихъ архивахъ. Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что П. М. Майковъ не пропустилъ ни одного источника, изъ котораго могъ почерпнуть свѣдѣнія о всесторонней, разнообразной дѣятельности своего героя.

Существуетъ мнѣніе, что Бецкой былъ незаконный сынъ князя Ивана Юрьевича Трубецкаго и родился во время его восемнадцатилѣтняго пребыванія въ плѣну въ Стокгольмѣ. Его мать неизвѣстна. Но самъ Бецкой признавалъ себя польскимъ шляхтичемъ и увѣрялъ, что его родственники служили въ Польшѣ. Въ виду этой бездоказательности происхожденія Бецкаго, г. Майковъ наводилъ справки въ Стокгольмѣ и въ Новгородѣ, гдѣ оказался архивъ стокгольмской православной церкви, но ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не

нашлось за данное время церковных дѣлъ и записей. Если официально и подлинно не удостовѣрено происхождение Бецкаго, то точно также неизвѣстно, когда именно онъ родился; вообще же принято считать, что онъ родился въ 1703 г., такъ какъ это число обозначено на его надгробномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ.

О дѣтствѣ Бецкаго также смутны извѣстія: по однимъ свѣдѣніямъ онъ воспитывался за границей, а по другимъ—его отецъ, князь Трубецкой, держалъ ребенка при себѣ въ Петербургѣ и Стокгольмѣ, чему нимало не препятствовала жена, урожденная Нарышкина. Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ свидѣтельствуетъ, что всѣ дѣти Трубецкого получили прекрасное воспитаніе, а, по словамъ Нащокина, Бецкой былъ воспитанъ съ «презрѣднымъ ученіемъ». Самъ Бецкой увѣряетъ въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ II, что онъ воспитывался въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ, но г. Майковъ наводитъ справки въ этомъ корпусѣ, и въ его архивѣ не упоминается о такомъ кадетѣ. Вопросъ объ его окончательномъ образованіи также составляетъ загадку, хотя очень вѣроятно, что онъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границей и тамъ научился въ совершенствѣ французскому и нѣмецкому языкамъ. Достоверно лишь то, что въ 1722 г. онъ уже былъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и состоялъ секретаремъ при русскомъ послѣ въ Парижѣ, кн. В. Л. Долгорукомъ, а потомъ вскорѣ перешелъ въ качествѣ адъютанта къ своему отцу князю Трубецкому, бывшему кievскимъ генералъ-губернаторомъ. Этотъ вполне достоверный фактъ относится къ 1728 г., а слѣдовательно доказываетъ всю нелѣпость разсказа о томъ, что Бецкой былъ отцемъ Екатерины II. Извѣстно, что она родилась 27-го апрѣля 1729 г., значить, ея отецъ долженъ былъ находиться въ первой половинѣ 1728 года въ Германіи или во Франціи, а согласно официальнымъ документамъ Бецкой былъ въ это время въ Россіи. Насколько извѣстно, Бецкой оставался при своемъ отцѣ, произведенномъ между тѣмъ въ генералъ-фельдмаршала, на службѣ до 1740 г., когда принялъ участіе въ государственномъ переворотѣ, который возвелъ на престолъ Елизавету. Назначенный камергеромъ при ея наслѣдникѣ, герцогѣ Гольштинскомъ, онъ былъ до 1747 г. выдающимся лицомъ при маломъ дворѣ, благодаря знанію иностранныхъ языковъ. Но съ этого года его удалили отъ будущихъ Петра II и Екатерины II, вслѣдствіе происковъ Бестужева. Въ слѣдующемъ году Бецкой отправился за границу и оставался тамъ четырнадцать лѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ непродолжительныхъ пріѣздовъ въ Россію.

Во время этого долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ Бецкой посѣтилъ Германію, Италію, Голландію, Австрію и Францію, при чемъ жилъ преимущественно въ Парижѣ и Вѣнѣ. Хотя нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ за границей Бецкой, такъ какъ его дневникъ безвозвратно исчезъ во время путешествія, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ представлялся въ Версалѣ Людовику XVI и посѣщать салоны г-жи Жоффренъ и Леспинасъ, гдѣ видѣлся со знаменитыми и просвѣщеннѣйшими людьми того времени. Извѣстный Гриммъ, который велъ переписку съ Екатериной II, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «J'avais l'honneur de connaître général Betzky pendant son séjour en France». Гораздо позже, въ царствованіе Екатерины II, г-жа Жоффренъ по

случаю временной размолвки императрицы съ Бецкимъ писала: «ce que l'Impératrice nomme (dans sa lettre) le vilain général est le général Betsky, son favori, qui est un homme très aimable, qui a fait plusieurs voyages à Paris et y a séjourné longtemps. Il est mon ami». Благодаря близкому знакомству со многими учеными, литераторами и художниками того времени, Бецкой усвоилъ себѣ филантропическіе взгляды энциклопедистовъ на воспитаніе, что побудило его впоследствии сдѣлаться распространителемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Послѣ внезапной смерти императрицы Елисаветы въ 1761 г. новый императоръ, Петръ III, неожиданно вызвалъ Бецкаго въ Россію и назначилъ его съ чиномъ генераль-поручика «директоромъ канцеляріи отъ строенія». О дѣятельности Бецкаго во время царствованія Петра III извѣстно не много, а въ государственномъ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Екатерину II онъ участвовалъ только теоретически и, по словамъ французскаго посланника Беранже: «le général Betskoi n'emettait que des vœux pour le succès de la conspiration»: Даже официально извѣстно, что во время путешествія Петра II изъ Петергофа въ Кронштадтъ и Ораніенбаумъ Бецкой находился при императорѣ. Какъ бы то ни было, но послѣ восшествія на престолъ Екатерины II онъ примкнулъ къ числу ближайшихъ ея сподвижниковъ, и его гуманная, челоѡкълюбивая и высокопросвѣщенная дѣятельность составила одну изъ славныхъ страницъ царствованія великой императрицы. Главный предметъ его долговременной дѣятельности—воспитаніе, развѣтвлялся на многія отрасли: устройство воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, созданіе учрежденій, находящихся при воспитательныхъ домахъ, какъ казны—вдовьей, ссудной и сохранной, открытіе воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (Смоленскій монастырь) и училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ, основаніе въ Петербургѣ академіи художествъ и сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, наконецъ учрежденіе коммерческаго училища.

Екатерина II высоко цѣнила труды Бецкаго и писала между прочимъ г-жѣ Жоффренъ: «le général est terriblement occupé, non seulement de sa place, mais encore de quantité de nouveaux établissemens et projets. Nous l'appelons le magasin des enfans». Въ первые годы своего царствованія она особенно благоволила къ Бецкому, давала ему всевозможныя порученія, назначала его участвовать въ главныхъ торжествахъ при своемъ блестящемъ дворѣ, постоянно съ нимъ совѣтовалась о важныхъ дѣлахъ, видалась съ нимъ почти ежедневно, допускала его до своего стола безъ приглашенія и по вечерамъ, занимаясь рукодѣліемъ, слушала его чтеніе. Конечно, по временамъ, они спорили, и по случаю такихъ ссоръ Екатерина называла его «старымъ хрычемъ». Годы шли за годами, Бецкой все болѣе и болѣе дряхлѣлъ и терялъ силы, а сама Екатерина также съ приближавшейся старостью становилась нетерпѣливой и теряла свое добродушіе. Она сердилась на то, что ея тецъ читалъ невнятно и лѣниво, а за годъ до его смерти она писала Гримму: «Betsky aveugle, decrepit et plus que radotant qui demande aux jeunes gens s'ils ont connu Pierre le Grand». Такимъ образомъ обращеніе старика стало угрюмымъ и суровымъ, несмотря на свою постоянную доброту, и Екатерина потеряла къ нему прежнее сочувствіе. Когда же онъ умеръ на девяносто второмъ году отъ роду, она не только не горевала о немъ,

но даже не присутствовала на его похоронахъ и самымъ равнодушнымъ образомъ писала Гриму о его кончинѣ. По ея словамъ, «онъ десять лѣтъ былъ уже слѣпымъ, семь лѣтъ находился какъ бы впавшимъ въ дѣтство и даже иногда терялъ рассутокъ». Но его современники высказывали по поводу его смерти самыя задушевыя мысли. Такъ Румянцевъ-Задунайскій говорилъ: «Бецкой дѣлалъ болѣе, чѣмъ природа; природа только производитъ и бросаетъ свое произведеніе, а Бецкой поднималъ брошенное, кормилъ, воспитывалъ и создавалъ человѣка». Сергѣй Глинка писалъ: «Бецкой имѣлъ неусынную мысль о благѣ человѣчества», а пѣвецъ Екатерининскаго времени, Державинъ, воспѣлъ Бецкаго словами:

Кто расточалъ—ты жизнь берегъ.
Кто для себя—ты жилъ для всѣхъ.

В. Т.

Отчетъ Императорской Публичной библиотекы за 1899 годъ. Спб. 1903.

Заоздавшій, по обыкновению, отчетъ Публичной библиотекы заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія лишь за 1899 годъ. Въ теченіе этого года наше книгохранилище обогатилось многими капитальными приобрѣтеніями по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Въ рукописное отдѣленіе поступило драгоцѣнное собраніе древнихъ, частью пергаменныхъ, частью бумажныхъ, рукописей на языкахъ греческомъ, славянскомъ, еврейскомъ, халдейскомъ, самарянскомъ, сирийскомъ, армянскомъ, грузинскомъ и абиссинскомъ, принадлежавшихъ начальнику русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ епископу Антонину Капустину, замѣчательному коллекціонеру, археологу и практическому дѣятелю, умершему въ 1894 году, до того же долго жившему на европейскомъ юго-востоку, Левантѣ и въ Передней Азіи и Египтѣ, гдѣ имъ и совершенно нѣсколько замѣчательныхъ путешествій, изъ которыхъ особенно важна по добытымъ результатамъ имъ самимъ описанная въ двухъ томахъ «Поѣздка» по Македоніи. Всего въ Антониновскомъ собраніи заключается 1.189 рукописей, и всѣ онѣ описаны въ разбираемомъ отчетѣ специалистами и знатоками своего дѣла: славянскія—И. А. Бычковымъ, греческія—профессоромъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, арабскія—профессоромъ В. Д. Смирновымъ, еврейскія, халдейскія и сирийскія—А. Я. Гаркави, самарянскія—профессоромъ П. К. Коковцовымъ, армянскія—профессоромъ Н. Я. Марроу и абиссинскія—профессоромъ В. А. Тураевымъ. Что касается славянскаго отдѣла, то онъ въ Императорской Публичной библиотекѣ замыкаетъ собою предшествующія собранія по этой части, знаменитыя коллекціи А. Ф. Гильфердинга (двѣ серіи), князя Лобанова-Ростовскаго, епископа Порфирія Успенскаго, С. И. Верковича и П. Сарафова, брата извѣстнаго агитатора и борца за свободу Македоніи¹⁾.

¹⁾ Пользуемся настоящимъ случаемъ сообщить, въ видѣ подстрочнаго примѣчанія, что хотя епископъ Антонинъ и уступилъ свое собраніе Императорской Публичной библиотекѣ за деньги (за 5.000 рублей), но покойный владыка побу-

Кромѣ того, бібліотека купила у извѣстнаго москвича-эллинофила А. Петрова, безвыѣздно проживающаго въ Аѳинахъ, небольшое собраніе греческихъ рукописей, описанныхъ въ разбираемомъ отчетѣ профессоромъ С.-Петербургскаго университета А. И. Пападопуло-Керамевсомъ. Сенаторъ Г. К. Рѣпинскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжалъ обогащеніе рукописнаго отдѣленія бібліотеки автографами изъ сенатскаго архива, дальнѣйшее храненіе которыхъ въ этомъ архивѣ признано ненужнымъ. Большую цѣнность имѣетъ пріобрѣтенное бібліотекою собраніе автографовъ Ник. Ник. Новикова, бывшаго окружнымъ инспекторомъ (при М. Н. Муравьевѣ, И. П. Корниловѣ и П. Н. Батюшковѣ) въ Виленскомъ учебномъ округѣ и умершаго недавно (въ 1898 году) въ должности члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Оставшіяся послѣ Н. Н. Новикова бумаги относятся главнымъ образомъ къ первому періоду его дѣятельности и представляютъ значительный интересъ для исторіи народнаго образованія и вообще общественныхъ отношеній въ сѣверо-Западномъ краѣ. Всѣхъ писемъ къ Новикову имѣется 1.788. Въ числѣ ихъ находятся автографы: И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, П. Н. Батюшкова, его супруги С. Н. Батюшковой (рожденной Кривцовой), П. А. Безсонова, Н. М. Благовѣщенскаго, А. Д. Галахова, А. Θ. Гильфердинга, Я. Θ. Головацкаго, Д. И. Иловайскаго, К. П. фонъ-Кауфмана, И. П. Корнилова, В. П. Кулина, Б. М. Маркевича, Н. А. Некрасова, А. В. Рачинскаго, Ю. Θ. Самарина, Т. И. Филиппова, П. К. Щебальскаго, Е. М. Θεоктистова и другихъ. Кіевскій цензурный комитетъ передалъ бібліотекѣ 203 рукописныхъ сочиненія разныхъ авторовъ, которыя не были имъ разрѣшены къ напечатанію въ теченіе 1885—1898 годовъ. Значительная часть этихъ сочиненій на малорусскомъ нарѣчій. За самыми незначительными исключеніями, они въ научномъ или литературномъ отношеніи не представляютъ значенія. Можно изъ нихъ отмѣтить лишь рукописи П. А. Кулиша «Царь Наливай», староруська исторична драма (1596 г.), автографъ Кулиша, и «Давинъ», староруськи думы и сѣбвы, автографъ его же, и Д. Л. Мордовцова «Казакъ и море», стихотворные отрывки изъ исторіи морскихъ походовъ запорожскаго казачества въ началѣ XVII вѣка. Изъ отдѣльныхъ пріобрѣтеній бібліотеки, сдѣланныхъ въ отчетномъ году, особенно заслуживаютъ упоминанія слѣдующія печатныя произведенія:

I. По богословскому отдѣленію—полное собраніе сочиненій д-ра М. Лютера, печатавшееся 16 лѣтъ сряду въ Веймарѣ и содержащее 20 томовъ, 1883—1899 годовъ. II. По отдѣленію книгъ и изданій эпохи Петра Великаго—путемъ покупки пріобрѣтено 28 указовъ Петра Великаго за 1714, 1715, 1719, 1721—1724 годы, печатанныхъ гражданскою азбукою и необозначенныхъ въ извѣстномъ каталогѣ петровскихъ изданій, составленномъ А. Θ. Бычковымъ и продолженномъ его сыномъ, бібліотекаремъ И. А. Бычковымъ. III. По отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ,—путемъ покупки пріобрѣ-

ждался къ этому вовсе не какими либо стязательными цѣлями: всѣ эти деньги императорское русское посольство въ Константинополь, въ силу духовнаго завѣщанія нашего архіерея, доставило полностью на построеніе въ г. Анкарѣ (Ангорѣ) въ Малой Азіи церкви во имя св. мученика Антонина.

тено нѣсколько неизвѣстныхъ манифестовъ и указовъ императрицы Анны Иоанновны и злополучнаго императора Иоанна III (стр. 112 и 113 отчета). У антикварія Шибанова приобрѣтены, между прочимъ, «Нѣкоторыя правила для обхождения съ нижними чинами въ 9 пѣхотной дивизіи», напечатанныя, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, въ Нанси, въ 1815 году, по приказу тогда еще генераль-лейтенанта графа Воронцова. Кромѣ того, постуило рѣдкое изданіе «Краткое изображеніе россійской исторіи», сочиненіе Г. Шлецера, члена С.-Петербургской, Геттингенской и Стокгольмской академій, въ переводѣ Платона Бекетова (Москва, 1803 г.). IV. По отдѣленію иноязычныхъ писателей о Россіи (Rossica) въ отчетномъ году были приобрѣтены между прочимъ два крайне рѣдкихъ летучихъ листка, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ описаніемъ Цорндорфской битвы (стр. 118 — 119). Весьма любопытенъ также сборникъ, изданный профессоромъ Б. Жуланомъ къ 80-лѣтнему дню рожденія великаго герцога саксонскаго Карла, заключающій рядъ писемъ Гёте къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ (1811 — 1831 г.г.), отвѣтовъ ея и писемъ къ женѣ Шиллера (1805, 1816 — 1814 г.г.) и затѣмъ рядъ документовъ, освѣщающихъ дѣятельность Маріи Павловны на поприщѣ благотворительности и народнаго образованія, а также ту роль, которую она играла въ умственной жизни Веймара въ первой половинѣ XIX вѣка. V. По отдѣленію исторіи, между прочимъ, приобрѣтены замѣчательное описаніе (на нѣмецкомъ языкѣ) бывшей въ 1896 году въ Вѣнѣ богатой выставки, посвященной эпохѣ вѣнскаго конгресса, и весьма цѣнное изданіе «Montenegro da relazioni dei provveditori», Veneti (1687—1735 г.г.). Это—собраніе донесеній дипломатическихъ агентовъ въ Цетинь; въ текстъ воспроизведены рисунки XVII столѣтія, касающіеся главнымъ образомъ Черногоріи, современный портретъ владыки Даніила, факсимиле нѣсколькихъ писемъ цетинскаго владыки-митрополита, писемъ извѣстнаго тогда Солимана-паши и другіе, современные планы, карты и снимки съ медалей, монетъ и гербовъ. VI. Въ отдѣленіе исторіи литературы и полиграфіи постуило монументальное изданіе, именно самое полное собраніе сочиненій Гёте (получено пока 83 тома). Текстъ этихъ произведеній провѣренъ по богатѣйшему рукописному матеріалу Гётевскаго музея въ Веймарѣ и можетъ служить образцомъ, заслуживающимъ всякаго подражанія, какъ за границей умѣютъ чтить память великихъ писателей, прославившихъ отечество. Это заслуживаетъ тѣмъ болѣе упоминанія, что управленіе Императорской Публичной бібліотеки, культивируя по традиціи и увеличивая безъ всякой надобности разрядъ «Notatiana» (книги, относящіяся къ Горацію не только на латинскомъ языкѣ, но и гдѣ бы они ни были напечатаны и на какихъ бы языкахъ Горацій ни былъ переведенъ), ровно ничего еще не сдѣлало даже для начальной организаціи отдѣла «Ruskiniana», несмотря на то, что Пушкинъ въ настоящее время переведенъ на 70 языковъ и нарѣчій, европейскихъ, азіатскихъ и даже африканскихъ. Въ это же отдѣленіе постуило изданное въ 1899 году въ Лондонѣ прекрасное собраніе сочиненій (рѣчей) знаменитаго англійскаго политическаго дѣятеля, противника великой французской революціи и Наполеона I, именно Эдмунда Борка, украшенное его превосходно исполненнымъ портретомъ. VII. Отдѣленіе изящныхъ

искусствъ, завѣдываемое В. В. Стасовымъ, обогатилось приобрѣтеніемъ превосходнаго фототипическаго воспроизведенія картинъ В. В. Верещагина (издано на нѣмецкомъ языкѣ въ Берлинѣ), изображающихъ сцены изъ похода Наполеона I въ Россію въ 1812 году. VIII. Собраніе инкунабулъ Императорской Публичной библіотеки, т.-е. первопечатныхъ книгъ до 1500 года (какъ извѣстно, оно одно изъ богатѣйшихъ въ мірѣ по численности), между прочимъ, приобрѣло рѣдчайшую книгу по теоріи словесности о Горациі и философѣ Боеціи итальянскаго писателя Перузини, напечатанную въ Венеціи въ 1491 году, IX. Отдѣленіе восточное, завѣдываемое профессоромъ В. Д. Смирновымъ, по обыкновенію, увеличивалось поступленіями произведеній внутренней инородческой печати на языкахъ мусульманскихъ въ Россіи и въ Средней Азій—арабскомъ, турецкомъ, татарскомъ, отчасти на языкахъ армянскомъ и грузинскомъ. Но для научнаго изученія литературъ Ближняго и Дальняго Востока, имѣющихъ въ настоящее время особо важное значеніе, приобрѣтено нѣсколько новыхъ изданій западно-европейской литературы по востоковѣдѣнію, заслуживающихъ того, чтобы войти въ книжный фондъ Императорской Публичной библіотеки. Таково—на нѣмецкомъ языкѣ, удостоенное преміи французской академіи берлинское изданіе Морица Штейншнейзера объ «Еврейскихъ переводахъ въ средніе вѣка и объ евреяхъ того времени, какъ толмачахъ и переводчикахъ». Это—капитальный историко-литературный трудъ извѣстнаго библиографа въ области гебраистики, составляющій томъ въ 1.077 страницъ. Приобрѣтенъ превосходнѣйшій англійскій атласъ восемнадцати отлично выполненныхъ снимковъ—*facsimile*—съ самыхъ важнѣйшихъ манускриптовъ Библии, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ за періодъ времени восьми вѣковъ. Описаніе текста, принадлежащее Христиану Д. Гинсбургу и изданное въ Лондонѣ, даетъ возможность наблюдать и распознавать характерныя особенности письма разныхъ вѣковъ и странъ, и представляетъ отличное руководство въ пособіе для занимающихся палеографіею ветхозавѣтныхъ текстовъ. Злободневный интересъ имѣетъ (для насъ) приобрѣтенный цѣнный каталогъ японскихъ рукописей и печатныхъ изданій на этомъ языкѣ, составленный и изданный библіотекаремъ восточнаго отдѣленія лондонскаго британскаго музея, г. Робертомъ Дугласомъ, имѣющій большое значеніе, какъ справочная книга и для библиографовъ, и для ученыхъ изслѣдователей японскаго языка и литературы.

Затѣмъ поступили въ библіотеку въ даръ рукописи, изъ которыхъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія: нѣсколько историческихъ трудовъ В. В. Стасова, исполненныхъ имъ въ то время, когда онъ состоялъ при статсъ-секретарѣ баронѣ М. А. Корфѣ по собиранію матеріаловъ для исторіи царствованія императора Николая I (напримѣръ: «Обзоръ дѣятельности цензуры при императорѣ Николаѣ»); библиографія о М. Ю. Лермонтовѣ, трудъ генераль-майора Н. Н. Буковскаго, солидный трудъ, въ 352 листа; два письма И. С. Аксакова къ Н. С. Соханской (Кохановской) отъ 5-го августа 1879 и 31-го августа того же года, отъ профессора Д. Н. Анучина; два письма къ В. В. Стасову академика Ѳ. И. Буслаева (отъ 2-го ноября 1888 года) и профессора, теперь академика А. И. Соболевскаго (отъ 26-го іюня 1887 года),

оба касающіяся извѣстнаго труда перваго о русскомъ и восточномъ орнаментѣ.

Самою бібліотекою пріобрѣтены путемъ покупки нѣкоторыя замѣчательныя рукописи: Добромирово пергаменное Четвероевангеліе, писанное въ предѣлахъ Македоніи въ XII вѣкѣ (пріобрѣтено при посредствѣ вѣнскаго академика В. Ягича). Малороссійская лѣтопись Григорія Грабянки (по тремъ спискамъ), Краткая Малороссійская «Новгородъ-Сѣверская» Лѣтопись, въ которой заключается слѣдующее характерное двустишіе о «подвигѣ» Мазепы: «Горе ти, второму Каину, Горе ти, погибелну сыну» и т. д. Сборникъ XVII вѣка, въ которомъ помѣщено, между прочимъ, «Сказаніе о зачатіи Московскомъ и кто про то зналъ, что Москвы (sic) царствомъ бытъ и государствомъ слытъ, но о (sic) судьбѣ Твоихъ, Христе Царю, Твоими праведными судьбами сіе сотворися». «Записки иркутскаго жителя». Соч. Н. К.—ва (Калашникова), 1862 (авторъ рассказываетъ, между прочимъ, о дѣйствіяхъ сибирскаго генераль-губернатора Пестеля, иркутскаго губернатора Трескина и объ управленіи Сибирью М. М. Сперанскаго). Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ, на французскомъ языкѣ, И. И. Шувалова къ великобританскому посланику въ Неаполѣ, сэру Вильяму Гамильтону изъ Рима, Пизы и Флоренціи, съ 1768 по 1771 годъ. Письма къ Н. Н. Новосильцеву: императора Александра I, цесаревича Константина Павловича, князя А. Б. Куракина, Н. С. Мордвинова, М. Н. Муравьева, М. Ѳ. Орлова, графа А. С. Строганова, А. И. Тургенева и князя А. Чарторижскаго. Бумаги извѣстнаго дѣятеля на административно-судебномъ и учебномъ поприщахъ въ Сибири, автора «Историческаго обзоренія Сибири» П. А. Словцова. Собственноручное письмо В. Г. Бѣлинскаго къ В. П. Боткину отъ 4—8-го ноября 1847 года. Четыре записки и письма къ графинѣ А. Д. Блудовой: отъ В. А. Жуковскаго, А. С. Хомякова, М. П. Погодина и И. С. Аксакова. Три письма И. С. Тургенева, на французскомъ языкѣ, къ переводчику на этотъ языкъ «Дыма» князю А. Голицыну отъ 14-го августа, 11-го сентября и 28-го ноября 1867 года.

Общій выводъ о пріобрѣтеніяхъ Императорской Публичной бібліотеки въ отчетномъ году сводится къ слѣдующему. Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ поступило всего 39.379 сочиненій, въ количествѣ 45.288 томовъ. Рукописей и автографовъ — 4.086 нумеровъ, эстамповъ и фотографій — 1.529, картъ и плановъ — 66, нотъ — 881.

Что касается пользованія бібліотекою, то для занятія въ ней въ отчетномъ году было взято 16.416 билетовъ (въ предыдущемъ году 15.450), въ томъ числѣ лицами женскаго пола 3.127. Читателей въ общей заглъ было 137.171, вытребовавшихъ 373.320 томовъ разныхъ сочиненій и 61.359 нумеровъ журналовъ и газетъ. Въ отдѣленіи церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ было допущено для занятій 40 лицъ; вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій, не выдаваемыхъ въ общую читальную залу, имъ было выдано въ чтеніе 180 томовъ; къ занятіямъ же въ отдѣленіи рукописей было допущено 519 лицъ, которыми было вытребовано въ чтеніе 1.436 рукописей. Сверхъ того, съ высочайшаго соизволенія, было послано 27 рукописей

въ пять русскихъ и шесть иностранныхъ учреждений. Для обзорѣнія же библиотеки изъ любознательныхъ прїѣзжихъ и разныхъ путешественниковъ со всѣхъ концовъ земли (крайняго Востока, Запада и Дальняго Востока) посѣтило 2.008 лицъ.

С. Пчельниковъ.

**Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1762—1801 гг. Составленъ
подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1904.**

Второй томъ «Сборника біографій кавалергардовъ» составленъ по тому же плану, какъ и первый, и заключаетъ въ себѣ біографіи лицъ, служившихъ въ кавалергардахъ при императрицѣ Екатеринѣ II и Павлѣ I, съ 28 июня 1762 г. по 12 марта 1801 года. Большинство лейбъ-кампанцевъ, «бывшихъ при восшествіи на престолъ» Екатерины II, были награждены пожалованіемъ кавалергардами въ «кавалергардскій ея императорскаго величества корпусъ». Почти всѣ они принадлежали по своему происхожденію къ родовому, а не пожалованному за «25 ноября 1741 г.» дворянству. Такой характеръ комплектованія кавалергардскаго корпуса одними дворянами былъ, за немногими исключеніями, сохраненъ въ теченіе всего царствованія императрицы Екатерины II. Шефами корпуса послѣдовательно были: графъ И. С. Гендриковъ, князь Г. Г. Орловъ, князь Г. А. Потемкинъ и князь П. А. Зубовъ. Императоръ Павелъ при вступленіи на престолъ повелѣлъ 11 ноября 1796 г. сформировать новый кавалергардскій корпусъ въ составѣ одного эскадрона и вслѣдъ за похоронами императрицы Екатерины II расформировалъ прежній корпусъ. 31 декабря послѣдовало новое высочайшее повелѣніе: «Изъ всѣхъ полковъ гвардіи отослать къ генералу отъ кавалеріи графу Мусину-Пушкину числомъ 500 унтеръ-офицеровъ для составленія вновь двухъ кавалергардскихъ эскадроновъ». Выбсть съ тѣмъ, новый кавалергардскій корпусъ сталъ именоваться кавалергардскими эскадронами. 9 июня 1797 г. кавалергардскіе эскадроны были переименованы въ кавалергардскій полкъ, при чемъ число эскадроновъ было увеличено до пяти. Въ основу кавалергардскихъ эскадроновъ и кавалергардскаго полка была положена вѣрная мысль: заставить русскую дворянскую молодежь дѣйствительно служить, не только числиться на службѣ и, заставивъ ее испытать на себѣ всю тяжесть службы нижняго чина, тѣмъ самымъ подготовить ее къ службѣ въ офицерскомъ званіи. Къ сожалѣнію, императору Павлу по разнымъ причинамъ не удалось осуществить эту мысль. Осенью того же года кавалергардскій полкъ былъ расформированъ. Вслѣдъ за принятіемъ императоромъ Павломъ 16 декабря 1798 г. званія великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, по этому званію снова была учреждена 11 января 1799 г. особая гвардія изъ дворянъ подъ названіемъ кавалергардскаго корпуса, а черезъ годъ корпусъ опять былъ переименованъ въ кавалергардскій полкъ и поставленъ на одинаковое положеніе съ другими гвардейскими полками безъ присвоенія особаго преимущества пополненія полка одними дворянами. Шефами корпуса были послѣдовательно графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, графъ Ю. П. Литта, князь В. П. Долгорукій и Ф. П. Уваровъ, коман-

диромъ полка—маркизь д'Отишанъ (d'Autichamp). Таковы краткія свѣдѣнія по исторіи кавалергардовъ за періодъ 1762—1801 г., приведенныя въ предисловіи къ «Сборнику біографій».

То обстоятельство, что въ кавалергардахъ до павловскихъ временъ служили исключительно дворяне, съ одной стороны, и, съ другой—то обстоятельство, что офицерская служба въ кавалергардскомъ полку или корпусѣ являлась почетной и соединялась нерѣдко съ другими родами дѣйствительной службы, дѣлаетъ сборникъ чрезвычайно интереснымъ, такъ какъ въ лицѣ многихъ кавалергардовъ передъ читателемъ проходитъ рядъ замѣчательнѣйшихъ или вообще извѣстныхъ людей XVIII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ кавалергардахъ служили: князь Г. Г. Орловъ, первый по времени «изъ стаи славныхъ екатерининскихъ орловъ», графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, князь Г. А. Потемкинъ, Зоричъ, А. Д. Ланской, графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, князь Платонъ Зубовъ, графъ Литта. Помимо непосредственнаго историческаго значенія, матеріаль біографіи представляетъ и интересныя историко-бытовыя данныя. Бытъ эпохи отражался въ бытѣ и поведеніи кавалергардовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, не оставивъ послѣ себя крупнаго имени, тѣмъ не менѣе благодаря дворянскому происхожденію и службѣ въ привилегированной части, сохранили въ потомствѣ черты своего существованія.

Въ основаніе біографій положенъ богатѣйшій печатный и архивный матеріаль. Въ книгѣ имѣются свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ историческихъ моментовъ, еще не доступныхъ общему обсужденію. Таковы, напримѣръ, данныя, касающіяся дѣятельности П. А. Зубова и другихъ кавалергардовъ въ эпоху, предшествовавшую вступленію на престолъ императора Александра I. Вообще біографія Зубова обращаетъ на себя вниманіе своей полнотой и разносторонностью освѣщенія личности знаменитаго фаворита, пользовавшагося слабостью императрицы и при болѣе чѣмъ ограниченномъ умѣ стремившагося разыгрывать роль государственнаго человѣка. Прекрасно также жизнеописаніе Потемкина, принадлежащее перу автора, не выставившаго своего имени. Авторъ біографіи отмѣчаетъ многосторонность дарованій Григорія Александровича и до извѣстной степени по слѣдамъ академика Н. Ф. Дубровина съ новой стороны освѣщаетъ этого екатерининскаго орла, какъ замѣчательнаго преобразователя въ области военной и гражданской жизни. Какъ администраторъ въ военномъ дѣлѣ, Потемкинъ зарекомендовалъ себя съ лучшей стороны послѣ первой турецкой войны, когда онъ настоялъ на необходимости сформированія особыхъ егерскихъ батальоновъ, такъ какъ опытъ показалъ необходимость существованія егерей. Вмѣстѣ съ образованіемъ егерскихъ батальоновъ послѣдовало и значительное усиленіе всей арміи. Однако, тотъ же опытъ показалъ, что армія нуждается не только въ численности и показной чистотѣ, но такъ же способности быстро передвигаться и мѣнять порядокъ строя. Этого, однако, нельзя было требовать отъ солдатъ, стѣсненныхъ въ своихъ движеніяхъ амуницией и чуть ли не четверть дня принужденныхъ тратить на приведеніе въ надлежащій порядокъ своего показнаго вида. Наряду съ этимъ требовалась реформа и нравственной стороны арміи, въ средѣ которой царствовали побой и жестокія наказанія.

Потемкинъ смѣло подвергъ осужденію указанные недостатки тогдашняго русскаго дѣла. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу великихъ реформъ въ 1783 г. онъ писалъ: «Когда въ Россіи вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педантствомъ тогдашняго времени, а наши, не зная прямой дѣны вещамъ военнаго снаряда ночки все священнымъ и какъ будто таинственнымъ: имъ казалось, регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ приемахъ и проч. Занимая себя такою дрянью, и до сего времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированія, разныхъ построеній и оборотовъ, что же касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предночили добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ, словомъ: одежда войскъ нашихъ и аммуниція таковы, что придумать еще лучше нельзя къ угнетенію солдатъ. Красота одежды состоитъ въ равенствѣ и въ соответствіи вещей съ ихъ употребленіемъ; такъ же должна служить солдату одежда, а не въ тягость». На этомъ основаніи Потемкинъ отрицалъ треугольныя шляпы, лосиные штаны, шпаги, косы и пр. Относительно косъ характерны слѣдующія его слова: «Завиваться, пудриться, плестъ косы,—солдатское ли сіе есть дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Солдатскій туалетъ долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Если бы можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ». Императрица въ принципѣ во всемъ согласна была со свѣтлѣйшимъ, но нужно было болѣе полустолѣтія, чтобы его здравыя мысли получили въ русскомъ войскѣ полное осуществленіе.

При обученіи рекрутъ Потемкинъ требовалъ строгой послѣдовательности, приведенія молодыхъ солдатъ «нечувствительнымъ образомъ къ первымъ познаніямъ званія солдатскаго» и горячо возставалъ противъ побоевъ, въ крайнемъ случаѣ ограничивая наказанія «шестью палками». Неоднократно Потемкинъ писалъ начальствамъ частей относиться къ солдатамъ человѣчнѣе и не превышать мѣры наказанія. «Гг. офицерамъ гласно объявите, — приказывалъ Потемкинъ, — чтобы съ людьми обходились со всевозможной умѣренностью, старались бы объ ихъ выгодахъ, въ наказаніяхъ не преступали бы положенныхъ; были бы съ ними такъ, какъ я, ибо я ихъ люблю, какъ дѣтей». Гуманность свѣтлѣйшаго не располагала къ нему офицеровъ, привыкшихъ къ старымъ приемамъ, но зато она нашла горячую признательность въ сердцахъ нижнихъ чиновъ.

Полны и подробны біографіи обоихъ Орловыхъ, написанныя г. Голембювскимъ; эти біографіи особенно щедро снабжены различными снимками съ портретовъ, медалей, картинъ, при чемъ въ снимкахъ допущены большіе размѣры, нежели въ предшествовавшемъ томѣ, вслѣдствіе чего художественная сторона «Сборника» значительно выиграла. Очень интересно составлены біографіи Зорича, Ланскаго и Дмитріева-Мамонова, при чемъ послѣдняя принадлежитъ дамскому перу, г-жи Панчулидзевой. Авторъ очень удачно изобразилъ личность этого фаворита, который сталъ скучать въ золотой клѣткѣ и говорить объ этомъ императрицѣ. Впрочемъ, въ освѣщеніи г-жи Панчулидзевой

эта сторона самостоятельности характера Мамонова проигрывает: можно думать, что Мамоновъ просто не обладалъ необходимой выдержкой, былъ капризенъ, строитивъ и слишкомъ надѣялся на доброту своей высокой покровительницы. Осуществивъ свое желаніе и женивъ на княжвѣ Щербатовой, Мамоновъ самъ ее постоянно упрекалъ въ томъ, что она испортила ему карьеру, и позднѣе тщетно пытался попасть обратно въ Петербургъ. Обширная біографія князя М. П. Долгорукаго принадлежитъ перу его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича. Князь М. П. Долгорукій по преимуществу проходилъ военную карьеру и на этомъ пути выказалъ незаурядныя дарованія на ряду съ умомъ, многостороннимъ образованіемъ и жаждой къ познаніямъ.

Бытовыми особенностями между прочимъ отмѣчено жизнеописаніе кавалергарда Рогова, по уходѣ изъ полка служившаго воеводою въ Мосальскѣ и доставившаго много хлопотъ Петербургу своими затѣями душевно больного чловѣка. Въ ряду прочихъ сумасбродствъ Роговъ предполагалъ возвести до времени на престолъ цесаревича Павла Петровича, для чего уже написалъ особый листъ и вѣдомость «экономическимъ расходамъ». Подъ конецъ Роговъ попалъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Полно бытовыхъ чертъ жизнеописание Зорича, этого ничтожнаго, но ловкаго и хитраго чловѣка, въ отставкѣ и на службѣ не гнушавшагося никакими приемами для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ и мало чѣмъ оправдываемаго высокомерія.

Біографія Зорича, написанная г. Шиповымъ, между прочимъ наглядно показываетъ, чѣмъ въ тѣ времена могло позволить себѣ лицо, «извѣстное» въ Петербургѣ, безъ того, чтобы подвергнуться за это заслуженной карѣ.

Въ ряду приближенныхъ къ императрицѣ лицъ, иногда весьма одаренныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшихся добротой великой монархини исключительно въ свою пользу, обращаетъ на себя вниманіе поистинѣ безкорыстная и безусловно искренняя преданность государынѣ А. Д. Ланского. Авторъ біографіи названнаго фаворита, г. Татищевъ, вполнѣ основательно подчеркнул эту черту. Дѣйствительно только одинъ Ланской оказался способнымъ все свое пожалованное состояніе отдать обратно въ казну, не оставивъ ничего никому изъ своихъ родственниковъ, и равнодушно относиться къ родственнымъ домогательствамъ, стремившимся черезъ посредство любимца императрицы получить и на свою долю нѣкоторую толику высочайшихъ милостей. Не даромъ, спустя два года послѣ смерти Ланского, императрицу иногда замѣчали плачущей у памятника, воздвигнутаго покойному генераль-адъютанту.

Въ заключеніе необходимо сказать, что непосредственное и постоянное участіе въ работахъ редакціи «Сборника» принимали: его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, В. А. Вильбасовъ, А. А. Голембѣвскій, П. Я. Дашковъ, полковникъ Д. Я. Дашковъ и генераль-лейтенанты: А. Н. Дубенскій и М. А. Пашковъ. Изданіе второго тома «Сборника» въ художественномъ отношеніи такъ же роскошно, какъ и изданіе перваго.

В. Грибовскій.

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга VIII. Спб. 1904.

Два Петра Васильевича Шереметева (Большой и Меньшой), бывшіе въ разныхъ мѣстахъ воеводами, и «крымскій узникъ» Василій Борисовичъ Шереметевъ—вотъ тѣ представители знаменитаго боярскаго рода, съ которыми мы чаще всего встрѣчаемся въ VIII т. капитальнаго генеалогическаго труда А. П. Барсукова.

Въ этомъ томѣ говорится о событіяхъ съ года рожденія Петра Великаго (1672) до года смерти царя Θεодора (1682). Широкое, подробное и неспѣшащее повѣствованіе нашего автора не только объединяетъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о представителяхъ рода Шереметевыхъ, но одновременно рисуетъ картины придворной жизни и даетъ характеристики многихъ замѣчательныхъ людей. Любопытно это повѣствованіе уже по одному своему слогу, близкому къ документальнымъ первоисточникамъ и сохраняющему оригинальный колоритъ эпохи. Авторъ часто говоритъ словами актовъ и иныхъ памятниковъ XVII вѣка, отступая отъ нихъ и вставляя свои слова лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ скудныя документальныя данныя заставляютъ прибѣгать къ соображеніямъ въ замѣну и дополненіе имъ. Вѣтъ стариную, если не XVII, то начала XIX вѣка и отъ собственной фразеологіи автора, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ повторяется извѣстный карамзинскій приемъ—указаніе на то настроеніе дѣйствующихъ лицъ, которое можетъ быть предположено: напримѣръ, «проводилъ оторопѣвшаго князя» (стр. 111), «можетъ быть, иные не безъ удивленія смотрѣли на Н. И. Одоевскаго» (стр. 135) и т. п.

Какъ бы то ни было, новый томъ «Рода Шереметевыхъ» будетъ не безъ удовольствія встрѣченъ любителями родной старины. Шереметевы стояли близко къ престолу; поэтому событія изъ ихъ жизни связаны со многими важными историческими событіями, въ особенности въ XVII вѣкѣ. Такъ какъ у насъ сравнительно мало общихъ трудовъ по исторіи первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ, то книга А. П. Барсукова, дающая также обильный матеріалъ, извлеченный изъ рукописныхъ источниковъ, въ иныхъ своихъ частяхъ восполнитъ пробѣлы въ имѣющихся изслѣдованіяхъ. Здѣсь, напримѣръ, данъ впервые очень подробный обзоръ русскіхъ сношеній съ Крымомъ при царѣ Θεодорѣ: вѣдь всѣ переговоры съ крымскими ханами въ это время велись не безъ участія или, по крайней мѣрѣ, вѣдома Василія Борисовича Шереметева, который съ 1660 по 1681 годъ томился въ плѣну въ «Жидовскомъ городкѣ» и иныхъ мѣстахъ въ Крыму. Здѣсь же А. П. Барсуковъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія по характеристикѣ царя Θεодора Алексѣевича, говоря о его отношеніяхъ къ окружающимъ, о болѣзни его, объ обонхъ его бракахъ. Немало интересныхъ бытовыхъ подробностей въ тѣхъ отдѣлахъ книги, которые относятся къ семейнымъ отношеніямъ Шереметевыхъ; напримѣръ, въ книгѣ приводится подробнѣйшая рядная запись приданаго княжны Анастасіи Семеновны Звенигородской, сговоренной за В. П. Шереметева: тутъ перечисляется все, что давалось за невѣстой, начиная отъ образцовъ и вотчинъ и кончая «бѣлильницей съ румянницей». Рядная запись эта была писана «Ивановскою площадью подъячимъ Семкою Кузьминимъ».

Изъ числа новыхъ рукописныхъ источниковъ, использованныхъ А. П. Барсуковымъ, одинъ изъ наиболѣе, на нашъ взглядъ, замѣчательныхъ, это — сочиненіе вѣскога раскольника о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича. Оно извлечено изъ дѣлъ тайной экспедиціи, хранящихся въ Государственномъ архивѣ. Приводимъ изъ него небольшую выдержку, характерную для взглядовъ старообрядцевъ на царя, при которомъ начался расколъ. Молодой раскольникъ пишетъ своему отцу духовному:

«Царя у насъ Алексѣя въ животѣ не стало, января въ 29 число, въ нощи четвертаго часа, на 30-е число, въ субботу, противъ воскресенія. А по Троицѣ тотъ день Страшнаго Суда. А скорбь та его, царя Алексѣя, взяла того же января назадъ, въ 23 числѣ. А какъ въ болѣзни той былъ, такъ говорилъ: трепещеть де и ужасается душа моя сего часа, что по Троици судный день именуется. И сиѣшили всяко со тцаніемъ, какъ бы тѣмъ, хотя мало, помощь сотворити лекарствами и волшебными хитростями, и, ничтоже успѣвъ, такъ уже взялись за Ризу Господню. Однако смертнаго часа не отстали... А для болѣзни той, какъ хватало его, тѣшили всяко различными утѣшеніями, играми... Да что, батюшка, не мы вѣдь не чаяли смерти той: сами ему у себя въ книгахъ своихъ напечатали его безсмертнымъ. Есть у нихъ новая книга: Сабля Никоніанская. Они нарицають ее «Мечъ духовный», епископа Лазаря Барановича. Въ предисловіи книги пишетъ въ лицѣхъ царя того и царицу и чадъ всѣхъ ухищренно въ лицѣхъ. Тутъ же похвалу ему, бѣдный, пришеде сипце: «Ты, царю державный, царствуешь здѣ, донележь кругъ солнца... Имаша царствовать безъ конца». Слыши, государь, не мы затѣваемъ, сами о себѣ лжепророчествуютъ. Послѣ державы царя Алексѣя далъ намъ Богъ царя, сына ево Феодора, млада суца верстою, да слышалъ отчасти, смысломъ стара... Авось, молитвъ ради вашихъ, батюшка, и поборетесь, по истинѣ будетъ» (стр. 171—172, 175).

Въ VIII томѣ труда А. П. Барсукова впервые выступаетъ передъ нами на отвѣтственномъ военномъ посту знаменитый впоследствии фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Въ данное время онъ состоялъ въ комнатныхъ стольникахъ. Имѣя всего 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ въ 1679 г. въ товарищи къ воеводѣ большого полка или главнокомандующему южной арміею князю М. А. Черкасскому. Въ виду скорого мира ему не пришлось, однако, участвовать въ активныхъ дѣйствіяхъ. Въ слѣдующемъ или слѣдующихъ томахъ труда А. П. Барсукова Борисъ Петровичъ Шереметевъ будетъ занимать уже центральное мѣсто.

VIII-й томъ съ вѣншей стороны изданъ такъ же тщательно, какъ и предыдущіе, и снабженъ указателемъ. А. М. Ловагинъ.

А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія. Москва. 1903.

Изученіе русской городской общины въ XVIII вѣкѣ, когда старая начала жизни сталкивались съ преобразовательными стремленіями правительства, и подъ перекрестнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ и другихъ созидался новый строй об-

щественной организации, несомненно, представляет значительный научный интерес. Этому вопросу посвящен недавно вышедший труд г. Кизеветтера, в основу которого положен архивный материал. Исследование, захватывая собой период от начала XVIII века до 1785 года, времени введения городского положения, распадается на четыре части: в первой обзревается социальный состав посадской общины, во второй и третьей — ее тяглая организация и в четвертой — посадское самоуправление.

В изучаемый период юридическое положение посада, как закрепленной, тяглой, торгово-промышленной общины (по Уложению 1649 года), не изменилось, однако сама жизнь облик посадской общины видоизменяла: крепостной характер последней в течение XVIII столетия хотя медленно, но последовательно шел на убыль (стр. 61). Сравнивая цифры первой, второй и третьей ревизии, можно видеть, что абсолютная численность посадского населения возросла (в 1727 году было около 185.000, а в 1769 году — свыше 228.000 душ), но процентное отношение ко всему количеству тяглаго населения оставалось почти одним и тем же (3,2—3,1%); в общем замечна довольно слабая населенность посадов (стр. 113 и 126). Как известно, посадское население делилось на гильдии, статьи и цехи. По вопросу о численности каждого слоя цифровые данные красноречиво говорят, что посадская община XVIII века, по своей бытовой физиономии, не являлась всецело торговой, купеческой общиной; ремесленный и чернорабочий слой в ней был преобладающим элементом (142).

Вторая часть исследования посвящена вопросу о посадских службах. Количество служб было весьма разнообразно по месту и по времени; оно при распределении не соразмерялось с количеством населения данного посада (183). Колебание обуславливалось целым рядом причин; одна из главных — смена системы взимания казенных сборов. Уничтожение внутренних таможен и сокращение служб у питейных сборов сильно сократило размер посадских служб (270). Факты приводят автора к выводу, что круг лиц, отбывающих службы, с начала XVIII века значительно уменьшился, и служебные очереди стали быстро учащаться (325 и 341). Здесь практически установилось, что качественно большая служебная тягость возлагалась на первостатейных посадских людей, а количественно болѣе частому отвлечению от собственных торгов и промыслов подвергались низшие слои посадского населения (345).

Третья часть — о посадских платежах. В начале XVIII столетия посад был обременен большими казенными налогами и мирскими сборами: одни из них собирались с двора, другие — по торгам и прожиткам. Затѣм произошли три крупных перемены: 1) введение подушной подати в 1724 году, 2) отмена внутренних таможен в 1753 году, 3) появление ряда новых сборов при Екатерине II; благодаря этому, система прежних посадских платежей была окончательно разрушена (434). Автор подробно по документам останавливается на характеристике состояния подушного налога, таможенных, канцелярских и кабацких сборов за 1724—1775 годы. Городские бюджеты свидетельствуют, что посад был обременен обязательными платежами,

расходы же на мѣстные нужды, и въ особенности на культурныя потребности, были очень незначительны (стр. 596). Придавленная тяжелымъ бременемъ службы, стянутая обязательной круговой порукой посадская община не могла явиться основой для успѣха и прогресса городской жизни.

Въ четвертой части авторъ очень подробно изслѣдуетъ вопросъ о дѣятельности посадскаго схода, при чемъ добрая половина этого отдѣла отведена выборамъ магистральнымъ членовъ. Выводъ таковъ. Посадскій сходъ, служа органомъ самоуправления и будучи юридически общепосадскимъ, фактически превращался въ сходъ, по преимуществу, первостатейныхъ тягловцовъ (647), которые и являлись полными и властными господами положенія въ мѣстномъ посадскомъ управленіи (776).

Трудъ г. Кизеветтера представляетъ собою довольно цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу. Въ немъ — два крупныхъ достоинства: 1) привлеченъ новый, интересный и важный матеріалъ; 2) дано довольно удачное освѣщеніе того момента въ исторіи посадской общины, который мало затронутъ въ нашей исторической литературѣ.

Но само собой понятно, что работа его не безупречна.

Въ упрекъ автору можно поставить только излишнее увлеченіе архивнымъ матеріаломъ: онъ часто приводитъ такія подробности фактовъ и цифровыхъ указаній, которыя нерѣдко интересны не по существу дѣла, а лишь потому, что это — архивный матеріалъ, а послѣднему мѣсто, полагаю, не въ текстѣ изслѣдованія, а въ особомъ приложеніи. Если бы г. Кизеветтеръ, воздержавшись отъ искусственнаго привлеченія матеріала, на половину сократилъ свою книгу, то послѣдняя въ своей цѣнности не проиграла бы. Авторъ самъ иногда чувствуетъ, что онъ обременяетъ свою работу лишними фактами, такъ у него на стр. 481-й сказано: «читатель, котораго отяготили бы фактическіе примѣры, благоволить просто пропустить нѣсколько слѣдующихъ страницъ».

Въ зависимости отъ матеріала и его естественной неполноты замѣтны пробѣлы и упущенія. Такъ по вопросу о посадскомъ управленіи разработана лишь специальная часть — о посадскихъ сходахъ, роль же мѣстныхъ магистратовъ, существеннымъ образомъ вліявшихъ на жизнь посадской общины, осталась не затронутой.

М. К.

Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. К. 1903.

М. Ѡ. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ. Спб. 1904.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ въ гимназіяхъ курсъ исторіи литературы того періода оканчивался Гоголемъ; остальное предоставлялось усмотрѣнію учащихся и ихъ домашнихъ воспитателей: учащіеся должны были знать проповѣди Иларіона, Кирилла Туровскаго, Домострой Сильвестра и сатиры Кантемира и могли не знать произведеній Тургенева, Гончарова, Некрасова и цѣ-

лаго ряда других русских писателей, известных не только у нас, в России. О многих из них, особенно из критиков и сатириков, рекомендовалось совсѣмъ не упоминать въ классѣ... Теперь министерство народнаго просвѣщенія рѣшило ввести новѣйшую литературу (послѣ Гоголя) въ курсъ средней школы. И хотя еще нѣтъ точной программы, но уже являются разнаго рода руководства. Къ этимъ руководствамъ нужно предъявлять особые требования и, прежде всего, требованіе устраненія всѣхъ тѣхъ схоластическихъ приемовъ, которые господствуютъ въ нашихъ старыхъ «Исторіяхъ литературы». Изученіе новѣйшей литературы должно идти рядомъ съ близкимъ знакомствомъ учащихся съ тѣми историческими условіями, въ которыхъ появляется то или другое произведеніе. Если невозможно изученіе одѣ Ломоносова и Державина безъ знанія тѣхъ условій, въ какихъ онѣ создавались, то уже совершенно невысказано пониманіе всей важности и значительности такихъ литературныхъ явленій, какъ произведенія хотя бы, напримѣръ, Вѣлинскаго и Некрасова. А изъ этого ясно, что самая группировка литературныхъ фактовъ будетъ волюнтаристична только въ томъ случаѣ, если мы положимъ въ ея основу фазисы нашей общественной жизни: такой фактъ, какъ 1860-е годы, несомнѣнно, рѣзко разграничилъ два періода въ нашей литературной жизни; были, конечно, и другіе факты. И ихъ не можетъ обойти молчаніемъ историкъ литературы. Конечно, это нисколько не помѣшаетъ изложенію новѣйшей литературы по писателямъ, если только авторъ надлежащимъ образомъ произведетъ группировку и выборъ своего матеріала. Вышеназванные учебники лишь до нѣкоторой степени удовлетворяютъ этимъ основнымъ нашимъ требованіямъ.

Книга г. Александровскаго, кромѣ небольшого введенія въ исторію новѣйшей русской литературы, содержитъ оцѣнку дѣятельности Вѣлинскаго, Тургенева, Гончарова, Островскаго и Некрасова. Авторъ даетъ тщательную, а въ иныхъ мѣстахъ и художественную характеристику произведеній этихъ писателей, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть передъ читателями самый процессъ ихъ творчества. Но, къ сожалѣнію, эти старанія не вездѣ увѣнчались одинаковымъ успѣхомъ, и произошло это потому, что г. Александровскій подчинился общему направленію, царствующему въ нашей средней школѣ, даже въ ея старшихъ классахъ; мы имѣемъ въ виду увлеченіе анализомъ въ ущербъ синтезу: мы заставляемъ учениковъ съ ранняго возраста анализировать школьный матеріалъ и почти не даемъ имъ обобщеній, никакой общей картины изучаемаго ряда явленій, будетъ ли то исторія или естествознаніе; классификація и анализъ въ нашей школѣ стоятъ на первомъ мѣстѣ. И если этотъ порядокъ вещей еще допустимъ, пожалуй, въ младшихъ классахъ, то въ старшихъ и особенно въ VIII мужскихъ и женскихъ гимназій онъ является совершенно нежелательнымъ и даже прямо вреднымъ. Исторія и русская словесность должны рѣшительно освободиться отъ этого направленія: кромѣ знанія основныхъ фактовъ, онѣ должны дать общую картину изучаемой эпохи. Съ этой стороны останавливается на себѣ вниманіе въ книгѣ г. Александровскаго его «Введеніе»: авторъ даетъ здѣсь сжатый очеркъ развитія русской поэзіи съ XVIII вѣка» до Пушкина и Гоголя включительно, безъ достаточнаго, однако, освѣщенія тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ совершалось это развитіе. Вторая же

часть введения является для читателя совершенно неожиданной: авторъ дѣлаетъ «небольшой экскурсъ» (12 стр. изъ 28 всего введения) въ область «психологии поэтического творчества»; самъ авторъ чувствуетъ неумѣстность этого отступленія и старается указать мотивы, побудившіе его затронуть этотъ вопросъ (стр. 16). Совершенно соглашаясь съ его доводами, мы не можемъ не замѣтить, что эту главу нужно было бы предислать всей книгѣ или же, еще лучше, пропустить совсѣмъ, такъ какъ ниже — при характеристикѣ каждаго отдѣльнаго писателя — авторъ опять возвращается къ этому вопросу и снова повторяетъ мысли, уже высказанныя въ этой части вступленія, а это производитъ непріятное, расхолаживающее впечатлѣніе: напримѣръ, объ отличительныхъ свойствахъ таланта Тургенева говорится почти одинаковыми словами на страницахъ 19, 22, 48, 56, 57 и нѣкоторыхъ другихъ. А затѣмъ, если говорить о процессѣ творчества, о его психологии, то нужно поставить вопросъ шире — взять творчество вообще, а не выдѣлять «процессъ реально-художественнаго творчества» въ какую-то особую психологическую группу; подобное отдѣленіе не имѣетъ за собой достаточныхъ основаній и, во всякомъ случаѣ, не оправдано авторомъ. Недостатокъ, отмѣченный нами въ первой части введения — почти полное отсутствіе историческаго освѣщенія эпохи — даетъ себя чувствовать и въ слѣдующихъ главахъ книги: говоря на страницѣ 70 о значеніи реакціи для возникновенія типа «лишнихъ людей», г. Александровскій указываетъ вскользь на движеніе декабристовъ, какъ на моментъ окончательнаго перевѣса реакціи, но ничего не говоритъ о сущности этого движенія, а это совершенно необходимо. Да и самъ авторъ не впалъ бы въ ошибку, которую онъ дѣлаетъ на страницѣ 11, говоря, что во время Пушкина «мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права едва-едва нарождалась въ русскомъ обществѣ...». Необходимо было остановиться на вопросѣ о декабристахъ и потому еще, что характеръ реакціи выяснился бы полнѣе: авторъ не прошелъ бы равнодушно мимо внутренней жизни 30-хъ и особенно 40-хъ годовъ; онъ не забылъ бы охарактеризовать подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано имъ въ нѣсколькихъ словахъ на стр. 59, дѣятельность кружковъ того времени; не забылъ бы дать очерки двухъ важныхъ, по своей исторической роли, общественно-литературныхъ направленій — западничества и славянофильства: авторъ на стр. 49 упоминаетъ объ этихъ направленіяхъ, но опять-таки ничего не говоритъ объ ихъ сущности. Мы указали на эти недостатки сочиненія г. Александровскаго только потому, что считаемъ его книгу безусловно интересной и полезной для учебныхъ цѣлей; характеристика дѣятельности Бѣлинскаго и Некрасова особенно удалась автору, и если бы не вышеуказанные недочеты, то «Чтенія» давали бы весьма полную картину нашего литературнаго развитія въ XIX вѣкѣ. Если г. Александровскій ограничивается только немногими писателями, то это вполне понятно: его «Чтенія» явились пока лишь въ первомъ выпускѣ, и многое можетъ еще быть дополнено въ слѣдующихъ.

Между тѣмъ въ книгѣ г. Быстрова, которая должна, повидимому, давать полный «курсъ» новѣйшей литературы, читателя сразу поражаетъ какая-то случайность въ выборѣ матеріала. Здѣсь мы находимъ, кромѣ оцѣнки произведеній тѣхъ же писателей, что и у г. Александровскаго, еще слѣдующія

главы: Жуковский, «Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина и его письма», «Педагогическіе взгляды Бѣлинскаго», Гоголь, Майковъ, А. Толстой, Тютчевъ, Фетъ. И невольно возникаетъ вопросъ, почему авторъ взялъ именно этихъ всѣхъ писателей, и пропустилъ Лермонтова, Достоевскаго, Григоровича, Л. Н. Толстого и цѣлый рядъ другихъ. Или авторъ не находитъ возможнымъ говорить въ старшихъ классахъ о «Вѣднхъ людяхъ», «Войнѣ и мирѣ» и подобныхъ произведеніяхъ? Вообще, какая-то торопливость и непродуманность видна во всей книгѣ. Самое предисловіе, гдѣ авторъ хочетъ «объяснить нѣкоторыя особенности книги, которыя могутъ показаться на первый взглядъ несовсѣмъ понятными», возбуждаетъ полное недоумѣніе: по его мнѣнію, «учебникъ не долженъ идти далѣе сообщенія біографическихъ данныхъ о писателѣ, общей характеристики его дѣятельности и очерка контуровъ главнѣйшихъ литературныхъ типовъ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему «кажется, что требовать отъ учебника связаннаго изложенія, съ подробнымъ разборомъ и характеристиками типовъ, значило бы уложить этотъ живой предметъ въ слишкомъ узкія рамки, лишитъ его всей жизненной силы». Слѣдовательно, выходитъ, что достоинство учебника въ отсутствіи полноты характеристикъ и связности изложенія; все дѣло—въ «очеркахъ контуровъ типовъ». Едва ли кто нибудь согласится въ этомъ съ авторомъ, да и самъ онъ, повидимому, не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. По крайней мѣрѣ, въ лучшей главѣ своего «Курса», посвященной Бѣлинскому, онъ даетъ довольно подробную біографію и не менѣе подробное изложеніе многихъ статей нашего критика; но и на этомъ не останавливается: здѣсь мы находимъ не дурную характеристику кружковъ 30—40 годовъ (стр. 63—65) и попытку выяснитъ взгляды западниковъ и славянофиловъ. Къ сожалѣнію, авторъ, вмѣсто полнаго и законченнаго изложенія доктрины тѣхъ и другихъ, даетъ подробный сравнительный анализъ взглядовъ Бѣлинскаго и Аксакова на народныя произведенія (стр. 77—99): это только утомляетъ читателя, не давая общей картины, потому что и глава X (стр. 99—109), посвященная отношеніямъ «западнаго и славянофильскаго кружковъ», не даетъ ея. Какъ бы то ни было, повторяемъ, статья о Бѣлинскомъ лучшее мѣсто въ книгѣ, и именно такъ слѣдовало бы разработать весь курсъ. Недурны также статьи о Майковѣ и А. Толстомъ: здѣсь авторъ даетъ довольно обстоятельный анализъ ихъ творчества, дѣлая, однако, утомительныя выписки изъ общеизвѣстныхъ стихотвореній (напримѣръ, стр. 160, 167, 170). Но совершенно нельзя понять, какъ возможно надѣяться охватить дѣятельность такого писателя, какъ Гончаровъ, да еще съ изложеніемъ (хотя бы и краткимъ) біографическихъ свѣдѣній, на семи неполныхъ страничкахъ. Въ статьѣ о Некрасовѣ отсутствуетъ біографія, несмотря на то, что она нужна для пониманія многихъ сторонъ его поэзіи, и самъ г. Быстровъ, какъ указано выше, принципиально считаетъ необходимымъ сообщеніе біографическихъ данныхъ, съ чѣмъ, конечно, всякій согласится. Это еще одно лишнее доказательство того, насколько случаенъ и мало продуманъ трудъ г. Быстрова. И въ этой послѣдней статьѣ опять большія выписки изъ всѣмъ извѣстныхъ стихотвореній (стр. 175, 179, 180—181). Вѣдь, само собою разумѣется, что учебники новой литературы нужны для класса, какъ средство обобщить уже извѣстный матеріалъ, а ни-

какъ не познакомить съ этимъ матеріаломъ: для этого должны служить собранія сочиненій; хрестоматій и сборниковъ образцовъ, конечно, далеко недостаточно; нужно знакомство съ самыми произведеніями безъ выпусковъ и сокращеній. Учебникъ же можетъ лишь вкратцѣ напомнить уже извѣстное. Странное, вообще, впечатлѣніе производятъ многія мѣста въ книгѣ г. Быстрова: зачѣмъ, напримѣръ, оканчивать отдѣльныя статьи какими-то напыщенными благопожеланіями съ восклицательными знаками? Какимъ-то фальшивымъ одушевленіемъ звучатъ эти возгласы: «Итакъ, не будемъ огорчать нашего покойнаго учителя. Пусть его неуклонное исканіе истины послужитъ намъ примѣромъ, пойдемъ» и т. д. (стр. 123). И въ другомъ мѣстѣ, послѣ статьи на 15 страничкахъ о Майковѣ: «Пожелаемъ же въ заключеніе, чтобы наша отечественная нива не оскудѣвала... пожелаемъ мира праху...» (150). Какъ-то странно звучитъ это въ учебномъ курсѣ. Почему тогда не высказывать пожеланія мира праху каждаго писателя? Но тогда читать нельзя будетъ! Впрочемъ, въкоторыя статьи оканчиваются, хотя и патетически, но нѣсколько разумнѣе: авторъ старается выбрать для заключенія эффектное мѣсто изъ разбираемаго писателя (напримѣръ, стр. 181, 195). Неужели авторъ думаетъ, что этотъ пріемъ дастъ кому нибудь что либо, или сохранить за новѣйшей литературой «жизненную силу»? Едва ли! Скорѣе—напротивъ. Я. А.

Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 18-я. Спб. 1904.

Новая книга многотомнаго труда г. Барсукова обнимаетъ собою 1861-й годъ. Какъ и прежде, личность Погодина служитъ для автора только осью, около которой онъ располагаетъ рассказъ о тѣхъ изъ явленій современной Погодину жизни, которыя дороги и почему либо близки самому автору книги: изъ пятисотъ страницъ настоящаго тома едва ли не одна только третья часть книги посвящена имъ собственно Погодину и его трудамъ. Остальное есть хроника событій 1861-го года.

Личность Погодина вырисовывается болѣе всего въ его отношеніи къ крестьянской реформѣ. Въ то время, когда многіе другіе и въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ встрѣтили манифестъ 19 февраля 1861 г. съ оговорками, Погодинъ явился его безусловнымъ и горячимъ сторонникомъ. Онъ сохранилъ намъ любопытный и правдивый рассказъ о настроеніи народа въ Москвѣ въ день объявленія манифеста. Въ виду неясности и непонятности для крестьянина основныхъ положеній реформы, опасаясь смутъ и кривотолковъ, онъ выступилъ на помощь правительству со своими «грамотками», въ которыхъ стремился растолковать народу простымъ языкомъ подробности новыхъ законоположеній. Грамотки были напечатаны въ газетахъ и, хотя до народа, конечно, не дошли, но остались памятникомъ живого участія Погодина къ вопросамъ общественнымъ, его желанія вѣрно и съ пользою послужить родинѣ. Не остался онъ глухъ и къ начинавшейся уже въ 1861 году польской смутѣ, призывая поля-

ковъ «оказать полную довѣренность доброму сердцу Александра II-го и не связывать Россіи рукъ по отношенію къ Европѣ и въ особенности славянамъ»: «Польша и Россія,—писалъ онъ здѣсь,—это сила, необходимая въ Европѣ. Бя-то и боятся всѣ друзья и недруги ваши и наши!» Но и тутъ его добрыя желанія остались безрезультатными. Письмо его не было пропущено цензурою, да если бы оно и появилось въ свѣтъ, то, конечно, не убѣдило бы поляковъ, быстро шедшихъ въ то время къ возстанію 1863 года. Съ третьей статьёй Погодина «Три письма» объ экономическомъ состояніи Россіи дѣло чуть не окончилось совсѣмъ плохо: одно время онъ серьезно опасался, что его сошлютъ за нее въ Вятку. Немногимъ счастливейше были литературные и историческіе труды Погодина въ 1861 г., особенно послѣдніе. Юбилейная рѣчь въ честь князя Вяземскаго, защита князя отъ нападокъ петербургской журналистики, разборъ Погодинымъ книги Корфа о Сперанскомъ, изданіе имъ популярной книжки о міроздавіи, дѣятельность его въ качествѣ предсѣдателя общества любителей Россійской словесности и наконецъ неудачныя попытки возобновить «Москвитянинъ» подъ редакторствомъ А. А. Григорьева—вотъ главныя событія его литературной жизни за описанный г. Барсуковымъ годъ. Всею Погодинъ является живымъ, горячимъ дѣятелемъ, на все откликается онъ своимъ характернымъ и рѣзкимъ словомъ, въ которомъ слышится величественная преданность государю, любовь къ родинѣ и готовность смѣло высказать правду, когда этого требуетъ общая польза.

Въ хроникѣ современныхъ Погодину событій г. Барсуковъ даетъ подробнѣйшее до ничтожныхъ мелочей описаніе юбилея князя Вяземскаго, рассказываетъ о перенесеніи въ Москву Румянцевскаго музея, объ открытіи мощей св. Тихона Задонскаго, о путешествіи наслѣдника по Россіи, о крестьянской реформѣ. Но съ особеннымъ интересомъ читаются страницы, посвященныя университетскимъ смутамъ 1861 года, польскому вопросу и украинофиламъ, сгруппировавшимся тогда въ редакціи журнала «Основа». Всѣ эти три вопроса—университетскій, польскій и малорусскій—живы и доселѣ, а потому и рѣчь о нихъ имѣетъ для насъ жгучій интересъ современности.

Встрѣчая каждый новый томъ любопытнаго труда г. Барсукова, невольно думаешь о его окончаніи: если и впредь каждому году жизни Погодина будетъ посвящена особая книга, то автору предстоитъ написать еще 14 большихъ томовъ. Хорошо бы было, если бы авторъ нѣсколько сократилъ хотя бы такія явно излишнія подробности, какъ приведеніе подробнаго меню юбилейныхъ обѣдовъ и тому подобное. Но опытъ показалъ, что г. Барсуковъ не обращаетъ вниманія на единогласныя въ этомъ отношеніи указанія критики: онъ идетъ своей дорогой, подробно и любовно ведя свою хронику дней минувшихъ.

А. В.

Опытъ исторіи государственнаго совѣта въ Россіи, составленный помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта В. И. Туманскимъ въ 1840 г. Часть первая. 1769—1801 г. Совѣтъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й и Павла I-го. (Сообщеніе графа Г. А. Милорадовича). Черниговъ. 1903.

В. И. Туманскій, черниговскій дворянинъ, внукъ генеральнаго судьи Туманскаго, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. С. Пушкинымъ, служилъ въ Одессѣ, а въ 1839 г. былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря по департаменту государственной экономіи. Тогдашній государственный секретарь, баронъ М. А. Корфъ, поручилъ Туманскому написать очеркъ исторіи государственнаго совѣта по преимуществу для практическихъ цѣлей, что В. И. и исполнилъ, руководствуясь до него написаннымъ на ту же тему очеркомъ бывшимъ государственнымъ секретаремъ Оленинымъ. Трудъ Оленина охватывалъ въ бѣглыхъ чертахъ исторію государственнаго совѣта отъ Екатерины Великой до 1827 г.; Туманскій же написалъ свой очеркъ въ размѣрахъ царствованія Екатерины II и Павла Петровича. Какъ извѣстно, самый совѣтъ при Павлѣ Петровичѣ въ своей дѣятельности по преимуществу вѣдалъ цензурныя дѣла, а потому и у Туманскаго наибольшее мѣсто отведено екатерининскому совѣту. Въ общемъ содержаніе труда Туманскаго заключается въ себѣ: введеніе—краткій очеркъ высшихъ государственныхъ установленій Россіи до Екатерины II, затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе общей исторіи совѣта, выясненіе дня учрежденія совѣта, причины и цѣли его возникновенія, изложеніе содержанія наказа для руководства совѣта, порядки производства дѣлъ, степени дѣятельности совѣта. Особое мѣсто занимаетъ перечисленіе предметовъ дѣятельности совѣта съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣльныя группы.

Переходя къ оцѣнкѣ труда Туманскаго, необходимо замѣтить, что онъ имѣлъ значеніе для своего времени и даже для насъ представляетъ извѣстный историческій интересъ въ смыслѣ литературно-историческаго памятника. Что же касается самой исторіи учрежденія, то новыхъ данныхъ онъ дать не можетъ. Не говоря уже объ официальной разработкѣ архива государственнаго совѣта и обнародованіи хранящихся въ немъ матеріаловъ, имѣются и научные труды, посвященные тому же вопросу и разрабатывающіе предметъ съ неизмѣримо большей полнотой, нежели то сдѣлалъ Туманскій. Между прочимъ документы, относящіеся къ совѣту Екатерины Второй, опубликованы покойнымъ Калачевымъ въ двухъ томахъ сборника «Архива государственнаго совѣта». Въ введеніи къ сборнику имѣется краткая исторія совѣта, а затѣмъ идутъ протоколы военнаго содержанія, такъ какъ самый совѣтъ вначалѣ былъ созданъ ради обсужденія вопросовъ, касавшихся первой турецкой войны; второе мѣсто отведено моровой язвѣ 1770—1775 г., казачьимъ бунтамъ, Пугачеву и, наконецъ, вообще важнѣйшимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ по части суда, законодательства, военнаго и гражданскаго управленія.

Что же касается научной обработки матеріала, то таковая имѣется въ прекрасномъ трудѣ профессора Ярославскаго лицея В. Г. Щеглова, который прослѣдилъ всю исторію нашихъ высшихъ совѣщательныхъ установленій при

особѣ монарха. Кромѣ того, вообще, въ рукахъ современнаго историка имѣется такъ много всевозможныхъ данныхъ, что при разсмотрѣннй работы Туманскаго она представляется не только, такъ сказать, бѣглою, поверхностною, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже погрѣшающей противъ истины. Конечно, все это объясняется временемъ написанія труда. Въ это время обработка данныхъ исторіи государственнаго права Россіи восемнадцатаго вѣка только что началась, и потому Туманскому нужно простить, напримѣръ, его заблужденія относительно намѣреній императрицы Екатерины II въ отношеніи преобразованія сената. Туманскій, между прочимъ, думалъ, что императрица въ началѣ и не помышляла о реформѣ сената, между тѣмъ какъ сенатская реформа занимала императрицу именно чуть ли не съ первыхъ дней вступленія на престолъ, въ связи съ проектомъ Панина объ учрежденіи особаго государственнаго совѣта, при чемъ въ извѣстной формѣ реформа сената была проведена въ жизнь. Интереснымъ фактомъ является въ трудѣ Туманскаго указаніе на утвержденіе императорскимъ совѣтомъ смертныхъ приговоровъ въ 1789 г. капитану 1-го ранга Кокочову и 2-го Вальранту за отдаленіе со вѣрными имъ кораблями отъ сраженія съ непріателемъ.

В. Г.

Вооруженіе русской арміи въ Крымскую кампанію. Составилъ В. Федоровъ. Издано по приказанію великаго князя Александра Михайловича музеемъ севастопольской обороны. Спб. 1904.

Трудъ г. Федорова изданъ въ пользу неимущихъ ветерановъ-севастопольцевъ. Помимо чисто-спеціальныхъ данныхъ, читатель найдетъ здѣсь интересныя указанія общенсторическаго характера. Общее впечатлѣніе, которое оставляетъ описанная авторомъ эпоха, — довольно угнетающее: армія была застигнута враслохъ, все—администрація, вооруженіе, интендантская часть—находилось въ ужасномъ состояніи.

Любопытно отмѣтить, что поставка оружія въ нашу армію производилась путемъ заказовъ западно-европейскимъ и американскимъ фабрикамъ. Такъ въ 1854 году купецъ Петерсъ предложилъ нашему правительству заказать черезъ его посредство въ Америкѣ 150 тысячъ наръзныхъ ружей по 15 рублей за штуку: «въ виду того, что никакихъ ручательствъ въ солидности торговаго дома не было, а обѣщаніе залога и ограничилось однимъ только обѣщаніемъ, рѣшено было заказать 50 тысячъ наръзныхъ ружей». Скоро выяснилось, что американцы, не имѣя никакихъ средствъ для выполненія заказа, надѣялись воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ русскаго правительства для своихъ корыстныхъ цѣлей, а потому и требовали впередъ половину всей подрядной суммы. Такимъ образомъ, договоръ съ Петерсомъ былъ порванъ.

Другой договоръ съ англійскимъ торговымъ домомъ Кольта также кончился довольно плачевно: заказанное оружіе не было изготовлено къ сроку, русское правительство считало обязанности Кольта невыполненными и отказалось платить; пришлось обратиться къ «арбитражн», которая рѣшила дѣло въ пользу Россіи.

Не лучше обстояло дѣло съ покупкою пороха у американскаго купца Перкинса; русскій агентъ сначала повелъ съ нимъ переговоры, но, скоро убѣдившись, что Перкинсъ не можетъ выполнить заказъ, прервалъ переговоры; тогда Перкинсъ предъявилъ къ нему искъ въ 400 тысячъ долларовъ, «вѣроятно, въ надеждѣ стянуть 5.000 или 6.000».

Въ 1831 году фабриканты Лондона обязались доставить въ Петербургъ 100 тысячъ ружей; въ результатъ большинство полученныхъ ружей никуда не годились, такъ что общая сумма убытковъ исчислялась въ миллионъ съ лишнимъ рублей.

Введеніе въ нашу армію патроновъ съ французскою пулею началось въ севастопольскую кампанію, когда отъ одного француза, взятаго въ плѣнъ, была отобрана пачка патроновъ съ такими пулями.

Что касается ополченскихъ частей, то вооруженіе ихъ было таково, что «хорошая стрѣльба пѣхотныхъ дружинныхъ офицеровъ и стрѣльба незнающихъ ратниковъ имѣла одинаковый результатъ: пули брали произвольное направление»; начальникъ смоленскаго ополченія доносилъ, что «весьма много ружей оказывается негоднымъ къ употребленію, имѣя важные недостатки, стволы очень тонки, такъ что при стрѣльбѣ боевыми патронами могутъ разрываться, замки не исправны и не спускаютъ курка», или «у многихъ ружей штыковъ нѣтъ, замки не плотно присажены на мѣстѣ или ихъ нѣтъ вовсе, много курковъ или не взводятся или спускаются сами собой», «курокъ не отбиваетъ огнива», «ружья совершенно негодны къ боевому употребленію», «ложе вертится подъ стволомъ» и т. д. Плохо одѣтый, плохо снабженный всѣмъ необходимымъ, съ дурнымъ оружіемъ въ рукахъ, нашъ солдатъ тѣмъ не менѣе могъ оказывать врагу сильное сопротивленіе.

Въ общемъ книга г. Фодорова любопытна какъ для специалиста, такъ и для читателя изъ большой публики. Симпатичная цѣль изданія способствуетъ распространенію книги въ нашемъ обществѣ въ особенности теперь, когда интересъ къ военному дѣлу даетъ себя знать на каждомъ шагѣ. Н. Ф.

С. А. Чистяковъ. Исторія Петра Великаго. Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. Изданіе второе. Спб. 1904.

Въ 1875 году, извѣстный педагогъ Чистяковъ издалъ «Исторію Петра Великаго». При составленіи своего труда авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, а въ видѣ историко-біографическаго очерка, основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ доступнымъ, какъ для взрослыхъ читателей, такъ и для юноши. Задачу свою Чистяковъ исполнялъ добросовѣстно. Книга его написана популярно и даетъ сжатый, но вполне удовлетворительный очеркъ личности и дѣятельности Петра Великаго. Кромѣ того, текстъ снабженъ множествомъ портретовъ и иллюстрацій, дополняющихъ и объясняющихъ его.

Со времени появленія книги Чистякова прошло 34 года, въ теченіе которыхъ появилась масса новыхъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра и проливающихъ новый свѣтъ на многія событія этой эпохи. Вслѣдствіе этого, книга Чистякова устарѣла, а, между тѣмъ, никто изъ нашихъ историковъ не занялся популяризацией Петровскаго царствованія, и сочиненіе Чистякова, давно распроданное, остается единственнымъ въ своемъ родѣ, такъ какъ «Исторія Петра Великаго» Брикнера слишкомъ специальна, обширна и страдаетъ сухостью изложенія. Поэтому, несмотря на многія неточности и пробѣлы, допущенныя въ книгѣ Чистякова, по ограниченности матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи автора, мы все-таки относимся сочувственно къ ея второму изданію. Для юношества и вообще для читателей лучше имѣть хотя не полную и нѣсколько устарѣлую, но все же умѣло и добросовѣстно написанную популярную исторію Петра Великаго, нежели не имѣть никакой.

С. Ш.

Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ К. Скальковскій. Спб. 1904.

Главное и неотъемлемое достоинство всѣхъ писаній и трудовъ г. Скальковскаго то, что они безусловно занимательны и непрестанно привлекаютъ къ себѣ вниманіе широкаго круга читателей. Со многими взглядами почтеннаго автора на трактующіе предметы нельзя по разнымъ мотивамъ соглашаться, но имъ, во всякомъ случаѣ, нельзя отказывать въ остроуміи и смѣлости. Излагая предметы легко и бойко, ставя ихъ подъ совершенно особый уголъ зрѣнія, онъ никогда не тщится подкрѣплять себя тяжеловѣсными авторитетами и артиллеріей «ученой скуки» — скорѣе онъ даже, въ ущербъ своему авторитету и популярности, порою слишкомъ ужъ скользитъ по темъ, предпочитая серьезной аргументации шутку, остроту, парадоксъ и анекдотъ. Конечно, это обстоятельство даетъ широкій просторъ слишкомъ придирчивой критикѣ нападать на плодовитаго писателя, отпускать на его счетъ остроты и сплошь и рядомъ не столько заниматься и входить въ оцѣнку разбираемой темы, сколько прохаживаться на счетъ его собственной личности, его личной жизни, его государственной и общественной службы. Несомнѣнно, самъ писатель не одинъ разъ давалъ поводъ къ такому, по отношенію себя, поведенію рецензентовъ, слишкомъ ужъ выставляя на показъ свою фигуру, обнажая безъ достаточной въ томъ надобности тайники своей души и изгибы сокровенной мысли съ излишне подчеркнутымъ притомъ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію вообще, а рецензентовъ въ частности. Такъ и въ настоящей книгѣ — «маленькой хрестоматіи»: заканчивая предисловіе къ ней, онъ спѣшитъ авансомъ высказать ядовитую колкость по адресу своихъ критиковъ и литературныхъ судей, говоря: «господа журналисты не преминутъ, повѣрьте, выругать мою книгу, какъ выбрали и остальные, но я убѣжденъ, что они тайкомъ будутъ ее покупать и въ теченіе многихъ лѣтъ черпать оттуда свою премудрость, тщательно скрывая источникъ». Собственно говоря, для настоящаго случая этотъ полемиче-

скій випадъ автора излишенъ, ибо если рецензенты и будутъ дѣйствительно почерпать свои мысли изъ хрестоматіи г. Скальковскаго, то вѣдь это будетъ пользованіе не его собственными мыслями, а мыслями тѣхъ писателей, которыхъ онъ мимоходомъ собиралъ въ теченіе 8 лѣтъ и наносилъ на клочки бумаги. Вѣдь нельзя же требовать отъ писателей выраженія каждый разъ признательности тому или другому изъ авторовъ за то, что онъ въ томъ или иномъ случаѣ и мѣстѣ приводитъ выдержку изъ произведенія своего брата писателя, выдержку, коей случайно приходится пользоваться не изъ первыхъ, а вторыхъ рукъ. Такое требованіе ссылокъ на источникъ съ выраженіемъ ему притомъ признательности ужъ слишкомъ претенціозно и, пожалуй, забавно.

«Ругать» г. Скальковскаго за его настоящій трудъ собственно не за что, но и разсыпаться передъ нимъ въ изъявленіяхъ благодарности нѣтъ тоже особеннаго основанія и повода. Работы вдумчивой и упорной въ дѣло имъ вложено не ахти сколько. Въ свое время—на покоѣ, за границею,—онъ читалъ разныя «русскія» книги, дѣлалъ изъ нихъ, по привычкѣ, на клочкахъ бумаги выдержки и вотъ по прошествіи извѣстнаго времени привелъ свой архивъ въ порядокъ, рассортировалъ эти клочки бумаги по категоріямъ вопросовъ (числомъ до 70), какъ, напримѣръ, о странѣ, народѣ, власти, промышленности, о церкви, благотворительности и т. д., а отсюда и составила та самая книга, которую онъ нынѣ и издалъ подѣ заглавіемъ: «Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ», или иначе «Матеріалы для фізіологіи русскаго общества». Книга, составленная такимъ случайнымъ путемъ, сама собою не можетъ отличаться особенною полнотою и систематичностью, что, впрочемъ, признается и самимъ авторомъ въ его предисловіи, какъ равно имъ же признано, что она и не безпристрастна, а, напротивъ, отмѣчена печатью узкой односторонности. Эпиграфомъ хрестоматіи служитъ отечественная пословица—«на зеркало нечего ценять, коли рожа крива», и вотъ, исходя изъ такого априорнаго положенія, авторъ и постарался доказать, что вся русская «рожа»—все естество Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ, въ ея составныхъ частяхъ и деталяхъ, одно сплошное безобразіе и болѣзненное уродство. Выбирая исключительно сердитые отзывы писателей и общественныхъ дѣятелей по самымъ разнообразнымъ сторонамъ отечественной жизни изъ обширной литературы за 200 слишкомъ лѣтъ, не считая поговорокъ и пословицъ, авторъ собралъ такой обширный арсеналъ хулы и самооплевыванія Россіи, который можетъ привести читателей съ слабыми нервами, но повышенной чувствительностью, въ полное уныніе и патриотическое отчаяніе. Любопытно при этомъ то, что свой матеріалъ онъ почерпаетъ главнымъ образомъ у людей консервативнаго и корректнаго въ политическомъ отношеніи образа мысли, т. е. у такихъ дѣятелей, которые по твердо установившемуся въ Россіи обычаю и порядку особенно выдѣляются на словахъ своимъ брюзжаніемъ, будированіемъ и, такъ сказать, «легальной оппозиціей». Дѣятели нашего ультра-либеральнаго лагеря и активная оппозиція въ настоящемъ случаѣ будутъ безусловно признательны автору «хрестоматіи», и имъ его книга хорошая карта въ руку. Будетъ ли только эта карта бить наѣвряняка, и правильно ли она разчитана на выигрышъ? Сомнительно. Вѣдь если отнестись ко всѣмъ словамъ и мнѣніямъ, подѣ сердитую руку или вскользь, случайно вы-

сказаннымъ, такихъ дѣятелей, какъ гг. Аксаковы, Филаретъ, Погодинъ, Хомяковъ, Л. Толстой, Воронцовъ, Катковъ, Побѣдоносцевъ, гр. Д. Толстой, Петръ I, Екатерина II и прочіе, въ числѣ до 250 человѣкъ, то, пожалуй, можно съ наивностью подумать, что все это были чуть ли не отчаянные ненавистники своей родины и уклада ея жизни, и что они во всякомъ случаѣ относились къ ней съ величайшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Соответствуетъ ли это, однако, дѣйствительности и фактамъ изъ общественнаго и государственнаго служенія? Конечно, нѣтъ, а отсюда и предостереженіе читателямъ—пользоваться собранными мѣніями съ крайней осмотрительностью и осторожностью и не разсматривать ихъ случайную совокупность въ качествѣ широкой поверхности правильно отшлифованнаго зеркала.

В. Гл—скій.

В. В. Святловскій, приватъ-доцентъ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Выпуски I, IV, V. Спб. 1903.

Г. Святловскій задался симпатичною мыслью разработать съ экономической точки зрѣнія столь важный для всѣхъ классовъ общества жилищный вопросъ. По замыслу трудъ уважаемаго автора очень обширенъ: пока вышло въ свѣтъ три внушительныхъ по объему выпуска, въ печати находятся еще два. Въ появившихся выпускахъ излагается общая постановка вопроса о жилищѣ съ выясненіемъ мѣста жилищнаго вопроса въ соціальной проблемѣ Запада, а также судьбы жилищнаго вопроса въ Россіи. Современному положенію изучаемаго предмета г. Святловскій предпосылаетъ историческіе очерки. Болѣе обстоятеленъ очеркъ, посвященный исторіи западноевропейскаго жилища, составленный по преимуществу на основаніи иностранныхъ источниковъ. Нѣкоторые изъ собранныхъ авторомъ фактовъ очень любопытны: таковы, напримѣръ, данныя о крайне неудовлетворительномъ положеніи западноевропейскихъ городовъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, когда, по свидѣтельству Бертулли, Женева поражала своею грязью, при чемъ отъ нея мало чѣмъ отличался Лондонъ въ самой фешенебельной его части. При всемъ томъ отмѣчено и то явленіе, что городскія управленія европейскихъ городовъ заботились о чистотѣ поселеній и о приведеніи ихъ въ приличный видъ, начиная съ четырнадцатаго вѣка, при чемъ впереди другихъ государствъ въ этомъ отношеніи шла Германія. Въ Нюренбергѣ еще въ 1475 г. было запрещено превращать городскія площади и улицы въ пастбища для свиней. Во Франкфуртѣ на Майнѣ не разрѣшалось съ 1481 г. устраивать помѣщенія для свиней съ той стороны домовъ, которая выходила на улицу.

Къ сожалѣнію, очень бѣденъ очеркъ жилищной исторіи Россіи. Начиная съ девятаго по девятнадцатый вѣкъ ей посвящены всего двѣ съ половиною страницы, при чемъ авторъ рѣшительно ничего не говоритъ о замѣчательномъ памятникѣ законодательства Петра Великаго «Регламентѣ главному магистрату». Можно даже утверждать, что г. Святловскій въ извѣстной мѣрѣ ошибается, полагая, что жилищный вопросъ занималъ «дореформен-

ную Россію» только, какъ одинъ изъ видовъ филантропіи въ томъ смыслѣ, что «несчастненькимъ» у насъ давался пріютъ «добрыми людьми» (стр. IX четвертаго выпуска). Авторъ не обратилъ вниманія, что въ упомянутомъ «Регламентѣ главному магистрату» въ главѣ десятой весьма обстоятельно излагаются требованія о соблюденіи чистоты въ домахъ, на улицахъ, и въ главѣ двадцатой упоминается объ обязанности городскихъ магистратовъ заботиться о сооруженіи сиропитательныхъ домовъ. Въ этихъ требованіяхъ сказывается уже не частная инициатива, на которую ссылается г. Святловскій, но общественная. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ извѣстно, что «Регламентъ главному магистрату» являлся дѣйствительнымъ закономъ, и съ этой стороны было бы весьма интересно прослѣдить, насколько предписанія Регламента повліяли на практику если не всѣхъ русскихъ городовъ, гдѣ существовало магистратское устройство, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ. Точно также безъ всякаго разсмотрѣнія авторъ оставилъ и екатерининское законодательство относительно городского благоустройства, куда, какъ часть, входитъ и жилищный вопросъ. Ковечно, указывая на петровское и екатерининское законодательство, мы вовсе не думаемъ оспаривать того общаго положенія г. Святловскаго, что русскіе города въ жилищномъ и иныхъ отношеніяхъ находились въ удовлетворительномъ состояніи, мы хотимъ только отмѣтить пробѣлъ, получающійся въ книгѣ почтеннаго ученаго, вводящаго въ книгу историческую справку въ черзчуръ общемъ видѣ. В. Грибовскій.

Старина и Новизна. Книга седьмая. Спб. 1904.

Седьмая книга историческаго сборника «Старина и Новизна», періодически издаваемого обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Прежде всего здѣсь находимъ продолженіе любопытныхъ и живо написанныхъ воспоминаній кн. А. М. Дондукова-Корсакова. Напомнимъ, что князь служилъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ кн. Воронцова. Кавказская жизнь, полная суровыхъ лишеній и боевыхъ тревогъ, выработала удивительно своеобразные типы, которые цѣлой вереницей проходятъ въ воспоминаніяхъ князя. Вотъ, на примѣръ, отчаянный кавказскій «сорви-голова» Н. П. Кулебякинъ, мирно скончавшій свои дни московскимъ сенаторомъ. Буянь, перебившій на одномъ балу всѣ инструменты военнаго оркестра только за то, что музыканты сыграли не тотъ танецъ, который онъ требовалъ, поручикъ Кулебякинъ находилъ особенное удовольствіе заглянуть смерти прямо въ глаза, и въ то время, когда солдаты отъ губительнаго огня горцевъ не смѣли и головы поднять изъ-за прикрытія, Кулебякинъ на виду у всѣхъ читалъ молитвы по убитымъ явнымъ чинамъ. Однажды онъ въ сопровожденіи одного пріятели забрался прямо въ пасть къ врагу и вздумалъ проповѣдывать горцамъ коранъ. Его хотѣли застрѣлить, но пуля почему-то выкатилась изъ револьвера. Оригинальный проповѣдникъ истолковалъ это, какъ явный знакъ, что онъ посланъ

Аллахомъ, который хочет его сохранить. Пораженные горцы пали на колѣни, и проповѣдникъ мирно вернулся къ своему отряду.

Другой поручикъ, Альбертъ Едлинскій, побочный сынъ графа Ар. Потоцкаго, перешедшій на Кавказъ изъ австрійской службы, былъ извѣстенъ за остроумнаго, но весьма язвительнаго человѣка. Особенно преслѣдовалъ онъ своими сарказмами генерала Е., болѣе всего заботившагося о своихъ выгодахъ. Экономіи ради онъ обыкновенно не держалъ и половины милиціи, которую обязанъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи по штату. Однажды на развѣдкахъ генералъ слишкомъ отдѣлился отъ своего отряда, такъ что явилось опасеніе, какъ бы его не отрѣзали горцы. «Не беспокойтесь, господа, — сказалъ Едлинскій, — у него 6 сотенъ милиціи... въ карманѣ».

Статья «Изъ бумагъ гр. Ю. А. Головина» касается посылки графа въ 1805 году чрезвычайнымъ посломъ въ Китай. Послу поручено было переговорить о текущихъ дѣлахъ съ пекинскимъ правительствомъ, коснуться вопроса объ исправленіи границъ и дать китайцамъ понять, что въ виду придвигающихся къ границѣ Небесной имперіи англичанъ имъ слѣдовало бы держаться Россіи. По дорогѣ графъ долженъ былъ осмотрѣть лежація на пути губерніи и произвести въ нихъ нѣчто въ родѣ сенаторской ревизіи. Какъ видно, графъ очень внимательно отнесся къ этому порученію, и кое-что изъ его указаній было осуществлено.

Воспоминанія А. Я. Булгакова живо знакомятъ насъ съ знаменитымъ графомъ Ростовчинымъ въ его домашнемъ, интимномъ быту и съ кружкомъ его знакомыхъ, а воспоминанія вдовы А. В. Воейкова, флигель-адъютанта Александра I, касаются темной исторіи паденія и ссылки Сперанскаго. По словамъ автора воспоминаній, Сперанскій, бывшій съ Воейковымъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ, самъ рассказывалъ ему о причинахъ своего удаленія. По словамъ Воейкова, Балашовъ и Армфельдтъ дѣлали всяческія попытки, чтобы склонить Сперанскаго, предварительно доклада государя, обсуждать каждое дѣло съ ними. Когда же Сперанскій упорно отказался, они нашли способъ довести объ этихъ переговорахъ до свѣдѣнія императора Александра, представивъ дѣло такъ, какъ будто инициаторомъ неудавшагося тайнаго триумвирата былъ самъ Сперанскій. Государь потерялъ къ нему довѣріе и, какъ ни любилъ его, счелъ себя вынужденнымъ разстаться съ своимъ министромъ.

Интересующіяся личностью друга Пушкина, извѣстнаго библиофила С. А. Соболевскаго, найдутъ нѣсколько мелкихъ данныхъ для его біографіи въ письмахъ къ нему И. С. Мальцова, относящихся къ 1838—1844 гг. и писанныхъ изъ-за границы.

Капитальной научной статьёй сборника слѣдуетъ признать трудъ гр. С. Д. Шереметева: «Отъ Углича къ морю Студеному». Автора занимаетъ вопросъ объ угличскомъ происшествіи 1591 года и о личности Разстриги. Вопросъ этотъ, заглушенный въ свое время и затемненный впоследствии, какъ извѣстно, не разъ пытались выяснитъ историки самыхъ разнообразныхъ взглядовъ. Удовлетворительнаго его рѣшенія до сихъ поръ, однако, не найдено, да и врядъ ли скоро такое рѣшеніе будетъ найдено. При томъ количествѣ данныхъ, какое теперь имѣется въ распоряженіи исторической науки, вопросъ этотъ пред-

ставляетъ въ своемъ родѣ неопредѣленное уравненіе со многими неизвѣстными. Необходимо увеличить наличность фактическаго матеріала, а за неимѣніемъ пока крупныхъ данныхъ приходится собирать его очень издалека.

Гр. Шереметевъ подвигается въ своихъ изслѣдованіяхъ очень осмотрительно, ощупью. Предполагая значительное участіе въ этомъ загадочномъ дѣлѣ сѣвера, онъ старается выяснитъ, кто изъ замѣшанныхъ въ угличскомъ происшествіи лицъ имѣлъ связь съ сѣверомъ, съ его монастырями. Подборомъ историческихъ данныхъ, разбросанныхъ по разнымъ документамъ и обыкновенно не останавливающихъ на себѣ особаго вниманія при бѣгломъ чтеніи, авторъ доказываетъ, что къ концу XVI вѣка наши сѣверные края были весьма оживлены, какъ промышленною жизнью, такъ и торговыми сношеніями. Сѣверъ поддерживалъ сношенія не только съ англичанами и голландцами, но и съ литовскимъ зарубежьемъ, Туда, повидимому, не разъ бѣжали всѣ тѣ, кто, укрывшись отъ Москвы, въ сѣверныхъ монастыряхъ, и здѣсь не чувствовали себя въ безопасности отъ длинныхъ и цѣпкихъ московскихъ рукъ. Такъ изъ Соловецкаго монастыря бѣжалъ въ Литву извѣстный писатель Артемій (Троицкій).

Любопытно одно указаніе, намекающее, что и Разстрига попалъ въ Литву съ сѣвера же. Извѣстно, что лопари и самоѣды пользовались въ тѣ времена славою чародѣевъ. Они бывали и въ Москвѣ и въ Угличѣ, гдѣ одно время Аванасій Нагой велъ какіе-то тайственные переговоры. Когда убили въ Москвѣ Разстригу, въ народѣ, — какъ рассказываетъ Масса, — пошли слухи, что онъ тоже былъ чародѣй, и что искусству этому онъ выучился у дикой доли.

Вообще статья гр. С. Д. Шереметева, воздерживаясь отъ прямыхъ выводовъ, богата косвенными указаніями на участіе въ угличскомъ дѣлѣ современныхъ ему сѣверныхъ дѣятелей. Слѣдовало бы въ интересахъ обогащенія фактическаго матеріала повнимательнѣе пересмотрѣть архивы и книгохранилища уцѣлѣвшихъ еще сѣверныхъ монастырей, если это, конечно, возможно.

В.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904.

По мѣрѣ развивающагося въ обществѣ интереса къ новому краю и заселенію Черноморскаго побережья въ литературѣ стали появляться книги, описывающія съ тѣхъ или другихъ сторонъ природу и экономическія и соціальныя особенности и вообще жизнь побережья.

Недавно вышла изданная фирмой Девриена книга г. Васюкова «Край гордой красоты», затѣмъ появилась работа г. Личкова, наконецъ въ настоящее время канцелярія черноморскаго губернатора работает надъ «Путеводителемъ по Черноморской губерніи». Хотя такой путеводитель, тоже съ объясненіями, издалъ нѣкій Григорій Москвичъ изъ Одессы, но конкуренція не мѣшаетъ. Пока мы не знаемъ достоинства канцелярскаго путеводителя, но намъ извѣстно, что онъ «выйдетъ въ свѣтъ на 1-е апрѣля 1904 года», а пока

объявленія «принимаются у правителя дѣль черноморскаго губернатора» по дѣль, которой слѣдуетъ подробная такса.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ такой губерніей, что даже канцелярія самого губернатора пустилась въ литературу!

Для насъ нѣсколько странно, что въ губерніи, въ которой не было произведено точнаго статистическаго разслѣдованія, въ губерніи, гдѣ земельное устройство и переселенческое дѣло даютъ себя знать на каждомъ шагѣ съ печальной стороны, администрація издаетъ путеводители. Не лучше ли и не полезна ли дать сырой, точный цифровой матеріалъ о заселеніи и устройствѣ Черноморской губерніи, дать подробное ея статистическое описаніе, а не рекламный путеводитель?

Но скажемъ нѣсколько словъ о работѣ Л. С. Личкова. Очерки г. Личкова далеко не представляютъ систематическаго труда, это дѣйствительно очерки туриста, пользовавшагося, кромѣ своихъ наблюденій, почти всѣми источниками, появившимися въ печати о побережьѣ по сіе время. Изложеніе очерковъ особенными чисто литературными достоинствами не отличается, хотя читается легко. Имѣются у автора и ошибки. Такъ, на примѣръ, на стр. 12 г. Личковъ указываетъ, что старожилы (казаки) получили въ надѣль по 30 десятинъ на дворъ въ общинномъ владѣніи, и по 10 десятинъ—охотники наслѣдственныхъ (или потомственныхъ, какъ называютъ эти участки на побережьѣ). Это неправда. Казаки бывшаго шапсугскаго батальона, поселенные по приказу, получили въ юрту по 20 десятинъ на каждую мужскую душу, рожденную до 1870 года, а охотники дѣйствительно по 10 десятинъ въ собственность. На стр. 15 сказано, что «по прибытіи на мѣсто новоселы стали слезно просить о возвращеніи домой на родину». Это опять такъ невѣрно. Не новоселы, а староселы, или старожилы. Новоселы не казаки и въ надѣль получили дѣйствительно 30-ти-десятинные участки въ юрту, но въ собственность 10-ти-десятинныхъ участковъ не получали, ибо они всё шли селиться на Кавказъ охотою.

Особенную склонность г. Личковъ обнаружилъ къ Геленджикѣ, мѣстечку не особенно красивому, подверженному страшному нордъ-осту, извѣстному, по его мнѣнію, отсутствіемъ маляріи. Это—сравнительно. Въ Геленджикѣ лихорадки дѣйствительно не такъ свирѣпствуютъ, какъ въ Адлерѣ или Хостѣ, но бываютъ, какъ явленіе заурядное на всемъ побережьѣ. Описывая постройки въ Геленджикѣ и ихъ стоимость, г. Личковъ за мѣру ширины и длины строеній принимаетъ сажень, такъ, на примѣръ, «хата, покрытая дранью, мѣрою 7×9 с., стоитъ 300—350 рублей» и т. д. Такихъ хатъ въ Геленджикѣ нѣтъ, и все это будетъ вѣрно, если сажень перемѣнить на аршинъ.

Любопытно мнѣніе автора о дольменахъ, этихъ доисторическихъ памятникахъ, значеніе и смыслъ которыхъ до сихъ поръ еще не выясненъ археологами. Г. Личковъ дольмены попросту называетъ «жилищами древнѣйшихъ обитателей страны» (стр. 64). Хорошо и ясно, хотя и необудительно! Нѣсколько наивно разсужденіе о нуждѣ для края проведенія желѣзной дороги. Въ самомъ дѣлѣ, край еще не разработанъ, нѣтъ путей сообщенія между трудовыми центрами и городами, еще не организовано правильное морское сообщеніе,

а тутъ серьезно думаютъ и пишутъ о желѣзной дорогѣ, верста которой по трудности постройки стоила бы не менѣе 300.000 рублей. Конечно, спекуляція потеряла многое при отрицательномъ рѣшеніи вопроса о постройкѣ дороги, но трудовой элементъ едва ли въ убыткѣ! Самъ же авторъ хорошо подмѣчаетъ характеръ спекуляціи. На пароходѣ съ поселенцами бесѣдуютъ два земельныхъ афериста, которые говорятъ крестьянамъ. «такъ что ежели вамъ нужно видѣть этой земли хозяевъ, такъ-если правду сказать, мы-то и есть ей настоящіе хозяева!. Пожалуйте и покупайте, если, конечно, денежки имѣете!.. Нашъ братъ и есть самыя настоящіе этихъ земель хозяева и распорядителя!»

До сихъ поръ я указывалъ на недостатки «очерковъ» г. Личкова. Но есть и достоинства въ его книгѣ. Глава 6-я, посвященная земельнымъ вопросамъ побережья, очень интересна и написана съ выдержкой, обстоятельно. Прочитавъ эту главу, читатель пойметъ и выяснитъ себѣ многое, а главное то земельное неустройство, которое безусловно тормозитъ село-хозяйственное развитіе побережья. Административная политика стараго времени до покойнаго Абазы въ смыслѣ положительнаго вліянія дала мало. Одностороннее созиданіе только курортовъ въ ущербъ заселенію трудовымъ элементомъ побережья не могло, конечно, дать не только блестящихъ, но сколько нибудь сносныхъ результатовъ развитія края. Въ заключеніе г. Личковъ подробно остановился на переселеніи по закону 1897 года, примѣненіе котораго на практикѣ оказалось довольно неудачнымъ. Не говоря о неудобствѣ участковъ подъ поселеніе, само переселеніе связано съ такой массой ненужныхъ формальностей, что въ концѣ концовъ эти самыя переселенцы бѣгутъ безъ оглядки «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ». И совершенно справедливо авторъ замѣчаетъ: «надо сказать еще, что это заселеніе участковъ подборомъ поселщиковъ по выбору начальства, слѣдовательно, людьми, совершенно не знающими другъ друга и не связанными никакими общими интересами, тоже стоитъ въ противорѣчьи съ уроками прошлой исторіи заселенія побережья». В. С. К.

Александръ Бенуа. Русская школа живописи. Изданіе товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Вып. I и II. Спб. 1904.

Въ настоящее время весьма замѣтенъ интересъ къ изученію русской живописи. Она изучается и въ спеціальныхъ изданіяхъ, а главное параллельно съ спеціальными изданіями (въ родѣ, наиримѣръ, «Русской живописи XVIII вѣка» С. П. Дягилева) появляются изданія, цѣль которыхъ распространить знакомство съ произведеніями русской живописи въ возможно широкихъ кругахъ публики. Техника воспроизведеній улучшается съ каждымъ днемъ. Но помимо воспроизведенія отдѣльныхъ произведеній появляются художественныя изданія, знакомящія общество съ цѣлыми отдѣлами русской живописи: таковы, наиримѣръ, воспроизведенія Третьяковской галлерей, музея Александра III, но эти предпріятія не могутъ всецѣло удовлетворить потребности въ знакомствѣ съ русской живописью, отчасти по техническому несовершенству, отчасти по односторонности выбора рисунковъ. Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ при-

ступило къ великолѣннѣйшему изданію. Задача его — путемъ подбора безупречныхъ въ техническомъ отношеніи воспроизведеній дать зрителю полное представленіе о развитіи русской школы живописи. Изданіемъ завѣдуетъ Александръ Бенуа, которому принадлежитъ и текстъ — сжатый очеркъ исторіи русской живописи.

Передъ нами первые два выпуска этого, дѣйствительно, роскошнаго изданія. Съ технической стороны предпріятіе Р. Голике и А. Вильборга, несомнѣнно, превосходитъ всѣ бывшія у насъ собранія воспроизведеній. Что особенно важно, издатели прибѣгаютъ къ различнымъ техническимъ способамъ воспроизведеній: въ краскахъ, гелиографурой, фототипіей, автотипіей. И всѣ эти способы прекрасно удаются. Пока въ выпускахъ отдѣльные листы съ рисунками даются безъ системы: по выходѣ всѣхъ выпусковъ рисунки должны быть размѣщены въ опредѣленномъ порядкѣ. Но и теперь, не дожидаясь конца изданія, можно сказать нѣсколько словъ о подборѣ. Читатель найдетъ немало снимковъ съ картинъ, находящихся въ малодоступныхъ или даже совсѣмъ недоступныхъ частныхъ хранилищахъ. Издатели не останавливаются передъ воспроизведеніемъ рисунковъ и акварелей, исходя изъ того вѣрнаго представленія, что «для нѣкоторыхъ художниковъ — рисунки ихъ, эти непосредственные и интимные документы, характернѣе, нежели картины ихъ, носящія болѣе официальный характеръ». Не лишнее отмѣтить, что подборъ совершается съ нѣкоторою изысканностью. Можно встрѣтить вещи, до сихъ поръ не воспроизводившіяся или воспроизведенныя въ очень рѣдкихъ изданіяхъ.

Въ оконченномъ видѣ изданіе представитъ очень цѣнное пріобрѣтеніе и несомнѣнно поспособствуетъ расширенію знакомства съ русской живописью въ широкихъ кругахъ русской публики, но не только русской. Предпріятіе товарищества Р. Голике и А. Вильборга — одно изъ немногихъ, которыя можно показать Европѣ. Мы думаемъ, что теперь, когда на Западѣ такъ интересуются русской живописью, «Русская школа живописи» появляется весьма кстати и найдетъ покупателей.

Можно пожелать самаго широкаго распространенія этому изданію. Цѣна не высока. За все изданіе въ 10 выпускахъ — 35 рублей, а въ каждомъ выпускѣ прилагаются 3 гелиографуры, 2 факсимиле съ рисунковъ, 5 фото- и автотипій и 6 — 7 фототипій въ текстѣ.

Въ первомъ выпускѣ находимъ акварели портрета Олениныхъ (К. Брюловъ) и Л. Толстого (И. Рѣпинъ); гелиографуры съ картинъ Ф. Бруна (Вакханка) и Рѣпина (Юаннъ Грозный, деталь); факсимиле замѣчательнаго рисунка Сѣрова (Дѣти Б., изъ собранія Боткина) и др. Во второмъ выпускѣ находимъ трехцвѣтную автотипію съ Левитана (Октябрь, изъ собранія Ланского), гелиографуры съ Малявина (портретъ), Сурикова (Боярыня Морозова, деталь), Венеціанова (Утро помѣщицъ) и др.

П. П.—въ.

Пл. Гр. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Ч. I. Спб. 1904.

Въ первой главѣ своего сочиненія г. Васенко съ достаточной подробностью останавливается на литературѣ о «Книгѣ Степенной» (стр. 1—55), приводя взгляды и теоріи Татищева, Щербатова, Миллера, Шлецера, Калайдовича, митр. Евгенія, Строева, Вестужева-Рюмина и другихъ. Глава вторая посвящена вопросу о печатномъ изданіи Степенной и о типахъ ея списковъ (стр. 55—118).

Далѣе, авторъ останавливается на весьма интересномъ и спорномъ положеніи, существовала ли до-Макарьевская Степенная. При этомъ, въ разысканіяхъ г. Васенка выяснилось, что онъ не можетъ указать «ни одной рукописи, въ которой заключалась бы Степенная, не восходящая къ «Книгѣ царскаго родословія» (стр. 166). Послѣ нѣкоторыхъ сопоставленій авторъ приходитъ къ тому выводу, что до-Макарьевской Степенной не существовало.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно авторъ оговаривается, что дескать, если «намъ укажутъ на какіе нибудь списки до-Макарьевской Степенной и докажутъ несомнѣнность этого факта»... то «мы охотно откажемся отъ своего мнѣнія и сознаемъ свою ошибку» (стр. 166). Въ самомъ дѣлѣ, если бы подобное осуществилось, то странно было бы отстаивать свою гипотезу, пока же этого не случилось, то зачѣмъ же оговариваться?

Въ четвертой главѣ г. Васенко задается цѣлью опредѣлить, кто былъ составителемъ «Книги Степенной царскаго родословія» (стр. 168—212). Указывая на знакомство составителя съ житіемъ св. Давида и съ «Сказаніемъ въ кратцѣ о преподобномъ старцѣ Даниилѣ Переяславскомъ», авторъ убѣждается, что и то и другое написаны «переяславскимъ церковникомъ» (стр. 208). Сопоставляя же «Сказаніе» со Степенной, г. Васенко отождествляетъ и ихъ авторовъ, т.-е. приписываетъ составленіе Степенной «переяславскому церковнику», въ которомъ не безъ основанія видитъ Аванасія, митрополита всея Руси, бывшаго царскаго духовника, протопопа Андрея, родомъ изъ Переяславля (стр. 20).

Время составленія этой Степенной приблизительно опредѣляется 1555—1563 г.г., но авторъ пытается точнѣе «означить время окончательной обработки этого произведенія» (стр. 214).

Сопоставляя хронологическія данныя фактовъ, упоминаемыхъ въ 17-й грани Степенной, г. Васенко дѣлаетъ предположеніе, что она была начата «именно въ 1560 г.» (стр. 215), а закончена «въ мартѣ—декабрѣ 1563 г.» (стр. 217).

Самый же строй Степенной носить характеръ сборника агіографическаго, при чемъ ей до нѣкоторой степени можно придать и характеръ сочиненія историческаго.

Такова сущность содержанія диссертациі г. Васенка.

Книга снабжена перечнемъ рукописей, на которыя ссылается авторъ, и указателями личнымъ и географическимъ.

Н Ретвихъ.

Н. И. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Томъ V. Ковельскій уѣздъ. Почаевъ. 1903.

Г. Теодоровичу принадлежитъ нѣсколько объемистыхъ томовъ, въ которыхъ собраны описанія отдѣльныхъ церквей и приходовъ Волынской епархіи. Каждый изъ нихъ представляетъ вполне законченный трудъ, дѣлающій честь трудолюбивому провинціальному археологу, обладающему огромными знаніями по исторіи интересной русской окраины. Характеръ послѣдняго тома вполне подходитъ къ прежнимъ работамъ того же автора, и это одно уже избавляетъ рецензента отъ необходимости говорить о немъ болѣе подробно. Описывая какую нибудь церковь, г. Теодоровичъ обращаетъ вниманіе не только на внѣшнія данныя; онъ работаетъ далеко не по шаблону, а старается найти все, что могло бы охарактеризовать извѣстный приходъ, что было бы интересно для историка и этнографа, историка и даже палеографа. Такъ, онъ всегда указываетъ на рукописи, сохранившіяся въ церквахъ, описываетъ наиболѣе интересные иконы и другія древности, приводитъ кое-что изъ народныхъ обрядовъ, мѣстныхъ преданій, объясняетъ происхожденіе географическихъ названій, перепечатываетъ наиболѣе важныя страницы изъ такихъ книгъ, которыя напоминаютъ собой старинныя мѣстно-церковныя лѣтописи и т. д., однимъ словомъ, читатель никогда не можетъ угадать, о чемъ встрѣтитъ онъ свѣдѣнія на слѣдующей страницѣ, а потому просматриваетъ всю книгу съ неослабѣвающимъ интересомъ. Жаль, что къ книгѣ не прилагается указатель, хотя бы именной и географическій. Это затрудняетъ всякія справки. **А. Я.**

Евг. Ляцкій. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904.

Книга Е. А. Ляцкаго составилась изъ статей, помѣщенныхъ въ 1903 г. въ «Вѣстникъ Европы», при чемъ въ отдѣльномъ изданіи эти статьи были значительно дополнены и переработаны: были устранены повторенія, неизбежныя въ независимыхъ другъ отъ друга журнальныхъ очеркахъ, и книга получила характеръ цѣльнаго изслѣдованія существенныхъ особенностей творчества И. А. Гончарова. Потребность въ такомъ изслѣдованіи уже давно чувствовалась, такъ какъ Гончаровъ, несмотря на свою выдающуюся роль въ нашей литературѣ, является почти совсѣмъ не изученнымъ: въ концѣ 40-хъ годовъ Бѣлинскій по поводу «Обыкновенной исторіи» высказалъ общее заключеніе о Гончаровѣ, какъ о писателѣ, въ высшей степени объективномъ, эпически воспроизводящемъ дѣйствительность; это мнѣніе было повторено Добролюбовымъ по поводу «Обломова», и, несмотря на то, что многое противорѣчило ему въ произведеніяхъ Гончарова, несмотря на то, что даже это противорѣчіе иногда и отмѣчалось критикой, хотя бы Писаревымъ, сужденіе о Гончаровѣ, какъ о писателѣ объективномъ, стало общимъ мѣстомъ, и никто не пытался подвергнуть

его обстоятельной критической провѣркѣ. Эту послѣднюю задачу поставилъ себѣ между прочимъ г. Ляцкій, предпринявъ свою работу о Гончаровѣ, и ему сразу выяснилось, что Гончаровъ принадлежитъ къ особому разряду писателей, которые «при своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, безсознательно и невольно, вводятъ въ заблужденіе современную критику, представители которой нападаютъ въ положеніе людей, разсуждающихъ о громадной картинѣ, стоя вблизи ея». Теперь мы въ явномъ положеніи, чѣмъ прежніе критики Гончарова: мы отодвинулись отъ картины, и наша оцѣнка естественно должна измѣниться. «Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ,—говоритъ г. Ляцкій,—приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для которыхъ раскрытіе своего «я» было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной или общественной жизни. Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму». Требования, предъявлявшіяся критикой къ писателю, котораго она признавала безстрастнымъ и безпристрастнымъ изображателемъ общественной жизни, были своего рода Прокрустовымъ ложемъ для Гончарова, сторонившагося отъ этой жизни и рисовавшаго только «свою жизнь и то, что къ ней приростало». Гончаровъ подъ конецъ жизни, въ извѣстной статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», далъ ключи къ пониманію своего творчества, сказавъ: «То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ». Основываясь на этихъ показаніяхъ Гончарова, г. Ляцкій полагаетъ, что онъ «оставилъ намъ богатое автобіографическое наслѣдство въ своихъ сочиненіяхъ». Это положеніе обстоятельно подтверждается тонкимъ и внимательнымъ анализомъ произведеній Гончарова, при чемъ г. Ляцкій примѣняетъ очень остроумный приемъ: пользуясь тѣми данными, которыя сообщаются Гончаровымъ въ извѣстныхъ отрывкахъ его воспоминаній, и сопоставляя заключающійся въ нихъ фактической матеріалъ съ созданіями поэтической фантазіи въ романахъ Гончарова, г. Ляцкій открываетъ рядъ такихъ чертъ, которыя позволяютъ въ Адуевыхъ, Обломовѣ, Штольцѣ, Райскомъ видѣть самого Гончарова, въ матери Александра Адуева, въ бабушкѣ изъ «Обрыва»—мать Гончарова, въ Титѣ Никончѣ Ватутинѣ—моряка Трегубова, повліявшаго на развитіе Гончарова въ дѣтствѣ и юности. Выясняется, насколько Гончаровъ былъ консервативенъ и буржуазенъ въ своихъ воззрѣніяхъ, которыя сложились у него еще на родинѣ, и въ какой степени эти воззрѣнія мѣшали именно объективному отношенію къ жизни, мѣшали романисту понять новое, развертывавшееся передъ нимъ движеніе и привели къ созданію каррикатурной фигуры Марка Волохова, съ которымъ авторъ постоянно полемизируетъ. Анализъ г. Ляцкого не упускаетъ никакихъ мелочей, затрогиваетъ всѣ стороны творчества Гончарова, и поэтому нельзя не приветствовать появленіе этой работы о Гончаровѣ. Ею заполняется существенный пробѣлъ въ нашихъ

историко-литературныхъ изысканіяхъ, и она несомнѣнно должна быть принимаема въ расчетъ всякимъ, кто вздумаетъ вполнѣдствіи заниматься Гончаровымъ.

А. В.

Б. А. Панченко. Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы. Софія. 1904.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ задался цѣлью прослѣдить образование и разложеніе крестьянской общины въ Византіи, полагая въ основу аграрной исторіи начало личной и наследственной собственности въ формахъ, выработанныхъ древней культурой. Для выполненія своей цѣли г. Панченко останавливается на разсмотрѣніи земледѣльческаго или крестьянскаго закона и монастырскихъ документовъ, при чемъ изъ послѣднихъ останавливается на актахъ XI—XIV вв., когда уже поземельныя отношенія окончательно установились.

Несмотря на серьезную подготовку, что чувствуется при чтеніи изслѣдованія, авторъ не рискнулъ дать систематическую исторію землевладѣнія, а лишь подвергнулъ обзору накопившійся обширный матеріалъ. Надо отдать справедливость, что эта кропотливая работа выполнена весьма тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла.

Г. Панченко между прочимъ удалось установить тотъ фактъ, что первоначальной основой византійскаго крупнотного строя была не личная зависимость крестьянина, а тяглое состояніе земли. Самая же идея крестьянской собственности, какъ наследственной, такъ и пріобрѣтенной, принципиально не отрицалась, что и усматривается изъ документовъ, касающихся отчужденія. Собственность крестьянъ подверглась лишь тѣмъ только ограниченіямъ, которыя гарантировали несеніе дворомъ тягла и выражали права предпочтенія владѣльца при отчужденіи на сторону, да и то не всегда. Наследственное же имущество не подлежало передѣлу, потому что въ актахъ не упоминается ни о какихъ правахъ ни общины, ни вотчинника. Правда, почти въ каждой грамотѣ встрѣчается упоминаніе о нераздѣленной территоріи (сельской), но указанія на общинное землевладѣніе, т.-е. на права сельскаго союза на всю территорію, въ томъ числѣ и на участки, находящіеся въ собственности хозяевъ, не имѣется. Поэтому памятники и не говорятъ ни о выборныхъ властяхъ, ни о сельской общинной юрисдикціи.

Къ такимъ, въ общихъ чертахъ, выводамъ удалось притти автору.

Въ первой части работы, слѣдуя своему методу (т.-е. обзору), г. Панченко рассматриваетъ крестьянскій законъ со стороны его состава, редакціи, говоритъ о содержаніи его (приводитъ теоріи Цахаріа, В. Г. Василевскаго, А. С. Павлова) и др. и, наконецъ, на основаніи закона даетъ характеристику крестьянской собственности (стр. 3—87).

Во второй же части подробно останавливается на обзорѣніи монастырскихъ документовъ и въ частности на актахъ русскаго Пантелеймоновскаго Аѳонскаго монастыря (стр. 89—233).

Н. Ретвихъ.

Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 гг. Воспоминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова. Перевелъ со второго исправленнаго и дополненнаго болгарскаго изданія. М. Горюнинъ. Софія. 1903.

Г. Кисовъ—болгаринъ, служившій въ русской арміи. Когда въ 1877 году было организовано въ Клипиневѣ болгарское ополченіе, онъ въ чинѣ подпоручика вступилъ въ третью его дружину и подъ начальствомъ генерала Столѣтова провелъ съ нимъ всю компанію 1877—1878 годовъ. Его книга—это подробная до мелочей исторія болгарскаго ополченія, его устройства, передвиженій и битвъ вплоть до того времени, когда оно по окончаніи войны призвано было составить ядро будущей болгарской арміи. Форма книги—дневникъ, и она, очевидно, представляетъ собою позднѣйшую обработку современныхъ, чуть не на полѣ битвы завесенныхъ въ записную книжку замѣтокъ. Такъ какъ авторъ описывалъ только то, что самъ видѣлъ, слышалъ и пережилъ, то читатель и найдетъ въ ней только тѣ изъ событій освободительной войны, въ которыхъ принимало непосредственное участіе болгарское ополченіе. Это—движеніе передоваго отряда генерала Гурко за Балканы, битва при Старой Загорѣ съ арміей Сулеймана-паша, отступленіе русскихъ, знаменитый четырехдневный бой на Шипкѣ, когда молодые ополченцы вмѣстѣ съ орловскимъ и брянскимъ полками грудью своей отстояли родные Балканы передъ дикими приступами турокъ, и наконецъ бой при Шейновѣ.

Авторъ книги горячо любитъ свою родину и ея молодое войско. Это въ связи съ тщательностью и безусловной правдивостью его разсказа было, вѣроятно, причиной успѣха его воспоминаній въ Болгаріи. У насъ переведенныя на русскій языкъ бывшимъ корреспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» г. Юркевичемъ они вызвали противъ себя нападки: автора ихъ нѣкоторые обвиняли въ руссофобствѣ. Намъ кажется, что это—простое недоразумѣніе. Указать чьи нибудь темныя стороны это еще не значитъ его ненавидѣть или даже не любить. Принимая близко къ сердцу все, что касалось дорогихъ ему болгарскихъ ополченцевъ, авторъ не могъ быть доволенъ отношеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ, а въ томъ числѣ и своего дружиннаго командира, подполковника Калитина. Въ природѣ русскаго человѣка есть несомнѣнно дурная привычка нѣсколько пренебрежительно относиться къ другимъ народностямъ, и, хотя болгары свои же славяне, но все же не русскіе, и взглядъ на нихъ свысока тѣмъ болѣе былъ понятенъ у нашихъ офицеровъ, что болгарскіе ополченцы на первыхъ порахъ представляли собою разнообразное скопище лицъ, вовсе не приученныхъ къ военному дѣлу и въ этомъ отношеніи имѣвшихъ тысячу недостатковъ. Съ своимъ мнѣніемъ многіе изъ товарищей Кисова по службѣ вовсе не скрывались и передъ болгарскими офицерами и въ присутствіи автора воспоминаній нерѣдко характеризовали болгарскій народъ очень неслестными для него прилагательными. Позднѣе, когда ополченцы на Шипкѣ, при Старой Загорѣ и при Шейновѣ показали свою воинскую доблесть, мнѣніе это измѣнилось, но горечь прежнихъ впечатлѣній осталась на страницахъ поденныхъ записокъ Кисова. Можетъ быть, для него лучше было бы, если бы

онъ умолчалъ о давнихъ обидахъ, тѣмъ болѣе, что и Калитинъ при Старой Загорѣ умеръ, сражаясь за Болгарію, и умирая хвалилъ ополченцевъ, да и прочіе изъ офицеровъ-болгарофобовъ превратились потомъ въ болгарофиловъ, но не намъ упрекать автора за его правдивый рассказъ объ испытанномъ: указанія его намъ могутъ быть только полезны. Что же касается до добрыхъ чувствъ его къ Россіи вообще, то они засвидѣтельствованы не разъ на страницахъ его книги: кто прочтетъ у него рассказъ о смотрѣ, произведенномъ въ Кишиневѣ императоромъ Александромъ II болгарскому ополченію, или конецъ книги, гдѣ авторъ, прощаясь съ ополченцами, призывалъ ихъ любить и цѣнить свою освободительницу Россію, тотъ не усомнится въ его шріязненныхъ чувствахъ къ русскому народу, хотя, конечно, главный герой его воспоминаній— не русскій солдатъ, а болгарскій ополченецъ, чтѣ объясняется самою темою книги г. Кисова.

Участники войны 1877—1878 годовъ, а особенно служившіе въ болгарскомъ ополченіи, найдутъ въ воспоминавіяхъ болгарскаго офицера любопытное чтеніе: въ живомъ и подробномъ рассказѣ передъ ними предстанутъ всѣ тревоги минувшихъ лѣтъ. Будущіе историки освободительной войны найдутъ въ нихъ для себя важный матеріалъ. Для исторіи же собственно болгарскаго ополченія книга г. Кисова есть источникъ первостепенной важности и пока незамѣнимый.

Къ книгѣ приложенъ цѣлый рядъ портретовъ дѣятелей 1877—1878 годовъ съ императоромъ Александромъ II во главѣ и три карты.

Андрей Сиротининъ.

Труды Пенаенской ученой архивной комиссіи. Книга I. Пенза. 1903.

Съ 1884 г., когда въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской съ высочайшаго соизволенія были учреждены губернскія ученая архивная комиссія и историческіе архивы, и когда явилась возможность открывать указанная учрежденія и въ другихъ губерніяхъ, дѣло собиранія памятниковъ старины, столь важное для отечественной исторіи, было поставлено у насъ довольно прочно. Съ того времени историческая наука обогатилась многими цѣнными матеріалами и изслѣдованіями, изданными въ трудахъ различныхъ архивныхъ комиссій. Съ теченіемъ времени число послѣднихъ постоянно возрастало. Въ 1901 г. ученая архивная комиссія была открыта и въ г. Пензѣ. Матеріала для нея, по мнѣнію одного компетентнаго члена комиссіи, найдется очень много: на протяженіи почти двухъ столѣтій эта мѣстность служила авангардомъ для русской народности, отставая отъ кочевниковъ неприкосновенность границъ Московскаго государства, въ виду чего здѣсь повсюду остались слѣды земляныхъ сооружений, кургановъ, рововъ, насыпей, засѣкъ, городковъ, старинныя зданія, церкви съ древней утварью; въ архивахъ найдутся связки письменныхъ документовъ, которые могутъ оказаться интересными и важными для науки. Таковъ огромный историко-археологическій матеріалъ, накопившійся въ ками.

Къ изслѣдованію и разработкѣ этого матеріала уже и приступлено. Предъ нами—Труды Пензенской ученой архивной комиссіи, книга первая. Эта книга распадается на 3 отдѣла: 1) официальную часть, 2) рефераты и доклады и 3) матеріалы.

Въ первой части (1—48 стр.) передается исторія учрежденія въ Пензенской губерніи ученой архивной комиссіи и приводятся журналы очередныхъ засѣданій со времени открытія за два послѣдующіе года (9 сентября 1901 г.—9 сентября 1903 г.); въ концѣ этого времени Пензенская комиссія, какъ указано въ официальномъ отдѣлѣ, состояла изъ 125 членовъ.

Во второй части помѣщена: статья В. Хохрякова «О сторожевыхъ чертахъ въ Пензенской губерніи» (1—64 стр.), въ которой на основаніи документальныхъ данныхъ (приведены большія выдержки изъ печатнаго матеріала) изслѣдуются вопросы о сторожахъ, станичной службѣ, сторожевыхъ чертахъ и о городахъ XVI и XVII вѣковъ въ предѣлахъ нынѣшней Пензенской губерніи; въ концѣ приложенъ воеводскій наказъ 1685 г. и указатели: личный, географическій и предметный. Потомъ слѣдуетъ сообщеніе г. Петерсона «Къ матеріаламъ для исторіи Екатерининской эпохи» (64 — 78 стр.); автору удалось найти въ Саранскомъ уѣздѣ двѣ строительныя книги, напечатанныя болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ которыхъ, по мнѣнію г. Петерсона, заключается довольно цѣнный и разнообразный матеріалъ для исторіи царствованія Екатерины II; въ нихъ напечатаны указы императрицы съ 1760 по 1767 г., нѣкоторые изъ интересныхъ указовъ и приводятся въ рецензируемой книгѣ (правда, въ выдержкахъ), напримѣръ, объ учрежденіи комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, высочайшій манифестъ объ измѣнникѣ Мировичѣ и сентенція, заключенная надъ измѣнникомъ Мировичемъ и его сообщниками.

Въ этомъ же отдѣлѣ напечатаны «Записки нашего походу» (79—126 стр.), въ которыхъ, вѣроятно, командиръ 1-го полка Пензенскаго ополченія, Ксенофонтъ Ивановичъ Селунскій, подробно рассказываетъ о походѣ этого ополченія въ Германію и обратно (съ 3 января 1813 г. по 14 апрѣля 1815 г.); изъ извѣстныхъ уже въ печати современныхъ рассказовъ это, можетъ быть, единственная подробная запись похода; къ запискамъ приложены алфавитные указатели.

Въ третьей части помѣщены «Матеріалы для исторіи мѣстнаго края», касающіеся возмущенія 1, 2 и 3 пѣхотныхъ казачьихъ полковъ, усмиренія ратниковъ въ г. Чембарѣ въ 1812 году. Здѣсь же—выписка изъ наказа керенскаго дворянства своему депутату, посланному въ Екатерининскую комиссію, выпись изъ отказныхъ книгъ второй половины XVII вѣка о разверсткѣ земли саранскимъ стрѣльцамъ въ дачи, опись дѣламъ и документамъ XVIII вѣка въ саранскомъ полицейскомъ управленіи и нѣкоторые другіе мелкіе матеріалы. Въ концѣ — двѣ карты: сторожевыя черты въ Пензенской губерніи и карта похода Пензенскаго ополченія въ 1813 — 1815 годахъ.

Нѣкоторые матеріалы, напечатанные въ первой книжкѣ Трудовъ Пензенской ученой архивной комиссіи, — очень интересны. Судя по тому, что въ книгѣ не сдѣлано никакихъ соответствующихъ указаній, можно подумать, что весь архивный матеріалъ является въ печати впервые. Но это далеко не такъ.

Напримѣръ, наказъ писарскому воеводѣ Ивану Кугушеву отъ 1675 г. въ совершенно томъ же видѣ, какъ и здѣсь, былъ напечатанъ во Временникѣ общества исторіи и древностей російскихъ (книга XIV, отдѣлъ III, смѣсь, 1—8 стр.), указы Екатерины II — въ Полномъ Собраніи Законовъ (напримѣръ, указъ объ учрежденіи комиссіи — см. т. XVII, № 12.801, манифестъ и сентенція о Мировичѣ—т. XVI, №№ 12.228 и 12.241). Полагаю, что помѣщать архивный матеріалъ, не дѣлая никакихъ оговорокъ и не указывая, гдѣ былъ раньше напечатанъ онъ, — не совсѣмъ удобно.

Къ тексту нѣкоторыхъ статей приложены указатели. Нечего, конечно, говорить о томъ, какъ важны при пользованіи книгой указатели. Но какіе — вотъ въ чемъ вопросъ! Случайно просматривая одинъ изъ указателей, я нашелъ пропуски, которые при болѣе внимательномъ просмотрѣ оказались поразительными. Такъ, напримѣръ, по указателю г. Писарь (стр. 59) отмѣченъ встрѣчающимся 6 разъ, при просмотрѣ же текста онъ встрѣчается еще 18 разъ, именно, на стр. 15, 16, 18, 23, 24, 26, 32, 38, 39, 44 — 52; рѣка Мокша, кромѣ 3 разъ, отмѣченныхъ по указателю, еще попадаетъ 9 разъ (стр. 2, 6, 19, 20, 24, 25, 32—34), г. Шацкъ сверхъ 7 разъ—еще 6. Указатели, такъ невнимательно составленные, почти совершенно бесполезны и только обременяютъ книгу, являясь ненужнымъ балластомъ.

Конечно, ошибки и промахи вездѣ возможны, отъ нихъ несвободна, какъ было указано выше, и рецензируемая книга. Однако это обстоятельство, само собою разумѣется, далеко не обезцѣниваетъ труда. Можно смѣло привѣтствовать выходъ первой книги Трудовъ Пензенской комиссіи и надѣяться, что въ послѣдующихъ найдетъ себѣ мѣсто тотъ богатый и важный мѣстный историко-археологическій матеріалъ, который повсюду разсыянъ въ Пензенской губерніи, и который, надѣмся, будетъ изданъ болѣе тщательно. М. К.

II. Красовскій. Юрьевъ и Юрьевскій университетъ. Очерки замѣтки и воспоминанія юрьевского студента. Рига. 1904.

Эта книга замѣчательно походитъ на книгу того же автора, изданную въ Ригѣ, въ 1902 году, подъ заглавіемъ: «Очерки юрьевского студента» (см. о ней рецензію въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1902 г., VIII). Разница, кромѣ заглавія, еще въ томъ, что оглавленіе помѣщено не въ началѣ книги, а въ концѣ, и нѣтъ вступительнаго «наброска» — «Родной край». Несмотря на то, счетъ страницъ остался прежнимъ, вплоть до 350-й страницы включительно. Дальше (стр. 351—364), вмѣсто прежнихъ quasi-беллетристическихъ рассказовъ, помѣщены «Воспоминанія юрьевского студента (изъ недавняго прошлаго)».

12-го декабря 1902 года Юрьевскій университетъ отпраздновалъ свой столѣтній юбилей. Появилась очень богатая юбилейная литература. Но этою литературою авторъ не воспользовался; онъ упоминаетъ о ней только вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 357-я), и ни слова не говоритъ при перечнѣ своихъ многочисленныхъ источниковъ (стр. 5—10).

Если добавить, что страницы 5—350 новой книги являются буква въ букву тождественными съ соответствующими страницами стараго [изданія, при чемъ сохранены и рѣшительно всѣ опечатки, оговоренныя въ прежнемъ изданіи (22 опечатки), тогда для насъ будетъ ясно, что въ книгѣзмѣнены только обложка, вводные листы и заключительная статья. Другими словами, здѣсь почти та же исторія, которую недавно продѣлалъ с.-петербургскій книгопродавецъ Карбасниковъ, и былъ обличенъ ученымъ комитетомъ.

О статьѣ «Городъ студентовъ», составляющей девять десятыхъ объема разбираемой книги, былъ уже данъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1902 г., VIII, 605—606). Остается сказать о «Воспоминаніяхъ юрьевского студента». Воспоминанія эти относятся къ девяностымъ годамъ только-что истекшаго столѣтія; подробно описанъ студенческій судъ надъ студентомъ-ветеринаромъ, имѣвшій мѣсто 18-го октября 1895 года (стр. 359). Юрьевское студенчество этого времени авторъ описываетъ крайне мрачными красками. Вотъ примѣры его «воспоминаній». «Когда я учился въ Юрьевскомъ университетѣ, большинство юрьевскихъ студентовъ было чуждо «идей»,—они только пили и пили; особенно этимъ отличались корпоранты. Многие студенты кутили, сорили деньгами направо и налево. Въ квартирахъ ихъ можно было найти въ большомъ количествѣ галстуки всѣхъ цвѣтовъ и образцовъ, массу парфюмеріи, щипцовъ для завивки волосъ, рисунковъ «откровеннаго содержанія», массу такого же содержанія книгъ, писемъ и стихотвореній—и ничего, рѣшительно ничего, что бы указывало на принадлежность этихъ студентовъ къ учащемуся юношеству. Студенты—и ничего студенческаго! Они всегда флажировали по главной юрьевской—Рыцарской улицѣ. Они затянуты были въ «рюмочку», «à la гусарь», грудь у нихъ была на выкатъ, на рукахъ бѣлыя перчатки, одной рукой придерживали шпагу, другой—по-военному «козыряли» знакомымъ... Частыя ссоры, даже драки, сальные разговоры и соблазнительные разсказы характеризовали этихъ студентовъ—будущую интеллигенцію»... Дальше авторъ перечисляетъ мѣстныя пивныя и гостиницы, и продолжаетъ: «Были въ Юрьевѣ студенты и иного направленія. Вотъ, на примѣръ, студентъ-медикъ Л.». Дальше смачно рисуется типъ ужаснаго подлеца. Вотъ черточка. «На четвертомъ курсѣ Л. назначенъ былъ помощникомъ ассистента клиники. Онъ часто являлся въ клинику, но только за тѣмъ, чтобы получше здѣсь поѣсть и попить. Онъ сразу уничтожалъ нѣсколько лучшихъ порцій, предназначенныхъ для больныхъ, а послѣдніе принуждены бывали довольствоваться жалкими остатками... Л. на своей квартирѣ устраивалъ свиданія съ служанкамн. На квартирѣ Л.—а происходило то, что составляетъ содержаніе романа, но что не можетъ быть описано ни въ какомъ романѣ»...

Очевидно, «лавры и цѣлковики» г. Гегидзе не давали спать нашему автору «воспоминаній». Вполнѣ возможно, что тутъ играли роль и личные счеты. Къ счастью, никто не повѣритъ человѣку, который открыто обманываетъ читающую публику, навязывая ей въ качествѣ новинки не пошедшее въ ходъ старье.

Д. З.

**И. К. Антошевскій. Константиновскій рубль 1825 года.
Со снимкомъ. Спб. 1904.**

Константиновскій рубль, т.-е. рубль, отчеканенный съ изображеніемъ Константина Павловича, имѣеть свою собственную литературу и хорошо извѣстенъ нумизматамъ. Только что появившаяся брошюра г. Антошевскаго, отпечатанная на великолѣпной англійской бумагѣ, всего въ количествѣ 110 пронумерованныхъ экземпляровъ, подробно излагаетъ исторію этой рѣдчайшей монеты. Въ общихъ чертахъ она такова.

Незадолго до смерти императора Александра I, по распоряженію тогдашняго министра финансовъ Канкринна, на петербургскомъ монетномъ дворѣ секретно было изготовлено шесть штамповъ серебрянаго рубля съ изображеніемъ Константина Павловича и 19 различныхъ оловянныхъ слѣпковъ съ нихъ и, кромѣ того, отчеканено нѣсколько пробныхъ рублей. Въ тотъ самый день, какъ въ Петербургѣ было получено горестное извѣстіе о смерти императора Александра, и Николай Павловичъ присягнулъ вмѣстѣ со всѣми гражданскими и духовными чинами и войскомъ императору Константину, къ послѣдному въ Варшаву было отправленъ адъютантъ А. И. Сабуровъ съ донесеніемъ о присягѣ, съ рапортомъ министра финансовъ и съ шестью отчеканенными на пробу рублями. Явившись во дворецъ, Сабуровъ немедленно былъ принятъ Константиномъ Павловичемъ, который, узнавъ, для чего пріѣхалъ адъютантъ, крайне разсердился и сначала не хотѣлъ принимать рапортовъ, говоря, что они адресованы государю императору, а онъ—только великій князь. Сабуровъ поднесъ ему шесть привезенныхъ рублей, и цесаревичъ вмѣстѣ съ нераспечатанными рапортами бросилъ ихъ на одинъ изъ письменныхъ столовъ. (См. брош. кн. А. Трубецкого: «Rouble de Constantin Césarevitch, grand duc de Russie», Marseille, 1873).

Дальнѣйшая судьба этихъ рублей до сихъ поръ не выяснена. Извѣстно лишь, что во время мятежа 1830 года они были похищены изъ Бельведерскаго дворца и проданы за границу. Одинъ изъ нихъ былъ пріобрѣтенъ нумизматомъ Шубертомъ, обширная коллекція котораго впоследствии была куплена графомъ Толстымъ. Шесть же штамповъ и 19 оловянныхъ слѣпковъ, о которыхъ рѣчь была выше, вмѣстѣ съ рисункомъ рубля, до половины 1879 года хранились въ секретномъ архивѣ канцеляріи министра финансовъ, гдѣ также находились въ особомъ пакетѣ и пять другихъ уже отчеканенныхъ рублей. Послѣдніе по высочайшему повелѣнію распределены слѣдующимъ образомъ: первый въ 1879 году былъ подаренъ великому князю Георгію Михайловичу; второй—присоединенъ къ небольшому собранію монетъ и медалей въ кабинетѣ государя императора; третій—отосланъ въ императорскій Эрмитажъ; четвертый—предоставленъ великому князю Сергію Александровичу, и послѣдній—посланъ въ подарокъ принцу Александру Гессенскому.

Вопросъ о томъ, сколько было всего отчеканено рублей съ изображеніемъ Константина Павловича, остается до сей поры открытымъ, такъ какъ ни въ секретномъ архивѣ министерства финансовъ, ни на монетномъ дворѣ никакихъ свѣдѣній по этому поводу не сохранилось. Существуетъ предположеніе, что по-

мимо перечисленных нами 11 экземпляровъ ихъ существуетъ еще два: одинъ изъ нихъ находился у министра финансовъ, а другой — у медальера монетнаго двора, Як. Як. Рейхеля. Стѣдовательно свѣдѣнія имѣются лишь о 13 экземплярахъ рубля, но число это нельзя считать абсолютно точнымъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Гораздо позднѣе появились и поддѣльные Константиновскіе рубли, отчеканенные въ Парижѣ.

Вѣдшность подлиннаго рубля такая: на лицевой сторонѣ—головное изображеніе цесаревича Константина Павловича вправо; вокругъ надписи: «Б. М. Константинъ I Имп. и Сам. Всеросс.»; подъ изображеніемъ помѣщенъ годъ — 1825; вокругъ всего узорчатый ободокъ. На оборотной сторонѣ: въ сплошномъ лавровомъ вѣнкѣ, перевязанномъ со всѣхъ сторонъ лентами, двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя императорскими коронами, въ правой лапѣ скипетръ, въ лѣвой—держава; на груди орла щитъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца; вокругъ щита орденская цѣпь св. Андрея Первозваннаго; подъ орломъ: «С.-П.-Б.»; вѣнокъ окруженъ надписью: «чистаго серебра 4 золотн. 21 доля»; внизу, на вышуклой дощечкѣ, вдавленная надпись: «Рубль»; вокругъ всего узорчатый ободокъ. Гуртъ: «сер. 83¹/₃ пробы 4 зол. 82¹⁴/₂₅ доли».

Удачно исполненный цинкографически снимокъ съ такого рубля приложенъ къ брошюрѣ г. Антошевскаго. Вере.

М. и В. Успенскіе. Мѣсяцесловъ императора Василия II. Мѣсяцы сентябрь и октябрь. Спб. 1904.

М. и В. Успенскіе, выпустившіе уже нѣсколько изданій главнымъ образомъ по исторіи иконописанія, нашли возможнымъ издать знаменитый мѣсяцесловъ, или менологій, византійскаго императора Василія II. Два выпуска (по мѣсяцу) этого сложнаго труда уже появились въ продажѣ. Къ сожалѣнію, при нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго изслѣдованія о значеніи этого кодекса. Издатели обѣщаютъ дать очеркъ о менологій въ послѣдствіи, но такъ какъ изданіе ихъ растянется, очевидно, на нѣсколько томовъ и, чего добраго, при дороговизнѣ издержекъ можетъ и вовсе прекратиться, то лица, приобрѣтшія себѣ вышедшіе пока томы не найдутъ удовлетворенія своему любопытству въ этомъ направленіи.

О важности менологій Василія II свидѣтельствуетъ уже одно то, что всякій разъ, какъ рѣчь касается византійскаго искусства позднѣйшей македонской эпохи, непременно упоминается и эта рукопись, а снимки съ ея миниатюръ, или иллюстрацій, неизбѣжно воспроизводятся чуть ли не въ каждомъ сочиненіи, касающемся судьбы Византіи и ея культуры. Ученые спеціалисты по исторіи византійскаго искусства, расходясь въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ, возникающихъ при изученіи этой рукописи, тѣмъ не менѣе сходятся въ признаніи величайшаго значенія этого кодекса для исторіи византійскаго искусства. Менологій Василія II Порфиророднаго († 1025) возникъ въ такую эпоху, которая характеризуется совершившимся уже разрывомъ съ древними благородными формами и традиціями искусства и постепеннымъ переходомъ къ общему, окаменѣвшему шаблону иконописнаго пошиба. «Историческое значе-

ніе этого кодекса, — говоритъ нашъ авторитетный изслѣдователь византійскаго искусства, академикъ Кондаковъ, въ своей «Исторіи византійскаго искусства», — лежитъ въ томъ, что онъ, съ одной стороны, совмѣстилъ въ себѣ всѣ силы современнаго искусства и завершилъ блестящимъ образомъ техническое совершенствованіе византійской живописи, а, съ другой — въ томъ, что его художественнымъ результатомъ была схема, закрѣпившая послѣдующее искусство». Судьба этой замѣчательной рукописи въ общихъ чертахъ такова. Менологій, содержацій въ себѣ иллюстрированный текстъ житій святыхъ на каждый день мѣсяца, былъ написанъ для Василія Порфиророднаго лично, по его приказанію. Императоръ желалъ имѣть рукопись возможно нарядную и для этой цѣли распорядился призвать для ея иллюстрированія лучшія художественныя силы тогдашней Византійской имперіи. На одной страницѣ рукописи былъ переписанъ текстъ житій, а на другой разными художниками сдѣланы къ нему иллюстраціи въ краскахъ. Рукопись эта, хранившаяся сначала въ Константинополѣ, была затѣмъ увезена въ Италію. Со временемъ одна половина ея утратилась, а другая (съ сентября по февраль) попала въ руки Людовику Сфорцѣ и въ началѣ XVII вѣка была куплена папою Павломъ V для Ватиканской бібліотеки, гдѣ хранится и нынѣ. Въ 1727 году съ нея было сдѣлано изданіе ученымъ Альбани, которое до сего времени остается единственнымъ. Съ этого-то изданія русскіе издатели перевели и перепечатали житійные тексты, а фотографическіе снимки съ миниатюръ были сдѣланы ими прямо съ подлинника. Русское изданіе, отнюдь не представляя факсимиле Ватиканскаго кодекса, удержало лишь его порядокъ размѣщенія текстовъ и иллюстрацій къ нимъ. На одной сторонѣ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ текстъ, а на другой наклеены фототипическіе снимки. Хотя изданіе гг. Успенскихъ даетъ довольно отдаленное представленіе о подлинной рукописи, но все же для насъ лучше имѣть хоть что нибудь, чѣмъ довольствоваться старымъ изданіемъ Альбани, превратившимся уже въ библиографическую рѣдкость.

М.

М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски.
Москва. 1903.

Содержаніе книги составляетъ описаніе поѣздки автора въ Черногорію, совершенной въ маѣ 1900 года. Нѣкоторыя обстоятельства побудили автора издать свое описаніе въ нѣсколькихъ выпускахъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности представляетъ совершенно законченное цѣлое. «Посѣтивъ нѣсколько разъ Черногорію, — говоритъ въ предисловіи г. Петровичъ, — побывавъ во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ, югѣ и внутри ея, я вынесъ самое пріятное и такое сильное впечатлѣніе отъ природы и населенія, что рѣшилъ, пользуясь своими лично пріобрѣтенными свѣдѣніями и тѣмъ, что узналъ отъ другихъ путешественниковъ, познакомить читателей съ этой бѣдной, забытой Богомъ и людьми странною». Конечно, отъ очерковъ г. Петровича нельзя требовать ни глубокаго изученія бытовыхъ формъ, ни полной этнографической или исторической характеристики, да этого и не нужно: въ нашемъ обществѣ такъ мало

интересуются славянскимъ югомъ, что врядъ ли подобная книга пріобрѣла бы себѣ должное вниманіе въ средѣ широкой публики. Поэтому, не претендуя на серьезное значеніе, авторъ описываетъ только то, что видѣлъ и наблюдалъ, но описываетъ все это настолько живо и увлекательно, что невольно возбуждаетъ въ воображеніи читателя яркія картины своеобразнаго и дѣйствительно забытаго уголка Европы, съ его дикою горною природою и его простымъ, слабо поддающимся вліянію европейской цивилизаціи народомъ, всюду вызывающимъ удивленіе своимъ мужествомъ, благодаря которому онъ въ теченіе многихъ вѣковъ геройски отражалъ нападенія сильнаго противника и защищалъ «свободу золотую и крестъ честной».

Не утомляя читателя излишними подробностями, интересными развѣ для однихъ специалистовъ, авторъ попутно знакомитъ его съ занимательнымъ историческимъ прошлымъ этой «орлиной колыбели» независимости южнаго славянства, съ легендами, изъ которыхъ нѣкоторыя напоминаютъ собой русскія, и пѣснями народа-героя, показывающими, что, несмотря на лагерную обстановку жизни, которую онъ велъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ немъ сохранилось чувство прекраснаго, тонкое пониманіе лучшихъ движеній нѣжнаго, любящаго сердца и т. п. Впрочемъ, это вполне естественно. Припомнимъ, что едва ли не самыя лучшія сербскія пѣсни, собранныя Вукомъ Караджичемъ, приходятся на долю Черногоріи.

Говоря о томъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находилась до послѣдняго времени черногорская женщина, на которую были возложены всѣ мужскія работы по хозяйству, вслѣдствіе того, что мужчины почти постоянно были принуждены заниматься войною,—авторъ высказываетъ убѣжденіе, что такое положеніе теперь, съ обезпеченіемъ Черногоріи мира, конечно, измѣнится. При этомъ г. Петровичъ указываетъ, сколько пользы въ дѣлѣ умственной эмансипаціи черногорской женщины принесъ дѣвичій институтъ, учрежденный въ Цетиньѣ императрицею Маріей Александровною, супругою Александра II, и находящійся подъ управленіемъ русской начальницы, въ настоящее время Софіи Петровны Мертваго. Авторъ путешествія отмѣчаетъ, что своимъ починомъ въ этомъ направленіи Россія пріобрѣла со стороны черногорцевъ горячія симпатіи и непоколебимую преданность, такъ какъ потребность въ образованіи, вообще въ цивилизаціи, уже давно сознается лучшими людьми Черногоріи. Книга г. Петровича оканчивается слѣдующимъ отрывкомъ изъ оды Ивана Сундечича, представляющимъ воззваніе къ Европѣ: «Приди, Европа, ты славишься своими доблестями... Если тебя подлинно согрѣваетъ чувство человѣколюбія, если въ твоемъ сердцѣ есть еще мѣсто для вѣры, обрати свой взоръ на эти скалы голыя, но многоцвѣтныя; склони чело и подивись на эту кровь и раны!»

Въ заключеніе замѣтимъ, что многочисленные снимки пейзажей и разныхъ историческихъ памятниковъ страны, а также карты, содѣйствуютъ наглядности и внѣшнему изяществу книги, внутренняя же опрятность позволяетъ пустить ее въ семью и школу, гдѣ она, безъ сомнѣнія, сослужитъ хорошую службу.

А. И. Яцимирскій.

Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись. Съ 20 таблицами. Спб. 1903.

Когда у нас говорят о греческомъ искусствѣ, то разумѣютъ обыкновенно только архитектуру и скульптуру. Что же касается фресковой или «станковой» живописи у грековъ, то о состояніи ея мы не имѣли бы, навѣрно, никакого понятія, если бы не сохранились великолѣпно расписанныя вазы. Римскую живопись мы знаемъ немного лучше, только благодаря случайному обстоятельству, благодаря печальному концу Помпеи и Геркулана; остальные памятники этой отрасли искусства у римлянъ погибли такъ же безвозвратно, какъ и у грековъ. Является, такимъ образомъ, серьезный вопросъ: если мы имѣемъ нѣсколько тысячъ вазъ съ такимъ же количествомъ разнообразныхъ сюжетовъ, то можно ли на основаніи однихъ вазовыхъ изображеній говорить о состояніи греческой живописи вообще? Вѣдь вазы относятся къ числу произведеній такъ называемаго художественно-промышленнаго искусства; работали онѣ кустарями-ремесленниками, и на первый взглядъ такъ же далеки, быть можетъ, отъ картинъ «свободныхъ» живописцевъ, какъ издѣлія русскихъ деревенскихъ кустарей отъ шедевровъ нашихъ художниковъ. Изслѣдованіе г. Фармаковского и направлено какъ разъ къ тому, чтобы доказать, что греческіе ремесленники пользовались картинами извѣстныхъ въ свое время живописцевъ Зевксиса, Паррасія, Полигнота и другихъ. Конечно, у вазовой и фресковой живописи была неодинаковая техника, но сюжеты, композиція и общіе приемы трактовки переносились на поверхность роскошныхъ вазъ съ такою точностью, что у изслѣдователя не остается никакихъ сомнѣній въ близости ихъ къ утраченнымъ оригиналамъ великихъ греческихъ художниковъ. Такovy выводы изслѣдованія г. Фармаковского. А. Я.

У. Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Москва. 1904.

Русскому читателю Кеннингемъ извѣстенъ, какъ авторъ работы «Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія» (о ней смотри «Историческій Вѣстникъ» 1902 г., ноябрь). Какъ и предыдущее его сочиненіе, этотъ большой трудъ, въ сущности, компилятивная работа, близко примыкающая по своему характеру къ извѣстному изслѣдованію Эшли: «Экономическая исторія Англии». Но книга Эшли, хотя и легче читается, уступаетъ, однако, въ научности Кеннингему. Такъ, Эшли не пользовался изслѣдованіями нашего ученаго профессора Виноградова, хотя аграрный строй средневѣковой Англии занимаетъ въ его книгѣ важное мѣсто. Кеннингемъ — полный хозяинъ того огромнаго матеріала промышленной жизни средневѣковой Англии, который заимствованъ имъ часто прямо изъ первоисточниковъ. Онъ помѣщаетъ и тотъ матеріалъ, на основаніи котораго изслѣдователи дѣлаютъ свои выводы, широко пользуется сравнительнымъ методомъ, прибѣгая къ цѣннымъ аналогіямъ, удачнымъ, — правда, иногда рискованнымъ, — сопоставленіямъ. Читать, однако, книгу трудно, именно неспециалисту. И это объясняется тѣмъ, что Кеннингемъ

какъ-то неопредѣленно выражается, неясно пишетъ, не досказываетъ своихъ мыслей. Въ дѣломъ рядъ противорѣчивыхъ извѣстій онъ не умѣетъ занять самостоятельнаго мѣста, его взглядъ нерѣдко теряется, да онъ часто и не высказываетъ его. Отсюда та «эклектичность взглядовъ», которую справедливо замѣтилъ переводчикъ книги.

Основное положеніе всей книги Кеннингема—зависимость экономическихъ учреждений и идей вѣка отъ политическихъ и социальныхъ условий. Сочиненіе состоитъ изъ 5 книгъ. Въ введеніи авторъ, въ трехъ главахъ, выясняетъ предметъ экономической исторіи, разсматриваетъ различіе въ методахъ экономической исторіи и политической экономіи и доказываетъ важность сравнительнаго метода. Изученіе англійской экономической исторіи приводитъ Кеннингема къ той мысли, что ростъ англійской промышленности можетъ быть принятъ за типичный, дающій полезный ключъ къ изученію исторіи экономического прогресса въ другихъ странахъ и въ другія времена. Ростъ этотъ можетъ быть названъ типичнымъ, не только благодаря сравнительной полнотѣ источниковъ англійской промышленности, но и островному положенію Англіи, придавшему опредѣленный характеръ ея цивилизаціи.

Первая книга посвящена раннему періоду англійской исторіи. Какъ и остальные книги, она начинается съ краткаго очерка политическихъ и социальныхъ условий даннаго періода, затѣмъ идетъ изложеніе торговли и промышленности, а въ связи съ этимъ указываются измѣненія, происшедшія въ общественномъ мнѣніи той эпохи и экономической литературѣ. Во второй книгѣ нарисована картина состоянія промышленности въ Англіи во время феодализма: норманское завоеваніе, королевскіе доходы, королевскія изслѣдованія (Перепись Страшнаго Суда), иностранныя сношенія, королевскія хартіи, наконецъ—хозяйство того времени. Третья книга разсматриваетъ политическія и социальныя условія при Эдуардахъ, зачатки торговой политики, ремесленныя доктрины. Четвертая—промышленность въ Англіи при Ланкастерахъ и Йоркахъ, пятая—при Тюдорахъ. Во всей книгѣ разбросано множество извлеченій,—помѣщены важные документы, приложенные въ концѣ книги и занимающіе около 100 страницъ. Переведена книга въ высшей степени тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя на долю переводчика выпала неблагоприятная и тяжелая задача—сдѣлать яснымъ туманное изложеніе автора и документально точно передать извлеченія изъ источниковъ. II.

Е. В. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Спб. 1904.

Книга эта составилась изъ очерковъ, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Живо и талантливо написанные, эти очерки знакомятъ насъ съ выдающимися людьми XIX вѣка. И достоинство ихъ заключается не только въ удачныхъ характеристикахъ, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что авторъ нигдѣ не теряетъ исторической почвы: онъ прежде всего историкъ-публицистъ,

а не психологъ. (Припомнимъ знаменитые портреты Фаге, написанные съ удивительнымъ психологическимъ чутьемъ, но оторванные отъ дѣйствительности).

Какъ бы введеніемъ служить первая статья, въ которой охарактеризованы общественныя движенія въ Европѣ XIX вѣка. Вслѣдствіе своей сжатости и сложности темы она — слабѣ другихъ. На 54 страницахъ автору пришлось говорить и о чартизмѣ, и о настроеніи Франціи 1830-хъ—1840-хъ годовъ, Германіи, о событіяхъ 1848-го года и т. д. Слѣдующая статья — превосходная характеристика замѣчательнаго ирландскаго лидера Чарльза Парнеля. Это — серьезная и хорошая работа. Личность Парнеля прекрасно обрисована, въ связи съ англо-ирландскими дѣлами; притомъ, кажется, въ нашей русской литературѣ это единственная обстоятельная біографія Парнеля, этого «некоронованнаго короля» Ирландіи, затягивавшаго засѣданія палаты на 26 часовъ, а одно засѣданіе продолжалось съ 4 часовъ вечера 31 января до 9 часовъ утра 2 февраля (1881 г.). Удивительно, какъ быстро-неудержимо выросла популярность Парнеля, и какъ жестоко-послѣшво народъ отвернулся отъ своего кумира. Онъ казался всегда одинокимъ, грустнымъ въ радостныя минуты и спокойнымъ, бодрымъ въ тяжелые дни. «Какая-то трагическая нотка, — говорить Е. В. Тарле, — звучала въ теченіе всей его жизни и давала тонъ всему его поведенію». Съ такимъ же интересомъ читается и статья о Бабефѣ, пытавшемся «дать счастье Франціи» во время революціи своимъ заговоромъ. Съ полнымъ правомъ авторъ отнесъ біографію этого дѣятеля конца XVIII вѣка въ этюды о XIX вѣка, такъ какъ заговоръ Бабефа дѣйствительно служилъ «предлюдей этого вѣка социальной борьбы». Для составленія этого очерка авторъ пользовался всѣми №№ газеты Бабефа, его прокламаціями, всей его корреспонденціей и новыми документами. Прочувствованно написана характеристика Дж. Каннинга, замѣчательнаго пушкинскаго современника.

Франціи XIX вѣка посвящены двѣ статьи: Ройе-Колларъ и Гамбетта. Личность Ройе-Коллара разсматривается авторомъ съ точки зрѣнія политическаго вліянія угрюмаго и правдиваго доктринера; рассказывая о парламентской дѣятельности Коллара, авторъ въ связи съ нею выясняетъ и особенности ученія доктринеровъ, вся группа которыхъ смѣло могла «помѣститься на одномъ диванчикѣ». Наибольшая статья посвящена Гамбеттѣ и его мѣсту въ исторіи третьей французской республики. Весьма интересна и статья «Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія», въ которой авторъ говоритъ, что историческое предвидѣніе затруднено почти до невозможности, благодаря бѣдности фактическаго матеріала, находящагося въ рукахъ социолога. «Историческія событія напоминаютъ иногда другъ друга, но никогда не повторяются», а потому и аналогіи здѣсь мало помогутъ, особенно потому, что «случай» является независимымъ явленіемъ. Эта статья была отмѣчена (она напечатана въ «Русскомъ Богатствѣ», 1902 г., № 5) въ книгѣ г. Гальперина «Современная социология». Написаны очерки не только очень живо, но и популярно, остроумно.

П. Е.—ий.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Переводъ съ французскаго подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предисловіемъ проф. А. Фортунатова. Изд. Д. С. Горшкова. Москва. 1904.

Книга Вандервельде—талантливаго и широко образованнаго руководителя бельгійской рабочей партіи—представляетъ собою самое крупное явленіе въ экономической литературѣ послѣдняго времени. По своему содержанію изслѣдованіе Вандервельде распадается на двѣ части. Въ первой со всѣмъ аппаратомъ учености, съ колоннами цифръ и многочисленными иллюстраціями изъ жизни европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ, авторъ даетъ яркую и обстоятельную картину бѣгства изъ деревни, подробно изслѣдуетъ моральное, интеллектуальное и экономическое значеніе централизаціи населенія въ городахъ. Вторая часть вводитъ читателей въ атмосферу публицистики и утопіи. Тутъ на основаніи огромнаго фактическаго матеріала Вандервельде пытается намѣтить новую, едва замѣтную и совершенно не изслѣдованную экономическую тенденцію «возвращенія къ полямъ». «Люди встрѣчаются въ городахъ, живутъ въ деревняхъ»,—писалъ Вильямъ Моррисъ, фантазируя въ своей утопіи «Вѣсти ниоткуда» о грядущемъ. Теперь Вандервельде пытается доказать, что мы находимся на пути къ идеалу, указанному англійскимъ утопистомъ. Доказательствамъ нашего автора нельзя отказать въ убѣдительности. Прежде всего изъ данныхъ городской статистики ясно видно, что въ крупныхъ городскихъ центрахъ мало-по-малу пустѣютъ центральные кварталы, гдѣ сосредоточиваются почти исключительно торгово-промышленныя заведенія: банки, конторы, магазины, а также клубы, театры и музеи. Передвиженіе населенія отъ центровъ къ окраинѣ, въ пригороды—первый этапъ на пути возвращенія въ деревню. Три могучихъ фактора толкаютъ населеніе на бѣгство изъ городовъ: дороговизна квартиръ, антисанитарныя условія городской жизни и врожденная человѣку тоска по природѣ. Если государство, какъ это случилось въ Бельгіи, пойдетъ навстрѣчу назрѣвающимъ потребностямъ населенія, т.-е. удешевить пригородный тарифъ и введетъ удобное расписаніе поѣздовъ, то городская жизнь рѣзко измѣнитъ свой характеръ. Мелкая буржуазія и рабочее населеніе городовъ быстро расселятся верстъ на 60 кругомъ города. «Въ настоящее время,—говоритъ Вандервельде,—кажется совершенно вѣроятнымъ, что въ будущемъ города будутъ въ гораздо меньшей степени жилыми центрами, чѣмъ собраніемъ памятниковъ, мѣстомъ для развлеченія и встрѣчъ, дѣловыхъ свиданій и работъ». Мысль о возвращеніи къ полямъ открываетъ свѣтлыя и радостныя перспективы. Вблизи городовъ—лагерей культуры, по выраженію Гердера, заимствуя отсюда интеллектуальную пищу, но въ тѣсномъ соприкосновеніи съ родной природой, будетъ воспитываться новое поколѣніе. На смѣну вырождающихся, извращенныхъ и изломанныхъ городскихъ поколѣній должны прійти давно ожидаемые новые люди.

Е. М. В.

В. В. Умановъ - Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. 3-е исправленное изданіе. Спб. 1904.

У насъ мало, слишкомъ мало интереса къ славянству. Если не считать профессоровъ славистики, которыхъ самое званіе, носимое ими, обязываетъ интересоваться славяновѣдѣніемъ, то изъ другихъ писателей едва ли наберется десятокъ, знакомыхъ со славянскимъ міромъ близко и непосредственно. Г. Умановъ-Каплуновскій принадлежитъ къ числу этихъ рѣдкихъ работниковъ на совсѣмъ почти невоздѣланной нивѣ. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ его мысли «ознакомить русскихъ съ характеромъ произведеній по возможности всѣхъ сколько нибудь выдающихся современныхъ славянскихъ поэтовъ» въ особомъ сборникѣ. Первое изданіе «Славянской музы» было выпущено въ 1888 году журналомъ «Пантеонъ литературы» подъ заглавіемъ «Баянъ». Въ новомъ видѣ оно значительно дополнено и исправлено. Здѣсь мы находимъ произведенія сербо-хорватскихъ поэтовъ: Николая, князя черногорскаго, Шеноа, Змая Ювана Ювановича, Харамбашича, Прерадовича, Пальмовича, Бадалича, болгарскихъ: Вазова, Каравелова, Ботева, Славейкова и Москова, словинскихъ: Преширна и Грегориича, чешскаго Святополка Чеха, галицко-русскаго поэта Гушалевиича и, кромѣ того, народныя славянскія пѣсни. Поражаетъ въ этомъ сборникѣ «всѣхъ славянскихъ поэтовъ» отсутствіе представителей польской поэзіи. Это—пропускъ совершенно непонятный. Вообще западно-славянскимъ поэтамъ въ сборникѣ г. Уманова-Каплуновскаго не повезло: нѣтъ здѣсь ни одного образца мечтательной, нѣжной и ласкающей поэзіи Юлія Зейера, нѣтъ ни одного стихотворенія такого своеобразнаго и замѣчательнаго поэта-реалиста, какъ Махаръ. Изъ словинскихъ поэтовъ нѣтъ наилучшаго—Ашкерца. Но будемъ благодарны переводчику и за то, что у него есть, тѣмъ болѣе, что онъ самъ пишетъ въ предисловіи: «сдѣлали мы, что могли и какъ могли; любя поэзію, переводили мы лишь то, что намъ приходилось по сердцу, вовсе не имѣя въ виду сразу охватить и раскрыть передъ читателемъ внутреннюю сложность славянскаго міра».

Эти слова обезоруживаютъ критика по отношенію къ данному сборнику, но такъ какъ отъ г. Уманова-Каплуновскаго можно ожидать еще новыхъ трудовъ въ избранной имъ области, то позволительно высказать здѣсь свои пожеланія. Во всякомъ сборникѣ должна быть руководящая мысль: она придаетъ ему внутреннюю цѣльность и единство, устраняя случайность выбора отдѣльных произведеній. Было бы желательно, чтобы г. Умановъ-Каплуновскій, не раскидываясь слишкомъ, остановился впродъ на немногихъ поэтахъ, но зато представилъ бы ихъ передъ читателемъ съ большей ясностью и въ большей полнотѣ. Теперь же многіе изъ поэтовъ представлены у него однимъ или двумя, да и то не характерными, произведеніями, такъ что ихъ поэтическій обликъ остается для читателя въ туманѣ. Если же переводчикъ хотѣлъ бы непремѣнно познакомить читателя со многими славянскими поэтами, то для цѣльности впечатлѣнія ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, выбрать изъ нихъ стихотворенія, касающіяся опредѣленной категоріи явленій. Такъ г. Умановъ сказалъ бы большую услугу и русскому обществу и всему славянству, если бы

перевелъ и собралъ въ одну книгу все, что написано у славянскихъ поэтовъ о Россіи. Это былъ бы трудъ—живой, плодотворный и, мы думаемъ, благодарный. Нѣкоторые удачные переводы г. Уманова въ «Славянской музѣ» даютъ надежду, что онъ могъ бы справиться съ этой задачей умѣло и хорошо. Тогда бы и сборникъ его приобрѣлъ то единство и цѣльность, которой у него теперь нѣтъ.

Что касается до поэтическаго достоинства переводовъ г. Уманова-Каплуновскаго, то оно не во всѣхъ стихотвореніяхъ одинаково. Есть слабыя переводы. Особенно мало удался автору переводы изъ Чеха и Ботева. Но есть и недурные. Таковыми попреимуществу вышли у него стихотворенія Вазова и Прерадовича. Къ сборнику приложены и свѣдѣнія о славянскихъ писателяхъ. Это—не характеристики ихъ, а краткія *curricula vitae*, но и они полезны въ виду недостаточнаго знакомства нашего общества со славянами.

Андрей Сиротининъ.

Ludwik Boratyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw turkow (1576—1584). Kraków. Nakładem Akademji Umiejętności. (Людвикъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и планъ союза противъ турокъ. 1576—1584. Краковъ. Издѣніемъ академіи наукъ).

Краковская академія наукъ взяла на себя почтенную задачу—снаряженіе ученой итальянской экспедиціи («*Ekspedycja włoska*») въ Римъ, для разысканія въ Ватиканскомъ архивѣ матеріаловъ, къ польской исторіи относящихся. Результатомъ этихъ разысканій явились нѣсколько томовъ документовъ, такъ называемыхъ *Tek izumskich*. На основаніи сихъ послѣднихъ, въ 1901 году, появилась въ Краковѣ монографія Ф. Конечнаго «*Jan III Waza i misja szwedzka Possewina*»; въ текущемъ году издано другое сочиненіе—г. Л. Боратынскаго о Баторіи.

Изъ труда г. Боратынскаго впервые узнаемъ, что Баторій стремился получить венгерскую корону съ тою цѣлью, чтобы, въ качествѣ обладателя двухъ престоловъ, пристать къ турецкой лигѣ, чтó составляло вѣнецъ его замысловъ. Въ 1578 году король писалъ своему довѣренному лицу въ Венгрію по этому дѣлу, выражаясь: «исповѣдую тебѣ тайну моего сердца»... Авторъ положительно утверждаетъ, что Поссевинъ никогда не былъ довѣреннымъ лицомъ Баторія. Что касается отношеній къ Москвѣ, то оказывается, что король Стефанъ съ самаго начала считалъ необходимымъ союзъ Польши съ Московскимъ государствомъ въ видахъ изгнанія турокъ. Еще въ 1574 году, будучи семиградскимъ княземъ, совѣтовалъ Польшѣ заключить союзъ съ Москвою, даже предлагалъ выбрать королемъ царя Ивана Грознаго съ тѣмъ, чтобы начать борьбу съ турками, при чемъ обѣщалъ свою помощь. Не будучи, однако, въ состояніи добиться венгерской короны, тѣмъ не менѣе, домогался имѣть въ своемъ распоряженіи московскую армию. И въ этомъ скрывается генезисъ четвертой московской войны. Коль скоро не черезъ Буду и Бѣлградъ, въ такомъ случаѣ черезъ Кремль и Астрахань должна вести дорога въ Царьградъ...

Г. А. Воробьевъ.

Списокъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ XVII—XIX столѣтій. Составилъ Н. М. Лисовскій. Спб. 1903.

Время отъ времени въ печати появляются отдѣльные указатели къ періодическимъ изданіямъ за различные періоды ихъ жизни. Указатели эти, безусловно, приносятъ извѣстную пользу, такъ какъ восполняютъ собою отсутствіе общаго указателя содержанія всѣхъ русскихъ періодическихъ изданій. Къ сожалѣнію, они очень быстро исчезаютъ съ книжнаго рынка, становясь библиографическою рѣдкостью, а зачастую и совсѣмъ на него не попадаютъ по той причинѣ, что появляются не въ видѣ отдѣльной книги, а лишь въ приложеніи къ тому или другому періодическому изданію. Слѣдь, однимъ словомъ, такихъ справочныхъ пособій незамѣтно ускользаетъ, и разыскивать ихъ довольно трудно.

Почтенный библиографъ Н. М. Лисовскій, давно уже зарекомендовавшій себя своими кропотливыми работами, положилъ добрый починъ изданія «Списка» всѣхъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ XVIII—XIX столѣтій, выпустивъ его въ видѣ маленькаго компактнаго томика.

Въ немъ вначалѣ перечислены указатели, составленные къ нѣсколькимъ изданіямъ опредѣленнаго періода времени или къ нѣсколькимъ изданіямъ того или другого учрежденія. Затѣмъ названы указатели къ отдѣльнымъ изданіямъ (по алфавиту ихъ). Въ концѣ даны указатели къ губернскимъ, областнымъ, и епархіальнымъ вѣдомостямъ. Всего же процитировано 250 указателей.

При довольно внимательномъ просмотрѣ мы почти не нашли въ «Спискѣ» пропусковъ и можемъ его дополнить лишь слѣдующими 7-ю указателями: 1) «Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 1890—1894 годы», Спб., 1896, 8°, II—155 стр.; 2) «Алфавитный указатель статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Вѣстникъ общественной ветеринаріи» за второе пятилѣтіе его существованія 1894—1898 гт.», Спб., 1899, 8°, 148 стр.; 3) «Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Воспитанія» за 1890—1894 гт.», М., 1894 г.; 4) Поповъ: «Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ съ 1830 по 1884 гт.», Сиб., 1885 г. (здѣсь цитируются журналы: «Revue Britannique», «Revue des deux Mondes», «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Архивъ», «Вѣстникъ Европы», «Русская Старина», «Дѣло», «Русская Рѣчь», «Историческій Вѣстникъ», «Природа и Люди», «Наблюдатель», «Всемирный Трудъ»); 5) «Указатель русской оригинальной и переводной беллетристики въ отдѣльныхъ изданіяхъ и по главнымъ литературнымъ журналамъ за послѣднія 20 лѣтъ, съ 1870 по 1891 годъ», М., 1892 г.; 6) Е. Р. Романовъ: «Указатель къ неофициальной части «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», съ 1839 по 1898 годъ», Могилевъ, 1899, 4°, 29 стр.; 7) «Указатель журнала «Жизнь» за 1899 и 1900 годы» (приложеніе къ февральскому № «Жизни» за 1901 г.).

Вере.

Проф. Дм. Цвѣтаевъ. Положеніе иновѣрія въ Россіи. Историческое обозрѣніе. Варшава. 1904.

Въ настоящемъ историко-юридическомъ очеркѣ, сообщенномъ авторомъ на торжественномъ открытіи Варшавскаго общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, ставится тезисомъ, что не Западъ, а «Россія первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса и установки дѣла объ иновѣрціи, о правахъ иноземцевъ» (5, 26 стр.). Предпославъ слова высочайшаго манифеста отъ 26 февраля 1903 года о вѣротерпимости и разъяснивъ основную ихъ мысль, ученый авторъ въ своемъ изложеніи постепенно идетъ отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному, отъ современнаго «въ глубь вѣковъ» — къ событіямъ и дѣламъ петербургскаго, московскаго и кіево-владимирскаго періодовъ русской исторической жизни, приводя рядъ соответственныхъ установленій, свидѣтельствъ и фактовъ и заключая каждый періодъ общей характеристикой положенія иновѣрія въ немъ. Параллельно съ тѣмъ даются сопоставленія и сравненія свободы иновѣрія въ Россіи съ вѣротерпимостью на Западѣ, въ мірахъ католическомъ и протестантскомъ.

На основаніи всего этого авторъ приходитъ къ такимъ научно-историческимъ выводамъ: «Когда на Западѣ иноземецъ считался врагомъ, или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія, былъ лишень свободы даже личнаго вѣроисповѣданія и т. п., — древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ видоизмѣненій и въ московскую пору, а въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣло развилось и значительно далѣе. Неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія католиковъ и протестантовъ, подъ условіемъ ненарушенія правъ православія, всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставались въ покоѣ, не допускалось насилія въ дѣлахъ вѣры. Отдавая преимущество протестантамъ предъ католиками, москвитяне свою вѣротерпимость къ служилымъ и жившимъ у насъ иноземцамъ простерли до того, что ихъ пасторы, если ими правилась прямая или косвенная служба государству, удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не столько изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры; она обуславливалась свойственнымъ намъ гостепримствомъ, снисходительностью къ иновѣрцію православія и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимся при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ. Въ предоставленіи той или иной льготы на общественное богослуженіе, въ разрѣшеніяхъ постройки той или иной кирки и т. п., болшею частью все шло отъ фактовъ, отдѣльныхъ случаевъ, нимало не обязательныхъ для правительства на другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ: правительство постоянно сохраняло за собой свободу дѣйствій. Допускаемое на практикѣ и отчасти, въ видахъ политико-экономическихъ, покровительствуемое, иновѣрціе въ смыслѣ государственно-юридическомъ было въ сущности только дозволено. Съ Петра Великаго свобода личнаго вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія иновѣрцевъ, однакоже на пространствѣ всего государства, съ нача-

рушимостью основной системы допущенія иновѣрія въ предѣлахъ его безвредности для православія, утверждается царскимъ словомъ, произнесеннымъ во всеуслышаніе, и укрѣпляется съ теченіемъ времени гласными, основными государственными законами» (26—28 стр.).

Изложено все ясно, рельефно, съ знаніемъ дѣла и съ убѣжденностью. По силѣ обрисовки особенно выдвигаются отдѣлы: положеніе католичества и протестантства въ Россіи за московскій періодъ и сравненіе обезпеченія иновѣрія въ Россіи съ вѣротерпимостью въ бывшемъ Польско-Литовскомъ государствѣ и вообще въ мірѣ, подчиненномъ духовной власти папства.

А. М—ловъ.

П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 г.г. («Лѣтописи о Крыловѣ» и ея разборъ). М. 1904.

Извѣстно, что въ доброе старое время наша администрація повсюду, а въ особенности въ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ чувствовала себя прекрасно, законами не стѣснялась и поступала по своему полному личному усмотрѣнію. Типичнымъ представителемъ такихъ администраторовъ является знаменитый въ лѣтописи города Иркутска слѣдователь Крыловъ. Онъ былъ посланъ сенатомъ въ Иркутскъ разслѣдовать дѣло по обвиненію тамошнихъ купцовъ.

Въ этомъ слѣдствіи Крыловъ проявилъ страшную жестокость и произволъ: сажалъ купцовъ по тюрьмамъ, пыталъ въ застѣнкахъ, отнималъ имущество, хозяйничалъ во всемъ, самого начальника края—вице-губернатора, противозаконно арестовалъ и отрѣшилъ отъ должности (стр. 40), билъ и увѣчилъ даже собственноручно не только простыхъ горожанъ, но и чиновниковъ; женщинъ и дѣвушекъ насиловалъ (15—10). Крыловъ «за продерзость» былъ судимъ, но по какому-то чуду остался безнаказаннымъ (41).

Въ книжкѣ г. Головачева въ началѣ приводится выписка изъ лѣтописи (2—21), въ которой о дѣяніи Крылова рассказывается приказнымъ, вѣтievатымъ языкомъ XVIII вѣка; весь рассказъ дышитъ обличеніемъ и протестомъ. Въ такомъ полномъ видѣ лѣтопись появляется въ печати впервые; правда, она чего либо существенно новаго не даетъ, но все же любопытна по нѣкоторымъ подробностямъ. Дальше разбирается вопросъ объ авторѣ этой лѣтописи, каковыиъ г. Головачевъ склоненъ считать купца Алексѣя Серебрякова, но аргументація его довольно слаба и намѣченнаго вопроса не рѣшаетъ. Сопоставляя текстъ лѣтописи съ печатными извѣстіями о Крыловѣ, г. Головачевъ приходитъ къ выводу, что этотъ текстъ—первоисточникъ. Въ концѣ—связный рассказъ обо всемъ этомъ трагическомъ эпизодѣ, объясняющій и дополняющій одностороннее лѣтописное сказаніе. Этотъ рассказъ автору не мѣшало бы помѣстить въ началѣ книги, а не въ концѣ, такъ какъ читатель, которому мало извѣстно иркутское лихолѣтье, долгое время будетъ недоумѣвать по поводу многихъ эпизодовъ послѣдняго.

За книгу говорить то, что въ ней изображено столь громкое дѣло и даны нѣкоторыя новыя любопытныя подробности.

М. Е.

І. И. Иллюстровъ. Сборникъ російскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904.

Сборникъ г. Иллюстрова по своему содержанию не оригиналенъ: онъ составленъ исключительно по печатнымъ матеріаламъ. Вопреки заглавію, онъ является сборникомъ однѣхъ только юридическихъ пословицъ, распределенныхъ по слѣдующимъ десяти главамъ: 1) о царѣ; 2) о служилыхъ людяхъ; 3) о сословіяхъ; 4) о бракѣ, семьѣ и роднѣ; 5) о правѣ собственности; 6) о договорахъ; 7) о благосостояніи и бѣдности; 8) о здоровьѣ и болѣзняхъ; 9) о преступленіяхъ и наказаніяхъ; 10) о судѣ. Полноты, однако, авторъ не достигъ и въ объемѣ перечисленныхъ главъ. Особенно неполонъ отдѣлъ инородческихъ пословицъ, которыя приводятся рядомъ съ русскими (послѣднія на всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ: велико—, мало— и бѣлорусскомъ). Въ сборникъ совершенно отсутствуютъ пословицы эстонскія, корельскія и многихъ другихъ инородцевъ Россіи, хотя крупные матеріалы въ печати имѣются. Какъ можно думать, автору осталось совѣмъ невѣстнымъ прекрасное изданіе географическаго общества «Живая Старина» (тамъ, напримѣръ, корельскія пословицы: годъ III, выпускъ 4-й; вологодскія: годъ IX, выпускъ 2-й и т. д.).

Главное достоинство сборника—систематическое распределение матеріала. Самое это распределение уже служитъ во многихъ случаяхъ объясненіемъ поговорокъ. Помимо того, въ нужныхъ случаяхъ приводятся особые объясненія— историческаго, бытового и иного характера, впрочемъ также заимствованныя изъ печатныхъ источниковъ.

Пословицы и поговорки напечатаны въ сборникѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ имѣются въ источникахъ автора, съ указаніемъ вариантовъ и со ссылками, въ каждомъ данномъ случаѣ, на источникъ. Указатели (ихъ четыре, но всѣ недостаточно полны, особенно географическій) облегчаютъ пользованіе сборникомъ. Въ введеніи дается краткое опредѣленіе понятій: «пословица» и «поговорка», и подробно описываются источники автора.

Большую «ложку дегтя» пустилъ въ свою хорошую книгу авторъ, воспользовавшись рядомъ съ вполне добросовѣстными изданіями источниками сомнительной цѣнности. Такова, напримѣръ, книга И. М. Корнилова «Юмористическій сборникъ 500 русскихъ пословицъ и поговорокъ на изнанку еіс.» (М., 1902), откуда взяты такіе перлы: «четверть — жестокая бутылъ, потому что обращаетъ умъ въ пыль», «мерзавчикъ малъ для желудка, да дешевъ для кармана». Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что «поговорки» эти не народныя, а скорѣе всего выдуманы самимъ же г. Корниловымъ. Изъ другихъ источниковъ взяты переводныя пословицы, безъ нужной отмѣтки о томъ; «тотъ счастливъ, кто уѣхалъ изъ Риги не обманутымъ, изъ Митавы—не оклеветаннымъ, изъ Бауска—не побитымъ» (стр. 361)—латышская поговорка.

И этотъ мусоръ, и эти недоразумѣнія, правда, можно выдѣлить изъ прочаго матеріала, благодаря указанію для каждой данной пословицы, откуда она взята. Но размыскваніе этихъ источниковъ крайне затруднено для читателя. Для этого необходимо прежде всего перерыть главу «Указанія источниковъ» (82 страницы), раздѣленную на отдѣлы и подотдѣлы съ особымъ счетомъ

номеровъ для каждаго. Но когда читатель, послѣ долгихъ усилій, находитъ желанный номеръ, онъ натывается на какую нибудь фамилію, въ родѣ: Карповъ, Корниловъ, Суховъ, Ермаковъ и т. д. Предстоитъ новая работа — найти эту фамилію въ перечнѣ источниковъ: задача опять нелегкая, такъ какъ источники расположены тамъ въ хронологическомъ порядкѣ (по времени ихъ записи)... Гораздо проще было бы перенумеровать всѣ источники съ однимъ счетомъ и затѣмъ при каждой данной пословицѣ указывать соотвѣтствующій номеръ. Тогда было бы выиграно какъ время, такъ и мѣсто.

Въ общемъ же, Сборникъ г. Иллострова — безусловно полезная книга, а для занимающихся обычнымъ правомъ юристовъ и этнографовъ и прямо необходимая.

Д. Зеленинъ.

Р. Мутеръ. Исторія живописи. Томъ III. Спб. 1904.

Если всѣхъ художественныхъ критиковъ раздѣлить на два рѣзко разграниченныхъ лагеря, на поклонниковъ чистаго, самодовлѣющаго искусства, не знающаго никакихъ служебныхъ цѣлей и стремящагося къ одной красотѣ зрительныхъ формъ, — и на противниковъ ихъ, проповѣдующихъ искусство идейное, подъ которымъ многіе понимаютъ даже тенденціозное, то Мутера слѣдуетъ причислить къ первой группѣ. Правда, самъ авторъ «Исторіи живописи» какъ будто не опредѣляетъ своего profession и предоставляетъ читателю право самому характеризовать взгляды нѣмецкаго историка на искусство прошлаго и новаго времени. Въ замѣткахъ о первыхъ выпускахъ этого изданія мы указывали, напримѣръ, на то, съ какой осторожностью Мутеръ принимаетъ терминъ «живопись». По его мнѣнію, далеко не все нарисованное, даже нарисованное очень тщательно, такъ сказать, каллиграфически, можно относить къ живописи въ точномъ значеніи этого слова. Поэтому ему не нравятся ни своеобразныя миниатюры въ рукописяхъ средневѣковыхъ монаховъ-рисовальщиковъ, ни величественныя византійскія фрески, въ которыхъ нѣтъ реальныхъ чертъ, и которыя всецѣло проникнуты строгой христіанской догмой, словно не желаютъ знать никакихъ земныхъ идеаловъ и выражаютъ то экстатически-религіозное настроеніе, которымъ проникнута вся новая религія, явившаяся на смѣну жизни-радостному язычеству и живой античной живописи. Вотъ почему онъ относится такъ отрицательно ко всему, что, по его мнѣнію, не носитъ отпечатка «свободнаго» творчества, понимая послѣднее иногда слишкомъ субъективно.

Общепризнанный фактъ, что хорошо разработанъ у Мутера отдѣлъ итальянскаго Возрожденія XVI вѣка и эпохи, непосредственно ему предшествовавшей. Онъ прекрасно постигъ творчество прерафаэлистовъ и отдаетъ имъ вполне должное, восхваляя лучшихъ ихъ представителей восторженными характеристиками, которыя незамѣтно переходятъ въ настоящіе гимны. Дѣйствительно, почти никто изъ прежнихъ историковъ искусства не понималъ такъ ясно и вѣрно художниковъ блестящаго періода живописи временъ Возрожденія ея въ Италіи, Испаніи, Германіи, Фландріи и Голландіи. Его очерки, посвященные Леонардо-де-Винчи, Джорджіоне, Карраджіо, Тиціану, Микель-Анджело и наконецъ Рафаэлю, въ которомъ онъ видитъ что-то «тайнственное», — полны дра-

матических мѣсть, гибкихъ фразъ, смѣлыхъ аттестацій, мистически-проникновенныхъ наблюдений и въ большинствѣ случаевъ остроумны, хотя иногда и парадоксальны. Интересенъ взглядъ Мутера на творчество художниковъ XIV и XV вѣковъ. «Мастера катрогента, — по его мнѣнію, — были рѣзко опредѣленные индивидуальности, совершенно такія же, какъ деспоты отдѣльныхъ городовъ, чувствовавшіе себя царями въ своихъ маленькихъ царствахъ. Каждого изъ нихъ можно узнать съ перваго взгляда. Каждый столяръ придастъ своимъ работамъ свой личный отпечатокъ. Намъ дороги эти произведенія, не какъ продукты ручного труда, а какъ человѣческіе документы. Художники XVI столѣтія прячутъ свою личность за своими созданіями. Всѣ индивидуальныя особенности ступешваны. Какъ въ мірѣ политическомъ имѣлись всего двѣ великія личности — папа и императоръ, — такъ и въ области искусства имѣются всего два-три властителя, при которыхъ всѣ остальные чувствуютъ себя ихъ придворной челядью». Этими титанами были Рафаэль и Микель-Анджело. Говоря о томъ или иномъ художникѣ, самъ Мутеръ до того увлекается имъ, что начинаетъ возводить его въ геніи и дѣлаетъ это за счетъ всѣхъ тѣхъ мастеровъ, о которыхъ онъ говорилъ съ такимъ же восторгомъ на предыдущихъ страницахъ. Въ этомъ приемѣ и заключается наиболѣе слабая сторона его «Исторіи», почему ее нельзя назвать болѣе или менѣе научной.

Вся книга Мутера читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Это силовитой блестящій фельетонъ лучшаго разбора, переведенный на русскій языкъ съ сохраненіемъ всѣхъ достоинствъ живого и образнаго языка подлинника. Лучшія главы III части посвящены артистическому искусству Франціи, своимъ происхожденіемъ и развитіемъ обязанному грандіозной и великолѣпной эпохѣ Людовика XIV, которую онъ называетъ гордой и чопорной, напыщенной и высокопарной. «Тогда любили представленія *galà*, многозначительныя позы, блескъ показнаго, — говоритъ Мутеръ. — Торжественная пышность стіля барокъ достигла своей высочайшей точки. Дальше идти въ ту сторону было некуда. Такимъ образомъ стіль Людовика XIV является не только естественнымъ продуктомъ своего времени, онъ былъ также необходимой переходной ступенью къ тому, что теперь послѣдовало. Надо было достаточно наглядѣться на тяжеловѣсное, внушительное, прежде чѣмъ за грандіознымъ послѣдовало граціозное, за декламаціоннымъ — деликатное, за величественнымъ — элегантное, за церемониальнымъ — миловидное, за стилемъ барокъ — рококо». Ватто и Буше нашли въ немъ вѣрнаго истолкователя, немного саркастическаго и даже злого: первый танцуетъ граціозный менуэтъ на маскарадѣ, второй — кавканъ въ полночь. Грезъ, Хагартъ, Рейнольдъ, Гэнсборо, Гойя, Давидъ и другіе, кажется, никогда не являлись предъ судомъ исторіи такими живыми и яркими лицами, какъ въ оцѣнкѣ Мутера.

Въ нѣмецкомъ оригиналѣ нѣтъ рисунковъ, и мы должны поблагодарить русскихъ издателей за артистически исполненные снимки съ наиболѣе характерныхъ произведеній XVIII вѣка.

А. Я.

Галлерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Съ портретами. Спб. 1904.

Означенное изящное изданіе выпущено въ свѣтъ, въ видѣ преміи, редакціей «Самообразованія» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напечатано отдѣльно. Впервые въ русской литературѣ появился такой замѣчательный сборникъ біографій главныхъ дѣятелей освобожденія крестьянъ. Хотя эти біографіи кратки и довольно сжаты, но по своему содержанию рисуютъ вѣрную, обстоятельную характеристику выдающихся героевъ главной эпохи современной русской исторіи. Очеркъ о высшей степени важной роли, разыгранной въ крестьянской реформѣ самимъ Царемъ-Освободителемъ, взялъ на себя профессоръ А. А. Кизеветтеръ, и, надо отдать ему справедливость, исполнилъ свое трудное дѣло очень успѣшно и талантливо.

Если въ своей талантливой характеристикѣ Александра II г. Кизеветтеръ придерживается только его дѣятельности по крестьянскому дѣлу, то Н. П. Павловъ-Сильванскій, хотя и въ краткомъ, но ясномъ очеркѣ жизни великаго князя Константина Николаевича, рассказываетъ всю его государственную карьеру. Естественно мы остановимся только на его участіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которое его державный братъ краснорѣчиво охарактеризовалъ словами: «Это былъ мой первый помощникъ въ крестьянскомъ дѣлѣ». «Горячій и смѣлый сторонникъ воли государя, Константинъ Николаевичъ,—говоритъ его біографъ,—рѣшительно вступилъ въ борьбу съ тѣми изъ ближайшихъ сотрудниковъ императора, которые несочувственно или враждебно относились къ отмѣнѣ крѣпостного права, и оказали сильную поддержку немногочисленнымъ вначалѣ сторонникамъ реформы, повліявъ на рѣшимость государя приступить къ этому трудному дѣлу, и затѣмъ поддерживалъ его въ частыя минуты колебанія». Въ началѣ дѣятельности главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, въ которомъ участвовалъ великій князь, онъ очень энергично содѣйствовалъ этому дѣлу. Съ открытіемъ же редакціонныхъ комиссій и во время почти совершеннаго бездѣйствія главнаго комитета въ продолженіе полутора года, онъ отправился за границу и только, по назначеніи его предсѣдателемъ главнаго комитета, снова сталъ неуспѣшно дѣйствовать въ пользу крестьянскаго дѣла. Всецѣло усвоивъ точку зрѣнія редакціонныхъ комиссій, онъ изъ всѣхъ силъ старался настоять на принятіи ихъ проекта главнымъ комитетомъ. Разсмотрѣнію его главный комитетъ посвятилъ сорокъ засѣданій, и всѣ его члены пользовались при этомъ полной свободой выражать свои мнѣнія, и надо отдать справедливость великому князю, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены». Громадную услугу дѣлу освобожденія великій князь оказалъ и тѣмъ, что онъ уговорилъ Панина и нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта отказаться отъ своего враждебнаго мнѣнія противъ великой реформы. По этому поводу въ высочайшемъ рескриптѣ государь писалъ брату: «Я не забуду, и со мной, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ вы дѣйствовали въ семъ важномъ слу-

чаѣ». Еще болѣе подробнымъ и основательнымъ биографомъ, чѣмъ г. Сильванскій, оказывается авторъ очерка о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ—А. Ѳ. Кони. Его статья вдвое обширнѣе трудовъ другихъ сотрудниковъ «Галлерей русскихъ дѣятелей», но въ виду отсутствія въ русской литературѣ полной биографіи она читается съ большимъ интересомъ. Отличаясь высокимъ культурнымъ развитіемъ, необыкновеннымъ умомъ и либеральными, высоко гуманными идеями, Елена Павловна, конечно, была искреннимъ, упорнымъ врагомъ «клейма домашняго позора», и какъ только возникъ крестьянскій вопросъ, то она не только теоретически, но и практически сдѣлалась его сторонникомъ. По словамъ г. Кони, она сама выступила на поле дѣйствія и рѣшила, въ видѣ примѣра для всей Россіи, освободить свое обширное помѣстье «Карловку» Полтавской губерніи, имѣвшее 7.396 крестьянъ и 7.625 крестьянокъ. По словамъ г. Кони, «Карловка была въ ея рукахъ будильникомъ, дававшимъ возможность напоминать, время отъ времени, о необходимости освобожденія и двигать со своей стороны это дѣло. Въ проектахъ дарованія свободы своимъ крестьянамъ теплился и тщательно ею оберегался священный огонекъ будущаго общаго раскрѣпощенія. Проницательнымъ своимъ умомъ она понимала, что освобожденіе 15.000 душъ съ землею, сдѣланное русской великой княгиней, будетъ въ нашей внутренней жизни событіемъ первостепенной важности, послѣдствія котораго въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія и подражанія могутъ быть огромны».

Хотя въ замѣчательной характеристикѣ Николая Алексѣевича Милютина, написанной А. И. Браудо, находятся краткія свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, но все вниманіе читателей сосредоточено на крестьянскомъ дѣлѣ, душой котораго, по всеобщему признанію друзей и враговъ, былъ онъ. Официально онъ принималъ участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ со времени своего назначенія товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, подчинявшася всецѣло въ этомъ отношеніи его вліянію. Дворянская и бюрократическая партіи ужасно ненавидѣли его за либеральныя идеи, и даже государь, сильно предубѣжденный противъ него, сказалъ князю Горчакову, который одинъ рѣшился защищать Милютина въ комитетѣ министровъ: «Напрасно защищаете-онъ уже давно имѣть репутацію краснаго и вреднаго человѣка». Только Ланской, ручаясь за него, какъ за самого себя, настоялъ предъ государемъ на его назначеніи товарищемъ министра, или, буквально, исполняющимъ обязанности товарища министра. Въ этомъ званіи онъ пробылъ два года, и его въ шутку называли «временно постояннымъ товарищемъ министра». «Какъ бы то ни было,—говоритъ Браудо,—но на этомъ посту Милютинъ сталъ открыто руководителемъ всѣхъ работъ министерства по крестьянскому дѣлу». Въ главномъ комитетѣ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ онъ былъ душою всего дѣла. Неудивительно, что дворянская партія его ненавидѣла, называла социалистомъ, другомъ «Колокола» и сторонникомъ революціоннаго движенія. Конечно, либеральное меньшинство горячо стояло за него и всячески поддерживало его неустанную работу по крестьянскому дѣлу. Наконецъ, ему удалось, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ онъ желалъ, провести свое великое дѣло. Въ моментъ торжества освобожденія крестьянъ, по собственному выраженію Милютина, онъ былъ

удаленъ изъ министерства реакціей, изъ угожденія дворянству. За характеристику Якова Ивановича Ростовцева взялся Е. А. Егоровъ, и, очень кратко упомянувъ о его военной и педагогической дѣятельности, въ немногихъ словахъ знакомитъ читателя съ той удивительной переменой, которая произошла въ немъ и сдѣлала изъ горячаго реакціонера-крѣпостника сторонника широкой, искренней крестьянской реформы. Назначенный членомъ негласнаго, а потомъ главнаго комитета, онъ сначала ясно высказался за освобожденіе крестьянъ только безъ земли. Но потомъ, проведя за границей вѣскольکو мѣсяцевъ, онъ, согласно выраженію Герцена, явился «энтузіастомъ», серьезно изучилъ вопросъ, читалъ все, что выходило за границы по крестьянскому вопросу, и мало-по-малу усвоилъ себѣ «значеніе дѣла освобожденія во весь его ростъ». По словамъ г. Егорова, «будущіе государственные дѣятели нерѣдко начинаютъ жизнь свою съ порывовъ идеализма; но дѣйствительность быстро охлаждаетъ эти юные, случайные порывы и обращаетъ бывшихъ идеалистовъ въ ожесточенныхъ враговъ всякихъ порывовъ. Ростовцевъ началъ свою карьеру съ бессознательнаго поклоненія суровой дѣйствительности, а кончилъ жизнь, какъ подвижникъ и борецъ за народное благо и свободу».

Къ галлерей практическихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу редакторъ настоящаго труда прибавляетъ князя Владимира Александровича Черкаскаго и Юлія Феодоровича Самарина, характеристики которыхъ представляютъ А. Ѳ. Кони и А. А. Корниловъ. Вообще выборъ представительныхъ дѣятелей крестьянскаго дѣла нельзя не одобрить съ живѣйшимъ сочувствіемъ, но, быть можетъ, было бы вполне справедливо прибавить къ этимъ лицамъ такихъ рьяныхъ и полезныхъ дѣятелей, какъ Николая Петровича Семенова, историка крестьянской реформы, его брата Петра Петровича, Я. А. Соловьева и Алексѣя Михайловича Унковскаго. Во всякомъ случаѣ Черкасскій и Самаринъ не только въ редакціонныхъ комиссіяхъ, но и въ прежней своей дѣятельности были усердными и пламенными работниками въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Что касается до теоретическихъ дѣятелей крѣпостной реформы, то первыми изъ нихъ совершенно справедливо выставлены въ «Галлерей» Александръ Николаевичъ Радищевъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ. Ихъ биографо-соціологическіе очерки написаны очень умѣло В. Е. Якушкинымъ и В. И. Семевскимъ. Радищевъ, какъ извѣстно, прежде всѣхъ выдвинулъ серьезно и полно крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII вѣкѣ. Его знаменитая книга: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», представила полную и весьма цѣнную картину крѣпостного быта того времени; по силѣ и значенію этого протеста противъ крѣпостного права она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Николай Ивановичъ Тургеневъ много поработалъ для подготовки паденія крѣпостничества. Въ молодости онъ составилъ записку объ освобожденіи крестьянъ, очень понравившуюся императору Александру I, и участвовалъ въ попыткѣ графа Воронцова и князя Меншикова учредить общество для уничтоженія крѣпостного права. Тургеневъ писалъ Чаадаеву въ 1820 году: «Предметъ всѣхъ моихъ мыслей и моихъ желаній все тотъ же: всегда гнусное рабство будетъ предметомъ моей ненависти, освобожденіе—цѣлью моей жизни». Имѣя въ виду пропагандировать эту мысль, онъ всту-

пилъ въ общество декабристовъ и избѣгъ преслѣдованія, ибо въ то время находился въ Англіи, что не мѣшало приговорить его къ смертной казни, замѣненной каторжной работой.

Л. Э. Слонимскій справедливо доказываетъ, что Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ былъ главнымъ теоретикомъ крестьянской реформы и лучшимъ истолкователемъ ея общихъ основъ. Ученый юристъ и профессоръ, социальный историкъ и просвѣщенный публицистъ, Кавелинъ съ возникновеніемъ крестьянскаго вопроса посвятилъ себя основательному его изученію и за невозможностью напечатать въ срединѣ 1850-хъ годовъ онъ оставилъ нѣсколько чрезвычайно основательныхъ и дѣловыхъ рукописныхъ записокъ объ освобожденіи крестьянъ, ири чемъ главная изъ нихъ дошла до свѣдѣнія государя. Съ другой стороны, онъ былъ приглашенъ великой княгиней Еленой Павловной къ составленію положенія объ освобожденіи ея крестьянъ Карловки и былъ назначенъ преподавателемъ правовѣдѣнія къ цесаревичу Николаю Александровичу. Однако въ 1858 году въ «Современникѣ» было напечатано извлеченіе изъ его извѣстной записки по крестьянскимъ дѣламъ. Враги Кавелина обрадовались случаю напасть на него, и онъ былъ лишенъ мѣста преподавателя наслѣдника. Въѣстъ съ тѣмъ его не допустили до официального участія въ крестьянскомъ дѣлѣ. Рядомъ съ Кавелинымъ заслуживаетъ занять мѣсто въ теоретической разработкѣ крестьянскаго вопроса другой, еще болѣе талантливый, русскій публицистъ Александръ Ивановичъ Герценъ. Его біографъ А. К. Бороздинъ замѣчаетъ, что, покпнувъ отечество, Герценъ вскорѣ началъ обличать крѣпостное право въ «Колоколѣ» и «Полярной Звѣздѣ», издаваемыхъ имъ въ Лондонѣ. Крестьянскій вопросъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ его пропаганды, и въ своей знаменитой статьѣ: «Ты побѣдилъ, галилеянинъ», онъ выразилъ свое сочувствіе великой реформѣ. Во все время, пока продолжались подготовительныя работы, Герценъ содѣйствовалъ въ своихъ журналахъ разработкѣ вопроса, а когда вышелъ манифестъ 19-го февраля 1861 года онъ написалъ: «Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія противъ хищной толпы законсѣльныхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ. Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудетъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя». Последніе три очерка въ «Галлерѣ» академика К. К. Арсеньева и С. А. Венгерова посвящены тремъ писателямъ, пробудившимъ въ обществѣ сочувствіе къ крестьянамъ и подготовившимъ вопросъ объ освобожденіи—Некрасову, Григоровичу и Тургеневу. «Скорбная, мужицкая поэзія» перваго изъ нихъ, «Антонъ Горемыка» второго и особенно «Записки охотника» послѣдняго сыграли, по словамъ Венгерова, такую же «важную роль» въ исторіи освобожденія крестьянъ, какъ «Хижина дяди Тома» Бичеръ-Стоу въ исторіи освобожденія негровъ.

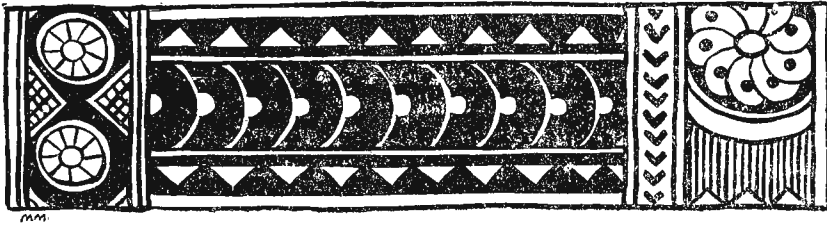
В. Т.

По островамъ Ладожскаго озера. Очеркъ Вл. А. Попова. Съ 30 рисунками. М. 1904.

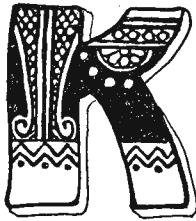
Валаамскій архипелагъ съ его каменистыми островами, покрытый густыми соснами и изрѣзанный капризными заливами, этотъ суровый уголокъ нашего сѣвера, давно привлекалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ, беллетристовъ, художниковъ и туристовъ. Оригинальная природа, уединенныя обитатели и своеобразная жизнь валаамскихъ иноковъ окружаютъ острова Ладожскаго озера ореоломъ чего-то таинственнаго, а потому интереснаго для всякаго рода наблюденій и изученій. Но если эти условія представляютъ богатый матеріалъ для талантливаго писателя, то обнаруживаютъ всю трудность подобныхъ описаній для человѣка ординарнаго: мы имѣемъ нѣсколько прекрасныхъ описаній Валаама и Коневца и совершенно скучную книжку г. Попова. По специальности авторъ, очевидно, естественникъ, интересуется главнымъ образомъ геологіей, и ни одна страница его книжки не даетъ сколько нибудь яркой или художественной картины Ладожскихъ острововъ. Ему чуждо пониманіе поэзіи, и красота дикаго Валаама, «царства гранитовъ и хвой», осталась для него прозаической формацией извѣстнаго періода исторіи земли,—и только. Не трогаеть его и своеобразная жизнь монаховъ съ ихъ строгимъ уставомъ и тяжелыми занятіями; онъ перечисляетъ ихъ, приводитъ точныя цифры, но не умѣетъ захватить вниманія читателя хотя бы нѣсколькими фразами. Наконецъ, самое путешествіе рассказано имъ такъ скучно и ординарно, что напоминаетъ гимназическія упражненія. Впрочемъ, уже по одному предисловію можно судить, что именно интересуеть автора. На первомъ мѣстѣ у него—«поучительность поѣздки» для занимающихся минералогіей или ботаникой; затѣмъ слѣдуетъ «неисчерпаемый и благодарный матеріалъ для кисти и карандаша людей рисующихъ»; и только въ концѣ и вскользь онъ упоминаеть, что «наконецъ (?) для людей религіозныхъ (только?) представляютъ немалый интересъ два большихъ островныхъ монастыря: одинъ изъ нихъ находится на островѣ Коневецѣ, другой—на главномъ островѣ Валаамскаго архипелага» (стр. 4).

Рисунки много лучше текста, а нѣкоторые и очень хороши. Видно, авторъ воспользовался фотографіями, снятыми мѣстными фотографами-монахами. Жаль только, что распредѣлены онѣ неравномѣрно. А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КНИГА египетскихъ пророчествъ. Недавно нѣмецкій ученый Лангъ разобралъ одинъ изъ египетскихъ папирусовъ, относящійся до предсказаній египетскаго пророка — Апуи ¹⁾. Хотя этотъ документъ приобрѣтенъ Лейденскимъ музеемъ давно и тому тридцать лѣтъ былъ уже разобранъ нѣмецкимъ ученымъ Лотомъ, но его толкованіе было не вполне закончено. Дѣло въ томъ, что предсказанія египетскихъ пророковъ, передававшіяся изъ устъ въ уста, пока не были записаны, и, сохранившіяся въ небольшомъ количествѣ, кромѣ того, что отличаются характеромъ своеобразно-страннымъ и трудно понимаемымъ, они еще дошли до насъ въ обрывкахъ, и поэтому на каждомъ шагу встрѣчаются пробѣлы. Вотъ почему при старательномъ трудѣ Лота все-таки осталось многое не выясненнымъ, и Лангъ взялся это пополнить. Впрочемъ и онъ далъ краткое толкованіе, переведя только самыя ясныя фразы, объяснивъ гадательный смыслъ остальныхъ и отложивъ подробности и обосужденіе для будущаго пространнаго труда, который появится черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ этихъ пророчествахъ ярко обрисовываются двѣ крайности египетскаго общества и глубокое знаніе пророкомъ общественныхъ нравовъ. Начало тома предсказаній исчезло, но текстъ начинается довольно послѣдовательно. Пророкъ стоитъ предъ фараономъ и предсказываетъ бѣды, которымъ предстоитъ разразиться надъ Египетомъ: разрушенія отношеній какъ семейныхъ, такъ и соціальныхъ и отчаяніе, которое охватитъ народъ. Вотъ текстъ пророчества: «Нилъ вый-

¹⁾ Prophezeiungen eines aegyptischen Weisen aus dem Papyrus 1.314 in Leiden. H. O. Lange.

дети изъ береговъ, никто не будетъ обрабатывать полей, и каждый человекъ скажетъ: зачѣмъ? развѣ мы не знаемъ, что будетъ со страной? Женщины останутся безплодными, такъ какъ Хнуму, богъ рожденія, не будетъ работать для нихъ вслѣдствіе такого состоянія Египта. Люди низкаго положенія сдѣлаются хозяевами всѣхъ цѣнныхъ предметовъ, такъ что люди, которымъ не изъ чего было сдѣлать пары сандалій, станутъ владѣльцами житницъ, полныхъ зеренъ. Вспыхнутъ ужасныя повальныя болѣзни, которыя поразятъ безъ различія всѣ классы. Чума охватитъ Египетъ, и кровь будетъ проливаться повсюду; богатые будутъ стонать, а бѣдные возрадуются, и всѣ города скажутъ: «изгонимъ могущественныхъ среди насъ». Изгнаніе не совершится безъ сопротивленія, и гражданскія войны опустошатъ долины: «рѣки обратятся въ кровь, и надо будетъ ее пить; что бы тамъ ни было, но будутъ жаждать воды». Варвары пустынь воспользуются общей слабостью, чтобы захватить богатый черноземъ, который они давно страстно желали; они убьютъ храбрыхъ, которые будутъ имъ прстивиться, и рабы, болѣе ничѣмъ не сдерживаемые, сдѣлаются господами. Они навѣсятъ на шею своихъ женъ золото, лазуревый камень, серебро, малахитъ, сердоликъ, тогда какъ принцессы будутъ выброшены на улицы, и важныя жевщины скажутъ: «только бы намъ было что поѣсть». И это будетъ низверженіемъ всего, что существуетъ: не будетъ болѣе податей, священноначалія и привилегій. «Не будутъ болѣе предпочитать того, кто сынъ кого ни будь, тому, кто сынъ ничей», и «по случаю плачевнаго состоянія земли сами животныя зашлачутъ, и скотъ станетъ сокрушаться. Храмы не будутъ почитаться, священные предметы будутъ осквернены святотатственной рукой». Священныя книги будутъ унесены изъ святилища, а таинственныя раки будутъ открыты, магическіе заговоры будутъ обнаружены, архивъ будетъ открытъ, и изъ него выкрадутъ акты собственности. Повсюду будетъ свирѣпствовать насилие. «Посмотрите, богатые спятъ, не имѣя возможности утолить жажды, тогда какъ тотъ, кто принужденъ былъ выпрашивать, какъ милостыню, немного самаго плохого вина, слыветъ за владѣльца полныхъ кувшиновъ. Обладавшій тонкими матеріями имѣетъ лишь отрепье, но тотъ, для котораго не ткали, сдѣлается хозяиномъ кисей. Тотъ, кто не могъ выстроить себѣ плохой лодченки, сдѣлается хозяиномъ житницъ, полныхъ зерна, а тотъ, кто имѣлъ житницы, не будетъ имѣть даже лодки. Тотъ, у котораго не было никакихъ арбузовъ, будетъ ими обладать, а у тѣхъ, кто ихъ имѣлъ, они будутъ родиться пустыми, какъ воздухъ. Тѣ, у которыхъ не было хлѣба, теперь имѣютъ житницу, и ихъ кладовыя полны того, что было недавно добромъ другого. Тѣ, кто прежде ходилъ съ бритою головою безъ благоуханныхъ эссенцій, теперь богатъ горшками благоухонной мирры». Слѣдующія пророчества изысканнаго стиля [прекрасно знакомятъ съ двумя крайностями египетскаго общества. Такъ пророкъ говоритъ о нищемъ, у котораго нѣтъ другого зеркала, какъ вода, а теперь онъ подводитъ себѣ глаза передъ прекраснымъ зеркаломъ изъ полированнаго металла; о бѣднякѣ, который недавно не могъ приобрести пары быковъ, а теперь вдругъ дѣлается владѣльцемъ цѣлаго стада; о рабочемъ, не имѣвшемъ рабовъ, у котораго явились сотни невольниковъ; о богачѣ, котораго несчастія времени заставили занять мѣсто въ качествѣ паразита за столомъ прежняго бѣдняка, сдѣлавшагося

въ свою очередь богачемъ. Далѣе пророкъ утѣшаетъ горе несчастныхъ, обѣщая имъ прощенье Бога въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ—пастырь всѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ въ сердцѣ злого, и когда его стадо разбѣжится, онъ весь день его ищетъ». Онъ. возстановляетъ миръ, и подъ его благотворнымъ влияніемъ общественная жизнь возстановляется: браки изобилуютъ, безопасность царитъ на дорогахъ; Египетъ становится воинственнымъ, и окружающимъ его народамъ снова угрожаетъ его гнѣтъ: бедуннамъ, неграмъ, либійцамъ и нубійцамъ. Въ этой части рукописи слишкомъ значительны пробѣлы, и текеть невозможно возстановить, но все-таки можно видѣть, что вездѣ господствуетъ идея о добромъ пастырѣ. Идеальное представленіе о немъ заключается во всѣхъ качествахъ, какихъ египтяне требовали отъ хорошаго фараона. Онъ долженъ былъ разомъ представлять администратора и полководца, чтобы обогатить свой народъ искусствомъ вести войну, а также искусствомъ сохранять миръ. Счастье жизни состоитъ, по мнѣнію египтянъ, въ томъ, чтобы не имѣть нужды самому работать или, по крайней мѣрѣ, работать по возможности меньше и однако пользоваться всѣми матеріальными благами, на которыя онъ имѣетъ право, благодаря своему состоянію: хорошей пищей, красивой одеждой, драгоценными украшеніями, прохладнымъ домомъ лѣтомъ, теплымъ зимою, садомъ съ искусственнымъ озеромъ, куда онъ могъ бы приходиться подышать «нѣжнымъ сѣвернымъ вѣтеркомъ», пѣніемъ, танцами и гаремомъ... Фараонъ, какимъ его представляетъ пророкъ, сумѣетъ обезпечить подобное существованіе своимъ подданнымъ до того дня, когда смерть ихъ отзоветъ во владѣнія Озириса. Своими побѣдоносными войнами они приобрѣтутъ себѣ все нужное, чтобы избѣжать необходимости работать: золото, серебро, благовонія, матеріи и въ особенности рабовъ, мужского и женскаго пола, которые вспашутъ ему землю, будутъ заниматься ремеслами, вербовать армію, будутъ производителями ихъ роскоши и орудіемъ ихъ удовольствій. По вышеизложеннымъ пророчествамъ можно судить, насколько были не высоки нравственныя идеи египетскаго пророка, и низменно ихъ основаніе. Къ сожалѣнію, не извѣстно, былъ ли Апуи пророкомъ по вдохновенію, или предсказываніе будущаго составляло его ремесло. Послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Вѣроятно, Апуи до тонкости зналъ свое ремесло и съ усиліемъ имъ пользовался: это видно изъ того, что, даже много времени спустя послѣ него, были переписаны его пророчества. Хотя сущность пророчества Апуи ничтожна, до формы же изложенія египтологамъ большого дѣла нѣтъ, но, все-таки, въ настоящее время—онъ единственный, познакомившій публику съ цѣлой вѣтвью египетской литературы—пророческой, какъ у евреевъ, которая существовала при XII династіи.

— Первые европейцы въ Японіи. Русско-японская война продолжаетъ вызывать интересъ въ Европѣ, и въ иностранной журналистикѣ появляются статьи за статьями. Въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «La Revue» португалець Антоніо де-Кампозъ Жюниоръ воскресилъ воспоминанія¹⁾ о далекомъ прошедшемъ Японіи и объ открытіи ея существованія, сдѣланномъ европей-

¹⁾ Les premiers européens au Japon; par Antonio de Campos Junior. «La Revue» 1 Avril, 1904.

цами, именно португальцами. Въ 1541—1542 гг. три португальскіе купца— Антонио да Мотта, Франциско Зеймото и Антонио Пейксото,—отправившіеся изъ города Додракъ, въ Кохинхинъ, по направленію къ китайскимъ берегамъ, были застигнуты бурей и выброшены на берегъ Кагошина, столицы даймюса Сатсума, на югъ Японіи. Въ генеалогической хроникѣ (готоноки) императоровъ Японіи существуетъ слѣдующая замѣтка: «Португалецъ Мендесъ Пинто потерпѣлъ крушеніе близъ Кагошина, въ Киу-Сиу, а другой корабль, доставившій другихъ португальцевъ, вошелъ въ этотъ портъ въ 1542 г. Они первые ввезли въ Японію огнестрѣльное оружіе, и оно не только поспѣшно было принято народомъ юга, но его тотчасъ же стали производить въ странѣ, согласно португальскимъ образцамъ». Пинто двадцать лѣтъ путешествовалъ на Востокѣ, и книга его путешествій переведена на всѣ языки. Въ 1549 г. испанскій іезуитъ-миссіонеръ, Ксавье, объѣздившій Востокъ подъ защитою португальцевъ, присталъ къ берегу Кагошина. Онъ пріѣхалъ изъ Малакки, центра португальской націи на крайнемъ Востокѣ, въ сопровожденіи Анжеріо, японца, перешедшаго въ христіанство, увезеннаго Мендесомъ Пинто въ Малакку и принявшаго впоследствии имя Поло да Санта Фэ. Въ 1552 г. изъ Японіи былъ посланъ въ Лиссабонъ корабль, подъ командою Сепульведа, съ письмомъ къ королю, дону Іоанну III-му, отъ даймюса; съ просьбою дать въ помощь 5.000 португальскихъ солдатъ для завоеванія острововъ Лио-Кио, находящихся въ Китайскомъ морѣ. Взавѣвъ японецъ предлагалъ ему ежегодную дань изъ 5.000 центнеровъ мѣди и 1.000 центнеровъ латуни. Затѣмъ сношенія между обѣими странами, повидимому, не прекращались, такъ какъ черезъ 2 года даймюсы Фиранды, Бунги и Дамангуши, послали поздравительныя письма вице-королю португальской Индіи. Въ слѣдующемъ же году даймюсъ Бунго принялъ въ Японіи посланника вице-короля Индіи. Черезъ годъ одинъ португальскій купецъ, Альменда, пользовавшійся въ Японіи уваженіемъ за свои высокія качества и громадное богатство, выстроилъ въ Фунеѣ на свой счетъ лепрозорій и пріютъ для покинутыхъ японскихъ дѣтей или предназначенныхъ къ смерти своими слишкомъ бѣдными родителями. Прокаженные были прежде заброшены, какъ проклятыя немомъ созданія, а дѣтоубійство допускалось для слишкомъ бѣдныхъ матерей, какъ право защиты отъ голода. Эти оба учрежденія находились подъ защитой даймюса Бунга, уже обращеннаго въ католицизмъ; впоследствии ихъ содержало португальское правительство. Черезъ четыре года патеръ Гаспаръ Виллела добился разрѣшенія проповѣдывать христіанство въ Сиогувѣ. Умѣя въ совершенствѣ говорить и писать по-японски, онъ перевелъ христіанское ученіе на этотъ языкъ. Но уже черезъ семь лѣтъ, когда японскій купецъ Іоаннъ Перейра воинъ, мореплаватель и начальникъ португальской колоніи въ Макао, вошелъ въ Факунду (Омура) на корабль, переполненномъ богатыми китайскими товарами, то даймюсъ Фиранды, находившійся во враждѣ съ даймюсомъ Факунды, выслалъ противъ португальскаго корабля свою эскадру изъ 40 военныхъ джонковъ, чтобы захватить его. Корабль вышелъ изъ порта среди японской эскадры, ожидавшей его въ морѣ. Завязалось сраженіе, и Перейро уничтожилъ артиллерійскимъ огнемъ почти всѣ японскія джонки. Но это не измѣнило торговыхъ отношеній Португаліи и Японіи, и въ 1569 г. первая захватила въ

свои руки вою торговлю въ Японіи, Китаѣ, Сіамѣ, Молукахъ, Филиппинахъ и Малаккѣ, центрѣ торговли между крайнимъ Востокомъ, Индією, Персіей, Аравіей и Европой, черезъ Лиссабонъ. Благодаря же вліянію купца Луица д'Альменда и по его настоянію, Сумитанда, дайміосъ Омурѣ, предложилъ португальцамъ право основать колонію около бухты Нагасаки. Но до этого разрѣшенія онъ уже добился основанія колоніи въ Вококорѣ. Буллою папы Григорія XIII было признано въ 1575 г. за королемъ Себастіаномъ право побѣды надъ Японіей; или, какъ теперь говорятъ, Японія была включена въ сферу португальскаго вліянія: Такъ какъ количество японскихъ христіанъ было уже велико, то католическія церкви имперіи были подчинены португальскому епископу въ Макао. Черезъ девять лѣтъ Альменда умеръ, а черезъ годъ было послано первое японское посольство въ Европу. Посланники дайміосовъ Омурѣ, Арима и Бунго, въ сопровожденіи португальскаго патера, высадились въ Лиссабонѣ. Возвратясь въ Японію, они рассказали такія чудеса, что погубъ Тайкосама, японскій Тамерланъ, уменьшилъ на нѣкоторое время свои гоненія на христіанъ. Черезъ годъ вице-король Индіи, Дуартъ де Менезезъ, послалъ къ Тайкосамѣ посольство съ различными подарками, среди которыхъ находилось новое изобрѣтеніе—кинжалъ-пистолетъ и походная палатка. Въ 1593 г. Тайкосама планировалъ истребить предательскимъ образомъ японскихъ христіанъ и достигнуть того, что послалъ на завоеваніе Кореи всѣхъ христіанскихъ дайміосовъ съ ихъ арміей. Всего было 40.000 японцевъ, большею частью католиковъ, подъ начальствомъ дайміоса Агостино. Ихъ сопровождало нѣсколько португальскихъ пскателей приключеній. Они захватили съ собою мушкеты и артиллерійское орудіе, дѣлать которое выучили ихъ португальцы. Японскіе солдаты католическихъ дайміосовъ имѣли на своихъ знаменахъ и на латахъ красный крестъ ордена Христа. Корея была завоевана, и Агостино получилъ приказъ Тайкосама вторгнуться въ Китай. Но жестокая зима заставила отложить это предпріятіе. Тайкосама, впрочемъ, добился цѣли: отважные воины-христіане уничтожались, благодаря различнымъ лишениямъ и болѣзнямъ; этого-то только и желалъ Тайкосама,—между тѣмъ онъ легко захватилъ всѣхъ христіанскихъ дайміосовъ. Въ 1599 г. появились въ Японіи первые голландскіе корабли съ сыромъ, а за ними послѣдовали испанскіе и англійскіе. Противъ португальцевъ началась цѣлая серія интригъ изъ ревности и зависти. Голландскіе купцы наговорили, что португальцы хотятъ завоевать Японію, и тайкунъ Ифейасъ издалъ декретъ объ удаленіи португальцевъ и о преслѣдованіи христіанъ. Послѣдовало, по приказанію тайкуна, первое и второе морскія сраженія между военно-торговымъ португальскимъ кораблемъ и эскадрой дайміоса Арима. Корабль возвращался въ Макао, нагруженный золотомъ на миллионъ. Японцы окружили португальскій корабль и неустрашимо атаковали его. Португальскія пушки истребили до дюжины джоннокъ, а команда ударами пшангъ и коліи отгѣснила японцевъ, пытавшихся сдѣлаться съ португальцами. Португальскій корабль оказался побѣдителемъ въ этой первой стычкѣ. Нѣкоторое время спустя, новая эскадра, еще болѣе сильная, чѣмъ первая, возобновила опять попытку. Съ нею была на этотъ разъ пловучая, деревянная башня, снаряженная легкимъ артиллерійскимъ орудіемъ. На ней

находились солдаты, вооруженные пищалями и намѣревавшіеся подплыть къ кораблю страны, которую китайцы прозвали «великимъ государствомъ западнаго моря» (Фа-ssi-ianгъ-кюо). Завязалось второе сраженіе. Корабль былъ недвижимъ отъ мертвой зыби. Бой былъ ужасенъ. Португальская артиллерія истребила множество японскихъ джонокъ. Столкновение было похоже на бойню. Японцы, во что бы то ни стало, хотѣли побѣдить корабль съ миллиономъ, на мостикѣ котораго лежали груды трупы, оружіе оставалось безъ людей, а парусъ въ пламени. Тогда командиръ въ отчаяніи бросаетъ зажженный фитиль на оставшіеся мѣшки съ порохомъ, и корабль гибнетъ отъ страшнаго взрыва, а съ нимъ и знамя Португаліи, славное своими открытіями и побѣдами въ Африкѣ и на Востоцѣ. Затѣмъ послѣдовало уничтоженіе португальскаго города Нагасаки, который пришелъ уже въ цвѣтущее положеніе съ европейскими кварталами и даже выписалъ изъ Лиссабона печатный станокъ. Отъ Нагасаки уцѣлѣлъ лишь основательно выстроенный каменный мостъ, называемый «мостомъ португальцевъ». Послѣдовавшее истребленіе христіанъ было ужаснѣе гоненій Нерона. Въ Японіи было 150.000 католиковъ. Въ одномъ только дворцѣ Симабара было убито 30.000 человекъ солдатъ, стариковъ и дѣтей. «И красное море—крови,—заканчиваетъ свою статью Жюноръ,—навсегда стерло торговое, религиозное и политическое превосходство Португаліи въ имперіи «колыбели солнца».

— Новые труды біографа Наполеона, академика Массона. Послѣдній годъ для французскаго историка Фредерика Массона чрезвычайно замѣчательнъ по избранію его въ академики, принятію въ среду бессмертныхъ и появленію его четырехъ книгъ. Хотя ему всего пятьдесятъ семь лѣтъ, но, кромѣ нѣсколькихъ написанныхъ имъ историческихъ трудовъ, онъ исключительно посвятилъ себя культу Наполеона, о которомъ написалъ семнадцать книгъ. По странной игрѣ судьбы, онъ былъ сначала ярымъ республиканцемъ, даже яримъ радикаломъ, но 4 сентября 1871 года онъ неожиданно превратился въ бонапартиста. «Я видѣлъ въ этотъ день,—говоритъ онъ,—безконечный позоръ націи, которая возстала въ присутствіи враговъ противъ представителей рода Наполеона. Тогда я понялъ, что этотъ родъ былъ неразлученъ съ французскимъ народомъ, потому что онъ дѣлалъ этотъ народъ непреодолимымъ». Какъ ни странно и ни непонятно подобное превращеніе въ такую минуту, но Массонъ съ этого времени сталъ поклонникомъ всѣхъ Наполеоновъ—живыхъ и мертвыхъ,—между прочимъ сдѣлался другомъ и секретаремъ принца Наполеона. Что же касается до Наполеона I, то онъ сталъ кумиромъ Массона, написавшаго о немъ безконечный рядъ сочиненій: «Napoléon inconnu», «Napoléon et les femmes», «Napoléon chez lui», «Napoléon et sa famille» и т. д. Конечно, для своихъ Наполеоновскихъ трудовъ онъ собираетъ безконечное число матеріаловъ, воспоминаній, мемуаровъ и т. д., но предпочитаетъ частныя записки официальнымъ документамъ и при этомъ никогда не ссылается въ своихъ сочиненіяхъ на матеріалы, которыми пользуется. Такимъ образомъ онъ лишаетъ читателя возможности проверить его труды. Естественно Массонъ является несерьезнымъ ученымъ историкомъ, а скорѣе біографомъ и лѣтописцемъ. Его книги читаются легко и съ удовольствіемъ, но не

возбуждаютъ довѣрія. Въ нихъ много фізіологическихъ, психологическихъ, философскихъ и нравственныхъ замѣтокъ, но одного только нѣтъ — исторіи. При этомъ онъ до того вѣренъ своему культу Наполеона, что, само собою разумѣется, становится пристрастнымъ въ своихъ взглядахъ и жестокимъ врагомъ всѣхъ дѣйствительныхъ историковъ, смотрящихъ на Наполеона съ иной точки зрѣнія. Несмотря на эти недостатки Массона историка, онъ, какъ біографъ и лѣтописецъ Наполеона, чрезвычайно занимателенъ, интересенъ и живъ, передавая мельчайшія подробности жизни Наполеона. Въ этомъ отношеніи каждый новый его трудъ изъ Наполеоновской эпопеи возбуждаетъ невольное любопытство и вниманіе. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не только занимается Наполеономъ, но также братьями, сестрами и всей его семьей. Этому предмету онъ посвящаетъ шесть томовъ подъ особымъ названіемъ: «Наполеонъ и его семейство». Въ первыхъ четырехъ томахъ онъ объясняетъ первоначальную исторію каждаго изъ родственниковъ Наполеона, а въ пятомъ и шестомъ томѣ ¹⁾, вышедшихъ въ прошедшемъ году, развиваетъ самую интересную часть ихъ существованія, именно созданіе изъ нихъ королей и постепенное лишеніе ихъ престоловъ. Наполеонъ сдѣлалъ постепенно Луи—королемъ Голландіи, Иеронима—королемъ Вестфалии, Иосифа— сначала королемъ Неаполя, а потомъ Испаніи, Мюрату же далъ послѣ Иосифа Неаполь, а Евгенію Богарне, сыну Жозефины, вице-королевство Италіи. Все шло въ новыхъ королевствахъ довольно порядочно, пока Наполеонъ не женился на Маріи-Луизѣ и не перемѣнилъ своихъ идей. До этого времени онъ заботился лишь о раздачѣ престоловъ своимъ братьямъ и сестрамъ, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился вторично, то уже началъ думать о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, возможность имѣть которыхъ подтвердилъ король римскій. Къ тому же всѣ его родственники были очень плохими королями: Иосифъ—неудачнымъ политикомъ, Луи—болѣзненнымъ меланхоликомъ, Иеронимъ—развратнымъ искателемъ приключеній и Мюратъ—жестокосерднымъ кондотъери. Безжалостный Наполеонъ принялся за разжалованіе своихъ братьевъ, начиная съ короля голландскаго, у котораго онъ отнялъ его владѣнія и присоединилъ къ Франціи. Затѣмъ онъ лишилъ Иеронима половины его королевства, и тотъ покорно ему повиновался. Мало-по-малу онъ развѣнчалъ и старшаго своего брата, отнявъ у него Испанію. Только Мюратъ, женатый на сестрѣ Наполеона, Каролинѣ, которую Наполеонъ особенно любилъ, заслужилъ его милости и сохранилъ свой престолъ. Вышедшіе два тома оканчиваются 1811 годомъ; кромѣ біографій братьевъ и сестры Каролины, Массонъ рассматриваетъ подробно жизнь доброй, честной и скупой матери императора, его двухъ другихъ сестеръ— Полины Боргезе, переходившей отъ одного безумія къ другому, и Елизы, самолюбивой правительницы Тосканы, хитраго дяди Наполеона, Феша, и благородной личности его послѣдняго брата, Люсьена, который держался всегда въ сторонѣ, преданный всецѣло своей женѣ и дѣтямъ.

Въ нынѣшнемъ году Массонъ выпустилъ въ свѣтъ особый томъ ²⁾ своихъ

¹⁾ Napoléon et sa famille, par Frédéric Masson; tomes V et VI. Paris. 1903.

²⁾ Napoléon et son fils, par F. Masson, Paris, 1904.

Наполеоновских сочинений, под отдельным самостоятельным названіемъ: «Наполеонъ и его сынъ». По его мнѣнію, «Орленокъ» былъ не сыномъ Наполеона, а несчастнымъ его выродкомъ, не похожимъ на него ни физически, ни нравственно. Герцогъ Рейхштадтскій походилъ на неаполитанскихъ Бурбоновъ своимъ болѣзненнымъ туберкулезнымъ сложеніемъ, а на австрійцевъ католической и монархической душой. По крайней мѣрѣ, къ такому убѣжденію приходитъ Массонъ, который распространяется въ похвалахъ Наполеону, какъ отцу, низводитъ какъ можно ниже его «недостойнаго сына». Въ этой книгѣ онъ, и какъ всегда, имѣетъ въ виду только фигуру Наполеона и на немъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, совершенно забывая, что новѣйшіе историки иначе рисуютъ характеристику «Орленка». По обычаю онъ пропускаетъ указать свои матеріалы и потому заслуживаетъ злобной критики историковъ, держащихся иной точки зрѣнія. Между прочимъ, Вельсингеръ, или, какъ его называютъ французы, Вельсенже, указываетъ въ своей полемической статьѣ въ «Journal des Débats», что въ его книгѣ о принцѣ Рейхштадтскомъ напротивъ ясно доказано, что «Орленокъ» былъ дѣйствительно настоящимъ сыномъ Наполеона, страстно любилъ отца и военное ремесло, былъ яркимъ патриотомъ и если не оказался способнымъ преемникомъ отца, то лишь благодаря преждевременной смерти. Вельсингеръ указываетъ въ своей статьѣ на любопытное мнѣніе объ Орленкѣ Гладстона. «У него, — сказалъ онъ, — глѣ было поглощено душою, какъ шпага ножами. Онъ выказывалъ необыкновенную энергію ко всему военному, и трагическій интересъ его карьеры въ высшей степени возбуждаетъ симпатію и восхищеніе».

Послѣднее только что вышедшее сочиненіе ¹⁾ Массона, уже пожалованнаго въ «безсмертные», составляетъ маленькую изящную книжечку съ иллюстраціями подъ заглавіемъ: «Кадрилли при дворѣ императора Наполеона I-го». Очень немногимъ извѣстно, что Наполеонъ былъ не только великимъ полководцемъ, энергичнымъ государственнымъ человѣкомъ и вообще гениемъ, но также танцоромъ, организаторомъ калрилей и любителемъ маскарадовъ. Въ 1810 и 1811 г.г. онъ устраивалъ самъ балы и маскарады, составлялъ программы танцевъ, выбиралъ костюмы и т. д. Массонъ посвятилъ настоящую книжечку этому малоизвѣстному эпизоду исторіи императора, и надо сознаться, что, не вдаваясь въ психологію и философію, онъ представляетъ гораздо болѣе живыя и интересныя страницы, хотя, все-таки, слѣдуетъ своей манерѣ не ссылаться на матеріалы, изъ которыхъ извлекаетъ свои любопытные рассказы. Особенно обращалъ на себя вниманіе одинъ маскарадъ въ 1810 г., который происходилъ не во дворцѣ, а у графа Марескальки. Онъ состоялся на масленицѣ, и на немъ распорядилась сестра Наполеона, королева Каролина, которая въ это время страстно любила игру въ шахматы и подарила Наполеону знаменитые шахматы изъ лавы Везувія и коралловъ, которые въ настоящее время составляютъ рѣдкость Компіенскаго дворца. Ей пришлось въ голову устроить живые шахматы, и Наполеонъ вполне одобрилъ эту идею. Съ этой цѣлью были избраны двѣнадцать дамъ одинаковаго роста, которыхъ одѣли въ египет-

¹⁾ Les quadrilles à la cour de Napoléon I, par F. Masson, Paris, 1904.

скіе наряды и сдѣлали имъ такія же прически. Половина этихъ пѣшекъ была голубая съ серебромъ, а другая красная съ золотомъ. Несмотря на то, что пѣшки—младшія фигуры, но ихъ изображали сама неаполитанская королева и самыя выдающіяся красавицы Наполеоновскаго двора. Башнями были самыя толстые изъ придворныхъ кавалеровъ, на которыхъ надѣли каркасы, обтянутые разрисованнымъ полотномъ. Для изображенія скакуновъ къ придворнымъ были привязаны папочныя фигуры лошадей; офицеровъ же изображали придворные, наряженные шутами. Королемъ красныхъ былъ храбрый полковникъ Лежень въ великолѣпномъ нарядѣ египетскаго фараона, а его королевой была въ такомъ же костюмѣ красавица г-жа Бараль, одно время привлекавшая къ себѣ вниманіе императора. Короля и королеву голубыхъ изображали красивый полковникъ Лагранжъ, прозванный Аполлономъ, и герцогиня Бассано, извѣстная своей красотой. Пятнадцать дней они репетировали это представленіе и въ день маскарада на полу залы растянули громадную клеенку, разграфленную шахматной доской. На этой доскѣ были размѣщены по правиламъ игры всѣ шахматныя фигуры, а игру вели двѣ волшебницы въ голубомъ и красномъ, находясь на противоположныхъ возвышеніяхъ, при чемъ онѣ дотрогивались до фигуръ длинными золотыми жезлами. Игра, однако, продолжалась недолго, и выиграли голубые, потому что среди нихъ была, хотя и пѣшкой, королева Каролина. Все это время играла музыка, и всѣ фигуры танцовали извѣстныя па. Въ слѣдующемъ 1811 г. императоръ организовалъ на масленицѣ три маскарада у того же графа Марескальки, канцлера Камбасереса и герцога Нейштательскаго, потому что Наполеонъ предпочиталъ забавляться въ частныхъ домахъ, а не во дворцѣ. Онъ всегда былъ въ домино и въ полумаскѣ, и никогда не носилъ другихъ маскарадныхъ нарядовъ. Наполеонъ очень любилъ интриговать дамъ, но если онѣ слишкомъ забывались, то онъ прехладнокровно срывалъ съ нихъ маски. Чтобы еще лучше играть роль инкогнито, императоръ выбралъ себѣ двойника. Это былъ живописецъ Изабѣ, который въ совершенствѣ изображалъ походку и манеры Наполеона, такъ что въ домино и маскѣ ихъ принимали одного за другого.

— Последняя любовь Гёте. Воспоминаніе о Гёте все еще живо въ душахъ нѣмцевъ, и литература о немъ, все болѣе увеличивающаяся, обогатилась еще одними воспоминаніями, изданными въ Мюнхенѣ. На этотъ разъ появившіяся воспоминанія тѣмъ болѣе интересны, что исходятъ изъ источника, близко касавшагося сердца поэта въ послѣдніе годы его жизни. Къ тому же своимъ появленіемъ они кладутъ конецъ легендамъ о его отношеніяхъ къ Ульрику Леветцовъ. Въ архивахъ Гёте и Шиллера въ Веймарѣ сохраняется тетрадь, состоящая изъ девяти листовъ и покрытая синимъ картономъ, которую, по словамъ секретаря Гёте, Эккермана, поэтъ когда-то держалъ въ красной сафьяновой крышкѣ и перевязывалъ шелковой ленточкой. Это была рукопись элегій, написанная имъ въ память своей послѣдней страсти къ юной Ульрику Леветцовъ, на которой онъ, какъ извѣстно, хотѣлъ жениться и воспѣвалъ ее то въ длинной элегій, то въ мелкихъ поэтическихъ произведеніяхъ. За отсутствіемъ точныхъ справокъ, создалась настоящая легенда, и Ульрика являлась въ ней сентиментальной Шарлотой, а Гёте запоздалымъ Вертеромъ. Самъ Эк-

керманъ, который могъ дать справки, сказалъ, что довѣряетъ легендѣ, такъ какъ она подходитъ «къ сильному тѣлосложенію Гёте и свѣжей живости его сердца». Въ 1900 г., нѣсколько времени спустя послѣ смерти Ульрики, директоръ архивовъ, Бернардь Суфанъ, далъ членамъ Гетевскаго общества факсимиле рукописи, и профессоръ Пражскаго университета, Августъ Зауэръ, напечаталъ нѣсколько страницъ ея воспоминаній, въ которыхъ Ульрика рассказываетъ съ большой искренностью исторію своихъ отношеній къ Гёте¹⁾. Послѣ того, когда уже были напечатаны письма Гёте, и заговорили родители Ульрики и она сама, легенда должна уступить мѣсто исторіи. Сношенія семейства Леветцовъ съ веймарскимъ обществомъ существовали уже очень давно. Дѣдъ Ульрики охотился съ герцогомъ Карломъ-Августомъ. Гёте называлъ мать Ульрики «одной изъ звѣздъ своей жизни». Однако она не выражала ему безусловнаго восхищенія, и когда Гёте однажды ее спросилъ: чью поэзію она предпочитаетъ: Шиллера или его? то г-жа Леветцовъ отвѣтила: «Я не всегда васъ понимаю, ни того ни другого, но Шиллера я лучше чувствую». Ульрика познакомилась съ Гёте въ 1821 г. на Маріенбадскихъ водахъ. Ей было семнадцать лѣтъ, и она получила воспитаніе во французскомъ пансіонѣ, въ Страсбургѣ, гдѣ ей давали читать въ особенности поэзію Вольтера. Гёте жилъ въ одномъ домѣ съ ея родителями. «Однажды,—рассказываетъ она,—бабушка велѣла позвать меня, и горничная сказала мнѣ, что старый господинъ проситъ на меня взглянуть, что нисколько не было для меня пріятно, такъ какъ я занята была вышиваніемъ. Когда я вошла и была представлена, Гёте взялъ меня за руку и, посмотрѣвъ на меня, любезно спросилъ, нравится ли мнѣ въ Маріенбадѣ. Такъ какъ я ничего не знала о немъ и безусловно не вѣдала, что предо мною знаменитый человѣкъ, я отвѣчала ему безъ всякаго смущенія». Это-то простодушіе, безъ сомнѣнія, и очаровало Гёте. Въ Веймарѣ сохранился портретъ Ульрики, относящійся къ этому времени, на которомъ «она представлена,—говоритъ Суфанъ,—во всей дѣтской граціи; откровенный и чистый взглядъ ея голубыхъ глазъ былъ полной противоположностью темнымъ локонамъ, окаймляющимъ ея чело». Съ перваго же дня знакомства съ нею Гёте правильно каждый день бралъ ее на утреннюю прогулку. Когда случайно она не сопровождала его, то онъ приносилъ ей цвѣты. По вечерамъ онъ цѣлыми часами сидѣлъ съ нею на скамейкѣ передъ домомъ и бѣсѣдовалъ о ботаникѣ, минералогіи и литературѣ. «Когда я замѣтила его великій умъ,—говоритъ она,—то я уже слишкомъ хорошо знала, чтобы страпиться; но ни моя мать, никто не видѣлъ въ нашихъ отношеніяхъ ничего другаго, какъ удовольствія, какое пожилой человѣкъ, который можетъ быть мнѣ дѣдомъ, находитъ въ разговорѣ съ молодой дѣвушкой, не требующей ничего лучшаго, какъ учиться». Въ это время Гёте напечаталъ вторымъ изданіемъ, «Годы путешествія Вильгельма Мейстера» и одинъ экземпляръ предложилъ Ульрикѣ. Она попробовала его читать, но замѣтила, что это — продолженіе. Она попросила предыдущій томъ, но Гёте отвѣтилъ, что «это не для нея», и онъ лучше хотѣлъ бы рассказать ей самъ его содержаніе. «Сколько разъ,—говоритъ она,—я сожалѣла, что не записала его рассказа! Это было го-

¹⁾ Ulrike von Levetzow und ihre Eninnerungen an Goethe. München. 1904.

раздо интереснѣе, чѣмъ письма и записки, которыя теперь надѣлали столько шуму». Въ 1822 г. младшія сестры Ульрики—Амалия и Берта, окончившія учене въ томъ же французскомъ пансіонѣ, пріѣхали въ Маріенбадъ. Гёте продолжалъ ухаживать за Ульрикой. Посторонніе, которыхъ представляла ему она, всегда были увѣрены въ хорошемъ приѣмѣ, если даже являлись только изъ любопытства. «Достаточно,—говорилъ онъ,—что это доставить удовольствіе моей дочери». Одинъ изъ завсегдатаевъ писалъ въ августѣ 1823 г. письмо, которое Зауеръ видѣлъ въ рукописи: «Гёте въ своихъ минералогическихъ экскурсіяхъ встрѣтилъ фіалку, изъ которой хочетъ сдѣлать бессмертную фіалку. Онъ безъ памяти влюбленъ въ молодую дѣвушку и хочетъ на ней жениться. Какое поэтическое безуміе!» Гёте вдовѣлъ семь лѣтъ, и ему было семьдесятъ четыре года. Всѣхъ занималъ вопросъ, дѣйствительно ли онъ хочетъ жениться. Многіе сомнѣвались, но дѣло въ томъ, что герцогъ Карлъ-Августъ Саксенъ-Веймарскій взялся сдѣлать предложеніе. «Мы сначала думали, что онъ шутитъ,—разсказываетъ Ульрика,—но онъ возвращался къэтому много разъ и даже доказывалъ мнѣ выгоду такого союза: я буду первой дамой въ Веймарѣ; я не буду разлучена съ родителями, для которыхъ онъ самъ устроитъ домъ; онъ взялся также обезпечить мое будущее въ вѣроятномъ случаѣ, если я переживу Гёте. Моя мать, въ принципѣ которой было предоставлять дочерямъ свободу замужества, спросила меня, расположена ли я принять сдѣланное мнѣ предложеніе. Я въ свою очередь спросила ее, хочетъ ли она этого.—Нѣтъ,—отвѣчала она,— ты слишкомъ молода, но предложеніе столь почетно, что я не хотѣла его отстранить, не посоветовавшись съ тобой, подумай.—Все обдуманно,—сказала я,— я люблю Гёте, какъ отца. Если бы онъ былъ одинокимъ на свѣтѣ, и если бы я считала это для него необходимымъ, то можетъ быть и вышла бы замужъ за него, но у него есть женатый сынъ, мѣсто котораго должна занять я; онъ во мнѣ не нуждается. Вотъ все, что было. Гёте болѣе ничего не говорилъ о своемъ планѣ ни матери, ни мнѣ, продолжая называть меня своей маленькой любимицей и дорогой дочерью». 18 августа семья Леветцовъ переехала на Карлсбадскія воды. Гёте пріѣхалъ къ нимъ чрезъ недѣлю и оставался двѣнадцать дней. 5 сентября онъ отправился въ Веймаръ и дорогою составилъ свою элегію, записывая на каждой станціи, что онъ обдумалъ въ каретѣ. 13-го онъ пріѣхалъ въ Іену, а, четыре дня спустя, возвратился въ Веймаръ. 2-го октября, бесѣдуя съ канцлеромъ, Фридрихомъ Мюллеромъ, о своемъ приключеніи въ Маріенбадѣ, онъ сказалъ: «Эта склонность заставляетъ меня еще страдать, но я надъ нею восторжествую. Иффландъ можетъ сдѣлать изъ этого комедію, сюжетомъ которой будетъ старый дядя, слишкомъ нѣжно любящій свою племянницу». Онъ признавалъ особый характеръ за «Маріенбадской элегіей». Въ ней есть что-то непосредственное,—говоритъ Эккерманъ,—она написана однимъ взмахомъ, что приноситъ большую пользу цѣлому. Если это не послужило для цѣлаго, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя подробности отъ этого выиграли. Извѣстно, что обыкновенная его манера сочинять была совершенно иная: онъ ожидалъ, чтобы первое впечатлѣніе хорошо опредѣлилось и улеглось, и онъ могъ бы его разсматривать, какъ артистъ, и придать ему, какъ онъ называлъ, объективную форму. Маріенбадская элегія, напротивъ, была написана подъ ударомъ впечатлѣнія».

тлѣнія, и въ ней есть истинный, сердечный порывъ и возвращеніе юношеской страсти, хотя въ ней нѣтъ той пластической красоты, какой полны его другія поэтическія произведенія. Возвратясь въ Веймаръ, онъ хранилъ эту рукопись съ религіозной заботливостью. Онъ положилъ ее вмѣстѣ съ своими воспоминаніями, рядомъ со стаканомъ, на которомъ были вырѣзаны имена трехъ дочерей г-жи Леветцовъ, и который онъ ему подарили въ день его рожденія. Послѣ смерти Гёте эту рукопись передали г-жѣ Леветцовъ, которая подарила ее Веймарскому музею. 5-го сентября 1823 г. Гёте и Ульрика распрощались и болѣе никогда не видѣлись. Иногда Ульрика дѣлала *postscriptum* въ письмахъ матери къ Гёте. Въ одномъ изъ нихъ 6 сентября 1829 г. г-жа Леветцовъ говоритъ: «Ульрика, какъ всегда, добра, нѣжна, хозяйка, спокойно веселая и правого нрава. Она занимается съ дѣтьми своей сестры Амаліи. Всѣ, кто ее знаетъ, дѣлаются ея друзьями изъ-за ея простого, предупредительнаго обращенія; не правда ли это условіе счастья?» Она не вышла замужъ. Одинъ другъ семьи, видѣвшій Ульрику въ крайней старости, такъ описываетъ ее: «Она обладала силой воли, которая заставляла ее торжествовать надъ физической слабостью. Несмотря на ея девяносто шесть лѣтъ, на ея лицѣ едва видѣлись морщины, а на губахъ всегда была улыбка. Она ходила по комнатамъ выпрямясь и только иногда, когда знала, что за нею не наблюдаютъ, садилась. Когда горничная подбѣгала, чтобы ее поддержать, она сопротивлялась, говоря: «надо, чтобы тѣло повиновалось приказанію ума». Она умерла 13 ноября 1899 г., переживъ всѣхъ женскихъ, любимыхъ Гёте.

— Бальзакъ, какъ типографъ. До сихъ поръ нѣтъ полной, опредѣленной біографіи Бальзака, а имѣются только отрывочные матеріалы о различныхъ эпизодахъ его жизни. Такъ недавно появилась любопытная и оригинальная книга ¹⁾: «Юность Бальзака. Бальзакъ типографъ. 1825 — 1828 гг.», составленная Габріелемъ Ганото и Жоржемъ Викеромъ. Хотя въ ней рассказываются подлинныя факты на основаніи документовъ, но, рисуемая авторами, малозвѣстная доселѣ юность Бальзака отличается чисто романическимъ характеромъ. Она продолжалась съ 1823 по 1833 гг. и заключала въ себѣ первое время его борьбы съ жизнью. Сначала онъ рѣшительно не зналъ, какую выбрать карьеру. Отецъ не совѣтовалъ ему посвящать себя литературѣ, такъ какъ первые его труды — трагедія «Кромвель» и мелкіе рассказы въ газетахъ, а также статьи въ различныхъ журналахъ — не имѣли успѣха. Онъ послушался отца и бросилъ литературу, мечтая о томъ, какъ бы быстрѣе приобрѣсти себѣ состояніе, считая себя способнымъ сдѣлаться дѣловымъ человекомъ. Поэтому онъ купилъ типографію въ улицѣ Марэ-Сенъ-Жермэнъ. Исторія этого предпріятія рассказана имъ въ «*Les illusions perdues*», въ похожденіяхъ Цезаря Виротто, въ романѣ того же имени и въ различныхъ эпизодахъ «*Comedie humaine*». Но Бальзакъ былъ только въ своемъ воображеніи дѣловымъ человекомъ, а въ сущности испытывалъ тяжелыя невзгоды. Его несчастія подробно описаны въ настоящей книгѣ, и въ концѣ приведены счета и письма, относящіеся до этой злосчастной эпохи. Только благодаря помощи его родителей и одного двоюрод-

¹⁾ La jeunesse de Balzac. Balzac imprimeur. 1825—1828.

наго брата, Бальзакъ вышелъ изъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, но все-таки онъ долженъ былъ выдать столько векселей, что не могъ разсчитаться по нимъ всю свою жизнь. Какъ издатель и типографъ, онъ первый возымѣлъ мысль выпустить маленькими томами классиковъ, какъ Мольера и Лафонтена. Вообще онъ издавалъ почти исключительно французскихъ классиковъ, переводы рѣчей Каннинга, Пилля и Бругама, а также полныя изданія Шекспира и Шиллера. Главный интересъ настоящей книги составляетъ подробное описаніе его отношеній къ г-жѣ Берни, которую Бальзакъ выводилъ во многихъ изъ своихъ романовъ, особенно въ «Le lys de la vallée» и «La duchesse de Langeais». Ея исторія впервые подробно изложена въ книгѣ Ганото и Викера. Отецъ г-жи Берни, нѣмецъ, Филлишъ Гинвертъ, былъ арфистъ при дворѣ королевы Маріи-Антуанеты. Королева женила его на одной изъ своихъ камеръ-юнгферъ, и, вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, Бальзакъ приобрѣлъ свои свѣдѣнія о дворѣ, свой ролялизмъ, свои претензіи къ аристократизму и стремленія къ высшему обществу, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Г-жа Берни была старше Бальзака на двадцать лѣтъ, но Бальзакъ любилъ ее искренно и страстно. Онъ былъ обязанъ ей тѣмъ, что называютъ Бальзаковскимъ бессмертнымъ даромъ продленія жизни женщины въ ея отношеніяхъ къ мужчинамъ. Онъ доказалъ, что женская юность ничего не значитъ въ дѣлѣ любви, и этому уроку онъ научился у нея, пока боролся съ судьбою въ типографіи улицы Марэ. Тогда-то онъ зналъ этого «ангела», который былъ его поддержкой въ это тяжелое время. «Г-жа де Берни, — писалъ онъ графинѣ Ганской въ 1838 г., черезъ годъ послѣ смерти первой, — хотя и замуженная женщина, была для меня божествомъ. Она была для меня матерью, семействомъ, другомъ и совѣтникомъ; она создала изъ меня писателя, утѣшала во мнѣ юношу, плакала со мною, какъ сестра, смѣялась, развила во мнѣ вкусъ, приходила ко мнѣ каждый день, какъ благодѣтельница, успокаивала мои страданія и научала меня благотворному сну». Къ книгѣ приложенъ портретъ Бальзака, работы Деверля, и онъ представленъ на немъ красивымъ двадцати-двухлѣтнимъ юношей. Онъ подарилъ г-жѣ Берни этотъ портретъ съ надписью: «Et nunc et semper». Онъ также посвятилъ ей свой романъ «Луи Ламбертъ», въ которомъ разсказана вся его молодость. Послѣ смерти г-жи Берни, Бальзакъ продолжалъ вѣчно находиться въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, и вся его жизнь была вѣчной борьбой съ долгами, что не мѣшало ему, однако, всегда мечтать о богатствѣ. По этому поводу извѣстный авторъ Рокосланъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ любопытный анекдотъ. Однажды онъ зашелъ въ книжный магазинъ Шарпантье и засталъ тамъ дорожнаго господина, съ живыми глазами, съ непринужденными жестами. «Да, любезный Шарпантье, — говорилъ онъ, — вотъ домъ, который я подарю моей матери. Это будетъ для нея совершенный сюрпризъ. Въ срединѣ будетъ домъ съ высокой четырехсторонней крышей съ овальными слуховыми окнами. Въ этомъ домѣ будетъ два этажа, чтобы хозяйка замка могла тамъ свободно помѣщаться и принимать своихъ друзей. По обѣимъ сторонамъ дома, немного позади, находятся флигеля, гдѣ живутъ служащіе и скотъ. За домою — англійскій садъ, великолѣпный прудъ, фруктовый садъ и огородъ. Ахъ! я забылъ: туда въѣзжаемъ по прекрасной барской аллеѣ,

окаймленной деревьями, въ концѣ которой открывается желѣзная рѣшетка восхитительной работы»... Затѣмъ послѣдовали безчисленныя замѣчанія относительно мебели, служащихъ, виннаго погреба и тысячи мелкихъ подробностей. Когда онъ ушелъ, то Роконланъ спросилъ: «Кто этотъ господинъ?» — «Вы его не знаете?.. Но это Бальзакъ!» — «Такъ онъ нажилъ много денегъ?» — «Онъ?—отвѣтилъ Шарпантье,—знаете ли вы, зачѣмъ онъ пришелъ? Онъ пришелъ выпросить у меня пятьдесятъ франковъ».

— Мопассанъ и его мать. Еще въ памяти многихъ живо воспоминаніе о трагическомъ концѣ литературной карьеры французскаго романиста Гюи Мопассана. Смерть его матери, четыре мѣсяца тому назадъ, вызвала на столбцахъ журналовъ различныя воспоминанія, въ которыхъ анализируютъ его характеръ, стараются добраться до зародыша его болѣзни и касаются его дѣтскихъ лѣтъ. Его враги, во что бы то ни стало, хотѣли доказать, что Мопассанъ, не благодаря силѣ воли своего характера и страстной неустанной работѣ, развилъ свой талантъ, а получилъ его по наслѣдству отъ Флобера, незаконнымъ сыномъ котораго, по ихъ увѣренію, онъ былъ. Эта клевета получила какъ бы право гражданства, и въ одинъ прекрасный день послѣ смерти сына г-жа Мопассанъ прочитала напечатанную въ одной изъ газетъ замѣтку, по поводу статуи въ честь романиста, гдѣ говорилось: «Въ Руанѣ будетъ воздвигнута статуя Гюи Мопассану. Флоберу уже есть. Послѣ отца—сыну». Окончивъ чтеніе, г-жа Мопассанъ, урожденная Пуаттьенъ, обратилась къ автору статьи ¹⁾, изъ которой пользуемся матеріаломъ для настоящаго очерка, г-жѣ Ренѣ д'Ульмѣсъ, и сказала: «Я теперь очень стара, чтобы клевета повредила мнѣ. Я знаю, что Гюи сливетъ за сына Флобера. Но на краю могилы не лгутъ, и это не правда. Мы вмѣстѣ воспитали Гюи, Флоберъ и я, и такъ побратски, что любовь между нами показалась бы кровосмѣшеніемъ. Занимаясь моимъ сыномъ, мой старый другъ расплачивался за долгъ памяти Альфреда Пуаттьена». Нѣкоторые изъ паразитовъ общества подхватили сказанныя Флоберомъ фразы и составили клевету. Такъ, однажды, на семейномъ обѣдѣ у Мопассана Флоберъ назвалъ Гюи: «Мой сынъ,—прибавивъ:—умственное родство стоитъ другого». Этого было достаточно, чтобы выросла легенда. Когда душевная болѣзнь такъ жестоко поразила несчастнаго Мопассана, въ обществѣ заговорили, что онъ наслѣдовалъ ее отъ Флобера. Авторъ статьи по этому поводу задалъ вопросъ извѣстному врачу, который написалъ ему: «У Флобера былъ припадокъ эпилепсія, а Мопассанъ умеръ отъ общаго паралича, причины котораго извѣстны всѣмъ врачамъ. Нѣтъ никакого наслѣдственнаго отношенія между этими двумя болѣзнями». Кромѣ того, семья Флобера была безусловно убѣждена, что великій писатель никогда не питалъ страсти къ той, которую считалъ своей избранной сестрой. Съ г-жею Мопассанъ въ молодости былъ маловажный случай, но вызвавшій въ ней болѣзнь безумія, которому подвергся впоследствии ея сынъ. Если уже желаютъ признать, что у Мопассана наслѣдственный талантъ, а не выработанный самостоятельно, то онъ могъ перейти

¹⁾ Les mères des grands écrivains: Madame Laure de Maupassant. Par Renée d'Ulmès. La Revue. 15 Avril, 1904.

къ нему отъ его бабки, г-жи Бериньи, интересной поэтессы, наконецъ, отъ матери, г-жи Мопассанъ, которая въ молодости получила уточненное образованіе и умѣла прекрасно писать свои письма, точно такъ же, какъ и мать Гюи, пробовавшая въ молодости писать, но свои попытки держала въ тайнѣ. Г-жа Мопассанъ была дочерью промышленника Пуаттьена, женившагося на дѣвицѣ Тюрентъ, которая была близкой подругой матери Флобера. Г-жа Мопассанъ и Флоберъ родились въ одномъ году и были воспитаны вмѣстѣ. Гюставъ, Каролина Флоберъ и Лора Пуаттьенъ, т.-е. г-жа Мопассанъ, всецѣло подчинялись вліянію брата послѣдней, Альфреда, который умеръ на разсвѣтѣ своего таланта и, не считая себя надежнымъ для созданія какого нибудь произведенія, занялся художественнымъ воспитаніемъ сестры и ея подруги, которыхъ въ шутку онъ называлъ своими учениками. Мать Мопассана въ дѣтствѣ ежедневно бывала въ семьѣ Флобера, домъ котораго прилегалъ къ больницѣ, и она привыкла къ болѣзнямъ и смерти, не выражая чувствительности, которая въ сущности скрываетъ эгоистическое чувство отвращенія. Г-жа Пуаттьенъ воспитала дочерей въ религіозномъ отношеніи свободно, и старшая дочь сдѣлалась набожной, мать же Мопассана составила себѣ свой нравственный законъ и хранила гордую покорность въ испытаніяхъ. Она была въ двадцать лѣтъ нѣсколько эксцентрична: ѣздила верхомъ, курила папиросы и читала Шекспира. Красавица, высокая, стройная, съ правильными чертами лица, съ прекраснымъ цвѣтомъ кожи, съ большими голубыми глазами и волнистыми каштановаго цвѣта волосами, она привлекала къ себѣ немало жениховъ. Ея братъ, Альфредъ, женился на дѣвицѣ Мопассанъ, а она вышла за изящнаго, красиваго, свѣтскаго, Гюстава Мопассана, столь же богатаго, какъ и она, но оказавшагося пустымъ, ничтожнымъ фатомъ, озабоченнымъ, главнымъ образомъ, одной мыслью, какъ бы урѣзать «на чай» у служащихъ. Вскорѣ Лора поняла, что не питаетъ къ нему ни малѣйшей симпатіи. Послѣ свадебнаго путешествія они поселились въ Парижѣ, и она была обрадована своей беременностью, обѣщавшей въ будущемъ пополнить ей жизнь. Гюи родился въ замкѣ Миромениль 5 августа 1850 года. Отца это появленіе новаго существа въ семьѣ не очень обрадовало, такъ какъ онъ былъ изъ тѣхъ, которые эгоистично относятся къ личному наслажденію и ревнуютъ дѣтей, отнимающихъ у нихъ нѣжность жены. Черезъ два года родился второй ребенокъ— Эрве. Г-жа Мопассанъ окончательно убѣдилась въ ничтожности своего мужа, отдавашагося флирту съ молодыми дамами. Онъ совершенно не занимался воспитаніемъ дѣтей, и вскорѣ г-жа Мопассанъ нашла, что «женщина, живя интимно со своимъ мужемъ, котораго она не уважаетъ, мало отличается отъ публичной женщины. Одна унижается ради сохраненія насущнаго хлѣба, а другая, чтобы сохранить свое общественное положеніе. Различны лишь цѣли, дѣло же остается тождественно—оскверненіе любви». Она рѣшилась на разводъ. Дѣло устроилось дружескимъ образомъ, дѣти остались у нея и должны были во время вакацій видѣться съ отцомъ. До 13-ти лѣтъ Гюи учился только у матери. Она научила его наблюдать природу, не упуская ни одного явленія, чтобы не обратить на него вниманія сына. Она требовала отъ него, чтобы онъ говорилъ по-французски правильно, не прибѣгая къ неприятнымъ

оборотамъ и словечкамъ. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ писалъ маленькія поэмы, проявляя этимъ свое призваніе. Онъ упрашивалъ, чтобы ему перевели драмы Шекспира, и мать согласилась на это. Второй же сынъ выказывалъ страсть къ ботаникѣ. Г-жа Мопассанъ, оставшись одна, вела уединенную жизнь, изрѣдка принимая сосѣдей и занимаясь благотворительными дѣлами. Когда умеръ Луи Булье, учитель сына, то она отправила Гюи въ Парижъ къ Флоберу, который совѣтовалъ ему поступить въ министерство финансовъ, но не оставляя литературной работы. Гюи послушался, и прошли годы въ суровой работѣ, когда, наконецъ, Флоберъ торжественно объявилъ матери: «Твой сынъ создалъ образцовое произведеніе!» Въ это время Гюи помѣстилъ въ «Nouvelle Revue» стихи и напечаталъ разсказъ «Boule de Suif», вызвавшій восторженное восклицаніе Флобера.

Этотъ восторгъ былъ волюнъ умѣстенъ. «Изображаемая имъ фигуры, — говоритъ Жакъ Норманъ въ своей статьѣ¹⁾, — снавшія среди холодныхъ страницъ, просыпались и оживлялись: типы выступали суровые или комическіе, забавные или ужасные, но всегда человѣчные. Въ этомъ-то великѣ талантъ Мопассана, и такимъ останется онъ навсегда. Онъ всегда умѣлъ создать жизнь. Ни одна изъ этихъ личностей не была сдѣлана показной. Онъ умѣлъ смотрѣть и, рисуя, что видѣлъ, употреблять самый прекрасный стиль, какимъ только можно восхищаться: свѣтлый, мощный и простой. Французскій языкъ, славный, благопристойный, традиціонный, безъ кривляній, прыжковъ, безъ раздражающихъ неологизмовъ, казался ему совершенно достаточнымъ для выраженія деликатной и тонкой мысли, какою только она можетъ быть». Въ его предисловіи въ «Пьеру и Жану» говорится: «Французскій языкъ — чистая вода, которую искусственные писатели никогда не могли и не будутъ въ состояніи замутить. Природа этого языка — быть яснымъ, логичнымъ и нервнымъ... Онъ не дастся ослабить себя, затемнить или исказить». По словамъ другого критика, Абеля Эрмана, Мопассана надо разсматривать, какъ отраженіе цѣлой группы. Эта группа — поколѣніе, рожденное во время государственнаго переворота. Мопассанъ говорилъ отъ имени французовъ. Онъ — реалистъ, или, точнѣе, натуралистъ, но здоровый. «Романтизмъ, которымъ страдалъ его учитель Флоберъ, не коснулся его, и онъ не заразился Гонкурами. Онъ классикъ и истинный французъ, а еще вѣрнѣе нормандецъ. Онъ обладаетъ всѣми свойствами нормандскаго типа и не только гениемъ прозаическаго разсказа, но истинникомъ отдаленныхъ приключеній, склонностью къ собственности, страстью къ сутяжеству, коммерческой способностью, которой герои литературнаго безкорыстія не преминули его упрекать. Всѣ элементы его личной психологіи при надобности могли быть пополнены психологіей его расы, и его произведенія, выражающія полностью эту расу, ограничиваются также ея выраженіемъ, такъ что среди столькихъ писателей Нормандіи никто, кажется мнѣ, не былъ настолько нормандцемъ, какъ онъ». Онъ — нормандецъ въ своихъ сельскихъ романахъ и остается имъ въ парижскихъ, такъ какъ онъ не сдѣлался парижаниномъ, даже когда велъ въ Парижъ свѣтскую жизнь. Это-то и спасло его романы отъ

¹⁾ Une mère et un fils. Souvenir sur Maupassant. «Figaro», 13 Décembre 1903.

сходства съ остальной парижской литературой и придало имъ неподражаемое выраженіе. Мопассанъ путешествовалъ, но онъ никогда не могъ отказаться изъ собственнаго расоваго «я», какъ это случается съ другими, и всегда оставался нормандцемъ. «Онъ обожалъ деревню, сельскія пирушки, греблю и любилъ устраивать фарсы,—говорить въ другомъ воспоминаніи ¹⁾ Анри Ружонъ, близко его знавшій, — и, несмотря на нигилистичекую философію, наслаждался внутреннимъ миромъ. Его умъ былъ такъ же мощенъ, какъ и его тѣло. Онъ едва сохранилъ отъ Флобера кое-какія идеи относительно *miffisme* и мѣщанства и если иногда любилъ похвастаться какими нибудь необычайными и хорошими теоріями, чтобы взволновать аудиторію, то онъ это дѣлалъ безъ всякаго умысла. Посторонніе его знали полнымъ противоположностей: то веселымъ и сильнымъ, жаждавшимъ удовольствій, страстно любящимъ дѣятельность, въ теоріи ѣдкимъ, а на практикѣ—братскимъ, умѣвшимъ презирать, но не честолюбивымъ, лишеннымъ тщеславія и не чрезмерно гордымъ. То его видѣли грустнымъ, подчинявшимся какому-то ужасу, относящимся съ отвращеніемъ къ жизни, отъ которой онъ бѣжалъ въ уединеніе полей и моря. Затѣмъ опять онъ возвращался въ городъ и сильнѣе любилъ его, вдругъ растрогиваясь уродствомъ челоѣчества, на которое смотрѣлъ прежде безъ волненія, и дѣлался тоскливымъ и больнымъ. Все задавался вопросомъ: чѣмъ же онъ былъ на самомъ дѣлѣ? На это-то Ружонъ отвѣчаетъ: «Главное—молодымъ, здоровымъ, съ твердой волей и крѣпкимъ сложеніемъ. Мопассанъ не распространялся въ манифестаціяхъ противъ почестей, орденовъ, обществъ и академій, довольствуясь тѣмъ, что совсѣмъ ихъ не желалъ, отказываясь отъ нихъ и жилъ лишь для себя, согласно своей фантазіи. Онъ любилъ повторять фразу Флобера, противъ которой многіе возставали: «Почести безчестятъ, титулы позорятъ, а должности дѣлаютъ васъ глупыми». Однако самъ онъ былъ исполнительнымъ министерскимъ чиновникомъ, не выказывавшимъ дурного настроенія, и держался убѣжденія, что нѣтъ ремесла, есть способности. Сдѣлавшись знаменитымъ, онъ остался тѣмъ же спокойнымъ и практичнымъ нормандцемъ, остерегаясь кратковременнаго пристрастія и не слишкомъ соблазняясь отставкой. Даже позднѣе, вѣрный своей идеѣ, Мопассанъ презиралъ уснѣхъ для уснѣха. У него былъ одинъ идеаль—хорошо писать. Все остальное было слабостью; мнѣніе публики не принималось въ расчетъ, и лишь одобреніе избранныхъ стоило дорого, единственнымъ же надежнымъ правиломъ было собственное свидѣтельство. «Эгогъ высокомѣрный нигилистъ,—говорить Ружонъ,—стыдился своихъ чувствъ; онъ мало говорилъ о своихъ близкихъ, хотя ихъ нѣжно любилъ, но былъ молча братолюбивъ, тайно добръ, преданъ своему «ненавистному ближнему», можетъ быть, не вѣдая, что природа вложила въ него инстинктивное великодушіе, или стыдась его выказывать. Послѣ смерти Флобера, Гюи подалъ въ отставку и окончательно отдался литературѣ. Г-жа Мопассанъ проводила часть года съ нимъ, интересуясь его книгами и поправляя корректурные листы. Когда же они разлучались, то продолжали сообщаться письменно. Если бы эта переписка была

¹⁾ Grande Revue, 15 Février, 1904.

напечатана, то обнаружила бы всё изгибы души Мопассана, но онъ строго запретилъ ее печатать.

Послѣ пребыванія на Корсикѣ они отправились вмѣстѣ въ Канъ, но жили на отдѣльныхъ квартирахъ, такъ какъ г-жа Мопассанъ ревниво охраняла свою независимость и не хотѣла вмѣшиваться въ свѣтскую жизнь Гюи, которую въ то время онъ велъ. Благодаря молодости и ореолу его славы, очень заискивали у него «синіе чулки», собирательницы великихъ людей» и всѣ тронувшіяся, которыя усердно ищутъ любви «артистовъ, чтобы попасть въ знаменитости». Это подало бы поводъ Гюи презирать женщину, если бы онъ не сблизился со своей матерью, которую боготворилъ. Но счастливое время не долго побаловало г-жу Мопассанъ. Сначала она лишилась своего младшаго сына, Эрве, и поселилась на зиму 1892 года въ Ниццѣ. Гюи, находившійся въ Канѣ, часто прѣзжалъ къ ней. Она ничего не замѣчала въ немъ, какъ только легкую нервность. Уже въ 1891 году, на другой день послѣ перваго представленія въ театрѣ Гуппаса «Musotte», написанной совмѣстно съ Жакомъ Норманомъ, который помѣстилъ впоследствии свои воспоминанія въ «Фигаро», Гюи былъ въ необычайно приподнятомъ настроеніи. Обыкновенно молчаливый, въ этотъ день онъ былъ очень общителенъ и даже болтливъ. «Я хочу, — говорилъ онъ, — сдѣлать театръ, но такой, какъ я его понимаю, какъ его понималъ Флоберъ: искреннимъ, реальнымъ и, насколько возможно, близкимъ къ жизни. «Histoire du vieux temps» не принимается въ расчетъ. Это остроумное произведеніе, не имѣющее важности; я написалъ двухактную комедію «La paix du ménage»... Это тоже незначительная вещь. Однако, я хотѣлъ бы, чтобы ее разыграли во Французской комедіи... Но вотъ существуетъ комитетъ чтеній, и никогда, слышите вы, никогда я не пройду черезъ комитетъ чтеній!» На замѣчаніе Жака Нормана, что всѣ его пьесы были уже заранѣе приняты, и комитетъ—только простая формальность, допускаемая даже Ожье и Дюма: «Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Мопассанъ, — Кларти приметъ мою пьесу безъ того, чтобы она прошла черезъ комитетъ. Дѣлая это, кажется, онъ нарушаетъ правила? Ну, такъ что же, онъ можетъ нарушить ихъ для меня!.. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то въ одинъ прекрасный день пожалѣетъ объ этомъ. Пьесы? но я напишу ихъ множество!.. Прежде всего «Yvette»!.. Я не остановлюсь на «Yvette». Но я сдѣлаю ихъ сколько хочу»... Норманъ искоса взглянулъ на него видя, что его охватываетъ возбужденіе. «Подумайте, дорогой мой, — продолжалъ онъ, — что, кромѣ романовъ «Une vie», «Fort comme la mort», «Notre соеиг» и другіе, которые заключаютъ въ себѣ все, все, пьесы въ зародышѣ, я напечатаю болѣе двухсотъ новеллъ, изъ которыхъ всѣ, почти всѣ, съ драматическимъ сюжетомъ, то въ драматическомъ, то въ веселомъ тонѣ... Двѣсти новеллъ!.. Подумайте объ этомъ!».. Потомъ вдругъ, какъ бы безучастно, болѣе тихимъ голосомъ и спокойнѣе онъ заговорилъ: «Собственно я не люблю театра. Я только изрѣдка тамъ бываю. Тамъ скверно. Задыхаешься. Плохое сидѣнье, негодный для дыханія воздухъ. Я положительно тамъ страдаю... Что касается драматической формы, по моему мнѣнію, это есть низшая степень и для меня очень далекая. Я не могу вѣрить въ дѣйствительность, представляемую актерами, двигающимися позади рамы, среди декораций изъ раскрашенной папки... Нужды нѣтъ! Надо обновить этотъ

устарѣлый жанръ... И я это сдѣлаю, я это я сдѣлаю»... Затѣмъ снова его охватило возбужденіе: «Со всѣхъ сторонъ у меня просятъ разрѣшенія заимствовать изъ моихъ произведеній пьесы... Я далъ нѣкоторымъ... и затѣмъ я буду одинъ работать... Двѣсти новеллъ, подумайте, моихъ собственныхъ, подъ рукою, изъ которыхъ я могу, по желанію, извлечь драмы или комедіи! Цѣлое челоуѣчество, трепещущее, содрogaющееся я сумѣлъ создать! Это — вѣрная выгода! Золотая руда! Говорю вамъ, золотая руда!».

Жакъ Норманъ, взглянувъ на Мопассана, лицо котораго горѣло, а глубокіе страдающіе глаза блестѣли, понялъ, что это — необычайная нервность безумія, но, все-таки, никто не могъ предвидѣть его близкаго помѣшательства. 1-го января 1892 года Гюи находился у матери и съ виду былъ утомленъ, печаленъ. Вгляды его помутился. Вдругъ среди завтрака онъ началъ заговариваться, потомъ снова сталъ говорить ясно, хотя взглядъ его продолжалъ блуждать. Онъ уѣхалъ съ слугою, которому поручено было наблюдать за нимъ. Ночью онъ пытался перерѣзать себѣ горло, но ему помѣшали и отправили въ лѣчебницу доктора Бланша, которую прозвали «домомъ артистовъ», такъ какъ тамъ послѣдовательно перебивали Жераръ де Нерваль, Дебанъ и другіе. Цѣлый годъ Мопассанъ находился въ тихомъ помѣшательствѣ и едва могъ написать матери слово «confiance», и то въ этомъ словѣ недоставало буквы f. Затѣмъ послѣдовала смерть Гюи и вѣчный трауръ несчастной матери. Ея огорченье еще болѣе усилилось, когда къ ней явилась молодая женщина, которую она рассчитывала встрѣтить въ полномъ отчаяніи, вслѣдствіе смерти Гюи. Но вмѣсто огорченной любовницы, она увидѣла безупречную жену, явившуюся за своими письмами изъ опасенія быть скомпрометированной. Госпожа Мопассанъ такъ страдала, что хотѣла раздѣлится съ кѣмънибудь своею горю. Съ этой цѣлью она сблизилась съ одною изъ подругъ Гюи, но время стерло память о немъ въ сердцѣ и этой женщины. Несчастливая мать снова осталась одна съ своимъ горемъ. Она жила въ Ниццѣ, больная, вдали отъ шумнаго города, почти не покидая постели и полуслѣпая, но все-таки занимаясь работами сына и руководя печатаніемъ его посмертныхъ произведеній. Не желая себя стѣснять присутствіемъ компаніонки, она изъ своей прислуги, молоденькой итальянки, сдѣлала своего секретаря и чтицу. Когда послѣдняя вышла замужъ и родила, то ей предстояло отдать ребенка къ кормилицѣ, но г-жа Мопассанъ оставила его у себя. Она принимала у себя немногихъ друзей: невѣстку — жену Эрвѣ Мопассана, — внучку Симону, изрѣдка г-жу Поль Аданъ, г-жу Маріетонъ, ея сына Поля, племянницу Флобера, г-жу Франклинъ-Гру, Луи Вертранъ, Марселя Дани, доктора, итальянскую трагическую актрису Дузэ и автора статьи, г-жу Рэнэ д'Ульмэсъ. Послѣдній разъ она видѣла г-жу Мопассанъ 28 ноября 1903 г.; она уже дышала съ трудомъ. Ея лицо, половина котораго была парализована, еще болѣе поблѣднѣло, сѣдые волосы, всегда лежавшіе волнами, были въ беспорядкѣ, губы посинѣли, но всего яснѣ говорили о близкомъ концѣ ея глаза. «Я подошла къ моему старому другу, — говоритъ г-жа Рэнэ д'Ульмэсъ, — наши взгляды встрѣтились; ея глаза выражали безропотную агонію, и въ то время, когда ея губы ложно произносили «досвиданія», чистосердечный взглядъ говорилъ «прощай». Затѣмъ началась борьба со смертію, и она пожелала причаститься, а 8 декабря въ 11 ч. утра г-жа Мопассанъ умерла.

— Окубо Тосимитси. Морисъ Куранъ, издавшій биографіи министровъ и великихъ людей, только что выпустилъ въ свѣтъ биографію бывшаго японскаго министра, патриота и одного изъ создателей Новой Японіи — Окубо Тосимитси. Авторъ рельефно описываетъ какъ характеръ азиатскаго преобразователя, павшаго жертвой варварскаго насилия, такъ и обстоятельство, среди которыхъ произошло полное преобразование страны Восходящаго Солнца. На первый взглядъ столица Японіи, Токио, кажется самымъ современнымъ городомъ, со всеми нововведеніями цивилизаціи. Но не надо долго присматриваться, чтобы убѣдиться въ его слишкомъ недавнемъ преобразованіи на европейскій ладъ, такъ какъ среди европейскіхъ домовъ выглядываютъ легкія, кокетливыя японскія жилища и существуютъ еще многочисленныя долинки, выдающія старыи строй жизни японскаго народа. Но еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ одно обстоятельство, случившееся 14 мая 1878 года¹⁾. По одной изъ такихъ долинокъ, въ Сминдзуданъ, ѣхалъ, запряженный по-европейски, экипажъ, по направленію къ Токийскому дворцу. Въ немъ сидѣлъ изящно одѣтый по-европейски мужчина, съ темными усами, баканами à la prussienne, и его азиатское происхожденіе выдавали мечтательное тонкое выраженіе да бѣжавшій впереди экипажа скороходъ съ голыми ногами. Экипажъ пересѣкалъ дорогу двумъ, скромнымъ съ виду, крестьянамъ, которые шли медленнымъ шагомъ съ пучками полевыхъ цвѣтовъ. Внезапно оба путника бросили цвѣты, за которыми скрывались короткія острыя сабли самураевъ. Схвативъ подъ уздцы лошадей, они убили кучера; въ то же время выскочили четверо мужчинъ, прятавшихся въ бамбуковыхъ кустахъ, и набросились на сидѣвшихъ въ каретѣ. Однимъ ударомъ они отрубили ему руку, протянувшуюся для защиты, другимъ разсѣкли голову. Вытащивъ несчастнаго изъ экипажа на дорогу, они покочили съ нимъ. Скороходъ убѣжалъ во дворецъ, находившійся отъ мѣста происшествія не-далекѣ. Убитый, Окубо Тосимитси, родившійся въ Кагошимѣ 26 сентября 1830 года, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ и самый вліятельный совѣтникъ микадо. Убійцами были самураи изъ Кага, а убійство — политическая месть за отказъ Окубы принять участіе въ возмущеніи Сайго Такаморі, состоявшемся въ предыдущемъ году. Они громко признавали себя отвѣтственными за его дѣйствія. Въ тотъ самый день по почтѣ были разосланы копіи съ документа, подписаннаго шестью убійцами и адресованнаго императору, оригиналъ котораго нашли у нѣкоего Симады, главы этой шайки. Документъ былъ озаглавленъ: «Адресъ по поводу смерти измѣнниковъ». Во главѣ этихъ измѣнниковъ находились Окубо и Квакуро, за которыми слѣдовалъ списокъ лицъ, менѣе отвѣтственныхъ, но которыми, однако, какъ было объявлено, не заканчивается перечень. Это убійство было послѣднимъ протестомъ старой Японіи противъ новаго государственнаго строя. Чтобы понять этотъ протестъ, необходимо знать обстоятельства, при которыхъ произошло преобразование страны Восходящаго Солнца въ современное государство, и роль, какую игралъ въ немъ Окубо. Въ началѣ XVII вѣка (1603 г.) Японія, подъ вліяніемъ государственнаго дѣятеля Іеясу, изъ дома Минамота, главы

¹⁾ «Okoubo», par Maurice Courant, «Ministres et hommes d'état». Paris. 1904.

отрасли Токугава, возвратилась опять къ конституціонной формѣ правленія, которая примѣнялась въ XII столѣтіи, но много разъ уничтожалась анархіей. Ея высшій авторитетъ раздѣлялся между микадо, происходившимъ отъ Солнца, и шогунотъ, «маршаломъ, которому поручалось сражаться съ варварами». Собственно послѣднему принадлежала дѣйствительная власть. Онъ былъ настоящимъ наслѣдственнымъ правителемъ въ семьѣ Токугава, права которыхъ возобновлялись императорскою делегаціей при каждой перемѣнѣ шогуна. Эти права переходили къ семьѣ Токугава до 1868 года, вообще шогунское правленіе носило названіе баку-ху. Въ сущности оно состояло изъ подобія государственнаго совѣта, руджу, составленнаго изъ четырехъ или пяти членовъ, которыхъ долженъ былъ выбирать шогунъ, на самомъ же дѣлѣ они выбирались въ члены взаимно и контролировали всю высшую администрацію. Другой совѣтъ «вакадосіори» исполнялъ тождественную роль относительно низшихъ чиновниковъ. Особыя учрежденія великихъ инспекторовъ — ометсуковъ, наблюдали за подробностями администраціи, за исправной службой полиціи, религіями, правосудіемъ и т. д. Исключая небольшой части чиновниковъ, зависящихъ отъ шогуна, вся власть на самомъ дѣлѣ была въ рукахъ просвѣщенной олигархіи, высшей власти феодальной іерархіи, вѣрные вассалы которой самураи, связанные строгимъ чувствомъ чести съ начальниками родовъ или даймёсами, составляли ея основаніе. Но революція, сдѣлавшая Японію современной, положила конецъ прежнему двухвѣковому миру и благоденствію страны. Она только съ виду казалась внезапной, тогда какъ на дѣлѣ вырабатывалась медленно, подъ влияніемъ, доходившимъ извнѣ, и съ помощью глухой борьбы двухъ благородныхъ классовъ — двора и арміи — мѣстнаго соперничества и многихъ другихъ причинъ. Достаточно было малѣйшей прищипки, чтобы перевернуть весь прежній строй, мудро налаженный Іейасу и его преемниками; революція явилась во внезапномъ вторженіи европейцевъ. Шогуны всегда ненавидѣли иностранцевъ и въ особенности европейцевъ, «морскихъ чертей». Но невозможно какому либо народу жить совершенно отдѣленнымъ. Какъ бы ни была упорна воля его, — говоритъ авторъ статьи, — но любопытство, присущее человѣческому уму, еще упорнѣе. Иден проникаютъ чрезъ заставы, охраняемыя самымъ лучшимъ образомъ, за ними слѣдуютъ продукты, и когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ, то необходимо, чтобы устанавливались сношенія для опредѣленія и защиты границъ. Въ такомъ положеніи находилась Японія въ половинѣ послѣдняго вѣка. Нечего было думать о сохраненіи и замкнутости, какъ это было до тѣхъ поръ, и приходилось завязать сношенія съ иностранцами. Баку-ху это понялъ и попробовалъ ихъ установить. Но въ то время, какъ онъ боролся съ оппозиціей двора, пропитаннаго враждебными предразсудками къ иностранцамъ, онъ выказалъ себя неспособнымъ твердо и рѣшительно слѣдовать политикѣ, имъ же созданной. Тогда-то произошла странная перемѣна, во исполнѣ понятная. Видя неспособность баку-ху разрѣшить вопросъ объ иностранцахъ, японцы, которые въ особенности послѣ взятія Симоноски чувствовали неминуемую опасность, обратились къ двору, чтобы прежде всего обезпечить единство власти противъ непріятеля. При восшествіи Мутсу Хито, — въ настоящее время микадо, — вспыхнула

революція (1868 г.), и послѣ гражданской войны, окончившейся въ Хакодате въ 1869 г., власть шогуна и Токугавовъ была уничтожена: родилась новая Японія, которая не только открыла свои двери иностранцамъ, но даже переобразовалась по ихъ образцу. Даже самые вѣрные приверженцы прошедшаго приняли участіе въ этой полной перемѣнѣ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Куранъ, — сила вещей взяла верхъ надъ человѣческой волей». Тайная революція опиралась на неизбежную и внезапную вспышку, которую вызвала ненависть къ иностранцамъ, — вотъ что заставило Японію преобразовать свои законы, учрежденія и отчасти нравы, по образцу ненавистныхъ ей иностранцевъ.

До 1868 года въ Японіи было олигархическое и феодальное правленіе, затѣмъ оно перешло въ парламентскую монархію, въ которой всѣ японцы сдѣлались равными предъ закономъ. Они пытались ревниво охранять себя отъ дьявольскихъ изобрѣтеній западной цивилизаціи, а менѣе чѣмъ въ четверть вѣка приняли всѣ ученныя открытія Запада, начиная съ Грегорианскаго календаря и привитія оспы до мундировъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., выказавъ замѣчательное предпочтеніе всему, что касается искусства морской и сухопутной войны. Они запретили европейцамъ доступъ въ свою страну и призвали ихъ лишь, какъ учителей, посылая своихъ дѣтей слушать ихъ лекціи. Конечно, такое преобразование не обошлось безъ кровопролитій. Въ 1874 году во время мятежа въ Ёто и Саго былъ убитъ одинъ изъ первыхъ реформаторовъ, наиболѣе способствовавшихъ паденію шогунаго правительства въ Садзумѣ, которое случилось въ 1877 году. Раненый Сайго былъ убитъ по личному приказанію своими же сторонниками, 24-го сентября того же года. вмѣстѣ съ нимъ, казалось, пала послѣдняя вооруженная оппозиція. Но она глухо продолжалась, и убійство Окубо свидѣтельствовало объ ея стойкости. Но что же сдѣлалъ Окубо, вызвавъ такую ненависть? Онъ былъ стойкимъ и рѣшительнымъ дѣятелемъ этой революціи. Въ моментъ своей смерти онъ былъ самымъ энергичнымъ и методичнымъ преобразователемъ новой Японіи, хотя не сразу дошелъ до новыхъ идей. Рожденный въ одной изъ семей самураевъ и пройдя ихъ школу вѣрности и чести, онъ былъ сначала самымъ горячимъ и убѣжденнымъ имперіалистомъ. Чтобы дать Тенно дѣйствительную власть, которой онъ обладалъ лишь повидимому, онъ сначала задумалъ съ своими друзьями Сайго, Наганума и Каіеда мирную осторожную реформу, посредствомъ союза двухъ аристократій. Съ этимъ намѣреніемъ онъ участвовалъ въ тайномъ собраніи и въ движеніи, предшествовавшемъ заговору 1859 года. Но съ 1860 г. онъ быстро увидѣлъ, что полумѣры уже не годятся, что сначала надо сломать, а потомъ вновь строить. И съ этого времени онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ дѣятелемъ императорскаго преобразования, и, когда настала благоприятная часть, онъ рѣшился дѣйствовать. Въ событіяхъ, предшествовавшихъ 2-му января 1868 года, въ который рушилась власть шогуновъ, и къ Тенно вернулось его древнее великолѣпіе, онъ игралъ рѣшительную роль. Эта роль была не менѣе блестяща и полезна въ послѣдовавшихъ событіяхъ. Окуба умѣлъ рѣзать, умѣлъ и чинить. Онъ первый изъ самураевъ добился императорской аудіенціи, почти ранѣе другихъ сдѣлался министромъ и первый, откинувъ предразсудки своей касты, сдѣлалъ все, чтобы отмѣнить прежнія различія и уста-

новить въ Японіи равенство предъ закономъ. Онъ заставилъ рѣшиться микадо выйти изъ своего дворца въ Киото, «жилище выше, чѣмъ небеса», чтобы войти въ соприкосновеніе съ своимъ народомъ. Для этого онъ отвезъ микадо сначала въ Осака, затѣмъ въ Іеддо, сдѣлавшееся столицей подъ новымъ названіемъ Токио. Пользуясь силой уже сдѣланныхъ реформъ, своимъ логическимъ и упорнымъ темпераментомъ или увлеченный имъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ извлечь изъ императорской присяги примѣненіе управленія посредствомъ общественнаго мнѣнія и объединенія имперіи. Его не остановило ни старое увлеченіе юности къ Сайго, ни узы происхожденія, семейныя и дружественныя, связывающія его съ Садзумой. Но главное онъ открылъ двери иностранцамъ, созная необходимость приспособить внутреннія преобразованія къ внѣшнимъ сношеніямъ. Онъ самъ отправился въ Европу и въ Америку, чтобы участвовать въ этой задачѣ. Этого было достаточно для возбужденія противъ себя приверженцевъ стариннаго строя, а также для созданія своей славы. «Японія должна, — говоритъ Куранъ, — сохранить благодарную память объ этомъ человѣкѣ простомъ, вѣрномъ и преданномъ своему дѣлу и пожертвовавшемъ для нея все, а цивилизованный міръ можетъ съ уваженіемъ преклониться предъ этимъ азиатомъ, имя котораго еще ничего не говоритъ нашему слишкомъ невѣжественному воображенію, но который былъ государственнымъ человѣкомъ и патріотомъ».

— Адмиралъ Того. Внезапная атака Портъ-Артура японцами, возмущившая не одно европейское государство, въ сущности обычный приемъ японцевъ, уже проявившійся во время китайско-японской войны. Вотъ что рассказываетъ Жерменъ Бапестъ на страницахъ «Figaro»¹⁾. Адмиралъ Того, человѣкъ еще сравнительно молодой, — ему сорокъ шесть лѣтъ, — происходитъ изъ военной семьи стараго феодальнаго строя. Родился онъ 14-го октября 1857 года и шестнадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Англію мичманомъ на учебное судно «Ворчестръ», находившееся въ Ливерпуль. На этомъ суднѣ обучались молодые люди, предназначавшіе себя для торговаго мореплаванія, и послѣ первыхъ пяти выходныхъ экзаменовъ получали права вступить въ королевскій флотъ. Такимъ образомъ первоначальное свое морское образованіе Того получилъ въ Англіи въ теченіе одного года съ 1873—1874 г.г., а затѣмъ снова отправился туда въ 1883 и 1884 г.г., чтобы участвовать въ Ламаншской эскадрѣ на ежегодныхъ морскихъ маневрахъ. Когда въ 1894 году вспыхнула китайско-японская война, онъ былъ капитаномъ 1-го ранга и командовалъ крейсеромъ «Нанива». Онъ первый далъ сигналъ военныхъ дѣйствій при слѣдующихъ памятныхъ обстоятельствахъ. Война еще не была объявлена, и китайскій флотъ конвоировалъ транспортныя суда съ войсками, предназначенными въ Корею. Японскій флотъ встрѣтилъ ихъ, и китайскія суда тотчасъ же удалились, но одинъ изъ транспортовъ «Ковшингъ», подъ англійскимъ флагомъ и подъ командою двухъ англійскихъ офицеровъ, капитана Гальсворти и лейтенанта Тамплина, спрятался въ отдаленную бухту. Онъ, однако, не укрылся отъ взора Того, который слѣдовалъ за ними и послалъ къ нимъ офицера на гребномъ

¹⁾ «L'amiral Togo», «Figaro», avril 1904.

суднѣ съ требованіемъ сдаться. Гальсворти отвѣтили, что не имѣетъ никакого враждебнаго намѣренія, что онъ подѣ англійскимъ флагомъ, и что невозможно 1.600 китайскимъ солдатамъ сдаться въ плѣнъ. Впрочемъ, онъ былъ готовъ отплыть въ нейтральныя воды. Но Того былъ непоколебимъ, несмотря на то, что Гальсворти былъ его товарищемъ и окончилъ вмѣстѣ съ нимъ морское образованіе на «Ворчестрѣ»; онъ пригласилъ англійскихъ офицеровъ перейти съ судна, затѣмъ открылъ огонь по невинному «Ковшингу», который вскорѣ пошелъ ко дну, со всѣми находившимися на немъ людьми. При первомъ выстрѣлѣ капитанъ Гальсворти и его лейтенантъ бросились въ воду и были подобраны японскимъ экипажемъ, тогда какъ всѣ его пассажиры погрузились въ воду, и спаслось лишь небольшое количество, между прочимъ, нѣмецкій майоръ Геннекенъ, командовавшій китайскими солдатами, который достигъ берега. Такимъ образомъ, эта неожиданная атака состоялась до объявленія войны, такъ же какъ и Портъ-Артурская. Того также участвовалъ въ сраженіи на Ялу, а затѣмъ при осадѣ Вей-хай-вея. Японцамъ предстояло высадить армейскій корпусъ недалеко отъ выпеназваннаго города, и для этого, посредствомъ ловко поведенной диверсіи, привлечь ихъ силы на другой пунктъ и отвлечь вниманіе китайцевъ отъ того, гдѣ они хотѣли высадиться. Эта ложная атака была поручена капитану Того, который давно и со свойственнымъ ему стараніемъ, изучалъ китайскіе берега, въ особенности зону, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать. Онъ такъ хорошо успѣлъ въ этомъ, что могъ нанести смѣлый и даже необыкновенный ударъ китайцамъ. Въ его распоряженіи были два легкія судна «Шокаи» и «Атаго», на которыхъ вечеромъ онъ приказалъ развести пары и ожидать, когда скроется луна. Лишь только стемнѣло, онъ проскользнулъ на рейдъ, гдѣ стоялъ китайскій флотъ, и среди полной ночной темноты въ упоръ открылъ пушечную пальбу, произведя невыразимый переполохъ, и затѣмъ быстро удалился, оставивъ китайцевъ въ убѣжденіи, что ихъ атаквала цѣлая японская эскадра. Впрочемъ японцы потеряли немало людей, такъ какъ въ эту ночь стоялъ страшный холодъ, море волновалось, и нѣсколько дней спустя, на судахъ были найдены мертвыми отъ холода много японскихъ офицеровъ. Изъ всего видно, что Того не колеблется взять на себя самую тяжелую отвѣтственность. Въ Японіи онъ пользуется большимъ уваженіемъ. Въ 1894 году во время китайско-японской войны японскимъ флотомъ командовалъ виконтъ Ито, одержавшій побѣду при Ялу. Подѣ его начальствомъ находился Того, и виконтъ довѣрялъ ему различныя затруднительныя порученія, которыя онъ исполнялъ чрезвычайно удачно, и по окончаніи войны былъ вознагражденъ производствомъ въ морскіе префекты Сасебо, самаго важнаго военнаго порта Японіи. Когда же онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба, т. е. начальникомъ флота, такъ какъ въ Японіи начальникъ штаба не зависитъ отъ министерства, маркизъ Ито далъ ему самую важную японскую эскадру. Въ 1895 году адмиралъ Ито поручилъ ему составить планъ переустройства флота. Онъ же руководилъ постройкою всѣхъ крейсеровъ и броненосцевъ, которые были окончены предѣ самой войной, уже давно предусмотрѣнной и подготовленной. Точно такъ же, какъ и въ японско-китайскую войну, Того основательно и до мельчайшихъ подробностей изучилъ новое

поле дѣйствій. Первая атака Портъ-Аргура, какъ извѣстно, была встрѣчена громкими восторгами англійской прессы, и англійскій адмиралъ, Инглестъ, въ особенности раздувалъ успѣхъ, въ качествѣ прежняго морского совѣтника Японіи. Тенерь въ Англии нѣсколько разочаровались въ Того и даже стали подвергать критикѣ его дѣйствія. Во всякомъ случаѣ Баистъ говоритъ, что Того—человѣкъ энергичный, старательный, предприимчивый, изворотливый и сторонникъ наступательной тактики.

— Столѣтніе юбилеи французскихъ писателей. Въ послѣдніе годы во Франціи появилась мода на празднованіе литературныхъ столѣтій. Такъ, напримѣръ, были торжественно справлены юбилеи Виктора Гюго, Дюма отца, Мишлэ и Эдгара Кинэ. Однако, были пропущены замѣчательные писатели: въ прошедшемъ году,—Меримэ, а въ нынѣшнемъ — Эженъ Сю. Впрочемъ, литература и журналистика вспомнили о забытыхъ юбилярахъ и посвятили имъ нѣсколько книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей. Такъ о наиболѣе извѣстномъ и талантливомъ Эженѣ Сю написали въ газетахъ сочувственныя статьи Монторрейль и Люсьенъ Декавъ. Что касается до Меримэ, то Огюстенъ Филонъ посвятилъ ему цѣлую книгу ¹⁾: «*Mérimée et ses amis*», а Эмиль Фагэ и Габріель Ферри помѣстили о немъ статьи ²⁾ въ «*Revue Bleue*» и въ «*Revue Nouvelle*» подъ названіемъ: «*Le centenaire de Mérimée*» и «*Prosper Mérimée, collaborateur de Napoléon*». Хотя Меримэ былъ членомъ французской академіи,—а слѣдовательно, бессмертнымъ,—инспекторомъ изящныхъ искусствъ и сенаторомъ, но онъ всю свою жизнь провелъ очень скромно и одиноко. Въ качествѣ литератора и прозаика, онъ обращалъ на себя не много вниманія, не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи и былъ авторомъ только замѣчательныхъ повѣстей, особенно «*Colomba*» и «*Campan*». Предметы большинства его рассказовъ и романовъ были взяты изъ заграничныхъ, преимущественно испанскихъ и даже русскихъ сюжетовъ. Во время своихъ путешествій въ Испанію въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія онъ подружился съ графомъ Тэбо, дочь котораго была впоследствии императрицей Евгеніей. Съ ея матерью онъ былъ также въ короткихъ отношеніяхъ, и Евгенія, когда сдѣлалась императрицей, не забыла стараго друга своего семейства. Она выпросила для него у мужа мѣсто сенатора. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ Тюйлери, но скорѣе въ качествѣ друга, чѣмъ царедворца. Когда Наполеонъ III рѣшился написать исторію Цезаря, то зная, что Меримэ собираетъ матеріалы для такой же біографіи, просилъ его составить подготовительный трудъ. Меримэ взялся за это дѣло и отказался отъ своего сочиненія. Онъ также сообщил императору свои документы и бумаги, касавшіяся исторіи Цезаря. Собственно говоря, онъ не былъ сотрудникомъ императора и не писалъ ни одной страницы его работы, но читалъ корректурные листы, сообщалъ ему свои взгляды, подготавливалъ ему изслѣдованія и вообще собиралъ матеріалы.

¹⁾ *Mérimée et ses amis*, par Augustin Filon. Paris. 1904.

²⁾ *Le centenaire de Mérimée*, par Emile Faguet. La *Revue Bleue*. Octobre. 1903.
Prosper Mérimée, collaborateur de Napoléon III, par Gabriel Ferry. La *Nouvelle Revue*. Février. 1904.

По выходѣ книжки Меримэ написалъ о ней въ «Journal des savants» двѣ критическія статьи въ чрезвычайно умѣренномъ и совсѣмъ не въ льстивомъ тонѣ. За всѣ свои услуги онъ отказался отъ всякой награды и не хотѣлъ взять предназначенной ему звѣзды ордена почетнаго легіона. «Это нимало не увеличитъ моей преданности къ императору, — сказалъ онъ, — а можетъ возбудить ревность въ другихъ. Къ тому же я самый ненужный и праздный изъ людей. Я провожу всѣ вечера у камина въ своей комнатѣ; за что же вы хотите придѣлать мнѣ звѣзду къ халату?» Однако, Наполеонъ III поставилъ на своемъ и назначилъ его кавалеромъ почетнаго легіона 1-й степени. Въ 1869 году онъ опасно занемогъ и не перенесъ паденія имперіи. Умеръ онъ 3-го сентября 1870 года шестидесяти семи лѣтъ отъ роду. Въ сущности Меримэ былъ не хуже многихъ другихъ литераторовъ, которые заслужили послѣ смерти памятникъ и празднованіе столѣтняго юбилея, и въ сущности былъ предкомъ Людовика Галеви, Гюстава Дроза, Эдмона Абу и, быть можетъ, отчасти Гюи де-Мопассана.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Евгенийъ Сю былъ болѣе достоинъ столѣтняго юбилея, чѣмъ Дюма-отецъ, который, въ сущности, не болѣе, какъ ловкій, искусный сказочникъ. Евгенийъ Сю былъ талантливый, а главное, убѣжденный либеральный, едва не социальный романистъ. Поэтому, хотя теперь только читаются его два романа: «Mystères de Paris» и «Le juif errant», но имя его уважается не только во Франціи, но и въ образованныхъ странахъ всего свѣта. По случаю его юбилея, официально нигдѣ не празднованнаго, напечатана въ англійскомъ журналѣ «Fortnightly Review» очень сочувственная статья ¹⁾ Френсиса Гриббля, подъ заглавіемъ: «Эженъ Сю». Англичанинъ прямо заявляетъ, что два романа Сю, читаемые еще до сихъ поръ, пользуются, какъ «Хижина дяди Тома», славой социализма и антиклерикализма. Родившись въ 1804 году, Эженъ Сю началъ свою карьеру морскимъ докторомъ, а потомъ сдѣлался популярнымъ романистомъ. Сначала онъ извѣстенъ былъ, какъ авторъ увлекательныхъ разсказовъ изъ морского быта, потомъ историческихъ романовъ, — преимущественно противъ монархіи, — бытовыхъ повѣстей изъ общественной жизни, и, наконецъ, прославился социалистическими и антиклерикальными романами, какъ, на примѣръ: «Mystères de Paris», «Le juif errant», «Mystères du peuple», «Les sept péchés capitaux» и т. д. Во время появленія послѣднихъ произведеній Сю онъ пользовался большою славой, считался защитникомъ интересовъ низшихъ классовъ и врагомъ аристократіи и монархіи. Конечно, многочисленные враги этого писателя обвиняли его въ томъ, что онъ писалъ для денегъ и ради корыстолюбивыхъ цѣлей развивалъ социалистическія стремленія. Хотя, дѣйствительно, онъ давалъ въ своихъ романахъ то, чего жаждалъ въ то время французскій народъ, но невозможно усомниться въ искренности его убѣжденій. Правда, успѣхъ его социальныхъ романовъ былъ просто неимоверный: онъ помѣщалъ свои произведенія въ фельетонахъ, которые только что начали тогда появляться въ нижнемъ ряду ежедневныхъ парижскихъ газетъ. На примѣръ, «Тайны Парижа» въ про-

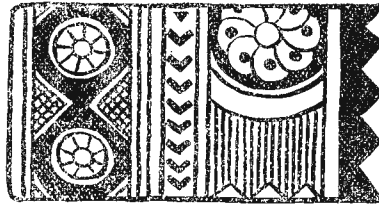
¹⁾ Eugène Sue, by Francis Gribble. «The Fortnightly Review». February 1904.

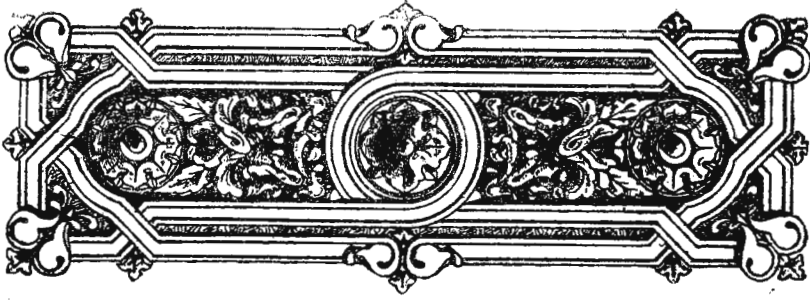
Долженіе ста сорока семи дней приводили въ восторгъ весь мелкій Парижъ и принесли Сю до 10.000 рублей. Точно такой же успѣхъ имѣлъ Вѣчный Жидъ въ газетѣ «Constitutionnel», и за это, ежедневно импровизированный противоклерикальный романъ Эжень Сю выручилъ 40.000 рублей. Хотя этотъ популярный романистъ создалъ всѣхъ бульварныхъ романтическихъ фельетонистовъ Парижа, но его скорѣе можно сравнить съ Эмилемъ Золя, чѣмъ съ Полемъ Февалемъ, Ксавье де-Монтеневомъ и т. д. Его искреннія социалистическія и либеральныя идеи доставили ему въ 1848 году мѣсто въ парламентъ, а во время переворота 2-го декабря онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Франціи. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Парижъ и умеръ въ 1857 году уже не столь популярнымъ. Бросивъ бѣглый взглядъ на жизнь и труды Эжена Сю, нельзя не признать, что французы, и особенно парижане, отвесили къ нему много несправедливо, и онъ гораздо болѣе, чѣмъ рассказчикъ Дюма, заслуживалъ бы столѣтній юбилей.

— Смерть испанской королевы Изабеллы II-й. Бывшая испанская королева, Изабелла II-я, скончалась въ Парижѣ 9 апрѣля настоящаго года. Мирно и спокойно покончила она свою тревожную, бурную жизнь. Родилась Изабелла въ Мадридѣ въ 1830 году и была дочерью короля Фердинанда II-го, который умеръ, когда ей было три года. Возведенная на престолъ среди смуты и безпорядковъ, Изабелла почти съ колыбели познакомилась съ королевскою властью, но, конечно, лишь по имени. Ея мать, королева Марія-Христина, была сдѣлана регентшей, и долго продолжались кровавыя распри между нею и братомъ короля, дономъ Карлосомъ. Положеніе регентши было тѣмъ опаснѣе, что многіе изъ европейскихъ дворовъ, въ томъ числѣ папа, отказывались признавать Изабеллу королевой. Шесть лѣтъ продолжалась междуособная борьба, и только благодаря защитѣ либеральныхъ силъ страны и храбрости арміи, которою предводительствовалъ маршалъ Эспартеро, донъ-Карлосъ былъ окончательно разбитъ. Однако регентшѣ Маріи-Христинѣ не пришлось мирно управлять страню, такъ какъ постоянно происходили распри между политическими партіями—реакціонной, къ которой принадлежала регентша, и либеральной, предводительствуемой Эспартеро. Наконецъ, произошелъ военный переворотъ, названный съ тѣхъ поръ въ Испаніи пронунціаменто, и регентша была вынуждена отказаться отъ власти въ 1840 году. Маршалъ Эспартеро сдѣлался въ свою очередь регентомъ, но не долго управлялъ страню и такъ же былъ низвергнутъ черезъ три года новымъ пронунціаментомъ. Тогда кортесы посѣдѣли объявить Изабеллу совершеннолѣтней, хотя ей было всего двѣнадцать лѣтъ. Изабелла II прежде всего призвала обратно свою мать, а потомъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, дон-Франциска-Ассиза, кавалерійскаго офицера. Юная королева вручила власть надъ страню умѣренной либеральной партіи, которая правила дѣлами съ небольшими перерывами около одиннадцати лѣтъ. Въ это время королева была очень популярна. Она побѣждала всѣ сердца своей красотой, граціей и добрымъ сердцемъ и старалась управлять съ помощью умѣренныхъ, но мало-по-малу эта партія превратилась въ абсолютистовъ, и во главѣ ея стоялъ знаменитый маршалъ Нарваэзъ, одинъ изъ героевъ Карлистской войны. По несчастію Иза-

белла подчинилась вмѣстѣ съ тѣмъ матерямъ, и ея любимцемъ сдѣлался патеръ Черито-де-ла-Альмеда, котораго она сдѣлала архіепископомъ Толедо. Кромѣ того, ея духовникъ былъ самымъ отчаяннымъ фанатикомъ-монахомъ, а монахиня, сестра Патричиніо, закадычный другъ королевы, дошла до того, что обвинялась судомъ въ мошенничествѣ. Ко всемъ этимъ внутреннимъ интригамъ присоединились и внѣшнія, благодаря женитбѣ на испанской инфантѣ Маріи-Луизѣ герцога Монпансье, сына французскаго короля Луи-Филиппа. Англія, во что бы то ни стало, съ политической точки зрѣнія, сопротивлялась этому событію. Наконецъ, расточительность королевы и ея фаворитовъ довела Испанію до крайняго разстройства. Министерства Мурилло, Ронкалли, Лерсунди и Сарториуса были пассивными орудіями въ рукахъ католической «камариллы». Въ арміи распространилось неудовольствіе, и открыто стали раздавать сатиры на королеву. 17 іюня 1854 года вспыхнуло возстаніе въ Мадридѣ. Королева одну минуту думала бѣжать, но отказалась отъ своего намѣренія и пыталась бороться съ анархіей. Однако, ея армія была разбита, и Изабелла сдалась. Она созвала кортесы и вручила предсѣдательство государственнаго совѣта Эспартеро, кумиру прогрессистовъ. Вмѣстѣ съ либералами они составляли большинство и вотировали новую конституцію, которую королева приняла. Сначала она съ большимъ тактомъ исполняла обязанности конституціонной королевы, но вскорѣ Эспартеро склонился въ пользу республиканскихъ элементовъ, и его замѣнилъ О'Доннелль, который сошелся съ умѣренными. Новая придворная интрига въ свою очередь лишила его власти, и Нарваэзъ, снова сдѣлавшись министромъ, возстановилъ реакцію. Королева, боясь успѣховъ абсолютизма, призвала назадъ О'Доннелля, который, наученный прежнимъ опытомъ, старался соединить всѣ элементы старинныхъ партій. Онъ сформировалъ коалицію центровъ; это была новая либеральная коалиція, которая создала самое твердое и плодотворное изъ правительствъ Изабеллы II-й. Оно было триумфомъ либеральнаго парламентаризма и даровало Испаніи какъ политическое, такъ и финансовое благоденствіе. Во время долгаго господства О'Доннелля отъ 1858 по 1863 гг. произошли: Марокская война, экспедиція въ Санъ-Доминго, взятіе, вмѣстѣ съ Франціей, Сайгуна. Эти подвиги отчасти возвратили Испаніи ея военную славу. Вся Европа восхищалась ея удивительнымъ возрожденіемъ и если бы не ревность Англіи, то Испанія заняла бы въ то время мѣсто великой державы. Измѣна Прима во время мексиканской экспедиціи вызвала паденіе министерства О'Доннелля. Это былъ конецъ либеральной коалиціи. Съ тѣхъ поръ армія забрала всю власть въ свои руки, и королева, слишкомъ слабая, чтобы ей сопротивляться, была игрушкой прунциаменто. Мало-по-малу непопулярность королевы увеличилась до крайности, хотя до этого времени народъ ее очень любилъ, приписывая всѣ невзгоды политическимъ партіямъ и военному сословію. Изабелла сама любила говорить: «я испанка, настоящая испанка изъ квартала Паломы, гдѣ женщины носятъ кинжалъ за своей подвязкой». Однако преторіанцы брали верхъ надъ всеми партіями, несмотря на то, что нѣкоторое время опять одержалъ верхъ О'Доннелль. Смерть Нарваэза въ 1868 году отняла у королевы ея послѣднюю опору. Катастрофа, которой всѣ ожидали, наконецъ грянула, нѣсколько

мѣсяцевъ спустя. Ближайшей причиной рокового переворота была жестокость перваго министра Гонзалеза Браво, который принималъ самыя драконовскія мѣры. Возстаніе распространилось по всей странѣ, и королева вынуждена была бѣжать въ Парижъ и отказаться отъ престола 20 іюня 1869 года. Наполеонъ III выѣхалъ къ ней навстрѣчу съ женой и сыномъ и устроилъ ей самый любезный приемъ. Съ тѣхъ поръ она жила исключительно въ Парижѣ и никогда не вступалась въ политическія интриги. Съ мужемъ она развелась, и онъ умеръ два года тому назадъ. Она умерла на семьдесятъ четвертомъ году и лишила своего внука, испанскаго короля, доли своего громаднаго наслѣдства, которое досталось ея дочерямъ.

С М Ъ С Ъ.

ИСПУТЬ А. Н. Савина. 18-го февраля въ Москвѣ въ большой аудиторіи новаго университета состоялся диспутъ приватъ-доцента А. Н. Савина, представившаго для соисканія степени магистра всеобщей исторіи изслѣдованіе «Англійская деревня при Тюдорахъ». Официальными оппонентами были профессоръ Р. Ю. Випперъ и приватъ-доцентъ С. А. Котляревскій, неофициальнымъ выступилъ И. Н. Гранатъ. Въ своемъ изящномъ вступительномъ словѣ А. Н. Савинъ говорилъ о морально-общественномъ и теоретическомъ значеніи изученія соціальной исторіи вообще и соціальной исторіи Англій въ частности. Первый официальный оппонентъ, профессоръ Р. Ю. Випперъ, отозвался съ большою похвалою объ изслѣдованіи А. Н. Савина, привѣтствуя его какъ за выборъ темы, такъ и за выполненіе работы. Оппонентъ особенно подчеркивалъ трудности задачи, которую поставилъ себѣ авторъ, и съ которой справился блистательно. Переходя къ возраженіямъ, профессоръ Випперъ указалъ на колебанія, которыя замѣтны въ изложеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, отмѣтилъ недостатокъ болѣе систематической группировки собранныхъ въ книгѣ фактовъ. По его мнѣнію, если бы авторъ принялъ во вниманіе вліяніе на изображаемый имъ юридическій строй копигольда различныхъ явленій англійской исторіи XV и XVI вѣковъ, — какъ напримѣръ, судебъ хлѣбной торговли и торговой политики Тюдоровъ, — то изложеніе было бы стройнѣе. Далѣе, по мнѣнію оппонента, было бы также желательнѣе больше индивидуализировать изложеніе по отдѣльнымъ графствамъ. Второй оппонентъ, С. А. Котляревскій, началъ съ заявленія, что аналитическая сторона книги

неуязвима, и построилъ свои замѣчания такимъ образомъ, что они главнымъ образомъ выражали различныя desiderata оппонента относительно желательности сопоставленія кошигольдеровъ съ вилланами, сокменами и другими типами крестьянъ, относительно социальной политики Тюдоровъ и прочее. Неофициальный оппонентъ И. Н. Гранатъ выставилъ рядъ замѣчаній, направленныхъ противъ аналитической стороны книги. Самъ А. Н. Савинъ призналъ, что они сдѣланы по наиболѣе существеннымъ вопросамъ, затронутымъ въ книгѣ. Замѣчания касались главнымъ образомъ связи между различными типами державія и уровнемъ благосостоянія крестьянъ, при чемъ оппонентъ совершенно не соглашался съ нѣкоторыми основными обобщеніями диссертации. А. Н. Савинъ давалъ подробныя объясненія по всѣмъ предложеннымъ ему замѣчаніямъ. Диспутъ очень затянулся, и лишь въ 7-мъ часу вечера деканъ историко-филологическаго факультета, М. И. Соколовъ, прочелъ постановленіе факультета, которое признало А. Н. Савина магистромъ всеобщей исторіи. Постановленіе было встрѣчено громкими рукоплесканіями многочисленной публики.

Русское историческое общество. Въ среду, 10 марта, въ 9 часовъ вечера происходило въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владимира Александровича и Николая Михайловича, годичное общее собраніе императорскаго Русскаго историческаго общества. Въ собраніи присутствовали дѣйствительные члены общества: А. А. Половцовъ, графъ В. Н. Ламздорфъ, А. Н. Куломзинъ, Д. Θ. Кобеко, Н. Θ. Дубровинъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Θ. Θ. Мартенсъ, В. И. Сергѣевичъ, Н. Д. Чечулинъ, А. З. Мышлаевскій, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шужигорскій, С. Θ. Платоновъ и Н. М. Павловъ. По открытіи засѣданія предсѣдатель общества, А. А. Половцовъ, прочелъ отчетъ о дѣятельности общества. Въ 1903 году окончено печатаніемъ три тома «Сборника» общества. Томъ 117 служитъ продолженіемъ выпущеннаго въ прошломъ году 114 тома и представляетъ собою уже VI часть «Бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны», собранныхъ и изданныхъ подъ редакцію профессора Московскаго университета А. Н. Филиппова. Бумаги кабинета относятся къ 1737 году и имѣютъ большое научное значеніе, особенно для изученія дѣятельности кабинета министровъ. Между указами встрѣчается немало такихъ, которые относятся къ военнымъ дѣйствіямъ подъ начальствомъ графа Миниха въ Крыму. Злслуживаютъ вниманія также именныя указы и высочайшія резолюціи, относящіяся къ извѣстному верховнику князю М. Д. Голицыну, а равно свѣдѣнія о послѣднемъ годѣ его жизни. Томъ 118 «Сборника», изданный подъ редакцію члена общества барона Θ. Р. Остенъ-Сакена и при участіи князя Н. В. Голицына, содержитъ въ себѣ VII часть изданія документовъ, относящихся къ политической перепискѣ императрицы Екатерины II. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ 233 документа, относящихся къ 1772 и 1773 годамъ, когда произошли первый раздѣлъ Польши, переворотъ, совершенный королемъ Густавомъ III въ Швеціи, попытки примиренія съ Турціей на Фокшанскомъ, а затѣмъ на Бухарестскомъ конгрессахъ, заботы объ установленіи независимости Крыма. 119 томъ посвященъ 2-й части предпринятаго, подъ редакціей предсѣдателя общества, изда-

нія донесеній представителей французскаго правительства при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ, а также министерскихъ распоряженій какъ французскаго, такъ и императорскаго правительствъ. Въ томъ собранъ дипломатическая переписка между Россіей и Франціей за 1817 и 1818 годы. Эпоха эта была чрезвычайно тяжела для Франціи. Императоръ Александръ I, признававшій необходимымъ установленіемъ политическаго въ Европѣ равновѣсія усилить гарантіи мира, почиталъ главнѣйшимъ къ тому средствомъ возвратить Франціи прежнее ея положеніе великой державы. Императоръ энергически настаивалъ на собраніи международнаго конгресса, долженствовавшаго облегчить тягостную судьбу Франціи. Вслѣдствіе такихъ настояній конгрессъ и собрался въ Аахенъ въ концѣ 1818 года и, согласно желанію императора Александра, рѣшилъ освободить Францію отъ военной оккупации и значительно уменьшить контрибуціонную сумму. Кромѣ томовъ «Сборника», изданъ еще новый, седьмой томъ «Русскаго біографическаго словаря» — на букву С. Дальнѣйшія работы по изданію «Сборника»: продолжается печатаніе слѣдующихъ томовъ: 1) переписка императора Николая съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ съ 1825 по 1831 годъ, подъ редакціей Д. Θ. Кобеко; 2) бумаги князя А. И. Чернышева, подъ редакцію Н. Θ. Дубровина; 3) бумаги Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, подъ редакціей В. И. Сергѣевича; 4) донесенія голландскихъ посланниковъ въ XVII столѣтіи, подъ редакцію В. А. Кордта; 5) бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны за первую половину 1738 года, подъ редакцію А. Н. Филиппова; 6) памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Швеціей и Даніей за время царствованія царя Ивана Васильевича, подъ редакціей В. В. Майкова; 7) политическая переписка императрицы Екатерины II, подъ редакціей барона Θ. Р. Остенъ-Сакена. Подготавливаются къ печати слѣдующіе томы: 1) донесенія князя Лобковича графу (вио слѣдствіи князю) Кауницу, съ 1772 года извлеченныя изъ вѣнскаго государственнаго архива и уже начатыя печатаніемъ покойнымъ секретаремъ общества Г. Θ. Штендманомъ; 2) документы и бумаги, относящіеся къ дѣятельности конференціи, учрежденной императрицею Елизаветою Петровною въ 1756 году. Свой отчетъ о дѣятельности общества за 1903 годъ А. А. Половцовъ заключилъ рѣчью, посвященной скончавшемуся въ отчетномъ году секретарю общества Г. Θ. Штендману. Послѣ годового отчета переизбранъ на новое трехлѣтіе въ члены совѣта общества В. И. Сергѣевичъ и избранъ секретаремъ общества Н. Д. Чечулинъ. Затѣмъ прочли доклады: С. Θ. Платоновъ — «Евѣимьевъ Савва, протопопъ спасскій, одинъ изъ руководителей нижегородскаго движенія»; гр. В. Н. Ламздорфъ — «Новые матеріалы для исторіи царевича Алексѣя Петровича» и «Первые годы дипломатическихъ сношеній Россіи съ Японіей», и Д. Θ. Кобеко — «Изъ переписки императора Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ».

Общество любителей древней письменности. I. 5 марта состоялось общее собраніе этого общества подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе о Домнѣ-Стефанидѣ, невѣстѣ царя Алексѣя Михайловича, было сдѣлано А. И. Яцимирскимъ. На основаніи румынскихъ источниковъ и

неизданныхъ русскихъ архивныхъ данныхъ, авторъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о вдовѣ молдавскаго эякъ-господаря Григорія-Стефана X, красавицѣ Стефанидѣ, которая по смерти мужа пріѣхала въ концѣ 1669 г. въ Россію. Нѣкоторые историки предполагаютъ, что ею руководило тайное желаніе сдѣлаться русскою царицей, тѣмъ болѣе, что царь Алексѣй Михайловичъ въ то время тоже овдовѣлъ. По крайней мѣрѣ, какъ бы сватомъ является александрийскій патріархъ Паисій, гостившій въ то время въ Россіи и давшій совѣтъ царю жениться, а затѣмъ и написавшій къ царю письмо съ просьбой о разрѣшеніи упомянутой Стефанидѣ пріѣхать въ Москву. Послѣ наведенія справокъ разрѣшеніе было дано, и Стефанида пріѣхала въ Москву, но дѣло кончилось ничѣмъ для вдовы, и, повидимому, она уѣхала изъ Россіи. Къ этимъ извѣстіямъ г. Яцимирскій присоединилъ еще біографическія свѣдѣнія о ея мужѣ. Изгнанный турками изъ Молдавіи, Григорій-Стефанъ долго скитался по Европѣ, пріѣзжалъ и въ Москву, съ цѣлью привлечь разныхъ правителей къ своему проекту изгнанія турокъ. Кончилъ онъ жизнь въ бѣдности, въ Стокгольмѣ, но тѣло было перевезено на родину и погребено въ имѣ основанномъ монастырѣ Капшинѣ, среди фресокъ котораго оказались старинные портреты самого Стефана и его жены Стефаниды. Второе сообщеніе Г. А. Ильинскаго касалось пергаменнаго служебника XIII вѣка изъ древлехраннлица Погодина, № 37. По мнѣнію г. Ильинскаго, эта рукопись по своимъ особенностямъ и богатому орнаменту представляетъ замѣчательнѣйшій памятникъ южно-славянской письменности. Сохранившаяся запись съ именемъ Симеона и указаніе мѣста написанія—на Аѳонѣ, подаль поводилъ референту предположить, что служебникъ написанъ королемъ сербскимъ Стефаномъ первоувнчанымъ, постригшимся на Аѳонѣ подъ именемъ Симеона. Последнее сообщеніе «Аристотелевы врата» или «Тайная тайныхъ», М. Н. Сперанскаго, было доложено секретаремъ. Г. Сперанскій пересмотрѣлъ множество рукописей, какъ славянскихъ, такъ и западно-европейскихъ, сохранившихъ намъ это сочиненіе и пришелъ, къ выводу, что «Аристотелевы врата» въ русскихъ спискахъ восходятъ къ оригиналу арабскому въ поздней его редакціи, состоявшей изъ 8 книгъ, а не къ старой—изъ 10 книгъ; что русскій переводъ былъ сдѣланъ съ еврейскаго на бѣлорусское нарѣчіе, въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху ереси жидовствующихъ, а последнее обстоятельство послужило къ запрещенію этого сочиненія. Тѣмъ не менѣе въ теченіе XVI и XVII вѣковъ «Аристотелевы врата» пользовались большою популярностью и оказали вліяніе на другіе памятники, каковы «Хронографъ» третьей редакціи и «Проходный вертоградъ». И. 19 марта въ общемъ собраніи предсѣдатель гр. С. Д. Шереметевъ сообщилъ о кончинѣ Э. Н. Кантемирова, давняго члена общества и бывшаго его казначея. Всѣ знавшіе его,—сказалъ гр. Шереметевъ,—цѣнили и уважали этого добраго и благороднаго человѣка, имя котораго не забудется въ лѣтописяхъ общества любителей древней письменности. Память почившаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ К. К. Истоминъ сдѣлалъ сообщеніе: «Нѣкоторыя данныя о протографѣ Еллинскаго лѣтописца». Указавъ на важность изученія компиляцій, въ которыхъ отразилось вліяніе лѣтописца, референтъ остановился на одной изъ нихъ, проложной, о преніи апостола Петра съ Симономъ волхвомъ, составленной изъ двухъ статей—

отрывка изъ хроники Малады и русскаго компилятивнаго апокрифическаго сказанія объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, встрѣчающихся только въ Мидиотинскихъ минеяхъ (XVII в.). Въ существующихъ спискахъ Еллинскаго лѣтописца нельзя искать источника этой компиляции, такъ какъ въ нихъ текстъ Малады короче проложной компиляции, такъ что слѣдуетъ предполагать, что этотъ источникъ находится въ недошедшемъ до насъ протографѣ Еллинскаго лѣтописца; вопросъ же о времени происхожденія послѣдняго можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ исторіей Пролога на Руси. Русская компиляция, по замѣчанію г. Истомина, помимо своихъ источниковъ, кое-что вноситъ и отъ себя, напримѣръ, описаніе наружности Иисуса Христа и Симона волхва. Второе сообщеніе «Сказаніе о ересяхъ и хуленіяхъ, содержимыхъ отъ невѣднія въ знаменныхъ книгахъ», принадлежало С. В. Смоленскому. Это сочиненіе инока Евфросина, 1651 г., представляетъ, вѣроятно, обширную объяснительную записку къ докладу церковному собору и было вызвано общимъ возбужденіемъ противъ чрезмѣрно разившейся хомоніи, вѣроятно, даже появленіемъ какого либо трактата въ защиту этого способа пѣнія. Дѣйствительно непомѣрное, частью же и недѣльное развитіе раздѣльнорѣчія замѣчается не въ столповомъ пѣніи, а въ новыхъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именами «произвелъ» или «инъ нереводъ», появившихся во множествѣ послѣ троїцкаго головщика Логгина Коровина и его учениковъ. «Сказаніе» состоитъ изъ введенія и множества примѣровъ недѣльности и случаевъ двусмысленнаго искаженія текстовъ отъ хомоніи; причину этого печальнаго явленія Евфросинъ правильно видитъ въ увлеченіи учителей пѣнія. Анализируя русское пѣвческое раздѣльнорѣчіе, сходное съ французскимъ, г. Смоленскій указалъ на фонетическія основанія хомоніи и на удивительную способность русскихъ текстовъ, какъ церковныхъ, такъ и пѣсенныхъ и былинныхъ, къ самому свободному перенесенію удареній и растяженію гласныхъ буквъ. Въ хомовомъ церковномъ пѣніи, сохранившемся у безпоповцевъ, сохранилась и та «гладь» пѣнія, т. е. смягченіе удареній и особенная ровность напѣва, которая несомнѣнно имѣетъ значительную долю русской красоты.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 18 марта, въ 26-ю годовщину существованія общества, состоялось годичное засѣданіе, въ которомъ дѣйствительный членъ общества, Н. М. Петровскій, произнесъ рѣчь на тему «Словинецъ о Поволжѣ». Матеріаломъ для лектора послужила статья извѣстнаго словинскаго ученаго, д-ра Матвѣя Мурка: «Въ русской провинціи», напечатанная на родномъ языкѣ автора въ одномъ изъ словинскихъ журналовъ. Г. Мурко сообщаетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки лѣтомъ 1888 года по Волгѣ отъ Нижняго Новгорода до Саратова и обратно. Наблюдая русскую жизнь нѣсколько предубѣжденными глазами европейца, г. Мурко, тѣмъ не менѣе, находитъ въ ней кое-что хорошее, хотя и не скупится на саркастическія замѣчанія о русскихъ порядкахъ. Во всякомъ случаѣ словинскаго ученаго нельзя упрекнуть въ какихъ бы то ни было вымыслахъ относительно Россіи, на которые такъ щедръ посѣщающіе ее иностранцы; отъ крупныхъ промаховъ г. Мурка спасало прекрасное знаніе русскаго языка, который ему удалось изучить во время долгаго пребыванія въ

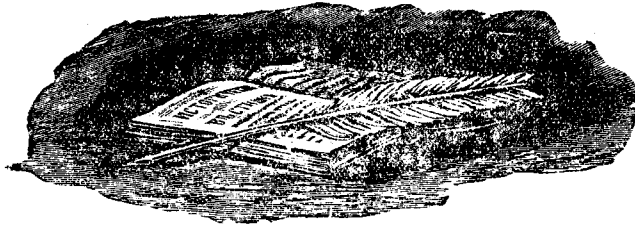
Петербургу, предшествовавшего поѣздкѣ по провинціи. Кромѣ рѣчи г. Петровскаго, въ засѣданіи былъ заслушанъ составленный секретаремъ общества, Н. К. Горгаловымъ, отчетъ о состояніи и дѣятельности общества за 1903 годъ, и произведены выборы должностныхъ лицъ на предстоящее двухлѣтіе (по 18 марта 1906 г. включительно): председателемъ общества избранъ вновь профессоръ Н. Ѡ. Катановъ, секретаремъ прив.-доц. К. В. Харламповичъ.

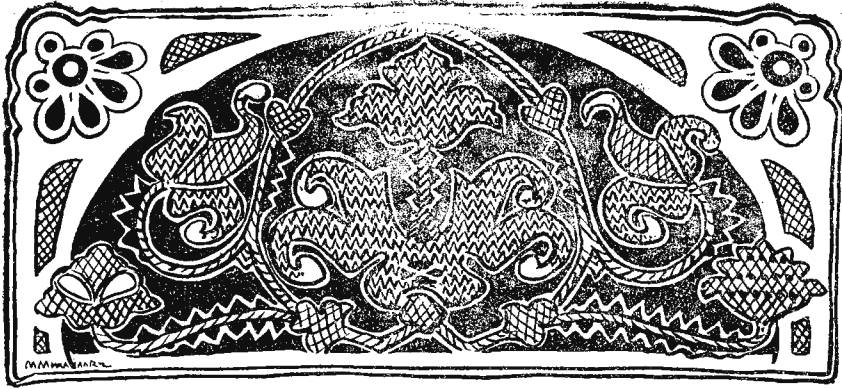
Географическое общество. Въ дополненіе къ сообщенію въ «Смѣси» предшествовавшей книжки перепечатаваемъ изъ № 10056 «Новаго Времени» ниже слѣдующее письмо въ редакцію подъ заглавіемъ «О картѣ сѣверной Кореи»: «Въ уважаемой газетѣ вашей появилась статья г. А. Лубенцова, озаглавленная «Карта сѣверной Кореи», въ коей онъ приводитъ доводы, изложенные имъ на засѣданіи географическаго общества по поводу моего доклада, почему и прошу васъ помѣстить повтореніе данныхъ мною тогда объясненій. Сводятся его возраженія къ тому, что его группировка горъ болѣе правильна, чѣмъ моя, и что хребетъ, названный мною хребтомъ Климатической границы, не есть таковой, а скорѣе граничнымъ хребтомъ можетъ быть принятъ таковой, идущій на моей картѣ по 127 меридіану. На первое я позволяю себѣ замѣтить, что всякъ воленъ поддерживать ту или иную гипотезу, пока она не доказана или не опровергнута положительными данными — въ разсматриваемомъ случаѣ инструментальной съемкой съ опредѣленіемъ абсолютныхъ высотъ. Вѣдь очень долго мы всѣ вѣровали въ Урало-Карпатскую и другія гряды. Г. Лубенцовъ основывается на своихъ наблюденіяхъ, вѣроятно, по преимуществу касавшихся относительнаго командованія высотъ, и на положеніи, что хребты соотвѣтствуютъ водораздѣламъ; я основываюсь также на личныхъ наблюденіяхъ и на разработкѣ имѣвшагося гипсометрическаго матеріала; кромѣ того, составляя карту, мнѣ пришлось весь этотъ матеріалъ группировать. Существенное различіе въ нашемъ пониманіи орографіи Кореи сводится къ тому, что г. А. Лубенцовъ считаетъ Пейктусанъ за узелъ горной системы страны, я же предлагаю гипотезу, что онъ — вулканъ позднѣйшаго происхожденія, нарушившій первоначальную систему горъ; далѣе, Станового хребта я совсѣмъ не признаю и часть его отъ Пейктусана до перевала Хему-Ньенга я совершенно отрицаю, а мѣстность отъ этого перевала до перевала Норгузаръ я считаю краемъ плоскогорія, круто обрывающимся къ югу. Естественно, что на нашей картѣ мы не могли поставить названій, принадлежащихъ системѣ, которой мы не раздѣляли, своихъ же, за исключеніемъ инкриминируемаго названія хребта Климатической границы, мы не хотѣли ставить, предлагая свою систему, лишь какъ гипотезу, требующую доказательства. Карты же г. Лубенцова при его почтеннѣйшемъ трудѣ приложено не было, почему она ко мнѣ и не попала. Работы г. Лубенцова легли въ основу моей карты, потому естественно, группируя иначе возвышенности, въ мои хребты вошли отсѣки его хребтовъ, ибо возвышенности остались на тѣхъ же мѣстахъ. Что же касается до инкриминируемаго хребта, то его названіе основано: 1) на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ естественной флорой и сельскохозяйственными приемами жителей, 2) на подобныхъ же указаніяхъ г. Комарова, 3) на соображеніи, что муссонъ Китайскаго моря внутри страны сѣвернѣе этого хребта не проникаетъ, прорываясь лишь по долиниѣ

Амнокка. Естественно, что громадное пониженіе мѣстности, въ которой течетъ Амнокъ, даетъ трубу для проникновенія болѣе мягкаго климата и черезъ прорывъ хребта; потому и неудивительно культивированіе въ долину у Канге хлопчатника. ибо Канге расположенъ также въ глубокой долинѣ притока Амнокка; но это нисколько не ослабляетъ моего довода, ибо именно мои наблюденія и производились около самаго Канге по пути изъ него въ Хичхень, и именно тутъ я и подмѣтилъ указанную выше разницу. Надѣясь изложить подробно нашу гипотезу строенія Сѣверной Кореи въ запискѣ географическому обществу, считаю долгомъ заявить, что много пользовался прекраснымъ трудомъ г. Лубенцова какъ во время руководимой мною осенней экспедиціи 1898 г., такъ и при составленіи нашей карты, и просить, да не вмѣнитъ мнѣ уважаемый collega въ вину, что, принимая безпрекословно его фактическій матеріалъ, я позволяю себѣ не согласиться съ предложенной имъ гипотезой и замѣнить ее своею. Александръ Звегинцовъ. 28-го февраля 1904 года. Г. Воронежъ».

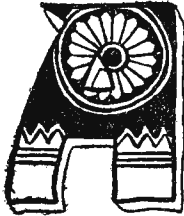
Общество востоковѣдѣнія. I. 5-го марта состоялось сообщеніе П. Ю. Шмидта «О Корей и корейцахъ». Сдѣлавъ краткій очеркъ природы и исторіи Кореи, авторъ, путешествовавшій много по Корей, перешелъ къ описанію быта населенія Кореи. Бѣдность населенія, отсутствіе болѣе культурныхъ потребностей, страшное взточничество чиновниковъ — общее явленіе во всей странѣ. Положеніе городскихъ жителей нѣсколько лучше. Что же касается деревни, то она не знаетъ ни свѣчей, ни керосина, ни мыла. Какія бы то ни было благоустроенные пути совершенно отсутствуютъ; передвиженіе совершается или пѣшкомъ или же на маленькихъ корейскихъ лошадакахъ слабосильныхъ, злыхъ и упрямыхъ. Кореецъ очень индифферентенъ къ религіознымъ вопросамъ и, поклоняясь силамъ природы, которыя онъ чтитъ въ лицѣ различныхъ духовъ, населяющихъ гористыя мѣстности, вѣря въ шаманство, онъ въ то же время чтитъ кодексъ нравоченій Конфуція и преклоняется передъ гуманнымъ мистическимъ ученіемъ Будды Сакья-Муни. Женщина, по мнѣнію корейца, — низшее созданіе, и мужчина, оплакивающій умершую жену, является предметомъ насмѣшекъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Сеуль — столица Кореи — лишь громадная деревня съ глинобитными мазанками. Дворцы императора, его библиотека и залъ для аудіенцій — лишь небольшія скромныя зданія съ китайскими крышами, та же бѣдность и внутренней обстановки. Корейцы являются первыми изобрѣтателями броненоснаго судна. Еще въ XVIII столѣтіи корейцы владѣли большимъ кораблемъ, покрытымъ очень толстою желѣзною жестью, дважды совершенно уничтожали японскій флотъ. Сообщеніе было иллюстрировано множествомъ туманныхъ картинъ. II. 19-го марта, состоялось сообщеніе д-ра В. Д. Черевкова: «Очеркъ исторіи Япоіи», а затѣмъ было доложено объ открытіи амбулаторіи общества въ Тегеранѣ. Мысль объ этомъ возникла среди членовъ общества еще въ 1901 году. Предсѣдатель общества Н. К. Шведовъ обратился въ Красный Крестъ съ просьбою ежегодной субсидіи въ суммѣ 1.300 рублей для означенной цѣли, на что со стороны Краснаго Креста послѣдовало согласіе. Учетно-судный банкъ Персіи рѣшилъ выдавать обществу востоковѣдѣнія для той же цѣли по 3.000 рублей ежегодно, а русская колонія въ Тегеранѣ пожертвовала 2.858 рублей. Кромѣ того, снаряженіе и оборудованіе

амбулаторіи произведено центральнымъ складомъ общества Краснаго Креста. Въ декабрь 1903 г. была командирована въ Тегеранъ сестра милосердія Е. Е. Хрусталева, и 8-го февраля 1904 г. въ присутствіи миссіи и всей русской колоніи состоялось въ Тегеранѣ открытіе амбулаторіи общества востоковѣднія. Кромѣ того, предполагается имѣть при амбулаторіи женщину-врача и фельдшерицу, что вызывается особымъ положеніемъ мусульманской женщины на Востокѣ.

НЕКРОЛОГИ.

АГАПЬЕВЪ, А. П. 31-го марта на броненосцѣ «Петропавловскѣ» погибъ экстраординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, по кафедрѣ военного искусства, полковникъ Александръ Петровичъ Агапьевъ, занимавшій должность начальника военного отдѣла въ штабѣ командовавшаго флотомъ, вице-адмирала Макарова. А. П. родился 20-го марта 1868 г.; по окончаніи въ 1885 г. курса въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ Николаевское инженерное училище. Въ 1894 г. онъ окончилъ въ числѣ первыхъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и съ производствомъ въ штабсъ-капитаны гвардіи причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу въ варшавскій военный округъ. Въ Варшавѣ принялся покойный за первыя свои военно-литературныя работы: «Арколе» и «Война навѣрняка», изданныя подъ редакцію А. К. Пузыревскаго; здѣсь же написанъ имъ рядъ замѣтокъ и статей для различныхъ военныхъ періодическихъ изданій. Много способствовали ему при этихъ работахъ прекрасныя знанія языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, польскаго и отчасти—итальянскаго. Въ 1895 году А. П. выхлопоталъ разрѣшеніе на прикомандированіе его, безъ расходовъ отъ казны, къ 39-му пѣхотному полку французской арміи на время лагерныхъ сборовъ и тогда же участвовалъ

въ большихъ маневрахъ на восточной границѣ Франціи. Въ 1899 году покойный выступилъ кандидатомъ на каѳедру военного искусства въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Тема, избранная имъ для диссертациі, была: «Исторія развитія стратегіи и тактики наемныхъ и постоянныхъ армій новыхъ государствъ». Въ январѣ 1900 года, онъ былъ назначенъ штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ обучающимися въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, и здѣсь сразу же явился авторитетнымъ руководителемъ практическихъ занятій по тактикѣ и военной статистикѣ. Когда начались волненія въ Китаѣ, А. П. отправился на театръ военныхъ дѣйствій. Въ сентябрѣ 1901 года А. П., въ качествѣ начальника штаба въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Церпицкаго, участвовалъ при взятіи крѣпости Бейтана и Лутая. Воспоминанія объ этихъ событіяхъ частью напечатаны имъ впоследствии на страницахъ «Военнаго Сборника». Боевыми наградами за отличія были: золотая сабля съ надписью «за храбрость» и ордена съ мечами св. Станислава 2-й ст. и Владимира 4-й ст., прусскій орденъ Краснаго Орла 3-го класса и французскій Почетнаго Легіона. По возвращеніи изъ командировки покойный занялъ въ Николаевской академіи прежнюю должность. Въ маѣ 1902 года диссертациія его была допущена къ защитѣ и печатанію. Напечатанъ былъ первый выпускъ—«Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ». Съ начала 1903 года, еще до назначенія на должность экстраординарнаго профессора, А. П. Агапѣву поручено было чтеніе отдѣла о войскахъ вспомогательнаго назначенія изъ курса элементарной тактики, который читался въ академіи впервые. 5-го мая 1903 года А. П. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба по каѳедрѣ исторіи военного искусства и 6-го декабря произведенъ въ полковники. При началѣ войны съ Японіей онъ принялъ назначеніе на должность начальника военного отдѣла штаба командующаго флотомъ Тихаго океана. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 года, № 83).

† **Ахматова, Е. Н.** 12-го апрѣля послѣ продолжительной болѣзни на 84 году скончалась извѣстная писательница и переводчица Елизавета Николаевна Ахматова, бывшая издательница «Собранія иностранныхъ романовъ». Журналъ этотъ въ свое время пользовался какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи большой популярностью. Е. Н. помѣстила въ немъ свыше трехсотъ переводовъ Густава Эмара, Габорию, Виктора Гюго, Жоржъ-Зандъ, Шпильгагена, Уйда, Бульвера и другихъ иностранныхъ романистовъ. Покойная состояла сотрудницей «Библіотеки для Чтенія», «Отечественныхъ Занисокъ», «Русскаго Вѣстника» въ 1848—1850 годахъ, напечатала въ «Библіотекѣ для Чтенія» повѣсти «Замосковская лѣтопись», «Мачеха», «Кандидатки на званіе старыхъ дѣвъ», «Блистательная партія» и «Вторая жена» («Сынъ Отечества»), «Помѣщица» («Сборникъ въ память Смирдина») и много другихъ. Въ «Русской Старинѣ» за 1889 годъ напечатаны ея литературно-житейскія воспоминанія. «Собраніе иностранныхъ романовъ» Е. Н. издавала съ 1856 по 1885 годъ, и смѣло можно сказать, что за эти 30 лѣтъ она приучила и приохотила къ чтенію переводныхъ (произведеній десятки и сотни тысячъ русскихъ читателей. (Некрологи ея: «Курьеръ» 1904 г., № 106, и «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 243).

† **Бетлингъ, О.** На-дняхъ скончался въ Лейпцигѣ на 89 году жизни старѣйшій санскритологъ, ординарный академикъ императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ О. Бетлингъ. Уроженецъ С.-Петербурга, О. Бетлингъ получилъ среднее образованіе въ юрьевской (нынѣ дерптской) гимназіи, а высшее— въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ специально изучалъ турецкій, персидскій и санскритскій языки. Пробывъ затѣмъ долгое время въ Берлинѣ и Боннѣ, онъ въ 1842 году предпринялъ критическое изданіе знаменитой грамматики Панина, съ которою до него ни одинъ европейскій ученый не былъ знакомъ. Избранный въ томъ же году въ адъюнкты, онъ въ 1855 году былъ избранъ почетнымъ членомъ нашей академіи наукъ. Изъ трудовъ покойнаго особенно извѣстностью пользуются такъ называемые «Петербургскіе словари», а именно: «Словарь санскритскаго языка» въ 7 томахъ (Спб., 1852—1875 гг.) и «Санскритскій словарь» въ сокращенной переработкѣ въ 2 томахъ (Спб., 1879 г.); кромѣ того, замѣчательны его многочисленныя изданія санскритскихъ памятниковъ съ переводами и критическими примѣчаніями. Съ 1868 года О. Бетлингъ постоянно жилъ за границею, сначала въ Іенѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ. (Некрологъ его: «Асхабатъ», 1904 г., № 80).

† **Верещагинъ, В. В.** 31-го марта на броненосцѣ «Петропавловскъ» среди безвременно погибшихъ при взрывѣ броненосца погибъ извѣстный художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ. Покойный родился 14-го октября 1842 года въ Новгородской губерніи. Дѣтство провелъ въ деревнѣ, учился въ Петербургѣ, въ Александровскомъ корпусѣ, а потомъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1860 году кончилъ курсъ, но въ морскую службу не пошелъ, а весь отдакъ живописи. Рисовать онъ началъ рано, въ дѣтствѣ, рисовалъ и въ корпусѣ, но серьезно, усидчиво и настойчиво сталъ заниматься только съ 1858 г., когда, будучи еще въ корпусѣ, началъ ходить въ школу общества поощренія художествъ. По окончаніи курса поступилъ въ академію художествъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ проф. А. Т. Маркова и А. Е. Бейдемана. Въ академіи Верещагинъ числился съ 1861 по 1865 гг., но въ это время онъ ѣздилъ и на Кавказъ и за границу. Въ Парижѣ онъ учился въ Ecole des beaux arts у извѣстнаго художника Жерома. Въ 1862 году получилъ малую серебряную медаль за эскизъ на тему: «Избіеніе Улиссомъ жениховъ Пенелопы»; за повторенную въ большихъ размѣрахъ композицію на тотъ же сюжетъ получилъ похвалу совѣта. Въ 1864 году В. В. былъ на Дунаѣ и затѣмъ снова посѣтилъ Кавказъ. Въ 1865 году онъ опять отправился въ Парижъ и пробылъ тамъ цѣлый годъ, выставилъ въ салонѣ 1866 года впервые одну изъ своихъ картинъ. Въ 1867 году В. В. отправился въ Туркестанъ, гдѣ состоялъ при генераль-губернаторѣ Кауфманѣ; между прочимъ, онъ отличился въ военномъ дѣлѣ подъ Самаркандомъ, за чтѣ и получилъ орденъ св. Георгія. Возвратившись изъ Туркестана, онъ въ третій разъ поѣхалъ за границу. Вся коллекція туркестанскихъ картинъ была выставлена В. В. въ Лондонѣ въ 1873 году и произвела сильное впечатлѣніе. Черезъ годъ коллекція эта была выставлена и въ Петербургѣ. Въ виду толковъ и обвиненій въ тенденціозности, В. В. снялъ въ выставки и уничтожилъ три картины изъ этой замѣчательной коллекціи («Окружили—преслѣдуютъ», «Забитый» и «Вошли»). Въ 1874 году

совѣтъ академіи, во вниманіе къ его художественнымъ трудамъ, возвелъ В. В. въ званіе профессора, о чемъ В. В. и былъ увѣдомленъ официально; но В. В., считая всѣ чины и отличія въ искусствѣ безусловно вредными, отказался отъ этого званія. Тогда совѣтъ академіи опредѣлилъ исключить В. В. изъ списка ея членовъ. Въ Индіи В. В. пробылъ два года, а въ 1876 году поселился въ Парижѣ, гдѣ принялся писать картины по этюдамъ, привезеннымъ изъ Индіи. Въ слѣдующемъ году В. В. отправился на Дунай; тамъ онъ состоялъ при Скобелевѣ и Гурко и получилъ рану во время пребыванія на миноноскѣ лейтенанта Скрыдлова. Затѣмъ присутствовалъ при Плевненской битвѣ и во время кавалерійскаго набѣга на Адрианополь и исполнялъ даже должность начальника штаба. Онъ объѣздилъ почти всю Болгарію, привезъ въ Парижъ огромное количество этюдовъ и работалъ тамъ надъ выполніемъ этихъ военныхъ картинъ два года. И въ 1879 и 1880 годахъ онъ выставялъ обѣ коллекціи (индійскую и болгарскую) въ главнѣйшихъ городахъ Европы, а въ 1883 году въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1884 году В. В. отправился въ Палестину и Сирію, продолжая писать этюды. Возвратившись въ Европу, онъ въ 1885—1888 годахъ выставялъ свои палестинскія картины на сюжеты изъ Новаго Завѣта въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ и Нью-Йоркѣ. Уже съ первыхъ шаговъ серьезной художественной дѣятельности сказались оригинальныя стороны дарованія В. В. Онъ не могъ примириться съ ложноклассической манерой рисованія. Свою большую академическую композицію онъ изрѣзалъ и сжегъ, «чтобы никогда не возвращаться къ этой чепухѣ». Онъ упорно отказывался копировать знаменитыхъ мастеровъ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности В. В. поставилъ ея цѣлью воспроизведеніе дѣйствительности, какъ она есть, безъ предвзятой манеры и безъ тенденціозности. Но В. В. не тянетъ къ себѣ та дѣйствительность, которую пишутъ всѣ художники, онъ предпочитаетъ писать людей и страны, невѣдомыя для искусства. Жизнь В. В. наполнена путешествіями по дальнимъ странамъ, въ поискахъ за сюжетами. Съ невѣроятными усиліями и опасностями онъ старается схватить черты дѣйствительной жизни. Въ Туркестанѣ онъ принимаетъ участіе въ оборонѣ Самарканда; во время русско-турецкой войны онъ, подъ градомъ пуль, изучаетъ паденіе бомбъ въ воду; когда онъ былъ на Гималаяхъ, солнце жгло ему спину въ то время, какъ пальцы едва держали палитру отъ холода. У В. В. немного отдѣльных картинъ, у него циклы: Туркестанъ, русско-турецкая война, Индія и Палестина, 1812-й годъ. Когда В. В. находитъ новыя страны и новыхъ людей, которыхъ онъ хочетъ перенести на полотно, онъ начинаетъ упорно и настойчиво изучать ихъ; пишетъ сотни набросковъ, этюдовъ, эскизовъ, картинъ, какъ бы желая постичь всю эту новую жизнь съ каждой работой все глубже и глубже и какъ бы не желая ничего оставлять другимъ. Собранныя вмѣстѣ, его туркестанскія картины производятъ огромное впечатлѣніе, этюды за этюдомъ—и передъ зрителемъ развертывается вся эта далекая жизнь. В. В. даетъ при этомъ не фотографіи, а типическія лица. Въ своихъ картинахъ В. В. часто изображаетъ толпу и воину: его толпа является настоящей живой толпой, безъ всякой условности композиціи. Вѣрный своему принципу писать дѣйствительность такъ, какъ она есть, В. В. написалъ не ту красивую войну, кото-

руку рисуютъ обыкновенно баталисты, а настоящую, обильную «жестокостью и безчеловѣчьемъ». Поля сраженія, трупы, раненые, безумные живые, кровь—все это у В. В. такъ, какъ въ дѣйствительности. Интересно отмѣтить, что самъ художникъ вовсе не считаетъ себя противникомъ войны; не чѣмъ другимъ, какъ проповѣдью мира, являются его военныя картины, напримѣръ, знаменитый «Апофеозъ войны»—куча череповъ и хищныя птицы, носящіяся надъ нею, или «Панихида по павшихъ воинахъ» и др. И въ палестинскихъ очеркахъ В. В. сумѣлъ остаться тѣмъ же безпристрастнымъ художникомъ реализмомъ: его палестинскіе жанры на сюжеты изъ Новаго Завѣта, какъ его толкуетъ Ренанъ, вызвали цѣлую бурю въ католическомъ населеніи Вѣны. В. В. не мало писалъ: онъ издалъ «Очерки путешествія въ Гималаяхъ», «На войнѣ въ Азій и Европѣ», «Литераторъ», «Дѣтство и отрочество», «Въ Севастополѣ» и др. (Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефрона и Большая Энциклопедія). О В. В. существуетъ цѣлая журнальная литература. Очерки его жизни можно найти въ книгѣ Ѳ. И. Булгакова «В. В. Верещагинъ и его произведенія». (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 года, № 168; «Новое Время», 1904 года, № 10087; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 года, № 80; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1904 года, № 88; «Сѣверо-Западное Слово», 1904 года, № 1911; «Крымскій Курьеръ», 1904 года, № 79; «Сѣверный Край», 1904 года, № 88; «Курьеръ», 1904 года, № 93).

† Добровольскій, В. И. 28-го марта скончался поствъ непродолжительной, тяжелой болѣзни одинъ изъ выдающихся русскихъ окулистовъ Владимиръ Ивановичъ Добровольскій, имя котораго пользуется заслуженнымъ почетомъ въ европейскомъ медицинскомъ мѣрѣ. Дѣятельность покойнаго въ теченіе многихъ лѣтъ была тѣсно связана съ Военно-Медицинскою академіей. В. И., сынъ священника, родился 5 іюля 1838 года. По окончаніи курса въ рязанской духовной семинаріи поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Черезъ три мѣсяца перешелъ въ Медико-хирургическую академію. Кончилъ курсъ съ серебряною медалью и былъ оставленъ при академіи на три года для подготовленія къ профессорѣ. Здѣсь былъ ближайшимъ сотрудникомъ и ученикомъ знаменитаго профессора Э. А. Юнге. Подъ его руководствомъ началъ свою практическую дѣятельность и вскорѣ выдѣлился, какъ способнѣйшій врачъ-окулистъ. Въ это время имъ были опубликованы работы: «О переходѣ человѣческихъ глазъ изъ одного типа строенія въ другой» и «Кажущаяся или ложная близорукость». Въ 1868 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины: «Къ ученію объ аномаліяхъ рефракціи и акомодации глаза», былъ признанъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ офтальмологіи и издалъ свою диссертацию въ видѣ руководства для врачей и студентовъ. Въмѣстѣ съ Доброславинимъ и Чаусовымъ былъ отправленъ въ заграничную командировку и въ теченіе трехъ лѣтъ изучалъ офтальмологію у Грефе въ Берлинѣ, Арльта и Штельвага въ Вѣнѣ, гистологию глаза у Краузе въ Геттингенѣ, физиологию глаза у Дондерса въ Утрехтѣ и Гельмгольца въ Гейдельбергѣ. Одновременно подробно ознакомился съ устройствомъ глазныхъ клиникъ германскихъ городовъ, Парижа и Лондона. По возвращеніи изъ-за границы руководилъ практическими занятіями студентовъ и врачей при клиникѣ Юнге. Имя его въ

этотъ періодъ, благодаря его оригинальнымъ и цѣннымъ работамъ, переведеннымъ на нѣмецкій языкъ, послѣдовательно завоевывало себѣ извѣстность въ медицинской литературѣ. Его практика разрослась. Въ 1874 году молодой ученый былъ назначенъ ассистентомъ глазной клиники баронета Виллие. Во время русско-турецкой войны находился въ распоряженіи Краснаго Креста и руководилъ военными врачами при лѣченіи ими глазныхъ заболѣваній въ госпиталяхъ Галаца, Браилова, Бухареста и другихъ пунктовъ. Затѣмъ, будучи старшимъ врачомъ Джаулекскаго военнаго лазарета, занимался въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и читалъ лекціи по офтальмологіи на женскихъ врачебныхъ курсахъ. Въ 1882 году избранъ, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ офтальмологіи и назначенъ консультантомъ по глазнымъ болѣзнямъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи. Его профессорская дѣятельность продолжалась одиннадцать лѣтъ. Какъ профессоръ, онъ отличался серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ и требовательностью къ званіямъ студентовъ. Въ канікулярное время посѣщалъ военные госпитали различныхъ провинціальныхъ городовъ съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ эпидеміями глазныхъ заболѣваній. Оставивъ профессуру и занятія по должности совѣщательнаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета, посвятилъ себя практикѣ въ собственной глазной лѣчебницѣ и въ общинѣ св. Георгія, въ которой состоялъ почетнымъ консультантомъ по глазнымъ болѣзнямъ. Профессору Добровольскому принадлежитъ множество печатныхъ работъ, изъ которыхъ до 40 вышли отдѣльными изданіями и переведены на нѣмецкій и французскій языки, остальные же появлялись на страницахъ врачебныхъ изданій. Изъ нихъ выдѣляются его работы по вопросамъ офтальмологіи, чувствительности глаза и различныхъ областей сѣтчатки къ цвѣтовымъ впечатлѣніямъ, зависимости яркости спектральныхъ цвѣтовъ отъ яркости свѣта и по клиническимъ наблюденіямъ глазныхъ болѣзней. Имъ переведено съ нѣмецкаго и приспособлено къ занятіямъ студентовъ «Руководство къ глазнымъ болѣзнямъ» Мейера и сдѣланы цѣнные разъясненія и дополненія по вопросу о распространеніи слѣпоты въ Россіи. Умеръ онъ 66 лѣтъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 года, № 10084; «Южный Край», 1904 года, № 8048; «Одесскія Новости», 1904 года, № 6266; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 года, № 78).

† **Ириней, епископъ орловскій.** 10-го апрѣля внезапно, отъ разрыва сердца, скончался въ Орлѣ преосвященный Ириней, епископъ орловскій и сѣвскій. Почившій, въ мѣрѣ Харисимъ Михайловичъ Орда, уроженецъ Малороссіи. Онъ родился въ 1837 году, въ селѣ Самовицѣ (Полтавской губерніи) и былъ сыномъ священника. Послѣ воспитанія въ Полтавской семинаріи, покойный поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1861 г. со степенью магистра богословія, а затѣмъ состоялъ преподавателемъ Екатеринославской и Кіевской семинарій (1861—1877 гг.), по принятіи же священства занималъ мѣсто законоучителя 3-й Кіевской гимназіи (1877—1883 гг.). Послѣ смерти жены, покойный былъ постриженъ въ монашество (1883 г.) и въ санѣ архимандрита назначенъ ректоромъ Кіевской семинаріи. Затѣмъ, хиротонисанный въ архіереи (9 мая 1888 г.), онъ послѣдовательно состоялъ епископомъ уманскимъ (1888—1890 гг.) и чигиринскимъ (1890—1892 г.)—

викариемъ Кіевской митрополіи, могилевскимъ (1892—1893 г.), тульскимъ (1893—1896 г.), каменецъ-подольскимъ (1896—1900 г.), екатеринбургскимъ (1900—1902 г.) и орловскимъ (1902—1904 г.). Епископу Иринею принадлежали ученые труды, какъ, наиримѣрь: «Руководство къ послѣдовательному чтенію пророческихъ книгъ Ветхаго Завета» (Кіевъ, 1871 г.) и «Земная жизнь Господа Нашега Иисуса Христа», переводъ съ нѣмецкаго (пять изданій), а также рядъ «Поученій», напечатанныхъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1893 г., №№ 11 и 49) и позже изданныхъ отдѣльнымъ сборникомъ (Екатеринбургъ, 1901 г., 364 стр.). Одно изъ такихъ назидательныхъ словъ— «Поученіе о томъ, что новой совершеннѣйшей христіанской религіи не можетъ быть»—появилось и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1902 г., №№ 139—140). (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 100; «Новое Время», 1904 г., № 10096, и «Южный Край», 1904 г., № 8060).

† **Константиновскій, И. В.** Скончался старѣйшій русскій психіатръ Иванъ Васильевичъ Константиновскій—одинъ изъ тѣхъ немногихъ представителей врачебной науки, который неуклонно слѣдовалъ въ теченіе своей долготѣнней дѣятельности принципамъ гуманнаго и безкорыстнаго служенія высокимъ обязанностямъ врача. Выдающійся невропатологъ и психіатръ, широко образованный и съ громаднымъ практическимъ опытомъ, онъ являлся убѣжденнымъ сторонникомъ примѣненія къ душевнобольнымъ системы нестѣсненія. Вопросамъ о патронажѣ, способѣ пользованія психическихъ больныхъ въ стѣнъ больницы, покойный посвятилъ рядъ статей, составляющихъ крупный вкладъ въ область изслѣдованій о призрѣніи душевнобольныхъ. Изъ крупныхъ трудовъ, принадлежащихъ перу И. В., капитальнымъ является обширное сочиненіе: «Русское законодательство объ умалишенныхъ. Его исторія и сравненіе съ иностранными законодательствами». Преображенская больница, главнымъ докторомъ которой онъ пробылъ съ 1894 по 1903 г., многимъ обязана ему: организація разныхъ работъ, развлеченій для больныхъ—все это, главнымъ образомъ, дѣло рукъ покойнаго. Работа въ психіатрическомъ заведеніи, занятія во врачебной управѣ, въ медико-филантропическомъ обществѣ, виднымъ членомъ котораго былъ И. В.; участіе въ различныхъ медицинскихъ организаціяхъ, кипучая активная дѣятельность—таковъ послужной списокъ покойнаго, скончавшагося въ преклонномъ возрастѣ. Въ лицѣ И. В. русская психіатрія потеряла энергичнаго представителя, а врачебная семья—лучшаго изъ своихъ сочленовъ. (Некрологъ его: «Курьеръ», 1904 г., № 101).

† **Лееръ, Г. А.** Скончался извѣстный военный писатель, бывшій начальникъ академіи генеральнаго штаба, Генрихъ Антоновичъ Лееръ. Покойный родился въ 1829 г., окончилъ курсъ въ инженерномъ училищѣ и военной академіи. Былъ преподавателемъ тактики въ военныхъ училищахъ, потомъ профессоромъ стратегіи въ академіяхъ генеральнаго штаба, артиллерійской и инженерномъ. Начальникомъ первой изъ нихъ онъ былъ назначенъ въ 1889 г. Первые статьи Г. А. появились въ «Военномъ Сборникѣ» конца 1850-хъ и начала 1860-хъ гг. Одна изъ нихъ, въ которой авторъ опредѣлялъ вѣроятныя измѣненія въ тактикѣ, вслѣдствіе введенія наръзнаго оружія, обратила на себя особое вниманіе высшаго военнаго начальства; можно сказать, что труды Г. А. въ этомъ на-

правления повлиял на перевооружение нашей армии. Из многочисленных военно-литературных трудов Г. А. особенно выдается «Опыт кратко-исторического изслѣдованія законовъ искусства веденія войны» (положительная стратегія), выдержавшій нѣсколько изданій и переведенный на разные иностранные языки. (Некрологъ его: «Русская Правда», 1904 г., № 14).

† **Макаровъ, С. О.** 31-го марта погибъ на славномъ посту командующій флотомъ на Дальнемъ Востоку вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Покойный, дворянинъ Херсонской губерніи, родился 27 декабря 1848 года въ Николаевѣ. Въ 1858 году отецъ его переѣхалъ въ Николаевскъ на Амурѣ, гдѣ С. О. воспитывался въ тамошнемъ морскомъ училищѣ. Въ 1863 г. адмиралъ А. А. Поповъ взялъ С. О. на эскадру, чтобы доставить въ морской корпусъ, но по приказанію изъ Петербурга въ 1864 г. вернулъ С. О. изъ С.-Франциско въ Николаевскъ. Въ 1865 г. С. О. оиать поступилъ на эскадру Тихаго океана и съ этой эскадрой въ 1867 г. прибылъ въ Кронштадтъ и былъ произведенъ въ гардемарины. Въ 1867—1869 гг. плавалъ въ Атлантическомъ океанѣ. Лѣтомъ 1869 г. плавалъ мичманомъ на броненосной лодкѣ «Русалка» (пропала безъ вѣсти въ 1892 г.). Въ плаваніи 1869 года «Русалка» получила пробойну при ударѣ о камень. Это дало молодому мичману случай отличиться: онъ написалъ изслѣдованіе по этому предмету подъ названіемъ «Броненосная лодка Русалка». Изслѣдованіе это помѣщено въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1870 г., и по представленію адмирала Бутакова С. О. за эту работу произвели 1 января 1871 г. въ лейтенанты. Въ 1870 году С. О. ушелъ въ Тихій океанъ на шхунѣ «Тунгузъ». По прибытіи туда въ 1872 г. его вытребовали въ Петербургъ, гдѣ поручили устройство на всѣхъ нашихъ броненосныхъ судахъ разныхъ предложенныхъ имъ по части непотопляемости приспособленій. На этомъ дѣлѣ работалъ по 1876 г. Въ этотъ періодъ С. О. помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» много статей по вопросу о непотопляемости судовъ, а также читалъ по этому предмету лекціи въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Николаевѣ. Осенью 1876 г., когда начались наши недоразумѣнія съ Турціей, С. О. предложилъ вооружать паровые катера минами и поднимать ихъ въ полномъ вооруженіи на шлюпбалки парохода, такъ чтобы производить катерами нападенія на турецкій флотъ, стоящій въ своихъ портахъ. Подъемъ паровыхъ катеровъ съ машинами и котлами былъ совершенною новостью, а потому С. О. дали въ командованіе пароходъ «Великій Князь Константинъ», на которомъ онъ и устроилъ все, какъ предложилъ. Пароходомъ этимъ онъ командовалъ до осени 1879 г. Во время войны сдѣлалъ много нападеній на турецкій флотъ. Въ Сулинскомъ дѣлѣ онъ потерялъ катеръ Пуцина, въ Сухумскомъ удалось повредить броненосецъ «Неджими-Шевкетъ», а въ Батумскомъ пустить ко дну пароходъ «Интибахъ». Онъ также отвлекъ у Гагры неприятельскій броненосецъ, что спасло отрядъ Шелковникова, форсировавшій Гагринскій проходъ. За время войны былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и капитаны 2 ранга и назначенъ флигель-адъютантомъ. Онъ также получилъ золотую саблю и Георгія 4 степ. Послѣ войны С. О. оставили командиромъ парохода при окупаціонной арміи. Въ 1879 году С. О. женился на дѣвицѣ К. Н. Якимовской. Въ 1880 г. С. О. былъ посланъ въ распоряженіе генерала Скобелева въ Ахаль-

Текинскій походъ и завѣдывалъ при дѣйствующей арміи морскою частью. Въ 1881 г. по окончаніи похода былъ назначенъ командиромъ стационера «Тамань» въ Константинополь, гдѣ изслѣдовалъ теченіе Босфора. Результаты своихъ изслѣдованій онъ опубликовалъ въ сочиненіи «Объ обмѣнѣ воды Чернаго и Средиземнаго морей» (147 стр. и 9 картъ). Сочиненіе издано въ 1883 году академіей наукъ и удостоено полной преміи митрополита Макарія. Въ 1883 и 1884 годахъ плавалъ флагъ-капитаномъ въ балтійской практической эскадрѣ, въ 1885 году тамъ же командиромъ фрегата «Князь Пожарскій», въ этомъ же году осенью получилъ въ командованіе корветъ «Витязь», съ которымъ сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе съ 1886 по 1889 годъ. Въ это плаваніе производилъ изслѣдованіе температуры и удѣльнаго вѣса морской воды. По возвращеніи въ 1893 г. онъ опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій въ книгѣ «Витязь и Тихій океанъ». Книга издана академіею наукъ на русскомъ и французскомъ языкахъ и удостоена полной преміи митрополита Макарія. Въ книгѣ этой разбирается ареометрія и сведены всѣ данныя о Сѣверномъ Тихомъ океанѣ (848 стр. и 33 карты). 1 января 1890 года С. О. произведенъ въ контръ-адмиралы. Съ 1891 по 1894 г. былъ главнымъ инспекторомъ морской артиллеріи. За это время во флотъ введены патронныя пушки, бездымный порохъ, уцентрированныя установки, снаряженіе большихъ снарядовъ, боевые указатели и многое другое. Многія нововведенія сдѣланы по инициативѣ и детальной разработкѣ самого адмирала. Въ декабрѣ 1894 г. С. О. принялъ въ Пирей эскадру Средиземнаго моря, а въ февралѣ 1895 г. пошелъ съ эскадрою въ Тихій океанъ, гдѣ оставался на подкрѣпленіе нашихъ силъ все время нашихъ недоразумѣній съ Японіей. Когда японцы уступили нашимъ требованіямъ, С. О. въ январѣ 1896 г. спустилъ флагъ, вернулся въ Россію и вступилъ въ командованіе 1-ю флотскою дивизіею. Лѣтомъ 1896 года командовалъ практической эскадрою и былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Еще въ бытность инспекторомъ морской артиллеріи С. О. занялся морской тактикой и продолжалъ заниматься этимъ, командуя эскадрою въ Тихомъ океанѣ. Продѣлавъ на практической эскадрѣ большое количество тактическихъ задачъ, издалъ въ началѣ 1897 г. «Разсужденіе по вопросамъ морской тактики» ($\frac{1}{8}$ доля листа 300 страницъ съ большимъ числомъ чертежей въ текстѣ). Книга эта переведена и издана на англійскомъ и итальянскомъ языкахъ; она служитъ продолженіемъ изданной передъ тѣмъ подъ названіемъ «Разборъ элементовъ, составляющихъ боевую силу судовъ» (106 стр.). Въ мартѣ 1897 года С. О. выступилъ съ предложеніемъ построить большой ледоколъ, который, служа зимой для проводки судовъ къ портамъ Балтійскаго моря, и въ томъ числѣ къ С.-Петербургу, лѣтомъ оказывалъ бы содѣйствіе къ проводкѣ судовъ въ Обь и Енисей и для изслѣдованія Сѣвернаго Ледовитаго океана. Лѣтомъ 1897 года онъ ѣздилъ черезъ Карское море осматривать путь на Енисей, а 24 декабря того же 1898 года былъ заказанъ ледоколъ «Ермакъ». 4 марта 1899 года «Ермакъ», пробившись черезъ льды Балтійскаго моря, торжественно вошелъ въ Кронштадтъ, а затѣмъ черезъ недѣлю уже выручилъ 12 пароходовъ, затертыхъ льдомъ у Ревеля и находившихся въ опасности. Плаваніе лѣтомъ 1899 года въ Ледовитый океанъ показало, что «Ермакъ» недостаточно крѣпокъ, а потому послѣ

работы зимой 1899—1900 г., когда «Ермакъ» спасъ броненосецъ «Генераль-Адмираль Апракинъ», у него передѣляли носовую часть, снявъ носовую машину, а борта подрѣпили. Плаваніе въ Ледовитый океанъ въ 1901 году показало, что крѣпость его вполне удовлетворительна, но что бываютъ случаи, что онъ у береговъ не можетъ двигаться, если продолжительное время дуетъ нажимной на берегъ вѣтеръ. На просторѣ же задержки не было. Оказалось, что полярный ледъ крайне разнообразенъ, что встрѣчаются очень твердыя глыбы, а потому плаванія коммерческихъ пароходовъ на Обь и Енисей, даже съ помощью «Ермака», могутъ быть лишь случайныя. Мысль же о возможности изслѣдованія Ледовитаго океана при посредствѣ ледоколовъ вполне подтвердилась. Описание постройки «Ермака» и перваго плаванія въ Балтійскомъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ опубликовано вмѣстѣ съ научными результатами въ 1901 году въ книгѣ «Ермакъ во льдахъ» (507 страницъ, 152 рисунка и 5 картъ). С. О. помѣстилъ въ разное время въ «Морскомъ сборникѣ» много статей по преимуществу относительно непотопляемости судовъ. Статьи эти можно найти по указателю этого журнала. Имъ предложены пластыри, различныя приспособленія для непотопляемости судовъ, намордники для того, чтобы столкновенія между судами не имѣли гибельныхъ послѣдствій, кошиачки для снарядовъ, при которыхъ они легче пробиваютъ броню съ сильною закалкой, и многое другое по артиллеріи, минной части и кораблестроенію. Высочайшимъ приказомъ отъ 6-го декабря 1899 года вице-адмираль С. О. Макаровъ назначенъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ Кронштадта. Плодотворная дѣятельность С. О. на должности главнаго командира продолжалась до 3 февраля 1904 года, когда адмираль былъ назначенъ командующимъ Тихоокеанскимъ флотомъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10085; «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1904 г., № 40; «Русскій Инвалидъ», 1904 г., № 76; «Слово», 1904 г., № 380; «Южная Россія», 1904 г., № 85; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1904 г., № 88; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 228; «Пріазовскій Край», 1904 г., № 85; «Варшавскій Дневникъ», 1904 г., № 93; «Сибирскій Вѣстникъ», 1904 г., № 71).

Писаревъ, С. П. 26-го марта въ Смоленскѣ скончался Семень Петровичъ Писаревъ. Покойный родился въ 1846 г. Окончивъ Нижегородскую духовную семинарію со званіемъ студента, онъ поступилъ на филологическій факультетъ въ Казанскій университетъ, откуда перешелъ затѣмъ въ Московскій, гдѣ и довершилъ свое образованіе. Съ 1-го августа 1875 г. Семень Петровичъ началъ свою учебнопедагогическую дѣятельность въ смоленской классической гимназій, въ которой прослужилъ болѣе 25 лѣтъ. Послѣдніе годы онъ, по уходѣ изъ гимназій, состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи. Малый досугъ, возможный на преподавательскомъ поприщѣ, С. П. посвящалъ изученію смоленской старины. Работѣ его въ этой области нужно удивляться по той любви, съ какою она имъ велась. Ни скудость источниковъ въ мѣстныхъ архивахъ и бібліотекахъ, ни ограниченность своихъ тощихъ преподавательскихъ денежныхъ средствъ, ни равнодушіе смоленской публики къ родной старинѣ и ея собирателямъ и истолкователямъ не останавливали Семена Петровича. Онъ создаетъ въ Смоленскѣ городской историко-археологическій музей,

собираетъ сюда все, что гдѣ нибудь и у кого нибудь можно было добыть изъ памятниковъ прошлой жизни Смоленска и его земли. Каждый предметъ, всякій полустлѣвшій листъ бумаги въ этомъ музеѣ онъ внимательно изучаетъ и плоды своихъ изслѣдованій печатаетъ въ разныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (Путешествіе Людвигъ Римлянина въ Аравію), «Русской Старинѣ» (Инструкція о воспитаніи сына, данная дворовому человѣку при отправленіи помѣщикомъ сына въ Полоцкъ, въ іезуитскій кляшторъ въ XVIII столѣтіи), «Филологическихъ Запискахъ» (Рукописный памятникъ Смоленскаго Аврааміева монастыря и его литературное значеніе), «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», въ «Чтеніяхъ общества любителей древней письменности» («Повѣсть о Саввѣ Грутцынѣ» — литературный разборъ), «Смоленскомъ Вѣстникѣ» (лучшая изъ помѣщенныхъ имъ тутъ статей: О городкахъ Смоленской губерніи), «С.-Петербургской Газетѣ», «Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (О перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ), въ «Справочныхъ и памятныхъ книгахъ, издаваемыхъ Смоленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ», и друг. Наконецъ, на свои мѣдные гроши онъ печатаетъ особую книгу о Смоленскѣ: «Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ». Многие изъ смоленской публики и до сей поры не знаютъ этой книги! Слѣдующую работу: «Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель» (1898 г.), онъ уже самъ не могъ издать, наученный досаднымъ опытомъ съ первой книгой. (Вторую книгу издалъ книжный магазинъ А. С. Клестова). (Некрологъ его: «Дѣяпровскій Вѣстникъ», 1904 г., № 71).

† Поповицкій, А. И. 29-го марта скончался редакторъ «Русскаго Паломника» Александръ Ивановичъ Поповицкій. Почившій былъ высокогуманный человѣкъ и выдающійся общественный дѣятель, а въ области духовной литературы самый видный изъ русскихъ публицистовъ. На литературное поприще А. И. Поповицкій выступилъ 20 апрѣля 1845 года въ «Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ появилась его первая статья. Въ день своего полулѣтняго юбилея А. И. Поповицкій отвѣчая (на данномъ въ честь его объѣдѣ) на рѣчи, адреса и привѣтствія, произнесъ замѣчательную рѣчь-исповѣдь, въ которой въ яркомъ и образномъ изложеніи очертилъ не легкій трудъ литературнаго работника, начавъ который, онъ не могъ уже прервать и выполнилъ его (добавимъ отъ себя) съ честью и достоинствомъ до конца своей жизни. Въ юбилейной рѣчи своей А. И. Поповицкій отмѣтилъ то нравственное и радостное удовлетвореніе, какое онъ испыталъ при видѣ первыхъ печатныхъ строкъ своего торчества, появившихся въ провинціальномъ органѣ 60 лѣтъ назадъ съ опечатками, на неважной бумагѣ, неаккуратно сверстанныхъ. Разъ прикоснувшись къ чашѣ, онъ испилъ ее до дна, ни разу не измѣнивъ высокимъ идеаламъ на аренѣ руководительства общественною мыслию, посвятить всю свою жизнь служенію религіозной истинѣ, свободѣ совѣсти, наукѣ и образованію, торжеству правды, долгу гражданина. А. И. Поповицкій послѣ многихъ лѣтъ сотрудничества въ чужихъ изданіяхъ создалъ наконецъ свой собственный органъ (въ 1863 году) — «Современный Листокъ». Газета эта выходила болѣе одиннадцати лѣтъ и поддерживала охватившее тогда русское общество движеніе въ пользу реформъ.

Но самая сильная и яркая дѣятельность А. И. Поповицкаго началась съ 1874 года и продолжалась 12 лѣтъ, до 1886 года, когда онъ былъ редакторомъ-издателемъ созданнаго имъ же журнала «Церковно-Общественный Вѣстникъ». Настаивая на улучшеніи быта сельскаго духовенства, на поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня, на сближеніи его съ другими классами населенія и т. п., «Церковно-Общественный Вѣстникъ» изображалъ духовное сословіе въ его истинномъ, неподкрашенномъ свѣтѣ. Но поприще печатнаго слова подвержено многимъ превратностямъ: ихъ не избѣгъ и А. И. Поповицкій. Въ 1883 году «Церковно-Общественный Вѣстникъ» былъ подвергнутъ предварительной цензурѣ, а вскорѣ затѣмъ и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Привыкшій въ кишучей редакторской дѣятельности А. И. Поповицкій не могъ долго оставаться празднымъ и въ 1886 году началъ издавать духовный иллюстрированный журналъ «Русскій Паломникъ». Издавать духовный журналъ въ Россіи—неблагодарная задача. Тогда какъ духовные журналы въ Сѣверной Америкѣ считаютъ подписчиковъ десятками и сотнями тысячъ, у насъ расходятся они сотнями экземпляровъ или нѣсколькими тысячами. Но и въ этомъ случаѣ имя А. И. Поповицкаго сдѣлало многое. «Русскій Паломникъ» въ первый же годъ изданія имѣлъ 6 тысячъ подписчиковъ, а къ 1895 году ихъ было болѣе 12.000. Кромѣ своего журнала, А. И. Поповицкій часто помѣщалъ свои статьи и въ другихъ органахъ печати, гдѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Его участіе въ иностранныхъ изданіяхъ, французскихъ и швейцарскихъ, создало ему давно почетное имя и за границей въ области религіозной литературы. Знакомый хорошо съ языками латинскимъ, греческимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, англійскимъ и чешскимъ, А. И. Поповицкій постоянно слѣдилъ за иностранною духовною литературой и помѣщалъ свои отзывы о ней въ своемъ журналѣ. Видное участіе А. И. Поповицкій принималъ въ старо-католическихъ конгрессахъ, и еще въ 1853 году во время своего второго пребыванія въ Парижѣ издалъ на французскомъ языкѣ «Отвѣтъ на посланіе папы Пія IX къ восточнымъ патріархамъ о подчиненіи Восточной Церкви папству» и переводъ «Слова восточно-каатолическаго православія римскому католичеству» А. Н. Муравьева; эти труды А. И. Поповицкаго вызвали горячую полемику со стороны католическихъ журналовъ. А. И. Поповицкій родился 18-го марта 1826 года въ селѣ Солодникахъ, Черноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ въ селѣ Солодникахъ, а затѣмъ полковымъ священникомъ Тифлискаго пѣхотнаго полка, во главѣ котораго встрѣчалъ на персидской границѣ и провожалъ десятки верстъ въ Тифлисъ тѣло убитаго въ Тегеранѣ поэта А. С. Грибоѣдова. Образование А. И. Поповицкій получилъ въ астраханской духовной семинаріи, а затѣмъ съ 1845 по 1849 годъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ былъ ближайшимъ и любимымъ товарищемъ нынѣшняго протопресвитера Янышева. По окончаніи академіи посвятилъ себя педагогической дѣятельности и приглашенъ былъ учителемъ русскаго языка къ дѣтямъ старшаго секретаря при русскомъ послѣ въ Парижѣ, князѣ А. В. Куракинѣ. Во время четырехлѣтняго пребыванія въ Парижѣ А. И. Поповицкій прослушалъ курсъ наукъ въ Сорбоннѣ и Collège de France и былъ свидѣтелемъ знаменитаго государственнаго переворота 2-го де-

кабря 1852 года. Въ то время во всей Западной Европѣ произошелъ цѣлый рядъ событій, имѣвшихъ громадное влияние на складъ мыслей нашего литератора. Какъ редакторъ, почившій былъ человекъ деликатный, уважающій чужія мнѣнія и внимательно относящійся къ чужому труду. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10084; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 91; «Кіевское Слово», 1904 г., № 5844; «Волгарь», 1904 г., № 89; «Тифлисскій Листокъ», 1904 г., № 83).

† **Чичеринъ, Т. С.** Скончавшійся 22-го марта Тихонъ Сергѣевичъ Чичеринъ былъ однимъ изъ наиболее выдающихся русскихъ энтомологовъ. Благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ и значительному трудолюбію, покойный, несмотря на свою молодость (онъ скончался на 35 году жизни), успѣлъ приобрести среди специалистовъ какъ въ Россіи, такъ и за границей широкую извѣстность своими многочисленными трудами по систематикѣ жесткокрылыхъ, появлявшимися какъ въ отечественныхъ, такъ и въ заграничныхъ специальныхъ изданіяхъ. Для научной обработки коллекцій къ нему обращались и пользовались его безкорыстнымъ трудомъ многіе музеи Западной Европы; въ началѣ 1890-хъ годовъ онъ принесъ много пользы также и нашему зоологическому музею (академіи наукъ). Онъ принималъ живѣйшее участіе въ изданіи «Трудовъ русскаго энтомологическаго общества» и «Русскаго энтомологическаго обозрѣнія». Въ благородной личности покойнаго друга потеряли истиннаго и вѣрнаго друга. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10078).

† **Ювеналій, архіепископъ.** 12-го апрѣля скончался въ Вильнѣ архіепископъ литовскій и виленскій Ювеналій. Покойный, въ мѣрѣ Иванъ Андреевичъ Половецвъ, происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился 21-го октября 1826 г., получилъ образованіе сперва въ артиллерійскомъ военномъ училищѣ, а высшее—въ михайловской артиллерійской академіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ. Еще во время ученія молодой офицеръ Половецвъ ощущалъ потребность итти въ монастырь, но изъ любви къ матери, просившей не покидать ея, откладывалъ свое намѣреніе. Двадцати лѣтъ онъ опасно заболѣлъ; едва начавъ выздоравливать, получилъ отъ матери разрѣшеніе посвятить себя на служеніе Богу. По окончаніи курса въ артиллерійской академіи, въ 1847 году, поступилъ въ число братіи Оптиной пустыни; въ 1855 году, послѣ испытанія въ послушаніи, постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Ювеналія и только черезъ десять лѣтъ послѣ поступления въ монастырь былъ рукоположенъ въ іеромонахи; въ 1857 году назначенъ членомъ іерусалимской духовной православной миссіи. Здѣсь его выдающіяся способности и высокое образованіе при безпримѣрномъ смиреніи были замѣчены и оцѣнены. 3-го сентября 1893 года преосвященный Ювеналій назначенъ былъ на самостоятельную епископскую кафедру, епископомъ курскимъ. Въ 1898 году, марта 7-го, перемѣщенъ въ Вильну архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ. Почившій іерархъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей русской церкви. Онъ авторъ учено-литературныхъ трудовъ, а также сочиненій богословскаго содержанія. Его сочиненія «Жизнеописаніе настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея», «Монашеская жизнь по нареченіямъ о ней св. отцовъ подвижниковъ» и другія выдержали по нѣ-

скольку изданій. Высокопресвященныи Ювеналій въ совершенствѣ владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ; принявъ монашество, изучилъ прекрасно греческій, латинскій и сирійскій языки. Отличался строгой подвижнической жизнью. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., №№ 10098 и 10099; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 239; «Южный Край», 1904 г., № 8060; «Бессарабець», 1904 г., № 102; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6280).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ вопросу о пребываніи ростовскаго митрополита Филарета Романова въ Варшавѣ въ 1611—1619 годахъ.

Въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ я напечаталъ замѣтку, подъ заглавіемъ: «Быль ли ростовскій митрополитъ Филаретъ Романовъ заключенъ въ башнѣ костѣла бернардиновъ въ Варшавѣ въ 1611—1619 годахъ?», въ которой, на основаніи историческихъ данныхъ, опровергнулъ—неизвѣстно кѣмъ и для какой цѣли выдуманную—легенду о томленіи Филарета Никитича въ башнѣ бернардинскаго костѣла. Въ своей замѣткѣ я, между прочимъ, привелъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ (Соловьевъ, Костомаровъ, Хрущовъ, А. Даровскій), допускающихъ пребываніе Филарета въ польской столицѣ въ 1614 г. въ домѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Въ настоящее время извѣстный знатокъ варшавскихъ древностей, авторъ интересныхъ по этому предмету статей, печатавшихся за послѣдніе два-три года въ *Tygodnikъ Ilustrowany*омъ, г. Александръ Краусгаръ, занялся на столбцахъ *Kurier'a Warszawsk'ago* (№ 76, отъ 3 (16) марта 1904 г.) разысканіемъ мѣстонахожденія дома Льва Сапѣги. Ученый обратился къ труду Вейнерта—«*Starożytności Warszawy*», въ I томѣ котораго помѣщенъ списокъ домовъ Варшавы въ XVIII ст. Г. Краусгаръ прежде всего сталъ искать дома Сапѣги поблизости костѣла бернардиновъ, очевидно, предполагая, что близость дома литовскаго канцлера къ костѣлу могла создать легенду о заключеніи митрополита Филарета въ костѣльной башнѣ-колокольнѣ. Но на страницѣ 204 и 205 труда Вейнерта въ спискѣ «*dworów i połaci*», примыкающихъ къ бернардинскому монастырю и костѣлу, не указано недвижимости Л. Сапѣги. Но зато въ первоисточникѣ помянутаго «списка», въ официальномъ изданіи «*Dziarszusz sejmu ordynaryjnego pod związkiem konfederacji generalnej obu narodów*» (Warszawa, 1776), подъ рубрикою «*Series senatorów*» и пословъ, указанъ адресъ великаго канцлера литовскаго Сапѣги «въ собственномъ дворцѣ при Закроцимской улицѣ». Изъ сочиненій гг. Т. Корзона («*Dzieje wewnętrzne*», изд. 2-е, т. II, стран. 368) и Г. Свѣнтковскаго («*Taryf domów Warszawy i Pragi*», 1852, 39) видно, что на мѣстѣ «дворца» Л. Сапѣги, обозначеннаго ипотечнымъ

№ «1826», еще не такъ давно стояли Сапѣжинскія казармы. Въ настоящее время Закрочимская улица представляетъ собою продолженіе «улицы Фрета» и идетъ за городъ, по направленію къ Вислѣ, цитадели и вокзалу Привислинской желѣзной дороги. Если примемъ во вниманіе обычаи родовитаго польскаго дворянства жить въ наслѣдственныхъ «палацахъ», то не будетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что упоминаемый въ Djağjusz'ѣ палацъ принадлежалъ въ XVIII в. Льву Сапѣгѣ, и въ немъ именно имѣлъ свое пребываніе въ 1614 году митрополитъ Филаретъ.

Г. А. Воробьевъ.

Его созерцаніе было нарушено разговоромъ, доходившимъ изъ сосѣдней комнаты. Люссакъ невольно выслушалъ его.

— Какую выгоду могли бы вы извлечь отъ врученія прошенія? Особа короля, мнѣ кажется, въ данный моментъ необходима для успѣха нашего плана.

— Это правда,—отвѣтилъ женскій голосъ.—Но послѣ столькихъ неудачъ не слѣдуетъ ли посредствомъ происшествія, которое надѣлаетъ шумъ, доказать иностранцамъ, что наше искусство и наша опытность попрежнему непогрѣшимы, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ несчастье ожесточилось противъ насъ. Все отъ насъ ускользаетъ, ни одна изъ попытокъ не удается, и спрашивается, можемъ ли мы достигъ нашей цѣли.

— Полно, полно,—сказалъ тихо мужчина:—не терзайте такъ себя, моя дочь, ничего еще не потеряно.

— Дѣйствительно я хотѣла бы вѣрить, — возразила не видимая собесѣдница,—но я въ отчаяніи, когда подумаю обо всемъ, чѣмъ мы напрасно рисковали... Неудачи скопились. Посмотрите: наши друзья, несмотря на всѣ рекомендаціи, которыми они располагаютъ, не могли до сихъ поръ проникнуть къ герцогинѣ и представить предназначенныя ей матеріи и перчатки. Что касается маркизы, то она отчаивается, что ей не удастся заставить короля принять порошки, которые я ей дала.

— На счастье его величества!—отвѣтилъ мужчина со смѣхомъ, показавшимся Люссаку страннымъ.

— А я сама развѣ бесполезно не пробовала вручить королю прошеніе съ ходатайствомъ вступить за Блесси, моего соучастника, котораго маркизь де-Термъ все еще держитъ лишеннымъ свободы въ своемъ замкѣ?

— Маркизь де-Термъ? Но развѣ къ нему не обращались съ какимъ-то халатомъ и ночнымъ колпакомъ?

— Да, дѣйствительно. Впрочемъ это путешествіе осталось безплоднымъ... Но дайте мнѣ продолжать. Итакъ, я отправилась въ Сентъ-Жермэнъ къ одному изъ нашихъ сообщниковъ, лакею маркиза де-Монтозье, и попросила у него рекомендательное письмо къ одному изъ его друзей, приставу королевской палаты. Это письмо позволяло бы мнѣ пройти одной изъ первыхъ на аудіенцію. И что же, съ прошедшаго воскресенья я оставалась въ Сентъ-Жермэнѣ, не имѣя возможности приблизиться къ его величеству. Я вернулась оттуда только вчера вечеромъ, въ четвергъ. Конечно, я могла положить мое прошеніе на столъ; но, чтобы достигъ навѣрно моей цѣли, безусловно надо было, чтобы моя просьба была вручена въ собственныя руки короля.

— Не мечтайте болѣе объ этомъ, любезный другъ. Это опасное предпріятіе, и подобная неосторожность съ вашей стороны меня удивляетъ.

— Но знаете, аббатъ, что мы теряемъ сто тысячъ экю обѣщаннаго вознагражденія, если будущаго 20 марта?...

— Ба! лучше потерять сто тысячъ экю, чѣмъ погубить себя и, можетъ быть, всѣхъ вашихъ друзей. Сдержаніе обѣщаніе—дѣло не важное, когда вопросъ идетъ о сохраненіи своихъ интересовъ. Вѣрьте мнѣ, уничтожьте эту бумагу.

— Этой бумаги болѣе не существуетъ съ сегодняшняго дня,—возразила женщина.—Сегодня рано утромъ ко мнѣ постучались въ дверь. Когда я услышала эти стуки, меня охватилъ страхъ, и я живо отдала это прошеніе моей дочери, чтобы она его сожгла; затѣмъ я пошла отворить дверь. По счастью, эти утренніе посѣтители были лишь миссіонеры Сенъ-Венсанъ-де-Поль.

— Вы хорошо сдѣлали. Въ данный моментъ лучше оставить дѣйствовать вашихъ друзей, какъ только они будутъ имѣть возможность. Если имъ удастся, то ихъ успѣхъ будетъ намъ гораздо полезнѣе, потому что маркиза послѣ мессы, на которой она будетъ завтра участвовать, увидитъ въ томъ подтвержденіе нашего тайнаго могущества.

— Вы меня увѣрили, что придете служить эту мессу?—спросила женщина.

— Разсчитывайте на меня. Необходимо, чтобы все было готово, когда я приѣду.

— Все будетъ приготовлено: церковное облаченіе, престолъ и свѣчи. Вамъ остается только принести Святыя Дары. Ваша эконожка, Лашанфренъ, возьмется доставить ребенка, не правда ли?

Звукъ голоса заинтриговалъ Люссака. Ему казалось, что онъ слышалъ этотъ голосъ при обстоятельствахъ, которыя онъ не могъ опредѣлить.

Но съ другой стороны перегородки разговоръ продолжался.

— Кто еще будетъ присутствовать за этой мессой?—спросилъ мужчина.

— Ничего не измѣнится въ обыкновенной церемоніи. Г-жа Дезелье одна будетъ сопровождать завтра вечеромъ маркизу Монтеспанъ ко мнѣ. Моя дочь и я будемъ служить причетниками, надежные друзья будутъ ожидать въ саду и затѣмъ проводятъ маркизу Монтеспанъ.

— Ваша дочь? Но увѣрены ли вы въ ея молчаливости?

— Какъ въ себѣ самой. Моя дочь болѣе не маленькая, не невѣжественная и наивная пансіонерка. Я давала ей много разъ различныя порученія, годныя для ея развитія, и вскорѣ я надѣюсь отдать ее Романи въ жены.

— Романи! Я считалъ, что за нею ухаживаетъ офицеръ гвардіи, маркизъ де-Шастенэ.

— Увы! безъ сомнѣнія, она предпочла бы этого дворянина. Но я хочу навсегда привязать Романи; это—драгоценный человѣкъ!

— Поистинѣ вы предусмотрительны. Дозавтра, въ полночь у васъ.

— Дозавтра.

Въ коридорѣ раздалися шаги, и дверь закрылась за посѣтительницей.

Не безъ волненія Оливье услышалъ произнесенное имя маркизы.

Безпокоясь узнать, онъ бросился къ окну, выходящему на улицу. Его изумленіе было таково, что онъ не могъ удержать восклицаніе удивленія:

— Г-жа Вуазенъ!

Закутанная въ широкій темный плащъ, прорицательница удалялась быстрыми шагами, пробираясь по стѣнкамъ и бросая направо и налево воровскіе взгляды, какъ будто она боялась, чтобы ея не узнали.

Какую мессу могли бы они служить въ полночь въ домѣ, въ Вилль-Нѣвъ?

У г-жи Вуазенъ нѣтъ никакой молельни, это было въ Парижѣ еще привилегіей, которой владѣли лишь одни избранные. Для чего это посѣщеніе и въ такой часъ маркизы Монтеспанъ и г-жи Дэвэлье, и къ чему столько таинственности?

Непріятное безпокойство, въ которое Люссака привели эти догадки, разсѣялись скрипомъ бородки ключа въ заржавленной замочной скважинѣ. Слегка сгорбленный силуэтъ аббата Гибура появился въ дверяхъ.

Это былъ высокій старикъ лѣтъ шестидесяти, съ сильно красными, толстыми щеками. Подъ широкимъ лбомъ, окаймленнымъ сѣдыми волосами, блестѣли подъ очками косые черные глаза Монморанси. Орлиный носъ, весь прыщеватый, возвышался надъ чувственными губами.

— Простите, сударь, что я заставилъ васъ такъ долго ожидать, — сказалъ патерь: — но я не могъ отпустить ранѣе одну изъ моихъ кающихся грѣшницъ, которая пришла просить помощи въ моемъ заступничествѣ.

Люссакъ поклонился и протянулъ письмо.

Аббатъ Гибуръ сломалъ печать и прочиталъ его.

— Милости просимъ, дорогое дитя, — сказалъ онъ, сжимая въ сморщенной рукѣ руку Люссака... Ваше посѣщеніе доставляетъ мнѣ пріятное удовольствіе, такъ какъ я хорошо зналъ когда-то барона Люссака, когда я былъ главнымъ патеромъ графа Монгомери. Я помню вашего отца... Въ ту эпоху онъ былъ красивый кавалеръ, отважный и прямой, какъ его шпага... Его сынъ не можетъ не походить на него...

При этихъ радушныхъ словахъ не очень благопріятное впечатлѣніе, испытанное молодымъ человѣкомъ при видѣ старика, разсѣялось.

Онъ разспросилъ Люссакъ благосклонно о его первыхъ дебютахъ при дворѣ.

Люссакъ разсказалъ о своемъ отважномъ поступкѣ и о томъ, какъ онъ былъ представленъ королю и принятъ на службу къ его брату. Каждый разъ, произнося имя маркизы Монтеспанъ, онъ старался обнаружить во взглядѣ патера или въ его отвѣтахъ указанія, годныя объяснить ему тайну, которую онъ невольно узналъ.

Но въ глазахъ аббата Гибура не было никакого блеска, а въ чертахъ лица никакого смущенія. Онъ говорилъ спокойно о городскихъ и придворныхъ дѣлахъ, о послѣднихъ событіяхъ; онъ выражался тихимъ голосомъ, медленно, часто употребляя корректныя выраженія, опредѣленную начитанность.

— Я надѣюсь,—сказалъ онъ,—что вы будете часто приходите ко мнѣ... Вы всегда будете желанный гость у стараго друга барона Люссака... Я не осмѣливаюсь предложить вамъ сегодня сѣсть за мой скромный обѣдъ...

— Тысячу разъ благодарю васъ, аббатъ!.. Мнѣ надо сегодня вечеромъ быть на службѣ.

— Въ такомъ случаѣ, любезное дитя, я не настаиваю... Ступайте, куда васъ призываетъ долгъ, и до скорого...

Люссакъ ушелъ.

Присутствіе г-жи Вуазенъ въ улипѣ Жанъ-Тизонъ и слышанный разговоръ завладѣли умомъ Люссака. Тщетно хотѣлъ онъ отогнать подальше отъ себя безпокойныя мысли... Прежде всего, что страннаго въ этомъ посѣщеніи? Развѣ самъ аббатъ Гибуръ не сказалъ Оливье: «одна изъ кающихся пришла просить помощи въ моемъ заступничествѣ»? Эта кающаяся была г-жа Вуазенъ. Чего болѣе естественнаго и зачѣмъ мучить такъ умъ? Впрочемъ, развѣ онъ не видѣлъ въ домикѣ въ Сенъ-Жермэнъ самыя преданныя заботы, и съ какого права старается онъ проникнуть сокровенную тайну?

И въ странной исторіи прошенія, послышки, успѣха, одна фраза внезапно ему въ голову врѣзалась: «г-жа Дэзэлье одна будетъ сопровождать маркизу Монтеспанъ».

XI.

Несмотря на упорныя настоятельныя просьбы Романи, г-жа Вуазенъ совсѣмъ не считала долгомъ говорить со своей дочерью о свадебныхъ проектахъ влюбленнаго.

— Еще немного потерпите, — говорила она своему сообщнику каждый разъ, какъ онъ напоминалъ ей о своей просьбѣ.—Я держу слово. Я узнала, что до сихъ поръ вы дѣлали все возможное для моего удовлетворенія, и я могу обвинять только обстоятельства, которыя были для васъ совсѣмъ неблагопріятны... Потерпите... Я не

упущу случая расположить мою дочь въ вашу пользу... Какъ только вы исполните, вы знаете, что Маргарита будетъ ваша жена...

Романи ждалъ и питалъ довѣріе... Онъ старался своимъ обращеніемъ и предупредительностью заслужить расположеніе Маргариты, но молодая дѣвушка принимала всегда холодно комплименты обожателя.

.....

Однажды утромъ Романи, отправившись въ улицу Борегаръ ранѣе обыкновеннаго, нашель г-жу Вуазенъ въ городскомъ нарядѣ.

— Вы очень кстати явились,—сказала она Романи:—я должна теперь отлучиться на нѣсколько минутъ такъ же, какъ и моя служанка, Марго, которой я дала нѣсколько порученій. Вы примите кліентовъ, которые будутъ спрашивать меня, и заставьте ихъ ожидать въ нижнемъ залѣ.

— Но, любезный другъ, не могу ли я скорѣе замѣнить васъ въ вашей поѣздкѣ?..

— Благодарю васъ, но дѣломъ, которое меня призываетъ, могу заняться только я одна,—отвѣтила г-жа Вуазенъ таинственнымъ тономъ:—я отправляюсь къ нашему сосѣду Ларивьеру, палачу нашего добраго города Парижа.

— Къ палачу?.. Правда, какъ предусмотрительная женщина, вы сумѣли заслужить его расположеніе... Послѣ г-на Гилльома—г-нъ Ларивьеръ!

— Нашъ интересъ требуетъ, чтобы я царствовала надъ сердцами палачей...

— А также и надъ сердцами г-дъ изъ Шатлэ. Отъ великаго до малаго никто изъ нихъ не устоялъ противъ васъ. Катерина, вы обворожили что ли все правосудіе?... Можетъ быть, и сегодня вы отправляетесь, чтобы порекомендовать г-ну Ларивьеру нѣсколькихъ осужденныхъ, которыхъ вы желаете избавить, посредствомъ предварительнаго задушенія, отъ страданій колесованія и костра?

— Нисколько. Просто я хочу просить, чтобы онъ отдалъ мнѣ жиръ повѣшенныхъ, необходимый для выдѣлки свѣчей, которыя будутъ намъ служить сегодня вечеромъ при церемоніи. Кстати, я рассчитываю на васъ. Эта месса могла бы принести намъ хорошій кушъ, если бы удалось ваше предпріятіе у герцогини Фонтанжъ.

— Если бы удалось мое предпріятіе у церцогини Фонтанжъ? Какое отношеніе можетъ существовать между этой мессой?.. Поистинѣ я болѣе ничего не понимаю, любезный другъ...

— Какъ вы ничего не понимаете?

— Нѣтъ...

— Но эта месса будетъ исполнена для нашей доброй кліентки, маркизы Монтеспанъ.

— Еще? — сказалъ съ улыбкой Романи. — Чего же требуетъ маркиза?

— Э! Чего же вы хотите, чтобы она требовала, какъ не возвращенія расположенія короля, который ее бросилъ? Маркиза Монтеспанъ, какъ вамъ небезызвѣстно, замѣнена Маріей Фонтанжъ. Итакъ, надо, чтобы послѣдняя исчезла; мы такимъ образомъ докажемъ маркизѣ дѣйствительность нашихъ обрядовъ, и, какъ прежде, она осыплетъ насъ золотомъ.

— Но къ чему можетъ послужить исчезновеніе герцогини Фонтанжъ?—спросилъ Романи.— У насъ сегодня 11-е марта, Катерина, а вы помните, что 20-го марта, то-есть черезъ десять дней, король долженъ быть вычеркнутъ изъ списка живыхъ. Послѣ этого событія, я не вижу, какою надеждою можетъ еще убаюкивать себя маркиза Монтеспанъ. Ей нечего будетъ болѣе опасаться герцогини Фонтанжъ, такъ какъ предметъ ихъ соперничества перестанетъ существовать...

— Все это очень справедливо, Романи, — сказала Катерина:— если бы я дѣйствительно могла быть увѣрена, что 20-го марта я удовлетворю сторонниковъ Голландіи и Англіи. Но все, увы! заставляетъ меня предвидѣть противное. Неожиданныя препятствія скопились на нашемъ пути. Вы видите сами, сколько у васъ было неудачъ со времени вашей первой попытки у королевы. Я очень боюсь не имѣть возможности исполнить миссію, за которую я взялась.

— Но тогда сто тысячъ экю?..

— Сто тысячъ экю будутъ потеряны, Романи. Но такъ какъ лучше не сжигать разомъ всѣхъ своихъ кораблей, то я думаю попрежнему подстрекать надменность и честолюбіе маркизы Монтеспанъ. Конечно, я ничуть не отказываюсь отъ своихъ плановъ относительно короля. Девять дней, которые намъ остаются, достаточно, чтобы позволить мнѣ достигъ успѣха... И въ такомъ случаѣ, смотрите, Романи, какъ все было бы къ лучшему, если предположить, что прежде вы сами достигли вашей цѣли у герцогини Фонтанжъ. Съ одной стороны, маркиза Монтеспанъ, удовлетворенная неожиданной смертью своей соперницы, видѣла бы въ этомъ вліяніе сверхъестественныхъ силъ, которыя мы ее заставили призывать, и, болѣе не опасаясь новой фаворитки, она мысленно подымалась бы уже по ступенямъ трона. Мы воспользуемся ея добрымъ расположеніемъ, чтобы получить крупное вознагражденіе.

— Но если вы будете имѣть успѣхъ, Катерина, — возразилъ Романи:— радость доброй маркизы была бы не продолжительна.

— Это меня всего менѣе беспокоитъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ лордъ Монмутъ тотчасъ же вручитъ намъ обѣщанныя сто тысячъ экю и облегчитъ намъ проѣздъ въ Англію, гдѣ со значительной суммой, которой будемъ тогда владѣть, мы можемъ въ полной безопасности дать новый полетъ нашему дѣлу... Если я потерю неудачу, и если вы одни будете имѣть успѣхъ, мы всегда сохранимъ нашу клиентку, маркизу Монтеспанъ, и откажемся со

всей философіей, на какую мы только способны, отъ ста тысячъ экую лорда Монмута... Понимаете вы теперь?..

— Дѣйствительно, Катерина,—отвѣтилъ Романи, глава котораго блестяли страннымъ пламенемъ:—я начинаю понимать... Вы дѣйствительно ловкая женщина... Но какой патеръ взялся служить мессу сегодня вечеромъ?

— Аббатъ Гибуръ, котораго я видѣла вчера, общался мнѣ быть здѣсь въ полночь.

— Аббатъ Гибуръ! Но вы не подумали объ этомъ, Катерина... Аббатъ въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, и я сомнѣваюсь, чтобы, несмотря на прелести маркизы Монтеспанъ, онъ былъ способенъ исполнить до конца свою службу... Вы знаете стихи нашего друга Лафонгѣна:

«Passe encore de bâtir, mais planter à cet âge»..—прибавилъ онъ съ двусмысленнымъ смѣхомъ.

— Причиной больше, Романи. Маркиза не подвергнется, безъ сомнѣнія, этой важной подробности церемоніала, тѣмъ болѣе, что она не согласилась на нее въ тотъ разъ и при тѣхъ же условіяхъ... Достаточно подобія, и никто лучше Гибура не можетъ исполнить это подобіе,—сказала она, улыбаясь въ свою очередь.

— Вы все предусмотрѣли, Катерина.

— Я вызвала Лезажа для приготовленія къ мессѣ и для разведенія огня подъ очагомъ.

— Подъ очагомъ? Такъ, значитъ, вы могли достать ребенка?..

— Да, служанка Гибура, Лашанфренъ, принесетъ своего...

— Я вижу, что вы придерживаетесь малѣйшей подробности ритуала... Разсчитывайте на меня, любезный другъ. Я буду точенъ на свиданіе... Въ ожиданіи вашего возвращенія, я буду сегодня утромъ принимать кліентовъ...

— Прекрасно, благодарю васъ.

И г-жа Вуазенъ направилась къ двери. Въ тотъ моментъ, какъ она ее открывала, къ ней приблизился Романи.

— Еще одинъ вопросъ, Катерина... Какъ удалите вы вашу дочь?

— Маргарита,—отвѣтила г-жа Вуазенъ:—будетъ присутствовать при этой церемоніи... Это разсѣетъ ея послѣднее удивленіе, и для нея не останется болѣе ничего тайнаго. До скораго свиданія! Черезъ два часа, самое позднее, я окончу мои визиты.

Дверь закрылась за г-жею Вуазенъ, сѣвшею въ карету, которую ежедневно предоставляла въ ея распоряженіе жена предсѣдателя суда Лефѣровъ.

Маргарита въ это время встала.

Солнечный лучъ, ворвавшись въ полуприкрытый ставень, перерѣзалъ золотистой полосой полумракъ комнаты.

Служанка г-жи Вуазенъ, Марго, вошла, какъ она это дѣлала каждое утро, въ комнату молодой дѣвушки, которая стояла у кровати и начинала одѣваться.

— Не нужно ли вамъ чего нибудь, прежде чѣмъ я уйду? Меня не будетъ все утро... Хозяйка дала мнѣ важныя порученія.

— Порученія... Но я пойду съ вами, Марго. Я плохо спала, и немного воздуха мнѣ принесетъ пользу. Помогите мнѣ одѣться.

Служанка повиновалась.

Въ коридорѣ она встрѣтилась съ Романи въ тотъ самый моментъ, какъ отворяла дверь на улицу.

— Какъ и вы также уходите?—съ удивленіемъ спросилъ онъ молодую дѣвушку.

— Да, развѣ это причиняетъ вамъ огорченіе? — лукаво спросила Маргарита.

— Самое большое мое огорченье, сударыня, знать, что вы далеко отъ меня,—отвѣтилъ Романи съ любезностью обожателя.

Маргарита не обратила большого вниманія на этотъ комплиментъ и послѣдовала за служанкой, оставивъ въ задумчивости Романи.

— Куда можетъ она отправиться въ такой часъ?—спрашивалъ онъ себя:— что можетъ она еще напроказить съ этой колдуньей Марго? Нѣтъ ли тамъ какого влюбленнаго?.. Но въ самомъ дѣлѣ почему бы нѣтъ?.. Напримѣръ, Шатенэ, этотъ офицерикъ королевской стражи, который за нею ухаживаетъ?.. Чортъ возьми!.. я хочу въ этомъ убѣдиться... и къ чорту кліенты Катерины! Они подождутъ у дверей.

Накинувъ на плечи плащъ и прицѣпивъ сбоку шпагу, онъ вышелъ. Маргарита и Марго уже достигли конца улицы Борегаръ и вошли въ улицу Пуассоньеръ. Романи рѣшился слѣдовать за ними, все-таки сохраняя благоразумное разстояніе.

Обѣ женщины продолжали путь чрезъ улицу Пти-Карро и улицу Монторгейль.

Пройдя по улицѣ св. Евстахія, онѣ направились по одной изъ многочисленныхъ маленькихъ улицъ, примыкавшихъ къ Новому Мосту.

Романи готовился перейти шоссе и рыночную площадку, какъ былъ остановленъ нетерпѣливой и любопытной толпой.

— Мѣста! мѣста!—кричали солдаты.

Появились мундиры.

Это былъ Пикардійскій полкъ, направлявшійся изъ Версаля, гдѣ онъ помогалъ въ постройкѣ замка, а также въ окончаніи королевской дороги въ Сентъ-Жермэнъ, и возвращавшійся въ свои казармы въ Мо.

Романи, во что бы то ни стало, хотѣлъ пробраться сквозь этотъ водоворотъ толпы. Одинъ солдатъ ему въ этомъ помѣшалъ. Сообщникъ г-жи Вуазенъ долженъ былъ ждать, разразясь проклятіями противъ досадной помѣхи.

Поднявшись на ципочки, онъ старался, благодаря своему высокому росту, слѣдить за Маргаритой и ея служанкой чрезъ го-

ловы зѣвакъ. Но на этотъ разъ обѣ женщины исчезли, и Романи не могъ болѣе разсчитывать ихъ разыскать.

— Чортъ возьми этотъ Пикардійскій полкъ!—сказалъ съ проклятіемъ другъ г-жи Вуазенъ.

Онъ уже хотѣлъ возвратиться въ улицу Борегаръ, когда его заставило обернуться дружеское прикосновеніе руки, положенной на его плечо.

— А, Лезажъ!—воскликнулъ онъ, узнавъ прежняго торговца шерстью... Какого чорта дѣлаете вы здѣсь?..

— Это вамъ надо задать такой вопросъ,—возразилъ Лезажъ... Я знаю васъ за врага толпы и удивляюсь, найдя васъ въ числѣ зѣвакъ.

Романи дурно скрылъ свою досаду. Однако, его удерживалъ стыдъ сдѣлать Лезажа повѣреннымъ своего сердечнаго огорченія.

Онъ отвѣтилъ почти привѣтливо:

— Я именно собирался итти въ улицу Борегаръ.

— Не ранѣе, какъ выпивъ вмѣстѣ бутылку вина, товарищъ... Я не знаю, на что вы сердитесь, но вы, мнѣ кажется, въ дурномъ настроеніи. Стаканъ добраго вина, надѣюсь, разсѣетъ озабоченность, которую я читаю на вашемъ лицѣ.

Романи хотѣлъ протестовать.

— Благодарю... Уже это слишкомъ, что я покинулъ на нѣсколько минутъ квартиру Катерины. Она просила меня принять ея посѣтителей во время ея отсутствія.

— Ба! ба! — сказалъ Лезажъ, взявъ подъ руку своего спутника:—нашъ другъ Катерина, я въ этомъ увѣренъ, будетъ вполне снисходительна къ этой шалости, когда она узнаетъ, что вы были со мною. Впрочемъ, я хочу съ вами поговорить о нашихъ общихъ интересахъ.

Тотъ и другой дошли до «Золотого компаса», одного изъ наиболѣе посѣщаемыхъ трактировъ въ улицѣ Монторгейль. Лезажъ увлекъ туда Романи, который желая все разузнать, не прочь былъ поговорить минуту съ наиболѣе близкимъ наперсникомъ г-жи Вуазенъ, и оба сообщника усѣлись за столъ.

— Ну же, чортъ возьми, хозяинъ Франсуа,—воскликнулъ Лезажъ, обращаясь къ трактирщику:—пусть намъ подадутъ и поскорѣе.

— Хорошо, хорошо, идуть!—отвѣтилъ трактирщикъ:—не будемъ горячиться, любезный г-нъ Дюбюисонъ... Сегодня много посѣтителей, и мимо проходящій Пикардійскій полкъ привлекъ ко мнѣ посѣтителей, на которыхъ я никакъ не разсчитывалъ... Мнѣ не хватаетъ слугъ, чтобы подавать всѣмъ гостямъ. Потерпите нѣсколько минутъ, а я спущусь въ погребъ, чтобы отыскать для васъ одну изъ тѣхъ старыхъ бутылокъ, которыя вы такъ цѣните.

Эти слова удовлетворили нетерпѣніе Лезажа.

Толпа наполняла трактиръ своими криками и зовомъ, такъ что хозяинъ Франсуа Гарно разрывался, чтобы удовлетворить столько требованій. Наконецъ онъ направился въ глубину залы и готовился поднять опускающую дверь погреба, когда свѣже-выбритый мужчннъ съ сѣдоватыми волосами, одѣтый ремесленникомъ, пробрался сквозь толпу гулякъ и приблизился къ нему.

— Ну, что, хозяинъ,—сказаль въ полголоса новопршешдшій:— дѣла, повидимому, сегодня идутъ?

— Боже мой, да...—отвѣтилъ хозяинъ, изумленный при видѣ своего собесѣдника.—Но что значить это переодѣваніе, господинъ?...

— Шш! Ни слова, и оставьте меня дѣйствовать. Я вошелъ къ вамъ, потому что съ улицы видѣлъ, какъ вы стараетесь, и пришелъ предложить вамъ свои услуги.

— Понимаю... Охотно,—сказаль хозяинъ Гарно.—Я принимаю. Вы меня выведите изъ сильнаго затрудненія. Вотъ какъ разъ являются другіе гости... Займитесь ими, пока я спущусь въ погребъ. Кубки и горшки тамъ, на этажеркѣ, налѣво отъ камина. Кувшины для вина подъ ними. Я требую за полъ-горшка три су, а за цѣлый шесть... Вы получите деньги... Впрочемъ, они не могли бы попасть въ лучшія руки, — прибавилъ онъ съ хитрой улыбкой.

И хозяинъ оставилъ новопршешдшаго одного, который, преобразившись въ трактирнаго слугу, принялся прислуживать потребителямъ, численность которыхъ все увеличивалась.

Вскорѣ поднялся изъ погреба хозяинъ, съ предосторожностью держа въ рукѣ всю запыленную флягу. Такъ какъ онъ приближался къ столу, за которымъ разговаривали Лезажъ и Романи, то слуга, добровольно предложившій свои услуги, бросился къ нему навстрѣчу.

— Простите,—сказаль онъ, выхвативъ бутылку,—вы меня наняли, и я не потерплю, чтобы вы исполняли мою обязанность... Положитесь на мою расторопность...

И прежде чѣмъ хозяинъ могъ произнестъ хотя одно слово, новый слуга былъ уже возлѣ обоихъ собесѣдниковъ, вытирая со стола пылъ быстрымъ движеніемъ салфетки и наполняя оловянные кубки.

Удовлетворенный такимъ усердіемъ, Гарно возвратился къ очагу, гдѣ нанизанная на длинномъ вертелѣ дичь жарилась предъ яркимъ, трещавшимъ пламенемъ пылающихъ виноградныхъ лозъ.

Лезажъ и Романи прервали свой разговоръ, чтобы осушить кубки. Слуга подошелъ снова, чтобы наполнить ихъ, когда Лезажъ остановилъ его.

— Хорошо, — сказаль онъ, — оставь насъ... Мы сами себѣ нальемъ.

Слуга поклонился, затѣмъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, и Лезажъ наполнилъ кубокъ Романи.

— Любезный мой,—сказалъ онъ, убѣдившись, что слуга болѣе не занимается ими:—вы неправы такъ терзать свое сердце... И я удивляюсь, какъ вы могли влюбиться въ эту дурочку Маргариту. Да, вы неправы. Какого чорта! такой человѣкъ, какъ вы, пресыщенный всевозможными похождениями, еще попадаетесь на удочку невиннаго личика этой дѣвушки... Однако, вы должны были давно обратить вниманіе...

— Что вы хотите сказать?—спросилъ живо Романи.

— Я знаю, что говорю, — отвѣтилъ спокойно Лезажъ: — и вы знаете это такъ же хорошо, какъ и я. Въѣсть съ тѣмъ вы не имѣете притязанія вѣрить въ добродѣтель юницъ... Ея сношенія съ маркизомъ Шатенэ извѣстны всѣмъ...

— Эти сношенія вскорѣ прекратятся, такъ какъ я убью Шатенэ, и Маргарита будетъ моей женою, — отвѣтилъ Романи сухимъ голосомъ.

— Словомъ всѣ радости, — злорадствовалъ Лезажъ. — Прошу васъ, Романи, бросьте на мгновеніе эти мрачныя мысли и непринужденно отдайтесь веселымъ мыслямъ, какія можетъ вамъ внушить подобный нектаръ... Хозяинъ, — прибавилъ онъ, подзывая трактирщика:— позаботьтесь, чтобы намъ тотчасъ же замѣнили пустую флягу. У насъ большая жажда.

Хозяинъ далъ распоряженіе слугѣ, возвратившемуся съ двумя новыми бутылками, и Лезажъ наполнилъ кубки.

— Ну, за ваше, — сказалъ онъ, чокаясь своимъ кубкомъ о кубокъ Романи... Выпьемъ, любезный, и забудьте все.

— Когда васъ держитъ любовь, то забыть труднѣе, чѣмъ вы думаете, — отвѣтилъ Романи... Кромѣ того, слишкомъ поздно, предложеніе сдѣлано, и у меня есть формальное обѣщаніе Катерины...

— Формальное обѣщаніе Катерины? — повторилъ Лезажъ... — Развѣ вы такъ довѣряете ея словамъ?

— У насъ одинаковыя интересы, Лезажъ. И не вамъ сомнѣваться въ ея искренности. Вспомните, что она васъ освободила отъ галеръ. Будьте, по крайней мѣрѣ, благодарны...

— Я благодаренъ, — возразилъ со смѣхомъ Лезажъ. — Послушайте, если Катерина такъ дѣйствовала, значитъ, я ей былъ нуженъ для усовершенствованія въ искусствѣ колдованія, которому я началъ ее учить, и для того, чтобы довести до совершенства извѣстныя предирія... Безъ этого, повѣрьте мнѣ, я гребъ бы еще и въ настоящее время на галерахъ его величества... Въ тотъ день, когда Катерина найдетъ возможнымъ обойтись безъ моихъ услугъ, она употребитъ всевозможныя средства, чтобы избавиться отъ моей особы. Вы должны помнить... Тому четыре года назадъ, развѣ она не пробовала меня отравить, въ два приема, съ помощью одного изъ своихъ помощниковъ, Пьера, того пастуха изъ Руля, который такъ опытенъ въ искусствѣ выгонять сокъ изъ расте-

ній?.. Затѣмъ, развѣ она не старалась, не знаю, ради какой цѣли, убѣдить меня, что отъ меня беременна? Даже впоследствии она купила у акушерки, по имени Делаажъ, въ улицѣ Омеръ, новорожденнаго ребенка, котораго она имѣла дерзость представить мнѣ за моего сына, и котораго въ церкви св. Николая окрестила подъ именемъ Жано, сына Дезэ и Керэ, г-на Дюбюиссона... Вы понимаете, что подобныя дѣла не забываются, и у меня превосходная причина—не довѣрять ей...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы продолжаете знаться съ нею?

— Просто потому, что въ этомъ я нахожу свою выгоду... Безъ этого, будь увѣрены, я давно бы работаль за свой счетъ и оставилъ бы Катерину выпутываться, какъ она хочетъ... Но, благодаря адской ловкости, эта женщина располагаетъ такими кліентами, что я даже не мечтаю отбивать ихъ у нея. Это—потеря времени.

— Ваше злопамятство дѣлаетъ васъ несправедливымъ относительно ея,—отвѣтилъ Романи:—что касается меня, то я вполне вѣрю ея слову...

— Жалѣю васъ... Въ данный моментъ Катерина преслѣдуетъ различные планы, вполне достойные ея смѣлости, я съ этимъ согласенъ, но которые могутъ завести далеко, если когда нибудь ее захватятъ. Слѣдовательно, выбирая васъ для исполненія ихъ и общая вамъ, какъ награду, въ случаѣ вашего успѣха, руку Маргариты, она хочетъ избѣжать опасности и обезпечить свою отвѣтственность. Впрочемъ, подобный способъ очень подходитъ къ ея самолюбію, которое она всегда выказывала даже относительно своихъ друзей... Вотъ о чемъ вы не подумали, Романи, давъ себя соблазнить ея обѣщаніями.

— Но сами вы развѣ не занимаетесь ея планами? — замѣтилъ съ живостью Романи.

— Это—правда, но я обдумаль и съ тѣхъ поръ поняль, что роль была слишкомъ опасна...

Въ этотъ моментъ Лезажъ инстинктивно обернулся. Совсѣмъ близко отъ него сидѣлъ слуга, нанятый хозяиномъ трактира.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—воскликнулъ съ гнѣвомъ Лезажъ.— За что тебѣ платитъ хозяинъ жалованье, за то ли, чтобы ты подслушиваль разговоры посѣтителей или чтобы имъ служилъ?

Слуга всталъ.

— Я подслушиваю посѣтителей, сударь? — отвѣтилъ онъ... Но вы объ этомъ совсѣмъ не думаете: я съ ногъ сбился, чтобы удовлетворить всѣхъ гулякъ, и теперь, имѣя передышку, я воспользовался случаемъ, чтобы отдохнуть.

— Во всякомъ случаѣ ты могъ бы сѣсть нѣсколько дальше,—сказаль Лезажъ съ досадой.

— Хорошо, хорошо, сударь,—униженно пробормоталъ слуга.— Если я васъ разсердилъ, то извиняюсь предъ вами. Я, человѣкъ бѣдный, очень счастливъ, что нашелъ это мѣсто, а потому мнѣ не хотѣлось бы, чтобы съ самаго начала моей службы посѣтители были ко мнѣ не расположены, благодаря моей неловкости, которую надо мнѣ простить.

— Полно, малый,—отвѣтилъ Лезажъ:—довольно... оставь насъ... Знай, однако, что скромность—первое качество хорошаго слуги.

— Благодарю за совѣтъ, сударь... Я сумѣю имъ воспользоваться...

И слуга удалился, низко кланяясь.

Лезажъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Заставилъ же я васъ замѣтить, Романи, что въ этихъ обстоятельствахъ я выбралъ роль, въ которой подвергаюсь наименьшей опасности... Путешествіе, совершенное мною въ Гренобль и Лионъ за перчатками и матеріями, предназначенными герцогинѣ Фонтанжъ, совсѣмъ не можетъ меня поставить въ непріятное положеніе, и не мнѣ сдѣлала Катерина предложеніе проникнуть къ королевѣ... Она очень хорошо знаетъ, что я не принялъ бы его.

Пока длился этотъ разговоръ, слуга мало-по-малу приближался къ столу Романи и Лезажа; онъ для вида разговаривалъ съ гуляками, которые сидѣли невдалекѣ отъ сообщниковъ г-жи Вуазенъ.

Лезажъ совсѣмъ не обратилъ на это вниманія.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ:—я не принялъ бы его... Это порученіе было слишкомъ опасно.

— Вѣроятно, у меня были причины совсѣмъ не раздѣлять этого мнѣнія,—сухо замѣтилъ Романи.—Впрочемъ не будемъ болѣе объ этомъ говорить.

— О!—сказалъ Лезажъ,—не сердитесь... Осушимъ эту бутылку и разстанемся друзьями...

— Мы увидимся сегодня вечеромъ,—сказалъ смягчаясь Романи:—не правда ли, васъ Катерина предупредила? Вы можете мнѣ развести огонь въ очагѣ и сдѣлать приготовленіе къ мессѣ, которую долженъ отслужить аббатъ Гибуръ.

— А! а!—сказалъ смѣясь Лезажъ:—маркиза Монтеспанъ не потеряла довѣрія! Подобная работа совсѣмъ не опасна и даетъ крупный барышъ.

— Такъ по рукамъ?

— Да. Я буду въ назначенный часъ въ улицѣ Борегаръ.

И обернувшись Лезажъ подождалъ хозяина, чтобы расплатиться.

ХП.

Г-жа Вуазенъ сказала фавориткѣ:

— Маркиза Монтеспанъ, вы будете королевой Франціи!

— Я вѣрю въ васъ,—отвѣтила Атенаиса.

И высокобѣрная маркиза преклонилась побѣжденной и сдѣлалась покорной слугою прорицательницы.

Какимъ же неподобнымъ могуществомъ располагала эта женщина, чтобы подчинить всѣмъ своимъ желаніямъ надменную Мортемаръ и такъ возбудить ея честолюбіе, которое мѣтило ни больше ни меньше, какъ измѣнить порядокъ наслѣдованія трона Франціи?..

Остановимъ на мгновение теченіе нашего разсказа и приподымаемъ наконецъ завѣсу, которая закрывала жизньъ и тайныя занятія прорицательницы.

Въ эпоху, когда Гассенди съ преобразованной системой Эпикура препятствовалъ великому Декарту, когда нѣкоторые свободные умы избавились отъ вѣрованій и догматовъ стараго богословія, любовь къ чудесному продолжала не менѣе могущественно царствовать, несмотря на суровый приступъ разума. Но эпикурейство набирало сторонниковъ и учениковъ лишь въ «высшемъ классѣ», которые опредѣлялись тогда именованіемъ «распутниковъ и вольнодумцевъ». Оно привлекало къ себѣ лишь нѣкоторыхъ поэтовъ, писателей, патеровъ и ученыхъ, считавшихъ Гассенди «самымъ ученымъ среди философовъ и самымъ смышленнымъ среди ученыхъ». Другіе, — громадная толпа невѣждъ, — которыхъ совсѣмъ не просвѣщаль высшій скептицизмъ знаменитыхъ мыслителей, все еще блуждали въ «несбыточныхъ мечтахъ», въ поискахъ «духовъ», у которыхъ они просили исполненія своихъ желаній, конца страданій, удовлетворенія злобы, утоленія ихъ алчности и несбыточной формы вѣчнаго счастья. Тогда-то ловкіе люди наживы противопоставили церковной пышности магическое великолѣпіе сатанинской церемоніи и предложили суевѣрію, неискореняемому изъ человѣческаго сердца, попытать вторгнуться въ безграничную область невѣдомаго.

Но католическая церковь, ревнивая къ своимъ правиламъ, или скорѣе къ своимъ интересамъ, не колебалась, когда ей представлялся случай, сурово наказывать приверженцевъ новаго ученія и тѣхъ, которые, наперерывъ, таинственными обрядами извлекали пользу изъ человѣческаго легковѣрія.

Поэтому предсказательницы будущаго должны были тайно заниматься своимъ доходнымъ ремесломъ, а сильные умы могли сходиться лишь на тайныхъ банкетахъ, гдѣ они оспаривали великую проблему позитивной вѣры.

На удобной обширной землѣ, расположенной между оградой Паржа и приходомъ Сенъ-Соверъ, только что былъ отстроенъ но-

вый кварталъ. Мелкому люду, согласившемуся тамъ поселиться, были предложены совсѣмъ особенныя преимущества: освобожденіе отъ податей, налоговъ и оброковъ. Вскорѣ, какъ бы по волшебству, въ этой мѣстности возникли просторные дома, окруженные садами. Это былъ Вилль-Невъ. Скромная церковь, сдѣлавшаяся знаменитой, благодаря паломничеству Анны Австрійской, покинутой своимъ августѣйшимъ супругомъ, сдѣлалась приходской, и въ знакъ благодарности за рожденіе дофина ей дали названіе «Божьей Матери Добрыхъ Вѣстей».

Уединеніе такого квартала, гдѣ дозоръ появлялся лишь изрѣдка, должно было благоприятствовать тайнымъ собраніямъ и запрещеннымъ дѣламъ...

Такимъ образомъ большинство распутниковъ избирали Виль-Невъ мѣстомъ свиданій, и тамъ же выбрала себѣ жилище г-жа Ваузенъ.

Катеринѣ Дезе, или просто Ваузенъ, было въ то время лѣтъ около двадцати восьми. Это была женщина средняго роста, но хорошо сложенная, съ красивымъ лицомъ, тонкимъ и хитрымъ выраженіемъ, съ живыми и блестящими глазами, указывающими на необыденный умъ. Она вышла замужъ за нѣкоего Антуана Монвуазена, бывшаго послѣдовательно чулочникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ и торговцемъ суровскихъ товаровъ на мосту Маріи, но разорившагося въ различныхъ предпріятіяхъ.

Для своего существованія г-жа Ваузенъ должна была заняться «развитіемъ науки, какую Богъ ей далъ»: это была хиромантія и физиономистика, которыя она изучала съ девятилѣтняго возраста. Эта профессія была болѣе прибыльной, чѣмъ торговля суровскими товарами и золотыми вещами, такъ какъ въ концѣ 1664 года, мѣнѣе чѣмъ чрезъ два года послѣ потери лавки мужа, она купила за тридцать тысячъ ливровъ, — крупная сумма для той эпохи, — домъ, окруженный большимъ садомъ, находившійся въ улицѣ Борегаръ, вблизи церкви и по той же сторонѣ.

Нѣсколько высокомѣрная новоприбывшая не сближалась ни съ одной изъ окрестныхъ мелкихъ мѣщанокъ. Лавочники и поставщики сосѣднихъ улицъ, сидѣльцы лавокъ, служанки и лакеи, заинтересованные ея странными манерами, часто говорили о ней по вечерамъ на порогахъ дверей или въ кабакахъ. Часто проходящіе и зѣваки видѣли, не обращая, однако, большого вниманія, дворянъ и замаскированныхъ дамъ стучащимися въ дверь ея дома. Но въ то время маски были обычной модой, и посѣщеніе прорицательницы въ нихъ совершенно оправдывалось ихъ употребленіемъ. Г-жа Ваузенъ, впрочемъ, сохраняла по отношенію ко всѣмъ такую молчаливость, что никто не могъ подозрѣвать ея почти баснословной жизни.

Со времени своего водворенія въ Вилль-Невъ г-жа Ваузенъ обезпечила себѣ содѣйствіе Лезажа, а впослѣдствіи и Романи.

Лезажъ, лукавый, и осторожный нормандецъ, прежній торговецъ шерстью, который сначала назывался Дюбюиссономъ, переодѣвавшійся священникомъ и ходившій по домамъ повѣствовать сатанинское евангеліе, добился путемъ ловкости убѣдить саму г-жу Вуазенъ, что онъ постигаетъ «всю науку кабалистики». Въ дѣйствительности же его мнимое колдовство состояло въ особенности изъ фокусовъ. Онъ такъ ловко продѣлывалъ ихъ, что восхищенные гадалки на картахъ и хиромантики оставались убѣжденными, что онъ былъ апостоль Сибиллъ.

Между его лучшими фокусами, способными обморочить легко-вѣрныхъ зрителей, заслуживаетъ быть приведеннымъ одинъ.

Желали ли узнать будущее и получить отъ князя ада какойнибудь совѣтъ? Ничего не было проще. Достаточно было написать требованіе на листѣ бумаги и затѣмъ закатать его въ восковой шарикъ. Тогда Лезажъ бросалъ шарикъ на жаровню, «гдѣ онъ съ шумомъ сгоралъ». Нѣкоторое время спустя, ловкій волшебникъ писалъ отвѣтъ и посылалъ его съ запиской, которую считали сгорѣвшей, и которую, какъ онъ утверждалъ, чортъ возвратилъ ему; оставалось только восторгаться чудомъ.

Что касается Романи послѣ того, какъ онъ покинулъ Экзели и графа Шастюэля, онъ рѣшилъ, въ свою очередь, извлечь пользу изъ страшныхъ тайнъ слишкомъ извѣстнаго итальянца.

Въ смѣлости у него не было недостатка. Онъ возвратился во Францію, и случай помогъ ему очутиться въ Парижѣ въ присутствіи г-жи Вуазенъ. Катерина была красива, образованна, способна и честолюбива; Романи былъ для нея неподобнымъ профессоромъ преступлений. Ученикъ выказалъ себя достойнымъ учителя. Болѣе того, отъ Рейни мы узнали, что Романи съ виду наиболѣе откровенный и умный, какого только можно себѣ представить, казался человекомъ избраннаго общества и самымъ способнымъ вести подобныя дѣла, какъ бы созданнымъ для нихъ.

Въ эпоху, когда онъ встрѣтилъ г-жу Вуазенъ, слава прорицательницы была такова, что даже писатели наперерывъ прославляли ее. Добрякъ Лафонтенъ, знавшій хорошо Катерину, представилъ ее въ одной изъ своихъ басенъ.

Лабрюйеръ также не забылъ ея въ своихъ «Характерахъ», и она же представлена въ Каниди, у которой были такіе прекрасные секреты, обѣщавшіе молодымъ женщинамъ второй бракъ, и которые предсказывали, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ онъ совершится.

Такъ какъ высшія лица дѣлали ей честь совѣтоваться съ нею и унижались даже до того, что брали ее въ наперсницы своихъ честолюбивыхъ стремленій и ненасытныхъ желаній, то Катерина скоро поняла свою выгоду, какую она можетъ извлечь изъ такого довѣрія, соединеннаго съ легковѣріемъ.

Она поняла, что этимъ искательницамъ трона, охотницамъ на сердца, жаждущимъ золота, почестей и славы, требуется иное, чѣмъ предсказанія, зависящія отъ случайностей картъ. Есть лучшее дѣло, чѣмъ отгадывать судьбу по кофейной гущѣ, по дымящимся внутренностямъ потрошенныхъ животныхъ, магическимъ зеркаламъ, чернымъ доскамъ, на которыхъ обозначаются странные знаки, и гдѣ принято, чтобы видѣли краснѣвшееся кольцо Сатурна. Порочная и алчная, она говорила себѣ, что теперь она можетъ всемъ рисковать, чтобы добиться состоянія. Съ согласія помощниковъ, основательно выбранныхъ и руководимыхъ Романи, слывущаго за профессора въ искусствѣ отравъ, она присоединяла къ своей профессіи прорицательницы совсѣмъ иного рода торговлю, но еще болѣе прибыльную. Постоянные посѣтители ея лабораторіи нашли у нея порошокъ, называемый «порошкомъ наслѣдства», и дѣйствіе котораго столь же быстрое, какъ и вѣрное, должно было удовлетворить самыхъ требовательныхъ кліентовъ.

Успѣхъ былъ столь великъ, что домъ въ улицѣ Борегаръ сдѣлался вскорѣ мѣстомъ свиданія избранныхъ аристократовъ, военныхъ, юристовъ и представителей буржуазіи. Г-жа Вуазенъ достигла того, что стала зарабатывать пятьдесятъ и даже сто тысячъ ливровъ въ годъ.

Носилки, кареты, великолѣнные экипажи съ гербами во всякое время дня, иногда и ночью, останавливались передъ жилищемъ прорицательницы; женщины съ замаскированными лицами, но высшее изящество которыхъ выдавало ихъ общественное положеніе, богатые вельможи, знаменитые люди — все стучались къ ней въ дверь.

Вотъ герцогиня Бульонская, въ сопровожденіи молодого герцога Вандома. Оба вышли изъ кареты и исчезли за дверью, которую открыла имъ вѣрная и умѣвшая молчать Марго. Смѣлая Манчини, о чемъ сообщила намъ впослѣдствіи г-жа Севиньи, отправилась къ Вуазенъ просить немного яда, чтобы уморить стагаго, скучнаго мужа, и средства вытти замужъ за молодого челоувѣка, котораго она любила. Новый экипажъ останавливается въ улицѣ Борегаръ; это — карета Франсуа-Анри Монморанси, графа Бутвилля, который не опасается требовать у Катерины средствъ избавиться отъ своей жены, Магдалины-Шарлотты-Терезы Клермонъ-Тоннеръ. Несмотря на значительное приданое и герцогство Люксембургское, которое она дала ему въ приданое, будущій «украшатель собора Парижской Богоматери»¹⁾ не чувствовалъ болѣе мужества выносить долѣе эту некрасивую женщину и почти такую же немощную, какъ онъ.

¹⁾ Такъ называли герцога Люксембурга, который своими частыми побѣдами доставлялъ случай украшать соборъ, взятыми имъ неприятельскими знаменами.

Вдали показалась другая карета — княгини Тенгри. Княгиня приближается къ сорока годамъ, и ея лицо было такъ испорчено оспой, что она потеряла надежду когда нибудь заставить себя любить. Но Катерина Буазенъ снабдитъ ее любовнымъ напиткомъ, который наконецъ возбудитъ любовь въ самыхъ вялыхъ влюбленныхъ.

Другія свѣтскія женщины прѣзжали въ свою очередь: интриганка, графиня Полиньякъ, графиня Руръ, близкая пріятельница Луизы Лавальеръ, маркиза Аллюи, которая, по словамъ Сень-Симона, «была мѣстомъ свиданія и наперсницей парижскаго волокитства», герцогиня Дюра, жены маршаловъ Бивоннь и Лафертэ. Про послѣднюю г-жа Севиньи, намекая на процессъ объ отравкахъ, жестоко выразилась: «Въ этомъ процессѣ она имѣла удовольствіе, которымъ она обыкновенно не пользовалась: это слышать, что она невинна». Герцогинѣ Витри, находившей своего мужа стѣснительнымъ, предшествовала по той же причинѣ надменная графиня Суассонъ, прозванная «суассонской глупышкой».

Затѣмъ появлялась Маргарита де-Жеанъ, де-Пулэллионъ, жена Дени—Александра де-Пулэллионъ, владѣльца Монреалья и прежняго смотрителя лѣсовъ и водъ въ Шампаньи, но въ то время чиновника контрольной палаты. Жена предпочитала ему маркиза Ривьера, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что драгоценный порошокъ наслѣдства освободитъ также и ее отъ ревниваго мужа и позволитъ ей соединить свою судьбу съ любовникомъ, ради котораго она уже прожила часть своего состоянія. Вотъ жена предсѣдателя суда Лаферонъ, жена предсѣдателя суда Лескалопье, которыхъ любовныя похождения сдѣлали столь знаменитыми. Чтобы имѣть возможность вытти замужъ за избранныхъ любовниковъ, онѣ старались отравить своихъ мужей.

Потомъ — вотъ Марія-Катерина Дюжарденъ, дочь совѣтника палаты сборовъ и налоговъ, жена Жеана Лекамю, бывшаго правителя Оверна, а затѣмъ гражданскаго намѣстника; такъ же, какъ и предыдущая, эта дама желаетъ вдовства.

Войдя къ прорицательницѣ, одинаково можно было застать Марію Миронъ, замужемъ за совѣтникомъ Шарлемъ Бриссаромъ. Она также имѣетъ любовника, котораго содержитъ и стоѣщаго ей дорого: это — Луи-Дени, де-Рюбантель, генераль-майоръ. Г-жа Бриссаръ по причинѣ своихъ частыхъ визитовъ въ Вилль-Невъ будетъ обвинена въ отравленіи своей сестры, г-жи Ардэкуръ, наслѣдства которой она добивается. Послѣ Маріи Миронъ у Буазенъ занимаетъ мѣсто г-жа де-Дре, «одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Франціи», которая замужемъ за Филиппомъ де-Дре, рекетмейстеромъ парламента. Это прекрасное и соблазнительное созданіе жалуетъ своей благосклонностью другому судью, Шаррона-де-Мэкаръ, совѣтника парламента, и который ей будетъ обязанъ мѣстомъ предсѣдателя.

Къ тому же она носитъ въ утробѣ плодъ этой любви и явилась къ Вуазенъ просить дѣйствительнаго средства избавиться отъ него, прежде чѣмъ онъ созрѣетъ.

Г-жа Вуазенъ вмѣшивается одинаково и въ «дѣла чести». Ея репутація по части хиромантіи такъ хорошо установилась, что самые честные и преисполненные предрасудковъ дворяне совѣтовались съ нею. Такъ, чтобы узнать исходъ одной дуэли, къ ней пришелъ Луи-де-Комменужъ, маркизъ Вербенъ, первый дворецкій короля. Вслѣдствіе карточной ссоры онъ долженъ былъ драться съ графомъ Лонэ-Гравэ. Прорицательница, получивъ нѣсколько пистолей, посмотрѣла на его руку и объявила, «что она на ней видитъ линію Сатурна и Солнца, а это служитъ поводомъ дать ей совѣтъ бросить этотъ замыселъ, потому что онъ породитъ затрудненія».

Со своей стороны графъ Лонэ-Гравэ явился въ Вилль-Невъ. Онъ представилъ свою руку, и Катерина за ту же цѣну изслѣдовала ее и увидѣла на ней «линію Марса, слившуюся съ линіей Сатурна въ виду линіи Солнца; это заставляетъ ее предполагать, что будетъ пролита кровь». На это онъ спросилъ ее, умретъ ли онъ, но она не хотѣла ему сказать.

Нѣсколько дней спустя, дуэль состоялась въ Пти-Пэръ. Графъ Лонэ-Гравэ былъ убитъ на повалъ, а два свидѣтеля тяжело ранены.

Теперь очередь за Луи-Гильельмъ-де-Кастельно, графомъ Клермонъ-Ладевъ, маркизомъ-де-Сессакъ. Это—самый необузданный и наименѣе добросовѣстный игрокъ при дворѣ. Онъ пришелъ просить прорицательницу открыть ему секретъ болѣе ловко плутовать. Г-жа Вуазенъ свела его съ Лезажемъ, неподражаемымъ фокусникомъ, который умѣлъ срывать банкъ и готовить карты. Благодаря ему, маркизъ Сессакъ могъ въ продолженіе нѣкотораго времени осуществлять значительные выигрыши, до тѣхъ поръ, пока, благодаря его нахальству, эта удача не заставила наконецъ поймать его на дѣлѣ.

Антуанъ-де-Па, онъ же маркизъ Фекьеръ, кавалерійскій полковникъ и адъютантъ маршала Люксембургъ, сопровождалъ своего начальника въ улицу Борегаръ. Какъ и онъ, маркизъ далъ себя прельстить смутной наукой г-жи Вуазенъ; онъ смиренно просилъ у нея «секрета, чтобы избѣжать оружейныхъ ранъ и добиться успѣха на войнѣ». Его попытка ставить втупикъ, когда извѣстно, что этотъ доблестный воинъ, у котораго никто не можетъ оспаривать военныхъ талантовъ, безконечно уменъ и очень украшенъ орденами. Сень-Симонъ пополняетъ портретъ маркиза Фекьера словами: «самый злой, какой только есть подъ небомъ, которому нравится зло ради зла, до потери чести даже безъ всякой выгоды для себя».

Послѣ начальниковъ арміи вотъ высшіе сановники церкви. Велико было удивленіе г-жи Вуазенъ, когда она увидѣла остановившуюся передъ ея дверью карету Луи-Мари-Армана-де-Симіанъ-де-Гордъ, епископа Лангрскаго, главнаго патера королевы.

Этотъ честолюбивый прелать, большой игрокъ, хотѣлъ сдѣлаться кавалеромъ ордена и явился просить у нея секретъ, который заставилъ бы его добиться синей орденской ленты. Но король узналъ объ этой далеко не патерской уловкѣ. Такимъ образомъ Лангрскій епископъ весь остатокъ жизни гонялся за орденомъ св. Духа, но никогда не имѣлъ возможности его поймать.

Затѣмъ слѣдовали другія и еще другія имена не менѣе важныя, которыя не колебались ожидать въ прихожей фабрикантши любовныхъ зелий, проникать въ ея таинственный кабинетъ, установленный странными приборами и невѣроятными животными, гдѣ волшебница произносила свои предсказанія.

Г-жа Вуазенъ для приѣма своихъ высокихъ посѣтителей была въ роскошномъ платьѣ изъ бархата цвѣта морской воды, вышитомъ золотомъ и украшенномъ кружевами «point de France», которое, говорятъ, стоило не менѣе 15.000 ливровъ. На ней была накинута императорская мантия изъ пурпуроваго бархата, подбитая цѣннымъ мѣхомъ и усыпанная двумястами пятью двуглавыми орлами съ золотыми распростертыми крыльями; на ея башмакахъ также были орлы изъ чистаго золота.

Иногда Катерина принимала также писателей, знаменитыхъ авторовъ, извѣстныхъ артистовъ, актеровъ и актрисъ. Она видѣла въ своемъ кабинетѣ Тома Корнеля, добряка Лафонтена, скептика аббата Шолье, Донно-де-Визе, который вынесъ изъ этихъ посѣщеній элементы пьесы, имѣвшей большой успѣхъ: «Прорицательница или ложное волшебство», Ладюпаркъ — восхитительное созданіе, любовныя похождения которой съ Расиномъ окончились такъ трагически; Дебри, любовницу Мольера, продолжавшую жить съ поэтомъ, подъ благосклоннымъ покровительствомъ г-жи Бержаръ, его законной жены. Затѣмъ является Дюпенъ.

Эта актриса пришла къ г-жѣ Вуазенъ съ просьбою оказать ей совсѣмъ особую услугу, какой она не осмѣлилась бы попросить у почтеннаго врача. Катерина, какъ изворотливая женщина, свела ее съ одной изъ своихъ подругъ, Лепэръ, которая только что изобрѣла геніальный аппаратъ для производства выкидышей. Эта операція стоила Дюпенъ, какъ актрисѣ, только сто ливровъ. Тогда какъ Антуанета-де-Мемъ, жена маршала Вивоннь, невѣстка маркизы Монтеспанъ и дочь предсѣдателя Мема, «беременная самое большее три мѣсяца», только что освободилась съ помощью этого приспособленія отъ стѣснительнаго плода тайной любви, и ей оставалось только поздравить себя съ успѣхомъ операціи, за которую Вуазенъ получила около пятисотъ ливровъ, а очень недовольная Лепэръ только 50 ливровъ.

Армандъ-Грезэндъ-Клэръ-Елизабетъ-Бежаръ, жена Мольера, въ свою очередь испытывала необходимость посовѣтоваться съ Катериной. Очень вѣроятно, что она явилась къ прорицательницѣ не изъ простаго любопытства, какъ нѣкоторыя ученые женщины, въ числѣ которыхъ, къ удивленію, встрѣчается знаменитая Дасье. Даже великая изслѣдовательница эленизма Анна-Танги Лефевръ захотѣла помочь Вуазенъ своими знаніями и на мгновеніе забыла Гомера и Каллимаха, чтобы перевести греческую формулу «златотворнаго порошка», который нашелъ алхимикъ Блесси.

Въ тотъ часъ, когда ночь распространяла свою тѣнь на роковой кварталъ, Катерина принимала своихъ близкихъ друзей—нѣсколькихъ акушеровъ: Лепаръ, Тома Келье и Депортъ; затѣмъ патеровъ: аббата Гибура, аббата Меньяна, викарія церкви св. Евстахія, аббата Марьетта, викарія — св. Северина, аббата Коттона, причисленнаго къ церкви св. Павла, аббата Турнэ, аббата Жилль Даво, исповѣдника парижскихъ палачей и Вуазенъ, викарія церкви Богоматери Добрыхъ Вѣстей. Самъ палачъ Николя Левассеръ, прозванный Ларивьеромъ, былъ однимъ изъ вѣрныхъ друзей Катерины; каждый помогаль, какъ могъ, успѣху дѣла, которое могло привести къ богатству... или къ Гревской площади ¹⁾.

Катерина Вуазенъ, какъ это видно, сумѣла понять свою эпоху и пользовалась ею самымъ выгоднымъ, если не преступнымъ образомъ.

Очень любознательная до научнаго и промышленнаго прогресса, она даже давала денежныя пособія на крупныя предпріятія, способствовала основанію фабрикъ и не отступала ни отъ какихъ расходовъ, когда дѣло касалось ея искусства. Не она ли была владѣлицей завода искусственнаго мрамора въ предмѣстьѣ св. Антонія, гдѣ у нея работали итальянцы подъ начальствомъ Блесси, прежняго аптекаря Монбризона?

Она умѣла также совмѣщать удовольствія и дѣла. Замѣтки Дегрэ и доклады Ларейни достаточно намъ сообщаютъ о ея любовной жизни. Среди ея многочисленныхъ любовниковъ надо сослаться на парижскаго палача, Гильома, того самаго, который такъ поспѣшно казнилъ г-жу Бренвилье, затѣмъ на его преемника Ларивьера, графа Бати, виконта Куссерана, кавалера Сенъ-Ренана, архитектора короля, по имени Фошэ, Эро, владѣльца кабачка подъ названіемъ «Хорошая Вода», въ улицѣ Борегаръ; ея сообщника Лезажа, которому она дала комнату во второмъ этажѣ своего дома, гдѣ «онъ нашелъ хорошій столъ, прекрасное жилище и остальное». Дени Покюло, Блесси, руководившаго ея предпріятіемъ въ улицѣ св. Антонія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлавшаго для нея фальшивыя монеты, такъ какъ Вуазенъ, чтобы увѣнчать

¹⁾ Гдѣ казнили преступниковъ.

свои преступныя дѣла, тащила за собою цѣлую шайку поддѣльвателей монетъ, во главѣ которой состоялъ Ваненъ, Берньеръ, Сентъ-Ренанъ, Анивель, проводившіе все свое время въ философствованіи, т. е. въ поискахъ философскаго камня. Въ особенности въ этомъ способѣ превращенія металловъ въ золото Катерина видѣла источникъ новыхъ выгодъ.

Столь повелительная и властная Вуазенъ, однако, подвергалась странному вліянію двухъ женщинъ—Филастръ и Трианонъ. Первая, извѣстная подъ именемъ Шевельеръ, была бурбонка, очень красивая и умная. Плачевной нравственности, опасная относительно кинжала, яда и проч., она оправдывала довѣріе Катерины. вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своими тѣсными отношеніями съ Вуазенъ, она не посовѣстилась отнять у нея любовника, кавалера Сентъ-Ренана.

Что касается второй, Катерины Буллэ, «женщины Трианонъ», она слыла за гермафродитку, чѣмъ, безъ сомнѣнія, заслужила особое расположеніе Вуазенъ, развращенное воображеніе которой должно было охватывать всѣ категоріи любви.

Вилльневская піеія встрѣтила любовнику въ этой женщинѣ, которая, однако, далеко не раздѣляла ея удивительную извѣстность. Полная дерзости, прилагая весь свой изобрѣтательный умъ къ поискамъ новыхъ и особенно ужасныхъ занятій, Трианонъ служила большой помощью многочисленнымъ колдуньямъ и отравительницамъ. Ея репутація столь основательно установилась, что Катерина въ критическіе моменты не колебалась совѣтовалась съ нею, а ея домъ, какъ подтвердилъ Ларейни, былъ, «собственно говоря, лавкой и арсеналомъ Вуазенъ и другихъ ей подобныхъ».

Ежедневно въ улицѣ Борегаръ было настоящее шествіе людей всевозможныхъ категорій и условій. Они являлись къ отравительницамъ, рассыпались по лужку и спѣшили туда, какъ на прогулку. «Послѣ этого вечеромъ г-жа Вуазенъ держала открытый столъ, приглашала скрипачей и очень веселилась».

Несмотря на свои кутежи и демоническія занятія, она не забывала святаго долга религіи. Она правильно каждое воскресенье ходила къ обѣднѣ и причащалась въ дни большихъ праздниковъ. Когда какая либо женщина или дѣвушка, благодаря ея маневрамъ, ведущимъ къ выкидышу, преждевременно разрѣшалась отъ бремени ребенкомъ, который еще имѣлъ нѣкоторые признаки жизни, то она бѣжала къ аббату Даво, жившему вблизи. Патеръ тотчасъ же являлся для крещенія младенца въ кабинетъ прорицательницы. Затѣмъ г-жа Вуазенъ со спокойной совѣстью хоронила ребенка въ своемъ саду или сжигала въ очагѣ.

Такимъ образомъ, ея дѣла процвѣтали, а ея дерзость вскорѣ не знала границъ. Послѣ королевы она хотѣла отравить короля и Марію Фонтанжъ. Но такъ какъ миссія о королевоубійствѣ лорда

Монмута могла потерпѣть неудачу, то она, какъ женщина, всегда предусмотрительная, вознамѣрилась за крупную сумму денегъ посадить на тронъ Франціи надменную маркизу Монтеспанъ.

XIII.

Протекли двѣ недѣли, а кавалеръ Люссакъ совсѣмъ не видѣлъ маркизы, послѣ того, какъ неожиданно услышалъ у аббата Гибура разговоръ, который еще болѣе усилилъ въ его душѣ волненіе. Въ его умѣ, какъ бы запечатлѣлись опредѣленные слова г-жи Вуазенъ:

— Г-жа Дэээлье завтра вечеромъ одна будетъ провожать маркизу Монтеспанъ.

Итакъ, значить, Атенаиса должна отправиться въ Виль-Невъ; теперь это не оставляло болѣе никакого сомнѣнія. Съ тѣхъ поръ Оливье осаждала мысль, что его гордая подруга отправится въ опредѣленный часъ въ улицу Борегаръ, и онъ можетъ ее видѣть и говорить съ нею.

На другой день посѣщенія патера, Оливье, желая разсѣять свою тоску, все еще взволнованный, покинулъ Палэ-Рояль въ полдень и пошелъ на удачу по улицамъ.

Тщетно онъ старался избавиться отъ своей печали на Новомъ Мосту и въ окрестностяхъ; но былъ постъ, а ежегодно, въ эту эпоху, строгимъ полицейскимъ правиломъ изгонялись всѣ фигляры, по обыкновенію веселившіе это живописное и оживленное мѣсто.

Онъ не могъ вмѣшаться въ пеструю толпу зѣвакъ, публичныхъ женщинъ, вербовщиковъ, карманныхъ воришекъ и ночныхъ бродягъ. Торговцы, шарлатаны и фокусники покинули свои лавочки, балаганы и выставки товаровъ. Ему было невозможно поинтересоваться ловкостью уличныхъ шарлатановъ, разодѣтыхъ въ яркія наряды и которые по обыкновенію ѣхали одни верхомъ, другіе на великолѣпныхъ колесницахъ. Онъ пожалѣлъ также о комедіантахъ, разыгрывавшихъ фарсы и комическія пьесы послѣ шествія, приводившаго всѣхъ въ восторгъ. Ихъ непристойныя шутки и остроты конечно, согнали бы морщины съ его чела... Но всѣ уѣхали, всѣ до семьи Контужжи, семьи шарлатановъ, репутація которыхъ сдѣлалась всесвѣтна, и которые нашли средство облагородиться въ упражненіяхъ своей эмпирической и доходной профессіи.

Наступила ночь, и Люссакъ послѣ своей бесполезной прогулки возвратился въ Палэ-Рояль еще меланхоличнѣе. По окончаніи ужина онъ попытался играть. Но его умъ былъ слишкомъ озабоченъ другимъ, и вскорѣ онъ оставилъ игру «носа» и ея поклонниковъ, снова выйдя на улицу.

Онъ блуждалъ, теряясь въ сѣти улицъ, сосѣднихъ съ Палэ-Роялемъ, вошелъ въ улицу Круаде-Пти-Шанъ, достигнулъ пло-

ицади Пти-Пэръ, улицы Мэъ и пошелъ до конца вдоль улицы Клэри, затѣмъ поднялся въ улицу Борегаръ.

Когда онъ достигнулъ до вершины подъема, на колокольнѣ церкви «Богоматери Добрыхъ Вѣстей» пробило десять часовъ.

На темномъ небѣ беспорядочно пробѣгали тучи, подгоняемыя рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Тутъ и тамъ на темныхъ фасадахъ домовъ изрѣдка еще мерцали освѣщенные окна.

Въ тиши пустыннаго квартала Оливье мечталъ о чудныхъ часахъ, такъ быстро протекшихъ, призывая гордый образъ обожаемой, бросившей его. Въ подобные вечера онъ ожидалъ въ боскетѣ парка Кланьи, и его влюбленные губы шептали пылкія слова. Съ болью онъ сожалѣлъ и переживалъ прошедшее, которое было такъ сладко его сердцу. Отсутствие Атенаисы и уединеніе сдѣлали его страсть сильнѣе, чѣмъ когда либо. Такимъ образомъ, подчиняясь инстинктивному и невольному притягательной силой, онъ пришелъ въ улицу Борегаръ. Верхушки темныхъ домовъ по временамъ освѣщались быстрымъ просвѣтомъ и терялись снова въ темномъ хаосѣ неба.

Люссакъ, весь погруженный въ свои размышленія, былъ возвращенъ къ дѣйствительности шумомъ катившейся кареты, которая остановилась при входѣ въ Вилль-Невъ.

Въ ночной тишинѣ хлопнула дверца кареты, и ему показалось, что шли по направленію къ нему.

Шаги приближались, и Оливье могъ неясно различить силуэты двухъ женщинъ, которыя шли рядомъ.

Очень взволнованный онъ, однако, сумѣлъ сдержаться и ожидалъ ночныхъ гуляльщицъ возлѣ церкви, на углу улицы Сенъ-Барбъ.

Вдругъ показалась луна между двумя тучами и бросила внезапный свѣтъ.

Кавалеръ сдержалъ крикъ удивленія.

— Маркиза!..

Это была дѣйствительно она. Она поспѣшно шла подъ руку съ г-жей Дзээлье къ жилищу Катерины Вуазенъ. Та и другая были въ маскахъ, но по осанкѣ и походкѣ маркизу Монтеспанъ легко было узнать.

Вскорѣ она очутилась передъ дверью жилища Катерины, и ея спутница подняла тяжелый молотокъ.

Почти тотчасъ же полуоткрылась дверь, и маркиза, за которой слѣдовала г-жа Дзээлье, вошла въ темный коридоръ.

Неподвижно стоявшій Оливье видѣлъ, какъ онѣ скрылись тамъ, но его волненіе было такъ сильно, что ему не пришла мысль догнать Атенаису. Затѣмъ, снова онъ остался одинъ среди ночи.

Онъ сталъ раздумывать. Онъ говорилъ себѣ, что можетъ тоже пойти къ г-жѣ Вуазенъ. Не она ли ему оказывала самая усерд-

ныя заботы? Не приглашала ли она его когда-то, много разъ, утверждая, что онъ будетъ желаннымъ гостемъ. Онъ сумѣетъ найти извиненіе за свою небрежность и предложъ для объясненія своего посѣщенія въ столь поздній часъ. Рѣшившись, онъ быстро направился къ жилищу Катерины и въ свою очередь постучалъ въ дверь.

Въ ту же минуту мужчина, стоявшій до тѣхъ поръ въ тѣни, шагахъ въ ста отъ мѣста, гдѣ кавалеръ ожидалъ маркизу, спустился до самой дороги вдоль насыпи и далъ продолжительный свистокъ.

На этотъ призывъ приблизилась карета, затѣмъ пара сильныхъ лошадей рысью увезла таинственную личность.

Оливье умножилъ стуки молотка. Раздались шаги по плитамъ... Дверь медленно отворилась, и показался высокаго роста мужчина. Это былъ Романи.

Люссакъ, нетерпѣливо желавшій догнать маркизу Монтеспанъ, не говоря ни слова, бросился впередъ и оттолкнулъ друга г-жи Вуазенъ. Тогда послѣдній схватилъ неожиданнаго посѣтителя и грубо вытолкнулъ вонъ.

Взбѣшенный кавалеръ вытащилъ свою шпагу. Этотъ наступательный жестъ нисколько не взволновалъ Романи, опаснаго дуэлиста, который, владѣя собою, твердо стоялъ, ожидая пылкаго докучника. Онъ защищался ловко. Лезвья скрестились и сверкнули при свѣтѣ лунныхъ лучей. Хотя Оливье былъ опытенъ въ искусствѣ фехтованья, но слишкомъ разнервничался, чтобы выгодно для себя бороться съ противникомъ, хладнокровно отпарировавшимъ его быстрыя нападенія. Онъ понялъ опасность. Чтобы отвратить ее, онъ удвоилъ энергію. Но было тщетно. Романи, необычайно сильный и ловкій, въ свою очередь, нанесъ ударъ и отбросилъ кавалера Люссака на середину улицы. Тогда Люссакъ, у котораго ослабла кисть руки, сдѣлалъ послѣднее усиліе. Со всей пылкостью его лѣтъ онъ бросился на безстрашнаго Романи и, наскочивъ на шпагу противника, упалъ навзничъ, испуская крикъ боли.

Романи хладнокровно вложилъ шпагу въ ножны, поспѣшно вернулся и снялъ фонарь, освѣщавшій нижній залъ.

Онъ почти тотчасъ же возвратился къ раненому.

Склонившись къ нему, онъ направилъ желтый свѣтъ фонаря на распростертое неподвижное тѣло.

— Чортъ возьми, — сказалъ онъ: — вѣдь это дворянинъ. Зачѣмъ пришелъ онъ въ полночь къ нашей пріятельницѣ?..

Опасаясь ночного дозора и полицейскихъ, онъ поднялъ сильными руками потерявшаго сознаніе Люссака и перенесъ его въ садъ прорицательницы. Тамъ онъ положилъ его подъ кустарникъ вдоль аллеи и прикрылъ своимъ плащемъ.

— Какъ только месса окончится, мы его сождемъ, — прошепталъ искатель приключеній:— очагъ Катерины видалъ и не такихъ!

И, повернувшись назадъ, онъ цинично сталъ подпѣвать модный куплетъ.

Затѣмъ, взявъ фонарь, оставленный имъ на пустынной улицѣ, онъ взглянулъ въ обѣ стороны и успокоенный, безшумно закрывъ дверь, заботливо заперъ ее на засовъ.

XIV.

Г-жа Вуазенъ не могла скрыть своего удовольствія, увидя маркизу Монтеспанъ, столь точно явившуюся на ночное свиданіе.

Когда закрылась дверь, она поспѣшно сказала:

— Какъ я буду счастлива маркиза, приведя васъ еще разъ въ сношеніе съ духомъ!

Атенаиса вздохнула и вздрогнула при ужасной мысли о чудовищномъ обрядѣ.

— У меня никогда не хватило бы силъ, — пробормотала она:— возобновить эту жертву...

— Нѣтъ, маркиза, — перебила повелительная прорицательница:— вамъ достаточно подумать о славномъ будущемъ, которое послужитъ за это вознагражденіемъ.

И г-жа Вуазенъ взяла подъ руку колеблющуюся и взволнованную маркизу Монтеспанъ.

Она повела ее осторожно вмѣстѣ съ Дэээлье чрезъ садъ до таинственнаго павильона, гдѣ обыкновенно прорицательница пророчествовала.

Онѣ прошли въ залъ, стѣны котораго были покрыты толстыми черными драпировками.

Въ глубинѣ противъ бѣлаго креста, вышитаго на матеріи, на вышинѣ трехъ ступенекъ, какъ на траурномъ катафалкѣ, возвышался католическій алтарь. Это былъ длинный узкій столъ, покрытый траурной матеріей. Въ чемъ-то, похожемъ на скинію, были расположены три человѣческіе черепа. Съ каждой стороны алтаря поднималось съ жаровень цвѣтное пламя и клубы дыма, пропитаннаго еиміамомъ мирры и благовонныхъ веществъ.

У подножія алтаря лежалъ, какъ окоченѣлый, съ распростертыми руками патеръ, повидимому, погруженный въ созерцаніе. Онъ былъ въ бѣломъ шелковомъ облаченіи, «съ вышитыми черными сосновыми шишками»...

Вблизи его мужчина укладывалъ на алтарѣ различные предметы богослуженія и зажигалъ черныя свѣчи, воткнутыя въ высокіе серебряные подсвѣчники.

Налѣво, въ расщелинѣ двухъ занавѣсей краснѣлся въ подумракѣ не совсѣмъ открытый очагъ.

На другомъ концѣ комнаты стояла молодая дѣвушка, съ удивленіемъ смотря на эти приготовления. Это была Маргарита. Еще до прибытія маркизы и ея спутницы, пророчица предупредила удивленіе дочери.

— Дитя мое,—сказала она:—совсѣмъ не слѣдуетъ бояться обряда, свидѣтельница котораго ты будешь. Напротивъ, ты должна благодарить меня, что я пожелала посвятить тебя въ наши тайны... Вскорѣ ты поймешь, какимъ тайнымъ могуществомъ обладаетъ твоя мать. И этимъ могуществомъ, секретъ котораго я открою тебѣ, когда придетъ моментъ, ты въ свою очередь будешь обладать. Имѣй ко мнѣ довѣріе!

Все-таки молодая дѣвушка сильно волновалась отъ странныхъ приготовленій въ этой залѣ, куда до тѣхъ поръ ей запрещали входить.

Катерина Вуазенъ проводила затѣмъ маркизу Монтеспанъ и г-жу Дэээлье во вторую комнату, маленькую и пустую, которая освѣщалась двумя факелами и была обтянута матеріей.

Дэээлье принялась раздѣвать свою госпожу, которая не оказывала сопротивленія ни словомъ, ни возмущеніемъ стыдливости, и только лихорадочная дрожь волновала ее:

Катерина увѣщевала Атенаису:

— Мужайтесь, сударыня!.. Развѣ вы не перенесли уже подобнаго испытанія? Для вашего счастья мы служимъ эту мессу торжественнѣе, чѣмъ другія, потому что эта—последняя, согласно тайному обряду... Астаротъ, Асмодей и другіе князья ада благосклонно примутъ вашу красоту и поведутъ васъ къ славѣ. Имѣйте мужество, сударыня!

— Я имъ обладаю,—отвѣтила маркиза.

Г-жа Дэээлье вышла и чрезъ минуту вернулась.

— Приготовленія окончились,—сказала она Катеринѣ.

Тогда г-жа Вуазенъ, чтобы придать больше блеска церемоніи, надѣла богатую одежду, которая приводила въ такой восторгъ ея кліентовъ. Когда она накинула свою царскую мантию изъ пурпуроваго бархата, то шепнула на ухо маркизѣ:

— Поторопитесь, сударыня; часъ благопріятенъ для ночныхъ чародѣйствъ.

Подобно какой нибудь античной жрицѣ Афродиты, Атенаиса де-Мортемаръ появилась во всемъ блескѣ своей лучезарной красоты, только съ черной маской на лицѣ.

Рыжевато-золотистые волосы тяжелыми прядями падали до лодыжекъ, освѣщая эту чудную живую статую.

Нѣсколько длинная шея возвышалась, какъ тоненькая колонка между двумя ослѣпительной бѣлизны плечами; груди гордо и твердо воздымались.

Патеръ, аббатъ Гибуръ, измѣнилъ свою восторженную позу и теперь стоялъ на ступенькахъ катафалка.

Катерина Вуазенъ довела Атенаису до алтаря. Гордая Мортеларъ, пожертвовавъ всѣмъ ради своего честолюбія, легла передъ патеромъ, «свѣсивъ ноги по обѣимъ сторонамъ катафалка и положивъ голову на черную бархатную подушку съ серебряной бахромой». Ея прекрасное тѣло сіяло среди мрачныхъ украшеній святилища и блѣднаго отблеска факеловъ и треножниковъ.

Аббатъ Гибуръ положилъ на груди маркизы слоновой кости распятіе, а на животѣ разложилъ широкій пергаментъ, который прикрывъ католическимъ антиминсомъ изъ тонкаго льняного полотна.

На немъ онъ помѣстилъ золотую чашу. Внимательная Маргарита стоя въ глубинѣ залы не могла оторвать глазъ отъ этого зрѣлища. Затѣмъ послышались странные духовные гимны, въ которыхъ появлялись ужасныя воззванія и переходили въ литанію страшной мольбы къ демону.

Зазвенѣлъ звонкій колокольчикъ. Пѣніе смолкло. Началась позорная пародія.

Преклонивъ колѣно, прорицательница исполняла службу причетника.

— *In nomine Astaroth et Asmodei et Beelzebuth. Introibo ad altaria omnipotentis principis spirituum,*—произнесъ патеръ.

— *Qui laetificat juventutem et cupiditates nostras,*—отвѣтилъ причетникъ.

— *Quia tu es, Lucifer omnipotens, emitte lucem tuam et afflige inimicos,*—продолжалъ патеръ.

Это былъ шопоть среди волнующей торжественности траурнаго зала.

Тѣмъ временемъ Лезажъ приблизился къ трещащему очагу и совершенно открылъ его. Пламя вытянулось, искры засверкали, какъ ослѣпляющій снопъ карбункуловъ и рубиновъ. Длинная полоса свѣта освѣтила живой алтарь, обрисовывая съ неподражаемой ясностью линіи этого дивно прекраснаго тѣла; и патеръ, какъ призракъ, сдѣлалъ видъ, что совершаетъ главный актъ тайной мессы, склонился, поцѣловалъ своими плотскими губами антиминсъ, затѣмъ поднялся и произнесъ тайныя слова демоническаго обряда.

.
Между тѣмъ наступилъ моментъ освященія. Приподнялся занавѣсъ, и появилась женщина, держа на рукахъ ребенка, котораго она передала патеру.

Глазки ребенка расширились отъ страха, и хрупкое созданіе съ минуту кричало и билось въ рукахъ патера. Но послѣдній, не волнуясь, приподнял ребенка надъ чашей и медленно произнесъ:

— Астаротъ! Асмодей! заклинаю васъ принять жертву, которую я представляю вамъ въ лицѣ этого ребенка за то, что я, у васъ требую!

Въ этотъ моментъ Вуазенъ приблизилась и протянула патеру длинный ножъ. Одною рукою Гибуръ держалъ висѣвшаго ребенка, а другою, какъ охваченный чѣмъ-то въ родѣ неистовства, онъ такъ свирѣпо всадилъ въ горло невинной жертвы убійственный ножъ, что даже не было слышно слабаго стона.

Кровь хлынула изъ зіяющей раны, заструилась въ золотую чашу и упала пурпуровыми пятнами на тѣло Атенаисы.

Блѣдная отъ ужаса она чувствовала, какъ по ея кожѣ текла горячая кровь жизни; Маргарита вскрикнула; она не могла долѣе смотрѣть на ужасающую церемонію и потеряла сознание.

Безчувственный же патеръ смотрѣлъ, какъ стекала кровь. Когда чаша была полна, онъ вручилъ хрупкую жертву сожженія г-жѣ Вуазенъ, которая отнесла ее къ очагу и бросила въ него.

Тогда Гибуръ, лицо котораго какъ бы преобразилось, схватилъ чашу и произнесъ таинственныя слова освященія...

— *Hic est enim calix sanguinis mei...*

Обмокнувъ свои пальцы въ золотой чашѣ, онъ окропилъ алтарь кровью ребенка. Затѣмъ произнесъ:

— *Initium sancti Evangelii secundum Joannem...*

Затѣмъ онъ продолжалъ читать духовную книгу, переставляя порядокъ словъ текста, какъ это предписывалось демоническимъ ритуаломъ. Когда онъ дошелъ до словъ: *Et verbum caro factum est*, то сказалъ:

— *Et caro verbum facta est.*

Катерина отвѣтила:

— *Gloria vobis Beelzebuth et Astaroth.*

Взявъ пергаментъ, положенный подъ антиминомъ, Гибуръ громко прочиталъ:

— Я (при этомъ патеръ тихо произнесъ: Франсуаза-Атенаиса де-Мортемаръ, маркиза Монтеспанъ) прошу дружбы короля дофина и ея продолженія... Чтобы королева была бесплодна... Чтобы король покинулъ свое ложе и столъ для меня и моихъ родныхъ!.. Чтобы мои слуги и домашніе были ему пріятны... Любимая и уважаемая высшими сановниками, чтобы я могла быть призванной въ совѣтъ короля и знать, что тамъ происходитъ! Чтобы эта дружба, усилившаяся болѣе, чѣмъ прежде, заставила короля покинуть и не смотрѣть болѣе на Фонтанжъ, и чтобы, давъ королевѣ разводъ, король женился на мнѣ.

Маркиза не дрогнувъ выслушала преступныя желанія, изложенныя патеромъ отъ ея имени.

— *Ita missa est*,—сказалъ Гибуръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— *Lucifero gratias*,—прибавила Катерина.

Месса окончилась.

Патеръ сошелъ со ступеней катафалка, и маркиза Монтеспанъ, страшно блѣдная, поднялась.

Съ помощью прорипательницы и г-жи Дэээлье она стерла кровь, загрязнившую ее, наскоро одѣлась, вручила Катеринѣ кошелекъ, наполненный золотомъ, затѣмъ обезсиленная вышла, опираясь на руку своей спутницы.

Лезажъ и Романи ожидали ее предъ павильономъ.

Въ глубинѣ сада маленькая, низкая дверь вела на улицу Луны. Тамъ-то оба мужчины, каждый съ факеломъ въ рукѣ, проводили ихъ до воротъ Сенъ-Дени, гдѣ стояла карета маркизы.

XV.

Только что пробила полночь.

Въ большомъ кабинетѣ, обитомъ утрехтскимъ бархатомъ, среди строгаго порядка, сидѣлъ Ларейни, облокотившись на столъ, и при свѣтѣ свѣчей внимательно читалъ докладъ Дегрэ, имѣющій отношеніе къ попыткѣ отравить королеву. Но велико было разочарованіе начальника полиціи: всѣ эти доклады доказывали неэффективность розысковъ.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ его работу.

Швейцаръ его дома, еще съ заспанными глазами, вошелъ съ докладомъ о Дегрэ.

Почти тотчасъ же въ кабинетъ начальника полиціи вошелъ мужчина, одѣтый въ кафтанъ изъ грубой шерсти, въ родѣ извозчичьяго, и низко поклонился.

Ларейни не могъ сдержать жеста удивленія...

— Вы, въ такомъ костюмѣ, Дегрэ?

— Я самый, сударь,—сказалъ ловкій агентъ.—Простите, что я такъ явился, но торопился увидѣть васъ.

— Поздравляю васъ, любезный Дегрэ... Вы дивно преобразились. Что новаго? Говорите скорѣе!

— Съ цѣлью слѣдить за подъѣзжающими къ дому въ улицѣ Борегаръ и согласно вашему распоряженію, я съ утра сегодня бродилъ въ этомъ нарядѣ по Вилль-Неву, когда увидѣлъ вышедшаго отъ Вуазенъ мужчину, котораго поспѣшили прослѣдить. Меня заинтересовали его нѣсколько странныя манеры. Онъ вошелъ въ улицу Пуассоньеръ и продолжалъ свой путь чрезъ улицу Монторгейль, повидимому, направляясь на площадку рынка. Я быстро сдѣлалъ обходъ такъ, чтобы найти его въ этомъ мѣстѣ, а также, чтобы не возбудить въ немъ подозрѣній.

— Затѣмъ? — спросилъ Ларейни, заинтересованный этимъ сообщеніемъ.

Тогда агентъ рассказалъ о встрѣчѣ Романи и о томъ, какъ онъ вошелъ, немного времени спустя, послѣ нихъ въ трактиръ «Золотой Компасъ» и благодаря какому средству подслушалъ разговоръ обоихъ людей.

— Такимъ образомъ,—прибавилъ онъ:—мнѣ удалось собрать достаточно свѣдѣній, чтобы утвердить мое убѣжденіе и узнать, что одна личность высшаго общества замѣшана во всѣ эти интриги.

— Безъ сомнѣнія, придворная дама?—спросилъ Ларейни.

— Да, и согласно тому, что я понялъ, Вуазенъ должна принять эту даму сегодня вечеромъ, въ полночь...

— Сегодня въ полночь! Но для чего? съ какою цѣлью?

— Не знаю, сударь, но я могу подтвердить, что эта дама явилась въ назначенный часъ. Желая провѣрить точность справокъ, добытыхъ хитростью, я отправился около часа тому назадъ въ улицу Борегаръ, спрятался въ тѣни двери и ожидалъ.

— И что же вы видѣли?

— Едва прошло четверть часа моего дежурства, какъ въ концѣ улицъ, вблизи насыпи, я услышалъ остановившуюся карету и вскорѣ замѣтилъ двухъ замаскированныхъ женщинъ, направлявшихся торопливыми шагами къ подозрительному дому. Одна изъ нихъ нѣсколько разъ постучалась, и дверь тотчасъ же открылась. Я не ошибся.

— Но, любезный Дегрэ, принося вамъ всѣ мои поздравленія за ваше стараніе, я не вижу причины къ обвиненію г-жи Вуазенъ и особъ, которыхъ она приняла сегодня вечеромъ.

— Позвольте вамъ, сударь, заявить, что у г-жи Вуазенъ происходятъ въ данный моментъ очень любопытныя вещи... Лезажъ и Романи, которымъ я подавалъ вино, говорили объ этомъ довольно долго, чтобы пояснить мнѣ занятія, какимъ предается колдунья. Впрочемъ уже давно мы слѣдимъ за нею, и ея сношенія съ Боссъ и Вигуре, которыя въ настоящее время содержатся въ Венсенскомъ замкѣ, укрѣпили мое убѣжденіе. Вѣрьте мнѣ, сударь, наступилъ часъ отправиться въ улицу Борегаръ...

Ларейни задумался. Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Но знаете ли вы эту знатную даму?

Дегрэ колебался. Затѣмъ онъ сказалъ твердымъ голосомъ:

— Я ея совсѣмъ не знаю, а маска, которую она носитъ, мѣшаетъ мнѣ различить ея черты. Однако изъ того, что я схватилъ въ разговорѣ Романи и Лезажа, все заставляетъ предполагать, что эта дама можетъ быть маркизой Монтеспанъ.

Ларейни подскочилъ.

— Какъ маркиза Монтеспанъ?

— Но, да, это именно имя и произнесъ Лезажъ.

— Что же вы хотите, чтобы маркиза Монтеспанъ дѣлала у Вуазенъ?

— Развѣ Вуазенъ не принимаетъ самыхъ важныхъ придворныхъ дамъ? Вы это знаете, сударь.

— Наконецъ, къ чему же вы ведете? — нетерпѣливо спросилъ Ларейни.

— Къ тому, что я опасуюсь попасть на слѣдъ гнуснаго заговора. Пытались отравить королеву. Королева же не можетъ имѣть политическихъ враговъ, такъ какъ ея политическое вліяніе ничтожно. Я не вижу, какой иностранный дворъ и какой внутренній заговоръ могутъ воспользоваться ея исчезновеніемъ. Только личный интересъ могъ направить преступную руку... и я совсѣмъ не удивился бы, если бы близко стоящая къ его величеству важная дама...

— Это невозможно... Такое предположеніе слишкомъ важно...

— Оно позволительно, сударь, ибо вамъ безызвѣстна дружба Вуазенъ съ подозрительными людьми, узниками Бастилии, которыхъ вы сами допрашивали... Не былъ ли «главнымъ зачинщикомъ» прорицательницы одинъ изъ самыхъ скомпрометированныхъ, кавалеръ Ваненъ, котораго маркиза Монтеспанъ хорошо знаетъ? Затѣмъ, довольно частыя путешествія Вуазенъ за послѣднее время въ Сентъ-Жерменъ доказываютъ сами собою вѣроятность моего предположенія...

— И вы заключаете, что маркиза?...

— Если я явился безпоконть васъ въ вашъ домъ въ такой поздній часъ, то, значитъ, теперь у меня есть сильныя подозрѣнія...

— Я знаю вашу ловкость и вашъ тактъ, Дегрэ. Уже давно вы мнѣ доставили доказательства этого. Но, поистинѣ, на этотъ разъ я опасуюсь, не слишкомъ ли вы положились на ваши силы.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь и умоляю васъ, сударь, дать мнѣ приказъ немедленно дѣйствовать.

Начальникъ полиціи задумался, можетъ ли онъ дѣйствительно не поддаться твердымъ увѣреніямъ свсего агента. Такое выраженіе искренняго убѣжденія, увѣренность въ себѣ и сила доводовъ были причиной его согласія.

— Ну, будь по-вашему, Дегрэ, — сказалъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія:— дѣйствуйте... но осторожно, и въ особенности берегитесь арестовывать какую либо знатную личность. Намъ достаточно знать ее. Что касается Вуазенъ и ея сообщниковъ, если они есть, то не колебайтесь. Вотъ приказъ объ арестѣ съ пробѣлами для имени и указъ о задержаніи. Вы отправите вашихъ узниковъ въ Венсенъ. Пройдите прямо въ Шатлэ и потребуйте, какое вамъ надо, количество полицейскихъ стражей... Ступайте!

— Ваши распоряженія, сударь, будутъ преданно исполнены.

Протекло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ маркиза покинула домъ прорицательницы.

Гибуръ и Шанфренъ, погасивъ восковыя свѣчи и убравъ съ алтаря всѣ принадлежности, присоединились къ г-жѣ Вуазенъ и ея дочери, совершенно оправившейся отъ короткаго обморока и ожидавшей ихъ въ залѣ нижняго этажа для полночной трапезы.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
ЮНЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XIII—XV. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	769
II. Изъ эпохи уничтоженія крѣпостного права. Р. В. Пасевьева	807
III. Подъ грозой. Повѣсть. (Посвящается С. Н. Шубинскому). XV—XXI. (Окончаніе). В. М. Грибовскаго	834
IV. Абрау—Дюрсо. (Изъ очерковъ Кавказскаго Черноморскаго побережья). С. И. Васюкова	866
Иллюстрація: Видъ Абрау.	
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. IX. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	871
VI. Въ поискахъ народнаго театра. (Дорожныя впечатлѣнія и замѣтки). И. Л. Щеглова	882
VII. А. С. Хомяковъ предъ судомъ потомства. (Къ столѣтію со дня его рожденія). В. В. Глинскаго	912
VIII. Месса въ Римѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). С. Шевиль	925
IX. Гатчинскіе потѣшныя. (Изъ приказаній при паролѣ цесаревича Павла Петровича по гатчинскимъ войскамъ, съ 5 юля по 5 ноября 1796 года). М. К. Соколовскаго	939
X. Отъ Асхабада до Мешада. V—VII. (Окончаніе). Д. Бѣляева	946
XI. Владивостокскія воспомнанія. Ф. Китаева	960
XII. Политическіе взгляды Пушкина. А. Л. Слонимскаго	970
XIII. Изъ историко-археологическихъ экскурсій по Ломжинской губерніи. Путевые наброски. VI—VIII. (Продолженіе). Г. А. Воробьева	987
Иллюстраціи: 1) Памятникъ-камень въ Стависковскомъ лѣсу въ воспоминаніе останова императора Александра I въ 1825 г.—2) Памятникъ Кисельницкихъ въ костелѣ въ Ставискахъ.—3) Костелъ въ Вонсошѣ.—4) Видъ костела и бывшаго коллегіума паровъ въ Щучинѣ.—5) Внутренній видъ костела въ Щучинѣ.—6) Костелъ въ Недзьвицѣ.—7) Костелъ въ Граевѣ.—8) Памятникъ разграниченія польскихъ и прусскихъ земель въ 1545 г.	
XIV. Древлехранилище Архангельскаго церковно-археологическаго комитета. Д. Ежова	1007
Иллюстраціи: 1) Внутренность зала Архангельскаго древлехранилища.—2) Складное зеркало царевны Софіи Алексеевны въ Архангельскомъ древлехранилищѣ.	
XV. Критика и библиографія	1013
1) Курсъ русской исторіи. Проф. Ключевскаго. Часть I. Москва. 1904. В. Грибовскаго.—2) «Восемнадцатый Вѣкъ», историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Федоромъ Алексѣевичемъ Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. М. 1904. Евгенія Шумигорскаго—3) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томы 7, 8, 9 и 10. Предисловіи и примѣчанія В. А. Вильбасова. Сиб. 1903. П. Павлова.—4) Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Сочиненіе ординарнаго профессора Московскаго университета И. Д. Бѣляева. Москва. 1903. Б. Городецкаго.—5) Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній. Сиб. 1904. Его же. Личность въ русскомъ обществѣ и литература начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Сиб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—6) Евгеній Жбураковскій. «Симптомы литературной эволюціи» (?). Критическіе очерки:	

(См. слѣд. стран.)

М. Горькій, Л. Андреевъ, Вс. Гаршинъ, Баратынскій, Вожаарше, Л. Толстой. Москва. 1904. А. Е.—7) С. Л. Пташицкій. Иванъ Фёдоровъ. Изданіе Острожской бібліи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни. Спб. 1904. А. Я.—8) М. Тумановъ. Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на судопроизводство и законодательную дѣятельность правитель-ства по этому вопросу. Спб. 1904. А. Я.—9) Извѣстія Тамбовской ученой архивной комисіи. Выпускъ XLVII. Тамбовъ. 1904. —р.—10) И. И. Срезневскій. Статьи о древнихъ русскихъ летописяхъ (1853—1866). Спб. 1903. м. к.—11) И. Соколовскій. Характеръ и значеніе дѣятельности аптекарскаго приказа. Спб. 1904. м. к.—12) Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Исто-рическая хроника въ трехъ частяхъ. Спб. 1904. м. к.—13) П. И. Соколовъ. О растительности и почвахъ бѣльничковъ тайги въ Маріанско-Черевинскомъ районѣ Томской губерніи. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Изданіе императорскаго С. Петербургскаго университета. Выпускъ XV. Спб. 1904. П—ва.—14) А. Скоропадская. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. Биографиче-скій очеркъ. Спб. 1904. Г. м.—15) Наборно-типографское дѣло. Составилъ И. Богдановъ. Спб. 1904. с. ш.—16) Ярославъ. Историческая монографія о времени основанія города, съ портретомъ его основателя, великаго князя Ярослава Мудраго. Составилъ и издалъ Н. Верховой. Рыбинскъ. 1904. А. Я.—17) Проф. Ф. А. Кургановъ. Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румын-ской церкви. Казань. 1904. X.—18) D-r Fryd Pappée. Polska i Litwa na przelomie wieków średnich. (Польша и Литва на рубежѣ среднихъ вѣковъ). Томъ I. Последнее двенадцатилѣтіе Казимира-Ягеллона (Ягеллоновича). Крак-ковъ. 1904. с. Гин—ва.—19) Исторія сербскаго народа. Съ картой Балкан-скаго полуострова. Составилъ Драго Войновичъ, кандидатъ университета. Одесса. 1903. А. Я.—20) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Томы I и II. Спб. 1903. П.—21) Исторія XIX вѣка, проф. Э. Марешали. Спб. 1904. П. к—аго.—22) Анри Мишель. Идея государства. Спб. 1903. П.—23) В. Розановъ. Въ мѣрѣ неяснаго и мертвеннаго. Спб. 1904. Б. Глинскаго.—24) «Девятнадцатый Вѣкъ», историческій сборникъ, издавае-мый почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Фелоромъ Алексѣевичемъ Куракинскимъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ I. 1904. Евгения Шумигорскаго.—25) Сборникъ Императорскаго Русскаго исто-рическаго общества. Томъ сто семнадцатый. Юрьевъ. 1904. Томъ сто восем-надцатый. Спб. 1904. В. Строва.—26) Е. К. Рѣдинъ. Лицевыя рукописи со-бранія графа А. С. Уварова. Исальтиръ XVII вѣка и 1548, н. л.—а.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1072

1) Перуанскія археологическія раскопки.—2) Заговоръ противъ короля Генриха IV.—3) Сельскій дворянинъ—писатель XVII вѣка.—4) Украшатель собора Богоматери.—5) Маркиза Помпадуръ.—6) Графъ Ферзенъ и Вареннъ.—7) Воспоминанія майора вольскаго войска Якова-Филиппа Кежжовскаго.—8) Записки Брандта.—9) Переписка Эрнста Курціуса.—10) Смерть Самуила Смайльса, сѣра Генри Стэнли, профессора Юрка Науэля и Марка Юкая.

XVII. Смѣсь 1104

1) Юбилей князя Д. П. Голицына. — 2) Общество любителей россійской словесности.—3) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—4) Археоло-гическая комисія.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Мо-сковское археологическое общество. — 7) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 8) Общество востеконвѣдѣнія.

XVIII. Некрологи 1112

1) Вредихинъ, Ф. А. — 2) Грягоровичъ, И. И. — 3) Іоаннисян, А. А.—4) Казанцевъ, Н. В. — 5) Мосоловъ, А. Н. — 6) Плескѣ, Э. Д. — 7) Пузырев-скій, А. К.—8) Рябушкинъ, А. П.—9) Старицкій, М. П.—10) Хмеловскій, П.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Алексѣя Степановича Хомякова. — 2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. (Продолженіе). XVI—XXII.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1904 года).

	СТРАН.
Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). VIII—XV. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5, 401, 769
Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). X—XIV. (Окончаніе). Графини-Л. А. Ростопчиной	47
Подъ грозой. Повѣсть. (Посвящается С. Н. Шубинскому). В. М. Грибовскаго	69, 449, 834
Къ характеристикѣ императора Александра II. (Изъ воспоминаній моей матери). В. Инкуль (Соковниной)	104
Изъ записокъ декабриста. Н. А. Бестужева	118
Три бѣды сряду. Г. Ольшанскаго	136
Штурмъ Карса въ 1877 году. (Изъ записокъ участника). А. Аноева	148
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. VI—IX. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	173, 505, 871
На могилѣ Ноя. (Изъ путевого альбома). Н. К. Никифорова	200
А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году. П. Е. Щеголева	207

иллюстраціи: 1) Редакція Моисея (2-го января 1831 года).—2) Вальный вечеръ (5-го февраля 1831 года).—3) Тверской бульваръ въ Москвѣ въ 1826 году.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. XLVI.

1/2

Очеркъ быта и нравовъ въ сѣверной Маньчжуріи. Ф. П. Ястремскаго . . .	223
Въ Маньчжуріи. (Окончаніе). Сергѣя Рунича . III.	235
иллюстраціи: 1) Китайскія войска.—2) Ворота у императорскихъ могилъ въ Мудденѣ.—3) Китайскій извозчикъ.—4) Китайскій паланкинъ.—5) Китайскіе боги.—6) Китайскіе актеры.—7) Куреніе опиума.	
Американскія трущобы. (Соціологическо-описательный очеркъ). V — IX. (Окончаніе). Е. Н. Матросова	272
Иностранцы о Россіи. В. Ш. и В. А. Тимирязева	289, 626
Варшавскія воспоминанія. Н. П. Авенариуса	417
иллюстрація: Николай Петровичъ Авенариусъ.	
Два высочайшихъ посѣщенія. Д. П. Медвѣдева	489
Страничка изъ литературныхъ воспоминаній. П. В. Засодимскаго	500
Подвигъ русской женщины. П. Е. Щеголева	530
С. П. Боткинъ и чума. П. А. Граціанова	551
Отъ Асхабада до Мешада. Д. Бѣляева	557, 946
Изъ историко-археологическихъ экскурсій по Ломжинской губерніи. Путевыя наброски. Г. А. Воробьева	575, 987
иллюстраціи: 1) Внутренній видъ костела въ Червинѣ. — 2) Костель въ Ключковѣ. — 3) Одна изъ башенъ стѣны, окружающей костель въ Ключковѣ.—4) Внутренность костела бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ. — 5) Одинъ изъ коридоровъ бывшаго монастыря бернардиновъ въ Остроленкѣ. — 6) Остроленка. Памятникъ сраженія 14-го мая 1831 года.—7) На мосту въ Остроленкѣ.—8) Курпянская деревня.—9) Группа куршевъ.—10) Костель въ Говоровѣ. — 11) Памятникъ-камень въ Стависковскомъ лѣсу въ воспоминаніе остановки императора Александра I въ 1825 году.—2) Памятникъ Бисельницкихъ въ костелѣ въ Ставискахъ. — 13) Костель въ Вонсошѣ. — 14) Видъ костела и бывшаго коллегіума пѣровъ въ Щучинѣ.—15) Внутренній видъ костела въ Щучинѣ. — 16) Костель въ Недзвяднѣ.—17) Костель въ Граевѣ.—18)—Памятникъ разграниченія польскихъ и прусскихъ земель въ 1545 г.	
Аутодафе надъ философской книгой. Е. А. Боброва	605
По обычаямъ страны. (Очеркъ изъ русско-американскаго жителя-бытья). Е. Н. Матросова	608
Изъ эпохи уничтоженія крѣпостного права. Р. В. Пасевьева	807
Абрау — Джурсо. (Изъ очерковъ Кавказскаго Черноморскаго побережья). С. И. Васюкова	866
иллюстрація: Видъ Абрау.	
Въ поискахъ народнаго театра. (Дорожныя впечатлѣнія и замѣтки). И. Л. Щеглова	882
А. С. Хомяковъ передъ судомъ потомства. (Къ столѣтію со дня его рожденія). Б. Б. Глинскаго	912

Месса въ Римѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). С. Шевиль. 925

Гатчинскіе потѣшныя. (Изъ приказаній при паролѣ цесаревича Павла Петровича по гатчинскимъ войскамъ, съ 5 іюля по 5 ноября 1796 года). М. Н. Соколовскаго. 939

Владивостокскія воспоминанія. Ф. Китаева. 960

Политическіе взгляды Пушкина. А. Л. Слонимскаго. 970

Древлехрапнище Архангельскаго церковно - археологическаго комитета. Д. Ежова. 1007

Иллюстраціи: 1) Внутренность зала Архангельскаго древлехрапнища.— 2) Складное зеркало царевны Софіи Алексѣевны въ Архангельской древлехрапнищѣ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 319, 654, 1013

1) Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. А. И. Яцимирскаго. — 2) В. В. Сицковскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по бібліографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I. XVIII вѣкъ. Спб. 1903. А. Е. — 3) Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей І. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминки. Томъ I. К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903. А. Я. — 4) Э. Н. Верендсъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго. Томъ I. Спб. 1903. в. Грибовскаго. — 5) Н. Вожеяновъ и В. Никольскій. Петербургская старина. Очерки и рассказы. Спб. 1903. м—ва. — 6) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы въ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.г.). Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1903. в. Ф.—на. — 7) Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Новая данія, относящаяся къ исторіи этой академіи за указанное время. Д. Вишнева. Кіевъ. 1903. А. Я. — 8) К. Харламовичъ. Матеріалы для исторіи Казанской духовной семинаріи въ XVIII вѣкѣ. Казань. 1903. А. Я. — 9) К. Н. Шрейтерфельдтъ. Арестантская честь. Спб. 1903. А. Б. в. — 10) Прошлое города Пскова въ его историческихъ памятникахъ. Составилъ В. Гедиминъ. Псковъ. 1903. ф. л—ва. — 11) Яна Амоса Коменскаго «Лабиринтъ свѣта и рай сердца». Переводъ съ чешскаго Н. П. Степанова. Спб. 1904. А. И. Яцимирскаго. — 12) Н. Н. Дебольскій. Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. Спб. 1903. в. Г. — 13) Отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. князя Александра Невскаго за 1901—1902 г. Вязники. 1903. м. — 14) А. А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка. Части I и II. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 15) В. Герье. Идея народоустройства и французская революція 1789 г. Москва. 1904. п. И. — 16) Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Изданіе С.-Петербургскаго археологическаго института, подъ редакціей А. И. Соболевскаго и С. Л. Штвицкаго. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 17) Дреивѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи. Э. А. Рагозиной. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. п. и—аго. — 18) К. Пельтанъ. Исторія Франціи отъ 1815 г. до нашихъ дней. Изданіе книгоиздательства Пирожкова. Спб. 1903. п. и.— 19) Проф. А. И. Загоровскій. О выборахъ дѣтяхъ по новому закону (3-го іюня 1902 г.) въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. Одесса. 1903. в. Г.— 20) Иванъ Ивановичъ Вецкой. Опытъ его біографіи. Сост. П. М. Майковъ. Спб. 1904. в. т.— 21) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1899 годъ. Спб. 1903. С. Пчельникова. — 22) Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1762—1801 гг. Составленъ подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1904. в. Грибовскаго. — 23) А. П. Варсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга VIII. Спб. 1904. А. М. Ловгина. — 24) А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва. 1903. м. и.— 25) Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. К. 1903. М. Ф. Выстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ. Спб. 1904. Я. А. — 26) Н. П. Варсуковъ. Живая и труды М. П. Погодина. Книга 18-я.

Спб. 1904. А. Б. — 27) Опыт истории государственного совета в России, составленный помощником статсъекретаря государственного совета В. И. Туманским в 1840 г. Часть первая. 1769 — 1801 г. Совет в приказание великой императрицы Екатерины II и Павла I-го. (Сообщение графа Г. А. Милорадовича). Чернигов. 1903. в. г. — 28) Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. Составил В. Федоров. Издано по приказанию великого князя Александра Михайловича музеем Севастопольской обороны. Спб. 1904. н. ф. — 29) С. А. Чистяков. История Петра Великого. Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. Издание второе. Спб. 1904. с. ш. — 30) Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ К. Скальковский. Спб. 1904. б. гл.—снаго. — 31) В. В. Святловскій, приватъ-доцентъ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Выпуски I, IV, V. Спб. 1903. в. Гривовснаго. — 32) Старина и Новизна. Книга седьмая. Спб. 1904. б.—33) Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. в. с. н.—34) Александръ Венуа. Русская школа живописи. Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Вып. I и II. Спб. 1904. п. п.—ва. — 35) П. Гр. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Ч. I. Спб. 1904. н. Ретвика. — 36) Н. И. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Томъ V. Ковельскій уездъ. Почаевъ. 1903. А. я. — 37) Евг. Ляцкій. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904. А. Б.—38) Панченко, В. А. Крестьянская собственность въ Византии. Земледѣльчскій законъ и монастырскіе документы. Софія. 1904. н. Ретвика. — 39) Изъ боевой и походной жизни 1877 — 1878 гг. Воспоминанія полковника запаса болгарской армии С. И. Бисова. Перевелъ со второго исправленнаго и дополненнаго болгарскаго изданія. М. Горюнинъ. Софія. 1903. Андрея Сиротинина. — 40) Труды Пензенской ученой архивной комиссіи. Книга I. Пенза. 1903. м. н.—41) П. Красовскій. Юрьевъ и Юрьевскій университетъ. Очерки, замѣтки и воспоминанія юрьевскаго студента. Рига. 1904. д. з. — 42) И. К. Антопескій. Константиновскій рубль 1825 года. Со снимкомъ. Спб. 1904. Беге.—43) М. и В. Успенскіе. Мѣсяцесловъ императора Василія II. Мѣсяцы сентябрь и октябрь. Спб. 1904. м. — 44) М. Петровичъ. По Черногории. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Москва. 1903. А. И. Яцимирскаго.—45) В. В. Фармаковский. Атичская вазовая живопись. Съ 20 таблицами. Спб. 1903. А. я.—46) У. Кеннигемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Москва. 1904. п. — 47) Е. В. Тарле. Очерки и характеристики изъ истории европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкъ. Спб. 1904. п. к.—аго.—48) Э. Вандервелде. Вѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Перевелъ съ французскаго подъ ред. Д. С. Горшкова, съ предисловіемъ проф. А. Фортунатова. Изд. Д. С. Горшкова. Москва. 1904. Е. м. в.—49) В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ перводныхъ стихотвореній. 3-е исправленное изданіе. Спб. 1904. Андрея Сиротинина. — 50) Ludwik Boratyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw turkom (1576 — 1584). Kraków. Nakładem Akademii Umiejętności. (Людвигъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и планъ союза противъ турокъ. 1576—1584. Краковъ. Изданиемъ академіи наукъ). Г. А. Воробьева.—51) Списокъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ XVII—XIX столѣтій. Составилъ Н. М. Лисовскій. Спб. 1903. Беге. — 52) Проф. Дм. Цвѣтаевъ. Положеніе иновѣрія въ России. Историческое обозрѣніе. Варшава. 1904. А. м.—лова. — 53) П. Головачевъ. Иркутское диколѣтье 1758—1760 гг. («Лѣтопись о Крыловѣ» и ея разборъ). М. 1904. м. н.—54) Г. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. д. Зеленина. — 55) Р. Мутеръ. История живописи. Томъ III. Спб. 1904. А. я.—56) Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Съ портретами. Спб. 1904. в. т.—57) По островамъ Ладожскаго озера. Очеркъ Вл. А. Попова. Съ 30 рисунками. М. 1904. А. я. — 58) Курсъ русской истории. Проф. Ключевскаго. Часть I. Москва. 1904. В. Гривовснаго.—59) «Восемнадцатый вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Федоромъ Алексѣевичемъ Куркинскимъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. М. 1904. Евгѣнія Шумигорскаго.—60) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томы 7, 8, 9 и 10. Предисловія и примѣчанія В. А. Вильбасова. Спб. 1903. п. Павлова. — 61) Крестьяне на Руси. Исслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Сочиненіе ординарнаго профессора Московскаго университета И. Д. Вильяева. Москва. 1903. Б. Городецкаго. — 62) Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній. Спб. 1904. Его же. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 1903.

А. И. Яцимирского.—63) Евгений Жураковский. «Симптомы литературной эволюции» (?). Критические очерки: М. Горький, Л. Андреев, Вс. Гаршин, В. Баратынский, Вомарше, Л. Толстой. Москва. 1904. А. Е.—64) С. Л. Пташницкий. Иванъ Федоровъ. Изданіе Острожской библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни. Спб. 1904. А. Я.—65) М. Тумановъ. Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на судопроизводство и законодательную дѣятельность правительства по этому вопросу. Спб. 1904. А. Я.—66) Извѣстія Тамбовской ученой архивной коммисіи. Выпускъ XLVII. Тамбовъ. 1904. —рѣ.—67) И. И. Срезневскій. Статьи о древнихъ русскихъ дѣтописяхъ (1853—1866). Спб. 1903. м. н.—68) М. Соколовскій. Характеръ и значеніе дѣятельности аптекарскаго приказа. Спб. 1904. м. н.—69) Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ трехъ частяхъ. Спб. 1904. м. н.—70) П. И. Соколовъ. О растительности и почвахъ Объянниковъ тайги въ Маріинско-Черевинскомъ районѣ Томской губерніи. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Изданіе императорскаго С.-Петербургскаго университета. Выпускъ XV. Спб. 1904. п.—ва.—71) А. Скоропадская. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. Біографическій очеркъ. Спб. 1904. г. м.—72) Наборно-типографское дѣло. Составилъ И. Богдановъ. Спб. 1904. с. ш.—73) Ярославль. Историческая монографія о времени основанія города, съ портретомъ его основателя, великаго князя Ярослава Мудраго. Составилъ и издалъ Н. Верховой. Рыбинскъ. 1904. А. Я.—74) Проф. Ф. А. Кургановъ. Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви. Казань. 1904. Л.—75) D-r Fryd. Parpée. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. (Польша и Литва на рубежѣ среднихъ вѣковъ). Томъ I. Последнее двѣнадцатилѣтіе Казимира Ягеллона (Ягеллоновича). Краковъ. 1904. С. Гин—ва.—76) Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Составилъ Драго Войновичъ, кандидатъ университета. Одесса. 1903. А. Я.—77) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Томы I и II. Спб. 1903. п.—78) Исторія XIX вѣка, проф. Э. Марешала. Спб. 1904. п. н.—аго.—79) Анри Мишель. Идея государства. Спб. 1903. п.—80) В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Спб. 1904. В. Глинскаго.—81) «Деятельный Вѣкъ», историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Федоромъ Алексѣевичемъ Куракинѣмъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ I. 1904. Евгения Шумигорскаго.—82) Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ сто восемнадцатый. Спб. 1904. В. Строва.—83) Е. К. Рѣдинъ. Лицевыя рукописи собранія графа А. С. Уварова. Исальтиръ XVIII вѣка и 1548. н. л.—а.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 349, 717, 1072

1) Труды англійскаго историка на своемъ и испанскомъ языкахъ.—2) Королева слезъ.—3) Первоначальная судьба подводныхъ лодокъ.—4) Воспоминанія актрисы Жоржъ.—5) Столѣтіе смерти Каэты.—6) Современное вліяніе Гете и Шиллера.—7) Морлей, какъ образцовый біографъ Гладстона.—8) Воспоминанія о Висларкѣ и его вѣмечкихъ современникахъ.—9) Англичане въ Тибетъ.—10) Смерть сэра Лесли Стивенса, фельдмаршала Вальдерзее и герцога Кэмбриджъ.—11) Новыя польскія изданія по славянской этнографіи.—12) Книга египетскихъ пророчествъ.—13) Первые европейцы въ Японіи.—14) Новые труды біографа Наполеона, академика Массона.—15) Последняя любовь Гете.—16) Вальзакъ, какъ типографъ.—17) Мопассанъ и его мать.—18) Окубо Тосиямицъ.—19) Адмиралъ Того.—20) Столѣтніе юбилей французскихъ писателей.—21) Смерть испанской королевы Изабеллы II.—22) Перуанскія археологическія раскопки.—23) Заговоръ противъ короля Генриха IV.—24) Сельскій дворянинъ—писатель XVII вѣка.—25) Украшатель собора Богоматери.—26) Маркиза Помпадуръ.—27) Графъ Ферзенъ и Вареннъ.—28) Воспоминаніе майора польскаго войска Якова-Филиппа Кежковскаго.—29) Записки Врандта.—30) Переписка Эрнста Курціуса.—31) Смерть Самуила Смайльса, сэра Генри Стэнли, профессора Юрка Пауэля и Марка Ювая.

СМѢСЬ 380, 746, 1101

1) Высочайшій пріемъ представителей ежедневной печати.—2) Разрядъ изящной словесности.—3) Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Географическое общество.—6) Диспутъ А. Н. Савяна.—7) Русское историческое общество.—8) Общество любителей древней письменности.—9) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—10) Географическое общество.—11) Общество востоконѣвдыи.—12) Юбилей князя Д. П. Голицына.—13) Общество любии-

телей российской словесности.—14) Археологическое общество въ С.-Петербурѣ.—15) Археологическая комиссія. — 16) Общество любителей древней письменности.—17) Московское археологическое общество. — 18) Общество археологii, исторiи и этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—19) Общество востоковѣднiи.

НЕКРОЛОГИ 388, 754, 1112

1) Ванновскій, П. С.—2) Васильевъ, П. С.—3) Воскресенскій, Н. В.—4) Головинъ, X. С.—5) Дмитрiевъ, В. Н.—6) Зарубинъ, И. К.—7) Латкинъ, Н. В.—8) Макъ-Гаханъ, В. Н.—9) Малковъ, А. К.—10) Мятлевичъ, Ф. И.—11) Петрушевскій, Ф. Ф.—12) Ратиновъ, В. А.—13) Агапъевъ, А. П.—14) Ахматова, Е. П.—15) Ветляинъ, О.—16) Верещагинъ, В. В.—17) Добровольскій, В. И.—18) Ириней, епископъ.—19) Константиновскій, Н. В.—20) Лееръ, Г. А.—21) Макаровъ, С. Ф.—22) Писаревъ, С. П.—23) Поповичъ, А. И.—24) Чичеринъ, Т. С.—25) Ювеналій, архіепископъ.—26) Бредихинъ, Ф. А.—27) Григоровичъ, И. И.—28) Иоаннисяни, А. А.—29) Казанцевъ, Н. В.—30) Мосоловъ, А. Н.—31) Плеще, Э. Д.—32) Пузыревскій, А. К.—33) Рябушинъ, А. П.—34) Старицкій, М. П.—35) Хмелювскій, П.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 399, 767

1) Письмо въ редакцію. Графини Л. Ростопчиной.—2) Бъ дуэли Кушелева съ Вахметевымъ. М. Фалъева.—3) Къ вопросу о пребыванiи ростовскаго митрополита Филарета Романова въ Варшавѣ въ 1611—1619 гг. Г. А. Воробьева.

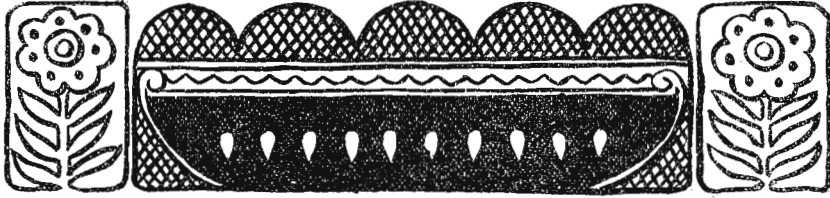
Приложенiя: 1) Портреты графини Евдокiи Петровны Ростопчиной, княгини Марiи Николаевны Волконской и Алексѣя Степановича Хомякова.—2) Черная месса. (La messe noire). Историческiй романъ д-ра Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. V—XXII. (Продолженiе).

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

Съ рѣдкаго портрета Д. Мамонова.

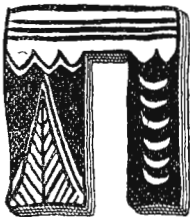
1038. ПЕНЗ. 26 МАЯ 1904 г. СДВ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

ХІІІ.

ПОХОРОНЫ кончились.

Послѣ поминальнаго обѣда всѣ посторонніе разѣхались и разошлись, а баринъ удалился въ кабинетъ и приказалъ позвать Езебиуша.

— Ну, что?—спросилъ онъ отрывисто и не глядя на вошедшаго, который, притворивъ за собою дверь, почтительно остановился на порогѣ.

— Все хорошо-сѣ. Прислушивался къ разговорамъ, ни единого гнилого слова ни отъ кого не услышалъ.

— За Андрюшкой слѣдилъ?

— Какъ же-сѣ. Все время онъ, выжига, къ вашей милости поближе подбирался. Въ церкви сталъ съ господами. Вы изволили ему барчука на руки передать, когда они расплакались...

— Да, я это уже послѣ замѣтилъ, когда онъ съ нимъ на паперть вышелъ. Но куда онъ потомъ дѣвался? Когда мы изъ склепа вышли, его ужъ въ толпѣ не было.

— Ушелъ съ какимъ-то старикомъ въ крестьянской одеждѣ въ паркъ и больше не появлялся. Лошадь свою оставилъ у мельника и сюда пѣшкомъ пришелъ.

— Что сказалъ онъ тебѣ еще, кромѣ того, что ты мнѣ передалъ? Припомни хорошенько.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVІ, стр. 401.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. ХCVІ.

— Ничего больше не говорилъ. Хотѣлъ было я послѣ службы къ нему подойтись, отъ него ужъ и слѣдъ простылъ.

Баринъ въ задумчивости молча прошелся по комнатѣ.

— Ну, ступай. Да смотри у меня, не зѣвать! Надо, чтобы я первое время зналъ про все, что будутъ думать и болтать въ Малявинѣ и по сосѣдству. Найди предлогъ въ Воробьевку съѣздить.

— Предлогъ ужъ есть. Надо у нихъ жеребятъ на племя купить. Я про это намеренъ говорить съ управителемъ.

— А не толкуютъ въ народѣ про то, что Грабининъ такъ вдругъ милостивъ сталъ къ Андриушкѣ? Не дивятся этому?

— Какъ не дивиться! Болтаютъ даже, будто онъ ему вольную далъ. Да это, поди чай, враки. А одежда хорошая у него и раньше была. Большущій сундукъ съ одеждой имъ покойный дядя оставилъ, да опасались носить до сихъ поръ, ну, а таперича посмѣлѣе стали, — замѣтили Езебиушъ съ усмѣшкой.

— А наше дурачье что болтаетъ?

— Все больше про то, что ваша милость до сихъ поръ со старой барыней не изволили видѣться.

— Пусть успокоятся. Сейчасъ къ ней пойду. Прикажи принести дѣтей, на ея половину.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ входилъ въ спальню старухи, ведя за руку сына, въ сопровожденіи кормилицы съ маленькой барышней.

— Привелъ вамъ моихъ сиротъ, бабушка, — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку и приподнимая мальчика, чтобъ и онъ сдѣлалъ то же самое. — Прошу васъ ими заняться по вашему усмотрѣнію, — продолжалъ онъ въ то время, какъ она смотрѣла на него пытливымъ взглядомъ и съ обычной, саркастической усмѣшкой на ввалившихся губахъ. — Извольте имъ выбрать нянюшку изъ приближенныхъ, кого пожелаете, я вмѣшиваться въ это не буду.

— Что такъ? Не хороша, что ли, оказалась Анелька?

— Анелька проводитъ здѣсь послѣднюю ночь. Завтра чуть свѣтъ мы ее такъ далеко отправимъ, что вы никогда про нее не услышите. И эта также скоро здѣсь не будетъ нужна, — указалъ онъ на кормилицу, съ тревогой слѣдившую за измѣненіями въ личикѣ своей барышни, которая, не спуская испуганныхъ глазенокъ съ страшной бабушки, надувала губенки съ явнымъ намереніемъ разревѣться, въ то время, какъ братишка ея, съ недѣтскимъ выраженіемъ въ глазахъ, глядѣлъ на отца, прислушиваясь къ непонятному для него разговору, рѣшавшему ихъ судьбу. — Крестницу вашу пора отнять отъ груди, чтобъ скорѣе ума набралась, — продолжалъ между тѣмъ Дмитрій Степановичъ, немного озадаченный молчаніемъ своей слушательницы. — Кабы васъ не было, я отвезъ бы ихъ въ Москву, къ тетускѣ Варварѣ Платоновнѣ.

— Это ты успѣешь сдѣлать, когда я протяну ноги. Барвара отъ тебя не уйдетъ. Она всегда рада поживиться чужимъ добромъ подъ тѣмъ видомъ, что благодѣтельствуешь родичу, а, пока я жива, таскать дѣтей по чужимъ домамъ не для чего, когда у нихъ свой есть... Ей, кто тамъ?—закричала она, хлопая въ ладоши. — Уведи ихъ пока въ красную гостиную, я потомъ распоряжусь, гдѣ ихъ поселить и кого къ нимъ приставить,—объявила она появившейся въ дверяхъ Дарьѣ, указывая движеніемъ головы на кормилицу съ дѣтьми.

Оставшись наединѣ съ правнукомъ, который сѣлъ на кресло у кровати, она спросила съ усмѣшкой:

— Ну, что ты мнѣ скажешь новенькаго, фокусникъ?

— Новаго много, бабенъка. Предлагаютъ мнѣ знатную службу при нашемъ посольствѣ, если я помогу Репнину забрать въ руки поляковъ, а воевода кievскій подманиваетъ блестящими пропозиціями отъ имени короля, чтобъ, значить, ихъ руку тянуть на конфедерации. Вотъ и разрывайся тутъ, какъ знаешь, — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— А жениться когда думаешь?

Онъ вспыхнулъ отъ досады, но, сдержавъ себя, печально отвѣтилъ, что странно говорить о женитьбѣ съ человѣкомъ, только что похоронившимъ жену.

Но Серафима Даниловна не расположена была удовлетвориться такимъ уклончивымъ отвѣтомъ.

— Перестань козлять, меня не проведешь! — замѣтила она сердито.—Не будь у тебя на умѣ бабы, не отважился бы ты на такое опасное кощунство. Самъ долженъ понимать, чѣмъ твоя новая проказа пахнетъ! Всплыветъ какъ нибудь наружу,—Сибири тебѣ не миновать.

— А если такъ страшно, для чего же вы такъ громко про это говорите?—возразилъ онъ, подходя къ двери, чтобъ поплотнѣе ее притворить.—Это такое дѣло, что чѣмъ меньше про него разговаривать, тѣмъ лучше. Словами ужъ теперь все равно ничего не можешь и не передѣлаешь. Изъ малолѣтковъ я давно вышелъ и своимъ умомъ, каковъ ни на есть, живу, и за всѣ свои грѣхи одинъ я отвѣтчикъ, — произнесъ онъ, не возвышая голоса и, повидимому, спокойно, но съ такимъ выраженіемъ на поблѣднѣвшемъ отъ сдержаннаго гнѣва лицѣ, что старуха прекратила свои ядовитые намеки.

— Ты вотъ какъ? Хорошо, ни слова больше ты отъ меня про твое кощунство не услышишь...

Опять это слово! Какъ ножомъ, рѣзануло оно его по сердцу.

— Что же мнѣ было дѣлать по-вашему? Убить ихъ обоихъ?—спросилъ онъ глухо.—Кому бы отъ этого легче было?

— Ладно, ладно, у тебя свой умъ, а у меня свой. Который лучше—покажетъ время. Шелъ на бѣду,—со мною не совѣтовался, нечего, значить, объ этомъ и толковать. А только должна я тебя предупредить, что если ты вздумаешь ко мнѣ привезти твою полячку папистку...

— Никогда я ее къ вамъ не привезу, не беспокойтесь. Въ скорости долженъ я въ Варшаву ѣхать. У меня тамъ много дѣлъ затѣяно, и домъ ужъ нанятъ. Долго тамъ придется прожить, вплоть до зимы. Наѣзжать сюда мнѣ не рука; если что будетъ нужно, можете прислать за мною вѣрнаго человѣка съ письмомъ.

— Все время собираешься оставаться въ Польшѣ?

— Не знаю еще, можетъ, придется и дальше, въ чужіе края махнуть. У меня и тамъ завелись друзья, которые въ нуждѣ не выдадутъ.

— Пока я жива и хозяйствомъ твоимъ заправляю, нужды тебѣ не видать,—замѣтила старуха.

— Знаю, бабенка. Дѣтей въ полную вашу волю предоставляю, какъ хотите, такъ и воспитывайте. Имѣніе всегда было ваше, а для меня и того, что умомъ своимъ приобрѣлъ, на всю жизнь хватить. Впередъ, конечно, загадывать нельзя, мало ли что можетъ случиться,—началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки и погрузившись въ размышленія, а она смотрѣла на него скорбнымъ взглядомъ, столь ей несвойственнымъ, что тѣ, кто видѣлъ ее въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не узнали бы ея. — Но сдается мнѣ, что сюда, въ родное гнѣздо, я живымъ не вернусь никогда, а потому вы ужъ такъ и устраивайтесь, какъ если бѣ похоронили меня,—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, не поднимая на нее глазъ.

— Вѣру-то въ Бога ужъ, значить, совсѣмъ растерялъ?—спросила она.

Онъ молчалъ, потушившись.

— Началъ каяться, такъ ужъ говори все безъ утайки, чтобъ на душѣ полегчало,—настаивала она.

— Да больше сказать нечего. Самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Мнилъ большое облегченіе себѣ доставить и безъ хлопотъ и пролитія крови и ей, и себѣ развязать руки. Забавлялся также мыслью и въ такомъ духѣ, что неслыханную развязку этой авантюры придумалъ. А что опасную затѣялъ штуку, такъ это меня еще пуще раззадоривало...

— Такъ, такъ,—со вздохомъ закивала старуха.

— До того остервенился на Еленку, что только и мыслей у меня было, чтобъ досадить и ей, и ея сообщнику, досадить имъ на всю жизнь, чтобъ до гробовой доски черезъ меня страдали, а про себя и забылъ совсѣмъ. Сердце окаменѣло, ни страха, ни со-

мнѣній, ничего. Казалось, что и самое воспоминаніе о ней похороною навсегда съ тѣмъ трупомъ, который подъ ея именемъ отпѣвать стануть. А вышло иначе. Нашли такое мертвое тѣло, какое намъ было нужно. Самъ указывалъ, какъ и во что его обрядить, чтобъ на Елену Васильевну похоже было. И все ничего, самъ своему равнодушію и присутствію духа дивясь, помогалъ укрывать чужую покойницу фатой, забавляясь придуманнымъ машкераномъ... А какъ пришелъ пошъ да запѣлъ панихиду, за сердце и схватило... Вздоръ, думаю, пустой предрасудокъ, надо разумомъ побороть...

Начатую неохотно рѣчь онъ продолжалъ съ постепенно возрастающимъ одушевленіемъ, задыхающимся отъ волненія голосомъ, съ трудомъ и болью произнося слова, но не будучи въ силахъ оборвать ее до конца, и тогда только смолкъ, когда всю свою муку онъ излилъ безъ остатка.

Она слушала его молча и съ неподвижнымъ лицомъ, и только медленно выкатившаяся слеза изъ поблекшихъ глазъ на одно мгновеніе выдала ея скорбь. Ему не надо было видѣть этой слезы, чтобъ знать, что ему сочувствуютъ, но она ошиблась, сказавъ, что исповѣдъ облегчитъ ему сердце.

— Не совѣмъ, значитъ, заглохла въ тебѣ совѣсть, и за то слава Богу!—проговорила она.—Муки твои только что начинаются, и отъ тебя зависитъ найти въ нихъ спасеніе души. На томъ свѣтѣ...

— Я въ другой міръ не вѣрю, только то и есть, что мы видимъ, слышимъ, чувствуемъ и осязаемъ,—угрюмо замѣтилъ онъ.

— Какъ же ты въ него не вѣришь, когда ты ужъ въ тотъ міръ больше, чѣмъ на половину, вошелъ, когда онъ ужъ тобою овладѣлъ и терзаетъ тебя больше, чѣмъ то, что ты считаешь настоящимъ и видимымъ? Какъ же ты въ него не вѣришь, когда ты ужъ не знаешь, куда отъ него уйти и гдѣ спастись? Нѣтъ, голубчикъ, есть поступки, которые заживо вырываютъ человѣка изъ видимого міра, чтобъ ввергнуть въ невидимый, а ты именно такой поступокъ и совершилъ. Теперь тебѣ одно спасеніе—познать Бога, иного ничего для тебя не представляется.

— А это мы еще увидимъ. Мнѣ такихъ словъ, какъ ваши, теперь не нужно, въ пущее раздраженіе только приводятъ,—объявилъ онъ отрывисто.

— Нечего, значитъ, съ тобою и толковать... все равно, что съ покойникомъ... Умеръ ты для меня.

И встряхнувшись, какъ человѣкъ, привыкшій управлять своей волей и скрывать въ глубинѣ души жесточайшія душевные страданія, она спокойнымъ тономъ объявила, что ей ничего больше не остается, какъ позаботиться о новомъ духовномъ завѣщаніи.

— Все мое добро предоставлю твоимъ дѣтямъ отъ законнаго брака съ Еленой Васильевной. Ты, можетъ быть, совѣмъ ополя-

чишься и другой женѣ католичкѣ дѣтей народишь, а Малявино споконъ вѣка православнымъ русскимъ дворянамъ принадлежало, такъ ужъ пусть такъ и впредь будетъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ онъ, не поднимая на нее глазъ.

Равнодушіе, съ которымъ было встрѣчено ея заявленіе, удивило старуху и тронуло ее больше самыхъ яростныхъ возраженій и упрековъ, однако она больше не возвращалась къ этому предмету и смолкла, выжидая, можетъ быть, что онъ опомнится и постарается заставить ее отказаться отъ намѣренія, которымъ измѣнились всѣ его планы и уничтожились всѣ его начинанія въ имѣніи, со дня его рожденія считавшемся его собственностью; но онъ молчалъ, устремивъ взглядъ въ пространство, и чѣмъ больше она на него смотрѣла, тѣмъ больше убѣждалась въ перемѣнѣ, происшедшей въ немъ за послѣдніе дни: постарѣлъ, похудѣлъ и осунулся до неузнаваемости. Много прочитала она въ его ввалившихся глазахъ и вытянутыхъ чертахъ, и старое ея сердце сжалось давно неиспытанною болью.

«Эхъ, Митяйка, Митяйка, дожила я, чтобъ видѣть, какъ ты себѣ всю жизнь испакостилъ!»—думала она, но вслухъ не проронила ни слова. Сама была изъ тѣхъ, для которыхъ то не горе, а полгоря, о чемъ никто не знаетъ и не судачить.

— А ты, прежде чѣмъ полякамъ-то передаваться, обмысли хорошенько, — замѣтила она послѣ продолжительнаго молчанія.— Иногда такъ бываетъ, что легче снести обиду отъ своихъ, чѣмъ ласку отъ чужихъ.

— Въ этомъ я съ вами несогласенъ, бабушка.

Опять разговоръ надолго порвался.

— Кому же ты здѣсь свое дѣло поручишь?—спросила она.

Отъ этого вопроса его передернуло. Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, какъ бы для того, чтобъ прочитать ея затаенную мысль, и рѣшилъ дѣйствовать на чистоту.

Впрочемъ, онъ и раньше, до признанія своего, не сомнѣвался въ томъ, что тайна его ей извѣстна. Она здѣсь всегда была полновластной хозяйкой, и никому даже въ голову не придетъ что либо отъ нея скрыть.

— Вамъ, бабушка, кому же больше,—отвѣчалъ онъ.—Вы изъ-за пустяковъ разстраивать меня не станете и сообщите мнѣ только то, что мнѣ необходимо будетъ знать.

Въ глазахъ ея выразилось нѣчто, похожее на удовольствіе.

— Ладно. Езевіуша съ собою берешь?

— Съ собою, онъ мнѣ нуженъ.

— Хорошо дѣлаешь, здѣсь ему не мѣсто, слишкомъ много знаетъ. Убратъ бы отсюда и остальныхъ.

— Изъ прочихъ ни одного человѣка ни здѣсь, ни при мнѣ не останется. Со временемъ спущу куда нибудь подальше Езебиуша, а остальныхъ завтра же въ Тамбовское имѣніе съ французомъ отправлю.

— А его туда зачѣмъ?

— Я тамъ суконную фабрику затѣваю. Онъ, значитъ, тамъ и останется, а прочихъ такъ далеко другъ отъ дружки по бѣлому свѣту разсыплю, что забудутъ, какъ другъ друга и звать. Одинъ здѣсь опасный человѣкъ останется, Воробьевскій Андрушка. Ну, да Богъ дастъ, и отъ этого со временемъ отдѣлаемся.

— Это не къ спѣху. У Воробьевскихъ въ этомъ дѣлѣ тоже хвостъ-то замаранъ изрядно, имъ теперь не до того, чтобъ другихъ топить, сами по уши въ трясинѣ завязли,—проворчала она, какъ бы про себя.

— И я такъ думаю,—согласился правнукъ.

Обмѣнявшись еще нѣколькими отрывистыми словами въ томъ же родѣ, словами, не имѣвшими ничего общаго съ чувствами, наполнявшими ихъ души, и съ мыслями, вертѣвшимися у нихъ на умѣ, они разстались, чтобъ ложиться спать, но въ ту ночь оба ни на минуту не сомкнули глазъ.

Никогда не испытывалъ Дмитрій Степановичъ такого томительнаго чувства недоумѣнія и безочетнаго страха, какъ то, что онъ испытывалъ теперь, при неотступной мысли о содѣянномъ съ такимъ легкимъ сердцемъ поступкѣ, а между тѣмъ поступокъ этотъ даже и преступленіемъ нельзя было назвать, и онъ въ сотый разъ предлагалъ себѣ вопросъ, предложенный имъ и прабабкѣ въ отвѣтъ на ея осужденіе: кому худо отъ того, что онъ похоронилъ чужого мертвеца вмѣсто живой жены, которую имѣлъ полное право убить за измѣну?

Никому,—немедленно являлся отвѣтъ.

Но какъ глупо устроенъ свѣтъ, и какими нелѣпыми нелогичными законами онъ управляется! Убей онъ и Елену и Грабинина, жертвуя при этомъ жизнью множества ни въ чемъ неповинныхъ людей и при такой ужасной обстановкѣ, какъ поджогъ, рѣзня, грабежъ имущества, никто не осудилъ бы его за самоуправство и даже судъ нашелъ бы ему извиненіе, а теперь судьба его зависитъ отъ случайности, отъ пустяка, отъ котораго нѣтъ возможности уберечься, потому что нельзя предвидѣть, откуда и отъ кого можетъ прійти напасть.

И чуетъ онъ эту напасть во всемъ, въ самыхъ простыхъ и обыденныхъ явленіяхъ, предчувствуетъ ее тамъ, гдѣ разумомъ ничего не уловить...

Какъ смутило его появленіе Андрея на похоронахъ! А между тѣмъ скорѣе можно было бы удивиться, если бъ онъ не пріѣхалъ... И какъ ни увѣряетъ онъ себя, что повредить ему онъ не можетъ,

особенно въ настоящее время, соображеніе это его не успокаивало, и онъ начиналъ сознавать, что вздохнетъ свободнѣе тогда только, когда человѣка этого не будетъ на свѣтѣ... А до тѣхъ поръ придется, чего добраго, откупаться деньгами отъ этого хама...

Можетъ быть, есть и другіе, которымъ все извѣстно? Можетъ быть, Андрей успѣлъ уже съ кѣмънибудь подѣлиться своей тайной? Кто этотъ другой? Гдѣ его найти? Какъ отъ него спастись?

Езебіушъ упомянулъ про незнакомца въ мужицкомъ платьѣ, съ которымъ Воробьевскій управляющій ушелъ съ похоронъ, не дождавшись поминальнаго обѣда... Для чего пришелъ въ Малявино этотъ незнакомецъ? И почему Езебіушъ называлъ его не просто крестьяниномъ, а человѣкомъ въ крестьянскомъ платьѣ? Онъ, значить, на мужика не похожъ... Для чего пришелъ онъ сюда?

Еще не разсвѣтало, когда вопросъ этотъ завертѣлся у него въ головѣ и такъ назойливо, что ждать его разрѣшенія до утра не хватило силъ, и, разбудивъ казачка, спавшаго у порога спальни, онъ приказалъ послать къ нему Езебіуша.

Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ явился, и оказалось, что было изъ-за чего его звать въ такой неурочный часъ: у него такъ же, какъ и у барина, незнакомецъ не выходилъ изъ головы, такимъ показался онъ ему страннымъ и на мужика непохожимъ. Но что всего больше смущало Езебіуша, это то, что изъ пришедшихъ помянуть покойницу никто его не зналъ, хотя были люди и издалека, даже изъ Польской земли.

— Надо непременно напасть на его слѣдъ и узнать, кто такой. Въ Воробьевкѣ его должны знать, если онъ Андрюшкинъ пріятель, — сказалъ баринъ. — Займись этимъ не медля, мнѣ не хотѣлось бы покидать край, пока это не выяснится.

Езебіушъ былъ того же мнѣнія, но какъ ни старался онъ и ни хлопоталъ, день проходилъ за днемъ безъ результата: таинственный незнакомецъ какъ въ воду канулъ; у кого про него ни спрашивали, всѣ отзывались незнаніемъ. То же самое утверждали и въ Воробьевкѣ, гдѣ всѣ видѣли, что управитель, какъ поѣхалъ на похороны одинъ, такъ и вернулся одинъ. То же отвѣчали и на мельницѣ, гдѣ Андрей оставилъ свою лошадь, за которой пришелъ одинъ. Езебіушъ не зналъ ужъ, гдѣ больше и спрашивать.

Впрочемъ, баринъ его со дня на день становился спокойнѣе, все рѣже и рѣже освѣдомлялся о результатахъ сыска и наконецъ совсѣмъ пересталъ имъ интересоваться. До отъѣзда въ Варшаву онъ съѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ видѣлся со многими знакомыми и пріятелями, при чемъ ему удалось устроить нѣсколько выгодныхъ дѣлъ и завербовать множество кліентовъ въ партію воеводы. Езебіушъ же, развѣзжая по окрестностямъ съ порученіями своего барина, внимательно прислушивался къ толкамъ и сплетнямъ, но ни отъ кого не слышалъ ничего такого, что могло бы возбудить

опасеніе. Правда, встрѣчались люди, находившіе странной внезапную смерть молодой барыни именно въ такое время, когда мужъ ея началъ ухаживать за бывшей резиденткой кievскаго воеводы,— и даже были такіе, которые позволяли себѣ выражать сомнѣнія на счетъ естественности этой смерти, случившейся для супруга ея такъ кстати, но все это было такъ далеко отъ истины, что, по мнѣнію Езебуша, не стоило на эти сплетни обращать вниманія.

Не слышно было также ничего и про Грабинина. Должно быть, ему удалось благополучно перебраться въ чужіе края съ «живой покойницей»...

Предположеніе это совершенно успокоило Дмитрія Степановича, и онъ вернулся домой въ совершенно другомъ настроеніи, чѣмъ тогда, когда выѣзжалъ оттуда.

Теперь поступокъ его ему казался не преступленіемъ и не кощунствомъ, а невинною шалостью въ сравненіи съ тѣмъ, что позволяли себѣ творить его пріятели поляки, и по мѣрѣ того, какъ мысль объ опасности отъ него отдалялась, воспоминаніе объ Юльяніи все чаще и чаще наворачивалось ему на умъ. Въ пылу томительнаго волненія, хлопотъ и опасеній онъ совсѣмъ про нее забылъ, но теперь его къ ней опять потянуло, и ему было досадно, что она не черезъ него узнаетъ, что онъ свободенъ.

Можно себѣ представить, какъ она обрадуется! И какъ она будетъ прелестна въ счастіи и восторгѣ!

Но видѣться съ нею теперь было бы опасно, надо избѣгать всего, что такъ или иначе можетъ возбудить подозрѣніе. Они увидятся въ Варшавѣ, куда она пріѣдетъ съ женой воеводы, и первымъ его долгомъ будетъ ей представить, какъ она должна быть осторожна, чтобъ не навлечь на него подозрѣній. Пусть не прогнѣвается, если онъ на время совсѣмъ перестанетъ за нею ухаживать, чтобъ съ достоинствомъ выдержать роль удрученнаго печалью вдовца, по крайней мѣрѣ, съ годъ времени; раньше, какъ черезъ годъ, о женитьбѣ ему нельзя думать, а въ годъ мало ли что можетъ случиться!

XIV.

Въ Тульчинѣ празднества окончились, и графъ Салевій уѣхалъ со своей свитой въ Варшаву на довольно продолжительное время, чтобъ принять участіе въ политической агитаціи между представителями страны, съѣзжавшимися со всѣхъ концовъ Рѣчи Посполитой въ блестящую, шумную столицу, гдѣ сходились, скрещивались и часто жестоко запутывались нити заговоровъ, интригъ, клеветъ и сплетенъ, въ которыхъ судорожно билась въ предсмертной агоніи несчастная страна.

За супругомъ должна была въ непродолжительномъ времени послѣдовать со своимъ штатомъ и пани Анна, чтобъ принимать

участіе въ пышныхъ празднествахъ, которыми сопровождались выборы пословъ на конфедераціи, но день отъѣзда не былъ еще назначенъ, а сборовъ предстояло такъ много, что въ замкѣ съ утра до вечера царили суета и оживленіе.

Вскорѣ послѣ выѣзда воеводы вернулся въ замокъ аббатъ Джорджіо изъ Кіева, куда онъ ѣздилъ по порученію своего дяди, тульчинскаго капеллана.

Отпустивъ на покой своихъ приближенныхъ женщинъ, графиня удалась уже въ спальню, когда аббатикъ вызвалъ старшую горничную, тоже готовившуюся ложиться спать, чтобъ попросить ее доложить госпожѣ, что ему крайне необходимо ее видѣть.

Невзирая на поздній часъ (было около полуночи), горничная не задумалась исполнить его порученіе.

— Пусть придетъ—отвѣчала ясновельможная, догадавшись, что безъ особенныхъ причинъ конфиденціального свойства аббатъ не позволитъ себѣ ее беспокоить ночью, и, отложивъ книгу, которую читала при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, она приготовилась выслушать интересный докладъ.

Въ ожиданіи своемъ она не ошиблась: новость, которую онъ снѣшилъ ей сообщить, была такъ важна, что, поцѣловавъ протянутую ему милостиво руку, онъ немедленно приступилъ къ ея изложенію.

— Аратовъ овдовѣлъ, моя пани. Жена его скоропостижно скончалась. Я говорилъ съ людьми, которые видѣли ее въ гробу и присутствовали при ея погребеніи.

Графиня отъ изумленія вытаращила свои большіе глаза, какъ бы для того, чтобъ лучше понять неожиданную вѣсть.

— Событіе это произошло такъ внезапно и такъ всѣхъ поразило, что судить о немъ еще преждевременно,—продолжалъ онъ, отвѣчая со свойственною ему проницательностью на вопросъ, выразившійся въ пристально устремленномъ на него взглядѣ.—Однако мнѣ удалось вывести кое-какія заключенія изъ словъ людей, знакомыхъ съ интимною жизнью семьи г-на Аратова, и, между прочимъ, мнѣ посчастливилось встрѣтиться у секретаря его всевелебности ксендже бископа съ однимъ французомъ, по имени Соссье, онъ служитъ у г-на Аратова и пріѣхалъ прямо изъ Малявика...

— Ты изъ Кіева?—спросила графиня.

— Изъ Кіева, торопился сообщить моей пани о случившемся...

— Что же тамъ говорятъ про эту внезапную смерть?

— Почти что ничего. И Соссье, какъ всѣ знавшіе покойницу, такъ пораженъ, что никакія соображенія и сопоставленія не приходятъ ему въ голову. Все это придетъ впослѣдствіи, когда первое впечатлѣніе уляжется. Тогда только откроется истина... Разумѣется, если кому нибудь будетъ выгодно ее раскрыть, въ противномъ же случаѣ и это преступленіе останется не наказаннымъ, какъ великое множество другихъ.

— Ты тутъ усматриваешь преступленіе?—спросила она, помолчавъ немного.

— Я въ этомъ вполне увѣренъ,—отвѣчалъ онъ съ живостью.— Этотъ москаль на все способенъ... какъ и всѣ, кто съ нимъ имѣетъ дѣло и зависитъ отъ него. Сосѣе боится его, какъ огня, и мнѣ стоило немалого труда вытянуть изъ него тѣ подробности, которыя я сейчасъ передамъ яснѣе всего, но для меня и этого достаточно, чтобы многое понять. Два дня послѣ отъѣзда мужа въ Тульчинъ г-жа Аратова убѣжала изъ дома, и какъ ее ни искали, нигдѣ не могли найти. Вотъ именно съ этимъ-то извѣстіемъ и пріѣзжалъ сюда къ Аратову посланецъ изъ Малявина послѣ нашего бала. Какъ ее нашли, кто именно и гдѣ, живую или ужъ мертвую,—этого я такъ и не могъ узнать и по очень простой причинѣ: никто, кромѣ самого Аратова да вѣрнаго камердинера его, Езебіуша, этого не знаетъ, а Езебіушъ, разумѣется, барина своего не выдастъ...

— Полякъ?—спросила отрывисто графиня, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдившая за ходомъ разсказа.

— Отецъ былъ полякъ, а мать хохлушка. Еретикъ, никогда не бываетъ ни у исповѣди, ни у причастія. Преданъ москалю, какъ собака, и такъ запутался съ нимъ въ разныхъ темныхъ дѣлахъ, что дастъ себя скорѣе на куски изрѣзать, чѣмъ выдастъ своего сообщника. На этого человѣка намъ рассчитывать нельзя, его ничѣмъ не подкупишь и не застращаешь. Поляковъ ненавидитъ столько же, сколько москалей, одно слово—хохолъ проклятый.

— Съ кѣмъ же Аратова бѣжала? Неужели съ любовникомъ?

— Какіе могли быть у нея любовники, когда она никого не видѣла и ни съ кѣмъ не была знакома? Ее держали въ болѣе строгомъ затворничествѣ, чѣмъ въ монастырѣ. Супругъ давно ее разлюбилъ за то, что она была припадочная и не отвѣчала на его чувства, а въ особенности за то, что она много теряла въ сравненіи съ такими граціозными и остроумными красавицами, какъ наша пани Розальская,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой, значеніе которой не ускользнуло отъ вниманія его слушательницы и заставило ее вспыхнуть отъ гнѣва.

— Этотъ намекъ и неприличенъ, и неумѣстенъ, Джорджіо!—замѣтила она съ раздраженіемъ.

— А старуха Аратова не влюбила ея за то, что родители не дали за нею приданого,—продолжалъ аббатикъ, пропуская мимо ушей непріятное замѣчаніе.—Старуха очень жадна на деньги и ничего такъ не желаетъ, какъ чтобы ея правнукъ и наслѣдникъ женился на богатой, хотя бы на жидовкѣ, ей все равно, лишь бы была съ деньгами.

— Ну, и пусть ищетъ для него невѣсту гдѣ хочетъ, только не у насъ. Юльянія, слава Богу, образумилась, и любимецъ пане коханку имѣетъ гораздо больше шансовъ на ея руку, чѣмъ москаль.

— О, какъ моя пани заблуждается!—вскричалъ аббатикъ.—Она его любить больше, чѣмъ когда либо, и ни за что не выйдетъ за Длусскаго!

— Чѣмъ ты мнѣ это докажешь? Я слишкомъ люблю и довѣряю Юльяніи, чтобъ вѣрить клеветамъ на нее, и ты долженъ это знать лучше другихъ,—строго объявила она.—Никогда еще не обманывала она меня.

— Она до сихъ поръ не была влюблена, моя пани, а влюбленные себѣ не принадлежатъ, ими управляетъ дьяволъ и наставляетъ на всякое зло. Вотъ и Аратовъ, развѣ онъ рѣшился бы на преступленіе, если бъ не былъ до безумія влюбленъ въ нашу красавицу и не увѣренъ въ ея взаимности?

— Это все твои предположенія, я требую доказательствъ!

— О, моя пани, развѣ же я позволилъ бы себѣ обвинять нашу Розальскую безъ доказательствъ! Какъ вы полагаете, когда видѣлась она въ послѣдній разъ съ москалемъ?

— Здѣсь, въ замкѣ, гдѣ же больше? Балъ еще не кончился, когда Длусскій повезъ ее домой, а нѣсколько часовъ спустя, и Аратовъ уѣхалъ въ свое имѣніе, вызванный неприятною вѣстью, и больше сюда не возвращался. Гдѣ же имъ было видѣться?

— Правда, онъ уѣхалъ въ свое имѣніе, но дорогой свернулъ на мызу и, оставивъ свою свиту и коня въ лѣсу, прошелъ паркомъ въ домъ нашей Юльяніи, прокрался въ ея спальню и провелъ съ нею наединѣ цѣлый часъ. Это не много, но вполне достаточно, чтобъ условиться насчетъ будущаго... А ушелъ онъ отъ нея такъ же, какъ и пришелъ, никѣмъ не замѣченный...

— Кромѣ того или той, кто тебѣ все это сообщилъ?—плохо скрывая досаду и гнѣвъ подъ язвительной усмѣшкой, замѣтила ясновельможная.

Сомнѣваться въ томъ, что именно такъ все и произошло, какъ онъ сказалъ, нельзя было, и то, что она считала черною неблагодарностью со стороны своей любимицы, уязвило ее до глубины души.

— Для того, кому это нужно, и у стѣнъ найдутся глаза и уши,—возразилъ аббатикъ.—Я хорошо знаю, какъ ясновельможная привязана къ Розальской, и знаю также, что она погибнетъ на этомъ свѣтѣ и въ будущемъ безъ нашей поддержки. Москаль совсѣмъ ее свелъ съ ума, но мы, съ Божіей помощью, заставимъ ее опомниться, и она со временемъ будетъ насъ благословлять за спасеніе ея души отъ вѣчныхъ мукъ въ будущей жизни и отъ великихъ мизерій на этомъ свѣтѣ.

— Хорошо, я съ нею переговорю.

— Моя пани за нею пошлетъ?

— Нѣтъ, я сама къ ней поѣду завтра, передъ завтракомъ. Надо, чтобъ она отъ меня, отъ первой, узнала про смерть Аратовой

и чтобъ ни единой минуты не предавалась пустымъ мечтамъ и избыточнымъ надеждамъ.

— Убѣдительно прошу мою пани взять меня съ собою!

— Хорошо, ты мнѣ поможешь ей доказать всю грѣховность ея чувствъ къ этому москалю.

Миловидное личико аббатика просіяло. На этотъ разъ ему ничего больше не надо было отъ своей благодѣтельницы, и, поцѣловавъ ея руку, онъ вышелъ изъ спальни.

На слѣдующій день, часу въ одиннадцатомъ, графиня пріѣхала въ маленькую коляскѣ, въ сопровожденіи аббата и одного гайдюка, на мызу Розальской, и про сцену, которая тамъ разыгралась между ясновельможной и ея любимицей, долго потомъ рассказывали въ тульчинскомъ замкѣ, какъ о происшествіи изумительномъ и невѣроятномъ.

Никто даже и представить себѣ не могъ, чтобъ красавица Юльняня позволила себѣ проявить столько дерзкаго упорства въ отстаиваніи своей любви къ Аратову и такую черную неблагодарность къ покровительницѣ, которой она была обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ.

Извѣстіе о внезапной смерти жены ея возлюбленнаго привело ее въ какое-то изступленіе; на всѣ увѣщанія графини отказатьсь отъ мысли сдѣлаться супругой такъ кстати овдовѣвшаго москаля она разразилась самыми неприличными признаніями и клялась, что скорѣе пострижется въ монахини или лишитъ себя жизни, чѣмъ откажется отъ своей любви.

— На все, на все я для него готова!—повторяла она внѣ себя, забывая, съ кѣмъ позволяетъ себѣ такъ дерзко говорить.

— Даже на измѣну родинѣ и вѣрѣ?—строго прервала ее ясновельможная.—Одумайся, безумная! Человѣкъ этотъ тебя околдовалъ. Тебя надо отчитывать, какъ одержимую бѣсомъ. Ты сама не понимаешь, что ты говоришь! Даю тебѣ сутки на размышленіе, и если ты завтра не явишься ко мнѣ съ повинной и съ обѣщаніемъ вполнѣ представить твою судьбу на мою волю, мы съ Салезіемъ отъ тебя откажемся, и пеняй тогда на себя за послѣдствія твоего безумія. Страна наша, слава Богу, католическая, подъ непосредственнымъ покровительствомъ святого отца; въ его вѣдѣніи и монастыри, гдѣ хорошо умѣютъ справляться съ строптивыми грѣшницами, потерявшими стыдъ и совѣсть,—объявила пани Анна, поднимаясь съ мѣста, и, не глядя на блѣдную и трепещущую молодую женщину, она прибавила, закутываясь въ шаль, которую послѣшилъ ей подать аббатикъ, присутствовавшій при этой сценѣ, скромно забившись въ дальній уголъ комнаты.—И знай, что никто не вѣрнѣе, чтобъ смерть несчастной Аратовой произошла естественнымъ образомъ. Тутъ кроется гнусное преступленіе. Человѣкъ, на котораго

ты такъ легкомысленно насъ промѣняла, на все способенъ, на всякое злодѣйство!

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, не оглядываясь и не вида, какъ помертвѣла Юльняія, и какимъ растеряннымъ взглядомъ уставилась она на альковъ, гдѣ, какъ живая, воскресла передъ нею сцена разставанія съ Аратовымъ, а въ ухахъ зазвенѣлъ его голосъ: «Потерпи еще немного, развязка близка»...

Вотъ въ какомъ видѣ наступила обѣщанная развязка! Онъ для нея сдѣлался убійцей, между ними трупъ... Но кто же его выдалъ? Когда онъ произносилъ роковыя слова, не перестававшія звенѣть въ ея ухахъ, здѣсь никого не было, и никто не могъ ихъ подслушать... Кто же его выдалъ?

Проводивъ графиню до экипажа и усадивъ ее, аббатъ съ ея соизволенія вернулся въ спальню, гдѣ засталъ Юльняію распростертой на ковръ въ глубокомъ обморокѣ, а надъ нею Сесилію, тщетно старавшуюся привести ее въ чувство.

— Идите, Сесилія, оставьте меня съ вашей госпожей. Я знаю, какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ,—объявилъ онъ, пригибаясь къ молодой женщинѣ и опытными пальцами отыскивая среди кружевъ и лентъ застегнутаго на груди пеньюара то мѣсто, гдѣ, хотя и слабо, но билось сердце.— Не беспокойтесь, она сейчасъ очнется, опаснаго ничего нѣтъ,—продолжалъ онъ, слѣдуя за камеристкой въ сосѣднюю комнату, и, остановившись на порогѣ, чтобъ не спускать глазъ съ продолжавшей лежать безъ движенія Юльняіи, онъ прибавилъ:— Примите мѣры, чтобъ намъ никто не мѣшалъ, а пока мы будемъ разговаривать, позаботьтесь о завтракѣ. Мы выѣхали изъ замка натоцакъ, и нѣтъ ничего вреднѣе для желудка, какъ пропускать время ѣды. Прикажите, пожалуйста, приготовить намъ фрикассе изъ молоденькихъ цыплятъ и сварить хорошенькую форежь. Прибавьте къ этому еще чтонибудь, спаржи, сыру, ветчины, что у васъ найдется, и, пожалуйста, не прохлаждайтесь, ваша госпожа тоже нуждается въ подкрѣпленіи силъ, она вѣрно все это время кушаетъ безъ аппетита?

— Скажите лучше, что она совсѣмъ ничего не кушаетъ. Насилу-насилу заставишь ее проглотить ложку бульона или стаканъ молока!

— Понятно послѣ этого, что съ нею дѣлаются обмороки!

Онъ хотѣлъ къ этому еще что-то такое прибавить, но замѣтивъ, что Юльняія начинаетъ приходить въ чувство, поспѣшилъ удалить служанку, чтобъ заняться госпожей.

Юльняія открыла глаза и съ изумленіемъ озиралась, пытаясь припомнить, что было передъ тѣмъ, какъ она лишилась чувствъ.

— Вы ищете пани Анну? Она уѣхала и поручила васъ мнѣ,—ласково проговорилъ онъ, помогая ей встать и дойти до дивана, на который заботливо ее усадилъ.—Дорогая Юльняія, какъ жаль,

что мнѣ не удалось съ вами повидаться передъ вашимъ свиданіемъ съ графиней!

И, не давая ей очнуться настолько, чтобъ припомнить всѣ подробности случившагося, онъ продолжалъ со вздохомъ, усаживаясь рядомъ съ нею и нѣжно пожимая маленькую ручку, очутившуюся въ его рукахъ:

— Я бы вамъ объяснилъ, что съ нею нельзя говорить такъ, какъ вы говорили...

— Это правда, что его жена умерла?—перебила она его вопросомъ, неотвязно завертѣвшимся въ ея умѣ съ той минуты, какъ она пришла въ себя.

— Вы спрашиваете про жену Аратова? Да, она умерла. Но зачѣмъ вы такъ рѣзко возражали нашей благодѣтельницѣ, Юльянiя? Это нехорошо и совсѣмъ, совсѣмъ на васъ не похоже.

— Я сказала правду,—начала она оправдываться, но онъ не далъ ей продолжать.

— О милая мои пани, золотая моя, развѣ же вы не знаете, что правду не всегда можно говорить, и что есть ложь во спасеніе? Пани Аннѣ далеко за сорокъ лѣтъ, она не можетъ васъ такъ понимать, какъ я, напримѣръ, ея взгляды на жизнь и на чувства надо щадить, она съ ними свыклась и до самой смерти съ ними не разстанется. Если мы съ вами не будемъ ее жалѣть и беречь, то кто же будетъ это дѣлать? Намъ извѣстны всѣ ея горести и разочарованія, мы знаемъ, что супругъ ея, невзирая на всѣ свои достоинства, далеко не отвѣчаетъ ея идеалу, и что она и въ дѣяніяхъ своихъ не находитъ того, что желала бы найти; всѣ ея затаенныя скорби, всѣ язвы ея сердца намъ извѣстны, и это насъ обязываетъ къ снисходительности, драгоценная Юльянiя, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея довѣріе къ намъ насъ связываетъ духовными узами много сильнѣе кровныхъ. Мы съ вами очень близки, дорогая Юльянiя, и я, какъ вашъ братъ по духу, не могу относиться равнодушно къ вашимъ горестямъ, а еще менѣе къ вашимъ размолвкамъ съ ясновельможной. Я долженъ васъ помирить и достигну этого, но и вы должны быть со мною вполне откровенны, чтобъ облегчить мнѣ эту задачу.

— Вы тоже будете требовать отъ меня, чтобъ я отказалась отъ моей любви?—спросила она, озадаченная не столько его словами, сколько тономъ, которымъ они были произнесены, и страннымъ обволакивающимъ взглядомъ, которымъ онъ пронизывалъ все ея существо. Ей и хорошо было подъ этимъ взглядомъ и жутко, какъ затравленному звѣрю, всюду подозрѣвающему ловушки и капканы.

Но онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, энергично запротестовалъ противъ такого подозрѣнія.

— Золотая моя пани, да развѣ я могу требовать невозможнаго! Развѣ я не понимаю, что человекъ этотъ вамъ дороже жизни, и что одна только смерть можетъ васъ съ нимъ разлучить? Я мо-

лодь, кровь во мнѣ еще не остыла, и чувствительность не притупилась, я васъ понимаю, какъ нельзя лучше, и если бъ даже, какъ служитель церкви, я осуждалъ ваше чувство...

— Не осуждайте меня, Джорджіо! Ради самого Бога не осуждайте! Я несчастна, одинока, я нуждаюсь въ сочувствіи и въ дружбѣ!—вскричала она, безотчетнымъ движеніемъ приближаясь къ нему такъ близко, что онъ ее обнялъ и ласковымъ движеніемъ доброй няни прижалъ къ своей груди.

— Бѣдная моя птичка! Надо быть безчувственнымъ звѣремъ, чтобъ васъ осуждать, невинный мой ягненокъ!—произнесъ онъ съ чувствомъ, поднимая къ потолку увлажненные навернувшейся слезой глаза.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила она, окончательно побѣжденная его сочувствіемъ.

— Я вамъ на это отвѣчу, когда я буду знать, что онъ вамъ сказалъ при вашемъ послѣднемъ свиданіи... Вотъ здѣсь, Юльянія, въ этой самой комнатѣ,—продолжалъ онъ, указывая на альковъ.— Я говорю съ вами, какъ духовное лицо, какъ священникъ, получившій свыше власть вязать и развязывать души отъ грѣховъ,—продолжалъ онъ, постепенно мѣняя тонъ подъ ея испуганнымъ и смущеннымъ взглядомъ.

— Вы... вы знаете?—съ усиленіемъ вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Я все знаю, Юльянія. Я даже могъ бы вамъ повторить слово въ слово все, что онъ сказалъ, но я хочу слышать это изъ вашихъ устъ, и вы мнѣ это скажете,—произнесъ онъ, съ несвойственной ему рѣзкостью отчеканивая слова.

Онъ весь преобразился, глаза его горѣли вдохновеніемъ, голосъ звучалъ повелительно и такъ строго, что она все ниже и ниже склоняла голову, но все еще крѣпилась, и рвущееся изъ груди признаніе не выговаривалось.

Тогда онъ рѣшился на отчаянное средство и подсказалъ ей то, что она была не въ силахъ произнести.

— Слушайте, Юльянія,—началъ онъ съ самоувѣренностью ясно-видца.—Въ то роковое утро вы ему отдались, вы забыли женскій стыдъ, измѣнили памяти вашего добраго мужа, забыли заветы нашей церкви, запреты вашего духовника и совершили непростительный, смертный грѣхъ, сдѣлались любовницей еретика. Вы дали ему права, которыхъ онъ раньше на васъ не имѣлъ, и онъ теперь можетъ считать васъ своей. И за это онъ обѣщалъ вамъ свершить убійство, освободиться отъ постылой жены...

— Нѣтъ! нѣтъ!—внѣ себя отъ ужаса вскричала несчастная женщина:—онъ мнѣ только сказалъ: «потерпи немного, теперь развязка близка»... Вотъ что онъ мнѣ сказалъ, ничего больше! Клянусь всѣми святыми, что ничего больше!

— Этого достаточно,—холодно возразилъ онъ.—Достаточно для всякаго судьи, чтобъ арестовать его и начать слѣдствіе, вырыть трупъ, произвести дознаніе, привлечь къ дѣлу васъ и всѣхъ вашихъ слугъ, допрашивать, пытатъ... Я первый долженъ вамъ сознаться, что если бъ даже и не подозрѣвалъ Аратова въ преступленіи, то теперь, послѣ вашего признанія, не могу сомнѣваться въ его виновности. Что же сказать про тѣхъ, которые, и не слышавъ васъ, и не зная, что между вами произошло, видятъ въ немъ убійцу?..

— Но почему же, почему?—пыталась она вырваться изъ заколдованнаго круга, который все тѣснѣе и тѣснѣе смыкался вокругъ нея.

— Да потому, что тутъ очевидность, противъ которой невозможно протестовать. Потрудитесь только безпристрастно вникнуть въ дѣло,—продолжалъ онъ со спокойствіемъ, дѣйствовавшимъ на нее убійственнѣе всякаго гнѣва и негодованія,—онъ въ васъ безумно влюбленъ, и вы такъ поставлены, что нѣтъ другого способа вами овладѣть, кромѣ женитьбы. Между тѣмъ есть законная жена, величайшая и, можно сказать, непреодолимѣйшая преграда къ блаженству. Какъ не пожелать устранить это препятствіе? Что подразумѣвалъ онъ, если не это, намекая на близкую развязку?.. И чѣмъ же инымъ, какъ не убійствомъ, объяснить такъ кстати приключившуюся смерть, почти тотчасъ же послѣ того, какъ вы ему отдались, когда ваши поцѣлуи горѣли еще на его губахъ, когда онъ былъ еще внѣ себя отъ испытаннаго блаженства въ вашихъ объятіяхъ?.. Да, Юльняія, расставаясь съ вами, онъ далъ вамъ торжественное обѣщаніе устранить съ пути несносную преграду къ счастью и исполнилъ свое обѣщаніе, это ясно, какъ день, и другого объясненія словамъ его невозможно дать... Да и сами вы это знаете и сознаете, какъ нельзя лучше, дорогая, если бъ было иначе, вы не лишились бы чувствъ отъ ужаса при первомъ намекѣ пани Анны на его преступность, и вы не дрожали бы, какъ теперь, отъ моихъ словъ... Вы знаете, что изъ-за васъ человѣкъ совершилъ преступленіе, но чего вы не знаете и что я вамъ объясню, чтобъ васъ утѣшить, успокоить, обрадовать, это-то, что отъ васъ зависитъ, чтобъ преступленіе это повело не къ гибели, а къ спасенію грѣшника... Да, Юльняія, Богъ васъ избралъ орудіемъ для проявленія торжества нашей церкви, и кто знаетъ, можетъ быть, и для блага вашей отчизны,—продолжалъ онъ, наслаждаясь эффектомъ своей краснорѣчивой импровизаціи: слушательница его блѣднѣла и краснѣла, а въ прекрасныхъ ея глазахъ выражались попеременно испугъ, ужасъ, изумленіе, страстное любопытство. Невольнымъ безсознательнымъ движеніемъ опустилась она на колѣни передъ нимъ и, схвативъ его руку, крѣпко

сжимая ее въ своихъ похолодѣвшихъ отъ волненія пальцахъ, задыхающимся шопотомъ проговорила:

— О, спасите насъ, спасите! Скажите, что мнѣ дѣлать... приказывайте... все исполню, слѣпо, безъ разсужденій, приказывайте!

— Вотъ это хорошо, Юльянія, я и хочу, чтобъ вы именно такой были со мною, тогда лишь могу я васъ спасти не только на этомъ свѣтѣ, но и въ будущемъ. И не только васъ, но и того, котораго вы любите,—продолжалъ онъ, лаская своей бѣлой выхолощенной рукой ея голову, съ растрепавшимися волосами, которую она въ припадкѣ душевнаго смятенія опустила на его колѣни.— Я вамъ уже сказалъ: пути Господни неисповѣдимы, и часто посылаетъ Онъ тяжелыя и загадочныя испытанія тѣмъ, которыхъ желаетъ обратить къ себѣ. Казалось бы, чтò можетъ быть ужаснѣе того положенія, въ которое Онъ васъ поставилъ! Знать, что вашъ возлюбленный, тотъ, которому вы отдали не только вашу безсмертную душу, но и тлѣнную вашу красоту, убійца, и что каждую минуту ему грозитъ отъ людей жестокое возмездіе за убійство, дрожать и день и ночь за его свободу, за его жизнь, засыпать и просыпаться съ мыслью: не сегодня ли, не сейчасъ ли наступитъ ужасъ разлуки передъ судомъ и казнью? Да, это ужасно, и поистинѣ можно было бы помѣшаться отъ отчаянія, если бъ не знать, что тамъ, гдѣ горе, тамъ и утѣшеніе, а, благодаря мнѣ, вы это сейчасъ узнаете, Юльянія, и мы вмѣстѣ возблагодаримъ Бога, какъ за испытаніе, такъ и за скорую помощь. Сколько времени терзаетесь вы сомнѣніемъ и злыми предчувствіями, Юльянія?—спросилъ онъ, переждавъ, чтобъ рыдающая у его ногъ красавица немного успокоилась.

— Съ той минуты, какъ онъ меня покинулъ,—чуть слышно вымолвила она, не поднимая на него глазъ.

— Съ той минуты, какъ онъ вамъ сознался въ своемъ намѣреніи освободиться во что бы то ни стало, хотя бы преступленіемъ, отъ жены!—строго возвышая голосъ, поправилъ онъ ее.

Она вздрогнула. Все существо ея возмущалось подъ нравственнымъ насиліемъ, которому ее подвергали съ такою неумолимою настойчивостью, но противиться ему она не могла. Какая-то невидимая сила сковывала ея волю, языкъ не повиновался усиліямъ выкричать протестъ противъ навязываемыхъ ей чувствъ и мыслей, слова не выговаривались и, мало-по-малу, подчиняясь давленію чужой воли, она начинала думать, что она и права не имѣетъ сбрасывать съ себя обвиненіе, которое, можетъ быть, ей одной только кажется несправедливымъ... Можетъ быть, Джорджіо знаетъ лучше ее, ея мысли и чувства? Недовѣріе къ себѣ съ минуты на минуту возрастало вмѣстѣ съ чувствомъ какого-то страннаго, никогда еще не испытаннаго спокойствія, точно человѣкъ этотъ, забирая въ свои ловкія руки ея душу, снималъ съ нея тѣмъ самымъ, вмѣстѣ

съ самостоятельностью и волею, всякую отвѣтственность не только въ прошломъ и настоящемъ, но и въ будущемъ. Однако, повинясь не совсѣмъ еще заглохшему въ ней разуму, она проговорила вслухъ мысль, закружившуюся въ ея отуманенномъ мозгу:

— Какъ же ему спастись отъ человѣческаго закона и Божьяго гнѣва, если онъ убійца?

Ласково приподнявъ ее съ ковра, онъ посадилъ ее возлѣ себя и, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, заговорилъ, таинственно понижая голосъ и медленно отчеканивая слова, чтобъ лучше запечатлѣть ихъ въ ея памяти.

— Слушайте же, я посвящу васъ въ самую суть божественнаго ученія, доступную только немногимъ избраннымъ изъ свѣтскихъ людей, рождающихся и умирающихъ въ обыкновенныхъ жизненныхъ условіяхъ. Эту божественную тайну нѣтъ надобности всѣмъ знать, и я вамъ не открылъ бы ея, если бъ не видѣлъ въ васъ избранную душу, намѣченную самимъ Богомъ на великія дѣла. Грѣхъ самъ по себѣ—ничто. Важны послѣдствія грѣха, и какіе плоды, хорошіе или дурные, можно изъ грѣха извлечь, когда онъ уже свершонъ, и сдѣлать, чтобъ его не было,—невозможно. Представьте себѣ такое положеніе: заблуждающійся со дня рожденія еретикъ, на которомъ тяготѣютъ грѣхи цѣлаго поколѣнія еретиковъ, волею Божіею встрѣчается съ дочерью истинной церкви и начинаетъ чувствовать къ ней сердечное влеченіе, тѣмъ болѣе сильное и прочное, что сближенія этого, во имя своего спасенія, требуетъ его изнемогающая во грѣхѣ душа. Препградой къ этому сближенію грѣшной души съ чистой, къ спасенію первой черезъ вторую, является женщина, его супруга, тоже схизматичка, какъ и онъ, обвинчанная съ нимъ не по обрядамъ нашей церкви, а еретиками, значитъ, имѣющими для насъ такое же значеніе, какъ бракъ между язычниками, евреями, идолопоклонниками и даже хуже того, потому что фаншше не знавшіе истинной церкви не такъ виновны передъ Богомъ, какъ тѣ, которые, зная ее, отпали отъ нея. И вотъ этотъ человѣкъ, горя желаніемъ черезъ любимую женщину приобщиться къ вѣчной жизни, ослѣпленный страстью, хотя и благородной, но, тѣмъ не менѣе, безумной, въ минуту изступленія, отстраняетъ со своего пути роковую преграду... Онъ виноватъ, слова нѣтъ, по человѣческимъ понятіямъ онъ совершилъ преступленіе, жестоко караемое законами, но заслуживаетъ ли онъ гнѣва Божьяго? Нѣтъ, Юльянія, какъ слугитель истинной церкви, свѣдущій въ вопросахъ совѣсти, повторяю вамъ, что человѣкъ этотъ заслуживаетъ милосердіе Бога и состраданіе сыновъ истинной церкви. Вотъ что вы должны себѣ повторять каждый разъ, когда, вотъ какъ сегодня, вашего вовлеченнаго будутъ подозрѣвать и обвинять въ преступленіи, которое не доказано и, надо надѣяться, никогда не будетъ доказано. Аратовъ слишкомъ уменъ, чтобъ дѣйствовать, очерта го-
2*

лову, и повѣрите, что сплетни, которыя на него плетутъ, гораздо меньше его тревожатъ, чѣмъ васъ. А между тѣмъ къ сплетнямъ и клеветамъ вы должны готовиться. Вы должны знать, что люди злы и завистливы, и что чѣмъ прекраснѣе счастье выпадаетъ на долю избраннаго, тѣмъ усерднѣе забрасываютъ его грязью тѣ, которымъ кажется, что они достойнѣе его этого счастья... Панъ Длусскій, напримеръ, какъ вы думаете, повѣритъ онъ, если ему скажутъ, что Аратовъ совершилъ преступленіе, чтобъ овладѣть вами? Разумѣется, повѣритъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ готовъ совершить десять преступленій, чтобъ вами обладать! А вѣдь такихъ, какъ панъ Длусскій, много, Юльянія,—продолжалъ онъ съ улыбкой,—и причиной тому ваши прелестные глаза, очаровательная грація, эти розы на вашихъ щечкахъ, лилейная шейка... Чѣмъ же виноваты вы, что Господь одарилъ васъ красотой, талантами, умомъ? Но вы должны всѣ эти дары обращать на славу Божию и на пользу нашей святой церкви, которой именно теперь грозитъ величайшая опасность. Вотъ о чемъ вы должны заботиться и только объ этомъ. Можете ли вы знать, какими путями Богу угодно спасти душу вашего возлюбленнаго? Ему, можетъ быть, угодно провести эту грѣшную, затемненную душу черезъ преступленіе? Вы за это не отвѣчаете, и беспокоиться вамъ не о чемъ.

— Но могу ли я примириться съ мыслью, что моя благодѣтельница считаетъ его способнымъ на злодѣйство?—робко замѣтила она, не будучи уже въ силахъ совладать съ новыми чувствами, во множествѣ зарожившимися въ ея душѣ отъ словъ наставника. Совѣсть продолжала еще возставать противъ его софизмовъ, но умъ уже начиналъ имъ покоряться, и не трудно было угадать, на чьей сторонѣ окажется побѣда. Мораль аббата была такъ удобна, такъ успокоительна, такъ пріятна! Не убилъ Аратовъ своей жены изъ за нея—прекрасно, а убилъ—тоже хорошо, и даже, какъ будто, еще лучше...

Однако Юльяніи хотѣлось больше вѣрить первому предположенію, во-первыхъ, потому, что такъ было безопаснѣе, а, во-вторыхъ, даже и послушной ученицѣ отцовъ іезуитовъ лучше имѣть мужемъ человѣка неспособнаго, даже изъ-за любви къ ней, на такія крайнія мѣры.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ про него это думали!—повторила она.

— Онъ и самъ объ этомъ позаботится, моя Юльянія, а намъ остается ему въ этомъ только помогать и прежде всего тѣмъ, чтобы никогда, даже про себя, про это не думать и не говорить. Такимъ образомъ дѣло это будетъ похоронено и забыто. А если будете беспокоиться и волноваться, отчаяніемъ своимъ вы наведете на подозрѣніе и накличете бѣду на голову вашего милаго. И ужъ тогда раскаянію и угрызениямъ совѣсти конца не будетъ. Такъ-то, моя

золотая, будьте умница и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ совѣтуйтесь со мною,—продолжалъ онъ тономъ добраго дѣда, журащаго любимую внучку за то, что ему всего больше въ ней нравится.—Я васъ дурному не научу, моя ласточка, я слишкомъ уважаю нашу общую благодѣтельницу и слишкомъ дорожу благоденствіемъ и покоемъ фамилии, чтобъ не желать, чтобы все обошлось благополучно, и чтобы вы были счастливы... Мнѣ и будущій вашъ мужъ дорогъ, и я буду молить Бога, дабы Онъ васъ вразумилъ скорѣе обратить его на путь истины, сдѣлать изъ него добраго католика, спасти его душу отъ погибели. Вѣдь вамъ извѣстно, что ждетъ схизматиковъ послѣ смерти, дочь моя? А онъ—схизматикъ, и спасеніе его въ вашей власти, а такъ какъ вы его любите, то и спасете, за это вамъ ручается вашъ вѣрный другъ и руководитель вашей совѣсти. Вы знаете, что доброй дочери истинной церкви, стремящейся къ вѣчной жизни, не достаточно имѣть духовника, а нуженъ еще руководитель совѣсти? Всѣ дамы высшаго общества имѣютъ такихъ руководителей. Наша ясновельможная не довольствуется наставленіями ксендже капеллана, у котораго она исповѣдывается два раза въ мѣсяцъ, и во всѣхъ соблазнительныхъ случаяхъ она обращается къ духовной помощи отца Маврикія, бенедиктинца. Княгиня Изабелла Чарторижская давно уже передала заботу о своей душѣ его всевелебности, прелату Фасту; пани Краковска ничего не предпринимаетъ безъ совѣта доминиканца, отца Симеона. Всѣ наши дамы имѣютъ руководителей совѣсти, почему же и вамъ такого не имѣть, Юльняня? Вамъ это необходимо, чѣмъ другимъ, вы поставлены въ исключительно трудное и соблазнительное положеніе вашимъ чувствомъ къ преступному схизматику. Подумайте только, отъ какой тяжелой отвѣтственности васъ это избавить! Вѣдь ужъ за ваши грѣхи я буду отвѣтственъ, я буду дѣлить ваши горести, печали, неудачи, у васъ не будетъ ни сомнѣній, ни недоумѣній, я за васъ буду и думать, и рѣшать, и молиться. Я беру на себя всѣ ваши тяготы и требую за все это только послушанія и полнаго довѣрія... Хотите взять меня въ руководители вашею совѣстью, дочь моя?

Она молча наклонила голову въ знакъ согласія.

— Вы согласны?—радостно произнесъ онъ.—Ну, мы сейчасъ испытаемъ вашу добрую волю. Вы съ нимъ въ перепискѣ?

— Онъ разъ навсегда запретилъ мнѣ ему писать, и я не смѣю его послушаться,—покорно отвѣчала она, совсѣмъ уничтоженная его властнымъ взглядомъ, представлявшимъ такой контрастъ съ ласковою вкрадчивостью его рѣчи.

— «Глупая бабенка! Какъ легко тебя забрать въ руки, и какъ хорошо, что я въ-время за тебя взялся!» — подумалъ аббатикъ и вслухъ прибавилъ:

— Видите, какъ онъ остороженъ, и какъ я былъ правъ, упрекая васъ въ излишней откровенности съ графиней! Вѣдь, повтори она свое подозрѣнiе, вы бы, чего добраго, передали бы ей то, что мнѣ сказали, и, желая его спасти, окончательно бы его погубили... Ну, ну, успокойтесь, до этого, слава Богу, еще далеко, никто, кромѣ меня, не знаетъ вашей тайны. Меня же вамъ опасаться нечего, не было еще примѣра, чтобъ духовникъ выдалъ тайну, довѣренную ему на духу, а я теперь больше чѣмъ вашъ духовникъ, Юльянiя, я руководитель вашей совѣсти,—поспѣшилъ онъ прибавить, увидавъ гайдука, явившагося съ докладомъ, что кушанья на столѣ. А затѣмъ, поднявшись съ мѣста и галантно подавая ей руку, онъ проговорилъ тономъ свѣтскаго кавалера:—Пожалуйте завтракать, пани Розальская. И прошу отсутствiемъ аппетита не отговариваться, я безъ хозяйки за столъ не сяду. Вамъ надо набраться силъ на предстоящую борьбу за счастье,—прибавилъ онъ, нагибаясь къ ея уху и направляясь въ столовую, гдѣ большой круглый столъ былъ уставленъ изысканными кушаньями и тонкими винами.

Сесилiя поусердствовала и вынула изъ подваловъ и кладовыхъ все самое лучшее и дорогое. Сама она, за особымъ столомъ въ той же комнатѣ, варила кофе, ароматъ котораго, сливаясь съ вкуснымъ запахомъ жареной дичи и трюфелей, приятно цекоталъ обонянiе.

Уписывая цыплятъ и форель, аббатъ завязалъ разговоръ, подбавляющiй обстоятельствомъ, и краснорѣчиво распространялся о приготовленiяхъ къ празднествамъ въ Варшавѣ. Отлично осведомленный о всемъ, что касалось намѣренiй польской знати, а также представителей иностранныхъ державъ, онъ зналъ, что у графини Ржевусской готовится карусель въ костюмахъ, выписанныхъ изъ Парижа, у Чарторижскихъ рядъ концертовъ съ участiемъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ Италiи, у графини Тышкевичъ уже начались репетиции къ спектаклямъ на новомъ театрѣ въ саду. Онъ слышалъ, что у русскаго посла будетъ великолѣпный балъ, на которомъ роль хозяйки взяла на себя супруга князя Адама Казимира Чарторижскаго. Готовится множество увеселенiй и у банкировъ, и у частныхъ лицъ, не говоря уже о блестящихъ праздникахъ, денныхъ и ночныхъ балахъ, въ королевскомъ дворцѣ.

Однимъ словомъ, увеселенiй предстояло такое множество, что невозможно было и думать о томъ, чтобъ во всѣхъ ихъ принимать участiе, и пани Розальской придется выбирать то, что ей будетъ казаться веселѣе и прiятнѣе.

Юльянiя слушала его съ возрастающимъ удовольствiемъ. Всюду будетъ она встрѣчаться со своимъ возлюбленнымъ, и въ случаяхъ видѣться наединѣ, среди шумнаго водоворота свѣтскихъ развлеченiй, недостатка не будетъ.

А мысль, что, предаваясь своей любви, она слѣдуетъ по указанному ей пути свыше, и что каждымъ своимъ поцѣлуемъ она способствуетъ спасенію души своего возлюбленнаго, убѣжденіе, что «цѣль оправдываетъ средства», наполняло ей душу неописаннымъ блаженствомъ.

Покинулъ ее аббатъ Джорджіо въ совершенно иномъ настроеніи, чѣмъ напелъ ее послѣ отъѣзда ясновельможной: теперь она ни въ чемъ не сомнѣвалась, ничего не опасалась, и даже предстоящее свиданіе съ пани Анной ея не пугало. Аббатъ Джорджіо сказалъ, что все обойдется благополучно, ей, значить, безпокоиться не о чемъ, и остается только слѣдовать мудрому его совѣту: гдѣ можно—промолчать, а гдѣ нельзя молчать—лгать.

Есть ложь во спасеніе, а она поставлена волею Провидѣнія въ такое положеніе, когда остается спастись только ложью.

XV.

Весьма собою довольный вернулся аббатикъ отъ своей новой духовной дочери назадъ въ замокъ.

Отъ экипажа, любезно ему предложеннаго прелестною хозяйкою мызы, онъ отказался подъ предлогомъ моціона, предписываемаго всѣми знаменитыми докторами Европы послѣ ѣды и, медленно шествуя по тѣнистымъ аллеямъ прекрасно содержимаго парка, предавался пріятнымъ размышленіямъ о случившемся.

Первый опытъ воздѣйствія на женскую душу удался ему, какъ нельзя лучше.

Правда, что душа эта была въ большемъ смятеніи, далеко не изъ опытныхъ въ борьбѣ съ мірскими соблазнами, и что съ нею было несравненно легче справиться, чѣмъ съ душой пани Анны, напимѣръ, и ея высокопоставленныхъ пріятельницъ, проводящихъ всю свою бурную жизнь въ грѣхѣ и въ покаяніи, въ покаяніи и въ грѣхѣ, знавшихъ, какъ нельзя лучше, какой именно цѣной искупляется каждое уклоненіе отъ намѣченнаго духовникомъ пути, каждое паденіе, а потому чрезмѣрно не страшившихся ни этихъ отступленій, ни паденій; тѣмъ не менѣе, для перваго опыта и такую побѣду одержать было не дурно, въ особенности, если взять въ соображеніе красоту и богатство Розальской, многочисленныхъ воздыхателей и претендентовъ на ея руку, не говоря уже о ея косвенномъ и бессознательномъ участіи въ таинственной исторіи Аратова, котораго такъ выгодно было бы держать въ рукахъ въ виду предстоящихъ политическихъ событій.

Въ скоромъ времени аббатъ Джорджіо рассчитывалъ сопровождать графиню въ Варшаву и тамъ увидѣться съ тѣмъ, кому онъ долженъ былъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но вспомнивъ,

что въ тотъ день вечеромъ ѣдетъ въ столицу одинъ изъ дворскихъ маршаловъ, панъ Моржковскій, съ порученіями вельможной пани къ супругу, аббатъ рѣшилъ этимъ воспользоваться, чтобъ сообщить нѣкоторыя подробности о случившемся одному изъ ближайшихъ своихъ покровителей, прелату Фасту.

Это было тѣмъ болѣе удобно, что вошелъ онъ во дворъ замка и пробрался въ свою каморку подъ крышей, рядомъ съ чердаками, не встрѣтивъ ни души. Былъ третій часъ по полудни, и въ это время всѣ обитатели замка предавались послѣобѣденному отдыху, некому было, значить, слѣдить за его дѣйствіями, и онъ могъ спокойно заниматься своимъ личнымъ дѣломъ, не опасаясь помѣхи, а это было для него главное.

Помѣщеніе его состояло изъ крошечной каморки со сводчатымъ потолкомъ, узкой желѣзной койки съ тощимъ тюфякомъ и съ плоской подушкой, хромого стола, вдвинутаго въ углубленіе подъ окномъ, одного стула и поставца для платья и бѣлья. Отведено было ему это жилище по протекціи пана Моржковского, внука котораго онъ приготовилъ изъ латыни въ школу отцовъ піяровъ; кровать съ постелью презентовала ему кастелянша замка, пани Фабьянова, столъ со стуломъ пожертвовала въ его пользу старшая горничная ясновельможной, а неуклюжій поставецъ, съ скульптурными украшениями, на половину изъѣденными мышами, уступилъ ему великодушно старшій писарь дворской канцеляріи, панъ Дебольскій, которому этотъ обломокъ сѣдой старины давно намозолилъ глаза своимъ безобразіемъ. Панъ Дебольскій не могъ не заботиться о красотѣ своего помѣщенія: самыя хорошенькія резидентки замка не гнушались его посѣщать, чтобъ послушать его цвѣтистыя, испещренные латинскими цитатами комплименты.

Аббатъ Джорджіо былъ такъ любимъ въ замкѣ, что даже старая экономка Антонева, съ сердцемъ такимъ черствымъ, что никто бы не могъ сказать про нее добраго слова, отыскала между хламомъ, предоставленнымъ въ ея распоряженіе, обрывокъ стараго ковра, чтобъ устлатъ имъ выложенный кирпичемъ полъ всеобщаго баловня.

Да, все тутъ ему было поднесено любящими сердцами, начиная отъ обстановки и кончая запасомъ сальныхъ свѣчей и масла для лампы... оставалось только позаботиться о запорахъ, и на это онъ денегъ не пожалѣлъ.

Въ Тульчинѣ долго смѣялись надъ предусмотрительностью аббатика, который прибрѣлъ къ своему столу, къ поставцу и къ двери такіе замки, какихъ не было даже у пана дворскаго администратора при касѣ, а развѣ только у пана воеводы, у бюро заграничной работы, съ секретными ящиками для храненія документовъ первостепенной государственной важности.

А между тѣмъ смѣяться было нечему, и если бѣ въ замкѣ знали, какого рода бумаги хранятся у аббата въ поставцѣ подѣ аккуратно сложеннымъ бѣльемъ, его навѣрное не только лишили бы навсегда довѣрія и покровительства фамиліи Потоцкихъ, но и немедленно изгнали бы изъ Тульчина, съ запрещеніемъ подходить къ замку на ружейный выстрѣлъ. Лишился бы онъ тогда и покровительства пани Мнишекъ, Оссолинской, Подей и многихъ другихъ за дерзкую предпріимчивость и чрезмѣрную любознательность. Отвернулось бы отъ него и духовное начальство, какъ отъ легкомысленнаго и недостойнаго довѣрія члена.

Все это было какъ нельзя лучше извѣстно аббату Джорджіо, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ предосторожности противъ любопытныхъ сосѣдей, а въ особенности сосѣдокъ.

Вернувшись отъ пани Розальской, онъ заперся на ключъ въ своей каморкѣ и, прежде чѣмъ вынуть синеватую золотообрѣзную бумагу и очинить перо, взгромоздился на подоконникъ, чтобъ обозрѣть внимательно окружающую мѣстность, широкій дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ высокими флигелями, а съ четвертой примыкавшій къ парку.

Какъ всегда въ это время, тутъ было пусто и тихо. Обитатели замка предавались безмятежно послѣобѣденному кейфу: ясновельможная въ своемъ будуарѣ, старшіе дворскіе въ своихъ комнатахъ, а молодежь спѣшила воспользоваться золотою свободою (увы, слишкомъ кратковременной) въ тѣнистыхъ уголкахъ парка, на огородѣ и въ саду.

Внимательно всматриваясь въ опустѣвшій дворъ, залитый лучами склонявшагося къ западу солнца, съ убѣгавшими въ чащу тропинками въ дальнемъ его концѣ, аббатъ Джорджіо не могъ не убѣдиться, что надзирать за дворскою молодежью некому: влюбленные парочки то и дѣло пробирались вдоль стѣнъ, и одна за другой тонули въ зеленомъ душистомъ морѣ пышной весенней растительности.

Вотъ юркнула туда хорошенькая Барбара Извольская съ длинноносымъ Врублевскимъ, за ними, боязливо озираясь по сторонамъ, крадется сентиментальная Кася... навѣрное къ шалопаю Стаскѣ, племяннику Фабьянѣвой, который ждетъ ее либо у пруда, либо въ какой нибудь бесѣдкѣ... Вотъ и панна Бронислава, зрѣлая дѣва, постоянно толкующая о спасеніи души и о поврежденіи нравовъ... Съ кѣмъ это она? За кѣмъ подсматриваетъ?.. Да неужтожъ своего кавалера завела? Такъ и есть! Изъ-за дерева выскакиваетъ Джевецкій, и они вмѣстѣ исчезаютъ... Вотъ такъ девица! Вотъ такъ любимица его велебности ксендже Дубровскаго! Не дальше, какъ въ проповѣди своей прошлое воскресенье, ставилъ онъ ее въ примѣръ чистоты и непорочности!.. Понятно теперь, откуда взялись у Дже-

вещкаго такіа красивыя ленты у шапочки и распитыя шелками перчатки, въ которыхъ онъ такъ отличался на послѣднемъ балѣ въ замкѣ... Владислава лѣтъ на двадцать его старше и жестоко попорчена оспой, но такъ какъ у нея столько же золотыхъ, сколько рябинъ на лицѣ, то все объясняется само собою.

За ними, безъ сомнѣнія, отправятся миловаться въ паркъ и всѣ прочіе влюбленные. У всѣхъ одно только на умѣ—мерзостныя плотскія наслажденія, которыя такъ растлѣваютъ и расслабляютъ силу духа! Тьфу, паскудство! Дьявольское навожденіе!

Аббатъ Джорджіо даже плюнулъ отъ отвращенія.

Хорошо, что самъ онъ не поддается этой глупой слабости—любви къ женщинамъ. Всегда предпочиталъ онъ имъ сласти иного рода, и нѣтъ такой красавицы, которой онъ не промѣнялъ бы на чашку хорошаго итальянскаго шоколаду съ бисквитами или на тарелочку засахаренныхъ фруктовъ, приготовленныхъ по марсельскому способу.

Какъ онъ славно сегодня позавтракалъ! Надо почаще навѣщать пани Розальскую. Во-первыхъ, чтобъ поддерживать въ ней бодрое настроеніе, а, во-вторыхъ, чтобъ лакомиться у нея форелью съ соусомъ изъ перигорскихъ трюфелей. Какая разница съ здѣшними, насколько они сочнѣе и душистѣе! Хвалить польскіе трюфели могутъ только тѣ, кто понятія не имѣетъ о другихъ. И соуса такого мало гдѣ умѣютъ дѣлать. Какъ тамъ ни хвастайся поварами дворскій экономъ, а кухня въ Тульчинѣ не можетъ и сравниться съ кухней въ Пулавахъ. У одного только прелата Фаста умѣютъ готовить рыбу, какъ у князя Адама, благодаря тому, что поваръ прелата съ годъ времени учился на кухнѣ Чарторижскихъ, безспорно лучшей во всей Рѣчи Посполитой. Откуда у повара Розальской рецептъ для приготовления соуса къ форели? Точь въ точь такой, какъ въ Пулавахъ, если не лучше, бархатистѣе, нѣжнѣе... Надо непременно поговорить объ этомъ съ Сесиліей и посмотрѣть, какъ у нихъ дѣлается этотъ соусъ.

Все это пригодится аббату Джорджіо, когда у него будетъ своя кухня, въ собственномъ домѣ.

О домѣ этомъ онъ такъ много мечталъ, что ему часто кажется, что онъ существуетъ не въ одномъ только его воображеніи, а въ дѣйствительности. Представлялъ онъ его себѣ въ лучшей части города, среди стараго сада, съ душистыми цвѣтами и тѣнистыми деревьями. Кабинетъ обширный, обставленный мягкими и широкими турецкими диванами, заваленными подушками, вышитыми усердными дамскими ручками. Къ тому времени подъ его управленіе подпадетъ душа не одной Розальской, а множества другихъ интересныхъ женщинъ... Стѣны этого кабинета будутъ обиты тисненой кожей, а полъ мягкимъ красивымъ смирнскимъ ковромъ. Потолокъ разрисуетъ ему хорошій художникъ, въ строгомъ стилѣ,

какъ приличествуетъ жилищу духовной особы. Бюро между окнами, выходящими непременно въ садъ, должно быть лучшей вещью въ комнатѣ и обращать на себя вниманіе съ перваго взгляда по артистической работѣ, изъ чернаго дуба съ искусной рѣзбой. На стѣнахъ нѣсколько картинъ, разумѣется, духовнаго содержанія, подписанныхъ именами знаменитыхъ художниковъ. Мраморный черный каминъ будетъ украшенъ массивными бронзовыми часами и канделябрами...

Не даромъ аббатикъ былъ родомъ изъ Италіи, вкусъ къ прекрасному и къ изящному развивался въ немъ само собою, вмѣстѣ съ умомъ, съ ловкостью и съ хитростью.

У стѣны, близъ письменнаго стола, воображеніе рисовало ему нѣсколько шкаповъ бібліотеки, наполненной великолѣпно переплетенными изданіями, какъ у прелата Фаста. Да и спальню лучше и удобнѣе, чѣмъ у этого послѣдняго, онъ представить себѣ не могъ, также и столовую, свѣтлую, веселую и просторную комнату, съ большимъ круглымъ столомъ посреди и съ удобными стульями съ высокими спинками, на которыхъ такъ удобно засиживаться подолгу за интересными разговорами, переваривая вкусный тонкій обѣдъ или ужинъ. Кругомъ поставцы, сверкающіе золотомъ, серебромъ и фарфоромъ, съ чудными фруктами во всякое время года, ликеры, всевозможныя сласти...

Но гдѣ уже вполне личная инициатива нашего аббатика одерживала побѣду надъ подражаніемъ, это въ устройствѣ кухни и всего, что къ ней относилось. Какіе у него будутъ подвалы для винъ, сыровъ, ветчинъ и прочихъ припасовъ! Какія кладовыя для фруктовъ и консервовъ! Какіе ледники для рыбъ и дичи! И наконецъ, какая кухня!

Какъ ни хороша будетъ кухарка, которую онъ себѣ найдетъ, ему все-таки придется, время отъ времени, самому хлопотать въ этой кухнѣ, чтобъ все было выполнено по правиламъ гастрономіи. Вотъ тутъ и будутъ создаваться, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, подливки и соуса, тающіе во рту пирожки, легкіе, какъ воздухъ суфле, кремы и проч. и проч. Для этого надо, чтобъ въ кухнѣ, было свѣтло, просторно и удобно, чтобъ можно было тутъ съ удовольствіемъ и посидѣть, наблюдая, какъ постепенно бронзируется на вертелѣ пулярка или золотится пастеть...

Къ сожалѣнію, всѣ эти прелести могли ему мерещиться только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но преобладающимъ качествомъ его характера было терпѣніе, и шель онъ къ цѣли неуклонно, не упуская ни малѣйшаго случая, могущаго приблизить его хотя бы на шагъ къ вождѣльному блаженству. Вотъ и теперь, упрекнувъ себя въ безцѣльномъ ротозѣйствѣ и въ пустомъ блужданіи мыслей, онъ соскочилъ со своего наблюдательнаго пункта, чтобъ приняться немедленно за письмо къ могущественнѣйшему изъ своихъ покровителей, всевелебнѣйшему прелату Фасту.

Началъ онъ свое посланіе съ описанія тульчинскихъ торжествъ, и, перечисливъ магнатовъ и представителей зажиточной шляхты, на которыхъ патріотамъ нельзя было разсчитывать, онъ перешелъ къ тѣмъ, которые отказались поддерживать требованія схизматиковъ въ ущербъ католиковъ, справедливо усматривая въ этомъ преступную измѣну вѣрѣ и отечеству. Вкратцѣ, но замѣчательно толково и ясно, охарактеризовалъ онъ колеблющихся, которыхъ еще можно попытаться обратить въ рьяныхъ патріотовъ, если приняться за нихъ умѣючи. Но особенно долго распространялся онъ о женщинахъ, характеръ, вкусы, пороки и семейное положеніе которыхъ изучилъ въ совершенствѣ, досконально зная степень вліянія ихъ на мужей, братьевъ, любовниковъ и сыновей.

Велико было это вліяніе во всѣ времена въ Польшѣ, но передъ наступленіемъ смутъ оно всегда проявлялось съ особенной силой и было такъ могущественно, благодаря руководительству духовенства, что пренебрегать этой силой было бы крайне безразсудно.

Наконецъ, коснувшись москалей, вмѣшивавшихся въ дѣла страны, или по обязанности въ силу предписаній своего правительства, или по собственной инициативѣ, чтобъ ловить рыбу въ мутной водѣ, онъ останавливался на Аратовѣ, изображая его, какъ личность ловкую, умную, ни передъ чѣмъ не останавливавшуюся и крайне опасную.

Послѣднія слова, особеннымъ образомъ подчеркнутыя, должны были обратить вниманіе прелата, издавна посвященнаго въ тайный смыслъ едва замѣтныхъ черточекъ, крестиковъ и тому подобныхъ кабалистическихъ знаковъ, которыми было исшестрено посланіе ученика о.о. іезуитовъ.

«Если я раньше не говорилъ вашей всевелебности про этого челоуѣка, то это потому, что я не зналъ, къ какой партіи онъ прикнетъ,—писалъ аббать Джорджію.—Безъ религіи, безъ нравственныхъ принциповъ, онъ относится враждебно къ правительству своей родины, не прочь увеличить затрудненія русскаго посла, и если прикнудъ теперь къ русской партіи, то непремѣнно съ задними цѣлями, весьма ловко скрывааемыми до поры до времени, но во всякомъ случаѣ, и благодаря дружбѣ съ кіевскимъ воеводой, расположеніе котораго онъ имѣетъ основаніе культивировать, даже и временное его пребываніе въ этомъ лагерѣ безплоднымъ остаться не можетъ. Къ счастью, представляется возможность превратить эту дружбу въ злѣйшую вражду черезъ женщину, на которую мнѣ посчастливилось приобрѣсти вліяніе. Смѣло можно разсчитывать, что размолвка Аратова съ кіевскимъ воеводой оторветъ отъ русской партіи добрую треть приверженцевъ, изъ которыхъ болѣе половины легко будетъ переманить на сторону патріотовъ. Позволю напомнить вашей всевелебности, что народонаселеніе въ Кіевскомъ воеводствѣ смѣшанное, состоитъ, кромѣ поляковъ, изъ

русскихъ и хохловъ, всегда готовыхъ идти за такимъ человѣкомъ, какъ Аратовъ, православнымъ и владѣльцемъ русскихъ крестьянъ. Какъ сдѣлать, чтобъ этого человѣка, если не возможно будетъ перетянуть его на нашу сторону, то, по крайней мѣрѣ, обезвредить,—для этого у меня уже составилъ планъ, который я буду имѣть честь представить на одобреніе вашей всевелебности при личномъ свиданіи»...

Дальше онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ жаловался на усиливающуюся дружбу графа Салезія съ русскимъ посломъ, грозившую, по его мнѣнію, большою опасностью святой церкви, и напиралъ на необходимость вовлечь пани Анну въ партію патріотовъ, дѣйствуя на ея честолюбіе и ловко льстя ея патріотическимъ чувствамъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, по мнѣнію аббата, что ее раздражаютъ успѣхи русской пропаганды въ краѣ, нескрываема радость схизматиковъ, чующихъ близкое торжество, а также и то обстоятельство, что вліяніе ея на мужа встрѣчаетъ сильный противовѣсъ въ личностяхъ, подобныхъ русскому послу, референдарію Подоссаго и представителямъ Россіи въ родѣ Аратова. «Она очень скрытна и никогда ни единымъ словомъ не выражаетъ своего неудовольствія при постороннихъ, но съ супругомъ у нея уже было нѣсколько шумныхъ сценъ, и предвидится еще больше по пріѣздѣ въ Варшаву, когда нашему графу придется проводить на практикѣ идеи, которыми онъ увлекается въ теоріи, на границѣ съ Россіей и при частыхъ столкновеніяхъ съ русскими. Если бъ ясновельможныя пани, руководительницы возстанія противъ иноземнаго гнета на ихъ родину, захотѣли только воспользоваться тяжелымъ настроеніемъ ея души, имъ ничего бы не стоило найти въ ней смѣлую, умную и дѣятельную помощницу, за которой и графъ Салезій въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ, какъ послушная овца... Хорошо было бы повліять въ этомъ смыслѣ на пани Краковскую, на графиню Замойскую и на другихъ, чтобы, по прибытіи нашей ясновельможной въ столицу, эти дамы сдѣлали первый шагъ къ сближенію съ нею. Большую оказали бы онѣ этимъ услугу отчизнѣ»...

Наконецъ въ самомъ концѣ письма онъ почтительнѣйше просилъ его всевелебность передать глубокоуважаемой пани Дуклановой, что ему удалось только надняхъ исполнить ея порученіе, разузнать про русскаго помѣщика Грабинина: правда ли, что онъ пріѣхалъ въ свое имѣніе Воробьевку подъ Киевомъ, какое произвелъ на окрестныхъ жителей впечатлѣніе, женатъ ли онъ, есть ли у него дѣти, долго ли думаетъ остаться въ деревнѣ?

«Я узналъ, что онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ свое имѣніе, но на короткое время и, ни съ кѣмъ не познакомившись изъ сосѣдей, уѣхалъ неизвѣстно куда и, безъ сомнѣнія, чтобъ больше не возвращаться, потому что оставилъ своему управителю, про-

стому русскому мужику и, по всеобщему мнѣнію, весьма плутоватому, довѣренность не только на управленіе, но и на продажу своего имѣнія. Грабининъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, не больше, не женатъ, красивъ собою. По словамъ пріѣзжавшихъ съ нимъ людей, ведетъ въ Петербургѣ разсѣянную жизнь богатаго холостяка и занимается гораздо больше кутежами съ продажными женщинами, чѣмъ увеличеніемъ доходовъ съ имѣній, которыхъ у него достаточно и подъ Москвой, и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Однимъ словомъ, типъ во всемъ противоположный соотечественнику своему Аратову и не представляетъ для насъ никакого интереса»,—прибавлялъ въ заключеніи своего длиннаго письма аббатикъ.

Этой пани Дуклановой, которой были посвящены послѣднія строки посланія, аббатъ Джорджіо былъ обязанъ своимъ сближеніемъ съ прелатомъ Фастомъ, который, впрочемъ, и раньше, чѣмъ встрѣтитъ его у нея въ палаццо Чарторижскихъ (гдѣ она жила резиденткой на респектѣ и на пребольшомъ), уже обратилъ вниманіе на протеже кіевской воеводши, когда въ числѣ экзаменаторовъ, приглашаемыхъ ежегодно въ коллегію о. о. іезуитовъ, выслушивалъ бойкіе и остроумные отвѣты племянника Тульчинскаго капеллана.

Великій знатокъ людей, прелатъ пригласилъ юношу придти къ нему во всякое время, въ полной увѣренности, что приглашеніемъ этимъ онъ не злоупотребитъ. Онъ не ошибся, аббатъ Джорджіо приходилъ къ нему только съ интересными свѣдѣніями для дѣла, которому прелатъ посвящалъ свою жизнь въ Польшѣ, и которому въ скоромъ времени всей душой предался и его маленький вѣстовщикъ.

Окончивъ письмо и запечатавъ его, аббатикъ вложилъ его въ боковой карманъ и, заперевъ дверь своей каморки, спустился по высокой, узкой, крутой лѣстницѣ въ нижній этажъ, гдѣ уже царилъ обычный шумъ и оживленіе. По коридорамъ сновала дворская челядь, раздавался смѣхъ и говоръ, сливаясь со звуками клавесина, арфы и пѣнія. У дверей большой залы, гдѣ французъ танцмейстеръ, летая по паркету со своей скрипичей, обучалъ тѣхъ изъ дворскихъ юношей и дѣвицъ, которые должны были сопутствовать ясновельможной въ Варшаву, моднымъ французскимъ танцамъ и даже, на всякій случай, сценамъ изъ балета, пользовавшагося въ то время особенною извѣстностью на придворныхъ театрахъ Трианона и Версаля, аббатикъ встрѣтился съ резиденткой Младонѣвичевой, отъ изумленія всплеснувшей руками, увидя его.

— Іезусъ Марія! Это вы, Джорджіо? А я бѣжала по приказанію нашей пани за пакомъ Юефомъ, чтобы послать васъ искать на мызѣ! Когда успѣли вы вернуться и почему тотчасъ же не

явились къ ясновельможной? Она, какъ встала, каждая пять минутъ про васъ спрашиваетъ. Сердится, что васъ до сихъ поръ нѣтъ. Вернулась съ мыза такая разстроенная, что мы не на шутку опасаемся за ея здоровье. Въ столовую не изволила выйти и самую малость отщипнула отъ цыпленка, который ей подали въ будуаръ, до бульона не дотронулась,—скороговоркой и задыхающимся отъ волненія голосомъ сообщила она аббату.—Идите, идите къ ней скорѣе, на балконъ, можетъ быть, присутствіе ваше принесетъ ей пользу,—продолжала она, указывая на дверь въ угловую гостиную съ широкой террасой, на которой пани Анна имѣла обыкновеніе проводить время до ужина, когда не ѣдила кататься или не гуляла по саду.

— Иду, иду,—поспѣшилъ заявить аббатъ, направляясь къ указанному мѣсту черезъ гостиную, гдѣ группами сидѣли за рукодѣльемъ и расхаживали, оживленно бесѣдуя между собою таинственнымъ шопотомъ, дворскія дѣвицы съ монахинями, постоянно гостившими въ Тульчинскомъ замкѣ изъ сосѣднихъ монастырей. Нѣкоторыя изъ дворскихъ дѣвицъ занимались французскимъ языкомъ, другія итальянскимъ, вполголоса твердя наизусть стихи или вокабулы.

Между самыми скромными и прилежными, не поднимавшими глазъ съ книги или съ работы, аббатикъ узналъ проказницъ, бѣгавшихъ часа два тому назадъ на любовныя свиданія въ паркъ.

«Ахъ, вы, дурочки, дурочки! Лѣзете, какъ глупыя бабочки, на огонь, чтобъ обжечь себѣ крылья и на всю жизнь искалчичиться. Не женятся на васъ ваши любезники, разлетятся въ разныя стороны ваши соколы, и останетесь вы сохнуть на стебляхъ въ Тульчинѣ, какъ Дмоховская, Мощинская, Младоновичева, Фабьянова и другія старыя дѣвы, которыхъ во всѣхъ замкахъ такое великое множество!»—думалъ онъ.

Проходя мимо клавесина, за которымъ Кася свѣженькимъ голоскомъ выводила трели итальянскаго романса, ему вздумалось надъ нею подшутить, и, пригнувшись къ ея розовому ушку, онъ спросилъ: «А гдѣ оставили вы Стаську, моя панна?»

Кася вздрогнула, и отъ испуга голосъ ея оборвался, какъ треснувшая струна, но когда она повернула свое раскраснѣвшееся личико съ умоляющимъ взглядомъ къ шутнику, онъ былъ уже далеко, и просьба о пощадѣ, готовая сорваться съ ея губъ, осталась не высказанной.

За нѣсколько шаговъ до террасы къ нему подошла резидентка Дамановичева, пользовавшаяся особеннымъ довѣріемъ госпожи и расположеніемъ духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ замокъ кіевскаго воеводы.

Какъ и Младоновичева, обратилась она къ аббату съ заявленіемъ, что графиня ждетъ его съ нетерпѣніемъ, что она очень разстроена, и ничѣмъ невозможно ее ни развлечь, ни утѣшить.

— Я задержался на мызѣ, моя панна,—съ печальнымъ вздохомъ возразилъ аббатъ.—Тамъ тоже льютъ слезы и сокрушаются, терзаются раскаяніемъ и страхомъ. Насилу удалось мнѣ немного успокоить нашу красавицу. Изъ обморока она впала въ истерику, изъ истерики въ обморокъ. Длилось это цѣлыхъ три часа, такъ что самъ я чуть было не заболѣлъ, на нее глядя. Только прогулка по парку меня освѣжила настолько, чтобъ явиться передъ нашей благодѣтельницей въ приличномъ видѣ и засвидѣтельствовать ей объ отчаяніи пани Розальской.

— Ахъ, пожалуйста, не говорите этого!—прервала его съ негодованіемъ Дамановичева.—Если бъ она хоть сколько нибудь цѣнила милости нашей пани, она не доводила бы ее до отчаянья своими глупыми и преступными фантазіями... Да, да, преступными!—повторила она съ возрастающимъ негодованіемъ.—Нашла жениха, нечего сказать! Москаль, схизматикъ! Хитрая кровожадная лисица! Уморилъ жену, чтобъ и другую вогнать во гробъ, завладѣвши ея состояніемъ... Женихъ неподдѣйшаго гатунга, однимъ словомъ.

— Тише, тише, панна, мы не имѣемъ права осуждать чело-
вѣка, котораго не знаемъ.

— Не говорите глупостей, Джорджіо!—прервала она его съ раздраженіемъ.—Мы знаемъ, что онъ москаль! Схизматикъ, еретикъ и врагъ нашей вѣры и нашей отчизны, чего же еще больше надо, чтобъ ненавидѣть его, презирать и желать ему всевозможнаго зла? И Розальская должна это знать, а она промѣняла своихъ благодѣтелей, первую фамилію въ Рѣчи Посполитой, осыпаящую ее милостями, съ тѣхъ поръ, какъ она на свѣтѣ, на чудовище, на исчадіе ада! Ну, развѣ я не была права, когда говорила, что, кромѣ горя и проклятій, намъ отъ москалей ничего нельзя ждать? Вотъ и вышло по-моему! Если бъ нашъ графъ слѣдовалъ примѣру такихъ вѣрныхъ сыновъ церкви, какъ графъ Браницкій, какъ Радзивиллъ!

— Но вѣдь Карлъ Радзивиллъ съ русскими помирился?

— Отстаньте, пожалуйста! Никогда я этому не повѣрю, ни, когда! Обѣщанія у него были вырваны силой, а какъ онъ ихъ исполнить,—это мы увидимъ... во всякомъ случѣе не такъ, какъ ожидаютъ наши враги... Да и наконецъ, какое намъ дѣло до пана коханьку? За свои грѣхи отвѣтитъ онъ и близкіе его передъ Богомъ и св. Отцомъ.

— Не говоря ужъ о томъ, что при его богатствѣ ему и грѣшить можно несравненно больше, чѣмъ другимъ, на индულгенціи у него денегъ хватить,—подсказалъ аббатъ.

— Разумѣтся, разумѣтся,—поспѣшила она съ нимъ согласиться.—Онъ гораздо богаче насъ и далеко не такъ запутанъ въ долгахъ, какъ мы, и у него нѣтъ такого ангелочка, какъ нашъ Сченсный, которому надо оставить очень большія средства, чтобъ

съ честью поддерживать гоноръ фамиліи, у пана коханка нѣтъ четырехъ дочерей, которымъ надо дать богатое приданое... Да и вообще, что намъ за дѣло до Радзивилла и до его поступковъ? Всегда былъ онъ сумасбродъ и такимъ умереть, наше дѣло заботиться о чести нашей фамиліи, намъ надо сокрушаться, что нашъ добрый графъ подпалъ подъ вліяніе нашихъ враговъ, какъ и король нашъ, который представляетъ изъ себя чистую марионетку въ рукахъ русской императрицы... И вотъ плоды этой преступной податливости: держись нашъ графъ дальше отъ москалей, нашей Розальской негдѣ было бы встрѣтиться съ Аратовымъ, и теперь мы, можетъ быть, готовились бы отпраздновать ея свадьбу съ паномъ Длусскимъ, человѣкомъ изъ нашихъ и вѣрнымъ сыномъ нашей церкви, внукомъ и правнукомъ друзей нашей фамиліи.

— А политика, моя милая панна? Вы забываете про политику?— лукаво прищуриваясь и предвкушая новый забавный взрывъ негодованія, замѣтилъ аббатикъ.

Онъ не обманулся въ своемъ ожиданіи: при ненавистномъ словѣ почтенная дѣвица такъ разсвирѣпѣла, что лицо ея покрылось багровыми пятнами, а голосъ перехватило въ горлѣ.

— Знаете, что я вамъ скажу, Джорджіо?—зашипѣла она, близко къ нему пригибаясь:—изъ-за этой вашей политики распроклятой, всѣ мы, съ пани Анной и съ паномъ Салезіемъ во главѣ, будемъ вѣки вѣченскіе кипѣть въ аду, въ котлахъ со смолой, на потѣху чертямъ и на радость Вельзевулу! Вотъ что насъ ждетъ на томъ свѣтѣ за вашу политику! И, право же, Джорджіо, не будь вы духовное лицо, давно сумѣла бы я уговорить пана маршала, чтобъ онъ приказалъ двумъ паюкамъ разложить васъ на коврѣ и до крови высѣчь, чтобъ выбить изъ вашей головы грѣшныя и неприличныя вашему сану мысли!

Съ этими словами она повернулась къ нему спиной и величественно направилась къ двери въ противоположномъ концѣ покоя, противъ той, что была отворена на террасу, гдѣ пани Анна полулежала въ глубокомъ креслѣ, съ платкомъ, обмоченнымъ въ уксусѣ, на головѣ и съ флакономъ нюхательнаго спирта въ рукѣ.

При появленіи аббата, резидентки, занимавшіяся рукодѣльемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ госпожи, по ея знаку забрали свои корзины съ работой и удалились въ покои, а аббатикъ, приблизившись къ ясновельможной, почтительно взялъ ея руку, безпомощно свѣсившуюся съ ручки кресла, и съ глубоко удрученнымъ видомъ поднесъ ее къ своимъ губамъ, у которыхъ онъ продержалъ ее до тѣхъ поръ, пока ясновельможная не заговорила. А случилось это не тотчасъ, сначала она нѣсколько разъ тяжело вздохнула, потомъ поднесла флаконъ къ носу и съ минуту времени вдыхала въ себя освѣжающій эфиръ.

— Неужели ты все это время былъ у нея?—спросила она наконецъ, поднимая на него томный взглядъ.

— Да, моя пани. И когда многоможная узнаеть о результатахъ моей бесѣды съ Юльяніей, она извинить мое отсутствіе,—отвѣчалъ онъ, устремляя на нее полный глубокой преданности взглядъ.—Я оставилъ ее именно въ томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ она и должна находиться послѣ случившагося: глубоко проникнутая раскаяніемъ, страстнымъ желаніемъ загладить свою вину передъ ясновельможной своей благодѣтельницей и въ лихорадочномъ ожиданіи приказа явиться, чтобы выразить свои чувства.

— Она отказывается отъ Аратова?—спросила графиня, внимательно выслушавъ блестящую импровизацію своего собесѣдника.

— Не только отказывается, но даже хотѣла ему написать, что все между ними кончено, что наперекоръ желанію своей покровительницы она ни за что не рѣшится поступить, и чтобы онъ забылъ про ея увлеченіе, какъ и сама она постарается о немъ забыть...

— И что же?

— Я этому воспротивился, моя пани, и вотъ почему: на письмо онъ могъ бы отвѣтить письмомъ или, еще хуже, лично прискакать съ требованіями объясненій, съ клятвами, увѣреніями, мольбами, угрозами лишить себя жизни и тому подобными уловками поколебать ея рѣшеніе и снова овладѣть ея сердцемъ,—послѣшилъ онъ разсѣять непріятное недоумѣніе своей слушательницы.—Вѣдь ея чувство къ нему не успѣло еще остыть, и разумъ еще не вполне вялъ верхъ надъ ея безумнымъ увлеченіемъ.

— Ты, можетъ быть, и правъ,—замѣтила послѣ небольшого раздумья графиня.

«Я всегда правъ, но въ совершенно обратномъ смыслѣ, чѣмъ ты думаешь»,—подумалъ онъ.

— Если бъ многоможная пани дозволила мнѣ высказаться откровенно!—продолжалъ онъ, прижимая руки къ груди, съ ужимкой человѣка, которому жутко отъ напавшей на него внезапно смѣлости.

— Говори,—отрывисто выронила графиня.

— Мнѣ кажется, что всего было бы лучше оставить это дѣло до поры до времени въ томъ положеніи, въ которомъ оно находится, и что, если въ него не вмѣшиваться, оно само собою распадется. Аратовъ для насъ опасенъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ его намѣреніе похитить нашу Юльянію—далеко не самая важная. Въ случаѣ надобности всегда можно будетъ справиться съ обезумѣвшей отъ пагубной страсти молодой женщиной, особенно когда у нея нѣтъ никого, кромѣ фамиліи кіевскаго воеводы: чтобы удержать ее на краю гибели, на это у насъ существуютъ монастыри, и ясновельможная наша пани слишкомъ хорошо извѣстна въ странѣ своими добродѣтелями и широкою благотворительностью,

чтобъ наши велебныя матки пржеорши не сочли за честь и за счастье оказать ей услугу...

— Но чѣмъ же Аратовъ по-твоему намъ еще опасенъ?—спросила графиня, которой, повидимому, такое отклоненіе отъ начатаго разговора было непріятно.

— О моя пани! Вамъ это извѣстно лучше меня! Москали не скрываютъ своего торжества, и сердце каждаго истиннаго сына церкви содрогается при мысли объ опасности, грозящей католицизму въ нашей несчастной странѣ! Не дай, Боже, чтобъ намѣреніе русскаго правительства осуществилось!—продолжалъ онъ, въ экстазѣ поднимая глаза къ небу и всплескивая руками.—Его коварное требованіе равенства правъ для диссидентовъ съ католиками есть не что иное, какъ ловушка для недалновидныхъ и равнодушныхъ, не могущихъ или не желающихъ понимать, что равенство это влечетъ за собою неминуемое униженіе, а затѣмъ разложеніе нашей святой вѣры въ этомъ краѣ. Если мы не сплотимся во имя нашего Господа и Его представителя на землѣ Святого Отца, если мы дружно не выступимъ на борьбу противъ схизматиковъ, не докажемъ имъ нашего отчужденія и отвращенія,—гибель наша неминуема! Наступаетъ торжественная минута для Рѣчи Посполитой, многоможная пани! Торжественная и роковая! Всѣмъ дѣтямъ святой церкви надо сплотиться, забыть распри и раздоры, язвы, нанесенныя самолюбію, и мечь, все забыть на время, до благопріятной минуты, когда намъ можно будетъ жить для личныхъ цѣлей и выгодъ, и помнить только нашъ долгъ передъ родиной... Я не отъ себя говорю, никогда не осмѣлился бы я такъ смѣло высказывать мое мнѣніе ясновельможной моей благодѣтельницѣ, я только позволяю себѣ повторять сердечныя желанія всѣхъ истинныхъ патриотовъ,—поспѣшилъ онъ оговориться, замѣтивъ саркастическую усмѣшку на губахъ его слушательницы.

— Съ Чарторижскими во главѣ?—спросила она язвительно.

— Фамилія, во имя общаго блага, помирилась съ Масальскими,—со вздохомъ и скромно опуская глаза, замѣтилъ аббатикъ.

— Не слишкомъ ли часто переписываешься ты съ руководителемъ совѣсти княгини Изабеллы, сынъ мой? Это отнимаетъ у тебя память. Мы, кажется, говорили про Аратова,—надменно дала она ему замѣтить, что онъ забывается.

— Онъ—москаль, моя пани, и словомъ этимъ все сказано,—смирно выслушавъ выговоръ, отвѣчалъ аббатикъ.—Къ счастью, мнѣ удалось напасть на слѣдъ его тайны, и это намъ поможетъ вырвать у змѣи ядовитое жало.

— Ты все еще подозрѣваешь его въ преступленіи?

— Больше прежняго!

— У тебя новыя данныя на это? Какія?

— Умоляю ясновельможную позволить мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ. Отъ этого отчасти зависитъ успѣхъ дѣла... Попрошу также мою пани быть ко мнѣ милостивой до конца и не отказать мнѣ въ всепочтительнѣйшей просьбѣ...

Онъ остановился въ нерѣшительности.

— Что такое? Говори!

— Я позволилъ себѣ обѣщать нашей кающейся Магдалинѣ, что ясновельможная за нею пришлетъ не позже, какъ завтра утромъ. Она такъ наказана, что доводить ее до отчаянья было бы опасно...

Графиня улыбнулась.

— Хорошо, я за нею пошлю. Но по глазамъ твоимъ я вижу, что это не все, и что тебѣ бы хотѣлось, чтобъ я не напоминала ей о томъ, что произошло сегодня между нами? Да?

— О моя пани, какое счастье, что наши мысли сходятся! — вскричалъ онъ, въ порывѣ восторга опускаясь передъ нею на колѣни и припадая къ ея рукамъ. — Какъ это было бы прекрасно, какъ душеспасительно, какая это была бы заслуга передъ святою церковью, если бъ намъ удалось спасти отъ гибели нашу Розальскую и одновременно выпутать нашего добраго графа изъ сѣтей москалей, открывъ ему глаза на преступленіе Аратова! Какой это былъ бы ударъ для русскаго посла и для всей русскаго партіи!

— А если онъ не совершилъ преступленія, въ которомъ ты его подозрѣваешь? Если ты ошибаешься?

— Я не ошибаюсь, моя пани! Я не могу ошибаться въ вопросѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе души моего благодѣтеля... Онъ долженъ быть преступникомъ! — произнесъ онъ съ такою увѣренностью, что, глядя на него, пани Анна съ изумленіемъ себя спрашивала: неужели это—тотъ самый наивный неопытный юноша, которымъ всѣ въ замкѣ привыкли забавляться, какъ игрушкой, всѣхъ смѣшившіи своеобразными и остроумными выходками? Странное безпокое существо въ черной ряскѣ, онъ ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣнія, никому въ голову не приходило придавать значеніе его наблюдательности, всѣ были съ нимъ откровенны... Ни за что не повѣрила бы она до этой минуты, что этотъ ласковый котеночекъ, которому, ради шутки, она позволяетъ себя причесывать, румянить, налѣплять мушки на ея лицо, котораго она принимаетъ въ постели и часто въ такомъ дезабилье, въ которомъ показывается только передъ своими горничными, что юноша этотъ въ одинъ прекрасный день явится передъ нею осторожнымъ, проныцательнымъ политикомъ, владѣющимъ въ совершенствѣ талантомъ все выспросить, самъ ничего не высказывая, и еще болѣе опаснымъ даромъ заставлятъ людей на все смотрѣть его глазами и отыскивать въ тайникѣ чужой души сокровеннѣйшія чувства и слабости...

Какъ онъ мѣтко попалъ въ цѣль намекомъ о монастыряхъ, гдѣ такъ искусно умѣютъ справляться со строптивыми дочерьми міра

и выколачивать изъ нихъ, во славу Божию, грѣховныя страсти! Точно кто подсказалъ ему мысли, завертѣвшіяся у нея въ умѣ, когда всегда покорная ея волѣ Юльня позволяла себѣ проявить такую дерзкую самостоятельность въ отстаиваніи своей любви.

Но чему надо было еще больше удивляться, это проницательности, съ которою онъ угадалъ сомнѣнія, только что начинавшія зарождаться въ ея сердцѣ относительно представителей и представительницъ оппозиціи противъ короля! Она ненавидѣла этихъ людей и презирала ихъ отъ всей души, но не могла не сознаваться, что они, можетъ быть, имѣютъ больше правъ, чѣмъ она, называть себя истинными патріотами и вѣрными сынами церкви... Опасность русскихъ требованій, кажущихся справедливыми такимъ верхоглядомъ, какъ ея супругъ и его кліенты, всегда была для нея ясна, и не разъ задумывалась она надъ неприятнымъ вопросомъ: имѣетъ ли она право изъ-за личныхъ непріязненныхъ чувствъ мѣшать тѣмъ, которые готовятся жертвовать собою для огражденія правъ церкви, всегда игравшей первенствующую роль въ Польшѣ?...

Да, аббатикъ удачно выбралъ минуту для перваго приступа на эту гордую самостоятельную душу, томившуюся бездѣйствіемъ и смутными вождѣльніями выступить вмѣстѣ съ другими на борьбу за цѣлость и возрожденіе родины. До сихъ поръ удерживалъ ее отъ этого здравый смыслъ и недоувѣріе къ вожакамъ заговора, но если эти люди такъ рѣшительно идутъ на всякія жертвы, не останавливаясь ни передъ разореніемъ, ни передъ смертью, можно ли сказать навѣрняка, что ихъ ждетъ пораженіе?

— Во всякомъ случаѣ перваго шага я не сдѣлаю,—проговорила она задумчиво и какъ бы бессознательно отвѣчая на мысль, завертѣвшуюся въ ея умѣ.

Глаза ея слушателя заискрились восторгомъ.

— О моя пани! Они только и ждутъ позволенія сдѣлать этотъ шагъ!—вскричалъ онъ, подхватывая на лету вырвавшееся признаніе.—Всюду, во всѣхъ дворцахъ, только и рѣчи, что о счастьѣ заручиться симпатіей кіевскаго воеводы и его супруги! Но счастье это кажется такъ недостижимо, что на многихъ начинаетъ нападать отчаяніе... По приѣздѣ въ Варшаву, моя пани убѣдится въ справедливости моихъ словъ, и что настроеніе умовъ мнѣ хорошо извѣстно,—продолжалъ онъ, поощренный вниманіемъ своей слушательницы.—Да иначе не можетъ и быть, только при вашемъ содѣйствіи вѣрнымъ сынамъ церкви можно разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ противъ схизматиковъ. Мысль эту прекрасно выразилъ епископъ Солтыкъ на послѣднемъ совѣщаніи у короннаго гетмана, а княгиня Адамѡва на это сказала: «Если бъ надо было на колѣняхъ вымолить это содѣйствіе, я передъ этимъ не остановилась бы»...

— Княгиня Адамѡва это сказала? — спросила ясновельможная, не спуская пристальнаго, испытующаго взгляда съ ловкаго агента прелата Фаста.

— О моя пани! Да развѣ я бы смѣлъ передать вамъ то, чего не было? Развѣ же я могу лгать моей благодѣтельницѣ, той, которой я обязанъ больше, чѣмъ жизнью! Что было бы со мною безъ ясновельможной? Прозябалъ бы въ какой нибудь труппѣ безъ образованія, безъ духовнаго развитія, какъ послѣдній хлопецъ, отличающійся отъ животнаго только даромъ слова...

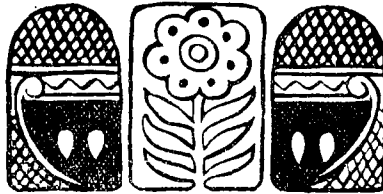
Голосъ его порвался, и онъ прижалъ платокъ къ глазамъ.

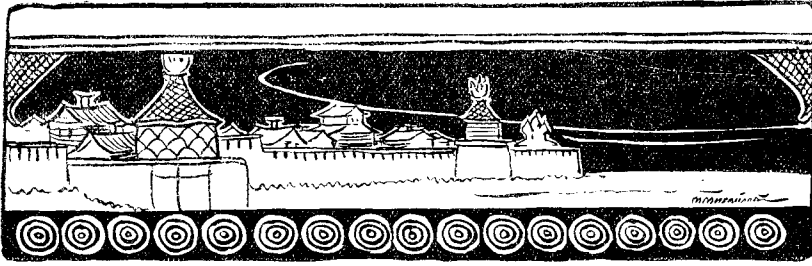
Думая, что онъ плачетъ отъ сердечнаго умиленія при воспоминаніи о ея благодѣяніяхъ, ясновельможная сама расчувствовалась и стала его утѣшать и успокаивать.

— Я вѣрю тебѣ, сынъ мой, и докажу тебѣ это: можешь передать тому, отъ кого ты слышалъ такое лестное мнѣніе о моемъ вліяніи, что мнѣ извѣстно про желаніе «фамиліи» привлечь меня къ начатому ими дѣлу. Ничего больше! — послѣдила она прибавить. — Понимаешь? На первый разъ и этого довольно, время покажетъ, какъ намъ поступать дальше. А теперь дай мнѣ руку, чтобъ помочь мнѣ дойти до моей спальни; я очень устала отъ вынесенныхъ, сегодня нравственныхъ потрясеній и рано лягу въ постель, — прибавила она, поднимаясь съ мѣста и опираясь на плечо аббатика, покинула террасу и вошла въ покои.

Н. И. Мердеръ.

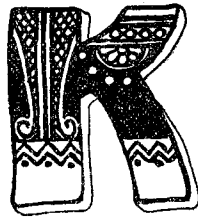
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

I.

КОРЕННОЕ «гнѣздо», гдѣ проживала наша семья, находилось въ Смоленской губерніи. Кромѣ этого «помѣстья», въ которомъ жили мои родители, еще молодые люди, съ бабушкой (матерью моего отца) и двумя тѣтками (его родными сестрами), имъ принадлежали еще имѣнія въ Тверской и Владимирской губерніяхъ, но въ этихъ имѣніяхъ никто изъ насъ не жилъ, и крестьяне были оброчные и пользовались всѣми землями, которыя къ имѣніямъ были приписаны.

Родители мои имѣли шестерыхъ дѣтей. Всей семьѣ жилось пріятно и хорошо. Но въ короткое время эта мирная и пріятная жизнь совершенно измѣнилась: смерть похитила всѣхъ главныхъ членовъ семьи, оставивъ въ живыхъ только насъ пятерыхъ малышей и одну изъ тѣтокъ, которая должна была взять въ руки «бразды правленія». Не прошло, кажется, и года послѣ всѣхъ этихъ катастрофъ, какъ тетка (или «тетенька», какъ мы ее называли) переѣхала жить въ Москву, перевезя туда и насъ. Всѣ мои сестры были отданы въ институтъ, а я остался на попеченіи «тетеньки». Сколько ни прикладывала она старанія къ моему образованію, къ подготовкѣ меня къ служебной карьерѣ, что она считала необходимымъ для меня, какъ единственнаго представителя нашего стариннаго дворянскаго рода,—изъ этихъ стараній какъ-то ничего не вышло. Я побывалъ въ одномъ изъ московскихъ частныхъ

пансіоновъ, въ одной изъ московскихъ гимназій, въ военной службѣ, былъ и въ Московскомъ университетѣ, но нигдѣ не могъ оставаться до конца, чтобы закончить свое образованіе, или удержаться на службѣ. Причинъ такой неустойчивости въ этомъ было, главнымъ образомъ, двѣ: воспитаніе, которое давала мнѣ «тетенька» (старая дѣва, хотя и не дурная по своимъ качествамъ, но сентиментальная и деспотичная, не находившая въ себѣ ни силъ, ни умѣнья справиться съ моими стремленіями и подчинить меня шаблоннымъ требованіямъ, предъявляемымъ въ этомъ отношеніи ко всѣмъ молодымъ людямъ), и моя преждевременная влюбленность въ Маню, очень миленькую дѣвочку, учившуюся въ пансіонѣ и приходившую гостить въ семью, жившую въ одномъ домѣ съ нами. Въ концѣ концовъ я стряхнулъ съ себя всякія заботы о своемъ образованіи, о своей служебной карьерѣ, и остался жить въ Москвѣ, подалше отъ «тетеньки», которая съ двумя моими сестрами, окончившими курсъ въ институтѣ, снова перебралась въ наше «гнѣздо», въ Смоленскую губернію. При такихъ обстоятельствахъ наступило 19-е февраля 1861 года.

Это было въ началѣ весны. Была масленица. День былъ ясный, солнечный. Таялъ снѣгъ, бѣжали ручейки, весело игрившіе своими струйками. Общее настроеніе было радостное, праздничное. Поговаривали о какихъ-то ожиданіяхъ чего-то смутнаго, какого-то возмущенія, не то бунта... Говорили, что администраціей приняты какія-то мѣры предупрежденія и пресѣченія, что гдѣ-то скрыты войска, стоящія подъ ружьемъ, на всякій случай... Никакихъ возмущеній, ни тѣмъ болѣе бунта, не было. Обыкновенное народное гулянье «подъ Новинскимъ» съ балаганами, каруселями, раечниками, съ катаньемъ «ихъ степенствъ» съ женами, на рослыхъ, жирныхъ тысячныхъ лошадяхъ совершалось своимъ порядкомъ, безъ какого либо признака нарушенія тишины и спокойствія. Никакого восторженнаго настроенія также не замѣчалось. Какъ будто, ничего особеннаго не произошло.

II.

Меня, конечно, потянуло въ деревню. Мнѣ былъ уже 21 годъ. Мое совершеннолѣтіе давало мнѣ право принять имѣніе въ свое полное распоряженіе и окончательно освободиться отъ попечительства «тетеньки», которая до сего времени распоряжалась всѣмъ полновластно, удѣляя мнѣ самыя скромныя средства къ жизни и то крайне неаккуратно, вслѣдствіе чего я часто и подолгу сиживалъ безъ копейки. Такъ случилось и на этотъ разъ. Доставъ у одного изъ пріятелей ничтожную сумму, пріобрѣтя манифестъ и «Положеніе», я нанялъ подводу, въ одну лошадку, да еще съ по-

путчицей (о чемъ, впрочемъ, меня предупредилъ мой возница), и поплелся въ тряской телѣгѣ. Попутчицей оказалась какая-то духовная особа, не молодыхъ лѣтъ, одѣтая въ поношенный шушунъ и укутанная шерстяными платками. Мы плелись по дорогѣ молча. На половинѣ пути, въ какомъ-то селѣ, попутчица слѣзла, и я могъ продолжать свое путешествіе уже одинъ. Возница оказался не изъ разговорчивыхъ. На всѣ мои вопросы о совершившемся событіи онъ отвѣчалъ: «Намъ что жъ! Знамо, царская воля; а кто его вѣдаетъ, какъ оно будетъ! Намъ въ баре не лѣзть... Одно дѣло, все такими же мужиками будемъ; худо ли, хорошо ли будетъ,—одинъ Господь про то знаетъ; мы—люди темные»...

Гдѣ по снѣжку, гдѣ по грязи, добрались мы наконецъ до нашего села, расположеннаго на томъ берегу рѣки Вязьмы. Переѣхать рѣку было нельзя: шелъ ледъ, и воды много прибыло. Возница потребовалъ, чтобы я слѣзъ и отпустилъ его. Видя, что переправиться дѣйствительно невозможно, мы стали кричать, чтобы кто либо подѣхалъ къ намъ въ лодкѣ. Наши крики услышали, меня узнали, и въ скоромъ времени на рѣкѣ появилась лодка, гребцомъ въ которой сидѣлъ дьячекъ, Селиверетъ, съ большимъ трудомъ, но благополучно причалившій лодку къ нашему берегу. Приходилось рассчитать возницу, но оказалось, что у меня рублей двухъ не хватаетъ. Дьячекъ пріѣхалъ безъ денегъ. Что дѣлать?— У «батюшки» попросите, — говоритъ дьячекъ. Извозчикъ остался на этомъ берегу, а я съ дьячкомъ и своимъ чемоданчикомъ сѣли въ лодку и поплыли. «Батюшка», конечно, не отказалъ мнѣ въ этой суммѣ, которую дьячекъ и доставилъ возницѣ, сѣздивши еще разъ къ нему въ лодкѣ. До дома оставалось ѣхать еще верстъ семь, и «батюшка» далъ мнѣ свою лошадь съ телѣгой, которая и доставила меня наконецъ въ усадьбу.

Тамъ меня встрѣтили, какъ нежданнаго гостя, всѣ удивились и обрадовались моему пріѣзду. Появился блестящій самоваръ, чай, кофе, роскошныя сливки, крендели, лепешки, завтракъ. Меня помѣстили въ бывшемъ кабинетѣ моего отца и устроили все для отдохновенія отъ дороги. Такимъ образомъ, началась моя новая жизнь въ деревнѣ.

Ни «тетенька», ни сестры не имѣли никакого представленія о томъ, что совершилось. Тогда не было еще ни желѣзной дороги, ни телеграфа. Ближайшій къ намъ городъ Вязьма отстоялъ отъ Москвы всего въ 240 верстахъ, а отъ нашего имѣнія въ 40 верстахъ; сообщеніе съ городомъ совершалось на лошадяхъ; почтовая корреспонденція доставлялась въ Вязьму тоже только на лошадяхъ. Весной, во время распутицы, пути сообщенія вовсе прекращались недѣли на двѣ, поэтому и посылки изъ деревни въ городъ за «письмами и провизіей» въ это время тоже не дѣлалось.

«Тетенька» отнеслась къ сообщенной мною новости съ большимъ волненіемъ и съ отѣнкомъ нѣкотораго недоброжелательства.

— Давно объ этомъ поговаривали, но никто не вѣрплъ, что допустить до этого. А теперь вдругъ сдѣлали. Ничего хорошаго отъ этого ждать нельзя. Какіе же они «вольные»?.. Теперь они Богъ знаетъ что о себѣ возмечтають... Какой нибудь Лаврушка (поваръ) или Парашка (горничная «тетеньки») захотятъ на голову садиться своимъ природнымъ господамъ; а съ мужиками и подавно ничего не сообразишь... Отъ такихъ вашихъ (непонятно, почему сказано было «вашихъ») новыхъ порядковъ — изъ деревни, изъ жалованнаго, родового помѣстья — бѣжать надо... Пожалуйста, ты пока держи отъ нихъ въ секретѣ это.

— Какъ же держать въ секретѣ, тетенька, когда уже и манифестъ объявленъ и «Положеніе» обнародовано?... Да и почему вы думаете, что это все будетъ такъ дурно? Сдѣлать это необходимо. Человѣкъ — не вещь. Мужикъ, Лаврушка, Парашка — тоже люди. Вы, вѣдь, не захотѣли бы быть крѣпостной; не согласились бы, чтобы вами распоряжались такъ, какъ вы распоряжаетесь Парашкой или Лаврушкой?..

— Еще бы этого недоставало!

— Я, напротивъ, думаю не скрывать отъ нихъ, а торжественно объявить имъ и прочесть манифестъ публично, созвавъ ихъ всѣхъ сюда...

— Уже не въ гостиную ли ты хочешь посадить ихъ?

— Нѣтъ, не въ гостиную, конечно, а соберу сходъ на дворѣ...

— Конечно, ты, пош снеч, имѣешь право поступать по своему желанію, — возразила «тетенька», имѣнивъ тонъ, — но только я отказываюсь отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и не пойду смотрѣть эту комедію.

— Это отъ васъ зависитъ, но все-таки въ ближайшее воскресенье я соберу сходъ...

Сестры какъ-то безучастно отнеслись къ сообщенному мною имъ извѣстію. Онѣ, какъ видно было, никогда не останавливались на мысляхъ о крѣпостномъ правѣ и относились къ этому вопросу съ тѣмъ разсужденіемъ, что, если оно существуетъ, значить — такъ должно быть.

Ни въ дворовыхъ людяхъ, ни въ крестьянахъ, я не нашель ничего новаго — все продолжало жить тѣми же порядками, тѣми же, вѣками установившимися, традиціями. Какъ вышнія формы жизни, такъ и всѣ отношенія крестьянъ и дворовыхъ людей я засталъ нисколько не измѣнившимися. Очевидно было, что никакого официальнаго объявленія о реформѣ еще не послѣдовало; ни общество, ни народъ еще ничего опредѣленнаго не знали, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ «муравейниковъ» не шевелился. Все обрѣталось въ первобытномъ состояніи. Временами, въ кругу дворовыхъ, говорили только: «молодой баринъ пріѣхалъ... должно быть, имѣніе принимать будетъ... поди, по-новому всѣ дѣла поведетъ»...

Я призвалъ къ себѣ старосту.

— Ну, что, Иванъ? Тебѣ ничего неизвѣстно?

Мужикъ смотрѣлъ на меня растерянно и удивленно.

— О чемъ-съ?—недоумѣвающимъ тономъ спросилъ онъ.

— О волѣ, которую царь далъ вамъ и всему народу.

— Никакъ нѣтъ-съ. А кто его знаетъ! Намъ—что? Мы—народъ темный. Вамъ лучше знать, батюшка баринъ. Намъ это дѣло не касается, потому... намъ...

— Какъ не касается? Вѣдь не кому другому, какъ вамъ, крестьянамъ, даютъ волю, освобождаютъ васъ отъ крѣпостной зависимости...

— Такъ-то оно такъ... Очень благодаримъ, батюшка баринъ, а все-таки оно... того... потому намъ, какъ будто, все единственно... Вѣкъ мужиками были, мужиками и умремъ—такое, значитъ, положеніе намъ отъ самого Господа Бога... Господамъ служить должны мы, землю пахать, а не того... чтобы этими дѣлами заниматься...

— Ну, я вижу, съ тобой не столкнешься. А ты вотъ что: собери-ка въ воскресенье сходъ, да скажи, чтобы всѣ собрались, и старые, и молодые. Мнѣ нужно объявить вамъ царскую волю и «Положеніе», которое отъ царя вышло.

— Слушаю, батюшка баринъ. Оно, конечно, коли ежели отъ царя, такъ нужно... А то намъ и такъ... все единственно... много довольны... Больше ничего не прикажете?

Въ воскресенье, около полудня, на дворѣ, передъ крыльцомъ нашего дома собралась весьма значительная толпа крестьянъ, состоящая изъ стариковъ, молодыхъ парней, бабъ, дѣвокъ и даже деревенской дѣтвора, шмыгавшей между взрослыми.

Я распорядился, чтобы къ сходу присоединились и всѣ дворовые люди, жившіе въ нашей усадьбѣ.

Видя, что собрались всѣ, я вышелъ на крыльцо, со словами:— здравствуйте, братцы!—и поклонился всѣмъ. Всѣ сняли шапки и отдали мнѣ поклонъ.

— Здорово, баринъ, здравствуй, Володимиръчъ!—гулко раздалось по двору.

— Ишь, какой ты сталъ, Володимиръчъ,—заговорили старики, стоявшіе ближе къ крыльцу,—чай, ты и не помнишь насъ, когда мы тебя, когда ты махонькимъ былъ, на рукахъ бывало носили... Мы, вѣдь, съ покойнымъ баткой твоимъ, съ бариномъ Владимиромъ Хведоровичемъ (такое произношеніе буквы Θ осталось до сихъ поръ),—царство ему небесное,—во какъ хорошо жили... хорошій баринъ былъ, вумный... справедливый, да горячій такой... Бывало съ кого и взыщеть, такъ—за дѣло... и не обидно... упокой, Господи, его душу...

— Спасибо вамъ, братцы... только вотъ что: я собралъ васъ, чтобы объявить вамъ царскую грамоту... Царь васъ вольными дѣлаеть. Слушайте, я прочту вамъ манифестъ.

Я началъ читать громко и внятно, наблюдая, какое дѣйствіе произведутъ слова манифеста.

— Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ...

Всѣ, какъ одинъ человекъ, перекрестились... глухо раздался стонъ умиленія... вся толпа стояла въ благоговѣйной неподвижности... слышались женскія всхлипыванія.

По мѣрѣ того, какъ я продолжалъ чтеніе, это настроеніе расхлябывалось, сосредоточенное вниманіе ослабѣвало, толпа стала шевелиться, многіе стали шептаться между собою и разговаривать, почесываться (характерное тѣлодвиженіе, усвоенное, какъ кажется, навсегда русскимъ мужикомъ и употребляемое во всѣхъ случаяхъ, когда онъ или недоумѣваетъ, или хочетъ, но не знаетъ, какъ выразить, проявить свое душевное волненіе.)

Чтеніе манифеста окончилось. Болѣе молодые изъ мужиковъ остались на своихъ мѣстахъ, молчаливо и сосредоточенно уставивъ на меня свои взгляды,—старики же пододвинулись къ крыльцу и, опираясь на свои посохи, начали говорить:

— Ну, вотъ, спасибо тебѣ, Володимиръчъ, что царскую грамоту намъ прочиталъ... Хорошія въ ей (въ ней) слова понаписаны.... а все-таки, словно мы въ толкъ не возьмемъ: какъ же оно такъ будетъ? Если вольные,—значить, намъ съ земли долой уходить надо-тъ.... а съ кѣмъ же господа останутся?... чѣмъ мы кормиться будемъ?...

— Совсѣмъ вы не такъ понимаете... Васъ съ земли не гонять, и потому вамъ никуда уходить не надо... Напротивъ, вамъ даютъ землю на каждую ревизскую душу...

— Ну-ну! Вотъ это, значить, правильно... Ишь-ты, царь-то, какой милосливый... слышь, ребята.... и волю даетъ и землю отъ насъ не утымаетъ... Подходи, ребята къ барину.... ѣнъ намъ все расскажетъ, по порядку,—сказали старики, обращаясь къ молодымъ крестьянамъ.

Тѣ тоже подвинулись, и изъ ихъ среды выдѣлился одинъ, Алексѣй, по профессіи кузнецъ, высокій, худой, блѣдный, со впалой грудью и впалыми сѣрыми глазами, смотрѣвшими сосредоточенно и вдумчиво.

— Ну, такъ вотъ что, братцы.... чтобы вамъ понятнѣе было, я прочту вамъ теперь «Положеніе».... тамъ все указано.—Я началъ читать «мѣстное положеніе».

Насколько мужики чтутъ молитвы, богослуженіе, царскіе манифесты и другія печатныя слова, дѣйствующія на чувство, настолько они дѣлаются тупыми и апатичными при чтеніи печатныхъ словъ, выражающихъ законы, или, вообще, при чтеніи какихъ либо дѣловыхъ бумагъ и распоряженій. Тутъ они вовсе теряютъ способность пониманія, быстро утомляются. Всякій интересъ не только къ читаемому, но и къ читающему пропадаетъ.

По мѣрѣ чтенія статей «Положенія» толпа стала рѣдѣть: старики, незамѣтно, совсѣмъ разбрелись куда-то; бабы и ребятишки исчезли... Осталась небольшая кучка молодыхъ крестьянъ да кое-кто изъ дворовыхъ.

— Такъ, значить... началъ говорить кузнецъ Алексѣй, когда я прочелъ всѣ статьи «мѣстнаго положенія»,—значить, на каждую душу положонъ надѣлъ по $4\frac{1}{2}$ десятины... Господа, значить, обязаны эту землю мужикамъ отрѣзать... Что-жъ! Коли даромъ мужики эту самую землю получаютъ, еще ничего...

— Нѣтъ, Алексѣй, не даромъ: въ «Положеніи» сказано, что мужики должны выкупить эту землю...

— А гдѣ намъ на эту музыку денегъ взять?.. У любого мужика—въ одномъ карманѣ Срѣтеніе, въ другомъ—Иванъ Постный... Нешто мужикъ можетъ платить что... да еще за кровную свою полосу, которую и енъ, и отцы, и дѣды пахали и сѣяли?—нешто...

— Ты ошибаешься, Алексѣй, въ «Положеніи» говорится о «выкупѣ». За мужиковъ, за надѣльную землю, казна заплатитъ помѣщику, а потомъ мужики будутъ ежегодно выплачивать казнѣ эти деньги...

— Значить, мужики, все равно, вѣчные плательщики будутъ, баринъ... коли такъ,—такъ какая же воля будетъ? Богъ съ ней совсѣмъ...

И Алексѣй, понуривъ свою голову, побрелъ со двора. За нимъ пошли и остальные. Сходъ разошелся, какъ бы растаялъ. Мужики вынесли, повидимому, неприятное впечатлѣніе изъ дѣловыхъ свѣдѣній, мною имъ сообщенныхъ. Дворовые же, унававъ, что на основаніи «Положенія» имъ никакого земельного надѣла не полагается, да что, сверхъ того, они обязываются еще дослуживать господамъ извѣстное число лѣтъ,—вовсе повѣсили носы и приуныли.

Я пошелъ къ «тетенькѣ», которая все время сидѣла у закрытаго окна, выходящаго на дворъ, занимаясь рукодѣльемъ и поглядывая на то, что происходило.

— Кажется, не очень-то понравились мужикамъ ваши (опять «ваши») порядки,—сказала, приглашая меня сѣсть.

Я молча пожалъ плечами.

— Теперь, *mon cher*, такъ какъ ты уже вошелъ въ настоящій возрастъ, и, по закону, имѣешь право самъ всѣмъ распоряжаться, я просила бы тебя принять отъ меня всѣ имѣнія... Вотъ документы, планы, книги... Если бы ты усомнился и захотѣлъ отъ меня потребовать отчета за все время моего опекуинства,—продолжала она съ нѣкоторою язвительностью,—я всегда готова это сдѣлать.

— Никакихъ отчетовъ я не имѣю намѣренія отъ васъ требовать, тетенька; а если вы дадите мнѣ документы, дѣла и планы, чтобы я могъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, я буду вамъ очень благодаренъ.

По ознакомленіи съ дѣлами, оказалось.

1) Въ Смоленскомъ имѣніи ревизскихъ мужеска пола душъ—100; всей земли по плану около 800 десятинъ, кромѣ двухъ-трехъ отдѣльныхъ пустошей, количествомъ около 300 десятинъ. Вся земля, кромѣ пустошей, отдѣльно отмежеванныхъ, была размежевана лишь лѣтъ 5—6 тому назадъ; а до тѣхъ поръ находилась въ череполосномъ владѣніи не только съ нѣсколькими владѣльцами-помѣщиками и съ ихъ крестьянами, но и съ частью крестьянъ, называемыхъ «вольными хлѣбопашцами». Хотя размежеваніе было произведено фактически, и на всю дачу былъ выданъ изъ межевой канцеляріи форменный, специальный планъ, но, въ дѣйствительности, вся земля находилась въ мелкой череполосицѣ съ означенными «хлѣбопашцами» и съ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ. Одна деревня, намъ не принадлежащая, находилась рядомъ съ нашей усадьбой; а нѣсколько дворовъ этой же деревни стояло какъ разъ напротивъ нашего дома, черезъ улицу. Наши же крестьяне жили на земляхъ, размежеванныхъ за другими помѣщиками. Изъ сказки полюбовнаго размежеванія, которое не осуществлялось нѣсколько десятковъ лѣтъ, было видно, что каждый изъ владѣльцевъ обязался послѣ размежеванія переселить своихъ крестьянъ на вновь отмежеванные каждому изъ владѣльцевъ дачи; но, несмотря ни на какія хлопоты, переселеніе это до обнародованія «Положенія» не состоялось.

2) Въ имѣніи Тверской губерніи (верста 12 отъ Твери) ревизскихъ мужеска пола душъ, въ разныхъ деревняхъ—80; земли при деревняхъ и въ отхожихъ пустошахъ—всего десятинъ 600.

3) Въ имѣніи Владимирской губерніи ревизскихъ мужеска пола душъ, въ разныхъ деревняхъ—200; земли при деревняхъ—1.300 десятинъ, кромѣ лѣсныхъ пустошей: въ одной—168 десятинъ и въ другой—750 десятинъ.

Всѣ имѣнія заложены въ Московскомъ опекуномъ совѣтѣ, и $\frac{1}{10}$ по ссудамъ не были внесены за нѣсколько сроковъ. Въ Тверскомъ имѣніи на одной изъ пустошей, примыкающей къ болоту, былъ устроенъ «тетенькой» небольшой хуторъ, съ маленькимъ флигелемъ для пріѣзда. Владимирское имѣніе было, какъ сказано, оброчное, и никакого жилья тамъ не было.

Позволю себѣ маленькое отступленіе. Года за три до рассказаннаго событія, «тетенька», бывъ въ Москвѣ, собралась посмотреть это Владимирское имѣніе. Она взяла и меня съ собою. Это было зимою. Желѣзной дороги не было—мы ѣхали въ возкѣ, на почтовыхъ. Прибывъ въ уѣздный городокъ (въ городѣ была всего одна улица), мы были встрѣчены двумя-тремя мужиками, тепло одѣтыми, похожими съ виду на купцовъ. Я и раньше еще видалъ ихъ, когда жилъ у «тетеньки». Рослые, сытые, съ окладистыми темными и русыми бородами, одѣтые въ хорошія синія

поддевки, они привозили иногда оброки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподносили «тетенькѣ» головы двѣ сахару, фунта два чая и мѣшокъ или два превосходныхъ сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, а то и кадочки съ солеными груздями и рыжиками. (Громадные, чудные, сосновые лѣса, произраставшіе въ сѣверной части уѣзда, изобиловали грибами.) На постояломъ дворѣ намъ уже приготовлена была комната, съ самоваромъ, хорошими сливками и баранками. Обогрѣвшись, мы послѣ чая и холодной закуски поѣхали въ прекрасныхъ саняхъ, украшенныхъ сзади яркимъ ковромъ, снабженныхъ теплою полостью и запряженныхъ «гусемъ» тройкой кругленькихъ лошадокъ, въ наборной сбруѣ. Кучеромъ былъ одинъ изъ мужиковъ, насъ встрѣтившихъ. Сзади насъ еще въ двухъ саняхъ ѣхали лакей, два другіе мужика и наши дорожныя вещи. Ѣхали быстро, хотя дорога была чрезвычайно снѣжная, и встрѣчались большіе сугробы. Подъѣзжая къ околицѣ одной изъ деревень, избранной старостою для нашей остановки, — версты за 1¹/₂ отъ околицы, я замѣтилъ какую-то, какъ бы растянутую, пеструю ленту. Когда мы подѣхали совсѣмъ близко, оказалась такая картина: впереди—столъ, покрытый скатертью, съ ковригой чернаго хлѣба и солонкой. Позади стола стояла на колѣняхъ цѣлая вереница нарядно и пестро одѣтыхъ мужиковъ, бабъ, дѣтей; вся эта вереница пала ницъ, когда наши сани остановились, и мы изъ нихъ вышли.

— Здравствуйте... встаньте, встаньте...—сказала имъ ласково «тетенька», взволнованнымъ голосомъ. Мнѣ, какъ теперь помню, было и неловко, и хотѣлось плакать... Всѣ поднялись и пошли за нами, провожая до избы, для насъ приготовленной старостою. Мы пробыли болѣе недѣли въ этой избѣ, дѣлая визиты въ другія деревни, и вездѣ непремѣнно должны были, по просьбѣ крестьянъ, посѣщать каждую избу. Въ одной изъ нихъ, весьма бѣдной, хозяинъ посадилъ насъ подъ образа. На столѣ стояла грязная тарелка, съ такими же грязными бубликами... — Не обезсудьте, откушайте,—робко просятъ хозяинъ и хозяйка...

Смотрю, хозяинъ отошелъ къ полкѣ и взялъ съ нея бутылку съ какой-то жидкостью, налитой поверхъ какой-то совершенно черной массы... когда онъ наливалъ эту жидкость въ стаканъ, я увидалъ, что эта черная масса состоитъ сплошь изъ мухъ.

— Не обезсудь, родимый, откушай...

Какъ быть? Не исполнить просьбы значитъ обидѣть; а развѣ возможно проглотить хоть кашлю такой настойки?

— *Faites semblant, d'avoir gouter*, — почти шопотомъ сказала мнѣ «тетенька»...—Баринъ-то еще очень молодъ, Степанъ, онъ ничего не пьетъ, ужъ ты не взыщи...—добавила она громко.

Я сдѣлалъ видъ, что пригубилъ, и, поблагодаривъ Степана, поставилъ стаканъ на столъ.

Я былъ пораженъ той массой всякихъ жалобъ, просьбъ, которая подавалась ежедневно «тетенькѣ» отъ крестьянъ, съ утра толпившихся около нашей избы. Кто просилъ лѣса для постройки; кто заявлялъ о своемъ несчастѣ, по случаю потери лошади или коровы; кто просилъ о сложеніи съ него накопившейся недоимки; кто доказывалъ о несправедливости, уже совершившейся, по случаю сдачи его сына въ рекруты, или о несправедливомъ рѣшеніи «міра» сдать въ рекруты, для предстоящаго набора, одного изъ его сыновей, которыхъ у него и такъ немного, а не сына другого, который богатъ и изъ семьи котораго еще ни разу не брали рекрута... а одинъ такъ сталъ слезно просить «тетеньку» вернуть его жену, которая отъ него сбѣжала, и безъ которой пропадаютъ и дѣти и все его хозяйство... Все это необходимо было разобрать, во все входить, все разслѣдовать и непременно рѣшать такъ или иначе... И надо отдать справедливость «тетенькѣ»—она терпѣливо все выслушивала, во все входила, все разбирала и рѣшала довольно обстоятельно и по возможности, по своему разумнію, довольно справедливо.

Но я отклонился отъ цѣли своего повѣствованія.

III.

Болѣе тщательное разсмотрѣніе дѣлъ привело меня къ весьма неутѣшительнымъ заключеніямъ. Я не видѣлъ особенныхъ осложненій въ составленіи «уставныхъ грамотъ» по Тверскому и Владимирскому имѣніямъ, но вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе «Положенія» въ нашемъ Смоленскомъ помѣстьѣ, которое всѣмъ намъ было дорого и по воспоминаніямъ дѣтства и потому, что это было «насиженное гнѣздо»,—представлялъ массу затрудненій.

Въ самомъ дѣлѣ, была ли какаянибудь возможность вести какое либо хозяйство на этихъ клочкахъ земли, путавшихся между массой такихъ же клочковъ, принадлежащихъ другимъ? Была ли возможность отвести надѣлы нашимъ крестьянамъ, когда они сидѣли на дачахъ, отмежеванныхъ другимъ владѣльцамъ, гдѣ притомъ они, наши крестьяне, путались въ такой же черезполосицѣ съ крестьянами этихъ владѣльцевъ? Существовало ли для меня право отводить надѣлы нашимъ крестьянамъ на дачѣ, намъ специально отмежеванной, слѣдовательно юридически намъ принадлежавшей, тогда какъ, въ дѣйствительности, въ этой дачѣ пользовались землею крестьяне, принадлежавшіе другимъ владѣльцамъ, и притомъ, въ количествѣ, превышающемъ, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза количество ревизскихъ душъ, намъ принадлежавшихъ?

Какъ ни ломалъ я голову надъ разрѣшеніемъ—этихъ вопросовъ, сколько я ни совѣщался по поводу ихъ съ «тетенькой», съ бли-

жайшими изъ сосѣдей, никто не видѣлъ изъ нихъ никакого выхода.

Независимо отъ этого, финансовая сторона дѣла представлялась тоже въ весьма незавидномъ состояніи. Были частные долги, хотя не особенно большіе, но обременительные по тому бюджету, который получался ежегодно, и то съ затяжками, а главное: вотъ, вотъ, угрожало учрежденіе опеки за просроченные платежи процентовъ въ опекунскій совѣтъ, гдѣ были заложены всѣ имѣнія. Какъ же при такихъ условіяхъ переходить къ новой системѣ хозяйства, требовавшей замѣны «барщины» трудомъ вольнонаемнымъ, требовавшей, кромѣ того, приобрѣтенія инвентаря, орудій (не говорю уже о машинахъ)?

— Какъ же вы могли вести хозяйство, тетенька, при такой путаницѣ въ землѣ? Вѣдь, тутъ разобраться невозможно... невозможно отличать, которая полоса наша и должна обрабатываться нами, которая—крестьянская...

— Во-первыхъ, староста, Иванъ, все это прекрасно знаетъ; во-вторыхъ, Оедюшка (лакей) знаетъ еще того лучше... Велось это искони—и при бабушкѣ, и при моемъ отцѣ. Разумѣется, было бы безъ сравненія лучше, если бы всѣ наши поля были въ одномъ мѣстѣ; но что же съ этимъ дѣлать?

— Ну, а если и староста Иванъ и Оедюшка уйдутъ, или умрутъ,—тогда что же дѣлать?

— Пока было крѣпостное право, съ этимъ положеніемъ еще можно было мириться: всѣ наши мужики знали наши полосы, а теперь, конечно, они могутъ совсѣмъ оставить насъ не при чемъ. Необходимо требовать, чтобы всѣхъ крестьянъ расселили по своимъ мѣстамъ. Тогда все само собой распутается.

— Легко сказать: «требовать»!

Мною овладѣло уныніе, а между тѣмъ время шло.

Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 19 февраля состоялось назначеніе «мировыхъ посредниковъ».

Наше имѣніе было въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Городъ Бѣлый былъ отъ насъ въ 60 верстахъ. Назначенный же къ намъ «посредникъ», Николай Дмитриевичъ Микулинъ, жилъ отъ нашей усадьбы въ 3—4 верстахъ, въ своемъ имѣніи, за рѣкой Вязьмой. Я немедленно поѣхалъ къ нему, чтобы выяснитъ положеніе дѣла и просить его дать мнѣ разъясненія и указанія. Однако, ни того, ни другого я не получилъ. Очевидно, и «посреднику» пришлось не по плечу такое казусное дѣло...

— Сейчасъ я не могу ничего сказать вамъ, я переговорю съ предсѣдателемъ сѣзда, съ губернаторомъ и затѣмъ самъ какънибудь побываю у васъ, постараюсь разсмотрѣть все на мѣстѣ, а пока...

Я раскланялся. Аудіенція окончилась ничѣмъ.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. XLVI.

Мѣсяца черезъ полтора Николай Дмитриевичъ дѣйствительно заѣхалъ къ намъ, разсмотрѣлъ планы, созвалъ крестьянъ нашихъ и чужихъ, толковалъ съ ними по поводу переселенія, но, въ концѣ концовъ, не добился никакого результата, махнулъ рукой и уѣхалъ.

Что же мнѣ было дѣлать? Къ счастью, послѣдовало распоряженіе, по которому всѣ недоимки опекунскому совѣту, состоявшія по имѣніямъ, велѣно было причислить къ капиталу и перенести срокъ займа вновь на 37 лѣтъ. Это, хоть нѣсколько, развязывало мнѣ руки...

Мои отношенія къ Манѣ, которая сдѣлалась уже взрослой дѣвушкой, вышли изъ области мечтаній. Упорныя чувства къ ней, которыхъ она долго не замѣчала, или не хотѣла замѣтить, вызвали наконецъ въ ней взаимность ко мнѣ. Она тоже уѣхала изъ Москвы къ брату, служившему въ Тамбовѣ. Мы состояли въ перепискѣ. Она писала, что любитъ меня, звала къ себѣ, дала слово быть моею женой. Этого было достаточно, чтобы я началъ всѣми силами своей души стремиться къ достиженію счастья, о которомъ мечталъ болѣе десяти лѣтъ. Моему благоразумію, моей сдержанности наступилъ предѣлъ. Не видя никакого выхода изъ этого хаоса, не находя никакого смысла въ веденіи хозяйства, обставленнаго такими ужасными условіями, нуждаясь въ наличныхъ средствахъ, которыхъ почти не было, я останавливался на различныхъ комбинаціяхъ, но всѣ онѣ представлялись неисполнимыми. О продажѣ всего имѣнія или части его, нечего было и думать: на земли, на имѣнія, не только запутанныя, какимъ было наше, но и вполне благоустроенныя, никакихъ цѣнъ вовсе не было. Земли, даже съ строевыми лѣсами, которыми изобиловалъ Бѣльскій уѣздъ, продавались чуть не даромъ... Мнѣ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ всучилъ кому-то свою весьма большую лѣсную дачу совершенно бесплатно, не принимая, конечно, на себя расходовъ по совершенію купчей,—только съ той цѣлью, чтобы избавиться отъ расходовъ на наемъ сторожей и на уплату повинностей, лежавшихъ на этой дачѣ... Вотъ какое было тогда время. Немудрено, что вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе «Положенія» стали появляться и вырастать, какъ грибы изъ земли,—всякіе Колупаевы и Разуваевы. Немудрено, что многія изъ «дворянскихъ гнѣздъ» быстро превратились въ имѣнія, носившія характеръ этихъ личностей, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были господскіе дома со службами, парки, сады, цвѣтники, оранжереи, гдѣ протекала культурная жизнь, освященная столѣтіями, гдѣ складывались извѣстныя традиціи и развивались Татьяны, Наташи, Лаврецкіе, Лизы, Левины, — явились усадьбы господъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, которые въ спальняхъ бабужекъ,

Лизъ, Наташъ, Вѣръ, устроили ссыпку хлѣба, чуть не задаромъ купленнаго у «помѣщиковъ» и еще болѣе, чѣмъ задаромъ—съ лихвенными процентами, у крестьянъ; въ гостинныхъ же и залахъ, гдѣ возсѣдали наши бабушки, дѣды, матери и отцы, гдѣ молодежь, будущая культурная сила Россіи, вела свои бесѣды и веселилась,—устроили кабаки, въ которыхъ спаивали крестьянъ водкой, принимая отъ нихъ всевозможные заклады и затягивая ихъ, крестьянъ, къ себѣ въ кабалу... Да!.. да!.. Этихъ прискорбныхъ явленій, вызванныхъ бездушнымъ, антидворянскимъ и антикрестьянскимъ образомъ дѣйствія при приведеніи въ исполненіе величайшей и необходимѣйшей изъ реформъ, нельзя вычеркнуть изъ исторіи этой эпохи, изъ исторіи внутренней жизни русскаго народа и русскаго общества того времени... Простите, читатели, мнѣ, старику, горячность, съ которой я высказалъ эту наболѣвшую въ душѣ моей рѣчь, и вѣрьте, что она вылилась не изъ нечистаго источника, не изъ сожалѣнія о томъ, что прошла для дворянъ счастливая, якобы, пора крѣпостничества, дарового труда, нечеловѣческихъ правъ надъ челоуѣческой личностью...

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Когда я убѣдился въ тщетности моихъ комбинацій, въ которыхъ я вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, мнѣ пришла мысль уничтожить все хозяйство въ этомъ имѣніи, распродать всю движимость, весь скотъ, всѣ продукты, имѣвшіеся въ амбарахъ, словомъ—выручить этимъ способомъ деньги и выѣхать изъ имѣнія, предоставивъ судьбѣ распутывать вопросы, которыхъ разрѣшить никто не могъ.

Такимъ рѣшеніемъ, положимъ, я нѣкоторымъ образомъ совершалъ святотатственное покушеніе на свою собственную колыбель, на очагъ, сложенный руками моихъ родителей и моихъ предковъ; самъ разорялъ свое собственное гнѣздо, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, я вырывалъ съ корнемъ всѣ нити, всѣ мочки, связывавшія меня съ прежними традиціями, съ той почвой, на которой произрасталъ темный, дремучій боръ, именуемый «крѣпостнымъ правомъ».

Я опять пошелъ къ «тетенькѣ» сообщить ей о своемъ рѣшеніи.

Она заплакала и сказала:

— Поступай, какъ знаешь, но только... я уѣду раньше васъ... я не въ силахъ буду смотрѣть на разореніе.... я уѣду въ Петербургъ къ роднымъ и съ вами жить не буду.

Она такъ и сдѣлала.

Рѣшенія своего я не измѣнилъ. Весьма быстро я все распродалъ, кромѣ дома и строеній, и выручилъ отъ продажи нѣсколько тысячъ рублей. Дворовымъ людямъ я объявилъ, что они увольняются отъ службы и могутъ, если пожелаютъ, приписаться къ

крестьянамъ и получить надѣлы. Крестьянъ я перевелъ съ «барщины» на оброкъ. Всѣ же злополучныя полосы, которымъ я оставилъ у себя подробный списокъ, велѣлъ сдавать въ аренду. Для полученія оброковъ и для сдачи полосъ въ аренду, вообще для наблюденія за имѣнiемъ, оставилъ жить въ усадьбѣ, на жалованьѣ лакея Федора (Федюшку), служившаго покойному отцу, намъ очень преданнаго и, дѣйствительно, знавшаго всѣ даже самыя маленькiя полосы наперечеть.

Передъ отъѣздомъ я побывалъ еще разъ у посредника, чтобы заявить ему о своемъ выѣздѣ изъ имѣнiя и просить его дать движенiе дѣлу, чтобы возможно было составить уставную грамоту и представить крестьянъ на выкупъ.

Посредникъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ окончательно пришелъ къ убѣжденiю о неизбѣжности переселенiя всѣхъ крестьянъ изъ одной деревни въ другую, такъ какъ это есть единственный правильный исходъ, и что, во всякомъ случаѣ, онъ даетъ слово, что это будетъ непремѣнно исполнено, такъ какъ и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствiе, въ которое имъ представлено это дѣло, смотреть на него не иначе, какъ такимъ образомъ.

Въ день отъѣзда, когда дорожный экипажъ былъ уже запряженъ, и на дворѣ заканчивали увязку подводъ, нанятыхъ мною для доставленiя нашихъ вещей въ Тамбовъ, произошелъ слѣдующiй инцидентъ. Въ мою комнату вбѣгаетъ Федоръ и говоритъ, что одинъ изъ возчиковъ, нашъ же крестьянинъ, требуетъ, чтобы женщину, которая хотѣла непремѣнно оставаться у насъ и должна была отправиться въ Тамбовъ на этихъ же подводахъ, вѣшать на вѣсахъ, такъ какъ возчики подрядились везти поклажу съ пуда; что женщина эта крайне обижена такимъ требованiемъ и не позволяетъ класть себя на вѣсы. Я вышелъ къ подводамъ, чтобы убѣдить возчика въ несправедливости его требованiя; я назначилъ особую плату за доставку женщины на его подводъ, но онъ не хотѣлъ принимать никакихъ резоновъ, настаивалъ на своемъ и надѣлалъ мнѣ такихъ дерзостей, что я вынужденъ былъ отправить его со старостой во вновь сформированное волостное правленiе.

Какъ бы то ни было, я и обѣ сестры мои выѣхали изъ этого имѣнiя, и, чтобы къ нему не возвращаться болѣе, скажу, что обѣщанное посредникомъ переселенiе крестьянъ не состоялось, ибо отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ циркуляръ, по которому воспрещалось всякое переселенiе крестьянъ, даже по сдѣлкамъ, совершеннымъ владѣльцами крѣпостнымъ порядкомъ. Въ силу этого распоряженiя составленiе уставной грамоты являлось невозможнымъ. Протянулось болѣе десяти лѣтъ, въ теченiе которыхъ крестьяне платили намъ оброки, и, когда, наконецъ, посредникамъ приказано было обязательно закончить въ извѣстный срокъ

всѣ дѣла о приведеніи въ дѣйствіе «Положенія», пришлось дать крестьянамъ нашимъ надѣлы въ чужихъ дачахъ, намъ не принадлежащихъ и въ томъ количествѣ земли (въ нѣкоторыхъ деревняхъ менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ), которымъ они пользовались до обнародованія «Положенія»; чужіе же крестьяне получили надѣлы въ дачѣ, за нами отмежеванной. Вслѣдствіе этого, въ нашемъ владѣніи осталась навсегда все та же череполосица, на которой было немислимо вести какое бы то ни было хозяйство. Поэтому пришлось распродавать всю землю крестьянамъ же и вообще всѣмъ желающимъ, что было весьма не легко исполнить, и тянулось это очень долго: распродажа этихъ полосъ закончилась только нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Теперь перехожу къ выкупной операціи по Владимирскому имѣнію.

VI.

Въ Тамбовѣ мы пріѣхали глубокой осенью. Не буду описывать своихъ восторговъ отъ встрѣчи съ Маней. Братъ ея далъ свое согласіе на нашъ бракъ, но просилъ только отложить его до весны, такъ какъ теперь онъ самъ женится и желалъ бы, чтобы Маня и я были на его свадьбѣ, которая должна произойти въ Липецкѣ, гдѣ жила его невѣста. Нельзя было не согласиться съ его желаніемъ. По первопутку мы втроемъ поѣхали въ Липецкъ, гдѣ я перезнакомился со всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, и, отпраздновавъ лихо свадьбу, на которой Маня и я фигурировали въ качествѣ жениха и невѣсты, мы возвратились въ Тамбовѣ, гдѣ у будущаго моего брата былъ прекрасный, имъ самимъ отдѣланный и обставленный домъ, что было для него не трудно, такъ какъ онъ былъ весьма талантливымъ архитекторомъ. Когда всѣ свадебныя торжества и пиры окончились, я поѣхалъ во Владимирское имѣніе, чтобы окончить дѣла съ крестьянами. Я имъ не давалъ знать о своемъ намѣреніи и пріѣхалъ прямо въ одну изъ деревень, въ которой жилъ уже знакомый мнѣ староста, Иванъ Александровъ. Конечно, мой нежданный пріѣздъ произвелъ переполохъ не только въ семействѣ этого старосты, но и во всей деревнѣ. Иванъ Александровъ—мужикъ зажиточный, умный, обходительный и услужливый. Нужно сказать, что большинство крестьянъ этой части Гороховецкаго уѣзда было зажиточное. Нѣкоторыя семьи имѣли прекрасныя двухъэтажныя избы, и не одну, а двѣ (зимнюю и лѣтнюю), питались мясной пищей, ежедневно пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и бубликами, употребляли стеариновыя свѣчи, одѣвались чисто и въ хорошее полукупеческое платье. Причиной такого благоденствія было то, что они, кромѣ хлѣбопашества, занимались отхожими промыслами. Большинство было прекрасными плотни-

ками, каменщиками, штукатурами. Они ходили на заработки въ Сибирь, гдѣ оставались иногда по нѣскольку лѣтъ и возвращались домой съ хорошими деньгами. Нѣкоторые изъ нашихъ крестьянъ были даже рядчиками и уходили въ Сибирь съ большими артелями рабочихъ, которыхъ набирали по деревнямъ.

Староста, Иванъ Александровъ, былъ однимъ изъ такихъ рядчиковъ, но, разбогатѣвъ, жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, окруженный весьма многочисленной семьей. Ему не трудно было, конечно, дать мнѣ приютъ. Онъ чувствовалъ себя даже польщеннымъ моимъ пребываніемъ въ его домѣ. Мнѣ отведена была прекрасная, чистая, новая изба; она была натоплена; въ комнатѣ, снабженной скамьями и столомъ, появилось два стула; поданъ былъ самоваръ; принесены крынка цѣльнаго молока, лепешки, бублики, словомъ, мнѣ было предоставлено все, чѣмъ могутъ себя показать незатѣйливые деревенскіе достатки.

— Я не знаю, сколько времени я у тебя проживу, Иванъ Александровъ. Я, вѣдь, пріѣхалъ къ вамъ затѣмъ, чтобы отвести вамъ надѣлы и представить васъ на выкупъ. Тебѣ, какъ старостѣ, придется мнѣ помогать въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ хотѣлось бы разойтись съ вами миролюбиво и составить уставную грамоту по обоюдному соглашенію.

— Съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ готовъ служить вамъ, батюшка, Стиславъ (мое имя Ростиславъ) Владимировичъ. Мы, вѣдь, уже кое-что знаемъ про эти дѣла. Много и толковали промежду себя, да, по правдѣ, и подумывали, что къ намъ пожалуетъ сама барыня, тетенька, значить, ваша, Надежда Феодоровна.

— Нѣтъ, ужъ теперь я самъ всѣмъ завѣдываю. Тетенька въ Петербургѣ живетъ,—на покой.

— Ну, вотъ и прелюдно. Только хлопотливое это дѣло будетъ.

— А почему же хлопотливое? Вѣдь, здѣсь наши деревни всѣ отмежеванныя. Расчислимъ, по планамъ, сколько на каждую деревню будетъ причитаться земли по «Положенію», и сколько будетъ подлежать отрѣзкѣ, вотъ и все.

— Это-то такъ, а все-таки безъ «міра» не обойтись; а на міру, какъ начнутъ галдѣть, то съ ними и сообразить ничего не возможно: другой и не понимаетъ ничего, а, знай, свое горланить...

— Ну, этого, пожалуй, не случится, если «міръ» будетъ обсуждать дѣло въ моемъ присутствіи. Я думаю, чтобы меньше «галдѣли», какъ ты говоришь, будетъ лучше, если мы будемъ толковать не со всѣми разомъ, а съ каждой деревней отдѣльно...

— Конечно, такъ, пожалуй, превосходиѣйше будетъ.

Занявшись расчисленіемъ по планамъ земли, слѣдуемой въ надѣлъ каждой изъ деревень, и получавшихся остатковъ (отрѣзковъ) и окончивъ это, я объявилъ старостѣ, что мы начнемъ съ

деревни, въ которой я остановился. Въ назначенный день комната, въ которой я жилъ, наполнилась народомъ. Я сидѣлъ въ углу, подъ образами, за столомъ, съ планами, вычислениями и «Положеніемъ». Черезъ какія нибудь минутъ десять духота сдѣлалась въ комнатѣ страшная. Я велѣлъ отворить дверь. Кромѣ домохозяевъ, въ избѣ и въ сѣняхъ набралась масса любопытныхъ всякаго возраста и пола.

Послѣ обычныхъ крестьянскихъ привѣтствій, соболѣзнованій и причитаній начались дѣловые разговоры.

Я объявилъ, что на основаніи «Положенія» деревня должна получить земли столько-то; а такъ какъ, по планамъ, при деревнѣ числится земли больше, то излишекъ подлежитъ отрѣзкѣ.

Мужики замялись, стѣсняясь высказаться, перешептываясь, толкая другъ друга, со словами:

— Говори, Иванъ, ну, ты, Петра, говори, что ли, барину...

— Оно, точно что... отрѣзки,—началь говорить одинъ, выступившій впередъ,—отрѣзки-то, отрѣзки... а какъ же мы безъ этихъ отрѣзковъ кормиться будемъ?.. И что вы, баринъ, ваше высокоблагородіе, съ этими отрѣзками дѣлать будете?.. на что вамъ они? А мы-то... и дѣды наши... и отцы, ими, этими отрѣзками, владали безо всякаго, значить, сумлѣнія... какъ намъ таперя безъ нихъ обходиться будетъ?.. Смилуйтесь надъ нами, баринъ, ваше высокоблагородіе (онъ сталъ на колѣни, а за нимъ и всѣ), ужъ не трожь... вся земля за нами будетъ, какъ и была доселѣ...

— Встаньте, ребята, можно и безъ этого разговаривать. Я, конечно, не буду съ отрѣзками дѣлать того, что съ ними дѣлали вы, но законъ даетъ мнѣ право взять ихъ себѣ, и такъ какъ вы—народъ не бѣдный, то вы же у меня ихъ, эти отрѣзки, или наживать будете, или купите ихъ.

— Вы, вѣдь, баринъ, природные господа наши,—сказаль другой, выдвинувшись изъ толпы:—кого же и просить намъ, какъ не своихъ господъ, отъ кого же и милости намъ ждатель?.. Ужъ уважьте, баринъ милосливый, своихъ крестьянъ... не всѣ, вѣдь, мы богатые... Есть и такіе, что только кормятся... старые старики есть, бобылки есть, слѣпые... калѣки... — продолжалъ ораторъ, стараясь, очевидно, всей силой своего краснорѣчія повліять на мое сердце и на мое самолюбіе.

— Ну, тамъ видно будетъ. Намъ придется еще толковать. А теперъ, пока, прощайте. Подумайте и вы хорошенько.

— Да намъ что-жъ думать, баринъ, мы, слава Богу, отъ господъ своихъ оставлены не были... Прощенія просимъ. Счастливо оставаться!

Такого же рода разговоры происходили и со всѣми остальными деревнями.

Признаюсь, что вопросъ объ отрѣзкахъ началъ все болѣе и болѣе представляться мнѣ въ томъ освѣщеніи, которое придавали ему доводы крестьянъ. Хотя за мной, несомнѣнно, оставалось юридическое право на эти отрѣзки, но нравственное право, сознание того, что мы никогда не пользовались землями, состоявшими при деревняхъ, наконецъ, представленіе о бѣднякахъ, которые, дѣйствительно, встрѣчались въ каждой изъ деревень, склоняло меня къ рѣшенію оставить эти отрѣзки за крестьянами, тѣмъ болѣе, что такое разрѣшеніе этого вопроса упрощало и ускоряло развязку.

Я занялся составленіемъ уставной грамоты, съ предоставленіемъ крестьянамъ надѣловъ съ отрѣзками.

Наканунѣ одного изъ праздниковъ, староста Иванъ Александровъ, заявляетъ мнѣ, что крестьяне просятъ позволить имъ всѣмъ собраться здѣсь завтра.

Они хотятъ переговорить о чемъ-то съ «моей милостью».

Я согласился видѣться съ ними, но только не въ комнатѣ, а на улицѣ или на дворѣ. На другой день не только дворъ, но и вся улица были запружены народомъ.

Оказалось, что они интересовались вопросомъ о лѣсныхъ дачахъ, изъ коихъ одна, большая, была еще не размежевана и состояла въ общемъ владѣніи съ князьями Бѣлосельскими-Бѣловерскими и Голицыными, имѣвшими въ своихъ дачахъ по нѣскольку тысячъ десятинъ превосходнаго, сосноваго, строевого лѣса, а другая — меньшая, заключающая въ себѣ 168 десятинъ такого же превосходнаго лѣса, была уже размежевана и составляла нашу отдѣльную собственность.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, къ вашей милости пришли, — заговорили крестьяне.

— Чего же вы хотите?

— Да, вотъ, насчетъ лѣску узнать отъ вашей милости... какое положеніе намъ будетъ.

— Какъ, какое положеніе?.. Весь лѣсъ, по закону, принадлежитъ помѣщику... Крестьянамъ никакихъ правъ на лѣса не предоставлено... Ужъ вы многого хотите: и отрѣзки, да еще и лѣсъ...

— А мы, было, такъ смекали: у барина нашего лѣсу много... неужели-жъ онъ погонится за лѣсомъ, который къ деревнѣ «Гогино» причисленъ?.. Вѣкъ мы его растили, лѣсъ-то этотъ самый... берегли, какъ ребенка махонькаго... Какъ будемъ теперь жить, если рѣшиться его надо? Изъ чего свои избы строить будемъ? Помилуй, баринъ... не погуби...

— Что вы, что вы!.. Вы ужъ слишкомъ многого хотите... И отрѣзки, и лѣсъ... развѣ это возможно?.. Нѣтъ, вы ужъ лучше объ этомъ рѣчи не заводите: я не соглашусь на это... Да и возможно ли это сдѣлать! дача — совершенно отдѣльная, а васъ нѣсколько

деревень. Какъ же въ «грамотѣ» написать? Вѣдь, не одной же деревнѣ отдать всю дачу? А если ее дробить и прирѣзать къ деревнямъ,—надо брать землемѣра... Вы сами видите, что это невозможно; да я и не намѣренъ заводить эти хлопоты; я хочу, чтобы вы скорѣе пошли на выкупъ,—иначе вы будете совершенно безъ пользы для себя платить оброки... Понимаете ли вы это?..

— Ишь, какъ баринъ-то говорить, — переглядываясь между собою, шептались мужики,—словно оно, какъ быдто, и резонно... а, одначе, все-таки еще попросить надо...—толковали они, немного отодвинувшись отъ меня въ сторону.

— Все-таки, баринъ, хоть ты и правильныя слова сказалъ намъ, а мы всѣмъ міромъ тебя, милосливый, природный господинъ нашъ, просить желаемъ,—вновь обратясь ко мнѣ, заговорили они:—отдай ужъ и лѣсокъ-то намъ... мы завсегда твоими и родителейъ твоихъ вѣрными и покорными слугами были, никакого супротивства не дѣлали... Лѣсъ-то, вѣдь, кормилецъ ты нашъ, мы выростили и сберегли... намъ ѣсть и принадлежить... Ежели же мы отъ него отступимся... не ровень часть, какой и грѣхъ можетъ случиться...

— Это еще что?.. Какой грѣхъ?

— Да, вѣдь, всяко бываетъ... Какой ни на есть злой человекъ и «пѣтуха краснаго» поддустить можетъ... Тогда — ни тебѣ, ни намъ, никому не достанется...

— Ну, этими глупостями вы меня не пугайте... Вы слышали, что я сказалъ вамъ, и толковать съ вами объ этомъ мнѣ больше нечего. Прощайте.

Я ушелъ отъ нихъ раздосадованный.

Всѣ эти разговоры приводили меня въ крайне нервное состояніе. Въ глубинѣ души я не могъ не сознавать, что эти причитанія, іереміады и, наконецъ, угрозы имѣли одну цѣль: выговорить себѣ, какъ можно больше, взять все, что возможно... Съ другой стороны, нельзя было не чувствовать, что основанія, которыя указывались «міромъ» въ его просьбахъ,—были правильны: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сколько времени владѣли и пользовались крестьяне всей землей; въ самомъ дѣлѣ, не кто другой, какъ они же, заботились о лѣсѣ, выращивали его, берегли его... Тайный голосъ, совѣсть, невольно подсказывалъ: «они правы, отдай имъ отрѣзки, отдай имъ и эту лѣсную дачу... они, вѣдь, не претендуютъ на другую лѣсную дачу, еще не размежеванную... тамъ еще не было ни одного клочка въ ихъ владѣніи; они понимаютъ это, и не упоминаютъ даже объ этой дачѣ... говорятъ только, что у меня, и безъ того, лѣсу будетъ много»... Какая богатая, здравая, юридическая логика!

Не безъ борьбы, однако, съ самимъ собой я остановился на рѣшеніи отказаться въ пользу крестьянъ и отъ отрѣзковъ и отъ лѣсной дачи. Твердо рѣшивъ это, я приказалъ Ивану Александръ

рову вновь собрать ихъ всѣхъ. Когда я имъ объявилъ о своемъ рѣшеніи, они благодарили, конечно, но приняли его, какъ должное.

— Вотъ что ужъ, баринъ, коли такъ, то ты раздѣли ужъ намъ лѣсъ-то по душамъ, чтобы всѣмъ досталось поровну.

— Да какъ же это сдѣлать?

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: сосчитаемъ всѣ дерева, да и скажемъ тебѣ, сколько всѣхъ корней... ты ужъ и дѣли по-своему, какъ умѣешь...

— Какъ же это вы сосчитаете всѣ дерева на 168 десятинахъ?

— Отчего же? Лѣсъ-то, вѣдь, весь ровный... мы отмѣримъ мѣстахъ въ трехъ — по одной десятинѣ, скажемъ... да на всякой и сосчитаемъ, сколько деревъ-то. Вотъ оно, гляди, и выйдетъ, почитай, точка въ точку... А тамъ ты ужъ и дѣли, какъ знаешь... на каждую деревню, будь судьей праведнымъ.

Когда все это было исполнено, и грамота была составлена вчернѣ, нужно было предъявить ее посреднику и поѣхать для этого въ уѣздный городъ, гдѣ онъ жилъ въ своемъ домѣ.

Я распорядился, чтобы вслѣдъ за мной явились въ городъ и уполномоченные отъ крестьянъ для подписанія грамоты.

Я выѣхалъ наконецъ изъ деревни, чувствуя себя порядочно измученнымъ какъ нравственно, такъ и физически.

Посредникомъ былъ Иванъ Николаевичъ Конопляинъ, отставной кавалеристъ, холостякъ, человѣкъ съ независимыми средствами, невозмутимо покойнаго характера и симпатичный.

— Ваша уставная грамота—первая, которая ко мнѣ поступаетъ. Вы, такъ сказать, дѣлаете починъ, — сказалъ онъ мнѣ, когда я передалъ ему привезенную грамоту, — довольно щедро, таки, вы ихъ награждаете... даже и лѣсомъ надѣляете... Я бы такъ не сдѣлалъ, говорю вамъ откровенно.

— Да, но мнѣ хочется поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ.

Вскорѣ пріѣхали и уполномоченные, — человѣкъ пять.

Я пошелъ вмѣстѣ съ ними къ Ивану Николаевичу. Онъ прочелъ имъ грамоту.

— Ну, подписывайте. Вы, конечно, согласны на всѣ условія которыя я вамъ прочиталъ?

— Соглаены-то, согласны, а только подписывать не можемъ...

— Какъ же такъ? Согласны, а подписывать «не можемъ»?

— Потому... гдѣ рука, тамъ и голова, ваше высокородное благородіе, не можемъ подписывать...

— Стало быть, вы—неграмотные, что ли?

— Никакъ нѣтъ... грамотные... только, значить, сумнительно намъ: гдѣ рука, тамъ и голова... дѣло-то, вѣдь, навѣкъ дѣлается.

— Ну, конечно, навѣкъ. Чего же вы боитесь? Вѣдь отъ васъ ничего не берутъ, а, напротивъ, вамъ даютъ, сверхъ «Положенія»...

— А кто его знаетъ! Какъ бы потомъ въ отвѣтъ не быть передъ міромъ... Какъ угодно, а только подписывать мы не согласны. Гдѣ рука, тамъ и голова...

— Ну, вотъ что: приходите завтра утромъ ко мнѣ одни, безъ барина, я съ вами еще перечитаю вашу грамоту... Я вижу, что вы глупости говорите...

Иванъ Николаевичъ промучился съ ними дня два. Они, все-таки, отказывались отъ подписанія, твердя одно и то же: «гдѣ рука, тамъ и голова»... Наконецъ и посредникъ потерялъ съ ними терпѣніе.

— Знаете что? — сказалъ онъ мнѣ при нихъ: — уѣзжайте со всѣмъ отсюда. Съ этими людьми ничего нельзя сдѣлать. Они сами не понимаютъ своей пользы. Безъ васъ я обязанъ буду все сдѣлать, строго держась только статей «Положенія». Для васъ это будетъ гораздо выгоднѣе: вы и отрѣзки возьмете себѣ и никакого лѣса, ручаюсь вамъ, имъ не дадите.

Я послалъ за почтовыми лошадьми, распрощался съ Иваномъ Николаевичемъ и отправился на постоянный дворъ, чтобы уложить свои вещи и выѣхать.

Вслѣдъ за мной ко мнѣ явились уполномоченные и стали усердно просить остаться, такъ какъ они одумались наконецъ и поняли, что они чуть было не надѣлали непоправимыхъ глупостей.

Пришлось опять итти вмѣстѣ съ ними къ посреднику, гдѣ и состоялось наконецъ формальное совершеніе уставной грамоты, которую Иванъ Николаевичъ обѣщалъ мнѣ немедленно же представить въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, для отсылки ея въ Петербургъ, въ «главное выкупное учрежденіе».

Слава Богу! Окончилъ, наконецъ, это дѣло,—радостно думалъ я, садясь въ почтовые сани и выѣзжая изъ города.

Совершенно справедливо говорится: «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается».

Вѣрность этого изреченія подтвердится въ слѣдующей главѣ моего разсказа.

V.

Черезъ нѣкоторое время по возвращеніи моемъ въ Тамбовъ, я перевѣнчался въ Липецкѣ съ Маней. Братъ ея поселился въ имѣніи своей жены, въ Липецкомъ же уѣздѣ, а освободившійся домъ свой въ Тамбовѣ онъ предоставилъ временно Манѣ для жизни со мною. Такимъ образомъ, мы прожили въ Тамбовѣ все лѣто и осень, а на зиму переехали въ Москву, такъ какъ мнѣ нужно было еще окончить дѣло въ тверскомъ имѣніи, попадать въ которое изъ Тамбова было крайне затруднительно; изъ Москвы же, благодаря желѣзной дорогѣ, переѣздъ этотъ совершался легко. Къ

тому же, должно было въ скоромъ времени открыться желѣзнодорожное сообщеніе между Москвой и Нижнимъ, что также было для меня весьма важно.

Прошло года полтора послѣ того, какъ произошло совершеніе уставной грамоты, описанное мною выше. Полагая, что дѣло о выкупѣ уже идетъ къ концу, и ожидая въ Москвѣ со дня на день извѣщенія о разрѣшеніи выкупной сдѣлки, я вдругъ получаю отъ посредника официальное сообщеніе о томъ, что все мое дѣло возвращено «главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ», за непредставленіемъ крѣпостныхъ документовъ, доказывающихъ права мои на имѣніе, представленное мною къ выкупу.

О необходимости представленія этихъ документовъ мнѣ и въ голову не приходило. Вѣроятно, и посредникъ, и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, препроводившіе все дѣло въ Петербургъ, тоже считали лишнимъ или необязательнымъ приложеніе этихъ документовъ къ сдѣлкѣ, добровольно совершенной, ибо и они ихъ отъ меня не требовали. Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мнѣ «тетенькой», никакихъ актовъ объ утвержденіи меня и сестеръ моихъ въ правахъ наслѣдства послѣ смерти отца, а равно документовъ, доказывающихъ права отца,—вовсе не находилось. Владѣли имѣніемъ и онъ и мы только фактически. Очевидно было, что, если я не найду этихъ документовъ въ дѣлахъ опеки, необходимо будетъ начинать хлопоты объ утвержденіи меня въ правахъ наслѣдства, а, какъ извѣстно, эта процедура весьма сложная и продолжительная.

Дѣлать нечего. Пришлось опять ѣхать въ уѣздный городокъ.

Судебная реформа не была еще введена, поэтому я нашелъ въ городѣ прежній уѣздный судъ, съ судьей во главѣ, съ засѣдателями и съ уѣзднымъ стряпчимъ, на которомъ лежали прокурорскія обязанности.

Первымъ дѣломъ я отправился въ этотъ уѣздный судъ. Войдя въ присутствіе, я увидѣлъ весьма представительнаго господина, возсѣдавашаго на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Это и былъ судья. Съ высокимъ, открытымъ лбомъ и окладистой бородой, онъ, впрочемъ, былъ похожъ скорѣе на купца, а не на судью.

Я изложилъ ему свое дѣло.

— Гм...—промычалъ онъ,—если вы не найдете въ опекѣ необходимыхъ бумагъ, ваше положеніе будетъ плохое. Вѣдь, знаете ли что? По-моему, вы пропустили всѣ сроки, и ваше имѣніе будетъ, пожалуй, выморочнымъ. Вы все потеряете...

Я былъ пораженъ этими словами. Мнѣ живо представилось мое положеніе, безвыходность котораго усиливалась еще и тѣмъ, что я вовсе не былъ свѣдущъ въ знаніи законовъ, а тѣмъ болѣе въ той казуистикѣ, съ которой велись процессы яри старомъ судопроизводствѣ, и о которой я имѣлъ весьма нелестныя для нея представленія изъ литературы.

Я оторопѣлъ. Но все же, придя въ себя, сообразилъ, что нельзя же признать выморочнымъ родовое имѣніе, которое столько лѣтъ состояло въ нашемъ фактическомъ, никѣмъ и ничѣмъ не нарушимомъ владѣніи. Я высказалъ это судѣ, который сомнительно покачалъ головой и сказалъ:

— Врядъ ли это такъ? Впрочемъ, узнайте, нѣтъ ли чего въ опеку, а затѣмъ милости прошу пожаловать завтра ко мнѣ въ домъ. Мы тамъ потолкуемъ съ вами. Можетъ быть, чтонибудь и придумаемъ.

Въ опеку никакихъ документовъ не оказалось. Сказали, что ихъ не могло быть здѣсь, потому что главная опека сосредоточена въ городѣ Бѣломъ, Смоленской губерніи. Если документы и были представлены, то не иначе, какъ въ эту главную опеку. Не угодно ли путешествовать за этими сомнительными справками въ городъ Бѣлый? Сколько хлопотъ и времени надо потратить на это!...

На другой день я пошелъ къ судѣ на домъ.

— Знаете, я много думалъ о вашемъ дѣлѣ. Хорошо, что вчера въ присутствіи никого, кромѣ меня, не было. Мы съ вами какънибудь еще столкнемся, а будь нашъ разговоръ при этихъ засѣдателяхъ дѣло затруднилось бы еще болѣе: съ ними надо быть насторожѣ, они рады, когда есть возможность... — судья сталъ сучить пальцами правой руки, какъ бы разминая ими что-то, и, подмигнувъ глазомъ, прибавилъ:—понимаете?...

— Убѣдительно васъ прошу, Александръ Михайловичъ,—имя судьи,—войти въ мое положеніе и помочь мнѣ поскорѣе окончить это дѣло. Позвольте рассчитывать, что вы, какъ лицо, свѣдущее по части законовъ, не откажете мнѣ въ этомъ.

— Весьма готовъ, весьма готовъ... но только, знаете... безъ расходовъ невозможно... Надо... — судья опять сдѣлалъ тотъ же жестъ, сказавъ:—понимаете?...

— Да, но сколько же?

— Сейчасъ не могу сказать вамъ... Ну, знаете ли?... Засѣдатели, стряпчій... все это требуетъ... — опять жестъ.—Понимаете?... Мы еще съ вами, надѣюсь, часто будемъ видѣться... поближе познакомимся, и я буду руководить вашими дѣйствіями... указывать, кому и сколько... Полагаю, что для ускоренія мы даже публикацій, требуемыхъ закономъ, не будемъ дѣлать, а постараемся все это устроить болѣе простымъ способомъ, если, кромѣ засѣдателей, не пойдетъ противъ насъ стряпчій... ну, да это все уладится, если...—опять жестъ и опять:—понимаете?...

Читатели поймутъ, какое дѣйствіе произвелъ весь этотъ разговоръ на душу человѣка, никогда еще не сталкивавшегося съ подобными явленіями.

Какъ ни былъ я возмущенъ всѣмъ этимъ, я ухватился за содѣйствіе, обѣщанное мнѣ судьей, какъ утопающій хватается за соломинку.

Началось, конечно, подачею въ судъ прошенія, а затѣмъ послѣдовало ежедневное «хождение по дѣлу». Дѣло двигалось, но медленно, ибо, по словамъ судьи, никакъ не слѣдовало обнаруживать ни нетерпѣнія, ни торопливости, дабы не дать повода этимъ господамъ засѣдателямъ возвысить свои требованія.

Изъ скромности я умолчу о томъ, «какъ и сколько»... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ судья торжественно вручилъ мнѣ подписанное имъ и засѣдателями рѣшеніе объ утвержденіи насъ всѣхъ въ правахъ наслѣдства по всѣмъ тремъ имѣніямъ.

— Теперь отправляйтесь съ этимъ рѣшеніемъ къ стряпчему. Безъ него обойтись нельзя, ибо всѣ рѣшенія уѣзднаго суда должны представляться ему на просмотръ. Ведите съ нимъ разговоръ прямо. Онъ у насъ не стѣсняется... и даже, пожалуй, самъ выскажетъ вамъ все, что нужно.

Отправляюсь къ стряпчему. Въ маленькой квартиркѣ, съ почти вертикальной, узкой входной лѣтницей, встрѣчаетъ меня господинъ средняго роста, худой, сутуловатый, съ лицомъ, совершенно изрытымъ оспой, съ толстыми, сморщенными губами, весьма некрасиваго очертанія, съ глазами неопредѣленнаго цвѣта, смотрящими хищническимъ взглядомъ, и съ руками костлявыми, холодными, потными.

— Я зналъ, что вы ко мнѣ придете,—произнесъ стряпчій рѣзкимъ басомъ:—садитесь.... дайте рѣшеніе... Безъ меня.... если я не расчеркнусь на немъ, оно никакого не будетъ имѣть дѣйствія....—вновь прибавилъ онъ, положивъ рѣшеніе подъ свои костлявыя руки и глядя на меня въ упоръ своими подслѣповатыми глазами.

— Ну... какъ?.. сколько можете?..

— Не знаю, сколько вы назначите...

— Полтораста...

— Не могу... Нельзя ли уменьшить?..

— За такое-то дѣло?.. Ну, да что толковать!.. Сколько дадите?..

— Сто...

— Мало!.. Впрочемъ, такъ и быть... Давайте...

Онъ схватилъ деньги, всунулъ ихъ въ боковой карманъ, взялъ перо и съ расчеркомъ подписалъ рѣшеніе.

Я выскочилъ отъ стряпчаго, какъ угорѣлый выскакиваетъ изъ комнаты, наполненной смрадомъ, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Не помню, какъ я дошелъ до квартиры посредника, сжимая въ своихъ рукахъ рѣшеніе, доставшееся мнѣ съ такими ужасными душевными испытаніями.

Посредникомъ былъ уже не Иванъ Николаевичъ, который занялъ постъ уѣзднаго предводителя дворянства, а другой, полковникъ въ отставкѣ, фамиліи котораго я не помню.

— Вотъ, полковникъ, актъ объ утвержденіи меня въ правахъ наслѣдства къ имѣнію. Надѣюсь, что вы не замедлите отправить все дѣло по назначенію.

— Конечно-съ... Полагаю, что теперь въ Петербургѣ останутся совершенно довольны бумагами, необходимыми для дѣла, и, вѣроятно, скоро утвердятъ вашу выкупную сдѣлку, — сказалъ высокій полковникъ какимъ-то фальцетнымъ голосомъ, вовсе не соответствующимъ ни его высокой фигурѣ, ни военному скуртуку, въ который онъ былъ одѣтъ.

Обнадеженный и успокоенный этими словами, я возвратился въ Москву.

Живу себѣ тамъ, претерпѣвая всякія лишенія, такъ какъ всѣ мои денежные запасы уже изсякли, по случаю произведенныхъ мною значительныхъ затратъ... Понимаете?..

Проходитъ еще болѣе года. Вдругъ, опять—официальное извѣщеніе отъ того же посредника: «ваша выкупная сдѣлка возвращена, такъ какъ къ ней не приложено листа о вводѣ во владѣніе».

— Ахъ... ты, Господи!..—восклицаю съ отчаяніемъ:—опять проволочка будетъ... Опять надо въ уѣздный городъ ѣхать... Опять тратиться и возиться съ судьей, засѣдателями, стряпчимъ...

Поѣхалъ. Получилъ изъ суда постановленіе о вводѣ. Собралъ весь персоналъ, требуемый для исполненія этого. Повезъ его на мѣсто. Получилъ вводный листъ. Представилъ его посреднику, выслушалъ отъ него тѣ же успокоивающія душу рѣчи и уѣхалъ.

Опять живу да поживаю въ Москвѣ, испытывая еще болѣе большую финансовую нужду и нигдѣ не получая никакихъ занятій, несмотря на всѣ мои хлопоты.

Проходитъ еще болѣе года, и какъ вы думаете? Вмѣсто ожидаемаго выкупа... новое сообщеніе отъ посредника: «выкупная сдѣлка возвращена за непредставленіемъ плановъ»...

— Боже праведный!.. Вѣдь, это—тяжкое испытаніе, посылаемое Тобою...

Посылаю посреднику планы. Кажется, теперь уже все исполнено. Неужели же опять вернуть?.. Этого не можетъ быть... Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что сдѣлка будетъ утверждена, и въ концѣ концовъ выкупъ долженъ быть разрѣшенъ...

Вновь проходитъ около года. Простите, читатель, что злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, и не подумайте, что позволяю себѣ утомлять ваше вниманіе вымыслами моей фантазіи... Рассказываю одну сущую правду.

Получаю новое официальное сообщеніе отъ того же посредника: «выкупная сдѣлка возвращена для исправленія количества земли,

отдаваемой крестьянамъ, такъ какъ это количество, определенное уставной грамотой, не согласуется съ планами, въ которыхъ значится земли на 200 съ чѣмъ-то сажень меньше противъ того, что показано въ уставной грамотѣ».

И всѣ эти проволочки, всѣ эти требованія—«черезъ часъ, вѣрнѣе, черезъ годъ по ложкѣ», обрушились изъ-за этихъ несчастныхъ 200 сажень именно на такую сдѣлку, по которой было предоставлено крестьянамъ не только все количество земли, которое слѣдовало по «Положенію», но даже нѣсколько сотъ десятинъ лишнихъ, да еще съ великолѣпнымъ строевымъ лѣсомъ...

Кстати—объѣтомъ лѣсѣ. Въ одну изъ моихъ злополучныхъ поѣздокъ встрѣчаю въ томъ же уѣздномъ городѣ все того же старосту Ивана Александра. Мы оба обрадовались, увидавъ другъ друга.

— Ну, какъ мужички [поживаютъ?.. Поди, чай, обстроились, живутъ въ хорошихъ новыхъ избахъ?..

— Какое, батюшка, Стиславъ Владимировичъ, все прахомъ пошло!

— Какъ!.. Неужели лѣсъ сгорѣлъ?..

— Сгорѣть—не сгорѣлъ... Хуже: весь пропили...

— Какъ же это такъ?..

— Да такъ, взяли, да и пропили... Все—«міръ». Старики-то радѣли... говорили на «міру»: «срубимъ» да бревна раздѣлимъ, какъ въ грамотѣ сказано, свеземъ къ домамъ. Куда-те! Стали перекоряться... Одному, говорятъ, хорошее бревно достанется, другому—плохое... одна драка промежъ насъ выйдетъ... Не хотимъ, говорятъ, лучше продадимъ, да деньги эти пропьемъ, по крайности, удовольствіе себѣ сдѣлаемъ... Взяли, да и составили приговоръ: «продать». Ну, знамо, деньги-то всѣ и пропили.

У меня руки опустились. Зачѣмъ я былъ такъ непроходимо глупъ и наивенъ? Зачѣмъ я сдѣлалъ этотъ безразсудный подарокъ? Можно ли было предвидѣть, что онъ принесетъ пользу опять таки только одному, тому же Разуваеву, въ кабакъ котораго, устроенный въ деревнѣ, на злачномъ мѣстѣ, мужикъ тащилъ все свое достояніе?..

Моя выкупная сдѣлка не была уже больше возвращаема. Довольно, кажется. По крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть было потрачено на эти возвращенія, благодаря которымъ крестьяне обязаны были въ теченіе всего этого времени платить оброки. А что сдѣлалось со мною? Вынужденный обстоятельствами, столь фатально для меня складывавшимися, я попалъ въ цѣпкія руки одного изъ московскихъ ростовщиковъ,—именно въ это время они и собирали съ дворянъ-помѣщиковъ свои обильныя жатвы,—нѣкоего Адама Сергѣевича Шва—ца, надъ входной дверью въ квартиру котораго красовалась не большая, но очень краснорѣчивая вывѣска: «врачъ челоувѣколюбиваго общества»... (Не правда ли, какая иронія... ка-

кое милое сопоставленіе!). Дѣло началось съ одной тысячи рублей, изъ коихъ я получилъ наличными деньгами менѣе 600 рублей, такъ какъ вычтены были $\frac{0}{100}$, по 6 на 100 въ мѣсяць; остальное—роялю, которую я вынужденъ былъ взять, чтобы получить хотя эту сумму. При продажѣ этой рояли я едва могъ выручить за нее около 200 рублей. Въ Москвѣ я былъ знакомъ съ сенаторомъ, камергеромъ Похв—вымъ, давно уже умершимъ, который мнѣ рассказывалъ, что въ эту же эпоху уничтоженія крѣпостного права, нуждаясь въ нѣсколькихъ стахъ рубляхъ, онъ тоже обратился къ одному изъ ростовщиковъ съ просьбой дать ему въ заѣмъ на короткое время эти деньги.—Хорошо, я пришлю, — былъ отвѣтъ. Ростовщикъ сдержалъ свое слово; но вмѣсто денегъ прислалъ Похв—ву гробовъ на эту сумму. Похв—въ, которому я рассказывалъ о своихъ злословіяхъ, добродушно смѣясь, возразилъ мнѣ:

— Вы, хотя роялю получили часть денегъ, а я получилъ всю сумму не деньгами, а гробами...

Ко времени, когда состоялось разрѣшеніе выкупа, долгъ, двѣ трети котораго, по крайней мѣрѣ, составляли $\frac{0}{100}$ по векселямъ, которые переписывались съ приобщеніемъ $\frac{0}{100}$ къ суммѣ долга, превысилъ уже выкупную ссуду, которая попала, конечно, цѣликомъ въ карманъ «врача челоуѣколюбиваго общества» и тѣхъ лицъ, которымъ онъ передалъ часть моихъ векселей, по безоборотнымъ бланкамъ, такъ что я не только не «проѣлъ своего послѣдняго выкупного свидѣтельства» (какъ говоритъ Щедринъ), но даже и въ глаза не видѣлъ этихъ бумагъ. Къ тому же, эта выкупная ссуда лежала еще нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, такъ какъ оно не считало себя въ правѣ дѣлить ее между моими кредиторами, а эти послѣдніе, для того, чтобы получить ее и чтобы заставить окружной судъ потребовать ее отъ означеннаго присутствія, рѣшили просить судъ объявить меня несостоятельнымъ должникомъ. Но этого, къ счастью моему, не произошло, потому что цѣнность всего моего имущества, во всякомъ случаѣ, превышала сумму моихъ долговъ. Такое положеніе дѣла заставило моихъ кредиторовъ быть уступчивѣе въ своихъ требованіяхъ, что дало мнѣ возможность раздѣлаться съ своими долгами, покрывъ ихъ только одной выкупной ссудой по этому имѣнію.

Много я могъ бы еще рассказать интереснаго по поводу дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ, вытекшихъ изъ описаннаго мною положенія дѣла, но это расширило бы рамки моего повѣствованія, и безъ того утомившаго, вѣроятно, вниманіе читателей.

Р. В. Пасевъевъ.

ПОДЪ ГРОЗОЙ¹⁾.

Повѣсть.

(Посвящается С. Н. Шубинскому.)

XV.

КРОМЪ Николай Ильичъ былъ очень удивленъ, получивъ записку Сервиорога. Ее принесъ пастухъ, который получилъ конвертъ отъ какого-то неизвестнаго человѣка изъ города. Желтугинъ оглядѣлъ листокъ со всѣхъ сторонъ и приказалъ Силантію позвать Наташу.

— Вотъ прочти, — протянулъ онъ записку дѣвущкѣ: — что ты объ этомъ скажешь?

Наташа прочла записку и вернула ее отцу со словами:

- По-моему, нужно сегодня же ѣхать.
- Это легко сказать, сегодня.
- Но мы уже собираемся чуть ли не цѣлый мѣсяцъ.
- Ничего не подѣлаешь. Нельзя все бросить на произволъ судьбы и бѣжать. А ты что думаешь, Силантій, отъ кого можетъ быть эта записка?

— Ежели насчетъ записки, — отозвался камердинеръ: — то ее не кто иной, какъ Василій Ивановичъ прислали.

- Вотъ еще, — изумился Желтугинъ: — съ чего это ты взялъ?
- Никакъ не иначе, — съ убѣжденіемъ отвѣчалъ Силантій: — по-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 449.

тому они теперь видятъ, что они насъ напрасно обидѣли, а главное имъ барышню жаль. По барышнѣ они все время шибко убиваются. Со мной сперва только и разговору было, что про барышню, а потомъ они на меня осерчали за то, что я ничего не хотѣлъ говорить. Они даже мнѣ сказали: «Силантій, помоги мнѣ, чтобы Наташа была моей, и я тебя озолочу». А только я сказалъ, что не согласенъ, и за это они на меня еще пуще осерчали.

Желтугинъ покачалъ головой и замѣтилъ:

— А вѣдь онъ тебя дѣйствительно любитъ, Наташа.

— Папа, не говори мнѣ объ этомъ, — твердо отвѣчала дѣвушка: — ты уже хорошо знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Ну, что ты скажешь объ отъѣздѣ, Силантій?

— Ъхать надо скорѣе, безпремѣнно, въ письмѣ сказана сущая правда. Утромъ наши мужики изъ города пришли и говорятъ, что тамъ уже приказъ отданъ, какъ Пугача встрѣчать. А главное и у насъ не вѣрятъ, чтобы Пугачъ царемъ не былъ. Когда жену Пугача сюда привезли и на базаръ водили, никто ей слову не повѣрилъ. Такъ, говорятъ, бабу какую-то прислали, и гдѣ, говорятъ, простому казаку такой силы набраться, чтобы крѣпости брать и полки съ генералами разбивать? А Пугачъ близко. Ужъ конныя шайки у Шамбута видали. Надо ѣхать.

— Ну, хорошо, — заключилъ Желтугинъ: — я сейчасъ поѣду въ городъ и наведу подробныя справки о положеніи дѣлъ.

Послѣ полудня карета Николая Ильича уже катилась въ городъ. На всякій случай фореиторъ Гришка и гайдукъ Лука были вооружены саблями и пистолетами. При Желтугинѣ также была шпага, а ящикъ съ парой французскихъ пистолетовъ лежалъ на переднемъ сидѣннѣ кареты.

Когда Николай Ильичъ вѣхалъ въ Казань, онъ замѣтилъ на улицахъ ея необычайное оживленіе. За городъ къ Волгѣ тянулись возы съ добромъ и семействами жителей, другіе такіе же возы вѣзжали въ городъ. Въ различныхъ частяхъ Казани виднѣлись наскоро сооруженныя батареи; на площадяхъ вооруженные обыватели обучались строю и командѣ подъ руководствомъ старыхъ солдатъ. По всему было видно, что городу грозитъ нешуточная опасность.

Губернатора Николай Ильичъ не засталъ дома, но зато встрѣтилъ Каница и съ нимъ разговорился.

— Вы къ его превосходительству и не ходите болѣе, — посоветовалъ директоръ гимназіи: — ему теперь не до того. У него кругомъ голова пошла, а скорѣе перебирайтесь въ Казань да и устраивайтесь въ своемъ домѣ.

— Въ Казань, — повторилъ Желтугинъ, — а у меня уже все готово, чтобы въ Петербургъ ѣхать.

— Въ Петербургъ—не безопасно. Пока въ нашемъ краю находятся мятежники, вы безъ конвоя всѣмъ рискуете въ дорогѣ. Переѣзжайте скорѣе къ намъ въ городъ... Казань осады не боится. Она укрѣплена, и, кромѣ того, до осады, вѣроятно, дѣло не дойдетъ. Михельсонъ уже предупрежденъ, Голицынъ тоже... Изъ Москвы не сегодня-завтра пріѣдетъ Потемкинъ, а за нимъ подойдутъ подкрѣпленія.

— А въ Казани, вы думаете, безопасно?—спросилъ Николай Ильичъ.

— Я почти увѣренъ. Весь городъ поднять на ноги, планъ защиты уже выработанъ и объявленъ; теперь желательно, чтобы въ городъ стеклось возможно больше народу. Приняты и предупредительныя мѣры. Навстрѣчу Пугачеву посланъ полковникъ Толстой съ двумястами нижнихъ чиновъ и орудіемъ.

Заодно Каницъ сообщилъ помѣщику весь планъ городской защиты. Какъ оказалось, вся оборонительная линія съ батареями была раздѣлена между тремя начальниками, генералами Баннеромъ и Ларіоновымъ и полковникомъ Свѣчиннымъ. Крѣпость была передана въ завѣдываніе полковника Лецкого, а слободы предоставлялись защитѣ самихъ обывателей. Всѣхъ защитниковъ города и слободъ расписали по своимъ мѣстамъ; при первой тревогѣ, пушечномъ выстрѣлѣ и набатномъ звонѣ, всѣ вооруженные жители должны были становиться по мѣстамъ и не покидать ихъ ни подъ какимъ предлогомъ. Нарушителей этого предписанія приказано было колоть и стрѣлять безъ всякаго сожалѣнія въ примѣръ остальнымъ.

Заодно Каницъ пригласилъ Желтугина въ гимназію посмотреть на приготовленіе воспитанниковъ къ оборонѣ города. На гимназическомъ дворѣ Николай Ильичъ увидѣлъ старшихъ учениковъ, производившихъ пѣхотное ученіе съ ружьями и штыками въ рукахъ.

— Къ сожалѣнію, только генералъ Ларіоновъ не въ-время отпросился въ отпускъ,—замѣтилъ бравый командиръ гимназіи:—его постъ поэтому пока остается незамѣщеннымъ.

— Какъ же его отпустили?—изумился Николай Ильичъ.

— Что же будешь дѣлать? Онъ—человѣкъ вліятельный, у него большія связи въ Петербургѣ,—отвѣчалъ Каницъ.

— Храбрый генералъ, нечего сказать,—замѣтилъ Желтугинъ:—это онъ уже второй разъ такъ отличается. Въ первый разъ при жизни Бибикова онъ бросилъ нашъ «дворянскій корпусъ», а теперь бросилъ свою батарею.

— Да, оно лучше, когда такіе герои уѣзжаютъ,—улыбнулся Каницъ.

— Оно, пожалуй, такъ,—согласился Николай Ильичъ.

— Такъ перебирайтесь въ Казань,—посоветовалъ Каницъ,—а какъ только Пугачева прогонятъ опять въ степи, вы поѣдете въ Петербургъ.

На этомъ рѣшеніи остановился Желтугинъ. Дома ожидали его возвращенія съ нетерпѣніемъ и были очень огорчены, узнавъ о новомъ планѣ переѣзда въ Казань.

— Папа,—воскликнула Наташа, оставшись съ отцомъ наединѣ:— значитъ, ты хочешь подвергнуть насъ всѣмъ опасностямъ осады. Ты знаешь, у Пугачева есть пушки.

— Ты—дитя,—возражалъ Желтугинъ:—Пугачевъ врядъ ли осмѣлится на осаду Казани, кромѣ того, 'его предупредятъ, за нимъ гонятся Михельсонъ и Обернибѣсовъ. Они не допустятъ осады. А что мы будемъ дѣлать въ дорогѣ, если на насъ нападетъ мятежническая шайка?

— У насъ будетъ свой конвой.

— Большая на него надежда. Если бы у насъ, кромѣ меня, былъ хоть одинъ мужчина.

— Папа,—не удержалась Наташа,—у насъ ихъ будетъ двое.

— Двое. Кто это?

Дѣвушка рассказала о предложеніи Сервиорога и о его недавнемъ посѣщеніи. Николай Ильичъ вспыхнулъ.

— Часъ отъ часу нелегче,—въ гнѣвѣ вскричалъ онъ:—дочь моя, Желтугина, ходитъ на ночныя свиданія, и съ кѣмъ?—съ измѣнникомъ, который готовился передаться на сторону бунтовщиковъ. Это—Божье наказаніе. Взгляни на меня.

Дѣвушка взглянула въ лицо отца. Сама она была блѣдна, какъ изваяніе.

— Папа, — медленно проговорила она, — тебѣ большой грѣхъ такъ говорить.

— Мнѣ грѣхъ?— вскричалъ Желтугинъ:—тебѣ, матушка, грѣхъ надѣвать на отца петлю, заставляя его брататься съ измѣнникомъ.

— Папа, Брониславъ,—не измѣнникъ, онъ не захотѣлъ быть измѣнникомъ, я тебѣ это говорила.

— Какъ ты сказала? — въ недоумѣніи спросилъ Николай Ильичъ:—кто такой? Брониславъ?

— Да, папа, Брониславъ.

— Да ты, матушка, ужъ не влюбилась ли въ него?

— Да, папа, я его люблю, — смѣло отвѣчала дѣвушка:—и онъ меня любитъ. Я дала ему слово, что буду его женой.

— Женой,—воскликнулъ Желтугинъ,—да ты съ ума сошла! Что я слышу! Каково! Меня одурачили! Жалкій проходимецъ! Онъ пользовался моими благодѣяніями, собиралъ подъ моей кровлей бунтовщицы собранія, опозорилъ меня, набросилъ на меня тѣнь и наконецъ крадетъ у меня дочь. Да гдѣ же справедливость послѣ этого? Нѣтъ, слышишь, Наталья, пока я живъ, ты не выйдешь изъ-подъ моей власти. А самъ-то я хорошъ. Этакій дуракъ, такой разиня!.. Все думалъ, что тутъ играетъ роль одна жалость къ человѣческому несчастію. И тебѣ, конечно, въ твоемъ свиданіи помо-

гала Шарбонье. Правъ былъ Карцовъ, когда предупреждалъ меня противъ нея.

— Жюли здѣсь не причесть,—отвѣчала Наташа:—если кто виновать передъ тобою, такъ только я одна, и я готова тебѣ дать отвѣтъ.

— Я вижу, въ чемъ твой отвѣтъ,—также волнуясь, продолжалъ Желтугинъ,—но этому не бывать и не бывать. Сейчасъ собирайся въ Казань. И какъ хитроумно придумали! Онъ присоединится въ дорогѣ, какъ бы случайно. И на чорта онъ мнѣ нуженъ! Я ему нуженъ, это я вижу. Онъ гонится за богатой невѣстой.

— Нѣтъ, папа, Брониславъ не гонится за богатыми невѣстами, онъ—не Карцовъ. Онъ все забылъ ради меня. Онъ благородный, честный человекъ. Не порочь его, папа, напрасно.

Желтугинъ посмотрѣлъ на дочь съ удивленіемъ.

— Да будешь ты молчать у меня наконецъ?—произнесъ онъ.

— Если хочешь, я не скажу болѣе ни слова.

— И не говори, не раздражай меня. Значить, и записку писалъ твой Сервиогъ?

— Да, онъ писалъ.

— Одурачить меня хотѣли. Такъ мнѣ и надо, по дѣломъ. Ну, ладно, это будетъ въ послѣдній разъ.

Наташа еще никогда не видала отца въ такомъ возбужденномъ состояніи. Николай Ильичъ задыхался. Онъ упалъ на кресло, потирая рукою грудь и точно давясь чѣмъ-то. Наташа побѣжала за Жюли и Силантиемъ. Хотѣли поскорѣй послать въ городъ за врачомъ, но Желтугинъ отдышался. Онъ приказалъ немедленно возы съ добромъ отправить въ городъ, а Наташѣ ѣхать туда съ Жюли вечеромъ безотлагательно. Желтугинскій обозъ выѣхалъ, какъ только впрягли лошадей, а дамы остались до обѣда.

— Поздравьте, — насмѣшливо за столомъ сказалъ Желтугинъ французенкѣ:—Наташа выходитъ замужъ.

— Вотъ какъ! — весело откликнулась французенка, притворяясь ничего не понимающей:—отъ души поздравляю. Но за кого?

— За будущаго тюремнаго сидѣльца и висѣльника,—отвѣчалъ злорадно Николай Ильичъ.

— Папа,—промолвила Наташа, вставая изъ-за стола,—ты меня нарочно оскорбляешь. Я не ожидала отъ тебя такихъ страшныхъ словъ. Они недостойны моего отца.

Дѣвушка направилась къ двери. Желтугинъ опѣшилъ.

— Вся въ мать, вся въ мать, — прошепталъ онъ:— такая же гордая, какъ она.

Въ тотъ же вечеръ Желтугины уже находились въ своемъ Казанскомъ домѣ. Цѣлыя горы всевозможнаго добра были сложены въ обширный подвалъ дома, а въ комнатахъ оставлено только самое необходимое. Николай Ильичъ помѣстился въ угловой комнатѣ

съ лѣстницей въ садъ, гдѣ нѣкогда жилъ Сервиругъ, а Наташѣ было приказано жить рядомъ. Желтугинъ рѣшилъ самъ надзирать за нею, хотя появленія графа въ Казани, гдѣ каждую минуту его могли схватить, онъ не опасался. Отецъ съ дочерью не разговаривали.

Въ день переѣзда Николай Ильичъ до поздней ночи о чемъ-то толковалъ съ Силантиемъ. Наташа напряженно вслушивалась за стѣной въ этотъ разговоръ и убѣдилась, что дѣло шло не о Сервиругѣ. Желтугинъ говорилъ о хозяйственныхъ дѣлахъ, о надзорѣ за покинутымъ имѣніемъ, о перевозкѣ оставшихся вещей и сѣна въ городъ, о предстоящей уборкѣ хлѣба. Наташа же не могла поговорить даже съ Жюли.

XVI.

Восьмого іюля пріѣхалъ наконецъ долго ожидаемый начальникъ обѣихъ секретныхъ комиссій Потемкинъ. Какъ родственника могущественнаго фаворита, его встрѣтили съ громадными почестями. Высшіе чины вышли навстрѣчу Потемкину въ полной парадной формѣ. Солдаты стояли шпалерами вдоль улицъ и держали на караулѣ. Архіерей произнесъ торжественную рѣчь. Все это Потемкинъ принялъ, какъ должное, и съ первыхъ же шаговъ наговорилъ грубостей и Брандту, и Баннеру, и Свѣчину съ Лецкимъ. Самонадѣянный и самоувѣренный, заносчивый и хвастливый, онъ сразу обо всемъ принялся судить и рядить, еще не видя ничего въ глаза. Николай Ильичъ въ числѣ прочихъ присутствовалъ при встрѣчѣ кузена фаворита и вынесъ столь же удручающее впечатлѣніе, какъ и другіе. Пока отецъ былъ въ кремлѣ на встрѣчѣ, Наташа оставалась одна.

Жюли было запрещено съ ней сноситься. Дѣвушка пребывала въ опалѣ, но она замѣчала, что самъ Желтугинъ тяготился наступившимъ отчужденіемъ отъ дочери и разладомъ въ семьѣ. Вѣдь ихъ и было-то всего двое на свѣтѣ. Кромѣ того, наступали грозныя и рѣшительныя минуты. Наташѣ тогда самой неудержимо хотѣлось по-старому кинуться на грудь отцу, обнять его и подѣлиться чувствомъ и мыслями, но она вспоминала о нанесенномъ ей оскорбленіи и переламывала себя. Ей было мало того, что она уже нѣсколько разъ встрѣчала заискивающіе взгляды Николая Ильича; ей нужно было, чтобы отецъ призналъ передъ нею свою неправоту. И среди этихъ волненій и горечи душевнаго одиночества еще болѣе ее тянулъ къ себѣ образъ молодого поляка.

Въ ожиданіи возвращенія отца со встрѣчи Потемкина, Наташа вошла въ комнату Николая Ильича и начала перелистывать на столѣ бумаги. Вдругъ легкій стукъ заставилъ ее поднять голову. Стукъ послышался отъ двери, выходившей въ садъ. Еще нѣсколько

мгновеній, дверь эта отворилась, и на порогѣ показалась фигура Сервилога.

— Брониславъ,—тихо вскрикнула дѣвушка,—ты здѣсь! Бѣги скорѣе. Если тебя увидятъ, ты погибъ.

— Не бойся, дорогая,—отвѣчалъ спокойно конфедератъ,—пока мы въ безопасности. Пробраться къ тебѣ было чортovski трудно. Ты и не знаешь, что Карцовъ окружилъ вапшъ домъ шпионами. Сегодня только я могъ пробраться сюда, благодаря суматохѣ съ приѣздомъ Потемкина. Видишь, смѣлость города беретъ. Мы имѣемъ въ распоряженіи нѣсколько минутъ.

Пользуясь этими минутами, Наташа рассказала конфедерату о своемъ разговорѣ съ отцомъ и послѣдствіяхъ этой бесѣды. Сервилогъ опустилъ голову.

— Да, все это очень печально. Самъ я люблю и уважаю твоего отца, а онъ сдѣлалъ непростительную ошибку, не уѣхавъ по моему совѣту. Ты знаешь, Толстому передъ скопищами не одобровать; его задавятъ численностью. Даже напрасно послали этихъ двѣсти солдатъ: они бы оченьгодились въ самой Казани. А теперь, кто знаетъ, что будетъ. Если придется, мы умремъ вмѣстѣ, моя дорогая. Не правда ли?

— Вмѣстѣ,—отвѣчала Наташа.

— Такъ и знай. Въ минуту опасности я со своимъ другомъ Млынарскимъ будемъ около тебя. Этотъ человекъ преданъ мнѣ беззаветно; къ тебѣ подойдутъ только черезъ наши трубы.

— Какіе ужасы ты говоришь!—воскликнула Желтугина.

— Теперь будь готова ко всему. Вино вынуто, придется его пить. Да, теперь мнѣ надо итти, но сегодня вечеромъ выходи въ садъ, если Николай Ильичъ будетъ у губернатора на чествованіи Потемкина, или даже я самъ приду опять сюда... Я нашелъ къ вамъ въ садъ удобную дорогу черезъ сосѣдній дворъ...

— Ради Бога, не подвергайся опасности напрасно.

— Будь покойна. Я остороженъ, какъ стрѣляная ворона, прощай и помни, что я всегда около тебя.

Сервилогъ наклонился, поцѣловалъ дѣвушку и скрылся въ дверь.

Николай Ильичъ вернулся со встрѣчи въ очень непродолжительномъ времени. За завтракомъ онъ началъ дѣлиться своими впечатлѣніями, взглядывая то на Жюли, то на Наташу. Француженка поддержала разговоръ, въ которомъ односложными замѣчаніями приняла участіе и Наташа. Желтугинъ, благодаря этому, нѣсколько развеселился, но послѣдніе тревожные слухи дошли и до него, и грудь у него по временамъ сжималась тяжелымъ предчувствіемъ. Послѣ завтрака Николай Ильичъ позвалъ Наташу въ кабинетъ и заперъ дверь.

— Наташа,— началъ онъ, ласково смотря дочери въ глаза,— будемъ мириться. Если я обидѣлъ тебя, прости. Кто знаетъ, что можетъ быть съ нами черезъ нѣсколько дней?

— А если бы ты меня послушалъ, папа, мы бы теперь уже были далеко отсюда, — отвѣчала Наташа, подходя къ отцу и цѣлуя у него руку.

— Голубка моя, я виноватъ, теперь я вижу, хотя и не теряю надежды, что до осады Казани дѣло не дойдетъ. Но бѣда, что намъ прислали зазнавагося выскочку вмѣсто надежнаго человѣка. У насъ никого нѣтъ во главѣ, вотъ бѣда, и подкрѣпленія не приходятъ. Ну, не будемъ больше ссориться. Пусть будетъ по-твоему... Мы объ этомъ поговоримъ послѣ. Теперь не о томъ приходится думать...

Наташа крѣпко обняла отца за шею и заплакала.

— Вѣдь я знала, что ты хорошій, что ты добрый, я такъ страдала, когда мы разсорила съ тобой. А развѣ теперь уже нельзя ѣхать отсюда? Бросимъ все и уѣдемъ, папочка, дорогой мой.

— Но ты не знаешь, что Потемкинъ запретилъ кого бы то ни было выпускать изъ города.

— Поѣзжай къ нему, попроси его о пропускѣ.

— Ну, хорошо, пусть будетъ по-твоему.

Потемкинъ принялъ Желтугина въ губернаторскомъ кабинетѣ. Несмотря на то, что его послали только въ качествѣ начальника секретныхъ комиссій, онъ сразу захватилъ въ свои руки всю власть и началъ распоряжаться, не допуская возраженій. Когда Николай Ильичъ вошелъ въ губернаторскій кабинетъ, Потемкинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и что-то диктовалъ секретарю, въ которомъ Желтугинъ узналъ Карцова.

Потемкинъ повернулъ въ сторону вошедшаго свое надменное лицо съ вздернутымъ носомъ и плоскими холодными глазами. Голова его была высоко поднята, и правая рука находилась за бортомъ бархатнаго съ золотомъ кафтана.

— Что вамъ угодно?— спросилъ родственникъ временщика.

Желтугинъ изложилъ свою просьбу.

— Къ сожалѣнью, вы должны подчиниться общему правилу,— холодно отвѣчалъ Потемкинъ:— выѣздъ изъ города подавляетъ духъ остающихся. Я сдѣлалъ выговоръ Брандту за то, что онъ позволилъ уѣхать чуть ли не половинѣ населенія. Кромѣ того, вы не понимаете собственнаго блага. Я, довѣренное лицо императрицы, ѣхавшій съ сильнымъ конвоемъ, каждую минуту подвергался смертельной опасности по дорогѣ сюда, а вы хотите рисковать, Богъ знаетъ изъ-за чего. Кромѣ того, Казани ничего особаго не грозитъ. Вы всѣ здѣсь потеряли головы, и больше ничего, но я приму мѣры... А вамъ я ѣхать не разрѣшаю ни въ какомъ случаѣ.

Начальникъ секретныхъ комиссій поклонился, давая тѣмъ знать, что разговоръ конченъ. Желтугинъ вышелъ отъ Потемкина, оскорбленный и возмущенный до глубины души. Съ нимъ въ жизни еще никто такъ не обращался, а тѣмъ болѣе подобное обращеніе было тягостно переносить отъ выскочки-мальчишки.

У Николая Ильича отъ негодованія дрожали руки и ноги. Его не пускали, ему своей судьбой распорядиться не разрѣшалъ господинъ Потемкинъ, и передъ этимъ Потемкинымъ приходилось смиряться и прятать свое самолюбіе въ карманъ. Но дѣлать было нечего. Приходилось повиноваться. Зато Желтугинъ вознаградилъ себя тѣмъ, что не пошелъ на вечернее чествованіе Потемкина.

Слѣдующій день весь простоялъ очень жаркимъ. Небо было безоблачно, хотя по краямъ небосклона скопились какимъ-то дымнымъ пологомъ облака и предвѣщали грозу. Къ вечеру съ сѣвера показалась тяжелая туча, но шла она очень медленно, уклоняясь въ сторону отъ города. Только когда уже стемнѣло, небо сплошь заволоклось, засверкали рѣдкія зарницы, и послышалось грохотанье отдаленнаго грома. Въ желтугинскомъ домѣ начали запирать раскрытыя окна.

— Папа, какъ душно, — обратилась между прочимъ къ отцу Наташа, — мы выйдемъ съ Жюли немного въ садъ.

— Только смотрите, грозы не дожидайтесь, — предупредилъ Николай Ильичъ, роясь въ своихъ бумагахъ.

Дѣвушки обнялись и спустились по главной лѣстницѣ въ полуразоренный безъ ухода цвѣтникъ. Гроза приближалась. Порывистый вѣтеръ тяжело налегалъ на деревья; вѣтви старыхъ дубовъ и кленовъ трепались и низко наклонялись къ землѣ. Вспыхивавшія зарницы превращались уже въ молніи.

— Онъ не придетъ, — замѣтила Жюли, наклоняясь къ уху Наташи: — онъ знаетъ, что Николай Ильичъ не поѣхалъ къ губернатору.

— Но онъ, все равно, гдѣ нибудь здѣсь по близости! — отвѣчала Наташа: — я это чувствую. Можетъ быть, онъ проберется въ садъ.

Дѣвушки долго безцѣльно бродили по дорожкамъ, вглядываясь въ темноту іюльской ночи, по временамъ на мгновенье разсѣиваемую вспышками яркихъ молній. Иногда Наташѣ среди шума деревьевъ слышался чей-то голосъ. Отъ напряженія ожиданія кровь замирала въ жилахъ дѣвушки. Вдругъ какой-то странный шумъ дошелъ и до слуха Жюли. Наташа схватила ее за руку. Черезъ нѣсколько мгновеній ужъ явственно можно было различить какіе-то смѣшанные крики, глухіе удары, трескъ досокъ забора со стороны сосѣдняго дома.

— Это онъ, это на него напали: — вскрикнула Наташа, забывая всякую осторожность: — скорѣе туда!

— Но что мы сдѣлаемъ, чѣмъ поможемъ?—остановила дѣвушку француженка:—скорѣй будемъ звать изъ дома на помощь.

Но изъ дома тоже услышали возню. Окно въ угловой комнатѣ Николая Ильича оставалось отвореннымъ; теперь онъ самъ уже спускался въ садъ съ пистолетами въ рукахъ въ сопровожденіи двухъ гайдуковъ. Изъ людской тоже бѣжали люди.

— Папа, папа, тамъ кого-то убиваютъ!—закричала внѣ себя Наташа.

Всѣ поспѣшили къ забору, пробираясь черезъ кусты и крапиву. Хлынулъ дождь. Однако, когда желтугинскіе люди приблизились къ мѣсту, откуда слышался шумъ, крики и людской говоръ уже отдалились и перешли на сосѣднюю улицу. Николай Ильичъ приказалъ гайдукамъ разузнать, въ чемъ дѣло, а самъ пошелъ домой. Наташа съ Жюли еще стояли на дорожкѣ подъ дождемъ. Желтугинъ увелъ ихъ съ собою. На обѣихъ не было сухой нитки. Наташа тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Сейчасъ намъ скажутъ, въ чемъ дѣло,—успокаивалъ дѣвушекъ Николай Ильичъ,—я послалъ узнать, а вы пока переодѣньтесь. Теперь нужно быть готовымъ на все, а тамъ какая нибудь драка, пустяки.

Пока дѣвушки переодѣвались, прибѣжали гайдуки и доложили, что какой-то человѣкъ, не то отставной приказный, не то поповичъ, зачѣмъ-то хотѣлъ пробраться изъ сосѣдняго двора въ желтугинскій садъ, но былъ замѣченъ ночнымъ сторожемъ. Сторожъ схватилъ неизвѣстнаго, но тотъ сталъ отбиваться, на помощь ему прибѣжалъ другой такой же. Однако сторожъ оказался тоже не одинъ, у него по близости были товарищи, а потомъ на шумъ пріѣхалъ татарскій пикетъ, который и отвелъ одного изъ неизвѣстныхъ (другой же успѣлъ въ суматохѣ скрыться) къ караульному посту у рогатокъ.

— Дюжой малый,—закончилъ докладъ одинъ изъ гайдуковъ,—сильный какой, страсть, и ловокъ. Кабы не подѣхали татары, безпремѣнно бы убѣгъ. Одному сторожу ребро, кажись, переломилъ, другому руку вывихнулъ, а какъ татары пріѣхали, прямо подъ животами у лошадей хотѣлъ прошмыгнуть, а тутъ-то его конемъ и сшибло.

— И что ему было надо?—спросилъ Николай Ильичъ.

— Больше ничего, какъ мазурикъ, а не то поджигатель,—рѣшительно отвѣчалъ гайдукъ:—мало ли ихъ теперь по городу ходить? Еще хорошо, что сторожа такіе попались, что досмотрѣли.

Когда Наташа вошла въ кабинетъ Николая Ильича, Желтугинъ сообщилъ ей слышанное отъ гайдуковъ. Дѣвушка схватилась рукой за косякъ двери, чтобы не упасть.

— Папа,—почти кричала она,—вѣдь это онъ.

— Кто онъ?

— Брониславъ. Его схватили. Карцовъ вокругъ всего нашего дома поставилъ шпионовъ; они слѣдили за нимъ... Теперь онъ погибъ... Онъ погибъ...

Наташа закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ты больна, Наташа, — началъ успокоивать дочь Желтугинъ: — почему ты думаешь, что это долженъ быть онъ? Ты разстроена, теперь тебѣ все кажется. Завтра я пошлю узнать, и тогда разъяснится...

Но дѣвушка не слушала утѣшеній. Она заклинала отца сейчасъ же вмѣстѣ съ ней идти на постъ къ рогаткѣ, идти къ Потемкину умолять его отпустить несчастнаго. Николай Ильичъ обѣщалъ завтра рано утромъ отправиться къ начальнику секретной комиссиі и просить о справедливости. Онъ не спорилъ съ дочерью, ему казалось, что въ ней говоритъ женская впечатлительность и возбужденность. Завтра утромъ можно будетъ доказать, что тревога была напрасной, а сегодня надо было дать возможность стока напряженности чувствъ.

XVII.

Но Наташа не ошиблась. Незвѣстный, попавшійся въ руки сторожей, шпионовъ Карцова, былъ дѣйствительно Сервиругъ. Онъ зналъ, что Николай Ильичъ не поѣхалъ къ Брандту, но, тѣмъ не менѣе, все-таки надѣялся повидать Наташу, которая, зная о его намѣреніяхъ, нарочно могла спуститься въ садъ. Мѣсто для того, чтобы пробираться за ограду желтугинскихъ владѣній, было выбрано очень удачно; въ одной части къ забору сада примыкалъ обширный дворъ полузаброшеннаго дома. Но если Сервиругъ умѣлъ хитро разсчитать свои дѣйствія, то и Карцовъ не былъ такъ простъ. Казанскій слѣдователь окружилъ тайнымъ надзоромъ желтугинскій домъ на всякій случай, но людямъ своимъ онъ приказалъ быть бдительными во всѣхъ отношеніяхъ. Слабое мѣсто дозора было замѣчено Карцовымъ сразу, и тамъ онъ приказалъ по ночамъ непремѣнно находиться одному стражу.

Гроза и темнота ночи посодѣйствовали тому, что Сервиругу удалось пробраться на пустой дворъ незамѣтно, но въ тотъ моментъ, когда онъ отгибалъ доски стараго забора, при вспышкѣ молніи его увидалъ карцовскій шпионъ. Соглядатай подкрался къ конфедерату и напалъ на него сзади, крикнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ товарищей на помощь. Ловкимъ движеніемъ Сервиругъ перекинулъ нападавшаго черезъ голову и въ свою очередь позвалъ Млынарскаго, но силы оказались неравны. А тутъ еще подѣхалъ татарскій пикетъ. Млынарскій ускользнулъ, но конфедератскій капитанъ былъ сбитъ съ ногъ и схваченъ. Его отправили въ ближайшій караулъ у рогатки, а потомъ въ сѣзжую избу. Тамъ

караульный офицеръ хотѣлъ уже было отпустить конфедерата. Его схватили и привели, какъ поджигателя, между тѣмъ при молодомъ человѣкѣ не оказалось даже тута и кремня для высѣканія огня. Кромѣ того, трезухъ, камлотовая шинель и нерабочія руки указывали на принадлежность схваченнаго къ кругу высшему, нежели тотъ, изъ котораго вербовались добровольцы поджигатели. Караульный офицеръ въ намѣреніи Сервиорога перелѣзть ночью черезъ чужой заборъ усмотрѣлъ простое романическое приключеніе, возможное при всякихъ условіяхъ, но онъ измѣнилъ свое намѣреніе, когда услышалъ, что неизвѣстный былъ схваченъ у сада желтугинскаго дома, и что Карцовъ окружилъ этотъ домъ строгимъ надзоромъ.

— Ну, ладно,—заклучилъ свои размышленія караульный офицеръ,—переночуй здѣсь, а завтра мы тебя доставимъ въ комиссію. Тамъ ты скажешь, зачѣмъ тебѣ понадобилось лазить по ночамъ въ генеральскіе сады.

Сервиорогъ связанный былъ запертъ въ чуланчикѣ съѣзжей избы, а у дверей ея сталъ караульный мужикъ съ дубиной.

Конфедератъ переживалъ ужасную ночь. Беревки, впивавшіяся въ тѣло при каждомъ движеніи, не давали возможности пошевелиться, спина, руки, ноги ныли отъ перенесенныхъ ударовъ, на лицѣ заpekлась кровь отъ полученной ссадины на лбу. Невыносимо было и душевное состояніе.

Сознаніе безсилія и зависимости отъ произвола Карцова угнетали поляка. Оставалась одна надежда, что безошадный слѣдователь не узнаетъ соперника, или что какимъ нибудь образомъ Млынарскій окажетъ помощь своему капитану. Понемногу, однако, усталость поборола возбужденіе, и Сервиорогъ заснулъ тяжелымъ сномъ.

Утромъ караульный мужикъ разбудилъ арестанта и надѣлъ на него ручныя оковы. Изъ съѣзжей Сервиорога подъ конвоемъ двухъ конныхъ татаръ отправили въ крѣпость въ помѣщеніе слѣдственной комиссіи, находившейся въ губернаторскомъ домѣ. По дорогѣ конфедератъ замѣтилъ въ городѣ сильное смятеніе. По обрывкамъ еще въ съѣзжей достигавшихъ до него словъ, онъ догадался, что высланный навстрѣчу самозванцу отрядъ Толстого находился въ большой опасности, которая теперь, повидимому, приближалась къ самой Казани. Царившее въ городѣ замѣшательство усилило въ полякѣ слабую надежду на возможность спасенія.

Въ слѣдственной комиссіи Сервиорогу пришлось долго ждать. Карцовъ былъ занятъ писаніемъ писемъ подъ диктовку Потемкина. Молодой офицеръ, прекрасно отрекомендованный Брандтомъ и Баннеромъ, понравился родственнику фаворита и былъ имъ взятъ въ адъютанты.

Наконецъ Карцовъ вышелъ взглянуть на новаго узника. Вначалѣ слѣдователь посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Бритое лицо,

запачканное грязью и запекшейся кровью, въ той же крови и грязи вываленный кафтанъ и шинель, волосы въ косичкѣ дѣлали Сервиорога неузнаваемымъ.

— Кто ты такой?—спросилъ Карцовъ.

— Арзамасской воеводской канцеляріи бывший протоколистъ Терентьевъ,—отвѣчалъ конфедератъ, стараясь измѣнить голосъ.

— Зачѣмъ же ты лазилъ черезъ заборъ?—продолжалъ слѣдователь.

Сервиорогъ изобразилъ подобіе смущенной улыбки.

— Дѣвушку одну хотѣлъ повидать, ваше высокоблагородіе.

— У Желтугина? Изъ прислуги кого нибудь?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Ага, вотъ что.

Карцовъ задумался. Ему давно хотѣлось имѣть своего шпиона въ самомъ домѣ Николая Ильича, но возможности къ тому не представлялось, а теперь видимо случай самъ лѣзъ въ руки.

— А кто твоя пріятельница? — спросилъ офицеръ: — какъ ее зовутъ?

— Лизавета, ваше высокоблагородіе.

— Это что у барышни?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Ага, ну, хорошо. Хочешь ты мнѣ услужить?

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Тогда ты вотъ что, поди сейчасъ, умойся, почистись, а то вонъ какъ тебя отдѣлали, и потомъ приходи, мы съ тобой потолкуемъ. Впрочемъ постой. Взгляни-ка мнѣ въ глаза.

Сердце упало у Сервиорога. Мелькавшая было передъ тѣмъ надежда на освобожденіе померкла.

— Въ тебѣ что-то есть знакомое,—продолжалъ слѣдователь, впиваясь взглядомъ въ лицо допрашиваемаго.

Вдругъ яркая мысль освѣтила его мозгъ. Онъ узналъ своего соперника. Между прочимъ его выдалъ шрамъ отъ русскаго штыка на рукѣ, теперь выглядывавшій изъ-подъ рукава разорваннаго кафтана.

— Негодай,—закричалъ въ изступленіи Карцовъ,—ты хотѣлъ обмануть меня. Теперь я тебѣ покажу, гдѣ раки зимуютъ. Скажите, пожалуйста! Заковать его сейчасъ въ ножные кандалы. Такъ вотъ каковъ ты, арзамасскій протоколистъ!

Черезъ нѣсколько минутъ на ногахъ конфедерата зазвенѣли тяжелыя оковы.

— Подите вонъ!—приказалъ слѣдователь караульнымъ.

Соперники остались наединѣ. Карцовъ приблизился къ Сервиорогу и смѣрилъ его взглядомъ съ ногъ до головы. Его зеленые глазки горѣли торжествомъ нескрываемаго злорадства.

— Итакъ, сударь, теперь у насъ съ вами пойдетъ другой разговоръ.

Слѣдователь сѣлъ за покрытый зеленымъ сукномъ столъ и взялъ перо въ руки.

— Извольте мнѣ отвѣчать на вопросы,—приказалъ онъ.

— Ни на какіе вопросы я вамъ отвѣчать не буду,—съ твердостью отозвался конфедератъ: — если я комунибудь отвѣчу, то только генералу Потемкину, а не вамъ.

— Не мнѣ,—закричалъ Карцовъ,—не мнѣ? Нѣтъ, ты мнѣ будешь отвѣчать, негодяй, я тебя заставлю.

Нѣсколько дней тому назадъ молодой гвардеецъ не постѣснился бы въ данномъ случаѣ подвергнуть допрашиваемаго пыткѣ, но теперь онъ къ этому средству прибѣгать боялся. Жестокости Казанской комиссіи дошли до свѣдѣнія императрицы, и, посылая Потемкина въ Казань, Екатерина поставила ему на видъ нежелательность всякаго рода «конфузій», которыя допускали члены комиссіи. Кромѣ того, съ перваго взгляда можно было увидѣть, что Потемкинъ вообще относился очень ревниво къ своимъ правамъ, и потому экстренныя мѣры въ отношеніи допрашиваемаго безъ его вѣдома ему могли не понравиться.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, Карцовъ не посмѣлъ пытать конфедерата, но зато онъ позволилъ себѣ сорвать свою злобу другимъ образомъ.

— Будешь ты отвѣчать? — спросилъ онъ съ подергиваніемъ вѣкъ и щекъ, подходя вплотную къ беззащитному арестанту:— будешь отвѣчать?

Сервиругъ продолжалъ молчать.

— Такъ вотъ же тебѣ!

Конфедератъ покачнулся отъ сильнаго удара кулакомъ въ лицо.

— Негодяй!—въ свою очередь кричалъ несчастный, бросающъ на слѣдователя.

Карцовъ отскочилъ въ сторону и позвалъ караульныхъ.

— Бейте его!—скомандовалъ онъ.

Караульные набросились на арестанта. Карцовъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи и тоже каблуками принялся пинать сбитаго съ ногъ конфедерата.

Послѣ этой жестокой расправы Сервируга увели въ подвалъ губернаторскаго дома, во временное мѣсто заключенія важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Впрочемъ строитель подвала, повидимому, даже имѣлъ въ виду возможность пользованія этимъ помещеніемъ, какъ тюрьмой. По крайней мѣрѣ, вдоль всего подвала шелъ коридоръ съ небольшими комнатками по обѣимъ его сторонамъ; комнаты отдѣлялись отъ коридора тяжелыми дверями съ желѣзной обивкой, и въ окнахъ обладали прочными рѣшетками. Когда Сервируга ввели въ подземелье, тамъ не было другихъ узниковъ, и потому кон-

федерата втокнули въ первую попавшуюся камеру неподалеку отъ входа. Сторожъ закрылъ засовомъ двери и ключъ отъ замка на засовѣ повѣсилъ на гвоздикъ на стѣнѣ, чтобы, когда понадобится, далеко за нимъ не ходить. У схода въ подвалъ Карцовъ распорядился поставить часового, а самъ отправился съ докладомъ къ Потемкину. Сервилога завтра же рѣшено было подвергнуть строгому допросу въ комисіи и затѣмъ рѣшить его судьбу по законамъ.

По настояніямъ Наташи Николай Ильичъ ѣздилъ въ крѣпость разузнавать о судьбѣ и личности неизвѣстнаго, захваченнаго у его дома, но получить какія либо опредѣленные свѣдѣнія ему не удалось. Онъ только могъ передать дочери, что неизвѣстный оказался важнымъ государственнымъ преступникомъ и потому заключенъ не въ городской острогъ, а въ подвалъ губернаторскаго дома. Свѣдѣнія эти еще болѣе увѣрили дѣвушку въ томъ, что арестованный былъ Сервилогъ.

Къ вечеру, однако, впечатлѣніе отъ вчерашняго происшествія у садоваго забора затмилось свѣжей страшной новостью. Прибѣжали мужики изъ Мамадышей и сообщили, что Пугачевъ разбилъ отрядъ Толстого, который потерялъ жизнь въ схваткѣ, команда же частью передалась на сторону мятежниковъ, частью разбѣжалась по лѣсамъ. Еще позже въ виду города показались конные яцкіе казаки, на пикахъ показывавшіе издали какіе-то листы. Одинъ изъ такихъ листовъ былъ принесенъ отпущеннымъ на волю плѣннымъ солдатомъ. Листъ содержалъ въ себѣ приказъ самозванца немедленно сдать городъ и въ случаѣ неповиновенія грозилъ жестокой местию.

Потемкинъ собственноручно разорвалъ листъ и растопталъ его ногами. Городу и гарнизону было приказано готовиться къ оборонѣ, но рѣдко кто въ наступившую ночь спалъ въ Казани спокойно.

XVIII.

Утромъ Наташа проснулась отъ гула набатныхъ колоколовъ. Она вскочила съ постели одѣтая, какъ легла вчера. Николай Ильичъ и Жюли уже спѣшили къ ней въ комнату.

— Бѣда, Наташа, — воскликнулъ Желтугинъ, — мятежники идутъ на штурмъ!

Жюли совершенно растерялась. Она бѣгала слѣдомъ за Николаемъ Ильичемъ, хватая его за руки и полы кафтана.

Изъ оконъ Желтугины видѣли, какъ засуетился народъ на улицахъ. Къ своимъ мѣстамъ съ ружьями, дубинами, косами, ломами бѣжали сукончики, адмиралтейскіе рабочіе, ямщики, экономическіе крестьяне. Къ своей батарее у Арскаго поля спѣшили

гимназисты съ директоромъ Каницомъ во главѣ; за гимназистами слѣдовали художники и ремесленники изъ нѣмцевъ. Мимо желтугинскаго дома проѣхалъ и самъ Потемкинъ съ конными чувашами и отрядомъ пѣхоты. Карцовъ гарцовалъ рядомъ съ нимъ: Николай Ильичъ тоже собралъ свою вооруженную прислугу и, запасшись шпагой и пистолетами, рѣшилъ защищаться до послѣдней возможности и живымъ съ дочерью въ руки мятежниковъ не даваться.

Съ балкона желтугинскаго дома можно было видѣть батарею гимназистовъ у Арскаго поля и отрядъ Потемкина. Оставивъ дѣвухекъ въ залѣ, Николай Ильичъ вышелъ на балконъ съ подзорной трубой въ рукахъ. Тревога, однако, оказалась ложной. Мятежники только произвели рекогносцировку, высматривая слабыя мѣста защиты, но гарнизонъ города вмѣстѣ съ другими защитниками не покидалъ линіи обороны до вечера, да и ночью защитники только дѣлились на смѣны, но не прекращали бдѣнія на батареяхъ и рогаткахъ. Пугачевъ какъ бы нарочно не штурмовалъ города сразу, чтобы въ ночной темнотѣ дать жителямъ понять о численности своихъ скопищъ. Въ самомъ дѣлѣ зрѣлище его лагеря, свѣтившагося тысячами огней отъ костровъ и фонарей вокругъ темной Казани, получалось величественное. Городъ безмолвствовалъ, но зато съ бивака мятежниковъ доносились веселыя пѣсни, звуки бубна, отдѣльные крики.

Николай Ильичъ съ Наташей и Жюли долго смотрѣли съ балкона на это море дрожавшихъ въ ночномъ сумракѣ огней. На эту ночь Желтугинское семейство не разлучалось; всѣ расположились вмѣстѣ въ залѣ, у входа которой на полу на сѣнѣ легъ вооруженный Силантій съ племянникомъ своимъ, фореиторомъ Гришей.

Раннимъ утромъ въ желтугинскомъ домѣ опять проснулись отъ грохота пушки и набатнаго звона. За вчерашній день всѣ нѣсколько притерпѣлись къ своему положенію и отнеслись къ нему спокойнѣе. Николай Ильичъ опять вышелъ на балконъ теперь вмѣстѣ съ Наташей и на этотъ разъ увидѣлъ дѣйствительно надвигавшуюся опасность. Громадныя полчища Пугачева съ воемъ и крикомъ четырьмя отрядами двигались на городъ. Скакали конные казаки, бѣжали вооруженные ружьями и вилами рабочіе съ заводовъ, мужики съ дубинами, тутъ же толклись башкиры и чувашы съ пиками и стрѣлами въ рукахъ.

Часть мятежниковъ заняла домики по краямъ главной Сибирской дороги и подошла къ нимъ. Это было сдѣлано съ вѣрнымъ расчетомъ. Дымъ пожара потянулся на Казань и закрылъ отъ осажденныхъ движенія пугачевцевъ. Еще нѣсколько минутъ, и мятежники показались у гимназической батареи. Николай Ильичъ видѣлъ, какъ быстро была смята горсть юныхъ ея защитниковъ

вмѣстѣ съ нѣмцами, мастеровыми. Нападавшіе кинулись на Потемкинскій отрядъ. Чуваши передались на сторону непріятели немедленно, но и Потемкинской гѣхотѣ грозила подавлявшая численность и ярость нападавшихъ.

Николай Ильчъ точно окаменѣлъ. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Ему казалось, что все это не могло произойти такъ просто. Если бы не преданный Силантіи, Желтугинъ бы продолжалъ съ дочерью оставаться на балконѣ, но Силантіи и Григоріи силою потащили Желтугиныхъ внизъ.

— Надо въ крѣпость, въ крѣпость скорѣе,—кричалъ старый слуга, держа подъ мышкой ящикъ съ господскими драгоценностями. Николай Ильичъ очнулся. Пожаръ уже передался въ городъ; отрядъ Потемкина началъ отступать.

— Силантіи правъ,—произнесъ наконецъ Желтугинъ:—надо спастись въ кремль.

Захвативъ еще кой-какія драгоценности, бумаги и деньги, Николай Ильичъ съ Наташей, Жюли, Силантіемъ и нѣсколькими другими слугами выбѣжалъ на улицу. Тутъ ихъ подхватила волна людей. Если бы не гайдуки съ Силантіемъ и Григоріемъ, Желтугины были бы навѣрно смяты толпой, которая въ слѣпомъ ужасѣ напирала со всѣхъ сторонъ. Всѣ стремились въ крѣпость, какъ въ послѣднее убѣжище. Сзади доносились оглушительные дикіе крики штурмовавшихъ и непрерывающаяся трескотня ружейной перепалки, по временамъ покрываемой тяжелымъ буханьемъ орудій. На бѣглецовъ сверху сыпался огненный дождь искръ и головней разгоравшагося пожара; надъ головами свистали пули, иногда вырывавшія изъ толпы своихъ жертвъ, которыхъ оставшіеся невредимыми безъ жалости затапывали вмѣстѣ со слабыми и сбитыми съ ногъ.

Въ воротахъ крѣпости давка достигла невѣроятныхъ размѣровъ, Желтугинымъ, однако, все-таки удалось протиснуться одними изъ первыхъ, а шитый золотомъ бархатный кафтанъ Николая Ильича и шпага открыли бѣглецамъ двери губернаторскаго дома.

Распорядительность Силантія доставила Желтугинымъ одну крохотную комнатку въ нижнемъ этажѣ, гдѣ не было ничего, кромѣ положенной кѣмъ-то вязки сѣна. Николай Ильичъ опустился въ изнеможеніи на эту вязку, прижимая къ себѣ дочь; Жюли сѣла рядомъ, держа за руку Наташу.

Желтугины во-время добрались до кремля. Мятежники уже ворвались въ городъ, и Потемкинъ успѣшно отступалъ передъ ними. Въ крѣпость же спѣшили и прочіе защитники Казани. Караульный офицеръ прибѣжалъ доложить Потемкину, что всѣ содержавшіеся въ острогѣ колодники, чтобы имъ не доставаться Пугачеву, перебиты карауломъ. Судьба сохранила Сервиорога, заключивъ его въ подземелье губернаторскаго дома.

Понемногу вой, крики наладавшихъ вмѣстѣ съ трескотней ружейныхъ выстрѣловъ стали слышаться все ближе и ближе. Вслѣдъ затѣмъ въ крѣпость вошелъ Потемкинъ съ остатками своего отряда и удѣлѣвшими гимназистами. Каницъ былъ раненъ въ ногу, и его принесли на носилкахъ.

Распорядительный, хорошо знавшій мѣстоположеніе Казани, измѣнникъ Минѣевъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, хотѣлъ было врасплохъ захватить кремль. Съ нѣсколькими десятками отборныхъ казаковъ во весь опоръ онъ прискалъ къ воротамъ крѣпости, но опоздалъ. Ворота наскоро заперли, а потомъ завалили камнями, землей, бревнами. Вмѣстѣ съ тѣмъ пугачевцы были встрѣчены съ крѣпостныхъ стѣнъ градомъ пуль. Нѣсколько казаковъ свалилось съ лошадей, а остальные съ Пугачевымъ и Минѣевымъ поскорѣе отъѣхали отъ опаснаго мѣста.

Зато весь городъ теперь былъ во власти мятежниковъ и пылалъ. Пожаръ приближался къ кремлю, гдѣ становилось трудно дышать отъ густого и ѣдкаго дыма, наносимаго вѣтромъ со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ наступила невыносимая жара. Июльское солнце безопадно пекло съ высокаго сизаго отъ дыма неба; громадные языки пламени пожара змѣями взвивались у самыхъ стѣнъ кремля; стекла крѣпостныхъ зданій начали лопаться отъ жара и со звономъ осыпаться на мостовую. Мятежники между тѣмъ поставили орудія на сосѣднемъ съ кремлемъ гостиномъ дворѣ и Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и начали громить осажденныхъ.

Деревянные зданія загорались, ветхія стѣны крѣпости грозили обваломъ; ядра, пули, осколки кирпичей носились въ воздухѣ, убивая и калѣча людей; стоны раненыхъ сливались съ плачемъ женщинъ, дѣтей и проклятіями защитниковъ. Ужасъ положенія и отсутствіе надежды на помощь вызывали отчаянье большинства; среди осажденныхъ каждую минуту грозило вспыхнуть возмущеніе.

Желтугинъ въ своей комнаткѣ задыхался отъ жары и дыма; Жюли рыдала, принавъ къ его рукѣ. Наташѣ казалось, что она во снѣ.

— Барышня, барышня,—вдругъ закричалъ Силантій,—надо барина свести въ подвалъ, тамъ дышать легче.

Слово подвалъ напомнило Наташѣ о судьбѣ Сервиорога. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ прохладѣ подвала дѣйствительно Николай Ильичъ могъ отдышаться.

— Скорѣй, скорѣй!—отвѣчала Силантію Наташа.

Но Николай Ильичъ ослабѣлъ и не могъ итти. Кромѣ того, подвалъ оказался запертымъ, но часового при немъ не было. Теперь каждый солдатъ занималъ свой постъ на стѣнахъ кремля. Силантій съ Григорьемъ побѣжали сбивать замокъ; Наташа, оста-

вивъ отца на попеченіи Жюли, послѣдовала за ними. Подъ сильными ударами камня ржавый замокъ разлетѣлся на куски въ одну минуту. Входъ въ подземелье былъ свободенъ.

— Скорѣй, скорѣй, несите сюда папу, — приказала Наташа людямъ.

Силантій съ племянникомъ побѣжали въ домъ за Николаемъ Ильичемъ, а Желтугина поспѣшно спустилась въ подвалъ.

— Брониславъ,—закричала, она, очутившись въ коридорѣ подземелья.—Брониславъ, гдѣ ты?

— Кто зоветъ меня?—послышался въ отвѣтъ на ея крики гдось изъ-за ближайшей двери.

Дѣвушка бросилась къ камерѣ, но дверь ея оказалась на замкѣ.

— Гдѣ ключъ отъ твоей двери, ты не знаешь, гдѣ ключъ?—опять закричала Наташа, стуча кулакомъ по толстымъ доскамъ.

— Онъ долженъ быть рядомъ, виситъ на стѣнѣ, — отозвался Сервиругъ.

Дрожащими отъ волненія руками дѣвушка еле нашла замочную скважину.

Дверь раскрылась.

— Это ты, Наташа,—воскликнулъ конфедератъ:—твой отецъ просилъ за меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, бѣги, бѣги скорѣе,—отвѣчала Желтугина:—Пугачевъ въ городѣ.

Сервиругъ въ оковахъ выскочилъ въ коридоръ, но въ это время по лѣстницѣ уже несли на рукахъ Николая Ильича. Конфедератъ опять спрятался въ камеру. Желтугина положили на сѣно въ одну изъ боковыхъ комнатъ. Въ прохладѣ онъ открылъ глаза и спросилъ:

— Гдѣ я?

Воспользовавшись мгновеніемъ, Наташа поспѣшила въ камеру Сервируга. Въ рукахъ ея теперь находился плащъ и треугольная шляпа и пистолетъ отца. Конфедератъ сразу понялъ положеніе вещей и угадалъ намѣреніе дѣвушки. Онъ закутался въ плащъ, подтянулъ ножные кандалы, надвинулъ на глаза шляпу и направился къ выходу.

На дворѣ губернаторскаго дома, несмотря на общую тѣсноту и давку, было пусто. Еще передъ возвращеніемъ Потемкина въ кремль на губернаторскій дворъ начали сносить вещи разныхъ служащихъ; потомъ здѣсь расположилось нѣсколько семей, но напуганные повсюду лежавшими осколками ядеръ и обломками кирпичей всѣ люди разбѣжались, прячась въ домахъ и другихъ строеніяхъ. Наташа слѣдила, какъ Сервиругъ по ступенькамъ лѣстницы быстро поднялся на верхъ, и только тогда вспомнила, что онъ въ оковахъ. Дѣвушка побѣжала вслѣдъ за полякомъ; на глаза ей попался валявшійся топоръ. Подъ каретнымъ навѣсомъ съ несвойственной ей силой Желтугина разрубила ручныя цѣпи узника, а остальное

докончилъ онъ самъ. Молодые люди не обмѣнялись ни однимъ рукопожатіемъ. Нужно было дорожить каждой минутой.

Между тѣмъ выстрѣлы, стоны и вопли не прекращались. Вмѣстѣ съ тѣмъ ужасная сцена разыгрывалась передъ самыми дверьми губернаторскаго дома. Искра возмущенія вспыхнула среди осажденныхъ. Для примѣра Потемкинъ приказалъ повѣсить двухъ зачинщиковъ неповиновенія, и трупы осужденныхъ уже качались на фонарныхъ кронштейнахъ дома. Однако въ смятеніи возникшей междоусобицы было ранено нѣсколько человѣкъ. Между прочимъ получилъ пулю въ грудь распоряжавшійся захватомъ зачинщиковъ адъютантъ Потемкина Карцовъ.

XIX.

Къ вечеру Казань почти вся выгорѣла, а осаждавшіе съ награбленнымъ добромъ расположились на пожарищѣ для отдыха и разгула. Пальба стихла. Осажденные вздохнули свободнѣе. Среди нестерпимаго жара, пыли и дыма преосвященный Веніаминъ, и безъ того цѣлый день совершавшій богослуженіе, поднялъ иконы и пошелъ по всей крѣпости съ крестнымъ ходомъ. Молитвы успокоили изстрадавшихся людей, но ночь наступала тревожная и полная неизвѣстности. Завтрашній день опять грозилъ бомбардировкой, а можетъ быть, и позорной мучительной смертью. Страстно желанный Михельсонъ не пришелъ, а собственныя силы были на исходѣ.

Среди густой тьмы іюльской ночи надъ Казанью подымалось зловѣщее зарево догораваго пожарища и множества бивачныхъ огней мятежниковъ. Въ лагерѣ же самозванца пировали. Тамъ рѣкою лилось вино, оттуда слышались веселые крики и пѣсни гулявшихъ пугачевцевъ, среди которыхъ только пушкари, припавъ у орудій съ фитилями въ рукахъ, не бражничали, но тихо лежали въ ожиданіи неожиданной тревоги или приказа самозванца.

Къ вечеру Николай Ильичъ пришелъ въ себя. За весь день Желтугины почти ничего не ѣли и теперь утолили голодъ нѣсколькими кусками черстваго хлѣба. Они освободили нѣсколько камеръ въ подвалѣ, куда вслѣдъ за ними набралось еще много народу. На бѣгство Сервиорога никто не обратилъ никакого вниманія. Всѣмъ было не до того.

На верху въ одной изъ большихъ комнатъ лежали на полу раненые офицеры и гимназисты изъ отряда Каница. Самъ директоръ гимназіи, раненый стрѣлой въ ногу, къ вечеру настолько оправился, что перебрался къ здоровымъ; здѣсь же находились только тѣ, кто уже почти не могъ двигаться, и кому въ ближайшемъ будущемъ приходилось свести счеты съ жизнью. Два ту-склыхъ ночника едва озаряли эту обширную низкую комнату, на

полу которой виднѣлись смутныя очертанія человѣческихъ тѣлъ въ различныхъ положеніяхъ. Одни лежали неподвижно, другіе корчились или метались. Слышалось тяжкое хрипѣнье, дикіе жалобные стоны, вскрикиванія. Врачебная помощь отсутствовала, и раненые были предоставлены самимъ себѣ. Нѣкоторымъ бывалые солдаты и женщины сдѣлали перевязки, другіе продолжали истекать кровью, пропитывая ею деревянный полъ губернаторскаго дома.

Среди безнадежныхъ находился и Карцовъ. Пуля пробила ему легкія и продолжала сидѣть въ груди. Недавно еще полный жизни молодой гвардеецъ корчился и хрипѣлъ въ предсмертныхъ мукахъ. Николаю Ильичу Силантію сообщилъ о судьбѣ, постигшей страшнаго слѣдователя, и Желтугинъ поднялся вмѣстѣ съ Наташей на верхъ, чтобы навѣстить раненаго. Наташа не повѣрила глазамъ, когда ее подвели къ Карцову. Она пошла сюда по желанію отца, но что-то дрогнуло въ ея груди, когда она увидѣла передъ собой темное исхудавшее лицо кузена съ какой-то запекшейся щелью вмѣсто рта и стеклянными, почти безжизненными глазами. Силантію поставилъ фонарь у самаго изголовья умиравшаго.

Когда Николай Ильичъ наклонился надъ племянникомъ, раненый взглянулъ на дядю и видимо узналъ его.

— Спасибо,—съ трудомъ прошепталъ гвардеецъ,—все кончено... А это... онъ меня убилъ... онъ...

— Кто онъ?—спросилъ Желтугинъ.

Умиравшій что-то хотѣлъ добавить, попытался приподняться, но вдругъ застоналъ и потерялъ сознание. Что-то стукнуло Наташу въ грудь и въ голову. Ей показалось, что она поняла, о комъ говорилъ умиравшій. Дѣвушка стало душно и страшно въ этихъ стѣнахъ, въ настоящую минуту заключавшихъ въ себѣ только страданіе и смерть... Карцовъ не приходилъ въ себя, и Желтугины покинули комнату, въ которой они никому ничѣмъ не могли помочь.

На дворѣ губернаторскаго дома было теперь людно и шумно, несмотря на позднее время и темноту. Кто разбирался въ своихъ вещахъ, кто оплакивалъ судьбу близкихъ, лежавшихъ на смертномъ одрѣ въ губернаторскомъ домѣ, кто освѣдомлялся о распоряженіяхъ начальства на слѣдующій день.

Наташа осталась на дворѣ, думая о послѣднихъ словахъ Карцова и о Сервирогѣ. Онъ находился теперь гдѣ-то здѣсь въ крѣпости. За это время изъ кремля уйти было нельзя. Но, можетъ быть, онъ теперь лежалъ гдѣ нибудь, какъ Карцовъ, съ прострѣленной грудью или головой. Дѣвушка продолжала стоять у входа въ подвалъ, смотря на небо темное съ красноватымъ отблескомъ отъ зарева, и вслушивалась въ шумъ лагеря самозванца. Воздухъ еще былъ наполненъ запахомъ дыма и гари, но въ ночной прохладѣ все-таки дышалось легче, нежели днемъ.

Вдругъ рядомъ съ Наташей остановилась безмолвная фигура. Желтугина обернулась. Несмотря на ночную темноту, она узнала въ этомъ закутанномъ въ плащъ человѣкѣ Сервироса.

— Брониславъ?—тихо спросила она.

— Это я,—отвѣчалъ также тихо знакомый голосъ.

Молодые люди пошли вмѣстѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу о различныя брошенныя вещи. Въ дальнемъ углу двора за каретнымъ сараемъ они оказались одни. Дошедшее до крайности напряженіе духа Желтугиной нашло наконецъ себѣ нѣкоторый исходъ. Дѣвушка безъ словъ охватила шею конфедерата и замерла; въ свою очередь Сервиросъ также безмолвно прижалъ ее къ своей груди. Когда конфедератъ поцѣловалъ Наташу, онъ замѣтилъ, что лицо ея было все въ слезахъ.

— Господи,—прошептала наконецъ Желтугина,—какъ мы несчастны!

— Нѣтъ,—отозвался Сервиросъ,— что касается до меня, то я счастливъ тѣмъ, что ты здѣсь при мнѣ, что я опять на свободѣ.

— Ахъ, не говори объ этомъ,—продолжала дѣвушка:—если бы ты зналъ, что я пережила въ тотъ вечеръ, когда тебя схватили.

Сервиросъ еще крѣпче прижалъ къ себѣ Наташу. Наскоро общилъ ей, что пришлось вынести ему до и послѣ ареста. Когда конфедератъ рассказывалъ о томъ, какъ ударилъ его Карцовъ, какъ пиналъ онъ ногами скованнаго и поваленнаго врага, руки поляка задрожали.

— Но, ты знаешь, онъ умираетъ?—спросила Наташа.

— Умираетъ?—повторилъ Сервиросъ.

— Да, у него смертельная рана: пуля попала ему въ грудь. Брониславъ,—добавила дѣвушка,— ты знаешь, что сказалъ Карцовъ, когда, придя въ сознаніе, увидѣлъ передъ собой отца?

Конфедератъ пожалъ плечами.

— Онъ сказалъ: «меня убилъ онъ». Но, кто онъ, назвать у него не хватило силъ. Брониславъ, это ты его убилъ?

— Кто бы ни убилъ его,—отвѣчалъ уклончиво конфедератъ,— но онъ получилъ то, что заслужилъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ. Кто знаетъ, быть можетъ, завтра и намъ предстоитъ смерть? Но я радъ, что могу умереть у твоихъ ногъ, что въ эту рѣшительную минуту я нахожусь около тебя.

Пока молодые люди обмѣнивались мыслями и дѣлились впечатлѣніями пережитаго, Николай Ильичъ поднялся во второй этажъ, гдѣ находились Потемкинъ, Брандтъ и другія начальствующія лица. Но узнать Желтугину ничего ни отъ кого не удалось. Брандтъ отъ усталости душевныхъ потрясеній спалъ въ креслѣ. Потемкинъ, запершись въ кабинетѣ, писалъ письма въ Петербургъ двоюродному брату и императрицѣ. Въ этихъ письмахъ онъ оправдывалъ себя, поносилъ Брандта и всѣхъ казанскихъ начальниковъ, позировалъ и говорилъ о своей смерти.

Въ губернаторскомъ домѣ поэтому свѣтились окна, во многихъ мѣстахъ заклеенныя бумагою, и двигались тѣни людей. Николай Ильичъ, побесѣдовавъ съ Баннеромъ и Каницемъ, спустился внизъ въ свою камеру въ подвалѣ и легъ на сѣно. Черезъ нѣсколько минутъ пришла Наташа. Сервилогъ ночевалъ тамъ же подъ навѣсомъ у каретнаго сарая, а завтра они опять должны были увидѣться, чтобы въ случаѣ необходимости вмѣстѣ умереть. Жюли боялась оставаться одна въ своей камерѣ; поэтому и вторую страшную ночь Желтугины проводили всѣ вмѣстѣ.

Въ полночь къ нимъ въ камеру вошелъ Силантій.

— Василій Ивановичъ приказалъ долго жить,—произнесъ онъ.

Николай Ильичъ перекрестился и всталъ, чтобы проститься съ покойникомъ. Но ни Наташа ни Жюли не пошли за нимъ. Когда Желтугинъ вернулся, кремль понемногу началъ засыпать, и только часовые не переставали перекликаться на стѣнахъ.

XX.

Рано утромъ, когда Желтугины еще спали тяжелымъ сномъ усталости, къ нимъ въ подвальную камеру вбѣжалъ Силантій и съ радостными возгласами началъ будить Николая Ильича. Первой проснулась Наташа, за ней поднялся и отецъ.

— Батюшка, баринъ, — воскликнулъ Силантій, цѣлуя руки у Николая Ильича: — радость какая, радость... Умолили мы Владычицу Заступницу Матушку!

— Что такое, что случилось?—спросилъ Желтугинъ, поднимаясь съ мѣста и протирая глаза.

— Полковникъ Михельсонъ прибылъ, ужъ гусары его ѣдутъ въ городъ. Ворота для нихъ отваливаютъ.

— А Пугачевъ?

— Снялся съ мѣста и ушелъ.

— Быть не можетъ!

— Истинная правда.

Возбужденный радостный видъ Силантія не оставлялъ сомнѣній въ истинности его словъ. Желтугинъ съ Наташей и съ Жюли, которая не хотѣла вѣрить радостному извѣстію, поспѣшно пошли на верхъ.

Сизый дымъ еще подымался надъ Казанью, и запахъ его продолжалъ чувствоваться въ кремлѣ, но вѣтеръ пережѣнился; теперь надъ крѣпостью синѣло темное іюльское небо, и солнце радостно сверкало въ золотыхъ лучахъ. Въ кремлѣ творилось что-то необыкновенное. Незнакомые бросались другъ другу на шею, плакали и смѣялись. Толпы народа тѣснились на мостовой. Ворота были отвалены, и михельсоновскіе гусары вѣхали въ крѣпость. Ихъ,

однако, было только нѣсколько человѣкъ. Они пріѣхали сказать, что ночью ихъ доблестный начальникъ разбилъ самого Пугачева въ семи верстахъ отъ Казани близъ Царицына, куда самозванецъ отступилъ при первомъ извѣстїи о приближенїи Михельсона. Теперь отрядъ неутомимаго полковника стоялъ у Арскаго поля и въ виду наступленїя новыхъ скопищъ непрїятеля требовалъ немедленной помощи изъ Кремля.

Въ крѣпости затрещали барабаны; уцѣлѣвшїе въ живыхъ защитники Казани—и солдаты и жители, начали готовиться къ новому бою. Какъ только гарнизонъ выстроился, Потемкинъ повелъ его на соединенїе съ отрядомъ Михельсона, и пушечные выстрѣлы скоро возвѣстили, что дѣло завязалось. Потемкинъ подошлѣлъ во время. Мятежники были отбиты. Опасность, однако, еще не миновала. Пугачевъ отступилъ за Казанку, но, остановившись въ пятнадцати верстахъ отъ Казани, началъ собираться съ силами. Ему во что бы то ни стало хотѣлось наконецъ уничтожить Михельсона, который поэтому продолжалъ стоять на Арскомъ полѣ, а казанскїе жители толпились на стѣнахъ кремля, чтобы хотя издали взглянуть на лагерь своего избавителя.

Наташа раздѣляла общїя тревоги, опасенїя и радость по поводу послѣдней неудачи мятежниковъ; Николай Ильичъ уже послалъ одного изъ слугъ посмотреть, что дѣлается въ самой Казани, что случилось съ домомъ въ имѣнїи. Жюли со своей стороны заручилась разрѣшенїемъ Желтугина немедленно ѣхать въ Парижъ. Николай Ильичъ, также сидя теперь уже не въ подвалѣ, а въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, строилъ планы отъѣзда въ Петербургъ.

Наташа почти не заходила въ домъ; она все ожидала и высматривала Сервигора. Вчера было условлено, что они увидятся утромъ, между тѣмъ день началъ склоняться къ вечеру, а конфедератъ не являлся. Тяжелыя предчувствїя и тоска опять сдавили грудь дѣвушки. Ей казалось, что съ Сервигогомъ что нибудь стряслось недоброе; иначе его исчезновенїе было трудно объяснить.

Сегодня, наконецъ, послѣ двухъ дней страха неизвѣстности и всевозможныхъ лишенїй Желтугина получили возможность пообѣдать, т.-е. поѣсть яицъ и мяса послѣ одного сухого хлѣба. Отступая мятежники бросили много всякаго рода снѣди, и въ крѣпости теперь не было недостатка въ сѣстныхъ припасахъ. Но Наташа почти ничего не могла ѣсть и сидѣла, безцѣльно смотря передъ собою.

Отъ Николая Ильича не укрылось душевное состоянїе дочери, но онъ приписалъ его наступившей усталости послѣ чрезмѣрнаго возбужденїя.

— Ну, постой, постой, Наташа,—говорилъ Желтугинъ, глядя дочь по головѣ:—теперь все повернулось къ лучшему, мы отдохнемъ, устроимся снова и заживемъ, какъ встарь.

О Серви́рогѣ Николай Ильичъ совершенно забылъ, кромѣ того, онъ и раньше далекъ былъ отъ мысли, что неизвѣстный, схваченный у его сада, и конфедератъ были одно и то же лицо. Въ эти минуты приходилось думать о самихъ себѣ тѣмъ болѣе, что опасность еще не миновала. Желавшимъ было разрѣшено пока оставаться въ стѣнахъ крѣпости, такъ какъ нападенія самозванца ждали съ часу на часъ. Подъ страхомъ этого нападенія казанцы провели еще два дня, и вотъ наконецъ пятнадцатаго іюля то, чего съ трепетомъ ожидали въ Казанскомъ кремлѣ, свершилось. Рано утромъ облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили о новомъ приближеніи Пугачева. Михельсонъ со своимъ отрядомъ выступилъ навстрѣчу непріятелю, и скоро до слуха запертыхъ въ крѣпости долетѣли дробные перекаты ружейныхъ выстрѣловъ и тяжелое буханье орудій.

На этотъ разъ скопищамъ самозванца былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Всѣ три отряда, на которые Пугачевъ раздѣлилъ свои многотысячныя толпы, были поочередно разбиты правительственными войсками. Напрасно яицкіе казаки старались пиками удержать сбродъ, убѣгавшій отъ карабинеровъ и гусаръ, бѣгство было паническое. Даже личное присутствіе Пугачева не помогло дѣлу. Лагери самозванца вскорѣ очутились въ рукахъ Михельсона. Въ этихъ лагеряхъ было освобождено до десяти тысячъ казанскихъ жителей разнаго пола, возраста и званія. Казанка оказалась запруженной мертвыми тѣлами. Михельсонъ потерялъ около ста человѣкъ убитыми и ранеными, но захватилъ въ плѣнъ пять тысячъ мятежниковъ и отбилъ девять пушекъ.

Въ крѣпости поднялись новыя ликованія. Жители толпами устремились навстрѣчу побѣдоносному Михельсону. Потемкинъ, Брандтъ, Баннеръ съ дворянами и съ наиболѣе уважаемыми изъ горожанъ и духовенствомъ вышли за ворота крѣпости съ хлѣбомъ-солью и иконами. Въ соборѣ былъ отслуженъ преосвященнымъ торжественный благодарственный молебенъ.

Теперь наконецъ можно было выйти изъ кремля спокойно. Майоръ Харинъ съ гусарами и чугуевскими казаками преслѣдовалъ Пугачева, бѣжавшаго на перемѣнныхъ лошадяхъ по Кокшайской дорогѣ; городъ находился подъ защитой михельсоновскихъ карабинеровъ.

Еще въ первый день прибытія Михельсона посланный Николаемъ Ильичемъ въ имѣніе гайдуковъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что шайка пугачевскихъ казаковъ заѣзжала въ усадьбу и останавливалась въ барскомъ домѣ, но особеннаго ему разоренія не нанесла. Мужики заступились за желтугинское добро, аттестовавъ господъ съ самой лучшей стороны. Теперь Желтугины только ждали лошадей, чтобы на время опять помѣститься въ родномъ гнѣздѣ, а пока Николай Ильичъ пошелъ съ дочерью и Жюди посмотреть на Ка-

зань и на то, что случилось съ ихъ недавнимъ городскимъ жилищемъ.

Желтугины шли и не узнавали знакомыхъ мѣстъ. Улицъ болѣе не существовало. Повсюду раскидывались сплошные сквозные пустыри съ отдѣльно торчавшими трубами и обгорѣлыми столбами на гудахъ углей и пережженныхъ кирпичей. Кое-гдѣ на этихъ пустыряхъ валялись человѣческія тѣла, разбитые и опрокинутые сундуки, лохмотья одежды и обломки оружія, лафеты пушекъ. Народъ почти весь устремился на брошенный лагерь Пугачева отыскивать тамъ захваченное мятежниками добро. Туда же Николай Ильичъ послалъ Силантія съ гайдуками.

Когда Желтугины по Воскресенской улицѣ перешли на Горшечную и наконецъ достигли Арской, глазамъ ихъ открылось печальное зрѣлище. На мѣстѣ арендованнаго дома, какъ и повсюду теперь, разстился широкой пустырь съ кучами обуглившихся балокъ и закопченныхъ камней. Тѣнистый садъ былъ вытоптанъ и опаленъ близкимъ пожаромъ; листья на деревьяхъ пожелтѣли и свернулись въ трубки; на мѣстѣ цвѣтниковъ лежали трупы нѣсколькихъ оборванцевъ; чьи-то мертвыя ноги высывались также изъ ближнихъ поломанныхъ кустовъ.

При видѣ этой картины Жюли не могла удержаться, чтобы не заплакать. Николай Ильичъ ходилъ по грудамъ горѣлыхъ бревенъ и кирпича, постукивая по нимъ палкой. Его занимала мысль, успѣли ли пугачевцы проникнуть въ подвалы зданія, или оно обрушившись закрыло подъ своими обломками доступъ въ кладовыя.

Секретная слѣдственная комиссія начала свои занятія въ тотъ же день. Николай Ильичъ между прочимъ былъ очень удивленъ, когда, садясь уже въ бричку, присланную изъ усадьбы, чтобы ѣхать домой, онъ вдругъ былъ остановленъ дежурнымъ офицеромъ и приглашенъ къ Потемкину. Дамы остались сидѣть въ бричкѣ, а Желтугинъ поднялся на верхъ. Молодой генераль встрѣтилъ стараго дипломата такъ же непривѣтливо и сурово, какъ и въ первый разъ. Несчастія и испытанія не укротили его заносчивости и самомнѣнія. Такъ же, даже не кивнувъ головой, Потемкинъ началъ, обращаясь къ Николаю Ильичу:

— Сударь, вы привлекались къ отвѣту слѣдственной комиссіи по дѣлу польскаго графа Сервироса-Зборомірскаго, обвиняемаго въ преступныхъ сношеніяхъ съ самозванцемъ?

— Да, Сервиросъ жилъ у меня, въ домѣ, — отвѣчалъ Желтугинъ.

— Вы были съ нимъ дружны. Я не виню васъ въ томъ, — продолжалъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи. — Дуракъ Брандтъ позволилъ другому конфедерату, который теперь явно присталъ

къ Пугачеву, не только жить у себя, но и ухаживать за своей женой. Здѣсь въ Казани нравы особенные. Но на васъ падаетъ подозрѣніе, что вы освободили Сервиорога, который содержался здѣсь въ казематѣ дома, куда вы первый скрылись во время недавней осады крѣпости.

— Я освободилъ Сервиорога?—съ изумленіемъ повторилъ Желтугинъ:—вы смѣтаете надо мной, генераль?

— Въ такихъ дѣлахъ не смѣются,—рѣзко отозвался Потемкинъ.

— Но, вѣдь, меня снесли въ подвалъ въ безчувственномъ состояніи.

— Вы могли притвориться. И во всякомъ случаѣ вы не имѣли права безъ разрѣшенія спускаться въ казематъ.

— Я и не спускался. Меня снесли на рукахъ.

— Тогда это могли сдѣлать ваши люди или же, наконецъ, ваша дочь.

— Моя дочь?—воскликнулъ Желтугинъ.—Я даже не знаю, что вамъ на это отвѣчать, генераль, вы просто хотите меня оскорбить, и больше ничего.

— Оскорблять васъ не имѣю ни малѣйшаго желанія, но во всякомъ случаѣ я прошу васъ покуда не отлучаться изъ крѣпости. Ваша комната къ вашимъ услугамъ.

— А моя дочь?

— Ваша дочь можетъ ѣхать къ себѣ въ усадьбу, у насъ и такъ мѣста очень мало.

— Значить, вы меня арестуете?

Потемкинъ кивнулъ головой.

— Но вы меня разлучаете съ дочерью, это безчеловѣчно! — воскликнулъ Николай Ильичъ.

Предсѣдатель комиссіи пожалъ плечами и отвернулся къ окну. Желтугинъ продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ. Потемкинъ о чемъ-то размышлялъ.

— Ну, хорошо,—промолвилъ онъ наконецъ,—въ личную вамъ услугу я разрѣшаю вамъ ѣхать къ себѣ, но съ обязательствомъ: никуда не отлучаться безъ моего вѣдома и съ обязательствомъ въ случаѣ моего требованія немедленно явиться сюда.

— И на томъ спасибо, генераль.

Потемкинъ, арестовывая Желтугина, вспомнилъ о его связяхъ и родствѣ въ Петербургѣ, вспомнилъ интриги, затѣяныя въ столицѣ противъ его пока всемогущаго кузена и потому рѣшилъ не ссориться безвозвратно съ Николаемъ Ильичемъ. Но съ Желтугина и того было довольно, что произошло до сихъ поръ. Онъ снова былъ потрясенъ до глубины души и, сядя въ бричку, не могъ отъ волненія произнести ни слова. Только уже далеко за стѣнами кремля среди пустынныхъ полей, по которымъ пролежала

дорога, Николай Ильичъ нѣсколько пришелъ въ себя и могъ разсказать дамамъ о своемъ разговорѣ съ молодымъ генераломъ.

— Такъ это былъ графъ, и онъ спасся?—радостно воскликнула Жюли.

— А Потемкинъ думаетъ, что это я его освободила,—улыбаясь замѣтила Наташа.

— Можешь себѣ представить,—съ негодованіемъ отвѣчалъ Николай Ильичъ.

Домъ въ усадьбѣ найденъ былъ въ такомъ видѣ, что въ немъ можно было жить. Правда, оказались разбитыми зеркала, нѣкоторыя окна, разломаны книжные шкафы, и нѣкоторыя книги пошли на ружейные пыжи, но стѣны, полы, двери и лѣстницы были цѣлы. Уцѣлѣла и кой-какая мебель, только ковры, одѣяла, подушки и носильное платье съ бѣльемъ подверглись разграбленію.

XXI.

Приѣхавъ вечеромъ изъ города, Силантій привезъ нѣкоторыя пріятныя новости. Въ лагерѣ самозванца желтугинскихъ вещей не оказалось. Это обстоятельство навело стараго слугу на мысль осмотрѣть пепелище арендованнаго дома. Осмотръ показалъ, что подвалы зданія не были тронуты мятежниками. На мѣстѣ пожараща Силантій поставилъ двухъ гайдуковъ, а завтра рано утромъ намѣренъ былъ приступить къ раскопкѣ.

Желтугинъ поблагодарилъ преданнаго человѣка. Стараніями того же Силантія у господъ его явился и деревенскій скромный ужинъ, и мягкая постель, и восковыя свѣчи.

Но послѣ ужина Николай Ильичъ не могъ заснуть. Онъ чувствовалъ необходимость излить накопившееся въ немъ негодованіе. Онъ не могъ переварить заносчиваго обращенія Потемкина, этого проходимца, обязаннаго своимъ положеніемъ внезапному возвышенію своего родственника, такого же зазнавшагося рагвечи. Желтугинъ далъ волю своему гнѣву. Онъ скорбѣлъ о Россіи, сожалѣлъ о своемъ отечествѣ, управляемомъ случайными любимцами счастья, не заботящимися о будущемъ и только извлекающими свои выгоды въ настоящемъ. Онъ негодовалъ на то, что родовитое дворянство должно каждую минуту гнуть шею передъ наглými выскочками и уступать имъ первенство на каждомъ шагу. Николай Ильичъ повторялъ всѣ тѣ обвиненія и жалобы, которыя постоянно слышались за послѣднее время въ Москвѣ, и на которыя такъ сердилась императрица.

Наташа слушала отца внимательно, но Жюли уже давно начала клеветать носомъ.

— Ну, спать,—провозгласилъ наконецъ Желтугинъ:—утро вечера мудренѣе.

— Да, — какъ бы отвѣчая на ходъ своихъ мыслей, замѣтила Наташа, — намъ нечего бояться. Уликъ никакихъ противъ насъ нѣтъ, кромѣ того, и противъ Бронислава существуетъ только оговоръ и больше ничего.

— Да, ты все о немъ думаешь?—замѣтилъ Николай Ильичъ.

— Я не могу о немъ не думать, папа,—отозвалась дѣвушка:— какъ не могу не думать о тебѣ.

Николай Ильичъ перекрестилъ и благословилъ на ночь Наташу.

— Папа,—на прощанье обратилась къ отцу дѣвушка,—а я еще хотѣла поговорить съ тобою о будущемъ.

— О будущемъ?—повторилъ Желтугинъ,—что говорить о немъ теперь?—оно въ руцѣ Божіей.

Наташа ушла въ свою комнату. Постель для нея была давно готова, но дѣвушка не ложилась. Отпустивъ горничную, она распустила волосы, поглядѣла на себя въ круглое бѣдное зеркальце, принесенное Силантиемъ отъ кого-то изъ дворовыхъ. Наташа удивилась переменѣ, происшедшей въ ея наружности. Она видѣла, что измѣнился и Николай Ильичъ, который точно весь опустился и, кромѣ того, сильно посѣдѣлъ за послѣднія недѣли; бросилась ей въ глаза и худоба съ блѣдностью французенки, но на себя Наташа какъ-то не обращала вниманія. Теперь на нее изъ рамки круглаго зеркальца глянуло чье-то чужое, строгое, блѣдное лицо съ сжатыми бровями и запекшимися, засохшими губами.

Сидя передъ зеркаломъ съ восковой свѣчей, Желтугина предавалась грустнымъ размышленіямъ. Она не могла, съ одной стороны, жаловаться на судьбу. Она родилась въ обезпеченной дворянской семьѣ и, оставшись сиротой послѣ смерти матери, все-таки имѣла нѣжнаго и любящаго отца, но развѣ только въ этомъ заключалось ея счастье? Уже давно дѣвушка замѣчала, что сердце ея рвалось куда-то и безпричинно трепетало въ ожиданіи чего-то будущаго неизвѣстнаго, но желаннаго, ожидаемаго. Встрѣча съ Сервирогомъ отвѣтила на это ожиданье. Были мгновенья, когда Наташа себя чувствовала счастливой безусловно, но эти мгновенья исчезли. Жизнь заставила дѣвушку пройти черезъ рядъ ужасныхъ испытаній и чѣмъ же теперь вознаграждала ее? Новою неизвѣстностью. Въ томъ, что Сервирогъ любилъ ее, Желтугина не сомнѣвалась, но она не знала теперь судьбы своего друга и того, устроится ли ихъ жизнь такъ, какъ они объ этомъ мечтали.

Ночь наступила теплая и душная. Небо было покрыто облаками. Вдали поблескивали зарницы. Пахло доцвѣтавшей липой, въ густой травѣ немолчно стрекотали кузнечики.

Наташа растворила окно и выглянула въ садъ. Комната Желтугиной находилась въ первомъ этажѣ близъ террасы. До нея донесся звукъ трещетки ночного сторожа и какіе-то голоса, смѣшанные съ топотомъ лошадиныхъ ногъ. Сперва сердце у дѣвушки

дрогнуло. Прежде всего она представила себѣ возможность нападенія мятежнической шайки, но потомъ она вспомнила о конныхъ правительственныхъ разъѣздахъ въ окрестностяхъ Казани и успокоилась. Однако черезъ нѣсколько минутъ она вздрогнула снова. Ей почудилось, что какая-то тѣнь мелькнула передъ окошкомъ. На всякій случай Наташа взяла въ руки колокольчикъ; дверь Николая Ильича теперь приходилась рядомъ. Дальше спала Жюли съ горничной, которую французенка отъ себя не отпустила на ночь. Въ коридорѣ ночевали два вооруженныхъ гайдука.

Наташа взглядѣлась въ темноту, и вдругъ подѣ самымъ окномъ услышала явственный шопоть:

— Не бойтесь, Natalie, это—я.

За окномъ былъ Сервиругъ. Въ одно мгновенье онъ взобрался на подоконникъ и очутился въ комнатѣ дѣвушки. Наташа упала ему на грудь.

— Скорѣй,—ваторопилъ ее шопотомъ конфедератъ:—все готово для нашего бѣгства. Млынарскій ждетъ насъ съ лошадьми. Черезъ сутки мы достигнемъ партію моихъ земляковъ, идущихъ на родину... Ты сейчасъ же переодѣнешься въ мужское платье... Мы скоро будемъ въ безопасности... Я все приготовилъ за эти три дня... Долѣе оставаться мнѣ здѣсь нельзя... Каждую минуту я могу быть открытымъ...

Наташа слушала поляка и не понимала.

— Куда бѣжать? Что ты говоришь?

— Бѣжать въ Польшу, а оттуда во Францію, въ Парижъ. Тамъ уже ты будешь моей женой... Но только скорѣе. Намъ нельзя терять ни минуты.

Изъ предосторожности Сервиругъ потушилъ свѣчу.

— Бѣжать,—повторила Наташа,—а отецъ, какъ я оставлю его? Ты знаешь, вѣдь онъ у меня одинъ на свѣтѣ.

— Отецъ? Онъ—не маленькій. Онъ не пропадетъ безъ тебя. А потомъ онъ самъ къ намъ пріѣдетъ, и вмѣстѣ будемъ жить. Но только ради Бога скорѣе. Иначе товарищи меня перестанутъ ждать. Мнѣ дано сроку всего два дня. Скорѣе, дорогая моя, умоляю!

Наташа колебалась.

— Это убьетъ отца,—отвѣчала она:—это его опозорить... Я не могу,—шептала она, закрывая лицо руками.

— Значить, ты болѣе меня не любишь.

— Нѣтъ, клянусь, я люблю тебя больше своей жизни.

— Тогда что же?

— Но мой отецъ... Это его убьетъ.

— Выбирай,—настаивалъ конфедератъ,—я нахожусь въ худшемъ положеніи, нежели твой отецъ.

— Но ты слышалъ о новомъ обвиненіи противъ него? Это бросить на него новую тѣнь.

Наташа сообщила собесѣднику послѣдній разговоръ Николая Ильича съ Потемкинымъ. Конфедератъ хрустнулъ пальцами.

— Что ты со мной дѣлаешь, Наташа?—произнесъ онъ:—ты хочешь, чтобы я пошелъ и отдался въ руки Потемкина. Онъ не пощадитъ меня, хотя бы противъ меня не было ни одной улики. Онъ жаждетъ отличиться, а сердца и совѣсти у него нѣтъ. Онъ это доказалъ достаточно. Что же мнѣ дѣлать?

— Милый мой, дорогой,—продолжала Желтугина,—бѣги скорѣе отсюда, бѣги на родину, поѣзжай въ Парижъ, мы тамъ встрѣтимся. Я клянусь тебѣ всѣмъ, что только у меня есть святого, что я никогда не буду ничьей женой, иначе, какъ твоей. Я слишкомъ много перестрадала. Ты мнѣ пиши, какъ можно чаще...

— А бѣжать со мной ты не можешь?

— Я не имѣю права. Сердце мое разрывается на части, но ты самъ бы меня не сталъ уважать, если бы я измѣнила своему долгу.

— Да, я вижу, у тебя рѣдкая душа, но ты мнѣ это уже доказала. Хорошо, пусть будетъ по-твоему. Я бѣгу.

Молодые люди обнялись еще разъ и долго не могли оторваться другъ отъ друга. Наконецъ еще послѣдніе поцѣлуи, и Сервирогъ опять выскользнулъ черезъ окно въ ночную темь.

Кровь волною стучала въ виски Наташѣ; она вглядывалась въ темноту, но въ саду опять стало пусто, и только стрекотанье кузнечиковъ нарушало тишину. Вся пылая, Наташа отошла отъ окна.

Въ это время дверь скрипнула, и на порогѣ появился Николай Ильичъ со свѣчекю. Наташа на нѣсколько шаговъ отступила отъ неожиданности.

— Папа, ты не спишь?—могла только произнести она.

— Я не спалъ все время,—отвѣчалъ Желтугинъ:—я все слышалъ. Спасибо тебѣ, большое спасибо...

Голосъ Желтугина задрожалъ. Онъ подошелъ къ дочери и прижалъ ее къ своей груди. Дѣвушка почувствовала, какъ горячія слезы упали ей на волосы изъ глазъ отца.

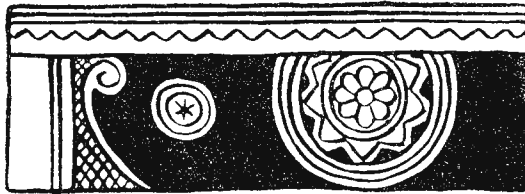
— Спасибо, дорогая, спасибо,—шептала Николай Ильичъ...—За это я сдѣлаю для тебя все... все, что могу... Я сдѣлаю, что ты будешь счастлива и никогда ни въ чемъ не обвинишь меня.

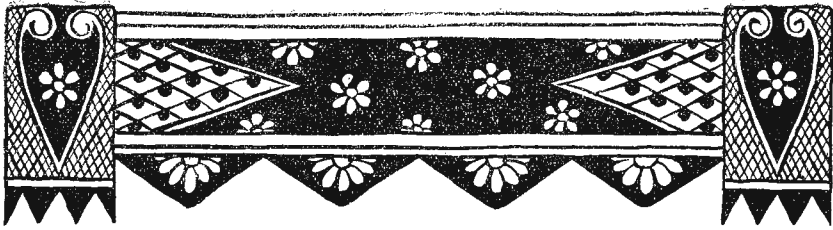
Желтугинъ заставилъ дочь лечь въ постель, а самъ присѣлъ на край кровати и, точно юноша, вслухъ началъ мечтать съ Наташей о будущемъ ихъ житьѣ-бытьѣ вдали отъ Кавани, Пугачевыхъ, Потемкиныхъ и всей Россіи.

Проѣли четвертые пѣтухи. Потянулъ предразсвѣтный вѣтерокъ. Ночная тьма стала дѣлаться прозрачнѣе. Свѣча давно догорѣла. Наконецъ, Николай Ильичъ еще разъ перекрестилъ дочь, заперъ окно и удалился въ свою комнату.

Вскорѣ Желтугинъ, очистившись отъ подозрѣній, съ дочерью и Жюли уѣхалъ изъ Казани сперва въ Петербургъ, а потомъ за границу. Въ Парижѣ Желтугины по уговору встрѣтились съ Серви-рогомъ и послѣ свадьбы Наташи поселились въ отелѣ на rue de Valenciennes, тамъ, гдѣ когда-то жилъ Николай Ильичъ во время своего перваго пребыванія въ столицѣ французовъ.

В. Грибовскій.

АБРАУ — ДЮРСО.

(Изъ очерковъ Кавказскаго Черноморскаго побережья).

ЕМЛИ и виноградники удѣльнаго вѣдомства въ количествѣ 7.000 десятинъ расположены въ красивой, гористой мѣстности среди зеленаго лѣса, который тянется до самаго берега моря, гдѣ виноградники Дюрсо. Отъ Дюрсо до Абрау—восемь верстъ, отъ Абрау до Новороссійска—двадцать пять.

Почти на половинѣ шоссеиной дороги отъ города въ Абрау находится чешская колонія Глѣбовка. Сверкающія на солнцѣ бѣлыя хаты колонистовъ въ зелени по скату горъ производятъ живое, радостное впечатлѣнiе, которое еще въ большой степени дополняется хозяйственной картиной долины, балокъ и низинъ. Въ превосходномъ порядкѣ посаженъ и культивируется табакъ, кругомъ котораго крѣпкiя красивыя загорода, ниже въ балкѣ баштаны. Миновали сочную, сильную капусту, и передъ глазами расчищенные изъ-подъ лѣса поля, пшеница, овесъ.

Каждая отдѣльная часть, каждый клочекъ чешскаго хозяйства безмолвно свидѣтельствуютъ, что здѣсь система и трудъ упорный, опредѣленный.

Народонаселенiе Глѣбовки приблизительно 150 душъ обоого пола, около 15 душъ русскихъ—вотъ и все, чтò составляетъ рабочую силу этого горнаго уголка. Чехи—превосходные хозяева, лучшiе на побережьѣ, по молочному, огородному и по табачному производствамъ. Лучше чешскихъ означенныхъ продуктовъ нѣтъ, — на рынкахъ побережья они стоятъ высоко, вѣ конкуренци. Глѣбовка имѣетъ отличный сбытъ въ Новороссiйскѣ, вслѣдствiе чего

будущее развитие ея интенсивнаго хозяйства вѣ сомнѣнія. 30 дворовъ—при 30-ти-десятинномъ надѣлѣ (на основаніи положеніи 10 марта 1866 года) на каждый, слѣдовательно 900 десятинъ всей земли, изъ которой раздѣланной около 400 десятинъ, при такомъ же количествѣ подъ лѣсомъ и кустарникомъ и остальной, неудобной 100 съ небольшимъ десятинъ.

Наконецъ показались виноградники Абрау. Что это?.. Выстроенныя въ порядкѣ роты, батальоны солдатъ! До того сохраненъ порядокъ въ посадкѣ, до того правильна обрѣзка и ровень другъ къ другу пригнаны кольца! Кустъ къ кусту, схожіе, ровные, зеленые... Мнѣ думалось: «вѣрно, и листьевъ и ягодъ у каждаго куста одинаковое число».

Совершенно правильныя аллеи виноградниковъ шли въ гору, спускались, поднимались снова, пересѣкая другъ друга въ стройномъ порядкѣ, по ниточкѣ. Мы не знали, куда направиться, гдѣ живетъ управляющій. Случайно встрѣтившагося мальчика мы попросили сѣсть въ экипажъ и показать дорогу.

— Много, должно быть, мальчикъ, у васъ винограда? — спросили мы, любуясь все развертывающимися передъ глазами плантаціями.

— Нѣ!.. — наивно отвѣчалъ мальчикъ:—черезъ три куста на четвертомъ найдешь ягоды.

Скоро мы подъѣхали къ большому, казенной архитектуры, въ нѣсколько этажей дому и стали ждать... Неприятно послѣ зелени лѣса и стройныхъ рядовъ виноградниковъ смотрѣть на это огромное каменное строеніе въ желѣзной бронѣ: точно изъ Петербурга съ Надеждинской или Малой Итальянской перенесенъ этотъ домъ съ неуклюжими террасами и обитыми желѣзомъ балконами.

Въ этомъ домѣ канцелярія, бухгалтерія и квартиры служащихъ. Скучно, казенно и уныло.

За исключеніемъ казармъ для рабочихъ, мы осмотрѣли все и вездѣ были поражены удивительной чистотой и порядкомъ. Дороги превосходныя, постройки дорогія, аккуратныя, и надъ всѣмъ этимъ тишина и уныніе, которыя составляютъ суть хозяйственной дисциплины Абрау. Даже красивое большое озеро затихло и дремлетъ между горъ, покрытыхъ зелеными виноградниками. Большое озеро 8 верстъ длины и полверсты ширины среди рабочаго люда носитъ названіе Лимана. «Лиманомъ» называютъ бурлаки и самое Абрау.

— Посмотрите на горку, вотъ ту надъ озеромъ,—указалъ проводникъ:—не правда ли, какъ искусно сдѣланы изъ виноградниковъ корона и крестъ?

Дѣйствительно виноградъ былъ такъ сгруппированъ въ порядкѣ, что выходила корона, подъ которой совершенно ясно вырисовывался изъ кустовъ винограда крестъ.

— Это—иниціатива кн. Вяземскаго и устроено во время его управленія удѣлами.

— Сколько всего десятинъ винограда?

— 170 десятинъ, а остальная земля подъ лѣсомъ, которымъ мы пользуемся только для своихъ надобностей.

Пошли въ церковь и школу, которыя находятся въ одномъ помѣщеніи. И то, и другое поражаетъ необыкновенной чистотой и опрятностью: каждая вещь, каждый маленькій предметъ блеститъ, какъ зеркало—ни пятнышка, ни пылинки. То же самое и больница съ аптечкой: порядокъ и чистота замѣчательная!.. Въ больницѣ мы застали двухъ мальчиковъ, лѣтъ по двѣнадцати. Маленькіе больные тихо плакали.

— Что вы?.. — спросилъ чиновникъ:—о чемъ?..

— Скучно намъ, дяденька!.. — отвѣчали больные.

Одинъ попалъ въ больницу вслѣдствіе ушиба ноги, другой... но этотъ другой былъ положительно страшенъ. Съ лицомъ 70-ти-лѣтняго старика, сморщеннымъ, какъ яблоко, мальчикъ сгнивалъ живо: до того ужасны и глубоки были гнойные нарывы, покрывавшіе сплошь его жалкое, худосочное тѣло. Когда мы вошли, мальчики сидѣли на одной койкѣ, обнявшись. Я сказалъ мальчику нѣсколько ласковыхъ словъ.

— Умру я, дяденька? — спросилъ меня несчастный, пытливо смотря въ глаза.

— Поживешь еще, голубчикъ!..

Хотѣлось уйти скорѣй изъ этой образцовой больницы дальше отъ гнойнаго мальчика, на челѣ котораго смерть начертала твердо свой приговоръ.

— Теперь покажите винодѣльню, подвалы,—обратился я къ сопровождавшему насъ. И мы пошли и осмотрѣли то и другое.

Я не видалъ большихъ образцовыхъ приспособленій къ винодѣлію, и то, что увидѣлъ въ Абрау, меня поразило не только техникой, но необыкновенной крѣпостью и силой построекъ.

Вѣковые подвалы, гигантское зданіе винодѣльни, огромныя, ярко вычищенные машины, чистыя бочки и чаны — все прошло передъ нашими глазами въ стройномъ порядкѣ, все показало и точно и толково объясняло серьезный, корректный финляндецъ.

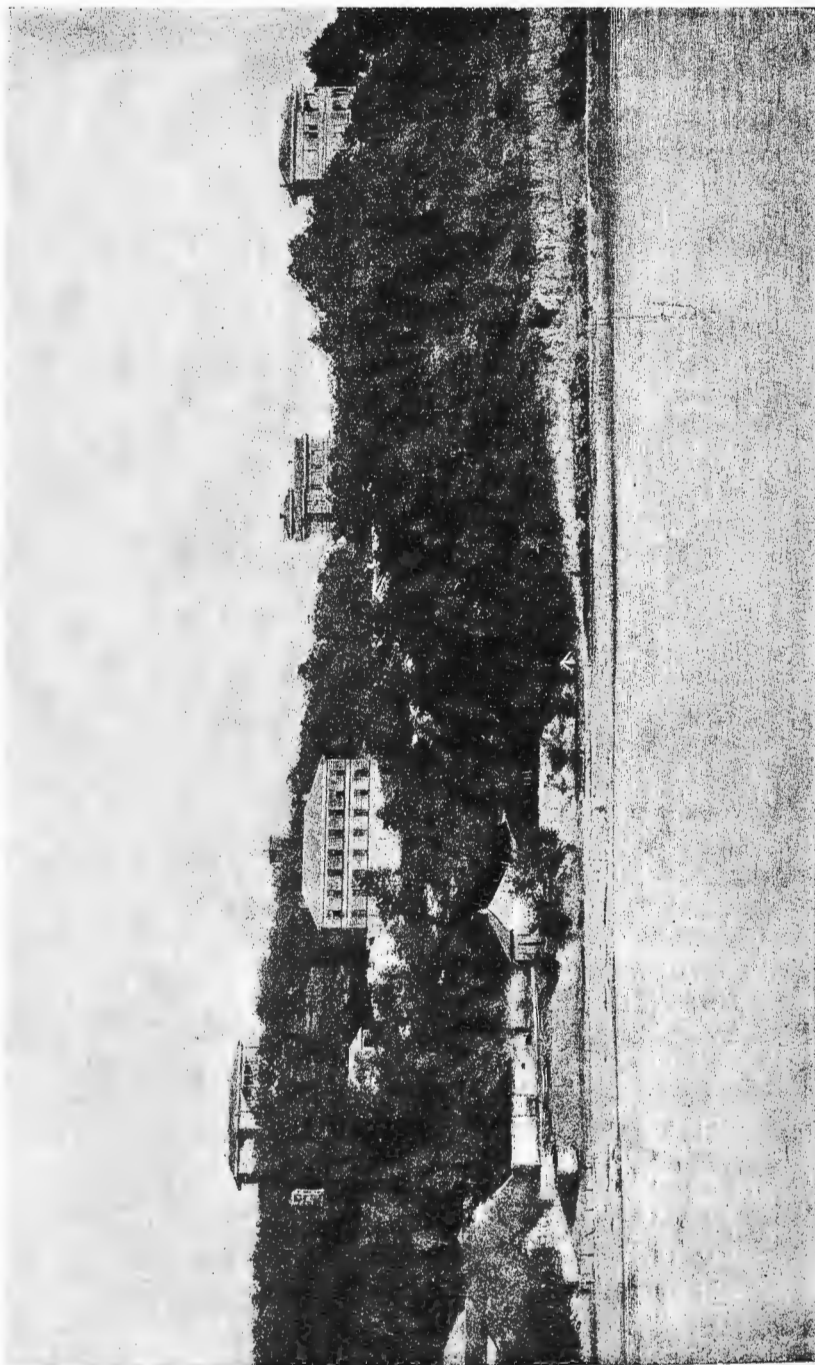
Машины — послѣднее слово французской техники. Впрочемъ имѣются построенныя и въ Россіи.

— Вотъ эта машина давить 3.000 ведеръ въ день.

— Французской фабрики?

— Нѣтъ, Бухштаба и К^о въ Керчи.

Странно, во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ нѣтъ жизни, нѣтъ работы. Людей, кромѣ насъ да одного рабочаго, нѣтъ, и потому еще мрачнѣе въ этихъ огромныхъ коридорахъ и подвалахъ.

Видъ Абрау.

— Мы вина, кромѣ шампанскаго, не производимъ, только давимъ и затѣмъ отправляемъ въ Одессу, гдѣ вина выдерживаются и поступаютъ въ продажу,—пояснилъ винодѣль.

— А между тѣмъ,—сказали мы, нѣсколько удивившись такому обстоятельству,—мы думали совсѣмъ иначе... Абрау должно стоять по винодѣлію во главѣ новаго, только что развивающагося края, должно послужить общимъ интересамъ, имѣя такія средства...

Винодѣль пожалъ плечами и повелъ насъ въ отдѣленіе производства шампанскаго, спросъ на которое съ каждымъ годомъ растетъ довольно быстро. Шампанское въ настоящее время составляетъ доходную статью хозяйства Абрау, и по всѣмъ признакамъ доходность эта имѣетъ тенденцію увеличиваться.

Между тѣмъ чудныя вина Кабернэ и Рислинга очевидно здѣсь на ихъ родинѣ не въ особомъ авантажѣ, если отправляются въ Одессу... Кто знаетъ, какое вліяніе оказываетъ на свойство и качество винъ побережныхъ (собственно виноградный сокъ) далекое путешествіе при перемѣнѣ температуры и различной влажности мѣстъ, Абрау и Одессы.

Хороши тѣ вина, которыя и родились, и выросли, и даже окрѣпли на мѣстѣ.

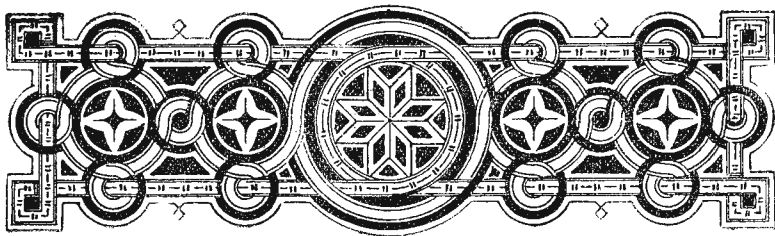
Не то представляло собой «шампанское отдѣленіе», гдѣ жизнь кипѣла ключемъ, гдѣ пѣнилось вино и работали руки. Вотъ гдѣ «душа» и «гвоздь» Абрау-Дюрсо, или по-народному Лимана. Углекислосое производство въ полномъ ходу... И почему? потому что имѣется сбытъ, потому что русскіе городскіе центры еще не дошли до потребности имѣть дешевыя, *натуральныя* русскія вина, ну, а шампанское... это шампанское, господа!..

Въ заключеніе о заработной платѣ, по отношенію которой Абрау находится въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, нежели другія частныя хозяйства на побережьѣ. Заработная плата здѣсь не колеблется, она всегда одинакова: мужчина—70 к. въ день, женщина 50. Объясняется это тѣмъ, что «Лиманъ» давно извѣстенъ среди бурлаковъ, какъ мѣсто, гдѣ нуждаются въ рабочей силѣ.

И шли бурлаки, постоянно шли на «Лиманъ», давая въ избыткѣ рабочую силу и разсыпаясь оттуда по всему побережью.

Въ «Лиманѣ» былъ и по традиціи есть до сихъ поръ постоянный прибой рабочей силы, ну, а съ такимъ прибоемъ можно было поставить удивительные подвалы и развести вдвое и втрое больше виноградниковъ!

С. И. Васюковъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I ¹⁾).

IX.

Служебное недоразумѣніе.

I.

ПВАРДЕЙСКОЙ артиллеріи капитанъ Бухаринъ проснулся около шести часовъ утра. Несмотря на то, что было уже 15-е іюня, въ воздухѣ еще пахло весной, а по утрамъ чувствовалась особая прохлада и свѣжесть, которыя мѣшали подниматься съ постели. Солнце, пробившись сквозь тюлевые занавѣски оконъ, играло на полу, на стѣнѣ и слѣпило глаза.

Бухаринъ потянулся, зажмурился и повернулся было на другой бокъ, но тотчасъ же рѣшительно поднялся и сѣлъ на постель. Сегодня было назначено ученѣе отъ 7 до 9 часовъ. Конечно, можно было бы еще оставаться въ постели, такъ какъ ротный командиръ, полковникъ Беклемишевъ, обыкновенно самъ опаздываетъ на ученѣе, но, кто его знаетъ, сегодня онъ могъ пріѣхать своевременно, и тогда неприятности для Бухарина неминуемы.

Беклемишевъ былъ прекрасный товарищъ, отличный человекъ, но, какъ начальникъ, онъ отличался требовательностью, строгостью,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 505.

переходящую даже въ безпощадность, а потому подчиненные его боялись и недолюбливали. Бухаринъ былъ у него въ ротѣ. По природѣ человѣкъ лѣнивый, малоподвижный, онъ съ трудомъ переносилъ требованія Беклемишева, которыя въ лѣтнее время увеличивались и отнимали у Бухарина его спокойствіе и благодушное состояніе духа.

Если бы онъ не былъ подъ начальствомъ Беклемишева, то ему ничто не мѣшало бы, на примѣръ, выспаться сегодня, какъ слѣдуетъ, опоздать на ученіе, которое безъ Бухарина можетъ сойти нисколько не хуже, нежели въ его присутствіи, словомъ, Бухаринъ имѣлъ много основаній быть недовольнымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ артиллеріи между начальниками и подчиненными не существовало въ отношеніяхъ и тѣни дисциплины, такъ что требовательный Беклемишевъ, съ его фанатическою преданностью военной службѣ, вносилъ въ обычный строй нѣкоторый диссонансъ, съ которымъ Бухарину трудно было примириться.

Дѣлать было нечего: Бухаринъ сердито вскочилъ, одѣлся и черезъ нѣсколько минутъ выходилъ изъ дома.

Ити было недалеко. Уже издали видны были пушки и суевѣшіеся около нихъ нижніе чины.

Бухаринъ шелъ не торопясь, посвистывая себѣ подъ носъ. Уже оставалось нѣсколько шаговъ до строя роты, какъ вдругъ сзади Бухарина послышался лошадиный топотъ, и вслѣдъ затѣмъ мимо него проскакалъ, направляясь къ ротѣ, полковникъ Беклемишевъ.

— Чортъ возьми! — подумалъ Бухаринъ. — Онъ обогналъ меня сегодня!..

Вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же Беклемишевъ поздоровался съ людьми и громко крикнулъ:

— По стѣбленіямъ направо!

Бухаринъ торопливо подошелъ къ строю и сталъ на свое мѣсто.

— Капитанъ, выйдите изъ строя! — громко приказалъ Беклемишевъ Бухарину. — Пять шаговъ впередъ!

Бухаринъ сдѣлалъ пять шаговъ и очутился передъ Беклемишевымъ.

— Капитанъ, вы опоздали, вы опоздали на ученіе! — громко сказалъ Беклемишевъ, и въ его голосъ послышалось раздраженіе. — Это что же такое? Такъ служить нельзя... Я объявляю вамъ строгій выговоръ!

— Но я не опоздалъ, господинъ полковникъ! — попробовалъ оправдаться Бухаринъ. — Мы прибыли почти одновременно, а такъ какъ вы на лошади, то понятно...

— Прошу молчать! Ученіе назначено въ опредѣленное время, и вы должны быть на мѣстѣ.

— Я и такъ каждый разъ васъ дожидаюсь. Вы сами опаздываете. А больше дожидаться я васъ не буду и за два часа зара-

нѣе тоже являться не стану. А сегодня,—считаю нужнымъ повторить,—я не опоздалъ!

— Что? Какъ вы смѣете?—крикнулъ Беклемишевъ.—Захочу,—и вы будете дожидаться не два, а четыре, шесть часовъ. Какъ вы смѣете?!

— А я не стану и не буду!

— Замолчите! Еще слово, еще отговорка, и я пошлю васъ за фронтъ. На свое мѣсто, маршъ! Рота, по отдѣленіямъ направо!—рѣзко крикнулъ Беклемишевъ.

Бухаринъ сердито повернулся и пошелъ на свое мѣсто. Началось ученье. Беклемишевъ командовалъ, бранился и наводилъ страхъ на солдатъ. Оправляться почти не давалось, а потому всѣ чувствовали себя утомленными и были очень довольны, когда, по окончаніи ученья, Беклемишевъ скомандовалъ:

— По палаткамъ!

Тотчасъ же люди разошлись, а самъ Беклемишевъ рысью направился къ своему бараку.

Не успѣлъ, однако, онъ слѣзть съ лошади и отдать ее конюху, какъ вдругъ около него, словно изъ земли выросъ, явился Бухаринъ.

— Господинъ полковникъ,—заговорилъ Бухаринъ взволнованнымъ голосомъ,—разрѣшите доложить, что я чувствую себя обиженнымъ вами и при томъ...

— Ну, конечно,—прервалъ его Беклемишевъ,—вы всегда чувствуете себя обиженнымъ. Знаю я васъ: всегда такъ, провинитесь, а потомъ обиду питаете. Это—очень дурно!

— Я прошу разрѣшенія доложить вамъ, полковникъ!—настойчиво повторилъ Бухаринъ.

— Да докладывайте, пожалуйста! Что вамъ угодно?

— Вы отлично знаете, полковникъ, что я не изъ числа тѣхъ офицеровъ, которыхъ надобно приводить къ исполненію ихъ должности средствами грубыми... — заговорилъ Бухаринъ, нервно хватаясь за темлякъ.

— Что? что такое?

— Да, грубыми средствами!—продолжалъ Бухаринъ.—И если вы меня нашли виновнымъ, то могли бы наказать гораздо деликатнѣйшимъ образомъ...

— Молчать! Стану я еще деликатничать съ вами. Какъ же!.. еще бы!..

— Я не стану молчать! Посылать за фронтъ въ гвардіи не принято, а позорить офицера передъ солдатами принято еще менѣе, и я въ правѣ считать себя обиженнымъ!

— И считайте, считайте! Захочу—и за фронтъ пошлю, и передъ солдатами опозорю. Я начальникъ, а вы подчиненный. И я не потерплю, чтобы оберъ-офицеръ осмѣлился мнѣ дѣлать замѣчанія...

— Я заявляю обиду, а не замѣчаніе!—поправилъ Бухаринъ.

— Все равно! Для меня, какъ для штабъ-офицера, такое заявленіе оскорбительно, и вы за него отвѣтите!

— Пусть такъ, но согласитесь, что подобное обращеніе съ офицерами не приличествуетъ ни вашему штабъ-офицерскому чину, ни званію порядочнаго человѣка, а потому...

— Что вамъ угодно?—воскликнулъ Беклемишевъ, и на его лбу напряглись синія жилы.—Я спрашиваю, что вамъ угодно отъ меня? что угодно?

— Я хочу, чтобы вы, полковникъ, согласились, что вашъ поступокъ со мной..

— Мой поступокъ вызванъ былъ вашею провинностью и требованіемъ службы. Отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ давать вамъ я не обязанъ и не буду, а говорить съ вами я тоже не желаю, поэтому уходите прочь!

— Слушаюсь!—отвѣтилъ Бухаринъ.—Я ухожу, но, тѣмъ не мене, считаю долгомъ заявить вамъ, что какъ утреннее ваше мнѣ замѣчаніе, такъ и обращеніе со мною сейчасъ—все это доказываетъ, что фельдфебельскій шевронъ былъ бы для васъ болѣе приличенъ, нежели штабъ-офицерскія эполеты...

— Что? что такое?

— А, кромѣ того,—продолжалъ Бухаринъ,—вамъ лучше бы попросить перевестись во внутреннюю стражу. Слыхали?—такая нынѣ образуется изъ офицеровъ, подобныхъ вамъ. Это—какъ разъ по васъ, а въ гвардіи вамъ не мѣсто. Послушайтесь моего совѣта,—идите во внутреннюю стражу... Фельдфебель, а не полковникъ!

Съ этими словами Бухаринъ круто повернулся и пошелъ по направленію къ своему бараку, оставивъ Беклемишева словно въ оцѣпенѣніи.

II.

Беклемишевъ помѣщался въ одной палаткѣ съ полковникомъ Ховеномъ. Ховенъ, добродушнѣйшій человѣкъ, часто выговаривалъ Беклемишеву «за его неучтивость», которую онъ проявлялъ «но долгу службы» къ офицерамъ, и рекомендовалъ придерживаться «мягкаго образа правленія, столь любезнаго въ Европѣ».

Обыкновенно Беклемишевъ возражалъ, что его офицеры—Бухаринъ и Рославлевъ—удивительные лѣнтяи, которые не дорожатъ службою и не знаютъ ея требованій, а потому и не заслуживаютъ другого обращенія.

— Ну, какъ знаешь, твое дѣло!—говаривалъ Ховенъ обыкновенно.—Только могутъ различныя неприятели произойти!

Теперь, когда Бухаринъ былъ уже далеко, Беклемишевъ пришелъ въ себя, и первое, что пришло ему на память, это—предупрежденія Ховена, на которыя онъ не обратилъ вниманія. Онъ постоялъ немного и двинулся къ своей палаткѣ,

Войдя въ палатку, онъ увидѣлъ Ховена, сидящаго за чаемъ, и бригаднаго командира, полковника Фрейтаха. Минуту онъ колебался, но затѣмъ рѣшилъ доложить по начальству.

— Полковникъ,—сказалъ онъ,— совершенно тяжкое нарушеніе дисциплины!

Фрейтахъ, маленькій человѣчекъ въ очкахъ, по происхожденію и языку типичный нѣмецъ, вскочилъ съ мѣста.

—Что вы говорите? — воскликнулъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ.— Не пугайте, расскажите?

Беклемишевъ въ двухъ словахъ передалъ происшедшее съ нимъ.

— Ну, зачѣмъ? ну, зачѣмъ?—плачущимъ голосомъ произнесъ Фрейтахъ.—Ну, зачѣмъ такъ много непріятнаго? Ну, зачѣмъ?

— Этотъ Бухаринъ вывелъ меня изъ терпѣнія!—отвѣтилъ Беклемишевъ.

— Да, да, я понимаю! Но зачѣмъ выводиться изъ терпѣнія? Терпѣніе — весьма полезно, а теперь вышло не полезно: ни вамъ, ни Букарину (онъ произносилъ вмѣсто «х»—«к»), ни никому другому. И мнѣ не полезно! Ну, зачѣмъ выводиться?

Беклемишевъ молчалъ, а Ховенъ глубокомысленно покачивалъ головою.

— Я теперь не знаю, что стану дѣлать!—воскликнулъ Фрейтахъ.—Я ничего не знаю! Кого винить, кого не винить? Но Букаринъ поступилъ дурно, но вы поступили... какъ это говорить?.. вы поступили... изъ терпѣнія выходились! И вы тоже виноваты. Я теперь долженъ думать, какъ спасти васъ... Я не знаю, какъ нужно сдѣлать. Я боюсь чтонибудь испортить. А Букаринъ виноватъ и виноватъ. Такой хорошій офицеръ—и виноватъ. А у васъ, полковникъ, сердца было мало; службы было много, а сердца было мало, а это тоже не полезно. И я не знаю, какъ теперь быть.

Онъ помолчалъ, походилъ по комнатѣ и вдругъ рѣшительно произнесъ, обращаясь къ Беклемишеву:

— Полковникъ, въ десять минутъ вы будете въ моей палаткѣ. И Букаринъ тамъ будетъ!

Съ этими словами онъ торопливо вышелъ изъ палатки и пошелъ вдоль линейки.

III.

— Научите мнѣ, расскажите мнѣ, что мнѣ съ вами дѣлать?—спрашивалъ Фрейтахъ, безнадежно складывая руки и смотря то на стоящаго предъ нимъ Бухарина, то на сидѣвшаго въ креслѣ Беклемишева.—Я совсѣмъ сталъ безъ головы: ничего сообразовать не могу по такому дѣлу!

— Какъ прикажете!—отвѣтилъ Бухаринъ, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Я ничего не прикажу, я не могу ничего приказать. Но мнѣ тяжело, очень тяжело и грустно. Вы—молодой человѣкъ, вся ваша жизнь еще впередъ идетъ, а вы сдѣлали такое, что мнѣ больно. Ну, хорошо, ну, отлично! Ну, вы погорячились, но вы все-таки совершили ужасный проступокъ. Развѣ можно говорить полковнику, что онъ—фельдфебель? Да, онъ строгъ, но онъ не фельдфебель; онъ требуетъ, но не фельдфебель; онъ вамъ выговариваетъ, а вы должны молчать...

— Я не могъ молчать! Мнѣ было обидно!

— Ха... обидно! Я знаю, что обидно, но на службѣ не обидно! Ха... обидно! Развѣ можно такое говорить? Да вы развѣ не знаете, что полковникъ Беклемишевъ напишетъ рапортъ,—и вы пойдете подъ судъ и будете подъ судомъ, пока не будете старикомъ, и ваша голова сдѣлается такою же сѣдою, какъ и моя. Ну, развѣ хорошо попасть подъ судъ молодымъ офицеромъ, а уйти отъ суда—старымъ человѣкомъ? Вы должны просить извиненія... Пусть большое начальство не будетъ знать, что у васъ было. И тогда не будетъ суда, не будетъ наказанія, и все будетъ хорошо. Ну?

— Я не могу!—сказалъ Бухаринъ.—Не могу!

— Не можете? а подъ судъ итти можете? Нельзя, нельзя... Но что же мнѣ дѣлать? Ну, научите... научите... Полковникъ Беклемишевъ, ну, если этотъ бѣдный молодой человѣкъ не можетъ просить у васъ прощенія, то я прошу... Понимаете, я—старый, и мнѣ жалко. И я прошу васъ, полковникъ, простить ему, простить совсѣмъ и забыть. Да?

Беклемишевъ всталъ и нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Вѣдь, вы согласны?—спросилъ Фрейтахъ, стараясь заглянуть Беклемишеву въ лицо.—Да? вы согласны? А я попрошу Букарину. Вы уйдете, а я скажу капитану Букарину: «Капитанъ, ради меня, ступайте въ собраніе и предъ всѣми офицерами попросите у полковника извиненія!» Хорошо? Ну, прошу васъ!

— Полковникъ,—сказалъ Беклемишевъ,—я прошу васъ не заботиться объ этомъ. Но если вы находите капитана виновнымъ предъ долгомъ службы, то въ вашей власти назначить ему наказаніе, какое вамъ будетъ угодно. Что же касается оскорбленной моей чести, чести порядочнаго человѣка, то этотъ вопросъ для службы посторонній, и объ немъ можно вовсе забыть. Я кончилъ, полковникъ!

— Да! какъ вы хорошо кончили!—улыбнулся Фрейтахъ, и изъ-подъ очковъ по старческой щекѣ покатила теплая слезинка.—Какъ хорошо! Именно такъ. Я его накажу. Охъ, какъ я его накажу, какъ я его накажу! По всей строгости законовъ. Да, хорошо. Капитанъ Бухаринъ, я васъ наказываю: я вамъ объявлю строгій выговоръ въ приказѣ, самый строгій выговоръ. Хорошо? вы довольны?

— Слушаюсь!—отозвался Бухаринъ.

— Слушайтесь, слушайтесь. Но это еще не все. Въ примѣръ другимъ я васъ арестовываю. Да, арестовываю... на сутокъ... нѣтъ... арестовываю на одинъ сутокъ и домашнимъ арестомъ. Хорошо? Довольны? Ступайте!

— Слушаюсь!— снова повторилъ Бухаринъ и вышелъ изъ палатки.

— Что? справедливо разсудилъ?—спросилъ Фрейтахъ у Беклемишева.

Тотъ ничего ему не отвѣтилъ, пожалъ руку и скрылся за пологомъ палатки, оставивъ Фрейтаха въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

IV.

Беклемишевъ бросился догонять Бухарина, который шелъ, весело посвистывая.

— Капитанъ!—окликнулъ онъ Бухарина.

Тотъ остановился и принялъ положеніе, долженствовавшее свидѣтельствовать внѣшнее почтеніе, но глаза его насмѣшливо смотрѣли на покраснѣвшаго отъ ходьбы и волненія полковника.

— Къ вашимъ услугамъ, полковникъ!—отвѣтилъ Бухаринъ, отдавая честь.

— Капитанъ, — началъ Беклемишевъ взволнованнымъ голосомъ, — бригадный командиръ назначилъ вамъ наказаніе за вашъ проступокъ предо мною. Онъ дѣйствовалъ по праву, и вы обязаны подчиниться этому. Онъ начальникъ, и въ его власти назначать вамъ тяжелое или легкое наказаніе. Но этимъ дѣло не можетъ закончиться.

— Я слушаю.

— Да, такъ оно кончиться не можетъ. Вы, вѣроятно, сочли необходимымъ разгласить повсюду о вашей выходкѣ противъ меня и о томъ оскорбленіи, которое вы мнѣ нанесли. Вы сочли это необходимымъ?

— Да, потому что мои товарищи должны знать, какое обращеніе слѣдуетъ имѣть съ вами, полковникъ. Мой случай пусть послужитъ имъ урокомъ!

— Хорошо! Пусть такъ! Вы разнесли и тѣмъ хотѣли показать свое молодечество, независимость. Пусть такъ. Но вы назвали меня фельдфебелемъ, вы допустили себѣ называть меня различными именами, и я не могу довольствоваться тѣмъ, что вы наказаны вашимъ начальствомъ.

— Что же вамъ угодно?

— Вы наказаны, какъ военный, какъ офицеръ. Но я хочу, чтобы вы мнѣ дали удовлетвореніе, какъ человѣкъ одного со мной общества.

— Какое прикажете удовлетвореніе?

— Сегодня... въ четыре часа я буду дожидаться васъ въ моей палаткѣ съ пистолетами!

— Слушаюсь!—отвѣтилъ Бухаринъ.—Я никогда не уклонялся отъ правилъ, предписываемыхъ честью, но, полковникъ, вы позволите мнѣ прежде всего воспользоваться вашими уроками и исполнить сначала службу, а потомъ уже личныя дѣла?

— Что это значить?

— Это значить, что я сегодня долженъ сѣсть подъ арестъ... Вонъ уже, видите, идутъ ко мнѣ часовые, такъ что сегодня я не могу драться съ вами. Если позволите, то завтра или послѣ завтра, когда вамъ заблагорасудится.

— Хорошо! Послѣ завтра!

Бухаринъ отдалъ честь и направился къ своей палаткѣ, около которой черезъ минуту уже стоялъ бравый часовой съ ружьемъ на плечѣ.

Беклемишевъ, понуривъ голову, стоялъ на мѣстѣ.

V.

Общественное мнѣніе бригады всецѣло склонялось на сторону Бухарина. Офицеры, встрѣчаясь съ Беклемишевымъ, ограничивались только отданіемъ чести, и даже Ховенъ, сожитель Беклемишева, переехалъ въ другую палатку.

Всѣ обвиняли Беклемишева въ отсутствіи такта, въ грубости, въ неумѣннѣ обращаться съ офицерами. Разумѣется, если бы доступъ въ палатку Бухарина былъ открытъ, то всѣмъ стало бы извѣстнымъ, что Беклемишевъ не удовлетворился наказаніемъ Бухарина и потребовалъ отъ него болѣе чувствительнаго удовлетворенія.

Но этого пока еще никто не зналъ, и общество косилось на, злополучнаго полковника.

Беклемишевъ страдалъ, какъ никогда еще: чувство оскорбленнаго самолюбія говорило въ немъ все сильнѣе и сильнѣе; онъ искалъ выхода и не находилъ, но смуть поскорѣе оскорбленіе было необходимо.

— Что представляютъ собою всѣ другія муки въ сравненіи съ этою!—думалъ онъ, видя кругомъ себя косые взгляды, насмѣшливыя улыбки. Ему казалось даже, что нижніе чины также потеряли къ нему уваженіе и въ сношеніяхъ съ нимъ держатся менѣе почтительно. Его все раздражало и сердило.

Наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшился, не дожидаясь окончанія ареста Бухарина, пригласить секундантовъ. Выборъ его палъ на полковника Ховена.

Добродушный Ховенъ, при видѣ входящаго къ нему Беклемишева, почувствовалъ себя неловко и тотчасъ же прикрылъ плотнѣе пологъ палатки и попросилъ говорить потише.

— За что? за что все это?—спрашивалъ Беклемишевъ, ломая руки.—Меня бѣгаютъ, какъ прокаженнаго. За что такое отношеніе? Я не могу этого терпѣть болѣе, и вы всѣ должны знать, что Бухаринъ дастъ мнѣ удовлетвореніе.

— Это самое лучшее, самое простое средство!—сказалъ Ховенъ, при чемъ лицо его прояснилось, и онъ протянулъ Беклемишеву руку.

Затѣмъ Беклемишевъ разсказалъ о предполагаемой дуэли на пистолетахъ и, послѣ нѣкотораго размышленія, при участіи Ховена, пришелъ къ заключенію, что дуэль на пистолетахъ—вещь чисто случайная, въ которой не можетъ обнаружиться ни храбрости, ни другихъ высокихъ душевныхъ качествъ, и что лучше замѣнить ее дуэлью на сабляхъ, гдѣ условія бойцовъ—равны, и все зависитъ отъ ловкости и присутствія духа.

— Зачѣмъ его посадили подъ арестъ?—говорилъ Беклемишевъ.—Поскорѣе бы эта мука кончилась!

Онъ ушелъ, а черезъ нѣсколько часовъ вся бригада уже знала о рѣшеніи Беклемишева и одобряла его поступокъ. Косые взгляды исчезли, презрѣніе общества смѣнилось сочувствіемъ, и на душѣ у бѣднаго, пострадавшаго полковника было спокойно и легко.

.....

Въ тотъ моментъ, когда часовые были отведены отъ палатки Бухарина, предъ нимъ предсталъ Ховенъ и передалъ ему новыя условія дуэли.

— Я согласенъ, я на все согласенъ!—сказалъ Бухаринъ.—Мой секундантъ явится къ вамъ черезъ нѣсколько минутъ.

На слѣдующій день, поутру, въ полѣ, за лагеремъ дрались на сабляхъ Бухаринъ и Беклемишевъ. Послѣдній владѣлъ саблею отлично, а потому дуэль кончилась тѣмъ, что у Бухарина на правой рукѣ оказались двѣ колотыя раны. Затѣмъ противники помирились.

Когда Фрейтахъ узналъ о дуэли, онъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ.

— Значить, я рассуждалъ неправильно и несправедливо?!—спрашивалъ онъ всѣхъ и каждого.—Значить, я не такъ сдѣлалъ, какъ нужно? Значить, я не справедливый человекъ? Ну, тогда я поступлю по справедливости и донесу начальству... Тогда они узнаютъ обоа..

VI.

[Но доносить нужды никакой уже не было: слухи о дуэли разнеслись повсюду, и черезъ недѣлю послѣдовало высочайшее повелѣніе «нарядить надъ Бухаринымъ судъ, окончивъ оный въ 24 часа».

Такое повелѣніе вызывалось необходимостью поддержать дисциплину и оказать устрашительное воздѣйствіе на другихъ.

Комиссія военнаго суда нашла полковника Беклемишева и капитана Бухарина виновными «въ учиненіи ими невольнаго дуэля, на которомъ Бухаринъ получилъ двѣ раны въ правую руку, а паче полковникъ Беклемишевъ, будучи начальникомъ, которому съ подчиненнымъ не слѣдовало бы вступать въ дуэль, а должно бы прекратить и отвести донесеніемъ начальству, а капитанъ Бухаринъ сверхъ того за нерадѣніе къ службѣ, чрезъ которое нѣсколько разъ получалъ выговоры и былъ арестованъ на однѣ сутки съ отданіемъ въ приказъ по бригадѣ выговора, равно и за невольный во фронтѣ отзывъ, а потому и приговариваетъ: капитана Бухарина—лишить живота, а какъ и полковникъ Беклемишевъ долженъ бы быть приговоренъ съ капитаномъ Бухаринымъ, но поелику онъ не преданъ суду, то комиссія, не дѣлая о немъ приговора, предоставляетъ разсмотрѣнію вышняго начальства».

Наиболѣе интереснымъ представляется мнѣніе великаго князя, цесаревича Константина Павловича, который высказался слѣдующимъ образомъ:

«Нахожу виновными: капитана Бухарина въ томъ, что 1) онъ, нарушивъ не однажды обязанность, возложенную на него службою, небытіемъ въ назначенное время при ротѣ, показалъ тѣмъ небреженіе къ службѣ; 2) въ дерзкомъ отзывѣ своему командиру, полковнику Беклемишеву, когда сей за вину же его—поздній приходъ къ ученію—сдѣлалъ ему замѣчаніе, и потомъ въ несовмѣстномъ изъясненіи съ нимъ, Беклемишевымъ, означающемъ требованіе его, Бухарина, за что онъ сдѣлалъ ему выговоръ, учинивъ при томъ ему, Беклемишеву, грубости; 3) въ произведеніи невольнаго закона дуэли съ нимъ, полковникомъ Беклемишевымъ.

«За таковыя преступленія онъ, Бухаринъ, подвергъ себя строжайшему по законамъ наказанію, но я мнѣніемъ своимъ полагаю: лиша его чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые.

«Что касается полковника Беклемишева, то хотя и онъ не менѣе виновенъ капитана Бухарина, что онъ, злоупотребивъ во зло власть свою, допустилъ себя до такой слабости въ командованіи, что подчиненные потеряли субординацію и обратились не токмо къ службѣ, но и ему во вредъ, и что онъ вызвалъ на дуэль Бухарина, каковой поступокъ доказываетъ незнаніе его законныхъ постановленій и то, что онъ заставляетъ повиноваться себѣ только дуэлями, но, какъ онъ не былъ преданъ суду, то не дѣлаю объ немъ заключенія.

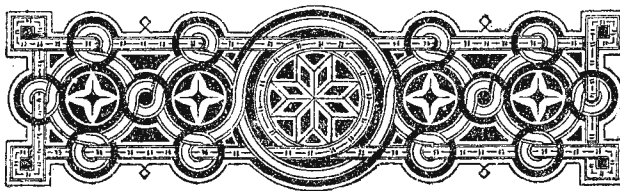
«По дальнѣйшему разсмотрѣнію дѣла, хотя видно, что бригадному командиру, полковнику Фрейтагу, сдѣланъ выговоръ за то, что онъ, узнавъ о поступкѣ Бухарина, хотѣлъ оный скрыть, но какъ

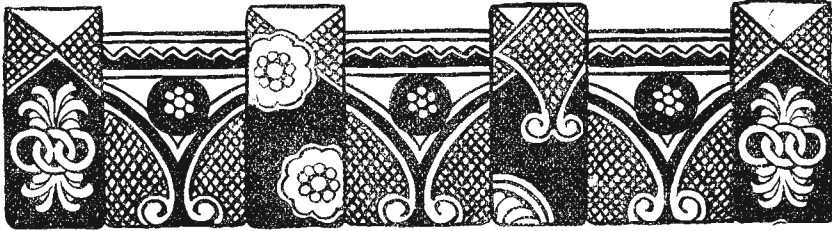
доказывается помянутымъ обстоятельствомъ, что онъ, обращая мало вниманія на службу и подчиненныхъ, неравно держитъ себя въ отношеніи къ тому и другому и только тѣ обстоятельства усматривая взыскиваетъ, кои уже трудно удержать въ своихъ предѣлахъ, и кои явно обнаружатся, а сіе означаетъ, ежели не фамилярное обращеніе его, такъ слабость въ командованіи, то я полагаю сдѣлать ему, Фрейтаху, за оное выговоръ».

Александръ I повелѣлъ затѣмъ: «капитана Бухарина выписать тѣмъ же чиномъ въ армейскую артиллерію, посадя въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ»; а послѣ былъ наряженъ судъ надъ Беклемишевымъ, который и приговорилъ его къ отставленію отъ службы. Фрейтахъ очень огорчился объявленнымъ ему выговоромъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПОИСКАХЪ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

(Дорожныя впечатлѣнія и замѣтки)¹⁾

I.

Кинешма.

СКАЖИТЕ, пожалуйста, давно ставитъ вашъ «кружокъ» спектакли для народа?

— Уже шестой годъ.

— И много народу бываетъ на спектакляхъ?

— Нельзя пожаловаться! Про «галерку» и говорить нечего—всегда переполнена...

— А вы не пробовали дѣлать опроса среди посѣтителей галерки... чтобы дознаться: какая пьеса болѣе всего понравилась простому народу?...

— Какъ же, дѣлали... Наибольшій успѣхъ, оказалось, имѣла мелодрама «Материнское благословеніе» г. Перепельскаго!.. Но она совершенно невзначай попала въ репертуаръ, такъ какъ мы рѣшительно избѣгаемъ ставить мелодрамы...

Такой діалогъ произошелъ, между прочимъ, въ городѣ Кинешмѣ между мной и однимъ изъ заправилъ кинешемскаго музыкально-драматическаго кружка, ставящаго народные спектакли въ кинешемскомъ театръ.

¹⁾ Примѣчаніе отъ редакціи. И. Л. Щегловъ минувшимъ лѣтомъ былъ командированъ министромъ финансовъ для обзорѣнія народныхъ театровъ въ провинціи и Москвѣ. Настоящіе очерки — выдержки изъ записной книжки, веденной авторомъ во время означеннаго путешествія.

шемскомъ театрѣ имени А. Н. Островскаго. Привожу отрывокъ діалога дословно, ради его послѣдней фразы, необыкновенно характерной въ устахъ интеллигентнаго народолюбца,—фразы, которую проще можно перевести такъ:

— Народу больше всего нравится «Материнское благословеніе», но мы рѣшительно избѣгаемъ ставить то, что нравится народу... При этомъ слѣдовало бы еще добавить:—Но мы отнюдь не избѣгаемъ преподносить народу такія французскія скабрёзности, какъ, напримѣръ, «Господинъ директоръ» и «Надо разводиться», или такіе злободневные, чисто столичныя фрукты, какъ «Злая яма», «Цѣпи», «Цѣна жизни» и т. д. («Отчетъ кинешемскаго музыкально-драматическаго кружка за 1897—1903 годы»).

Другими словами: мы ставимъ преимущественно то, что любо нашимъ интеллигентнымъ вкусамъ, а вовсе не то, къ чему инстинктивно тянется душа народа, т.-е. дѣло въ большинствѣ случаевъ сводится къ чисто любительской строптивости и тщеславію... Не поддавайтесь, если таковыя народолюбцы вамъ станутъ говорить заученныя прописныя фразы въ родѣ: «Мы держимся для народа исключительно художественнаго репертуара!», «Мы стараемся возвысить народъ до себя!», «Мы желаемъ со сцены поучать, а не забавлять!» и т. д.—все это, повторяю, одни слова, за которыми, въ лучшемъ случаѣ, кроется малодушно кабинетный взглядъ на вещи и досадное незнаніе народа. Страстная проповѣдь Достоевскаго «о смиреніи передъ народной душой», очевидно, прошла безслѣдно для кинешемской интеллигенціи такъ же, какъ и для другой.

Совсѣмъ тѣмъ, т.-е., опуская тусклость народнаго репертуара и общую банальность приемовъ, кинешемскій музыкально-драматическій кружокъ—одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ кружковъ въ Россіи, откликнувшихся на назрѣвшую потребность народнаго театра. Отчеты его дѣятельности—одни изъ наиболѣе обстоятельныхъ и интереснѣйшихъ театральныхъ отчетовъ, а его инициатива наѣздовъ цѣлой труппой въ села и на фабрики, а также чествованіе на народныхъ подмосткахъ юбилеевъ извѣстныхъ писателей заслуживаютъ самой признательной хвалы.

Въ этой самой Кинешмѣ пришлось мнѣ быть года четыре тому назадъ, и теперь, снова навѣстивъ кинешемскій народный театръ, я едва узналъ его... настолько онъ похорошѣлъ! Театральное фойе расширилось и представляетъ уже не прежнюю коридоръ-толкучку, а просторное зало для танцевъ (кстати сказать, имѣющихъ большой успѣхъ), внизу прибавилась чайная, а вверху библіотека съ книготорговлей и читальня. Кромѣ того, около театра устроены уютный садикъ съ небольшою эстрадой для музыкантовъ, гдѣ уже было сдѣлано нѣсколько удачныхъ попытокъ дѣтскихъ гуляній.

Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, лѣтомъ кинешемскій кружокъ перекочевываетъ со своей труппой, музыкой и буфетомъ за городъ на такъ называемое Межаково поле, гдѣ уже ему въ буквальномъ смыслѣ открывается широкое поле дѣятельности... Мѣсто это, изстари излюбленное кинешемскимъ простымъ людомъ для воскресныхъ прогулокъ, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ живописной самой по себѣ Кинешмѣ... По преданію, это чуть ли не та самая историческая «Ярилина долина», вдохновившая А. Н. Островскаго поэтичнѣйшими строфами «Снѣгурочки». Для народнаго же гулянья это прямо идеальнѣйшая обстановка!.. Когда вы стоите передъ межаковскимъ театрикомъ — по правую руку отъ васъ съ трехъ сторонъ высится лѣсъ, заслоняя величественной ширмой всякое напоминаніе о городѣ и городской заботѣ; а по лѣвую сторону открывается очаровательнѣйшая панорама мирнаго сельскаго пейзажа съ пролегающей невдалекѣ отъ самого гулянья проселочной дорогой, по которой отъ времени до времени пылится помѣщичья линейка или скрипитъ крестьянская телѣга... Нерѣдко даже увидѣть передъ театральной кассой смущенную фигуру залпугавшейся коровы или услышать съ музыкантской эстрады пронзительный окрикъ Богъ вѣсть откуда залетѣвшаго деревенскаго пѣтуха. Это именно тотъ театръ «de plein air», которымъ такъ умиляются французы, почувствовавшіе за послѣднее время особенную слабость къ народному театру. При такихъ чисто народныхъ подмосткахъ невольно мечталось объ «Адвокатѣ Патленѣ», «Продѣлкахъ Скопена» и «Жоржѣ Данденѣ»...

Въ дѣйствительности же (т.-е. въ воскресенье 29-го іюня) кинешемская театральная дирекція отпустила на народное продовольствіе «Золотую рыбку» Салова — уловъ, признаться, не ахтителенный; но и съ нимъ можно бы было помириться, если бы «рыбку» показали заблаговременно, а то — Николай милостивый! — начало въ 8^{1/2} часовъ вечера. Совсѣмъ точно, какъ для спектакля gala въ парижской Comédie Française... Я, какъ большинство довѣрчивыхъ людей, забрался на народное гулянье съ шести часовъ и осужденъ былъ «продолжать свое время» около трезвеннаго буфета, смиренно пріютившагося на опушкѣ лѣса. Наконецъ, человѣческое естество взяло свое, и я съ двумя зѣвающими мастеровыми перешелъ на противоположный конецъ къ палаткѣ, разбитой у самаго театра и открыто торгующей жигулевскимъ пивомъ... Жигулевское пиво скоро развязало моимъ сосѣдямъ, кинешемскимъ мастеровымъ, языкъ, и я услышалъ изъ устъ одного изъ нихъ, болѣе пожилого, съ рыжей бородой, весьма оригинальное сужденіе въ защиту монополіи...

Молодой безусый парень, видимо раздраженный долгой оттяжкой представленія, сталъ ехидно критиковать монополію:

— По моему сужденію выходитъ такъ: разъ ты строишь разныя тамъ огорчительныя попечительства и желаешь мужику до-

ставить всякую развлекаемость... оставь, милый, на счетъ монополии!.. Сороковка и кятра—одно съ другимъ будто не того?— и парень, насмѣшливо глянувъ въ мою сторону, закурилъ папиросу.

Его собутыльникъ, въ свою очередь, насмѣшливо покосился на своего собутыльника и, поглаживая свою бороду, степенно замѣтилъ:

— А я такъ раскидываю умомъ, что одно другому вовсе не мѣшаетъ!

— Въ какомъ же это, одначе, смыслѣ?

— А въ томъ самомъ смыслѣ,—пояснила рыжая борода:—что, ежели правительство при монополии рискуетъ по поводу попечительства, то никакъ иначе... вслѣдствіе изъ-за своей гордости! Дескать, мнѣ все одно, въ барышахъ я не очень нуждаюсь... и, ежели теперь водку я выпускаю на совѣсть, безъ всякой примѣси и одежды и прочаго въ закладъ не допускаю, выходить мнѣ полное право имѣть душевное расположеніе во всѣ стороны!..

Къ величайшей обидѣ, заключеніе бесѣды мнѣ слышать не довелось, ибо какъ разъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ, надъ Межакковымъ полемъ и собравшейся на гулянье публикой... разразилась непредвидѣнная катастрофа: злѣйшая буря съ дождемъ и даже съ мелкимъ градомъ!.. Въ одинъ мигъ мирная праздничная картина гулянья перемѣнилась: салфетки на чайныхъ и пивныхъ столикахъ заволновались, посуда зловѣще зазвенѣла; «маршъ Скобелевъ», гремѣвшій съ музыкантской эстрады, оборвался на самомъ торжественномъ аккордѣ и, надъ крышей театра, какъ злой змѣй въ первомъ актѣ «Руслана и Людмилы», пронеслась упущенная кѣмъ-то афиша... Пришлось спастись бѣгствомъ съ прочей публикой въ сосѣднюю чащу, а затѣмъ и въ самый городъ... и отъ души пожалѣть, что кинешемскій «théâtre de plein air» лишенъ самаго убогаго навѣса на случай стихійныхъ наважденій. Но, очевидно, сама природа возмутилась противъ столь поздняго начала спектакля и рѣшила символически проявить свое небесное негодованіе.

Какъ хотите, а не везетъ мнѣ на Кинешму! Года четыре тому назадъ, мнѣ пришлось видѣть довольно сомнительный народный спектакль того же Кинешемскаго кружка (см. мою книгу «Новое о Пушкинѣ», глава 1), затянувшійся далеко за полночь, а теперь налетѣвшій вихорь вовсе помѣшалъ видѣть уже самый спектакль.

Больше ничего не оставалось, какъ въ тотъ же вечеръ распротиститься съ Кинешмой!..

Но у меня все время почему-то не выходило изъ головы странное пренебреженіе Кинешемской интеллигенціи къ «Материнскому благословенію». Очевидно, мѣстные театралы, столь торжественно чествующіе литературные юбилеи, какъ разъ въ самый годъ двадцатипятилѣтія памяти Н. А. Некрасова, совершенно упустили изъ виду, что эта трогательнѣйшая изъ мелодрамъ оза-

рена съ начала до конца умомъ и талантомъ родного поэта (Перепельскій... псевдонимъ юнаго Некрасова!).

Странныя, признаться, недоразумѣнія встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ!

II.

Кострома.

Самая недавняя корреспонденція изъ Костромы рисуетъ фیزیономію города такими строками: «городъ утопаетъ въ грязи, пьетъ навозную воду, вдыхаетъ всевозможную вонь и пыль. Въ городѣ, несмотря на здоровую песчаную почву и довольно высокое мѣстоположеніе у большой рѣки, несмотря на всѣ благопріятныя санитарныя данныя, ежегодно умираетъ болѣе 3^о/о населенія; смертность въ немъ уже давно превысила число рожденій, и не будь прилива извнѣ, городъ давно бы вымеръ».

Очевидно я попалъ въ Кострому во-время, такъ какъ еще засталъ на улицахъ нѣкоторую жизнь, хотя обычные предсмертные признаки—сонливость и тоскливость—были налицо!

Долженъ также сознаться, что, послѣ того какъ я переночевалъ въ номерѣ первоклассной костромской гостиницы, первая моя мысль была вовсе не о народномъ театрѣ, а... о русской банѣ! Но костромской извозчикъ, вмѣсто русской бани, завезъ меня въ такія мрачныя логовища, что я мужественно рѣшился претерпѣть физическія невзгоды до Ярославля, гдѣ по слухамъ народнаго университета не возникало, но бани имѣлись вполнѣ добропорядочныя. Впрочемъ, относительно Костромы провинціальныя слухи оказались сильно преувеличенными. Никакихъ народныхъ спектаклей, какъ мнѣ о томъ передавали въ Нижнемѣ и Кинешмѣ, нигдѣ здѣсь сейчасъ не ставится; а если дѣйствительно на Богоявленской улицѣ и возводится въ pendant костромскимъ монастырямъ двухэтажное зданіе въ готическомъ стилѣ, то оно далеко еще до открытія, и театральное будущее его довольно загадочно. Но постройка отгѣнена прекраснымъ садомъ, а самое мѣсто ея, по сосѣдству фабрикъ и недалеко отъ центра, выбрано крайне удачно, что, конечно, сулитъ костромскому народному дому самую жизнерадостную будущность. Что же собственно до народнаго театра, повторяю, трудно предсказать съ точностью его судьбу по одной величинѣ театральнаго зала или по размѣру полученной субсидіи. Само собой, будетъ здѣсь и чайная, и столовая, и читальня... Но народная чайная и столовая для Костромы—не новость, и еще не такъ давно мѣстное попечительство о народной трезвости устроило на Базарной площади грандіозную народную чайную-столовую, даже съ нѣкоторой вольной прибавкой въ видѣ «дворянской половины»... Народная же читальня на томъ же базарѣ

существуетъ уже шестой годъ. Это очень симпатичное, съ виду одноэтажное каменное зданіе, съ хорошенькимъ палисадникомъ и трогательной надписью при входѣ: «Народная читальня имени А. Н. Островскаго». Трогательно, разумѣется, что это дорогое имя такъ искренно читается именно здѣсь, на родной его сердцу Волгѣ... Ради этого имени, конечно, зало народной аудиторіи украшено скромной сценой и можетъ быть превращено при всякомъ удобномъ случаѣ въ заправскій народный театръ съ партеромъ на 300 слишкомъ человѣкъ.

Мудрено понять, почему костромскіе народники такъ рѣдко пользуются этими удобными случаями и сидятъ на своемъ книжно-педагогическомъ шесткѣ, презрительно нахохлившись на мимо бѣгущую живую жизнь! Чего, на примѣръ, еще удобнѣе такого случая? Совсѣмъ подъ бокомъ, на базарной площади, чуть не цѣлый мѣсяцъ гудѣла ярмарка... Спрашивается, какое развлеченіе и отвлеченіе имѣлось на ней для простого народа? Опять все то же: карусель «съ шарманкой» и «музей всемірныхъ чудесъ» съ муміей фараона, набальзамированной въ Бердичевѣ, яйцомъ африканскаго страуса и панорамой, изображающей пожаръ Парижской оперы и купанье одалисокъ турецкаго султана. Вотъ вамъ весь свѣтъ и радость для деревенскаго парня, пріѣхавшаго за сотни верстъ изъ деревенской глуши!..

Помню, случилось быть мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на ярмаркѣ въ г. Муромѣ. Шляюсь по ярмаркѣ и вдругъ вижу грошевый балаганъ и на немъ аршинными буквами любезная сердцу надпись «Народный театръ»! Что же оказалось? Какая-то провинціальная группа сняла проѣздомъ балаганчикъ, сосѣдній съ «музеемъ всемірныхъ чудесъ», и открыла въ немъ представленія Гоголевскимъ «Ревизоромъ», на смѣну коего явилась комедія Мольера и французская мелодрама. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, и сосѣду балаганщику съ бердичевскимъ фараономъ и панорамой гаремныхъ купальщицъ пришлось совсѣмъ плохо... А тутъ, помилуйте, совсѣмъ готовый народный театръ,—и, какъ разъ, въ самое разлюбезное время заколоченъ!..

Виновать, впрочемъ—зимой здѣсь дается цѣлый рядъ такъ называемыхъ общедоступныхъ спектаклей... А «что» собственно дается,—это уже нѣсколько посторонній вопросъ, отвѣтъ на который можно отчасти найти въ «Отчетѣ Костромской читальни» подъ широкоѣщательной рубрикой «Отдѣлъ разумныхъ развлеченій»... Я заглянулъ въ этотъ педагогическій репертуарный отдѣлъ, и мнѣ невольно кинулась въ глаза его чисто любительская избитость: «Козырь» Владимира Тихонова, «Фофанъ» Шпажинскаго, «Въ селѣ Знаменскомъ»—пѣса изъ народной жизни В. Александрова... Что до меня, то признаюсь, я бы предпочелъ для народа отдѣлъ «безумныхъ» развлеченій, но гдѣ бы вмѣсто «Козыря» Владимира

Тихонова стоялъ «Сидъ» Пьера Корнеля, на мѣсто «Фофана» Шпажинскаго,—«Мѣщанинъ въ дворянствѣ» Мольера и на мѣстѣ пьесы изъ народной жизни В. Александрова фигурировали бы пьесы изъ «общечеловѣческой» жизни... хотя бы «Укрощеніе строптивой» Шекспира! Поистинѣ трижды справедливъ афоризмъ, что «педагогія и полиція—завѣдомые враги народнаго театра».

Такимъ образомъ, лѣтомъ въ Костромѣ полный просторъ для отдѣла неразумныхъ развлеченій... При мнѣ этотъ отдѣлъ съ успѣхомъ восполняли въ городскомъ саду оркестръ полковой музыки, буфетъ съ жигулевскимъ пивомъ и вездѣсущій музей всемірныхъ чудесъ съ «говорящей головой». Это очень интересная штука—эта говорящая голова! Въ полумракѣ сцены фокусникъ снимаетъ съ маленькаго столика колпакъ, и вы видите милостивую спящую женскую голову. Фокусникъ своей магической палочкой будитъ голову и безразличнымъ тономъ учителя экзаменатора задаетъ обычные вопросы:

— Какъ васъ зовутъ?

— Мадмуазель Флора!—тонкимъ жалобнымъ голосомъ пищить голова.

Сколько вамъ лѣтъ?

— (Кокетливо). Восемнадцать.

— Чѣмъ вы питаетесь?

— Шоколадомъ.

— Вашъ любимый напитокъ?

— Шампанское.

— Чѣмъ вы обыкновенно занимаетесь?

— Сплю.

— О чемъ мечтаете?

— О немъ!

(Стыдливо опускаетъ глаза и снова засыпаетъ).

Ахъ, эта говорящая голова, она не выходитъ у меня изъ головы! Представьте, ночью, въ каютѣ парохода, тащившаго меня въ Ярославль, я опять ее видѣлъ... во снѣ, разумѣется... Только эта голова была косматая и неумытая, съ голосомъ сиповатымъ и, какъ мнѣ показалось, немного подъ хмелькомъ—и діалогъ вышелъ совсѣмъ иной, гораздо чуднѣе...

— Какъ васъ зовутъ?

— Мадамъ Кострома.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— (Кокетливо). Семьсотъ съ хвостикомъ.

— Извините за вопросъ: часто вы ходите въ баню?

Голова загадочно молчитъ.

— Чѣмъ вы питаетесь?

Голова снова молчитъ.

— Ваши любимые напитки?

- (Восторженно). Водка и Жигулевское пиво!
- Чѣмъ вы занимаетесь?
- (Хвастливо). Строю народную кіятру.
- О чемъ мечтаете?
- О ней... о субсидіи! (стыдливо опускаетъ глаза и сладко засыпаетъ).
- Ну, и мечтайте на здоровье! Спокойной ночи, душенька!

Ш.

Ярославль.

Народное гулянье въ саду «Корзинкинской мануфактуры»! Это очень далеко за городомъ, но это очень интересно... По типу оно близко напоминаетъ петербургское «Варгунинское гулянье» за Невской заставой, съ тою лишь разницею, что крахмальныхъ рубашекъ и женскихъ шляпокъ здѣсь втрое меньше, а простору и зелени втрое больше... Лѣтняго театра не полагается, а зимній, помѣщающійся въ грандіозномъ зданіи «училища», у самаго входа на фабрику, открываетъ свои двери уже подъ шумъ осенняго дождя... Лѣтомъ развлеченіе здѣсь ограничивается одними танцами на широкой центральной площадкѣ, къ которой сходятся всѣ дорожки сада... Танцуютъ прямо на песокъ, подъ гулкую музыку военнаго оркестра, танцуютъ съ заразительнымъ увлеченіемъ, не зная ни усталы, ни стѣсненія, пестрой жизнерадостной толпой всякихъ возрастовъ, положеній и костюмовъ, при чемъ самое мѣсто танцевъ неизмѣнно окружено живой изгородью любопытныхъ изъ своей же братіи «нетанцующихъ», такъ что веселье происходитъ въ буквальномъ смыслѣ въ своемъ кругу. Къ музыкантской эстрадѣ примыкаетъ обширная галлерейя съ дешевымъ трезвеннымъ буфетомъ, и, кромѣ того, по сосѣдству въ чащѣ парка, сооружены для болѣе юнаго фабричнаго населенія гигантскіе шаги и всякія гимнастическія потѣхи... И всюду и на всемъ какая-то неуловимая печать опрятности, благоустроенности, сравнительнаго довольства! Таково было, по крайней мѣрѣ, первое впечатлѣніе, вынесенное мною по возвращеніи съ «Корзинкинскаго гулянья», а, говорятъ, именно первое впечатлѣніе самое вѣрное.

Заглянуль, разумѣется, въ заключеніе въ Корзинкинскій народный театръ. Театральное зало почтеннѣйшихъ размѣровъ на тысячу человекъ слишкомъ, но вся обстановка не въ примѣръ скромнѣе Алафузовскаго народнаго театра. Двѣ занавѣсы: одна изображаетъ «Московский кремль», а другая Фальковетовскую статую Петра Великаго на конѣ съ указующей десницею по направлению виднѣющейся вдаль... Корзинкинской фабрики—художническая фантазія, признаться, немного смѣлая!

По случаю воскреснаго дня точныхъ свѣдѣній относительно репертуара Корзинкинскаго театра мнѣ раздобыть не пришлось; но все же удалось дознаться, что здѣшняя фабричная публика особенно тяготеетъ къ исторической драмѣ и къ мелодрамѣ... и обнаруживаетъ замѣтное равнодушіе къ бытовому репертуару Островскаго, какъ картинамъ, черезчуръ близко знакомымъ и оттого менѣе любопытнымъ—фактъ, доподлинность котораго мнѣ случается отмѣчать не впервые въ моихъ наблюденіяхъ надъ жизнью народнаго театра.

Если о Корзинкинской ярославской мануфактурѣ, по случаю лѣтнаго затишья, приходится сказать немного, то еще того менѣе приходится сказать о самомъ Ярославлѣ... Здѣсь и слѣда нѣтъ народнаго театра, если не считать убогаго барака на «Прудкахъ», сколоченнаго «Обществомъ содѣйствія народному просвѣщенію», гдѣ послѣ великопостныхъ лекцій ярославскій сѣрый людъ просвѣтили на пасхѣ оперными отрывками изъ «Аскольдовой могилы».

А какъ же, спрашивается, увеселяется полубѣлый и просто бѣлый людъ? Ахъ, очень пріятно! Есть на Ярославскомъ бульварѣ такъ называемый увеселительный «Садъ Бутлера», за какойнибудь четвертакъ прямо подавляющій разнообразнѣйшей программой и по праздникамъ переполненный ярославской франтоватой публикой. Былъ я въ этомъ самомъ саду, года четыре тому назадъ, на такъ называемомъ народномъ гуляньѣ, и видѣлъ въ «первомъ» увеселительномъ отдѣленіи заигранный водевиль «Несчастье особаго рода», на рѣдкость плохо разыгранный, и затѣмъ во «второмъ» отдѣленіи имитатора звѣрей, г. Жана, замѣчательно лающаго по-собачьи. И вотъ черезъ четыре года (народное гулянье 6 іюля 1903 г.) снова въ I отдѣленіи—водевиль «Несчастье особаго рода» и во 2 отдѣленіи—имитаторъ Жанъ, замѣчательно лающій по-собачьи. Ужъ подлинно несчастье особаго рода для человѣка, ищущаго хотя бы блѣдной имитации народнаго театра!..

А между тѣмъ Ярославль не даромъ прозванъ «колыбелью народнаго театра»—и, полтора ста лѣтъ тому назадъ, на томъ самомъ берегу Волги, гдѣ теперь публика слоняется, зѣвая отъ скуки, воздвигнуть былъ знаменитымъ Ѳедоромъ Волковымъ первый въ Россіи народный театръ, прямо сказать, идеально-народный, съ мѣстами на тысячу человѣкъ отъ копейки до пятака... Кому, казалось бы, изъ городовъ русскихъ болѣе пристало нянчиться съ народнымъ театромъ—и вотъ, точно на смѣхъ, черезъ полтора ста лѣтъ «эта самая колыбель» вовсе пуста, и самое большее, что смогли совершить благодарные соотечественники, празднуя великую историческую годовщину, это собрать на зубокъ будущему новорожденному «семьсотъ рублей» и «пятьсотъ» на памятникъ его знаменитому родителю. Воистину нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!..

Впрочемъ, онъ самъ себѣ оставилъ достойный вещественный памятникъ—этотъ гениальный ярославецъ, заложившій на Руси первый камень театра народнаго. Памятникъ этотъ: рѣзныя церковныя врата собственноручной работы Ѳ. Г. Волкова въ старинной Николо-Надѣинской церкви. Въ срединѣ—рѣзныя золоченыя фигуры, изображающія «Тайную Вечерю», въ верху—херувимы, по бокамъ—два ангела: одинъ съ купелью, другой съ серебрянымъ покровомъ... Драматургъ просвѣчиваетъ и здѣсь въ этихъ священныхъ изображеніяхъ, полныхъ истинно драматическаго движенія и выразительности... я бы даже сказалъ, нѣсколько театральной декоративности!... Для записнаго археолога это—чистая находка, а для чуткаго русскаго человѣка, такъ сказать, двойная святыня, гдѣ какъ бы вылилась цѣликомъ любвеобильная, пламенѣвшая къ Богу душа великаго артиста!.. Это—именно тѣ «историческія врата», передъ которыми хотѣлось бы видѣть смиренное примиреніе служителей церкви съ запросами... живой улыбающейся жизни.

«Блажь Небесный Нашъ Отець!
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!»—

укоризенно вѣщаетъ нищій слѣпецъ у воротъ монастыря въ извѣстномъ стихотвореніи Аполлона Майкова по адресу зрячихъ, но недалекихъ стариковъ, возмущенныхъ появленіемъ на улицѣ скомороха.

Существуетъ преданіе, что братъ Ѳ. Волкова, проживавшій въ Костромѣ, не принялъ послѣ его смерти части наслѣдства, не желая, по его собственнымъ словамъ, «оскверняться достояніемъ скомороха»... И это тяжелое недоразумѣніе во взглядѣ на артиста и театръ продолжается по сію пору, на самомъ порогѣ XX вѣка, особенно непримиримо коренясь среди нашего духовенства. И въ хмурой Перми и въ другихъ городахъ, не менѣе хмурыхъ, я не разъ слышалъ откровенныя духовныя рѣчи о томъ, что «кабакъ предпочтительнѣе театра, ибо первый де отравляетъ только физически, а второй нравственно»... Говорить ли, что эта вражда мало имѣетъ общаго съ истиннымъ христіанствомъ и, прорываясь за предѣлы духовной компетенціи, нерѣдко доходитъ до явленій прямо курьезныхъ... въ родѣ очень недавняго посланія нѣкоего провинціального пастыря по поводу гастролей въ городѣ извѣстной пѣвицы Вяльцевой, оглашенной имъ публично съ церковнаго амвона «извѣстной столичной блудницей и плясавицей»?!..

Не мѣшало бы таковымъ ревнителямъ не по разуму заучить наизусть незлобивыя слова Майковскаго нищаго:

«Слышитъ ропоть ихъ слѣпецъ:
— Не судите—молвить—строго...
Блажь Небесный Нашъ Отець!
Смѣхъ и слезы все отъ Бога!»...

IV.

Т в е р ь.

Тверь производит донельзя странное впечатлѣніе, аллегорически напоминая особу, неудобно усѣвшуюся между двумя стульями. «Косоглазый городъ, — какъ выразился о немъ мой сосѣдь по вагону московскій купчикъ:—одинъ глазъ на Москву зарится, а другой Питеру подмигиваетъ»... Въ самомъ дѣлѣ, это срединное положеніе между двумя такими важными шишками какъ бы атрофировало самостоятельное коренное «я» и вытолкнуло у тверского обывателя почву изъ-подъ самыхъ ногъ. Тогда какъ обыватели, напримѣръ, Нижняго Новгорода, Перми или Ярославля рекомендуются съ явнымъ удовольствіемъ, что онъ «нижегородецъ», «пермякъ», «ярославецъ», обыватель Твери слово «тверитянинъ» произноситъ вяло и безъ всякаго аппетита съ той же убѣжденностью, съ какой бы доложилъ вамъ, что онъ «египтянинъ»... И эта кислая раздвоенность косвеннымъ образомъ отражается и на вопросѣ о народномъ театрѣ, вопросѣ, висящемъ пока въ воздухѣ наподобіе воздушнаго шара, какъ разъ на пути между Москвой и Петербургомъ... Господъ театраловъ въ Твери, повидимому, не особенно много, да и эти немногіе всегда легко могутъ удовлетворить своей неотложной потребности въ виду близости Москвы и Петербурга, при чемъ поклонники Ермоловой и Савиной имѣютъ даже пріятность размѣщаться въ разныхъ вагонахъ.

А народъ?... До народнаго ли театра ему, спрашивается, въ такомъ срединномъ царствѣ, да еще вдобавокъ съ духовными традиціями отца «Матвѣя Константиновскаго» въ самой сердцевины! Тутъ приходится прежде всего думать не о грандіозномъ народномъ вмѣстилищѣ, а о другомъ вмѣстилищѣ, такъ сказать, международномъ, т.-е. голодномъ желудкѣ и его скромныхъ запросахъ. Къ чести Твери, эти ближайшіе запросы по силѣ возможности удовлетворяются чайными и столовыми мѣстныхъ обществъ трезвости — Никольскимъ и Казанскимъ, при чемъ помѣщеніе перваго близъ собора удовлетворяетъ также и духовныя потребности... съ нѣкоторымъ излишкомъ даже, если принять во вниманіе украшающіе стѣны «народной» бібліотеки портреты Михайловскаго и Чернышевскаго!...

Гораздо симпатичнѣе показала мнѣ по своей безпретенціозности и дѣловитой простотѣ желѣзнодорожная бібліотека при «Тверской станціи», куда я попалъ, разыскивая желѣзнодорожный театръ. Вышній типъ этого театрика сродни видѣннымъ мной желѣзнодорожнымъ провинціальнымъ театрамъ, хотя много бѣднѣе Ростовскаго и Челябинскаго: театральныи залъ на триста-четырееста человекъ, цѣны умѣренныя, буфетъ трезвенный, при театрѣ раз-

бить хорошенькій скверъ... Несмотря на то, что занавѣсъ изображаетъ какой-то яркій восточный пейзажъ, репертуаръ любительски безцвѣтный, а имѣвшая наибольшій успѣхъ пьеса «нелюбительскаго» репертуара—«Русская свадьба», является сто первымъ показателемъ настоящаго настроенія народнаго барометра.

Совершенно такое же настойчивое настроеніе обнаруживаетъ театральный барометръ при народномъ театрѣ «Тверской мануфактуры» (несмотря на явное давленіе обычной любительской атмосферы), съ поворотомъ въ сторону мелодрамы на счетъ Островскаго и современныхъ протокольныхъ пьесъ. Утѣшительно уже то, что въ самомъ веденіи театральнаго дѣла здѣсь не замѣчается ни малѣйшей педагогической претенціозности: «Чайку» Чехова смѣняетъ «Миссъ Гоббсъ» Джерома, «Кручину» Шпажинскаго—«Ванька Ключникъ», «Ваньку Ключника»—«Испанскій дворянинъ», за «Дворяниномъ» слѣдуетъ «Хижина дяди Тома» и т. д., что не препятствуетъ нисколько праздничному дивертиссементу съ фокусниками, клоунами, акробатами и т. д., а также танцевальному спорту по окончаніи спектакля. Лѣтомъ, по примѣру Ярославской мануфактуры, устраиваются народныя гулянья въ Желтиковой роцѣ, тоже съ танцами, состязаніемъ въ бѣга, гимнастическими играми и т. п.

Впрочемъ, народный театръ при Морозовской мануфактурѣ даже самое названіе народный опускаетъ на афишѣ, смиренно величая себя «Залой при чайной Тверской мануфактуры» (зало на тысячу человѣкъ!). Но самая народность въ залѣ очень ревниво охраняется, и на афишахъ, въ дни, назначенные для народныхъ спектаклей, прямо печатается: «Г.г. служащіе и городскіе интеллигенты на этотъ спектакль не допускаются» (берущій билетъ на таковой спектакль долженъ предъявить свой «рабочій номеръ»). Приходящіе въ нетрезвомъ видѣ на спектакль не только не допускаются, но лишаются, въ видѣ наказанія, права на посѣщеніе въ слѣдующій спектакль. Вообще нѣкоторыя театральныя правила тверскаго фабричнаго театра не лишены житейской мудрости, которая могла бы послужить на пользу инымъ провинціальнымъ попечительствамъ до столичнаго включительно... Начало такихъ народныхъ спектаклей ровно въ 5 часовъ пополудни, что, какъ нельзя лучше, отвѣчаетъ складу жизни рабочаго человѣка, который и на спектакль насмотрится всласть, и успѣетъ наплясаться въ волю и завалиться во время набоковую... И относительно смотрѣнія спектакля также есть наистрожайшій пунктъ въ афишѣ, въ силу коего публику просятъ занимать мѣста заблаговременно, ибо послѣ третьяго звонка публика въ залъ не допускается. Ношеніе въ партерѣ дамскихъ шляпокъ, какъ и въ большинствѣ народныхъ театровъ, строго запрещено, не менѣе строго, чѣмъ ношеніе «мерзавчиковъ» въ карманѣ... Словомъ, все обстояло бы благополучно, если бы къ этимъ публичнымъ правиламъ для рабочихъ зрителей добавить

еще одно... для интеллигентныхъ устроителей: «въ дни спектакля для народа отнюдь не должно ставить пьесы не для народа!» Правило сіе должно быть настрожайше для всѣхъ народныхъ спектаклей, принимая во вниманіе, что и здѣсь, какъ и всюду, выдѣляются (болѣе цѣной, а не репертуаромъ) спектакли общедоступные для городской интеллигенціи.

Совсѣмъ тѣмъ, невзирая на то, что оба помянутые театры, и желѣзнодорожный и фабричный, помѣщаются на окраинахъ города, мнѣ сдается, что и этихъ двухъ для города пока вполне достаточно... Тѣмъ болѣе, что вотъ уже три года никакъ не могутъ найти для желаннаго народнаго дворца подходящаго мѣста—очевидно, сама природа противится тому, чтобъ не нарушали ея безмятежной вечерней тишины!..

Ахъ, какая здѣсь тишина, какая умирительная тишина по вечерамъ! Съ проведеніемъ электричества и устройствомъ трамвая, получается картина прямо чего-то волшебнаго... въ родѣ «Мертваго города» д'Анунціо... Еще задолго до десяти часовъ вечера улицы тихи и пустыни, стеклянные ящики трамвая мелькаютъ мимо, безшумно и безлюдно, какъ видѣнія, и случайный одинокій путникъ съ тайнымъ трепетомъ озирается на запертыя ворота и ставни, залитые голубоватымъ сіяніемъ...

«Ночь тиха: пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ»...

Каюсь, мнѣ было невыразимо грустно прощаться съ Тверью, такъ какъ это былъ городъ, увы, предпоследній на скользкомъ пути моей фантастической ревизіи! Впереди Москва... а затѣмъ конецъ—дѣлу вѣнецъ... И, садясь въ вагонъ, я почувствовалъ, что въ душѣ моей воцаряется невольное уныніе, а въ головѣ невообразимый хаосъ... Последнее обстоятельство, думаю, вполне простительно, если принять во вниманіе, что послѣдній осмотрѣнный мной «Тверской желѣзнодорожный театръ» былъ по счету двадцать пятый.. Легко сказать—цѣлыхъ 25 театровъ! Изъ нихъ одинъ съ несомнѣннымъ величавымъ прошлымъ, шесть съ несомнѣннымъ блестящимъ будущимъ, и всѣ остальные... съ очень сомнительнымъ настоящимъ... Удивительная судьба! Невѣроятное положеніе!.. Осмотрѣть двадцать пять народныхъ театровъ... и не видѣть (по совѣсти) ни одного «настоящаго»?!

Москва, матушка, выручай!..

V.

М о с к в а.

Какъ разъ въ самый день моего прїѣзда въ Москву нахожу въ отдѣлѣ «происшествій» жизнерадостное извѣстіе: «Постройка перваго народнаго театра на Введенской площади усердно подвигается впередъ»...

Это очень утѣшительно, что подвигается—до сихъ поръ Москва занималась тѣмъ, что усердно ломала свои народные театры; и, если принять въ расчетъ блаженной памяти народные театры на Воздвиженкѣ, Варваркѣ и Стрѣтенкѣ, нынѣшній первый Московскій народный театръ справедливѣе было бы переименовать въ «четвертый»...

Впрочемъ, дѣло не въ названіи—пусть онъ остается на радость Московской думы «первымъ»—лишь бы не оказался послѣднимъ, и проектъ профессора Герье «десяти небольшихъ народныхъ театровъ», долженствующихъ оцѣнить своей живительной сѣтью наиболѣе демократическія московскія окраины, не остался бы въ отвлеченной области благихъ московскихъ порывовъ!...

По отношенію къ Москвѣ обычный педагогическій вопросъ: «насколько назрѣла въ данной мѣстности потребность въ зрѣлищахъ?» — является совершенно излишнимъ, и убѣдительнѣйшій отвѣтъ на него... отвѣтъ статистическій!.. Такой именно краснорѣчивый отвѣтъ, безъ словъ, даетъ послѣдняя московская демократическая перепись:

Рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ Москвы..	120.000	чел.
Рабочихъ ремесленниковъ	113.000	»
Рабочихъ у себя на дому	9.000	»
Рабочихъ по извозу и транспорту	41.000	»
По трактирнымъ промысламъ	32.000	»
Ремесленныхъ учениковъ	34.000	»
Чернорабочихъ поденщиковъ	10.000	»
Рабочихъ и прислуги при казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ	40.000	»
Домашней прислуги	90.000	»

Въ итогѣ, почти полмилліона рабочаго простаго населенія!.. (изъ нихъ до 400.000... безграмотнаго!).

Живымъ доказательствомъ, насколько помянутая потребность неотложно назрѣла, служить любопытнѣйшій документъ, хранящійся въ архивѣ Московской думы — слѣзное прошеніе рабочихъ «Товарищества шелковой мануфактуры» за многочисленнѣйшими подписями объ открытіи на Введенской площади народнаго дома.

«Осмѣливаемся просить васъ о томъ, — гласить адресъ, — что въ послѣднихъ числахъ апрѣля мы, рабочіе, прочитали въ газетахъ «Докладъ объ отмѣнѣ постройки народнаго дома на Введенской площади». Но мы давно слышали объ этомъ домѣ и съ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ наконецъ-то и въ нашемъ Преображенскомъ будетъ возможно гдѣ провести праздничный день. Мы въ нашей мѣстности лишены всего, гдѣ бы была какая либо возможность проводить свободные отъ работы дни и вечера. Весь день сидѣть въ спальняхъ это скучно и утомительно, а выйдешь за ворота, постоять у воротъ воспрещаютъ, пройти по тротуару и то нѣтъ возможности, потому что такая является скученность, что невозможно пройти, и вотъ послѣ всего этого невольно люди идутъ въ трактиры, пивныя и винныя. Но у насъ еще есть много чайныхъ лавокъ, въ которыхъ рабочіе проводятъ ночь подъ понедѣльникъ, сколько происходитъ безобразія въ этихъ чайныхъ. Тамъ есть все: вино, пиво, гармонисты, акробаты, проститутки, а послѣ 11 часовъ вечера цѣны на все удвоены. Бульваровъ въ нашей мѣстности нѣтъ ни одного. Поэтому и просимъ васъ, ваше высокоблагородіе, хлопотать въ городской думѣ, чтобы разрѣшили постройку этого давно желаемаго дома; прошу извинить писателя этого прошенія, написано хотя неумѣло, но зато истинная правда. Причемъ и подписуемся... рабочіе такіе-то» (подписи 75 человѣкъ рабочихъ).

Вотъ онъ, подлинный простодушный голосъ народа! Надо умѣть только читать между нескладныхъ строкъ и считать за спиной каждаго подписавшаго грамотнаго, по крайней мѣрѣ, сотню головъ, принадлежащихъ остальнымъ сѣрымъ безграмотнымъ сотоварищамъ.

Волей-неволей, отправился на отдаленную Введенскую площадь и убѣдился собственными скептическими петербургскими глазами, что постройка давно желаннаго дома дѣйствительно подвигается... Мысленно приходится пожелать многихъ лѣтъ почтенному профессору Герье, съ тайнымъ пожеланіемъ дожить совмѣстно до открытія «перваго» московскаго народнаго театра!..

Пока что, спустимся съ высотъ Введенской площади, такъ сказать, «площади будущаго», въ долину настоящаго и посмотримъ, что дѣлается въ народныхъ садахъ настоящаго, имѣющихъ театрално-развлекательный и «отвлекаемый» характеръ. Этимъ лѣтомъ въ Москвѣ такихъ народныхъ садовъ дѣйствуетъ счетомъ четыре... Замоскворѣцкій семейный садъ и театръ Черепанова (на Зацѣпѣ, Щипокъ), садъ Грузинскаго народнаго дома, въ Грузинахъ, на Тишинской площади и народныя гулянья въ Петровскомъ паркѣ и Сокольникахъ, находящіяся подъ опекой «Московского общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій».

Первый садъ и послѣдніе два въ идейномъ отношеніи представляютъ двѣ характерныхъ крайности. Тогда какъ народные театры «Московскаго общества содѣйствія и т. д.» парятъ слишкомъ высоко, «садъ Черепанова» обратно плаваеъ слишкомъ мелко, очищая такимъ образомъ благую середину театру Московскаго попечительства, достаточно гарантированному отъ опасныхъ крайностей казенной субсидіей.

Что касается «сада Черепанова», то онъ любопытенъ еще съ другой стороны, какъ яркій показатель того, сколь благополучно уживается здѣсь назрѣвшая потребность въ зрѣлищахъ съ самыми первобытными требованіями.. Попадая на Щипокъ, въ садъ Черепанова, точно попадаешь въ какой-то заброшенный уѣздный уголокъ, и самые костюмы садовой публики, и ея наивный восторгъ, и вся обстановка—все переноситъ васъ скорѣй въ какойнибудь Задонскъ или Новоржевъ, чѣмъ на берега Москвы рѣки... И Черепановъ видимо отлично знаетъ свою разночинную публику, преподнося ей въ изобилии самые дешевые эффекты, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ ошеломляющемъ успѣхѣ...

На открытую сцену, съ визгливымъ балаганнымъ оркестромъ, выбѣгаетъ веселый куплетистъ, одѣтый поваромъ съ двумя быстроглазыми поварятами. Куплетистъ поетъ какую-то невозможную чепуху о кухаркѣ и о ея кумѣ пожарномъ, при чемъ всѣ трое, по окончаніи куплета, бьютъ въ дно кастрюли и въ тактъ припѣваютъ:

«Ак-кулина, чище мой пос-сѣду!..

Ак-кулина, не ходи пов-сѣду»..

Восторгъ не поддается описанію. Мало того, что куплетиста съ кастрюлей заставляютъ пѣть одно и то же десятки разъ, припѣвъ сразу дѣлается достояніемъ толпы, и, по выходѣ изъ сада, далеко за полночь, въ темномъ проулкѣ, до меня еще разъ доносится хоръ какой-то веселой компаніи: «Ак-кулина, чище мой пос-сѣду!». и т. д.... Слѣдующимъ номеромъ высказиваетъ мальчикъ съ пальчикъ, отплясывающій трепака. Новый фуроръ, при чемъ мальчикъ съ пальчикъ, въ знакъ признательности, два раза перекувыркивается... Трепака смѣняетъ любовный дуэтъ мужика съ бабой, главнымъ мотивомъ котораго служитъ находящаяся за пазухой мужика сороковка—сороковка, разумѣется, совместно опустошается, и супруги въ заключеніе отплясываютъ доморощенный «кэкьюокъ». Ревъ восторга, заглушающій даже звонокъ, призывающій публику въ закрытый лѣтній театръ.

Заглянемъ, однако, въ театръ...

Съ виду театръ, какъ театръ, ничего необыкновеннаго, но зато обстановка спектаклей прямо необыкновенная: въ смыслѣ простоты дальше буквально итти некуда!.. Здѣсь нерѣдкость, напримѣръ,

«истор. вѣсти», июнь, 1904 г., т. хсѳі.

если артистъ, играющій «безумно богатаго виконта», выходитъ на сцену въ потертомъ пиджакѣ и ночной сорочкѣ; «церковный благовѣстъ», призывающій злодѣя мелодрамы къ покаянію, изображается простыми щелчками въ умывальный кувшинъ; а толпа свѣтскихъ гостей «на балу у маркизы» предоставляется догадкамъ зрителей въ лицѣ переодѣтаго и подвыпившаго театральнаго посылнаго. Вы, можетъ быть, думаете, что публика возмущается и свищетъ? Совсѣмъ напротивъ... умиляется и плачетъ, тѣмъ болѣе, что репертуаръ по преимуществу мелодраматическій, и поводовъ къ тому представляется съ излишкомъ!.. Пускай декорация, должствующая изображать «фамилный замокъ», напоминаетъ меблированный номеръ на Драчевкѣ, но какъ, скажите, пожалуйста, устоять противъ такой захватывающей сцены?.. Благородный блондинъ готовится пустить пулю въ лобъ мрачному брюнету, «злодѣю мелодрамы», и уже направляетъ дуло пистолета въ его грудь... когда злодѣй, указывая на боковой карманъ своего скюртука, произноситъ медленнымъ роковымъ голосомъ:

— Стрѣляй, несчастный, если ты не боишься... прострѣлить письма твоей матери!

Потрясенный блондинъ роняетъ оружіе, и занавѣсъ падаетъ подъ громъ аплодисментовъ.

Успѣхъ былъ бы, несомнѣнно, еще большій, если бы артисты говорили громче суфлера, и героинѣ мелодрамы, «сводящей съ ума миллионера», можно было бы дать со сцены менѣе пятидесяти. Но что въ томъ? Со сцены то и дѣло трещать, какъ фейерверочные бураки, такія благородныя зажигательныя слова: «Вѣчное проклятіе тебѣ, презрѣнное золото!» «О, я вѣрю, что Провидѣніе спасетъ честнаго человѣка!» «Ахъ, если бъ вы знали, что значитъ страданіе несчастной матери!» и т. д.—И, что вы хотите, эти ненатуральныя фразы куда слаще картузному партеру, чѣмъ самыя натуральнѣйшія слова г. Горькаго...

Да что «картузный человѣкъ»? Передо мной, во второмъ ряду, сидѣлъ какой-то господинъ въ цилиндрѣ и фрачной парѣ и упивался фантастическимъ представленіемъ съ тѣмъ же блаженнымъ видомъ, съ какимъ упиваются москвичи въ Маломъ театрѣ, когда играетъ Ѳедотова и Ермолова. И всякій разъ, какъ мнѣ случилось попадать въ Замоскворѣцкій балаганъ Черепанова, я застававалъ этого самаго господина всегда на томъ же самомъ мѣстѣ, всегда въ безукоризненной фрачной парѣ и съ неизмѣннымъ старомоднымъ цилиндромъ на головѣ. Въ послѣдній разъ я не удержался и навелъ справки о немъ у афишера... Что же оказалось? Этотъ господинъ вотъ уже «второе лѣто» ходитъ въ театръ Черепанова, не пропуская ни одного спектакля и высиживаетъ до самаго конца... Вотъ и теперь онъ возсѣдалъ въ своемъ креслѣ съ торжественностью человѣка, попавшаго въ священный храмъ искус-

ства (шла мелодрама «Живая покойница»), и съ видимымъ аппетитомъ смаковалъ содержаніе афиши. Не переводятся, видно, оригиналы въ матушкѣ Москвѣ!

Ну, и афиши же составляетъ Черепановъ, чортъ возьми!.. Вотъ для образчика подробная афиша:

«ЖИВАЯ ПОКОЙНИЦА».

(Рука Провидѣнія, или неравный бракъ).

Драма въ 5 дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I. Сцена I. Убѣжище бѣглецовъ отъ свѣта. Сцена II. Страніе матери о сынѣ и ребенокъ, спасенный отъ гибели.

ДѢЙСТВІЕ II. Дитя любви и несчастья.

ДѢЙСТВІЕ III. Муки отца, нашедшаго черезъ 15 лѣтъ украденную дочь.

ДѢЙСТВІЕ IV. Молитва матери за гробомъ.

ДѢЙСТВІЕ V. Мертвая невѣста.

А внизу афиши новый соблазнъ для замоскворѣцкаго обывателя: «въ саду грандіозно-помпезное гулянье съ блестящимъ дивертисементомъ на открытой сценѣ (до 30 номеровъ)».

Мы уже видѣли, въ чемъ заключается эта «помпезность»—и, вдобавокъ, на сценѣ шла совсѣмъ другая пьеса, чѣмъ та, которой прельщала афиша Черепановскаго поклонника въ цилиндрѣ... Какъ вамъ угодно, а этотъ замоскворѣцкій театралъ, въ цилиндрѣ и фракѣ, въ высшей степени типичный представитель скромныхъ вкусовъ средней, московской толпы!

Въ противоположность Черепанову, который зачастую спускается ниже толпы, «Московское общество содѣйствія и т. д.» стоитъ чрезчуръ выше толпы и, если вы заглянете въ Сокольники или въ Петровскій паркъ на народное «общеобразовательное» гулянье, вы сразу очутитесь точно на другой планетѣ... Здѣсь нѣтъ ни программъ-рекламъ, ни куплетистовъ съ кастрюлями, ни мелодрамъ съ «Рукой Провидѣнія»... Все довольно прилично, довольно педагогично и въ общемъ... довольно скучно!.. Въ особенности скучны для толпы оказываются «общеобразовательныя концертныя отдѣленія» (блещущія классическими именами Шуберта, Тости, Таузига), радостно оживающей лишь при звукахъ гармоникки и появленіи веселаго рассказчика. Довольно интересенъ образовательный кинематографъ и довольно сомнительна общеобразо-

вательность помѣщающейся рядомъ «Панорамы», демонстрирующей, между прочимъ, «Второй актъ изъ оперы Зеленый Чортъ», «Охоту на бѣлаго медвѣдя» и «Будуаръ Сарры Бернаръ»... Главную же скуку наводитъ общеобразовательный любительскій интеллигентный репертуаръ, давно набившій оскомину на столичныхъ подмосткахъ: «Родина» Зудермана, «Любовь и предразсудокъ» Мельвила, «Испорченная жизнь» Чернышева, «Новое дѣло» Владимира Немировича-Данченко, «Хрущовскіе помѣщики» Ѳедотова, «Тайна» Куликова и т. д.; а затѣмъ, конечно, Островскій и уже, какъ счастливая случайность, какая нибудь пьеса, пришедшаяся особенно по душѣ народной толпѣ...

Такую счастливую случайность представлялъ праздничный спектакль 22 іюля, подарившій многочисленную картузную публику «Севильскимъ Цырюльникомъ» Бомарше. Послѣ Мольеровскаго «Мѣщанина въ дворянствѣ», видѣннаго въ Ростовскомъ общедоступномъ театрѣ, это «второй по счету» истинно народный веселый спектакль. И, надо отдать должную честь труппѣ, составленной наполовину изъ выучениковъ г. Станиславскаго—разыгранъ былъ «Цырюльникъ» на славу, въ должномъ тонѣ, съ искреннимъ увлеченіемъ, въ крайне тщательной артистической обстановкѣ, прямо роскошной для открытой сцены, вдобавокъ лишенной навѣса и предоставленной произволу стихіи, какъ Кинешемскій «théâtre de plein air»...

Въ довершеніе полного удовольствія, на мою скамью занесло счастливымъ вѣтромъ очень интереснаго сосѣда — крайне симпатичнаго и простодушнаго парня, крестьянина Тульской губерніи, въ темносиней «тройкѣ», въ вышитой русской рубахѣ и смазныхъ сапогахъ. Боже мой, какъ онъ хохоталъ... какъ заразительно аппетитно хохоталъ!.. Въ наиболѣе комическихъ мѣстахъ онъ наивно вскрикивалъ, какъ обрадованный ребенокъ, хлопалъ себя восторженно по колѣнкамъ и, откидываясь на спинку скамьи, заливался такимъ неудержимымъ раскатистымъ смѣхомъ, что обращалъ невольное вниманіе даже своихъ престонародныхъ сосѣдей.

Послѣ третьяго акта мы вышли вмѣстѣ въ садъ, и я полюбопытствовалъ, чтó больше всего ему понравилось въ пьесѣ. Красивое молодое лицо парня снова расплылось въ сладчайшую улыбку.

— Все понравилось... весь «Паликмахтеръ» понравился! А опосля больше всего, какъ этотъ толстопузый... какъ его — Базилій или Василій, что ли, — клевету «пуцалъ»...—Парень остановился, какъ-то смѣшно нахохлился и, въ тонъ толстопузому, на память, напыщенно задекламировалъ: «Клевета поднимается, надувается, ползетъ... растетъ, растетъ»...—но не докончилъ и снова закатился, какъ помѣшанный. — Вотъ была бы важная штука, — обратился онъ ко мнѣ, немного успокоившись: — если бѣ можно было гдѣ раздобыть все сочиненіе, что сичасъ приставляли?

И, когда на его слова я презентоваль ему бывшій случайно въ моемъ боковомъ карманѣ экземпляръ «Паликмахтера», въ изда- ніи «Дешевой Библиотеки» А. Суворина, радости его не было границъ.

— Вотъ спасибо!.. Вотъ ужъ, право, не знаю... какъ благода- рить васъ на вашей пріятности!.. заволновался онъ, густо покрас- нѣвъ.— Ей-Богу, во всю жизнь столько не смѣялся, какъ съ эстаго самаго Паликмахтера!..

Театральный звонокъ, возвѣщавшій начало четвертаго акта, прервалъ нашу бесѣду...

Между прочимъ, тотъ же самый «Севильскій Цырюльникъ» въ томъ же самомъ стройномъ составѣ шель черезъ нѣсколько дней на второмъ народномъ театрѣ «Московскаго общества содѣйствія и т. д.» на народномъ гуляньѣ въ Петровскомъ паркѣ,—гуляньѣ представляющемъ, кстати сказать, точную копію во всѣхъ по- дробностяхъ «гулянья въ Сокольникахъ»... Тотъ же просторъ и обиліе зелени въ самомъ саду и та же узость и рутинность въ народномъ репертуарѣ сада; то же позднее начало спектаклей и тотъ же трезвенный буфетъ съ клюквеннымъ квасомъ въ холод- ные вечера; тѣ же расфуфыренные барышни на дѣтскихъ балахъ и тѣ же любострастные романсы на общеобразовательныхъ кон- цертахъ. И все же, несмотря на обычныя отрицательныя стороны узкой кружковщины, «Московское общество содѣйствія и т. д.» заслуживаетъ самаго солиднаго «субсидированнаго сочувствія», принимая во вниманіе его положительныя «сценическія» стороны, принимая, наконецъ, во вниманіе, что это—хрупкое, чисто частное предпріятіе, едва вступающее въ третій годъ своего существованія, при томъ при самыхъ угнетающихъ финансовыхъ обстоятельствахъ.

Возвращался я изъ Сокольниковъ въ городъ на трамваѣ уже не одинъ, а совмѣстно съ моимъ тульскимъ пріателемъ, новоиспе- ченнымъ поклонникомъ старика Бомарше. Очень хотѣлось мнѣ по- пытать его обстоятельнѣе насчетъ его личнаго житья-бытья (онъ недавно пріѣхалъ изъ деревни и служилъ половымъ въ какомъ то третьестепенномъ трактирѣ) но не тутъ-то было. Чудной парень до того радостно былъ охваченъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что, ка- залось, на время вовсе позабылъ о своемъ личномъ незрочномъ существованіи и не могъ ни о чемъ другомъ говорить, какъ только о театрѣ. Оказалось, что въ театрѣ онъ всего во второй разъ въ жизни или, вѣрнѣе говоря, «впервѣй», такъ какъ по пріѣздѣ изъ деревни онъ попалъ въ «Грузины», на оперу Московскаго попе- чительства и вынесъ оттуда одну скуку.

— Я и приставленія не досмотрѣлъ — таково скушно показалось!— откровенно признался онъ, махнувъ рукой.

— Что же представляли?

— А названіе такое мудреное... «Хваустъ»!

— Развѣ музыка тебѣ не понравилась?

— Ничаво, сладкая музыка... а только мало понятно нашему брату.—И въ заключеніе простодушно добавилъ:—Хоша бы петрушка али пѣсельники съ гармошкой—это въ нашихъ понятіяхъ!.. А до Хвауста намъ не скоро достигнуть!..

Мнѣ невольно вспомнилась при этомъ моя случайная встрѣча наканунѣ на стогахъ Москвы съ многопочтеннѣйшимъ Михаиломъ Васильевичемъ Лентовскимъ и мѣткое его слово по адресу меломаніи Московскаго попечительства:

— Начинають съ того, чѣмъ можно только «кончать»!—волновался М. В.—Не понимаютъ, что надо сначала спуститься до народа и уже «вмѣстѣ съ нимъ» подниматься... А не сразу, очертя голову, прямо лѣзть на гору!

И онъ трижды правъ.

Все дѣло, впрочемъ, заключается въ томъ, что Московскіе ревнители, въ сущности, весьма мало заботятся о народѣ и о томъ, что скажетъ «онъ». Самое важное, что станетъ говорить «она», по сію пору вліятельнѣйшая московская «княгиня Марья Алексѣевна!» А она, матушка, теперь какъ разъ ушиблена «меломаніей» и бредитъ Шалапинымъ и Собиновымъ. Ну, и ваяяй, въ такомъ разѣ, для начала народнаго дѣла «Фауста», «Демона», «Аиду» и т. д.—авось кривая вывезетъ!..

— Кипитъ, батюшка, работа, кипитъ!—повѣдалъ мнѣ, самодовольно потирая руки, одинъ «московскій трезвенникъ» при моемъ посѣщеніи Грузинскаго народнаго дома:—изъ болвановъ фабрикуемъ меломановъ!

Откровенно, по крайней мѣрѣ...

Три недѣли подъ рядъ, въ разное время, таскался я въ этотъ «первый народный театр Московскаго попечительства» и досыта насмотрѣлся на этихъ «меломановъ поневолѣ»...

Долженъ сознаться, что воздѣйствіе оперы на московскаго простонароднаго зрителя поразительно, и вышло бы, вѣроятно, еще поразительнѣе, если бы добрыхъ три четверти того, что исполняется на сценѣ, не было совершенно ему непонятно. Впрочемъ, этотъ случайный пробѣлъ «попечительно» вознаграждается выпускомъ дешевыхъ «либретто»... Получаются на рѣдкость умильные картины!..

Стоитъ, на примѣръ, передъ открытой сценой дюжіи краснощекіи парень въ рваномъ армякѣ и, потѣя отъ усилія, читаетъ по складамъ: «При поднятіи занавѣса на сценѣ темно. Летитъ Демонъ. Поютъ незримые хоры духовъ...». Парень отрывается отъ либретто и тарашитъ глаза на сцену. На сценѣ дѣйствительно темно, по сценѣ кто-то летитъ, и за сценой что-то поютъ. Жирное лицо парня расплывается въ самодовольную улыбку, и бнѣ наивно замѣчаетъ сосѣду: «Ничаво, аккуратно прописано!»... Либретто «Евгенія Онѣ-

гина» прописано еще того аккуратнѣе, и именно эта аккуратность, указующая то, что можно видѣть собственными глазами, выходитъ донельзя комична. Напримѣръ: «Картина I. Садъ при усадьбѣ Лариныхъ. Ларина съ помощію Филиппевны варить въ саду варенье и, прислушиваясь къ пѣнью дочерей, вспоминаетъ свою молодость».

«Картина II. Комната Татьяны. Татьяна въ бѣломъ ночномъ капотѣ сидитъ передъ зеркаломъ и бесѣдуетъ съ няней, которая при поднятіи занавѣса говоритъ ей:—Ну, заболталась я» и т. д.

Это все одно, если бѣ написать: «Сцена представляетъ избу. Посреди избы стоитъ скамья. На скамьѣ сидитъ баба. У бабы въ рукахъ веретено. При поднятіи занавѣса, баба открываетъ ротъ и зѣваетъ»... Не правда ли, какъ поучительно?

Единственнымъ «плодомъ просвѣщенія» является самое иностранное слово: «либретто», пущенное въ простонародный московскій оборотъ. Теперь въ саду, въ Грузинахъ, можно услышать его по всякому житейскому поводу:

— Аннушка, отчего позавчерась вы не вышли на Цвѣтной бульваръ: развѣ вы не получили мою «любвную либретту»? — острить въ одномъ мѣстѣ мастеровой, ухаживающей за какой-то бѣлобрисой прачкой.

А далѣе—солдатъ, усѣвшійся за столикъ въ народной столовой, зубоскалитъ по адресу попечительства, требуя у прислуживающаго мальчика карту блюду:

— Ей, ты, ежовая голова!.. Покажь-ка сюда вашу «сѣстную либретту»!...

Впрочемъ, большинство грузинской публики обходится, вмѣсто либретто, услужливымъ бойкимъ московскимъ язычкомъ своихъ театральныхъ сосѣдей, и это посредничество выходитъ много выразительнѣе указки попечительства...

При мнѣ какой-то быстроглазый сапожный подмастерье, во время представленія «Евгенія Онѣгина», объяснялъ своему товарищу, видимо ошалѣвшему отъ диковиннаго зрѣлища, «сцену на балу»:

— Понимаешь, энтотъ «высокій» отбилъ барышню у энтото кучеряваго?.. Вонъ гляди: «высокій» знай себѣ посмѣивается, а кучерявый таращитъ буркалы, ровно сумасшедшій... Дѣло, однако, пошло всерьезъ — надо полагать, безъ левольвера не обойдется!.. заключаетъ взволнованно чичероне и поднимается на ципочки, очевидно въ чаяніи лицезрѣть «левольверъ»...

И когда наступаетъ сцена дуэли, наступаетъ наиболѣе напряженнѣйшій моментъ вниманія со стороны простонародной публики, при чемъ фуроръ возбуждаетъ отнюдь не «арія Ленскаго передъ дуэлью», которая проходитъ почти незамѣтно, а самая стрѣльба...

Эта самая стрѣльба возбуждаетъ самые бурные апплодисменты по паденіи занавѣса.

Сумасшедшаго «Мельника» въ «Русалкѣ» встрѣчаютъ обыкновенно добродушнымъ смѣхомъ, смѣшивая его со своимъ старымъ знакомымъ, масляничнымъ дѣдомъ, а хоръ «полуобнаженныхъ русалокъ», черезчуръ выпукло выступающихъ на крохотной открытой сценѣ со своими крупными московскими чарами, подаетъ поводъ къ весьма недвусмысленнымъ шуточкамъ.

«Демонъ» болѣе воздѣйствуетъ на толпу своимъ фантастическимъ элементомъ. Исполнитель Демона, съ фигурой соборнаго протодіакона, видимо нравится толпѣ, какъ нѣчто очень сильное и очень непонятное. Въ толпѣ слышится: «И здоровая же, братцы, глотка у эфтаго Демона... Вотъ у той, у венгерки (Тамара), голосъ будетъ будто пожиже!..» Но наибольшій успѣхъ имѣетъ все-таки «дѣйствіе», т.-е. рукопашная схватка и убійство князя Синодала во второмъ актѣ...

Вообще же, при представленіи оперы, судятъ больше объ исполнителяхъ, чѣмъ о сюжетѣ пьесы. При представленіи же драматическомъ наоборотъ—исполнитель зачастую забывается за пьесой, которая захватываетъ, какъ нѣчто естественное, пережитое и близкое къ жизни... Тогда какъ драма иллюстрируетъ жизнь и ее критикуетъ, опера даетъ лишь настроенія—или высокія, тонкія, недоступныя для толпы, или же (въ большинствѣ случаевъ!) дѣйствуетъ прямо на чувственность и, во всякомъ случаѣ, сильно ей потакаетъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи суровое слово Льва Толстого «о вредности и раздражающемъ вліяніи музыки».. по отношенію къ представленію оперы на народныхъ подмосткахъ, какъ нельзя болѣе у мѣста!.. Трезвенные люди утверждаютъ, что опера имѣетъ наибольшій успѣхъ, чѣмъ драма... но это именно «исключительный» успѣхъ—успѣхъ новизны, чего-то неизвѣданнаго, страннаго и сладко волнующаго. И, какъ послѣ хмельнаго напитка, стаканъ родниковой воды покажется безвкуснымъ, такъ и послѣ оперы впечатлѣніе драмы нѣсколько тускнѣетъ: опера въ извѣстной степени убиваетъ драму. А слѣдуетъ ли ее убивать въ народномъ театрѣ,—это еще вопросъ...

Наконецъ, вопросъ финансовый... Постановка оперы, по меньшей мѣрѣ, обходится вдвое дороже, чѣмъ устройство драматическаго спектакля. И почему Московское попечительство изъ силъ выбивается давать народу то, что дорого и сомнительно полезно, вмѣсто того, чтобы давать то, что явно дешево и здорово—темная московская загадка, обычнымъ прямымъ путемъ совершенно не разрѣшимая! Нельзя не отмѣтить, между прочимъ, что меломанія исключительно захватываетъ полуинтеллигентные классы: писарей, приказчиковъ, до хулигановъ включительно. Простой, коренной русской человѣкъ, по меньшей мѣрѣ, къ ней равнодушенъ!..

Отлично помню, какъ однажды, когда я пилъ чай въ народномъ саду во время представленія «Демона», къ сосѣднему столу, занятому семействомъ, подошелъ какой-то русопятый купецъ и съ видимымъ раздраженіемъ откровенно выругался.

— Ну, и игра.. ничего не стоитъ!—обратился онъ къ женѣ.—Толкомъ не поймешь, къ чему понятія клонять... Только попусту глотку въ сырости надрываютъ!

Я невольно разговорился съ нимъ и выразилъ, въ свою очередь, мое недоумѣніе относительно неумѣлой театральнoй дѣятельности г.г. московскихъ трезвенниковъ.

— Извѣстно—господà!.. Не желаютъ «принатұриться» къ нашему брату!—насмѣшливо отрѣзалъ купецъ. И видя, что я его не совсѣмъ понялъ, добавилъ:—Не желаютъ, значить, пригнать своего ндрава по русской натурѣ!..

Дѣйствительно, когда на народныхъ подмосткахъ случайно появляется пьеса, «пригнанная по русской натурѣ», картина народнои толпы рѣзко мѣняется, не количественно, разумѣется, а качественно. По счастью, передъ отъѣздомъ изъ Москвы я попалъ наконецъ на драматическое представленіе, случайно пригнанное по натурѣ (шелъ «Ванька Ключникъ»), и былъ свидѣтелемъ такого діалога между двумя фабричными. Въ то время, какъ одинъ изъ фабричныхъ стоялъ неподвижно передъ сценой, видимо увлеченный представляемой пьесой, другой безцеремонно тащилъ его за рукавъ пиджака въ какіе-то отдаленные соблазнительные края.

— Васька, иродъ, пойдѣмъ къ прѣсенской Анюткѣ?—наставлялъ товарищъ,—Ну, сдѣлай милость, пойдѣмъ... Она позавчерась посулилась рябиновкой угостить... Вѣрно говорю, что посулилась!..

— Нѣ, сегодня ни за что не пойду!—отпѣкивался первый:—ужъ очень хорошая сегодня игра здѣсь... Давно такъ по сердцу не приставляли!..

Товарищъ его потоптался на мѣстѣ и, въ концѣ концовъ, самъ остался досматривать «Ваньку Ключника» совмѣстно съ Васькой Иродомъ.

Что-то во время «оперныхъ антрактовъ» такихъ результатовъ мнѣ наблюдать не удавалось!..

Однако довольно объ оперѣ, обратимся къ самой картинѣ гулянья...

По праздничнымъ днямъ картина гулянья здѣсь чисто народная—не «петербургски-народная» съ преобладаніемъ фуражекъ съ чиновнымъ околышемъ и англійскихъ котелковъ, а народная «помосковски», съ полнымъ разнообразіемъ демократическихъ костюмовъ отъ извозчичьяго армяка до кожаной куртки машиниста... Простой народъ въ Москвѣ забубенный, размахистый, вольный на слово, и нигдѣ вы не услышите такихъ жирныхъ оборотовъ, на какіе падохъ московскій язычокъ.

Передъ открытой сценой, отдѣланной въ русско-декадентскомъ вкусѣ, цѣлое море картузовъ. Идетъ совсѣмъ не подходящая для народа драма покойнаго Дьяченка: «Жертва за жертву». Со сцены очень плохо слышно и скорѣе видно, что героиня пьесы въ чемъ-то попрекаетъ мужа. Стоящій впереди меня высокій парень въ красной рубахѣ и спинжакѣ насмѣшливо замѣчаетъ:

— Женское ученье—чистое мученье: не такъ стоишь, не туда глядишь, не во время молчишь... Жѣны пошли, съ позволенья сказать... (Слѣдуетъ нецензурное слово).

Вскорѣ затѣмъ мужъ уходитъ, и героиня цѣлуется съ молодымъ человѣкомъ. Позади меня кто-то опять ехидно замѣчаетъ:

— Такъ, такъ, все, какъ слѣдуетъ: мужъ со двора, жена на шею молодца. Ничего, будетъ старичокъ завтра поутру кашлять!..

Послѣ этихъ словъ моя сосѣдка, какая-то малорослая кухарченка, приподнимается на цыпочки, но ея хахаль, дюжей солдатъ, сразу ее осаживаетъ.

— Чего, дура, тянешься?... не видала что ли, какъ ваша сестра съ любовникомъ цѣлуется?..

Крѣгомъ смѣхъ.

Передъ началомъ второго акта въ передніе ряды безцеремонно протискивается развеселая товарищеская тройка извозчиковъ въ своихъ длиннополыхъ извозчичьихъ армякахъ. Снова слышатся возгласы: «Извозчикъ—почемъ возьмешь на рязанскую машину?» «Ей, желтоглазый, много ли на водоной выѣздили?»

Извозчики, благодушно ухмыляясь, отругиваются:

— Ишь дивятся на насъ, извозчиковъ, точно мы изъ другого состава? Чай, тоже люди, за свои деньги повеселиться пришли!— какъ бы оправдываясь, откликается одинъ изъ нихъ, молодой загорѣлый парень, съ аппетитомъ закуривая папироску. — Не перебиваться же, въ самомъ дѣлѣ, на такой разъ въ англискій пиджакъ!.. и т. д.

Я иду еще далѣе и нахожу, что даже сторожа Московскаго попечительства, дежурящіе у входа, досадно портятъ своимъ казеннымъ форменнымъ платьемъ русскій пошибъ гулянья... Самая занавѣсъ театра за печатью «Московскаго попечительства о народной трезвости» тоже совершенно излишне мозолить глаза своей прописной моралью. Она тѣмъ болѣе излишня, что этой печати трезвости нигдѣ не замѣчается, кромѣ занавѣса...

Взять хотя бы вывезенный изъ-за границы кинематографъ? Кинематографъ штука, сама по себѣ, интересная, но слѣдовало бы быть нѣсколько осмотрительнѣе въ выборѣ сюжетовъ... Человѣчeskій скелетъ, отплясывающій французскій канканъ, голая наядя, показывающая со всѣхъ сторонъ свои тѣлеса, бой быковъ и разное потрошеніе животныхъ—едва ли желательныя зрѣлища для христіанской толпы!.. Во всемъ остальномъ Московское попечитель-

ство явно старается ни въ чемъ не походить на петербургское. Напримѣръ, неизмѣнной принадлежностью петербургскаго народнаго гулянья является «тиръ» — нелѣпое заимствование изъ кафешантаннаго увеселительнаго заведенія. Въ Москвѣ «тира» нѣтъ, а есть горы для катанья. Въ Петербургѣ занавѣсъ поднимается, а въ Москвѣ — раздвигается, очень напоминая, признаться, по окончаніи дѣйствія, запахивающіяся полы арестантскаго халата. Въ Петербургѣ неряшливо прислуживаютъ въ народной столовой дѣвицы въ кокетливыхъ нѣмецкихъ чепчикахъ. Въ Москвѣ справляются съ этимъ дѣломъ одѣтые въ нѣмецкія куртки быстроглазые мальчуганы — и, надо отдать имъ справедливость, справляются куда лучше нѣмецкихъ чепчиковъ. (Почему мальчики одѣты не въ русскія рубахи, а въ нѣмецкія куртки, тоже, признаться, довольно таки странно!).

Относительно «хулиганства» не встрѣчается, однако, особеннаго противорѣчія... Въ петербургскихъ народныхъ театрахъ оно, какъ извѣстно, усиленно развито; и въ Москвѣ, увы, въ новорожденномъ народномъ театрѣ оно безопасно вьетъ свое гнѣздо около танцевальнаго павильона подъ попечительной сѣнью меломанія Московскаго попечительства. Любострастныя аріи, распѣваемые на сценѣ громко, повторяются здѣсь вполголоса, и поэтическія паденія на сценѣ «Тамары» и «Маргариты» находятъ болѣе реальное отраженіе среди танцующихъ грузинскихъ Тамаръ и чухинскихъ Маргаритъ... Благодаря неумѣлой постановкѣ дѣла, картина танцевальнаго павильона напоминаетъ скорѣе какое-то «хлыстовское радѣнье», чѣмъ танцевальное увеселеніе, гдѣ танцующіе кавалеры съ папирской въ зубахъ, пользуясь тѣснотой помѣщенія, превращаютъ народные танцы въ международный кэкъ-уокъ.

Пока что, остается ограничиться однимъ общимъ замѣчаніемъ — одного народнаго театра для полумилліонной московской рабочей толпы удручающе мало!.. Въ праздничные дни довольно обширное помѣщеніе народнаго дома — съ садомъ, съ чайной-столовой, бесплатной библіотеккой и танцевальнымъ павильономъ — набито биткомъ, такъ что съ трудомъ можно протолкнуться. На моихъ глазахъ, напримѣръ, въ воскресенье 27 іюля 1903 года было 10.840, 3 августа 12.099, 6 августа 13.137 человекъ.

По воскресеньямъ одного чая выпивается до полутора пуда и пирожковъ съ начинкой истребляется болѣе 4.000. Да что цифры? Послѣдній разъ я былъ въ саду Грузинскаго народнаго дома 10 августа. До начала театральнаго представленія было болѣе часа, но народъ уже сплошной стѣной заполнялъ всю театральную площадку... За какія нибудь четверть часа до начала, внезапно налетѣла буря, разразился бѣшеный ливень, и въ саду образовалось настоящее наводненіе... Вы, можетъ, думаете, что народъ разбѣжался, кто куда попало? Ничуть не бывало! Никто не двинулся

съ мѣста, и всѣ продолжали стоять по колѣна въ водѣ, жадно тараща глаза на закрытый занавѣсъ и лишь понукая бурными аплодисментами поторопиться началомъ спектакля. И, когда, наконецъ, задребезжалъ театральнй звонокъ, поднялся такой неистовый вое восторга, который навѣрное былъ слышенъ далеко за Прѣсенской заставой. Велика важность дождь—наплевать! На то есть картузы и болотные сапоги... Московскій простой человѣкъ не только отрицаетъ носовые платки, но также и зонтики, и съ полнымъ удовольствіемъ принимаетъ вывѣпненные около сцены объявленія: «Зонтиковъ на площадкѣ передъ сценой не раскрывать!»..

Такъ или иначе, «Грузины»—мѣсто для народнаго гулянья, сильно натопанное, но, что будетъ дальше, покажетъ, конечно, время... Эффектную обстановку спектаклей, обусловленную щедрой казенной субсидіей, обхожу своимъ привѣтомъ: ибо, по совѣсти говоря, былъ бы болѣе счастливъ привѣтствовать правильную постановку дѣла и оригинальность репертуара!..

Куда теперь направить путь?

Московскія газеты трубятъ во всѣ трубы, что «отличныя дѣла» дѣлаетъ садъ и театръ Эрмитажъ, въ Каретномъ ряду, избравшій своей специальностью «легкую комедію», собирающую въ театральнй партеръ «сливки московскаго общества». Дѣйствительно, отправившись туда въ воскресенье 17 августа, я былъ свидѣтелемъ величайшаго стеченія такъ называемой избранной публики, при чемъ въ ложахъ возсѣдали цѣлыми семьями, съ дѣтьми и боннами. Это именно обстоятельство вынуждаетъ меня передать все видѣнное съ полною откровенностью... хотя, приличія ради, съ нѣкоторыми конфузливими недомолвками...

Въ закрытомъ театрѣ шла двухактная пьеса «Модная львица»... Во второмъ актѣ, происходящемъ въ салонѣ «Львицы», дамы садятся на колѣни къ мужчинамъ, пьютъ шампанское и въ заключеніе всѣ канканируютъ... А вотъ образцы салоннаго діалога и сценическаго эффекта? Героиня пьесы «Муля Канальская» (г-жа Ледгаръ) говоритъ, между прочимъ, дѣлающему ей визитъ блудливому мужу: «Кто ближе со мной познакомится... попроситъ еще разъ!».. И, когда г. Пальмъ, играющій роль блудливаго мужа, услужливо подвигаетъ ей подъ ноги скамейку, она неожиданно поднимаетъ подолъ платья и накрываетъ г. Пальма съ головой... Выхожу въ антрактъ въ садъ. На открытой сценѣ какая-то миловидная дѣвица въ розовыхъ панталонахъ что-то визжитъ по-нѣмецки и поднимаетъ ноги выше головы. Черезъ «номеръ» уже двѣ дѣвицы пляшутъ съ остервенѣніемъ международный танецъ и тоже поднимаютъ ноги выше головы... Больше ничего не оставалось, какъ плюнуть и направиться на веранду ресторана выпить содовой воды. На верандѣ новый сюрпризъ: визжитъ цѣлый дамскій оркестръ, съ дамой-капельмейстеромъ во главѣ, одѣтой не то

въ декадентскій капотъ, не то въ ночную сорочку... Гм... «отличная дѣла»!..

Куда, однако, я попалъ? Если бъ не афиша въ рукахъ, я готовъ былъ бы подумать, что ошибся мѣстомъ назначенія... Однако, было бы малодушіемъ уйти, не досмотрѣвъ «гвоздя сезона», на который, по словамъ газетъ, сбѣгается «вся Москва», т.-е. «Лѣтняго обозрѣнія» (Петербургъ въ Москвѣ). Въ сущности, это обозрѣніе отнюдь не злобы дня, а дамскаго бѣлья, и заглавіе «Петербургъ въ Москвѣ» слѣдуетъ понимать очевидно нѣсколько символически. Въ общемъ, очень длинно, очень сально и очень нелѣпо... Во второй картинѣ, изображающей «Охотный рядъ» происходитъ не болѣе не менѣе, какъ канканъ «городовъ», олицетворяемыхъ веселыми полуобнаженными дѣвицами... Во время разгара канкана, на сценѣ внезапно дѣлается темно—и, когда темнота разсѣивается, передъ глазами изумленныхъ зрителей обрисовывается... Исаакіевскій соборъ и Фальконетовскій памятникъ Петру Великому, окруженный канканерами и канканершами, поющими великому государю «славу»! А въ послѣдней картинѣ, открывающейся въ первомъ часу ночи и представляющей «веранду ресторана», происходитъ разводъ безъ церемоніи кафѣшантаннаго баталіона, заканчивающійся ожесточеннѣйшимъ кэкъ-уокомъ, переходящимъ уже всякія международныя границы. И въ исходѣ второго часа ночи «сливки московскаго общества» разлѣзжаются по домамъ. Нечего удивляться, если послѣ такой повышенной температуры московскія и петербургскія сливки за послѣднее время такъ скисли!..

Остальные лѣтніе московскіе увеселительные сады: садъ Зоологическій, садъ Акваріумъ (Омонъ) и садъ Бауэра въ Екатерининскомъ паркѣ съ нѣкоторыми лицемѣрными измѣненіями—живое отраженіе Эрмитажнаго содома... У «Омона» роскошная обстановка, дорогія цѣны и чистая публика, что не мѣшаетъ, однако, этой чистой публикѣ наслаждаться «партерной борьбой» т.-е. любоваться, какъ на полу барахтаются дюжіе парни, царапая другъ другу до крови носы и локти, а также восхищаться охрипшимъ куплетистомъ въ костюмѣ босяка съ остротами и припѣвами, рассчитанными на вкусы подвыпившихъ ломовиковъ и врючниковъ... Въ «Саду Бауэра» цѣны значительно дешевле, обстановка значительно мизернѣе и публика по преимуществу картузная, но репертуаръ все тотъ же «эрмитажно-омоновскій». При мнѣ на большой открытой сценѣ шелъ второй актъ драмы «Бездна», въ которомъ снова дамы сидѣли на колѣняхъ у кавалеровъ и пили совмѣстно какіе-то горячительные напитки, очевидно рассчитанные на скорѣйшее погруженіе въ бездну; а въ антрактѣ, на открытой малой сценѣ, опять хрипѣлъ босякъ-куплетистъ съ ломовыми остротами и какая-то смѣлая дѣвица безъ рубашки ѣздила задомъ напередъ на велосипедѣ... Что до админи-

страціи «Зоологическаго сада», то послѣдняя, принимая во вниманіе сугубый приливъ демократическаго элемента, облюбовала изъ увеселительныхъ блюдъ окрошку, т.-е. мѣшаетъ на вечернемъ представленіи репертуаръ бытовой и кафѣшантанный, желая, очевидно, угодить разомъ двумъ господамъ.

Въ итогѣ, «принимая во вниманіе сугубый приливъ демократическаго элемента», впечатлѣніе отъ всей этой увеселительной московской панорамы получается донельзя удручающее!.. Вы видите, что всѣ эти сады — настоящіе очаги заразы, и нарождающимся народнымъ театрамъ, очевидно, суждено сыграть благодѣтельную роль «санаторій»... разумѣется, если ими будутъ захвачены во-время наиболѣе демократическія московскія окраины!..

Кстати, объ этихъ злополучныхъ окраинахъ. Мнѣ очень досадно, что два мои путешествія въ этомъ направленіи, т.-е. посѣщеніе Прохоровской мануфактуры, у Прѣсенской заставы, и визитъ въ мастерскія «Московско-Казанской желѣзной дороги», не дали желанныхъ результатовъ. Отъ народнаго театра Прохоровской мануфактуры осталось одно воспоминаніе: еще года два тому назадъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній съ московской полиціей, народный театръ былъ прикрытъ... Что же до желѣзнодорожнаго театра при мастерскихъ Казанской желѣзной дороги, то на лѣто спектакли тамъ были прекращены. Но все же мнѣ удалось заглянуть въ репертуаръ минувшаго сезона и убѣдиться, что онъ куда характернѣе московскихъ трезвенныхъ народныхъ театровъ... Наибольшимъ успѣхомъ, какъ оказывается, пользовался Мольеръ! Въ добрый часъ...

Въ Москвѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, я порядкомъ заго-стился, и это дало мнѣ возможность видѣть передъ отъѣздомъ «народные утренніе спектакли», устраиваемые по праздникамъ Московскимъ попечительствомъ о народной трезвости въ Императорскомъ Новомъ театрѣ (драма) и въ частномъ помѣщеніи «Эрми-тажа» (опера).

Это—очень веселая пародія на народный театръ, «эти самыя утренники Московскаго попечительства»!.. Въ партерѣ мелькаютъ въ изобиліи жизнерадостныя лица воспитанниковъ учебныхъ заведеній и шелковыя кофточки курсистокъ и гимназистокъ, а въ ложахъ воссѣдаютъ дамы съ лорнетами и мужчины съ конфетами... Разумѣется, попадаются и статисты, изображающіе народъ, но они очевидно чувствуютъ себя въ богатыхъ хоромахъ въ своихъ косовороткахъ и платочкахъ такъ же вольготно, какъ бѣлый медвѣдь на французскомъ балу... Пародія выходила бы еще веселѣе, если бы представленіе ея не оплачивалось солидными казенными кушамі!..

Такъ какъ въ Москвѣ всѣ частные театры, начиная съ театра Корша, также даютъ по праздничнымъ днямъ утренники по уменьшеннымъ цѣнамъ, то при чемъ тутъ казенная субсидія и

Московское попечительство о народной трезвости, — понять простому смертному довольно затруднительно?.. По совѣсти говоря, таковыя представленія никого и ни отъ чего не отвлекають и, очевидно, предпринимаются, такъ сказать, для очищенія попечительской совѣсти... Если ужъ такъ на Руси заведено, что совмѣстно съ совѣстью приходится очищать и государственное казначейство, то было бы куда цѣлесообразнѣе снять два-три балагана подъ народный театръ на Дѣвичьемъ полѣ или у Прѣсенской заставы...

Ахъ, эта меломанія, меломанія, на какія крайности она заставляетъ пускаться!.. Взять хотя бы городской народный театръ на Введенской площади... Когда онъ будетъ готовъ, никому съ точностью неизвѣстно, а ужъ Московская дума постановила «почтить десятилѣтїе смерти П. И. Чайковскаго постановкой его бюста въ строящемся зданїи перваго народнаго дома и въ годовщину смерти композитора, 25-го октября, ставить на сценѣ народнаго дома его произведенія»...

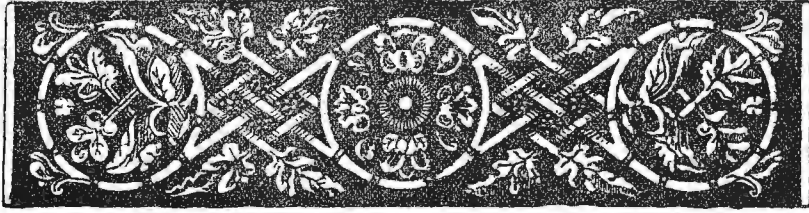
Это, разумѣется, очень трогательно... и было бы еще трогательнѣе, если бы вмѣстѣ съ Чайковскимъ вспомнили объ одномъ простомъ, но гениальномъ человѣкѣ, которому народный театръ обязанъ своимъ возникновенїемъ: о Ѳедорѣ Григорьевичѣ Волковѣ, прахъ коего покоится въ стѣнахъ Москвы, за оградой Спасо-Андронїевского монастыря!.. Долго блуждалъ я въ нынѣшній мой прїѣздъ за оградой этого монастыря въ чайни найти доску, водруженную лѣтъ десять тому назадъ «Обществомъ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ» близъ мѣста погребенія Ѳедора Волкова, — блуждалъ упорно и, увы, бесплодно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, выяснилось... что доска еще въ прошломъ году кѣмъ-то «украдена»!..

Мраморный крестъ, водруженный у надгробія Гоголя, въ Даниловомъ монастырѣ, по счастью, «еще не украденъ», но общее состоянїе могилы оскорбительно запущенное... Рѣшетки вокругъ могилы, невзирая на недавній юбилейный шумъ, нѣтъ и помину — и это, повторяю, рѣшительный и, такъ сказать, всенародный позоръ города Москвы!..

Помилуй Богъ, развѣ можно служить на истинную пользу живымъ людямъ, не соблюдая священнаго завѣта памятованія умершихъ?... И можно ли наконецъ съ чистой совѣстью зачинать живое дѣло народнаго театра, не научившись достойно чтить его великихъ ревнителей?..

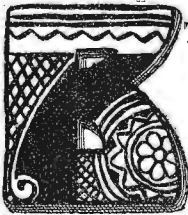
Иванъ Щегловъ.

А. С. ХОМЯКОВЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ПОТОМСТВА ¹⁾.

(Къ 100-лѣтію со дня его рожденія).

ВЪ ГОДИНУ народнаго бѣдствія, когда наша дальняя окраина охвачена заревомъ кроваваго пожара, и когда страна вынуждена для борьбы съ врагомъ напрячь всѣ свои духовныя и матеріальныя силы, русское общество какъ нельзя болѣе кстати вспомнило столѣтнюю годовщину со дня рожденія одного изъ своихъ лучшихъ бывшихъ представителей—Алексѣя Степановича Хомякова. Именно на фонѣ переживаемыхъ нынѣ политическихъ событій его образъ выдѣляется особенно рельефно и съ особенною силою приковываетъ къ себѣ взоры всѣхъ, кому дороги судьбы Россіи. Хомяковъ въ нашей исторіи совершенно уподобляется древнимъ библейскимъ пророкамъ, бичевавшимъ пороки современниковъ, громившимъ неправду жизни, взывавшимъ къ покаянію и очищенію и вмѣстѣ съ тѣмъ вливающимъ въ общественное сознаніе свѣжую струю вѣры, надежды и любви. Грустный и задумчивый въ моменты общаго веселія и покоя, онъ становился какъ бы просвѣтленнымъ и радостно-одухотвореннымъ въ дни общей печали и общаго горя. И вотъ нынѣ, когда общественный и политическій сумракъ снова, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, окуталъ нашу родину, передъ нами какъ бы возстаетъ

¹⁾ Предлагаемый къ этой книжкѣ рѣдкій портретъ Хомякова, рисованный съ натуры перомъ Мамоновымъ, былъ воспроизведенъ въ уменьшенномъ видѣ въ 3-мъ томѣ «Исторіи словесности» П. Полевого (стр. 309) съ ошибочною подписью: «Гоголь незадолго до кончины».

изъ могилы этотъ замѣчательный человѣкъ, и раздается, какъ прежде, его голосъ библейскаго пророчества по адресу Россіи:

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!
И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Пожалуй, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не говоря уже про болѣе отдаленное время, каковы семидесятые и восьмидесятые годы минувшаго столѣтія, памятованіе Хомякова не имѣло бы такого общественнаго интереса и значенія. Его роль въ русской жизни большинствомъ голосовъ тогдашнихъ литературныхъ и научныхъ представителей русской мысли сводилась къ чему-то очень незначительному и даже отрицательному, и развѣ только въ періодъ русско-турецкой войны нѣкоторые дѣятели славянскаго благотворительнаго общества вспоминали Хомякова, и то главнымъ образомъ, какъ дѣятеля въ области славянскаго движенія. Если въ литературѣ и попадались въ свое время статьи и замѣтки, посвященные его жизни и трудамъ, то онѣ исходили изъ очень тѣснаго кружка и въ массу читающей публики очень слабо проникали. Основательно, во всемъ объемѣ его научно-литературнаго наслѣдія, Хомяковымъ никто не занимался и его не обслѣдовалъ; для этого наступило время только въ наши дни, и при томъ при обстоятельствахъ, какъ я упомянулъ выше, чрезвычайно для того благоприятныхъ.

Нѣкоторое національное оживленіе и приподнятость національнаго чувства, въ связи съ военно-политическими событіями на Дальнемъ востокѣ, очевидно, сыграютъ тутъ значительную роль. Но, помимо того, обстоятельства внутренней общественной жизни тому немало благоприятствуютъ: мы безусловно являемся свидѣтелями очень серьезнаго общественнаго перестроенія, гдѣ мысль современниковъ съ разочарованіемъ отвращается отъ былыхъ кумировъ и начинаетъ искать себѣ болѣе свѣжаго и широкаго простора. Знамена, подъ сѣнью которыхъ шествовало передовое общество за послѣднія 40 лѣтъ, значительно обветшали, поблекли и истрепались—они уже не привлекаютъ къ себѣ новыхъ дружинъ,

а ряды старых слабо пополняются; въ отдаленіи же отъ нихъ и отъ нихъ совершенно независимо начинаютъ все въ большемъ числѣ нарождаться новыя общественныя фракціи и группы, собирающія въ свой составъ все большее и большее число участниковъ. Объяснить подробно и въ деталяхъ, почему это происходитъ, въ настоящей краткой замѣткѣ некогда. Отмѣчу лишь мимоходомъ, что отчасти это истолковывается тѣмъ, что бывые дѣятели, вышедшіе изъ либеральной западной литературы нашего Sturm und Drang періода, одни совершенно сошли со сцены, а другіе по инвалидности просятъ на покой. Вспомните расколъ въ народническомъ движеніи, борьбу народниковъ съ этико-соціологами, безконечную и такъ надобвшую войну послѣднихъ съ марксистами, рожденіе послѣднихъ, ихъ быстрый и шумный успѣхъ и затѣмъ столь же быстрый провалъ, появленіе на сценѣ символистовъ, декадентовъ и мистиковъ, ихъ наступательный походъ противъ «завѣтовъ отцовъ» и бывшихъ устоевъ русской изящной литературы, вдумайтесь въ совершившееся за послѣднее десятилѣтіе религиозное возрожденіе и развитіе нѣкоторыхъ общественныхъ слоевъ, появленіе философскихъ и религиозно-философскихъ кружковъ, успѣхъ сочиненій этого порядка мыслей, наконецъ, возникновеніе цѣлыхъ крупныхъ обществъ съ задачами націонализаціи русской жизни,—вспомните всѣ эти моменты отечественной дѣйствительности послѣдняго времени, вдумайтесь въ нихъ поглубже, освѣтите ихъ подъ историческимъ угломъ зрѣнія, и вы увидите, что русская интеллигенція въ своей значительной массѣ далеко ушла въ сторону и отъ диктаторскихъ велѣній «резвеннаго реализма» и отъ тираническаго исповѣданія политическаго катихизиса семидесятыхъ годовъ. Пусть не указываютъ на наличность и иныхъ общественныхъ теченій и ихъ бурныхъ проявленій—по-моему, все это, хотя и очень грозные, но все же раскаты былого грома, отраженіе уходящей въ даль и затихающей грозы. Гроза эта уже не надвигается на Русскую землю, а медленно уходитъ въ даль, оставляя по себѣ,—правда, надо то признать,—слѣды жестокихъ разрушеній, съ коими собственно и приходится считаться и не столько обществу въ широкомъ смыслѣ этого слова, сколько государственности, какъ таковой. Но объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить, и, если я отмѣтилъ это явленіе, то лишь съ цѣлью указанія, что русская общественная мысль, какъ историческое проявленіе духовной жизни народа, остается мало причастною этимъ грозамъ и пробивается изъ-подъ обломковъ произведенныхъ разрушеній совершенно самостоятельно и вопреки былой командѣ модныхъ и популярныхъ вожаковъ. Ихъ дни прошли; наступаютъ дни новые, гдѣ общество, перестраиваясь и переоцѣнивая наслѣдіе прошлыхъ годовъ, вполне естественно и вполне по времени воскрепаетъ между прочимъ въ своей памяти образы и рѣчи тѣхъ,

къ коимъ оно такъ долго и несправедливо относилось съ невниманіемъ и небреженіемъ.

И вотъ среди этихъ-то своихъ былыхъ учителей оно на первыхъ же порахъ вспоминаетъ и родоначальника славянофильства — Алексѣя Степановича Хомякова, начинаетъ заново знакомиться съ его научными и литературными трудами, съ построениями и ходомъ его оригинальныхъ самобытныхъ мыслей и почерпать отсюда необходимую бодрость настроенія, вѣру въ свои духовныя силы и знакомство съ тѣми историческими задачами, которыя, по его мнѣнію, возложены предопредѣленіемъ на родную землю. Такое изученіе приводитъ массу читателей къ признанію исторической значительности духовнаго наслѣдія Хомякова, освѣщаетъ его тѣмъ свѣтомъ правды, которую вольно или невольно, но тщательно скрывали, въ интересахъ полемической борьбы, принципиальные его противники, и создаетъ изъ него въ конечномъ результатѣ то центральное, вокругъ коего логически необходимо должна сгруппироваться въ будущемъ оригинальная русская мысль въ ея національной окраскѣ. Та историческая и философская компиляція западно-европейскихъ произведеній, коей, во вредъ свободному и самостоятельному развитію умовъ читателей, такъ долго была переполнена наша макулатурная литература, конечно, навсегда останется въ сторонѣ отъ этой группировки и, конечно, будетъ долго тщиться затемнять творчество Хомякова; но этимъ нечего смущаться, и это будетъ въ порядкѣ вещей. Посредственность и сѣрая безталанность обладаютъ, подобно сорной травѣ, удивительной способностью размноженія и обрѣженія окружающихъ пустыхъ пространствъ, но рано или поздно ихъ часъ настанетъ, и отъ нихъ останется очень слабый слѣдъ. Такъ несомнѣнно случится и съ критиками-оппонентами Хомякова: уже теперь начинаетъ понемногу разсѣиваться искусственно напущенный на этого писателя дымъ и чадъ русской публицистической литературы узко-тенденціозной окраски, а современемъ, можно надѣяться, знаменитый родоначальникъ славянофильства предстанетъ для всѣхъ непредубѣжденныхъ русскихъ людей въ правильномъ историческомъ освѣщеніи, какъ глашатай высшей правды жизни, какъ величайшій патріотъ, бичевавшій пороки современниковъ, призывавшій родную землю къ обновленію на основахъ христіанской любви, братства и свободы и пророчившій ей, въ случаѣ такого обязательнаго обновленія, великое историческое будущее.

Каждый разъ, когда мнѣ случается бывать въ Москвѣ, я спрашиваю обывателей: а гдѣ же здѣсь соборный памятникъ Хомякову и его ближайшимъ ученикамъ, первымъ славянофиламъ, братьямъ Кирѣевскимъ, братьямъ Аксаковымъ, Юр. Самарину? Увы, этого памятника до сихъ поръ еще нѣтъ, и что-то еще не слышно даже, чтобы вопросъ о немъ былъ громко и твердо поднятъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ—я въ томъ глубоко увѣренъ—это случится, и, если не литературная и общественная Москва, по собственному почину, то какое нибудь учрежденіе въ иномъ городѣ поставитъ этотъ вопросъ на очередь и разрѣшитъ его въ положительномъ смыслѣ. По ходу вещей въ настоящее время принять на себя такую задачу слѣдовало бы существующему въ Петербургѣ «Русскому собранію»: для этого у него несомнѣнно нашлись бы со временемъ и матеріальныя средства и способности благополучнаго осуществленія дѣла. Былъ бы лишь съ его стороны положенъ починъ, а сочувствіе къ дѣлу несомнѣнно проявится и съ большою силою. Одни старообрядцы,—а сила ихъ и денежная и духовная, какъ извѣстно, немалая,—безусловно отзовутся на призывъ и помогутъ созданію этого національнаго народнаго памятника, которому суждено будетъ такъ много сказать русскому уму и сердцу и сыграть такую выдающуюся роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ развитія отечественнаго національнаго самосознанія и возрожденія его на основахъ ученія Хомякова. Но это дѣло будущаго, хотя, быть можетъ, и недалекаго, а пока русское общество ознаменовываетъ столѣтнюю годовщину рожденія этого замѣчательнаго мыслителя рядомъ статей о немъ въ газетахъ и журналахъ, литературными утрами, посвященными его памяти въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, вечеромъ съ рефератами о немъ въ «Русскомъ собраніи» и нѣсколькими отдѣльными изданіями, посвященными его жизни и дѣятельности.

Новое полное восьмитомное собраніе сочиненій Хомякова, обширное изслѣдованіе (еще неоконченное) о немъ кievскаго профессора В. З. Завитневича, изслѣдованіе профессора-юриста Л. Е. Владимірова—«Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе», и брошюра А. В. Васильева: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Къ столѣтію со дня его рожденія», въ изданіи книготорговли «Русь» г. Захарыина—вотъ пока тѣ главные новѣйшіе источники, откуда русскій читатель можетъ почерпнуть свои свѣдѣнія о жизни и ученіи родоначальника славянофильства. Въ интересахъ популяризаціи личности его, та же книготорговля «Русь» издала еще открытыя письма (*cartes postales*) съ очень недурнымъ его изображеніемъ и отрывками изъ его стихотвореній.

Обширный трудъ проф. Завитневича еще не оконченъ, почему и послѣднее мнѣніе о немъ пока преждевременно. Задуманъ онъ очень широко, а выполнение ведется исподволь, при чемъ 1-я часть перваго тома, уже вышедшаго, обнимаетъ собою молодые годы, общественную и научно-литературную дѣятельность Хомякова, а вторая—посвящена его трудамъ въ области богословія. Особенно тщательно обработана 1-я часть, гдѣ собранъ, повидимому, съ совершенной полнотою весь біографическій, имѣющійся въ печати, матеріалъ съ развитіемъ и дополненіями къ нему, почерпнутыми изъ корреспонденцій его съ близкими и знакомыми, изъ его

научныхъ, литературныхъ и поэтическихъ произведеній, а также изъ воспоминаній и статей о немъ, уже напечатанныхъ въ свое время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Собственно біографія Хомякова въ тѣсномъ смыслѣ этого слова г. Завитневичемъ еще не доведена до конца—многія событія его жизни, относящіяся даже къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ, еще не нашли себѣ подробнаго изложенія, но зато литературно-общественная его характеристика на основаніи матеріала, почерпнутаго изъ этихъ періодовъ, по нѣкоторымъ группамъ вопросовъ уже исчерпана и доведена до конца.

Какъ самъ авторъ разъясняетъ, онъ положилъ въ основу своей работы (по крайней мѣрѣ, для 1-го тома) два начала: хронологическую послѣдовательность въ изображеніи событій и группировку данныхъ по ихъ внутреннему содержанию. «Обычный біографическій методъ, практикуемый въ трудахъ, подобныхъ настоящему, — говоритъ онъ,—по отношенію къ данному случаю оказался непримѣнимъ по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе большой бѣдности внѣшней стороны біографіи Хомякова; во-вторыхъ, вслѣдствіе особенно тѣсной связи, какая замѣчается между его частною, личною жизнью, съ одной стороны, и между его общественною и научно-литературною дѣятельностью, съ другой; въ-третьихъ, вслѣдствіе необыкновенной пестроты его дѣятельности, которая обуславливалась рѣдкою въ другихъ людяхъ способностью интересоваться, часто одновременно, самыми разнообразными предметами. Сочиненіе, посвященное изученію жизни и трудовъ Хомякова, построенное по одному хронологическому методу, представляло бы собою нѣчто въ родѣ механическаго набора фактовъ, въ хаосѣ которыхъ вообще трудно было бы разобраться, а идейная сторона которыхъ совершенно ускользнула бы отъ вниманія самаго внимательнаго читателя, а между тѣмъ идейная сторона дѣятельности Хомякова и есть то именно цѣнное, что заслуживаетъ особаго вниманія серьезнаго вдумчиваго историка».

Изъ этихъ словъ программнаго свойства мы видимъ, что авторъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ психологическую цѣль характеристики изучаемаго лица, анализъ, очень кропотливый и детальный, идейнаго богатства въ его произведеніяхъ, преимущественно историческихъ, съ цѣлью одухотворенія этого богатства и воплощенія его въ живую плоть и кровь. Методъ его работы несомнѣнно субъективный, гдѣ историческая перспектива соціальной современности Хомякову оставлена почти совершенно въ сторонѣ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ научнымъ сочиненіемъ, діаметрально противоположнымъ по своему заданію и концепціи такимъ работамъ, какова г. Барсукова о Погодинѣ или г. Колюпанова о Кошелевѣ. Авторъ—страстный поклонникъ и послѣдователь идей Хомякова, и, хотя иногда и позволяетъ себѣ

нѣкоторыя оговорки, отступленія и какъ бы поправки-дополненія, но въ общемъ онъ признаетъ и методы его работъ и выводы изъ нихъ непоколебимыми и законными. По его мнѣнью, «хотя Хомяковъ и поражалъ своихъ современниковъ пестротой, разнообразіемъ, словомъ энциклопедичностью своихъ свѣдѣній, но эта энциклопедичность не исключала въ немъ единства всепроникающаго одного общаго начала, а такимъ началомъ было начало религиозное. Онъ, на примѣръ, много работалъ надъ изученіемъ исторіи со всѣми соприкосновенными съ нею науками, но историческія изслѣдованія были для него лишь путемъ къ уразумѣнью законовъ социологіи, а социальную жизнь человѣчества, въ ея высшемъ идеалѣ, онъ строилъ на томъ же началѣ, на которомъ построена и православная церковь, т.-е. на началѣ любви, которую, въ свою очередь, онъ клалъ въ основу не только христіанской этики, но и христіанской метафизики. Къ этому же въ сущности сводится и его поэтическая дѣятельность, ибо не даромъ нѣкоторые цѣнители называютъ его поэтомъ любви, конечно, христіанской. Словомъ, если бы отъ насъ потребовали немногими словами охарактеризовать Хомякова, мы назвали бы его великимъ альтруистомъ». Въ силу такихъ свойствъ ума и всей природы писателя, г. Завитневичъ и признаетъ, что точка отправленія Хомякова, при изученіи имъ событій всемірной исторіи, оцѣнка ихъ, его основной уголъ зрѣнія на земную жизнь человѣчества въ данномъ случаѣ, если и не абсолютны, то во всякомъ случаѣ вполне законны. Отмѣтивъ, что Хомяковъ ставитъ при изученіи судебъ человѣчества цѣлью прослѣдить процессъ историческаго развитія человѣчества съ точки зрѣнія одного высшаго начала, каковымъ онъ признаетъ религиозную вѣру, г. Завитневичъ говоритъ, что законность взятой имъ на себя задачи очевидна, ибо «религиозное начало, безспорно, есть то именно высшее начало, къ которому всего естественнѣе сводить всѣ другія начала духовной жизни человѣка».

Вторая часть перваго тома работы г. Завитневича посвящена богословскимъ трудамъ Хомякова, и здѣсь чувствуется, что авторъ, хотя, по всей видимости, и стоитъ цѣликомъ на сторонѣ и методовъ и выводовъ своего учителя, но какъ будто не рѣшается сказать своего окончательнаго слова по этому предмету. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ ему препятствуетъ это сдѣлать его официальное положеніе профессора духовной академіи, въ силу какового положенія ему не совѣмъ удобно итти противъ нѣкоторыхъ официальныхъ представителей нашей церковности и нашей богословской литературы, среди коихъ отношеніе къ Хомякову, какъ къ богослову, еще далеко не опредѣлилось съ непреложною точностью. Стоитъ лишь въ данномъ случаѣ ознакомиться съ мнѣніями по сему предмету такихъ знатоковъ богословія, каковы А. В. Горскій и П. С. Казанскій. Можетъ быть, однако, съ выходомъ дальнѣй-

шихъ частей работы г. Завитневича, дѣло и выяснится, и онъ, суммируя взгляды Хомякова по вопросамъ церкви и вообще богословія и подводя имъ итоги, сумѣетъ болѣе опредѣленно и категорически высказать свое послѣднее слово о Хомяковѣ, какъ «учителѣ церкви», каковымъ его считалъ и называлъ Ю. О. Самаринъ.

Какъ я уже отмѣтилъ выше, работа г. Завитневича еще не окончена, а потому окончательный судъ о ней преждевременно; пока же можно замѣтить, что это—первый всесторонній и обширный трудъ о родоначальникѣ славянофильства, трудъ, достойный изученія, любопытный по приемамъ изслѣдованія, по количеству старательно собраннаго матеріала и по той великой, трогательной любви, которая внесена имъ въ дѣло. Несомнѣнно, специальная критика сумѣетъ отмѣтить и слабыя стороны въ его работѣ, а отечественные компиляторы по части философіи, социологии и исторіи или постараются ее замолчать или глубокомысленно найдутъ въ ней противорѣчія съ излюбленными шаблонами, но, какъ бы то ни было, авторъ основательно выдвинулъ научное и общественное значеніе Хомякова и смѣло поставилъ его въ первые ряды русскихъ историковъ, философовъ, богослововъ и социологовъ.

Но если отъ профессора духовной академіи и нѣтъ удивительнаго ожидать любовной и справедливой оцѣнки великаго альтруиста—Хомякова, то достаточною неожиданностью было появленіе юридическаго изслѣдованія о немъ со стороны очень извѣстнаго профессиональнаго представителя юридической мысли, криминалиста—профессора Л. Е. Владимірова. Нѣтъ сомнѣній, что трудъ его, посвященный «этико-соціальному ученію» Хомякова, вызоветъ большое неудовольствіе среди представителей правового ученія и поставитъ его въ необходимость опредѣленно высказаться, поскольку въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго государственнаго права должно быть отведено мѣсто этическому элементу, вытекающему изъ евангельскаго ученія о любви и братствѣ. Книга г. Владимірова—очень любопытный общественный моментъ въ нашей жизни, моментъ, коему, какъ мнѣ кажется, суждено сыграть крупную роль: быть можетъ, между прочимъ, она побудитъ членовъ нашего ареопага русскихъ ученыхъ въ своихъ лекціяхъ молодежи отводить болѣе или менѣе значительное мѣсто взглядамъ славянофиловъ вообще и Хомякова въ частности на понятія о правѣ, о государствѣ, объ обществѣ и т. д. и замѣнять этими мѣстами въ своихъ лекціяхъ безконечное и столь надоѣвшее уже пережевываніе мнѣній нѣмецкихъ и вообще иностранныхъ авторовъ по тому же предмету. Возьмите наши университетскіе курсы по философіи и энциклопедіи права—какой только воды вы тамъ не найдете, воды, коей на Западѣ уже перестаютъ прикасаться, а у насъ усиленно продолжаютъ ею утолять духовную жажду молодежи. Не найдете вы только здѣсь ни глотка изъ роднаго ключа отечественной мысли,

а если и встрѣтите упоминаніе объ этомъ ключѣ, то развѣ лишь въ интересахъ полемической тирады о свободѣ совѣсти, свободѣ слова, свободѣ мнѣнія и сомнѣнія. Кто говоритъ, почему объ этихъ прекрасныхъ предметахъ и не говорить, но досадно только, что имена тѣхъ, кто эту свободу въ нашей литературѣ проповѣдывалъ наиболѣе ярко, исключительно поминаются только ad hoc, а затѣмъ забываются, какъ забываются въ жизни почтенные, но скучные родственники послѣ принесеннаго ими развѣ въ годъ почтительнаго и церемоннаго визита.

Г. Владимировъ издалъ нынѣ своего рода этико-соціальный катихизисъ, гдѣ основоположенія почерпнуты исключительно изъ произведеній Хомякова, при чемъ эти основоположенія имъ снабжены личными широкими толкованіями, но исключительно въ духѣ ученія родоначальника славянофильства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ счелъ возможнымъ сдѣлать и сближенія этихъ мнѣній съ нѣкоторыми выводами изъ новѣйшаго сочиненія по государственному праву нѣмецкаго ученаго—Менгера. Работа профессора Владимирова обнимаетъ собою слѣдующій циклъ вопросовъ—о характерѣ государственныхъ ученій Хомякова, объ опредѣленіи имъ цѣли государства, о правѣ и его этикѣ, о государствѣ и обществѣ, о государствѣ и духовномъ складѣ личности, объ идеяхъ Хомякова касательно преступленія и наказанія, о взглядахъ Хомякова на гражданское судопроизводство и о «вѣрѣ въ совѣсть». Всѣ эти главнѣйшія группы вопросовъ, кои и должны заключать въ себѣ въ достаточной полнотѣ этико-соціальное ученіе Хомякова, подраздѣлены на соответствующія детальныя дѣленія, по рубрикамъ идей, входящихъ сюда, на примѣръ, о цѣли жизни, о современной безднѣ между правомъ и нравственностью, объ общественномъ мнѣніи, о государствѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ личности, о земельной собственности, объ истой совѣсти и программной совѣсти и т. д. Таково внѣшнее построеніе труда г. Владимирова.

По своему характеру и кругу идей онъ родственъ и сочиненію г. Завитневича, ибо носитъ на себѣ страстный отпечатокъ поклоненія личности Хомякова, признанія его великихъ заслугъ передъ Русскою землею и вѣры въ свѣтлое будущее завѣтовъ родоначальника славянофильства. По мнѣнію профессора, «если бы во всемірномъ пантеонѣ вождей духа пожелали поставить русскаго, то, конечно, слѣдовало бы взять Хомякова. Это былъ поистинѣ великій наставникъ земли родной: по чувству—поэтъ, по мысли—мудрецъ, по смиренію—богомолецъ, выбивающій тяжелымъ шагомъ трудный путь къ святымъ мѣстамъ и глубоко вѣрующій, что «все благо въ насъ творитъ Христосъ». Разсматривая далѣе ученіе Хомякова о государствѣ и правѣ въ качествѣ завѣтовъ этического свойства, онъ утверждаетъ, что, хотя эти за-

вѣты и «коренятся, главнѣе и первѣе всего, въ его христіанской вѣрѣ, но вслѣдствіе научнаго склада его ума осторожно провѣрялись имъ его обширными наблюденіями надъ историческою жизнью народовъ и тѣмъ чувствомъ поэта и художника, которое онъ въ наукѣ о человѣческомъ бытіи считалъ «внутреннимъ чутьемъ истины человѣческой», что «ни обмануть, ни самообмануться не можетъ». При этомъ, по мнѣнію профессора, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя идеи Хомякова получили у него и правовую выковку, довольно опредѣленную и даже строгую. «Водрузить духовно крестъ на государствѣ и на всѣхъ его учрежденіяхъ, влить въ мутные потоки человѣческой жизни очищающую струю живящей, евангельской вѣры и самоотверженія—въ этомъ истинное стремленіе ученій Хомякова. Не народность свою инстинктивно, суетно и самолюбиво возвеличивать, а христіанство воплотить во всемъ народѣ, вотъ высшее алканіе души славянофила Хомякова».

Не вступая въ область исключительной и пристрастной односторонности, ученый слѣдователь «завѣтовъ» Хомякова вполне основательно замѣчаетъ, что нельзя, конечно, выработать проекты положеній о воплощеніи христіанства въ жизни и учрежденіяхъ такъ, какъ, на примѣръ, составляются вексельный уставъ или уставъ какойнибудь акціонерной компаніи. «Можно только дать законодательству высшія этическія, руководящія начала, основы, которыя, какъ почва, должны постоянно питать корни законовъ и учрежденій,—утверждаетъ онъ.—И это было сдѣлано Хомяковымъ въ такое время, когда право, строго отчужденное отъ нравственности, представлялось людямъ съ поверхностнымъ умомъ храмомъ свободы, когда еще не успѣли убѣдиться, что этотъ храмъ внѣшней правды можетъ превратиться въ разбойничій вертепъ, въ темницу, гдѣ люди безнадежно бьются въ паутинѣ фактическаго рабства на свободной экономической аренѣ».

Въ конечномъ результатѣ анализа идей Хомякова г. Владимировъ приходитъ къ выводу, что ученіе его состоитъ изъ положеній, не только не обрекающихъ «страну на неподвижность и застой, а, совсѣмъ напротивъ, дающихъ постоянные, мощные толчки для самаго разносторонняго нравственнаго и умственнаго совершенствованія. Въ ученіи этомъ нѣтъ и слѣдовъ расовой исключительности, церковной нетерпимости и предпочтенія произвола праву».

Профессоръ Владимировъ почти не касается національных элементовъ въ ученіи Хомякова, а его значенія въ славянскомъ движеніи и совсѣмъ не трогаетъ. Эти части и стороны дѣятельности родоначальника славянофильства не представляются, повидимому, для него существенными, въ виду общей поставленной имъ въ его работѣ задачи: показать, что если Хомяковъ и любилъ горячо свою родину и служилъ ей всѣми силами своей души, то еще «горячѣе

была его любовь къ Богу и правдѣ». Онъ былъ далекъ отъ національной узости и исключительности и, если и ставилъ такъ высоко свою родную землю и свой народъ, то именно лишь потому, что здѣсь наиболѣе рельефно усматривалъ историческое проявленіе правды Божьей на землѣ, несмотря на все то наносное и скверное, что съ вѣками заслонило эту правду. Онъ говорилъ:

О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сияньѣ новомъ и святомъ!
Иди! Тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь — въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна — Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

Въ другомъ стихотвореніи «Ключъ» онъ такъ характеризуетъ родную землю ¹⁾:

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ,
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрять, безвѣстны, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни, невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да его святымъ.

То, что только въ одной своей части, но съ необыкновенной подробностью разсмотрѣно г. Завитневичемъ, что выдѣлено профес-

¹⁾ Не лишне будетъ здѣсь отмѣтить, что религіозный элементъ поэзіи Хомякова настолько соотвѣтствуетъ религіозному настроенію русскаго народа вообще, что нѣкоторыя его поэтическія произведенія стали даже достояніемъ пѣснопѣнія, напримѣръ, русскихъ сектантовъ. Его стихотвореніе:

«Земля трепещетъ; по ээиру
Катится громъ изъ края въ край»...

включено русскими баптистами въ число излюбленныхъ распѣваемыхъ ими священныхъ псалмовъ.

сромъ Владимировымъ въ юридическое изслѣдованіе, все это въ популярномъ очеркѣ и брошюрѣ собрано въ видѣ біографіи-характеристики извѣстнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ, А. С. Васильевымъ, подъ заглавіемъ «Алексій Степановичъ Хомяковъ». Эта брошюра, общедоступная по цѣнѣ (40 к.), предназначена для широкаго круга читателей и преимущественно средняго уровня развитія и образованія, а потому, можно надѣяться, скоро завоюетъ себѣ твердое положеніе на нашемъ книжномъ рынкѣ. Для этого круга и работа г. Владимірова, и громоздкое сочиненіе г. Завитневича, конечно, недоступны, почему и брошюра г. Васильева является по нашимъ днямъ очень кстати, въ интересахъ широкой популяризаціи идей Хомякова. Исполненіе ея можно считать безусловно удачнымъ, такъ какъ здѣсь читатели найдутъ все существенное въ трудахъ перваго славянофила, всѣ основныя положенія его ученія, заимствованныя изъ его печатныхъ ученыхъ трудовъ, изъ его писемъ къ близкимъ и изъ его поэтическихъ произведеній, въ обширномъ количествѣ собранныхъ г. Васильевымъ, очень удачно распложенныхъ и соотвѣтственно освѣщенныхъ по рубрикамъ затронутыхъ вопросовъ, не исключая отсюда и вопросовъ національнаго и славянскаго.

Литературно-политическая фізіономія г. Васильева достаточно извѣстна, чтобы у читателей оставалось хоть какое нибудь сомнѣніе въ его благоговѣйномъ отношеніи къ памяти своего учителя. Подобно г. Завитневичу и г. Владимірову, и онъ считаетъ Хомякова «самымъ сильнымъ умомъ и духомъ, самымъ просвѣщеннымъ и, что важнѣе всего, самымъ цѣльнымъ русскимъ человѣкомъ, какого только дала намъ новая послѣпетровская Русь». По его мнѣнію, «Хомяковъ далъ твердое обоснованіе истинно-народному русскому, основанному на христіанствѣ, міропониманію, которое, сдѣлавшись общимъ достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, могло бы обновить весь міръ, облагодѣтельствовать все человѣчество». Брошюра г. Васильева и по плану и по характеру изложенія очень напоминаетъ работы покойнаго профессора Ор. Миллера, посвященныя славянофильству и его первымъ представителямъ, но написана нѣсколько болѣе спокойно и ровно, чѣмъ то дѣлалъ Миллеръ; рядомъ съ этимъ въ ней чувствуется нѣкоторая поддѣлка подъ обороты народной рѣчи и мѣстами бросается въ глаза излишняя кудреватость слога. Несмотря на эти незначительныя недостатки, брошюра вполне удачно достигаетъ своего назначенія и является первымъ опытомъ у насъ популярнаго изложенія основъ «русскаго міросозерцанія», почерпнутыхъ изъ сочиненій выдающагося, но мало извѣстнаго публикѣ, русскаго писателя, обычно разсматриваемаго и освѣщаемаго его критиками-оппонентами неправильно и пристрастно.

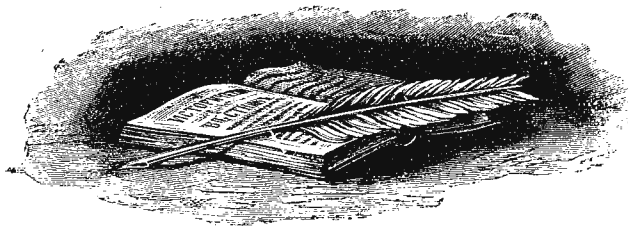
Названными главнѣйшими работами пока исчерпывается все то главнѣйшее, что русская литература создала, какъ письменный

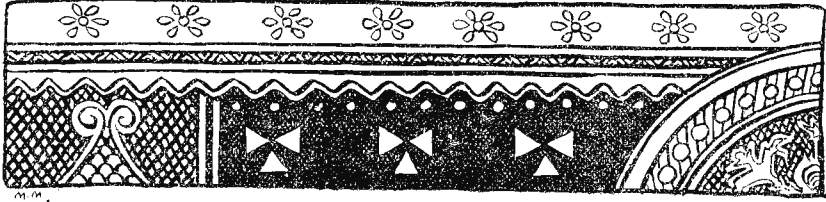
памятникъ, къ столѣттю со дня рожденія Хомякова, и гдѣ читатель можетъ найти болѣе или менѣе всестороннюю оцѣнку его жизни и ученія. Номера газетъ и еженедѣльныхъ изданій 1-го мая (годовщина рожденія писателя) настоящаго года, а также нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, были тоже переполнены статьями о немъ, при чемъ главнѣйшій ихъ матеріалъ былъ почерпнутъ или изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій или изъ прежнихъ работъ, ему посвященныхъ, но непремѣнно сочувственной окраски. Такимъ образомъ въ этомъ единодушномъ памятованіи жизни и дѣятельности Алексея Степановича Хомякова и признаніи его заслугъ передъ родною землею можно безъ всякой натяжки усмотрѣть благодарный общественный судъ надъ тѣмъ, чье имя столь долго было или въ забвеніи или въ опалѣ.

Будемъ надѣяться, что въ сентябрѣ 1810 года, когда наступитъ 50-ти-лѣтняя годовщина смерти Хомякова, литература о немъ станетъ еще полнѣе и всестороннѣе, и его образъ,—образъ великаго печальника Русской земли и ея пророка,—уже никогда болѣе не изгладится изъ памяти потомства даже и въ томъ случаѣ, если къ тому времени и не поспѣетъ въ Москвѣ изъ бронзы и гранита его рукотворный памятникъ. Если же этому памятнику къ той годовщинѣ и суждено будетъ увидѣть свѣтъ, то пусть онъ откроется передъ взорами благодарнаго потомства не при той печальной военно-политической обстановкѣ, среди коей намъ суждено нынѣ чествовать память Хомякова, а при той благодатной и мирной, о наступленіи коей онъ такъ мечталъ въ стихахъ:

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянь весь міръ лучами
Любви, святости, тишины...

Б. Глинскій.

МЕССА ВЪ РИМѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЧЕТЫРЕ года тому назадъ, я ѣздила въ Италію и, между прочимъ, прожила нѣсколько дней въ Римѣ. Во время этой поѣздки я довольно подробно описывала мои впечатлѣнія въ письмахъ къ одной моей родственницѣ. Недавно всѣ ея бумаги перешли въ мою собственность; разбирая ихъ, я нашла среди нихъ и мои письма. Побуждаемая желаніемъ вспомнить пережитыя впечатлѣнія, я просмотрѣла мои письма, и одно изъ нихъ, въ которомъ я описала мессу въ Римѣ и неожиданное свиданіе съ покойнымъ папой Львомъ XIII, мнѣ показалось не потерявшимъ интереса и въ настоящее время, а потому я рѣшаюсь его напечатать, лишь немного дополнивъ кое-какими подробностями, сохранившимися въ моей памяти.

Подѣѣзжая къ Риму, я о папѣ вовсе не думала. Я знала, что видѣть его очень трудно безъ протекціи, а послѣдней я не только не имѣла, но и не хотѣла имѣть. Тратить дорогое въ путешествіи время на то, чтобы обивать посольскіе пороги для лицезрѣнія св. отца,—мнѣ и въ голову не приходило.

Къ тому же въ Римѣ я была только проѣздомъ далѣе на югъ и осмотръ его откладывала на обратный путь: нельзя въ два-три дня познакомиться съ памятниками древняго міра и со всѣми очарованіями безсмертныхъ твореній! Хотя и говорятъ: «быть въ

Римъ и не видѣть папу, все равно, что не быть», однако сотни тысячъ туристовъ видятъ Римъ, но не видятъ папы... Я уже причисляла себя къ разряду послѣднихъ... Но судьба улыбнулась мнѣ, и я увидѣла Льва XIII.

Случилось это вотъ какимъ образомъ.

Чѣмъ ближе подвигалась я къ великому городу (ѣхала я изъ Франціи), тѣмъ все чаще и чаще въ поѣздъ садились духовныя лица, монахи и монахини: то были пилигримы. Оказалось, что я попала въ самое время французскаго «pèlerinage»'а.

Каждые три года поклонники св. отца организуютъ въ различныхъ странахъ съ католическимъ населеніемъ путешествія въ Римъ для подношенія папѣ ленты св. Петра. Каждый добрый католикъ, кромѣ расходовъ по путешествію, обязуется внести нѣкоторую сумму для поднесенія св. отцу. Мнѣ говорили, что *minimum* ея—пять франковъ.

Такимъ образомъ составляются общества католиковъ-путешественниковъ, испанскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ странъ, и доходы Ватикана отъ этихъ посѣщеній—огромны. Они-то и составляютъ главный источникъ благосостоянія папъ.

Кто видѣлъ громады Ватикана съ его сонмомъ обитателей, его музеи, картинную галерею, сады,—тотъ можетъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе, какія средства нужны, чтобы поддерживать все это! А, кромѣ того, еще—гвардія, безчисленное количество прислуги, прелатовъ, кардиналовъ и простыхъ ксендзовъ.

А пресса? А пропаганда католицизма? Да, поистинѣ велика должна быть лепта, чтобы сохранить величіе главы католической церкви. Вѣдь отъ правительства онъ ничего не получаетъ, или, лучше сказать, не беретъ!

Тотъ годъ, когда случаю было угодно ввести меня въ общество пилигримовъ, былъ особенно тяжелъ для папскаго престола. Усиленная агитація требовала и усиленныхъ расходовъ, и французское паломничество явилось очень кстати. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхала, былъ переполненъ. Я съ любопытствомъ осматривалась. Среди пилигримовъ не все были монахи и духовные, и я подмѣтила, что они ѣхали партіями.

У каждой партіи былъ свой прелатъ и свой монахъ. Но партіи были очень разнообразны: тутъ были рабочіе (въ большинствѣ), рантье, коммерсанты, землевладѣльцы, крестьяне и очень много женщинъ.

Очевидно, нашъ поѣздъ подвозилъ запоздавшихъ паломниковъ. Изъ ихъ разговоровъ я узнала, что уже болѣе двухъ недѣль, какъ вѣрующіе католики начали стекаться со всѣхъ концовъ Франціи къ извѣстному пункту, откуда организаторы отправляли ихъ партіями въ Римъ. Настоящая партія была послѣдней, и нѣкоторыя, осо-

бенно дамы, волновались изъ боязни встрѣтить какое нибудь препятствіе и запоздать, такъ какъ назавтра была уже назначена месса въ присутствіи папы, затѣмъ должно было послѣдовать и его благословеніе.

— Боже, Боже, что если мы опоздаемъ! — вздыхала одна изъ моихъ сосѣдокъ, пожилая французенка, съ очень оживленнымъ лицомъ.

— Да не волнуйтесь, сударыня! — съ легкимъ оттѣнкомъ досады успокоивалъ ее сидѣвшій тутъ же рядомъ капуцинъ.

— Какимъ образомъ можемъ мы опоздать, если поѣздъ приходитъ въ Римъ въ одиннадцать часовъ вечера, а месса назначена на 7 часовъ утра завтра?

— Хоть и не опоздаемъ, но подумайте только: пріѣдемъ въ одиннадцать, да пока до отеля доѣдемъ, да разложимъ вещи, да устроимся, а въ пять утра надо уже быть на ногахъ: пожалуй, и заснуть не придется!

— Ну, это не важно! — возразилъ капуцинъ: — для такого дѣла можно забыть о снѣ.

— А сколько васъ, всѣхъ женщинъ? — любопытствовала я.

— Насъ всѣхъ болѣе шестисотъ, — любезно и охотно отвѣтила французенка: — а мужчинъ полторы тысячи.

— И все это набожные католики?

— Католики-то католики, но далеко не всѣ набожные! — засмѣялась она. — Вы думаете, мало ѣдетъ изъ любопытства, только чтобы посмотрѣть, каковъ видъ у папы, да всю жизнь рассказывать, что я, дескать, была принята св. отцомъ? О, повѣрьте, что, по крайней мѣрѣ, третья часть ищетъ только развлеченія...

— Сударыня, — строго остановилъ ее капуцинъ, — не судите, да не судимы будете!

Я все болѣе и болѣе интересовывалась... Мнѣ хотѣлось поближе присмотрѣться и прислушаться къ этому чуждому для меня міру. Я оглянулась: весь вагонъ былъ биткомъ набить, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ случайныхъ пассажировъ, все это были паломники. Ихъ легко было узнать по молитвеннику въ рукахъ. Многіе изъ нихъ перебирали четки и шевелили губами, у большинства замѣчалось приподнятое настроеніе, но были и такіе, которые равнодушно смотрѣли въ окно или съ большимъ аппетитомъ что-то закусывали.

— Гдѣ же вы всѣ соберетесь? — спросила я у своей словоохотливой сосѣдки.

— Мы соберемся на Ватиканской площади, у собора св. Петра, а оттуда уже двинемся въ соборъ...

Внезапно у меня мелькнула мысль: «нельзя ли и мнѣ вмѣстаться въ толпу?» Чѣмъ болѣе я спрашивала свою собесѣдницу, тѣмъ болѣе эта мысль у меня крѣпла, и къ концу пути я уже твердо

рѣшила быть утромъ на площади св. Петра, а тамъ будь, что будетъ! И въ самомъ дѣлѣ: среди болѣе чѣмъ пятисотъ женщинъ неужели на меня обратятъ вниманіе? Неужели же каждую будутъ допрашивать и контролировать? Занявъ номеръ въ отелѣ «Римъ», я первымъ дѣломъ приказала горничной разбудить меня въ пять часовъ утра:

— Васъ какъ зовутъ?

— Беатриче, синьора!

О чудная, поэтическая страна! Сладкозвучная Беатриче— вмѣсто нашихъ Матрены, Феклы или, въ лучшемъ случаѣ, Марья!

— *Mia cara Beatrice!* Ради Создателя не забудьте! Стучите, кричите, вылейте на меня стаканъ холодной воды, если я съ дороги засплюсь, но разбудите! У меня свиданіе, понимаете? любовное свиданіе!

Черноокая Беатриче съ сомнѣніемъ поглядѣла на мои морщины и звонко расхохоталась.

— Синьора веселая! Это хорошо! Люблю веселыхъ! Разбуду синьору, спите спокойно!

И дѣйствительно въ тотъ самый мигъ, когда мнѣ снился чудный, упоительный сонъ, когда что-то подняло меня на воздухъ и понесло въ высь, когда передо мной сталъ открываться какой-то божественный горизонтъ... въ это самое время я почувствовала на своемъ лицѣ какую-то холодную струю, меня охватилъ ознобъ, и, быстро спустившись съ облаковъ на грѣшную землю, я съ испугомъ проснулась и сѣла на постели.

Поэтичная Беатриче со стаканомъ въ рукахъ, и съ набранной въ ротъ водой, только что собиралась пустить мнѣ въ лицо вторую струю.

— *Vene, vene!*— закричала я:—довольно, довольно, встаю!

Черезъ полчаса, совсѣмъ одѣтая, я быстро покидала отель. Извозчиковъ было мало, но тотъ, который мнѣ попался, сейчасъ же спросилъ:

— *Piazza di St. Pietro?*

Очевидно онъ уже былъ въ курсѣ новостей дня.

На площади было людно и шумно.

Войска старались сдерживать толпу и оставить свободной середину площади, гдѣ уже группами стояли французы.

Въ самомъ центрѣ была группа женщинъ, куда я поспѣшно вмѣшалась, стараясь держаться возможно тише и скромнѣе.

Вокругъ суетились папскіе секретари, разставляя всѣхъ по четыре въ рядъ. Одинъ изъ нихъ, пробѣгая мимо, внезапно остановился, оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и строгимъ тономъ спросилъ:

— *Avez-vous la carte, madame?*

— *Oui, monsieur!* — елико возможно привѣтливѣе и скромнѣе отвѣтила я, но тутъ же замѣтила, что меня многіе оглядываютъ.

Я даже услышала зловѣщій шопотъ сосѣдокъ: «Une étrangère!» (иностранка). Мнѣ стало неловко.

Да что же во мнѣ такого, что изобличало меня? Я пристально посмотрѣла вокругъ и увидѣла причину ихъ вниманія: собираясь въ Ватиканъ, я инстинктивно одѣлась во все черное, но на мнѣ была шляпа, а всѣ остальные женщины были съ длинными вуалями на головѣ. Экая досада! Какъ это я не догадалась разспросить вагонную сосѣдку подробнѣе о костюмѣ? Но дѣлать было нечего: «вино было откупорено, надо было пить!»

И дѣйствительно мнѣ пришлось пережить нѣсколько неприятныхъ минутъ: моя шляпа видимо вводила въ сомнѣнiе суетившихся секретарей. Я почти ежеминутно слышала:

— Avez-vous la carte de permission, madame? (Есть ли у васъ разрѣшенiе)?

— Oui, monsieur!—но голосъ мой звучалъ все тише и неувереннѣе. Я начинала опасаться скандала...

Какъ бы то ни было, время шло, ряды строились, суетня и бѣготня увеличивались; пропорціонально этому возрастало и возбужденiе паломниковъ: всѣ почти руки перебирали четки, всѣ глаза были опущены въ молитвенники! У меня не было ни того, ни другого, и я чувствовала себя прескверно! Уйти? Но это значило бы обратить на себя общее вниманiе и признаться въ продѣлкѣ... Будь, что будетъ!

Наконецъ мы двинулись. По бокамъ на каждые 5 рядовъ шли секретари, папская гвардiя образовала шпалеры. Какiе странные, пестрые мундиры!

Разноцвѣтныя полосы, разные рукава! Эта гвардiя удивительно напоминала оперетку. Особенно бросался въ глаза ея головной уборъ, черезчуръ затѣйливый и кричащiй.

У лѣстницы въ соборъ насъ остановили, и появившiйся на верху ея нунцiй громко и строго произнесъ:

— Levez vos mains droites avec vos cartes de permission!— (поднимите ваши правыя руки съ разрѣшенiями!)

Вотъ, когда я почувствовала себя совсѣмъ нехорошо! Ужъ теперь не спастись! Что, однако, дѣлать?

Я искоса поглядѣла на карту сосѣдки: она была не болѣе визитной, и на ней было что-то написано внизу перомъ. Напечатанную фамилiю я успѣла разобрать: «Harmel». Какъ послѣ я узнала, это былъ личный секретарь папы. При взглядѣ на эту карточку, меня вдругъ осѣнила гениальная мысль: я вспомнила, что при отѣздѣ меня снабдила своей визитной карточкой одна моя знакомая нѣмка, m-lle Петерсъ, на случай, если я буду въ Дрезденѣ и познакомлюсь съ ея сестрой. На этой карточкѣ было написано по-французски: «Je vous recommande mon ami, m-me N.», и эта

карточка, на мое счастье, находилась при мнѣ, въ моемъ денежномъ бумажничѣ.

Я быстро вынула ее и, взявъ въ правую руку, подняла ее, какъ всѣ, и съ побѣдоноснымъ видомъ прошла сквозь строй контролирующихъ глазъ нунціевъ, прелатовъ и секретарей.

Все ихъ вниманіе было обращено на то, всѣ ли руки подняты, и во всѣхъ ли рукахъ есть карты.

Вступивъ въ соборъ, я вздохнула свободнѣе: свершилось!

Дальше уже все пошло, какъ по маслу: въ соборѣ настъ всѣхъ, и мужчинъ и дамъ, выстроили двумя рядами; я, разумѣется, помѣстилась въ заднемъ, чтобы какъ можно менѣе выдаваться. Раздалась музыка, гвардія подняла знамена, и всѣ запѣли: «Gloria Pontifice!».

Нѣсколько мгновеній я прислушивалась къ словамъ и къ мотиву, а черезъ минуту пѣла такъ же громко и увѣренно, какъ и благочестивые католики:

«Gloria Pontifice!»... Надѣюсь, что теперь никто ужъ не могъ во мнѣ усомниться!

Но вотъ всѣ преклонили колѣна, гвардія почтительно склонила головы, и изъ боковой двери показались знамена, кардиналы и войско, а за ними четыре камеръера въ очень красивыхъ шелковыхъ лиловыхъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, внесли на носилкахъ папу.

И толпа, какъ одинъ человѣкъ, закричала: «Vive Léon Treize» (да здравствуетъ Левъ XIII)! Это была не торжественная месса. Какъ оказалось потомъ, папа не служилъ, а только присутствовалъ на мессѣ; поэтому его несли не высоко надъ толпой, какъ то бываетъ въ торжественныхъ случаяхъ, а на уровнѣ половины человѣческаго роста, такъ что каждый могъ удобно видѣть и рассмотреть св. отца. Несли его медленно, приостанавливаясь время отъ времени, и онъ непрерывно благословлялъ вѣрующую направо и налево. На меня папа Левъ XIII произвелъ сильное, но вмѣстѣ и странное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что это не живой человѣкъ, что это духъ! Лицо его какъ бы изъ слоновой кости, гладкое и мертвенной бѣлизны; серебристо-бѣлые волосы и тонкій ротъ придавали ему совершенно особенное выраженіе чего-то не отъ міра; но глаза большіе и черные были полны жизни, улыбка была очень добрая и симпатичная, и его тонкій, какъ нить, ротъ не переставалъ все время улыбаться.

Всѣ стояли колѣнопреклоненно до тѣхъ поръ, пока его не внесли въ алтарь, и я никогда не забуду того торжественнаго момента, когда папа весь бѣлый самъ, со своими бѣлыми волосами, и въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, сталъ передъ алтаремъ, высоко поднявъ руки къ небу и шепча молитву.

Вокругъ стояла глубокая, мертвая тишина. Все склонилось: склонилась гвардія, склонились кардиналы, нунціи, прелаты! Склонили и мы всѣ свои грѣбныя головы, и только онъ одинъ стоялъ, возвышаясь надъ толпой, какъ какое-то бѣлоснѣжное видѣніе, какъ что-то неосязаемое, нереальное.

И вдругъ съ рѣзкимъ возгласомъ, похожимъ не то на легкій вопль, не то на стонъ, онъ повергнулся ницъ передъ престоломъ и распростерся крестомъ на полу.

Толпа какъ-то единогласно попотомъ ахнула. Я сама невольно вздрогнула и не отрываясь глядѣла на эту распростертую бѣлую фигуру—могучаго властелина католическаго міра. Я боялась дышать, проронить звукъ, шевельнуться... Что же должны были чувствовать добрые католики?

Но вотъ четыре кардинала поклонились и съ двухъ сторонъ подняли папу подъ руки, начали его облачать во все пурпуровое. Самъ онъ почти не шевелился: ему поднимали одну руку, потомъ другую, осторожно и бережно накиннули мантию, надѣли тиару и торжественно посадили на большое, напоминающее тронъ, кресло, находившееся по правую сторону алтаря.

Съ этого момента папа превратился въ мумію. Усталъ ли онъ? Зналъ ли, что на него обращены тысячи глазъ, что каждое его движеніе замѣчается и комментируется, была ли это слабость плоти или сила духа?—но онъ все остальное время службы просидѣлъ, какъ каменное изваяніе. Даже глаза его казались потухшими: они были устремлены куда-то вдаль, мимо толпы и, казалось, видѣли что-то такое, чего никто не видитъ и не можетъ видѣть...

Затѣмъ служба окончилась, быстро появились носилки, кардиналы и духовенство стѣной заслонили папу, и когда они разступились,—папы уже не было: его унесли.

Думая, что съ этимъ все кончилось, я поспѣшила къ выходу. Было уже десять часовъ. Если вспомнить, что я съ дороги встала въ пять часовъ, ничего не ѣла и не пила, съ семи до десяти простояла на ногахъ въ соборѣ, то легко понять, какую усталость я чувствовала. И можно себѣ представить мое неприятное изумленіе, когда всѣ двери оказались запертыми, и когда у всѣхъ выходовъ я услышала одинъ и тотъ же окликъ папскаго гвардейца:

— «On ne passe pas!» (пройти нельзя).

Съ недоумѣніемъ я поглядѣла вокругъ...

Изъ паломниковъ никто не собирался уходить. Напротивъ всѣ старались расположиться поудобнѣе, и такъ какъ, не знаю—зачѣмъ, всѣ скамейки были вынесены, то большинство расположилось въ уголкахъ прямо на полу. Я замѣтила даже, что кое-кто вынималъ изъ кармановъ сѣбное и закусывалъ. Я обратилась за объясненіемъ къ одной изъ богомолкъ:

— Но развѣ вы не знаете,—сказала она,—что св. отецъ еще не давалъ своего благословенія? Его теперь унесли отдыхать, онъ будетъ завтракать, а въ двѣнадцать часовъ его опять принесутъ, и мы получимъ благословеніе. Развѣ вы не слышали, какъ объ этомъ объявилъ m-eur Hagmel?

— Нѣтъ, я ничего не слышала.

— Но почему же нельзя уйти? —спросила я.

Француженка разсмѣялась.

— Нечего сказать, хороша была бы лепта, если бы позволили уходить. Посмотрѣли папу, да и ушли? Такъ каждый бы захотѣлъ! Нѣтъ, погодите, еще св. отецъ будетъ давать намъ свое благословеніе, а мы лепту, кто сколько можетъ. Знаете?—восторженно прибавила она:—вѣдь есть такіе, что могутъ жертвовать тысячу франковъ! Вотъ, напримѣръ, та герцогиня съ сыномъ... уже всѣмъ извѣстно, что она положитъ на блюдо тысячу франковъ. Счастливица!

Я посмотрѣла на даму, названную герцогиней. Это была очень породистая женщина, средняго возраста, скромно одѣтая, но съ взволнованнымъ, горѣвшимъ фанатизмомъ взоромъ. Рядомъ съ ней стоялъ красивенькій юноша, лѣтъ пятнадцати. Она ему что-то съ жаромъ говорила. Я подошла ближе.

— Какой торжественный день нашей жизни! Сегодня ты удостоишься величайшаго счастья, какое только можетъ получить на землѣ добрый католикъ: тебя благословитъ самъ св. отецъ! А ты такъ юнъ. Боже, Боже! Какъ я подумаю, что мнѣ сорокъ лѣтъ, что я всю жизнь мечтала объ этомъ счастьѣ и вотъ только теперь достигла этого. Обстоятельства такъ складывались! Насколько ты счастливѣе меня, сынъ мой!

Она говорила съ волненіемъ, какъ истая фанатичка, и ея возбужденіе передавалось и юношѣ: его глаза были влажны, уши горѣли.

Вотъ какъ они умѣютъ вѣровать и передавать свою вѣру дѣтямъ! Какая сила!—думалось мнѣ.

Меня очень заинтересовала эта герцогиня, и я рѣшилась стать близъ нея во время благословенія.

Но усталость давала себя чувствовать: я не имѣла даже силы осмотрѣть такъ интересовавшій меня соборъ: ноги рѣшительно отказывались служить. Я присѣла на каменную ступеньку притвора и стала ждать.

Однако мнѣ бросилась въ глаза необычайная обширность храма: болѣе двухъ тысячъ людей казались небольшою кучкой и не наполняли даже придѣла. Храмъ положительно казался пустымъ, и невольно хотѣлось знать, какое количество вѣрующихъ могъ онъ вмѣстить, когда былъ полонъ.

Но время шло, и въ одиннадцать съ половиною часовъ опять появились пропадавшіе куда-то секретари. Забѣгали, засуетились,

Появилось опять войско, кардиналы, прелаты... Храмъ оживился, и мы всѣ встряхнулись. Опять стали составлять ряды. Я забыла объ усталости: приближался самый интересный моментъ—я услышу папу!

Изъ разговоровъ вокругъ меня я узнала, что онъ почти съ каждымъ вѣрующимъ говорить, разспрашиваетъ—кто, откуда.

Я рѣшила держаться самой подальше: что могла я отвѣтить на такіе вопросы?

Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ, опять заиграла музыка, опять появились знамена, и такъ же, какъ и раньше, изъ боковой двери появились носилки папы. Онъ видимо отдохнулъ, и улыбка добраго пастыря освѣщала его лицо.

Носилки пронесли къ ближайшему ряду и остановились.

Папа поднялъ руку, какъ бы для благословенія. Первымъ подошелъ къ нему французъ рабочій. Я никогда не забуду его. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ. Лицо было усталое, измученное трудовой жизнью, руки грубы и морщинисты, глаза глубоко впалые! Но какъ они горѣли!

Онъ подошелъ робко, почти шатаясь отъ волненія, перевелъ духъ и вдругъ повалился къ ногамъ папы. Невозможно было безъ волненія смотрѣть на этого большого ребенка: онъ плакалъ, рыдалъ, бормоталъ что-то!

Ждалъ ли онъ перемѣны участи отъ благословенія папы? Надѣялся ли на какое нибудь чудо? Вѣрилъ ли, что въ этотъ моментъ онъ передъ лицомъ настоящаго святого? Что такъ волновало его? Богъ знаетъ!—но онъ судорожно рыдалъ, припавъ къ ногѣ св. отца.

По лицу папы пробѣжала тѣнь: повидимому, онъ былъ тронутъ.

Онъ положилъ руку на лежавшую у ногъ его голову, и тихо, но внятно спросилъ:

— D'où êtes vous? (откуда вы?).

Рабочій поцѣловалъ его туфлю, приподнялся, но не всталъ съ колѣнъ; онъ вытеръ рукой катившіяся по лицу обильныя слезы и съ трудомъ проговорилъ:

— De Bordeaux. (Изъ Бордо).

— Бордо всегда былъ населенъ добрыми католиками,—сказалъ папа (онъ хорошо и внятно говорилъ по-французски).—Я радъ видѣть въ васъ, сынъ мой, такого же славнаго католика.

Папа приостановился.

— Женаты?—быстро спросилъ онъ.

— Да, святой отецъ.

— Ваша семья здѣсь?

— Увы, святой отецъ! Мы слишкомъ бѣдные люди, чтобы сдѣлать цѣлой семьей такое путешествіе! Мы бросили жребій—женѣ суждено было остаться дома. Она плакала, бѣдная! Но что подѣлать, святой отецъ? Мы—бѣдные люди!—повторилъ онъ.

Папа мановеніемъ руки подозналъ ближе камерьера съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ лежала масса четокъ, крестиковъ и медалей.

— Вотъ,—сказалъ онъ, взявъ съ блюда четки (я замѣтила, что онѣ изъ кипариса):—возьмите это и передайте вашей женѣ вмѣстѣ съ моимъ благословеніемъ!—онъ положилъ четки въ руки рабочаго.—Благословляю васъ и вѣрю, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите вѣру вашу.

Трогательнъ былъ видъ рабочаго: казалось, онъ узрѣлъ самого Бога! Папа двинулся дальше, а рабочій остался на мѣстѣ, поднявъ къ небу сіяющій взоръ, далекій отъ всего земного.

Но на его плечо легла рука папскаго гвардейца.

Рабочій обернулся: гвардеецъ выразительно показывалъ ладони на второе серебряное, пустое пока блюдо. Блюдо съ четками несли по правую руку папы, блюдо для сбора денегъ—по лѣвую. За каждымъ несшимъ ихъ камерьеромъ неотступно слѣдовали прелаты и офицеръ гвардіи. Я съ любопытствомъ слѣдила за происходившей процедурой.

По мѣрѣ слѣдованія папы по рядамъ паломниковъ одно блюдо пустѣло, другое наполнялось. Первое замѣнялось новымъ, полнымъ опять дешевыми четками, крестиками и медальками; только коегдѣ мелькали болѣе дорогіе эмальированные крестики.

Второе же блюдо, быстро наполнявшееся деньгами вѣрующихъ, такъ же быстро опорожнялось ловкими руками прелата, у котораго подъ сутаной находился большой сафьяновый мѣшокъ. Роль же офицеровъ папской гвардіи заключалась въ томъ, чтобы не дать кому нибудь изъ богомольцевъ улизнуть, не положивъ лепты. Я замѣтила также, что камерьеры, прелаты и офицеры и другъ за другомъ зорко слѣдили и не спускали глазъ съ рукъ прелата, пока онъ не запираетъ мѣшка.

Для хладнокровнаго зрителя, какимъ была я, тутъ было обширное поле для наблюденій. Закулисная сторона интересовала меня не менѣе показной, и я съ любопытствомъ слѣдовала за процесіей, стараясь все видѣть, слышать и записывать.

Надо признаться, однако, что матеріальная сторона вопроса совершалась скромно и незамѣтно. Деньги прятались въ мѣшокъ за спинами богомольцевъ, и прелатъ, продѣлывавшій это, такъ наловчился, что это дѣйствіе происходило моментально.

Впрочемъ всѣ вѣрующіе были совершенно поглощены папой, и имъ было не до прелата.

Трогательно было видѣть, съ какой радостью, съ какой дѣтской восторженностью спѣшили они положить на блюдо свою дань для папы. Тутъ только бросилось мнѣ въ глаза подавляющее количество рабочаго люда: ихъ загорѣлыя, изможденные лица, ихъ хотя чистое, но поношенное платье такъ рѣзко отличались отъ глад-

кихъ фізіономій и изысканныхъ, хотя и черныхъ, костюмовъ привилегированнаго сословія.

И какой надо обладать вѣрой, чтобъ бросить семейный очагъ, заработокъ, родину для того только, чтобы получить апостольское благословеніе и сложить къ ногамъ папы свои грошоваыя сбереженія!

И зоркимъ гвардейцамъ мало было хлопотъ съ этимъ простымъ, трудящимся людомъ. Они и безъ напоминанія спѣшили складывать на серебряное блюдо плоды своихъ тяжкихъ трудовъ, и если кто и забывалъ объ этомъ, то единственно подъ наплывомъ лучшихъ чувствъ человѣческой души имъ хотѣлось молиться, унести въ небо въ порывѣ духовнаго восторга отъ благословенія св. отца, и тяжелая рука гвардейца, ложившаяся имъ на плечи, заставляла ихъ съ трудомъ вернуться на землю.

Повидимому, папа ничего земного не зналъ и не хотѣлъ знать. Носилки медленно подвигались, и нельзя было не дивиться выносливости старца. Правда, часа черезъ два времени голосъ его ослабѣлъ, рука подымалась медленнѣе, но все та же улыбка освѣщала его лице, и все такъ же было слышно неизмѣнно привѣтливое: «D'ou êtes vous?» (откуда вы?).

Папа говорилъ почти съ каждымъ богомольцемъ и былъ большимъ и тонкимъ психологомъ. Онъ угадывалъ настроеніе каждаго подходившаго подъ его благословеніе.

Были лица, которыхъ онъ ни о чемъ не спрашивалъ, съ которыми не разговаривалъ, и только рука его подымалась и опускалась для благословенія. Это когда къ нему подходили просто, безъ плача, безъ волненія, когда взоръ горѣлъ не фанатизмомъ, а простымъ любопытствомъ. Для такихъ лицъ онъ ограничивался фразой:

— Даю вамъ мое апостольское благословеніе!

Онъ превосходно различалъ людей. И то сказать—для этого у него было достаточно практики за двадцать шесть лѣтъ его апостольства.

Зато какъ пользовался онъ случаемъ укрѣпить вѣру!.. Какъ умѣлъ усилить впечатлѣніе!

Особенно торжественна вышла сцена благословенія герцогини и ея сына. Когда дошла очередь до нихъ, я замѣтила, какъ одинъ изъ кардиналовъ наклонился къ папѣ и что-то таинственно сказалъ ему. Ни одинъ мускулъ на лицѣ св. отца не выдалъ, что онъ что-нибудь слышалъ, и когда герцогиня и ея сынъ бросились къ его ногамъ, онъ произнесъ все то же неизмѣнное:

— «D'ou êtes vous?» (откуда вы?).

Герцогиня была въ религіозномъ экстазѣ. Она помолодѣла и казалась красавицей съ ея восторженнымъ лицомъ и горящими глазами.

Очевидно, все знали, что произойдет что нибудь особенное, так как ряды сбились, и паломники массой окружили папу. Все жадно слушали, боясь пропустить хоть единое его слово. Мне удалось стать тотчас за герцогиней и тут же в собор записать слова папы.

Это была цѣлая рѣчь. Онъ говорилъ особенно торжественно, медленно, явственно и нѣсколько театрально. Послѣ того, какъ герцогиня послѣшно на его вопросъ сообщила свое званіе и положеніе, онъ мановеніемъ руки подзвалъ къ себѣ ея сына и, положивъ руку на голову колѣнопреклоненнаго, дрожащаго юноши, сказалъ:

— Дитя мое! Сынъ мой! Я вижу огонь юности въ твоихъ глазахъ, пламя вѣры на твоемъ челѣ! Тебя ждетъ еще долгій, нелегкій путь. Твой начинается, мой кончается! Отъ тебя зависить сдѣлать путь этотъ достойнымъ Господа Бога и имени, которое ты носишь! Твой родъ—одинъ изъ тѣхъ славныхъ родовъ, которыми гордится католическая церковь. Предки твои были всегда вѣрною опорой папскаго престола. Иди и ты, сынъ мой, этимъ славнымъ путемъ, единымъ, который ведетъ къ Престолу Господа нашего Иисуса Христа. Я, первый слуга Господа, благословляю тебя апостольскимъ моимъ благословеніемъ на твой жизненный путь. Да будетъ онъ легокъ тебѣ, да будетъ славенъ! Да не сойдешь ты никогда въ сторону, да не посѣтятъ сердца твоего никакія сомнѣнія! Будь истиннымъ и вѣрнымъ католикомъ, защищай папскій престолъ и церковь, и все остальное приложится тебѣ. Господь щедро вознаграждаетъ вѣрныхъ слугъ своихъ. Помни, помни часъ этотъ, сынъ мой! Пройдутъ года, меня уже не будетъ, Господь призоветъ меня къ себѣ, но не забывай этого часа, сынъ мой! Не забывай, что я далъ тебѣ мое благословеніе на путь вѣрнаго и добраго католика. Будешь ли помнить слова мои?

Юноша поднялъ на папу взоръ, полный восторга и обожанія:

— Да, святой отецъ!—твердо произнесъ онъ.

— Такъ благословляю же тебя властію, данной мнѣ Господомъ Богомъ, отнынѣ и навѣки!

И, положивъ руки свои на голову молодого герцога, папа поднялъ глаза къ небу, и уста его зашептали молитву.

Когда юноша всталъ съ колѣнъ и отошелъ въ сторону, лицо его выражало глубокое волненіе. Я поняла, что передо мной стоялъ навѣки до фанатизма убѣжденный католикъ, что никакія силы не заставятъ его теперь отречься отъ дорогой ему вѣры. И поняла я также то, какой великій дипломатъ и политикъ былъ папа Левъ XIII. Съ какимъ знаніемъ человѣческаго сердца онъ вербовалъ приверженцевъ католицизма и какъ умѣлъ пробуждать затаенныя чувства людей!

Даже я, посторонняя и хладнокровная зрительница, была взволнована,—что же должны были чувствовать фанатики?

Однако было уже поздно, и я чувствовала себя очень дурно. Я рѣшительно не понимаю, какъ могли выдержать десятичасовое заточеніе эти двѣ тысячи человѣкъ? Не есть ли это доказательство того, что при сильномъ возбужденіи духа плоть умолкаетъ? Ихъ, конечно, поддерживалъ религіозный восторгъ. Но я изнемогала—силы мои быстро падали. Я утратила интересъ ко всему окружающему, даже къ папѣ, къ тому же церемонія была въ общемъ однообразна, и послѣ благословенія герцогини ничего выдающагося не предвидѣлось.

Я рѣшила сдѣлать еще разъ попытку уйти. Папскій гвардеецъ быстро загородилъ мнѣ дорогу:

— *Madame n'a pas pris la Sainte Bénédiction* (вы не получили святаго благословенія)!—внушительно произнесъ онъ.

Я сконфузилась. Но какимъ образомъ рѣшиться подойти къ папѣ и что отвѣчать на его: «*D'ou êtes vous?*»

Да и по выговору моему, несмотря на порядочное мое знаніе французскаго языка, онъ, конечно, угадаетъ, что я не французка; но я уже знала, чего добивается отъ меня гвардеецъ.

— Вы ошибаетесь, судары! Я благословеніе получила, но я еще не успѣла положить своей лепты.

Офицеръ вѣжливо далъ мнѣ дорогу. Я успѣшила положить на блюдо десять франковъ. Затѣмъ я обратилась къ нему:

— Судары! Я плохо себя чувствую—научите меня, какъ мнѣ уйти? Всѣ двери заперты!

Офицеръ посмотрѣлъ на меня внимательно: очевидно, по моему лицу было видно, что я не притворялась.

— Я провожу васъ къ кардиналу-настоятелю: это зависитъ отъ него,—сказалъ онъ.

Черезъ минуту мы стояли передъ полнымъ, красивымъ старикомъ, очень привѣтливо отвѣтившимъ на мой поклонъ.

— *Madame se trouve mal* (дамъ нехорошо),—сказалъ ему офицеръ, почтительно держа руку подъ козырекъ.—*Elle demande la permission de quitter l'église* (она проситъ позволенія уйти).

Кардиналъ также очень внимательно посмотрѣлъ на меня, и, вѣроятно, мое лицо выражало мое состояніе, потому что онъ нагнулся къ офицеру, и я слышала, какъ онъ спросилъ:

— *Est-ce qu'elle a rempli son devoir?* (Исполнила ли она свою обязанность?).

— *Complètement, monseigneur* (совершенно).

— Вы можете уйти, сударыня! Предъявите это въ дверяхъ—васъ пропустятъ.

Кардиналъ вручилъ мнѣ свою визитную карточку.

— *Reconduisez madame* (проводите даму)!—приказалъ онъ офицеру.

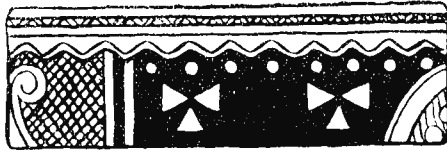
Такимъ образомъ я, наконецъ, выбралась изъ храма св. Петра: передъ визитной карточкой кардинала всѣ двери открывались, какъ по волшебству...

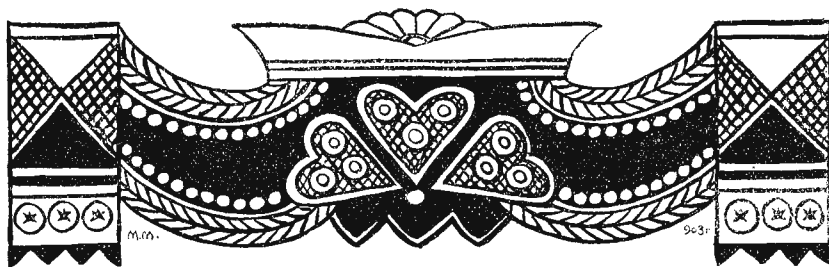
Было четыре часа; я чувствовала себя близкой къ обмороку. Потребовалось нѣсколько часовъ отдыха, чтобы оправиться. Но какъ же папа? Изъ газетъ я на другой день узнала, что церемонія благословенія окончилась лишь въ 6^{1/2} часовъ. Мнѣ вспоминалась его худая, согбенная фигура, его высохшее лице... Какимъ образомъ могъ онъ въ свои годы вынести нѣсколько часовъ такого крайняго напряженія? Поистинѣ онъ обладалъ могучимъ духомъ и глубочайшей вѣрой въ свое призваніе... Теперь, когда Льва XIII уже нѣтъ, когда онъ ушелъ туда, куда уходятъ всѣ смертные, какъ богатые, такъ и бѣдные, знатные и простые, служители Бога и служители людей, я часто вспоминаю сцену благословенія и его вдохновенную рѣчь къ юношѣ-герцогу.

Съ его кончиной католическая церковь утратила большого дипломата и великаго ревнителя своей вѣры.

И его ужъ нѣтъ, но образъ его будетъ долго жить въ сердцахъ тѣхъ, кто его видѣлъ, и кого онъ благословлялъ.

С. Шевиль.

ГАТЧИНСКІЕ ПОТЪШНЫЕ.

(Изъ приказаній при паролѣ цесаревича Павла Петровича по гатчинскимъ войскамъ, съ 5 іюля по 5 ноября 1796 года).

РИГИНАЛЬНОСТЬ приказовъ императора Павла I по военному вѣдомству общеизвѣстна. Стремленіе провести законность, вывести хищничество, уничтожить пьянство и другіе пороки облекалось въ такую форму, которая по современному взгляду граничить съ анекдотичностью. Приказы были наполнены сарказмомъ, отличались мелочностью, даже придирчивостью и носили отпечатокъ особаго стремленія императора войти во всѣ подробности, разрѣшать всѣ даже мелочные вопросы собственною властью. Всякое отклоненіе отъ уставной нормы вызывало строгое преслѣдованіе; малѣйшее нарушеніе дисциплины влекло суровое возмездіе. Это былъ своего рода чадъ строгаго режима.

Конечно, планъ преобразованія военнаго вѣдомства созрѣлъ у императора Павла еще въ бытность его цесаревичемъ; еще до восшествія на престолъ онъ подмѣчалъ всѣ тѣ неурядицы, которыя, по его мнѣнію, мѣшали совершенствованію русской арміи, и тѣ ея недостатки, которые надлежало уничтожить. И гатчинское войско, при всей своей малочисленности, сыграло для императора Павла роль подготовительной школы; оно далеко не было пустою забавою и безцѣльнымъ времяпровожденіемъ.

Это положеніе ярко подтверждается тѣми приказаніями при паролѣ, которыя издавались по гатчинскому войску въ періодъ, предшествовавшій воцаренію Павла Петровича.

Приведу изъ нихъ нѣсколько выписокъ, группируя ихъ по содержанию.

Выговоры и замѣчанія переполняютъ эти приказанія. Майору Палицыну былъ сдѣланъ выговоръ «за подпрапорщиковъ, что оныя не посланы были прежде со знаменами» (5 юля); чрезъ девять дней ему дается снова выговоръ за незнаніе «своего дѣла», и притомъ съ предупрежденіемъ, что при повтореніи онъ «будетъ отосланъ во флотъ» (14 юля); «за дурное ученье и за лѣнь» былъ также сдѣланъ выговоръ цѣлому «разводу», съ повелѣніемъ проинвестировать со всѣхъ участниковъ развода «вычетъ суточный, какъ жалованью, такъ и провіанту» (17 юля). Въ приказаніи 23 юля читаемъ: «Его императорское высочество приказалъ отдать при паролѣ, что сегодняшнее батальонное ученье очень плохо; какъ офицеры, такъ и нижніе чины не имѣютъ никакого примѣчанія, за что и вычетъ со всего баталіона какъ провіантъ, такъ и жалованье; майору Купріянову 2-му рекомендуется также смотрѣть и за опрятствомъ людей и не запускать въ надеждѣ, что онъ—его императорскаго высочества Александра Павловича баталіонъ; и ежели изъ нижнихъ чиновъ примѣчена еще будетъ впредь таковая же лѣнь, какъ и сегодня, и непримѣчанія, то таковой будетъ прогнанъ сквозь строй»; приказаніе—характерно, какъ выясняющее взглядъ цесаревича, что для него нѣтъ поблажекъ и мирволенія, а есть одна справедливость. Въ приказѣ отъ 18-го августа великаго князя Константина Павловича, очевидно, согласовавшемся съ намѣреніями самого августѣйшаго гатчинца, изложено, что «вседневная оплошность господина прапорщика Соханскаго» вынудила великаго князя повелѣть: «господину майору Купріянову 1-му собрать всѣхъ офицеровъ къ себѣ и сдѣлать ему слѣдующій выговоръ именованъ монимъ, что стыдно офицеру, а особливо служащему въ войскахъ его высочества государя наслѣдника, не знать своей должности, и всегда лучше доводить до хорошаго слова, нежели до дурного; и потому сіе какъ ему въ послѣднее прощается, а ежели впредь что сіе такое приключится, то немедленно рапортовать государю наслѣдника, чтобъ онъ его арестовалъ и отослалъ во флотъ съ аттестатомъ нерадѣтельнаго и дурного офицера». Приказомъ 23 августа «рекомендовалось» майору Купріянову 2-му «смотрѣть лучше за батальономъ, и чтобъ онъ былъ попримѣчательнѣе и поподвижнѣе». Суровый приказъ, совершенно въ духѣ Павла, данъ былъ инспекторомъ Аракчеевымъ (4 сентября): приказомъ «рекомендовалось» — «знать, что должно дѣлать, когда я проѣзжаю по фронту, если батальонъ идетъ на ученье, ибо забываютъ, что я—ихъ инспекторъ». Послѣдній приказъ любопытенъ еще и тѣмъ, что показываетъ, насколько требователенъ былъ по службѣ «безъ лести преданный» Аракчеевъ, и насколько важное значеніе онъ придавалъ каждой должности, имъ занимаемой. Выговоръ же былъ

объявленъ подпоручику Гессе за то, «что онъ не знаетъ своего дѣла» (9 іюля). Хитрость строевого ученья должна быть усвоена всѣми; непостигшіе сего заслуживали порицанія; въ приказѣ 10 іюля сдѣланъ выговоръ майору Ѳедорову за то, «что его разводъ не умѣлъ зайти во линіеманъ». Кологривову объявленъ выговоръ «за жандармовъ», съ рекомендаціей «смотреть за онимъ лучше» (19 іюля). Кратко выражалъ немилость цесаревича приказъ 20 іюля: «майоръ Купріяновъ 2-й послѣ разводу арестуется за унтеръ-офицеровъ».

Особенно преслѣдовались побѣги нижнихъ чиновъ. Въ приказѣ 10 іюля изложено: «если чьей роты бѣжитъ солдатъ, то оной роты фельдфебель разжалованъ будетъ въ солдаты и будетъ прогнанъ сквозь строй, а ротный командиръ будетъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ»; это—приказъ цесаревича; соотвѣтственно сему и Константинъ Павловичъ того же числа объявилъ: «видя гнѣвъ его высочества о побѣгахъ, за нужное признаю дать нижеслѣдующій приказъ: солдатъ, за которыхъ ручаться нельзя, не отпускать со двора безъ унтеръ-офицера, или ефрейтора, или старшаго надежнаго человѣка, никуда, даже на дворъ за нуждою; отпущенныхъ куда бы то ни было записывать дежурному по баталіону офицеру и дневальному по ротѣ унтеръ-офицеру или гренадеру, куда отпускаемъ, зачѣмъ отпущенъ, съ кѣмъ отпущенъ и въ какомъ часу отпущенъ; по ночамъ ставить въ сѣняхъ на обоихъ крыльцахъ по одному и въ сѣняхъ по одному гренадеру, то-есть шесть человѣкъ на смѣну и, какъ лѣтомъ ночи короткія, то на двѣ смѣны, итого двѣнадцать человѣкъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, или при вицъ-унтеръ-офицерѣ, которыхъ послѣ переклички ставить, а въ 5-ть часовъ поутру сводить, а зимою еще третью смѣну, итого осьмнадцать человѣкъ». Побѣги, однако, не переводились, и приказомъ 31 октября Константинъ Павловичъ, помимо объявленія выговора «унтеръ-офицерамъ, дежурнымъ при ротахъ», за то, «что на ихъ дежурствѣ бѣгаютъ люди», изъявилъ свое желаніе, «чтобы господа офицеры по баталіону дежурные не отпускали бѣжецовъ людей безъ хорошаго солдата со двора, даже за нуждой». Съ цѣлью же, вѣроятно, убѣжденія въ томъ, что всѣ нижніе чины находятся налицо, повелѣвалось батальонному и ротнымъ командирамъ «ревизировать людей» по три раза въ день (приказъ 4 октября). Жертвою недосмотра за нижними чинами, результатомъ чего явился побѣгъ послѣднихъ, былъ между прочимъ фельдфебель роты майора Купріянова, который «за побѣгъ рядового» былъ разжалованъ, приказомъ 11 іюля, въ рядовые.

Соблюденіе казеннаго интереса и забота объ уменьшеніи расходовъ казны, что такъ настойчиво проводилъ Павелъ I, будучи императоромъ, также бывали часто предметомъ особаго попеченія его въ бытность цесаревичемъ. Гатчинскій инспекторъ Аракчеевъ при-

казывалъ произвеети починку всего неисправнаго оружія «на счетъ ротныхъ командировъ и что будетъ коштовать, то вычестъ съ нихъ изъ жалованья» (приказъ 9 іюля). Въ приказаніи же отъ 2 августа было объявлено: «съ подполковника Кологривова вычитается сто двадцать рублей за упалую лошадь, данную имъ подъ верхъ корнету Безобразову, притомъ подтверждается, ежели кто изъ кавалерійскихъ офицеровъ впредь испортитъ свою верховую лошадь и для строя будетъ просить другой, то такому дать изъ ремонтныхъ, назначенныхъ подъ офицеровъ, но при первой трети жалованья вычитать съ таковыхъ за лошадей сто двадцать рублей». Имущество караульнаго помѣщенія предоставлялось попеченію караула, и въ приказѣ 15 іюля было объявлено о томъ, что «ежели что разобьется или сломается отъ небреженія офицера или унтеръ-офицера, стоящихъ въ караулахъ, то будетъ на счетъ того сдѣлано, за чѣмъ и смотрѣтъ плацъ-майору».

Поддержаніе дисциплины, этой души военнаго дѣла, ставилось въ рядъ первыхъ заботъ. Приказаніемъ отъ 12 октября былъ сдѣланъ выговоръ шестерымъ унтеръ-офицерамъ за то, «что держатся пьянству и игрѣ, вещамъ, которыя не только суть годны, но и званію всякаго человѣка противны». Этимъ же желаніемъ вкоренить желѣзную дисциплину объясняется стремленіе строго соблюдать разъ установленную форму одежды и разъ объявленныя нормы письменныхъ сношеній. А такихъ распоряженій немало. Такъ приказано: «чтобъ служители по утру всегда брили бороды, также чтобъ на галстукахъ не имѣть пряжекъ» (5 іюля); «у ружей сдѣлать шомполы, чтобъ были съ дуломъ наровень, а штыки, кои покривились, поправить» (7 іюля); «для облегченія офицеровъ имѣть вицъ-мундиры темнозеленыя, подкладка и воротникъ онаго жъ цвѣта, пуговицы суконныя иль гарусныя на одну сторону, воротникъ же не пришитый, а отложной; зимой же могутъ подкладывать байкою, шляпы трехугольныя безъ позументу, съ бантомъ» (11 іюля); «чтобъ господа офицеры, также и унтеръ-офицеры вохрили перчатки подъ цвѣтъ камзоловъ» (21 іюля). Приказомъ 21 августа подтверждалось, чтобы въ баталіонѣ его императорскаго высочества Константина Павловича кисточки на шапкахъ у служителей были всегда завернуты въ бумажку, а если будетъ у кого примѣчено, что кисть, безъ всякаго наблюденія, то оный будетъ наказанъ». Даже офицеры не избѣгали напоминаній въ приказахъ о строгомъ соблюденіи формы одежды. Майору Давыдову былъ объявленъ выговоръ за то, «что у него офицеръ пошелъ въ караулъ съ разодраннымъ обшлагомъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовалось «смотрѣтъ за онымъ лучше, а господамъ офицерамъ не допускать себя до онаго» (29 іюля).

Все это—распоряженія насчетъ формы одежды. А вотъ распоряженія, относившіяся къ письменоводству. «Усмотрѣно мною,

что во всѣхъ батальонахъ приказы журналовъ очень дурны и не чисты, то и рекомендуется господамъ батальоннымъ командирамъ и шефу батальона за адъютантами своими смотрѣть и всякій мѣсяцъ оныя своею рукою подписывать» (приказъ отъ инспектора Аракчеева, 20 августа). Установлено, «чтобъ господа офицеры въ партикулярныхъ между собою письмахъ никогда не писали милостивый государь, а просто господинъ майоръ или господинъ капитанъ; подписываться также одинъ чинъ и фамилію; на конвертахъ подписывать баталіону такого-то, господину майору такому-то, или капитану такому-то» (приказъ отъ майора Курпіянова 1-го, 17 октября); слѣдовательно, въ гатчинскомъ обиходѣ началось гоненіе на витіеватыя канцелярскія выраженія, на всѣ тѣ «имѣю честь», на всю ту «истинную преданность», которыя и понынѣ составляютъ неотъемлемую принадлежность каждой «министерской» бумаги, писанной «министерскимъ, столоначальническимъ» слогомъ.

Здѣсь же умѣстно привести подтвержденіе приказомъ отъ 18 іюля того, чтобы военные чины «впредь какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ начальниковъ во время службы не называли по имени и отчеству, но по чину и фамиліи; напримѣръ, такъ: господинъ майоръ или капитанъ такой-то; и всѣхъ прочихъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ называть по сему, какъ предписано, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ нижніе чины знали своихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ кого зовутъ по имени и отчеству». Этотъ приказъ временъ цесаревича Павла очень напоминаетъ приказъ временъ Павла, императора: въ послѣднемъ коротко говорилось, что въ службѣ его величества Ивана Карповича нѣтъ, а есть фельдмаршалъ Эльмптъ.

Запрещалось въ гатчинскомъ обиходѣ упоминаніе слова канцелярія: «подтвердить о томъ, гдѣ письменныя дѣла производятся, отнюдь не называть канцелярією». Опять и здѣсь полнѣйшая аналогія между гатчинскимъ приказомъ и указомъ императора Павла: однимъ изъ указовъ Павла I генераль-аудитору былъ сдѣланъ выговоръ за употребленіе слова канцелярія въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ.

Однако вся мелочность требованій и ихъ строгость, составлявшія характерныя черты гатчинскаго режима, далеко не могутъ представить полнаго облика августѣйшаго гатчинца. Да, служба была тяжела, она была строго регламентирована, она стѣсняла свободу, убивала всякую инициативу; все это — такъ. Но есть другая сторона дѣла — свѣтлая, положительная, и упоминаніе о ней необходимо для соблюденія равновѣсія въ своихъ заключеніяхъ о цесаревичѣ Павлѣ, какъ «вождѣ» гатчинскихъ войскъ, и эта свѣтлая сторона — въ заботливости о нуждахъ послѣдняго солдата, въ попеченіи объ ихъ здоровьѣ, въ поднятіи нравственнаго уровня войска, въ великодушныхъ награжденіяхъ достойныхъ людей.

Дѣйствительно, если неисправность должна быть порицаема, то взаимнѣе того особая рачительность должна быть награждаема. Каждому—по заслугамъ. Вотъ, напримѣръ, приказъ отъ 9 іюля—о томъ, чтобы во всѣхъ ротахъ «были у ружей замки такъ исправны, какъ у рядового Тимоѣя Ильина»; слѣдовательно, заурядный рядовой ставится въ общій образецъ. Если разводъ не удаченъ, то производится вычетъ суточного жалованья и провіанта, но при удачномъ разводѣ жалуются деньги и дается улучшенная пища.

Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа. Старый афоризмъ особенно приложимъ къ военной службѣ, гдѣ больной воинъ не только не приноситъ пользы, не только составляетъ нуль, но, отягчая собою армію, является для нея бременемъ, отрицательной величиной. И въ этомъ заключается утилитарная польза попеченія о воинскомъ здоровьѣ. Но вѣдь есть еще и другая побудительная причина—мягкосердіе, гуманность. И, кажется, именно добротою цесаревича Павла нужно объяснить распоряженія о сохраненіи здоровья въ гатчинскихъ войскахъ. Повелѣвалось, напримѣръ, «чтобъ тѣ люди, которые бывають больные чесоткою, непременно отправляемы были въ лазаретъ, ибо замѣчено, что отъ одного пристаётъ къ другимъ» (приказъ отъ коменданта Кологривова, 13 іюля); приказывалось, чтобы была полуда на «мѣдныхъ съ крышками котлахъ», ибо иначе «происходитъ въ людяхъ нездоровье» (приказъ отъ коменданта Кологривова, 15 іюля); установлены были еженедѣльные «всякую субботу при перекличкѣ въ вечеру» медицинскіе осмотры нижнихъ чиновъ, «чтобы не скрывали оныя венерическую болѣзнь отъ стыда» (приказъ Константина Павловича, 31 октября).

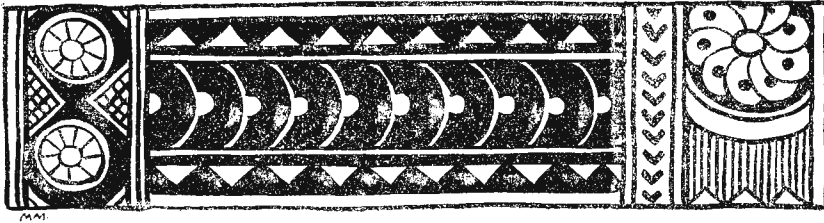
Жестокое и унижительное обращеніе съ подчиненными, безспорно составляющее постыдное явленіе, преслѣдовалось и при гатчинскомъ режимѣ. Приказомъ 23 сентября разжалованъ въ рядовые фельдфебель Алексѣй Волковъ «за то, что онъ осмѣлился безъ позволенія ротнаго командира наказывать жестоко рядового». Взглядъ на позорность тѣлеснаго наказанія, проводимый въ приказахъ императоромъ Павломъ, выработался у него при гатчинскомъ режимѣ; отчасти это слѣдуетъ изъ приведеннаго приказа, который иниціативу наложенія тѣлеснаго наказанія предоставляетъ офицеру, имѣющему, конечно, возможность глубже, чѣмъ простой фельдфебель, вникнуть въ проступокъ нижняго чина и оцѣнить необходимость примѣненія позорящаго наказанія. Съ другой стороны, отсутствіе больныхъ, доказывающее особую заботливость въ начальствующихъ лицахъ, поощряется приказами, и въ одномъ изъ нихъ, отъ 26 сентября, читаемъ объ объявленіи благодарности майору Купріянову 1-му, капитанамъ Билистейну и Седморацкому «за то, что въ ротахъ ихъ больныхъ нѣтъ, а которые и есть, то такіе больные, которые изуродованы; сіе доказываетъ ихъ смотрѣ-

ніе за людьми; желательно, чтобъ всегда такъ осталось». Офицеры должны присутствовать на всѣхъ строевыхъ занятіяхъ и этимъ обстоятельствомъ показывать примѣръ для нижнихъ чиновъ въ усердіи къ службѣ. Въ приказѣ отъ 22 августа рекомендовалось «господамъ ротнымъ командирамъ всегда учить людей самимъ, и чтобъ при оныхъ были ихъ офицеры и всѣ унтеръ-офицеры». Требованіе обязательнаго участія офицеровъ въ строевомъ образованіи войскъ, достигнутое лишь за послѣднее время, конечно, является весьма цѣлесообразнымъ требованіемъ: офицеръ — не баринъ, а первый солдатъ и первый учитель своихъ подчиненныхъ.

Заключая настоящій бѣглый очеркъ, нельзя не привести еще хотя бы двухъ-трехъ приказовъ, содержащихъ выраженія высочайшихъ одобреній и тѣмъ доказывающихъ, что въ гатчинскихъ распоряженіяхъ строго проводился принципъ «достойному достойное»: провинившійся долженъ быть наказанъ, отличившійся награжденъ. Любимецъ Павла, Аракчеевъ, завѣдывалъ артиллерією; она была вообще въ блестящемъ положеніи; въ приказѣ отъ 26 августа ей объявлена «отличная похвала». Разводы и ученія удостоивались нерѣдкаго изъявленія удовольствія цесаревича. Въ приказѣ 22 августа читаемъ: «сегодняшними ученіями, какъ кавалеріи, такъ и батальономъ его императорскаго высочества, очень доволенъ; своему батальону жалуется говядины». Приказомъ 6 іюля жаловались 150 р. «вчерашнимъ всѣмъ карауламъ». Шефу батальона, отъ коего былъ разводъ 8 іюля, «была объявлена благодарность за его стараніе и усердность къ службѣ и за то, что во всѣ части и подробности входитъ».

Таковы были распоряженія цесаревича Павла Петровича по его гатчинскому отряду наканунѣ его воцаренія. Типичность этихъ распоряженій, исключаящихъ всякое подобіе пристрастія и лицепріятія, всякій намекъ на чрезвычайный произволъ, вырисовывается весьма ярко. Тѣ же черты встрѣчаются и въ приказахъ императора Павла, для котораго гатчинскій отрядъ сыгралъ роль потѣшныхъ. Это не была забава, какъ не было забавой для Петра Великаго занятіе съ его потѣшными. Это былъ полный смысла и обдуманности «подготовительный курсъ». И если гатчинскіе потѣшныя не сыграли въ русской арміи такого же значенія, какъ и подмосковныя потѣшныя, то причиною тому разница характеровъ Павла I и Петра Великаго, разница исторической обстановки двухъ эпохъ, раздѣленныхъ почти вѣковымъ промежуткомъ, и, наконецъ, разница самаго духа обоихъ потѣшныхъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, и потѣшныя Павла I имѣютъ свою особенную историческую роль.

М. Соколовскій.

ОТЪ АСХАБАДА ДО МЕШЕДА ¹⁾.

V.

ОРЫ СТАНОВЯТСЯ отложе, нѣтъ уже ущелій, дорога идетъ по покатымъ склонамъ, крутые подъемы, повидимому, кончились. Встрѣчающіяся долины становятся шире и просторнѣе. Передъ нами большое селеніе, къ нему вдоль дороги проведенъ арыкъ съ водой. Около самаго арыка сажень 60 выше по теченію отъ того мѣста, гдѣ арыкъ входитъ въ черту селенія, лежитъ полуистлѣвшій трупъ верблюда. Падаль лежитъ около самой воды, почти касаясь ея, и никому въ голову не приходитъ оттащить хотя бы немного въ сторону. Вода, омывая трупъ, протекаетъ дальше въ деревню, гдѣ ею моются и пьютъ.

Проѣзжаемъ селеніе, за нимъ на пригоркѣ устроенъ токъ, и идетъ молотба. Способъ довольно примитивный. Пара воловъ возитъ по разметанному хлѣбу основательную деревянную раму, въ которой укрѣплены два вращающіеся вала, усаженные толстыми деревянными зубьями. Зубья забираютъ солому и выбиваютъ зерно.

Рядомъ, по уже убранному полю, по жнивѣ пасутся верблюды, набираясь силы на ночной переходъ. Идутъ они крайне медленно, дѣлая путь изъ Асхабада до Мешеда въ 7—8 дней. Несмотря на проведеніе шоссе, по которому могутъ двигаться колесные экипажи, сообщеніе верблюдами до сихъ поръ не потеряло своего значенія.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 557.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые товары не выдерживаютъ перевозки на фургонахъ, тогда какъ на вьючныхъ животныхъ они доѣзжаютъ въ цѣлости.

Особенно не любятъ ѣздить въ фургонахъ сахаръ и керосинъ. Сахаръ, отправленный изъ Россіи незнающими мѣстныхъ условій заводчиками, упаковывается въ мѣшки. Въ каждый мѣшокъ кладутъ по четыре большихъ головы сахара, перекладывая все это соломой. Попадая въ Асхабадъ лѣтомъ, когда верблюдовъ меньше, сахаръ отправляется въ Мешедъ на фургонахъ. Отъ тряски на камняхъ стучаясь другъ о друга и о стѣнки фургона, сахаръ обращается въ куски и пыль, перемѣшанную съ соломой и обрывками оберточной бумаги. При мнѣ была получена учетносуднымъ банкомъ партія такого сахара. Изъ ста головъ цѣлыми доѣхало лишь штукъ 6—7, остальные были въ кускахъ и пыли. Благодаря такому положенію вещей выработался особенный способъ пріема получателемъ такого сахара. На вѣсы кладутъ всѣ куски сахара, остающіеся въ грохотѣ, все же просыпающееся сквозь его ячейки идетъ фургонщику, съ котораго взыскиваютъ за недостающее до указаннаго въ накладной количество сахара. На верблюдахъ же сахаръ доходитъ совершенно благополучно въ цѣломъ видѣ.

Керосинъ, который отправляютъ въ Персію въ желѣзныхъ трехъ-пудовыхъ бидонахъ, совершенно не выноситъ перевозки въ фургонахъ. При толчкахъ жезъ пробивается, и керосинъ вытекаетъ. При перевозкѣ на верблюдахъ случаи пролома желѣза очень рѣдки. Впрочемъ, въ послѣднее время бидоны задѣлываютъ въ деревянную оболочку, предохраняющую ихъ отъ пролома при толчкахъ. Этотъ способъ даетъ возможность отправлять керосинъ и на фургонахъ, безъ риска привезти пустые бидоны.

За селеніемъ снова подъемъ, послѣдній, какъ утѣшаетъ меня нашъ возница. Послѣ этого мы спускаемся въ неглубокое каменистое ущелье и ѣдемъ надъ берегомъ пересохшей рѣки и, переславшись черезъ нее по мосту, уже выѣзжаемъ изъ горъ, которыя остаются налѣво и позади насъ.

Дорога пошла теперь по ровному мѣсту слегка подъ гору; по словамъ ямщика, мы должны бы видѣть мѣсто нашего ночлега, городъ Куганъ, до котораго намъ оставалось пять—шесть верстъ. Но, какъ я ни напрягалъ зрѣніе, не могъ различить ни одного огонька. Только подѣхавъ совсѣмъ близко, можно было различить стѣны садовъ, освѣщенные мѣсяцемъ; но огней все же не было видно. Только въѣхавъ въ улицы, я увидалъ, что тутъ живутъ, и что внутри домовъ есть освѣщеніе.

Этотъ городъ существуетъ недавно. Старый Куганъ, давшій свое имя этому, лежитъ верстахъ въ 10-ти къ западу. Городъ въ древности назывался Хабунанъ и уже извѣстенъ въ первыхъ вѣкахъ нашей эры въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ Арсакидамъ.

Онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, бывшимъ здѣсь въ началѣ девяностыхъ годовъ. Часть города была разрушена, часть провалилась въ громадный провалъ. Глиняныя постройки при ударѣ развалились и подавили множество народа. Жители, оставшіеся въ живыхъ, переселились на новое мѣсто и основали теперешній Куганъ. Мѣсто для города было распланировано русскими инженерами, и потому онъ обладаетъ широкими прямыми улицами и лишенъ обычныхъ въ городахъ Персіи узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ переулковъ, мѣшающихъ прїѣзжимъ ориентироваться въ незнакомомъ городѣ.

Около вѣзда находится таможня, «чемрюкъ». Тамъ я предъявилъ выданное мнѣ на границѣ удостовѣреніе, и меня пропустили въ городъ.

Въ Куганѣ находится таможенный инспекторъ, бельгіецъ.

Всѣ товары, идущіе въ Россію черезъ Асхабадъ, Какха и Душакъ, обыкновенно осматриваются и очищаются пошლიной или въ Мешедѣ или въ Куганѣ, гдѣ и находятся таможенные, европейцы. Пограничные же служащіе лишь контролируютъ багажъ проѣзжихъ и провѣряютъ накладныя и квитанціи грузовъ.

Какъ извѣстно, теперь всѣ персидскія таможи находятся подъ главнымъ управленіемъ бельгійцевъ. Главнымъ начальникомъ всѣхъ таможенъ является бельгіецъ Наосъ. Сѣверныя таможи служатъ гарантіей русскаго займа, а потому, въ случаѣ недовольства русскаго правительства дѣятельностью таможенныхъ чиновниковъ, оно имѣетъ право произвести контроль надъ всѣми ихъ дѣйствіями.

Вся Персія раздѣлена на нѣсколько округовъ, которые ввѣрены директорамъ; послѣднимъ, въ свою очередь, подчинены инспектора.

Въ Мешедѣ находится мѣстожителство директора таможенъ Хоросана и Сеистана. Мѣсто это занимаетъ теперь Викторъ Кастень. Таможенные инспектора этого округа находятся въ Нафетабадѣ, столицѣ Сеистана, и Куганѣ.

Прежде таможи были отдаваемы персидскимъ правительствомъ на откупъ. По введеніи европейской системы и замѣщеніи должностей бельгійцами, доходность таможенъ повысилась сразу чуть не втрое.

Остановились мы здѣсь въ караванъ-сараѣ, находящемся на той же большой главной улицѣ, гдѣ находится таможня. Этотъ караванъ-сарай переполненъ фургонами и лошадьми.

Такъ какъ воду поднять стоитъ дорого, да и трудно, персы спускаются къ ней сами. Здѣсь, какъ это мнѣ и потомъ приходилось наблюдать, уровень воды, проведенной издалека, лежитъ довольно низко, на сажень ниже улицы. Для того, чтобы не приходилось черпать воду, а чтобы ее можно налить, подъ караванъ-сараемъ устроенъ спускъ, довольно отлогая каменная лѣст-

стница, покрытая сводомъ. На днѣ—площадка, и въ стѣнѣ устроены кранъ, откуда и берутъ воду.

Утромъ я пошелъ осматривать новый для меня персидскій городъ. По широкой улицѣ нѣсколько домовъ съ большими окнами: это—дома русскихъ купцовъ и склады товаровъ. Купцы эти—почти всѣ армяне. Дальше находятся нѣсколько чайханэ и харчевенъ. Широкія двери открыты настежь: можно видѣть внутреннее устройство этихъ заведеній. Кругомъ комнаты, не имѣющей, кромѣ входной двери, никакихъ другихъ дверей, ни оконъ, по стѣнамъ устроены на аршинъ отъ земли довольно широкой каменный помостъ, на немъ, на паласахъ сидятъ, поджавъ ноги, посѣтители. Хозяинъ ходитъ отъ одного къ другому, передавая кальянъ и поднося чай въ миниатюрныхъ стаканчикахъ. Передъ дверью устроены деревянныя скамейки, и любители чистаго воздуха, сидя на нихъ, наслаждаются чаемъ и кальяномъ.

VI.

Изъ Кугана мы выѣхали поздно, часовъ въ семь утра. Миновавъ широкія пустыя улицы города, проѣхавъ по базару, мы проѣзжали мимо какихъ-то разбросанныхъ и необитаемыхъ глиняныхъ построекъ; но вотъ и онѣ остались позади. Теперь мы ѣдемъ по долинѣ, съ сѣвера и съ юга окаймленной хребтами горъ.

На сѣверѣ—«Копеть-дагъ», составляющій границу съ Россіей, на югѣ—горы Ала-дагъ. Послѣ Кугана мы измѣнили направленіе; пересѣкая до Кугана Копеть-дагъ, мы ѣхали прямо на югъ. Теперь дорога поворачиваетъ на востокъ, почти подъ прямымъ угломъ. Долина, по которой мы теперь ѣдемъ, тянется съ запада на востокъ, отъ береговъ Каспія до долины рѣки Мургаба. Западную ея часть орошаетъ Атрекъ, впадающій въ Каспійское море, восточную же Кешефъ-рудъ, который, сливаясь дальше съ Гери-рудомъ, образуетъ рѣку Тедженъ. Куганъ расположенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ этой долины, и неподалеку отъ него начинаются обѣ эти рѣки. Около Кугана долина шириною верстъ 50. Дорога идетъ по серединѣ, почти въ равномъ разстояніи отъ горъ, по пустынной мѣстности. Вдали отъ дороги, поближе къ горамъ, кое-гдѣ чернѣли сады деревень, рѣзко выдѣляясь на желтомъ фонѣ степи.

Особенно тяжелымъ мнѣ показался первый перегонъ отъ Кугана. Около трехъ съ половиной часовъ мы ѣхали по совершенной пустынѣ; солнце выжгло все, даже и выносливая колючка попадаетъ не всегда.

Въ воздухѣ душно и пыльно, по дорогѣ нѣтъ ни деревца, ни воды. А тутъ, какъ на зло, вдали начинаютъ виднѣться миражи. Еще въ Закаспійской долинѣ, изъ окна вагона, мнѣ показали виднѣющіяся въ степи селенія, говоря, что это миражи. Но тогда

это явленіе не производило на меня никакого впечатлѣнія. Съ одной стороны, потому, что въ вагонѣ чувствовалось гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было подъ открытымъ небомъ, даже и въ привлекательной обстановкѣ, съ другой, потому, что видно было лишь темное пятно, и лишь опытные старожилы Закаспійской желѣзной дороги могли съ увѣренностью сказать, что тутъ пустыня, и все видимое сейчасъ не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь же, уставъ трястись по скверно укатанному шоссе, глотать пыль, мечтаешь объ остановкѣ подъ тѣнью деревьевъ около воды. Миражи здѣсь тѣмъ обманчивѣе, что деревня, которую вы видите, существуетъ на самомъ дѣлѣ, но миражъ лишь приближаетъ ее къ вамъ, увеличиваетъ въ объемѣ, окружаетъ деревьями и располагаетъ ее на берегу озера. Вы ясно видите, какъ вѣтерокъ рябитъ воду, и какъ въ ней отражаются стѣны домовъ и вѣтви деревьевъ. Вы подъѣзжаете ближе, деревня уходитъ отъ васъ, теряя постепенно всѣ манящія прелести. Часъ, другой ѣзды, и вы догоняете ее, ясно видите, что это небольшое селеніе въ сторонѣ далеко отъ дороги, гдѣ нѣтъ ни волнующагося озера, ни чудныхъ развѣсистыхъ деревьевъ.

Здѣсь, какъ въ Закаспійской области, дождя не бываетъ все лѣто. Окрестныя горы слишкомъ низки, снѣговыхъ вершинъ нѣтъ. Рѣки вообще рѣдки. Отъ Кугана до Мешеда мы не переѣзжали ни одной рѣки. Кешефъ-рудъ все время остается налѣво. Притоки его съ южной стороны лѣтомъ высыхаютъ, и дорога пересѣкаетъ лишь три-четыре совершенно сухихъ русла.

Приходится подумать объ искусственномъ проведеніи воды. Дѣйствительно, на желтомъ фонѣ равнины выдѣляются круглыя, воронко-образныя насыпи въ діаметрѣ сажени двѣ, вышиною около двухъ аршинъ. Одна, другая, вотъ онѣ цѣлой вереницей потянулись вдоль дороги, сворачиваютъ въ сторону къ горамъ и, насколько видятъ глазъ, тянутся по направленію къ нимъ. Это—каризы.

Лишенное все лѣто воды, населеніе испоконъ вѣковъ пользуется для питья и для орошенія своихъ полей, садовъ водою, проведенной изъ каризовъ. У подножія горъ копаютъ узкій, въ три четверти аршина, колодезь, до слоя, гдѣ находится подпочвенная вода. Рядомъ съ нимъ, саженьяхъ въ двухъ ниже по склону горы копаютъ другой, еще дальше и ниже третій, четвертый, и такъ, соединяя ихъ подъ землею на уровнѣ воды, ихъ доводятъ почти до самаго селенія, куда надо провести воду. Мѣсто, гдѣ выкопанъ первый колодезь, выбирается выше селенія, такъ что уровень подпочвенной воды здѣсь выше поверхности полей. Каризы, по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, становятся все короче, воду вы видите ближе къ поверхности, и, наконецъ, у самой деревни она выходитъ наружу въ видѣ арыка. Такіе каризы—у каждой деревни;

они тянутся иногда на 30 и больше верстъ. Сколько надо труда, умѣнья и внимательности, чтобы добыть воду и поддерживать это сооруженіе въ порядкѣ! По проведеніи этихъ колодцевъ, они закрываются сверху тонкимъ сводомъ изъ сырыхъ кирпичей, чтобы туда не попадалъ соръ и дождевая вода, которая можетъ размыть и засорить подземный каналъ. Во время ремонта эта крышка разбирается. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ полунагіе персы особыми сильно загнутыми лопатами выгребаютъ со дна каризовъ лишнюю обсыпавшуюся со стѣнъ землю. Видно, что они хорошо понимаютъ, какъ опасно предоставлять это сооруженіе самому себѣ, и потому съ неослабною заботливостью слѣдятъ за этими колодцами, дающими имъ возможность оросить ничтожные на нашъ взглядъ клочки земли.

Наконецъ поднимается вѣтеръ. Вздыхая пыль, онъ свиваетъ изъ нея маленькіе смерчи. На полѣ, гдѣ почва тверда, смерчъ тощъ и прозраченъ, но, попадая на дорогу, онъ сразу становится больше, крутя обильно покрывающую шоссе пыль. Но вотъ онъ снова перешелъ на поле; лишенный питающей его пыли, онъ отрывается отъ земли, долго виситъ и кружится въ воздухѣ длиннымъ, слегка изогнутымъ столбомъ.

Каризы, уже давно тянувшіеся вдоль дороги, прекратились, значитъ, неподалеку вода выведена наружу. Вотъ и арыкъ. Лошади жадно пьютъ, легкій вѣтерокъ относитъ пыль въ сторону, чувствуешь себя бодрѣе. Еще часъ, и мы остановимся для отдыха.

Около одиннадцати часовъ у дороги показывается деревня. Свѣжая зелень пирамидальныхъ тополей пріятно шумитъ. Мечтаешь отдохнуть подъ ихъ тѣнью. Напрасно. Сады огорожены высокою стѣною; туда постороннему нѣтъ входа. На дворѣ караванъ-сарая нѣтъ буквально ни прутика. Караванъ-сарай старый, маленькій и плохо содержимый. Рѣдкій проѣзжій заѣзжаетъ сюда: останавливаются обычно въ слѣдующемъ за этимъ селеніемъ. Здѣсь же ночуютъ лишь караваны.

У вѣзда въ ворота караванъ-сарая находится чайханэ. Заказываемъ тамъ самоваръ, и черезъ полчаса, забравшись въ приготовленное для насъ помѣщеніе, принимаемся за ѣду.

Противъ насъ у противоположной стѣны двора въ холодкѣ расположилось на отдыхъ цѣлое семейство. Скуластыя лица и отсутствіе покрывала на лицѣ у женщинъ указываютъ на ихъ монгольское происхожденіе. Мужчина, нимало не стѣсняясь дамъ, снимаетъ съ себя рубаху и ложится отдыхать. По серединѣ гладко убитаго двора разбросанъ ячмень въ колосѣ. Изъ стойла выгоняютъ двухъ ишаковъ. Связавъ ихъ вмѣстѣ шерстяной веревкой, мальчикъ лѣтъ 15-ти начинаетъ гонять ихъ по раскиданномъ колосьямъ. Бѣгавшія до сихъ поръ по двору дѣти помогаютъ имъ, усердно топчя хлѣбъ ногами. Наши предки полторы тысячи лѣтъ тому назадъ дѣлали то же.

Кончили пить чай, самоваръ убрали и, по словамъ моего человѣка, понесли его къ грязному арыку, зацвѣтшую воду котораго не даютъ даже скотинѣ. Сняли съ него крышку и, зачерпнувъ этой воды, начали мыть его и внутри и снаружи. Это, видите ли, дѣлаютъ потому, что мы осквернили его, наливая изъ него воду въ чайникъ и стаканы. Что же дѣлаютъ съ послѣдними, которыхъ мы касаемся руками и губами, я имѣлъ случай наблюдать на послѣдней остановкѣ передъ Мешедомъ.

Отдохнувъ и покормивъ лошадей, мы часовъ около трехъ дня трогаемся дальше. Сегодня мы должны ночевать въ Чинаранѣ, большомъ селеніи верстахъ въ 25 — 30 отъ Мешеда. Кучеръ объявляетъ мнѣ отличный караванъ-сарай.

Теперь аулы расположены ближе къ дорогѣ. Кое-гдѣ они стоятъ на ней, и дорога проходитъ мимо самыхъ садовъ. Кое-гдѣ по берегу проходящаго около дороги арыка посажены туовыя деревья, но все это встрѣчается не часто, и по большей части ѣдешь по пустынному мѣсту, по голой равнинѣ. Начинаютъ попадаться высохшія русла рѣкъ. Мосты черезъ нихъ почти всѣ поломаны, и приходится дѣлать большіе объѣзды. Мнѣ потомъ рассказывали, что окрестные жители не только не чинятъ проходящей около ихъ селеній дороги, но иногда нарочно портятъ ее и ломаютъ находящіяся на ней мосты. Такъ, недалеко отъ Мешеда есть одно селеніе, черезъ которое шель прежде караванный путь. Новое шоссе, проложенное болѣе прямо, обошло эту деревню, оставивъ ее въ сторонѣ.

Жители, продававшіе проѣзжимъ фуражъ, теперь лишены этого сбыта. Чтобы помочь горю, они систематически ломаютъ мостъ на новой дорогѣ, чтобы проѣзжіе, сдѣлавъ необходимый объѣздъ, заѣхали въ ихъ селеніе, гдѣ поневолѣ имъ приходится останавливаться, такъ какъ въ объѣздъ до ближайшаго придорожнаго караванъ-сарая довольно далеко.

Четыре часа по однообразной дорогѣ показались короче, чѣмъ нашъ утренній переѣздъ. Солнце уже было низко, дулъ сбоку вѣтеръ, относившій пыль въ сторону, воздухъ былъ свѣжъ, и дышалось легко.

Еще нѣсколько селеній, и показались высокія глиняныя стѣны Чинарана съ массивными башнями и бѣлыми зубцами. Владѣтель этого города окружилъ своихъ крестьянъ этою высокою стѣной для наибуднѣйшаго эксплуатированія. Противъ воротъ этой крѣпости по другую сторону дороги находятся два дома, принадлежащіе независимымъ отъ него лицамъ.

Дорога проходитъ между крѣпостью и этими домами. Въ нихъ устроены двѣ-три лавки, чайханэ и харчевня. Рядомъ съ ними расположенъ караванъ-сарай, который мнѣ такъ расхваливалъ мой кучеръ. Онъ дѣйствительно хорошъ. На улицу онъ выходитъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, подъ которое ведутъ ворота со сводами. Боль-

шой квадратный дворъ, куда мы въѣхали черезъ эти ворота, окруженъ комнатами-мензилями. Надъ каждымъ мензилемъ отдѣльная куполообразная крыша. У задней стѣны мензилей нѣтъ, тамъ устроенъ навѣсъ для скота и вьючныхъ животныхъ. Надъ этимъ навѣсомъ во второмъ этажѣ устроенъ рядъ отличныхъ чистыхъ мензилей, выходящихъ на широкую, длинную, поперекъ всего двора, веранду, съ которой виденъ весь дворъ. Заднія двери мензилей выходятъ прямо въ садъ, разбитый сзади караванъ-сарая.

Тутъ меня впервые поразило то обстоятельство, что всѣ эти балконы и плоскія крыши домовъ, на которыхъ персы спятъ лѣтомъ, ничѣмъ не огорожены. Мало того, двери изъ второго этажа открываются прямо на воздухъ, и передъ ними не устроено ни перилъ, ни рѣшетки. Если вы не знакомы съ подобнаго рода устройствомъ, легко можете шагнуть изъ такой двери въ пропасть.

Мы располагаемся на балконѣ; внизу подъ нами стоятъ лошади въ ожиданіи корма. Вотъ несутъ большой самоваръ и подносы съ крохотными стаканчиками, изъ которыхъ персы пьютъ чай; они вдвое ниже и уже нашихъ. Пока приготавливали чай и раскладывали вещи, солнце зашло, и быстро наступила ночь. Ночи сторицею вознаграждаютъ за жаркіе дни. Въ семь съ половиною вечера уже совершенно темно. Ночи здѣсь прохладныя, не то, что въ Асхабадѣ, гдѣ и ночью около тридцати градусовъ. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо на веранду, гдѣ мы сидимъ безъ огня. Сначала неясныя тѣни отъ мѣсяца быстро становятся яркими и отчетливыми; каждый камешекъ, каждый листочекъ со всѣми мельчайшими подробностями отражается на землѣ. На небѣ ни облачка; всѣ деревья залиты дивнымъ серебрянымъ блескомъ. Легкій вѣтерокъ, и все это оживаетъ, и листва начинаетъ переливаться темнотою и блескомъ.

Ночь теплая и тихая. Изъ-за высокихъ стѣнъ крѣпости доносится по тихому ночному воздуху носовое пѣніе: то соло, то цѣлый хоръ. Мотивъ однообразенъ, унылъ, но не лишенъ нѣкоторой своеобразной красоты. Это мусульмане справляютъ юзу, т.-е. постъ, подъ пятницу. Кромѣ того, у нихъ завтра, кажется, какой-то «катль», т.-е. день смерти какого либо чтимаго шіитами святого. Но не всѣ такъ богомольны; за высокой стѣной, отдѣляющей дворъ караванъ-сарая отъ сосѣдняго сада, слышатся смѣхъ и крики.

Хозяинъ этого караванъ-сарая тотъ самый, за арестованіе котораго, какъ я уже говорилъ, такъ жестоко заплатился владѣтель Чинарана. Это—высокій, толстый кавказскій татаринъ, весьма порядительный, услужливый и любезный. Онъ говоритъ немного по-русски.

Утромъ расстаемся съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Сегодня конецъ моимъ странствованіямъ. До Мешеда осталось верстъ тридцать, и мы можемъ доѣхать туда къ часу. Но день

общаетъ быть жаркимъ, и, жалѣя лошадей, рѣшаемъ сдѣлать остановку въ самое жаркое время дня отъ одиннадцати до трехъ и прїѣхать въ Мешедъ по холодку часамъ къ шести вечера.

Потянулась опять та же желтая равнина. Но деревни чаще; вереницы каризовъ тянутся непрерывно по нѣсколькимъ рядовъ сразу.

Вотъ направо отъ дороги на небольшомъ возвышеніи могила какого-то святого. На ней стойкомъ черная плита съ плохо высѣченной надписью и груды мелкихъ камешковъ. Начинаютъ попадаться бахчи и баштаны. У дороги подъ развѣсистымъ тутомъ лежатъ сложенные въ кучу прямо на землѣ арбузы. Тутъ же, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ хозяинъ.

Персы, насколько мнѣ приходилось видѣть, сидятъ на полу не такъ, какъ турки. Они не складываютъ ногъ калачомъ. Они становятся на колѣни и затѣмъ, откидываясь назадъ, садятся на свои собственные пятки. Чтобы сидѣть такъ, надо привыкнуть, иначе безъ привычки страшно ломить колѣна.

Жарко, арбузы такъ аппетитно выглядываютъ изъ-подъ дерева. Велю остановиться и спрашиваю, чтò стоитъ. Оказывается, что онѣ продаются на вѣсъ. На одну чашку вѣсовъ, весьма примитивно изъ веревокъ и палокъ устроенныхъ онѣ накладываютъ нѣсколько булжниковъ, долженствующихъ изображать собою гирию. На другую накладываютъ арбузы. Арбузы не большіе, темно-зеленые, съ свѣтлыми полосками. За три штуки онѣ взяли двадцать пулъ, около семи копеекъ, и это еще очень дорого, такъ какъ арбузы лишь только начинаются. Внутри зрѣлыя арбузы красные и зеленые, при чемъ и зеленые вполнѣ спѣлы и такъ же сладки, какъ и красные.

Вѣсъ, употребляемый въ Персіи, имѣетъ основной единицей батманъ, около семи русскихъ фунтовъ. Сто батмановъ составляютъ халваръ, который въ Хоросанѣ равенъ приблизительно пудамъ восемнадцати. Халваръ есть количество груза, нагружаемого на одного верблюда. Для мелкихъ вещей, для драгоценныхъ металловъ, существуетъ маленькая единица вѣса—мицкаль. Какъ батманъ, такъ и халваръ въ разныхъ областяхъ Персіи означаютъ разное количество вѣса: въ Хоросанѣ одно, въ Ширазѣ другое, въ Тавризѣ третье. Поэтому при сдѣлкахъ и обязательствахъ необходимо обозначать, что расчетъ будетъ производиться батманами или халварами такой-то мѣстности.

Снова тянутся пустынные поля. Ямщикъ обращаетъ мое вниманіе на довольно большіе круглые камни, лежащіе прямо на самой дорогѣ. За ними тянется слѣдъ по пыли; видно, что ихъ недавно катили. Эти камни святыя, издавна съ горъ за Куганомъ идутъ они сами въ Мешедъ. Путь отъ Кугана до Мешада они совершаютъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Поверхность ихъ вся испарана отъ долгой дороги, но они терпѣливо, медленно подвигаются

все ближе къ своей цѣли, къ святынѣ Мешедъ, къ гробницѣ имама Ризы, чтобы стать тамъ частью стѣны какого либо священнаго зданія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣруютъ набожные мусульмане.

Но мой скептикъ кучеръ объясняетъ мнѣ эту тайну. Каждый паломникъ, проходящій въ Мешедъ на богомолье, катитъ такой камень сажени двѣ-три, по направленію къ Мешеду. Мало-по-малу камень дотаскиваютъ до стѣнъ города. Тогда его ночью проносятъ въ священную часть Мешедъ Бестъ и тамъ уже употребляютъ на постройки мечетей.

VII.

Не доѣзжая до Мешедъ верстъ 12, или по персидскимъ мѣрамъ двухъ фарсаговъ, мы останавливаемся въ небольшомъ селеніи. Караванъ-сарая тутъ нѣтъ. Дорога тянется между высокими стѣнами садовъ. Вотъ черезъ дорогу протекаетъ широкій арыкъ чистой, прозрачной холодной воды. На берегу арыка растутъ два-три развѣсистыхъ тута. Здѣсь у самой дороги мы останавливаемся. Лошадей отпрягаютъ, готовятъ имъ кормъ. У стѣны въ тѣни раскладываемъ наши вещи и дорожную провизію. Тутъ же неподалеку отъ насъ находится чайханэ. Иду туда, чтобы велѣть принести самоваръ. Хозяинъ татаринъ заявляетъ, что самовара онъ не дастъ, но что если хотимъ, то пришлетъ кипятокъ въ чайникъ. Немного удивленный такою нелюбезностью, соглашаюсь и начинаю выбирать изъ лежащей у дверей лавки кучи дынь. Беру одну въ руки, тянусь за другой, но нелюбезный хозяинъ кричитъ: «не трогай руками», и требуетъ, чтобы я купилъ ту дыню, которую я уже бралъ въ руки и тѣмъ уже ее осквернилъ. Подобный фанатизмъ со стороны хозяина татарина я могъ объяснить лишь тѣмъ, что въ глубинѣ лавки на идущемъ кругомъ стѣнъ помостѣ, поджавъ ноги, сидѣли два перса въ пестрыхъ чалмахъ и длинныхъ халатахъ.

По зеленымъ поясамъ узнаю сеидовъ, т.-е. потомковъ пророковъ, считающихъ себя въ правѣ слѣдить за вашимъ поведеніемъ и дѣлать замѣчанія, /если имъ покажется, что вы не точно слѣдуете всѣмъ предписаніямъ мусульманскаго закона. Теперь этихъ сеидовъ развелось великое множество. Въ число ихъ попасть не трудно, ибо для признанія сеидомъ требуется, чтобы васъ признали таковымъ нѣсколько уже признанныхъ сеидовъ. Такъ какъ теперь среди сеидовъ попадаются и нищіе, то за нѣсколько тумановъ вы легко можете приобрести нужныя признанія. Поэтому теперь взглядъ на сеидовъ измѣнился, и къ нимъ относятся уже съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. Но не такъ давно было время, когда богатые мусульмане считали за честь выдать свою дочь съ хорошимъ приданымъ за проходимца сеида, лишь бы породниться съ домомъ пророка.

Сеиды пользуются особенной охраной. За обиду и убійство сеида наказаніе гораздо строже, чѣмъ за такія же преступленія противъ простаго смертнаго. Всѣ мусульмане должны платить хумсъ, т.-е. пятую долю своихъ доходовъ, на пропитаніе дома пророка, этихъ тунейдцевъ сеидовъ. Но теперь это правило исполняется весьма немногими, уже черезчуръ набожными людьми.

Не меньше, пожалуй, чѣмъ сеидовъ, въ Персіи принцевъ, персидски «шахзодэ». При существующихъ у мусульманскихъ правителей многочисленныхъ гаремахъ не мудрено, что по смерти каждаго остается множество дѣтей. Одинъ дѣлается наслѣдникомъ престола, нѣсколько другихъ отъ главныхъ или болѣе любимыхъ женъ получаютъ какія нибудь назначенія, а остальные предоставляютъ самимъ себѣ.

Имѣя въ свою очередь по нѣскольку женъ, они быстро размножаются, и ихъ внуки превращаются по матеріальному положенію почти въ нищихъ, сохраняя свой титулъ. Какъ сеидовъ, такъ и шахзодэ, вы часто можете встрѣтить среди многочисленной челяди богатыхъ персовъ. Такъ у мешедскаго каргузара, т.-е. персидскаго чиновника для дипломатическихъ сношеній есть такой принцъ въ должности кальянги. И хозяинъ, требуя отъ него кальянъ, кричитъ: «Эй, шахзодэ, тащи кальянъ», что въ русскомъ переводѣ звучитъ довольно странно.

Благодаря присутствію этихъ двухъ сеидовъ, которые могли причинить хозяину чайханэ крупную неприятность, обвинивъ его въ излишней любезности съ невѣрными, онъ и былъ, полагаю, такъ грубъ и фанатиченъ. Обыкновенно же кавказскіе татары довольно индифферентны и во всякомъ случаѣ любезны и предупредительны.

Напившись чая безъ самовара изъ довольно грязнаго чайника, принимаемъ за дыню, она великолѣпна. За дыней любимъ слѣдующимъ милымъ зрѣлищемъ: какъ я уже сказалъ, намъ самовара не давали, а дали лишь чайникъ и стаканы. Послѣ того, какъ мы напился чая, всю посуду отнесли къ арыку, въ которомъ только что стояли ишаки, и въ которомъ правовѣрные мусульмане, совершая омовеніе, мыли голову, руки и ноги, и въ трехъ шагахъ отъ насъ стали тщательнѣйшимъ образомъ перемывать всѣ стаканы и чайникъ. Мыли не какъ нибудь, а оттирали стекло пескомъ, продѣлывая все это съ самой серьезной миной.

Мимо насъ проходятъ ишаки съ грузомъ. Проѣзжаетъ фаятонъ изъ Мешедэ. Всѣ останавливаются у этой воды поить. Кучеръ фаятона, кавказскій татаринъ, вступаетъ въ разговоръ съ моимъ ямщикомъ. Узнавъ отъ него, что я ѣду въ Мешедъ и буду видѣть консула, онъ обращается ко мнѣ съ просьбою сообщить консулу объ отвратительномъ состояніи дороги, о поломанныхъ мостахъ, арыкахъ, прорытыхъ поперекъ дороги, и другихъ прелестяхъ, удли-

няющихъ и затрудняющихъ и безъ того не близкій и трудный для лошадей путь.

Изъ-за поворота дороги показываются два бѣлыхъ крупныхъ ишака. На нихъ, на мягкихъ кожаныхъ сѣдлахъ ѣдутъ двѣ персидскія дамы; лицо закрыто «рубендомъ», т.-е. кускомъ бѣлой матеріи съ четырехугольнымъ отверстіемъ, гдѣ вставлена крупная сѣтка изъ толстыхъ нитокъ. Это отверстіе приходится противъ глазъ. За ишаками идетъ пѣшкомъ провожатый. Пользуясь тѣмъ, что мусульманъ на улицѣ нѣтъ, а идущему сзади проводнику не видно, обѣ откидываютъ въ сторону рубендъ и съ любопытствомъ меня разсматриваютъ. Обѣ очень хорошенькія. Постоянно закрытое покрываломъ лицо не загораетъ, и кожа остается нѣжной, матово-смуглой. Подъѣзжая къ арыку, онѣ останавливаются поить ишаковъ. Въ это время у одной изъ нихъ сваливается чуть держащаяся на ногѣ туфля, и дама безпомощно машетъ въ воздухъ ножкой, обутой, въ черный матерчатый чулокъ, составляющій одно цѣлое съ широкими черными же шароварами. Провожатый, замѣтивъ это, подбираетъ туфлю и водворяетъ на должное мѣсто.

Можно удивляться, какъ персы не теряютъ при верховой ѣздѣ своихъ туфель. Сапоговъ съ голенищами тамъ не употребляетъ никто. Всѣ носятъ туфли безъ задковъ или со смятыми задками и, ѣдя постоянно верхомъ, ловко удерживаютъ ихъ на ногѣ. Это положеніе не представляетъ исключенія, такъ какъ ближайшіе ихъ сосѣди туркмены, отличные наѣздки, такъ же ѣдятъ въ туфляхъ, удерживая ихъ большимъ пальцемъ ноги.

Жаръ уже начинаетъ спадать, лошади поѣли кормъ, можно двигаться. Намъ надо пріѣхать въ Мешедъ засвѣтло, ибо съ заходомъ солнца ворота города запираются, и мы можемъ остаться ночевать въ полѣ. Отдохнувшія лошади бѣгутъ весело, догадываясь, что скоро продолжительный отдыхъ. Солнце уже низко, вѣтеръ приноситъ прохладу съ горъ. Мешедъ лежитъ ближе къ горамъ Биналудъ, составляющимъ продолженіе Ала-дага, и дальше отъ горъ Копетъ-дага, пограничныхъ съ Россіей.

Такимъ образомъ, дорога отъ Кугана до Мешедъ пересѣкаетъ наискось эту долину.

Деревни попадаютъ все чаще и чаще. Вода, выведенная наружу далеко выше города, бѣжитъ открыто по арыкамъ. Вдоль воды насаженъ въ два ряда тутъ, и арыки эти кажутся издали широкими аллеями. Но вотъ показался Мешедъ; изъ моря зелени виднѣются желтыя стѣны, кровли домовъ, купола зданій, и надъ всѣмъ этимъ блестятъ и искрятся на солнцѣ золотые минареты и куполъ имама Ризы.

На мѣстѣ, откуда подъѣзжающимъ къ Мешеду паломникамъ впервые открывается видъ на святыню, обыкновенно совершается молитва. Такія мѣста, особенно обозначенныя, есть на всѣхъ

дорогахъ къ Мешеду. Скоро начинаются городскіе сады, находящіеся вѣ стѣнѣ.

Въ садахъ—плодовые деревья и виноградъ, но все это огорожено высокими глинобитными стѣнами, и изъ-за стѣнъ видны лишь вершины насажденныхъ по краямъ сада пирамидальныхъ топелей, да случайно перекинувшаяся черезъ ограду прядь виноградной лозы. Большія ворота въ этихъ стѣнахъ, ограждающихъ сады, попадаются рѣдко. Для постоянного пользованія устраиваются маленькія дверки изъ камня. И косяки, и порогъ съ притолокой, и сама дверь—все высѣчено изъ мешедскаго чернаго камня. Правда, она не велика, аршина полтора, но зато практична. Такая дверь не сгнѣтъ и не заржавѣтъ. Не знаю только, легко ли она отворяется.

Передъ городомъ дорога становится лучше, а мосты цѣлы, и арки поперекъ дороги не прокопаны, какъ это было до сихъ поръ. Такое варварское обращеніе съ дорогой я объясняю себѣ тѣмъ, что туземные жители колесными дорогами сами не пользуются. Кромѣ фургонновъ, совершающихъ путь по шоссе, и фаэтоновъ, другихъ колесныхъ экипажей не употребляютъ. За полтора мѣсяца я видалъ лишь двѣ-три арбы съ большими колесами и то въ самомъ городѣ. За городомъ же помимо шоссе вы нигдѣ не встрѣтите никакого колеснаго экипажа. Поэтому и дороги такъ устроены, что можно отлично проѣхать верхомъ, но совершенно невозможно въ экипажѣ. Даже и по степи, гдѣ мѣсто ровное, дорога для колесъ не годится, ибо черезъ канавы, постоянно пересѣкающія путь, мостовъ нѣтъ, а если и есть мостъ, то шириною въ полъ-аршина, такъ что и верхомъ по нему страшно ѣхать. Когда же приходится ѣхать въ фаэтонѣ по такой дорогѣ, то персы захватываютъ съ собой въ экипажъ пару толстыхъ досокъ, по которымъ они и переѣзжаютъ каждую встрѣчную канаву. Тутъ дорога имѣла приличный видъ, да, кромѣ того, ее поправляли, ожидая пріѣзда въ Мешедъ какого-то принца.

Ремонтъ дороги заключался въ томъ, что снова прокапывали обвалившіяся канавы и на полотно дороги насыпали мелкую гальку съ пескомъ и глиной. Эта смѣсь очень скоро укатывается, и дорога получается отличная. Но теперь ѣхать по только что насыпанной галькѣ было трудно, колеса вязли почти на четверть.

Наконецъ сады кончаются, и передъ нами стѣны Мешеды. Стѣна—глинобитная съ такими же башнями. Дорога идетъ къ воротамъ, надъ которыми двѣ облицованныя изразцами башенки аршина полтора въ діаметрѣ. Сквозь эти башенки просунуты палки, на которыя вѣшаютъ головы и части тѣла казненныхъ. Но, къ счастью, на этотъ разъ на нихъ ничего не было. Недалеко передъ воротами находится небольшой домикъ, гдѣ у проѣзжающихъ требуютъ паспортъ. Я имъ отдалъ свой, и они обѣщали доставить мнѣ его передъ отъѣздомъ. Вѣзжаемъ въ ворота. Подъ длинными сводами

въ темнотѣ у подножки экипажа вырисовывается фигура таможеннаго служителя. Онъ почитательно кланяется и вскакиваетъ на подножку, чтобы мы не проѣхали мимо таможни. Улица начинается прямо отъ воротъ. Она идетъ по обонимъ берегамъ широкаго арыка, вдоль него насажены вѣсковые чинары. Черезъ арыкъ перекинуты безчисленные мостики для пѣшеходовъ и верховыхъ. Вотъ и таможня съ развѣвающимся надъ ней флагомъ со львомъ и солнцемъ. Отдаю полученное мною на границѣ удостовѣреніе и трогаюсь дальше.

Народу встрѣчается все больше и больше. Верблюды, ишаки, лошади, овцы, женщины, дѣти, солдаты-сарбазы, дервиши, персы, туркмены, пѣшіе и верховые загораживаютъ дорогу и задерживаютъ насъ.

Ѣдемъ шагомъ. Переѣзжаемъ по одному изъ мостиковъ арыка, проѣзжаемъ мимо нѣсколькихъ лавокъ и чайханъ, устроенныхъ на балконахъ во второмъ этажѣ, и сворачиваемъ въ узкую малолюдную улицу.

Два поворота, и мы подъѣзжаемъ къ калиткѣ, въ высокой кирпичной стѣнѣ надъ которой установленъ флагштокъ. На зовъ моего кучера изъ воротъ сосѣдняго двора выбѣгаютъ его знакомые казаки, радостно привѣтствуютъ насъ, отпираютъ калитку, и я въ тѣнистомъ саду консульства.

Дмитрій Бѣляевъ.

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ВОЗМОЖНОЙ войнѣ съ Японіей говорили во Владивостокѣ всю осень и зиму... и довольно настойчиво, но такъ какъ такіе слухи здѣсь явленіе обыкновенное, то ими никто особенно не тревожился. «Какая война можетъ быть,—разсуждали владивостокцы,—если увольняютъ изъ полковъ въ запасъ?».

На улицахъ Владивостока передъ самымъ Рождествомъ дѣйствительно попадались солдаты съ черными поперечными полосками на погонахъ, только-что уволенные въ запасъ нижніе чины желѣзнодорожнаго батальона.

Были, впрочемъ, и другіе признаки; стоявшимъ резервомъ въ гавани четыремъ крейсерамъ и транспорту объявили кампанію. «Ну, это сдѣлано,—объяснили шутники,—чтобы не очень ужъ обижать команды здѣшнихъ судовъ. Въ Артурѣ ихъ товарищи получаютъ, какъ въ плаваніи... эти же терпятъ голодъ ¹⁾ и холодъ». Плотно охваченныя толстымъ слоемъ льда недвижно стояли боевыя суда во Владивостокской гавани.

Только ледоколъ «Надежный», цѣлую зиму ломавшій ледъ по-среди́нѣ бухты ²⁾, да легкій дымокъ надъ одной изъ трубъ каждаго

¹⁾ Находящіяся въ плаваніи моряки получаютъ гораздо больше, чѣмъ на берегу или въ резервѣ.

²⁾ Поддерживая, такимъ образомъ, свободнымъ отъ льда каналъ для выхода судовъ въ море.

крейсера показывалъ, что эскадра ежечасно можетъ перейти отъ холоднаго состоянiя къ самой кипучей дѣятельности.

«Слышали, господа,—говорить въ аудиторiи восточнаго института вольнослушатель офицеръ-морякъ,—съ Японiей не ладно, ожидается тревога. Команды запрещено спускать съ судовъ, и офицеры, отправляясь на берегъ, обязаны оставлять на суднѣ адресъ мѣста, куда они идутъ въ отпускъ»... Проходитъ день, другой; на Свѣтланской ¹⁾ опять появляются матросы съ эскадры; на льду, въ промежуткахъ между судами, на нарочно устроенныхъ каткахъ, снуютъ на конькахъ ихъ же фигуры. Тутъ же, около, ѣздятъ легковые извозчики, скрипятъ «китайскiя арбы» съ подвозимымъ къ судамъ каменнымъ углемъ. Особенно начинается углемъ транспортъ «Лена» ²⁾, предназначенный служить пловучимъ складомъ топлива и боевыхъ припасовъ для владивостокской крейсерской эскадры на случай войны. Почти рядомъ съ транспортомъ стоитъ прибывшiй изъ Англiи громадный океанскiй пароходъ, съ котораго сотни чернорабочихъ китайцевъ перегружаютъ на него уголь. Бѣлые кузова военныхъ судовъ покрылись угольною пылью. Съ углемъ изъ-за границы пришло еще сразу три парохода, въ томъ числѣ англiйскiй «Африди»; на немъ уѣзжаютъ японцы; послѣ 20-го января они начали спѣшно ликвидировать свои дѣла; мастерскiя и другiя промышленныя заведенiя передавали русскимъ, китайцамъ, или со-всѣмъ закрывали; въ многочисленныхъ японскихъ магазинахъ, лавкахъ, шла распродажа; вещи продавались за безцѣнокъ; напри-мѣръ, гарнитуръ вѣнскон мебели за 10 рублей, часы, стоимшiе 10—20 рублей, за 1—2 рубля. Покупали, преимущественно, кита-йцы (русскiе неохотно: имъ самимъ въ случаѣ войны пришлось бы уѣзжать изъ Владивостока). Китайцы же дѣлали съ малыми деньгами большiя дѣла, распуская подъ рукою слухи между япон-цами, что какъ только будетъ война, русскiе съ ними поступятъ такъ же, какъ съ китайцами въ Благовѣщенскѣ въ прошлую войну. Распродавъ имущество и оставивъ лишь необходимое, японцы спѣшили въ перебой занять мѣста на «Африди». Этотъ пароходъ специально грузовой, пассажирскихъ мѣстъ — ни одного; японцы располагались на немъ въ трюмахъ, на нарахъ, наскоро сколоченныхъ, безъ всякаго намека на какiя либо перегородки; въ штормъ, даже въ простую качку люди при такомъ размѣщенiи не-минуемо должны были сваливаться въ одну кучу. Кухня на па-роходѣ только на 40 человекъ команды; слѣдовательно, неволь-ные пассажиры «Африди» не могли пользоваться кипяткомъ, не говоря уже о горячей пищѣ. Я посѣтилъ пароходъ передъ са-мымъ отходомъ — духота, тѣснота, кучи скарба, поверхъ ихъ дѣ-

¹⁾ Главная улица Владивостока, параллельно набережной.

²⁾ Приспособленъ для этой цѣли изъ добровольца «Херсона».

«истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. хсѳі.

тишки, съ любопытствомъ смотрѣвшія на окружавшую ихъ сутолоку; многія женщины въ слезахъ; между ними есть няни ¹⁾ русскихъ дѣтей, которыя вмѣстѣ съ матерями пришли проводить своихъ нянь; дѣти, ласкаясь, передаютъ имъ подарки—больше съѣстное, фрукты; японки трогательно прощаются съ своими питомцами; вотъ одна японка, обнявши русскаго ребенка, истерически рыдаетъ. Мужчины-японцы съ разстроенными, растерянными лицами—и немудрено: они потеряли почти все имущество, годами, съ трудомъ нажитое въ Россіи; имъ не привлекателенъ даже скорый возвратъ на родину. Русскіе спрашиваютъ: почему они такъ спѣшать уѣзжать—вѣдь войны еще нѣтъ; да если и будетъ война, то нечего бояться имъ, мирнымъ и полезнымъ для края труженикамъ ²⁾).

Японцы говорятъ о предупреждающихъ письмахъ съ родины; говорятъ, что г. Каваками, коммерческой японскій агентъ во Владивостокѣ, посовѣтовалъ имъ скорѣе уѣзжать... Когда же, потомъ, спрашивали самого г. Каваками, то онъ отвѣчалъ: «я предупреждалъ своихъ соотечественниковъ только о возможности скорой войны и посовѣтовалъ имъ воспользоваться пароходомъ «Африди»,— послѣ всѣмъ сразу уѣзжать будетъ труднѣе ³⁾... Однимъ словомъ, никто ничего вѣрнаго не зналъ, хотя признаки грозныхъ грядущихъ событій увеличились еще однимъ; на другой же день послѣ ухода «Африди» съ японцами, на стоявшихъ въ бухтѣ крейсерахъ началась усиленная работа; убирались деревянные части, суда перекрашивались... Публика съ тревожнымъ любопытствомъ наблюдала, какъ мирная бѣлая окраска судовъ замѣнялась мрачнымъ боевымъ чернымъ цвѣтомъ...

25-го января, утромъ, я, какъ старшій въ чинѣ на курсахъ института офицеръ, получилъ предписаніе отъ начальника штаба крѣпости предложить семейнымъ офицерамъ-слушателямъ дать въ штабъ свѣдѣнія о составѣ ихъ семействъ и о мѣстахъ, куда они желали бы отправить семейства изъ крѣпости на время войны. Между тѣмъ занятія въ институтѣ ⁴⁾ шли своимъ чередомъ; даже моряки офицеры, одинъ судовой «батюшка»—іеромонахъ, готовящійся въ миссіонеры на Дальнемъ Востокѣ, и одинъ судовой врачъ (тоже съ эскадры) посѣщали лекціи; хотя кое-кто изъ легкомыслен-

¹⁾ И, по общимъ отзывамъ, очень хорошія няни.

²⁾ Самые добросовѣстные въ краѣ сапожники, столяры, портные, вообще мастеровые и торговцы—это японцы.

³⁾ Самъ Каваками уѣхалъ съ послѣдней партіей уже послѣ объявленія войны.

⁴⁾ Восточный институтъ во Владивостокѣ. Осенью этого года исполнится только пять лѣтъ со времени открытія института, а уже многіе изъ его питомцевъ, какъ студентовъ, такъ и офицеровъ, приносятъ посильную пользу своими познаніями въ качествѣ образованныхъ переводчиковъ въ различныхъ штабахъ дѣйствующей противъ японцевъ арміи.

ныхъ молодыхъ людей, ожидая войны, не ходили на лекціи; правда, они раньше дѣлали частенько то же самое, только не такъ рѣшительно.

27-го, утромъ, я также рѣшилъ пропустить двѣ первыя лекціи (не по языкамъ); по дорогѣ на третью завернулъ къ памятнику Невельскаго ¹⁾, откуда вся бухта видна, какъ на ладони. Смотрю— на двухъ крейсерахъ поднялись цѣлыя десятки цвѣтныхъ сигнальныхъ флаговъ; флаги поднялись, потомъ опустились и опять поднялись... вокругъ судовъ по льду бѣгаютъ матросы... что-то убираютъ (кажется, якорныя цѣпи); кромѣ того, спѣшно подвозятъ на китайскихъ телѣгахъ какія-то вещи... Иду съ набережной въ институтъ; вслѣдъ за мной несется кромкое «ура»: какъ потомъ оказалось, команды судовъ такъ встрѣтили объявленіе имъ войны...

Встрѣчаю одного изъ офицеровъ-слушателей. «Слышали,—сегодня всѣхъ насъ требуютъ въ штабъ крѣпости»... говоритъ онъ.— «Не знаю»,—отвѣчаю... Въ аудиторіи студенты при видѣ входящихъ офицеровъ кричатъ «ура». Моего и другихъ курсовъ офицеры спрашиваютъ меня, какъ старшаго ²⁾, «вѣрно ли, что всѣхъ офицеровъ изъ института требуютъ сегодня въ штабъ крѣпости получать подъемныя деньги...» ³⁾—«Не знаю—я сегодня въ штабъ не былъ, а сидѣлъ дома и готовился къ репетиціи по географіи» ⁴⁾.— Стало уже извѣстно о ночномъ нападеніи японцевъ съ 26-го на 27-е января на нашу эскадру въ Артурѣ... всѣ взволнованно обсуждаютъ, какъ поступать съ нами, слушателями; лекція, вѣроятно, прекратятся, но зачтутъ ли намъ курсъ, будутъ ли экзамены, если будутъ, то когда...

Вошелъ профессоръ китайскаго языка, быстро размѣщаются студенты и офицеры по партамъ, шопотъ нѣкоторое время еще продолжается, потомъ все успокаивается; лекція началась... Профессоръ, видимо сдерживая волненіе, спрашиваетъ очередныхъ... какъ онъ, такъ и его слушатели не могутъ сосредоточить свое вниманіе на китайскомъ языкѣ: головы невольно поворачиваются къ окнамъ ⁵⁾, къ сторонамъ бухты; оттуда слышны крики «ура» народа, собравшагося проводить эскадру... мѣшаютъ заниматься шумъ,

¹⁾ Контръ-адмиралъ Невельскій вмѣстѣ съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ были главными дѣятелями по присоединенію къ Россіи Уссурийскаго края.

²⁾ На каждомъ курсѣ есть одинъ старшій студентъ и одинъ старшій офицеръ. Старшій въ чинѣ офицеръ считается старшимъ для офицеровъ всѣхъ курсовъ.

³⁾ Выдаются всѣмъ офицерамъ на экстренныя надобности для военнаго похода.

⁴⁾ Это было время начала вторыхъ репетицій (первыя репетиціи въ ноябрѣ, а послѣднія, третьи, въ мартѣ).

⁵⁾ Институтъ на высокомъ мѣстѣ, недалеко отъ набережной; зимнія рамы ради экстреннаго случая открыты.

топотня и тоже «ура» гимназистовъ въ классахъ верхняго этажа¹⁾; потолокъ ходитъ ходуномъ: тамъ—взрывъ патріотизма и радости по случаю окончанія занятій...²⁾ Студенты, офицеры, гимназисты шумно идутъ изъ института на набережную, гдѣ густая толпа народа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за движеніями «Надежнаго», ломающаго ледъ около крейсеровъ; вотъ наконецъ ледяныя оковы разбиты, якоря подняты, черный дымъ густыми клубами валитъ изъ трубъ, слышны первые удары могучаго винта, и «Россія» медленно, какъ бы собираясь съ силами, при звукахъ народнаго гимна и громкихъ крикахъ «ура» двинулась въ открытое море, за ней—«Богатырь» и др.³⁾

Сомнѣній о началѣ военныхъ дѣйствій не оставалось, когда вечеромъ въ этотъ же день начальникъ штаба крѣпости, баронъ Будбергъ⁴⁾, собравъ насъ, сказалъ, что объявленія мобилизаціи ждуть съ часа на часъ... Подъемныхъ денегъ намъ, впрочемъ, не дали, а только предложили провѣрить правильность расчета имъ; не дали денегъ, потому что еще не было рѣшено, отправить ли насъ, офицеровъ-слушателей, по своимъ частямъ, или оставить въ крѣпости... Изъ штаба мы зашли въ ресторанъ и устроили тамъ блины на прощанье, встрѣтивъ, такимъ образомъ, масленицу и объявленіе войны... тамъ же рѣшили купить и поднести ученые значки кончавшимъ въ этомъ году курсъ института двумъ офицерамъ⁵⁾...

29-го января, мнѣ немного нездоровилось; на дворѣ морозъ и снѣжная буря—никуда не выходилъ; вечеромъ зашли кое-кто изъ товарищей и сообщили, что мобилизація объявлена, но относительно насъ нѣтъ никакихъ распоряженій, денегъ не дадутъ; офицеры горюютъ,—могли бы⁶⁾ уѣхать къ своимъ частямъ, безъ денегъ этого сдѣлать нельзя: нѣкоторые полки стоятъ за 1.000 верстъ отъ Владивостока. На другой день пришелъ въ институтъ держать репетицію⁷⁾ по китайскому языку; занятія уже начались, офицеровъ—ни одного (они кончили раньше). Профессоръ спрашиваетъ

1) Восточный институтъ и мужская гимназія, имѣя одного директора, пока помѣщаются въ одномъ зданіи.

2) По плану мобилизаціи: въ случаѣ войны занятія въ учебныхъ заведеніяхъ Владивостока прекращаются, и сами учрежденія переводятся въ другіе города.

3) «Россія», «Богатырь», «Громобой» и «Рюрикъ».

4) Подполковникъ генеральнаго штаба; всѣ офицеры-слушатели въ военномъ отношеніи подчиняются ему.

5) Штабсъ-капитанамъ Козлянинову и Аванасьеву.

6) Въ первые дни мобилизаціи начальникъ штаба крѣпости разрѣшилъ офицерамъ уѣзжать, но съ отчисленіемъ отъ института.

7) Въ теченіе учебнаго года три репетиціи: въ ноябрѣ, февралѣ, мартѣ; февральская—главная, тѣмъ болѣе, что исправляющимъ должность директора института, профессоромъ Недошивинымъ, было возбуждено ходатайство зачесть намъ, офицерамъ-слушателямъ, эту репетицію за переходный экзаменъ.

по очереди студентов; тѣ читаютъ китайскія фразы, потомъ переводятъ на русскій. «Такъ, такъ,—говоритъ профессоръ:—«ну, а какіе вы знаете «тоны»¹⁾ въ китайскомъ языкѣ?»... За студентами очередь священника²⁾. Переаживаюсь на переднюю скамейку рядомъ съ нимъ, чтобы скорѣе отдѣлаться—пора итти являться военному начальству... пытаюсь вслушаться въ отвѣтъ священника; студенты-сосѣди мѣшаютъ, спрашивая въ полголоса меня: «ну, что, когда уѣзжаете, куда?»—я отмахиваюсь...—«Можете вы, капитанъ, держать репетицію?»—говоритъ профессоръ, обращаясь ко мнѣ.—«Такъ или иначе, а надо, г. профессоръ: откладывать нельзя—вотъ предписание явится въ строй, на службу»...—«Куда же вы назначены?»—Отвѣчаю.—«Прочтите вотъ это»,—переходитъ къ дѣлу профессоръ; читаю и слышу за спиной шопотъ студентовъ: «сейчасъ тебя спросятъ».—«Не могу, всѣ іероглифы выскочили изъ головы—приходится итти подъ штыкъ»³⁾.—«Расскажите, что прочитали... какъ выражаются дательный и родительный падежи въ китайскомъ языкѣ?»—спрашиваетъ меня профессоръ.—«Довольно, хорошо».—Я встаю, раскланиваюсь съ нимъ, съ студентами... Противъ обыкновенія Петръ Петровичъ⁴⁾ крѣпко жметъ мою руку, студенты провожаютъ меня сочувственными взглядами.

Бѣду въ штабъ крѣпости; тамъ, являясь генералу Артамонову⁵⁾, говорю: «Если ваше превосходительство дадите мнѣ чтонибудь выше роты (намекаю на фортъ)⁶⁾, то позвольте остаться во Владивостокѣ, если же нѣтъ, то прошу разрѣшенія отправиться въ полкъ—командовать ротой лучше въ своемъ полку»... Генераль, знавшій меня еще въ Китайскую войну, улыбаясь отвѣчаетъ: «форта дать вамъ не могу—начальники туда уже назначены изъ здѣшнихъ полковъ, а мы дадимъ вамъ дружину изъ охотниковъ»...—«Слушаю, это почти что баталіонъ».—«До сформированія же дружинъ я назначаю васъ въ распоряженіе командира 30-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; онъ—начальникъ одного изъ участковъ обороны; ему офицеры нужны; онъ можетъ назначить васъ, пока, начальникомъ оборонительнаго сектора⁷⁾... явитесь къ нему немедленно»... за-

¹⁾ «Тоны», или ударенія (понашему), имѣютъ важное значеніе въ китайскомъ языкѣ, при неправильной тонировкѣ говорящій по-китайски иностранецъ не будетъ понятъ китайцемъ.

²⁾ Вдовый священникъ, слушающій курсы, чтобы быть потомъ миссіонеромъ на Дальнемъ Востока.

³⁾ Говорилъ одинъ изъ студентовъ, призванный по мобилизаціи для отбыванія воинской повинности.

⁴⁾ Петръ Петровичъ Шмидтъ—профессоръ китайскаго языка.

⁵⁾ Бывшій начальникъ штаба Южно-Манчжурскаго отряда и нынѣ начальникъ 8-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады.

⁶⁾ Вся крѣпость Владивостокъ состоитъ изъ отдѣльныхъ батарей и фортовъ, концы увѣнчаны всѣ возвышенности вокругъ города.

⁷⁾ Часть участка оборонительной линіи для двухъ—трехъ ротъ.

кончилъ генераль. Затѣмъ докладываю начальнику штаба крѣпости просьбу инспектора института о томъ, чтобы штабъ сдѣлалъ официальное увѣдомленіе о прекращеніи по случаю войны въ институтѣ занятій для офицеровъ, и ѣду въ «гнилой уголь»—мѣсто расположенія 30-го полка, но командира полка, полковника Жукова, дома не засталъ, а представился ему на другой день...

Спустя послѣ этого почти мѣсяцъ, въ Манчжуріи, въ Ляоянѣ, припомнился мнѣ до мельчайшихъ подробностей кабинетъ командира 30-го полка со стоявшимъ тамъ знаменемъ, когда я прочиталъ о бомбардировкѣ Владивостока 22-го февраля; оказалось, что одна изъ гранатъ, пущенныхъ японцами, попала въ домъ командира, прошла черезъ спальню и кабинетъ, развалила при этомъ печь, попортила мебель и, пронизавъ противоположную стѣну, разорвалась около полкового денежнаго ящика, который стоялъ у параднаго крыльца... Осыпанный снѣгомъ и землей, окутанный дымомъ отъ газовъ разорвавшагося снаряда и видя снопъ пламени, часовой у ящика громко крикнулъ: «разводящаго къ знамени!»...

Знамя тотчасъ же вынесла супруга командира полка вмѣстѣ съ вѣстовыми ¹⁾... Не думалъ я 30-го января, стоя около этого знамени въ маленькомъ кабинетикѣ полковника Жукова, что черезъ это, именно, мѣсто 22-го февраля пролетитъ непріятельскій снарядъ...

Передъ вечеромъ 30-го января зашелъ я на вокзалъ, оттуда прошелъ на пристань; на станціи вагоны приготовленнаго къ отходу поѣзда биткомъ набиты только что призванными запасными; кое-кто изъ нихъ пьяненькіе ²⁾, громко орутъ пѣсни... станціонное начальство просящимъ тономъ объясняетъ имъ, что на станціи пѣть нельзя; прохожу и слышу, какъ изъ вагоновъ вмѣсто пѣсенъ раздается громкое «ура» въ отвѣтъ на прощальныя слова прибывшаго проводить запасныхъ генерала Артамонова... на станціи крики «ура» запасныхъ, уѣзжающихъ на войну съ японцами; и тутъ же, рядомъ, на берегу, на пристани сотни японцевъ ³⁾, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, си-

¹⁾ Случай, не предусмотрѣнный воинскимъ уставомъ, по коему знамя выносятся знаменщикомъ и полковымъ адъютантомъ.

²⁾ Несмотря на строгія мѣры, принятыя противъ пьянства комендантомъ крѣпости, генераломъ Воронцомъ, въ первые дни мобилизаціи водку продолжали продавать потихоньку, пока наконецъ въ нѣкоторыя бакалейныя лавки съ продажей на выносъ не были поставлены часовые съ приказомъ не допускать торговли водкой; картина такая: прилавокъ въ лавкѣ, за прилавкомъ торговецъ, а около него часовой съ ружьемъ.

³⁾ Оставшіеся послѣ отхода «Африды» и прѣхавшіе изъ другихъ городовъ края; съ ними уѣзжалъ и коммерческій японскій агентъ во Владивостокѣ, г. Каваками... Зайдя вечеромъ въ штабъ крѣпости, я увидѣлъ случайно на столѣ и прочиталъ написанный по-русски крѣпкимъ острымъ почеркомъ рапортъ его коменданту крѣпости Владивостока; слова рапорта: «Доносу вашему превосходительству, что я сего 30-го января отъѣзжаю изъ крѣпости Владивостока на германскомъ пароходѣ «Батавія» со всѣмъ составомъ императорской японской миссіи».

дять на узлахъ и корзинахъ съ домашнимъ скарбомъ въ ожиданіи очереди подняться по крутымъ сходнямъ на берущій ихъ гигантскій океанскій пароходъ «Батавія». Десятка два японцевъ съ красными повязками ¹⁾ на рукахъ распоряжаются посадкой и поддерживаютъ порядокъ; у сходенъ стоитъ русскій полицейскій офицеръ съ тремя городовыми, и вокругъ—съ десятокъ солдатъ часовыхъ, назначенныхъ, повидимому, охранять японцевъ отъ возможныхъ оскорбленій со стороны русскихъ... порядочная толпа русскихъ, дѣйствительно, окружаетъ мѣсто посадки, но какъ и при отходѣ «Африди», такъ и здѣсь, никакого недоброжелательства со стороны русскихъ къ японцамъ не наблюдалось... наоборотъ, состраданіе и сожалѣніе вызывали эти обездоленные внезапнымъ отъѣздомъ люди; напрасно, слѣдовательно, японское правительство, подготавливая ударъ исподтишка, думало, что взрывъ минъ подъ русскими военными судами на Артурѣ обрушится негодованіемъ на головы ни въ чѣмъ неповинныхъ японцевъ во Владивостокѣ и другихъ городахъ края...

1-го фѣвраля — морозъ; улицы завалены глубокими сугробами снѣга... приготавливаясь сидѣть на позиціяхъ въ стужу, пошелъ купить себѣ бурочные теплые сапоги... По дорогѣ встрѣчаю товарища по институту, штабсъ-капитана Блонскаго.—«Слышали новость?»—спрашиваетъ онъ и сейчасъ же сообщаетъ: «насъ, всѣхъ институтскихъ, намѣстникъ приказалъ отправить по своимъ частямъ ²⁾... я ³⁾ и Мендринъ назначены въ распоряженіе военнаго комиссара при Мукденскомъ дзянь-дзюнь»...—Вмѣсто магазиновъ отправляюсь въ штабъ, тамъ—никого: всѣ въ соборѣ на молебнѣ о дарованіи побѣды надъ врагомъ; въ 6-мъ часу пополудни пошелъ снова; вижу—многіе съ Свѣтланской ⁴⁾ сворачиваютъ на набережную, гдѣ—кучки любопытныхъ... иду и я... Въ морозной мглѣ предвечерняго сумрака на темномъ фонѣ льда и воды чернѣютъ силуэты четырехъ большихъ судовъ... «Что—это?»—«Наша эскадра ⁵⁾ возвратилась изъ крейсированія»... Возвратилась... но съ чѣмъ?.. Никто ничего не знаетъ. Въ узкомъ свободномъ отъ льда каналѣ бухты крейсера, встали другъ за другомъ, какъ попало (какъ позволилъ ледъ)... холодъ, мракъ сумерекъ, черный цвѣтъ судовъ и ихъ беспорядочный строй производятъ безотрадное впечатлѣніе:

¹⁾ Когда ихъ спрашивали, что эти красныя повязки означаютъ,—они отвѣчали «госпиталь», хотя никакого госпиталя тамъ на самомъ дѣлѣ не было; повидимому, они такимъ образомъ хотѣли обезпечить себя на всякій случай отъ дурнаго обращенія русскихъ.

²⁾ Сначала предполагалось всѣхъ офицеровъ, слушателей института, оставить въ гарнизонѣ Владивостока.

³⁾ Блонскій—знатокъ китайскаго языка; изучалъ его въ Пекинѣ, куда былъ командированъ еще до боксерскаго движенія.

⁴⁾ Свѣтланская улица, параллельная набережной.

⁵⁾ Крейсера: «Россія», «Богатырь», «Рюрикъ» и «Громобой».

Какъ будто бы эскадра, спасаясь отъ грозившей ей опасности, спѣшно укрылась подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ... Предчувствіе какой-то бѣды охватываетъ сердце... Въ штабѣ я засталъ одного начальника штаба.—«А, здравствуйте, вы пришли за деньгами, подождите немного—сейчасъ придетъ казначей, предписаніе же ¹⁾ получите завтра,—говоритъ онъ:—слышали новость?»—«Какую?»—«Наша эскадра бомбардировала Хакодате ²⁾ и захватила два коммерческихъ японскихъ парохода»...—Извѣстіе хорошее, а выраженіе лица говорящаго—не веселое.—«Ну, что же, и слава Богу, пора и намъ»... отвѣчаю.—«Да... но есть и неприятная новость: нашъ транспортъ «Енисей» въ Артурѣ напоролся на собственную мину и погибъ со всѣмъ экипажемъ»... заканчиваетъ грустнымъ тономъ подполковникъ, самъ всегда строго относившійся къ своимъ обязанностямъ и не щадившій силъ на отвѣтственномъ посту начальника штаба крѣпости...

На другой день праздникъ; зайдя въ институтъ проститься и помолиться въ институтской церкви, узналъ, что по окончаніи литургии будетъ панихида о погибшемъ на транспортѣ «Енисей» мичманѣ Хрущовѣ. Покойный въ эту зиму находился во Владивостокской крейсерской эскадрѣ, кажется, на крейсерѣ «Богатырь». Желая пополнить образованіе, онъ состоялъ вольнослушателемъ института, гдѣ изучалъ китайскій и англійскій языки и политическую экономію. Отчетливо представляю себѣ черты симпатичнаго юноши, скромно, почти застѣнчиво входившаго въ аудиторію и садившагося, обыкновенно, на заднюю скамейку... Въ январѣ онъ былъ переведенъ съ повышеніемъ по службѣ въ Артуръ... Панихиды по немъ я, однако, не дождался,—надо было спѣшить вооружаться противъ болѣе сильнаго врага, чѣмъ японцы,—противъ мороза, который въ эти дни крѣпко стоялъ во Владивостокаѣ. Надо было запастись теплой одеждой... ходили слухи о вѣроятномъ движеніи въ Корею съ ея суровымъ климатомъ; въ магазинахъ встрѣтился съ своими полковыми товарищами—офицерами, отъ нихъ узналъ, что нашъ полкъ на-дняхъ идетъ въ южную Манчжурію, а оттуда, быть можетъ, на рѣку Ялу ³⁾, въ Корею... 3-го февраля на вокзалѣ, въ касѣ спрашиваю билетъ.—«Билетовъ нѣтъ,—былъ отвѣтъ кассира:—распроданы еще три дня тому назадъ».—«Для меня все равно—было бы мѣсто, я могу ѣхать и безъ билета: я—по мобилизаціи; гдѣ комендантъ станціи?»—Эти два магическія слова: «мобилизація» и «комендантъ» дѣйствуютъ на станціонное начальство; меня водворяютъ въ вагонъ; давка—невообразимая: изъ Владивостока выво-

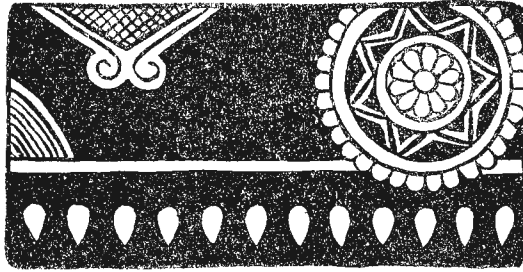
¹⁾ Предписаніе объ отправленіи въ свою часть.

²⁾ Большой городъ съ 200.000 населеніемъ почти на одной параллели съ Владивостокомъ.

³⁾ Пограничная рѣка между Кореей и Манчжуріей.

зять всё учрежденія; уѣзжаютъ семейства служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ; эти—по расписанію; обыватели стремятся уѣхать на удачу; въ классныхъ залахъ, въ багажной, на дебаркадерѣ, буквально, стонъ стоитъ: женщины въ слезахъ, плачутъ дѣтишки, станціонные служащіе сбились съ ногъ—имъ угрожаютъ, ихъ умоляютъ... «Помилуйте,—ворчитъ громко офицеръ:—я ѣду по предписанію... а мнѣ не даютъ мѣста...».—«Третій день не могу отправить казенный грузъ—образцовыя подковы...»,—жалуется ветеринарный врачъ...—«Будьте добры, дайте билетикъ на мѣсто для моей собачки...»—упрашиваетъ кассира какая-то личность. — «Прощайте, будьте здоровы», — напутствуетъ меня нашъ институтскій батюшка.—Я увѣренъ, что вы вернетесь живы и здоровы, и что мы опять будемъ учиться вмѣстѣ».

Ф. Китаевъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ ПУШКИНА.

В ЛИТЕРАТУРѢ и въ публикѣ господствуетъ мнѣніе, что связи Пушкина съ движеніемъ декабристовъ были непрочны, и что послѣ 1825 года въ общественныхъ воззрѣніяхъ поэта произошелъ переломъ. Такой взглядъ проводилъ П. В. Анненковъ (въ статьѣ «Общественные идеалы Пушкина»); этого же взгляда придерживается такой авторитетный историкъ литературы, какъ А. Н. Пыпинъ. Противоположный взглядъ высказывался однимъ В. Е. Якушкинымъ ¹⁾.

Опубликованные за послѣднее время матеріалы могли бы дать толчокъ для пересмотра вопроса объ отношеніяхъ Пушкина къ либерализму и консерватизму его времени. Многое, что прежде было гадательнымъ, теперь дѣлается достовѣрнымъ,—и все большую и большую силу получаетъ утвержденіе, что Пушкинъ до конца жизни оставался вѣренъ традиціямъ двадцатыхъ годовъ.

Къ чему же сводится пресловутое примиреніе Пушкина съ дѣйствительностью? Какъ поэтъ-реалистъ, какъ живая дѣятельная натура, Пушкинъ не могъ оставаться въ мірѣ заоблачныхъ фантазій и утопій послѣ ихъ окончательнаго крушенія, не могъ весь свой вѣкъ «воплощенной укоризной» простоять «передъ отчизной», — онъ стремился стать на твердую почву дѣйствительности, овладѣть дѣйствительностью, насколько это было въ его силахъ. «Милый

¹⁾ О Пушкинѣ, статьи В. Е. Якушкина, М., 1899.

мой, ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли не отъ этого правъ», — пишетъ Пушкинъ А. А. Бестужеву (по поводу спора о вліяніи сословія писателей на духъ литературы). Этотъ прозаизмъ, т.-е. реализмъ Пушкинскаго міросозерцанія, даетъ намъ разгадку всей его дѣятельности въ Николаевское время.

14-е декабря показало все безсиліе либеральной партіи, и Пушкинъ переноситъ свои надежды на правительство. Такъ сдѣлали и сами декабристы. Сидя въ крѣпости, они посылали императору Николаю I длинныя письма, въ которыхъ подробно описывали все зло существующаго порядка и выражали твердое убѣжденіе, что новый царь осчастливитъ Россію своимъ царствованіемъ¹⁾. Довѣріе декабристовъ къ Николаю I, который имъ сумѣлъ понравиться, поистинѣ трогательно. Каховскій былъ внѣ себя отъ восторга, когда императоръ сказалъ ему при первомъ допросѣ: «я первый гражданинъ своего отечества». Видя благія намѣренія Николая I, декабристы готовы были искренно раскаиваться въ своей загѣбѣ.

Пушкинъ хочетъ «вполнѣ и искренно примириться съ правительствомъ», или же, если примиреніе невозможно, навсегда покинуть «проклятую Русь». Онъ готовъ на уступки обстоятельствамъ, но только въ такомъ случаѣ, если и правительство пойдетъ ему навстрѣчу. «Я готовъ улаживаться съ правительствомъ (буде условія необходимы), — пишетъ онъ Жуковскому, — но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.». Поданное Пушкинымъ прошеніе на высочайшее имя о снятіи съ него ошачьяго написано съ удивительнымъ достоинствомъ и съ чрезвычайной осторожностью. Князь Вяземскій находилъ это прошеніе слишкомъ холоднымъ и сухимъ; «иначе и быть невозможно, — писалъ ему Пушкинъ въ отвѣтъ: — благо, написано. Теперь (это онъ писалъ послѣ казни декабристовъ) у меня перо не повернулось бы».

Каанъ декабристовъ была первымъ разочарованіемъ Пушкина въ намѣреніяхъ правительства. Пушкинъ желалъ видѣть правительство сильнымъ и великодушнымъ и крѣпко надѣялся на милость молодого царя къ побѣжденнымъ врагамъ. «Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество, — пишетъ онъ Дельвигу въ январѣ 1826 года, — большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ». Но подтвержденіе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, потребовалось, и пятеро декабристовъ были повѣшены, остальные

¹⁾ Императоръ приказалъ бывшему правителю дѣлъ судебного комитета Боровку составить по даннымъ «дѣла» сводъ мнѣній, высказанныхъ декабристами по поводу внутренняго состоянія Россіи. Этотъ сводъ былъ напечатанъ недавно въ «Русской Старинѣ».

подверглись суровымъ наказаніямъ. Казнь произвела глубокое впечатлѣніе на Пушкина. Въ бумагахъ его остались слѣды его печальныхъ размышленій о казенныхъ декабристахъ. Извѣстіе о смерти декабристовъ дошло до Пушкина одновременно съ извѣстіемъ о смерти молодой красавицы Ризничъ, къ которой обращено чудное его стихотвореніе: «Для береговъ отчизны дальней...»; эти два извѣстія стали рядомъ въ душѣ Пушкина. Подъ элегіей на смерть Ризничъ стоятъ двѣ помѣты: «Усл. о см... 25», «У. о. с. Р. П. К. М. Б.: 24». Ихъ слѣдуетъ читать: «услыпалъ о смерти Ризничъ — 25 іюля», «услыпалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Каховскаго, Муравьева, Бестужева — 24 іюля». Въ другой замѣткѣ при заглавныхъ буквахъ именъ повѣшенныхъ находится приписка: «видѣлъ во снѣ». Въ черновыхъ наброскахъ пятой главы «Евгенія Онѣгина» находятся два рисунка, изображающихъ пять висѣлицъ съ мертвыми тѣлами, и сбоку два раза надписано: «и я бы», «и я могъ бы, какъ тутъ на...». «Повѣшенные повѣшены, — пишетъ Пушкинъ Вяземскому (14 августа 1826 года), — но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна», и въ этой первой фразѣ — «повѣшенные повѣшены» — сквозь налѣгское легкомысліе слышится ужась передъ совершившимся фактомъ.

Но Пушкинъ нашелъ въ себѣ достаточно душевныхъ силъ, чтобы преодолѣть это первое и страшное разочарованіе и взглянуть на разыгравшуюся передъ нимъ трагедію «окомъ Шекспира». «Въ надеждѣ славы и добра» онъ безъ боязни смотритъ на будущее и возлагаетъ свои упованія на молодыя силы и благія намѣренія царя. «Начало славныхъ дней Петра, — говоритъ Пушкинъ, — мрачили мятежи и казни»,

Но правдой онъ привлекеъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
 Самодержавною рукой
 Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
 Не презиралъ страны родной:
 Онъ зналъ ея предназначенье.
 То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

«Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ», — обращается Пушкинъ къ императору Николаю I,

Во всемъ будь пращуру подобенъ,
 Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
 И память, какъ онъ, незлобенъ.

Пушкинъ хочетъ видѣть въ императорѣ Николаѣ I новаго Петра, который будетъ пользоваться своей властью, какъ орудіемъ просвѣщенія, и, карая бунтовщиковъ, будетъ выслушивать законныя возраженія благомыслящихъ людей. Онъ желаетъ, чтобы императоръ Николай, подобно Петру, былъ «незлобенъ памятью», чтобы онъ нашелъ въ себѣ силы забыть неблагопріятныя впечатлѣнія начала его царствованія и не дѣлалъ стимуломъ своей дѣятельности страхъ передъ революціей. Онъ желаетъ, наконецъ, чтобы царь уважалъ свой народъ и зналъ его предназначеніе. Это же пожеланіе Пушкинъ выражаетъ въ 1828 году въ стихотвореніи «Къ друзьямъ»: «льстецъ лукавъ, — говоритъ тамъ Пушкинъ: — онъ горе на царя накличетъ... онъ скажетъ: презирай народъ!» Николай Павловичъ въ первыхъ же личныхъ сношеніяхъ своихъ съ Пушкинымъ обворожилъ его своимъ открытымъ твердымъ характеромъ, и Пушкину начинаетъ казаться, что молодой императоръ «бодро, честно» правитъ Россіей и осуществляетъ въ себѣ тотъ идеалъ просвѣщеннаго царя-работника, который рисовалъ себѣ Пушкинъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ всегда хранилъ благодарную память о друзьяхъ своей юности декабристахъ. «Какъ онъ вѣренъ имъ!» — восклицала въ тридцатыхъ годахъ Смирнова въ своихъ запискахъ ¹⁾. Стихотворенія Пушкина, обращенныя къ декабристамъ (Посланіе къ Пушкину, Посланіе въ Сибирь, Аріонъ, Эпитафія младенцу Волконскому), проникнуты особой сердечной теплотой, глубокой задушевностью. Въ «Пославіи въ Сибирь», написанномъ вскорѣ послѣ стансовъ: «Въ надеждѣ славы и добра», онъ предсказываетъ торжество декабристовъ. Онъ говоритъ имъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...
Придетъ желанная пора...
Оковы тяжкія падутъ,
Тѣмницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Въ стихотвореніи «Аріонъ» онъ предается поэтическому раздумью о судьбѣ декабристовъ и сравниваетъ съ ней свою собственную. Воспоминаніе о декабристахъ какъ будто томило Пушкина неопредѣленнымъ безпокойствомъ. Онъ мечтаетъ о «холодномъ ключѣ забвенья»:

Онъ лучше всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

¹⁾ Записки А. О. Смирновой, Спб., 1895, стр. 94.

Это говорится въ стихотвореніи «Три ключа», которое написано двадцатью днями позже «Аріона» и потому можетъ быть поставлено въ связь съ воспоминаніемъ о декабристахъ. И Пушкинъ ищетъ забвенья въ тревогахъ дѣйствительности...

Общественные идеалы Пушкина не измѣнились по существу послѣ 1825 года; измѣнился только взглядъ его на способъ проведенія ихъ въ жизнь. 14-е декабря не прошло для Пушкина даромъ. Онъ отложилъ въ сторону вопросъ о формѣ правленія, какъ слишкомъ преждевременный для Россіи, но въ остальномъ завѣты декабристовъ сохранили для него все свое значеніе. Вся дѣятельность Пушкина въ царствованіе императора Николая Павловича есть непрестанная борьба за права человѣческой личности и за просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Облегченіе участи крестьянъ попрежнему осталось предметомъ мечтаній Пушкина. Сидя поздней осенью 1830 года въ своемъ Болдинѣ, отрѣзанный холерными карантинами отъ своей невѣсты, онъ написалъ прелестную элегію, которой далъ заглавіе «Шалость». Эта элегія дышитъ самой искренней, самой возвышенной гражданской скорбью. На фонѣ сѣрой осенней природы Пушкинъ рисуетъ безотрадную картинку крестьянской жизни. Поэтъ обращается къ нѣкоему жизнерадостному своему критику:

Румяный критикъ мой...
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой...
 Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ; равнины скать отлогій,
 Надъ нею сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
 Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
 Два только деревца, и то изъ нихъ одно
 Дождливой осенью совсѣмъ обнажено...
 И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
 Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И влечетъ издали лѣниваго попенка,
 Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждатель некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

Въ этомъ изображеніи горькой нужды, которая одна могла лишить крестьянина естественныхъ человѣческихъ чувствъ, видны глубокая вдумчивость поэта и его теплое участіе къ судьбѣ младшаго брата. Приведенное стихотвореніе—зерно Некрасовской лирики.

Той же осенью 1830 года Пушкинъ началъ «Исторію села Горохина», повѣсть изъ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Планъ повѣсти, напечатанный профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, указываетъ на характеръ задуманнаго Пушкинымъ произведенія; въ планѣ

находятся, между прочимъ, такія отмѣтки (на поляхъ рукописи): «мужики разорен.», «была богатая вольная деревня, обѣднѣла отъ тиранства». Эти слова, говоритъ профессоръ Шляпкинъ, свидѣтельствуютъ о неослабѣвшей вѣрѣ Пушкина въ благое дѣйствіе освобожденія крестьянъ¹⁾. Наивный тонъ горохинскаго лѣтописца послужилъ впоследствии образцомъ для Салтыкова; «Исторія одного города» написана подъ явнымъ вліяніемъ «Исторіи села Горохина». Возможно, что Пушкинъ ставилъ себѣ въ своей повѣсти болѣе широкую задачу, чѣмъ простое изображеніе крестьянской жизни, и не прочь былъ пародировать въ ней кое-какія черты русской исторіи.

Въ 1833 году Пушкинъ приступаетъ къ «Исторіи Пугачевского бунта». Когда говорятъ о произведеніяхъ Пушкина, то рѣдко вспоминаютъ его «Исторію Пугачевского бунта», а если и вспоминаютъ, то какъ будто не знаютъ, что сказать о ней, и отдѣлываются замѣчаніемъ о ея «тацитовскомъ» слогѣ. Между тѣмъ «Исторія пугачевского бунта» является крупной общественной заслугой Пушкина. Никто не видитъ общаго смысла «Исторіи Пугачевского бунта» и даже не задается вопросомъ, чѣмъ объяснить специальный интересъ Пушкина къ такому сюжету, какъ пугачевщина. Въ предисловіи къ своей «Исторіи» Пушкинъ говоритъ, что цѣль его труда — напомнить о событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе такіе люди, какъ Бибиковъ, Михельсонъ, Суворовъ, Державинъ и другіе; въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ выражаетъ надежду, что трудъ его будетъ интересенъ государю «въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ». Но черновой набросокъ письма къ Бенкендорфу, находящійся среди бумагъ профессора И. А. Шляпкина, не оставляетъ никакихъ сомнѣній насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній Пушкина. Онъ писалъ Бенкендорфу: «я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: изыскивалъ истину съ усердіемъ и излагалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни силѣ, ни господствующему образу мыслей,— и смѣю надѣяться, что сей историческій очеркъ можетъ показать любви его величества особые пути». Въ окончательной редакціи письма этихъ словъ нѣтъ. Пушкинъ, очевидно, рѣшилъ, что его намекъ не принесетъ практической пользы, но сможетъ повредить его книгѣ.

Живая мысль, одушевляющая «Исторію Пугачевского бунта», пластически вырисовывается въ ея изложеніи. «Богу угодно было наказать Россію черезъ мое окаянство»—эти слова Пугачева, которыя приводитъ Пушкинъ²⁾, отлично выражаютъ идею всего со-

¹⁾ И. А. Шляпкинъ, «Изъ неопубликованныхъ бумагъ Пушкина», Спб., 1903 г., стр. 47 и X.

²⁾ Глава VIII.

чиненія. Въ разсказѣ Пушкина пугачевщина является результатомъ неустройства русской жизни, бессознательнымъ и беспорядочнымъ протестомъ народа противъ рабства и общаго безправія. Ближайшей причиной Пугачевского бунта Пушкинъ выставляетъ несправедливости, которыя терпѣли яицкіе казаки отъ начальства, назначеннаго центральною властью и замѣнившего собой прежнее самоуправленіе¹⁾. Пушкинъ сообщаетъ, что казаки «покушались довести до свѣдѣнія самой императрицы справедливыя свои жалобы, но тайно посланные отъ нихъ люди были схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики». При каждомъ удобномъ случаѣ Пушкинъ ставитъ на видъ сочувствіе, какое Пугачевъ встрѣчалъ у чернаго народа. Онъ хочетъ показать, что Пугачевъ былъ силенъ народнымъ сочувствіемъ, а не войскомъ. Уже толпы мятежниковъ были разбиты, и Пугачевъ бѣжалъ, «но бѣгство его было нашествіемъ, — говоритъ Пушкинъ, — никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ провинціи къ провинціи»... И тутъ же указывается на то, что привлекало простой народъ къ Пугачеву: онъ объявлялъ народу вольность, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли²⁾. Въ послѣдней главѣ «Исторіи Пугачевского бунта» есть такой разсказъ: «Пугачева привезли въ Симбирскъ прямо на дворъ къ Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. Кто ты таковъ?—спросилъ онъ у самозванца.—Емельянъ Ивановъ Пугачевъ,—отвѣчалъ тотъ.—Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ?—продолжалъ Панинъ.—Я не воронъ,—возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновенію иносказательно:—я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.—Надобно знать, что яицкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣчая, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови и вырвалъ у него клокъ бороды». Въ этомъ разсказѣ (въ которомъ симпатіи историка отнюдь не на сторонѣ Панина) Пушкинъ отмѣчаетъ вниманіе, съ какимъ народъ воспринимаетъ всякое слово Пугачева; символическій слогъ, которымъ Пушкинъ заставляетъ выражаться Пугачева, сближаетъ его съ народомъ. Въ разсказѣ о наказаніи, которому подвергся саранскій архимандритъ за то, что онъ принялъ Пугачева съ крестомъ и евангеліемъ, Пушкинъ какъ будто осуждаетъ суровыя мѣры правительства и еще разъ изображаетъ сочувствіе, съ какимъ народъ относился къ сторонникамъ Пугачева³⁾.

¹⁾ Глава I.

²⁾ Глава VIII.

³⁾ Примѣчанія.

«Весь черный народъ былъ за Пугачева,—говоритъ Пушкинъ, резюмируя содержаніе своего труда въ примѣчаніяхъ,—духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противоположны». Въ умѣ читателя невольно возникалъ вопросъ, отчего же это такъ, отчего Пугачевъ пользовался такимъ успѣхомъ, и отвѣтъ, на который наводило выпуклое и безпристрастное изложеніе фактовъ у Пушкина, былъ бы весьма далеко отъ ходячей въ ту пору «благонамѣренности». Въ февралѣ 1835 года Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Уваровъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи». «Неблагонамѣренныя» тенденціи своей книги признавалъ самъ Пушкинъ, когда, какъ о томъ свидѣтельствуется А. Н. Вульфъ въ своемъ дневникѣ¹⁾, негодовалъ, что царь одѣлъ его въ камеръ-юнкерскій мундиръ, «его, написавшаго Исторію Пугачевского бунта».

Смѣлый и проникновенный взглядъ Пушкина на такое сравнительно недавнее событіе, какъ Пугачевскій бунтъ, былъ настоящимъ чудомъ для тридцатыхъ годовъ; даже записные историки того времени не задавались вопросомъ объ общихъ причинахъ народныхъ движеній. Бунтъ считался дѣломъ злой воли одного или нѣсколькихъ лицъ и рассматривался исключительно съ точки зрѣнія уголовного кодекса; бунтовщики почитались извергами человѣческаго рода. Никому и въ голову не приходило, что историкъ и судья не одно и то же. Въ своемъ отвѣтѣ В. Б. Броневскому, помѣстившему критику «Исторіи Пугачевского бунта» въ «Сынѣ Отечества», Пушкинъ приводитъ слѣдующую характеристику Пугачева, сдѣланную его оппонентомъ въ «Исторіи Донского войска», вышедшей почти одновременно съ книгой Пушкина: «нравственный міръ такъ же, какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, держающаго разсматривать оныя. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла, то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которая разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостью

¹⁾ Л. Майковъ, Пушкинъ, 1899 г.

«истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. хсѳі.

вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего». Такой взглядъ на личности, подобныя «Емелькѣ» Пугачеву, былъ обычнымъ въ пушкинское время. Характеризуя «Исторію Донскаго войска» Броневскаго, Пушкинъ говоритъ: «Политическія и нравственныя размышленія, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе (какъ образецъ такихъ «размышленій», Пушкинъ и приводитъ характеристику Пугачева), слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій». Совершенно понятно, почему высокопарная тирада Броневскаго о Пугачевѣ привела въ раздраженіе Пушкина. Самъ онъ устранялъ личную отвѣтственность Пугачева и искалъ причину «пугачевщины» глубже—въ общихъ условіяхъ русской жизни. И въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», и въ «Капитанской дочкѣ» Пушкинъ нарочно отмѣчаетъ въ Пугачевѣ хорошія черты, которыя ставятъ его въ рядъ обыкновенныхъ людей и не позволяютъ ни окружать его демоническимъ ореоломъ, ни зачислять его въ разрядъ «изверговъ естества».

Государь замѣтилъ, вѣроятно, нѣсколько вольный духъ «Исторіи Пугачевскаго бунта», но такъ какъ не нашелъ въ ней ничего, кромѣ голыхъ фактовъ, то только посовѣтовалъ сдѣлать мелкія исправленія: выпустить эпизодическій рассказъ о томъ, какъ мать Стеньки Разина хотѣла узнать своего сына между плившими по Волгѣ трупами, и замѣнить выраженія «бѣдный колодникъ» и «славный мятежникъ», которыя Пушкинъ примѣнилъ къ Пугачеву ¹⁾.

Въ 1832 году въ повѣсти «Дубровскій» Пушкинъ коснулся безобразныхъ судебныхъ порядковъ, главной послѣ крѣпостного права общественной язвы его времени. Дѣйствіе «Дубровскаго» происходитъ въ XVIII вѣкѣ. Пушкинъ рассказываетъ, какъ богатый вельможа, генераль-аншефъ Троекуровъ, разсердившись на своего мелкопомѣстнаго сосѣда, старика Дубровскаго, съ помощью приказныхъ оттягалъ законное его имѣніе. Сюжетомъ для «Дубровскаго» послужило истинное происшествіе. Пушкинъ даже досталъ подлинное рѣшеніе суда по дѣлу, взятому темой для повѣсти, и полностью помѣстилъ его въ «Дубровскомъ», полагая, какъ онъ говоритъ, «что всякому будетъ пріятно увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права» ²⁾. Мстителемъ за поруганную правду является молодой Дубровскій, русскій Карлъ Мооръ. Подобно послѣднему, онъ въ качествѣ атамана разбойниковъ караетъ злыхъ и защищаетъ обиженныхъ. Повѣсть Пушкина кончается полной побѣдой неправды, и это составляетъ ея отличіе отъ «Ябеды» Кап-

¹⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VI, 235 и 251.

²⁾ Рѣшеніе суда впервые напечатано въ изданіи Ефремова.

ниста, «Ревизора» Гоголя, гдѣ правосудіе въ концѣ концовъ торжествуетъ. «Дубровскій» оставляетъ читателя въ самомъ безотрадномъ настроеніи. Трагическій колоритъ «Дубровскаго», усиливающая безотрадность впечатлѣнія, сближаетъ повѣсть Пушкина съ драмой Сухова-Кобылина «Дѣло», которая только недавно могла появиться на сценѣ. Романическая подкладка не лишаетъ «Дубровскаго» Пушкина, какъ и «Разбойниковъ» Шиллера, высокаго общественнаго значенія.

«Дубровскій» написанъ строго-правдивыми чертами. Пушкинъ хотѣлъ сдѣлать свой рассказъ во всѣхъ деталяхъ близкимъ къ дѣйствительности и рылся въ судебныхъ архивахъ, съ дѣлюю какъ можно реальнѣе изобразить картину судебныхъ нравовъ. Есть основаніе предполагать, что имя Дубровскаго и нѣкоторыя черты и положенія взяты Пушкинымъ изъ стараго дѣла о сопротивленіи властямъ, хранившагося въ архивѣ Псковской «провинціальной канцеляріи». Содержаніе этого дѣла по изложенію И. И. Васильева слѣдующее: въ 1737 году помѣщикъ Апрѣлевъ жаловался въ канцелярію, что двое крестьянъ помѣщика Дубровскаго помогли бѣжавшему крестьянину Апрѣлева уйти за польскую границу; канцелярія послала капрала для арестованія виновныхъ, но крестьяне Дубровскаго, по приказанію своего барина, прогнали капрала; тогда посланъ былъ сержантъ съ солдатами для арестованія крестьянъ, виновныхъ въ укрывательствѣ бѣглеца, и крестьянъ, виновныхъ въ сопротивленіи властямъ; крестьяне встрѣтили солдатъ съ топорами и рогатинами и рѣшительно объявили сержанту, что, если отрядъ не уйдетъ, то они его съ солдатами «изрубятъ или потопятъ въ озерѣ»¹⁾. Чѣмъ это дѣло кончилось, неизвѣстно. То, что помѣщикъ Дубровскій явился защитникомъ крестьянъ, виновныхъ въ укрывательствѣ бѣжавшаго крѣпостного, можно бы счесть признакомъ нѣсколько вольнодумнаго образа его мыслей. Характеръ помѣщика Дубровскаго, насколько онъ выясняется изъ дѣла, имѣетъ нѣкоторое сходство съ прямымъ и гордымъ характеромъ старика Дубровскаго въ повѣсти Пушкина; подобно своему однофамильцу, Дубровскій Пушкина не останавливается ни передъ чѣмъ при защитѣ праваго, по его мнѣнію, дѣла. Солидарность между крестьянами и ихъ баринномъ въ борьбѣ противъ власти является, по нашему мнѣнію, также общей чертой для «Дубровскаго» Пушкина и изложеннаго нами дѣла.

Пушкинъ принималъ очень близко къ сердцу интересы просвѣщенія. Онъ старался защитить просвѣщеніе отъ подозрительности правительства и убѣдить правительство, что въ развитіи образованія опасности нѣтъ. Въ запискѣ о воспитаніи, поданной

¹⁾ И. И. Васильевъ: Дѣла Псковской провинціальной канцеляріи, Псковъ, 1884, стр. 57—58.

государю въ 1826 году, Пушкинъ говоритъ: «мы видимъ, что Н. Тургеневъ, несмотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностью и умѣренностью, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ знаній». Вся записка Пушкина направлена къ тому, чтобы доказать, что просвѣщеніе не виновно въ событіяхъ 14 декабря.

Съ 1831 года Пушкинъ хлопочетъ о политической газетѣ. Стать во главѣ періодическаго изданія было давнишнимъ желаніемъ Пушкина. Еще въ 1826 году онъ писалъ Вяземскому: «намъ нужно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно». Пушкинъ хотѣлъ уничтожить монополію Греча и Булгарина и дать публикѣ честный и просвѣщенный органъ печати. Для того, чтобы оградить газету отъ всякихъ случайностей, онъ предполагалъ поставить ее подъ эгиду правительства, предложивъ ее послѣднему, «какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе»¹⁾. «Около газеты,—пишетъ Пушкинъ Бенкендорфу лѣтомъ 1832 года,—соединилъ бы я писателей съ дарованіемъ, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые всѣ еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». Внушать правительству, что оно вовсе не враждебно просвѣщенію,—это было обычнымъ тактическимъ приѣмомъ Пушкина. Пушкинъ не ждалъ многого отъ своего изданія и особенно отъ политической его части; «часть политическая будетъ официально ничтожна»,—писалъ Пушкинъ неизвѣстному лицу²⁾. Но изданіе газеты, несмотря на скромность программы, намѣченной Пушкинымъ, не могло осуществиться.

Истинный характеръ дѣятельности Пушкина указанъ В. Е. Якушкинымъ въ статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ». Г. Якушкинъ разрушаетъ легенду о консерватизмѣ Пушкина и между прочимъ доказываетъ, что мнимо-полемическія статьи Пушкина противъ Радищева были вызваны исключительно желаніемъ напомнить публикѣ о знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Пушкинъ принимался за Радищева два раза—въ 1834 и въ 1836 году. Такимъ образомъ статьи о Радищевѣ написаны имъ въ послѣдніе годы жизни, когда въ немъ ясно проявлялось недовольство существующимъ порядкомъ, а вторая изъ нихъ—одновременно съ «Памятникомъ», гдѣ онъ онъ говоритъ о себѣ, что онъ шелъ по стопамъ Радищева. Это дѣлаетъ заключеніе г. Якушкина безспорнымъ. Обѣ статьи о Радищевѣ увидѣли свѣтъ только въ пятидесятихъ годахъ; уничижительные эпитеты, которые Пушкинъ не скупился прилагать къ разсужденіямъ Радищева, чтобы провести его черезъ Сциллу и Харибду цензуры, не обманули ея бдитель-

¹⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VII, 469.

²⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VII, 468.

ности. На представленіе цензурнаго комитета Уваровъ отвѣчалъ: «нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія».

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правительство императора Николая I лучше понимало Пушкина, чѣмъ позднѣйшая критика. Недаромъ Пушкинъ до смерти находился подъ надзоромъ полиціи. Бенкендорфъ въ 1834 году говорилъ государю про Пушкина: «лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ» ¹⁾. Паскевичъ вскорѣ послѣ смерти Пушкина писалъ государю: «жаль Пушкина, какъ литератора, но человекъ онъ былъ дурной»; на это государь отвѣчалъ, что онъ «совершенно раздѣляетъ» мнѣніе Паскевича о Пушкинѣ, и что въ Пушкинѣ «оплакивается будущее, а не прошедшее» ²⁾. И правительство съ своей точки зрѣнія было вполнѣ право, такъ относясь къ Пушкину. Пушкинъ никогда не могъ упрятать «всѣхъ своихъ ушей» подъ колпакъ юродиваго; непокорныя уши торчали!

На первыхъ же порахъ своего «примиренія съ дѣйствительностью» Пушкинъ встрѣтилъ въ правительственныхъ сферахъ недоувѣріе, которое было ему тяжело и оскорбительно. Все время онъ долженъ былъ бороться съ индифферентизмомъ и эгоизмомъ приближенныхъ императора. Эта постоянная борьба въ концѣ концовъ утомила Пушкина.

Около 1834 года въ настроеніи Пушкина происходитъ замѣтная перемѣна. Онъ начинаетъ сознавать, что его примиреніе съ правительствомъ было только компромиссомъ. «Не дай Богъ Сашкѣ (сынъ Пушкина) итти по моимъ слѣдамъ и ссориться съ царями... Плетью обуха не перешибешь»,—пишетъ онъ женѣ въ апрѣлѣ 1834 года. У него все яснѣе и яснѣе проявляется раздраженіе противъ правительства и господствующаго порядка. Въ февралѣ 1834 года Пушкинъ пишетъ въ дневникѣ: «много говорено о балѣ, который должно дать дворянство по случаю совершеннолѣтія государя наслѣдника (Александра Николаевича)... Купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?» ³⁾. Въ апрѣлѣ 1834 года совершился праздникъ совершеннолѣтія. Пушкинъ описываетъ его въ дневникѣ съ отгѣнкомъ ироніи; всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища, — говоритъ онъ, — многіе плакали; а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, сисясь выжать нѣсколько слезъ». Въ письмѣ къ женѣ онъ описалъ торжество въ такомъ же вольномъ тонѣ, не зная, что его письма прочитываются въ полиціи. Письмо дошло до государя и вызвало его неудоволь-

¹⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VII, 564.

²⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VII, 649.

³⁾ Въ изданіи Литературнаго Фонда послѣдней фразы нѣтъ.

ствіе. Только съ помощью Жуковского дѣло уладилось. Около 1834 года Пушкинъ, по разсказу А. Н. Вульфа, «негодовалъ на царя за то, что тотъ одѣлъ его въ камеръ-юнкерскій мундиръ, его, написавшаго повѣствованіе о бунтѣ Пугачева и нѣсколько новыхъ русскихъ сказокъ». Онъ говорилъ Вульфу, что «возвращается къ оппозиціи»¹⁾. Въ отношеніи Пушкина къ царю замѣчается вообще охлажденіе. «Государю негодно было, — пишетъ Пушкинъ въ маѣ 1834 года въ дневникѣ, — что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностью; но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шуткомъ не буду и у Царя Небеснаго». Сужденія Пушкина пріобрѣтаютъ нѣсколько радикальный оттѣнокъ. Въ декабрѣ 1834 года онъ разсуждаетъ въ дневникѣ о «новомъ возмущеніи», какъ о чемъ-то навѣрное предстоящемъ; «кто были на площади 14 декабря? одни дворяне, — пишетъ онъ, — сколько же ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а, кажется, много».

Дѣйствительность предстаётъ передъ Пушкинымъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Пушкинъ больше не строитъ себѣ никакихъ иллюзій. Всю отвѣтственность за нестройство русской жизни онъ возлагаетъ на русское общество. «На того (намекъ на Николая Павловича) я пересталъ сердиться, — пишетъ Пушкинъ женѣ въ іюнѣ 1834 года: — потому что (*toute réflexion faite*) не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А, живя въ н—кѣ, поневолѣ привыкнешь къ г—ну, и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ, что *gentleman*». Въ октябрѣ 1836 года въ черновомъ письмѣ къ Чаадаеву Пушкинъ говоритъ: «привязанный къ императору лично, я далеко отъ того, чтобы восхищаться всѣмъ, что я вижу вокругъ себя... Наше социальное положеніе (*existence sociale*) плачевно; отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе ко всему, что есть долгъ, правда и справедливость, циническое презрѣніе къ мысли и достоинству человѣка,—все это ужасно». Въ другомъ черновомъ отрывкѣ того же письма говорится: «современное общество тупоумно и достойно презрѣнія... равнодушіе ко всему, что есть долгъ, правда, справедливость, право, ко всему, что не есть внѣшняя сила (*nécessité*)... правительство—единственный представитель Европы въ Россіи и, какъ оно ни грубо (*brutal*), отъ него одного зависитъ быть во сто разъ грубѣе. Никто не обратилъ бы на это никакого вниманія».

Придворныя отношенія начинаютъ тяготить Пушкина. Ему становится противенъ петербургскій *beau monde* съ его пустыми

¹⁾ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ—близкій пріятель Пушкина, сынъ псковской помѣщицы Н. А. Осиповой, дерптскій студентъ, оригиналь Ленскаго. Судя по его дневнику, напечатанному въ книгѣ Л. Майкова, онъ оказывается почти либераломъ. Пушкинъ очень любилъ бывать у Осиповой, гдѣ его охватывала атмосфера воспоминаній.

интересами, съ его самодовольствомъ и лживостью. Какъ прежде онъ стремился въ Петербургъ, такъ теперь онъ мечтаетъ о деревенскомъ уединеніи. Онъ хочетъ вырваться изъ душной придворной атмосферы на «чистый воздухъ». «Боже мой, — пишетъ онъ женѣ въ іюнѣ 1834 года, кабы Заводы (имѣніе Гончаровыхъ) были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!»

Въ іюлѣ 1834 года Пушкинъ «въ минуту хандры и досады на всѣхъ и все», какъ онъ самъ пишетъ Жуковскому, обратился къ Бенкендорфу съ просьбой объ отставкѣ; при этомъ онъ просилъ, чтобы у него не было отнято право входа въ архивы. Просьба Пушкина вызвала въ государѣ раздраженіе; «я никого не держу и его держать не стану, — сказалъ государь Жуковскому: — но если онъ возьметъ отставку, то между мною и имъ все кончено». Узнавъ о словахъ государя, Пушкинъ написалъ Бенкендорфу: «нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь просить у вашего сіятельства позволенія покинуть службу. Такъ какъ мой шагъ оказался неумѣстнымъ, я умоляю ваше сіятельство не давать хода моей просьбѣ. Я предпочитаю казаться непослѣдовательнымъ, чѣмъ неблагодарнымъ». Въ отвѣтъ на это письмо Пушкинъ получилъ отъ Бенкендорфа извѣщеніе, что «его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли», но что «на его посѣщеніе государственныхъ архивовъ его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства». Тогда Пушкинъ пишетъ Жуковскому: «я написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, но вслѣдъ затѣмъ получилъ официальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивъ мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ... Буду еще писать Бенкендорфу». Оба письма Пушкина, въ которыхъ онъ беретъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, Бенкендорфъ отослалъ Жуковскому. Послѣдній написалъ Пушкину, что письма не годятся для представленія государю; въ первомъ письмѣ, — говоритъ Жуковскій, — есть «кое-что живое», но второе «такъ сухо», что можетъ показаться государю «новой неприличностью». «Я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается, — пишетъ Пушкинъ въ отвѣтъ, — итти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе?.. Теперь—отчего мои письма сухи? Да, зачѣмъ же имъ быть сопливыми?... Что мнѣ дѣлать? просить прощенія? Да въ чемъ? Не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье». И Пушкинъ въ третій разъ пишетъ Бенкендорфу—на этотъ разъ длинное посланіе. Бен-

кендорфъ доложилъ государю: «такъ какъ Пушкинъ сознается, что просто сдѣлалъ глупость, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ». Государь написалъ на докладѣ Бенкендорфа: «я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку тридцати пяти лѣтъ, мужу и отцу семейства».

Послѣ этой неудачной попытки удрать «на чистый воздухъ» Пушкинъ окончательно захандрилъ. Въ письмахъ его проскальзываютъ нотки отчаянія. «Повѣрьте,—пишетъ Пушкинъ Осиповой въ октябрѣ 1835 года,—что хотя жизнь и «сладостная привычка», но она имѣетъ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ несносной, и миръ—не что иное, какъ скверное море грязи». «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душею и талантомъ!» — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ женѣ въ маѣ 1836 года. Воспоминанія молодости получаютъ для него въ это время особое значеніе. Стихотвореніе, написанное имъ на лицейскую годовщину 19-го октября 1836 года, исполнено хватающей за сердце грусти. Когда Пушкинъ началъ читать его на лицейскомъ праздникѣ, голосъ его дрогнулъ, изъ глазъ брызнули слезы, и стихотвореніе было дочитано его товарищемъ. Пушкинъ сопоставляетъ свое юношеское настроеніе съ теперешнимъ и съ особымъ чувствомъ вспоминаетъ декабристовъ и 14-е декабря. «Когда я подумаю, что десять лѣтъ прошло со времени этихъ несчастныхъ волненій, — пишетъ онъ Осиповой въ декабрѣ 1835 года,—мнѣ кажется, что я во снѣ; сколько событій, сколько пережѣнъ во всемъ, начиная съ моего образа мыслей, съ моего положенія и т. д.». Пушкинъ хочетъ спастись отъ суровой дѣйствительности въ религиозномъ созерцаніи и въ «восторгахъ умиленія» передъ созданіями искусствъ...

Стихотвореніе «Изъ VI Пиндемонте», которое надо было выдать за переводъ съ итальянскаго, чтобы цензура позволила его напечатать, не разъ приводилось въ доказательство общественнаго индифферентизма Пушкина. Между тѣмъ оно можетъ служить доказательствомъ какъ разъ обратнаго: непрекращавшагося интереса Пушкина къ общественнымъ вопросамъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего Пушкинъ заговорилъ о конституціи, о свободѣ печати въ Россіи въ 1836 году? Ясно, что вопросъ о томъ, нужна ли Россіи политическая реформа, или нѣтъ, жилъ въ умѣ самого Пушкина. Разочаровавшись въ дѣйствительности, Пушкинъ хочетъ спастись отъ нея въ области искусства, хочетъ увѣрить себя, что ему «все равно», зависѣтъ ли отъ властей или отъ народа. «Богъ съ

ними!—говоритъ поэтъ, — никому отчета не давать, для власти, для ливреи (тутъ Пушкинъ, можетъ быть, намекаетъ на свой камеръ-юнкерскій мундиръ) не гнуть ни совѣсти, ни шеи, по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ — вотъ счастье, вотъ права!» Пушкина иногда выставляютъ чуть ли не оплотомъ консерватизма Николаевской эпохи; но для писателя-консерватора было бы весьма странно гласно объявлять, что ему все равно, будутъ ли въ Россіи «власти», или нѣтъ. Въ сущности въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ является либераломъ чистѣйшей воды. «Никому отчета не давать, по прихоти (своей скитаться здѣсь и тамъ)»—это тѣ самыя естественныя права человѣка, которыхъ всегда добивался подлинный либерализмъ. Этими «правами» Пушкинъ никогда не могъ пользоваться; мечтая о томъ, чтобы «никому отчета не давать», онъ долженъ былъ давать подробный отчетъ Бенкендорфу о каждомъ своемъ шагѣ, а когда онъ разъ въ 1830 году «по прихоти своей» отправился «скитаться» въ Москву, не испросивши на то позволенія у Бенкендорфа, то получилъ отъ послѣдняго жестокой нагоняй. «Къ крайнему моему удивленію,—писалъ Бенкендорфъ Пушкину,—услышалъ я, что вы внезапно разсудили уѣхать въ Москву, не предвара меня о сей вашей поѣздкѣ... Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, васъ побудившія къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобы извинить оный; но я вмѣняю себѣ въ обязанность васъ предупредить, что всѣ непріятности, коимъ вы можете подвергнуться, должны быть приписаны собственному вашему поведенію»¹⁾. И Пушкинъ долженъ былъ оправдываться передъ Бенкендорфомъ.

Въ неясномъ предчувствіи надвигающагося рокового конца Пушкинъ подводитъ итогъ своей дѣятельности въ стихотвореніи «Памятникъ». Въ тонѣ стихотворенія—какая-то торжественность. Строгая музыка стиха; высшее художественное спокойствіе, почти ясно-видѣніе. Поэтъ чувствуетъ свое величіе и не боится прямо указывать на него. И въ эту знаменательную минуту онъ сознаетъ себя, какъ въ былые годы, пѣвцомъ свободы и съ гордостью генія говорить:

... долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждаю,
 Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ концѣ 1836 года Пушкинъ готовится окончательно порвать отношенія съ дворомъ и хочетъ ликвидировать свои денежные счета съ казной. Въ сентябрѣ 1835 года онъ хлопоталъ о выдачѣ ему 30.000 рублей, а въ ноябрѣ 1836 года онъ хочетъ «немедленно» уплатить эти деньги своимъ нижегородскимъ имѣніемъ. «Такъ какъ

¹⁾ Изданіе П. А. Ефремова, VII, 333.

дѣло это весьма малозначаще,—пишетъ Пушкинъ графу Канкрину,—то убѣдительнѣйше прошу ваше сятельство не доводить онаго до свѣдѣнія государя императора, который, вѣроятно, по своему великодушію не захочетъ таковой уплаты, а, можетъ быть, и прикажетъ простить мнѣ мой долгъ, что поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказаться отъ царской милости». Петербургская жизнь становится для него окончательно невыносимой. Его борьба съ многоголовымъ чудовищемъ—свѣтомъ—вырастаетъ до размѣровъ трагической коллизіи. Вокругъ него сплетается интрига, которой суждено затянуть его въ свою петлю. Всею силой тоскующей души поэтъ рвется въ деревню—къ родной землѣ, къ свободной жизни, полной вдохновенія и труда. Въ проникнутыхъ свѣтлой печалью стихахъ обращается онъ къ женѣ:

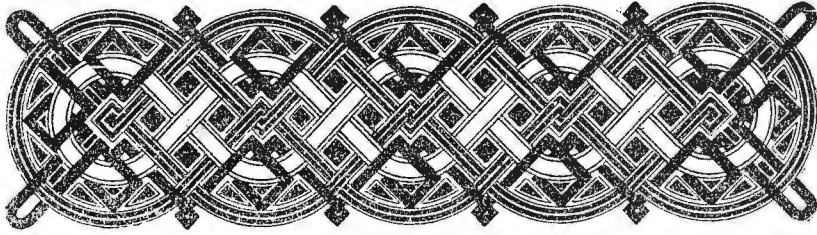
Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ.
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и мирныхъ нѣгъ.

Это стихотвореніе—последній аккордъ Пушкинской поэзіи. Мечтѣ поэта не суждено было осуществиться. 27-го января 1837 года онъ былъ убитъ пулей Дантеса.

Титулъ «либерала» въ его современномъ значеніи, конечно, непримѣнимъ къ Пушкину. Онъ въ сущности не интересовался спеціально политическими вопросами. Близость его къ либерализму вытекала изъ его высокой гуманности, той гуманности, которую Бѣлинскій считалъ наѳосомъ всего его творчества. Пушкинъ обладалъ не только поэтическимъ гениемъ, но и свѣтлымъ, зоркимъ умомъ. Слишкомъ трезвый и справедливый онъ былъ человекъ, чтобъ не видѣть зла, котораго такъ много было въ его вѣкъ, имъ самимъ названный «жестокимъ».

Александръ Слонимскій.

ИЗЪ МОИХЪ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЙ ПО ЛОМ- ЖИНСКОЙ ГУБЕРНІИ ¹⁾.

Путевые наброски.

VI.

Ковенское шоссе.—Его прошлое.—Проѣзды государей.—Случай съ императоромъ Александромъ II въ бытность его наслѣдникомъ престола.—Памятникъ-камень въ Стависковскомъ лѣсу.—Стависки.—Упраздненный монастырь францискановъ.—Грабово.—Вонсошъ.—Его достопримѣчательности.—Окопы.

ОЧТИ всѣ мѣстности изъ числа тѣхъ, которыя я намѣтилъ посѣтить въ эту свою поѣздку въ Кольненскомъ и Щучинскомъ уѣздахъ, лежатъ на старомъ, Ковенскомъ шоссе. Шоссе это до проведенія желѣзныхъ дорогъ служило главною артеріею, соединявшею нашу сѣверную столицу съ столицею Польскаго царства. Тутъ шло огромное движеніе. Ъхали тяжелыя дормезы и легкія брички, тянулись обозы, скакали фельдъегерскія тройки; проносились и царскіе экипажи. Старики еще помнятъ проѣзды государя Николая Павловича. Имъ случалось бывать форейторами при этихъ проѣздахъ. По ихъ рассказамъ, лошадей обыкновенно ставили окрестные помѣщики. Мѣняли ихъ часто. Передъ подъемомъ на гору впрягали шестерку и гнали въ карьеръ. А надо замѣтить, что горы на «Ковенскомъ шоссе» не рѣдкость, особенно на пространствѣ первыхъ восьми верстъ отъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., кн. IX, и 1904 года, кн. V-я.

Ломжи, не доѣзжая Щучина, около Райгорода и дальше—въ Сувалкской губерніи. Не обходилось при этомъ и безъ случаевъ. Въ 1844 году императоръ Александръ Николаевичъ проѣзжалъ черезъ Ломжу, въ бытность свою наслѣдникомъ престола, вмѣстѣ съ супругою, великою княгинею Маріею Александровною, во время своего заграничнаго путешествія. Ихъ высочества прибыли въ Ломжу 13 апрѣля и имѣли здѣсь ночлегъ. На другой день, при выѣздѣ ихъ съ ночлега, дорогія помѣщичьи лошади, запряженные въ почтовый экипажъ, испугались звуковъ трубы почталіона и понесли... Дорога шла по краю довольно высокаго обрыва въ направленіи къ рѣкѣ Нареву, огороженнаго барьеромъ. Лошади бросились къ барьеру. Правившій ими почталіонъ упалъ черезъ барьеръ въ сосѣдній огородъ. Къ счастью, испуганныхъ лошадей удалось скоро остановить ¹⁾. Память объ одномъ изъ проѣздовъ императора Александра Павловича увѣковѣчена постановкою камня на томъ мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ монархъ.

Камень этотъ находится на 16-й верстѣ отъ Ломжи, при самомъ шоссе, въ лѣсу, принадлежащемъ владѣльцу имѣнія Стависки, г. Станиславу Кисельницкому. Описание памятника-каменя вскорѣ послѣ его постановки находимъ въ запискахъ, точнѣе дневникѣ, К. К. Мердера († 1834 г.), воспитателя цесаревича Александра Николаевича, сопровождавшаго своего царственнаго воспитанника въ 1829 году въ Варшаву, на коронацію польскимъ королемъ его родителя, императора Николая Павловича. Подъ 3-мъ мая записано въ дневникѣ: «...изъ Рыдзева мы вышли пѣшкомъ въ 6^{1/2} часовъ утра; погода была прекрасная. На 6 верстѣ сѣли въ коляску и въ первомъ часу пріѣхали въ Ломжу; шоссе пролегаетъ по довольно возвышенному, почти вездѣ глинистому, грунту. Близъ станціи Ставишки (Стависки), у опушки лѣса, виденъ памятникъ, воздвигнутый въ воспоминаніе отдыха, бывшаго на семъ мѣстѣ въ 1825 году государя императора Александра I-го. Большой круглый гранитный камень лежитъ на квадратной возвышенности, состоящей изъ 6 дерновыхъ ступеней; близъ него нѣсколько плакучихъ березъ и ивъ. Въ камнѣ вдѣлана мраморная доска, на коей написано число и годъ отдыха незабвеннаго для всѣхъ земного ангела» ²⁾. Въ настоящее время памятникъ-камень представляется въ слѣдующемъ видѣ. Не доѣзжая 5 верстъ до посада Стависки, за шоссею канавою, налѣво, если ѣхать изъ Ломжи, видна четырехугольная земляная насыпь, имѣющая 18 фут. длины и ширины и 3 фута вышины. На этой насыпи лежитъ повалившійся на бокъ полевой камень (гра-

¹⁾ Случай этотъ подробно описанъ нами въ Памятной книгѣ Ломжинск. губ. на 1902 г., отд. V, 16.

²⁾ Записки К. К. Мердера въ «Русск. Стар.», 1835 г., апрѣль, 90.

нить), $3\frac{1}{2}$ фута длины и 3 фута ширины. Сверху на немъ имѣется углубленіе длиною 1 футъ 8 вершковъ и шириною 1 футъ 4 вершка. Въ этомъ-то углубленіи и помѣщалась доска съ надписью, о которой упоминаетъ Мердеръ. Какая судьба постигла доску, никто не знаетъ. Разспрашивалъ я и старыхъ людей изъ крестьянъ и

Памятникъ-камень въ Стависковскомъ лѣсу въ воспоминаніе остановки императора Александра I въ 1825 году.

евреевъ, никто не могъ мнѣ ничего объяснить... Можетъ быть, время ее уничтожило, можетъ быть, она исчезла въ періодъ различныхъ политическихъ переворотовъ, бывшихъ въ краѣ. Наконецъ, можетъ быть, наша русская безпечность относительно охраны историческихъ памятниковъ виновата въ этой утратѣ... Какъ бы то ни было, въ настоящее время не только текста надписи мѣстные жители припомнить не могутъ, но даже затрудняются толкомъ объяснить, въ память какого событія положенъ помянутый камень. На всѣ подобнаго рода вопросы — у нихъ одинъ отвѣтъ: въ память остановки государя. Спросишь: какого именно? Снова разногласіе

по словамъ однихъ—Николая I-го, по словамъ другихъ—Александра I-го. Только одно интеллигентное лицо изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ, на основаніи устныхъ преданій, сохраняющихся въ его семьѣ, сообщило мнѣ, что останавливался на этомъ мѣстѣ императоръ Александръ Благословенный для перемѣны лошадей и отдыхалъ довольно долго, что окрестные землевладѣльцы, желая сохранить память объ этомъ въ потомствѣ, поставили на томъ мѣстѣ камень, на которомъ была укрѣплена доска съ надписью по-польски, приблизительно такого содержанія: «Dnia...¹⁾ (мѣсяца) roku...²⁾ Najjasniejszy Pan, Cesarz Aleksander I Cesarz wszech Rossyi, Król Polski raczył się w tem miejscu zatrzymać»³⁾. Что же касается опредѣленія (болѣе или менѣе точнаго) времени остановки императора Александра I близъ Ставискъ, то для этого слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ 1825 г. Александръ могъ быть въ этой мѣстности дважды. По словамъ его біографа, императоръ Александръ 4 (16) апрѣля выѣхалъ изъ Царскаго Села и прибылъ въ Варшаву 15 (27) того же мѣсяца; 2 (14) іюня онъ выѣхалъ изъ Варшавы и черезъ Ковну, Ригу и Ревель возвратился, 13 (25) іюня, въ Царское Село⁴⁾. А извѣстно, что путь изъ Варшавы на Ковну лежалъ черезъ Ломжу. Будемъ надѣяться, что мѣстная губернская власть воспользуется сдѣланными мною разысканіями для приведенія памятника въ первоначальный видъ и для возстановленія на немъ текста надписи.

Стависковскій лѣсъ тянется чуть не до самыхъ Ставискъ. Въ старину онъ былъ гораздо гуще. По рассказамъ, кипѣлъ контрабандистами и конокрадами, ѣздить черезъ него вечеромъ и особенно ночью считалось дѣломъ не совсѣмъ безопаснымъ.

Стависки — теперь небольшой посадъ, состоящій изъ одной улицы, рыночной площади и нѣсколькихъ переулковъ. Населеніе его не достигаетъ пяти тысячъ душъ. Евреи преобладаютъ. Въ XV ст. это былъ торговый пунктъ. Въ XVIII ст. здѣсь славились суконныя и шапочныя фабрики, кожевенные заводы и красильни. Въ 1813 году пожаръ испепелилъ Стависки. Промышленность пала. Жители занимаются торговлею да еще изготовленіемъ полушубковъ. До недавняго времени стависковцы пользовались незавидною репутаціею въ нравственномъ отношеніи.

— Czy pan czasem nie ze Stawisk?—спрашивали еврея.

— Ty sam, psia krew, złodziej!—спѣшилъ выругаться оскорбленный сынъ Израиля⁵⁾.

^{1) 2)} Дать лицо, мнѣ передававшее содержаніе надписи, не помнить.

³⁾ Т.-е. «Всецесвѣтлѣйшій государь императоръ Александръ I, императоръ всероссійскій, король польскій, изволилъ останавливаться на этомъ мѣстѣ (тогда-то...)».

⁴⁾ «Александръ I», біографія, написана Н. К. Шильдеромъ въ I т. Русск. біограф. слов., изд. Импер. Русск. истор. общ. (Спб., 1896), 378.

⁵⁾ Вы не изъ Ставискъ ли?—Ты тамъ, с... с..., воръ!

Принадлежать къ обществу стависковцевъ почиталось обидою. Украшеніемъ посада служитъ большой каменный костель на рыногѣ. Построенъ въ началѣ XIX ст. на мѣстѣ деревяннаго, поставленнаго владѣтелемъ мѣстечка Фортунатомъ Замойскимъ въ 1697 году и отданнаго имъ въ распоряженіе францискановъ. Въ 1864 г. костель обращенъ въ филиальный и только въ 1903 г. возведенъ на степень приходскаго. Въ костелѣ пять алтарей очень хорошей работы. Главный посвященъ Богоматери. Въ лѣвой боко-

Памятникъ Кисельницкихъ въ костелѣ въ Ставискахъ.

вой галереѣ, или навѣ, въ нишѣ, красивый памятникъ Станислава Кисельницкаго (р. 1797 † 1854 г.) и сына его Эдмунда (р. 1827 † 1846), владѣльцевъ Ставискъ, къ коимъ послѣднія перешли отъ Крамковскихъ. На пьедесталѣ статуя возлежащаго мужа, съ чертами лица римскаго патриція, облеченнаго въ тогу. Правою рукою онъ опирается, а лѣвую приподнялъ къверху. У его ногъ, съ боку, камень съ медаліономъ-горельефомъ, представляющимъ голову Эдмунда Кисельницкаго, студента Кенигсбергскаго университета. На пьедесталѣ и по ободку медаліона надписи, содержащія

имена изображенныхъ лицъ и даты рожденія и смерти ихъ. Въ костельной ризницѣ хранится дорогая серебряная монстранція XVI вѣка, остатокъ прежней богатой утвари. Отъ обширной бібліотеки о. францискановъ остались только жалкіе остатки въ видѣ разрозненныхъ томовъ сочиненій по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія и патристикъ. Зданіе костела и бывшихъ монастырскихъ келлій, въ которыхъ теперь живетъ ксендзъ и помѣщаются начальныя школы, нуждается въ ремонтѣ. Осматривая облупившіяся наружныя стѣны храма, я нашелъ на одной изъ нихъ съ трудомъ разбираемую надпись:

Tu spoczywają zwłoki
Daniela Płonka,
który przeżywszy lat
54 umarł d. 23 Pazd. 1820
Pozostała wdowa
wraz z dziećmi poświęciła
te pamiątkę¹⁾.

Въ оградѣ костела похоронены: Крамковскіе—Антоній (†1783 г.) и Иосифъ († 1808г.) и послѣдній настоятель костела изъ францискановъ, кс. С. Окнинскій († 1901 г.).

Полотно дороги между Стависками и Щучинымъ на протяженіи верстъ пятнадцати ровное, содержится въ большемъ порядкѣ. Замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи мѣстностей на пути не встрѣчается. Упомянемъ развѣ объ имѣніи Грабово, отстоящемъ въ недалекомъ разстояніи отъ шоссе — влѣво — мѣстѣ родины извѣстнаго ботаника Якова Ваги (1800†1872).

Подъ Щучинымъ снова горы. Здѣсь когда-то были большіе лѣса. Теперь объ нихъ осталось одно воспоминаніе. Не доѣзжая до Щучина пяти верстъ, сворачиваемъ направо и по проселочной дорогѣ, черезъ три версты, достигаемъ Вонсоша.

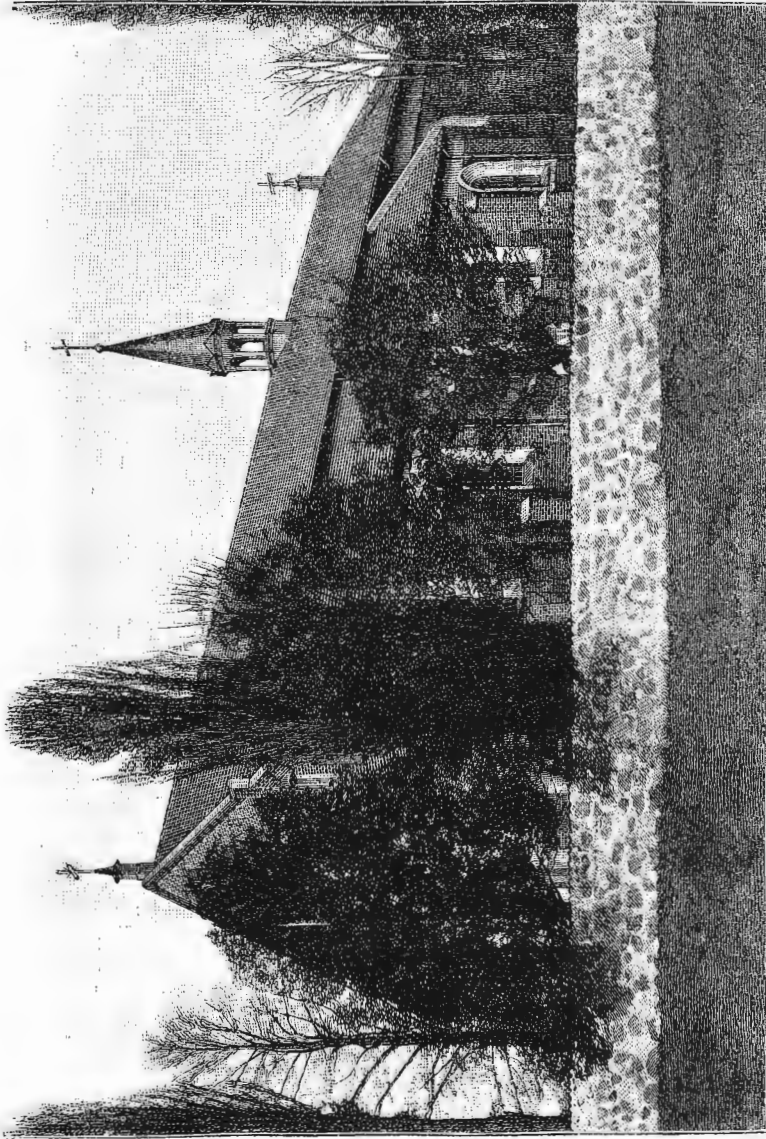
Вонсошъ (Wąsosz или Wąszosz) на рѣкѣ Виссѣ—въ XV—XVI столѣтіяхъ значительный городъ²⁾. Разоренъ во время шведскихъ воѣнъ. Теперь—бѣдный посадъ съ населеніемъ не болѣе 2.000 душъ. Отъ бывшаго здѣсь замка не осталось никакихъ слѣдовъ. Уцѣлѣли два костела: одинъ приходскій (fara), другой—монастырскій.

Приходскій, во имя Преображенія Господня,—каменный, готической архитектуры, по преданію, основанъ Владиславомъ, княземъ мазовецкимъ, въ началѣ XIII вѣка. Но я, рассмотрѣвъ об-

¹⁾ Здѣсь похоронены останки Данила Плонки, который, проживъ 54 года, умеръ 23 октября 1820 г. Вдова съ дѣтьми памяти его посвятила это.

²⁾ См. «Starożytna Polska» М. Балинскаго и Т. Липинскаго, т. I (изд. 1885 г.), 592—593.

стоятельно структуру постройки, не могу не прийти къ тому заключенію, что существующій въ настоящее время костель возведенъ не ранѣе начала XV столѣтія, впрочемъ, не спору,

Костель въ Вонсопѣ.

можетъ быть, на фундаментахъ прежняго, Владиславомъ сооруженнаго. Въ 1838 году пострадалъ отъ пожара. Реставрировали его въ 1858 году, 1881 и 1899 годахъ. При этомъ были дѣлаемы

«истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. xcvl.

попытки испортить внѣшній видъ зданія ¹⁾, но, къ счастью, онѣ не удались... Внутри костела до пожара 1838 года существовали своды, похожіе на своды фарнаго костела въ Ломжѣ ²⁾. Въ костелѣ три навъ. Средняя отдѣляется отъ боковыхъ арками, по четыре на сторонѣ. Алтарей 3—новые. Памятниковъ—никакихъ; актовъ—тоже. Метрики (о родившихся) начинаются съ 1758 года.

Костель упраздненнаго монастыря кармелитовъ-босыхъ, подъ наименованіемъ Посѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи, основанъ въ 1605 году гражданиномъ (civis) Андреемъ Рогаля, небольшой, каменный, оштукатуренный и подкрашенный, довольно бѣдный. Предметовъ особенно достопримѣчательныхъ нѣтъ за исключеніемъ двухъ деревянныхъ распятій на престолѣ, тонкой скульптурной работы и третьяго серебрянаго, мѣстами позолоченнаго, съ реликвіею части древа св. креста и датую: «pro... a. d. 1733» ³⁾. Сохранился еще пострадавшій отъ времени портретъ пожилого мужчины. По лѣвую сторону, на фонѣ, гербъ изображеннаго (подкова и мечъ), а по правую надпись:

Nicolaus Moczarski
Pincerna ⁴⁾ terrae Visnensis
obit aetatis suae 67
Ultimum vero clausit
suae diem 6-to Augusti
1607 a. d.

На дорогѣ изъ Вонсоша въ Щучинъ, на земляхъ имѣнія Нецьково, г. А. Роматовскаго, на территоріи, нѣкогда служившей театромъ военныхъ дѣйствій поляковъ со шведами, сохранилось нѣсколько земляныхъ окоповъ значительныхъ размѣровъ.

VII.

Щучинъ. Фамилія Щукъ.—Костель. Его катакомбы. Бывшій коллегіумъ піаровъ.—Статуя Божіей Матери въ память событія 17 октября 1888 года.—Впечатлѣніе, оставляемое городомъ.—Костель въ Недзвяднѣ.

Щучинъ мазовецкій, именуемый такъ въ отличіе отъ Щучина литовскаго въ Виленской губерніи ⁵⁾, названіе свое получилъ отъ имени своего основателя — референдарія короннаго Ант.-Станислава Щуки. Фамилія Щукъ особенно возвысилась въ XV столѣтіи.

¹⁾ Оштукатурка, сохранившаяся мѣстами, тяжеловѣсная башня по срединѣ крыши и т. п.

²⁾ «Историч. Вѣстн.», 1900 г., т. LXXXII, 606.

³⁾ Въ послѣднее время это распятіе перенесено въ ризницу приходскаго костела.

⁴⁾ Виночерпій.

⁵⁾ Нынѣ небольшое мѣстечко въ Лидскомъ уѣздѣ.

Изъ нихъ Андрей Щука имѣлъ большое значеніе при дворѣ мазовецкихъ князей. Его потомокъ, помянутый Ант.-Станиславъ Щука, пользовался особеннымъ расположеніемъ короля Яна III Собѣскаго за прямоту характера. Этотъ-то самый Щука выхлопоталъ у Собѣскаго въ 1692 году привилей, согласно которому

Видъ костела и бывшаго коллегіума піаровъ въ Щучинѣ.

принадлежавшее ему помѣстье возводилось на степень города, при чемъ горожане должны были платить подати въ казну, чиншъ же и аренду съ плацевъ—помѣщику, который не имѣлъ права взыскивать съ нихъ другихъ налоговъ.

Еще за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, Янъ Собѣскій, отправляясь освобождать Вѣну отъ турокъ, далъ Богу обѣтъ: въ случаѣ одолѣнія враговъ христіанства, пожертвовать 200.000 золотыхъ польскихъ на постройку костела въ имѣніи Щукъ. Одержавъ побѣду, король вручилъ обѣщанную сумму Станиславу Щукѣ. Последній

построилъ на эти деньги существующій понынѣ великолѣпный каменный костелъ.

Въ 1700 году на собственные средства Ант.-Станиславъ на Щучинѣ и Радзынѣ Щука выстроилъ при костелѣ коллегіумъ для обученія юношества, поручивъ завѣдываніе имъ ксендзамъ-піарамъ. На содержаніе коллегіума были завѣщаны значительныя суммы. Коллегіумъ просуществовалъ до 30-хъ годовъ XIX столѣтія и считался въ свое время образцовымъ. Изъ его учителей-руководителей заслуживаетъ упоминанія кс. Як. Фальковский (р. 1774 †1849 г.), основатель института глухонѣмыхъ въ Варшавѣ. Изъ его учениковъ особенно отличились два брата Ваги—Яковъ, авторъ «Флоры Польской», прахъ коего покоится на ломжинскомъ кладбищѣ¹⁾, и Антонъ (1799 †1890 г.), одинъ изъ выдающихся энтомологовъ Европы.

Въ настоящее время въ зданіи коллегіума помѣщаются: по одну сторону — православная церковь, городскія школы и квартиры фельдшера и ксендза, а по другую (съ 1836 г.) больница св. Станислава на 30 кроватей.

Костелъ въ стилѣ ренессансъ, съ красивымъ фронтономъ, въ верхней части котораго начертана надпись:

Tibi laus, Tibi gloria, Tibi gratiarum actio
In saecula sempiterna, o beata trinitas²⁾,

а надъ дверями другая:

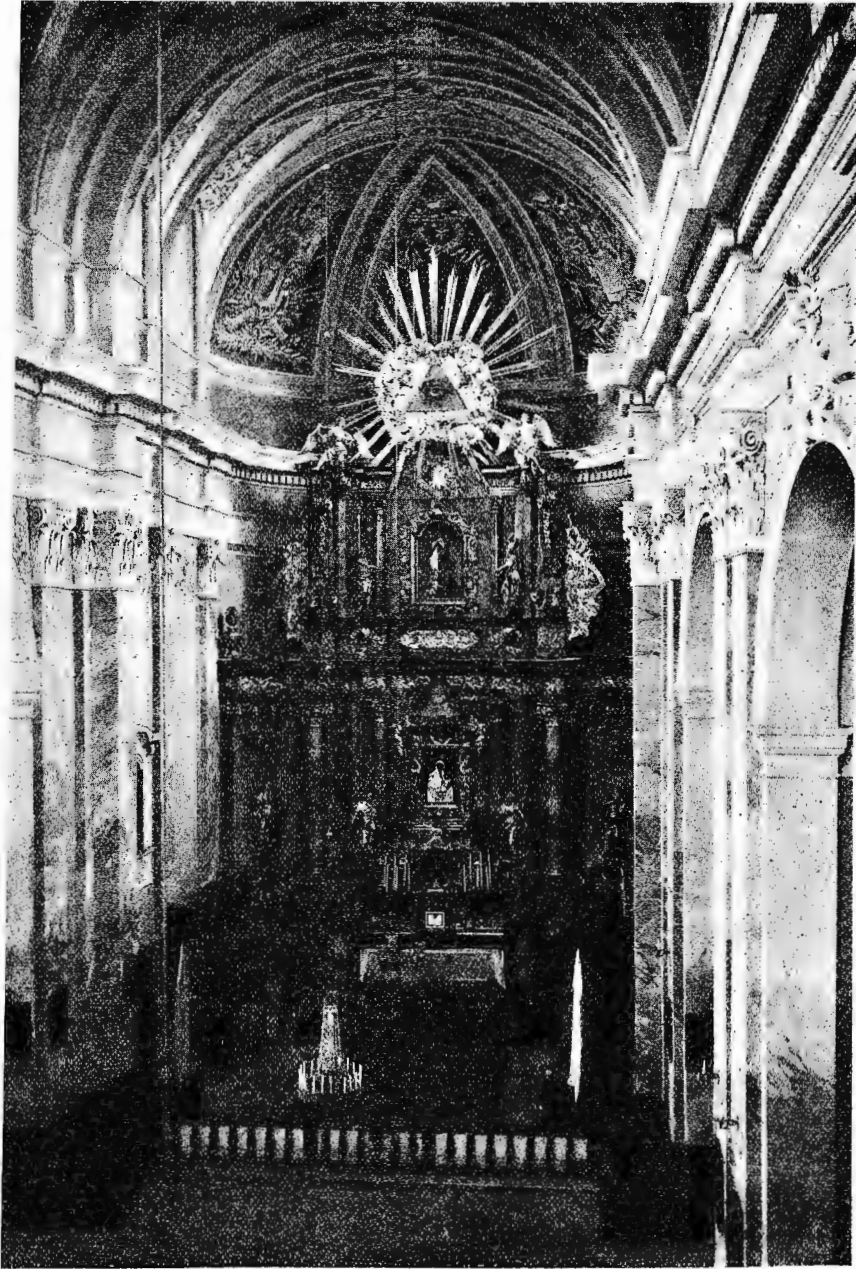
W przybytku Twoim racz przyjąć Panie
Prawowiernego ludu wzdychanie,
A obłąkanych przesądem kroki
Niechaj sprostują Prawd Twych wyroki³⁾.

Внутри отдѣланъ съ большимъ вкусомъ. Большую красоту придаютъ ему многочисленныя колонны, украшенныя капителями, карнизы лѣпной работы, изящный алтарь, современный основанію костела, деревянный, имитированный подъ мраморъ, украшенныя статуями ангеловъ и святыхъ и богатыми орнаментами изъ дерева, позолоченнаго подъ бронзу. Въ немъ образъ Божіей Матери Милостивой—даръ костелу королевы Маріи-Казимиры, супруги Яна Собѣскаго, присланный ей изъ Рима папою Иннокентіемъ XI-мъ. Кромѣ главнаго алтаря, еще восемь боковыхъ.

¹⁾ См. наши замѣтки: «Замѣчательныя могилы на Ломжинскомъ кладбищѣ» (Памяти. кн. Ломж. губ. на 1900 г.) и «Grób Jakóba Wagi» (Kraj, 1901 г., № 21).

²⁾ Тебѣ честь, Тебѣ слава, Тебѣ благодареніе во вѣки вѣчныя, благословенная Троица.

³⁾ Благоизволь, Господи, принять въ жилищѣ Твоемъ воздыханія правоваѣрнаго люда, а пути заблудшихъ да исправятъ опредѣленія правды Твоей.

Внутренній видъ костела въ Щучинѣ.

Въ катакомбахъ костела погребенъ строитель его, А.-С. Щука, умершій въ 1710 г., 56 лѣтъ отъ роду, и нѣсколько лицъ, имена которыхъ неизвѣстны. Всѣ трупы сохранились превосходно, особенно трупъ одной женщины, на щекахъ которой, какъ это ни не вѣроятно, можно еще видѣть слѣды румянца... Въ покояхъ настоятеля сохраняются портреты фундатора костела, Щуки, на серебряномъ листѣ, и его жены († въ 1735 году въ Радзынѣ), на полотнѣ.

Противъ костела, въ 1891 году, поставлена статуя Божіей Матери изъ песчаника въ память чудеснаго избавленія ихъ императорскихъ величествъ при крушеніи поѣзда у станціи Борки, 17-го октября 1888 года. Высота статуи 2 аршина 1 вершокъ. На каменномъ, четырехъгранномъ, пьедесталѣ, высотой 2 арш. 7¹/₂ вершк., спереди, во всю его длину и ширину,—металлическая доска со слѣдующею надписью:

Сооружена на добровольныя
пожертванія жителей
Щучинскаго уѣзда въ память
чудеснаго избавленія
Ихъ Императорскихъ Величествъ
съ Августѣйшею Семейю
при крушеніи поѣзда 17 октября
1888 года.

Wzniesiona z dobrowolnych ofiar przez
mieszkańców powiatu szczuczyńskiego
na pamiątkę cudownego ocalenia
Najjaśniejszego Pana z Rodziną
przy rozbitu pociągu
w d. 29 Pazdziernika 1888 r.
O, Maryo bez grzechu pocięta modl się
za nami, którzy się do Ciebie uciekamy¹⁾.

Статуя сооружена на добровольныя пожертванія—273 рубля 52 коп.—жителей Щучинскаго уѣзда, состоитъ въ вѣдѣніи прихода и на средства послѣдняго поддерживается.

Костель стоитъ на высокой террасѣ, на которую ведетъ со стороны города широкая каменная лѣстница. Съ террасы открывается видъ на городъ. Послѣдній ничѣмъ не отличается отъ десятковъ подобныхъ ему городковъ. Тѣ же каменные вперемежку съ деревянными домики, тѣ же улицы, мѣстами узкія и короткія, мѣстами широкія и длинныя, тѣ же ужасныя мостовыя—пыльные

¹⁾ Польскій текстъ—дословный переводъ русской надписи. Послѣднія же двѣ строки его въ переводѣ на русскій языкъ значатъ: «О Марія, зачатая безъ грѣха, молись о насъ, къ Тебѣ притекающихъ».

въ сухую погоду и чрезмѣрно грязныя въ слякоть и то же плохое освѣщеніе. Жителей въ Щучинѣ пять тысячъ слишкомъ. Изъ нихъ евреевъ не меньше половины. Они занимаются мелкою торговлею и ремеслами. Христіанское населеніе предпочитаетъ обрабатывать землю.

Въ пяти съ небольшимъ верстахъ отъ Щучина, на прусской границѣ, лежитъ деревенька Недзвядна, состоящая изъ двадцати

Костель въ Недзвяднѣ.

дворовъ. Мѣстный костель, во имя св. епископа-мученика Станислава,—каменный, построенъ въ концѣ XVI вѣка. Снаружи сохранился довольно хорошо. Послѣдняя реставрація происходила въ 1896 году. Попытки штукатурить зданіе, къ счастью, не удалось и не нарушили его первоначальныхъ, красивыхъ, архитектурныхъ линій. Слѣды штукатурки сохранились теперь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Внутри костель имѣетъ форму продолговатаго

прямоугольника, съ пристроенными съ лѣвой стороны сакристіею и папертью (kuchta). Освѣщается 8 окнами, изъ которыхъ 5 съ правой стороны и 3 съ лѣвой. Стѣны внутри оштукатурены. Полъ деревянный; алтарей—3. Памятниковъ и актовъ никакихъ не сохранилось. Метрики (объ умершихъ) сохранились съ 1808 года. Изъ предметовъ ризницы заслуживаетъ упоминанія лишь серебряная монстранція XVII столѣтія, обновленная въ 1898 году.

Посѣтивъ Недзвядну, я возвратился въ Щучинъ и, переночевавъ здѣсь, на другой день двинулся дальше.

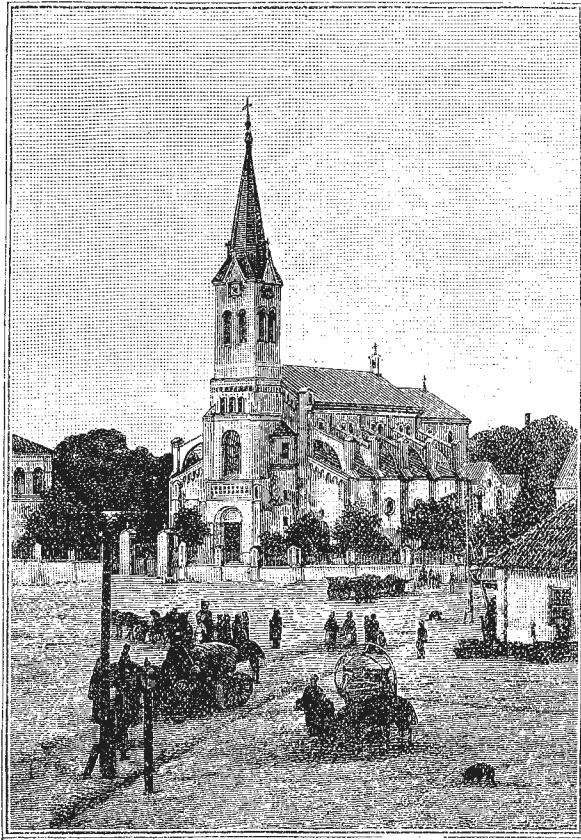
VIII.

Отъ Щучина до Граева.—Граево. Преданіе о происхожденіи его наименованія. Вѣѣность Граева.—Въ Богусе. Памятникъ разграниченія польскихъ и прусскихъ земель 1545 года. Его современное состояніе.—По дорогѣ въ Райгородъ. Изъ исторіи Райгорода. Райгородское озеро.—Рыбпромышленникъ Р. Т. Крымовъ.—
Два слова о филиппонахъ.

Снова однообразное шоссе, обсаженное по сторонамъ деревьями. Мелькаютъ рѣдкія деревни. Кое-гдѣ на горизонтѣ синѣютъ лѣса. Вотъ, на дорогѣ контрольный пунктъ пограничной стражи. До границы отсюда—рукой подать. Мы ѣдемъ вдоль первой линіи. У небольшого домика налѣво стоитъ объѣздчикъ. Поперекъ дороги протянута цѣпь. Подъѣзжаемъ. Объѣздчикъ взглядываетъ на насъ и опускаетъ цѣпь. Ёдемъ далѣе. Направо выдвигается почти къ самому шоссе корпусъ большого каменнаго зданія съ высокою фабричною трубою. Послѣдняя дымитъ. Доносится стукъ и гулъ. Какой-то противный запахъ начинаетъ щекотать обоняніе. Интересно: какой это заводъ? И узнаю, что это—костеобжигательный заводъ Бялостоцкаго. Налѣво, вдали, показывается Граево. Лежитъ оно въ лощинѣ и издали производитъ впечатлѣніе значительнаго города. Бѣлѣютъ каменные зданія вокзала, таможенныхъ учрежденій, видны главы церкви, башня костела, трубы фабрикъ; надъ городомъ стелется облако дыма фабрикъ и паровозовъ. Направо—зданія казармъ «Потемкинскаго штаба». Словомъ, вѣѣшній видъ Граева—куда презентабельнѣе вида любого уѣзднаго города, хотя Граево—всего на всего посадъ. Здѣсь нѣтъ ни бургомистра, ни полицеймейстера. Административная власть сосредоточивается въ особѣ гминнаго войта, а полицейскую представляютъ собою 3—4 стражника. Численность населенія Граева уже давно достигаетъ пяти тысячъ душъ и даетъ ему право быть городомъ..., не говоря уже о его выгодномъ въ торгово-промышленномъ отношеніи положеніи вблизи границы, на линіи желѣзной дороги Брестъ-Граево-Просткенъ-Кѣнигсбергъ. Жители посада еврей, люди, въ большинствѣ случаевъ, состоятельные, ведутъ бойкую торговлю лошадьми. Христіане занимаются земледѣліемъ и ремеслами. Хотя основаніе Граева не восходитъ далѣе XV-го вѣка, тѣмъ не менѣе,

относительно происхожденія наименованія его существуетъ любопытная легенда, которую я и расскажу читателямъ такъ, какъ она записана Ал. Полуянскимъ¹⁾.

Послѣ грѣхопаденія нашихъ прародителей, когда Богъ-Отець изгналъ изъ рая виновныхъ Еву и Адама, пошли они по шпро-

Костель въ Граевѣ.

кому свѣту искать себѣ пропитанія. Долго они блуждали по міру. Наконецъ, попали въ тѣ края, гдѣ теперь стоятъ Райгородъ и Граево. Роскошное мѣстоположеніе понравилось изгнанникамъ. Утомленные долгимъ путешествіемъ, они остановились отдохнуть²⁾. Чтобы усладить свой отдыхъ Адамъ велѣлъ Евѣ играть на лирѣ.

¹⁾ «Wędrówki po guberni Augustowskiej» (Warsz., 1859)—въ настоящее время библиографическая рѣдкость.

²⁾ Между Райгородомъ и Граевымъ, неподалеку отъ шоссе, есть деревня Тишево. Народное преданіе объясняетъ наименованіе ея обращеніемъ утомленнаго путешествіемъ Адама къ женѣ:

— Тише (т.-е. иди), Ева (Тише—Ево).

— Graj, Ewo!—сказалъ онъ ей.

Ева послушалась мужа и, желая вознаградить его за тѣ испытанія, которыя Адамъ перенесъ по ея винѣ, такъ хорошо заиграла, что въ лѣсу деревья, а въ ближайшей рѣкѣ рыбы заслушались. Адамъ, позабывъ свое горе, рѣшилъ, что и на землѣ съ доброй женой можно найти счастье¹⁾.

Поселеніе, возникшее здѣсь, получило названіе Граево (graj, Ewo).

Пріятное впечатлѣніе отъ внѣшняго вида Граева значительно ослабляется, когда вѣдете въ посадъ.

Улица начинается постройками, принадлежащими желѣзнодорожному вѣдомству. Потомъ ее пересѣкаетъ полотно желѣзной дороги. Дальше—по обѣ стороны двухъэтажные каменные дома. Поворачиваемъ налѣво—рынокъ. На углу его—каменный, готической архитектуры, костель съ одною башнею. Построенъ въ 1880 году, по плану академика Ф. Новицкаго²⁾. Рынокъ, какъ водится, вымощенъ крупнѣйшимъ булыжникомъ и перерѣзанъ рейнштоками-канавами, служащими, главнымъ образомъ, для спуска нечистотъ, такъ что переѣздъ черезъ него въ экипажѣ грозитъ опасностію получить сотрясеніе мозга. Отъ рынка идутъ главныя улицы—одна къ вокзалу и таможнѣ, другая къ казармѣ стоящаго здѣсь 10-го драгунскаго Новотроицко-Екатеринославскаго полка, третья—въ направленіи къ Райгроду и четвертая въ сторону деревни Богуше, къ прусской границѣ.

Отъ Граева до Богуше пять верстъ. Дорога отвратительная, холмистая и песчаная.

Богуше—ничтожная деревня. Она, разумѣется, не имѣла бы никакого значенія, если бы въ ней не существовало таможенной заставы, операціи которой настолько значительны, что наше правительство, года три тому назадъ, установило здѣсь жандармскій пунктъ. Кромѣ послѣдняго, въ Богуше существуетъ кордонъ пограничной стражи. По своей неопрятной внѣшности Богуше представляетъ полную противоположность своей ближайшей сосѣдкѣ, прусской деревнѣ Малыя Простки (Prostken). Кажется, всего одна цѣпь отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, а посмотрите, какая чистота и какой порядокъ по ту сторону! Широкая шоссированная улица обстроена двухъэтажными каменными домами вполне приличной архитектуры. Лавки, магазины, рестораны, гостиницы, safe, bier-halle, — какихъ не только въ Граевѣ, но и въ другихъ—по больше его—городахъ не встрѣтишь. Въ одномъ изъ писчебумаж-

¹⁾ 102—103.

²⁾ Въ Граевѣ, кромѣ римско-католическаго костела, есть православная церковь во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины и синагога. Въ 1901 году граевскіе евреи на собранные 30.000 рублей основали религиозную школу talmid-toga.

ныхъ магазиновъ я нашелъ цѣлый ассортиментъ «открытыхъ писемъ» (postkarten) съ видами Граева и Богушъ. Видно, наши «добрые сосѣди» куда любознательнѣе насъ! Ихъ интересуетъ не только свое, но и чужое, сосѣдское. На одной изъ карточекъ открытаго письма я съ удивленіемъ встрѣтилъ изображеніе памят-

Памятникъ разграниченія польскихъ и прусскихъ земель въ 1545 г.

ника въ Богушахъ, того самаго памятника, ради осмогра котораго я и прїѣхалъ въ эту деревню.

Памятникъ, о которомъ идетъ рѣчь, стоитъ за рѣкою Лэнкъ, въ лѣску, на нейтральной почвѣ, близъ столбовъ, обозначающихъ государственную границу, — русскаго «№ 17-й» и германскаго «№ 91-й». Это кирпичный, оштукатуренный и выкрашенный зеленою масляною краскою, четырехугольный столбъ, покрытый крутою шатровою крышею.

Размѣры его слѣдующіе: вышина стѣны до карниза—3 арш. 14 вершк., длина ея—2 арш. 4 вершка и ширина—2 арш. 6 вершк. Длина карниза—2 арш. 12 вершк. и ширина—2 арш. 14 вершк. На одной (с.-в.) сторонѣ памятника, служащей фронтономъ, помѣщены вверху два щита изъ камня песчаника. На одномъ изображенъ всадникъ, а на другомъ польскій бѣлый одноглавый орелъ, съ буквою S на груди. Ниже — большая доска, съ вырѣзанною на ней надписью. Надпись объясняетъ поводъ сооруженія памятника. Въ концѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія, ученые А. Полуянскій ¹⁾ и Ф. М. Собѣщанскій ²⁾ свободно еще ее прочитали. Въ настоящее же время въ надписи не хватаетъ нѣсколькихъ словъ и буквъ, цѣлой предпоследней строки и конца последней: частію онѣ стерлись отъ времени, частію закрашены при неумѣломъ ремонтѣ памятника.

Вотъ текстъ надписи ³⁾:

(Q) van (do) Sigismundus (patriis) Augustus in orbi
 primus et Albertus Marchio jura dabant
 Ille Jagellonis veteresque binominis urbes,
 hicque Borussotum pace regebat opes
 Haec erecta fuit molesque limitatas fines
 signat et amborum separat arma ducum,

.....
 Anno MDXLV mensis Augusti.

т.-е.: когда Сигизмундъ первый и герцогъ Альбертъ порѣшили между собою, чтобы города не управлялись двумя монархами, но, чтобы Ягеллонъ управлялъ одними, а герцогъ прусскій другими, — и былъ поставленъ этотъ памятникъ, обозначающій границы и раздѣлъ земли обоихъ властителей. Событіе это относится къ 1545 году, когда польскій король Сигизмундъ I-й уступилъ племяннику своему, послѣднему великому магистру ордена крестоносцевъ Альбрехту (Albertus), вассалу Рѣчи Посполитой, въ ленное владѣніе, часть польскихъ земель. Германское правительство неоднократно принимало участіе въ реставраціи этого историческаго памятника. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ не требуетъ ремонта, но нуждается въ надлежащей опекѣ. Остающіеся вокругъ памятника слѣды пребывания здѣсь человѣка наглядно указываютъ на недостатокъ культуры послѣдняго и на отсутствіе присмотра.

Осмотрѣвъ памятникъ и снявъ съ него фотографіи, я вернулся въ Граево и оттуда выѣхалъ въ Райгородъ.

Разстояніе между Граевымъ и Райгородомъ небольшое — восемнадцать верстъ. Мѣстность сначала ровная и открытая, мѣстами

¹⁾ «Wędrówki po guberni Augustowskiej», 104.

²⁾ Въ большой Энциклоп. Powszech. Оргелбранда, т. III, Warszawa. 1860.

³⁾ Въ скобкахъ стертые слова.

низменная и болотистая, постепенно переходит въ гористую и лѣсистую. Значительные лѣса подъ Райгродомъ образуютъ казенное Райгродское лѣсничество. На 14-й верстѣ отъ Граева лѣсъ съ лѣвой стороны прерывается и къ самой почти дорогѣ подходитъ Райгродское озеро. Характеръ мѣстоположенія по правую сторону дороги, гдѣ лѣсъ растеть на холмахъ, окружающихъ низину, имѣющихъ форму береговъ, указываетъ на то, что когда-то озеро тянулось и въ ту сторону. Но, вотъ, опять начинается по обѣ стороны густой и высокій лѣсъ и скрываетъ озеро... Заходящее солнце пронизываетъ лѣсную чащу своими лучами... Черезъ три версты снова открывается огромная водная пелена, и тутъ же съ боку, при ней, видны постройки Райграда. Озеро обхватило послѣдній съ двухъ сторонъ, и положеніе посада много выиграло въ эстетическомъ отношеніи. Не этому ли онъ и обязанъ своимъ поэтическимъ названіемъ Райгородъ? Литовскій князь Тройденъ прельстился его мѣстоположеніемъ. Въ 1282 году построилъ укрѣпленный замокъ и, именуясь княземъ «podlaskim, jatwieżskim i dajnowskim», основалъ здѣсь столицу своего княжества. Впослѣдствіи Райгродъ перешелъ во владѣніе княжеской фамиліи Глинскихъ, а въ 1509 г., послѣ измѣны Михаила Глинскаго, Сигизмундъ I-й отдалъ его виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу. Радзивиллъ, въ 1519 году, построилъ здѣсь костель. Костель этотъ не сохранился. Существующій въ настоящее время—деревянный—выстроенъ въ 1769 году. Въ 1679 году Янъ Собѣскій подтвердилъ мѣстныя привилегіи и далъ Райгроду Магдебургское право. Количество населенія Райграда достигаетъ 4.000 душъ. Въ древности Райгродъ велъ большую торговлю литовскими произведеніями и главнымъ образомъ мѣхами. Въ настоящее время онъ переполненъ евреями, имѣющими здѣсь главный пунктъ торговли копченными селявами ¹⁾ и угрями—продуктами мѣстнаго озера.

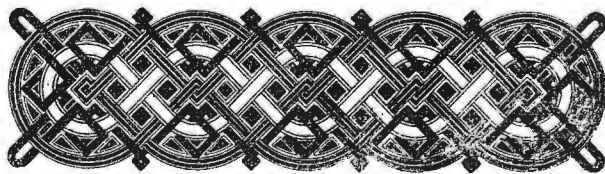
Кромѣ селявъ и угрей, озеро изобилуетъ форелью, щуками, лещами и окунями; попадаются крупные сомы. Раки также водятся въ Райгродскомъ озерѣ. Ловятъ ихъ преимущественно темнымъ вечеромъ, или ночью. Опрокидываютъ большое корыто или лохань, сверху покрываютъ сѣтью, на дно кладутъ какую нибудь рыбу, продѣлываютъ съ боку корыта отверстіе, зажигаютъ подлѣ огонь. Раки ползутъ на свѣтъ. Входятъ въ отверстіе, а назадъ выползти уже не могутъ. Отъ рыбы, которая служила для нихъ приманкою, къ утру остается одинъ лишь остовъ,—такъ раки, по выраженію рыбаковъ, «чисто разбираютъ» ее. Райгродское озеро имѣетъ въ

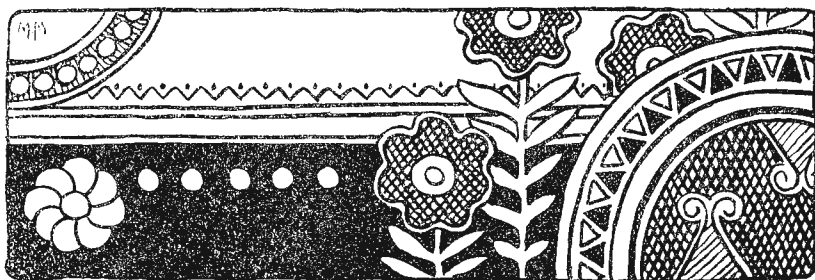
¹⁾ Селява (*Coregonus albula*) изъ семейства лососей, вкусомъ напоминаетъ сига, но значительно меньше размѣрами послѣдняго (длина самой крупной не превышаетъ 1 фута), и мясо ея гораздо нѣжнѣе сигаго. Въ царствѣ Польскомъ водится въ Райгродскомъ озерѣ и въ нѣкоторыхъ, наиболѣе глубокихъ, озерахъ Сувальской губерніи.

окружности до 35 верстъ, при чемъ около 14 приходится на долю Германіи. Глубина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 30 саж. Владѣльцемъ Райгородскаго озера въ настоящее время состоитъ Р. Т. Крымовъ, радушнымъ гостепріимствомъ котораго мы воспользовались. Почтенный Родіонъ Тихоновичъ—человѣкъ русскій по происхожденію, въ русскомъ подданствѣ, однако еще не очень давно. Его отецъ — старообрядецъ, во время гоненій на старовѣровъ при Николаѣ I, эмигрировалъ въ Пруссію, вмѣстѣ со многими изъ своихъ единовѣрцевъ.

До сего времени въ пограничной прусской мѣстности—Мазовецкая Швейцарія, прилегающей къ Ломжинской губерніи, въ трехугольникѣ, образуемомъ желѣзнодорожными линіями Лыкъ, Коршенъ, Алленштейнъ, встрѣчаются поселенія такъ называемыхъ филиппоновъ, старовѣровъ, скрывшихся сюда изъ Россіи отъ преслѣдованій въ началѣ прошлаго столѣтія. Они сохранили вѣру и языкъ отцовъ, русскіе обычаи и народный костюмъ. Селенія ихъ на ряду съ нѣмецкими названіями носятъ и русскія: Николайки или Миколайки (Nikolajken), Войново (Eckersdorf), Онуфриево (Onufregowen), Петрово (Petershain) и т. п. Прусскіе «филиппоны» ждуть своего изслѣдователя, котораго—стыдно сознаться—въ нашей литературѣ еще не нашлось... Выселившись въ предѣлы Пруссіи, отецъ Крымова занялся рыбачествомъ на прусскихъ озерахъ и скопилъ большое состояніе. Сынъ его, Р. Т., продолжаетъ занятія отца и своими трудами показываетъ соотечественникамъ примѣръ, достойный подражанія. Г. Крымовъ арендуетъ еще озеро Дренетво подъ Райгородомъ, соединяющееся съ Райгородскимъ озеромъ рѣкою Егрженю, и Летценскія озера въ Пруссіи. Рыбу у него скупаютъ евреи и нѣмцы и вывозятъ частію внутрь края, частію — въ Пруссію.

Г. А. Воробьевъ.

ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ АРХАНГЕЛЬСКАГО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

В Архангельской губерні, благодаря отдаленности ея отъ центровъ политической и общественной жизни Руси, трудности сообщенія съ нею при прежнихъ первобытныхъ способахъ сообщенія, а также вслѣдствіе того, что эта губернія рѣдко подвергалась опустошительному разоренію со стороны непріятелей, сохранилось много предметовъ старины по преимуществу церковной, древнихъ рукописей и рукописныхъ книгъ. Мѣстные любители старины принимали мѣры къ сохраненію всего этого, но старанія отдѣльныхъ лицъ мало приносили пользы: нужно было постоянно функционирующее общество любителей старины, а главное учрежденіе музея для сохраненія ея. И вотъ, въ ноябрѣ 1888 г., благодаря инициативѣ мѣстнаго архіерея Наанаила (нынѣ настоятеля Спасо-Андрониковскаго монастыря, близъ г. Москвы) и стараніямъ кружка любителей старины въ г. Архангельскѣ, образовался епархіальный церковно-археологическій комитетъ, задавшійся цѣлью изучить мѣстную старину по возможности и сохранить ее отъ невѣжественнаго истребленія и вывоза ея изъ предѣловъ Архангельской губерніи. При немъ учрежденъ былъ музей, куда стали стекаться разные документы прежнихъ лѣтъ, книги и предметы, имѣющіе историческое и бытовое значеніе.

Положеніе этого музея въ первое время было невозможное: онъ не имѣлъ собственнаго помѣщенія и долженъ былъ скитаться изъ

одного мѣста въ другое: въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ своего существованія онъ перемѣнилъ семь помѣщеній, при чемъ одно время ему пришлось ютиться чуть не въ сараѣ. Только около года тому назадъ, благодаря настойчивости членовъ комитета, благосклонному вниманію мѣстнаго епископа Іоанникія, а главнымъ образомъ, благодаря неутомимой энергіи предсѣдателя комитета І. М. Сибирцева, оставившаго свою педагогическую службу въ семинаріи и посвятившаго всѣ свои силы на изученіе дорогой ему старины своей родины, комитетскому музею наконецъ удалось найти себѣ подходящее мѣсто въ стѣнахъ Архангельскаго мужского монастыря, куда онъ и былъ перенесенъ, принявъ названіе: «Древлехранилище Архангельскаго епархіальнаго церковно-археологическаго комитета».

Въ настоящее время музей имѣетъ вполне приличный видъ. Занимаетъ онъ отдѣльный, одноэтажный каменный флигель, состоящій изъ передней, небольшой проходной комнаты и двухъ залъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ размѣщены предметы древности исключительно церковнаго характера. Здѣсь имѣются иконы древняго письма, нѣсколько старинныхъ царскихъ вратъ, при чемъ одни изъ нихъ—изъ Заостровской церкви, Архангельскаго уѣзда, рѣзныя, художественной работы, масса подсвѣчниковъ, начиная отъ самыхъ простыхъ въ видѣ палки, воткнутой въ дощечку, и кончая серебряными художественной работы XVII вѣка; образцы старинныхъ деревенскихъ холщевыхъ и крапивоныхъ священническихъ облаченій (фелоней, подризниковъ и проч.), лубочныхъ и деревянныхъ вѣнцовъ, употреблявшихся при бракосочетаніи, деревянные и оловянные потировъ и дисковъ древнихъ временъ, аналой-клиросъ начала XVII вѣка, оригинальной формы, украшенный рѣзбою съ датой. Въ витринахъ этого отдѣленія хранятся древніе холщевые антиминсы, начиная съ 1412 г., древніе кресты, плащаницы, старопечатныя евангелія съ древнимъ окладомъ, выносные изъ слюды фонари и т. п. Всѣхъ предметовъ въ этомъ отдѣленіи свыше 600. Въ другомъ залѣ въ шкафахъ и витринахъ размѣщены царскія, патриаршія и епископскія грамоты, древнія купчія (на пергаментѣ), дарственныя и т. п. документы (свыше 2.000 свитковъ), характеризующіе древній юридическій бытъ архангельскихъ крестьянъ и монастырей, рукописныя книги XV, XVI, XVII и начала XVIII вѣка. Среди нихъ имѣются весьма рѣдкіе, какъ, напримѣръ, писанные на пергаментѣ: Сійское евангеліе 1339 г., псалтирь Онежскаго Крестнаго монастыря 1395 г., прекраснаго письма, украшенные, кромѣ того изящными миниатюрами, заставками и инициалами, нѣсколько рукописныхъ евангелій XVI в. съ оригинальными заставками.

Въ прошломъ 1903 году, благодаря г. Сибирцеву же, въ шкафахъ этого зала нашла себѣ пріютъ библіотека Сійскаго монастыря, состоящая изъ 327 рукописныхъ книгъ самаго разнообраз-

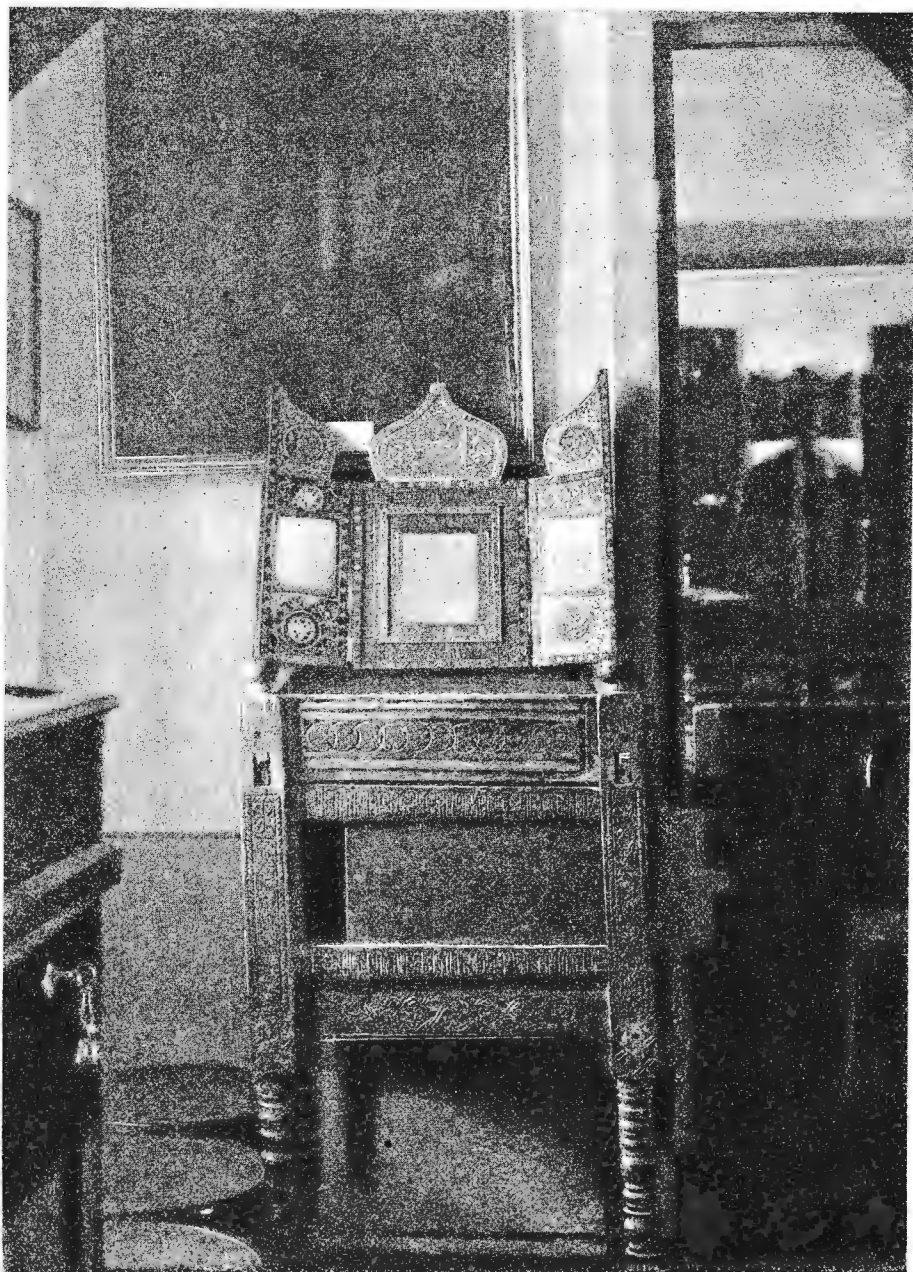

Внутренность зала Архангельского древлехранилища.

наго содержанія, въ числѣ ихъ имѣются весьма рѣдкія по содержанію, напримѣръ, собраніе древнихъ византійско-болгарскихъ и бессарабскихъ законовъ, нѣсколько судебныхъ царя Ивана Грознаго и т. п. Въ проходной комнатѣ, расположенной между этими залами, находятся предметы старины, не имѣющіе прямого отношенія къ церковнымъ древностямъ, напримѣръ, древнія кольчуги, поступившія въ древлехранилище изъ Сійскаго монастыря, складное зеркало царевны Софіи Алексѣевны—подарокъ ея князю Голицыну, поступившее изъ Красногорскаго монастыря, и т. п.

При благосклонномъ отношеніи къ дѣятельности комитета мѣстнаго епархіальнаго архіерея Іоаннікія музей, принявъ названіе древлехранилища, все болѣе и болѣе расширяется, число предметовъ, хранящихся въ немъ, увеличивается. Такъ въ прошломъ 1903 году древлехранилище обогатилось пріобрѣтеніемъ изъ древняго Никольско-Корельскаго монастыря и Виремской церкви Кемскаго уѣзда двухъ рукописныхъ евангелій съ украшеніями, около тридцати рукописныхъ же книгъ и двухъ иконъ письма XVI вѣка. По ветхости эти иконы были изъяты изъ употребленія и хранились въ монастырскомъ архивѣ, а въ настоящее время онѣ украшаютъ древлехранилище. Словомъ древлехранилище представляетъ большой интересъ для любителей старины: въ немъ есть очень много неразработаннаго матеріала. Къ сожалѣнію, только для разработки этого матеріала слишкомъ мало средствъ у комитета (епархіальное духовенство отпускаетъ 300 рублей въ годъ), но, несмотря на это, комитету все-таки удалось вполне прилично обставить свое древлехранилище, пріобрѣсти для него витрины, шкафы, приступить къ составленію каталога хранящихся въ музей предметовъ церковной старины и описанію рукописныхъ книгъ. Дѣятельность комитета проявилась, кромѣ того, въ изданіяхъ разнаго рода. Такъ въ 1896—1898 гг. имъ было составлено и издано обстоятельное описаніе приходовъ Архангельской епархіи. Въ 1902 году издано историческое описаніе двѣнадцати монастырей, находящихся въ предѣлахъ Архангельской губерніи, въ 1903 же году комитетъ издалъ описаніе пергаментнаго Сійскаго евангелія 1339 г. съ двумя фототипическими снимками съ него (миниатюры и записи), составленное членомъ комитета, г. Богуславскимъ.

Древлехранилище открыто бываетъ каждое воскресенье отъ 12 до 3 часовъ дня и доступно для всѣхъ. Объясненія даетъ предсѣдатель комитета І. М. Сибирцевъ; онъ же въ случаѣ надобности открываетъ музей для желающихъ и въ другое время. Публика начинаетъ понемногу интересоваться имъ и посѣщать его. Въ лѣтніе мѣсяцы посѣтило его много пріѣзжихъ изъ центральной Россіи. Часто въ комитетъ обращаются за разными справками столичные ученые учрежденія, какъ академія наукъ, духовныя академіи и

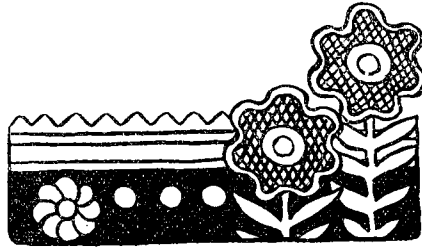

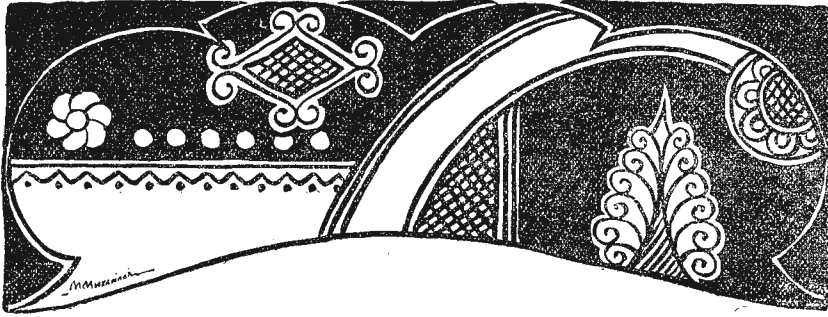
Складное зеркало царевны Софии Алексѣевны въ Архангельскомъ
древлехранилищѣ.

т. п., и комитетъ по мѣрѣ силъ своихъ старается удовлетворить эти запросы.

Къ сожалѣнію, такое полезное и крайне интересное учрежденіе, какъ Архангельское древлехранилище, по настоящее время встрѣчаетъ сочувствіе только со стороны мѣстнаго духовенства, отпускающаго на содержаніе его изъ своихъ скудныхъ средствъ 300 р. въ годъ, и не находитъ матеріальной поддержки среди городского управленія и со стороны мѣстныхъ любителей исторической старины. А между тѣмъ, недостатокъ средствъ сильно отзывается на дѣятельности комитета: вслѣдствіе недостатка въ денежныхъ средствахъ онъ лишень возможности приступить къ научному описанію всѣхъ сокровищъ и изданію многихъ древнихъ документовъ, представляющихъ большую историческую цѣнность.

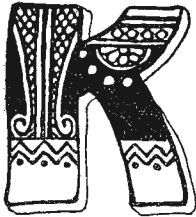
Д. Ежовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I. Москва. 1904.

КАКЪ ВСѢ труды уважаемаго автора, «Курсъ русской исторіи» прежде всего обращаетъ на себя вниманіе широкой постановкой вопросовъ и широкими обобщеніями. вмѣстѣ съ тѣмъ, не говоря о массѣ научнаго матеріала, курсъ блещетъ красотой, образностью изложенія. Книгу приходится читать не отрываясь, и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ курсъ долженъ производить на университетскихъ слушателей автора въ живой мастерской рѣчи, умѣніемъ владѣть которой профессоръ Ключевскій извѣстенъ не менѣе, нежели своей «Боярской думой».

Первый томъ курса дѣлится на двадцать лекцій. Начинается книга съ опредѣленія научныхъ задачъ изученія мѣстной исторіи и основныхъ точекъ зрѣнія въ историческомъ изученіи. Основнымъ фактомъ русской исторіи профессоръ Ключевскій признаетъ колонизацію страны; затѣмъ онъ выясняетъ вліяніе климатическихъ, геологическихъ, орографическихъ и иныхъ естественныхъ условій на исторію русскаго народа. Уважаемый авторъ послѣдовательно разбираетъ начальную лѣтопись, главные факты перваго періода русской исторіи, слѣдствіе разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ, дѣятельность первыхъ кievскихъ князей, порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей послѣ Ярослава, слѣдствія такъ называемаго очереднаго порядка и условій, ему противодѣйствовавшихъ, исторію образованія Русской правды и церковныхъ уста-

вовъ. Во второмъ періодѣ авторъ отмѣчаетъ условія, разстроивавшія общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси, этнографическія и политическія слѣдствія русской колонизаціи Верхняго Поволжья. Первый томъ заканчивается изложеніемъ общаго взгляда на положеніе Русской земли въ XIII и XIV вѣкахъ и рядомъ отдѣльныхъ замѣчаній о значеніи удѣльныхъ вѣковъ въ русской исторіи. Весь ходъ разсужденій г. Ключевского идетъ съ замѣчательной ясностью и послѣдовательностью. Почтенный авторъ убѣдительно доказываетъ, почему разстроилась государственная жизнь Кіевской Руси, почему славяне двинулись на востокъ, какъ сливались они съ мѣстными инородцами, отчасти подчиняя ихъ принесенной цивилизаціи, отчасти заимствуя у аборигеновъ нѣкоторыя стороны ихъ младенческой культуры.

Между прочимъ уважаемый ученый много останавливается на взаимныхъ между княжескихъ отношеніяхъ и порядкѣ замѣщенія столовъ, наступившемъ послѣ Ярослава въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ случаѣ авторъ держится теоріи, которая въ настоящее время, повидимому, должна быть признана окончательно устарѣвшей. Именно г. Ключевскій въ основу замѣщенія столовъ кладетъ идею такъ называемаго лѣтвичнаго восхожденія. По мнѣнію уважаемаго ученаго, всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣтвицу. Точно также вся Русская земля представляла лѣтвицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соответствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣтвицъ генеалогической и территоріальной, лѣтвицы лицъ и лѣтвицы областей, при чемъ на верху лѣтвицы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кіевскій. Г. Ключевскій указываетъ, что надъ Русскою землею имѣлась одна совмѣстная власть княжескаго рода, а отдѣльные князья только временно владѣли тѣми или другими землями, передвигаясь по старшинству. Кіевскій князь носилъ званіе великаго и являлся названнымъ отцомъ для младшихъ: «эта юридическая фикція поддерживала политическое единство княжескаго рода при его естественномъ распаденіи, восполняя или поправляя естественный ходъ дѣлъ». Происхожденіе такого родового порядка почтенный авторъ объясняетъ вліяніемъ частнаго туземнаго быта на политическій строй земли: пришлые варяжскіе князья усвоили господствовавшія среди восточныхъ славянъ родовыя понятія и отношенія и по нимъ устроили свой порядокъ управленія страной.

Междукняжескія отношенія въ изложенной формѣ впервые въ исторической литературѣ были подробно изслѣдованы С. М. Соловьевымъ, и въ данномъ случаѣ профессоръ Ключевскій только развиваетъ взгляды маститаго покойнаго историка. Но мнѣнія Соловьева въ свое время встрѣтили убѣдительныя возраженія со стороны не менѣе даровитаго и освѣдомленнаго знатока нашей старой юридической жизни, В. И. Сергѣевича. Г. Сергѣевичъ указалъ, что идея лѣтвичной системы основывается на одномъ изъ мѣстъ Никоновской лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ, писавшій уже въ позднѣйшее время, высказалъ свое сужденіе о порядкѣ замѣщенія столовъ въ XII вѣкѣ и, такимъ образомъ, на этотъ счетъ предопредѣлилъ мнѣнія позднѣйшихъ историковъ. Профессоръ Сергѣевичъ, между тѣмъ, убѣдительно доказываетъ, что занятіе столовъ зави-

сѣло отъ дѣлаго ряда причинъ и условій, среди которыхъ родство и старѣйшинство не играли почти никакой роли. Занятіе того или другого стола было обыкновенно явленіемъ факта, а не права, результатомъ собственной силы претендента, личной его доброй славы или славы родового имени, политики, договора съ народомъ и проч. За столы шла борьба самая ожесточенная, и родственныя отношенія князей ея почти не смягчали.

Профессоръ Ключевскій, съ внѣшней стороны какъ бы всецѣло примыкаетъ къ мнѣніямъ Соловьева, но въ то же время, какъ аналитикъ, не можетъ подбирать фактовъ въ пользу лѣствичнаго восхожденія и въ этомъ случаѣ невольно присоединяется къ взглядамъ г. Сергѣевича. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 217 страницы книги, г. Ключевскій подробно разсматриваетъ рядъ условій, которые нарушали лѣствичный порядокъ, при чемъ на страницѣ 223 говоритъ: «Перечисленные условія, разстраивавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній. Очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ собственныхъ послѣдствій. Кроме того, эти условія разрушенія, вытекавшія изъ самого порядка, вызывали къ дѣйствию стороннія силы, тоже его разстраивавшія».

Въ итогѣ получался нѣкоторый порядокъ, который если и существовалъ, то только въ представленіи членовъ даннаго княжескаго рода, а не въ дѣйствительной жизни. При этихъ условіяхъ не остается никакого сомнѣнія, что каждое русское княжество XII вѣка являлось самостоятельнымъ государствомъ съ правомъ свободнаго выбора главы, при чемъ такимъ главою могъ явиться не только рюриковичъ, но и иностранный князь, если для того у него было бы достаточно данныхъ. Вѣдь, княжилъ же въ XIII вѣкѣ во Псковѣ Довмонтъ литовскій.

В. Грибовскій.

Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Федоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. М. 1904.

Издавъ до 1902 года десять томовъ «Архива села Надеждина», кн. Ф. А. Куракинъ продолжаетъ теперь обнародованіе драгоценныхъ для русской исторіи фамильныхъ бумагъ своихъ въ двухъ параллельныхъ изданіяхъ: «Восемнадцатый Вѣкъ» и «Девятнадцатый Вѣкъ». Эту перемену въ программѣ изданія нельзя не привѣтствовать, такъ какъ, покинувъ хронологическую систему обнародованія документовъ, положенную въ основу «Архива села Надеждина», — издатель даетъ возможность читателямъ ознакомиться съ болѣе важными историческими матеріалами своего архива и за позднѣйшее время.

Первый томъ «Восемнадцатаго вѣка» заключаетъ въ себѣ обширное и интересное предисловіе редактора изданія, В. Н. Смольянинова, переписку генераль-прокурора временъ Павла I, кн. Алексѣя Борисовича Куракина, съ братомъ его Александромъ Борисовичемъ, и матеріалы для жизнеописанія Сперанскаго, начавшаго свою карьеру домашнимъ секретаремъ при кн. Але-

ксьѣ Борисовичѣ. Письма Куракина снабжены въ концѣ книги подробными примѣчаніями, вполне уясняющими ихъ содержаніе. Матеріалы изданы на языкѣ подлинника, безъ всякихъ поправокъ и произвольныхъ пропусковъ, что съ научной стороны удваиваетъ цѣнность изданія.

Предисловіе В. Н. Смольянинова сообщаетъ намъ подробную исторію архива кн. Ѳ. А. Куракина и разъясняетъ этикъ какъ современное его состояніе, такъ и выдающееся значеніе его для русской исторіи. Оказывается, что своимъ существованіемъ архивъ обязанъ тремъ историколюбцамъ изъ рода кн. Куракиныхъ: въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка — кн. Борису Ивановичу, положившему основаніе Куракинской «архивѣ», въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка — кн. Александру Борисовичу, тщательно собиравшему не только фамиліи бумажки, но и всѣ доступныя для него историческія документы, въ подлинникѣ или копіяхъ, и, наконецъ, въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка — кн. Ѳеодору Алексѣевичу, вновь собравшему архивъ послѣ постигавшихъ его разгромовъ и съ просвѣщенной заботливостью дѣлающему его теперь доступнымъ для людей науки. И сама по себѣ исторія куракинскихъ бумагъ представляетъ любопытныя страницы изъ исторіи русской общественности и культуры. Сколько любви, сколько просвѣщенной заботливости положено было на охрану Куракинской «архивы», съ одной стороны, и сколько безопасности, даже вражды къ ней, по разнымъ причинамъ, съ другой! Въ то время, напримѣръ, когда кн. Александръ Борисовичъ, не щадя трудовъ и средствъ, собиралъ и охранялъ всѣ бумажки, имѣвшія фамиліальное или историческое значеніе, самъ лично дѣлая отпуски съ своихъ болѣе важныхъ писемъ, — братъ его, кн. Алексѣй Борисовичъ, письма котораго напечатаны въ I томѣ «Восемнадцатаго Вѣка», умышленно сжигалъ болѣе важные матеріалы, въ родѣ писемъ къ нему Сперанскаго за время Павла и Александра, говоря при этомъ сыну своему, кн. Борису: «вотъ письма Сперанскаго; если вы когда либо будете въ положеніи, подобномъ моему, поступайте такъ же, какъ я; помните, что не говорятъ только мертвые, а сожженное письмо и есть смерть». Послѣ смерти кн. Александра Борисовича, кн. Алексѣй Борисовичъ возвратилъ всѣ письма къ нему императора Павла, императрицы Маріи Ѳеодоровны, камеръ-фрейлины Е. И. Нелидовой и др.; большая часть этихъ бумагъ, съ которыхъ не были сняты копіи, для исторіи погибла навсегда. В. Н. Смольяниновъ, съ рѣдкой любовью и знаніемъ дѣла описывающій современное положеніе Куракинскаго архива, сообщаетъ, что сохранившіеся въ немъ важные документы почти всѣ находятся въ образцовомъ состояніи. Этому содѣйствовало, конечно, высокое достоинство трипичной бумаги, на которой они были писаны: до половины XIX вѣка, къ счастью, еще не знали древесной бумаги; зато о такомъ архивѣ для нашего времени, какъ Куракинскій для XVIII и XIX вѣка, наши потомки не посмѣютъ и мечтать.

Мы уже видѣли черты характера кн. Алексѣя Борисовича Куракина и отношеніе его къ письменнымъ документамъ. Неудивительно поэтому, что письма его, напечатанныя въ I томѣ «Восемнадцатаго Вѣка», не представляютъ того захватывающаго историческаго интереса, какой должна была бы имѣть интимная, родственная переписка всесильнаго генералъ-прокурора Павловскаго времени и министра — Александровскаго: часть этой переписки, очевидно,

также была сожжена; притомъ кн. Алексѣй Борисовичъ вообще, какъ видно, не относился къ бумагамъ съ довѣріемъ. Тѣмъ не менѣе и напечатанная переписка его, въ особенности въ сопоставленіи съ другими матеріалами, имѣетъ большое значеніе для историка XVIII вѣка: иногда двумя, тремя штрихами кн. Алексѣй освѣщаетъ довольно ясно и положеніе дѣлъ въ данное время, и личность того или другого дѣятеля, давая возможность провѣрить другія историческія свѣдѣнія. Въ этомъ смыслѣ переписка кн. Алексѣя Борисовича пока является незамѣнимой. Такъ, напримѣръ, имъ хорошо освѣщается личность графа Никиты Петровича Панина, столь извѣстнаго своей дѣятельностью въ концѣ царствованія Павла и возбуждавшаго, даже въ послѣднее время, много сочувственныхъ отзывовъ о своемъ характерѣ и сожалѣній о печальномъ финалѣ его карьеры. Извѣстія не въ пользу Панина, напримѣръ, въ «Запискахъ» гр. Головиной, подвергались заподозриванію... Близкій родственникъ Панина, кн. Алексѣй Борисовичъ, въ письмахъ къ брату, сообщаетъ факты, доказывающіе, что еще въ юности «забытый Панинъ» отличался душевной черствостью и крайнимъ эгоизмомъ. При кончинѣ въ 1788 году отца своего, гр. Петра Ивановича, сынъ ничѣмъ не выражалъ своего участія и, казалось, только ждалъ момента, дѣлавшаго его наследникомъ громаднаго состоянія. «Le fils n'est qu'un potreau de glase», — писалъ о немъ, между прочимъ, Куракинъ. Познакомившись съ нимъ ближе, кн. Алексѣй писалъ въ томъ же 1788 году: «вѣчно не перестану сожалѣть, что Богу угодно было такому творенію носить имя столь почтенныхъ и знаменитыхъ людей». Такихъ цѣнныхъ данныхъ можно собрать въ перепискѣ довольно много, при внимательномъ чтеніи, особенно за Павловское время. Детальное изученіе этой эпохи позволитъ прямо читать нѣкоторыя письма между строкъ; цѣнны, напримѣръ, указанія на причины жестокаго усмиренія Брасовскихъ крестьянъ, не извѣстныхъ въ печати. Замѣтимъ кстати, что о завѣщаніи императора Павла въ пользу Юрьевыхъ, о которомъ говоритъ В. Н. Смольяниновъ въ предисловіи, давно уже существуютъ данныя, почерпнутыя изъ архива департамента герольдіи.

«Матеріалы для біографіи гр. М. М. Сперанскаго», приложенныя въ концѣ книги, весьма интересны по своей полнотѣ, такъ какъ выдержки изъ нихъ, по бумагамъ гр. М. А. Корфа, были уже напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1903 года. Они вносятъ много новыхъ чертъ въ біографію этого замѣчательнаго человѣка, о которомъ много спорили и долго еще будутъ спорить. Изъ чтенія «Матеріаловъ» нельзя не вынести впечатлѣнія, что пребываніе Сперанскаго въ домѣ Куракина оставило слѣды на его личности и міровоззрѣніи. Дѣло будущаго біографа Сперанскаго разобраться въ этомъ вопросѣ. Нельзя не вспомнить, однако, словъ А. А. Васильчикова («Сем. Разум.», 11, 60—61), что «въ Петербургѣ Сперанскій подпалъ подъ вліяніе иностраннаго духа, безгранично властвовавшаго тогда въ высшихъ классахъ общества», «забылъ столь близкій ему народъ со всѣми его насущными потребностями, съ его самобытнымъ складомъ ума и исторіею», и «защищая права дворянства, готовилъ ему громадное значеніе въ изобрѣтенныхъ имъ государственныхъ учрежденіяхъ»...

Евгеній Шумигорскій.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томы 7, 8, 9 и 10. Предисловія и примѣчанія В. А. Бильбасова. Спб. 1903.

Вышедшими въ концѣ прошлаго года 7, 8, 9 и 10 томами заканчивается первая серія «Архива графовъ Мордвиновыхъ», исчерпывающая всѣ находящіяся въ этомъ архивѣ бумаги, касающіяся государственной и общественной дѣятельности графа Николая Семеновича Мордвинова. Изъ 8.000 бумагъ, составляющихъ Мордвиновскій архивъ, въ изданные десять томовъ вошло 2.283 бумаги. Появляющіеся теперь 7—10 томы изданія охватываютъ царствованіе Николая Павловича до смерти графа Н. С. Мордвинова (30 марта 1845 г.). Извѣстно, что Мордвиновъ, вслѣдствіе печальныхъ недоразумѣній, не пользовался довѣренностью Николая Павловича, но семидесятидвухлѣтній старикъ, съ развитымъ чувствомъ законности и правосудія, не могъ уже измѣнить своимъ привычкамъ и идеаламъ. Оставаясь вѣрнопопданнымъ и вдумываясь въ окружающее его, Мордвиновъ, по свойству своей натуры, не могъ остаться безучастнымъ къ нарушенію законности и правосудія: случилось трагическое положеніе, ибо старику приходилось становиться въ оппозицію своему государю, и время отъ времени онъ обращался къ нему съ покорнѣйшими просьбами объ отставкѣ, остававшимися безъ удовлетворенія. Онъ непрестанно утруждалъ государя мнѣніями, докладами, обличеніями: Николай Павловичъ выслушивалъ ихъ и оставлялъ безъ послѣдствій. Въ 1839 году Мордвиновъ жаловался на то, что «мѣры, кои онъ постоянно предлагалъ, всегда восхваляемы были, но никогда не было приступаемо къ исполненію». Издатель сводитъ всѣ предложенія, развитію которыхъ посвящены бумаги 7—10 томовъ, къ шести мѣрамъ: установленіе законности и утверженіе правосудія; сокращеніе армии и срока военной службы; улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ; распространеніе просвѣщенія въ народѣ; уничтоженіе откуповъ и развитіе пивоваренія; сооруженіе путей сообщенія. Эту программу отчасти выполнилъ императоръ Александръ II. Сбылось пророчество Мордвинова въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ: «Графъ Мордвиновъ безбоязненно исповѣдуетъ передъ лицомъ всеавгустѣйшаго монарха своего правду. Она сама какъ бы устами своими завѣщала, что наступитъ годъ, въ который обратятся къ предлагаемымъ мною мѣрамъ, но явится подъ чернымъ покровомъ время, итуне для блага общественнаго протекшее, наступитъ и скорбь о столь великой потерѣ, но бесполезны будутъ туженія и горестный упрекъ, ибо утраченнаго возвратитъ будетъ невозможно». Переходимъ къ болѣе подробному обзорнѣю содержанія 7—10 томовъ «Архива».

Въ седьмомъ томѣ помѣщены высочайшія повелѣнія, писанные Мордвиновымъ всеподданнѣйшіе доклады и служебная переписка 1825—1845 годовъ. Замѣчательенъ первый докладъ; въ немъ Мордвиновъ представляетъ на высочайшее усмотрѣніе тѣ статьи, которыя должны были бы, по его мнѣнію, войти въ коронаціонный манифестъ. Мордвиновъ предлагалъ «не временныя для народа облегченія, но постоянно могущія привести всѣ сословія онаго къ благосостоянію». Въ указѣ, по мнѣнію Мордвинова, нужно было объявить, что государь будетъ царствовать по сердцу Екатерины, и предписать присутственнымъ

мѣстамъ читать «Наказъ». Мордвиновъ совѣтуетъ возстановить «конституцію», данную Екатериной въ учрежденіи объ управленіи губерніей; провести точное раздѣленіе власти законодательной, судебной и исполнительной, и издать 19 статей облегченія для всѣхъ сословій. Любопытенъ докладъ 1827 года, содержащій рѣзкую критику института комитета министровъ. Характерны для Мордвинова доклады по финансовымъ вопросамъ, основная идея которыхъ—«страдательное положеніе» Россіи. И въ служебной перепискѣ немало важныхъ и интересныхъ документовъ. Такова, напримѣръ, переписка по предложенію Мордвинова о заведеніи публичныхъ библиотекъ на счетъ правительства.

Восьмой томъ посвященъ мнѣніямъ Н. С. Мордвинова (всего 179) за 1825—1845 годы. Высокій интересъ представляетъ мнѣніе объ «устройствѣ судьбы декабристовъ». Извѣстно, что Мордвиновъ—одинъ изъ членовъ верховнаго суда—высказался противъ смертной казни даже и стоящихъ внѣ разряда. При производствѣ суда Мордвиновъ набросалъ свой проектъ устройства декабристовъ. Онъ заботился о томъ, чтобы огромныя культурныя силы, которая представляла декабристская интеллигенція, не пропали втуне. Онъ предлагалъ образовать изъ сосланныхъ въ Сибирь декабристовъ академію, въ которой они могли бы преподавать механику, физику, химию, минералогію и другія положительныя науки. Такимъ образомъ интеллигенція, потерянная для Россіи, было бы приобретена для Сибири, и декабристы могли бы приносить пользу государству. 52 мнѣнія касаются финансовыхъ вопросовъ и представляютъ рѣзкую критику финансовой политики гр. Канкринна. Немало интереснаго можно найти и въ мнѣніяхъ Мордвинова по частнымъ дѣламъ, разсматривавшимся въ государственномъ совѣтѣ. По поводу, напримѣръ, дѣла Ланской съ Саблуковыми Мордвиновъ формулировалъ свой взглядъ на самодержавіе. «Государственный совѣтъ» составляя думу самодержавнаго государя—законодателя въ Россіи, долженъ мнѣніями своими направлять мысли и волю его величества къ началамъ законовъ, кои проистекаютъ всегда изъ правоты сердечной и кои въ христіанскомъ ученіи тѣсно соединяютъ милосердіе съ правосудіемъ обязывая царей благочестивныхъ жертвовать собою и всѣмъ, что отъ власти ихъ зависитъ, для блага послѣдняго изъ подданныхъ своихъ. На семъ только основаніи терпимо самодержавіе въ Россіи, онымъ токмо можетъ быть оправдываемо и пребыть навсегда вождѣннымъ».

Въ девятомъ томѣ мы находимъ «Записки для памяти и соображенія». Эти записки Мордвиновъ набрасывалъ въ теченіе всей своей жизни на клочкѣ бумаги, безъ всякой систематизаціи. Впослѣдствіи онъ приказалъ переписать ихъ, тоже безъ системы. Мордвиновъ цѣнилъ свои замѣтки. «Всѣ оныя статьи,—говоритъ онъ,—содержать въ себѣ драгоцѣнныя сѣмена для будущаго благосостоянія Россіи, которыя управляющіе государствомъ должны бы имѣть у себя на виду». Дѣйствительно многія изъ этихъ замѣтокъ могутъ имѣть значеніе жгучей современности; вотъ, напримѣръ, два замѣтки: «дайте свободу мысли, рукъ, всѣмъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ челоуѣка; предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ Богъ его сотворилъ, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала. «Впрочемъ! эта проповѣдь свободы ограничивается тѣмъ представленіемъ, которое было у Мордвинова. Правда, онъ говоритъ, что свобода не даруется властью, но сейчасъ же поясняетъ, что свобода искупается приоб-

рѣтеннымъ посредствомъ труда независимымъ благосостояніемъ. Мордвиновъ является рѣшительнымъ защитникомъ свободы торговли и свободы труда. Самъ военный человѣкъ, Мордвиновъ давалъ слѣдующій любопытный отвѣтъ на вопросъ, способны ли военные люди къ занятію гражданскихъ мѣстъ. «Нѣтъ,—пишетъ Мордвиновъ,—первое потому, что они несвѣдуци въ гражданскихъ законахъ и учрежденіяхъ, и второе, потому, что мы привыкли къ военной дисциплинѣ, къ суровому обращенію съ подчиненными и безмолвному отъ нихъ повиновенію». Цѣлый рядъ замѣтокъ посвященъ рѣзкой критикѣ милитаризма. Мордвиновъ рекомендуетъ учредить земское ополченіе, уменьшить число гвардейскихъ полковъ, уничтожить всё излишества въ одеждѣ солдатъ—шнурки, мѣдныя бляхи, аршинные султаны, галуны, басманы, обезображивающую военную одежду и приглашаетъ вникнуть въ напрасные и безполезные для службы расходы. Въ своихъ замѣткахъ Мордвиновъ отмѣчаетъ отрицательное отношеніе людей, стоящихъ у власти, къ просвѣщенію народа и свидѣтельствуетъ, что съ боязнью просвѣщенія для народа идетъ опьяненіе народа. Мордвиновъ рѣшительно высказывался противъ откупа, противъ монополій, противъ казенной винной продажи. «Кабакъ есть царскій домъ, въ коемъ продается ядъ, убивающій не только тѣло одно, но и душу за малую плату денегъ. О размноженіи сего яда некутся градскія и земскія начальства, правительствующій сенатъ и государственные министры». И въ замѣткахъ Мордвиновъ не оставлялъ въ покоѣ Канкринъ, впрочемъ, не только Канкринъ. Сохранилась слѣдующая язвительная характеристика министровъ: «Министръ просвѣщенія находитъ опаснымъ учить крестьянъ читать и писать; министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что промышленность убиваетъ Россію; министръ финансовъ не идетъ далѣе, какъ займы дѣлать и налоги умножать; министръ военный содержитъ во время мира армию на военномъ положеніи; министръ морской строитъ 100-пушечные корабли для Балтійскаго моря; министръ юстиціи оканчиваетъ всё мѣнія свои отсылкою тяжёбныхъ дѣлъ въ первыя инстанціи или къ формѣ суда».

Въ дополненіяхъ къ этому тому находимъ важную для исторіи нашихъ финансовъ «Выписку изъ бумагъ, вышедшихъ изъ тайнаго комитета, существовавшего во время управленія финансами департамента государственнаго совѣта по 17 марта 1812 года»; два неизданныхъ письма Чарторійскаго къ Александру I и его же записку 1813 года.

Въ десятомъ томѣ помѣщены приложенія къ 7—9 томамъ. Сюда вошли найденныя въ Мордвиновскомъ архивѣ, но не имъ писанныя, бумаги по разнообразнымъ вопросамъ. Мы остановимся только на одной. Въ 1827 году появилось «письмо къ государю императору», которое В. А. Вильбасовъ считаетъ—не совсемъ справедливо—первой политической прокламаціей. Въ обществѣ авторомъ ея считали Мордвинова. Эта бумага довольно примѣчательна. Написана немного ѣдко, правдива въ отрицательной части, содержитъ горячій призывъ къ конституціи. «Неправосудіе, злоупотребленія и лихоимство дѣлаютъ несчастною участь многихъ милліоновъ вашихъ подданныхъ; самые мудро написанные и строжайшіе указы, ниже самыя жестокія казни не измѣняютъ сей участи безъ дарованія странѣ свойственныхъ ей законовъ и безъ установленія такой формы процесса и экзекуціи, которыя были бы скоры и справедливы,

не смотря на лица. Законность и правосудіе суть крѣпчайшій фундаментъ желанной конституціи... О фундаментѣ молить теперь Россія!» И по стилю, и по содержанію этотъ любопытный документъ русскаго конституціоналиста можно сблизить съ позднѣйшими проявленіями русскаго конституціонализма.

«Архивъ графовъ Мордвиновыхъ» представляетъ серьезный вкладъ въ русскую историческую науку: безъ него не обойтись ни одному историку XIX вѣка. Изданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ученымъ изданіямъ, и не грѣшитъ обычно въ наше время щепетильностью. Предисловія отмѣчаютъ все наиболѣе важное въ томъ, а въ примѣчаніяхъ даны необходимыя разъясненія. Приложены необходимыя указатели.

П. Павловъ.

Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Сочиненіе ординарнаго профессора Московскаго университета И. Д. Бѣляева. Москва. 1903.

Московскому книгопродавцу Ступину пришла удачная мысль — издать собраніе сочиненій покойнаго профессора Московскаго университета по кафедрѣ исторіи русскаго права Ивана Дмитріевича Бѣляева.

Ранѣе тѣмъ же издателемъ изъ сочиненій того же автора были выпущены: «Лекціи по исторіи русскаго законодательства» и рѣчь «Земскіе соборы на Руси»; теперь же появилась въ свѣтъ отдѣльнымъ компактнымъ томомъ (XII+306 стр. in-8°) докторская его диссертация «Крестьяне на Руси», — трудъ, напечатанный впервые въ 1860 году и выдержавшій нѣсколько изданій, ставшихъ уже библиографической рѣдкостью.

«Крестьяне на Руси» въ русской историко-юридической литературѣ являются, можно сказать, классическимъ и чуть ли не единственнымъ изслѣдованіемъ, гдѣ сдѣлано полное обзорнѣе юридическаго положенія и состоянія крестьянства на Руси и изложена вся историческая жизнь русской общины.

Обширный трудъ этотъ, равно какъ и обстоятельные отзывы о немъ Устрялова въ «Отчетѣ о 29-мъ присужденіи наградъ Демидова» и Вешнякова въ «Отчетѣ о 4-мъ присужденіи наградъ Уварова», на основаніи которыхъ академія наукъ удостоила Бѣляева двухъ премій, настолько извѣстенъ всѣмъ, интересующимся русской исторіею, что останавливаться подробно на содержаніи его мы находимъ излишнимъ.

Для лицъ же, мало знакомыхъ съ сочиненіями Бѣляева, позволимъ себѣ напомнить, что покойный профессоръ по общему складу своихъ воззрѣній примыкалъ къ славянофильству и къ теоріи общиннаго быта древней Русв. Положенія, выставленныя имъ, въ настоящее время безусловно могутъ считаться устарѣлыми, и опровергнуть ихъ нетрудно, но все-таки всѣ работы его сохранили еще научное значеніе и читаются до сей поры съ полнѣйшимъ интересомъ, давая массу цѣнныхъ для нашей исторіи фактовъ.

Общая схема «Крестьянъ на Руси» въ короткихъ словахъ такова. Авторъ считаетъ, что общественное значеніе крестьянъ рѣзко распадается на три вре-

мени. Сообразно этому мнѣнію, онъ и трудъ свой раздѣляетъ на три главы. Первая изъ нихъ (стр. 7—94) охватываетъ «первое время» (крестьяне свободные), т.-е. отъ начала историческихъ извѣстій о крестьянахъ почти до конца XVI столѣтія, когда крестьяне пользуются свободою перехода съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца къ другому. Вторая глава (стр. 95—234) «послѣдующее время» (крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ)—отъ конца XVI столѣтія до второго десятилѣтія XVIII столѣтія, когда крестьяне по закону прикрѣплены къ землѣ, хотя и пользуются во всѣхъ другихъ отношеніяхъ правами свободныхъ людей, полноправныхъ членовъ русскаго общества. Третья глава (стр. 235—306)—«позднѣйшее время» (крестьяне крѣпостные), т.-е. начиная съ первой ревизіи, когда крестьяне мало-по-малу обращаются въ крѣпостныхъ людей, въ полную безгласную собственность своихъ владѣльцевъ.

Между этими тремя рѣзкими рубежами значеніе крестьянъ, по мнѣнію почтеннаго ученаго, «измѣнялось не вдругъ, и означенные переходы изъ одного положенія въ другое, при всей видимой рѣзости, на дѣлѣ, въ жизни, готовялись постепенно и незамѣтно, такъ что большею частію прежде, нежели законъ утверждалъ то или другое значеніе крестьянства, это новое значеніе болѣе или менѣе уже готовилось жизнью, практикою, и законъ своимъ авторитетомъ освящалъ только то, что жизнь общества уже приняла прежде появленія закона».

Послѣдняя глава книги заканчивается довольно детальнымъ разборомъ законодательства императрицы Екатерины II.

Съ внѣшней стороны «Крестьяне на Руси» изданы очень опрятно и аккуратно. Къ книгѣ приложенъ цинкографическій портретъ автора, краткій біографическій очеркъ и списокъ трудовъ его.

По поводу послѣднихъ двухъ приложений мы должны замѣтить, что они очень слабы: біографія слишкомъ кратка, а списокъ трудовъ далеко не полонъ. Имя почтеннаго профессора заслуживало гораздо большаго вниманія, и такихъ отрывочныхъ біографическихъ данныхъ въ собраніи сочиненій его помѣщать не слѣдовало бы совсѣмъ.

Къ перечню трудовъ Бѣляева необходимо сдѣлать слѣдующія дополненія и поправки:

Пропущены совершенно статьи и отдѣльно изданныя брошюры: 1) «О сторожевой станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича». (Оттискъ изъ № 4-го «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ»). М., 1846, 8°, стр. 56 + 86 + 1; 2) «Отношеніе придѣльскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ, пришедшимъ изъ Новгорода, до взятія Кіева въ 1171 г. войсками Боголюбскаго». М., 1848, 8°, стр. 32; 3) «Святые мужи» (альманахъ «Гостинецъ», изданіе «Москвитянина». М., 1850); 4) «Великій князь Михайль Черниговскій» (альманахъ «Кіевлянинъ», изданіе М. Максимовича. М., 1850); 5) «Служилые люди въ Московскомъ государствѣ. Слуги или дворяне, а впоследствии дѣти боярскія». («Московскій сборникъ», 1852); 6) «Какъ понимали давность въ разное время,—и русское общество въ своей жизни, и русскіе законы». (Оттискъ изъ сборника «Въ воспоминаніе 12-го января 1855 г.»).

М., 1855, 8°, стр. 42; 7) «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Сочиненіе В. Чичерина». (Разборъ). (Оттискъ изъ «Русской Вѣсѣды» 1856 г., № 1). М., 1856, 8°, стр. 47; 8) «Разборъ статьи г. Лохвицкаго «Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи». (Оттискъ изъ «Русской Вѣсѣды», кн. 7). М., 1857, 8°, стр. 44; 9) «Разборъ сочиненія г. Осокина «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ развитіи его въ Россіи». (Изъ «26-го присужденія учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ»). Спб., 1858, 8°; 10) «Воспоминаніе о Васильѣ Андреевичѣ Каратыгинѣ». М., 1858, 8°, стр. 140 (см. Ламбины: «Историческая библиографія» за 1858 г., № 1215); 11) «Разборъ сочиненія г. Лешкова «Русскій народъ и государство, исторія русскаго общественнаго права до XVII вѣка». (Изъ «Отчета 3-го присужденія Уваровскихъ наградъ»). Спб., 1859, 8°; 12) «О великорусскомъ племени». (Оттискъ изъ «Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи», изданнаго В. А. Дашковымъ, кн. I). М., 1868, 4°, стр. 12; 13) «Конспектъ лекцій исторіи русскаго законодательства». М., 1869, 4°, стр. 40; 14) «Отзывъ о сочиненіи священника М. Горчакова «Монастырскій приказъ» (1649—1725 г.г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія». (Оттискъ изъ «12-го присужденія Уваровскихъ наградъ»). Спб., 1870, 8°, стр. 12; 15) «Разборъ сочиненія г. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ». (Оттискъ изъ «13-го присужденія Уваровскихъ наградъ»). Спб., 1872, 8°, стр. 15; 16) «Разборъ сочиненія А. Павлова «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи». (Оттискъ изъ «15-го присужденія Уваровскихъ наградъ»). Спб., 1872, 8°, стр. 10.

Неправильно приписаны Ив. Дм. Вѣляеву брошюры: 1) «Жизнь преподобнаго Θεодосія Печерскаго». М., 1865 (въ перечнѣ озаглавлено иначе); 2) «Благовѣрная Евдокія, великая княгиня московская, въ инокиняхъ Евфросія». М., 1866, и другія изданія, и 3) «Царь и великій князь Иванъ IV Васильевичъ Грозный, московскій и всея Руси». М., 1866. Всѣ эти три очерка принадлежатъ перу преподавателя московской духовной семинаріи, Ильи Васильевича Вѣляева, умершаго въ 1867 году. (О немъ см.: Брокгаузъ-Ефронъ, Энциклопедическій словарь; статью Д. Д. Языкова въ «Библиографическихъ запискахъ» 1892 г., № 1, и «Русскія книги» Венгеровъ, т. III).

Нѣкоторые очерки, показанные въ рубрикѣ (3-ей) «трудовъ, изданныхъ отдѣльно», — представляютъ собою лишь журнальные оттиски, именно: «Положеніе русскаго общества въ царствованіе Михаила Θεодоровича» — есть оттискъ изъ «Ученыхъ записокъ Казанскаго университета», а «Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населявшихъ выѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа» — оттискъ изъ 3-го «Протокола засѣданій общества любителей естествознанія».

Съ другой стороны, многія показанныя въ первомъ и во второмъ отдѣлѣ перечня журнальныя статьи, вышедшія и въ отдѣльномъ изданіи, въ эту (3-ю) рубрику не включены. Такъ, напримѣръ, очеркъ «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θεодоровича» вышелъ отдѣльно въ 1846 году (М., 8°, типографія университета, стр. 118, цѣна 75 коп.); статья изъ «Душеполезнаго Чтенія» — «Святый Владимиръ равноапостольный», выдержала два отдѣльныхъ

изданія: первое—въ 1864 году и второе, въ 5.000 экземплярахъ, въ 1886 году (М., изданіе Карцева, 8°, стр. 48). Кромѣ того, отдѣльныя изданія имѣли также статьи: «Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси» (М., 1846); «О Несторовой лѣтониси» (М., 1847, 8°, стр. 71); «Города на Руси до монголовъ» (Спб., 1848, 8°, стр. 33); «Великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій» (б. о. м. и г., 8°, стр. 42); «Михаиль Александровичъ, великій князь тверской» (б. о. м. и г., 8°, стр. 44) и «О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ» (б. о. м. и г., 8°, стр. 82).

Датировочно-цифровая сторона перечня слаба до-нельзя: при ссылкахъ на журнальныя статьи не указано часто даже года и нумера изданія, гдѣ напечатана статья; въ списокъ отдѣльныхъ произведеній не обозначены ни мѣсто изданія, ни размѣръ, ни число страницъ книги.

Можно привести и цѣлый рядъ ошибокъ. Такъ: второе изданіе «Крестыянъ на Руси» вышло вовсе не въ 1863 году, а гораздо позже—въ 1879 году (М., 8°, типографія Любенкова, 306 стр., цѣна 2 рубля). Вторая книга (а не томъ, какъ цитируется въ перечнѣ) «Разказовъ изъ русской исторіи» въ первомъ изданіи появилась въ свѣтъ въ 1864 году (М., 8°, типографія Степа новой, 628 + VIII стр.), а во второмъ—въ 1866 году (М., 16°, типографія симода, 6 + VII + 577 стр.). Въ перечнѣ же эта книга показана—одинъ разъ и за 1865 годомъ, т.-е. совершенно невѣрно. Второе изданіе «Лекцій по исторіи русскаго законодательства» вышло въ 1888 году (М., 8°, типографія Карцева, 584 стр., цѣна 3 рубля), о чемъ также не мѣшало бы звать редактору рассматриваемой нами книги.

Всѣ перечисленные нами погрѣшности отнюдь не должны быть допускаемы въ изданіи ученаго труда, тѣмъ болѣе, что объясняются онѣ исключительно лишь небрежнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу самой редакціи изданія.

В. Городецкій.

Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній. Спб. 1903. Его же. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 1904.

Въ «Очеркахъ» рассматриваются представители современныхъ литературныхъ теченій, съ одной стороны—Апухтинъ, Бальмонтъ и Мерезжковскій, съ другой—Горькій. Напечатанные въ разное время (съ 1897 по 1901 годъ) и въ разныхъ журналахъ («Русское Богатство», «Русская Мысль» и «Образованіе»), всѣ очерки проникнуты одной идеей, или, вѣрнѣе, однимъ настроеніемъ. Это—протестъ противъ индифферентизма къ жизненнымъ вопросамъ, вялости и извращенности чувства, робости мысли, — характерныхъ явленій эпохи «упадка, «безвременья», особенно ярко отразившихся въ произведеніяхъ нашихъ «декадентовъ».

Подобныя явленія обуславливаются, по мнѣнію критика, полной атрофіей воли и чувства. «Воля ослаблена вынужденнымъ постояннымъ бездѣйствіемъ, пессимизмомъ, порождаемымъ неприглядной дѣйствительностью, неудачами

прежних поколѣній,—говорить г. Коробка,—чувство подавлено однообразіемъ тяжелыхъ впечатлѣній, вѣчной тоской и страхомъ, страхомъ раба, боящагося проявить свое негодованіе... Немалую роль сыграло и наше воспитаніе до схоластическаго духа, проникшаго въ наши университеты включительно»...

Сущность декадентовъ критикъ опредѣляетъ, какъ «смутность мысли, отсутствие принциповъ, эгоизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, и дрябло пессимистическое отношеніе къ жизни». Къ такому заключенію г. Коробка приходитъ изъ разбора книги Бальмонта «Въ безбрежности». Неудовлетворенный окружающей жизнью, Бальмонтъ стремится отъ всего земного и реальнаго въ «безбрежность», «за предѣлы», вообще въ какую-то волшебную область эльфовъ и привидѣній, которая трезвому человѣку кажется большимъ бредомъ. Отрѣшившись отъ всего земного, поэтъ, однако, не отказывается отъ любви, конечно, къ женщинѣ, которая занимаетъ его черезчуръ сильно. Это вполне естественно для человѣка, стремящагося хоть чѣмъ нибудь заполнить пустоту своей жизни. Но любовь, основанная на одномъ только наслажденіи, безъ сомнѣнія, не можетъ дать человѣку счастья...

Разочарованный во всемъ земномъ, поэтъ въ концѣ концовъ неудовлетворенъ и любовью, и ему кажется, что всю землю окутала «ночь». Поэтому онъ стремится уйти «на высоту», чтобы «ловить уходящія тѣни погасавшаго дня». Эта высота—культъ своего «я». Но, какъ это всегда бываетъ, полное отрѣшеніе отъ міра и людей гнететъ и давитъ поэта. Онъ страдаетъ своимъ одиночествомъ, но «то—не одиночество сильной личности, какъ справедливо замѣчаетъ критикъ, которая не находитъ среди людей отклика на свои идеи, на свою любовь къ человѣчеству, не одиночество высоко развитой личности, которая не находитъ себѣ равныхъ и тоскуетъ о мелочности окружающихъ (герои романтизма и байронизма); это—одиночество слабой личности, которая одинока потому, что не знаетъ, не понимаетъ людей, потому что привыкла жить для себя». Такимъ образомъ, разрывъ между обществомъ и индивидуумомъ и возведеніе послѣднимъ въ культъ своего «я»—явленія, развивающіяся на чисто общественной почвѣ, а не на физиологической, какъ думалъ М. Нордау.

Зачатки упадочничества критикъ видитъ въ Апухтинѣ, тишиномъ поэтѣ «празднаго человѣчества». «Недовольство жизнью, сознаніе своей бесполезности, пустота окружающаго общества,—вотъ основные мотивы и лирики, и прозаическихъ произведеній Апухтина». Сближаетъ его съ современными декадентами то же отвращеніе отъ дѣйствительности, тотъ же культъ собственнаго «я», та же погоня за смутными вычурными настроеніями. Мистическія построенія и пророчества Мережковскаго г. Коробка также считаетъ отзвукомъ эпохи «упадка», переживаемой нашимъ обществомъ, когда легко возникаютъ горделивыя мечты о міровой роли, объ исключительномъ назначеніи нашего народа и т. д. Но если глубже вникнуть во всѣ эти эклектическія построенія Мережковскаго, то можно увидѣть въ нихъ мучительное исканіе вѣры, непоколебимаго авторитета, свойственное не однимъ русскимъ, но и европейцамъ. Оно объясняется тѣмъ, что послѣ того, какъ были разрушены вѣковыя традиціи, на которыхъ основывался весь строй жизни, на первыхъ порахъ полу-

чилась «бездна противорѣчій этическихъ, философскихъ, научныхъ», и мысль человеческая почувствовала необходимость во всеобъемлющемъ синтезѣ. Критикъ думаетъ, что Мережковский въ этомъ отношеніи пошелъ не впередъ, а скорѣе назадъ. Такимъ образомъ, Анухтинъ является представителемъ эпохи «на порогѣ упадка», а Бальмонтъ и Мережковский представителями современнаго «безвременья», эгоистичными, уходящими въ сферу заоблачныхъ мечтаній и снова и поэтому не обращающими вниманія на то, что творится на землѣ.

Совсѣмъ инымъ представляется критику М. Горькій, который «въ эпоху безвременья, холодности, пустоты душевной, передъ трусливымъ, опустившимъ руки обществомъ, смѣло поднималъ свое горящее любовью сердце, призывая въ трудный и далекій путь въ страну чистаго воздуха и свѣта». И хотя произведенія Горькаго не говорятъ намъ, гдѣ этотъ «воздухъ» и «свѣтъ», и какъ къ нему пробраться, но значеніе ихъ заключается уже въ томъ, что они напоминаютъ человѣку, свыкнувшемуся уже съ «ямой», о существованіи протора и свѣта и горячо зовутъ его искать къ нимъ дорогу.

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ болѣе подробно остановиться на книгѣ г. Коробки; замѣтимъ только, что въ ней находится много оригинальныхъ и вѣрныхъ мыслей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Горькаго, о декадентствѣ, о старой и новой обломовщинѣ, объ упадкѣ культурности и общей деградации аристократически-буржуазнаго общества, оказавшагося враждебнымъ задачамъ эпохи, на служеніе которымъ посвятила себя лишь «небольшая горсть идейной интеллигенціи».

Вторая книга того же автора: «Личность и общество», имѣетъ много общаго съ первой, если не по конечнымъ результатамъ наблюденій надъ освобожденіемъ индивидуальности отъ власти среды, то во всякомъ случаѣ по трактовкѣ и критическому методу. Въ первой статьѣ г. Коробка даетъ характеристику дворянской интеллигенціи Александровскаго времени, составленную, главнымъ образомъ, на основаніи «лекцій» Ключевскаго и книги Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I». При этомъ, дворянская молодежь начала XIX вѣка распадалась на двѣ группы, въ одно и то же время и противоположныя, и имѣющія между собой много общаго. Мы разумѣемъ, съ одной стороны, кружки, гдѣ выработались будущіе декабристы, съ другой—кружки, въ которыхъ предавались безшабашному разгулу и кутежамъ, и которые были совершенно индифферентны къ идейной жизни. «Какъ бы ни были по существу разны эти два направленія въ молодежи XIX вѣка,—замѣчаетъ авторъ,—оба они свидѣтельствуютъ объ одномъ, о богатствѣ силъ юнаго, только-что пытавшагося жить общества, пытавшагося жить, какъ кто умѣетъ, но бывшаго не въ состояніи сдерживать эту жажду жизни, жажду впечатлѣній различнаго порядка». Кромѣ того, оба направленія выражали протестъ противъ строгой регламентаціи жизни, противъ тяжелаго режима Павловскаго времени и знаменовали собой пробужденіе порабощенной личности.

Дѣятельность Пушкина какъ разъ и совпала съ этимъ въ высшей степени интенсивнымъ подъемомъ общественной жизни. Пушкинъ, натура чрезвычайно разносторонняя и сложная, отдалъ дань обоимъ развитіямъ, въ сущности, имѣющимъ одну и ту же основу. «Поэзія Пушкина объединила въ себѣ обѣ

эти струи,—говорить г. Коробка.—И бодрая грусть, и сильное общественное чувство, и жизнерадостность юности, полной избытка физических силъ, и сливающийся съ нею эротическій элементъ, и пылкая насмѣшка живого ума, все это находило отголосокъ въ творествѣ нашего поэта—эхо, какъ находило себѣ мѣсто въ современной ему жизни». Самого Пушкина мы видимъ то въ кругу золотой молодежи, съ какимъ-то опьяненіемъ прожигающей свою жизнь, то въ кругу такихъ лицъ, какъ Чаадаевъ, Рылѣевъ, Пущинъ, Кюхельбекеръ и другіе.

Такимъ образомъ, г. Коробка разсматриваетъ литературную дѣятельность Пушкина съ довольно оригинальной точки зрѣнія. По его мнѣнію, эта дѣятельность вплоть до катастрофы 14 декабря представляетъ собой отголосокъ общественной жизни и знаменуетъ освобожденіе личности, впервые пытавшейся жить такъ, какъ ей хочется. Съ этой именно стороны авторъ и разбираетъ произведенія Пушкина. Мы не будемъ вдаваться въ подробности его разбора, и замѣтимъ только, что для лучшаго доказательства своей мысли автору слѣдовало бы дать болѣе подробную характеристику какъ лирики Пушкина, такъ и его поэмъ. Наивысшій моментъ развитія личности въ типахъ, созданныхъ Пушкинымъ, г. Коробка, вопреки установленнымъ мнѣніямъ, видитъ въ типѣ Алеко. Дѣйствительно, если отбросить въ сторону моральную несостоятельность послѣдняго, можно признать, что онъ является самой законченной и содержательной личностью въ поэзіи, правда, личностью, еще не умѣющею опредѣлить границъ дозволеннаго, не умѣющею сдерживать свои порывы.

Въ Онягнѣ г. Коробка также видитъ типъ, родственнѣе Алеко, но почему-то уступающій послѣднему въ развитіи индивидуальности. Что же касается Ленскаго, то взглядъ на него критика намъ кажется нѣсколько ошибочнымъ, и въ этомъ случаѣ мы вполне согласны съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Г. Коробка считаетъ Ленскаго прототипомъ шеллингистской, а въслѣдствіи гегеліанской академической молодежи, изъ среды которой вышли Бѣлинскій, Грановскій, Станкевичъ и другіе, хотя указаній на это мы не находимъ въ романѣ Пушкина.

Катастрофа 1825 года навсегда уничтожила силу дворянства, уступившаго съ этого момента свою роль передового сословія новому общественному слою. Переживъ его крушеніе, Пушкинъ, какъ поэтъ дворянской среды, по мнѣнію г. Коробки, не могъ сдѣлаться выразителемъ стремленій новаго класса интеллигенціи; въ то же время, удѣлѣвшіе отъ погрома представители его собственной среды оказались для него слишкомъ ничтожными. Поэтому «между поэтомъ и обществомъ существовалъ разладъ; но поэтъ продолжалъ быть эхомъ и отражалъ то, что существовало въ обществѣ, на ряду съ отголосками прошлаго. Дѣло осложнялось отношеніями поэта къ власти, къ которой онъ сталъ послѣ свиданія съ императоромъ (по пріѣздѣ изъ Михайловскаго) въ положеніе челоуѣка, обязаннаго благодарностью». Этимъ объясняются и диссонансы, прорывающіеся въ поэзіи Пушкина. Такъ, онъ пишетъ трогательное посланіе къ декабристу Пущину въ Сибирь, а черезъ двѣ недѣли—«Стансы» къ императору Николаю, гдѣ эти декабристы сравниваются съ буйными стрѣльцами, и,

дальше—стихотворение «Друзьямъ» («Нѣтъ, я не льстець» и т. д.) и т. п. попытки примирить непримиримую дѣйствительность съ прежними идеалами.

Затѣмъ г. Коробка довольно подробно рисуетъ то общество, которое окружало Пушкина во вторую половину его дѣятельности, лучшими представителями котораго являлись бывшіе арзамасцы, въ средѣ которыхъ, въ общемъ относившихся вполне индифферентно къ общественнымъ вопросамъ, все-таки сохранились кое-какіе умственные интересы, возвышавшіе ихъ среди пошлости остальной части общества: мы разумѣемъ здѣсь не академическую молодежь, съ которой Пушкинъ, хотя бы въ силу своего воспитанія, не могъ сойтись, почему болѣе яркое торжество личности далъ только Лермонтовъ, которому посвящена вторая статья. Авторъ думаетъ, что «своимъ байронизмомъ, своей протестующей, тоскующей поэзіей Лермонтовъ скорѣе заканчиваетъ неполное выраженіе Пушкинымъ поколѣнія первой половины 1820-хъ годовъ, чѣмъ выражалъ свое поколѣніе».

Изъ нашего реферата видно, какъ интересна и поучительна работа Н. Коробки, который сдѣлалъ вполне своевременную попытку объясненія творчества двухъ великихъ поэтовъ съ указанной точки зрѣнія. Несмотря на малообоснованность многихъ выводовъ и замѣтную спѣшность работы, обѣ книжки дадутъ много новаго.

А. И. Яцмирскій.

Евгеній Жураковский. «Симптомы литературной эволюціи» (?). Критическіе очерки: М. Горькій, Л. Андреевъ, Вс. Гаршинъ, Баратынскій, Бомарше, Л. Толстой. Москва. 1904.

Боже, чего здѣсь только нѣтъ?!.. «Житейскій адъ» (у Максима Горькаго); «Реализмъ, символизмъ и мистификація жизни» (у Л. Андреева); «Нѣжное сердце и яркій талантъ» (Вс. Гаршинъ); «Поэтъ-пессимистъ и ближайшій спутникъ (?) поэзіи Пушкина» (Баратынскій); «Создатель соціальной комедіи» (Бомарше); «Супружеское счастье» (у Л. Толстого и его современниковъ); да въ «приложеніи» еще «Героини трагедіи» (у Гевриха Ибсена)... Поистинѣ—*embarras de richesse!*.. Еще страшнѣе дѣлается, когда заглянешь во «введеніе». Кромѣ упомянутыхъ писателей, тутъ найдемъ и Монтеня, и Данте, и Нибура, и Брандеса, и Дарвина, и Брюнетьера, съ напоминаніемъ, примѣнительно къ случаю, изреченій этихъ великихъ мужей... Да что изреченія!.. Тутъ и «сущность міровой жизни», и «свѣтовая энергія», и «призма художественнаго творчества», и «Рентгеновскіе X-лучи», и разсужденіе объ историко-литературныхъ методахъ, и «біологическая теорія Дарвина» и «трансформация формъ». Однимъ словомъ, эрудиція необычайная! Точно въ кинематографѣ мелькаютъ передъ вами всѣ эти имена и «словечки» и повергаютъ васъ въ священный трепетъ передъ этой бездной учености. Но самое страшное, по нашему, все-таки названіе книги: «Симптомы литературной эволюціи»... Названіе не въ заурядныхъ и сразу не совсѣмъ понятное. Каждое явленіе въ общемъ ходѣ литературнаго развитія есть «симптомъ литературной эволюціи». Этими именемъ можно окрестить все, что угодно. Но нѣтъ, это только такъ

кажется... Предлагаемые авторомъ «симптомы» совсѣмъ особаго рода: они «разсматриваютъ, слѣдуя эволюціонной теоріи, каждое оригинальное литературное теченіе, какъ ступень въ постепенной и закономѣрной смѣнѣ явленій различнаго порядка, подчиненной ходу эволюціи» (Введеніе, VI). Очевидно, что это совсѣмъ особаго рода «симптомы», воспитанные на началахъ строгой субординаціи, и ничего общаго не имѣющіе со всѣми другими явленіями литературы, которыя никакой закономѣрности, никакого «подчиненія ходу эволюціи» надъ собой не признаютъ... Коротко и ясно!..

«Добрыя побужденія руководили авторомъ при изданіи этой книги», — откровенно сознается г. Евгений Жураковскій. А именно, онъ скромно полагаетъ, что «предлагаемая книга поможетъ разобраться во многихъ (sic!) вопросахъ, наведетъ мысль на такія явленія, которыя въ общей картинѣ дадутъ матеріалъ для духовной работы»... Авторъ готовъ считать свою цѣль достигнутой, если эти «поиски истины» (такъ онъ называетъ свою книгу) «могутъ навести на новыя (!) мысли, которыя приведутъ къ расплетенію сѣтей жизни и могутъ освѣтить отчасти лабиринты человѣческаго духа»... Ни больше, ни меньше!..

Разнообразный выборъ очерковъ, по словамъ автора, не случаенъ и имѣетъ свои основанія. «Писатели, выбранные для критическаго анализа, кажется (?), представляютъ властителей думъ именно современнаго интеллигентнаго общества». Кромѣ того, «волнуясь мыслями и чувствами своихъ дней, авторъ интересуется ими больше, чѣмъ другими, отчасти и по складу своей психической личности»... Какимъ образомъ Баратынскій, Бомарше и Гаршинъ попали въ число «властителей думъ» современнаго интеллигентнаго общества — это тоже, вѣроятно, тайна особаго склада психической личности г. Евгенія Жураковскаго. Что же это за «многіе вопросы», разобратъ въ которыхъ должна помочь, по замыслу автора, его книга?..

Прежде всего, это — «вопросы социальныя, въ творчествѣ великаго компка XVIII вѣка Бомарше, автора «Севильскаго цирюльника» и «Свадьбы Фигаро», представленные въ основныхъ чертахъ». Авторъ «Симптомовъ литературной эволюціи» полагаетъ, что разработка социальныхъ вопросовъ остановилась на этихъ двухъ комедіяхъ и дальше не пошла.

Затѣмъ, это — «вопросы философскіе, затрогиваемые въ романтическомъ освѣщеніи Баратынскимъ» и, конечно, совсѣмъ не затрогиваемые другими писателями.

Далѣе, это «русская жизнь, отражающаяся въ тѣневыхъ краскахъ, воспроизводимая художественно Гаршинымъ». По мнѣнію автора, «затрогиваемые имъ вопросы такіе же жгучіе и до настоящаго времени» и, во всякомъ случаѣ, болѣе жгучіе, чѣмъ, на примѣръ, затрогиваемые Чеховымъ...

Въ автобіографическомъ отношеніи очень важенъ поднимаемый авторомъ вопросъ о семейномъ счастьѣ. По мнѣнію автора, онъ «особенно интересенъ для тѣхъ, кто задумывается надъ разладомъ супруговъ, и кого эти вопросы мучатъ своимъ надвигающимся призракомъ. Толстой создалъ свою повѣсть («Семейное счастье») передъ своей свадьбой, и задуматься надъ этими вопросами именно въ этотъ періодъ въ особенности цѣлесообразно»... Охотно въ-

римъ автору: для него это тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что хотя, по его собственному признанію, онъ «вѣрить въ возможность счастья семейнаго, но онъ видитъ это счастье лишь въ стремленіи къ нему»... Немудрено, что «общій тонъ предлагаемыхъ очерковъ — пессимистическій»: утѣшительнаго мало въ такомъ «счастьѣ»... даже въ «этотъ періодъ». Таковы мотивы, которыми авторъ въ «введеніи» хочетъ оправдать «разнообразный выборъ очерковъ». Но онъ сдѣлалъ маленькую оплошность: на послѣдующихъ страницахъ онъ предупредительно сообщаетъ намъ, «по какому случаю впервые отпечатанъ каждый изъ его критическихъ очерковъ». Всѣ они, оказывается, написаны по разнымъ случаямъ и въ свое время помѣщались въ разныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, никакого единообразія въ ихъ выборѣ не было, и всѣ разсужденія автора о «властителяхъ думъ современнаго интеллигентнаго общества» и ссылки его на «складъ своей психической личности», якобы заставившія его заинтересоваться этими писателями болѣе, чѣмъ другими, теряютъ почву... Мы смѣемъ полагать, поэтому, что «общая идея, объединяющая эти очерки», во всякомъ случаѣ, не «идея литературной эволюціи», какъ увѣряетъ насъ авторъ, а идея совсѣмъ другого порядка, ничего общаго съ литературной эволюціей не имѣющая...

Въ введеніи авторъ обѣщаетъ дать намъ «новые и оригинальные выводы»... Но, увы, насколько «ново и оригинально» введеніе автора, настолько же стары, неоригинальны и скучны, убійственно скучны «критическіе очерки» г. Евгенія Жураковского. Болѣе другихъ сносны еще статьи о Л. Толстомъ и Л. Андреевѣ. Въ статьѣ о послѣднемъ не можемъ не отмѣтить пристрастія автора во всемъ, въ каждомъ разсказѣ Л. Андреева непремѣнно видѣть символизмъ и «мистификацію»,— даже въ такихъ простыхъ и понятныхъ картинкахъ, какъ «Набатъ», «Смѣхъ»... Слишкомъ грубо звучитъ выраженіе, что въ разсказѣ «Стѣна», понимаемомъ, какъ «символъ общественныхъ преградъ», «символизируются, напримѣръ, муки несчастнаго, всюду преслѣдуемаго выходца изъ толпы Фигаро — Бомарше»... Неужели нельзя было подобрать болѣе удачный примѣръ символизаціи: «Стѣна»... и Фигаро!... Почти не обращено вниманія на общественную сторону разсказа «Въ туманѣ» и др., на общечеловѣческую въ «Стѣнѣ», «Безднѣ» и проч. Крайне слаба статейка о Гаршинѣ, изъ которой только и можно узвать, что у Гаршина были «нѣжное сердце и яркій талантъ». Любой общій курсъ исторіи русской литературы XIX вѣка— Скабичевскаго, Соловьева и др. — дастъ читателю несоизмѣримо больше... Столь же неудачна статья о Бомарше, заключающая біографію французскаго комика и его характеристику, какъ чловѣка и писателя. Соответствующій отдѣлъ любого общаго курса по исторіи западно-европейскихъ литературъ,— хотя бы новѣйшихъ— литографированныхъ «Лекцій» профессора Стороженка или «Очерковъ» г. Когана, можетъ съ успѣхомъ замѣнить эту слабую компиляцію. Еще болѣе слаба, безсистемна, растянута и скучна статья о Баратынскомъ, «ближайшемъ спутникѣ (?) поэзіи Пушкина».

Остается очеркъ о М. Горькомъ, стоящій какъ бы на распутьѣ, по срединѣ между просто слабыми и слабыми во всѣхъ отношеніяхъ статьями г. Евгенія Жураковского. Пьеса «На днѣ» почти совсѣмъ авторомъ не понята. Онъ отка-

зывается считать ее драмой и видеть въ ней «нарушеніе всѣхъ законовъ драматургін», очевидно, не будучи знакомъ ни съ Шопенгауэровскимъ опредѣленіемъ сущности трагедіи, ни съ разсужденіями Штейгера о современной драмѣ и сущности трагическаго, такъ ярко выраженнаго въ драмѣ Ибсена, Метерлинка, Гаутмана и, добавимъ отъ себя, Чехова, Горькаго. Далѣе, г. Евгений Жураковскій видитъ въ пьесѣ «На днѣ» переходъ Горькаго отъ ницшеанскаго, индивидуалистическаго міросозерцанія къ христіанскому, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эта пьеса свидѣтельствуетъ именно о возвращеніи Горькаго, послѣ «Мѣщанъ», вновь къ «бывшимъ людямъ», порвавшимъ связь съ «мѣщанствомъ», и, конечно, видѣть въ ней проповѣдь христіанскихъ идеаловъ— грубая натяжка: это значить совершенно игнорировать непосредственные результаты «проповѣди» Луки и всю послѣднюю сцену пьесы... Совсѣмъ не обращено вниманія на общественное значеніе пьесы Горькаго, т.-е. на самое важное, и потому характеристика ея вышла крайне поверхностной и слабой. Нечего и говорить, что эта статья такъ же не выдерживаетъ критики при сравненіи ея съ другими статьями на ту же тему, хотя бы, наприимѣръ, Е. В. Аничкова: «Новые образы и старыя мнѣнія», помѣщенной въ «Вѣстникъ Знанія», въ № 3, 1903 года.

Г. Евгений Жураковскій очень любезно сообщилъ намъ во введеніи нѣкоторыя свѣдѣнія о методахъ изученія литературы вообще и о тѣхъ методахъ, которыхъ онъ самъ намѣренъ былъ держаться въ своихъ «критическихъ очеркахъ», въ частности. Къ сожалѣнію, въ нихъ именно отсутствуютъ всякіе методы, всякіе критическіе приемы; это просто «mixtum compositum» — безъ системы и порядка...

А. Е.

С. Л. Пташицкій. Иванъ Ѳеодоровъ. Изданія Острожской бібліи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни. Спб. 1904.

Знаменитая славянская Библия, напечатанная въ Острогѣ въ 1581 году, — послѣдній трудъ, завершающій плодотворную книгопечатную дѣятельность патріарха русскихъ типографовъ, «многогрѣшнаго и недостойнаго раба Іоанна Ѳеодорова сына изъ Москвы». Эта книга давно уже привлекала къ себѣ вниманіе библиографовъ, и немалое смущеніе доставляли имъ нѣкоторые экземпляры Библии съ отличными отъ обыкновенныхъ листамп. Никто не могъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія по этому поводу, и только С. Л. Пташицкому удалось найти въ русскихъ и заграничныхъ бібліотекахъ такіе экземпляры Библии, которые а ргіогі наводили на правдоподобныя предположенія, что новыя тетради ихъ явились нѣсколько позднѣе 1581 года и припечатаны подходящимъ шрифтомъ съ цѣлью восполнить экземпляры дефектныя. Но этого, конечно, мало. Нужно было отыскать въ подробностяхъ біографіи Ивана Ѳеодорова какіе нибудь факты, которые говорили бы о существованіи предполагаемыхъ неполныхъ экземпляровъ, и изслѣдователь обратился къ польскимъ источникамъ о московскомъ «друкарѣ». Оказалось, что

въ числѣ имущества, оставшагося послѣ смерти Федорова, умершаго 5 декабря 1583 года, были полные и неполные экземпляры Библии. А такъ какъ на это имущество имѣлъ претензіи одинъ изъ кредиторовъ, Саша Сеньковичъ, то воплнѣ естественно, цѣлью его было возможно скорѣе реализовать книги, тѣмъ болѣе, что цѣна на нихъ всего за годъ увеличилась въ четыре раза. Среди типографскихъ принадлежностей Федорова онъ нашелъ одну изъ недостающихъ тетрадей уже набранной, а для набора остальныхъ девяти шрифтъ, заказанный учителемъ, сохранился у одного изъ учениковъ Федорова. Но почему-то самъ Сеньковичъ не окончилъ начатаго дѣла и въ 1588 году продалъ весь матеріалъ виленской типографіи Мамоничей, которая не могла уже подобрать воплнѣ подходящаго шрифта и пустила въ дѣло свой. Такимъ образомъ и получились тѣ загадочные экземпляры Библии, въ которыхъ допечатанныя тетради такъ отличаются другъ отъ друга. Заканчивая свой очеркъ, авторъ указываетъ на разнообразіе и многосторонность дѣятельности Федорова въ Москвѣ, на Волыни и въ Польшѣ послѣ ухода его изъ Москвы послѣ 1565 года: «онъ сходится тамъ съ такими крупными историческими дѣятелями, какъ великій литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, какъ еще болѣе извѣстный князь Константинъ Острожскій, кievскій воевода, маршалъ Волынской земли, наконецъ, онъ доходитъ до величайшаго врага грознаго царя, польскаго короля Стефана Баторія. Но онъ не ограничивается печатаніемъ книгъ. Отъ имени князя Острожскаго онъ управляетъ русскимъ, тогда православнымъ, монастыремъ въ Дермани, а у Стефана Баторія, только что вернувшася изъ-подъ Пскова и заключившаго съ Москвой перемиріе, принимаетъ заказъ на отлитіе пушки. По отпечатаніи Библии въ Острогѣ, онъ перевозитъ цѣлыя сотни экземпляровъ во Львовъ, а оттуда они черезъ Люблинъ приходятъ въ Вильно». Такимъ образомъ, Федоровъ былъ первымъ печатникомъ не только по времени, но и по значенію.

Книжка украшена снимками съ обыкновенныхъ и припечатанныхъ воплнѣдствіи листовъ Библии, благодаря чему читателю не трудно убѣдиться, что спорные листы, набранные однимъ и тѣмъ же или подходящимъ шрифтомъ, своимъ появленіемъ обязаны какой-то случайности, и это служитъ прекрасной иллюстраціей главныхъ выводовъ автора. А. Я.

М. Тумановъ. Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на судопроизводство и законодательную дѣятельность правительства по этому вопросу. Спб. 1904.

При поверхностномъ знакомствѣ съ историческими событіями второй половины XVIII вѣка въ области литературы и государственно-общественной жизни, можно прійти къ безотрадному заключенію, что эти двѣ области не имѣли между собой ничего общаго: свѣтлыя идеи, провозглашавшіяся обличительной литературой, стояли какъ будто совершенно одиноко и не оказывали никакого вліянія на условія дѣйствительной жизни. Начиная съ статьи Добролюбова, подобный взглядъ на вторую половину XVIII вѣка, въ особенно-

сти, на время Екатерины II, съ большими или меньшими ограниченіями высказывался и въ позднѣйшихъ трудахъ, напримѣръ, Мордовцева, Пыпина и другихъ.

Авторъ настоящаго изслѣдованія держится совершенно иного взгляда на отношеніе литературы того времени къ жизни. Въ своемъ трудѣ г. Тумановъ проводитъ мысль, что литература XVIII столѣтія безусловно оказывала огромное вліяніе на государственную-общественную жизнь въ смыслѣ пзмѣненія послѣдней въ лучшую сторону. Но такъ какъ авторъ ограничился изслѣдованіемъ вліянія литературы только на законодательство, не затрогивая вліянія ея на измѣненія въ учебномъ дѣлѣ и т. д., то и вопросъ вообще о степени вліянія тогдашней литературы, конечно, пока еще не можетъ быть рѣшенъ вполне. Зато въ рамкахъ своего изслѣдованія г. Тумановъ наглядно доказалъ огромное вліяніе литературы на законодательство второй половины XVIII и начала XIX вѣка. Общій выводъ, къ которому приходитъ изслѣдователь, выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Идеи передовыхъ нашихъ писателей второй половины XVIII вѣка успѣли глубоко проникнуть и въ сознаніе нашего общества, и самого правительства; молодое поколѣніе, воспитанное на этихъ взглядахъ, внесло къ жизнь новую свѣжую струю; вдобавокъ и законодательная дѣятельность правительства рѣзко измѣнилась къ концу XVIII столѣтія: если Екатерина II смотрѣла на крупныя общественныя злоупотребленія сквозь пальцы и даже сама покровительствовала имъ и скрывала ихъ, то императоръ Павелъ Петровичъ до такой степени ненавидѣлъ всякія безчестныя продѣлки администраціи и суда, что, по своей болѣзненной вспыльчивости, способенъ былъ на самыя крутыя мѣры. Но правленіе Павла еще было только переходнымъ временемъ; со всею силою духъ новыхъ вѣяній оказался уже въ царствованіе императора Александра I, который въ числѣ главнѣйшихъ своихъ государственныхъ заботъ считалъ всегда и исправленіе правосудія».

Къ такому заключенію г. Тумановъ пришелъ путемъ тщательнаго изслѣдованія судебныхъ указовъ и мѣропріятій, въ которыхъ несомнѣнно отразились литературныя вліянія. Обличительная литература второй половины XVIII столѣтія съ изумительной настойчивостью обрушилась на тогдашнее законодательство, требуя искорененія взяточничества и продажности судей, уничтоженія пытки, введенія гласности и т. д. И голосъ ея не остался голосомъ вопіющимъ: даже въ царствованіе Екатерины II, явно не сочувствовавшей стремленіямъ передовыхъ дѣятелей литературы, въ родѣ Новикова, Фонвизина, Радищева и др., предпринимался цѣлый рядъ паллиативныхъ мѣръ, направленныхъ, если не къ искорененію, то къ ослабленію главнаго зла тогдашней жизни. Приведемъ яркій примѣръ вліянія литературы на общество и правительство. Въ «Трунѣ» появилось сообщеніе «изъ нѣкоего приказа», гдѣ говорилось, что на вакантное мѣсто судьи явилось трое претендентовъ: «первой дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія», но зато имѣющій знатную родню; второй — тоже дворянинъ, хотя и незнатнаго происхожденія, «поведенія добраго, разума хотя не пылкаго однако наукою подкрѣпленнаго. Служить въ полкахъ,... крестьянъ своихъ не грабить.... кушцовъ, по примѣру другихъ дворянъ, не обманываетъ»; «третій,

проситель мѣста, по нарѣчію (мнѣнію) нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человекъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ». Конечно, симпатіи автора лежатъ на сторонѣ послѣднихъ двухъ. То же самое чуть ли не дословно отразилось и въ проектѣ кн. М. Н. Волконскаго, поданнаго Екатеринѣ въ 1775 году: «Губернаторовъ выбрать изъ служащаго въ арміи генералитета и изъ отставныхъ къ тому дѣлу способныхъ людей честныхъ, разумныхъ, опредѣля имъ не только жалованье по ихъ чинамъ, но и довольно число столовыхъ денегъ». У г. Туманова приведено и еще нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. Это наглядно показываетъ, что окружавшіе Екатерину часто руководились статьями сатирическихъ журналовъ.

Точно также подъ вліяніемъ литературы Екатерина предприняла цѣлый рядъ реформъ для искорененія судебной волокиты и связаннаго съ ней взяточничества. Такъ, въ 1779 году учрежденъ крестьянскій судъ, чтобы избавить крестьянъ отъ канцелярскаго произвола и лихоимства; въ 1784 году изданъ указъ о томъ, чтобы высшее начальство зорко слѣдило за приставами, позволявшими себѣ злоупотребленія властью; въ томъ же году вышелъ указъ о томъ, чтобы высшее начальство наблюдало за дѣлопроизводствомъ въ присутственныхъ мѣстахъ и требовало рѣшенія дѣлъ по законамъ и мн. др. Благодаря литературѣ, правительство обратило вниманіе на корень взяточничества — на незначительность окладовъ чиновникамъ, на что, между прочимъ, указалъ Фонвизинъ въ извѣстномъ «Разговорѣ у кн. Халдиной», и въ 1783 году было увеличено жалованье всѣмъ служащимъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Но еще болѣе сильное вліяніе литературы оказалось въ царствованіе Павла I и Александра I. Упомянемъ, что при Александрѣ была сдѣлана первая попытка гласности судопроизводства, необходимость которой высказалъ еще Новиковъ, именно, было разрѣшено печатаніе судебныхъ процессовъ.

Уже изъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно видно, что идеи, проповѣдывавшіяся въ литературѣ XVIII вѣка, постепенно проникали въ сознаніе общества и правительства, что и выражалось въ робкихъ попыткахъ реформированія судопроизводства.

А. Я.

Извѣстія Тамбовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XLVII. Тамбовъ. 1904.

Въ означенномъ выпускѣ «Извѣстій» помѣщенъ первый томъ обширнаго труда А. Н. Нарцова «Матеріалы для исторіи тамбовскаго, пензенскаго и саратовскаго дворянства». Работы по мѣстной исторіи составляютъ, конечно, прямую обязанность губернскихъ архивныхъ комиссій: кому же, какъ не имъ, разрабатывать мѣстныя историческія матеріалы, который имъ гораздо доступнѣе, чѣмъ всякому пріѣзжему со стороны. Необходимо только, чтобы такія работы обогащали историческую науку, хотя бы мелкими, но непремѣнно новыми или, по крайней мѣрѣ, малоизвѣстными фактами и не являлись бы простой перепечаткой того, что можно найти и въ общей исторической литературѣ. Къ со-

жалѣнію, трудъ г. Нарцова не вполне удовлетворяетъ этому условію. По содержанію, это біографическій словарь чѣмъ либо выдающихся дѣятелей дворянъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ тремъ перечисленнымъ смежнымъ губерніямъ. Біографіи ихъ, нерѣдко украшенныя воспроизведеніемъ гербовъ, портретовъ и снимковъ съ почерка, иногда составлены, повидному, по первоисточникамъ; иногда же представляютъ лишь извлечения изъ болѣе подробныхъ трудовъ, касающихся того или другого дворянскаго рода или отдѣльнаго лица. Таковы, напримѣръ, родословная Шереметевыхъ или біографія известнаго писателя М. Н. Загоскина. Біографію послѣдняго можно найти въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ и при каждомъ собраніи его сочиненій, сдѣланныхъ теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти, всенароднымъ достояніемъ. Родъ Шереметевыхъ имѣетъ спеціальнаго историографа въ лицѣ А. П. Барсукова, издаваемаго недавно, наряду съ многотомной своей работой объ этомъ родѣ и краткую его родословную. Къ чему же Тамбовской комиссіи повторять то, что каждый гораздо подробнѣе можетъ узнать изъ трудовъ г. Барсукова?

Затѣмъ въ мѣстныхъ историческихъ работахъ желательно было бы имѣть свѣдѣнія именно исключительно о мѣстныхъ дѣятеляхъ. Между тѣмъ въ словарѣ г. Нарцова введены и такіе роды, которые вовсе не принадлежатъ къ мѣстному дворянству. Примѣръ — тѣ же Шереметевы. Территоріальная площадь трехъ захваченныхъ трудомъ г. Нарцова губерній такъ велика, что мало ли у кого не было на ней болѣе или менѣе значительнаго имѣнія. При такомъ планѣ дворянскій словарь, изданный Тамбовской комиссіей, рискуетъ превратиться въ родословную книгу русскаго дворянства вообще. А подобныя работы, по нашему мнѣнію, вовсе не составляютъ задачи ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій.

— рь.

И. И. Срезневскій. Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1853—1866). Спб. 1903.

Указанная книга представляетъ собою сборникъ статей, напечатанныхъ главнымъ образомъ въ академическихъ изданіяхъ за время съ 1853 по 1903 годъ. Онъ распадается на два отдѣла: 1) изслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ (стр. 1—25), 2) чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (29—131).

Въ первомъ трудѣ авторъ, анализируя содержаніе лѣтописей и сопоставляя ихъ между собою, доказываетъ, что событія въ Новгородѣ записывались еще въ X вѣкѣ (14), первоначальная форма лѣтописей была табличная, для основы взяты перечень лѣтъ отъ сотворенія міра изъ пасхальныхъ таблицъ (20); новгородскія лѣтописи являются переработанными сводами лѣтописей болѣе древнихъ, по содержанію — очень разнообразны, по формѣ — сухой, офціальныи разсказъ о событіяхъ (24).

Слѣдующій отдѣлъ состоитъ изъ 7 чтеній, въ первыхъ трехъ говорится о русскихъ лѣтописяхъ X вѣка, въ послѣдующихъ — о повѣсти временныхъ лѣтъ.

Наблюденія надъ первоначальными лѣтописями, гдѣ отъ X вѣка дошли до насъ такія мелкія фактическія подробности, которыя, если ихъ не записывать,

легко могли бы ускользнуть изъ памяти, даютъ основаніе автору чтеній заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во время Игоря и Святослава, или ихъ современниками (35), по меньшей мѣрѣ, въ двухъ мѣстахъ: въ Киевѣ и Новгородѣ (45), и писались на русскомъ языкѣ, при чемъ древнѣйшая лѣтопись продолжалась только до смерти Святослава (61). Чтеніе третье рисуесть бытъ русскаго народа, насколько его можно воспроизвести по лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка; въ концѣ приложенъ любопытный списокъ именъ личныхъ и географическій того времени съ филологическими изъясненіями (75—78).

Послѣднія четыре чтенія имѣютъ такіе заголовки: 1) «Содержаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ» (78—86), сюда же въ качествѣ приложения отнесены современныя «лѣтописныя замѣтки, не находящіяся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ» (86—104), извлеченныя изъ цѣлаго ряда другихъ лѣтописныхъ сводовъ; 2) «Соображенія по вопросу, когда и кѣмъ написана Повѣсть временныхъ лѣтъ». Выводы: она составлена не однимъ лицомъ, Несторъ—не послѣдній составитель свода, каковымъ былъ игуменъ Сильвестръ; 3) «Убѣжденія лѣтописца» (115—124): основанія ихъ—книги священнаго писанія, но не исключительно; 4) «Языкъ Повѣсти временныхъ лѣтъ» (124—131); здѣсь авторъ подробно анализируетъ отдѣльныя слова и выраженія лѣтописи и приходитъ къ заключенію: языкъ лѣтописца—русскій, смѣшанный съ церковнымъ.

Статьи нашего знаменитаго филолога И. И. Срезневскаго, въ свое время сыгравшія значительную роль въ дѣлѣ разработки вопроса о лѣтописяхъ, теперь, конечно, во многомъ по своимъ выводамъ устарѣли, въ особенности потому, что многія изъ высказанныхъ имъ положеній въ настоящее время настолько вошли въ ученый оборотъ, что стали азбучной истиной, которую доказывать не нужно. Все же цѣнность статей далеко не потеряна, онѣ важны для всякаго историка, а въ особенности для начинающаго, такъ какъ сразу вводятъ въ самую суть дѣла и написаны кратко, просто и ясно.

Несомнѣнно, сборникъ статей—весьма полезенъ, онъ устраняетъ большое неудобство: теперь не нужно обращаться къ разновременнымъ академическимъ изданіямъ, за это издателей можно только благодарить. М. Е.

М. Соколовскій. Характеръ и значеніе дѣятельности аптекарскаго приказа. Спб. 1904.

Возникшій въ XVII вѣкѣ аптекарскій приказъ, по изслѣдованію г. Соколовскаго, является въ своей дѣятельности сначала органомъ царскаго хозяйства, а впослѣдствіи—учрежденіемъ общегосударственнымъ. Онъ завѣдывалъ различными отраслями дѣятельности, между прочимъ, водочными издѣліями, благотворительностью, но его главной функціей было «врачеваніе»; сначала лѣчили самого царя, его семейство, а потомъ и частныхъ лицъ, съ середины же XVII вѣка аптекарскій приказъ начинаетъ завѣдывать медицинскимъ персоналомъ, находящимся при арміи; при немъ же состояла аптека «для продажи всякихъ лѣкарствъ всякихъ чиновъ людямъ». Медицинскій персоналъ аптекарскаго приказа составляли доктора, лѣкаря, ихъ ученики, цырюльники, выполнявшіе въ то время роль хирурговъ, алхимики, аптекари, къ этому же составу причислялись часовыхъ дѣлъ мастера. Обиходъ приказа былъ обста-

влень весьма богато, цари на него не скупились. Собственному суду аптекарскаго приказа подлежали не только чины приказа, но и частныя лица въ случаѣ, если дѣло касалось тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Аптекарскій приказъ оказалъ значительное вліяніе на дѣло развитія русской медицины, поднятія послѣдней на степень науки и сближенія, въ отношеніи врачебнаго искусства, Россіи съ Западной Европой. Определить точно время возникновенія аптекарскаго приказа г. Соколовскій затрудняется и относитъ его начало вообще къ царствованію Михаила Теодоровича, о концѣ совѣмъ не говоритъ, тогда какъ извѣстно, что въ 1720 г. онъ былъ обращенъ въ аптекарскую канцелярію.

Брошюра г. Соколовскаго представляетъ, по его словамъ, бѣглый этюдъ, что замѣтно и отразилось на ней, чувствуется нѣкоторая торопливость работы. Но это обстоятельство, конечно, не обезцѣниваетъ ея. Брошюра—полезна, какъ сводка извѣстій и литературныхъ указаній объ аптекарскомъ приказѣ, она болѣе детально обрисовываетъ сферу дѣйствія названнаго учрежденія, о которомъ въ исторической литературѣ существуютъ лишь довольно краткія и отрывочныя указанія. М. Е.

Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ трехъ частяхъ. Спб. 1904.

Царь Іоаннъ Грозный и его время столь рельефно обрисовываются на фонѣ XVI вѣка своими грандіозными планами, широкимъ размахомъ борьбы, яркостью событій, такъ что недаромъ еще Карамзинъ сравнивалъ царствованіе Грознаго (правда, первую половину его) съ блестящимъ павлинымъ хвостомъ. Неудивительно, что фигура Грознаго привлекала къ себѣ вниманіе цѣлаго ряда историковъ, публицистовъ, литераторовъ. Эту благодарную тему и взялъ для своей исторической хроники г. Ждановъ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью разобратъ книгу Жданова исключительно съ исторической точки зрѣнія, не вдаваясь въ оцѣнку литературную, определить, насколько въ ней отразился характеръ взятой эпохи, насколько правдива историческая канва событій, послужившая основой хроники.

Если взглянуть на картину, даваемую авторомъ хроники, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, то получается впечатлѣніе, будто историческая перспектива соблюдена, событія рассказываются послѣдовательно и въ надлежащей обстановкѣ. Авторъ довольно подробно останавливается на дѣтствѣ Грознаго, изображаетъ его сиротство, безпризорность, хозяйничанье бояръ, зауганность и озлобленіе подрастающаго государя, минуты каприза и гнѣва и подъ конецъ жестокою расправу съ боярами. Затѣмъ рисуется свѣтлая пора, когда подъ вліяніемъ супруги Анастасіи Романовны, протопопа Сильвестра и Адашева, Грозный становится правителемъ, искренно преданнымъ народному благу. Но вотъ со времени своей болѣзни, когда онъ убѣдился въ крамолѣ боярской, а въ особенности со смерти царицы Анастасіи, царь круто переѣнился, начались опалы, казни, была учреждена опричнина. Въ старости, потерпѣвъ неудачу въ войнахъ, мучимый совѣстью, одинокій, больной, Грозный умираетъ.

Но если приглядѣться къ каждому отдѣльному факту, то бросается въ глаза множество ошибокъ, иногда даже курьезныхъ. Для иллюстраціи приведу только

нѣкоторыя. По разсказу хроники, въ 1538 г. князь Андрей Старицкій былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ вскорѣ и умеръ (стр. 31; такъ, дѣйствительно оно и было, только не въ 1538, а въ 1537 г.), но черезъ нѣсколько лѣтъ фантазія автора воскрешаетъ мертвеца и выпускаетъ изъ тюрьмы на свободу (стр. 39). Макарий, архіепископъ новгородскій, будучи избранъ митрополитомъ, переѣзжаетъ въ Москву изъ Нижняго (sic!). Оказывается, протопопъ Сильвестръ и его присѣшники были такими кудесниками, что дѣйствовали на царя при помощи чревоушца и волшебнаго фонаря (?! стр. 88). «Взѣрился слѣпо государь» съ тѣхъ поръ Сильвестру и Адашеву, «всю свою власть сдалъ имъ обоемъ» (89), но вслѣдъ за этимъ авторъ уже одного Адашева величаетъ «фактически верховнымъ правителемъ». Однако метаморфоза еще не кончилась: вскорѣ Адашевъ назначается «окольнічимъ бояриномъ» (цѣлое открытіе! до сихъ поръ намъ былъ неизвѣстенъ такой чинъ въ Московскомъ государствѣ) и становится «посредникомъ между народомъ и верховнымъ владыкой земли» (93). Кто же наконецъ Адашевъ? соправитель, или верховный глава, или посредникъ?—Это остается загадкой не только для читателя, но, вѣроятно, и для самого автора.

Ошибки въ событіяхъ далеко не рѣдки. Возьмемъ, примѣрно, 3 страницы (213—215), гдѣ разсказывается о соборѣ 1566 г., и посчитаемъ ихъ: 1) литовскіе послы, по указанію хроники, уѣхали до собора—невѣрно: они уѣхали послѣ него, 22 іюля; 2) царь рѣшилъ призвать выборныхъ лучшихъ людей со всѣхъ концовъ земли, чтобы выслушать мнѣніе всенародное—и это не такъ: земскій соборъ 1566 г. былъ совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами изъ уѣздовъ центральныхъ и сѣверо-западныхъ (Ключевскій); 3) «много собраній было, много споровъ-перекоровъ»—просто выдумка автора, потому что 25 іюня были прерваны переговоры съ литовскими послами, 28—состоялось первое засѣданіе собора, а уже отъ 2-го іюля мы имѣемъ приговорную грамоту (см. «Сборникъ» Имп. Русск. историч. общества, т. 71, и «Русск. историч. библиот.», т. III), въ 5 дней при многолюдности много разъ не соберешься, очень много не наспоришь; 4) само засѣданіе авторъ для эффекта перенесъ на Лобное мѣсто, тогда какъ оно происходило въ царскихъ палатахъ (Барсуковъ: Родъ Шереметевыхъ, I); 5) на рѣчь царя въ хроникѣ отвѣчаетъ митрополитъ Аѳанасій, который еще до собора за немощью отказался отъ кафедры, переѣхалъ въ Чудовъ монастырь и на соборѣ не присутствовалъ; 6) Висковатовъ, подавшій особое мнѣніе, былъ не «дьякъ государевъ ближній», а печатникъ, что ясно видно изъ той самой приговорной грамоты, откуда авторъ бралъ соборныя рѣчи (Собр. гос. грамотъ, т. I); 7) Колычевъ былъ отправленъ въ Литву не тотчасъ послѣ собора, а поздѣе, когда кончились возобновленные переговоры съ литовскими послами.

Надо сказать, что вообще авторъ, какъ романистъ, имѣетъ большое пристрастіе къ разсказамъ и преданіямъ драматическимъ и часто передаетъ такіе факты, которые менѣе всего достовѣрны.

Правда, книга г. Жданова написана довольно хорошо, читается съ интересомъ, но какъ музыка, въ которой слышатся фальшивыя ноты, не создастъ прекраснаго мотива и музыкальнаго образа, такъ и произведеніе, въ которомъ детали сплошь и рядомъ лживы, не можетъ дать настоящей картины прошлаго.

М. К.

П. И. Соколовъ. О растительности и почвахъ бѣльниковъ тайги въ Маринско-Черевинскомъ районѣ Томской губерніи. Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Изданіе императорскаго С.-Петербургскаго университета. Выпускъ XV. Спб. 1904.

Настоящая работа является новостью въ литературѣ о почвахъ въ томъ смыслѣ, что до сей поры, — какъ говорится въ предисловіи отъ редакціи, — «о тайгѣ, ея почвахъ, возможности колонизаціи, въ литературѣ почти ничего не имѣлось. Тайга съ этой стороны совершенно неизвѣстна. Работа П. И. Соколова хотя немного приподнимаетъ ту завѣсу неизвѣстности, которою закрыта тайга». Этими словами физико-математическій факультетъ, въ лицѣ профессоровъ Земятченскаго и Адамова, даетъ до нѣкоторой степени аттестацію научному труду г. Соколова. Намъ остается только выяснитъ значеніе и содержаніе этого интереснаго и обстоятельнаго изслѣдованія. Авторъ путемъ изображенія отрицательныхъ явленій техники образованія переселенческихъ участковъ въ Сибири и въ частности въ тайгѣ старается доказать, какъ въ этомъ, такъ и въ предыдущихъ его трудахъ, необходимость детальнаго и научнаго изслѣдованія мѣстъ, предназначаемыхъ для культуры, положительнымъ путемъ и, такъ сказать, пробнымъ изслѣдованіемъ. Вся работа дѣлится на двѣ части — ботаническую и почвенную. И это вытекаетъ изъ воззрѣній самого автора, который притерживается, какъ видно, физико-химической теоріи, т.-е. склоняется на сторону ученыхъ, придающихъ большое значеніе химическому составу почвы въ дѣлѣ образованія ботанической фисіономіи данной мѣстности.

Во второй части своей книги г. Соколовъ пытается провести зависимость ботаническаго состава трехъ типовъ бѣльниковъ съ физическими и химическими особенностями залегающихъ подъ ними почвъ. Самый важный выводъ г. Соколова, добытый опытнымъ путемъ, — тотъ, что почвы тайги, подвергнутыя анализу, представляютъ полную аналогію съ нижегородскими почвами не только по химическому составу, но и по физическимъ свойствамъ, что доказываетъ механической анализъ. Культурная способность нижегородскихъ почвъ не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно, и почвы тайги являются такимъ же благодарнымъ матеріаломъ для сельско-хозяйственной обработки, какъ и нижегородскія. И широта мѣстности, избранной для изслѣдованія «угла» тайги, подходит къ нижегородской 56° — $57\frac{1}{2}^{\circ}$. Г. Соколовъ первый доказалъ эту аналогію научными выводами. Кромя того, выбравъ для анализа № 4 почвы, взятой изъ-подъ расчищеннаго бѣльника около заимки Поваренкиной, онъ указалъ приведеніемъ урожая въ хлѣбовъ мѣстныхъ заимщиковъ на ея полную пригодность къ земледѣльской культурѣ при томъ фактѣ, что она по физико-химическимъ свойствамъ относится къ тѣмъ же тяжелымъ лѣснымъ суглинкамъ, какъ и дѣяственные, проанализированныя въ трехъ лабораторіяхъ почвы тайги, занимая особое мѣсто въ почвенной классификаціи. Эти выводы въ высшей степени цѣнны и важны, ибо даютъ ключъ и основаніе ко всей дальнѣйшей разработкѣ огромной сибирской тайги, колонизація которой въ будущемъ имѣетъ важное политическое значеніе.

П—въ.

А. Скоропадская. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. Біографическій очеркъ. Спб. 1904.

Въ исторической литературѣ имя г-жи Скоропадской появляется впервые, но, тѣмъ не менѣе, написанный ею біографическій очеркъ графа Литты очень интересенъ. Онъ составленъ не только по печатнымъ свѣдѣніямъ, но и на основаніи документовъ архива государственнаго совѣта.

Графъ Литта по отцу и матери принадлежалъ къ знатнѣйшему итальянскому дворянству, записанъ былъ съ 1780 года въ рыцари Мальтійскаго ордена и вызванъ въ Россію императрицею Екатериною II въ 1789 году. Пожалованный капитаномъ 1 ранга, съ генераль-майорскимъ рангомъ, онъ былъ назначенъ командиромъ легкой флотилии, участвовалъ въ войнѣ съ Швеціею и за Роченсальмское сраженіе, гдѣ доказалъ свою храбрость, распорядительность и рѣшимость, произведенъ въ контръ-адмиралы, получилъ Георгія 3-й степени и золотое оружіе съ надписью за храбрость. Въ 1792 г. онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Миланъ, но Екатерина II вскорѣ вытребовала его обратно въ Россію. Между тѣмъ Мальтійскій орденъ ходатайствовалъ предъ императрицею о возвращеніи ордену доходовъ съ Острожскаго пріората на Волыни, отошедшаго къ Россіи по второму раздѣлу Польши. Когда Екатерина II согласилась на переговоры по этому поводу, Литта былъ посланъ уполномоченнымъ ордена и въ октябрѣ 1795 года былъ принятъ Екатериною II, какъ старый другъ.

При восшествіи на престолъ императора Павла I Литта былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ ордена при русскомъ дворѣ. Въ 1798 году Павелъ былъ избранъ магистромъ ордена, а на Литту, въ качествѣ замѣстителя великаго магистра, возложены всѣ дѣла ордена, что приблизило Литту къ государю. Въ октябрѣ 1798 года Литта женился на графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ, родной племянницѣ Потемкина. 18 марта 1799 года онъ былъ уволенъ отъ службы, поселился въ имѣніи своей жены, но вскорѣ былъ вызванъ обратно въ Петербургъ.

Императоръ Александръ I оказывалъ Литтѣ свое расположеніе и въ 1810 году пожаловалъ его въ оберъ-шенки, вслѣдъ затѣмъ въ оберъ-гофмейстеры, назначилъ главноначальствующимъ надъ гофъ-интендантскою конторою, а 9-го іюля 1811 года—членомъ государственнаго совѣта.

При императорѣ Николаѣ I Литта получилъ орденъ святого Андрея и назначенъ оберъ-камергеромъ. Онъ оставался членомъ государственнаго совѣта до самой своей смерти въ 1839 году. Иностранецъ по крови и иновѣрецъ, графъ Литта правдою служилъ усыновившей его Россіи. Дѣятельность его по государственному совѣту была не только выдающейся, но и безупречной. Въ архивѣ государственнаго совѣта хранятся свидѣтельства его трудовъ въ этомъ высшемъ государственномъ установленіи. По всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ онъ всегда подавалъ голосъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, Мордвиновымъ, Кочубеемъ. Въ 1814 году онъ подалъ свое мнѣніе относительно подвешенія императору Александру I высокаго наименованія Благословенный взамѣнъ предположеннаго титула Великій и настоялъ на томъ, чтобы это мнѣніе было принято.

Г. М.

Наборно-типографское дѣло. Составилъ И. Богдановъ. Спб. 1904.

Г. Богдановъ, помощникъ управляющаго типографіей «Новаго Времени» и преподаватель школы при этой типографіи, съ цѣлью облегчить ученикамъ твердое усвоеніе правилъ и положеній избранной ими специальности, составилъ краткій курсъ наборно-типографскаго дѣла. Подобнаго курса до сихъ поръ еще не было, г. Богдановъ является его инициаторомъ и, нужно отдать ему справедливость, справился съ своей нелегкой задачей вполне удовлетворительно. Всѣ подробности типографской техники изложены имъ чрезвычайно толково, ясно и понятно. Эту книжку можно рекомендовать, какъ руководство, не только типографскимъ школамъ и наборщикамъ, но и всѣмъ авторамъ, печатающимъ свои сочиненія. Извѣстно, какія недоразумѣнія и неудобства вытекаютъ отъ незнанія авторами условныхъ типографскихъ знаковъ и вообще техническихъ сторонъ типографскаго дѣла. Въ курсѣ, составленномъ г. Богдановымъ, они найдутъ объясненіе того, что такое корректура, какъ ее нужно править, какими общепринятыми знаками слѣдуетъ отмѣчать ошибки, какимъ образомъ разсчитать объемъ рукописи съ текстомъ набора и т. д. Мы увѣрены, что лица, имѣющія прикосновеніе къ типографскому дѣлу, будутъ признательны г. Богданову за его толковый трудъ.

О. Ш.

Ярославль. Историческая монографія о времени основанія города, съ портретомъ его основателя, великаго князя Ярослава Мудраго. Составилъ и издалъ Н. Верховой. Рыбинскъ. 1904.

Очевидно, авторъ—большой любитель эпитафій. Одинъ иллюстрируетъ предисловіе, другимъ начинается статья. Очень возможно, что слова Плинія: «нѣтъ ни одной книги, которая сколько нибудь добра въ себѣ не заключала», — и имѣли значенія во времена римскаго историка, но въ примѣненіи къ нашему времени оказываются анахронизмомъ. Особенно неумѣстны они на тощій брошюркѣ г. Верхового, который, говоря о «совершенно случайномъ появленіи въ свѣтъ настоящей исторической монографіи» (ни больше, ни меньше!), обращается къ «нелицеприятной исторической критикѣ» и съ нѣкоторой развязностью заявляетъ, что его нисколько не смутитъ, если критика не оставитъ камня на камнѣ въ этомъ скромномъ трудѣ; напротивъ, это будетъ лишь пріятно. Для втораго эпитафа авторъ не могъ выбрать уже чужихъ мыслей и сочинилъ самъ глубокомысленную игру словъ на избитую тему: «любить отечество способенъ только тотъ, кто любитъ свою родину; любить же родину дано тому, кому извѣстно ея прошлое».

Задача «монографіи»—выяснить время основанія Ярославля. Относительно даты этого основанія почти всѣ историки держатся опредѣленнаго мнѣнія, разница лишь въ мелочахъ. Одни изъ нихъ полагаются на извѣстіе Татищева и думаютъ, что во время основанія города Ярославъ Мудрый былъ удѣльнымъ ростовскимъ княземъ; протоіерей Троицкій относитъ это событіе къ 1026—1036 годамъ, когда Ярославъ жилъ въ мирѣ съ сосѣдями и могъ посвятить свое

время внутренним дѣламъ, а В. Лѣтвицынъ указываетъ даже на болѣе определенную дату—1024-й годъ. Н. Верховой и пытается подтвердить достоверность послѣдняго предположенія, пользуясь свидѣтельствомъ какихъ-то лѣтописей и толкуя ихъ нѣсколько странно. Аргументы автора намъ представляются плохо обоснованными. Почему, напримѣръ, онъ не довѣряетъ извѣстію, сохранившемуся у Татищева, что въ 1010 году въ Новгородѣ преставился Вышеславъ, сынъ Владимировъ, и Владимиръ далъ Ярославу—Новгородъ, а Борису—Ростовъ, «Ярославию отчину»? Основанія его такія: 1) въ лѣтописи Нестора (sic), при перечисленіи князей и княгинь, умершихъ въ самомъ началѣ XI вѣка, подъ 1010 годомъ не упоминается о смерти Вышеслава, старшаго сына Владимира, и 2) языкъ этого извѣстія представляетъ будто бы странную смѣсь лѣтописнаго слога и современнаго самому Татищеву. Въ то же время г. Верховой принимаетъ безъ всякихъ колебаній рассказъ ростовскаго архіепископа Самуила (1776—1783), правда, «съ фантастическими узорами на исторической канвѣ», и вольное переложеніе какого-то «древняго лѣтописца», изданномъ въ 1794 году. Во-вторыхъ, онъ почему-то не желаетъ допустить, что отсутствіе извѣстія о кончинѣ Вышеслава—простая случайность, далеко не рѣдная въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ.

Поэтому г. Верховому остается дѣлать пространную характеристику Ярослава Мудраго, который прежде всего былъ дѣятельнымъ распространителемъ христіанства и просвѣщенія, почему, думаетъ онъ, не возможно допустить, чтобы въ княженіе Ярослава два миссіонера, Феодоръ и Иларіонъ, могли убѣждать изъ Ростова, «не стерпя досажденія людскаго», и чтобы послѣ этого ростовцы предали мученической кончинѣ св. Лаврентія. Отсюда онъ дѣлаетъ смѣлый скачокъ: Ярославъ не могъ жить въ это время въ Ростовѣ и не могъ построить Ярославля, когда былъ удѣльнымъ княземъ ростовскимъ. Почему же г. Верховой такъ настаиваетъ именно на 1024 годѣ, какъ времени основанія спорнаго города? Отвѣтъ, оказывается, очень нехитрый: въ этомъ году Ярославъ вторично проѣзжалъ по Суздальской области, а остальное время проводилъ въ безпрестанныхъ (?) войнахъ. Такимъ образомъ, авторъ придаетъ значеніе тому древнему лѣтописцу, пересказъ котораго напечатанъ въ знаменитомъ раньше «Описаніи Ярославля», а остальные авторитеты для него какъ будто не существуютъ.

А. Я.

Проф. Ѳ. А. Кургановъ. Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви. Казань. 1904.

Подъ такимъ скромнымъ заглавіемъ профессоръ Казанскаго университета Ѳ. А. Кургановъ издалъ замѣчательный трудъ, посвященный исторіи румынской церкви новѣйшаго времени, написанный съ огромной эрудиціей, на основаніи необыкновенно тщательнаго изученія литературы вопроса, въ духѣ строго научномъ, при свѣтѣ точныхъ и определенныхъ принципіальныхъ воззрѣній. По поводу частнаго факта—визложенія румынскаго митрополита-прилата Геннадія Петреско, состоявшагося 20 мая 1896 года, профессору Ѳ. А.

Кургановъ вскрываетъ предъ читателемъ всю новѣйшую исторію румынской церкви, въ ея существенныхъ и характерныхъ чертахъ, въ ея основныхъ началахъ и слѣдствіяхъ.

✠ Положение румынской церкви, — пишетъ авторъ въ предисловіи, — очень сходное съ положеніемъ другихъ церквей Балканскаго полуострова, отдѣлившись отъ юрисдикціи константинопольскаго патріарха, и представляетъ глубокий интересъ. Много говорятъ у насъ о пролитіи русской крови за освобожденіе православныхъ христіанъ Востока изъ-подъ ига турецкаго, въ частности и румынъ, и еще, кажется, болѣе — о неблагодарности этихъ освобожденныхъ нами народовъ къ ихъ освободительницѣ — Россіи. Въ объясненіе этого явленія указываются разныя причины. Но при этомъ существенный вопросъ остается неясненнымъ: каково стало положеніе православной церкви у освобожденныхъ Россіей народовъ, ради которыхъ проливалась русская кровь? Улучшилось оно или ухудшилось? Гдѣ причина церковныхъ неурядицъ на Востокѣ, о которыхъ нерѣдко приходится слышать? Теперь уже не стало ига турецкаго или фанариотскаго, которымъ обыкновенно объяснялись всѣ недочеты церковно-общественной жизни румынъ, болгаръ и т. д. Причину ненормальностей нужно искать въ другомъ... Профессоръ Ѡ. А. Кургановъ и поставилъ задачей своего изслѣдованія философско-историческое раскрытіе причинъ церковныхъ нестройностей въ Румыніи, при свѣтѣ вообще церковныхъ событій въ странѣ за послѣднія десятилѣтія и въ связи съ политическимъ и духовнымъ ея возрожденіемъ.

Свое изслѣдованіе профессоръ Ѡ. А. Кургановъ начинаетъ раскрытіемъ основныхъ принциповъ протестантизма и слѣдствій ихъ — рационализма, безконфессіонализма и цезаропанизма, достигшихъ полного своего расцвѣта на европейскомъ Западѣ. Подъ влияніемъ господствовавшихъ идей иновѣрнаго Запада совершилось духовное возрожденіе и румынской народности, политическая самостоятельность которой была достигнута при содѣйствіи православной Россіи. До эпохи возрожденія румыны жили вѣрою и въ основу своей дѣятельности положили уставъ православной церкви. Не то стало послѣ того, какъ румыны познакомились съ плодами западной культуры. вмѣстѣ съ новымъ государственнымъ устройствомъ, созданнымъ по западно-европейскому образцу, румынское правительство А. Кузы перестроило и церковную жизнь по руководству протестантско-раціоналистическому. Мѣры правительства по отношенію къ православной церкви были крайне суровы и произвольны, безъ всякаго вниманія къ ея уставамъ и постановленіямъ, съ пренебреженіемъ къ православному духовенству, съ узаконеніемъ гражданскаго брака и т. д. Извѣстна конфискація монастырскихъ имуществъ, совершенная княземъ Кузою съ изумительной дерзостью и вызвавшая упадокъ въ странѣ духовнаго просвѣщенія, а его церковныя реформы были въ совершенномъ противорѣчій съ канонами. Напрасно патріархи и нашъ святѣйшій синодъ протестовали противъ незаконныхъ дѣяній новоявленнаго церковнаго реформатора: православію былъ нанесенъ въ Румыніи страшный ударъ, церковной жизни дано протестантско-раціоналистическое направленіе, которое во всей силѣ сохранилось и въ послѣдующее время.

Такова самая общая схема воззрѣній, раскрываемыхъ профессоромъ Ѳ. А. Кургановымъ въ его изслѣдованіи. Мы не будемъ входить въ подробности содержанія громаднаго (1048 страницъ) труда нашего ученаго, отсылая читателей къ самому изслѣдованію. Отметимъ лишь, что оно состоитъ изъ девяти весьма обширныхъ главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 5—42) весьма отчетливо и ясно, съ выдающеюся эрудиціей, характеризуется протестантизмъ въ его принципахъ и слѣдствіяхъ. Во второй главѣ (стр. 43—101) рѣчь идетъ о политическомъ и духовномъ возрожденіи румынской народности вилоть до политической ея уніи подъ властью Александра Кузы (1859 г.). Въ третьей главѣ (стр. 102—134) описывается государственное устройство Румынскаго княжества (конституція) и тяжелое положеніе мѣстной православной церкви, къ которой правительство стало въ совершенную оппозицію. Въ главѣ четвертой (стр. 135—291) весьма обстоятельно и документально излагается исторія румынскихъ монастырей, преклоненныхъ святымъ мѣстамъ Востока, и конфискаціи ихъ имуществъ, совершенной княземъ Кузюю. Въ русской, да и въ иностранной литературѣ, нѣтъ изслѣдованія о румынскихъ монастырскихъ имуществвахъ, равнаго по научнымъ достоинствамъ этой главѣ въ сочиненіи русскаго ученаго. Въ пятой главѣ (стр. 292—521), раздѣляющейся на три отдѣла, описывается состояніе румынской церкви во время князя Кузы (до 1866 г.), незаконно объявившаго ее автокефальной и вслѣдствіе этого повергшаго церковную жизнь въ странѣ въ совершенное разстройство и упадокъ. Въ главѣ шестой (стр. 522—651) описывается избраніе князя Карла Гоценполлерна и положеніе церкви въ первое время его управленія. Въ главѣ седьмой (стр. 652—756) излагается исторія церкви до пріобрѣтенія ею автокефальности въ 1885 году, а въ главѣ восьмой (стр. 757—870) и девятой (стр. 871—1046) изображается ея состояніе послѣ объявленія автокефальности и вплоть до самаго послѣдняго времени.

Въ заключеніи изслѣдованія (стр. 1047—1048) профессоръ Ѳ. А. Кургановъ справедливо пишетъ, что въ жизни румынской церкви вся вторая половина минувшаго XIX вѣка была исполнена тревогъ, бореній, невзгодъ и, можно сказать, гоненій. Причина этого—«новый» путь, намѣченный подъ вліяніемъ протестантизма. Обыкновенно полагаютъ, что протестантская религіозная дѣятельность въ чужихъ странахъ неопасна, или менѣе опасна, чѣмъ дѣятельность католиковъ. Такой взглядъ есть великое заблужденіе, отъ котораго давно пора отказаться. Исторія убѣдительно доказала, какой большой вредъ принесли православію и католики, и протестанты. Въ частности, у насъ и до сихъ поръ, подъ вліяніемъ инославныхъ вѣяній, греческое духовенство называется опозореннымъ именемъ «фанариотскаго духовенства», «фанариотовъ». Это—большая наша несправедливость къ православнымъ грекамъ. А затѣмъ «узкій націонализмъ», развившійся въ истекшемъ вѣкѣ, привелъ къ возникновенію отдѣльныхъ автокефальныхъ церквей. Въ результатъ же «прежняя связь между православными народами, объединявшая ихъ въ одну семью, ослабѣла, наступила рознь—матеріальная и формальная, — матеріальная вслѣдствіе злобныхъ и крайне ненавистныхъ нападокъ на греческое духовенство, равно какъ и одного православнаго племени на другое,—формальная

вслѣдствіе умноженія церковей автокефальныхъ, т.-е. самовластныхъ или самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ. Автокефальность законна, допускается канонами церкви и не препятствуетъ сама по себѣ живому духовному общенію церковей, которое къ тому же и обязательно по канонамъ. Но при настоящемъ господствѣ враждебныхъ христіанской вѣрѣ и церкви идей и стремленій такая автокефальность получаетъ характеръ полной отчужденности одной православной независимой церкви отъ другой: проповѣдуемая культурность не объединяетъ, а разъединяетъ. Съ утратой же прежней духовной связи православная церковь значительно утратила и свою силу, свою мощь для противодѣйствія своимъ многочисленнымъ врагамъ. Этотъ печальный фактъ нужно признать и «сознать, чтобы устранить его» (стр. 1048). Таковъ заключительный выводъ ученѣйшаго автора.

Книга профессора Ѳ. А. Курганова представляетъ замѣчательную церковно-историческую литературную новость—по глубинѣ и основательности принципиальныхъ воззрѣній автора, по обширности его эрудиціи, документальности сужденій и выводовъ, тщательности обслѣдованія иностранной и русской литературы вопроса, до газетныхъ замѣтокъ включительно, по прекрасному популярному языку, дѣлающему ученое изслѣдованіе вполне доступнымъ и для неспеціалистовъ. Книгу нашего маститаго ученаго съ удовольствіемъ прочтеть богословъ, историкъ, дипломатъ, политикъ и каждый любитель серьезнаго историческаго знанія. А для молодыхъ историковъ-авторовъ да послужить она образцомъ того, какъ слѣдуетъ писать ученыхя монографіи.

Σ.

D-r Fryd. Pappée. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich.
(Польша и Литва на рубежѣ среднихъ вѣковъ). Томъ I. По-
слѣднее двѣнадцатилѣтіе Казимира-Ягеллона (Ягеллоновича).
Краковъ. 1904.

Интересное сочиненіе выходитъ въ Краковѣ не только для поляковъ, но и для насъ, тѣмъ болѣе, что основывается оно за недостаткомъ источника такого важнаго, какъ исторія Длугоша, оканчивающаяся 1480-мъ годомъ, на русскихъ лѣтописяхъ и «Сборникѣ историческаго общества», а также на венгерскихъ изданіяхъ по исторіи этого времени. Изъ польскихъ источниковъ авторъ пользуется изданіемъ проф. Левицкаго: Codex epist. saeculi XV. Казимиръ, братъ Владислава, погибшаго въ битвѣ съ турками подъ Варной, великій князь литовскій, фактически независимый отъ Польши, стремившейся въ это время къ присоединенію частей Литовскаго княжества такъ, какъ она присоединила Волынь и Литву, принявъ въ 1447 г. польскую корону безъ всякихъ обязательствъ передъ поляками; въ противоположность своимъ предшественникамъ, подчинявшимся аристократіи, онъ отличался любовью къ неограниченной власти, стремился къ возвышенію княжеской власти, вполне согласуясь съ духомъ своего времени—гуманизмомъ. Гуманизмъ же протестовалъ противъ подчиненія государства церкви, а государя обществу, слѣдовательно былъ противъ средневѣковыхъ привилегій, подрывавшихъ власть правителя и ослаблявшихъ

государственный организм. Независимое во внѣшнихъ дѣлахъ и сильное внутри государство—лозунгъ гуманистовъ, проникшихъ въ Польшу со времени еще Казимира Великаго, основавшаго для развитія и распространенія общественно-политическихъ идей его академію. Казимиръ-Ягеллонъ прежде всего освободился отъ вліянія церковной іерархіи, благодаря существовавшему тогда церковному расколу, отказался, хотя и временно, отъ подтвержденія прежнихъ привилегій и протестовалъ противъ присоединенія Подолія и Волыни. Призваніемъ шляхты къ законодательной власти (Нешавскіе статуты 1454 г.) нанесенъ былъ тяжкій ударъ аристократіи. Внѣшнія дѣла также велись блестящимъ образомъ. Торнскій миръ съ тевтонами (1466 г.) далъ Польшѣ устье Вислы и побережье Балтійскаго моря — такъ называемую Королевскую Пруссію, и поставилъ ее въ рядъ первоклассныхъ европейскихъ государствъ. Но какъ разъ въ это время Польшѣ и стали угрожать новыя опасности: съ юга Перекопская орда, признавая верховную власть Турціи; съ востока—усиленіе Московскаго государства,—уничтоженіе Иваномъ III власти Золотой орды, завоеваніе имъ Пскова и стремленіе его завладѣть русскими землями, входившими въ составъ польско-литовскаго государства,—а въ Литвѣ стремленіе литовскихъ пановъ къ уничтоженію уніи съ Польшей, въ чемъ они и успѣли, сейчасъ же послѣ смерти Казимира избравъ великаго князя Александра, а поляки королемъ Яна I (1492 г.). Поэтому уже можно видѣть значеніе Польши въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ государствамъ—этимъ отношеніямъ и посвящена главная и наиболѣе интересная часть перваго тома—отношеніямъ къ великому князю Ивану III и Крымской ордѣ съ Менгли-Гиреемъ во главѣ. Этимъ занимается авторъ въ первой части тома, во второй же части, трактующей о Польшѣ, авторомъ обращено особенное вниманіе на отношенія къ Турціи и объясняется стремленіе Казимира къ коронѣ Венгріи мыслию о предстоящей войнѣ съ Турціей, цѣлю которой было утвердиться на берегахъ Чернаго моря и такимъ образомъ возмѣстятъ утраты на сѣверовостокѣ.

Вообще авторъ особенно тщательно и общпрно изображаетъ отношенія Польши къ Москвѣ и выясняетъ мотивы, почему послѣ смерти Владислава Постума, короля Чехіи и Венгріи, Казимиръ-Ягеллонъ, какъ его шуринъ, предъявилъ свои права на его престолъ. Обзоръ внутренняго состоянія Польши посвящены три отдѣла—выдѣляется особенно отдѣлъ финансовый и военный, основывающійся на изданіи Павлинскаго «Księgi skarbowe Kazimierza Jagiellończyka od 1484—1488» и др. изданіяхъ источниковъ. Число народонаселенія въ это время опредѣляетъ авторъ въ 4—5 милліоновъ и даетъ карту границъ литовско-московскихъ 1492 г. съ указаніемъ утраченныхъ Литвою земель за это время. Еще одинъ интересный вопросъ разобранъ авторомъ: вопросъ о существованіи политическаго завѣщанія Казимира, который онъ и рѣшаетъ утвердительно. Завѣщаніе это и было причиной временнаго раздѣленія Польши и Литвы при Альбрехтѣ (Янъ I Альбрехтъ, 1492—1501), тоже гуманистъ по образованію и воспитанію. Идеей похода къ Черному морю объясняется также походъ Яна-Альбрехта въ 1497 г. противъ господаря Молдавіи Стефана, повлекшій за собою страшное пораженіе при Лукавцахъ, и мѣтніе о заговорѣ короля съ господаремъ, чтобы, уничтоживъ шляхту, установить неограничен-

ное правленіе въ Польшѣ. Книга эта читается легко и настолько интересна, что, вѣроятно, дождется перевода на русскій языкъ, какъ уже дождались этого нѣсколько исторій Польши, болѣе слабыхъ, напримѣръ, Смоленскаго. Объ исторіи Ягеллоновъ трактуеть и новое изданіе—Конечный (Konieczny) въ Краковѣ, во второй части «Dzieje Polski za Jagiellonow», 358 стр.—догматической исторіи, дающей слишкомъ категорическіе, ничѣмъ, отвѣты на вопросы, которые въ другихъ источникахъ рѣшаются иначе. Сочиненіе хорошо обдуманное, но годное лишь, какъ очень обширный учебникъ, при чемъ замѣтимъ, что первая часть этой исторіи слабѣе второй.

Въ заключеніе нашей замѣтки упомянемъ о выходѣ новаго изданія Краковской академіи, имѣющаго, кромѣ историческаго, еще и художественное значеніе: мы говоримъ о «Костюмахъ польскаго народа» («Ubiory ludu polskiego» in-4^c, 16 стр., 8 таблицъ, 12 рис., вып. I). Этотъ новый отдѣлъ этнографіи академіи издаеть при помощи энергичнаго общества польскаго прикладнаго искусства, начиная съ головныхъ уборовъ краковскаго простаго народа, иллюстрируеть фотографіями съ натуры и рисунками Тетмайера и Забаглы. Редактируютъ это изданіе Тетмайеръ, Удзѣла и Завалинскій и, судя по первому выпуску, довольно дорогому по цѣнѣ (2 р. 50 к.), выполняютъ успѣшно порученное имъ дѣло.

О. Гин—вът.

Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Составилъ Драго Войновичъ, кандидатъ университета. Одесса. 1903.

Книга проникнута теплой любовью къ прошлымъ судьбамъ сербовъ, составлена съ относительнымъ даже знаніемъ дѣла и можетъ расчитывать на заслуженный успѣхъ среди широкаго круга русскихъ читателей. Жалобы на скудость нашихъ свѣдѣній о славянахъ, на недостатокъ популярныхъ книгъ и статей, посвященныхъ исторіи, этнографіи и литературѣ южныхъ славянъ, наконецъ, на замѣтное равнодушіе читателей и издателей къ всему славянскому,—все это высказывалось въ печати такъ часто, что сдѣлалось общимъ мѣстомъ. «Исторія сербскаго народа» Войновича обладаетъ безспорными достоинствами: простое и доступное изложеніе, отсутствіе мелкихъ подробностей, мало интересныхъ для средняго читателя, довольно приличный русскій языкъ и вѣрное пониманіе историческихъ условій, все это такія качества, которыя сдѣлали бы честь любому труду, не претендующему на болѣе или менѣе научное значеніе. Задача автора много скромнѣе, и выполнена она довольно умѣло. Конечно, источники г. Войновича слишкомъ жалки; повидимому, онъ не знаетъ массы лучшихъ монографій, обойтись безъ которыхъ историку буквально немислимо, и почему-то не указываетъ ни на одно сочиненіе на сербскомъ языкѣ, пользуясь лишь русскими, нѣмецкими и французскими книгами, иногда устарѣвшими, а то и мало авторитетными. Въ этомъ и заключается наиболѣе слабая сторона его «Исторіи». Поэтому болѣе удачными вышли тѣ мѣста, гдѣ онъ пользуется народными пѣснями, или же когда у него были хороше

предшественники. Во-вторыхъ, переводъ сербскихъ пѣсень исполненъ не всегда одинаково: сдѣланъ онъ тяжеловатой прозой, хотя почему-то сохранины строки подлинника, и на первый взглядъ могутъ быть приняты за стихи. Стремленіе къ точности иногда вредитъ смыслу. Укажемъ, напримѣръ, на одну изъ первыхъ пѣсень о Коссовомъ боѣ:

Царь Мурать на Косово упалъ,
Тотчасъ мелкое пишетъ письмо,
Посылаетъ его въ Крушевацъ городъ,
На колыно Сербскому царю Лазарю:
«Ой, Лазарь, Сербіи глава!
Того не было и быть не можетъ:
Одна земля, а два государя;
Одна райя, а двое податей даетъ»...

Это же мѣсто мы передадимъ гораздо ближе къ подлиннику, въ то же время сохраняя размѣръ сербской пѣсни по изданію ея во второмъ томѣ собранія В. Караджича:

Царь Мурадъ на Косово приходитъ;
Какъ пришелъ,—письмо онъ мелко пишетъ
И его шлетъ ко Крушевцу граду,
Князю Лазарю его шлетъ на колына:
«Ой, князь Лазарь, Сербіи владыка!
Не бывало, да и быть не можетъ:
У одной земли два господина,
И чтобъ двумъ одна платила райя.

Не вполне точно переданы выраженія: «послать не пожелаешь» (стр. 83) вмѣсто «не пошлешь», «Косово равное» — «Коссовская равнина», «съ турками бой битъ» (стр. 85) — «съ турками боемъ биться», «легкія ноги» (стр. 84) — «ноги рѣзвья» и т. д.; наконецъ, сразу же бросается въ глаза то, что средній періодъ сербской исторіи разработанъ несравненно лучше, чѣмъ старый, что объясняется скорѣе всего источниками, которыми пользовался авторъ. Въ заслугу г. Войновичу слѣдуетъ поставить правильную передачу сербскихъ именъ и географическихъ названій, очень близкихъ къ живой сербской рѣчи и въ русской литературѣ почти неизвѣстныхъ. А. Я.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Томы I и II. Спб. 1903.

Знаменитое изслѣдованіе Грегоровіуса было начато переводомъ на русскій языкъ еще въ концѣ 1880-хъ годовъ, когда вышло, кажется, около 500 экз. I тома въ переводѣ В. И. Савина. Послѣ этого перевода вышло новое нѣмецкое изданіе, значительно переработанное, а нынѣшній, новый русскій переводъ пополненъ всѣми дополненіями, сдѣланными въ новѣйшемъ (1900 — 1901) итальянскомъ переводѣ.

Сочиненіє Грегоровіуса принадлежитъ къ числу тѣхъ классическихкихъ трудовъ, съ которыми долженъ считаться и специалистъ-историкъ, и всякій образованный человекъ, такъ какъ нѣмецкій историкъ умѣлъ изложить свои научные выводы въ популярной формѣ. Это — первая попытка изложить исторію города Рима въ средніе вѣка въ видѣ самостоятельнаго изслѣдованія, не представляющаго лишь простое дополненіе къ исторіи папства и Римскаго государства.

Грегоровіусъ поставилъ себѣ задачей изложить исторію Рима отъ паденія имперіи до послѣдняго паденія папскаго Рима, въ 1527 году. «Три города, — говоритъ онъ, — сіяютъ въ исторіи человечества блескомъ всемірнаго значенія: Іерусалимъ, Авіны и Римъ. Всѣ три города въ процессѣ міровой жизни являются содѣйствующими и воздѣйствующими другъ на друга факторами человеческой культуры». До римлянъ мы не встрѣчаемся въ исторіи съ имперіей. Римъ совершилъ то, чего не сдѣлала Эллада, соединивъ въ одномъ общемъ организмѣ, въ «государствѣ», существовавшую цивилизацію. «Вѣчный и золотой Римъ» былъ столицей объединеннаго цивилизованнаго человечества. «Не можетъ быть другою, болѣе трагическаго и болѣе волнующаго насъ зрѣлища, — говорить Грегоровіусъ, — какъ паденіе и, наконецъ, уничтоженіе великаго Рима». Епископъ Григорій, вспоминая въ своей безотрадной проповѣди о нѣкогда великомъ, необозримомъ городѣ, сравнилъ его съ разбитымъ глинянымъ сосудомъ, а римскій народъ, властвовавшій когда-то надъ всѣмъ міромъ, уподобилъ орлу, который, потерявъ свои крылья, одряхлѣлъ отъ старости и умираетъ на берегахъ Тибра. Такія чувства волновали Гиббона, то же настроеніе испытывалъ и Грегоровіусъ, когда рѣшилъ описать паденіе Рима.

Свою исторію Грегоровіусъ начинаетъ съ описанія общаго вида Рима въ послѣднее время имперіи, указывая, какіе памятники и мѣста Рима были главными, и въ какихъ округахъ они находились. Съ грустью говоритъ онъ о томъ, что въ V вѣкѣ храмы были обезображены и разгромлены. Христіанство проявило въ отношеніи внѣшняго вида Рима тройное дѣйствіе: разрушительное, созидательное и преобразовательное. Возникъ рядъ христіанскихъ церквей, городъ проникнутъ культомъ новой религіи, но «тѣмъ, кто посѣщали Римъ въ началѣ V вѣка, не могло не овладѣть тяжелое чувство. Казалось, оцѣпенѣніе смерти охватило весь городъ; онъ пустѣлъ, какъ бы подъ страшнымъ проклятіемъ». Христіанство, овладѣвши великимъ городомъ, оставило въ развалинахъ великіе памятники древней культуры. Четыреста храмовъ, видъ которыхъ внушала христіанамъ ужасъ и ненависть, стояли пустыми. Хорошо изображаетъ Грегоровіусъ тотъ яркій контрастъ смерти и жизни, язычества и христіанства, который вызвалъ сначала борьбу между этими двумя началами, а потомъ привелъ къ удивительному сочетанію, къ двойственному существованію, привлекающему насъ и теперь. «Развалины имѣютъ здѣсь свою исторію, такъ же, какъ церковь и папство, которое на обломкахъ цезаризма овладѣло политическимъ духомъ римскаго міроваго могущества».

Описавъ видъ города при императорѣ Гоноріи, Грегоровіусъ начинаетъ свое повѣствованіе о долгомъ существованіи Рима въ средніе вѣка, начиная съ V вѣка. Рассказываетъ объ императорѣ Гоноріи, его резиденціи, о нападеніяхъ варваровъ, о движеніи Алариха и разграбленіи Рима въ 410 году. Вар-

варскія нашествія даютъ возможность Грегоровіусу остановиться (V глава) на исторіи римской церкви. Прекрасно очерчена имъ роль и значеніе въ ту пору папы Льва I, съ знаменитой легендой о заступничествѣ апостола Петра. Вторая книга повѣствуетъ о состояніи Рима отъ начала владычества короля Одоакра до учрежденія экзархата въ Равеннѣ въ 568 году. Здѣсь есть превосходныя страницы, посвященныя жизни и дѣятельности Теодориха (231—294), такъ благоговѣшаго предъ Римомъ. Онъ выясняетъ и тотъ трагизмъ, который переживалъ Теодорихъ, благодаря своему двойственному положенію, называя его «предтечей» Карла Великаго (292 стр.). Описаніемъ дѣятельности Велизарія и Нарзеса заканчивается I-й томъ.

Второй томъ — пока переведены на русскій языкъ только первые два тома — состоитъ изъ двухъ книгъ. Въ первой (книга III) изображено состояніе Рима отъ начала правленія экзарховъ до начала VIII вѣка. Здѣсь ярко очерчены фигуры папъ Бенедикта I, Целагія II (стр. 3—15), и особенно блестяще написаны страницы, посвященныя дѣятельности папы Григорія I, приводятся отрывки изъ его вдохновенныхъ проповѣдей (34—37 стр.) и выясняется величественный и свѣтлый образъ этого великаго человѣка, и сообщаются легенды о немъ. Дальнѣйшія страницы рисуютъ намъ папъ — Бонифація V, Льва II и др. Вторая книга доводитъ изложеніе до коронованія Карла въ императоры. И здѣсь весь интересъ историка сосредоточенъ на отношеніяхъ между папствомъ и свѣтской властью. Цѣлая глава (VI) знакомитъ насъ съ внутренними условіями жизни Рима и бытомъ римлянъ въ VIII вѣкѣ. Заканчивается этотъ томъ описаніемъ событія 800 года и выясненіемъ того всемірно-историческаго значенія, которое имѣетъ коронованіе Карла Великаго.

Переводъ, въ общемъ, хорошій, но далеко не вездѣ точный. Въ I томъ — множество опечатокъ, о чемъ издатель съ сожалѣніемъ говорить, II томъ изданъ типательно. Новое русское изданіе снабжено очень хорошими иллюстраціями, заимствованными изъ новаго изданія «Исторіи города Рима» на итальянскомъ языкѣ. Въ первомъ томѣ приложены портретъ автора и 79 иллюстрацій, во второмъ — планъ Рима въ эпоху императоровъ и 83 иллюстраціи. Желательно было бы видѣть въ концѣ, по крайней мѣрѣ, біографію Грегоровіуса и научную оцѣнку его труда. П.

Исторія XIX вѣка, проф. Э. Марешала. Спб. 1904.

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько переводныхъ сочиненій по исторіи XIX вѣка. Таковы книги Сеньюбоса, Эндрьюса, Торсое, изъ старыхъ — Файфъ. Главный ихъ недостатокъ — плохое освѣщеніе культурно-соціальной стороны прошлаго вѣка. Трудно еще сказать, какъ формулировать XIX вѣкъ, какъ охарактеризовать его умственную окраску. Шопенгауеръ называлъ его «вѣкомъ философіи», Куно Фишеръ видитъ въ немъ «столѣтіе критики», одни считаютъ его «пропитаннымъ принципомъ борьбы за личность», другіе называютъ XIX вѣкъ историческимъ или соціальнымъ вѣкомъ, а, въ противоположность имъ, нѣкоторые считаютъ его эпохой естествознанія и торжествомъ техники. Несомнѣнно одно: исторіку этого вѣка чрезвычайно трудно разобраться во всей

сложности ушедшаго столѣтія. Только этимъ и можно оправдать недочеты огромной книги Марешала.

Къ сожалѣнію, французскій историкъ измѣлъ неосторожность начать исторію XIX вѣка съ очерка «старой» Франціи. Мысль хорошая, и эта мысль прекрасновыполнена хотя бы въ маленькой книжкѣ Рамбо, гдѣ французскіе порядки до революціи сопоставляются съ тѣмъ, что дала Франціи революція. Тутъ и этого нѣтъ. Идетъ скучное, въ высшей степени наивное, изображеніе французскихъ учрежденій передъ революціей и описаніе самаго хода революціи. Монтескье, идеи котораго важны не только для XVIII вѣка, но и для XIX, отведено всего около 20 строчекъ (а въ книгѣ 1586 стр.), Вольтеръ изображенъ какимъ-то болтуномъ, даже не указано хотя бы, что онъ былъ философъ и представитель идеи просвѣщеннаго абсолютизма. О Руссо сообщаются, послѣ мелкихъ біографическихъ данныхъ, что «страстный—обожатель природы, красоты и добродѣтели, онъ былъ жертвой своего болѣзненнаго воображенія, которое всюду рисовало ему враговъ». И все. Лучше бы совсѣмъ объ этомъ не говорить. Поэтому читатель безъ ущерба можетъ пропустить первыя 14 главъ перваго тома, начавъ чтеніе съ 1815 г. Отсюда и дальше идетъ шаблонное, вытянутое въ одну линію, безъ рельефа, изложеніе политическихъ событій XIX вѣка. Авторъ удѣляетъ нѣсколько страницъ на «литературу, науку, искусство» при Реставраціи (362—378 стр.), но сюда послѣ перечня именъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ писателей вошли и судовые двигатели, и желѣзныя дороги, и газовое освѣщеніе, и маяки. Такимъ образомъ, самое понятіе «реакція» начала XIX вѣка остается совершенно невыясненнымъ. Точно также не затронутъ даже вопросъ о либерализмѣ, его борьбѣ съ реакціей, политическія и соціальныя ученія, индивидуалистическія воззрѣнія экономистовъ и т. д.

Единственнымъ заслуживающимъ большого вниманія въ этомъ почтенномъ трудѣ необходимо считать весь третій томъ, занимающій около $\frac{1}{3}$ всей книги. Онъ посвященъ колоніальной исторіи XIX вѣка—пробѣлъ, который замѣтно чувствуется въ названныхъ выше трудахъ. Марешаль ясно излагаетъ исторію современной Сѣверной Америки, Южной и Центральной, Океаніи, современной Азіи и Африки. Пишетъ онъ хорошо, очень легко, остроумно и, если бы не тяжелый русскій переводъ, то, пропустивъ многія страницы, переполненныя именами, подчасъ добросовѣстно искаженными (см. стр. 297, 298, 299, 300, 301, 302, 1503-1504 и др.), въ русскомъ переводѣ подъ ред. проф. А. С. Трачевскаго,—книгу можно съ пользой прочесть. П. К.—ій.

Анри Мишель. Идея государства. Спб. 1903.

Книга А. Мишеля—одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ по исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи послѣ французской революціи. Эти различныя теоріи рассматриваются имъ съ точки зрѣнія отношеній между государствомъ и личностью.

Въ обширномъ (92 стр.) введеніи Мишель даетъ очеркъ политической литературы XVIII вѣка, рассматривая пониманіе идеи государства у философовъ и политиковъ. Въ XVII вѣкѣ одна изъ характерныхъ чертъ теорій государства во Франціи—отсутствіе личныхъ правъ, которыя могли бы сдерживать власть. Въ этихъ теоріяхъ отсутствовала «человѣчность», которая составляетъ наиболѣе характерную особенность полигическихъ ученій XVIII вѣка. Такое настроеніе отмѣчаетъ авторъ въ сочиненіяхъ Вольтера, энциклопедистовъ и физиократовъ. Всѣ они придаютъ высокое значеніе гуманности, но они не создавали и не провозгласили безусловна равенства между людьми. Они, какъ теоретики просвѣщеннаго абсолютизма, признавали, что всѣ реформы должны быть произведены государствомъ, и упрочили взглядъ на благотѣльное значеніе законодательства: «разумъ замѣнилъ у нихъ небо».

Какъ реакція противъ теорій государства XVII вѣка и теорій просвѣщеннаго абсолютизма, возникло индивидуалистическое движеніе, которое проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Таковы понятія Монтескье, Руссо, Кондорсе, Канта, Адама Смита. Въ основѣ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ доктринъ, какъ доказываетъ Мишле, находилась общая индивидуалистическая идея, проникающая безграничнымъ оптимизмомъ, горячей вѣрой въ прогрессъ. Общія черты философскихъ теорій индивидуалистовъ XVIII вѣка: космополитизмъ и прогрессъ, оптимизмъ и теорія абстрактнаго человѣка, стремящагося организовать рациональное общество, абсолютное довѣріе къ разуму и волѣ человѣка, — Мишель отмѣчаетъ весьма остроумно. Онъ выясняетъ и источники индивидуалистической мысли, рассматривая влияніе картезіанства и христіанства.

Всѣ эти предварительныя соображенія понадобились автору для того, чтобы противопоставить понятіе объ индивидуализмѣ въ XVIII и въ XIX вѣкахъ. Это и есть основная мысль всего труда Мишеля.

Въ первой книгѣ рассматривается реакція во Франціи, Англіи и Германіи противъ индивидуалистическаго принципа въ области философіи и политики. Во второй—та же реакція съ точки зрѣнія экономической и соціальной. Въ первой фигурируетъ: Теократъ, Бенгамъ, Беркъ, Савеньи, Гегель. Во второй—Сень-Симонъ и его школа, Бюше, Леру, Луи-Бланъ, Кабэ, Сисмонди, Бланки. Третья книга, озаглавленная «Индивидуалистическія воззрѣнія въ XIX вѣкѣ», показываетъ, какъ индивидуалистическая идея перешла къ публицистамъ Реставраціи и къ ихъ преемникамъ, умалившись въ рукахъ доктринеровъ, либераловъ и экономистовъ. Здѣсь изложено и ученіе доктринеровъ (Ройе-Колларъ) и либераловъ, демократовъ (Токвиль, Ламартинъ), ортодоксальныхъ экономистовъ, какъ Бастіа; наконецъ, представителей «парадоксальнаго» индивидуализма—Фурье и Прудона. Всѣ они руководили реакціей противъ индивидуализма, обвиняя своихъ противниковъ въ утоцизмъ, а себя считая единственными носителями истинной научной идеи. Это—лучшая часть всего труда Мишеля. Тонко и замѣчательно ясно характеризуетъ онъ какъ отдѣльныхъ представителей реакціи индивидуализму, такъ и школы, державшіяся индивидуалистическихъ воззрѣній.

Четвертая книга, озаглавленная «Научный социализмъ», посвящена критикѣ социологическихъ теорій Огюста Конта, Спенсера и современной социологии, а также критикѣ представителей научнаго социализма, особенно Карла Маркса. Въ своемъ обзорѣ социологическихъ теорій Мишель останавливается на той идеѣ, по которой общество разсматривается, какъ новый организмъ. Съ этой точки зрѣнія онъ отрицательно относится къ социологии, называя такое отношеніе социологии къ обществу и личности плодомъ своего рода бессознательнаго реализма, а такую социологию — весьма грубой метафизикой. Ученіе Конта превосходно изложено у Мишеля. Онъ ясно показалъ антииндивидуалистическій характеръ его доктрины и связь ея съ реакціонными теченіями эпохи.

Въ пятой книгѣ Мишель излагаетъ ученіе Ренувье, выдающагося философа второй половины XIX вѣка, противника идеи общества, и Фулье. Много цѣнныхъ обобщеній, остроумныхъ выводовъ и новыхъ построеній дѣлаютъ книгу Мишеля чрезвычайно богатой по содержанію. Переводъ очень хорошій.

II.

В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Спб. 1904.

Врядъ ли въ современной отечественной литературѣ имѣется писатель, болѣе загадочный, нежели г. Розановъ: одни подозреваютъ въ немъ «византийца» чистой воды, человѣка схоластическаго построения мысли, но съ испорченными инстинктами, другіе видятъ въ немъ новатора, пролагающаго современникамъ невѣдомые дотолѣ пути мышленія, и провозвѣстника поворота въ челоуѣчествѣ отъ ветхаго и затхлаго къ новому, свѣтлому и идеальному. Вотъ почему вокругъ многихъ его работъ часто собирается обширная полемическая литература, и читатели его силошь и рядомъ обращаются въ его корреспондентовъ, несущихъ ему свои сомнѣнія, свои радости и горести. Достоевскій, Л. Толстой, Влад. Соловьевъ становились до извѣстной степени (больше или меньше) въ такія же отношенія къ своей аудиторіи, и учительство, пророчество, какъ у нихъ, такъ и у Розанова являлось по большей части доминирующимъ элементомъ произведеній. У всѣхъ названныхъ писателей проглядываетъ постоянное стремленіе проникнуть въ самую глубь предмета, раскрыть его таинственное, непостижимое, божественное и отсюда сдѣлать строго-логическое непосредственное обобщеніе въ интересахъ морали и поученія на благо и очищеніе челоуѣчества въ его земномъ существованіи.

Паеосъ Достоевскаго, безопадный анализъ Толстого, силлогизмы Соловьева дѣлаютъ ихъ болѣе или менѣе близкими широкому кругу читателей и почитателей. Но не то мы видимъ у г. Розанова: онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы спутать пониманіе своей аудиторіи и предстать передъ нею въ такомъ видѣ, что рѣшительно не понимаешь, смѣется ли онъ надъ своими слушателями, слѣшитъ ли выказать имъ свое пренебреженіе или просто юродствуетъ изъ потребности юродствовать и оригинальничать. Сущность предмета, его тема и форма изложенія у него всегда въ

самомъ непримиримомъ противорѣчїи, такъ что, по большей части, изъ чтенія его произведеній всегда выносишь чувство крайней неудовлетворенности, раздраженія и досады. Передъ читателемъ развертывается тема самая животрепещущая, излагаются мысли чрезвычайно глубокиа, изъ-за которыхъ выглядываетъ доброжелательное чувство и стремленіе автора—такова одна сторона дѣла, и рядомъ съ этимъ безпорядочно нагроможденная куча словъ, вводныхъ предложеній, сравненій и уклоненій въ сторону, то полемическую, то риторическую, то простого набора словъ, концепція которыхъ является положительною загадкою. Иныя фразы и даже страницы положительно непонятны, и нужно громадное напряженіе памяти, фантазїи и простой догадки, чтобы разгадать тѣ ребусы словесности, которые авторъ съ легкимъ сердцемъ или лукавою мыслью живописуетъ. Для него совершенно непонятны требованія внѣшней литературной опрятности и уваженія къ читателю: онъ точно швыряетъ на улицу все то, что у него накопилось и своего и чужого по данному вопросу, а какъ тамъ читатель съ этимъ справится,—ему до того нѣтъ дѣла. Вотъ почему къ г. Розанову легко подходитъ и съ мѣркою строгой и сочувственной критики и съ приемами литературнаго зубоскальства и памфлетныхъ ударовъ. Вышутить г. Розанова, создать по поводу его писаній хлесткій памфлетъ, отъ коего улица будетъ гоготать, нѣтъ ничего легче, и въ его литературной практикѣ такіе пассажи бывали уже неоднократно. И надо сознаться, что въ данныхъ случаяхъ самъ авторъ немалѣнко давалъ тому достаточные поводы, и въ этомъ его великій литературный грѣхъ: онъ чистый предметъ съ божественной печатью на немъ небрежно бросаетъ на поруганіе и вводитъ тѣмъ ближнихъ своихъ въ великое искушеніе. Есть предметы, о коихъ можно говорить только въ подходящей для того формѣ и въ соответствующей обстановкѣ; иначе они будутъ профанированы, загрязнены и оскорблены. Вотъ эту-то профанацію и производитъ часто г. Розановъ надъ темами своихъ литературныхъ и философскихъ изысканій,— профанацію, быть можетъ, вопреки своей волѣ, но, тѣмъ не менѣе, съ отвѣтственностью за дѣлаемое. Отсюда и умаленіе его общественнаго значенія, какъ философа-моралиста, и пониженіе цѣнности трактуемыхъ предметовъ. Подтянись онъ въ отношеніи формы изложенія, работай онъ надъ самимъ собою, памятуя завѣтъ писателя, что со словомъ надо обращаться осторожно,—и самое значеніе и вліяніе его мыслей и произведеній было бы куда и шире, и глубже, и плодотворнѣе. Но, увы, онъ упорно хочетъ быть оригинальнымъ, самобытнымъ à la Розановъ, и отсюда всѣ дефектныя послѣдствія его учительства въ русской журналистикѣ.

Все сказанное о писателѣ въ его общелитературной характеристикѣ одинаково относится и къ настоящей рецензируемой книгѣ: «Въ мірѣ неяснаго и вершшеннаго». Книга сама по себѣ громаднаго общественнаго значенія, книга животрепещущаго интереса и полная глубокихъ мыслей, высокпхъ истинъ и стремленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ это—такая книга, которую на письменномъ столѣ держать нельзя, книга великаго соблазна и юродства. Тема ея—«оцѣломудреніе человѣчества», стремленіе дать читателямъ «почувствовать семью, какъ ступень поднятїя къ Богу». Казалось бы, что

можетъ быть выше и чище такой задачи особенно въ наше время, когда и семья, какъ таковая, въ высшемъ и полномъ значеніи слова, все болѣе теряетъ свое значеніе, и самое исканіе Бога обратилось въ какое-то уродливое и недостойное упражненіе господъ символистовъ и декадентовъ, коимъ, къ слову сказать, г. Розановъ сердечно сочувствуетъ. Такъ вотъ, имѣя передъ собою столь возвышенную задачу, какъ же онъ ее разрѣшаетъ и къ какимъ результатамъ приходитъ? Г. Розановъ, исключительно благодаря своей наивной (другіе полагаютъ, что лукавой) небрежности, создалъ отсюда нѣчто въ высшей степени порнографическое, нѣчто похотливое, пригодное для шевеленія самыхъ низменныхъ инстинктовъ. Заданіе и исполненіе въ данномъ случаѣ разошлись въ разныя стороны, и для критики очень трудная задача помирить и гармонически соединить въ единое цѣлое концы развязавшагося узла. Человѣкъ, философски и литературно подготовленный, сумѣетъ, конечно, выйти изъ труднаго положенія, въ которое его поставилъ авторъ, но масса публики, которую онъ собственно и долженъ бы былъ имѣть въ виду, конечно, собьется съ пути и положитъ весь центръ тяжести своего вниманія тамъ, гдѣ въ произведеніи нѣтъ надлежащихъ литературныхъ и умственныхъ загоронокъ. Масса всегда и вездѣ останется таковою съ ея низменными инстинктами, а г. Розановъ именно въ своей книгѣ, вѣроятно, желая быть особенно оригинальнымъ, усиленно удѣлилъ вниманія и мѣста тому, что щекочетъ эти инстинкты. Альковъ со всѣми интимностями его обихода заслонилъ въ его книгѣ все другое, относящееся къ семейному вопросу, и отсюда весь эффектъ ея въ глазахъ улицы. И напрасно было бы думать, что самъ г. Розановъ, какъ теоретикъ вопроса о семьѣ, тутъ особенно повиненъ, нѣтъ—въ его личномъ теоретическомъ изложеніи альковный вопросъ, пожалуй, и не доминируетъ, но онъ почему-то счелъ долгомъ включать въ свою книгу письма, и притомъ самыя интимныя, своихъ корреспондентовъ, вмѣсто переработки ихъ для надлежащихъ мѣстъ, и отсюда специфическое освѣщеніе книги. Въ книжныхъ магазинахъ можно было наблюдать, что ее покупали исключительно хотя бы ради письма № 21 и притомъ покупали съ предвзятою цѣлью полученія раздражающаго чтенія во вкусъ маркиза Де-Сада и другихъ подобныхъ. Сомнительно, чтобы авторъ сознательно преслѣдовалъ именно эту цѣль, а на дѣлѣ вышло именно такъ. Да что говорить о читателяхъ! И г.г. рецензенты съ особеннымъ удовольствіемъ отиѣтили именно это письмо и тѣмъ самымъ произвели своего рода литературный скандалъ, послѣдствія коего врядъ ли послужатъ къ «оцѣломудренію человечества». Нѣтъ, съ такими приемами учительства далеко не уѣдешь, а если и уѣдешь, то въ такія содомскія страны, куда лучше и не ѣздить. Пусть г. Розановъ объ этомъ хорошенько подумаетъ и взвѣситъ, отбросивъ ложное самолюбіе въ сторону, и пользу и вредъ, которые онъ своими приемами можетъ принести и приносить. Его книги по темамъ, въ нихъ разрабатываемымъ, — не для избранной публики, а для массы. Къ ней-то и необходимо приравниваться, объ ней-то и надо заботиться, иначе введешь и въ грѣхъ и вскушеніе.

В. Глиновіѣ.

«Деятнадцатый Вѣкъ», историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ I. 1904.

Первый томъ «Деятнадцатаго Вѣка» заключаетъ въ себѣ «Souvenirs des voyages» княгини Натальи Ивановны Куракиной, супруги извѣстнаго генераль-прокурора Павловскаго царствованія, князя Алексѣя Борисовича Куракина. Заглавіе этого труда княгини Куракиной не вполне отвѣчаетъ его содержанию: на самомъ дѣлѣ это—дневникъ, который вела она во время своихъ путешествій за границей, ежедневно, по вечерамъ, записывая свои впечатлѣнія. Для русской исторіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, «Souvenirs des voyages» не имѣютъ особаго значенія, но зато прекрасно характеризуютъ автора ихъ, русскую даму высшаго общества конца XVIII и начала XIX вѣка. Получивъ въ блестящій вѣкъ Екатерины западно-европейское, преимущественно французское воспитаніе, княгиня Н. И. Куракина всѣми силами даровитой своей натуры стремилась къ сближенію съ лучшими представителями западно-европейскаго искусства и литературы; въ особенности дорожила она талантами въ области музыки, въ которой сама заявила свои дарованія композиціей цѣлаго ряда романсовъ. Путешествія кн. Натальи Ивановны имѣли цѣлью удовлетворить ея художественные, артистическіе вкусы, расширить ея кругозоръ непосредственнымъ личнымъ знакомствомъ съ произведеніями европейскаго просвѣщенія. Цѣль эта заключалась, такимъ образомъ, въ предѣлахъ личнаго удовлетворенія, личнаго самосовершенствованія даровитой княгини. Результатами этого самосовершенствованія княгиня не могла быть полезна родицѣ, благодаря своему экзотическому воспитанію и духу вѣка, подобно массѣ другихъ даровитыхъ русскихъ аристократокъ, ея современницъ, стремившихся къ тому же личному усовершенствованію иногда на другой почвѣ, напримѣръ, на религіозной. Симпатичная, нѣжная натура княгини Натальи Ивановны, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея «Souvenirs», не могла выносить грубости, некультурности формъ русской жизни и имѣла реакцію; отсюда—желаніе ея быть отъ нихъ подальше, отдохнуть душой за предѣлами Россіи. Въ «Souvenirs» описаны три путешествія княгини: первое продолжалось съ 6 іюня 1816 по 28 февраля 1819 года, второе съ 12-го іюля 1822 по 24 іюля 1824 года и третье—съ 2 іюня 1829 по августъ 1829 года. Только исключительнымъ отчужденіемъ отъ русской жизни можно объяснить себѣ, что дневникъ княгини Натальи Ивановны за время пребыванія въ Россіи представляетъ собою однѣ лишь чистыя страницы, за исключеніемъ небольшого отрывка въ 20 стр., за время съ марта 1820 по апрѣль 1822 года, посвященнаго по преимуществу музыкальнымъ интересамъ княгини. Ни политическая, ни литературная жизнь родины, очевидно, не останавливала на себѣ ея вниманія. Сколько даровъ сердца и ума русскихъ женщинъ того времени исчезали безслѣдно для родины въ жадныхъ попыткахъ слиться культурно съ европейцами! Свѣдѣнія, сообщаемыя кн. Куракиной въ ея «Souvenirs», могутъ имѣть свою цѣну для біографій иностранныхъ литераторовъ и артистовъ, съ которыми она вступала

въ сношеніи. Знаменитая портретистка Виже Лебрень написала для княгини особую автобіографическую замѣтку: «Eponcé de differents bruits importuns», приложенную В. Н. Смольяниновымъ въ концѣ книги.

Съ вышней стороны изданіе «Souvenirs» сдѣлано безукоризненно, предисловіе къ нимъ В. Н. Смольянинова интересно, какъ эпизодическій очеркъ изъ исторіи полурусской, полуфранцузской культуры. Нельзя ничего возразить и противъ замѣны правописанія княгини Натальи Ивановны современнымъ; но было бы весьма и весьма желательно, чтобы въ будущихъ томахъ изданій кн. Куракина, при напечатаніи матеріаловъ, имѣющихъ историческое значеніе, языкъ оригинала оставался нетронутымъ, какъ бы мы ни довѣряли познаніямъ въ русской исторіи «доктора словесныхъ наукъ Сорбонскаго университета, г. Мальнори», взявшаго на себя трудъ передѣлать правописаніе кн. Н. И. Куракиной въ I томѣ «Деятнадцатаго Вѣка».

Евгеній Шумигорскій.

Сборникъ Императорскаго Россійскаго историческаго общества. Томъ сто семнадцатый. Юрьевъ. 1904. Томъ сто восемнадцатый. Спб. 1904.

Томъ 117 представляетъ собою продолженіе бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны и обнимаетъ 1737 годъ. Въ предшествующихъ нашихъ рецензіяхъ мы ознакомили читателей «Историческаго Вѣстника» съ характеромъ этого учрежденія; лежащій передъ нами томъ обнимаетъ текущія дѣла его за указанный годъ.

Большею частью это или частныя ходатайства или различныя административныя неисправности: уклоненія отъ государственныхъ повинностей, злоупотребленія и т. д. Роль кабинета министровъ является двойкой: иногда онъ только подготавливаетъ дѣло для высочайшаго рѣшенія и наводитъ по порученію государыни требующіяся для этого справки, а иногда и самъ рѣшаетъ его согласно съ указомъ предшествовавшаго года, сравнявшимъ рѣшенія, подписанныя тремя кабинетъ-министрами, по силѣ своей съ высочайшими повелѣніями. Вездѣ и на всемъ лежитъ отпечатокъ суроваго и мрачнаго царствованія, который особенно рѣзко сказывается въ резолюціяхъ императрицы. Такъ по поводу ходатайства сената о смягченіи участи офицеровъ, осужденныхъ военнымъ судомъ, онъ пишетъ: «Учинить во всемъ по сентенціи военнаго суда. А представленный отъ военной коллегіи и отъ сената резонъ для облегченія приговореннаго имъ штрафа, а именно, будто пные впервые сію продерзость учинили, не токмо непріличныи, но и удивительныи. Оные впервые въ воровствѣ пойманы, а не впервые и не одинъ разъ, но сіе свое воровство черезъ многие годы, не переставая, продолжали. А что по конфирмаціи сената, сверхъ отъ онаго аиробованнаго облегченія, и полученныхъ взятокъ съ нихъ не взыскивать, — и то еще удивительнѣе того — развѣ нагло нашу казну разворовать не въ воровство вмѣняется?» (стр. 51—52). Подобный же характеръ имѣютъ и другія собственноручныя резолюціи государыни. Подобно тому, какъ профессоръ Градовскій назвалъ доимочную комиссію истинно кабинетскимъ учрежденіемъ,

точно также можно назвать и учрежденную еще в 1730 году канцелярію конфискацій, «которой велѣно имѣть въ своемъ вѣдомствѣ всѣ отписные за вины и за доимки, и за штрафы и выморочныя деревни, земли, дворы, заводы, лавки и всякіе пожитки и товары, какого бы званія ни были, такожъ и тѣ товары и деньги, которые при портовыхъ таможнякъ и акцизныхъ каморахъ и въ другихъ мѣстахъ конфискуются» (стр. 280). Въ это тяжелое время, въ виду постоянныхъ опалъ и преслѣдованій знатныхъ русскихъ фамилій, въ эту канцелярію постоянно должны были стекаться несмѣтныя богатства, а потому лицамъ, засѣдавшимъ въ ней, было чѣмъ поживиться. Въ виду этого, 11 мая 1737 года былъ данъ правительствующему сенату «о безотлагательномъ собраніи и доставленіи въ кабинетъ, во исполненіе прежнихъ указовъ, вѣдомостей объ отписныхъ и конфискованныхъ имуществахъ, о сборѣ доимокъ и штрафовъ, о порядкѣ продажи конфискованныхъ вещей, съ повелѣніемъ быть канцеляріи конфискаціи въ Петербургѣ, а конторѣ ея въ Москвѣ, съ указаніемъ сенату на его упущенія и нерадѣнія по симъ указамъ, а равно и съ подтвержденіемъ о принятіи мѣръ противъ злоупотребленій при конфискаціи имущества» (стр. 280). Въ этомъ указѣ сама государыня такъ изображаетъ происходившія злоупотребленія: «Извѣстно намъ, что въ канцеляріи конфискаціи многимъ пожиткамъ и вещамъ чинятся неправильныя продажи, и только подъ видомъ публичнаго торга, а въ самомъ дѣйствѣ какъ члены нѣкоторые той канцеляріи, такъ и секретари, отбирая лучшія вещи, сами себѣ покупаютъ подлогами, чрезъ подставныхъ купцовъ, за малыя деньги, на ихъ имена, такожъ и другимъ, постороннимъ знатымъ людямъ, и сенатскимъ секретарямъ и прочимъ, угождая и маня, что кому потребно, отбираютъ, также лучшія вещи, на выборъ, и продаютъ за малыя деньги, не допуская вымысленно къ тѣмъ вещамъ и товарамъ знатныхъ купцовъ, и во время публичныхъ торговъ тѣхъ вещей, кто который себѣ отобралъ и назначилъ, въ регистры, какъ надлежало, къ продажѣ не вписывать и въ листахъ, для извѣстія купцамъ, не выставливаютъ и въ тое палату, гдѣ бывають публичныя вещамъ продажи, во время собранія купцовъ не вносятъ, а приносятъ и объявляютъ уже по выходѣ знатныхъ купцовъ, когда только одни лапотники останутся, усматривая такихъ, которые имъ въ томъ мѣшать не будутъ, понеже драгоценнымъ и куріознымъ вещамъ подлые люди сами цѣны не знаютъ, а для того настоящей цѣны на тѣ отобранныя вещи накладывать не могутъ. Что все сенату надлежитъ смотрѣть и предостерегать, и о томъ о семъ наискрѣчайшее запрещать, подтверждая, дабы оная канцелярія, по данной инструкціи и по силѣ нашихъ указовъ, правильно и совѣстно поступала, безъ всякаго пристрастія и вымысленныхъ подлоговъ въ продажѣ тѣхъ конфискованныхъ пожитковъ» (стр. 283). О необходимости пресѣчь эти злоупотребленія императрица повторяла и въ указѣ отъ 15-го марта этого же года, которымъ во главѣ канцеляріи конфискацій былъ поставленъ президентъ коммерцъ-коллегіи, графъ Мусинъ-Пушкинъ; однако не помогало, и безпрестанно повторяющіяся въ это время преслѣдованія противъ различныхъ лицъ за ихъ злоупотребленія давали только поводъ къ новымъ хищеніямъ изъ конфискованныхъ имущества, хищеніямъ, которые совершались самими судьями. Такъ Волынскій, котораго въ указанное время мы видимъ нѣсколько разъ членомъ судебныхъ комиссій, наприимѣръ, о

князь Дм. Мих. Голицынъ (стр. 9) и о бывшемъ вркутскомъ губернаторѣ Жолобовѣ (стр. 149), какъ обнаружилось впоследствии, самъ воспользовался этимъ для своего обогащенія... Прекрасное доказательство безсилія правительства въ борьбѣ противъ злоупотребленій безъ поддержки гласности и общественнаго мнѣнія!

Изъ дѣлъ, напечатанныхъ въ этомъ томѣ сборника, особенно цѣнны документы, относящіеся къ судьбѣ знаменитаго верховника Д. М. Голицына. Князь Д. М. Голицынъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ представителей боярства петровскаго времени. Особенно выдвинулся онъ, занимая должность кievскаго губернатора. Известно, что такое была должность кievскаго губернатора въ это время; это былъ военный агентъ московскаго правительства при малороссійскихъ гетманахъ. Голицыну пришлось занимать эту должность послѣ измѣны Мазепы, и ему было немало случаевъ показать свои дипломатическія способности. Затѣмъ онъ съ честью занималъ отвѣтственныя мѣста президента коммерцъ и каморъ-коллегій. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени: имѣлъ великолѣпную библіотеку, говорилъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, но, при всемъ томъ, всѣ его симпатіи были на сторонѣ допетровской Руси. Вслѣдствіе этого, Петръ Великій не жаловалъ его, не давалъ ему ходу и по преданію пустилъ его въ сенатъ только по просьбѣ Екатерины, сказавъ при этомъ такую пророческую фразу: «для тебя, Катенька, это дѣлаю, но много зла надѣлаетъ этотъ чловѣкъ и тебѣ и твоему потомству!...». И дѣйствительно, въ знаменитомъ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта, Голицынъ первый подалъ мысль устранить Елизавету Петровну отъ престола, какъ незаконнорожденную, и выбрать Анну Иоанновну, стѣснивъ ея власть извѣстными кондиціями. Поэтому, когда попытка верховниковъ не удалась, Голицынъ, естественно, сталъ persona ingrata для новаго правительства, которое, впрочемъ, долго не рѣшалось преслѣдовать его въ виду его общественнаго значенія и нарядило надъ нимъ судъ только въ 1737 году, когда почувствовало подъ собою уже крѣпкую почву. Поводомъ послужило совершенно незначительное обстоятельство — поведеніе Голицына въ дѣлѣ князя Кантемира съ его мачехой. Указъ императрицы объ этомъ сенату былъ составленъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. «Понеже, — читаемъ мы въ немъ, — по слѣдствію въ нашемъ вышнемъ судѣ, князь Дмитрій Голицынъ явился не токмо предъ нами и государствомъ, но и предъ самимъ Богомъ въ важныхъ преступленіяхъ, которыя, какъ по закону Божію, такъ и по правамъ гражданскимъ, терпимы быть не могутъ, того ради указали мы его, князя Дмитрія, судить по государственнымъ правамъ и указамъ, въ сенатѣ кабинетному министру, сенаторамъ, вышняго суда членамъ, обще съ генералитетомъ и флагманами, и съ коллежскими президентами и членами, которымъ при семъ прилагается рескриптъ, и о преступленіяхъ его, князь Дмитріевыхъ, эстрактъ; и засѣдать имъ въ томъ судѣ всѣмъ по своимъ рангамъ. А что по тому суду будетъ определено, подписавъ сентенцію, для нашего разсмотрѣнія и апробаціи подать намъ» (стр. 8). Приговоръ комиссіи, которой было передано дѣло Голицына, вполне соответствовалъ указу государыни. Вотъ какъ исчислялись въ немъ его преступленія: «1) онъ, князь Дмитрій,

будучи сенаторомъ, не ужасаясь страшнаго суда Божія, богопротивно сказали, что будто совѣтъ подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго, вѣдая, что судъ гражданскій — судъ Божій есть; 2) когда онъ, князь Дмитрій, призванъ былъ въ вышній судъ къ отвѣту, то не токмо такіа Богу противныя слова подтвердилъ, но сверхъ того дерзостно предъ судомъ говорилъ, что когда бы изъ ада сатана къ нему пришелъ, то бы, хотя онъ предъ Богомъ и погрѣшилъ, однакоже и съ нимъ бы для пользы своей совѣтовалъ и совѣтовъ отъ него требовалъ и принималъ; 3) присланныя къ нему изъ Москвы доношенія, подлежащія для поданія въ сенатъ, закрывая происки свои, у себя удержалъ и утаилъ, и прочія преступленія чинилъ, и указы противнымъ образомъ толковалъ...» (стр. 9). И ни слова о настоящемъ преступленіи князя! Хотя всѣ исчисленныя преступленія князя, если ихъ можно назвать преступленіями, вообще были крайне неопредѣленны, тѣмъ не менѣе комиссія приговорила князя къ смерти съ отписаніемъ всѣхъ его имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ на ея императорское величество. Государыня смягчила этотъ приговоръ: «По вышеописанной сентенціи генеральнаго суда князь Дмитрій Голицынъ по всѣмъ государственнымъ правиламъ и указамъ смертной казни хотя достоинъ, однакожъ мы, наше императорское величество, по высочайшему нашему милосердію, смертью казнить его, князь Дмитрія, не указали, а повелѣваемъ послать его въ ссылку въ Шлютельбургъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ» (*ibidem*). Голицынъ умеръ въ заключеніи 16-го апрѣля 1737 года (стр. 222). И судили этого вельможу не ненавистные иностранцы, которыхъ дѣлаютъ отвѣтственными за всѣ бѣдствія этого тяжелаго времени, а свои же русскіе люди, изъ которыхъ многіе были питомцами Петра Великаго, какъ Неплюевъ и Волынской. Знаменитый «курляндскій конюхъ» въ напечатанныхъ дѣлахъ встрѣчается только одинъ разъ, да и то по совсѣмъ ничтожному поводу (стр. 661), хотя, правда, ясно вырисовывается фигура другого иностранца, который умѣлъ всегда оставаться въ тѣни, — Остермана. Въ это время онъ, безъ сомнѣнія, ворочалъ всѣмъ... Какъ видно по ненапечатаннымъ матеріаламъ къ исторіи кабинета министровъ, дѣла иностранной политики почти совершенно не поступали въ это учрежденіе: ихъ вѣдала всецѣло иностранная коллегія, которой Остерманъ управлялъ, какъ канцлеръ... Въ самомъ кабинетѣ онъ дѣлилъ вліяніе со слабымъ и ничтожнымъ княземъ Черкасскимъ, и нужно отдать справедливостъ такту Остермана!.. Онъ всегда удачно уклонялся отъ участія въ судебныхъ комиссіяхъ, такъ что впоследствии смѣло могъ утверждать, что не погубилъ ни Голицына, ни Долгорукихъ... Въ то время, какъ русскіе не стѣснялись просить государыню пожаловать ихъ чѣмъ нибудь изъ имущества казенныхъ вельможъ, Остерманъ ни разу не унижился до этого...

Дѣло круто измѣнилось, когда въ составъ кабинета министровъ вошелъ знаменитый Волынской, о чемъ мы надѣемся говорить въ будущемъ, по поводу слѣдующихъ томовъ сборника, а теперь пока пожелаемъ успѣха профессору Филиппову, издающему дѣла кабинета министровъ, въ его работѣ весьма нелегкой, при богатствѣ матеріаловъ, относящихся къ этому учрежденію, которые разбросаны во всѣхъ нашихъ архивахъ. Въ разсмотрѣнномъ нами томѣ напечатаны, какъ и въ предшествующихъ, дѣла архива сената; въ слѣдую-

щихъ мы надѣемся увидѣть въ печати дѣла, которыя мы встрѣчали во' множествѣ въ архивахъ министерства двора, юстиціи, государственномъ и иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

Томъ 118 сборника занять политической перепиской Екатерины II за 1772 и 1773 годы. Раздѣлъ Польши, монархическій переворотъ въ Швеціи, посылки примиренія съ Турціей на Фокшанскомъ, а затѣмъ на Бухарестскомъ конгрессахъ и заботы объ установлеши «независимости Крыма» — таковы главные предметы ея. Во всѣхъ этихъ странахъ, какъ извѣстно, государыня поддерживала самую противомонархическія начала. Въ Польшѣ она всячески противилась усиленію власти короля и уничтоженію знаменитаго *liberum veto*; монархическій переворотъ, произведенный въ Швеціи Густавомъ-Адольфомъ противъ господствовавшей тамъ дворянской олигархіи, вызываетъ страшное неудовольствіе ея и стремленіе всячески противодействовать этому. Но всего интереснѣе была политика ея въ отношеніи Крыма, который, во что бы то ни стало, императрица старалась «освободить» отъ Турціи, для того, чтобы затѣмъ прибрать его къ рукамъ. Нашимъ агентамъ на полуостровѣ всячески предписывалось внушить татарамъ любовь къ «независимости». «Желательно, писалъ графъ Панинъ одному изъ претендентовъ на ханскій престолъ, чтобы при первомъ случаѣ, когда крымскіе начальники пособіемъ торжествующаго ея императорскаго величества оружія увидѣли себя свободными, и въ состояніи возстановить потерянную отечества своего верховную и независимую власть, избраніе на ханство пало и склонилось на васъ, какъ достойную особу высшей власти, по вашимъ заслугамъ и усердію къ отечеству и отмѣнной вашей прозорливости и прочимъ качествамъ достохвальнымъ; но ежели тогда сего не воспослѣдовало, а напротивъ того, по единогласному крымскихъ чиновъ соглашенію, ханское достоинство получилъ братъ вашъ, а между тѣмъ и съ высочайшей ея императорскаго величества стороны торжественно въ томъ признанъ, равно съ торжественнымъ же и точнымъ представленіемъ крымскому правительству и будущимъ на ханство избраній изъ вашей Чингисской фамиліи, по древнимъ татарскихъ народовъ законамъ и обыкновеніямъ, къ совершенной независимости и безъ всякаго посторонняго посредства, и наконецъ и между предъявленными, со стороны Всероссійской имперіи, Портѣ Оттоманской кондичіями, на какихъ миръ съ ней заключенъ быть не можетъ, одну изъ первѣйшихъ составляетъ сіе самое требованіе, чтобъ Порты, по примѣру здѣшнему, Крымъ со всѣми тамошними жителями и народами Ногайскими признала областю независимую и хана крымскаго, брата вашего, верховнымъ и самовластнымъ владѣтелемъ такъ, какъ и будущимъ по немъ преемниковъ: то при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ всякое нынѣ новое предпріятіе, въ разсужденіи внутренняго области татарской правительства, и было бѣ ужъ совсѣмъ вопреки сихъ положеній и настоятельствъ, со всѣмъ свойственнымъ обрядомъ свѣту ознаменованныхъ, да и могло бы произвести новыя хлопоты, заботы и затруднительства въ совершеніи съ Портою мира, который, напротивъ того, по прошествіи нынѣшней кампаніи и при продолжаемомъ отъ Всевышняго благословеніи на оружіе ея императорскаго величества, надѣяться надобно, и получить свою дѣйствительность, къ существенной татарскихъ народовъ пользѣ и выгодамъ, во всѣ будущіе вѣка простирающимся» (стр. 434).

По поводу казни извѣстнаго Струэнзе, Екатерина писала Панину: «Мое мнѣніе есть, что если датчане дозволятъ своему слабому государю разговѣться и кровь проливать единожды, то онъ имъ всѣмъ, а, по крайней мѣрѣ, многимъ, голову переѣчетъ; напишите сіе съ первой почтой къ Местмахеру» (русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ) (стр. 24). Такимъ образомъ, вполне подтверждается мнѣніе Сорреля о томъ, что французская революція вполне заимствовала свои приемы отъ представителей стараго порядка.

Поддерживая подданныхъ противъ государей, Екатерина не упускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы выставить себя защитницей угнетенныхъ и подчеркнуть свое великодушіе. Такъ въ проектѣ плана для поведенія трехъ министровъ въ Польшѣ (т.-е. русскаго, австрійскаго и прусскаго) она вычеркиваетъ послѣднюю статью, гдѣ говорится о неприятныхъ для союзныхъ правительствъ лицахъ, и пишетъ на поляхъ: «J'ai effacé tout cet appendice parce que je hais de fondation toutes les persecutions personnelles et que je les trouve basses et méprisables et au dessous de moi; l'ame de Catherine Seconde n'en souffrira jamais, parce qu'elle les abhorre» (я вычеркнула все это мѣсто, потому что я рѣшительно ненавижу всякія преслѣдованія личностей, и я ихъ нахожу низкими, презрѣнными и недостойными меня; душа Екатерины Второй не потерпитъ ихъ, потому что она чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, стр. 357). За то въ свою очередь «сѣверная Семирамида» не допускаетъ мысли, чтобы ея подданные были ею недовольны: «Что же вы въ томъ увѣрены, — писала она фельдмаршалу Румянцеву, — что клевета неприкосновенна моему слуху, что, пишетъ вы, испытали собственнымъ вашимъ примѣромъ, удерживаясь пять лѣтъ въ вашемъ посту, сіе служить къ моему удовольствію, ибо вижу, что вы справедливо мыслите о моемъ прямодушіи и можете быть увѣрены, что я сузу по дѣламъ, а неприятелей того или другого не вѣдаю; да мнѣ до нихъ и дѣла нѣтъ, или бы дѣла мои съ усѣхомъ. Употребляю же я людей по власти, мнѣ отъ Бога врученной, какъ благополезно мнѣ, по совѣсти моей предъ Создателемъ и сходственнымъ съ честью, пользою и славою имперіи за нужно разсудится. По мѣрѣ сей опредѣляю я имъ награжденіе и содержанія по заслугамъ передо мною и по моей во всемъ благоудности, въ чемъ паки васъ старлю свидѣтелемъ, да и всю армію, ибо я отъ перваго до послѣдняго наградила знатною прибавкою жалованья недавно. И такъ всѣ въ семъ случаѣ могущія произойти неудовольствія и роптанія, отъ кого бы то ни было, суть несправедливы и уваженія не заслуживаютъ, а еще менѣе должны они вамъ пріятствіе наносить въ вашихъ предпріятіяхъ теперешнихъ и будущихъ» (стр. 465). Слова очень характерныя для такой представительницы просвѣщеннаго абсолютизма, какъ Екатерина Вторая.

Въ отношеніи редакціи томъ 118 не оставляетъ желать ничего лучшаго: темныхъ мѣстъ въ документахъ мы совсѣмъ не встрѣтили. Вездѣ старательно указано, откуда они заимствованы (большинство ихъ взято изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, небольшое количество изъ здѣшняго государственнаго). Наконецъ очень старательно составленъ указатель собственныхъ именъ, чего нельзя сказать о многихъ изъ предшествовавшихъ томовъ. Мы посоветовали бы только сопровождать французскіе тексты попрежнему русскими переводами.

В. Отрзовъ.

Е. К. Рѣдинъ. Лицевыя рукописи собранія графа А. С. Уварова. Псалтирь XVII вѣка и 1548 года.

Автору удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ рукописей собранія графа Уварова, хранящагося въ селѣ Порѣчье; часть этихъ богатыхъ рукописей, представляющихъ богатый матеріалъ для исторіи древнерусскаго искусства, уже была изучена и издана, но большинство ихъ еще неизвѣстно. Многія изъ нихъ относятся къ различнымъ видамъ и отдѣламъ русской письменности, имѣвшимъ въ ту или иную эпоху наибольшую популяриность, при чемъ особенное значеніе пріобрѣтали иллюстраціи, приложенныя къ памятникамъ, какъ живые образы, доступные и понятные для всѣхъ. Въ собраніи особенно много лицевыхъ рукописей Ветхаго Заѣта, Новаго Заѣта, Іоанна Лѣствичника, житій святыхъ, синодиковъ, апокалипсисовъ, святцевъ и отдѣльныхъ сочиненій, какъ-то: поучительныхъ притчъ, легендъ, сказаній и т. п.

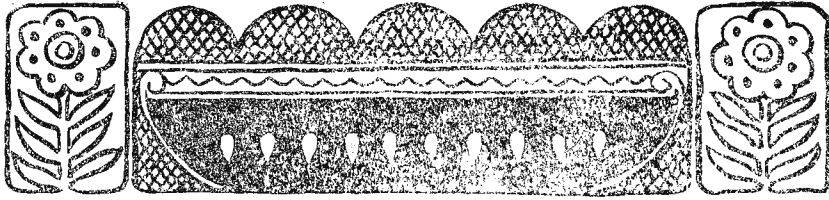
Г. Рѣдинъ познакомился со многими изъ этихъ рукописей и сдѣлалъ относительно нѣкоторыхъ краткія замѣчанія въ XX томѣ «Древностей», выпедшія теперь въ качествѣ отдѣльной, самостоятельной брошюры.

Авторъ разбираетъ лицевую псалтирь повѣствовательной редакціи XVII вѣка и лицевую псалтирь редакціи по каѳизмамъ 1548 года. Въ первой рукописи, главнымъ образомъ, вниманіе сосредоточивается на миниатюрахъ, которыми украшена исторія псалтири; эти миниатюры сдѣланы небрежно и представляютъ собою работу плохого мастера по хорошимъ образцамъ; какъ показатель движенія искусства, эта рукопись не болѣе, какъ паденіе искусства, поэтому она возбуждаетъ интересъ лишь, какъ представитель особой редакціи иллюстрацій псалтири: это — повѣствовательная, принимающая во вниманіе почти исключительно исторію псалма, надписаніе надъ нимъ и иногда только принимающая во вниманіе толкованіе, прообразы.

Что касается иллюстрацій къ псалтири 1548 года, то онѣ на отдѣльныхъ листахъ представляютъ сложную композицію на основаніи толкованій, и какъ поученіе, а не простую иллюстрацію; тутъ много прообразовательныхъ сопоставленій ветхозавѣтныхъ сценъ съ новозавѣтными. И съ этой стороны миниатюры весьма интересны и важны, потому что представляютъ результатъ внимательнаго отношенія къ тексту, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ прототипы въ византийскомъ искусствѣ, а въ другихъ и притомъ болѣею частью—плодъ самостоятельной компановки. Каждая миниатюра иллюстрируетъ каѳизмы, и такимъ образомъ данную псалтирь можно отнести къ самостоятельной редакціи—толковой по каѳизмамъ. Во многихъ миниатюрахъ на первомъ планѣ идейность, колоритъ—нѣсколько мутный, фоны—бѣлые, золота нигдѣ нѣтъ, при многочисленности фигуръ въ композиціи лица и одежды совсѣмъ не выписаны.

Въ заключеніи авторъ приходитъ къ выводу, что главною темой иллюстрацій служить прообразъ Новаго Заѣта въ Ветхомъ, и по идеѣ эти миниатюры можно сравнить съ Палеей, имѣвшей полемическій характеръ — ту же цѣль оправданія Новаго Заѣта.

Н. Л.—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПЕРУАНСКІЯ археологическія раскопки. Археологическія раскопки въ Южной Америкѣ, произведенныя за послѣдніе годы членомъ американскаго археологическаго музея, Бэнделеромъ, и его женою, дали прекрасныя плоды, о которыхъ вкратцѣ рассказываетъ д-ръ Латушь-Тревиль въ «La Revue»¹⁾. Раскопки производились на западномъ берегу Перу и на высокомъ плоскогорьѣ Боливин, главнымъ центрѣ, гдѣ еще до открытія Америки, въ началѣ XI вѣка, развивалась цивилизованная жизнь, созданная инками, родоначальникомъ которыхъ былъ Манко Копакъ, «Сынъ Солнца». Когда испанецъ Пизарро со своими спутниками высадился въ Тумбезѣ, то эта цивилизація приходила уже въ упадокъ; испанцы же уничтожили ее окончательно, и не только имперія инковъ совершенно исчезла, но оустошенія, произведенныя ими, стерли съ лица земли всѣ признаки этой цивилизаціи. «Варварство солдатъ, — говоритъ авторъ, — и фанатизмъ миссіонеровъ, соединившись вмѣстѣ, уничтожили все славное прошедшее». Мунезь, а затѣмъ Прескотъ, воспользовавшійся собранными документами первымъ, восстановили лѣтописи Сынновъ Солнца и теократическаго правленія Копаконъ, которое длилось съ Манко до жестокихъ казней Атагуаины. «Исторія завоеванія Перу» Прескота первая бросаетъ свѣтъ на эту интересную эпоху, Геррера же и Лоренте дополнили этотъ трудъ. Послѣ нихъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, болѣе специально изучали перуанскія древности Чуди и Риверо, что предшествовало археологическимъ изысканіямъ, которыя теперь разрослись. Главнымъ образомъ Бэнделеръ обратилъ свое вниманіе на кладбища, въ виду того, что у всѣхъ народовъ, вѣрованія которыхъ проникнуты суевѣрнымъ ува-

¹⁾ Les révélations de l'archéologie Péruvienne, par D-r Latouche-Tréville. «La Revue». 1 Mai 1804.

женіемъ къ неизвѣстному и боязню «того свѣта», культъ къ мертвымъ былъ связанъ съ будущимъ существованіемъ и служилъ для нихъ одной изъ основъ какъ политики, такъ и религіи. Такимъ образомъ, изысканія на кладбищахъ давали богатый матеріалъ, какъ относительно нравовъ перуанскаго народа, такъ и его вѣрованій. Вѣря въ догматъ пережитія, инки принимали всѣ предосторожности для предохраненія своихъ покойниковъ отъ стихійныхъ явленій. Перуанцы выбрали для своихъ некрополей сухія мѣстности, чтобы предохранить тѣла отъ разложенія, а такъ какъ они пользовались каждымъ удобнымъ клочкомъ земли для обработки, то кладбища устраивались почти всегда въ пустыняхъ, когда народъ селился на берегу, или на краю крутыхъ утесовъ, если онъ селился на плоскогорьѣ Андовъ. Обыкновенно, трупы раскладывали группами, по одному тѣлу или по нѣскольку въ круглыхъ или четырехугольныхъ рвахъ, глубиною отъ 60 сантиментровъ до 4 метровъ. Они прикрывались сплетеннымъ тростникомъ, чтобы не попадалъ на нихъ песокъ. По вещамъ, лежащимъ около покойниковъ, и по повязкамъ, которыми они были обернуты, можно узнать общественное положеніе покойника. Эти вещи знакомятъ также съ мѣстнымъ производствомъ той эпохи. Такъ видно, что инки сдѣлали большіе успѣхи относительно тканья матеріи и украшенія ихъ вышивками. Большинство мумій было въ своей обычной одеждѣ, пончо, которая оставалась имъ для «посмертнаго странствованія», при чемъ не забывали класть возлѣ небольшой мѣшокъ съ кожи или другою пищею, чтобы они не голодали. Обыкновенно, тѣла находили сидящими на корточкахъ — положеніе, которое принимали древніе перуанцы во время отдыха, а положеніе вѣчнаго покоя должно быть тождественно съ тѣмъ, какое принималось при жизни. Предметы, находившіеся возлѣ покойника, свидѣтельствовали объ образѣ его земной жизни, и даже бѣдные не были лишены этихъ воспоминаній. Многія дѣти лежали въ своихъ колыбеляхъ, держа въ рукахъ постѣдную игрушку. Возлѣ нѣкоторыхъ женщинъ находилась тростниковая корзина, въ которой лежала шерсть, принадлежности, служившія для шитья, а также гребни или другіе предметы дамскаго обихода. Тамъ же открыли цѣлый ткацкій станокъ. Въ большинствѣ случаевъ рабочія корзины заключаютъ богато украшенное деревянное веретено, выкрашенное въ разнообразныя краски, или украшенное рѣзьбою. Нѣкоторыя матеріи сохранили весь блескъ своихъ красокъ, и многія изъ нихъ не хуже самыхъ красивыхъ современныхъ тканей, а относительно фигуръ птицъ, животныхъ и геометрическихъ рисунковъ они могутъ соперничать съ обюссонами и даже гобеленами. Ковры чаще всего дѣлались изъ альпага или вигони. Особенность перуанскихъ мумій состояла въ томъ, что къ нимъ придѣлывалась искусственная голова, набитая морскою травою и листьями. Глаза, ротъ и губы обозначались бѣлой ниткой, а носъ дѣлался деревянный, часто выкрашенный въ бѣлый цвѣтъ. Иногда придѣлывали къ ней вмѣсто природнаго носа искусно вырѣзанный мѣдный или золотой. Цвѣтъ лица изображался слоемъ краски — голубой или желтой, а волосы замѣнялись длинными волокнами, выкрашенными въ коричневый цвѣтъ. Эти фальшивыя головы прикрѣплялись къ тѣлу посредствомъ повязокъ. Судя по громадному количеству найденныхъ глиняныхъ издѣлій, видно, что гончарное производство было у

нихъ въ большомъ ходу, а по разнообразнымъ формамъ вазъ можно судить о большомъ артистическомъ талантѣ перуанцевъ. На вазахъ изображены различные эпизоды изъ семейной жизни и обычаевъ. Глиняные предметы окрашивались въ черный и красный цвѣтъ, а самые красивые въ коричневый и сѣрый. Нѣкоторыя вазы плоской формы, иныя конической или яйцеобразной; къ послѣднимъ дѣлались подставки изъ обожженной глины. Самые богатые глиняныя вещи производились въ окрестностяхъ Сузко. Изысканными считались тѣ, на которыхъ артистъ изоощрялся изобразить животныхъ или людей. Самыми странными изъ нихъ, и въ то же время лучшей работы, считаются портреты прибрежныхъ индѣйцевъ. Бэнделеръ нашелъ одинъ предметъ въ такомъ родѣ, съ изображеннымъ индѣйцемъ, въ его лѣвой рукѣ находится щитъ, сдѣланный изъ кожи ламы, къ которому придѣланы короткіе дровтики, а въ правой—сѣкира. Оружіемъ перуанцамъ служили также пращъ, палица и копье. На глиняныхъ издѣліяхъ одинаково изображали животныхъ, на которыхъ охотились: четвероногихъ, птицъ и рыбъ. Среди нихъ чаще всего попадались, водящіеся въ Андахъ, кондоры, которые изображались держащими въ когтяхъ какую нибудь добычу. Г-жа Бэнделеръ нашла вазу, на которой представлена лама, а возлѣ нея заснувшій ребенокъ, прижавшійся къ ея гривѣ и обнявшій ее за шею, чтобы выразить къ ней нѣжность и въ то же время согрѣться. Перу во время инковъ, повидимому, изобиловало и серебромъ и золотомъ; изслѣдователи привезли нѣсколько сотенъ статуэтокъ, религіозныя и женскія украшенія, ожерелья изъ золотыхъ шариковъ въ половину и цѣлый сантиметръ въ поперечникѣ, большіе серебряные кубки, въ тридцать сантиметровъ вышины, или золотые меньшей величины, украшенные какъ тѣ, такъ и другіе портретами, браслеты изъ цѣльнаго золота или серебра, символическія фигуры изъ цѣльнаго серебра, золотыя или серебряныя ламы, которыя были положены въ могилы вмѣсто самого принесеннаго въ жертву животнаго. Золото собиралось почти тѣмъ же способомъ какъ теперь въ золотосносныхъ мѣстностяхъ, но нѣсколько первобытно въ горныхъ потокахъ и въ теченіи рѣкъ, которыя брали тамъ свое начало. Очевидно, перуанцамъ былъ извѣстенъ способъ промывки золота. Что касается серебра, то онѣ добывали его, подвергая плавленію въ небольшой печи, искусно устроенной на открытомъ воздухѣ. Мѣдь, бывшая также въ большомъ употребленіи, подвергалась подобному же извлеченію. Какъ извѣстно, области Бэйллора, Пальнадераса, Монтеса, Клароса, Карабая и т. д. изобилуютъ золотомъ, серебромъ и мѣдью такъ же, какъ и цѣнь горъ Паско; кромѣ того, острова, наполняющіе озеро Титикако, богаты остатками архитектуры, еще не изученной, а потому археологамъ предстоитъ немало работы въ Перу, тѣмъ болѣе, что съ матеріальной стороны, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ не будетъ задержки, такъ какъ супруги Бэнделеръ получили денежныя пособія отъ американскаго музея естественныхъ наукъ.

— Заговоръ противъ короля Генриха IV. Во второмъ майскомъ номерѣ «La Revue» Божаръ-Дюранъ помѣстилъ найденную въ Британскомъ музеѣ еще неизвѣстную¹⁾ переписку англійскаго посланника Эдмонса съ Сень-

¹⁾ Un complot contre le roi Henri IV, par Beauguard-Durand. «La Revue», 15 Mai 1904.

Соверомъ, освѣтившую новымъ свѣтомъ одну страничку исторіи, именно заговоръ, составленный маркизой Вернейль противъ французскаго короля Генриха IV. Французскій король Генрихъ IV, или, какъ его прозвали солдаты, — король храбрыхъ, Европа — великій, а женщины за его любовныя похождения — *roi Vert-Galant*, родился въ замкѣ По, въ 1553 г. и былъ сыномъ Антуана Бурбона, герцога Вандома и Жанны Альбрэ, королевы Наваррской. Женившись, ради церковнаго мира, на Маргаритѣ Валуа, сестрѣ Карла X, онъ продолжалъ заводить любовныя интриги, несмотря на политическія дѣла, и, между прочимъ, влюбился въ Габріэль д'Эстрэ, маркизу де Монсо. Уже находясь съ нимъ въ любовной связи, она вышла замужъ за Николая Амерваля, но вскорѣ съ нимъ разсталась и совершенно перешла къ королю. Послѣ рожденія сына, Цезаря Вандома, она выхлопотала себѣ уничтоженіе брака. Видя, что король ее любитъ, она задумала сдѣлаться его женою, и съ 1598 г. Генрихъ IV сталъ хлопотать о расторженіи своего брака съ Маргаритой Валуа. Но Габріэль не дождалась этого брака, и умерла внезапно, въ послѣднемъ періодѣ беременности. Ея смерть вызвала подозрѣнія и огорчила короля. Впрочемъ, жизнерадостный Генрихъ IV, котораго не даромъ упрекали въ слишкомъ сильномъ увлеченіи любовными интригами, вскорѣ послѣ смерти любовницы утѣшился новой красавицей — Генріэтой Антрагъ, дочерью любовницы Карла IX — Маріи Тушэ. По словамъ Мишлэ, Генріэта Антрагъ была живой, красивой женщиной, остроумной, хитрой и насмѣшливой, никого не щадившей, тѣмъ менѣе короля, и его болное пресыщенное сердце (такъ какъ только что умерла Габріэль д'Эстрэ) ожило отъ ея уколовъ. Генрихъ IV нашелъ ее забавной, веселой, очаровательной, и дѣйствительно, онъ никогда ничего не видалъ болѣе французскаго. Разсчитывая посягаться и поселиться, онъ не на шутку въ нее влюбился. Но красавица не такъ просто отдалась королю: она долго торговалась, пока не выговорила себѣ 100.000 экю чистыми деньгами и обѣщаніе жениться, если у нея родится сынъ. Король такъ былъ ею увлеченъ, что письменно обѣщался жениться на ней въ шестимѣсячный срокъ, какъ это видно изъ документа, сохранившагося въ Національной бібліотекѣ, и сдѣлалъ ее, нѣкоторое время спустя, маркизой Вернейль. Дѣйствительно Генрихъ IV вскорѣ женился, но на Маріи Медичи. Между женой и любовницей начался безконечныя ссоры. Обманутая любовница только и думала, что о мести, и замыслила такой заговоръ совмѣстно съ своимъ незаконнымъ братомъ, графомъ Овернъ, и отцемъ, г-номъ Антрагъ, какого не бывало во все время царствованія Генриха IV. Въ письмѣ Сенъ-Совера къ кавалеру Томасу Эдмондсу, написанному въ концѣ декабря 1604 г., говорится: «Я вамъ скажу, что графа Оверна, г-на Антрага и маркизу Вернейль обвиняютъ въ совѣщаніи о заговорѣ убить короля, королеву, дофина и его сестру и въ то же время объ отосланіи маркизы и ея сына въ Камбрэ; что испанскій король долженъ взять ихъ подъ свое покровительство и, въ случаѣ сопротивленія, послать армію въ сорокъ тысячъ человекъ во Францію, чтобы, заставить призвать маленькаго маркиза королемъ. Это покушеніе на особу короля должно совершиться, когда онъ отправится въ Вернейль къ маркизѣ. Говорятъ, будто маркиза, считая, что король ни даетъ ни ей, ни ея дѣтямъ никакого повышенія, а королева начинаетъ обращаться съ нею такъ жестоко,

что она чувствуетъ недовольство, жаловалась отцу и брату, упрекая ихъ за то, что они были причиною непрерывнаго позора какъ ея, такъ и своего. Это заставило ее рѣшиться искать средствъ обезпечить свою будущность, и для достиженія этого она отправила обѣщаніе и брачный контрактъ короля, передавъ герцогу Леноксу для представленія ихъ англійскому королю, отвѣтившему, что онъ не можетъ въ это вмѣшиваться. Услышавъ это, они бросились въ объятія испанскаго короля. Такъ говорятъ одни; другіе говорятъ иначе. Королева, которая не могла смотрѣть одобрительно, какъ другая открыто отнимаетъ у нея то, что она считаетъ принадлежащимъ ей, не преминула дунуть, чтобы разжечь огонь своей страсти, и не теряла времени, чтобы одержать верхъ въ дѣлѣ, которое она считала годнымъ, чтобы прогнать маркизу. Надо было найти средство, чтобы внушить королю отвращеніе къ любви, которую онъ питаетъ къ маркизѣ, такъ какъ иначе не будетъ никакого порядка. Тогда признали, что у нея надменное сердце, и что ея языкъ скорѣе откровенный, чѣмъ сдержанный, что она хвасталась своей грубостью въ отношеніяхъ съ королемъ, и что ея разговоръ былъ разукрашенъ угрозами, а не нѣжностями. Было рѣшено, что этимъ надо взять короля, и то, что король любилъ въ ней болѣе всего (откровенность ея разговора), должно послужить основой ея гибели. Надо сдѣлать этотъ разговоръ подозрительнымъ для короля, но для достиженія этого, необходимо употребить много ловкости, чтобы обмануть мнѣніе и любовь короля. Не надо королевѣ первой говорить объ этомъ, ни даже совѣту, изъ боязни подозрѣнія. Въ ходъ пустили придворныя интриги, пасквили и городскіе слухи, которые породили ненависть между графомъ Суассономъ и графомъ Оверномъ, а затѣмъ между графомъ Суассономъ и Рони». Вся впа въ этомъ падала на маркизу, такъ какъ ея брата и ее вмѣшали въ эти сидетни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, королю стали, мало-по-малу, наговаривать, что частыя посѣщенія маркизы должны быть опасны, и есть много странныхъ исторій, свидѣтельствующихъ, что подобныя дѣла производили большое зло. Съ другой стороны, пускали слухъ, что она рождаетъ много дѣтей для разведенія нищихъ послѣ смерти короля, который существуетъ лишь искусственно, что она одна плохо устроила свои дѣла, и ея отецъ и братъ не получили никакого повышенія. Эти слухи разсердили ее, и на заискиванія короля она ничего не хотѣла слышать и отвѣчала, что если бы онъ сдержалъ слово, то она была бы королевой, а безъ этого увѣренія она не снизошла бы на его желаніе. Это была разставленная ей западня, въ которую она попалась. Совѣтъ воспользовался случаемъ, чтобы указать королю, что такія слова гибельны для дофина. Въ это время ея братъ, графъ Овернъ, удалился въ свои владѣнія, по случаю ссоры съ графомъ Суассономъ. Король требовалъ его, но онъ не возвращался. Между тѣмъ, старый Морганъ, подозрѣваемый въ частыхъ посѣщеніяхъ испанскаго посланника и отца маркизы, Антрага, былъ заключенъ въ Бастилію. Братъ маркизы былъ объ этомъ извѣщенъ и написалъ королю письмо, извинаясь, что не можетъ, благодаря различнымъ дѣламъ, пріѣхать ко двору. Въ отвѣтъ на это король настаивалъ на его пріѣздѣ, но графъ Овернъ оиять просилъ короля разрѣшить ему не являться ко двору и умолялъ вѣрить, что онъ его преданный слуга. Тогда рѣшили, что опасно его пугать, а надо лучше заманить. Затѣмъ послали за

Антрагомъ и принудили его возвратить контрактъ на бракъ короля съ маркизой, за чтѣ ему было обѣщано обезпечить жизнь, потомъ его отослали домой. Въ то же время, по настоянію королевы и совѣта, король покинулъ маркизу, обѣщая никогда болѣе ея не видать. Дѣйствительно, нѣкоторое время спустя, онъ избралъ себѣ въ любовницы сестру графа Сансерръ, которую предварительно выдалъ замужъ за Сэзи, двоюроднаго брата Бомона, за чтѣ далъ ему графство Морэ, двѣ тысячи экю пенсін и сорокъ тысячъ экю на руки. Тѣмъ временемъ хитростью удалось захватить графа Оверна и заключить сначала въ Бастилію, а затѣмъ въ Консьержери при дворцѣ, гдѣ для него была отведена отдѣльная комната. Морганъ уже находился тамъ и съ нимъ прекрасно обращался королевскій комендантъ, рассчитывавшій воспользоваться его услугами. Отецъ маркизы былъ тоже туда помѣщенъ, а маркиза находилась подъ надзоромъ. Слугъ ея отпустили, оставивъ лишь простую прислужницу, и въ ея комнатѣ снала стража. Ее такъ же хотѣли вести въ Консьержери, но когда она узнала, то пришла въ отчаяніе. «Противъ нихъ сильно дѣйствуютъ,—пишетъ Сень-Соверъ посланнику.—Я думаю, что на этой недѣлѣ сильно подвинуть ихъ дѣло. Всѣ того мнѣнія, что они умрутъ. Королева выказываетъ себя очень бдительной, побуждая правосудіе и также совѣтъ исполнить свой долгъ. Тѣмъ не менѣе, они все еще поддерживаютъ свою невинность. Что касается маркизы и ея отца, они не требуютъ, чтобы ихъ не судили, но просятъ только, чтобы имъ дали справедливыхъ судей. Дѣйствительно, ничего еще не доказано противъ нихъ достовѣрнаго, такъ какъ не найдено никакого письма, написаннаго ихъ рукою и доказывающаго то, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Я узналъ, будто она говорить, что признаетъ недоброжелательство королевы противъ нея и ея дѣтей, и потому рѣшилась искать мѣсто, гдѣ бы могла быть съ ними въ безопасности. Но что она ничего не замышляла ни противъ особы короля, ни противъ дофина, что все это было ложно, и что подобное недоброжелательство не входило ей въ мысль, и она думаетъ, что ея отецъ никогда не согрѣшалъ въ этомъ отношеніи. Но если замышляютъ подъ этимъ предлогомъ лишить ее жизни, то она рѣшилась добровольно умереть, думая, что нѣтъ лучшаго повода, ради котораго она умерла бы, такъ какъ это было бы подтвержденіемъ подлинности брачнаго условія и законности рожденія въ бракъ сына, которымъ будетъ располагать Богъ, согласно его предначертанію. Такимъ образомъ, она утѣшается въ своемъ заключеніи. Она очень желаетъ имѣть возможность говорить съ королемъ, но у нея нѣтъ никого, кто оказалъ бы ей эту услугу, такъ какъ очень вѣроятно, что если бы она могла говорить съ нимъ, то онъ еще не настолько лишился любви, которую къ ней питалъ, чтобы не соболѣзновать ей. Но вотъ вамъ колесо Фортуны. Когда она была въ благоденствіи, то не было недостатка въ ухаживателяхъ, которые посредствомъ нея часто получали отъ короля милости, но теперь нѣтъ никого, кто осмѣлился бы говорить о ней. Это не значить, что нѣтъ никого, кто бы безконечно не сожалѣлъ о ея несчастіи. Королева отправилась сегодня къ предсѣдателю, и завтра, я думаю, палата соберется для постановленія приговора. Я не премину первый сообщить вамъ, каковы будутъ послѣдствія этого дѣла». Конецъ этой трагедіи извѣстенъ. Графа Оверна и отца маркизы, Антрага, присудили къ смерти, но король замѣнилъ

это рѣшеніе пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Маркизу король не приказалъ задерживать до болѣе подробнаго изслѣдованія дѣла, а чрезъ семь мѣсяцевъ король объявилъ, что болѣе нѣтъ повода преслѣдовать маркизу, и отправилъ ей «милостивый манифестъ». Она еще нѣсколько разъ была замѣшана въ интриги Испаніи, и когда умеръ король отъ кинжала Равальяка, подозрѣнія пали на нее, и раздались голоса, обвиняющіе ее. Однако, съ неизмѣнимомъ доказательствъ, маркиза спокойно продолжала наслаждаться любовными похождениями и умерла въ 1633 году.

— Сельскій дворянинъ-писатель XVII вѣка. Благодаря романистамъ и драматургамъ, дворяне эпохи Людовика XIII представляются нашему воображенію буйными, хвастунами, бретерами, при всякомъ случаѣ, вынимающими изъ ноженъ шпаги, волокитами, всегда готовыми на похождения и похищенія, бахвалами и вральманами, подвигающими себѣ усы, разгуливающими въ шляпахъ съ перьями, въ развѣвающейся курткѣ и широкихъ сапогахъ со шпорами. Такимъ образомъ они представляли какую-то особую, оригинальную расу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности подобныхъ типовъ было меньшинство, большинство же состояло изъ людей спокойныхъ, честныхъ и не столь безумно веселыхъ, характеръ и нравы которыхъ прекрасно очерчиваетъ Луи Арну въ своей новой книгѣ ¹⁾. Они жили спокойно въ своихъ замкахъ, присматривая за фермерами, наблюдая за скотомъ, исполняя долгъ владѣльцевъ, съ любовью судили и наказывали, каждое воскресенье присутствовали у обѣдни и постѣщали безъ снесь съ добродушнымъ видомъ мѣстные празднества. Нѣкоторые изъ нихъ зимою собирались въ провинціальныхъ горѣдахъ, но большинство проводило круглый годъ въ своихъ замкахъ и представляло главный элементъ сельскаго населенія той эпохи. Ихъ основательно построенные замки, со старыми стѣнами и острокопечными крышами, окаймленные сельскими постройками: конюшнями, хлѣвами, гумнами, жилищами фермеровъ и овчарнями, — были окружены плодовыми садами и оградами. Въ самомъ жилищѣ съ толстыми стѣнами, съ баулами изъ дубоваго дерева, сундуками, кроватями съ пологами, стульями съ локотниками и скамьями жили вмѣстѣ, запросто господа и слуги. Жизнь протекала у нихъ просто: въ кухонномъ чадѣ раздавались крики слугъ и служанокъ, нищіе воршки входили, когда дверь была не заперта, и расноряжались, какъ дома, если ихъ не выгоняли. Въ ту эпоху задачей средней руки дворянина было сдѣлаться придворнымъ нажемъ или офицеромъ и совершить походъ. Въ случаѣ неудачи оставалось одно спасеніе — удалиться въ свой замокъ отъ уколовъ самолюбія въ придворной жизни и разочарованія на военномъ поприщѣ. Въ этомъ случаѣ деревня дѣнилась, какъ лучшее убѣжище, гдѣ они оканчивали свое существованіе, обыкновенно въ тяжбѣ. Однимъ изъ представителей подобныхъ дворянъ, выведеннымъ Луи-Арну, былъ Оноре-де-Бюейель, владѣлецъ Ракава, маленькой мѣстности, находившейся на границѣ Менъ и Анжу. Лѣнивый, мечтательный, всегда разсѣянный, съ блуждающими глазами, немного веловкій и тяжеловатый, онъ былъ нажемъ Генриха IV. Его напность и недостатокъ выговора (онъ не выговаривалъ ни р ни с) дѣлали

¹⁾ Honorat de Bueil, seigneur de Racan, par Louis Arnould. Paris. 1904.

его смѣшнымъ. Жизнь пажка проходила въ игрѣ, винѣ и любви, и товарищи рѣшили, что Раканъ не научится жить. Король заботился, чтобы вѣтренные ему пажи воспитывались нравственно, и для этого они должны были ежедневно ходить къ обѣднѣ и проводить время въ «добродѣтели и въ честныхъ занятіяхъ», не позволяя въ домѣ короля никакихъ наглостей, что не мѣшало юношамъ имѣть предъ глазами дурные примѣры. Надъ Раканомъ товарищи слегка насмѣхались, но это не мѣшало ему жаждать любви и положенія великаго полководца. Однако, ему не хватало многого, чтобы исполнилось его желаніе, и онъ не имѣлъ уснѣха. Тогда онъ принялся за сочиненіе стиховъ, которые со многихъ сторонъ напоминаютъ Ламартина, и хотя ему не доставало генія, но среди второстепенныхъ писателей онъ былъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ. Ему давалъ уроки Малербъ, сдѣлавшійся его другомъ. Когда онъ окончилъ свое воспитаніе пажка, то изучалъ въ Калэ военное ремесло, подъ начальствомъ Ви, способнаго воина, которому Марія Медичи поручала часто своихъ пажей. Въ то время войны были гражданскія,—короткія, безсмысленныя, не имѣющія крупнаго военнаго интереса, и могли легко опротивѣть. Существованіе во время нихъ было суровое, приходилось отказывать себѣ во всемъ, имѣть крѣпкое здоровье и сумѣть сдерживать солдатъ, набранныхъ изъ различнаго отребья, настоящихъ разбойниковъ, удовольствіе которыхъ состояло въ убіиствахъ, насиліяхъ, воровствѣ и поджогахъ. Слабый, мечтательный Раканъ, неспособный на сильный трудъ и не имѣвшій возможности чисто произносить команды, очутился въ очень плачевномъ положеніи. Потеривъ неудачу и въ этомъ, Раканъ, оставивъ жажду побѣдъ и битвъ, попробовалъ счастье въ любви. Онъ любилъ платонически, совершенно иначе, какъ его товарищи, цинично, безъ угрызеній совѣсти мѣнявшіе свою любовь. Раканъ полюбилъ даму высшего общества,—г-жу Термъ, и слагалъ въ честь ея, издали, въ полголоса, со слезами на глазахъ, прекрасные и томные стихи. Это длилось болѣе десяти лѣтъ. Дама насмѣхалась надъ нимъ, и Малербъ стыдилъ его съ обычнымъ здравымъ смысломъ за эту романическую страсть, въ которой «было слишкомъ много литературы и не входило крупинки дѣйствительности». Затѣмъ г-жа Термъ овдовѣла и отправилась разсѣяться въ Бургундію съ третьимъ лицомъ. Раканъ понялъ, что ошибался, предоставилъ своему сердцу оплакивать и пришелъ въ отчаяніе, что обманывался во всемъ, и ничто не удавалось ему. Онъ удалился въ отцовскій замокъ, въ свою провинцію, гдѣ женился на шестнадцатилѣтней сосѣдкѣ Магдалинѣ Дюбуа. Тамъ онъ выстроилъ красивый замокъ, еще и теперь существующій. Но онъ не походилъ на прежніе сельскіе замки, а представлялъ простое, но изящное жилище, напоминавшее тѣ красивые замки, которые любили маркизы временъ Людовика XV. Раканъ занимался своимъ домомъ, воспитывалъ пятерыхъ дѣтей, исполнялъ обязанности мѣстнаго владѣльца и защищалъ свои дворянскія права. Его жена, добродѣтельная мать семейства, посѣщала бѣдныхъ, крестила деревенскихъ дѣтей и вышивала украшенія для маленькой церкви своего прихода. Ихъ любили и уважали за радушіе, память о нихъ долго сохранялась въ странѣ. Но онъ, Раканъ, не былъ исключеніемъ. Многіе дворяне той эпохи жили такимъ образомъ, и находившіеся при дворѣ представляли небольшую горсть. Все-таки сельскимъ дворянамъ

приходилось являться на зовъ короля, когда дѣло шло о войнѣ, и Раканъ не избѣжалъ этой участи. Онъ являлся на многіе призывы, но не добился славы и едва достигъ чина поручика, хотя уже былъ сѣдой. Наконецъ, въ пятьдесятъ лѣтъ онъ окончательно покинулъ военную службу. Одиночество и спокойствіе природы сдѣлали его религіознымъ. Легкомысленные разговоры придворныхъ не отвлекали Ракана отъ его долга и замѣнились бесѣдами съ настоятелемъ сосѣдняго монастыря или сельскимъ священникомъ. Чтеніемъ для него служило священное писаніе, и онъ переводилъ псалмы стихами, хотя этотъ переводъ былъ нѣсколько свободный, но въ немъ было чувство; онъ его назвалъ священныя оды. Потерпѣвъ неудачи на поприщѣ придворномъ, военномъ и любовномъ, онъ былъ вознагражденъ литературной славой: французская академія сдѣлала его однимъ изъ первыхъ членовъ, и послѣ Малерба онъ былъ самымъ знаменитымъ поэтомъ половины семнадцатаго вѣка, хотя его литературный запасъ былъ не изъ крупныхъ. Казалось, что онъ добился прекраснаго конца и спокойно могъ наслаждаться на закатѣ жизни въ своемъ положеніи помѣщика, владѣльца, отца семейства, поэта и члена академіи. Однако, ему не хватало существеннѣйшей главы въ жизни той эпохи—тяжбы, разоренія и наложенія запрещенія на имущество. Въ какомъ положеніи находились въ XIII вѣкѣ до конца стараго режима дворяне, можно убѣдиться, посѣтивъ національный архивъ во дворцѣ Субизъ и увидѣвъ почтенное собраніе нетронутыхъ протоколовъ парижскаго парламента. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается, когда посѣдишь кладовыя судебной палаты въ Тулузѣ и судебныя архивы. Здѣсь сохранились не только описи, но даже самыя дѣла, въ количествѣ 80.000. Родители оставляли дѣтямъ небольшое состояніе, плохо управляя имъ. Тогда было въ модѣ не заботиться о своихъ дѣлахъ, и образчикомъ того положенія служить слѣдующій разговоръ: «Сударь,—говорилъ король одному крупному вельможѣ,—кажется, у васъ 500.000 экю долгу!»—«Государь, я освѣдомлюсь у моего управляющаго и буду имѣть счастье дать отчетъ вашему величеству». Раканъ былъ въ такомъ же положеніи; герцогиня Беллегардъ, его родственница оставила ему наслѣдство, но это послужило источникомъ безконечныхъ процессовъ. Среди множества его кредиторовъ былъ одинъ недобросовѣстный челоувѣкъ, сознававшій свою несправедливость, но боровшійся самъ противъ своего разоренія и захватившійся за эту тяжбу. Родовое имѣніе Ракана улетучивалось; красивый замокъ его принесъ ему долгу до 60.000 ливровъ, такъ какъ онъ невѣрно рассчиталъ и никогда не покрылъ эту передержку. Затѣмъ, желая выдать дочерей замужъ, онъ обѣщалъ приданое, котораго не выплатилъ. Кромѣ того, чтобы занять почетное положеніе, онъ жертвовалъ на дѣла благотворительности, и долги росли. На несчастье одинъ его зять, болѣе неумолимый, чѣмъ другіе, сталъ требовать обѣщанное приданое, выходилъ изъ себя и прислалъ къ Ракану судебного пристава. Преслѣдуемый судебнымъ порядкомъ, удрученный горемъ и осаждаемый со всѣхъ сторонъ, несчастный поэтъ кончилъ тѣмъ, что остался безъ ничего, такъ какъ на его имѣніе наложили запрещеніе. Несчастному Ракану было въ это время восемьдесятъ лѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ одинъ, гдѣ покинутый всѣми не могъ долго протянуть своего существованія и 21-го

января 1670 г. умеръ одинокимъ, заброшеннымъ, не видя возлѣ себя ни одного своего ребенка. Впрочемъ, не всѣ дворяне той эпохи кончали такъ плачевно. Нѣкоторые вели безконечные процессы и выходили изъ нихъ благополучно. Они имѣли долги, но имъ удавалось ихъ затягивать или освобождаться отъ нихъ. Крупные дворяне, не стыдясь, заставляли короля давать имъ денегъ; царедворцы играли въ карты, менѣе добросовѣстные пользовались гражданскими войнами и наживались. Денежный вопросъ вносилъ въ жизнь какъ высшаго класса, такъ и низшаго грубую прозу, оставлявшую далеко позади себя красивые романы. Если они и бывали, то совершенно обыкновенные, чаще же ихъ совсѣмъ не бывало. Какъ большинство ихъ отцовъ, дворяне жили въ своихъ замкахъ благоденствія, исполняя долгъ семьяниновъ, хорошихъ подданныхъ, «носившихъ въ своемъ сердцѣ лилію», хорошихъ помѣщиковъ, обращавшихся мягко съ крестьянами, образцовыхъ мужей и внимательныхъ отцовъ. Такимъ образомъ живописные дворяне XVII вѣка, которыхъ рисовали романисты, представляли лишь малую часть французскихъ дворянъ.

— Украшатель собора Богоматери. Французскій историкъ Пьеръ Сегюр¹⁾ посвятилъ цѣлыхъ три тома знаменитому побѣдителю, или, какъ его прозвали принцъ Конти: «Украшателю собора Богоматери» (*Le tapisserie de Notre Dame*)—Франсуа Монморанси-Буттвиллю, герцогу и маршалу Люксембургу. Первый томъ относится къ его юности, второй—къ его походамъ противъ Вильгельма Оранскаго, отъ Аахенскаго мира въ 1668 году до Нимвегенскаго въ 1678 году, а третій, только что появившійся, подъ названіемъ: «Украшатель собора Богоматери»—къ концу эпопеи, съ которою связано имя маршала Люксембурга. Взявъ во вниманіе, что всѣ событія во Франціи той эпохи были тѣсно связаны съ именемъ маршала, и говоря о немъ, невольно приходится упоминать объ его знаменитыхъ современникахъ, неудивительно, что Пьеръ Сегюръ написалъ о немъ цѣлыхъ три тома, освѣтивъ новымъ свѣтомъ вѣкъ Людовика XIV. Люксембургъ родился въ 1628 году во время царствованія Людовика XIII, которое мало знакомо публикѣ. Отецъ будущаго маршала, Буттвилль, дуэлистъ, какъ его прозвали, погибъ на эшафотѣ за то, что нарушилъ постановленіе о поединкахъ. Его вдова осталась одна съ двумя дѣтьми, беременная третьимъ, увидѣвшимъ свѣтъ вскорѣ послѣ смерти отца. Этотъ послѣдній ребенокъ былъ знаменитый маршалъ Люксембургъ, жизнь котораго сложилась полная бурь. Другъ Великаго Кондэ, который ему покровительствовалъ, пріятель всѣхъ сколько нибудь знаменитыхъ людей при королевскомъ дворѣ, онъ, казалось, долженъ былъ собирать лишь самые прекрасные цвѣты существованія и извлекать лучшія выгоды, какія ему обезпечивало его знатное происхожденіе. Еще юношей онъ участвовалъ въ борьбѣ Фронды и, не желая разлучаться съ Кондэ, дѣйствовалъ съ нимъ противъ Мазарини. Его приговорили къ смерти, но помиловали, когда миръ съ Испаніей положилъ конецъ войнѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался самымъ преданнымъ защитникомъ протившаго его короля. Его первыя военныя попытки столь очевидно показали замѣчательныя качества воина и полководца, что онъ не замедлилъ получить

¹⁾ *Le tapisserie de Notre Dame, par Pierre Ségur.*
«истор. вѣстн.», июнь, 1904 г., т. хvii.

командованіе полкомъ. Съ каждымъ днемъ онъ выказывалъ, все болѣе и болѣе, свой гениальный талантъ и дошелъ до званія маршала Франціи послѣ смерти Тюренна; смерть же Кондэ принесла ему званіе генералиссимуса. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ достигъ вершины славы, но это не было его концомъ. Благодаря своимъ успѣхамъ, онъ нажилъ себѣ враговъ, и попавшись въ дѣлѣ объ отравѣхъ, былъ заключенъ въ Бастилію, несмотря на всѣ его заслуги. Черезъ шесть мѣсяцевъ строгаго заключенія, во время котораго ему пришлось перенести немало униженій, онъ былъ наконецъ освобожденъ, но съ условіемъ—удалиться въ свое имѣніе. Однако это изгнаніе длилось не долго; король вспомнилъ о немъ, когда надо было выставить достойнаго врага принцу Оранскому. Опять Люксембургъ одерживалъ побѣды за побѣдами въ Флерю, въ Лепцѣ, въ Штейнкирхенѣ и Нервинденѣ. Во Франціи было принято украшать захваченными у непріятели знаменами соборъ Богоматери. Люксембургъ доставлялъ ихъ въ такомъ количествѣ, что когда, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1693 года въ соборѣ находился весь дворъ и городъ для празднованія побѣды подъ Марселемъ, и явившійся невзрачный маршалъ Люксембургъ не могъ протолкаться впередъ, то увидавшій маршала его адъютантъ, принцъ Конти, племянникъ Кондэ, воскликнулъ: «Мѣсто украшателю собора Богоматери!» Всѣ почтительно разступились предъ маленькимъ, тщедушнымъ, горбатымъ, невзрачнымъ, морщинистымъ старикомъ и это названіе осталось навсегда за нимъ. Долго ждалъ маршалъ Люксембургъ, оказавшій своей родинѣ столько блестящихъ услугъ, литературнаго памятника своей славы, и, наконецъ, его воздвигнулъ Пьеръ Сегюръ въ своемъ трехтомномъ трудѣ.

— Маркиза Помпадуръ. Исторія вступила за послѣдніе годы, въ періодъ детальныхъ разработокъ прежняго матеріала, которыя неизбѣжно влекутъ за собою иногда совершенно иную окраску той или другой исторической личности, обѣляя или придавая ей мрачную окраску. Въ особенности во Франціи замѣчается это явленіе, и преобладающей окраской является свѣтлая. Время ли сглаживаетъ все, и прежнія страсти ослабѣваютъ, оставляя вмѣсто себя болѣе спокойное, безпристрастное сужденіе, или отчасти оттого, что невозможно повторять одинъ и тотъ же портретъ, не измѣняя даже освѣщенія, вслѣдствіе чего приходится отыскивать новые документы, бросающіе иной свѣтъ на данную историческую личность. Совсѣмъ дурныхъ или совсѣмъ хорошихъ людей нѣтъ, а потому прежде всего историки замѣчаютъ бросающіеся въ глаза черты или факты, оставляя своимъ потомкамъ болѣе слабые, которые черезъ много лѣтъ являются для историковъ чѣмъ-то новымъ и на столько сильнымъ, что вызываютъ ихъ на новые выводы.

Къ числу послѣднихъ явленій можно отнести и появившуюся въ Парижѣ книгу Нольяка ¹⁾: «Людовикъ XV и г-жа Помпадуръ». Въ своей блестящей біографіи г-жи Помпадуръ Гонкуры говорили: «Пусть потомство поступаетъ, какъ смерть; пусть оно лишаетъ г-жу Помпадуръ ея высокаго положенія; пусть оно отнимаетъ торжество ея прелестей, ореолъ ея скандала, и, не допуская себя испытывать раздражающей и чувственной привлекательности

¹⁾ Louis XV et m-me de Pompadour, par Pierre de Nolhac, Paris. 1904.

личности фаворитки, не останавливаясь предъ этой незаконной порфирой, предъ этимъ лучемъ величія, который бросаютъ короли на свою любовь, пусть оно откинетъ всѣ занѣсы и проникнетъ до женщины,—и женщина появится, какъ рѣдкій образецъ нравственнаго безобразія». Впослѣдствіи Фредерикъ Массонъ напечаталъ мемуары Берни, и портретъ маркизы уже явился въ болѣе привлекательномъ видѣ. Авторъ говорилъ: «У маркизы не было ни одного большого порока тщеславной женщины, но она имѣла всѣ мелкія слабости и легкомысліе женщинъ, опьяненныхъ своимъ лицомъ и превосходствомъ своего ума; она дѣлала зло, не будучи злой, а добро по склонности; ея дружба была, какъ любовь, ревнива, легкомысленна, непостоянна и никогда не обезпечена». Эти слова были произнесены человѣкомъ, который былъ обязанъ, какъ своимъ возвышеніемъ, такъ и паденіемъ маркизѣ Помпадуръ, а потому есть основанія признавать ихъ болѣе безпристрастными, чѣмъ сужденія Гонкуровъ. Нольякъ идетъ еще далѣе: «Расчеты маркизы Помпадуръ совѣмъ не были безчестны,—говоритъ онъ,—ихъ внушала ей гордость, а не интересъ. Она была недобросовѣтна, но не подла. Ея помогала совѣтами мать очень опытная, благодаря своему красивому лицу и прелести своего ума. Затѣмъ маркиза обезпечила и защищала завоеванное силой такта и дипломатіи положеніе, была сурова съ врагами, но ея капризы не были жестоки. Она не была ни злопамятной, ни недоброжелательной. Она всегда смягчала блескъ своего скандальнаго возвышенія со стараніемъ, въ которое входила, безъ сомнѣнія, осторожность, но также и что-то въ родѣ природной чуткости—врожденное чувство мѣры. Она выказывала вкусъ не только, когда выбирала артистовъ для устройства развлеченій и убранства замковъ, но примѣняла его даже къ интригамъ. Ея воспитаніе очистило ее отъ простолоудинства, такъ какъ у нея были самые извѣстные учителя, наиболѣе годные для подготовленія къ ея роли. Она училась вести разговоръ у г-жи Жоффренъ, музыкъ—у Жельотта; Крепилльонъ и Вольтеръ развили въ ней сужденія о литературѣ, а Гонто и Берни научили ея придворному обращенію. Но этихъ уроковъ было недостаточно для превращенія «*saï-lette du roi*» въ придворную даму. Она начала совершать неловкости, выражать любовь похвальную, но вѣсколько излишнюю къ своимъ родителямъ: она слишкомъ говорила о своихъ родителяхъ, а это лишь ободряло другихъ вести разговоры о Пуассонахъ. Она замѣтила эту неловкость и, оставаясь попрежнему хорошей матерью, дочерью и сестрою, выражала менѣе свои изліянія. Иногда она была слишкомъ тороплива, но вскорѣ поняла опасность выказывать посяишность. Ея поведеніе относительно королевы—образецъ ловкости, но также образецъ вкуса. Когда въ 1752 году, послѣ шестилѣтней связи съ королемъ, которая за послѣдніе годы прерывалась его безконечными измѣнами, маркиза Помпадуръ уже не была болѣе его любовницей и переселилась изъ второго этажа Версаля въ апартаменты, гдѣ жила Монтеспанъ послѣ паденія ея могущества, и дофинъ сталъ къ ней менѣе суровъ, она сдѣлалась герцогиней, а, вѣсколько лѣтъ спустя, заняла табуретъ придворной дамы и со дня представленія королевы выражала къ ней уступчивую униженность, совершенно обезоружившую Марію Лещивскую. Маркиза старалась при каждомъ удобномъ случаѣ «не только дать доказательство своего уваженія къ королевы,

но доставлять все, что только ей было приятно». Ея стараніе стоило ей нѣкоторыхъ неудачъ, но она скоро умѣла оправиться. Королева приглашала ее къ себѣ обѣдать и играть въ шахматы; когда наступала часъ отправляться ужинать съ королемъ въ «Кабинеты», маркиза просила у королевы разрѣшенія оставить игру, и Марія Лещинская говорила ей просто: «Отправляйтесь!» Эти отношенія довольно странны, но современники объясняли ихъ великодушіемъ королевы. Нольякъ приводитъ много доказательствъ сердечной чуткости маркизы Помпадуръ: «Ее плохо знали,—говоритъ онъ,—если забыли, что она уважала и развивала въ себѣ непосредственно послѣ страсти къ королю любовь къ семьѣ. Ея нѣжность простиралась и на королеву: она посылала ей любимые ея цѣты и время отъ времени уговаривала Людовика XV платить благотворительные долги королевы. Враги маркизы Помпадуръ старались поссорить ее съ королевой, дофиномъ и его женою. «Королеву настроили противъ меня,—писала маркиза,—судите о моемъ отчаяніи. Меня, которая отдала бы за нее жизни!» Принцъ Круа, хорошо знавшій ее и очевидно принадлежавшій къ ея сторонникамъ, писалъ: «Король былъ разбитъ постоянными путешествіями, въ которыхъ онъ искалъ развлеченія, и въ которыхъ маркиза не щадила для этого ни заботъ, ни расходовъ. Впрочемъ была добрая, ловкая и когда хотѣли говорить о невѣрности короля, всѣ были за нее, такъ какъ если уже «нужна была такая», то были болѣе довольны ею, чѣмъ другими, которыхъ опасались, какъ худшихъ. Въ чемъ ее можно было упрекнуть, такъ это въ значительныхъ расходахъ на пустяки и въ разстройствѣ, причиняемомъ этимъ финансамъ. Все остальное говоритъ въ ея пользу: она покровительствовала искусству и въ общемъ дѣлала добро и никакого зла». Слѣдовательно, если не маркиза Помпадуръ, то была бы на ея мѣстѣ другая, и съ этимъ мирился дворъ и королева. Что касается ея расходовъ, дѣлавшихъ ее ненавистной народу, то она объясняла коротко. «Это увеселяло короля, а потому на это нечего сказать, и утѣшалась тѣмъ, что публика отдастъ ей справедливость». Нольякъ скользитъ, не останавливаясь долго на финансовомъ вопросѣ, вѣроятно, чтобы не испортить впечатлѣнія. Однако онъ старается нѣсколько смягчить слишкомъ густыя краски предшествовавшихъ ему писателей, наложенныя на изображеніе родителей маркизы.

— Графъ Ферзенъ и Варенъ. Въ послѣднее время на парижскихъ сценахъ вошло въ моду ставить псевдо-историческія пьесы, въ которыхъ декорации, костюмы, вся обстановка до мелочей вѣрны исторіи, но этимъ и кончается сходство съ исторіей. Всѣ дѣйствующія лица: крупныя и мелкія историческія личности, — ничего болѣе, какъ безжизненныя куклы. Историческія сцены до точности вѣрны, но главное въ этихъ пьесахъ нѣтъ ни живыхъ людей, ни живой души. Несмотря на это, онѣ пользуются значительнымъ успѣхомъ, особенно, если главную роль въ нихъ играетъ выдающаяся актриса, какъ Сара Бернаръ или г-жа Режанъ. Подобная пьеса, не имѣющая въ литературномъ и театральномъ отношеніи никакого значенія, не только возбуждаетъ шумъ въ бульварномъ Парижѣ, но производитъ значительное впечатлѣніе въ современной литературѣ. Всѣ французскіе газеты и журналы переполнены статьями не столько о самихъ пьесахъ, сколько объ ихъ сюжетахъ. Такъ въ настоящее

время дающаяся на сценѣ театра Сары Бернаръ пьеса «Вареннъ» Анри Лаведана и Жоржа Ленотра породила цѣлый рядъ всевозможныхъ очерковъ, замѣтокъ и даже обширныхъ монографій. Всего замѣчательнѣе помѣщенный въ «Figaro» историкомъ Полемъ Голо этюдъ ¹⁾ о графѣ Ферзенѣ, однимъ изъ героевъ бѣгства изъ Версаля въ Вареннъ Людовика XVI со своимъ семействомъ, и подробная ²⁾ монографія Жоржа Ленотра, помѣщенная въ трехъ номерахъ «Revue des deux mondes» подъ названіемъ «Возвращеніе изъ Варенна». Авторъ послѣдняго труда, въ то же время и одинъ изъ сочинителей пресловутой пьесы, какъ бы хотѣлъ загладить свою драматическую стряпню серіозной исторической работой по тому же предмету. Что же касается до самой пьесы, то она не хуже и не лучше подобнаго рода сценическаго винигрета, а потому и не заслуживаетъ отзыва о ней, а скажемъ только нѣсколько словъ объ историческихъ произведеніяхъ по ея поводу. Въ очеркѣ Голо очень рельефно выведенъ любопытный образъ знаменитаго шведа съ меланхолическими голубыми глазами и сердцемъ, пылающимъ любовью къ Маріи-Антуанетѣ. Онъ прибылъ въ Парижъ въ 1774 году девятнадцатилѣтнимъ юношей и по уши влюбился въ Марію-Антуанету, въ то время жену дофина. Когда она сдѣлалась королевой, то его любовь приняла еще болѣе страстный характеръ. Мало-по-малу, при дворѣ стали говорить объ этомъ, и графъ Крейцъ писалъ шведскому королю: «Я долженъ сообщить вашему величеству, что Ферзенъ пользуется такимъ вниманіемъ королевы, что во многихъ это возбудило подозрѣніе. Признаюсь, я не могу не засвидѣтельствовать, что она имѣетъ склонность къ нему; я видѣлъ такіе признаки ея чувства къ нему, что не могу въ этомъ сомнѣваться». Ферзенъ понялъ опасность и отправился воевать въ Америку, но по возвращеніи съ ореоломъ славы ихъ отношенія сдѣлались еще ближе. Произведенный Людовикомъ XVI въ командиры королевскаго шведскаго полка и получивъ отъ Густава III-го порученіе быть тайнымъ агентомъ, Ферзенъ остался при французскомъ дворѣ въ двухъ должностяхъ. Это были самые счастливые дни, проведенные молодыми людьми въ уединенномъ Трианонѣ. Но они продолжались недолго. Уже въ 1787 г. Ферзенъ началъ опасаться, что политическая гроза приближается. Въ роковыя октябрскіе дни онъ былъ въ Версалѣ подлѣ королевы и во время переѣзда королевской семьи въ Парижъ находился въ свитѣ Людовика XVI. Съ этой минуты онъ всячески старался составить планъ королевскаго бѣгства. Отъѣздъ въ Вареннъ былъ придуманъ и устроенъ имъ: онъ заказалъ каретнику знаменитый четырехмѣстный берлинъ, родъ колымаги, скрылъ его во дворѣ своего дома, испыталъ его по Венсенской дорогѣ и наконецъ доставилъ королю съ большимъ ящикомъ всевозможной провизіи и съ семью пистолетами. 20 іюня 1791 г. кучеръ Ферзена ждалъ съ этимъ экипажемъ королевскую семью у Сень-Мартенской заставы. Между тѣмъ самъ Ферзенъ, переодѣтый извозчикомъ, перевезъ ее въ простомъ фіакрѣ изъ Тюильри къ заставѣ. Здѣсь онъ заботливо пересадилъ бѣглецовъ въ колы-

¹⁾ Comte Fersen, par Paul Gault. Figaro. 25 Avril. 1904.

²⁾ Le retour de Warenes, par G. Lenotre. Revue des deux mondes. 15 Avril, 1 Mai-15 Mai. 1904.

магу, вскочилъ на козлы и поскакалъ по большой дорогѣ. Въ Бонди онъ разстался съ ними и сталъ дожидаться въ Монсѣ извѣстій о благополучномъ достиженіи границы. Но вскорѣ до него достигла вѣсть о задержаніи короля и его семьи въ Вареннѣ. Въ себя отъ отчаянія Ферзенъ бѣжалъ за границу и при всѣхъ иностранныхъ дворахъ искалъ защиты Людовику XVI. Еще на одинъ день онъ вернулся переодѣтымъ въ Парижъ, чтобы проститься съ королевой, и потомъ возвратился въ армию герцога Брауншвейгскаго, для котораго онъ написалъ роковой манифестъ къ французамъ. Послѣдствіемъ этой неосторожности было возстаніе въ Парижѣ 10-го августа, а затѣмъ казнь короля и королевы. До конца своей жизни Ферзенъ носилъ трауръ по горячо любимой Маріи-Антуанеттѣ. По волѣ судьбы, девятнадцать лѣтъ спустя послѣ рокового дня бѣгства въ Вареннѣ, 20-го іюня 1810 года, Ферзенъ былъ убитъ въ Стокгольмѣ во время народнаго возстанія.

Если въ статьѣ Голо характерно описывается начало бѣгства въ Вареннѣ Людовика XVI, то результатъ его очерченъ подробно и обстоятельно въ монографіи Ленотра: «Возвращеніе изъ Варенна». Трудъ ученаго изслѣдователя французской старины начинается съ описанія катастрофы, произведенной въ Парижѣ бѣгствомъ короля, и ужаса, распространившагося въ Національномъ собраніи. Предсѣдателемъ его былъ въ то время Богарне, мужъ Жозефины, который первымъ долгомъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ дорогамъ для розыска бѣглецовъ. Въ короткое время было узнано, что большой четырехмѣстный берлинъ съ господиномъ, похожимъ на короля, быстро направляется по дорогѣ къ Мо. Въ погоню за нимъ отправлены были два гонца Національнаго собранія. Они догнали бѣглецовъ въ Вареннѣ уже недалеко отъ границы, гдѣ ихъ остановили мѣстные жители. Гонцы предъявили королю постановленіе Національнаго собранія объ его арестѣ. Затѣмъ, при крикахъ толпы: «Да здравствуетъ король!» «Да здравствуетъ нація!» королевскій экипажъ повернули назадъ, и началось для короля тягостное, плачевное путешествіе обратно въ Парижъ. Какъ только Національное собраніе получило извѣстіе о задержаніи короля и его семьи, оно постановило отправить имъ навстрѣчу трехъ членовъ собранія: Петрова, Барнава и Латуръ-Мабура. Всѣ три представителя народа были красивые, краснорѣчивые и молодые люди. Отправившись немедленно въ путь, комиссары нагнали бѣглецовъ на берегу рѣки Марны. Первымъ словомъ Людовика XVI при видѣ ихъ было: «Господа, я не хотѣлъ бѣжать изъ Франціи!» Марія-Антуанетта прибавила послѣдно: «Умоляю васъ не подвергать несчастью бѣдныхъ людей, сопровождающихъ насъ». Прочитавъ постановленіе Національнаго собранія, комиссары объявили, что необходимо тотчасъ продолжать путь въ Парижъ. Двое изъ нихъ, Петровъ и Барнавъ, помѣстились въ экипажъ короля, по приглашенію короля, который сказалъ: «Пожалуйста, садитесь, мы потѣшимся, и найдется всѣмъ мѣсто». Такимъ образомъ король и королева заняли заднія мѣста экипажа, а между собою посадили Барнава; на колѣняхъ у королевы помѣщался дофинъ, а переднія мѣста заняли принцесса Елизавета, Петровъ и г-жа Турзель, державшая на колѣняхъ дочь короля. Что же касается до Латура-Мабура, то онъ помѣстился въ коляскѣ съ горничными. Королевская семья въ первое время была не въ духѣ и видимо дулась.

Только одинъ дофинъ былъ веселъ, постоянно обо всемъ разспрашивалъ комиссаровъ и игралъ съ пуговками ихъ мундира, на которыхъ видѣлась надпись: «Жить свободнымъ или умереть». Къ вечеру король и королева стали добродушно разговаривать съ депутатами, а ночью въ темнотѣ и тѣснотѣ они совершенно сблизились. Барнавъ въ полголоса говорилъ съ королевой, а Петъонъ съ сестрой короля. Послѣдняя фамиллярно прижималась къ Петъону, протянула къ нему руки и не отняла ихъ, когда онъ ихъ сжалъ. Молодой человѣкъ вообразилъ себѣ, что она мгновенно влюбилась въ него, и позволилъ себѣ нѣсколько вольностей, на что она отвѣчала презрительнымъ молчаніемъ. Какъ бы то ни было, въ слѣдующіе дни королевская семья и комиссары совершенно подружились между собою и болтали безъ умолка. Между прочимъ король спросилъ Петъона, стоитъ ли онъ за республику, на что Петъонъ отвѣчалъ: «Да, ваше величество, я былъ республиканцемъ на трибунѣ, но здѣсь я чувствую, что мое мнѣніе измѣняется». Марія-Антуанетта принимала живое участіе въ разговорѣ. Когда же Барнавъ часто отворачивался при щекотливыхъ вопросахъ съ ея стороны, она говорила Петъону: «Скажите г-ну Барнаву, чтобы онъ не смотрѣлъ въ окно, когда я его спрашиваю». Обыкновенно королевскую семью очень просто кормили, подавая имъ яйца, сливки и свѣжій хлѣбъ. Только въ городѣ Мо, въ епископальномъ дворцѣ королю былъ поданъ роскошный ужинъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ суповъ, телячьихъ котлетъ, курицъ подъ соусомъ, наливомъ, макрелей à la maître d'hôtel, жареныхъ курицъ, голубей, молодыхъ кроликовъ, двухъ салатовъ, артишоковъ подъ соусомъ, артишоковъ жареныхъ, двухъ блюдовъ мелкаго горошка, сбитыхъ сливокъ, пирожковъ съ абрикосами, четырехъ чашъ земляники, четырехъ тарелокъ сахару, двухъ тарелокъ вишенъ и нѣсколькихъ тарелокъ бисквитовъ и миндальныхъ пирожковъ; все это стоило 76 ливровъ 10 су. Король сидѣлъ въ экипажѣ очень спокойно и равнодушно, попивая время отъ времени оранжады, графинъ котораго и стаканъ онъ держалъ на колѣняхъ; иногда онъ угощалъ имъ Петъона. Королева, принцесса Елизавета и г-жа Турзель, согласно мемуарамъ Петъона, не выражали никакого желанія въ теченіе 13-ти часовъ, а дофинъ прибѣгалъ для удовлетворенія своихъ потребностей къ большой серебряной чашкѣ, которую ему подавалъ король, а однажды Барнавъ. Наконецъ, королевская семья прибыла въ Парижъ и у заставы была встрѣчена Лафайетомъ съ своимъ штабомъ. Такъ кончилась драматическая поѣздка въ Вареннъ, превращенная современными драматургами въ исевдо-историческую пьесу, а однимъ изъ нихъ въ серьезную историческую монографію.

— Воспоминанія майора польскаго войска Якова-Филиппа Кежковскаго. Авторъ воспоминаній — уроженецъ деревни¹⁾. Родители его были бѣдные дворяне. Они растратили свое состояніе, живя на широкую ногу. Удивительный случай побудилъ ихъ отдать сына въ военную службу. Въ 1771 году, когда еще Яковъ-Филиппъ не могъ обходиться безъ услугъ няньки, остановились на дворѣ въ имѣніи отца барскіе конфедераты кормить лоша-

¹⁾ Pamiętniki Jakóba Filipa Kieszkowskiego, kapitana wojska francuskiego, kawalera krzyża legji honorowej, maiora wojska polskiego. 1904.

дей. Вздумали они пострѣлять. Шальная пуля попала въ окно, у котораго сидѣлъ ребенокъ, и оторвала уголокъ подушки. Нянька со страху спряталась за печку, а Яковъ-Филиппъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вытаскивалъ перья изъ разорванной подушки. Съ тѣхъ поръ начали предсказывать, что онъ будетъ военнымъ. Предсказанія оправдались. Въ 1787 году Кежковскій поступилъ въ пѣхотный имени королевы Ядвиги полкъ. Полкъ выступилъ на Украйну, для подавленія бунта, и Кежковскому пришлось испытать всѣ трудности похода въ жаркую лѣтнюю пору. Въ 1791 году полкъ пришелъ подъ Брацлавъ. Здѣсь собралось 12.000 польскаго войска. Приѣхалъ великій гетманъ Огинскій. Начались манѣвры. Князь Юсифъ Понятовскій атаковалъ лагерь, а Костюшко его защищалъ. На манѣврахъ присутствовали два русскіе генерала. Они слѣдили за ихъ ходомъ съ особеннымъ вниманіемъ. Кежковскій совершилъ кампанію въ 1792 году и описалъ подробно пораженіе польскаго аріергарда русскими на Борушковецкой греблѣ.

«Трудно было замѣтить непріятеля посреди лѣсовъ и озеръ, — пишетъ Кежковскій. — Русскіе со своею артиллеріею пересѣкали намъ дорогу и открыли по греблѣ огонь. Непрительскіе пѣшіе егеря, подъ прикрытіемъ кустарниковъ, приблизились къ намъ на сорокъ шаговъ и своими мѣткими выстрѣлами причинили большой уронъ. Наша артиллерія отвѣчала. Мы рассчитывали на подкрѣпленіе, но наши не подошли. Потерявъ половину людей, мы стали поспѣшно отступать. Черезъ три съ половиною версты достигли какой-то мельницы. Находившіеся на мельницѣ люди помогли намъ переправиться, такъ какъ мосты были уничтожены по приказанію князя Юсифа. Когда пришли въ Полонное, неоставало уже половины батальона». Стычка на Борушковецкой греблѣ осталась навсегда памятною Кежковскому. Онъ лишился всѣхъ своихъ пожитковъ. Въ кампаніи 1794 года Кежковскій состоялъ подъ начальствомъ генерала Гроховскаго. Участвовалъ въ битвѣ подъ Щекоцями. Битва началась въ 11-мъ часу утра и продолжалась до 4-го часа пополудни. Сражались 14.000 поляковъ противъ 30.000 пруссаковъ и 9.000 русскихъ. Когда пруссаки и русскіе открыли канонаду, польскіе косиньеры, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, бросились бѣжать. Тщетно старался удержать ихъ генералъ Гроховскій. Пушечное ядро сразило его. «Русскіе, пользуясь происшедшимъ въ нашихъ рядахъ замѣшательствомъ, окружили насъ. Въ это время наши, не будучи въ состояніи различить своихъ въ общей свалкѣ, стали стрѣлять картечью по непріятелю. Досталось и намъ». Много было убитыхъ и раненыхъ. Немало попало и въ плѣнъ. Польская кавалерія бросилась на лѣвый флангъ русскихъ. Казаки, скрытые въ лѣсу, напали на ея тылъ, и кавалерія принуждена была отступить. Потери поляковъ въ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ достигали 6.000 человекъ. Въ этомъ сраженіи авторъ воспоминаній былъ раненъ русскими кирасирами палашемъ въ голову и взятъ въ плѣнъ. Около него проходило такое множество раненыхъ русскихъ и пруссаковъ, что можно было подумать, что ранена вся непрительская армія. Тянулася цѣлая вереница воевъ, нагруженныхъ ранеными. Какая-то русская солдатка съ плачемъ разыскивала своего мужа. Увидя плѣнныхъ поляковъ, подняла съ земли камень и пустила въ нихъ. Камень никого не ушибъ. «Русскій караульный офицеръ

замѣтилъ это, подбѣжалъ къ ней и далъ такого пинка, что баба перевернулась. Вдругъ, откуда ни возмись, прусскій гусарь, въ зеленомъ мундирѣ, на конѣ врѣзался въ толпу плѣнныхъ. Это былъ уже не молодой человекъ, пьяный; едва могъ сидѣть на лошади. Обнажилъ палашъ и началъ рубить нашихъ плѣнниковъ. Тутъ русскій офицеръ, не обращая вниманія на медаль, украшавшую грудь гусара, стащилъ его съ коня, ударилъ нѣсколько разъ саблею, приговаривая: «вотъ тебѣ за то, что плѣнныхъ рубишь!» и приказалъ его арестовать. Къ вечеру пріѣхалъ прусскій король. Онъ возвращался съ поля битвы. Съ нимъ была многочисленная свита. Увидя плѣнныхъ, онъ остановился и спросилъ: кѣмъ взяты въ плѣнъ? Генералъ Игельстромъ отвѣтилъ, что русскими. Король кивнулъ головою и поѣхалъ во дворецъ старостины Ольбромской». Кежковскому, несмотря на полученные раны, удалось бѣжать изъ русскаго плѣна.

По окончаніи кампаніи 1794 года Кежковскій, желая избѣжать принудительной службы въ австрійской арміи, поступилъ въ польскіе легіоны Княжевича, то-есть вступилъ въ службу Французской республики. Вмѣстѣ съ легіонами совершилъ путешествіе на Санъ-Доминго. Еще до поѣздки туда Кежковскій женился. Жена послѣдовала за нимъ. Описывая пребываніе свое на Санъ-Доминго, Кежковскій жалуется на жестокость негровъ и на презрительное отношеніе французовъ къ польскимъ солдатамъ. На возвратномъ пути въ Европу Кежковскій со своими спутниками едва не погибъ въ океанѣ. «Поднялась страшная буря. Казалось, что морскіе валы или забросаютъ корабль на небо, или разобьютъ его о дно моря. Мы попросились другъ съ другомъ. Больше всего мнѣ жалко жены моей. Я взялъ ее въ свои объятія, чтобы вмѣстѣ съ нею умереть». Любопытно, что, готовясь къ смерти, несчастные путники выпили всѣ, какіе только были на кораблѣ, горячіе напитки.

Въ 1807 году Кежковскій находился въ корпусѣ маршала Ланна и принималъ участіе въ сраженіи подъ Пултускомъ. Въ 1808 году вмѣстѣ съ корпусомъ отправился въ Испанію. Участвовалъ въ геройской защитѣ Сарагосы и въ битвѣ подъ Альбуэра. По сдачѣ Сарагосы, вступившіе въ нее французы задыхались отъ страшнаго смрада, исходившаго отъ массы труповъ людей и животныхъ, лежавшихъ продолжительное время не погребенными, почернѣвшихъ и разлагавшихся. На жителей страшно было смотрѣть, они производили впечатлѣніе живыхъ мертвецовъ. Въ битвѣ подъ Альбуэра Кежковскій состоялъ въ распоряженіи генерала Лятуръ-Мобура. Французы не выдержали атаки англійской артиллеріи и пѣхоты. Генералъ Лятуръ послалъ Кежковскаго къ полковнику Коноикѣ просить подкрѣпленія. На помощь явился эскадронъ уланъ Костанецкаго. Костанецкій ударилъ въ тылъ англичанамъ, взялъ въ плѣнъ цѣлый баталіонъ, знамя и четыре орудія. Англичане, потерявъ многихъ людей, двинули эскадронъ гусаровъ. Значки польскихъ уланъ пугали англійскихъ лошадей, и въ рядахъ гусаръ не разъ происходило замѣшательство. Этими пользовались поляки и разстрѣливали англійскихъ кавалеристовъ. Кежковскаго послѣ битвы томила жажда. Отыскалъ онъ ручеекъ съ чистою ключевою водою. Припалъ и началъ съ жадностью пить. Когда приподнялъ голову, то увидѣлъ у берега прикрытый вѣтвями деревьевъ трупъ, въ боку котораго

зіяла рана, нанесенная птыкомъ. Кежковскій расхворался. Его отвезли на лѣченіе въ Севилью. Кежковскій пробылъ въ Испаніи четыре года. Въ 1812 году Кежковскій оставилъ Испанію и пустился на сѣверъ догнать великую армію. Однако онъ опоздалъ. Подъ Августовымъ онъ встрѣтилъ Наполеона, возвращавшагося на саняхъ. Появленіе одного Наполеона безъ арміи удивило Кежковского. Онъ догадался, что фортуна обратилась спиною къ великому полководцу. Въ Августовѣ онъ пошелъ навѣстить раненаго генерала Пашковского, отъ котораго и узналъ всю правду... Кежковскій рѣшилъ отправиться окольными дорогами въ Кѣнигсбергъ, гдѣ въ то время находилась квартира короля Мюрата. Дорогою онъ узналъ, что Мюратъ перенесъ свою квартиру въ Эльбингъ. Эльбингъ былъ переполненъ больными французами, отморожившими себѣ носы, уши, пальцы. Одежда ихъ была до крайности разнообразна. Одни покрыты овечьими шкурами и наименовали собою пастуховъ, другіе въ священническихъ ризахъ, у нѣкоторыхъ были подвязаны подъ шею женскія юбки, подъ нихъ они прятали озябшія руки. «Казалось, что вы видите маски во время карнавала», замѣчаетъ Кежковскій. Французы были голодны. Многіе изъ нихъ имѣли деньги. Набросились на ѣду и питье и въ результатѣ отправились на тотъ свѣтъ.

Въ сраженіяхъ 1813 и 1814 годовъ Кежковскій принималъ дѣятельное участіе. Подъ Феръ-Шампенуазомъ (1814 г.), находясь въ отрядѣ генерала Амея, попалъ въ плѣнъ. Кежковскій съ товарищами долго защищался. Непритель превосходилъ силами. Потомъ подошла еще русская гвардія съ 50 орудіями. Императоръ Александръ прислалъ парламентаря съ предложеніемъ сдаться. «Видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ,—разсказываетъ Кежковскій,—мы сдались. Подо мною убили лошадь. Когда я пересѣлъ на другую, то и другой пушечное ядро перебило переднія ноги. Вечеромъ къ намъ пришелъ князь Трубецкой съ какимъ-то генераломъ навѣстить генераловъ, взятыхъ въ плѣнъ. Императоръ приказалъ прислать плѣннымъ генераламъ кушанья и вина со своего стола. Князь Трубецкой съ генераломъ порядкомъ-таки подгуляли и пробыли почти до 12 часовъ ночи. На слѣдующій день плѣнныхъ отправили, подъ русскою стражею, въ Бельгію».

Когда вспыхнула революція 1830 года, Кежковскій съ двумя своими сыновьями отправился въ царство Польское. Его арестовали. Съ паспортомъ, выданнымъ генераломъ Ридигеромъ, онъ получилъ возможность возвратиться въ Познанское княжество. Здѣсь его ожидалъ уголовный процессъ за участіе въ кампаніи. Кежковского приговорили къ заключенію въ крѣпости на 9 мѣсяцевъ. Онъ подалъ апелляцію на приговоръ, а самъ, подъ чужимъ именемъ, выѣхалъ во Францію. Во Франціи онъ не нашелъ для себя симпатій у властей. Подозрительное къ нему отношеніе заставило его вернуться въ Познань. Прусскій судъ тѣмъ временемъ смягчилъ приговоръ. Кежковскій отбылъ наказаніе въ Свидницкой крѣпости и тамъ, въ 1836 году, написалъ свои интересныя, а главное безпретенціозныя, воспоминанія.

— Записки Брандта. Выходящая въ Варшавѣ популярная «Библиотека избранныхъ сочиненій» («Biblioteka dzieł wybranych») переиздала въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ томовъ, подъ редакціей проф. Шимона Аске-

нази, записки польскаго офицера Брандта¹⁾. Записки Брандта обнимаютъ собою періодъ времени съ 1808 г. по 1812 г. Въ 1808 г. въ рядахъ французскаго войска Брандтъ сражался въ Испаніи. Участвовалъ онъ въ битвѣ подъ Туделою и въ осадѣ Сарагоссы. Французовъ встрѣчали въ Испаніи не дружелюбно. Въ городахъ, въ которыхъ они появлялись, двери домовъ и лавки запирали, на улицахъ можно было встрѣтить только одиѣхъ отвратительныхъ старухъ. На вопросы жители не хотѣли отвѣчать... Осада Сарагоссы тянулась 52 дня. Въ теченіе 23-хъ дней дрались на улицахъ и въ домахъ. Дома приходилось добывать поодиночкѣ. Городъ, благодаря своему положенію и укрѣпленіямъ, представлялся неприступнымъ. Восемьдесятъ городскихъ монастырей были также въ своемъ родѣ крѣпостями. Французы потеряли около 3.000 чел., не считая умершихъ въ госпиталяхъ. Брандтъ удивляется тому, что историки прославляютъ мужество осажденныхъ. По его мнѣнію, наиболѣе заслуживаетъ удивленія мужество осаждавшихъ: 13.000 чел. держали въ осадѣ сильно укрѣпленный городъ въ 30-ти-тысячномъ горнизономъ и въ концѣ концовъ, вторгнувшись въ его середину, принудили сдаться. Вообще испанская кампанія представляла для французовъ большія затрудненія. Съ одной стороны, ненависть къ нимъ мѣстнаго населенія, съ другой, мало извѣстная страна, изобилующая высокими горами, узкими проходами и горными потоками, изъ которыхъ большинство послѣ дождей обращались въ бурливныя рѣки и мѣшали усѣхамъ наполеоновскихъ орловъ. Въ январѣ 1812 г. польскій легіонъ, въ которомъ служилъ Брандтъ, получилъ приказаніе итти въ Россію. Въ маѣ легіонъ находился уже въ Познани. Поразительную нищету нашелъ здѣсь авторъ записокъ. Торговля, промышленность и ремесла пришли въ упадокъ. Правительство (прусское), несмотря на то, что оставляло желать много лучшаго, пользовалось довѣріемъ у мѣстнаго населенія. Брандтъ объясняетъ это постояннымъ вмѣшательствомъ правительства въ дѣла населенія, тою, если можно выразиться, завядлостію, съ какою прусскія власти старались «сдѣлать его счастливымъ» и «просвѣтить», наконецъ высокими качествами прусскаго чиновничества, которому была ввѣрена опека надъ жителями Познанскаго княжества. Походъ «великой арміи» къ Москвѣ былъ полонъ лишеній. Экономическое положеніе Варшавскаго княжества было ужасно. Постоянно передвигавшіяся войска опустошали поля и забирали у помѣщиковъ запасы хлѣба. Въ числѣ пострадавшихъ оказались и родители автора воспоминаній. «Могу смѣло сказать, — пишетъ Брандтъ, — что 48 часовъ, проведенныхъ мною въ домѣ родителей, были для меня сущимъ мученіемъ. Всюду я видѣлъ нужду и горе»... На пути къ Вержболову обнаружился недостатокъ провіанта. Мѣсто для бивуака выбрали неудобное. Это были луга. На другой день у большинства солдатъ обнаружались лихорадка и ревматизмъ. Пошли дожди. Подъ Вильною проливной дождь засталъ Брандта на ночной стоянкѣ. Грунтовыя дороги испортились совершенно. Образовалось какое-то мѣсиво, изъ котораго съ чрезвычайнымъ трудомъ вылѣзали люди и повозки. Трудности похода

¹⁾ Pamietniki Brandta, oficera polskiego. 1808—1812. Z przedmową prof. Szymona Askenaziego. Warszawa. 1904.

и отсутствіе порядка подрывали мало-по-малу дисциплину и постепенно деморализовали солдатъ. Едва прошли двѣ недѣли со дня перехода Нѣмана, какъ въ «великой арміи» стали обнаруживаться признаки разложенія. Во всѣхъ полкахъ воявились отставшіе дезертиры... Шайки мародеровъ грабили въ тылу арміи. Авторъ закончилъ свои записки описаніемъ пожара Москвы и ея грабежа окончательно деморализованными французскими войсками. Объ участіи въ грабѣжѣ столицы польскаго легіона Брандтъ выражается такъ: «Въ Испаніи польскій легіонъ прозвали «*buena gente*». Въ Россіи польскій солдатъ держалъ себя примѣрно, и если были случаи, что и онъ въ Москвѣ позволилъ себѣ потихоньку принять участіе въ грабѣжѣ пылавшаго города, то исключительно шелъ по слѣдамъ своихъ французскихъ товарищей, которые служили ему на этомъ пути самымъ пагубнымъ примѣромъ».

— Переписка Эрнста Курціуса. Въ концѣ прошедшаго года въ Берлинѣ была напечатана переписка съ разными лицами нѣмецкаго историка, географа и археолога Эрнста Курціуса¹⁾, оказавшаго большую услугу изучающимъ греческую исторію своей образцовой «Исторіей Греціи», и починаемъ, а также личнымъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ знаменитыхъ раскопокъ въ Олимпіи. Курціусъ не былъ сухимъ историкомъ, и даже скорѣе его можно назвать археологомъ и эстетикомъ, благодаря его чуткой художественной натурѣ идеалиста, не занимавшагося почти политикой, а всецѣло предававшагося изученію древнегреческаго міра. Курціусъ происходилъ изъ старинной семьи свободнаго города Любека, когда-то бывшаго главнымъ городомъ Ганзеатической лиги. Его отецъ былъ городскимъ синдикомъ, на обязанности котораго лежало управленіе внѣшними дѣлами и администраціей школъ. Онъ страстно любилъ искусство и литературу, а заѣзжіе художники, работавшіе за счетъ муниципалитета, въ особенности по украшенію церквей, всегда находили у него радушный пріемъ, и эта страсть перешла къ его обоемъ сыновьямъ. Его близкимъ сосѣдомъ былъ пасторъ Юганнъ Гейбель, отецъ поэта Эммануила Гейбеля. Будущій поэтъ былъ на годъ моложе Эрнста Курціуса и сдѣлался его товарищемъ въ послѣдніе годы школьной жизни. «Любовь къ поэзіи была звеномъ между Гейбелемъ и мною,—писалъ Курціусъ.—Искусная же манера, съ какой нашъ профессоръ Аккерманъ заставлялъ насъ читать латинскихъ элегистовъ и поощрялъ насъ самихъ писать стихи на ихъ языкѣ, окончательно повдѣяла на нашъ вкусъ. Мы затѣмъ лучше поняли Гёте и Уланда». Пасторъ Гейбель и отецъ Курціуса испытали вмѣстѣ тяжелое время Наполеоновскаго нашествія, чтò еще болѣе скрѣпило ихъ дружбу. Вліяніе пастора Гейбеля на юнаго Курціуса было столь сильно, что едва не привлекло будущаго историка на богословскій путь, гдѣ уже находился его старшій братъ. «Самое прекрасное употребленіе жизни,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ писемъ,—поучать, все равно, группу ли учениковъ, христіанскую общину или язычниковъ». Это было его мечтой въ гимназическую пору, серьезно же онъ никогда объ этомъ не думалъ, такъ какъ главнымъ его кумоломъ былъ античный классицизмъ, и на немъ

¹⁾ Ernst Curtius, ein Lebensbild in Briefen, herausgegeben von Friedrich Curtius. Berlin. 1903.

остановился его выборъ карьеры. Сущностью его природы была любовь къ наукѣ, согрѣтая пламенемъ поэзіи. «Что ты скажешь о моемъ рѣшеніи всецѣло отдаться древней литературѣ?—писалъ онъ брату, занимавшемуся въ Геттингенскомъ университетѣ. —Какой источникъ чистаго наслажденія, божественнаго наслажденія! Какое поученіе, какая радость проникнуть въ умъ древности и вкусить все, что имѣютъ прекраснаго эти памятники! Все соединилось вмѣстѣ, чтобы сдѣлать это изученіе привлекательнымъ. Даже вспомогательныя науки, какъ исторія и археологія, дѣлаются пищею для души. Но не всегда музы въ сговорчивомъ настроеніи, онѣ не улыбаются первому встрѣчному. Надо настойчивыми усиліями добиться возвышенной точки зрѣнія, откуда можно поддержать пламя ихъ взгляда». Это писалъ пятнадцатилѣтній юноша, уже готовый для поступленія въ университетъ; но ему пришлось выжидать два года, и только въ 1833 году онъ поступилъ въ Боннскій университетъ. Съ этого момента онъ правильно отдавалъ отчетъ отцу о своихъ занятіяхъ, состоявшихъ изъ древнихъ языковъ, археологіи, философіи и даже богословія. Двукоронной же сестрѣ онъ писалъ о студенческихъ развлеченіяхъ, такъ какъ въ Любекѣ одинаково, какъ и въ Боннѣ, гдѣ его увлекъ археологіей Велькеръ, а Брандисъ древней философіей, досугъ составлялъ часть программы занятій: «Хорошо время отъ времени попроказничать, безъ чего изнеможешь подъ тяжестью науки,—писалъ онъ.—Въ наше время рискуешь скорѣе слишкомъ научиться, чѣмъ мало научиться: слишкомъ малое всегда можно догнать, излишекъ же—ноша, отъ которой никогда не избавишься». Въ октябрѣ 1834 года, Курціусъ перешелъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ встрѣтилъ Отфрида Миллера, произведшаго на молодого Курціуса глубокое впечатлѣніе. Онъ нашелъ въ немъ не только руководителя въ наукѣ, но умъ, родственныи своему уму. «Слышать Миллера одинъ разъ въ день—безцѣнная польза,—писалъ Курціусъ отцу,—онъ несравнимъ, какъ профессоръ. Онъ очаровываетъ ясностью своего изложенія, прелестью и живостью своей рѣчи, изобиліемъ и основательностью своихъ знаній, и за нимъ слѣдуешь съ одушевленіемъ въ область науки, которую онъ оплодотворяетъ и одушевляетъ». Въ Берлинѣ, гдѣ Курціусъ провелъ послѣдній годъ своей университетской жизни, ему встрѣчались первоклассные профессора, и въ письмахъ къ отцу упоминается о Лахманѣ, философѣ Эррманѣ и эленистѣ Бэкѣ, но такое глубокое впечатлѣніе произвелъ на него только Миллеръ. Всѣ его усилія во время учебныхъ лѣтъ были направлены на филологію, которую Вольфъ называлъ «совокупностью всѣхъ знаній, которыя могутъ привести насъ въ сношенія съ древними». Въ 1836 году, одинъ изъ профессоровъ Курціуса въ Боннѣ, Брандисъ, отправился въ Грецію, въ качествѣ лектора къ греческому королю Оттону; Курціусъ поѣхалъ съ нимъ, какъ домашній учитель его дѣтей. Такимъ образомъ, еще на зарѣ своей жизни ему пришлось познакомиться съ природою страны и ея памятниками воочію, и это повліяло на дальнѣйшее его развитіе, оставивъ на всю жизнь неизгладимый слѣдъ. Въ немъ зародилась тогда же идея описанія Греціи, объясненія исторіи по географіи. Въ октябрѣ 1837 года онъ посѣтилъ впервые Микены вмѣстѣ съ географомъ Риттеромъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ возвратился въ Пелопонезъ съ графомъ Бодиссеномъ, извѣстнымъ переводчикомъ

Мольера и Шекспира, и однимъ мексиканскимъ архитекторомъ. Кромѣ того, съ своими учениками онъ посѣтилъ малые Циклады, сосѣдніе съ Аѣнами, Андросъ и Делосъ. Въ юнѣ 1838 года, къ нему присоединился другъ дѣтства, Эммануиль Гейбель, который въ то время былъ воспитателемъ дѣтей русскаго посланника, и они вмѣстѣ наслаждались греческою природою и воспѣвали ее въ стихахъ. Въ апрѣлѣ 1840 года Гейбелю предстояло покинуть свои занятія у посланника, а семья Брандиса уѣхала въ Германію. Курціусъ остался одинъ ожидать пріѣзда профессора Миллера. До отъѣзда Гейбеля пріѣхалъ Миллеръ, и Курціусъ еще разъ объѣхалъ съ нимъ Целоповезъ. Затѣмъ, въ самое жаркое время они вздумали отправиться отчасти чрезъ болотистыя мѣстности въ Беотію и Фокиду до Дельфъ. Здѣсь Миллеръ почувствовалъ себя дурно и возвратился въ Аѣны въ посланной за нимъ каретѣ короля Оттона. Три дня спустя, Миллеръ умеръ. «По правдѣ сказать, — писалъ Курціусъ, — лихорадка, которая его изнурила, была рабочая лихорадка. Ученіе было его страстью, господиноу которой онъ не былъ». Отфридъ Миллеръ обдумывалъ исторію греческой цивилизаціи во всѣхъ ея фазахъ — политической, литературной, артистической и философской. Онъ хотѣлъ присоединить Курціуса къ своей работѣ, именно по географической и описательной части. Курціусъ заимствовалъ идею своего учителя, но исполнилъ ее по болѣе сокращенному плану. Въ концѣ года онъ покинулъ Грецію, остановился еще въ Римѣ на четыре мѣсяца и достигъ Германіи чрезъ Венецію и Тироль. Въ 1841 г. онъ былъ причисленъ къ Іоакимтальской гимназіи въ Берлинѣ, а годъ спустя, выдержавъ испытанія, получилъ приватъ-доцента. Это была какъ разъ эпоха, когда въ Германіи вернулись къ античнымъ источникамъ, послѣ того, какъ насытились романтизмомъ, слѣдовавшимъ за литературой и философіей. Берлинъ украсился колоннадами и портиками, а камнемъ преткновенія новой школы явилось примѣненіе античнаго стилиа къ современной школѣ. Поэтому неудивительно, что Курціусъ, весь пропитанный античною Греціей, на первой же своей лекціи околдовалъ всѣхъ слушателей, среди которыхъ находилась принцесса Августа, жена Вильгельма, будущаго императора. Она такъ была очарована воодушевленіемъ молодого ученаго, что тотчасъ же велѣла позвать къ себѣ профессора Лахмана, съ цѣлю навести справки объ этомъ «интересномъ молодомъ человѣкѣ». Нѣкоторое время спустя, къ Курціусу явился генералъ Унрухъ, военный воспитатель принца Фридриха, сына Августа, съ предложеніемъ заняться образованіемъ молодого принца. Выборъ принцессы встрѣтилъ препятствія при дворѣ, такъ какъ Курціусъ, если не былъ ресубликанцемъ, то во всякомъ случаѣ мало гармонировалъ съ понятіями о божественныхъ правахъ королей. Однако, не сразу рѣшился Курціусъ на этотъ шагъ, онъ обратился, прежде всего, къ своей совѣсти патріота и ученаго. Только послѣ увѣреній, что онъ не можетъ прерывать своей работы, Курціусъ рѣшился. Онъ въ то же время былъ приватъ-доцентомъ, а впослѣдствіи экстраординарнымъ профессоромъ Берлинскаго университета. Впрочемъ, онъ былъ вознагражденъ сторицей за свою рѣшимость, такъ какъ, благодаря близости къ принцу Фридриху, ему удалось впослѣдствіи осуществить завѣтную мечту приступить къ раскопкамъ Олимпіи, такъ какъ «то, что лежитъ тамъ, въ темной глубинѣ, есть жизнь отъ нашей жизни». Его вліяніе на своего ученика поро-

дило въ Фридрихъ высокія культурныя стремленія. Но онъ не сразу опредѣлялъ планъ воспитанія принца, а сначала добился принязанности ученика, чтобы лучше открылись его природныя качества. Уврухъ наставлялъ Курціуса, говоря: «Надо, чтобы принцъ зналъ это и это», а исгорикъ говорилъ: «Молодому принцу нѣтъ случая учиться въ школь со всѣми; преграда отдѣляетъ его отъ остальныхъ людей, надо, чтобы тотъ, кому поручено руководить имъ, поднималъ эту преграду и, заставивъ его воспользоваться собственнымъ опытомъ, привелъ бы въ соприкосновеніе съ остальнымъ свѣтомъ. Сначала надо ему знать, что такое знаніе, чтобы онъ имѣлъ силы желать хорошаго, и прошелъ черезъ гимнастику ума, отличающую развитаго человѣка отъ человѣка, еще замкнутаго въ самого себя. Прежде всего надо, чтобы онъ сдѣлался человѣкомъ, а потомъ пусть будетъ Гогенцоллерномъ. Это свободное воспитаніе, которое, прежде всего, предлагаетъ себѣ возбудить дарованія, внушаетъ еще нѣкоторыя сомнѣнія. Мать, согласно привычкѣ женщинъ, обращаетъ вниманіе на мелочи и беспокоится, чтобы ея сынъ не вѣдалъ еще того или этого. Точно это важно! По счастью, мнѣ не противорѣчатъ въ существенномъ. Я утѣшаю мать, я убѣждаю генерала, и мой коронованный ребенокъ расцвѣтаетъ въ свободѣ духа!» Принцесса Августа скоро перестала бояться за свободное воспитаніе сына, и въ годовщину вступленія Курціуса, какъ воспитателя принца, она написала ему письмо, что «смотреть на эту годовщину, какъ на второе рожденіе сына». Самъ Курціусъ восторгался плодами своего труда и писалъ въ 1848 году, что «качества молодого принца, чистота и благородство его намѣреній, его чистосердечная религіозность, любовь ко всему великому и прекрасному, самообладаніе, прекрасный тактъ и справедливость ума, мѣщанская простота его обращенія, даръ овладѣвать сердцами отъ одного взгляда и слова—заставляютъ меня предвидѣть, что всѣ эти качества не пропадутъ для народа въ тотъ день, когда принцъ будетъ призванъ имъ управлять. Я убѣжденъ также, что онъ перенесетъ безропотно всѣ несчастія, даже не заслуженныя». Эти слова были произнесены Курціусомъ въ 1848 году, когда въ Берлинѣ совершилось кровопролитіе, и отецъ юноши, принцъ прусскій, котораго считали душою военной партіи и приверженцемъ неограниченнаго правленія, долженъ былъ удалиться изъ Германіи, ради народнаго успокоенія. Въ 1850 году, принцесса Августа еще болѣе возмутила дворъ, отправивъ сына учиться въ Боннскій университетъ, какъ простого смертнаго, и Курціусъ официально пересталъ быть воспитателемъ, въ дѣйствительности же онъ сдѣлался другомъ Фридриха. Фридрихъ III, уѣзжая изъ Берлина, въ 1888 году, умирать въ Санъ-Ремо, простился съ нимъ послѣднимъ. «Онъ меня сердечно обнялъ, — писалъ Курціусъ. — Его положеніе чудесно; на его чертахъ отпечатывается захватывающее благородство и кротость, но разговоръ затруднителенъ, и слова, которыя онъ чертитъ наскоро карандашомъ, трудно прочитать». Первый томъ своей «Исторіи Греціи», посвященный Курціусомъ принцу, состоитъ изъ трехъ томовъ. Она написана не только для специалистовъ, а для всѣхъ, интересующихся исторіей, и кончается на битвѣ при Херонеѣ, т. е. паденіемъ греческой независимости, такъ какъ далѣе Курціусъ не хотѣлъ продолжать: съ окончаніемъ независимости для него кончилась исторія Греціи. Македонское владычество онъ счи-

талъ уже вырожденіемъ, упадкомъ, обезнравственностью грековъ, а не переходомъ къ новой эпохѣ, которая выбросила бы все вымершее, давъ мѣсто свѣжимъ, здоровымъ силамъ развитія. Курціусъ писалъ въ своемъ письмѣ къ Бернесу: «Профессиональные ученые дѣлаютъ гримасы предъ моей «Исторіей», но за ихъ пренебреженіе я вознагражденъ успѣхомъ. Наши добряки, нѣмецкіе ученые, пожимаютъ плечами, когда книга читается легко, и потъ не выступаетъ на лбу автора. Я сознаю, что не пожалѣлъ никакого труда, но поставилъ себя долгомъ не выставлять на показъ своей работы. Я хотѣлъ написать книгу, которую могъ бы прочитать съ начала до конца каждый истинно развитой человѣкъ». Курціусъ старался противодѣйствовать ходячему въ то время мнѣнію, по которому греческая цивилизація была безусловно автономной и первобытной, не имѣющей связи съ той, которая ей предшествовала, а также не имѣла ощутительныхъ и опредѣленныхъ отношеній съ окружающими ее цивилизаціями. Онъ называлъ ея колыбелью не греческій континентъ, а Эгейское море, «гостеприимное море», и Малую Азію, «мостъ, переброшенный съ востока на западъ». Онъ допускалъ даже происхождение греческой исторіи отъ полу-азиатской цивилизаціи, имѣвшей свое мѣстонахожденіе на берегахъ Іоніи, Лидіи и Фригіи и уже измѣнявшей свои формы развитія и достигшей до полной своей зрѣлости въ тотъ моментъ, когда европейская Греція начала цивилизоваться. Эту мысль Курціусъ особенно ясно выражалъ въ письмахъ къ брату: «Однажды ученикомъ, говоря о законченномъ искусствѣ Гомера, профессоръ Аккерманъ зачеркнулъ мнѣ это слово толстымъ штрихомъ и написалъ надъ нимъ: «Скорѣ недостатокъ искусства». Это меня разсердило, такъ какъ я живо и ясно чувствовалъ, что не мыслимо говорить, будто Гомеру недостаетъ искусства. Чѣмъ старше становился я, тѣмъ смѣшнѣе казалась мнѣ мысль говорить «о дѣтствѣ» относительно Гомера. Не перестаютъ говорить и печатать, что это первобытный народъ, начало, заря, тогда какъ, напротивъ, онъ совершенно сформированный, въ полномъ соку и достигъ совершенной зрѣлости. Если ему чего нибудь и не хватаетъ, такъ именно первобытной простоты въ отношеніяхъ людей между собой и ихъ отношеніяхъ къ богамъ». Для Курціуса воображеніе было необходимымъ вспомогателемъ исторической науки. Онъ приписывалъ большую роль въ исторіи—географіи и топографіи, и, представляя читателямъ цивилизацію Греціи, онъ старался точно представить мѣсто, гдѣ все происходило. Въ раскопкахъ Олимпіи онъ принималъ горячее участіе, и съ этой цѣлью, въ 1874 году, три раза ѣзжалъ въ Грецію. Въ 1856 году, онъ былъ призванъ на кафедру своего учителя, Отфрида Миллера, въ Геттингенъ, послѣ котораго ее занималъ Германнъ. Но Геттингенъ сначала показался ему устарѣлымъ, педантичнымъ городомъ, впоследствии же онъ привязался къ нему, но не могъ переносить отсутствія художественныхъ коллекцій, и когда, въ 1876 году, его пригласили въ Берлинскій университетъ, то онъ потребовалъ, чтобы управленіе археологическимъ музеемъ входило въ область профессора археологіи. Курціусъ умеръ 11-го іюля 1896 года.

— Смерть Самуила Смайлса, сэра Генри Стэнли, профессора Йорка Пауэля и Марка Токая. 16-го апрѣля этого года умеръ въ Лондонѣ

одинъ изъ популярнѣйшихъ людей на свѣтѣ — Самуиль Смайлльсъ, авторъ знаменитой «Самодѣтельности», переведенной почти на всѣ языки и напечатанной на русскомъ языкѣ въ семи изданияхъ. Онъ родился 23-го сентября 1816 года въ маленькомъ шотландскомъ городѣ Гаддингтонѣ и въ молодости былъ врачомъ. Однако, эта карьера ему не удалась, и онъ, хотя назывался всегда докторомъ, но не медицины, а философіи. Этого званія онъ былъ удостоенъ Эдинбургскимъ университетомъ уже послѣ своей литературной славы. Покинувъ докторскую карьеру, Смайлльсъ сдѣлался желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ въ городѣ Лидсѣ, гдѣ познакомился съ строителемъ паровозовъ Стивенсономъ. Первымъ его шагомъ на литературномъ поприщѣ была жизнь Стивенсона, которая имѣла значительный успѣхъ. Затѣмъ онъ совершенно случайно попалъ на предметъ своего знаменитаго произведенія «Самодѣтельность». Дѣло въ томъ, что нѣсколько рабочихъ Лидса обратились къ нему съ просьбой прочесть рядъ лекцій въ устроенныхъ ими вечернихъ классахъ для самообразованія. Онъ съ удовольствіемъ взялся за этотъ трудъ, и въ результатѣ явился цѣлымъ рядомъ популярно изложенныхъ характеристикъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, отличившихся самодѣтельностью. Лекціи имѣли громадныи успѣхъ, и Смайлльсъ составилъ изъ нихъ книгу, издателя для которой онъ долго не могъ приискать. Наконецъ, извѣстный лондонскій книгопродавецъ Мурей взялся за дѣло, и въ первый годъ «Самодѣтельности» разошлась въ 20.000 экземплярахъ. Эта книга чрезвычайно распространилась не только въ Англіи, но и во всемъ свѣтѣ: раньше всѣхъ перевели ее датчане, а потомъ итальянцы, японцы, русскіе, французы, нѣмцы и т. д. Только одна Турція составляла исключеніе, и авторъ очень любилъ упоминать объ этомъ обстоятельстве. Особенно въ Италиі «Самодѣтельность» и послѣдовавшіе затѣмъ «Характеръ» и «Долгъ» произвели сильное впечатлѣніе. Восторженные итальянцы говорили, что «книги Смайлльса сдѣлали болѣе для объединенія Италиі, чѣмъ Кавуръ и Гарibaldi». Когда Смайлльсъ явился въ Италию, то его приняли съ необыкновеннымъ почтениемъ, и большой Гарibaldi самъ разсказалъ ему вкратцѣ свою жизнь. Смайлльсъ былъ въ восторгѣ отъ приема въ Италиі и, возвратясь въ Англію, выстроилъ себѣ прекрасный домъ на доходы со своего знаменитаго сочиненія, которое онъ вложилъ въ фундаментъ дома. Послѣ своихъ первыхъ литературныхъ триумфовъ Смайлльсъ написалъ въ томъ же духѣ множество сочиненій: «Бережливость», «Жизнь и трудъ», «Герои труда» и т. д. Умеръ онъ надякъ, 93-хъ лѣтъ. Его книги до сихъ поръ считаются во всемъ свѣтѣ полезнымъ и любопытнымъ чтеніемъ какъ для юношей, такъ и для рабочихъ, истиннымъ другомъ которыхъ можетъ быть названъ Смайлльсъ.

Если Смайлльсъ былъ апостоломъ самодѣтельности, то, вскорѣ послѣ него скончавшійся, Генри Стэнли представлялъ, по словамъ Альфонса Додэ, «живой образецъ человѣческой энергіи» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежалъ къ циклу самодѣтельныхъ героев Смайлльса. Сынъ бѣднаго фермера Джона Роландса, онъ родился 28-го января 1841 года въ городѣ Дибалгѣ, въ графствѣ Уэльскомъ, и воспитывался въ мѣстной школѣ для бѣдныхъ. Дѣтство свое онъ провелъ въ скитаніи по предмѣстьямъ Ливерпуля, занимаясь самой черной работой. Двѣнадцать лѣтъ онъ поступилъ рабочимъ въ доки, а черезъ три года

отправился въ Америку въ качествѣ кухоннаго мужика на пароходѣ, отходящемъ въ Луизиану. Высадившись въ Новомъ Орлеанѣ, онъ случайно наткнулся на крупнаго торговца, по фамиліи Стэнли, которому юноша очень понравился своимъ трудолюбіемъ и понятливостью. Онъ пріютилъ его у себя въ домѣ и усыновилъ, давъ ему свою фамилію. По несчастію, онъ умеръ, не успѣвъ его узаконить и оставить ему состояніе. Очутившись снова безъ гроша, онъ попустилъ солдатомъ въ южную армію, принялъ участіе въ войнѣ юга и сѣвера, а при заключеніи мира получилъ званіе мичмана. Теперь онъ пошелъ въ журналисты и сдѣлался газетнымъ репортеромъ въ «Missouri Democrat», «Tribune» и, наконецъ, въ «New-York Herald». Въ качествѣ корреспондента онъ принялъ участіе въ экспедиціи Ганкока противъ американскихъ индѣйцевъ и въ войнѣ англичанъ съ абиссинцами. Затѣмъ онъ былъ корреспондентомъ того же «New-Herald» во Франціи и Испаніи. Наконецъ, въ 1869 году, его вызвалъ телеграммою въ Парижъ издатель этой газеты, Джемсъ-Гордонъ Беннетъ, и между ними произошелъ слѣдующій лаконическій и замѣчательный разговоръ: «Ливингстонъ погибъ», — сказалъ Беннетъ. — «Я знаю», — отвѣчалъ Стэнли. — «Вы считаете его мертвымъ?» — «Нѣтъ». — «Имѣете ли вы понятіе, гдѣ онъ находится?» — «Нѣтъ». — «Хотите вы его найти?» — «Хочу, но это будетъ вамъ стоить очень дорого». — «Вопросъ не въ этомъ. Теперь 12 часовъ ночи, не угодно ли вамъ завтра утромъ отправиться въ Африку черезъ Марсель». — «All right!». Такимъ образомъ газетный корреспондентъ на 32-мъ году жизни (неожиданно сдѣлался путешественникомъ и изслѣдователемъ дикихъ странъ. Въ январѣ 1871 года онъ отправился въ путь изъ Занзибара въ Центральную Африку, зная только, что докторъ Ливингстонъ гдѣ-то въ невѣдомой странѣ между южными озерами и Лунными горами. Шесть мѣсяцевъ Стэнли блуждалъ, окруженный всякими опасностями, преодолевая безконечныя затрудненія и вынося тысячи невзгодъ. «Наконецъ, — пишетъ онъ въ своей знаменитой книгѣ: «Какъ я нашелъ Ливингстона», — я достигъ своей цѣли. Передо мною былъ Ливингстонъ, въ сѣрыхъ панталонахъ, красной курткѣ и синей фуражкѣ. Я дорого бы далъ, чтобы броситься и расцѣловать его, но стыдился толпы; къ тому же не зналъ, какъ онъ, будучи англичаниномъ, встрѣтитъ меня. Потому, изъ приличія и ложнаго самолюбія я подошелъ къ нему развязными шагами и, снявъ шляпу, сказалъ: «Если я не ошибаюсь, вы докторъ Ливингстонъ?» — «Да», — отвѣчалъ онъ съ улыбкой, приподнявъ свою шляпу, и мы пожали другъ другу руку». Въ июнѣ 1872 года онъ вернулся въ Англію и, сдѣлавшись, благодаря своей экспедиціи, пламеннымъ путешественникомъ, черезъ два года опять предпринялъ странствованіе, плодомъ котораго была новая книга: «Черезъ мрачный континентъ». На этотъ разъ его послали уже двѣ газеты «New-York Herald» и лондонскій «Daily Telegraph». Его новое путешествіе, длившееся три года, обнимало теперь гораздо болѣе широкое поле дѣятельности, впрочемъ, все въ той же Центральной Африкѣ. До сихъ поръ эти обѣ экспедиціи, изъ которыхъ первая стоила 250.000 франковъ, имѣли частный характеръ, но, по возвращеніи въ Европу, бельгійскій король предложилъ Стэнли политическую и географическую миссію, съ цѣлью изслѣдовать рѣку Конго. Эта трудная задача потребовала также три года, и, благодаря его стараніямъ, возникло

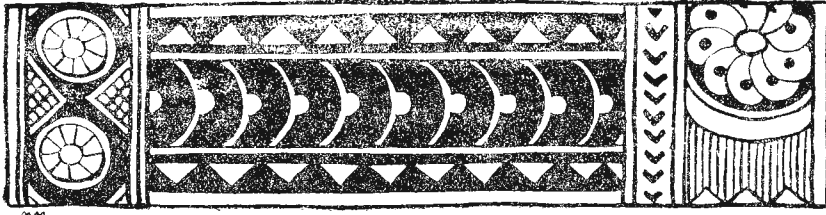
новое государство Конго. На возвратномъ пути въ Англію Стэнли, уже сдѣлавшись знаменитымъ путешественникомъ, былъ торжественно встрѣченъ въ Парижѣ Гамбеттой, который сказалъ: «Вы распространили свѣтъ знанія на континентѣ, прозванномъ вами таинственнымъ. Вы не только открыли намъ глаза на новый континентъ, но расширили филантропическія и научныя идеи, значительно увеличивъ человѣческій прогрессъ». Послѣдствіемъ этой экспедиціи была еще болѣе интересная книга: «Конго и основаніе свободнаго государства». Но этимъ Стэнли не удовольствовался и вскорѣ предпринялъ свое четвертое и послѣднее африканское путешествіе, съ цѣлью спасти Эмина-пашу, губернатора Экваторіи, взятаго въ плѣнъ модистами. Эта экспедиція была основана комитетомъ богатыхъ людей и состояла изъ 600 человѣкъ. Многихъ трудовъ и заботъ стоила она Стэнли и, несмотря на то, что онъ доставилъ Эмина-пашу въ Занзибаръ, ему все-таки не удалось возвратитъ его въ Египетъ. Послѣ трехлѣтняго странствованія великій путешественникъ вернулся въ Англію и принялся писать свое послѣднее путешествіе: «Въ дѣбряхъ Африки». Хотя всѣ его сочиненія и результаты его странствованія не имѣли строго-научнаго характера, но, какъ путешественникъ и описатель невѣдомыхъ мѣстностей, онъ едва ли можетъ съ кѣмъ нибудь сравниться. Въ одномъ его обвиняютъ, именно въ чрезмѣрной суровости и жестокости съ туземцами. Послѣ его окончательнаго возвращенія въ Англію Стэнли былъ сдѣланъ «сэромъ», былъ избранъ въ члены англійскаго парламента и женился на миссъ Доротей Тэннантъ. Онъ умеръ 63-хъ лѣтъ, оплакиваемый своими соотечественниками.

На-дняхъ ученый міръ въ Англіи понесъ чувствительную потерю въ лицѣ профессора современной исторіи Оксфордскаго университета, Юрка Пауэлла. Онъ былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, такъ какъ родился въ 1850 году. Воспитанный въ Рукбійской школѣ, а потомъ въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ съ школьной скамьи выказалъ большое пристрастіе къ исторіи. Впослѣдствіи онъ особенно любилъ исландскую и скандинавскую старину. Народныя сѣверныя саги были его страстью, и онъ принялъ участіе въ изданіи Вигфуссена «Corpus poeticum boreale» и «Islandica antiqua». Пауэллъ не былъ плодовитымъ авторомъ и въ послѣднее время издалъ лишь нѣсколько историческихъ сочиненій, между прочимъ: «Ранняя Англія до норманскаго завоеванія», и очень полезную исторію Англіи. Его Оксфордскія лекціи отличались глубокимъ историческимъ знаніемъ и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ также обнаруживалъ большое умѣніе и литературный вкусъ въ дѣлѣ критики. Въ свободное время онъ даже писалъ стихи, преимущественно французскіе переводы, при чемъ особенно любилъ Метерлинка и новѣйшихъ поэтовъ Франціи. Какъ человѣкъ, онъ былъ замѣчательно добродушенъ и смѣялся такимъ откровеннымъ сердечнымъ смѣхомъ, что привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Кроме того, онъ любилъ искусство, умѣлъ владѣть кистью и былъ страстнымъ посѣтителемъ художественныхъ галлерей.

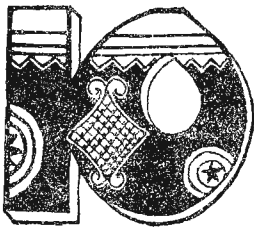
Вся Венгрія оплакиваетъ скончавшагося 5-го мая своего великаго романиста, замѣчательнаго политическаго дѣятеля и первокласснаго публициста Мавра Юкаля. Онъ родился 19-го февраля 1825 года и былъ сыномъ извѣст-

наго адвоката, который съ юности подготовилъ его къ той же карьерѣ. Окончивъ блестящимъ образомъ свое образованіе въ Кэксметской школѣ, вмѣстѣ съ будущимъ великимъ поэтомъ Венгріи, Петёфи, онъ сдѣлался адвокатомъ, но послѣ нѣсколькихъ процессовъ ему не понравилась эта карьера, и онъ измѣнилъ праву ради литературы. Переехавшись въ Пештъ, онъ посвятилъ себя изданію литературнаго журнала «Eletkérek», въ которомъ помѣстилъ свой первый романъ «Рабочіе дни». Вокругъ него собрались всѣ таланты молодой Венгріи, въ томъ числѣ и Петёфи, но революція 1848 года отвлекла его и юныхъ сотрудниковъ на политическое поприще. Подъ начальствомъ Кошута, Юкай боролся за свободу своей родины, какъ перомъ, такъ и мечомъ, слѣдуя, съ мѣста на мѣсто, за венгерскимъ временнымъ правительствомъ. Въ концѣ національной борьбы Кошутъ послалъ его съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну, вслѣдствіе чего онъ избѣгнулъ окончательной катастрофы въ Виллагосѣ. Послѣ этого онъ долго скрывался отъ австрійскаго правительства и только помощь молодой жены, знаменитой венгерской актрисы, Розы Лаборфальви, спасла его отъ участи жертвъ Гайнау. Однако, Юкай попалъ въ тюрьму, изъ которой бѣжалъ за границу. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ находился все еще въ изгнаніи, но писалъ романы и патриотическія сочиненія, изъ которыхъ особенно извѣстны были: «Эскизы изъ жизненной борьбы». Когда въ 1861 году Венгрія получила парламентское устройство, Юкай вступилъ въ нижнюю палату, сдѣлался сторонникомъ Тиссы и въ продолженіе 18-ти лѣтъ издавалъ газету «Нод», преданную этому государственному человѣку. Хотя онъ никогда не заявлялъ согласія участвовать въ министерствѣ, но постоянно оказывалъ ему многочисленныя услуги, придерживаясь правительственнаго, умѣреннаго либерализма. Это не мѣшало ему дѣятельно заниматься журналистикой и литературой. По его собственному заявленію на пятидесятилѣтнемъ своемъ юбилей, онъ написалъ всего двѣсти томовъ, изъ нихъ двадцать девять романовъ, сорокъ восемь повѣстей и т. д. Относительно его романовъ можно сказать, что они больше отличались плодотворностью, чѣмъ литературнымъ талантомъ, и его справедливо называли венгерскимъ Александромъ Дюма. Впрочемъ нѣкоторыя изъ его произведеній напоминали Гюго, Дикенса и Жоржа Занда. Смерть восьмидесятилѣтняго Юкай одѣла въ трауръ искренно преклоняющуюся предъ нимъ его родину.

С М Ъ С Ъ.

КБИЛЕЙ князя Д. П. Голицына. 18-го апрѣля въ С. Петербургѣ было торжественно отираздновано двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности одного изъ лучшихъ современныхъ писателей — князя Дмитрія Петровича Голицына (Муравлина). Потомокъ стариннаго княжескаго рода, онъ родился въ Висбаденѣ 6-го декабря 1860 года и послѣ домашняго воспитанія поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей. Еще на лицейской скамьѣ онъ заявилъ себя рядомъ стихотвореній, изъ которыхъ одно появилось въ «Живописномъ Обозрѣніи» (1879 г., № отъ 14-го апрѣля), положивъ начало его писательской дѣятельности. По окончаніи лицейскаго курса въ 1881 году, князь Голицынъ, на ряду со службою въ государственной канцеляріи, выступаетъ съ длинною вереницей беллетристическихъ произведеній, большею частію напечатанныхъ (подъ псевдонимомъ Д. Муравлинъ) отдѣльными книжками, наиримѣръ, очерки изъ жизни золотой молодежи подъ заглавіемъ: «Убогіе и нарядные» (Сиб., 1884 г.), романы: «Теноръ» (1885 г.), «Баба» (1885 г.), «Хворь» (1886 г.), «Мракъ» (1886 г.), «Около любви» (1887 г.), «Рубли» (1889 г.), или собранія повѣстей и разсказовъ: «Князья» (1888 г.), «Судь идетъ» (1891 г.), «Дѣти» (1893 г.), «Въ толпѣ» (1894 г.), «Будни» (1895 г.), «Поэзія» (1895 г.). Всѣ эти произведенія имѣютъ цѣлю изобразить «современную русскую дѣйствительность». Позднѣе онъ началъ появляться то съ публицистическими статьями (преимущественно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» прежней редакціи), то съ очерками своего путешествія по Черногоріи и Далматинскому побережью, подъ заглавіемъ «У Сіня моря» (Сиб., 1898 г.), то съ новымъ собраніемъ разсказовъ «Въ Петербургѣ»

(1899 г.), то съ извѣстными всѣмъ романами «Вавилоняне» (1900 г.), «Отъ смутныхъ дней» (1902 г.), «На безлюдьѣ» (1903 г.) и «На Руси» (1903 г.), наконецъ — съ драматическими произведеніями, какъ «Коцей» и «Сонъ Услады» (1903 г.). Литературная дѣятельность князя Д. П. Голицына въ послѣднее время соединилась съ исполненіемъ имъ должности предсѣдателя основаннаго имъ Русскаго Собранія. Самъ истинно-русскій человекъ въ душѣ, онъ своимъ руководствомъ въ этомъ обществѣ, разрабатывающемъ русскіе идеалы и основы народнаго самосознанія, вполне оправдалъ извѣстную истину, что «писатель долженъ вполне согласовать свои слова со своими дѣлами». Чествованіе князя Голицына происходило въ помѣщеніи Русскаго Собранія. Въ 2 часа дня оно переполнилось до тѣсноты. Въ числѣ присутствовавшихъ были представители высшей администраціи, гражданской и военной, литературы, общественныхъ и ученыхъ учреждений, знакомые и почитатели юбиляра. При входѣ князя Д. П. съ супругою въ залъ началось молебствіе; оно закончилось царскимъ многолѣтіемъ и многолѣтіемъ князю. Княгиня отъ совѣта Русскаго Собранія поднесла роскошный букетъ. На эстрадѣ заняли мѣста члены совѣта. А. М. Золотаревъ прочиталъ постановленіе совѣта и адресъ Русскаго Собранія. Совѣтъ Собранія постановилъ украсить залъ портретомъ своего предсѣдателя (большой фотографическій портретъ уже висѣлъ на стѣнѣ). Передавая адресъ въ видѣ старинной русской грамоты съ золотою печатью на золотомъ шнурѣ, покрытый сотнями подписей, А. М. Золотаревъ высказалъ, что онъ безконечно счастливъ передать князю адресъ и рѣшеніе совѣта, тѣмъ болѣе, что убѣжденъ, что чувства уваженія, любви и преданности къ юбиляру безусловно и всецѣло раздѣляются всѣми присутствующими безъ исключенія. Рукоплесканія всего зала покрыли эти слова. Хоръ исполнилъ «Славу». Затѣмъ послѣдовали привѣтствія. Прочтена была телеграмма отъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, генерала В. Г. Глазова, давнишняго члена совѣта Русскаго Собранія, сохранившаго за собой эту обязанность и послѣ новаго высокаго назначенія. Привѣтствовали юбиляра отъ министерства сослуживцы князя, Императорскій Александровскій лицей (директоръ шталмейстеръ Саломонъ съ 3 депутатами-лицеистами). Въ адресѣ лицей съ удовольствіемъ вспоминаетъ, что первыя напечатанныя стихотворенія князя были написаны на лицейской скамьѣ. Поднесены адреса: отъ журнала «Русскій Вѣстникъ» (гг. Тепловъ и Короленко) (адресъ выгравированъ на серебряной доскѣ и заключенъ въ бюварь, верхняя серебряная доска котораго соответствуетъ обложкѣ журнала), газеты «Свѣтъ» (гг. Стечкинъ и Комаровъ), Общества религиозно-нравственнаго просвѣщенія (священникъ Лахотскій и графъ Н. Ѳ. Гейденъ). О. Лахотскій произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что и духовное общество имѣетъ связь съ юбиляромъ, какъ свѣтскимъ писателемъ, провозвѣстникомъ идей исконной вѣрности православнымъ русскимъ началамъ. Ораторъ благодарилъ князя за то, что онъ, какъ предсѣдатель Русскаго Собранія, пригрѣлъ въ его стѣнахъ лучшую часть нашей учащейся молодежи. «Говорю, лучшую, потому, что только лучшая часть можетъ питаться духовно идеями этихъ русскихъ началъ; соединяйте молодежь около того знамени, которому служите, и она откликнется на всѣ добрыя завѣты всѣмъ сердцемъ и

дѣломъ, какъ только способна пылкая и отзывчивая юность. Да поможетъ вамъ Богъ». Затѣмъ привѣтствовали: комитетъ общества грамотности (гг. Мамонтовъ, Филоновъ, Ковалевскій), московское славянское общество (г. Военскій), Русское галицкое братство, виленскій союзъ, члены виленскаго отдѣла Русскаго Собранія, «Виленскій Вѣстникъ» (редакторъ г. Чумиковъ), русскій кружокъ въ Варшавѣ, педагогическій совѣтъ Аккерманской гимназiи (въ Бессарабiи) и группа студентовъ С.-Петербургскаго университета. Затѣмъ прочитаны телеграммы: изъ Цетинья отъ митрополита черногорскаго Митрофана, отъ редакцій: «Новаго Времени», «Журнала министерства народнаго просвѣщенiя», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Историческаго Вѣстника», отъ литераторовъ: П. И. Вейнберга, Морозова, Мердерь, Меньшикова, Плещеева, Тихонова, Карпова, отъ художниковъ: Рѣпина, Каразина, Соломки и другихъ, отъ артистовъ — М. Г. Савиной и другихъ, отъ совѣта общества историческаго просвѣщенiя въ память императора Александра III, московскаго публичнаго Румянцевскаго музея, Русскаго театральнаго общества, харьковскаго отдѣла Русскаго Собранія, учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ, отъ Новороссійскаго университета, изъ-за границы: отъ общества русскихъ журналистовъ во Львовѣ и отъ видныхъ славянскихъ дѣятелей и журналистовъ. Членъ совѣта, князь Волконскій, передалъ юбиляру еще пѣлую кипу телеграммъ съ разныхъ концовъ Россiи. Всѣмъ чтенiямъ аплодировали. Вездѣ въ нихъ вспоминались заслуги князя въ литературѣ, приводились характерныя цитаты изъ его «Сна Услады» и выражались благопожеланiя. На привѣтствiи князь Д. П. отвѣчалъ: «Если бы я хотѣлъ выразить всѣмъ всю свою благодарность, я бы не справился съ этою задачею. Я не могу высказать того, что я чувствую; 25 лѣтъ труда привели меня къ такимъ минутамъ, ради которыхъ стоило трудиться! Вполнѣ сознавая, что многими, всѣми допущены преувеличенiя, — я сознаю это, — я вижу въ этомъ работу сердца моихъ друзей. Намъ, русскимъ людямъ, всѣмъ нужны друзья, не иноземные, но свои родные, близкiе, нужны во всей нашей жизни, особенно теперь. Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали мы, но наши мысли не здѣсь, а тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ бурная ночь войны озаряется проблесками русской доблести во славу родной земли, во славу Государя!». Тутъ всѣ поднялись, и хоръ спѣлъ «Воже, Царя храни». Три раза повторили гимнъ, и залъ огласился кликами «ура». Въ заключенiе юбиляръ выразилъ благодарность всѣмъ присутствовавшимъ и собравшимся за сердечныя отношенiя къ нему. Долгими рукоплесканiями отвѣчало ему собранiе. Въ 6 часовъ состоялся обѣдъ. Обѣдало человекъ до 200. Князя съ супругою встрѣтили аплодисментами. За обѣдомъ первый тостъ за Государя возгласилъ статсъ-секретарь Галкинъ-Враской. Музыка исполнила три раза гимнъ. Затѣмъ товарищъ предсѣдателя Русскаго Собранія, генераль Золотаревъ, въ прочувствованной рѣчи провозгласилъ здравицу князя. Генераль Бородкинъ въ своей рѣчи отмѣтилъ заслуги князя въ литературѣ, какъ носителя русскихъ идей, который не гоялся за популярность, а боролся съ «авилонянами», какимъ словомъ охарактеризовалъ онъ антирусское направленiе. Приватъ-доцентъ Б. В. Никольскій произнесъ горячую привѣтственную рѣчь, призывая князя всегда говорить правду, ничѣмъ

не смыгченную и безтрететную, и закончилъ декламацію заздравнаго стихотворенія. Было произнесено множество рѣчей, около 20. Говорили почетитель Оренбургскаго учебнаго округа Н. Ч. Заіончковскій, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» профессоръ Кулаковскій, А. А. Башмаковъ, С. А. Короленко, В. М. Пуришкевичъ, Н. П. Максимовъ, Леонтьевъ, Гераковъ, студенты Бѣляевъ, Муретовъ и Книрша, священникъ Кедринскій и другіе. Г. Михайловъ-Стойниъ сказалъ рѣчь и прогѣлъ здравицу князю стихотворнымъ древне-рускимъ складомъ. Пили и здоровье книгини. За трапезой была прочитана телеграмма изъ Цетинья отъ князя Черногорскаго: «По поводу 25-ти лѣтій вашего литературнаго труда, въ которомъ вы съ любовью коснулись и этого славянскаго края, гдѣ питаютъ живѣйшія чувства братства и искренней признательности къ Царю и великому вашему отечеству, прошу принять мои сердечныя поздравленія и пожеланія еще долго распространять посредствомъ литературы ваши благородныя мысли. Князь Черногорскій Николай». Юбиліръ съ своей стороны, благодаря за привѣтствія, поднялъ бокаль за русскихъ писателей, будащихъ словомъ родину. Оркестръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка исполнялъ во время обѣда 6 пьесъ изъ русскихъ оперъ. Послѣ обѣда импровизовался дивертисментъ изъ любителей.

Общество любителей російской словесности. 17-го апрѣля въ помѣщеніи правленія Московскаго университета состоялось закрытое (съ гостями) засѣданіе, посвященное памяти покойнаго А. И. Кирпичникова. Въ открытой части засѣданія профессоръ А. Н. Веселовскій сказалъ нѣсколько вступительныхъ словъ, въ которыхъ отмѣтилъ шпроту научныхъ интересовъ покойнаго, «отъ греческихъ романовъ и Гудруны до Жоржъ-Зандъ и Достоевскаго», его живое участіе въ дѣятельности общества, труды въ комисіи по пересмотру положенія средней школы и разнообразныя попытки популяризовать научныя знанія въ видѣ публичныхъ лекцій, книгъ для народа и т. д. Это былъ «подвпжникъ науки», память о которомъ неизгладима. С. О. Долговъ далъ очеркъ отношеній Ѡ. И. Буслаева и А. П. Кирпичникова, по ихъ перепискѣ. Отношенія учителя и ученика скоро смѣнились самою близкой дружеской связью. «Буслаевъ не спускался до студентовъ, но подымалъ ихъ до себя». Систематическимъ, настойчивымъ воздѣйствіемъ оиъ сдѣлалъ изъ Кирпичникова, котораго увлекала и отвлекала педагогическая дѣятельность, — ученаго. Вся ученая карьера Кирпичникова прошла подъ эгидой Буслаева. Въ закрытой части засѣданія пзбраны (единогласно) въ дѣйствительные члены: Н. В. Давыдовъ, П. Ф. Якубовичъ (П. Я., Мельшинъ, Гриневичъ).

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. Народъ, который создалъ въ теченіе своей исторической жизни такое неисчерпаемое богатство мелодій, такое поразительное разнообразіе типовъ музыкальных инструментовъ, проявилъ этимъ свою необыкновенную духовную силу, доказалъ мощь и величіе своего духа. Въ такихъ приблизительно выраженіяхъ закончилъ свой интересный докладъ о музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ на засѣданіи русскаго отдѣленія 10-го апрѣля популяризаторъ древне-рускихъ народныхъ инструментовъ, членъ археологическаго института, Н. П. Приваловъ. Мирный, веселый и

жизнерадостный русскій народъ, на зарѣ своей исторической жизни, страстно любилъ музыку. Незатѣшливые музыкальные инструменты фигурировали не только въ обиходной жизни его, но и во время религиозныхъ торжествъ. Византійское духовенство внесло, вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства на Руси, суровые аскетическіе идеалы и объявило смертельную борьбу древне-русской языческой музыкѣ. Борьба велась долго и упорно; рядъ суровыхъ законовъ, изданныхъ въ XVII вѣкѣ, ярко свидѣтельствуетъ о той страстности, съ которою искоренялась любовь къ народной музыкѣ. Петръ Великій подыялъ значеніе музыки вообще, но по западнымъ образцамъ. Народные инструменты презирались въ его время русскимъ обществомъ. Нѣсколько подняла интересъ къ нимъ императрица Елизавета. Вырожденіе же древне-русской народной музыки послѣдовало въ наше время, но, несмотря на гоненія, на всѣ неблагоприятныя условія, древне-русскіе инструменты сохранились народомъ. Типы этихъ инструментовъ пережили вѣка и представляютъ собою живые памятники сѣдой старины — живую археологію. Докладъ Н. И. Привалова сопровождался игрою на рожкахъ, гудкахъ, гусяхъ и кантеляхъ. Демонстрирована была принадлежащая докладчику богатая и разнообразная коллекція древне-русскихъ и восточныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Археологическая комиссія. Тайственная завѣса, отдѣляющая часть отъ быта отдаленныхъ предковъ, благодаря находкамъ, ежегодно собираемымъ въ разныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, поднимается все выше и выше. Предметы одной и той же мѣстности, объединенные въ сознаніи археолога, открываютъ полную и ясную картину быта современнаго имъ челоуѣка. Такую картину далъ графъ А. А. Бобринскій въ своемъ увлекательномъ и серьезно обоснованномъ докладѣ о «Раскопкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ», прочитанномъ имъ въ засѣданіи русскаго отдѣленія императорскаго археологическаго общества, въ помѣщеніи археологической комиссіи. Засѣданіе было весьма многочисленнымъ. Среди членовъ находился управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, академикъ В. В. Латышевъ, князь П. А. Путятинъ и др. Предсѣдательствовалъ профессоръ С. Ѡ. Платоновъ. Всѣ находки графа А. А. Бобринскаго сгруппированы были въ его докладѣ такъ, что представили полное связанное и послѣдовательное описаніе смерти и погребенія скифскаго вождя, жившаго въ мѣстности близъ деревни Журовка Чигиринскаго уѣзда. Находки настолько рѣдки и интересны, что представляютъ, по мнѣнію А. А. Степенка, совершенно новую, малоизвѣстную до сихъ поръ культуру, которая, вѣроятно, и приметъ впослѣдствіи названіе «Журовской». Академикъ В. В. Латышевъ, признавая важное значеніе находокъ, выразился, что курганъ № 400, раскопанный графомъ, будетъ отнынѣ въ глазахъ каждаго археолога знаменитымъ курганомъ. По выслушаніи доклада присутствовавшіе перешли въ залъ, гдѣ ютится ежегодно археологическая выставка. На весеннихъ выставкахъ комиссіи помѣщаются всѣ находки, сдѣланныя въ теченіе мишувшаго года на всей территоріи Россіи. Затѣмъ, лучшіе экземпляры находокъ передаются въ Императорскій Эрмитажъ, а прочіе рассылаются по провинціальнымъ музеямъ. На выставкѣ сосредоточены въ нынѣшнемъ году древности Подольской, Харьковской, Черниговской,

Виленской, Витебской, Калужской, Новгородской, Тверской, Петербургской, Московской, Уфимской, Рязанской, Саратовской, Вятской, Пермской, Эстляндской и Енисейской губерній. Чудные образчики предметовъ древности найдены близъ Херсонеса, Керчи, на островѣ Березанѣ, въ Гурзуфѣ, въ Киевской губерніи, на мѣстѣ древней Ольви, въ Кубанской области. Гвоздемъ выставки являются предметы, найденные г. Шульцемъ въ Кубанской области, и находки графа А. А. Бобринскаго въ Киевской губерніи.

Общество любителей древней письменности. 16-го апрѣля состоялось годовое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. С. Θ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ одномъ проектѣ реформъ времени Іоанна Грознаго». Сдѣлавъ общій обзоръ историографическихъ работъ по вопросу о такъ называемой реформѣ Грознаго, С. Θ. Платоновъ указалъ, что въ послѣдніе годы явилась возможность утверждать, что реформа, коснувшаяся административнаго, сословнаго и финансоваго устройства, проводилась не безсознательно: въ подготовленіи ея принимала участіе теоретическая мысль, а ея осуществленіе сопровождалось сознательною критикой. Второе сообщеніе: «Гумпольдова легенда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славяно-русскомъ переложеніи», принадлежало Н. К. Никольскому и касалось найденнаго имъ въ рукописи конца XVI вѣка Пафнутьева-Боровскаго монастыря новаго текста славяно-русскаго перевода латинской легенды о св. князѣ мантуанскаго епископа Гумпольда (X в.). По мнѣнію референта, самый переводъ легенды былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, въ домонгольскія времена. Найденный текстъ, отличающійся замѣчательнымъ богатствомъ архаизмовъ, является рѣдкимъ образцомъ древнихъ переводовъ съ латинскаго и источникомъ не только для исторіи языка, но и для генеалогіи латинскихъ и славянскихъ сказаній о Вячеславѣ. Славянский текстъ, во многихъ главахъ отклоняясь отъ латинскаго, отчасти приближается къ латинской же легендѣ «Crescente fide» (X в.), отчасти сообщаетъ новыя свѣдѣнія о чешскомъ князѣ. Такимъ образомъ этотъ текстъ, не имѣя противорѣчій и несообразностей латинскаго текста, получаетъ значеніе цѣннаго источника и для біографіи чешскаго князя. Послѣднее сообщеніе «О рукописи «Мусикія», сост. діакон. Корневымъ и Ник. Дилецкимъ въ 1681 г.», было прочтено С. В. Смоленскимъ. По замѣчанію С. В. Смоленскаго, Дилецкій былъ отлично выученный музыкантъ-теоретикъ, композиторъ и педагогъ. Только изъ его школы могъ появиться рядъ русскихъ композиторовъ, начиная съ дьяка Василія Титова, сочиненія коихъ, пройдя чрезъ среду народныхъ пѣвцовъ, выработались въ излюбленную и до сихъ поръ литературу «Херувимскихъ»; «Милость мира»; имена авторовъ позабыты, но сочиненія ихъ, передѣланныя народомъ, остались подъ названіемъ «старосимоновскихъ, пшатевскихъ, ярославскихъ» и т. п. Если новая мода на итальянское пѣніе и уничтожила школу Дилецкаго польско-нѣмецкаго направленія, то все-таки переложенія древнихъ напѣвовъ на 4 голоса уцѣлѣли отъ времени Дилецкаго и, переродившись подъ вліяніемъ времени, составили обычное нынѣ церковное хоровое пѣніе такъ называемаго «простого напѣва» или «придворнаго».

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи московскаго археологическаго общества 12-го апрѣля гр. П. С. Уварова сообщила о скоро-

постижной кончинѣ предѣдателя калужской археологической комиссіи, П. Д. Четыркина. Присутствовавшие почтили память усопшаго вставаніемъ. Затѣмъ былъ доложенъ докладъ отсутствовавшего члена Н. Г. Криштофовича объ его поѣздкѣ лѣтомъ 1903 года на Кавказъ для гео-археологическихъ изслѣдованій. Первою цѣлью его поѣздки была станица Ильская, Кубанской области, въ окрестностяхъ которой въ 1898 году барономъ де-Бай при пробиваніи одной изъ буровыхъ скважинъ на нефть открыта была палеолитическая стоянка, древнѣйшая изъ извѣстныхъ до сего времени въ восточной Европѣ. Барономъ де-Бай найдены были здѣсь каменные орудія (мижду ними хорошее скребло и характерное остріе) и большое количество осколковъ отъ нихъ, а также кости мамонта, первобытнаго быка и др. Изъ всѣхъ пунктовъ, на которыхъ производились прежде земляныя работы, наиболѣе хорошо сохранилась одна изъ выемокъ, сдѣланная при проведеніи конножелѣзной дороги, близъ вершины мѣстной горы; затѣмъ на склонѣ къ долинѣ рѣки Или существуетъ небольшое естественное обнаженіе, раскрывающее въ нѣкоторой степени геологическое строеніе поверхностныхъ наслоеній этой части горнаго склона и, наконецъ, въ самой долинѣ рѣки Или наблюдается цѣлый рядъ естественныхъ разрѣзовъ рѣчныхъ террасъ. На основаніи наблюденій докладчика оказывается, что коренными породами, слагающими эту возвышенность, являются нефтеносныя породы исключительно третичной системы, а выше ихъ залегаютъ буровато- и желтовато-сѣроватая песчаная глина съ гравіемъ, щебнемъ и обломками тѣхъ же третичныхъ породъ—послѣтретичнаго возраста. Къ сожалѣнію, нефтяныя развѣдки здѣсь уже прекратились, и слѣдовъ скважины отыскать было невозможно. Во время дальнѣйшей поѣздки по Сѣверному Кавказу близъ станціи Подгорной, на полуостровѣ, образованномъ слияніемъ рѣкъ: Алеригодихъ, впадающей въ рѣку Большую Течень, лѣвый притокъ рѣки Урупи, впадающей въ Кубань, и окруженномъ со всѣхъ сторонъ горными высотами, были обнаружены рѣчныя террасы, съ мощными культурными слоями, содержащими уголь, многочисленныя кости животныхъ, разбитыя глиняныя сосуды съ блестками, иногда крупными листочками слюды, осколки свѣтлаго кремня и типичное кремневое орудіе, представляющее собою скребокъ, хорошо обработанный съ одного конца. Принимая во вниманіе всѣ найденныя вещи и въ особенности характерное кремневое орудіе, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что вновь открытая стоянка принадлежит не къ палеолитической, а неолитической эпохѣ. Основываясь на орографическихъ и топографическихъ особенностяхъ этого полуострова и мѣста, занимаемаго на немъ культурными слоями, можно съ достовѣрностью отнести эту неолитическую стоянку къ типу городищъ. По возвращеніи изъ станціи Подгорной, докладчикъ занялся изученіемъ распространенія древнихъ ледниковыхъ образованій въ различныхъ мѣстностяхъ сѣвернаго Кавказа, при чемъ было констатировано и прослѣжено образованіе ихъ болѣе чѣмъ на 60 верстъ къ сѣверу отъ границы распространенія современныхъ ледниковъ главнаго хребта. Докладчику удалось изслѣдовать типичныя маренныя образованія близъ станціи Суокойной, т. е. въ такомъ отдаленіи отъ главнаго хребта, гдѣ, судя по существующимъ литературнымъ даннымъ, нельзя было и предполагать ихъ существованія. В. А. Городцовъ сообщил о своихъ раскопкахъ

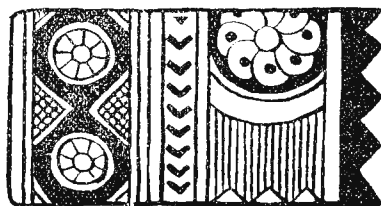
кургановъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи по рѣкамъ Бахмуту и Кальміусу. Работы продолжались четыре мѣсяца, при чемъ были изслѣдованы двѣ неолитическія стоянки и 80 кургановъ съ 212-ю погребеніями. По формѣ насыпей и по обстановкѣ погребеній бахмутскіе курганы дѣлятся на нѣсколько типовъ. Многіе относятся къ весьма отдаленнымъ временамъ, къ началу бронзовой эпохи, когда еще были въ большомъ употребленіи каменные орудія. Изъ 212-ти погребеній около 130-ти могутъ быть отнесены къ бронзовой, а остальные къ желѣзной эпохѣ. Погребенія первой эпохи заключались въ грунтовыхъ ямахъ, катакомбахъ, срубкахъ, каменныхъ ящикахъ (кистахъ), насыпяхъ и на горизонтѣ. Всего ямныхъ погребеній изслѣдовано 28, изъ нихъ половина относится къ древнѣйшему типу и только около 10-ти — къ позднѣйшему. Въ древнѣйшихъ погребеніяхъ покойники клались головою на сѣверо-востокъ и востокъ, на правомъ боку, рѣже на спинѣ. Вещи, находимыя при покойникахъ въ небольшомъ количествѣ, состояли изъ глиняныхъ круглодонныхъ сосудовъ, кремневыхъ орудій и рѣдкихъ бронзовыхъ вещицъ. Костяки въ большинствѣ случаевъ посыпались краскою. Погребеній позднѣйшихъ кочевниковъ изслѣдовано 64; къ сожалѣнію, 11 оказались разграбленными. Прочія—легко дѣлятся на четыре типа и одну группу неопредѣленнаго характера. Къ первому типу относятся 5 погребеній. Покойники лежали вытянуто, на спинѣ, головою на западъ, въ деревянныхъ колодахъ, за исключеніемъ одного, обложеннаго камышомъ. Въ четырехъ погребеніяхъ найдены цѣлыя остовы или части коней, расположенныхъ всегда такъ, что голова коня приходилась въ одну сторону съ головою покойника. Погребенія эти слѣдуетъ отнести къ кочевникамъ таркашъ, обитавшихъ на рѣкѣ Торцѣ. Ко второму типу относится 10 погребеній; покойники полагаются головою на востокъ въ ямахъ, въ колодахъ и въ одномъ случаѣ въ досчатомъ гробу; при нихъ встрѣчаются цѣлыя остовы коней; въ головахъ покойниковъ иногда ставился камень. Хоронились одинаково мужчины и женщины (въ взломскомъ же типѣ женщины почти совершенно отсутствуютъ). Съ мужчинами кладутъ сабли, ножи, топоры, колчаны съ желѣзными наконечниками стрѣлъ, огниво, сѣдла и т. под.; при женщинахъ—бусы, ножи, металлическія зеркала и проч. Интересною находкой является миниатюрная каменная баба, найденная въ кисти лѣвой руки одного дѣтскаго костяка: это — любопытный фактъ непосредственной связи каменныхъ бабъ съ погребеніями. Четыре типичныхъ фигуры «бабъ», вырѣзанныхъ изъ дерева, были найдены также г. Суливымъ въ Сальскомъ округѣ, области войска Донского. Сближеніе всѣхъ фактовъ положительно устанавливаетъ связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ и теперь хорошо выясненнымъ типомъ погребеній кочевниковъ, расiroстранявшихся на обширной площади южно-русскихъ степей. Припомнимъ, что и извѣстный путешественникъ Рубруквисъ, проѣзжавшій по Южной Россіи въ XIII вѣкѣ, приписывалъ видѣныя имъ каменные бабы половцамъ. Раскопанные курганы г. Городцовъ относятся къ эпохамъ ранѣе XII вѣка, а древнѣйшіе изъ нихъ — ко времени за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.

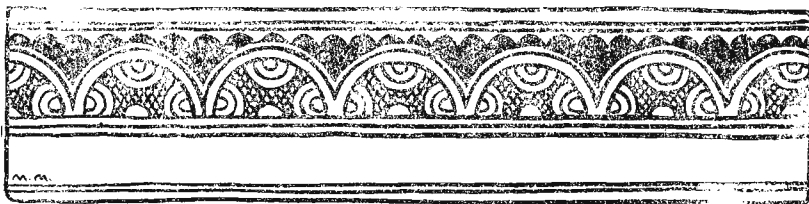
Общество археологін, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. I. 20 апрѣля состоялось общее собраніе членовъ

общества. Въ программу засѣданія было внесено шесть научныхъ сообщеній, изъ коихъ, однако, четыре за недостаткомъ времени, пришлось отложить до слѣдующаго собранія. Первый докладъ принадлежалъ члену-сотруднику (въ томъ же засѣданіи избранному въ дѣйствительные члены) общества, Г. Н. Ахмарову. Г. Ахмаровъ пзвѣстенъ, какъ ревностный исследователь Казанскаго края, такъ, еще въ 1893 г. имъ было определено мѣстоположеніе упоминаемаго въ источникахъ болгарскаго города Сувара, неизвѣстное прежнимъ археологамъ (см. «Извѣстія общества археологів, исторіи и этнографіи», XIII, 12—16); въ недавнее время г. Ахмаровъ напечаталъ послѣдованіе «О языкѣ и народности минарей» (тамъ же, XIX, 91—160) и т. д. Докладъ его носилъ названіе: «Способы пріобрѣтенія невѣсты и свадебные обряды татаръ, считающихъ себя потомками древнихъ болгаръ». Подробно описавъ практикующаеся у названнаго народа похищеніе невѣсты, а также и обряды при обыкновенной свадьбѣ, референтъ отмѣтилъ то обстоятельство, что наблюдать настоящей свадебный ритуалъ можно только въ деревнѣ, такъ какъ въ городѣ онъ уже подергся значительнымъ видоизмѣненіямъ вслѣдствіе сосѣдства съ иноплеменнымъ народомъ; по этому поводу г. Ахмаровъ указалъ, что описаніе татарской свадьбы, данное знаменитымъ казанскимъ наблюдателемъ быта инородцевъ, К. Ф. Фуксомъ, въ его книгѣ «Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ» (Казань, 1844), весьма неудовлетворительно, такъ какъ авторъ, по слабому знакомству съ татарскимъ языкомъ, многого въ наблюдавшемся имъ ритуалѣ не понялъ; между тѣмъ сообщенія Фуксомъ свѣдѣнія повторялись безъ провѣрки въ позднѣйшихъ книгахъ. Это замѣчаніе референта вызвало оживленный обмѣнъ мыслей между членами общества, и г. Ахмаровъ обѣщалъ въ слѣдующемъ засѣданіи сдѣлать подробный докладъ о неточностяхъ въ сообщеніи Фукса. Второй рефератъ былъ сдѣланъ Н. П. Загибаловымъ и касался составленной имъ—въ пятиверстномъ масштабѣ—географической, этнографической и административной карты Казанской губерніи, при чемъ была демонстрирована самая карта. Свой трудъ, составленный по новѣйшимъ даннымъ и потому исправляющій прежнія аналогичныя карты, г. Загибаловъ предлагаетъ обществу пріобрѣсти для изданія. Въ засѣданіи выяснилось, что на демонстрируемую карту не нанесены нѣкоторыя указанія, присутствіе которыхъ на ней было бы желательно; съ другой стороны, общество не имѣетъ средствъ на изданіе карты; въ виду этого общее собраніе уполномочило совѣтъ общества озаботиться, во-первыхъ, составленіемъ списка желательныхъ дополненій къ картѣ г. Загибалова, и, во-вторыхъ, пріисканіемъ средствъ для изданія ея, если будетъ рѣшено пріобрѣсти этотъ трудъ отъ автора. II. Въ засѣданіи 11 мая было сообщено о новыхъ пожертвованіяхъ въ музей и бібліотеку общества; г-жею М. А. Готвальдъ, жительствующею въ городѣ Моздокѣ, Терской области, прислано въ даръ обществу нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ и одинъ ножъ; общество исторіи и древностей російскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ препроводило въ бібліотеку общества свое фототипическое изданіе грамоты объ избраніи Михаила Феодоровича Романова на царство. Изъ научныхъ сообщеній, внесенныхъ въ программу засѣданія, первымъ былъ прочитанъ докладъ дѣйствительнаго члена общества, г. проф. Н. О.

Катанова: «О новыхъ заграничныхъ и русскихъ изданiяхъ, касающихся Казани». Въ рефератѣ этомъ было изложено содержанiе двухъ итальянскихъ книгъ (одна изъ нихъ, рисующая судьбу извѣстныхъ въ Казанскомъ краѣ разбойниковъ, Быкова и Чайкина, написана г. профессоромъ Казанскаго университета В. Ф. Залѣскимъ) и нѣсколькихъ русскихъ статей; послѣднiя, принадлежащiя перу бывшаго профессора Казанскаго университета, Е. А. Боброва, имѣютъ своимъ предметомъ биографiи казанскихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ Варенцовъ, Ордынскiй, Москотильщиковъ и др. Вместе съ тѣмъ г. Катановъ коснулся недавно вышедшей книги дѣйств. члена общества, г. А. А. Сухарева, о казанскихъ татарахъ. Второе сообщенiе «О кладѣ, найденномъ въ 1903 г. въ деревнѣ Кибечъ, Лаишевскаго уѣзда», было сдѣлано дѣйствительнымъ членомъ общества, г. Ѳ. Т. Васильевымъ. Кладъ былъ найденъ 20 iюля 1903 г. въ огородѣ одного изъ крестьянъ названной деревни на глубинѣ четверти аршина и содержитъ до 1.700 экземпляровъ русскихъ серебряныхъ монетъ XV и XVI вѣковъ, какъ великокняжескихъ, такъ и новгородскихъ и псковскихъ. Самыя монеты, прiобрѣтенныя г. Васильевымъ въ собственность, были демонстрированы въ засѣданiи. Третiй рефератъ, дѣйствительнаго члена общества, г. Н. К. Горталова, имѣлъ своимъ предметомъ «Казанскiя цѣны 130 лѣтъ тому назадъ (по даннымъ гимназическаго архива)». Материалъ для этого сообщенiя былъ заимствованъ изъ двухъ дѣлъ 1774 года, хранящихся въ архивѣ Императорской Казанской Первой мужской гимназiи; кромѣ весьма интересныхъ данныхъ о цѣнахъ на разные предметы, докладъ г. Горталова содержалъ любопытныя бытovyя подробности, почерпнутыя изъ описи имущества должностныхъ лицъ и учениковъ гимназiи, погибшаго въ огнѣ во время нашествiя Пугачева; у одного педагога, напримѣръ, сгорѣло 96 дюжинъ колоды картъ. Четвертое сообщенiе, присланное г. А. И. Добромысловымъ, было озаглавлено: «Каменные бабы, найденныя въ 1903 году въ Тургайской области», и заключало въ себѣ описанiе трехъ названныхъ предметовъ древности, иллюстрированное фотографическими снимками. Затѣмъ было прочитано окончанiе начатаго въ предыдущихъ засѣданiяхъ реферата г. П. В. Кузьмина на тему «Религiозныя вѣрованiя и обряды бурятъ». Послѣднимъ было сдѣлано сообщенiе дѣйствительнаго члена общества, г. Г. Н. Ахмарова: «Нѣсколько словъ о К. Ѳ. Фуксѣ, какъ этнографѣ (по поводу его сочиненiя: «Казанскiе татары»)». Референтъ въ этомъ докладѣ представилъ подробное обоснованiе своего отрицательнаго взгляда на дѣятельность Фукса, какъ этнографа, и указалъ, что недостатки ея обусловливались: 1) слабымъ знакомствомъ Фукса съ татарскимъ языкомъ, 2) недостаточностью многихъ особенностей татарскаго быта для наблюденiй иновѣрца и 3) не вполне объективнымъ отношенiемъ этнографа къ описываемой имъ жизни татаръ. Докладъ г. Ахмарова вызвалъ оживленныя пренiя: нѣкоторые изъ присутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ общества находили судъ референта слишкомъ строгимъ; докладчикъ замѣтилъ на это, что онъ считалъ необходимымъ указать на темныя стороны въ этнографической дѣятельности Фукса, такъ какъ его книга служила главнымъ источникомъ для позднѣйшихъ компиляторовъ, касавшихся быта татаръ, и потому внесла въ литературу много совершенно ложныхъ свѣдѣнiй о жизни этого народа.

Общество востоковѣдѣнія. Состоявшееся 8-го апрѣля сообщеніе члена географическаго общества В. Л. Комарова о Манчжуріи привлекло многочисленную аудиторію. Резюмируя свое сообщеніе, лекторъ, изслѣдовавшій страну лично, приходитъ къ заключенію, что Манчжурія представляетъ собою страну, весьма удобную какъ для скотоводства, которое очень развито въ ней, такъ и для культуры злаковъ и массы тѣхъ растеній, которыя служатъ для промышленныхъ цѣлей. Въ настоящее время вся страна, за исключеніемъ той полосы, которая прилегаетъ къ желѣзной дорогѣ и подвержена воздѣйствію нашей желѣзнодорожной охраны, находится въ крайне неопредѣленномъ положеніи: населеніе не желаетъ подчиняться китайскимъ властямъ въ виду всяческихъ вымогательствъ этихъ властей, и въ то же время въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ линіи желѣзной дороги, не имѣется русской власти, къ которой населеніе Манчжуріи относится съ полнымъ довѣріемъ. Владѣніе одной лишь желѣзной дорогой создало пока въ странѣ весьма неопредѣленное положеніе населенія. Затѣмъ предсѣдатель собранія Н. К. Шведовъ доложилъ присутствующимъ членамъ, что въ концѣ января нынѣшняго года совѣтомъ общества были командированы въ Персію для изслѣдованія мѣстныхъ горныхъ богатствъ, условій торговли, а также торговыхъ путей, горные инженеры гг. Матисенъ и Коровкевичъ. Въ настоящее время отъ нихъ уже начали поступать доклады о результатахъ командировки, которые будутъ доложены въ одномъ изъ ближайшихъ собраній.

НЕКРОЛОГИ.

ВРЕДИХИНЪ, Ѳ. А. † 1-го мая въ Петербургѣ скончался извѣстный русскій астрономъ Ѳедоръ Александровичъ Вредихинъ, почти полвѣка потрудившійся на ученое поприщѣ и—главнымъ образомъ — въ стѣнахъ Московскаго университета. Императорская академія наукъ и многія научныя учрежденія Россіи утратили замѣчательнаго дѣятеля.

Покойный, потомокъ древней дворянской фамиліи, родился 26 ноября 1831 года въ Николаевѣ, городѣ Херсонской губерніи, и до чотырнадцати лѣтъ воспитывался въ стеной отцовской усадьбѣ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Послѣ недолгаго ученья въ Рижельевскомъ лицѣѣ, онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета и тамъ въ 1855 году окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ.

Оставленный при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, Ѳ. А. Вредихинъ скоро былъ отправленъ за границу, а по возвращеніи оттуда, съ 1857 года, онъ занялъ должность наблюдателя при обсерваторіи и мѣсто адъюнкта по кафедрѣ астрономіи въ родномъ университетѣ. Степени магистра и доктора астрономіи открыли передъ нимъ профессорскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ славился и своимъ преподаваніемъ, и своими научными изслѣдованіями. Наконецъ, съ 17 марта 1890 года покойный былъ избранъ въ ординарные академики императорской академіи наукъ и былъ назначенъ директоромъ Пулковской обсерваторіи. Отъ послѣдней должности онъ, однако, потомъ отказался, и его мѣсто занялъ академикъ Баклундъ. Научные труды Ѳ. А. были посвящены главнымъ образомъ изученію кометъ, въ особенности ихъ хвостовъ, а также спектроскопическимъ наблюденіямъ надъ солнцемъ (его выступами или проту-

берансами). Труды эти помѣщались имъ въ «Bulletins» императорскаго общества испытателей природы (гдѣ въ 80-хъ годахъ онъ состоялъ президентомъ), въ основанныхъ имъ «Анналахъ» московской обсерваторіи («Annales de l'observatoire de Moscou»), а съ 90-хъ годовъ въ «Мемуарахъ и Извѣстіяхъ императорской академіи наукъ». Значеніе трудовъ Ѳ. А. было признано на Западѣ, и онъ состоялъ между прочимъ членомъ лондонскаго королевскаго общества, многихъ астрономическихъ обществъ и др. Какъ профессоръ, онъ оставилъ по себѣ память талантливаго лектора, при чемъ неоднократно выступалъ и на публичныхъ лекціяхъ и курсахъ. Нѣсколько популярныхъ статей его было помѣщено въ «Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ», издававшимся обществомъ испытателей природы, и въ сборникъ «Природа», издававшимся въ 70-хъ годахъ подъ редакціей проф. Усова и Сабанѣева. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 122; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 121; «Новости Дня», 1904 г., № 7510; «Русскій Листокъ», 1904 г., № 122; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 104).

† Григоровичъ, И. И. 17-го апрѣля въ преклонномъ возрастѣ скончался бывшій профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, инспекторъ классовъ с.-петербургскаго коммерческаго училища и преподаватель многихъ учебныхъ заведеній Иванъ Ивановичъ Григоровичъ, вся долготѣлая жизнь котораго была посвящена педагогической дѣятельности. Покойный родился въ 1833 году. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, выступилъ на педагогическое поприще въ качествѣ учителя всеобщей исторіи въ Лѣсномъ корпусѣ, откуда въ 1862 г. былъ перемѣщенъ на должность преподавателя того же предмета въ старшихъ классахъ Смольнаго института. Занимая послѣднюю должность около 35 лѣтъ, одновременно съ этимъ читалъ лекціи по своей специальности сначала въ Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ, затѣмъ на женскихъ педагогическихъ курсахъ и въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Съ 1883 по 1896 годъ состоялъ профессоромъ новѣйшей исторіи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, исполняя въ то же время обязанности преподавателя и инспектора классовъ въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. Въ 1889 году во время пребывания княженъ Анны и Елены Черногорскихъ въ Смольномъ институтѣ, читалъ имъ лекціи по русской исторіи. Изъ литературныхъ трудовъ покойнаго Ивана Ивановича болѣе извѣстны недавно вышедшіе девятымъ изданіемъ «Очерки новѣйшей исторіи (1815—1900 гг.)». (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10104).

† Иоаннисяни, А. А. 16-го апрѣля скончался въ Батумѣ Абгаръ Артемьевичъ Иоаннисяни. Покойный былъ извѣстенъ, какъ талантливый публицистъ и общественный дѣятель. Среди тифлисскихъ общественныхъ дѣятелей А. А. Иоаннисяни занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Онъ состоялъ гласнымъ тифлисскаго городской думы, но отъ обязанности гласнаго въ виду расшатаннаго здоровья въ послѣднее время отказался; состоялъ председателемъ тифлисскаго общества взаимнаго кредита, и недавно отпразднованъ былъ 25-лѣтній юбилей его дѣятельности на этомъ поприщѣ. Онъ первый сталъ издавать на армянскомъ языкѣ ежемѣсячный журналъ «Пордзъ» (Опытъ) и еженедѣльный

«Ардзаганкъ» (Эхо), который потомъ превратился въ ежедневную газету подъ тѣмъ же названіемъ. А. А. Иоаннисяни былъ однимъ изъ учредителей «Центральной книжной торговли» въ Тифлисѣ. Покойный кончилъ курсъ одной изъ петербургскихъ гимназій, учился въ Петербургскомъ университетѣ и образованіе свое закончилъ въ Лейпцигѣ. Скончался Иоаннисяни 54-хъ лѣтъ отъ роду. Изъ болѣе заслуживающихъ вниманія и имѣющихъ значеніе крупныхъ литературныхъ трудовъ его на русскомъ языкѣ отмѣтимъ здѣсь «Армянскія пословицы», напечатанныя въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ». (Некрологи его: «Тифлисскій Листокъ», 1904 г., № 90; «Черноморскій Вѣстникъ», 1904 г., № 88).

† **Казанцевъ, Н. В.** 10-го апрѣля въ Екатеринбургѣ скончался извѣстный писатель Николай Владимировичъ Казанцевъ. Покойный родился въ 1849 г., первоначальное воспитаніе получилъ въ екатеринбургской мужской гимназій, окончивъ которую поступилъ на службу въ Сибирскій торговый банкъ, гдѣ нѣкоторое время состоялъ секретаремъ. 70-ые годы живо откликнулись въ сердцѣ этого впечатлительнаго человѣка. Онъ пошелъ «въ народъ» и основалъ свою колонію гдѣ-то въ киргизскихъ степяхъ близъ Петропавловска. Но вскорѣ же это «сидѣнье на землѣ» перестало удовлетворять его широкіе запросы. Онъ переселяется въ Екатеринбургъ и здѣсь открываетъ первую публичную бібліотеку, перешедшую затѣмъ къ зубному врачу И. И. Хруцову. Въ этотъ періодъ дѣятельности онъ близко сошелся съ покойнымъ извѣстнымъ врачомъ-писателемъ В. О. Португаловымъ. На литературное поприще Н. В. Казанцевъ выступилъ въ 1888 году. Свои повѣсти и рассказы печаталъ: въ «Артистѣ», «Наблюдателѣ», «Дневникѣ артиста», «Живописномъ Обзорѣніи», «Сынѣ Отечества», «Волжскомъ Вѣстникѣ», «Екатеринбургской Недѣлѣ», «Уралѣ», «Уральской Жизни». Большая часть этихъ рассказовъ и очерковъ была издана въ 1898 году отдѣльнымъ изданіемъ. Помимо беллетристическихъ произведеній покойнымъ Казанцевымъ написанъ цѣлый рядъ драматическихъ пьесъ, какъ-то: «Всякому свое», «На своихъ мѣстахъ», «По разсѣянности», «Бываетъ», «Разбитыя иллюзіи», «Старыя чувства живучи». Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ, напримѣръ, «Всякому свое», шли на московской сценѣ у Корша, въ Маріинскомъ театрѣ и на петербургской сценѣ. Послѣднія 17 лѣтъ Николай Владимировичъ страдалъ неизлѣчимымъ тяжкимъ недугомъ и переживалъ изо дня въ день страшныя муки. Хотя почти всѣ его рассказы написаны во время болѣзни, но въ нихъ ярко и образно отлилось все, что онъ пережилъ, передумалъ, перечувствовалъ. И эти выстраданныя страницы посвящены, главнымъ образомъ, родному Уралу. По справедливому мнѣнію Д. Н. Мамина-Сибиряка, яркая особенность рассказовъ Казанцева, проходящая красною нитью,—это тонкость психологическаго анализа, исключительная теплота чувства и непоколебимая вѣра въ тѣ идеалы, которые всегда служили, служатъ и будутъ служить человѣчеству путеводными огнями. Съ 1897 года и до послѣднихъ дней покойный Николай Владимировичъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ екатеринбургской прессѣ. (Некрологи его: «Ураль», 1904 г., № 1967; «Приазовскій Край», 1904 г., № 102).

† Мосоловъ, А. Н. 8-го мая внезапно скончался Александръ Николаевичъ Мосоловъ, два дня назадъ назначенный членомъ государственнаго совѣта. Этимъ назначеніемъ были отмѣчены его крупныя заслуги на административномъ поприщѣ. Въ качествѣ администратора онъ трудился болѣе двадцати пяти лѣтъ. Еще въ 1879 году, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Л. С. Маковъ, покойный былъ приглашенъ на отвѣтственный постъ директора департамента иностранныхъ исповѣданій. Онъ занималъ этотъ постъ при графѣ Лорисъ-Меликовѣ и графѣ Н. П. Игнатьевѣ. При назначеніи же министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого былъ перевѣщенъ на должность вологодскаго губернатора, но управлялъ Вологодской губерніей недолго—около года. Съ 1883 года по 1894 года былъ новгородскимъ губернаторомъ. Его продолжительное управление одной и той же губерніей благотворно отразилось на упорядоченіи различныхъ отраслей ея хозяйства. Губернія обогатилась при немъ множествомъ школъ, новыми путями сообщенія, больницами и врачебными пунктами. Въ 1894 году покойный былъ вновь призванъ занять прежній постъ—директора департамента иностранныхъ исповѣданій и, въ теченіе десяти лѣтъ умѣло руководилъ сложною дѣятельностью этого департамента. А. Н. Мосоловъ происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи, родился въ 1844 году. Образование получилъ въ школахъ гвардейскихъ подпорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, и началъ службу въ лейбъ-гвардіи Стрѣлковомъ батальонѣ императорской фамиліи. Прослуживъ въ строю годъ, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Вильну въ качествѣ секретаря виленскаго генералъ-губернатора М. Н. Муравьева. Черезъ три года переехалъ въ Ригу чиновникомъ особыхъ порученій при прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ Ригѣ много поработалъ надъ обрусеніемъ края и основалъ здѣсь первую русскую газету «Рижскій Вѣстникъ». Въ 1862 году былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и быстро выдвинулся своими дарованіями изъ ряда сослуживцевъ. 35 лѣтъ отъ роду былъ уже призванъ стать во главѣ департамента иностранныхъ исповѣданій. Помимо административной службы покойный выдѣлился на поприщѣ журналистики и литературнаго, преимущественно драматическаго творчества. Въ 1870 году появился его историческій очеркъ «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой». Затѣмъ были изданы «Виленскіе очерки 1863—1865 годовъ», въ 1900 году закончены драматическія сцены изъ 1812 года «Вокругъ пылающей Москвы», съ успѣхомъ шедшія на сценѣ литературно-художественнаго театра, а въ 1902 г. напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» комедія-быль «На закатѣ славы». Кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Гражданинѣ» и въ послѣдніе годы въ «Новомъ Времени». Въ частной жизни Александръ Николаевичъ отличался рѣдкимъ гостепріимствомъ и отзывчивостью. Среди всѣхъ знавшихъ его оставилъ по себѣ хорошія воспоминанія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10123).

† Плеске, Э. Д. 26 апрѣля скончался, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, членъ государственнаго совѣта, тайный совѣтникъ Эдаурдъ Дмитріевичъ Плеске. Неумолимая смерть прервала нить его жизни въ возрастѣ далеко не старомъ. Онъ родился 25 октября 1852 г. По выходѣ изъ Александровскаго

лица съ чиномъ IX класса, Э. Д. поступилъ на службу, въ началѣ 1873 года, по министерству финансовъ, въ которомъ прошелъ всѣ ступени служебной іерархіи—отъ низшихъ должностей до высшаго поста управляющаго министерствомъ. Первую половину своего служебнаго поприща, въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, онъ проходилъ, что называется, въ черномъ тѣлѣ, и лишь въ мартѣ 1888 года былъ назначенъ вице-директоромъ этого департамента; черезъ годъ послѣ того Э. Д. былъ переведенъ въ кредитную канцелярію сперва вице-директоромъ, а въ началѣ 1892 года занялъ важную и вліятельную должность директора этой канцеляріи. Съ переходомъ въ кредитную канцелярію Э. Д. сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ тогдашняго министра финансовъ Вышнеградскаго по всѣмъ разнообразнымъ дѣламъ и отраслямъ кредита, которымъ самъ Вышнеградскій отдавалъ столько вниманія и заботъ, каковы: конверсія вышнихъ займовъ, накопленіе золотого фонда, банковая политика и т. д. Со вступленіемъ на постъ министра финансовъ С. Ю. Витте, на очередь былъ поставленъ вопросъ о преобразованіи государственнаго банка, и уже съ начала 1893 года при министерствѣ финансовъ открылись подготовительныя по этому преобразованію работы обширной комиссіи подъ предѣтельствомъ самого министра финансовъ, съ участіемъ представителей вѣдомствъ и многихъ специалистовъ банкаго дѣла. Въ качествѣ директора кредитной канцеляріи, Э. Д. принималъ въ этихъ работахъ самое дѣятельное участіе, и когда черезъ годъ новый уставъ государственнаго банка получилъ законодательную санкцію, приведеніе въ дѣйствіе банковской реформы волюнѣ естественно было поручить Э. Д., который вслѣдъ за утвержденіемъ новаго устава банка назначенъ былъ управляющимъ послѣдняго и оставался въ этой должности до 16 августа прошлаго года, когда состоялось назначеніе его на постъ управляющаго министерствомъ финансовъ, освободившійся по случаю назначенія статсъ-секретаря Витте предѣвателемъ комитета министровъ. Но чуть не съ первыхъ дней по назначеніи на этотъ новый многотрудный и отвѣтственный постъ Э. Д. постигъ тяжкій недугъ. Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ долженъ былъ лечь въ постель, съ которой ему болѣе не суждено было встать. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ Э. Д., пользовавшійся для леченія отпускомъ, счелъ необходимымъ настаивать на увольненіи его отъ должности управляющаго министерствомъ финансовъ, и 4 февраля онъ получилъ это увольненіе съ назначеніемъ въ члены государственнаго совѣта. Э. Д. принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества, которое несетъ въ его лицѣ крупную потерю. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10111; «Новости», 1904 г., № 115; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 212; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 254; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 99).

† Пузыревскій, А. К. 10 мая скончался въ Варшавѣ членъ государственнаго совѣта, генераль отъ инфантеріи, Александръ Казимировичъ Пузыревскій. Покойный принадлежалъ къ числу боевыхъ генераловъ и пользовался извѣстностью военнаго писателя-знатока военнаго искусства. А. К. родился 3 февраля 1845 года. Окончивъ курсъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, началъ службу въ конной артиллеріи. Затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генераль-

наго штаба, откуда выпущенъ по первому разряду. Въ семидесятыхъ годахъ былъ старшимъ адъютантомъ штаба первой гвардейской пѣхотной дивизіи. Во время русско-турецкой войны состоялъ начальникомъ штаба авангарда передового отряда генерала І. В. Гурко. Вмѣстѣ съ отрядомъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ неприятелемъ: подъ Тырновомъ, при занятіи переходовъ черезъ Балканы, подъ Уфланами и Казанлыкомъ, Ени-Загрою и Джуравли, подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, въ сраженіи при Ташкисентѣ и въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и совершилъ славный зимній переходъ черезъ Балканы. Въ немъ генераль Гурко имѣлъ одного изъ своихъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ. Боевыя заслуги А. К. во время кампаніи отмѣнены Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени, орденомъ св. Станислава 2-й степени и св. Владимира 4-й степени, оба съ мечами, и чиномъ полковника. По окончаніи войны А. К. состоялъ для особыхъ порученій при штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа, затѣмъ былъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ это время появились въ печати его «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 гг. въ Европейской Турціи» и цѣнный трудъ «Зимній переходъ черезъ Балканы отряда ген.-адъют. Гурко», а также рядъ статей по военнымъ вопросамъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Новомъ Времени», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и другихъ изданіяхъ. Въ 1884 году покойный былъ приглашенъ читать лекціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Каѳедру военного искусства онъ занималъ въ продолженіе шести лѣтъ, состоя одновременно помощникомъ начальника канцеляріи военного министерства. Кромѣ того, А. К. было поручено преподаваніе Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, исторіи военного искусства съ теоретическимъ и практическимъ изученіемъ кавалерійскихъ уставовъ. Въ бытность профессоромъ генераль Пузыревскій опубликовалъ слѣдующія свои работы: «Десять лѣтъ назадъ: война 1877—1878 гг.», «Польско-русская война 1831 г.», «Кавалерійская атака при Сомо-Сьеррѣ въ Испаніи», «Полевая служба по новому уставу», «Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военного искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго», «Исторія военного искусства въ средніе вѣка» и «Исторія военного искусства въ эпоху 30-лѣтней войны». Съ 1890 года А. К. былъ начальникомъ штаба Варшавскаго военного округа и дѣятельнымъ сотрудникомъ фельдмаршала І. В. Гурко, гр. П. П. Шувалова и свѣтлѣйшаго кн. А. К. Имеретинскаго въ развитіи боевой готовности войскъ округа. При назначеніи варшавскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютанта М. И. Чертова покойный занялъ постъ его помощника по командованію войсками Варшавскаго военного округа и продолжалъ съ присущей ему энергіей заботиться о боевой подготовкѣ войскъ. Въ нынѣшнемъ году былъ призванъ въ государственный совѣтъ. Досуги своей службы удѣлялъ изслѣдованіямъ по исторіи военного искусства и выясненію путемъ газетныхъ и журнальныхъ статей разнообразныхъ вопросовъ военной жизни и быта. Въ послѣдніе годы имъ издано «Изслѣдованіе боя въ древнія и новѣйшія времена» и напечатано множество статей, преимущественно въ «Русскомъ Инвалидѣ». Нѣкоторые труды генерала Пузыревскаго переведены на нѣмецкій, французскій и польскій языки. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10126).

† **Рябушкинъ, А. П.** 27-го апрѣля скончался классный художникъ I-й степени, А. П. Рябушкинъ, происходившій изъ крестьянъ Тамбовской губерніи. Первоначальное художественное образованіе онъ получилъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества и въ 1882 году вступилъ въ число учениковъ академіи художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1890 году. Его конкурсная работа «Снятіе со креста» была приобретена для картинной галлерей П. М. Третьяковымъ. На стипендію августѣйшаго президента академіи художествъ А. П. предпринялъ большую поѣздку по Россіи для изученія русской старины, что было его давнишней завѣтной мечтой, и по возвращеніи написалъ цѣлый рядъ картинъ, иллюстрирующихъ русскую жизнь. Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ его кисти надо отнести картины: «Встрѣчу молодыхъ отъ вѣнца», «Царево кружало», хранящіяся въ галлерей Третьяковыхъ въ Москвѣ, и одну изъ послѣднихъ картинъ: «Вдуть», приобретенную русскимъ музеемъ Императора Александра III. Картина: «Русскія женщины въ церкви XVII вѣка», тоже находящаяся въ настоящее время въ городской московской галлерей, была на всемірной выставкѣ 1900 года въ Парижѣ и премирована почетнымъ дипломомъ. Кромѣ того, А. П. принадлежитъ нѣсколько большихъ композицій для мозаикъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ и для вновь строящагося храма въ городѣ Варшавѣ. Особенно плодотворнымъ его творчество оказалось въ отношеніи множества исполненныхъ имъ иллюстрацій, преимущественно на сюжеты изъ русской исторіи. Сюда надо отнести и такіе цѣльные труды, какъ, напримѣръ, «Альбомъ русскихъ былинныхъ богатырей» (премія къ журналу «Всемирная Иллюстрація»), рисунки къ сценамъ Горбунова и къ изданію полковника Кутенева «Царская охота». Всѣхъ его рисунковъ насчитывается около 2.000. Во время коронаціи Государя Императора А. П. былъ командированъ въ числѣ другихъ первоклассныхъ художниковъ въ Москву для воспроизведенія акварелью торжествъ священнаго коронованія. За послѣднія 8—10 лѣтъ А. П. участвовалъ преимущественно на выставкахъ: «Общества художниковъ исторической живописи», членомъ учредителемъ котораго онъ состоялъ, «Мира искусства» и московскаго «Союза русскихъ художниковъ». Умеръ онъ въ возрастѣ, еще полнымъ силъ: ему было за 40 лѣтъ. (Некрологи его: «Приазовскій Край», 1904 г., № 115; «Новое Время», 1904 г., № 10113).

† **Старицкій, М. П.** 14-го апрѣля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался Михаилъ Петровичъ Старицкій, драматургъ, публицистъ и переводчикъ. Писалъ онъ преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, но, какъ драматургъ, пользовался широкой извѣстностью не только у своихъ земляковъ; пьесы его смотрѣлись всюду, гдѣ играли малороссы. Покойный принадлежалъ къ той плеядѣ даровитыхъ украинцевъ, которая, начиная Квиткой, отдавала свои силы и общей русской литературѣ, и своей, провинціальной, украинской, но во всякомъ случаѣ не могла обойтись безъ общерусскаго читателя или зрителя. Покойный писатель родился 2-го декабря 1840 года, въ с. Клишинцахъ, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Окончивъ гимназію, М. П. побывалъ въ Харьковскомъ и Киевскомъ университетахъ, и въ литературѣ выступилъ уже въ 1864 году. Онъ писалъ стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ,

ходившія по рукамъ у его земляковъ, переводилъ иностранныхъ поэтовъ, польскихъ (Мицкевича и Сырокомлю) и даже съ русскаго на малорусскій, что уже казалось бы совсѣмъ излишнимъ. Впрочемъ, первые шаги его въ литературѣ имѣли слабый успѣхъ, за исключеніемъ перевода «Сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ». Извѣстность онъ приобрѣлъ, когда въ 1874 году въ Кіевѣ выступилъ съ первымъ своимъ драматическимъ произведеніемъ «Риздвяна ничь». Столь же понравились его «Черноморци» (1887 г.). Женитьба на Софѣ Витальевнѣ Лисенко, родной сестрѣ Николая Витальевича Лисенка, сблизила М. П. съ знаменитымъ украинскимъ композиторомъ, и оба они, поселившись съ семидесятыхъ годовъ въ Кіевѣ, сдѣлались центромъ кружка украинской интеллигенціи—Лисенко, какъ музыкантъ, Старицкій, какъ литераторъ и знатокъ сцены. Первая опера Лисенка «Риздвяна ничь» была поставлена въ Кіевѣ, исключительно любительскими силами, подъ режиссерствомъ М. П. Либретто этой оперы, какъ и всѣхъ почти оперъ Лисенка, написано Старицкимъ. Всего покойный написалъ до двадцати драмъ, комедій и фарсовъ, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. Между прочимъ передалъ онъ на малорусскую рѣчь и «Гамлета» Шекспира. Полное собраніе драматическихъ произведеній Старицкаго издано въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «Малороссійскій театръ». Въ лучшихъ произведеніяхъ Старицкаго находимъ всѣ обычныя украинской драматургіи достоинства и недостатки. Наивность, жанръ «комической оперы» добраго стараго времени, простодушные эффекты соединяются здѣсь съ поэтической свѣжестью, непосредственностью чувства, съ украинскимъ здоровьемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ малорусскій языкъ пересталъ быть запретнымъ плодомъ, литература его заняла подобающее мѣсто своеобразнаго, провинціального цвѣтка на общей русскаго нивѣ. И сейчасъ же украинскій патріотъ-писатель и поборникъ малорусскаго театра почувствовалъ потребность въ общерусскомъ зрителѣ, положилъ много силъ, чтобы познакомить его съ малороссійскою драматургіей. Съ труппой своихъ малороссовъ М. П. Старицкій въ 1883 г. предпринялъ поѣздку по всей Россіи. Эта труппа имѣла значительный успѣхъ въ Петербургѣ и Москвѣ и въ другихъ городахъ. Всѣ съ удовольствіемъ встрѣтили новинку. Юморъ, пѣніе, гопакъ, героически-чувствительный тонъ и яркій колоритъ малороссійскаго театра всѣмъ нравились. Труппа, однако, распалась уже въ 1887 году, и, какъ теперь сообщаютъ кіевскія газеты, Старицкій при этомъ истратилъ почти все состояніе. Однако и потомъ Старицкій не разъ совершалъ поѣздки по Россіи со своими, любезными сердцу, малороссами. Въ послѣдніе годы покойный не оставлялъ литературной работы; написалъ поэму изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Писалъ онъ и на русскомъ языкѣ историческія повѣсти, но печатались онѣ гдѣ-то въ провинціальныхъ газетахъ и не обратили на себя вниманія. Въ настоящее время малороссійскій театръ, чаще просто обозначаемый «малороссы», вошелъ, такъ сказать, въ обиходъ русскихъ увеселеній и зрѣлищъ. Малорусской драматургіи и ея артистамъ обезпечены вниманіе и сочувствіе общерусскаго зрителя. И это угожденіе малороссамъ, конечно, въ значительной мѣрѣ создала неустанная работа покойнаго Михаила Петровича Старицкаго. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 108; «Новое Время», 1904 г.,

№ 10104; «Бессарабець», 1904 г., № 104; «Донская Рѣчь», 1904 г., № 101; «Бѣльскія Цвѣткі», 1904 г., № 89; «Тифлісскій Листокъ», 1904 г., № 90).

† **Хмѣлювскій, П.** 10-го апрѣля во Львовѣ скончался, на 56 году жизни, наиболѣе извѣстный и плодovitый критикъ и историкъ польской литературы, Петръ Хмѣлювскій. Покойный родился въ с. Завадинцахъ, Подольской губерніи, въ 1848 году, первоначальное образованіе получилъ въ Варшавской главной школѣ, послѣ чего поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ и получилъ ученую степень доктора философіи. Почти вся его и литературная и педагогическая дѣятельность протекла въ Варшавѣ. Помимо множества критическихъ статей и монографій, онъ преподавалъ польскую литературу въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а, кромѣ того, съ 1881 по 1897 годъ редактировалъ ежемѣсячный журналъ «Атенеумъ», который въ качествѣ издателя подписывалъ В. Спасовичъ. Покойный былъ хороший педагогъ, добросовѣстный и трудолюбивый писатель, но лишень былъ эстетическаго вкуса, и потому его многотомная «Исторія польской литературы» имѣеть лишь относительное значеніе, не удовлетворяя основному требованію этого рода труда. Годъ назадъ Хмѣлювскій получилъ кафедру исторіи польской литературы во Львовѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10104; «Кіевлянинъ», 1904 г., № 105).

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1904 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

I. Богословіе.

Валентинъ, іером. (Ляхощій). Проповѣдь. Вып. I. М. 1904. Ц. 15 к.

Волковъ, В. Т. Голосъ мірянина въ защитѣ апологетики. М. 1904. Ц. 40 к.

Іановъ, архіеп. По струнамъ сердца. Слова и рѣчи. Книга III. Изд. 5-е. Сиб. 1904. Ц. 40 к.

Свѣтъ во тьмѣ. Современныя—религіозныя и церковно-общественныя вопросы въ рѣшеніи ихъ выдающимися духовными и свѣтскими православно-русскими писателями. Сиб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Кузминъ, С. Война въ мѣлнцахъ передовыхъ людей. Сиб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Три разговора. Изд. 4-е. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Страховъ, Федоръ. Духъ и матерія (про-

тивъ матеріализма). Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій, выясняющихъ вопросы объ отношеніи духа къ матеріи, души къ тѣлу и вѣры къ знанію. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 1 р.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Беръ, Поль, проф. Лекціи зоологіи. Перев. съ франц. Анатомія и физиологія. Съ 402 рис. въ текстѣ. Сиб. 1904. Ц. 2 р.

Браунсъ, Р., д-ръ. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсто рожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоценныя камни. Вып. I. Сиб. 1904. Ц. 2 р. 75 к.

Васильевъ, М. Радій и его свойства. Популярная брошюра. Ваку. 1904. Ц. 25 к.

Гертвигъ, Оскаръ, проф. Клетка и ткани. Основы общей анатоміи и физиологіи. Перев. съ нѣм. Томъ I. Изд. 2-е, доп. Съ 185 рис. въ текстѣ. Сиб. 1904. Ц. 3 р.

Лоджъ, Оливеръ. Электроны. Перев. съ англ. Сиб. 1904. Ц. 40 к.

Оствальдъ, В., проф. Школа химіи. Основныя свѣдѣнія по химіи въ общед. изложеніи. I. Общая часть. Съ 46 рис. Перев. съ нѣм. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Силодовская-Юри. Исслѣдованія надъ радиоактивными веществами. Перев. со 2-го французск. изд. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Ховей, Э. О. Таблица рудъ, имѣющихъ практическое значеніе, съ указаніемъ про-

центнаго содержанія въ нихъ металловъ. Перев. съ англ. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Штаркь, І. Диссоціація и превращеніе химическихъ атомовъ. Спб. 1904. Цѣна 50 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Дитрихейтъ, О. Быстрое счисленіе. Семизначные логарифмы и антилогарифмы всѣхъ четырехзначныхъ чиселъ и монтиссъ отъ

1000—9999. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

V. Словесность.

Астанъ, В. Г. Исторія японской литературы. Перев. съ англ. Владивостокъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Байронъ, лордъ. Полное собраніе сочиненій въ 1 томъ. Спб. 1904. Ц. съ пер. 3 р., на лучш. бум. 4 р. 50 к.

Баранцевичъ, К. С. Свободные дни и другіе рассказы. 18 рассказовъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Бужарова, Зоя. Стихотворенія. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Вальтеръ, Софья. Рассказы. Изд. 2-е, доп. М. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Воморгъ, Вл. Слезы ангела. Житейскія миниатюры. Сборникъ рассказовъ. М. 1904. Ц. 75 к.

Гаринъ, Н. Корейскія сказки, записанныя осенью 1898 года. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Горчаковъ, П. Д., князь. Стихотворенія. Вып. V. 1904. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Данъ, Феликсъ. Борьба за Римъ. Истор. романъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

Заринъ, Федоръ. «Рагузада». (Послѣдній ударъ). Историч. трагедія въ 4 д. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Катеннампъ-Сѣтнова, А. П. Собраніе народныхъ рассказовъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Куперникъ, Л. А. Еврейское царство. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Вокругъ ракитова куста и другіе рассказы. М. 1904. Ц. 1 р.

Меттерлиникъ, Мористъ. Пьесы. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Минюевы, П. Г. и О. М. Auteurs modernes. Сборникъ рассказовъ новѣйшихъ французскихъ писателей. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Мирбо, Октавъ. Только живя (Les affaires sont les affaires). Комедія въ 3 д. М. 1904. Ц. 75 к.

Мопасанъ, Гюи (Де). Жизнь женщины. Романъ. Перев. съ франц. Изд. 2. М. 1904. Ц. 85 к.

Мордовцевъ, Д. Л. За чьи грѣхи? Истор. повѣсть изъ временъ бунта Стеньки Разина (въ царствованіе Алексѣя Михайловича). Изд. 4-е, просм. и испр. Спб. 1904. Ц. 1 р.

— **Иосифъ въ странѣ Фараона (Любимецъ).** Истор. повѣсть. Спб. 1904. Ц. 75 к.

— **Сердце—не камень** (со вступительной статьёй). Двѣсти лѣтъ назадъ (Стрѣльцы

XVII вѣка). Историческій рассказъ. Изд. 2-е Спб. 1904. Ц. 10 к.

— **Погибель Иерусалима.** 70-й годъ по Р. Хр. (Заняствовано изъ кн. «Послѣд. дни Иерусалима»). Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 15 к.

— **Авантюристы.** Историч. повѣсть времени царствованія Екатерины II. Изд. 3-е, испр. и просм. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Пальгунъ, С. А. Русско-японская война. Стихотворенія. 1-й мѣсяць. Съ 25 янв.—27 февр. 1904 г. Евпаторія. 1904. Ц. 20 к.

Петровъ, Алекс. Афан. «Мысли». Елисаветградъ. 1903. Ц. 75 к.

Позняновъ, Н. И. Дневникъ Магдалинки (Синія тетрадка). Романъ. Изд. 2-е. М. 1903. Ц. 1 р.

Prève, Cyrille. Moussia Kakouckoff. La lutte morale. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1903 г. Книга I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сѣверова, Н. Б. Крестъ материнства. Тайный дневникъ. Романъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сетонъ-Томпсонъ, Эрнстъ. Красный воротничекъ. Рассказъ. Перев. съ англ. М. 1904. Ц. 20 к.

Танъ. Очерки и рассказы. Томъ III. Чукотскіе рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Хатымскій, П. На новомъ мѣстѣ. Рассказъ. М. 1904. Ц. 25 к.

Чтець - декламаторъ. Художественный сборникъ стихотвореній, смель, рассказовъ и монологовъ. Изд. 4-е, испр. и доп. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Чужой и друг. рассказы. С. Васюкова, В. Гринченко, В. Ладженскаго, И. Наживина и Е. Шелепетева. Съ рис. М. 1904. Ц. 70 к.

Шебуевъ, Н. Негативы. Фельетоны изъ «Русскаго Слова» и Новостей Дня». М. 1903. Ц. 1 руб.

Щепкина-Куперникъ, Т. Л. На солнцѣ и въ тѣни. Изд. 3-е. М. 1904. Ц. 1 р.

Юла. Сборникъ юмористич. рассказовъ, сценокъ и острогъ. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Юноша-Шанявскій, К. В. Въ еврейской средѣ. Повѣсти и рассказы. Перев. съ польскаго. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Юрѣва, Н. Дневникъ пѣтушка. Саратовъ. 1904. Ц. 40 к.

VI. Исторія.

- Арепьевъ, Н. в.** Первый областной археологическій съездъ въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Бланкъ, т. г.** Дополненіе къ спутнику пумизата. Руководство для собирателей русскихъ серебряныхъ монетъ и ихъ разновидностей съ 1796 по 1904 года. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Букаръ, т. Вашингтонъ.** Отъ рабства къ славі. Автобіографія. Перев. съ англ. Спб. 1904. Ц. 45 к.
- Буличъ, м.** Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ. Часть I. Изд. 2-е Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Каръевъ, н.** Монархіи Древняго Востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій. Спб. 1904. Ц. р. 75 к.
- Норелингъ, м. с., проф.** Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Изд. 2. М. 1904. Ц. 30 к.
- Кулановскій, ю. а.** Памзап Моммзепа. Кіевъ. 1904. Ц. 25 к.
- Къ вопросу о осямахъ Византійской Имперіи. Кіевъ. 1904. Ц. 25 к.
- Лѣтопись войны съ Японіей.** № 5. 1904. Ц. 25 к.
- Модестовъ, в. м. (проф.).** Введеніе въ римскую исторію. Вопросъ до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть II. Этрускія и Мессаты. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Николаевъ, Александръ Михайль Ивановичъ** Глинка, его жизнь и произведенія. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- Пионъ, Рене.** Воряба за великій океанъ. Перев. съ франц. М. 1904. Ц. 35 к.
- Родство Россійскаго Императорскаго Дома съ иностранными монархами.** Варшава. 1904. Ц. 60 коп.
- Ростопчинскій афими.** Летучіе листки 1812 года. Собралъ и издалъ П. А. Картавовъ. Спб. 1904. Ц. 3 р., больш. форм. 10 р.
- Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ.** По спискамъ археологическому, троицкому и кн. Оболенскаго. Изд. В. Сергѣевичъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- Русскій біографическій словарь (Сабантѣвъ—Смысловъ).** Спб. 1904. Ц. 10 р.
- Сморпадская, а. Графъ Юлій Помпеевичъ** Литта. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- Соколовскій, Михаилъ.** Московія въ 1711 году, по географическимъ извѣстіямъ современника. Спб. 1903. Ц. 40 к.
- Труды Саратовской ученой архивной комиссіи.** Вып. 23-й. Саратовъ. 1903. Ц. 3 р.
- Успенскій, а. и.** Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ илн прапоровъ. По Рукописи XVII вѣка. М. 1904. Ц. 1 р.
- Утинскій сборникъ.** I. Писмо В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портр. М. 1904. Ц. 2 р.
- Фаресовъ, а. м.** Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ, его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

VII. Географія.

- Баномъ, Алиса.** Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изд. Спб. 1904. Ц. 30 коп.
- Богуславскій, м. д.** Японія. Военно-географическое и статистическое обозрѣніе. Изд. 2-е, испр. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Вейлерзе, г.** Японія нашихъ дней. Соціологическіе этюды. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.
- Ивановскій, а. а.** Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М. 1904. Ц. 3 р.
- Карта Россійской Имперіи и соопредѣльн. съ нею государство.** Сост. ген.-лейт. Коверскій. Спб. 1904. Ц. 5 р.
- Поленецъ, Вильгельмъ (фонъ).** Страна будущаго. Очерки. Переводъ Ѳ. Н. Латернера. Спб. 1904. Ц. 75 к.
- Пузыревскій, м. п.** Сѣверный Донецъ и проектъ его иллюзовація. (Матеріалы для описанія русскихъ рѣкъ. Вып. VI.) Спб. 1904. Ц. въ пап. 2 р. 60 к.
- Растреляевъ, н.** Путевые очерки и замѣтки по Европѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.
- Троицкій, с. х.** Современная Японія. Спб. 1904. Ц. 60 к.
- Хавкина, л. б.** Народное образованіе въ Японіи. М. 1904. Ц. 35 к.
- Ювачевъ, м. п.** Паломничество въ Палестину къ гробу Господню. Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Спрію, Палестину, Египетъ и Грецію. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

VIII. Сельское хозяйство.

- Зальскій, в. г.** Архитектура. Краткій курсъ построенія частей здавій. М. 1904. Ц. 5 р.
- Ивановъ, Алексій.** Пчеловодство и его будущее въ Россіи. Саратовъ. 1904. Ц. 20 к.
- Ивашевичъ, о. м.** Молочный скотъ. Общедост. руководство къ познанію, выращиванію и содержанію молочнаго скота. Со мног. рис. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

1/228*

Итоги бѣговъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Рѣзвость рысаковъ. Сезоны 1903—4 гг. М. 1904. Ц. 25 к.

Нейманъ, М. Теплицы, оранжерей и парники. Съ 76 рис. Спб. 1904. Ц. 50 к.
Плеть, Бернгардъ. Устройство, дѣятельность

и формы гдѣи молочныхъ товариществъ и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Потъкинъ, Л. А. Справочная книжка для пчеловодовъ. Изд. 3-е, пром. и доп. Спб. 1904. Ц. 60 к.

IX. Технологія.

Альмедингенъ, Александръ. Учебникъ товаровѣдѣнія, съ прил. словаря наименованій некоторыхъ товаровъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, а также схемъ нѣсколькихъ производствъ. Изд. 2-е, пром. Часть I: топливо, строительные, освѣтительные, смазочные, мануфактурные, кожевенные, пушные, стеклянные и глиняные товары. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлавенецъ, Митр. Ив. Главнодѣлѣніе. Кирпичное производство. Кирпичедѣлательныя машины «Геркулесъ» и «Эврика» и ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ ручной выдѣлкой сырца-кирпича. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Берновъ, М. Н. Детали машинъ. Руководство по расчету и проектированію деталей машинъ для студентовъ и учениковъ техническихъ училищъ. Вып. V и VI. Впиковая передача. Передачи съ гибкою связью. Рига. 1904 Ц. 6 р.

Бобровскій, С. П. Статика. Курсъ Николаевского инженернаго училища. Часть I. Статика развѣшенной системы, ученіе о центрѣ тяжести, о сопротивленіяхъ движению и о простыхъ машинахъ. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Богдановъ, И. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Неуп, Е. Металлография въ приложеніи къ металлургии. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Кривиталовичъ, Н. И. Описаніе печей комнатныхъ, кухонныхъ, русскихъ крестьянскихъ, банныхъ, ретирдныхъ, водогрѣйныхъ, сушильныхъ (снопосушитель и зерносушитель), кирпичныхъ маленькихъ печей взаменъ чугунокъ, черепицеобжига-

тельныхъ и углеобжигательныхъ. Съ 255 черт. Изд. 3-е. Новгородъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Кривошеинъ, Г. Г. Сопротивленіе матеріаловъ. Курсъ Николаевского Инженернаго Училища. Спб. 1094. Ц. 2 р. 50 к.

Лисицынъ, Гр. В. О различныхъ способахъ обугливанія дерева. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Neufinger, A. Добываніе желѣза и стали электрическимъ путемъ. Перев. съ нѣм. Съ 17 рис. въ текстѣ. М. 1904. Ц. 75 к.

Ольденборгеръ, А. И. Сплошной рельсовый путь безъ зазора въ стыкѣ. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Телешовъ, Левъ. Горнозаводскія карты Донецкаго бассейна. Харьковъ. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Федоровъ, П. А. Крахмальное производство. Практ. руководство по приготовленію картофельнаго, пшеничнаго, рисоваго и маисоваго крахмала. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Хатавнеръ, I. A. Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ, преимущественно въ приложеніи къ электрическому освѣщенію и химическому дѣйствию токовъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Шульцъ, Э. Болѣзни электрическихъ машинъ. Краткое описаніе нарушеній и неисправностей въ динамо-машинахъ, моторахъ и трансформаторахъ постоянного тока, однофазнаго и многофазнаго переменнаго тока. Практ. руководство для установщиковъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Юхницкій, Ф. Я., капит. Телеграфированіе безъ проводовъ. Сост. примѣнительно къ программѣ Курса Военной Электротехнической школы. Съ 131 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

X. Правовѣдѣніе.

Архангельскій, Е. П. Полное руководство для начальниковъ станцій, ихъ помощниковъ и лицъ ихъ замѣняющихъ по хозяйственной, административной и технической части службы движенья на желѣзныхъ дорогахъ. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлявскій, Н. Н. Полицейское право. Конспектъ лекцій. Юрьевъ. 1904. Ц. 2. р. 50 коп.

Бонеряновъ, И. М. Русскимъ людямъ о войнѣ. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Брентано, Луло. Профессиональныя организаціи рабочихъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 40 коп.

Евлинъ, Э. Банки и башкирскія конторы въ Россіи. Справочно-статистическія свѣ-

дѣнія о всѣхъ оперирующихъ въ Россіи кредитныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Загурскій, Л. Н. проф. Рѣчи: о разводѣ, борьба съ голодомъ и друг. Харьковъ. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Карышевъ, Н. Экономическія бесѣды. Изд. 7-е. Ростовъ-на-Дону. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Кузьминъ-Караваевъ, С. Д. Земство и деревня. 1898—1903. Статьи, рефераты, доклады и рѣчи. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Лавашевъ, Владиміръ, свящ. Берегитесь: васъ обманываютъ. Вобровъ. 1904. Ц. 10 к.

Международный третейскій судъ въ Гаагѣ. Разбирательство дѣла о порядкѣ удо-

влетворения претензій десяти державъ къ Венецулѣ. 1903—1904. Спб. 1904. Ц. 1 р.
Мигулинъ, П. П. Наша банковая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованія. Харьковъ. 1904. Ц. 3 р.

Назимовъ, А. Е. Декрѣи по полицейскому праву. Одесса. 1903. Ц. 1 р. 80 к.

Невзоровъ, А. С. проф. Краткое изложение курса мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Часть I. Общая часть. вѣчное право и обязательное право. Юрьевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Полный сводъ рѣшеній гражд. кассаци. д-та Прав. Сената. Полутомъ 30—32. Екатеринбургъ. 1904. Ц. при подпискѣ задатокъ 5 р., при получ. конца полут. 2 р.

Прессъ, Г. С. Страхование. Законы, уставы, положенія и судопроизводство по дѣламъ о взысканіи пожарныхъ убытковъ со всѣми разъясненіями гражд. кас. Правит. Сената. Для юристовъ и страхователей, страховыхъ обществъ и ихъ агентовъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Просьбинъ, С. А. Торгово-промышленный сборникъ (сводъ дѣйствующихъ узаконеній по части промышленности и торговли). Спб. 1904. Ц. 3 р.

Русскіе банки. Перечень городовъ и селеній, въ коихъ находятся кредитныя учреж-

денія и пр. филиальныя отдѣленія. Къ 15 апрѣля 1904. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сабининъ, Л. X. Судебное руководство для управляющихъ и лѣсныхъ казенныхъ, Кабинета Его Величества, удѣльныхъ и частныхъ имѣній и лѣсничествъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Сводъ законовъ. Россійской имперіи. Выпускъ IV, изд. 4-е. Спб. 1904. Ц. по подп. на 10 вып. 12 р.

Стетсонъ, Шарлотта. Экономическое рабство женщины (Women and economies). Изслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ социальную эволюцію. Перев. съ англ. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Томашевичъ, В. А. Учебникъ законовѣдѣнія для военныхъ и конкерскихъ училищъ. Вып. I. Курсъ младшаго класса. Спб. 1903. Ц. 2 р.

— Тоже. Вып. II. Курсъ старшаго класса. Спб. 1903. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Томъ I. Харьковъ. 1904. Ц. 1 р.

Юринъ, Н. Т. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Саратовъ. 1904. Ц. 15 коп.

XI. Медицина.

Грачевъ, В. Какъ слѣдуетъ пить чай? М. 1904. Ц. 25 к.

Постниковъ, И. Г. Совѣты для предохраненія отъ выпаденія волосъ и для ухода за ними. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 25 к.

Смирновъ, В. П., д-ръ. О вліяніи климатическихъ и мѣстныхъ условій на здоровье человека и цѣль посѣщенія различныхъ курортовъ. М. 1904. Ц. 30 к.

Смоличъ, М. Вредно ли курить табакъ? Системы взыманія табачнаго налога за границей и у насъ въ Россіи. Производство табачныхъ издѣлій на фабрикахъ. Табаководство. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Якобзонъ, Л. Я., д-ръ. Частная профилактика венерическихъ болѣзней. Обзоръ средствъ самозащиты отъ зараженія венерическими болѣзнями. Спб. 1904. Ц. 40 к.

XII. Искусство.

Ернемскій, А. Самоучитель фотографія на бромъ-желатиновой эмульсіи и бромъ-хлоро-серебряныхъ бумагахъ. Изд. 3-е, доп. Съ 402 рис. Спб. 1904. Ц. 3 р. 60.

Какъ себя рисуютъ янки. Каррикатуры американскихъ художниковъ. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Мартины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Редакція и текстъ И. Грабаря. Вып. I. М. 1904. Ц. по подп. за 12 в. 12 р.

Липавъ, Ив. Вагнеріана. Спутникъ оперъ и музыкальныхъ драмъ Рих. Вагнера. М. 1904. Ц. 1 р.

Петровъ, В. И. Мѣтки русскаго и иностраннаго фарфора, фаянса и майолики. Изд. 2, доп. М. 1904. Ц. 6 р.

Половцовъ, А. В. Подвѣса служенія искусству. Проф. К. В. Венигъ. 1853—1903. М. 1904. Ц. 25 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

Бѣлорѣцкій В. А. Французское положеніе о санитарной службѣ въ арміи въ военное время (Декретъ 31 октября 1892 г.). Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Бѣлорѣцкій, В. А. и Гриммъ, Н. В. Германское положеніе о службѣ въ тылу арміи. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Велюевскій, П. В. Краткій обзоръ современныхъ военно-морскихъ судовъ вообще,

Россіи и Японіи въ частности въ связи съ вопросомъ объ усиленіи военнаго флота въ Россіи. Рига. 1904. Ц. 20 к.

Заюнчиковскій, полковн. Оборона Севастополя. Подвиги защитниковъ. Кратк. истор. очеркъ съ ил. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 25 к.
Истоминъ, Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ. въ кампанію 1854—55 годовъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Медетъевъ, А. И. Дальній Востокъ. Краткій военно-статистическій очеркъ театра русско-японской войны. Спб. 1904. Цѣна 50 к.

Русско-японская война. (13-я недѣля войны). Уссурийскій край. Спб. 1904. Ц. 8 к.
Черемисиновъ, налит. Одесса въ исторіи русскихъ войнъ. Одесса. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Араго, Жанъ. Путешествіе вокругъ свѣта. Воспоминанія слѣпого. Перев. съ 5-го изд. М. 1904. Ц. 90 к.

Дефо, Даніэль. Жизнь и приключенія Робинсона Крузо, рассказанныя имъ самимъ. Съ 200 рис. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Мой отецъ и другіе рассказы Ф. Горностаева, Д. Марковича, А. Ефименко, С. Семенова, О. Хлѣвовой, П. Хотымскаго и Е. Шелеметьевой. М. 1904. Ц. 80 к.

Семеновъ, А. Ѳ. Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

XV. Справочный отдѣлъ.

Военный русско-японскій толмачъ и краткій систематическій словарь. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Врадій, В. П. Ружья для охоты и самообороны русскихъ Дальняго Востока и Манчжуріи. Свѣдѣнія, таблицы и выводы изъ двухлѣтняго путешествія по Ази. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Ѳся Донская область и Сѣверный Кавказъ на 1904 г. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 1 р.

Ивановъ, Д. Г. Записки по счетоводству. Учебникъ для торговыхъ школъ, торговыхъ классовъ и коммерческихъ училищъ. Харьковъ. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Каталогъ Медицинскаго отдѣла книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Харьковѣ. Харьковъ. 1904. Ц. 10 к.

Люгарръ, Александръ. Руководство клас-

сическаго фехтованія на эскадронахъ. Французская школа. Съ 27 рис. М. 1904. Ц. 1 р.

Москва для всѣхъ. Путеводитель со справочн. свѣдѣніями на 1904 годъ. М. 1904. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

Москвичъ, Григорій. Иллюстрированный практическій путеводитель по Крыму. Изд. 13-е. Одесса. 1904. Ц. въ пер. 1 р.

Полное расписаніе пассажирскихъ поездовъ Финляндскихъ жел. дор. Съ 18 апрѣля 1904 г. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Турнестанскій календарь на 1904 годъ. Ташкентъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Федотовъ, М. Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, напечатанныхъ русскими буквами, съ русскимъ переводомъ. Спб. 1904. Ц. 15 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенные въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія, изд. 2-е 1896 г., и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

- 45 и 46. Карамзинъ, М. М. Письма русскаго путешественника. Со статью Ф. И. Булаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.
16. — Великій князь Дмитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ папѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Феодора Иоанновича. — Правленіе Бориса Годунова. — Убіеніе царевича Дмитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованіе Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междоусловіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слововой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Мохановская. Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ, Васи. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Никольничъ, Н. В. Историческіи повѣсти. Кн. 1-я. (Авдотья Лихончица. — Кунецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я. (I. Сказаніе о сивемъ иззеленомъ сувѣ. — II. Часовой). Съ портретомъ князя И. О. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я. (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я. (Чернышевскій миръ. — Остапъ и Ульяна. — Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я. (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я. (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Старость Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. П. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ СОЧИНЕНИЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Одинъ томъ большоо формата, около 50 печатныхъ листовъ съ портретами, видами, планами и автографами.

Цѣна 15 рублей.

Дополнено цензурою 27 мая 1904 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер

Они заняли мѣста за роскошно убраннымъ столомъ, какъ вдругъ услышали смутный шопотъ голосовъ на улицѣ. Удары стукальца послѣдовали въ дубовую дверь. Они съ удивленіемъ переглянулись, затѣмъ встали очень блѣдные.

Раздалось требованіе:

— Именемъ короля, откройте!

Въ залѣ сдѣлалось неописанное волненіе.

— Проклятіе,—воскликнулъ обезумѣвшій Гибуръ:—намъ измѣнили! Мы не можемъ терять ни минуты!

Извнѣ удвоились удары.

— Вы правы, но дверь крѣпка,—отвѣчала г-жа Вуазенъ, сохранившая хладнокровіе.—Слѣдуйте скорѣе за мною.

И, открывъ дверь, которая вела въ садъ, она бросилась къ павильону.

Гибуръ взялъ подъ руку Маргариту, упавшую въ отчаяніи и съ рыданіемъ на ступль.

Онъ потащилъ молодую дѣвушку и, сопутствуемый Шанфренъ, въ свою очередь, исчезъ во мракѣ аллеи.

Дверь на улицу долго упорствовала, наконецъ она поддалась послѣ сильныхъ толчковъ. Полицейскіе, во главѣ которыхъ находился Дегрэ, вторгнулись въ нижній залъ. Почти всѣ размахивали зажженными факелами.

— Обыскать домъ сверху донизу! — распорядился помощникъ прево.

Полицейскіе разсѣялись по жилищу и по смежнымъ пристройкамъ. Дегрэ съ нѣсколькими изъ нихъ направился въ садъ и, пройдя его вдоль, достигъ павильона, гдѣ произошла трагическая церемонія.

На столѣ лежала опрокинутая чаша; кровь по каплямъ стекала на полъ.

Дегрэ при свѣтѣ дымящихся факеловъ кропотливо осматривалъ залъ и, отряхивая драпировки, замѣтилъ у подножія алтаря что-то въ родѣ пергамента, который онъ тотчасъ же схватилъ.

Окончивъ свои разслѣдованія, помощникъ прево думалъ покинуть павильонъ, когда одинъ изъ сыщиковъ, осматривавшій комнату, гдѣ раздѣвалась маркиза Монтеспанъ, вручилъ ему браслетъ, украшенный миниатюрой.

Дегрэ сумѣлъ скрыть чувство удовольстворенія, возбужденное этимъ открытіемъ.

— Теперь дѣло идетъ о продолженіи нашихъ поисковъ и о тщательномъ осмотрѣ главнаго корпуса жилища.

Едва маленькая ватага переступила порогъ павильона, какъ Дегрэ внезапно остановился.

— Что это такое?—спросилъ онъ.—Вы ничего не слышали?..

Полицейскіе насторожили уши. Стоны раздавались, повидимому, изъ середины сада. Они направились въ ту сторону.

На поворотѣ одной аллеи, вдоль изгороди изъ кустарника, Дегрэ загнулся за черную массу.

Онъ наклонился и при слабомъ освѣщеніи факеловъ могъ различить человѣческое тѣло, распростертое на землѣ. Онъ тщетно пробовалъ его допросить. Одни стоны раздавались въ отвѣтъ.

— Приблизьте факелы,—сказалъ тогда Дегрэ.

Одинъ изъ полицейскихъ приблизилъ свой факель. Помощникъ прево воскликнулъ отъ удивленія.

— Какъ дворянинъ!.. Раненый!.. Придворный принца Орлеанскаго!.. Кто же обратилъ его въ такое жалкое положеніе?

Послѣ страшнаго удара Романи кавалеръ Люссакъ дѣйствительно оставался въ безпамятствѣ...

Дегрэ вспомнилъ опредѣленные приказанія начальника полици и, указавъ полицейскимъ на дворянина, замѣтилъ:

— Необходимо, чтобы вы сохранили самое строгое молчаніе обо всемъ, чему будете свидѣтелями, и въ особенности объ открытіяхъ, какія мы сдѣлаемъ. Скорѣе карету, и пусть положатъ туда раненаго.

— Куда его отвезти?—спросилъ одинъ изъ полицейскихъ.

— Въ Бастилію!—отвѣтилъ Дегрэ, вручая агентамъ приказъ объ арестѣ.

И Дегрэ присоединился къ полицейскимъ, вторгнувшимся въ помѣщеніе, выходившее на улицу.

— Ну, что?—спросилъ помощникъ прево, когда сыщики наконецъ соединились въ нижнемъ залѣ.

— Мы не встрѣтили ни одной живой души, кромѣ служанки, по имени Марго. Мы ее захватили въ постелѣ въ маленькой комнаткѣ послѣдняго этажа. Прижатая къ стѣнѣ вопросами, она отвѣчала незнаніемъ, что дѣлалось ночью въ домѣ.

— Оставимъ ее на мгновеніе,—сказалъ Дегрэ:—мы ее допросимъ позже. Поистинѣ колдунья со своими помощниками должна имѣть сношенія съ чортомъ, чтобы такимъ образомъ ускользнуть отъ насъ. Однако мы приняли всѣ предосторожности, окруживъ ея домъ.

Было семь часовъ утра.

Полицейскіе хотѣли покинуть домъ въ улицѣ Борегаръ, когда одинъ изъ сыщиковъ прибѣжалъ къ Дегрэ.

Онъ приблизился къ своему начальнику и сказалъ:

— Я только что видѣлъ Вуазень...

— Что вы говорите?—сказалъ съ удивленіемъ помощникъ прево.

— Вы поручили мнѣ,—продолжалъ сыщикъ:—внимательно изслѣдовать всю мѣстность Вилль-Невъ, сосѣдную съ церковью «Добрыхъ

Вѣстей». Мнѣ пришла мысль войти въ эту часовню. Колокола звонили къ утренней мессѣ... Мало-по-малу набожные католики заняли мѣста въ церкви... Передъ клиросомъ я замѣтилъ группу, которая, набожно преклонивъ колѣни, казалось, сосредоточилась въ какомъ-то набожномъ созерцаніи. Началось пѣніе входной молитвы. Присутствующіе, по обыкновенію, встали. Только люди, привлечшіе мое вниманіе, оставались колѣнопреклоненными и склонившими головы. Заинтересованный, я подошелъ къ нимъ... Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ Катерину Дэээ, которую я видалъ уже нѣсколько разъ во время моего обхода въ кварталѣ!

— Вотъ славное дѣльце!—воскликнулъ Дегрэ.—Теперь бѣгите предупредить королевскаго комиссара, Камюзе, и попросите его немедленно помочь мнѣ произвести арестъ.

Полицейскій пустился бѣжать въ улицу Гро-Шенэ, расположенную по сосѣдству, и возвратился, немного времени спустя, съ королевскимъ комиссаромъ, который, согласно обстоятельствамъ, былъ въ сопровожденіи сержантовъ съ жезлами: Буко, Жиру и Луазо. Не стараясь отгадывать, какъ Вуазенъ могла бѣжать и попасть въ церковь «Богоматери Добрыхъ Вѣстей», Дегрэ въ присутствіи комиссара велѣлъ охранять церковные выходы такъ, чтобы пресѣчь всякое отступленіе.

Одинъ вопросъ, однако, его еще затруднялъ.

Нечего было думать произвести арестъ въ святилищѣ; скандалъ былъ бы слишкомъ великъ.

Служба какъ разъ окончилась. Выходъ состоялся маленькими группами. Г-жа Вуазенъ, отдѣлившись отъ Маргариты, аббата Гибура и дѣвицы Шанфренъ, вмѣшалась въ толпу богомольцевъ, чтобы незамѣтно пройти.

Но внезапно прорицательница поблѣднѣла.

Она узнала помощника прево. Несмотря на свою энергію и дерзость, она испугалась.

Призвавъ всю свою волю и съ виду спокойная, она спускалась по ступенямъ паперти.

Камюзе зашелъ впереди ея и, положивъ руку ей на плечо, сказалъ:

— Именемъ короля я васъ арестую!

Г-жа Вуазенъ вздрогнула и инстинктивно, въ надеждѣ на ниспосланную Провидѣніемъ помощь, бросила взглядъ вокругъ. Шанфренъ, Гибуръ и Маргарита быстрыми шагами удалялись и исчезли на поворотѣ улицы.

— Вы ошибаетесь, сударь,—пролепетала Вуазенъ.

Дегрэ, приблизившись къ ней, произнесъ:

— Нисколько, сударыня. У меня есть указъ о вашемъ арестѣ и распоряженіе проводить васъ въ малый Шатлэ, а оттуда въ Венсенъ.

Среди заинтересованной толпы, которая начала прибывать, онъ заставилъ прорицательницу сѣсть въ экипажъ и занялъ мѣсто возлѣ нея.

Нѣкоторое время спустя, королевскій комиссаръ накладывалъ печать въ домѣ на улицѣ Борегаръ и встрѣтилъ тамъ мужа Катерины, который въ это утро пришелъ къ женѣ. Узнавъ объ этомъ арестѣ, Антуанъ Монвуазенъ почувствовалъ такой страхъ, что упалъ, пораженный апоплектическимъ ударомъ.

XVI.

Какъ только окончилась святотатственная церемонія, маркиза Монтеспанъ поспѣшно возвратилась въ Кланьи съ г-жею Дэээльё.

Обезумѣвъ и обезививъ послѣ столькихъ волненій, она просила, чтобы ее оставили одну.

Вытянувшись на своей постели и отдавшись мрачному предчувствію, она долго старалась заснуть. Наконецъ она начала засыпать, когда около полудня, несмотря на строгій приказъ, г-жа Дэээльё вошла въ комнату.

Маркиза быстро вскочила.

— Какъ, опять вы?—воскликнула она, узнавъ г-жу Дэээльё...— Ахъ! ради Бога, дайте мнѣ отдохнуть...

— Увы, сударыня,—отвѣтила Дэээльё:—не время отдыхать. Совершились важныя событія, о которыхъ я считала долгомъ васъ предупредить.

— Важныя событія! Что вы хотите сказать?—спросила озабоченно маркиза.

— Вотъ что я узнала, сударыня: Катерина Вуазенъ арестована сегодня утромъ агентами Ларейни въ ту минуту, когда она выходила изъ церкви «Богородицы Добрыхъ Вѣстей».

Услышавъ эти слова, маркиза спрашивала себя, не игрушка ли она сновидѣнія.

— Г-жу Вуазенъ арестовали!... Какъ узнали вы эту новость?

Изъ Парижа пріѣхали курьеры, извѣщавшіе объ этомъ арестѣ, который уже служить въ Версалѣ предметомъ различныхъ разговоровъ.

— Но тогда,—пролепетала маркиза Монтеспанъ:—мы пропали... Вуазенъ, ради своего спасенія, будетъ говорить... Ее подвергнуть пыткамъ!... Это ужасно, Дэээльё!

Наперсница, какъ и ея госпожа, понимала важность подобнаго положенія.

— Что дѣлать?—сказала маркиза.

Наступила минута молчанія. Г-жа Дэээльё, казалось, глубоко размышляла.

— Сударыня,—сказала она наконецъ медленно:—по моему мнѣнію, при этихъ обстоятельствахъ вамъ можетъ быть полезна одна

личность... Эта личность—Кольберъ. Повидайте его и откройте ему всю правду.

— Кольберъ! Онъ—честный человѣкъ, онъ никогда не сумѣетъ этого понять?...

— Конечно, сударыня, онъ это пойметъ...

— Однако, не могу я ему признаться въ моемъ нечестіи и соучастіи въ самомъ ужасномъ изъ святотатствъ! Не взывала ли я о помощи къ сатанѣ? Не сдѣлалась ли я сообщницей въ убійствѣ ребенка? Не просила ли горячо агоніи Фонтажъ, королевы и дофина?... Ахъ! Дэзэльбэ, зачѣмъ я имѣла несчастіе послушаться васъ?...

— У меня, сударыня, не было иной цѣли, какъ только преданно вамъ служить... На этотъ разъ, я думаю, мой совѣтъ продиктованъ мнѣ мудростью... Г-нъ Кольберъ выслушаетъ васъ... Повѣрьте, онъ сжалится надъ вашимъ отчаяніемъ и вашей красотой... Отправляйтесь, сударыня, вашъ голосъ нѣженъ; онъ будетъ умолять, возбудитъ сожалѣніе и очаруетъ.

— Хорошо, я отправлюсь,—отвѣтила маркиза послѣ минутнаго размышленія.—Одѣньте меня!..

Домъ главнаго дворцоваго управленія, занятый Кольберомъ, находился на небольшомъ разстояніи отъ Кланьи, и маркиза Монтеспанъ скоро туда доѣхала.

Въ скромномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественномъ кабинетѣ раздалось шуршаніе юбокъ и разлился ароматъ духовъ. Министръ всталъ. Его строгое лицо, изрытое морщинами, оставалось склоненнымъ какъ бы отъ тяжести мыслей. Его маленькіе каріе глаза сверкали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, освѣщая честное, нѣсколько похудѣвшее лицо. Это былъ именно тотъ, кого Гюи Патенъ называлъ: «Vir patmoreus». Атенаиса приблизилась, затѣмъ съ жестомъ глубокаго утомленія бросилась въ кресло, предложенное ей министромъ.

— Какое событіе доставило мнѣ честь, сударыня, видѣть васъ у меня?

Онъ стоялъ предъ нею и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Я пришла, любезный Кольберъ, довѣрить вамъ тайну, отъ которой зависитъ моя честь и, быть можетъ, счастье насъ обоихъ.

— Неужели хорошенькая женщина можетъ скрывать такую ужасную тайну?—перебилъ учтиво министръ.

Сначала Кольберъ думалъ, что за бурной сценой съ королемъ, какія фаворитка часто возобновляла, на этотъ разъ послѣдуетъ приказъ объ изгнаніи, и поспѣшилъ объ этомъ узнать.

Маркиза Монтеспанъ ловко начала излагать интриги и происки Лувуа. Она напомнила также объ утвердившемся союзѣ между послѣднимъ и маркизой Ментенонъ, сдѣлавшейся ея личнымъ врагомъ

— Все это я знаю,—отвѣчалъ Кольберъ, не волнуясь.

Онъ понялъ по ораторскому приступу маркизы всю важность сообщеній, которыя она ему сдѣлаетъ. Теперь смущенная маркиза Монтеспанъ замолчала. Кольберъ поспѣшилъ прійти на помощь и съ сердечной вѣжливостью облегчилъ ее тягостную исповѣдь.

— Умоляю васъ, сударыня, говорить съ полнымъ довѣріемъ... Что бы ни случилось, вы можете рассчитывать на мою преданность и дружбу...

— Увы! Кольберъ,—сказала маркиза Монтеспанъ, ободренная этими привѣтливыми словами:—по своей ошибкѣ я повредила важному дѣлу... вы простите мнѣ, я согрѣшила, защищая его!

Крупныя слезы показались на глазахъ маркизы, и она закрыла руками свое прекрасное опечаленное лицо.

Кольберъ еще не объяснилъ себѣ этого отчаянія, но онъ поддавался очарованію столькихъ прелестей.

— Развѣ вашъ грѣхъ такой громадный, сударыня, что не могъ избавить меня отъ скорби видѣть васъ въ слезахъ? Что долженъ я сдѣлать для осушенія вашихъ слезъ?

Дрожащимъ отъ волненія голосомъ маркиза объяснила, насколько унизило ее предпочтеніе, отданное королемъ герцогинѣ Фонтанжъ, въ то время осыпанной ласками и милостями, и какъ отъ этого маркиза страдала. Нѣтъ, она никогда не утѣшится отъ недавней потери этой любви... Она говорила о пылкости своей страсти къ Людовику съ выраженіемъ глубоко влюбленной женщины. Она также сказала, какую жертву принесла она для осуществленія своей мечты—быть любимой королемъ до конца жизни. Она, повидимому, ничего не утаила изъ тайнъ своего сердца предъ Кольберомъ, уже расположеннымъ въ ея пользу. Затѣмъ она призналась, что обращалась къ Вуазенъ ради послѣдней попытки вновь завоевать короля, но постаралась умолчать о томъ, каковы были тайныя сношенія съ Вуазенъ, и объ отвратительномъ святотатствѣ, на которое она согласилась. Наконецъ она передала своему знаменитому другу подробности о недавнемъ арестѣ ворожеи.

— Я была въ такомъ отчаяніи!.. Теперь одно слово, единственное слово этой женщины, и я безвозвратно погибла... Кажется, она колдунья и отравительница... Я не могла этого знать!.. Все это ужасно!

Рыданія душили ее.

— Только вы, Кольберъ, можете мнѣ посовѣтовать при такомъ печальномъ стеченіи обстоятельствъ. Вы знаете всю истину...

При имени Вуазенъ Кольберъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе удивленія.

— Какъ и вы тоже, сударыня, прибѣгали къ помощи этой женщины?... Какая неосторожность!..

— Я обезумѣла!..

— Но всё ваши враги воспользуются этимъ, чтобы ожесточеннѣе напасть на васъ и погубить васъ. Вы въ рукахъ этой искательницы приключеній. Увы, сударыня, въ какую тревогу ввергли вы самого преданнаго изъ вашихъ слугъ!..

— Скажите: изъ моихъ друзей, Кольберъ.

Министръ поклонился.

— Да, изъ вашихъ друзей, сударыня. Благодарю васъ, что вы повѣрили моей преданности къ вамъ... Я знаю свой долгъ и сдѣлаю невозможное, чтобы избавить васъ отъ жестокой тревоги, причиненной вашими слишкомъ частыми посѣщеніями ворожеи. Подумайте, какъ разнѣвается король, узнавъ, что для завоеванія его сердца вы, маркиза Монтеспанъ, сдѣлали прорицательницу повѣренной вашихъ самыхъ сокровенныхъ тайнъ.

— О, благодарю, Кольберъ! Какъ я вамъ обязана!..

Кольберъ ее прервалъ:

— Вы были однѣ у Вуазенъ наканунѣ ея ареста?

— Нѣтъ, меня сопровождала г-жа Дэээлье.

— Отвѣчаете ли вы, что она будетъ молчать?

— Я отвѣчаю за нее.

— За вами не слѣдили?

— Не думаю.

— Кромѣ г-жи Дэээлье, никто не зналъ объ этомъ поступкѣ?

— Никто.

— Простите,— снова произнесъ Кольберъ,— что я настаиваю, но этотъ вопросъ очень важенъ, и для вашей пользы умоляю васъ ничего не скрывать...

— Я ничего не скрываю,— отвѣтила маркиза, не зная о присутствіи кавалера Люссака въ улицѣ Борегаръ въ то время, какъ она входила къ Катеринѣ.

— Меня удивляетъ,— сказалъ Кольберъ,— что арестъ Вуазенъ и произведенный въ ея жилищѣ обыскъ послѣдовали вскорѣ послѣ вашего посѣщенія... Не измѣнили ли вамъ?.. Г-нъ Ларейни принадлежитъ къ сторонникамъ Лувуа, вашего злѣйшаго врага... Быть можетъ, оба они надѣялись застать васъ у колдуньи... Если бы они васъ тамъ нашли, вы навсегда погибли бы, въ особенности, въ такой моментъ, когда посягали на жизнь королевы съ помощью яда.

Маркиза вздрогнула.

— Какъ, развѣ посягали на жизнь королевы?.. Это ужасно!

Атенаиса понурила голову.

Внезапно ей пришло на память обѣщаніе прорицательницы: «счастливое событіе докажетъ, что я думала о васъ». Такъ это счастливое событіе было омерзительнымъ преступленіемъ. Теперь она поняла всю чудовищность своихъ поступковъ и ужасныя послѣдствія своего легковѣрія. Хотѣли отравить королеву. Безъ сомнѣнія, такъ дѣйствовали во мракѣ ради нея.

Фаворитка увидѣла, что предъ нею разверзлась пропасть. Подозрѣнія скопились. Она оставалась сраженною, безмолвною, и ея глаза съ мольбою устремились на холодное лицо министра.

Кольберъ угадалъ, что происходитъ въ душѣ Атенаисы. Поэтому онъ продолжалъ съ присущей его ему ясностью излагать ей свои опасенія. Затѣмъ, какъ бы отвѣчая на тайныя мысли маркизы, онъ сказалъ:

— Если бы только было возможно помѣшать Вуазенъ говорить!

— Но какъ?

— Полагая, что у Катерины Вуазенъ будетъ достаточно силы воли молчать на допросѣ, у нея, конечно, не хватитъ силъ устоять противъ пытки. Ахъ, сударыня, какой стыдъ и скандалъ для васъ и короля!

При одной только этой горькой мысли министръ поникъ головою.

— Если бы только я могла съ нею поговорить,—сказала маркиза:—быть можетъ, она согласилась бы отречься?

— Лучше вы могли бы поручить кому нибудь другому эти хлопоты. Безполезно ставить себя въ еще болѣе предосудительное положеніе.

— Кому нибудь поручить эти хлопоты? Но кому же, Кольберъ, открыть подобное дѣло?

— Тому, долгъ котораго свято хранить довѣренныя ему тайны: патеру.

— Патеру! Какой патерь согласится принять подобное порученіе? Затѣмъ какъ ему признаться?

— Исповѣднику во всемъ можно признаться...

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Но надо доставить этому исповѣднику средства имѣть свободный доступъ къ Вуазенъ... Это посѣщеніе возбудитъ подозрѣнія...

— Совсѣмъ нѣтъ, сударыня! Присутствіе исповѣдника у заключеннаго совершенно естественно. Вы выберете патера, котораго считаете болѣе пригоднымъ для исполненія этой услуги... Я выдамъ вамъ пропускной листъ съ пробѣломъ для имени къ г-ну Ферронэ, коменданту Венсенскаго замка, и вамъ останется только вписать имя этого патера.

— Я согласна, любезный Кольберъ,—отвѣтила маркиза.—Ваши добрыя слова меня нѣсколько подкрѣпили...

— Мужайтесь, сударыня! Въ эти горькія испытанія рассчитывайте болѣе, чѣмъ когда либо, на мое рвеніе служить вамъ.

— Дай Богъ, Кольберъ, чтобы пришло то время, когда я буду въ состояніи отблагодарить васъ за вашу достойную удивленія преданность.

Кольберъ воскликнулъ:

— Напротивъ я сударыня буду всегда вамъ обязанъ!

Маркиза протянула обѣ руки, къ которымъ министръ почтительно прикоснулся губами.

Маркиза Монтеспанъ откланялась.

Снова оставшись одинъ въ своемъ уединеніи трудолюбиваго человѣка, Кольберъ съ минутою мечталъ. Онъ не могъ налюбоваться силой характера этой женщины, этой фаворитки, непреодолимо очаровательной, покорявшей людей и событія.

Министръ еще вдыхалъ раздражающее благоуханіе обольстительницы, и, направившись къ большому окну, онъ долго слѣдилъ глазами за маркизой, удалявшейся въ своемъ экипажѣ.

Это болѣе не была просящая и сокрушенно-кающаяся грѣшница, явившаяся униженно признаваться въ своихъ ошибкахъ. Это была, какъ всегда, высококомѣрная Монтеспанъ, которую любилъ король.

XVII.

Тотчасъ же послѣ ночного посѣщенія Дегрэ, Ларейни послѣшно послалъ гонца въ Сентъ-Жермэнъ. Онъ сообщилъ Лувуа со всѣми подробностями о послѣднихъ свѣдѣніяхъ, донесенныхъ его сыщикомъ.

Министръ не зналъ, какъ Ларейни, долгихъ колебаній. Немедленно у него явилась почти увѣренность, что маркиза Монтеспанъ была замѣшана въ эти козни, а также увѣжденіе, что событія не замедлятъ дать ему въ этомъ доказательства.

Всегда владѣвшій собою Лувуа оканчивалъ чтеніе очень подробнаго доклада Ларейни, когда его вѣрный слуга, Лакло, доложилъ ему о главномъ начальникѣ полиціи.

— Ну, что?—живо спросилъ министръ.

— Вуазенъ задержана сегодня утромъ. Я велѣлъ препроводить ее подъ надзоромъ Ларейни сначала въ Малое Шатле, а затѣмъ, послѣ краткаго допроса, въ Венсенскій замокъ.

Ларейни рассказалъ о происшествіи и какъ, благодаря прозорливости одного сыщика, помощникъ прево, въ присутствіи комиссара Камюзе, могъ захватить Катерину въ томъ моментъ, когда она выходила изъ церкви «Добрыхъ Вѣстей».

— Она была одна?—спросилъ министръ.

— Нѣтъ, сударь. Когда ее замѣтилъ сыщикъ въ церкви, то онъ видѣлъ возлѣ нея патера и двухъ скромно одѣтыхъ женщинъ, которыхъ онъ не знаетъ. При выходѣ отъ обѣдни онѣ исчезли въ толпѣ богомольцевъ.

Лувуа принялся размышлять. Присутствіе этихъ двухъ женщинъ, повидимому, возбудило въ немъ любопытство.

Послѣ нѣкотораго молчанія Ларейни объяснилъ еще, какъ Дегрэ обнаружилъ въ саду прорицательницы одного изъ придворныхъ принца Орлеанскаго.

— Одного изъ придворныхъ принца Орлеанскаго? — спросилъ удивленный Лувуа.

— Да, сударь. Онъ былъ, повидимому, тяжело раненъ, и состояніе, въ которомъ онъ находился, не позволяло Дегрэ заставить его говорить. Но, возвратясь въ Парижъ, я отправлюсь въ Бастилію и допрошу его самъ.

— Хорошо, и вы дадите мнѣ тотчасъ объ этомъ допросѣ отчетъ... Но, чтобы до новаго распоряженія никто не зналъ имени этого придворнаго, кто бы онъ ни былъ... Нѣтъ ли еще чего нибудь особеннаго?

Начальникъ полиціи вручилъ Лувуа найденные Дегрэ браслетъ и пергаментъ.

Министръ долго ихъ разсматривалъ.

— Это открытіе,—сказалъ онъ, узнавъ портретъ:—въ высшей степени важно, и что касается до настоящаго времени, то, я полагаю, намъ надо быть осторожными...

— Однако...—хотѣлъ возразить начальникъ полиціи.

— Да, сударь,—перебилъ его Лувуа:—повторяю, что въ подобномъ случаѣ надо дѣйствовать съ большою осмотрительностью.

— Я того же мнѣнія. Но что же тогда долженъ я дѣлать?

— Вы составите, какъ можно скорѣе, докладъ, въ которомъ изложите всѣ утреннія событія. Вы отправите его ко мнѣ, а я передамъ его королю... Но воздержитесь называть по имени знатную даму, явившуюся вчера вечеромъ къ Вуазенъ, и выражать малѣйшее подозрѣніе на ея участіе въ этомъ дѣлѣ.

И такъ какъ начальникъ полиціи казался удивленнымъ этимъ ограничивающимъ условіемъ, мало согласующимся съ порывистымъ характеромъ Лувуа, то послѣдній сказалъ:

— Вѣрьте мнѣ, сударь, подобное обвиненіе не можетъ исходить отъ насъ. Мы держимъ въ рукахъ Вуазенъ и, надѣюсь, не замедлимъ захватить ея двухъ помощниковъ: Романи и Лезажа, тѣхъ самыхъ, съ которыми познакомился вчера вашъ сыщикъ Дегрэ... Если есть еще сообщники, то мы узнаемъ ихъ имена у самихъ Вуазенъ, Романи и Лезажа. Пытка развязываетъ и не такіе языки.

Ларейни, какъ добросовѣстный и благоразумный полицейскій чиновникъ, не могъ не одобрить искуснаго и осторожнаго поведенія министра.

— Итакъ,—продолжалъ Лувуа:—вы мнѣ вручите вашъ докладъ завтра утромъ... До тѣхъ поръ сообщите мнѣ все, что произойдетъ новаго. Дозавтра!

Начальникъ полиціи откланялся.

— Въ Бастилію!—приказалъ онъ кучеру, садясь въ экипажъ.

XVIII.

Несмотря на отвращеніе, которое внушалъ въ то время аббатъ Гибуръ маркизѣ Монтеспанъ, она рѣшилась для исполненія порученія, предложеннаго Кольберомъ, остановить свой выборъ на этомъ патерѣ. У него всѣ данныя, чтобы имѣть свободный доступъ къ ворожеѣ. Затѣмъ съ нимъ безопасно признаніе, такъ пугавшее ее, потому что онъ былъ свидѣтелемъ и въ то же время участникомъ трагедіи, разоблаченіе которой такъ ужасало Атенаису.

Такимъ образомъ въ тотъ самый вечеръ, когда маркиза видѣлась въ министромъ, г-жа Дэээльё, по приказанію успокоенной маркизы, отправилась въ Парижъ, въ улицу Жанъ-Тизонъ.

Во время своего посѣщенія она узнала всѣ подробности задержанія Вуазенъ. Маргарита, увлеченная по окончаніи обѣдни Гибуромъ и Шанфренъ, скрылась у большой пріятельницы матери, Трианонъ, жившей въ улицѣ Форезъ, въ Марэ. Тамъ она узнала о тяжкомъ положеніи отца. Второпяхъ она отправилась въ улицу Борегаръ, чтобы окружить больного самыми преданными и внимательными попеченіями.

Что касается Лезажа и Романи, то ихъ болѣе не видѣли послѣ той святотатственной ночи. Проводивъ маркизу до ея экипажа, они замѣтили сыщиковъ Ларейни, бродившихъ по окрестностямъ, и рѣшили, что благоразумнѣе исчезнуть...

Аббатъ Гибуръ съ первыхъ же словъ успѣшилъ успокоить опасенія Дэээльё.

— Маркизѣ нечего бояться... Зачѣмъ Катерина будетъ признаваться въ своихъ сношеніяхъ съ маркизой Монтеспанъ? Развѣ это не привлечетъ вниманія судей на дѣянія слишкомъ свѣжія, чтобы ихъ уже забыть?.. Г-нъ Ларейни—слишкомъ ловкій человекъ, онъ не преминетъ найти соотношеніе, которое могло бы сдѣлаться гибельнымъ для насъ,—между посѣщеніями Вуазенъ маркизой и нѣкоторыми поѣздками Катерины въ Сенъ-Жермэнъ. Впрочемъ не надо вамъ этого напоминать, такъ какъ, благодаря поручительству предъ вашими друзьями, мундшенками, Дюшэнемъ и Жило, Романи могъ вступить въ королевскую буфетную.

— Но какое отношеніе между этими дѣяніями и причиною, которая помѣшала бы Катеринѣ говорить?... Сказать о своихъ отношеніяхъ къ маркизѣ Монтеспанъ значитъ вызвать громадный скандалъ, а для нихъ, напротивъ, слишкомъ выгодно добиться ея молчанія, чтобы взамѣнъ не спасти ее.

— Я считалъ васъ болѣе проникательной Дэээльё... Покушеніе, совершенное на жизнь королевы, называется королевоубійствомъ, и вамъ совсѣмъ безызвѣстно, какими ужасными пытками законъ наказываетъ это преступленіе... Повѣрьте, что Катерина уклонится произносить имя вашей госпожи...

Г-жа Дэзэльё начала понимать. Но Гибуръ, напоминая ей роль, которую она также играла, и вызывая въ ея воображеніи пытки, наказывающія за всѣ покушенія на жизнь государей, зародилъ въ ея душѣ внезапный ужасъ. Не заточать ли ее такъ же, какъ Вуазенъ, въ тюрьму.

— О! только бы она молчала!—прошептала совсѣмъ блѣдная г-жа Дэзэльё. Не лучше ли вамъ все-таки ее повидать и уговорить сохранить нашу тайну?..

— Катерина лучше, чѣмъ кто либо, знаетъ свои выгоды... Впрочемъ, она мнѣ признавалась, что ни въ одной изъ ея приходныхъ книгъ не упоминается о суммахъ, полученныхъ ею отъ маркизы Монтеспанъ, и, кромѣ нея и ея близкихъ, никто не знаетъ, что ваша госпожа обращалась къ прорицательницѣ. Успокойтесь же... Однако, я воспользуюсь пропускнымъ листомъ, который вы мнѣ принесли; я увижу г-жу Вуазенъ завтра. Вполнѣ рассчитывайте на меня и успокойте маркизу Монтеспанъ.

Дэзэльё явилась къ своей госпожѣ съ отчетомъ объ этомъ свиданіи.

На другой день въ три часа дня предъ Венсенскимъ замкомъ остановилась карета, и аббатъ Гибуръ, представивъ пропускной листъ, безъ труда добился свиданія съ узницей.

Катерина Вуазенъ со времени своего задержанія и пересылки въ Венсенъ сохранила все хладнокровіе и силу воли. Впрочемъ уже съ давнихъ поръ она обсуждала случайность посѣщенія сыщиковъ Ларейни и приготовила задолго защиту, которую она представила бы, если бъ пришли ее задержать.

Слишкомъ знатныя лица прибѣгали къ моимъ услугамъ, думала она, чтобы я не нашла даже въ самомъ дворцѣ короля могущественной поддержки. Она говорила себѣ, что для нея будетъ лучшимъ покровительствомъ соучастіе царедворцевъ и великосвѣтскихъ дамъ, которыхъ одно ея слово можетъ погубить, довести до Бастиліи или изгнанія. Князья, судьи, придворные герои недавней войны, посѣщавшіе ея кабинетъ, увидятъ себя принужденными защищать ее и пустить въ ходъ все, чтобы ее спасти. Погибнувъ, она повлечетъ за собою ихъ всѣхъ, и достаточно было этой мысли, чтобы придать ей самонадѣянности.

Поэтому, благодаря доводамъ, которые она представила бы, прорицательница оставалась хладнокровной.

Но, какъ и предвидѣлъ Гибуръ, Вуазенъ не могла признаться въ своихъ сношеніяхъ съ маркизою Монтеспанъ, и она ему положительно объ этомъ объявила. Съ цѣлью осуществить честолюбивыя мечты маркизы, она пыталась отравить королеву, а это было болѣе, чѣмъ слѣдовало, чтобы заставить ее сохранять ужасную тайну.

Гибуръ обѣщалъ Катеринѣ поддержку маркизы Монтеспанъ и увѣрилъ ее, что все будетъ пущено въ ходъ для смягченія строгости ея заключенія. Впрочемъ, присутствіе аббата въ Венсенѣ не достаточное ли доказательство участія, которое въ ней принимаютъ? Этотъ поступокъ глубоко тронулъ Вуазенъ, и патеръ поспѣшилъ сообщить маркизѣ чрезъ г-жу Дэээльё о послѣдствіяхъ своего посѣщенія.

Разсказъ о свиданіи въ Венсенскомъ замкѣ внесъ немного спокойствія въ взволнованный умъ Атенаисы. Но это спокойствіе длилось недолго.

Со времени ея разговора съ Кольберомъ маркиза Монтеспанъ не появлялась при дворѣ и замкнулась въ своемъ прекрасномъ имѣніи Кланьи.

Однажды, въ полдень, въ то время, какъ маркиза раздумывала у окна своей комнаты, она увидѣла у главнаго подъѣзда замка остановившуюся карету, въ которой она узнала по внѣшнимъ признакамъ экипажъ Кольбера. Вскорѣ, опираясь на свою высокую палку съ набалдашникомъ, появился и самъ министръ.

Удивленная маркиза вышла къ нему навстрѣчу.

— О, поистинѣ, любезный Кольберъ, я смущена, что вы сами дали себѣ трудъ...—сказала она министру, переступившему порогъ ея пышнаго жилища.

Но Кольберъ перебилъ ее:

— Сударыня, я долженъ поговорить съ вами объ очень важномъ предметѣ.

Атенаиса ввела его въ маленькій уединенный будуаръ, находившійся совсѣмъ въ концѣ длинной, дивно убранной, галереи, вдали отъ комнатъ, гдѣ проходили слуги.

— Что это за столь важный предметъ, мой другъ?—спросила съ безпокойствомъ маркиза.

— Вы знаете, сударыня, насколько я вамъ преданъ,—началъ министръ.—Поэтому я захотѣлъ самъ явиться къ вамъ, чтобы сообщить о происходящемъ. Нѣсколько дней тому назадъ, когда вы пришли ко мнѣ сообщить о вашихъ сношеніяхъ съ Катериной Вуазенъ и объ опасеніяхъ, которыя васъ терзаютъ, вы увѣрили меня, что за вами никто не слѣдовалъ, и никто, кромѣ прорицательницы, не могъ выдать тайны вашего посѣщенія.

— Я снова это подтверждаю, Кольберъ.

— Ну, такъ, въ домѣ Вуазенъ, нѣсколько минутъ спустя послѣ вашего отъѣзда, былъ найденъ сыщиками Ларейни одинъ придворный, кавалеръ Люссакъ.

— Придворный?... Кавалеръ Люссакъ у Вуазенъ? Что это значитъ?—сказала изумленная маркиза.

— Такъ вы его знаете?

— Да, Кольберъ, я его знаю. Это я, въ знакъ благодарности, помѣстила его на службу къ принцу Орлеанскому.

— Тогда знайте, — сказалъ министр: — что кавалера Люссака нашли въ саду прорицательницы распростертымъ, почти безъ признаковъ жизни, раненнаго ударомъ сабли или кинжала...

— Кавалеръ Люссакъ умеръ! — воскликнула взволнованная Атенайса.

— Нѣтъ, сударыня, онъ живъ... — объявилъ Кольберъ, не выказывая удивленія, которое вызвало въ немъ это восклицаніе. — Онъ живетъ въ одной изъ комнатъ Бастиліи, куда его перенесли.

— Въ Бастиліи!.. Кавалеръ Люссакъ въ Бастиліи!.. Гдѣ вы это узнали?..

— Сегодня утромъ въ совѣтѣ. Г-нъ Лувуа читалъ королю докладъ начальника полиціи, въ которомъ, между прочимъ, сообщалось, что одинъ изъ помощниковъ Катерины, Лезажъ, былъ вчера вечеромъ задержанъ недалеко отъ Малаго Шатле. Безъ сомнѣнія, вы болѣе не боитесь разоблаченія Вуазенъ со времени устроеннаго свиданія ея съ исповѣдникомъ, и вы меня убѣдили, что вполне рассчитываете на молчаніе вашей Дэзэльё, но такъ ли будетъ съ этимъ Лезажемъ?

Потрясенная маркиза ничего не отвѣчала. Смутные образы, ужасныя мысли тѣснились въ ея умѣ. Столь неожиданное извѣстіе о раненомъ Оливье, найденномъ распростертымъ въ саду прорицательницы, оставалось для нея скорбною загадкой.

Это было искрой, которая внезапно разожгла ея страсть. Она призывала свою любовь счастливаго времени. Затѣмъ она видѣла Оливье недвижимымъ, въ крови, съ блѣдными губами, пламя которыхъ она чувствовала столько разъ. Это стало ея неотвязной мыслью.

Съ горечью она упрекала свое честолюбіе, которое на мгновеніе разъединило ихъ. Лезажъ! Что ей за дѣло, что будетъ онъ теперь говорить? Что ей до стыда, опалы, до позора? Такъ какъ она никогда не переставала любить Люссака, то въ ней существуетъ одно воспоминаніе о другѣ, о заключенномъ любовникѣ, можетъ быть, уже умирающемъ въ глубинѣ государственной тюрьмы. И зачѣмъ надо было, чтобы необузданная жажда славы, почестей и богатства осквернила эту любовь, которая довела до Бастиліи одного и до непоправимаго паденія другую?

Волненіе маркизы Монтеспанъ и на этотъ разъ не ускользнуло отъ Кольбера; онъ угадалъ причину этого смертельнаго томленія, и безконечное сожалѣніе овладѣло его сердцемъ.

— Такъ какъ его присутствіе въ саду и улицѣ Борегаръ, — сказалъ онъ: — намъ обоимъ необъяснимо, то, можетъ быть, не лучше ли вамъ, сударыня, увидѣть кавалера Люссака. Въ посѣщеніи придворнаго, содержащагося въ королевской тюрьмѣ, ничего

нѣтъ противнаго обычаямъ... Съ моимъ письмомъ вамъ будетъ легко проникнуть въ Бастилію. Если вы желаете, я напишу это письмо...

Какъ бы освободившись отъ долгаго кошмара, Атенаиса съ благодарностью протянула министру обѣ руки.

— О, благодарю, любезный Кольберъ... Да, я его увижу. Я съ нимъ поговорю...

Она успокоилась.

— Что касается Лезажа...—хотѣлъ продолжать Кольберъ.

— Лезажъ! Мнѣ до него мало дѣла въ данный моментъ,—перебила маркиза съ равнодушнымъ жестомъ, очень удивившимъ министра.

— Однако, сударыня, этотъ человѣкъ будетъ допрошенъ... Онъ можетъ васъ обвинить... Зачѣмъ будетъ онъ васъ защищать?

Маркиза поняла совершенную ею ошибку, давъ вырваться своему неосторожному восклицанію. Она быстро прибавила:

— Да, что мнѣ за дѣло? Если этотъ человѣкъ дастъ показаніе, отреченіе Буазень и мое будетъ достаточно для наказанія его за это обвиненіе.

— Безъ сомнѣнія, сударыня, но совершенно ли вы увѣрены, что ваше имя не будетъ произнесено Катериной Буазень?

— Она дала слово патеру.

— Ея слово... Сдержитъ ли она его?

— Въ этомъ весь ея интересъ.

— Какой?

— Позвольте не отвѣчать на вашъ вопросъ, любезный Кольберъ... Въ данный моментъ это—моя тайна. Вы дали мнѣ средство переговорить съ этой прорицательницей, и я вамъ благодарна. Теперь я одна должна искупить ошибки, къ которымъ привело меня любопытство, и я не имѣю права ставить васъ въ неловкое положеніе...

Кольберъ поклонился.

— Наконецъ, сударыня, все-таки повидайтесь съ г-номъ Люсаккомъ. Завтра я вручу вамъ пропускное письмо къ г-ну Бемо, коменданту Бастиліи. Какъ вамъ извѣстно, онъ — мой родственникъ и пустить въ ходъ все, чтобы васъ удовлетворить.

— Будьте увѣрены въ моей живѣйшей благодарности, Кольберъ. Благодаря вашей преданной дружбѣ, я буду въ состояніи лучше перенести жестокія испытанія, чрезъ которыя я теперь прохожу.

На этихъ словахъ министръ откланялся маркизѣ и удалился, унося съ собою тайну любви, до сихъ поръ ревностно охраняемую.

Въ это время позади большихъ деревьевъ парка закатывалось солнце, и вдали на небѣ, покраснѣвшемъ отъ пламени заката, выступали холмы своей темной громадой.

XIX.

Со времени заключенія г-жи Вуазенъ въ тюрьму, Дегрэ продолжалъ безустанно свои розыски. При каждомъ посѣщеніи улицы Борегаръ дѣлались новыя открытія. Лѣкарственныя снадобья, яды, магическія формулы, цѣлая любопытная переписка, найденная въ кабинетѣ, не оставляли никакого сомнѣнія въ преступныхъ занятіяхъ прорицательницы. Къ многочисленнымъ уликамъ, тяготѣвшимъ надъ Вуазенъ, прибавилась еще одна мрачная находка. Одинъ изъ сыщиковъ Дегрэ, замѣтивъ въ глубинѣ сада мѣсто, гдѣ земля казалась свѣже-вскопанной, полюбопытствовалъ взрыть почву и съ изумленіемъ увидѣлъ хрупкія кости. Онъ продолжалъ свое дѣло и встрѣтилъ безчисленное количество дѣтскихъ череповъ. Такимъ образомъ каждый день подтверждалась виновность колдуньи.

Кромѣ того, помощникъ Прево нашелъ таинственную дверь, открывавшуюся въ подземелье, соединявшее жилище Катерины съ церковью «Добрыхъ Вѣстей», и тогда объяснилось, какимъ образомъ она и ея сообщники могли такъ быстро исчезнуть.

Ларейни сдѣлалъ тщательный докладъ Лувуа относительно дѣйствій Дегрэ. Министръ велѣлъ составить протоколы, которые онъ, по мѣрѣ возможности, передавалъ его величеству. При чтеніи ихъ зловѣщее предчувствіе овладѣло королемъ. Въ его памяти всегда жило ужасное и громкое дѣло маркизы Бренвилле, а теперь, благодаря Вуазенъ, онъ опасался извѣстій и чудовищныхъ разоблаченій, стыдъ отъ которыхъ на этотъ разъ можетъ отразиться на ступеняхъ трона.

Другое открытіе Дегрэ во время обысковъ у Катерины было громовымъ ударомъ, освѣтившимъ это темное дѣло.

Въ то время какъ Дегрэ переписывалъ различные предметы, помѣщенные въ шкапу, онъ по неосторожности нажалъ пружину потайнаго ящика, который неожиданно открылся. Со дна этого ящика онъ досталъ книгу, покрытую записями. Это была вѣдомость, по которой она вела счетъ своихъ знатныхъ довѣрителей. Противъ числа, передъ именемъ, мѣстожителемъ и званіемъ Катерина упоминала, какъ въ счетѣ поставщиковъ, родъ оказанныхъ услугъ или исполненныхъ порученій. Между страницами находились отдѣльные листы, содержащіе свѣже-вписанныя мѣстожителства людей, требовавшихъ услугъ колдуньи.

Когда начальникъ полиціи принесъ Лувуа этотъ списокъ, то онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Высокопоставленныя лица, знатныя дамы, молодыя дѣвушки, принадлежація къ лучшимъ семьямъ, патыры, друзья и недруги политики министровъ выступали тутъ подъ какимъ нибудь названіемъ оказанныхъ услугъ.

Число обязанныхъ Катеринѣ превосходило все, что можно было вообразить.

Но какъ ни читалъ и ни перечитывалъ министръ этотъ длинный перечень, однако одного имени не хватало—маркизы Монтепанъ. Нигдѣ прорицательница не упомянула о своихъ сношеніяхъ съ маркизой, и Лувуа смутился отъ этихъ напрасныхъ поисковъ, поколебавшихъ его убѣжденіе.

Послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшился, въ виду неминуемой опасности, самъ вручить королю списокъ Катерины.

Людовикъ XIV, въ свою очередь, былъ потрясенъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ столькихъ преступленій. Ядъ снова появился на сцену и еще разъ навелъ ужасъ и смуту среди пышнаго двора. Затѣмъ король долго раздумывалъ... Наконецъ у него есть объясненіе странныхъ смертей, какъ, напримѣръ, государственнаго министра Гюга де Лиона, графа Суассона, канцлера Алигра, предсѣдателя Ламуаньона, герцога Савойскаго и столькихъ другихъ.

Съ горестью онъ видѣлъ патеровъ, замѣшанныхъ въ это плачевное дѣло: аббата Дюлонга, каноника собора Богоматери, Бушо, исповѣдника монахинь общины Ла-Соссэ, аббатовъ Дюсси, Бушэ, Лефранъ, Лепре, Гибура, Даво, Турнэ, Ламперье, Коттона, Бригаллье, священника своей сестры, Дюлорана, викарія Сенъ-лѣ, Дюбускэ, Ребура, Сейссона, Леманьяна, Дезэ, капуциновъ Леженя и Жэрара, францисканскаго монаха Мартинэ, Габріэля, брата Пикпюской обители, Мореля, варнавита, и другихъ: всѣ они были уличены въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. Сама церковь служила сообщникомъ отвратительныхъ тайныхъ обрядовъ. Призракъ смерти являлся повсюду—даже тѣ, кто долженъ быть образцемъ долга, охранителемъ нравовъ и устоемъ общественной нравственности—всѣ предалися постыдной мерзости. Судьи не были исключены изъ этой грязи, и Вуазенъ, повидимому, набирала себѣ среди ихъ женъ лучшихъ кліентокъ.

До ушей короля доходили извнѣ слухи объ отравкахъ. Онъ также узналъ о существованіи нѣкоторыхъ святотатственныхъ и таинственныхъ обрядовъ. Уже во время предшествующаго царствованія, въ 1636 г., утверждали, что подобныя злыя женщины покупали дѣтей по двадцать су за ребенка для тайныхъ жертвъ, но это была лишь молва, легенда, на которую совсѣмъ не обращали вниманія. Король вспомнилъ, что гораздо позже тотчасъ-же послѣ казни маркизы Бренвилье исповѣдники собора Богоматери, испуганные разоблаченіями на исповѣдяхъ, нисколько не опасаясь, объявляли съ каедръ, что большинство исповѣдавшихся въ послѣднее время обвиняли себя въ отравленіи кого нибудь.

Съ этой минуты король сталъ тревожиться. Затѣмъ произошелъ арестъ Ванена, Каделяна и другихъ, и король постановилъ наказывать беспощадно.

Онъ жаловался на судей парламента, предъ которыми предстала Бренвилье, за то, что ее щадили. Онъ не могъ забыть, что знаме-

нитая отравительница была дочь судьи, и что, благодаря этому родству, допросъ не былъ произведенъ основательно. Поэтому, чтобы судить новыхъ обвиняемыхъ, онъ, не колеблясь, отнялъ у парламента его безусловное право судить и создалъ исключительный судъ, какъ это дѣлалъ Филиппъ Красивый, Филиппъ Длинный и ихъ преемники.

Этотъ верховный судъ долженъ былъ дѣйствовать въ арсеналѣ и называться пламенной палатой, или палатой диктаторскаго правосудія.

Пламенная палата была основана при Францискѣ I-мъ для веденія еретическихъ дѣлъ. Ее называли такъ потому, что обыкновенно дѣла разбирались въ обтянутой чернымъ сукномъ темной залѣ, освѣщенной зажженными восковыми свѣчами, горѣвшими весь день въ зловѣщихъ свѣтильникахъ.

Передъ этимъ-то исключительнымъ судомъ должны были предстать первые отравители: Ваненъ, Башимонъ, Каделянъ, а также ихъ сообщники.

Предсѣдатель парижскаго парламента, оскорбленный нарушеніемъ правъ обыкновенныхъ судовъ, указалъ королю на «ударъ, нанесенный парламенту, лишенному такимъ образомъ своей обычной жатвы, и выхвалялъ его незапятнанное правосудіе, чтобы избавить его отъ этого стыда и оскорбленія».

Но король на это не поддался, и «пламенная палата была сохранена».

Его величество избралъ лучшихъ членовъ государственнаго совѣта и рекетмейстеровъ.

Это были Луи де Тоннелье де Бретейль, прежній контролеръ финансовъ; Даниель Вуазенъ; Гаспаръ де Фьебе—человѣкъ очень умный и очень честолюбивый; Мишель Лепелетъе, владѣлецъ Сусси; Огюстъ Робертъ де Померейль де Лабретешъ, членъ совѣта финансовъ; г-нъ Арчужъ, затѣмъ рекетмейстеръ Бернаръ де Форція, прежній управитель Оверномъ; Антуанъ Тюрго и наконецъ Андрэ Лефевръ Ормессонъ, членъ главнаго совѣта и сынъ докладчика Фука. Главнымъ прокуроромъ комиссіи былъ Робертъ; докладчиками пламенной палаты, которые должны были дѣйствовать подъ предсѣдательствомъ Бушера, назначены Луи Вазенъ, владѣлецъ Безона, академикъ, и Ларейни, а Саго, тайный совѣтникъ Ларейни и безсмѣнный секретарь Шатле, былъ назначенъ секретаремъ пламенной палаты.

Чтобы лучше выразить намѣреніе его величества, Лувуа написалъ 9-го марта 1679 г. канцлеру Телье, приказавъ предупредить Безона, чтобы онъ началъ тотчасъ же судебное слѣдствіе, изъ боязни, что нѣкоторые изъ «нихъ» умрутъ по причинѣ отчаянія, и правосудіе лишится разъясненія, которое можно было извлечь съ помощью пытки.

Но арестъ Буазенъ измѣнилъ положеніе дѣлъ, и вслѣдствіе обнаруженія именъ ея сообщниковъ возникло самое страшное дѣло, какое когда либо судилъ человѣческой судъ.

Въ такой моментъ монархъ чувствовалъ, что ему угрожаетъ опасность. Онъ добылъ доказательство, что его августѣйшая особа была цѣлью преступныхъ намѣреній. Онъ, укrywшійся въ олимпійскомъ спокойствіи высокоумѣрной славы, считалъ себя подъ защитой отъ гибельныхъ ударовъ судьбы; онъ, гордый король—солнце, впервые почувствовалъ дрожь боязни; онъ, котораго почитаютъ, какъ Бога, задрожалъ, какъ простой смертный.

Теперь дѣло шло о спасеніи своей драгоценной жизни посредствомъ быстрыхъ и дѣйствительныхъ мѣръ.

Король далъ приказъ немедленно задержать всѣхъ, кто прибѣгалъ къ помощи прорицательницы, и черезъ нѣсколько дней знатныя дамы, вельможи, начальники арміи и патеры всѣ безъ различія были заключены въ Бастилію и Венсенъ.

И хотя, благодаря ихъ титулу, большинство было подсудно только соединенному присутствію парижскаго парламента, единственному судѣ герцоговъ и пэровъ, король рѣшилъ, что всѣ безъ исключенія появятся передъ особой комиссіей пламенной палаты, чтобы судиться тамъ.

Такимъ образомъ женщины, занимавшіяся вытравливаніемъ плода у беременныхъ, и грубыя и титулованныя отравительницы, святотатственные патеры, царедворцы и знатныя лица—всѣ очутились на общей позорной скамьѣ.

XX.

Хотя рана Оливье и была тяжела, но она не подвергла его жизни опасности. Шпага Романи скользнула вдоль бока и проникла почти на два пальца, но не коснулась никакого внутренняго органа. Черезъ нѣсколько дней лихорадка уменьшилась, и хирургъ увѣрилъ, что довольно еще одной недѣли, и больной будетъ въ состояніи подвергнуться допросу.

Комната, въ которую заключили кавалера Люссака, была третьей въ башнѣ Бертодьеръ...

Тамъ ему оказали помощь, и онъ пришелъ въ себя послѣ продолжительнаго обморока.

Прежде всего онъ съ удивленіемъ сталъ разсматривать эту комнату—обширный неправильный многоугольникъ, вышиною отъ пятнадцати до двадцати футовъ, съ голыми стѣнами, со скудной обстановкой, и думалъ, что онъ игрушка сновидѣнья.

Его глаза блуждали по камину, переходя на желѣзныя рѣшетки, на три набитыя волосомъ кресла, обитыя толстой клеенкой, на

столъ, гдѣ находились подсвѣчникъ, вилка, ложка, жестяной кубокъ и огниво.

Затѣмъ событія ночи вскорѣ пришли ему на умъ, и острая боль въ лѣвомъ боку напомнила ему о дѣйствительности.

Онъ вспомнилъ о неравной борьбѣ съ внезапно появившимся во тьмѣ человѣкомъ...

Онъ также вспомнилъ, что его окружили люди съ факелами, подняли въ карету, и онъ слышалъ наскоро отданный приказъ: «въ Бастилію!» Тогда-то онъ потерялъ сознание, и вокругъ него сдѣлалась ночь.

Нѣсколько часовъ спустя, онъ проснулся въ глубинѣ Бастилии.

Первое время въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ онъ былъ разбитъ и бездѣйственъ. Неотвязное воспоминаніе увеличивало уныніе мѣста и волновало его мысли: воспоминаніе объ этой роковой ночи, когда онъ увидѣлъ Атенаису входящей къ Вуазенъ... Какая же тайная трагедія могла разыгрываться въ улицѣ Борегаръ?

И слезы выступили у него на глазахъ...

Кольберъ написалъ Бемо, какъ обѣщалъ маркизѣ, чтобы извѣстить его о скоромъ посѣщеніи знатной дамы. Предупрежденный комендантъ далъ приказъ, согласно обстоятельствамъ. И однажды, въ полдень, въ концѣ марта мѣсяца, у передового караула со стороны улицы Сентъ-Антуанъ остановилась карета. Изъ нея вышла маркиза Монтеспанъ въ черной бархатной маскѣ. Она обратилась къ караулу:

— Я хотѣла бы поговорить съ г-номъ Бемо.

Солдатъ сдѣлалъ знакъ согласія. На его зовъ прибѣжалъ дежурный капитанъ, де-Лануэ.

Увидя посѣтительницу, офицеръ разсыпался въ привѣтствіяхъ.

— Вотъ г-ну Бемо,—сказала маркиза, вручая г-ну де-Лануэ письмо Кольбера, которое должно было служить разрѣшеніемъ для ея посѣщенія.

— Сударыня, сдѣлайте честь слѣдовать за мною...

Перейдя подъемный мостъ, они прошли въ большія ворота и очутились справа отъ нихъ на маленькомъ дворѣ, въ концѣ котораго находилось помѣщеніе коменданта.

— Прошу васъ войти, сударыня, и обождать нѣсколько минутъ.

Капитанъ приблизилъ стулъ къ маркизѣ и удалился.

Комната, въ которую Лануэ провелъ маркизу Монтеспанъ, была круглымъ казематомъ, освѣщавшимся высокимъ стрѣльчатымъ окномъ.

Единственной обстановкой этой комнаты служили нѣсколько лавокъ, скамеекъ на кривыхъ ножкахъ, стульевъ и столъ.

Вошелъ Бемо де Мантлезэнъ. Это былъ гасконскій дворянинъ, лѣтъ шестидесяти, прежній капитанъ стражи кардинала Мазарини. Онъ добился поста коменданта Бастилии, гдѣ по обычаю «не-

обыкновенно разбогатѣлъ». Вѣрный слуга, которому всѣ заключенные отдавали честь за его человѣколюбивыя чувства, онъ мало уживался съ своею суровой обязанностью. Его предупредительность, рѣдкую честность, привѣтливое обращеніе и полную молчаливость хвалили всѣ. По причинѣ этихъ качествъ ему посчастливилось сдѣлаться союзникомъ Кольбера, выдавъ замужъ свою дочь за графа Сомери, племянника министра.

Маркиза встала. Тѣнь отъ маски оживляла блескъ ея глазъ.

Комендантъ привѣтствовалъ ее съ полнымъ уваженіемъ. Онъ не старался узнать имя этой высокопоставленной дамы и сказалъ просто:

— Я только что прочиталъ письмо г-на Кольбера, сударыня. Какую могу я оказать вамъ услугу?

Г-нъ Кольберъ долженъ былъ предупредить васъ сегодня утромъ о цѣли моего посѣщенія. Я хотѣла бы видѣть кавалера Люссака.

— Дѣйствительно, сударыня, г-нъ Кольберъ меня предупредилъ сегодня утромъ о вашемъ посѣщеніи,—отвѣтилъ Бемо.—Я немедленно предоставлю въ ваше распоряженіе двухъ тюремщиковъ, которые проводятъ васъ къ этому заключенному.

Со времени своего вступленія въ Бастилію, маркизу давило какое-то непріятное чувство и тоска. Печальное мѣсто, нервность ожиданія, предосторожность, какая вносилась въ малѣйшія мелочи, оставляли въ ней скорбное впечатлѣніе, которое ей не удалось прогнать.

Комендантъ позвалъ двоихъ людей съ суровыми лицами.

— Проводите даму въ третью комнату Бертодьерской башни... Сударыня, не угодно ли вамъ слѣдовать за тюремщиками,—сказалъ онъ почтительно.

Атенаиса переступила порогъ и пошла позади двухъ мужчинъ, фонари которыхъ бросали дрожацій свѣтъ на черные и сырые своды. Капли воды, какъ слезы, падали иногда на дрожація руки фаворитки.

Она вышла изъ дома коменданта на аллею длиною въ пятнадцать сажень, которую окаймляло съ одной стороны зданіе, служившее кухней. Миновавъ крѣпкую желѣзную рѣшетку въ родѣ укрѣпленія для караула, «которому было приказано не позволять заключеннымъ приближаться къ ней на разстояніе трехъ шаговъ», маркиза очутилась среди большого внутренняго двора въ двѣсти шаговъ длины и семьдесятъ ширины. Тамъ возвышались соединенныя сплошной каменной стѣной башни, такъ называемыя Свободы, Базиньеръ, Графства, Сокровища, Часовни и наконецъ Бертодьеръ, куда стремилась маркиза.

Такъ печально направлялась Атенаиса къ Люссаку.

Впервые, можетъ быть, высокомѣрная маркиза ступевалась предъ растроганной любовницей. Она грезила о своихъ клятвахъ,

которыя забыла, благодаря своей гордости и честолюбію. Въ любовномъ предвидѣніи Атенаиса угадывала, что Оливье находится тамъ изъ-за нея.

Тогда она стала колебаться... Но сказала себѣ, что она должна его видѣть, съ нимъ говорить и помочь ему перенести страданія, хотя запоздала утѣшеніемъ.

Наконецъ тюремщики остановились.

Открылась дверь.

Это была тюрьма Оливье.

— Хорошо, благодарю васъ...—сказала маркиза.—Оставьте меня.

Маркиза вложила золотую монету въ руку тюремщиковъ, которые удалились.

Дверь закрылась съ глухимъ шумомъ, скользнули засовы, и маркиза осталась одна предъ кавалеромъ Люссакомъ.

Оливье дремалъ. Онъ лежалъ на кровати, дерево которой было обтянуто брокателемъ, и которая состояла изъ соломеннаго тюфяка, набитой подушки и одѣяла изъ зеленой саржи.

Ни скрипъ засова, ни шаги не разбудили Люссака, и матовая блѣдность лица окаймлялась, какъ вѣнцомъ, свѣтлыми кудрями его волосъ.

Молча и удерживая дыханіе, опершись руками на край ложа, Атенаиса склонилась надъ юношей.

Долга она оставалась такъ, затѣмъ легко прикоснулась губами къ вѣкамъ узника.

Оливье открылъ глаза. Атенаиса скинула маску, и взволнованный и удивленный Люссакъ могъ только пробормотать:

— Вы!... Вы здѣсь!...

— Да, Оливье, это я...—сказала улыбаясь Атенаиса.

— Возможна ли еще такая неожиданная радость?—прошепталъ кавалеръ, печальныя мысли котораго при одномъ видѣ любовницы тотчасъ же разсѣялись...

Послѣ многихъ изліяній и воспоминаній о счастливыхъ мѣсяцахъ, маркиза Монтеспанъ разсказала о посѣщеніи Кольбера. Она сообщила о своемъ изумленіи, узнавъ о присутствіи Люссака у Вуазенъ и о заключеніи раненаго въ Бастилію.

— Объясните, — сказала маркиза, — то, что для меня остается тайной....

Въ свою очередь Оливье разсказалъ все, что случилось, начиная съ разговора, невольна услышаннаго у аббата Гибура, до опаснаго удара шпагой въ улицѣ Борегаръ.

— Затѣмъ,—продолжалъ кавалеръ,—я ничего не знаю болѣе... Я думалъ услышать одно изъ вашихъ добрыхъ словъ, полюбоваться съ минутой вашей красотой—и встрѣтилъ почти смерть...

— Благородный другъ,—вздохнула Атенаиса съ глазами, полными слезъ.

Оливье пожалъ ея руку и медленно произнесъ:

— Благодарю. Вы меня еще любите!...

Долгое молчаніе послѣдовало за этимъ восклицаніемъ, полнымъ нѣжности.

Какъ бы ни было положительно молчаніе Люссакъ, въ полномъ смыслѣ дворянина, который скорѣе отдалъ бы свою жизнь, чѣмъ допустилъ бы хотя какому нибудь подозрѣнію коснуться его любовницы, все-таки маркиза Монтеспанъ испытала невыразимое успокоеніе при мысли, что Оливье не вѣдаетъ всѣхъ гнусныхъ занятій прорицательницы. Какъ бы уронили ее, одну изъ Мартемаръ, въ глазахъ кавалера Люссакъ чудовищные обряды! Ей казалось, что она не могла бы вынести тогда яснаго взгляда своего друга. Итакъ она оставалась безгрѣшной, великолѣпной, почти божественной! Ея страсть была спасена, а ея упорная гордость удовлетворена. Онъ не зналъ объ ея позорѣ.

Люссакъ по чувству чуткости совѣмъ не хотѣлъ спрашивать маркизы Монтеспанъ объ ея ночныхъ свиданіяхъ, которыя, однако, его сильно занимали.

— Я съ трудомъ вѣрю,—сказалъ наконецъ Оливье:—сладкой дѣйствительности... Я такъ страстно желалъ вашего присутствія... Я не надѣялся болѣе, сударыня, ни на прелесть вашей улыбки, ни на сладость вашихъ поцѣлуевъ...

Атенаиса поняла нѣжный упрекъ и поднесла пальцы Люссакъ къ своимъ губамъ:

— Одинокая въ своемъ изгнаніи въ Кланьи, я скучала... Не видя васъ, я болѣе думала о васъ.

Затѣмъ она прибавила ласково и краснѣя:

— Сегодня я васъ обожаю...

Наступившая ночь проникла сквозь узкое рѣшетчатое окно, заполнила углы, мало-по-малу поглощая громадную комнату и окутывая двѣ сближенныя фигуры.

Порою въ этомъ печальномъ мракѣ Атенаиса заглушала рыданія. Она думала, увы, о неопредѣленномъ будущемъ.

Опасаясь за близкое разлученіе, въ особенности для Люссакъ, дрожа отъ волненія, она сумѣла найти утѣшительныя слова:

— Оливье, надѣйтесь на Бога. Счастливые дни придутъ. Вы снова будете возлѣ меня и долго...

Люссакъ склонилъ свое блѣдное лицо, на которомъ отразилась невыразимая печаль:

— Богъ меня наказываетъ, сударыня, потому что ваша любовь достигла до меня, и Онъ, безъ сомнѣнія, нашель, что я испыталъ слишкомъ много счастья.

— Вы ошибаетесь, мой другъ, Богъ справедливъ и милосерденъ. Онъ признаетъ всю несправедливость вашего заключенія... И когда вы будете свободны, я сумѣю изгладить изъ вашего сердца все до воспоминанія объ этомъ ужасномъ пребываніи въ тюрьмѣ.

— Ваше присутствіе заставило меня уже о немъ забыть. На-вѣщайте иногда меня, и я буду еще вѣрить въ счастье.

Въ ночной темнотѣ тюрьмы раздался послѣдній поцѣлуй.

Снаружи, возлѣ запертой на засовъ двери, раздалось постукивание шаговъ, свидѣтельствовавшее о нетерпѣннн тюремныхъ сторожей.

Тогда Атенаиса съ внезапной и мучительной рѣшимостью порывисто вырвалась изъ объятій Оливье, отыскивая оцупью свою маску, укрѣпила, ее, постучалась въ дубовую дверь, почти тотчасъ открывшуюся.

И съ глазами, еще мокрыми отъ слезъ, но душевно успокоенная, она удалилась подъ сводами темнаго лабиринта.

XXI.

7-го апрѣля 1679 года, въ Сень-Жерменѣ, гдѣ въ эту эпоху еще находился дворъ, Людовикъ XIV подписалъ указъ, который давалъ королевской арсенальной палатѣ полное право судить обвиняемыхъ по дѣлу объ отравкахъ.

Монархъ предлагалъ «точно вести правосудіе, не различая знатныхъ лицъ и пола», а Ларейни прибавилъ: «Его величество намъ это сказалъ въ ясныхъ и живыхъ выраженіяхъ».

Ежедневно слѣдовали заключенія въ тюрьму. Уже около ста пятидесяти узниковъ, среди которыхъ Романи, задержанный три мѣсяца спустя послѣ Лезажа у аббата Лапьера, ожидали въ Венсенской тюрьмѣ или въ Бастиліи своего появленія предъ судьями. Судопроизводство, которое вели судьи, состояло въ допросѣ обвиняемыхъ сначала отдѣльно по порученію, данному однимъ слѣдователемъ другому, а затѣмъ въ ихъ очной ставкѣ, или, согласно юридическому выраженію, «въ повѣркѣ».

Вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, взять опытныхъ экспертовъ, уполномоченныхъ при судахъ Шатлэ или Туррнелъ, наследственная должность которыхъ образовывала особое вѣдомство, пламенная палата обезпечила себѣ содѣйствіе свѣдущихъ людей, тщательно выбранныхъ ею. Это были врачи Фрегьеръ, Дюгэ и хирурги Симонъ и Жоффрау. Первымъ было довѣрено изслѣдовать снадобья и яды, найденные у обвиняемыхъ, а вторымъ поручено производить вскрытіе тѣлъ жертвъ.

Буазень, допрошенная Ларейни первою, прежде всего представила самую опредѣленную заперательства, говоря, что «занятія, которымъ она предавалась, вообще нисколько не преступны, и что она просто стремилась развивать науку, которую ей послалъ Богъ». Она напомнила, что когда-то обвиненная монахами ордена Сень-Винцента-де-Поль въ нечестивой и святотатственной торговлѣ, она дала отчетъ главнымъ викаріямъ епископства, а также и многимъ

докторамъ Сорбонны, къ которымъ она была отослана, и которымъ она также объяснила свое искусство. Никто изъ нихъ ничего не нашелъ для возраженія, и съ ихъ одобренія она продолжала свои занятія. Ей было досадно причинить кому нибудь зло за зло, сдѣланное ей, и она не знала, за что ее лишили свободы, обвиняя въ нечестіи. Напротивъ, развѣ она не давала своимъ посѣтителемъ совѣта справлять девятидневныя молитвы или служить обѣдни въ честь св. Антонія Падуанскаго и св. Николая Толентинскаго, чтобы найти себѣ успокоеніе сердца? Не совѣтовала ли она женщинамъ, жаловавшимся на своихъ мужей, и мужьямъ, сѣтующимъ на своихъ женъ, отпраиваться каждый четвергъ въ Монмартръ въ часовню, посвященную св. Урсулѣ, гдѣ видѣли еженедѣльно болѣе пятидесяти женщинъ, приносящихъ рубашки, которыя патеръ за небольшую лепту заставлялъ прикладывать къ лику святой?

Не въ этомъ ли нечестіе?

Впрочемъ, она могла съ полнымъ правомъ удивляться, что сдѣлалась предметомъ подобнаго обвиненія, если знатныя женщины и высокопоставленныя лица дѣлали ей честь, обращаясь къ ней за совѣтомъ. Одно это не должно ли служить ей защитой отъ подозрѣній?

Уже она назвала имена: г-жа Ну, г-нъ Пради, жена президента Леферонъ. Итакъ, развѣ послѣдняя не признавалась ей, что покупала брильянтовый порошокъ и не давала съѣсть его на сто золотыхъ мужу, чтобы уморить его? Эта дама еще признавалась ей, что послала кого-то въ Италію, чтобы привезти ей отравленныхъ духовъ и перчатокъ. Именно вслѣдствіе этого признанія г-жа Леферонъ, подозрѣвая Катерину въ разоблаченіи своей тайны, потребовала ее однажды въ монастырь сестеръ милосердія на Королевской площади и тамъ угрожала заколоть ее кинжаломъ. Но Катерина оправдалась, и г-жа Леферонъ предложила ей тридцать испанскихъ пистолей, убѣдительно прося ее достать порошокъ, чтобы навсегда избавиться отъ мужа. Катерина отъ этого отказалась. Маршалъ Люксембургъ, герцогиня Бульонская, жена маршала Вивоннь, княгиня Тангри, графиня Суассонъ, маркиза Аллюи, г-жа Дрѣ и много другихъ одинаково часто посѣщали ее, и она всегда довольствовалась составленіемъ для нихъ гороскоповъ, согласно наукѣ хиромантіи и фізіономистики, которымъ она выучилась съ девятилѣтняго возраста, и никогда ничего другого не дѣлала, кромѣ этого, какъ въ домѣ улицы Борегаръ, такъ и у моста Мари, когда жила съ своимъ мужемъ, Монвуазеномъ.

Катерина, безъ сомнѣнія, думала, что, заявивъ о преступныхъ замыслахъ нѣкоторыхъ благородныхъ довѣрителей, она достигнетъ того, что заронитъ безпокойство и ужасъ въ совѣсти судей.

Но Ларейни, не волнуясь, продолжалъ допрашивать отдѣльно нѣкоторыхъ изъ главныхъ венсенскихъ узниковъ, игравшихъ роль въ этомъ зловѣщемъ дѣлѣ.

Послѣдніе, чувствуя, что имъ угрожаетъ опасность, не колебались обвинить прорицательницу, выдавая всѣ ея преступленія, а также имена лицъ, прибѣгавшихъ къ ея помощи.

Эти допросы привели къ самымъ поразительнымъ открытіямъ, и, несмотря на сдѣланныя королемъ указанія, при основаніи пламенной палаты, ничего не разглашать внѣ ея о томъ, что тамъ происходитъ, виновные стали уже извѣстны, и скандалъ достигъ крайнихъ предѣловъ.

Высокопоставленныя дамы, имена которыхъ были произнесены, перешли границу, но и въ чужихъ земляхъ съ трудомъ ихъ согласились принять. Графиня Суассонъ—Олимпія Манчини—бѣжала въ Нидерланды, что заставило г-жу Севиньи сказать: «Нѣтъ ничего такого, чтобы увести свою невинность или преступность на чистый воздухъ», и судьи должны были ее судить за неявкой. Впрочемъ, она была оправдана. Но въ Намюрѣ и Лютихѣ не хотѣли вѣрить въ ея невинность. Тщетно она съ г-жею Аллюи, которая ее сопровождала, и г-жею Полиньякъ, присоединившейся къ нимъ, искала гостепрѣимства за границей; имъ отвѣчали у каждой двери, куда онѣ стучали: «Мы не хотимъ этихъ отравительницъ». Наконецъ, въ Брюсселѣ согласились ихъ принять, но имъ пришлось вынести отъ народа самыя худшія оскорбленія.

Однажды утромъ, когда графиня вошла въ церковь св. Гудулы, народъ принесъ черныхъ кошекъ, связанныхъ вмѣстѣ, и когда дамы вышли изъ церкви, онѣ должны были пройти мимо этихъ бѣдныхъ животныхъ, мяуканье и завыванье которыхъ заставило со всѣхъ сторонъ сбѣжаться людей. До ушей графини достигли самыя оскорбительныя размышленія.

— Берегитесь,—говорили они,—это черти и колдуны, которыхъ она имѣла привычку посѣщать во время шабаша. Смотрите, они слѣдуютъ за нею... Берегитесь колдуньи и ея демоновъ!

Сестра Олимпіи Манчини, красавица герцогиня Больонская, которая, безъ сомнѣнія, имѣла болѣе спокойную совѣсть, осталась въ Парижѣ и появилась передъ палатой. «Она вошла, какъ маленькая королева,—говоритъ г-жа Севиньи.—Она сѣла на приготовленный для нея стулъ и вмѣсто того, чтобы отвѣчать на первый вопросъ, просила записать, что она хочетъ сказать. По ея словамъ, «она явилась туда лишь изъ почтенія къ приказу короля, а не палаты, которой она совсѣмъ не признаетъ, не желая нарушать герцогскихъ привилегій». Когда же настаивали узнать, извѣстна ли ей Вуазенъ, и зачѣмъ она хотѣла отдѣлаться отъ своего мужа, то она отвѣтила: «Я—отдѣлаться отъ него? Вамъ только стоитъ его спросить, убѣжденъ ли онъ въ этомъ, онъ довелъ меня подъ руку до этой двери».

И это была правда.

— Но зачѣмъ же вы посѣщали такъ часто эту Вуазенъ? — спросили ее еще.

— Потому, что я хотѣла видѣть сибиллѣ и предсказательницѣ, которыхъ она мнѣ обѣщала показать; это общество заслуживало, чтобы сдѣлать всевозможные шаги...

— Но развѣ вы видѣли у Вуазенъ чорта, такъ какъ ходили туда его искать?—спросилъ Ларейни.

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтила она очень дерзкимъ тономъ:—но я вижу его въ данный моментъ здѣсь переодѣтымъ судьбою, очень некрасивымъ и сквернымъ...

Ларейни закусилъ губы.

Наконецъ она была объявлена невиновной, и палата разрѣшила ей уйти... Но, прежде чѣмъ удалиться, она иронически прибавила:

— Ну, господа, это все, что вы имѣли мнѣ сказать?

— Да, сударыня...

Она встала, и въ тотъ моментъ, когда выходила, воскликнула:

— Поистинѣ, я никогда не думала, что умные люди могутъ спрашивать столько глупостей!

Герцогиня Бульонская не замедлила пожалѣть о столь неосторожныхъ словахъ. Немного времени спустя послѣ ея явки въ судъ, приказъ объ арестѣ сообщилъ ей, что по распоряженію короля ее высылаютъ въ Неракъ, столицу герцогства Альбре, принадлежавшаго тогда ея мужу. Все заставляетъ предполагать, что она должна была скоро утѣшиться отъ этой немилости, если вспомнить о восхитительныхъ стихахъ, посвященныхъ ей Лафонтеномъ:

*Vous portez en tous lieux la joie et les plaisirs,
Allez dans des climats inconnues aux zéphirs,
Les champs se vêtiront de roses.*

Что касается до графини Суассонъ, то она покинула Нидерланды, присоединилась къ герцогинѣ Бульонской въ Неракъ и оттуда проѣхала въ Испанію, гдѣ впоследствии, въ 1689 году, почти внезапная смерть молодой королевы заставила еще разъ, не безъ видимой причины, обвинять ее въ отравленіи.

Но если Марія-Анна Манчини могла оправдаться предъ судьями арсенальной палаты, то иначе было съ большинствомъ другихъ женщинъ различныхъ положеній, которыя знали, для какого употребленія Катерина предназначала порошки, запертые въ ея кабинетѣ, и причины, которыя заставляли прорицательницу такъ часто топить зловѣщій очагъ въ улицѣ Борегаръ.

Уже 6-го мая 1679 года пламенная палата произнесла первый приговоръ противъ трехъ отравительницъ: Вигурэ, Боссъ и Ферри, избличенныхъ, именно: Боссъ—въ составленіи многихъ сортовъ яда и, кромѣ того, вышеименованныя Боссъ и Вигурэ—въ совместной раздачѣ его различнымъ женщинамъ для отравленія ихъ

мужей и другихъ лицъ, въ подстрекательствѣ совершать эти отравленія и въ пользованіи съ этой цѣлью предлогомъ молитвъ и другихъ благочестивыхъ дѣлъ; Ферри въ многократномъ требованіи и полученіи яда у Боссъ и отравленіи съ помощью его своего мужа.

Приговоромъ опредѣлено, чтобы эти три женщины «были отвезены въ поворной колесницѣ на Гревскую площадь, гдѣ онѣ должны быть заживо сожжены, послѣ того какъ прежде подвергнутся обыкновенной и необыкновенной пыткѣ».

Другіе приговоры, не менѣе ужасные, вскорѣ должны были послѣдовать за этими.

XXII.

Ларейни, не знавшій о посѣщеніи, маркизой Монтеспанъ Бастилии, въ свою очередь явился допрашивать кавалера Люссака.

При видѣ начальника полиціи у Оливье сначала явился проблескъ надежды.

— Какому случаю, сударь, я обязанъ честью вашего посѣщенія? Пришли ли вы мнѣ сообщить, наконецъ, причину, которая заставляетъ задерживать меня въ тюрьмѣ его величества?

— Кавалеръ,—отвѣтилъ Ларейни,—эти причины зависятъ отъ короля... Мы должны преклониться...

— Никто болѣе меня не уважаетъ, сударь, воли государя. Однако, развѣ не естественно, что я удивляюсь моему заключенію?

— Сегодня, сударь, если мой долгъ призвалъ меня къ вамъ, то для того, чтобы допросить васъ, а не для того, чтобы васъ наставлять,—отвѣтилъ сурово начальникъ полиціи.

— Меня допрашивать?—сказалъ Люссакъ.—Развѣ меня обвиняютъ?

— Я совсѣмъ этого не говорю,—сказалъ болѣе нѣжнымъ тономъ Ларейни, тронутый молодостью и несчастнымъ положеніемъ Оливье.—Мнѣ поручено просто спросить васъ, каковы были ваши отношенія къ Катеринѣ Вуазенъ, и что вы знаете объ ея личной жизни, и вслѣдствіе какого происшествія вы очутились въ ея саду въ ночь съ 11-го на 12-е марта?

На всѣ эти вопросы, поставленные ясно, Люссакъ повторилъ твердымъ голосомъ рассказъ о своемъ походе на дорогѣ въ Сень-Жерменъ; онъ рассказалъ также, какими заботами осыпала его прорицательница послѣ несчастія, жертвой котораго онъ сдѣлался.

— Все, что я знаю объ этой женщинѣ,—заявилъ онъ:—заключается въ томъ, что она оказала мнѣ самую безкорыстную преданность... Послѣ моего выздоровленія я видѣлъ ее два, три раза въ ея домѣ на Сень-Жерменскихъ поляхъ, но я никогда не имѣлъ случая посѣтить ее въ Виль-Невъ.

— Однако, кавалеръ,—перебилъ его Ларейни,—васъ нашли раненымъ безъ сознанія въ саду улицы Борегаръ, откуда Дегрэ, начальникъ сыщиковъ, велѣлъ перевезти васъ сюда, въ Бастилію.

— Все это для меня тайна, сударь...

— Вы не знаете, при какихъ обстоятельствахъ вы получили столь опасную рану?..

— Эти обстоятельства довольно странныя, сударь. Я знаю на вѣрно, что на меня напалъ неизвѣстный, но событія слѣдовали съ такой быстротой, что было трудно что нибудь опредѣлить съ точностью. Однако, вотъ что я помню...

Здѣсь Люссакъ остановился.

Онъ предчувствовалъ, что въ этотъ моментъ начальникъ полиціи пытался вырвать у него тайну.

— Въ эту ночь, около одиннадцати часовъ, я проходилъ по улицѣ Борегаръ, — продолжалъ Оливье. — Вдругъ во мракѣ показался какой-то человѣкъ, черты лица котораго я не могъ различить, и безъ всякой видимой причины бросился на меня, прежде чѣмъ я могъ сдѣлать движеніе, настолько велико было мое удивленіе. Человѣкъ вытащилъ свою шпагу, блескъ которой я увидѣлъ въ темнотѣ, и я упалъ опасно раненый. Мои воспоминанія останавливаются на этомъ...

— Это ночное нападеніе мнѣ кажется мало вѣроятнымъ... Затѣмъ вы должны признать, — замѣтилъ Ларейни, — что ваше присутствіе въ Вилль-Невѣ въ столь поздній часъ могло бы по справедливости удивить...

— Почему же, сударь? Я шелъ изъ Сенъ-Лорана, гдѣ провелъ вечеръ, въ Палэ-Рояль. Развѣ я могъ взять другой путь?

Начальникъ полиціи пристально взглянулъ на Люссака и сказалъ:

— Нѣтъ, сударь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы догнать знатную даму, отправляющуюся въ эту ночь къ Вуазенъ...

— Знатную даму?.. Къ Вуазенъ? Ваши слова для меня загадка, сударь.

— Въ тотъ моментъ, какъ вы хотѣли проникнуть къ прорицательницѣ, вслѣдъ за маркизой Монтеспанъ, васъ видѣлъ одинъ изъ моихъ сыщиковъ, которому я вполне довѣряю...

Оливье вздрогнулъ.

— За маркизой Монтеспанъ!

— Да, кавалеръ, за маркизой Монтеспанъ.

— Это невѣроятное предположеніе! Я имѣлъ свиданіе у Вуазенъ съ маркизой Монтеспанъ!

— Однако, вы ее знаете?

— Да, однажды я находился въ ея присутствіи на Сенъ-Жерменской дорогѣ при обстоятельствахъ, извѣстныхъ вамъ; затѣмъ я ее встрѣтилъ у г-жи Вуазенъ, куда, какъ я уже вамъ сказалъ, меня отнесли. Но съ тѣхъ поръ я даже никогда не имѣлъ чести

говорить съ ней... Какъ вы хотите, чтобы эта высокопоставленная и могущественная дама согласилась замѣтить мелкаго дворянина, какъ я? Подумали ли вы объ этомъ, сударь?

Это была первая ложь кавалера Люссака.

Тщетно и долго настаивалъ начальникъ полиціи, Оливье продолжалъ противопоставлять его утвержденіямъ самыя положительныя отрицательства.

И Ларейни, который не попался на кажущуюся чистосердечность узника, долженъ былъ удалиться.

На слѣдующій день послѣ этого допроса Людовикъ XIV ожидалъ въ Сень-Жерменѣ, какъ это было каждый вечеръ, курьера съ извѣстіями изъ пламенной палаты.

На большихъ часахъ замка пробило десять часовъ; курьеръ, должно быть, запоздалъ, и терявшій терпѣніе монархъ спрашивалъ себя съ безпокойствомъ, какія важныя событія могли такъ продлить засѣданіе. Его размышленія были прерваны приходомъ лакея Бонтана, доложившаго о пріѣздѣ Ларейни.

Лувуа, еще страдавшій отъ паденія съ лошади, случившагося за годъ предъ тѣмъ, въ это время покинулъ дворъ, чтобы отправиться на Барезскія воды, и король принималъ лично отъ Ларейни полицейскіе доклады.

Король приказалъ привести Ларейни.

— Государь,—сказалъ послѣдній королю послѣ глубокаго поклона,—простите меня, что я явился къ вашему величеству въ такой часъ. Но въ арсенальной палатѣ произошли сегодня такія событія, что я считалъ своимъ долгомъ увидѣть васъ тотчасъ же...

— Я могу только поздравить васъ съ усердіемъ, сударь. Какія же это приключенія?

— Я причину вашему величеству большую скорбь, — сказалъ Ларейни печально.

Людовикомъ XIV овладѣлъ страхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пламенная палата начала свои работы, появлялись все болѣе и болѣе скандальныя разоблаченія, и монархъ предугадывалъ цѣлое будущее, полное неожиданностей и стыда.

Ларейни колебался.

— Говорите,—сказалъ съ нетерпѣніемъ король.

— Государь, — снова сказалъ начальникъ полиціи, — королевская арсенальная палата допрашивала одного изъ сообщниковъ Вуазенъ, по имени Леважа, задержаннаго нѣсколько дней спустя послѣ ворованія. Вотъ вкратцѣ изложеніе объясненій этого презрѣннаго. Увы, тамъ встрѣчается имя, которое вамъ дорого по многимъ причинамъ. Леважъ въ началѣ допроса признался, что Вуазенъ, съ которой онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, часто ѣздила въ Сень-Жерменъ или Кланьи къ маркизѣ Монтеспанъ, и тамъ она вручала порошокъ, содержащій шпанскую мушку, то г-жѣ Дезэдьѣ,

то служанкѣ, по имени Като. Во время нѣкоторыхъ поѣздокъ вашего величества на границу, г-жа Дезэльё имѣла, повидимому, почти ежедневныя свиданія съ Вуазенъ. Даже строились козни, чтобы ввести къ маркизѣ Монтеспанъ одну женщину, по имени Лемэръ, уличенную въ кощунственныхъ и нечестивыхъ преступленіяхъ и въ настоящее время содержащуюся въ Венсенской тюрьмѣ. Боссъ, Вигурэ, Бержере, Пти, Филиберъ, всѣ эти обычныя сообщницы Вуазенъ одинаково этимъ занимались. Лезажъ прибавилъ еще, что Вуазенъ только и ожидала возвращенія вашего величества, чтобы выѣхать изъ Франціи, и уѣхала бы за границу, гдѣ стала бы богато жить, такъ какъ должна получить отъ нѣкой личности сумму въ сто тысячъ ливровъ, взаменъ важной услуги. Эту личность Лезажъ отказался назвать, несмотря на то, что его много разъ заставляли сказать ея имя. Однако, благодаря слишкомъ яснымъ намекамъ для пронизательности судей, по многимъ подробностямъ и многимъ цѣннымъ свѣдѣніямъ, къ которымъ онъ настойчиво возвращается, мы тотчасъ же всѣ поняли, что Лезажъ хотѣлъ указать на маркизу Монтеспанъ.

Король всталъ. Силясь казаться спокойнымъ и довольно увѣреннымъ голосомъ, онъ отвѣтилъ:

— Ну, сударь, все ли это? Конечно, это объясненіе могло бы имѣть важность, если бы мы не привыкли къ ежедневнымъ и самымъ подлымъ клеветамъ со стороны этихъ преступниковъ...

— Государь, эти преступники, кажется, обвиняютъ маркизу Монтеспанъ...

Король рѣзко перебилъ начальника полиціи.

— Я ничего не вижу, что могло бы оправдать подозрѣнія противъ маркизы Монтеспанъ... Единственно, согласно объясненію Лезажа, г-жа Дезэльё, повидимому, имѣла преступныя сношенія съ Вуазенъ и ея помощниками... Впрочемъ розсказни какого-то несчастнаго не достаточны для установленія преступности той, которую обвиняютъ.

Послѣдовало молчаніе.

— Боже, меня сохрани, государь, имѣть подобное мнѣніе... Все-таки, я считалъ своимъ долгомъ сообщить вамъ объ открытіи Дегрэ, сдѣланномъ во время обыска у Вуазенъ.

Король не отвѣтилъ.

Охваченный мрачнымъ предчувствіемъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, понурилъ голову. Мысль, что оскорбительное подозрѣніе можетъ коснуться матери его дѣтей, той, которую онъ нѣжно любилъ, страшно терзала ему душу. Онъ тщетно пробовалъ отогнать далеко отъ себя эту мучительную, неотвязную мысль; объясненіе Лезажа его осаждало, и онъ уже боялся узнать, что Дегрэ могъ найти у Вуазенъ. Онъ поднялъ голову и остановился предъ начальникомъ полиціи.

— Я далекъ отъ намѣренія порицать васъ, сударь. Я только думаю, что полезнѣе умѣрить стараніе, которое можетъ васъ завести далеко, и очень желаю оспаривать у васъ основу вашего подозрѣнія, установившагося на указаніяхъ, которыя, я думаю, угадываю... Въ саду Вуазенъ, не правда ли, былъ найденъ дворянинъ?

— Да, государь, кавалеръ Люссакъ, тотъ, что прошедшій годъ спасъ жизнь маркизѣ Монтеспанъ...

— Да, помню... Такъ вы допрашивали этого узника? Объяснилъ онъ вамъ свое присутствіе у прорицательницы и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ раненъ?

— Кавалеръ Люссакъ, котораго я допрашивалъ вчера утромъ, утверждаетъ, что, когда онъ шелъ въ тотъ вечеръ изъ Сенъ-Лорана, возвращаясь въ Палэ-Рояль, на него напалъ безъ вызова и ранилъ своей шпагой человѣкъ, скрывавшійся во мракѣ улицы Борегаръ; но кавалеръ Люссакъ не вѣдаетъ, благодаря какому таинственному стеченію обстоятельствъ онъ очутился въ саду прорицательницы.

— Что думаете вы объ этомъ объясненіи?

— Государь, мое мнѣніе, что кавалеръ Люссакъ не говоритъ правды. Впрочемъ вотъ какъ было дѣло. Давно, какъ это извѣстно вашему величеству, мы наблюдаемъ за Вуазенъ. Я поручилъ это наблюденіе начальнику сыщиковъ. За нѣсколько часовъ до задержанія Вуазенъ, Дегрэ, сторожившій въ улицѣ Борегаръ, замѣтилъ двухъ замаскированныхъ женщинъ, направлявшихъ къ жилищу колдуньи; онѣ проникли туда послѣ легкаго удара стукальцемъ. Тотчасъ же послѣ нихъ къ двери ворожеи подошелъ мужчина, который былъ не кто иной, какъ кавалеръ Люссакъ, и въ свою очередь ударилъ въ дверь. Не ожидая долѣе, Дегрэ отправился ко мнѣ въ домъ съ отчетомъ о томъ, что видѣлъ.

— Несмотря на правдоподобіе, я еще не убѣжденъ. Развѣ мы не знаемъ, сударь, по разоблаченіямъ, сдѣланнымъ обвиняемыми пламенной палатѣ, что Вуазенъ имѣла привычку принимать во всякое время дня и ночи лицъ различныхъ положеній, которыя желали посовѣтоваться съ нею или присутствовать при ея преступныхъ магическихъ операціяхъ?

— Дѣйствительно, государь. Но въ этотъ же самый день, утромъ, Дегрэ, благодаря переодѣванію, могъ приблизиться къ двумъ сообщникамъ ворожеи, Лезажу и Романи, и подслушать ихъ разговоръ. Такимъ образомъ онъ узналъ, что знатная дама должна явиться въ тотъ вечеръ къ Вуазенъ.

— Слышалъ ли вашъ сыщикъ, какъ произносили имя этой дамы?

— Среди неясныхъ словъ и шума въ кабачкѣ Дегрэ считаетъ возможнымъ утверждать, что онъ слышалъ произнесенное Лезажемъ имя маркизы Монтеспанъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

